П. Д... №8

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

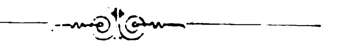
ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

ТОМЪ I.

(Январь-Апрѣль) 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Содержаніе I тома.

(Январь—Апрѣль).

Отд. I.—Наука и искусство.

Отд. II. Беллетристика.

Отд. III.—Стихотворенія.

Отд. IV.

Отд. V.

Отд. VI.

Отд. VII.

Отд. VIII.

Отд. IX.

Отд. X.

Отд. XI.

Отд. XII.

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА I.

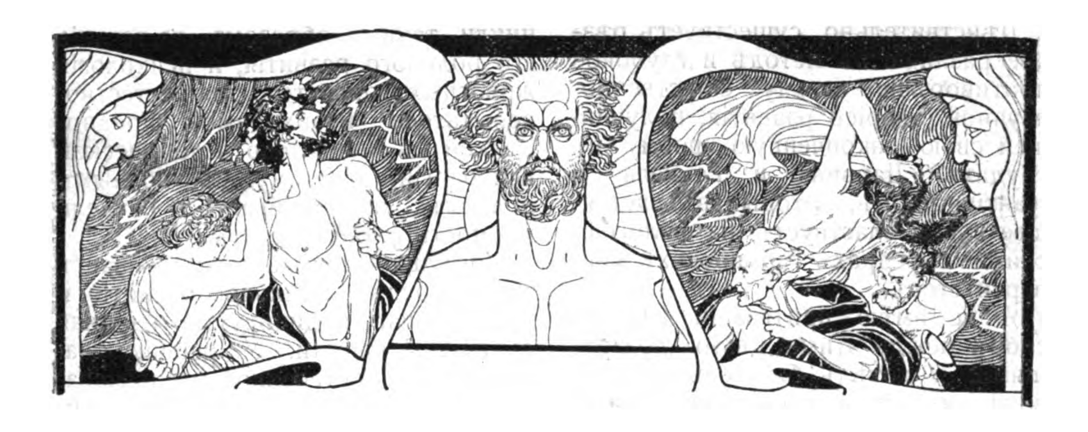
Январь 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.

1905.

Эволюціонное ученіе или апріоризмъ? — Геккель или Кантъ?

Проф. Д-ръ Генрихъ Эрнстъ Циглеръ (Іена).

Истекшее недавно столѣтіе со дня смерти Канта подало поводъ къ многочисленнымъ Кантовскимъ торжествамъ и вызвало массу разнообразныхъ статей и брошюръ о его ученіи. Случайно черезъ немного дней послѣ этого выпало 70-тилѣтіе со дня рожденія Эрнста Геккеля, что въ свою очередь послужило причиною появленія въ газетахъ и иллюстрированныхъ журналахъ многочисленныхъ статей, посвященныхъ обсужденію главныхъ трудовъ этого мыслителя.

Это совпаденіе уже само собой невольно наталкивало на весьма интересный и безъ того вопросъ: въ какомъ отношеніи стоятъ философскія идеи Геккеля, связанныя съ его пониманіемъ міра, къ основнымъ идеямъ философіи Канта и въ особенности къ его теоріи познанія *).

Приверженцы Кантіанской философіи со смѣшаннымъ чувствомъ взираютъ на труды Геккеля; съ другой стороны тѣ, которые идутъ по пути Геккеля, не могутъ присоединить своего голоса къ восторженнымъ восхваленіямъ Канта. Самъ Геккель въ своихъ трудахъ неоднократно подчеркивалъ, что Кантіанство стоитъ въ противорѣчіи съ естественно-научнымъ мировоззрѣніемъ *), и оффиціальные философы сильно обидѣлись за его отрицательную критику Канта, что явствуетъ изъ отвѣтовъ и возраженій на нее **).

*) Всѣ мои разсужденія относятся лишь къ проблемѣ теоріи познанія. Слѣдовательно, я не буду затрагивать ни вопроса о личности Канта, ни Канто-Лапласовской гипотезы возникновенія планетной системы, ни его практической философіи. Равнымъ образомъ моей задачей не является возвеличеніе историческихъ заслугъ Канта, я разсматриваю лишь отношеніе современнаго естествознанія къ кантіанской теоріи познанія.

*) Эрнстъ Геккель. Міровыя загадки. Общественные этюды по монистической философіи. 1 изд. Боннъ 1899, 3 изд. 1903. Антропологія или исторія развитія человѣка. 5 изд. Лейпцигъ 1903 г.

**) Укажу на страстное возраженіе проф. Ф. Паульсона: Эрнстъ Геккель, какъ философъ. Preussische Iahrbücher, 101 Bd. Iuli 1900. Далѣе слѣдуетъ обратить вни-

Дѣйствительно, существуетъ рѣзкое различіе въ методѣ и глубокое противорѣчіе между естественно-научной теоріей развитія, получившей свою законченную форму въ трудахъ Дарвина и Геккеля, и Кантіанствомъ, который въ настоящее время властвуетъ на философскихъ кафедрахъ германскихъ университетовъ.

Я не имѣю притязаній рѣшать споръ между этими двумя воззрѣніями, я хотѣлъ бы только изложить, *въ чемъ* состоитъ кардинальное различіе кантіанскаго и естественно-научнаго пониманія міра.

Естествоиспытатель примѣняетъ свою эволюціонную точку зрѣнія всюду, также и при изученіи души, какъ въ отношеніи ея родового развитія, такъ и при изученіи развитія ея у отдѣльнаго индивидуума. Такъ какъ человѣкъ вышелъ изъ животнаго царства, то и его душа должна представлять высшую ступень развитія души животнаго.

Влеченія человѣка имѣютъ началомъ животные инстинкты, и даже разумъ, такъ сильно отличающій человѣка отъ животнаго, имѣется въ зародышевомъ состояніи у высшихъ позвоночныхъ, въ особенности у родственныхъ человѣку млекопитающихъ, которыя несомнѣнно обладаютъ памятью и способны, по крайней мѣрѣ въ ограниченномъ размѣрѣ, накоплять опытъ *). Духовныя способности человѣка возникли, такимъ образомъ, въ теченіе его родового развитія, и психологія животныхъ является для естествоиспытателя необходимой предпосылкой къ пониманію человѣческой психологіи. Поэтому съ полнымъ правомъ подчеркиваетъ Геккель важность *филогеніи души* *).

Но душа человѣка обнаруживаетъ также послѣдовательное развитіе и у отдѣльнаго индивидуума, начиная съ ранней юности. У ребенка наблюдается постепенное распознаваніе имъ окружающей среды, привыканіе къ опредѣленнымъ лицамъ и предметамъ, изученіе языка и постепенное накопленіе нѣкотораго количества опыта и свѣдѣній. Здѣсь мы наблюдаемъ духовную личность въ процессѣ ея возникновенія, и сущность духовной дѣятельности можно лучше всего познать, если прослѣдить по ступенямъ это восходящее развитіе. Поэтому каждый естествоиспытатель долженъ вмѣстѣ съ Геккелемъ придавать важное значеніе *онтогеніи души* **)

Но кантіанцы совершенно чужды такому эволюціонному способу разсмотрѣнія явленій.

Кантіанство занимается изслѣдованіемъ познавательной способности взрослаго человѣка и стремится установить въ ней „апріорныя" основы; оно приходитъ къ своей теоріи познанія, при которой не производится сравненія человѣческой души съ душой животнаго, не существуетъ наблюденій надъ душой ребенка, нѣтъ изученія функцій органовъ чувствъ и мозга, но которая основывается просто на теоретическихъ соображеніяхъ.

Если мы такимъ образомъ уже познакомились съ кореннымъ различіемъ естественнонаучнаго и кантіанскаго метода, то эта разница еще явственнѣе выступитъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ проблемъ.

маніе на: Е. Адикесъ, Кантъ contra Геккель, Berlin 1901. p. 2, 46, 47; 104. - Юліусъ Бауманъ. Міровыя загадки Геккеля; ихъ сильныя и слабыя стороны. Leipzig 1900.— А. Михеличъ, Геккелизмъ и Дарвинизмъ Грацъ 1900, и другія подобныя сочиненія. Сопоставленіе многочисленныхъ нападокъ противъ философіи и міровоззрѣнія Геккеля и въ тоже время защиту противъ нихъ содержитъ сочиненіе Генриха Шмидта Борьба за міровыя загадки, Боннъ 1900.

*) По вопросу о понятіи инстинкта и о различіи между инстинктомъ и разумомъ см. Г. Э. Циглеръ, „Понятіе инстинкта прежде и теперь". Оттискъ изъ рѣчи, по поводу 70-ти лѣтія со дня рожденія А. Вейсмана,—Іена. 1904.

*) Филогенія—исторія родового развитія, родословная.

**) Онтогенія—исторія индивидуальнаго развитія.

теоріи познанія. Я хочу здѣсь коснуться только важнѣйшихъ пунктовъ, именно воззрѣнія на пространство, представленій о времени и причинности.

Пространство и время опредѣляются Кантомъ, какъ „чистыя воззрѣнія a priori“. Этимъ должно быть выражено, что воззрѣніе на пространство и представленіе о времени не проистекаютъ изъ опыта, а присущи разуму, какъ необходимыя и непремѣнныя предпосылки нашего мышленія, такъ что мы ничего не можемъ и знать объ ихъ обязательности для дѣйствительнаго міра („вещи въ себѣ“). Напротивъ, естественнонаучный способъ разсмотрѣнія міра показываетъ, какъ при взаимодѣйствіи различныхъ чувствъ мало по малу развивается пространственное мышленіе, причемъ мы распознаемъ пространственныя соотношенія, какъ при посредствѣ зрѣнія глазами, такъ и при помощи запечатлѣванія движеній нашего глазного яблока (иннерваціонныя ощущенія глазныхъ мускуловъ) и далѣе, изъ нашихъ хватательныхъ движеній и осязательныхъ ощущеній. Представленіе о пространствѣ, слѣдовательно, никоимъ образомъ не является „чистымъ воззрѣніемъ a priori“, а возникаетъ у человѣка съ дѣтства, мало по малу, при взаимодѣйствіи впечатлѣній различныхъ органовъ чувствъ.

Для исторіи развитія нашего представленія о пространствѣ наибольшую важность имѣютъ изслѣдованія Гельмгольца. Результатъ его изысканій можно увидѣть изъ слѣдующихъ положеній, взятыхъ изъ его работы о зрительныхъ воспріятіяхъ *). „Согласіе между зрительными воспріятіями и внѣшнимъ міромъ покоится вполнѣ или, по меньшей мѣрѣ, главнымъ образомъ на той же основѣ, на которой возникаютъ всѣ наши свѣдѣнія о дѣйствительномъ мірѣ, именно, на опытѣ и на безпрестанной провѣркѣ его путемъ эксперимента, которые мы продѣлываемъ при каждомъ движеніи нашего тѣла. Естественно, мы лишь постольку увѣрены въ этомъ согласіи, насколько хватаютъ наши средства провѣрки, то есть какъ разъ въ такой мѣрѣ, сколько это требуется для нашихъ практическихъ цѣлей“. Гельмгольцъ говоритъ, такимъ образомъ, объ *относительномъ согласіи* между нашимъ мышленіемъ и дѣйствительнымъ міромъ, тогда какъ по воззрѣнію кантіанцевъ о дѣйствительномъ мірѣ (о „вещи въ себѣ“) мы вообще ничего не можемъ знать.

Независимо отъ Гельмгольца, а также безъ какого-либо вліянія Геккеля недавно извѣстный зоологъ Бючли путемъ собственныхъ размышленій пришелъ къ выводамъ, стоящимъ въ противорѣчіи съ кантовскимъ ученіемъ.

Онъ считаетъ утверждаемую Кантомъ апріорность пространства и времени за предпосылку, которая „не доказуема и непріемлема въ своихъ выводахъ“ *).

Въ Кантовское время могли еще въ геометрическихъ аксіомахъ видѣть нѣкоторое основаніе, чтобы считать все представленіе о пространствѣ за нѣчто данное a priori. Но апріоризмъ лишенъ и этой опоры съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что эти аксіомы возникли далеко не независимо отъ міра нашего опыта. Уже первобытный человѣкъ, который забавляясь растягивалъ соломенку или съ помощью луба связывалъ два сука, могъ сдѣлать наблюденіе, что прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками. Это наблюденіе, лежащее въ основаніи аксіомы, существовало такимъ образомъ прежде, чѣмъ

*) Популярныя лекціи и статьи (есть русск. переводъ подъ ред. пр. Хвольсона) 2 Aufl. Braunschweig 1876, p. 98.

*) O. Бючли, „Мысли объ образованіи понятій и нѣкоторыя основныя понятія“. „Annalen der Naturphilosophie“, Leipzig 1903, p. 191.

опредѣленное геометрическое понятіе о прямой линіи.

Также и въ ариѳметикѣ очень мало основаній видѣть что нибудь апріорное; я укажу только на то, что наша десятиричная система чиселъ весьма просто возникла изъ разсчетовъ на десяти пальцахъ.

Что касается представленія о времени, то для естествоиспытателя оно такъ же мало, какъ представленіе о пространствѣ, можетъ являться „чистымъ воззрѣніемъ а priori". Новорожденное дитя уже въ первыя недѣли обнаруживаетъ нѣкоторое физіологическое измѣреніе времени, т. е. организмъ его легко пріучается ожидать пищи въ опредѣленные промежутки времени (напримѣръ, каждые два часа).

Даже у дѣтей 2—3 лѣтъ, которыя уже имѣютъ ясныя представленія о многихъ лицахъ и предметахъ, эти представленія еще совершенно не связаны съ „воззрѣніемъ" времени; дѣти этого возраста лишь съ большимъ трудомъ могутъ давать себѣ отчетъ о промежуткахъ времени; правда, они требуютъ пищи въ обычные часы, но это вызывается регулярной періодичностью процессовъ въ организмѣ. Многія животныя (куры, собаки, лошади и т. д.) тоже ожидаютъ съ нетерпѣніемъ своего корма при наступленіи обычнаго часа, хотя они, очевидно, не обладаютъ никакимъ „воззрѣніемъ" на время.

Мы можемъ здѣсь оставить въ сторонѣ это измѣреніе времени, коренящееся въ періодичности физіологическихъ процессовъ организма, такъ какъ въ разбираемой проблемѣ дѣло идетъ объ опредѣленіяхъ промежутковъ времени, какъ составныхъ частяхъ представленій.

Время, какъ объектъ представленія, никоимъ образомъ не есть „чистое воззрѣніе а priori", а относительно высокая абстракція, появляющаяся лишь въ болѣе зрѣломъ мышленіи; промежутки времени мыслятся субъектомъ лишь тогда, когда уже существуетъ какое-либо измѣреніе времени, для чего первую основу образуетъ наблюденіе внѣшнихъ явленій и въ особенности смѣны дня и ночи. Такимъ образомъ и въ отношеніи къ мышленію о времени естественно-научное наблюденіе стоитъ въ противорѣчіи съ кантовскимъ апріоризмомъ.

Кантіанство выводитъ изъ своего ученія о пространствѣ и времени чисто *феноменалистическое* пониманіе внѣшняго міра; оно считаетъ невозможнымъ познаніе дѣйствительнаго міра („вещи въ себѣ"), слѣдовательно, оно смотритъ на наше познаніе внѣшняго міра, только какъ на кажущееся („трансцендентальный идеализмъ"). Весьма ясно высказался объ этомъ міровоззрѣніи Геккель *): „Съ тѣхъ поръ, какъ Кантъ объявилъ понятія пространства и времени простыми „формами созерцанія" (пространство, какъ форму внѣшняго, время—какъ форму внутренняго созерцанія), поднялся бурный споръ объ этихъ важныхъ проблемахъ познанія, споръ, который продолжается еще и до сихъ поръ; у большой части современныхъ метафизиковъ укрѣпилось мнѣніе, что этому „критическому дѣянію" должно быть придано величайшее значеніе, какъ исходному пункту „чисто идеалистической теоріи познанія", и что имъ опровергается естественное представленіе здраваго человѣческаго смысла о реальности пространства и времени; это одностороннее и ультра-идеалистическое пониманіе обоихъ основныхъ понятій сдѣлалось источникомъ величайшихъ заблужденій".

Для естествоиспытателя существованіе внѣшняго міра есть самое несомнѣнное изъ всѣхъ его знаній, или — если пожелать быть очень осторожнымъ въ выраженіяхъ—самая вѣроятная изъ всѣхъ теорій. Все ученіе объ органахъ чувствъ у животныхъ и человѣка показываетъ

*) Міровыя загадки. Глава 13.

повсюду, что явленія внѣшняго міра оказываютъ воздѣйствія на живыя существа, и что организмы обладаютъ разнообразнѣйшими аппаратами для воспріятія раздраженій. Строеніе субъективной картины міра обусловливается, естественно, родомъ органовъ чувствъ, и каждый отдѣльный органъ чувствъ способенъ перерабатывать раздраженія лишь внутри опредѣленныхъ границъ. Мы, напримѣръ, видимъ только ту часть спектра, которая простирается отъ краснаго до фіолетоваго цвѣта, и слышимъ только тѣ тона, числа которыхъ лежатъ между 16 и 40.000 колебаній въ секунду; изъ безчисленнаго количества газовъ, примѣшивающихся къ атмосферѣ, мы замѣчаемъ только ограниченную часть и не способны воспринимать раздраженія отъ этихъ веществъ иначе, какъ при посредствѣ обонянія. Такъ истинная теорія познанія естествоиспытателя развивается изъ физіологіи органовъ чувствъ и мозга.

У животныхъ и у маленькихъ дѣтей все познаніе покоится на впечатлѣніяхъ чувствъ и на связанныхъ съ ними ассоціяціяхъ. Только у взрослаго человѣка познаніе идетъ гораздо дальше, и высшія духовныя способности человѣка стоятъ въ связи съ его обширной памятью и съ развитіемъ рѣчи. Научное изслѣдованіе ведетъ тогда мало-по-малу ко все болѣе совершенному пониманію природы, чему не мало примѣровъ заключаетъ въ себѣ исторія естествознанія.

Естествоиспытатель такимъ образомъ нисколько не сомнѣвается, что наше познаніе весьма не совершенно и можетъ претендовать лишь на *приблизительную* истину. Изслѣдователь природы допускаетъ, слѣдовательно, существованіе лишь *относительнаго* согласія между нашимъ мышленіемъ и дѣйствительнымъ міромъ, и это согласіе непрерывно контролируется и улучшается при помощи экспериментовъ и новаго опыта. Важнѣйшій критерій истинности есть подтвержденіе явленія экспериментомъ. Но кантовское утвержденіе, что мы *ничего* не можемъ знать о дѣйствительномъ мірѣ, не имѣетъ для изслѣдователя природы никакого смысла, и мы не можемъ ожидать, чтобы онъ призналъ это ученіе за высшую мудрость.

Что касается *причинности*, то и здѣсь естествоиспытатель не можетъ согласиться съ кантіанцами, когда они приписываютъ апріорную необходимость каузальному мышленію и разсматриваютъ причинность, какъ возникшую независимо отъ опыта, но необходимую для всякаго опыта мыслительную „категорію“, такъ какъ у животныхъ, какъ и у дѣтей, легко замѣчается, что сначала у нихъ существуетъ только простое ассоціацированіе обычно слѣдующихъ одно за другимъ дѣйствій, и лишь впослѣдствіи развивается представленіе объ ихъ причинной связи. Собака, любящая гулять со своимъ хозяиномъ, живо вскакиваетъ съ мѣста, какъ только увидитъ, что господинъ одѣваетъ шляпу или пальто, потому-что она знаетъ, что за этимъ должна послѣдовать прогулка. И маленькія дѣти уже въ первые мѣсяцы своего существованія такимъ же образомъ ассоціацируютъ стоящія въ зависимости явленія, въ особенности же они легко связываютъ съ появленіемъ въ сферѣ ихъ воспріятія лицъ ожиданіе опредѣленныхъ, обычно производимыхъ этими лицами дѣйствій.

Распознаваніе послѣдовательности во времени, post hoc, предшествуетъ такимъ образомъ представленію о причинной связи, propter hoc. Причинное мышленіе, представленіе о причинѣ и дѣйствіи сначала усваивается ребенкомъ при помощи выраженій рѣчи. Представленіе о причинѣ (и въ особенности отличеніе причины отъ другихъ обычно предшествующихъ дѣйствій) есть продуктъ нѣкотораго болѣе высокаго мышленія, причемъ, очевидно, при-

нимаетъ участіе аналогія съ человѣческой дѣятельностью, которая такъ часто выступаетъ, какъ причина. Этотъ каузальный способъ мышленія прежде всего оказался полезнымъ въ человѣческой жизни, онъ такъ часто давалъ возможность напередъ угадывать событія, что начиная съ первобытныхъ временъ человѣчества онъ успѣлъ пріобрѣсти огромную важность и запечатлѣлся многочисленными выраженіями въ языкѣ, слѣдовательно, передается теперь молодымъ поколѣніямъ вмѣстѣ съ языкомъ.

Даже если бы причинность была апріорной категоріей въ кантовскомъ смыслѣ, то и тогда все же это свойство человѣческаго мышленія, согласно ученію объ эволюціи, должно пониматься какъ нѣчто, возникшее вмѣстѣ съ возникновеніемъ человѣческаго рода. Причинное мышленіе слѣдовало бы разсматривать тогда, какъ нѣкоторое приспособленіе, полезный аппаратъ мозга, возникшій подъ дѣйствіемъ естественнаго отбора такъ же, какъ и другія полезныя особенности организаціи тѣла. Тогда бы причинность явилась напередъ даннымъ способомъ мышленія для каждаго отдѣльнаго человѣка, по отношенію же къ развитію всего человѣческаго рода она явилась бы все же лишь полезнымъ приспособленіемъ къ внѣшнему міру. Кантовскій апріоризмъ вообще теряетъ свое значеніе, какъ скоро станутъ разсматривать человѣка, какъ результатъ родового развитія; онъ, наоборотъ, выше всего цѣнится тѣми, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія ученія о твореніи.

„Я долженъ былъ устранить знаніе, чтобы дать мѣсто вѣрѣ“, писалъ Кантъ въ 1787 году въ предисловіи ко второму изданію своей „критики чистаго разума“. Приблизительно какъ разъ противоположное могъ бы сказать о себѣ Геккель. По крайней мѣрѣ его рѣшительная борьба противъ религіозныхъ догмъ проистекаетъ изъ убѣжденія, что переданная отъ предковъ вѣра во многихъ отношеніяхъ стоитъ въ противорѣчіи съ современнымъ знаніемъ, и что естествоиспытатель иногда долженъ защищать свое научное познаніе и противъ вѣры.

Противорѣчіе между Геккелемъ и кантіанскими философами неизбѣжно. Это—борьба генетическаго пониманія міра и апріоризма. И здѣсь, въ теоретико-познавательной области мы встрѣчаемъ противорѣчіе между ученіемъ объ эволюціи и вѣрою въ твореніе.

Кто хочетъ выработать самъ опредѣленное міросозерцаніе, тотъ долженъ сдѣлать выборъ между этими двумя путями. Кто стоитъ на почвѣ ученія о развитіи, для того апріоризмъ не имѣетъ никакой цѣны. Нужно поэтому рѣшить, съ кѣмъ идти: *съ Геккелемъ или съ Кантомъ.*

Старый колоколъ.

ЛЕГЕНДА.

М. Леина.

На широкой, просторной площади большого, стариннаго города, на толстой дубовой перекладинѣ, поддерживаемой двумя каменными столбами, висѣлъ громадный, старый колоколъ.

Когда появился онъ тутъ, звонилъ ли когда, — никто не запомнитъ. Колоколъ безмолвствовалъ. Поколѣнья шли за поколѣньями, на смѣну однимъ приходили другія, а онъ оставался все тотъ же, громадный, величественный и безмолвный. Люди торговали, молились, совершали преступленья и подвиги, страдали и радовались,—колоколъ безмолвствовалъ. Мѣдь почернѣла на немъ, время покрыло языкъ желто-бурыми пятнами ржавчины, источало металлъ глубокими скважинами, — онъ не издалъ ни единаго звука. Такъ шли за годами годы...

Ходило въ народѣ преданье о немъ, что былъ это чудный, таинственный колоколъ. Въ далекія, темныя времена начала строенія города не разъ звонилъ колоколъ, призывая всѣхъ гражданъ къ великому дѣлу защиты терзаемой хищнымъ врагомъ, раздираемой смутами родины, и слышали тогда его всѣ до послѣдняго человѣка, и горячей жаждой великаго подвига загорались согласно сердца родовитыхъ князей, сановитыхъ бояръ, именитыхъ купцовъ и безвѣстныхъ холоповъ, и долго потомъ помнило эхо равнины мощные, властные звуки. Но то было давнымъ-давно. Съ тѣхъ поръ молчитъ колоколъ, и никто изъ людей, какъ бы ни былъ онъ силенъ и смѣлъ, не сможетъ раскачнуть неподвижный, тяжелый языкъ и заставить звучать почернѣвшую мѣдь.

Нѣтъ того человѣка.

Говорятъ, что придетъ та пора, когда колоколъ снова съ горячимъ призывомъ обратится къ народу и будетъ звонить, но когда это время придетъ,—неизвѣстно.

Только знаютъ, молва говоритъ, что тогда даже малый младенецъ, едва прикоснувшись къ веревкѣ, заставитъ звучать великана.

Такое преданье жило въ народѣ стариннаго города...

Громадный колоколъ безмолвствовалъ.

Десятки, сотни лѣтъ проходили люди мимо него и удивлялись его величію, загадочной, скрытой въ немъ силѣ, и не осмѣливались подойти къ нему, и боялись.

И вотъ подошелъ разъ къ колоссу ребёнокъ.

Онъ былъ малъ и безсиленъ, и его дѣтская рука едва-едва достала изгнившей веревки гигантскаго языка, за которую онъ ухватился. Старшіе, стоявшіе близко, разсмѣялись наивной попыткѣ ребенка. Разсмѣялись сначала, но тотчасъ-же смолкъ этотъ смѣхъ, смѣнясь удивленьемъ, удивленье смѣнилось испугомъ и ропотомъ:

„Онъ покачнулся!?.. Смотрите — покачнулся, ударилъ“!?..

И дрогнулъ колоссъ,—и могучій, протяжный гулъ вырвался изъ мѣдной, напрягшейся груди и пронесся изъ края въ край по всему большому, старинному городу, отъ стѣны до стѣны. И услыхали его отъ мала до велика всѣ горожане,—князья и бояре, холопы и разные люди; изъ роскошныхъ палатъ, изъ несчастныхъ лачугъ по извилистымъ улицамъ города всѣ спѣшили на площадь—дивиться великому чуду; и все прибывала, росла, и все множилась волнующаяся толпа на широкой, просторной площади. И недоумѣвали собравшіеся люди, и спрашивали другъ у друга въ тревогѣ: „о чемъ звонитъ старый колоколъ, къ чему призываетъ“? И не находилось среди нихъ никого, кто бы могъ объяснить эти дивные звуки.

Но вотъ отдѣлился отъ толпы величавый, осанистый старецъ. Серебромъ сверкали на солнцѣ его почтенныя сѣдины, глубокія морщины — слѣды тяжелыхъ думъ, скрытыхъ страданій, затаенной скорби, бороздили его открытое чело, съ суровой строгостью смотрѣли глаза изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей.

Толпа мгновенно стихла, увидѣвъ старца, и мощнымъ голосомъ онъ началъ говорить ей:

„Отцы, мужья и братья!.. Вы! — жены, матери и сестры! Вы сами знаете, какъ глубока безмѣрно скорбь нашихъ дней. Окрестъ отвсюду грозитъ намъ хитрый, хищный врагъ, а мы — безсильны. Въ лишеньяхъ, въ нищетѣ, въ грязи влачимъ за годомъ годы, и тьма объемлетъ насъ, и льются слезъ потоки, и потъ, и кровь напрасно, безуспѣшно поятъ безплодныя поля родныя.

„Безмѣрна, глубока, велика скорбь нашихъ дней!

„Но будутъ дни—минуетъ время скорби, и радости исполнится земля. Любовь и міръ сойдутъ въ сердца людскія, изсохнетъ на глазахъ послѣдняя слеза и всѣ сердца людей сольются воедино въ могучей жаждѣ подвига и жертвы на благо города родного. Онъ близокъ, этотъ день великій обновленья. Я говорю—онъ близокъ, и колоколъ звонитъ, о немъ—прекрасномъ, свѣтломъ днѣ! Внимайте-же ему вы, люди-граждане! Внимайте-же!

А колоколъ звонилъ и звонилъ. И ясно слышали теперь люди, какъ онъ звалъ ихъ: „Граждане! Смѣло — впередъ! Шире дорогу знанію, свѣту! Шире дорогу къ счастью людей“!

И повѣрили люди призыву, тепло надежды согрѣло ихъ уставшія, холодѣвшія сердца, освѣтило улыбкой суровыя, темныя лица...

Тутъ подошелъ къ собравшимся старый, беззубый старикъ и прошамкалъ: „Не слишкомъ ли громко для насъ звонитъ этотъ колоколъ? Не оглушитъ ли насъ его звонъ? Остановимъ его, чтобы не было худа“!

И дрогнули всѣ, какъ одинъ человѣкъ, и ропотъ неодобренья пронесся въ толпѣ:

„Онъ измѣнникъ! Онъ хочетъ, чтобъ сгинулъ нашъ городъ отъ бѣдствій! Онъ роетъ могилу“...

И выступилъ одинъ изъ толпы. Онъ сказалъ: „Слушай ты, немощный старецъ! На краю могилы стоишь ты и не ждешь уже радостей жизни. Зачѣмъ же пришелъ ты сюда? Неужели затѣмъ, чтобъ смутить нашу радость, омрачить ее

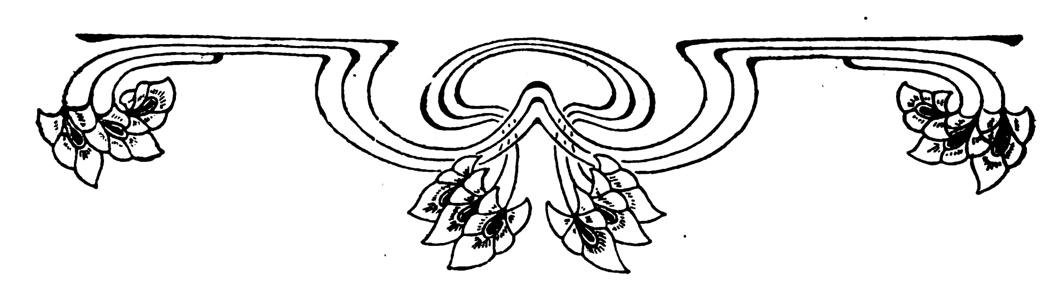
горькой отравой сомнѣнья? Какъ жестокъ, безполезенъ твой гнусный приходъ! Или думаешь, правда, что жизнь въ темнотѣ, въ подземельи счастливѣе, лучше, чѣмъ въ свѣтломъ сіяньи горячаго солнца? Можетъ, хочешь ты видѣть свой городъ униженнымъ, жалкимъ, несчастнымъ?.. Тогда нѣтъ тебѣ мѣста у насъ. Іуда, предавшій Христа, повиненъ не въ большемъ грѣхѣ, чѣмъ ты, обрекающій братьевъ на гибель, предающій позору родную страну. Тогда уходи отъ насъ, старецъ-предатель, и да покроетъ проклятье народа навѣки твою сѣдую, несчастную голову".

Хриплое, яростное проклятье толпѣ было отвѣтомъ на эти слова, и, злобно ударивъ о землю желѣзнымъ посохомъ, повернулся старикъ и пошелъ прочь. Вѣтеръ развѣвалъ сѣдыя космы волосъ, рвалъ на немъ полы одежды, а онъ шелъ, преслѣдуемый ропотомъ толпы, и хрипѣла глухими проклятьями старческая, безсильная грудь, и дрожала—тряслась, ударяя о землю тяжелымъ посохомъ, изсохшая, полумертвая рука. Вотъ онъ свернулъ въ кривую, узкую улицу, выводящую за старинныя стѣны съ зубчатыми башнями за городъ, въ чистое поле, и исчезъ тамъ.

И стихла толпа, и снова сіяли радостью ожиданія близкаго счастья лица людей.

Могучіе, чистые звуки широкой волной все неслись и неслись надъ народомъ и звали къ великому дѣлу согласной работы на общее благо, и бились отвѣтно горячимъ желаньемъ людскія сердца...

М. Асинъ.

„Вѣдь весна на дворѣ"...

Явилась чудная весна.
Какъ ярко солнце засвѣтило...
Какъ даль приманчива, ясна!
Какъ всколыхнулась вся страна!
Очнулись дремлющія силы...

Пора. Впередъ, народный другъ,
Взгляни кругомъ: настало время
Вонзить въ поля желѣзный плугъ
И, не жалѣя мощныхъ рукъ,
Разлыхлить нивы, бросить сѣмя...

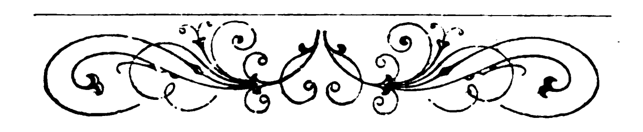
Весна не дастъ желанныхъ благъ,
Покуда не проснется ратай...
Застынетъ вешнихъ силъ размахъ,
И хлѣбъ на дѣвственныхъ поляхъ
Не брызнетъ жатвою богатой...

Народный сѣятель, вставай!
Разсвѣтъ предсказываетъ ведро.
Трудись. Унылый прежде край
Преобрази въ цвѣтущій рай...
Трудись настойчиво и бодро.

Иди безтрепетно впередъ,
Будь храбръ и смѣлъ, какъ вольный кречетъ.
Насталъ по праву твой чередъ.
Паши и сѣй... Буди народъ.
А онъ ужъ самъ всю гниль размечетъ.

Что гнойнымъ струпомъ наросло
На бѣдномъ тѣлѣ русской жизни,
Онъ сниметъ самъ... Погибнетъ зло...
Трудись, подвижникъ, чтобъ пришло
Христово царствіе въ отчизнѣ!..

И. Мордвиновъ.

Кладъ.

(ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

М. Ѳ. Лубинскаго.

I.

Крестьянинъ села Воротилова Липатъ Ѳедосѣевъ сидитъ на заваленкѣ своей избенки въ глубокой задумчивости. Онъ только что вернулся изъ волостнаго правленія, гдѣ за невзносъ податей получилъ изрядную порцію березовой каши, и потому мысли его носятъ оттѣнокъ самый мрачный.

— А здорово, идолы, вздрючили! — уныло размышляетъ Липатъ, осторожно почесывая себя пониже поясницы,—ишь ты, словно кружевникомъ отстегали: тронуть больно. И все эфта тварь, Микешка-сторожъ, „Пожертвуй", говоритъ, Ѳедосѣевъ. мерзавчика! уважимъ, подружецки выпоремъ, то ись, одно удовольствіе будетъ". А откель,—сказать къ примѣру,—я тебѣ мерзавчика возьму? Мнѣ и свою-то башку опосля вчерашняго поправить не на што. „А ежели такъ", говоритъ, „не прогнѣвайся: отжаримъ по долгу, по совѣсти, какъ, значитъ, закономъ обвязаны". И отжарилъ, чортовъ братъ! Ишь, ишь рубцы-то: ровно канаты натянулись. А тута вонъ и кровинка запеклась. Законно! Эфто точно. Э-эхъ!

И сокрушенно покачивая головою, Липатъ начинаетъ ощупывать слѣды микешкиной работы на своемъ заскорузломъ тѣлѣ.

— А только и тяжко-жъ имъ будетъ, — братецъ ты мой, — отвѣчать за эфто, — снова принимается размышлять Ѳедосѣевъ, — о-охъ, какъ тяжко! Дарма эфто не пройдетъ! Нѣ! Ужотка вотъ предстанемъ мы на страшномъ-то судищѣ, его и спросятъ: „Микешка! поролъ ты раба Божья Ѳедосѣева? А? Проливалъ на землѣ кровь брата твово Липата?" „Точно такъ", скажетъ „согрѣшилъ" „А согрѣшилъ, такъ вотъ тебѣ и мѣстечко уготовлено: въ геенѣ огненой, рядомъ съ Кавелемъ—братоубивцемъ: сидите-ка тута до скончанія вѣка аминь". Вотъ и вспомнишь тогды, Микеша, каково такъ-то озорничать. Да!

И сожалѣя о будущей горькой судьбѣ Никешки, Ѳедосѣевъ вновь покачалъ головой.

— А исправникъ-то, исправникъ!—

окончательно увлекаясь воспоминаніями, уже вслухъ заговорилъ Липатъ,--сидитъ этта плѣшивый котъ, пунштъ распиваетъ, цигаркой чадитъ! „Ты, Ѳедосѣевъ, па-ачему податей не платишь?“ „Средствій не имѣю, вашескоблагородію, урожая не было, опять же работникъ я одинъ, а годами Господь преумножилъ“. „А зачѣмъ же ты, такой-сякой, пропилъ сѣно, которое старшина хотѣлъ взять у тебя за недоимки?“ „Да случай такой подошелъ, вашескоблагородіе: прилучился праздничекъ Господень. Ну, извѣстно, всяка душа хочетъ всхвалить Господа, а у меня, къ примѣру, деньжонокъ не случилось; я, значитъ, сѣнцо-то и продалъ“. „Э, поштенный, да ты, я вижу, мастеръ разговоры разговаривать. Ну, дѣлать нечего: хоша и врагъ я екстерныхъ мѣръ, а на сей разъ всыплю тебѣ горяченькихъ. Потому помни, собачій сынъ: спервоначалу обчественные антиресы, а потомъ ужъ и твои!“ Тоже, вѣдь, сказалъ! Обчественные антиресы! Праздникъ Господень пренебреги, а ему подати отдай! Э, да што говорить! Обнаковенно нѣмчура, нехристь,—нешто понимаетъ?!

Липатъ съ презрѣньемъ замолчалъ.

— Охо-хо, грѣхи наши тяжкіе!—другимъ уже тономъ началъ онъ черезъ минуту,—тяжело бѣдному человѣку жить на свѣтѣ. Бѣдный и праздничка почтить не смѣй, бѣдный и выпить не моги, а богатому все можно, все дозволительно. Энъ, Меркулъ Лукичъ, (Липатъ взглянулъ на крыльцо противоположнаго дома, гдѣ сидѣлъ за чаемъ толстый, краснощекій купецъ), покель я тута сижу, десятую рюмку дуетъ. И кажинный вѣдь день такъ. А вотъ его никто пьяницей не зоветъ. „Пьетъ, говорятъ, за обѣдомъ для здоровья. Самъ исправникъ на што, и тотъ съ нимъ разны протвены да дремадеры хлещетъ. А отчего такъ? Потому человѣкъ богатый, лавочникъ. Вишь ты у него! „Магазинъ га-лан-те-ренной и другой торговли“ А домище-то? Десять оконъ по лицу, въ два этажа. Да и самъ-то вишь, Меркулъ болѣ ужъ не нашъ воротиловской хрестьянинъ, а почетный гражданинъ. Теперича за него голой рукой не берись. Нѣ! Мелко плаваешь: спина видать. А давно-ли, братъ Меркушка, бѣгалъ ты и лѣто и зиму въ рваной шубенкѣ да въ картузѣ безъ козырька, хуже насъ, грѣшныхъ? Енотовъ-то эфтихъ да котелковъ не было. А теперя, гляди-кась, почету удостоился. Да! Привалитъ-же, прости Господи, человѣку энтакое благополучіе? Въ пятнадцать годовъ какъ разбогатѣлъ! Подлинно, и въ дверь, и въ окно удача лѣзетъ. Не такъ, какъ намъ, сиротамъ горемычнымъ. Э-эхъ, покурить што-ли, съ горя!

Ѳедосѣевъ вытащилъ изъ-за подкладки шапченки кусочекъ смятой газетной бумаги и, свернувши въ трубочку, принялся насыпать корешками.

— Оно, конечно,—съ остервенѣніемъ затянувшись дымомъ и сплюнувъ въ сторону, снова заговорилъ онъ,- будь у меня деньги, и мнѣ-бы удача повалила. Вотъ, сказать къ примѣру, скупи я сичасъ хлѣбъ на корню, за грошъ мужики отдадутъ, потому подати платить надо, аренду. А весной, гляди, ко мнѣ же придутъ на сѣмена покупать и цѣну дадутъ законную. Смотришь, на рупь то полтора, а то и два нажилъ. Опять же хорошо и дѣляночку въ хрестьянскомъ лѣсу купить. И ахъ, какъ хорошо! Бревнишки-то выпилишь, срубишь изъ нихъ избушку, да тому же мужичку и продашь. Сызнова на рупь поболѣ рубля Господь благословитъ. Да што говорить: деньга деньгу будетъ родить. Только вотъ гдѣ ее взять, первую-то деньгу? Горбомъ да трудомъ—охъ! не много наживешь. Съ нашей-то работы не до жиру, а быть-бы живу, и то, слава-те, Господи Іисусе! Развѣ...

— Эй, Липатка!—раздался вдругъ

голосъ сосѣда, сѣдого, красноносаго. съ длинной бородою, мужика, который, распахнувъ окошко, давно уже наблюдалъ за Липатомъ,—опять ты, стервецъ, спозаранку виниша нажрался. Коё время смотрю на тебя: сидитъ пьяный шутъ, цигарки палитъ, самъ съ собой разговариваетъ, а женка бѣдная одна на покосѣ надрывается. Давеча-то ушла съ косой до солнышка и на обѣдъ не приходила. А ты тута сидишь, прохлаждаешься. Эхъ, драть бы тебя, драть, пьяницу несчастнаго!

— А ты, дѣдушка, того: полегше! не больно лайся!—нисколько не смущаясь бранью, возразилъ Липатъ,—оно, конешно, выпить я люблю, што говорить! Да кто не безъ грѣха? Иной вонъ прочій — человѣкъ, къ примѣру, старый, борода сѣдая; о грѣхахъ бы пора думать, а онъ къ снохамъ подбирается. И выходитъ, по бородѣ-то апостолъ, а по дѣламъ—кобель пестрый. Такъ-то!

— Ахъ, безстыжіе глаза твои!—вспыхнулъ старикъ, — вижу я, куда ты, песъ, гнешь, да говорить-то съ тобой, лѣшманомъ, не желаю. Пойди, проспишь сначала, пропойца кабацкая!

— А и здоровъ же ты, дѣдка, ругаться!—попрежнему спокойно и даже съ нѣкоторымъ восхищеніемъ замѣтилъ Липатъ, — только на эфтотъ разъ обиждаешь ты меня понапрасну. Дна бутылочнаго я нонче не лизнулъ, а не токмо што!

— Ой, такъ ли, паря?— недовѣрчиво усмѣхнулся старикъ,—коль ты тверезый человѣкъ, на кой лядъ ты туда сидишь? Пора страдная, горячая, косить надо, а ты на заваленкѣ цигарки куришь.

— Э, дѣдушка Савелій, куды торопиться?— отвѣчалъ Ѳедосѣевъ,—чай, дѣло-то не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ. Да и то опять сказать надо; дорогого ли наша работа стоитъ? Сколько ни работай, а съ нашихъ трудовъ не станешь богатъ. энтакихъ вонъ хоромъ, какъ у Меркула Лукича не наживешь.

— Быдто? А какъ же Меркулъ-то нажилъ? Самъ, небось, помнишь: въ пестрядиныхъ портишкахъ бѣгалъ, а теперя, гляди-кась, какъ форситъ.

— Такъ вѣдь не съ праведныхъ трудовъ, другъ ты мой Савелій Степанычъ. Сказываютъ, придушилъ онъ какого-то богатѣя, вотъ и пошелъ съ той поры въ гору.

— А ты не все слухай, что люди брешутъ. Человѣкъ-то, што песъ: на кого хошь залаетъ. Ишь ты, придушилъ! Не придушилъ онъ, а кладъ нашелъ, коли ужъ правду-то тебѣ сказать.

— Ну-ну?—изумился Липатъ, —не слыхалъ.

— Мало-ль ты чего не слыхалъ, а намъ, братъ, оченно хорошо извѣстно: Меркулъ-то вѣдь племяшомъ мнѣ по хозяйкѣ доводится. Да ужъ коли на то пошло, я и котелочекъ-то видалъ, изъ-подъ денежекъ. Махонькой энтакой и объ одномъ ушкѣ, а деньжищъ-то вошедчи было безъ мала тридцать тыщъ.

— Ну?!

— Да, братецъ ты мой! Я те вѣрно говорю! И какъ сичасъ я эфтотъ день помню, какъ кладъ-то Меркуша нашелъ. Приходитъ этта онъ ко мнѣ утромъ, ранымъ-ранешенько. „Дай мнѣ, дяденька, плуга на денекъ. Охота мнѣ цѣлины малость вспахать, да не взять сохой“. Ну, я,—самъ знаешь, — мужикъ добрый (Липатъ усмѣхнулся): бери, говорю, на здоровье! Вотъ пашетъ мой Меркуша часъ, другой,—глядь: Офремъ-кузнецъ идетъ.

— Эфто изъ Телубутецъ, што ли?—перебилъ разсказчика Липатъ.

— Во-во, онъ самый! Идетъ этта мимо, ни поздоровкался, ни богъ-помочь не сказалъ, а такъ только, совсѣмъ прошедчи, глянулъ изъ-подлобья да и говоритъ: колупай, колупай, дурень, не лѣнись,—авось, свое счастье найдешь!“ И пошелъ далѣ. И только онъ, братецъ ты мой, изъ виду-то скрылся, слышитъ Меркуша, ударилась плуга обо што-то. Думалъ — камешекъ: стегнулъ

лошаденку—ни съ мѣста. Потянулъ плугу назадъ, — нейдетъ. Што за притча? Наклонился Меркулъ, раскопалъ землю руками, глядитъ: плуга въ какомъ-то кольцѣ увязла. Онъ давай ковырять дальше. Видитъ; кольцо-то эфто ушко отъ котелка, а въ котелкѣ томъ разны деньги,—и серебряны, и золоты,—и крышечкой прикрыты. Ну, дождался онъ, стало быть, ночи и приволокъ котелокъ домой. А въ котелкѣ-то, какъ я сказывалъ, безъ мала тридцать тыщъ. Вотъ и пошелъ тогды въ гору Меркулъ Лукичъ.

— Та-къ! — недовѣрчиво протянулъ Липатъ Өедосѣевъ: — не слыхалъ. Эфтого люди не баяли. Ну, а кузнецъ-то што?

— А кузнеца Меркулъ Лукичъ напоилъ чуть не до-смерти, недѣлю съ нимъ хороводился, покелева тотъ пластомъ не легъ. Думали, и не встанетъ. Одначе отлежался, пришелъ къ Меркулу и говоритъ: „ну, Меркушка, кабы ты раньше такъ меня угостилъ, не такой-бы я тебѣ кладъ отыскалъ. А теперя, братъ,—ау!—не могу: одному человѣку по два клада находить не указано". Во-какъ ублаготворилъ.

— Та-къ!—попрежнему протянулъ Липатъ.

— Да ты никакъ мнѣ не вѣришь?—обидѣлся старикъ.

— Какъ тебѣ, дядюшка, сказать? Оно на правду и похоже, да вѣдь какъ тебѣ повѣрить? Вишь ты вратьто больно гораздъ. Позапрошлое воскресенье пришелъ изъ церкви, говоришь: „кума твово отпѣвали". Я, значитъ, похристіянски пошелъ его помянуть, да съ нимъ же въ казенкѣ и встрѣнулся: живехонекъ. Ну, вотъ опосля эфтаго поневолѣ скажешь: всякому, молъ, звѣрю вѣрю, волку и ежу, — а тебѣ... маненько погожу.

— Ахъ, ты, рваная подоплека!— озлился Савелій, — такъ я вру? А? Вру? Ну, люби чортъ твою матерь! Тьфу!

Дѣдъ съ сердцемъ плюнулъ и захлопнулъ окно.

— Не любитъ, старый хрѣнъ,— усмѣхнулся Липатъ и принялся свертывать новую цигарку, — а между прочимъ, може, и правду говоритъ,— шутъ его знаетъ! Баютъ люди: маракуетъ кузнецъ на счетъ кладовъто. Вонъ, сказываютъ, и крутогорскому Емельяну онъ кладъ показалъ, и Василью Пупкѣ.. Самому, вишь, ему нельзя вынимать: зарокъ даденъ, а другимъ указываетъ. За водочку все разъяснитъ и разскажетъ за милую душу. Ахъ, ты, елочка! — ударилъ вдругъ себя по лбу Липатъ:—„я-то думаю, гдѣ бы мнѣ деньгу достать, а деньга-то рядомъ. Семъ-ка, схожу и я къ кузнецу, поклонюсь. Куда ни шла пара бутылокъ. Авось, и на мое счастье найдется какой кладишка. Мнѣ бы не тридцать тыщъ; мнѣ и три сотняги ладно. Э, была не была! Валяй, Өедосѣевъ!

И быстро вскочивъ съ заваленки, Липатъ побѣжалъ въ избу, гдѣ въ грязной тряпицѣ, за печью, хранился послѣдній рублевикъ, изъ числа полученныхъ за проданное сѣно.

II.

— Здорово, хозяюшка! — въ тотъ же вечеръ говорилъ Өедосѣевъ, входя въ домишко телебутецкаго кузнеца съ двумя бутылками водки въ карманахъ и связкой кренделей въ рукахъ,—а гдѣ-жъ Офремъ Миколаичъ?

— А гдѣ-жъ ему, ироду, быть?— нехотя отвѣчала маленькая, рябая кузнечиха, зашивавшая огромной иглой какое-то невообразимо грязное тряпье,—не въ кузнѣ, такъ въ казенкѣ, а не въ казенкѣ, такъ у какого ни есть пьяницы сидитъ,—одно у него перепутье-то!

— Нѣ! Въ казенкѣ его нѣту!— замѣтилъ Липатъ.

— Ну, такъ на селѣ поищи, а то, може, и въ кузнѣ. Да на што онъ

тебѣ занадобился-то? Если ковать што, такъ лучше и не проси: третью недѣлю пьетъ безпросыпу. Сичасъ ему и молота не удержать, а впередъ што закажешь, все позабудетъ,—и рѣчей попустому не теряй! Дай ему сначала выходиться хорошенько, а опосля онъ тебѣ все живой рукой справитъ.

Липатъ потоптался на мѣстѣ.

— Мнѣ бы съ нимъ потолковать маненько надоть; такъ, словечка два поспрошать. А съ работой-то я ужъ погодя приду.

— Потолковать?! Ужъ не знаю, парень, пойметъ ли онъ што. Я-те говорю, ликъ онъ человѣческій потерялъ! ходитъ, прости Господи,— што шишига лѣсная. Позавчера вонъ пришелъ домой, сѣлъ за столъ, да какъ зареветъ по-бычьи: „мму-у." Я ему: „Офремушка, родной! што ты? Христосъ съ тобой"! А онъ опустилъ головищу да бодаться лѣзетъ. Какъ ткнетъ меня башкой подъ сердце, и посичасъ духу не перевести.

— Ахъ, ты, горе какое!—вздохнулъ Липатъ,—выходитъ, я десять-то верстъ дарма сломалъ. Да, може, онъ, тетушка, севодня потрезвѣя? А? Може, и пойметъ меня? Какъ думаешь: не попытать-ли?

— А попытай, желанный, попытай! Только будетъ ли што?—отвѣчала кузнечиха, вновь принимаясь за свою работу.

— Такъ прощенья просимъ!

Липатъ вышелъ на улицу.

— Эй, чижикъ! — окликнулъ онъ мальченку лѣтъ двѣнадцати, стремглавъ бѣжавшаго куда-то съ мочальною плетью въ рукѣ,—не видалъ ли кузнеца?

— Онъ, дяденька, въ кузнѣ, Давеча все плакалъ и молитвы разны пѣлъ, таково-то жалостно. А опосля ругаться зачалъ. Страсти, каки слова говорилъ! А теперя угомонился: должно, спитъ.

— Вотъ умникъ, малецъ!—усмѣхнулся Липатъ,—все разъяснилъ. Эхъ, жаль, подарить-то тебя нечѣмъ! Да ты вотъ што: какъ батька тебя захочетъ выдрать, лети ко мнѣ: я тебя еще лучше отшпарю.

Мальчишка безъ оглядки бросился бѣжать.

— Важно улепетываетъ! — поглядѣлъ ему въ слѣдъ Өедосѣевъ и зашагалъ на край деревни, промолвивъ,—пойду-ка и я въ кузню.

III.

Въ кузнецѣ было темно. Горнъ потушенъ. Изъ открытыхъ настежъ дверей раздавался сочный, переливчатый храпъ.

— Здорово, Офремъ Миколаичъ!— окликнулъ Липатъ, переступая невысокій порогъ кузницы,—почивать изволишь?

Отвѣта не послѣдовало.

— Спишь, што ли? — погромче крикнулъ Липатъ.

Храпъ не прерывался.

— Эй, Офремъ! Сватъ Офремъ! Пріятель! Проснися! — уже во все горло заоралъ Өедосѣевъ.

Словно въ отвѣтъ на это спящій пустилъ носомъ новую трель.

— Н-ну, и спитъ!—качнулъ головой Липатъ. — Господи, Боже мой: Пушкой, кажись, не разбудишь. А все-жъ, благословясь, попытаю еще разокъ.

Өедосѣевъ продвинулся внутрь кузницы. У самаго поддувала, на грудѣ разсыпавшихся углей, лежалъ на-взничъ Ефремъ Николаевъ, широко раскинувъ руки и ноги. Предусмотрительно ставъ сбоку, Липатъ ухватилъ кузнеца за ногу и принялся трясти, что есть мочи.

— Сватушка! Проснися! Сватушка! Офремъ Миколаичъ! Да очнись ты, Христа ради! Вѣдь энтакъ у тебя и сапоги свистнутъ!

— А вотъ я тебя по уху свистну, собачій сынъ! — еле ворочая языкомъ, прохрипѣлъ проснувшійся наконецъ Ефремъ, не открывая однако глазъ,—што ты ко мнѣ прилипъ? Отвяжись, нечисть поганая!

— Экой ты, братецъ, нескладной! — обидѣлся Липатъ,– сичасъ и

по уху. Я-то къ нему бѣжалъ! Дай, думаю, спровѣдаю дружка. А дружокъ-то—въ ухо! Спасибо, Офремъ Миколаичъ! Спасибо, другъ любезный! А я ему, какъ доброму, еще вонъ што принесъ.

И вынувъ изъ кармана бутылку, Ѳедосѣевъ потрясъ ею предъ самѣмъ носомъ кузнеца.

Услышавъ булканье жидкости, Ефремъ пріоткрылъ одинъ глазъ.

Липатъ между тѣмъ продолжалъ обиженнымъ тономъ:

— Я-то къ нему всей душой! Тяжко, думаю, другу: трещитъ, поди, башка-то; снесу ему бутылочку, другую. А онъ накося: въ ухо! Благодарствуй, Офремъ Миколаичъ! Благодарствуй!

Разсмотрѣвъ въ полутьмѣ знакомую посуду монопольки, кузнецъ разомъ сѣлъ на своемъ ложѣ и, протянувъ трясущуюся руку, молящимъ голосомъ прошепталъ:

— Дай!

— Эфто за что-же?—отстранился Липатъ.—Не за то-ли, што меня по уху свиснуть хотѣлъ? Не обезсудь, Офремъ Миколаичъ! Мы и сами выпьемъ, съ превеликимъ удовольствіемъ.

— Дай!—настойчивѣй прохрипѣлъ Ефремъ.

— Отчего не дать?—отвѣчалъ Ѳедосѣевъ, припрятывая однако бутылку за спину,—да было бы за што. Кабы ты встрѣтилъ меня по хорошему, не лаялся...

— Дай!—уже со злобою крикнулъ кузнецъ и сдѣлалъ попытку приподняться.

Видъ его былъ страшенъ. Всклокоченные рыжіе волосы на головѣ и бородѣ набиты были во время неоднократныхъ ночевокъ подъ заборами колючками репейника; налитые кровью, гноящіеся глаза дико блуждали; перекосившееся, опухшее отъ пьянства, лицо и изодранная одежда сплошь замазаны были углемъ и сажею.

Липатъ невольно отшатнулся.

— Да ужъ на, на!—протянулъ онъ бутылку.

Привычнымъ ударомъ о ладонь вышибъ кузнецъ пробку и, запрокинувъ голову, жадно прильнулъ къ горлышку.

— Вотъ такъ теленочекъ! Ого-го! Ловко сосетъ!—мотнулъ головою Липатъ, слѣдя за быстро-улыбающей влагой, — энтакого бы робеночка бабѣ! Бѣда! Заморилъ бы!

Осушивъ бутылку, кузнецъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ее на свѣтъ и, вздохнувъ положилъ рядомъ съ собою.

— На-ка, закуси кренделечкомъ!—предложилъ Ѳедосѣевъ.

— Къ чорту! — огрызнулся тотъ сквозь зубы.

Водка начинала дѣйствовать. Кузнецъ мало-по-малу приходилъ въ себя, но сдѣлался угрюмъ и раздражителенъ.

— Ну, говори, зачѣмъ приплелся? Ежели ковать, такъ не могу!—сурово посмотрѣлъ онъ на Липата.

Тотъ замялся.

— Да вотъ, какъ давно тебя не видамши, хотѣлъ я...

— Водкой угостить? За эфто спасибо! А только ты мнѣ дѣло говори и скорѣя, покуль я понимать могу. У меня вотъ сичасъ опять въ башкѣ зашумитъ, тогды, братъ, прощай! Ничего отъ меня не добьешься.

— Дѣло-то у меня, Офремъ Миколаичъ, особливое, — таинственно заговорилъ Ѳедосѣевъ, подсаживаясь къ кузнецу,—ты ужъ не погнѣвись на меня Бога ради!

Кузнецъ промолчалъ.

— Ты вотъ, сказываютъ, маракуешь на счетъ кладовъ...

— Ну? — процѣдилъ сквозь зубы кузнецъ.

— И быдто-бы, кого возлюбишь, по одному кладу показываешь.

— Ну?

— Вонъ, баютъ, ты и Емельяну крутогорскому показалъ...

— Ну?

— И Василью Пупкѣ...

— Ну?
— И Меркулу Лукичу...
Ефремъ усмѣхнулся.
— И тебѣ, што-ль, показать?
— Да ужъ яви божескую милость! Самъ знаешь: человѣкъ я бѣдный; тутъ недостатки, тамъ недохватки, а гдѣ возьмешь? А я тебѣ еще вотъ бутылочкой поклонюсь, да вязочкой крендельковъ. А опосля...
— Ну, про опосля и говорить будемъ опосля,—прервалъ кузнецъ,—такъ кладъ тебѣ показать?
— Не оставь, Офремъ Миколаичъ! По гробъ жисти буду за тебя Бога молить и дѣтямъ закажу.
— Ну, инъ, быть по твоему.
Кузнецъ на минуту призадумался и потомъ спросилъ:
— Знаешь ты Дьячкову полянку?
— Эфто въ господскомъ-то лѣсу? Гдѣ дьячекъ встарь повѣсился?
— Во-во!
— Какъ не знать! Тута прямая дорога къ вамъ отъ насъ, изъ Воротилова-то. Только мало ей ходятъ: сказываютъ, чудится на полянѣ-то, не къ ночи будь помянуто!
— Да, да, слыхалъ и я про эфто. Такъ вотъ, братецъ ты мой, въ ночь подъ Ивану Купалу и ступай ты на эфту самую полянку! Стань къ сторонкѣ и жди! И кругъ полуночи безпремѣнно кладъ къ тебѣ придетъ. И какъ увидишь ты его, подпусти, значитъ, къ себѣ поближе, да и бей наотмашь прямо по мордѣ. А самъ кричи: аминь, разсыпься! Онъ сразу и разсыплется на денежки. И копать не надо: прямо обирай въ мѣшокъ и тащи!
— Вотъ спасибо, Офремъ Миколаичъ! Спасибо! Ужъ и я тебѣ отслужу,—во-какъ! Не скажешь, што Ѳедосѣевъ свинья неблагодарная. Какъ только, значитъ, кладъ заграбастаю, первымъ дѣломъ...
— Постой, постой, не перебивай меня! Пуще всего, гляди, не трусь! Струсишь,—все дѣло пропало, да и самъ какъ разъ живой не уйдешь. Любитъ она, нечисть-то, хрещенныхъ людей пужать. Иной разъ такой страстью прикинется,—и Боже ты мой! А ты не трусь! Помни мое наставленье и жарь ее по мордасамъ! А то, може, и знакомымъ какимъ обернется, а ты, мотри, не довѣряй, ни-ни! Знай лупи наотмашь, какъ тебѣ сказывалъ. Одно слово: держи ухо востро!
— Ужъ будь безъ сумлѣнья, Офремъ Миколаичъ! Я, кажись, слава-те Господи...
— А теперича проваливай на всѣ четыре стороны: не въ моготу мнѣ болѣ съ тобой калякать. Теперя у меня нутро горитъ и винища проситъ. И ежели ты будешь ко мнѣ приставать, такъ я тебѣ вотъ эфтимъ самымъ струментомъ весь патретъ разворочу.
Кузнецъ поднесъ огромный кулачище къ самому носу Липата.
Испуганный столь неожиданнымъ оборотомъ разговора, Липатъ опрометью бросился изъ кузницы.
И только отбѣжавъ съ полверсты, онъ, еле переводя духъ, остановился и пробормоталъ:
— Фу, ты, пропасть! Вотъ напужался-то! Думалъ, конецъ уже мнѣ пришелъ. И допьется же до чего человѣкъ, Господи Боже мой!
А Ефремъ съ оставшейся водкой и кренделями шагалъ тѣмъ временемъ на другой конецъ деревни, гдѣ помѣщалась гостепріимная хата безносой Машки, вѣрной подруги всѣхъ окрестныхъ пьяницъ.

IV.

Канунъ Иванова дня. Солнце давно уже сѣло. Умаявшіеся за день воротиловцы спятъ крѣпкимъ сномъ. Только въ хоромахъ Меркула Лукича кой-гдѣ мелькаютъ огни. Тишина полнѣйшая. Одинъ лишь неугомонный дергачъ, сидя во ржи, забавляется своею трескучею пѣснью.
Въ избѣ Ѳедосѣева чуть слышно скрипнула калитка. Боязливо оглядываясь по сторонамъ, вышелъ изъ нея самъ хозяинъ и, крадучись

словно воръ, направился за околицу. Въ рукахъ у него огромный пустой мѣшокъ, съ пришитыми лямками, какія обыкновенно носятъ за плечами. Миновавъ послѣднюю хату, Липатъ еще разъ осмотрѣлся кругомъ и, не видя никого, пустился бѣжать къ господскому лѣсу, гдѣ верстахъ въ двухъ отъ опушки находилась небольшая полянка, носившая названіе Дьячковой.

Весь изхлестанный встрѣчными вѣтками, съ избитыми и изцарапанными о корни ногами, задыхаясь отъ быстраго бѣга, достигъ наконецъ Ѳедосѣевъ завѣтной полянкн.

Это была крошечная лужайка, уже начинающая заростать мелкимъ лѣсомъ. Мѣстами, среди молодѐнькихъ березокъ и елокъ, высились громадныя, старыя осины, тихо шелестѣвшія зыбкими листьями. По самой срединѣ поляны, окаймленная высокой душистой травой, извивалась еле замѣтная тропинка, ярко освѣщенная мягкимъ свѣтомъ луны. Вдали со всѣхъ сторонъ стоялъ стѣною могучій, темный лѣсъ.

Липатъ облюбовалъ небольшую, развѣсистую елочку, ростущую у самой тропинки, и сѣлъ подъ нею, совершенно скрывшись въ тѣни склонившихся къ землѣ густыхъ вѣтвей ея.

Лѣсъ, казалось, замеръ. Ни одного рѣзкаго звука не слышно было въ звонкомъ ночномъ воздухѣ; только листья осинъ шептались между собою, да спящія пташки, въ просонкахъ толкая другъ друга, изрѣдка сердито попискивали.

Липатъ сидѣлъ и ждалъ. Его сильно клонило ко сну, но кой-какъ онъ преодолѣвалъ дремоту. Прошло съ полчаса. Мало-по-малу усталость взяла свое, и, убаюканный однообразными звуками ночи, Липатъ опустилъ голову на грудь и сладко задремалъ.

Вдругъ гдѣ-то хрустнула вѣтка; еще и еще...

Чуткое крестьянское ухо мигомъ уловило еле слышный трескъ. Липатъ очнулся и сталъ прислушиваться.

Вотъ словно кашлянулъ кто-то вдали... Какъ будто потянуло махоркой... Вотъ, наконецъ, уже и явственно слышатся чьи-то шаги.

Липатъ тихонько поднялся и съ замирающимъ сердцемъ сталъ всматриваться въ даль.

Шаги раздавались все ближе и ближе, и на дорожкѣ показался какой-то человѣкъ. Онъ шелъ спокойно, попыхивая трубочкой; въ рукахъ у него былъ небольшой узелокъ, въ которомъ время отъ времени что-то позвякивало.

— Кого этта несетъ нелегкая?— удивился Липатъ,—теперя всѣ благочестивые люди другой ужъ сонъ видятъ, а эфтотъ путаникъ шляется по энтакому мѣсту. Одначе, кто-жъ бы эфто такой?

И, полегоньку раздвинувъ вѣтки, Ѳедосѣевъ началъ вглядываться въ подходящаго незнакомца.

— Батюшки-свѣты! Кузнецъ Офремъ! Куды-жъ эфто онъ ползетъ?

Липатъ хотѣлъ уже окликнуть путника, какъ вдругъ ему вспомнились кузнецовы слова: „держи ухо востро! Любитъ она,—нечисть-то,— пужать хрещенныхъ людей. Бываетъ, знакомымъ прикинется. А ты не довѣряй“!

— Эге-ге!—спохватился Липатъ:— да вѣдь эфто кладъ. Ишь, слыхать, какъ и деньги въ ёмъ звенятъ. Чуть было не далъ я маху. Ну, да теперя не проведешь! Погоди маненько!

И, засучивъ рукава, онъ осторожно обломалъ мѣшавшія вѣтки и подвинулся къ самой тропинкѣ.

— Ишь ты, трубка въ зубахъ!— усмѣхнулся Липатъ,—а вотъ я тебя прямо въ зубы-то и тресну. Нутка, благословясь! Аминь, разсыпься!

Хлесткій звукъ ударъ гулко прокатился по сонному лѣсу.

— Што за чортъ? Кто тута?—отшатнулся въ испугѣ кузнецъ.

Новая, увѣсистая затрещина заградила ему уста.

— Ахъ, дьяволъ! Липатка! Да эфто ты?

Но Липатка ужъ ничего не слышалъ. Чтобы придать себѣ смѣлости, онъ зажмурилъ глаза и билъ теперь, куда попало, крича во все горло: „аминь, разсыпься! аминь, разсыпься"!

— А! Такъ ты драться хошь, скотина паршивая? — взвылъ избитый кузнецъ,—на-же, получай!

И огромные кулаки, словно молоты по наковальнѣ, забарабанили по тщедушному тѣлу Липата.

V.

— Офремушка! Да никакъ эфто ты, родной? — тихо говорилъ чрезъ нѣсколько минутъ Ѳедосѣевъ, силясь рукавомъ въ куски изорванной рубашки унять текущую изъ носа кровь.

— А ты сичасъ только призналъ, пугало огородное? — криво усмѣхнулся кузнецъ, прикладывая ко вспухшей пузыремъ губѣ холодную, росистую траву.

Они сидѣли другъ противъ друга на землѣ, куда упали во время драки.

— Какъ же ты попалъ-то сюды?— недоумѣвалъ Липатъ.

— Какъ попалъ? Оченно просто: вишь несу Меркулу Лукичу гайки къ коляскѣ.

Кузнецъ ткнулъ ногою свой маленькій узелокъ, валявшійся рядомъ.

— Такъ у тебя тута гайки? — разочарованнымъ голосомъ протянулъ Липатъ, недовѣрчиво косясь на звенѣвшій свертокъ.

— А ты што думалъ? Рубли серебряны, што-ли?

Липатъ молчалъ, погрузившись въ какую-то думу.

— А отчего-жъ ты ранѣ ихъ не относилъ?—чрезъ мгновенье задалъ онъ новый вопросъ, — и почему такому ты эфтой дорогой идешь, а не тамъ, гдѣ всѣ добрые люди ходятъ?

— А здѣся-то кто-же ходитъ? Лѣшіе, што-ли? Ближе тута—вотъ и иду. А што теперя двистительно поздновато, такъ што-жъ, братецъ ты мой, подѣлаешь: такая наша доля рабочая. Гайки-то, признаться, давненько ужъ у меня валяются, да все недосугъ было справить. А сегодня, по-утру, Меркулъ нарочнаго присылаетъ. „Какъ, говоритъ, хошь, а штобъ къ завтрему мнѣ гайки были. Мнѣ въ гости ѣхать надо. Не тащиться-жъ изъ-за тебя на навозной телѣгѣ. Хучь въ полночь, а приноси. А не представишь,—нѣтъ тебѣ болѣ у меня работы". Ну, сладилъ и несу. Да што ты все меня допрашиваешь?—спохватился вдругъ кузнецъ, — скажи-ка лучше, ты-то какимъ случаемъ здѣся находишься?

— Я? — выпучилъ на него глаза Липатъ,—да нешто ты не знаешь?

— Откелева-жъ мнѣ знать-то?— въ свою очередь изумился Ефремъ.

— Какъ откелева? Вѣдь ты самъ же велѣлъ мнѣ сюды придти?

— Я? Пошто?

— Да што ты, лѣшій, морочишь меня, што-ли?—вспылилъ Липатъ:— самъ же ты мнѣ сказалъ, штобы севодняшнюю ночь я здѣся клада дожидалъ.

— Я? Когды?

— А когды я въ кузню къ тебѣ приходилъ,—недѣли двѣ назадъ. Ты еще пьяный лежалъ и по уху хотѣлъ меня свистнуть.

— Ну, братъ, ничегошеньки не помню,—вздохнулъ кузнецъ,—шибко я въ тѣ поры закуривши былъ.

— Какъ не помнишь? Ты мнѣ тогды знатно все разъяснилъ: иди на Дьячкову полянку, придетъ къ тебѣ кладъ. Може, и знакомымъ какимъ обернется, а ты не вѣрь! Бей его по мордѣ да кричи—аминь, разсыпься, онъ и разсыплется на денежки! Знай, обирай! Я вотъ по твоему слову пришелъ и мѣшочекъ принесъ.

— Мѣшочекъ?! Ну, братъ Липатка, набирай-ка въ него скорѣя еловыхъ шишекъ, да пойдемъ домой. Гляди, ужъ свѣтаетъ!

— Да куды мнѣ твои шишки?— съ недоумѣніемъ спросилъ Липатъ.

— Куды шишки? Вотъ дурень-то!

Да баба ими хучь самоваръ наставитъ. Все лучше, чѣмъ пустой мѣшокъ тащить.

— Какъ пустой? А кладъ-то?

Кузнецъ съ досадой махнулъ рукою.

— Э! билъ я тебя да, видно, мало,—сердито произнесъ онъ,– ну, посиди, пожди: може, и еще кто подбавитъ.

И, подхвативъ свой узелокъ, онъ быстро защагалъ изъ лѣса.

Липатъ помедлилъ еще нѣсколько минутъ, почесалъ затылокъ и, наконецъ, тяжело вздохнувъ, вскинулъ на плечо пустой мѣшокъ и громко крикнулъ чуть видному уже вдали кузнецу:

— Обожди, Миколаичъ! Иду.

VI.

На другой день, сидя на излюбленной лужайкѣ предъ винной лавкой, воротиловцы съ любопытствомъ слушали удивительный разсказъ Липата Ѳедосѣева о томъ, какъ прошедшей ночью избилъ его домовой.

— Легъ этта я вчерась, братцы мои, спать, да и забылъ подушку окрестить, — съ достоинствомъ повѣтствовалъ Липатъ, сидя на опрокинутомъ боченкѣ,—то ись, завсегды я передъ сномъ на подушку крестъ положу, на постелю, на одѣяло, на всѣ четыре стороны покрещу, а вчера изъ ума вонъ: забылъ да и на! А домовикъ-то, стало быть, и тутъ какъ тутъ: энтаго только и ждалъ. Эвона, какъ изукрасилъ!

Липатъ повернулъ къ изумленнымъ слушателямъ свое лицо, представлявшее почти сплошной кровоподтекъ.

— И вѣдь што всего занятнѣе, братцы вы мои,—билъ онъ меня, душилъ, а я и не слыхалъ ничего. Кабы женка утромъ не сказала, я и посичасъ бы не зналъ, што патретъ-то у меня такъ размалеванъ!

До поздней ночи разсказывалъ Липатъ на разные лады свое необыкновенное приключеніе, и слушателей все не убывало: одни уходили, на мѣсто ихъ тотчасъ же являлись новые, и цѣлый день вокругъ разсказчика стояла толпа. Около обѣда подошелъ и кузнецъ, разсчитавшійся съ Меркуломъ Лукичомъ, послушалъ и усмѣхнулся.

— Складно вретъ, подлецъ!—подумалъ онъ.

— А што эфто у тебя губу-то какъ разнесло, Офремъ Миколаичъ? — окликнулъ его примѣтливый дѣдъ Савелій, съ самаго утра неотлучно вертѣвшійся около Ѳедосѣева.

— Муха укусила!—сумрачно процѣдилъ Ефремъ и, круто повернувъ, скрылся за гостепріимной дверью казенной винной лавки.

М. Ѳ. Лубинскій.

За рубежомъ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТУДЕНТКИ).

А. Трачевской.

Много лѣтъ, чуть не полстолѣтія, прошло съ тѣхъ поръ, какъ русская женщина смѣло пошла противъ общества, одолѣла всѣ трудности и, повинуясь только своему горячему стремленію къ дальнѣйшему образованію, — впервые появилась въ стѣнахъ заграничнаго университета, представляя собою невиданное зрѣлище. Въ то время, въ шестидесятыхъ годахъ, въ Россіи еще лишь поговаривали о женскомъ образованіи въ передовыхъ кружкахъ, и курсовъ никакихъ не было. Правда, дѣлали запросъ въ университеты о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій совмѣстно со студентами; и подавались женщинами, даже высшаго круга, прошенія объ устройствѣ лекцій или курсовъ для женщинъ. Но, несмотря на то, что отрицательныхъ отвѣтовъ не было дано, дѣло все-таки стало.

И русскія женщины, не находя на родинѣ доступа къ высшему образованію, массами устремились въ заграничные университеты. А тамъ между тѣмъ двери раскрывались имъ все шире и шире. Первая приняла ихъ Швейцарія, именно Цюрихскій университетъ; затѣмъ остальные. Потомъ ихъ допустила Германія. затѣмъ — Франція, Швеція, Англія, Данія, Италія.

Наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ, и въ Россіи опять поднялся и двинулся впередъ вопросъ о женскомъ образованіи. Стали открывать систематическіе публичные курсы для женщинъ по разнымъ наукамъ.

Въ Москвѣ открылись курсы Герье; и такіе же—въ Казани и Кіевѣ. А въ 1878 году общими усиліями и потугами были сооружены въ Петербургѣ Высшіе Женскіе Курсы съ университетскимъ характеромъ преподаванія: ихъ признали даже полезными и необходимыми для отвлеченія русскихъ женщинъ отъ выѣзда заграницу. Разсчетъ былъ вѣренъ: число учащихся женщинъ заграницей сразу упало.

Прошло еще съ десятокъ лѣтъ— и благодѣтельные курсы прекратили свою дѣятельность. А тамъ, заграницей, открылись женщинамъ двери еще новыхъ университетовъ. Бельгія, Норвегія, даже тяжелая на подъемъ Австрія — звали ихъ къ себѣ; Гейдельбергскій, Лейпцигскій,

Страсбургскій университеты соглашались принять ихъ. И опять, одна за другой, массами потянулись заграницу русскія женщины, одушевленныя жаждой знанія и желаніемъ серьезнаго, осмысленнаго и самостоятельнаго труда.

Туго, съ трудомъ, но неустанно, прокладывали онѣ себѣ путь въ двери этихъ чужихъ и враждебныхъ имъ университетовъ и высшихъ школъ. Своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу, своимъ усидчивымъ трудомъ старались онѣ составить себѣ хорошую славу среди студентовъ и профессоровъ и завоевать уваженіе къ себѣ. Онѣ создали даже новое слово: *студентка*.

Прошло еще десять лѣтъ. А жизнь ушла чуть не на двадцать впередъ. Теперь много женщинъ ѣдетъ учиться заграницу. Но теперь онѣ идутъ ужъ по проложенной дорожкѣ, и имъ все легче и легче достается эта новая жизнь. Прежде въ университетѣ было двѣ—три студентки, потомъ двадцать—тридцать; а теперь ихъ насчитываются сотни. Прежде это было исключеніе. Теперь — обычное явленіе. Прежде въ университетъ шли однѣ русскія и считались какими-то выродками среди женщинъ. Теперь, правда еще боязливо, но увлеченныя ихъ примѣромъ, заглядываютъ туда временами и француженки и швейцарки, и даже — нѣмки! Теперь и для дѣвушекъ повсюду въ Швейцаріи устраиваются разные дополнительные курсы — лекціи по естественнымъ наукамъ и даже нѣкоторымъ предметамъ медицины, при музеяхъ и обществахъ.

Въ настоящее время есть у насъ въ Россіи не только Высшіе, но и Медицинскіе Курсы для женщинъ. Благодаря имъ теперь ужъ русской женщинѣ не приходится столько бороться и страдать за самое законное желаніе учиться, и многія могутъ получать теперь у себя дома то, чего должны были раньше искать на чужбинѣ.

Но уменьшилось-ли отъ этого число учащихся женщинъ заграницей и число стремящихся туда? Не думаю, чтобы много. Курсы въ Россіи есть, но въ очень немногихъ городахъ; а Медицинскіе — только въ Петербургѣ. Курсы эти переполнены; конкуренція велика; требуются дипломы съ хорошими отмѣтками и медали; для поступленія на Медицинскіе Курсы нужны даже извѣстные года. Высшіе Курсы по характеру преподаванія и своей организаціи такъ мало походятъ на прежніе, съ ихъ широкой университетской программой и выборнымъ началомъ... Многія вообще предпочитаютъ настоящій университетъ „Курсамъ“. Наконецъ, немало есть и такихъ, которыя, окончивъ курсы, ѣдутъ совершенствоваться заграницу и поработать спеціально въ какой-нибудь лабораторіи или клиникѣ у извѣстнаго профессора. И типъ студентки никогда не исчезнетъ изъ жизни.

Несмотря на то, что теперь учащаяся заграницей женщина—явленіе обычное, наше общество еще мало знакомо со строемъ заграничнаго университета, и пріѣхавшихъ оттуда часто закидываютъ разными вопросами, интересуясь подробностями. Да и въ самой заграничной жизни всегда есть столько новаго и необычнаго для русскаго человѣка, не бывавшаго тамъ, и прибавлю, поучительнаго, что я рѣшилась теперь подѣлиться съ публикой моими воспоминаніями студентки.

Когда я ѣхала заграницу учиться. курсы въ Россіи ужъ были закрыты. Мнѣ указали на Швейцарію, какъ на страну культурную, мирную, и назвали Женеву, гдѣ въ то время гремѣлъ своими лекціями знаменитый ученый—Карлъ Фохтъ.

ГЛАВА I.

Женева.

Происхожденіе Женевы очень древнее: она существовала чуть не съ четвертаго вѣка; да и самое слово „Женева" — кельтское. Сколько народовъ, сколько династій пережила она! Была то столицей остготовъ и франковъ, то царствомъ бургундскимъ, принадлежала когда-то Савойѣ, потомъ была нѣкоторое время французской провинціей и лишь съ начала прошлаго вѣка, послѣ долгой борьбы и неурядицъ, стала вполнѣ независимой и была, наконецъ, присоединена къ швейцарской конфедераціи, какъ ея 22-й и послѣдній кантонъ, а съ 1847 года въ ней окончательно установилось демократическое избирательное правленіе.

По сравненію съ нашей обширной русской страной и даже съ западными государствами, Женевскій кантонъ съ своей сотней тысячей населенія равняется развѣ лишь одному нашему уѣзду, и Вольтеръ былъ правъ, сказавъ съ своимъ обычнымъ ѣдкимъ остроуміемъ: „когда я встряхиваю свой парикъ, я пудрю всю республику". Но какая это живая, передовая страна и сколько силъ она дала! Цѣлый рядъ славныхъ именъ принадлежитъ Женевѣ въ области религіи, медицины, естественныхъ наукъ, литературы, политической и общественной жизни. Тутъ, въ далекія прежнія времена, жилъ ярый и нетерпимый Кальвинъ, подчинившій городъ всецѣло своему генію и своему направленію: новообращенные такъ и назывались „кальвинистами"; Женева была центромъ кальвинизма и протестантизма и давала пріютъ всѣмъ гонимымъ за религіозныя убѣжденія; да и по сихъ поръ она носитъ слѣды этого строгого ученія. Тутъ же, въ стѣнахъ этого крошечнаго города и его окрестностей, росли и жили ученые Трамблей, де Соссюръ, Пиктэ, Прэво, де Кандолль, Клапаредъ, Фабръ. Жили Некеръ, Годфруа, генералъ Дюфуръ, герцогъ Брауншвейгскій. Тутъ жилъ художникъ Каламъ. Тутъ жилъ и Руссо. Свято чтитъ ихъ имена родной городъ. Однимъ изъ нихъ соорудилъ онъ памятники. Именами другихъ назвалъ музеи и общественныя учрежденія; многіе дали имена улицамъ и площадямъ.

Туда-то и закинула меня судьба.

1.

Мы выѣхали изъ Петербурга въ половинѣ сентября. Отецъ меня провожалъ на вокзалъ. Вся моя жизнь въ послѣдніе дни и даже недѣли въ Петербургѣ шла, какъ въ туманѣ. Радость, что я ѣду, желаніе учиться, идти впередъ, смѣшивалась съ острымъ до болѣзненности чувствомъ страха за будущее, и неизвѣстность заграничной жизни томила меня. Я жила это время въ такомъ вихрѣ самыхъ разнородныхъ чувствъ и ощущеній, что рѣшительно не могу вспомнить себя въ тотъ періодъ. Окутанная дымкой глубокой задумчивости, притихшая подъ вліяніемъ безпокойства и горя отъ разлуки съ любимымъ отцомъ надолго,—стояла я молча на вокзалѣ у нашего вагона III класса и разсѣянно смотрѣла кругомъ. Какъ мы простились, что говорилъ мнѣ отецъ, отпуская сознательно и добровольно въ далекій путь,—не помню. Насъ провожало много знакомыхъ: я ѣхала съ двумя студентками, которыя уже провели годъ или два заграницей, и ихъ тоже провожали.

Ѣхала я, благодаря имъ, безъ всякихъ заботъ. Это были люди бывалые: онѣ знали всѣ пересадки и передряги дороги. Гдѣ дадутъ на чай и на ночь спокойно устроятся въ купэ; тамъ въ вагонъ протащутъ тяжелую корзинку съ книгами; суетятся, зовутъ носильщиковъ, добываютъ кипятокъ въ чайникъ и пьютъ чай по русскому обычаю въ вагонѣ. Кругомъ—нѣмецкій говоръ, къ ко-

торому я еще не успѣла привыкнуть. Да и съ обѣими моими милыми спутницами я была еще мало знакома. Страшно застѣнчивая, ошеломленная всѣмъ происходившимъ вокругъ меня и внутри меня, непривыкшая совершенно къ самостоятельной жизни внѣ семьи и безъ отца,—я чувствовала себя страшно стѣснительно эти три дня нашего пути и все больше молчала: прислушивалась, присматривалась, удивлялась и восторгалась моими подругами. Я упрекала себя и говорила: „какой я ребенокъ передъ ними, какая я робкая, всего боюсь, ничего не умѣю. Что изъ меня выйдетъ, какъ буду я жить одна въ чужой странѣ? Осилю-ли всю премудрость университета?“ Эта мысль страшно угнетала меня. А онѣ обѣ весело хохочутъ, какъ ни въ чемъ ни бывало говорятъ о лекціяхъ, о семестрахъ, о клиникахъ. „Онѣ въ этой кочевой и суетной жизни студентокъ чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ“, завидовала я имъ и вздыхала, слишкомъ хорошо чувствуя, какъ я сама мало подготовлена, а быть можетъ и мало пригодна для этой новой жизни, которую я собиралась начать, которая ждетъ меня и собственно даже ужъ началась для меня съ момента моего отъѣзда.

Станціи Варшавской дороги, граница Эйткуненъ, Берлинъ съ своей оглушительной жизнью, Франкфуртъ съ своимъ роскошнымъ вокзаломъ, Бернъ, Лозанна и Женева, — все промелкнуло мимо меня въ три дня, точно въ сказкѣ. Какъ въ калейдоскопѣ бѣгали и смѣнялись передъ моими глазами виды. Вотъ еще мчатся мимо насъ наши родныя бѣдныя поля, деревни, болотистыя рощи и тощіе лѣски. А вотъ ужъ частыя деревни и поселки, богатыя поля и пестрыя пашни нѣмецкой земли. Вмѣсто нашихъ жалкихъ проселочныхъ дорогъ, повсюду бѣлѣютъ и извиваются лентами шоссе, обсаженныя тополями, мелькаютъ изгороди, канавы, осушающія болота, тучный скотъ на лугахъ, крѣпкіе мостики черезъ рѣки и ручьи, мельницы съ огромными крыльями. Но вотъ картина мѣняется. Мѣстность становится холмистая: попадаются овраги, густые сосновые лѣса, слышится шумъ горныхъ рѣчекъ. А вотъ и горы, первая цѣпь снѣжныхъ вершинъ! Мы ѣдемъ по Швейцаріи. На синемъ фонѣ неба все выше и выше становятся хребты, бѣлѣе сверкаютъ снѣга на вершинахъ, живописнѣе высятся долины и рѣки. Бернъ проѣхали. Вотъ туннель. Долго ѣдемъ: гулъ, грохотъ колесъ и свѣтъ локомотива. Но вотъ становится свѣтлѣе, виденъ просвѣтъ, поѣздъ не такъ гудитъ; еще толчокъ, — и яркій свѣтъ заливаетъ насъ.

— Ахъ!

Внезапно, точно по мановенію волшебнаго жезла, видъ измѣнился. Не давятъ насъ больше горы. А передъ нами, уходя въ синеватую даль, блещутъ и искрятся на солнцѣ тихія воды широкаго Лемана.

— Женевское озеро!

По крутымъ склонамъ, къ самымъ его берегамъ, спускаются виноградники и фруктовые сады; лишь тамъ, далеко—далеко, теряясь въ дымкѣ, тянется цѣпь Савойскихъ Альпъ.

Почти всю дорогу я простояла у окна: я не спала въ вагонѣ. Утомленная, я еле стояла на ногахъ, но глаза мои лихорадочно горѣли, сердце усиленно билось, счастливый туманъ стоялъ въ головѣ.

— Вотъ она, моя вторая родина,— думала я.—Вотъ гдѣ отнынѣ я буду жить и учиться, вотъ гдѣ проведу, вдали отъ отца и родного дома, свои лучшіе юные годы...

Къ вечеру мы подъѣзжали къ Женевѣ. Народъ суетился въ вагонахъ. Слышался французскій говоръ и савойскій жаргонъ. Мои спутницы возились съ вещами, я имъ не помогала, поглощенная въ свою бездѣятельную мечтательность, пода-

вленная всѣми нахлынувшими на меня новыми чувствами и ощущеніями.

— Что же вы? Встряхнитесь: мы пріѣхали! Вотъ ужъ видны огни города... сказала мнѣ одна изъ нихъ.

Я только застѣнчиво улыбнулась: а онѣ и подозрѣвать не могли, что я переживала всю дорогу и особенно въ эти минуты. Поѣздъ замедляетъ ходъ. Вокзалъ, яркій свѣтъ, толпа, спѣшка, зовутъ носильщиковъ, требуютъ вещи, отдаютъ билеты... Я еле поспѣваю за моей спутницей... Скорѣе карету!

II.

Мало по малу я хоть отчасти освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ, перестала быть столь робкой и стала знакомиться съ городомъ, его жизнью, нравами и учрежденіями. Большею частью я ходила съ моими двумя спутницами, но нерѣдко отправлялась бродить и одна, такъ какъ я, какъ начинающая, была свободнѣе ихъ, и у меня не было столькихъ лекцій и лабораторій.

Женева очаровала меня съ перваго раза. Чѣмъ-то милымъ, далекимъ и роднымъ пахнуло на меня. Эти магазины, эта жизнь, этотъ смѣхъ, этотъ языкъ—были знакомы мнѣ. Быть можетъ, они напоминали мнѣ мой милый Парижъ, по которому я никогда не переставала скучать? И какъ Парижъ въ дѣтствѣ, такъ и этотъ маленькій городокъ съ французскими нравами, произвелъ на меня, теперь уже взрослую дѣвушку, впечатлѣніе чего-то родного и близкаго.

Женева.—Статуя Жанъ-Жака Руссо.

Пойдемте-же, побродимте со мной по городу.

Отъ вокзала, находящагося на возвышенномъ мѣстѣ города, тянется широкая, красивая улица Монблана и ведетъ къ мосту тогоже имени. Тутъ, налѣво, съ набережной, видна на противоположной сторонѣ озера цѣпь Альпъ и среди нихъ — снѣжная вершина великана

Монблана. Въ иные, ясные дни всѣ его склоны такъ отчетливо видны, что кажется, будто онъ совсѣмъ близко находится. Въ такіе дни въ этомъ мѣстѣ стоитъ человѣкъ съ подзорной трубой и показываетъ за небольшую плату пріѣзжимъ „Монбланъ". На этой же набережной, немного подальше отъ моста, стоитъ большой памятникъ герцогу Брауншвейгскому, пожертвовавшему Женевѣ весь свой огромный капиталъ въ двадцать милліоновъ франковъ. Это трехугольная пирамида, и на ней стоитъ статуя герцога на лошади.

Монбланскій мостъ — самый широкій и красивый въ городѣ — изящный, легкій, съ массою фонарей. Какъ часто, бывало, останавливалась я на немъ, любуясь видомъ города, Юры и цѣпи Альпъ! Изумрудно-зеленыя, прозрачныя, какъ хрусталь, воды быстрой Роны впадаютъ тутъ въ синія волны Женевскаго озера. Куча чаекъ кружится надъ водой. Какъ красиво плаваютъ онѣ, бѣлоснѣжныя, по ея поверхности! Я нигдѣ не видала такой прозрачности воды и такого чуднаго зеленаго цвѣта.

Смотришь въ эти воды и оторваться не можешь; видны всѣ камешки на днѣ. А тамъ позади, переливаясь пурпуромъ въ лучахъ заходящаго солнца, свѣтится, догорая, вершина Монблана. Любила я стоять тутъ на мосту и вечеромъ. Небо черное, воды черныя; цѣпи горъ зловѣще высятся вдали... Тысячи огней города блестятъ передъ вами, отражаясь въ водахъ Роны и Женевскаго озера.

Перейдя мостъ, на другой сторонѣ, у самаго берега, видишь Англійскій садъ съ красивой песчаной promenade, фонтаномъ и бронзовымъ бюстомъ Калама.

Тутъ-же, въ особомъ павильонѣ, показываютъ очень интересный рельефъ всей цѣпи Монблана. Лѣтомъ въ кіоскѣ играетъ музыка.

Если пойдемъ дальше по набережнымъ, которыя тянутся по эту и ту сторону озера, то, любуясь видами, незамѣтно придемъ къ двумъ каменнымъ моламъ съ маяками на концѣ. Вдаваясь далеко въ озеро, они образуютъ за собою тихую гавань. Вотъ на томъ молѣ, который идетъ отъ набережной Монблана, въ чудные, теплые весенніе дни, сидѣли мы съ моимъ милымъ товарищемъ на скамейкѣ, подъ толстыми раскидистыми дубами, покрытыми густой листвой, и читали только что вышедшее новое изслѣдованіе по сравнительной анатоміи. Книга была на нѣмецкомъ языкѣ, и я часто, читая, терялась въ дебряхъ запутанныхъ нѣмецкихъ фразъ съ неожиданнымъ концомъ. Мой товарищъ смѣялся и помогалъ мнѣ: нѣмецкій былъ ему столь же роднымъ, какъ и французскій. Временами величавая цѣпь Монблана, которая высилась передъ нами на горизонтѣ, и синія воды озера заставляли насъ отрывать взоръ отъ книги и любоваться природой.

А потомъ невольно завязывался разговоръ о наукѣ, экскурсіяхъ и всевозможныхъ общественныхъ вопросахъ.

И солнце уже садилось, когда мы собирались уходить.

У мола даются лодки въ наемъ. Часто, подъ вечеръ, уставъ отъ занятій, отправлялись мы съ подругой туда и совершали прогулку по озеру, причемъ я гребла одна, и недурно: моя подруга рѣшительно не могла превзойти этого мудренаго искусства. Иной разъ мы заѣзжали довольно далеко, приставали къ берегу, отдыхали и возвращались домой. Озеро было такъ прекрасно и тихо, картина заката такъ красива, такъ величавы цѣпи горъ, утопающія въ послѣднихъ лучахъ солнца. Но не всегда озеро бываетъ такое тихое и безобидное. Оно коварное. Не немъ иногда внезапно поднимается буря и бываютъ несчастья съ людьми: въ такую погоду закономъ воспрещается отпускать

лодки публикѣ. А какъ страшно бывало въ бурю у мола! Озеро реветъ, огромныя волны яростно бросаются на молъ и заливаютъ его своей бѣлой пѣной, ворочая огромныя камни на днѣ; страшный вѣтеръ рветъ и гудитъ.

Противоположный молъ голъ и непривѣтливъ, но неподалеку отъ него находятся два громадныхъ заносныхъ камня; одинъ изъ нихъ просверленъ и говорятъ, будто это былъ когда то алтарь Нептуна.

Недалеко отъ Монбланскаго моста лежитъ другой мостъ черезъ Рону, и посрединѣ него устроенъ островокъ, весь утопающій въ зелени. Это островъ Жанъ-Жака-Руссо. Тутъ, среди группы старыхъ деревьевъ, стоитъ бронзовая статуя этому борцу за новыя начала. Вдоль всего противоположнаго берега, начиная съ за Англійскимъ садомъ, тянется очень длинная, спеціально торговая улица Роны; въ извѣстные дни на ней бываетъ базаръ, и мы ходимъ туда покупать себѣ цвѣты. Въ концѣ она пересѣкается коротенькой, но красивой аристократической улицей Корратери. Это ужъ центръ города, черезъ который всѣ проходятъ и проѣзжаютъ. Вотъ отчего Корратери всегда очень людна и оживленна. На ней — самые нарядные магазины. Она приводитъ къ красивой площади, посрединѣ которой стоитъ бронзовая статуя генералу Дюфуру. Это очень оживленное мѣсто.

Тутъ сосредоточены всѣ главныя учрежденія. На углу — музей Ратъ, названный такъ по имени основателя. Онъ заключаетъ въ себѣ массу картинъ, бюстовъ, рельефовъ, всякой скульптуры и состоитъ изъ нѣсколькихъ обширныхъ залъ. Въ немъ дѣлаются иногда и временныя выставки. Помню, тамъ разъ была выставка картинъ и между прочимъ были выставлены двѣ картины знаменитаго ученаго и нашего профессора Карла Фохта. Эти картины покупали, потому что, какъ ядовито выражались нелюбившіе его женевцы, онѣ „написаны Карломъ Фохтомъ". Неподалеку отъ музея красиво возвышается среди площади театръ съ изящнымъ фасадомъ, колоннами и бюстами, построенный по образцу французской оперы, но, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ. Онъ былъ построенъ только въ 1879 году, и старыя женевки разсказывали мнѣ, какъ еще дѣтьми онѣ ходили въ прежній театръ, похожій на коробку, и въ которомъ представленія длились съ утра до вечера, такъ что женевцы забирались туда всей семьей и съ своей провизіей... Въ женевскомъ театрѣ нѣтъ постоянной труппы, но зато часто гастролируютъ пріѣзжія знаменитости, и идутъ оперы и бытовыя пьэски: помню, разъ какъ-то давалась даже „Власть тьмы" Толстого. Но особенно часто ставятъ тамъ національную оперу „Вильгельмъ Телль". Тамъ же бываютъ симфоническіе концерты каждыя двѣ недѣли въ зимнемъ сезонѣ, съ абонементами, причемъ они очень хорошо поставлены. Билеты недороги и достать ихъ легко, такъ что мы съ подругой часто посѣщали театръ: въ Женевѣ-то я и увидѣла большинство оперъ, совершенно недоступныхъ для многихъ петербуржцевъ по цѣнѣ и невозможности достать билетъ. Тамъ, на симфоническихъ концертахъ и на любимыхъ операхъ, мечтала я о наукѣ, о жизни, о родномъ уголкѣ, о чемъ-то далекомъ, о смутномъ.

За театромъ, тутъ же, на площади, стоитъ красивое и небольшое двухэтажное зданіе консерваторіи. Помню, съ какимъ волненіемъ шла я сюда въ первый разъ на пріемный экзаменъ. Вотъ большая прихожая: окна во всю стѣну, лавочки, гдѣ ждутъ; статуи, а налѣво — широкая лѣстница, которая ведетъ наверхъ, къ хорошо знакомой мнѣ высокой двери, обитой клеенкой, съ надписью „direction": за нею, за огромнымъ бюро, почти совсѣмъ

закрывающимъ его, сидитъ нашъ директоръ — невысокій, довольно полный, сѣдой старичекъ съ желтымъ лицомъ, оловянными, невыразительными глазами и нелюбезнымъ, ворчливымъ голосомъ. А изъ прихожей идетъ корридоръ съ комнатами по обѣ стороны и нумерами на дверяхъ: это классы.

Кругомъ слышатся звуки: нельзя даже разобрать, въ которой изъ этихъ комнатъ играютъ? Вотъ тутъ, направо, огромный залъ, гдѣ даются ученическіе концерты и совершается торжественная раздача наградъ. Вотъ — классъ гармоніи. А это — классъ симпатичнаго піаниста Willy Behberg'a, добродушнаго блондина на тоненькихъ ножкахъ,—къ которому я перешла на второй годъ, хорошо выдержавъ экзаменъ изъ предыдущаго класса.

Пройдя консерваторію, уже за площадью, видишь обширное, простое зданіе, въ родѣ манежа или думы. Это Избирательное Собраніе (Palais Electoral). Оно вмѣщаетъ въ себѣ до 8.000 человѣкъ.

Тамъ же устраиваются выставки, балы и банкеты.

Но главное его назначеніе, конечно, подача голосовъ и политическія собранія. Помню, разъ както мы были тамъ на засѣданіи, и я съ величайшимъ вниманіемъ и почтеніемъ слушала, какъ свободные граждане свободной страны, безъ различія классовъ и положеній, подавали свои голоса и обсуждали разные политическіе и общественные вопросы.

Наконецъ, напротивъ улицы Корратери и всѣхъ описанныхъ учрежденій, раскинулся на большое пространство университетскій садъ, названный Promenade des Bastions. Вдоль главной аллеи стоятъ старые каштаны съ своей густой и широкой листвой, которая даетъ много тѣни и прохлады.

Весною дорожки усыпаны лепестками и толстыми кистями ихъ грубыхъ розовыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. Повсюду клумбы, и тутъ же небольшіе, огороженные низкими рѣшетками участки „университетскаго ботаническаго сада“. Запасшись ключемъ отъ хранителя гербаріевъ, мы открывали дверцы этихъ пространствъ и свободно ходили между клумбами съ своими тетрадками, изучая и разсматривая всевозможные представители европейской и спеціально альпійской флоры. Гурьба дѣтей, чистенькихъ и хорошенькихъ, какъ куколки, съ своими нянььками и гувернантками, шумѣла вокругъ насъ, бѣгала, смѣялась, играла въ пескѣ. Настоящій дѣтскій рай. А направо, вдаваясь въ садъ Bastions, выходятъ университетскія постройки своимъ заднимъ фасадомъ. Посрединѣ, съ широкой лѣстницей, стоитъ главное зданіе, а по обѣ его стороны — два крыла. Въ лѣвомъ находится публичная библіотека, а въ правомъ — естественно-историческій и археологическій музей. Несмотря на небольшіе размѣры, какъ хорошъ и богатъ этотъ музей! Есть много коллекцій извѣстныхъ натуралистовъ. На потолкѣ украшеніями служатъ бюсты женевскихъ ученыхъ.

Изъ этого-то музея профессора приносили намъ на лекціи всевозможныя чучела и препараты. Сколько дней усидчивой трудной работы проводила я въ немъ! Взявъ разрѣшеніе у профессора посѣщать его въ дни недоступные для публики, я изучала тамъ всю зоологію—свою любимую отрасль, а въ воскресенье водила за собой группу студентокъ и давала имъ объясненія.

При входѣ въ музей поражаетъ группа огромныхъ кристалловъ горнаго хрусталя, вѣсящая чуть не четыре тысячи килограммовъ. Въ нижнемъ этажѣ находятся геологическія коллекціи, ископаемыя, собранія скелетовъ, особенно богатыхъ швейцарскими образцами.

По археологіи очень интересны

коллекціи предметовъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, найденныхъ въ Швейцаріи.

Публичная библіотека тоже хорошо обставлена. Она содержитъ свыше ста тысячъ томовъ, не считая рукописи и томовъ летучей библіотеки. Тамъ есть и замѣчательныя вещи: напримѣръ, собственноручныя письма Кальвина, письмо Ньютона, рукопись „Эмиля“ Руссо и его письма; историческіе портреты, начиная съ XVI в. Тутъ же отдѣленіе нумизматическое: интересны монеты, чеканенныя въ Женевѣ со временъ меровинговъ до половины прошлаго вѣка. Внутреннее устройство библіотеки—изящно и удобно. Тамъ тепло и свѣтло.

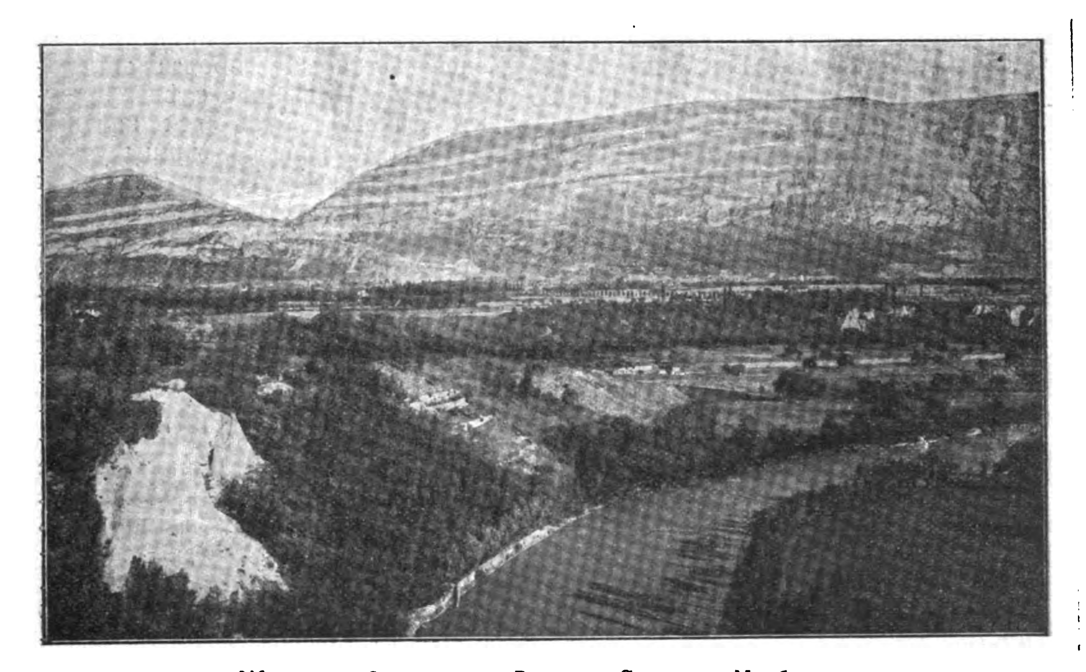
Оттого мы, непривыкшія къ неуютнымъ и холоднымъ женевскимъ квартирамъ,—а иные изъ экономіи—приходили туда просто-таки работать по вечерамъ.

Скромное со стороны сада, университетское зданіе представляется роскошнымъ со стороны главнаго фасада, который выходитъ на кокетливую и модную улицу де-Кандолль.

Широкая, полукруглая лѣстница, красивый входъ, большіе фонари, высокія окна аудиторій—все очень изящно.

За университетскимъ садомъ, неподалеку, стоитъ красивое зданіе въ стилѣ возрожденія съ восемью бюстами извѣстныхъ женевскихъ ученыхъ—это Athenée.

Тутъ собирается общество изящныхъ искусствъ, а также географическое, и находится постоянная выставка картинъ. А надъ самымъ садомъ, на высокой стѣнѣ, возвышается Treille — одно изъ самыхъ излюбленныхъ мѣстъ прогулокъ женевцевъ. Это-терасса съ высокими деревьями, съ которой открывается красивый видъ на всю долину, Салевъ и мѣловые хребты юры. За ней высится стѣна Hôtel de Ville, въ которомъ провѣряются и выдаются паспорта и бумаги; онъ служитъ также адреснымъ столомъ и

Женева. Окрестность. Видъ на Салевъ и Монбланъ

мѣстомъ для всевозможныхъ справокъ и разрѣшеній. Это массивное, тяжеловѣсное, мрачное и темное зданіе. Часть его построена на остаткахъ укрѣпленій III и IV вв. Главная лѣстница выстроена въ половинѣ XII вѣка, и ступени на ней такія отлогія и низкія, что по нимъ престарѣлые совѣтники могли подниматься на лошади или на носилкахъ до самаго верхняго этажа. Передъ этимъ-то зданіемъ, въ 1762 году, былъ арестованъ и сожженъ черезъ палача „Emile“ Руссо.

Теперь пойдемте дальше до улицы де-Кандолль. Въ концѣ ея—опять красивое зданіе съ массивной тяжелой дубовой дверью. Это химическая школа. Первые дни, когда я входила туда, я никакъ не могла отворить этихъ тяжелыхъ дверей и не разъ украдкой ждала, пока кто нибудь пойдетъ чтобы пройти вслѣдъ за нимъ. Конечно, я старалась и виду не показать, въ чемъ собственно дѣло.

Если идти еще дальше, все въ томъ же направленіи, мы встрѣтимъ очень мило выстроенную русскую церковь, а потомъ обсерваторію.

Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ я сильно увлекалась астрономіей, которая затрагивала во мнѣ мою поэтическую жилку и вызывала на мечтательность; я слушала лекціи и ходила нѣсколько разъ въ эту обсерваторію съ профессоромъ, почти столь же высокимъ и тонкимъ, какъ и его трубы. Тамъ, въ башенкѣ, на горкѣ, въ ясную лунную ночь смотрѣли мы на нашу ближайшую печальную сосѣдку или же при темномъ небѣ наблюдали за звѣздами и планетами.

Въ противоположной сторонѣ отъ университетскаго сада, за Избирательнымъ Собраніемъ, находится обширное поле Plainpalais, окаймленное густыми тѣнистыми деревьями; оно служитъ для военныхъ упражненій; на немъ же временно устраиваютъ балаганы пріѣзжіе фокусники и звѣринцы. За нимъ начинается цѣлое предмѣстье того же имени, а въ сѣверной части его расположено старое кладбище: тамъ мы и сейчасъ можемъ найти могилы Дэви, де-Кандолля, Каляма...

Въ этомъ же предмѣстьѣ, на берегу Арвы, стоитъ длинное, простое зданіе Медицинской Школы.

Вотъ и весь „новый“ городъ, а повыше за нимъ, иногда даже въ перемежку съ нимъ, рядомъ съ его новыми современными постройками, большими магазинами и правильными улицами, — лежитъ другая Женева—„старый“ городъ: она носитъ и понынѣ яркіе слѣды прежнихъ вѣковъ. Тутъ вся картина передъ вами мѣняется. Улицы узкія, сильно поднимаются въ гору и очень круты; онѣ плохо вымощены грубымъ булыжникомъ; тротуары тоже узкіе. А по бокамъ—высокіе, мрачные дома съ терассами, черепитчатыми крышами и узкими, высокими окнами съ мелкими перегородками; двери тяжелыя, почернѣвшія, съ огромными желѣзными засовами, частью заржавѣвшими. Посрединѣ улицы — площадь, тоже грубо вымощенная, съ фонтаномъ. Тутъ же старинная часовня изъ почернѣвшаго камня. А между домами, изъ одной улицы въ другую, спускаются сырые и узкіе переходы съ мрачными закоулками и скользкими ступеньками.

Хороша и таинственна старая Женева въ тихую ясную лунную ночь! Вечеромъ улицы рано пустѣютъ. Идешь по крутой узкой улицѣ. Кругомъ тишина. Гулко отдаются шаги по грубой мостовой. Дома мрачные. Зіяютъ, какъ пропасти, безмолвные, таинственные проходы въ домахъ; два качающихся фонаря освѣщаютъ ихъ лишь на нѣсколько шаговъ, а дальше — тьма; мѣстами зеленый свѣтъ мѣсяца льетъ свои лучи на ихъ скользкія ступеньки. Глухо, пусто и тихо кругомъ. Слышно, какъ падаетъ каждая капля прозрачной холодной воды у

фонтана. Мѣсяцъ играетъ въ струйкахъ его, серебря ихъ.

А въ сторонѣ угрюмо высится надъ домами темная громада: это старинный Соборъ. Архитекура его суровая. Тутъ, на ступенькахъ этого средневѣковаго храма, сидимъ мы втроемъ, глубоко задумавшись. Полночь. Кругомъ—ни души. А передъ нами все встаютъ одна за другой, картины далекаго прошлаго. Старый городъ! Невольно вспоминаешь времена Кальвина и Руссо, времена борьбы и тревоги.

Такъ и кажется, что вотъ-вотъ изъ таинственнаго перехода появится кто-нибудь, что тамъ совершается убійство или предательство. Какъ жили тогда люди! Сколько передрягъ постигло ихъ, сколько погибло въ тѣ времена, когда жизнь такъ мало цѣнилась! Вмѣсто нихъ новые родились, и рядомъ со старымъ городомъ, выросъ и расцвѣлъ новый. Тамъ — тишина и мракъ; тамъ -- замогильныя воспоминанія. Тутъ — жизнь и беззаботность современныхъ поколѣній. Сколько лѣтъ прошло! Исчезли средніе вѣка со своими героями; а зданія остались нѣмыми свидѣтелями далекой прошлой жизни. Что могли бы разсказать эти дома, эти фонтаны? Что видѣли эти узкіе переходы и подземелья?.. То было давно. Вотъ въ этомъ мрачномъ, узкомъ, высокомъ домѣ, недалеко отъ Hôtel de Ville, жилъ самъ великій реформаторъ Кальвинъ.

А тамъ, на другомъ берегу, за вокзаломъ, жилъ Руссо. Вотъ тутъ, недалеко отъ дома Кальвина, стоитъ высокій старинный соборъ св. Петра: на этомъ самомъ мѣстѣ когда-то стоялъ древній храмъ въ честь Аполлона. Соборъ былъ выстроенъ изъ дерева въ IV вѣкѣ, но сгорѣлъ и былъ выстроенъ снова, снова разрушенъ въ IX вѣкѣ и, наконецъ, выстроенъ въ третій разъ въ нынѣшнемъ видѣ въ X вѣкѣ. По бокамъ его высятся башенки. И сколько воспоминаній похоронено въ его стѣнахъ! Тамъ, въ стѣнѣ, находится могила Агриппы д'Обиньэ, друга Генриха IV, и нѣкоторыхъ другихъ вождей протестантовъ XVII вѣка, деревянная каѳедра, основаніемъ которой послужилъ, какъ говорятъ, стулъ Кальвина. За богослуженіемъ раздаются торжественные и плавные звуки огромнаго органа. Тамъ даются чудные духовные концерты.

А мы все сидимъ: такъ хороша, тиха ясная лѣтняя ночь; такъ далеки наши думы. Вдругъ среди тишины раздаются глухіе удары: это звонятъ большіе старинные часы на одинокой часовнѣ Собора. Они наводятъ трепетъ своимъ рѣзкимъ, громкимъ боемъ и возвращаютъ насъ къ дѣйствительной жизни. Мы нехотя встаемъ и молча расходимся по домамъ.

III.

Женева—коммерческій городъ по преимуществу, причемъ никакихъ стѣснительныхъ мѣръ для обмѣна товара въ кантонѣ не существуетъ. Въ прежнія, далекія времена въ Женевѣ было сильно развито типографское дѣло: именно тамъ печатались всѣ сочиненія, запрещенныя во Франціи и Германіи. Теперь ея главной отраслью стало часовое дѣло и золотыхъ дѣлъ мастерство. А что касается религіи,—то трудно сказать, какая господствуетъ въ странѣ: такое тутъ смѣшеніе религіозныхъ понятій, такъ много исповѣданій. Рядомъ съ пышнымъ, изукрашеннымъ и бьющимъ на внѣшность католицизмомъ, встрѣчаешь строгій, трогательный въ своей простотѣ и чистотѣ, протестантизмъ. Рядомъ съ пестро-убраннымъ внутри католическимъ соборомъ спокойно высятся башенки выдержаннаго протестантскаго храма. Впрочемъ, преобладающая религія въ Женевѣ — протестантская, собственно реформатская. Вообще-же, во избѣжаніе какихъ-бы то ни было столкновеній на реліоз-

ной почвѣ, всякія церковныя процессіи на улицахъ воспрещены. Между протестантскимъ и католическимъ населеніемъ господствуетъ неизбѣжный и постоянный антагонизмъ.

Я никогда не ходила, даже изъ любопытства, въ вычурныя католическія церкви. Мнѣ претила эта внѣшность при отсутствіи внутренняго содержанія. Зато, какъ часто по воскресеньямъ и праздникамъ, посѣщала я богослуженіе протестантскихъ храмовъ! Войдешь въ храмъ: кругомъ дубовыя стѣны съ рѣзной строгой скульптурой; на нихъ—ни одной иконы, ни одного украшенія, ряды простыхъ, потемнѣвшихъ отъ времени и обтертыхъ скамій для молящихся. Впереди — небольшой, тоже деревянный и незатѣйливый алтарь. Въ церкви полумракъ: высоко пробитыя узкія окна мало пропускаютъ свѣта. На скамьяхъ, съ молитвенниками въ рукахъ, сидятъ мущины и женщины и читаютъ и поютъ вмѣстѣ со службой. Склонившіяся головы молящихся, сосредоточенная молитва сообща вслухъ полушопотомъ, крайне простое, безъ всякихъ аксессуаровъ богослуженіе, такая-же простая евангелическая рѣчь пастора... А сверху, съ хоръ, несутся протяжныя и торжественныя мелодіи органа. Такой храмъ, думала я, располагаетъ къ тихой серьезной молитвѣ. Служба кончилась. Нарядная публика, шумя праздничными платьями, встаетъ. Выходишь изъ широкихъ дверей храма съ толпою, еще вся погруженная въ тихую мечтательность. А тутъ передъ тобой развертывается сама жизнь. Яркое привѣтливое солнце заливаетъ своими лучами всю площадь. Небо надъ головой стелется синее - синее. Зеленая Рона плавно течетъ въ сторонѣ. А въ воздухѣ, дивномъ, чистомъ и прозрачномъ, какъ хрусталь, еще чувствуется здоровая, бодрящая утренняя свѣжесть. Какъ хорошо! Ѣдутъ экипажи, слышатся говоръ и смѣхъ. Мы на улицѣ.

Была я и на собраніяхъ неизбѣжной заграницей Арміи Спасенія съ ея отрядами, женщинами-солдатами, офицерами, генералами, флагами и барабанами. Членовъ Арміи Спасенія можно всегда узнать по ихъ особому костюму и значкамъ: такъ, всѣ женщины одѣваются въ одинаковое темное короткое платье, а на голову надѣваютъ характерную большую синюю съ краснымъ шляпу съ широкими полями, опущенными внизъ, на уши, и подхваченными лентами. Въ Цюрихѣ я даже видѣла на улицѣ шествіе этихъ женщинъ-солдатъ: онѣ шли по двѣ въ рядъ подъ предводительствомъ офицера-мущины, который несъ знамя. Собранія Арміи Спасенія происходили обыкновенно въ наемномъ залѣ, при какомъ-нибудь ресторанѣ, и доступъ публикѣ былъ совершенно свободный. Залъ большой, мрачный, тускло освѣщенный: безчисленные ряды простыхъ стульевъ посрединѣ; а прямо—эстрада съ небольшой каѳедрой, огромными барабанами и бубнами. По очереди выходятъ къ этой каѳедрѣ и становятся за нее то женщины, то мущины, молодые и пожилые, и старые. Они объясняютъ собравшейся толпѣ суть своего ученія, читаютъ Евангеліе, дѣлаютъ поученія, разсказываютъ о томъ, какую жизнь вели до поступленія въ это христіанское общество, и какъ спаслись, узнавъ его начала, и увидѣли свѣтъ, и познали Бога во всей его истинной чистотѣ и величіи. Время отъ времени хоръ поетъ мелодичные протяжные мотивы, не знакомые нашимъ религіямъ,—„свои“ мотивы. Рѣчь оратора льется плавно и смѣло, глаза горятъ; голосъ дрожитъ отъ волненія. А въ публикѣ шопотъ: улыбаются, подсмѣиваются, громко переговариваются. Вдругъ ораторъ грозно встаетъ во весь свой ростъ, вдохновленно протягиваетъ впередъ руку къ толпѣ и громко, торжественно говоритъ:

— Вы можете говорить, что хо-

тите, смѣяться, если вамъ угодно!.. Но я пришелъ сюда не для того, чтобы выслушивать ваши насмѣшки! Я пришелъ, чтобы творить законъ!

Притихла толпа...

Мечтательная, впечатлительная, я увлекалась ученіемъ Арміи Спасенія. И я сидѣла теперь тутъ, среди этой разнородной толпы и, глубоко задумавшись, слушала убѣдительныя рѣчи молодого проповѣдника и его трогательную молитву. Я уносилась мыслями въ безконечно-далекое прошлое. Мнѣ чудилась Палестина съ ея горячими песками, пальмами и прозрачными источниками; мнѣ видѣлся самъ Христосъ, а въ ушахъ звучала Нагорная Проповѣдь, эта высшая поэзія христіанства; и вставало все чистое, незапутанное и неиспорченное людьми ученіе милосердія и правды. И вдругъ ко мнѣ подошла молодая дѣвушка. Она была блѣдна, нѣжныя черты ея лица были строги; въ голубыхъ глазахъ ея свѣтилось небо. Она шла по рядамъ стульевъ между публикой и вербовала новичковъ, убѣжденныхъ горячей проповѣдью.

— Спасены-ли вы, барышня? спросилъ мягкій голосъ надо мной.

Я молчала въ глубокомъ волненіи.

Но я сидѣла не одна: и я услышала рядомъ съ собой насмѣшливый голосъ подруги.

— Нѣтъ, нѣтъ! Барышня еще не спасена!..

Женева.—Монбланскій мостъ, о-въ М. Руссо. Вдали—Салевъ и Монбланъ.

Самое общество и нравы женевцевъ мнѣ не нравились. Нѣтъ въ нихъ той живости, того житейскаго остроумія, какъ у французовъ, языкомъ которыхъ они говорятъ. Въ женщинахъ и дѣвушкахъ нѣтъ прирожденной граціи и изящества француженокъ. Женевцы производятъ впечатлѣніе народа нескладнаго, тяжеловѣснаго въ жизни, а въ своихъ убѣжденіяхъ порядочно-таки консервативнаго. Давно умеръ Кальвинъ, но преданія остались и преж-

нія времена наложили печать на население города: и выросло общество со строгими, почти религіозными взглядами на жизнь и любовью къ семейному очагу, патріотичное до крайности и замкнутое, какъ и его страна. Женевцы очень высокаго мнѣнія о себѣ, обожаютъ Швейцарію и особенно, конечно, свою Женеву, до того, что къ другимъ странамъ и ихъ нравамъ относятся съ крайнимъ предубѣжденіемъ. Впрочемъ, это можно вообще сказать про всю Западную Европу. Только мы, русскіе, отличаемся необычайнымъ добродушіемъ и безкорыстіемъ, и чувство гражданственности у насъ еще слабо развито; въ жизни мы большіе либералы и такъ широко смотримъ на все, какъ, быть можетъ, ни одинъ изъ западно-европейскихъ народовъ. На такія мысли меня навело знакомство съ женевскимъ обществомъ. Но это-же общество, послѣ многихъ лѣтъ борьбы и труда, достигло и политической свободы, и матеріальнаго благосостоянія и въ жизнь провело принципъ равенства. Всѣ женевцы грамотны; всякій кучеръ, рабочій читаетъ газету, держитъ себя господиномъ, понимаетъ и отстаиваетъ свои права, участвуетъ по очереди въ выборахъ, подаетъ голосъ. Всякій, самый простой житель, называется „monsieur" и всякая женщина, хотя-бы простая торговка на базарѣ — „madame". Тутъ почти нѣтъ различій между классами, нѣтъ аристократіи. Жена или женщина вообще сама ведетъ хозяйство, убираетъ комнаты, готовитъ и шьетъ.

Да, швейцарцы могутъ гордиться свой дивной страной, своими учрежденіями, своей свободой и своимъ правленіемъ. И они сознаютъ это и относятся свысока къ другимъ націямъ. Въ нихъ не видно той особой снисходительной и любезной предупредительности къ иностранцамъ, которую такъ ярко показываютъ французы и даже нѣмцы иногда. Они дорожатъ ими лишь потому, что тѣ даютъ имъ заработокъ: давно извѣстно, что Швейцарія живетъ почти исключительно иностранцами и туристами. Отели, желѣзныя дороги, даже университеты—окупаются только иностранцами. Но больше всего достается отъ швейцарцевъ русскимъ и болгарамъ: своею внѣшностью и эксцентричностью они и въ самомъ дѣлѣ слишкомъ рѣзко и съ худой стороны выдѣляются на фонѣ тонкой культуры и изящной внѣшности страны. Трудно-ли послѣ этого догадаться, какъ относится женевское общество къ русскимъ студенткамъ? Нетерпимое ко всему чужому, оно совершенно, за весьма рѣдкими исключеніями, закрываетъ имъ двери; имъ нѣтъ доступа въ женевское общество. Внѣшность и манеры сильно вредятъ студенткамъ въ глазахъ женевцевъ. Впрочемъ, типъ неряшливыхъ и безпорядочно - учащихся женщинъ теперь почти совсѣмъ выводится, и иная женевская милая дамочка бываетъ поставлена въ тупикъ, когда на вопросъ, кто эта изящная барышня въ бальномъ туалетѣ, которая такъ чудно играла на русской вечеринкѣ, ей отвѣчаютъ.

— Студентка, сударыня!..

Консервативное до крайности, женевское общество и представить себѣ не могло, чтобы можно было имѣть другіе взгляды, чѣмъ оно, и поступать вопреки ихъ понятіямъ. Все, начиная съ внѣшняго облика студентки и кончая ея умственной энергіей и стремленіемъ къ образованію,— возбуждало въ пожилыхъ дамахъ мѣстнаго общества самое искреннее недоумѣніе, казалось чѣмъ-то дикимъ, грубымъ, несовмѣстимымъ съ женственностью. И по адресу бѣдныхъ студентокъ слышались часто такіе отзывы и возгласы непріязни, которые въ нашемъ отечествѣ давно отошли въ область преданій; и восклицанія: quelle horreur! —любимое словцо женевцевъ, — такъ и сыпались на ихъ голову. Мнѣ лично даже приходилось слышать тяжкія

оскорбленія насчетъ русскихъ дѣвушекъ „живущихъ одиноко въ комнатахъ", вдали отъ родителей, въ чужихъ краяхъ, и учащихся,—подумайте!—вмѣстѣ со студентами: quelle horreur! Въ лучшемъ случаѣ, ихъ жалѣли, называли несчастными и говорили, что сами они никогда бы не послали свою дочь заграницу въ университетъ. Даже, чтобы устроиться сносно за дешевую плату съ квартирной хозяйкой, студенткѣ приходилось испытывать немало непріятностей. Студенткамъ не всегда охотно отдаютъ комнаты; квартирная хозяйка провожаетъ васъ презрительнымъ взглядомъ, если вы бѣдно одѣты, задаетъ обидные вопросы о томъ, кто вы, чѣмъ занимаетесь; наконецъ оскорбляетъ. Никогда я не забуду, какъ одна изъ квартирныхъ хозяекъ, очевидно озлобленная противъ русскихъ, закричала намъ вслѣдъ:

— Скорѣе отдамъ свою комнату артисткѣ, чѣмъ студенткѣ!

Да впрочемъ, можно-ли требовать, чтобы вѣками вкоренившіеся предразсудки, вошедшіе въ плоть и кровь народа, исчезли сразу при этомъ новомъ явленіи жизни и вызвали-бы въ его сердцѣ что-нибудь иное, кромѣ злостнаго недоумѣнія и удивленія? Съ тѣхъ поръ, какъ я покинула Женеву, прошло десять лѣтъ. Но много-ли она измѣнилась въ этомъ отношеніи? Вѣроятно, очень немного: такіе перевороты въ понятіяхъ совершаются очень медленно и постепенно.

Есть въ женевскомъ народѣ, да и вообще швейцарскомъ, еще одна важная сторона жизни, которой онъ можетъ гордиться: это—его молодыя поколѣнія, жизнерадостныя, свѣжія и здоровыя, это—его школы, и какія школы! Счастливые юноши Швейцаріи! Здѣшнія школы не забываютъ ихъ, а развиваютъ, учатъ и воспитываютъ. Сообщаютъ легко, при полной наглядности и правильной постановкѣ программъ, главныя знанія, не заполоняя ихъ умъ всякими спеціальностями и подробностями. Воспитываютъ съ самыхъ нѣжныхъ юныхъ лѣтъ, крошечными дѣтьми, внушая имъ сознаніе долга, необходимость труда, выдержанности, честности, опрятности, гуманнаго отношенія къ окружающимъ. Заботятся и о ихъ физическомъ развитіи и граціи. Танцы, раціональная гимнастика, подвижныя игры въ залахъ и на дворѣ, двухчасовой перерывъ между занятіями, свободный день въ недѣлю, частыя школьныя экскурсіи за городъ—вотъ что дѣлаютъ швейцарцы для своего молодого поколѣнія.

Изъ этой школы, изъ этихъ огромныхъ свѣтлыхъ классовъ, изъ этого просторнаго двора, посыпаннаго крупнымъ пескомъ,—выходитъ здоровый, выдержанный, воспитанный юноша и весело онъ глядитъ въ свое будущее. Умъ его не утомленъ многосложной программой; сердце не изныло отъ школьной рутины, душа не надорвалась отъ безотчетнаго стремленія куда-то, тѣло и духъ не переутомились, не изнервничались... Онъ выходитъ, готовый къ дальнѣйшему пути, выходитъ бодрый, полный силъ и надеждъ...

Узнавъ, что это можно, мы съ подругой отправились разъ въ неизмѣнный Hotel de ville и получили тамъ разрѣшеніе въ теченіе недѣли посѣщать начальныя городскія школы. Мы были въ разныхъ; мы цѣлые дни проводили тамъ; мы присутствовали на всевозможныхъ урокахъ. Чувство неподдѣльнаго восторга вынесли мы изъ этихъ посѣщеній. И мы поняли, почему швейцарское юношество непохоже на наше...

Швейцарскія начальныя школы—рай и дворецъ для ребенка. Тамъ его царство: тамъ царитъ онъ всецѣло. Тамъ все дѣлается только для него и его пользы. И сколько этихъ школъ! Въ каждомъ кварталѣ есть такая своя школа. Два раза въ день, въ 12 часовъ и въ четыре, гурьба веселыхъ, розовыхъ, чисто одѣтыхъ

дѣтей въ цвѣтныхъ фартучкахъ, выбѣгаетъ изъ воротъ школы и разбредается по всевозможнымъ направленіямъ.

Школа—это огромное, просторное, обыкновенно казенное и спеціально построенное зданіе. Большая прихожая съ вѣшалками и нумерками для пальто и сумочекъ. Просторные, свѣтлые классы съ широкими окнами. На стѣнахъ—карты и картины для нагляднаго обученія. Классы огромные—человѣкъ на 50—70. Напротивъ—каѳедра учительницы. Одна учительница ведетъ классъ и преподаетъ всѣ предметы, за исключеніемъ очень немногихъ. Утромъ дѣти сидятъ 1½ часа. Но какъ это умѣло устроено! Уроки продолжаются по ½ часа, часто разнообразятся, и время отъ времени дѣтямъ даютъ отдыхъ, позволяютъ подвигаться. Дисциплина образцовая. Мы были изумлены, какой порядокъ царилъ среди класса маленькихъ мальчиковъ, числомъ до 70, съ нѣсколькими отдѣленіями. Для гимнастики—особый огромный залъ. При каждой школѣ — обширный дворъ, посыпанный крупнымъ пескомъ, съ однимъ-двумя толстыми каштанами. Въ перемѣну тутъ рѣзвится и играетъ на свободѣ пестрая, неугомонная дѣтвора. Въ двѣнадцать часовъ—звонокъ... Спѣша, шумя, толкаясь, высыпаетъ веселая ватага школьниковъ и бѣжитъ домой (домъ всегда по близости) обѣдать и отдыхать до двухъ часовъ. Съ двухъ до четырехъ—опять занятія. Такъ у дѣтей занятъ весь день; они кончаютъ позже, чѣмъ у насъ, а между тѣмъ нисколько не утомляются и не надрываются отъ занятій, хотя эти занятія ведутся гораздо строже и послѣдовательнѣе, чѣмъ у насъ.

А какъ рано ребенка посылаютъ въ школу: съ трехъ лѣтъ, когда онъ еле ходить можетъ, его еле отъ земли видно, онъ ужъ пріучается, не утомляясь опять-таки—такъ умѣло поставлено дѣло—къ порядку, работѣ, правиламъ опрятности. И онъ любитъ свою „Ecole“; чѣмъ то милымъ, роднымъ звучитъ для малютки это слово. Онъ не боится школы и не волнуется.

Да, ребенокъ идетъ съ трехъ лѣтъ въ школу. Его берутъ сначала въ дѣтскій садъ. по здѣшнему Ecoles enfantines. Здѣсь, въ младшемъ отдѣленіи, съ трехъ до пяти лѣтъ, его занимаютъ разными фребелевскими играми и развиваютъ его кругозоръ, умъ и наблюдательность бесѣдами (causeries morales). Въ старшемъ отдѣленіи собраны дѣти отъ пяти до семи лѣтъ. Тутъ продолжается тоже, но бесѣды становятся болѣе опредѣленными. При помощи нихъ стараются развить въ ребенкѣ чувство привязанности, сознаніе долга и любовь къ труду. Тутъ уже выдѣлены „предметные уроки“, на которыхъ ребенка знакомятъ въ самыхъ простыхъ разсказахъ съ растеніями, животными и разными предметами, окружающими его. Такъ пріучаютъ его къ наблюдательности и разсужденію. А наряду—учатъ правильно произносить слова и связывать мысли.

Наконецъ, нѣсколько позднѣе, подготовляютъ его къ чтенію: заставляютъ разбирать гласные и согласные звуки, складывать слога, читать легкія фразы. Потомъ приготовляютъ къ письму путемъ рисованія; учатъ считать, рисовать (начала его положены, благодаря фребелевскому матеріалу), писать легкія фразы карандашемъ; даютъ понятіе о геометрическихъ тѣлахъ (треугольники, квадраты, прямоугольники).

Эти занятія разнообразятся уроками пѣнія (легкія пѣсенки), шитья и гимнастики, которая тутъ состоитъ изъ разныхъ тѣлодвиженій, хороводовъ, игры въ мячъ и всевозможныхъ подвижныхъ игръ.

Уже семи лѣтъ ребенокъ переходитъ собственно въ городскую начальную школу. Курсъ ея заключается въ шести годахъ, причемъ въ послѣднемъ бываютъ обыкно-

венно дѣти 12—13 лѣтъ; такъ что къ четырнадцати всѣ они уже кончаютъ полное обученіе и такимъ образомъ подготовленные, могутъ приступить къ изученію любого ремесла.

Въ начальной школѣ они проходятъ: родной языкъ (уроки ежедневно), математику (пять часовъ въ недѣлю): это стоитъ на первомъ планѣ; затѣмъ слѣдуютъ (два—три часа) нѣмецкій, географія, исторія, рисованіе, каллиграфія, пѣніе, гимнастика и игры. Видное мѣсто занимаетъ также ручной трудъ (почти ежедневно).

Несмотря на то, что въ Швейцаріи столько дѣлается для дѣтей, они воспитываются очень строго и никогда не бываютъ бичемъ своихъ родителей. Они воспитываются, чтобы стать впослѣдствіи полезными людьми, а не жить никому ненужными, суровыми себялюбцами. Особенно трогателенъ бываетъ тутъ дѣтскій праздникъ. Его называютъ „promotions". Каждый годъ, весною, по окончаніи занятій и экзаменовъ, длинное шествіе нарядныхъ и веселыхъ дѣтей всѣхъ возрастовъ, начиная съ самыхъ крошечныхъ, тянется оживленной пестрой лентой по улицамъ Женевы къ университетскому саду Bastions. Въ эти дни онъ закрытъ для публики и уставленъ столиками съ угощеніемъ, и въ немъ устроены разныя игры. Каждая школа ведетъ своихъ питомцевъ. Повсюду на пути стоитъ народъ. Прохожіе съ уваженіемъ снимаютъ шляпы, привѣтствуя свое юное поколѣніе... У многихъ навертываются слезы умиленія на глазахъ. Гулъ дѣтскихъ голосовъ, шумъ тысячи маленькихъ ножекъ; у дѣвочекъ волосы распущены, перехвачены пестрыми ленточками и развиваются по вѣтру, — вотъ оно, это милое, жизнерадостное, счастливое дѣтское царство! Вотъ оно — будущее поколѣніе Женевы и надежда стариковъ...

Послѣ обязательнаго курса городскихъ школъ, дѣтей съ четырнадцати лѣтъ отдаютъ въ ученіе, заботясь о ихъ будущности и о томъ, чтобы они скорѣе зарабатывали и содержали себя. Очень часто молодыхъ людей отправляютъ обучаться ремесламъ въ сосѣдніе города и кантоны, или даже во Францію и Германію. Также и дѣвушекъ для пополненія ихъ образованія отправляютъ, заранѣе списавшись, въ другой кантонъ, къ родственникамъ или знакомымъ; тамъ онѣ помогаютъ, какъ простыя горничная, хозяйкѣ по дому и обучаются второму языку,— нѣмецкому, если онѣ изъ французской Швейцаріи. Этотъ обычай строго укоренился во всей Швейцаріи. Впрочемъ, надо сказать, что относительно воспитанія дѣвушекъ взгляды тутъ очень отсталые. Въ лучшемъ случаѣ, если у родителей есть средства, дѣвушку отдаютъ въ консерваторію или гимназію—по здѣшнему Ecole Secondaire, съ болѣе подробнымъ и серьезнымъ курсомъ; или въ учительскую семинарію, изъ которой серьезная дѣвушка выходитъ подготовленной учительницей. Университетъ для дѣвушки считается чуть-ли не развратомъ, а потому дальше ходу ей нѣтъ и стремиться некуда, кромѣ, конечно, какъ выйти замужъ. Но это послѣднее въ Женевѣ трудно устроить: тамъ масса старыхъ дѣвъ. Одна здѣшняя дама объяснила мнѣ, что это происходитъ оттого, что множество молодыхъ людей изъ Женевы отправляются учиться въ чужіе края; тамъ они и составляютъ себѣ положеніе, и женятся.

Только зажиточные и обезпеченные люди отдаютъ здѣсь молодыхъ людей въ университетъ. Такое, высшее образованіе считается очевидной роскошью, такъ какъ молодого человѣка нужно содержать еще года четыре, тогда какъ отданный въ ремесло, онъ и черезъ годъ будетъ ужъ кое-что зарабатывать и помогать роднымъ. Въ силу такихъ, въ сущности простыхъ и здравыхъ взглядовъ на жизнь, здѣшняя молодежь

живетъ счастливо и обезпечено. Нѣтъ тутъ полуголодныхъ, обтрепанныхъ студентовъ, бѣгающихъ за гроши по урокамъ. Здѣсь, если молодой человѣкъ попалъ въ студенты, значитъ его родные имѣютъ возможность содержать его, хотя-бы и очень скромно. И вотъ ростетъ въ Швейцаріи поколѣніе за поколѣніемъ, молодыхъ, здоровыхъ, жизнерадостныхъ силъ, будущихъ гражданъ и дѣятелей страны. Черная нужда, голодъ и безвѣріе — незнакомы имъ. Свѣтло, бодро, весело глядятъ они впередъ въ свое будущее... и — удивляются, и жалѣютъ, и недоумѣваютъ, глядя на нашихъ жалкихъ, неврастеничныхъ, истомленныхъ и извѣрившихся молодыхъ людей... Вѣдь, они не знаютъ, что у насъ существованіе молодежи — тяжкое ярмо и безпроглядный мракъ; тогда какъ тамъ—это сама жизнь, кипучая, веселая. Какой грустный и роковой контрастъ!

Умѣетъ швейцарскій народъ и веселиться: у него есть нѣсколько историческихъ празднествъ, и онъ празднуетъ ихъ по обычаю, устраивая маскарады и потѣшныя шествія. Въ Женевѣ такимъ народнымъ и историческимъ праздникомъ являются „Escalades". Праздникъ этотъ приходится на Рождествѣ, въ декабрѣ, и установленъ въ память внезапнаго набѣга савойцевъ въ 1602 году, которые при помощи лѣстницъ хотѣли проникнуть на валы города, но были откинуты. Въ концѣ улицы Роны, на площади, и по сейчасъ стоитъ памятникъ героямъ Escalade въ видѣ небольшого гранитнаго фонтана, воздвигнутый въ половинѣ прошлаго вѣка. Въ этотъ праздникъ, по указаніямъ нашихъ хозяекъ, мы отправились вечеромъ на главныя улицы города и были поражены дикимъ веселіемъ толпы, шумомъ, свистомъ, грохотомъ, боемъ барабановъ. Шли процессіи, ѣхали огромныя, позолоченныя и изукрашенныя колесницы съ дѣвами въ старинныхъ нарядахъ, съ распущенными волосами; ѣхали рыцари на коняхъ, а рядомъ скакали всякія чудовища, маски, уроды. Все это свистѣло, гикало, хохотало, плясало, дурачилось. Толпы ряженыхъ ходили по улицамъ; публика стояла шпалерами по улицамъ, по которымъ должно было проходить шествіе. Молодежь разбушевалась; пугали барышень, гонялись за ними; тѣ вижзали и спасались кто—куда. Много было переодѣтыхъ студентовъ. Кто только не принималъ участія въ этомъ празднествѣ! Веселая кучка шутовъ и страшилищъ окружила меня и плясала вокругъ меня хороводъ.

IV.

Климатъ въ Швейцаріи и въ Женевѣ мягкій. Зимы и снѣга собственно не бываетъ. Вся зима состоитъ изъ нѣсколькихъ недѣль проливныхъ и холодныхъ дождей, да и то зимою часто выпадаютъ яркіе, солнечные и совсѣмъ теплые дни. Мучителенъ только холодный сѣверный вѣтеръ, который тутъ называютъ „бизой" и который дуетъ съ невѣроятной силой, проникаетъ всюду и заставляетъ людей дрожать, какъ при лютомъ морозѣ. Въ сильную бизу еле можно перейти мостъ у озера. Меня лично биза приводила въ отчаяніе и нервное состояніе. Прибѣжишь, скорѣе, чѣмъ придешь, въ лабораторію: ноги замерзли, на глазахъ слезы, руки посинѣли. Я проклинала ее. А теплаго пальто и калошъ тутъ никто не носитъ: ихъ даже купить нельзя въ магазинахъ. Всѣ бѣгаютъ въ драповомъ, да лѣтнемъ, и прискакиваютъ, ежеминутно повторяя: „quel froid, quel froid!" А дома устроены, какъ игрушки: нѣтъ ни двойныхъ рамъ, ни настоящихъ печей; а часто вмѣсто печи — безцѣльный, вѣчно дымящій каминъ. Холодно, неуютно. Сидишь въ комнатѣ въ пальто и дрожишь цѣлыми днями, несмотря на топку. А утромъ еще холоднѣе. Требуется огромное усиліе воли,

чтобы рѣшится встать съ теплой постели, вылѣзть изъ-подъ огромной перины: кровати тутъ вездѣ въ комнатахъ огромныя и наверху — взбитыя перины. На ваши удивленные разспросы хозяйка отвѣчаетъ, что здѣсь всѣ ночью спятъ подъ перинами. Сначала посмѣешься надъ этимъ, а зимою, въ холодныя утра, когда бѣшенная биза шевелитъ занавѣсками на окнѣ, а въ кувшинахъ стоитъ ледяная вода, оцѣнишь и перины...

Несмотря на мягкую зиму, пруды за городомъ замерзаютъ, и тамъ устраиваютъ катки на мѣсяцъ—другой. Помню, какъ мы катались веселой шумной компаніей на одномъ такомъ пруду, въ получасѣ ѣзды отъ города.

Но невзгоды женевской зимы длятся не долго. Только придетъ февраль мѣсяцъ, глядишь — ужъ и тепло стало, трава зазеленѣла; въ мартѣ розы цвѣтутъ, деревья распускаются и стоитъ полная весна. Въ апрѣлѣ и маѣ ужъ паритъ. И лѣто стоитъ знойное, сухое, ясное...

Только разъ, за десятки лѣтъ, стояла тутъ настоящая русская зима, съ морозами и снѣгомъ. Она вызвала цѣлый переполохъ въ городѣ, —такъ она была здѣсь непривычна. Это было въ 1890 году — памятный для женевцевъ годъ! 27 ноября этого года стоялъ порядочный морозъ и выпалъ снѣгъ; улицы были бѣлы, шли хлопья безъ конца; небо висѣло сѣрое, пасмурное, петербургское, дулъ ледяной вѣтеръ. 18 декабря улицы были всѣ занесены глубокимъ снѣгомъ; снѣгъ былъ выше колѣнъ; его еле успѣвали расчищать. Стояли небывалые холода: было до десяти градусовъ Реомюра! Такой холодной и снѣжной зимы не было, говорятъ пресловутые старожилы города, съ 1830 года. Бѣдные люди страдали отъ стужи въ эти невиданные здѣсь холода: они ихъ застали врасплохъ. Общества организовали быструю помощь и раздавали дрова и уголь бѣднякамъ. Пришелъ новый годъ, а морозы не спадали. 23 января слѣдующаго 1891 года было невиданное здѣсь зрѣлище: Арва замерзла! Озеро замерзло до самыхъ моловъ! Такой курьезъ случается тутъ чуть не разъ въ столѣтіе. По преданіямъ, только разъ озеро замерзло все сплошь: это было въ 762 году и въ 805; его переѣзжали на телѣгахъ.

Въ этотъ годъ, впрочемъ, повсюду въ Европѣ стоялъ необычайный холодъ, вызванный, вѣроятно, какими-нибудь особыми климатическими условіями. Ежась отъ холода въ своихъ легкихъ пальтишкахъ, безъ калошъ, прыгая съ ноги на ногу и кутаясь въ шарфы, женевцы толпами шли къ озеру. Цѣлые дни вдоль всей набережной стояли кучи народа и смотрѣли на это необычайное зрѣлище. Всѣ берега озера обледенѣли. Ледъ замерзъ неровно: какъ были волны, такъ и застыли, схваченныя морозами на мѣстѣ. Мы долго стояли, любуясь, какъ яркое солнце играло и искрилось въ льдинахъ и вспоминали нашу сѣверную родину. У мола чудное зрѣлище: здѣсь ледъ подтаялъ, и огромныя глыбы, круглыя по большей части, поднимались волнами, качались, какъ лебеди, и соприкасаясь другъ съ другомъ, шуршали, точно тростникъ у берега озера, задѣтый легкимъ вѣтеркомъ. Если долго смотрѣть, эти волнующіяся зеленоватыя глыбы сливались въ глазахъ и слышался только шелестъ и шорохъ. За моломъ открывалось ужъ чистое незамерзшее озеро, виднѣлись берега, селенія и горы вдали, а по водѣ, точно бѣлыя лодочки, покачивались чайки, лебеди и утки. Самъ молъ обмерзъ, и длинныя сосульки, искрясь на солнцѣ, спускались до озера по неровнымъ уступамъ камней, наваленныхъ по обѣ стороны вала. На молу — ни души. Собачка, поднявъ лапку, хотѣла было пойти, да и та вернулась сейчасъ же. Направо отъ мола замерзъ катеръ, затертый льдинами.

— О, какой холодъ! слышится

отовсюду хорошо заученное за этотъ холодный мѣсяцъ восклицаніе.

А кругомъ жизнь идетъ своимъ чередомъ.

Прошелъ рабочій въ одной синей блузѣ, безъ пальто. Старушка, закутанная въ шаль, проплелась. Что-то зазвенѣло: это хрустя по снѣгу, проѣхалъ дилижансъ. Гдѣ-то въ воздухѣ пронесся непріятный крикъ. это чайка взвилась надъ головой. Около меня на набережной стоитъ дѣвочка, держится за мать; ея голубые, огромные глаза полны отъ холода слезъ и руки совсѣмъ покраснѣли. Да, чу! точно самый воздухъ поетъ, веселится, живетъ... Отъ одного берега озера до другого установился переходъ: можно было ходить по льду, какъ по Невѣ. Всякій стремился насладиться вдоволь невиданнымъ зрѣлищемъ и все испробовать. Успѣли устроить на озерѣ даже маленькій катокъ. Живые и впечатлительные, многіе по нѣскольку разъ переходили озеро и въ ненадежныхъ мѣстахъ. Оттого не обошлось безъ несчастій: двое—трое провалились и погибли.

V.

Интересное зрѣлище представляетъ городъ въ праздничные и воскресные дни. Всѣ улицы его усѣяны праздничной толпой. Но—не такой, какъ у насъ. Это все мирные граждане, которые отправляются провести свободный денекъ за городомъ, на чистомъ воздухѣ. И отправляются они цѣлыми семьями, заперѣвъ на весь день свои квартиры, Тутъ вы увидите мать, которая, съ корзиночкой съѣдобнаго въ рукахъ, ведетъ двухъ маленькихъ, чисто и пестро одѣтыхъ дѣтокъ; а впереди идетъ отецъ, приказчикъ или мастеръ, одѣтый, какъ настоящій господинъ, и мирно катитъ передъ собой колясочку съ годовалымъ розовенькимъ ребенкомъ. Посмотрите сюда: опять таже картина. Куда ни взгляните—вездѣ одно и тоже: тихая семейная жизнь, веселье, смѣхъ дѣтей... Вотъ составъ этой пестрой, народной праздничной толпы. Иногда встрѣчаются среди нея одинокія барышни и барыни или группы учащейся и служащей молодежи, но никакихъ безобразій они не творятъ, и мирная картина не нарушается. Въ очень ясные и теплые дни, а такихъ дней въ Женевѣ бываетъ очень много и по воскресеньямъ, какъ нарочно, обыкновенно стоитъ дивная погода,—толпа такъ велика, что на тротуарахъ становится мало мѣста. Тогда часть публики идетъ прямо по улицѣ: на многихъ улицахъ совсѣмъ тихо, и ѣзды почти нѣтъ.

Отправься-ка у насъ за городъ: сколько это будетъ стоить хлопотъ, денегъ, неудобствъ; да и гдѣ у насъ близко отъ города хорошія мѣста? Не то въ Женевѣ. Тамъ пройдешь немного за окраину—и ужъ начинаются дивные виды: луга, лѣса, долины, парки, горы. Если же отправишься по желѣзной дорогѣ станціи за двѣ или за три, то можно очутиться среди самой настоящей природы Швейцаріи; въ одинъ день можно далеко побывать и все-таки вернуться вечеромъ въ городъ къ ужину. А какъ удобно и дешево: повсюду праздничные билеты со скидкой, усиленное число поѣздовъ и трамваевъ. Наконецъ, повсюду, даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ среди горъ и роскошныхъ горныхъ пейзажей, на любой высотѣ, иногда свыше 2,000 метровъ,—вы можете найти гостинницы и пансіоны: уютную комнату съ городскимъ убранствомъ и всѣми удобствами, хорошій столъ, вина, и все это за очень умѣренную плату; повсюду—чистота и во всемъ видна аккуратность въ исполненіи заказовъ и уваженія къ чужому времени; часто управляющій отелемъ говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ. Иногда можно обратиться къ мѣстному кюрэ, и его домъ окажетъ вамъ гостепріимный пріютъ. Нечего и говорить, сколько ресторановъ и café, чистенькихъ, устроен-

ныхъ обыкновенно на самыхъ красивыхъ и возвышенныхъ мѣстахъ, разбросано по окрестностямъ города. Тамъ, расположившись въ бесѣдкѣ или на площадкѣ, за круглыми столиками, публика можетъ спокойно отдохнуть, полюбоваться чуднымъ видомъ, открывающимся передъ ней, закусить и утолить жажду. Красивую картину представляютъ такіе загородные рестораны въ праздничные дни. Площадка со столиками вся переполнена публикой; тутъ же играютъ дѣти на просторѣ, слышится говоръ и смѣхъ. А по дорогѣ, вьющейся въ гору, къ этому мѣсту отдыха, тянется еще цѣлая вереница нарядной толпы.

Экскурсіи — страсть швейцарца. Уже мальчики собираются компаніями и отправляются въ горы. Въ этой мирной цивилизованной странѣ ко всякому ребенку и женщинѣ относятся свято: имъ безопасно пускаться въ путь и однимъ. Самыми обычными и наиболѣе близкими мѣстами прогулокъ городского занятаго населенія Женевы служатъ гора Салевъ, предмѣстье Каружъ, Аріана, лѣса въ долинахъ Арвы и Роны, наконецъ, самое женевское озеро его ближайшія и дальнія берега. Трудно сказать, въ которомъ изъ этихъ чудныхъ уголковъ бываетъ больше публики по праздничнымъ днямъ.

Вотъ тутъ, на правомъ берегу озера, къ сѣверу отъ города и всего въ двадцати минутахъ ходьбы, лежитъ эта поэтичная и роскошная вилла Ревилльо съ богатымъ музеемъ: тамъ собраны всевозможные гобелины; керамика; статуи; полотна Рафаэля и др. итальянскихъ мастеровъ, а также голландскихъ, фламандскихъ и французскихъ. Она называется Аріаной. Идешь къ ней по берегу озера, въ тѣни густыхъ деревьевъ; справа—его синія воды и Альпы вдали; слѣва,—непрерывной зеленой и пестрой стѣной идутъ красивыя пригородныя виллы. Черезъ четверть часа мы сворачиваемъ влѣво и отдаляемся отъ берега озера. Дорога идетъ въ гору мимо одного селенія, и на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, на открытой площадкѣ, среди веселаго цвѣтника съ фонтаномъ и съ густымъ стариннымъ паркомъ у подножія, высится это красивое зданіе съ флигелями, балконами и башенками. Съ этой площадки, вдыхая чудный, чистый воздухъ горъ, при поразительно ясной погодѣ, вы видите далекую картину озера и его береговъ, цѣпи Альпъ съ Монбланомъ среди нихъ, Женеву, всѣ ея окрестности...

А вотъ, на противоположной сторонѣ города находится предмѣстье исключительно фабричное, съ заводами и мастерскими, и трехъугольный полуостровъ „Сліянія", у верхушки котораго Арва вливается въ Рону. Широкая улица идетъ отъ бульвара Plainpalais черезъ это предмѣстье, ведетъ къ желѣзному мосту черезъ Арву и приводитъ къ новымъ кладбищамъ и къ подножію такъ—называемаго bois de la Bâtie. Этотъ лѣсъ, скорѣе причудливый густой паркъ, расположенъ на плоскогорьѣ, возвышающимся надъ лѣвымъ берегомъ Арвы и Роны, и спускается по его склонамъ. Дивный видъ открывается съ этого мѣста: передъ вами вся Женева, горы Салевъ, Вуароны, цѣпь Монблана и роскошная картина сліянія двухъ горныхъ рѣкъ. Бурныя мутныя, сѣрыя воды Арвы текутъ, не сливаясь, рядомъ съ изумрудными, прозрачными, какъ стекло, плавно движущимися водами красавицы—Роны. При ясномъ днѣ, при дивной прозрачности и чистотѣ горнаго воздуха, залитыя яркими лучами солнца, отражая въ себѣ глубокую лазурь далекаго неба, какъ хороши эти двѣ ленты водъ.

А то вотъ можно проѣхать на трамваѣ въ другое предмѣстье, очень большое и населенное— Каружъ. Это собственно старинное савойское село; теперь въ немъ больше шести тысячъ жителей и оно превращено въ городъ. Тамъ есть красивый отель и училище. Это былъ когда-то центръ

политическаго движенія: сардинскій король упрочилъ его, желая сдѣлать соперникомъ Женевы. Пройдя немного въ гору отъ этого городка, открывается прелестный видъ на окрестныя села и горы.

Но самой излюбленной и такъ сказать классической загородной прогулкой служитъ здѣсь традиціонный Салевъ. Это ближайшая отъ Женевы гора, всего въ шести километрахъ и часахъ въ двухъ ходьбы. Можно дойти до нея по шоссе, взобраться на вершину и вернуться въ тотъ-же день вечеромъ. А можно и сократить путь: проѣхать по узколинейной желѣзной дорогѣ до селенія Верье, лежащаго у самаго подножія и тогда останется только подняться на вершину ея. Въ мое время ужъ строился электрическій трамвай, который долженъ былъ доставлять публику безъ всякихъ хлопотъ съ ея стороны на самую вершину. Салевъ—мѣловаягора,лежитъвъСавойѣ; широкое ущелье Моннетье раздѣляетъ ее на Малый и большой Салевъ. Со стороны Женевы онъ представляетъ рядъ горизонтальныхъ параллельныхъ твердынь, почти голыхъ и неприступныхъ. Зато противоположный склонъ покатъ и покрытъ частью кустарниками и рощами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на поверхности горы, еле касаясь земли, лежатъ огромные и причудливые заносные камни. По составу они походятъ на скалы Монбланской цѣпи и были принесены сюда ледниками въ очень давнія времена. Въ одномъ мѣстѣ, около селенья Морнэ, проходитъ граница Швейцаріи и Франціи: такъ въ нѣсколько часовъ вы можете побывать заразъ въ двухъ странахъ. На самой вершинѣ Салева находится пансіонъ и ресторанъ Эрлштажъ, построенный на развалинахъ стариннаго замка, носившаго это имя и разрушеннаго женевцами въ XVI вѣкѣ. Въ перевалѣ между двумя Салевами устроенъ крутой спускъ внизъ подъ названіемъ „pas de l'Echelle": это сотня ступенекъ, выдолбленныхъ въ скалѣ, съ желѣзными перилами. По нему можно спуститься очень быстро всего въ 15—20 минутъ и очутиться недалеко отъ Верье, а затѣмъ возвратиться въ городъ по одному изъ двухъ путей. Съ вершины Салева открывается передъ вами чудный и далекій видъ на сосѣднія цѣпи горъ и долины.

Часахъ въ двухъ отъ Женевы, если ѣхать на дилижансѣ, пріютилось на перепутьѣ дорогъ старинное село Фернэ-Вольтеръ. Сюда-то, въ 1758 году бѣжалъ знаменитый философъ Вольтеръ. И онъ положилъ, такъ сказать, основаніе этому городку. Когда онъ въѣхалъ въ него, то отвернулся съ отвращеніемъ: всего семь-восемь хижинокъ, грязныя нерасчищенныя дороги. А по смерти его это уже было процвѣтающее село съ восемьюдесятью домиками и болѣе, чѣмъ тысячей обитателей. Тамъ то, въ этомъ уединенномъ, сначала бѣдномъ и пустынномъ уголкѣ, мрачный философъ и выстроилъ себѣ замокъ—свое одинокое убѣжище. Еще не входя въ домъ, вы видите налѣво скромную часовеньку съ безсмертной надписью: „Deo erexit Voltaire". Въ ней больше не совершаютъ молебствій: неподалеку высятся два храма: католическій и реформатскій. Вокругъ замка—небольшой паркъ, обнесенный желѣзной рѣшеткой. Кругомъ торжественная тишина. Войдите. Туда пускаютъ. Вотъ спальня „его". Все осталось по прежнему: вотъ старыя кресла, на которыхъ онъ сидѣлъ и думалъ свои великія міровыя свободныя думы; вотъ старыя занавѣси; печь съ причудливыми позолоченными изразцами; портретъ трубочиста и прачки, служившихъ ему. Вотъ кровать—„его" кровать. На стѣнахъ—изображенія разныхъ великихъ людей, его современниковъ; портреты Фридриха II и императрицы Екатерины Великой; даже коверъ, вышитый собственноручно ею. А вотъ мавзолей, въ которомъ должно было храниться сердце

Вольтера; на немъ надпись: „Его духъ—повсюду, а сердце—тутъ. Моя тѣнь утѣшена, потому что мое сердце находится въ кругу васъ“. Дивный видъ открывается изъ парка, особенно на любимую густую аллею Вольтера.

Многія женевцы не довольствуются этими ближайшими экскурсіями въ праздничные дни, а отправляются и подальше. Весною и лѣтомъ одна изъ излюбленныхъ прогулокъ здѣшней публики—путешествіе на пароходѣ по озеру. Особые пароходы, часто съ музыкой и съ правомъ получать даровую кружку пива, отправляются съ утра вдоль всѣхъ береговъ Женевскаго озера. Масса нарядной веселой публики, пользуясь дешевизной билетовъ, наполняетъ пароходъ, высаживаясь, кто на одной пристани, кто на другой, среди дивныхъ зеленыхъ уголковъ прибрежныхъ селеній и парковъ. Иные же отправляются дальше и совершаютъ такъ называемый „tour du lac“, то есть въ одинъ день, собственно въ десять часовъ, объѣзжаютъ всѣ берега озера, при чемъ пароходъ останавливается въ главныхъ прибрежныхъ городахъ и наиболѣе интересныхъ мѣстечкахъ и высаживаетъ тамъ публику, давая ей достаточно времени, чтобы осмотрѣть мѣстность. Синія воды озера бѣгутъ и мелькаютъ передъ вами, утомляя взоръ. Бѣлыя чайки вьются надъ волнами. Надъ вами такое-же синее небо безъ единаго облачка. Слѣва, за зеленью виллъ, высятся мѣловые склоны Юры; справа виднѣется Салевъ, Вуароны и цѣпь Монблана; впереди — синяя дымка дальняго конца озера. Солнце щедро льетъ свои лучи повсюду вокругъ. Воздухъ чистъ и прозраченъ, и свѣжъ у воды. На палубѣ говоръ и смѣхъ; слышится часто нѣмецкій и англійскій языкъ: это туристы пріѣхали въ Швейцарію отдыхать. Но вотъ пароходъ подъѣзжаетъ къ противоположному углу озера. передъ вами встаютъ традиціонные городки Вевэ, Кларанъ; а вотъ и Монтре: тутъ пароходъ останавливается подольше. Публика выходитъ и отправляется направо, вдоль берега озера: тутъ, недалеко, угрюмо высится надъ водой знаменитый замокъ Шильонъ, прежняя суровая обитель заключенныхъ. Это старинная крѣпость; неизвѣстно въ точности, когда она возникла: можетъ быть, ужъ въ XI вѣкѣ. Она выстроена на скалѣ, торчащей изъ озера, въ нѣсколькихъ метрахъ отъ дороги, съ которой соединяется подъемнымъ мостомъ. Много человѣческихъ стоновъ, ужасающихъ мукъ и томительныхъ, медленныхъ смертей видали ея мрачныя, заплѣснѣвшія, почернѣвшія стѣны... Всѣ идутъ осматривать ее. Сторожъ, звеня огромными ключами, идетъ впереди и открываетъ заржавѣвшіе засовы многовѣковой тяжелой входной двери. Онъ ведетъ насъ въ сырое полутемное подземелье съ затхлымъ, удушливымъ воздухомъ; полъ каменный, неровный, истертый; съ толстыхъ стѣнъ и мрачныхъ, почти черныхъ сводовъ, сочится плѣсень и вода... Тутъ томился въ заключеніи Бониваръ, преданный савойскому герцогу. Сторожъ показываетъ намъ колонну, къ которой былъ прикованъ несчастный, и огромное кольцо въ стѣнѣ, къ которому была прикрѣплена тяжелая короткая цѣпь узника. Десять лѣтъ ходилъ онъ на этой цѣпи, и намъ показали протоптанный его ногами каменный полъ. А высоко-высоко наверху, надъ сводами, виднѣются узкія, точно щелочки, окошки съ рѣшетками. И въ нихъ, словно протестуя противъ злости и несправедливости человѣка, нѣжная синева неба, сливаясь съ синевой озера, уходитъ вдаль, и яркое дивное солнце заливаетъ зеленые берега и цѣпи величавыхъ горъ. Молча, съ головой полной тяжелыхъ, далекихъ думъ, я шла по этимъ мрачнымъ подземельямъ. Гулко раздаются шаги. Своды отражаютъ монотонный го-

лось проводника и наши невольные возгласы. Мы идемъ дальше и входимъ въ старинную залу суда съ огромнѣйшимъ каминомъ, въ который клали въ видѣ дровъ цѣлые стволы деревьевъ. Потомъ идемъ въ залу пытокъ, гдѣ еще теперь видны заброшенныя и полусгнившія орудія страшныхъ, безчеловѣчныхъ истязаній. Вотъ готическая молельня. А вотъ спальня савойскаго герцога и его супруги, съ окнами со стрѣльчатыми сводами. Вотъ пріемный залъ рыцарей. И день, и ночь, не уставая и не смолкая, изъ года въ годъ, голубыя волны Лемана ударяютъ въ мрачныя, черныя стѣны неприступнаго замка. Прошли года, прошли вѣка. Все измѣнилось. И печальнымъ пережиткомъ далекаго прошлаго стоитъ теперь этотъ замокъ. Веселая, освобожденная, счастливая толпа ходитъ теперь по его сырымъ подземельямъ; но и у этой толпы лица омрачаются, когда она вспоминаетъ это тяжелое прошлое, теперь далекое, навсегда исчезнувшее; и она смолкаетъ и притихаетъ въ торжественномъ благоговѣніи.

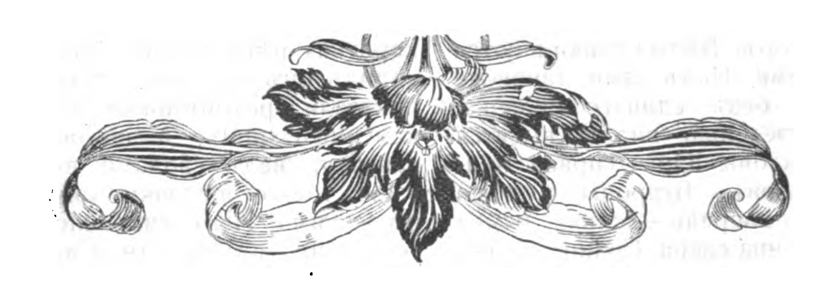
Высоко надъ Монтре лежитъ Гліонъ и туда, почти по отвѣсному спуску, въ восемь минутъ васъ доставляетъ электрическая тяга съ нѣсколькими вагончиками. Тутъ-же въ сторонкѣ, проходитъ другая электрическая желѣзная дорога; извиваясь, какъ змѣя по ущельямъ и переваламъ, она везетъ васъ въ самыя нѣдры горъ и ледниковъ и привозитъ къ живописнымъ скаламъ, называемымъ Rochers de Naye. Чарующій, далекій видъ открывается съ ихъ вершинъ на все озеро, цѣпь Альпъ, Юру, сосѣдніе кантоны, Невшательское озеро..,

Отъ Шильона пароходъ идетъ дальше—въ самый дальній конецъ озера, и мы не можемъ налюбоваться той особой дикой картиной, которую онъ представляетъ. Въ этомъ мѣстѣ озеро узко, воды его кажутся темнѣе, небо мрачнѣе; и все кругомъ окутано лиловой дымкой; горы надвигаются совсѣмъ близко и тѣснятъ озеро, угрюмо громоздясь по его сторонамъ.

Уже поздно вечеромъ, часто иллюминованный, подъ звуки музыки, возвращается пароходъ съ веселой, довольной толпой къ своему родному городу.

А. Грачевская.

(До слѣд. №-ра).

I. Военная служба.

Недавно къ намъ зашелъ землякъ, пріѣхавшій въ Соединенные Штаты поучиться по своей спеціальности. Америка ему не нравилась, и онъ все поговаривалъ о томъ, что хорошо было бы „дернуть" отсюда обратно въ Россію и поспѣть туда къ Рождеству...

— Погодите, поживете здѣсь дольше, узнаете Америку лучше, можетъ быть, и понравится,—старался поддержать я своего новаго знакомаго; вѣдь за два мѣсяца, что вы здѣсь, не многое можно было увидѣть и—главное—узнать. Подучитесь англійскому языку, вѣдь, вы сказали, совсѣмъ его не знаете.

— Нѣтъ ужь, увольте, и того, что увидѣлъ и узналъ, съ меня за глаза довольно. Когда ѣхалъ сюда, добрые люди порекомендовали мнѣ цѣлый ворохъ книгъ объ Америкѣ. Накупилъ ихъ—полонъ чемоданъ вышелъ. Привезъ ихъ сюда, а здѣсь хочу выбросить.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— А что же мнѣ съ ними дѣлать,—проговорилъ землякъ съ огорченымъ видомъ? Хотите—возьмите ихъ себѣ: онѣ мнѣ не нужны. Еще въ Россіи прочелъ я и толстую книгу Т., и толстую книгу В. и еще болѣе толстую книгу П. и подумалъ — вотъ теперь я знаю Америку. Не тутъ-то было! Пріѣхалъ сюда, осмотрѣлся и, право, пожалѣлъ, что затратилъ столько времени на чтеніе этихъ книгъ. Не то, что онѣ помогли мнѣ знать Америку, а только сбили съ толку. На что ни поглядишь здѣсь, все описано у нихъ, какъ будто нарочно,—наоборотъ.

— То-есть, односторонне,—попробовалъ я поправить его.

— Я ужь не знаю тамъ—какъ, а только описанія этихъ авторовъ до того разнятся съ дѣйствительностью, что кажется, будто видишь совсѣмъ иную страну, а не ту, которая именно изображена въ этихъ книгахъ.

— Ну-те, хорошо, — попробовалъ я возражать ему, Т. и П. вамъ не понравились, но чѣмъ же другіе-то авторы виноваты въ этомъ?

— Помилуйте, вѣдь если люди живущіе и жившіе здѣсь по десяти, пятнадцати лѣтъ, пишутъ такимъ образомъ, то что же можно ожидать отъ туристовъ, отъ людей, которые живутъ здѣсь по безъ году недѣлѣ? Да, господа писатели много пишутъ

объ Америкѣ, но господа читатели мало знаютъ о ней,—прибавилъ онъ убѣжденнымъ тономъ.

Подобные отзывы мнѣ приходилось слышать не отъ одного русскаго изъ числа пріѣзжающихъ сюда съ различными цѣлями. Изъ разговоровъ на эту тему выносишь впечатлѣніе, что, дѣйствительно, авторы, пишущіе объ Америкѣ, да и вообще о „заграницѣ“, неизмѣнно держатся той программы, которая не такъ давно была рекомендована блаженныя памяти министромъ Толстымъ при прохожденіи курса русской исторіи въ гимназіяхъ: „возможно дольше останавливаться на свѣтлыхъ событіяхъ русской жизни и возможно короче описывать и проходить событія мрачныя“.

Стремленіе пользоваться этимъ пріемомъ при описаніи Америки можно объяснить двояко.

У однихъ побудительной причиной здѣсь является тенденція.

Эти писатели начинаютъ изображать исключительно свѣтлыя стороны Америки. Они не искажаютъ фактовъ, не выдумываютъ событій, они рисуютъ все именно такъ, какъ видятъ. Если у нихъ негры, чистящіе сапоги янки, и самые эти сапоги и вакса выходятъ розовыми, то и этому находится простое и естественное объясненіе: авторы эти „съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“ надѣваютъ себѣ на носъ очки съ розовыми стеклами и не держатъ въ домѣ иныхъ чернилъ кромѣ розовыхъ.

Другіе изъ авторовъ, пишущихъ объ Америкѣ, серьезно влюблены въ эту молоденькую, много обѣщающую миссъ, и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не видятъ и не желаютъ видѣть недостатковъ своего предмета любви и съ увлеченіемъ говорятъ только о его достоинствахъ.

Но бѣдному читателю не легче отъ того, что обоимъ этимъ писательскимъ пріемамъ можно дать объясненіе. Онъ все время находится въ положеніи человѣка, разсматривающаго въ стереоскопъ картинки, въ которыхъ обѣ половины сняты съ одной и той же стороны; какъ онъ ни напрягаетъ зрѣнія и воображенія, рельефнаго изображенія того, что снято на фотографіи, ему такъ и не удается увидѣть.

Положеніе читателя здѣсь не изъ пріятныхъ, но еще менѣе пріятно положеніе того писателя, который зазахочетъ нарушить эту прочно установившуюся и десятилѣтіями освященную рутину, захочетъ снимать свои фотографіи съ обѣихъ сторонъ, захочетъ говорить „правду, одну только правду“. Дѣло въ томъ, что многое на этой свѣтлой сторонѣ Америки уже описано и переописано, въ то время какъ на болѣе затѣненной ея сторонѣ интереснаго матеріала—непочатый уголъ. И вотъ, если даже такой авторъ захочетъ соблюдать возможное безпристрастіе, онъ все же рискуетъ быть заподозрѣннымъ тоже въ тенденціи, хотя и съ другой стороны. Въ крайнемъ случаѣ, его обзовутъ брюзгой, мизантропомъ, больнымъ сплиномъ...

Будемъ смотрѣть, однако, на это положеніе спокойно. Когда идешь прямымъ путемъ, всегда рискуешь натолкнуться на тѣ или другія препятствія, безъ этого нельзя. Черезъ меньшія изъ этихъ препятствій придется перешагнуть, большія взорвать на воздухъ—вотъ и все...

Какой программы намѣренъ я держаться въ своихъ очеркахъ?

За короткое время своего существованія американскій народъ успѣлъ завоевать себѣ едва ли не первое мѣсто среди другихъ народовъ. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, ежегодно около милліона здоровыхъ, сильныхъ, желающихъ работать, но не имѣющихъ возможности найти примѣненіе своимъ силамъ на своихъ родинахъ, людей ѣдутъ сюда, находятъ здѣсь работу, землю, личную безопасность для себя, хорошія школы и обезпеченное существованіе для своихъ дѣтей, находятъ то,

въ чемъ имъ отказывала даже родина. „Нѣтъ дѣйствія безъ причины“, и въ розыскиванiи причинъ этихъ интересныхъ явленiй я и разсчитываю находить матерiалъ для своихъ замѣтокъ. А каковы будутъ ближайшiе ихъ сюжеты—этого сказать напередъ я не могу, такъ какъ выборъ той или иной темы зависитъ отъ многихъ, часто непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Вотъ, напримѣръ, сегодня русское общество заинтересовано войной. Самые мирные люди только и говорятъ что о пулеметахъ, минахъ, вылавливанiи минъ, минныхъ загражденiяхъ, оборудованiи фронтовой, аррiергардной и развѣдочной службы... Такъ какъ „американецъ и надъ этимъ подумалъ“, то, мнѣ кажется, будетъ вполнѣ умѣстнымъ побесѣдовать съ читателемъ о военной организацiи С. Ш. Можетъ случиться, что завтра русское общество увидитъ, что оно слишкомъ ужь много удѣляетъ своего вниманiя миннымъ загражденiямъ въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ, и удѣлитъ часть его тѣмъ загражденiямъ, которыя мѣшаютъ правильно развиваться его жизни—у насъ найдется матерiалъ поговорить и на эту тему, такъ какъ „и надъ этимъ американецъ подумалъ“.

Итакъ, объ американской военщинѣ, американскомъ регулярномъ войскѣ, милицiи, флотѣ...

Девять лѣтъ тому назадъ, когда мы только что прiѣхали въ С. Ш., въ американскомъ регулярномъ войскѣ насчитывалось что-то около 26 тысячъ. Во время войны съ Испанiей число это возросло до 100 съ небольшимъ тысячъ. Въ настоящее время число регулярныхъ войскъ въ этой странѣ—сухопутныхъ 56.855 и морскихъ около 30 т., а всего 80 т. человѣкъ.

Быть можетъ, нѣкоторые изъ читателей будутъ удивлены незначительностью такой цифры. Можетъ быть, также, у нихъ самъ собою возникнетъ вопросъ: что же американцы такъ „храбрятся“, имѣя въ своемъ распоряженiи подобную армiю?

Вопросъ, въ самомъ дѣлѣ интересный: какъ это можетъ существовать въ наше время великая держава, поддерживающая свое могущество при наличности 80 тысячъ войска, въ то время какъ другимъ державамъ для поддержанiя своего престижа требуется количество войскъ въ десять разъ большее?

Такое, повидимому, странное положенiе вещей объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ американской жизни вообще господствуетъ строгая система, и что надъ всѣмъ подумавшiй американецъ примѣнилъ извѣстную, вполнѣ цѣлесообразную, систему и къ организацiи своихъ военныхъ силъ.

Если вамъ случится проѣзжать мимо американской начальной школы безъ пяти минутъ девять утромъ, остановитесь на минуту, взгляните во дворъ и прислушайтесь. Всѣ дѣти стали парами въ рядъ, дѣвочки впереди, мальчики сзади. Изъ школы раздаются звуки марша на фисгармонiи и дѣти входятъ въ классную комнату, маршируя—разъ, два, разъ, два.

Во время урока, приблизительно, около его середины, когда учительница замѣчаетъ, что дѣти нѣсколько устали отъ сидѣнья, она командуетъ: встать! Затѣмъ, командуетъ нѣсколько вольныхъ движенiй, чтобы дѣти немного поразмялись, и наконецъ,—снова команда: сѣсть! Послѣ окончанiя урока дѣти встаютъ опять по командѣ, учительница садится за фисгармонiю, играетъ маршъ и всѣ выходятъ изъ комнаты въ ногу. Сойдя съ лѣстницы дѣтвора разсыпается по двору и каждый во время перемѣны играетъ, какъ ему вздумается, ни кѣмъ не стѣсняемый.

Эти марши, эти производимыя по командѣ вставанiя и вольныя движенiя могутъ сразу показаться мелочью, но присматриваясь къ нимъ ближе и принимая во вниманiе, что они производятся изо-дня въ день

въ теченіе восьми лѣтъ, вы увидите въ нихъ важныя основанія для развитія того, что называется порядкомъ, дисциплиной, все равно, будетъ ли это дисциплина рабочая, служебная или военная.

По окончаніи начальной восьмиклассной школы извѣстная часть дѣтей поступаетъ въ такъ называемую High School—высшую четырехклассную школу, соотвѣтствующую старшимъ классамъ русской гимназіи. Здѣсь, между прочимъ, желающіе изъ мальчиковъ составляютъ настоящій военный отрядъ, покупаютъ себѣ ружья, дѣлаютъ по двѣ пары военнаго платья — будничное и парадное, приглашаютъ кого-либо изъ знающихъ людей—отставныхъ офицеровъ регулярной арміи или милиціи—себѣ въ руководители и два раза въ недѣлю въ теченіе часа занимаются военными упражненіями—маршировкой, ружейными пріемами и фехтованіемъ. Ежегодно лѣтомъ они отправляются куда-нибудь въ лагери, если можно, на берегъ моря, и здѣсь упражняются въ стрѣльбѣ, продолжительныхъ маршахъ и въ плаваніи.

Извѣстная часть изъ оканчивающихъ высшія школы поступаетъ въ колледжи и въ университеты. Въ 64 изъ правительственныхъ учрежденій этого рода прохожденіе военныхъ наукъ такъ же для всѣхъ обязательно, какъ для русскихъ студентовъ обязательно прохожденіе богословія, будутъ ли они агрономами, врачами, техниками или юристами. Въ концѣ прошлаго года состоялось распоряженіе военнаго министра, въ силу котораго студенты обязаны входить въ аудиторіи на лекціи военныхъ наукъ не иначе, какъ маршируя. Это распоряженіе вызвало въ Калифорнійскомъ университетѣ, въ Беркли, даже „студенческіе безпорядки“, въ которыхъ приняли участіе болѣе тысячи студентовъ.

Высшія учебныя заведенія, о которыхъ я только что упомянулъ,—это такъ называемые Land Grant Colleges, т. е. колледжи, основанные на суммы, которыя получены путемъ продажи данныхъ имъ правительствомъ общественныхъ земель, или же колледжи и университеты, существовавшіе и раньше, но расширенные на такія же средства.

Land Grant Colleges, о которыхъ мнѣ еще придется говорить подробнѣе въ свое время, вызваны къ жизни такъ называемымъ Актомъ Моррилля, сдѣлавшимся закономъ въ 1862 г. и направленнымъ къ „основанію, поддержкѣ и доставленію средствъ къ дальнѣйшему существованію, по крайней мѣрѣ, одного колледжа въ каждомъ штатѣ, гдѣ главной задачей обученія должны быть, не исключая иныхъ научныхъ и классическихъ курсовъ и включая военную тактику, тѣ отрасли наукъ, которыя имѣютъ отношеніе къ земледѣлію и къ техникѣ...“

Такимъ образомъ, вникая въ жизнь американской школы, черезъ которую проходитъ, въ той или иной степени, почти все населеніе С. Ш., вы видите ясно, какъ черезъ нее красной нитью тянется стремленіе дать странѣ въ лицѣ всѣхъ этихъ спеціалистовъ, до богослововъ, включительно, также и военныхъ людей.

Не слѣдуетъ также забывать, что въ С. Ш. существуетъ не мало частныхъ военныхъ и полувоенныхъ школъ, куда богатые люди любятъ отдавать своихъ сыновей, подражая въ этомъ отношеніи западно-европейскому дворянству. Здѣсь проходятся тѣ же науки, что и въ высшихъ школахъ, но въ сокращенномъ объемѣ, главное же вниманіе удѣляется военной выправкѣ, а, кстати, и умѣнью держать себя въ обществѣ, танцамъ и т. д.

Я здѣсь разсмотрѣлъ отношеніе къ военщинѣ тѣхъ лицъ, которые такъ или иначе пошли по „ученой части“. Взглянемъ теперь на то большинство, которые ограничились только начальной школой, а то и ея не окончили, а занялись земле-

дѣліемъ, ремесломъ, промыслами торговлей,

Прежде всего, ни въ одной странѣ я не видалъ такъ много людей, имѣющихъ у себя ружья, револьверы и умѣющихъ стрѣлять, какъ въ С. Ш. Охотничье ружье, а часто и винтовка имѣются въ домѣ положительно каждаго фермера. Причины этому лежатъ и въ присущей большинству людей страсти къ охотѣ и спорту, и въ общей зажиточности американскаго населенія, позволяющей каждому желающему купить себѣ ружье или револьверъ и выпустить въ свободную минуту, по дичи ли или въ цѣль, пачку патроновъ, стоющую рубль на русскія деньги. За отцами и старшими братьями тянутся и меньшіе, и десятилѣтній гражданинъ С. Ш., не умѣющій еще стрѣлять, — большая рѣдкость.

Продажа и употребленіе оружія не только не стѣсняются, но, наоборотъ, поощряются основными законами С. Ш. и параграфъ II прибавленій къ федеральной конституціи гласитъ слѣдующее: „Такъ какъ правильно организованная милиція является залогомъ безопасности свободнаго государства, то право народа имѣть у себя и носить при себѣ оружіе не должно быть стѣсняемо“. Кстати сказать, въ С. Ш. дозволяется носить при себѣ какое бы то ни было оружіе только такимъ образомъ, чтобы оно было на виду; при несоблюденіи этого условія, виновные подвергаются значительному штрафу.

Изъ этой народной массы, дисциплинированной школой, умѣющей стрѣлять и обходиться съ оружіемъ, причемъ, нѣкоторая ея часть получила уже спеціальную военную подготовку въ школѣ, образуется милиція. Задачи и цѣли этой организаціи опредѣляются Актомъ 33, утвержденнымъ президентомъ С. Ш. января 21, 1903 г.

На основаніи этого закона, всѣ годные къ военной службѣ граждане С. Ш., а равно тѣ изъ переселенцевъ, которые заявили желаніе сдѣлаться американскими гражданами, въ возрастѣ отъ 18 до 45 лѣтъ образуютъ милицію.

Отъ милиціонной повинности освобождаются: лица, состоящіе на государственной службѣ, члены конгресса, желѣзнодорожные служащіе, лоцмана и моряки, находящіеся на торговыхъ и иныхъ судахъ, принадлежащихъ гражданамъ С. Ш., лица, изъятыя отъ этой повинности на основаніи законовъ различныхъ штатовъ и территорій, а равно всѣ лица, принадлежащія по своимъ убѣжденіямъ къ такимъ религіознымъ сектамъ, ученіе которыхъ не одобряетъ какъ самой войны, такъ и учрежденій, связанныхъ съ нею.

Милиція раздѣляется на организованную и неорганизованную. Организованной милиціи имѣется въ настоящее время 106.738, неорганизованной болѣе 7.000.000. Главнымъ командиромъ милиціи (какъ и всей вообще арміи) является президентъ С. Ш.

Организованная милиція состоитъ изъ лицъ, добровольно соглашающихся нести эту службу въ теченіе пяти лѣтъ. Оружіе, по новому закону, выдается милиціонерамъ федеральнымъ правительствомъ, расходы же по обмундировкѣ, лагернымъ сборамъ и т. п. берутъ на себя штаты и территоріи.

Милиціонеры собираются отъ времени до времени на ученья, по закону, не менѣе 24 разъ въ годъ и, кромѣ того, ежегодно должны проводить не менѣе 5 дней въ лагеряхъ.

Всѣ С. Ш. раздѣляются на милиціонные округа, и въ каждый изъ нихъ президентомъ С. Ш. назначается изъ армейскихъ генераловъ особый инспекторъ, который долженъ слѣдить за правильностью организаціи милиціоннаго дѣла.

Служба организованной милиціи безплатная. Но если милиція, по требованію призидента С. Ш., военнаго министра или губернатора

штата, призывается къ возстановленію порядка, къ участію въ маневрахъ вмѣстѣ съ регулярными войсками, а также если милиція участвуетъ въ войнѣ, то милиціонеры получаютъ такое же жалованье и содержаніе, какъ и представители регулярной арміи. Такимъ образомъ вся военная система С. Ш. построена на томъ, чтобы содержать какъ можно меньшую регулярную армію; чтобы имѣть въ организованной милиціи своего рода резервы; чтобы располагать въ неорганизованной милиціи такимъ контингентомъ людей, которые могли бы безъ особыхъ затрудненій занимать въ организованной милиціи мѣста тѣхъ, которые переходятъ на положеніе регулярной арміи.

Не слѣдуетъ также забывать и того, что въ числѣ ежегодно прибывающихъ въ С. Ш. переселенцевъ значительное количество такихъ, которые отбыли срокъ военной службы у себя на родинѣ, которымъ нѣтъ еще 45 лѣтъ и которые, слѣдовательно, будутъ состоять еще нѣкоторое время здѣсь въ рядахъ частью организованной, частью неорганизованной милиція, своимъ присутствіемъ увеличивая ея военныя достоинства.

Въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ Рузвельтомъ вскорѣ послѣ избранія его президентомъ на второй срокъ, можно было услышать слѣдующую фразу: „я буду настоятельно заботиться о томъ, чтобы наша армія, одна изъ самыхъ малыхъ по своей численности, была въ состояніи, въ случаѣ нужды, ассимилировать нашу милицію, одну изъ самыхъ большихъ въ мірѣ“.

Мы уже были въ С. Ш., когда вспыхнула испанско - американская война, и потому я могъ видѣть, какъ эта военная организація дѣйствуетъ на практикѣ.

По объявленіи этой войны американцы нашли, что 26 тыс. регулярныхъ сухопутныхъ войскъ имъ мало, и рѣшили всѣ составы войскъ удвоить. Поэтому, втеченіе самаго непродолжительнаго времени у С. Ш. оказалось подъ ружьемъ 57.239 рег. сухоп. 223.235 милиціи и 31.959 флот., а всего 312.523 человѣка.

Какъ извѣстно, войска въ С. Ш. вольнонаемныя. Каждому солдату платится жалованья, на всемъ готовомъ, 16 долларовъ въ мѣсяцъ, т. е. по рублю въ день. Когда были открыты вербовочные пункты, то въ нихъ явилось въ пять - шесть разъ болѣе людей, чѣмъ сколько ихъ требовалось. Это показало, что американскую регулярную армію можно не только удвоить, но и удесятерить въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Принятые рекруты, какъ и вездѣ водится, были распредѣлены между „частями“ и подвергнуты военной выучкѣ. Иностранные атташе, находившіеся въ то время при американскихъ войскахъ, не мало удивлялись тому, что уже черезъ три недѣли новобранца отъ стараго солдата не могъ отличить даже ихъ опытный, наметанный глазъ. Здѣсь сказались и марши въ начальныхъ школахъ, и военныя упражненія въ высшихъ школахъ, колледжахъ и университетахъ, и пребываніе въ милиціи, и такъ распространенныя здѣсь атлетическія игры, бѣгъ въ запуски, стрѣльба въ цѣль, охота.

Помню еще, какъ европейскія газеты того времени потѣшались надъ американской „дисциплиной“.

— Становитесь къ пушкѣ, Джонъ, командуетъ офицеръ солдату.

— Сейчасъ, капитанъ, позвольте только закурить отъ вашей папиросы...

— А что, джентльмены, не начинать ли намъ стрѣлять?—спрашиваетъ у солдатъ другой начальникъ.

Подобные разсказы приводились десятками, всѣ въ Европѣ хохотали надъ ними, и когда американцы потопили испанскій флотъ и разбили испанцевъ, потерявъ всего 350 душъ убитыми и ранеными, не многіе въ

Европѣ могли рѣшить вопросъ, отчего это произошло, оттого ли, что американскій флотъ былъ хорошъ, или оттого, что испанскій флотъ былъ плохъ.

Было и то, и другое, но было здѣсь и еше кое-что. Во-первыхъ, глупо было со стороны Испаніи, не въ обиду ей будь сказано, затѣвать войну, когда ей отъ Кубы до дому десять дней пути, а американцамъ— рукой подать. Во-вторыхъ,—и это главное—испанцы просмотрѣли то, что у нихъ во всемъ самая жалкая организація, въ то время какъ у американцевъ во всемъ—и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ промышленности, и въ военномъ дѣлѣ—организація на первомъ планѣ, и какая организація!

Для европейцевъ смѣшно читать извѣстія вродѣ того, что въ С. Ш. военнымъ министромъ назначенъ адвокатъ, а морскимъ—начальникъ движенія одной изъ желѣзныхъ дорогъ.— Какое отношеніе, какая связь?!— восклицаютъ они съ недоумѣніемъ. Для американцевъ это совсѣмъ не удивительно и связь для нихъ вполнѣ ясна: значитъ, и у адвоката, и у желѣзнодорожника выдающіяся организаторскія и административныя способности... только и всего. Но американцы твердо увѣрены въ томъ, что подобные министры не пошлютъ наканунѣ военныхъ дѣйствій своей арміи такихъ снарядовъ, которые не приходятся ни къ одной изъ пушекъ, не пошлютъ своему флоту и самодвижущихся торпедъ безъ ключей, какъ это случалось съ европейскими министрами изъ генераловъ и адмираловъ...

И то сказать, у американскихъ организаторовъ для проявленія и примѣненія ихъ способностей имѣются на-лицо всѣ возможности.

Кто-то изъ нѣмецкихъ военныхъ знаменитостей говаривалъ, что для успѣха на войнѣ нужны, во-первыхъ, деньги, во-вторыхъ, деньги и, въ третьихъ, деньги. Всѣ эти три условія имѣются въ распоряженіи американцевъ въ большей степени, чѣмъ у какой бы то ни было иной націи. Американцы умѣютъ „дѣлать деньги" и деньги у нихъ есть. Кромѣ того, благодаря свободѣ рѣчи и свободѣ печати, у нихъ деньги, ассигнованныя на военныя надобности, и тратятся именно на эти надобности. Во время войны съ Испаніей какіе-то интендантскіе чиновники вздумали уворовать какую-то пустячную сумму, что-то 300 тыс. долларовъ или около того. Ихъ сейчасъ же поймали, и если бы вы знали, какой здѣсь поднялся шумъ по этому поводу!

Мы, конечно, знаемъ весьма мало о томъ, что дѣлается въ американскихъ арсеналахъ и крѣпостяхъ, но все же недавніе отчеты военнаго инспектора Корбина, начальника бюро навигаціи Канверса — своимъ министерствамъ а равно и отчетъ военнаго министра Тафта президенту С. Ш. проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ.

Американская армія къ новому году будетъ перевооружена новыми ружьями. Эти ружья, носящія названіе спрингфилдскихъ, находятся съ весны прошлаго года въ употребленіи у воспитанниковъ уэстъ - пойнтской военной академіи и по своимъ баллистическимъ качествамъ не имѣютъ себѣ равныхъ.

На усиленіе защиты береговой линіи страны конгрессомъ ассигновано 110 милл. долларовъ; военный министръ полагаетъ, что къ этой суммѣ нужно будетъ прибавить еще 65 м. д.

Защита береговой линіи увеличивается 364—8, 10 и 12 дм. пушками, 524—12 д. мортирами, 1296 скорострѣльными пушками, калибровъ отъ $2^1/_4$ до 6 д. Почти всѣ эти пушки уже готовы и болѣе двухъ третей изъ ихъ числа установлены на мѣста.

Выработана новая, основанная на горизонтальной базѣ система прицѣла, позволяющая, производить точные выстрѣлы на разстояніе до 6 миль, и всѣ больше-калиберныя

пушки снабжены прицѣльнымъ аппаратомъ усовершенствованнаго образца.

Военный инспекторъ совѣтуетъ своему министерству удерживать на службѣ способныхъ артиллеристовъ: „Прежде всего, говоритъ онъ, величайшая заботливость со стороны министерства должна быть проявлена въ стремленіи удержать на службѣ людей, которые заявили себя хорошими стрѣлками, т. е. людей, которые могутъ навести орудіе и попасть въ цѣль, а не тѣхъ, которые лишь сильны теоріей этого дѣла. Человѣкъ, который можетъ попасть въ цѣль не разъ, но разъ за разомъ, и этимъ обнаруживаетъ врожденныя наклонности къ стрѣльбѣ, долженъ быть удерживаемъ на службѣ во что бы то ни стало и возможно дольше, будетъ ли это штабъ-офицеръ или солдатъ,—все равно".

Одинъ изъ американскихъ милліонеровъ, нѣкто Швобъ, большой пройдоха, держащій постоянно носъ по вѣтру, видя серьезные симптомы военной горячки, начинающей охватывать американцевъ, рѣшилъ, что на этомъ можно дѣлать хорошія деньги, и теперь къ своимъ желѣзодѣлательнымъ и сталелитейнымъ заводамъ спѣшно пристраиваетъ обширныя мастерскія, въ которыхъ будутъ изготовляться пушки, ружья и иного рода оружія. Швобъ намѣренъ поставить свое новое предпріятіе на такую ногу, чтобы оно ни въ чемъ не уступало извѣстнымъ нѣмецкому заводу Круппа и французскому заводу въ Крезо.

Что касается вопроса о довольствіи войскъ, то С. Ш. находятся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Ни одна нація не питается такъ хорошо, какъ американцы; ни одна нація не производитъ такого избытка пищевыхъ и кормовыхъ веществъ; ни въ одной странѣ нѣтъ такого количества и такихъ размѣровъ консервировочныхъ фабрикъ, какъ въ С. Ш. На нашихъ глазахъ консервированное мясо идетъ до Санъ-Франциско цѣлыми поѣздами и отъ Санъ-Франциско—пароходами для питанія и русской и японской армій на дальнемъ азіатскомъ востокѣ; вмѣстѣ съ мясомъ идутъ туда же мука, рисъ, бобы, овесъ, сѣно. Во время англо-бурской войны англичане тоже цѣлыми пароходами везли изъ С. Ш. въ Трансвааль консервированное мясо, кавалерійскихъ лошадей и муловъ, овесъ и сѣно.

Обладая сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которая по своему протяженію превосходитъ всѣ остальныя желѣзныя дороги міра, вмѣстѣ взятыя, С. Ш. имѣютъ возможность перевозить по нимъ свои войска и припасы въ любой пунктъ своей территоріи съ такими быстротой и удобствомъ, какъ это могутъ дѣлать западно-европейскія государства на своихъ не большихъ пространствахъ.

С. Ш. съ трехъ сторонъ—востока, запада и юга — граничатъ съ океаномъ и потому въ вопросѣ о ихъ военно-способности флотъ занимаетъ первое мѣсто. Въ прошломъ году въ конгрессѣ шли оживленныя пренія по вопросу, ассигновать или нѣтъ крупную сумму на значительное увеличеніе американскаго военнаго флота, и когда конгрессъ былъ уже склоненъ рѣшить этотъ вопросъ отрицательно, президентъ Рузвельтъ утвердилъ эту ассигновку собственной властью. Послѣ этого закипѣла еще болѣе спѣшная, чѣмъ раньше, работа на американскихъ верфяхъ, и теперь одинъ за другимъ военные пароходы безшумно спускаются то въ одинъ, то въ другой океанъ, а американки высшаго свѣта „крестятъ" ихъ, разбивая бутылку шампанскаго о носъ новорожденнаго чудовища. Какъ идетъ это дѣло, можно лучше всего видѣть изъ слѣдующей хроники событій американской жизни въ занимающемъ насъ отношеніи за послѣдніе два съ небольшимъ мѣсяца.

Сентября 3 спущенъ на воду броненосецъ „Луизіана" изъ ньюпортъ-ньюсскихъ доковъ.

Октября 7 спущенъ на воду броненосецъ „Небраска“ изъ сіетлскихъ доковъ.

Октября 11 спущенъ на воду броненосецъ „Джорджіа“ изъ басскихъ доковъ.

Октября 24 произведена проба спущеннаго на воду броненоснаго крейсера „Колорадо“. „Колорадо“ развилъ среднюю быстроту хода 22,26 узла въ часъ и, въ общемъ, оказался самымъ быстроходнымъ изъ всѣхъ крейсеровъ американскаго флота.

Пекутся, точно блины!..

Какъ разъ въ то время, когда я пишу эту статью, въ американскихъ газетахъ появилась слѣдующая телеграмма: „Морской министръ Мортонъ намѣренъ просить федеральный конгрессъ, чтобы въ ближайшую же сессію былъ проведенъ законъ объ увеличеніи дѣйствительнаго состава чиновъ флота. Это необходимо въ виду того, что съ окончаніемъ строящихся въ настоящее время военныхъ судовъ общая численность морскихъ войскъ, требуемыхъ для укомплектованія, должна дойти до 2.087 офицеровъ и 62.368 нижнихъ чиновъ. Число это болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ теперешнее количество морскихъ войскъ“.

На обѣдѣ обществъ морскихъ архитекторовъ и инженеровъ, данномъ въ Нью-Іоркѣ въ ноябрѣ истекшаго года въ честь президента Рузвельта, мѣсто послѣдняго занималъ министръ Мортонъ. Отвѣчая на рѣчи хозяевъ праздника морской министръ сказалъ слѣдующее.

„Президентъ С. Ш. благопріятствуетъ идеѣ созданія такого флота, съ которымъ не рѣшилась бы тягаться ни одна нація.

Я — того убѣжденія, что нашъ флотъ долженъ быть second to none, „вторымъ послѣ несуществующаго“ (т. е. первымъ).

Вы можете быть увѣрены въ томъ, что въ настоящее время у насъ въ Бѣломъ Домѣ имѣется человѣкъ (т. е. президентъ), который убѣжденъ въ возможности созданія Соединенными Штатами перваго флота въ мірѣ...“

Здѣсь министръ сказался больнымъ, оставилъ обѣдъ и уѣхалъ въ Вашингтонъ. Очевидно, онъ не имѣлъ времени приготовить болѣе длинную и связную рѣчь. Впрочемъ, и тѣми немногими словами, которыя произнесъ Мортонъ, было сказано все, что нужно было знать кораблестроителямъ: крупной работы хватитъ имъ еще надолго.

Бюджетъ морского министерства С. Ш. исчисленъ на текущій годъ въ 114.530.638 долларовъ; если пожелаете перевесть эту сумму на рубли,—умножьте ее на два.

Нѣмецкія газеты возмущаются такимъ „поведеніемъ“ американскаго правительства и ядовито замѣчаютъ по этому поводу, что американцы примѣнили и въ этомъ случаѣ идею раздѣленія труда. Въ то время какъ президентъ Рузвельтъ, говорятъ они, вмѣстѣ съ министромъ Хеемъ собираютъ мирныя конференціи, министръ Мортонъ спускаетъ на воду одинъ за другимъ военные пароходы и требуетъ все новыхъ и новыхъ ассигновокъ.

Вездѣ — одно и то же, замѣчу скромно и я...

Когда въ Европѣ говорятъ о президентѣ Рузвельтѣ, сплошь и рядомъ къ его имени прибавляютъ эпитетъ „воинствующій“. Дома его характеризуютъ болѣе удачно, называя „дѣятельнымъ“ президентомъ. И дѣйствительно, настроеніе Рузвельта можно лишь постолько назвать воинственнымъ, посколько оно дѣятельно.

Рузвельтъ ясно видитъ, что настала эра „проведенія точныхъ границъ“; что эти границы будутъ вскорѣ проведены исключительно между крупными государствами; что мелкотѣ на новыхъ географическихъ картахъ будетъ не мѣсто и ее присоединятъ, не спрашивая, кого-сюда, кого-туда. Все это онъ видитъ и сообразно съ этимъ дѣйствуетъ.

Внѣшняя политика С. Ш., яркимъ выразителемъ которой является Рузвельтъ, весьма опредѣленна: во первыхъ, строжайшее соблюденіе формулы Монро „Америка—для американцевъ“, въ западномъ полушаріи и, во-вторыхъ, обезпеченіе за собой какъ можно болѣе „сферъ торговаго вліянія“, „открытыхъ дверей“, въ которыя можно было бы безпрепятственно валить американскіе продукты, въ восточномъ полушаріи. Выполнить эту программу успѣшно, какъ говорится, съ пустыми руками невозможно.

Въ формулѣ Монро подъ словомъ американцы граждане С. Ш. разумѣютъ исключительно себя и твердо увѣрены въ томъ, что для нихъ-то и уготована вся Америка; не даромъ, въ прошломъ году министръ Хей приказалъ своимъ консуламъ отнынѣ именоваться не консулами Соединенныхъ Штатовъ, но американскими консулами...

Можетъ возникнуть естественный вопросъ: почему же, въ такомъ случаѣ, С. Ш. до сихъ поръ не присоединили къ своимъ владѣніямъ еще ни одной изъ южно-американскихъ республикъ, вѣдь у этихъ послѣднихъ нѣтъ ни сухопутнаго войска, ни флота, ни денегъ?

Присоединять эти республики къ себѣ цѣликомъ С. Ш. нѣтъ никакой выгоды, потому что такое присоединеніе себѣ дороже будетъ стоить. Тогда, вѣдь, придется завести въ нихъ и школы, и дороги, и гавани, и телеграфы, и телефоны, и все, что есть у себя, а это на теперешніе доходы съ этихъ республикъ сдѣлать нельзя, и, слѣдовательно, отъ присоединенія получится прямой убытокъ. Но такъ какъ граждане С. Ш. мечтаютъ не объ убыткахъ, а о барышахъ, то они и присоединеніе понимаютъ по своему, по торговому. Лучшими образчиками такого пониманія служатъ исторіи отношеній С. Ш. къ острову Кубѣ и къ республикѣ Колумбіи.

Вы помните, конечно, что С. Ш. „освободили Кубу отъ ига Испаніи“, подержали ее немного въ своихъ объятіяхъ и „какъ только убѣдились въ томъ, что населеніе ея можетъ управляться самостоятельно“, дали ей свободу и возможность существовать въ видѣ отдѣльной республики, лишь подъ протекторатомъ „старшей сестры“.

Меньшая сестра была подъ властью старшей не долго, всего нѣсколько мѣсяцевъ. За это время американскій сахарный трестъ (американцы выговариваютъ — трастъ) успѣлъ пріобрѣсть тѣмъ или инымъ образомъ всѣ лучшія для разведенія сахарнаго тростника земли на островѣ, другіе тресты и компаніи получили концессіи и подряды на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, устройство трамваевъ, освѣщенія, водоснабженіе городовъ и т. п.

Такимъ образомъ, американцы дали возможность Кубѣ дѣлать, что ей угодно, а за собой оставили только право сосать ее основательно, дѣлать ей займы и получать, конечно, проценты, такъ какъ по договору Куба не можетъ ни дѣлать внѣшнихъ займовъ, ни заключать трактатовъ съ другими государствами безъ согласія С. Ш.

Подобнымъ же образомъ поступили и съ другой своей меньшей сестрой, съ республикой Колумбіей. Старшая сестра, желая провесть каналъ черезъ перешеекъ, принадлежащій меньшей, предложила ей за полоску земли въ 40 миль длиной и 10 миль шириной, собственно говоря, недурную плату — 10 милл. долларовъ, по 200 р. за десятину болотъ и горъ, покрытыхъ плохенькимъ лѣсомъ и къ тому же, изрытыхъ неумѣлой работой лессепсовской компаніи. Согласиться бы колумбійскимъ политикамъ на это предложеніе, получить бы американскимъ полновѣснымъ золотомъ эту кругленькую сумму, сдѣлать изъ каждаго американскаго доллара по два съ половиной колумбійскихъ, разложить денежки по карманамъ, какъ это во-

дится у всѣхъ южно-американскихъ сестеръ, и зажить въ свое удовольствіе... Но колумбійскіе дѣльцы соблазнились возможностью сразу заработать въ два съ половиной раза больше на запросѣ и столько же на курсѣ и потребовали 25 милл. долларовъ.

Рузвельтъ съ Хеемъ улыбнулись такому дѣтскому требованію меньшей сестры, сказали—это слишкомъ и замолчали.

На завтра та часть Колумбіи, гдѣ находится перешеекъ, „сама собой" отдѣлилась отъ нея, образовала новую республику — Панаму, согласилась на предложеніе С. Ш. и получила отъ послѣднихъ 10 м. д. Колумбія вздумала было протестовать и послала противъ Панамы 600 человѣкъ войска, но С. Ш. поставили противъ купленной ими полоски броненосецъ въ Тихомъ океанѣ, броненосецъ и крейсеръ—въ Атлантическомъ, высадили дессантъ въ 300 человѣкъ, расположивъ ихъ у прохода, черезъ который только и могли пройти колумбійцы, и все сразу успокоилось и затихло. Теперь, я думаю, Панама и сама не рада, что согласилась на американскія предложенія... Въ самомъ дѣлѣ, недавно она хотѣла устроить у себя революцію, но С. Ш. ей этого не позволили. То ли дѣло было раньше, когда Панама составляла часть Колумбіи: за 24 года 30 революцій!

Читатели видятъ, что и съ Кубой, и съ Колумбіей С. Ш. поступлено по какой-то статьѣ какого-то неписаннаго закона. Я полагаю, что по этому же закону будетъ поступлено и съ остальными младшими сестрами, когда придетъ ихъ чередъ. Желѣзныя дороги и копи, кофейныя, каучуковыя, какаовыя и сахарныя плантаціи, обширныя скотоводныя фермы и другія, какъ выражаются американцы, „необходимости" они забираютъ въ свои руки, а гражданамъ и правительствамъ цивилизуемыхъ ими республикъ предоставляютъ возможность работать у нихъ, покупать ихъ мануфактуры и охранять ихъ интересы.

Если эти интересы охраняются недостаточно, С. Ш. дѣлаютъ сердитое лицо и посылаютъ, куда нужно, броненосецъ или пару крейсеровъ, какъ это, напримѣръ, было въ вопросѣ объ эксплоатаціи асфальтовыхъ озеръ американскими компаніями въ Венецуэлѣ, и дѣло, обыкновенно, быстро налаживается.

Американцевъ, какъ и англичанъ, часто называютъ народомъ-купцомъ. Это—совершенно вѣрно. Можно прибавить, что—это купецъ разсчетливый а потому и успѣшный. Онъ охотно покупаетъ „на грошъ пятаковъ", но на пятаки гроша покупать не станетъ, какъ бы этотъ грошъ ни блестѣлъ ярко. Американецъ не прочь купить военной славы, если она можетъ быть куплена задешево, но тратить на нее милліоновъ и билліоновъ онъ не станетъ. Зато, на пріобрѣтеніе рынковъ и земель подъ свои плантаціи онъ не жалѣетъ ни денегъ, ни человѣческихъ жизней. Всѣмъ извѣстно, что Филиппинскіе острова куплены С. Ш. у Испаніи за 20 милл. долл., но не всѣмъ, можетъ быть извѣстно, что на „присоединеніе этихъ острововъ ушло еще болѣе 200 милл. долл. и за пять лѣтъ войны погибло болѣе 4 тыс. американцевъ и болѣе 50 тыс. филиппинцевъ.

Но это еще—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, на что должны быть готовы американцы, чтобы успѣшно отстаивать свои торговые интересы на міровомъ рынкѣ въ недалекомъ будущемъ. Какъ ни напрягаютъ они своихъ силъ, чтобы „толкать" свою торговлю, напримѣръ, въ той же Южной Америкѣ, имъ пока далеко еще до того, чтобы не только превзойти, но, хотя бы, сравняться въ этомъ отношеніи съ болѣе старыми странами—Англіей и Германіей. Въ нѣкоторыхъ изъ южно - американскихъ республикъ нѣмецкая торговля въ десять и въ двадцать разъ превосходитъ американскую. То же и

на азіатскомъ востокѣ. Здѣсь Англія, Германія, Франція, С. Ш., Россія и Японія оспариваютъ другъ у друга привиллегію стоять впереди другихъ, и къ чему это ведетъ — мы видимъ хорошо въ настоящую минуту. Видятъ это, конечно, и американцы. Въ одномъ случаѣ имъ удалось, съ просвѣщенной помощью англичанъ, натравить одну націю на другую и получить въ результатѣ выгодное для себя ослабленіе обѣихъ. Но въ другой разъ подобная игра можетъ имъ и не удасться и придется прокладывать путь своей торговлѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Куда бы ни заглянулъ торговый глазъ молодого американца, всюду онъ видитъ стараго англичанина или такого же стараго нѣмца, которые насидѣли свои мѣста, говорятъ на языкѣ тѣхъ націй, съ которыми ведутъ свои дѣла, и медленно, но вѣрно, захватываютъ пядь за пядью все новыя и новыя территоріи,

Американецъ всегда и вездѣ спѣшитъ, ему некогда учиться иностраннымъ языкамъ да, по его мнѣнію, и незачѣмъ, когда онъ владѣетъ такимъ прекраснымъ языкомъ, какъ англійскій. Онъ твердо убѣжденъ, въ томъ, что всѣ эти, полудикія, по его мнѣнію рассы непремѣнно должны покупать произведенія его фабрикъ, выдѣланныя съ помощью такихъ совершенныхъ машинъ и съ примѣненіемъ такихъ остроумныхъ методовъ. И когда какіе - то тамъ китайцы, корейцы, мексиканцы, перуанцы и прочая „цвѣтная" братія ни понимаютъ шипящихъ и свистящихъ звуковъ его рѣчи, ни берутъ нарасхватъ его товаровъ, часто предпочитая имъ болѣе приспособленные къ своимъ вкусамъ англійскія и нѣмецкія издѣлія, нервный американецъ начинаетъ раздражаться. Онъ усвоилъ себѣ такую форму цивилизаціи, которая непрерывно толкаетъ его идти впередъ все быстрѣе и быстрѣе. Свое производство онъ основалъ на такихъ методахъ, которые заставляютъ его работать день и ночь, въ три смѣны, работать лихорадочно, выпуская на рынокъ одинъ милліонъ тоннъ за другимъ и сырыхъ, и переработанныхъ продуктовъ. Пройдетъ еще немного времени, міръ станетъ тѣсенъ для американца, и онъ попробуетъ раздвигать этотъ міръ локтями... Какъ здѣсь обойтись безъ тѣхъ аттрибутовъ, съ помощью которыхъ такъ успѣшно поддерживаются всѣ эти ноты, заявленія, предупрежденія, представленія и пріобрѣтаются сферы вліянія, политическія и торговыя?

„Большому кораблю большое и плаваніе", но какіе бы огромные флотъ и войско, по своей системѣ, какія бы колоссальныя укрѣпленія ни задумали американцы, осуществленіе всѣхъ этихъ предпріятій въ ихъ власти болѣе, чѣмъ во власти какой бы то ни было другой націи, и этимъ американцы чрезвычайно сильны.

Сильны они также своею изобрѣтательностью и умѣньемъ держать свои военныя изобрѣтенія въ строгомъ секретѣ. Вы, можетъ быть, помните, какой эффектъ произвели въ испанско - американскую войну загадочные снаряды, которые ночью безъ шума и огня вылетали неизвѣстно откуда, падали на палубы испанскихъ судовъ и разбивали ихъ. Оказалось потомъ, что одинъ изъ американскихъ военныхъ пароходовъ былъ вооруженъ двумя пушками, дѣйствовавшими сжатымъ воздухомъ. Когда это новинка сдѣлалась всѣмъ извѣстной, американцы заявили во всеуслышаніе, что эти пневматическія пушки, въ сущности, никуда не годятся. И дѣйствительно, американцы вывели ихъ изъ употребленія въ своемъ флотѣ, но я увѣренъ въ томъ, что у нихъ имѣется какая-нибудь новинка поинтереснѣе, о которой никто изъ постороннихъ не знаетъ и не узнаетъ до тѣхъ поръ, пока ей не придется играть какую-нибудь роль вродѣ пневматическихъ пушекъ.

Сильны также американцы и ду-

хомъ своего войска, хотя духъ этотъ совсѣмъ особаго рода. Это не тотъ патріотизмъ, когда люди готовы умереть за идею отечества, и не тотъ, который начальство приказываетъ, но, если можно такъ выразиться, патріотизмъ служебно-дѣловой, только для воинскаго приличія прикрываемый флагомъ съ полосами и звѣздами.

Американецъ, прежде всего, нанимается въ солдаты, точно такъ же, какъ нанимается въ рабочіе на ферму, на фабрику. Здѣсь ему платятъ содержаніемъ за то, что онъ пашетъ землю, дѣлаетъ ситцы, машины, тамъ—за то, что онъ изучаетъ ружейные пріемы, маршировку, и, при случаѣ, дерется. Всюду требуется извѣстная работа, и американецъ привыкъ всякую работу, за которую онъ берется, выполнять добросовѣстно. Затѣмъ, американецъ, воюя и думая, что посредствомъ этой войны защищаетъ свою страну, защищаетъ въ ней свое, сравнительное благополучіе, свой комфортъ, свою надежду сдѣлаться въ недалекомъ будущемъ богатымъ человѣкомъ, милліонеромъ. Наконецъ, къ этимъ соображеніямъ примѣшивается, въ извѣстной степени, и сознаніе того, что онъ здѣсь защищаетъ свои права, гарантированныя ему свободными учрежденіями, которыя значительно будутъ сокращены, если С. Ш. овладѣетъ иная страна. Вообще, ему есть что защищать, ему выгодно оставаться тѣмъ, что онъ есть, и онъ энергично отстаиваетъ свое положеніе, тѣмъ болѣе, что ему за это еще и платятъ.

Въ проявленіи энергіи американскому солдату благопріятствуютъ хорошее питаніе, здоровое помѣщеніе, свободная, удобная одежда, то обстоятельство, что онъ не несетъ на себѣ лишнихъ тяжестей, которыя везетъ обозъ („я—не вьючное животное“—говоритъ по этому поводу американскій солдатъ), та свобода въ движеніяхъ, которую европейскіе военные формалисты принимаютъ за недостатокъ выправки, и то отсутствіе страха передъ начальствомъ, которое тѣ же формалисты принимаютъ за недостатокъ дисциплины.

Европейскіе офицеры, занимающіеся выучкою солдатъ, по принятому во всѣхъ арміяхъ Стараго Свѣта системѣ, даже и не подозрѣваютъ, сколько уходитъ и нервной, и мускульной силы на то, чтобы солдатъ изъ своего живого тѣла выработалъ деревянный чурбанъ, въ которомъ только извѣстныя сочлененія должны дѣйствовать, въ то время какъ всѣ остальныя должны находиться въ полной неподвижности. Поэтому европейскіе солдаты не только въ строю, но и на улицѣ, и даже выйдя въ отставку, еще долго въ домашней и въ общественной жизни, производятъ впечатлѣніе механическихъ куколъ.

Американскій солдатъ, въ строю ли или внѣ строя, остается живымъ человѣкомъ, у котораго движенія естественны а, слѣдовательно, легки, свободны, изящны и быстры.

Распространенное въ Россіи мнѣніе, будто американскіе кавалеристы не умѣютъ ѣздить верхомъ, совершенно ошибочно. Можно сказать даже больше — американская кавалерійская учебная ѣзда стоитъ на границѣ цирковаго наѣздничества. Если вы станете внимательно всматриваться въ американскій кавалерійскій отрядъ значительной численности, то, если вы понимаете толкъ въ лошадяхъ, вы сейчасъ же увидите, что всѣ лошади здѣсь, безъ исключенія, превосходны, однотипны и, несомнѣнно, выращиваются для этой спеціальной цѣли — служить кавалерійскими лошадьми. Вы увидите, далѣе, что всадники—хозяева своего положенія въ сѣдлѣ и, опять таки,—живые люди, съ изящной посадкой и свободными движеніями.

Изъ того немногаго, что я здѣсь сказалъ о С. Ш., русскій читатель можетъ, надѣюсь, сдѣлать заключеніе, что страна эта въ военномъ от-

ношеніи далеко не безпомощна. Въ моемъ представленіи американская нація является въ видѣ ежа или дикобраза, которые мирно хлопочуть о добычѣ себѣ корма, но, въ то же время, отращиваютъ одна за другой свои острыя иглы. Эти звѣрьки на васъ не нападаютъ, но если вы вздумаете потревожить ихъ, они дѣлаютъ легкое движеніе кожей—и предъ вами сплошные штыки.

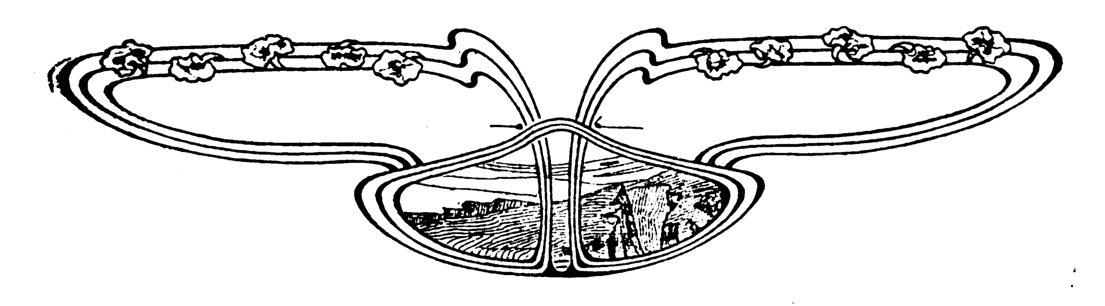
Въ заключеніе, считаю необходимымъ оговориться. Я весьма далекъ отъ восхищенія военной организаціей американцевъ, какъ и вообще какой бы то ни было изъ военныхъ организацій. Я не рекомендую ихъ военной системы кому бы то ни было, хотя и не могу не замѣтить, что, сравнительно, небольшое регулярное войско и большая милиція лучше, выгоднѣе для страны, чѣмъ большое постоянное войско.

Въ то же время, не трудно увидѣть и въ теоріи, и на опытѣ С. Ш., что тѣ сотни тысячъ людей, которые составляютъ здѣсь войско въ видѣ милиціи, вырабатываютъ такую сумму цѣнностей, что является возможность и содержать платную армію, состоящую изъ людей, которые добровольно берутъ на себя обязанности солдатъ, и позволяютъ странѣ строить и крѣпости, и массу военныхъ пароходовъ, и лить тысячи пушекъ и дѣлать все это, не прибѣгая къ дорогимъ займамъ, по которымъ въ европейскихъ государствахъ и платить-то некому, такъ какъ масса людей, которые могли бы быть плательщиками, праздно стоятъ подъ ружьемъ.

Повторяю, я не одобряю и не рекомендую, я только констатирую и указываю.

Ѳ. Крыштофовичъ.

Iaomosa, California.

Во мракѣ.

(изъ восточныхъ мотивовъ).

Рабъ стремился въ храмъ увидѣть Будду
И святую истину познать.
Недоступенъ храмъ простому люду,
Но пробрался рабъ, какъ тать...

Онъ блуждаетъ въ темныхъ корридорахъ...
Гдѣ же Будда? Къ правдѣ гдѣ пути?
Путеводный свѣтъ въ исканьи былъ бы дорогъ.
— Жрецъ!—вскричалъ онъ,—посвѣти!

Жрецъ явился, внявъ раба призыву.
И гнилушку далъ. Чуть-чуть мерцала та.
— Вотъ твой свѣтъ!..—Попрежнему тоскливо
Все объемлетъ темнота.

— Дай мнѣ факелъ пламенно-горящій.
Я хочу въ ликъ Будды заглянуть...
Съ нимъ лишь къ истинѣ животворящей
Я найду желанный путь!..—

Засмѣялся жрецъ:—Творецъ вселенной
Только этотъ свѣтъ вамъ присудилъ...
Невозможнаго не требуй, рабъ презрѣнный,
Не гнѣви небесныхъ силъ...

— Развѣ можно тигру дать свободу?
Развѣ можно дать ребенку мечъ?..
Дать огонь рабу?! Да ты пагоду
Вмѣстѣ съ Буддой можешь сжечь!..—

И. Мордвиновъ.

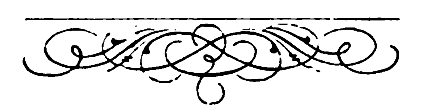
* * *

Сколько думъ печальныхъ
Занесли ко мнѣ вы.
Чьихъ-то пѣсенъ дальныхъ
Робкіе напѣвы...

Юность миновала.
Радость не вернется.
Жизнь мечты умчала.
Сердце тише бьется.

Міръ, какъ прежде, тѣсенъ,
Но борцы устали,
Но рыданья пѣсенъ
Ужъ не манятъ къ дали...

И. Мордвиновъ.

Жизнь и искусство.

М. Далькевича.

I.

Характеръ переживаемой нами эпохи. — Внѣшніе признаки процвѣтанія искусства.—Измѣненія въ его жизни, въ формахъ ея проявленія и въ отношеніи къ нему общества. — Симптомы этихъ измѣненій въ литературѣ, театрѣ, музыкѣ и живописи.—Возникающіе на этой почвѣ вопросы.—Перерожденіе или агонія?

Жизнь становится все сложнѣе и сложнѣе, борьба за существованіе—ожесточеннѣе. Самое понятіе о существованіи и жизни, какъ и предъявляемыя къ ней требованія, въ послѣднее столѣтіе усиленнаго роста культуры и цивилизаціи безконечно изощрились и усложнились систематическимъ наслоеніемъ цѣлаго ряда условностей, ставшихъ мало-по-малу такой же потребностью, какъ и первоначальная потребность животнаго существованія. Изъ-за этихъ усложнившихся потребностей идетъ борьба не только между единицами, обществами, сословіями, націями, но и между расами. Самая предпріимчивая изъ культурныхъ расъ—Англосаксонская—въ теченіе одного столѣтія безслѣдно истребила аборигеновъ Австраліи и почти покончила съ расой краснокожихъ. За Англосаксами послѣдовали другіе, и африканскій материкъ сталъ достояніемъ Европы, а его чернокожіе обитатели на вѣрномъ и неизбѣжномъ пути или къ такому же истребленію, или полному подчиненію. Потребности же растутъ, проникаютъ въ жизнь все глубже и шире, и стихійная сила толкаетъ человѣчество къ новой борьбѣ. Осталась еще одна самостоятельная желтая раса; но у нея своя старая культура и цивилизація; здѣсь предстоитъ борьба долгая, трудная. Сосѣдніе, непосредственно соприкасающіеся народы обѣихъ расъ уже начали эту борьбу, остальные выжидаютъ своей роли и минуты, когда она начнется для нихъ, закованные въ броню, съ отточеннымъ оружіемъ и напряженными силами. Это оружіе оттачивалось и силы собирались для борьбы другъ

съ другомъ, и теперь они такъ же готовы броситься при случаѣ другъ на друга, какъ и на общаго врага. Въ теченіе послѣдняго полувѣка геній всей культурной половины человѣчества главнымъ образомъ расходовался на накопленіе и умноженіе силы, на усовершенствованіе орудій истребленія, на собираніе матеріальныхъ средствъ для подготовки самой ожесточенной и животной борьбы между народами за преобладаніе, прежде всего за животное существованіе этихъ народовъ.

При такихъ условіяхъ и духовныя силы человѣчества должны были устремиться къ достиженію тѣхъ же задачъ, и это не могло не отразиться на искусствѣ. Въ такіе моменты усиленнаго напряженія всѣхъ силъ на самое существенное, на самую жизнь, на защиту ея отъ другихъ, на подчиненіе другихъ для ея поддержанія,—человѣчеству, какъ и отдѣльному человѣку, не до красоты, не до эстетическихъ наслажденій и жизнь искусства слабѣетъ, падаетъ и глохнетъ.

Между тѣмъ въ наше время она, повидимому, проявляется съ особенной интенсивностью, стремясь если не въ высь, то все шире и глубже, вмѣстѣ съ культурой и цивилизаціей захватывая все большіе районы, проникая все въ болѣе глубокіе слои общества.

И это характерно какъ для всей Европы, такъ и для Россіи, гдѣ ярко бросаются въ глаза всѣ внѣшніе признаки того же явленія.

Сто лѣтъ назадъ „художниковъ слова“ у насъ можно было сосчитать по пальцамъ, въ настоящій моментъ ихъ легіоны, и нѣтъ такого уѣзднаго города на всемъ пространствѣ Россіи, гдѣ бы не было своего поэта и беллетриста; нѣтъ такого медвѣжьяго уголка, гдѣ бы не существовало потребности въ художественной литературѣ. Милліоны печатныхъ листовъ ежедневно выходятъ изъ типографій и прочитываются всѣми, кому только доступна грамота.

Правда, для удовлетворенія этой потребности нѣтъ болѣе такихъ колоссовъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Толстой, Достоевскій, у которыхъ какъ и заурядный читатель, такъ и самый требовательный и изысканный, находили источникъ наслажденія сообразно своимъ запросамъ. Въ настоящее время сила и художественный уровень такихъ, одинаково доступныхъ всѣмъ писателей, понизились; широкій розливъ изящной литературы въ ширь, вслѣдствіе самой его интенсивности и раздробленія силы значительно ослабѣлъ въ центрѣ теченія, но достигъ особенной стремительности въ своихъ противоположныхъ крайнихъ направленіяхъ. Огромное большинство литераторовъ пошло внизъ, не только къ народу въ специфическомъ значеніи этого слова, но и въ толпу, угождая ей и примаравливаясь къ ея вкусамъ. Меньшинство, единицы направились въ обратную сторону, и стремясь впередъ къ поискамъ новыхъ путей и формъ, ударились въ другую крайность и дошли до тѣхъ предѣловъ, когда такіе поиски для большинства становятся непонятными и служатъ предметомъ глумленія.

Но какъ среднее теченіе, такъ и крайнія его направленія, являются лишь слѣдствіемъ соотвѣтствующихъ запросовъ въ области духовной жизни самого общества и разнообразныхъ ея проявленій. Эти запросы, одинаково сильные и властные, дѣлятъ общество на группы слишкомъ различныя по существу и въ количественномъ отношеніи, но одинаково ищущія удовлетворенія, и если издательскія фирмы съ Никольскаго рынка, поставляющія лубочную литературу и художество для улицы, дѣлаютъ огромные обороты, то и фирма „Скорпіонъ“, созданная крайней партіей, именуемой на общественномъ жаргонѣ „декадентами“, имѣетъ свой органъ „Вѣсы“, имѣетъ свою аудиторію и своихъ поклонниковъ.

Силы народнаго генія, скрытыя и дремавшія у насъ столѣтіями подъ гнетомъ уснувшей общественной жизни, ожили при первомъ ея пробужденіи, заволновались, какъ море, и волны эти росли, крѣпли и во второй половинѣ XIX в. дали тотъ могучій „девятый валъ“, который въ наше время опалъ, разсыпался на мелкія брызги, струи и потоки, но широко разлился по сторонамъ и захватилъ огромныя пространства.

Такое же распространеніе въ ширь происходитъ и въ жизни сценическаго искусства и музыки. Сто лѣтъ назадъ у насъ существовало лишь ничтожное количество театровъ. Актеры набирались изъ крѣпостныхъ, держались въ черномъ тѣлѣ, занятіе ихъ считалось чуть ли не позорнымъ. Теперь театръ (а иногда и нѣсколько) имѣется въ каждомъ губернскомъ городѣ, и вездѣ, гдѣ почему-либо скучивается населеніе, въ столицахъ же они считаются десятками. Сценическіе дѣятели размножаются съ невѣроятной быстротой и пополняются самыми разнообразными элементами, людьми съ высшимъ образованіемъ, часто изъ высшихъ слоевъ общества. Общій умственный уровень актерской среды значительно повысился, какъ и актерскіе оклады. Во всѣхъ большихъ городахъ открываются театральныя школы, въ которыхъ ежегодно обучаются сотни молодежи; образуются кружки любителей вездѣ до крестьянскихъ обществъ, солдатскихъ казармъ и тюремъ включительно. И все это находитъ своихъ зрителей и поклонниковъ, существуетъ на средства общества, приносимыя добровольно, отвѣчая насущной потребности, удовлетворяя ее и возбуждая общій интересъ. Нѣтъ газеты, которая не помѣщала бы ежедневно свѣдѣній о театрѣ, критическихъ статей, написанныхъ очень часто людьми знающими дѣло, наконецъ существуетъ нѣсколько органовъ, посвященныхъ исключительно театру. Это ли еще не полный расцвѣтъ искусства?

А между тѣмъ послушайте немногихъ старыхъ корифеевъ нашей сцены, что они скажутъ о своихъ предшественникахъ, которыхъ они видѣли еще въ дни своей молодости? Прочтите объ этихъ предшественникахъ отзывы ихъ современниковъ, посмотрите, кѣмъ и какъ писались эти отзывы, какъ интересовалось, восторгалось и жило этими предшественниками все общество, сравните это съ настоящимъ, и вы неизбѣжно убѣдитесь, что и сценическое искусство въ переживаемое нами время является той же первой волной, которая образовалась послѣ только что обрушившагося „девятаго вала“, и здѣсь происходитъ совершенно такое же явленіе, какъ и въ области художественной литературы.

Не смотря на обиліе крупныхъ талантовъ среди современныхъ артистовъ,—это уже не тѣ колоссы, какими были ихъ предшественники. И здѣсь сосредоточенное центральное теченіе ослабѣло, разсыпавшись въ ширину, по сторонамъ; и здѣсь эти крайнія стороны стремятся въ противоположномъ направленіи.

Въ столицахъ существуютъ уже сцены, считающіяся съ наиболѣе изысканными требованіями наиболѣе культурной, хотя и малочисленной части общества. Въ ихъ репертуарѣ доминируютъ такіе крайніе и утонченные искатели новыхъ формъ и путей, какъ Метерлинкъ, Ибсенъ и другіе, возбуждающіе глумленіе большинства, но эти театры имѣютъ свою публику и процвѣтаютъ.

А рядомъ съ ними въ тѣхъ же столицахъ процвѣтаетъ и грубый фарсъ, и циничная, вульгарная оперетка, и десятки клубныхъ сценъ съ хаотическимъ репертуаромъ и невѣроятными исполнителями. Существуютъ артистическіе „tournées“ по провинціи, составляющіяся изъ актерскаго сброда. Они мчатся изъ города въ

городъ, везутъ одну, другую кое-какъ срепетованную пьесу, даютъ ее въ промежутокъ между двумя поѣздами, все комкая и коверкая какъ случится, лишь бы не опоздать на вокзалъ. Существуютъ, наконецъ, сотни провинціальныхъ сценъ, гдѣ спектакли даются ежедневно, при томъ по двѣ, по три совершенно новыя пьесы на одной недѣлѣ, гдѣ артисты не успѣваютъ не только выучить, но даже и прочесть свои роли и все играютъ „по суфлеру", часто не зная при выходѣ на сцену, чѣмъ кончится пьеса или даже ихъ роль. Это ли не лубочное искусство, передъ которымъ и московская лубочная литература покажется художественной? Но и эти театры находятъ свою публику и удовлетворяютъ огромное большинство.

* * *

Тоже и въ музыкѣ. Потребность музыкальныхъ эмоцій, музыкальнаго творчества особенно присуща человѣку, почти въ такой же степени, какъ потребность движенія и рѣчи. Вотъ почему въ области музыки почти съ первыхъ же дней историческаго существованія народа мы встрѣчаемся съ готовымъ, сложившимся въ опредѣленныя формы народнымъ искусствомъ, со всѣми присущими ему особенностями, мотивами и инструментами. Это искусство преемственно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, проникая изъ народныхъ массъ въ высшія слои общества. Но здѣсь, въ дальнѣйшей эволюціи, оно подвергается заграничному вліянію, отражающемуся не столько на самомъ искусствѣ и его формахъ, какъ на формахъ его проявленія. Появляются новые общеевропейскіе инструменты, оперныя представленія, концерты отдѣльныхъ виртуозовъ, композиторы, музыкальная литература. И лишь одно это искусство не только распространяется въ ширину, но и не ослабѣваетъ. Оперные театры, существуютъ почти во всѣхъ большихъ городахъ и переполнены; симфоническія собранія, концерты идутъ безпрерывно одинъ за другимъ; выдающіеся виртуозы получаютъ сказочныя содержанія и доходы и пользуются божескимъ поклоненіемъ. Музыкальныя школы, оффиціальныя и частныя, существуютъ въ безконечномъ количествѣ съ легіонами учащихся. Музыкѣ, наряду съ театрами, посвящаются ежедневно цѣлые столбцы газетныхъ рецензій и критическихъ статей; она имѣетъ свои спеціальные органы печати. Всюду образуются хоры, оркестры, музыкальныя общества; нѣтъ такого дома, гдѣ бы не было играющаго или поющаго члена семьи, гдѣ бы не было музыкальнаго инструмента. Теперь музыка распространяется уже сверху внизъ, проникая въ иныхъ формахъ въ народныя массы и, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, убиваетъ и измѣняетъ самую сущность, самый духовный обликъ народнаго искусства.

Въ теченіе все того же послѣдняго столѣтія, когда музыка такъ властно воцарилась и стала насущной потребностью всего культурнаго общества, народные слои его недоѣдали, ослабѣли, надрываясь въ каторжномъ, безпросвѣтномъ трудѣ, не оставлявшемъ времени не только для дальнѣйшаго культивированія уже созданнаго искусства, но и для поддержанія его на томъ уровнѣ, до котораго оно дошло раньше. Гибло и притуплялось въ народныхъ массахъ музыкальное творчество, но тѣмъ сильнѣе и острѣе выступала органическая потребность музыкальныхъ эмоцій. Но не было возможности удовлетворять этого голода настоящимъ искусствомъ, и массы постепенно привыкли удовольствоваться его суррогатомъ, какъ физическій голодъ привыкли утолять мякиннымъ и „пьянымъ" хлѣбомъ. И въ то время, когда мы наслаждались слушая Тамберлика, Мазини, Патти, Рубинштейна, Саразатэ,

и десятки другихъ, народныя пѣсни, мотивы и мелодіи, создававшіеся вѣками, исчезали все быстрѣе и быстрѣе; на ихъ мѣсто воцарялась пошлая фабричная „частушка" и исковерканные цыганскіе романсы. Исчезли безслѣдно народные инструменты: украинская кобза, великорусскій рожокъ, даже балалайка, и замѣнились болѣе доступной нѣмецкой гармоникой и трактирной „машиной". Въ среднихъ слояхъ общества фортепьяно, вытѣснившее арфу и гитару, вытѣсняется теперь, въ свою очередь, граммофономъ. И въ музыкѣ происходитъ то же, что и въ жизни всего искусства: съ одной стороны Вагнеръ и Рихардъ Штраусъ, доступные лишь небольшому, относительно, количеству музыкально-культурныхъ и образованныхъ цѣнителей, съ другой, — такой же музыкальный лубокъ, какъ и въ области другихъ видовъ искусства, безконечно распространенный въ массахъ и вполнѣ ихъ удовлетворяющій.

* * *

Наконецъ подобное же явленіе наблюдается и въ живописи.

Иностранные художники, выписанные изъ за границы, да нѣсколько русскихъ юношей, посланныхъ туда Петромъ I и вернувшихся потомъ на родину, а также основанная преемниками Петра Академія художествъ, да нѣсколько десятковъ выпущенныхъ оттуда въ теченіе почти цѣлаго вѣка мастеровъ, — все это являлось слѣдствіемъ простого подражанія западу, модой, искусственно привитой къ русскому укладу жизни, роскошью Двора, прихотью знати да нѣсколькихъ помѣщиковъ, считавшихъ долгомъ въ числѣ своихъ крѣпостныхъ имѣть и собственныхъ живописцевъ. Почти до середины прошлаго столѣтія живопись, если не считать иконографіи, была совершенно чужда всему русскому обществу, не говоря уже о народныхъ массахъ.

Но затѣмъ, въ теченіе всего лишь пятидесяти лѣтъ (съ появленія „Помпеи" Брюллова въ 1834 г. до конца 80-хъ годовъ) живопись становится, повидимому, потребностью, проникающей мало по малу въ самую глубь жизни. Кромѣ выставокъ, устраивавшихся время отъ времени въ Академіи, возникаетъ въ 1871-мъ году „Общество Передвижниковъ", ежегодно посѣщающее съ своими картинами главнѣйшіе провинціальные города и постепенно возбуждающее интересъ къ живописи по всей Россіи. Въ этотъ же періодъ появляется рядъ крупныхъ дарованій, создающихъ самостоятельную школу, не уступающую по своей самобытности и общему уровню болѣе старымъ Европейскимъ. Число картинъ на выставкахъ увеличивается, ежегодная продажа достигаетъ сотни тысячъ. Художники пользуются уваженіемъ и поклоненіемъ: ежегодные доходы многихъ изъ нихъ считаются десятками тысячъ. Выставки посѣщаются массами разнообразной публики; о нихъ оживленно дебатируютъ, пишутъ въ газетахъ и журналахъ, полемизируютъ; появляются серьезныя критическія статьи, книги и журналы, спеціально посвященные живописи. Третьяковъ отдаетъ всего себя и огромное состояніе на составленіе почти единственной по полнотѣ и цѣльности галлереи, гдѣ собрано все, что было лучшаго въ русской живописи; появляются другіе коллекціонеры и любители, картина проникаетъ всюду, гдѣ средства позволяютъ это. Въ обществѣ и печати интересуются даже обученіемъ художниковъ; критикуется и, наконецъ, низвергается старый академическій режимъ и смѣняется новымъ. Академія, нѣсколько существовавшихъ уже рисовальныхъ школъ въ столицахъ и нѣсколько вновь открывшихся въ провинціи — переполняются учениками, стремящимися къ лаврамъ художника... Русская живопись достигаетъ апогея своего расцвѣта. То, что было при-

хотью, модой,—проникло въ глубь, пустило корни въ народной почвѣ и поднялось самобытнымъ искусствомъ.

Но корифеи русской живописи, создавшіе этотъ расцвѣтъ, частью сошли въ могилу, частью состарились. На смѣну является новое поколѣніе современныхъ художниковъ, несравненно болѣе многочисленныхъ. Среди нихъ выростаетъ рядъ такихъ же крупныхъ дарованій, но они не играютъ такой видной роли, не такъ ярко выдѣляются на общемъ фонѣ, не подчиняютъ себѣ, не овладѣваютъ симпатіями *всего* общества, интересующагося живописью. Это поколѣніе разбивается на отдѣльныя враждебныя группы, изъ которыхъ крайнія тоже устремляются въ противуположныя стороны.

Интересъ къ живописи будто бы возростаетъ, потребность въ ней ширится и растетъ, но и здѣсь происходитъ тоже, что и въ литературѣ, театрѣ и музыкѣ, хотя здѣсь подобное явленіе сопровождается иными признаками и симптомами.

За послѣднія 10 лѣтъ въ Петербургѣ, кромѣ Академіи и двухъ крупныхъ школъ живописи и рисованія, выростаетъ около 20-ти частныхъ. Тоже происходитъ въ Москвѣ, Кромѣ того Академія открываетъ или субсидируетъ цѣлый рядъ провинціальныхъ школъ: въ Пензѣ, Казани, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Варшавѣ и др.; нѣтъ почти ни одного губернскаго города, гдѣ бы не было своей школы, есть даже и уѣздныя, и всѣ онѣ находятъ желающихъ учиться, а въ результатѣ ежегодно появляются передъ обществомъ десятки новыхъ художниковъ. Вмѣсто двухъ прежнихъ (Академической и Передвижной), количество главныхъ выставокъ въ столицахъ, не считая мѣстныхъ провинціальныхъ, возросло до 10-ти, и тысячи новыхъ картинъ ежегодно свидѣтельствуютъ о томъ же явленіи, которое наблюдается въ литературѣ.

Подавляющее большинство художниковъ цѣлыми обществами пошло на рынокъ, въ уличную толпу, поддѣлываясь подъ ея вкусы. Выставки ихъ особенно посѣщаются, пользуются снисходительнымъ одобреніемъ, и здѣсь бойкая продажа не ослабѣваетъ. Затѣмъ и въ столицахъ, и въ большихъ провинціальныхъ городахъ, кромѣ выставокъ, выросло нѣсколько крупныхъ и десятки мелкихъ магазиновъ, торгующихъ картинами, существующихъ и находящихъ потребителей для сбыта своего товара. Наконецъ, картины продаются и въ писчебумажныхъ магазинахъ, и въ табачныхъ лавочкахъ, и разносчиками авторами, въ ломбардахъ и на аукціонахъ,—и эти находятъ своихъ покупателей. Бойко расходятся гравюры съ картинъ, еще лучше олеографіи, открытыя письма съ рисунками и грубыя лубочныя картины „для народа". Процвѣтаютъ десятки иллюстрированныхъ журналовъ; почти каждая газета даетъ иллюстрированныя приложенія. Процвѣтаютъ тысячи фотографическихъ заведеній и сотни такихъ же магазиновъ удовлетворяютъ изо дня въ день возростающую потребность любительскаго „творчества" съ помощью обыкновенныхъ и моментальныхъ аппаратовъ. Все это имѣетъ своихъ потребителей и цѣнителей, удовлетворяя потребности въ той средѣ, которая въ музыкѣ наслаждается игрой тапера, граммофономъ, гармоникой и шарманкой, въ театрѣ „отечественной опереткой", фарсомъ, „клубной драмой" и балаганомъ; въ литературѣ—всякими „безплатными приложеніями", бульварнымъ романомъ и „Аглицкимъ милордомъ".

Имѣютъ-ли подобные признаки что-либо общее съ искусствомъ, и что именно? Свидѣтельствуютъ-ли о процвѣтаніи искусства, или указываютъ на его глубокое паденіе?

Чѣмъ объясняется такая популяризація искусства?

Естественное-ли это явленіе, логи-

чески вытекающее изъ характера и развитія культуры нашего общества, или случайное, ненормальное?

* * *

Перейдемъ къ ничтожному меньшинству художниковъ, которые въ живописи, какъ и въ литературѣ, стремятся въ противуположную сторону, убѣгая отъ толпы и уличнаго гама, отыскивая новые пути. Они утеряли всякую связь и единеніе съ массами, нарушили ее и по отношенію къ большей части общества. Они устраиваютъ свои выставки, имѣютъ свой журналъ, въ настоящее время единственный въ Россіи, спеціально посвященный вопросамъ искусства. Большинство и въ обществѣ, и въ печати надъ ними глумится, обдаетъ ихъ грязными ругательствами отъ „идіотовъ и шарлатановъ“ до „умалишенныхъ“ включительно; другіе недоумѣваютъ. Но и эти художники имѣютъ своихъ поклонниковъ, ихъ картины покупаются и коллекціонерами, и галлереями, удовлетворяя вкусамъ наиболѣе требовательной и эстетически развитой, хотя и немногочисленной части нашего общества, того „меньшинства“, которое въ музыкѣ любитъ Вагнера и Рихарда Штрауса, на сценѣ Метерлинка, Ибсена; кому въ литературѣ близки и понятны всѣ новѣйшія ея теченія. Благодаря ихъ энергіи появляется первый переводъ на русскій языкъ исторіи Европейской живописи и первое серьезное сочиненіе по исторіи русской школы.

Слѣдуетъ-ли и эту часть нашего общества, какъ и ихъ излюбленныхъ художниковъ, считать съумасшедшими только потому, что ихъ не понимаетъ большинство? Какіе это новые пути, которыхъ они ищутъ, и куда, къ чему стремятся? Являются ли подобные поиски признакомъ упадка, или наоборотъ, слишкомъ быстраго движенія впередъ, отъ котораго всегда отстаетъ большинство? Связано-ли это явленіе съ общимъ развитіемъ культуры и въ чемъ эта связь выражается? Что породило такое движеніе? Естественно-ли оно, или служитъ симптомомъ болѣзненности переживаемой нами эпохи? Имѣетъ-ли оно какое либо значеніе для будущаго въ жизни искусства и общества и въ чемъ это значеніе заключается? Слѣдуетъ-ли его игнорировать, или съ нимъ нужно считаться и относиться къ нему глубже, серьезнѣе?

Таковы вопросы, порождаемые крайними проявленіями въ жизни современнаго искусства; вопросы которые у насъ иногда ставятся, но никогда не разбираются.

Но въ то время какъ литература, сцена и музыка во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ удовлетворяютъ извѣстныя группы общества, въ живописи оно интересуется лишь крайними проявленіями ея жизни, по отношенію же къ среднему за послѣдніе 10, 15 лѣтъ замѣтна рѣзкая перемѣна: прямые продолжатели предшествовавшаго поколѣнія художниковъ, такъ тѣсно связаннаго съ обществомъ и пользовавшагося его любовію и поклоненіемъ, — незамѣтно утеряли эту связь и очутились „внѣ жизни“.

Выставки ихъ посѣщаются по прежнему, но количество посѣтителей въ сравненіи съ наполняющими театры, концертныя залы, не говоря уже о читателяхъ „средней“ литературы — ничтожно. Нѣтъ прежняго жгучаго интереса, восторговъ, обмѣна мнѣній, горячихъ споровъ въ печати. Публика, точно отбывая, скучную повинность, равнодушно переходитъ отъ холста къ холсту молча, или выражая свои впечатлѣнія общими фразами. Такія картины не находятъ уже покупателей; въ послѣдніе годы продажа упала до 2, 3% всего выставленнаго, остальное возвращается къ художникамъ и попадаетъ въ кладовую, въ ломбардъ, въ табачную лавочку или навязывается за гроши случайному

покупателю. Нужда среди нихъ ширится, гонитъ ихъ въ лагерь прислужниковъ улицы, къ посторонним заработкамъ, или побуждаетъ открывать еще новыя школы живописи. А желающіе учиться немедленно находятся, безконечно увеличивая собою число несчастныхъ, которые затрачиваютъ лучшіе годы жизни на изученіе искусства и, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, уже ни къ чему другому не пригодны, усиливая кадры голоднаго пролетаріата въ области искусства, влачащаго паразитное существованіе. Нѣсколько журналовъ, посвященныхъ живописи, мало по малу захирѣли и совершенно прекратились. Исчезли серьезные критики и ихъ статьи. „Толстые журналы“ игнорируютъ вопросы искусства, а газеты лишь время отъ времени посвящаютъ имъ нѣсколько строкъ на „задворкахъ“, на ряду съ сообщеніями о скачкахъ, городскихъ происшествіяхъ и скандалахъ. Здѣсь сообщаются лишь факты безъ всякаго ихъ освѣщенія, а если иногда встрѣчаются попытки къ таковому, то онѣ являются доказательствомъ развязности, смѣлости, легкомыслія и глубокаго невѣжества пишущихъ, котораго ни одинъ органъ не допустилъ бы по отношенію къ какому-либо другому вопросу, кромѣ живописи.

Въ такомъ отношеніи печати рѣзко выражается не только отсутствіе какого бы то ни было интереса, серьезнаго отношенія и уваженія къ живописи и художникамъ, а прямое глумленіе надъ ними, пренебреженіе, граничащее съ глубокимъ презрѣніемъ, которое лишь прямо не высказывается. Однородно и отношеніе общества, лишь для виду прикрываемое маской приличія: заискивая и глядя покорно въ глаза каждому, кто „печатается“, не говоря уже о „среднихъ“ литераторахъ, идолопоклонничая передъ пѣвцами, музыкантами и актерами, къ художнику оно относится „сверху внизъ“, покровительственно, насмѣшливо, почти презрительно, въ лучшемъ случаѣ какъ къ чудаку, уроду, за что и художникъ, въ свою очередь, платитъ обществу тѣмъ-же.

Исключеніе составляютъ лишь не многіе, талантомъ, ловкостью или угодливостью составившіе себѣ матеріальное благополучіе. Но и здѣсь уважаютъ лишь это „благополучіе“, а не самого художника и его талантъ.

Антагонизмъ все обостряется, взаимное непониманіе растетъ, но ни одна сторона не отдаетъ себѣ яснаго отчета, не ищетъ причинъ подобныхъ отношеній.

Не сознается и самая ненормальность послѣднихъ, и лишь время отъ времени бросаются въ глаза слишкомъ рѣзкіе симптомы, указывающіе на подобную ненормальность положенія и примѣняются разные палліативы: устраиваются общества взаимопомощи и просто помощи художникамъ, аукціоны картинъ по дешевой цѣнѣ, покупка ихъ правительствомъ и общественными учрежденіями; повышается научный цензъ для поступленія въ Академію, чтобы уменьшить наплывъ поступающихъ, но въ тоже время, какъ бы для того только, чтобы пристроить уже окончившихъ курсъ,—той же Академіей открываются все новыя и новыя школы въ провинціи, а оттуда появляются все новые кадры, годъ отъ году многочисленнѣе, стремящіеся въ ту же Академію и столичныя школы и наполняющіе ихъ тысячами.

Какимъ же путемъ и вслѣдствіе какихъ причинъ возникло подобное ненормальное положеніе? Почему именно къ живописи такъ быстро измѣнилось отношеніе нашего общества, почему связь его сохранилась лишь съ крайними проявленіями ея жизни и утерялась съ тѣмъ, что такъ недавно было предметомъ вниманія и восторговъ?

Вызывалось ли это вниманіе и восторги дѣйствительно искусствомъ, или это было нѣчто иное, и что именно? Что такое живопись и

чѣмъ собственно она отличается отъ другихъ родовъ искусства?

Нужна-ли она въ ея теперешнихъ формахъ нашему обществу или существованіе ея—результатъ простого недоразумѣнія?

* * *

Какъ въ живописи, такъ и въ области всего искусства происходитъ какое то *перерожденіе*: измѣнились и формы его проявленія, и отношеніе къ нему въ разныхъ слояхъ общества, и характеръ потребности въ немъ до такой степени, что расплылось и утеряло опредѣленность самое представленіе объ искусствѣ; рождается невольно вопросъ, не служитъ-ли, подобная „потребность“ признакомъ того, что искусство стало совершенно чуждымъ и ненужнымъ нашему современному обществу, вполнѣ удовлетворяющемуся лишь его суррогатомъ?

А между тѣмъ на процвѣтаніе и поддержаніе „искусства“ расходуются сотни тысячъ народныхъ денегъ, на служеніе ему ежегодно выступаютъ тысячи молодыхъ силъ страны, огромное большинство которыхъ ожидаютъ горькія разочарованія и полная гибель.

Что-же такое это искусство, этотъ „Молохъ“, требующій такихъ матеріальныхъ и духовныхъ жертвъ? Оправдываются ли такія жертвоприношенія и чѣмъ именно?

Что такое, наконецъ, художникъ, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ людей; не представляетъ ли онъ собою аномаліи, уродства, болѣзненнаго уклоненія среди здороваго человѣчества? Нуженъ-ли онъ обществу и въ чемъ должны заключаться ихъ взаимныя отношенія?

Эти вопросы, какъ и многіе изъ поставленныхъ выше, такъ или иначе разрѣшены меньшинствомъ художниковъ, но разрѣшены для нихъ самихъ, для немногочисленнаго количества ихъ наиболѣе культурныхъ и эстетически развитыхъ цѣнителей. Къ массамъ же это меньшинство относится съ заслуженнымъ или не заслуженнымъ, но нескрываемымъ презрѣніемъ, не снисходя къ нимъ, не удостоивая ихъ никакими объясненіями, почему и въ ихъ спеціальныхъ журналахъ эти вопросы въ общедоступной формѣ не разбираются. Для большинства же художниковъ, угождающаго и прислуживающаго обществу, какъ и для самого общества, они заслоняются и отодвигаются на послѣдній планъ болѣе жгучими вопросами самого существованія, что, естественно, отражается и въ печати,—и игнорируемые вопросы остаются открытыми, постепенно затемняясь все новыми и новыми наслоеніями всякихъ недоразумѣній, благодаря которымъ все болѣе и болѣе теряется ясное ихъ пониманіе и даже потребность въ ихъ разрѣшеніи.

А между тѣмъ вопросы эти слишкомъ существенны въ жизни каждаго культурнаго общества, какъ для тѣхъ, кому дорого искусство само по себѣ, такъ и для тѣхъ, кому оно совершенно чуждо, но именно поэтому непонятны поглощаемыя имъ жертвы, непонятна необходимость и производительность подобныхъ жертвъ. У каждаго мыслящаго человѣка существуетъ хотя бы и не всегда отчетливо сознаваемая потребность уяснить ихъ себѣ, отнестись къ нимъ сознательно.

Но отвѣтить на эти вопросы возможно, лишь выяснивъ самую сущность искусства, понявъ его жизнь, формы и законы ея проявленій, понявъ, наконецъ, тѣхъ, кто служитъ искусству. И тогда, быть можетъ, выяснится и главный вопросъ, выдвинутый самой жизнью, изъ котораго вытекаютъ и всѣ поставленные выше.

Всѣ симптомы въ жизни искусства указываютъ, что усложненіе жизни и напряженная борьба всего культурнаго человѣчества за самое существованіе, за матеріальное благополучіе—нарушили гармонію и равновѣсіе между матеріей и

духомъ въ ущербъ послѣднему. Знаменуютъ ли эти симптомы только *перерожденіе*, или духовная область заняла такое подчиненное положеніе, что мы присутствуемъ при *полной агоніи искусства*?

„Девятый валъ“, только что опавшій на нашихъ глазахъ, образовалъ безчисленное количество новыхъ волнъ, которыя въ свою очередь будутъ рости, пока не обратятся въ новый девятый валъ... Таковъ законъ физическаго волненія, какъ и всякаго волненія въ духовной жизни человѣчества, установленный исторіей его культуры и цивилизаціи. Но этотъ законъ управляетъ волненіемъ, пока оно существуетъ; когда же море стихаетъ, то и послѣдняя волна является лишь предвозвѣстницей полнаго штиля, когда поверхность моря такъ же гладка, какъ поверхность гніющаго болота.

Докатившійся до насъ „девятый валъ“ въ духовной жизни культурнаго общества старой Европы не является ли послѣднимъ, не настанетъ-ли послѣ него полное и продолжительное затишье въ морѣ этой жизни? И когда оно вновь проснется и заволнуется, не будетъ ли тогда уже иное волненіе, ничего общаго съ нашимъ не имѣющее?

Исторія знаетъ такіе примѣры: остатки храмовъ и цѣлыхъ городовъ. погребенныхъ въ пескахъ азіятскихъ пустынь, остатки невѣдомой культуры исчезнувшихъ съ лица земли народовъ въ центральной Америкѣ,— все это лишь нѣмые слѣды далекихъ, таинственныхъ культуръ и цивилизацій, погибшихъ навсегда и чуждыхъ намъ. Что же знаменуютъ тревожные симптомы въ духовной жизни нашей эпохи? Что ждетъ наше искусство и нашу культуру?

М. Далькевичъ.

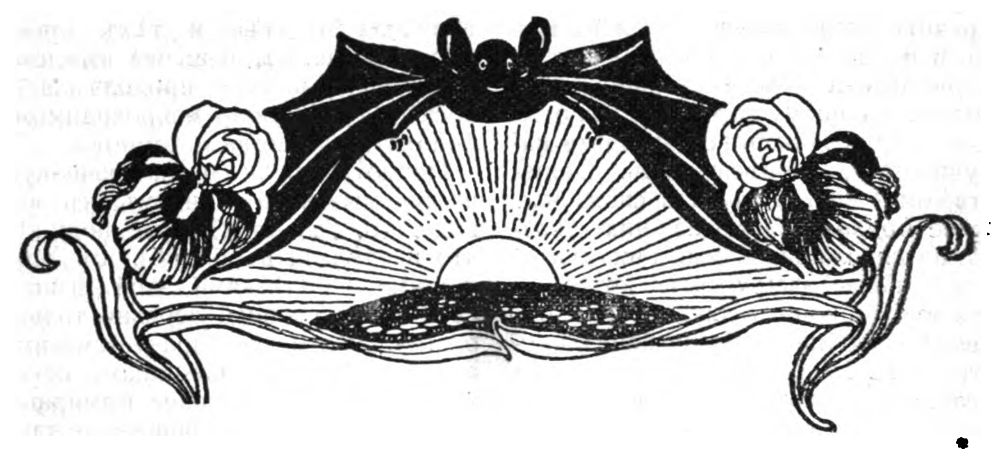

Маршъ.

Рокочутъ барабаны,
Зовутъ борцовъ; походъ!
Забудемъ наши раны.
Къ знаменамъ, ветераны,
Впередъ, друзья, впередъ!
Впередъ—и выше знамя,
Несущее завѣтъ...
Сверкай, хоругвь, надъ нами
Священными словами:
Свобода, правда, свѣтъ.
Пора былой печали
Растаяла, какъ дымъ...
Пусть наши братья пали.
Иные дни настали,
Мы вѣримъ:—побѣдимъ!
Впередъ, друзья, къ побѣдамъ
Въ нашъ доблестный походъ.
Исходъ борьбы намъ вѣдомъ:
Конецъ народнымъ бѣдамъ!
Мы побѣдимъ... Впередъ!

И. Мордвиновъ.

Изъ общественной жизни.

С. Плевако.

I.

Къ вопросу о реформѣ крестьянскаго законодательства.

I.

Въ одной изъ нашихъ предыдущихъ хроникъ *) мы удѣлили мѣсто ознакомленію нашихъ читателей съ ходомъ работъ о реформѣ крестьянскаго законодательства и тогда же указывали на нѣкоторыя отрицательныя черты предположенныхъ комиссіей т. с. Стишинскаго мѣропріятій, приводя въ параллель къ выводамъ редакціонной комиссіи пожеланія мѣстныхъ людей, занимавшихся разработкой крестьянскаго вопроса, главнымъ образомъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Для насъ было очевидно, что предположенныя комиссіей т. с. Стишинскаго реформы въ крестьянскомъ правопорядкѣ не удовлетворяютъ дѣйствительной потребности. Главное зло представлялось намъ, и на немъ мы останавливали вниманіе читателей, въ сохраненіи двухъ основныхъ началъ дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ, именно въ сохраненіи сословной обособленности деревни и сохраненіи широкой административной опеки надъ нею. Базируясь на этомъ фундаментѣ, крестьянская реформа не могла внести, по нашему мнѣнію, въ жизнь деревни того обновленія, котораго общество ждало отъ реформы и которое единственно могло вывести наше крестьянство изъ того состояніи мертвенности и полнѣйшей атрофіи, въ какомъ оно пребываетъ уже многіе годы, неся на себѣ и всѣ тяжелыя послѣдствія царящей безжизненности.

Послѣднія событія русской жизни радикально измѣнили воззрѣнія правительства на нужды русскаго народа. Катастрофа, постигшая бюрократическій режимъ, съ полной очевидностью обнаружила все зло, принесенное Россіи царствомъ бюрократическихъ порядковъ, заставила

*) См. „Наука и Жизнь", № VII, 1904 г.

правительство разувѣриться въ ихъ силѣ и способности создать внутри порядокъ и благосостояніе, обратиться къ иному источнику для отысканія пригодныхъ возстановить нарушенное равновѣсіе силъ. Общественныя силы получили снова должное признаніе, уже на нихъ возлагаются ожиданія, уже они считаются тѣмъ элементомъ, которому суждено обновить какъ русское общество вообще, тамъ и наше крестьянство въ особенности. Что эти ожиданія имѣютъ подъ собою твердую почву,—едва ли могутъ быть сомнѣнія. Какъ ни тяжелы были условія, въ которыхъ приходилось доселѣ работать нашимъ мѣстнымъ людямъ, какъ ни тормозились на каждомъ шагу всѣ попытки ихъ принести родинѣ возможно большую пользу, къ какимъ мѣрамъ не прибѣгала бюрократія, желая подавить вліяніе мѣстныхъ людей на теченіе внутренней жизни—мы не можемъ отрицать огромнаго значенія ихъ, не можемъ не сказать, что только усиліямъ мѣстныхъ людей обязаны мы достигнутыми въ опредѣленныхъ отрасляхъ народной жизни успѣхами. Возьмемъ, напр., вопросъ о народномъ образованіи. Безусловно, оно поставлено у насъ крайне неудовлетворительно. Число школъ не отвѣчаетъ потребностямъ населенія, кругъ предметовъ, проходимыхъ въ народныхъ школахъ слишкомъ ограниченъ, положеніе учащаго персонала невозможно до крайнихъ предѣловъ, но во сколько было бы хуже организовано народное образованіе, если бы мѣстныя силы были вовсе устранены отъ всякаго участія въ этомъ важномъ, первостепенномъ государственномъ дѣлѣ? Одно сравненіе положенія народнаго образованія въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ съ убѣдительностью скажетъ, что исключительно земскіе люди помѣшали нашему крестьянству остаться въ совершенной неграмотности. Не будь земскихъ школъ— народная масса не получила бы даже и тѣхъ крохъ просвѣщенія, которыя она въ настоящее время имѣетъ, продолжала бы коснѣть въ томъ непроходимомъ болотѣ невѣжества и темноты.

Посмотримъ ли мы на врачебную часть—мы снова придемъ къ выводу, что только мѣстные люди кое что и сдѣлали въ борьбѣ съ эпидеміями и болѣзнями, этой египетской казнью нашей деревни, только благодаря земскому врачу, земскимъ амбулаторіямъ и больницамъ не замѣчается нынѣ массовое вымираніе крестьянства, составлявшее не такъ давно необходимое условіе крестьянской жизни. И опять-таки мы должны сказать, что недостатокъ медицинской помощи—явленіе очень тяжелое, но распространенное, — зависитъ всецѣло отъ прежней политики недовѣрія къ мѣстнымъ людямъ, доходившей до того, что въ каждомъ земскомъ врачѣ видѣли опаснаго пропагандиста, въ амбулаторіи—гнѣздо крамолы.

Словомъ, какую бы отрасль крестьянской жизни мы не взяли— мы убѣждаемся, что только мѣстные люди и приносили ей извѣстную пользу. И, напротивъ, въ области полнаго господства бюрократическаго режима, мы не замѣчали ничего, кромѣ вреда или, въ лучшемъ случаѣ, безразличнаго отношенія. Хорошій примѣръ даетъ въ этомъ отношеніи продовольственное дѣло. Съ той поры, какъ оно было изъято изъ вѣдѣнія земства и передано въ руки администраціи, положеніе этого вопроса не только не улучшилось, но ухудшилось и заставило администрацію снова прибѣгнуть къ помощи мѣстныхъ людей. И это было совершенно естественно. Докладъ вятской губерн. управы губернскому комитету справедливо говоритъ, что „такое дѣло, какъ продовольственное, требуетъ подробнаго и всесторонняго знанія хозяйственныхъ условій каждой мѣстности, нуждающейся въ ссудахъ, разнообразныхъ средствъ помощи и

развитія, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, затѣмъ извѣстнаго соотвѣтствія принимаемыхъ мѣръ съ другими мѣрами экономическаго характера, проводимыми земствами. Ни одному изъ этихъ условій не удовлетворяютъ крестьянскія учрежденія, лишенныя тѣхъ средствъ и знанія мѣстныхъ условій, которыми располагаютъ земскія учрежденія. Высказывавшіяся нареканія на послѣднія за преувеличеніе размѣровъ бѣдствія и недостатокъ распорядительности безусловно падаютъ предъ тѣмъ соображеніемъ, что гораздо опаснѣе преуменьшеніе бѣдствія, чѣмъ его преувеличеніе, а распорядительность, даже менѣе совершенная, мѣстныхъ органовъ все же можетъ быть болѣе продуктивна, чѣмъ болѣе совершенная распорядительность изъ отдаленнаго центра" *).

Но не только мѣстные люди констатировали неудовлетворительность новаго положенія продовольственнаго дѣла. Имѣются свѣдѣнія о томъ, что даже высшіе представители административной власти въ губерніяхъ находили новый порядокъ годнымъ только „въ мирное такъ сказать время, въ годы благополучнаго урожая" **).

Эти заявленія губернаторовъ имѣли въ конечномъ выводѣ то, что въ 1901 г. Министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на введеніе во всѣхъ сильно пострадавшихъ отъ неурожая уѣздахъ и волостяхъ, отличнаго отъ предусмотрѣннаго закономъ 1900 года, порядка завѣдыванія продовольственною частью ***) Несостоятельность правилъ 1900 г. такимъ образомъ была опредѣлена окончательно.

---

*) М, Толмачевъ Кр. вопросъ, стр. 167.
**) Очерки по кр. вопросу. Подъ редакц. А. А. Мануилова, стр. 142.
***) Ibidem

II.

Несмотря на такія очевидныя доказательства несостоятельности бюрократическаго режима для деревенской жизни, комиссія т. с. Стишинскаго не пошла дорогой, подсказываемой ей и жизнью. Она предпочла обосноваться на прежнемъ мѣстѣ и только пыталась создать условія, при которыхъ господство бюрократіи дало бы хотя видимость порядка и благоустройства.

Закрывъ глаза на все то, что говорилось и выражалось въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, въ земствахъ и прессѣ, комиссія пошла торнымъ путемъ передѣлокъ существующаго, взамѣнъ полной ломки его и построенія новаго зданія, сообразно требованіямъ времени и измѣнившимся условіямъ общежитія.

Въ результатѣ, конечно, получилось то, что и могло получиться: работы комиссіи оказались идущими въ разрѣзъ съ требованіями жизни и указаніями опыта, оказались противорѣчащими мнѣніямъ всѣхъ безпристрастныхъ и сколько нибудь свѣдущихъ наблюдателей нашей сельской жизни *).

Иначе, однако, и не могло быть. Работы комиссіи должны были стать дѣтищемъ мертворожденнымъ, ибо въ главу угла ихъ были положены камни, уже отжившіе свой вѣкъ, уже непригодные для созданія жизненныхъ формъ. Сословная обособленность, административная опека— все это пережитки давно минувшаго времени, обладавшіе возможностью существовать лишь въ эпоху крѣпостного права, но съ крушеніемъ послѣдняго, съ провозглашеніемъ свободы личности, какъ основного начала жизни, съ введеніемъ новыхъ судовъ, земскаго самоуправленія потерявшіе значеніе, ставшіе въ непримѣримое противорѣчіе съ

---

*) „Русск. Вѣд". № 272.

новыми условіями. И только бюрократическое ослѣпленіе, бюрократическая самоувѣренность могла видѣть въ нихъ нѣчто жизнеспособное: на дѣлѣ это были мертвыя формы, при первомъ же столкновеніи съ жизнью долженствовавшія или сами разрушаться, или разрушить то, чему суждено было заполнить ихъ.

Комиссія т. с. Стишинскаго, впрочемъ, не могла не предвидѣть этого результата. Она не могла не знать, что наша деревня не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, успѣла уже значительно выросги и развиться со времени ея освобожденія.

На смѣну не такъ давно царившему убѣжденію, что крестьянство есть неорганизованная масса, поддерживать порядокъ въ которой можно лишь путемъ сильной власти и энергичной репрессіи, комиссія выставила другое положеніе, согласно которому крестьянство уже является въ роли элемента, стоящаго „на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности, являющагося оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій“.

Казалось бы, что такая характеристика крестьянства исключаетъ надобность въ принятіи особыхъ мѣръ для огражденія крестьянства отъ другихъ слоевъ населенія. Казалось бы, что, наоборотъ, желательно искать сближенія крестьянства съ прочими частями населенія, ибо, въ силу просто своей численности, крестьянство внесетъ въ эти части свою склонность къ созидающимъ и положительнымъ основамъ общественности, свою историческую преемственность... Но комиссія т. с. Стишинскаго не нашла въ себѣ силы быть послѣдовательной. Вмѣсто уничтоженія границъ между крестьянствомъ и другими классами—она возводитъ стѣну еще болѣе высокую, чѣмъ существующая, вмѣсто содѣйствія развитію въ крестьянской средѣ самодѣятельности и самостоятельности, она усиливаетъ опеку, низводя самостоятельность деревни до послѣднихъ степеней minimum'a.

Мы не можемъ не привести здѣсь выдержки изъ заявленія, сдѣланнаго предсѣдателемъ Московской губернской земской управы Ѳ. А. Головинымъ въ засѣданіи губернскаго совѣщанія по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Характеризуя проекты редакціонной комиссіи Ѳ. А. Головинъ, между прочимъ, сказалъ: „Новое положеніе о сельскомъ состояніи должно бы, казалось, имѣть цѣлью раскрѣпощеніе крестьянскаго сословія и развитіе въ немъ началъ самодѣятельности, которыя одни являются залогомъ успѣшнаго экономическаго и духовнаго развитія всякаго общества. Между тѣмъ настоящій проектъ преслѣдуетъ совершенно иныя цѣли... Весь проектъ основанъ на недовѣріи къ духовнымъ силамъ крестьянскаго населенія, что ярко вырисовывается изъ предположеній о сохраненіи обособленнаго отъ прочихъ сословій положенія крестьянства, о сохраненіи административной опеки въ еще большемъ размѣрѣ, чѣмъ то имѣетъ мѣсто по отношенію къ другимъ сословіямъ, о сокращеніи взамѣнъ ожидаемаго, казалось бы, расширенія, правъ выборныхъ сельскихъ органовъ и тому подобныхъ мѣрахъ“. Въ заключеніе г. Головинъ предлагалъ признать проектъ не подлежащимъ разсмотрѣнію совѣщанія и деталяхъ „за несоотвѣтствіемъ его въ основаніяхъ требованіямъ современнаго положенія всего этого дѣла“.

Высказываясь по поводу этого заявленія, „Русскія Вѣдомости“ (№ 305) весьма справедливо назвали проектъ „вольнымъ или невольнымъ, но рабскимъ подражаніемъ труду. Положенія о земскихъ начальникахъ“, и развивая свою мысль онѣ въ той же статьѣ писали: „не ясно

ли, что въ настоящее время пересмотръ законодательства о крестьянахъ можетъ быть плодотворнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ начнется съ Положенія о земскихъ начальникахъ"?

Между тѣмъ комиссія т. с. Стишинскаго оставила Положеніе о земскихъ начальникахъ въ полной неприкосновенности. Она не попыталась даже произвести въ немъ хоть кое-какія исправленія, хотя ей не могло не быть извѣстнымъ по трудамъ мѣстныхъ людей, что институтъ земскихъ начальниковъ „уронилъ довѣріе населенія къ суду и закону" (докладъ В. А. Маклакова въ Звенигородскомъ у. ком. *) что по общему мнѣнію комитетовъ, „если желать подъема благосостоянія деревни, нужно прежде всего отказаться отъ системы властной опеки, олицетвореніемъ которой въ настоящее время является земскій начальникъ" **).

Всѣ эти условія не создавали, конечно, благопріятной почвы для произрастанія проекта, но мы не станемъ останавливаться на болѣе детальномъ разсмотрѣніи его. Цѣль нашей статьи другая и если мы нашли полезнымъ удалить нѣкоторое вниманіе проекту редакціонной комиссіи, то исключительно ради того, чтобы былъ ясенъ и понятенъ конечный нашъ выводъ.

Съ провозглашеніемъ довѣрія руководящимъ принципомъ нашей внутренней политики, судьба проекта комиссіи т. с. Стишинскаго стала сама по себѣ очевидной. Пропитанный противоположнымъ духомъ отрицательнаго отношенія къ общественности самодѣятельности, выдвигающій на первый планъ бюрократическое начало и низводящій работу мѣстныхъ органовъ на послѣднюю ступень, проектъ потерялъ всякую почву съ наступленіемъ новыхъ вѣяній. Сколокъ съ тѣхъ идеаловъ, которые въ настоящее время единодушно уже признаны неспособными содѣйствовать прогрессу жизни, ея духовному и экономическому росту, онъ неминуемо обреченъ занять мѣсто въ архивѣ, ибо даже исправленъ быть соотвѣтственно новымъ требованіямъ и взглядамъ онъ не въ состояніи. Представляя изъ себя весьма стройное и систематическое цѣлое, онъ не допускаетъ передѣлокъ въ деталяхъ безъ того, чтобы эти передѣлки не оказались въ противорѣчіи самой сущности проекта, его основной идеѣ. Какъ ни жаль, конечно, убитаго труда и времени, но при данныхъ обстоятельствахъ относительно судьбы проекта но можетъ быть двухъ мнѣній: его слѣдуетъ зачеркнуть отъ начала до конца и начать работы снова, по новому плану, съ новой основной мыслью. И, повидимому, это убѣжденіе раздѣляется новыми руководителями нашихъ внутреннихъ дѣлъ: въ газетахъ появились извѣстія, что проектъ т. с. Стишинскаго будетъ пріостановленъ, и работы возобновятся на иныхъ основаніяхъ.

Мы не будемъ забѣгать впередъ и пытаться предугадать характеръ предстоящей реформы. Хотя нѣкоторыя заключенія и напрашиваются уже теперь, однако, мы предпочитаемъ дождаться болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній, пока же скажемъ два слова о той дорогѣ, которой, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ идти реформаторамъ законодательства о крестьянахъ.

Весьма остроумно и основательно замѣтила одна петербургская газета, что путь новой реформы лежитъ черезъ „милютинскій архивъ". Стоитъ только припомнить идеалы этого „честнаго гражданина — кузнеца", съ такой силой и энергіей отстаивавшіеся имъ передъ врагами свободы и прогресса въ эпоху подготовленія реформы 19 февраля, но, къ несчастью, не получившіе

*) Сборникъ „Нужды деревни" т. 1. стр. 69.
**) ibid. стр. 164.

осуществленія и сданные въ архивъ, чтобы понять, что мы и теперь, спустя 40 лѣтъ послѣ формулированія Н. А. Милютинымъ этихъ идеаловъ, не въ состояніи миновать ихъ, если только, дѣйствительно, желаемъ дать нашей деревнѣ жизнь и возможность развитія. Въ существѣ милютинскія начала остаются и до настоящаго времени незыблемыми,—говоритъ упомянутая газета. Да иначе и быть не можетъ, ибо милютинскія начала—суть общечеловѣческія начала и, какъ таковыя, они подъ вліяніемъ времени могутъ измѣняться въ ихъ частностяхъ, но основа ихъ навсегда останется незыблемой.

Мы не станемъ приводить здѣсь воззрѣній Н. А. Милютина на крестьянскій вопросъ. Упомянемъ только объ одномъ: Н. А. горячо стоялъ за полное признаніе самостоятельности крестьянской личности, за полное надѣленіе ея публичными и гражданскими правами, за уравненіе крестьянства съ другими классами населенія. Это положеніе и до сихъ поръ ждетъ своего осуществленія. И до настоящаго времени личность крестьянина только на бумагѣ свободна; въ дѣйствительности—же, скажемъ словами заключенія Новоторжскаго уѣзднаго комитета,— „законоположеніями послѣдняго двадцатилѣтія правосостояніе крестьянъ окончательно низвело крестьянское сословіе къ разряду лицъ, состоящихъ въ опекѣ бюрократическихъ учрежденій и лишенныхъ всякой свободы въ своей личной, хозяйственной дѣятельности“ *).

Освобожденіе крестьянской личности намъ и представляется той отправной точкой, откуда должны начаться работы предстоящей реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ принципъ долженъ стать фокусомъ для отдѣльныхъ частей работы и цѣлью, которую послѣднія должны себѣ поставить.

Съ этой точки зрѣнія путь Комиссіи представляется вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ. Стоитъ только взять своимъ девизомъ указанный принципъ, и не представитъ затрудненія рѣшить, какими должны быть отдѣльныя части предстоящаго проекта; уничтоженіе административной опеки, развитіе мѣстнаго самоуправленія, уравненіе крестьянъ въ правахъ съ иными сословіями—вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ этапы, какіе не можетъ миновать комиссія по пересмотру крестьянскаго законодательства.

Но мы не станемъ закрывать глазъ на тѣ трудности, съ какими будетъ сопряжено для комиссіи утвержденіе этихъ идеаловъ. Какъ ни далеки мы отъ временъ крѣпостного права, но оно еще живо, имѣетъ своихъ сторонниковъ, своихъ апостоловъ. Эти послѣдніе, „апостолы попятнаго движенія“, не легко позволятъ уничтожить милые и дорогіе отголоски минувшаго. Не позволятъ потому, что уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ наслѣдія дореформенныхъ временъ знаменовало бы собою побѣду права и законности надъ столь желаннымъ для нихъ и роднымъ произволомъ.

Но эти трудности не должны вліять на ходъ работъ. „Мы будемъ, конечно, не на розахъ,“—писалъ Н. А. Милютинъ Ю. Ѳ. Самарину, приглашая послѣдняго принять участіе въ работахъ Редакціонной Комиссіи,— „ненависть, клевета, интриги всякаго рода будутъ, вѣроятно, насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ“..

Впрочемъ, особенно упорнымъ ожидаемый бой даже и не будетъ. Какъ ни сильны сторонники идеаловъ бюрократическаго режима, произвола и усмотрѣнія, они уже не представляютъ изъ себя той силы, которая въ 60-хъ годахъ могла не только остановить, но и повер-

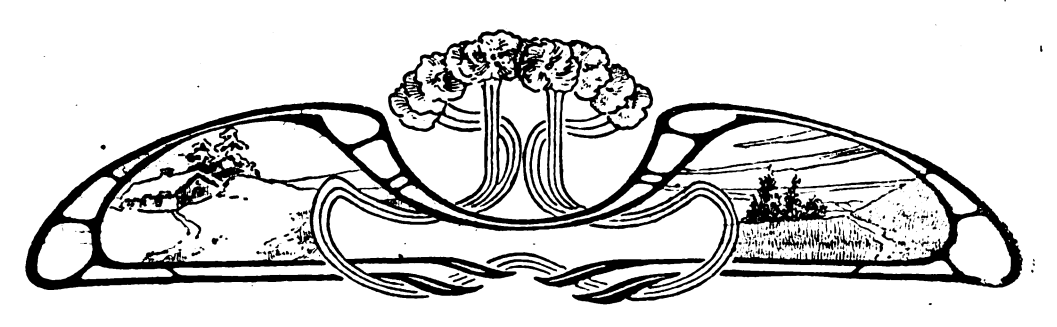
*) Кузьминъ Караваевъ. Земство и деревня. стр. 344.

нуть назадъ освободительныя работы. Время, а въ особенности тѣ условія, среди которыхъ русское общество прожило послѣдніе 40 лѣтъ, окончательно подорвали значеніе и кредитъ крѣпостническихъ мечтаній. Въ тѣ поры только лучшая часть общества стремилась къ прогрессу и свободѣ; теперь эта идея стала достояніемъ всего русскаго народа, и только отдѣльные элементы продолжаютъ упираться и видятъ въ бюрократіи панацею отъ всѣхъ золъ.

За комиссію, ставшую на путь довершенія идеаловъ освобожденія, будетъ великая сила — общественное мнѣніе, и видя въ ней энергичную поддержку своимъ планамъ, комиссія, конечно, найдетъ полную возможность осуществить ихъ во всей полнотѣ, не поступаясь ни единой пядью ихъ, не признавая никакихъ компромиссовъ.

И мы вѣримъ, что дѣйствительность оправдаетъ наши надежды...

С. Плевако.

* * *

Свѣтлая лунная ночь.
Тѣни лежатъ на дворѣ.
Чуть шелестятъ дерева
Въ смутной какой-то тревогѣ.
Воздухъ прохладенъ и чистъ.
Полонъ томительной нѣги.
Тихо... Лишь гдѣ-то звучитъ
Скрипъ нагруженной телѣги.
Мѣсяцъ по небу плыветъ
Медленно, плавно, лѣниво.
Звѣзды на землю глядятъ
Робко, какъ будто стыдливо.
Легкій ночной вѣтерокъ
Всюду порхаетъ и вьется.
Даже въ головкѣ твоей
Онъ, моя радость, найдется.

И. Н. Сынковскій.

Отъ рабства къ свободѣ.

Букера Вашингтона *).

ГЛАВА I.

Рабъ между рабами.

Я родился рабомъ на плантаціи, въ графствѣ Франклинъ, Виргинія. Я не могу съ точностью указать ни на время, ни на мѣсто своего рожденія, довольно того, что я родился когда-то и гдѣ-то. Но приблизительно могу сказать, что родился недалеко отъ почтовой конторы, на перекресткѣ дороги, называемой „Holés Ford“, около 1858—59 г. Ни мѣсяца, ни числа не знаю. Все, что я могу вспомнить, это плантацію и рабскій кварталъ, т. е. ту часть плантаціи, гдѣ были расположены жилища негровъ—рабовъ.

Моя жизнь началась среди ужасной, подавляющей и обезсиливающей нищеты. И это не потому, что мои вла-

---

*) Авторъ—извѣстный въ Америкѣ негръ Букеръ Вашингтонъ, недавно сосредоточившій на себѣ вниманіе американской республики. Изъ за него профессору Бассе въ сѣверной Каролинѣ пришлось подать въ отставку. Именно, Бассе имѣлъ смѣлость сказать въ аудиторіи и даже напечатать что „негръ Букеръ Вашингтонъ послѣ генерала Ли—самый выдающійся человѣкъ на Югѣ“.

Настоящій трудъ—его жизнеописаніе. Вотъ что говоритъ о немъ самъ Букеръ Вашингтонъ: „Эта книга составлена изъ ряда статей, касающихся исторіи моей жизни и печатавшихся періодически въ журналѣ „Outlook“.

При изложеніи я старался передавать исторію моей жизни просто, правдиво, ничего не разукрашивая. Могу сожалѣть только о томъ, что я сдѣлалъ это не такъ полно и не въ такомъ совершенствѣ, какъ хотѣлъ, потому что большая часть моихъ силъ и времени уходила на другія занятія“.

дѣльцы могли быть особенно плохими и жестокими господами. Въ сравненіи съ другими они не были таковыми. Я родился въ типическомъ срубѣ = 16 × 14 кв. футамъ. Въ этой хижинѣ я съ матерью, сестрой и братомъ жили до междоусобной войны за освобожденіе.

О моихъ предкахъ я почти ничего не знаю. Въ рабскомъ кварталѣ шопотомъ говорили о пыткахъ, перенесенныхъ рабами въ трюмахъ пароходовъ, перевозившихъ ихъ изъ Африки въ Америку. Мнѣ никакъ не удалось получить какія либо точныя свѣдѣнія объ исторіи моихъ родныхъ со стороны матери. У нея, кажется, были единокровные братъ и сестра. Во время рабства мало вниманія обращали на исторію и записи семействъ,—конечно, я говорю о черныхъ. Моя мать понравилась покупателю, и онъ сталъ владѣть ею, а затѣмъ и нами. Присоединеніе ея къ прежнимъ рабамъ произвело такое же впечатлѣніе, какъ покупка новой лошади или коровы. О моемъ отцѣ я знаю еще менѣе: не знаю даже его имени. Говорили, что онъ былъ бѣлый и жилъ на одной изъ сосѣднихъ плантацій. Кто-бы онъ ни былъ, я никогда не слыхалъ, чтобы онъ принималъ малѣйшее участіе во мнѣ или способствовалъ чѣмъ либо моему воспитанію. Не мнѣ обвинять его, такъ какъ онъ былъ тоже жертвой несчастнаго учрежденія, которое было тогда еще освящено закономъ. Наша хижина была не только мѣстомъ нашего жительства, но и кухней плантаціи, а моя мать ея кухаркой. Въ хижинѣ не было оконъ со стеклами, были просто какія то отверстія, впускавшія свѣтъ, а въ тоже время и холодный сырой зимній воздухъ. Было нѣчто вродѣ двери—этотъ входъ былъ такой маленькій, и съ такими большими щелями, что не соотвѣтствовалъ своему назначенію. Кромѣ этихъ отверстій, внизу праваго угла комнаты была продолблена „кошачья дыра", приспособленіе неизбѣжное во всѣхъ не только домахъ, но и хижинахъ Виргиніи. Это было квадратное отверстіе = 7×8 д., для свободнаго прохожденія кошекъ ночью. Въ нашемъ же частномъ случаѣ, я никогда не могъ понять смысла этого приспособленія, т. к. въ хижинѣ было около 1/2 дюжины готовыхъ кошачьихъ дыръ. Полъ нашъ былъ земляной, въ срединѣ котораго находилась большая глубокая яма, покрытая досками, въ которой сохранялся сладкій картофель на зиму. Это мѣсто сильно запечатлѣлось въ моемъ мозгу, т. к. во время укладыванія или доставанія этого картофеля, мнѣ удавалось украдкой овладѣвать одной или двумя, которыя я пекъ и съѣдалъ съ наслажденіемъ. На нашей плантаціи не было кухонной печи, и вся варка для „дома" или для рабовъ производилась въ открытыхъ каминахъ, въ котелкахъ или плотно прикрывающихся сковородкахъ. Насколько наша продувная хижина заставляла насъ страдать зимой отъ холодныхъ вѣтровъ, настолько же страдали мы лѣтомъ отъ нестерпимой жары открытаго камина.

Ранніе годы моей жизни, проведенные въ хижинѣ, ничѣмъ не отличались отъ жизни другихъ рабовъ—дѣтей моего возраста. Моя бѣдная мать не имѣла времени отдавать себя днемъ уходу за дѣтьми; раннее утро, до работъ, и вечеръ, по окончаніи работъ, было ея время, и тогда она дѣлала для насъ все, что успѣвала. Хорошо помнится мнѣ, какъ бывало она ночью сваритъ курицу и разбудитъ дѣтей, чтобы покормить ихъ. Гдѣ и какимъ образомъ она доставала этихъ птицъ—не знаю, по всей вѣроятности, онѣ были взяты съ фермы плантатора. Нѣкоторые могутъ назвать это воровствомъ; случись это теперь, я и самъ назвалъ бы это такъ, но въ то время, въ силу тогдашнихъ условій, такое пріобрѣтеніе совершенно мѣняло свой характеръ, и никто въ мірѣ не увѣритъ меня въ томъ, что это было

воровство. Моя мать была просто жертвой рабства. До нашего освобожденія, я никогда не спалъ въ кровати: трое дѣтей, мой старшій братъ Джонъ, сестра Аманда и я спали на грязномъ полу, на кучѣ грязныхъ тряпокъ.

Меня спрашивали иногда, каковы были развлеченія въ моей юности. До такого вопроса мнѣ и въ голову не приходила мысль о томъ, что у меня могъ быть періодъ игръ или забавъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я помню самого себя, меня всегда заставляли что нибудь дѣлать. Еслибъ у меня было тогда время для игръ, конечно, я оказался бы болѣе полезнымъ человѣкомъ и теперь. Хотя въ дни рабства я былъ еще слишкомъ молодъ для серьезной работы, но дѣло всегда было: я подметалъ дворъ, носилъ воду людямъ въ поле, или отправлялся на мельницу—разъ въ недѣлю—отвозя кукурузу для смола. Мельница была въ 3-хъ миляхъ отъ нашей плантаціи. Съ какимъ ужасомъ я думалъ объ этомъ днѣ! Полный мѣшокъ съ кукурузой, раздѣленный поровну съ обѣихъ сторонъ, перебрасывали чрезъ спину лошади но какими-то судьбами,— и почти всегда безъ исключенія,—кукуруза пересыпалась въ одну сторону и мѣшокъ спадалъ—а вмѣстѣ съ нимъ и я. И такъ какъ я былъ очень малъ, чтобы снова взвалить мѣшокъ на лошадь, то часто мнѣ приходилось ждать часами появленія какого либо прохожаго, который помогъ бы мнѣ нагрузить лошадь. И все это время ожиданія я проводилъ въ слезахъ, потому что за запаздываніе мнѣ сильно доставалось. Кромѣ того дорога, по которой мнѣ приходилось ѣхать, была глухая частью шла черезъ густой лѣсъ, и я ѣхалъ вь смертельномъ страхѣ. Носились слухи, что въ лѣсу прятались дезертиры изъ арміи, и мнѣ говорили, что при встрѣнѣ съ неграми — малышами они прежде всего отрѣзывали имъ уши... Представьте себѣ мой ужасъ.

Въ дни рабства я не посѣщалъ школы и только иногда доходилъ до ея порога, неся книги одной изъ моихъ маленькихъ барышень. Видъ нѣсколькихъ дюжинъ дѣвочекъ и мальчиковъ, занятыхъ школьными упражненіями, производилъ на меня сильное впечатлѣніе, точно я находился у вратъ рая. Насколько мнѣ помнится, сознаніе того, что мы рабы, и что о рабствѣ вообще стали разговаривать, я почуялъ однимъ раннимъ утромъ, когда проснулся отъ плача и молитвъ моей матери, просившей Бога о томъ, чтобы Линкольнъ и его армія побѣдили, и мы стали бы впослѣдствіи свободными людьми. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ негры, безъ книгъ и газетъ, не умѣя читать, были такъ основательно знакомы со всѣми подробностями великой національной борьбы. Съ того времени, какъ Гарисонъ, Ловьдоной и др. аболиціонисты стали пропагандировать освобожденіе рабовъ, негры Южныхъ Штатовъ имѣли въ своихъ рукахъ всѣ нити этого движенія. Хотя я былъ совсѣмъ ребенкомъ во время подготовленія къ Междоусобной Войнѣ и въ теченіе самой войны, но я припоминаю теперь многія тайныя собранія и разсужденія шопотомъ моей матери съ другими рабами нашей плантаціи. Эти собранія показывали, что они отлично понимали положеніе вещей и слѣдили за всѣмъ происходившимъ посредствомъ того, что они называли *„винограднымъ телеграфомъ*.

Въ продолженіе президентской компаніи, когда Линкольнъ былъ еще только кандидатомъ на президента, рабы на самыхъ отдаленныхъ плантаціяхъ, за тысячи миль отъ желѣзныхъ дорогъ или большихъ городовъ и газетъ, знали, на чемъ строилась кандидатура Линкольна. Когда началась война между Сѣверомъ и Югомъ, каждый рабъ нашей плантаціи зналъ, что каковы бы ни были другія исходныя точки этой войны, главною изъ нихъ было рабство. Даже самые невѣжественные члены моей

расы, на самыхъ отдаленныхъ плантаціяхъ, чувствовали съ увѣренностью точнаго знанія, что въ случаѣ побѣды сѣверныхъ войскъ, однимъ изъ главныхъ результатовъ войны будетъ освобожденіе негровъ. Всякій успѣхъ Федеральныхъ войскъ или пораженіе Конфедеративныхъ вызывалъ горячіе толки и разсужденія о неминуемыхъ послѣдствіяхъ Очень часто рабы узнавали о ходѣ гораздо ранѣе своихъ господъ. Эти извѣстія обыкновенно получались отъ тѣхъ рабовъ, которыхъ посылали въ городъ за почтой. Отъ насъ почтовая контора была на разстояніи трехъ миль, и почта получалась разъ или два въ недѣлю. Почтарь, толкаясь между бѣлыми, собравшимися обсуждать послѣднія дѣйствія войны, набирался самыхъ свѣжихъ новостей и по дорогѣ дѣлился ими со своими черными братьями гораздо ранѣе того, чѣмъ эти извѣстія доходили до „большого дома", какъ называли господскій домъ.

За все свое „рабское" дѣтство я ни разу не помню, чтобы вся наша семья садилась одновременно за столъ, какъ это обыкновенно дѣлается между цивилизованными людьми. На плантаціяхъ Виргиніи, и даже послѣ, дѣтямъ давали ѣсть, какъ домашнимъ животнымъ. Кусочекъ хлѣба или мяса совался имъ въ руки, иногда чашка молока или картофель,—ѣли, гдѣ попало. Помню, какъ нѣсколько членовъ семьи ѣли изъ одной сковородки или горшка, тогда какъ другіе просто изъ жестяной тарелки, держа ее на своихъ колѣняхъ. Когда я немного подросъ, меня часто отправляли въ „большой домъ" для того, чтобы большими бумажными вѣерами, — двигавшимися посредствомъ блоковъ, - отгонять мухъ за столомъ. Естественно, что большая часть разговоровъ вертѣлась на исходѣ войны, и я съ жадностью ловилъ всѣ подробности и съ тѣмъ же чувствомъ передавалъ ихъ дома. Помнится, однажды двѣ мои барышни ѣли съ гостями пряники. Тогда это казалось мнѣ верхомъ блаженства, и я рѣшилъ, что какъ только насъ освободятъ, я начну ѣсть пряники во всякое время, какъ это дѣлали мои барышни.

Съ продолженіемъ войны, бѣлымъ было трудно добывать съѣстные припасы, рабы мало чувствовали этого рода лишенія, т. к. кукурузный хлѣбъ и свинина,—будучи продуктомъ домашнимъ,—всегда были въ хозяйствѣ; но чай, сахаръ, кофе и др. подобныя вещи, къ которымъ привыкли бѣлые, не производились на плантаціяхъ, и часто было просто невозможно доставать ихъ. Конечно, господа сильно страдали. Дѣлали кофе изъ жареной кукурузы, а вмѣсто сахару употребляли патоку, но нерѣдко и этого не хватало. Первая пара сапогъ, которую я надѣль, была деревянная, съ кускомъ грубой кожи въ верхней части. Помимо того, что они натирали мнѣ ноги и были очень неудобны, они производили еще сильный шумъ. Но самымъ ужаснымъ впечатлѣніемъ моего дѣтства было ношеніе грубой, суровой рубашки изъ льна. Въ той части Виргиніи, гдѣ я жилъ, рабовъ очень часто водили въ грубомъ полотнѣ. Но полотно это выдѣлывалось изъ самой черствой и дешевой части льна. Я даже не могу представить другой, болѣе тяжелой пытки, какъ ношеніе этой рубашки, когда она новая. Пытка эта почти равняется тому ощущенію, ежели бы кого-нибудь завернули въ каштановыя скорлупки и трясли бы отъ времени до времени. Я до сихъ поръ отчетливо помню это ощущеніе. А если прибавить къ этому мой нѣжный возрастъ, то картина мученій будетъ понятна, но замѣнить ее было нечѣмъ, а безъ рубашки ходить было нельзя, хотя, будь предоставленъ мнѣ выборъ, я конечно предпочелъ бы ходить голымъ. Мой братъ Джонъ, старше меня на нѣсколько лѣтъ, совершилъ такой подвигъ, который рѣдко встрѣчается въ родственныхъ записяхъ. Когда мнѣ приходилось на-

дѣвать новую холщевую рубашку, онъ носилъ ее самъ до тѣхъ поръ, пока она не обнашивалась, и тогда уже отдавалъ ее мнѣ. Во все мое рабское дѣтство я не носилъ ничего, кромѣ рубашки. Изъ всего сказаннаго можно заключить, что черные питали зависть и вражду къ бѣлымъ. Но я могу смѣло сказать, что не только наша плантація, но и большинство черныхъ на Югѣ, съ которыми рабовладѣльцы обращались хоть сколько нибудь человѣчно, не питали этихъ чувствъ.

Во время войны одинъ изъ моихъ молодыхъ господъ былъ убитъ, а двое тяжело ранены. Я отлично помню то глубокое чувство горя, которое охватило всѣхъ насъ при этомъ извѣстіи, и оно было вполнѣ искренное. Нѣкоторые изъ насъ няньчили его, когда онъ былъ ребенкомъ, другіе играли съ нимъ. „Марсъ—Пилли“ часто заступался за насъ, когда хозяинъ или надсмотрщикъ наказывалъ насъ. И наше горе было почти равно горю „большого дома.“ Когда молодые раненные господа были привезены домой, то всѣ мы такъ или иначе выражали имъ свою симпатію; мы также оспаривали честь ухода за ними, какъ и ихъ родственники. Нѣкоторые изъ насъ, отработавши цѣлый день, просили, какъ милости, подежурить ночью у кровати больныхъ офицеровъ. Эта нѣжная заботливость и сочувствіе со стороны угнетенныхъ рабовъ ярко характеризовали ихъ доброе и незлопамятное сердце.

Для того, чтобы защитить женщинъ и дѣтей, оставшихся на плантаціи по уходѣ мужей на войну, эти самые рабы отдали-бы свою собственную жизнь. Рабъ, получившій приказаніе остаться ночью въ „большомъ домѣ“, считалъ себя счастливымъ. Всякій, кому вздумалось бы нанести вредъ старой или молодой хозяйкѣ, долженъ былъ переступить черезъ тѣло ихъ вѣрнаго раба. Я не знаю, извѣстно ли это кому другому, но я не знаю случая, въ которомъ бы негръ,—въ рабствѣ или на свободѣ нарушилъ оказанное ему довѣріе. Какъ правило, вѣрно, что негры, какъ до войны, такъ и послѣ нея не питали злобы противъ своихъ хозяевъ; бывали даже случаи, что они заботились и помогали имъ, когда тѣ, послѣ войны, оказывались разоренными и нуждавшимися въ помощи. Я лично знаю случаи, когда рабы посылали часть своихъ заработковъ обѣднѣвшимъ господамъ; и даже такіе случаи, когда негры воспитывали дѣтей обѣднѣвшихъ своихъ хозяевъ, раззоренныхъ войною. Я даже знаю такой фактъ: когда одинъ молодой бѣлый, сынъ прежнихъ господъ, до того опустился отъ пьянства, что не могъ ничего самъ себѣ зарабатывать, и бывшіе рабы, не смотря на свою собственную бѣдность, годами снабжали его всѣмъ необходимымъ для жизни. Одни посылали немного сахару, другіе кофе, и т. д. Ничто не было трудно для тѣхъ, кто зналъ и любилъ стараго Тома, и пока живы, они не допустятъ, чтобы „его“ сынъ въ чемъ нибудь нуждался.

Я сказалъ выше, что негры очень дорожатъ оказываемымъ имъ довѣріемъ. Въ доказательство приведу случай съ бывшимъ рабомъ изъ Виргиніи, котораго я недавно встрѣтилъ въ небольшомъ городкѣ въ Огайо. Я узналъ, что этотъ рабъ за 2 или за 3 года до эмансипаціи сдѣлалъ контрактъ со своимъ господиномъ, въ силу котораго онъ могъ выкупить себя, ежегодно уплачивая столько-то за свое тѣло, и что онъ былъ свободенъ работать, гдѣ и у кого угодно. Находя болѣе удобнымъ для себя Огайо, онъ переселился туда. Когда свобода была объявлена, онъ еще былъ долженъ своему господину около 3 сотъ долларовъ. Не смотря на то, что объявленіе эмансипаціи освобождало его отъ какихъ либо обязательствъ къ своему бывшему господину, онъ пришелъ къ нему и вручилъ все, до послѣдняго

доллара съ процентами. Этотъ рабъ зналъ, что по закону онъ не обязанъ былъ уплатить долгъ своему господину, но онъ это сдѣлалъ ради даннаго слова, котораго никогда не нарушалъ. Онъ чувствовалъ, что будетъ въ состояніи наслаждаться своей свободой, только уплативъ свой долгъ сполна. Въ виду такого факта могутъ подумать, что негры не желали быть свободны; это не вѣрно: я не зналъ ни одного, который бы не желалъ, или который бы захотѣлъ вернуться въ рабство. Я жалѣю отъ всего сердца всякую націю, которая была бы такъ несчастлива, что допустила бы себя опутать цѣпями рабства. Уже давно я пересталъ чувствовать какую либо горечь по отношенію бѣлыхъ юга за порабощеніе моей расы. Ни одна отдѣльная часть Юга не отвѣтственна за его введеніе и, кромѣ того, правительства всѣхъ Штатовъ признавали и охраняли его годами. Разъ установивши и связавши это учрежденіе экономическою и соціальною жизнью страны, не легко было отъ него освободиться. Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ расовые предразсудки и чувства, и глядя прямо въ глаза фактамъ, мы должны признать, что не смотря на всю жестокость и безнравственность рабства, 10 милліоновъ негровъ, которые прошли черезъ школу Американскаго рабства, теперь сильнѣе матеріально, умственно, нравственно и религіозно, чѣмъ равное число негровъ въ какой либо другой части свѣта. Это настолько вѣрно, что Американскіе негры, сами или ихъ предки, прошедшіе черезъ опытъ рабства, постоянно отправляются въ Африку, какъ миссіонеры, чтобы просвѣщать тѣхъ, которые остались на ихъ родинѣ. Я говорю это не съ цѣлью оправданія рабства, напротивъ, я порицаю его, какъ учрежденіе, такъ какъ оно было заведено съ чисто эгоистичною цѣлью, и вовсе не изъ-за миссіонерскихъ побужденій; если я говорю то, что сказалъ, то изъ желанія обратить вниманіе на фактъ того, какъ Провидѣніе часто употребляетъ людей и ихъ учрежденія для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Когда меня спрашиваютъ теперь, часто посреди дѣйствительно, повидимому, безнадежныхъ положеній, какъ я могу вѣрить въ будущность моей расы въ этой странѣ, я напоминаю имъ о той ужасающей пустынѣ, чрезъ которую и изъ которой благому Провидѣнію угодно было насъ вести и вывести.

Съ того времени, какъ я только началъ думать сознательно, я рѣшилъ, что не смотря на жестокую несправедливость оказанную намъ бѣлыми, мы все таки получили почти столько же пользы изъ рабства, какъ сами бѣлые.

Это вполнѣ оправдывалось жизнью нашей собственной плантаціи. Вся процедура рабства была такъ устроена, что трудъ казался всѣмъ чѣмъ то унизительнымъ, низкимъ. И вслѣдствіе этого обѣ расы старались избѣгать его. Система рабства на нашей плантаціи въ большей мѣрѣ способствовала уменьшенію самопомощи и само-дѣятельности бѣлыхъ. Мой бывшій господинъ имѣлъ много мальчиковъ и дѣвочекъ, но, насколько я знаю, никто изъ нихъ не изучалъ ни одного полезнаго ремесла или какого либо продуктивнаго занятія. Дѣвочекъ не учили, какъ готовить кушанья или какъ вести хозяйство. Все это предоставлено рабынямъ. Рабы, съ своей стороны, имѣли очень мало интереса въ жизни плантаціи, и въ своемъ невѣжествѣ мало заботились о томъ, чтобы изучить и дѣлать что-либо болѣе основательнымъ образомъ. Результатомъ этого было то, что заборы не чинились, ворота висѣли на завѣсахъ, двери скрипѣли, рамы оконъ выпадали, штукатурка осыпалась и не замѣнялась и сорныя травы росли въ изобиліи по дворамъ. Въ большинствѣ случаевъ пищи и было довольно для бѣлыхъ и черныхъ, но внутри дома и на столѣ недоставало того, что можетъ сдѣлать

домъ дорогимъ, удобнымъ, комфортабельнымъ и привлекательнымъ мѣстомъ. Когда, наконецъ, пришла свобода, то рабы были настолько же подготовлены къ новой жизни, какъ и господа, исключая, конечно, книжную ученость и матеріальное богатство. Рабовладѣлецъ и его сынъ не знали ни одной продуктивной дѣятельности. Они съ молодости, съ молокомъ матери впитали сознаніе того, что ручной трудъ унизителенъ и поэтому неприличенъ для нихъ. Рабы же, во многихъ случаяхъ, знали какое либо ремесло, и никто не стыдился работать. Война, наконецъ, окончилась, и день свободы занялся.

Это былъ многозначительный и много знаменательный день для всѣхъ на нашей плантаціи; мы ожидали его; свобода носилась въ воздухѣ уже много мѣсяцевъ до этого; дезертиры изъ солдатъ возвращались домой каждый день. Другіе, отпущенные на слово или получившіе отпускъ, проходили вблизи нашего мѣста: живой, или какъ его называли „виноградный", телеграфъ былъ въ полномъ ходу день и ночь. Новости или даже предчувствія великихъ событій облетали съ быстротой молніи отъ одной до другой плантаціи.

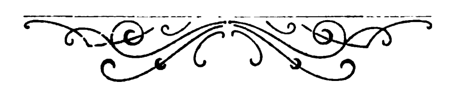
Изъ опасенія нашествія „янки", серебро и всякія цѣнныя вещи уносились изъ большого дома, зарывались въ лѣсу довѣренными неграми. Горе тому, кто осмѣлился бы посягнуть на эти сокровища. Рабы отдавали сѣверянамъ все, что имѣли, пищу, пить и одежду, все, только не то, что было ввѣрено ихъ чести и попеченію. Съ приближеніемъ великаго дня пѣсни не умолкали на плантаціи; онѣ были все смѣлѣе и громче, и часто раздавались даже послѣ полуночи. Большинство этихъ пѣсенъ относилось къ свободѣ. Правда, эти пѣсни пѣлись и раньше, но онѣ придавали слову „свобода" духовное значеніе, относящееся къ тому міру и, повидимому, не имѣющее никакой связи съ настоящимъ Теперь же рабы сбросили маску и не боялись явно говорить, что „эта" свобода касалась тоже ихъ тѣла. Въ ночь до этого незабвеннаго дня по всему рабскому кварталу пронеслась молва, что что-то особенное произойдетъ въ „большомъ домѣ" завтра утромъ. Мало спали въ эту ночь, всѣ волновались, все ждали! Рано утромъ полученъ былъ приказъ, чтобы всѣ рабы, молодые и старые, явились въ „домъ". Въ компаніи моей матери, брата, сестры и многихъ рабовъ, и я отправился въ господскій домъ.

Вся семья нашего господина, стоя и сидя на верандѣ, готовилась увидѣть и услышать то, что должно было произойти. Лица ихъ выражали серьезную задумчивость, даже грусть, но не горечь. Насколько я могу теперь припомнить, эта грусть происходила не отъ того, что въ лицѣ насъ они теряли свою собственность, а просто отъ печали разстаться съ тѣми, которыхъ они выростили, съ которыми сжились и были связаны очень тѣсно. Но болѣе всего сохранился въ памяти тотъ эпизодъ этой сцены, когда одинъ человѣкъ, совсѣмъ чужой (по всей вѣроятности чиновникъ Соед. Штатовъ), сказалъ маленькую рѣчь и потомъ прочелъ нѣсколько длинную бумагу—Объявленіе Свободы Неграмъ. Послѣ чтенія намъ объявили, что мы свободны, и можемъ идти, когда и куда намъ угодно. Моя мать, стоявшая около меня, качнулась и со слезами на глазахъ поцѣловала своихъ дѣтей. Она объяснила намъ, что все это значило, что наконецъ наступилъ день, о которомъ она такъ долго молилась—боясь не дожить до его пришествія.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ происходили дикія сцены радости, благодаренія и непомѣрнаго экстаза,—но горечи не было; напротивъ, какая то жалость по своимъ утраченнымъ господамъ. Но радость эта была недолговѣчна; прежде чѣмъ мы дошли до своихъ кварталовъ, произошла какая-то перемѣна въ настроеніи. Великая отвѣтственность „быть свободнымъ", заботиться и

думать самимъ о себѣ и своихъ близкихъ, начала ясно представляться каждому зрѣлому уму. Мы походили на дѣтей 10-ти, 12-ти лѣтъ, брошенныхъ въ жизнь, съ полной заботой о самихъ себѣ. Въ нѣсколько часовъ великіе вопросы, съ которыми Англо-Саксонцы боролись столѣтіями, были брошены на шею этимъ людямъ для разрѣшенія. Это были вопросы: о семьѣ, о добываніи средствъ къ жизни, воспитаніи дѣтей, образованіи, гражданскомъ устройствѣ и поддержаніи церквей. Было ли страннымъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ликованія смолкли и глубокое раздумье охватило весь рабскій кварталъ? Нѣкоторымъ стало ясно теперь, что разумное пользованіе свободой вещь—далеко не легкая. Нѣкоторые рабы были 70—80 лѣтъ; ихъ лучшіе дни прошли; у нихъ не было силъ для добыванія средствъ къ жизни въ чужой странѣ, между чужими людьми, хотя бы они и были увѣрены въ пріисканіи хорошаго мѣста жительства. Для нихъ вопросы эти были ужасны. Кромѣ того, въ глубинѣ души имъ было ужасно тяжело разставаніе съ ихъ старыми господами, и особенно, съ дѣтьми, выросшими на ихъ глазахъ, ихъ же трудами и заботами. Съ ними они прожили добрыя полъ сотни лѣтъ, и мысль о разлукѣ была такъ горька. Мало-по-малу, по одиночкѣ, какъ бы крадучись, старшіе рабы направились въ „большой домъ“, чтобы посовѣтоваться со своими прежними владѣльцами объ ихъ будущихъ планахъ.

(До слѣд. №-ра.)

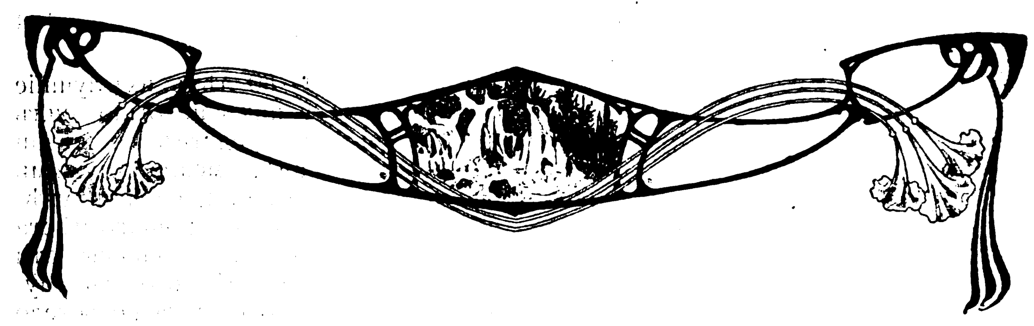

Туманъ.

Ф. С. Г—у.

Одѣлись поля непрогляднымъ туманомъ,
Померкнуло солнце во мглѣ облаковъ.
И дышетъ природа холоднымъ обманомъ,
Тоскливою тьмою несбывшихся сновъ.
Намъ вѣрить хотѣлось... Мы страстно мечтали,
Встрѣчая съ восторгами проблески дня.
И вновь помутнѣли по прежнему дали,
И нѣтъ въ нихъ улыбки, и нѣтъ въ нихъ огня..
Но утро настанетъ.. Минуетъ ненастье,
Туманъ расплывется, и солнце взойдетъ...
Тотъ силенъ, кто вѣритъ въ грядущее счастье
И бремя невзгоды съ терпѣньемъ несетъ...

С. Федоренко.

Генеральные штаты во Франціи.

Н. Рейнгардта.

Всѣ политическія учрежденія какой бы то ни было страны составляютъ продуктъ исторической эволюціи и находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ господствующими идеями, при исчезновеніи которыхъ исчезаютъ и соотвѣтствующія этимъ идеямъ учрежденія. Такъ исчезли въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія генеральные штаты во Франціи вслѣдствіе исчезновенія въ общественномъ сознаніи идей объ ихъ необходимости.

Католическо - феодальный строй средне - вѣковой Франціи, какъ и всей Западной Европы, представляется продуктомъ историческаго развитія, начало котораго коренится въ исторіи римскаго государства, причемъ, во всѣ эпохи исторіи феодализма, отдѣльныя части средневѣковаго строя отражаютъ характеръ цѣлаго, въ которомъ все было построено на принципѣ (юридическомъ) подчиненія младшаго старшему, вассала сюзерену, на принципѣ (моральномъ) уваженія перваго къ послѣднему и любви послѣдняго къ первому: главная обязанность вассала заключалась въ повиновеніи, а сюзерена—въ защитѣ слабаго. Вассалы не были рабами, а только подданными, имѣвшими извѣстныя права и несшими соотвѣтствующія обязанности. Сюзерены носили различные титулы, какъ то: барановъ, графовъ, герцоговъ и пр. Во главѣ всей страны стоялъ король, находившійся въ такихъ же юридическихъ отношеніяхъ къ своимъ вассаламъ, т. е. къ баронамъ, графамъ и герцогамъ, въ какихъ послѣдніе находились къ своимъ.

Сюзеренъ былъ военачальникъ и судья своихъ вассаловъ, но судилъ онъ не одинъ, а при участіи послѣднихъ или ихъ выборныхъ; кромѣ того, въ извѣстное время года вассалы или ихъ выборные обязаны были собираться во дворецъ сюзерена для обсужденія съ послѣднимъ или уполномоченнымъ имъ лицомъ хозяйственныхъ дѣлъ *). Изъ этихъ-то собраній съ теченіемъ времени и образовались во Франціи провинціальныя собранія, а затѣмъ генеральныя собранія.

* * *

Исторія представительныхъ учрежденій всѣхъ странъ имѣетъ одинъ и тотъ же источникъ — принципъ совмѣстнаго обужденія общихъ дѣлъ, который, по мнѣнію французскаго ученаго Rathery **), существо-

*) Alexis Tocqueville—d'Ancilen Régime et la Revolution.

**) Rathery — Histoire des Etats generaux de France.

валъ во всѣхъ обществахъ болѣе или менѣе многочисленныхъ, гдѣ каждый индивидумъ находился въ личной связи съ цѣлой общиной; въ позднѣйшее время, когда согласіе всѣхъ выражалось посредствомъ уполномоченныхъ, образовались представительныя собранія, исходящія изъ того же принципа и встрѣчающіяся у всѣхъ народовъ, у которыхъ цивилизація сдѣлала нѣкоторый шагъ впередъ. Съ исторіей представительныхъ учрежденій связана исторія политической свободы, которая возникаетъ въ Западной Европѣ съ XI столѣтія, когда началось освобожденіе общинъ отъ власти бароновъ: это освобожденіе идетъ въ теченіе пяти столѣтій и совершается въ большинствѣ случаевъ посредствомъ выкупа своей самостоятельности и независимости отъ власти сюзереновъ. Надо замѣтить, что въ эту эпоху общины, города, пріобрѣтя, при помощи труда, промышленности и торговли значительныя богатства, были въ состояніи выкупить себя отъ ленной зависимости сюзерена, сдѣлаться вполнѣ самостоятельными.

Такимъ образомъ общины и города З. Европы пріобрѣли свободу не насиліемъ, не кровью, а при помощи капитала, представляющаго въ настоящее время источникъ политической силы. Изъ этого слѣдуетъ, что общій историческій ходъ этого освободительнаго движенія имѣлъ во всѣхъ странахъ одинъ и тотъ же характеръ, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи, во Франціи и Англіи, а потому относительно свободы всѣхъ странъ можно сказать то же, что сказалъ Галламъ (Hallam) относительно англійской свободы.

„Не рѣдко,—говоритъ онъ,—приходилось слышать, что Англійская свобода была куплена цѣною крови нашихъ отцовъ. Это справедливо только отчасти, а вообще будетъ вѣрнѣе сказать, что она была куплена за деньги. Большинство нашихъ лучшихъ законовъ, и даже сама великая Хартія, такъ, какъ она существуетъ до сего времени, были получены въ буквальномъ смыслѣ слова за деньги, при посредствѣ торга съ короной. Во многихъ парламентахъ Эдуарда III и Ричарда II эта торговля совершалась весьма откровенно, безъ всякаго стѣсненія, какъ будто бы дѣло шло о самой обыкновенной вещи между двумя купцами".

Феодальная система, какъ воплощеніе средне-вѣкового идеала, согласуясь съ соціальными условіями исторической эпохи, и соотвѣтствуя господствующимъ идеямъ, вполнѣ удовлетворяла въ свое время потребностямъ общества, въ которомъ всѣ классы исполняли свое назначеніе, пользуясь извѣстными правами, соотвѣтственно лежащимъ на нихъ обязанностямъ.

Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ паденія преданій, по мѣрѣ развитія и распространенія научныхъ знаній, содѣйствовавшихъ развитію критической мысли, средне-вѣковая система, на континентѣ Европы и въ особенности во Франціи, стала несовмѣстной съ возникающимъ мирно-промышленнымъ строемъ общества и новыми идеями. Отсюда, понятно, должна была возникнуть и дѣйствительно возникла борьба между трудящимся и феодальными классами, которая особенно рѣзко проявилась во Франціи, гдѣ защитницей новаго направленія явилась королевская власть, которая, принявъ сторону трудящихся классовъ, пошла во главѣ ихъ противъ феодаловъ, оказавшихся враждебными прогрессу. Учреждая парламенты, высшія судебныя и административныя учрежденія въ провинціи, короли тѣмъ самымъ ограничивали административную и судебную власть бароновъ, которая съ теченіемъ времени совершенно уничтожилась; созывая генеральные штаты, въ которыхъ принимали участіе представители среднихъ классовъ, короли усиливали такимъ образомъ свою власть,

которая достигла своего апогея при Людовикѣ XIV. Этотъ король со второй половины своего царствованія свернулъ съ прогрессивнаго пути, указаннаго его великими предшественниками и духомъ времени, и пошелъ въ противоположномъ направленіи.

Духъ времени требовалъ свободы совѣсти, а онъ уничтожилъ Нантскій эдиктъ, что принесло громадный вредъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи Франціи; духъ времени и историческія условія требовали уничтоженія привиллегій высшихъ классовъ, а онъ сохранилъ означенныя привиллегіи, цѣной которыхъ аристократія, потерявъ самостоятельность и политическое значеніе, обратилась въ придворныхъ слугъ и окончательно отдѣлилась отъ народа.

Въ этомъ отношеніи характеръ французской исторіи значительно разнится отъ англійской: въ Англіи высшіе классы соединились со средними, приняли на себя всѣ общественныя тяготы и, удержавъ передовой постъ въ борьбѣ за политическую свободу, содѣйствовали развитію и укрѣпленію соотвѣтствующихъ духу ея учрежденій, которыя всегда представлялись достойными образцами для подражанія другимъ государствамъ. Даровая служба, которую несла англійская аристократія, и союзъ ея съ народомъ содѣйствовали образованію мѣстнаго самоуправленія, предохранивъ Англію отъ господства бюрократіи.

Политическія учрежденія Англіи, гарантирующія съ одной стороны общественный порядокъ, а съ другой—свободу гражданина, составляютъ продуктъ ея исторіи, которая, надо сказать, не всегда шла мирнымъ, покойнымъ путемъ, а носила не рѣдко трагическій характеръ въ такіе моменты, когда свободному развитію націи ставились сильныя препятствія...

Въ своей новѣйшей исторіи Англія пережила двѣ революціи, одну съ кровавымъ оттѣнкомъ, другую безкровную, послѣ которой политическое развитіе пошло уже болѣе или менѣе нормальнымъ порядкомъ.

Не то мы видимъ во Франціи, въ которой исторія шла инымъ путемъ, развивая централизацію, бюрократію и систему опеки надъ обществомъ, что вело къ полному упраздненію мѣстнаго самоуправленія. Одной изъ главныхъ причинъ этого явленія, какъ показываетъ исторія генеральныхъ штатовъ, была рознь между сословіями, которая постепенно возрастала по мѣрѣ удаленія аристократія отъ участія въ мѣстныхъ дѣлахъ и пріобрѣтенія ею привиллегій.

Пока общины и города не освободились отъ вассальной зависимости, собранія генеральныхъ штатовъ состояли изъ представителей высшихъ сословій, дворянства и духовенства, а затѣмъ, по мѣрѣ освобожденія общинъ, стали отъ времени до времени появляться представители третьяго сословія, которые съ XIV столѣтія принимали уже постоянное участіе.

Идея, что страною управляетъ король не одинъ, а при участіи разныхъ штатовъ, уже въ XII столѣтіи проникла въ общественное сознаніе, даже въ сознаніе королей.

Генеральные штаты, выражая въ своихъ постановленіяхъ потребности и мнѣніе страны, являются такимъ образомъ посредствующимъ органомъ между королемъ и народомъ, оказывая значительную помощь въ управленіи и своей нравственной поддержкой содѣйствуя могуществу королевской власти. Вотъ почему французскіе короли при всякихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а въ особенности при борьбѣ съ своими врагами, какъ напримѣръ съ римскими папами, созывали генеральные штаты.

Такъ, въ 1308 году Филиппъ Красивый по поводу борьбы съ папой Бонифаціемъ VIII-мъ созвалъ генеральные штаты, пригласивъ на нихъ

представителей третьяго сословія, которые весьма энергически поддержали сторону короля.

Собраніе генеральныхъ штатовъ, бывшее въ 1313 году, замѣчательно тѣмъ, что оно установило весьма важный принципъ, заключающійся въ томъ, что для установленія какого нибудь налога необходимо согласіе всѣхъ трехъ сословій.

Въ теченіе трехъ послѣдующихъ столѣтій генеральные штаты, хотя постоянно собирались, но все рѣже и рѣже, а послѣ собранія, бывшаго въ 1614 году, до конца XVII столѣтія не было ни одного собранія.

На собраніи 1614 года весьма рѣзко проявилась рознь сословій и въ особенности надменное отношеніе высшихъ классовъ къ среднему. Если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя стороны французской исторіи, то вполнѣ ясно поймемъ, почему это было послѣднее собраніе и почему генеральные штаты уже болѣе не созывались вплоть до 1789 года, когда собраніе генеральныхъ штатовъ преобразовалось въ національное собраніе.

Французская аристократія, пріобрѣтая привиллегіи и освобождаясь отъ всякихъ повинностей, не несла никакой службы, кромѣ военной и придворной, а также высокихъ должностей, богато оплаченныхъ и имѣвшихъ болѣе почетный характеръ, чѣмъ дѣловой.

Всѣ судебныя и нѣкоторыя административныя должности, какъ мелкія, такъ и крупныя, были покупныя и занимались лицами средняго сословія. Чтобы увеличить государственные или, вѣрнѣе, свои доходы, короли постоянно создавали новыя и новыя должности, — и въ этомъ отношеніи Людовикъ XIV-й превзошелъ своихъ предшественниковъ. По разсчету Токвиля, съ 1690 по 1709 года создано было сорокъ тысячъ различныхъ должностей, на которыя съ жадностью набросилась мелкая буржуазія, что повело къ образованію громадной бюрократической машины.

Во главѣ этой машины въ провинціяхъ стояли интенданты, имѣвшіе подъ своею властью массу различныхъ чиновниковъ, а надъ всѣми ими во главѣ всеуправленія стоялъ генералъ-контролеръ (Controleur-general), вѣдавшій внутреннія дѣла, финансы, торговлю, промышленность и общественныя работы.

Такимъ образомъ Франціей управляла не аристократія, представлявшая изъ себя только паразита на политическомъ тѣлѣ,—государствѣ, а буржуазная бюрократія, для которой былъ выгоденъ подобный порядокъ вещей, отражавшійся весьма печально на народѣ.

Аристократія, живя на счетъ государства, т. е. платящихъ классовъ, и не неся никакихъ относительно его обязанностей, считала такое положеніе вполнѣ достойнымъ своего званія и свысока относилась къ буржуазіи, которая платила ей глубокой ненавистью. Сословная рознь была сильная.

Вражда и рознь сословія весьма рѣзко проявились на упомянутомъ выше собраніи 1614 года: всѣ три сословія преслѣдовали партійные интересы, игнорируя общіе *). Духовенство требовало независимости церкви, дворянство синекуръ и привиллегій, буржуазія наслѣдственности должностей. Впрочемъ нѣкоторыя требованія третьяго сословія, хотя и выходили изъ эгоистическихъ побужденій, но имѣли всетаки кой-какой общественный характеръ: въ числѣ такихъ—можно указать на необходимость созыва генеральныхъ штатовъ, черезъ каждые десять лѣтъ; на необходимость экономіи въ финансахъ, сокращеніе пенсій и проч.

Но особенно заслуживаютъ вниманія въ тетрадяхъ третьяго сосло-

*) *Bathery*—Histoire des Etats genereaux. *Lavisse* et *Rambau*. Histoire general. t. VI.

вія постановленія, указывающія, что въ этомъ сословіи глубоко проникла идея абсолютной королевской власти. Эти постановленія помѣщены на первомъ мѣстѣ, подъ особой главой De la sureté des rois (о безопасности королей), въ которой между прочимъ говорится: „Основной законъ заключается въ томъ, что на землѣ нѣтъ никого, какъ духовнаго такъ и свѣтскаго, кто бы имѣлъ права на государственную власть, кромѣ короля, получившаго корону отъ одного Бога. . . . . . .Поэтому всѣ подданные должны признавать этотъ законъ, какъ святой и истинный...).

Противъ подобнаго взгляда на королевскую власть возстали дворянство и духовенство, поднявъ такой шумъ, что Людовикъ XIII не дозволилъ печатать означенную главу.

Такимъ образомъ, взглядъ на короля, какъ на воплощеніе идеи государства, признаніе абсолютной его власти выработанъ третьимъ сословіемъ, высказавшимъ его на собраніи генеральныхъ штатовъ 1614 года, а затѣмъ формулированъ былъ, какъ основной принципъ публичнаго права, знаменитымъ Босюэтомъ, въ его трактатѣ, написанномъ для руководства Дофина и проникнутомъ вполнѣ теологическимъ характеромъ.

Вотъ что говоритъ знаменитый проповѣдъ:*) Богъ установилъ королевскую власть, чтобы черезъ королей, какъ своихъ уполномоченныхъ, царствовать надъ народами; личность королей освящена, и всякое покушеніе на нихъ будетъ святотатствомъ. . . . . Государь не частное лицо, а публичное: все государство заключается въ немъ, въ немъ воплощается воля всего народа".

Собраніе генеральныхъ штатовъ въ 1614 году показало, что между тремя сословіями нѣтъ ничего общаго, что идеи и стремленія третьяго сословія совершенно противоположны идеямъ и стремленіямъ высшихъ сословій: третье сословіе выставило идею абсолютной королевской власти, находящейся въ противорѣчіи съ независимымъ и опозиціоннымъ духомъ высшихъ классовъ, желавшихъ свободы и независимости только для себя, а не для другихъ; третье сословіе выдвинуло принципъ государственной экономіи и сокращеніе привиллегій.

Подобная рознь во взглядахъ и стремленіяхъ сословій, указывающая, что между ними не можетъ быть никакого соглашенія, дѣлала невозможнымъ дальнѣйшіе созывы генеральныхъ штатовъ, которые созывались, чтобы дать свое согласіе на ту или другую мѣру, предлагаемую королемъ.

Такъ какъ принципъ абсолютизма королевской власти приводилъ къ отрицанію генеральныхъ штатовъ, то понятно, что идея о необходимости участія послѣднихъ въ государственной жизни должна была исчезнуть изъ общественнаго сознанія, а это, конечно, повело и къ самому факту ихъ исчезновенія.

Но хотя во Франціи окончательно установилась политическая доктрина, что король есть воплощеніе идеи государства, эта доктрина не признавалась европейскими государственными людьми, находившими, что при международныхъ соглашеніяхъ необходимо вмѣстѣ съ королемъ участіе и представителей націи. Такъ, послѣ войны за испанское наслѣдство, при заключеніи мира, союзники потребовали, чтобы французскій король, отказываясь за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ права на испанскую корону, совершилъ бы этотъ отказъ при участіи генеральныхъ штатовъ; не желая созывать послѣднихъ, король приказалъ парижскому парламенту совмѣстно съ нотаблями сдѣлать по этому вопросу надлежащее постановленіе, чѣмъ союзники вполнѣ удовлетворились.

Надо замѣтить, что впослѣдствіи

*) *Bossuet*—La Politique tirée de la sainte ecriture.

дѣятельность парламентовъ была ограничена только судебною сферою, такъ какъ могущественная бюрократія не допускала вмѣшательства какой бы то ни было независимой власти въ область ея компетенціи. Такъ, напримѣръ, когда во время голода, бывшаго въ концѣ царствованія Людовика XIV, парижскій парламентъ рѣшилъ принять на себя контроль по выдачѣ пособій пострадавшимъ отъ неурожая, то королевскимъ декретомъ ему предписано было не вмѣшиваться въ дѣйствія административныхъ властей, а заниматься только судебными дѣлами.

Какъ аристократія, такъ и буржуазная бюрократія, обезпеченныя въ своемъ матеріальномъ положеніи, не желали никакой перемѣны въ государственномъ устройствѣ и враждебно относились ко всякой мысли относительно измѣненія существующаго порядка вещей, который непосильнымъ бременемъ лежалъ на народѣ.

На тяжелое положеніе народной массы обратилъ весьма серьезное вниманіе знаменитый маршалъ Вобанъ, который въ теченіе тридцати лѣтъ изъѣздилъ почти всю Францію, изучивъ при этомъ ея экономическое положеніе и причину ужасной нищеты народа. Результатомъ его изслѣдованія явилась книга „La dime royle“, въ которой онъ указалъ и средства, чтобы поднять благосостояніе народа.

По мнѣнію Вобана, основаніе благосостоянія всякаго государства заключается въ благосостояніи народной массы. Трудъ, и въ особенности земледѣльческій, составляетъ основаніе богатства націи. Всякое стѣсненіе, созданное регламентаціей относительно промышленности и торговли, является бѣдствіемъ для государства, а потому благо послѣдняго требуетъ свободы ихъ. Всѣ подданные государства, къ какому бы классу они не принадлежали, обязаны нести налоги пропорціонально ихъ доходамъ, и всякая привиллегія, освобождающая отъ этой обязанности, является злоупотребленіемъ и несправедливостью.

Такъ какъ причина бѣдствія заключается въ громадныхъ и тяжелыхъ налогахъ, то всѣ они, по мнѣнію Вобана, должны быть уничтожены и замѣнены одной королевской десятиной, распространенной на всѣ классы общества.

Вобанъ предвидѣлъ враговъ своей системы и смѣло указалъ на нихъ. „Поэтому — говоритъ онъ, — король не долженъ довѣрять тѣмъ, которые будутъ возражать противъ этой системы; она предлагается въ интересахъ бѣднаго народа, который не имѣетъ доступу къ его Величеству, чтобы заявить о своей нищетѣ; отданный на жертву алчности и хищничества, онъ доведенъ до такого состоянія, что часто бываетъ лишенъ самаго необходимаго въ жизни; постоянно страдая отъ недостатка средствъ для удовлетворенія первыхъ потребностей, онъ дошелъ до такой крайней нищеты, изъ которой никогда не подымется; но установленіе королевской десятины предупредитъ всѣ эти бѣдствія и скоро возстановитъ порядокъ. Конечно, тогда не будетъ громадныхъ богатствъ, но зато тогда и бѣдныхъ будетъ меньше; всѣ будутъ жить съ удобствами; доходы короля ежегодно будутъ возрастать, не обременяя никого на счетъ другихъ“.

Вся книга проникнута горячей любовью къ народу, желаніемъ освободить его отъ массы разныхъ хищниковъ, тѣхъ, по словамъ Вобана, „кровопійцъ государства, число которыхъ достаточно, чтобы наполнить галеры, но которые, ограбивъ своихъ согражданъ, держатъ себя въ Парижѣ съ такой надменностью, какъ будто бы они спасли государство“.

Представляя свою книгу королю, Вобанъ въ наивности своей великой души полагалъ, что король смотритъ одинаково съ нимъ на благо народа,

что онъ можетъ излѣчить тѣ жестокія язвы, которыми страдалъ государственный организмъ".

„Система его, замѣчаетъ Сенъ-Симонъ, обогащала народъ, сохраняя въ его карманѣ все то, что не шло въ королевскую казну; но этимъ она разоряла цѣлую армію финансистовъ, интендантовъ, и прочихъ чиновниковъ которые жили на счетъ народа; она уничтожала въ корнѣ тѣ условія, при которыхъ въ короткое время создавались громадныя богатства, но главное, она подрывала авторитетъ генеральнаго контролера, уничтожала значеніе всей правительственной организаціи, которая прямо или косвенно касалась существовавшей системы налоговъ". Если бы Людовикъ XIV обладалъ проницательностью Людовика XI, преданностью интересамъ Франціи Генриха IV и непреклонной энергіей кардинала Ришелье, то онъ произвелъ бы реформу въ духѣ Вобана и, показавъ своимъ преемникамъ путь прогрессивной политики, предупредилъ бы революцію и сохранилъ бы монархію. Но Людовикъ XIV не имѣлъ ни своего взгляда, ни своей воли; онъ глядѣлъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ окружающихъ, которые съ ненавистью встрѣтили книгу Вобана и выставили послѣдняго предъ королемъ, какъ врага общественнаго порядка. Предубѣжденный заранѣе, король весьма сурово встрѣтилъ Вобана, представившаго ему свою книгу. Съ этого момента, по словамъ Сенъ-Симона, были забыты его заслуги, его великія военныя способности. Король видѣлъ въ немъ уже только безумца, увлеченнаго общественнымъ благомъ, преступника, осмѣлившагося думать о предметахъ, совершенно не касавшихся его, и посягавшаго на авторитетъ министровъ, а слѣдовательно и его,—короля, какъ увѣряли его г.г. министры.

Приговоръ надъ Вобаномъ былъ произнесенъ, книга его была прибита къ позорному столбу, и самъ онъ черезъ короткое время умеръ, убитый горестью, оставленный всѣми.—„Это былъ честнѣйшій человѣкъ во всемъ королевствѣ",—говоритъ Сенъ-Симонъ...

Считая себя абсолютнымъ хозяиномъ всего государства, Людовикъ XIV считалъ существующій во Франціи порядокъ вещей наилучшимъ, а всякое измѣненіе въ этомъ порядкѣ, въ особенности въ этомъ духѣ, весьма вреднымъ для французскаго народа. Въ этомъ направленіи онъ написалъ наставленіе Наслѣднику, котораго предостерегалъ отъ какого бы то ни было подражанія англійскимъ порядкамъ, могущимъ имѣть опасное послѣдствіе для монархіи.

Но опасныя послѣдствія явились отъ совершенно противоположной политики. Господствовавшій же въ это время порядокъ вещей очень тяжело отражался на положеніи народа, которое дѣлалось все хуже и хуже и явилось, наконецъ, настолько серьезнымъ, что многіе проницательные люди, принадлежащіе къ высшимъ слоямъ общества, не предвидѣли въ будущемъ ничего добраго, кромѣ насильственнаго переворота.

„Если бы я не былъ первымъ министромъ,—сказалъ кардиналъ Флери,—а просто подданнымъ, то немедленно бы взбунтовался".

Другой знаменитый кардиналъ, а именно Фенелонъ, между прочимъ, высказалъ, что „не слѣдуетъ расчитывать на терпѣніе, старая машина при первомъ толчкѣ можетъ лопнуть". Но еще яснѣе высказала неизбѣжность революціи одна изъ весьма умныхъ женщинъ XVIII ст.—Маркиза Тонсенъ, въ своемъ письмѣ къ герцогу Ришелье: „если Господь Богъ,—писала она,—видимо не протянетъ свою руку, то физически невозможно будетъ предотвратить паденіе государства".

Но чтобы предупредить опасность, угрожающую государству вслѣдствіе могущихъ произойти внутреннихъ потрясеній, обусловленныхъ несостоятельностью политическаго и об-

щественнаго строя, необходимы реформы, которыя возможно провести только тогда, когда въ обществѣ существуютъ руководящія идеи критическаго и органическаго характеровъ.

Въ первой половинѣ XVIII ст. во Франціи явились великіе мыслители и писатели, принадлежащіе къ тремъ школамъ, выработавшимъ подобныя руководящія идеи: къ школамъ Вольтера, Руссо и Дидро. Первыя двѣ характера критическаго, а вторая — органическаго.

Вольтеръ боролся съ лицемѣріемъ и ханженствомъ, воплощавшемся въ духовенствѣ, которое, по его мнѣнію, во имя личныхъ, своекорыстныхъ интересовъ, стремилось поддерживать въ народѣ невѣжество и суевѣріе.

Что же касается до Руссо, то онъ, вступаясь за свободу человѣка во имя братства и равенства, боролся съ политическимъ деспотизмомъ. Выражая въ отвлеченной формѣ историческія стремленія страны къ однородности, несовмѣстной съ тираніей и неравенствомъ, Руссо видѣлъ идеалъ лучшаго соціальнаго строя въ далекомъ прошедшемъ и старался сохранить его теологическія основы, находившіяся въ противорѣчіи съ философскимъ возрѣніямъ эпохи.

Въ сущности школа Вольтера стремилась къ измѣненію идей и нравовъ въ обществѣ, не касаясь политическаго устройства, а школа Руссо стремилась къ радикальному измѣненію послѣдняго, безъ радикальнаго измѣненія въ основныхъ идеяхъ.

Не останавливаясь на подробностяхъ, замѣчу, что Вольтеръ и Руссо дополняютъ другъ друга, такъ какъ умственная эмансипація невозможна безъ политической и, наоборотъ, политическая—безъ умственной; оба ученыхъ спеціально занимались каждый своимъ вопросомъ и, какъ спеціалисты, не понимали другъ друга, но оба, благодаря своему таланту, имѣли громадное вліяніе на умственное и политическое развитіе общества.

Передъ разрушительной ироніей одного, передъ чарующимъ краснорѣчіемъ другого не могла устоять передовая часть европейскаго общества, жаждущая обновленія. Увлеченіе этими великими писателями было не пустой модой, а насущной потребностью эпохи, стремившейся къ измѣненію старыхъ, отжившихъ идеаловъ, къ полному соціальному возрожденію.

Школы Вольтера и Руссо, какъ упомянуто выше, дополняя другъ друга, блестяще выполнили свою историческую роль, возбудивъ общественную мысль, явясь энергическимъ протестомъ противъ несправедливостей отжившаго порядка вещей и давъ могучія средства разрушить эти несправедливости; но они не дали, однако, средствъ для созданія новаго общественнаго строя; эти школы имѣли временный, проходящій характеръ и не заключали въ себѣ сѣмянъ для будущаго развитія. Гораздо большей послѣдовательностью, гораздо большей жизненной силой и систематичностью отличается третья школа, находившаяся въ непосредственномъ отношеніи съ развитіемъ положительныхъ знаній: это школа энциклопедистовъ, представителемъ которыхъ является Дидро. „Къ этой школѣ примыкали, — говоритъ Лафитъ, — какъ представители космологической группы: Клеро, Д'Аламберъ, Монжъ, Лагранжъ, Лапласъ, Лавуазье, Гютонъ де Морво, Бертолетъ, Викъ д'Азиръ, Бюффонъ, Ламаркъ и др. далеко подвинувшіе естественную философію,—научное изученіе внѣшняго міра; соціологической группы: Монтескье, Тюрго, Кондорсе, Рене, Гурне, Мирабо—отецъ и другіе, положившіе твердое основаніе политической наукѣ; группа моралистовъ: Дидро, Гольбахъ, Жоржъ Леруа, Де-Броссъ и др., занимавшіеся наукой о человѣкѣ. Эта безсмертная фаланга ученыхъ и мыслителей не

ограничивалась одной Франціей, но распространялась на всемъ западѣ Европы. Между самыми знаменитыми изъ нихъ мы напомнимъ имена Пристлея, Беккарія, Канта и др. и въ особенности Давида Юма, глубокаго и всеобъемлющаго генія, который подобно Дидро, отдавался глубокомысленнымъ изысканіямъ по философіи морали и политикѣ" *).

По мнѣнію Дидро и его послѣдователей, руководящимъ началомъ дѣятельности человѣка, къ какой бы сферѣ не относилась послѣдняя, должна служить наука, основанная на опытѣ и наблюденіи. Все, что противорѣчитъ опыту и наблюденію, должно быть отвергнуто, какъ не соотвѣтствующее дѣйствительности. Научныя начала, бывшія достояніемъ немногихъ спеціалистовъ, должны быть достояніемъ всѣхъ, начиная съ простого работника и кончая государственнымъ человѣкомъ.

Плодомъ дѣятельности означенной школы явилась энциклопедія, заключающая въ себѣ результатъ всего добытаго положительнаго знанія, и имѣющаго общеполезное значеніе. Разрушая старыя, рутинныя основы и указывая на новыя, энциклопедія, въ виду этого, не представляла, по выраженію Гетнера „мирной кладовой, гдѣ ученые и мыслители складывали свои богатства; это была гигантская осадная машина и наступательное оружіе".

Идеи, выработанныя великими мыслителями, проникли въ общественное сознаніе и преобразовались въ общественное мнѣніе, проявившееся въ видѣ могущественной соціальной силы, подъ напоромъ которой не могли устоять никакія препоны.

Впервые эта сила проявилась во Франціи въ изгнаніи іезуитовъ, сдѣлавшихся ненавистными прогрессивной части общества; —затѣмъ сила общественнаго мнѣнія выказалась въ началѣ царствованія Людовика XVI въ энергичномъ требованіи реформъ и въ назначеніи лица, которое могло бы совершить ихъ.

Людовикъ XVI, вступивъ на престолъ, нашелъ государство въ жалкомъ состояніи: обнищалый народъ, разстроенные финансы и безпорядочное управленіе. Понимая необходимость сдѣлать уступки требованіямъ времени, король по указаніямъ общественнаго мнѣнія приблизилъ къ себѣ Тюрго, одного изъ геніальнѣйшихъ людей XVIII ст., соединявшаго глубокія теоретическія познанія съ практическими способностями государственнаго человѣка, что доказалъ онъ во время управленія своего Лиможемъ.

Тюрго, какъ и Вобанъ, путемъ личныхъ наблюденій успѣлъ изучить нужды народа и недостатки государственнаго устройства; наука въ связи съ опытомъ указала, какъ помочь этимъ нуждамъ, какъ исправить означенные недостатки.

Тюрго ясно видѣлъ, что причина низкаго экономическаго, положенія Франція обусловливалась главнымъ образомъ политическимъ строемъ; поэтому одни экономическія и финансовыя реформы безъ политическихъ не могли бы, по мнѣнію Тюрго, произвести благотворныхъ послѣдствій, были бы только незначительной палліативной мѣрой; поэтому великій государственный человѣкъ задумалъ рядъ реформъ какъ экономическихъ, такъ и политическихъ. Экономическія реформы заключались въ уничтоженіи злоупотребленій, въ прекращеніи возвышенія налоговъ и въ прекращеніи займовъ; для достиженія предназначеной цѣли, Тюрго полагалъ установить строгую бережливость и развить общественныя богатства; — относительно бережливости необходимо было сократить расходы двора, содержавшаго цѣлыя массы тунеядцевъ, расхищавшихъ достоянія государства. Эта одна мѣра должна была создать многочисленныхъ и сильныхъ враговъ для Тюрго, что и было одной изъ причинъ его па-

*) P. Laffitte Le Revolution française.

денія. Чтобы развить общественныя богатства, Тюрго полагалъ установить новый принципъ, который высказанъ былъ уже Вобаномъ—это свобода труда и промышленности, находившихся въ то время подъ страшнымъ стѣсненіемъ.

Что касается до реформы политической, то она заключалась въ организаціи представительства. До революціи Франція была раздѣлена на провинціи, послѣднія на округи, при чемъ города имѣли подобіе муниципальнаго устройства, деревни же этого не имѣли; онѣ группировались около приходовъ и находились въ вѣдѣніи духовенства.

Тюрго, какъ упомянуто выше, принадлежалъ по своему направленію къ соціологической группѣ школы Дидро, въ основаніи міросозерцанія которой стоитъ наука, основанная на опытѣ и наблюденіи. Ставъ на научную точку зрѣнія, Тюрго увидѣлъ въ абсолютной королевской власти не зло, какъ видятъ въ ней метафизики, а могучую соціальную силу, созданную путемъ исторической эволюціи, силу, которой надо дать надлежащее направленіе, а не уничтожить или ограничить.

Такъ какъ вредная сторона абсолютизма стала проявляться во Франціи съ Людовика XIV, съ усиленіемъ бюрократіи, совершенно ограничившей власть короля, который кромѣ того подпалъ подъ вліяніе придворной аристократіи, преслѣдовавшей свои личные интересы, то задачею Тюрго было поставить королевскую власть въ независимое отъ вредныхъ элементовъ положеніе, чтобы она могла свободно проявить свою историческую миссію.

По выработаннымъ имъ политическимъ взглядамъ „справедливый и разумный король есть *абсолютный законодатель* и *хранитель общественной власти*".

Передъ вступленіемъ въ Управленіе Финансами Тюрго представилъ королю записку, въ которой между прочимъ писалъ:

„Эта нація обширна, но еще недостаточно, чтобы она повиновалась, а необходимо увѣриться въ возможности хорошаго управленія ею, для чего необходимо знать, даже во всей подробности, ея положеніе, нужды и способности. Но, при настоящемъ положеніи вещей, ни Ваше Величество, ни Ваши Министры, ни Ваши интенданты, не имѣютъ возможности этого достигнуть; коечего, но въ весьма ничтожной степени достигаютъ назначенные интендантами субделегаты, дѣйствующіе на небольшомъ раіонѣ, который ввѣренъ ихъ управленію. Отсюда происходитъ во внутренней администраціи, въ особенности при раскладкѣ и сборѣ налоговъ, многочисленныя злоупотребленія, производящія ропотъ, обременяющія народъ и увеличивающія его несчастія. Это зло возможно предотвратить только установленіемъ такой формы, при которой большая часть дѣлъ производилась бы, такъ сказать, сама собою и, чтобы Ваше Величество, а равно Ваши главные слуги,—обращали бы вниманіе на небольшое число особенно выдающихся фактовъ и, чтобы Вы, въ особенности, содѣйствовали общимъ покровительствомъ, которое Вы обязаны дѣлать всѣмъ Вашимъ подданнымъ. Причина зла государства заключается въ томъ, что Ваша нація представляетъ общество, состоящее изъ плохо соединенныхъ частей,—народъ, отдѣльные члены котораго имѣютъ весьма слабую общественную связь, гдѣ каждый, слѣдовательно, занятъ преслѣдованіемъ личныхъ, исключительныхъ интересовъ, гдѣ каждый вовсе не думаетъ объ исполненіи своихъ обязанностей и не хочетъ признать связей съ другими лицами. Вслѣдствіе такого положенія Вы, Государь, сами, или черезъ Вашихъ уполномоченныхъ, должны разрѣшать все въ этой вѣчной войнѣ личныхъ препирательствъ и столкновеній. Отъ Васъ ждутъ особен-

ныхъ указовъ относительно содѣйствія общему благу, чтобы уважать права другихъ и даже пользоваться своими. Такимъ образомъ, Вы поневолѣ должны каждый разъ издавать постановленія сами, или чаще черезъ другихъ, а между тѣмъ Вы могли бы, какъ Богъ, при помощи общихъ законовъ, управлять Вашимъ государствомъ, если бы всѣ части Вашей имперіи имѣли правильную организацію и находились бы между собою въ извѣстныхъ отношеніяхъ" *).

Чтобы дать возможность всему народу принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ, Тюрго полагалъ установить при помощи муниципальной реформы обширную систему представительства, при чемъ первую ступень составляли деревни и города, реформированные по одному общему плану. Вторую ступень составляли округа, выбиравшіе депутатовъ въ провинціальныя собранія. Послѣднія посылали депутатовъ въ великій Королевскій совѣтъ, составлявшій въ сущности національное собраніе, не имѣвшее, впрочемъ, законодательной власти.

Такимъ образомъ система Тюрго разрѣшала, конечно, приблизительно, задачу управленія, соотвѣтствовавшаго потребностямъ и взглядамъ эпохи. Сохраняя со всѣми прерогативами королевскую власть, освобождая ее отъ пагубнаго вліянія привилегированныхъ классовъ, т.-е. дѣлая ее совершенно независимой, что вполнѣ согласно съ истиннымъ значеніемъ монархической власти, эта система представляла, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность всему обществу принимать участіе въ политической жизни страны, устанавливала между этими двумя элементами надлежащее равновѣсіе. Эта реформа вводила принципъ самостоятельности общества, слѣдовательно, принципъ свободы, вполнѣ согласный съ историческимъ развитіемъ Франціи и ея національными традиціями.

Проводя во всѣхъ своихъ реформахъ принципъ свободы, Тюрго давалъ возможность самостоятельно развиваться обществу. Но реформы его не могли нравиться правящимъ классамъ, и послѣдніе подняли страшный шумъ, обвиняя Тюрго въ посягательствѣ на священныя права собственности, въ уничтоженіи религіи, государства и пр. Не смотря на крики реакціонеровъ, Тюрго не потерялъ энергіи: онъ видѣлъ необходимость реформъ, онъ предвидѣлъ опасность въ случаѣ неосуществленія ихъ. Идя смѣло противъ козней противниковъ, онъ того же потребовалъ и отъ короля.

„Не забудьте, Государь,—писалъ Тюрго Королю 30 апрѣля 1776 года,—что только слабость привела на плаху Карла I, что только слабость сдѣлала Карла IV жестокимъ, что благодаря ей образовалась лига при Генрихѣ II, что вслѣдствіе только слабости, изъ Людовика XIII и нынѣшняго Португальскаго короля, вышли коронованные рабы. Я не буду повторять Вашему Величеству всего того, что предвижу и что всѣ предсказываютъ".

Черезъ двѣнадцать дней послѣ этого письма Тюрго былъ уволенъ, при чемъ Людовикъ XVI наивно замѣтилъ: „только я и Тюрго любимъ народъ".

Отставка Тюрго произвела весьма тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ передовыхъ людей того времени, ожидавшихъ съ воцареніемъ Людовика XVI появленія новой, счастливой эпохи.

„Мы видѣли только чудный сонъ", воскликнулъ другъ Тюрго, Кондорсе, когда узналъ объ его увольненіи. „Съ тѣхъ поръ, какъ Тюрго потерялъ мѣсто,—писалъ старикъ Вольтеръ,—я ничего не вижу, кромѣ смерти. Громовой ударъ поразилъ мой умъ и сердце".

Точно также очень непріятное впечатлѣніе произвела за границей

*) *Turgot*—Oeuvres,—t. II.

отставка великаго министра. Я очень довольна, — писала Марія Терезія своей дочери,—что ты не принимала никакого участія въ судьбѣ двухъ министровъ (Тюрго и Малерсъ), которые пользовались большимъ уваженіемъ въ глазахъ общества".

Но не такъ глядѣли на отставку Тюрго правящіе классы Франціи, въ особенности придворные. Радость и восторгъ послѣднихъ по этому случаю были безграничны. Извѣстному Мармонтелю пришлось присутствовать въ этотъ печальный историческій моментъ въ Версалѣ и наблюдать дикіе восторги враговъ Тюрго. Не раздѣляя чувствъ послѣднихъ, онъ довольно мрачно глядѣлъ на окружающихъ, вслѣдствіе чего одинъ изъ придворныхъ спросилъ его о причинѣ мрачнаго взгляда среди всеобщей радости. „По настоящей обстановкѣ, —отвѣтилъ тотъ,—я могу представить себѣ состояніе толпы разбойниковъ, собравшихся въ Бандійскомъ лѣсу и узнавшихъ объ увольненіи верховнаго судьи*).

На мѣсто Тюрго былъ назначенъ нѣкто Клюньи, который пробылъ на этомъ посту шесть мѣсяцевъ и былъ замѣненъ затѣмъ банкиромъ Неккеромъ, весьма способнымъ администраторомъ, который при болѣе нормальныхъ условіяхъ могъ бы быть очень полезнымъ министромъ, но при тѣхъ критическихъ обстоятельствахъ, при которыхъ находилась Франція, ничего не могъ сдѣлать. Положеніе его было трудное: надо было угодить двору деньгами и надо было улучшить матеріальное и политическое состояніе государства.

Хотя онъ и не отказывалъ ни королевѣ, ни ея любимцамъ въ деньгахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ и о государствѣ: онъ установилъ порядокъ въ финансахъ черезъ обнародованіе бюджета, стремился установить вѣчто вродѣ самоуправленія въ провинціяхъ, привлекая народъ къ участію при установленіи налога. Этими очень умѣренными мѣрами онъ ставилъ власть подъ контроль общественнаго мнѣнія и мѣстнаго представительства. Но, не смотря на то, что Неккеръ, по выраженію Минье, хотѣлъ выкупить злоупотребленія, онъ также не имѣлъ успѣха, какъ и Тюрго, который хотѣлъ ихъ уничтожить. Онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе придворныхъ экономіей, а парламентовъ — учрежденіемъ провинціальныхъ собраній, вслѣдствіе чего вліяніе первыхъ сильно поколебалось. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ публикаціи отчета о финансахъ, Неккеръ былъ уволенъ. Это было въ 1781 году.

Назначая Тюрго и Неккера, Людовикъ подчинялся общественному мнѣнію, требовавшему министровъ, способныхъ провести реформы. Послѣ же увольненія Неккера онъ вздумалъ дѣйствовать самостоятельно, считая, по наговору льстецовъ, унизительнымъ для своей власти уступать обществу, но въ этомъ случаѣ онъ подчинился вліянію королевы, рекомендовавшей придворныхъ. Марія Антуанета была женщина пустая и легкомысленная, вліяніе которой было фатально для короля, такъ какъ она болѣе всего содѣйствовала трагическому концу монархіи.

Преемникъ Неккера — Коллонь, управляя финансами, принялъ совсѣмъ противоположное направленіе, а именно непроизводительное расходованіе государственныхъ доходовъ, что вело къ систематическому раззоренію. Такъ какъ въ странѣ раздавались постоянно голоса о бѣдности государства, то онъ, желая доказать противное, устраивалъ блестящіе праздники, производилъ роскошныя постройки. Для поддержанія милости королевы и придворныхъ не жалѣлъ денегъ для синекуръ, пенсій и пр. Платя сначала аккуратно, онъ привлекъ

*) Lavisse et Bambau—Histoire t. VII.

массу лицъ, пожелавшихъ снабжать его кредитомъ, и пользовался послѣднимъ въ большихъ размѣрахъ и перебралъ денегъ гдѣ только могъ; но когда пришло время расплаты, то казна оказалась пустою. Надо было прибѣгать къ новымъ налогамъ, но народъ уже не могъ платить ихъ, а высшіе классы не хотѣли, считая это для себя униженіемъ и несправедливостью.

Въ виду подобнаго обстоятельства необходимо было обратиться ко всей странѣ, представителями которой являлись генеральные штаты, но объ этомъ приближенные короля и слышать не хотѣли, потому что это напоминало объ ограниченіи королевской власти, вѣрнѣе, объ ограниченіи власти министровъ. Коллонь придумалъ изъ этого выходъ, а именно собраніе нотаблей, которые назначались Правительствомъ изъ представителей высшихъ классовъ. Коллонь полагалъ, что нотабли по своему положенію будутъ въ полнѣйшемъ подчиненіи, но ошибся. Передъ нотаблями представилась ужасная картина раззоренія народа, вслѣдствіе ошибокъ Коллоня и хищничества придворныхъ. Въ нѣсколько лѣтъ государственный долгъ возросъ почти до двухъ милліардовъ, а ежегодный дефицитъ простирался до четырехъ сотъ милліоновъ. Это возбудило всеобщее неудовольствіе, вслѣдствіе котораго Коллонь потерялъ мѣсто, и на послѣднее назначенъ былъ архіепископъ Сенскій Бріень, одинъ изъ нотаблей, пользовавшійся расположеніемъ большинства. Этимъ назначеніемъ желали привлечь, конечно, нотаблей, и подчинить послѣднихъ желаніямъ правительства. Но нотабли оказались не совсѣмъ сговорчивыми, а главное, они не желали обременять себя лишними жертвами въ пользу государства. Впрочемъ, нотабли приняли нѣкоторыя мѣры, а именно: уничтоженіе барщины, регулированіе хлѣбной торговли, установленіе провинціальныхъ собраній и увеличеніе гербоваго сбора. Окончивъ свои занятія, нотабли разошлись и разнесли по Франціи вѣсть объ отчаянномъ положеніи государства, неспособности и произволѣ министровъ, угождавшихъ хищничеству сильныхъ людей. Недовольство охватило всю страну, начиная съ низшихъ и кончая высшими.

Первые подняли протестъ, конечно, наиболѣе сильные, независимые, а потому наиболѣе смѣлые—это Парламенты. Надо замѣтить, что источникъ ихъ протеста былъ не совсѣмъ чистый; не благо родины побуждало ихъ къ этому, а главнымъ образомъ, личное самолюбіе; но съ юридической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія интересовъ государства, они были безусловно правы, а потому и общественное мнѣніе было на ихъ сторонѣ. Еще въ XIV стол., какъ сказано выше, генеральные штаты постановили, что никакой налогъ не можетъ быть наложенъ на народъ безъ согласія всѣхъ трехъ сословій. Когда генеральные штаты перестали собираться, а именно съ XVII ст., то установился обычай, что всякій законъ только тогда восприниmaетъ силу, когда будетъ внесенъ въ парламентскій актъ. Этимъ способомъ парламентъ получилъ политическое значеніе и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могъ оказать сильное противодѣйствіе Королю, или, вѣрнѣе, его Министрамъ.

Въ это время деньги были крайне нужны, для чего необходимо было установить новый налогъ. Бріенъ требовалъ, чтобы Парламентъ установленіе этого налога внесъ въ свой актъ. Парламентъ, чувствуя свою силу, отказался, мотивируя отказъ тѣмъ, что только генеральные штаты могутъ устанавливать новые налоги.

Слово генеральные штаты было произнесено и произвело магическое дѣйствіе на все общество. Не тонкіе аргументы, не громкія фразы привели страну къ убѣжденію въ не-

обходимости созыва генеральныхъ штатовъ, а рядъ опытовъ, доказывавшихъ недобросовѣстность и неспособность правительства,—и въ это время всѣмъ казалось, что только генеральные штаты спасутъ Францію.

За дерзкій протестъ Парламентъ былъ въ цѣломъ составѣ высланъ въ Труа, что доставило ему громадную популярность и возбудило общественное мнѣніе противъ Правительства.

Бріенъ, нуждаясь въ деньгахъ, вернулъ Парламентъ съ условіемъ, чтобы послѣдній согласился внести требуемый законъ, но тотъ наотрѣзъ отказался, требуя созыва генеральныхъ штатовъ. Тогда Правительство, желая сломить сопротивленіе, задумало прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, а именно къ совершенному уничтоженію политическаго значенія Парламентовъ, сохранивъ имъ только одно судебное. Предвидя сопротивленіе, Король предписалъ губеранторамъ провинцій принять самыя строгія мѣры, чтобы задавить протестъ. Для этого были собраны войска, и посланные чиновники должны были въ одинъ день по всѣмъ Парламентамъ объявить приказъ о преобразованіи ихъ. Но одинъ изъ членовъ Парижскаго Парламента—д'Емпрeмениль, узнавъ объ этомъ, сообщилъ своимъ сотоварищамъ, и подъ его вліяніемъ, Парламентъ поклялся не подчиняться распоряженію, которое уничтожало его политическое значеніе.

Д'Емпрeмениль былъ арестованъ въ самомъ зданіи парламента, что возбудило всеобщій ропотъ. Желая показать твердость и уничтожить протестъ, Правительство произвело массу арестовъ между недовольными, но это не помогло и вызвало всеобщее раздраженіе, которое достигло такой силы, что угрожало повсемѣстнымъ возстаніемъ.

Вслѣдствіе неопредѣленнаго и тревожнаго положенія, всѣ дѣла пріостановились, и государственная казна совершенно опустѣла. Видя невозможность достигнуть чего нибудь при помощи крутыхъ мѣръ, видя опасность всеобщаго возстанія, Людовикъ XVI рѣшился уступить, конечно, послѣ многихъ колебаній, и на Май мѣсяцъ 1789 г. было назначено собраніе генеральныхъ штатовъ

Уступая энергическому требованію всей націи, правительство имѣло въ виду только поправить финансовое положеніе, а вовсе не думало о серьезныхъ реформахъ, которыхъ требовала нація и которыхъ генеральные штаты, по его мнѣнію касаться не будутъ. Но разсчеты эти не оправдались на дѣлѣ. Генеральные штаты не могли ограничиться одними финансовыми вопросами, потому что послѣдніе находились въ связи съ политическимъ строемъ Франціи, требовавшимъ серьезныхъ, радикальныхъ реформъ, на которыя давно указывали мыслители и политическіе писатели. Съ открытіемъ генеральныхъ штатовъ на исторической аренѣ совершенно ясно обрисовалось господствующее положеніе средняго сословія, которое объявило, что оно все, хотя прежде было ничто.

Генеральные штаты, какъ извѣстно, открыты были Людовикомъ XVI-мъ 4 Мая 1789 года, въ составѣ 3-хъ сословій: дворянства, духовенства и третьяго сословія, состоявшаго преимущественно изъ легистовъ, т. е. адвокатовъ, судей и прокуроровъ. Число депутатовъ отъ послѣдняго сословія почти въ два раза превышало число депутатовъ первыхъ двухъ сословій.

Высшіе классы, не желавшіе отказаться отъ своихъ привиллегій и нести съ трудящимися классами бремя государственныхъ тягостей, рѣшились засѣдать отдѣльно отъ 3-го сословія.

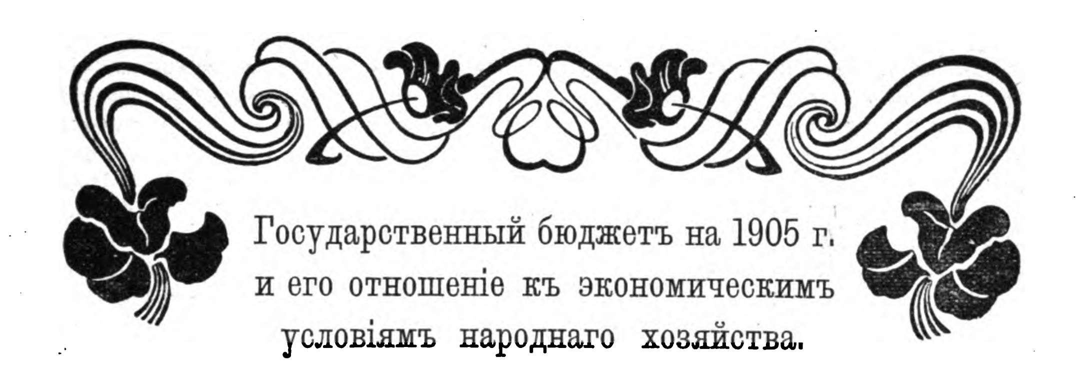
Послѣ торжественнаго открытія генеральныхъ штатовъ депутаты 3-го сословія собрались 6 Мая въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ по-

мѣщеній Версаля и послали затѣмъ приглашеніе депутатамъ дворянства и духовенства, прося ихъ явиться на общее собраніе: 50 человѣкъ изъ представителей дворянства и 100 человѣкъ духовенства, преимущественно простыхъ священниковъ, явились на это приглашеніе, остальные же отказались, считая для себя засѣдать вмѣстѣ съ третьимъ сословіемъ не только унизительнымъ, но даже и опаснымъ, такъ какъ совмѣстность засѣданій съ болѣе многочисленнымъ третьимъ сословіемъ угрожала высшимъ классамъ потерею привеллегій, т. е. потерею права жить на счетъ націи, ничего не давая ей. Болѣе мѣсяца депутаты средняго сословія ожидали прибытія дворянства и духовенства и, наконецъ, 10 Іюня рѣшились въ послѣдній разъ послать приглашенія высшимъ сословіямъ на общее засѣданіе, но тѣ отказались, за исключеніемъ немногихъ, тогда депутаты третьяго сословія объявили свое собраніе національнымъ собраніемъ.

Такимъ образомъ, какъ созывъ генеральныхъ штатовъ не былъ ошибкою со стороны Королевскаго правительства, такъ и преобразованіе этихъ штатовъ въ національное собраніе не было послѣдствіемъ хитрости средняго сословія, а явилось результатомъ исторической необходимости.

Н. В. Рейнгардтъ.

Государственный бюджетъ на 1905 г. и его отношеніе къ экономическимъ условіямъ народнаго хозяйства.

Каждое первое января ознаменовывается у насъ событіемъ, имѣющимъ серьезное значеніе для всей нашей государственной и общественной жизни. Въ этотъ торжественный день министръ финансовъ представляетъ на Высочайшее воззрѣніе докладъ объ исполненіи государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за минувшій годъ и смѣту доходовъ и расходовъ на будущій годъ.

Въ этомъ докладѣ исполненіе финансовыхъ смѣтъ разсматривается въ связи съ хозяйственно-экономическими условіями государственной и народной жизни, указываются причины тѣхъ или иныхъ уклоненій отъ ожидаемыхъ въ началѣ года результатовъ денежнаго хозяйства, приводятся наиболѣе важныя явленія экономической жизни государства и комментируется предполагаемый смѣтный бюджетъ будущаго года.

Уже одинъ перечень вопросовъ, затрагиваемыхъ всеподданѣйшимъ докладомъ такого компетентнаго органа, какъ Министерство Финансовъ, достаточно говоритъ въ пользу его огромной важности и общественнаго интереса.

Здѣсь мы коснемся главнѣйшихъ мѣстъ этого доклада и разсмотримъ русскій бюджетъ въ связи съ экономическими условіями нашего народнаго хозяйства. Другими словами, касаясь бюджетныхъ данныхъ, постараемся привести ихъ въ соотвѣтствіе и сравненіе съ данными экономическаго положенія населенія. Безъ этого параллельнаго критическаго обзора, бюджетъ, обнимающій собою голыя цифровыя данныя, можетъ представлять интересъ развѣ только для спеціалистовъ.

Совсѣмъ иное дѣло, если тѣ или иныя бюджетныя данныя сопоставить съ дѣйствительными нуждами населенія: доходы—съ степенью обремененія населенія налогами, а расходы—съ потребностью въ нихъ государства и народа и его экономическимъ состояніемъ. Только при такомъ сопоставленіи получится вѣрная и полная огромнаго интереса картина финансово-экономическаго положенія страны.

Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду, что для сужденія о народномъ хозяйствѣ, если хотятъ основывать свои выводы не на голословныхъ соображеніяхъ, а на офиціальныхъ отчетахъ, всегда приходится опираться на отчеты государственнаго контроля и другихъ вѣдомствъ за прошлое время, т. е. теперь примѣрно по 1904 годъ.

Въ этомъ бѣда не велика, если принять въ соображеніе, что хозяйственно-экономическія условія страны создаются многими годами гражданской и политической жизни народа. Совокупность и взаимодѣйствіе причинъ, обусловливающихъ экономическое состояніе страны, могутъ быть точно опредѣлены лишь путемъ изслѣдованія жизни страны за много лѣтъ, и потому послѣдній финансовый годъ, безъ соотношенія его къ роду предшествующихъ, не можетъ имѣть особенно существеннаго значенія: онъ не можетъ измѣнить выводовъ изъ десятка лѣтъ.

Такимъ годомъ въ настоящее время является тяжелый для Россіи 1904 годъ, съ чрезвычайными для насъ бѣдствіями войны, вызывающими, конечно, и чрезвычайные расходы на веденіе ея. Какъ исключительный въ финансовомъ и политическомъ отношеніи, 1904 годъ уже самъ по себѣ настолько не идетъ въ сравненіе съ предшествовавшими, что для выводовъ о народномъ хозяйствѣ логичнѣе было совсѣмъ не прини-

мать его въ соображеніе, основываясь на данныхъ къ началу 1904 года или, что тоже, къ началу войны.

Министръ Финансовъ въ своемъ докладѣ справедливо указываетъ, что степень вліянія войны на экономическую жизнь страны не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ разсчитана впередъ. При современныхъ условіяхъ не трудно ошибиться въ предвидѣніи размѣра доходныхъ поступленій, и какая либо общая оцѣнка вліянія, оказаннаго войной на торгово-промышленную жизнь страны, была бы теперь преждевременной.

Неблагопріятныя послѣдствія военнаго времени проявляются не сразу. Такимъ образомъ, по авторитетному указанію министра финансовъ, мы еще недостаточно ясно почувствовали экономическое значеніе войны въ настоящемъ и не можемъ опредѣленно представить его въ будущемъ. Однако, война и связанныя съ нею экономическія условія вызываютъ необходимость соблюденія умѣренности въ расходахъ и особливой осторожности въ предвидѣніи доходовъ. На этихъ основаніяхъ роспись на 1905 годъ для благополучнаго ея сведенія потребовала значительнаго сокращенія бюджета, т. е., другими словами, война остановила ростъ нашего государственнаго бюджета, который послѣ быстраго увеличенія въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія, три года подъ-рядъ сводится къ цифрамъ около 2000—2500 милл. руб.

Наши государственные доходы и расходы въ роспись на 1905 г. внесены:

Государственные доходы.

Обыкновенные	1.977.045.618 р.
Чрезвычайные	2.750.000 р.
Всего . .	1.979.795.618 р.
Изъ наличныхъ средствъ Государств. Казнач. .	14.838.638
Всего . .	1.994.634.256 р.

Государственные расходы.

Обыкновенные	1.916.065.571 р.
Чрезвычайные	78.568.685
Всего . .	1.994.634.256 р*)

*) въ 1904 г.—2.063 милл. р. а въ 1903 г.—2.107 милл. руб.

Обыкновенные доходы исчислены по росписи на 54, 8 милл. руб. менѣе противъ дѣйствительнаго поступленія въ послѣднемъ отчетномъ 1903 году. Расходы по росписи 1905 г. сокращены, сравнительно съ 1904 годомъ, на 68,5 милл. руб., а по сравненіи съ дѣйствительнымъ исполненіемъ росписи 1903 года. на 113,2 милл. р. Но если разсматривать обыкновенные и чрезвычайные расходы въ отдѣльности, то оказывается, что сокращенію подверглись преимущественно чрезвычайные расходы (на сооруженіе новыхъ жел. дорогъ), уменьшенные на 1905 г. противъ росписи 1904 г. на 75,3 милл. руб.; обыкновенные же расходы на 1905 годъ увеличены на 6,8 милл. руб. противъ росписи 1904 года и на 29,7 милл. по сравненію съ дѣйствительными расходами 1903 года.

Чрезвычайныя ассигнованія по росписи 1905 г., въ общей суммѣ 78,6 милл. руб., предназначены на слѣдующіе расходы: на приступъ къ прокладкѣ второго пути сибирской жел. дороги (10 милл. руб.), на продолженіе постройки уже строющихся желѣзныхъ дорогъ и на выдачу ссудъ частнымъ обществамъ дорожныхъ предпріятій.

Не вдаваясь здѣсь въ критику нашего расходнаго бюджета съ точки зрѣнія цѣлесообразности и производительности отправныхъ его частей, должно константировать, что переживаемое нами бѣдствіе — война вызвала уже сравнительно сильное возрастаніе расходовъ на платежи по займамъ на 13,7 милл., сравн. съ 1904 г. (на 14,3 милл. р. сравнительно съ 1903 г.) вслѣдствіе вызваннаго войною выпуска новыхъ займовъ. Смѣта же Народнаго Просвѣщенія увеличена только на 498 тыс. Это же, конечно, даетъ поводъ полагать, что вопросъ о введеніи въ Россіи всеобщаго обученія оставленъ безъ разрѣшенія до лучшаго будущаго.

Что же касается государственныхъ доходовъ, то принятое во вниманіе при составленіи росписи на 1905 г. вліяніе войны на поступленіе доходовъ и осторожность смѣты все же не въ состояніи предупредить возможности дефицита въ такой огромной исключительно земледѣльческой странѣ, какъ Россія. Предусмотрительное уменьшеніе поступленія доходовъ противъ дѣйствительнаго поступленія въ 1903 году: питейнаго на 39

милл., таможеннаго на 36,5 милл., лѣсного на 5 милл. р., выкупныхъ платежей на 12,4 милл., въ состояніи гарантировать бюджету предполагаемую устойчивость, лишь при условіи, что 1905 г. въ сельскохозяйственномъ отношеніи будетъ столь же благополучнымъ и урожайнымъ, какъ 1904 г. Отвлеченіе-же на театръ войны сотенъ тысячъ работниковъ создастъ ко времени весеннихъ полевыхъ работъ большое затрудненіе для многихъ крестьянскихъ хозяйствъ, и много полосъ останется въ этомъ году не засѣянными.

Переходя, далѣе, къ обзору расходовъ на войну съ Японіей въ теченіе 11 мѣсяцевъ, изъ доклада министра финансовъ видимъ, что въ январѣ 1904 г., т. е. до возникновенія войны съ Японіей, въ свободной наличности Госуд. Казначейства числилось 352,4 милл. руб., а за исключеніемъ изъ нихъ 195,8 милл. р., необходимыхъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вошедшихъ въ государственную роспись 1904 г., наличность казначейства, свободная отъ какихъ либо обязательствъ, достигала 156,6 милл. руб. Сокращеніе расходовъ дало еще казначейству 148,3 милл. р. Этихъ 304,9 милл. руб., естественно, не могло быть достаточно для веденія войны. И вотъ уже въ апрѣлѣ 1904 года заключенъ внѣшній заемъ изъ 5% обязательствъ Казначейства на 300 милл., а въ августѣ новый внутренній заемъ на 150 милл. руб. изъ 3,6% билетовъ Государственнаго Казначейства. Эти два займа дали казнѣ 432 милл. руб., и такимъ образомъ вмѣстѣ съ упомянутыми выше 156,6 милл. руб. и 148,3 милл. руб. совокупность средствъ Государств. Казначейства сверхъ бюджетныхъ рессурсовъ составила за годъ 736,9 милл. руб. За исключеніемъ изъ этой суммы 19,5 милл. руб., употребленныхъ на проценты по вновь заключеннымъ займамъ и на нѣкоторые не связанные непосредственно съ военными дѣйствіями расходы по оборонѣ страны, остальные 717,4 милл. руб. и составляютъ тѣ средства, которыя въ 1904 году частью обращены, частью предназначены на покрытіе издержекъ по войнѣ съ Японіей. Такимъ образомъ каждый мѣсяцъ войны стоитъ Россіи свыше 60 милл., а каждый день — 2 милл. руб. Но едва ли будетъ ошибкой допустить увеличеніе этой суммы еще на 50% въ виду того, что наша армія на Дальнемъ Востокѣ увеличивается ежедневно, а вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и расходы.

Подтвержденіемъ этому служитъ заключеніе въ Германіи уже третьяго, 4½% займа на 250 милл. Такимъ образомъ за одинъ только 1904 г. нашъ государственный долгъ увеличился на 700 милл. руб. и къ 1-му января 1905 г. достигаетъ 7.352 милл руб. (къ 1 января 1904 годъ онъ равнялся 6.651.836.239 р.). Если и дальше расходы на войну будутъ покрываться займами, то долгъ этотъ, конечно, будетъ расти еще больше, а платежи по займамъ, покрываемые обыкновенными доходами, естественно должны будутъ вызвать новые налоги. Долги, заключенные на веденіе войны, могутъ быть со временемъ, конечно, при удачномъ исходѣ войны, быть покрыты изъ военнаго вознагражденія побѣжденнаго государства.

Примѣры Турціи и Китая учатъ насъ, однако, какъ трудно получаются военныя контрибуціи. А между тѣмъ насколько трудно чрезвычайные расходы покрывать обыкновенными доходами, мы увидимъ ниже, при обзорѣ долговъ и недоимокъ Государственному Казначейству и при сопоставленіи чрезвычайнаго роста налоговъ на потребленіе.

Очень подробно во всеподданнѣйшемъ докладѣ комментируется вопросъ о денежномъ обращеніи страны и объ отношеніи къ нему финансовой власти, въ виду развившихся въ началѣ 1904 г. политическихъ осложненій и войны. Главное вниманіе было сосредоточено на томъ, чтобы достигнутое съ большими усиліями и жертвами металлическое обращеніе въ Россіи не было поколеблено, и не могло явиться затрудненій въ размѣнѣ кредитныхъ билетовъ. Въ этихъ цѣляхъ, не смотря на большую золотую наличность въ государственномъ банкѣ къ началу 1904 г. (1,239 милл.), было признано необходимымъ подкрѣпить запасы золота путемъ внѣшняго займа, не останавливаясь передъ нѣсколько повышеннымъ процентомъ по этому займу.

Такимъ образомъ благодаря реализаціи заграницей (указъ 29 апрѣля) 5% обязательствъ государственнаго казначейства, золотая наличность возрасла къ іюню 1904 г. съ 1058 милл. р. (конецъ 1903 г.) до 1. 237 милл. р. На 8 декабря истекшаго

г. количество золота, принадлежащаго государственному банку, достигало 1.022 милл. руб., а вмѣстѣ съ принадлежащимъ государственному казначейству — 1.239 милл. рублей. Сопоставляя эту сумму съ 827,9 милл. р. кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, министръ финансовъ отмѣчаетъ, что обезпеченіе билетовъ далеко превосходитъ установленную закономъ норму, достигая 150%. Однако, само по себѣ благопріятное отношеніе золота къ кредитнымъ билетамъ, достигнутое временнымъ сосредоточеніемъ въ государственномъ банкѣ большого запаса золота, благодаря крупнымъ внѣшнимъ займамъ, не особенно утѣшительно въ смыслѣ обезпеченія устойчивости валюты. Иное дѣло, если-бы накопленіе запасовъ золота явилось слѣдствіемъ высокой активности нашего разсчетнаго баланса (большаго, чѣмъ теперь, превышенія вывоза надъ ввозомъ), не требовало бы тѣхъ усилій и большихъ жертвъ, о которомъ говорится въ докладѣ, и не поддерживалось-бы займами.

Постоянное превышеніе доходовъ надъ расходами, дѣлаемое съ цѣлью закупокъ золота и достигшее, какъ увидимъ ниже, въ теченіе 15 лѣтъ 1500 милл. р., главнымъ образомъ, отъ налоговъ на потребленіе первыхъ предметовъ необходимости, едва ли можетъ служить доказательствомъ нашего богатства и нашего денежнаго благополучія. Если для поддержанія нашего золотого фонда требуются постоянно новые займы, то едва-ли, во 1-хъ, оно является естественнымъ слѣдствіемъ экономическаго преуспѣянія страны, а во 2-хъ, едва-ли удовлетворяетъ дѣйствительной потребности страны въ денежныхъ средствахъ. Какъ абсолютно ни велика сумма золотого запаса, относительное значеніе его не велико, если принять во вниманіе: 1) государственный долгъ свыше 7 милліардовъ съ ежегодной уплатой за границу %-овъ 303 милл. руб., 2) нашъ бюджетъ съ оборотомъ почти въ 2 милліарда и 3) потребности населенія въ средствахъ для денежныхъ оборотовъ внутри Имперіи. Доказательствомъ тому служитъ увеличившійся за послѣднее время выпускъ кредитныхъ билетовъ мелкаго достоинства, прекратившійся сначала съ введеніемъ золотой валюты.

Говоря объ условіяхъ денежнаго и кредитнаго рынка, съ точки зрѣнія удовлетворенія нашихъ нуждъ, нельзя не отмѣтить, что общее положеніе его было вообще для насъ благопріятно. Обиліе свободныхъ капиталовъ на заграничныхъ рынкахъ, усиленное требованіе на хлѣбъ въ западно-европейскихъ государствахъ при весьма высокомъ общемъ урожаѣ въ Россіи,—все это явилось весьма благопріятной почвой и для займовъ, и для удержанія золота внутри страны, и для оправданія доходныхъ предположеній государственной росписи 1904 года. Къ сожалѣнію, еще болѣе, чѣмъ при прежнихъ урожаяхъ, сельскимъ хозяевамъ въ этомъ году пришлось терпѣть отъ залежей на желѣзныхъ дорогахъ, отчасти благодаря усиленнымъ военнымъ перевозкамъ, отчасти отъ недостатка подвижного состава вообще. Въ истекающемъ году залежи достигли размѣровъ свыше 100 тыс. вагоновъ, т. е. вдвое превысили задержанное количество хлѣбныхъ грузовъ за наиболѣе неблагопріятный въ этомъ отношеніи 1902 годъ.

Нашъ разсчетный балансъ былъ въ 1904 году въ нашу пользу, такъ какъ вывозъ пшеницы, ржи, ячменя, овса и кукурузы съ 1-го іюля по начало декабря достигъ 312 милл. пудовъ. За пять съ небольшимъ мѣсяцевъ текущей хлѣбной компаніи, валовая выручка исчисляется въ суммѣ свыше 255, 6 милл. руб., превышая выручку за соотвѣтствующіе періоды послѣднихъ 9 лѣтъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся былъ 1902 годъ (206, 4 милл. руб.), и далеко превосходя среднее за 9 лѣтъ (152, 7 милл. р.). Что касается обрабатывающей промышленности, то здѣсь война уже теперь вызвала застой и его неизбѣжный голодный спутникъ—безработица—вступилъ въ свои права. По анкетѣ, произведенной министерствомъ финансовъ въ іюнѣ—августѣ 1904 года и коснувшейся 4610 крупнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ, которые составляютъ $26^0/_0$ общаго числа фабрикъ съ $70^0/_0$-ми общаго числа занятыхъ въ промышленности рабочихъ, количество рабочаго времени сократилось на $2,5^0/_0$. Но эта весьма скромная цифра пріобрѣтаетъ совсѣмъ иное значеніе, если мы въ нее вдумаемся. Рабочее время за три лѣтнихъ мѣсяца сократилось на 24,6 милліона часо - рабочихъ. Считая въ день 10 часовъ работы, сокращеніе выразится 2.460.000 дней или при 90 дняхъ работы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ — 27 тысячами

безработныхъ. Если допустить, что одинъ рабочій кормитъ своимъ трудомъ только двухъ человѣкъ, то и тогда получится огромная, стотысячная семья недоѣдающихъ вслѣдствіе войны людей. Но таковы уже неизбѣжныя слѣдствія всякой войны, и съ ними приходится считаться. Какъ увидимъ ниже, вредъ и опасность для страны всякой войны отъ убыли населенія гораздо значительнѣе, чѣмъ послѣдствіе указаннаго въ докладѣ сокращенія работъ на фабрикахъ и заводахъ.

Всеподданѣйшій докладъ констатируетъ благопріятное положеніе нашего денежнаго рынка, выразившееся въ усиленномъ движеніи учетно-ссудныхъ операцій государственнаго и коммерческихъ банковъ, въ связи съ оживленіемъ торговопромышленныхъ оборотовъ страны. Затраты по учетно-ссуднымъ операціямъ повысились на 1 Ноября 1904 г. до 1.484 милл. р., съ 1425 м. въ 1903 г. и 1286 м. въ 1902 г. Хотя это не вяжется съ только что указаннымъ сокращеніемъ работъ на фабрикахъ и заводахъ, но это явленіе весьма естественно при такихъ благопріятныхъ условіяхъ денежнаго рынка, какъ приливъ въ страну извнѣ 482 милліоновъ золота отъ займовъ, да еще отъ благопріятствующаго намъ товарнаго баланса. Неудивительно, что „кассовая наличность держалась на уровнѣ значительно болѣе высокомъ“, нежели въ предшедшіе годы, и нужды торговли и промышленности находили достаточно широкое удовлетвореніе въ учетѣ и ссудахъ банковъ. „Тѣмъ не менѣе дисконтъ по учетно-ссуднымъ операціямъ былъ повышенъ на 1%, что составило для 3-мѣсячныхъ векселей чувствительное повышеніе съ $4^1/_2$ до $5^1/_2$%. Это объясняется тѣмъ, что Государственный банкъ, какъ эмиссіонное учрежденіе, долженъ былъ послѣ объявленія войны принять мѣры къ огражденію своей кассы“. Вклады въ коммерческіе банки не только не отливали, но продолжали возростать; прироетъ ихъ составилъ за время съ 1-го февраля по 1-е ноября 1904 г.— 38, 5 милл. руб.

Докладъ Министра Финансовъ останавливаетъ вниманіе на сравнительно высокой биржевой расцѣнкѣ государственныхъ фондовъ во время войны. Сопоставляя эту расцѣнку съ прежде бывшими во время Крымской и Турецкой компаній, докладъ указываетъ на примѣръ 5% займа, понизившагося съ 1853 г. по 1854 г. съ $102^1/_2$ до 70, а въ послѣднюю русско-турецкую войну 5% заемъ 1870 г. упалъ съ 102 до $78^3/_8$. Въ настоящую-же компанію курсъ 4% ренты, цѣна которой достигала въ началѣ года $99^1/_2$%, понизился къ концу января до 93, а въ апрѣлѣ упалъ до $88^1/_4$. Затѣмъ рента окрѣпла и колебалась около 92, понизившись нѣсколько въ концѣ года. Что касается нашихъ частныхъ бумагъ: городскихъ займовъ и акцій частныхъ коммерческихъ и земельныхъ банковъ, а также пароходныхъ обществъ, то цѣна ихъ послѣ кратковременнаго пониженія быстро окрѣпла, и онѣ расцѣниваются теперь по прежнимъ и частью даже по значительно повышеннымъ цѣнамъ; сюда относятся акціи металлургическихъ, каменноугольныхъ и нѣкоторыхъ другихъ предпріятій, т. е. главнымъ образомъ тѣ бумаги, доходность которыхъ можетъ увеличиваться въ зависимости отъ заказовъ на военныя надобности.

Наконецъ, третья категорія бумагъ, именно, нѣкоторыя желѣзнодорожныя цѣнности, не подвергалась никакому пониженію и съ самаго начала войны неуклонно растетъ въ цѣнѣ. Если такъ благопріятенъ денежный рынокъ, какъ о томъ сообщаетъ докладъ о росписи, то едва ли — выпускъ новыхъ государственныхъ 5%, а затѣмъ $4^1/_2$% займовъ, съ фактической дѣйствительной доходностью свыше 6% можетъ считаться успѣшнымъ. Слѣдуетъ помнить, что держатели 4% ренты, когда между ея стоимостью и номинальной доходностью (3,8%) установится норма, соотвѣтствующая условіямъ новѣйшихъ государственныхъ займовъ, будутъ стремиться къ замѣнѣ однихъ государственныхъ бумагъ другими, болѣе выгодными, а это врядъ-ли упрочитъ устойчивость курса 4% ренты и удержитъ ее отъ пониженія на фондовомъ рынкѣ. 4% государственная рента, подлежащая налогу, врядъ-ли можетъ вернуться даже къ уровню конца января 1904 г. (послѣ объявленія войны—93 за сто), въ то время, когда будутъ существовать $4^1/_2$% займы, не подлежащіе налогу и выпускаемые по курсу 95 съ правомъ держателей требовать черезъ 6 лѣтъ возврата номинальной суммы капитала, иначе говоря, получать въ среднемъ въ годъ по 5,6% съ подписной суммы.

Очень интересныя данныя находимъ въ докладѣ о росписи касательно хода сберегательной операціи.

Въ 1903 г. приростъ суммы вкладовъ въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ достигъ высшаго размѣра за весь періодъ существованія этихъ кассъ (102, 3 милл. руб. въ годъ), считая и начисленные въ концѣ года проценты по вкладамъ. Однако, война и здѣсь оказала свое вліяніе, и приростъ вкладовъ за первые 10 мѣсяцевъ 1904 года понизился съ 63 милл. до 35,7 милл. руб. въ 1903 году. Но и результатъ роста народныхъ сбереженій за 1903 г. не представляется поразительнымъ, если мы сопоставимъ его съ ростомъ народной задолженности къ тому-же времени, какъ увидимъ ниже, при обозрѣніи экономическихъ условій народнаго хозяйства.

Обзоръ всеподданнѣйшаго доклада Министра Финансовъ приводитъ къ заключенію, что какъ-бы ни хотѣлось каждому русскому гражданину видѣть свое отечество въ полномъ благополучіи, а все государственное хозяйство — въ блестящемъ состояніи, но вѣрное сужденіе объ экономическомъ положеніи государства дается лишь изслѣдованіемъ народнаго хозяйства, изученіемъ нуждъ населенія и его культурно-экономическаго преуспѣнія.

Поэтому ниже мы разсмотримъ нашъ бюджетъ въ связи съ экономическими условіями народнаго хозяйства. Остановимъ вниманіе на томъ, какъ отражается война на населеніи, на чемъ зиждется ростъ нашего бюджета, какъ отражается ростъ доходовъ на потребленіи, а также, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ несоразмѣрное средствамъ населенія обложеніе потребленія. Разсмотримъ также отдѣльныя главнѣйшія отрасли государственнаго хозяйства, положеніе русскаго землевладѣнія и вліяніе задолженности страны на народные бюджеты.

Населеніе—величайшій капиталъ страны, этому учитъ современная экономическая наука. И дѣйствительно, населеніе—это та великая двигательная сила, которая созидаетъ богатства, потребляетъ производство и обусловливаетъ культурно-экономическій прогрессъ государства. Даже страны, вынужденныя избытокъ своего населенія отправлять въ чужія страны, нисколько не скорбятъ о томъ огромномъ естественномъ приростѣ, который вызываетъ это нормальное явленіе культурнаго роста народа, усиливающаго свою мощь и силу далеко за предѣлами своего государства и создающаго мирное завоеваніе чужестранныхъ областей. Эти новые разсадники богатаго своимъ избыткомъ населенія народа создаютъ вѣрные потребительскіе рынки предметовъ индустріи своей родной страны, поддерживая постоянный на нихъ спросъ и потребленіе, т. е. продолжая обогащать свое отечество.

Совсѣмъ иное дѣло представляютъ страны съ убывающимъ населеніемъ, убыль котораго не восполняется иммиграціей извнѣ. Они обречены злымъ рокомъ на медленное и постоянное вымираніе лучшихъ своихъ производительныхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ не возможны возростаніе потребленія, созиданіе новыхъ видовъ труда и промышленности и ростъ частныхъ богатствъ, создающихъ экономическую силу и политическую мощь государства. Съ этой, вѣрной точки зрѣнія, экономическая наука считаетъ войну величайшимъ зломъ для страны, такъ какъ каждая война влечетъ за собою убыль населенія—этого драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ народныхъ богатствъ, а съ нимъ уменьшеніе потребленія и увеличеніе налоговаго бремени, въ виду чрезвычайныхъ расходовъ на оборону страны.

Не трудно опредѣлить и финансовыя послѣдствія отъ массовой потери населенія. Если уже теперь вся убыль въ войскахъ, потерявшихъ убитыми, ранеными, умершими отъ болѣзней и выбывшихъ изъ строя, по неспособности къ труду, простирается до 200.000 чел., то къ концу слѣдующаго года эта убыль, при страшно губительной силѣ современнаго оружія, несомнѣнно дойдетъ до 500.000 человѣкъ. Если по самой скромной оцѣнкѣ труда русскаго рабочаго опредѣлить (при двухстахъ рабочихъ дняхъ въ году и дневномъ заработкѣ въ 40 коп.) его годовую заработную плату всего только въ 80 руб., то всего выбывшіе 500.000 человѣкъ принесутъ странѣ потерю ежегодно въ 40.000.000 руб. (40.200.500.000). Капитализируя эту потерю, хотя-бы изъ скромнаго процента (въ 4%), находимъ, что всего страна теряетъ капитала—одинъ милліардъ рублей. Потеря эта отзываетси на странѣ двоякимъ образомъ: во 1-хъ,—на народномъ хозяйствѣ—обѣднѣніемъ частно-владѣльческихъ хозяйствъ

и отдѣльныхъ семей, обремененіемъ оставшагося населенія усиленнымъ трудомъ въ цѣляхъ прокормленія неспособныхъ къ труду членовъ осиротѣвшихъ семействъ и увеличеніемъ задолженности, а во 2-хъ—отражается на государственномъ бюджетѣ уменьшеніемъ поступленія доходовъ, связанныхъ съ потребленіемъ, также прямыхъ податей и увеличеніемъ государственной задолженности отъ недоборовъ въ денежномъ хозяйствѣ.

Этотъ безвозвратно потерянный страною милліардъ и прямо, и косвенно самымъ вреднымъ образомъ ложится на страну, надолго задерживая ея экономическое развитіе и отражаясь на финансахъ, земледѣліи, торговлѣ, промышленности — недоборомъ, застоемъ и убытками. Если-бы даже потеря эта имѣла мѣсто не въ такой бѣдной и капиталомъ, и культурной странѣ, какъ Россія, то и тогда она дала бы себя чувствовать долгіе годы. Это понятно, такъ какъ, въ то время, какъ страна лишается наиболѣе полезныхъ и производительныхъ элементовъ— массы молодыхъ здоровыхъ и трудящихся людей,—государственная казна претерпѣваетъ наибольшее напряженіе всѣхъ своихъ финансовыхъ средствъ, поставить которые въ соотвѣтствіе съ экономическимъ положеніемъ народнаго хозяйства будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше послѣднее претерпѣваетъ отъ системы государственнаго кредита. Напряженіе денежныхъ народныхъ средствъ у насъ и до войны было слишкомъ велико, чтобы можно было надѣяться на поправленіе государственныхъ средствъ за счетъ новыхъ налоговъ. Главнѣйшими плательщиками налоговъ у насъ являются пока массы крестьянскаго населенія, едва выдерживающія уже существующее обложеніе, вызвавшее небывалую въ Европѣ задолженность и недоимочность населенія.

Представимъ здѣсь картину движенія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и одновременно ростъ недоимокъ и долговъ государственному казначейству за послѣднее пятилѣтіе 1899—1903 гг. по даннымъ отчетовъ Государственнаго Контроля.

Въ тысячахъ рублей.						Недоимки.
	1899	1900	1901	1902	1903	
Прямые налоги	121.345	131.910	130.890	133.081	135.230	17.775
Косвенные налоги	533.001	505.772	470.940	428.537	440.250	28.502
Пошлины	95.954	88.275	94 621	101.085	107.290	5.648
Правительственныя регаліи	313.508	329.166	439.085	545.803	607.479	1.304
Казенные имущества и капиталы	440.022	473.518	493.742	523.716	570.655	27.155
Отчужденіе государственныхъ имуществъ	1.235	620	763	928	657	
Выпускные платежи	95.495	96.230	89.970	89.740	88.785	13.097
Возмѣщеніе расходовъ государственнаго казначейства	65.199	71.095	71.905	75.075	75.170	35.595
Доходы разнаго рода	7.548	7.538	7.538	7.435	7.281	
Итого обыкновенныхъ доходовъ	1.673.313	1.704.128	1.799.457	1.905.404	2.031.800	130.076

Изъ приведенной таблицы усматривается, что ростъ доходовъ за истекшее пятилѣтіе опредѣляется въ 358.487.752 р. (2031.800.814 р. —1.673.313.062 р.) или 21%.

Возрастаніе же общей суммы государственныхъ доходовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Поступило.	Противъ предшествующаго года болѣе.
Въ 1899 году	1.673.313.062	
„ 1900 „	1.704.128.506	30.815.444 р.
„ 1901 „	1.799.457.155	95.328.649 „
„ 1902 „	1.905.404.442	105.947.287 „
„ 1903 „	2.031.800.814	126.396.372 „

Эти данныя показываютъ, что въ истекшемъ пятилѣтіи обыкновенно государственные доходы постоянно росли, причемъ ростъ этотъ съ 30,8 милл. руб. въ 1900 г. поднялся до 126,8 милл. рубл. въ 1903 г. Столь быстрое возрастаніе государственныхъ доходовъ находится въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ увеличенія поступленій отъ казенной продажи питей (295,6 милл. рубл.) и дохода отъ желѣзныхъ дорогъ (105,8 милл. руб.), преимущественно казенныхъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что увеличеніе обоихъ этихъ доходовъ сопровождается соотвѣтственнымъ увеличеніемъ расходовъ, и потому вышеприведенныя цифры возрастанія доходовъ имѣютъ только условное значеніе.

Кромѣ названныхъ доходовъ за истекшее пятилѣтіе особенно значительно увеличеніе косвенныхъ налоговъ, давшихъ въ 1903 г. сравнительно съ 1899 г. избытокъ въ 47,3 милл. руб., изъ которыхъ 22,2 милл. руб. доставлены таможеннымъ доходомъ, вслѣдствіе значительности запретительныхъ пошлинъ и ввоза иностранныхъ товаровъ, 10,1 милл. руб.—табачнымъ доходомъ благодаря возвышенію табачнаго акциза, 8 милл. руб..—сахарнымъ доходомъ вслѣдствіе развитія потребленія сахара на внутреннемъ рынкѣ при неослабѣвающемъ, крайне высокомъ акцизѣ, 5,8 милл. руб.—нефтянымъ доходомъ.

По даннымъ государственнаго контроля, дѣйствительное поступленіе обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и дѣйствительные расходы по обыкновенному бюджету, за исключеніемъ доходовъ и расходовъ желѣзныхъ дорогъ и оборотовъ по казенной продажѣ питей, за послѣдніе 15 лѣтъ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Годы.	Доходовъ поступило (въ среднемъ).	Расходовъ произведено (въ среднемъ).	Среднее превышеніе.	Общее превышеніе доходовъ.
Въ тысячахъ рублей.				
1887—1891	806.360	762.709	43.651	218.253
1892—1896	959 937	857.105	102.832	514.159
1897—1901	1.172.917	999.652	173.295	866.475
				1.598.887 тыс.

Изъ этихъ данныхъ видно, что въ среднемъ доходы пятилѣтія 1897 — 1901 г. превышали средніе доходы за первое пятилѣтіе на 366 милл. руб. въ годъ или на 46%; расходы же увеличились на 237 милл. рублей, или на 31%. Если мы сравнимъ цифры за 1887 г., то окажется, что въ послѣднемъ году, сравнительно съ первымъ, доходы возвысились на 493 милл. руб., или на 64%, расходы же возрасли на 379

милл. рубл., или на 51%. Общее же превышеніе доходовъ надъ расходами составило 1598.887.000 р. Равно и за послѣдній отчетный 1903 годъ доходы превышали расходы на 127 милл. руб.

Изъ этого явствуетъ, что не расходы вызывали необходимость возвышенія налоговъ на потребленіе, на которыхъ главнымъ образомъ зиждется весь нашъ бюджетъ.

Какъ мы видимъ за послѣдніе 17 лѣтъ (1887—1903), около 1.800 милл. руб. были изъяты изъ обращенія въ видѣ излишковъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами, и если-бы хотя одна треть этой громадной суммы была оставлена въ рукахъ плательщиковъ податей, то положеніе сельскихъ жителей сейчасъ было-бы совсѣмъ иное. Правда, излишки доходовъ были обращены на покупку золота, необходимаго намъ для веденія колоніальной политики и связанныхъ съ нею чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, уже весьма значительныхъ до начала войны съ Японіей. Да, но какою цѣною дается намъ эта колоніальная политика, показываетъ слѣдующее.

Лучшимъ доказательствомъ того, что ростъ доходовъ не соотвѣтствуетъ экономическому росту страны и средствамъ населенія, можетъ служить во 1-хъ вынужденная безнадежными обстоятельствами отмѣна выкупныхъ долговъ, снятіе со счетовъ совершенно безнадежныхъ къ поступленію пособій населенію изъ казначейства, вынужденное принятіе на себя казной долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ и неимовѣрное возрастаніе недоимокъ по косвеннымъ налогамъ. Чтобы подтвердить это, приходится вновь обратиться къ самому убѣдительному изъ всѣхъ языковъ — языку цифръ.

Ростъ недоимокъ и долговъ государственному казначейству по главнымъ статьямъ бюджета за десятилѣтіе 1894—1903 гг.

	Въ тысячахъ рублей.				
	Недоимки.				Долги Государственному Казначейству къ 1 Января 1904 г.
	1894 г.	1900 г.	1902 г.	1904 г.	
Ссуды изъ Казначейства за 1894 г.	194.057	106	34.400	1) 35.595	1) 87.518
Выкупныя ссуды съ долгами за 1894 г.—1900 г.	1.646.694	1.486.017	11.686	2) 13.097	2) Долги 1.325.054
По долгамъ желѣзнодорожныхъ обществъ съ долгомъ за 1894 г.	1.232.774	255.648	31.862	34.374	Долговъ 597.187 т.
По прямымъ налогамъ	21.176	21.960	16.769	17 775	
По косвеннымъ налогамъ	14.286	26.533	35.849	28.502	
По пошлинамъ	4.417	3.860	4.940	5.648	
По казеннымъ имуществамъ и капиталамъ	25.628	15.624	21.369	27.155	3.957 и 319.
По регаліямъ	488	459	577	1.304	

Всего долговъ и недоимокъ Государственному Казначейству было къ 1 января 1900 г. 2.388.664.431 р., а къ 1904 г. 2.724.366.639 р., т. е. за четыре года долги и недоимки увеличились на 335.702.208 руб. Изъ приведенныхъ данныхъ видимъ, что

долги и недоимки ссудъ изъ казначействъ, только за списаніемъ со счетовъ безнадежныхъ къ поступленію продовольственныхъ ссудъ, понизились съ 194 милл. до 36 милл.; выкупные долги, за списаніемъ недоимокъ выкупныхъ ссудъ, вызываемымъ столько-же гуманными соображеніями, сколько необходимостью и бѣдностью населенія отъ бремени налоговъ, понизились съ колоссальной суммы 1646 милл. до 1.338 милл.; недоимки и долги частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, отъ принятія казною на себя веденія всего желѣзнодорожнаго хозяйства, понизились съ 1.233 милл. до 597 милл., недоимки по прямымъ налогамъ, вслѣдствіе отмѣны подушной подати и паспортнаго сбора понизились съ 21 милл. до 17 милл. и, наконецъ, недоимки по косвеннымъ налогамъ, вслѣдствіе неимовѣрно высокаго акциза на главные предметы потребленія, какъ: чай, сахаръ, кофе, вино, табакъ, нефть и спички и непрекращающагося съ годами повышенія акциза (табакъ) и таможенной пошлины, повысились за десять лѣтъ на 100%, съ 14 милл. до 28 милл.

Если изъ общей суммы капитальныхъ долговъ (съ недоимками) Государственному Казначейству 2.724.366.639 руб. исключить долгъ (военное вознагражденіе) Турціи 238.174.169, съ недоимкой 1.068.247 руб., долгъ Китая 183.301.958 р. съ недоимкой 4.352.500 р., долгъ Греціи 8.567.019 р., ссуды изъ бывшихъ кредитныхъ установленій (съ недоимками)—9.147.311 руб., долгъ Особаго отдѣла Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка *) 50.540.862 р. и долги желѣзнодорожныхъ обществъ 597.187.353 р., то долгъ населенія Казначейству выразится колоссальной суммой 1.637.357.967 руб., при чемъ однѣхъ неуплаченныхъ недоимокъ числится по этому долгу 266.509.074 руб. (къ 1 января 1904 г.).

(До слѣд. №-ра).

Сводъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1905 годъ

Государственные доходы.

I.

Обыкновенные доходы.

	Доходы, ожидаемые въ 1995 году. Рубли.
1. Прямые налоги	139.361.354
2. Косвенные налоги	399.838.500
3. Пошлины	105.324.374
4. Правительственныя регаліи	592.791.300
5. Казенные имущества и капиталы	579.994.897
6. Отчужденіе государственныхъ имуществъ	561.004
7. Выкупные платежи	76.408.100
8. Возмѣщеніе расходовъ Государ. Казначейства.	77.721.224
9. Доходы разнаго рода	5.044.865
Итого обыкновенныхъ доходовъ	1.977.045.618

II.

Чрезвычайные доходы.

10. Вклады въ Государственный банкъ на вѣчное время	2.750.000
	1.979.795.618
Изъ наличныхъ средствъ Государственнаго Казначейства	14.388.638
Всего	1.994.634.256

Государственные расходы.

I.

Обыкновенные расходы.

	Расходы, назначенные на 1905 годъ. Рубли.
1. Платежи по государственному долгу	303.018.190
2. Высшія государственныя учрежденія	3.418.035

*) Бывшаго Общества Взаимнаго Позем. кредита.

3. Вѣдомство Святѣйшаго Синода	28.952.790
4. Министерство Императорскаго Двора	16.127.920
5. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ	5.704.035
6. Военное Министерство	367.054.867
7. Морское „	116.637.050
8. Министерство Финансовъ	341.640.895
9. Министерство Земледѣлія и Государств. имуществъ	47.332.933
10. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ	108.603.833
11. Министерство Народнаго Просвѣщенія	43.068.486
12. Министерство Путей Сообщенія	448.299.104
13. Главное Управленіе торговаго мореплаванія и портовъ	12.346.668
14. Министерство Юстиціи	49.854.629
15. Государственный Контроль	9.173.326
16. Главное Управленіе Государственнаго Коннозаводства	1.832.810
	1.903.065.571
17. На случай возвышенія стоимости провіанта и фуража	3.000.000
18. Расходы не предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности	10.000.000
Итого обыковенныхъ расходовъ	1.916.065.571
Превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами	60.980.047

II.

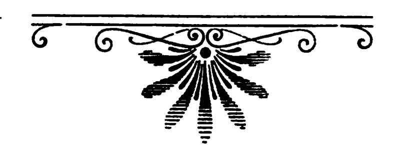
Чрезвычайные расходы.

19. На сооруженіе сибирской желѣзной дороги	11.780.000
20. На сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ	60.801.685
21. На выдачу частнымъ обществамъ ссудъ для дорожныхъ сооруженій	5.987.000
Итого чрезвычайныхъ расходовъ	78.568.685
Всего	1.994.634.256

Подписалъ: Министръ Финансовъ,
сенаторъ *В. Коковцовъ.*

На подлинномъ Собственною его Императорскаго Величества рукою начертано: „Быть по сему“.

Въ Царскомъ Селѣ.
30-го декабря 1904 г.

Лѣтопись современной литературы и жизни.

(Этюды о текущей литературѣ).

Л. З. Мовичъ.

I.

Почти каждый годъ провожается рѣчами объ оскудѣніи литературы. Мы рѣшительно несогласны съ этимъ мнѣніемъ почти о каждомъ годѣ и тѣмъ болѣе не согласимся, если это будутъ говорить объ истекшемъ годѣ. Сказать это, — значитъ не понять основного тона современности, все менѣе признающей „героя", все болѣе требующей коллективной, сознательной работы многихъ маленькихъ единицъ. Это мы видимъ во всѣхъ областяхъ дѣятельности, во всѣхъ сферахъ человѣческаго творчества. И въ литературѣ тоже идетъ страстная, кипучая работа огромнаго количества этихъ маленькихъ единицъ. Идутъ страстные поиски, кипитъ лихорадачная работа возсозданія жизни во всей ея безконечной сложности, во всю ея страшную глубину. „Героевъ" литературы, — титановъ, создающихъ циклопическія постройки, мы не имѣемъ; но эти усилія многихъ маленькихъ талантовъ, ихъ постоянная творческая работа мало-помалу, камень за камнемъ создастъ постройку болѣе величавую, болѣе сознательную, и — слѣдовательно — болѣе устойчивую, чѣмъ храмы, созданные единымъ скачкомъ геніальной интуиціи; говорить объ оскудѣніи литературы въ то время, когда пишутъ Андреевъ, Бальмонтъ, Вересаевъ, Горькій, Елпатьевскій и много другихъ въ началѣ алфавита и Чириковъ, Юшкевичъ и много другихъ—въ концѣ его—несправедливо. Камень за камнемъ приносится, огромное количество матеріала собирается и—ждетъ синтетическаго объединенія.

Да, синтеза мало въ нашей литературѣ, не только истекающаго года, но и всѣхъ послѣднихъ лѣтъ. Но это не должно насъ не только пугать, но даже и удивлять. — Синтезъ — это активное творчество, — это соединенныя звенья цѣпи, послѣдній, окончательный выводъ знанія, добытаго анализомъ, — это, прежде всего, дѣйственная воля; и странно было-бы видѣть того или другого Иванова, которому „лѣнь до порога дойти" въ роли активнаго творца жизни, — Вершинина, мечтающаго о томъ, какъ будетъ хорошо жить черезъ двѣсти лѣтъ — организующимъ и сознательно ведущимъ современную жизнь къ прекрасному будущему.

Поэты, писатели сумерекъ русской жизни умѣли только болѣе или менѣе талантливо разлагать жизнь на ея составныя части, изучать всѣ оттѣнки ея и углублять ихъ и... всѣ они—дѣти страны, породившей ихъ—смотрѣли въ жуткое, безцвѣтное небо своей родины и... рвались въ „Москву"... Даже рѣчи о синтезѣ, который прежде всего идетъ туда, куда онъ находитъ нужнымъ,—ибо синтезъ — это не „слова", не безплодныя порыванія,—а строгое, необходимое дѣйствіе,—даже рѣчи о такомъ синтезѣ не могло быть и не можетъ быть. О „синтезѣ" мы услышимъ, быть можетъ, отъ Нади, сумѣвшей бросить „бабушкинъ домъ" и уѣхать учиться.

И жизнь, которая какъ-будто готова повернуть въ это новое русло, интересно отражается въ литературѣ. Мы теперь встрѣчаемъ иногда Лаевскихъ, Вершининыхъ, Трехъ Сестеръ съ рѣчами Нади на устахъ. Кто и что мѣшали Сестрамъ до сихъ поръ уѣхать въ эту желанную „Москву"? Они могли это сдѣлать легче, чѣмъ „Невѣста" Надя, но онѣ не сдѣлали этого, такъ какъ „Москва" была для нихъ только туманной мечтою — символомъ всего яркаго, образомъ настоящей незастоявшейся жизни. У нихъ не было *дѣла* въ Москвѣ, имъ незачѣмъ было ѣхать туда, а одна мечта—праздная, хотя и страстная—не могла подвинуть на дѣйствіе.

Любопытно слышать *Три Сестры*, когда увѣряютъ теперь, что „главное—надо жизнь перевернуть". Любопытно это, иногда и смѣшно, но... многознаменательно, ибо ясно, что много уже Надей уѣхало учиться, что много Надей начали горячо проводить въ жизнь это свое убѣжденіе о необходимости „перевернуть жизнь"...

Лаевскій, Вершининъ и Три Сестры—хорошія, тонкія души и, лишенныя сами иниціативы, божественнаго творческаго огня, — они, быть можетъ, сумѣютъ все-же ярко загорѣться отъ огня людей, знающихъ, зачѣмъ нужно ѣхать въ „Москву" и умѣющихъ, не откладывая, поѣхать туда. Быть можетъ; но, во всякомъ случаѣ, не они будутъ дѣлать жизнь, не они будутъ дѣйствующими лицами на сценѣ; но какъ „хоръ" въ древней драмѣ, какъ „толпа"—они необходимы и необходимо сочувствіе ихъ.

Любопытна вырисовывающаяся общая картина жизни. На сценѣ много фигуръ, которыя прежде всего подраздѣляются самой сутью разыгрывающейся драмы. Одесную и ошую, другъ противъ друга стоятъ множество фигуръ, считающихъ, что необходимо „перевернуть жизнь" и другія, горячо „охраняющія" теперешнюю жизнь, оберегающія сытость и праздность „бабушкина дома". Между ними, какъ всегда,— безконечное количество сѣрыхъ фигуръ, жалкихъ Полоніевъ, готовыхъ найти все, что угодно будетъ принцу, — сдѣлать все, что прикажетъ князь положенія. Такова — въ грубыхъ контурахъ—картина современности. Съ одной стороны Саша, Надя, страстно — убѣжденные, что для сохраненія жизни необходимо „жизнь перевернуть", такъ какъ жизнь лежитъ въ населяющихъ домъ, а не въ немъ самомъ, въ „бабушкиномъ домѣ", — что домъ существуетъ для живущихъ въ немъ, а не живущіе для дома. Противъ нихъ стоятъ „охранители" „бабушкина дома", но „упраздняющіе" жизнь самое. Составъ тѣхъ и другихъ очень разнообразенъ. Это мы видимъ въ драмѣ Боборыкина „Упразднители" [1]), но еще ярче въ его-же романахъ „Братья" [2]) и „Разладъ" [3]).

— Боборыкинъ,—одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ современныхъ романистовъ, — послѣдній изъ той

---

1) „Р. М.", Ноябрь.
2) В. Евр.
3) Р. М.

„стаи славной“ романистовъ, которая считала своей первой обязанностью рисовать жизнь въ цѣломъ, въ широкихъ общественныхъ теченіяхъ, въ „типахъ“, обобщающихъ отдѣльныя черты, — въ ясныхъ, образныхъ формулахъ, выражающихъ жизнь. Какъ Достоевскій, какъ Тургеневъ, какъ Гончаровъ,— хотя и съ меньшимъ талантомъ — онъ даетъ намъ въ своихъ произведеніяхъ почти отстоявшееся движеніе общественной рѣки. Это, конечно, тоже далеко отъ „синтеза“, но все-же это и не „настроеніе“, не пробѣжавшая тучка... Кромѣ того, Боборыкинъ въ теченіи многихъ лѣтъ прислушивается къ шуму общественной рѣки и поразительно тонко и точно опредѣляетъ малѣйшія измѣненія въ строеніи русла.

Когда у насъ выяснился и оформился, какъ общественная единица, нашъ „средній элементъ“, то Боборыкинъ заявилъ объ этомъ романами, „Василій Теркинъ“, „Княгиня“ и др. Онъ же первый отмѣтилъ нароставшее въ обществѣ чувство не удовлетворенности, выражавшееся въ страстныхъ исканіяхъ вѣры, въ увлеченіи сектантствомъ, — съ одной стороны, и въ странныхъ вывихахъ „интеллигентской“ мысли, во всевозможныхъ видахъ мистицизма, новѣйшаго декадентства и пр.—съ другой.

Отъ увлеченія нѣмецкимъ философомъ Ницше до увлеченія англійской спортсменской страстью къ физическимъ упражненіямъ — все, что переживалось нашимъ обществомъ — все это мы найдемъ въ произведеніяхъ Боборыкина.

II.

Мы не разъ уже имѣли возможность уяснить нашему читателю точку зрѣнія, на которой мы стоимъ и какъ мы смотримъ на роль и на значеніе критики. Читатель не могъ не замѣтить, что главная цѣль нашихъ этюдовъ — это стремленіе „вычитать“ современную жизнь изъ текущей литературы, соединить отдѣльныя данныя анализовъ жизни въ одну стройную таблицу и постараться разобраться въ ней, облегчая этимъ самымъ ту синтетическую работу, которую каждый читатель долженъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, для себя.

Изъ этого читатель сдѣлаетъ безошибочный выводъ, что чисто-художественная сторона литературныхъ произведеній поневолѣ остается въ сторонѣ отъ нашего пути. Все же мы не можемъ не сказать, что съ художественной точки зрѣнія послѣдняя пьеса Боборыкина очень слаба. Интересно, что романистъ, истинный мастеръ въ умѣніи передавать діалоги въ своихъ романахъ,— не съумѣлъ справиться съ ними на этотъ разъ въ комедіи. Но, слабая въ художественномъ отношеніи, комедія эта интересна для насъ потому, что это наибольшее полотно — картина современной жизни изъ всѣхъ, которыя дали намъ въ послѣднее время наши художники.

За нами право углубить эту пьесу и объяснить ее и дополнить произведеніями другихъ авторовъ — маленькихъ работниковъ текущей литературы, такъ какъ въ самой пьесѣ символовъ—перваго, что мы имѣемъ право искать въ широкой картинѣ жизни—совсѣмъ нѣтъ, а есть только неживыя схемы, контуры неживыхъ людей и неживыхъ ситуацій. — Но все же это *контуры*, примиримся на этомъ.

Вотъ графъ Перемышевъ, состоящій, какъ онъ говоритъ „въ нѣтяхъ“ „никудышникъ“, какъ онъ шутливо называетъ себя на сектантскій ладъ, — „упразднитель“ жизни чистѣйшей воды. Онъ слишкомъ изжилъ всѣ жизненные соки, чтобы активно „охранять“ „бабушкинъ домъ“, но онъ доходитъ въ своемъ упраздненіи текущей жизни до принципа „чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше“. Это ли не истинный разрушитель основъ, это ли не настоящій

упразднитель жизни? Онъ не можетъ признать текущей жизни, не *хочетъ* признать жизни въ ея свободномъ творчествѣ безъ стараго „бабушкина дома“ и находить, что когда ихъ степенства дарятъ богадѣльни, клиники, ночлежные дома, то „все это затѣмъ, чтобы господъ дворянъ свести на нѣтъ“. Впрочемъ онъ увѣренъ, что потомъ, эти набабы и сами все спустятъ“... „—Я о своемъ сословіи плакать не буду; а ужъ кольми паче объ ихъ степенствахъ. Одни сами себѣ рыли могилу, и имъ по-дѣломъ; но и другіе останутся въ дуракахъ“. И когда Мэри—родовитая дворянка, вышедшая замужъ за милліоны почетнаго гражданина Бабашина — ужасается, что графъ, крайній консерваторъ, разсуждаетъ „точно какой демагогъ, якобинецъ“,—то графъ откровенно сознается, что онъ „давно якобинецъ, для всего, что дѣлается кругомъ. И мой девизъ: „чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше“.

Вотъ еще цѣлый рядъ „упразднителей“: Зѣватовъ, о которомъ Солодовъ, земскій дѣятель, мѣстный Гамбетта, какъ зло называютъ его „упразднители“, говоритъ, что для него „вся наша жизнь — вздоръ, шумиха, хожденіе въ шорахъ“, а самъ онъ о себѣ говоритъ, что ему противно такое серьезничанье, какъ въ Солодовѣ. „И онъ, и всѣ такіе думаютъ, что они дѣлаютъ дѣло, что они необходимы. А я ничего такого не знаю. Я живу, не зная, куда я приду, чѣмъ я кончу. Да, мое безпутство, какъ вы всѣ здѣсь называете, сознательное. Оно протестъ противъ ненавистнаго мнѣ серьезничанья“... Да, онъ не знаетъ, куда онъ идетъ. Этотъ „упразднитель“ жизни, проѣдающій „наслѣдіе отцовъ“, кончаетъ тѣмъ, что оффиціально ссорится съ минимумомъ общественной морали — съ уголовнымъ кодексомъ и попадаетъ на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ подлогѣ и поддѣлкѣ подписей. Впрочемъ, мы вѣримъ автору, что онъ этого не дѣлалъ, а, наоборотъ, былъ возвышенно—небреженъ въ отношеніи этихъ пустяковъ и далъ себя запутать своимъ друзьямъ, съ которыми онъ вмѣстѣ составляетъ сооообщество... „апашей“... Эти шуты играютъ въ высшихъ протестантовъ жизни, стоящихъ неизмѣримо выше современнаго общества, — его „мѣщанской морали“ и буржуазныхъ подраздѣленій на „можно“ и „нельзя“. Они выше всего этого: играютъ въ карты, развратничаютъ, шулерствуютъ, поддѣлываютъ чужія подписи... Но довольно о нихъ.

Есть еще въ комедіи странная фигура Каркудинова — молочнаго брата помѣщицы Анны Неуталовой. Онъ крестьянскій сынъ, но, кажется, не признаетъ крестьянства, все время будируетъ противъ всѣхъ, молчитъ, не высказывается, или глупо дерзитъ. И трудно понять, въ концѣ концовъ, — высшая ли это иронія, или просто глупость. Въ пьесѣ онъ занимается тѣмъ, что „обхаживаетъ“ графа съ цѣлью сдѣлаться главнымъ управляющимъ его лѣсовъ. Его подозрѣваютъ въ томъ, что этого мѣста онъ добивается для того, чтобы не допустить перехода лѣсовъ графа въ руки крестьянъ, дабы современемъ передать ихъ цѣлыми „въ руки четвертаго сословія“. Откуда такія предположенія,—для читателя остается непонятнымъ.— Если мы упомянемъ еще о Солодовѣ, представляющемъ собою „хоровое начало“, — людей, дѣлающихъ маленькую, культурную работу и вѣрящихъ въ нее—и Анну Неуталову, на возрожденіе которой раньше вліяетъ „безпутный“ и все-же чарующій ее своимъ „демонизмомъ“ Зѣватовъ, — а потомъ великодушный рыцарь Гамбетта-Солодовъ ,— то и всѣ персонажи пьесы будутъ на лицо.

Мы говорили уже, что это контуры, а на живыя фигуры, и что картина жизни не будетъ возсоздана на основаніи одной этой схемы, что ее необходимо дополнить. Поэтому,—

мы позволимъ себѣ повторить здѣсь то, что мы уже писали въ другомъ мѣстѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, непосредственно по прочтеніи его романовъ „Братья“ и „Разладъ“, печатавшихся въ журналахъ въ началѣ года.

— „Да, трещитъ, трещитъ въ пазахъ“, признается старый, „прекраснодушный“ профессоръ. Рѣчь идетъ о старой системѣ, которая треснула по швамъ, но держится кое-какъ, до поры, до времени... („Разладъ“). „Теперь такое время, папа. Карты на столъ! На чистоту играютъ. Все говорятъ, что у насъ партій нѣтъ. Какой вздоръ! Ужъ, по крайней мѣрѣ, двѣ партіи: одна противъ другой стоятъ и готовы горло другъ другу перерѣзать“. Эти слова принадлежатъ не „утописту“, не „голи, богатой надеждой молодой“, а „приличному“ студенту, сынку родовитаго дворянина, Юрія Дмитріевича Мурина, мѣтящаго въ „столпы“, „охранители“ „исконныхъ, русскихъ началъ“ и проживающаго для этого въ Петербургѣ, пока пріятельница его, Марія Борисовна Алпатова, имѣющая вѣскія связи (благодаря невѣсомымъ отношеніямъ), не наладитъ его назначеніе.

Этотъ сыночекъ, спортсменъ, умѣющій прожигать „по дворянски“ батюшкины деньги, совсѣмъ, какъ въ „доброе старое“ время, — это онъ говоритъ о „партіяхъ“. Казалось бы, ему-то что Гекуба? Надо думать, что тамъ, далеко что то происходитъ, если такіе „приличные“ бѣлоподкладочники“ разговариваютъ объ этомъ. Но все-же, ему-то что за дѣло до этого? Дѣло въ томъ, что въ „благородномъ семействѣ“ происходитъ разладъ: есть еще одинъ сынъ, Викторъ Муринъ, позоръ и ужасъ „благородной“ семьи, который, послѣ какихъ-то студенческихъ недоразумѣній, былъ отправленъ для „усмиренія“ китайцевъ на Дальній Востокъ, а теперь рѣзко разошелся со всей семьей и, что важнѣе всего, не находитъ возможнымъ закладывать имѣніе, оставленное ему бабушкой, для помощи отцу въ его стремленіи къ теплому мѣстечку и братцу для кутежей. Мало того: онъ продолжаетъ быть enfant terrible'емъ, онъ не „поумнѣлъ“ послѣ этого „путешествія“ на Востокъ, не „хлопочетъ“ о принятіи его вновь въ университетъ, ведетъ знакомство съ „подозрительными“ людьми и заставляетъ Юрія Дмитріевича дрожать, что онъ навлечетъ „позоръ“ на него.

Итакъ, тамъ, гдѣ-то въ гущѣ жизни „двѣ партіи стоятъ одна противъ другой“, по мнѣнію этого юноши. Каковы эти „партіи“, онъ намъ не говоритъ, но вся текущая литература даетъ намъ много указаній для опредѣленія profession de foi—символа вѣры „партій“ охранителей бабушкина дома“.

Напрасно, однако, Юрій Дмитріевичъ боится какихъ-нибудь экстравагантныхъ дѣйствій со стороны своего сына, Виктора. Здѣсь совсѣмъ новая „полоса“, новое теченіе, которое спѣшитъ отмѣтить нашъ романистъ – тонкій знатокъ русла общественной рѣки. Вѣрность его наблюденій намъ подтверждаетъ и другая его повѣсть „Братья“, и многія другія произведенія текущей литературы.

Разсмотримъ это новое теченіе.

„Мы всѣ пропитаны культомъ интеллигенціи. А во мнѣ, можетъ быть, и въ васъ, есть уже бунтарское чувство и противъ *нея*, противъ всякаго мундира...“—говоритъ Викторъ. Викторъ шатается, у него все еще неясно, онъ еще „не дошелъ“, но вотъ Мезеринъ — человѣкъ „неизвѣстнаго званія“: изъ людей, которые „сами себя сдѣлали“, какъ говорятъ американцы—глашатай новой правды; этотъ высказывается опредѣленнѣе. Ему говорятъ, что это бунтъ противъ культуры, его допрашиваютъ, не толстовецъ-ли онъ, и вотъ его отвѣтъ: „Не надо никакихъ кличекъ. Отъ кличекъ у насъ и пошло всеобщее обезьянство.

Значокъ! Все равно, что идолище! Мечутся, лѣзутъ на рожонъ, теряютъ здоровье, выходятъ изъ нихъ какія-то кликуши мужского пола. О женщинахъ я уже и не говорю. А спроси-ка: за что ты, милый другъ, погибаешь?" — „Развѣ у тысячъ человѣкъ можетъ быть одна идея? А тутъ нельзя фордыбачить. Иди, кричи—или стой, упирайся, дѣйствуй скопомъ. Иначе ты отступникъ, ренегатъ. И что же получается? Вотъ, полюбуйтесь, господинъ наставникъ сего молодого человѣка (онъ спори́тъ съ бывшимъ учителемъ Виктора). Онъ теперь вольный казакъ, хотя пачпортъ у него вродѣ волчьяго. Но это все было бы наплевать. Да корня-то, корня-то въ себѣ самомъ нѣтъ... Куда идти? И стоитъ ли вообще болтаться на этомъ свѣтѣ? Жизнь-то, что можно и слѣдуетъ съ нея брать, куда-то скрылась. Свое-то естество, умъ, сила, сознаніе своей личности,—все это принижено и размочалено. И вотъ вамъ плоды стадной интеллигенціи".

Нѣтъ необходимости умножать выписокъ, такъ какъ здѣсь уже достаточно выясняется новое теченіе, главный принципъ котораго, это — прославленіе и чуть не обожествленіе своего „я", которое должно быть поставлено выше всего, должно быть свободно, не должно ничего бояться.

Это чистые типы, — искренніе идеологи принципа. А вотъ и каррикатура. Въ повѣсти Тимковскаго „Вокругъ своей оси" [1]) мы имѣемъ цѣлыхъ двѣ каррикатуры этого типа. Молодая, здоровая Варвара Павловна Нальчина, уходящая отъ мужа, больного нейрастеника, къ здоровому, „жизнерадостному" доктору,— и братъ ея Юрій, студентъ, живущій на средства своей тещи. Этотъ Юрій находитъ „слова", нужную оправдательную философію; вотъ его „символъ вѣры": „существуетъ только одинъ вполнѣ реальный, несомнѣнный законъ, который говоритъ: расти, питайся, развивайся, крѣпни, ищи для себя простору, проявляй возможно шире и полнѣе свою индивидуальность и будь неумолимъ въ своихъ естественныхъ правилахъ".

Мы упомянули объ этихъ, вертящихся „вокругъ своей оси" только затѣмъ, чтобы показать „родственниковъ" Боборыкинскихъ персонажей и въ другихъ произведеніяхъ текущей литературы. А теперь разсмотримъ еще повѣсть Боборыкина же „Братья" [1]). Эта повѣсть даетъ наиболѣе яркую картину современной русской жизни, ея главныхъ общественныхъ теченій. Какъ всегда у Боборыкина, „дѣйствія" въ повѣсти очень мало, но діалоги дышутъ правдой, какъ будто подслушанные и записанные.

Старшій изъ двухъ братьевъ, Иванъ Бабичевъ—глубоко убѣжденный земецъ, страстный сторонникъ „хорового начала", къ которому, онъ увѣренъ, можно привлечь всѣхъ и создать дисциплинированный „хоръ" изъ самыхъ разношерстныхъ элементовъ. Онъ надѣется привлечь къ „хору" и культурную, не ослѣпленную узко-сословными интересами часть дворянства, въ лицѣ его предводителя, Миронова, и культурное „третье состояніе"—въ лицѣ его степенства, фабриканта Хаева. Прекрасная душа у этого земскаго работника Ивана Бабичева; со всей энергіей и со всей страстью работаетъ онъ на пользу этого „хорового начала" въ то время, какъ сплетня и клевета растутъ по всему уѣзду и готовы затопить его. Его товарищъ-интеллигентъ Руженцовъ, служащій химикомъ на заводѣ его степенства Хаева, зло смѣется надъ его преданностью „хоровому началу", онъ много пережилъ, много поработалъ, многое перенесъ и, повидимому, истратился весь...

Онъ просто усталъ, надо думать; но такъ ли, или иначе,—онъ мефи-

---

[1]) Р. М. февраль.

[1]) В. Евр.

стофелевски смѣется надъ мечтателемъ и находитъ самъ, что онъ кончаетъ тѣмъ, съ чего начали „филозои". А этимъ новымъ словечкомъ называютъ себя приватъ-доцентъ Корневъ и публицистъ Тороповъ. „Мы — только любители жизни, и никакого ни доктринерства, ни мандаринства не признаемъ". — „...Носимъ особую кличку „филозои". Любопытна, между прочимъ, эта черта: особое пристрастіе къ страннымъ, крикливымъ формамъ, одѣяніямъ, кличкамъ. — Эти „жизнелюбы" ничѣмъ не уступаютъ сообществу „апашей" — изъ комедіи „Упразднители", о которыхъ мы говорили выше. Эти увѣряютъ, что они любятъ жизнь и — à priori можно сказать, что они все сдѣлаютъ, чтобы прожить эту жизнь веселѣе и удобнѣе, а эти „апаши" — шутовски называютъ себя именемъ общества парижскихъ громилъ, толкуютъ о протестѣ противъ общества, но суть, конечно, одна. „Апаши" такъ же, какъ и „филозои", исповѣдуетъ одни принципы: „брать жизнь, какъ она есть, ловить моментъ, ничего не бояться и ничего не ждать, ни отъ кого и ни отъ чего. А главное, — никакихъ прописей".

Какъ видите, все это родственники: Зѣватовъ, пріятели Зѣватова, Мезеринъ, Викторъ Муринъ, Юрій и Варвара (изъ „Вокругъ своей оси"), Руженцовъ и „филозои" Корневъ и Тороповъ. Они могутъ быть и очень непохожи индивидуально, но общія фамильныя черты бросаются въ глаза.

Но семья еще не вся тутъ. Есть еще одинъ: „мозговикъ", интеллигентъ „высокой пробы", джентльменъ, европеецъ, живущій большею частью за-границей, свой человѣкъ почти во всѣхъ столицахъ Европы — младшій братъ земца, Ивана Бабичева — Петръ, или, какъ его называетъ братъ, Питэръ. Онъ тоже, какъ и Руженцовъ, жалѣетъ, что Иванъ тратитъ свои выдающіяся силы служенію дѣлу „хорового начала" Но, тогда какъ Руженцовъ и пришелъ къ этому только послѣ того, какъ самъ, разбитый и усталый, извѣрился въ это служеніе, — Питэръ съ этого начинаетъ.

Питэръ стоитъ высоко въ сферѣ мысли и удивляется, что Иванъ „тратитъ свои душевныя силы на возню съ такимъ человѣчествомъ". И, по его мнѣнію, „возиться" не стоитъ „со всякимъ человѣчествомъ, т. е. съ массой, съ толпой, съ людскимъ стадомъ"; онъ находитъ, что девизомъ всякаго мыслящаго человѣка должны быть слова: „на высотѣ". Иванъ поправляетъ его — „сверхчеловѣка, хочешь ты сказать". Питэръ горячо отрицаетъ это, онъ находитъ, что Uebermensch, по Ницше, до смѣшного старомоденъ: „Я — просто человѣкъ и въ основатели новой породы не мѣчу, но я не хочу, по доброй волѣ, барахтаться въ такихъ сферахъ жизни, гдѣ и безъ меня найдутся охотники справлять свою службу".

Надо сознаться, что, съ точки зрѣнія *старой* морали, это просто — непорядочно. Съ точки зрѣнія этой „устарѣвшей" теперь морали непорядочно „загребать жаръ чужими руками". Мы знаемъ, что „умные" всегда стояли въ сторонѣ и заставляли „дураковъ" таскать для нихъ каштаны изъ огня, — но до сихъ поръ эти „умные" были на самомъ дѣлѣ плоскими людьми, съ ограниченнымъ кругозоромъ, узкой психикой, съ большимъ и грубымъ аппетитомъ и съ маленькимъ клочкомъ неба надъ головой. Этотъ же „мозговикъ", котораго показываетъ намъ Боборыкинъ, совсѣмъ другой.

Онъ „на высотѣ", — въ высшихъ сферахъ мысли; его взоръ охватываетъ широчайшіе горизонты, стремленія и чувства его очень далеки отъ плоскихъ „аппетитовъ", — и все же онъ позволяетъ себѣ отказаться отъ участія въ работѣ жизни, такъ какъ онъ считаетъ всю эту работу чѣмъ-то низменнымъ и не хочетъ „барахтаться" въ этомъ. Этотъ Питэръ

стоящій „на высотѣ", особенно характеренъ для современности, и мы когда-нибудь вернемся къ нему, — попробуемъ разобраться въ томъ, *что* именно, *какія* черты современности заставляютъ людей, несомнѣнно высшей организаціи, какъ Питэръ,—„умывать руки" отъ всѣхъ дѣлъ современности и уходить въ безпристрастную высоту мысли. „Развѣ не выше всего—уходить не однимъ разсудкомъ, но всѣми силами духа въ созерцаніе судебъ вселенной, достигать до высшихъ мыслительныхъ и творческихъ настроеній"?.. „Все одухотворяется колоссальной работой самаго избраннаго меньшинства! Пытливый духъ человѣка выше природы"...

Таковъ этотъ „мозговикъ",—этотъ аристократъ мысли,такъ глубоко интересный и характерный для нашей эпохи. Онъ родственникъ всей перечисленной выше семьѣ, но онъ стоитъ все же совершенно отдѣльно отъ нихъ, и поэтому мы теперь его подробно разсматривать не будемъ: онъ не представляетъ собою общественнаго теченія. Питэръ прежде всего одинокъ, такъ какъ на вершины взбираются только въ одиночествѣ. Вся же остальная семья не одинока, каждый изъ нихъ представляетъ собою отдѣльное „теченіе". Мы перейдемъ сейчасъ къ анализу ихъ, разберемся въ генеалогіи каждаго изъ нихъ; это поможетъ найти мѣсто для каждой изъ этихъ фигуръ на огромномъ полотнѣ современной жизни. Но прежде отмѣтимъ нѣсколькими словами нѣкоторыя произведенія маленькихъ художниковъ, рисунки которыхъ дополняютъ картину.

Карикатура — тоже художественное произведеніе и имѣетъ свое право на существованіе. Вѣдь что такое, въ сущности, карикатура? Только логически доведенныя до конца характерныя черты, односторонне собранныя типическія особенности,—изнанка типа, такъ сказать. Въ хорошенькомъ и талантливомъ разсказѣ „Корь" [1]) г. А. Купринъ показываетъ намъ такую изнанку типа „охранителя". Это карикатура, но удивительно напоминающая жизнь,—потому что и сама жизнь любитъ часто создавать карикатуры, иногда остроумно комбинируя типическія черты, иногда грубо шаржируя ихъ.

Студентъ Воскресенскій проводитъ лѣто на урокѣ — на дачѣ у Павла Аркадьевича Завалишина, въ Крыму, „вблизи прекраснаго, радостнаго моря". Этотъ г. Завалишинъ—бывшій корнетъ кавалеріи, потомъ коммиссіонеръ, нотаріусъ, а теперь нефтяникъ, пароходовладѣлецъ и „охранитель древне - русскихъ началъ". Онъ грубъ и нахаленъ и, бія себя въ перси, на каждомъ десятомъ словѣ заявляетъ, что у него „русская душа" и что ему, русской душѣ, принадлежитъ „рѣшающее властное слово"; русской душою своею онъ негодуетъ на то, что „мы продаемъ нашу святую, великую, обожаемую родину всякой иностранной шушерѣ. Кто орудуетъ съ нашей нефтью? Жиды, армяшки, американцы. У кого въ рукахъ уголь? руда? пароходы? электричество? — У жидовъ, у бельгійцевъ, у нѣмцевъ. Кому принадлежатъ сахарные заводы? Жидамъ, нѣмцамъ и полякамъ. И, главное, вездѣ жидъ, жидъ, жидъ"! „Русская душа" надѣется и мечтаетъ, что этому безобразію приходитъ конецъ, что русскій народъ проснется,—и тогда онъ стряхнетъ съ себя блудливыхъ, радикальствующихъ ин-тел-ли-гентовъ, какъ собака блохъ, и такъ сожметъ въ своей мощной длани всѣ эти угнетенныя невинности, всѣхъ этихъ жидишекъ, хохлишекъ и полячишекъ, что изъ нихъ только сокъ брызнетъ во всѣ стороны. А Европѣ онъ просто-напросто скажетъ: „тубо, старая..." Здѣсь „русская душа", какъ видно, нецензурно выругалась, — она тоже умѣетъ „говорить слова", которыхъ

[1]) М. Б. Апрѣль.

цензура не пропускаетъ,—не только „блудливые, радикальствующіе интеллигенты“.

Два мѣсяца терпѣлъ интеллигентъ эти разглагольствованія и не выдержалъ, наконецъ, и „волнуясь и спѣша“ началъ возражать этой „русской душѣ“. Онъ говорилъ ему, что „идеальный всероссійскій кулакъ, жмущій сокъ изъ народишекъ, никому не опасенъ, а просто-напросто омерзителенъ, какъ и всякій символъ насилія“: „Вы не болѣзнь, не язва, вы — просто неизбѣжная, надоѣдливая сыпь, вродѣ кори“.

Очень удачно это опредѣленіе такого рода „охранителей“ просто какъ „надоѣдливой сыпи“; да, это не злокачественная болѣзнь, это просто „корь“, которая „пройдетъ“— и только. У маленькихъ дѣтей это бываетъ,—это не опасно. Понятно, „корь“ надо не „простудить“, чтобы не случилось „осложненій“: все-таки инфекція; но народный организмъ молодъ и силенъ, и „корь“ безслѣдно „пройдетъ“.

Долго сдерживался интеллигентъ, терпѣливо слушалъ этого „охранителя“, но въ концѣ концовъ не выдержалъ все же, вылилъ накипѣвшее у него на душѣ. Это былъ протестъ чистой души, возмутившейся свыше силъ зловоніемъ и грязью, распространяемыми „русской душой“, „охранителемъ“-Завалишинымъ. Текущая литература въ цѣломъ рядѣ маленькихъ иллюстрацій показываетъ намъ такихъ благородныхъ, но и безсильныхъ протестантовъ. Большей частью мы видимъ ихъ въ суровыхъ условіяхъ жизни, въ трагическомъ освѣщеніи неравной борьбы.

Вотъ маленькій разсказъ г. Емельянченко „На краю свѣта“ *), написаный просто и безыскусственно, но интересный и мѣстами волнующій. Мы видимъ человѣка, прибывшаго недавно въ эту жалкую, затерянную въ глубокихъ таежныхъ снѣгахъ деревушку, которому „предстоитъ прожить здѣсь нѣсколько лѣтъ безвыѣздно“, впадающимъ почти въ отчаяніе и рѣшающимся на все, чтобы освободиться отъ этой жизни. Въ моментъ, когда ему рисуется тройка, которая увезетъ его отсюда, онъ вмѣсто этого слышитъ звонки тройки подъ своими окнами, — это судьба посылаетъ ему другого товарища.

Фигура этого товарища глубокоинтересна. Это искренняя и глубоко-честная душа, мягкая душа созерцателя жизни, неспособнаго къ борьбѣ, испытывающаго ужасъ передъ нею. Но бываютъ моменты, когда „станы“ такъ перепутываются, когда вся жизнь кругомъ такъ... напряжена, что достаточно рыцарской честности, чтобы быть зачисленнымъ въ „крамольники“... Послушайте этого страстнаго музыканта,—любящаго въ цѣломъ свѣтѣ, кажется, только музыку и ясную, чистую мысль,—послушайте, какъ онъ попалъ въ эту тайгу... Въ маленькомъ, хиломъ тѣлѣ нервнаго поэта сидѣла большая душа... „Разъ ночью они пришли ко мнѣ; ничего, разумѣется, не нашли, кромѣ твоей карточки и нѣсколькихъ твоихъ писемъ. Все это они взяли съ собой и меня тоже пригласили... Наконецъ, вызвали меня на допросъ; тамъ предъявили твои карточки и о знакомствѣ спросили. „Знакомъ, знакомъ“,—говорю. „Ну, а къ тайному сообществу принадлежите?“ — спрашиваютъ. Я съ минуту подумалъ, и такъ какъ нравственно я никогда отъ васъ себя не отдѣлялъ, то и отвѣтилъ: „Принадлежу“.—„Что еще можете добавить“?—„Ничего“!—„Ну, отправляйтесь, посидите—надумаетесь: мы во всякое время къ вашимъ услугамъ“!

— „Это все... и ты здѣсь?! Почти все. Потомъ, черезъ два мѣсяца, меня снова вызвали и спрашиваютъ: „Успѣли поскучать“? — „Немножечко“,—отвѣчаю.—„А сказать что имѣете“? — „Кое-что“. — „Пожалуйста, говорятъ, чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ лучше“!—И даже бумагу мнѣ

*) В. Евр. Октябрь.

подсунули. Я имъ тогда и написалъ очень откровенно: —„Не имѣя ничего сообщить, прошу оставить меня въ покоѣ".—Въ отвѣтъ на это ему сказали, что это плохія шутки и что онъ „прогуляется куда слѣдуетъ".— „Вотъ я и прогуливаюсь", — окончилъ онъ спокойно свой разсказъ.

Не правда-ли, картина интересна? Интересно высшее спокойствіе этого рыцаря съ поэтической созерцательной душой, который даже понять не можетъ, отчего, собственно, волнуется его товарищъ: „Да ты напрасно волнуешься, — развѣ твоя обязанность была выдѣлять меня? Это они были обязаны безъ достаточныхъ основаній не включать меня; а разъ включили... я уже не имѣлъ силъ сказать: я... я ни при чемъ! Развѣ я не съ тобой учился, развѣ не я тебѣ досталъ томъ Луи-Блана тогда, когда вы только-что начинали думать... Я его, этого Луи-Блана, не читалъ, это особь-статья, но все таки я не имѣлъ силъ умыть руки и отречься, когда ты уже сидѣлъ"... Интересна жизнь, въ которой „включаютъ" „безъ достаточныхъ основаній"; интересна дальнѣйшая сцена, когда этотъ больной чахоткою артистъ, изъ высшаго душевнаго благородства попавшій „на край свѣта", играетъ свою лебединую пѣснь на скрипкѣ, которую достали у цыгана на деревнѣ (своей скрипки онъ не взялъ, оставилъ на память матери, такъ какъ зналъ, что ѣдетъ умирать). Товарищъ, Алешка-цыганъ, жалкая, заброшенная таежная деревушка слушали, какъ онъ игралъ въ послѣдній разъ... „Стонъ росъ, набиралъ въ себя силу и, наконецъ, острымъ крикомъ нечеловѣческой боли замеръ въ широкой волнѣ, неожиданно развившихся побочныхъ звуковъ"...

Мы думали было остановиться еще на одномъ маленькомъ разсказѣ, который входитъ въ нашу тему — „Маленькая драма" г-жи Крандіевской, — но по недостатку мѣста мы оставимъ этотъ разсказъ и перейдемъ къ анализу всѣхъ ихъ въ общемъ. Мы хотимъ еще только обратить вниманіе на нѣкоторыя родственныя черты у этого Сидора, такъ рыцарственно „прогулявшагося" на край свѣта, и у безстрастнаго и холоднаго на своей „высотѣ" Питэра. Тотъ и другой—тонкія души съ высшей организаціей мозга и нервовъ; тотъ и другой, хотя и не принимаютъ участія въ борьбѣ, но всегда рыцарственно объявляютъ, гдѣ они,—какой станъ ихъ могъ-бы причислить къ себѣ, если-бы они могли перенести грязь пути и стоны и крики сраженія.

Л. З. Мовичъ.

(До слѣд. №-ра).

Хроника русской жизни.

Стачка въ Петербургѣ.—Назначеніе ген. Трепова и смѣна градоначальника.—Стачка въ Москвѣ и провинціи.—Похороны студента.—Пріемъ Государемъ Императоромъ рабочихъ.—„Великая петиція" финляндцевъ.—Финляндскія pia desiderata.—Цензурныя кары.—Некрологи.

Начало Новаго Года, какъ извѣстно, ознаменовалось многочисленными стачками рабочихъ, начавшимися съ Петербурга и отсюда распространившимися по всей Россіи. Стачка началась забастовкой 3 янв. на Путиловскомъ заводѣ. Ближайшимъ поводомъ послужило увольненіе двухъ рабочихъ за принадлежность ихъ, какъ думаютъ рабочіе, къ составу членовъ „Русскаго общества фабрично - заводскихъ рабочихъ". Администрація завода, въ лицѣ директора-распорядителя, заявила, что одинъ рабочій уволенъ потому, что у него былъ малый выходъ досокъ на станкѣ, а другой ушелъ въ больницу и не возвратился. На этой почвѣ и происходило объясненіе между директоромъ и рабочими 3-го января, причемъ рабочіе требовали обратнаго пріема тѣхъ рабочихъ и удаленія мастера, уволившаго ихъ. На это директоръ не согласился. На другой день, 4-го января, забастовка распространилась на всѣ мастерскія завода, не исключая и электрической станціи. Работала только контора и экспедиція. Заводъ охранялся конными жандармами и полицейскими, но порядокъ въ сущности поддерживали сами рабочіе, строго слѣдившіе за корректностью поведенія своихъ товарищей. Къ пяти часамъ дня 4-го января группа уполномоченныхъ отъ рабочихъ выработала программу требованій, при условіи исполненія которыхъ работа могла бы быть возобновлена. Требованія эти въ общихъ чертахъ сводятся къ слѣдующему: 1) администрація завода должна пойти навстрѣчу нуждамъ рабочихъ, не прибѣгать къ уловкамъ и ложнымъ обѣщаніямъ, которыя потомъ не выполняются, при содѣйствіи полиціи; 2) для выясненія нуждъ и условій соглашенія должна быть образована комиссія на-половину изъ представителей отъ рабочихъ (по ихъ выбору) и на-половину изъ представителей администраціи завода; 3) представителямъ рабочихъ должна быть гарантирована личная неприкосновенность; 4) рѣшенія комисіи должны считаться обязательными для обѣихъ сторонъ и приводятся въ исполненіе безъ какихъ бы то ни было измѣненій; 5) никто не долженъ потерпѣть отъ забастовки, ни теперь, ни послѣ начала работъ. За время забастовки жалованье уплачивается полностью.

Дальнѣйшія условія соглашенія вырабатываются комиссіей, но ей ставится въ обязанность придерживаться слѣдующихъ требованій: 8-часовой рабочій день; учреждается постоянная комиссія изъ представителей рабочихъ и администраціи завода; на разсмотрѣніе и разрѣшеніе этой комиссіи поступаютъ всѣ случаи увольненія рабочихъ и прочія недоразумѣнія между рабочими и администраціей завода; увеличеніе поденной платы чернорабочимъ до 1 р. въ день; чернорабочимъ женщинамъ поденная плата съ 45 к. повышается до 70 к., или же для дѣтей этихъ женщинъ устраивается пріютъ-ясли; медицинскій персоналъ обращается съ больными рабочими безусловно вѣжливо и внимательно относится къ ихъ болѣзнямъ, но позволяя себѣ третировать больного, какъ пьянаго, что сейчасъ бываетъ весьма нерѣдко; лѣченіе на дому должно былъ доступно всѣмъ и безплатно; наконецъ, гигиеническое устройство мастерскихъ и кузницы.

Для предъявленія этихъ требованій директору завода была избрана депутація изъ 34 человѣкъ во главѣ со священникомъ о. Георгіемъ Гапономъ. Въ 6 часовъ вечера директоръ завода принялъ депутацію и въ довольно пространной рѣчи заявилъ, что

требованія, выставленныя рабочими, не могутъ быть приняты, такъ какъ, по его мнѣнію, они являются разорительными для завода. Рабочіе послѣ этого рѣшили продолжать забастовку. Столкновеній за оба дня не было. *(„Н. Дни.“)* 4-го января въ 12 часовъ дня рабочіе машиностроительнаго завода „Франко-русскаго общества заводовъ“ (Пряжка, 17) объявили забастовку впредь до выполненія ихъ требованій, которыя они предъявятъ заводской администраціи. По соглашенію съ послѣдней было постановлено, что эти требованія будутъ предъявлены выборными отъ рабочихъ на собраніи представителей управленія завода въ пять часовъ вечера того же дня. Работы немедленно прекратились. На предложеніе полицейскихъ властей принять мѣры противъ бастующихъ, администрація завода отвѣтила просьбой не вмѣшивать полицію въ этотъ инцидентъ, такъ какъ рѣшительно никакой надобности въ этомъ не имѣется.

На обсужденіе комиссіи рабочими были предложены слѣдующія требованія: а) удаленіе съ завода нѣкоторыхъ лицъ (одного мастера и инженера), которыми рабочіе имѣютъ основанія быть крайне недовольными; б) введеніе восьмичасового рабочаго дня (по сообщенію заводской администраціи, въ настоящее время на заводѣ продолжительность рабочаго дня составляетъ отъ 10 до $9^1/_2$ час.); в) прекращеніе „шабашныхъ“ (сверхурочныхъ) работъ.

Дирекція уже выразила свое согласіе на первые три пункта, причемъ предоставила въ пользованіе рабочимъ для выборовъ представителей въ комиссію помѣщеніе заводскихъ мастерскихъ.

Всѣхъ рабочихъ на заводѣ насчитывается около $2^1/_2$—3 тысячъ. 5 января къ директору завода Франко-Русскаго Общества явилась депутація отъ рабочихъ. На предложеніе приступить къ работамъ, она отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ, впредь до выясненія положенія дѣлъ комисіей, состоящей изъ представителей рабочихъ и заводоуправленія. Въ общемъ требованія, предъявленныя здѣсь рабочими, кромѣ нѣкоторыхъ чисто мѣстнаго характера, вполнѣ тождественны съ требованіями, предъявленными рабочими путиловскаго завода. У завода все совершенно спокойно, какъ и обѣщали забастовавшіе.

5-го января къ забастовкѣ присоединились рабочіе нитяной и бумаго-прядильной фабрики Штиглицъ, затѣмъ рабочіе невскаго судостроительнаго и механическаго завода. 7 янв. забастовка въ Петербургѣ приняла грандіозные размѣры. Забастовавшіе съ 3-го по 5-е рабочіе Путиловскаго, Невскаго судостроительнаго, Франко-русскаго, Невскаго бумагопрядильнаго и другихъ заводовъ, выйдя къ 7-ми часамъ на работу, черезъ нѣсколько минутъ отказались и ушли съ завода. Съ утра на Путиловскомъ заводѣ было вывѣшено объявленіе съ отказомъ правленія удовлетворить требованія рабочихъ относительно удаленія директора завода. Правленіе разъясняло, что установленіе 8-часового рабочаго дня зависитъ отъ Министра финансовъ, новая же расцѣнка и увеличеніе платы рабочимъ могутъ быть установлены только общимъ собраніемъ акціонеровъ. Правленіе обѣщало исполнить требованіе рабочихъ относительно лучшаго обращенія медицинскаго персонала, обѣщало улучшить мастерскія, гдѣ производятся работы, но предупредило, что если сегодня рабочіе не будутъ работать, то заводъ будетъ закрытъ.

Объясненія правленія не удовлетворили рабочихъ. Заводъ бездѣйствовалъ, а потому новымъ объявленіемъ администрація завода, вывѣшеннымъ въ 4 часа дня, рабочимъ былъ назначенъ расчетъ въ теченіе 4 дней — 11-го января.

Между тѣмъ, ужъ съ ранняго утра по Петербургу стали распространяться упорные слухи о забастовкахъ на цѣломъ рядѣ фабрикъ и заводовъ. Къ тремъ часамъ дня стало извѣстно о массовыхъ забастовкахъ на крупнѣйшихъ заводахъ съ тысячнымъ числомъ рабочихъ. Прекращена работа въ Новомъ адмиралтействѣ, на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ, на фабрикѣ россійско-американской резиновой мануфактуры, въ товариществѣ механическаго производства обуви, въ мастерскихъ: Варшавской, Балтійской и Николаевской жел. дорогъ и на цѣломъ рядѣ небольшихъ заводовъ и фабрикъ: конфетныхъ, бумагопрядильныхъ, ниточныхъ, мастерскихъ городской конки,—словомъ, къ вечеру сегодняшняго дня забастовала большая часть петербургскихъ заводовъ и фабрикъ.

Общей участи не избѣгли типографіи, какъ казенныя, такъ и частныя, типографіи всѣхъ газетъ, — почему въ Петербургѣ газеты не вышли.

Толпы рабочихъ представителей „собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ" переходили съ одной фабрики на другую и всюду призывали рабочихъ къ общей забастовкѣ, иногда дѣйствуя силой, въ случаѣ неподчиненія.

До поздняго вечера на улицахъ Петербурга замѣчались толпы рабочихъ. Общее настроеніе—нервное и взволнованное вслѣдствіе массовой забастовки. Несмотря на представленіе министерства финансовъ, собранные на совѣщаніе представители правленій забастовавшихъ фабрикъ и заводовъ нашли невозможнымъ исполнить требованія рабочихъ, въ томъ числѣ чисто-мѣстнаго характера, мотивируя свое рѣшеніе могущими возникнуть новыми требованіями рабочихъ.

На Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ, принадлежащемъ морскому министерству, вывѣшено слѣдующее объявленіе: „Въ виду начавшихся на смежныхъ заводахъ смутъ по забастовкѣ и принужденія мастеровъ Балтійскаго завода посторонними лицами къ таковой же забастовкѣ на немъ 7-го января, объявляю: по распоряженію управляющаго морскимъ министерствомъ, для устраненія безпорядковъ внутри завода съ 7-го января заводъ не будетъ открытъ для общихъ работъ впредь до особаго распоряженія управляющаго морскимъ министерствомъ; за рабочіе дни 7-го, 8-го и 11-го января всѣмъ рабочимъ мастерамъ будетъ выдана сполна плата для устраненія потери въ заработкѣ; эти не-рабочіе дни предоставляются для выясненія представителями забастовщиковъ ожидаемыхъ требованій нашихъ мастеровыхъ для распоряженія по нимъ управляющаго морскимъ министерствомъ".

Это объявленіе подписано начальникомъ завода генералъ-майоромъ Ратникомъ. 8-го янв. на улицахъ Петербурга было вывѣшено слѣдующее объявленіе петербургскаго градоначальника:

„Въ виду прекращенія работъ на многихъ фабрикахъ и заводахъ столицы, петербургскій градоначальникъ считаетъ долгомъ предупредить, что никакихъ сборищъ и шествій таковыхъ по улицамъ не допускается, и что къ устраненію всякаго массоваго безпорядка будутъ приняты предписываемыя закономъ рѣшительныя мѣры. Такъ какъ примѣненіе воинской силы можетъ сопровождаться всякими несчастными случаями, то рабочіе и посторонняя публика приглашаются избѣгать какой либо участія въ многолюдныхъ сборищахъ на улицѣ, тѣмъ самымъ ограждая себя отъ послѣдствій безпорядка".

„Моск. Вѣдомостямъ" сообщаютъ: „Какъ извѣстно, стачка рабочихъ коснулась и желѣзно-дорожныхъ вокзаловъ.

„На вокзалѣ Варшавской желѣзн. дороги 7 января, въ 9 ч. утра, когда къ паровознымъ мастерскимъ стали съ линіи прибывать въ починку паровозы, мастерскія неожиданно для всѣхъ были окружены рабочими съ Путиловскаго завода, часть которыхъ, немедленно войдя въ мастерскія, обратилась къ мастерамъ съ требованіемъ сейчасъ-же прекратить работы впредь до особаго распоряженія. Первыя требованія ихъ не были уважены, но затѣмъ, въ виду ихъ категорическаго заявленія, пришлось уступить, и всѣ рабочіе паровозныхъ мастерскихъ, сдавъ инструменты своему начальству, стали постепенно оставлять помѣщенія. Затѣмъ, по прекращеніи работъ забастовщиками у топки на электрической станціи послѣдовало и прекращеніе электрическаго освѣщенія, не только въ станціонномъ зданіи, но и вдоль линіи дороги, въ раіонѣ петербурской станціи. Это вызвало не мало затрудненій по возстановленію освѣщенія керосиномъ, вмѣсто электричества.

„На вокзалѣ Балтійской желѣзн. дороги: Сюда эта-же толпа рабочихъ Путиловскаго завода прибыла въ 10 час. утра и направилась прямо къ мастерскимъ службы тяги и ремонта. Добившись здѣсь тѣмъ-же образомъ, какъ и на Варшавской ж. д., окончанія работъ и, обождавъ полной сдачи рабочими инструментовъ, они стали спокойно покидать станцію, направившись по набережной Обводнаго канала.

„На вокзалѣ Николаевской жел. дороги: Здѣсь никакого особенно волненія не замѣчалось. Весь вокзалъ, а также и пути петербургской станціи по обыкновенію были 7 янв. залиты электрическимъ свѣтомъ. Движеніе рабочихъ на этой дорогѣ отозвалось лишь въ мастерскихъ службы тяги и ремонта пути, гдѣ съ полудня представители рабочаго союза, прибывъ въ означенныя мастерскія, потребовали отъ начальства немедленно остановить работу и распустить рабочихъ, часть которыхъ съ большою не-

охотою должна была подчиниться этому требованію. 8-го января утромъ здѣсь была снова получена экстренная телеграма, сообщившая, что съ Александровскаго вагоно-строительнаго завода къ названной дорогѣ идутъ большія массы рабочихъ къ такъ называемому круглому зданію, чтобы прекратить работы, почему были приняты всѣ мѣры предосторожности для предотвращенія этого намѣренія".

10 янв. появилось „правит. сообщеніе". „Въ началѣ 1904 года, по ходатайству нѣсколькихъ рабочихъ фабрикъ и заводовъ Петербурга, былъ утвержденъ въ законномъ установленномъ порядкѣ уставъ „С.-Петербургскаго общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ", имѣвшаго цѣлью удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ интересовъ и отвлеченіе рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды. Общество это, избравшее своимъ предсѣдателемъ священника с.-петербургской пересыльной тюрьмы Георгія Гапона, по мѣрѣ своего распространенія на всѣ фабричные районы Петербурга, стало заниматься обсужденіемъ существовавшихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ отношеній между рабочими и хозяевами, а затѣмъ въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года побудило рабочихъ Путиловскаго завода вмѣшаться въ вопросъ объ увольненіи съ завода четверыхъ рабочихъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ оказалось впослѣдствіи, даже не были уволены, а оставили занятія добровольно. Тѣмъ не менѣе, возбуждаемые священникомъ Гапономъ и членами означеннаго общества рабочіе Путиловскаго завода 2-го января прекратили работы и помимо требованія о возвращеніи ихъ товарищей, подъ вліяніемъ той же агитаціи, предъявили требованія объ измѣненіи порядка назначенія разцѣнки работъ и увольненія рабочихъ. Мѣры увѣщанія со стороны фабричной инспекціи оказались безуспѣшными и къ стачкѣ подъ вліяніемъ тѣхъ же лицъ присоединились поголовно рабочіе нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ заводовъ Петербурга, а затѣмъ стачка стала быстро распространяться, охвативъ почти всѣ фабрично-заводскія предпріятія столицы. При чемъ по мѣрѣ распространенія стачки возрастали и требованія рабочихъ. Требованія эти въ письменномъ изложеніи, составленномъ въ большинствѣ случаевъ священникомъ Гапономъ, были распространяемы среди рабочихъ. Первоначально они касались лишь мѣстныхъ для отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ вопросовъ, затѣмъ перешли къ вопросамъ общимъ, о восьми часовомъ рабочемъ днѣ, объ участіи рабочихъ организацій въ разрѣшеніи споровъ между рабочими и хозяевами и т. п. Хозяева охваченныхъ стачкой промышленныхъ заведеній, собравшись на совѣщаніе, признали, что удовлетвореніе нѣкоторыхъ изъ домогательствъ рабочихъ должно повлечь за собою полное паденіе русской промышленности, другія же могли бы быть разсмотрѣны, а частью и удовлетворены въ мѣрѣ посильной для каждаго отдѣльнаго предпріятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывая готовность вступить съ рабочими въ переговоры, признали, что таковые невозможны при условіи веденія ихъ съ организаціей стачечниковъ во всей ихъ совокупности и достижимы только по отдѣльнымъ фабрикамъ и заводамъ. Отъ такого обсужденія требованій рабочіе отказывались. Въ виду того, что стачка не была соединена съ нарушеніемъ порядка, никакихъ репрессивныхъ мѣръ властями предпринимаемо не было, и со времени ея возникновенія не было произведено ни одного ареста и обыска въ рабочей средѣ. Однако, къ агитаціи, которую вело „Общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ", вскорѣ присоединилось и подстрекательство подпольныхъ революціонныхъ кружковъ. Само вышеупомянутое общество, со священникомъ Гапономъ во главѣ, съ утра 8-го января перешло къ пропагандѣ явно революціонной. Въ этотъ день священникомъ Гапономъ была составлена и распространена петиція отъ рабочихъ на Высочайшее Имя, въ коей рядомъ съ пожеланіями объ измѣненіи условій труда были изложены дерзкія требованія политическаго свойства. Въ рабочей средѣ былъ распущенъ слухъ и распространены письменныя заявленія о необходимости собраться къ 2 час. дня 9-го января на Дворцовой площади и черезъ священника Гапона представить Государю Императору прошеніе о нуждахъ рабочаго сословія; и въ этихъ слухахъ и заявленіяхъ о требованіяхъ политическаго характера умалчивалось, и большинство рабочихъ вводилось въ заблужденіе о цѣли созыва на Дворцовую площадь".

„Фанатическая проповѣдь, которую въ забвеніи святости своего сана велъ священникъ

Гапонъ, и преступная агитація злонамѣренныхъ лицъ возбудили рабочихъ настолько, что они 9-го января огромными толпами стали направляться къ центру города. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между ними и войсками, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованіямъ разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія. Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургскомъ трактѣ, у Нарвскихъ воротъ, близъ Троицкаго моста, на 4-й линіи и Маломъ проспектѣ Васильевскаго острова, у Александровскаго сада, на углу Невскаго проспекта и улицы Гоголя, у Полицейскаго моста и на Казанской площади. На 4 линіи Васильевскаго острова толпа устроила изъ проволокъ и досокъ три баррикады, на одной изъ которой прикрѣпила красный флагъ, при чемъ изъ оконъ сосѣднихъ домовъ въ войска были брошены камни и произведены выстрѣлы, у городовыхъ толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шиффа, похитивъ около ста стальныхъ клинковъ, которые, однако, были большею частью отобраны, въ 1-мъ и 2-мъ участкахъ Васильевской части толпою были порваны телефонные провода и опрокинуты телефонные столбы, на зданіе 2-го полицейскаго участка Васильевской части произведено нападеніе и помѣщеніе участка разбито, вечеромъ на Большомъ и Маломъ проспектахъ Петербургской Стороны разграблено 5 лавокъ.

„Общее количество потерпѣвшихъ отъ выстрѣловъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ больницами и пріемными покоями къ 8-ми часамъ вечера, составляетъ: убитыхъ 76 человѣкъ (въ томъ числѣ околодочный надзиратель), раненыхъ 233 (въ томъ числѣ тяжело раненый помощникъ пристава и легко раненые рядовой жандармскаго дивизіона и городовой).

„На 10-е января къ охранѣ города приняты тѣ же мѣры, которыя были приняты 9-го числа“.

12 января напечатанъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, гдѣ сказано, что „событія послѣднихъ дней въ С.-Петербургѣ указали на необходимость прибѣгнуть къ исключительнымъ по обстоятельствамъ времени мѣрамъ, въ видахъ охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности“.

Съ этою цѣлью признано необходимымъ учредить должность с.-петербургскаго генералъ-губернатора. На эту должность 12 января назначенъ Треповъ, бывшій московскій градоначальникъ. На его мѣсто назначенъ въ Москву б. губернаторъ Черноморской губ. Волковъ.

Генералъ-губернаторство въ Москвѣ временно уничтожается.

Помимо того, сохраняется и должность С.-Петербургскаго Градоначальника, на которую, по увольненіи ген. Фуллона, назначенъ жандармскій генералъ Дедюлинъ.

Между тѣмъ о стачкахъ въ СПБ. „Р. Вѣд.“ были получены слѣдующія извѣстія отъ 10 января:

I. 1 час. 30 мин. На улицахъ спокойно. На улицахъ, прилегающихъ къ Невскому, на Невскомъ и Петербургской сторонѣ рабочіе расхаживаютъ толпами. Войскъ почти не видно, кромѣ Дворцовой площади и Васильевскаго острова; въ другихъ мѣстахъ только патрули. Около 12-ти час. дня начали очищать Дворцовую площадь отъ публики. Движеніе по Дворцовой набережной прекращено. Въ одномъ домѣ на Невскомъ выбиты стекла въ окнахъ, и выбита стеклянная дверь подъѣзда. На Васильевскомъ островѣ во многихъ мѣстахъ начали забивать досками окна въ нижнихъ этажахъ.

II. 4 часа 50 мин. IV гражданское отдѣленіе окружнаго суда прекратило засѣданіе вслѣдствіе заявленія 10-ти присяжныхъ повѣренныхъ, дѣла которыхъ были назначены сегодня, что они просятъ пріостановить дѣла въ виду отсутствія надлежащаго спокойствія. Предполагается пріостановка дѣлъ всѣми присяжными повѣренными.

III. 7 час. вечера. Группа гласныхъ въ 40 человѣкъ рѣшила внести въ среду, въ ближайшемъ засѣданіи Думы, предложеніе ходатайствовать передъ правительствомъ о защитѣ населенія отъ послѣдствій безпорядковъ.

IV. 10 час. вечера. На улицахъ пусто, кромѣ Вознесенскаго проспекта и Садовой, на которыхъ при совершенной темнотѣ двигаются огромныя толпы народа. Вездѣ видны частые патрули. Рестораны и магазины закрыты.

14-го января. Въ Петербургѣ спокойно, въ селахъ Александровскомъ, Смоленскомъ и на Шлиссельбургскомъ трактѣ почти всѣ заводы приступили къ работамъ.

14-го же янв. часть рабочихъ столичныхъ фабрикъ и заводовъ приступила къ работамъ. Въ Императорскихъ театрахъ и на частныхъ сценахъ состоялись спектакли при нормальныхъ условіяхъ. Возстановленный порядокъ въ теченіе для нарушенъ не былъ.

— Изъ Дармштадта телеграфируютъ въ „Berliner Tageblatt“ отъ 14-го января, что въ этотъ день, послѣ полудня, тамъ произошла большая демонстрація, въ которой приняли участіе посѣщающіе высшую дармштадтскую школу—русскіе студенты. Въ количествѣ 300 человѣкъ, они сошлись передъ дворцомъ русскаго посланника князя Кудашева; вызвали посла; и представителъ демонстрантовъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ отъ имени всѣхъ собравшихся выразилъ протестъ противъ событій въ Петербургѣ и войны съ Японіей. Посолъ отвѣчалъ. Онъ сказалъ, что этотъ воскресный день 9 января явился для Россіи днемъ горя и глубочайшаго траура. Онъ былъ вызванъ безсовѣстными руководителями рабочихъ, введшими послѣднихъ въ заблужденіе. Собравшіеся затѣмъ спокойно разошлись

— Въ „Echo de Paris“ помѣщенъ очень любопытный разговоръ его петербургскаго корреспондента съ статсъ-секретаремъ С. Ю. Витте. Нашъ предсѣдатель комитета министровъ сказалъ сотруднику французской газеты слѣдующее:

„Во время кризиза я не имѣлъ никакихъ офиціальныхъ сношеній со своими товарищами и, такимъ образомъ, не имѣлъ и возможности знать что либо о предпринятыхъ мѣрахъ. Я узналъ о событіяхъ въ воскресенье лишь тогда, когда увидѣлъ толпу около 8.000 забастовавшихъ рабочихъ, проходившихъ мимо моихъ оконъ, и когда услыхалъ выстрѣлы. Я—предсѣдатель комитета министровъ, а не глава кабинета. У меня нѣтъ реальной власти, а потому ни у кого и не было особеннаго повода со мной совѣтоваться. Я ничего не зналъ и никого не видѣлъ. Что касается мнѣнія моего, какъ частнаго человѣка, то я храню ихъ про себя и не имѣю привычки сообшать личныя свои взгляды журналистамъ“.

— К. П. Побѣдоносцевъ опасно заболѣлъ никого не принимаетъ. (Р. R.).

— Въ Парижѣ газеты полны подробностей о событіяхъ разыгравшихся въ Петербургѣ, но уклоняются пока отъ обсужденія степени ихъ важности и значенія. Парижскія телеграфныя агентства выпускаютъ каждый часъ бюллетени съ телеграммами изъ Петербурга. (Спб. А.)

— Событія въ СПБ. не замедлили отозватся и въ Москвѣ, и съ вечера 10-го января началась забастовка рабочихъ фабрикъ и заводовъ. Первыми забоставали рабочіе заводовъ Бромлея, Доброва и Набгольцъ, типолитографія т-ва Н. Д. Сытина, на Валовой ул.

Забастовали наборщики нѣкоторыхъ типографій, въ томъ числѣ типографій газетъ, и вслѣдствіе этого не выходили въ теченіе двухъ дней, 13-го и 14-го, газеты: „Русское Слово“, „Русскія Вѣдомости“, „Новости Дня“ и „Московскій Вѣстникъ“.

12-го числа забастовали рабочіе мастерскихъ московско-курской жел. дор., а потомъ пріостановили работы работы рабочіе мастерскихъ московско-казанской жел. дор., гдѣ число рабочихъ достигаетъ 2,500 человѣкъ, и вагоностроительнаго завода въ Мытищахъ.

Къ числу забастовавшихъ въ первый день примкнули и рабочіе завода Бари, находящагося за чертой г. Москвы.

Большинство крупныхъ фабрикъ и заводовъ продолжаютъ работать, на другихъ рабочіе вернулись къ работамъ.

Не всѣ забастовавшіе оставили работы по своей волѣ. Въ большинствѣ случаевъ. они сдѣлали это по настоянію другихъ рабочихъ, забастовавшихъ уже раньше. Эти являлись на фабрики и заводы и требовали отъ товарищей, чтобъ они слѣдовали ихъ примѣру.

На многіе фабрики и заводы имъ проникнуть не удалось, такъ какъ доступъ былъ имъ прегражденъ полиціей или конными частями войскъ.

Начиная съ 10-го числа, по улицамъ, гдѣ находятся фабрики и заводы, главнымъ образомъ, въ Даниловской слободѣ и въ Кожевникахъ, ходили толпы народа, но не буйствовали. При приближеніи конницы толпы разсѣивались.

Забастовщики крупныхъ фабрикъ и заводовъ предъявили свои требованія, сводящіяся къ слѣдующему: установленіе 8-ми-часового дня, увеличеніе платы; напр., рабочіе завода Доброва и Набгольцъ требуютъ, чтобъ простой рабочій получал не менѣе

1 р. въ день вмѣсто теперешнихъ 70 к., а мальчикъ—не менѣе полтинника вмѣсто получаемыхъ имъ 30 к.

Рабочіе многихъ фабрикъ и заводовъ требуютъ уничтоженія обысковъ при выходѣ, затѣмъ увольненія нѣкоторыхъ мастеровъ. Характерно, что на многихъ фабрикахъ и заводахъ требуютъ удаленія фельдшера. Въ число требованій входитъ отмѣна штрафовъ и др., а затѣмъ есть много мѣстныхъ требованій, вытекающихъ изъ условій работы на каждой фабрикѣ или на заводѣ.

Забастовали служащіе и рабочіе въ Міусскомъ паркѣ городскихъ конножелѣзныхъ дорогъ. Рабочіе предъявили городу нѣкоторыя требованія—увеличеніе платы на 20%, введеніе восьмичасового рабочаго дня, устройство кромѣ существующаго уже докторскаго пункта, еще и фельдшерскаго, и запрещеніе налагать штрафы на рабочихъ монтерамъ, предоставивъ это право лишь завѣдующимъ мастерскими.

Въ 8 часовъ утра, забастовали рабочіе Трехгорной Прохоровской мануфактуры; наканунѣ у рабочихъ была получка. и этой, забастовки всѣ ждали. „Р. Слово".

= Изъ Москвы стачка рабочихъ распространилась и по другимъ городамъ: Варшавѣ, Ковно, Вильно, Екатеринодару, Екатеринославу, Иваново-Вознесенску и др., словомъ, охватила главнѣйшіе заводско-фабричные центры

Но свѣдѣнія, даже оффиціальныя, о здѣшнихъ стачкахъ носятъ крайне отрывочный характеръ, какъ можно судить по слѣд. отрывочнымъ даннымъ. Въ Саратовскихъ газетахъ напечатанъ приказъ губернатора Столыпина на имя и. д. саратовскаго полиціймейстера.

„Изъ вашего доклада мнѣ стало извѣстнымъ, что 8 января, во время концерта въ чайной на Пѣшемъ базарѣ публика, въ количествѣ 1,500 человѣкъ, преимущественно рабочихъ, избравъ изъ своей среды предсѣдателя, приступила къ обсужденію вопросовъ политическаго характера. Не смотря на мое категорическое приказаніе, чтобы чины полиціи, находящіеся въ нарядѣ, въ случаѣ какихъ-либо незаконныхъ заявленій со стороны публики, обращалась къ ней съ требованіемъ прекратить незаконное дѣйствіе и разойтись, приставъ 4-й части Никольскій не предпринялъ ничего въ этомъ направленіи и оставался все время нѣмымъ свидѣтелемъ собранія, противнаго государственному порядку".

Въ заключеніи приставъ Никольскій за нераспорядительность подвергнутъ аресту на 7 сутокъ при гауптвахтѣ, а и. д. полиціймейстера объявленъ выговоръ. Теперь говорятъ, полиціймейстеръ и приставъ сами подали въ отставку.

= Насколько серьезно положеніе въ Варшавѣ и Лодзи, показываетъ недавнее объявленіе города Варшава и Лодзь, варшавской и петроковской губерніи въ положеніи усиленной охраны.

Затѣмъ, отъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа было разослано по округу слѣд. объявленіе:

Для предупрежденія несчастныхъ случаевъ съ учащимися попечитель варшавскаго учебнаго округа объявляетъ, что, въ виду происходящихъ въ настоящее время въ городѣ безпорядковъ, занятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія пріостанавливаются временно, впредь до особаго распоряженія.

Попечитель учебнаго округа

А. Шварцъ.

Въ свою очередь въ „Вилен. Вѣстн." говорится:

„Циркулирующіе въ городѣ слухи о забастовкѣ рабочихъ кожевенныхъ заводовъ въ м. Сморгони оказались сильно преувеличенными. Перерывъ въ работахъ продолжался тамъ всего полдня. Послѣ посѣщенія заводовъ виленскимъ губернаторомъ гр. К. К. Паленомъ рабочіе вернулись къ свому труду. Графъ К. К. Паленъ долго и обстоятельно бесѣдовалъ съ рабочими, которые, повидимому, сами сознаютъ, что кожевенное производство въ настоящее время переживаетъ кризисъ. Въ общемъ настроеніе спокойное, никакими осложненіями не грозящее".

= Изъ Петербурга сообщаютъ въ „N. Fr. Presse":

„Нобель, Эрдбелль, Мельцеръ и др. обращались къ генералъ-губернатору ген. Трепову съ запросомъ, какія мѣры приняты правительствомъ для охраны заводовъ и фабрикъ, — имъ было сказано, что они могутъ совершенно спокойно возобновить работы.

Такой же успокоительный отвѣтъ былъ данъ 15 генераламъ и адмираламъ, завѣдующимъ правительственными заведеніями.

(„Нов.").

— Получено извѣстіе, что безпорядки не миновали и Финляндіи.

Въ „Финл. Газ." напечатано:

„11-го января днемъ по улицамъ Гельсингфорса были расклеены воззванія, приглашающія жителей собраться къ 7-ми часамъ вечера на Генриховской улицѣ противъ Студенческаго дома „для выслушанія важныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Петербурга". Одновременно такого-же содержанія прокламаціи были распространены по фабрикамъ и мастерскимъ. Въ назначенный часъ собралась на площади, прилегающей къ Генриховской улицѣ, густая толпа народа, состоявшая изъ рабочихъ и интеллигенціи. Къ этой толпѣ присоединилась группа молодежи обоего пола, вышедшая изъ Студенческаго дома, и вмѣстѣ съ нею двинулась по улицамъ Гельсингфорса съ красными знаменами въ рукахъ и съ криками: „Да здравствуетъ революція", „Долой Россію", „Долой русскую тиранію", „Долой войну" и другими еще болѣе возмутительными возгласами. Въ толпѣ распространялись прокламаціи, въ которыхъ указывалось, что въ Россіи будто-бы началась всеобщая революція, и что потому необходимо воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и въ Финляндіи произвести таковую-же. Со свистомъ, крикомъ и гамомъ 8-тысячная толпа двигалась по улицамъ города.

„Съ перрона сеймоваго дома были произнесены нѣсколько возбуждающихъ рѣчей. Отъ сеймоваго дома толпа двинулась къ редакціи старофинноманской газеты „Uusi Suometar", разбила окна и двери въ редакціи и рвала нумера этой газеты. Проходя по улицамъ, толпа била окна во всѣхъ ресторанахъ, гостиницахъ, пивныхъ и тому подобныхъ заведеніяхъ. Изрѣдка изъ толпы слышались револьверные выстрѣлы.

„На слѣдующій день въ 7 часовъ вечера безпорядки возобновились: громадная толпа ходила по улицамъ съ красными знаменами. Возстановить порядокъ удалось лишь послѣ того, какъ полиція обнажила шашки и разогнала толпу. При этомъ былъ раненъ легко одинъ изъ бушевавшихъ и нѣсколько лицъ получили ушибы.

Кромѣ Гельсингфорса были произведены безпорядки въ Або, Бьернеборгѣ, Лахтисѣ, Коткѣ, Выборгѣ, Таммерфорсѣ, Ловизѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

„Такимъ образомъ и въ Финляндіи были сдѣланы на прошлой недѣлѣ попытки произвести безпорядки, но, въ отличіе отъ рабочаго движенія въ Петербургѣ и другихъ городахъ, рабочіе почти совершенно не принимали участія въ этихъ демонстраціяхъ".

Въ *„Прибалт. Краѣ"* напечатаны оффиціальныя свѣдѣнія о забастовкѣ въ Ригѣ.

„10-го января, въ 11 часу вечера, на чрезвычайномъ собраніи русскаго литературнаго кружка, въ залѣ Александровской гимназіи, произошло нарушеніе тишины. Когда въ гимназію явилась полиція, она никого не нашла изъ членовъ собранія ни въ помѣщеніи, ни на улицѣ. На улицѣ были разбросаны прокламаціи.

„12-го января, въ 6-мъ часу утра, на замочную фабрику Гермингауза и Формана на Задвиньѣ, по Балдонской улицѣ № 1, явилась толпа неизвѣстныхъ лицъ въ 40—50 человѣкъ, и стала задерживать являющихся на работу рабочихъ, приглашая прекратить работы и присоединиться къ нимъ. Молодежь охотно присоединилась къ толпѣ, къ нимъ присоединилась и остальная часть рабочихъ, желавшая работать, но боявшаяся насилій. Отсюда толпа направилась на другіе заводы, гдѣ повсюду прекращали работы. Послѣ того, какъ всѣ задвинскія фабрики были посѣщены рабочими, толпа направилась черезъ Двину, по направленію къ Маріинской улицѣ, гдѣ разсѣялась во всѣ стороны. Одновременно началась также забастовка почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ въ городѣ и на форштадтахъ, за исключеніемъ фабрики Кузнецова и одной въ Мюльграбенѣ.

„На большихъ заводахъ „Фениксъ", „Проводникъ" и „Русско-балтійскій вагонный заводъ" также прекратились работы.

„Толпы рабочихъ продолжали ходить по Александровской и другимъ улицамъ, были, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсѣяны войсками и полиціей. Насилій и безчинствъ рабочіе нигдѣ не производили, за исключеніемъ редакцій газетъ „Baltijas Wehstnesis" и „Прибалтійскій Край", гдѣ были выбиты стекла. Съ наступленіемъ ночи все успокои-

лось. Изъ демонстрантовъ было задержано около 100 человѣкъ, изъ какового числа 44 были заключены подъ стражу, а остальные, за неимѣніемъ доказательствъ, отпущены.

„13 января демонстранты явились на фабрики и мастерскія въ разныхъ мѣстахъ города, гдѣ работы еще не были прекращены. Рабочіе присоединялись къ нимъ. Насилія, однако, нигдѣ еще не производились, за исключеніемъ слѣдующихъ случаевъ: у двухъ городовыхъ были отобраны револьверы, и на Суворовской улицѣ задержаны два вагона электрическаго трамвая. Пассажиры, кондуктора и машинисты должны были покинуть вагоны, послѣ чего въ нихъ были выбиты стекла и въ одномъ вагонѣ испорченъ электрическій аппаратъ. Произведено было также нѣсколько выстрѣловъ. Въ демонстративныхъ шествіяхъ принимали участіе также студенты и женщины. Изъ демонстрантовъ было задержано 121 челов. Во многихъ мѣстахъ манифестанты были разсѣяны полиціей и войсками.

„Около 2 часовъ дня громадная толпа народа направилась во внутреннюю часть города и принуждала прекратить работы во всѣхъ типографіяхъ, вслѣдствіе чего газеты не выходили нѣсколько дней. Послѣ того рабочіе двинулись на Московскій форштадтъ, гдѣ къ прекращенію работъ принуждались многочисленныя фабрики и между ними заводъ Кузнецова. Толпа, усиленная рабочими этихъ фабрикъ, вернулась около 5 час. обратно въ городъ. У желѣзнодорожнаго моста имъ загородила путь полурота учебнаго унтеръ-офицерскаго батальона. Солдаты были встрѣчены выстрѣлами толпы... На плацу остались 22 убитыхъ, между ними 2 женщины, и 60 раненыхъ.

„Изъ солдатъ было ранено 8 человѣкъ, 5 были отправлены въ городскую больницу, гдѣ одинъ умеръ. Изъ демонстрантовъ умерло въ больницѣ 12 чел. Въ госпиталь Краснаго Креста были доставлены 7 раненыхъ студентовъ, изъ которыхъ 3 умерли.

„13-го января, около 3-хъ часовъ пополудни, собралась огромная толпа на Елизаветинской улицѣ, между Александровской и Школьной улицами и Парадной площадью, но была разсѣяна полиціей и войсками. Толпа стрѣляла въ солдатъ и войска, но не причинила имъ никакого вреда. Воинскія команды на выстрѣлы не отвѣчали, но полиція произвела нѣсколько выстрѣловъ въ толпу.

„Въ тотъ-же день на Александровской улицѣ, между Гертрудинской и Романовской улицами, собралось нѣкоторое количество студентовъ и дамъ, вѣроятно, учениць, кричавшихъ „долой войну“.

„Въ толпѣ находились также рабочіе; толпой было произведено въ воздухъ нѣсколько выстрѣловъ, послѣ чего толпа разсѣялась.

„13-го января, около 8-ми часовъ вечера, въ вестибюлѣ русскаго театра собралось 80 студентовъ, которые послали изъ своей среды къ дирекціи театра депутацію изъ 4-хъ человѣкъ, съ предложеніемъ прекратить представленіе, въ виду печальныхъ событій въ городѣ. Дирекція вняла просьбѣ студентовъ, представленіе было прекращено, и публика безъ протеста разошлась. Около $8^1/_2$ ч. веч. студенты явились съ такимъ-же предложеніемъ въ нѣмецкій городской театръ, гдѣ тотчасъ-же представленіе было закончено.

„Движеніе электрическихъ трамваевъ было пріостановлено съ 14-го января. Разбито нѣсколько вагоновъ. Машинисты забастовали 14-го января.

„День прошелъ спокойно. Утромъ прибыла изъ Ковно сотня казаковъ, которыхъ размѣстили по постоялымъ дворамъ.

„Въ учебныхъ заведеніяхъ занятія были пріостановлены до вторника, 18 января. Въ политехническомъ институтѣ состоялась сходка студентовъ. Изъ одного изъ оконъ главнаго фасада института былъ вывѣшенъ черный траурный флагъ съ надписью: „Слава павшимъ; проклятіе убійцамъ“! Передъ институтомъ все время стояла многочисленная публика, но спокойствіе нигдѣ не нарушалось. По окончаніи сходки политехническій институтъ былъ закрытъ по распоряженію попечителя учебнаго округа на неопредѣленное время. У губернатора состоялось совѣщаніе, а также въ биржевомъ комитетѣ собраніе фабрикантовъ и промышленниковъ.

„15 января, съ согласія г. губернатора, состоялось погребеніе павшаго студента К. Н. Печуркина. Процессія двинулась отъ квартиры покойнаго, по Гертрудинской улицѣ, сперва къ политехническому институту, передъ которымъ была отслужена краткая литія при участіи хора изъ студентовъ и ра-

бочихъ. На протяженіи всего пути до кладбища гробъ несли студенты и рабочіе. Отъ политехническаго института похоронная процессія, въ сопровожденіи многотысячной толпы народа, шедшаго съ обнаженными головами, направилась по Александровской улицѣ къ Александро-Невской церкви, гдѣ было совершено отпѣваніе покойнаго. Отсюда процессія двинулась по Александровской и Ревельской улицамъ, на которыхъ было прекращено движеніе трамвая, на Покровское кладбище. Передъ гробомъ студенты несли вѣнки отъ товарищей, рабочихъ и частныхъ лицъ съ красными и другого цвѣта лентами, на которыхъ были слѣдующія надписи: „Павшему въ борьбѣ за свободу товарищу", „Жертвѣ произвола", „Вѣчная слава павшему за свободу", на гробѣ лежалъ вѣнокъ съ надписью: „Смерть, проклятіе и месть палачамъ"! Несмотря на то, что не присутствовало ни одного полицейскаго чина, несшіе гробъ и народная масса сохраняли всюду строжайшій порядокъ. Здѣсь и тамъ раздавали прокламаціи на голубой бумагѣ, въ которыхъ населеніе приглашалось выйти на улицы. Множество такихъ воззваній было найдено наклеенными на стѣнахъ домовъ.

Послѣ зарытія могилы, вѣнки и ленты разорвали и роздали публикѣ на память, послѣ чего народъ сталъ расходиться. Часть присутствовавшихъ запѣла „Дубинушку". На обратномъ пути раздавались прокламаціи и слышались крики „ура". На углу Ревельской и Александровской улицъ, гдѣ стояли казаки, толпа замолкла и въ сопровожденіи казаковъ спокойно продолжала путь. Позже толпа начала на Александровской улицѣ задерживать легковыхъ и ломовыхъ извозчиковъ, прося сѣдоковъ оставлять сани, а также стала гасить фонари, однако, демонстранты были разсѣяны тотчасъ же прибывшими казаками и войсками.

16-го января спокойствіе нигдѣ не нарушалось.

= Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ прибавимъ, что возобновилась прекратившаяся было забастовка въ Баку. Рабочіе вездѣ выставляютъ приблизительно одинаковыя свѣдѣнія. Начались забастовки въ Ригѣ, Ревелѣ, Двинскѣ.

Рабочіе въ общемъ держатъ себя спокойно, но мѣстами происходятъ схватки.

Настоящее тревожное положеніе дѣлъ требуетъ всесторонняго освѣщенія его печатью, но она, къ сожалѣнію, принуждена пока довольствоваться только оффиціальными данными.

При безпорядкахъ пострадали и иностранные подданные, относительно которыхъ ихъ правительства требуютъ строгаго изслѣдованія. Такъ, въ С.-Пб. 9 янв. былъ убитъ германскій подданный Штейнъ, а 15 янв. въ Варшавѣ раненъ саблями гусаръ британскій вице-консулъ. Характерно, судя по проникшимъ печать свѣдѣніямъ, что офицеръ, командовавшій гусарами, былъ нетрезвъ.

19-го января, въ Царскосельскомъ Его Величества Дворцѣ собрались 34 представителя рабочихъ различныхъ заводовъ и фабрикъ.

Ровно въ 3 часа къ рабочимъ вышелъ Его Императорское Величество Государь Императоръ въ сопровожденіи министровъ: Императорскаго Двора генералъ-адъютанта барона Фредерикса, финансовъ статсъ-секретаря Коковцова, с.-петербургскаго генералъ-губернатора свиты Его Величества генералъ-майора Трепова, гофмаршала свиты Его Величества генералъ-майора графа Бенкендорфа, начальника канцеляріи министерства Императорскаго Двора свиты Его Величества генералъ-майора Мосолова и дежурнаго флигель-адъютанта капитана Ресина.

Его Величество осчастливилъ депутацію рабочихъ слѣдующими милостивыми словами:

„Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы могли лично отъ Меня услышать слово Мое и непосредственно передать Его Вашимъ товарищамъ. Прискорбныя событія съ печальными, но неизбѣжными послѣдствіями смуты произошли оттого, что вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами нашей родины. Приглашая васъ идти подавать Мнѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, они поднимали васъ на бунтъ противъ Меня и Моего правительства, насильственно отрывая васъ отъ честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ работать на одолѣніе нашего упорнаго внѣшняго врага. Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ безпорядкамъ, которые всегда заставляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ, а это неизбѣжно вызываетъ и неповинныя жертвы. Знаю, что

не легка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ и считаться съ условіями Нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять Мнѣ о своихъ нуждахъ преступно.

Въ попеченіяхъ Моихъ о рабочихъ людяхъ озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить имъ впредь законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ. Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ. Теперь возвращайтесь къ мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дѣло вмѣстѣ съ вашими товарищами, и да будетъ Богъ вамъ въ помощь"

После рѣчи, обращенной Его Величествомъ къ рабочимъ, произведшей сильное впечатлѣніе, рабочіе низко поклонились.

Потомъ рабочіе прослѣдовали въ домъ Лицея, гдѣ было для нихъ приготовлено угощеніе.

Довольные, счастливые, съ веселыми лицами возвращались рабочіе въ Петербургъ, унося неизгладимое навѣки впечатлѣніе о Царскомъ пріемѣ, навѣки запечатлѣвъ Царевы Слова.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрицы, движимыя чувствомъ сердечнаго состраданія къ семьямъ убитыхъ и раненыхъ во время безпорядковъ 9-го сего января въ С.-Петербургѣ, Всемилостивѣйше соизволили назначить изъ Собственныхъ средствъ 50,000 руб. для оказанія помощи нуждающимся членамъ этихъ семей. Сумма эта препровождена министромъ Императорскаго Двора въ распоряженіе с.-петербургскаго генералъ-губернатора для распредѣленія ея между пострадавшими, на основаніи подробныхъ данныхъ объ ихъ положеніи, выясненіе коихъ возлагается на особую комиссію въ составѣ, образуемомъ по усмотрѣнію генералъ-губернатора.

18 января опубликованъ Высочайшій приказъ объ увольненіи кн. Святополкъ-Мирскаго отъ должности Министра Внутреннихъ Дѣлъ. На его мѣсто вскорѣ былъ опредѣленъ бывшій помощникъ Великаго Князя Сергія Александровича въ Москвѣ, Булыгинъ.

— Въ засѣданіяхъ финляндскаго сейма происходившихъ въ серединѣ декабря, принятъ выработанный особой комиссіей текстъ петиціи о возстановленіи въ Финляндіи законнаго порядка. Эта, такъ называемая, *„Великая петиція"* одобрена всѣми политическими партіями, представленными въ сеймѣ; принятіе ея произошло *единогласно*, и 9-го января нов. стиля этотъ важный актъ, являющійся дѣйствительно голосомъ всего финскаго народа, за подлежащими подписями, поступилъ въ канцелярію генералъ-губернатора для отправленія по назначенію.

Въ № 1 „Права" напечатанъ полный текстъ петиціи, въ редакціи, составленной особой комиссіей. Въ виду обширности ея, приводимъ только нѣсколько выдержекъ.

„Для земскихъ чиновъ, собравшихся на сеймъ согласно Высочайшему Его Императорскаго Величества призыву, нынѣ же предстоитъ первымъ и непремѣннымъ долгомъ повергнуть къ стопамъ Его Величества откровенное представленіе относительно ненормальныхъ и пагубныхъ условій, господствующихъ нынѣ въ краѣ, и о тѣхъ мѣрахъ, которыя требуются для возстановленія порядка, спокойствія и счастья".

„Каковы бы ни были тѣ обстоятельства, которыя за послѣдніе годы способны были скрыть отъ Его Императорскаго Величества дѣйствительное положеніе вещей, Его Императорскому Величеству не безызвѣстно, что въ Финляндіи втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ господствуетъ сильная тревога и угнетенное состояніе, вызванная изданіемъ безъ участія земскихъ чиновъ разныхъ постановленій, имѣющихъ весьма важное значеніе, по такимъ вопросамъ, относительно которыхъ, согласно основнымъ законамъ, законодательныя мѣры не могутъ быть принимаемы помимо земскихъ чиновъ, причемъ въ Финляндіи стала примѣняться правительственная система, пагубно отзывающаяся на общественной и частной жизни. Земскіе чины уповаютъ, что въ настоящемъ всеподданнѣйшемъ ихъ ходатайствѣ по вопросу, имѣющему нынѣ жизненное значеніе для нашего народа, Его Величество усмотритъ не желаніе поддерживать и продлить конфликтъ, уже и такъ длящійся слишкомъ долго, а глубоко сознаваемую потребность въ законѣ и порядкѣ и желаніе содѣйствовать возстано-

вленію этихъ величайшихъ мірскихъ благъ общества и тѣмъ самымъ также прежняго отношенія между монархомъ и народомъ".

Далѣе идетъ краткое мотивированное изложеніе правового вопроса для уясненія основныхъ положеній, которыхъ должны поддерживаться земскіе чины въ качествѣ представителей финскаго народа. Выводъ тотъ, что основные законы страны положительно исключаютъ всякій новый законъ или новую подать, не основывающіеся на конституціи. Слѣдовательно, законы, стоящіе на ряду съ конституціею или направленные противъ нея, положительно противорѣчатъ этимъ актамъ.

Возвращеніе къ законному порядку, по мнѣнію петиціи, не сопряжено съ затрудненіями, и необходимыя мѣропріятія могутъ быть осуществлены безъ отлагательства. Они заключаются въ слѣдующемъ:

1) Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы примѣненіе устава о воинской повинности отъ 12-го іюля 1901 года, посредствомъ немедленной пріостановки призыва, было прекращено.

2) Отмѣна временнаго постановленія отъ 2 апрѣля 1903 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

3) Отмѣна I и II ст. постановленія отъ 31 іюля 1902 года, объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи.

4) Измѣненіе манифеста 20 іюня 1900 г. и 12 п. постановленія отъ 10 іюля 1902 г. въ томъ смыслѣ, чтобы финскій и шведскій языки вновь заняли подобающее по существу дѣла и по праву мѣсто въ области администраціи и суда.

5) Устраненіе обнаруживающихся въ области администраціи ненормальныхъ явленій, вызванныхъ въ особенности порядкомъ замѣщенія нѣкоторыхъ должностей.

Приводимъ конецъ петиціи.

„На основаніи всего вышеизложеннаго комиссія почтительнѣйше проектируетъ, чтобы земскіе чины, *вяще подтверждая, сколь важно немедленно пріостановить призывъ къ отбыванію воинской повинности и безотлагательно отмѣнить постановленіе отъ 2-го апрѣля 1903 года и распоряженія, къ которымъ оно подало поводъ*,—всеподданнѣйше ходатайствовали передъ Его Императорскимъ Величествомъ:

Чтобы Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше принять мѣры, которыя требуются для возстановленія въ Финляндіи согласнаго съ основными законами образа правленія и законнаго порядка.

= Въ газетѣ „Helsingfors Posten" № 3 помѣщенъ перечень желаній, которыя были выражены депутатами отъ имени ихъ избирателей.

Основанная на желаніяхъ избирателей шестидесяти пяти отдѣльныхъ округовъ, эта инструкція заключаетъ въ себѣ слѣдующіе четырнадцать пунктовъ:

I. Сословія сейма пусть не стремятся къ своей работѣ, пока не будетъ востановленъ въ странѣ ея правовой порядокъ.

II. Сословія сейма должны требовать отмѣны февральскаго манифеста.

III. Воинская повинность должна быть приведена въ исполненіе согласно закона о воинской повинности.

IV. Судьи и чиновники не должны быть увольняемы безъ слѣдствія и помимо законнаго суда.

V. Диктатура должна быть отмѣнена, а также и всѣ распоряженія, которыя опирались на нее.

VI. Воспрещеніе жаловаться безъ надлежащаго дозволенія на чиновниковъ за всѣ служебныя ошибки должно быть отмѣнено.

VII. Русскіе чиновники должны быть уволены и замѣнены финляндцами.

VIII. Финскій и шведскій языки должны быть снова признаны оффиціальными языками страны.

IX. Дѣятельность русскихъ жандармовъ снова должна быть поставлена въ законныя границы.

X. Финляндскія государственныя суммы должны предназначаться только для законныхъ цѣлей.

XI. Сословія сейма должны выразить отъ имени финскаго народа строгое порицаніе сенату и прокурору за ихъ нерадованіе о правахъ страны, утвержденныхъ основными законами.

XII. Право собраній должно быть возстановлено въ своемъ прежнемъ видѣ.

XIII. Господствующій въ странѣ цензурный произволъ долженъ быть прекращенъ.

XIV. Должно дать полное удовлетвореніе всѣмъ уволеннымъ со службы, высланнымъ и арестованнымъ гражданамъ.

== Въ генералъ-губернаторскій домъ утромъ 14-го января прибыли члены разныхъ сословій сейма, дворянинъ Алексисъ Гриппенбергъ, доцентъ Аксель Валленшельдъ, пробстъ Веннерстремъ, профессоръ Серлахіусъ, вицегерадсгевдингъ Полонъ, купецъ Хальбергъ гейматовладѣлецъ Кпутила и канторъ Тейттиненъ, выражая желаніе представиться начальнику края отъ имена сейма для выясненія вопроса о воспрещеніи графу Крейцу возвратиться въ Финляндію. Тайный совѣтникъ В. Ф. Дейтрихъ, выйдя въ пріемную комнату, объяснилъ, какъ сообщаетъ „Финл. Газ.", что генералъ-губернаторъ не можетъ принять ихъ въ качествѣ представителей сейма. Таковые могли быть избраны только на общемъ собраніи всѣхъ четырехъ сословій, которое, на основаніи 47 статьи сеймоваго устава, созывается съ вѣдома и согласія генералъ-губернатора; вообще же для сношеній между земскими чинами и генералъ-губернаторомъ есть законные представители сейма—ландмаршалъ и тальманы сословій. Выслушавъ это разъясненіе, изложенное на русскомъ языкѣ, члены сейма удалились. („Нов.").

Какой результатъ будетъ имѣть петиція,—покажетъ будущее.

== По дѣламъ печати состоялись слѣдующія правительственныя распоряженія:

== На основаніи статьи 154-й устава о цензурѣ и печати, т. XIV св. зак. (изд. 1890 г.), министръ вн. дѣлъ 7-го декабря 1904 г. опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Бессарабецъ" на три мѣсяца.

== Въ виду вреднаго направленія газеты „Наши Дни", выразившагося, между прочимъ, въ статьяхъ передовой „Петербургъ" и подъ названіемъ „Расширеніе эксперимента" помѣщенныхъ въ № 5 этой газеты, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак, т. XIV (изд. 1890 г.), 22 декабря опредѣлилъ: объявить газетѣ „Наши Дни" первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора отставного маіора Петра Невѣжина и, на основаніи ст. 178 того же устава, воспретить розничную продажу отдѣльныхъ нумеровъ этого изданія.

== На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ. (св. зак. т. XIV, изд. 1890 г.), Министръ Внутреннихъ Дѣлъ 22 декабря опредѣлилъ: воспретить розничную продажу отдѣльныхъ нумеровъ газеты „Русь".

== Въ виду не прекращающагося вреднаго направленія газеты „Русская Правда", выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Порядокъ", помѣщенной въ № 260 этой газеты, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, 21-го декабря 1904 года, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ „Русская Правда" второе предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея потомственнаго дворянина Михаила Гаккебуша.

== Министръ Внутреннихъ Дѣлъ опредѣлилъ: 18-го декабря 1904 года вновь разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты „Сѣверный Край", пріостановленной распоряженіемъ отъ 7-го іюня сего года.

== Министръ Внутреннихъ Дѣлъ опредѣлилъ вновь разрѣшить выпускъ газеты „Русь", пріостановленной распоряженіемъ отъ 7-го іюня сего года.

16 января 1905 года.—Въ виду продолжающагося вреднаго направленія газеты „Наша Жизнь", выразившагося, между прочимъ, въ передовой статьѣ № 61, отъ 16 сего января, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 144 Устава о ценз. и печат., Св. Зак. т. XIV (изд. 1900 г.), *опредѣлилъ*: объявить газетѣ „Наша Жизнь" *второе* предостереженіе въ лицѣ издателя редактора ея, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонида Ходскаго и редактора, коллежскаго ассесора Артемія Котельникова.

Некрологи.

= Въ Курскѣ 22-го декабря хоронили бывшаго учителя земской школы новоторжскаго уѣзда П. Маркова, умершаго въ губернской земской больницѣ. Покойному было около 22-хъ лѣтъ. Во время разгрома тверского и новоторжского земствъ, въ январѣ 1904 г., Марковъ попалъ въ число опальныхъ учителей и вскорѣ былъ арестованъ. Просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ мѣсяцевъ восемь и затѣмъ былъ освобожденъ, такъ какъ дѣло, по которому онъ привлекался, „производствомъ прекращено". Не отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ, Марковъ вышелъ изъ тюрьмы совершенно разбитымъ и съ рѣзко выраженными признаками скоротечной чахотки... Тяжко больной, безъ всякихъ средствъ къ существованію, добрался онъ до Курска, въ надеждѣ найти здѣсь какой-нибудь заработокъ, но вмѣсто работы пришлось ему лечь на больничную койку, съ которой онъ уже не вставалъ: промаявшись въ больницѣ около 2-хъ мѣсяцевъ, страдалецъ окончилъ свое печальное существованіе 20-го декабря.

Мѣстная интеллигенція не допустила, чтобы безвременно погибшій работникъ на нивѣ народной былъ похороненъ на больничный счетъ, и устроила похороны на собранныя по подпискѣ деньги. Ко времени выноса тѣла изъ „трупнаго покоя" больницы (по больничнымъ правиламъ, перенесеніе тѣла изъ мертвецкой въ церковь воспрещается) собралось человѣкъ 60. Послѣ литіи одинъ изъ присутствовавшихъ, г. Минаевъ, произнесъ слово, въ которомъ обрисовалъ симпатичный обликъ покойнаго, работавшаго на пользу народа не за страхъ, а за совѣсть, и павшаго „жертвой судьбы роковой"...

Убогая обстановка „трупнаго покоя", въ которомъ, кромѣ гроба съ останками Маркова, находилось еще два гроба, и въ одномъ изъ нихъ два дѣтскихъ трупа, и невѣроятно изможденное лицо усопшаго страдальца—производили гнетущее душу впечатлѣніе и будили тяжелыя думы...

Характерная черточка. Когда лицо, собиравшее деньги на похороны Маркова, предложило подписной листъ одному изъ видныхъ представителей мѣстной педагогической администраціи, г. З., сей мужъ изрекъ. „Я ничего не дамъ на погребеніе новоторжскаго учителя" „Н. Дни".

= „Красная дѣва", „безумная петролейщица", „фурія", „мегера", Луиза Мишель сошла въ могилу послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. Луиза Мишель—одна изъ самыхъ выдающихся участницъ героической борьбы коммуны съ версальскимъ правительствамъ,—и до того, и послѣ того стояла въ передовыхъ рядахъ революціонной арміи.

Кумиръ рабочаго населенія предмѣстьевъ Парижа, она вызывала всегда озлобленную ненависть всѣхъ консервативныхъ слоевъ буржуазнаго общества, видѣвшаго въ ней продуктъ психическаго и физическаго вырожденія.

Незаконная дочь богатаго дворянина и его горничной, она родилась въ 1836 г. на югѣ Франціи; получила хорошее воспитаніе въ домѣ своего незаконнаго отца; но съ ранней молодости симпатіи влекли ее не въ ту обстановку, въ которой она воспитывалась. Она основала въ Парижѣ школу для дѣтей рабочихъ, и вела ее, постоянно смѣняя занятіе учительницы на роль сестры милосердія, и умѣя своею безграничною добротой и готовностью къ самопожертвованію горячо привязать къ себѣ всѣхъ съ кѣмъ она вступала въ близкія отношенія, дѣтей и взрослыхъ, особенно—первыхъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она выступала ораторомъ на народныхъ митингахъ, и рѣчи ея звучали ненавистью и даже кровожадностью. Страстно любя отдѣльныхъ людей, любя въ особенности всѣхъ униженныхъ и угнетенныхъ, она также страстно ненавидѣла государственный и общественный строй, создававшій угнетеніе, ненавидѣла правительство и правящіе общественные классы; по отношенію къ нимъ она взывала къ мести, къ массовымъ убійствамъ. При этомъ она всегда шла своей дорогой, не искала популярности, которая сама шла къ ней, и смѣло высказывала самыя непопулярныя идеи, не смущаясь криками: „Плюйте въ нее!", „Въ Сену!"

Наканунѣ франко-прусской войны, въ моментъ патріотическаго угара, она смѣло го-

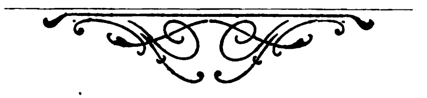
ворила противъ войны, обличая недобросовѣстное поведеніе правительства, говорившаго: „Имперія—это миръ“ и „съ легкимъ сердцемъ“ (по выраженію министра Оливье) начинавшаго безумную, безцѣльную и, вмѣстѣ, безнадежную войну.

По окончаніи войны она стала въ ряды коммунаровъ и смѣло дралась на баррикадахъ. Она была арестована, ее переводили изъ тюрьмы въ тюрьму, и, наконецъ, предали военному суду.

— Если каждый, чье сердце бьется за свободу,—такими словами закончила она свое послѣднее слово,—имѣетъ право только на порохъ и свинецъ, то я требую моей порціи. Но если вы мнѣ оставите жизнь, то, клянусь вамъ, я не устану взывать къ мести за моихъ убитыхъ вами братьевъ.

Луиза Мишель исполнила свою клятву. Приговоренная къ пожизненной крѣпости, потомъ къ ссылкѣ, она была отправлена въ Новую Каледонію, гдѣ изучила языкъ мѣстныхъ дикарей и занялась своимъ любимымъ дѣломъ—преподаваніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она собирала ихъ пѣсни и сказки, которыя напечатала по возвращеніи въ Парижъ. Это возвращеніе стало возможнымъ лишь въ 1880 г., когда послѣдніе коммунары были амнистированы. Луиза Мишель вернулась, не сломленная жизнью, и принялась за прежнее дѣло. Попрежнему перебиваясь скуднымъ случайнымъ заработкомъ, она давала уроки, ухаживала за больными и проповѣдывала соціальную революцію. За подстрекательство толпы къ бунту приговорена въ 1883 г. къ 6-ти лѣтнему тюремному заключенію, но послѣ 3-лѣтъ трехъ была помилована. Въ тюрьмѣ она написала свои „Mémoires“, не представляющіе, впрочемъ, большаго интереса (изданы въ Парижѣ въ 1886 г.). Времена были, однако, не тѣ, что при Наполеонѣ III. Тогда было достаточно проповѣдывать ненависть къ правительству и революцію; теперь нужно было точнѣе выяснить свое политическое и соціальное міросозерцаніе, а для этого у Луизы Мишель не хватало ни знаній, ни политическаго чутья; одного революціоннаго инстинкта и врожденной любви къ людямъ не хватало. Подобно своему другу и товарищу Рошфору (съ которымъ впослѣдствіи она разошлась), она колебалась между анархизмомъ и соціализмомъ, и одно время увлекалась даже буланжизмомъ, который дѣйствовалъ обаятельно на нѣкоторыхъ своей массовой борьбой съ существующимъ строемъ. Въ 1890 г. она была вновь арестована въ Ліонѣ за призывъ къ бунту, но проявила признаки умственнаго разстройства и провела нѣсколько мѣсяцевъ въ больницѣ для душевно-больныхъ. По выходѣ изъ нея. она продолжала свое прежнее дѣло, но прежняго значенія уже не имѣла.

„Наша Жизнь“

Судебная хроника.

Искъ къ ген. Трепову.—Искъ къ московскому приставу.—Скандалъ между учителями и учениками въ Кишиневѣ.—Злоупотребленіе полиц. чиновъ.—Сопротивленіе властямъ двухъ крестьянъ.—Произволъ у казаковъ.—Политическія дѣла.—Дѣло о превышеніи власти б. градонач. Фуллономъ.—Вопросные „пункты" дворниковъ.—Освобожденіе политическихъ ссыльныхъ.—Протестъ гомельскихъ адвокатовъ.

= По словамъ „*Нов. Вр.*" 18-го декабря въ соединенномъ присутствіи гражданскаго 1-го департамента Правительствующаго Сената подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сен. Мясоѣдова разсматривалось дѣло по иску жены кол. сов. М. Деменковой къ московскому оберъ-полицiймейстеру Трепову за убытки, причиненные ей закрытіемъ существовавшей болѣе 10-ти лѣтъ конторы для рекомендацій и объявленій. Размѣръ убытковъ опредѣленъ въ 40.000 руб. (по 4 т. за каждый годъ).

Причиною закрытія конторы былъ, по мнѣнію истицы, приговоръ мирового судьи, признавшаго ее по требованію полиціи виновной въ нарушеніи подписки не рекомендовать лицъ педагогическаго персонала. Однако мировой съѣздъ призналъ это обвиненеiе неправильнымъ, и Деменкова была оправдана.

Между тѣмъ, несмотря на заступничество двухъ почтенныхъ лицъ, контора была закрыта, и М. Деменкова, поддерживавшая цѣлую семью доходами съ конторы, оказалась совершенно разоренной. Чистый доходъ съ конторы простирался до 4,000 р., что можетъ быть доказано конторскими книгами и свидѣтельскими показаніями.

Правительствующій Сенатъ послѣ совѣщанія призналъ за Деменковой право отыскивать съ московскаго оберъ-полиціймейстера убытки въ исполнительномъ порядкѣ въ размѣрѣ не свыше 40.000 рублей.

= „Рус. Вѣд." сообщаютъ объ аналогичномъ дѣлѣ. Рабочій Румянцевъ возбудилъ искъ къ приставу 2 уч. Серпуховской части г. Москвы капитану Эрну объ убыткахъ, причиненныхъ неправильнымъ задержаніемъ втеченіе 16 дней. Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

„Въ августѣ 1900 г. въ управленіе 2-го участка Серпуховской части г. Москвы черезъ отдѣленіе сыскной полиціи получено было отношеніе медынскаго уѣзднаго полицейскаго управленія съ требованіемъ арестовать и препроводить въ гор. Медынь крестьянина Трофима Румянцева и проживающую вмѣстѣ съ нимъ любовницу его, обвиняемыхъ въ грабежѣ. Румянцевъ оказался живущимъ на одной изъ фабрикъ въ Серпуховской части, на которой онъ служилъ уже чуть ли не двадцать лѣтъ и въ послѣднее время получалъ 60 р. въ мѣсяцъ жалованья при готовыхъ квартирѣ и содержаніи.

Напрасно Румянцевъ просилъ послать въ медынское управленіе телеграмму за его счетъ, чтобы выяснить подлинность бумаги,—приставъ былъ непреклоненъ и, найдя справки излишними, отправилъ Румянцева и его сожительницу въ тюрьму.

Уже тамъ, въ тюрьмѣ, сожительницѣ Румянцева удалось поставить свою мать въ извѣстность о томъ, что съ ними случилось, и, благодаря хлопотамъ послѣдней, получено было, наконецъ, изъ медынскаго полицейскаго управленія увѣдомлѣніе, что управленіе это никакой бумаги объ арестѣ Румянцева съ его сожительницею не посылало и даже совсѣмъ ничего о нихъ не знаетъ. Только тогда, просидѣвши въ тюрьмѣ при полиціи 16 дней, арестованные были выпущены на свободу. О подлогѣ отношенія полицейскаго управленія возбуждено было дѣло, виновные были разысканы, судились и понесли должное наказаніе.

Румянцевъ, остававшійся послѣ этого три года безъ мѣста, предъявилъ чрезъ своего повѣреннаго И. Н. Сахарова къ приставу Эрну искъ объ убыткахъ въ суммѣ 3.000 р.

Особое присутствіе московской судебной палаты, разсмотрѣвъ это дѣло, постановило: признавъ дѣйствія пристава 2-го уч. Серпуховской части гор. Москвы капитана Эрна неосмотрительными, признать за истцомъ, крестьяниномъ Трофимомъ Румянцевымъ право на взысканіе съ капитана Эрна убытковъ въ суммѣ не свыше 3,000 р., предоставивъ ему количество убытковъ доказывать въ порядкѣ исполнительнаго производства.

═ Ненормальное положеніе дѣлъ въ нашей средней школѣ отлично характеризуется процессомъ, разбиравшимся мировымъ судьей г. Кишинева. Приводимъ его со словъ „Наш. Дней".

Послѣ раздачи аттестатовъ зрѣлости окончившимъ курсъ во 2-й гимназіи, 6-го іюня этого года, директоръ гимназіи обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ, что „гимназія съ любовью воспитывала васъ, дала вамъ знанія и указала пути для дальнѣйшей жизни и дѣятельности".

На рѣчь директора, окончившій гимназію г. Якубовичъ отвѣтилъ:

— „Отъ имени товарищей я благодарю васъ за ваши пожеланія. Но, къ сожалѣнію, долженъ замѣтить, что не всегда отъ гимназіи мы получали то, что должны были бы получать: намъ высказывали недовѣріе, въ насъ убивали лучшія чувства, надъ нами издѣвались и смѣялись, но теперь, въ виду торжественности минуты, мы забываемъ все это и желаемъ вамъ всего лучшаго".

Этимъ, вѣроятно, дѣло и закончилось бы, если бы не учитель той же гимназіи г. Козленко, который написалъ окончившимъ курсъ гимназіи слѣдующее письмо:

„Господа!

Прошу выслушать мою рѣчь, хотя бы она показалась вамъ и обидной. Послѣ торжественной минуты выдачи аттестатовъ однимъ изъ вашихъ соучениковъ отъ имени васъ всѣхъ совершенъ низкій поступокъ: оскорблены всѣ учившіе и воспитывавшіе васъ, оскорблено все учебное заведеніе.

Называю этотъ поступокъ именно низкимъ. Не можете же вы утверждать, что цѣлая корпорація, всѣ учителя желали вамъ зла, „издѣвались надъ вами, душили въ васъ все высокое, благородное?" Не имѣете права утверждать, что вся 2-я гимназія—тюрьма, какая-то клоака. Пусть каждый изъ васъ подумаетъ наединѣ: неужели онъ не вынесъ изъ гимназіи ничего, ни для своего ума, ни для сердца? Пусть проклята будетъ такая гимназія, если она есть! Не будемъ говорить о томъ, чѣмъ каждый изъ васъ обязанъ гимназіи въ своемъ развитіи духовномъ. Посмотримъ на экзамены. Вы всѣ знаете прекрасно, что при строгости, судя по вашимъ экзаменамъ, могли не получить аттестата шесть человѣкъ. Неужели эти шесть человѣкъ не чувствуютъ ни капли благодарности? И т. д. (считаемъ излишнимъ приводить всю рѣчь, отвѣтимъ только въ конецъ ея). „Не подлость ли,—сказалъ въ заключеніе „почтенный педагогъ",—изъ за своихъ личныхъ счетовъ съ нѣкоторыми, бросать грязью во всѣхъ? Лицамъ, которые не солидарны съ мнѣніемъ Якубовича, я совѣтовалъ бы послать отъ своего имени депутацію къ директору съ таковымъ заявленіемъ. Не будьте стадомъ, которое идетъ безсмысленно за бараномъ! Уважайте движеніе собственной совѣсти. Что касается лично меня, то я не считаю возможнымъ быть знакомымъ съ тѣми изъ васъ, кто устно или письменно, лично или черезъ депутацію не заявитъ директору о своей несолидарности съ Якубовичемъ. Пишу только отъ себя, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ товарищей. Но убѣжденъ, что большинство изъ нихъ согласны со мной.

Якубовичъ, считая, что этимъ письмомъ г. Козленко нанесъ ему публичное оскорбленіе, 6-го октября подалъ мировому судьѣ 2-го уч. жалобу, прося его подвергнуть г. Козленко взысканію за публичное оскорбленіе и клевету,

На судѣ 16-го Декабря г. Козленко, признавъ подлинность письма, оправдывался тѣмъ, что обида была взаимная.

Мировой судья, какъ сообщаетъ „Бесс. Ж.", признавъ Козленко виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 130 ст. уст. о наказ., приговорилъ его къ 10 руб. штрафа, съ замѣной при несостоятельности двумя днями ареста при земскомъ арестномъ домѣ.

═ 11 Дек. Въ Саратовской судебной палатѣ по словамъ „Прив. Кр." разбиралось дѣло полицейскаго урядника А. И. Озернова,

привлекавшагося къ уголовной отвѣтственности по 345 ст. улож. о наказ. за побои и истязание.

16 января 1903 года въ селѣ Балаковѣ, Николаевскаго у. Самарск. губ. крестьянинъ Ульянъ Глушенковъ, гдѣ-то подвыпивши, нарушалъ общественную тишину. Арестовывая подвыпившаго Глушенкова, урядникъ прибѣгъ къ пріемамъ, въ результатѣ коихъ, послѣ арестованія нарушителя общественнаго спокойствія, у послѣдняго оказались повыдернутые въ разныхъ мѣстахъ на головѣ волосы и появились хроническія боли, ослабленіе зрѣнія и неспособность къ физическому труду.

Послѣ краткаго перерыва палата вынесла приговоръ, которымъ запасный фельдфебель урядникъ Озерновъ подвергается аресту при полиціи на 1 мѣсяцъ.

— Бердянск. полиціймейстеръ Андреевъ, постановленіемъ губ. правленія, преданъ суду совмѣстно съ приставомъ 1 участка за изнасилованіе городовымъ въ участкѣ дѣвицы. Городовой этотъ, какъ оказалось, былъ главнымъ сыщикомъ при полиціймейстерѣ по дѣламъ о раскрытіи политическихъ преступниковъ. Случай изнасилованія городовымъ-сыщикомъ дѣвицы былъ тщательно скрытъ мѣстной полицейской властью и лишь по прошествіи 3 мѣсяцевъ случайно дошелъ до свѣдѣнія таврическаго губернатора. Послѣдній командировалъ въ Бердянскъ совѣтника губ. правленія г. Устинова для разслѣдованія дѣла

На основаніи выясненныхъ г. Устиновымъ обстоятельствъ дѣла полицейскіе чины преданы суду.

(„Прд. Кр.").

— Изъ Саратова „Руск. Сл." пишутъ: на скамьѣ подсудимыхъ — двѣ истомленныя крестьянки съ грудными младенцами на рукахъ. Рядомъ съ ними — молодой парень, понурившій осунувшееся лицо. Это — семья оренбургскихъ крестьянъ Вальвачовыхъ, обвиняемая въ сопротивленіи властямъ. Въ 1899 г. въ с. Екатериновкѣ, Оренбургской губ., волостной старшина Есинъ пришелъ съ понятыми во дворъ Вальвачовыхъ отобрать овецъ для продажи съ публичнаго торга за неплатежъ недоимокъ. Старшина дѣйствовалъ по приказанію земскаго начальника. Глава семьи Митрофанъ Вальвачовъ сталъ просить не брать овецъ и подождать недоимки. Старшина отказалъ, а понятые стали ловить овецъ по двору. Въ дѣло вступилась жена Митрофана—Олимпіада, сноха ея—Ольга и мужъ послѣдней—Кириллъ.

— Уходите къ чорту! Грабители—кричали они.

При этомъ Олимпіада Вальвачова толкнула въ грудь старшину, а Кириллъ замахнулся на одного изъ понятыхъ кулакомъ и черенкомъ отъ вилки. Старшина и понятые ушли, не взявъ овецъ, и на Вальвачевыхъ былъ составленъ протоколъ по обвиненію въ сопротивленіи властямъ. Митрофанъ Вальвачевъ уже судился за этотъ проступокъ и понесъ наказаніе.

Теперь дѣло касалось остальныхъ членовъ; они успѣли переселиться въ Кубанскую область и на вызовы палаты въ засѣданіе въ Оренбургъ не явились, почему были подвергнуты приводу по этапу въ Саратовъ. Сюда они прибыли 6 ноября и до дня разбора дѣла— 11 декабря—содержались въ тюрьмѣ...

Всѣ обвиняемые отрицали свою виновность. Изъ ихъ разсказа видно, что они лишь ругали старшину и понятыхъ.

Палата оправдала обвиняемыхъ.

Немедленно же было отдано приказаніе, какъ можно скорѣе освободить ихъ изъ подъ стражи. Тутъ же между членами палаты, защитниками и публикою на дорогу оправданнымъ было собрано около 50 рублей, которые и были вручены крестьянамъ.

— Выѣздной сессіей С.-Петербургской судебной палаты слушалось дѣло о приставѣ Маѣѣ и помощникѣ пристава Антроповѣ, которые освобождали привозимыхъ на базаръ телятъ отъ ветеринарнаго осмотра, взимая за это съ мужиковъ по 50 копѣекъ, якобы въ пользу „Краснаго Креста".

Палата приговорила обоихъ обвиняемыхъ къ выговору („С. З. Край").

— 24 Ноября въ Новороссійскѣ разбиралось дѣло по обвиненію казаковъ станицы Нижне-Баканской Галаванева и Макаренко въ незаконномъ арестѣ желѣзнод. рабочаго Черно-Иванова съ цѣлью вымогательства у него денегъ.

Подсудимые упорно отрицали свою вину.

Въ своей рѣчи товарищъ прокурора далъ вѣрную характеристику произвола, царящаго въ казачьихъ станицахъ.

„Настоящее дѣло, сказалъ онъ, представляетъ яркую картину грубой разнузданности

станичныхъ нравовъ. Такіе случаи по большей части остаются нераскрытыми, и это объясняется тѣмъ, что тотъ же самый кулакъ, который такъ часто пускаютъ въ ходъ станичныя власти, заставляетъ потомъ молчать обиженныхъ людей.

Но въ данномъ случаѣ ст. властямъ пришлось имѣть дѣло не съ казакомъ, который находится у насъ въ зависимости, а съ человѣкомъ другой среды — съ рабочимъ, заставить молчать котораго было нельзя. Разсматривая это дѣло, мы наталкиваемся на возмутительные факты: люди, облеченные властью, напившись пьяными, ходятъ по улицѣ, безчинствуютъ, устраиваютъ засады для мирныхъ гражданъ, хватаютъ ихъ ни съ того ни съ сего и сажаютъ въ арестантское помѣщеніе. Но этого мало, Они дѣлаютъ это, чтобы сорвать съ нихъ потомъ въ видѣ отпускного 3 рубля. При этомъ происходитъ торгъ, настоящая коммерческая сдѣлка, оформленная съ помощью документа. Такую разнузданность терпѣть нельзя... Ей необходимо положить конецъ. Въ этомъ дѣлѣ не одно преступленіе, а цѣлая совокупность: тутъ и превышеніе власти, и незаконное лишеніе человѣка свободы, и вымогательство". Въ заключеніе товарищъ прокурора просилъ судъ примѣнить къ подсудимымъ серьезную мѣру наказанія по 2-й части 377 ст. улож. о накаа.

Судъ вынесъ обвиняемымъ обвинительный вердиктъ и приговорилъ ихъ къ лишенію всѣхъ особенно присвоенныхъ правъ состоянія и къ заключенію въ арестантскія отдѣленія срокомъ на одинъ годъ. (Черн. Поб.).

= 27 Ноября въ Тифлисск. суд. палатѣ при закрытыхъ дверяхъ разсматривалось дѣло свящ. сел. Б. Дускентъ, Александроп. уѣзда, Торъ-Ованеса Ованесянца, прапорщика Айка Аматуни и жителя гор. Александрополя Симона Арутюнова, обвиняемыхъ въ принужденіи католикоса всѣхъ армянъ къ неисполненію закона 12 іюня 1903 года, касающагося имуществъ армянскихъ церквей, и въ сопротивленіи властямъ. Эрив. окр. судъ, признавъ подсудимыхъ виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 264 и 266 ст. улож. о нак., приговорилъ, по 3 ч. 266 статьи, Овасенянца и Айка Аматуни къ тюр. заключенію на 8 мѣс., а Арутюнова—на 6 мѣс. На этотъ приговоръ былъ принесенъ аппел. протестъ прокуроромъ Эрив. окр. суда и защитникомъ моск. прис повѣренныхъ Н. К. Муравьевымъ. Палата отвергла обвиненіе по 264 и 266 ст. и, отмѣнивъ приговоръ Эриванск. окр. суда признала подсудимыхъ виновными въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ во 2-й части 38 статьи уст. о нак,, налагаемыхъ мир. судьями, но за примѣненіемъ Высоч. манифеста отъ наказанія освободила ихъ. (Нов. Об.)

= 29 Ноября, въ Бакинскомъ окр. судѣ подъ предсѣдательствомъ члена суда Долинскаго, слушалось при закрытыхъ дверяхъ, дѣло о 10 подсудимыхъ, привлеченныхъ по 271 ст. ул. о нак. (дѣло 27 апрѣля 1903 г.). Изъ подсудимыхъ двое—Агаджанъ Микиртичевъ и Егоръ Калашовъ—умерли, двое—Есфирь Вирновская и Андрей Поповъ—находились въ отсутствіи и розыскивались по публикаціи. Послѣдній оказался сидящимъ въ тюрьмѣ (за безпаспортность) и былъ приведенъ въ судъ. Подсудимыхъ защищали присяжные повѣренные Смирновъ и Луневскій, помощники присяжныхъ повѣренныхъ Андрониковъ и Дубосарскій (изъ Харькова). Въ 11 часовъ ночи была объявлена при открытыхъ дверяхъ резолюція, коей подсудимые приговорены къ аресту на разные сроки. („Бак. Изв.")

= 9-го Декабря въ Витебскѣ выѣздной сессіей Петербургской суд. палаты въ усиленномъ составѣ съ сословными представителями слушалось четыре дѣла по обвиненію въ принадлежности къ преступному сообщесву по 126 ст. угол. уложенія. Первымъ слушалось дѣло мѣщанъ супруговъ Лурье и Блюдникова; дѣло о Блюдниковѣ прекращено, Лурье оправданы. По второму дѣлу о мѣщ. Лейбѣ, Абрамѣ и Шерѣ Цадкиныхъ всѣ оправданы; третьимъ разбирарось дѣло Наумовскаго, Хаима и Янкеля Боморадъ, Левина и Шайкиной. Наумовскій обвиненъ по 129 и 130 статьямъ и приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на годъ и одинъ мѣсяцъ; остальные оправданы. По четвертому дѣлу мѣщ. Шапиро по 129 ст. приговоренъ къ заключенію на четыре мѣсяцѣ въ крѣпости, но наказаніе погашено предварительнымъ заключеніемъ.

= Въ постоянномъ отдѣленіи сибирскаго военно-окружнаго суда въ г. Иркутскѣ 24 и 25 ноября слушалось дѣло объ убійствѣ купца Отрыганьева, его караульнаго Соколова и о покушеніи на жизнь Корсакова и

Попова. Обвиняемый крестьянинъ изъ ссыльныхъ балаганскаго уѣзда Яковъ Ивановъ присужденъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, и приговоръ, представленный на усмотрѣніе господина главнаго начальника края, въ окончательной формѣ объявленъ 27 ноября, въ 3 ч. дня. (В. Об.)

= 15 Декабря въ закрытомъ засѣданіи Варшавской судебной палаты слушалось политическое дѣло по обвиненію студента варшавскаго политехникума Фукса и подпоручика Тардова въ произнесеніи рѣчей антиправительственнаго содержанія и распространенія запрещенныхъ изданій (I ч. 129 ст. нов. уг. ул.). Это первый случай примѣненія въ Варшавѣ закона 7 іюля 1904 года. По дѣлу вызваны были 14 свидѣтелей, по большей части нижнихъ чиновъ полка, въ которомъ служилъ Тардовъ и его товарищей-офицеровъ. Опредѣленіемъ судебной палаты Тардовъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ безъ лишенія правъ, а Фуксъ — оправданъ. Къ присутствію въ залѣ засѣданія, кромѣ лицъ, участвовавшихъ въ процессѣ, были допущены лишь чины судебнаго вѣдомства и жандармскіе офицеры. Резолюція объявлена при открытыхъ дверяхъ.

= 17 декабря и. д. главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ конфирмованъ приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Елисаветполѣ, разсматривавшаго дѣло объ убійствѣ елисаветпольскаго вице-губернатора Андреева. Постановленный военнымъ судомъ приговоръ (смертная казнь для убійцы Крикора Гукасова, безсрочная каторга для пособника Семена Фарашева и оправданіе брата послѣдняго Ованеса Фарашева) генералъ-лейтенантомъ Маламой измѣненъ въ томъ, что Гукасову, взамѣнъ смертной казни, опредѣлены каторжныя работы безъ срока, Семену Фарашеву, взамѣнъ безсрочной каторги, опредѣлены каторжныя работы на двадцать лѣтъ; въ остальномъ приговоръ суда утвержденъ безъ измѣненія. („Кавказъ").

= На 29 января въ выѣздной сессіи московской судебной палаты въ Нижнемъ-Новгородѣ назначено къ разсмотрѣнію дѣло 17 лицъ обвиняемыхъ по I ч. 126 ст. уголовнаго уложенія. Суду преданы: сынъ псаломщика Иванъ Ладыжниковъ, дворяне Евгеній Копосовъ, Петръ Замятинъ, Марія Карасева, сынъ кандидата правъ Николай Гурвичъ, мѣщане Александра Кекишева, Дмитрій Углевъ, Семенъ Барановъ, Василій Тюменевъ, Степанъ Погнирыбко, Константинъ Андреевъ, крестьяне Владиміръ Постокоговъ Федоръ Рыбинъ, Дмитрій Павловъ, Василій Рогалевъ. Петръ Урыковъ и горнозаводскій мастеровой Михаилъ Богатыревъ.

= Какъ „Наши Дни" слышали, въ настоящее время производится дознаніе по поводу состоявшагося 28-го ноября въ помѣщеніи технологическаго института студенческаго бала.

= На 15 января въ первомъ департаментѣ правительствующаго сената было назначено къ слушанію дѣло по обвиненію бывшаго петербургскаго градоначальника генералъ-лейтенанта Фуллона въ превышеніи власти. Дѣло это возникло по жалобѣ петербургской городской думы, признавшей инкриминируемое превышеніе власти въ томъ, что градоначальникъ допустилъ приглашеніе полиціей дворниковъ для прекращенія уличныхъ безпорядковъ, произведеныхъ на Невскомъ 28-го ноября прошлаго года. Однимъ изъ мотивовъ жалобы служитъ, между прочимъ, то, что градоначальникъ нарушилъ въ данномъ случаѣ имъ же самимъ изданное обязательное постановлеліе, въ силу котораго полиція можетъ обращаться къ услугамъ дворниковъ исключительно въ районѣ домовъ, гдѣ они служатъ. Между тѣмъ 28-го ноября на Невскій были вытребованы и орудовали дворники различныхъ районовъ Петербурга. Вообще же дума не признаетъ за полиціей никакого права пользоваться услугами дворниковъ для подавленія уличныхъ безпорядковъ.

= Въ pendant къ этому приведенный слѣд. любопытный документъ полученный „Н. Ж." Это—адресный листокъ, который долженъ заполняться старшимъ дворникомъ по отношенію ко всякому вновь прибывшему:

1) Откуда лицо прибыло. 2) Куда прибыло на жительство лицо. 3) Достаточно ли обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи и, если нѣтъ, то откуда добываетъ средства на содержаніе себя. 4) Въ какихъ условіяхъ живетъ: въ семействѣ-ли родственниковъ знакомыхъ или съ товарищемъ, или же одиноко. 5) Фамилія. 6) имя. 7) отчество. 8) Въ какомъ заведеніи слушаетъ курсы или куда держитъ экзаменъ. 9) Какой ве-

детъ образъ жизни, замкнутый или разсѣянный, имѣетъ-ли знакомство, и изъ какого круга. 10) Не замѣчается-ли въ образѣ жизни, одеждѣ, поведеніи чего-либо особеннаго, способнаго возбудить какое-либо недоразумѣніе. 11) Когда лицо прибыло на жительство.

Не смотря на протестъ думы, дворники остались на прежнемъ положеніи—служителей полиц. участковъ.

═ Въ Бѣлостокѣ полиція предложила было завести также съ этою цѣлью дворниковъ, но всѣ домовладѣльцы рѣшительно отказались нести новые расходы и проектъ полиціи пока провалился.

═ На-дняхъ въ петербургской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей назначено было къ слушанію дѣло по обвиненію рабочихъ Гейсинга, Демкина и Бѣднякова по 51 и 2 п. 132, 131 и 2 п. 129 ст. угол. улож., рядового 90-го пѣхотнаго онежскаго полка Власова по 51 и 2 п. 129 и 2 и 1 пп. 132 ст. того же уложенія и рабочаго Борисова—по 1 п. 132 ст. Между прочимъ, въ числѣ пунктовъ обвиненія имѣется обвиненіе въ распространеніи запрещенныхъ изданій среди солдатъ онежскаго и бѣломорскаго полковъ, расквартированныхъ въ г. Ревелѣ. По постановленію палаты слушаніе дѣла было отложено.

═ 14 января въ особомъ присутствіи с.-петербургской судебной палаты слушалось дѣло по обвиненію бывшаго народнаго учителя новгородской губерніи, крестецкаго уѣзда, крестьянина Бѣлякова въ распространеніи противоправительственныхъ изданій. Предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель судебной палаты Максимовичъ, обвинялъ товарищъ прокурора Гессе и защищалъ присяжный повѣренный Несторъ. Палата присудила Бѣлякова къ 10-мѣсячному заключенію въ крѣпости съ зачетомъ предварительнаго заключенія съ 8-го апрѣля 1904 г. т. е., Бѣлякову предстоитъ еще около мѣсяца заключенія въ крѣпости.

По словамъ „*Одесск. Нов.*" Одесская судебная палата 10 Янв. охранялась усиленнымъ полицейскимъ надзоромъ по случаю разсмотрѣнія угол. департ., при участіи сословныхъ представителей, дѣла о политическихъ преступленіяхъ. Съ ранняго утра въ главномъ вестибюлѣ палаты раздѣленномъ спеціально поставленнымъ барьеромъ на двѣ половины, находились почти у всѣхъ входовъ, выходовъ и арокъ городовые, жандармы и полицейскіе чины. Публика допускалась въ зданіе суда только съ разрѣшенія стоявшаго у входа надзирателя. Къ отвѣтственности по 13 ст. и 2 ч. 251 ст. улож. о нак. привлечены были 4 лица: мѣщ. Кіевск. губ. Я. Коросташевскій, 18 л., дѣвица изъ города Вильны Ш. Гринштейнъ, 27 л., мѣщ. Л. Бернштейнъ, 17 л., и Х. Бурнштейнъ, 20 л. Всѣ подсудимые принадлежатъ къ классу ремесленниковъ.

Дѣло слушалось при открытыхъ дверяхъ, и публика была допущена къ выслушанію резолюціи палаты. Подсудимый Я. Коросташевскій приговоренъ по лишеніи правъ состоянія къ ссылкѣ на поселеніе съ послѣдствіями, указанными въ 34 и 35 ст. улож. о нак. Дѣвица Ш. Гринштейнъ и Л. Бернштейнъ къ заключенію въ крѣпости — первая на 1 годъ, а второй—на 2 мѣсяца, безъ ограниченія правъ. Подсудимый Х. Вурнштейнъ признанъ невиновнымъ и палатой оправданъ. Судебныя издержки по дѣлу возложены съ круговою порукою на всѣхъ осужденныхъ.

═ Въ *Вѣд. Од. Гр.* напечатано:

Въ послѣднее время въ Одессѣ упорно распространяются слухи, будто содержащимся въ мѣстной тюрьмѣ политическимъ арестантамъ дѣлаются всевозможныя притѣсненія и несправедливости: что ихъ кормятъ „баландой" съ червями и, вмѣсто мяса, чернымъ сырымъ хлѣбомъ и вечерней похлебкой вмѣсто каши. Кромѣ того, указывается, что заключеннымъ не позволяютъ безъ разрѣшенія врача курить табакъ, что свиданія съ посѣтителями допускаются только черезъ желѣзную рѣшетку и что даже слабые и больные изъ нихъ лишены улучшенной пищи и т. п. Въ дѣйствительности же политическимъ арестантамъ, наравнѣ съ прочими общеуголовными, отпускается пища, положенная по табели,—вполнѣ доброкачественная, вкусная, здоровая и въ достаточномъ количествѣ. Что же касается лишенія табаку, разговоровъ черезъ рѣшетку и т. п., то немыслимо, чтобы тюремное заключеніе не подчинялось извѣстному режиму, безъ которыхъ не обходится ни одна тюрьма въ мірѣ".

Приказомъ главнаго командира, напечатаннымъ въ „Крымскомъ Вѣстникѣ" 15 декабря, военно-морскому суду г. Севастополя

преданы 35 матросовъ, по обвиненію ихъ въ бунтѣ. Поводомъ къ возникновенію настоящаго дѣла послужили, по словамъ „Новость“, безпорядки, происходившіе въ Ноябрѣ въ казармахъ флотскихъ экипажей. Въ безпорядкахъ, которые вызвали даже вмѣшательство войскъ, принимали вольное и случайное участіе сотни матросовъ, но установить съ нѣкоторою точностью это участіе удалось лишь относительно немногихъ. Обвиненіе, предъявленное къ подсудимымъ, очень тяжко. Оно грозитъ имъ многолѣтними каторжными работами, а инымъ, пожалуй, даже и худшимъ. Слѣдственною властью собранъ очень объемистый матеріалъ по дѣлу.

— Приватъ-доцентъ петербургскаго университета Аничковъ, осужденный за политическое преступленіе, недавно, въ силу Высочайшаго манифеста, освобожденъ послѣ 13-ти мѣсячнаго заключенія.

(„Харьк. Лист.“).

— Во всѣхъ газетахъ напечатано слѣдующее письмо въ редакцію защитниковъ обвиняемыхъ-евреевъ въ Гомельск. процессѣ. Въ виду его крупнаго общественнаго значенія приводимъ его въ извлеченіи:

„Просимъ Васъ напечатать въ Вашей уважаемой газетѣ настоящее письмо, имѣющее цѣлью выяснить, при какой обстановкѣ мы покинули залъ засѣданія въ Гомельскомъ процессѣ.

„Съ самаго начала процесса защита евреевъ и повѣренные гражданскихъ истцовъ подвергались ряду совершенно непонятныхъ съ точки зрѣнія интересовъ правосудія стѣсненій. Намъ воспрещалось изслѣдовать общія причины погрома, воспрещалось въ теченіе большей половины процесса касаться вопроса о бездѣйствіи войскъ и полиціи (хотя въ этомъ бездѣйствіи весь узелъ процесса); воспрещалось изслѣдованіе всего, что происходило за чертой города Гомеля, хотя бы оно вело къ раскрытію предварительной организаціи погрома и подстрекательства къ нему въ ближайшихъ къ Гомелю мѣстностяхъ; предѣлы изслѣдованія ограничивались вечеромъ 1 сентября, хотя разгромъ продолжался еще и ночью 1 сентября и днемъ 2 сентября; воспрещалось изслѣдовать вопросъ о прокламаціяхъ, призывавшихъ къ погрому въ городѣ Гомелѣ задолго до самаго погрома; воспрещалось изслѣдовать вопросъ о подстрекателяхъ, на томъ основаніи, что ни одинъ изъ подстрекателей суду не преданъ; воспрещалось допрашивать объ евреяхъ, избитыхъ 29 августа во время драки на базарѣ, когда, по утвержденію обвинительнаго акта, потерпѣвшими явились исключительно христіане.

„Особыми опредѣленіями воспрещалось гражданскимъ истцамъ изслѣдовать вопросъ о причинахъ погрома, о событіяхъ, предшествовавшихъ погрому, и, наконецъ, они были и вовсе устранены отъ участія въ допросѣ свидѣтелей защиты подсудимыхъ—евреевъ. И т. д., и т. д., и т. д.

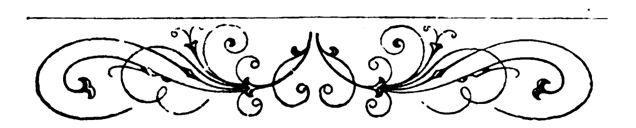
„Мы не станемъ перечислять всѣ стѣсненія этого рода—ихъ было слишкомъ много. Нѣтъ надобности здѣсь входить и въ ихъ оцѣнку. Это будетъ сдѣлано при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ. Именно это предстоящее разсмотрѣніе, въ связи съ открытыми дверями засѣданія, заставило насъ не уступать передъ самыми невѣроятными ограниченіями и продолжать участвовать въ дѣлѣ до конца, въ какія бы тѣсныя рамки изслѣдованіе дѣла не было заключено.

„Но съ первыхъ же дней процесса мы встрѣтились и съ другою категоріей стѣсненій, —со стѣсненіями, задѣвавшими непосредственно наше достоинство. Уже недѣлю спустя послѣ открытія засѣданія (18 октября) имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Защита обратила вниманіе палаты на то, что показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей производятъ впечатлѣнія заученности, что это поведеніе свидѣтелей должно быть отнесено къ результатамъ посторонняго вліянія на свидѣтелей что, между прочимъ, подтверждалось свидѣтельскимъ показаніемъ, о вліяніи на свидѣтелей со стороны пом. пристава Чарнолусскаго. Предсѣдатель разъяснилъ, что, „когда будетъ спрашиваться Чарнолусскій, мы спросимъ его объ этомъ“, и никакихъ замѣчаній по этому поводу защитѣ въ тотъ день сдѣлано не было. Но на слѣдующее утро тотчасъ по открытіи засѣданія, хотя Чарнолусскій еще не былъ допрошенъ и указанные защитою факты не были провѣрены, предсѣдатель совершенно неожиданно провозгласилъ обширное опредѣленіе, по содержанію своему безпримѣрное въ исторіи нашего суда. Особое присутствіе „сочло необходимымъ“, по поводу заявленія защиты, признаннаго еще нака-

нунѣ подлежащимъ дальнѣйшему изслѣдованію, заклеймить особымъ опредѣленіемъ все поведеніе защиты на судѣ. Въ этомъ опредѣленіи защитѣ брошены въ лицо въ общихъ выраженіяхъ, безъ ссылки на какіе-либо факты слѣдующія обвиненія: защита „предлагаетъ свидѣтелямъ вопросы безъ должнаго спокойствія, въ суровомъ и страстномъ тонѣ", „повторяетъ безъ надобности задававшіеся уже ранѣе вопросы", „вступаетъ со свидѣтелями въ рѣзкія пререканія", перебиваетъ свидѣтелей, выражая имъ свое неодобреніе и, вообще, „не считается съ правомъ свидѣтеля на свободу представлять свои объясненія въ той формѣ изложенія, которую свидѣтель признаетъ наиболѣе вѣрно отражающей разъясняемыя имъ обстоятельства". Особое присутствіе при этомъ удостовѣрило также, будто свидѣтели (не указано какіе) заявляли палатѣ „объ утратѣ имъ силъ продолжать показанія подъ вліяніемъ смущенія, въ которое повергаютъ ихъ повторные вопросы защиты". Заявленіе наше, выражающее протестъ противъ этихъ голословныхъ обвиненій и указывающее, что ни единаго случая жалобъ со стороны свидѣтелей на смущеніе и утрату силъ не было, предсѣдатель устранилъ, неоднократно перебивая дѣлающаго заявленіе пр. пов. Куперника, требуя отъ него изложенія какого нибудь ходатайства по этому предмету. И въ заключеніе въ отвѣтъ на заявленное пр. пов. Куперникомъ ходатайство, особое присутствіе сочло нужнымъ въ новомъ опредѣленіи вновь повторить въ столь же общей формѣ всѣ взведенныя ранѣе на защиту обвиненія.... Могла ли и должна ли была защита при такихъ условіяхъ оставаться въ залѣ засѣданія, сохраняя свое личное и сословное достоинство?

Присяжные повѣренные: Максимъ Винаверъ, Левъ Куперникъ, Генрихъ Сліозбергъ. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ: Максимъ Ганфманъ, Іосифъ Красильщиковъ, Арнольдъ Марголинъ, Маркъ Ратнеръ.

= Продолженіе процесса, глубоко волнующаго всю Россію, было на 7 Янв. По словамъ газетъ обвиняемые отказались отъ казенныхъ защитниковъ и откажутся воспользоваться своимъ правомъ послѣдняго слова. По этой причинѣ теряетъ интересъ допросъ 250 свидѣтелей, вызванныхъ защитой евреевъ. Окончаніе процесса, такимъ образомъ, ожидается въ близкомъ будущемъ.

Столичная и провинціальная жизнь.

Высочайшій указъ 12 Декабря.—Толки печати по его поводу и ходъ законодательныхъ работъ въ комитетѣ министровъ. — Крестьянскій вопросъ: записка Витте и циркулярное письмо мин. вн. дѣлъ. — Университетскія дѣла: Коноваловскій и Шиллеровскій инциденты. — Академическая свобода и идея профессорскаго съѣзда.—Татьянинъ день и заявленіе 342 ученыхъ. — Закрытые съѣзды.—Дѣло Забусова и его общественное значеніе.—Настроеніе послѣднихъ дней.

---

12 Декабря появился Высочайшій указъ, признанный всей печатью законодательнымъ актомъ исключительной важности. Намѣченная въ немъ программа дальнѣйшей правительственной дѣятельности, не идущая, правда, дальше элементарныхъ требованій общественнаго благоустройства, тѣмъ не менѣе являлась „принципіальнымъ осужденіемъ того направленія внутренней политики, которое характеризуетъ мѣропріятія не только предшествующихъ лѣтъ, но и минувшаго 1904 года“.

Указъ этотъ явился какъ бы завершеніемъ той политики „довѣрія“, съ призыва къ которому началъ свою дѣятельность уволенный теперь въ отставку кн. Святополкъ-Мирскій.

„При непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи“, „различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ Русскаго народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и переходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій“, считая „потребность перемѣны назрѣвшей“, Высочайшій указъ во имя „поддержанія государственнаго спокойствія и непрерывнаго удовлетворенія нуждъ народныхъ“ повелѣваетъ приступить къ цѣлому ряду реформъ.

На первый планъ выдвинута забота о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія“. Указъ повелѣваетъ, чтобы работы особаго совѣщанія, изучающаго положеніе крестьянскаго вопроса на основаніи матеріаловъ, собранныхъ мѣстными комитетами по изслѣдованію нуждъ сельско-хозяйственной промышленности, „привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“.

Далѣе указъ признаетъ неотложнымъ: 1) „принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона“, 2) „предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства“, 3) „обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность“, 4) „озаботиться введеніемъ государственнаго страхованія рабочихъ, 5) „пересмотрѣть исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей“, 6) „подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ“, 7) „произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи“, 8) „устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайшій указъ повелѣваетъ „Комитету Министровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопросовъ о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній На-

шихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣйшемъ въ установленномъ порядкѣ направленіи подлежащихъ мѣропріятій".

Печать самыхъ разнообразныхъ направленій не замедлила отозваться на проектъ реформъ, обнародованныхъ въ Высочайшемъ указѣ. Вся прогрессивная часть печати отмѣтила, что пожеланія реформъ, осуществленіе которыхъ Высочайшій указъ призналъ неотложнымъ, неоднократно высказывались въ многочисленныхъ земскихъ резолюціяхъ, на банкетахъ, въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ и всюду, гдѣ голосъ назрѣвшихъ потребностей страны не заглушался искусственными мѣрами. Настроеніе и надежды этой части печати слѣдующимъ образомъ характеризуетъ „Юристъ":

„Должны быть забракованы старыя средства и прежніе способы, много лѣтъ практиковавшіеся бюрократіей и дававшіе самый печальный результатъ. Бюрократія на опытѣ доказала, во что можетъ превратить самые благодѣтельные законы при отсутствіи дѣйствительнаго контроля надъ ея дѣйствіями, при отсутствіи установленныхъ гарантій законности". Она поэтому не въ состояніи своими силами провести въ жизнь широкія преобразованія. Она должна обратиться къ содѣйствію общества и въ немъ искать опоры для выработки и осуществленія назрѣвшихъ реформъ, въ соотвѣтствіи съ государственными потребностями. Безъ участія живыхъ общественныхъ силъ реформа явится обычнымъ измышленіемъ канцелярій, со всѣми присущими имъ особенностями.

Однако, ожиданія печати и общества не оправдались. Разработка реформъ идетъ въ комитетѣ Министровъ при полномъ отсутствіи гласности и гарантіи успѣшнаго хода предпринятыхъ работъ. Въ печать проникли лишь очень скудныя извѣстія, причемъ относительно нѣкоторыхъ было даже напечатано опроверженіе со стороны комитета Министровъ. Приводимъ отчетъ о нѣкоторыхъ засѣданіяхъ, какъ сообщаетъ *„Русь"*.

Въ засѣданіи комитета министровъ по 1-му пункту указа 12 декабря большинство присутствовавшихъ, что для охраненія полной силы закона, необходимо установить, что никакія правила, положенія и вообще все то, что носитъ характеръ временнаго закона, не вступали бы въ дѣйствіе помимо санкціи государственнаго совѣта.

„Наша Жизнь" передаетъ, что состоялось частное совѣщаніе нѣкоторыхъ членовъ комитета министровъ на квартирѣ одного изъ членовъ комитета. На этомъ засѣданіи обсуждался вопросъ объ инородцахъ и иновѣрцахъ, при чемъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ государственныхъ дѣятелей высказался въ такомъ духѣ, что для удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ въ этомъ отношеніи необходимъ коренной пересмотръ существующихъ условій быта инородцевъ и иновѣрцевъ и введеніе реформъ въ духѣ требованія справедливости и интереса страны.

На одномъ изъ засѣданій комитета министровъ, какъ сообщаетъ „Русь", выяснилась программа работъ комиссіи по вопросу о положеніи печати. Большинство пришло къ заключенію о необходимости: 1) установленія однообразныхъ правилъ для печати, независимо отъ мѣста изданія; 2) отвѣтственности печати предъ судомъ. Работы комиссіи предполагается представить на Высочайшее утвержденіе. Среди нѣкоторыхъ членовъ комитета министровъ возникла мысль о своевременности возбужденія вопроса объ отвѣтственности министровъ передъ кореннымъ судомъ.

Наконецъ, теперь появилось слѣд. сообщеніе:

Въ засѣданіи комитета министровъ 14-го декабря 1904 года былъ обсуждаемъ порядокъ выполненія изложенныхъ въ Именномъ Высочайшемъ указѣ правительссвующему сенату, отъ 12-го декабря, предначертаній къ усовершенствованію государственнаго порядка.

Комитетъ, „въ цѣляхъ быстрѣйшаго движенія настоящаго дѣла, счелъ полезнымъ, не требуя по надлежащимъ разсмотрѣнію его вопросамъ заключеній вѣдомствъ, довольствоваться соображеніемъ главныхъ данныхъ, выясняющихъ существо дѣла и могущихъ быть представленными, устно или письменно, подлежащими главными начальниками вѣдомствъ и другими членами комитета, на основаніи принадлежащаго каждому изъ нихъ государственнаго опыта, а также свѣдѣніями, собранными канцеляріею комитета министровъ". Затѣмъ, по мнѣнію комитета „залогомъ успѣха должно по-

служить и возможно широкое оглашеніе въ печати Высочайше утверждаемыхъ предположеній, по исполненію Указа 12-го Декабря".

Какъ видимъ, постановленіе довольно неопредѣленное.

Въ неопредѣленную стадію развитія вступилъ и крестьянскій вопросъ. Опубликованная въ печати записка Витте вызвала сочувствіе во всѣхъ благомыслящихъ слояхъ нашего общества, хотя она и не совсѣмъ отвѣчаетъ его желаніямъ, такъ какъ сохраняетъ въ извѣстной несоприкосновенности начало сословности въ крестьянскомъ быту.

Но, безъ сомнѣнія, предложенныя ст. секр. Витте реформы вполнѣ соотвѣтствуютъ правильно понятымъ интересамъ крестьянства.

Между тѣмъ 31 Декабря вышло въ свѣтъ „циркулярное письмо министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній, въ коихъ образованы совѣщанія по пересмотру законодательства о крестьянахъ", съ содержаніемъ котораго мы познакомимъ читателя.

Письмо, во 1-хъ опровергаетъ предположенія членовъ совѣщаній, что „указъ 12 Декабря кореннымъ образомъ измѣнилъ, какъ предуказанныя Высочайшею волею 8-го января сего года основныя начала новыхъ крестьянскихъ законоположеній, на почвѣ коихъ построены первоначальныя по сему предмету предположенія министерства внутр. дѣлъ, такъ и самый порядокъ разработки означенныхъ законоположеній". По словамъ письма, между „Именными указами 8-го янвр. и 12 декабря нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія". Какъ тотъ, такъ и другой, одинаково стоятъ на почвѣ сохраненія существующаго сословнаго строя „необходимаго для удовлетворенія тѣхъ насущныхъ потребностей и нуждъ крестьянъ, которыя имъ однимъ присущи".

Циркулярное письмо отрицаетъ также пониманіе Манифестта 12 Дек. въ томъ смыслѣ, что онъ заранѣе предрѣшаетъ упраздненіе волосного суда; по мнѣнію министра реформа крестьянскаго суда можетъ ограничиться „введеніемъ его, въ качествѣ низшей инстанціи въ строй общихъ судебныхъ установленій". И „въ порядкѣ пересмотра законоположеній о крестьянахъ Высочайшій указъ не ввелъ никакихъ измѣненій; наоборотъ, въ немъ содержится прямое указаніе о сохраненіи за губернскими совѣщаніями Высочайше возложеннаго на нихъ 8 янв. сего года важнаго порученія". Вслѣдствіе сего министръ поручаетъ губернаторамъ „принять всѣ мѣры къ тому, чтобы занятія совѣщаній продолжались съ прежней энергіей", причемъ рекомендуется допускать „должную свободу сужденій".

Реакціонная печать съ радостью привѣтствовала это письмо. Такъ, „Свѣтъ" комментируетъ его слѣдующимъ образомъ:

„Небольшая кучка безпочвенныхъ крикуновъ, льстивыхъ рабовъ плохо ими усвоенныхъ началъ западной культуры, придирается ко всякому случаю, чтобы, понося всячески истинныя русскія основы нашего государственнаго уклада, проповѣдывать свои, воистину, крамольныя, нерусскія мнѣнія.

„Изъ словъ министра внутреннихъ дѣлъ о довѣріи правительства къ общественнымъ силамъ, эти приспѣшники жидовства и франманства, враговъ всей христіанской цивилизаціи, вывели заключеніе о наступившей эрѣ разнузданности и словоблудія.

„Изъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, во главѣ котораго поставлены Монаршія заботы объ упорядоченіи крестьянскаго устройства, тѣ же доктринеры вывели заключеніе, что провозглашено уничтоженіе исконныхъ началъ крестьянскаго строя, и вакханаліи распущенной мысли привѣтствовали нарожденіе на Руси обезземельнаго крестьянина, пролетарія, на манеръ западныхъ пролетаріевъ, босяка по рецепту Максима Горькаго.

„Такъ пусть же прочтутъ циркулярное письмо князя Святополка-Мирскаго къ губернаторамъ. Въ письмѣ этомъ ясно выражено, что русская государственная власть далека отъ праздныхъ фантазій и что развитіе и улучшеніе на Руси крестьянскаго дѣла пойдетъ по историческому руслу, прочно намѣченному державнымъ словомъ 19 февраля 1861 года".

Не правда ли, любопытный комментарій?

Въ заключеніе приведемъ слова „Р. В"., сказанныя ими по поводу гомельскаго погрома.

„Россія переживаетъ странный моментъ. Возвѣщены реформы, которыя по мысли

правительства должны обновить всю русскую жизнь, а между тѣмъ старая бюрократическая система работаетъ по прежнему шаблону. Говорятъ о свободѣ печати, а предварительная цензура не признаетъ никакого устраненія „излишнихъ стѣсненій“, пополняя собой сборникъ „дней текущихъ анекдотовъ“. Рѣчь идетъ объ учрежденіи законности въ странѣ, а наша текущая жизнь какъ-бы для иллюстраціи даетъ ежедневно новыя проявленія произвола. Это вполнѣ понятно. Не говоря уже о томъ, что бюрократія абсолютно неспособна къ перерожденію, было бы большой наивностью думать, чтобы тѣ самые дѣятели, которые въ теченіе послѣдняго десятилѣтія ревизовали земства, обуздывали печать, систематически изгоняли законность даже въ судахъ, стали бы вдругъ, въ силу циркуляра, какъ по мановенію волшебнаго жезла, искренними и убѣжденными поборниками самоуправленія, свободы, судейской независимости и лояльности. Новое дѣло должно дѣлаться и новыми людьми. Эпоха великихъ реформъ потому и стала великой, что проводилась не испытанными врагами своихъ принциповъ, а блестящей плеядой дѣятелей, имена которыхъ навсегда записаны золотыми буквами на страницахъ русской исторіи“.

За то реакціонеры открыто ликуютъ, не скрывая своего злорадства.

„Московскія Вѣдомости“ пишутъ напр.: съ пресловутою „весной“, дѣло, повидимому, покончено. За нею вѣроятно, какъ оно и положено природой, послѣдуетъ *жаркое* лѣто и *бурная* осень, по минованіи которыхъ, надѣюсь, послѣдуетъ, въ свою очередь, настоящая, здоровая, русская „зима“, съ гладкою санною дорогой, по которой спокойно и легко скользнетъ нашъ доморощенный историческій возокъ, быть можетъ нѣсколько неуклюжій, но зато покойный и приспособленный къ нашимъ національнымъ вкусамъ и привычкамъ.

„Пора намъ немного въ немъ отдохнуть отъ сорокалѣтней тряски по непролазной политической распутицѣ“.

Однако и за короткій періодъ „весны“ сколько язвъ нашей общественной жизни вскрылось, какая бездна предстоящей творческой работы открылась передъ нашимъ обществомъ!

Въ ряду другихъ вопросовъ, волнующихъ современную Россію, не послѣднее мѣсто занималъ вопросъ университетскій. Онъ глубоко продолжаетъ волновать и по нынѣ всѣхъ, кому дорого истинное счастье страны и кто не можетъ не смотрѣть съ горечью на полный упадокъ высшаго образованія на нашей родинѣ.

Послѣднія событія,—„эти дни“ въ Петербургѣ и другихъ университетскихъ городахъ совершенно остановили университетскую жизнь, и на стѣнахъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній столицъ развѣшаны объявленія о прекращеніи занятій „впредь до особыхъ распоряженій“.

Какіе печальные факты имѣли мѣсто при прежнемъ режимѣ, достаточно ясно показали такъ называемые два инцидента— Коноваловскій и Шиллеровскій.

Въ XII кн. за 1904 г. въ отд. „Судебной Хроники“ мы приводили студенческое дѣло, разбиравшееся въ камерѣ столичнаго мироваго судьи и окончившееся оправданіемъ обвиняемаго студента, въ томъ, что онъ своего коллегу по институту назвалъ „свобододѣйствующей сволочью“. Мы приводили тамъ и мнѣніе эксперта, бывшаго проф. того-же института Долбни.

Это незначительное дѣло, однако, быстро разрослось въ величину широкаго общественнаго значенія, благодаря свѣту, пролитому на него въ печати. Оказалось, что директоръ Горнаго Института, проф. Коноваловъ, находился въ близкихъ отношеніяхъ съ сыскнымъ отдѣленіемъ и организовалъ цѣлую группу студентовъ, носившихъ кличку „свобододѣйствующихъ“, но не смотря на свое громкое названіе встрѣчавшихъ со стороны своихъ товарищей, постороннихъ этой группѣ, лишь презрѣніе и полную отчужденность.

Письма студентовъ Г. Инст. и вышедшихъ въ отставку 6 профессоровъ, не согласившихся помириться съ развращающимъ вліяніемъ Коноваловскаго режима, выяснили передъ русскимъ обществомъ, что Коноваловъ дѣйствительно виновенъ „въ оживленныхъ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ, т. е. въ дѣйствіяхъ, о квалифакаціи которыхъ среди порядочныхъ людей двухъ мнѣній быть не можетъ“.

Тактика г. Коновалова вызвала реальный протестъ различныхъ группъ.

Такъ, группой горныхъ инженеровъ, въ числѣ 15 лицъ, подано въ совѣтъ старшинъ общества горныхъ инженеровъ слѣдующее заявленіе: „Многими членами общества горныхъ инженеровъ возбужденъ вопросъ объ исключеніи горнаго инженера Коновалова изъ числа членовъ общества. Между тѣмъ, по уставу общества, никому не предоставлено права исключать своихъ членовъ. Въ виду сего желательно: 1) дополнить уставъ общества въ томъ смыслѣ, дабы общему собранію было предоставлено право въ особо важныхъ случаяхъ исключать членовъ общества: 2) представить въ этомъ смыслѣ ходатайство министру внутреннихъ дѣлъ“. Заявленіе, покрытое подписями, совѣтомъ еще не разсматривалось.

Группа студентовъ въ 120 человѣкъ помѣстила въ „Руси“ письмо, вторую половину котораго мы и приводимъ. „Не г. Коновалову выступать въ роли защитника студенчества. Обвиняется въ доносахъ партія „свобододѣйствующихъ“, списокъ которыхъ былъ составленъ на основаніи ихъ собственноручныхъ подписей. Г. Коноваловъ „ждетъ не темныхъ слуховъ и инсинуацій, а ясныхъ и прямыхъ фактическихъ указаній, скрѣпленныхъ подписью обвинителей“, обѣщая „тогда обнародовать имѣющіяся въ его распоряженіи данныя, могущія опровергнуть эти темные слухи“.

„На это мы отвѣтимъ, что все студенчество горнаго института не менѣе сильно стремилось къ возможно полному освѣщенію всего происходившаго весною, но не могло этого сдѣлать по обстоятельствамъ, отъ студенчества независящимъ и болѣе чѣмъ хорошо извѣстнымъ г. Коновалову. (Ему, вѣроятно, извѣстна статья г. Амфитеатрова и послѣдствія, которыя она имѣла для автора и газеты). Да и вообще, въ этой печальной исторіи студентовъ горнаго института съ Коноваловымъ, въ рукахъ послѣдняго были такія средства, которыми не могли располагать студенты.

„Теперь же, когда этого требуетъ самъ г. Коноваловъ, мы заявляемъ, что фактическія доказательства „нетоварищескаго“ поведенія группы „свобододѣйствующихъ“, заключающагося въ созданіи, вопреки постановленію большинства, экзаменовъ, въ содѣйствіи къ составленію инспекціей списковъ исключаемыхъ и предоставленіи инспекціей нѣкоторымъ изъ нихъ права раздавать билеты для входа въ институтъ, у насъ имѣются и при ближайшей возможности будутъ опубликованы полностью.

„Что же касается усилій г. Коновалова привлечь къ солидарности со своими дѣйствіями тотъ обширный контингентъ студентовъ, которые будто бы „мирно держали экзаменъ“, то мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать, что дѣйствія г. Коновалова въ началѣ марта были осуждены единодушно и рѣшительно всѣми студентами института; раздѣленіе же голосовъ произошло только при обсужденіи формы протеста, вслѣдствіе принципіальнаго несочувствія группы студентовъ къ такъ называемымъ „забастовкамъ“.

Затѣмъ, по соглашенію обѣихъ сторонъ, дѣло перенесено въ третейскій судъ. „Наши Дни“ сообщаютъ, что на предстоящемъ третейскомъ разбирательствѣ—выразили согласіе быть судьями слѣдующія лица: со стороны свободомыслящихъ: І. В. Гессенъ, проф. Н. Ф. Лесгафтъ и профессоръ-физіологіи И. П. Павловъ, а со стороны ихъ противниковъ—директоръ технологическаго института проф. Д. С. Зерновъ, прис. пов. В. О. Люстихъ и В. Н. Печковскій. Предсѣдателемъ суда предполагается К. К. Арсеньевъ, а въ случаѣ его отказа—Н. Ф. Анненскій.

5. Янв. состоялось первое засѣданіе третейскаго суда. Вслѣдствіе незначительности помѣщенія рѣшено допустить всѣхъ представителей печати и по 70 человѣкъ студентовъ Горн. инстит. отъ каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ.

Засѣданія будутъ закрываться лишь тогда, когда того потребуетъ конспиративность оглашаемыхъ свѣдѣній.

Разборъ дѣла начнется лишь со слѣдующаго засѣданія.

Общество ждетъ съ нетерпѣніемъ результатовъ третейскаго суда.

Въ томъ же вкусѣ и Шиллеровскій инциндентъ. Вотъ какъ его передаетъ „Русь“.

Г. Шиллеръ стремился затоптать тѣ крохи свободы, которыя въ видѣ студенческой библіотеки и студенческаго техническаго общества были оставлены харьковскому институту. Случай къ этому скоро представился. Инцидентъ съ Яснопольскимъ вызвалъ сходку въ институтѣ, на которой технологи, присоеди-

няясь къ требованію товарищей универсантовъ объ исключеніи „русскихъ студентовъ“, (родныхъ братьевъ „свобододѣйствовавшихъ“) высказали порицаніе полицейско-бюрократическому порядку, создающему условія, благопріятныя для развитія общественной и въ частности студенческой деморализаціи. Къ концу сходки явилась въ институтъ полиція. На другой день собралась новая сходка уже по поводу распоряженія г. Шиллера. Было рѣшено забастовать впредь до удаленія г. Шиллера. Резолюцію передали присутствовавшему тамъ-же вице-губернатору.

Институтъ за это былъ закрытъ; введена была система входныхъ билетовъ.

Въ то же время началась „чистка“ института. Г. Шиллеръ, войдя въ близкія сношенія съ министерствомъ В. К. Плеве, получилъ аттестацію, что онъ „бьетъ крамолу по лбу“. Въ чемъ другомъ, а въ послѣдовательности г. Шиллеру отказать было нельзя. Такъ, въ его „систему“ входило отучить студентовъ даже... думать. „Студенты думать не могутъ“, отвѣчалъ г. Шиллеръ на заявленіе, что студенты думаютъ устроить вечеръ и просятъ его содѣйствія. Г. Шиллеръ такъ „посодѣйствовалъ“, что вечеръ не состоялся вовсе. Всеобъемлющее и недреманное око его подвергало конфискаціи не то, что портреты Бебеля, какъ въ исторіи коноваловщины, а даже и циркуляры министерства народнаго просвѣщенія!!!

Неблагосклонное отношеніе печати къ г. Шиллеру не замедлило вызвать съ его стороны воздѣйствіе на выборъ чтенія для взрослыхъ людей. Если студента харьковскаго технологическаго института заставали за чтеніемъ злокозненной „Руси“, его приглашали въ инспекцію и читали тамъ нотацію, что дескать направленіе „Руси“ вредно, и что „во избѣжаніе недоразумѣній ему лучше прекратить чтеніе этой газеты“.

Однако „въ настоящей, а не фальсифицированной профессорской средѣ „система“ г. Шиллера не осталась. понятно, безъ протестовъ“. Много лучшихъ силъ угасло. На смѣну ихъ были назначены неопытные юнцы. Но въ результатѣ заводчики, до которыхъ дошелъ слухъ о событіяхъ въ Харьковѣ, и тѣ *отказались* принимать на службу инж.-технологовъ, получившихъ образованіе подъ руководствомъ „юнцовъ“. Положеніе!!! Теперь институтъ временно закрытъ.

Не смотря, однако, на всѣ эти печальные факты, возрожденіе нашей высшей школы несомнѣнно близко. Цѣлый рядъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній единодушно борется за перемѣну режима высшихъ учебныхъ заведеній, за академическую свободу.

Кампанію открылъ своей статьею извѣстный московскій профессоръ, всѣми глубоко уважаемый Тимирязевъ. Его статья „Академическая свобода“ горячо призывала всѣхъ дѣятелей просвѣщенія сплотиться вокругъ одного идеала—свободной науки. Появившаяся въ „Нашихъ Дняхъ“ статья пр. Вернадскаго выступила съ пропагандой идеи профессорскаго съѣзда. Идея эта встрѣтила горячій откликъ почти во всей профессорской средѣ. Она была встрѣчена и горячимъ привѣтомъ нашей учащейся молодежи.

Кромѣ того, пользуясь 150-лѣтнимъ юбилеемъ Московскаго университета, предполагалось созвать въ Татьянинъ день профессорскій съѣздъ. Однако послѣдовавшія такъ неожиданно событія 9 янв. очень много измѣнили въ физіономіи русской жизни, и между прочимъ, и эта идея потерпѣла пока временное фіаско.

По словамъ московскихъ газетъ Татьянинъ день прошелъ въ Москвѣ очень печально, и тѣ товарищескіе обѣды, которые состоялись, отличались серьезнымъ и отвѣчающимъ минутѣ настроеніемъ.

Не было разрѣшено и оффиціальное празднованіе этого дня. Все-таки Московскій Университетъ получилъ въ этотъ день массу привѣтственныхъ адресовъ изъ Россіи и изъ за границы: изъ нихъ мы нѣкоторые и приводимъ здѣсь.

Отъ профессоровъ харьковскаго университета:

„Въ настоящій серьезный моментъ, переживаемый русскимъ обществомъ, мы волнуемся вмѣстѣ съ нашимъ старѣйшимъ собратомъ однѣми и тѣми же тревогами и въ единеніи ищемъ благопріятнаго разрѣшенія назрѣвшихъ академическихъ задачъ. Мы глубоко убѣждены, что безъ твердаго правопорядка, гарантированнаго закономъ и общественнымъ контролемъ, немыслимъ прогрессъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ нашей страны“.

Отъ казанскихъ профессоровъ.

„Тернистымъ и измѣнчивымъ представляется путь, пройденный отечественными

университетами... Да возродится въ родныхъ университетахъ академическая свобода, да возсіяетъ свѣтъ свободной науки въ свободномъ государствѣ, въ нѣдрахъ свободной общественности".

Вмѣсто оффиціальнаго празднованія Татьянина дня 342 ученыхъ опубликовали слѣдующую записку, приводимую нами со словъ „Нашихъ Дней". Въ число 342 подписавшихся входятъ: 16 членовъ академіи наукъ, профессоровъ и адъюнктъ-профессоровъ — 125, доцентовъ, ассистентовъ и лаборантовъ 201, но, по словамъ газеты, еще многіе разсчитываютъ присоединить сюда свои подписи.

„Въ знаменательный моментъ общественнаго подъема, переживаемаго нашей родиной,— говорится здѣсь — мы, дѣятели ученыхъ и высшихъ учебныхъ учрежденій Петербурга и другихъ городовъ, не можемъ не остановить своего вниманія на тяжеломъ положеніи нашей школы и на тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ ей приходится дѣйствовать.

„Съ глубокой скорбью каждый изъ насъ вынужденъ признать, что народное просвѣщеніе въ Россіи находится въ самомъ жалкомъ положеніи, совсѣмъ не отвѣчающемъ ни насущнымъ потребностямъ нашей родины, ни ея достоинству.

„Начальное образованіе — основа благосостоянія и могущества страны — до сихъ поръ остается доступнымъ далеко не всему населенію и до сихъ поръ стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ. Правительственная политика въ области просвѣщенія народа, внушаемая преимущественно соображеніями полицейскаго характера, является тормазомъ въ его развитіи, она задерживаетъ его духовный ростъ и ведетъ государство къ упадку".

„Среднія школы ни числомъ, ни постановкой учебнаго дѣла не удовлетворяютъ образовательнымъ потребностямъ населенія. Своимъ строемъ онѣ подавляютъ личность какъ ученика, такъ и учителя, и убиваютъ такія качества человѣческой души, развитіе которыхъ составляло бы ихъ прямое назначеніе — любовь къ знанію и умѣніе самостоятельно мыслить.

„Высшія учебныя заведенія — эти чуткіе показатели культурнаго уровня страны, опредѣляющіе мѣсто и значеніе ея среди другихъ странъ,— приведены въ крайнее разстройство и находятся въ состояніи полнаго разложенія. Свобода научнаго изслѣдованія и преподаванія въ нихъ отсутствуетъ.

„Угрожающее состояніе отечественнаго просвѣщенія не дозволяетъ намъ оставаться безучастными и вынуждаетъ насъ заявить наше глубокое убѣжденіе, что академическая свобода несовмѣстима съ современнымъ государственнымъ строемъ Россіи. Для достиженія ея недостаточны частичныя поправки существущаго порядка, а необходимо полное и коренное его преобразованіе. Въ настоящее время такое преобразованіе совершенно неотложно. Тяжелыя испытанія, переживаемыя нашею родиною, съ полною ясностью для всѣхъ показали, въ какую крайнюю опасность ввергается народъ, лишенный просвѣщенія и элементарныхъ гарантій законности. Подъ вліяніемъ жестокихъ ударовъ судьбы, вскрывшихъ наше внутреннее неустройство и безсиліе существующаго порядка, русское общество объединилось въ одной мысли, настойчиво выраженной въ резолюціяхъ съѣзда земскихъ дѣятелей, въ постановленіяхъ московской городской думы, московскаго, калужскаго и др. земскихъ собраній, въ заявленіяхъ общественныхъ учрежденій, ученыхъ коллегій и общественныхъ группъ".

„Присоединяясь къ этимъ заявленіямъ мыслящей Россіи, мы, дѣятели ученыхъ и высшихъ учебныхъ учрежденій, высказываемъ твердое убѣжденіе, что для блага страны безусловно необходимо установленіе незыблемаго начала законности и неразрывно съ нимъ связаннаго начала политической свободы. Опытъ исторіи свидѣтельствуетъ, что эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ привлеченія свободно-избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи.

„Только на этихъ основахъ обезпеченной личной и общественной свободы,— можетъ быть достигнута свобода академическая — это необходимое условіе истиннаго просвѣщенія".

= Въ цѣляхъ достиженія академической свободы предполагается основать профессорскую ассоціацію. Профессоръ кіевскаго политехникума М. Тихвинскій печатаетъ въ „Рус. Вѣд." интересный проектъ ея.

„Ассоціація основывается для достиженія автономіи высшихъ учебныхъ заведеній и

для улучшенія всѣхъ сторонъ академической жизни. Съ этой цѣлью она: вырабатываетъ и проводитъ въ жизнь новый уставъ высшихъ учебныхъ заведеній, соотвѣтствующій современному уровню науки и общественнаго правосознанія въ Россіи; создаетъ и поддерживаетъ единеніе между профессорами отдѣльныхъ учебныхъ заведеній; заботится о проведеніи въ жизнь свободы преподаванія; стремится къ достиженію правильнаго правового положенія всѣхъ категорій педагогическаго персонала и студенчества въ академическихъ учрежденіяхъ; оказываетъ матеріальную поддержку членамъ педагогическаго персонала, оставившимъ свое дѣло по независящимъ отъ нихъ причинамъ за дѣятельность въ духѣ ассоціаціи.

„Далѣе: ассоціація созываетъ періодическіе съѣзды членовъ или выборныхъ представителей своихъ группъ для разработки общихъ вопросовъ и общаго плана дѣятельности".

Жаждутъ свободы и среднія школы. По словамъ „Кіевлянина", въ засѣданіи 29-го декабря III кіевскаго съѣзда преподавателей естественныхъ наукъ было рѣшено послать немедленно министру народнаго просвѣщенія и одновременно предсѣдателю комитета министровъ слѣдующимъ образомъ редактированную телеграмму:

„Невозможное и тяжелое положеніе, въ которомъ находятся русская школа и ея учитель, зависитъ отъ общаго государственнаго строя Россіи. Вывести школу изъ этого положенія возможно лишь тогда, когда будутъ проведены въ жизнь всѣ постановленія земскихъ дѣятелей, выработанныя ими на съѣздѣ въ Петербургѣ 6-го и 7-го ноября этого года". Для опубликованія въ дневникѣ съѣзда или, если это окажется невозможнымъ, то путемъ распространенія между своими знакомыми, было проредактировано воззваніе къ русскому обществу отъ имени участниковъ съѣзда, преподавателей естественныхъ наукъ, въ которомъ между прочимъ заявлялось, что въ виду общихъ условій, продолжающихъ тяготѣть надъ школой, участники съѣзда „слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность передъ обществомъ за настоящее тяжелое и безвыходное положеніе школы".

На слѣдующій день на дверяхъ физическаго кабинета, у входа въ бюро съѣзда, было вывѣшено объявленіе распорядительнаго комитета слѣдующаго содержанія: „По распоряженію г. управляющаго кіевскимъ учебнымъ округомъ III кіевскій съѣздъ преподавателей естественныхъ наукъ закрытъ 30-го декабря 1904 г.".

Въ pendant литераторамъ и ученымъ о современномъ положеніи отозвались и художники. 30-го декабря, въ день открытія первой выставки „Союза русскихъ художниковъ" участники союза, собравшись на товарищескій обѣдъ, приняли резолюцію, которая заканчивается слѣд.:

„Жизненно только свободное искусство, радостно только свободное творчество, и если наша богатая дарованіями родина еще не успѣла проявить скрытыя въ ней великія художественныя силы, если наше искусство лишено живой связи съ русскимъ народомъ, то главной причиной тому, по нашему глубокому убѣжденію, является тотъ попечительный гнетъ надъ творчествомъ, который убиваетъ не только искусство, но и другія творческія начинанія русскаго общества.

„Въ силу этого мы не можемъ не чувствовать себя солидарными съ тѣми представителями русскаго общества, которые мужественно и стойко борются за освобожденіе Россіи, и присоединяемся къ извѣстнымъ земскимъ резолюціямъ".

Не смотря, однако, на общее одушевленіе, охватившее *всѣ* слои общества, „охранители" не дремлютъ, все прикрывая, запрещая, разгоняя... Такъ, недавно три съѣзда спеціалистовъ были закрыты по распоряженію административныхъ властей. Всѣ съѣзды заканчивались принятіемъ однородныхъ резолюцій, вполнѣ тождественныхъ съ извѣстными банкетными и земскими резолюціями; это—съѣздъ естествоиспытателей въ Кіевѣ, съѣздъ русской группы международнаго съѣзда криминалистовъ тамъ же и, наконецъ, техническій съѣздъ въ Москвѣ. Сообщаемъ со словъ *„Наш. Дней"* нѣкоторыя подробности о съѣздѣ криминалистовъ. 4-го января, въ засѣданіи третьяго съѣзда русской группы международнаго съѣзда криминалистовъ подъ предсѣдательствомъ Л. А. Куперника, заслушанъ докладъ профессора Піонтковскаго объ организаціи условнаго осужденія. Отмѣтивъ попытки разрѣшенія этого института законодательствомъ, докладчикъ указалъ на слабыя стороны новаго

уложенія. Съѣздъ принялъ резолюцію, гласящую, что условное осужденіе надлежитъ примѣнять ко всѣмъ случайнымъ преступленіямъ и что реализація условнаго осужденія должна быть предоставлена судебнымъ установленіямъ. Выражено пожеланіе объ уничтоженіи института земскихъ начальниковъ. Мотивировка примѣненія условнаго осужденія признана обязательной для короннаго суда. Признана безусловно необходимой мотивировка при отказахъ въ примѣненіи условнаго осужденія. Также признано обязательнымъ условное осужденіе по отношенію къ малолѣтнимъ преступникамъ и въ уголовно-частныхъ процессахъ.

О закрытіи техническаго съѣзда сообщаетъ „Наша Жизнь".

30-го декабря утромъ предсѣдатель состоявшагося наканунѣ засѣданія техническаго съѣзда г. Мазингъ получилъ отъ оберъ-полиціймейстера сообщеніе, что такъ какъ на засѣданіи многіе доклады критически относились къ существующему строю, то онъ счелъ нужнымъ закрыть съѣздъ. Въ 2 ч. дня узнавъ, что съѣздъ закрытъ, пришедшіе на засѣданіе около 200 человѣкъ мирно направились къ дому, гдѣ помѣщается общество, за разъясненіемъ. Здѣсь имъ было сообщено, что съѣздъ закрытъ по распоряженію оберъ-полиціймейстера. Общество рѣшило опротестовать это распоряженіе, считая его незаконнымъ.

Подробности же о засѣданіи московскаго съѣзда передаетъ „Новое Время".

„29 декабря при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ открылся съѣздъ столичныхъ и провинціальныхъ дѣятелей по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія взрослыхъ рабочихъ. Въ собраніи участвуютъ свыше 700 членовъ мѣстнаго отдѣленія техническаго общества и пріѣзжихъ. Занятія продолжатся три дня.

„Сегодняшнее засѣданіе открыто рѣчью К. К. Мазинга, который отмѣтилъ благопріятныя условія даннаго момента для объединенія всѣхъ дѣятелей въ области внѣшкольнаго народнаго образованія. Далѣе, членъ общества г. Караткинъ въ особомъ докладѣ охарактеризовалъ 40-лѣтнюю дѣятельность общества, возникшаго въ эпоху великихъ реформъ, но встрѣчавшаго на дальнѣйшемъ пути своей дѣятельности на пользу развитія технической промышленности въ Россіи многочисленныя препятствія. Хотя Высочайше утвержденный уставъ общества допускаетъ самую широкую просвѣтительную дѣятельность, но препоны все же создавались, отвлекая лучшія силы общественныхъ дѣятелей отъ созидательной работы и сосредоточивая ихъ на преодолѣніе искусственныхъ преградъ и проч. По мнѣнію докладчика, общество располагаетъ средствами и и личными силами для самой плодотворной работы, но необходимо предоставить ему право открытіи школъ, библіотекъ, курсовъ и прочихъ просвѣтительныхъ учрежденій для взрослаго населенія явочнымъ порядкомъ.

„Другой докладчикъ, П. Д. Корженевскій, ознакомилъ собраніе съ содержаніемъ докладной записки организаціоннаго комитета III съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію по поводу закрытія названнаго съѣзда распоряженіемъ администраціи. Докладчикъ пояснилъ, что организаторы и руководители закрытаго съѣзда не находятъ никакихъ законныхъ основаній, въ силу которыхъ занятія съѣзда могли быть прекращены. Свыше трехъ тысячъ человѣкъ высказали свою готовность работать на пользу выясненія нуждъ технической промышленности. Въ 11 секціяхъ было заявлено 450 докладовъ, не содержавшихъ въ себѣ ничего противозаконнаго. Если съѣздъ остановился на рѣшеніи не возбуждать ходатайства передъ министерствомъ, то сдѣлалъ это въ силу взгляда на свою задачу, какъ на задачу эксперта, призваннаго выяснить со всей правдивостью нужды страны въ знакомой ему области государственной жизни. Другія постановленія съѣзда, касавшіяся вопроса о предѣльности земскаго обложенія и мелкой земской единицѣ, вызваны были глубокимъ убѣжденіемъ съѣзда, что земскія учрежденія, тратящія на народное образованіе 23 проц. своего бюджета, въ то время какъ министерству народнаго просвѣщенія отпускается на тѣ же нужды 2 проц. государственнаго бюджета, заслуживаютъ возможнаго поощренія и нуждаются въ устраненіи всякихъ преградъ въ ихъ просвѣтительной дѣятельности. По мнѣнію докладчика, необходимо коренное улучшеніе условій частной и общественной дѣятельности на пользу просвѣщенія народа. Въ атмосферѣ бюрократической опеки и внѣзаконнаго усмотрѣнія остаются безплодными лучшія

стремленія безкорыстныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ труда. Прочитанные доклады одобрены собраніемъ и покрыты аплодисментами. Занятія съѣзда продолжаются".

Понятно, все русское общество смущено. А тутъ еще подошло знаменитое дѣло д-ра Забусова, воочію показавшее, м. б., въ милліонъ первый разъ, какъ мало гарантирована у насъ личная безопасность.

Процессъ этотъ вызвалъ во всей чувствующей и мыслящей Россіи единодушный взрывъ негодованія, острое чувство боли за попранную справедливость. По своему общественному значенію его можно лишь сравнить съ знаменитымъ дѣломъ Дрейфуса, хотя по своей обстановкѣ дѣло это еще болѣе возмутительно.

Обстоятельства дѣла таковы: ген. Ковалевъ, желая, по его словамъ, „оказать воздѣйствіе на нравственную сторону личности д-ра Забусова", произвелъ надъ беззащитнымъ докторомъ, приглашеннымъ подъ видомъ болѣзни генерала въ его квартиру, дикую расправу, причину которой онъ, подъ предлогомъ тайны, отказался объяснить. По приказанію генерала казаки били Забусова розгами по заду и животу, пока докторъ не впалъ въ безсознательное состояніе. На дому Забусовъ пригласилъ врачей, которые осмотрѣли его и составили свидѣтельство о произведенномъ истязаніи.

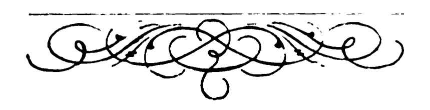
Принимавшіе участіе въ расправѣ были привлечены по обвиненіи въ истязаніи, а противъ Ковалева—также и въ превышеніи власти. На судѣ наличность истязанія была отвергнута, за превышеніе же власти ген. Ковалевъ былъ приговоренъ къ исключенію изъ службы.

Мягкость приговора, косвенное давленіе, оказанное на судъ рекомендаціями генераловъ Субботича, Уссаковскаго и другихъ, отсутствіе на судѣ самого потерпѣвшаго вызвало во всемъ обществѣ страшное недовольство приговоромъ; всюду стали раздаваться требованія о пересмотрѣ дѣла, о представленіи д-ру Забусову возможности установить путемъ гражданскаго иска свою попранную честь и потребовать отъ ген. Ковалева раскрытія такъ тщательно скрываемой имъ тайны. Русское общество увидѣло въ единичномъ фактѣ одно изъ проявленій царящаго у насъ во многихъ сферахъ жизни произвола и въ многочисленныхъ резолюціяхъ выразило свое отношеніе къ этому дѣлу. Почти во всѣхъ городахъ врачами были устроены засѣданія обществъ, гдѣ и принимались соотвѣтствующія резолюціи.

Пересмотръ дѣла сталъ необходимъ: общественное негодованіе по поводу самого происшедшаго факта вылилось въ весьма опредѣленныхъ и рѣзкихъ формахъ.

Прис. пов. Хонинымъ уже подана въ Главный Военный Судъ жалоба на приговоръ особаго присутствія Кавказскаго Окр. Суда. Веденіе дѣла взялъ на себя знаменитый участникъ всѣхъ выдающихся общественныхъ процессовъ, прис. пов. Карабчевскій. Русское общество надѣется, что попранная справедливость будетъ возстановлена. „Право" предлагаетъ привлечь также и генерала Уссаковскаго за клевету.

Въ началѣ января вся Россія была поражена громадными размѣрами петербургскаго движенія рабочихъ. Оно не замедлило перекинуться на всѣ крупные и мелкіе промышленные центры и отодвинуло на задній планъ всѣ другія событія русской жизни. Въ отдѣлѣ хроники читатель найдетъ нѣкоторые газетныя и правительственныя сообщенія. Въ настоящее время рабочіе всюду возвращаются къ занятіямъ.

Земскія и общественныя учрежденія.

Указъ 12 декабря и земство. — Правительственное сообщеніе — Сессіи губернскихъ земскихъ собраній. — Заявленія Опочинина въ Смоленскомъ земствѣ. — Черниговскій инцидентъ. — Отсрочка Московскаго земскаго собранія. — Орловское земство и доклады А. Стаховича. — Тамбовскіе „охранители“. — Вѣрноподданническіе адреса. — Земскія собранія въ январѣ. — Дѣло съ адресами въ Симбирскомъ земствѣ. — Новгородскіе и Нижегородскіе земцы. — Земскія собранія въ Саратовѣ и Вологдѣ. — Тверское дворянское собраніе. — Въ московской думѣ. — Заявленіе въ кіевскую думу о мирѣ съ Японіей. — Школьныя дѣла въ Ярославлѣ. — Гг. Дворники.

Высочайшій указъ Сенату, данный 12 дек. 1904 г., какъ извѣстно, проектировалъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ преобразованій, хотя бы послѣднія „и вызывали внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній.

Указъ намѣтилъ: „устроеніе крестьянской жизни“, принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію полной силы закона“, „единство въ устройствѣ судебной части, въ видахъ охраненія равенства всѣхъ состояній предъ закономъ“, страхованіе рабочихъ, пересмотръ законовъ „объ исключительныхъ законоположеніяхъ, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, охраненіе терпимости въ дѣлахъ вѣры (пересмотръ законовъ о раскольникахъ и т. п.).

Въ частности, относительно земствъ и гор. учрежденій указъ „признаетъ неотложнымъ“ „предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія“.

Равнымъ образомъ тѣмъ же указомъ „признано неотложнымъ“ устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможности выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи“.

„Обсужденіемъ способовъ наиболѣе быстраго и полнаго осуществленія“ всѣхъ этихъ предначертаній тѣмъ же Указомъ повелѣно немедленно заняться Комитету Министровъ, который, какъ извѣстно, уже и приступилъ къ этимъ занятіямъ.

Вслѣдъ за Указомъ, почти въ тотъ же день, появилось правительственное сообщеніе, которое, упомянувъ о происходившихъ осенью истекшаго года въ Петербургѣ „собраніяхъ нѣкоторыхъ гласныхъ губернскихъ земствъ, выразившихъ рядъ пожеланій о необходимости, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформъ внутренняго управленія Имперіею“, —и указавъ, что „пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній“, —категорически говоритъ:

„Земскія и городскія установленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію предметовъ и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства,

подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія".

И Высочайшій указъ, и Прав. Сообщеніе были опубликованы въ самый разгаръ губернскихъ земскихъ собраній.

Ободренныя Указомъ, земства одно за другимъ стало составлять Всеподданнѣйшіе адреса, гдѣ, выражая свои вѣрноподданическія чувства, въ то же время высказывали пожеланія, чтобы при обсужденіи проектируемыхъ реформъ внутренней жизни не обошли и голоса „свободно избранныхъ" представителей народа". Но съ точки зрѣнія существующихъ законовъ самое выраженіе этого желанія многимъ казалось противозаконнымъ, — и потому многіе предсѣдатели земскихъ собраній, руководствуясь правительственнымъ сообщеніемъ и опасаясь грозившей имъ отвѣтственности, стали воспрещать обсужденіе многихъ внесенныхъ гласными проектовъ о необходимыхъ реформахъ внутренняго строя государства. Съ другой стороны, трудно было лишить земскія собранія законнаго права составлять вѣрноподданическія адреса съ выраженіемъ своихъ пожеланій, когда высшій руководитель внутренной политики (Министръ Внутр. Дѣлъ) обратился ко всему обществу со словами „довѣрія".

Основываясь ва этомъ „довѣріи" и обнадеженные Высочайшимъ Указомъ, земскіе гласные въ небываломъ количествѣ собрались на свои собранія.

Послѣднія вездѣ носили давно небывалооживленный характеръ. Общее настроеніе было приподнятое. Общество прислушивалось ко всему, происходившему здѣсь, съ особеннымъ интересомъ.

= Въ концѣ ноября и декабря начались губернскія земскія собранія, которыя, однако, открылись пока только въ 14 губерніяхъ *).

*) Херсонской, черниговской, полтавской, орловской, смоленской, калужской, московской, тамбовской, новгородской, ярославской, петербургской, казанской, пермской, и вятской. Въ остальныхъ собранія отложены до января по случаю мобилизаціи.

Большинство ихъ начало съ выраженія своего своего отношенія къ новой внутренней политикѣ нашего правительства. У нѣкоторыхъ земствъ это отношеніе успѣло уже выразится въ опредѣленную форму всеподданнѣйшихъ адресовъ (въ калужскимъ, ярославскомъ, московскомъ, черниговскомъ, новгородскомъ и вятскомъ собраніяхъ).

Въ остальныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ опредѣлено высказаться по этимъ общимъ вопросамъ, повидимому, не успѣли.

Въ смоленскомъ собраніи, по открытіи его 8-го декабря, по словамъ „Днѣпр. Вѣстн.", глас. *Н. Н. Опочининъ* (ельнинскій предводитель дворянства) высказалъ, между прочимъ слѣдующее:

„Мы не имѣемъ права непосредственнаго единенія съ Верховной Властью, не можемъ доводить до ея свѣдѣнія о нашихъ нуждахъ и желаніяхъ. Это отсутствіе единенія между Верховной Властью и народомъ и порождаетъ то неустройство, то угнетеніе, отъ котораго страдаютъ не только личности, но и все общество, весь народъ. Переживаемый нами моментъ таковъ, что мы, по долгу присяги, должны довести до Первоисточника Власти, что намъ нужно, чего мы хотимъ, должны указать, откуда проистекаетъ все неустройство нашего жизненнаго строя. Поэтому я предложилъ бы собранію обратиться къ Верховной Власти съ тѣмъ, чтобы сказать все, что нами чувствуется, что намъ необходимо".

Рѣчь Н. Н. Опочинина собраніе привѣтствовало громкими апплодисментами, а вопросъ о выработкѣ обращенія къ Верховной Власти былъ переданъ соединенной комисіи (изъ ревиз. и редак.). Однако, г. предсѣдателю собранія, должно быть, совсѣмъ непонравился выработанный проектъ адреса, и онъ запретилъ даже огласить его въ собраніи. Тогда вся редакціонная и ревизіонная коммисіи in corpore заявили свой отказъ отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ собранія. Ихъ примѣру послѣдовали, въ лицѣ своихъ представителей, гласные уѣзднаго земства Краснинскаго и дорогобужскаго.

Въ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, какъ видно изъ „Нашей Жизни" (№ 41), произошелъ еще болѣе рѣшительный отказъ и не отъ участія только въ засѣданіяхъ этого собранія, но и отказъ отъ званія губернскаго гласнаго.

= 6-го декабря предсѣдатель черниговскаго губернскаго земскаго собранія, черн. губ. предводитель дворянства представилъ Его Императорскому Величеству по телеграфу ходатайство означеннаго собранія по цѣлому ряду вопросовъ общегосударственнаго свойства. На телеграммѣ этой Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было Собственноручно начертать:

„Нахожу поступокъ предсѣдателя черниговскаго губернскаго земскаго собранія дерзкимъ и безтактнымъ. Заниматься вопросами государственнаго управленія не дѣло земскихъ собраній, кругъ дѣятельности и правъ которыхъ ясно очерченъ законами“.

(„Пр. В.“).

= Предсѣдатель черниговскаго губернскаго земскаго собранія подалъ въ отставку. Оставляетъ службу предсѣдатель губернской земской управы и два члена, до сорока человѣкъ губернскихъ гласныхъ отказались отъ обязанностей гласныхъ.

(„Кіевск. Слово“).

= 10-го декабря, когда на засѣданіе, явился 61 членъ собранія, 30 гласныхъ заявили объ отказѣ отъ званія губернскаго гласнаго, предсѣдатели 10 уѣздныхъ земскихъ управъ выразили сожалѣніе, что они не могутъ присоединиться къ отказавшимся гласнымъ, такъ какъ участвуютъ въ собраніи по должности. Наличные уѣздные предводители собранія заявили, что они считаютъ себя обязанными оставаться въ собраніи по должности. Предсѣдатель и члены губернской управы выразили, что они, отказываясь (кромѣ П. Н. Солонина) отъ званія губернскаго гласнаго, остаются въ своихъ должностяхъ до замѣны ихъ другимъ составомъ управы. Послѣ этого въ засѣданіи осталось 24 члена. Предсѣдатель собранія, провѣривъ число оставшихся членовъ собранія, объявилъ, что настоящая сессія черниговскаго губернскаго земскаго собранія продолжаться за недостаточностью узаконеннаго его состава, не можетъ, о чемъ сообщилъ губернатору для соотвѣтственныхъ съ его стороны распоряженій.

Повидимому, однородная же причина заставила 14-го декабря прервать на неопредѣленное время засѣданія и московскаго губернскаго очередного собранія.

Здѣсь одинъ гласный (С. А. Соколовъ) заявилъ отъ лица группы гласныхъ: „Мы нижеподписавшіеся гласные, имѣемъ честь покорнѣйше просить ваше сіятельство сдѣлать на нѣкоторое время перерывъ въ занятіяхъ собранія, такъ какъ мы, глубоко взволнованные сегодняшнимъ правительственнымъ сообщеніемъ, не находимъ въ себѣ должнаго спокойствія для продолженія своихъ занятій“. Къ нимъ присоединились еще 11 гласныхъ. Заявленіе встрѣчено дружными апплодисментами. Тогда предсѣдатель предложилъ баллотировать вопросъ объ отсрочкѣ собранія, противъ этого высказалось только 8 челов. Предсѣдатель объявилъ, что большинствомъ голосовъ рѣшено занятія собранія прекратить на неопредѣленное время.

= Напротивъ, въ Орлѣ нынѣшняя сессія орловскаго губернскаго земскаго собранія, начавшаяся 28 ноября, продолжалась всего недѣлю, и затѣмъ собраніе умерло „естественной смертью“, ибо гласные разъѣхались, такъ что къ вечернему засѣданію 5 декабря не оказалось „законнаго состава“. Этотъ преждевременный конецъ былъ очень на руку реакціоннымъ элементамъ собранія, которые, во главѣ съ предсѣдателемъ С. А. Володимеровымъ (и. д. губернскаго предводителя, вмѣсто М. А. Стаховича), были вѣроятно, очень рады, что остались неразсмотрѣнными многіе непріятные имъ доклады. Только А. А. Стаховичу удалось настоять на своемъ и провести черезъ нынѣшнее собраніе два другихъ доклада, имѣющихъ принципіальное значеніе: 1) о двойственности надзора за земскими школами и 2) объ общихъ нуждахъ народнаго образованія.

Пренія по первому докладу были очень оживленныя и интересныя; не мало было высказано гг. гласными непріятностей для духовнаго вѣдомства. Представитель его и не пробовалъ защищать свое сословіе и удостовѣрилъ лишь (заявленіе это, по просьбѣ А. А. Стаховича, занесено въ протоколъ), что г. директоръ народныхъ училищъ Орловской губ. принялъ къ буквальному исполненію явно противозаконное распоряженіе орловскаго епархіальнаго училищнаго совѣта.

По второму докладу „кроткіе и мудрые“ совѣтовали собранію, принимая практическую программу, отказаться отъ теоретической

мотивировки ея, ибо эта мотивировка, по мнѣнію „кроткихъ и мудрыхъ“, слишкомъ „рѣзка“. Характерно!

Та же группа гласныхъ протестовала и противъ предложенія гл. В. А. Потулова, предсѣдателя малоархангельской уѣздной земской управы, призывавшаго собраніе отвѣтить на слова довѣрія, обращенныя правительствомъ къ русскому обществу, Гл. В. А. Офросимовъ назвалъ свѣдѣнія о „довѣріи“ „газетными интервью“, а когда гл. А. А. Стаховичъ указалъ ему на „Правит. Вѣстникъ“, гдѣ была напечатана извѣстная рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ, гл. Офросимовъ заявилъ, что онъ, живя въ деревнѣ, газетъ вообще, а „Правит. Вѣстника“ въ частности, не читаетъ. Это заявленіе вызвало восторгъ и апплодисменты собранія.

За то въ Тамбовѣ реакціонные элементы не остановились предъ дикимъ насиліемъ, призвавъ къ себѣ на помощь хулигановъ.

„Привол. Кр.“ сообщаетъ подробности возмутительной расправы этихъ „охранителей“ съ земскими гласными.

Публика и гласные, выходившіе 14 декабря изъ дверей дворянскаго дома, увидѣли передъ подъѣздомъ зданія толпу необычныхъ посѣтителей собраній. Изъ этой толпы раздавались свистъ, ругань вообще, и по адресу нѣкоторыхъ гласныхъ въ особенности, а также крѣпкія обѣщанія „вздуть“, кого слѣдуетъ. Присутствовавшій здѣсь же значительный нарядъ полиціи къ водворенію порядка и удаленію этой толпы никакихъ мѣръ не принималъ, несмотря на заявленія выходившей публики. Въ дальнѣйшемъ изъ этой толпы начали выскакивать „охотники“, наносившіе побои нѣкоторымъ изъ выходившей публики. Когда выяснились намѣренія толпы, часть публики бросилась обратно въ зданіе дворянскаго дома, а другая часть укрылась въ зданіи губернской земской управы, находящейся неподалеку. Возвратившіеся обратно въ дворянскій домъ гласные и публика просили находившагося еще здѣсь предводителя дворянства Тамбовскаго уѣзда г. Петрово-Соловово принять какія-нибудь мѣры къ охранѣ ихъ отъ угрозъ толпы. Г. Петрово-Соловово пригласилъ по телефону полицеймейстера, который спокойно обратился къ буйствовавшей толпѣ съ приказаніемъ разойтись; толпа исполнила это приказаніе точно по командѣ.

На другой день предсѣдатель собранія, кн. Челокаевъ, поѣхалъ къ губернатору съ жалобой на бездѣйствіе полиціи, а, черезъ 2 часа, по внезапной болѣзни его, предсѣдательство передано тамб. у. предв. дворянства Петрово-Соловово, которому возмущенные гласные стали передавать разныя подробности о буйствѣ толпы, причемъ указывали, что „эта толпа, видимо, имѣла организацію съ самаго перваго дня открытія губернскихъ собраній, такъ какъ являлась только на тѣ засѣданія, въ которыхъ ожидались пренія по вопросамъ, имѣющимъ общее значеніе, что инспирированіе невѣжественной толпы можетъ угрожать самыми печальными послѣдствіями для широкихъ круговъ общества, а потому они, съ своей стороны, предлагаютъ послать немедленно телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о немедленномъ принятіи мѣръ къ огражденію безопасности гласныхъ и посѣщающей засѣданіе публики и о назначеніи судебнаго разслѣдованія по предмету бездѣйствія полицейской власти“. Собраніе единогласно принимаетъ это предложеніе гласныхъ.

= Изъ многихъ губернскихъ земскихъ собраній по прежнему были посланы всеподданнѣйшіе адреса. Такъ, оффиціальныя извѣстія сообщаютъ: На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о полученныхъ заявленіяхъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ по поводу Именного Высочайшаго Его Величества Указа правительствующему сенату, даннаго 12-го сего декабря, о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка: 1) отъ Казанскаго губернскаго земскаго собранія, 2) отъ Пензенскаго губернскаго земскаго собранія, 3) отъ Глуховскаго, Черниговской губерніи, уѣзднаго земскаго собранія, 4) отъ Ростовской-на-Дону городской думы и 5) отъ Нахичеванской-на-Дону городской думы, Государь Императоръ Собственноручно начертать соизволилъ: *Искренно благодарю за выраженныя чувства.*

Отъ Казанскаго губернскаго земскаго собранія: „Раздавшееся 12-го декабря Царское слово единодушно и радостно привѣтствуется Казанскимъ губернскимъ земскимъ

собраніемъ, какъ починъ къ осуществленію тѣхъ началъ, которыя втеченіе десятилѣтій были близки и дороги земству. Казанское земство глубоко вѣруетъ, что, при изыскaніи способовъ проведенія въ жизнь Самодержавной Воли, не будутъ лишены голоса свободно выбранные для той цѣли представители земства, и проситъ доложить Самодержавному Царю, что вѣрноподанные Казанскіе земскіе люди, въ силу принесенной ими присяги, не считаютъ себя вправѣ молчать въ настоящее тревожное время и готовы служить Его Императорскому Величеству своимъ опытомъ и знаніемъ мѣстныхъ нуждъ и пользъ, при обсужденіи Высочайшихъ предначертаній, на что и осмѣливаются всеподданнѣйше просить Высочайшаго соизволенія".

Въ томъ же родѣ, приблизительно, были адреса и другихъ земствъ.

= Съ первыхъ чиселъ января начали открываться очередныя сессіи губернскихъ земскихъ собраній въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ 1904 г. онѣ не были разрѣшены къ открытію или вслѣдствіе мобилизаціи, или по другимъ какимъ причинамъ. Изъ газетъ извѣстно уже объ открытіи сессій въ Курскѣ (4 января), Нижнемъ-Новгородѣ (4 января), Симбирскѣ (4 января), Таврическое, (10 января, Саратовѣ (9 января), Новгородѣ (10 января), Уфѣ (10 января), Харьковѣ (10 января), Воронежѣ (12 января) и Костромѣ (15 января). Кромѣ того, возобновили засѣданія, прерванныя рождественскими праздниками, Московское (8 января) и Петербургское (17 января) губернскія земскія собранія.

Въ перечисленныхъ не-столичныхъ губернскихъ собраніяхъ, — пишутъ въ „Наши Дни",—общественнаго самосознанія продолжаетъ выражаться съ прежнею интенсивностью. Почти отовсюду, кромѣ Курска, сообщается, что земскія собранія открыты едва не при полномъ составѣ гласныхъ и вездѣ при громадномъ стеченіи публики, которая относится ко всему съ живѣйшимъ участіемъ. Въ Уфѣ отъ громаднаго стеченія публики въ залѣ засѣданія ее пришлось пускать уже по билетамъ. Конечно, иначе и быть не могло, когда на очереди стоятъ вопросы первостепенной важности, а обсужденіе ихъ въ печати до сихъ поръ не разрѣшается. Общество надѣется услышать объ этихъ вопросахъ хоть что-нибудь на земскихъ собраніяхъ, но, какъ оказывается, вмѣсто хлѣба она и здѣсь получаетъ камень. Предсѣдатели губернскихъ земскихъ собраній являются не только строгими цензорами для гласныхъ земскаго собранія, но въ нѣкоторомъ родѣ и попечительнымъ начальствомъ. Такъ было, напримѣръ, въ Симбирскомъ губернскомъ земствѣ.

Предложенная предсѣдателемъ собранія редакція всеподданнѣйшаго адреса по случаю рожденія Наслѣдника Цесаревича встрѣтила со стороны многихъ гласныхъ цѣлый рядъ возраженій; гласные находили, что въ проектѣ земскаго адреса допущенъ существенный пробѣлъ: въ немъ ни слова не говорится о Высочайшемъ указѣ правительствующему сенату 12-го Декабря.

Въ виду тяжелаго внѣшняго и внутренняго положенія, которое переживаетъ Россія, гласные нашли недостаточнымъ въ настоящее время ограничиться выраженіемъ однихъ только вѣрноподданническихъ чувствъ, а предлагали включить въ адресъ ходатайство губернскаго собранія о созывѣ свободно избранныхъ представителей Россіи для того, чтобы они могли уладить затрудненія и создать прочныя правовыя гарантіи законнаго теченія государственной жизни, внѣ зависимости отъ произвола отдѣльныхъ исполнителей закона.

Однако, дальнѣйшія попытки гласныхъ обсудить адресъ по существу были отклонены предсѣдателемъ собранія, въ виду предположенной передачи разработки адреса въ особую комиссію, а между тѣмъ передача этого вопроса въ комиссію большинствомъ собранія была отклонена,—и новый проектъ адреса остался не обсужденнымъ.

Въ меньшинствѣ, повидимому, осталась, и въ *курскомъ губернскомъ собраніи* та группа гласныхъ, которая во всеподданѣйшемъ адресѣ хотѣла откровенно высказать то, что въ настоящее трудное для Россіи время думаетъ земство. Защитниковъ принципа „все обстоитъ благополучно" оказалось больше (35 противъ 25), и адресъ составленъ въ обычныхъ шаблонныхъ выраженіяхъ безъ указанія на неотложныя нужды страны.

Такъ же, повидимому, формально отне-

слось и петрозаводское губернское земское собраніе, высказывая готовность бороться съ какими-то внутренними врагами страны.

Въ нижегородскомъ, харьковскомъ, новгородскомъ, уфимскомъ, воронежскомъ и костромскомъ губернскихъ земствахъ составленіе адресовъ поручено особымъ комиссіямъ, которымъ преподаны нѣкоторыя указанія, причемъ обѣщанія Высочайшаго указа 12-го декабря ихъ поощряли высказать о настоятельности государственныхъ преобразованій.

Въ засѣданіи очередного нижегородскаго губернскаго земскаго собранія, по словамъ „Вол. В.", большинствомъ 45 голосовъ противъ 2 принято слѣдующее обращеніе на имя министра внутреннихъ дѣлъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго.

„Привѣтствуя указъ 12 декабря 1904 г., дающій надежды на поступательное движеніе русской жизни, нижегородское губернское земское собраніе поставляетъ себѣ долгомъ просить ваше сіятельство повергнуть на благовоззрѣніе Вѣнценоснаго Монарха свое убѣжденіе, что осуществленіе великодушныхъ начинаній Его Величества могло бы быть обезпечено наиболѣе надежнымъ способомъ при единеніи Царя съ землею.

„Внутреннія нестроенія русской земли,— говорится далѣе,—велики, чреваты осложненіями, требующими отъ всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества смѣлаго слова и дружной работы для устроенія государства".

Поэтому, — заканчивается обращеніе — „всегда вѣрное долгу присяги нижегородское губернское земское собраніе считаетъ своей гражданской обязанностью ходатайствовать чрезъ посредство вашего сіятельства предъ Его Императорскимъ Величествомъ, дабы повелѣно было созвать на творческую работу, столь необходимую для внутренняго замиренія государства, свободно избранныхъ представителей народа".

Не такъ благополучно прошли засѣданія въ Саратовѣ. Здѣсь 10-го января закрылось губернское земское собраніе „за невозможностью при существующихъ условіяхъ исполнить лежащій на гласныхъ долгъ—быть выразителями подлинныхъ нуждъ населенія". Еще до начала засѣданія началъ циркулировать слухъ о сдѣланномъ администраціей распоряженіи—не допускать публичнаго обсужденія вопросовъ общаго характера. Настроеніе публики было страшно нервное; по рукамъ ходило письмо кн. Трубецкого и послѣднія извѣстія о петербургской забастовкѣ.

Были взволнованы и гласные, и публика. Въ залѣ царила мертвая тишина. Только лица выдавали то напряженіе чувства и мысли, которое переживалось всѣми. Предсѣдатель кн. Ухтомскій говоритъ: „Мнѣ сдѣлано категорическое заявленіе о недопустимости публичнаго обсужденія вопросовъ бывшихъ на разсмотрѣніи комисіи. Такимъ образомъ обсужденіе этихъ вопросовъ въ собраніи является противозаконнымъ. Но долгъ совѣсти и сознаніе огромной отвѣтственности предъ населеніемъ не позволяетъ мнѣ обойти молчаніемъ вопросы первостепенной важности... И если собранію угодно будетъ обсудить ихъ, я подчиняюсь собранію"...

Но собраніе не могло согласиться на то, чтобы одинъ предсѣдатель несъ всю отвѣтственность, и заявило, что оно не считаетъ возможнымъ работать при существующихъ условіяхъ; гласные сложили съ себя обязанности... постановивъ довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ о мотивахъ ихъ поступка и о томъ, что возобновить работу они могутъ только по устраненіи существующаго порядка вещей. При восторженныхъ оваціяхъ массы публики гласные покинули залъ.

Большія разноголосицы царили и на дворянскихъ собраніяхъ. Вотъ что, напр., сообщаютъ въ „Наши Дни" изъ Твери.

17 декабря въ вечернемъ засѣданіи дворяне большинствомъ голосовъ (99 противъ 36) сдѣлали слѣдующее постановленіе:

„Тверское дворянское собраніе признаетъ, что и жизненное разрѣшеніе задачъ, намѣченныхъ въ Именномъ Высочайшемъ указѣ 12 декабря, идущемъ на встрѣчу ясно выраженнымъ пожеланіямъ русскаго общества, и всякая плодотворная законодательная работа возможна лишь при дѣятельномъ участіи свободно избранныхъ представителей населенія".

76 дворянъ, руководствуясь ст. 152, т. IX св. св. зак. признали этотъ вопросъ не подлежащимъ обсужденію и отказались отъ баллотировки, подписавшись подъ особымъ мнѣніемъ, которое было подано и прочитано городскимъ судьею Хвостовымъ. Подъ этимъ особымъ мнѣніемъ подписались: два губернатора, предсѣдатели по назначе-

нію тверской, губернской и новоторжской земской управъ, почти всѣ земскіе начальники и кандидаты въ нихъ и другія лица, принадлежащія къ бюрократическому міру.

Въ этомъ засѣданіи произошелъ крайне непріятный инцидентъ: дворянинъ В. Г. Гурко въ длинной и пламенной рѣчи упомянулъ въ числѣ враговъ Россіи о врагахъ „бѣлыхъ, желтыхъ“ и „изъ внутреннихъ“ „рѣзаныхъ“. На это возразилъ одинъ изъ дворянъ, сказавъ, что для дворянскаго собранія крайне прискорбно выслушивать о глумленіяхъ надъ еврейской религіей, вѣротерпимость которой признана съ Высоты Престола. На это предсѣдатель собранія, старицкій предводитель дворянства Б. Б. Костылевъ, какъ бы успокаивая собраніе, сказалъ: „Гг.! не слѣдуетъ оскорбляться, вѣдь это сказалъ Гурко“. Слова эти совершенно всѣхъ успокоили, вызвавъ гомерическій смѣхъ.

Переходя теперь къ городскимъ самоуправленіямъ, нужно отмѣтить энергичную дѣятельность Московской Думы.

Недавно въ здѣшнюю думу на имя городского головы 65 гласными внесено было заявленіе по поводу состоявшейся въ послѣднее время забастовки на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ. „Опасаясь, — говорятъ авторы этого заявленія, — что и въ Москвѣ могутъ произойти тѣ же тяжелыя осложненія, а, можетъ быть, и ужасающія кровавыя послѣдствія, переживаемыя С.-Петербугомъ, мы предлагаемъ думѣ и какъ учрежденію, на которое, согласно закону (гор. пол. ст. 2, пп., III, VI, XI), возложено попеченіе о продовольствіи населенія, объ охраненіи народнаго здравія и развитіи средствъ врачебной помощи, а также забота о развитіи торговли и промышленности, и какъ хозяину многихъ предпріятій, удовлетворяющихъ насущнѣйшимъ нуждамъ населенія—водопроводы, освѣщеніе, бойни, трамваи и пр., обсудить мѣры для предотвращенія въ Москвѣ возможности подобныхъ бѣдствій“.

„Но принятіе этихъ мѣръ,—говорится далѣе, возможно только въ томъ случаѣ, если городское управленіе будетъ вполнѣ освѣдомлено о всемъ, что происходитъ на фабрикахъ, о цѣляхъ забастовщиковъ и о мѣрахъ, какія предполагается принять администраціей. Увѣдомлять о всемъ этомъ и рѣшено просить г. Градоначальника.

Указавъ затѣмъ на мѣры, какія нужно принять городу, въ возникновенія безпорядковъ, иниціаторы проекта рекомендуютъ по отношенію къ мирнымъ забастовкамъ рабочихъ на городскихъ предпріятіяхъ избѣгать вооруженной силы, а, въ случаѣ ея необходимости, пожелать, чтобы примѣненіе ея было обставлено всѣми законными гарантіями.

Въ заключеніе въ проектѣ стоитъ:

„Важнѣйшимъ средствомъ для поддержанія внутренняго мира, безъ котораго жизнь города не можетъ протекать нормально, а торговля и промышленность не могутъ развиваться, является открытіе рабочимъ основанныхъ на законѣ путей для свободнаго коллективнаго обсужденія своихъ нуждъ и заявленій о нихъ предпринимателямъ и правительству. Въ виду этого думѣ надлежитъ ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ: 1. О пересмотрѣ существующихъ законоположеній о стачкахъ въ смыслѣ предоставленія рабочимъ права стачекъ, не сопровождаемыхъ насиліями и истребленіемъ имущества. 2. О предоставленіи рабочимъ, при непремѣнномъ условіи распространенія такого порядка на всѣхъ русскихъ гражданъ, права собраній и союзовъ, обезпеченнаго закономѣрными гарантіями прочнаго правопорядка.

Зашевелилась и Петербургская дума.

20-го декабря гласные с.-петербургской городской думы обратились въ городскую управу со слѣдующимъ заявленіемъ: „На основаніи п. 8 Высочайшаго указа 12-го декабря 1904 г, Высочайше повелѣно устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы. Между тѣмъ, какъ намъ извѣстно, даже воспроизведеніе въ повседневной печати рѣчей гласныхъ и даже постановленій думы встрѣчаетъ со стороны полицейской цензуры непреодолимыя препятствія, благодаря чему городское населеніе и избиратели лишаются возможности слѣдить за ходомъ городскихъ дѣлъ. Признавая подобное явленіе нежелательнымъ и противорѣчащимъ смыслу и духу приведеннаго выше Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше просимъ управу внести на обсужденіе думы наше предложеніе о возбужденіи въ установленномъ порядкѣ ходатайства объ освобожденіи отчетовъ о засѣданіяхъ думы отъ предварительной до ихъ помѣщенія въ газетахъ полицейской цензуры“.

Возбужденъ жгучій въ (подлинномъ и переносномъ смыслѣ) вопросъ о дворникахъ. Высшее судебное учрежденіе въ лицѣ Сената, разъяснило, что дворниковъ не законно отвлекать отъ своихъ домовъ. А между тѣмъ они и до сихъ поръ исполняютъ полицейскія обязанности.

„Господа петербургскіе дворники,—пишетъ Юрицинъ въ „Нашихъ Дняхъ“ — какъ извѣстно, давно уже образуютъ армію вольныхъ военныхъ дружинъ. Недавній градоначальникъ первый придалъ этимъ дружинамъ боевую организацію и первый позаботился о выработкѣ у нея тѣхъ качествъ, которыми отличается теперь эта почтенная корпорація. Но еще и до него къ этой „арміи спасенія“ неоднократно обращались петербургскіе градоначальники и понемногу подготовляли ее для отвѣтственныхъ задачъ внутренней политики. Самимъ военачальникамъ эта армія стоила очень дешево, такъ какъ за удовольствіе быть избитымъ сами петербургскіе домовладѣльцы платили довольно крупную мзду“.

„Понемногу привыкнувъ къ уличному массажу, петербуржцы почти примирились съ этими обязанностями „внутреннихъ друзей“ Россіи и по свойственному намъ благодушію армію дворниковъ сопричислили къ категоріи общихъ устоевъ. Это признаніе кулака эмблемой правосудія понемногу упрочило какъ самую организацію, такъ и административный произволъ, вызвавшій эту вольную дружину къ жизни. Когда же противъ дѣйствій этой „иррегулярной полиціи“ подымались голоса, всегда находился еще болѣе сильный голосъ, который очень краснорѣчиво убѣждалъ протестантовъ молчать“.

„Такимъ чисто русскимъ путемъ выросла и окрѣпла цѣлая армія узаконенныхъ хулигановъ, дававшихъ побѣдоносныя сраженія своимъ хозяевамъ-домовладѣльцамъ. И сколько животной злобы, безпричинной ненависти и захлебывающагося восторга вносила эта дружина въ неравный бой! Сколько гнусныхъ инстинктовъ культивировалось въ этой гнусной, безчеловѣчной расправѣ!.. И вдругъ (вдругъ!!)—оказалось, что за эти избіенія мы не обязаны платить, что лекарство, примѣненное петербургской полиціей, давно уже вычеркнуто изъ россійской фармакопеи.“..

„Выплыла на свѣтъ и вся исторія вопроса. Какъ оказалось, проектъ военной организаціи дворниковъ уже предполагался „другомъ родины“—графомъ Толстымъ, и рѣшеніе комитета министровъ, отвергнувшее этотъ новый плодъ толстовскаго творчества, получило Высочайшую санкцію.

„И что же?.. Проходитъ всего нѣсколько лѣтъ, и законъ, игнорируемый администраціей, заваливается грудой беззаконныхъ бумагъ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и господа градоначальники спокойно увеличиваютъ свои войска наборомъ изъ дворниковъ, не считаясь съ Высочайшимъ повелѣніемъ“?...

Слава петербургскихъ дворниковъ, должно быть, прельстила и варшавскихъ. Изъ Варшавы пишутъ:

„Оберъ-полицеймейстеръ издалъ предписаніе, обязующее дворниковъ являться немедленно по вызову свистковъ полицейскихъ чиновъ. Замѣченные въ неисполненіи предписанія будутъ привлекаться къ отвѣтственности.

Какъ бороться противъ такого произвола? Петербуржцы придумали пока одно средство, руководясь мудрой пословицей—„бей рублемъ, а не дубьемъ“: здѣсь просто—напросто очень многіе жители въ нынѣшнемъ году отказали дворникамъ въ „чаевыхъ“, въ виду обнаруженія многихъ случаевъ дикой расправы, учиненной дворниками надъ обывателями.

То-то „взвыли бы“ наши „охранители“, если-бы о мудрой поговоркѣ вспомнили *всѣ* жители столицы! Воображаемъ себѣ картину физіономій г.г. дворниковъ при этомъ!

Впрочемъ, и Петербургское Городское Управленіе кое-что надумало. Недавно въ засѣданіи городской управы обсуждался вопросъ о привлеченіи с.-петербургскаго градоначальника къ отвѣтственности за превышеніе власти, выразившееся въ изданіи извѣстныхъ обязательныхъ постановленій о дворникахъ. Обсужденіе должно происходить при участіи сенатора Фойницкаго, г. Фальборка и др. Авторы заявленія въ думу о дворникахъ настаиваютъ на обязательномъ доведеніи до конца поднятаго ими вопроса.

Не вѣрится только, чтобъ изъ этого заявленія вышелъ какой толкъ: „смертный, силѣ, насъ гнетущей, покоряйся и терпи“.... Нужно весь свѣтъ перевернуть вверхъ для того, чтобъ Петербургъ остался безъ охранителей.

С. Ф.

Современная жизнь за-границей.

Общая картина.—Главнѣйшіе моменты жизни въ Германіи, Италіи, Англіи и Америкѣ. — Дѣло Талама во Франціи.—Отдѣленіе церкви отъ государства.—Парламентскій скандалъ въ Венгріи.— Обсужденіе бюджета въ Германскомъ рейхстагѣ и рѣчь Бебеля.

Наши читатели, мы надѣемся, отмѣтили, что, исполняя намѣченную себѣ программу нашихъ обзоровъ, мы интересуемся общественной жизнью, общественными теченіями, физіономіей государствъ—болѣе, чѣмъ чисто-внѣшней, фактической ихъ жизнью, событіями даннаго короткаго момента. Насколько намъ это удается — предоставляемъ судить читателямъ, но цѣль наша, какъ мы уже выясняли и раньше, это—дать картину исторической жизни человѣчества за рубежомъ Россіи.

Не дѣлаемъ ли мы, однако, ошибки тѣмъ, что не дѣлимъ нашу картину на маленькіе отдѣльные наброски? Не яснѣе-ли было бы, если бы мы отдѣльно разсматривали жизнь каждой страны? Намъ кажется, что избранный нами способъ долженъ дать болѣе полное и яркое понятіе объ историческомъ моментѣ, такъ какъ наиболѣе характерное для нашего историческаго момента, это — его всеобщность для всѣхъ народовъ и племенъ.

Главныя болѣзни современности охватили почти одинаково организмъ всѣхъ странъ, и главные, основные лейтмотивы современности почти одинаково звучатъ подъ всѣми небесами. Міръ теперь болѣе, чѣмъ когда либо до сихъ поръ, представляетъ собою одну большую страну съ однимъ большимъ, населяющимъ ее племенемъ, и намъ кажется, что это значило бы отвлекаться отъ основного принципа нашихъ статей, если бы мы занялись вырисовкой отдѣльныхъ странъ, выясненіемъ подробностей и мелкихъ фактовъ, происходившихъ по сю, или по ту сторону порубежной линіи, отдѣляющей по волѣ дипломатовъ одну страну отъ другой. Мы должны дать картину современности, и намъ кажется, что она будетъ ярче, если мы ее будемъ давать, не подраздѣляя не только на государства, но даже и на націи,—а только сообразно родственнымъ общественнымъ движеніямъ, всевозможнымъ теченіямъ мысли въ различныхъ странахъ.

Не будучи доктринеромъ и не придерживаясь строго одного какого-либо ученія, нельзя все же не согласиться, что во многихъ случаяхъ найдется болѣе общаго между людьми одного класса, хотя и принадлежащими къ различнымъ націямъ, чѣмъ между людьми одной національности, но различныхъ общественныхъ группъ.

Современная жизнь полна такими фактами,—исторія вчерашняго дня можетъ тоже много разсказать намъ. Французскіе эмигранты, призывающіе чужеземцевъ въ „прекрасную Францію"; Австрія, пользующаяся услугами любезнаго сѣвернаго колосса для водворенія порядка въ своей странѣ — это болѣе отдаленныя иллюстраціи. Всевозможные договоры и любезный обмѣнъ услугъ между государствами, которые всегда вѣдь представляютъ собою интересы наиболѣе сильныхъ общественныхъ группъ, для защиты другъ отъ друга отъ „крамолы" партій, протестующихъ противъ существующаго общественнаго строя,—вотъ одна изъ многихъ иллюстрацій, которыя мы видимъ часто и теперь.

Итакъ, полагая, что избранный нами путь наиболѣе правиленъ и вѣрнѣе приводитъ къ намѣченной нами цѣли—полученія картины современной жизни за рубежомъ, мы будемъ продолжать наши обозрѣнія въ томъ же направленіи.

Пока, для начала, отмѣтимъ отдѣльные моменты внѣшней, фактической жизни главныхъ государствъ.

Германія дѣлала невѣроятныя жестокости въ своихъ африканскихъ колоніяхъ, довела туземцевъ до возмущенія и усмирила ихъ. Это стоило ей множества денегъ и нѣмецкой крови. Это еще не окончено, — она это будетъ продолжать въ 1905 году. Заключила очень выгодный торговый договоръ съ Россіей въ обмѣнъ за нѣкоторыя любезности къ своей сѣверной сосѣдкѣ. Вильгельмъ II и его канцлеръ Бюловъ часто

произносили напыщенныя рѣчи о мирѣ. Въ рейхстагѣ упорная борьба партій. Консерваторы и клерикалы заключили неоффиціальный союзъ противъ либераловъ и соціалистовъ. Самъ „Михель" начинаетъ, въ общемъ, все яснѣе понимать, кто его истинные друзья.

Въ *Италіи* по внѣшнему все въ благополучномъ порядкѣ. Наилучшія отношенія съ Германіей, Австро-Венгріей, Франціей; устанавливаются даже любезныя отношенія между Квириналомъ и Ватиканомъ. Въ минувшемъ году папа разрѣшилъ вѣрнымъ сынамъ церкви принять участіе въ выборахъ—либеральныя и свободомыслящія партіи, конечно, скоро почувствовали это. А народъ итальянскій по прежнему нищаетъ и усиленно эмигрируетъ.

Англія заключила соглашеніе съ Франціей, развязавшей ей руки въ Египтѣ, и захватила, благодаря русско-японской войнѣ, Тибетъ. Внутри страна жила правильной конституціонной жизнью. Занималась обсужденіемъ на безконечныхъ митингахъ Чемберлэновскихъ проектовъ о торговой и экономической ассоціаціи между нею и ея колоніями. Приходится, къ сожалѣнію, отмѣтить, что идеи шовинизма и имперіализма начинаютъ проникать въ массы великаго англійскаго народа, и свободолюбивый гражданинъ Джонъ начинаетъ серьезно обуждать вопросъ о введеніи у себя всеобщей воинской повинности. Либеральные и демократическіе элементы протестуютъ, но одна возможность обсужденія этого вопроса—многозначенательна для нашей эпохи.

Имперіализмъ въ *Америкѣ* все больше завоевываетъ вниманіе. Онъ имѣетъ сильнаго и талантливаго сторонника въ лицѣ президента Рузвельта, кандидата республиканской партіи, избраннаго теперь въ президенты. На выборахъ боролись двѣ партіи,—республиканская и демократическая. Рабочая партія имѣла всего 500.000 голосовъ, но на выборахъ въ 1900 году она имѣла впятеро меньше голосовъ, и можно сказать съ увѣренностью, что колоссальный ростъ заатлантической республики, ея богатсво и расцвѣтъ капиталистической жизни не мѣшаютъ правильной организаціи рабочей партіи. Двѣ старыя политическія партіи получатъ скоро юнаго и мощнаго соперника.

Во Франціи мы имѣемъ очень странную картину парламента, но только страсти здѣсь болѣе возбуждены, и рѣзче раздѣлились партіи. Болѣе того, республиканской Франціи приходится отстаивать свое существованіе противъ натиска цѣлой коалиціи партій „порядка" и, какъ естественная реакція этому комплоту,—партіи вѣрности республикѣ соединились вмѣстѣ, чтобы отстоять свободную Францію. Недавно, какъ извѣстно, произошелъ скандалъ съ военнымъ министромъ Андре, которому депутатъ Сиветонъ нанесъ личное оскорбленіе. Министръ долженъ былъ уйти, и его мѣсто занялъ Берто, который былъ прежде президентомъ парламентской группы радикаловъ-соціалистовъ. Вслѣдъ за этимъ разразилось дѣло Талама.

Дѣло началось съ того, что соціалистъ Семба сдѣлалъ въ палатѣ запросъ министру народнаго просвѣщенія Шомье по поводу перемѣщенія учителя Талама, непочтительно отозвавшагося на урокѣ объ Орлеанской дѣвѣ. Семба замѣтилъ, что министерство дѣлаетъ непростительную ошибку, выдавая республиканскаго учителя политическимъ противникамъ, что неизвѣстно, на чемъ остановятся и чью голову еще потребуютъ теперь реакціонеры, такъ какъ существуетъ же планъ смѣстить всѣхъ республиканскихъ учителей.

Любопытно положеніе министерства. Оно по сущности своей буржуазно, но представляетъ собою въ то же время самый радикальный элементъ буржуазіи, искренно ненавидящій тьму реакціи и отъ всей души негодующій противъ ея интригъ и организованнаго заговора противъ республики. Оно принуждено опираться на демократическія партіи, причемъ фатально не можетъ идти въ ногу съ ними и то и дѣло вызываетъ упреки и осужденіе со стороны этихъ партій. Между тѣмъ партіи „порядка" обвиняютъ министерство чуть-ли не въ потаканіи анархіи, въ низверженіи всѣхъ государственныхъ основъ.

Министръ Шомье сталъ защищаться противъ нападокъ Семба. Онъ находилъ, что Талама совершилъ безтактность, такъ какъ ученикамъ нельзя всего говорить, а онъ, говоря о Жаннѣ д'Аркъ, сказалъ: „я не вѣрю въ ея Бога", и поэтому онъ былъ смѣщенъ. Послѣ жаркихъ преній палата приняла слѣдующую формулу 346-ью голосами противъ 34-хъ: „Палата, вѣря, что министръ народнаго просвѣщенія стремится къ соглашенію свободѣ преподаванія съ ней-

тральностью школы и отвергая всякія добавленія, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

Но дѣло Талама было вынесено изъ стѣнъ палаты на улицу. Клерикалы устроили демонстрацію дѣтокъ школьниковъ, протестующихъ противъ профессора, оскорбившаго ихъ религіозное чувство...

Начались опять безконечныя словоизверженія и повторенія азовъ о свободѣ, равенствѣ и прочихъ хорошихъ вещахъ. Комбъ говорилъ о доносахъ въ арміи, — Верто говорилъ о томъ-же и о порядкѣ назначенія офицеровъ, Валле подробно объяснялъ цѣли министерства и требовалъ соединенія всѣхъ республиканскихъ элементовъ.

Между тѣмъ дѣла не дѣлается, и работоспособность парламента понижена до послѣдней степени, но все-же тенденція теперешняго парламента сказывается и въ мелкихъ дебатахъ, и въ мелкихъ законахъ, которые удается провести. Такъ, напр., при обсужденіи бюджета иностранныхъ дѣлъ депутатъ Кулондръ предложилъ субсидировать на востокѣ лишь свѣтскія школы. Палата признала это въ принципѣ, но согласилась съ мнѣніемъ Делькассэ, что необходимо предварительно обезпечить себя хорошимъ учительскимъ персоналомъ, такъ какъ иначе это поведетъ къ закрытію 300 школъ, гдѣ учатся 83.000 дѣтей. Предложеніе же бюджетной комиссіи исключить изъ бюджета 64 тыс. франковъ на содержаніе посольства при Ватиканѣ было принято безъ дебатовъ, такъ какъ расходъ на посольство сталъ излишнимъ послѣ разрыва съ Ватиканомъ. А въ засѣданіи комиссіи для разсмотрѣнія правительственнаго законопроекта объ отдѣленіи церкви отъ государства были приняты первый и второй параграфы, несмотря на поправки Берри и на протесты оппозиціи. Первый параграфъ уничтожаетъ всѣ издержки по содержанію культовъ; второй предоставляетъ церковныя зданія въ безплатное пользованіе на два года культамъ.

Не менѣе любопытную картину представляетъ теперь шумливая, разноплеменная, очень мало культурная, разрываемая на части внутренней неурядицей и страстной національной борьбой Австро-Венгрія.

Политическая жизнь Австріи за послѣднее время можетъ быть коротко резюмирована такъ: поляки ссорились съ руссинами, чехи съ поляками, венгры съ словенцами, а нѣмцы со всѣми вмѣстѣ и съ каждымъ порознь. Единственно новое, что представила Австрія за это время—это довольно единодушный отпоръ, который даетъ страна попыткѣ клерикаловъ забрать въ свои руки народное образованіе. Согласно новому школьному закону, дѣло народнаго образованія должно перейти изъ рукъ общинъ въ полное распоряженіе клерикаловъ, и Австрія, увлеченная мелочной и жалкой національной борьбой, все же во время проснулась, чтобы не позволить кастрировать себя „во славу Божью". Въ тиши былъ изготовленъ этотъ гибельный для народа законъ, и немногаго не хватало, чтобы онъ былъ проведенъ подъ шумъ національной распри. Но тутъ цѣлые потоки протестовъ и демонстрацій разлились по всей Австріи. Въ нихъ принимали участіе и цѣлыя общины, и магистраты, и всевозможныя общества, грандіозныя сходки рабочихъ, торжественныя заявленія цвѣта ученаго міра, какъ Эрнстъ Махъ, Менгеръ, Нотнагель, Зюссъ и др.

Въ Венгріи происходили скандалы свои,—, мѣстные. Обструкція либеральнаго меньшинства, не соглашавшагося подыгрывать Австріи и нѣмецкой политикѣ большинства венгерскаго парламента съ министромъ Тиссой во главѣ, привела консервативное большинство къ чисто-революціонной мѣрѣ. Въ одномъ засѣданіи министръ-президентъ Тисса въ вызывающей рѣчи сталъ громить обструкцію и, совершенно неожиданно для оппозиціи, заявилъ, что наступилъ моментъ освободить страну отъ позора обструкціи, положить ей конецъ. Хорошо вымуштрованная клика правительственнаго большинства громогласно заявила: „Мы подаемъ голосъ за прекращеніе обструкціи". При страшномъ шумѣ Тисса заявилъ: „Да прекратимъ, наконецъ, комедію! Мы высказываемся за прекращеніе обструкціи"!—и по его знаку президентъ палаты Перчель всталъ съ листомъ бумаги въ рукѣ и объявилъ, что предложеніе о гильотинѣ (такъ называется на парламентскомъ языкѣ законъ, дающій полномочіе президенту лишать голоса депутата) принято единогласно.

Это возмутительное насиліе, циничная насмѣшка надъ свободою, надъ правомъ народа, надъ простой культурностью совершенно естественно вывела оппозицію изъ терпѣнія и лишила ее послѣдняго самообла-

нія. Въ палатѣ разыгралась безобразная сцена: книги, чернильницы, кресла летѣли въ голову Перчеля, но „большинство“, конечно, ожидало этого и, окруживъ Перчеля и Тиссу, стало стѣной около нихъ. По знаку Тиссы, Перчель прочелъ заготовленный раньше королевскій декретъ о закрытіи парламента. Это произвело удручающее впечатлѣніе на населеніе Будапешта, но одна хорошая сторона оказалась и въ этомъ фактѣ. Это наглое насиліе вызвало объединеніе всѣхъ оппозиціонныхъ партій, и на ихъ соединенномъ засѣданіи Кошутъ—глава радикальной группы, сынъ знаменитаго народнаго вождя и борца за независимость Венгріи—объявилъ графа Аппоньи вождемъ соединенной оппозиціи. А вслѣдъ за тѣмъ по всей Венгріи стали собираться сходки, заявляться протесты, происходили студенческія демонстраціи, которыя разгонялись полиціей—и пр. и пр.

Въ тоже время не унималась по прежнему обостренная національная вражда. Изрѣдка раздается разумная рѣчь, призывающая народы Австріи опомниться, поспѣшить выработать какой-нибудь modus, который спасъ бы Австрію, далъ бы ей возможность продолжать жизнь.

Недавно депутатъ Менгеръ, проф. вѣнскаго университета, произнесъ по этому поводу горячую и убѣдительную рѣчь, въ которой доказываетъ, что если отношенія между отдѣльными національностями не измѣнятся, то Австрія вновь перейдетъ къ абсолютизму. Австрія — государство, сказалъ онъ, какого еще не было, и оно должно разрѣшить задачу мирнаго сосуществованія націй, или иначе она потерпитъ очень тяжелую участь.

Почтенный профессоръ несомнѣнно правъ въ своемъ діагнозѣ, но мы думаемъ, что для разрѣшенія этой задачи нужно имѣть больше нравственнаго мужества, ясной и искренней чистоты мысли,—стоять на большей моральной высотѣ, — чѣмъ стоятъ руководители этой бѣдной, глубоко-несчастной страны. Для этого надо имѣть героическую душу народнаго вождя, а не ловкую, хитрую душу царедворца, какая находится въ распоряженіи Кербера.

Интересные дебаты произошли въ германскомъ рейхстагѣ при обсужденіи бюджета на 1905 годъ. Весь имперскій бюджетъ сведенъ въ суммѣ 2.241.560 тыс. марокъ. Предполагается заключить заемъ въ 293.057 тыс. марокъ. Изъ этой суммы 51 мил. назначенъ на покрытіе дефицита, 48.743 тыс. мар. на южно-африканскую экспедицію. Дефицитъ образовался изъ южно-африканской авантюры, а оффиціально предполагается потратить въ будущемъ году еще около 50 милліоновъ.

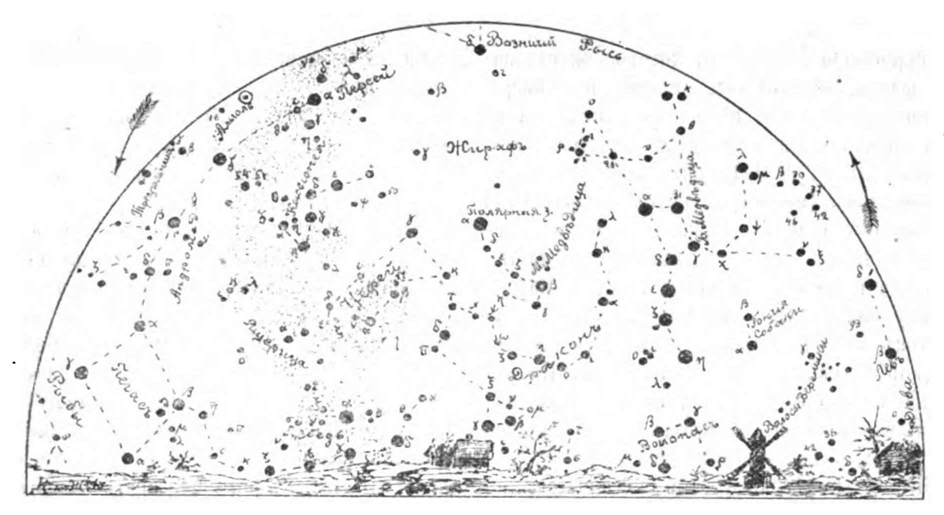
5 декабря знаменитый депутатъ Бебель произнесъ большую рѣчь, въ которой подвергъ бюджетъ жестокой критикѣ. Онъ удивленъ, что рейхстагъ не былъ созванъ для обсужденія кредитовъ на южно-африканскую экспедицію. Упрекая парламентъ въ недостаткѣ мужества 4 года тому назадъ, во время китайской экспедиціи, которая была начата тоже безъ разрѣшенія парламента, онъ доказывалъ, что и этой африканской экспедиціи не было бы, если бы парламентъ своевременно лучше отстаивалъ свои права. Далѣе онъ перешелъ къ „міровой политикѣ“, въ которую втягиваетъ правительство нѣмецкій народъ, горячо упрекалъ партію центра за поддержку, которую она оказываетъ правительству и пришелъ къ выводу, что нравственная отвѣтственность за это падаетъ на центръ, что финансовая и торговая политика правительства близка къ гибели.

Съ цыфрами въ рукахъ, въ горячей рѣчи онъ доказывалъ, что вся налоговая тяжесть падаетъ на „Михеля“ — на низшіе классы населенія, что государственный долгъ такъ непомѣрно разросся только благодаря военной, морской и колоніальной политикѣ, что южно-африканская экспедиція поглощаетъ массу денегъ и крови и ничего не приноситъ взамѣнъ. Вся рѣчь была яркимъ протестомъ противъ милитаризма и морскихъ вооруженій, и хотя она не могла конечно, повернуть государственнаго корабля, направляемаго буржуазіей, какъ наиболѣе сильнымъ классомъ въ данный историческій моментъ, — она все же будетъ услышана народомъ, она будетъ волновать и будить сердце Михеля, привыкшаго по первому требованію нести деньги и кровь и... быть можетъ, понемногу научитъ его переоцѣнивать старыя цѣнности и старыя добродѣтели.

Л. М.

Видъ сѣверной части неба въ 10 час. 15 мин. веч. (по Пулковскому времени *) 1 Февр. 1905 г подъ 48° 50′ сѣвер. шир.

Астрономическія явленія

ВЪ ЯНВАРѢ и ФЕВРАЛѢ 1905 г.

Въ минувшемъ году читатели журнала „Наука и Жизнь“ получили въ качествѣ безплатнаго приложенія „*Популярную астрономію*“ К. Фламмаріона. Прямымъ дополненіемъ этого теоретическаго руководства служитъ даваемая тѣмъ же журналомъ въ текущемъ году книга Н. П. Двигубскаго „*Что и какъ наблюдать на небѣ*“, въ которой читатели найдутъ подробныя и самыя разнообразныя практическія свѣдѣнія для производства любителями астрономическихъ наблюденій. И, наконецъ въ самомъ журналѣ ежемѣсячно будутъ даваться всѣ необходимыя для этого календарныя, т. е. переходящія, астрономическія свѣдѣнія.

Звѣздное небо. При небольшомъ вниманіи не трудно распознать главныя звѣзды неба, разъ даны необходимыя указанія. Нужно, прежде всего, умѣть оріентироваться, т. е. находить страны свѣта или горизонта. Для этого, всегда видимая у насъ и хорошо извѣстная всѣмъ Большая Медвѣдица (Колесница, Сѣверное Семизвѣздіе) укажетъ намъ сѣверъ, если прямую, соединяющую двѣ ея переднія звѣзды (α и β), продолжить мысленно (въ сторону α) до Полярной звѣзды.

Помѣщаемыя здѣсь двѣ небольшія карты представляютъ, въ совокупности, видъ звѣзднаго неба въ $10^{1}/_{4}$ часовъ *вечера* (по Пулковскому времени (¹) *1-го февраля* въ любомъ земномъ пунктѣ шара, расположенномъ *подъ 48° 50′ сѣвер. широты* (**) Въ частности же, верхняя карта показываетъ

(*) Для полученія мѣстнаго времени, достаточно лишь сдѣлать указаннымъ ниже способомъ, переводъ одного времени въ другое.

(**) Эта географическая параллель проходитъ, въ предѣлахъ нашей Имперіи, черезъ слѣдующія губерніи и области, начиная съ запада (въ скобкахъ поименованы нѣкоторые, ближайшіе къ ней, населенные пункты): Подольскую (Новая-Ушица, Брацлавъ, Гайсинъ), Кіевскую (Христиновка, Умань), Херсонскую (Новомиргородъ), Полтавскую (Переволочна), Екатеринославскую (Лозовая). Харьковскую (Славянскъ, Лисичанскъ), Донскую область (Миллерово, Добрая, Голубинская), Астраханскую (Верхне-Ахтубинское), Уральскую (Калмыковъ, Темиръ), Тургайскую (Иргизъ), Акмолинскую (Улу-Тау), Семипалатинскую (Кокпекты), Амурскую (Радде). Приморскую (Ду, постъ Константиновскій) и островъ Сахалинъ.

сѣверное нобо, т. е. то, которое видитъ наблюдатель, обратившись лицомъ къ сѣверу, а нижняя—южное небо, представляющееся при обратномъ положеніи наблюдателя, т. е. лицомъ къ югу. Онѣ раздѣлены первымъ вертикаломъ (небесный кругъ, проходящій перпендикулярно къ горизонту черезъ зенитъ и точки востока и запада). Меридіанъ проходитъ черезъ середину каждой карты, сверху внизъ. На картѣ сѣвернаго неба востокъ будетъ справа, а западъ — слѣва; на картѣ южнаго неба—наоборотъ. Направленіе суточнаго движенія параллельно названіямъ созвѣздій и звѣздъ и обозначено большими внѣшними стрѣлками.

Но видъ звѣзднаго неба измѣняется, въ зависимости отъ широты мѣста наблюденія, и, кромѣ того, даже для одного и того же мѣста онъ различенъ въ разное время года и сутокъ.

При расположеніи наблюдателя сѣвернѣе параллели, для которой даны помѣщаемыя здѣсь карты, видъ звѣзднаго неба будетъ заключаться въ слѣдующемъ 1) изъ-за сѣвернаго горизонта появятся новыя созвѣздія и звѣзды, 2) находящіяся на сѣверномъ небѣ вблизи зенита перейдутъ на южное и, наконецъ, 3) расположенныя надъ южнымъ горизонтомъ скроются подъ нимъ. Если же мѣсто наблюденія лежитъ южнѣе указанной параллели, измѣненіе вида звѣзднаго неба будетъ какъ разъ обратное, т. е.: 1) звѣзды и созвѣздія, расположенныя надъ сѣвернымъ горизонтомъ, скроются подъ нимъ, 2) находящіяся на южномъ небѣ вблизи зенита перейдутъ на сѣверное и 3) изъ-за южнаго горизонта появятся новыя. И чѣмъ далѣе къ сѣверу и югу отъ данной параллели будетъ находиться наблюдатель, тѣмъ сильнѣе для него выразятся эти измѣненія.

Всякая звѣзда восходитъ, проходитъ черезъ меридіанъ и заходитъ каждый день на 3 минуты 56 секундъ раньше сравнительно съ предыдущимъ днемъ. Слѣдовательно, и какой-нибудь опредѣленный видъ звѣзднаго неба будетъ повторяться для каждаго даннаго мѣста не ровно черезъ 24 часа или сутки, а на столько же минутъ и секундъ раньше. Такимъ образомъ, данныя здѣсь карты будутъ представлять видъ звѣзднаго неба: 2-го февраля—въ 10 ч. 11 м. веч., 3-го—въ 10 ч. 7 м. веч..., 15-го — въ 9 ч. 21 м. веч,.., 29-го—въ 8 ч. 26 м. веч. и т. д.; и назадъ: 31-го января — въ 10 ч. 19 м. веч..., 18-го— въ 11 ч. 11 м. веч. и т. д.

Направленіе видимаго движенія небеснаго свода, происходящаго съ востока на западъ, обозначено на прилагаемыхъ картахъ стрѣлками. Основываясь на этомъ, легко узнать, каковъ видъ звѣзднаго неба въ любой моментъ сутокъ. Предположимъ, что желательно знать, какъ измѣнится видъ звѣзднаго неба, сравнительно съ изображеніемъ его на прилагаемыхъ картахъ, *1 февраля въ 11 ч. 45 м. веч.*? Полный оборотъ небеснаго свода около насъ совершается въ сутки т. е. въ 24 часа, слѣдовательно, въ теченіе $1^1/_2$ часовъ (11 ч. 45 м. — 10 ч. 15 м.) онъ перемѣстится на $\frac{1,5}{24} = \frac{1}{66}$ часть полнаго оборота, т. е. на уголъ $22^1/_2$ градуса.
Вслѣдствіе этого: 1) звѣзды, находившіяся въ 10 ч. 15 м. веч. вблизи западнаго горизонта, въ 11 ч. 45 м. веч. будутъ уже подъ нимъ; 2) бывшія на меридіанѣ окажутся къ западу отъ него; 3) расположенныя надъ восточнымъ горизонтомъ приблизятся къ зениту и 4) надъ восточнымъ горизонтомъ поднимутся новыя звѣзды.

Если-бы теперь мы пожелали узнать видъ звѣзднаго неба *1 февраля въ 8 ч. 45 м вечера.*, т. е. за $1^1/_2$ часа до того момента, для котораго даны прилагаемыя карты, то увидѣли-бы обратное только что описанному, т. е.: 1) звѣзды въ 10 ч. 15 м. веч. уже скрывшіяся подъ западнымъ горизонтомъ, въ 8 ч. 45 м. веч. были-бы еще надъ нимъ; 2) звѣзды находившіяся въ 10 ч. 15 м. веч. вблизи западнаго горизонта, въ 8 ч. 45 м. веч. еще не дошло бы до него; 3) бывшія тогда на меридіанѣ теперь находились бы еще къ востоку отъ него; 4) расположенныя тогда надъ восточнымъ горизонтомъ теперь были еще подъ нимъ.

Изъ наиболѣе интересныхъ объектовъ звѣзднаго міра, доступныхъ наблюденію въ небольшую астрономическую трубу, можно указать слѣдующіе:

Венера ♀	1 янв.	3 ч.	7 м.	веч.	1 февр.	3 ч.	6 м.	веч.
. . . .	11 „	3 „	9 „	„	11 „	3 „	1 „	„
. . . .	21 „	3 „	9 „	„	21 „	2 „	53 „	„
Марсъ ♂	1 „	6 „	23 „	утр.	1 „	5 „	15 „	утр.
. . . .	11 „	6 „	2 „	„	11 „	4 „	40 „	„
. . . .	21 „	5 „	40 „	„	21 „	4 „	23 „	„
Юпитеръ ♃	1 „	5 „	48 „	веч.	1 „	4 „	2 „	веч.
. . . .	11 „	5 „	13 „	„	11 „	3 „	29 „	„
. . . .	21 „	4 „	39 „	„	21 „	2 „	58 „	„
Сатурнъ ♄	1 „	1 „	57 „	„	1 „	0 „	10 „	„
. . . .	11 „	1 „	22 „	„	11 „	11 „	39 „	утр.
. . . .	21 „	0 „	48 „	„	21 „	11 „	1 „	„

Перемѣнныя звѣзды: Альголь, λ Тельца, δ Цефея.

Двойныя звѣзды: γ Андромеды, σ и θ Тельца, δ и θ Оріона, Касторъ, ι Рака Мицаръ, ψ Дракона, 12α Борзыхъ Собакъ, 24-я Волосъ Вероники, γ Дѣвы.

Звѣздныя скопленія: въ Персеѣ, Близнецахъ, Плеяды, Гіады, Ясли.

Туманности: Андромеды, Оріона.

Солнце ☉. 7-го января въ 6 ч. 53 м. веч. вступаетъ въ знакъ Водолея, 6-го февраля въ 3 ч. 26 м. утра—въ знакъ Рыбъ (по Пулковскому времени (*)).

Луна ☾. Фазы (по Пулковскому времени) (*):

8 января	9 ч.	15 м.	утр.	*Полнолуніе* ○
15 „	2 „	21 „	утра	*Послѣдняя четверть* ☾
22 „	1 „	7 „	„	*Новолуніе* ●
30 „	16 „	21 „	веч.	*Первая четверть* ☽
6 февр.	8 „	53 „	„	*Полнолуніе* ○
13 „	11 „	55 „	утр.	*Послѣдняя четверть* ☽
21 „	7 „	20 „	„	*Новолуніе* ●

6-го февраля частное лунное затменіе.

Величина затменія =0,410, принимая діаметръ Луны за единицу.

	Среднее Пулковское время (*).
Вступленіе Луны въ полутѣнь	въ 6 ч. 41 м. в.
„ „ „ тѣнь . .	„ 7 „ 55 „ „
Середина затменія . . .	„ тѣнь . . „ 9 „ 2 „ „
Выходъ Луны изъ тѣни . .	„ 10 „ 8 „ „
„ „ „ полутѣни	„ 11 „ 22 „ „

21 февраля кольцеобразное солнечное затменіе.

Не видимо въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

Планеты. Помѣщаемое выше время прохожденія планетъ черезъ меридіанъ дано для Пулкова. Строго разсуждая, для каждой планеты необходимо брать здѣсь особыя, вообще говоря, мелкія поправки на долготу (самая большая въ предѣлахъ нашей имперіи =+2 мин. для Чукотскаго мыса). Но, принимая во вниманіе, что мы даемъ это время только для того, чтобы знать, когда искать планету на южной части неба, гдѣ она бываетъ выше всего надъ горизонтомъ и потому наиболѣе удобна наблюденій, ошибкой до 2-хъ минутъ вполнѣ можно пренебречь.

Падающія звѣзды. Въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ особенно замѣчательныхъ и богатыхъ потоковъ падающихъ звѣздъ не наблюдается. Изъ второстепенныхъ извѣстны слѣдующіе:

---

*) Для полученія мѣстнаго времени, достаточно лишь сдѣлать указаннымъ ниже способомъ, переводъ одного времени въ другое.

Мѣстоположеніе радіанта.

5 января	— вблизи	ζ Сѣверной Короны.
15 „	— „	α Сѣверной Короны.
3 февр.	— „	α Возничаго.
22-23 „	— „	β Скорпіона.
22-23 „	— „	γ Геркулеса.
24 „	— „	π Геркулеса.

Болиды. Можно ожидать: 2—5, 15, 16, 21, 28 и 29 января; 6, 7, 16—26 февраля.

Задіакальный свѣтъ. Въ хорошіе безлунные вечера виденъ на западѣ, вскорѣ послѣ захода Солнца, и тѣмъ лучше, чѣмъ южнѣе и дальше отъ городовъ и фабрикъ расположено мѣсто наблюденія. Февраль—наиболѣе благопріятный въ году мѣсяцъ для этого рода наблюденій.

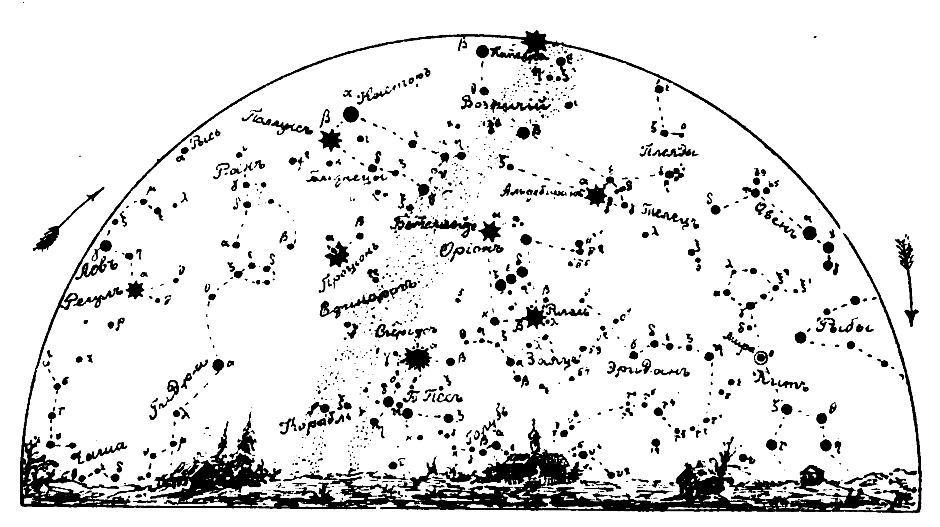
Переводъ даннаго времени въ мѣстное.

Выразивъ *разность долготъ* мѣста наблюденія и Пулкова (или другого какого-либо пункта, для котораго дано время) *во времени*, слѣдуетъ *придать* ее къ данному Пулковскому времени, если наблюдатель находится *къ востоку,* отъ Пулкова, и *вычесть*—если онъ помѣщается *къ западу* отъ Пулкова. Долготы главнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ Россійской Имперіи можно найти въ *„Всеобщемъ календарѣ“ на 1905 годъ, изд. П. П. Сойкина.*

Примѣръ. 6 февраля 1905 года полнолуніе наступаетъ въ 8 ч. 53 м. веч. по Пулковскому времени. Опредѣлить мѣстное время этого явленія для г. Астрахани.

Восточная долгота Астрахани отъ Ферро$=$ $=65^0 42'$, а такая же долгота Пулкова (С.-Петербурга) $=47^0 59'$; слѣдовательно, разность долготъ ихъ$=17^0 42'$ или, во времени (каждые $15^0=1$ часу, $15'=1$ минутѣ,) 1 часъ 11 минутъ. При этомъ Астрахань лежитъ къ востоку отъ Пулкова, а потому полученная разность долготъ должна быть придана къ данному Пулковскому времени. Такимъ образомъ, полнолуніе 6 февраля 1905 года наступитъ по мѣстному астраханскому времени въ 8 ч. 53 м.$\times$1 ч. 11 м.$=$10 ч. 4 м. веч.

Н. П. Двигубскій.

Видъ южнаго неба въ 10 ч. 15 м. вечера, (по Пулковскому времени) 1 февраля 1905 г. подъ 48^0 50′ сѣв. шир.

На каждый вопросъ нужно прилагать по 2 семикопѣечныхъ марки, для справокъ. Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Отъ завѣдывающаго отдѣломъ юридическихъ отвѣтовъ. Во избѣжаніе нареканій со стороны нашихъ читателей за медленность юридическихъ отвѣтовъ, С. Ѳ. Плевако проситъ насъ сообщить, что по техническимъ условіямъ въ очередной № журнала могутъ попадать отвѣты лишь на тѣ вопросы, которые доставлены въ редакцію не позже 5 числа мѣсяца. На вопросы, поступившіе позже этого числа, отвѣты будутъ даваться лишь черезъ книжку. Въ случаѣ, если подписчикъ пожелаетъ получить отвѣтъ не черезъ журналъ, а письменно, онъ долженъ ясно это оговорить въ своемъ письмѣ и приложить на почтовые расходы 4 семикопѣечныя марки (письма будутъ посылаться заказными). При всѣхъ обращеніяхъ въ редакцію просятъ ссылаться на N бандероли, подъ которой получается журналъ.

Отвѣтъ г. Завад--му. По закону 3 іюня 1902 года при усыновленіи собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей соблюдаются нижеслѣдующія правила, изложенныя въ ст. 150^1 т. X ч. I: усыновлять можетъ совершеннолѣтній и ранѣе достиженія 30-ти-лѣтняго возраста и не будучи 18 годами старше усыновляемаго; усыновленіе допускается и въ томъ случаѣ, если у лица усыновляющаго есть собственныя законныя или узаконенныя дѣти; при усыновленіи отцомъ внѣбрачнаго ребенка требуется согласіе матери ребенка въ томъ лишь случаѣ, если она значится въ метрической о его рожденіи записи или если происхожденіе отъ нея ребенка удостовѣрено судомъ.

Согласно ст. 152 „усыновитель можетъ передать усыновленному свою фамилію, причемъ, т. к. дѣла объ усыновленіи (за исключеніемъ усыновленія мѣщанами и сельскими обывателями) предоставлены вѣдѣнію окружныхъ судовъ, то эти суды, при постановленіи за силою 1460^2 ст. Уст. Гр. Суд., опредѣленія объ усыновленіи, или впослѣдствіи, въ правѣ удовлетворить и просьбу усыновителя о передачѣ усыновляемому своей фамиліи.

Особое условіе ставится, если усыновитель принадлежитъ къ потомственному дворянству. Тогда передача можетъ состояться не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, по разсмотрѣніи поданнаго о семъ прошенія въ Департаментѣ Герольдіи Прав. Сената и потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Что касается передачи отчества, то, какъ разъяснилъ Сенатъ (Рѣш. Гр. Касс. Деп. 1898 г. № 32),—передача усыновителемъ отечества усыновленному не можетъ имѣть мѣста, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда усыновленный не имѣетъ вовсе отчества, если онъ незаконнорожденный или подкидышъ или же если въ этихъ случаяхъ ему дано отчество по имени крестнаго отца, т. е. произвольное.

Что касается юридическихъ послѣдствій, возникающихъ для усыновленнаго, то таковыя опредѣляются ст. ст, 156, 1, 2 и сл. и заключаются въ слѣдующемъ: усыновленный

вступаетъ по отношенію къ усыновителю во всѣ права и обязанности законныхъ дѣтей и пріобрѣтаетъ право наслѣдованія въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ усыновителя; но усыновленіе не даетъ усыновленному права на пенсію и на единовременныя пособія за службу усыновителя (изъ послѣдняго правила есть исключеніе: Высочайше утвержд. 8 апрѣля 1891 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта было признано, что дѣти, усыновленныя личными дворянами, не лишены права на пенсію наравнѣ съ кровными дѣтьми).

Что касается порядка усыновленія, то таковой заключается въ подачѣ соотвѣтственной просьбы въ окружный судъ по мѣсту жительства усыновителей или усыновляемыхъ.

Прошеніе пишется въ такой формѣ: „желая усыновить собственное мое дитя, прижитое мною внѣ брака съ такимъ то, имѣю честь просить окружный судъ постановить опредѣленіе объ этомъ. При этомъ прошеніи представляю: 1) метрическое свидѣтельство о рожденіи такого то (имя, отчество и фамилія усыновляемаго), 2) засвидѣтельствованную копію моего послужного списка (или паспорта, или документа, замѣняющаго паспортъ), 3) засвидѣтельствованныя установленнымъ порядкомъ подписки: установляемаго (такого-то, если ему не менѣе 14 лѣтъ), и матери его (такой-то) о согласіи на испрашиваемое усыновленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу постановить опредѣленіе о предоставленіи усыновленному (такому-то) отчества по имени моему и моей фамиліи“.

Подписчику № 999. I. Въ правѣ ли пріобрѣтатель имущества отказать арендатору на томъ основаніи, что при продажѣ имущества о существованіи аренды не было рѣчи?—Нѣтъ, не въ правѣ. Сенатъ (Рѣш. Кас. Деп. 1875 г. № 144) высказался за то, что арендный договоръ и при отчужденіи вещи сохраняютъ свою силу до назначеннаго въ немъ срока, хотя бы онъ (договоръ) и не былъ извѣстенъ пріобрѣтателю. Надо замѣтить при этомъ, что обязательными для покупщика арендные договоры Сенатъ считаетъ только въ томъ случаѣ, если договоръ былъ совершенъ въ формѣ, заставляющей полагать, что онъ не можетъ быть неизвѣстенъ пріобрѣтателю (к. р. 1877—83). II. Наслѣдники имѣютъ полное основаніе привлечь векселедержателей къ уголовной отвѣтственности, если только они имѣютъ возможность доказать документально (росписками) полученіе %%-въ и части капитальной суммы.

Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ**.

Дозволено цензурою. Спб. 31 Января 1904 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71-6.

Принимается подписка на 1905 годъ на

„Вятскую газету“.

Въ 1905 году подписчики получатъ 52 №№ еженедѣльной газеты, спеціальныя приложенія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по ремесламъ и сельскій календарь Горбунова--Посадова на 1905 годъ. Программа „Вятской Газеты“: I) Правительственныя распоряженія и дѣйствія правительства; II) Земское дѣло, продовольственное и страховое; III) Народное образованіе; IV) Литературно-историческій отдѣлъ; V) Спеціальныя статьи: 1) Естествознаніе и географія, 2) Сельское хозяйство, 3) Кустарные промыслы, 4) Медицина, 5) Ветеринарія; IV) Отзывы о книгахъ по сельскому хозяйству и промышленности; VII) Хозяйственная жизнь губерніи и Россія; VIII) Сообщенія мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, IX) Обзоръ текущихъ общеполезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и промышленности. Разныя извѣстія по сельскому хозяйству; X) Иностранныя извѣстія по „Правительственному Вѣстнику“, XI) Обзоръ текущихъ общеполезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и промышленности.. Разныя извѣстія по сельскому хозяйству;; X) Иностранныя извѣстія по „Правительственному Вѣстнику“, XI) Отвѣты на вопросы по сельскому хозяйству и промышленности: XII) Свѣдѣнія о погодѣ; XIII) Справочный отдѣлъ; XIV) Объявленія. Въ предѣлахъ этой программы Редакція будетъ давать не только разработанныя статьи, но и мелкія замѣтки и сообщенія (текущія свѣдѣнія, по Россіи, по губерніи). Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ 2 руб., на полгода 1 руб., 3 мѣсяца 50 коп. Пробный № высылается за семикопѣечную марку. Подписку и объявленія просятъ присылать исключительно по адресу: г. Вятка. Редакція „Вятской Газеты.“ Газета выходитъ подъ редакціей предсѣдателя губернской управы *Л. Юмашева.*

Принимается подписка на 1905 годъ, на самую большую и распространенную въ Прикаспійскомъ краѣ газету.

„Астраханскій листокъ“

Газета издается по обширной програмѣ, съ хорошими иллюстраціями, подъ редакціей В. И. Склабинскаго

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя и разнообразныя общія и мѣстныя извѣстія: отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерніи и Волго-Каспійскаго района; библіографію; оригинальную и переводную беллетристику, новости наукъ и искусства новости судоходства: астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и пр. Телеграммы получаются отъ „С.-Петербургскаго“ (въ полномъ объемѣ) и „Россійскаго“ агенствъ и собственнаго петербургскаго кореспондента. Въ отдѣлѣ Торговля и Промыселъ. тщательно ведущемся даются подробныя описанія и свѣдѣнія по кредиту, рыбному, нефтяному, шерстяному, лѣсному, бондарному и пр. дѣламъ, о персидскихъ товарахъ и фрахтахъ. Объявленія изъ губерній: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской и изъ Закаспійскаго края и Кавказа, а также объявленія банкирскихъ конторъ, желѣзныхъ дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи, всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. Э Метцль и К° въ Москвѣ, на Мясницкой, въ д. Сытова. Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп. послѣ текста 10 коп. Печатающіе болѣе трехъ разъ пользуются скидкой 10 проц. Годовыя объявленія - по особому соглашенію съ конторой редакціи, съ большой уступкой.

Подписная цѣна съ пересылкою. 1 годъ—7 руб. 50 коп. 1/2 года—5 руб., 3 мѣс.—3 руб. 25 коп., 1 мѣс.--1 руб. 25 коп. Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка“, по Ахматовской улицѣ, домъ Агамжанова.

Открыта подписка на 1905 годъ 2-й годъ изданія на

„Вѣстникъ Екатеринославскаго Земства“.

Еженедѣльное изданіе Екатеринославскаго Губернскаго Земства.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ-- 2 руб., на полгода—1 руб. Подписка принимается какъ при Губернской Земской Управѣ, въ Екатеринославѣ, такъ и во всѣхъ уѣздныхъ земскихъ управахъ Екатеринославской губерніи.

Вѣстникъ издается по слѣдующей программѣ: I. Законы и распоряженія правительства. II. Дѣятельность земствъ и городовъ Екатеринославской губерніи. III. Мѣстная хроника. IV. Статьи, замѣтки и корреспонденціи по вопросамъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности земствъ и городовъ. V. Сельскохозяйственный отдѣлъ. VI. Свѣдѣнія по взаимному земскому страхованію и торгово-промышленный отдѣлъ; горная промышленность; биржевыя свѣдѣнія; торговыя извѣстія; цѣны и фрахты по свѣдѣніямъ Министерства Финансовъ; справочныя цѣны. VII. Врачебно-санитарный и ветеринарный отдѣлъ. VII. Заявленія, вопросы и отвѣты на нихъ (въ предѣлахъ программы IX. Объявленія.

Отвѣтственный редакторъ, Предсѣдатель
Екатеринославской Губернской Земской Управы *М. Родзянко.*

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Съ безплатнымъ приложеніемъ Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго собранія Правительствующаго Сената и Собранія узаконеній и распоряженій Правительства.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ рублей.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ **4** р. и къ 1-му апр. остальные **3** р. Правительственныя. Судебныя и Административныя, равно какъ общественныя и сословныя учрежденія могутъ подписываться въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы деньги (7 р.) были присылаемы въ теченіи ШЕСТИ мѣсяцевъ, но, во всякомъ случаѣ, до истеченія подписного года; лица же, служащія въ этихъ учрежденіяхъ, вправѣ подписываться чрезъ Г. Г. Казначеевъ —въ разсрочку, со взносомъ ежемѣсячно по одному рублю, каковыя деньги должны быть доставляемы въ редакцію Г. Г. Казначеями.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ 59

Программа: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія. Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, **внесшіе полную годовую плату за газету**, могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. **Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:** § 1. Сообщеніе въ „Юридической Газетѣ“, въъ отдѣлѣ Почтоваго ящика“, справокъ о резолюціяхъ **Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года**, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ **Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената** справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльномъ дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы. § 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи. § 3. Справки и порученія **по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената**, равно какъ и по всѣмъ вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), **центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ** (правительственнымъ и общественнымъ), должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго сеглашенія съ конторою редакціи. § 4. Разрѣшеніе Юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п., производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи. § 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую газету“; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстномъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе. § 6. При невзносѣ **полной** годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія запросы, и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія, указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4. могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Digitized by Google

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА II.

Февраль 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Объ атомахъ электричества.

Н. Адамовича.

Вопросъ о радіоактивности вещества и связи радіоактивныхъ явленій съ основными представленіями о строеніи матеріи за послѣднее время сталъ центральнымъ пунктомъ современной физики.

Радіоактивность составляетъ одно изъ главныхъ звеньевъ той цѣпи открытій, которыя лучами Рентгена (1895 г.) начали новую эру въ развитіи нашихъ знаній о природѣ. Вопросы, выдвинутые этими открытіями и въ частности открытіемъ радіоактивности, привлекаютъ всеобщее вниманіе не только важностью своего значенія, но и загадочностью явленій, подлежащихъ разсмотрѣнію и касающихся не одной только физики, но и всей области физико-химическихъ наукъ, состояніе которыхъ въ настоящее время нѣсколько напоминаетъ ту эпоху, когда были открыты электромагнитныя волны и выяснено сложное явленіе распространенія свѣта, но остался не разрѣшеннымъ вопросъ о простомъ свѣченіи тѣла. Такъ и замѣчательное открытіе обширной области радіоактивныхъ явленій, рѣшительно поставившихъ на очередь вопросъ о связи между энергіей и матеріей, во всякомъ случаѣ оставитъ все таки открытымъ, повидимому, еще болѣе простой вопросъ, что такое матерія (an Sich), тотъ вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго бьется, какъ рыба объ ледъ, мысль человѣческая еще со временъ Ѳалеса и Аристотеля. За двадцать слишкомъ вѣковъ, протекшихъ послѣ расцвѣта греческой философіи, появилось множество новыхъ понятій, фактовъ и гипотезъ, получившихъ свою оцѣнку, павшихъ и уступившихъ свое мѣсто новымъ; возникли идеи о дематеріализаціи матеріи—своего рода переоцѣнка богатствъ физико-химическихъ наукъ — и т. д., однако, въ основномъ вопросѣ о сущности матеріи весь прогрессъ знанія не подвинулъ человѣка ни на шагъ. Съ большою вѣроятностью можно сказать, что нѣтъ такой лабораторіи, которая бы не ставила себѣ какой либо задачи съ цѣлью уясненія той или другой стороны многочисленныхъ вопросовъ, вызванныхъ новѣйшими успѣхами въ области физики; нѣтъ такого крупнаго ума, котораго бы найденные факты не волновали своею новизною.

Это особенно справедливо отно-

сительно англійскихъ физиковъ и химиковъ. Среди общепризнанныхъ авторитетовъ можно указать ученыхъ, которые подъ давленіемъ новыхъ фактовъ и для объясненія ихъ допускаютъ парадоксальную мысль о возможности, напримѣръ, разложенія химическихъ элементовъ на еще болѣе простые виды вещества и даже превращенія ихъ въ колебанія эфира или въ электрическую энергію. Эти ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ дошли до предѣловъ, скрывающихъ за собою еще неизвѣданную область естествознанія. Имъ принадлежитъ иниціатива, благодаря которой, если и не уяснится сущность вещества, то можетъ быть обнаружатся новыя связи между ранѣе извѣстными и недавно найденными новыми формами энергіи.

Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что появленіе этихъ смѣлыхъ идей совпадаетъ со столѣтнимъ юбилеемъ атомистической теоріи, составляющей основу современныхъ знаній о природѣ. Ровно сто лѣтъ тому назадъ Дальтономъ (1766—1844) были установлены важнѣйшіе химическіе законы (законъ кратныхъ отношеній) и дано имъ объясненіе съ точки зрѣнія теоріи, которая тѣсно связала химію съ физикой и тѣмъ положила прочный фундаментъ современному естествознанію. Понятіе объ атомѣ, какъ о наименьшемъ количествѣ вещества, которое остается однимъ и тѣмъ же при всѣхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ матеріей, за истекшіе сто лѣтъ принесло неисчислимые плоды, привело теорію Дальтона къ расцвѣту и, наконецъ, какъ будто состарилось, перестало удовлетворять мысль человѣка въ стремленіи его къ объясненію новыхъ загадочныхъ явленій, даже угрожающихъ устойчивости того центральнаго положенія, которое такъ долго по праву занимало понятіе объ этомъ химическомъ индивидуумѣ. Эта опасность представляется тѣмъ серьезнѣе, что упомянутый періодъ расцвѣта нельзя еще признать законченнымъ, такъ какъ теорія химіи далеко еще не достигла того совершенства, какимъ можетъ гордиться, напримѣръ, астрономія, и поэтому за основаніе изложенія теоретической химіи пытались брать послѣдовательно то тяготѣніе, то теплоту, то, наконецъ, электричество. И когда идеи, рожденныя Фарадеемъ (1791—1867), облеченныя въ математическую форму Максвелемъ (1831 — 1879) и путемъ опыта доказанныя Герцемъ (1857 — 1894), оказались не въ состояніи объяснить химическія дѣйствія электрическаго тока, возникло новое понятіе объ *„электронѣ“*, настолько противорѣчащее общепринятымъ представленіямъ, что говорить о немъ долго считалось даже неприличнымъ для серьезнаго естествоиспытателя. Дѣйствительно, послѣ того, какъ предположеніе, высказанное Проутомъ (въ началѣ 19 столѣтія) о существованіи нѣкоторой первичной матеріи („протиля“ по Круксу) и о возможности взаимнаго превращенія химическихъ элементовъ другъ въ друга было Стасомъ (1813 — 1891) строго опровергнуто, всѣ свойства, приписываемыя нынѣ электрону, были въ глазахъ правовѣрныхъ химиковъ настоящей ересью. Что же такое электронъ, какъ возникло понятіе о немъ и какова его роль въ современной наукѣ?

Подъ именемъ электрона понимается нѣкоторое опредѣленное количество электричества, связанное съ атомомъ или даже съ меньшимъ количествомъ вещества, чѣмъ атомъ. Понятіе объ электронѣ возникло при разсмотрѣніи химическихъ явленій, вызываемыхъ дѣйствіемъ электрическаго тока (электролиза). Стоней (Iohnston Stoney), который ввелъ въ науку это названіе, видитъ въ электронѣ какъ бы атомъ электричества и, по мнѣнію Гельмгольца, въ явленіяхъ электролиза по отношенію къ электричеству онъ играетъ ту же роль, какая въ явленіяхъ химическихъ по отношенію къ матеріи

принадлежитъ атому *). Такими словами можно отвѣтить на вышепоставленные вопросы. Но этотъ отвѣтъ по своей краткости ничего не говоритъ о томъ значеніи, которое имѣетъ гипотетическій атомъ электричества въ объясненіи очень многихъ явленій и въ обоснованіи выводовъ, полученныхъ благодаря открытіямъ, сдѣланнымъ за послѣднее время въ области физико-химическихъ знаній и приведшихъ къ понятію о томъ явленіи, которое можно назвать дематеріализаціей вещества.

Для выясненія научнаго значенія электрона припомнимъ общеизвѣстный фактъ, что при прохожденіи электрическаго тока черезъ химически сложныя жидкости (электролиты) продукты (въ количествахъ химически эквивалентныхъ) происходящаго при этомъ разложенія этихъ жидкостей переносятъ съ собою и выдѣляютъ на электродахъ одинаковыя количества электричествъ (Законы Фарадея).

Существуетъ предположеніе, что такой же процессъ распада сложной частицы происходитъ и при прохожденіи тока черезъ сильно разрѣженные газы. По мнѣнію Фарадея, подъ дѣйствіемъ тока молекулы электролита, напримѣръ, воды, распадаются на двѣ части: одну—водородъ, заряженную положительно, а другую — кислородъ, заряженную отрицательно. Продуктамъ разложенія Фарадей далъ названіе іонъ (съ греческаго значитъ идущій). Отсюда ясно, что каждый іонъ какъ бы связанъ съ опредѣленнымъ количествомъ электричества, вслѣдствіе чего онъ и движется къ электроду, наэлектризованному противоположнымъ съ нимъ электричествомъ, и отдаетъ ему свой зарядъ. Если назвать массу іона черезъ m (въ граммахъ), а зарядъ, сообщаемый имъ электроду, черезъ e (въ абсолютныхъ электромагнитныхъ единицахъ *), то отношеніе $\frac{m}{e}$, называемое электро-химическимъ эквивалентомъ, напримѣръ, для водорода въ круглыхъ числахъ равно $^1/_{10.000}$. Иными словами, это значитъ, что одинъ граммъ водорода, выдѣляясь на катодѣ, отдаетъ ему 10.000 (или 10^4) единицъ (абсолютныхъ) электричества. Отсюда, зная, что масса одного атома водорода равна части грамма, выражающейся дробью, у которой въ числителѣ стоитъ единица, а въ знаменателѣ единица съ 25 нулями (или 10^{-25}), находимъ, что зарядъ, имъ переносимый, равняется $10^4 \times 10^{-25}$ или 10^{-21} абсолютныхъ электромагнитныхъ единицъ. Этотъ зарядъ іона разсматривается какъ наименьшее количество электричества, присущее отдѣльнымъ атомамъ. Это и есть электронъ. О величинѣ этого заряда можно судить по тому, что по угольку обыкновенной 16-свѣчной электрической лампы накаливанія въ каждую секунду пробѣгаетъ число электроновъ, выражаемое цифрою 5 съ восемнадцатью нулями.

Происходящая при электролизѣ передача іонами ихъ зарядовъ заставляетъ предположить, что эти заряды, т. е. электроны, въ теченіе нѣкотораго промежутка времени могутъ существовать независимо отъ матеріи. Движеніемъ электроновъ, въ однихъ случаяхъ свободныхъ, а въ другихъ — связанныхъ съ матеріей, объясняются, напримѣръ, катодные лучи, явленія Зеемана, проводимость газовъ, радіоактивность и другія.

Главныя свойства катодныхъ лучей состоятъ въ томъ, что они, встрѣчая на своемъ пути какое нибудь тѣло, вызываютъ образованіе значительнаго количества тепла, а въ пространствѣ, окружающемъ труб-

*) Гельмгольцъ высказалъ это мнѣніе въ своей знаменитой фарадеевской рѣчи, произнесенной имъ 5 апрѣля 1881 года въ Лондонѣ во время чествованія памяти Фарадея.

*) Одна абсолютная электромагнитная единица количества электричества равна 10 кулонамъ и выражается произведеніемъ изъ силы тока на время его существованія.

ку, — тѣ радіаціи, которыя называются лучами Рентгена или, въ случаѣ ихъ полученія отъ радіоактивныхъ веществъ, — лучами γ. При этомъ стекло трубки, въ которой они получаются, сильно флюоресцируетъ. Слѣдовательно, лучи Рентгена, или, что тоже, γ—лучи, не могутъ быть разсматриваемы, какъ потокъ электроновъ. Они скорѣе представляютъ собою происходящія въ эфирѣ электромагнитныя пертурбаціи, обусловливаемыя потерею катодными лучами свойственной имъ электромагнитной энергіи или, проще сказать, разрушеніемъ ихъ. Свѣтовые лучи также разсматриваются, какъ пертурбаціи въ эфирѣ, но послѣднія отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что въ свѣтовыхъ лучахъ эти возмущенія представляются въ видѣ продолжительнаго колебательнаго движенія, а въ лучахъ Рентгена они *не имѣютъ* той правильности, какъ свѣтовые лучи, и поэтому быстро затухаютъ.

Далѣе, катодные лучи обладаютъ способностью производить механическое дѣйствіе, — напримѣръ, приводить въ движеніе легкія подвижныя системы, расположенныя соотвѣтственнымъ образомъ. Наконецъ, они оказываются заряженными и слѣдовательно равнозначущими электрическому току, что и обнаруживается подчиненіемъ ихъ воздѣйствію магнита. Многими опытами было доказано, что этотъ катодный потокъ также не имѣетъ свойствъ, приписываемыхъ лучамъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, какъ свѣтовые. Катодные лучи представляютъ собою стремительный потокъ какихъ-то матеріальныхъ частичекъ, заряженныхъ отрицательнымъ электричествомъ, о чемъ можно судить по той громадной скорости, съ которой они отдѣляются отъ катода. Скорость ихъ движенія достигаетъ 60.000 километровъ въ секунду. Для объясненія столь огромной величины ея пришлось предположить, что катодные лучи состоятъ изъ частичекъ гораздо меньшихъ, чѣмъ обыкновенные атомы. Отношеніе между зарядомъ каждой частицы въ катодномъ потокѣ и ея массой равно $1{,}8 \times 10^7$. Важное значеніе этихъ данныхъ выясняется при сопоставленіи ихъ съ Беккерелевскими лучами (урана, торія, радія), которые такъ же, какъ и катодный потокъ, не представляютъ собою лучей въ точномъ смыслѣ этого слова, а—явленія крайне сложныя и во всякомъ случаѣ, отличающіяся отъ явленій свѣта и лучистой теплоты. Изъ трехъ группъ лучей, испускаемыхъ радіемъ, лучи β оказались совершенно подобными катодному потоку, и отношеніе между зарядомъ и массою каждой изъ частицъ, составляющихъ β — лучи, выражается величиною того же порядка, т. е. 10^7. Обратимъ еще вниманіе на слѣдующіе два факта.

Во-первыхъ, извѣстно, что при освѣщеніи отрицательно заряженнаго тѣла ультрафіолетовыми лучами, съ поверхности его происходитъ быстрое выдѣленіе матеріальныхъ частичекъ, и одновременно съ этимъ замѣчается потеря тѣломъ его заряда. Томсонъ опредѣлилъ отношеніе величины заряда, какъ бы увлекаемаго каждою частицею къ ея массѣ, и нашелъ также число порядка 10^7.

Во-вторыхъ, накаленная въ водородѣ угольная нить при заряженіи ея отрицательнымъ электричествомъ постепенно теряетъ свой зарядъ, что сопровождается отдѣленіемъ отъ нити частичекъ, для которыхъ отношеніе заряда каждой частицы къ ея массѣ опять выражается числомъ того же порядка—10^7.

Еще болѣе важные результаты дало изученіе явленія Зеемана (открытаго въ 1897 г.), состоящаго въ томъ, что въ сильномъ магнитномъ полѣ качество свѣта, испускаемаго накаленными парами какого либо металла, измѣняется, именно: спектральныя линіи пара подъ вліяніемъ магнитнаго поля удваиваются или утраиваются. Это явленіе становится

объяснимымъ только въ томъ случаѣ, если разсматривать атомъ, согласно теоріи Лорентца, состоящимъ изъ двухъ частей — сравнительно большого ядра, заряженнаго положительно, и очень маленькой частички, заряженной отрицательно. Изъ данныхъ опыта Томсонъ опредѣлилъ какъ массу, такъ и зарядъ послѣдней и нашелъ, что зарядъ ея равняется заряду электрона, а масса— въ 1800 разъ меньше атома водорода.

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ можно заключить, что во 1-хъ совпаденіе результатовъ, полученныхъ путемъ изслѣдованія совершенно различныхъ явленій, указываетъ на ихъ связь съ природою отрицательнаго элекричества.

Во 2-хъ, возможно существованіе массъ меньшихъ, чѣмъ атомы, и наконецъ, возникаеть вопросъ, не представляются ли эти субатомныя матеріальныя частицы непосредственно электронами, т. е. атомами электричества, которые въ извѣстныхъ случаяхъ отрываются отъ матеріи, теряютъ ея свойства и существуютъ самостоятельно.

Эти парадоксальныя идеи, высказанныя крупнѣйшими современными авторитетами, какъ Круксъ, Стоней, Лоджъ, Томсонъ, Лорентцъ и др., совершенно не соотвѣтствуютъ установившимся въ физикѣ и химіи понятіямъ. Дѣйствительно, на первый взглядъ трудно примириться съ разсужденіемъ, которое даетъ названіе электрона какъ отщепляемой вещественной массѣ, такъ и невещественному ея заряду. Однако, многіе опыты устраняютъ это противорѣчіе, такъ какъ они говорятъ въ пользу допущенія только *кажущейся* (т. е. электромагнитной) массы электрона, инерція котораго, какъ главнѣйшее свойство матеріи, отождествляется съ инерціей электрическаго тока, обнаруживаемой самоиндукціей. Оказывается, что не — матеріальные электроны при движеніи могутъ пріобрѣтать нѣкоторыя свойства обыкновенной матеріи. Напримѣръ Хивизайдъ показалъ, что при быстромъ движеніи электроновъ силовыя линіи около нихъ должны сгущаться, а слѣдовательно ихъ электромагнитная инерція должна возрастать; поэтому и кажется, что масса электрона становится больше.

Въ силу того, что электроны отдѣляются отъ матеріальныхъ атомовъ, и возникла попытка создать новое химическое міросозерцаніе, которое можно выразить образно, уподобляя атомы небеснымъ свѣтиламъ. Какъ изъ нихъ слагаются системы, подобныя солнечной, такъ и атомы составляются изъ электроновъ, дѣйствіе которыхъ въ большомъ числѣ производитъ ощущеніе реальной массы. Такимъ образомъ вся матерія получаетъ электромагнитный характеръ, и единственной реальной сущностью является электричество. Поэтому если не всѣ, то многія электрическія явленія съ этой точки зрѣнія могутъ быть разсматриваемы, какъ проявленія того процесса, который выше названъ дематеріализаціей вещества. Дѣйствительно, согласно электронной гипотезѣ строенія вещества, электрическіе атомы составляютъ какъ тѣ устойчивыя системы, которыя называются химическими элементами, такъ и тѣ агрегаты, распадъ которыхъ наблюдается въ радіоактивныхъ явленіяхъ, обнаруживающихъ рядъ лучей, называемыхъ α, β, γ, непрочныя эманаціи и даже переходъ ихъ спектра въ спектръ гелія. Согласно электронной гипотезѣ строенія вещества, атомы химическихъ элементовъ разсматриваются какъ системы, которыя состоятъ изъ различнаго числа и различнаго расположенія парныхъ группъ положительныхъ и отрицательныхъ электроновъ и поэтому представляются электрически нейтральными. Затѣмъ, когда отрицательные электроны, какъ болѣе подвижныя части атома, подъ вліяніемъ какого либо дѣятеля, — напримѣръ, электрическаго

тока или ультрафіолетовыхъ лучей, отдѣляются отъ іона, то остающаяся часть заряжается положительно, что дѣйствительно и наблюдается въ электролизѣ и лучахъ радія. Ясно, что химическія свойства элементовъ опредѣляются природою атомовъ, составляющихъ эти элементы. Пока ихъ атомы не расщепляются на меньшія части, измѣненіе свойствъ простыхъ тѣлъ не мыслимо. Распаденіе же атомовъ совершенно лишаетъ получающіеся продукты всѣхъ свойствъ того простого тѣла, которому они принадлежатъ.

Съ излагаемой точки зрѣнія въ радіоактивныхъ веществахъ и происходитъ такое самопроизвольное, т. е. безъ видимой и понятной причины, расщепленіе атомовъ на еще болѣе мелкія части (іонизація). Отъ нихъ отрываются отрицательные электроны, устремляются въ пространство съ необычайною скоростью и образуютъ потокъ лучей β. Оставленныя электронами тяжелыя части атомовъ заряжаются вслѣдствіе этого положительно и образуютъ собою лучи α или, что тоже, закатодные лучи Гольдштейна. Они движутся со скоростью въ сто или двѣсти разъ меньшею, чѣмъ электроны, почему ихъ способность проникать черезъ тѣла значительно слабѣе, чѣмъ у лучей β. Этой разностью въ скоростяхъ отрицательныхъ электроновъ и положительныхъ частицъ и объясняется также неравномѣрное распредѣленіе матеріальнаго потока, наблюдающееся въ Гейслеровыхъ трубкахъ (съ сильно разрѣженнымъ пространствомъ), когда черезъ нихъ проходитъ электрическій токъ, каковая неравномѣрность и обнаруживается глазомъ въ видѣ темнаго катоднаго пространства. Отношеніе заряда частицъ, составляющихъ лучи α, къ массѣ ихъ въ точности равно такому же отношенію для іона водорода, получаемаго при электролизѣ, т. е. 10^4. Слѣдовательно, лучи α представляютъ собою не что иное, какъ потокъ электролитическихъ іоновъ, которые появляются при расщепленіи молекулъ электролита. Хотя оба явленія имѣютъ сходныя черты, но въ то же время между ними есть и существенная разница. При электролизѣ затрачивается опредѣленное количество электрической энергіи въ видѣ тока, и продукты электролиза, т. е. іоны, сохраняютъ всѣ свойства тѣхъ веществъ, которыя входятъ въ составъ электролита. Такъ, электрически нейтральное вещество, какъ вода, при прохожденіи черезъ нее тока разлагается на свои составныя части, заряженныя электричествомъ противоположныхъ знаковъ. Въ радіоактивныхъ же явленіяхъ не наблюдается ничего подобнаго. Радій, излучая различныя радіаціи, обладающія также разноименными зарядами, при этомъ процессѣ не только не затрачиваетъ какой либо понятной для насъ энергіи, но еще самъ непрерывно даетъ громадное количество тепла, которое можетъ одинъ граммъ воды въ теченіе часа нагрѣть отъ 0^0 до температуры кипѣнія. Такимъ образомъ эти радіаціи являются носителями одновременно и матеріи (тончайшее летучее вещество въ явленіяхъ эманаціи, названное Рамзаемъ *„эксрадіо“*), и энергіи (тепловое дѣйствіе радія и механическая энергія катоднаго потока)

Не безынтересно здѣсь указать, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было сдѣлано предположеніе о существованіи тѣсной связи между явленіями іонизаціи и наведенной или, какъ теперь говорятъ, сообщенной радіоактивности (Comptes Rendus. 1904. t. 139. 28 ноября; № 22. Sarasin, Tommasina et Michel. Sur la genèse de la radioactivite temporaire). Авторы этого предположенія изслѣдовали извѣстное уже нашимъ читателямъ явленіе Эльстера и Гейтеля (См. 1904. г. въ октябрьской книгѣ стр. 473) и состоящее въ томъ, что проводники, наэлектризованные

отрицательно, подъ вліяніемъ атмосфернаго воздуха пріобрѣтаютъ наведенную радіоактивность.

Пріобрѣтеніе тѣломъ сообщенной радіоактивности по ихъ мнѣнію обусловливается поглощеніемъ, а можетъ быть даже простымъ прилипаніемъ къ нему продуктовъ, образующихся во время іонизаціи воздуха. Съ другой стороны, проявленіе веществомъ радіоактивности они объясняютъ потерею черезъ непрерывное излученіе свойственной ему эманаціи, вызывающей въ свою очередь іонизацію воздуха или какого либо другого газа.

О дальнѣйшей судьбѣ продуктовъ распада атомовъ нельзя ничего опредѣленнаго сказать. Лебономъ было высказано мнѣніе, что, можетъ быть, они то и даютъ ту среду возмущенія, которой обусловливаются всѣ электрическія и свѣтовыя явленія, т. е. эфиръ.

Въ чемъ заключается тотъ процессъ, который служитъ продолженіемъ разсматриваемой диссоціаціи вещества, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Лебона, ея продукты представляютъ собою тотъ промежуточный міръ, который лежитъ на границѣ обыкновенной формы матеріи и эфира и такимъ образомъ заполняетъ собою пропасть, раздѣлявшую такъ долго эфиръ и матерію. Дѣйствительно, въ указанныхъ выше случаяхъ наблюдаются моменты, когда обыкновенное вещество теряетъ свойства, присущія вѣсомой матеріи, какъ—инерцію и способность къ образованію химическихъ соединеній, и частицы его пріобрѣтаютъ скорости, выходящія далеко за предѣлы молекулярныхъ скоростей, обнаруживаемыхъ въ легчайшихъ газахъ, при чемъ и сама инерція является функціей скорости и какъ бы ею создается. Это совершенно не соотвѣтствуетъ понятію объ инерціи обыкновеннаго вещества. (Инерція вещества при неизмѣнности массы представляется величиною постоянною и не зависящею отъ состоянія этого вещества).

Предположеніе Лебона пока еще представляется настолько смѣлымъ и мало обоснованнымъ, что оно едва ли скоро дождется экспериментальной мотивировки. Чтобы убѣдиться, однако, что это не совсѣмъ безпочвенная фантазія, можно привести взгляды, высказанные года два тому назадъ такими учеными, какъ Сванте Арреніусъ (Стокгольмъ) и Шарль Вернонъ Бойсъ (Лондонъ). Эти ученые указали, что радіоактивныя явленія распространяются далеко за предѣлы маленькой земли и могутъ быть наблюдаемы въ между-планетномъ пространствѣ, гдѣ нельзя предположить присутствія ничего другого, кромѣ міроваго эфира.

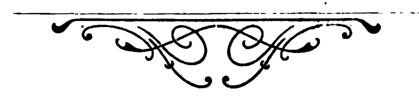
Арреніусъ въ своемъ изслѣдованіи о причинахъ полярныхъ сіяній высказываетъ гипотезу, что солнце непрерывно испускаетъ катодные лучи, попадающіе въ атмосферу земли, гдѣ, подъ вліяніемъ земного магнитизма, образуется могучій потокъ электроновъ по направленію отъ экватора къ полюсамъ. Достигая послѣднихъ, электроны образуютъ въ разрѣженныхъ слояхъ атмосферы свѣтовыя явленія, которыя совершенно подобны эффектамъ, наблюдаемымъ въ Гейслеровыхъ трубкахъ, и называются сѣвернымъ сіяніемъ. Существованіемъ такихъ же потоковъ электроновъ объясняется солнечная корона и магнитныя бури на землѣ. Та-же электронная гипотеза положена Бойсомъ въ основаніе разсужденія, послужившаго предметомъ рѣчи, сказанной на послѣднемъ конгрессѣ „Британской ассоціаціи для развитія наукъ“. Въ своей рѣчи Бойсъ говоритъ о тѣхъ вѣчныхъ странникахъ междупланетнаго пространства, которые отъ времени до времени появляются въ области, доступной для обозрѣнія съ земли, и называются кометами. Послѣднія съ древнихъ временъ вызывали большой

интересъ и стояли загадкой передъ людьми всѣхъ вѣковъ, не рѣдко внушая имъ суевѣрный страхъ. Тѣмъ не менѣе астрономія до сихъ поръ не можетъ сказать ничего опредѣленнаго ни о веществѣ кометъ, ни о своеобразныхъ явленіяхъ, ихъ характеризующихъ—таинственномъ сіяніи кометныхъ хвостовъ, какъ бы отталкиваемыхъ какою то силою, исходящею отъ солнца, о капризномъ изгибѣ ихъ, о раздѣленіи на двѣ и даже три части и, наконецъ, о той громадной скорости, съ которой гипотетическое вещество, выбрасываемое ядромъ, летитъ въ хвостѣ кометы.

По мнѣнію Бойса, приближеніе кометы къ солнцу вызываетъ дѣятельность какой-то радіоактивной матеріи, входящей въ составъ кометы, и сообщаетъ ей ту энергію, благодаря которой она даетъ потокъ радіацій, обладающихъ скоростью, только въ двѣнадцать разъ меньшею скорости свѣта. Вещество этихъ радіацій обладаетъ ничтожною массой, но вполнѣ опредѣленнымъ зарядомъ; при наличности его достаточно предположить на солнцѣ сравнительно слабый зарядъ (одну электростатическую единицу на каждые три квадратныхъ сантиметра его поверхности), чтобы получить то отклоненіе лучей, которое наблюдается въ кометныхъ хвостахъ, ихъ сіяніе и т. п. Въ зависимости отъ природы и скорости лучей, испускаемыхъ кометнымъ ядромъ, получаются различныя формы и направленія хвостовъ, ихъ раздвоеніе и т. д. Вслѣдствіе возрастанія скорости электроновъ, когда комета приближается къ солнцу, излученіе настолько увеличивается, что свѣченіе хвоста достигаетъ той же яркости, какъ и ядро кометы. Съ удаленіемъ ея отъ солнца скорости убываютъ, свѣченіе становится все слабѣе и, наконецъ, на извѣстномъ разстояніи отъ солнца становится для земли совсѣмъ невидимымъ.

Изъ этихъ примѣненій электронной гипотезы къ объясненію явленій природы съ новой точки зрѣнія— можно заключить, что она пока не находится въ противорѣчіи съ общепринятыми взглядами на электрическія явленія, обусловливаемыя исключительно средою, такъ какъ всѣ они совершаются не въ электронѣ, а въ эфирѣ, окружающемъ его. Конечно, электронная гипотеза имѣетъ и слабыя стороны; тѣмъ не менѣе, хотя она, допуская сложность элементовъ и дѣлимость атомовъ, и не вноситъ никакихъ особыхъ упрощеній въ пониманіе вещества и явленій природы, но она расширяетъ область естествознанія, и потому ей надо поставить въ заслугу попытку къ объединенію всѣхъ видовъ матеріи, къ чему, можетъ быть, не безнадежно давно стремится наука.

Н. Адамовичъ.

Робинзоны.

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ОБЪ ОКРАИНАХЪ).

М. Первухина.

— Мы съ вами—Робинзоны!

— Какимъ образомъ, сосѣдъ?

— Да-съ, всеконечные Робинзоны Крузо, выкинутые на необитаемый островъ!

— Какимъ образомъ? Ваша мысль для меня не ясна. Растолкуйте.

Мой собесѣдникъ медленно, точно священнодѣйствуя, встаетъ съ уличной лавочки, на которой мы проводимъ, кейфуя, послѣобѣденное время дышащаго зноемъ бѣлесаго, словно выцвѣтшаго, поблѣднѣвшаго отъ зноя іюньскаго дня, отходитъ на два шага, становится на краю досчатаго щелистаго троттуара, касаясь носками неуклюжихъ огромныхъ рыжихъ штиблетъ шуршащей, хрупкой, разсыпающейся въ пыль, сожженной солнцемъ чахлой травы обочинъ, театральнымъ жестомъ протягиваетъ правую руку съ огромнымъ перстнемъ американскаго золота впередъ, по направленію къ морю домовъ громоздящагося въ низинѣ города, и возглашаетъ:

— Тамъ—Европа-съ! Тамъ—цивилизованная жизнь. А здѣсь? Здѣсь—необитаемый островъ. То есть, обитаемый, но... Но обитаемый дикарями. А среди ихъ мы съ вами, Викторъ Сергѣичъ, два Робинзона. Вотъ что! Однако, мнѣ пора! О-ревуаръ! До пріятнаго свиданія!

— Куда Вы? На службу?

— Вотъ еще! Пусть она того не дождется, эта служба! Пусть она лопнетъ, раньше чѣмъ я еще по вечерамъ ходить буду! Еще чего недоставало? Тамъ и такъ сгніешь за тридцать пять въ мѣсяцъ. Пропади она пропадомъ! Нѣтъ, я не того... Просто, знаете, тутъ неподалеку есть трактирчикъ одинъ съ билліардомъ. Раньше назывался „Самаркандомъ". Теперь, по моему совѣту, Нилъ Карповичъ перекрестилъ въ „Трансвааль". Конечно, настоящихъ интеллигентовъ нѣтъ, но все же... По крайней мѣрѣ нѣтъ такихъ зулусовъ, какъ здѣсь, на нашемъ переулкѣ... Мы каждый вечеръ тамъ собираемся. Сразимся на бутылку пива. За часъ—тридцать копѣекъ. Всетаки, культурнымъ образомъ проводимъ время... Кстати, я долженъ передъ вами извиниться: виноватъ-съ, виноватъ-съ! Пардонъ, милль-пардонъ...

— Это почему-же?

— Да изъ-за вчерашняго. Вы вчера только перебрались къ намъ, и вдругъ, съ перваго абцуга—карамболь... Мнѣ говорили, что я вчера того... Нашумѣлъ немного... Какъ говорится, всю пирамидку—раскаталъ... Знаете, такое настроеніе... Разсердили меня... Пришелъ домой,

зло меня взяло... Ну, погорячился немного... Такъ вы ужъ извиняйте. Парольдонеръ, это не повторится. Какъ интеллигентъ интеллигенту! Вашу руку! О-ревуаръ-съ... А то, можетъ быть, и вы бы со мною?

— Куда это?

— Да въ „Самаркандъ". Тьфу, на зубахъ старое названіе вязнетъ... Хотѣлъ сказать—въ „Трансвааль"... Сразиться на билліардикѣ? Нѣтъ? Не смѣю настаивать. Многіе отвращеніе питаютъ. Между прочимъ, преполезная штука. Кровь полируетъ, застой разгоняетъ, мускуламъ упражненіе. И времяпрепровожденіе...

Еще разъ пожавъ мнѣ руку, „Робинзонъ Крузо" торжественно удаляется. Онъ идетъ медленно, какою то особенною, характерною походкою, эластично присѣдая на тощихъ, длинныхъ, костлявыхъ ногахъ. Голову онъ несетъ какъ то горделиво вверхъ, немного склонивъ ее на бокъ. Лѣвая рука въ безконечно затрепанной коричневой нитяной перчаткѣ описываетъ круги по воздуху, правая запрятана въ карманѣ пиджака вмѣстѣ съ головкою тоненькой измызганной тросточки. Плечи, худыя и костлявыя, какъ то воинственно приподняты. Встрѣчный вѣтерокъ развѣваетъ концы артистически повязаннаго галстуха изъ голубого съ бѣлыми горошками шелка и концы жидкихъ, но длинныхъ, явнымъ образомъ подкрашенныхъ усовъ. Вся фигура „Робинзона" производитъ странное, рѣжущее глазъ впечатлѣніе. Какъ то не вяжется эта длинная, тощая фигура, этотъ затрепанный, затасканный, старомодный, но явно бьющій на щегольство костюмъ, эта походка не то кавалериста, не то бульвардье, не то лихого бреттера—съ глухимъ окраиннымъ переулкомъ, съ тесовыми крышами старыхъ домишекъ, съ маленькими подслѣповатыми окнами ихъ, съ блѣдно голубымъ лѣтнимъ небомъ, эмаль котораго чертятъ смѣло крылами стаи занятыхъ какими-то суетливыми хлопотами ласточекъ...

— Робинзонъ! Робинзонъ!..—мелькаетъ у меня мысль,—человѣкъ, который всю жизнь живетъ на окраинахъ и всю жизнь чуждъ имъ...

И я невольно вспоминаю извиненія моего новаго знакомца, окраиннаго Робинзона, иначе — Сергѣя Сергѣича Готовцева, моего сосѣда по недавно мною отысканной въ глухомъ переулкѣ квартирѣ.

— Такъ это онъ вчера дебоширилъ? Ну, пай—мальчикъ... Скромно признается: „я вчера нашумѣлъ немного"...

А я думалъ, что дѣло кончится кровавою трагедіею съ вмѣшательствомъ полиціи, съ финаломъ въ судѣ...

Вчера, часовъ около десяти, въ комнатѣ, отдѣленной отъ моей комнаты только жиденькою перегородкою, шелъ такой громкій разговоръ, каждое слово котораго было слышно мнѣ. Словно прямо надъ ухомъ моимъ говорили...

— Эй, ты... Тварь! — грохоталъ чей то голосъ,—не видишь, что съ меня калошки снять надо? Ты, подлянка... Мѣсто свое забыла? Сидитъ за столомъ, какъ барыня! Ахъ, ты...

— Маменька. Да что вы ее съ собой посадили? Маменька! Какъ, вы, благородная, и вдругъ—за одинъ столъ?!. И кого же? Господи! Ты видишь, ничего не скажешь... Маменька! Да гдѣ же благородство ваше? Да гдѣ же гуманитарность? Интеллигенція? Ну, вы доброта воплощенная. Это такъ! И сердце у васъ доброе. Согласенъ! Н-но... Всякъ сверчокъ свой шестокъ... Потому, кто она, маменька? Фроська: сейчасъ отвѣчай: кто ты? Какимъ образомъ? Сейчасъ отвѣчай!

— Да будетъ вамъ, Сергѣй Сергѣичъ. И что вы, право?!—слышится безконечно - терпѣливый, усталый женскій голосъ.

— Какъ будетъ? Я только началъ, а по твоему уже—будетъ? Сергѣй

Готовцевъ двухъ словъ не сказалъ, а по твоему — будетъ? Маменька! Молчите! Я вашу гуманитарность знаю. Но я воспрещаю вамъ... Потому... Не время! Она должна знать свое мѣсто. Кто она и кто мы? Ты свое мѣсто знаешь, Фроська? Ты кто? Во-первыхъ, мѣщанка. Такъ? Во-вторыхъ, изъ подкидышнаго дома. Ни роду, ни племени... Такъ или не такъ?

— Да такъ, такъ!

— Этого мало. Ты развѣ женщина? Нѣтъ, ты отвѣчай: сколько у тебя содержателей было? А? По пальцамъ —перечтешь? Ага! Не хватитъ пальцевъ. Вотъ что! Этого мало. Теперь ты... какую роль играешь? У насъ, у нашего домашняго очага? У честнаго домашняго очага? Молчишь? Ты отвѣчай! Сейчасъ отвѣчай. Ты содержанка моя?

— Ну, содержанка!

— Ты наложница моя? Отвѣчай: иначе... моррду...

— Ну, наложница. Да Богъ съ вами, Сергѣй Сергѣичъ... И что съ вами сегодня?

— Ты моя тряпка? Захочу, пыль вытру; захочу, грязь оботру. Захочу —выкину. Что же ты молчишь? Говори: тряпка ты?

— Ну, согласна. На все согласна...

— На чорта мнѣ твое согласіе? Начхать я на него хотѣлъ! Вотъ что! А ты сознавайся: ты — моя тряпка?

— Ну, Богъ съ вами. Когда такъ, пусть—тряпка.

— Грязная тряпка?

— Ну, грязная тряпка.

— Такъ какъ же ты осмѣлилась? Маменька! Развѣ не обидно? Я вхожу, трахъ—за однимъ столомъ... Благородная женщина, которая въ институтѣ была, съ которою князья танцовали... И рядомъ — кто же? Маменька, маменька! Да, вѣдь, за это растерзать можно. У-у. Ты, гадина! Тварь подлая... Ты мнѣ помни: если еще подобное... Убью...

— Чай будете пить?— прерываетъ спокойно устало тотъ же женскій голосъ ламентаціи разбушевавшагося героя.

— Чай? Сахаръ есть?—слышится его отвѣтъ.

— Сахару достала! Колечко продала сегодня. Рубль шесть гривенъ дали...

— Колечко? Это которое? Что тебѣ какой-нибудь твой обажэ поднесъ?

— А завтра на стирку сосѣди звали. Орѣховы. Обѣщали деньги впередъ дать. А хозяинъ за деньгами дворника прислалъ. Говоритъ, если не заплатите, выкину...

— Жуликъ! Эксплоататоръ! Всѣхъ бы ихъ, жуликовъ, поперевѣшать! А ты ему что?

— А я что же? Продала полушалокъ дворничихѣ, отдала шесть рублей. Теперь за нами еще восемь остается...

— На васъ не настачишься! Ну, давай чаю...

На полъ часа все стихло. Буянъ угомонился. По временамъ даже слышался монотонный напѣвъ. Та, которую звали Фросей, повидимому, утихомиривъ своего обладателя и повелителя, присѣла шить и за шитьемъ запѣла. По временамъ ея голосъ звучалъ громче, чѣмъ жужжаніе колеса швейной машины, по временамъ за гуломъ колеса ея пѣнія не было слышно.

Черезъ полъ часа, однако, снова послышался громкій мужской голосъ, и снова рядъ ругательствъ, попрековъ, издѣвательствъ по адресу безотвѣтной Фроси.

— Маменька! Вотъ, вы заступаетесь за этого аспида. За саламандру! Ахъ, тварь, тварь подлая... А какъ она меня скомпрометировала, маменька! Ахъ, какъ она меня скомпрометировала! Весь городъ знаетъ. На базарѣ знаютъ. Я на билліардѣ сражался, партнеръ ехидно такъ говоритъ мнѣ: а какъ ваша Дульцинея поживаетъ? Можно ей платки въ стирку отдать?

— Вы это понимаете, маменька! Мнѣ, благородному человѣку? Интелли-

генту? Каково? Какъ это вамъ понравится, маменька?... А потомъ маркеръ Сенька. Подлая харя!.. Онъ такъ прямо и выпалилъ:

„Мы говоритъ, слышали, что Сергѣй Сергѣичъ на оной самой Ефросиньѣ законнымъ бракомъ собирается... Какъ онъ, говоритъ, задолжалъ ей жалованье, а расплатиться нечѣмъ“...

— Вы это слышите, маменька? Каково? Нѣтъ, какъ это вамъ понравится? Опять же, встрѣтился съ Сурковымъ Африканъ-Африканычемъ. То, да се.—Вотъ, говоритъ, посваталъ бы васъ. На всю жизнь обезпеченіе. Ѣшь, пей, ничего не дѣлай. И маменькѣ вашей полный покой. До гробовой доски...

— Зачѣмъ, говорю, дѣло стало? Сватайте!

— Да какъ же, говоритъ, васъ сватать? Вѣдь, у васъ какая-то дѣвушка есть?

— Что же, что есть?

„Да та дама, которую я бы вамъ посваталъ, опасеніе имѣетъ. Потому, теперь какое время? На Московской улицѣ было такъ: которая брошенная, пришла, да кислотою... Прямо невѣстѣ въ физіономію.

— Ну, говорю, я мою Фроську въ струнѣ держу. Не посмѣетъ!

„А моя довѣрительница все же опасается. Вдругъ, говоритъ, на грѣхъ мастера нѣтъ. Никакой гарантированности... Нѣтъ, говоритъ, мнѣ бы пріятнѣе имѣть дѣло съ человѣкомъ, который совсѣмъ самостоятельный. А то что же за удовольствіе? Или, опять же: поѣдемъ, говоритъ, вѣнчаться, а ваша симпатія —скандалъ? Нѣтъ, говоритъ, дѣло не пойдетъ. А мнѣ, говоритъ, было бы пріятно, если бы Сергѣй Сергѣичъ былъ самостоятельный. Потому, и благородный, и опять же съ образованіемъ, и при мѣстѣ... И служба казенная: фуражку носить дозволяется. Съ околышемъ, съ гербомъ. Съ кокардою...

— Слышите, маменька? Это Африканъ Африкановичъ говорилъ...

— Такая меня злость схватила... Думалъ, и домой не доберусь! Думалъ, разрывъ сердца будетъ... Господи ты Боже мой! За что, спрашивается? Ну, унизилъ я себя, связавшись съ этой саламандрою... Такъ развѣ за это можно такъ тяжко карать?

— Маменька! Вотъ, вы молитесь все. Вы поклоны бьете все. Видно, ваши молитвы не доходятъ... Потому, если бы доходили, развѣ такъ унизился бы? Ахъ, Господи...

— Не гнѣви Бога, Сереженька.

— Видно вы сами, маменька, Господа Бога прогнѣвили! А на мнѣ отражается. А тебѣ, гадина, такъ это даромъ не пройдетъ. Я тебѣ, саламандра...

— Чаю еще налить?

— Что? Чаю? Чаю—налей. Да покрѣпче. А то Кронштадтъ видно...

Ночью, часа въ два, сосѣдъ мой опять бушевалъ.

Я слышалъ его возгласы:

— Убить тебя мало. Тряпка! Грязная тряпка! Тварюга ты! Вотъ что. Зарѣзать тебя мало! Ахъ, подлая, подлая!..

Потомъ все стихло.

Утромъ въ узенькомъ корридорчикѣ я встрѣтилъ средняго роста скромно одѣтую и жавшуюся къ стѣнѣ женщину. Издали она мнѣ показалась старухою, но, присмотрѣвшись къ ней ближе, я увидѣлъ, что она, въ сущности, еще молода: только тяжкая жизнь наложила на нее свою грозную, безпощадную руку, стерла краску съ лица, изрѣзала морщинами лобъ, отняла блескъ отъ глазъ, изсушила грудь, выпила кровь изъ жилъ. И на ея костюмѣ эта жизнь отразилась: ничего яркаго, ничего кричащаго... Словно невѣрная тѣнь на тонущей въ полумглѣ сырой, испещренной пятнами стѣнѣ пропитаннаго міазмами трущобнаго корридора.

— Это та самая, которая... Вчерашняя!—опредѣлилъ я и невольно внимательнѣе присмотрѣлся къ чертамъ лица встрѣченной — „тряпки“ и „саламандры“. На этомъ некраси-

вомъ, увядшемъ лицѣ съ пріятными еще чертами читалась упорная тревожная забота, запуганность, робость... Ни тѣни наглости, ни тѣни разбитной развязности. По типу— вѣчная труженница, вѣчная рабыня тяжкаго труда... Такъ за что же вчера надъ нею такъ измывались? Что она сдѣлала? Чѣмъ досадила?

Теперь нашлось объясненіе: просто, человѣкъ немного подгулялъ, а сегодня утромъ уже все забыто. И Фрося работаетъ, какъ работала вчера, какъ работала три дня назадъ, какъ будетъ работать завтра...

На окраинахъ скоро знакомятся другъ съ другомъ и скоро узнаютъ подноготную. Сергѣй Сергѣевичъ позаботился „выложить душу“ мнѣ на другой же день послѣ того, какъ мы съ нимъ познакомились у воротъ, на уютной лавочкѣ.

— Живу у семейнаго очага. Съ маменькою. Она гуманитарная личность. А потомъ... Вамъ, какъ благородному человѣку... Знаю, вы не осудите: метресса съ нами, Фрося. Привязалась, знаете, какъ собачонка... Ну, я не гоню. Конечно— фактъ компрометантный: приличный человѣкъ, интеллигентъ, и живетъ съ какою нибудь горничною... Вы меня понимаете?

— Вполнѣ.

— Но она такъ привязалась, такъ привязалась... Но я, знаете, съ нею развяжусь. При первомъ удобномъ случаѣ. Какъ честный человѣкъ... Что же? Я не скрываюсь: у нея взялъ ея деньги. Сто двадцать шесть рублей семьдесятъ пять копѣеекъ. Капиталъ! Ха ха! Милліоны! Милліарды!.. На книжкѣ лежали. Знаете, я заболѣлъ, нужно было доктора, лекарства... Ну, и взялъ. Потомъ она сама стала подсовывать. За квартиру не хватаетъ — сама возьметъ, заплатитъ. Мировой меня оштрафовалъ, такъ, изъ-за глупости одной. Я отлично и могъ отсидѣть три дня. Вздоръ какой—три дня!!. А она ухватилась: ни за что! Ни за холодную воду! Заплатила штрафъ. Я ей не препятствовалъ. Потому не подозрѣвалъ всей ея гнусности. Не думалъ, что она такая коварная. Какъ саламандра, знаете-ли!

— Въ чемъ именно вы видите это коварство?

— Ахъ, Викторъ Сергѣичъ, Викторъ Сергѣичъ! Молоды вы, голубчикъ. Страшно молоды... Въ чемъ коварство? Въ женской хитрости. Женить хочетъ. Но это атендэ, мосье Липрандэ. Вотъ что-съ! До этого то я не унижусь. Нѣтъ, до этого то я не дойду. Покойнаго папеньки кости въ гробу перевернутся...

— Ну, а ваша мамаша... Какъ она относится?

— Мамаша? Представьте, мамаша совсѣмъ изъ ума выжила: она не прочь, чтобы я женился на этой твари. Она говоритъ, что та, Фроська моя, заслужила этого, потому что трудится. Да чортъ ее побери съ ея трудами! Развѣ я ее прошу трудиться? Что ея трудъ создаетъ? Теперь я въ прошломъ мѣсяцѣ въ трактирѣ четырнадцать рублей истратилъ. Это почему? Потому, что она есть. Не будетъ ея, не стану пива пить. Не стану сигары курить. Велика бѣда?!. Я такъ и маменькѣ сказалъ. Видите ли, маменька безпокоится. Говоритъ такъ: — Если Фрося насъ броситъ, мы безпомощными останемся.

— Это почему?—спрашиваю

— Потому, некому за мною присмотрѣть будетъ. Она зарабатываетъ... И такъ далѣе. Все, въ общемъ, чистѣйшій вздоръ. Бабья чепуха! Маменька моя — благородная личность. Знаете, изъ стараго дворянскаго рода. Институтъ окончила. На придворныхъ балахъ бывала... А я—видите каковъ? Но я свою гордость не забываю. Я себя не унижу... Скорѣе женюсь, приданое возьму. Чуръ не перебивать: у меня есть невѣста. Сосѣдка одна. Мужъ подрядчикомъ былъ. Два дома. Одинъ въ два этажа даже. Положимъ, заложены. Но это ничего. На нашъ

вѣкъ хватитъ. Одно смущаетъ: пьетъ она...

— Фрося?

— Нѣтъ, кой чортъ Фрося. Невѣста моя. Вчера были мы у нея. Такъ выпили, такъ хлопнули... Хотите, я васъ съ нею познакомлю? Честное слово... Отчего же и нѣтъ? Я васъ знаю, я вамъ довѣряю. Право, побываете, послушаете, посмотрите. Фонографъ есть. Нотъ пропасть. Вяльцева, Собиновъ, Шаляпинъ... Право, пойдемте... Не сегодня, но какъ нибудь...

* * *

Оставаясь цѣлые дни дома, я могъ наблюдать жизнь двухъ женщинъ въ квартирѣ Робинзона Крузо, Сергѣя Сергѣевича. Это была мирная трудовая жизнь. Впрочемъ, трудилась одна только Фрося, и трудилась съ утра и до поздней ночи. Правильнѣе, съ поздней ночи—съ четырехъ часовъ, и до глубокой полуночи, часовъ до двѣнадцати. Она оказалась мастерицею на всѣ руки: стирала бѣлье, ворохи котораго приносили ей изъ окружающихъ домовъ, шила кофточки и юбки горничнымъ, стряпала, словомъ, билась, работая, какъ бѣлка въ колесѣ. Мало этой работы—она ухаживала съ величайшимъ терпѣніемъ, съ тихою ласкою за старухою Маріанною Алексѣевною, матерью Сергѣя Сергѣевича.

Глядя на эту старуху, я не могъ сомнѣваться въ томъ, что ея молодость прошла при совершенно иной, при несходной съ теперешнею обстановкѣ. Черты лица семидесятилѣтней дряхлой старухи сохранили еще часть незаурядной былой красоты, ея манеры были манерами женщины изъ общества. Познакомившись со мною, она заговорила о литературѣ, о современной музыкѣ. Два три раза въ разговорѣ она перешла на французскій языкъ, какъ то странно звучавшій въ устахъ нищенски, хотя и чисто одѣтой развалины...

Какъ то я потерялъ изъ виду Сергѣя Сергѣевича. Онъ приходилъ домой позднимъ вечеромъ, правильнѣе, ночью, спалъ до полудня, потомъ уходилъ, чтобы возвратиться ночью. Встрѣчаясь со мною, онъ не останавливался и въ разговоры не пускался. Однажды только какъ то крикнулъ на ходу, на мой вопросъ, на службу ли онъ идетъ?

— На службу?-Нѣтъ! Не на службу... Да я ее ужъ бросилъ. Ну ее, знаете, къ чорту. Надоѣло!

— Ищете мѣсто?

— Н—нѣтъ. Да, впрочемъ, скоро, устроюсь... О-ревуаръ. Всего лучшаго...

Какъ то утромъ Сергѣй Сергѣевичъ неожиданно постучался ко мнѣ.

— Будьте такъ добры, Викторъ Сергѣевичъ. Будьте свидѣтелемъ...

— Въ чемъ это?

— Денежное дѣло есть. Знаете, свидѣтель нуженъ... Пожалуйте на квартиру ко мнѣ. Вотъ, сюда...

— Фрося. Евфросинья. Иди сюда! Вотъ, при Викторѣ Сергѣичѣ... Сто двадцать шесть рублей семьдесятъ пять копѣекъ.... Пересчитай. А это росписка: написано въ ней такъ: сто и такъ далѣе, получила сполна. Претензій не имѣю.

Фрося, робко и грустно улыбаясь, подошла къ столу и стала дрожащею рукою подписывать росписку, заполняя ея страничку каракулями, долженствующими изображать ея имя.

— Что это?

— Ликвидируемъ дѣло. Я переселюсь сегодня. И съ маменькою.

— Куда же?

— Къ... супругѣ!

— Какъ? Вы женились?

— Н-не совсѣмъ, то есть... Осталось перевѣнчаться. Остальное все покончено. Одинъ домъ въ два этажа... И прочее. Но я тороплюсь. Моя супруга... то есть, будущая супруга... Всѣ долги мои заплатила. На руки даже деньги дала. Окапировка полная. Покойнаго мужа шуба съ бобровымъ воротникомъ. Часы золотые. Панцырная цѣпочка золо-

тая... Хоть собакъ вѣшай! Маменьку беретъ на полное иждивенье... Дура она только...

— Кто это?

— Анна Андреевна. Которая выходитъ за меня... Знаете, обидѣлась, дура, что маменька коньяку не пьетъ... Полосатая дура... Ну, прощайте. Всего хорошаго! Стойте. Я, какъ благородный человѣкъ. Какъ интеллигентъ интеллигенту... Мы съ вами тутъ—какъ Робинзоны... А кругомъ дикари... Я васъ предупреждаю: будьте осторожны...

— Въ чемъ именно?

— На счетъ Фроськи. Берегитесь... Потому что она такая... Она способна на это...

— На что именно?

— Подластится, подмажется... Смотрите, опутаетъ. Ей Богу! Пуще огня берегитесь. Я чуть не погибъ. Чуть не женился на этой саламандрѣ... Смотрите, теперь она къ вамъ льнуть будетъ! Упаси васъ Богъ. Ни-ни-ни. Палецъ только дадите—она всю руку ухватитъ. Вы слабохарактерный. Я васъ насквозь вижу. Смотрите, голову сломаете... Ну, оревуаръ... Вѣнчаемся на той недѣлѣ. Заходите какъ нибудь. Жена и то хотѣла познакомиться съ вами. Говоритъ, я никогда ни съ однимъ писателемъ не была знакома... Такъ приходите...

* * *

Къ моему удивленію, Фрося отнеслась довольно спокойно къ происшедшему разрыву, который, какъ никакъ, исковеркалъ же ея жизнь.

За эти дни она только исхудала, стала словно меньше, да ея лицо будто потемнѣло, стало удивительно схожимъ съ изображеніемъ мученическаго женскаго лица на какой нибудь стараго письма закоптѣлой иконѣ. Работала она по старому, день и ночь. Дня два въ ея комнаткѣ было тихо, какъ въ могилѣ. Потомъ зажужжало колесо швейной машины, и слабый тихій женскій голосъ запѣлъ какую-то немудрую мелодію...

Какъ то днемъ въ ея каморкѣ послышались громкіе разговоры. Прислушавшись, я узналъ голосъ Сергѣя Сергѣевича. Онъ не замедлилъ и самъ пожаловать, собственною персоною.

— Будьте другомъ. Поговорите вы съ нею...

— Съ Фросею?

— Нѣтъ, съ маменькою. Совсѣмъ съума сошла. Ополоумѣла! Утромъ мы просыпаемся, глядь, маменьки нѣтъ! Ахъ, Ты, Господи! Анна Андреевна чуть не расплакалась даже... Ну, думали, въ церковь пошла. Вернется... Ждать пождать, нѣту маменьки! Послали дворника сюда, оказывается, вѣрно: ушла маменька наша сюда! Въ трущобу эту! Къ Фроськѣ!.. Анна Андреевна страшно разстроилась. Посылаетъ меня: Мы, говоритъ, общимъ посмѣшищемъ будемъ. Еще не перевѣнчались, а свекровь отъ насъ сбѣжала... Ну, я прибѣжалъ сюда, говорю:

— Пойдемте, маменька, домой.

— Мой домъ здѣсь!—говоритъ.— Мнѣ здѣсь лучше!

Закричалъ я на Фросю:

— Ты, подлая, виновата. Ты ее сманиваешь. Гони ее! Скажи, чтобы уходила. Представьте, отказывается. Вы это понимаете? „Пускай, говоритъ, живетъ. На нашъ вѣкъ, говоритъ, хватитъ. Я ее успокою“! Нѣтъ, какъ это вамъ понравится? Сама въ грязи, и другого туда же тянетъ... Но не на такого наткнулась. Я на своемъ умѣю поставить. Во-первыхъ, моя маменька уже сумасшедшая. Изъ ума выжила. Всѣ доктора это подтвердятъ. А Фроська — распутная женщина. Никакого сомнѣнія. Стоитъ въ полицію обратиться, цѣлая исторія будетъ... Но мнѣ не хотѣлось бы. Лучше тишкомъ, ладкомъ, по благородному... Вотъ, я васъ и прошу... Маменька васъ уважаетъ: поговорите съ нею. Вѣдь, неприлично же... Она свое достоинство унижаетъ...

Съ какою нибудь Фроською на одной ногѣ... Сама институтъ кончила... И такъ далѣе... Какъ хотите, абсурдъ...

Старуха сдалась, хотя я и отказался идти уговаривать ее. Я видѣлъ, какъ ее посадили на дрожки и повезли. Она все время рыдала, и крупныя, прозрачныя слезы катились неудержимо по ея блѣднымъ, морщинистымъ щекамъ и падали жемчугомъ на черный платокъ.

Она съ экипажа уже закричала жалобнымъ, дребезжащимъ голосомъ:

— Фрося-а, Фросинька. Возьми меня, голубочка! Такъ тяжко, такъ тяжко... Пьютъ они... Картежъ это... Господи! Возьми меня, Фросинька...

Фрося крестила старуху дрожащею рукою и упорно глядѣла ей вслѣдъ, стоя у воротъ...

День или два спустя я выбрался съ квартиры и на долго потерялъ слѣдъ изъ виду всѣхъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа.

Но прошло мѣсяца три, четыре, стояла осень,—и я какъ-то встрѣтился съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ.

Онъ казался значительно постарѣвшимъ, опустившимся, полинявшимъ, похудѣвшимъ. Увидѣвъ меня, онъ торжественно протянулъ навстрѣчу правую руку въ дырявой вязанной перчаткѣ.

— Ба, кого я вижу!.. Какъ я радъ!... Отчего вы къ намъ не заглянете? Маменька васъ всегда рада видѣть. Фрося говорила, что васъ встрѣчала какъ то...

— Какъ—Фрося? Развѣ она у васъ?

— А то гдѣ же? Знаете, конечно, это меня скомпроментировало, собственно говоря... Но, съ другой стороны...

— Да вы женились?

— Ну, вотъ еще?! Кто же на такихъ женится... Хотя она расчитываетъ, конечно, но я до этого не допущу... Я свою гордость помню...

— Позвольте. Ничего не понимаю. Вы тогда собирались жениться. Помните? Два дома...

— Ахъ, вы про это? Это разстроилось все... Знаете, вмѣшались родные моей невѣсты... Завистниковъ много... Тамъ какая-то опека вмѣшалась. На дома наложили арестъ. Словомъ, канитель... И потомъ—она вульгарная баба. Дрянь преестественная. Развратная, вѣчно пьяная... Я думалъ судиться даже. Знаете, у нея какой то „братецъ" появился. Они съ братцемъ драку устроили... Словомъ, могли убить даже... Я изъ-за нея мѣсто бросилъ, а они насъ съ маменькою безъ всего выгнали... Ну, тутъ Фрося:

— Какъ нибудь, говоритъ... Перебирайтесь ко мнѣ, говоритъ...

— Ну, я подумалъ, подумалъ... Знаете, иногда бываешь въ такомъ положенiи...

— Что же вы, мѣсто нашли? Устроились?

— Д-да... То есть, нѣтъ, не совсѣмъ... Знаете, какъ трудно мѣсто найти? Но я непремѣнно найду... Все-таки интеллигентному человѣку какъ-то тяжело безъ мѣста... Кстати, вы не знаете ли чего нибудь? У меня почеркъ отличнѣйшiй... Если узнаете что нибудь, сообщите...

* * *

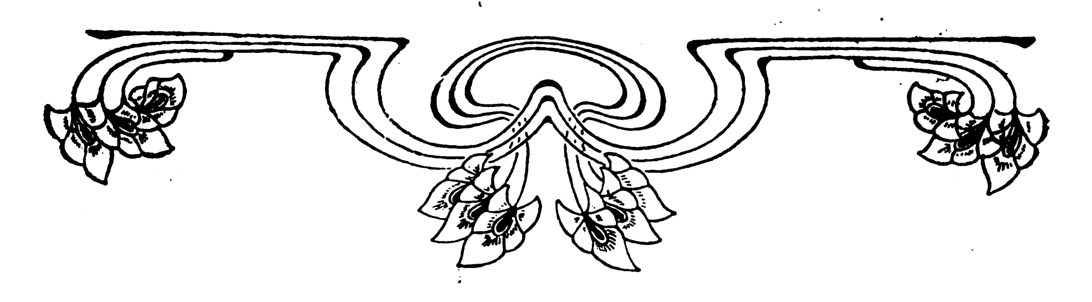
Прошло нѣсколько лѣтъ. „Маменька" Сергѣя Сергѣевича ушла туда, гдѣ не приходится заботиться о квартирной платѣ, о харчахъ, о приличiяхъ. Я видѣлъ ея скромные похороны. Идя за ея гробомъ, Фрося заливалась горькими слезами. Шла она нѣсколько поодаль: первое мѣсто принадлежало сыну покойной, Сергѣю Сергѣевичу. Фрося шла въ толпѣ, гдѣ виднѣлись сѣрыя фигуры дворника, какой то салонницы, приставшаго прохожаго...

Я встрѣчаю Сергѣя Сергѣевича и теперь. Иногда при встрѣчѣ онъ спрашиваетъ меня:

— Не знаете, нѣтъ ли мѣстечка подходящаго? А то тоска смертная. Сидишь безъ дѣла, только и раз-

влеченія, что на билліардѣ сразишься или на гитарѣ сыграешь что нибудь... Да и то у меня, благодаря выдумкѣ Фроськи—заняться стиркою—такая сырость, такая сырость... Бабы всегда дуры... Она не понимаетъ, что этимъ воздухомъ отравиться можно. Оревуаръ. Всего наилучшаго....

М. Первухинъ.

На кладбищѣ.

Плачутъ березы, поникши вѣтвями,
Плачутъ,—и тихо на камни гробницъ
Льются ихъ свѣтлыя, жгучія слезы,
Съ листьевъ зеленыхъ, какъ будто съ рѣсницъ.

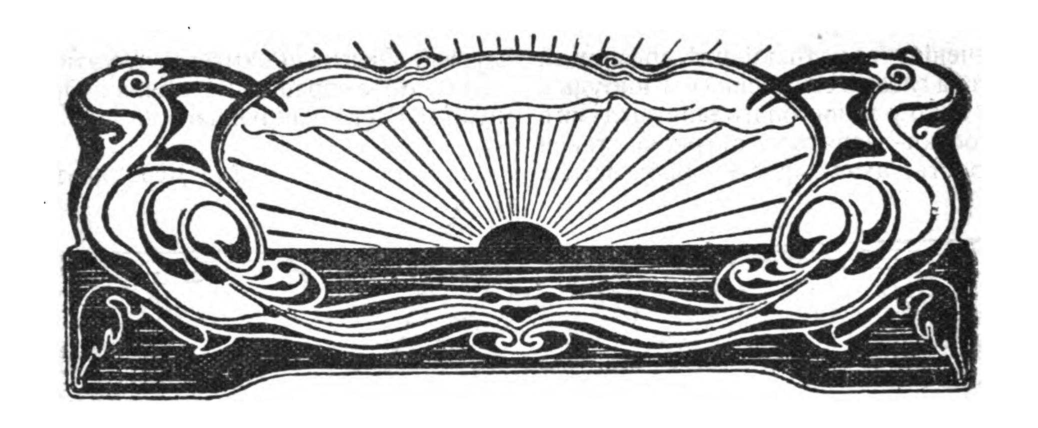
Плачутъ березы о жалкомъ семъ мірѣ,
Плачутъ о мертвыхъ, что спятъ подъ землей.
Жаль имъ уснувшихъ въ холодной могилѣ
Тѣхъ, что не знали душевный покой.

Тѣхъ, что боролись съ нуждой безпрестанно,
Счастья не вѣдая свѣтлыхъ минутъ.
Жаль имъ погубленныхъ жизнію рано,
Тѣхъ, кого свелъ сюда каторжный трудъ.

Плачутъ березы,—поникши вѣтвями,
Плачутъ,—и тихо на камни гробницъ
Льются ихъ свѣтлыя, жгучія слезы
Съ листьевъ зеленыхъ, какъ будто съ рѣсницъ.

М. Т-ва.

Музыка смерти.

Федора Чернаго.

I.

Своеобразный свистъ летящихъ пуль имѣетъ свою прелесть. Надобно находиться подъ нулями, чтобы испытать его дѣйствіе на душу. Не даромъ солдатъ Птенцовъ назвалъ звуки летящихъ пуль и снарядовъ „музыкой смерти“.

Въ первый разъ Птенцову пришлось участвовать въ сраженіи подъ Вафангоу. Рота его находилась тогда въ резервѣ, скрываясь въ кустахъ. Непріятельскія пули летали надъ ихъ головами.

Въ первую минуту Птенцовъ испытывалъ странное, разслабляющее потрясеніе тѣла и души. Онъ не могъ бы отвѣтить, что происходило въ немъ: былъ-ли то страхъ смерти, или возбужденіе отваги или злоба,— не поймешь. Но онъ страшно волновался: руки тряслись, какъ бы отъ страха, глаза блестѣли, голосъ прерывался...

До начала войны онъ прослужилъ три года въ полку; за это время не разъ приходилось думать о войнѣ. Часто, бывало, въ воображеніи рисовалъ онъ картину боя, заставляя мысленно участвовать себя въ немъ... Страшно казалось тогда, — не за себя страшно, — что значитъ одна его собственная жизнь въ сравненіи съ массовымъ избіеніемъ?!.. Одно слово „война“ приводило его въ содроганіе. Онъ готовъ былъ дать изрубить свое тѣло на куски, лишь бы не видѣть войны, не слышать о ней, не быть ей совсѣмъ.

Такъ-ли теперь? Онъ силился вызвать въ воспоминаніи то чувство страха, которое переживалъ ранѣе, и никакъ не могъ припомнить его. А пули между тѣмъ летѣли и летѣли черезъ нихъ, лежащихъ въ кустахъ. Кусты трепетали отъ пуль, и оторванныя вѣтки ихъ падали безшумно на траву.

Одному солдату захотѣлось курить.

— Дай-ка спичку, Птенцовъ,—сказалъ онъ,—надо запыжить немного.

— Вв... вв... не знаю!—отвѣтилъ тотъ, чуть шевеля губами, словно на морозѣ.

— Что ты, али ужъ окоченѣлъ?!.— спросилъ его сосѣдъ полу-сердито, полу-насмѣшливо.

Птенцовъ только одного желалъ въ настоящую минуту: чтобы его не тревожили, дали бы ему въ волю

наслушаться ужасной музыки. Въ короткомъ звукѣ пуль ему слышалась злостная угроза—смерть, смерть или жалостное причитаніе. „За что“? —спрашивалъ онъ мысленно, точно пуля могла отвѣтить ему.

Тѣло независимо отъ него содрогалось, въ то же время онъ не могъ оторваться отъ зловѣщаго взвизгиванія. Онъ раздвоился. „Смерть, смерть“, повторяла мысль за пулей. „Что такое смерть“?—вдругъ поднимался въ головѣ вопросъ. Смерть казалась ему не страшной и въ то же время не понятной. Онъ не желалъ ея, но и не хотѣлъ избѣгать. Ему доставляло неизъяснимое удовольствіе слышать пѣніе о смерти не умирая.

Прошелъ часъ времени. Въ ихъ ротѣ ни кого не убило. Птенцова подмывало вскочить и ловить пули фуражкой, какъ ловилъ онъ когда то майскихъ жуковъ.

Но какъ бы человѣкъ ни былъ увлеченъ, у него, кромѣ желанія, остается сознаніе долга. Птенцовъ былъ увѣренъ, что стоитъ ему выбѣжать передъ фронтомъ съ шапкой въ рукѣ и начать ловить пули на виду у непріятеля, онъ тотчасъ получитъ строгій выговоръ. Это соображеніе останавливало; а такъ бы хотѣлось подразнить японцевъ.

Подъ непрерывный свистъ пуль въ немъ свершился душевный переворотъ. Прежній Птенцовъ въ немъ умеръ, — родился другой человѣкъ и на иной планетѣ, гдѣ жизнь проходила въ испареніяхъ крови, оглушаемая пальбой и окутанная пахучимъ пороховымъ дымомъ. И эта жизнь его прельщала своей новизной и опасностью, какъ прельщаютъ моряка бушующія волны, готовыя каждую минуту поглотить его. Онъ душевно окаменѣлъ. На солдатскомъ языкѣ такое состояніе называютъ „окурить пороховымъ дымомъ“, „выдержать“.

Птенцовъ и самъ замѣтилъ происшедшую перемѣну, хотя ея причины объяснить не могъ. Мысль его обратилась къ дому; его родные—отецъ, мать, жена и двое дѣтишекъ — теперь ночи не спятъ; они молятся о немъ; они трепещутъ за его участь,—онъ это зналъ навѣрно,—и каждую минуту твердятъ: „Каково-то на войнѣ нашему Сашенькѣ,—подумать, страсть Божья“!..

II.

Желая отогнать тягостныя мысли о родныхъ, Птенцовъ отползъ отъ роты на бугорокъ, откуда все поле битвы представлялось, какъ на ладони, и сталъ наблюдать. Пониже ихъ роты лежали разсыпанные наши стрѣлки.

Тамъ дальше, въ долинѣ, непріятельскія стрѣлковыя цѣпи дѣлали перебѣжки по направленію къ намъ и стрѣляли, стрѣляли безъ конца. За долиной, на противоположныхъ сопкахъ, вспыхивали громадные клубы дыма, которые, поднимаясь, сливались въ бѣлесоватую тучу.

Тамъ палили безъ устали японскія батареи, и рвались наши снаряды. Въ воздухѣ бороздили гранаты и шрапнели съ обѣихъ сторонъ; мимо ушей неслись цѣлые рои пуль.

Кругомъ Птенцовъ видѣлъ уничтоженіе, кровь и смерть. Но гдѣ же страхъ,—тотъ ужасъ войны, который онъ испытывалъ раньше? Его не было. Птенцовъ вытянулся во весь ростъ и залюбовался грозной картиной боя.

Не смотря на сыпавшійся градъ свинца, японцы приближались къ нашимъ позиціямъ. Ихъ били на выборъ, а они всетаки лѣзли. Птенцова разжигала страшная досада за ихъ упорную настойчивость, которая казалась ничѣмъ не отразимой, роковой... Такъ бы и бросился на нихъ и давай крошить за упорство.

Но молодой подпоручикъ, Ситневъ, крикнулъ ему:

— Птенцовъ, маршъ въ строй!

— Эхъ, Ваше Благородіе!..

— Насмотришься, когда пойдемъ въ наступленіе!

Однако, на правомъ флангѣ русскимъ въ этотъ день не пришлось наступать; въ то время, какъ на лѣвомъ флангѣ наши, отбивъ всѣ атаки непріятеля, переходили въ контръ-атаки, — на правомъ подъ давленіемъ превосходства силъ, приказано было шагъ за шагомъ отступать съ боемъ.

Птенцовъ досадовалъ и, когда получали соотвѣтствующее приказаніе, лѣниво отходилъ назадъ. Ихъ рота была введена въ порѣдѣвшую цѣпь. Къ его удовольствію одинъ разъ позволили осадить черезчуръ насѣдавшаго непріятеля. Послѣ удара въ штыки японцы на время отступили, а наши заняли прежнія позиціи.

Птенцовъ былъ удовлетворенъ. Бушевавшая злоба на противника смягчилась. Теперь, по крайней мѣрѣ, онъ зналъ, что настойчивость врага ужъ не такъ неотразима, какъ могло казаться до этого; стоило взять штыки на перевѣсъ и броситься съ крикомъ „ура", какъ они были сломлены. Пусть мы опять станемъ отступать, если по тактикѣ необходимо, но мы увѣрены, что дѣлаемъ это изъ боевого разсчета, а вовсе не изъ страха передъ врагомъ.

Отступая, Птенцовъ сорвалъ дубовую вѣтку и съ удовлетвореннымъ видомъ вытеръ окровавленный штыкъ. Не торопясь, онъ пропускалъ первый рядъ стрѣлковъ, останавливался и, спокойно прицѣлившись, спускалъ затворъ.

Одна пуля задѣла тулье его фуражки и оторвала край. Онъ снялъ фуражку и проговорилъ:

— Еще бы на одинъ палецъ лѣвѣе, и моя голова капутъ!

Этимъ онъ старался вызвать хотя немного страха, который совсѣмъ не чувствовалъ.

— Да, здѣсь шутки плохія!—отвѣтилъ рядомъ идущій солдатъ.

Птенцовъ захотѣлъ испытать солдата, такъ-ли онъ чувствовалъ себя во время боя.

— Слышишь, какъ поютъ пули! Вѣдь интересно?

— Ну, ихъ къ чорту съ ихъ пѣніемъ!—Отвѣтилъ тотъ, отирая потъ съ лица,—надоѣло ихъ жужжаніе.

— Не скажи: я цѣлый вѣкъ готовъ слушать эту музыку смерти!

— Ну, тоже хорошее нашелъ— ззз-п-иить! То-ли дѣло въ штыки!— возражалъ солдатъ.

III.

Въ то время, какъ наши отходили, уступая каждый шагъ земли цѣною крови, часть непріятельской пѣхоты и артиллеріи обошла правый флангъ и открыла залпы изъ орудій и ружей. Русскіе быстро заняли ближайшія закрытія и принялись отвѣчать.

На брошенномъ полѣ осталось много убитыхъ и раненыхъ. Птенцовъ замѣтилъ, какъ повалился подпоручикъ Ситневъ, и вернулся къ нему. Но съ фронта одинъ за другимъ бѣжали два японца, желая захватить раненаго офицера.

— Ваше благородіе, садитесь на спину!—сказалъ Птенцовъ, наклоняясь.

— Не могу, милый... Бѣги, своимъ помогай... Оставь меня!

— Не оставлю ни за что!

— Я приказываю!

— Некогда, японцы рядомъ!..

Передній изъ двухъ японцевъ находился уже въ нѣсколькихъ саженяхъ. Кругомъ визжали пули; гранаты разрывались съ ужасающимъ трескомъ. Но весь этотъ адъ не смутилъ Птенцова; напротивъ, онъ никогда на ученьи не имѣлъ столько хладнокровія. Заряжать винтовку не было времени. Онъ всталъ лѣвымъ бокомъ къ набѣгавшему врагу, винтовка повисла въ опущенныхъ рукахъ; ничто не показывало, что онъ приготовился къ бою.

Японецъ запыхавшимся, хриплымъ голосомъ что-то крикнулъ, должно быть: бросай ружье, сдавайся.

— Куда лѣзешь, измученный, на свѣжаго человѣка? — прошепталъ презрительно русскій.

Японецъ, не добѣгая трехъ шаговъ, уперся ногами и выкинулъ

ружье впередъ для выпада. Птенцовъ давно разсчиталъ всѣ его движенія; съ быстротой мысли онъ отбилъ ударъ съ такою силой, что ружье вылетѣло изъ лѣвой руки японца; въ тотъ же мигъ врагъ корчился съ пробитой штыкомъ грудью на землѣ.

Птенцовъ бросился на второго японца, который остановился и заряжалъ ружье, и прогналъ его. Затѣмъ, перекинувъ винтовку черезъ плечо, онъ поднялъ на руки подпоручика; къ счастью, тотъ оказался не тяжелѣе пятнадцатилѣтняго мальчика. Онъ шелъ съ нимъ, не обращая вниманія на пули и осколки, но отступившій японецъ не желалъ оставить ихъ въ покоѣ. Оглянувшись, Птенцовъ видѣлъ, какъ тотъ, лежа на землѣ, посылалъ ему въ догонку пули. Четвертымъ выстрѣломъ оторвало погонъ у подпоручика, шестымъ —пуля пронизала лѣвую ногу ниже колѣна солдату.

— Раненъ?—спросилъ офицеръ.

— Нѣтъ... Такъ себѣ.

— Оставь меня, обоихъ убьютъ.

— Еще немного... Потерпите... Вонъ, наши прогнали негодяя.

Наши, дѣйствительно, направили на японца выстрѣлы, и тотъ бѣжалъ къ своимъ. Но Птенцовъ уже готовился упасть отъ изнеможенія. Въ это время двое изъ нашихъ подбѣжали къ нему и унесли офицера изъ-подъ выстрѣловъ.

Когда подошли съ носилками, Птенцовъ не только не согласился лечь на нихъ, но и пѣшимъ отказался идти на перевязочный пунктъ. Ему наскоро сдѣлали перевязку на мѣстѣ. Грязной портянкой онъ вытеръ кровь изъ сапога и хотѣлъ обуться. Но голенище оказалось узко для забинтованной ноги; тогда онъ отхватилъ ее ножемъ и, обувъ опорокъ, отправился разыскивать свою роту.

— Какъ ты чувствуешь себя?— спросилъ фельдфебель, когда онъ вернулся въ строй.

— Чувствую охоту слушать музыку смерти!—отвѣтилъ раненый.

Фельдфебель не понялъ.

— А вонъ, слышите — ссс, ввв, клъ-клъ-клъ! — передразнилъ онъ, краснѣя, звуки летящихъ пуль, осколковъ и шрапнелей.

— Храбрый ты солдатъ! — промолвилъ тотъ разстроганнымъ голосомъ.

Слово „храбрый“ прозвучало очень нѣжно у него; фельдфебель, кажется, хотѣлъ поцѣловать солдата, но нашелъ—не время и не мѣсто для любезностей.

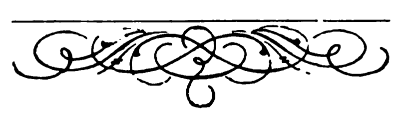
— За Царемъ служба не пропадетъ!--добавилъ онъ.

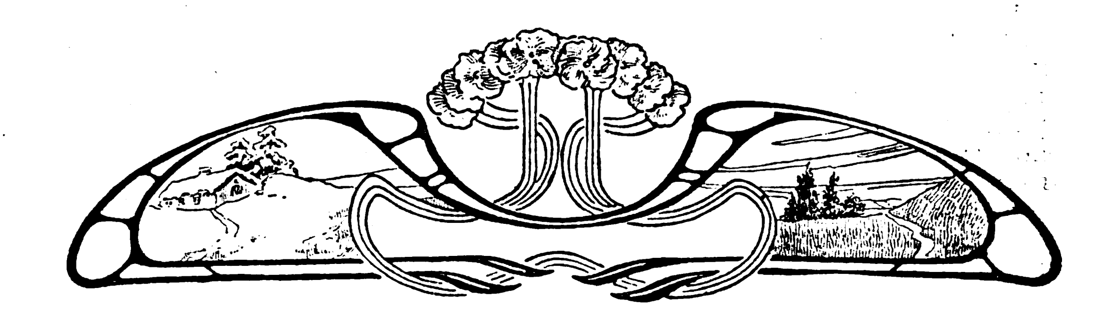
Птенцовъ только теперь вспомнилъ о существующихъ наградахъ за отличія; но ему хотѣлось доказать, что онъ не пожелалъ бы получать какую бы то ни было отплату за свои поступки, такъ какъ считалъ себя совершенно счастливымъ и безъ того.

Весело чувствовалось ему послѣ пораненія. Боль въ ногѣ, конечно, напоминала о себѣ при отступленіи; но что такое физическая боль передъ восторженнымъ духомъ! Ужъ тысячи разъ мученики и герои доказали ничтожество тѣлесныхъ мукъ въ сравненіи съ силой души.

Видъ собственной крови окончательно закалилъ его. Сознавать, что онъ пріобщился къ смерти, — такъ какъ рана—часть смерти, и въ тоже время чувствовать ея безсиліе надъ собой, — это придавало ему самоувѣренности, а послѣдняя родитъ силу, какъ сила внушаетъ самоувѣренность.

Федоръ Черный.

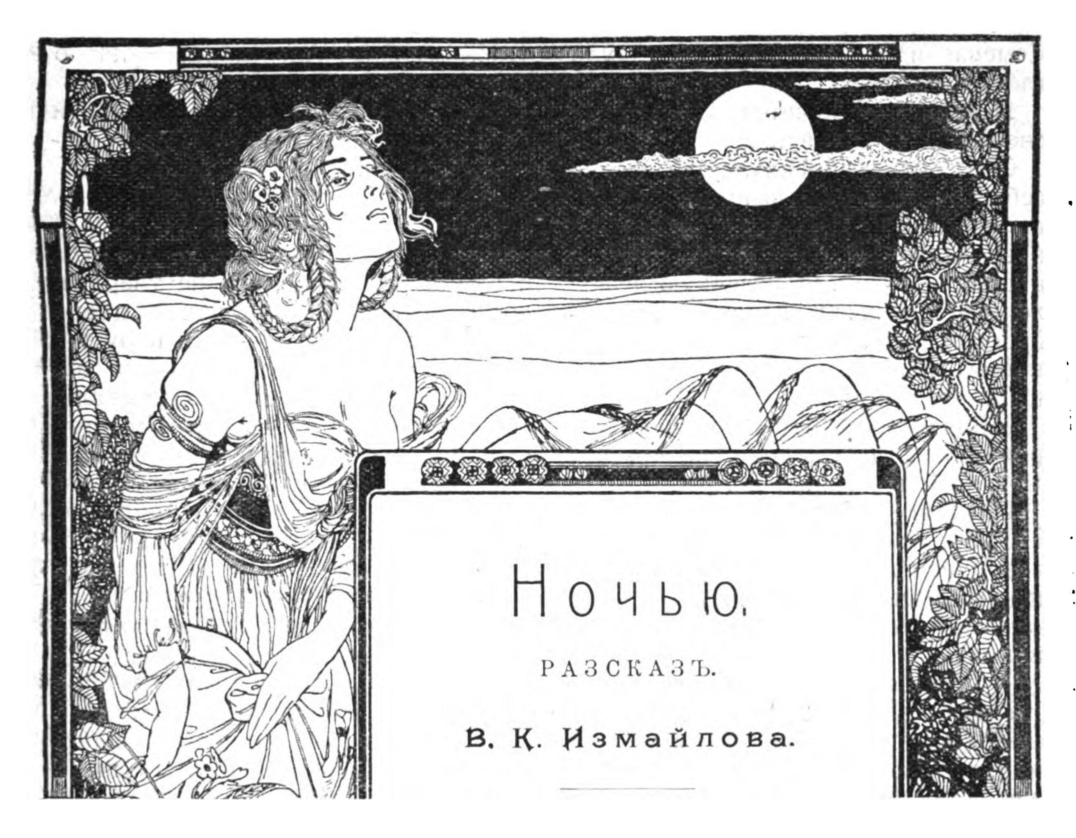

Не говори...

Не говори, что битву мы
Въ борьбѣ со тьмою проиграли,
Что наши силы на пути
Мы понапрасну растеряли.
Не унывай и не жалѣй,
Что жизнь и молодость уходитъ,
Не говори, что только ложь
Себѣ поклонниковъ находитъ,
Что справедливость и любовь
Напрасно въ міръ мы призывали,
Что наши слезы у толпы
Глумленье только вызывали.
Толпа—огромная скала
Съ ея недвижностью угрюмой,
И неприступной высотой,
И гордой, одинокой думой.
И, кажется, той силы нѣтъ,
Чтобъ въ бездну свергла великана—
И онъ вѣками молча спитъ,
Въ сѣдые кутаясь туманы.
Но незамѣтно, день за днемъ
Волна подножье камня точитъ...
И грянетъ часъ, когда она
Надъ камнемъ грозно пророкочетъ.

З. Ю. Балина.

I.

При тускломъ красноватомъ свѣтѣ маленькой жестяной лампочки Александра чинила старую свалявшуюся баранью шапку Семена. Отрываясь иногда отъ работы, она поворачивалась къ окну и, приложивъ ладони къ вискамъ, насторожившись, всматривалась въ темную пустынную улицу, касаясь горячимъ лбомъ влажнаго и холоднаго стекла. На улицѣ свѣтила луна, и сердито завывалъ сентябрьскій вѣтеръ.

Семенъ передъ обѣдомъ отдалъ женѣ изъ нѣдѣльнаго заработка 3 р. 50 к., а рубль оставилъ при себѣ. Къ вечеру онъ ушелъ изъ дому и съ той поры не возвращался. Во всѣхъ окнахъ заводскаго селенія горѣли огни. Александра соображала, что мужъ ушелъ къ своей любовницѣ Маремьянѣ и засидѣлся тамъ, гуторя сладкія рѣчи. Семенъ „путался" съ Маремьяной болѣе двухъ мѣсяцевъ. Сердце Александры мучительно ныло. Около нея, за столомъ, сидѣлъ сынъ Иванъ, худенькій, съ острымъ подбородкомъ и широкимъ лбомъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати; онъ сосредоточенно читалъ огромную толстую книгу и, лишь изрѣдка поднимая свою большую, свѣтлую и вихрастую голову, вскидывалъ на мать огромные, голубые, смѣлые глаза.

Бывало, Семенъ удерживалъ изъ получки 25—40 копѣекъ; но чтобы не додать женѣ рубля,—этого еще не случалось. Александра готова была рвать на себѣ волосы. Шевеля тонкими и широкими губами и прищуривъ одинъ глазъ, она высчитывала, что если каждую недѣлю мужъ будетъ оставлять у себя рубль, то въ мѣсяцъ 4, а въ годъ 48 рублей надо будетъ считать все равно что брошенными въ печь. Боже мой, цѣлыхъ 48 рублей! Ей пришла въ голову мысль бросить и Ваню, и

Семена, идти... Куда?.. Да куда глаза глядятъ...

„Пусть валандается съ кралей своей Маремьяной“..,

Она даже упрекнула мысленно себя за то, что не вышла въ свое время замужъ за Архипа Овсянникова. Онъ сватался къ ней когда-то, а теперь имѣетъ бакалейную лавку, хочетъ торговать и краснымъ товаромъ, раздобрѣлъ, а жена въ шелковомъ платьѣ и въ кашемировой шали къ обѣднѣ ходитъ...

„Пригожа и я была—не хуже Маремьянки... да самъ-же всю красоту мою съѣлъ, окаянный“!

И вдругъ ей вспомнились слова сосѣдки Василисы. А эта заводская говорунья и сплетница, съ подвижнымъ, краснымъ и жирнымъ лицомъ, однажды сказала, глубоко и скорбно вздыхая:

— И все-то грѣхи на заводѣ... На-чисто ошалѣлъ народъ! То ровно-бы мореная муха бродитъ, а то вдругъ хлопъ! — знать ничего не желаю!.. Желаютъ вишь доказать силу... А вся-то и сила въ кулакѣ, да надъ нашей сестрой! Семена взять... Давно замѣчаю, ходитъ, словно-бы ищетъ чего на дорогѣ. А чего ищетъ, коли сами себя потеряли!...

Александра вдумывается въ эти слова, мысленно смакуетъ каждое возобновляемое памятью выраженіе И какъ въ тотъ разъ, когда Василиса говорила, такъ и теперь ей представилась непріятная сцена: однажды Семенъ пришелъ ночью, пьяный; ничего не говоря, пошатываясь, хватаясь нетвердыми руками за стѣны, подошелъ къ кровати, уткнулся лицомъ въ подушку и началъ громко всхлипывать; потомъ съ пьяной страстностью, рыдая сталъ просить у Александры прощенья неизвѣстно за что, цѣлуя мокрыми дрожащими губами ея руки и колѣна... Чувствуя къ мужу отвращеніе, она тогда глубоко пожалѣла его.

„Ходитъ, словно - бы потерялъ что...—думала Александра. — И о немъ тоскуетъ?.. Самихъ себя потеряли... Измотали сами себя... и душу свою измотали... А мы, несчастныя, майся!“

II.

На дворѣ, а потомъ въ сѣняхъ послышались громкіе и не твердые шаги. Маленькая, скрипучая дверь быстро отворилась,—и въ избу вошелъ Семенъ. Пламя лампочки заволновалось, половицы застонали. Лицо и руки Семена темнѣли отъ впитавшейся въ нихъ копоти; больщіе каріе глаза съ рѣзко выдѣлявшимися бѣлками сурово-хмуро блуждали кругомъ. Онъ тихо и протяжно напѣвалъ:

„Ми-илай вѣ-ѣ-сточки не шлетъ“...

Онъ грузно опустился на скамью.

„Я молча-а-ла и стра-да-а-ла...
Никто къ сердцу не прижметъ!“

Александра смотрѣла на мужа съ нескрываемымъ отвращеніемъ; а онъ мурлыкалъ пѣсню, кашлялъ, мычалъ и издавалъ разные звуки губами, опустивъ голову съ черными густыми волосами и проводя заскорузлой рукой по колѣну.

— Та-акъ, значитъ... какъ ежели... да-а... Шту-у-ка!—вдругъ довольно удивленно воскликнулъ онъ.—Лександра, дай стаканъ и... ржаныхъ-бы ежели сухариковъ, а?

„Пло-хо я-а-а одѣ-та...
Никто за-а-мужъ нни бе-ретъ“...

Онъ вынулъ изъ кармана бутылку съ пивомъ и стукнулъ ею о столъ.

— Слышь, что-ль? На счетъ ржаныхъ сухариковъ?!

— Припаси сначала! — негромко крикнула Александра, швыряя стаканъ на столъ.—Нечего зенками ворочать! Давеча рубль задержалъ...

— Чортова баба, эй!

— Начинается... представленіе въ лицахъ...—едва слышно прошепталъ Ваня, не отрываясь отъ книги.

— Тьфу, идолъ, прости меня, Господи!..

— Лександра!—Семенъ стукнулъ кулакомъ по столу; пламя лампы

сдѣлало покушеніе выскочить изъ стекла; Ваня быстрымъ насмѣшливымъ взглядомъ скользнулъ по лицу отца.

— Не испугалась!.. Скажи лучше, куда рубль дѣвалъ? Маремьянкѣ кофта понадобилась?

— Замолчишь, аль нѣтъ?

— Не стало моей мочи...

Она отвернулась къ печкѣ, поправила платокъ на головѣ и заплакала.

— Жизнь проклятая!—зашептала она.— Измучилась... Пьянствуетъ... съ чужой бабой милуется...

Семенъ пыхтѣлъ, сопѣлъ носомъ и сверкалъ глазами, складка между густыхъ, черныхъ бровей стала рѣзче. Онъ сжалъ кулаки.

— Каждый разъ... каждый - то разъ...—шептала Александра.

— Будетъ тебѣ, мамка!—съ досядой сказалъ Ваня.—Не вишь что-ли, тятька молчитъ... Ну и помалкивай-знай!

Семенъ искоса посмотрѣлъ на сына, тотчасъ-же снова уткнувшагося въ книгу.

— Картинъ - то сколь!.. А это что? — притворно - спокойнымъ тономъ спросилъ онъ.

— Эйфелева башня. Французскій инженеръ строилъ на выставкѣ... городѣ Парижѣ. Желѣзная.

— Вотъ это инженеръ! Ухачъ!!

— Башня, которая выше всѣхъ церквей.

— Эка штука... вотъ! Баба, будетъ кукситься-то... глянь-ко, повыше малость нашей-то хоромины, да и прочнѣе! Хха! Такъ что-ли, Иванъ? Эй, Лександра!

За красной занавѣсью, отдѣляющей спальную комнату отъ горенки, раздалось всхлипываніе.

— Не мотай, говорятъ тебѣ, душу!— вспылилъ Семенъ. — Жалобишься, что съ дѣвкой путаюсь... Да отъ эдакой шкуры...

Александра быстро вышла; ея блѣдное лицо было зло и рѣшительно, глаза блестѣли.

— Ты вотъ хайло-то разинулъ небось... ржешь! Любо тебѣ! А я что? Брошена жена... какъ старые лапти! Весело мнѣ, коли шлюха поганая у тебя замѣсто живой жены?

— Не шлюха она! Замолчи!—Семенъ всталъ.

— Ударить хошь? Ударь! Ну, бе-ей.

— Придушу, при Ванькѣ вотъ придушу!

Онъ схватилъ жиденькій стулъ и съ силой ударилъ о полъ. Ваня вышелъ изъ-за стола.

— И что ты, мамка, задоришь пьянаго мужика? И ты тоже... стулъ-то пошто ломать?

— Ну, ладно...—хмуро забормоталъ Семенъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній его лицо вдругъ просіяло; проведя рукой по лбу, онъ воскликнулъ, обращаясь къ сыну.

— По-го-ди, какъ ты сказалъ? Пьяный мужикъ? Это родителю-то? Ахъ ты, щенокъ! По твоему понятію я—пьяный мужикъ?

— Такъ что трезвости маловато...

— Маловато? Ахъ, поросенокъ!

— Отъ своихъ-же родителей родился.

— Что-о? ка-акъ?—Въ глазахъ Семена сіяло восхищеніе.

— Квакъ!—сказалъ Ваня.—И онъ, говорю, отъ своихъ-же родителей родился.

— Поросенокъ-то?!

— А ты какъ думалъ?

— Ха-ха-ха-а! — загрохоталъ Семенъ.—Мизгирь... какъ онъ отца-то можетъ!.. Лександра, слышь, что сынъ-отъ говоритъ? Хха-ха-а! Вотъ комариное жало!

Ваня тѣмъ временемъ искалъ подъ столомъ и скамейками выпавшую ножку стула. Александра, глядя на грохочущаго мужа, улыбнулась сквозь слезы. Семенъ, приглаживая мокрые отъ пива усы, сѣлъ.

III.

— Молодчина! — заговорилъ Семенъ послѣ нѣкотораго молчанія,— Завсегда такъ. Не давай спуску ни-

кому, даже самому чорту... Ежели разобрать теперича по статьямъ, такъ и въ языкѣ бо-ольшая сила! Ну, и значитъ, не бойся. У дѣдушки была сила, да и у отца-то во-о!—Онъ заворотилъ рукавъ, обнаживъ мускулистую руку.—Должна быть и у тебя, Иванъ... хотя-бы въ языкѣ, да смѣлости...

— И что ты все врешь-то?—удивился сынъ.—Вонъ управитель-то махонькій и не рѣчистъ опять-же, а тронь-ка его голой рукой?

— Ой, Ванюха самъ-то ты ври, да не завирайся! Справедливо, что, что скрупулезенъ онъ, ровно чижъ, да за емъ сила... Э-э, братъ, за емъ силища!...

— А у меня супротивъ тебя? Я слово, а ты мнѣ...

Ваня засмѣялся, сверкнулъ глазами и поднесъ къ носу отца костлявый маленькій кулачишка.

— Да чего, тятька, значитъ моево слово супротивъ твоего-то вотъ этого? Чудно-ой!

— Ша-алишь!—воскликнулъ Семенъ съ сильнымъ одушевленіемъ!—Другое слово больнѣй кулака бьетъ! И глупый же ты, братецъ ты мой... Да по нашимъ временамъ, я-те скажу, тотъ человѣкъ примѣрно и силенъ, который ежели речистъ, хотя-бы его вѣтромъ удувало, какъ соломину...

— Такъ и подпустили-бы эдакую шушеру желѣзную крицу ворочать... въ десять пудовъ!

— Не на однихъ крицахъ заводъ-то стоитъ, Ваничка! А слово—большое дѣло! Здорово имъ человѣка ущемить можно...

— А увертывайся!—перебилъ Семенъ, вскакивая съ мѣста и быстро вращая глазами.—Не робѣй! На тебя—сила, али пять-шесть человѣкъ, а ты... что въ руку не попадя... А пуще всего не поддавайся... и не подмазывайся! Не будь подлой лисой! Мѣста живого не оставлю!—дико крикнулъ Семенъ.

— У-у, пьяный... — укоризненно сказала Александра.—Тоже отецъ!.. Сына добру учитъ: „что ни попадя"... Отчаянный, право, отчаянный!

— Примѣрно говорю, несуразная твоя душа! Говорю, не робѣй, свое, значитъ, бери... уступки не дѣлай! Ежели своего не брать, такъ остатную шкуру съ тебя спустятъ и тебя-же дурой назовутъ... и правильно! Ба-аба...

Наступило молчаніе.

— Вотъ такъ сурпризъ!—вдругъ воскликнулъ Семенъ, ухмыляясь и разглядывая на окнѣ опорожненную бутылку. — Ванюха, прокатись-ка, братъ, колесомъ... Аль нѣтъ, погоди... того... да, значитъ, такъ что погоди...

— Маремьянку вспомнилъ,—ядовито замѣтила Александра,—какъ-же, ждетъ вѣдь поди, не дождется горемычная...

Семенъ продолжалъ:

— Значитъ, не надо... пива-то на надо... А главное дѣло, Иванъ, не женись! — неожиданно заключилъ онъ. — Свяжешь себя, — покрѣпче много желѣзной цѣпи... А мало-ли бабъ на заводѣ? Вотъ какъ!.. Одначе я того...

Семенъ передернулъ плечами, дѣловито нахмурилъ брови и всталъ; взявъ картузъ, онъ мялъ его и важно говорилъ, смотря въ полъ:

— И никогда, значитъ, не женись, да!.. Ежели теперича женишься... будемъ такъ говорить... примѣрно ежели...

— Куда идешь?—рѣшительно и грозно спросила Александра и загородила мужу дорогу.

— А туда, гдѣ меня, скажемъ, нѣтъ!

— Никуда не уйдешь, слышишь, никуда! Дома останешься!—Она схватила мужа за плечи.

— Отвяжись! Можешь-ли ты, баба, понимать? Отвяжись, говорю!

— Гдѣ ужъ понять,—мудре-еный... Не видали поди, какъ вашего брата заводскія шлюхи къ юбкамъ пришпиливаютъ.

— Уйди, язва, отстань!

— Не уйдешь!

— Убирайся! Разможжу!! Маремьяна-то получше васъ, дуръ, будетъ!... Посты-ла-я... пусти!

— Не уйдешь... къ Маремьянѣ не уйдешь!

— У-ухъ ты...

Семенъ высоко поднялъ руку и готовъ былъ грузно опустить ее, но вдругъ остановился.

Ваня выскочилъ изъ за стола и сталъ между отцомъ и матерью; худенькое и блѣдное лицо его покрылось густыми и красными пятнами, губы дрожали, глаза загорѣлись. Онъ сжалъ руки въ кулаки и пронзительно крикнулъ:

— Не смѣй, тятька! Я самого тебя, коли такъ... полосну чѣмъ ни на есть!

Александра закрыла лицо руками, точно ей вдругъ стало больно смотрѣть на свѣтъ. Семенъ растерянно тряхнулъ головой и, пробормотавъ что-то, опрометью, съ картузомъ въ рукахъ, выбѣжалъ изъ избы.

Голова его кружилась. Онъ ухватился рукой за столбъ калитки.

„Вотъ ужъ оно какъ теперича...— мелькало въ его головѣ, — „полосану“.. отчаянный,—въ дѣдушку... а можетъ и въ меня? Вотъ она жизнь“...

Онъ нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ всей грудью и тихо побрелъ вдоль улицы; его сердце мучительно сжималось отъ чувства безпредметной тоски.

„Вотъ такихъ, какъ Ванька, любятъ дѣвки... И любила-бы его Маремьяна! Эдакая-же стремительная... А округъ нея любо“!..

Сентябрь былъ на исходѣ. Время стояло сухое. Въ воздухѣ чувствовалась ядренная свѣжесть. Свѣтила полная луна. Сильный порывистый вѣтеръ дико выдъ, поднималъ по дорогѣ всякій соръ и пыль и несъ все это вдоль улицы и временами на освященныя мѣсячнымъ сіяніемъ сѣрыя избенки. Разорванныя, свѣтлыя по краямъ, продольныя тучки быстро мчались высоко надъ землей и на время прятали у себя мѣсяцъ и мигающія звѣзды.

Сзади и немного вправо отъ Семена глухо роптали, разбиваясь, сѣрыя и мутныя волны заводскаго пруда. А еще правѣе и дальше, за прудомъ, высилось огромное кирпичное зданіе, мрачное и одинокіе, съ десятками рѣшетчатыхъ оконъ; лунный свѣтъ игралъ на старыхъ грязныхъ стеклахъ и казалось, что зданіе смотритъ въ бѣлесоватый полумракъ ночи десятками безстрастныхъ холодныхъ очей...

Семенъ остановился. Онъ съ минуту прислушивался къ уныло-монотонному плеску волнъ; ему показалось, что онѣ, безвольныя, вѣчно движущіяся, не устаютъ безостановочно, робко и жалобно дивиться вслухъ своей роковой зависимости отъ капризнаго вѣтра... Онъ поднялъ голову и задумчиво посмотрѣлъ туда, гдѣ подъ темными гигантскими сводами, въ пыли и дыму, возился около пышущихъ адскимъ жаромъ горновъ, возился съ тяжелыми полосами и кусками желѣза вотъ уже четырнадцать лѣтъ,—изо-дня въ день, съ утра до вечера...

„Эхъ-ма, не будь Ванюхи, да Лександры, ушелъ-бы, давно ушелъ, куда глаза глядятъ—на всѣ четыре сторонушки!.. Такимъ-бы, кажись, волчкомъ прокатился — закружился, что въ глазахъ-то зеленые круги заиграли-бы“...

И неожиданно онъ не громко запѣлъ-заговорилъ речитативомъ, точно желая стряхнуть съ души тяжелый грузъ тоскливаго чувства:

„Ка-акъ Матре-на вод-ки хо-четъ,—
На всю у-ли-цу гро-хо-четъ!..“

IV.

Какъ только Семенъ вышелъ, Александра, словно подкошенный стебель, упала на скамью; безсильныя, какъ плети, руки распростерлись вдоль стола; голова тяжело упала на нихъ; изъ-подъ сбившагося въ сторону платка, сквозь растрепанныя пряди темно-русыхъ во-

лось, Ванѣ видна была шея матери, остававшаяся странно неподвижной, тогда какъ все тѣло трепетало отъ рыданій. Ваня тихонько коснулся кончикомъ пальца головы матери, и чувство жалости овладѣло имъ.

— Ну, не реви, — сказалъ онъ тихо,—плюнь, да разотри, — только мокренько останется...

Мать ничего не отвѣчала: плечи ея поднялись еще выше, точно она хотѣла защитить себя отъ кого-то...

Ваня поморщился. „Вотъ ей-Богу! Баба и есть, — пошла теперь... ни дать, ни взять—маховое колесо; ничѣмъ не удержать"!..

— Перестань же, мамка, чего разоралась?—Онъ попробовалъ поднять отяжелѣвшую голову матери и не могъ.—Да ну-у... Эхъ, право!..

Александра продолжала рыдать, не отвѣчая сыну, не измѣняя своего положенія. Ваня всталъ на скамью, уперся колѣнкой о столъ и, ухвативъ голову за виски, замоченные слезами, сталъ поднимать ее.

Ему удалось, наконецъ, заглянуть въ искаженное страданіемъ лицо— мокрое отъ слезъ; опущенные углы губъ дрожали; волосы съ висковъ прилипли къ лицу и спутались; полузакрытые глаза съ опухшими и покраснѣвшими вѣками налились кровью, и изъ нихъ чрезъ слипшіяся рѣсницы текъ неизсякаемый родникъ прозрачныхъ слезонокъ.

Ванѣ вспомнились капли, время отъ времени появляющіяся изъ-подъ бѣлой надрѣзанной коры молодой березки...

Онъ испугался и впервые почувствовалъ, что въ избѣ довольно свѣжо. Порывы вѣтра, словно рѣшившагося взять штурмомъ старую избу, и назойливое поскрипываніе оконныхъ балокъ рѣзко, почти болѣзненно отдались въ его ушахъ.

— Мамка, да вставай, говорятъ тебѣ! Аль оглохла?!

И въ тоже время онъ думалъ:

„А тятька ушелъ, — знать ничего не хочетъ... жалости въ емъ нѣтъ"!..

— Ма-амка!

Александра приподнялась.

— Ну, что ты присталъ то? Никакого спокою!

Ея глаза неподвижно остановились на одной точкѣ; ничего не замѣчая, она ушла внутрь себя. Она забылась; было что-то пріятное въ этомъ состояніи самозабвенія и забвенія всего на свѣтѣ...

Мало-по-малу она стала проникаться страстной жаждой еще разъ пережить далекое прошлое, когда она была наивна и счастлива. Сладкія воспоминанія охватили ее...

Ровная, почти безъ колей, пыльная, исполосованная колесами, дорога. Кругомъ холмистое поле. Тамъ и сямъ, среди зеленой муравы, вырѣзаются красно-бурыя пятна желѣзняка. Позади зубчатая стѣна синяго бора. Солнце почти все ушло за горизонтъ, оставивъ лишь ослѣпительный краешекъ, брызжущій прямыми золотисто-розовыми лучами. Она, Александра,—маленькая дѣвочка,—сидитъ вмѣстѣ съ матерью и двумя взрослыми сестрами въ телѣгѣ. Тощая каряя лошаденка труситъ, вытянувъ шею; одно ухо у нея разрѣзано. Въ колѣняхъ у Александра старый горшочекъ, а въ немъ теплая душистая земляника. Разговоры, шутки, смѣхъ. Она вынимаетъ изъ горшка ягодку за ягодкой и—въ ротъ. Тряская телѣга стучитъ, бренчитъ...

Все это вдругъ исчезло, но тотчасъ же замѣнилось новою картиной...

Старый, густой боръ. Жаркое солнце—почти надъ головой. Глинистая, красная, ухабистая дорога уходитъ, извиваясь, вдаль и теряется за темно-зеленой стѣной огромныхъ конусообразныхъ елей. Все сіяетъ, блеститъ. Издали глухо доносится пыхтѣніе и уханье завода. Верхушка закопченной кирпичной трубы, возвышаясь надъ боромъ, отчетливо рисуется на свѣтло-синемъ фонѣ безоблачнаго неба; темно-сѣрый густой и мягкій дымъ гигантской змѣей выползаетъ изъ трубы, развѣвается

легкими пушистыми хлопьями и медленно таетъ. На дорогѣ что-то алѣется. Александра, — пятнадцатилѣтняя дѣвочка,—подходитъ ближе... Новенькій красный шерстяной поясъ съ большими кистями...

И это все пропало...

Вдругъ въ самой глубинѣ ея существа пронесся мимо, словно проплылъ, неясный, поддернутый легкой дымкой, образъ молодого Семена... и скрылся, точно поманилъ ее. Она чуть-чуть дрогнула; сердце болѣзненно екнуло, какъ будто по нему скользнуло лезвіе ножа... Она невольно встала, какъ бы боясь, чтобы не вырисовался въ воображеніи этотъ туманный образъ съ едва уловимыми чертами блѣдно-смуглаго лица, черными подстриженными усиками, широкимъ бритымъ подбородкомъ и огромными блестящими карими глазами. Эти глаза, бывало, такъ властно влекли ее, когда Семенъ смѣялся своимъ громкимъ беззавѣтнымъ смѣхомъ...

. . . .

V.

— Владычица, все то противно мнѣ!

Она подняла плечи и сжала тощія руки въ кулаки; сухощавая съ острыми лопатками фигура ея нахохлилась и сдѣлалась такой жалкой...

„Туда же ерепенится" — невольно подумалъ Ваня.

— Ужинать надо, — сказалъ онъ рѣзко,—тятьку то ждать нечего.

— Али ѣсть хочешь?

— А ты думала, нѣтъ? Не голоднымъ ложиться... Спать надо.

Мать накрыла на столъ, поставила чашку съ варенымъ картофелемъ, а сама ушла за занавѣску. Ваня слышалъ, какъ она съ тяжелымъ вздохомъ опустилась на кровать. Лѣниво онъ началъ ѣсть, смотря внимательно - задумчивыми глазами на занавѣсь. Скоро онъ выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ къ матери. Та неподвижно сидѣла, сгорбившись и опустивъ голову; руки ея покоились вдоль колѣнъ. Ваня сѣлъ рядомъ и вдругъ прижался лицомъ къ ея колѣнамъ. Мать охватила ладонями его голову.

— Чего горевать,—сказалъ Ваня заглушеннымъ голосомъ.—Я съ тобой. Ишь отецъ-отъ... дуракъ!..

— Не надо такъ, Ванюша... отецъ поди. Онъ ничего такъ-то, только вотъ... слабый...

— Жалко мнѣ тебя, мамка! Кабы сила, показалъ бы ему...

Онъ внезапно выпрямился и воскликнулъ, глядя на мать сверкающими глазами...

— Хошь, я сбѣгаю, ежели онъ у Маремьяны?

Мать встрепнулась. Эта мысль на первыхъ порахъ показалась ей такой простой и удобоисполнимой. Всколыхнулось ревнивое чувство.

— Ну-у? А и впрямь узнай, голубчикъ, тамъ-ли?

— Я сейчасъ, мамка. Одна нога здѣсь, другая тамъ! Я его... ишь онъ! Гдѣ валенки? Я его пиджакъ надѣну, онъ теплый... А я мигомъ!

Александра осталась одна. Она хотѣла было крикнуть ему въ догонку, чтобы онъ посмотрѣлъ только, а потомъ назадъ бѣжалъ, но что-то остановило ее...

Она прислушалась. Вотъ скрипнула калитка... „Побѣжалъ"! И вдругъ ее бросило въ жаръ отъ внезапно нахлынувшаго предчувствія чего-то страшнаго...

„Вотъ угораздило! Дура я, дурища... Безпремѣнно стрѣлой влетитъ въ маремьянину избу! А ежели нализался? Изобьетъ и Ванюшку, и меня... А они, поди, милуются! Развѣ догнать? Авось догоню"!

Она быстро накинула на голову шаль, на плечи старую ватную шубенку и выбѣжала на улицу. Ноги ея дрожали, а сердце билось,—точно въ груди птица взмахивала крыльями. „Да нѣтъ, гдѣ ужъ... не догнать"!

На улицѣ не было видно ни души. Кое-гдѣ въ окнахъ свѣтились огоньки. Холодный и сухой вѣтеръ обдавалъ

бѣжавшую Александру клубами пыли и игралъ ея шалью. Тучки пронеслись; луна свободно и властно наполняла воздухъ блѣднымъ матовымъ свѣтомъ. По свѣтло-синему небосклону искрились далекія звѣзды. Сильный порывъ вѣтра остановилъ Александру. Пыль заставила закрыть глаза. Ноги подкашивались, точно она прошла безъ отдыха много верстъ; во всемъ тѣлѣ чувствовалось недомоганіе. Безпредметный страхъ и тоска начали мучить ее. Она отворотилась отъ вѣтра. Ея взглядъ упалъ на освѣщенный луннымъ сіяніемъ прудъ...

Громадный блѣдный мѣсяцъ, отраженный взволнованной поверхностью, метался въ видѣ,—уродливый, непрерывно мѣняющій форму и безпокойный,—вмѣстѣ съ длинной и постепенно суживающейся полосой играющихъ серебряныхъ блестокъ...

Александра машинально подошла къ крутому, почти отвѣсному берегу и въ изнеможеніи сѣла на землю, охвативъ колѣна руками. Восторженными и грустными глазами она окинула уходящую далеко влѣво ширь бушевавшей водной стихіи... Ни единой живой души, ни единой двигающейся точки не было видно на ней...

Одна лишь огромная волнующаяся ширь!..

Вѣтеръ съ силой дулъ Александрѣ въ затылокъ и спину, рѣжущимъ холодомъ обдавалъ открывавшуюся временами шею и, со свистомъ и воемъ проносясь мимо, пѣлъ, казалось ей, полную отчаянія пѣсню безъ словъ, ужасную пѣсню о чьихъ-то невыносимыхъ и нескончаемыхъ страданіяхъ...

Александра напряженно вслушивалась въ эту скорбную былину воющаго вѣтра, и все ея существо переполнялось ощущеніемъ страшной усталости...

Какъ будто могучая стихійная сила съ корнемъ вырвала изъ души ея все земное, всѣ тревоги и муки, оставивъ мѣсто для одного лишь всезахватывающаго страстнаго желанія отдохнуть, ничего не видѣть, не слышать, остаться безъ движенія, безъ воли...

Не жить!..

„Ахъ, умереть-бы! Владычица! Уснуть-бы... Закрыть глаза и уснуть въ темномъ и тепломъ уголку,—безъ шума, безъ свѣта... Да такъ и не проснуться-бы“!

. . . .

VI.

Маремьяна была одной изъ тѣхъ заводскихъ дѣвушекъ которыя по разнымъ причинамъ не вышли въ свое время замужъ и, какъ это нерѣдко водится во всякой средѣ, иногда „загуливали“ съ понравившимися имъ холостыми или женатыми молодыми людьми. Лѣтъ шесть тому назадъ, будучи семнадцати лѣтъ, она, вмѣстѣ съ матерью, сорокалѣтнѣй вдовой, ушла изъ своей деревни Костромской губерніи, въ тотъ годъ, когда голодовка оторвала многихъ крестьянъ отъ ихъ старыхъ, насиженныхъ гнѣздъ. Первую зиму они жили въ Костромѣ, мать работала въ прачешномъ заведеніи, дочь находилась въ услуженіи у господъ. Какъ только вскрылась Волга, Маремьяна ушла къ пристанямъ и здѣсь стала возить въ тачкѣ разный биржевой грузъ. А лѣтомъ она вмѣстѣ съ матерью уже ѣхала на пароходѣ въ Пермь; въ деревню имъ возвращаться было рѣшительно не за чѣмъ: избенку и разный домашній хламъ они продали предъ своимъ уходомъ оттуда.

Пріѣхавъ на Уралъ, потолкавшись тамъ и сямъ, онѣ случайно попали въ самое пекло желѣзодѣлательной промышленности. У вдовы, благодаря ея скаредности, сохранились въ тряпицѣ кое-какіе гроши, вынесенные еще изъ родной деревни; это позволило имъ, когда онѣ достаточно освоились съ новымъ мѣстомъ жительства, купить почти задаромъ у

пропившагося бобыля—рабочаго избенку на краю заводскаго селенія.

Онѣ поступили на поденныя работы и нѣсколько лѣтъ то пилили толстыя бревна на дрова, то возили въ тачкахъ каменный уголь, то складывали кирпичъ, то таскали на плечахъ желѣзныя полосы. Слухъ, который передавали Маремьянѣ, будто „сильной бабѣ“ и на заводѣ найдется работа, оказался справедливымъ.

Тяжелая работа, повидимому, не слишкомъ отзывалась на этихъ точно сколоченныхъ женщинахъ съ твердыми мускулами. Мать, довольно ограниченная деревенская баба, была вѣчно серьезна и молчалива; въ ея высокой и широкой степенной фигурѣ съ ничего не выражающимъ взглядомъ тусклыхъ подслѣповатыхъ глазъ воплотилась крестьянская маята, дѣлающая человѣка равнодушнымъ даже къ собственнымъ своимъ невзгодамъ. Дочь напоминала свою мать лишь крѣпкой физической организаціей; сильная, смѣлая и не уступчивая, она сразу обратила на себя всеобщее вниманіе. На всякую шутку рабочаго она умѣла тотчасъ отвѣтить вызывающимъ острымъ словцомъ. Красивой ее нельзя было назвать. Маленькіе сѣрые глаза, скуластое лицо съ прямымъ мясистымъ носомъ, съ толстыми, широкими губами; но лицо это было чистое и румяное; а глаза съ длинными темными рѣсницами умѣли загораться такимъ огнемъ, особенно при трудной и спѣшной работѣ, или при дерзкой шуткѣ рабочаго, что всѣ недостатки лица терялись въ этихъ мечущихъ искры глазахъ... Порывомъ и смѣлостью вѣяло отъ всей ея фигуры, такой размашистой, полной и здоровой...

Къ ней сватались женихи, и матери сильно хотѣлось выдать дочь замужъ. Маремьяна не торопилась.

— Будетъ съ меня,—насмотрѣлась на женино житье,—говорила она,—мужъ-отъ надъ женой только измывается, себя тѣшитъ...

— Какъ на міру-то жить?—возражала мать.—Не монастырь чай. Ежели что,—стыдобушка и моей головушкѣ! По закону велѣно жить...

— Кто велѣлъ? Да я чай, съ мужикомъ жить, а не съ закономъ...

— Бога побойся, дура! Не деревня здѣсь... охальники!..

— Вездѣ нонѣ охальники...

— Чтой-то тоскуетъ тутотка сердце мое...

— Ишь ты, не барыня чай?

— Однимъ-бы толечки глазкомъ взглянула на родимую землицу...

— Чего смотрѣть? Сыта не будешь.

— Кажись, намазала-бы на хлѣбъ ейной земли, да съѣла!...

Глаза Маремьяны темнѣли; тяжело дыша, размахивая руками предъ самымъ лицомъ матери, она отрывисто выкрикивала:

— Изъ ума выжила, пра-а-во! Землю ѣсть будешь? На что намажешь? Здѣсь хоша кусокъ. Тамъ и наймоваться не къ кому!

— Замужъ выйдешь, — не оммошная...

— За вдовца стараго? Къ чужимъ дѣтямъ? Хуже бобылокъ мы: избы и той нѣту!

— Хозяйство тамотка... Авось сызнова какъ ни какъ наладимъ...

— А ѣсть нечего будетъ!

— Ужъ како ни есть хозяйство, да свое...

Румянецъ быстро сходилъ съ лица Маремьяны.

— Слышала, мамка, слышала! — задыхаясь, кричала она.— Ну, и уходи! А мнѣ тошно отъ словъ твоихъ, тошно.

Матери такъ и не удалось посмотрѣть на „родимую“ землю; проживъ въ заводѣ три съ половиною года, она простудилась; первое время перемогалась, не показывая и виду, что больна,—быть можетъ, ей и самой не хотѣлось вѣрить въ свою болѣзнь,—а потомъ слегла таки въ постель и вскорѣ послѣ того померла.

Передъ смертью она благословила

плачущую Маремьяну и сказала, прерываясь на каждомъ словѣ:

— Останешься ты, сердце огневое, круглой сиротинушкой межъ чужихъ людей... Не кружись вѣтромъ въ полѣ. А пуще сердцу не давай разгораться... ежели замужъ не хошь. Терпи ужъ, не срамись!.. А на могилкѣ моей крестъ поставь, такъ не ди-ивный! Ежели Господь приведетъ... можетъ, говорю, придется въ Сосновкѣ побывать, али какъ... Гора съ горой не сходится... Кого изъ нашихъ увидишь, накажи... вдругорядь коли пріѣдутъ... землицы привезти въ ма-ахонькой тряпицѣ!.. И зарой тряпицу съ землей... на моей могилкѣ... въ головахъ...

Слезы текли по ея впалымъ блѣдно-сѣрымъ морщинистымъ щекамъ.

По смерти матери Маремьяна стала „погуливать“.

Первая любовь съ однимъ парнемъ продолжалась недолго. Маремьяна скоро бросила парня. Повидимому, она въ немъ разочаровалась и порвала съ нимъ по своему—круто и рѣшительно.

— Скучно съ тобой, Артёмъ... Нашей любови крышка!

— Во-отъ оно, значитъ, куда!..

— А вотъ и туда. Ступай, откуда пришелъ.

— Мерси вашей любезности! — сказалъ, блѣднѣя, щеголеватый парень и съ этими словами засучилъ рукава.

Маремьяна схватила желѣзный шестъ и тихо крикнула:

— Не доводи до грѣха! Меня только мамка бивала... А я, можетъ, тебя и посильнѣе!...

Съ этой-то дѣвушкой и слюбился Семенъ.

В. Измайловъ.

(До слѣд. №-ра).

Отъ рабства къ свободѣ.

Букера Вашингтона.

(Продолженіе).

ГЛАВА II.

Отроческіе годы.

По полученіи свободы люди нашей плантаціи, да и, насколько мнѣ извѣстно, повсюду на Югѣ, были единодушны по двумъ пунктамъ: что они должны измѣнить свои фамиліи, и что имъ слѣдуетъ, для полнаго удовлетворенія своей свободы, удалиться на болѣе или менѣе продолжительное время изъ своей родной плантаціи. Почему то прежнимъ рабамъ показалось унизительнымъ долѣе носить фамиліи своихъ бывшихъ господъ, и огромное большинство взяли другія. Это было однимъ изъ первыхъ признаковъ свободы. Когда они были рабами, ихъ звали просто: Джонъ или Сусанна. Рѣдко, рѣдко у нихъ были т. наз. фамиліи. Иногда они прибавляли къ своему имени фамилію господина, и то въ родительномъ падежѣ; напр., если Джонъ и Сусанна принадлежали Г-ну Гаплеру, то ихъ называли Гаплеровы Джонъ или Сусанна. Но такъ какъ свободные люди не назывались такимъ образомъ, то нужно было измѣнить эти прозвища на обыкновенныя имена; въ большинствѣ случаевъ они брали имена отъ предводителей Сѣверянъ или оболиціонистовъ, какъ А. Линкольнъ, Джонъ Н. Шерманъ и т. д. Второй иниціалъ не обозначалъ имени; они смотрѣли на него, какъ на какой то титулъ, и очень гордились имъ.

Какъ я говорилъ выше, многіе негры оставляли старыя плантаціи, хоть на короткое время, для того,

чтобы почувствовать, что такое свобода. Поиспытавши это новое для нихъ ощущеніе, многіе изъ нихъ, особенно старые, возвращались къ старымъ господамъ и, заключая какія-нибудь условія съ ними, оставались при нихъ до конца жизни. Мужъ моей матери принадлежалъ одному господину, а мать моя—другому. Онъ даже рѣдко бывалъ на нашей плантаціи, чаще всего—разъ въ годъ, въ день Рождества. Во время войны онъ убѣжалъ за федеральными солдатами и пробрался въ Западную Виргинію. Какъ только свобода была объявлена, онъ послалъ за моей матерью, чтобы она пріѣхала къ нему въ Долину Канава, Западной Виргиніи. Путешествіе туда въ то время было не только утомительнымъ, но и тяжелымъ до невозможности. Наше небольшое хозяйство мы положили на телѣжку, а мы сами прошли пѣшкомъ, разстояніе въ нѣсколько сотъ миль. Никто изъ насъ никогда не находился на большомъ разстояніи отъ своей плантаціи, и путешествіе въ другой штатъ, и такой отдаленный отъ нашей, казалось громаднымъ предпріятіемъ. Кромѣ того, разставаніе съ нашими бывшими господами и всѣмъ чернымъ населеніемъ плантаціи было очень мучительно; мы вели переписку со старшими изъ господъ до ихъ смерти и никогда не упускали изъ виду молодыхъ членовъ этой семьи. Нѣсколько недѣль пошло на это путешествіе; почти все это время мы спали подъ открытымъ небомъ и готовили себѣ пищу на кострахъ.

Я помню, какъ однажды вечеромъ мы дошли до покинутой хижины, и моя мать рѣшила провести здѣсь ночь, развести огонь въ каминѣ и хоть разъ устроиться по комфортабельнѣе. Какъ только огонь былъ разведенъ, огромная черная змѣя, въ полтора ярда длиной свалилась въ каминъ и поползла по полу; послѣ этого мы оставили хижину.

Наконецъ, мы достигли цѣли нашего путешествія—маленькаго городка, наз. Мольденъ, въ пяти миляхъ отъ Чарльстона, теперешней столицы штата. Добываніе соли было тогда главной промышленностью той части Запад. Виргиніи, и маленькій городокъ Мольденъ былъ какъ разъ въ центрѣ этого производства. Мой отчимъ получилъ работу въ копяхъ и нанялъ намъ хижину для жилья. Нашъ новый домъ былъ не лучше стараго; въ одномъ отношеніи былъ даже и хуже. Прежде, не смотря на всѣ неудобства нашего стараго дома, мы были обезпечены чистымъ воздухомъ. Нашъ новый домъ стоялъ посреди многихъ другихъ домовъ, тѣсно скученныхъ, и за отсутствіемъ какихъ либо санитарныхъ регуляцій—грязь и зловоніе вокругъ нихъ были невозможныя. Нѣкоторые изъ нашихъ сосѣдей были негры, а нѣкоторые, самые невѣжественныя и развращенные — бѣлые. Весьма пестрая это была толпа. Пьянство, азартныя игры, споры, драки и ужасающая безнравственность царили между ними. Всѣ жившіе въ городкѣ такъ или иначе были связаны съ соляньмъ промысломъ. Я, хотя и очень маленькій ребенокъ, и мой братъ были приставлены нашимъ отчимомъ къ работѣ, и очень часто намъ приходилось начинать нашу работу въ четыре часа утра. Мои первыя познанія въ книжномъ обученіи были получены во время работъ.

Бочки каждаго упаковщика соли были помѣчены извѣстными цифрами. Номеръ моего отчима былъ 18-й. Къ вечеру, къ концу работы хозяинъ приходилъ и помѣчалъ наши бочки соотвѣтствующими номерами, и скоро я научился узнавать эти двѣ цифры, гдѣ бы я ихъ не видѣлъ, наконецъ, дошелъ до того, что и самъ сталъ чертить ихъ; никакихъ другихъ цифръ или буквъ я еще не зналъ.

Съ того времени, какъ я началъ думать или желать что либо, я, помню, имѣлъ всегда страсть на-

учиться читать. Еще очень маленькимъ ребенкомъ я рѣшилъ, что ежели я чего либо достигну въ жизни, то это будетъ умѣніе читать книги и газеты. Какъ только мы сколько нибудь устроились на новомъ мѣстѣ, я упросилъ мою мать раздобыть мнѣ какую нибудь книгу. Какъ и гдѣ она ее достала, я не знаю, но она преподнесла мнѣ старую копію Вебстера, „синяго корешка", книгу правописанія, заключавшую въ себѣ азбуку и глупѣйшіе слоги въ родѣ ба—да—ка и проч.

Я началъ пожирать эту книгу сейчасъ же; это была первая, которую я когда либо держалъ въ моихъ рукахъ. Я узналъ отъ кого-то, что для того, чтобъ научиться читать, нужно сперва пройти азбуку; и вотъ я началъ безъ учителя, конечно, учить ее на всѣ лады. Въ то время достать учителя въ нашей мѣстности было немыслимо. Изъ черныхъ *никто* не былъ грамотенъ, а я стыдился обратиться къ бѣлымъ. Какимъ-то образомъ мнѣ удалось въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль одолѣть большую часть азбуки.

Въ моихъ усиліяхъ научиться читать мать вполнѣ раздѣляла мое намѣреніе и помогала мнѣ, чѣмъ только могла. Будучи вполнѣ невѣжественной женщиной, насколько это касалось книжной науки, она обладала громаднымъ запасомъ здраваго смысла, дававшаго ей возможность выносить самыя запутанныя положенія жизни спокойно и толково, съ неутомимой энергіей и страстнымъ желаніемъ поднять уровень жизни ея дѣтей какъ можно выше. Ежели я сдѣлалъ въ жизни, что либо достойное вниманія, то обязанъ этимъ своей матери — прямо и косвенно, унаслѣдовавъ многое отъ нея. Во время моихъ неимовѣрныхъ усилій къ достиженію образованія, въ нашъ благословенный городокъ какимъ-то образомъ попалъ юноша—негръ, научившійся читать въ штатѣ Огаіо. Какъ только негры узнали, что онъ могъ читать, сейчасъ достали газету, и по окончаніи дневныхъ работъ, всѣ, мужчины и женщины и дѣти, собирались вокругъ него, чтобы выслушать новости. Господи, какъ я завидовалъ ему! Мнѣ казалось, что изъ всѣхъ людей онъ долженъ былъ быть самымъ счастливымъ и довольнымъ.

Въ это время негры начали задумываться о томъ, чтобы открыть какую-нибудь школу для ихъ дѣтей, въ Мольденѣ. Такъ какъ это имѣла быть первая школа для дѣтей негровъ, въ этой части Виргиніи, то, конечно, это возбудило горячія пренія и самый страстный интересъ. Самое затруднительное было въ томъ, гдѣ достать учителя. Юноша изъ Огаіо могъ бы занять это мѣсто съ большимъ успѣхомъ,—но его возрастъ не допускалъ этого. Во время всѣхъ этихъ заботъ объ учителѣ, другой молодой человѣкъ, негръ изъ Огаіо, бывшій солдатъ Федеральной арміи, случайно проходилъ нашъ городокъ. Оказалось, что онъ имѣлъ достаточную подготовку, и его пригласили быть учителемъ первой школы для дѣтей чернокожихъ. Тогда еще не было публичныхъ даровыхъ школъ для негровъ, и потому каждая семья согласилась платить учителю извѣстную сумму ежемѣсячно и столовать его по очереди. Это было не худо для учителя, такъ какъ всѣ по очереди изъ кожи лѣзли, чтобы угодить ему, и я помню, съ какимъ наслажденіемъ мы, дѣти, ждали нашей очереди—хоть разъ самимъ поживиться чѣмъ либо лакомымъ. Явленіе, когда цѣлая раса впервые начинаетъ посѣщать школу, представляетъ самый интересный эпизодъ для изученія интелектуальнаго развитія расы. Тѣ, которымъ не удалось самимъ присутствовать при этихъ начинаніяхъ, врядъ-ли могутъ представить себѣ то страстное желаніе учиться, которое выказали негры. Вся раса поголовно рвалась къ этому. Мало было слишкомъ молодыхъ, чтобъ учиться, — и никого — слиш-

комъ стараго. Какъ только находились учителя, то не только дневныя, но и вечернія школы устраивались и пополнялись. Старымъ людямъ больше всего хотѣлось выучиться читать для того, чтобы самимъ читать свою возлюбленную книгу—Библію. Съ этой цѣлью люди (мужчины и женщины) отъ 50-ти до 70-ти лѣтняго возраста посѣщали вечернія школы, чтобы успѣть самимъ, до своей смерти, насладиться чтеніемъ божественной книги. Открылись Воскресныя школы, но тамъ главнымъ образомъ занимались правописаніемъ. Дневныя, вечернія, воскресныя школы были всегда переполнены, и часто приходилось отсылать обратно желающихъ, по недостатку мѣстъ. Открытіе школъ въ „Долинѣ Канава" доставило мнѣ самое горькое разочарованіе, которое я когда либо испыталъ. Я работалъ уже въ соляныхъ копяхъ нѣсколько мѣсяцевъ, а мой отчимъ, смотря на меня съ финансовой точки, не позволялъ мнѣ посѣщать школу, говоря, что мой заработокъ нуженъ семьѣ. Такимъ распоряженіемъ онъ, казалось, убивалъ всѣ мои стремленія къ знанію. Мое горе было тѣмъ ощутительнѣе, что съ мѣста моей работы я могъ видѣть счастливыхъ дѣтей, идущихъ въ школу и возвращающихся изъ нея, утромъ и послѣ обѣда. Но, не смотря на это огорченіе, я рѣшилъ, что такъ или иначе, а достигну своего, и принялся еще съ большей энергіей за своего „синяго" правописателя. Моя добрая мать сочувствовала моему горю всѣмъ сердцемъ, утѣшала меня и всѣми силами старалась помочь мнѣ достигнуть желаемаго.

Въ скоромъ времени мнѣ удалось сговориться съ учителемъ заниматься со мною по вечерамъ, по окончаніи работъ. Я такъ былъ счастливъ этимъ урокомъ, что успѣвалъ за эти короткіе часы вечеромъ болѣе, чѣмъ другія дѣти за весь день; такъ мнѣ казалось.

Мой личный опытъ съ вечерними школами далъ мнѣ впослѣдствіи силы работать для ихъ успѣха въ Гамтонѣ и Тӧскеги. Но мое дѣтское сердце все еще стремилось къ дневной школѣ, и я не упускалъ случая добиваться попасть туда.

Наконецъ, я достигъ своей цѣли; мнѣ позволили ходить въ школу съ тѣмъ, чтобъ я вставалъ рано и работалъ до 9-ти ч. утра, и немедленно по окончаніи школы приходилъ на работу. Школа была далеко отъ нашей копи, и такъ какъ я долженъ былъ работать до 9-ти часовъ, а школа начиналась тоже въ 9-ть, то мнѣ приходилось очень жутко: занятія въ школѣ уже были начаты, когда я приходилъ, и мой классъ отвѣтилъ свои уроки.

Для того, чтобы обойти это печальное обстоятельство, я поддался искушенію, за что, думаю, многіе обвинятъ меня. Но такъ какъ это фактъ, то мнѣ остается только сказать его. Я имѣю глубокую вѣру въ факты и въ ихъ вліяніе на людей. Рѣдко что либо выигривается скрываніемъ фактовъ.

Въ нашей конторѣ, на заводѣ, были большіе часы. Этими часами регулировалась начало и конецъ работъ сотни рабочихъ. Мнѣ пришла въ голову мысль, что для того, чтобы прійти во время въ школу, я могу передвинуть часовую стрѣлку, отъ половины девятаго на девять. Это я продѣлалъ много разъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ копи не замѣтилъ, что съ часами что-то не ладно и не заключилъ ихъ въ футляръ. Я не думалъ причинить зло кому либо моимъ поступкомъ; я просто хотѣлъ приходить въ школу во время. Когда я впервые появился въ школѣ, то натолкнулся на два затруднительныя обстоятельства. Я видѣлъ, что всѣ ученики носили шляпы или шапки на головахъ, а у меня не было ни того, ни другого. Вообще я не помню, чтобъ до хожденія въ школу я носилъ что либо на головѣ, и чтобъ кто-нибудь

позаботился о необходимости прикрыть мою голову, чѣмъ либо. Но когда я увидѣлъ, какъ другіе дѣти одѣваются, мнѣ стало очень неловко; по обыкновенію я излилъ свое горе на колѣни матери, но она сказала мнѣ, что у нея нѣтъ средствъ купить мнѣ шляпы изъ *„лавки“*, тогда еще очень мало распространенныя между неграми, но что постарается помочь моему горю какъ-нибудь. Она взяла два куска плотной матеріи (что-то въ родѣ тика) сшила ихъ вмѣстѣ, и получилось нѣчто похожее на шапочку, и я съ гордостью надѣлъ ее на другой день. Урокъ, данный мнѣ моей матерью этимъ примѣромъ, я сохранилъ на всю жизнь, и насколько могъ старался передать его другимъ.

Я всегда, при воспоминаніи объ этомъ фактѣ, гордился тѣмъ, что моя мать никогда не поддавалась искушенію казаться тѣмъ, чѣмъ она не была; вотъ почему мнѣ не хотѣлось показать моимъ школьнымъ товарищамъ то, что она можетъ купить мнѣ „лавочную“ шапочку, въ то время, когда она этого сдѣлать не могла. Я гордился еще и тѣмъ, что она никогда не брала въ долгъ того, за что не могла уплатить деньгами. Съ того времени я владѣлъ многими шляпами и шапками, но никогда не гордился ими такъ, какъ той, сдѣланной изъ двухъ кусковъ тика и сшитой руками моей дорогой матери. Скажу мимоходомъ, что нѣкоторые изъ моихъ сотоварищей, начавшихъ свою карьеру „лавочными“ шляпами и смѣявшихся надъ моей „домашней“ шапочкой, плохо окончили свой жизненный путь, и часто принуждены были ходить съ непокрытой головою.

Второе затрудненіе было въ отсутствіи у меня имени. Съ того времени какъ я себя помню, меня всегда называли Букеръ. До хожденія въ школу мнѣ и въ голову не приходила необходимость или *приличность* другого имени. Когда учитель вызывалъ учениковъ для провѣрки, я замѣтилъ что большинство изъ нихъ имѣло, по крайней мѣрѣ, два имени, а нѣкоторые доходили даже до роскоши и прибавляли третье. Я былъ въ большомъ затрудненіи, ибо зналъ, что учитель потребуетъ отъ меня по крайней мѣрѣ двухъ именъ, а у меня было только одно. Но пока очередь дошла до меня, я порѣшилъ сразу сравнить себя съ другими дѣтьми, и когда учитель спросилъ мое имя, спокойно отвѣтилъ: Букеръ Вашингтонъ, какъ будто меня всегда величали этимъ именемъ, съ которымъ я и остался. Позднѣе, впрочемъ, я узналъ, что мать моя по моемъ рожденіи назвала меня Таліаферо, но какимъ-то образомъ объ этомъ имени забыли, точно его и не было. Но какъ только я узналъ объ этомъ, то возобновилъ его, и сдѣлалъ мой полный титулъ такимъ образомъ: „Букеръ Таліаферро Вашингтонъ“. Не многимъ изъ моихъ соотечественниковъ выпала такая же привилегія въ пріисканіи себѣ имени.

Много разъ я старался поставить себя въ положеніе человѣка или мальчика съ почтенными и отличившимися предками, которыхъ я могъ бы прослѣдить назадъ на сотни лѣтъ, и которые не только что получили имя въ наслѣдство, но и богатство, и семейныя усадьбы. Но, съ другой стороны, мнѣ казалось, что еслибъ я унаслѣдовалъ все это и былъ бы рожденъ въ болѣе привилегированной расѣ, то, пожалуй, поддался бы искушенію полагаться болѣе на своихъ предковъ и свою расу, при исполненіи того, что я долженъ былъ сдѣлать самъ отъ себя. Годъ назадъ я полагалъ, что такъ какъ я не имѣю именитыхъ предковъ, покрывающихъ меня своей славой, то долженъ оставить по себѣ такую память, которою гордились бы мои дѣти, и которая подвинула бы ихъ къ дальнѣйшимъ высшимъ усиліямъ. Свѣтъ не долженъ осуждать негра, а тѣмъ болѣе юноши негра. Онъ окруженъ такими препятствіями, разочарованіями и искушеніями, ко-

торыя уму непостижимы для всякаго бѣлаго юноши. Когда бѣлый мальчикъ предпринимаетъ что-нибудь, всѣмъ понятно, что онъ долженъ въ этомъ успѣть.

Съ другой стороны, люди обыкновенно поражаются, если негръ юноша достигаетъ своей цѣли. Съ начала до конца онъ непрерывно окруженъ всевозможными скачками съ барьерами; и при этомъ я все таки признаю и полезную сторону во вліяніи предковъ на нашу собственную дѣятельность, если только держаться при этомъ въ должныхъ границахъ.

Тѣ, которые обращаютъ вниманіе на нравственную шаткость юношей негровъ и сравниваютъ его успѣхи въ развитіи съ юношами бѣлыми, не принимаютъ во вниманіе историческаго вліянія старинныхъ семейныхъ преданій. Я, напримѣръ, не знаю, кто была моя бабушка. По всей вѣроятности, у меня были тетки, дяди, кузены, но я не знаю, кто и гдѣ они. Это вѣрно и относительно всѣхъ моихъ соплеменниковъ.

Самый фактъ сознанія,—у юноши бѣлаго,—что совершая дурной поступокъ, или даже просто „не успѣвая“ въ жизни, онъ этимъ мараетъ заслуги предковъ и безславитъ всѣ семейныя записи его рода, бывшія чистыми на многія поколѣнія назадъ, такое сознаніе служитъ для него громаднымъ стимуломъ для воздержанія отъ окружающихъ его искушеній жизни и дастъ ему силы преодолѣвать препятствія на пути успѣха.

Мое блаженство въ посѣщеніи дневной школы продолжалось не долго: скоро я долженъ былъ оставить ее и посвятить все свое время работѣ. Я снова началъ заниматься въ школѣ по вечерамъ. И дѣйствительно, большую часть моего образованія въ періодъ отрочества я получилъ въ вечернихъ школахъ послѣ тяжелаго физическаго труда днемъ. Часто мнѣ трудно было найти хорошаго учителя, случалось даже такъ, что учитель зналъ немногимъ больше меня. Часто мнѣ приходилось шагать цѣлыя мили по ночамъ, чтобы попасть къ хорошему учителю. Во всѣ мои юношескіе годы, не смотря ни на какія разочарованія и тягости жизни, одно твердое рѣшеніе руководило всѣми моими мыслями—это достигнуть образованія, чего бы это мнѣ ни стоило.

Вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ въ Западную Виргинію, моя мать, не смотря на нашу бѣдность, усыновила одного мальчика сироту, которому мы дали имя Якова В. Вашингтона. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ членомъ нашей семьи.

Проработавъ въ соляныхъ копяхъ долгое время, я былъ приглашенъ на работу въ угольныхъ копяхъ. Я всегда страшился этой работы, главнымъ образомъ потому, что послѣ нея очень трудно было смывать съ себя накопившуюся черную пыль. Кромѣ того, разстояніе отъ отверстія шахты до самой копи было съ добрую милю, и конечно совершенно темное. Кто не бывалъ въ угольныхъ копяхъ, и представить себѣ не можетъ, что такое собственно значитъ темнота. Мина эта была раздѣлена на большое число различныхъ комнатъ или отдѣленій, и такъ какъ я никакъ не могъ отыскать эти отдѣленія, то часто терялся въ этой ужасающей темнотѣ. Прибавьте къ этому еще и то, что моя лампочка иногда потухала, и какъ я въ отчаяніи бросался съ одного мѣста въ другое, ища кого-нибудь чтобъ получить спичку, и вы поймете весь ужасъ моего положенія.

Работа была не только тяжела, но и опасна. Постоянно можно было ожидать быть разорваннымъ на куски отъ преждевременнаго взрыва пороха, или быть задавленнымъ отъ падающихъ глыбъ. Подобнаго рода несчастія случались очень часто, и понятно держали меня въ вѣчномъ страхѣ. Многія дѣти самаго нѣжнаго возраста принуждены была тогда (боюсь, что и теперь

тоже), проводить большую часть своей жизни въ этихъ шахтахъ, не получая почти никакого образованія, а хуже всего то, что дѣти, разъ начавшія свои работы въ угольныхъ копяхъ, физически и умственно искалѣчивались; у нихъ больше не проявлялись ни энергія, ни желанія чего либо достигать; они могли только тянуть свою угольную лямку и прозябать.

Въ тѣ дни и позже, еще молодымъ человѣкомъ я старался въ своемъ воображеніи представить себѣ юношу—бѣлаго, ничѣмъ не ограниченнаго въ своихъ стремленіяхъ, надеждахъ и дѣятельности. Я часто завидовалъ ему, не имѣющему никакихъ препятствій для достиженія стать тѣмъ, чѣмъ ему можется или хочется: конгресменомъ, губернаторомъ, епископомъ или президентомъ, только потому, что онъ случайно родился бѣлымъ, а не чернымъ.

Мнѣ представлялись картины, какъ бы я поступалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; какъ я началъ-бы съ первой ступени лѣстницы и достигъ-бы высшей. Теперь я не такъ уже завидую этому юношѣ, какъ это было раньше. Я научился, опытомъ жизни, измѣрять успѣхи людей не тѣмъ положеніемъ, которые они занимаютъ, а тѣми усиліями, которыя они дѣлали, преодолѣвая различныя препятствія къ достиженію этого успѣха.

И смотря съ такой точки зрѣнія, я пришелъ къ заключенію, что очень часто негръ мальчикъ можетъ имѣть даже преимущества на своей сторонѣ настолько, насколько это касается дѣйствительнаго успѣха въ жизни. За нѣкоторыми исключеніями юноша негръ долженъ работать тяжелѣе и исполнить это лучше, чѣмъ бѣлый, для того чтобы его замѣтили. Но за то именно благодаря такой усиленной работѣ и той борьбѣ съ препятствіями, которыя онъ долженъ преодолѣть — онъ получаетъ силу и увѣренность въ себѣ такія, которыхъ часто лишаются тѣ, жизненный путь которыхъ легокъ въ силу привилегированнаго происхожденія въ господствующей расѣ.

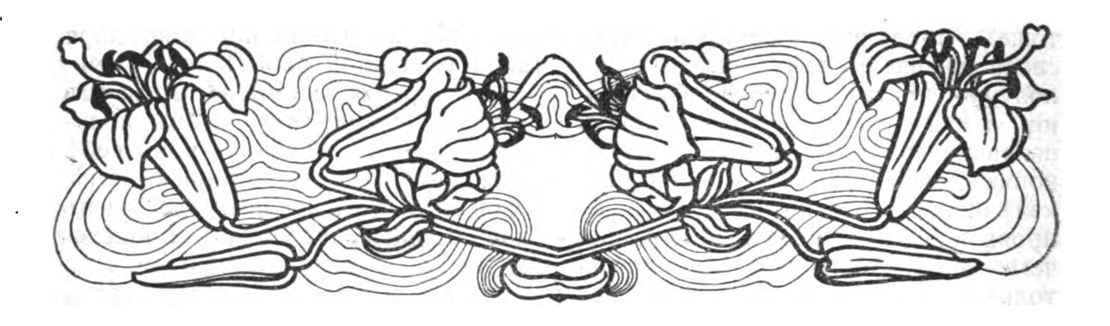
Съ какой бы то ни было точки зрѣнія, я все-таки желаю быть тѣмъ, чѣмъ создалъ меня Творецъ, нежели требовать какихъ бы то ни было привилегій только въ силу рожденія или расы. Мнѣ всегда больно слышать, когда члены какой бы то ни было расы или рода, требуютъ извѣстныхъ привилегій или отличій только въ силу этихъ случайныхъ причинъ, независимо отъ своихъ личныхъ качествъ и достоинствъ. Мнѣ больно за нихъ, потому что никакое происхожденіе и родъ не сдѣлаютъ изъ человѣка дѣйствительно полезнаго члена общества безъ его личныхъ усилій и трудовъ; и обратно,—къ какой бы расѣ или положенію человѣкъ ни принадлежалъ своими личными качествами и усиліями, онъ всегда можетъ занять достойное мѣсто въ обществѣ, какъ бы ни былъ малъ кругъ его дѣятельности.

Всякія обиженныя расы и отдѣльныя лица всѣхъ расъ могутъ находить утѣшеніе въ томъ универсальномъ законѣ, что личная заслуга, въ *комъ* бы она ни проявлялась, рано или поздно оцѣнивается и награждается.

Говоря это, я не имѣлъ намѣренія обратить вниманія читателя на себя, а чтобы подкрѣпить серьезно трудящихся членовъ моей расы, къ которой я съ гордостью себя причисляю.

(До слѣд. №-ра).

Письма изъ Вѣны.

Избирательная борьба въ Венгріи, ея причины и слѣдствія.

Л. Соколовскаго

Въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій еще ни одинъ венгерскій министръ-президентъ не вызывалъ своею насильственной политикой столь радикальныхъ перемѣнъ въ странѣ, какъ графъ Тисса, и въ теченіи этого же періода времени Европа не имѣла болѣе нагляднаго и убѣдительнаго примѣра, что въ конституціонномъ государствѣ политика насилій можетъ привести лишь къ катастрофѣ. Еще Бисмаркъ сказалъ, что правительства не могутъ и не должны глухо относиться къ требованіямъ широкихъ народныхъ массъ, что они противъ ихъ воли не должны проводить непопулярные законопроекты и что *компромиссу*, не подлому и низменному, а открытому и честному, суждено играть главную роль въ государственной жизни конституціонныхъ государствъ...

Но графъ Тисса, очевидно, съ этимъ правиломъ желѣзнаго канцлера не считался; онъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что лишь одно насиліе, только одно, не нанесетъ раны парламентаризму, а наоборотъ, излечитъ его. Тисса, какъ видно, не зналъ, что если ноготокъ увязъ, то ужъ всей птичкѣ пропасть, что роковая участь всякаго насилія заключается въ томъ, что за нимъ непремѣнно слѣдуетъ другое насиліе, что получается новый строй, незаконный, насильственный, вызывающій въ странѣ злобу и ожесточеніе... Но Тисса все же принесъ Европѣ косвеннымъ образомъ большую пользу: онъ доказалъ ей, самъ того не желая, что *политика желѣзной руки навсегда обанкротилась*...

Графъ Тисса кальвинистъ; онъ очень религіозенъ и считается всѣми, даже своими врагами, безусловно честнымъ. И если онъ покрылъ теперь свое имя позоромъ, то все же всѣ убѣждены, что онъ дѣйствовалъ съ полной вѣрой въ то, что онъ принесетъ своей родинѣ большую пользу, что онъ содѣйствуетъ конечному торжеству конституціонализма.

Осенью онъ внесъ въ венгерскій парламентъ законопроектъ о новомъ порядкѣ дневной очереди, законопроектъ, который бы сдѣлалъ обструкцію меньшинства невозможной. По новому закону первые вопросы государственной важности, какъ, напр. опредѣленіе контингента рекрутовъ и разрѣшеніе правительству произвести рекрутскій наборъ, а также опредѣленіе бюджета, должны быть приняты парламентомъ въ опредѣленный срокъ, при чемъ число

ораторовъ по этимъ первостепеннымъ вопросамъ должно быть ограничено всего лишь тремя. Ясно, что оппозиціонныя партіи не могли молча принять этотъ законопроектъ, потому что это значило бы самого себя обезсилить, набросить на свою шею петлю. Принципъ меньшинства! Это меньшинство не должно быть ни въ одномъ конституціонномъ учрежденіи совершенно обезличено; оно не должно быть обречено на жалкое, безцвѣтное прозябаніе. При всѣхъ важныхъ вопросахъ большинство непремѣнно должно считаться съ взглядами и желаніями меньшинства, оно не можетъ его игнорировать, потому что и меньшинство является представителемъ многихъ сотенъ тысячъ избирателей. И если послѣдніе вотировали за кандидата меньшинства, если ихъ привлекли идеи этого меньшинства, то развѣ отсюда слѣдуетъ, что ихъ желанія и ихъ взгляды должны быть совершенно игнорируемы? Если же принять во вниманіе, что вслѣдствіе особаго существующаго въ Европѣ избирательнаго строя за спиной депутатовъ меньшинства обыкновенно находится несравненно большее число гражданъ, чѣмъ за большинствомъ, что безправныя народныя массы симпатизируютъ и раздѣляютъ идеи меньшинства, то окажется, что это меньшинство депутатовъ вправѣ считать себя выразительницей общественнаго мнѣнія и требовать соотвѣтствующаго къ себѣ отношенія. Принципъ меньшинства-же еще не разрѣшенный въ Европѣ вопросъ, но событія въ Австріи, Германіи и Венгріи доказали, что съ меньшинствомъ необходимо считаться ужъ хотя-бы потому, что оно можетъ сдѣлать парламентаризмъ невозможнымъ.

Министерство почти во всѣхъ европейскихъ парламентахъ имѣетъ въ своихъ рукахъ вѣрное оружіе: обструкцію, и нѣтъ ни одного закона о дневной очереди, который сдѣлалъ-бы обструкцію невозможной, который парализовалъ-бы меньшинство. Конечно, это меньшинство состоитъ не изъ легкомысленныхъ провокаторовъ; оно состоитъ изъ значительнаго числа депутатовъ, защищающихъ свою опредѣленную программу и рѣшающихся приступить къ обструкціи только въ томъ случаѣ, если по ихъ мнѣнію совершаются посягательства на самые жизненные интересы государства. Цѣлесообразный законъ о дневной очереди долженъ быть такъ составленъ, чтобы обструировать могла лишь сплоченная оппозиція, а не ея отдѣльныя группы, чтобы обструкція была рѣшительнымъ отвѣтомъ всѣхъ оппозиціонныхъ партій на дѣйствія большинства, за которымъ обыкновенно находится правительство. Такимъ образомъ меньшинство является конституціоннымъ органомъ, контролирующимъ и провѣряющимъ дѣйствія правительства, и, конечно, не въ интересахъ всего общества подрывать существованіе этого контролирующаго органа...

Когда въ 1898 году въ Вѣнѣ графъ Бадени хотѣлъ насильственными мѣрами низвергнуть обструкцію, когда онъ употребилъ физическую силу противъ парламентскаго меньшинства, поднялось все населеніе австрійской столицы. Сотни тысячъ человѣкъ собрались на Ringstrasse, чтобы защищать парламентъ, и несомнѣнно, въ Вѣнѣ вспыхнула бы революція, если бы императоръ не поспѣшилъ продиктовать графу Бадени отставку... Народъ разсматриваетъ парламентъ, какъ очагъ законности; онъ считаетъ его контрольной станціей для дѣйствій правительства, якоремъ для правъ народа обсуждать государственныя дѣла и правъ личности на свободу и законность. Поэтому народъ никогда не допуститъ посягательствъ на парламентъ и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ немъ законность не нарушалась.

Въ Венгріи же нація еще болѣе цѣнитъ парламентское меньшинство

и его право на обструкцію, потому что Венгрія въ государственномъ отношеніи занимаетъ исключительное положеніе. Она составляетъ часть дуалистической Габсбургской монархіи, часть, пользующуюся одинаковыми правами съ Австріей. По закону 1867 года, разработанному геніальнымъ венгерскимъ политикомъ Францемъ Деакомъ, Венгрія представляетъ собою самостоятельный государственный организмъ, и общими являются лишь армія, дипломатическій корпусъ и всѣ сношенія съ прочими государствами. Это—оффиціально; въ дѣйствительности же вліяніе на внѣшнюю политику исходитъ только изъ Вѣны, венгерская армія не представляетъ собою самостоятельнаго организма, и высшія вѣнскія сферы неустанно стремятся къ тому, чтобы Венгрія занимала второстепенное мѣсто. Еслибы только эти тонко сплетаемыя въ Вѣнѣ интриги не такъ же искусно расплетались въ Будапештѣ, Венгрія ужъ давно превратилась бы въ провинцію Австріи. Но въ Будапештѣ зорко слѣдятъ, и за всякое ничтожное проявленіе австрійскаго превосходства въ Венгріи не задумываются учинять скандалъ, чѣмъ болѣе шумный, тѣмъ лучше. И вотъ, за всѣмъ этимъ слѣдитъ оппозиціонная партія независимыхъ, во главѣ которыхъ находится Кошутъ, сынъ великаго революціонера, вернувшійся изъ Италіи на родину лишь двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ провелъ годы своей молодости въ изгнаніи, гдѣ зорко слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ на родинѣ, и когда онъ понялъ, что въ Вѣнѣ становятся все смѣлѣе и что въ мадьярахъ начинаетъ просыпаться національное чувство, онъ вернулся на родину съ ореоломъ славы своего отца. Кошутъ! Это не имя, а цѣлый рядъ воспоминаній, чувствъ, желаній, приводящихъ каждаго мадьяра въ сладкій трепетъ. И партія Кошута, независимые, поняла чувства народа, и она прокламировала: соглашеніе съ Австріей, заключенное въ 1867 году, могло годиться для Венгріи лишь опредѣленное время! Теперь Венгрія вполнѣ созрѣла для самостоятельной жизни, и дуализмъ долженъ получить новую форму. Идеи 1848 года, ради которыхъ мадьяры пролили свою кровь, должны ожить! Венгрія должна получить полную независимость, и лишь личность общаго монарха должна соединять оба государства. Онѣ должны остаться въ союзѣ, онѣ должны общими силами защищаться отъ внѣшнихъ враговъ, но онѣ должны представлять собою два самостоятельныхъ организма!..

Такова программа независимой партіи, и, конечно, въ высшихъ вѣнскихъ сферахъ считаютъ эту программу чуть ли не антидинастической, потому что, если только она будетъ осуществлена, мощь и значеніе Габсбургскаго дома значительно уменьшатся, такъ какъ одно государство превратится въ два. Но идеи независимыхъ пріобрѣтаютъ все больше и больше адептовъ, и это лучше всего доказывается сопоставленіемъ числа ихъ парламентскихъ депутатовъ въ различное время. Такъ, въ венгерскомъ парламентѣ въ 1896 году было всего 62 независимыхъ депутата; въ 1901—85 и теперь 163! Въ теченіе всего лишь восьми лѣтъ число независимыхъ депутатовъ утроилось; такимъ успѣхомъ не можетъ похвалиться даже соціалъ - демократическая партія въ Германіи! И достигнуть такихъ результатовъ было особенно трудно еще потому, что въ Венгріи существуетъ самое уродливое избирательное право.

Но одни ли независимые мечтаютъ о свободной Венгріи? Правительственная либеральная партія оффиціально стоитъ на почвѣ соглашенія 1867 года, она ратуетъ за тѣсный органическій союзъ съ Австріей. Но—только оффиціально; въ дѣйствительности и она не прочь-бы

разбѣжаться и совершить этотъ смѣлый скачокъ, но она убѣждена въ томъ, что этотъ скачокъ для нея невыгоденъ. Венгерская либеральная партія является представительницей крупнаго и средняго дворянства и крупныхъ землевладѣльцевъ; это партія аристократіи, помѣщиковъ и бюрократіи, и всѣ эти классы обогащаются на счетъ союза съ Австріей, приносящаго имъ неисчислимыя выгоды. Она либеральна: она защищаетъ равноправіе, вѣротерпимость, она создала великолѣпные церковнополитическіе законы; она за свободу прессы, словомъ, она провела въ жизни всѣ тѣ идеалы, которые даютъ возможность буржуазіи прекрасно жить. Но она становится на дыбы, когда говорятъ объ общемъ избирательномъ правѣ, она ничего не хочетъ слышать о правахъ рабочихъ и мелкаго крестьянства и съ упорной рѣшимостью отстаиваетъ права буржуазіи. Словомъ, она принадлежитъ къ тѣмъ эгоистическимъ либеральнымъ партіямъ, которыя вымираютъ въ прочихъ государствахъ. Она считается ярой сторонницей дуализма. Но почему? Мадьярскихъ либераловъ совсѣмъ не увлекаетъ мечта о великодержавности; для этого они слишкомъ практичны и отлично знаютъ, что отъ этой великодержавности они ничего не имѣютъ. Они сильны, и вѣнскій дворъ и либералы оказываютъ другъ другу взаимную услугу, охраняя мощь и привиллегіи союзника. Дворъ оберегаетъ привиллегіи либераловъ, а послѣдніе охраняютъ дуализмъ отъ натиска независимыхъ, и эта сдѣлка ужъ давно совершена по молчаливому соглашенію. Но либералы далеко не друзья Австріи; вѣдь и они далеко, въ глубинѣ души, спрятали свое національное чувство мадьяръ, свою ненависть къ „швабамъ“, но лишь до поры до времени. Пока же они хотятъ укрѣпить Венгрію на счетъ Австріи. По соглашенію 1867 года Венгрія вноситъ для общеимперскихъ расходовъ, т. е. для содержанія арміи, лишь 33%, а Австрія 67%, хотя это отношеніе далеко не соотвѣтствуетъ численности войскъ въ обѣихъ половинахъ имперіи. Предметы вооруженія для арміи также пріобрѣтаются по этой выгодной для мадьяръ квотѣ. Общеимперскій банкъ представляетъ собою учрежденіе, дающее мадьярамъ возможность укрѣпить свои финансы на счетъ Австріи, и послѣдняя уплачиваетъ и до сихъ поръ проценты по прежнимъ венгерскимъ займамъ. Торговые договоры заключаются имперіей такъ, что интересы Венгріи занимаютъ въ этихъ договорахъ первое мѣсто, и ради этихъ интересовъ австрійцы при заключеніи договоровъ приносятъ много жертвъ. Словомъ, дуализмъ до сихъ поръ приносилъ мадьярамъ неисчислимыя выгоды, и ради чего имъ было сбрасывать его съ себя? Венгрія почти исключительно аграрное государство; еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ Венгріи совершенно не знали о существованіи индустріи. Но въ теченіе этого времени правительство напрягло невѣроятныя усилія, чтобы создать собственную индустрію и имѣть возможность сбросить съ Венгріи австрійскую опеку. Такъ, фабриканты освобождаются отъ значительной части податей; многимъ изъ нихъ оно поставляетъ дешевыхъ рабочихъ изъ внутреннихъ округовъ Венгріи; заказы на государственные и военные подряды оно отдаетъ своимъ фабрикантамъ, хотя и доставляющимъ плохіе продукты; желѣзнодорожные тарифы пригнаны такъ, что австрійская конкурренція очень затруднена; израсходованы десятки милліоновъ, чтобы создать венгерскій портъ Фіуме и отвлечь торговлю отъ австрійскаго Тріеста; и все это вмѣстѣ способствовало къ созданію венгерской индустріи, такъ что мечта объ экономической независимости Венгріи постепенно приближается къ дѣйствительности.

Какъ видите, собственно говоря,

между принципами либераловъ и независимыхъ особой разницы нѣтъ; существуетъ разница лишь тактическаго характера; первые подготовляются къ независимости Венгріи, скрывая свои истинные замыслы, вторые хотятъ получить эту независимость теперь, сейчасъ же.

Независимые, получая постепенно въ парламентѣ силу и значеніе, не замедлили эксплоатировать ее, и они объявили войну Вѣнѣ. Въ ихъ рукахъ постоянно находилось сильное орудіе: бюджетъ и рекруты. „Не предоставите намъ національныхъ концессій, не допустимъ вотировки рекрутъ". Формула была коротка, но въ высшей степени убѣдительна. Вѣдь безъ рекрутъ государство или, правильнѣе, правительство и дворъ обойтись не могутъ! А такъ какъ при составленіи военной конституціи дворъ не предвидѣлъ такихъ осложненій и не ввелъ, какъ онъ это сдѣлалъ въ Австріи, § 14, дающаго возможность въ случаѣ надобности обойтись и безъ парламента, то ему приходилось всякій разъ дѣлать независимымъ концессіи. И вотъ ужъ три года дворъ и высшія военныя власти съ скрежетомъ зубовнымъ дѣлаютъ мадьярамъ важныя уступки по организаціи арміи и тѣмъ, конечно, увеличиваютъ популярность Кошута и его партіи. Во время осеннихъ маневровъ въ 1903 году въ Галиціи императоръ какъ высшій военный начальникъ, окруженный своими генералами, издалъ въ Хлопахъ знаменитый приказъ по арміи, въ которомъ онъ категорически прокламировалъ органическое единство имперской арміи. Этотъ приказъ былъ щелчкомъ идеѣ о независимости, но только щелчкомъ, не больше. И что же отвѣтили на это независимые? Они потребовали, чтобы всѣ венгерскіе офицеры были были переведены изъ австрійскихъ полковъ въ венгерскіе; чтобы въ Венгріи были открыты особыя венгерскія офицерскія училища, чтобы языкомъ команды во всѣхъ венгерскихъ полкахъ былъ мадьярскій и чтобы военное судопроизводство также совершалось на мадьярскомъ языкѣ. Требованія, какъ видите, весьма важныя, и когда высшіе генералы, находясь на высотѣ своего олимпійскаго величія, надменно отказали имъ, независимые пожали плечами и—приступили къ обструкціи! „Нѣтъ? Такъ не будетъ Вамъ и рекрутовъ"! Изъ за этого вопроса пало въ Венгріи два кабинета, которыхъ свалила обструкція независимыхъ. И тогда высшіе генералы съежились и — уступили... Во всей Венгріи было всеобщее ликованіе; независимые считались героями, а либералы — недостаточно патріотичными, такъ какъ они были противъ требованій независимыхъ!.. Чрезъ полгода независимые выступили съ новымъ требованіемъ: они нашли необходимымъ, чтобы венгерскіе національные полки генведовъ имѣли свою артиллерію. Что значатъ эти полки безъ артиллеріи? Правда, ихъ немало, но все же, въ случаѣ конфликта съ Австріей, австрійцы разстрѣляютъ ихъ, какъ перепеловъ. Значитъ, нужна артиллерія! Она, правда, обойдется мадьярамъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, — но что жъ? Вѣдь посредствомъ союза съ Австріей достаточно съэкономничали золота. И вѣнскій дворъ уступилъ, потому что иначе независимые могли еще разъ обструировать рекрутскій наборъ! Независимые и теперь ликовали.

Ясно, что вѣнскому двору эта обструкція независимыхъ, которая постоянно висѣла надъ нимъ подобно Домоклову мечу, была неудобна, и вѣнскій дворъ рѣшилъ во чтобы то ни стало освободиться отъ нея. И вотъ, графъ Тисса предложилъ двору и высшимъ военнымъ сферамъ свои услуги: онъ низвергнетъ обструкцію! Онъ внесетъ новый законопроектъ о дневной очереди, который сдѣлаетъ обструкцію бюджета и рекрутскаго набора невозможными!

Нечего и говорить, что планъ

Тиссы былъ вполнѣ одобренъ высшими сферами; одобрила его и либеральная партія, которой во чтобы то ни стало хотѣлось сломить силу независимыхъ, популярность которыхъ становилась для либераловъ опасной. Ясно также, что независимые въ этомъ законопроектѣ усмотрѣли посягательство на права націи, потому что имъ было хорошо извѣстно, что если ихъ лишатъ возможности обструировать, они не только не смогутъ пріобрѣтать новыя національныя привиллегіи, но наоборотъ, ихъ постепенно лишатъ правъ и на старыя. Кромѣ того, они заявили, что въ парламентѣ не должна быть сокращена свобода слова.

И изъ-за этого завязалась борьба, за которой съ напряженнымъ интересомъ слѣдилъ весь цивилизованный міръ, понявшій, что *это парламентская борьба націи съ ставленниками придворныхъ сферъ*. Такъ какъ на законопроектъ Тиссы независимые отвѣтили обструкціей, Тисса рѣшилъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Изъ отчетовъ повседневной прессы читателямъ извѣстно, при какомъ неслыханномъ насиліи графъ Тисса прогналъ сквозь парламентскій строй свой законопроектъ и какой погромъ былъ учиненъ въ залѣ парламента, когда Тисса попытался ввести парламентскую стражу. Тисса очутился въ роковомъ водоворотѣ, и увлеченный имъ, онъ переходилъ отъ одного грубаго насилія къ другому. Повинуясь стадному чувству, либеральная партія слѣдовала за своимъ вождемъ. Но не вся! Депутаты, у которыхъ не заглохло чувство собственнаго достоинства, которымъ были дороги традиціи венгерскаго парламентаризма, заявили Тиссѣ, что они выступятъ изъ состава либеральной партіи, если только онъ не прекратитъ насилія и беззаконія. Это они заявили ему тогда, когда Тисса, опять-таки нарушая конституціонный законъ, рѣшилъ распустить парламентъ и, какъ онъ патетически заявилъ, опросить націю, назначить новые выборы. Это было незаконно, такъ какъ въ безбюджетное время, при ex-lex, парламентъ не можетъ быть распущенъ. Тисса игнорировалъ ихъ требованія, и двадцать пять депутатовъ оставили либеральную партію и составили особую группу диссидентовъ. Это было для придворныхъ сферъ и для Тиссы большимъ ударомъ, такъ какъ въ эту группу вошли самые выдающіеся венгерскіе аристократы: графы Андраши, Зичи, Саки, Карольи и другіе. И съ этого момента паденіе Тиссы начало быстро происходить по крутой наклонной плоскости, и желѣзная перчатка начала соскользать съ его руки...

Венгерское дворянство въ силу историческихъ традицій занимаетъ въ государствѣ своеобразное, исключительное положеніе. Въ то время, какъ въ другихъ государствахъ оно составляетъ сильныя группы или монархистовъ или феодаловъ, или консерваторовъ, въ Венгріи; дворянство принадлежитъ къ либеральной партіи. Еще въ далекія времена оно защищало независимость Венгріи; всѣ эти графы и бароны болѣе или менѣе успѣшно боролись противъ конспирацій вѣнскаго двора, и такъ какъ они знали, что ихъ борьба будетъ успѣшной только въ томъ случаѣ, если за ними находятся сплоченныя народныя массы, то они и признали идеи народныхъ массъ за свои. Отсюда и ихъ либерализмъ, отсюда и ихъ защита прогрессивныхъ идей, такъ какъ имъ извѣстно, что эти идеи представляютъ собой гарантіи для венгерскаго самостоятельнаго государственнаго строя. Въ то время, какъ, напримѣръ, въ Австріи аристократы игнорируютъ широкія народныя массы, такъ какъ по существующему избирательному строю десятокъ крупныхъ землевладѣльцевъ избираютъ одного депутата въ парламентъ, въ Венгріи дворяне находятся въ тѣсной связи съ избирателями, и графы Андраши,

Апоньи и др. пользуются во всей странѣ широкой популярностью. Они либеральны, посколько либерализмъ касается общихъ человѣческихъ правъ; но соціальныя реформы остаются имъ совершенно чуждыми, и въ то время, какъ они проигрываютъ въ карты въ національномъ казино по десятку тысячъ кронъ, въ ихъ богатыхъ имѣніяхъ батраки живутъ впроголодь и получаютъ грошевые оклады. Они патетически проповѣдуютъ о равенствѣ и готовы свергнуть кабинетъ, поддерживающій клерикализмъ;—но въ то же время съ безсердечнымъ эгоизмомъ они лишаютъ всѣхъ національныхъ правъ румынъ, сербовъ и словакъ; они восхищаются смѣлой драмой, раскрывающей темныя стороны придворной жизни и—кричатъ „распни" по адресу того редактора, который призываетъ рабочихъ къ организаціи!.. Словомъ, они либеральны настолько, насколько этого требуетъ національная независимость, интересы капитализма и крупнаго землевладѣнія. Но ни на шагъ больше!

И эти либеральные аристократы оставили, съ графомъ Андраши во главѣ, правительственную партію, и можете себѣ представить, съ какимъ восторгомъ ихъ встрѣтили независимые! Скоро присоединилась къ независимымъ и группа барона Банфи, и даже католическая народная партія примкнула къ безусловно прогрессивнымъ независимымъ. Такъ глубоко національное самосознаніе въ Венгріи даже у клерикаловъ! Правда, католическое духовенство осталось вѣрнымъ династическимъ идеаламъ, и клиръ получилъ отъ епископа предписаніе не поддерживать независимыхъ, но клерикальныя народныя массы перестали слѣдовать за своимъ духовенствомъ. Произошло сліяніе націоналистовъ съ графомъ Апоньи во главѣ съ партіей Кошута, и это сліяніе ознаменовалось банкетомъ, на которомъ графъ Зичи заявилъ, что это самый счастливый день въ его жизни!

Говорятъ, что когда императоръ узналъ объ этомъ, онъ сказалъ: „я этого не ожидалъ отъ моихъ графовъ и тайныхъ совѣтниковъ". Но все же аристократовъ пугала та пропасть, которая отнынѣ должна была отдѣлять ихъ отъ династіи, и они употребляли всѣ усилія, чтобы представить императору истинное положеніе вещей, чтобы предупредить его отъ роковой политики насилій графа Тиссы. Они хотѣли указать императору, что своей санкціей незаконныхъ выборовъ онъ подорветъ въ народѣ вѣру въ то, что монархъ есть высшій хранитель конституціонализма и законности, и что эту вѣру нужно выдѣлить изъ парламентской борьбы...

Но это оказалось невозможнымъ. Императоръ выслушиваетъ мнѣніе лишь тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые рекомендуются ему министръ-президентомъ, а потому онъ лишенъ возможности познакомиться съ взглядами оппозиціонныхъ партій и съ настроеніемъ значительной части общества. Напрасно графъ Андраши и графъ Апоньи пытались получить доступъ ко двору; не смотря на ихъ громадныя связи, они все же не были приняты монархомъ. Слѣдуетъ еще добавить, что на престарѣлаго монарха оказываютъ въ послѣднее время сильное вліяніе эрцгерцоги, въ особенности же австрійскій престолонаслѣдникъ, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ Д'Эсте, который съ открытой антипатіей относится къ сепаратистскому движенію въ Венгріи и не признаетъ за ней право на самостоятельную государственную жизнь. И всѣ эти факторы содѣйствовали тому, что Францъ-Іосифъ предоставилъ графу Тиссѣ самыя широкія полномочія. Эти интриги при вѣнскомъ дворѣ повели къ тому, что Францъ-Іосифъ, всю свою жизнь относившійся съ глубокимъ уваженіемъ къ конституціонному строю и подавлявшій въ себѣ свои личные взгляды и желанія въ тѣхъ случаяхъ, когда консти-

туціонныя учрежденія высказывались за другія дѣйствія, теперь рѣшилъ назначить для Венгріи парламентскіе выборы при произвольномъ толкованіи закона!

На что надѣялся графъ Тисса? Опыты прежнихъ выборовъ доказали, что правительство располагаетъ средствами, чтобы провести значительную часть кандидатовъ своей партіи. Въ странѣ, гдѣ изъ семнадцати милліоновъ населенія лишь 900 тысячъ гражданъ имѣютъ право подойти къ урнѣ, можно на избирателей оказать давленіе. Въ распоряженіи Тиссы имѣлся спеціальный избирательный фондъ въ семь милліоновъ кронъ; онъ былъ увѣренъ, что при существующей системѣ открытой подачи голосовъ чиновники правительственныхъ и автономныхъ учрежденій не осмѣлятся вотировать за кандидатовъ оппозиціонныхъ партій; цѣлая армія сборщиковъ податей угрожала крестьянамъ описью имущества за недоимки, если они будутъ вотировать не за кандидатовъ правительства; и наконецъ, всюду были расквартированы войска, частью вытребованныя изъ Австріи, которыя своими штыками должны были подкрѣплять насильственныя дѣйствія гласныхъ и негласныхъ органовъ Тиссы.

Какъ видите, Тисса подготовился основательно; онъ все предвидѣлъ, все предусмотрѣлъ, и забылъ онъ лишь объ одномъ, правда, чрезвычайно важномъ,—народномъ воодушевленіи, которое сметаетъ всѣ препятствія, всѣ козни. Объ этомъ Тисса забылъ, и за это онъ жестоко поплатился...

И это воодушевленіе было вызвано въ средѣ избирателей сознаніемъ, что подготовляется посягательство на ихъ національныя права, а историческое развитіе Венгріи сложилось такъ, что народъ связываетъ представленіе о національныхъ правахъ съ представленіемъ о политической свободѣ. Народъ сознавалъ, что его депутатовъ хотятъ лишить правъ обструировать, что равносильно защищать права націи предъ высшими вѣнскими сферами, кромѣ того его увлекаетъ теперь мечта о независимости Венгріи, онъ убѣжденъ, что приближается часъ, когда можно будетъ прокламировать эту независимость.

И это воодушевленіе приняло слѣдующія формы. Когда избирателямъ предлагали деньги, чтобы побудить ихъ вотировать за кандидатовъ либеральной партіи, они рвали на клочки кредитные билеты! Мужчины клялись подъ открытымъ небомъ въ томъ, что они останутся вѣрными независимымъ; женщины становились въ снѣгъ на колѣни и молились за успѣхъ партіи Кошута; чиновники рисковали своей карьерой и подавали голоса за независимыхъ; крестьяне простаивали по 20—30 часовъ въ жестокій морозъ предъ избирательнымъ помѣщеніемъ, чтобы только не пропустить своей очереди.... Такъ венгерскій народъ мстилъ правительству за насиліе надъ правами парламента! Солдаты расположенныхъ всюду гарнизоновъ заявили, что они откажутся стрѣлять въ избирателей оппозиціи, а когда отъ одного высшаго офицера потребовали, чтобы его войска разсѣяли избирателей, онъ коротко отвѣтилъ: „я призванъ сюда для поддержанія порядка, а не для терроризированія избирателей“.

Ночь на 26 января останется памятной для Тиссы и для вождей либеральной партіи. Отовсюду начали приходить извѣстія объ ихъ пораженіяхъ, каждая новая телеграмма сообщала о потерѣ еще одного избирательнаго округа. О выборахъ привыкли говорить, какъ о „побѣдѣ и пораженіи“. Но это ужъ не было пораженіемъ,—это была катастрофа, начало полнаго распаденія партіи. Всѣ потеряли головы, и одинъ обвинялъ другого, а большинство проклинало Тиссу, который въ эти ужасные часы не рѣшался показываться...

А въ это же самое время въ клубѣ независимыхъ царило ликованіе, и когда стали извѣстны результаты выборовъ, всѣ были изумлены: были превзойдены самыя смѣлыя ожиданія. Партія независимыхъ пріобрѣла 75 новыхъ полномочій, которыя были потеряны правительственной либеральной партіей. Независимые теперь—самая сильная партія въ венгерскомъ парламентѣ, а либералы навсегда потеряли руководство политической жизнью страны!

Результаты выборовъ доказали, что венгерскій народъ, охраняя права парламента, въ то же самое время высказался сторонникомъ идеи независимости Венгріи, и конечно, идеѣ дуализма нанесенъ теперь чувствительный ударъ. Какъ теперь сложится политическая жизнь Венгріи? Графъ Тисса, убѣдившись въ банкротствѣ своей политики, подастъ въ отставку; вмѣстѣ съ нимъ исчезнутъ съ арены политической жизни и всѣ его министры, скомпрометировавшіе себя политикой насилія. Какой же кабинетъ составится теперь? Собственно говоря, побѣдители, независимые, имѣютъ право требовать, чтобы имъ было поручено составленіе новаго кабинета, такъ какъ они являются истинными представителями народа. Но на это едва ли можно разсчитывать, такъ какъ императоръ ни за что не согласится, чтобы идея о разрывѣ дуализма торжествовала. Остается слѣдовательно одно: составить коалицію партій, придерживающихся программы дуализма 1867 года. Это, пожалуй, удастся, хотя при этомъ получится самое ничтожное большинство. Но ни одинъ политикъ ни при какихъ условіяхъ не сможетъ теперь составить большинство, даже очень скромное, которое защищало бы экономическое соглашеніе съ Австріей. Экономическій союзъ доживаетъ послѣдніе годы, и скоро, скорѣе можетъ быть, чѣмъ предполагаютъ въ Вѣнѣ, на границѣ между Австріей и Венгріей будутъ сооружены таможни, и Венгрія будетъ самостоятельно заключать съ европейскими государствами торговые договоры. А отсюда ужъ одинъ шагъ къ самостоятельной политикѣ. Независимые не фантазеры; имъ прекрасно извѣстно, что ихъ конечная мечта, — полное отдѣленіе отъ Австріи, теперь не осуществима. Они хотятъ пока упрочить свою власть и переходить отъ исполненія одного желанія къ другому. Теперь они говорятъ, что недалеко то время, когда Францъ Кошутъ станетъ во главѣ венгерскаго правительства. Сынъ великаго революціонера—его превосходительство, министръ-президентъ Венгріи — это будетъ принадлежать къ рѣдкимъ пикантностямъ политической исторіи. И это никоимъ образомъ нельзя считать невѣроятнымъ!

Императоръ отправится въ Будапештъ, чтобы лично выслушать мнѣніе крупныхъ политическихъ дѣятелей, и теперь, во время хаоса, онъ не будетъ строго разбирать, и онъ готовъ принять Кошута; онъ хочетъ услышать отъ вождя оппозиціи, при какихъ условіяхъ онъ готовъ отказаться отъ борьбы съ дуализмомъ. Отказаться Кошутъ не откажется, и свою программу онъ проведетъ постепенно. Вѣдь господиномъ положенія теперь онъ! Онъ потребуетъ введенія въ Венгріи общеизбирательнаго права, улучшенія положенія желѣзнодорожныхъ служащихъ, стачка которыхъ была подавлена Тиссой самымъ жестокимъ образомъ, и наконецъ, онъ потребуетъ расширенія правъ для венгерской арміи. Не подлежитъ сомнѣнію, что кризисъ не разрѣшится такъ легко, и осложненія самаго серьезнаго характера еще возможны. Такъ, баронъ Банфи и его сторонники ужъ теперь требуютъ, чтобы графъ Глуховскій былъ преданъ суду за незаконное заключеніе торговаго договора съ Германіей. Этотъ договоръ былъ подписанъ лишь на этихъ

дняхъ, подписанъ графомъ Глуховскимъ, не испросившимъ заранѣе разрѣшенія австрійскаго и венгерскаго парламентовъ.

Это, конечно, представляетъ собою нарушеніе закона, и германское правительство приняло эту подпись, надѣясь, что въ разрѣшеніи парламентовъ остановки не послѣдуетъ. Но венгерскій парламентъ при исключительномъ положеніи оппозиціи несомнѣнно будетъ протестовать! Дѣло въ томъ, что торговый договоръ съ Германіей заключенъ на двадцать лѣтъ, и этотъ договоръ связываетъ до 1917 года не только Австрію, но и Венгрію! До этого года Венгрія принуждена будетъ находиться въ экономическомъ союзѣ съ Австріей, такъ какъ торговый договоръ заключенъ отъ имени Австро - Венгріи, какъ единой державы. Но развѣ независимые могутъ теперь связывать себя по рукамъ и ногамъ до 1917 года?

Вѣдь, они надѣются, что экономическое соглашеніе съ Австріей будетъ прервано значительно раньше, но оно не можетъ быть прервано, если торговый договоръ съ Германіей вступитъ въ законную силу. Высшія вѣнскія сферы отлично поняли это и поспѣшили посредствомъ заключенія договора застраховать себя отъ сепаратистскихъ стремленій мадьяръ. Но мадьяры требуютъ теперь, чтобы договоръ съ Германіей былъ подвергнутъ пересмотру и чтобы экономическое соглашеніе съ Австріей было заключено не больше, чѣмъ на три-четыре года.

Какъ относятся въ Австріи къ политическому перевороту въ Венгріи? Мнѣніе высшихъ сферъ мы ужъ указали; онѣ полагаютъ, что вслѣдствіе усиленія независимыхъ Австро-Венгрія, какъ великая держава, пострадаетъ, и ея престижъ въ Европѣ будетъ значительно потрясенъ. И какъ видно, послѣднія событія не отрезвили ихъ, и онѣ не задумываются совѣтовать, чтобы въ случаѣ дальнѣйшаго усиленія независимыхъ *въ Венгріи была объявлена военная диктатура.* Къ какимъ послѣдствіямъ эти диктатура можетъ привести, — это ясно всякому, кто хоть немного знакомъ съ исторіей Венгріи и съ пламенной любовью мадьяръ къ своимъ конституціоннымъ учрежденіямъ. Австрійскіе нѣмцы считаются съ экономическимъ разрывомъ, какъ съ фактомъ недалекаго будущаго, и они говорятъ, что въ такомъ случаѣ разрывъ долженъ послѣдовать какъ можно скорѣе. Отъ этого Австрія можетъ только выиграть, такъ какъ ея индустрія и земледѣліе только выиграютъ. Оправдаются ли надежды австрійцевъ,—покажетъ будущее, но одно ихъ указаніе правильно: въ случаѣ скораго разрыва Венгрія принуждена будетъ сама заботиться о расходахъ по содержанію своей арміи. Въ прошломъ году делегаты вотировали 353 миліона для общеимперскихъ военныхъ цѣлей, и если разрывъ произойдетъ теперь, Австрія выгадаетъ 14 милліоновъ кронъ.

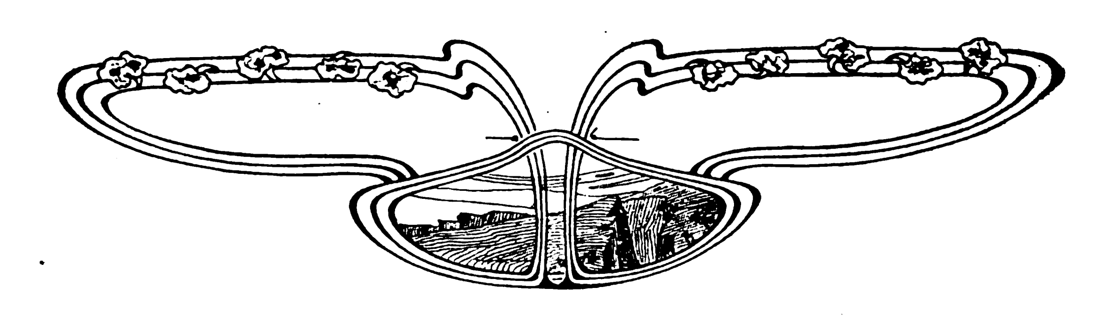
Славяне Австріи съ чувствомъ удовлетворенія слѣдятъ за событіями въ Венгріи; они сознаютъ, что съ усиленіемъ независимыхъ ослабленная Австрія принуждена будетъ разсчитывать на особую поддержку славянъ и, конечно, должна будетъ предложить имъ національныя концессіи. Непосредственно послѣ выборовъ Кошутъ отправилъ чешскимъ радикаламъ телеграмму, въ которой указываетъ на то, что „независимая Венгрія будетъ находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Австріей, но только съ федеративной, въ которой всѣ націи будутъ пользоваться правами, мотивированными исторіей“.

Венгерскіе выборы встряхнули сонную и апатичную Австрію. Они доказали и австрійскимъ правителямъ, что политика насилій можетъ привести только къ роковымъ осложненіямъ, и вызвали надежду, что

Габсбургская имперія находится накануне радикальныхъ государственныхъ реформъ: венгерскій водоворотъ окажется столь сильнымъ, что, несомнѣнно, увлечетъ въ своемъ потокѣ и Австрію...

Д-ръ Л. Соколовскій.

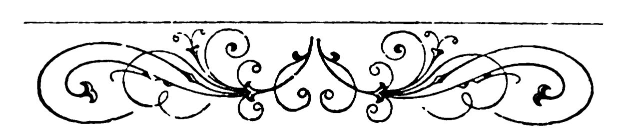
Вѣна,
февраль.

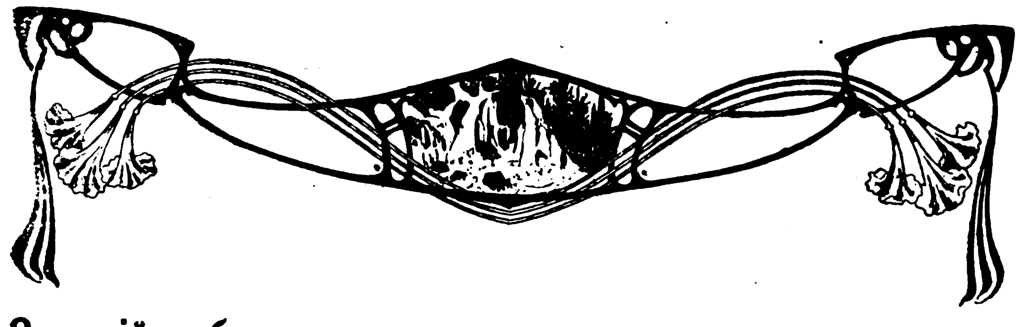

* * *

Бьется море въ прибрежный гранитъ,
Въ груди радостно сердце стучитъ!
Я у моря стою и пою
Одинокую пѣсню мою...
Буду пѣть! Не уйду, не засну,
Ожидая царицу-весну...
Мнѣ сказали, что счастья заря
Дорогія, родныя поля,
Напоённыя потомъ и кровью,
Обогрѣетъ священной любовью!..
Мнѣ сказали, что жизни весна
Идетъ въ гости, свѣтла и ясна,
Бѣлоснѣжными розами мая
Путь тернистый земли устилая...

Александръ Мартаковъ.

Земскій соборъ, избравшій на царство Михаила Феодоровича.

Земскіе соборы представляютъ собою одно изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ явленій русской государственной и общественной жизни 16-го и 17-го вѣковъ.

Начало земскихъ соборовъ относится къ половинѣ 16-го вѣка; въ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія наступаетъ періодъ наибольшаго процвѣтанія соборовъ, но въ томъ-же 17 вѣкѣ и совершенно прекращается дѣятельность ихъ.

Возникновеніе земскихъ соборовъ на Руси объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ дѣлѣ устроенія и укрѣпленія государственнаго порядка и общественнаго быта, само правительство не могло обходиться собственными средствами, ему понадобилось тутъ содѣйствіе всей земли въ лицѣ ея выборныхъ. [1]) Собственно созваніе правительствомъ земскихъ выборныхъ на соборы можетъ быть поставлено въ тѣсную органическую связь съ принятой въ то время въ Московскомъ государствѣ системой мѣстнаго управленія. построеннаго на личной отвѣтственности правителя данной области и отвѣтственности ручавшагося за него мѣстнаго общества [2]). Земскіе соборы, призванные къ свой дѣятельности царской властью въ 16 вѣкѣ, явились завершеніемъ сложнаго зданія мѣстнаго управленія,—призывъ со стороны власти, отъ земства выборныхъ имѣлъ цѣлью заставить само русское общество указать новыхъ отвѣтственныхъ исполнителей соборнаго приговора, когда въ нихъ нуждалось правительство [3]), Созданные самой царской властью, въ силу особыхъ государственныхъ соображеній, земскіе соборы получили предназначеніе стать высшей формой мірской поруки въ управленіи и составлены были властью изъ лицъ, служившихъ одновременно и органами ея, и представителями избравшаго ихъ общества [4]).

Мало-по-малу соборное представительство входитъ въ правительственный обычай — это съ одной стороны, съ другой—само общество начинаетъ понимать пользу земскихъ соборовъ [5]). Между тѣмъ наступило смутное время, когда самыя историческія обстоятельства оказались весьма благопріятными для развитія соборной дѣятельности. Отпоръ врагамъ Россіи, устроеніе потрясеннаго смутой всего уклада русской жизни—требовали особенно живого

---

[1]) В. Н. Чичеринъ, „О народномъ представительствѣ", 361, 370 стр.; В. О. Ключевскій, „Рус. Мысль", 1890, I, 147; 1892, I, 140 стр.

[2]) Ключевскій, „Русск. М.", 1892, I, 167, 170 стр.

[3]) Ключевскій, „Р. М." 1892, 167, 172 стр.

[4]) Ibid., 141, 144, 167, 170 стр.

[5]) Ключевскій, „Р. М." 1890, 147, 152—153 стр.

и дѣятельнаго содѣйствія власти со стороны гражданъ,—отсюда земскіе соборы того времени являются съ компетенціей болѣе широкой сравнительно съ предыдущими, пріобрѣтаютъ—правда, на самое короткое время — значеніе, въ полномъ смыслѣ слова, правительственное, рѣшающее, проявляютъ дѣятельность усиленную [6]).

Особый подъемъ самодѣятельности земства видимъ на соборѣ, избравшемъ въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова. Нѣкоторое время этому собору принадлежала верховная государственная власть: избраніе царя, рѣшеніе вопросовъ учредительнаго законодательства, текущія дѣла государственнаго хозяйства, охраненіе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, дипломатическіе переговоры — вотъ предметы соборной компетенціи. Между прочимъ, проявленію самодѣятельности земства на этомъ соборѣ оказало содѣйствіе слѣдующее. Въ періодъ смутъ значеніе боярства ослабѣваетъ, въ рядахъ его видимъ много опустѣлыхъ мѣстъ, которыя заполняются новыми людьми, не привыкшими къ власти, чуждыми политическихъ и фамильныхъ преданій; а съ другой стороны, обстоятельства эпохи смутъ и междуцарствія, ознаменованной частыми государственными переворотами и выборами новыхъ царей, а также соціально-политической борьбой отдѣльныхъ классовъ русскаго общества между собою,—эти обстоятельства пробудили въ обществѣ новую мысль—*о народной волѣ, какъ верховномъ хозяинѣ земли*, и „все народное собраніе", „совѣтъ всей земли" въ концѣ концевъ былъ признанъ главной рѣшающей силой въ государствѣ [7]). Въ силу этого избирательный соборъ 1613 года заслуживаетъ особеннаго къ себѣ вниманія.

Наступало „начало конца" смутнаго „лихолѣтья". Осенью 1612 года „Московское Государство [8]) и царствующій градъ Москва, отъ Польскаго и отъ Литовскаго Короля и отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей, отъ ихъ злаго плѣненія, очистилося и учинилося свободно [9])". Это великое дѣло освобожденія отечества отъ враговъ совершилось „службою и радѣньемъ ко всей землѣ русской" боярина и воеводы князя Д. Т. Трубецкого, стольника и воеводы князя Д. М. Пожарскаго и „выборнаго человѣка отъ всего Московскаго Государства" Космы Минина [10]), а также „службою и промысломъ и радѣньемъ ко всей землѣ бояръ и воеводъ и всякихъ ратныхъ людей [11])". По освобожденіи Москвы отъ поляковъ у освободителей естественно возникла мысль „о обираньѣ государскомъ". Воеводы и государственная земская дума—„начальники", а за ними и „вси людие", бывшіе въ то время въ Москвѣ, „видя надъ собою милость божию, начаша думать како бы имъ избрати государя на Московское государствъ чтобъ данъ былъ отъ бога, а не отъ человѣкъ [12])". Но „начальники", пережившіе эпоху смутъ и умудренные уроками, полученными отъ этой эпохи, понимали, что имъ „такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, не обослався и не учиня совѣту и договору... со всѣми городы Россійскаго царствія, со всякими людьми отъ мала и до велика, однимъ учинити нельзя" [13]). Русское общество, и въ частности верхній слой его, сознавало, что для прочности

[6]) Б. Н. Чичеринъ „О народн. предст.", 378: Ключевскій, литогр. лекціи 1898 г. ч. II, 16 стр.; Загоскинъ, „Изв. и уч. зап. Каз. Унив." 1877, IV, 761 стр.

[7]) Проф. В. О. Ключевскій, литогр. лекціи по руск. ист. изд. 1898 г., ч. II, стр. 12—14.

[8]) Конечно, не вся территорія государства тутъ можетъ быть подразумѣваема.

[9]) Собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 1 1 стр.

[10]) Ibid., т. I, № 203, стр. 611.

[11]) Ibid., т. III, № 1, стр. 1.

[12]) „Никонова Лѣтопись", ч. VIII, стр. 200.

[13]) Дополн. къ актамъ историч., т. I, № 166, стр. 294.

трона избираемаго царя необходимо *всенародное* желаніе, по крайней мѣрѣ, согласіе на избраніе. Поэтому воеводы и государственная земская дума „о обиранье государскомъ, и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ, писали въ Сибирь, и въ Астрахань, и въ Казань, и въ Нижней Новгородъ, и на Сѣверу, и во всѣ городы Московскаго государства, чтобы изо всѣхъ городовъ Московскаго государства, изо всякихъ чиновъ люди, по десяти человѣкъ изъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ прислали... къ Москвѣ“ [14]); требовали „лутчихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей“ „и изъ дворянъ, и изъ дѣтей боярскихъ, и изъ гостей, и изъ торговыхъ, и изъ торговыхъ, и изъ посадскихъ и изъ уѣздныхъ людей [15]).

Грамота, приглашавшая земскихъ выборныхъ на соборъ, не сохранилась, однако, есть данныя, на основаніи которыхъ можно сдѣлать нѣкоторыя заключенія о ея содержаніи. Кромѣ болѣе или менѣе подробныхъ свѣдѣній объ освобожденіи Москвы, въ грамотѣ указывалось на то, что „впредь Московскому Государству безъ Государя ни которыми дѣлы строится не мочно“, дѣлалось затѣмъ предложеніе, чтобы „въ городѣхъ всякіе люди межъ собя о государскомъ обиранье совѣтъ и договоръ учинили крѣпкой“, чтобы „выбрали изо всѣхъ городовъ“ „изо всякихъ чиновъ“ „луччихъ и разумныхъ постоятелныхъ людей“, которые быѣхали къ Москвѣ „тотчасъ“, предварительно „договорясь въ городѣхъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государскомъ обиранье полные договоры [16])“. Грамота эта, какъ устанавливается документально, отправлена какъ разъ передъ 15 Ноября 1612 года [17]).

Судя по требованію прислать выборныхъ „тотчасъ“ и имѣя въ виду продолжительность земскаго собора до избранія въ цари Михаила Θеодоровича Романова [18]), можно думать, что выборные отъ земли съѣхались въ Москву въ декабрѣ 1612 и во всякомъ случаѣ не позже первой половины января 1613 года.

Составъ собора, если имѣть въ виду избирательную „грамоту утвержденную“, указанія которой подверждаются другими документальными данными, былъ такой: 3 митрополита, 5 архіепископовъ и епископовъ, затѣмъ архимандриты, игумены и монастырскіе старцы, протопопы и попы, бояре, окольничіе, кравчіе, чашники, стольники, стряпчіе, думные дворяне, дворяне большіе и дворяне изъ городовъ, думные и приказные дьяки, атаманы казацкіе, головы и сотники стрѣлецкіе, казаки и стрѣльцы, гости, дѣти боярскіе, пушкари, „всякіе приказные и дворовые люди“ „и торговые и посатцкіе и всякихъ чиновъ всякие служилые и жилецкіе люди“ [19]). Соборъ, такимъ образомъ, составился изъ выборныхъ отъ всѣхъ слоевъ свободнаго населенія государства; не было лишь представителей несвободныхъ людей—владѣльческихъ крестьянъ и холопей. Уполномоченные своими избирателями, участники собора имѣли отъ нихъ соотвѣтствующія инструкціи и указанія—„полные договоры о государскомъ обиранье“. Какъ полагаетъ большинство ученыхъ изслѣдователей разсматриваемой эпохи, выборы представителей по городамъ производились посословно, такъ что каждое сословіе присылало своихъ особыхъ представителей

Не только ближайшіе къ Москвѣ

---

[14]) Дополн. къ акт. истор., т. I, № 166, стр. 294.

[15]) Собр. гос. гр. и дог. т. I, № 203, стр. 612.

[16]) „Дворцовые Разряды“, т. I. стр. 11, 12, 20, 26.

17) Доп. къ акт. истор., т. I, № 166, стр. 291—294; „отписка“ писана 15 ноября 1612 г., въ ней, между прочимъ, стоитъ; „и мы *нынѣ* писали о обиранье государскомъ“ и т. д.

[18]) О чемъ рѣчь ниже.

[19]) Собр. гос. гр. и дог., т. I, № 203 стр. 635—643.

города, но и значительно удаленные отъ столицы прислали своихъ уполномоченныхъ на соборъ, „по скольку человѣкъ пригоже“ [20]); на соборѣ присутствовали, напримѣръ, выборные изъ Казани, Устюжны, Вятки, Вологды, Рыльска. Бѣлгорода, съ береговъ Сѣверной Двины. Однако не всѣ города прислали своихъ представителей; объясняется это, кромѣ весьма значительной дальности разстоянія нѣкоторыхъ городовъ отъ Москвы, еще, какъ справедливо утверждаетъ проф. Загоскинъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе города и общины были совершенно разорены въ смутное время [21]). Число участниковъ собора даже съ приблизительной точностью установлено быть не можетъ; во всякомъ случаѣ ихъ было нѣсколько сотенъ человѣкъ, гораздо болѣе 300, — единственный выводъ, какой мы въ правѣ сдѣлать на основаніи подписей къ избирательной грамотѣ. Вообще же, по справедливому утвержденію профес. С. Ѳ. Платонова [22]), избирательный соборъ 1613 года былъ люденъ и, сравнительно съ другими соборами, полонъ, какъ по числу представленныхъ мѣстностей, такъ и по разнообразію вошедшихъ сословныхъ группъ.

Избирательная грамота свидѣтельствуетъ, что „по многие дни на соборе изо всѣхъ городовъ всего Россійского Царствия всякие люди не обинуяся говорили“ [23]). Значительная продолжительность собора неоднократно указывается въ документахъ, — „о государскомъ обираньѣ мыслили многое время“ [24]); въ одной грамотѣ отъ 25 февраля 1613 г. говорится, что до этого дня выборные люди на Москвѣ прожили уже долгое время [25]).

Ходъ соборныхъ разсужденій можно приблизительно представить въ такомъ видѣ. Прежде всего былъ установленъ исходный пунктъ всѣхъ сужденій: „Не возможно намъ“, рѣшили сразу же участники собора, „пребыти безъ царя ни единого часа; но да изберемъ собѣ царя на царство“ [26]). Затѣмъ приступили къ рѣшенію вопроса, кому же быть царемъ. Рѣшеніе этого вопроса было центромъ и конечной цѣлью всѣхъ соборныхъ разговоровъ, преній и интригъ. „И начаша избирати государя, и многое было волнение всякимъ людемъ, коиждо хотяше по своеи мысли дѣяти, коиждо про коево говоряше“, такъ характеризуетъ соборныя засѣданія Никонова лѣтопись [27]).

Во-первыхъ, по свидѣтельству Псковской лѣтописи, „восхотѣша началницы паки себѣ царя отъ иновѣрныхъ“ [28]) что подтверждаетъ и Stralenberg [29]). Избрать на престолъ иностраннаго принца, конечно, хотѣли бояре, которые и раньше проявляли это желаніе. Однако, „народи же и ратніи не восхотѣша сему быти“ [30]). Вслѣдствіе рѣшительно выраженнаго протеста „народа“ и „ратныхъ“, соборъ постановилъ „чтобъ Литовского и Свейского Короля и ихъ дѣтей, и иныхъ Нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ Государствъ иноязычныхъ некрестьянской вѣры Греческаго закона“ и „Маринки и сына ея на Государство не хотѣти“ [31]). Причиною, вызвавшею такое рѣшительное соборное постановленіе, были недавнія событія, въ ко-

[20]) Собр. гос. гр. и дог., т. I, № 203, 612 стр.

[21]) „Изв. и уч. зап. Казан. Ун.“, 1877, IV, 793 стр.

[22]) Собр. гос. гр. и дог., т. I, № 203 612 стр.

[23]) „Очерки по исторіи смуты“, 428 стр.

[24]) Собр. гос. гр. и дог., т. III, № 2, 6 стр. № 4, 12 стр.; Дворцовые Разряды“, т. I, 27, 40 стр. и др.

[25]) С. гос. гр. и д., т. III, № 4, 12 стр.

[26]) Полн. собр. русс. лѣтоп., т. V, Псков. лѣт., приб. 63 стр.

[27]) Ч. 8, 201 стр.

[28]) П. с. р. лѣт., т. V, 63 стр.

[29]) „Das. Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia“. гл 4, § 44, пер. Маркевича въ окт. кн. „Ж. М. Н. Пр.“ за 1891 г.

[30]) П. с. р. л., т. V, Псков. лѣт., 63 стр.

[31]) С. гос. гр. и д., т. III, № 4, 12 стр.; „Дв. Р.“, т. I, 47—48 стр. и др.

торыхъ проявились „неправда и крестное преступленіе и мирное нарушенье“, обманы и разоренія со стороны иновѣрныхъ иноземцевъ [32]). „Говорили на соборѣхъ“, между прочимъ, „о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ Государствѣ [33]); но кандидатура на Московскій престолъ „государскихъ дѣтей Царей и Царевичей и мурзъ разныхъ земель, которые служатъ въ Московскомъ Государствѣ“, которые присутствовали на соборѣ, не нашла себѣ, надо полагать, значительнаго числа сторонниковъ; на соборѣ не долго и не много говорили объ этихъ претендентахъ на престолъ, которые, хотя, очевидно, были православными, все же были людьми не русской крови. При обсужденіи вопроса о нерусскихъ кандидатахъ на царство, противники ихъ указали и на то, что „Свѣйской король прежъ сего писалъ, „чтобъ на Московское Государство Польского и Литовского и Татарского, и изъ иныхъ ни изъ которыхъ земель Государя не обирати, а обратибъ Государя, изыскавъ изъ Русскихъ родовъ, чтобъ прежнимъ великимъ природнымъ Государемъ, Царемъ Россійскимъ былъ въ сродстве [34]).

Послѣ нѣкоторыхъ пререканій было рѣшено „общимъ совѣтомъ“ всего собора — избрать царя изъ „Русскихъ родовъ“, изъ „Московскихъ великихъ родовъ“; тогда заговорили „о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ Государствѣ быть Государемъ“ [35]) Вотъ теперь-то началась самая горячая избирательная борьба, и, рѣшая вопросъ, кому изъ представителей великихъ боярскихъ Московскихъ родовъ быть на престолѣ, участвовавшіе въ соборныхъ засѣданіяхъ „по многіе дни“ „съ великимъ шумомъ“ разсуждали о разныхъ кандидатахъ. Указывалось, конечно, нѣсколько кандидатовъ, каждый изъ нихъ имѣлъ свою партію, и тутъ началась избирательная агитація сторонниковъ каждаго изъ претендентовъ на престолъ. Для достиженія своихъ цѣлей не пренебрегали никакими средствами: „иные убо подкупаху и засылаху“ говоритъ о домогавшихся престола Никонова лѣтопись [36]). „И тако, по многіе дни, бысть собранія людемъ, дѣла же толикія, вѣщаютъ, утвердити не могутъ, и всуе мятутся сѣмо и овамо“ [37]). Соборныя засѣданія затянулись такъ долго, что нѣкоторые выборные уѣзжали на время изъ Москвы [38]), что, впрочемъ, очень возможно, имѣло мѣсто уже послѣ того, какъ предрѣшенъ былъ вопросъ объ избранникѣ на царство.

Въ концѣ концовъ соборъ остановилъ свой выборъ на Михаилѣ Θеодоровичѣ Романовѣ. Предварительно, разумѣется, столковавшись между собою (что можно сказать, если не о всѣхъ участникахъ собора, то главнымъ образомъ—о заправилахъ, бывшихъ на соборѣ), „во единый день снидошась въ сонмъ едину и нача совѣтовать о царскомъ избираніи“, — въ результатѣ „совѣтованія“ получилось „единодушное“ избраніе М. Θ. Романова, который „юноша зѣло младъ бысть въ тыя дни [39]).

Документальныя данныя того времени объясняютъ избраніе въ цари Михаила Θеодоровича дѣйствіемъ свыше, выражаются, что самъ Богъ вложилъ эту мысль въ сердца участниковъ собора; однако, указывается еще при этомъ и на то обстоятельство, что народный избранникъ былъ родственникъ прекратившейся династіи Рюриковичей, именно, онъ приходился двоюроднымъ племянникомъ послѣднему Рюриковичу на престолѣ — царю Θеодору Ивано-

[32]) „Дв. Р.“, т. I, 13 стр.
[33]) С. г. гр. и д., т. III, № 1, стр. 2.
[34]) С. г. гр. и д., т. I, № 203, стр. 613
[35]) „Дв. Р.“, т. I, 13 стр.

[36]) Ч. 8, стр. 202.
[37]) „Дв. Р.“, т. I, стр. 65—66, прим. 8.
[38]) Ibidem, т. I, приб. № 12, 1084 стр.
[39]) „Дв. Р.“, т. I, 65—66 стр., прим. 8.

вичу. Однако, родство Романовыхъ съ Рюриковичами ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано главной причиной избранія Михаила Ѳеодоровича на царство, такъ какъ въ то время существовали и другіе родственники династіи Рюриковичей.

Stralenberg слыхалъ, что при избраніи царя въ 1613 году имѣли въ виду слѣдующее: 1) семейство и родство избираемаго не должны быть слишкомъ обширны, 2) кандидатъ на престолъ не долженъ быть скомпрометированъ событіями смутнаго времени и 3) обязанъ принять условія, ограничивающія царскую власть въ пользу боярства [40])

Боярство, конечно, больше всего было заинтересовано въ томъ, чтобы новый царь мирволилъ ему. Въ этомъ отношеніи Михаилъ Романовъ былъ вполнѣ удобный для бояръ царь: онъ „бѣ младъ,... благъ, тихъ, кротокъ и смиренъ и благоувѣтливъ,... и не у бѣ ему еще толика разума, еже управляти землею“ [41]).

Помимо того, отецъ избраннаго находился въ польскомъ плѣну, на возвратъ его оттуда надежды было мало. Пользуясь этимъ, бояре, по свидѣтельству Псковской лѣтописи, Григорія Котошихина, Страленберга, Фокеродта и Татищева, добились признанія новоизбраннымъ царемъ условій, ограничивающихъ его власть въ пользу боярства. Псковская лѣтопись говоритъ о „владущихъ“, что они новоизбраннаго „царя ни вочтоже вмѣниша и не бояшеся его, понеже дѣтескъ сый“, „еще-же и лестію уловивше: первіе егда его на царьство посадиша, и къ ротѣ (клятвѣ) приведоша, еже отъ ихъ велможска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки“ [42]).

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ личныя качества и возрастъ М. Ѳ. Романова побуждали бояръ сочувствовать его избранію. Но боярству, значеніе котораго въ государствѣ въ послѣднее время было сильно поколеблено, нужно было прежде всего считаться съ тѣмъ, какъ отнесутся къ избираемому ратные люди и „вся земля“ въ лицѣ ея представителей.

И вотъ мы видимъ, что избранію въ цари М. Ѳ. Романова могли сочувствовать и дѣйствительно сочувствовали какъ высшее, такъ и низшія сословія. Будучи *удобенъ для бояръ*, М. Ѳ. Романовъ былъ *угоденъ народу*. Онъ былъ представителемъ популярнѣйшей боярской фамиліи, старой, богатой и видной, находившейся въ родственной связи съ династіей Рюриковичей и не скомпрометированной въ смутное время ничѣмъ; вотъ данныя для того, чтобы народъ сочувственно отнесся къ избираемому въ цари Михаилу Ѳеодоровичу.

Между тѣмъ представители многихъ знатныхъ родовъ запятнали себя своею дѣятельностью въ смутное время; къ тому же нѣкоторые изъ „великихъ Московскихъ родовъ“ не имѣли въ это время на лицо своихъ подходящихъ для избранія въ цари кандидатовъ.

Проф. А. И. Маркевичъ, указывая на то, что М. Ѳ. Романовъ, при своей молодости, не отличался ни самостоятельностью характера, ни энергіею, ни особенными природными дарованіями [43]), утверждаетъ, что избраніе его на царство было дѣломъ извѣстныхъ боярскихъ соображеній, основанныхъ съ одной стороны на желаніи имѣть государя, удобнаго для бояръ, съ другой—на увѣренности, что выборъ этотъ будетъ пріятенъ всему народу [44]). Причину популярности фамиліи Романовыхъ онъ указываетъ въ родствѣ ихъ съ Рюриковичами, въ любви народной къ одному изъ недавно

[40]) „Ж. М. Н. Пр.“ 1891 г., окт., перев. Маркевичемъ отрывокъ изъ соч. Stralenberga, гл. 4 и 5.

[41]) П. с. р. л., V т., Пск. лѣт., 63—64 стр.

[42]) П. с. р. л., т. V, стр. 64.

[43]) „Ж. М. Н. Пр.“. 1891 г., сент., 181 стр.

[44]) Ib., окт. 403 стр.

умершихъ представителей фамиліи— Никитѣ Романовичу, наконецъ, въ преслѣдованіи Романовыхъ Борисомъ Годуновымъ [45]).

Взглядъ проф. В. О. Ключевскаго близокъ къ сужденіямъ Маркевича по данному вопросу; указывая на популярность Романовыхъ, на ихъ родственныя связи съ недавно прекратившейся царской династіи и на личныя качества и молодость избиваемаго, онъ говоритъ: „Избраніе Михаила удалось потому, что на немъ сошлись всѣ враждовавшіе дотолѣ классы общества [46]).

Между тѣмъ Н. Хлѣбниковъ, въ противовѣсъ утвержденію Маркевича, категорически заявляетъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ „царемъ народнымъ, земскимъ, а не боярскимъ“, что именно земство единодушно избрало его [47]).

П. Милюковъ главную роль въ избраніи Михаила Ѳеодоровича на престолъ приписываетъ „ратному совѣту“, преобладающее значеніе въ которомъ принадлежало служилому сословію; избранникомъ собственно служилаго сословія, по словамъ Милюкова, и явился родоначальникъ новой царской династіи [48]).

Кажется, эти взгляды возможно до извѣстной степени примирить. Правда, что въ то время, какъ утверждаетъ это Хлѣбниковъ, „дѣло бояръ было не популярно“; тѣмъ не менѣе при избраніи царя дѣло не могло обойтись и, дѣйствительно, не обошлось безъ боярскихъ интригъ. Чѣмъ менѣе популярно было дѣло бояръ, тѣмъ искуснѣе и тоньше приходилось имъ интриговать; относиться же вполнѣ безучастно къ избранію царя бояре не могли. Дѣйствительно, М. Ѳ. Романовъ не былъ собственно избраникомъ бояръ; бояре вспомнили о немъ тогда уже, когда увидѣли свое безсиліе дѣйствовать вполнѣ независимо отъ другихъ сословій, не считаясь съ ихъ мнѣніемъ. Они указали на Романова, какъ на кандидата въ цари, потому именно, что онъ былъ угоденъ „ратному совѣту“ и представителямъ земства (и здѣсь, и тамъ, преобладало служилое сословіе). Но при этомъ бояре имѣли въ виду, чтобы избираемый въ цари былъ *удобенъ* для нихъ; при выборѣ царя они всѣми силами старались, *чтобы народныя симпатіи къ избираемому возможно полнѣе совпали съ ихъ боярскими разсчетами на него.* Въ итогѣ получается, что на избранномъ царѣ сошлись всѣ классы общества, и потому-то М. Ѳ. Романовъ былъ избранъ единодушно всѣми, и избраніе это оказалось удачнымъ.

Хотя всѣ присутствовавшіе на соборѣ отнеслись сочувственно къ избранію М. Ѳ. Романова, однако, этого казалось недостаточно для прочности избранія. Избраніе Михаила Ѳеодоровича было предрѣшено 7 февраля, но это было еще предварительное, не объявленное оффиціально избраніе. „Для большого укрепленья“ отложили окончательное провозглашеніе новаго царя на двѣ недѣли, а между тѣмъ „во всѣ городы Российского Царствія, опричь далнихъ городовъ послали“ отъ собора особыхъ агентовъ „тайно, во всякихъ людехъ мысли ихъ про Государское обиранье провѣдывати“ [49]). Скоро соборомъ былъ полученъ благопріятный отвѣтъ: относительно избранія на царство М. Ѳ. Романова „тажъ мысль“, что и у участниковъ собора, была и у жителей городовъ, посѣщенныхъ соборными агентами.

Тогда 21 февраля въ Успенскомъ соборѣ состоялось окончательное,

---

45) „Ж. М. Н. Пр.“, 1891, сент., 200—201 стр.

46) Литогр. лекціи по русской ист. 1898 г., ч. II. 12—13 стр.

47) „О вліяніи общества на организаціи государства въ цар. пер. русск. ист.“ СПБ., 1869 г., 352—353 стр.

48) „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. III, вып. I. 85—88 стр.

49) Собр. гос. грам. и д., т. I. № 203, 613 стр.

торжественное избраніе Михаила Θеодоровича Романова на царство. Послѣ этого соборъ посылаетъ многочисленное посольство изъ лицъ „всякихъ чиновъ“ къ новоизбранному царю и его матери. Послѣ настойчивыхъ просьбъ посольства, Михаилъ Θеодоровичъ, съ благословенія матери своей инокини Марθы, соглашается сѣсть на Московскій престолъ.

Между тѣмъ въ періодъ отъ избранія царя до пріѣзда его въ столицу дѣла управленія остаются за соборомъ, который дѣйствуетъ, впрочемъ, съ вѣдома и согласія царя. Въ это время соборъ ведетъ дѣятельную переписку съ новоизбраннымъ царемъ, а также съ его матерью, имѣетъ главное наблюденіе за приведеніемъ къ присягѣ на вѣрность царю по всей Руси, ведетъ переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, посылаетъ ратныхъ людей отражать поляковъ и шведовъ, заботится объ изготовленіи запасовъ для государева обихода, объ искорененіи грабежей, воровства и разбоевъ въ Москвѣ, по городамъ и по дорогамъ, съ соизволенія новаго государя, учиняетъ приговоръ относительно сбора денегъ и хлѣбныхъ запасовъ, вершитъ по сыску, помѣстныя и вотчинныя дѣла и т. п. [50]).

2 мая царь торжественно въѣзжаетъ въ Москву.

Съ царскимъ пріѣздомъ соборъ—по крайней мѣрѣ сразу—распущенъ не былъ и, вѣроятно, продолжалъ нести службу землѣ. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ, изданныхъ вскорѣ по пріѣздѣ царя отъ его имени, встрѣчается фраза: „И съ выборными людьми къ вамъ мы приказывали [51]).

Подъ избирательной грамотой собственноручныя подписи участниковъ собора появились, надо полагать, послѣ 11 іюля, дня вѣнчанія на царство Михаила Θеодоровича. Дѣло въ томъ, что подъ этой грамотой имѣется подпись „Бояринъ князь Дмитрій Пожарской“, а между тѣмъ саномъ боярина Пожарскій былъ пожалованъ въ день царскаго вѣнчанія [52]), Слѣдовательно, можно полагать, что послѣ 11 іюля 1613 года выборные еще оставались въ Москвѣ болѣе или менѣе продолжительное время.

Отъ 18 марта 1614 года имѣется „грамота бояръ и всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства Волжскому казачьему войску о содѣйствіи противъ Заруцкаго и Марины и съ описаніемъ нанесенныхъ ими бѣдствій“; въ этой грамотѣ стоитъ, между прочимъ слѣдующее: „По прошенію... и *насъ* бояръ, и околничихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и атамановъ, и казаковъ, и всякихъ чиновъ людей всего Россійскаго царствія, учинился... Государемъ Царемъ... Михайло Θедоровичь“ [53]). Возможно полагать, что эту грамоту писали тѣ-же выборные, которые участвовали въ избраніи царя. Слѣды дѣятельности земскаго собора въ 1614 году мы имѣемъ и въ другихъ грамотахъ [54]), между тѣмъ о созывѣ выборныхъ на соборъ въ концѣ 1613 или въ 1614 году ничего неизвѣстно. Можно находить указаніе на дѣятельность собора и въ 1615 году [55]). Приглашеніе новыхъ выборныхъ на соборъ состоялось уже въ самомъ концѣ 1615 или въ самомъ началѣ 1616 г., когда царской грамотой требовалось прислать „выборныхъ людей тотчасъ, не мѣшкая ни часу“, „чтобъ за тѣмъ наше и земское великое дѣло не стало“ [56]). Возможно дѣлать предположеніе, что выборные, пріѣхавшие въ Москву на соборъ 1613 года, были отпущены по городамъ лишь предъ созывомъ новыхъ

[50]) См. собр. гос. гр. и дог. т. III, №№ 2—13, „Дв. Р.“, т. I, прибавленія.
[51]) Акты Археограф. Экспедиціи, т. III, № 3, № 5.
[52]) „Дв. Р.“, т. I, 96 стр.
[53]) Акты Арх. Эксп.“, т. III, № 26, стр. 55.
[54]) Ibidem, №№ 29, 31, 32.
[55]) Акты Арх. Эксп., т. III, № 68.
[56]) Ibid., № 77, стр. 111.

земскихъ представителей, и въ такомъ случаѣ земскій соборъ, избравшій на царство Михаила Θеодоровича, какъ утверждаетъ это, напримѣръ, проф. Загоскинъ, прекратилъ свою дѣятельность лишь въ концѣ 1615 года [57]). Это предположеніе является весьма правдоподобнымъ, если мы примемъ во вниманіе то состояніе русскаго государства, какое имъ переживалось въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича, когда только начиналось уврачеваніе тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ Россіи смутнымъ временемъ. Имѣя въ виду это состояніе русскаго государства, Милюковъ дѣлаетъ вѣроятное предположеніе, что въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича между 1613 и 1622 годами—земскій соборъ былъ постояннымъ учрежденіемъ на Руси, при чемъ составъ земскихъ представителей мѣнялся черезъ каждые три года [58]). Полное разрушеніе управленія и отсутствіе правильной администраціи, говоритъ Милюковъ, сдѣлали необходимымъ постоянный земскій соборъ [59]), тѣмъ болѣе, что въ это время велись еще войны съ внутренними и внѣшними врагами государства. Для устроенія государства и для отпора врагамъ правительству необходимо было живое содѣйствіе гражданъ,—поэтому-то земскій соборъ 1613 года открылъ собою десятилѣтнюю блестящую эпоху самодѣятельности русской земли, въ лицѣ ея представителей на земскихъ соборахъ того времени.

Но какъ скоро опасность миновалась, государство окрѣпло, и правительство почувствовало себя сильнѣе, тогда ослабѣла общественная самодѣятельность на Руси.

Ослабѣвшая дѣятельность земскихъ соборовъ скоро затѣмъ совсѣмъ заглохла,—ей не благопріятствовали самыя условія русской жизни того времени: закрѣпощеніе крестьянъ и горожанъ, закончившееся къ этому времени, разрозненность общественнныхъ классовъ, наконецъ, слабое сознаніе обществомъ потребности земской самодѣятельности, обусловливавшееся тогдашнимъ состояніемъ просвѣщенія на Руси. Правительство перестало созывать выборныхъ отъ земли на соборы, общество довольно спокойно отнеслось къ этому и бороться за свои права на участіе въ управленіи не стало. „Земля снова улеглась у ногъ самодержавнаго государя" [60]).

Вл. П.

---

57) Изв. и уч. зап. Казан. Унив., 1877, IV, 802 стр

58) „Оч. по ист. культуры", часть III, вып. I, 86—87 стр.

59) Ibid., 88 стр.

60) „О народн. представ." Б. Н. Чичерина, стр. 378.

Лѣтопись современной литературы и жизни.

(Этюды о текущей литературѣ).

Л. З. Мовичъ.

(См. Январь, кн. I.).

III.

Вспомнимъ рѣчи всѣхъ перечисленныхъ нами лицъ, вспомнимъ ихъ дѣла и мечты, и для правильности нашего анализа, поищемъ и опредѣлимъ то общее, что присуще имъ всѣмъ,—а потомъ уже обратимъ вниманіе на личныя черты и найдемъ мѣсто для каждаго изъ нихъ въ картинѣ.

Всѣ они говорятъ о личности, о правахъ ея, о томъ, что не надо шоръ для личности, что полная свобода и яркій расцвѣтъ личности одни приведутъ людей къ желанной цѣли и пр. и пр. Они—*индивидуалисты.* Вотъ ихъ собирательное имя, какъ общественнаго теченія, и хотя сами они, всѣ, начиная отъ легковѣсныхъ „филозоевъ", продолжая позитивистомъ Мезеринымъ и кончая тонкимъ „мозговикомъ" Питэромъ, отрицаютъ, что они строятъ свое міросозерцаніе на философской теоріи Фридриха Ницше, но несомнѣнно, что это онъ даетъ имъ свою теоретическую санкцію. Онъ—яркій теоретическій выразитель этого идеала *человѣка—индивидуалиста.* Съ глубокой мыслью философа, съ душою поэта — пророка, съ покоряющей дерзостью, съ вѣрой въ себя безумца, или основателя новой религіи—Фридрихъ Ницше явился логическимъ выводомъ буржуазіи, дошедшей до своего предѣла и стоящей на порогѣ смерти,—буржуазіи, совершившей весь свой кругъ и пришедшей опять къ началу его; это съ одной стороны. А съ другой,—Фридрихъ Ницше съ его культомъ *человѣка*, какъ таковаго,—до безумія гордаго и дерзкаго въ безпредѣльности желаній своихъ,—человѣка, не только кующаго свою жизнь кругомъ, но и создающаго высшій типъ себя самого—человѣка съ великой проповѣдью „любви къ дальнему" — пророкъ съ такой вѣрой долженъ былъ найти страстныхъ послѣдователей въ эпоху, когда исторія дѣлаетъ „рѣшающій опытъ", когда на историческую арену выходитъ новое дѣйствующее лицо, охватывающее не одинъ только классъ, а—теоретически, по крайней мѣрѣ — все человѣчество.

И мы видимъ глубоко-любопытное культурно-историческое явленіе. Подъ знаменемъ этого философа мы находимъ рѣзко контрастирующія, общественныя группы: здѣсь и „апаши"—Зѣватовъ со своими товарищами, здѣсь Мезеринъ, Викторъ Муринъ и подобные имъ. Ницше даетъ свою санкцію этимъ обнаженнымъ циникамъ, — грубымъ и глупымъ „филозоямъ",—и его же философія несомнѣнно лежитъ краеугольнымъ камнемъ въ міросозерцаніи поднявшагося „на высоту" Питэра.

Здѣсь есть глубокая культурно-историческая идея и красивый жизненный символъ.

Изъ смерти жизнь нарождается, въ одномъ узлѣ бытія связаны онѣ, и тамъ, гдѣ гнилые „филозои" и „апаши" находятъ только оправданіе своимъ разнузданнымъ инстинктамъ червей, живущихъ падалью, —тамъ Мезеринъ и Муринъ слышатъ мощные аккорды новой, нарождающейся жизни,—великую симфонію *человѣка*, гордо идущаго „все дальше и выше". И получается слѣдующее интересное положеніе. Каждый по своему реагируетъ на призывъ Чеховской „сирены", поющей о „тонкихъ яствахъ", объ „изумрудномъ винѣ". Буржуазія поетъ имъ эти „пѣсни безъ словъ", и Корневъ, Тороповъ, „филозои", всѣ товарищи Зѣватова, да пожалуй, и Зѣватовъ въ своемъ стремленіи къ идеалу своей „индивидуальности"—всѣ пойдутъ на этотъ призывъ „сирены". Корневъ будетъ читать лекціи о чемъ угодно, Тороповъ писать какія угодно статьи, а студентъ Юрій будетъ учиться, гдѣ и чему угодно, такъ какъ они понимаютъ „индивидуальность" *просто*— какъ право пользоваться жизнью безъ „думы роковой", какъ зоологическое право питаться, расти и множиться.

Мезеринъ, Викторъ и другіе, имъ подобные, тоже стремятся къ красивому и ясному самому по себѣ идеалу гармонической индивидуальности. Они тоже хотятъ свободы для личности, отсутствія путъ и шоръ для нея,—ясности, радости, красоты жизни. Но они иначе созданы, ихъ психика безконечно сложнѣе; шире и глубже они понимаютъ свою индивидуальность", — красоту и яркія возможности ея. Они расширяютъ понятіе „индивидуальности", раздвигаютъ предѣлы ея до тѣхъ поръ, пока весь міръ, вся красота его,— всѣ задачи и вся борьба современности входитъ въ ихъ индивидуальность, какъ составная часть его; и пѣсни „сирены" имъ—ихъ красивой душѣ *человѣка*—отвратительны.

Мы показали родственныя черты между этими лицами, такъ безконечно далеко отстоящими другъ отъ друга по своему нравственному и умственному складу, и стоящими даже другъ *противъ* друга въ дѣлѣ борьбы жизни, творчества ея. Эти жалкіе „апаши", „филозои"—всѣ они не только идутъ на призывъ „сирены",—они понесутъ во славу „его степенства" свои знанія, свои силы, свои таланты. Наука безстрастна, и Корневъ съ кафедры будетъ сражаться за интересы „его степенства", а Тороповы будутъ создавать „общественное мнѣніе", удобное „его степенству"—будутъ охранять „бабушкинъ домъ". Мезеринъ-же и Викторъ будутъ въ рядахъ протестующихъ, строящихъ новый храмъ и помнящихъ, что „главное—это жизнь перевернуть".

Но картина общественныхъ теченій была-бы не полна, если-бы мы не упомянули еще объ одномъ характерномъ для нашей современности, странномъ и болѣзненно ненормальномъ уклоненіи интеллигентской мысли. Мы упомянемъ объ этой разновидности—о декадентахъ-- только для полноты картины, такъ какъ иллюстрировать эту тему произведеніями ихъ литературы было бы слишкомъ утомительно для читателя и для насъ. Надо много любви къ правдѣ, много настойчиваго терпѣнія, чтобы найти въ этой кучѣ безвкуснаго ломанья и претенціоз-

наго модничанья зерно красивой идеи, вѣчный свѣтъ прекрасной скорби тоскующей и ищущей души человѣческой. Смѣяться нечего надъ ними. Вѣдь, не смѣшны индивидуалисты, конечно; стоитъ продолжить *индивидуалиста*, прибавить къ нему немного *мистицизма*, и — если этотъ индивидуалистъ не обладаетъ достаточной силой мысли, чтобы взять изъ науки не только ея внѣшніе факты, не только ея анализъ, но и ея здоровый методъ, ея животворящій синтезъ и при условіи, что данный индивидуалистъ обладаетъ неуравновѣшенной психикой интеллигента— жителя огромнаго колодца, называемаго городомъ, — мы получимъ индивидуалиста шаржированнаго: современнаго *декадента*.

Его родовой признакъ это—*импотентность*, полное безсиліе въ сферѣ мысли и чувства: любя жизнь, онъ не умѣетъ взять ее, любя людей, не умѣетъ жалѣть ихъ, любя природу, онъ не умѣетъ ни взять ее, ни отдаться ей.

Генезисъ ихъ глубоко интересенъ и содержитъ въ себѣ элементы, которые могутъ ярко освѣтить трагическую глубину современной жизни человѣчества; вотъ почему хотя мы уже въ другомъ мѣстѣ—говорили о нихъ, — все же мы намѣреваемся когда-нибудь вернуться къ нимъ на этихъ страницахъ. Ихъ отношенія къ „его степенству“ Хаеву болѣе, чѣмъ ясны,—такъ какъ они, говоря всѣмъ существомъ своимъ объ „упадкѣ“ его,—Хаева, о близящейся и для него ликвидаціи,—все-же представляютъ собою послѣднее слово его, конечный выводъ его системы —и только имъ и живы они.

Мы сказали уже, что всѣ они находятся „въ знакѣ“ Фридриха Ницше и, слѣдовательно, для читателя будетъ ясна наша мысль, если мы скажемъ, что всѣ они—протестанты. Мезеринъ и Викторъ,—люди ясной позитивной мысли, знающіе, куда они идутъ и чего они хотятъ,—о нихъ намъ нечего говорить. Аня изъ „Вишневаго сада“ и „Невѣста“— Надя тоже ясно и сознательно говорятъ, что „главное, — это жизнь перевернуть“, создать новую жизнь охранять всѣми силами, ее—эту новую жизнь, а не старый „бабушкинъ домъ“. Рыцарски—честный съ поэтической душой, созерцатель Сидоръ и его товарищъ, находящіеся „на краю свѣта“, аристократъ духа Питэръ, ушедшій „на высоту“, усталый и разбитый Руженковъ („Братья“),—всѣ они протестанты,—каждый по мѣрѣ своего разумѣнія, своей нравственной личности, своей *индивидуальности*, о которой они, быть можетъ, даже слишкомъ много говорятъ. Но мы думаемъ, что и „декаденты“, „филозои“, „апаши“— и они протестанты: приведеніе ad absurdum это такой-же діалектическій пріемъ вполнѣ здравой логики, какъ и всякій другой.

Но различіе между этими, „протестантами“ и тѣми заключается въ томъ, что Мезеринъ и всѣ другіе— вплоть до ушедшаго „на высоту“ Питэра,—*упраздняя* жизнь „бабушкина дома“,—хотятъ создать новую жизнь, мечтаютъ о ней, — между тѣмъ, какъ исходящіе въ словахъ больные „декаденты“, жадные „филозои“ и распущенные, жалкіе „апаши“ „не создавать, разрушать мастера!„ — однимъ своимъ существованіемъ они „упраздняютъ“ эту жизнь, руководятся только однимъ принципомъ разложенія, царствовавшимъ во всѣ эпохи „упадка“: „послѣ насъ—потопъ“ -- и, конечно, менѣе всего думаютъ о созданіи новой жизни.

Для полноты картины теченій общественной жизни мы должны были бы отмѣтить еще то теченіе, которое соприкасаясь въ конечныхъ, практическихъ выводахъ своихъ съ позитивистами,—въ то-же время своей философской частью уходитъ въ туманныя дали не то старыхъ, философскихъ школъ, не то новыхъ декадентскихъ вѣяній. Мы говоримъ о „расколѣ“ между позитивистами,

раздѣлившемъ ихъ на два стана: на лагерь „правовѣрныхъ“, „*ортодоксовъ*“ съ яснымъ реалистическимъ міросозерцаніемъ, и станъ чего-то ищущихъ, неудовлетворенныхъ „*идеалистовъ*“. Это — скорѣе философское направленіе мысли, чѣмъ общественное теченіе; но тамъ, гдѣ почти вся общественная жизнь сосредоточивается въ переживаніяхъ и исканіяхъ его интеллигенціи,—въ такомъ обществѣ мы должны отнестись достаточно внимательно и къ философскимъ запросамъ одной, хотя-бы и небольшой, части его. Мы это и сдѣлаемъ когда-нибудь въ отдѣльной статьѣ. Теперь-же мы хотимъ только указать на наличность этого философскаго теченія и отмѣтить любопытное совпаденіе. Съ октября 1904 года журналъ „Новый путь“—органъ декадентовъ—соединилъ подъ своимъ знаменемъ „декадентовъ“ и „идеалистовъ“ вмѣстѣ.

Если это случайная „связь“ (это возможно), то это красивый символъ; если-же это серьезная любовь, счастливо завершившаяся „бракомъ“, то это многознаменательно для тѣхъ и другихъ. Мы къ нимъ еще вернемся.

Мы должны были о нихъ упомянуть, чтобы имѣть сомкнутымъ весь рядъ „протестующихъ“. Каждый на свой ладъ, соотвѣтственно гранямъ своей индивидуальности, различными голосами—всѣ они говорятъ одно: „Главное—это жизнь перевернуть“. „Бабушкинъ домъ“ долженъ быть „упраздненъ“.

IV.

Желая дать въ этой статьѣ экстрактъ всего пережитаго обществомъ въ теченіе истекшаго года, мы часто по неволѣ вынуждены ограничиваться только нѣсколькими словами тамъ, гдѣ нужны были-бы цѣлыя статьи. Но если намъ удастся выяснить лейтмотивъ канувшаго въ вѣчность года, если мы ясно выдѣлимъ основные тоны его,—то цѣль нашей статьи достигнута: опера понята, если лейтмотивъ усвоенъ. И тогда понята не только данная опера, въ цѣломъ, а даже и отдѣльныя мелодіи ея становятся понятны на фонѣ лейтмотива, — освѣщающаго, собирающаго и объединяющаго разрозненные аріи, дуэты, тріо и хоры, все—въ одно одухотворенное цѣлое.

Плотной стѣной передъ нами выстроился рядъ „протестантовъ“, участвующихъ въ оперѣ, лейтмотивъ которой: „бабушкинъ домъ долженъ быть упраздненъ“,—„главное—это жизнь перевернуть“. Это еще далеко не вся опера, однако—есть еще много „хоровъ“, „арій“, „дуэтовъ“и пр., и пр. Будемъ слушать дальше.

Литература — выкристаллизовавшаяся жизнь, и мы изъ нея „вычитываемъ“ всѣ зіяющія дыры „бабушкина дома“, усчитываемъ всѣ изгнившія балки его.

Семья принадлежала всегда къ тѣмъ „основамъ“ дома, о которыхъ „охранители“ его говорятъ съ такимъ „благороднымъ“ паѳосомъ, съ такой пѣной у рта,—и только лицемѣрныя ханжи, намѣренно благочестиво закрывающіе глаза, могутъ увѣрять, что въ этой части дома бабушки все благополучно. Разсматривать всѣ дыры въ этомъ углу дома, всѣ изгнившія балки—не входитъ въ планъ настоящей статьи; да и безцѣльно это: цѣлый хоръ „протестантокъ“, къ изслѣдованію котораго мы сейчасъ перейдемъ, достаточно подчеркиваетъ это.

Не въ истекшемъ году начался, конечно, женскій протестъ. Его генезисъ очень сложенъ и уходитъ въ глубь вѣковъ. Въ *этомъ* углу „бабушкина дома“ была трещина съ незапамятныхъ временъ. Но когда весь домъ былъ крѣпокъ и юнъ, то эту трещину ремонтировали, замазывали и, наконецъ, просто не обращали на нее вниманія—замалчивали ее. Когда-же весь домъ одряхлѣлъ и началъ шататься, то здѣсь оказались такія дыры, которымъ никакіе

палліативные ремонты оказались не въ силахъ помочь. Женщина все громче и громче выражаетъ свой протестъ, и ея протестъ охватываетъ всю жизнь, развѣтвляется и усложняется,—уходитъ въ самыя нѣдра жизни. Женщина протестуетъ, прежде всего, какъ личность, закованная въ цѣпи семьи безъ возможности когда-либо оборвать эти цѣпи, безъ надежды когда-либо разбить свои оковы. Глубокъ и трагиченъ протестъ ея здѣсь. Мы должны его подраздѣлить на двѣ части.

Въ ея протестѣ есть звуки вѣчной, трагической скорби *человѣка*, не могущаго примириться съ незыблеными, безстрастными законами природы, для которой гордый человѣкъ и „жалкая козявка, рожденная вчера" равновеликія и равноцѣнныя величины. Это одна часть ея протеста личности,—протеста Прометея противъ холоднаго, жестокаго въ своемъ безстрастномъ величіи—Зевеса. Но въ этомъ-же протестѣ личности есть другая часть, гдѣ ея протестъ обращенъ цѣликомъ противъ „дѣлающаго хорошую и дурную погоду", противъ хозяина жизни и властелина ея—противъ мужчины. *Онъ* строилъ этотъ „бабушкинъ домъ" и построилъ его такъ, какъ *онъ* понималъ комфортъ, уютъ и всѣ остальныя требованія, какія только можно предъявлять къ дому. Ея интересы не были приняты во вниманіе, и между всѣми протестантами женщинѣ по истинѣ долженъ былъ-бы принадлежать первый голосъ. Но жизнь такъ устроена, что женщина часто не отдѣляетъ одной части протеста отъ другой.

„Говорили-бы прямо, когда женитесь, что вамъ нужна экономка и нянька. Вѣдь въ этомъ для васъ вся суть. А между тѣмъ вы всегда говорите: мы будемъ вмѣстѣ съ тобою работать на благо людей, развиваться, читать"... —„Весь день торчу въ кухнѣ и дѣтской, забочусь, чтобъ тебѣ обѣдъ былъ во время и чтобъ тебѣ дѣти не мѣшали спать послѣ обѣда... Откуда-же я могу узнать о новой книгѣ? (Рѣчь идетъ о книгѣ „Проблемы идеализма", въ которой группа „идеалистовъ"—мы о нихъ выше упомянули — въ первый разъ ясно выразила свою profession de foi). „Общеніе", „совмѣстная духовная жизнь".! „Какія красивыя слова, какъ пріятно употреблять ихъ въ умныхъ разговорахъ! Со стороны можно подумать,—какой новый человѣкъ, съ какими новыми требованіями отъ брака! А на повѣрку выходитъ, — обыкновенный мягкотѣлый интеллигентъ, нужно только все прежнее... Чтобы жена рожала дѣтей, заботилась о провизіи и дровахъ и устраивала уютъ, а чтобъ самому спокойно пользоваться жизнью... Господи. настоящіе пауки! Приникнутъ къ женщинѣ и сосутъ, и высасываютъ, умъ, запросы, всю духовную жизнь. И остается отъ человѣка одна родильная машина..."

Это глубокая язва, вызывающая громкіе крики боли,—полное разложеніе жизни кругомъ, грозящее неминуемой смертью организму—семьѣ.

Эта вещица принадлежитъ кисти тонкаго и умнаго интеллигента-художника, который въ своемъ маленькомъ эскизѣ набросалъ планъ огромной картины. Назвалъ онъ этотъ эскизъ „*Проѣздомъ*" [7]), и мы хотимъ видѣть здѣсь затаенную мысль автора. На каждомъ шагу, мимоходомъ, — не прислушиваясь — „*проѣздомъ*" мы слышимъ эти крики острой боли современной женщины.

И странно было-бы требовать справедливости отъ человѣка, кричащаго отъ боли. Только этимъ можно объяснить тѣ несправедливые, полные злобы упреки, которые она кидаетъ своему мужу—земскому доктору, честному работнику, — характерному, русскому „мягкотѣлому интеллигенту".

---

[7]) Январь, „Образованіе".

Фабулы въ разсказѣ почти нѣтъ, а есть только фонъ и этотъ фонъ очень красиво задуманъ. Тишина іюльской ночи, чарующій свѣтъ луны и старая, какъ міръ, сказка любви... „Завтра утромъ я встану тебя провожать, — шепнула она ему на ухо. — *Тебя*, — повторилъ онъ улыбаясь.—Ты, тебя, тобою, о тебѣ"... — раздѣльно сказала Катерина Николаевна, и... такъ далѣе, и такъ далѣе... Тонкая, мелкая кисть Вересаева можетъ быть сравнена только съ кистью Тургенева, и мы не пробуемъ передать ея тонъ. Они (студентъ Ширяевъ и Катерина Ивановна) вошли въ залу и „думали, что никто ничего не замѣчаетъ, а любовь и счастье такъ и свѣтились въ ихъ глазахъ". Въ залѣ цѣлое общество, между которыми вялый и вѣчно усталый докторъ и жена его Марья Сергѣевна. Студентъ уѣзжаетъ ночью съ ними, такъ какъ станція, куда ему нужно, близко отъ нихъ и, заночевавъ у нихъ, онъ присутствуетъ за утреннимъ чаемъ при крикахъ острой боли разговорившейся Марьи Сергѣевны. Ширяевъ „смотрѣлъ на ея болѣзненно-темное, нервное лицо, слушалъ ея шаблонныя (еще раньше, чѣмъ острая боль въ ней заговорила) фразы, и вспоминалъ ея молодое лицо на карточкѣ (которую онъ только что разсматривалъ) съ славными, ясными глазами". Этотъ добрый юноша не постигаетъ, куда это дѣвалось. Ночь онъ проспалъ плохо, — быть можетъ отъ любовнаго томленья; но Марья Сергѣевна еще хуже;—она вошла съ головной болью и объясняетъ, что съ дѣтьми она уже не помнитъ того времени, когда она высыпалась — и глухое раздраженіе, мучительно-сдерживаемая боль слышится въ каждомъ ея словѣ. Когда докторъ приходитъ изъ больнички, между ними начинается бесѣда, гдѣ въ каждомъ ихъ словѣ слышатся злоба и глухая вражда, — въ каждомъ жестѣ, въ мелькомъ брошенномъ взглядѣ.

Это—прямое продолженіе дивной симфоніи любви, этого прекраснаго „ты, тебя, тобою, о тебѣ"...

„Ты скажи мнѣ, при чемъ тутъ мягкотѣлость?—раздѣльно спросилъ докторъ. – Ну, укажи мнѣ,—вотъ я спрашиваю тебя, — какъ иначе устроить нашу жизнь? Самъ я не могу заботиться объ обѣдѣ, потому что мнѣ до обѣда нужно принять сто человѣкъ больныхъ; послѣ обѣда мнѣ нужно поспать, а то я вечеромъ не въ состояніи буду ѣхать къ больнымъ. Если я вздумаю слѣдить за дровами и провизіей, то не въ состояніи буду зарабатывать на дрова и провизію. Ребятъ мнѣ няньчить тоже некогда... („а носить и рожать ихъ я не могу" — долженъ былъ-бы онъ еще добавить)... Въ чемъ же я могу тебя облегчить? Ну, скажи, укажи,— въ чемъ"?..

Много есть правды въ его словахъ, но еще больше „мягкотѣлости"... „Если люди женятся для бездѣтнаго разврата,—продолжаетъ онъ, — то вопросъ, конечно, рѣшается легко; но тогда зачѣмъ жениться? А въ противномъ случаѣ женщина только и можетъ быть матерью и хозяйкой"...

Вотъ выводъ, къ которому приходитъ этотъ „мягкотѣлый интеллигентъ". — „Либо смотрѣть на дѣтей въ семьѣ, какъ на какія-то злокачественныя образованія, либо... старая исторія: не выходить замужъ и не имѣть дѣтей"... Да, старая исторія... всякъ правду по своему понимаетъ. Марья Сергѣевна направляетъ крикъ своей изъязвленной души цѣликомъ на мужа; а онъ полагаетъ, что ни его вины, ни чьей-либо другой здѣсь нѣтъ, — а таковы безстрастные законы природы. Студентъ же Ширяевъ, полный дивныхъ звуковъ — „ты, тебя, тобою, о тебѣ",—которые поютъ у него въ душѣ, когда онъ ждетъ на станціи слѣдующаго поѣзда, (этотъ россійскій „мягкотѣлый интеллигентъ" заговорилъ его, и они опоз-

дали на поѣздъ), обвиняетъ, кажется, ихъ обоихъ и, главное, убѣжденъ, что у него съ той милой дѣвушкой, которая тамъ любитъ его, не можетъ быть ничего подобнаго, что „съ ними—этого не повторится"...

Мы въ этомъ не увѣрены.

Странны упреки Марьи Сергѣевны по адресу этого вялаго, безвольнаго „мелкотѣлаго интеллигента". Эти упреки она могла-бы въ такой-же, по меньшей мѣрѣ, степени отнести и къ себѣ. Почему она давала *ему* создавать жизнь и строить всѣ внѣшнія формы ея? Почему *она* не создала жизни по своему, гдѣ ея личность могла-бы больше высказаться, гдѣ ея дѣятельность не ограничилась-бы спальней, дѣтской и кухней? Почему она сохранила чисто-женское стремленіе къ „жертвамъ", къ „великодушному самоотверженію", которое—главное—въ концѣ концовъ „не идетъ въ прокъ", что называется, и тому, для кого эти жертвы были принесены,—такъ какъ, по истинѣ, счастье этого „мягкотѣлаго интеллигента", живущаго въ атмосферѣ глухого раздраженія Марьи Сергѣевны (а десять лѣтъ тому назадъ она, вѣдь, тоже говорила „ты, тебя, тобою, о тебѣ")—болѣе, чѣмъ проблематично. Почему она умѣетъ только кричать отъ боли, отъ того, что погибаетъ безвозвратно ея личность? Почему она, — сама „мягкотѣлая интеллигентка", неспособная найти новаго пути къ новому счастью,—требуетъ по женски, совсѣмъ какъ встарь, чтобы *онъ* все же нашелъ его?.. Авторъ кончаетъ глубокимъ убѣжденіемъ, что „кто хочетъ новыхъ путей, долженъ выходить не на прогулку, а на работу"; мы къ этому прибавимъ: и, главное, долженъ *самъ* искать этого новаго пути, долженъ, какъ правоспособное существо, взять на *себя* отвѣтственность за жизнь свою, *самому* ковать свою судьбу.

Это намъ хочется отвѣтить Марьѣ Сергѣевнѣ, а этому „мягкотѣлому интеллигенту" намъ хочется сказать, что онъ слишкомъ „мягкотѣло" рѣшаетъ вопросъ, что онъ слишкомъ поспѣшно приходитъ къ выводу, что женщина, если ея бракъ не представляетъ собою бездѣтнаго разврата, можетъ быть только матерью и хозяйкой. Этотъ вопросъ слишкомъ сложенъ и хотя онъ далекъ еще отъ разрѣшенія, — все же можно сказать, что женщина слишкомъ страстно ищетъ этого новаго пути, къ новому счастью, и трудно допустить, чтобы она не нашла его. Надо быть „мягкотѣлымъ", чтобы такъ легко вернуться къ старой и для него точкѣ зрѣнія...

Мы непропорціонально долго остановились на разсказѣ Вересаева. Но онъ по эскизности и талантливости своей особенно удобенъ, какъ схема большого чертежа, какъ сжатый экстрактъ многихъ длинныхъ и подробныхъ книгъ.

Это другой, не относящійся къ нашей темѣ вопросъ — гдѣ-же лежитъ новый путь Марьи Сергѣевны. Ясно одно, что Марья Сергѣевна до боли, до крика понимаетъ, что „бабушкинъ домъ" обветшалъ и не годится для новой жизни.

Передъ нами еще цѣлый рядъ протестантокъ. Вотъ художница изъ разсказа г-жи Вербицкой „Счастье" [8]), которая рѣшаетъ этотъ вопросъ рѣзко и просто. Она открыто выражаетъ свой протестъ: по рецепту „мягкотѣлаго интеллигента" — она не выходитъ замужъ, и, хотя и любитъ много и многихъ, все-же дѣтей не имѣетъ. Женщина, какъ мать человѣчества, меньше всего можетъ остановиться на подобномъ рѣшеніи вопроса. Мы упомянули объ искусственномъ и претенціозномъ разсказѣ г-жи Вербицкой только потому, что эта художница характерна въ отношеніи протеста современной женщины и тѣхъ бо-

8) А. Вербицкая. „Счастье". „Правда". Фев.

ковыхъ тропинокъ, на которыхъ она ищетъ новаго пути, — ибо она, прежде всего, пришла къ убѣжденію, что „главное—это жизнь перевернуть“.

Намъ хочется сдѣлать еще маленькое примѣчаніе. Вѣдь, въ „счастьи“ г-жи Вербицкой мы имѣемъ дѣло съ художницей, т. е. съ человѣкомъ, путь котораго значительно облегченъ искрой таланта, которую подарила ей мать-природа. Но не у всѣхъ же есть талантъ, не у всѣхъ есть прямое призваніе въ жизни, и тогда поиски новаго своего пути значительно усложняются.

Въ нѣмецкомъ романѣ „Полуживотное“ Елены Белау мы слышимъ тѣ-же протесты и крики: Изольда тоже не хочетъ выходить замужъ, рожать дѣтей и тоже уходить въ искусство, благо, по волѣ автора, у нея тоже оказался талантъ. — Это все не рѣшеніе вопроса, не найденные новые пути, а только протестъ,—болѣе или менѣе яркій, болѣе или менѣе рѣшительный.

Въ нѣмецкомъ тоже романѣ „Трудъ“ [9]) г-жи Ильзы Фрапанъ, мы находимъ тотъ-же протестъ, осложненный муками и запросами интеллигентной и страдающей души, видящей ужасъ и ложь всей окружающей жизни. Мужъ Іозефины взятъ въ тюрьму, и она сразу выростаетъ, поднимаетъ на свои плечи всю тяготу жизни, уходитъ учиться медицинѣ и идетъ тяжелымъ, но приводящимъ ее къ бодрому и ясному взгляду на жизнь путемъ,—путемъ „труда“. Да, конечно,—это ближе къ рѣшенію вопроса, но когда мы вспомнимъ, что часть ея дѣтей воспитывалась у дѣдушки, а другая была у нея въ забросѣ и на наемныхъ рукахъ въ то время, пока она была въ клиникахъ, или слушала профессоровъ,—когда мы это вспомнимъ, мы должны будемъ признать, что вопросъ очень сложенъ, что женщинѣ еще долго придется искать новаго пути.

Мы говорили, до сихъ поръ, о протестѣ *женской* личности. Но въ ней протестуетъ еще и просто *человѣческая* личность. Въ этомъ протестѣ она представляетъ собою маленькую часть *всеобщаго* протеста, одинъ изъ угловъ разрушающагося дома.

Жизнь глубоко индивидуальна и не признаетъ трафаретовъ. Въ этомъ неослабѣвающій интересъ жизни, ароматъ ея. И женщина вноситъ свою индивидуальность и во всеобщій протестъ. Оно и понятно. Въ „бабушкиномъ домѣ“ на нее смотрятъ только, какъ на женщину, и уходя оттуда, она прежде всего рветъ эти путы. Чеховская „невѣста“ Надя, Ирина изъ пьесы Семена Юшкевича „Чужая“, Саша изъ разсказа г. Арцимовича „Бунтъ“ [10])—всѣ онѣ, выражая свой протестъ *человѣческой* личности, принуждены все же оставаться въ своей, чисто-женской сферѣ.

Ирина хороша, молода и живетъ всю жизнь въ прислугахъ...—„Все за работой, да за работой... А жить-то когда? Жить когда будешь, спрашиваю?.. Не знаешь? Вчера построчила, пригладила, убрала, сегодня построчила, пригладила, убрала,—и ничего новаго не будетъ ни завтра, ни черезъ десять лѣтъ“... Это возмущеніе личности противъ цѣпей нищеты, яростный протестъ противъ жизни, сведенной къ жалкой борьбѣ за хлѣбъ насущный. Для нея — для молодой и красивой женщины, есть возможность однимъ ударомъ оборвать эти цѣпи нищеты. Но ея человѣческое достоинство возмущается противъ этого... „Гдѣ была, гдѣ жила, гдѣ служила, только и слышала о тѣлѣ, да о тѣлѣ. И молодые, и старые, и богатые, и бѣдные — всѣ на одно били и цѣлили. Я бы уже вонъ гдѣ была, коли бы захотѣла“...

9) „М. Божій“.

10) „М. Б.“, мартъ.

Вся печальная нищета „бабушкина дома“, гдѣ отъ каждаго каждый старается сорвать все, что только возможно, гдѣ меньше всего цѣнится *личность* человѣка — стоитъ передъ нами во всемъ обнаженномъ позорѣ своемъ.

Во второмъ актѣ мы видимъ Ирину, кидающеюся на улицу въ истерическомъ припадкѣ, готовою отдаться первому встрѣчному. Эта „улица“, наглая и безстыдная, нищенски жалкая и убогая, гдѣ старые и молодые, богатые и бѣдные — всѣ охотятся за тѣломъ Ирины,—это сплошной, безконечный крикъ яростнаго протеста противъ жизни „бабушкина дома“. Нагло торжествуя, перекатываются волны уличной жизни, и каждымъ звукомъ своимъ, каждой чертой жизнь ея отрицаетъ, „упраздняетъ“ самое себя. Ирина протестуетъ до самаго конца: она не знаетъ законовъ архитектуры, не знаетъ, съ чего должна быть начата перестройка дома, какъ надо перевернуть жизнь и — кончаетъ петлей на шею, „упраздненіемъ“ жизни.

Почти такъ же кончаетъ Саша въ „Бунтѣ“ г. Арцимовича. Она была добродѣтельна и шила, шила, шила, а когда ей надоѣло шить, когда она увидѣла, что жизнь проходитъ, а за свою добродѣтель, кромѣ нищеты и презрѣнія, она ничего не получаетъ, то она вынесла на рынокъ „бабушкина дома“ то, на что есть большій спросъ и за чѣмъ охотятся „старые и молодые“...

„Люди не равны,—сказалъ Заратустра“. — Ирина дошла въ своемъ протестѣ до петли, но не выбросила своего живого тѣла этимъ собакамъ, а Саша сама понесла его имъ; кто броситъ въ нее камень?

Фабула повѣсти проста: Сашу „спасаютъ“ и перевозятъ изъ дома увеселеній въ „домъ трудолюбія“...

У „бабушки“ есть много такихъ домовъ ханжества и лицемѣрія...

Мы не будемъ подробно пересказывать этой талантливой повѣсти,— у насъ для этого нѣтъ мѣста, — но картины „спасенія“ „заблудшихъ“, ихъ жизнь въ этомъ домѣ „призрѣнія“ (вѣрнѣе — „презиранія“) ихъ, фигуры „спасителей“ и „спасительницъ“ написаны умѣлой кистью, все это живетъ и дышетъ... Саша приставлена къ уходу за больными, но чаша ея терпѣнія переполнилась,—это „призрѣніе“ измучило ее, и она готова предпочесть откровенное презрѣніе улицы. Ея больная, баронесса капризничаетъ и вволю третируетъ ее... — „Я уже сказала вамъ! не смѣйте сравнивать меня и себя!.. Вы... панельная... вы должны быть счастливы, что вамъ дышать позволили! Дрянь!—сорвалась баронесса. — Это счастье! — усмѣхнулась, какъ въ какомъ-то бреду, Саша.—Дышать вездѣ можно, что на панели, что... Дорого-то за дыханье берете... вы“! Баронесса кричитъ, что она вышвырнетъ ее на улицу, что она сгніетъ тамъ... — „Ну, и пусть! экъ напугали!.. всѣ сгніемъ!“—и потомъ, уже уйдя отъ баронессы, повторяетъ: „Всѣ сгніемъ... и я, и всѣ... кабы радость какая! А такъ — все равно! Скучно.. ску-учно...

Конецъ понятенъ, — „спасеніе“ не удалось, и Саша отдается опять „упраздненію“ жизни.

Она, какъ и Ирина, уничтожаетъ жизнь — сжигаетъ ее, такъ какъ не знаетъ, съ чего надо начать, чтобы „жизнь перевернуть“.

V.

Въ различныхъ сферахъ жизни, въ областяхъ ея, не имѣющихъ между собою ничего общаго, кромѣ самаго факта—жизни,—мы слышимъ одну ноту, одинъ лейтмотивъ проходитъ черезъ всю оперу: такъ жить нельзя, „бабушкинъ домъ“ разваливается.

Не будемъ останавливаться на другихъ произведеніяхъ текущей литературы; всюду мы видимъ тотъ-же протестъ, — то въ видѣ ищущей

и страдающей души (разсказъ „Ничего не было“ г. Каменскаго), то въ крикахъ борьбы, въ усиліяхъ труда, въ поискахъ новой страны и новыхъ условій жизни („За океаномъ“ г. Тана), то въ пассивныхъ мукахъ кающейся души, видящей ужасы, происходящіе на ея глазахъ, все безконечное море крови и страданій („Покаяніе“ г-жи Ольги Шапиръ), то въ изломахъ и уродливыхъ вывихахъ мыслей и чувствъ городской интеллигенціи и въ безъисходной тоскѣ и стремленіи къ чистымъ идеаламъ, которые даетъ жизнь не оторванная отъ „Природы“ (романъ г. Федорова, къ которому мы еще вернемся).

Но въ прошлой статьѣ мы указывали уже, что кривая жизни человѣчества, въ своемъ стремленіи впередъ, въ своемъ мощномъ движеніи все выше и выше, отрываетъ прежде всего эти маленькія атомы-людей отъ природы, заставляетъ ихъ проходить черезъ города, чтобы научиться „языку“, чтобы ясно и точно знать, съ чего надо начать, чтобы „жизнь перевернуть“. Матвѣй Лозинскій, о которомъ мы говорили въ прошлой статьѣ, и множество другихъ „Лозинскихъ“, которыхъ намъ показываетъ г. Танъ въ своей талантливой повѣсти „За океаномъ“, сумѣютъ ясно и точно, *организованно* выразить свой протестъ, а не только пассивно увеличивать собою ряды „окончательной“ эмиграціи.

Все громче и настойчивѣе звучитъ въ отдѣльныхъ „аріяхъ“ и „хорахъ“ основной лейтмотивъ современности: не жалости, не милосердія, не любви даже, а *справедливости* требуютъ люди, и больная, страдающая душа интеллигента, напряженно-ищущая, и со страстной чуткостью и сосредоточенностью прислушивающаяся и приглядывающаяся къ жизни, видитъ многое, что ускользаетъ отъ здоровыхъ... — „На каждомъ шагу, въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ такъ называемой низшей массой, онъ (Одинцовъ въ разсказѣ „Ничего не было“ г. Каменскаго, „М. Божій“ январь, стр. 168) ловилъ на себѣ нескрываемые, ненавидящіе взоры. И въ птичьихъ глазахъ музыканта, какъ будто безсмысленныхъ и неподвижныхъ, теперь отчетливо пылала та же, знакомая Одинцову, ненависть мрачная, безпросвѣтная, не знающая пощады“.

Все дальше ширится протестъ, все глубже уходитъ онъ, все яснѣе и организованнѣе становится онъ. Надя—эта прекрасная женская фигура, символизирующая жизнь,—пришла къ выводу, что надо уходить изъ „бабушкина дома“, что вотъ-вотъ рушится онъ, что невозможно въ немъ больше оставаться.

Она—эта символическая Надя начинаетъ все больше вѣрить Сашѣ... — „Клянусь вамъ, вы не пожалѣете и не раскаетесь... Когда перевернете вашу жизнь, то все измѣнится. Главное, перевернуть жизнь, а все остальное не важно“.

„Дачники“.

...„А вы на землѣ проживете,
Какъ черви слѣпые живутъ:
Ни сказокъ про васъ не разскажутъ,
Ни пѣсенъ про васъ не споютъ“!

Этими строками изъ „Валашской легенды“ Максима Горькаго можетъ быть резюмировано внутреннее содержаніе его послѣдней пьесы „Дачники“. Какъ „черви слѣпые“, живутъ эти дачники въ его „сценахъ“... Мы должны оговориться: мы не будемъ разсматривать произведеніе Горькаго съ точки зрѣнія его литературно - художественныхъ до-

стоинствъ, а только какъ иллюстрацію къ жизни, — какъ отдѣльные элементы, изъ которыхъ мы попробуемъ синтетически составить отвѣтъ на вопросъ, интересующій общество: что такое наша интеллигенція, какова она, чего она хочетъ и куда она идетъ. А вопросъ этотъ всегда интересовалъ русское общество, — пожалуй, больше, чѣмъ какое-либо другое общество.

Оно и понятно. Ни въ какой другой странѣ не было такого рѣзкаго раскола между интеллигенціей и народомъ, какъ въ Россіи. Въ то время, какъ интеллигенція наша доходила до вершинъ европейской мысли и европейской образованности, — народъ отставалъ и отстаетъ на много столѣтій. И, пожалуй, что мало найдется въ красивой и могучей исторіи Европы такихъ трогательныхъ страницъ безкорыстнаго служенія народу и, главное, такого страстнаго, полнаго лирической любви и нѣжности стремленія интеллигенціи къ народу, какъ мы это видимъ въ русской исторіи. „Крылатое" слово Н. К. Михайловскаго о „романѣ" интеллигенціи съ народомъ — не только остроумно и красиво, но и глубоко вѣрно. Отношенія русской интеллигенціи къ своему народу отличаются всѣми перипетіями личной драмы, нервными уклоненіями и психическими эксцессами, сопровождающими обыкновенно волненія и страданія нераздѣленной личной страсти. Роль интеллигенціи въ жизни страны — это любимый предметъ горячихъ споровъ русскаго обывателя; не мало и чернилъ было пролито въ этомъ спорѣ.

Что же такое интеллигенція?

„Дачники — всѣ одинаковы. За пять годовъ я ихъ видалъ безъ счету. Они для меня — въ родѣ какъ въ ненастье пузыри на лужѣ... вскочитъ и лопнетъ... вскочитъ и лопнетъ... такъ-то". Таковъ взглядъ дачнаго сторожа Пустобайки на интеллигенцію. Или же интеллигенція — это лучшая часть народа, это его мозгъ и, какъ таковой, это наиболѣе сложный и наиболѣе совершенный продуктъ, выработанный тысячелѣтіями усилій, труда, имѣющій, какъ отдѣльный организмъ, свои законы жизни, дальнѣйшаго развитія, какого-то особаго провиденціальнаго назначенія?

И всѣ эти „дачники" — интеллигенція-ли это, или есть какая-то другая, настоящая?

Варвара Михайловна полагаетъ, что *это* не интеллигенція... „Интеллигенція — это не мы. Мы — дачники въ нашей странѣ... какіе-то пріѣзжіе люди. Мы суетимся, ищемъ въ жизни удобныхъ мѣстъ... мы ничего не дѣлаемъ и отвратительно много говоримъ"... Все время таинственно и красиво молчавшая и вдругъ заговорившая такъ рѣзко и опредѣленно безъ всякихъ къ тому основаній — единственно по волѣ автора, который рѣшилъ именно въ ея гордые уста" вложить свои излюбленныя мысли, — Варвара Михайловна на этомъ не останавливается. „И страшно много лжи въ нашихъ разговорахъ! Чтобы скрыть другъ отъ друга духовную нищету, мы одѣваемся въ красивыя фразы, въ дешевыя лохмотья книжной мудрости... Говоримъ о трагизмѣ жизни, не зная ея, любимъ ныть, жаловаться, стонать"...

Все построеніе пьесы, вся нарочитость въ выборѣ положеній, фигуръ, въ подтасовкѣ сценъ, — авторскій умыселъ, который мы ясно читаемъ въ невѣроятно-нелѣпой жизни „дачниковъ", въ пошлыхъ бесѣдахъ и жалко-мизерныхъ переживаніяхъ, наконецъ, въ какомъ-то странномъ, грубо-нехудожественномъ подчеркиваніи въ самихъ фамиліяхъ — Сусловъ, Рюминъ, Двоеточіе — все это даетъ намъ несомнѣнное право сказать, что красивыми устами „новой" женщины, Варвары Михайловны говоритъ самъ авторъ. Горькій — слишкомъ большой художникъ, чтобъ все это можно было счесть случайными недостатками неудавшагося

произведенія. Итакъ, это *его* мнѣніе объ интеллигенціи: мы—не интеллигенція; остается только нерѣшеннымъ вопросъ,—есть ли какая-либо другая, или одни „дачники" только и есть, „пріѣзжіе люди" въ своей странѣ.

Разберемся въ этомъ; вопросъ этотъ очень интересенъ и теперь особенно занимаетъ русское общество. Мы сталкиваемся съ обширнымъ и глубокимъ вопросомъ объ исторической роли интеллигенціи. Мы не можемъ ни по размѣрамъ, ни по плану нашей статьи входить въ обстоятельное разсмотрѣніе его, но для уясненія себѣ всѣхъ этихъ „дачниковъ"—Сусловыхъ, Басовыхъ, Рюминыхъ и пр., мы должны все же хоть въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на немъ.

II.

Намъ кажется, что самое выраженіе: „историческая роль интеллигенціи", которое такъ часто приходится слышать, таитъ въ себѣ глубокое заблужденіе. Мы понимаемъ выраженія: историческая роль феодализма, историческая роль касты воиновъ, — наконецъ, историческая роль ремесленныхъ цеховъ, буржуазіи и т. д. Но феодализмъ, аристократія имѣютъ свою „ителлигенцію": мы представляемъ себѣ средневѣковую интеллигенцію ремесленныхъ цеховъ, мы знаемъ интеллигенцію буржуазіи. Интеллигенціи же, какъ класса, или даже, какъ отдѣльной общественной группы мы не знаемъ въ исторіи.

Если мы захотимъ сузить понятіе и условимся подразумѣвать подъ словомъ „интеллигенція" только людей, снискивающихъ себѣ пропитаніе умственнымъ трудомъ, то мы попадемъ въ неразрывную цѣпь самыхъ нелѣпыхъ противорѣчій. Мольтке, занимавшійся тонкими выкладками для изысканія способовъ наиболѣе совершенно организовать человѣческую бойню,—принадлежитъ ли онъ къ интеллигенціи, хотя онъ происходитъ изъ касты воиновъ? Земскій начальникъ, занимающійся „умственнымъ трудомъ", принадлежитъ ли къ интеллигенціи, хотя онъ самъ изъ класса землевладѣльцевъ? И, съ другой стороны, хотя бы знаменитый американскій писатель Генри Джоржъ, такъ сильно повліявшій на вопросъ о національзаціи земли своей извѣстной книгой „Прогрессъ и бѣдность",—имѣетъ ли онъ честь принадлежать къ интеллигенціи, если до послѣдняго времени онъ продолжалъ оставаться типографскимъ наборщикомъ? Принадлежатъ ли къ интеллигенціи каменщикъ Борнсъ, — депутатъ англійскаго парламента? Принадлежалъ ли къ интеллигенціи ювелиръ Спиноза? Спиноза руками зарабатывалъ свой хлѣбъ насущный.

Не развивая болѣе подробно своей мысли, мы должны придти къ выводу, о которомъ мы упомянули выше. Каждый общественный классъ выдвигаетъ *свою* интеллигенцію — т. е. продолжая свою историческую жизнь, онъ вырабатываетъ наиболѣе сложныя, наиболѣе совершенныя организаціи, вооруженныя всей доступной для даннаго общественнаго класса суммой знанія и образованности. Это и есть *его* интеллигенція. Еще проще, — это есть возможное для даннаго класса количество *интеллигенціи*—разума, это — высшая точка его развитія. Не уходя въ таинственныя, надземныя выси, мы должны будемъ все же признать параллельное существованіе и другой — внѣклассовой интеллигенціи, стоящей выше лично своихъ классовыхъ интересовъ, т. е. выше интересовъ того класса, къ которому она принадлежитъ по своему рожденію, или по роду своего труда. Мы признаемъ существованіе интеллигенціи всечеловѣческой, живущей идеалами всего человѣчества, какъ-бы слившей въ себѣ интеллигенцію отдѣльныхъ его классовъ. Это—тѣ „мечтатели, художники, поэты",—тѣ „безумцы", строющіе будущее и

идущіе впереди жизни. Надо, конечно, помнить, что и они живутъ во времени и пространствѣ, что извѣстное историческое распредѣленіе общественныхъ силъ не можетъ не влiять и на нихъ, — что болѣе или менѣе принуждены и они принять участіе въ существующемъ антагонизмѣ общественныхъ группъ и, наконецъ, какъ и всѣ люди, должны ѣсть, пить, имѣть жилище и платье. Все это, несомнѣнно, влiяетъ на ихъ чистую, общечеловѣческую психику, — заставляетъ ихъ принять участіе въ классовой борьбѣ, ставитъ ихъ ближе къ той или другой общественной группѣ.

Но такая, *внѣклассовая* интеллигенція существуетъ у всѣхъ народовъ въ чрезвычайно-ограниченномъ числѣ. Это — въ лучшемъ смыслѣ этого слова, тѣ „верхніе десять тысячъ", которые, пройдя черезъ муки отрицанія, личной скорби, глубокаго душевнаго разрыва отъ зрѣлища трагической повседневной жизненной борьбы,—пришли къ вѣчнымъ, несокрушимымъ идеаламъ человѣчества. Вѣдь не этой же *истинной* интеллигенціи, среди которой Джіордано Бруно и Вильгельмъ Телль, Гуссъ и Галилей занимаютъ одинаковое мѣсто, какъ люди всечеловѣческаго интеллекта, — свободнаго, гордаго разума Прометея,—вѣдь не ихъ же искалъ Горькій между Сусловыми, Рюмиными, Басовыми, Двоеточіями и всей дамской половиной дачниковъ? Читатель, конечно, понимаетъ, что дѣло не въ размѣрахъ интеллекта: что мы говоримъ о внѣклассовой интеллигенціи, о людяхъ, родственныхъ по своимъ общечеловѣческимъ идеаламъ хотя бы Бруно и Чаадаеву, хотя бы и безъ ихъ генія или таланта. Такихъ людей не могъ найти Горькій среди своихъ нарочито-пошлыхъ дачниковъ.

III.

„Я хочу сказать вамъ, что если мы живемъ не такъ, какъ вы хотите, почтенная Марфа Львовна, у насъ на то есть свои причины! Мы наволновались и наголодались въ юности; естественно, что въ зрѣломъ возрастѣ намъ хочется много и вкусно ѣсть и пить, хочется отдохнуть... вообще наградить себя съ избыткомъ за безпокойную, голодную жизнь юныхъ дней"... Почтенная Марья Львовна — женщина-врачъ, разумная, цѣльная натура, полная наивысшихъ идеаловъ и въ то же время съ женственно-мягкой душой—приходитъ въ добродѣтельный ужасъ отъ этого „цинизма". „Да это истерія! Такъ обнажить себя можетъ только психически больной"! Новая, заговорившая Варвара Михайловна изрекаетъ своими прекрасными устами: „Какъ это тяжело"! Да, какъ это глубоко, какъ это сильно и полно сказано,— не правда-ли?

Но оставимъ ихъ. Горькому почему-то захотѣлось всѣ свои мысли и всѣ лучшія стремленія и порывы, выраженія наиболѣе общественно-живыхъ теченій отвести дамамъ. Находитъ-ли онъ, что дачницы лучше дачниковъ,—что изъ дачницъ еще можетъ выйти какой-нибудь толкъ, если онѣ не будутъ женами дачниковъ,—трудно понять; но такое любезное отношеніе къ дамамъ проходитъ чрезъ всю пьесу. Мы къ этому еще вернемся.

Итакъ, заявленіе Суслова признано циническимъ. Но развѣ правда—цинизмъ?—Развѣ ясное и вѣрное, хотя и грубое пониманіе себя и всѣхъ окружающихъ есть безстыдное оголеніе? Вѣдь, что онъ говоритъ: „Мы всѣ здѣсь — дѣти мѣщанъ, дѣти бѣдныхъ людей... Мы, говорю я, много голодали и волновались въ юности... Мы хотимъ поѣсть и отдохнуть въ зрѣломъ возрастѣ... вотъ наша психологія"... Эта психологія—упрощенная и грубая, но глубоко правдивая, — ясная и вѣрная, какъ жизненный фактъ. Вѣдь это просто—правда. Сусловъ голодалъ и теперь хочетъ сытно

ѣсть. Суслову не привито ни жизнью, ни воспитаніемъ, ни всей текущей дѣйствительностью ни малѣйшей идеи о дѣйственномъ участіи въ общественныхъ интересахъ, въ дѣлахъ и интересахъ его страны. Сусловъ всегда былъ пріѣзжимъ не только въ своей собственной странѣ,—часто въ своемъ родномъ городѣ, лишенный активнаго участія въ его дѣлахъ,—всегда былъ только „дачникомъ", и для него естественно, что онъ ищетъ, какъ-бы самому удобнѣе устроиться, такъ какъ онъ не можетъ иначе смотрѣть на жизнь, нѣтъ у него основаній для этого, не научился или разучился. Онъ правъ дальше, когда проситъ почтенную Марью Львовну оставить его въ покоѣ. „Изъ-за того, что вы будете ругаться и другихъ подстрекать на эту ругань, изъ-за того, что вы назовете насъ трусами или лѣнтяями, никто изъ насъ не устремится въ общественную дѣятельность... нѣтъ! Никто"! Да, не „руганью" можно перевоспитать Суслова, а коренным измѣненіемъ многихъ глубокихъ и основныхъ условій жизни.

Теперь же его психологія такъ проста и ясна. Онъ изголодался и хочетъ быть сытымъ, онъ усталъ и хочетъ отдохнуть. Сусловъ — маленькій жалкій атомъ, взятый изъ толпы, бѣдный, ничтожный микробъ, и мы не видимъ достаточныхъ основаній для Марьи Львовны требовать отъ него геройства. Сусловъ—это капля огромной обывательской рѣки, — и не можетъ капля двинуться, разъ рѣка стоитъ. Вѣдь онъ такъ ясно видитъ и понимаетъ себя. Онъ говоритъ: „Я—рядовой русскій человѣкъ, русскій обыватель! Я—обыватель и больше ничего-съ! Вотъ мой планъ жизни". Въ послѣдней фразѣ онъ ошибается,—это не *его* планъ жизни, а напротивъ, таковъ планъ *не имъ* сотворенной жизни, который разсматриваетъ Суслова только, какъ обывателя „и больше ничего-съ..." а Сусловъ повиненъ только въ томъ, что онъ „рядовой" человѣкъ. Но право-же, почтенная Марья Львовна напрасно сердится за это: нельзя-же упрекать человѣка за его „средній" ростъ. И, наоборотъ, мы видимъ слѣды непонятнаго ему самому стыда, а не цинизмъ, въ этихъ нелѣпыхъ истерическихъ выкрикахъ: „Мнѣ нравится быть обывателемъ... Я буду жить, какъ я хочу! И, наконецъ, наплевать мнѣ на ваши росказни... призывы, идеи"! — Сусловъ — практически умный и ловкій человѣкъ и онъ не можетъ не понять, что радости ужъ не больно много въ томъ, чтобы быть обывателемъ; но отъ него требуютъ геройства и великихъ дѣлъ, между тѣмъ, какъ онъ сынъ *мѣщанина*, по его собственному признанію, и ничѣмъ другимъ пока не можетъ быть. Разумная и цѣльная Марья Львовна и великолѣпная Варвара Михайловна, скорѣе всего, сами дочери мѣщанъ,—но тогда онѣ сумѣли подняться выше своего класса — если только, дѣйствительно, осуществятъ какъ-нибудь активно осѣнившее ихъ откровеніе.

Такъ-ли, или иначе, но Сусловъ—инженеръ, то есть рядовой интеллигентъ своего мѣщанскаго класса, и странно къ нему предъявлять другія требованія. Пусть только вся рѣка потечетъ въ другую сторону, и они всѣ будутъ съ нею; всѣ эти дачники поплывутъ вмѣстѣ съ рѣкою. Здѣсь будетъ и трусливый Басовъ (мужъ великолѣпной Варвары Михайловны), и жалкій нытикъ Рюминъ, который безнадежно влюбленъ въ Варвару Михайловну, рюмитъ безъ конца и, наконецъ, когда стрѣляется, то также неумѣло и неудачно. Здѣсь будетъ писатель Шалимовъ, которому поклонялась когда то Варвара Михайловна, и который теперь, развѣнчанный (и облысѣвшій), лежитъ во прахѣ у ея ногъ. Жалкая фигура развинченнаго скептика, петербургскаго интеллигента, страдающаго несвареніемъ.—Пусть

потечетъ рѣка—и всѣ эти жалкія капли оживутъ, задвигаются.

Картина, какъ мы сказали уже, нарисована съ противохудожественной нарочитостью, и вся жизнь этого общества „дачниковъ" должна быть охарактеризована здравомысленными изрѣченіями, вложенными авторомъ въ уста сторожа Пустобойки. „Нарядятся не въ свою одежу и говорятъ.. разныя слова, кому какое пріятно... Кричатъ, суетятся, будто что-то дѣлаютъ... будто сердятся... Ну, обманываютъ другъ-дружку. Одинъ представляется—я, дескать, честный, другой—а я умный... или тамъ,—я-де несчастный"... (Онъ объясняетъ другому сторожу, что значитъ играть въ любительскомъ спектаклѣ, который затѣвается на дачѣ.). А вотъ какова ихъ роль въ жизни, въ творчествѣ, ея по мнѣнію автора, изрекаемому тѣмъ-же философомъ Пустобойкой. „Ишь, какъ нахламили вездѣ... Только хламъ да соръ и остается послѣ васъ... Только землю портите"!— Пустобайка недоволенъ и ворчитъ; *онъ*, пожалуй, имѣетъ на это право. „Сору-то сколько... черти! Въ родѣ гуляющихъ, эти дачники... появятся, насорятъ на землѣ—и нѣтъ ихъ... А ты послѣ ихняго житья разбирай. Подметай"... Насколько правъ Пустобайка, выражая свое недовольство, что „послѣ ихняго житья" ему приходится „разбирать" и „подметать",— это другой вопросъ; мы къ нему вернемся когда-нибудь; а теперь разберемся въ изрѣченіяхъ этого философа и попробуемъ разсмотрѣть, правда-ли, что только „хламъ да сорье" и остается послѣ этихъ дачниковъ, что они „появляются,— насорятъ на землѣ и нѣтъ ихъ"— правда-ли это?

IV.

„До сихъ поръ въ деревнѣ были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Всѣ города, даже самые небольшіе, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачникъ лѣтъ черезъ двадцать размножится и начнетъ работать во всю. Теперь онъ только чай пьетъ на балконѣ, но, вѣдь, можетъ случиться, что на своей одной десятинѣ онъ займется хозяйствомъ... („Вишневый садъ", I дѣйствіе).

О какихъ это дачникахъ говоритъ его степенство Лопахинъ? И кто это размножится и начнетъ „работать во всю"? Мы думаемъ, что онъ говоритъ про тѣхъ же Сусловыхъ, Басовыхъ, Рюминыхъ; мы думаемъ, далѣе, что онъ правъ, предполагая и ожидая, что дачникъ начнетъ „работать во всю", мы только находимъ, что отчасти это уже теперь есть, а не только черезъ двадцать лѣтъ будетъ. Правда, онъ пока „только чай пьетъ на балконѣ" и совсѣмъ еще не занимается хозяйствомъ на своей десятинѣ, но откроемъ глаза и посмотримъ внимательно,— тогда мы увидимъ, что онъ, этотъ „дачникъ", посѣщаетъ банкеты, присоединяется ко всякимъ добрымъ пожеланіямъ, создаетъ всю ту маленькую культуру, или—вѣрнѣе—похожую на культурную жизнь, которую мы видимъ вокругъ себя.

Вѣдь это же просто: кто же другой это дѣлаетъ? Не философъ же Пустобайка, съ одной стороны, и не великолѣпныя Варвара Михайловна и Марья Львовна—съ другой. Согласитесь, что этотъ философъ, не смотря на все свое здравомысліе, *ниже* культурнаго типа; и когда Рюминъ глупо и нелѣпо стрѣляется, а всѣ дачники суетятся около него,— то это этотъ философъ заявляетъ: „это я привелъ господина"... Двоеточіе немного растерянъ и не беретъ въ толкъ этого деликатнаго намека. „Ага... хорошо"!—„Мнѣ бы за безпокойство на—водку надо получить съ кого-нибудь",—заявляетъ тогда философъ. Онъ несомнѣнно въ своемъ правѣ,—онъ подобралъ этого нелѣпаго господина и привелъ его, — но, какъ хотите, можно находить великолѣпной эту простоту и ясность міросозерцанія, но нельзя

все же не видѣть, что и та жалкая, ничтожная красота жизни, которой мы достигли,—не его культурности (хотя, быть можетъ, и его трудамъ) обязана своимъ существованіемъ. А Варвара Михайловна и Марья Львовна, если мы даже согласимся признать ихъ живыми, а не сочиненными фигурами, — окажутся значительно *выше* средняго культурнаго типа и, — въ крайнемъ случаѣ, имъ мы можемъ отвести только роль людей, идущихъ впереди толпы, направляющихъ ее.

Къ чему, далѣе, это старательное выписываніе невысокихъ нравственныхъ качествъ отдѣльныхъ горе-интеллигентовъ, „дачниковъ"? Сусловъ пошлъ и циниченъ, Басовъ трусъ и жалкое ничтожество, Рюминъ — истерическая безвольная тряпка. Пусть такъ, но вмѣстѣ они — сильная, болѣе или менѣе культурная, болѣе или менѣе образованная, болѣе или менѣе интеллигентная толпа, и текущая жизнь есть то, что они представляютъ собою. Они пошлы, вульгарны, своекорыстны, они много ѣдятъ, но при этомъ хоть немного, а и думаютъ тоже; они пьютъ, но не опиваются до безчувствія, не бьютъ своихъ женъ, не ругаютъ ихъ скверными словами, и носятъ хотя бы маленькій и бѣдный, но все-же идеалъ гражданина въ душѣ... Мы не собираемся реабилитировать „буржуазію", конечно, но—право же, этихъ „дачниковъ" у насъ еще такъ мало, и жизнь, если бы ихъ было больше, была бы гораздо красивѣе, легче. Это не парадоксъ—подумайте и вы увидите, до чего это арифметически вѣрно.

Помните наивныя, но глубоко-жизненныя, проникнутыя особенной, чисто-чеховской грустью, мысли и жалобы дьякона передъ дуэлью фонъ-Корена съ Лаевскимъ *)?— ..„Вѣдь даже внѣшне порядочныхъ людей такъ мало на свѣтѣ! Правда, Лаевскій шалый, распущенный, странный, но вѣдь онъ не украдетъ, не плюнетъ громко на полъ, не попрекнетъ жену: „лопаешь, а работать не хочешь", не станетъ бить ребенка возжами, или кормить своихъ слугъ вонючей солониной—неужели этого недостаточно, чтобы относиться къ нему снисходительно"?

*) „Дуэль". Повѣсть Чехова.

Да, жизнь этихъ „дачниковъ" жалкая, безцвѣтная, сѣрая, но они первые страдаютъ отъ этого, и ихъ страданіе,—одно существованіе такого страданія говоритъ намъ о другой жизни, позволяетъ намъ оптимистически сказать вмѣстѣ съ Чеховымъ, что черезъ „триста—четыреста лѣтъ вся земля будетъ сплошной садъ, и жизнь будетъ культурная, красивая, изящная". Вѣдь уравновѣшенная, строгая и цѣльная Марья Львовна права въ томъ, что „еще никогда въ нашей странѣ не было образованныхъ людей, связанныхъ съ массою народа родствомъ крови"... и разъ *этого* еще даже не было, то странно требовать отъ Суслова, Басова, Замыслова, чтобы они стремились расширить, перестроить, освѣтить жизнь всей страны, гдѣ они пока „только чай пьютъ на балконѣ".

И все же этотъ самый Сусловъ, который бросаетъ вызовъ Марьѣ Львовнѣ, называя себя русскимъ обывателемъ,—когда придетъ время, онъ же заговоритъ о „правопорядкѣ", о „всевластіи бюрократіи" и пр. Ибо если не онъ, если не этотъ „дачникъ", то кто же будетъ говорить? Замысловъ—еще большій хищникъ, пожалуй,—хотя и болѣе культуренъ, и онъ несомнѣнно еще болѣе сознательно будетъ говорить о томъ же самомъ. Ничтожно и плаксиво ноетъ много десятилѣтій объ этомъ же и Рюминъ. Онъ жалокъ, этотъ Рюминъ,—но его недовольство, его хроническое нытье сослужило большую службу русскому обществу. Кажется, это онъ „разбудилъ" великолѣпную Варвару Михайловну? И уже потомъ, разочаро-

вавшись и въ немъ, она поклонялась писателю Шалимову. Это, во всякомъ случаѣ, старая, знакомая фигура „дачника“,—одна изъ первыхъ, которая пила чай на балконѣ.

Итакъ,—хламъ и сорье останется отъ нихъ на землѣ,—увѣряетъ насъ Пустобайка; а Лопахинъ, напротивъ того, полагаетъ, что лѣтъ черезъ двадцать дачникъ размножится, будетъ работать во всю и даже займется хозяйствомъ „на своей десятинѣ“. Мы рѣшительно думаемъ, что правъ Лопахинъ, а не Пустобайка. Всѣ эти изголодавшіеся и уставшіе дѣти мѣщанъ сытно ѣдятъ теперь, отдыхаютъ и впитываютъ въ себя внѣшнюю культуру, считаютъ себя обывателями и не хотятъ слушать Марьи Львовны. Но уже на нашихъ глазахъ происходитъ ихъ дальнѣйшій ростъ, мы уже присутствуемъ при ихъ желаніи заняться своимъ хозяйствомъ. Бѣдна еще, безцвѣтна и несправедлива жизнь, создаваемая этими дачниками, но и то, что создалось—создалось только ими, только въ ихъ средѣ наша жизнь имѣетъ культурный обликъ.

Варвара Михайловна въ объясненіи съ Рюминымъ, когда онъ проситъ „не любви, а жалости“, по внѣшнему права, конечно, когда говоритъ, что „мы живемъ на землѣ чужіе всему... мы не умѣемъ быть нужными для жизни людьми“. Но это же только такъ кажется, такъ какъ они же сдѣлали и дѣлаютъ ту жизнь, для которой они считаютъ себя непригодными. А происходитъ это оттого, что „дачникъ“ носитъ въ душѣ формы другой жизни и что онъ—часто безсознательно—только ждетъ того времени, когда онъ размножится и займется *самъ* своимъ хозяйствомъ...

„И мнѣ кажется,—продолжаетъ дальше Варвара Михайловна,—что скоро, завтра, придутъ какіе-то другіе, сильные, смѣлые люди и сметутъ насъ съ земли, какъ соръ“... Ну, Варварѣ Михайловнѣ, какъ дамѣ, можно ограничиться красивымъ „мнѣ кажется“, но для насъ знаніе исторіи обязательно. А исторія уже не разъ показала намъ, какъ дачники занялись своимъ хозяйствомъ, какъ приходили „какіе то смѣлые, сильные люди“, которые сметали всяческій соръ, мѣшавшій ихъ хозяйству... Но—любопытный курьезъ,—это были тѣ же „дачники“... Рѣзко и прямо, рѣшительно дѣйствовалъ бывшій обыватель—Сусловъ, красиво и почти пламенно говорилъ Замысловъ и даже Рюминъ пересталъ рюмить. Это *было*—такъ говоритъ исторія.

VI.

Итакъ, что-же остается отъ всего презрѣнія Пустобайки, отъ его увѣреній, что „дачники“ насорятъ, нахламятъ на землѣ „и нѣтъ ихъ“? Ничего, ровно ничего! Да, они насорятъ и нахламятъ, но они дѣлаютъ какую-то преемственную, длительную работу; они—какъ мы это показали—идутъ, хотя-бы и безсознательно, куда-то. То, что они идутъ куда-то, непроизвольно подчеркивается самимъ авторомъ. Допустимъ вмѣстѣ съ авторомъ, что женщина одна—нѣкій избранный сосудъ, святая хранительница вѣчнаго огня общечеловѣческихъ идеаловъ и великихъ стремленій духа. Но при всемъ своемъ рыцарствѣ авторъ не можетъ-же думать, что гордая и чистая Варвара Михайловна, неуклонная и цѣльная Марья Львовна, бурная и страстно-тоскующая по другой жизни Юлія Филипповна, нѣжная и меланхоличная поэтесса Калерія Васильевна,—что всѣ эти небожительницы оказались среди дачниковъ только по несчастной случайности. Не можетъ авторъ скрыть отъ себя, что эти небожительницы, если онѣ случайно и выше своихъ мужей, то все-же находятся въ ближайшемъ съ ними родствѣ и, слѣдовательно, одно то, что жены дачниковъ такъ неизмѣримо выше своихъ мужей, должно подчерки-

вать, что, какъ слой населенія, какъ общественная,—группа дачники не представляютъ собою только „хламъ, сорье“, а куда-то идутъ, что-то дѣлаютъ, играютъ какую-то роль въ общей экономіи.

Мы хотѣли было еще поговорить объ этой странной особенности нѣкоторыхъ писателей, а въ данномъ случаѣ и такого большого таланта, какъ авторъ „Дачниковъ“ — приписывать женщинамъ невѣроятныя гражданскія добродѣтели, несуществующую и даже невозможную у нихъ пока зрѣлость общественной мысли. Право-же, можно быть истиннымъ другомъ женщинъ, (какъ нелѣпо самое это подраздѣленіе на друзей и враговъ женщинъ!) и все же хорошо видѣть, что вся ея историческая жизнь, все современное положеніе ея слишкомъ мало способствуетъ развитію въ ней гражданской доблести и — особенно — зрѣлой общественной мысли. Вѣдь это-же примитивно. Такъ оно было, такъ оно бываетъ еще и теперь.

Женщина выростетъ и, конечно, сумѣетъ сама находить свою дорогу. Мы безусловно вѣримъ въ это, но пока этого нѣтъ, какъ явленія типичнаго, и странной, грубо - нехудожественной надуманностью кажутся намъ эти дачи, населенныя сплошь грубыми, вульгарными, пошлыми дачниками, а бокъ-о-бокъ съ ними сплошь интеллигентныя, съ зрѣлой общественной мыслью, съ изящной душой—ихъ жены, дачницы. Смѣшно это. Для писателей „средней руки“ это можетъ быть пріемъ, болѣе легкій и удобный для изображенія. Если-бы такъ, какъ Варвара Михайловна, держался мужчина,—втеченіе трехъ актовъ ограничивался-бы красивой и многозначительной сдержанностью, съ таинственнымъ глубокомысліемъ подавалъ - бы короткія реплики — съ тѣмъ, чтобы въ четвертомъ актѣ разразиться нѣсколькими трескучими фразами,—мы сказали-бы, что это пустое, надутое существо и только. А такой врачъ—мужчина, какъ Марья Львовна, былъ-бы названъ нами скучнымъ и недалекимъ резонеромъ. Воспитаніе и образованіе женщины до сихъ поръ таковы, что мы еще находимъ совершенно естественнымъ, если интеллигентная женщина покажетъ свое невѣжество въ такой области знаній, гдѣ мы не простимъ этого мужчинѣ; такого рода факты мы видимъ на каждомъ шагу.

Если-бы не безспорно крупное имя автора, только этимъ и пришлось-бы объяснить, почему, олицетворить всѣ „прогрессивные типы“,—какъ это принято называть,—выпало на долю только женскаго населенія дачъ: это легче. Легче и взять заключительный аккордъ, легче ярко выразить „протестъ“: просто взять и бросить своихъ мужей, свой домъ.

Этимъ „Дачники“ и кончаются; дачницы уходятъ отъ дачниковъ.

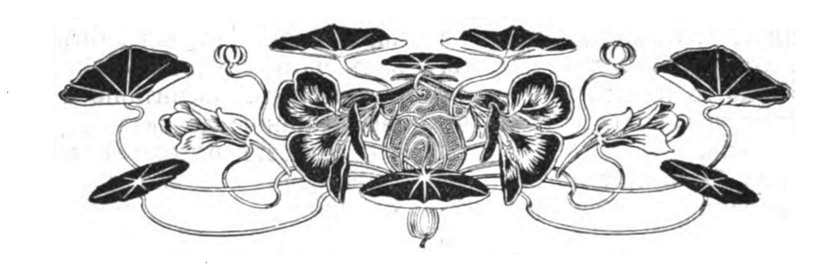
Мы увѣрены, что Горькій имѣлъ-бы мужество сказать себѣ, что онъ написалъ неудачную пьесу; но онъ, повидимому, сознательно и намѣренно пренебрегъ на этотъ разъ художественной стороной.

Пьеса Горькаго появилась въ III сборникѣ Т-ва „Знаніе“, посвященномъ — такъ или иначе—цѣликомъ дорогой памяти Чехова. Въ немъ помѣщены воспоминанія г.г. Куприна и Бунина о Чеховѣ и новая повѣсть Л. Андреева, говорящая такъ сильно и ярко о страшномъ, чудовищномъ кошмарѣ, который переживаетъ наша родина— о войнѣ,—что о ней необходимо поговорить отдѣльно, такъ какъ, кромѣ поражающей изобразительной силы, здѣсь имѣются на лицо нѣкоторыя особенности творчества этого писателя, которыя намъ удастся выяснить только въ связи съ другими его произведеніями.

Объ этомъ до другого раза.

Левъ Мовичъ.

* * *

Я пасынокъ судьбы... Отъ самой колыбели
Лишеніе да гнетъ, да горькая нужда
Вели меня,—нѣтъ-нѣтъ,—не къ знатной славной цѣли.
Рожденный въ бѣдности, сынъ горя, сынъ труда,
Безъ времени свою я силу отдалъ полю
Да непомѣрному фабричному труду.
Но что-жъ! Я не ропщу на злую свою долю
И отъ судьбы ни ласкъ, ни счастья я не жду.
Я знаю: все сравнитъ холодная могила:
И роскошь богачей, и слезы бѣдняка,
Предъ вѣчностью нѣмой богатство, знатность, сила—
Какъ тихій всплескъ волны иль шелестъ вѣтерка.
Пускай я рабъ нужды, пусть скромнаго я роду,
Пускай болитъ трудомъ надорванная грудь...
Стремленье есть во мнѣ—полезнымъ быть народу,
Трудомъ забитому, хотя-бы чѣмъ нибудь.
Коль не по силамъ мнѣ, по милости судьбины,
Помочь участіемъ, иль знаньемъ подарить,—
Я буду очень радъ, коль въ скорбный часъ кручины
Сумѣю хоть на мигъ духъ падшій ободрить.

Крестьянинъ И. Приваловъ.

За рубежомъ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТУДЕНТКИ).

А. Трачевской.

(Продолженіе).

ГЛАВА II.

Университетъ.

I.

Первый мой визитъ, на другой день по пріѣздѣ въ Женеву, былъ въ университетъ: лекціи ужъ начались и надо было торопиться записываться. Не безъ внутренняго трепета подходила я къ его красивому широкому фасаду, съ улицы де-Кандолль: я такъ мало представляла себѣ, что такое собствено швейцарскій университетъ. Зданіе мнѣ понравилось.

Широкая лѣстница фасада приводитъ къ большимъ входнымъ дверямъ, а тѣ ведутъ въ просторную прихожую со сводами и колоннами. Какъ разъ напротивъ этихъ дверей, съ противоположной стороны, находятся другія двери: онѣ выходятъ въ садъ Bastions, на задній фасадъ. Около нихъ—помѣщеніе консьержа. Тутъ на стѣнахъ и въ витринахъ выставлены письма, всевозможныя университетскія объявленія о лекціяхъ, собраніяхъ, записяхъ, результатахъ экзаменовъ и прочее; а также частныя объявленія студенческихъ обществъ о своихъ засѣданіяхъ и вечеринкахъ. Направо отъ прихожей идетъ корридоръ и рядъ высокихъ, тяжелыхъ дверей. Это:—канцелярія, гдѣ записываются на лекціи и лабораторіи и вносятся деньги; а дальше физическая аудиторія и кабинетъ самого профессора. Налѣво—такой-же корридоръ и такія-же двери. Тутъ помѣщаются: аудиторія теологіи и аудиторія зоологіи, ботаники и геологіи. Странное совпаденіе: двѣ отрасли, столь противорѣчащія другъ другу, приходятся бокъ о бокъ! Въ аудиторіи теологіи читаются также лекціи по экспериментальной психологіи. Ихъ читаетъ профессоръ Флурнуа,—оригинальный человѣкъ, высокаго роста, съ почти голымъ черепомъ и выразительнымъ лицомъ философа. Студенты бросились къ

нему на лекціи, и многіе, и я въ томъ числѣ, увлекались этой интересной, но еще мало изслѣдованной областью, широкой научной постановкой предмета и спокойнымъ, но удивительно яснымъ и глубоко-продуманннымъ чтеніемъ лектора.

Въ послѣднее время въ одной изъ этихъ аудиторій творится что-то необычное: читаетъ на каѳедрѣ лекціи... женщина, да еще француженка, Алиса Родригъ! Она читаетъ курсъ по біологіи растеній. Едва-ли не первая женщина, допущенная въ Женевскій университетъ. Это пріятный сюрпризъ для меня: вѣдь мы съ ней вмѣстѣ слушали лекціи, были хорошо знакомы, и я присутствовала на докторскомъ экзаменѣ...

Изъ прихожей университета, сейчасъ за входными дверями, съ обѣихъ сторонъ, идутъ широкія лѣстницы въ верхній этажъ. Тамъ помѣщаются аудиторіи словеснаго и историческаго факультета и огромная, удобная ботаническая лабораторія съ высокими окнами, пропускающими много свѣта и солнца, необходимыхъ для опытовъ надъ растеніями. Раньше эта лабораторія тѣснилась гдѣ-то на чердачномъ помѣщеніи университета, и лѣтомъ мы тамъ совсѣмъ задыхались. Но потомъ, однако, ей очистили это просторное помѣщеніе, гдѣ она и пребываетъ понынѣ. Изъ прихожей-же, у главныхъ входныхъ дверей, спускаются внизъ съ обѣихъ сторонъ двѣ лѣстницы: они ведутъ въ обширный подвальный этажъ университета, со сводами и полутемными безконечными корридорами. Тутъ-то, въ нѣсколькихъ обширныхъ комнатахъ, помѣщается физическая лабораторія и психологическая, которую ведетъ, на новыхъ началахъ, все тотъ-же оригинальный профессоръ Флурнуа. Но главное мѣсто занимаетъ наша несчастная лабораторія—по сравнительной анатоміи и микроскопіи. Намъ, бѣднымъ, столь нуждающимся въ свѣтѣ для работы, отвели такое помѣщеніе! Помню, какъ нашъ мощный Фохтъ на своихъ лекціяхъ, съ ѣдкой ироніей, посмѣиваясь и причмокивая. приглашалъ насъ, спуститься „dans les sous sols de l'Universite", чтобы работать въ его лабораторіи. Въ эти лабораторіи можно попасть и прямо съ улицы: по обѣ стороны фасада спускаются туда внизъ двѣ узкія наружныя лѣстницы. Наконецъ, въ верхнемъ-же этажѣ, сейчасъ напротивъ лѣстницъ, расположенъ огромный залъ—аудиторія съ надписью на массивныхъ, необычайно высокихъ дверяхъ: Aula. По вечерамъ тутъ читаются безплатно для публики лекціи, часто даже курсы по естественнымъ и другимъ наукамъ, нерѣдко съ съ туманными картинами. Помню, разъ здѣсь, въ этомъ самомъ залѣ, знаменитый Raoul Pictet показывалъ восхищенной публикѣ, въ проэкціи на экранѣ, свои опыты съ замораживаніемъ и приведеніемъ въ жидкое состояніе газовъ кислорода и водорода, долгое время считавшихся среди ученыхъ постоянными. Большинство публики дамы и дѣвушки; также старички, которые, являясь послѣ ужина и согрѣтые высокой температурой зала, спокойно засыпали на своихъ мѣстахъ....

Химическая Школа, хотя и отдѣлена совсѣмъ отъ университета и представляетъ собою особое, приспособленное для своей цѣли, зданіе,—но находится недалеко отъ него, въ концѣ улицы. Каждый день, ровно въ три часа, шумная толпа студентовъ и студентокъ, набросивъ на себя на скорую руку пальто, спѣшитъ, кто сколько можетъ, на лекцію физіологіи въ Медицинскую Школу. Послѣдняя ужъ совсѣмъ выдѣлена изъ университета и находится довольно далеко отъ него. По помѣщенью Медицинская Школа меньше и проще университета. Въ нижнемъ этажѣ, направо отъ прихожей, находится тѣсная аудиторія по физіологіи и тамъ же, подальше анатомическая лабораторія съ длин-

ными столами и невыразимымъ, тяжелымъ запахомъ. Впрочемъ, этотъ запахъ поражаетъ васъ, какъ только вы войдете въ школу. Прямо противъ входной двери находится прекрасная и большая анатомическая аудиторія амфитеатромъ съ огромной доской на которой профессоръ Ласковскій, мастеръ своего дѣла, набрасывалъ свои артистическіе рисинки цвѣтными мѣлками. А налѣво отъ прихожей идутъ лабораторіи по физіологіи и кабинетъ профессора. Тутъ же дверь во дворъ: тамъ помѣщаются всевозможные живые объекты для опытовъ. Во второмъ этажѣ Школы находятся свѣтлыя залы для лабораторіи по патологіи, эмбріологіи и остальныя аудиторіи.

Женевскій университетъ, какъ, впрочемъ, и вообще швейцарскіе, привлекаетъ къ себѣ учащуюся молодежь не столько обширностью теоретическаго преподаванія, сколько свободнымъ доступомъ въ лабораторіи и разнообразными практическими работами. Поэтому многіе, особенно начинающіе, предпочитаютъ швейцарскіе университеты даже парижскому. Тутъ всякій, даже неподготовленный человѣкъ, можетъ работать, сколько хочетъ. Въ лабораторіи всегда имѣется одинъ или два ассистента, которые уже находятся тамъ дѣлый день и всегда охотно руководятъ его первыми шагами, терпѣливо указываютъ и исправляютъ его, часто смѣшныя, ошибки и снисходительно отвѣчаютъ на наивные вопросы начинающаго. Кромѣ того, разъ или два въ день, а иногда и чаще, приходитъ самъ профессоръ, и въ свою очередь, обходитъ работающихъ, провѣряя ихъ работу, давая совѣты, поощряя. Случается, что профессоръ по долгу засиживается въ лабораторіи. Въ физической и ботанической лабораторіи начинающіе работаютъ только два-три раза въ недѣлю: это называется „практическими занятіями". Спеціалисты-же и готовящіеся на доктора работаютъ, конечно, когда и сколько угодно. Зато въ зоологической и химической лабораторіи можно работать ежедневно всякому. Зоологическая лабораторія имѣетъ совсѣмъ особый видъ. Тутъ вдоль всей комнаты, стоятъ ряды столиковъ; передъ ними—деревянныя табуретки, и на каждомъ находится ящикъ съ микроскопомъ и необходимые реактивы, которые выдаетъ сама лабораторія. Остальное: наборъ инструментовъ для диссекціи, съ ланцетами, щипчиками, ножницами и вправленными иглами; стеклышки для препаратовъ; чашечки и часовыя стеклышки для промыванія и окрашиванія ихъ; бритву,—все это каждый долженъ самъ пріобрѣтать. Въ смежной съ лабораторіей комнатѣ или иногда въ самой лабораторіи, находится еще общій столъ, на которомъ стоятъ огромныя бутыли съ самыми нужными реактивами, газовый рожокъ, точильный камень для бритвы и микротомъ, т.-е. механическая вправленная бритва съ микрометрическимъ винтомъ: стоитъ поставить винтъ на извѣстное, хотя-бы самое крошечное дѣленіе,—и бритва будетъ сама дѣлать вамъ разрѣзы желанной тонкости, хотя-бы въ десятую часть миллиметра. Впрочемъ, этотъ приборъ употребляется больше для животныхъ препаратовъ; растительныя-же ткани приходиться рѣзать почти исключительно бритвой: по крайней мѣрѣ, такъ получаютъ лучшіе разрѣзы. Мѣста въ лабораторіи назначаются по порядку записей. Оттого каждый старается поскорѣе записаться на лабораторію: тогда онъ получитъ ближайшій номеръ, и ему отведутъ самое свѣтлое мѣсто, у окна. Почти всѣ, студенты и студентки, работаютъ въ лабораторіи въ фартукахъ, также и и сами профессора. Разъ въ недѣлю въ лабораторіи устраиваются конференціи кѣмъ-нибудь изъ работающихъ, причемъ онъ заранѣе совѣтуется съ профессоромъ насчетъ темы и предварительно разрабаты-

ваетъ болѣе или менѣе серьезно какой-нибудь вопросъ по сравнительной анатоміи или зоологіи. Народу собирается на эти конференціи много. Приходятъ и изъ другихъ лабораторій и факультетовъ. На доскѣ референтъ долженъ давать соотвѣтственные чертежи. Тутъже, примостившись гдѣ-нибудь среди студентовъ на табуретки, сидитъ самъ профессоръ и слушаетъ. Послѣ реферата начинаются дебаты и критика. Такія конференціи приносили намъ большую пользу. Помню, и я разъ давала конференцію. На мою собралось особенно много народу: многіе уже знали, что я зоологіей занималась спеціально. Многіе также собирались мнѣ возражать. Вопросъ, который я выбрала, былъ одинъ изъ интереснѣйшихъ по сравнительной анатоміи: о постепенномъ переходѣ смѣшаннаго кровообращенія къ раздѣльному и о развитіи легкихъ изъ плавательнаго пузыря, причемъ я показала на цѣломъ рядѣ животныхъ главныя переходныя формы. Я очень гордилась тѣмъ, что мой рефератъ прошелъ удачно и почти не вызвалъ возраженій, а мои чертежи признаны хорошими.

Химическія лабораторіи выглядятъ нѣсколько иначе. Вся химическая Школа дѣлится на двѣ половины: на правой помѣщается обширная аудиторія амфитеатромъ, лабораторіи начинающихъ и кабинетъ руководителя или профессора; на лѣвой лабораторіи спеціалистовъ и работающихъ на доктора. Въ химической лабораторіи рабочаютъ стоя. Каждое мѣсто имѣетъ видъ длиннаго прилавка съ полками надъ нимъ: тамъ, какъ въ аптекѣ, стоитъ масса всевозможныхъ банокъ съ разными реактивами — кислотами, щелочами, и на каждой—соотвѣтственная надпись. У каждаго стола—свой газовый рожокъ. Кромѣ того, въ прихожей помѣщается большой общій газовый рожокъ съ мѣхами для плавленія стекла и вытягиванія трубокъ. Въ концахъ нашей огромной, длинной лабораторіи находятся „cheminées“, то-есть тяги, навѣсы со спускающейся желѣзной стѣнкой: сюда приходятъ работать, если препаратъ выдѣляетъ вредные газы. Наконецъ, изъ этихъ лабораторій, спеціальной и общей, выходятъ двери на открытую терассу съ навѣсомъ и тягой: это для производства опасныхъ опытовъ и полученія удушливыхъ газовъ. Тутъ-то работала, въ одно время со мною, Вѣра Богдановская, такъ страшно погибшая шесть лѣтъ спустя... Новичкамъ эта лабораторія труднѣе дается, чѣмъ остальныя. Одинъ обожжетъ себѣ палецъ ѣдкой кислотой, несмотря на предостереженія ассистента; другой надышится ядовитаго хлора и кашляетъ потомъ цѣлый день, какъ овца; разъ при полученіи какого-то препарата, мнѣ брызнула въ лицо кислота и сожгла кожу. Вначалѣ новичка часто постигаетъ и разочарованіе: не сразу получится то, что надо, или получится совсѣмъ не то, чего ожидалъ, или вычисленіе не выйдетъ.

II.

Большинство иностранцевъ, и русскихъ особенно, пріѣзжаютъ въ Швейцарію съ цѣлью изученіи медицины: многіе швейцарскіе университетскіе города славятся своими клиниками, образцовыми по устройству и разнообразными по матеріалу. Довольно много поступаетъ на естественный факультетъ; мало на филологическій и еще меньше—на математическій: послѣдній въ Женевскомъ университетѣ незначителенъ и соединенъ, собственно говоря, съ естественнымъ. Тутъ приходится сознаться, что наша русская и вообще славянская молодежь подготовлена куда хуже къ слушанію лекцій, особенно на естественномъ и медицинскомъ факультетѣ, чѣмъ швейцарскіе и нѣмецкіе студенты. Ей часто приходится начинать чуть не съ азбуки, такъ какъ при теперешнихъ программахъ большин-

ства нашихъ гимназій она совершенно не знакома съ методомъ этихъ наукъ, не умѣетъ ни рисовать, ни наблюдать, ни смотрѣть въ микроскопъ, ни обращаться съ аппаратами или реактивами. И каждый годъ неизмѣнно Карлъ Фохтъ начиналъ свои блестящія лекціи словами:

— Господа! васъ долго учили грамматикамъ, переводамъ, зубренію латыни, методикамъ, педагогикамъ. Убѣдительно прошу васъ прежде, чѣмъ приступить къ изученію естественныхъ наукъ, *забыть* все это и пріучиться здраво и логично разсуждать: иначе изъ вашего ученія ничего не выйдетъ!

Русскимъ учащимся еще сильно вредитъ незнаніе языка, и цѣлый семестръ обыкновенно проходитъ даромъ. Многіе ограничиваются знаніемъ научнаго языка, болѣе легкаго, и небольшимъ запасомъ часто слышанныхъ фразъ и выраженій. Не выучиваются языку даже тѣ, которые давно живутъ въ Швейцаріи. Это происходитъ оттого, что они не имѣютъ почти никакихъ сношеній съ мѣстнымъ обществомъ, а между собою говорятъ, конечно, по-русски. Единственная практика—это въ пансіонахъ, за столомъ; но очень немногіе изъ русскихъ учащихся живутъ въ пансіонахъ.

Учебный годъ въ швейцарскомъ университетѣ всегда раздѣленъ на два семестра: зимній (съ октября по мартъ) и лѣтній (съ апрѣль по іюль). Въ программахъ обозначены даже точныя числа начала и конца семестра, но это только офиціальныя числа и они не строго соблюдаются; многіе профессора кончаютъ раньше положеннаго срока или начинаютъ позже. Поступать можно въ началѣ каждаго семестра. Чтобы считаться дѣйствительнымъ студентомъ (ètudiant), нуженъ аттестатъ объ окончаніи семи классовъ гимназій; у кого есть — аттестатъ зрѣлости. И то, и другое представляется въ бюро университета на русскомъ и французскомъ языкѣ. Для вольнослушателей (auditeur) не требуется никакихъ документовъ. Когда вы записались и внесли требуемую плату, вамъ выдается особая тонкая книжка (livret d'ètudiant), гдѣ записаны всѣ лекціи, которыя вы выбрали, имена профессоровъ, а также ваше имя, фамилія и лѣта. Эти книжки должны быть подписаны деканомъ факультета и каждымъ профессоромъ. Вольнослушателямъ также выдается книжка, но на ней стоитъ только имя, чтобы не стѣснять обладателя ея, часто уже пожилого и семейнаго человѣка. Вольнослушатели не могутъ держать экзаменовъ на степени.

Плата за лекціи вообще велика: академическій часъ оплачивается пятью франками. За вписываніе въ число студентовъ—это называется тутъ матрикулой—еще десять франковъ. За лабораторіи платятъ опять отдѣльно: девяносто, семьдесятъ, тридцать франковъ,—смотря по роду занятій въ ней и семестру. За экзамены тоже платятъ отдѣльно: за первую степень баккалавра — пятьдесятъ франковъ; за вторую—licencie сто, и за докторскій экзаменъ—двѣсти франковъ. Въ случаѣ неудачи половина суммы возвращается.

Совсѣмъ особый строй и духъ господствуетъ въ швейцарскихъ университетахъ. Тутъ девизомъ служитъ полная свобода въ выборѣ лекцій, лабораторій, въ срокѣ держать экзаменъ, количествѣ учебныхъ годовъ на томъ или другомъ факультетѣ. Впрочемъ, срокъ ученія тутъ регулируется и очень просто: нѣтъ средствъ, такъ курсъ проходится въ минимумъ времени; есть—такъ хоть на восемь лѣтъ растяни. Русскій человѣкъ, пріѣхавшій впервые учиться въ Швейцарію, никакъ не можетъ переварить мысли, какъ это ему ничего не показываютъ, а все оставляютъ на его личное усмотрѣніе. Спроситъ онъ у секретаря:

— Какія лекціи мнѣ полагается брать въ первый годъ?

А тотъ отвѣчаетъ:—Какія вы пожелаете.

Спроситъ, когда надо экзамены держать, и получаетъ опять-таки отвѣтъ.

— Когда вамъ угодно.

Подумаетъ, подумаетъ русскій человѣкъ и въ концѣ-концовъ обращается къ ректору или декану своего факультета, съ просьбою посовѣтовать, съ чего начать?

Въ виду этихъ многочисленныхъ просьбъ учащихся былъ выработанъ, наконецъ, профессорами сообща приблизительный планъ ученія, главнымъ образомъ, конечно, для студентовъ—медицинскаго факультета, такъ какъ естественники преслѣдуютъ каждый слишкомъ различныя цѣли, чтобы можно было имъ начертать общій планъ занятій. И вотъ на стѣнахъ женевскаго университета появилась эта, не виданная до той поры афишка. Планъ былъ предложенъ такой. На первый годъ рекомендовалось брать естественныя науки: ботанику, зоологію, химію, физику и лабораторіи по нимъ. Медикамъ во всякомъ случаѣ необходимо прежде всего пройти предварительный курсъ и поработать въ лабораторіи по сравнительной анатоміи. Глубоко заблуждаются тѣ изъ учащихся, которые, торопясь, начинаютъ прямо съ дисекціи трупа и изученія анатоміи человѣка. Помимо того, что широта ихъ взгляда суживается, такъ какъ анатомія—наука законченная и спеціальная, а понятія объ органахъ, ихъ соотношеніи и значеніи пріобрѣтаются прежде всего въ сравнительной анатоміи путемъ сравненія ихъ и изученія въ животномъ мірѣ,—помимо всего этого, они принуждены бываютъ тутъ же, на трупѣ, знакомиться съ самыми основными пріемами диссекціи, тогда какъ для этого требуется ужъ опытная и ловкая рука и тонкіе препараты. Когда, по четвергамъ до 12 часовъ, къ Карлу Фохту являлись внизъ въ его лабораторію студенты для подписыванія своихъ книжекъ, онъ всегда внимательно просматривалъ, на какія лекціи записался студентъ, и если находилъ въ первомъ же семестрѣ анатомическую лабораторію, то приходилъ въ ярость и кричалъ на новичка. На второй годъ надо было брать анатомію человѣка и соотвѣтственную лабораторію; физіологію, гистологію, эмбріологію и практическія занятія по нимъ. Въ третьемъ году шло продолженіе курса предыдущаго года и прибавлялась еще патологія. Въ четвертомъ году берутся клиники: хирургическая, гинекологическая; проходится оперативная медицина, гигіена, терапія и фармокологія. Наконецъ, на пятый было назначено повтореніе курсовъ послѣдняго года, клиника психіатріи и поликлиники; судебная медицина и курсъ вскрытія.

Но такое распредѣленіе было разсчитано на минимумъ времени. Вообще же совѣтуютъ не спѣшить и не брать больше двухъ клиникъ въ семестръ.

Тутъ же прилагался планъ ученія для фармацевтовъ: кромѣ своихъ спеціальныхъ предметовъ, требовалось четыре семестра университетскихъ занятій съ подробнымъ изученіемъ химіи.

Въ Зубоврачебной Школѣ, которая состояла при Медицинской, была также своя программа и свой планъ занятій.

Страннымъ должно показаться намъ, русскимъ, и распредѣленіе часовъ, въ которые идутъ въ университетѣ занятія. Зимою лекціи начинаются въ восемь часовъ утра. Лѣтомъ—въ семь. А клиники — въ шесть, даже пять часовъ утра! Швейцарцы начинаютъ день рано.

Что касается экзаменовъ, то они производятся въ Женевскомъ университетѣ два раза въ году: въ октябрѣ, до начала семестра и въ іюлѣ, по окончаніи его. Срокъ докторскаго экзамена назначается самимъ кандидатомъ и устанавливается окончательно совѣтомъ факультета. Обо всемъ этомъ заблаговременно объявляетъ бюро небольшими афишками, помѣщаемыми въ корридорѣ

университета. Экзамены всѣ публичны и происходятъ часто при большомъ наплывѣ своихъ же товарищей съ разныхъ факультетовъ и даже просто любопытныхъ изъ публики. Особое жюри ставитъ отмѣтки и объявляетъ о результатѣ экзамена. Высшая отмѣтка вездѣ 6. Кто получилъ около шести, проходитъ съ полной похвалой (approbation complete); кто имѣетъ въ среднемъ выводѣ $5^1/_4$—просто съ похвалой. Одни экзамены имѣетъ право сдавать всякій студентъ, а другіе, федеральные, особенно важные для медиковъ, такъ какъ они даютъ право практики во всемъ женевскомъ кантонѣ, —только лица съ аттестатомъ зрѣлости.

Чтобы держать на баккалавра естественныхъ наукъ, необходимо представить свидѣтельство объ успѣшной работѣ въ теченіе двухъ семестровъ въ лабораторіи зоологической, химической, ботанической или физической. Экзамены бываютъ устные и письменные. Къ письменнымъ допускаются лишь лица, выдержавшія успѣшно первые. При письменныхъ экзаменахъ двери аудиторіи, гдѣ находятся экзаменующіеся, запираются, а за каѳедрой сидитъ самъ профессоръ. Интересно, что анатомія и физіологія человѣка въ женевскомъ университетѣ не входятъ въ курсъ естественныхъ наукъ. Экзамены по естественнымъ наукамъ можно раздѣлить на двѣ части съ тѣмъ, чтобы перерывъ не превышалъ двухъ лѣтъ. Чтобы держать затѣмъ докторскій экзаменъ, надо представить диссертацію. Въ этотъ экзаменъ входятъ: геологія или палеонтологія, ботаника и зоологія. Полагается одинъ письменный экзаменъ по главному предмету. Дипломъ выдается по напечатаніи диссертаціи. Диспутовъ и защиты диссертацій нѣтъ.

Медики держатъ сначала первую часть баккалавра медицинскихъ наукъ (ботаника, зоологія, химія, физика и одинъ семестръ лабораторіи), причемъ женщины, окончившія естественный факультетъ на высшихъ Женскихъ Курсахъ, освобождаются отъ этого экзамена; этотъ экзаменъ предполагается держать въ концѣ перваго года ученія. Затѣмъ идетъ вторая часть баккалавра медицинскихъ наукъ, именно, по анатоміи человѣка, физіологіи, гистологіи и эмбріологіи, причемъ требуются письменные отвѣты и приготовленіе препаратовъ тутъ же, въ продолженіи положеннаго срока. Этотъ экзаменъ держатъ въ концѣ третьяго года ученія. Наконецъ, чтобы получить степень доктора, надо выдержать четыре экзамена: по анатоміи и хирургіи; судебной медицины, вскрытіи и терапіи; по клиникамъ, акушерству и психіатріи; и представить диссертацію на французскомъ, нѣмецкомъ или итальянскомъ языкѣ.

Прибавимъ, что ежегодно въ университетѣ бываетъ конкурсъ и выдаются преміи за лучшія сочиненія на данную тему. У каждаго факультета своя премія. Большею частью эти суммы пожертвованы какиминибудь извѣстными людьми. Премія словеснаго факультета основана русскимъ—Столыпинымъ. Университетъ располагаетъ еще небольшимъ капиталомъ, который назначается для субсидіи студентамъ и молодымъ женевскимъ ученымъ.

Какой же путь открывается русской женщинѣ, окончившей швейцарскій университетъ и пріѣхавшей въ Россію, съ жаждой служить родному народу? Прежде можно было дать только одинъ печальный, отвѣтъ: никакой! Никакой—за всѣ ея труды, лишенія, за всю тяжесть заграничной жизни, среди чуждаго ей народа, которыя она несла столько лѣтъ съ надеждой на будущее! Въ Россіи заграничные дипломы университетскіе не признаются и не даютъ никакихъ правъ. Иныя, окончивъ ученіе, остаются навсегда въ Швейцаріи и успѣшно практикуютъ, такъ какъ тамъ почти нѣтъ женщинъ-вра-

чей, а помощь ихъ нужна, какъ и вездѣ. Одна женщина-докторъ была назначена ассистенткой акушерской клиники въ Женевѣ, тотчасъ по окончаніи курса. Другія продолжаютъ работать теоретически при университетѣ, разрабатывая спеціальные вопросы и издавая ежегодно брошюрки, какъ результаты своихъ трудовъ. Ну, а большинство? Что дѣлали онѣ въ прежнее время, вернувшись на родину? Этого я не знаю. Теперь, съ нѣкоторыхъ поръ, вопросъ этотъ получилъ разрѣшеніе. Женщинамъ, окончившимъ медицинскій факультетъ заграницей, разрѣшается держать—снова!—всѣ экзамены по медицинскимъ наукамъ, при университетѣ, наравнѣ съ русскими студентами. И тогда онѣ получаютъ званіе врача, — и дорога имъ открыта и на поприщѣ частной, и на поприщѣ столь плодотворной и самоотверженной — земской службы.

III.

А какое разнообразное и пестрое населеніе въ университетѣ! Тутъ есть всѣ націи, люди всякихъ возрастовъ, съ самой различной подготовкой, съ самыми различными цѣлями и стремленіями. Женевскій университетъ, да и вообще швейцарскіе, можно не преувеличивая назвать международными. Передъ началомъ лекцій въ просторныхъ корридорахъ университета стоитъ гулъ отъ массы молодыхъ голосовъ, точно въ пчелиномъ ульѣ. Молодежь всевозможныхъ націй снуетъ взадъ и впередъ по аудиторіямъ, торопится, суетится, шумитъ, толпится у витрины съ объявленіями, споритъ, обсуждаетъ, удивляется, негодуетъ, Слышится смѣхъ, возгласы, разговоры на всякихъ языкахъ: французскій, нѣмецкій, русскій, польскій, болгарскій, сербскій, англійскій, даже армянскій и испанскій — все тутъ есть. Сразу не разберешься во всемъ этомъ: оглушенъ совсѣмъ. Вотъ торопливо прошла мимо высокая смуглая армянка съ черными страстными глазами; вотъ проплелся печальный русскій студентъ съ разсѣяннымъ взглядомъ; вотъ пробѣжала съ тетрадками въ рукахъ свѣтленькая кокетливая полька въ изящномъ костюмѣ; вотъ прошла русская, размахивая руками. Вотъ промелькнулъ, моргая косыми глазами, бойкій японецъ; вотъ американки, а эти двѣ—уроженки Коста Рика и далекаго Уругвая; вотъ смуглый бразилецъ; вотъ прошелъ нескладный студентъ съ опухшимъ лицомъ и краснымъ шрамомъ на лбу: это нѣмецкій студентъ. А вотъ цѣлая группа швейцарскихъ бойкихъ студентовъ; у всѣхъ портфели въ рукахъ, костюмы чистенькіе, движенія быстры: на коротко остриженной аккуратной головѣ сидитъ маленькая шапочка, бѣлая съ пестрымъ околышемъ или красная, синяя съ золотымъ галуномъ. Эти студенты принадлежатъ къ корпораціямъ — различнымъ мѣстнымъ студенческимъ обществамъ, у одного изъ нихъ еще черезъ плечо перекинута широкая лента, бѣлая съ краснымъ или иная: это значитъ—президентъ.

Собственно говоря, въ университетѣ мѣстной молодежи очень мало, и одними своими студентами университетъ не окупился бы. Онъ самъ по себѣ не богатъ: женевская же казна ассигнуетъ ему всего 500 тысячъ франковъ въ годъ. Онъ живетъ всецѣло иностранцами, особенно учащимися женщинами—русскихъ студентовъ тамъ мало. Стоитъ взять списокъ студентовъ, который печатается два раза въ годъ черезъ бюро университета, чтобы увидѣть разницу въ численности тѣхъ и другихъ. Изъ 700—800 студентовъ почти три четверти приходится на иностранцевъ. А въ первый годъ своего существованія, въ 1876 году, университетъ насчитывалъ всего двѣсти человѣкъ слушателей! Можно видѣть, насколько съ тѣхъ поръ поднялась эта цифра, когда были до-

пущены иностранцы и особенно женщины!

Отношенія между студентами и профессорами удивительно простыя. Впрочемъ, и сами швейцарскіе профессора и ученые удивительно просты по сравненію съ нашими: просты и жизненны. Многіе рядомъ съ каѳедрой имѣютъ какое-нибудь побочное, иногда прикладное, занятіе; жалованье профессорское тутъ небольшое; пенсіи не полагается. Но зато служить можно, сколько хочешь: предѣльнаго возраста нѣтъ. И очень часто можно увидѣть на каѳедрѣ сѣдого семидесятилѣтняго старца.

IV.

Теперь заглянемъ глубже, во внутреннюю жизнь университета. Каждый вечеръ по широкимъ ступенькамъ главнаго освѣщеннаго фасада университета веселой, шумной толпой сбѣгаютъ группами и въ одиночку студенты, продолжая свои споры по поводу только что прослушанной лекціи или болтая о своихъ дѣлахъ. И среди нихъ мелькаютъ женскія фигуры, тоже съ портфелями въ рукахъ и тоже оживленно говорящія между собой: это студентки. Объ нихъ я и хочу сказать то немногое, но глубокое, что затронуло меня въ мою бытность въ университетѣ, и чего я не могу забыть. Я вамъ расскажу, какъ принимаетъ ихъ заграницей университетъ, какъ принимаютъ студенты и профессора. Стоитъ вспомнить, какъ относится къ намъ общество, какъ рѣдко встрѣтишь въ спискѣ учащихся француженку или швейцарку, особенно на естественномъ и медицинскомъ факультетѣ,— и намъ сразу станетъ понятно, какъ относится къ нимъ университетъ.

Вдохновленная своимъ стремленіемъ учиться, свѣжая, бодрая, съ радужными планами впреди, является дѣвушка въ швейцарскій университетъ. Она входитъ спокойно въ его стѣны. Тамъ у себя, въ Россіи, она привыкла видѣть въ студентахъ, этихъ безкорыстныхъ идейныхъ юношахъ,—своихъ друзей, товарищей, заступниковъ и борцовъ за женское образованіе; привыкла видѣть сочувствіе своимъ высшимъ стремленіямъ... Но, увы, ей сейчасъ же приходится разочароваться: вмѣсто восторга, который должна бы была возбудить дѣвушка, часто послѣ долгой борьбы съ родными пріѣхавшая сюда на чужбину, томимая жаждой познанія и горящая желаніемъ приносить пользу, — эта дѣвушка возбуждаетъ тутъ только озлобленіе, негодованіе, осыпается насмѣшками, терпитъ даже оскорбленія. Ее точно холодной водой облили: прекрасный сонъ прошелъ—выступила грустная дѣйствительность. И притихаетъ она, и ходитъ первое время съ опущенной головой, чувствуя себя среди людей съ враждебными взглядами, готовыми придраться ко всякой мелочи и осудить ее. Ходитъ, полная возмущенія, глубоко оскорбленная и униженная. Одно разочарованіе слѣдуетъ за другимъ. Бѣдная, сколько приходится ей бороться съ этимъ вѣковымъ предразсудкомъ! Подойдетъ ли она къ товарищу-студенту,—тотъ будетъ очень милъ съ нею, какъ съ дамой, будетъ разумно разсуждать о наукѣ, пожалуй, скрѣпя сердце, даже скажетъ, что онъ допускаетъ вообще чтобы женщина совершенствовалась; но въ душѣ его почти всегда затаенъ протестъ противъ высшаго женскаго образованія, и если вы заговорите съ нимъ объ университетскомъ и особенно медицинскомъ образованіи для женщинъ, онъ вамъ съ самой любезной улыбкой и очень просто возразитъ:

— Но, вѣдь, если женщины будутъ сидѣть за книгами, то кто же будетъ заниматься хозяйствомъ? Кто намъ будетъ готовить обѣдъ?!

Придетъ ли она къ профессору— и тутъ дѣло не лучше обстоитъ. То же обидное, насмѣшливо-враждебное отношеніе. Одинъ, весьма талантливый и разносторонній профессоръ долго ломалъ себѣ голову

надъ вопросомъ, поставленнымъ имъ такимъ образомъ.

—Остается ли женщиной студентка, занимающаяся медициной?

И пришелъ къ заключенію, что женщина, занимающаяся медициной—не женщина: мнѣніе во всякомъ случаѣ, очень оригинальное. Большинство же профессоровъ даютъ приблизительно такого рода отвѣты:

— Университетское образованіе женщинѣ не нужно!

Коротко и ясно. Отвѣтъ подлиннѣе:

— Ну, пусть женщина немножечко поучится въ университетѣ, но къ чему ей спеціализоваться?

Одинъ профессоръ высказалъ мнѣ такую мысль, когда разъ мы разговаривали въ лабораторіи.

— Я собственно ничего не имѣю противъ того, чтобы женщина училась. Пусть даже работаетъ въ лабораторіяхъ. Я различія не дѣлаю. Но мною просто руководитъ жалость. Мнѣ жаль васъ, учащихся женщинъ.

— Но отчего?

— А вотъ. Я много наблюдалъ этотъ новый для насъ типъ студентокъ. И знаете что? Онѣ мнѣ кажутся несравненно болѣе грустными, разстроенными и слабыми, чѣмъ наши дѣвушки, не задающіяся никакими такими цѣлями. Наши дѣвушки живѣе, веселѣе и вообще выглядятъ куда здоровѣе и счастливѣе всѣхъ васъ, бѣгающихъ по лекціямъ...

Напрасно я пыталась доказать доброму профессору, что это зависитъ не оттого, что онѣ бѣгаютъ по лекціямъ, а оттого, что живутъ внѣ семьи, въ непріятныхъ и тяжелыхъ условіяхъ. Хотѣлось мнѣ еще прибавить, что вы же сами и ваше общество вашимъ гоненіемъ на нихъ дѣлаете ихъ нервными и грустными.

— И скажу откровенно!—продолжалъ профессоръ, разсѣянно выслушавъ мое возраженіе и, очевидно, не придавъ ему особаго значенія.

— Если-бы какая-нибудь барышня пришла ко мнѣ за совѣтомъ, я никогда не посовѣтовалъ бы ей работать въ лабораторіи или держать экзамены въ университетѣ.

— Будьте увѣрены, что не я приду къ вамъ просить этого совѣта!—запальчиво и гордо отвѣтила я.

Онъ пожалъ плечами.

— А! Это мое личное мнѣніе... Но мнѣ кажется—я правъ.

Первое время я никакъ не могла примириться съ этой стороной жизни студентки. Я волновалась, негодовала, плакала. Мнѣ было тяжело въ стѣнахъ университета; мнѣ было душно тамъ, мнѣ нужно было воздуха, простора! Да и не мнѣ одной... Никогда не забуду, сколько тяжелыхъ разочарованій и униженій пережила тутъ бѣдная Вѣра Богдановская; никогда не прощу ихъ здѣшнему обществу! Свѣжая, юная, живая, талантливая, привыкшая къ свободѣ обученія у насъ на курсахъ, настоящая русская курсистка въ лучшемъ смыслѣ слова,—она пріѣхала въ Женеву одновременно со мною продолжать изученіе химіи и держать на доктора. Она была одна въ своей спеціальной лабораторіи. Съ новымъ наплывомъ энергіи и жаждой труда, оживленная своей поѣздкой заграницу, входила она въ свое новое святилище — лабораторію и... встрѣтила градъ самыхъ глупыхъ насмѣшекъ, мальчишескихъ выходокъ, тупого недоброжелательства и затаенной злобы. Чуть не рыдая, со слезами на глазахъ, взволнованная, пришибленная, возвращалась она первыя недѣли изъ лабораторіи домой и горько жаловалась намъ на недружелюбное отношеніе здѣшнихъ студентовъ-товарищей и профессоровъ...

Да, Западъ въ женскомъ вопросѣ никогда не сравняется съ Россіей. И что за странное, роковое противорѣчіе? Россія можетъ гордиться тѣмъ, что стоитъ выше всѣхъ предразсудковъ и допускаетъ, и желаетъ образованія женщины и, точно въ насмѣшку,—двери ея университета закрыты для нея. А заграницей къ

ней и до сихъ поръ еще относятся съ такимъ обиднымъ предубѣжденіемъ, гонятъ и оскорбляютъ ее, но двери университета широко открыты для нея.

А что было въ прежнія, вовсе и не столь отдаленныя времена, чуть не на нашихъ глазахъ, когда женщина только что была допущена въ заграничные университеты, особенно нѣмецкіе? Какой переворотъ въ представленіяхъ Запада о женщинѣ и какой тяжелый тернистый путь для нея! Трудно представить себѣ, сколько непріятностей и униженій пришлось терпѣть со стороны заграничнаго студента и мужчины первымъ поборницамъ женскаго образованія, особенно въ виду того, что ихъ было немного: иногда двѣ—три на весь университетъ... Онѣ говорятъ о научномъ вопросѣ, а имъ—въ отвѣтъ предлагаютъ, не стѣсняясь, всякіе обидные и интимные вопросы. Съ одной стороны, горячее стремленіе учиться, жажда знанія, а съ другой—нахожденіе въ карманахъ тухлыхъ яицъ, глупыхъ записокъ, корокъ отъ апельсиновъ; затѣмъ—вывороченное пальто, припрятанныя вещи, сброшенная съ вѣшалки шляпа съ оторванными цвѣтами. Возможно ли все перечислить, понять всю глубину мелочности и рутинности западнаго студента? Но ничто не останавливало русскихъ женщинъ. Ради науки, ради дѣла, они шли все впередъ, противъ всего, не унывали, добивались, кончали врачами и уѣзжали въ Россію, гдѣ, послѣ долгихъ, тяжелыхъ мытарствъ, съ особаго разрѣшенія, блестяще держали при Академіи на доктора и всю жизнь, гдѣ нибудь въ деревняхъ или глухихъ городахъ своей родины, работали неустанно, неслышно, принося великое благо русскому народу, особенно русской женщинѣ.

Десятки лѣтъ прошли. Съ типомъ учащейся женщины и по сихъ поръ не свыклись за границей, и по сихъ поръ ее осуждаютъ. Но всякое явленіе, часто повторяющееся и разростающееся, дѣлается привычнымъ: такъ и къ студенткамъ теперь немного попривыкли и „терпятъ“ ихъ спокойнѣе; къ тому же ихъ стало теперь очень много; а это — сила. Въ университетѣ онѣ пользуются свободой и полнѣйшей равноправностью со студентами, и ихъ до извѣстной степени уважаютъ, по крайней мѣрѣ, наружно. И я думаю, что не ошибусь, если кончу эту печатную главу свѣтлой картинкой.

Я работаю одна въ обширной лабараторіи Фохта надъ труднымъ вопросомъ. Передо мной, на огромномъ столѣ, стоятъ рядами реактивы, стоитъ микроскопъ системы Цейса и чашка для диссекціи. Вокругъ разбросаны о стальные инструменты, бритва и стеклышки для препаратовъ. Напротивъ стола, высоко надъ поломъ, находится огромное окно съ наружной рѣшеткой, и въ немъ видно яркое голубое небо и залитый солнцемъ садъ. На дворѣ стоятъ первые теплые весенніе дни юга. Вдругъ огромная дубовая дверь лабораторіи шумно и порывисто открывается, и въ комнату врывается молодой швейцарскій студентъ. Онъ весь торжествуетъ. Его живые черные глаза горятъ восторгомъ побѣды. На маленькой круглой головѣ сидитъ пестрая шапочка. Черезъ стройное, тонкое тѣло перекинута широкая президентская лента. Въ подвижныхъ рукахъ своихъ онъ держитъ палочку. Струйки свѣжаго воздуха врываются съ нимъ.

— Браво, mademoiselle! — кричитъ онъ мнѣ еще издали.—Вы допущены! Всѣ! Я этого добился! Это объявлено: вы видѣли? Вы придете сегодня? Будетъ интересное сообщеніе...

— О, да!

— Ну, вотъ и отлично. Такъ до вечера!

Когда онъ ушелъ, я невольно улыбнулась... Этотъ,—мой милый товарищъ,—не походилъ на другихъ! Живой, талантливый, разносторон-

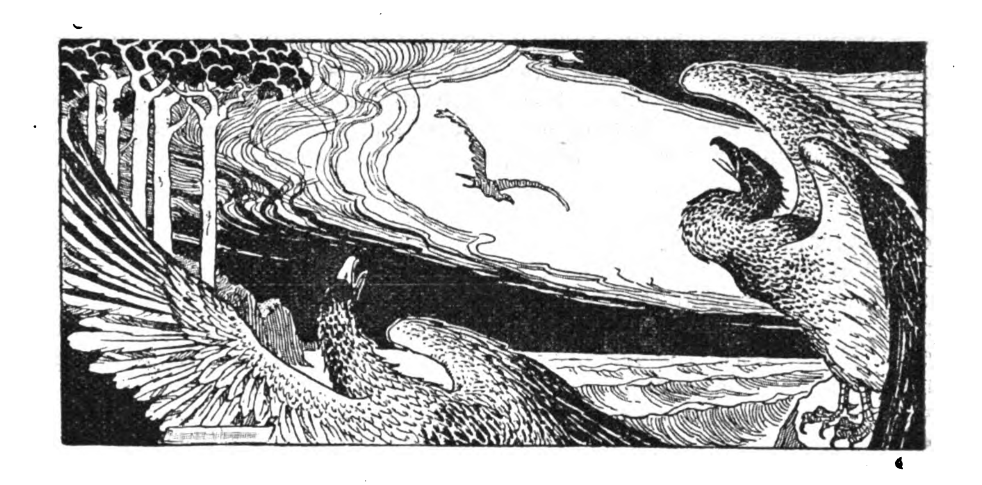
ній, онъ, еще студентъ, принималъ уже дѣятельное участіе въ общественной и политической жизни города, интересовался рабочимъ вопросомъ, читалъ рефераты въ собраніяхъ разныхъ обществъ, былъ членомъ общества воздержанія, занимался зоологіей, держалъ на доктора ботаники, мечталъ о звѣздахъ, обожалъ родныя горы и экскурсіи въ нихъ, увлекался поэзіей и готовился въ заключеніе...въ протестантскіе пасторы!.. Горячій поборникъ новыхъ идей, широкій во взглядахъ, онъ схватился за женское образованіе и боролся противъ узкихъ понятій товарищей. Съ величайшимъ трудомъ, борясь не на жизнь, а на смерть, онъ добился того, что въ томъ студенческомъ обществѣ, гдѣ онъ былъ президентомъ, рѣшили допустить студентокъ на засѣданія. Это была блестящая побѣда надъ предразсудками общества.

Вечеромъ мы отправились. Много было студентокъ. Были интересные споры и сообщенія; но особенно разнообразны и забавны были „productions“. Мы сначала не поняли этого слова, когда прочли на афишкѣ. Но это оказалась самая веселая часть вечера: послѣ офиціальнаго доклада и серьезнаго сообщенія, начиналась свободная часть. Тутъ каждый студентъ и профессоръ непринужденно разсказывалъ что-нибудь, часто смѣшное; словомъ, каждый пускался, кто во что гораздъ на перебой. Разказчика награждали шумными апплодисментами. Потомъ играли и пѣли. Поздно вечеромъ окончилось это необычное собраніе со студентками.

Я вспоминаю теперь эту веселую картинку изъ своей студенческой жизнь и думаю, скоро ихъ будетъ не одна заграницей...

(До слѣд. №-ра).

Изъ исторіи 60-хъ годовъ.

Необыкновенная личность.

(Вильямъ Фрей).

Н. В. Рейнгардта.

Глава I.

Что дѣлать *)?

И юноша, отмѣченный
Печатью дара Божія,
Сталъ пылкимъ и мечтательнымъ.
Н. А. Некрасовъ.

Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ вышелъ романъ Н. Г. Чернышевскаго „Что дѣлать?“, который, въ свое время сильно увлекалъ русское общество, какъ по возбужденнымъ этимъ романомъ вопросамъ, такъ и по выведеннымъ въ немъ типамъ героевъ, раздѣляемыхъ авторомъ на двѣ категоріи—„обыкновенныхъ“ и „особенныхъ людей“.

„Обыкновенные“ люди, какъ они обрисовываются въ романѣ, стремятся къ личному счастью, заключающемуся, по мнѣнію многихъ, да и самого автора, въ полномъ наслажденіи жизнью. Достиженіе счастья представляется возможнымъ означен-

*) Пятнадцать лѣтъ тому назадъ напечатана была въ Казани небольшая брошюра подъ заглавіемъ „Необыкновенная личность“, въ которой былъ изложенъ краткій біографическій очеркъ умершаго въ 1888 году русскаго эмигранта Владиміра Константиновича Гейнса, извѣстнаго въ Европѣ и Америкѣ подъ именемъ Вильяма Фрея. При этомъ очеркѣ было приложено письмо послѣдняго графу Л. Н. Толстому, въ которомъ изложены основныя начала религіи „Человѣчества“. Брошюра эта давно разошлась и для новаго изданія авторъ сталъ собирать различные матеріалы въ видѣ писемъ, дневниковъ и пр., которые весьма любезно передавали въ его распоряженіе родные и друзья покойнаго Гейнса. Настоящее сочиненіе, предоставляемое благосклонному вниманію читателей, въ сущности новое изданіе прежняго, хотя по объему оно гораздо значительнѣе послѣдняго, а потому авторъ нашелъ нужнымъ сохранить для него прежнее заглавіе.

нымъ людямъ при развитіи силъ и способностей, при достиженіи извѣстной степени матеріальнаго благосостоянія, безъ чего совершенно невозможно личное счастье обыкновенныхъ людей, такъ какъ это благосостояніе въ большинствѣ случаевъ составляетъ главную цѣль ихъ жизни. Обращаясь къ людямъ особеннаго типа, представителемъ котораго въ романѣ „Что дѣлать“ является Рахметовъ, мы находимъ, что подобные люди весьма рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ людей, какъ по направленію своей дѣятельности, такъ и по своему личному характеру, по своей натурѣ.

Рахметовъ не думаетъ о своемъ личномъ счастьѣ, не ищетъ для себя матеріальнаго благосостоянія, не думаетъ о какомъ бы то ни было наслажденіи жизнью, а, имѣя въ виду счастье другихъ, стремится въ своей личной жизни провести самые строгіе, самые суровые принципы, потому что *это такъ нужно.*

„Мы желаемъ для людей — говоритъ Рахметовъ,—полнаго наслажденія жизнью, мы должны свидѣтельствовать своей жизнью, что мы этого желаемъ не для удовлетворенія своимъ личнымъ страстямъ, не для себя лично, а для человѣка вообще, что мы говоримъ только по принципу, а не по пристрастью, по убѣжденію, а не по личной надобности“.

Такимъ образомъ обыкновенные люди живутъ для себя лично, „они живутъ какъ всѣ живутъ“, настоящимъ моментомъ, и заботы о будущемъ у нихъ не простираются далѣе заботъ объ интересахъ ближайшаго потомства; люди же особенные, главнымъ образомъ живутъ во имя идеала, ради далекаго будущаго проблески котораго едва достигаютъ до обыкновенныхъ людей.

Люди перваго типа, преслѣдуя задачу личнаго счастья, сосредоточивая всѣ заботы о матеріальномъ благосостояніи и дѣйствуя подъ знаменемъ индивидуализма, воплощаютъ въ настоящее время въ жизни тенденціи буржуазныя; люди же второго типа, преслѣдуя счастье другихъ и работая подъ знаменемъ всеобщаго блага, воплощаютъ тенденціи соціальныя.

Необыкновенные люди, обладая сильно развитою нервно-мозговой конституціей, отличаются отъ обыкновенныхъ необыкновенной силой характера, проявляющейся въ способности подчинять главной, высшей цѣли эгоистическія, личныя стремленія, которыя господствуютъ у обыкновенныхъ людей, составляя все содержаніе ихъ жизни.

Преслѣдуя опредѣленную цѣль, необыкновенные люди знаютъ, что дѣлать, и примѣромъ своей личной жизни указываютъ другимъ пути къ дѣятельности.

Но такіе люди, которые, подобно Рахметову, посвящаютъ жизнь свою одной великой цѣли, представляя неуклонное служеніе принципу, самоотверженную преданность идеалу (долгу), встрѣчаются весьма рѣдко, какъ вообще рѣдко встрѣчаются всякія выдающіяся, необыкновенныя личности.

„Мало такихъ людей,—писалъ по поводу Рахметова авторъ „*Что дѣлать*“— но ими расцвѣтаетъ жизнь всѣхъ, безъ нихъ она заглохла бы; мало ихъ, но они даютъ всѣмъ людямъ дышать, безъ нихъ люди задохлись бы. Велика масса честныхъ и добрыхъ людей; но такихъ людей мало: но они въ ней—теинъ въ чаѣ, букетъ въ благородномъ винѣ; отъ нихъ ея сила и ароматъ: это цвѣтъ лучшихъ людей, это двигатели двигателей, это соль земли“.

Къ числу подобныхъ личностей относится и нашъ соотечественникъ Владиміръ Константиновичъ Гейнсъ, извѣстный въ Европѣ и Америкѣ подъ именемъ *Вильяма Фрея* и принадлежащій къ самымъ яркимъ выразителямъ идей шестидесятыхъ годовъ (XIX вѣка), къ самымъ выдающимся представителямъ идеаловъ этой эпохи, которые онъ неуклонно стремился воплотить въ жизни, оста-

ваясь вѣрнымъ имъ до самой гробовой доски.

„Богато одаренная — говоритъ о немъ проф. E. S. Beesly,—нравственная натура заключала въ себѣ необыкновенную рѣшительность и рѣдкую силу характера; онъ (Фрей) отличился такой безграничной преданностью долгу (идеалу), что, зная слабость и несовершенство человѣческой натуры, однако, трудно было представить себѣ, чтобы Фрей могъ совершить какой-нибудь несправедливый поступокъ, несогласный съ его убѣжденіями... Самый поучительный урокъ, какой даетъ жизнь Фрея— это преимущество примѣра надъ наставленіемъ. Довольно легко каждому изъ насъ наблюдать за своими убѣжденіями, чтобы они были здравы и истинны, чтобы сохранялись и распространялись въ публикѣ по мѣрѣ нашихъ силъ и способностей; но не такъ легко согласовать нашу жизнь съ этими убѣжденіями и отыскать средства для привлеченія на нашу сторону индифферентныхъ и враждебныхъ къ намъ лицъ, самымъ примѣромъ нашей частной и общественной жизни. Если хорошенько поразмыслить относительно подобнаго факта и съумѣть воспользоваться даннымъ Фреемъ урокомъ, то можно надѣяться, что будущій прогрессъ пойдетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ въ прошедшія времена...“ *).

Такъ какъ происхожденіе и первоначальное воспитаніе играютъ весьма важную роль въ развитіи всякаго человѣка, то необходимо, хотя вкратцѣ коснуться этихъ обстоятельствъ, положившихъ нѣкоторый отпечатокъ на жизнь и дѣятельность В. К. Гейнса и дающихъ ключъ къ объясненію нѣкоторыхъ, особенно выдающихся сторонъ его жизни и характера.

Отецъ Владиміра Константиновича — Константинъ Карловичъ Гейнсъ — происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губерніи. Подъ вліяніемъ патріотическаго энтузіазма, охватившаго все русское общество въ эпоху отечественной войны 1812 г., Константинъ Карловичъ, не окончивъ курса въ учебномъ заведеніи, въ которомъ воспитывался, поступилъ въ военную службу, противъ воли родителей, желавшихъ, чтобы сынъ ихъ вполнѣ закончилъ свое образованіе. Черезъ два года послѣ поступленія на службу Константинъ Карловичъ былъ произведенъ въ офицеры и затѣмъ довольно быстро двигался по службѣ, такъ что турецкую кампанію 1829 г. сдѣлалъ въ чинѣ капитана: за эту кампанію, кромѣ орденовъ, Константинъ Карловичъ получилъ чинъ маіора. Во время означенной кампаніи онъ познакомился въ Бухарестѣ съ семействомъ греческаго эмигранта Коминари-Корезо, на дочери котораго, Аристеѣ Константиновнѣ, женился въ 1830 году. Вскорѣ послѣ женитьбы наступила польская кампанія, въ которой Константинъ Карловичъ принялъ участіе, находился, между прочимъ, при штурмѣ Варшавы и затѣмъ по взятіи ея нѣкоторое время былъ въ ней временнымъ комендантомъ.

Отъ брака Константина Карловича съ Аристеей Константиновной родились три сына и три дочери: старшій сынъ, Константинъ Константиновичъ, нынѣ генералъ въ отставкѣ, второй Александръ Константиновичъ, бывшій въ восьмидесятыхъ годахъ казанскимъ губернаторомъ, и третій Владиміръ Константиновичъ, родившійся въ 1839 году въ латышской деревнѣ, Витебской губерніи, во время похода полка.

Надо замѣтить, что Константинъ Карловичъ, по отзывамъ близко знавшихъ его лицъ, отличался хотя вспыльчивымъ, но весьма добрымъ сердцемъ, и доброта его, въ силу наслѣдственности, перейдя къ младшему сыну, составляла, какъ увидимъ ниже, выдающуюся черту характера послѣдняго.

*) E. S. Beesly. — The Life and Deathe of William Frey.

Въ 1842 году Константинъ Карловичъ, произведенный въ подполковники, переведенъ былъ въ Бѣлгородскій пѣхотный полкъ, который былъ расположенъ на Кавказѣ, откуда черезъ три года, вмѣстѣ съ означеннымъ полкомъ, перешелъ въ Севастополь, и здѣсь для его сына, Владиміра, началась новая жизнь, такъ какъ здѣсь начали его учить, приготовляя въ корпусъ.

По счастливой случайности Константинъ Карловичъ нашелъ для него хорошаго учителя, въ лицѣ штурманскаго офицера Вронцева, занимавшагося въ свободное отъ службы время частными уроками. Судя по разсказамъ родственниковъ Владиміра Константиновича, Вронцевъ, участвовавшій впослѣдствіи въ геройской защитѣ Севастополя, принадлежалъ къ тѣмъ симпатичнымъ и талантливымъ натурамъ, которыя вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, попавъ въ глушь провинціальной жизни, не имѣютъ возможности вполнѣ проявить своихъ силъ и примѣнить къ дѣлу своихъ богатыхъ способностей. Онъ не былъ учителемъ ремесленникомъ, какимъ является масса лицъ, дающихъ уроки изъ-за куска хлѣба и мало интересующихся преподаваемымъ предметомъ, нѣтъ, это былъ, какъ разсказываютъ знавшія его лица, человѣкъ, страстно преданный наукѣ и самостоятельно выработавшій опредѣленные педагогическіе пріемы, которые примѣнялъ при занятіяхъ съ своими учениками. Не смотря на бѣдность, на многочисленное семейство, которое приходилось поддерживать цѣною усиленнаго труда, Вронцевъ съумѣлъ сохранить въ душѣ энтузіазмъ и любовь къ наукѣ: онъ высоко ставилъ математику, придавалъ ей весьма важное значеніе, не только какъ средство развитія умственныхъ способностей, но и въ особенности въ виду ея громадной роли въ практической жизни, гдѣ все основано на расчетѣ и вычисленіи. „Безъ математики—говорилъ онъ—корабль не двинется съ мѣста“. Вронцевъ смотрѣлъ на математику какъ на естественную логику и потому полагалъ, что не слѣдуетъ учить дѣтей въ обыкновенномъ, рутинномъ смыслѣ, заставляя долбить правила, а слѣдуетъ направлять преподаваніе такимъ образомъ, чтобы умъ ребенка самостоятельно приходилъ къ опредѣленнымъ выводамъ и результатамъ.

Способъ преподаванія Вронцева достоинъ серьезнаго вниманія со стороны педагоговъ, потому что при его способѣ ребенокъ не будетъ дѣйствовать какъ автоматъ, повторяя слова и мысли учителя, но, идя постепенно шагъ за шагомъ, отъ простого къ болѣе сложному, самъ достигнетъ опредѣленныхъ выводовъ, повторивъ въ маломъ видѣ тотъ путь, которымъ шло человѣчество, двигалась и развивалась наука: при такой системѣ ребенокъ не только вполнѣ основательно усвоитъ себѣ предметъ, разовьетъ способность къ обобщенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтетъ интересъ къ дальнѣйшему знанію и способность къ самостоятельному труду. Правильность метода Вронцева вполнѣ подтвердилась при занятіяхъ съ маленькимъ Владиміромъ Гейнсомъ, блестящіе успѣхи котораго доказали не только достоинство этой педагогической системы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательныя способности ребенка, приводившія въ восторгъ учителя, который до того увлекался занятіями съ талантливымъ ученикомъ, что просиживалъ съ нимъ по нѣскольку часовъ, сверхъ опредѣленнаго времени, восторгаясь успѣхами и быстротою сображенія маленькаго математика, котораго въ шутку называлъ Архимедомъ. Предсказывая Владиміру блестящую будущность, Вронцевъ въ разговорахъ съ Константиномъ Карловичемъ не разъ совѣтовалъ ему избрать для него ученую карьеру; но такъ какъ Константинъ Карловичъ былъ человѣкъ

небогатый, жилъ одною службою, которая, кромѣ жалованья, давала еще ему право воспитывать дѣтей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, насчетъ казны, то совѣта Вронцева исполнить не могъ и въ 1853 году отдалъ Владиміра въ Брестъ-Литовскій кадетскій корпусъ, вѣроятно съ увѣренностью въ душѣ, что энергическій и способный человѣкъ всегда найдетъ свою дорогу, куда бы ни бросила его судьба.

Надо сказать, что Владиміръ Константиновичъ былъ мальчикъ скромный, не любившій принимать участія въ шумныхъ играхъ своихъ товарищей предпочитавшій всякимъ играмъ книгу или какое другое подобное тихое занятіе. Большинство воспитанниковъ Брестъ-Литовскаго корпуса состояло изъ поляковъ, которые враждебно относились къ русскимъ, вслѣдствіе чего между представителями той и другой національности происходили частыя ссоры, переходившія въ горячія рукопашныя схватки. Подобныя условія корпусной жизни развили въ немъ скрытность, сдержанность, не смотря на пылавшій въ душѣ его огонь, и эта черта характера осталась въ немъ на всю жизнь. Учился онъ хорошо, въ особенности математикѣ, сохранивъ къ ней любовь, которую воспламенилъ въ немъ его восторженный учитель. Въ корпусѣ Владиміръ Константиновичъ пробылъ четыре года и постоянно былъ на хорошемъ счету у начальства, а потому, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, „за хорошее поведеніе и успѣхи въ наукахъ“ удостоенъ былъ званія унтеръ-офицера. Въ 1855 году Владиміръ Константиновичъ перешелъ въ спеціальный классъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ переведенъ былъ въ Дворянскій полкъ (впослѣдствіи Константиновское военное, а нынѣ артиллерійское училище), откуда въ 1859 году, былъ выпущенъ въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ въ гвардію въ финляндскій полкъ, и вскорѣ поступилъ въ артиллерійскую академію, которая давала возможность пріобрѣсти высшее образованіе по физико-математическимъ наукамъ и затѣмъ избрать ученую или техническую карьеру, наиболѣе согласовавшуюся съ его тогдашними стремленіями. Способности и математическія познанія, которыя онъ проявилъ въ академіи, обратили на него вниманіе преподавателей, между прочимъ извѣстнаго Лаврова, впослѣдствіи эмигранта. По этому поводу передаютъ интересный разсказъ, характеризующій тогдашнее положеніе Гейнса.

Однажды въ перемѣну въ аудиторію вошелъ начальникъ академіи, генералъ Платовъ, и просилъ вызвать прапорщика Гейнса; когда послѣдній явился, то генералъ, обратившись къ нему, сказалъ: „Позвольте посмотрѣть на васъ, какъ на чудо. Полковникъ Лавровъ, не хвалящій никого, отзывается о васъ не только съ похвалой, но даже съ нѣкоторымъ пафосомъ... Пойду, думаю, посмотрю на такого человѣка“.

По окончаніи курса въ артиллерійской академіи Владиміръ Константиновичъ занялся уроками математики и получилъ мѣсто преподавателя аналитической геометріи въ инженерномъ училищѣ. Но не одна математика занимала его въ это время, не она одна сосредоточивала на себѣ его вниманіе: онъ интересовался вопросами, которые волновали въ то время передовую часть русскаго общества, стремившагося къ возрожденію.

Время, наступившее послѣ крымской войны, отличалось необыкновеннымъ подъемомъ общественныхъ силъ, что съ особеннной яркостью выразилась въ литературѣ, въ которой было поднято много весьма важныхъ вопросовъ, въ связи съ указаніемъ на несостоятельность нѣкоторыхъ современныхъ порядковъ, не соотвѣтствующихъ прогрессивнымъ понятіямъ передовой части общества.

Волна новыхъ идей, нахлынувшая

на русское общество, проникла даже въ закрытыя учебныя заведенія, проникла, между прочимъ, и въ дворянскій полкъ, гдѣ между старшими воспитанниками, въ числѣ которыхъ и былъ Владиміръ Константиновичъ Гейнсъ, образовался кружокъ, интересовавшійся литературными и общественными вопросами: въ этомъ кружкѣ особеннымъ вниманіемъ пользовались сочиненія Герцена, который имѣлъ большое вліяніе на Гейнса, давъ извѣстное направленіе его мыслямъ и стремленіямъ.

„Со всѣми силами моей души — писалъ впослѣдствіи онъ въ одномъ письмѣ — я сталъ воспринимать страстное негодованіе этого человѣка на зло, совершаемое вокругъ насъ; въ моей дѣтской душѣ кипѣли самыя злыя чувства противъ угнетателей народа, и во мнѣ тогда же и на всю жизнь вѣроятно осталось твердое намѣреніе къ искорененію зла“.

Въ этой мысли юношескихъ, почти дѣтскихъ лѣтъ таилось зерно будущаго, болѣе возвышеннаго идеала, образовавшагося впослѣдствіи подъ вліяніемъ болѣе серьезныхъ идей, которыя дало научное образованіе.

На умственное развитіе Владиміра Константиновича имѣлъ, между прочимъ, большое вліяніе братъ его Александръ Константиновичъ, одинъ изъ выдающихся по образованію и блестящимъ способностямъ офицеровъ генеральнаго штаба, который былъ старше его на четыре года и съ которымъ онъ соединенъ былъ узами самой нѣжной дружбы, дѣлясь съ нимъ постоянно своими задушевными мечтами и думами.

Польское возстаніе, въ усмиреніи котораго Александръ Константиновичъ принималъ дѣятельное участіе, произвело между братьями нѣкоторый разрывъ, показавъ, что воззрѣнія ихъ по нѣкоторымъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ далеко расходятся, да иначе и быть не могло, такъ какъ оба брата принадлежали къ двумъ различнымъ направленіямъ, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ, причемъ придется повторить то, что нами уже было высказано въ другомъ мѣстѣ *).

Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія въ русскомъ обществѣ выяснилось между прочимъ два главныхъ направленія, отразившіяся и въ литературѣ: одно, которое можно назвать либерально-политическимъ, имѣло главною цѣлью перенесеніе нѣкоторыхъ западно-европейскихъ учрежденій на русскую почву и примѣненіе къ нашей дѣйствительности господствовавшихъ на западѣ либерально-буржуазныхъ теорій, а потому оно горячо стояло за свободу печати, гласное судопроизводство, самоуправленіе и пр. Самымъ яркимъ выразителемъ этого направленія былъ „Русскій Вѣстникъ“, издававшійся подъ редакціей талантливаго писателя М. Н. Каткова, обладавшаго весьма солиднымъ философскимъ и политическимъ образованіемъ. Около него группировались въ первые годы его журнальной дѣятельности такъ называемые люди сороковыхъ годовъ, изъ которыхъ многіе вмѣстѣ съ Катковымъ сильно увлекались англійскими либерально-аристократическими тенденціями. Эти послѣднія, въ связи съ особенной патріотической окраской, которую придалъ въ эпоху польскаго возстанія Катковъ редактируемымъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, совершенно отстранили отъ него молодое поколѣніе, въ глазахъ котораго онъ являлся самымъ рѣзкимъ представителемъ реакціи. Наибольшей симпатіей молодежи пользовалось другое направленіе, которое мы назовемъ радикально-экономическимъ и органомъ котораго былъ „Современникъ“, издававшійся подъ ре-

*) Н. К. Михайловскій и его труды.

дакціей Н. А. Некрасова и И. И. Панаева. Душою этого журнала во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ и въ началѣ шестидесятыхъ былъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, соединявшій съ энтузіазмомъ Бѣлинскаго широкое политическое образованіе Герцена, которыхъ онъ въ дѣлѣ литературно-философскаго развитія считалъ своими предшественниками и учителями.

Чернышевскій, не отвергая важнаго значенія западно-европейскихъ формъ въ дѣлѣ прогрессивнаго развитія русскаго общества и ставя на первый планъ матеріальное благосостояніе народа, находилъ, что безъ коренныхъ преобразованій экономической жизни Россіи означенныя формы никакого существеннаго значенія имѣть не могутъ. Онъ отрицательно относился къ тѣмъ западно-европейскимъ теоріямъ, которыя проводилъ „Русскій Вѣстникъ“, находя ихъ созданными въ интересахъ господствующаго средняго сословія, а потому полагалъ необходимымъ, прежде чѣмъ переносить на русскую почву, пересмотрѣть ихъ въ „духѣ простонароднаго элемента, мысли и жизни“, въ интересахъ благосостоянія рабочей массы, которое зависитъ, по его мнѣнію, отъ извѣстныхъ идей и отъ извѣстныхъ формъ организаціи труда.

Вся сущность экономическаго ученія Чернышевскаго, его соціальная доктрина заключалась, главнымъ образомъ, въ той идеѣ, что разрѣшеніе соціальнаго вопроса, т. е. улучшеніе матеріальнаго и нравственнаго состоянія рабочихъ классовъ, народа, состоитъ въ задачѣ организаціи коллективнаго хозяйства на принципахъ общинной, коммунальной жизни. Это ученіе съ энтузіазмомъ юности, съ фанатизмомъ религіознаго прозелита вполнѣ усвоилъ Владиміръ Константиновичъ, претворивъ его въ плоть и кровь свою, и сдѣлавъ изъ него почти религіозный догматъ, осуществленію котораго посвятилъ всю свою жизнь.

Хотя дѣятельность Чернышевскаго была прервана въ самомъ апогеѣ развитія его таланта, но направленіе „Современника“ отъ этого не измѣнилось, и журналъ продолжалъ работать въ томъ же духѣ, защищая трудовые интересы простонароднаго элемента, указывая образованнымъ классамъ на ихъ обязанности, въ виду ихъ громаднаго, неоплатнаго долга народу. Въ этомъ отношеніи важную услугу оказали М. А. Антоновичъ и Ю. Г. Жуковскій, какъ продолжатели и послѣдователи ученія Чернышевскаго, который передъ самымъ концомъ своей блестящей литературной карьеры напечаталъ знаменитый романъ „Что дѣлать“, резюмировавъ въ немъ свои философскія и соціальныя идеи, разрабатываемыя имъ въ „Современникѣ“ въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ журнальной дѣятельности. Романъ „Что дѣлать“ произвелъ глубокое впечатлѣніе въ русскомъ обществѣ, произвелъ сильное движеніе въ молодыхъ умахъ, заставилъ серьезно призадуматься надъ собою, серьезно призадуматься надъ вопросомъ, что дѣлать въ интересѣ Россіи, представлявшейся имъ въ то время „глубоко несчастной страной, подавленной, рабски безсудной“ (Некрасовъ).

Направленіе „Современника“ вполнѣ соотвѣтствовало складу ума и стремленію сердца, Влад. Кон-ча, пылавшаго любовью къ добру и съ юнныхъ лѣтъ стремившагося къ искорененію зла. Подъ вліяніемъ Герцена и Чернышевскаго онъ сталъ глубоко убѣжденнымъ соціалистомъ, горячимъ послѣдователемъ Роберта Овена и Фурье, а потому признавшимъ необходимость совершенія коренныхъ реформъ въ экономической жизни народа. Въ этомъ отношеніи онъ радикально расходился съ братомъ своимъ Александромъ Константиновичемъ, политическія идеи котораго были солидарны съ упомянутыми выше взглядами Каткова, проводимыми имъ въ „Русскомъ Вѣ-

стникѣ“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Подобное разногласіе въ политическихъ возрѣніяхъ приводило часто къ горячимъ спорамъ, но не имѣло никакого вліянія на дружескія отношенія; однако, польское возстаніе, какъ упомянуто выше, произвело между братьями нѣкоторый разрывъ или, вѣрнѣе, охлажденіе. Надо сказать, что это возстаніе раскрыло между прочимъ глаза Владиміру Константиновичу на многіе недостатки нашей общественной жизни и въ особенности нашей интеллигенціи, въ которой преимущественно господствовали громкія и красивыя фразы, находившіяся въ полномъ противорѣчіи съ дѣломъ. Постоянный разладъ между словомъ и дѣломъ, между убѣжденіемъ и дѣйствительностью, разладъ, характеризующій съ невыгодной стороны большинство представителей нашей интеллигенціи, глубоко возмущалъ Владиміра Константиновича и заставлялъ серьезно призадуматься надъ условіями русской жизни, внимательнѣе и строже относиться къ самому себѣ, не допуская противорѣчій, указывающихъ или на несостоятельность идей или на несостоятельность личности, причемъ онъ не разъ подумывалъ о выходѣ въ отставку, тѣмъ болѣе, что и педагогическая карьера не удовлетворяла его. Однако, въ отставку не вышелъ, а отказавшись отъ педагогической дѣятельности, поступилъ въ военную академію генеральнаго штаба, по геодезическому отдѣленію.

Въ это время онъ сблизился съ нѣкоторыми членами тайнаго общества или, вѣрнѣе, кружка „Земля и Воля“, цѣль котораго было при помощи возстанія надѣлить народъ *землею и правами*. Вполнѣ сочувствуя конечнымъ цѣлямъ кружка, онъ не соглашался со средствами для достиженія этихъ цѣлей и потому не принималъ почти никакого участія въ его дѣятельности. Всякое насиліе было противно его натурѣ. У меня нѣтъ настолько злобы,—писалъ онъ въ одномъ мѣстѣ,-чтобы бороться за правду, но у меня есть любовь къ правдѣ, горячее желаніе неуклонно служить ей“...

Кружокъ былъ вскорѣ открытъ правительствомъ, почти всѣ члены его были арестованы, за исключеніемъ немногихъ, въ числѣ которыхъ былъ и Владиміръ Константиновичъ, избѣгнувшій ареста благодаря счастливой случайности...

Разставшись съ кружкомъ, разставшись съ симпатичными ему людьми, съ которыми хотя и не соглашался во многомъ, но идеалы которыхъ были и его идеалами, Владиміръ Константиновичъ испытывалъ сначала полное нравственное одиночество, подъ вліяніемъ котораго онъ съ лихорадочнымъ рвеніемъ принялся за академическія занятіи и черезъ два года, блистательно окончивъ курсъ, выпущенъ былъ въ генеральный штабъ съ прикомандированіемъ къ Пулковской обсерваторіи, гдѣ пользовался особымъ вниманіемъ директора Струве, который затѣмъ рекомендовалъ его на ученыя работы по измѣренію дуги 52-ой параллели, идущей отъ Валенсіи къ Уральску.

Пребываніе Владиміра Константиновича въ двухъ академіяхъ принесло ему значительную пользу, давъ обширное и при томъ весьма основательное физико-математическое образованіе, въ такомъ размѣрѣ, которое рѣдко встрѣчается не только у насъ въ Россіи, но даже въ Западной Европѣ, гдѣ научное образованіе выше и число образованныхъ людей гораздо больше, чѣмъ у насъ. Такимъ образомъ, онъ основательно изучилъ высшую математику, механику, астрономію, физику и химію, составляющія главный фундаментъ позитивной философіи, горячимъ послѣдователемъ которой онъ сдѣлался впослѣдствіи и которую никогда бы вполнѣ основательно не усвоилъ, если бы не пріобрѣлъ такой серьезной научной подготовки. Кромѣ физико-математическихъ наукъ, Владиміръ Константи-

новичъ изучилъ обширную область прикладныхъ знаній, напримѣръ, геодезію, практическую механику, технологію и другія прикладныя науки, составляющія приложеніе физико-математическихъ наукъ къ практическимъ потребностямъ вообще и къ военнымъ цѣлямъ въ частности, что давало возможность выяснить способы рѣшенія вопросовъ относительно связи между теоріей и практикой и жизнью.

Такимъ образомъ, полученное имъ въ двухъ академіяхъ образованіе расширило его міросозерцаніе, развило интеллектуальныя силы и дисциплинировало умъ, пріучивъ его подчиняться доказательствамъ, основаннымъ на безспорныхъ выводахъ науки, и относиться съ недовѣріемъ къ громкимъ и красивымъ фразамъ, скрывающимъ подчасъ бѣдность внутренняго содержанія.

Съ обширнымъ и широкимъ образованіемъ Владиміръ Константиновичъ соединялъ весьма доброе и любящее сердце, способное откликнуться на всякое горе ближняго, на всякую нужду его. Для характеристики его въ этомъ отношеніи могутъ служить слѣдующіе факты, переданные намъ его старшимъ братомъ Константиномъ Константиновичемъ. Во время бывшаго въ 1862 году знаменитаго пожара въ Петербургѣ толкучаго рынка Владиміру Константиновичу пришлось проходить съ сестрой своей близъ одного охваченнаго пламенемъ дома. Остановившись въ безопасномъ мѣстѣ, недалеко отъ этого дома, Владиміръ Константиновичъ снялъ съ себя саблю и передалъ ее сестрѣ, которую просилъ подождать его, а самъ скрылся въ дыму пылавшаго дома. Сначала она видѣла его помогавшаго вытаскивать вещи, но затѣмъ потеряла изъ виду. Спустя нѣсколько времени онъ явился, перепачканный пепломъ, съ обожженными волосами и прокуренный дымомъ, и дорогой разсказывалъ происшедшій случай, интересовавшій его въ психологическомъ отношеніи, какъ примѣръ оцѣпенѣнія отъ испуга.

Когда онъ вбѣжалъ въ одну изъ комнатъ горѣвшаго дома, то встрѣтилъ неподвижно стоявшую женщину. Вывести ее силою онъ не рѣшился, такъ какъ очень часто пораженные до столбняка оказываютъ сопротивленіе, которое могло привести къ общей гибели, а между тѣмъ кругомъ трещало, воздухъ становился жаркимъ и удушливымъ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ на тарелкѣ малину и, обратившись къ этой женщинѣ, сказалъ: „давайте ѣсть малину". „Какъ же ѣсть, когда мы горимъ"?—отвѣтила прищедшая въ себя женщина. „Если горимъ,—замѣтилъ Владиміръ Константиновичъ,—такъ давайте бѣжать отъ опасности!—и затѣмъ, взявъ ее за руку, вывелъ на улицу.

Другой случай, происшедшій не при такой драматической обстановкѣ, представляется не менѣе характернымъ. Однажды, идя по Николаевскому мосту, онъ замѣтилъ, какъ какой-то старикъ бился изъ всѣхъ силъ, чтобы вкатить на подъемъ моста двухколесную телѣжку, нагруженную несоразмѣрно его силамъ. Увидя, что старикъ съ телѣжкой справиться не въ состояніи, а прохожіе помочь не желаютъ, Владиміръ Константиновичъ, не стѣсняясь формою офицера генеральнаго штаба, взялся за оглобли двухколески и помогъ вкатить на подъемъ моста, откуда старикъ могъ спустить ее уже самъ.

Будучи глубоко убѣжденнымъ соціалистомъ, стремившимся къ коореннымъ реформамъ въ экономической жизни народа, Владиміръ Константиновичъ поэтому скептически относился, какъ и многіе представители радикальной молодежи того времени, къ послѣдовавшимъ, послѣ великой крестьянской реформы, реформамъ печати, земской и судебной, которыя представлялись ему, по его выраженію, „однѣми

только вывѣсками", такъ какъ не существовало въ нашей общественной жизни самаго главнаго условія ихъ дѣйствительности — *„уваженія къ личности и къ закону"*.

Фатальная судьба Чернышевскаго и многіе другіе факты, повидимому, вполнѣ подтверждали его взглядъ на значеніе этихъ реформъ и на несостоятельность либеральныхъ принциповъ въ русской жизни, находящихся въ полномъ противорѣчіи съ суровой дѣйствительностью, съ которой не могъ примириться Владиміръ Константиновичъ. Хотя онъ и жилъ въ мірѣ идеаловъ, но не забывалъ вѣчно занимавшаго его вопроса *что дѣлать?* Раздумывая надъ этимъ вопросомъ, онъ постоянно спрашивалъ себя, *что дѣлать*, чтобы осуществить наилучшую жизнь для массы страждущихъ и угнетенныхъ, чтобы людямъ жилось лучше и полнѣе, чѣмъ въ настоящее время, чтобы удалить ихъ отъ этой постылой жизни, полной разврата и несчастій, какъ отъ чрезмѣрной роскоши немногихъ, такъ и отъ чрезмѣрной подавляющей нищеты массы, обязанной содержать дармоѣдовъ. Но оглянувшись на себя, на свою жизнь, онъ увидѣлъ, что онъ для разрѣшенія этого вопроса ничего не сдѣлалъ, что онъ такой же непроизводительный членъ общества, такой же дармоѣдъ, какъ и другіе, которыхъ онъ строго осуждалъ за пустую и безсодержательную жизнь.

Сознаніе своей умственной и нравственной несостоятельности, сознаніе неоплатнаго долга передъ народомъ, для уплаты котораго онъ ничего не сдѣлалъ, приводило его въ глубокое отчаяніе, результатомъ чего явилось пессимистическое настроеніе, подъ вліяніемъ котораго созрѣла у него мысль о самоубійствѣ, и онъ рѣшилъ покончить съ собою.

Но прежде, чѣмъ покончить съ собой, онъ задумалъ написать свою біографію, т. е. какъ онъ высказывалъ потомъ, біографію маленькаго обыкновеннаго человѣка. Эта работа находилась въ связи съ выяснившимся въ это время взглядомъ его на міровыя событія, на роль и значеніе личности въ этихъ событіяхъ, взглядомъ, считающимъ болѣзнью идолопоклонническое преклоненіе передъ сильными, выдающимися въ іерархическомъ отношеніи людьми. По его мнѣнію, въ исторіи изучаютъ только дѣянія правителей, т. е. вѣроломцевъ, отравителей и развратниковъ, и совершенно не видятъ, что вся масса добра, геройства, самоотверженія и любви, которая дошла до насъ, есть продуктъ милліоновъ неизвѣстныхъ героевъ и тружениковъ жизни, вносящихъ каждый свою лепту въ общій потокъ всего хорошаго и дорогого".

Да и самыя событія, какъ великія, такъ и мелкія, совершаются, по его мнѣнію, „при посредствѣ массовой работы маленькихъ обыкновенныхъ людей, безъ которыхъ невозможна была бы дѣятельность и великихъ людей, воплощающихъ въ себѣ завѣты прошедшаго и отличающихся отъ обыкновенныхъ людей", какъ отличаются самыя большія деревья отъ обыкновенныхъ, составляющихъ однако въ своей совокупности съ другими силу и красу лѣса. Геній можетъ быть крупенъ, его имя на цѣлыя тысячелѣтія сохраняется въ памяти людей, но какъ бы ни была велика его сила, она представляется ничтожною передъ равнодѣйствующею суммою милліардовъ небольшихъ силъ, состоящихъ изъ обыкновенныхъ, совершенно неизвѣстныхъ людей, жизнь и дѣятельность которыхъ заслоняется великими людьми, озаряющими міръ блескомъ своего генія. Поэтому жизнь обыкновенныхъ—маленькихъ людей, ихъ борьба съ окружающими условіями, имѣющая нерѣдко глубоко трагическій характеръ, также интересна, по мнѣнію Владиміра Константиновича, какъ и жизнь великаго человѣка, при томъ гораздо поучительнѣе послѣдней, . потому

что происходитъ при обыкновенныхъ, такъ сказать, рядовыхъ условіяхъ, при которыхъ проходитъ жизнь милліоновъ людей.

Въ оставшемся отрывкѣ автобіографіи онъ между прочимъ говоритъ; „я пишу свою біографію не для того, чтобы услаждать публику описаніемъ трескучихъ событій и трагическихъ положеній; я пишу и не для тѣхъ уважаемыхъ мною людей, которые со вниманіемъ прочтутъ мою простую, безъискусственную исповѣдь; я пишу ее для самого себя. Мнѣ надобно, разставаясь съ жизнью, уяснить себѣ, какимъ путемъ я пришелъ къ настоящему положенію, что дали мнѣ двадцать семь лѣтъ. Я хочу свести итогъ расхода и прихода: балансъ покажетъ, что надобно ожидать въ будущемъ“...

„Я ничего не скрою, мнѣ нечего стыдиться своей жизни, искреннее слово человѣка, глубоко сочувствующаго несчастію другихъ, не можетъ не произвести хоть ничтожнаго дѣйствія. Мои слова будутъ похожи на слова умирающаго, они должны быть выслушаны съ полнымъ вниманіемъ“...

Задумавъ написать свою біографію, Владиміръ Константиновичъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ тщеславнаго чувства, а имѣлъ въ виду вполнѣ научную цѣль — описать жизнь средняго, русскаго интеллигентнаго человѣка, котораго фатальныя условія общественной жизни привели къ трагической развязкѣ. Предметъ этотъ, по его мнѣнію, долженъ быть поучителенъ во всѣхъ отношеніяхъ, выяснивъ съ одной стороны условія нашей общественной жизни, съ другой—условія развитія русской интеллигенціи. Но означенная работа ограничилась только небольшимъ предисловіемъ и отрывками изъ дневника, потому что, „повинуясь высшимъ инстинктамъ, оставилъ самую мысль о самоубійствѣ“. Это было въ концѣ 1866 года, когда, какъ самъ признавался въ письмѣ къ одному изъ друзей, вспыхнули въ душѣ его двѣ страсти: „одна къ женщинѣ, другая къ идеѣ“. Но онъ нашелъ, что первая страсть можетъ заглушить вторую и тѣмъ создать сильное препятствіе для дѣятельности, а потому рѣшился задушить ее въ самомъ началѣ развитія. „Чувство это,—говоритъ онъ въ упомянутомъ письмѣ,—было для меня ново; признаюсь, я даже не вѣрилъ до того времени въ возможность такой любви и много, очень много борьбы и энергіи потрачено было на то, чтобы заглушить въ себѣ страсть, такъ не во время подоспѣвшую ко мнѣ. Понятно, что въ подобныхъ случаяхъ лучшимъ лѣкарствомъ служитъ развлеченіе самого себя и вотъ я беру на себя: переводъ астрономіи Брюнова, составленіе критико-библіографическихъ замѣтокъ объ астрономическихъ, геодезическихъ, географическихъ и статистическихъ книгахъ, занятіе частными уроками и кромѣ того безпрерывно передвигаю самаго себя, стараясь не сидѣть и по возможности утомиться физически. Усилія мои увѣнчались успѣхомъ, febris erotica приходитъ къ концу“...

Увлеченіе идеей находилось въ связи со всѣми его политическими и соціальными воззрѣніями, со всѣмъ его психическимъ состояніемъ и моральнымъ развитіемъ.

Эта идея то яркимъ свѣтомъ озаряла его, призывая на великое дѣло, то совершенно потухала, казалась несбыточной, туманной мечтой, возбуждая въ душѣ пессимистическое настроеніе, которое смѣнялось затѣмъ тупымъ равнодушіемъ.

„Теперь какая-то апатія,—писалъ онъ въ одномъ изъ подобныхъ моментовъ къ своему другу Б.,—тупое равнодушіе и вверху всего гаденькая привязанность къ жизни, потому что я извѣрился въ эту жизнь и глубоко убѣжденъ, что она не дастъ мнѣ ничего утѣшительнаго въ будущемъ“. Въ чемъ же заклю-

чалась идея, которая такъ увлекла его, отвлекла отъ самоубійства? Она заключалась въ необходимости нравственнаго усовершенствованія собственной личности, какъ условія радикальнаго измѣненія общественнаго строя, и вела къ рѣшенію постоянно занимавшаго его вопроса *„что дѣлать“* рѣшенію, ко торое было согласно со всѣми его взглядами, со всѣми его стремленіями, въ которомъ онъ нашелъ цѣль жизни и на которомъ остановился окончательно.

Идея о необходимости личнаго усовершенствованія, въ связи съ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса, явилась у Владиміра Константиновича не сразу, а выяснялась постепенно подъ вліяніемъ сочиненій Чернышевскаго и Герцена, статья котораго о Робертѣ Овенѣ произвела на него большое впечатлѣніе, въ особенности слѣдующія строки, надъ которыми онъ часто задумывался.

„Стремленія людей—говоритъ Герценъ въ этой статьѣ,—не пропадаютъ безслѣдно; они облекаются словомъ, воплощаются въ образы, остаются въ преданіи и передаются изъ вѣка въ вѣкъ; каждый человѣкъ опирается на страшное генеологическое дерево; за нимъ, какъ за прибрежной волной, чувствуется напоръ цѣлаго океана всемірной исторіи; мысль всѣхъ вѣковъ вліяетъ сію минуту на нашъ мозгъ и нѣтъ ея „развѣ него“, а съ нею мы можемъ быть властью.

„Крайности ни въ комъ нѣтъ, но всякій можетъ быть незамѣнимой дѣйствительностью; передъ каждымъ открыты двери. Есть что сказать человѣку, пусть говоритъ и слушать его будутъ, мучитъ его душу горячее убѣжденіе--пусть проповѣдуетъ.

„Люди не такъ покорны, какъ стихіи, но мы всегда имѣемъ дѣло съ современной массой; ни она не самобытна, ни мы не независимы отъ общаго фона картины, отъ одинаковыхъ предшествовавшихъ вліяній. Связь общая есть. Теперь понимаете, отъ кого зависитъ будущность людей и народовъ. Отъ кого? Какъ отъ кого?... Да отъ насъ съ вами, напримѣръ, какъ же послѣ этого намъ сложить руки“?...

„Да,—говоритъ онъ не разъ самъ себѣ,—не слѣдуетъ сидѣть сложа руки, не слѣдуетъ впадать въ обломовщину, а необходимо прежде всего уничтожить зло въ самомъ себѣ, преобразовать себя и свою жизнь согласно идеалу“. Онъ видѣлъ, что главный недостатокъ передовыхъ русскихъ интеллигентовъ заключается въ томъ, что, думая о преобразованіи цѣлаго общественнаго строя, они ничего не дѣлаютъ относительно самовоспитанія, улучшенія собственной личности и преобразованія своей жизни въ духѣ проповѣдуемыхъ доктринъ, поэтому они всегда остаются такими, какими создаетъ ихъ буржуазно-барская обстановка, неспособными дѣйствовать постоянно во имя идеала, не имѣющими силы характера подчинить свои мелкія чувства требованіямъ принципа, вслѣдствіе чего они, отдаваясь господству эгоистическихъ стремленій, попадаютъ окончательно подъ вліяніе окружающей среды, опошливаются и становятся совершенно неспособными вліять въ благотворномъ отношеніи на эту среду. Приступивъ къ рѣшенію задачи нравственнаго перевоспитанія и самоусовершенствованія, Владиміръ Константиновичъ сталъ весьма строго относиться къ самому себѣ, обращая вниманіе на недостатки своего характера истараясь уничтожить ихъ. Въ попыткѣ задушить въ самомъ зародышѣ возникшую страсть къ женщинѣ, видно стремленіе не поддаваться влеченію мелкаго чувства, а подчинить его болѣе возвышенной цѣли. Онъ зналъ, что для этого у него было достаточно силы. Передъ нимъ во всемъ величіи представлялся могучій образъ Рахметова; онъ слышалъ завѣтныя слова: „мы должны свидѣтельствовать своею жизнью,

что мы говоримъ только по принципу, а не по пристрастію, по убѣжденію, не по личной надобности.

„Кто не умѣетъ жертвовать,—думалъ онъ въ это время,—мелкимъ чувствомъ ради великой идеи, кто гоняется за личными удовольствіями, изъ которыхъ состоитъ главное содержаніе буржуазной жизни, тотъ не долженъ и думать о какомъ бы то ни было общественномъ переворотѣ, потому что послѣдній находится въ полномъ противорѣчіи со всей его жизнью, которую онъ измѣнить не силахъ, а между тѣмъ перемѣна ея должна предшествовать этому перевороту, такъ какъ послѣдній представляетъ результатъ измѣненія нравовъ и идей, совершившихся въ массѣ индивидумовъ“. Такимъ образомъ всѣ мысли, всѣ стремленія у Владиміра Константиновича сосредоточивались на радикальномъ измѣненіи своей буржуазно-барской жизни въ народно-трудовую, которая, казалось ему, дастъ возможность осуществить его идеалъ и путемъ личнаго примѣра окажетъ благотворное вліяніе на измѣненіе всего строя народной жизни.

Рѣшившись радикально измѣнить образъ своей жизни и избрать новый, который былъ бы вполнѣ согласенъ съ его взглядами, съ внутренними стремленіями, Владиміръ Константиновичъ находилъ, что подобное измѣненіе тогда только можетъ принести полезные результаты, когда избранная дѣятельность будетъ имѣть вполнѣ простонародный характеръ, когда онъ самъ сольется въ своей жизни и въ своихъ стремленіяхъ со всей сѣрой массой русскаго народа, однимъ словомъ, когда онъ перейдетъ самъ на землю и будетъ работать какъ обыкновенный крестьянинъ. Объ этомъ онъ сообщилъ цитированному выше пріятелю Б., который въ принципѣ одобрилъ его идею, согласившись также оставить службу въ артиллеріи и идти на землю, идти въ народъ.

Но, по зрѣломъ размышленіи, друзья нашли, что означенный планъ преобразованія своей жизни можетъ встрѣтить при осуществленіи множество непреодолимыхъ затрудненій со стороны внѣшнихъ, политическихъ или, вѣрнѣе, полицейскихъ условій, и кромѣ того Владиміръ Константиновичъ находилъ, что переходъ въ земледѣльческое состояніе, хотя бы и въ разрядъ фермера, не только не дастъ возможности осуществить даже въ слабой степени соціалистическія идеи, но не дастъ возможности ни на іоту подвинуть рѣшеніе вопроса о благосостояніи народа, и можетъ принести громадный вредъ лично ему, Гейнсу, въ смыслѣ нравственномъ, такъ какъ внѣшнія условія, заставляя скрывать истинныя цѣли, могутъ содѣйствовать развитію фарисейства и еще болѣе выроютъ глубокую пропасть между словомъ и дѣломъ, чѣмъ та, которую онъ чувствовалъ подъ собою и которая болѣе всего возбуждала въ немъ чувство глубокой неудовлетворенности современной русской жизнью. Въ окончательномъ результатѣ теоретичеекое рѣшеніе вопроса „что дѣлать“ сводилось у Владиміра Константиновича къ тому, что онъ, оставивъ барско-буржуазное состояніе, долженъ приняться за физическій трудъ и только при этомъ условіи онъ поставитъ себя въ положеніе плательщика долга передъ народомъ, который лежитъ на привиллегированныхъ классахъ всего міра, живущихъ на счетъ труда рабочихъ. Вышедшая въ шестидесятыхъ годахъ на русскомъ языкѣ книга „Новая Америка“ Диксона заставила его подумать объ этой странѣ, и онъ рѣшился отправиться туда. Упомянутый пріятель его Б., съ которымъ онъ думалъ идти въ народъ, высказалъ тоже желаніе ѣхать вмѣстѣ съ нимъ туда, увлекаясь политической жизнью заатлантической республики, въ которой мечталъ принять участіе.

Предполагая переселиться въ Америку, Владиміръ Константиновичъ

имѣлъ въ виду скромную карьеру простого рабочаго, а потому для приготовленія къ этого рода дѣятельности сталъ упражняться въ развитіи физической силы, занимаясь грубымъ трудомъ въ качествѣ обыкновеннаго поденщика и продѣлывая это такимъ образомъ: какъ только позволяли обстоятельства и время, онъ переодѣвался въ костюмъ чернорабочаго и отправлялся на биржу, гдѣ нанимался на работы по нагрузкѣ судовъ.

Вѣроятно, ни въ то время, ни послѣ подобнаго грузчика на русскихъ судахъ не было...

Осенью 1867 года упомянутый выше пріятель Б. познакомилъ его съ уроженкой Крыма Маріей Евстафіевной Славинской, которая, какъ говоритъ самъ Владиміръ Константиновичъ въ одной неоконченной статьѣ, была больна тою же нравственною болѣзнью, какъ и онъ, хотя разумѣется, „не заходила такъ далеко въ своихъ стремленіяхъ и умѣла страдать по женски, молча, не становясь на ходули".

Она пріѣхала въ Петербургъ, чтобы пополнить свое образованіе и приготовиться къ практической жизни, которая дала бы возможность быть „самостоятельной и полезной людямъ", а потому, по пріѣздѣ въ столицу, принялась серьезно за умственную работу, при чемъ въ особенности старалась познакомиться съ положеніемъ женскаго вопроса въ Америкѣ, съ дѣятельностью американокъ въ дѣлѣ народнаго образованія и въ особенности на медицинскомъ поприщѣ. Подъ вліяніемъ мысли о выдающейся роли американской женщины, въ душѣ ея возникло желаніе переселиться въ великую заатлантическую республику, представляющую возможность женщинѣ быть свободной и полезной и не ограничивающей кругъ ея дѣятельности охраненіемъ только домашняго очага, а доставляющей ей и другія поприща, на которыхъ она можетъ примѣнить свои силы и способности... Познакомившись съ Маріей Евстафіевной, Владиміръ Константиновичъ увидѣлъ, что ея стремленія солидарны съ его идеалами, что она не похожа на остальныхъ его знакомыхъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, что она стремится къ независимости не для личнаго своего счастья, а чтобы при этомъ условіи быть полезной другимъ. Онъ видѣлъ, что многіе его друзья и знакомые, высказывая желаніе ѣхать въ Америку, преслѣдовали личныя цѣли, одни—надѣялись въ Америкѣ создать независимую, хорошую, т. е. вполнѣ буржуазную, безъ всякой нужды жизнь; другіе увлекались политической стороной американской жизни, преслѣдовали честолюбивыя стремленія, желая играть важную роль на политическомъ поприщѣ, представляя себѣ идущія за ними толпы народа, трибуну, сенаторское кресло и пр. Но не эти цѣли преслѣдовалъ Владиміръ Константиновичъ, имѣя въ виду переселиться въ Америку и менѣе всего увлекаясь политической дѣятельностью, потому что въ самой политической жизни великой республики онъ видѣлъ грязный омутъ, гдѣ каждый старается топить ближняго, чтобы самому легче было взбираться наверхъ. Бесѣдуя на эту тему со своими друзьями, онъ находилъ, что они ошибаются, полагая, что только сенаторы и полководцы дѣлаютъ дѣло, а остальная масса имъ безпрекословно повинуется. „Это можетъ быть вѣрно,—говорилъ онъ,— у насъ, но не въ Америкѣ, гдѣ каждый можетъ дѣйствовать, не скрывая своихъ убѣжденій и гдѣ люди, не мирящіеся со старымъ порядкомъ, могутъ открыто и честно проводить свои мысли". Стремясь въ Америку, онъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду цѣль — примкнуть къ одному изъ коммунистическихъ обществъ, чтобы не только жить и работать тамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „путемъ сравненія со старыми порядками основательно изучить общин-

ную жизнь и затѣмъ, сдѣлавъ надлежащіе выводы, провести идеи въ массу".

По его мнѣнію коммуна представлялась не только лучшею школою для воспитанія личности, для развитія соціальныхъ сторонъ характера, но вмѣстѣ и средствомъ для выработки лучшаго общественнаго устройства, путемъ постепенныхъ измѣненій въ личностяхъ и въ политическихъ учрежденіяхъ.

Постоянно сохраняя въ душѣ стремленіе переселиться въ Америку не для устройства личной жизни, не ради честолюбивыхъ цѣлей, а съ цѣлью перевоспитанія самого себя и воплощенія соціалистическаго идеала, Владиміръ Константиновичъ сильно мучился, что не можетъ найти вокругъ себя людей, такъ же мыслящихъ и такъ же чувствующихъ, какъ и онъ, съ такимъ же, какъ и онъ, пламеннымъ желаніемъ добра; онъ крайне скептически относился къ своимъ друзьямъ, изъявлявшимъ желаніе ѣхать съ нимъ въ Америку, полагая, что ему скоро по пріѣздѣ придется разойтись съ ними, вслѣдствіе несоотвѣтствія въ цѣляхъ. Въ виду этого у него стала являться нерѣшительность и неопредѣленность относительно отъѣзда. Встрѣча съ Маріей Евстафіевной положила конецъ этой нерѣшимости. Онъ увидѣлъ, что встрѣтилъ лицо вполнѣ родственной натуры, одушевленной такимъ же, какъ и онъ, страстнымъ желаніемъ добра людямъ, задыхающейся въ душной атмосферѣ и стремящейся вырваться на свѣжій воздухъ. Найдя по сердцу и по стремленію близкаго человѣка, Владиміръ Константиновичъ часто и откровенно бесѣдовалъ съ нею о предметахъ, интерессовавшихъ въ то время общество, и о томъ, что болѣе всего занимало его. Нельзя въ настоящее время передать многихъ подробностей ихъ разговоровъ, но большая часть велась на тему, которой въ такихъ чудныхъ стихахъ коснулся Некрасовъ:

„Нейди просторною
„Дорогой торною,
„Страстей раба,
„По ней громадная,
„Къ соблазну жадная
„Идетъ толпа.
„О жизни искренней,
„О цѣли выспренней
„Тамъ мысль смѣшна,
„Кипитъ тамъ вѣчная,
„Безчеловѣчная
„Вражда-война
„За блага бренныя...
„Тамъ души плѣнныя.
„Въ цѣпяхъ умы.
„Ключемъ кипящая,
„Тамъ жизнь мертвящая,
„Тамъ царство тьмы.
„Иные чистые, пути тернистые
„Обрѣтены..

„Да, пути обрѣтены, вопросъ что дѣлать рѣшенъ, но въ Россіи для этого работать очень трудно, даже невозможно". Такъ говорили въ то время Марія Евстафіевна и Владиміръ Константиновичъ, который сообщилъ ей между прочимъ и о своемъ намѣреніи ѣхать въ Америку. Бесѣдуя однажды о привлекательныхъ сторонахъ американской жизни, дающей возможность жить и дѣйствовать согласно убѣжденіямъ, Марія Евстафіевна спросила его, почему онъ медлитъ ѣхать.

— Пока не могу,—отвѣчалъ онъ,—дѣло черезчуръ сорьезное, требующее усилій болѣе чѣмъ одного человѣка!

— Ну такъ возьмите меня съ собой,—заявила Марія Евстафіевна.

— Это опасный шагъ для молодой, неопытной дѣвушки, подумайте хорошенько и тогда серьезно рѣшите... Но я буду счастливъ имѣть васъ товарищемъ... Хотя на всю жизнь,—прибавилъ онъ улыбаясь.

Марія Евстафіевна, недолго раздумывая, высказала рѣшеніе ѣхать съ Владиміромъ Константиновичемъ въ Новый Свѣтъ, чтобы посвятить себя вмѣстѣ съ нимъ трудному и тяжелому подвигу. Положеніе Владиміра Константиновича въ служебномъ отношеніи было прекрасное, онъ пользовался большимъ вниманіемъ въ высшихъ сферахъ. За годъ до отъѣзда въ Америку онъ полу-

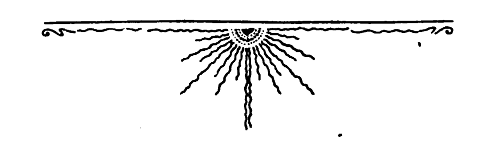
чилъ приглашеніе преподавать аналитическую геодезію въ инженерной академіи, но покончивъ съ педагогической дѣятельностью и имѣя въ виду полный разрывъ съ оффиціальнымъ міромъ, Владиміръ Константиновичъ отъ этого предложенія отказался; отказался онъ отъ другого, болѣе лестнаго и заманчиваго предложенія, которое сдѣлалъ ему братъ Александръ Константиновичъ, исходатайствовавшій для него мѣсто начальника военно - топографическаго депо въ Туркестанѣ, съ жалованьемъ около четырехъ тысячъ рублей, что въ то время считалось весьма значительнымъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1868 года Владиміръ Константиновичъ обвѣнчался съ Маріей Евстафіевной и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга заграницу.

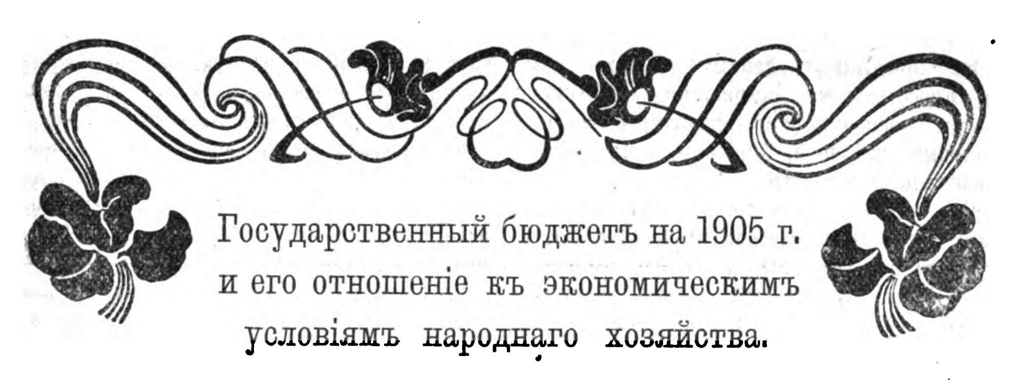
О своемъ намѣреніи навсегда покинуть Россію, какъ Марія Евстафіевна, такъ и Владиміръ Константиновичъ не говорили никому. чтобы, какъ объяснилъ Владиміръ Константиновичъ, не обращать свадьбы въ похороны, не печалить родныхъ и друзей, которые, провожая новобрачныхъ на Варшавскую желѣзную дорогу, полагали, что молодые супруги совершаютъ только послѣбрачное путешествіе.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, Владиміръ Константиновичъ послалъ оттуда прошеніе объ отставкѣ и, не дожидаясь увольненія, отправился съ Маріей Евстафіевной въ Америку, съ мыслью никогда не возвращаться въ Россію. Ему въ это время было около 29-ти лѣтъ, онъ былъ въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, и его ожидала самая блестящая будущность на военно-ученомъ поприщѣ, матеріальныя выгоды и почести, однимъ словомъ, все то, чего достигли потомъ его сверстники и товарищи. Но ни блестящая служебная карьера, ни выгодныя матеріальныя условія не соблазняли Владиміра Константиновича, воодушевленнаго совсѣмъ другими цѣлями, чѣмъ тѣ, которыя занимаютъ рядовыхъ, обыкновенныхъ людей, составляющихъ массу общества и живущихъ такъ, какъ всѣ живутъ. „Онъ, говоря словами друга его профессора Бизле, былъ преисполненъ въ то время тѣмъ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, который влечетъ иногда многихъ русскихъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ, отказаться отъ выгодъ и удобствъ своего положенія, чтобы раздѣлить судьбу бѣдныхъ, несчастныхъ людей. Только въ среднихъ вѣкахъ и можно найти подобные случаи, когда люди обезпеченные бѣжали въ монастыри, чтобы жить среди труда, лишеній и подвижничества ради спасенія души своей. Русскіе энтузіасты одушевлены совсѣмъ другимъ чувствомъ: они одушевлены горячимъ желаніемъ улучшить положеніе бѣдныхъ, обездоленныхъ классовъ... Что бы ни думали о принципахъ этихъ людей, но нельзя не удивляться ихъ искренности и энтузіазму... Они обуздали нѣкоторые изъ самыхъ могучихъ эгоистическихъ инстинктовъ, хотя не извлекали изъ своей побѣды ничего существеннаго“... Но эти послѣднія слова не могутъ относиться къ Владиміру Константиновичу, который, какъ увидимъ ниже, „изъ своей побѣды“ вынесъ много существеннаго, „но не для себя лично, а для другихъ“...

Н. В. Рейнгардтъ.

(До слѣд. №-ра).

Государственный бюджетъ на 1905 г. и его отношеніе къ экономическимъ условіямъ народнаго хозяйства.

(Окончаніе).

Чтобы судить о платежныхъ средствахъ населенія, достаточно прослѣдить по отчетамъ Контроля, какъ они туго поступаютъ въ кассы Казначейства. Такъ, въ 1899 г. причислено недоимокъ 135.623.075 р. погашено лишь 110,960.016 р., и исключены по Высочайшимъ повелѣніямъ, по безнадежности къ поступленію и по другимъ случаямъ 36.891.303 р., въ 1903 году вновь причислено 144.231.774 погашено 103.446.765 р. и вновь исключено по Высочайшимъ повелѣніямъ 33.403.910 р. Долговъ же съ недоимками исключено и сложено по разнымъ случаямъ за одинъ лишь 1903 г. на сумму 302.904.572 р. Задолженность населенія такова, что не покрываетъ даже срочныхъ обязательствъ по долгамъ, а послѣдніе, какъ мы видѣли, возрастаютъ настолько, что единственнымъ спасеніемъ можетъ быть только исключеніе безнадежныхъ долговъ, даруемое Царскою милостью.

При современномъ положеніи народнаго хозяйства врядъ-ли кто усомнится въ томъ, что казна можетъ отложить всякое житейское попеченіе увидѣть когда-нибудь этотъ долгъ 1.637 милл. въ своей кассѣ. Вѣроятнѣе же всего, чтобы компенсировать себя за потери, казна прибѣгнетъ къ старому испытанному средству—введенію новыхъ налоговъ. Но одно дѣло вводить налоги, а другое—получить ихъ. Выше было показано, какимъ путемъ погашаются долги населенія, обремененнаго непосильнымъ тягломъ податей. Въ этомъ можно видѣть много поучительнаго. Если казна можетъ списывать со счетовъ разныхъ долговъ на 303 милл., въ то-же время сводя свой кассовой сводъ съ наличностью въ 381 милл., какъ было въ 1903 году, то это лишь доказываетъ, что правительство признало долги населенія несоразмѣрными его средствамъ; въ сложеніи же недоимокъ не было бы нужды при пониженіи налоговъ. Что налоговое бремя у насъ дѣйствительно очень велико и совершенно несоразмѣрно денежнымъ средствамъ населенія, на это указываетъ, помимо поражающаго приведеннаго выше роста недоимокъ, еще слѣдующее сопоставленіе роста обложенія главныхъ предметовъ потребленія за послѣдніе 17 лѣтъ (1886—1903 гг.)

Доходы	1886 г.	1890 г.	1896 г.	1900 г.	1903 г.	% возрастанія.
Питейный	237,0	268,4	294,3	316,8	380,4	60
Табачный	20,2	27,8	35,1	41,2	49,	144
Сахарный	15,1	21,6	42,7	63,3	75,	397
Нефтяной	—	10,6	20,9	25,5	32,	213
Спичечный	—	4,7	7,3	7,4	8,	100
Таможенный	102,3	125,6	182,3	204,0	241,5	136
	374,6	458,7	582,6	658,1	785,9	109

Изъ приводимыхъ данныхъ видимъ, что по относительному возрастанію косвенные доходы распредѣляются такимъ образомъ: сахарный, нефтяной, табачный, таможенный, спичечный и питейный.

На душу населенія доходы отъ косвенныхъ налоговъ составляли въ 1871 г. около 3 р. 20 коп., въ 1896 г. 3 руб. 50 коп., въ 1890 г. 3 руб. 95 к. въ 1903 г. 6 руб. 20 к. За 17 лѣтъ съ 1886 г. по 1903 г. налоги возрасли на 106%. И это за періодъ времени съ неурожайнымъ 1891 годомъ, потрясшимъ въ основѣ крестьянское хозяйство и вызвавшимъ необходимость исключительныхъ мѣръ съ цѣлью избавленія главныхъ плательщиковъ налоговъ отъ разоренія.

Очень поразительное явленіе представляетъ наименьшее относительное возрастаніе у насъ питейнаго дохода (со включеніемъ дохода отъ казенной продажи питей).

Хотя абсолютно доходъ этотъ имѣетъ въ бюджетѣ первенствующее значеніе и достигъ въ 1903 г. огромной суммы 576.460.986 р., состоя изъ сбора съ питей 34.172.645 р. и изъ дохода отъ казенной продажи питей 542.288.341 р., но при расходахъ управленія казенной продажи питей 196.040.532 руб., чистый доходъ составилъ только 380.420.454.

Въ началѣ 80-хъ годовъ расходы взиманія акцизныхъ и разныхъ накладныхъ сборовъ составляли около 3% цифры доходовъ (См. Ежегодникъ министерства финансовъ, № 17), а сейчасъ можно убѣдиться, что они составляютъ 34%, и это потому, что высокіе налоги, а также сложное оборудованіе заводовъ, складовъ и торговыхъ заведеній естественно требуетъ большаго количества служащихъ съ разнообразными спеціальными познаніями для надлежащаго веденія сложнаго дѣла винной монополіи. Покойный министръ финансовъ Н. Х. Бунге, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1887 г. высказалъ слѣдующія соображенія: „Въ настоящую минуту я не осмѣливаюсь утверждать, что казенная монопольная торговля хлѣбнымъ виномъ можетъ разрѣшить задачу очень сложную, касающуюся и финансовъ, и сельскаго хозяйства, и народной нравственности“.

„Въ этой формѣ винная регалія существовала въ Россіи не разъ и при графѣ Канкринѣ была окончательно отмѣнена, вслѣдствіе, какъ деморализаціи, внесенной ею въ управленіе питейными сборами, такъ и уменьшенія доходовъ. Возможно ли устранить изъ казенной монополіи дурное и осуществить одно хорошее—это вопросъ, на который можетъ отвѣтить только практика“.

„Въ частности сомнительно, чтобы казенная монопольная торговля хлѣбнымъ виномъ увеличила финансовые рессурсы, обративъ прибыли настоящихъ продавцовъ хлѣбнаго вина въ доходъ казны. И продавцы казеннаго вина должны будутъ также производить расходы на наемъ помѣщенія, приказчиковъ, на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ и проч., а та доля прибыли, которая извлекается нынѣ въ раздробительной продажѣ посредствомъ злоупотребленій (подливанія воды въ вино, ростовщичества, обмановъ и проч.), въ казну, конечно, не поступитъ, и можетъ сдѣлаться только достояніемъ тѣхъ агентовъ правительства, которые не оправдаютъ его довѣрія“.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что совершенно справедливое мнѣніе, высказанное покойнымъ ученымъ въ концѣ 1886 г. не было принято въ соображеніе въ 90-хъ годахъ. Н. Х. Бунге не имѣлъ въ виду возможности возвышенія цѣнъ монопольной водки до теперешнихъ размѣровъ, а потому и считалъ, что казенная монопольная торговля виномъ не увеличила-бы финансовые рессурсы. Сейчасъ мы видимъ, что казенныя винныя лавки продаютъ обыкновенную водку по 7—8 руб. за ведро, т. е. по такимъ цѣнамъ, которыя допускаютъ возвышеніе акциза до 15 коп. съ градуса, а это составляетъ увеличеніе питейнаго налога на 50%. Не слѣдуетъ забывать, что при 9 к. акцизѣ водка ведрами въ центральныхъ губерніяхъ продавалась по 4 р. 50 к. до 4 р. 75 к. за ведро, а при 10 коп. акцизѣ цѣна была-бы 5 р. и до 5 р. 25 к. за ведро. Теперешнія же цѣны по крайней мѣрѣ на 2 руб. на ведро (5 коп. на градусѣ) выше нормальныхъ и являются страшно обременительными для населенія. Не видимъ-ли мы теперь подтвержденіе этихъ замѣчательныхъ историческихъ словъ покойнаго министра?! Вѣдь, конечно, введеніе казенной винной монополіи—это попытка казны переложить частную наживу отъ водки

въ казенный сундукъ. Но насколько она оказалась неудачной, ясно изъ слѣдующихъ сопоставленій.

Если-бы казна осталась при прежней акцизной системѣ, но повысила-бы акцизъ до теперешняго размѣра стоимости ведра вина, т. е. почти на 5%, то тогда она въ настоящее время получала-бы дохода больше на 40 милліоновъ рублей. До введенія винной монополіи доходъ казны отъ питейнаго дохода достигалъ 300 милл. руб.

За семь лѣтъ населеніе Россіи увеличилось на 10% (1,427) *), слѣдовательно, не будетъ ошибки увеличить въ этомъ-же минимальномъ размѣрѣ естественный ростъ потребленія. Тогда даже при прежнемъ акцизѣ доходъ увеличился-бы къ 1904 году до 330 милл. Но повышеніе акциза повысило-бы доходъ еще по крайней мѣрѣ на 40%, т. е. на (130 милл.—132 милл.) или 462 милл. Допустивъ даже, что расходы по надзору за изготовленіемъ и продажей вина повысились за это время втрое, получимъ ежегодный расходъ по взиманію налога въ $\left(\frac{462.000.000.9}{100}\right)$ 41.580.000 руб., а чистаго дохода (462 милл. — 41.580 т.) — 420.420.000 руб. И это при возрастаніи потребленія всего лишь на 10%, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности за это время благодаря урожайнымъ годамъ послѣдняго періода потребленіе возрасло на 26%. Мы предпочли взять наименьшую цифру, чтобы не быть обвиненными въ пристрастіи или широкомъ размѣрѣ.

Что-же видимъ? Теперь казна получаетъ дохода, какъ было показано выше, 380 милл., т. е. на 40 милл. менѣе того, что она получила бы при акцизной системѣ. Случилось въ дѣйствительности то, что предсказывали мудрые государственные люди. Оборудованіе сложныхъ заводовъ и складовъ и содержаніе дорого оплачиваемыхъ спеціалистовъ, техниковъ и цѣлой арміи служащихъ всегда обойдется казнѣ дороже, нежели частному предпринимателю. Кромѣ того, не мало обнаружено случаевъ злоупотребленій служащихъ при продажѣ вина.

Правда, качественно вино улучшилось, и продажа его обставлена съ внѣшней стороны лучше, но за то увеличилось число мѣстъ продажи и даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ были закрыты, по приговору мірскихъ сходовъ, трактиры и кабаки. А это врядъ ли способствовало поднятію престижа государственной власти среди населенія, которое все болѣе и болѣе начинаетъ проникаться сознаніемъ необходимости борьбы съ пьянствомъ, этимъ страшнымъ врагомъ здоровья и народнаго благосостоянія. Значительное сокращеніе потребленія спирта, замѣченное за послѣдній 1904 г., подтверждаетъ справедливость высказаннаго выше соображенія.

Противники казенной продажи питей увѣряютъ, что введеніе винной монополіи очень вредно отразилось на здоровьѣ населенія и на его нравственности. На первомъ, вслѣдствіе того, что водку стали пить, ничѣмъ не закусывая, между тѣмъ дѣйствіе алкоголя, не смягченнаго пищей, гораздо сильнѣе и вреднѣе; на нравственность казенная продажа водки оказываетъ дурное вліяніе потому, что располагаетъ къ домашнему пьянству, на глазахъ подростковъ и дѣтей.

Въ настоящее время казенная винная монополія введена во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи, за исключеніемъ Туркестана.

Но пойдемъ теперь далѣе. Какъ мы видѣли выше, изъ косвенныхъ налоговъ особенно значительную тенденцію къ возрастанію имѣетъ сахарный доходъ, почти 40%, и это явленіе нельзя обойти молчаніемъ.

Въ 1883 г. послѣдовало повышеніе акциза на сахаръ съ 50 коп. на 65 коп. на пудъ, въ 1888 г. этотъ налогъ былъ повышенъ до 85 коп., въ 1889 г. до 1 руб., въ 1892 г. до 1 р. 40 коп., въ 1893 г. до 1 р. 75 коп. на пудъ и остается въ этомъ размѣрѣ и сейчасъ. Какъ извѣстно, сахарная промышленность все время находится подъ особымъ покровительствомъ казны, которая введеніемъ нормировки сахара имѣла цѣлью поддержаніе, съ одной стороны сахарозаводчиковъ, а съ другой правильное распредѣленіе между потребителями всего производимаго заводами сахара, не допуская паденія цѣнъ до убыточныхъ для

*) См. ст. Покровскаго „Населеніе" Энциклопед. слов. Брокг. и Ефр. Т. XX. стр. 629. Естественная прибыль населенія (православнаго) въ 50 губ. Европ. Россіи на сто жителей. 1801 г.—1810 г.—1.66; 1811—20—1,35; 1821—30—1,52; 1831—40—1,20; 1841—50 г.—1,03; 1811—60 г.—1,30; 1861 — 70 г. — 0,32; 1871 — 80 — 1,36; 1881 — 90 — 1,45; 1891 — 1,44; 1892 — 0,48; 1893 — 1,38; 1894 — 1,42.

производителей размѣровъ и въ то-же время сохраняя цѣлость и устойчивость повышательной тенденціи сахарнаго акциза. Хотя въ офиціальныхъ сообщеніяхъ не разъ указывалось, что нормировка сахара имѣетъ въ виду интересы какъ производителей, такъ и потребителей, и какъ слѣдствіе того—пониженіе цѣнъ на сахаръ, но въ дѣйствительности цѣны на него вовсе не понижались, а огромные избытки сахара отправлялись за границу, благо на весь вывозимый сахаръ акцизъ слагается. Какъ это ни странно, но за русскаго потребителя по случайности заступились чужестранцы.

Согласно Брюссельской конвенціи, къ которой, однако, Россія не примкнула, всѣ страны сочли себя вправѣ облагать дополнительной пошлиной сахаръ, ввозимый изъ странъ, гдѣ введены вывозныя преміи. Россію признали въ Америкѣ принадлежащей къ этимъ послѣднимъ странамъ и на ея ввозимый сахаръ наложили дополнительную пошлину. Тщетно мы доказывали иностранцамъ, что у насъ нѣтъ вывозныхъ премій, а есть невзысканный акцизъ на вывозной сахаръ, лишній для внутреннихъ рынковъ; намъ не повѣрили и порѣшили считать возвращаемый акцизъ сокрытой вывозной преміей. Изъ-за обложенія нашего сахара Америкой чуть было не разгорѣлась настоящая таможенная война.

Въ отместку американцамъ, мы повысили пошлину на сталь, машины и др. издѣлія, но въ результатѣ наказали только самихъ себя. Такая богатѣйшая страна, какъ Америка, обойдется безъ насъ легко, намъ-же безъ ея машинъ нельзя обойтись и за нихъ пошлину придется доплачивать волей неволей тому-же русскому потребителю. Избытку сахара у насъ не вѣрятъ, такъ какъ знаютъ, что на Лондонской биржѣ русскій сахаръ продавался на 30% дешевле, чѣмъ въ Россіи, что въ свое время подало поводъ заморскимъ недоброжелателямъ злословить по адресу Россіи: „намъ предлагаютъ кормить свиней русскимъ сахаромъ въ то время, какъ въ русскихъ деревняхъ его даютъ дѣтямъ, какъ лакомство, да и то по большимъ праздникамъ"!

Правда, созданіемъ большой отпускной торговли сахаромъ имѣлось въ виду поправить нашъ разсчетный балансъ, на счетъ ввоза золота изъ заграницы за продаваемые товары. Но къ сожалѣнію, даже продавая продукты, безусловно нужные у себя дома, мы не въ состояніи конкурировать съ другими странами на международныхъ рынкахъ, въ виду общаго нашего не высокаго финансоваго и экономическаго положенія и слабаго развитія торговли и промышленности.

Акцизъ на табакъ былъ повышенъ съ 26 мая 1887 г. и съ тѣхъ поръ, повышаемый нѣсколько разъ, достигъ въ настоящее время чрезвычайно высокой и обременительной цифры. Въ 1886 г. онъ составлялъ 20,2 милл. р., теперь-же 49 милл. р.

Акцизы на нефтяныя масла и спички были введены съ 1888 года. Съ 1892 г. акцизъ на нефтяныя масла былъ повышенъ съ 40 на 60 коп., на спички акцизъ также подвергая измѣненію, конечно, въ смыслѣ возвышенія. Акцизъ на керосинъ въ 60 коп., удорожая таковой на 70 коп. въ пудѣ, лишаетъ крестьянъ возможности работать при освѣщеніи въ долгіе зимніе вечера, а сокращеніе труда несомнѣнно неблагопріятно отражается на крестьянскомъ бюджетѣ и народномъ хозяйствѣ.

Коснувшись акцизовъ, очень интересно разсмотрѣть нашъ таможенный тарифъ, чтобы судить о сравнительномъ обложеніи имъ населенія. Фискальныя пошлины и акцизъ не такъ обидны, если они не такъ высоки, но налоги, подобные нашимъ, прямо непосильны населенію. Съ 1877 года взиманіе пошлинъ стало производиться золотомъ, на которое въ то время лажъ доходилъ до 48%. Такое возвышеніе всѣхъ пошлинъ должно было, конечно, поднять таможенный доходъ и увеличить и безъ того уже очень высокія покровительственныя пошлины. Съ тѣхъ поръ не проходило года, чтобы пошлины на тѣ или иные предметы не были повышены, и лишь благодаря договору съ Германіей, въ 1894 г. послѣдовали небольшія сбавки съ пошлины на желѣзо и т. д., причемъ дифференціальныя пошлины по западно сухопутной границѣ были понижены до размѣра пошлинъ на привозимые моремъ товары. За послѣдніе 25 лѣтъ мы были свидѣтелями постояннаго возвышенія пошлинъ, причемъ это мотивировалось или желаніемъ оградить внутреннее производство отъ иностранной конкуренціи, или необходимостью увеличить таможенный доходъ.

При возвышеніи пошлинъ съ покровительственною цѣлью, возвышеніе таможеннаго дохода не всегда достигается, потому что покровительственныя пошлины способствуютъ увеличенію производства внутри страны, стало-быть, сокращенію привозовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ таможеннаго дохода. Чѣмъ выше покровительственныя пошлины, тѣмъ значительнѣе, конечно, переплаты населенія на всѣхъ предметахъ потребленія, при чемъ переплачиваемыя деньги идутъ не въ пользу казны, а въ руки частныхъ лицъ. Обложеніе высокими пошлинами желѣза и машинъ повлекло за собой удорожаніе орудій производства и устройство фабрикъ и заводовъ; возвышеніе пошлинъ на разное сырье удорожило стоимость издѣлій, за что, конечно, расплачиваться приходится опять таки потребителю.

Вотъ картина нашего таможеннаго тарифа на нѣкоторые товары въ 1868, 1877, 1891 и 1900 гг.

Съ фискальной цѣлью были обложены: чай, кофе, апельсины, каперцы, миндаль, орѣхи, корица, перецъ, ваниль, рожки турецкіе и т. д.; отчасти съ фискальной, а отчасти съ покровительственной цѣлью были обложены: сыръ, рисъ, сельди и т. д. Таможенныя ставки на перечисленные товары въ кредитныхъ рубляхъ и копѣйкахъ въ разные годы были слѣдующія.

	1868 г.	1877 г.	1891 г.	1900 г.
	въ кредитныхъ рубл. и копѣйкахъ за пудъ.			
Чай черный	15 р. 40 к.	22 р. 79 к.	31 р. 15 к.	31 р. 50 к.
„ цвѣточный	22 „ — „	32 „ 56 „		
Кофе сырой	1 „ 50 „	2 „ 22 „	4 „ 45 „	5 „ 85 „
„ жареный	1 „ 50 „	2 „ 22 „	5 „ 93 „	9 „ — „
Апельсины	— „ 25 „	— „ 37 „	1 „ 04 „	1 „ 57 1/2 „
Каперцы	1 „ — „	1 „ 48 „	2 „ 97 „	4 „ 50 „
Миндаль	1 „ 65 „	2 „ 44 „	2 „ 97 „	4 „ 50 „
Орѣхи	— „ 50 „	— „ 74 „	1 „ 48 „	2 „ 25 „
Корица	2 „ 50 „	3 „ 70 „	4 „ 45 „	6 „ 75 „
Перецъ	1 „ 50 „	2 „ 22 „	4 „ 45 „	6 „ 75 „
Ваниль	8 „ — „	11 „ 84 „	21 „ 96 „	32 „ 50 „
Турецкіе орѣхи	— „ 35 „	— „ 52 „	— „ 74 „	1 „ 12 1/2 „
Сыръ	4 „ — „	5 „ 92 „	8 „ 90 „	8 „ 10 „
Рисъ	— „ 50 „	— „ 74 „	1 „ 04 „	1 „ 05 „
Сельди въ мал. боченкахъ	— „ 10 „	— „ 15 „	— „ 40 „	— „ 60 1/4 „

Изъ приведенной таблицы видно, что сравнительно съ 1866 г. пошлины на перечисленные товары къ 1900 возрасли въ чрезвычайной степени, онѣ сильно возвысились даже сравнительно съ 1891 г.

Пошлина на черный чай по Европейской границѣ сейчасъ вдвое выше, чѣмъ она была въ 1868 г. По Иркутской таможнѣ пошлина на черный чай была 6 р. 30 к. въ 1868 г., 9 р. 32 к. въ 1877 г., 19 р. 50 к. въ 1891 г., 22 р. 50 к. съ 1899 г. и сейчасъ повышена до 25 р. 50 к. (кред.) съ пуда.

Пошлина на какао въ 1868 г. были 1 р. 50 к. съ пуда, съ 1900 г. 6 р. 75 к. На кофе пошлина сейчасъ почти въ 4 раза выше, чѣмъ она была въ 1868 г., на апельсины въ 6 разъ, на каперцы въ 4 1/2 раза и т. д. Сельди обложены пошлиной въ 60 3/4 коп. съ пуда, около 6 р. съ боченка, стоимость котораго тоже не выше 6 р. (шведскія и норвежскія). Наибольшія количества чая потребляются англичанами, 6,5 фунтовъ на жителя въ годъ; австралійцы, допускающіе привозъ чая безпошлинно, потребляются его по 8,5 фунтовъ; въ Голландіи потребленіе чая доходитъ до 1,7 фунтовъ; въ Соединенныхъ Штатахъ 1,2 фунта на жителя. Наше потребленіе, считая и кирпичный чай, составляетъ около 1 фунта на жителя. Потребленіе кофе наибольшее въ Голландіи по 18 фунт. на жителя; затѣмъ слѣдуютъ Соединенные Штаты съ 10,8 фунт. на жителя, потребленіе Бельгіи по

9,5 фунт. на жителя, Германіи—по 7 фунт., Франціи по 5,1 фунт., Австро-Венгріи по 2,3 фунта. Потребленіе кофе очень ничтожно и не превышаетъ 0,15 фунт. на жителя. Потребленіе Великобританіи составляло по 0,8 фунтовъ.

Пошлины на чай и кофе въ разныхъ государственныхъ были слѣдующія:

	На чай	На кофе
	кредит. руб. и коп. на пудъ.	
Европейская Россія . .	31 р. 50 к.	5 р. 85 к.
Франція. .	12 „ 78 „	8 „ 41 „
Англія. . .	8 „ 53 „	2 „ 13 „
Германія. .	7 „ 81 „	3 „ 10 „
С. А. Соедин. Штаты . .	7 „ 10 „	безплатно
Бельгія .	5 „ 66 „	— „ 61 „
Голландія .	3 „ 20 „	безплатно.

Наивысшая пошлина была у насъ въ Россіи, а между тѣмъ населеніе привыкло къ этому напитку и, будь чай дешевле, можно положительно сказать, что наше потребленіе быстро стало-бы возрастать. Общества трезвости во многихъ мѣстахъ открываютъ чайныя и это, конечно, очень хорошо, но еще гораздо лучше было-бы, если-бы у насъ чай былъ также дешевъ, какъ, напр., въ Англіи, гдѣ фунтъ чая стоитъ не дороже 2 милл., т. е около 85 коп. за нашъ фунтъ, и тогда чай вошелъ-бы въ общее употребленіе въ деревняхъ; сейчасъ-же, при пошлинѣ въ 80 коп. за фунтъ, чай для деревенскихъ жителей составляетъ предметъ роскоши. Высокая пошлина на кофе вліяетъ даже на потребленіе кофе во Франціи.

Размѣры пошлинъ на товары, перечисленные выше, не соотвѣтствуютъ покупательной способности населенія.

Производительность сельскихъ жителей сейчасъ даже ниже, чѣмъ она была въ 70-хъ годахъ, а между тѣмъ наши фискальныя пошлины стали въ 2-3 раза выше; наоборотъ, цѣна всѣхъ товаровъ, которые приходится покупать, искусственно поднята пошлинами. Такъ, пошлина на чай составляетъ до 150% его стоимости, кофе обложенъ пошлиной въ 100%, какао въ 60-70%, апельсины въ 109%, рисъ въ 70-100%, сельди въ 100% и т. д. Такія пошлины не могутъ быть названы иначе, какъ запретительными.

Еще болѣе обременительными для населенія являются покровительственныя пошлины, въ особенности тѣ, которыми облагаются орудія производства, машины, аппараты и всякое сырье. Эти пошлины потому ложатся на населеніе тяжелѣе пошлинъ на издѣлія, что, при дешевизнѣ сырыхъ матеріаловъ, цѣны издѣлій, благодаря внутренней конкуренціи, могли-бы понизиться, чего, при дороговизнѣ орудій производства, машинъ и сырья, не можетъ случиться. Повышеніе пошлинъ на желѣзо увеличило стоимость постройки фабрикъ и заводовъ, искусственное вздорожаніе хлопка и бумажной пряжи подняло стоимость производства хлопчато-бумажныхъ тканей, возвышеніе стоимости хлорной извести удорожило отдѣлку тканей, а дороговизна соды удорожила стоимость производства свѣчей, мыла, стекла и хрусталя и т. д. Насколько высоки пошлины на вышеуказанные товары, видно изъ слѣдующаго.

На чугунъ и желѣзо пошлина составляетъ отъ 70 до 120%, на мѣдь 40%, на хлопчатую бумагу 70%, на соду кристаллическую (цѣна въ Лондонѣ 50 коп., пошлины $90\frac{3}{4}$ коп.) 181%, на соду ѣдкую 90%, на хлорную известь 100%. Послѣдовавшее въ 1900 г. возвышеніе пошлинъ главнымъ образомъ было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы еще въ большей степени сократить привозы, потому что дальнѣйшее возвышеніе пошлинъ на хлопокъ, соду и хлорную известь могло отозваться вредно на русской промышленности. Впрочемъ, въ защиту послѣдней въ 1900 г. были возвышены пошлины на свѣчи, бумажную пряжу, хлопчато-бумажныя ткани, стеклянныя издѣлія и т. д.

Многія фискальныя пошлины, какъ намъ кажется, введены съ цѣлью сократить привозы, изъ боязни пассивнаго торговаго баланса. Старая идея, что будто въ случаѣ увеличенія привозовъ, отъ насъ увезутъ золото, до сихъ поръ пугаетъ еще очень многихъ, хотя примѣры богатыхъ странъ, привозящихъ всегда больше, чѣмъ онѣ вывозятъ, должны-бы убѣдить, что излишки привозовъ оплачиваются не золотомъ, а изъ другихъ источниковъ. Въ Англіи, напр., торговый флотъ даетъ большіе заработки населенію, и большія суммы привозовъ оплачиваются фрахтами и т. д. Задолженныя страны могутъ открыть границы, и все таки ихъ вывозы

должны превышать привозы; примѣромъ можетъ служить Индія, привозы которой всегда ниже вывозовъ, хотя таможенный тарифъ въ Индіи очень низокъ.

По разсчетному нашему балансу излишки нашихъ вывозовъ должны составлять, допустимъ, 100 милл. руб. въ годъ, а намъ хочется, чтобы они составляли 200 милл., но въ такомъ случаѣ чѣмъ-же намъ будутъ платить за излишніе вывозы? Очевидно, что если мы искусственно сокращаемъ привозы, то этимъ самымъ сокращаемъ и наши вывозы.

Намъ кажется, что деревня бѣднѣетъ подъ бременемъ налоговъ, и поднять благосостояніе населенія въ настоящее время возможно лишь путемъ путемъ пониженія непосильныхъ косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ, конечно, и правительственныхъ пошлинъ. Будемъ надѣяться, что на обременительность косвенныхъ налоговъ, которыми обложены всѣ предметы первѣйшей необходимости, имѣющіе массовое потребленіе, будетъ, наконецъ, обращено должное вниманіе. Этого требуетъ справедливое отношеніе къ плательщикамъ налоговъ, оплачиваемыхъ бѣднѣйшими классами наравнѣ съ богатыми.

Перейдемъ теперь къ обзору современнаго положенія народнаго хозяйства господствующаго у насъ земледѣльческаго класса населенія. Чтобы судить о томъ, какъ распредѣляется у насъ налоговое бремя по отдѣльнымъ классамъ населенія, слѣдуетъ остановить вниманіе на распредѣленіи у насъ главнаго народнаго богатства—земельной собственности. Данныя, взятыя изъ изданія Минист. Финансовъ „Россія въ концѣ XIX вѣка“, обнимаютъ собою пространство 49 губерній Европейской Россіи (безъ Финляндіи, Донской области, Царства Польскаго и Кавказа). Земель: а) принадлежащихъ государству 164,3 милл. гектаровъ (38,5%), б) принадлежащихъ удѣламъ 8 милл. гект. (1,9%), в) церквей, монастыр., городск. и проч. 9,4 м. г. (2,2%), г) крестьянскихъ общинъ 155,3 милл. гект. (34,3%), д) частныхъ собственниковъ 99 м. г. (23,1) всего 427,3 милл. гект.

II. Распредѣленіе частной личной собственности по сословіямъ владѣльцевъ:

	Число владѣльцевъ. Всего	Число владѣльцевъ. Въ % къ общему числу	Количество земли. Всего	Количество земли. Въ % къ общему колич.
Дворяне	114.716	23,8	79.931,390 гект.	79,8 [1])
Купцы	12.630	0,6	10.699,902 гект.	10,7
Мѣщане	58.004	12,1	2.086,241 гект.	2,1
Крестьяне	273.007	56,7	5.468,866 гект.	5,5
Остальн. сословія	22.934	4,8	1.892,989 гект.	1,9

III. Распредѣленіе частной собственности по размѣрамъ въ 49 губерніяхъ Европейск. Россіи:

	Лицъ:	У нихъ земли:
Мелкая (до 100 гектаровъ)	84,1%	6,8%
Средняя (100—1000 гект.)	2,6%	22,6%
Крупная (болѣе 1000 гект.)	3,3%	70,6%

IV. Распредѣленіе крестьянскихъ земель, (за исключеніемъ казачьихъ, земель колонистовъ и инородцевъ).

Въ общинномъ пользованіи 87.564,129 гект. = 80%.

Въ подворно-участ. пользов. 24.319,272 гект. = 20%.

Изъ этихъ данныхъ видно, что у насъ главнымъ собственникомъ земельнаго имущества является государство, владѣющее 38,5% всей земли. Вторымъ послѣ государства собственникомъ будетъ крестьянскія общины (34,3%) и третьимъ уже частныя лица. Наибольшую группу въ частной лич-

1) Эти данныя относятся къ началу 80 годовъ, теперь общая сумма дворянскихъ земель понизилась до 56 милліоновъ гектаровъ.

ной собственности составляютъ низшіе классы населенія, крестьяне (273.007) и мѣщане (58.004)—70% съ наименьшимъ количествомъ земли 7,6%, а наименьшую группу дворяне и купцы 24% съ землей 90%. Отсюда ясно, что главнѣйшими плательщиками налоговъ, связанныхъ съ землей и потребленіемъ, будутъ низшіе классы населенія, бюджетъ которыхъ несоизмѣримо ниже бюджета высшихъ классовъ, а налоговое бремя, одинаково упадая на высшихъ и низшихъ, будетъ совершенно незамѣтно для первыхъ и разорительно для вторыхъ. Единственный выходъ изъ такого ненормальнаго положенія это взиманіе налога соотвѣтственно бюджетамъ и по кадастрамъ, какъ это мы видимъ при подоходномъ налогѣ, но этого еще у насъ нѣтъ. Да и введеніе послѣдняго едва-ли желательно, при неослабѣвающемъ ростѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и регалій.

Земля служитъ главнымъ объектомъ обложенія для государственнаго, земскаго и мірского хозяйства. Хотя непосредственно государственный поземельный налогъ у насъ ничтожнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ государствахъ, тѣмъ не менѣе у насъ очень велико обложеніе потребленія, которое, естественно ложась на главнаго плательщика-крестьянина, является въ сущности обложеніемъ земли и земледѣльческаго труда. Кромѣ того, земля является главнымъ объектомъ обложенія для земства и мірскихъ обществъ.

Отсюда понятно, какое серьезное значеніе для плательщика-земледѣльца имѣетъ качество, количество владѣемой земли и степень обремененія ея долгами и налогами. Здѣсь считаемъ не безъинтереснымъ коснуться задолженности землевладѣнія и степени обремененія ея неуплаченными налогами или недоимочности плательщиковъ.

О возростаніи задолженности землевладѣнія можно судить изъ слѣдующихъ сопоставленій. Въ 1859 году, когда была прекращена выдача изъ бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, по 45 губерніямъ и областямъ Европейской Россіи состояло долговъ по ссудамъ подъ залогъ помѣщичьихъ населенныхъ имѣній свыше 425 милл. руб., къ 1902 году по 56 губерніямъ и областямъ на частно-владѣльческихъ земляхъ числилось долговъ современнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, государственнымъ и частнымъ 1.972 милл. руб., а къ 1905 году задолженность достигла суммы свыше двухъ миллiардовъ рублей. Но такъ какъ долги бывшимъ кредитнымъ установленіямъ были погашены путемъ выкупной операціи, то почти всю сумму современной задолженности можно разсматривать, какъ вновь образовавшуюся за указанный 45-ти-лѣтній періодъ времени. Особенно сильно увеличивается задолженность землевладѣнія за послѣдніе годы. За одно пятилѣтіе 1897—1902 она возрасла на 485 милл. т. е. почти на одну треть бывшей къ 1897 году суммы—1.486 милл. Изъ общаго количества всей частновладѣльческой земли 121.313.255 д. болѣе 60 милл., т. е. 50%, состоятъ въ залогѣ.

Правда, не лучше дѣло обстоитъ и въ сосѣдней съ нами Германіи, съ задолженностью землевладѣнія, достигшей колоссальной цифры 6 милл. марокъ (или трехъ миллiардовъ рублей), выдерживать которую становится трудно даже при высоко культурномъ населеніи и интенсивномъ хозяйствѣ. Не этимъ-ли объясняется бѣгство прусскаго земледѣльческаго населенія въ города и высокія боевыя пошлины Германіи на русскій хлѣбъ, при вопляхъ аграріевъ на безвыходность своего положенія?!

Если такова задолженность землевладѣнія, то не трудно составить себѣ понятіе о вызываемыхъ ею ежегодныхъ расходахъ, покрываемыхъ исключительно продажей сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Если задолженность достигаетъ двухъ миллiардовъ руб., то даже при минимальномъ размѣрѣ платежа въ 5%, ежегодныя уплаты составятъ колоссальную сумму 100 милл. р. Въ дѣйствительности-же уплаты срочныхъ платежей банкамъ значительно больше.

И все это должно быть покрыто великимъ для насъ господиномъ-урожаемъ. Но вѣдь это далеко не все, что ложится обязательнымъ расходомъ на землю. Земскія повинности также вѣдь покрываются тою-же землей исключительно.

Насколько легко Россіи расплачиваться продуктами земледѣлія, показываетъ нижеслѣдующее сопоставленіе данныхъ производства главнѣйшихъ продуктовъ потребленія населенія въ Россіи и въ Германіи. Среднія данныя производства, выведенныя изъ длиннаго періода лѣтъ, даютъ намъ такіе итоги производства въ милліонахъ гектолитровъ

	Рожь	Овесъ	Ячмень	Пшеница	Картофель	ВСЕГО
Россія	260	215	152	627	256	883
Германія	98	116	84	298	336	634

Другими словами, Россія производитъ перечисленныхъ зерновыхъ продуктовъ и картофеля 883 милл. гектолитровъ, въ то время какъ Германія 634 милл. т.-е. первая болѣе второй на 249 милл. гектолитровъ. Если переведемъ производство на душу населенія, считая послѣднее въ Россіи въ 127 милл. чел., а въ Германіи въ 55 милл. чел., то увидимъ, что въ то время, какъ на русскаго приходится 7 гектолитровъ, на нѣмца 11,5 гект., т.-е. въ полтора раза болѣе. Или, что тоже, русскій долженъ недостатокъ главныхъ пищевыхъ продуктовъ восполнять суррогатами ихъ или другими менѣе питательными продуктами. Этотъ выводъ показываетъ, что, благодаря часто бывшимъ у насъ неурожаямъ, а также экстенсивному хозяйству, относительное производство даже зерновыхъ продуктовъ у насъ слабѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ, болѣе культурныхъ странахъ, и что вывозъ хлѣба, которымъ у насъ любятъ зачастую гордиться, объясняется не столько дѣйствительнымъ избыткомъ его и богатствомъ производства, сколько нуждою и необходимостью продавать свое зерновое имущество для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей и уплаты налоговъ.

Не безъинтересно сдѣлать теперь попытку опредѣлить размѣръ долговъ и ежегодныхъ по нимъ платежей, падающихъ на одного жителя.

Долги эти трояка го рода (см. Отч. Госуд. Контр. за 1903 г.). Во 1-хъ долгъ государственный, платежи по которому производятся изъ обыкновенныхъ доходовъ, доставляемыхъ населеніемъ. Долгъ этотъ достигаетъ суммы 7.352 милл. р., а ежегодные по нему платежи 303 милл. р.

Долги населенія Государственному Казначейству выразились суммой 1.637.357.967 р. и, наконецъ, долги населенія по задолженности землевладѣнія составляютъ 2.100 милл. рублей.

Всего, слѣдовательно, долговъ, которыми обремененъ народъ 11.089.357.967 руб. Считая населеніе Россіи увеличившимся съ 1897 г. за 8 лѣтъ на 10%. т.-е. всего 138—140 милл. чел., узнаемъ, что на одного жителя приходится долговъ—80 руб. а если считать среднюю русскую семью, состоящей изъ пяти душъ, то долгъ одного двора, дома или семьи составляетъ 400 р. уплата %% которому изъ четырехъ годовыхъ составляетъ уже ежегодный расходъ въ 16 руб. Но, вѣдь кромѣ этихъ уже довольно высокихъ обязательныхъ долговъ, у каждаго имѣются свои, частные или личные, долги ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, земству, мірскимъ обществамъ по которымъ также уплачиваются проценты. Все это, въ связи съ высокимъ обложеніемъ потребленія, очень неблагопріятно отражается на всемъ народномъ хозяйствѣ, вызывая стѣсненіе и обѣдненіе малосостоятельныхъ классовъ населенія. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время, какъ во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ 4/5 всѣхъ налоговъ уплачивается состоятельными классами населенія, а 1/5 малосостоятельными, у насъ наблюдается обратное явленіе и гораздо болѣе половины всѣхъ налоговъ уплачивается низшими классами.

Изслѣдованіе экономическаго положенія русскаго народа приводитъ къ очень неутѣшительному выводу. При очень значительномъ обложеніи населенія налогами ростъ государственной задолженности неминуемо вызоветъ въ будущемъ еще большее усиленіе налогового бремени, а между тѣмъ уже и существующее обложеніе повлекло за собой неоплатную задолженность населенія. Средства народа, стоящаго еще на очень низкой степени культуры и ведущаго экстенсивное земледѣльческое хозяйство, крайне ничтожны, а потребленіе его, сравнительно съ другими европейскими народами, сведено до минимума человѣческихъ

потребностей. При такихъ условіяхъ залогъ будущаго преуспѣянія страны въ ея внутреннемъ обновленіи, въ болѣе широкомъ распространеніи образованія въ средѣ темныхъ массъ крестьянства и въ предоставленіи ему болѣе широкихъ правъ, нежели существующія, лишающія его личной иниціативы, свободы и гражданственности въ широкомъ значеніи этого слова. Достиженіе же всего этого возможно лишь при мирномъ культурно-экономическомъ развитіи всѣхъ мощныхъ силъ великаго русскаго народа. Пожелаемъ-же по этому въ этомъ году, какъ особеннаго счастья намъ, скорѣйшаго прекращенія раззорительной и кровопролитнѣйшей въ исторіи народовъ нашей войны съ Японіей, въ полной надеждѣ выйти изъ войны духовно-обновленными, съ достаточнымъ правосознаніемъ и гражданскимъ мужествомъ, чтобы совершить рядъ внутреннихъ реформъ, столь необходимыхъ для блага дорогой всѣмъ намъ родины.

П. Александровъ.

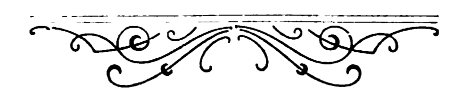
* * *

Носятся въ небѣ нестройной толпой
Тучи зловѣще-безшумныя.
Намъ ли вы бросили вызовъ на бой,
Небу-ль грозите, безумныя?

Пѣсня угрюмаго вѣтра страшна,
Вѣетъ тоской и отчаяньемъ.
О, какъ душа моя тяжко больна
Поздннмъ и горькимъ раскаяньемъ.

Лѣсъ не заснулъ въ эту ночь ни на мигъ,
Слушая пѣснь непогодную.
Соснами глухо качаетъ старикъ—
Словно мнѣ шепчетъ отходную...

А. Измайловъ.

Хроника русской жизни.

Коммиссія Шидловскаго.—Заявленія къ ней со стороны рабочихъ.— Избраніе депутатовъ.— Записка Собранія заводчиковъ и фабрикантовъ Министру Финансовъ.—Смерть Е. И. В. В. Князя Сергѣя Александровича.— Стачки въ Москвѣ и Провинціи.— Цензурныя кары по отношенію къ печати.—Финляндія.

---

29 января, спеціально для Петербургскихъ рабочихъ, Высочайше повелѣно было образовать особую коммиссію изъ чиновниковъ вѣдомствъ съ „представителями промышленниковъ, по ихъ выбору, и рабочими, по избранію самихъ рабочихъ". Предсѣдателемъ этой коммиссіи назначенъ Шидловскій. Эта коммиссія открыла свои занятія 6-го февраля, причемъ первымъ дѣломъ коммиссіи было составленіе списка фабричныхъ и промышленныхъ заведеній, съ подробнымъ указаніемъ состава администраціи и количества рабочихъ. „Число членовъ коммиссіи писали въ газетахъ—50—по назначенію правительства, 50—представителей отъ фабрикантовъ и столько-же отъ рабочихъ *) причемъ послѣднимъ не разрѣшено имѣть своими представителями лицъ интеллигентныхъ профессій".

„Занятія коммиссіи,—какъ сообщаютъ газеты,—будутъ носить анкетный характеръ. Представителямъ фабрикантовъ и рабочихъ дано право лишь совѣщательнаго голоса. Кромѣ того, въ качествѣ экспертовъ, приглашаются представители русскаго техническаго общества и общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Есть основаніе предполагать, что на такихъ же правахъ будутъ допущены представители союза инженеровъ.

Отъ имени г. Шидловскаго вскорѣ опубликовано объявленіе, опредѣляющее слѣдующій порядокъ избранія представителей промышленниковъ и рабочихъ для участія въ коммиссіи:

1. Право участвовать въ выборахъ предоставляется всѣмъ владѣльцамъ промышленныхъ заведеній, имѣющихъ не менѣе 100 рабочихъ.

2) Общему собранію означенныхъ владѣльцевъ предоставляется избрать изъ своей среды въ составъ коммиссіи 15 представителей.

Что касается выбора рабочихъ, то право участвовать въ выборахъ предоставляется рабочимъ всѣмъ промышленныхъ заведеній, имѣющихъ не менѣе 100 рабочихъ.

Примѣчаніе. Мастера, ихъ помощники и подмастерья къ участію въ выборахъ не допускаются.

Первоначально рабочіе избираютъ выборщиковъ въ установленномъ для каждаго заведенія числѣ. Этими выборщиками будутъ затѣмъ избраны въ коммиссію депутаты.

Рабочіе заведеній, имѣющихъ 100—500 рабочихъ, избираютъ одного выборщика; 500—1.000—двухъ; заведенія съ большимъ числомъ по одному на каждыхъ полныхъ 500.

Избраніе выборщиковъ назначается на воскресенье 13 февраля въ 9 ч. утра, въ спеціальныхъ отведенныхъ помѣщеніяхъ, куда доступъ постороннихъ лицъ воспрещается.

Избраніе представителей производится 18-го февраля, въ 3 часа дня, по каждой группѣ заводовъ отдѣльно въ спеціальныхъ отведенныхъ помѣщеніяхъ,

Общее число депутатовъ 54 человѣка.

Но еще раньше, какъ только узнали о назначеніи г. Шидловскаго, къ нему стали направляться депутаціи отъ рабочихъ. Такъ, 4-го февраля къ нему явились три депутата отъ рабочихъ с.-петербургскаго вагоно-

---

*) На самомъ дѣлѣ оказалось, что депутатовъ отъ рабочихъ больше чѣмъ втрое, нежели депутатовъ отъ хозяевъ.

строительнаго завода, со слѣд. заявленіемъ:

„Для того, чтобы наши нужды были правдиво и въ полномъ объемѣ представлены въ комиссію, по нашему мнѣнію необходимо: I. Немедленно открыть 11 отдѣловъ рабочихъ С.-Петербурга, закрытыхъ по усмотрѣнію администраціи, и предоставить право рабочимъ открывать новые отдѣлы по мѣрѣ надобности, собираться въ отдѣлахъ, ибо только при этой возможности могутъ быть обезпечены: 1) свободные отъ полицейскаго и предпринимательскаго давленія выборы представителей отъ рабочихъ; 2) постоянный обмѣнъ мыслей между представителями и рабочими и держаніе рабочихъ въ курсѣ работъ комиссіи, безъ чего въ рабочей массѣ будутъ циркулировать неправильные свѣдѣнія и слухи, могущіе затормазить правильный ходъ работъ комиссіи; II. Разрѣшеніе печатать безъ всякихъ изъятій постановленія и пренія въ собраніяхъ. III. Полная свобода слова въ собраніяхъ и неприкосновенность личности участниковъ собранія. Освобожденіе арестованныхъ товарищей, взятыхъ послѣ 1-го января 1905 года. IV. Предоставить рабочимъ уполномачивать на защиту своихъ интересовъ не только рабочихъ, но и другихъ лицъ, которыхъ рабочіе изберутъ въ комиссію.

„Только при наличности указанныхъ условій выборные представители рабочихъ явятся выразителями нуждъ всѣхъ рабочихъ С.-Петербурга. Иной порядокъ избранія представителей рабочихъ побудитъ насъ отказаться отъ участія въ комиссіи. Правда, заводская и фабричная администрація, при содѣйствіи полиціи, найдетъ возможность послать въ комиссію какихъ-либо рабочихъ, но мы считаемъ своимъ долгомъ,—заявили депутаты отъ имени своихъ товарищей,—заранѣе поставить васъ въ извѣстность, что такое представительство, какъ неспособное выяснить нужды и интересы рабочихъ, повлечетъ за собою лишь усиленіе волненія въ рабочей средѣ“.

Приблизительно такое же заявленіе поступило къ г, Шидловскому отъ рабочихъ фабрики Чешера (1 февр.), отъ рабочихъ Балтійскаго завода (6 февр.), отъ нѣкорыхъ фабрикъ и заводовъ Петербургской и Выборгской стороны и др.

Путиловскіе рабочіе просто заявили, что не могутъ выбирать депутатовъ, такъ какъ не увѣрены въ неприкосновенности послѣднихъ. Кромѣ того, на предложеніе полиціи все таки приступить къ выбору депутатовъ, они отвѣчали, что ими уже раньше были выбраны представители для переговоровъ съ администраціею завода, но они были арестованы, и теперь рабочіе не могутъ устраивать новыхъ выборовъ, тѣмъ болѣе, что съ закрытіемъ завода, у нихъ нѣтъ для этого и подходящаго помѣщенія.

Дѣйствительно, многіе заводы закрыты и по прежнему охраняются войсками. Шидловскій большею частью отвѣчалъ депутатамъ, что приметъ ихъ заявленіе къ свѣдѣнію, но относительно открытія Собранія рабочихъ прямо заявилъ, что это зависитъ не отъ него, а отъ генералъ губернатора.

Теперь не извѣстно, какъ пройдутъ выборы. Судя по сему, если и состоятся, то едва ли дадутъ к. н. результаты, такъ какъ, какъ мы видѣли изъ объявленія Коммиссіи, почти ни одно изъ заявленій рабочихъ, касающихся выборовъ, не исполнено.

Во всякомъ случаѣ дальнѣйшія работы Коммисіи Шидловскаго, безспорно, прикуютъ къ себѣ жгучее вниманіе общества.

Между тѣмъ на заводахъ по прежнему далеко не все спокойно. На Путиловскомъ, гдѣ 12 тыс. рабочихъ, работаетъ только одна треть.

Недавно директоръ С. Смирновъ вывѣсилъ здѣсь объявленія, гдѣ, упомянувъ о нѣкоторыхъ частичныхъ уступкахъ рабочимъ (вывѣшиваніе вѣдомостей задѣльныхъ цѣнъ, частичное увеличеніе платы, единовременная пособія въ размѣрѣ 4—6 руб. и пр.), заявилъ:

„Что касается до сдѣланныхъ рабочими заявленій, какъ-то: а) установленіи 8-часового рабочаго дня съ увеличеніемъ расцѣнокъ на 20 до 25 проц.; б) равномѣрнаго участія рабочихъ съ администраціею завода въ разрѣшеніи вопросовъ объ увольненіи рабочихъ и в) равномѣрнаго участія рабочихъ съ администраціей завода въ установленія расцѣнокъ, то таковыя желанія рабочихъ исполнены быть не могутъ“.

На другихъ заводахъ также далеко не все спокойно, и многіе изъ нихъ, напр.,

Резиновая Мануф., совершенно закрылись, предпочитая лучше закрыть заводъ, чѣмъ уступить требованіямъ рабочихъ.

Съ другой стороны недовольны и хозяева. Въ рядѣ совѣщаній о требованіяхъ рабочихъ, происходившихъ 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, и 18 января, они пришли къ заключенію:

1) Общій пунктъ предъявленныхъ рабочими требованій, именно: о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, объ участіи рабочихъ въ установленіи размѣра заработной платы, объ участіи рабочихъ въ регулированіи внутренняго распорядка промышленныхъ заведеній, объ уничтоженіи штрафовъ за прогулы и стачки—признанъ не подлежащимъ обсужденію.

2) Относительно требованій рабочихъ частнаго значенія, признано вообще несоотвѣтствующимъ входить въ обязывающія соглашенія съ рабочими впредь до общаго возстановленія работъ.

3) Признавая, что рабочіе были вовлечены въ настоящее движеніе причинами внѣшними и при томъ не экономическаго характера, собраніе единодушно констатировало отсутствіе взаимнаго озлобленія, а потому, идя рабочимъ навстрѣчу, постановило: а) не примѣнять въ данномъ случаѣ правилъ о штрафахъ за прогульное время; б) не принимать мѣръ къ обнаруженію зачинщиковъ и главарей стачки, в) давать средства для оказанія пособія семействамъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, пострадавшихъ во время безпорядковъ 9-го января.

4) Считая настоящую стачку рабочихъ народнымъ волненіемъ, нарушающимъ взаимныя правовыя отношенія, собраніе постановило не платить рабочимъ за время забастовки. („Веч. Почта").

5-го февраля депутація столичныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ представила министру финансовъ слѣдующую выписку:

„Вашему высокопревосходительству угодно было 24-го января созвать совѣщаніе С.-Петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ для выясненія настоящаго положенія на фабрикахъ и заводахъ С.-Петербурга, а также тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты теперь-же заводчиками по отношенію къ рабочимъ. Совѣщаніе это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и было истолковано въ томъ смыслѣ, что представители промышленности не желаютъ понять нуждъ и интересовъ рабочаго класса и ожидаютъ лишь уступокъ рабочихъ и мѣръ со стороны правительства.

„Собраніе заводчиковъ и фабрикантовъ, не желая оставить этотъ фактъ безъ надлежащаго разъясненія", и представляетъ послѣднія. По мнѣнію его, прежде всего „нормировка условій работы и выясненіе общихъ мѣръ, которыя могли-бы быть приняты въ удовлетвореніе нуждъ рабочихъ, представляется вопросомъ чрезвычайной сложности въ виду особенностей разныхъ отраслей промышленности и отдѣльныхъ предпріятій, и разрѣшеніе этого вопроса не можетъ послѣдовать такъ скоро, какъ этого бы хотѣлось при настоящихъ тревожныхъ обстоятельствахъ". Кромѣ того, „окончательное урегулированіе условій работы тѣсно связано съ крупными вопросами фабричнаго законодательства и административной практики". Что же касается той части требованій рабочихъ, которая относится къ чисто „домашнимъ заводскимъ дѣламъ", то хозяева вели и сейчасъ ведутъ переговоры съ рабочими. И хотя, какъ констатируетъ записка, —вмѣшательство органовъ администраціи ставитъ только одни затрудненія, увеличивающіяся еще отсутствіемъ у рабочихъ возможности открыто собираться и обсуждать свои нужды, тѣмъ не менѣе на нѣкоторыхъ заводахъ рабочіе и хозяева уже успѣли придти къ полному соглашенію.

Переходя затѣмъ къ рабочимъ волненіямъ, записка говоритъ: „Во всякой промышленной странѣ положеніе рабочаго класса находится въ полномъ соотвѣтствіи съ состояніемъ промышленности и общаго уровня культуры; желѣзный законъ спроса и предложенія и неотвратимыя условія конкурренціи не позволяютъ поставить промышленныхъ рабочихъ въ искусственныя, тепличныя условія. Министерство финансовъ освѣдомлено, что русская промышленность, къ сожалѣнію, не отличается той мощью, которая позволяла-бы безнаказанно обременять ее несоотствѣтствующими требованіями".

Записка констатируетъ полный упадокъ промышленности; металлич. промышленность, напр., даетъ 2—3% на капиталъ, и только нѣкоторые заводы, благодаря заказамъ на военныя нужды, сравнительно временно благоденствуютъ. Состояніе промышленности

тяжелое, и она даетъ рабочему то, что можетъ дать. „Съ развитіемъ народнаго образованія, съ увеличеніемъ и упроченіемъ благосостоянія населенія, съ ростомъ его потребностей поднимется и улучшится естественнымъ путемъ матеріальное положеніе рабочаго класса, а до тѣхъ поръ рѣчь можетъ идти лишь объ улучшеніи такихъ условій жизни рабочаго, которыя, при всей ихъ важности, почти не будутъ отражаться на его матеріальномъ благополучіи; эти условія и намѣчены правительствомъ въ предположенныхъ законодательныхъ работахъ".

= Заявили о своихъ претензіяхъ и городскіе служащіе (на бойняхъ). Ихъ заявленіе обсуждалось 1 февраля на экстренномъ засѣданіи комитета с.-петербургской мясной биржи съ участіемъ городского головы П. И. Лелянова и членовъ управы.

Рѣчь шла здѣсь о повышеніи платы рабочему персоналу бойни—главнымъ образомъ, бойцамъ. Послѣдніе прислали на собраніе своихъ представителей. Рабочіе жаловались на свое тяжелое положеніе, на дороговизну жизни и недостаточность получаемой ими заработной платы. На предложенный вопросъ, въ какомъ размѣрѣ они желаютъ прибавки, выборные просили позволенія посовѣщаться съ товарищами. Черезъ нѣкоторое время былъ полученъ отвѣтъ, что они желаютъ получать до 25 коп. съ головы. Въ настоящее же время они получаютъ жалованье, которое по разсчету составляетъ не болѣе 13—14 коп. за голову. Соединенное собраніе признало въ принципѣ справедливымъ увеличить плату, хотя въ меньшихъ размѣрахъ—20 к. съ головы. Рабочіе выразили свое согласіе. Вслѣдъ за ними явились рабочіе мелкаго скота съ тѣмъ же ходатайствомъ. Они просили повысить жалованье, не назначая поштучной палаты. Бойцы мелкаго скота получаютъ 25 р. Проектировано дать 35 р. Послѣдними заявили ходатайство—чернорабочіе. Городской голова обѣщалъ внести всѣ три петиціи на первое же засѣданіе думы.

— Въ разгаръ этихъ событій изъ Москвы пришло извѣстіе, что 4 февр. брошенной бомбой былъ убитъ Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ.

Оффиціальные свѣдѣнія сообщаютъ, что покойный въ третьемъ часу проѣзжалъ у Никольскихъ воротъ (въ Кремлѣ) мимо зданія судебныхъ установленій. За каретой Великаго Князя ѣхали два извозчика. На одномъ сидѣли двое мужчинъ, на другомъ ѣхали двѣ монахини. Карету Великаго Князя обогналъ лихачъ, на которомъ сидѣли двое мужчинъ, одѣтыхъ въ штатское платье (агенты сыскной полиціи). Едва карета миновала лихача, проходившій по площади неизвѣстный человѣкъ бросилъ подъ Великокняжескую карету бомбу. Произошелъ страшный взрывъ. Карета разлетѣлась на сотни кусковъ. Уцѣлѣли лишь дышла и два колеса. На снѣгу лежало страшно изуродованное тѣло Великаго Князя. Кто-то изъ подбѣжавшихъ къ мѣсту страшной катастрофы покрылъ окровавленное тѣло Великаго Князя своей шинелью. Невдалекѣ лежалъ тяжело раненый кучеръ. Сила взрыва была такъ велика, что одинъ изъ обломковъ кареты отлетѣлъ къ Царь-пушкѣ! Войлокъ, проложенный между стѣнками и обивкой кареты, разорвался въ мелкіе куски, которые подбирались сбѣжавшейся толпой. Всѣ стекла въ зданіи судебныхъ установленій выбиты. Черезъ двѣ-три минуты послѣ взрыва на мѣсто происшествія прибыла Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна и опустилась на колѣни у останковъ Августѣйшаго Супруга. Ѣхавшіе на извощикѣ тутъ-же задержаны. Кучеръ живъ. Въ 3 часа 20 минутъ прибылъ на мѣсто убійства московскій градоначальникъ, г.-м. Е. Н. Волковъ. Говорятъ, взрывъ былъ слышенъ даже за Москвой-рѣкой, въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города.

= Возвращаясь къ коммиссіи Шидловскаго, нужно сказать, что она, имѣя цѣль упорядоченіе вопроса о петербургскихъ рабочихъ, конечно, не касается рабочихъ другихъ районовъ. И потому мы видимъ, что тогда какъ въ Петербургѣ царитъ среди рабочихъ относительное спокойствіе, объясняемое ожиданіемъ результатовъ коммиссіи Шидловскаго, въ Москвѣ и провинціи стачки по прежнему ростутъ. Такъ, въ Москвѣ, на московско-виндавской жел. дор. продолжается забастовка. Изъ Москвы поѣзда не отходятъ. Два дня на вокзалѣ нѣтъ электрическаго освѣщенія.

На дверяхъ телеграфной конторы станціи „Москва" московско-казанской желѣзной дороги вывѣшено было слѣдующее объявленіе:

„Телеграфисты всѣхъ категорій, телефонисты и ремингтонистки, которые не вступили въ отправленіе службы съ 9-ти час.

утра сего 6-го февраля, уволены со службы. За полученіемъ разсчета управленіе дороги приглашаетъ этихъ лицъ явиться въ контору службы телеграфа, начиная съ 7-го сего февраля. Телеграфисты, состоящіе на учетѣ у комендантовъ станціи, должны представить свидѣтельства, выданныя взамѣнъ увольнительныхъ билетовъ".

Стачка распространилась и на М.-В.-Рыбинскую дорогу.

5-го февраля прекратили работу служащіе почти во всѣхъ московскихъ аптекахъ.

Требованія, предъявленныя въ большинствѣ аптекъ, сводятся къ слѣдущему:

1) семичасовой рабочій день, минимальные оклады жалованья: провизору—100 р., помощнику—75 р., ученику (начинающему)—45 р.; 5) рѣшеніе третейскимъ судомъ всѣхъ конфликтовъ, возникающихъ между содержателемъ аптеки и кондиціонирующимъ фармацевтомъ и т. п.

Многія, однако, аптеки скоро опять открылись, такъ какъ фармацевты получили въ нихъ удовлетвореніе своимъ требованіямъ. Въ нѣкоторыхъ аптекахъ требованія служащихъ были удовлетворены раньше, и потому въ нихъ работы не прекращались. Нѣкоторые аптекари, какъ сообщаютъ „Русск. Вѣд". обращались къ содѣйствію полиціи для прекращенія забастовки, но мѣра эта не имѣла успѣха.

═ Эстскія газеты сообщаютъ въ свою очередь о забастовкѣ въ *Ревелѣ* слѣд. подробности:

„Закрыты всѣ фабрики и другія торгово-промышленныя заведенія, а также типографіи. Газеты не появляются. Въ городѣ тревожное настроеніе. По улицамъ двигаются патрули солдатъ. Магазины и лавки позакрывались. Столкновеній съ забастовщиками не было". Ожидаются большія сходки рабочихъ.

За то *Ковно* понемногу принимаетъ обычный видъ: магазины и лавки открыты, движеніе конки возобновилось; работы въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ начались; въ театрѣ возобновились спектакли малороссовъ; губернская типографія и другія частныя также возобновили свои работы; только патрули изъ конныхъ драгунъ да взводы солдатъ на улицахъ, въ губернской типографіи, на электрической станціи придаютъ нѣсколько необычайный видъ нашему городу. Впрочемъ, „не смотря на сдѣланныя повышенія заводчиками и фабрикантами въ платѣ, рабочіе и 18-го января, на заводахъ братьевъ Тильмансъ (1800 чел. рабочихъ), Шувала „Марсъ" и др. не работаютъ. Прекращены занятія по настоянію рабочихъ другихъ заводовъ и на заводѣ Рекоша „Менерва". 18-го января утромъ у завода Тильманса, какъ сообщаетъ „Вил. Вѣст.", толпа рабочихъ около двухъ тысячъ человѣкъ была разогнана военной силой. Дѣйствовалъ эскадронъ драгунъ.

Отозвались забастовки Петербургскихъ рабочихъ и въ *Могилевѣ*.

„12-го января были прекращены работы въ типографіяхъ, механическихъ мастерскихъ, портняжныхъ, слесарныхъ и другихъ заведеніяхъ. Рабочіе, не предъявляя почти никакихъ требованій, спокойно покидали мастерскія и собирались на улицахъ небольшими группами. Заходили въ магазины и аптеки, склоняя служащихъ бросить торговлю и присоединиться къ нимъ На главныхъ улицахъ, въ мѣстахъ обычнаго скопленія публики, было увеличено количество городовыхъ. Порядокъ не нарушался вплоть до 23-го января, когда, около половины седьмого вечера, рабочіе попытались произвести демонстрацію. Большая толпа, среди которой были и учащіеся мѣстныхъ учебныхъ заведеній, выкинувъ красный флагъ и распѣвая революцюнныя пѣсни, двинулась по главной Садовой улицѣ. Когда полиція попыталась отнять флагъ и разсѣять толпу, въ нее было произведено нѣсколько выстрѣловъ изъ револьверовъ. Въ отвѣтъ на это выстрѣлила нѣсколько разъ и полиція. Городовые обнажили шашки. Одному реалисту было нанесена довольно серьезная рана шашкой въ голову".

„При помощи подошедшаго отряда солдатъ толпа была разсѣяна. Нѣкоторыя лица арестованы; между прочимъ, задержаны въ толпѣ два реалиста послѣдняго класса. Оба они, по постановленію педагогическаго совѣта, были немедленно исключены изъ своего училища.

═ „Сѣр. Зап. Кр." сообщаетъ, что 18-го числа съ утра началась забастовка въ *Шавли*. Забастовщики ходили по лавкамъ и промышленнымъ заведеніямъ, вербуя сторонниковъ и увеличивая число забастовщиковъ. Быстро выростая, толпа стала присоединять къ себѣ рабочихъ и съ фабрикъ. Между

прочимъ, забастовщики потребовали прекращенія уроковъ въ обѣихъ гимназіяхъ и во всѣхъ училищахъ. Первое засѣданіе стачечниковъ состоялось въ народной чайной, по словамъ казенныхъ сидѣльцевъ; рѣшено было водки и пива не пить и никого не обижать. Исправникъ пригласилъ на слѣдующій день гг. фабрикантовъ и представителей рабочихъ въ помѣщеніи управленія, гдѣ состоялось миролюбивое соглашеніе съ большими льготами для рабочихъ. Плата увеличена и рабочее время сокращено".

Затѣмъ стачка распространилось по Волгѣ и захватила *Казань, Самару и Саратовъ*. Вездѣ губернаторы опубликовали свои распоряженія, аналогичныя объявленіямъ С.-Петербургскаго градоначальника, предупреждая публику о стачкахъ и угрожая военной силой.

„Въ *Самарѣ*,—пишутъ въ „Наши Дни",—уже съ 14 января администрація разныхъ ранговъ стала готовиться: закрываются казенки, пивныя и чайныя, чтобы не дать рабочимъ столковаться о своихъ нуждахъ, военные патрули увеличиваются, а во дворѣ городской управы, юридическаго отдѣла и другихъ укромныхъ углахъ разныхъ частей города съ ранняго утра начали „на всякій случай" прятать довольно внушительныя воинскія команды запасныхъ артиллеристовъ. Словомъ, мѣры были приняты и обыватель сталъ ожидать, что вотъ-вотъ что-то разразится...

„Съ 16-го стали прекращать работы наборщики. 19-го января на всѣхъ столбахъ и заборахъ запестрѣлю объявленіе губернатора слѣдующаго содержанія:

„Подчиняясь внушеніямъ злонамѣренныхъ людей, руководимыхъ, между прочимъ, можетъ быть, и японцами, рабочіе нѣкоторыхъ заводовъ, типографій и т. п. промышленныхъ заведеній прекращаютъ работу и предъявляютъ къ своимъ хозяевамъ такія требованія, которыя ни по закону, ни по условіямъ производства не могутъ быть выполнены"... „Надѣюсь, что прекращеніе работъ продолжится недолго и не вызоветъ никакихъ другихъ безпорядковъ, такъ какъ всякіе безпорядки я обязанъ буду прекращать всѣми допущенными закономъ мѣрами, не исключая и содѣйствія военной силы". На слѣдующій день владѣльцы типографій и рабочіе собрались въ биржѣ для обсужденія степени возможности удовлетворенія выставленныхъ требованій.

„Послѣ довольно продолжительнаго обмѣна мнѣній, постановлено было: 1) установить 8-ми-часовой рабочій день, 2) отмѣнить штрафы, 3) увеличить расцѣнку текстового набора до 15 коп. съ 1,000 буквъ корпуса и 16 к.—петита, 4) улучшить помѣщенія типографій въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи, 5) установить болѣе опредѣленно дни выдачи заработной платы, 6) выдавать въ случаѣ болѣзни жалованье въ половинномъ размѣрѣ втеченіе 4-хъ мѣс., 7) при увольненіи указывать причины такового, 8) вѣжливое обращеніе обѣихъ сторонъ и 9) выдача вознагражденія за время забастовки".

Соглашеніе подписано 8 владѣльцами болѣе или менѣе крупныхъ типографій, причемъ губернская типографія рѣшительно отказалась подчиниться этому соглашенію, а администрація самой крупной типографіи, А. А. Левенсонъ (120 чел.) закрыла типографію до рѣшенія общаго собранія пайщиковъ. Какъ бы тамъ ни было, а работы въ типографіяхъ возобновились 22-го января на новыхъ началахъ".

Въ *Саратовѣ*, сверхъ обычно принятыхъ администраціей мѣръ, 18-го января, вечеромъ, во всѣхъ городскихъ церквахъ были совершены молебствія объ утишеніи страстей народныхъ.

„Духовенство въ своихъ проповѣдяхъ, обращенныхъ къ народу, касаясь совершающихся въ послѣднее время событій, просило народъ и, въ частности, рабочихъ успокоиться, приняться за свой обычный трудъ, не слушать разныхъ неблагонамѣренныхъ людей, старающихся возмутить спокойствіе общества и тѣмъ самымъ нарушить благожелательную работу правительства, направленную на улучшеніе быта всѣхъ русскихъ подданныхъ, къ какому-бы званію и общественному состоянію послѣдніе ни принадлежали,—и вѣрить, что нужды народныя—ближе всего сердцу Царя и поставленнымъ имъ людямъ, вѣдать послѣднія. 19-го января,—какъ сообщаетъ „Сар. Дн.",—молебствія эти происходили съ крестнымъ ходомъ".

Въ то же время о происшедшихъ забастовкахъ въ мѣстныхъ газетахъ появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе отъ 15-го января:

„14-го и 15-го января на саратовскихъ фабрикахъ и заводахъ, кромѣ казеннаго виннаго склада и трехъ частныхъ фабричныхъ заведеній, работы не возобновлялись. 15-го числа самовольно прекратили занятія ученики старшихъ классовъ 1-ой классической гимназіи и 1-го реальнаго училища. Довольно значительная группа этихъ учениковъ, войдя въ министерскую женскую гимназію, потребовала прекращенія въ ней занятій и затѣмъ толпою направилась къ Маріинской женской гимназіи. Здѣсь толпа остановилась передъ запертыми околоточнымъ надзирателемъ Савинецкимъ и двумя городовыми воротами гимназіи. Вслѣдствіе попытки учениковъ произвести надъ означенными полицейскими чинами насиліе, проѣзжавшій мимо гимназіи разъѣздъ казачьей полицейской команды изъ пяти казаковъ, подъ начальствомъ помощника пристава Логинова, разогналъ собравшуюся толпу, причемъ нѣкоторымъ изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній были нанесены удары. Явившемуся немедленно на мѣсто происшествія полиціймейстеру, при произведенномъ имъ разслѣдованіи, ни о какихъ ушибахъ заявлено, однако, не было".

„О непозволительномъ поведеніи учениковъ сообщено гимназическому начальству, а о неправильныхъ дѣйствіяхъ чиновъ полиціи, выразившихся въ непредъявленіи настойчиваго требованія къ собравшимся разойтись и въ непринятіи мѣръ къ задержанію виновныхъ, начальникомъ губерніи возбуждается преслѣдованіе въ установленномъ порядкѣ, и дѣло передается, для надлежащаго разслѣдованія, судебной власти".

Стачки распространились и на желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Но, по словамъ „Сар. Дн.", желѣзнодорожное начальство согласилось удовлетворить часть требованій служащихъ управленія, а именно — установленіе времени занятій не долѣе пяти часовъ, періодическія прибавки жалованья, минимальный окладъ жалованья въ 30 руб. (первоначально служащіе настаивали на 35 р.) и учрежденіе особаго посредническаго бюро, которое разсматривало-бы недоразумѣнія между служащими и начальствомъ.

„Забастовавшіе желѣзнодорожные рабочіе собрались 13-го января, въ 9 часовъ утра, въ помѣщеніи сборнаго цеха саратовскихъ мастерскихъ для выработки дальнѣйшей программы дѣйствій. Къ этому-же времени въ мастерскія явились для выслушанія претензій рабочихъ начальникъ мастерскихъ инженеръ Д. И. Сундечичъ, начальникъ депо—инженеръ Бенешевичъ и нѣкоторые изъ завѣдующихъ цехами мастеровъ.

Требованія рабочихъ главнымъ образомъ заключались въ уменьшеніи, до 8 часовъ, рабочаго дня, отмѣнѣ сдѣльныхъ работъ и повышеніи поденной платы до двойного размѣра противъ существующей и т. п.

„Начальникъ мастерскихъ сказалъ рабочимъ, что требованія ихъ будутъ немедленно представлены на усмотрѣніе высшей желѣзнодорожной администраціи, и, по всей вѣроятности, какія можно удовлетворить, будутъ удовлетворены".

„По окончаніи объясненія, рабочіе изъ мастерскихъ направились въ желѣзнодорожный паркъ, гдѣ ихъ поджидали другіе забастовщики, но у входа были встрѣчены казаками".

Въ сл. Покровской 12-го января было собраніе желѣзнодорожныхъ и заводскихъ рабочихъ, на которомъ рѣшено забастовать. На другой день прекратили работы покровскія желѣзнодорожныя, костемольный заводъ и типографія Платонова. Весь день и вечеръ 13-го января въ слободѣ прошли спокойно: вечеромъ по улицамъ и площадямъ не было обычнаго движенія.

На другой день послѣ прекращенія работъ (14-го января) половина мастеровыхъ и рабочихъ явилась на работу. Въ субботу, 15-го, работы возобновились во всѣхъ цехахъ, и всѣ получили установленную плату за недѣлю. Въ понедѣльникъ, 17-го января, работы продолжались, но 18-го числа всѣ цехи снова забастовали и работы прекратились. Въ Саратовѣ прекратились занятія въ управахъ: городской, уѣздной и губернской".

Не спокойно и *въ Севастополѣ*: здѣсь къ обычному объявленію о сборищахъ и способахъ разсѣянія ихъ градоначальникъ счелъ нужнымъ упомянуть о проискахъ японцевъ.

„Происками японцевъ и ихъ тайныхъ европейскихъ союзниковъ, въ С.-Петербургѣ, первопрестольной Москвѣ и другихъ городахъ происходили и до сего времени продолжаются забастовки рабочихъ", — начинается

его объявленіе. „Тяжело и горько должны отзываться въ сердцѣ каждаго истинно русскаго человѣка, преданнаго Царю и любящаго свое отечество, подобныя неурядицы въ обыкновенное время, а нынѣ въ особенности, ибо отечество ведетъ тяжелую войну съ Японіей, съ врагомъ, который хочетъ закрыть для Россіи путь къ нашей окраинѣ— Сибири и Тихому океану и всѣ торговые рынки заполнить товарами своего производства на Дальнемъ Востокѣ".

„Будемъ же надѣяться, что и теперь рабочіе не будутъ слушать и постараются избѣгать злонамѣренныхъ людей и враговъ отечества, которые нынѣ производятъ внутреннія смуты только лишь для пропаганды своихъ гнусныхъ цѣлей, а никакъ не изъ любви и желанія чѣмъ-либо помочь рабочимъ".

— Въ *Одессѣ* 19 января въ 10 час. утра въ центрѣ города, вблизи зданія полиціи, произведено покушеніе на жизнь одесскаго полиціймейстера, подполковника Головина. Когда экипажъ, въ которомъ находился Головинъ, поровнялся съ домомъ Папудовой на полицейской площади, неизвѣстный, съ виду рабочій, пропустивъ мимо себя экипажъ, выстрѣлилъ; пуля попала Головину въ правую лопатку. Злоумышленникъ бѣжалъ, но былъ задержанъ; личность не установлена. Здоровье полиціймейстера не внушаетъ опасенія; пуля не извлечена.

Сильно разросшееся стачечное движеніе вызвало распоряженіе департамента полиціи, который увѣдомилъ губернаторовъ, что до сего времени было установлено, чтобы главное артиллерійское управленіе отпускало оружіе и патроны учрежденіямъ не военнаго вѣдомства лишь при условіи требованія отпуска этихъ предметовъ центральнымъ управленіемъ того вѣдомства, которымъ возбуждено объ этомъ ходатайство. Въ настоящее же время предшествующій порядокъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что главному артиллерійскому управленію разрѣшено немедленно удовлетворять непосредственныя требованія мѣстныхъ властей, какими признаются: губернаторы, градоначальники и оберъ-полиціймейстеры. Отпускъ оружія и патроновъ производится для вооруженія чиновъ полиціи, причемъ выборъ оружія возложенъ опять-таки на мѣстныя власти".

— Между тѣмъ стачки охватываютъ все большій районъ. „Рижск. Вѣдом." сообщаютъ о возобновленіи стачки *въ Ригѣ*:

„Работы въ нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ снова прекратились. Между прочимъ, сегодня прекращены работы на одной изъ фабрикъ на выгонной дамбѣ. Есть заводы, не начавшіе работы еще съ первой стачки рабочихъ. Порядокъ у фабрикъ поддерживается наряженными полицейскими и войсковыми командами. Серьезныхъ столкновеній между стачечниками и поддерживающими порядокъ командами не происходило за послѣднее время".

— „Слово" сообщаетъ, что *въ Лодзи* продолжается общая забастовка, но порядокъ сохраняется. Въ Екатеринославѣ забастовали наборщики. Газеты не выходятъ. Телеграммы печатаются въ правительственной типографіи. Забастовали также рабочіе александровскаго, брянскаго и юзовскаго заводовъ. Полагаютъ, что къ стачкѣ примкнутъ также рабочіе прочихъ копей и заводовъ; порядокъ въ Екатеринославѣ до сихъ поръ нарушенъ не былъ. Въ посадѣ Клинцахъ толпа, состоявшая изъ 2.000 человѣкъ, разнесла почтамтъ, думу, разграбила винный складъ и перервала телеграфныя проволоки. Призваны были войска для возстановленія порядка. Въ Виндавѣ первыми забастовали рабочіе на элеваторѣ, предъявившіе рядъ требованій. Потомъ къ стачкѣ присоединились служащіе на желѣзной дорогѣ. Всѣ банки и торговли закрыты. Забастовщики не нарушали до сихъ поръ порядка; они собрались на торговой площади и здѣсь выразили свои желанія. Послѣ того, какъ имъ обѣщано было исполнить часть требованій, рабочіе съ элеватора принялись за прерванную работу. Не произошло никакихъ столкновеній. Въ Митавѣ забастовка продолжается. Возобновили работу только нѣсколько небольшихъ мастерскихъ. Въ Гомелѣ полиція нагрянула на собраніе бастующихъ ремесленниковъ. Чины полиціи произвели выстрѣлы, причемъ была убита одна дѣвушка. Четверо ранены. Забастовка продолжается".

— Продолжается забастовка рабочихъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ въ *Варшавѣ*.

„Переговоры рабочихъ съ фабрикантами пока не привели къ благопріятнымъ результатамъ. На главныя требованія рабочихъ— повышеніе заработной платы, уменьшеніе рабочаго дня, учрежденіе кассъ страхованія

на случай смерти и инвалидности, свобода обсужденія своихъ дѣлъ и интересовъ, — фабриканты заявляютъ: „Разрѣшеніе этихъ вопросовъ находится въ связи съ общимъ рабочимъ вопросомъ. Удовлетворить всѣ ваши требованія мы не можемъ“.

„Частичныя, однако, улучшенія положенія рабочихъ группами фабрикантовъ предлагаются. Улучшенія эти сводятся къ нѣкоторому повышенію заработной платы и, нѣкоторому также сокращенію рабочаго дня. Но ни то, ни другое не соотвѣтствуетъ требованіямъ, на которыхъ настаиваютъ рабочіе, а потому соглашенія еще не послѣдовало“.

Послѣ уличныхъ безпорядковъ 14 го—17-го января, сопровождавшихся учиненнымъ хулиганами и осуждаемыхъ рабочей массой разгромовъ лавокъ и магазиновъ,— печальное явленіе это болѣе не повторялось. Съ нѣкоторыми изъ хулигановъ расправились сами рабочіе, другіе были разогнаны полиціей и войсками.

„Больше случаевъ разгрома магазиновъ не было, за исключеніемъ одного только нападенія на оружейный магазинъ на Долгой улицѣ. Здѣсь было разграблено оружіе.

„Ходятъ слухи на-дняхъ возобновится общая забастовка. Въ виду этого многіе начали запасаться хлѣбомъ и другими предметами первой необходимости.

„Ожидается забастовка пекарей, которымъ владѣльцы пекаренъ отказали въ прибавкѣ жалованья, мотивируя свой отказъ необходимостью въ этомъ случаѣ сильно поднять цѣну на такой предметъ первой необходимости, какъ хлѣбъ. По даннымъ фабричной инспекціи, число рабочихъ фабрично-заводскихъ предпріятій въ Варшавѣ достигаетъ 40 тысячъ человѣкъ“.

Нападеніе 28-го января на магазинъ оружія Балинскаго на Долгой улицѣ вызываетъ въ городѣ массу толковъ. Дѣло обстояло такъ. Около 7 часовъ вечера въ магазинъ вошли 10 вооруженныхъ револьверами лицъ и потребовали выдать имъ оружіе. Служащіе магазина отказались исполнить это требованіе. Тогда компанія силой ворвалась въ оружія при магазинѣ и, забравъ 40 револьверовъ, быстро удалилась. Въ служащаго магазина Зелинскаго, пытавшагося отстоять магазинъ, сдѣлано три выстрѣла изъ револьвера. Случайный посѣтитель магазина, Глаковскій бросился защищать Зелинскаго. Ему нанесены двѣ раны. Компанія состояла изъ прилично одѣтыхъ молодыхъ людей“.

Въ оффиціальномъ „Варш. Дневникѣ“ помѣщено слѣдующее сообщеніе.

„Въ пятницу, 14 января, рабочіе на фабрикахъ и заводахъ начали работу въ обычное время, но уже съ 7 часовъ утра забастовало нѣсколько заведеній. Забастовавшіе начали обходить сплоченными группами другія промышленныя заведенія, гдѣ по ихъ требованію тотчасъ же прекращали работу, и рабочіе выходили на улицу“.

„Слухи о забастовкахъ вызвали панику среди мирныхъ жителей Варшавы, которые, опасаясь недостатка провизіи и воды, бросились запасать мясо, хлѣбъ, воду и уголь“.

„Къ 3 часамъ въ большинствѣ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ заведеній работы были прекращены, и рабочіе большими толпами начали бродить по прилегающимъ къ этимъ заведеніямъ улицамъ“.

„Всѣ винныя лавки были къ этому времени закрыты.

„Около 4 часовъ по полудни на углу Холодной и Вороньей улицъ собралась толпа около 1,000 человѣкъ. Изъ толпы стали бросать камни и стрѣлять въ нарядъ полиціи и пѣшихъ жандармовъ. Нарядъ былъ вынужденъ произвести отдѣльные выстрѣлы, коими убито двое неизвѣстныхъ изъ числа буйствовавшихъ. Толпа, замѣтивъ приближающіяся войска, разсѣялась.

„Другой случай нападенія толпы былъ на улицѣ Лешно, гдѣ толпа пыталась освободить 6 задержанныхъ, но была разсѣяна.

Всего къ вечеру 14 января забастовало въ Варшавѣ 15.000 рабочихъ.

Къ 10 ч. вечера толпы, бродившія по улицамъ рабочихъ кварталовъ, разсѣялись за исключеніемъ рѣдкихъ прохожихъ, на улицѣ видны были лишь патрули.

„Представленія въ театрахъ состоялись при небольшомъ числѣ зрителей.

„Съ утра 15 января на улицахъ города стали появляться небольшими группами забастовавшіе рабочіе съ значительной примѣсью профессіональныхъ воровъ, хулига-

новъ и уличныхъ подростковъ. Прохаживаясь по улицамъ, группы эти на виду у воинскихъ частей вели себя спокойно, но пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы безчинствовать, разбѣгаясь затѣмъ при появленіи воинскихъ частей.

„Безчинства начинались порчею телефонныхъ распредѣлителей, находящихся въ желѣзныхъ шкафчикахъ, разставленныхъ у троттуаровъ; затѣмъ, безчинствующіе стали обходить магазины, требуя ихъ закрытія, останавливали легковыхъ извозчиковъ, снимали съ нихъ ливреи и высаживали сѣдоковъ, побоями заставляя извозчиковъ отправляться домой. То же продѣлывалось съ ломовыми извозчиками и городскими посыльными. Съ угольныхъ возовъ, выѣхавшихъ съ Товарной станціи, толпою былъ расхищенъ уголь. Одновременно участники безпорядковъ принялись бить уличные фонари. Воинскіе патрули не успѣвали являться во всѣ тѣ мѣста, гдѣ производились безпорядки".

„Послѣ полудня безчинствующія толпы значительно увеличились, перейдя къ еще болѣе рѣзкимъ проявленіямъ насилія. Вагоны конно-желѣзной дороги были остановлены на окраинахъ, стекла въ нихъ перебиты камнями, пассажиры высажены, такъ что пришлось прекратить движеніе. Затѣмъ толпы бросились на казенныя винныя лавки въ разныхъ частяхъ города и разграбили ихъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ толпа оказывала вооруженное сопротивленіе, стрѣляя залпами.

„Съ наступленіемъ темноты, безпорядки еще болѣе усилились. Толпы, бродившія по улицамъ, слабо освѣщенный мѣстами газовыми фонарями, а мѣстами лишь разведенными по распоряженію полиціи кострами, принялись громить магазины, разбивая въ нихъ стекла и разбрасывая товары.

„16 января безчинства начались съ ранняго утра. Столкновенія воинскихъ частей съ толпой, стрѣлявшихъ въ нихъ изъ револьверовъ, оканчивались обыкновенно послѣ перваго же залпа разсѣяніемъ безчинствующихъ, стремившихся унести съ собою раненыхъ и убитыхъ, почему установить точную ихъ цифру не представляется возможнымъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, убито всего за три дня безпорядковъ 60 человѣкъ, раненыхъ зарегистровано 69. Задержано до 300 чел."

„При усмиреніи безпорядковъ изъ чиновъ полиціи, жандармовъ и войсковыхъ частей ранено 7 человѣкъ, изъ нихъ 1 жандармъ и 1 городовой—тяжело".

„17 января, съ утра, на улицахъ появились вагоны трамвая и извозчики. На улицахъ спокойно. Столкновеній воинскихъ частей съ толпою не было.

По полученнымъ за послѣднее время свѣдѣніямъ забастовка распространилась на фабричныя и промышленныя заведенія Лодзи и нѣкоторыя фабрики и заводы Радомской и Калишской губерній".

Въ томъ же „Варш. Дн." напечатано: „По имѣющимся свѣдѣніямъ 25-го января въ Варшавѣ забастовавшіе рабочіе еще не приступили къ работамъ на большихъ фабрикахъ и заводахъ; въ мелкихъ мастерскихъ работы уже начались. Настроеніе рабочихъ, пріостановившихъ работу, въ общемъ спокойное. По свѣдѣніямъ, полученнымъ 25-го января изъ провинціальныхъ городовъ привислинскаго края, положеніе дѣлъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ городѣ Радомѣ большинство рабочихъ явилось на работы; въ г. Островцѣ часть рабочихъ также приступила къ работамъ. Въ г. Люблинѣ полное спокойствіе, и забастовка прекратилась. Въ г. Кѣльцахъ и въ Кѣлецкой губерніи все спокойно Въ Сосновицкомъ районѣ забастовка продолжается; столкновеній съ полиціей и войсками не было. Въ Радомской губерніи, Конскаго уѣзда, на узловой станціи „Скаржиско" 22-го января произошла демонстрація, вызвавшая столкновеніе 1,500 рабочихъ съ войсками, которыя были вынуждены прибѣгнуть къ оружію. Убито 24, ранено около 40 чел. Въ сѣдлецкой губ. и въ г. Сѣдлецѣ спокойствіе возстановлено; войсковыя части возвращены въ Сѣдлецъ; на фабрикахъ начались работы. Въ Плоцкой губерніи на нѣкоторыхъ заводахъ рабочіе забастовали, но порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ. Въ Калишѣ и калишской губерніи спокойно; фабрики работаютъ, лавки открыты. Въ варшавской губерніи фабрики и заводы постепенно начинаютъ возобновлять свои дѣйствія; многіе рабочіе по частямъ возвращаются къ своему труду.

= Забастовка распространилась потомъ на Брянскіе заводы. Но „все время рабочіе

вели себя очень корректно. Никакихъ безпорядковъ не было".

= Наконецъ, Варшава стала принимать свой обычный видъ, хотя нѣкоторые магазины все еще закрыты, и двери ихъ заколочены досками. Очевидцами сообщаются нѣкоторыя любопытныя сцены, пишутъ въ „Словѣ". „Вотъ напр., мальчишка старается разбить фонарь, но сразу не можетъ справиться со своей добычей и ворчитъ: „какъ трудно бить, а платятъ всего по копѣйкѣ!". Толпа расхищаетъ магазинъ механической обуви; рабочіе отнимаютъ у грабителей краденую обувь, изрѣзываютъ ее ножами.

= Сильное волненіе царитъ и *въ Лодзи*. „Русскимъ Вѣдомостямъ" сообщаютъ оттуда отъ 20-го января: „Броженіе среди лодзинскихъ рабочихъ стало принимать конкретную форму съ 13-го января, когда къ вечеру толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ отправилась къ полиціймейстеру и вручила ему черезъ выборныхъ петицію. На другой день, 14-го января, фабрики одна за другой прекратили работу. Къ вечеру 15-го стачка выражалась уже огромной цифрой 100.000 рабочихъ. Движеніе на улицахъ прекратилось. Электрическіе трамваи не дѣйствуютъ. На главной улицѣ—Павловской—и болѣе оживленныхъ сосѣднихъ—витрины въ магазинахъ заколочены и лавки закрыты. Стачка распространялась быстро. Рабочіе при появленіи товарищей спокойно оставляли работы... Въ Лодзь вызваны изъ Ловича—39-й томскій пѣхотный полкъ, изъ Скерневицъ — 38-й тобольскій полкъ и 54-й драгунскій полкъ. Части войскъ обходятъ весь городъ. Время отъ времени появляются казаки. Среди жителей распространяется паника, такъ какъ появились слухи о возможности избіенія евреевъ. Слухи эти энергично опровергаются рабочими. 17-го было опубликовано объявленіе петроковскаго губернатора, въ которомъ рабочіе призываются къ возобновленію работъ. Въ объявленіи между прочимъ говорится: „Силой вы ничего не сдѣлаете. Всякое насиліе будетъ подавлено силою оружія. Войска безъ вызова съ вашей стороны стрѣлять не будутъ. Но помните: если вы проявите буйство и безчинство, войска не поколеблются. Будетъ много жертвъ и несчастныхъ".

= Обще рабочее движеніе не минуло и *Гродненской губерніи*. Началось съ самой Гродны, гдѣ забастовали рабочіе на нѣсколькихъ фабрикахъ, между прочимъ, пекари, такъ что одно время замѣчался недостатокъ въ хлѣбѣ. Но такъ какъ самая крупная фабрика, именно, табачная фабрика Шерешевскаго, къ забастовкѣ не примкнула, то начавшіяся было волненія не приняли крупныхъ размѣровъ. Для успокоенія, однако, безпорядковъ были привлечены войска въ небольшомъ количествѣ, къ дѣйствію оружіемъ не прибѣгавшія. Спокойствіе возстановилось. По городу разъѣзжаютъ казацкіе патрули. Болѣе серьезные размѣры волненія приняли въ мѣстечкѣ Крынкахъ, гродненскаго уѣзда,—довольно крупномъ фабричномъ центрѣ. Въ понедѣльникъ, семнадцатаго января, по мѣстечку начали ходить группы рабочихъ, требовавшихъ забастовки. Къ нимъ стали присоединяться другіе. Работы на заводахъ прекратились. Къ вечеру волнующаяся толпа разрослась, а на слѣдующій день напала на волостное правленіе, гдѣ переломала весь инвентарь и уничтожила бумаги и книги. Зданіе почтоваго отдѣленія подверглось также внутреннему разгрому. Въ казенной винной лавкѣ они сломали прилавокъ и перебили стекла. Когда послѣ этого въ Крынки пришли войска, демонстранты вышли имъ на встрѣчу съ краснымъ флагомъ и запрещенными пѣснями. Войска окружили ихъ, но до выстрѣловъ дѣло не дошло. Толпа сдалась. Произведено много арестовъ. („С. З. Край").

= *Минскъ*. Забастовка коснулась и уѣздныхъ городовъ Минской губерніи. Въ Бобруйскѣ, кромѣ заводскихъ рабочихъ, забастовали всѣ ремесленники, приказчики и лица свободныхъ профессій. Учителя прекратили занятія съ учащимися. Въ Борисовѣ забастовали рабочіе спичечныхъ фабрикъ. Забастовка продолжалась одинъ день. Въ Мозырѣ забастовка приняла массовый характеръ и охватила всѣ промышленныя предпріятія.

= Получены свѣдѣнія о забастовкахъ изъ Пинска, Кайданова и другихъ городовъ Вездѣ „забастовки продолжались по два, три дня".

= Въ Радомской губерніи, Конскаго уѣзда, на узловой станціи „Скаржиско", 22-го января произошла демонстрація, вызвавшая столкновеніе 1500 рабочихъ съ войсками, которыя были вынуждены прибѣгнуть къ оружію. Убито 24, ранено около 40 человѣкъ".

= Въ *Воронежѣ*, по словамъ „Дона".

началась забастовка въ управленіи юго-вост. ж. д. „4-го февраля, въ 12 часовъ дня, служащіе всѣхъ конторъ управленія дорогъ, центральнаго телеграфа и товарной конторы станціи „Воронежъ", также контора воронежскихъ мастерскихъ внезапно прекратили свои служебныя занятія".

= Но главнымъ образомъ по прежнему бастуютъ рабочіе. Постепенно забастовки охватываютъ всѣ промышленные центры. Теперь забастовалъ и *Иваново-вознесенскій* промышленный районъ. Началась забастовка съ с. Кохма. Здѣсь пріостановились работы на фабрикѣ Ясюнинскихъ—до 3,000 человѣкъ, Щербакова—до 1,000 чел. и другихъ. Общія требованія рабочихъ—введеніе 8-часового рабочаго дня, повышеніе расцѣнокъ на 20%, уничтоженіе штрафовъ и отмѣна каморочнаго сбора,—плата за квартиры въ фабричныхъ казармахъ, достигающая теперь 60 коп. съ человѣка. Рабочіе держатся спокойно и трезво.

Въ самомъ Иваново-Вознесенскѣ забастовало около 300 литейщиковъ въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Забастовщики пошли по фабрикамъ, намѣреваясь вызвать всеобщую стачку. Казаки разсѣяли толпу. Многіе рабочіе пострадали. Два дня спустя литейщики стали на работу.

Въ Ковровкѣ послѣ получки рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ — до 1,500 рабочихъ—предъявили начальству требованія: ввести 8-часовой рабочій день, нормировать сверхъурочныя работы и т. п. 18-го января въ Ковровъ прибыли изъ Владиміра 4 роты и оцѣпили фабрику Треумова.

Во владимірскомъ желѣзнодорожномъ депо —до 80 человѣкъ — администрація послѣ получки распустила рабочихъ на одинъ, желая этой мѣрой предотвратить возможную забастовку.

Въ Орѣхово отправленъ батальонъ изъ Владиміра. Затѣмъ вызвано подкрѣпленіе. Забастовала крупная фабрика Викулы Морозова.

= Наконецъ, волненія широко разлились по Кавказу и даже проникли въ Сибирь.

Относительно безпорядковъ на Кавказѣ, въ офиціальной газетѣ „Кавказъ" напечатано: „21 января, вечеромъ въ г. Тифлисѣ агитаторы стачки усиленно разбрасывали противоправительственныя прокламаціи. 22 числа стачка рабочихъ продолжалась, но день прошелъ спокойно. Въ воскресенье 23 января сталъ замѣчаться все увеличивающійся притокъ рабочихъ въ районѣ Головинскаго проспекта, Солдатскаго базара и Эриванской площади.

„Около 12 час. дня изъ Театральнаго пер., рядомъ съ казеннымъ театромъ, внезапно выбѣжала на Головинскій проспектъ толпа, къ которой немедленно присоединились находившіеся по близости рабочіе. Манифестанты, числомъ до 300 чел., выкинули красный флагъ, стали разбрасывать во всѣ стороны прокламаціи и открыли стрѣльбу изъ револьверовъ въ чиновъ полиціи, которые бросились отнимать знамя... Безпорядокъ продолжался не болѣе пяти минутъ. Толпу манифестантовъ, изъ которыхъ многіе были вооружены, быстро разсѣяли чины городской полиціи и полицейской стражи. Тридцать манифестантовъ были задержаны; поднято два мѣшка прокламацій. Вслѣдъ за симъ на мѣсто происшествія прибыли казаки и воинскія части, но въ дѣйствіи оружіемъ съ их стороны надобности не представилось"...

„Забастовка по линіи кавказскихъ желѣзныхъ дорогъ за послѣдніе дни продолжаетъ распространяться. 22 января забастовали всѣ стрѣлочники и сторожа на станціяхъ Квалони, Нигоити, Саджевахо, Копитнаря, Абаша и Чалодили; на станціи Поти съ того-же числа забастовали, сверхъ портовыхъ рабочихъ, марганцевые рабочіе, а съ 23 января всѣ машинисты маневренныхъ паровозовъ, которые были брошены холодными на путяхъ и въ депо".

Въ Елисаветполѣ, по словамъ того же „Кавказа",—рабочіе мѣстнаго желѣзнодорожнаго депо, свыше 200 человѣкъ, прекратили работы и предъявили требованіе объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія, а къ вечеру, подъ угрозами и насиліемъ со стороны забастовщиковъ, покинули посты и прочіе низшіе желѣзнодорожные агенты. 26-го января забастовка распространилась на Чіатуры. 28-го января утромъ въ Квириллахъ толпа забастовщиковъ намѣревалась устроить манифестацію, но при началѣ шествія по улицамъ мѣстный полицейскій стражникъ, при столкновеніи избитый толпой, произвелъ два выстрѣла; одинъ изъ манифестантовъ оказался тяжело раненымъ; толпа разбѣжалась".

= „Съ 26-го января въ Баку возобнови-

лась забастовка служащихъ во всѣхъ типографіяхъ, вновь повлекшая за собой прекращеніе выхода мѣстныхъ газетъ. Съ 28-го января къ забастовавшимъ присоединились рабочіе двухъ заводовъ; безпорядковъ не было".

= „Въ Батумѣ, 25-го января, были прекращены работы на всѣхъ заводахъ, лавки и магазины были открыты мѣрами администраціи; извозчики не выѣхали на биржу; 26-го января, въ виду принятыхъ мѣръ, магазины и лавки были съ утра открыты, часть извозчиковъ выѣхала на биржу; на одномъ пароходѣ русскіе рабочіе подъ охраной возобновили работы. Около 6 час. вечера того же дня тремя подошедшими рабочими былъ убитъ старшій городовой Кондратевичъ; убійцы бѣжали. 28-го января оставила работы прислуга частныхъ лицъ и гостиницъ".

= „Въ Катаисѣ безпорядки начались съ 19-го числа, когда вечеромъ около 6 часовъ изъ толпы, расходившейся съ городского бульвара (гдѣ передъ этимъ происходило катаніе на саняхъ и игра въ снѣжки), выдѣлилась группа молодежи около 100 человѣкъ, которые съ пѣніемъ „Марсельезы", криками и свистами направились по гимназической улицѣ, повернули по Михайловской улицѣ, мимо городской управы, къ пассажу; здѣсь толпа манифестантовъ была встрѣчена чинами полиціи и повернула на Зеленый базаръ, перешла въ Зарѣчный участокъ, гдѣ и была окончательно разсѣяна. По пути толпой были разбиты уличные фонари и стекла въ магазинахъ, городской управѣ, театрѣ, мужской гимназіи и въ аптекѣ Религіони. Изъ манифестантовъ было задержано 7 человѣкъ. На слѣдующій день такая же толпа до 100 человѣкъ молодежи пробовала повторить прежнюю манифестацію, но близъ гостиницы „Россія", бывшіе наготовѣ стражники немедленно разсѣяли толпу, которая успѣла разбить лишь нѣсколько фонарей. Задержано было 40 человѣкъ. 25-го января въ Кутаисѣ вновь произошли уличные безпорядки, немедленно прекращенные мѣрами полиціи".

= О безпорядкахъ въ Томскѣ въ газетахъ имѣются слѣд. оффиціальныя свѣдѣнія. „Университетъ и технологическій институтъ, по распоряженію учебной администраціи, закрыты съ 19-го января на неопредѣленное время.

„При входѣ во всѣ городскія промышленно-фабричныя заведенія расклеены также объявленія отъ г. и. д. губернатора, которымъ онъ, въ виду возникшей забастовки рабочихъ, приглашаетъ ихъ въ теченіе двухъ сутокъ добровольно стать на работы или получить расчетъ.

„Всѣ приведенныя распоряженія вызваны уличной демонстраціей 18-го января. Всѣхъ участниковъ демонстраціи было около 500 человѣкъ. Демонстрація эта, устроенная преимущественно учащейся молодежью, вызвала сильныя сцены на улицахъ Томска. Демонстранты, вооруженные револьверами и холоднымъ оружіемъ, разбрасывали на всемъ пути своего слѣдованія прокламаціи, несли красные флаги съ надписями... Произошло столкновеніе съ полиціей, при чемъ было примѣнено полицейскими чинами огнестрѣльное и казаками холодное оружіе".

Распоряженія по дѣламъ печати.

30-января 1905 года. „Въ виду продолжающагося вреднаго направленія газеты „Наши Дни", выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Замѣтки журналиста", въ № 25, отъ 22-го сего января, и въ статьѣ „О нашей распущенности", въ № 33, отъ 30-го января, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: объявить газетѣ „Наши Дни" второе предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, отставного маіора Петра Невѣжина.

5-го февраля. „Въ виду непрекращающагося вреднаго направленія газеты „Наши Дни", выразившагося, между прочимъ, въ статьяхъ: передовой въ № 35, „Къ толкамъ о земскомъ соборѣ", въ № 37 и въ фельетонѣ „Народъ и народное представительство" въ № 39 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ объявить газетѣ „Наши Дни" третье предостереженіе въ лицѣ издателя ея, потомственнаго почетнаго гражданина Сергѣя Юрицына, и редактора отставного маіора Петра Невѣжина, съ пріостановленіемъ изданія на три мѣсяца.

„Въ виду непрекращающагося вреднаго направленія газеты „Наша Жизнь", выразившагося, между прочимъ, въ передовыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ №№ 71, 76 и 80 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 года, и согла-

сно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ „Наша Жизнь“ третье предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонида Ходскаго, и редактора, коллежскаго ассесора Артемія Котельникова, съ пріостановленіемъ изданія на три мѣсяца.

Финляндія (Сеймовыя дѣла). Въ четвергъ, 20-го января, всѣми четырьмя сословіями рѣшенъ вопросъ о томъ, что должны дѣлать сеймовыя коммиссіи въ ожиданіи отвѣта на „большую“ петицію.

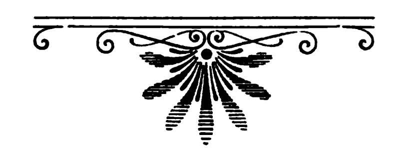
Дворянство и горожане большинствомъ голосовъ, какъ сообщаетъ „Финл. Газ.“, одобрили предложеніе коммиссіи основныхъ законовъ, чтобы всѣ коммиссіи ограничивались пока предварительной разработкой переданныхъ имъ вопросовъ. Духовенство и и крестьянство много разсуждали по этому вопросу, но не голосовали его, за отказомъ тальмановъ, находившихъ, что предложеніе коммиссіи основныхъ законовъ, какъ противо-законное, не можетъ быть одобрено по самому существу своему. Духовное сословіе оставило за собою право снова обратиться къ разсмотрѣнію этого вопроса, если усмотритъ, что въ дѣятельности сейма образовался перерывъ. Тогда будутъ выработаны сословіемъ надлежащія мѣры для устраненія такого перерыва. Въ крестьянскомъ сословіи нѣсколько представителей требовали голосованія, но тальманъ заявилъ, что не допуститъ этого, въ виду совершенно опредѣленныхъ постановленій сеймового устава о томъ, что коммиссіи обязаны безотлагательно разсматривать переданныя имъ дѣла и свои заключенія передавать сословіямъ.

„Изъ ораторовъ въ сословіи рыцарства и дворянства только баронъ Ирье-Коскиненъ настаивалъ на точномъ исполненіи предписанія сеймового устава. Всѣ остальные доказывали, что заниматься дѣлами теперь не слѣдуетъ. П. Свинхувудъ былъ остановленъ вице-ландмаршаломъ, когда пояснилъ отказъ отъ дѣятельности якобы „недобросовѣстностью“ (mala fides) сената.

„Вице-ландмаршалъ прочелъ депутатамъ сейма письмо генералъ-губернатора, въ которомъ сообщалось, что финлядскому сенату Высочайше предложено дать отзывъ о великой петиціи (возстановленіе въ Финляндіи законнаго порядка), однако, лишь въ предѣлахъ, указанныхъ тронною рѣчью“.

Въ ожиданіи отвѣта на свою петицію финляндцы рѣшили отложить на неопредѣленное время выборы членовъ въ воинское присутствіе. Такъ сдѣлали, напр., магистраты г. Брагестада, Каси и др. Но губернаторъ предписалъ магистратамъ созвать собраніе въ семидневный срокъ и сообщилъ въ тоже время о наложеніи денежнаго взысканія на предсѣдателя въ размѣрѣ 1000 марокъ и членовъ магистрата—по 500 мар.

Политическія убійства продолжаются и въ Финляндіи. Такъ 24 января на своей квартирѣ былъ убитъ изъ револьвера прокуроръ Іонссонъ. Убійца—бывшій студентъ Александровскаго университета Карлъ Леннартъ Хогенталь, жившій въ послѣднее время въ Стокгольмѣ и пріѣхавшій въ Финляндію 30-го декабря. Онъ упорно молчитъ.

Столичная и провинціальная жизнь.

Уходъ кн. Святополкъ-Мирскаго.— Толки печати.— Дубинка на мѣсто розги.— Реакція или реформы?—Ходъ работъ въ комитетѣ министровъ: печать, вопросъ объ иновѣрцахъ, преобразованіе сената.— Толки о Земскомъ Соборѣ.— Двѣ записки о реформахъ.— Заявленіе представителей свободныхъ профессій и обывателей.—Патріотическія шайки съ девизомъ „бейте студентовъ".—По стопамъ ген. Ковалева.—Университетскія дѣла.—Прекращеніе занятій въ научныхъ обществахъ, забастовки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.— Побѣдоносное сраженіе Саратовской полиціи съ гимназистами. — „Бунтъ" въ духовной семинаріи.— Карышевъ.— Панихида по Михайловскомъ.

Князь Святополкъ-Мирскій ушелъ. На его мѣсто назначенъ камергеръ Вулыгинъ.

Уходъ кн. Святополкъ-Мирскаго былъ встрѣченъ всеобщимъ сожалѣніемъ; многіе осуждали его за половинчатость, неопредѣленность программы, отсутствіе все преодѣлѣвающей энергіи и т. д., но вся передовая печать отдавала должное честности намѣреній бывшаго министра.

И только князь Мещерскій, заговарившій въ послѣднее время тономъ диктатора, какъ видно, извѣрнвшись послѣ Высочайшаго манифеста въ спасительность розги, призываетъ теперь къ... дубинкѣ, какъ къ магическому жезлу, способному утишить всѣ страсти и треволненія...

Отмѣтимъ нѣкоторые болѣе яркіе отзывы печати о бывшемъ Министрѣ

Такъ, „Русь" характеризуя министерство кн. Святополкъ-Мирскаго, какъ „министерство благихъ порывовъ", указываетъ на крайнюю непослѣдовательность мѣропріятій, проведенныхъ въ эти знаменательные пять мѣсяцевъ.

Начавъ съ объявленія довѣрія общественнымъ учрежденіямъ, оно становилось затѣмъ отвѣтственнымъ за мѣры, которыя совершенно подходили къ политикѣ В. К. Плеве. Въ концѣ прошлаго года произведена была, напримѣръ, огульная отсрочка земскихъ собраній, чего не практиковалось даже и при предыдущемъ министрѣ. Была сдѣлана попытка наложить кару на московскаго городского голову за дѣяніе, вызвавшее взрывъ общественнаго сочувствія къ кн. В. М. Голицыну, что и обезпечило переизбраніе его блистательнымъ большинствомъ. Рядъ совершенно опредѣленныхъ земскихъ заявленій положенъ подъ сукно, и преграждена для нихъ возможность опубликованія въ печати—благодаря возстановленію не примѣнявшейся 82 ст. ценз. устава, отдающей на усмотрѣніе губернаторовъ и градоначальниковъ отчеты о земскихъ и думскихъ собраніяхъ. И этимъ прикрыто флеромъ стыдливой полугласности огромное освободительное движеніе въ нашей земской средѣ, которая, конечно, не крамольна, конечно, отражаетъ истинное настроеніе, истинныя чаянія и нужды русскаго просвѣщеннаго общества, не одного провинціальнаго, но и всего!

Какъ „Русь", такъ и другіе органы печати не отрицаютъ, однако, и заслугъ министра. Главная изъ нихъ та, что, благодаря нѣкоторымъ облегченіямъ для печати проявленіямъ общественнаго мнѣнія, „безпокойство внутреннее стало цѣлительно выступать наружу". „Наша Жизнь" считаетъ министерство Святополкъ-Мирскаго знаменательнымъ въ томъ смыслѣ, что русское общество проявило такую степень политической зрѣлости, какой его попечители и опекуны, быть можетъ и не ожидали. Довѣріе—чего же лучше?—но не пустое, ни къ чему не обязывающее довѣріе, а довѣріе, которое должно быть проведено въ жизнь, должно быть облегчено въ правовыя формы. Въ этомъ пуктѣ русское общество высказалось съ единодушіемъ и ясностью вполнѣ категорическими.

Въ заключеніе подлинныя слова кн. Мещерскаго.

„Какъ бы мы всѣ, уважавшіе въ немъ человѣка ни были убѣждены въ томъ, что этотъ уходъ его былъ нуженъ, но я самымъ искреннимъ образомъ исповѣдую, что смотрю на этотъ уходъ съ глубокою грустью, какъ на роковое, зловѣщее и въ то же время, увы, неопровержимое доказательство того, что не только всякая внутренняя политика, основанная на вѣрѣ въ порядочность нашего общества, есть граничащее съ злымъ умысломъ заблужденіе, но что ничего, кромѣ *дубинки,* мы не понимаемъ, какъ правящую силу“.

Теперь, на вопросъ возможна ли не смотря на тяжелыя событія 9—12 янв. реакція въ духѣ покойнаго ф. Плеве, печать единодушно отвѣчаетъ, что „обстоятельства обязуютъ идти не назадъ, а впередъ. Поступь будетъ сначала иная. Но порывы назадъ покажутъ, что въ попятномъ направленіи пройденъ весь путь до конца“.

Насколько этотъ голосъ близокъ къ истинѣ, показываетъ сообщеніе слѣдующаго содержанія, разосланное по поводу назначенія г. м. Трепова петербург. генералъ-губернаторомъ черезъ „Пет. тел. аг.“ въ иностранныя газеты.

„Отсутствіе довѣрія, проявленное иностранной печатью по поводу назначенія генерала Трепова, какъ лица, подходящаго для улучшенія положенія, вызвало въ петербургскихъ официальныхъ и биржевыхъ сферахъ удивленіе. Введеніе генералъ-губернаторства разсматривается въ Петербургѣ, какъ мѣра *временная*, принятая въ зависимости отъ чрезвычайныхъ событій... Несправедливо полагать, что введеніе генералъ-губернаторства является указаніемъ на измѣненіе правительственной дѣятельности въ сторону реакціи. То обстоятельство, что генералъ-губернаторъ началъ свою дѣятельность совмѣстно съ министромъ финансовъ и началъ ее съ обращенія къ рабочимъ, съ заявленіемъ о рядѣ реформъ въ соціальной области, указываетъ, что генералъ-губернаторъ назначенъ не для репрессивныхъ мѣръ и что порядокъ имѣется въ виду возстановить не только этими мѣрами, но и удовлетвореніемъ требованій населенія“,—говорится въ оффиціальномъ сообщеніи.

И дѣйствительно, работы въ духѣ Высочайшаго указа отъ 12 декабря не прервались. Важно, что и органы нашей высшей бюрократіи видятъ разрѣшеніе гордіева узла русской жизни не въ попятномъ движеніи назадъ.

= 21 января опубликованъ отчетъ засѣданія комитета министровъ во исполненіе 8-го пункта Высочайшаго указа 12 Дек. 1904 г.

„Комитетъ министровъ, въ засѣданіи 21-го и 28-го декабря, вошелъ въ обсужденіе способовъ устраненія излишнихъ стѣсненій печатнаго слова. При этомъ комитетъ остановился на соображеніи, что хотя „положеніе печати опредѣляется у насъ, главнымъ образомъ, правилами 6-го апрѣля 1865 года“, но „отдѣльныя дополнительныя узаконенія о печати значительно измѣнили это правило, фактически устранивъ судебный порядокъ преслѣдованія преступленія и проступковъ печати“.

Комитетъ министровъ полагаетъ, что правила эти, въ ихъ цѣломъ, нуждаются въ „коренномъ пересмотрѣ“ и что правильное рѣшеніе вопросовъ по всему обиходу печати можетъ быть обезпечено лишь при томъ условіи, что завѣдываніе печатью „будетъ сосредоточено *въ независимомъ отъ вѣдомствъ* учрежденіи, состоящемъ изъ высшихъ судебныхъ и административныхъ чиновъ, самое положеніе которыхъ гарантировало бы безпристрастную оцѣнку происходящихъ въ области печатнаго слова явленій“.

Таковы оба главнѣйшихъ основныхъ положенія, къ которымъ пришелъ комитетъ министровъ относительно предстоящаго пересмотра законоположеній о печати. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ намѣтилъ 6 пунктовъ практическихъ мѣропріятій по дѣламъ печати:

I. Для пересмотра дѣйствующихъ о цензурѣ и печати постановленій и для составленія проекта новаго по сему предмету Устава учредить особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго Высочайшимъ Его Величества довѣріемъ, изъ Всемилостивѣйше къ сему назначаемыхъ сановниковъ и должностныхъ лицъ, опытомъ своимъ могущихъ содѣйствовать разрѣшенію означенной задачи, членовъ Императорской академіи наукъ и почетныхъ академиковъ по разряду изящной словесности, выдающихся литераторовъ и публицистовъ, а равно изъ представителей подлежащихъ вѣдомствъ съ

предоставленіемъ предсѣдателю совѣщанія: 1) права приглашать въ засѣданія его лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ свѣдѣній и объясненій, въ томъ числѣ дѣятелей провинціальной печати, и 2) внести безъ замедленія выработанный совѣщаніемъ проектъ непосредственно, безъ сношеній съ вѣдомствами, въ государственный совѣтъ.

II. Отмѣнить: а) Высочайшее повелѣніе 12 мая 1863 г. и Высочайше утвержденное 5 сентября 1879 г. положеніе комитета министровъ о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ прекращать помѣщеніе въ повременныхъ изданіяхъ объявленій, б) Высочайше утвержденное 19 Апрѣля 1874 г. положеніе комитета министровъ о разъясненіи ст. 12 главы III временныхъ правилъ 6 апрѣля 1865 г. и в) Высочайше утвержденное 28 марта 1897 г. положеніе комитета министровъ объ измѣненіи порядка перехода изданій отъ одного лица къ другому, съ возстановленіемъ ранѣе дѣйствовавшаго правила, согласно коему (ст. 122 Уст. ценз., изд. 1890 г.), при переходѣ повременнаго изданія отъ одного издателя къ другому, главное управленіе по дѣламъ печати должно быть своевременно о томъ увѣдомлено, за подписью прежняго и новаго издателей.

III. Временно, впредь до предположеннаго въ п. 1 сего положенія пересмотра дѣйствующихъ о цензурѣ и печати правилъ, постановить: 1) въ разъясненіе Высочайше утвержденнаго 14 іюня 1868 г. положенія комитета, вошедшаго въ ст. 178 Уст. Ценз., изд. 1890 года, что въ случаѣ воспрещенія министромъ внутреннихъ дѣлъ розничной продажи какого-либо изъ повременныхъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, такое распоряженіе касается лишь продажи его въ разносъ и вообще на улицахъ, площадяхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, кромѣ книжныхъ лавокъ и кабинетовъ для чтенія, и 2) въ разъясненіе отд. II Высочайше утвержденнаго 27 Августа 1882 г. положенія комитета министровъ о временныхъ мѣрахъ относительно періодической печати—что министромъ внутреннихъ дѣлъ предъявляются требованія редакціямъ газетъ и журналовъ о сообщеніи фамилій авторовъ помѣщенныхъ статей въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагается возбудить противъ автора статьи уголовное преслѣдованіе, или же, когда министръ признаетъ сіе необходимымъ по соображеніямъ особой государственной безопасности.

IV. Испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на установленіе, впредь до общаго пересмотра законовъ о печати, правила, чтобы представляемыя въ комитетъ министровъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 7 іюня 1872 г. мнѣнія государственнаго совѣта, для запрещенія книги, признаваемыя министромъ внутреннихъ дѣлъ политически вредными, предварительно разсмотрѣнія ихъ комитетомъ, препровождались имъ для отзыва въ Императорскую академію наукъ, а по предметамъ, по коимъ въ академіи не имѣется соотвѣтствующихъ спеціалистовъ, въ иныя ученыя коллегіи.

V. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію въ подлежащихъ случаяхъ съ министромъ юстиціи, пересмотрѣть на изложенныхъ въ семъ журналѣ основаніяхъ, въ видахъ временнаго впредь до общаго пересмотра правилъ о печати измѣненія: 1) Отд. VI Высочайше утвержденнаго 12 мая 1862 г. положенія совѣта министровъ о временныхъ правилахъ по цензурѣ, 2) Отд. III и IV Высочайше утвержденнаго 27 августа 1882 г. положенія комитета министровъ о временныхъ мѣрахъ относительно періодической печати, 3) Высочайше утвержденноое 17 октября 1866 г. мнѣнія государственнаго совѣта о воспрещеніи редакторамъ и сотрудникамъ газетъ и журналовъ, подвергнутыхъ временной пріостановкѣ, выдавать въ продолженіе послѣдней подписчикамъ отдѣльныя изданія, 4) статью 8-ю отд. I Высочайше утвержденнаго 9 іюня 1887 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ измѣненіи предѣловъ власти главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ и 5) статью 49 Высочайше утвержденнаго, 19 апрѣля 1904 г., мнѣнія государственнаго совѣта, коею разрѣшеніе передачи отъ одного лица къ другому изданій съ одними лишь объявленіями предоставлено власти губернаторовъ,—и предположенія свои внести, безъ дальнѣйшихъ съ прочими вѣдомствами сношеній, на уваженіе государственнаго совѣта, для безотлагательнаго разсмотрѣнія и

VI. Поручить министрамъ народнаго про-

свѣщенія и внутреннихъ дѣлъ—по предварительномъ сношеніи съ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ, Императорскими академіею наукъ и кіевскимъ и харьковскимъ университетами,—пересмотрѣть Высочайшія повелѣнія 18—30 мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. объ ограниченіи печатанія книгъ на малорусскомъ нарѣчіи и свои заключенія по сему предмету, вмѣстѣ съ соображеніями означенныхъ лицъ и учрежденій, внести на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Таковое положеніе комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія 21 января 1905 года.

— Одновременно появилось официальное извѣщеніе объ учрежденіи особаго совѣщанія по пересмотру законовъ о печати. Сообщаемъ списокъ лицъ, входящихъ въ составъ этого совѣщанія. Предсѣдателемъ его назначенъ членъ государственнаго совѣта, директоръ Императорской публичной библіотеки, Д. Ѳ. Кобеко. Членами совѣщанія назначены: товарищъ министра народнаго просвѣщенія А. М. Лукьяновъ, сенаторы: А. Л. Боровиковскій, В. К. Случевскій, и бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Н. А. Звѣревъ, вице-президентъ Императорской академіи наукъ П. В. Никитинъ, профессоръ московскаго университета академикъ В. Ключевскій, почетные академики: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, К. К. Арсеньевъ, и А. Ѳ. Кони и редакторы повременныхъ изданій: „Гражданина“ кн. В. П. Мещерскій, „Новаго Времени“ А. С. Суворинъ и „Кіевлянина“ проф. Пихно. Занятія особаго совѣщанія начнутся въ самомъ непродолжительномъ времени.

Представительство печати довольно одностороннее, и не напрасно печать относится скептически къ результатамъ совѣщанія, гдѣ защитниками интересовъ печати явятся такіе господа какъ князь Мещерскій и его сподвижникъ г. Пихно и т. п.

Интересно отмѣтить, что „Наши Дни и Наша Жизнь“, на долю которыхъ выпало нѣкоторое облегченіе благодаря разъясненію комитета министровъ о розничной продажѣ, пользовались этой льготой двѣ недѣли и затѣмъ опочили волею обстоятельствъ на три мѣсяца. Такова иронія судьбы...

— 25 января комитетъ министровъ въ своемъ очередномъ засѣданіи приступилъ къ обсужденію вопросовъ, отмѣченныхъ въ 6-мъ пунктѣ указа 12 декабря. Въ этомъ засѣданіи присутствовалъ митрополитъ петербургскій и ладожскій Антоній.

По сообщенію „Руси“, самый вопросъ о старообрядцахъ Комитетъ находитъ весьма сложнымъ, почему необходимо его разработку поручить особой комиссіи. Въ принципѣ же комитетъ призналъ, что какія бы то ни было ограниченія и стѣсненія личности изъ-за религіозныхъ убѣжденій или обрядовъ не должны имѣть мѣста и что работы комиссіи должны быть основаны на принципѣ полнаго равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, независимо отъ религіозныхъ воззрѣній; также совершенно неумѣстнымъ признано вмѣшательство администраціи въ дѣла вѣры. Отмѣчено было, что наиболѣе тяжелыя стѣсненія и ограниченія иновѣрцевъ исходили преимущественно не изъ государственнаго совѣта и носили характеръ временныхъ правилъ. Признано необходимымъ ходатайствовать о непосредственной отмѣнѣ ихъ немедленно. Признанъ также необходимымъ пригласить въ засѣданія комитета по вопросамъ 6-го пункта представителей иновѣрческихъ духовенствъ съ правомъ совѣщательнаго голоса.

— Наконецъ, согласно постановленію комитета министровъ, Высочайше учрежденному 17 января с. г., нашъ сенатъ будетъ преобразованъ въ направленіи расширенія его власти. А именно, установлены слѣдующія общія начала сенатской реформы:

„Во главѣ надзора за законностью управленія въ Россіи стоитъ правительствующій сенатъ, который и надлежитъ преобразовать съ цѣлью упрочить за нимъ значеніе верховнаго органа для надзора въ порядкѣ управленія и исполненія руководящими началами. При такомъ преобразованіи слѣдовало бы принять: 1) самостоятельность правительствующаго сената и независимость постановленныхъ имъ рѣшеній отъ министра юстиціи и другихъ министровъ; 2) большую доступность правительствующаго сената для лицъ, потерпѣвшихъ отъ произвольныхъ дѣйствій органовъ управленія. 3) право непосредственнаго обращенія сената къ верховной власти по дѣламъ административнымъ“ и т. д.

Сенатъ по новому проекту получаетъ новыя права по надзору за законностію

управленія и по законодательному почину, чему нельзя не порадоваться.

За болѣе подробными свѣдѣніями мы отсылаемъ читателей къ напечатаннымъ во всѣхъ газетахъ офиціальнымъ отчетамъ.

Не можемъ лишь не отмѣтить, что сужденія комитета министровъ о томъ, что у насъ законы часто проводятся внѣ установленнаго порядка; что печать вовсе лишена твердой почвы закона; что ограниченія правъ раскольниковъ, этихъ истинно-русскихъ людей и тружениковъ, не находятъ никакого оправданія; что слѣдуетъ поспѣшить съ отмѣной исключительныхъ законовъ объ охранѣ и т. д. не представляютъ ли собой самую жестокую и безпощадную критику бюрократическаго режима?

Развѣ не о томъ же говорила въ теченіе десятковъ лѣтъ печать и общественное мнѣніе въ лицѣ земскаго самоуправленія?

Въ одномъ лишь комитетъ министровъ рѣзко расходится съ общественнымъ мнѣніемъ—въ радикальномъ способѣ осуществленія всѣхъ этихъ реформъ. Невѣріе въ творческія силы бюрократіи такъ широко разлилось теперь въ нашемъ обществѣ, что оно, недавно еще съ жадностью глотавшее малѣйшее извѣстіе о реформахъ сверху, теперь относится къ нимъ почти совершенно индиферентно.

Ближайшее будущее покажетъ, можно ли было обвинять общество, въ виду его такого отношенія, въ апатіи.

— За послѣднее время со столбцовъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ не сходятъ толки о Земскомъ Соборѣ. Слово это, еще недавно запретное, теперь у всѣхъ на устахъ. Созывъ собора встрѣчаетъ самое разнообразное къ себѣ отношеніе — отъ ядовитаго скептическаго до радужной вѣры въ него, какъ въ исцѣлителя нашихъ недуговъ при сохраненіи существующаго строя. И лишь для „Моск. В.“ земскій соборъ страшнѣе, чѣмъ „жупелъ“ для купчихи Островскаго.

Починъ всѣхъ этихъ толковъ принадлежитъ „Новому Времени“. Оно первое заговорило о необходимости созвать Земскій Соборъ и, что особенно примѣчательно, выдвинуло эту мысль, какъ консервативную, въ противовѣсъ мнѣнію другихъ газетъ.

„Русь“, по поводу разговоровъ о созывѣ земскаго сбора, шлетъ горькій упрекъ той части русскаго дворянства, которая при наличности политической близорукости и какомъ-то холопствѣ пресмыкающейся мысли, выступаетъ въ роли наставника правительства. Газета говоритъ:

„Мысль о Земскомъ Соборѣ не представляется уже ни ужасною, ни опасною. Но тутъ „для вразумленія“ колеблющейся бюрократіи, начинающей понимать, передъ какой она стоитъ бездной отвѣтственности и безсилія, необходимости дѣйствовать, и незнанія путей, — начинаютъ выступать и нѣкоторые элементы нашего дворянства. Консервативные слои нашего дворянства мобилизуются не безъ временнаго успѣха и назидаютъ бюрократію: „это все миражъ, лихорадки, а на дѣлѣ все благополучно; для реформъ, хотя-бы и возвѣщенныхъ,—теперь не время, да вообще ничего для возрожденія Россіи не требуется, кромѣ одного ласковаго слова“!

По истинѣ полная политическая слѣпота.

„Слово“ спрашиваетъ: о чемъ идетъ рѣчь, о земскомъ соборѣ или о земскомъ совѣтѣ? И отвѣчаетъ: земскій соборъ умеръ и его уже не воскресить. Но живъ, или вѣрнѣе, хочетъ и можетъ жить земскій совѣтъ. Обыкновенный „свѣтскій“, прозаическій, „петербургскій“, земскій совѣтъ...

Ничего не имѣетъ противъ созыва земскаго собора даже кн. Мещерскій. Онъ боится только, что теперь слишкомъ возбуждены страсти, и потому полагаетъ, что созвать земскій соборъ надо позже, когда успокоится населеніе.

Отозвалась и провинціальная печать.

„Самое трудное, въ дѣлѣ устройства земскаго собора,—говоритъ „Прибалтійскій Вѣстникъ“,—это установленіе его состава. Но стоитъ только принять во вниманіе измѣнившіяся со времени Императрицы Екатерины II общественныя условія, чтобы удачно разрѣшить и этотъ вопросъ. Къ духовенству, помѣстному дворянству, купечеству и крестьянству,—къ этимъ четыремъ сословіямъ екатерининскаго времени надо прибавить пятое: интеллигенцію, т. е. русскихъ людей съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ и заслугами въ сферѣ научной, артистической, литературной и общественной дѣятельности“.

Во всякомъ случаѣ Земскій Соборъ долженъ быть *полнымъ* представителемъ народа, включая рабочихъ и крестьянъ-землепашцевъ. Только отъ *такого* Собора ждутъ спасенія, иначе народъ не получитъ довѣрія

ни къ какимъ реформамъ, иначе отношенія между имущими и неимущими классами, и безъ того чрезвычайно острыя, обострятся Богъ знаетъ до чего.

„Боюсь,—пишетъ нѣкто А. Штанге въ докладѣ Нижегор. губ. земскому собранію,— что „ни правительство, ни общество не сознаютъ въ достаточной степени, насколько тревожно и опасно настоящее положеніе".

„Со всѣми бѣдствіями, со всею смутою не по силамъ справиться не только бюрократіи, но и представительству однихъ высшихъ сословій и классовъ. Только общая народная дума — Земскій Соборъ—можетъ спасти Россію и прежде всего заключить миръ...

„Мы переживаемъ время небывалаго нравственнаго подъема всей Россіи и видимъ удивительные примѣры военной и гражданской доблести и самопожертвованія... Смѣло требуютъ реформъ земства, думы и общественныя корпораціи. Земскія собранія, избираемыя изъ помѣщиковъ и промышленниковъ, сами хлопочутъ о расширеніи представительства отъ крестьянъ. Думы, состоящія изъ домовладѣльцевъ, ходатайствуютъ о распространеніи избирательныхъ правъ на всѣхъ жителей города... Волна общаго одушевленія все растетъ".

„Въ такой моментъ нравственнаго подъема всей страны возможно соглашеніе классовъ и совмѣстная выработка органическихъ законовъ и реформъ".

„Но все это возможно именно на Земскомъ Соборѣ, созванномъ изъ представителей *всѣхъ* группъ населенія.

При передачѣ вопроса о мирѣ Земскому Собору „немедленно улучшится международное положеніе Россіи. Теперь враждебно относятся къ Россіи не только правительства многихъ народовъ, дѣйствія которыхъ можно объяснить корыстными интересами господствующихъ классовъ, но и сами народы, ненавидящіе русское государство, какъ оплотъ деспотизма, варварства и реакціи".

„Съ созывомъ же Земскаго Собора, который упрочитъ увѣренность въ наступленіи устойчиваго, прогрессивнаго періода въ Россіи, исчезнетъ эта ненависть къ Россіи народовъ; а не находя опоры въ общественномъ мнѣніи своей страны, и правительства поневолѣ ослабятъ свою агрессивную политику противъ Россіи".

„Искреннее миролюбіе и желаніе заключить съ Японіей прочный миръ, которое несомнѣнно скажется на Земскомъ Соборѣ, успокоятъ тревоги Японіи за будущее и дадутъ ей возможность не предъявлять такихъ непріемлемыхъ Россіей требованій, какъ разоруженіе Владивостока и т. п.

„Земскій Соборъ сумѣетъ размежеваться, съ мужественнымъ сосѣдомъ и выработать условія прочнаго мира, а можетъ быть и совмѣстной цивилизаторской дѣятельности въ Азіи".

„Покончивъ съ вопросомъ о войнѣ, Земскій Соборъ станетъ обсуждать, какъ вывести Россію изъ переживаемаго ею общественнаго и экономическаго кризиса. Сознаніе важности и трудности настоящаго времени, любовь къ родинѣ и желаніе спасти ее отъ тяжелыхъ потрясеній создадутъ среди народныхъ гласныхъ то настроеніе взаимнаго довѣрія и примиренія, которое дастъ имъ силы выработать органическія реформы, способныя положить начало примиренію классовъ и создать условія мирнаго созидательнаго труда, въ которомъ такъ нуждается полная силъ и богатствъ и въ то же время — нищая страна".

Только при *полномъ* представительствѣ народа выплыветъ на свѣтъ Божій правда, и получитъ надлежащую оцѣнку ложь нашего времени. Высказываемое нѣкоторыми опасеніе, что нашъ забитый крестьянинъ не сумѣетъ выразить своихъ нуждъ на Соборѣ,—не основательно: дайте только крестьянамъ свободно избрать своихъ представителей, и умные люди найдутся...

Конечно, необходимо только дать время народу освоиться съ мыслью о Соборѣ и его цѣляхъ и дать время для выборовъ. Но послѣднее не мыслимо безъ предоставленія народу извѣстной свободы и ограниченія полицейскаго произвола, а этого-то, повидимому, и не хочетъ допустить всемогущая, хотя и шатающаяся теперь на своихъ устояхъ бюрократія.

Одно время писали, что вопросъ о созывѣ земскаго собора былъ рѣшенъ окончательно 3-го февраля. „Участниками земскаго собора явятся представители всѣхъ сословій. Опубликованіе о созывѣ земскаго собора ожидается на 19-е февраля. Земскій соборъ будетъ созванъ при государственномъ совѣтѣ, гдѣ и будутъ происходить его засѣ-

данія. По всей вѣроятности, разработка условій выбора участниковъ земскаго собора продолжится не менѣе двухъ мѣсяцевъ".

По слухамъ, сообщаемымъ газетою „Русь", къ участію въ земскомъ соборѣ, будутъ привлечены: губернскіе предводители дворянства, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, городскіе головы губернскихъ городовъ; кромѣ того, будутъ вызваны по одному представителю изъ каждой земской губерніи, помимо предсѣдателей управъ. Выборъ этихъ представителей будетъ произведенъ на мѣстныхъ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ. Что касается особыхъ представителей изъ неземскихъ губерній, то порядокъ ихъ избранія еще не рѣшенъ. Общая численность собора, какъ говорятъ, не будетъ превышать 400 человѣкъ.

Однако, за послѣдніе дни появились опроверженія о близкомъ созывѣ Земскаго Собора. Такимъ образомъ, какъ говорится, вопросъ остается открытымъ...

Между тѣмъ общественныя силы не дремлютъ. Неоднократно указанныя печатью причины увлекаютъ въ кругъ политической борьбы даже отсталые элементы русскихъ промышленниковъ, недавно еще дававшихъ благодаря своей косности такой богатый обличительный матеріалъ. Послѣднія потрясенія, испытанныя промышленностью, какъ увидитъ читатель, привели и самихъ фабрикантовъ, и интеллигентныхъ руководителей ихъ фабрикъ къ выводу: Carthago delenda est—нужно дать просторъ русской жизни и удовлетворить назрѣвшую для всѣхъ потребность. Приводимъ, за недостаткомъ мѣста, 2 характерныя записки по этому вопросу.

Первая записка подписана 198 инженерами и носитъ названіе: *„Къ современному положенію промышленности"*.

„Грозныя событія послѣднихъ дней, создавшія тягостныя, невыносимыя условія для насъ, инженеровъ и техниковъ, работниковъ на разныхъ поприщахъ промышленности, заставляютъ насъ открыто высказать наше мнѣніе.

„Событія, 9-го января и послѣдующихъ дней, по нашему глубокому убѣжденію, явились лишь однимъ изъ проявленій кризиса, переживаемаго нынѣ Россіей, кризиса, причины и пути устраненія котораго были ясно указаны въ цѣломъ рядѣ заявленій общественныхъ учрежденій и собраній, въ томъ числѣ и въ постановленіи собранія 491 инженера всѣхъ спеціальностей 5-го декабря минувшаго года.

„Причина частыхъ за послѣдніе годы потрясеній нашей промышленности бурными взрывами рабочихъ движеній лежитъ не въ агитаціи такъ называемыхъ революціонеровъ и, конечно уже, не въ иноземномъ воздѣйствіи, а въ коренномъ и ясно сознаваемомъ всѣми мыслящими гражданами неустройствѣ нашей государственной жизни. Это неустройство, признанное самой государственной властью въ Высочайшемъ указѣ 12-го декабря прошлаго года, особенно ярко проявлялось въ отношеніи правительства къ интересамъ новой, созданной ростомъ нашей промышленности общественной силы—класса рабочихъ.

„Составляя по своему умственному развитію и по условіямъ своей жизни въ наиболѣе культурныхъ центрахъ страны передовую часть народной массы, наши промышленные рабочіе совершенно лишены законныхъ средствъ для защиты своихъ интересовъ и, въ частности, лишены возможности организоваться для этой цѣли въ союзы. Такое положеніе класса, къ которому въ настоящее время принадлежатъ уже милліоны русскаго населенія, вызываетъ въ немъ постоянное, все болѣе усиливающееся и все болѣе сознательное стремленіе не только къ непосредственному улучшенію условій своей жизни, но также и пріобрѣтенію правъ, обезпечивающихъ возможность отстаивать законнымъ путемъ свои интересы.

„Рабочему населенію должна быть открыта возможность на законной почвѣ самостоятельно отстаивать свои интересы. На томъ уровнѣ развитія, котораго достигла русская промышленность, мѣры бюрократическаго попеченія уже не въ состояніи вносить успокоеніе въ умы; напротивъ, своими постоянными колебаніями то въ направленіи односторонней защиты предпринимателя, то въ сторону показной поддержки рабочихъ онѣ порождаютъ во всѣхъ слояхъ промышленнаго населенія неувѣренность и раздраженіе. Удовлетвореніе же основного требованія рабочаго класса—путемъ дарованія широкой свободы союзовъ и собраній, предполагаетъ проведеніе въ жизнь началъ общегражданской политической свободы".

Въ томъ же духѣ и другая записка председателю комитета министровъ—отъ совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ по рабочему вопросу.

„Настоящее тревожное положеніе страны и угнетенное состояніе промышленности возлагаютъ на русскихъ желѣзныхъ промышленниковъ, въ лицѣ ихъ органа, совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ, какъ на классъ интеллигентный и преданный престолу, обязанность заявить вашему высокопревосходительству, что настроеніе народныхъ массъ въ странѣ является грознымъ предостереженіемъ, что никакими репрессіями не остановить движенія, имѣющаго глубокіе корни въ народѣ, съ каждымъ днемъ дающаго все новые и новые ростки, что преуспѣяніе въ Россіи промышленности, подобающее ея положеніе на міровомъ рынкѣ, установленіе нормальныхъ отношеній между рабочими и промышленниками и улучшеніе быта рабочихъ возможно лишь при соблюденіи слѣдующихъ условій правового государства:

1) Существующее законодательство не соотвѣтствуетъ потребностямъ населенія и, въ частности, потребностямъ русской промышленности. Въ выработкѣ законодательныхъ нормъ необходимо участіе представителей всѣхъ классовъ населенія и въ томъ числѣ промышленниковъ и рабочихъ.

2) Необходима равноправность всѣхъ и каждаго передъ закономъ.

3) Необходимо законное огражденіе неприкосновенности личности и жилища.

4) Рабочимъ должны быть предоставлены право сходокъ и собраній.

5) Необходима свобода слова и печати.

6) Необходимо введеніе всеобщаго обязательнаго школьнаго обученія. (Спб., 28-го января 1905 года).

= Между тѣмъ отъ общаго движенія не отстаютъ и представители свободныхъ искусствъ. Такъ московскіе композиторы и музыканты приняли слѣдующее постановленіе: „Жизненно только свободное творчество“. Къ этимъ прекраснымъ словамъ товарищей-художниковъ мы, музыканты, всецѣло присоединяемся. Когда по рукамъ и ногамъ связана жизнь, не можетъ быть свободно и искусство, ибо чувство есть только часть жизни. Когда въ странѣ нѣтъ ни свободы мысли и совѣсти, ни свободы слова и печати, когда всѣмъ живымъ творческимъ начинаніямъ народа ставятся преграды,—чахнетъ и художественное творчество. Горькой насмѣшкой звучитъ тогда званіе свободнаго художника. Мы—не свободные художники, а такіе же безправныя жертвы современныхъ ненормальныхъ общественно-правовыхъ условій, какъ и остальные русскіе граждане, и выходъ изъ этихъ условій, по нашему убѣжденію, только одинъ: Россія должна, наконецъ, вступить на путь коренныхъ реформъ“. Подъ этимъ постановленіемъ подписались 29 композиторовъ, пѣвцовъ и музыкантовъ.

= Провинція также не отстаетъ отъ столицы.

Приводимъ со словъ газетъ сообщенія о продолжающемся общественномъ оживленіи въ провинціи. „Зак. Об.“ сообщаетъ, что 20-го января, по приглашенію кружка *интеллигенціи, въ общественномъ собраніи Ташкента* состоялось празднованіе Татьянина дня. Большой залъ собранія былъ переполненъ адвокатами, врачами, интеллигенціей а также и рабочими. Вечеръ кончился сборомъ пожертвованій въ пользу семействъ, пострадавшихъ 9-го января. Собиралъ *членъ окружнаго суда*. Полиція, хотя и многочисленная, безмолвствовала“.

= Обыкновенное собраніе политехническаго общества въ Москвѣ въ засѣданіи 1-го февраля, выслушавъ докладъ „Объ условіяхъ работы техническихъ обществъ и съѣздовъ“, пришло,—по словамъ „Русск. Вѣд.“,—къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„Культурно-просвѣтительная дѣятельность техническихъ и ученыхъ обществъ тормозится администраціей, часто не разрѣшается и всегда обставляется стѣснительными условіями открытіе школъ, воскресныхъ классовъ и другихъ образовательныхъ учрежденій. Дѣятельность обществъ и съѣздовъ стѣсняется, а иногда и обрывается, при помощи разныхъ чрезвычайныхъ мѣръ, идущихъ обыкновенно мимо закона. Нѣкоторые члены обществъ и съѣздовъ несутъ административную отвѣтственность за выраженіе мнѣній, не заключающихъ въ себѣ ничего преступнаго и оправданныхъ уже послѣдующимъ ходомъ жизни. Принимая во вниманіе все это, обыкновенное собраніе политехническаго общества считаетъ, что техническія и ученыя общества при настоящихъ усло-

віяхъ лишены возможности спокойной и плодотворной созидательной работы. Для выхода изъ такого положенія необходимы реформы, постоянно втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ указываемыя и прессой, и разными общественными группами; необходимо, чтобы всѣмъ гражданамъ были обезпечены въ качествѣ неотъемлемаго права: личная неприкосновенность, свобода слова, печати, собраній и союзовъ.

= „14 января въ Н.-Новгородѣ въ городскомъ театрѣ вовремя перваго представленія пьесы Косоротова „Весенній потокъ" разыгрался, по словамъ „Рус. Пр.", слѣдующій инцидентъ.

Послѣ 1-го антракта, когда взвился занавѣсъ, и въ зрительной залѣ погасло электричество, къ своему мѣсту (кресло 2 ряда въ партерѣ) направился отъ входа помощникъ полиціймейстера Игнатьевъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать 5—6 шаговъ, какъ изъ ложъ, переполненныхъ учащейся молодежью и со стороны амфитеатра, раздались протесты и требованія, чтобы онъ оставилъ залъ. Шумъ и крики заглушали слова артистовъ на сценѣ. Тогда кто-то изъ театральной администраціи догадался опустить занавѣсъ и освѣтить зрительную залу. Мѣра эта подѣйствовала на протестантовъ болѣе или менѣе успокоительно, и крики прекратились. Игнатьевъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, такъ какъ полиціймейстеръ баронъ Таубе, сидѣвшій передъ Игнатьевымъ въ 1 ряду, приказалъ ему остаться. Когда публика успокоилась, занавѣсъ снова былъ поднятъ, и дѣйствіе пьесы продолжалось обычнымъ порядкомъ. Но впослѣдствіи до конца спектакля Игнатьевъ болѣе въ партерѣ не появлялся".

= Наконецъ, немного юмористики.

Изъ *Умани* пишутъ: „На-дняхъ у насъ заподозрѣны были въ распространеніи „прокламаціи" подростокъ лѣтъ 12 и... ребенокъ 6 лѣтъ. Дѣло было такъ. Шелъ подростокъ по улицѣ и съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ синія буквы на найденномъ полулисткѣ бумаги. Встрѣтилъ его полицейскій чинъ. „Преступникъ" съ поличнымъ былъ задержанъ. Мальчикъ плачетъ. А его все допытываютъ. Наконецъ, „преступникъ" заявляетъ, что „бумагу" эту ему далъ Іоня. „А кто таковъ этотъ Іоня?"— спрашиваютъ у него. „Это сынъ тѣхъ господъ, у которыхъ моя мать кухаркой служитъ",—сквозь слезы слышенъ отвѣтъ. Отправились за Іоней. Онъ сидѣлъ на полу и игралъ своими игрушками. При видѣ „полиціи" ребенокъ испугался, поблѣднѣлъ. Но это только не въ его пользу говорило. Іоню потребовали къ допросу и вмѣстѣ съ нимъ родителей. Это мѣстные купцы Г—ны. На допросѣ съ Іоней случился обморочный припадокъ, родители плакали. Къ счастью, „дѣло" кончилось благополучно,—и всѣхъ отпустили съ миромъ".

Интересныя корреспонденціи о „подозрительныхъ субъектахъ" идутъ изъ провинціи. Какъ видно, лишь нѣкоторая свобода печати дала обывателю возможность ихъ замѣтить. „Недреманное око" кишитъ и въ столицахъ, и по этой части и столица могла бы дать нѣсколько любопытныхъ картинокъ...

Все таки эти хотя наблюдаютъ, а не самоуправствуютъ. И то слава Богу!...

= Въ прошломъ номерѣ нашего журнала мы не даромъ отмѣтили широкое общественное значеніе дѣло ген. Ковалева. Какъ видно, у насъ существуетъ цѣлая Ковалевщина. „Вост. Об." приводитъ слѣдующій официальный документъ, прик. ген. Надарова; документъ повѣствуетъ о слѣдующемъ возмутительномъ происшествіи:

„Въ ночь съ 11-го на 12-е ноября три врача въ г. Харбинѣ нанимали извозчика, чтобы ѣхать. Извозчикъ не хотѣлъ ѣхать; вмѣшалась полиція, собралась толпа извозчиковъ, и въ концѣ концовъ повели врачей въ участокъ. Но вмѣсто привода въ участокъ и составленія протокола о случившемся, врачей привели въ полицейскій дворъ, избили и заперли въ кутузку вмѣстѣ съ 35 оборванцами. На требованіе и просьбы врачей позвать полицейскаго офицера или околоточнаго и предъявленіе ихъ визитныхъ карточекъ никто не обратилъ вниманія, и продержали врачей въ этомъ гнусномъ и смрадномъ помѣщеніи, по распоряженію вахмистра полиціи, до 11 час. утра 12 ноября, никому не докладывая объ этомъ происшествіи. Дежурнаго околоточнаго не было и, какъ выяснилось дознаніемъ, никогда по ночамъ не бывало на своемъ мѣстѣ.

„Подобныя безобразія не могутъ быть терпимы на будущее время. Разсмотрѣвъ произведенное по моему приказанію дознаніе, предписываю:

1) На основаніи 19 статьи постановленій

о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи, извозчика, маріинскаго мѣщанина Исая Соломонова Матлина немедленно выслать изъ Харбина этапнымъ порядкомъ по мѣсту приписки, съ воспрещеніемъ возврата въ предѣлы тыла арміи до окончанія военнаго положенія.

2) Полицейскихъ чиновъ, наносившихъ удары—Кошеева, Малафѣева и Кучеренко арестовать каждаго на 30 сутокъ на гауптвахтѣ, а затѣмъ перевести ихъ изъ Харбина на линію.

3) Вахмистра полиціи Лобача за допущенные имъ безпорядки удалить немедленно отъ должности, а за нанесеніе побоевъ врачамъ арестовать на 30 сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ.

4) Околоточнаго надзирателя Колосовича удалить отъ должности за крайній безпорядокъ въ его отсутствіе, какъ дежурнаго, и за отсутствіе съ дежурства.

5) Завѣдывающаго новопристанскимъ полицейскимъ участкомъ штабсъ-ротмистра Долинскаго, за допущеніе такого безобразнаго безпорядка въ его участкѣ—арестовать на десять сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ.

6) Полиціймейстеру Харбина штабсъротмистру фонъ-Циглеру за такіе безобразные безпорядки въ пристанскомъ участкѣ и кутузкѣ объявляю выговоръ.

7) Завѣдующему полицейскимъ надзоромъ на территоріи Восточной Китайской желѣзной дороги подполковнику Зарембо, за непринятіе своевременныхъ мѣръ къ недопущенію такихъ безобразныхъ безпорядковъ въ полиціи, объявляю замѣчаніе.

8) Прошу управляющаго Китайской Восточной желѣзной дороги генералъ-маіора Хорвата установить должный порядокъ въ харбинской полиціи и принять рѣшительныя мѣры, чтобы такихъ беззаконныхъ и безобразныхъ дѣйствій не повторялось".

Цѣлыхъ восемь категорій лицъ разныхъ ранговъ активно или пассивно,—замѣчаетъ „Восточн. Обозр., — содѣйствовало созданію „гнуснаго и смраднаго" застѣнка съ его „беззаконіями и безобразіями"!

Ген. Ковалевъ можетъ быть доволенъ: онъ нашелъ достойныхъ подражателей...

А вотъ послѣдователи ген. Ковалева съ одной стороны — изъ глухой провинціи, съ другой — въ самомъ центрѣ нашей культуры— въ Петербургѣ. „Новости" получили изъ *Житоміра* сообщеніе о слѣдующемъ фактѣ дикой расправы.

„11-го января с. г. нѣсколько крестьянъ дер. Полинки, Дубовца и села Кололіевки возвращались поздно вечеромъ домой изъ г. Житоміра по дорогѣ, пролегающей черезъ житомірскую казенную лѣсную дачу житомірскаго лѣсничества. Года подтора тому назадъ эта дорога была закрыта. И вотъ, охраняя ее отъ крестьянъ, казенные лѣсники собрались въ числѣ четырехъ человѣкъ и, задерживая въ серединѣ лѣса возвращающихся по одиночкѣ изъ города крестьянъ, стали избивать ихъ безъ зазрѣнія совѣсти съ нравоучительными словами: „мы вамъ покажемъ дорогу... Другой разъ навѣрно сюда не поѣдете"...

Несмотря на всѣ мольбы и зароки не ѣздить больше по этой дорогѣ, на „цѣлованіе ручекъ и ножекъ" и ссылки на то, что на дорогѣ не было поставлено даже „вѣхи", какъ указанія на запрещеніе проѣзда, крестьяне были избиты настолько, что нѣкоторые изъ нихъ не имѣли силы добраться до собственныхъ саней, на которыя были уложены предупредительными на этотъ разъ лѣсниками".

По словамъ „Бирж. Вѣд.", 21-го января въ СПБ. въ аптекарскомъ магазинѣ Чекушкина, на Садовой улицѣ, произошелъ слѣд. случай.

„Утромъ въ магазинъ вошелъ неизвѣстный молодой офицеръ и попросилъ разрѣшенія воспользоваться телефономъ. Когда офицеръ подошелъ къ аппарату, онъ услыхалъ вызовъ къ телефону хозяина магазина и выразилъ неудовольствіе, что это мѣшаетъ ему говорить.

Г. Чекушкинъ, недолго поговоривъ, освободилъ линію, поручивъ, въ случаѣ новаго вызова, вести переговоры своему приказчику г. С.

Послѣдній нетерпѣливо ожидалъ окончанія разговора офицера и выразилъ вслухъ свой протестъ, что аппаратъ такъ долго занятъ постороннимъ лицомъ. Офицеръ, очевидно, услыхавъ эту фразу, по окончаніи разговора, сдѣлалъ г. С. замѣчаніе, что онъ не можетъ заявлять претензій, разъ самъ г. Чекушкинъ таковыхъ не заявлялъ.

Г. С. оправдывался, что долгъ службы заставляетъ его спѣшить исполненіемъ приказаній хозяина. Вслѣдъ за этимъ офицеръ

ударилъ г. С. по лицу. Послѣдній убѣжалъ за стойку, но офицеръ продолжалъ объясненіе и, когда въ разговоръ вмѣшался братъ г. С., тотъ, обнаживъ шашку, ударилъ его по спинѣ, не причинивъ никакихъ пораненій.

Братъ приказчика, защищая голову отъ шашечныхъ ударовъ, обхватилъ ее руками. Въ это время офицеръ нанесъ ему новый ударъ который пришелся по рукамъ и отрубилъ ему два пальца.

Пострадавшій отправленъ въ больницу. О случаѣ производится дознаніе".

== Отмѣтимъ въ заключеніе усилившуюся циркулярную дѣятельность г.г. инспекторовъ народныхъ училищъ...

== Еще одно характерное сообщеніе „Сѣв. Кр.".

„*Въ Орлѣ*, на банкетѣ, устроенномъ по поводу 40-лѣтія Судебныхъ Уставовъ, присутствовало нѣсколько дѣятелей изъ педагогическаго міра. Вскорѣ послѣ банкета инспекторомъ народныхъ училищъ М—вымъ былъ приглашенъ на чашку чая одинъ изъ бывшихъ на банкетѣ учителей. Въ любезной бесѣдѣ г. М—вовъ, выразивъ свое сочувствіе банкету и рѣчамъ, высказалъ сожалѣніе, что не могъ принять въ немъ участія, и кстати освѣдомился о томъ, кто изъ учителей былъ на банкетѣ. Гость, не подозрѣвая цѣли вопроса, далъ просимыя свѣдѣнія, которые затѣмъ были г. М—вымъ офиціально сообщены мѣстному директору народныхъ училищъ, а послѣдній препроводилъ результаты „дознаній" въ управленіе московскаго учебнаго округа. Послѣ того г. М—въ ѣздилъ въ „гости" еще къ одной сельской учительницѣ и тоже узнавалъ, кто изъ учащихъ сельскихъ школъ былъ на банкетѣ".

== Въ прошломъ обозрѣніи мы уже отмѣтили, полное прекращеніе дѣятельности нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Лучшая часть профессоровъ отказывается читать лекціи, громаднѣйшее большинство студенчества рѣшаетъ прекратить занятія до наступленія лучшихъ временъ. Приводимъ нѣкоторыя подробности объ этомъ своего рода „стачечномъ движеніи".

О прекращеніи засѣданій научныхъ обществъ газеты сообщаютъ слѣдующее:

26-го января при открытіи засѣданія *отдѣленія ботаники общества естествоиспытателей* прив.-доц. В. Л. Комаровымъ было предложено, въ виду послѣднихъ событій, прервать засѣданіе и принять слѣдующее постановленіе: „Въ виду того, что послѣднія общественныя событія сдѣлали совершенно невозможнымъ мирное теченіе академической жизни, ботаническое отдѣленіе общества естествоиспытателей, сознавая свою тѣсную связь съ университетомъ, постановляетъ не устраивать засѣданій до установленія общихъ благопріятныхъ условій, т. е. по крайней мѣрѣ до 1-го сентября 1905 года".

Въ такомъ же духѣ были постановленія и нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ обществъ.

Цѣлый рядъ совѣтовъ высшихъ учебныхъ заведеній самъ хлопочетъ о пріостановленіи занятій. Приводимъ нѣкоторыя ходатайства.

Совѣтъ профессоровъ *лѣсного института* на засѣданіи своемъ 18-го января, послѣ обмѣна мыслей, пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Такъ какъ причины возбужденнаго состоянія студенчества лежатъ внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, то нормальная жизнь института можетъ быть возстановлена лишь при устраненіи этихъ причинъ"; причемъ рѣшено было довести до свѣдѣнія г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ это постановленіе совѣта, резолюцію частнаго совѣщанія, принятую 9 профессорами, 2 преподавателями и 11 ассистентами, и рядъ заявленій отдѣльныхъ студентовъ о случаяхъ насилія надъ ними полиціи, безъ всякаго повода съ ихъ стороны.

Совѣтъ *харьковскаго университета*, въ экстренномъ засѣданіи 21-го января, постановилъ: „ходатайствовать о временной пріостановкѣ учебныхъ занятій—на двѣ недѣли, т. е. до 5-го февраля с. г., въ виду тяжелаго настроенія, происходящаго отъ причинъ, лежащихъ внѣ университета". На дверяхъ университета вывѣшено слѣдующее объявленіе:

Отъ ректора харьковскаго университета; „Симъ объявляется, что учебныя занятія въ университетѣ прекращены впредь до особаго распоряженія. 22-го января 1905 г. Ректоръ Н. Куплеварскій".

Совѣтъ *новороссійскаго университета* въ своемъ засѣданіи большинствомъ 49-ти голосовъ противъ 18-ти, постановилъ, по словамъ „Руси", послать мини-

стру народнаго просвѣщенія свое постановленіе въ томъ же духѣ, какъ и другія высшія уч. заведенія, причемъ профессора, какъ передаютъ „Од. Нов.," рѣшили во что бы ни стало не допустить никакихъ репрессій въ стѣнахъ университета, а если эти репрессіи будутъ, то они всѣ безъ исключенія должны будутъ выйти въ отставку.

За то состоявшійся въ Петербургѣ *съѣздъ начальниковъ высшихъ уч. заведеній*, выражая желаніе, чтобы къ студентамъ не примѣнялись правила 12-января 1902 г., тѣмъ не менѣе, „постановило, что, въ случаѣ невыполненія учащимися всѣхъ требованій учебнаго времени, они подвергаются послѣдствіямъ, указаннымъ въ правилахъ учебной части соотвѣтственныхъ учебныхъ заведеній".

23 Янв. начальники высш. уч. зав. были приглашены къ генер. губ. Трепову, который и предложилъ начать занятія 15 февр.

„При этомъ ген. губернаторъ сообщилъ, что если студенты назначатъ сходку и на ней меньшинство постановитъ не продолжать занятій, то это меньшинство должно быть немедленно уволено съ правомъ, однако, безпрепятственнаго поступленія въ соотвѣтствующія учебныя заведенія въ другихъ городахъ, но не въ Петербургѣ. Если же будетъ предложено пріостановить занятія большинствомъ, то будутъ уволены всѣ студенты, а можетъ-быть, и профессора, а затѣмъ педагогическій и учащійся составъ будутъ комплектоваться вновь по выбору". На это предложеніе, генералъ-губернатора князь Гагаринъ, директоръ петербургскаго политехникума, замѣтилъ, что „возобновленіе и правильное теченіе занятій возможно только тогда, когда неприкосновенность студентовъ и профессоровъ будетъ вполнѣ гарантирована, когда учащіе и учащіеся будутъ гарантированы отъ вторженія полицейскаго элемента во внутреннюю жизнь учебныхъ заведеній и когда имъ будетъ предоставлена автономія".

Въ этомъ же духѣ высказался директоръ электро-техническаго института Качаловъ, который указалъ на полную невозможность правильнаго продолженія занятій. Ректоръ петербургскаго университета Ждановъ заявилъ, что объединить, университетъ въ одно общее нравственное цѣлое нѣтъ возможности, и что возобноленіе занятій возможно только тогда, когда послѣдуетъ офиціальное распоряженіе объ открытіи учебныхъ заведеній. Жданова поддержалъ директоръ высшихъ женскихъ курсовъ Раевъ. На совѣщаніи того же дня было постановлено начать занятія 15 февр.

— Во всякомъ случаѣ студенчество твердо рѣшило не продолжать занятій. Въ газетахъ помѣщенъ цѣлый рядъ резолюцій, принятыхъ въ университетахъ, спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, и всѣ они заканчиваются однимъ рѣшеніемъ не начинать занятій до 1 сентября, причемъ въ дальнѣйшемъ молодежь представляетъ себѣ просторъ дѣйствій. Но всюду находятся небольшія кучки учащихся, которые идутъ противъ рѣшенія товарищей. На этой почвѣ возникла цѣлая газетная литература, созданная благонамѣренными студентами, заявляющими о своей готовности учиться.

— Академія художествъ была открыта администраціей 3-го февраля для занятій. Въ тотъ же день была созвана сходка студентовъ. Всѣхъ учащихся въ академіи 368 человѣкъ, въ Петербургѣ оказалось 324, а на сходкѣ присутствовало 237. Студенты большинствомъ 206 голосовъ противъ 31, при 1 воздержавшемся приняли слѣд. рѣшеніе: „Мы. учащіеся въ академіи художествъ, собравшись 3-го февраля, солидарные въ протестѣ съ другими учебными заведеніями, постановили прекратить занятія до сентября".

Резолюція была закрѣплена круговой порукой забастовавшихъ академистовъ за ихъ личными подписями. Будетъ произведенъ опросъ неприсутствовавшихъ товарищей и присоединеніе подписей къ резолюціи.

7 Февраля состоялась сходка *въ Петербургскомъ университетѣ* при участіи студентовъ, профессоровъ, преподавателей, представителей печати и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Почти единогласно (большинствомъ 2400 противъ 80) была принята резолюція общаго характера и единодушно рѣшено прекратить занятія до 1-го Сентября. Хотя министерство предпринимаетъ опросъ студенчества по поводу продолженія занятій, но напередъ можно сказать, что въ этомъ академическомъ году занятій не будетъ.

Между прочимъ, на сходкахъ студенчества громко заявлялось о многочисленныхъ случаяхъ насилія надъ студентами. Студенты требовали защиты отъ хулигановъ, натравливаемыхъ на нихъ со стороны. Вотъ факты.

„Недавно около 2 ч. дня на Ямской улицѣ, въ центрѣ Петербурга, произошелъ слѣдующій случай. Вышедшій изъ трактира съ сильными признаками опьяненія мѣстный торговецъ Степанъ Романовъ внезапно набросился на проходившаго мимо студента петербургскаго университета и съ крикомъ: „Бей студентовъ“ ударилъ его въ спину. Не имѣя возможности защищаться противъ превосходившаго его физическою силою торговца, студентъ очутился въ очень критическомъ положеніи. Собравшаяся толпа очевидно, сочувствовала побѣдителю и поддерживала его одобрительными криками: „Бей студентовъ“! Конецъ этому избіенію положилъ подошедшій на крикъ инженеръ путей сообщенія А. В. А., который освободилъ потерпѣвшаго и принялъ мѣры къ привлеченію виновнаго къ законной отвѣтственности. Стоявшій неподалеку постовой городовой не обращалъ никакого вниманія на разносившійся по всей улицѣ шумъ и, только съ появленіемъ инженера, обратился къ исполненію своихъ обязанностей.

„Слово“ пишетъ. „Всю интеллигентную Москву взволновали случаи насилія надъ студентами, происходившіе 4-го и 5-го февраля на Красной площади у Кремля. 4-го февраля, спустя часъ послѣ катастрофы, среди многотысячной толпы москвичей, ошеломленной, подавленной событіемъ, шныряли какіе-то подозрительные субъекты и кричали: „это студенты виноваты“!.. Ничтожной кучкѣ охотнорядцевъ и вообще торговцевъ по душѣ пришлось такое науськиванье,—и они злобно набросились на двухъ студентовъ. Надъ головами послѣднихъ замелькали кулаки... Полиція *абсолютно отсутствовала*. Протесты публики лишь больше озлобляли буяновъ. Послѣдніе начали набрасываться и на „интеллигентовъ“. Наконецъ, явились 3—4 полицейскихъ. Одинъ изъ нихъ посадилъ на извозчика безпомощно метавшагося студента по Никольской. Двое другихъ городовыхъ пытались вырвать у толпы другого студента, имъ на помощь пришелъ гимназистъ. Взявъ студента подъ руки и защищая отъ ударовъ, городовые повели его по Никольской. Кучка буяновъ не хотѣла разстаться съ жертвой. Говорятъ, что около „верхнихъ рядовъ“ городовые вынуждены были обнажить шашки. Такая же исторія повторилась на Красной площади и 5-го февраля“.

„Студенчество взволновано и вчера, 6-го февраля, на курсовомъ совѣщаніи въ университетѣ, подняло вопросъ о неприкосновенности личности. Рѣшено отправить депутацію къ московскому городскому головѣ, кн. В. М. Голицину, съ ходатайствомъ, чтобы онъ вступился за студенчество, столь же повинное въ распространеніи крамолы и смуты, какъ и остальные россіяне. Городской голова долженъ воздѣйствовать на столичную администрацію, чтобы она гарантировала личную безопасность всѣхъ учащихся отъ произвола некультурныхъ обывателей“.

Неблагополучно и въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

„С. Пет. Вѣд“, пишутъ изъ *Чернигова*.

„Воспитанники духовной семинаріи дошли здѣсь до сильнаго возбужденія: переполнилась чаша терпѣнія, которую подноситъ имъ семинарская инспекція... Лица, завѣдующія этимъ разсадникомъ духовнаго просвѣщенія, точно поклялись, чтобы изъ воспитанниковъ семинаріи сдѣлать не общественныхъ дѣятелей, будущихъ пастырей и проповѣдниковъ свѣтлыхъ идей въ темную и невѣжественную массу, а какихъ-то людей „не отъ міра сего“. Такъ, напр, воспитанникамъ строго запрещено посѣщать театръ, читать свѣтскую литературу— „эти романы“,—служащую отраженіемъ реальной жизни грѣшныхъ нашей планеты; ходить въ городъ гулять и пр. пр.

„Инспекторъ іеромонахъ Евгеній, сдѣлалъ распоряженіе запирать на ключъ двери гардеробныхъ комнатъ, а ключъ брать къ себѣ (неодѣтые семинаристы тогда-де не пойдутъ въ городъ!),

„22 января, послѣ вечерняго богослуженія, семинаристы по обычаю отправились въ гардеробныя комнаты, чтобы переодѣться и погулять съ полчасика, а нѣкоторые, чтобы выдать получить изъ стирки бѣлье. Двери оказались запертыми. Возмущенные такимъ отношеніемъ къ себѣ со стороны „заботливаго“ начальства семинаристы разбили всѣ лампы, освѣщавшія нижній этажъ,

столы, окна, двери, ведущія изъ корридора въ гардеробныя комнаты. Всѣ семинаристы, въ числѣ 400 челов., отправились въ квартиру инспектора, но послѣдній, чуя бѣду,—которую самъ же создалъ себѣ,—спустился съ 3-го этажа по веревочной лѣстницѣ и уѣхалъ въ монастырь...

„Когда узнали, что инспектора нѣтъ въ квартирѣ, то весь этотъ своеобразный кортежъ направился къ ректору (въ томъ же зданіи). Видя это шествіе, вся семинарская инспекція уѣхала въ городъ...

„Семинаристы переночевали одни, а утромъ въ 9 часовъ, всѣ отправились къ обѣднѣ, а по окончаніи ея собрались въ актовый залъ, составили петицію, пригласили ректора, въ присутствіи котораго и прочли ее.

„Семинаристы просятъ гуманнаго къ себѣ отношенія: уваженія къ ихъ личности, упорядоченія пищи, которую находятъ невозможной даже для далеко не взыскательныхъ въ области гастрономіи семинаристовъ: устройство литературныхъ вечеровъ, музыки, танцевъ и др. невинныхъ развлеченій; отлучки въ городъ отъ 2-хъ часовъ до 5-ти вечера".

„Волж. Кр." сообщаетъ, что всѣ среднія учебныя заведенія въ *Саратовѣ* остаются закрытыми. Ученики и ученицы явились было въ классъ, но ихъ отпустили до пятницы, 21-го января.

Некрологъ.

Въ Москвѣ скончался видный общественный дѣятель, профессоръ Николай Александровичъ Карышевъ.

Первые годы его научной дѣятельности связаны съ Петербургомъ, гдѣ онъ преподавалъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ лѣсномъ институтѣ политическую экономію и статистику. Затѣмъ въ 1891 г. онъ получаетъ каѳедру въ дерптскомъ, нынѣ юрьевскомъ университетѣ, откуда, пробывъ слишкомъ два года, переноситъ свою профессорскую дѣятельность въ Москву. Здѣсь онъ, втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ, преподаетъ въ московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ. Николай Александровичъ извѣстенъ также какъ земскій дѣятель; въ 1881—84 гг, онъ былъ гласнымъ александровскаго уѣзднаго земства, въ 1894 г. онъ былъ избранъ вновь; одно время былъ въ томъ-же уѣздѣ почетнымъ мировымъ судьею... Съ большою любовью онъ относился къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ находились двѣнадцать земскихъ начальныхъ школъ; онъ былъ организаторомъ и попечителемъ гнѣдинскаго ремесленнаго училища, въ которомъ въ теченіи двухъ лѣтъ преподавалъ нѣсколько предметовъ.

Со второй половины 70-хъ годовъ Н. А. сталъ сотрудничать въ „Русскомъ Богатствѣ", „Земскомъ Обзорѣ", „Юридическомъ Вѣстникѣ", „Земствѣ".

Въ „Русскомъ Богатствѣ" покойный профессоръ велъ до послѣдняго времени отдѣлъ научно-литературнаго экономичекаго обозрѣнія.

Изъ научныхъ трудовъ покойнаго наибольшей извѣстностью пользуются „Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики".

Какъ данное сочиненіе, такъ и прочія, главнымъ образомъ посвящены вопросамъ сельскаго хозяйства, и въ частности хозяйства мелкаго, крестьянскаго. Будучи однимъ изъ послѣднихъ народниковъ прошлаго, покойный всего болѣе останавливается въ своихъ трудахъ на нуждахъ крестьянъ, какъ землепашцевъ.

Его трудъ „Экономическія бесѣды", написанный съ цѣлью дать неподготовленному сельскому читателю понятія о главныхъ основахъ политической экономіи, по своему сжатому изложенію вполнѣ оправдалъ свою роль...

Покойный былъ еще не въ преклонномъ возрастѣ, онъ скончался на 55 году.

(„Нов.").

= 28 января, въ 1 часъ дня, въ Казанскомъ соборѣ была отслужена панихида по незабвенномъ Н. К. Михайловскомъ, всю свою жизнь боровшемся за обще-человѣческіе идеалы и свободу личности. Память славнаго писателя свято хранится въ образованной части русскаго. На панихиду собралось до полутора тысячи человѣкъ, главнымъ образомъ учащейся молодежи. Среди публики, наполнявшей соборъ, были многіе извѣстные писатели и общественные дѣятели.

Судебная хроника.

Политическіе процессы.—Дѣло о центральномъ кружкѣ рабочихъ омскихъ жел.-дор. мастерскихъ —Дѣло о распространеніи нелегальныхъ изданій.—Полит. дѣла въ Саратовской и Виленской судебныхъ палатахъ.—Окончаніе Гомельскаго процесса.—Въ военно-морскомъ судѣ.—Аграрные безпорядки.—Злоупотребленія полицейскихъ властей.—Своеволіе дворниковъ.—„Черная сотня“ и студенты.—Офицеры—обвиняемые въ камерѣ Царицынскаго судьи.—Обвиненіе священника въ клеветѣ.—Вознагражденіе за стачки.

Настоящее время поражаетъ обиліемъ т. наз. политическихъ процессовъ, при чемъ можно отмѣтить характерное явленіе: раньше подсудимыми являлись большею частью представители интеллигентной профессіи, теперь же—сплошь и рядомъ на судѣ выступаютъ простые рабочіе— крестьяне и мѣщане. Не менѣе характернымъ для нашего времени является и то, видимо, гуманное отношеніе даже коронныхъ судовъ къ „политическимъ“. Разница между настоящимъ и недавнимъ прошлымъ рѣзко бросается въ глаза, если вспомнить суровые приговоры по дѣлу хотя бы Достоевскаго, Чернышевскаго и др. писателей съ современными приговорами по политическимъ дѣламъ.

Изъ бывшихъ на разсмотрѣніи судебныхъ учрежденій дѣлъ, остановимся прежде всего на дѣлѣ о „Центральномъ кружкѣ рабочихъ омскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ“, которое слушалось недавно въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената.

Обвинялся крестьянинъ Андрей Залогинъ по 126, 132 и 129 статьямъ новаго уголовнаго уложенія. Дѣло его возникло по доносу нѣкоего Попова. Послѣдній— бывшій ученикъ омскаго желѣзнодорожнаго училища, участникъ революціонныхъ организацій, дѣятельность котораго даже въ заключеніи товарища оберъ-прокурора Кемпе охарактеризована словомъ— „провокаторъ“.

5 іюля 1903 года Залогинъ былъ арестованъ въ Омскѣ на городскомъ бульварѣ. При арестѣ и произведенномъ у него обыскѣ найдены были прокламаціи, составленныя по поводу политическихъ арестовъ въ Омскѣ. Начинаясь словами: „Къ рабочимъ и гражданамъ г. Омска! Въ ночь на 21 іюня на сонныхъ омскихъ обывателей, какъ стая хищныхъ разбойниковъ, налетѣла шайка жандармовъ“, прокламаціи эти содержатъ описаніе арестовъ и обысковъ, производившихся въ Омскѣ, при которыхъ женщинъ раздѣвали до нижняго бѣлья, пропадали деньги и т. д., и заканчиваются тѣмъ, что такой антиправовой образъ дѣйствій полиціи возможенъ только при существующемъ государственномъ строѣ. Кромѣ прокламацій, у Залогина найдена была рукопись „Борьба классовъ“, представляющая историческій очеркъ борьбы пролетаріата съ буржуазіей и революціонными движеніями во Франціи въ концѣ 18 вѣка и 1830, 48 и 71 годахъ. „Борьба классовъ“ старается доказать, что каждый классъ общества преслѣдуетъ свои эгоистическія цѣли. Во времена революціи пролетаріатъ боролся за политическую свободу наравнѣ со всѣми, свобода была достигнута, а взаимные интересы сталкивались, и прежніе союзники безпощадно на него набрасывались, не останавливаясь дѣйствовать пулями и штыками. Буржуазія, по мнѣнію автора, злѣйшій врагъ пролетаріата. Такъ было въ Англіи, такъ есть и у насъ. Отсюда для русскаго пролетаріата вытекаетъ необходимость „создать теперь же самостоятельную, сильную и единую соціалъ-демократическую партію, а не идти въ хвостѣ либеральной буржуазіи. Когда настанетъ день революціи, русскій пролетаріатъ дол-

женъ стать во главѣ движенія, и для того, чтобы буржуазія не подавила его силою штыковъ, нужно требовать распущенія постоянной арміи и созыва народнаго ополченія".

Свидѣтель Петръ Поповъ сообщилъ, что въ Омскѣ существуетъ особая соціалъ-демократическая организація, руководитъ ею „омскій городской комитетъ", и подъ его руководствомъ, между прочимъ, функціонируетъ „центральный кружокъ рабочихъ омскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ". Въ числѣ другихъ лицъ Поповъ указалъ на Зологина, какъ на члена „комитета".

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Залогинъ привлеченъ былъ къ суду омской судебной палатой за участіе въ тайной антиправительственной организаціи и за храненіе и распространеніе запрещенныхъ изданій, причемъ авторомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ онъ самъ.

Затѣмъ, когда Залогинъ находился уже въ предварительномъ заключеніи, къ нему предъявлено было новое обвиненіе по 124 ст. угол. ул. за передачу помѣщавшемуся въ камерѣ надъ нимъ арестанту Левину написанной Залогинымъ „программы россійской соціалъ-демократической партіи".

Омская судебная палата отнеслась критически къ показаніямъ доносчика Попова и, оправдавъ Залогина отъ обвиненія въ принадлежности къ тайному сообществу и размноженіи сочиненій, возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическихъ дѣяній, признала его виновнымъ въ храненіи антиправительственныхъ сочиненій и распространеніи ихъ, выразившемся въ передачѣ программы Левину, присудивъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ и 4 мѣсяца.

Приговоръ былъ опротестованъ прокуроромъ въ Сенатъ. Въ Сенатѣ даже товарищъ оберъ-прокурора Кемпе, какъ уже сказано, одобрилъ отношеніе палаты къ показаніямъ Попова и высказался за утвержденіе приговора палаты. А защитникъ подсудимаго, прис. пов. Сокольскій указалъ на неточность и противорѣчивость показаній Попова и на его несомнѣнно провокаторскую дѣятельность,—наказаніе, опредѣленное палатою. находилъ достаточно тяжкимъ для Залогина и просилъ оставить протестъ безъ послѣдствій. Кромѣ того, заявлялъ онъ,—какъ бы строго ни относиться къ Залогину съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона, но нельзя же отрѣшиться отъ мысли, что онъ въ своей дѣятельности руководствовался не низменными мотивами, а преслѣдовалъ, быть можетъ, неправильными путями, идеальныя цѣли и увлекался теоріями, ставящими себѣ задачей достиженіе общаго блага и идеальнаго правопорядка.

Сенатъ утвердилъ приговоръ палаты.

== Вторымъ слушалось дѣло по обвиненію въ такомъ-же преступленіи полоцкаго мѣщанина Абрама-Зоськи Залманова Левита-Рѣзникова, 29 лѣтъ.

Дѣло это первоначально разсматривалось 9-го ноября 1904 года с.-петербургской судебной палатою. Преступленіе Левита-Рѣзникова выразилось въ томъ, что онъ въ концѣ 1903 г. въ г. Крестцахъ передалъ практиканту лѣсного вѣдомства Павлу Вейсу, для прочтенія, изданія „партіи соціальной лиги и соціалдемократической организаціи „Жизнь" подъ заглавіями: 1) „Сказаніе о несправедливомъ царѣ", 2) „Листки жизни", № 8 за 1892 и 3) „Бунтъ въ Горанахъ". Изъ вышеозначенныхъ брошюръ: 1) „Листки жизни" являются, какъ значится на первомъ же листѣ, „изданіемъ соціалъ-демократической организаціи —Жизнь"; 2) брошюра „Бунтъ въ Горанахъ", какъ значится на ея обложкѣ, также изданіе „соціалъ демократической организаціи—„Жизнь", разсказъ этотъ тенденціознаго содержанія и направленъ къ возбужденію крестьянъ противъ помѣщиковъ и органовъ правительства и 3) „сказаніе о несправедливомъ царѣ"; на обложкѣ этой брошюры значится, что она принадлежитъ къ „народной революціонной библіотекѣ" и издана „партіею соціалистовъ-революціонеровъ и аграрно-соціалистической лиги".

С.-петербургская судебная палата опредѣлила: признавъ Левита Рѣзникова виновнымъ въ преступленіи, указанномъ во 2 п. 1 ч. 129 ст. угол. улож. съ примѣненіемъ манифеста 11 августа 1904 г., заключить его въ крѣпость на 4 мѣсяца.

По настоящему дѣлу было подано особое мнѣніе членомъ с.-петербургской судебной палаты, Н. А. Булатовымъ, гдѣ онъ доказывалъ, что простая передача однимъ лицомъ другому какого-либо сочиненія преступнаго содержанія вслѣдствіе лишь желанія ознакомить другое лицо съ содержані-

емъ сочиненія, представляющимся передающему лицу почему-либо особо интереснымъ, или же вслѣдствіе просьбы другого лица, желающаго только изъ любопытства ознакомиться съ этимъ содержаніемъ, не можетъ считаться тѣмъ распространеніемъ, о которомъ говорится въ 129 ст., поэтому въ особомъ мнѣніи проводилась мысль признать подсудимаго Левита Рѣзникова по суду оправданнымъ".

Послѣ долгаго совѣщанія, сенатъ постановилъ передать дѣло въ ту же Палату для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія.

= 26-го января виленская судебная палата при участіи сословныхъ представителей заслушала два политическихъ дѣла: 1) по обвиненію мѣщанина Боруха Финкельштейна въ принадлежности къ революціонной организаціи, извѣстной подъ названіемъ „Бунда"; Финкельштейнъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ; защищалъ прис. пов. М. С. Маргуліесъ; 2) по обвиненію 7 лицъ въ принадлежности къ революціонной организаціи; судебная палата оправдала Фейгу и Бобку Дерентовичей и Герша Гожанскаго, Мовшу Бурде приговорила къ 4 мѣс. крѣпости, Давида Давидовскаго, Ашера Дерсктовича и Якова Копельмана къ 2 м. 20 дн. крѣпости. Защищали обвиняемыхъ гг. М. С. Маргуліесъ, В. И. Абрамовичъ и М. Е. Выгодскій.

= Въ Одесской Суд. Палатѣ, при закрытыхъ дверяхъ слушались два политическихъ дѣла. По первому обвинялся И. Клугманъ 20 лѣтъ, по второму Д. Браварникъ 22 лѣтъ. Къ обоимъ подсудимымъ предъявлены обвиненія по 2 п. 132 ст. угол. улож. Защищалъ подсудимыхъ прис. пов. Б. М. Цвиллингъ. Палата признала обоихъ обвиняемыхъ виновными и приговорила ихъ къ заключенію въ крѣпости, каждаго на 6 мѣсяцевъ.

= Скоро особымъ присутствіемъ саратовской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей въ усиленномъ составѣ, будетъ слушаться дѣло бывшаго члена саратовской городской управы А. В. Милашевскаго, обвиняемаго въ государственныхъ преступленіяхъ. Дѣло это Сарат. судебной палатой уже было разсмотрѣно въ прошломъ году, и г. Милашевскій былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 4 года. Но правительствующій сенатъ, по жалобѣ защиты, кассировалъ этотъ приговоръ палаты и передалъ дѣло въ другой департаментъ послѣдней. Подсудимый находится въ предварительномъ тюремномъ заключеніи, онъ — бывшій помощникъ прис. повѣр. Ходатайство защиты объ освобожденіи г. Милашевскаго на поруки палата не удовлетворила. Защитниками подсудимаго, кромѣ саратовскаго прис. повѣр. г. Токарскаго, приглашаются еще петербургскіе— гг. Карабчевскій и Купернйкъ.

= Въ виленской судебной палатѣ въ февралѣ мѣсяцѣ слушается рядъ политическихъ дѣлъ: 1) по обвиненію дѣйствительнаго студента Моисея Гуревича, мѣщанки Рахили Гершановичъ, мѣщанина Моисея Рафеса, мѣщанки Деборы Фишеръ, мѣщанина Ханна Лапина, мѣщанина Арія Брумберга и купеческаго сына Хона Рубаненко въ принадлежности къ революціонному сообществу— „Бунду". Защищаютъ присяжные повѣренные Н. К. Муравьевъ, М. С. Маргуліесъ и М. Ю. Козловскій. 2) По обвиненію крестьянъ Ивана Оріева и Якова Шапошникова въ принадлежности къ партія соціалистовъ-революціонеровъ и 3) по обвиненію дворянъ Галины и Іосифа Мержинскихъ въ отпечатаніи и распространеніи прокламацій революціоннаго содержанія. Защищаетъ всѣхъ обвиняемыхъ присяжный повѣренный М. С. Маргуліесъ. Первое дѣло будетъ слушаться въ Вильнѣ, а послѣднія два—въ Ковнѣ.

= Знаменитое Гомельское дѣло продолжаетъ занимать общество. Не проходитъ засѣданія, чтобъ не произошло к.-н. инциндента. Имъ ознаменовался, по словамъ „Русс. Слова" даже послѣдній день слѣдствія. Именно, когда предсѣдатель предложилъ сторонамъ высказаться относительно дополнительныхъ матеріаловъ,—со скамьи подсудимыхъ евреевъ одновременно поднялись нѣсколько человѣкъ и крайне взволнованнымъ голосомъ просили о немедленномъ перерывѣ засѣданія.

„Намъ необходимо поспѣшить домой, такъ какъ сейчасъ сообщили, что въ городѣ начались безпорядки; запасные солдаты начали разбивать лавочки на базарѣ. Мы не можемъ спокойно сидѣть здѣсь и просимъ сдѣлать перерывъ на одинъ—два дня!..

Эти слова подсудимыхъ вызвали панику въ публикѣ, которая поспѣшно стала оста-

влять судебный залъ. Произошло нѣкоторое замѣшательство и среди членовъ особаго присутствія...

Переполохъ продолжался „Подсудимые, публика и корреспонденты бросились на улицу и поспѣшили на базаръ. По дорогѣ встрѣчались казаки и патрули. Оказалось, однако, что произошла драка, которая была быстро подавлена“.

Вскорѣ засѣданіе возобновляется. На сцену выступаетъ Ельяшевъ, единственный изъ оставшихся защитниковъ подсудимыхъ— евреевъ, съ одной стороны, и гг. Пантелѣевъ, Погожевъ, Бринкенъ, Камененко и Шмаковъ, съ другой. Начинается словесный турниръ, въ которомъ каждая сторона обѣляетъ своихъ.

„Указывая на безправное положеніе евреевъ, на ихъ беззащитность имущественную и тѣлесную, доказывая невозможность съ ихъ стороны „зазнаванія“. Ельяшевъ говорилъ, что обидно слушать теперь средневѣковыя обвиненія противъ евреевъ. Останавливаясь на событіи 29-го августа, защитникъ находитъ его только дракой. Случись такое событіе въ Костромѣ, Твери, его не объявили-бы неблагополучнымъ по племенной враждѣ. Лишь въ виду мѣстныхъ условій создалось такое дѣло“.

Случайной дракой называетъ событія 29 авг. и Пантелѣевъ. Погожевъ уже увѣряетъ, что „евреи, нападая на русскихъ, вызвали погромъ“, что „евреямъ свидѣтелямъ вѣрить нельзя“. А Бринкенъ разражается уже цѣлой филиппикой. „Сравнивая евреевъ съ японцами, волками, умѣющими превращаться въ овечекъ, кошками, набрасывающимися на сало, Бринкенъ рисуетъ евреевъ послѣ Кишинева зазнавшимися, нахальными, вооруженными. Русскіе терпѣли отъ ихъ обмѣра и обвѣса. Русскихъ интеллигентовъ, говорившихъ въ пользу евреевъ, Бринкенъ обрисовываетъ мрачными красками. Защитниковъ евреевъ Бринкенъ обвиняетъ во многомъ и наноситъ имъ тяжкія оскорбленія. Послѣ разгрома евреи, имѣя массу адвокатовъ и образовавъ бюро, забросали-де слѣдственную власть пасквилями, вызвавъ болѣе 600 свидѣтелей „подъ однимъ соусомъ“. „Защитники затемнили дѣло, желая оклеветать Россію передъ цѣлымъ міромъ, пресса же спѣшила все это распространить“...

24 янв. были произнесены обвинительныя рѣчи Романенко и Шмаковымъ. По словамъ Романенко, „послѣ неслыханнаго варварскаго избіенія евреями 29-ти христіанъ, евреи, посредствомъ агентурныхъ свѣдѣній, сообщили полиціймейстеру, что готовится нападеніе со стороны христіанъ. Евреи перваго были нападающею стороною, и дѣйствія христіанъ перваго можно разсматривать какъ самооборону въ дракѣ. Романенко, указывая на милосердіе и терпимость христіанства, утверждаетъ иное въ моисеевомъ законѣ, возродившемся среди дикихъ племенъ. Романенко перечисляетъ отрицательныя стороны еврейства и приходитъ къ заключенію, что русскіе не имѣютъ другихъ путей огражденія себя, кромѣ погромовъ. Необходимость погромовъ поддерживается Шмаковымъ. Видя въ уходѣ защиты сенсаціонную демонстрацію, Шмаковъ возмущается поведеніемъ выставленныхъ на судѣ адвокатовъ и солидарностью защиты съ истцами. Въ заключеніе, Шмаковъ умоляетъ судъ спасти Россію отъ евреевъ“.

„Прокуроръ Рыжовъ, поддерживая обвиненіе въ полномъ объемѣ и признавая наличность религіозной и племенной вражды, дѣйствія скопомъ, не настаиваетъ, однако, на примѣненіи во всей строгости закона, карающаго по 269 статьѣ. „Нужна не жестокость приговора, а правда, соединенная съ милостью; она открываетъ путь для примиренія“.

Товарищъ прокурора Коленко, занявшись дѣйствіями войска и администраціи, протестуетъ противъ обвиненія ихъ въ бездѣйствіи: „Роль войска осложнялась заботой о личной безопасности, и отвѣтственность въ бездѣйствіи, если таковая была, падаетъ на тѣхъ, кто затруднялъ эти дѣйствія“. Въ общемъ Коленко поддерживаетъ также полностью обвиненія какъ противъ христіанъ, такъ и противъ евреевъ.

Заключеніе суда было довольно снисходительное: половину обвиняемыхъ (евреевъ и христіанъ) судъ совсѣмъ оправдалъ, а другую присудилъ къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 недѣль до 4 мѣс. При этомъ приблизительно одинаково поплатились и христіане, и евреи.

По поводу распри между защитниками, г. Пантелѣевъ говорилъ „Горько, обидно слышать пренія не между процессуальными противниками, а между достойными защитни-

камя. Не зажечь Ельяшеву своими патетическими глаголами искру въ сердцахъ, особенно теперь, когда его товарищи по защитѣ покинули эту скамью. Но не слѣдовало-бы и моимъ товарищамъ внушать такую злобу и человѣконенавистничество противъ евреевъ, хотя-бы и подзащитныхъ".

Въ залѣ поднимается громъ рукоплесканій. Предсѣдатель распоряжается очистить залу...

Палата утвердила 73 вопроса о винѣ подсудимыхъ согласно обвинительному акту. Приговоръ былъ произнесенъ 25 янв.

„Предводительствуемые жандармскимъ ротмистромъ Дудкинымъ, фигурировавшіе въ дѣлѣ о погромѣ подсудимые христіане провожали Шмакова на вокзалъ при крикахъ „ура". Такъ окончилась въ гомельскомъ дѣлѣ роль апостала сатанинскихъ проповѣдей Шмакова, бросившаго сѣмя для новаго погрома и новыхъ ужасовъ"—пишетъ корр. „Р. Слова".

= Въ полевомъ военно-морскомъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію матроса 2-й ст. 18-го флотскаго экипажа Гавріила Владимірова по обвиненію въ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 2 ч. 96 и 2 ч. 97 ст. lit. б. военно-морского устава о наказаніяхъ. Приговоръ былъ объявленъ при открытыхъ дверяхъ. Судъ, находя смягчающія вину подсудимаго обстоятельства, приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ безъ срока съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Указанныя статьи устава говорятъ о неповиновеніи начальству въ строю и о нанесеніи оскорбленій дѣйствіемъ и о причиненіи ранъ начальнику-офицеру при исполненіи послѣднимъ въ строю своихъ обязанностей. Lit. б. 2 ч. 97 ст. военно-морского устава предусматриваетъ сужденіе о преступленіяхъ по законамъ военнаго времени, а въ видѣ наказанія опредѣляетъ смертную казнь черезъ разстрѣляніе.

= Въ военно-морскомъ судѣ севастопольскаго порта началось слушаніемъ дѣло о безпорядкахъ, бывшихъ въ казармахъ Черноморскаго флота 3 ноября 1904 года. Подсудимыхъ 35 человѣкъ. Предсѣдательствуетъ предсѣдатель суда генералъ-лейтенантъ Андреевъ, при членѣ суда д. с. с. Матвѣевѣ и временныхъ членахъ суда капитанахъ Шарыгинѣ, Соловьевѣ, Мязговскомъ и Панфиловѣ. Прис. пов. Куперникъ возбуждаетъ ходатайство о слушаніи дѣла при открытыхъ дверяхъ. Судъ вынесъ резолюцію: въ домогательствѣ защиты о слушаніи дѣла при открытыхъ дверяхъ отказать, причемъ предоставить право всѣмъ подсудимымъ оставить въ залѣ засѣданія до двадцати человѣкъ только офицерскаго званія и гражданскихъ чиновъ военно-морского вѣдомства.

= Въ нѣкоторыхъ судахъ опять начались дѣла объ аграрныхъ безпорядкахъ. Такъ, въ Елисаветградѣ выѣздной сессіей одесской судебной палаты 25 и 26 января было разсмотрѣно, какъ сообщаетъ „Ю. Об.", два дѣла о сопротивленіи властямъ на почвѣ аграрныхъ недоразумѣній между крестьянами и сосѣдними помѣщиками. По первому дѣлу—о безпорядкахъ въ экономіи П. Шинкевича при с. Воробьевѣ, елисаветградскаго уѣзда, скамью подсудимыхъ занимали 20 крестьянъ. Палата вынесла слѣдующій приговоръ: къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ приговорены: одинъ подсудимый—на годъ, двое—на восемь мѣсяцевъ; безъ лишенія правъ: 10 человѣкъ къ тюремному заключенію на два мѣсяца 20 дней; 7 человѣкъ оправданы. По второму дѣлу, разсмотрѣнному 26-го января о безпорядкахъ въ экономіи мѣстнаго креза — купца Шевякова, недалеко отъ Бобринца, двѣнадцати крестьянъ,—палата, соглашаясь съ защитой, отвергла предварительное соглашеніе и вооруженное нападеніе и, примѣнивъ, вмѣсто 271, ст. 270 улож. о наказ., приговорила къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ арестантское отдѣленіе: трехъ на 1 годъ, четырехъ на 8 мѣсяцевъ; 2 приговорены на 1/2 года къ заключенію въ тюрьмѣ безъ лишенія правъ; 2 оправданы.

= Все чаще и чаще выплываютъ на свѣтъ Божій дѣла о произволѣ полицейскихъ властей, особенно, нижнихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ разрѣшаются административно, начальствомъ обвиняемыхъ, другія—судомъ. Такъ, въ саратовскомъ судѣ разсматривалось недавно дѣло о лишеніи свободы. Обвиняемый—становой приставъ сердобскаго уѣзда Красновъ. Онъ арестовалъ по подозрѣнію въ поджогѣ крестьянина села Трескина—Красовскаго. Арестованный былъ препровожденъ въ Сердобскъ къ судебному слѣдователю 2-го участка. Послѣ разслѣдованія, судебный слѣдователь не нашелъ

уликъ для привлеченія Красовскаго въ качествѣ обвиняемаго и освободилъ его изъ-подъ стражи. Но такъ какъ у Красовскаго не было денегъ, чтобы вернуться въ село Трескино, и онъ заявилъ объ этомъ, то его препроводили въ уѣздное полицейское управленіе, а оттуда въ распоряженіе станового пристава Краснова. Послѣдній, какъ объяснялъ на судѣ,—„по недоразумѣнію“ продержалъ подъ арестомъ Красовскаго болѣе 2 недѣль. Окружный судъ призналъ Краснова виновнымъ и приговорилъ—сдѣлать ему строгое замѣчаніе, но по Высочайшему манифесту отъ таковаго Краснова освободить.

= Характерное дѣло о полицейскомъ произволѣ разбиралось 19 янв. въ СПБ. у одного мир. судьи.

„Студентъ московскаго университета Смирновъ, проходя 11-го января по Вознесенскому проспекту, увидѣлъ, какъ какой-то слегка пьяный субъектъ, назвавшійся впослѣдствіи Киселевымъ, присталъ къ проходившей мимо женщинѣ; послѣдняя громко выругала Киселева. Двое городовыхъ, проходившихъ по другую сторону улицы, подошли къ кричавшей, и одинъ изъ нихъ ударилъ Киселева по шеѣ кулакомъ, вслѣдствіе чего тотъ свалился на землю. Послѣ этого городовые направились къ своему посту, но студентъ Смирновъ и нѣкто Григорчукъ, служащій въ канцеляріи одной изъ петербургскихъ гимназій, бывшій также случайнымъ свидѣтелемъ происшедшаго, нагнали удалявшихся городовыхъ и потребовали, чтобы они пошли въ участокъ, гдѣ Смирновъ и Григорчукъ, къ которымъ присоединился и побитый Киселевъ, заявили жалобу на дѣйствіе городовыхъ. Въ участкѣ Смирновъ и Григорчукъ слышали изъ сосѣдней комнаты, куда удалили Киселева, дикіе вопли и крики о помощи. Однако, несмотря на это, помощникъ пристава (съ университетскимъ значкомъ) отказался составить протоколъ и записать фамиліи и адреса жалобщиковъ. Результатомъ заступничества Смирнова и Григорчука было привлеченіе ихъ вмѣстѣ съ Киселевымъ къ отвѣтственности за нарушеніе общественной тишины и порядка по 38 ст. уст. о наказ.“

„На судѣ городовые показали, что Киселевъ самъ упалъ, что его въ участкѣ не били, что онъ, молъ, набросился на околоточнаго, который едва спасся, и что обвиняемые Смирновъ и Григорчукъ мѣшали арестовать Киселева“.

„Защитникъ обвиняемыхъ прис. повѣр. М. С. Маргуліесъ указалъ на то, что разница въ показаніяхъ 2 городовыхъ—съ одной стороны—и 3 обвиняемыхъ—съ другой—заключается въ нюансахъ и что эти нюансы и составляютъ ту пропасть, которая существуетъ между администраціей и обывателями; городовые только прикоснулись къ Киселеву, упалъ же онъ самъ, но отъ такихъ прикосновеній администраціи, какъ это знаетъ вся Россія, люди оказываются иногда искалѣченными на всю жизнь, а подчасъ и преждевременно переселяются въ лучшій міръ; городовымъ будто мѣшали отправлять ихъ служебныя обязанности протестомъ противъ ихъ дѣйствій, но мы знаемъ, что при отправленіи этихъ обязанностей слышались вопли избиваемаго Киселева, кромѣ того—Смирновъ и Григорчукъ, вмѣшавшіеся въ дѣйствія полиціи, также твердо вѣрили, что, протестуя противъ насилія, они исполняютъ свой элементарный гражданскій долгъ. Защитникъ просилъ оправдательнаго приговора.

Всѣ обвиняемые были оправданы мировымъ судьею.

= Отъ полиціи произволомъ заражаются и дворники, о похожденіяхъ которыхъ было уже говорено неоднократно. А тамъ—аппетитъ къ кулачной расправѣ разгорается и въ „черной сотнѣ“, всегда съ восторгомъ прибѣгающей къ кулачнымъ „аргументамъ“. Въ провинціи эти „патріоты“ буквально терроризируютъ населеніе. Такъ, изъ Тамбова пишутъ въ СПБургскія газеты. Агитаціей мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ и другихъ реакціонныхъ элементовъ часть тамбовскихъ обывателей, извѣстная печати подъ именемъ „черной сотни“, доведена до чрезвычайной степени раздраженности, которая вылилась, между прочимъ, въ форму извѣстнаго прессѣ тамбовскаго „земскаго погрома“. Со времени этого „погрома“ названная группа лицъ не успокоилась; качественный составъ группы и невѣжественныя, нелѣпыя представленія о положеніи вещей, инспирированныя ей неизвѣстно кѣмъ, заставляютъ интеллигентную часть общества постоянно опасаться проявленія низменныхъ инстинктовъ со стороны науськиваемыхъ членовъ этой группы.

„Постоянно циркулируютъ слухи о томъ, что „будутъ бить“ послѣ концерта въ дворянскомъ собраніи, послѣ студенческаго спектакля и т. д., и слухи эти принимаются какъ вѣроятные: они терроризируютъ публику.

„Хорошей иллюстраціей къ изложенному можетъ послужить судебное дѣло, разбиравшееся недавно въ камерѣ городского судьи 1-го участка г. Тамбова. Одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ „черной сотни“, гражданъ,—купецъ Озеровъ, обвинялся въ нарушеніи тишины дракой въ гостинницѣ и въ оскорбленіи дѣйствіемъ студента Агатова“.

Обстоятельства дѣла слѣдующія: вечеромъ 28-го декабря Озеровъ съ двумя другими героями 14-го декабря, Спиридовымъ и Дмитріевымъ, сидѣлъ въ ресторанѣ „Славянской“ гостинницы за однимъ столомъ, въ то время какъ за другимъ сидѣли Агатовъ съ товарищемъ. Вскорѣ Озеровъ сталъ кидать въ сторону молодежи ругательства и вообще началъ вести себя по отношенію къ Агатову и его товарищу вызывающе. Возмущенные ихъ поведеніемъ, студенты ушли изъ залы. Внизу, въ раздѣвальной, ихъ нагналъ Озеровъ и сталъ бить, несмотря на заступничество трактирной прислуги. Агатовъ выскочилъ на улицу и привелъ городового Кочергина. На просьбу студентовъ оградить ихъ отъ побоевъ городовой, по показаніямъ свидѣтелей, отвѣтилъ, что это не его дѣло, а Озеровъ говорилъ: „Намъ такихъ велѣно бить“.

Городской судья приговорилъ Озерова за нарушеніе общественной тишины и за оскорбленіе дѣйствіемъ въ публичномъ мѣстѣ къ 2-мъ мѣсяцамъ ареста.

= Такъ отличаются „черносотенскіе патріоты“. Но что сказать о „кулачной аргументаціи г.г. офицеровъ? Каково ихъ развитіе, если они не находятъ ничего лучшаго, какъ прибѣгнуть къ доказательствамъ кулака, плети или револьвера?!

Въ Костромѣ, въ театрѣ, эти рыцари оскорбили молодую дѣвушку, а когда сопровождавшій ее гимназистъ далъ одному изъ нихъ пощечину,—явились къ отцу гимназиста и предложили, въ присутствіи ихъ, выпороть бѣднаго кавалера дѣвушки, угрожая въ противномъ случаѣ застрѣлить отца гимназиста... Все общество въ городѣ было возмущено такимъ своеобразнымъ понятіемъ объ офицерской чести. Къ сожалѣнію, до суда дѣло не дошло, а жаль: костромичи лишились любопытнаго зрѣлища, вродѣ того, напр., какое занимало царицынцевъ 31 декабря въ камерѣ мирового судьи 1 уч., гдѣ слушалось похожее дѣло штабсъ-капитана Артюшкова, начальника мѣстной конвойной команды Мозгового и капитана Гумполецъ въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ.

„29-го іюня 1904 г.,—пишетъ „Прив. Кр.“,—у квартиры Артюшкова играла группа ребятишекъ, и кто-то изъ нихъ далъ въ квартиру нѣсколько звонковъ. На звонки вышелъ деньщикъ и увидалъ убѣгающихъ ребятишекъ. Одного изъ нихъ—сына портного Богданова, онъ поймалъ и такъ старательно поучилъ, что у него на затылкѣ оказались кровоподтеки“.

„Мать ребенка на поступокъ деньщика пошла жаловаться къ барину, но его дома не оказалось, а была лишь офицерша, которая жалобницу не только не приняла, но даже деньщику приказала ее выгнать въ шею. Деньщикъ, выгоняя Богданову, дѣйствительно нѣсколько разъ толкнулъ ее въ грудь; но къ этому времени, когда выгоняли Богданову, подошелъ ея мужъ и, видя такое обращеніе съ женой по приказанію „барыни“, сказалъ: „Моя жена бурлачка и то-бы такъ не поступила, какъ ваша барыня; такъ дѣлаютъ только кухарки“! Послѣ этого Богдановы ушли домой. Но спустя около часа къ нимъ на квартиру пришли шт.-капитанъ Артюшковъ, державшій въ рукахъ плеть, Гумполецъ и начальн. конв. команды Мозговой и безъ всякаго разговора начали бить Богданова,—Артюшковъ плетью, а Мозговой кулаками. Прибѣжала жена Артюшкова и въ окно квартиры Богданова закричала мужу: „Вы напрасно его бьете, виноватъ не онъ, а его жена“. При выходѣ офицеровъ Богдановъ спросилъ ихъ, за что его били. Мозговой на это закричалъ: „Негодяй, еще смѣетъ спрашивать“! и тутъ же ударилъ его кулакомъ по лицу. Богдановъ былъ освидѣтельствованъ городовымъ врачемъ, который нашелъ кровоподтеки отъ ударовъ кулакомъ и плетью.

„Судья приговорилъ шт.кап. бобруйскаго полка Артюшкова на три недѣли, а Мозгового на 2 недѣли ареста при гауптвахтѣ.

= Вообще у насъ всякая „власть“ понимаетъ довольно своеобразно свои обязанности. Любопытно, въ этомъ отношеніи разбиравшееся 28-го января въ Съѣздѣ СПБ.

Мир. Судей дѣло брандъ-майора Э. Э. Лунда, показывающее, какіе порядки царятъ у насъ въ пожарныхъ командахъ.

„Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Брандъ-майоръ приказалъ вахмистру команды посадить нѣкоего Петрова на бочку и выстричь ему на головѣ волосы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они казались „лишними"... Исполняя приказаніе, вахмистръ Огаренко „выхватилъ" у Петрова ножницами нѣсколько клоковъ волосъ, и до такой степени изуродовалъ бѣднягу, что тотъ сталъ походить на бѣглаго каторжника. Допросомъ свидѣтелей установлено было, что отъ всѣхъ служащихъ въ командѣ требуется стричь волосы. Петровъ же, имѣя пышную шевелюру, не хотѣлъ подчиниться этому требованію".

„Признавая брандъ-майора Лунда виновнымъ въ оскорбленіи Петрова, мировой судья приговорилъ его къ штрафу въ десять рублей, вахмистра же, исполнившаго лишь приказаніе начальника, оправдалъ. Петровъ перенесъ дѣло въ съѣздъ. Съѣздъ увеличилъ наказаніе брандъ-майора до 45 руб. штрафа въ пользу мѣстъ заключенія, съ замѣной, на случай несостоятельности, арестомъ на пять сутокъ".

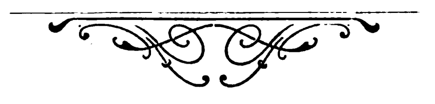
— Видимо, теперь совершенно спутались понятія о правахъ.

На свѣтъ Божій всплываютъ самыя чудовищныя дѣла. Развѣ, напр., не чудовищно само по себѣ „дѣло по обвиненію законоучителя", стало быть, интеллигентнаго человѣка, въ клеветѣ и доносѣ? А именно такое дѣло будетъ разбираться въ Майкопѣ (Куб. обл.) у мироваго судьи. Обвиняемый—законоучитель мѣстнаго реальнаго училища, свящ. Поповъ. Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

„Свящ. Поповъ, въ бытность свою приходскимъ священникомъ, донесъ въ жандармское правленіе на нѣкоего г. Антонова, обвиняя послѣдняго въ политической неблагонадежности: въ распространеніи толстовскихъ идей, непосѣщеніи церкви въ табельные дни и еще въ чемъ-то важномъ — въ чемъ именно, пока не удалось узнать. Жандармское правленіе командировало въ ст. Гіагинскую офицера-жандарма, который установилъ дознаніемъ ложность доноса. Обвиненный въ неблагонадежности г. Антоновъ подалъ въ судъ жалобу на о. Попова, обвиняя послѣдняго въ клеветѣ"...

— Майкопцы, вообще, не прочь отъ доносовъ. Когда волна общественнаго освободительнаго движенія разбудила и майкопцевъ,—пишутъ въ „Н. Ж.", — группой интеллигентныхъ гласныхъ и мыслящею частью нашего майкопскаго общества была отправлена министру внутр. дѣлъ петиція (52 подписи), въ которой выражалось пожеланіе расширенія правъ, городскихъ самоуправленій и сочувствіе постановленіямъ съѣзда земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ. Петицію подписали и нѣкоторые изъ преподавателей. Но вотъ кѣмъ-то, повидимому, изъ учительской среды продолжаютъ практиковаться весьма неблаговидные пріемы по части „патріотизма". У одного изъ учениковъ V кл. реальнаго же училища М. былъ произведенъ обыскъ полиціймейстеромъ, при чемъ арестовали у М. два номера „Нашей Жизни". „Въ чемъ счастье"? Толстого и какія-то приложенія къ газетѣ „Свѣтъ". Составленъ протоколъ, и дѣло передано жандармскому правленію.

— Въ заключеніе нашей хроники укажемъ на любопытный фактъ, какъ мировые судьи относятся къ стачкѣ. „27-го января, въ камерѣ мироваго судьи 2-го участка г. Лебединскаго слушалось дѣло по иску рабочихъ фортепіанной фабрики Шредера, требовавшихъ платы съ владѣльца фабрики за время ихъ забастовки, послѣдовавшей подъ давленіемъ другихъ рабочихъ. На судѣ рабочіе показаніями свидѣтелей установили, что работу прекратили они не по своей волѣ, а подъ давленіемъ другихъ рабочихъ, требовавшихъ прекращенія ими работъ. Мировой судья въ виду этого удовлетворилъ исковыя требованія рабочихъ. („Биржевыя Вѣдомости").

Современная жизнь за границей.

Бѣдное человѣчество. — Современное общество и современный типъ — „арривистъ". — Романъ Шансора—миніатюра жизни современнаго общества. — Борьба Комба за республику. — Травля его.—„Арривистъ".—Думеръ, президентъ палаты.—Послѣдняя битва Комба. Уходъ его.—Побѣда „арривистовъ".—Министръ Рувье-Делькассэ.—Направо или налѣво?—II. Лернейская гидра.—Опять клерикалы.—Отставка Кербера. — „Къ свѣдѣнію" правящихъ. — Выборы въ Венгріи.—Народъ сказалъ свое слово.—„Независимый".—Францъ Кошутъ и императоръ Францъ Іосифъ.—Трогательное перемиріе между Квириналомъ и Ватиканомъ.—„Слушай"! — лозунгъ борцовъ за свободу. — Дополнительные выборы, патеры и лавочники. — Страна, гдѣ зрѣютъ апельсины и „голодные" бунты. — Безпрерывное шатаніе.—Тоже жизнь. — III. Болѣе высокая общая культурность.—Стачка въ Вестфаліи.—Синдикатъ углепромышленниковъ въ роли agent provocateur.—Требованія рабочихъ.—Стачка и законъ.—Право торговаться.—Страстная битва и лойяльность.—Общегражданскія права и корректность.—Пройденныя ступени.

Бѣдное человѣчество... Кровью оно добываетъ право на свободное развитіе, на признаніе его человѣческой толпой, а не звѣринымъ стадомъ, но всегда оно должно быть готово къ защитѣ уже добытыхъ правъ, опять и опять должно отвоевывать уже разъ занятыя позиціи. Одинъ невѣрный шагъ— и здѣсь уже готовы „друзья, чтобъ предать,— враги, чтобъ погубить". Вся современная исторія Европы полна этимъ отвоевываніемъ уже давнымъ-давно занятыхъ позицій,—этой, часто кровавой, борьбой съ призраками, съ тѣнями давно-минувшаго. Формула прогресса—два шага впередъ и одинъ назадъ—царствуетъ во всей своей силѣ и въ Европѣ. Долго ли еще будетъ господствовать эта формула, и выйдетъ-ли когда-нибудь человѣчество на свободный, безпрепятственный путь?

Все это глубокіе, мучительные и... безцѣльные вопросы. Во всякомъ случаѣ, одно несомнѣнно, что если Европа и дѣлаетъ шагъ назадъ, то она все-же дѣлаетъ и два впередъ .. А вѣдь это тоже не всюду бываетъ.

По внѣшнему, жизнь Европы блестяща и красива, по внѣшнему она гордо и свободно идетъ впередъ. Да,—внѣшность имѣетъ то грубое преимущество, что она—наружу и, слѣдовательно, какъ грубый фактъ, какъ дерзкій успѣхъ, завоевываетъ себѣ вниманіе, сосредоточиваетъ его на себѣ. Внутреннее же содержаніе требуетъ изученія, искренняго желанія узнать истину.

А внутренняя жизнь современныхъ культурныхъ государствъ печальна и жалка. И наблюдателю европейской современности очень трудно сказать, въ какой странѣ жизнь бѣдственнѣе,—гдѣ именно трагичнѣе неизмѣнная, неизбытная скорбь народныхъ массъ, гдѣ разложеніе правящихъ классовъ пошло дальше.

Мы имѣли уже случай сказать, что по нашему мнѣнію внутреннюю жизнь современныхъ обществъ всего лучше можно вычитать изъ литературы. И вотъ, мы видимъ цѣлый рядъ произведеній во Франціи, гдѣ каждая строчка говоритъ о *настоящемъ* декадансѣ,—не о невинной поэзіи „упадка", а о гніющей язвѣ разложенія.—Мы остановимся на одномъ изъ этихъ произведеній, такъ какъ намъ кажется, что нѣкоторые типы, выведенные въ немъ, даютъ намъ ключъ къ объясненію хотя-бы послѣдней парламентской борьбы во Франціи.

Шансоръ, извѣстный французскій романистъ, выпустилъ недавно два новыхъ романа. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, остановиться на нихъ подробнѣе, хотя оба очень интересны, но въ нѣсколькихъ словахъ мы хотимъ разсказать объ одномъ изъ нихъ.

Есть новое словечко чисто-парижскаго

происхожденія, которое получило теперь право повсемѣстнаго гражданства. „Арривистъ“ имѣетъ совсѣмъ другую душу, да и внѣшность другую, чѣмъ нашъ старый знакомецъ-„карьеристъ“. Карьеристъ имѣетъ цѣль, предѣлъ,—его можно удовлетворить, насытить. Можно представить себѣ карьериста, наѣвшагося, говоря вульгарно, до отвала и остановившагося, — ну, хотя-бы для того, чтобы пофилософствовать о пользѣ того дуба, желудями котораго онъ только что объѣдался. „Арривистъ“ же ненасытенъ; у него нѣтъ цѣли, онъ идетъ только впередъ и впередъ, чтобы быть впереди всѣхъ и жадно забрать себѣ отъ жизни все, что только можно и во всѣхъ возможныхъ областяхъ. Если у карьериста еще теплилась совѣсть въ видѣ остатка религіозныхъ традицій, „пережитка“ нравственныхъ чувствъ,— „арривистъ“ свободенъ, совсѣмъ свободенъ.

Наука, попавшая на улицу, вульгаризованная ею,—по его мнѣнію, оправдываетъ всякое нравственное безобразіе, и одинъ законъ несомнѣненъ для „арривиста“,—въ одномъ онъ глубоко убѣжденъ,—это въ томъ, что „все разрѣшено“, вплоть до границы уголовнаго кодекса.

Но мы отвлеклись. Романъ, обладая нѣкоторыми яркими сценами и характеристиками,—въ общемъ, по нашему мнѣнію, слабъ, и главный интересъ его именно въ томъ, что буржуазія въ лицѣ своихъ романистовъ ясно видитъ разложеніе своего общества,—сама ужасается и ставитъ вопросъ, куда она идетъ и какъ эта трагикомедія должна разыграться. „Герой“—центральная фигура романа „L'arriviste“ Клодъ Берсакъ—истинное чудовище, чистый типъ нравственнаго идіота. Онъ юристъ и мечтаетъ только объ одномъ,—о томъ, какъ бы продвинуться впередъ, какъ получить доступъ къ налитой чашѣ жизни, манящей и зовущей его. Романистъ ярко и сильно рисуетъ всѣ блага современной намъ матеріальной культуры и, съ другой стороны, всѣ новѣйшія философскія переживанія современной мысли, которыми такъ облегчены всѣ запросы нравственности. Любопытенъ замыселъ автора: самыя смѣлыя, дерзкія мысли и совершенно обнаженныя теоретическія выкладки онъ вкладываетъ въ уста друга героя, — медика по спеціальности, страстнаго библіофила и поклонника философіи, литературы и искусствъ — Жака де-Миранда. Будучи самъ человѣкомъ съ мягкой и красивой душой,—онъ теоретически находитъ, что убійство изъ личныхъ интересовъ допустимо.

Строй мыслей, знакомый русскому читателю, знающему больную душу Раскольникова. Но то, что у Раскольникова было крикомъ истерзанной души,— здѣсь укладывается въ рамки стройной философской теоріи, смывающей всѣ нравственныя преграды, разрѣшающей все. Этотъ мягкій теоретикъ смакуетъ тонкіе оттѣнки мысли, а его другъ— арривистъ Борсакъ идетъ впередъ и пользуется этой теоріей. Все разрѣшено—и онъ убиваетъ любовницу де-Миранда, предварительно ограбивъ ее, искусно взваливаетъ вину на Жака де-Миранда, и блестяще защищаетъ его на судѣ. Онъ богатъ, имѣетъ извѣстность, какъ юристъ, и спокойно наслаждается своимъ успѣхомъ.

Авторъ дальше нагромождаетъ совершенно излишніе ужасы. Онъ показываетъ намъ арривиста въ минуту слабости, когда онъ все разсказываетъ своей любовницѣ Ренэ. Она полна отвращенія къ нему, сходитъ съ ума и умираетъ. Оправданный Жакъ убѣждается, что Борсакъ преступникъ, и обвиняетъ его передъ всѣмъ обществомъ, но всѣ, хорошо зная, что это правда, предпочитаютъ все же закрыть глаза и не ссориться съ сильнымъ арривистомъ. Жакъ умираетъ, не отомстивъ. Дѣло мести беретъ на себя анархистъ.

Этимъ буржуазный авторъ хочетъ, повидимому, подчеркнуть значеніе арривизма—указать, что арривистъ Борсакъ— воплощеніе самого современнаго общества. Впрочемъ, самъ авторъ въ мысляхъ, быть можетъ, и не шелъ такъ далеко, но за него идетъ его произведеніе, и оно несомнѣнно говоритъ это. Итакъ, анархистъ хочетъ убить Борсака, но арривистъ имѣетъ звѣзду и... вѣрныхъ, хорошо оплачиваемыхъ слугъ. Слуга убиваетъ анархиста и спасаетъ своего господина. Спокойный, торжествующій онъ продолжаетъ ходить между нами, и вся жизнь служитъ ему.

Романъ написанъ сильно и смѣло и можетъ служить прекрасной иллюстраціей въ жизни современнаго общества.

О другомъ романѣ того же автора и еще о нѣкоторыхъ произведеніяхъ французской

литературы, мы поговоримъ другой разъ. Теперь-же перейдемъ къ изложенію послѣднихъ событій во Франціи.

Въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ намъ приходилось говорить о той борьбѣ за торжество республиканскихъ идей, которую ведетъ министерство Комба во Франціи. Мы говоримъ о той awkward кликѣ темныхъ силъ, соединившихся для сверженія его,— о тѣхъ разнообразныхъ элементахъ, изъ которыхъ она состоитъ. Здѣсь патеръ съ крестомъ на груди, доблестный генералъ въ блестящихъ эполетахъ, благородные потомки своей подлостью знаменитыхъ отцовъ, представители haute bourgeoisie и впереди ихъ, какъ яркій ихъ выразитель и достойный представитель—какой-нибудь Борсакъ,—одинъ изъ тѣхъ арривистовъ, о которыхъ такъ ярко разсказываетъ намъ Шансоръ, который на все способенъ и ни передъ чѣмъ не остановится.

Скандалъ, доносы, клевета—всё это выросло въ настоящую травлю, но Комбъ продолжалъ оставаться на своемъ посту. Количество перебѣжчиковъ изъ сплоченнаго имъ республиканскаго большинства всё увеличивалось, но они трусливо прятались, и когда министерство ставило вопросъ о довѣріи, то оно неизмѣнно получало большинство. Но травля дѣлала свое дѣло, и результаты его ясно выразились въ избраніи Думера на постъ президента палаты. Этотъ офиціальный радикалъ и принимавшій въ то-же время некрасивое участіе въ старомъ „буланжизмѣ", былъ, кажется, слишкомъ близко знакомъ и съ націоналистами; не особенно красивъ онъ также былъ и въ роли генералъ-губернатора французскихъ колоній. Таковъ его „формуляръ". И вотъ этого арривиста палата выбрала своимъ президентомъ,—какъ-бы косвенно, трусливо бросая вызовъ министерству. Любопытно,—газеты увѣряютъ, что переговоры между различными группами оппозиціи относительно избранія Думера велись бывшимъ соціалистомъ Мильераномъ, который исключенъ теперь изъ партіи. Мильеранъ былъ заинтетересованъ въ избраніи Думера, такъ какъ это наносило ударъ министерству Комба и избавляло его отъ соперника въ случаѣ, если-бы зашла рѣчь о преемникѣ Комба.

Рѣчь-то дошла до этого, но шампанскаго чаша оказалась налитой не для него,—и на арривиста бываетъ „проруха". Это избраніе Думера, состоявшееся съ помощью закрытой подачи голосовъ, было вотумомъ недовѣрія къ Комбу. Этотъ вотумъ былъ чисто отрицательнымъ и не давалъ никакихъ положительныхъ указаній на то, къ кому долженъ обратиться президентъ Лубе для сформированія новаго кабинета. Въ виду этого, за избраніемъ Думера должны были послѣдовать пренія объ общей политикѣ кабинета. Эти пренія длились два дня. Со всею страстью боролся Комбъ и онъ—вѣрнѣе, принципъ его министерства—побѣдилъ. Палатой была принята резолюція, первая часть которой, выражающая довѣріе министерству, прошла всего шестью голосами. Зато вторая часть, одобряющая программу кабинета, была принята подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Этотъ вотумъ ясно показываетъ, что палата ничего не имѣетъ противъ программы Комба, но хочетъ, чтобы власть перешла въ другія руки,—къ единомышленнику теперешняго министра. Какъ-же случилось это паденіе министерства?

Наиболѣе радикально-настроенная часть палаты находила Комба недостаточно активнымъ въ проведеніи демократическихъ реформъ. Они находили, что Комбъ слишкомъ медлилъ съ выставленной имъ программой: отдѣленіе церкви отъ государства, законы о подоходномъ налогѣ, о страхованіи рабочихъ на случай старости, о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ въ государственную собственность. Эти законы было невозможно провести сразу въ *такой* палатѣ и при такомъ кабинетѣ, гдѣ участвуютъ Рувье, какъ министръ финансовъ и Делькассэ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Демократы это понимали,—понимали и то, что эта смѣшанность министерства существуетъ вопреки волѣ Комба и, несмотря на это, они все-же рѣшили отказать ему въ своей поддержкѣ. Все-же клика „правыхъ", клерикальнаго „центра" и націоналистовъ съ злобной яростью готовы были во всякое время растоптать Комба, а на помощь имъ подоспѣли „диссиденты",—это смягченный синонимъ ренегатовъ, — мечтавшихъ о наслѣдствѣ Комба,—всевозможные арривисты подъ предводительствомъ Мильерана и Думера. Комбъ ушелъ, но передъ уходомъ утвердилъ свою программу настолько, что Лубэ долженъ былъ-бы призвать для составленія кабинета

извѣстныхъ радикаловъ Бриссона, или Клемансо.

Но въ Тюльерійскомъ дворцѣ есть тоже свои симпатіи и антипатіи. Извѣстно, что Лубэ едва терпѣлъ энергичнаго и рѣшительнаго Комба, и когда тотъ палъ, то онъ поручилъ составленіе кабинета оффиціальному „единомышленнику" Комба,— оппортюнисту Рувье. Крайнимъ партіямъ бросили кость въ видѣ нѣсколькихъ второстепенныхъ портфелей, отданныхъ радикаламъ—и тѣмъ еще, что Мильеранъ не получилъ портфеля. Итакъ: у власти министерство Рувье—Делькассэ. Представляясь палатѣ, Рувье увѣрялъ, что онъ будетъ продолжать программу Комба, за что получилъ восторженныя оваціи отъ... „правой",—а „лѣвая" встрѣтила его рѣчь угрюмымъ молчаніемъ и только, когда онъ заговорилъ объ иностранной политикѣ кабинета,—о франкорусскомъ союзѣ—лѣвая единодушно выразила свое глубокое негодованіе.

Итакъ, арривисты побѣдили, но характерно и то, что имъ пришлось для этого переодѣться въ платье „лѣвыхъ", прикинуться, что очи ни о чемъ такъ страстно не мечтаютъ, какъ о „подоходномъ налогѣ", днемъ и ночью думаютъ о томъ, какъ-бы обезпечить рабочихъ на старость и не допустить вліяніе темныхъ клерикаловъ. Министерство Рувье—Делькассэ принуждено volen-nolens опираться на „лѣвую"—изъ этого ясно видно, что Франція сдѣлала замѣтные шаги впередъ по пути демократіи.

II.

Одинъ невѣрный шагъ—и всегда готовы „друзья, чтобы предать,—враги чтобъ потубить". Въ такомъ положеніи находится свобода почти во всѣхъ странахъ Европы. Мы только что разсказывали о томъ, какъ пало министерство Комба во Франціи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ разсказать такъ же подробно о томъ, какъ пало министерство Кербера въ Австріи. „Исторія отставки Кербера еще только будетъ написана, и это будетъ очень интересная страница"—говорятъ въ Вѣнѣ. Дѣло въ томъ, что отставка его произошла не потому, что оказалась непригодна его общая политическая система, а только потому, что онъ оказался слишкомъ либеральнымъ министромъ для клерикаловъ—духовъ тьмы и для „высшихъ сферъ" Австріи. Смѣло и дерзко веденная интрига привела его къ паденію, и его мѣсто заступилъ новый министръ-президентъ баронъ Гаучъ. Клерикалы еще болѣе подняли голову; дѣлаютъ вылазки и нападенія на свободную печать. Вся либеральная Австрія стоитъ на сторожѣ, чтобы разъ взятыя позиціи свободы не отдавать и пріобрѣтенныя кровью права гражданина не уступать врагамъ.

Въ то же время состоящая въ уніи съ Австріей—Венгрія ясно продемонстрировала одну истину къ свѣдѣнію „правящихъ сферъ". Истина эта гласитъ, что когда народъ понимаетъ, гдѣ его друзья, то онъ сумѣетъ поддержать ихъ и помочь отстоять его право. Такъ называемое „либеральное" министерство Тиссы, какъ мы разсказывали уже, рѣшилось на дерзкій противоконституціонный актъ, чтобы положить предѣлъ обструкціи. Были назначены новые выборы, и народъ сумѣлъ сказать свое слово: подавляюще громаднымъ числомъ голосовъ прошла оппозиція. Венгрія давно не видала такихъ страстныхъ выборовъ, такого подъема гражданскихъ чувствъ. Соединенной лигой всѣхъ партій оппозиціи управлялъ Францъ Кошутъ—сынъ знаменитаго патріота революціонера—и послѣ побѣды всѣ партіи выразили ему благодарность. По числу голосовъ, полученныхъ партіей Кошута и по настроенію страны, императоръ Францъ-Іосифъ долженъ былъ-бы ему поручить составленіе кабинета, но... Кошутъ кажется Францъ-Іосифу слишкомъ страшнымъ, и объ этомъ не можетъ быть рѣчи. Императоръ остановится на какомъ-нибудь компромиссѣ.

Итакъ,—на посту, во всеоружіи должны быть всегда борцы за свободу. Въ Италіи, благодаря установившимся добрымъ сосѣдскимъ отношеніямъ между Квириналомъ и Ватиканомъ замѣчается усиленное стремленіе сдѣлать „шагъ назадъ". Извѣстно, какими „быстрыми" шагами все время шла Италія впередъ,—извѣстны репрессивныя мѣры, недавно отмѣненныя, бывшія въ Италіи противъ движенія рабочихъ; извѣстны итальянскіе законы о землевладѣніи и проч., и проч. Но въ послѣдніе годы повѣяло другимъ вѣтромъ,—рабочая партія усиливается, съ нею принуждены считаться.

Это и многое другое пугаетъ „правящія сферы“ и другихъ лавочниковъ, а перемиріе между Квириналомъ и Ватиканомъ принесло имъ поддержку въ видѣ большого количества голосовъ правовѣрныхъ католиковъ, которые до недавняго разрѣшенія Папы не принимали участія въ выборахъ. И вотъ недавно происходили дополнительные выборы въ палату и почти всюду, благодаря дѣятельной помощи клерикаловъ, прошли министерскіе кандидаты. Да, народъ въ Италіи еще плохо понимаетъ, гдѣ его друзья—и въ прямомъ соотвѣтствіи съ этимъ находится и экономическое благосостояніе этого народа.

Каждому, разумѣется, ясно, что народное горе и нищета одинаково ужасны, подъ какимъ-бы небомъ онѣ ни были; но есть особая логика, предъ которой безсильна критика разума—логика чувства—въ томъ, что возмущеніе особенно глубоко охватываетъ душу, когда мы видимъ народную нищету въ этой прекрасной странѣ,—простой, зоологическій голодъ въ этомъ дивномъ уголкѣ, который Господь создалъ въ счастливую минуту. Мы помнимъ недавній голодъ въ Сициліи. Мы помнимъ, что правительство свободной, объединенной Италіи выслало войска для „усмиренія“. Мы помнимъ, что это войско стрѣляло въ женщинъ и дѣтей, просившихъ хлѣба. Приведемъ нѣсколько послѣднихъ цифръ и данныхъ объ итальянской эмиграціи. Эмиграція такъ постоянна, такъ необходима для населенія, впавшаго въ безысходную бѣдность, что правительство создало особый эмиграціонный комиссаріатъ, цѣль котораго—урегулировать эмиграцію и направлять рабочія руки въ мѣста, гдѣ на нихъ есть наибольшій спросъ. Растетъ она непомѣрно. Въ пятилѣтіе 1890—94 г. эмигрировало 200 т. человѣкъ; въ слѣдующее пятилѣтіе 300 тысячъ, въ 1901 году 533,245 человѣкъ и въ 1902 году 531,509 человѣкъ.

Благословенная Богомъ страна не можетъ прокормить дѣтей своихъ,—не хватаетъ хлѣба, и полмилліона человѣкъ ежегодно уходитъ изъ Италіи въ другія мѣста искать хлѣба. Они уходятъ во Францію, Германію, Австро-Венгрію, Швейцарію, Сѣверную и Южную Америку,—они всюду, гдѣ можно достать хлѣбъ физическимъ, простымъ, не-квалифицированнымъ трудомъ. Ихъ потребности въ пищѣ, въ платьѣ, въ жилищѣ сведены къ крайнему минимуму, и все же они принуждены почти цѣлый годъ странствовать, чтобы добыть этотъ минимумъ. Весною они работаютъ на поляхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, лѣтомъ обрабатываютъ поля многихъ европейскихъ странъ,—возвращаются на короткую осень къ себѣ домой съ тѣмъ, чтобы на зимнія работы—въ Декабрѣ и Январѣ—поспѣть въ... Аргентину... И такъ изъ года въ годъ.

Странные люди,—они это называютъ жизнью.

Но вотъ бѣда, техника все болѣе завоевываетъ твердое положеніе на міровомъ рынкѣ,—простой физическій трудъ все болѣе вытѣсняется машиной и квалифицированнымъ трудомъ, и въ послѣднее время они часто не находятъ работы тамъ, гдѣ ищутъ.

Комиссаріатъ сообщаетъ, что въ Италіи существуетъ торговля дѣвушками, которыхъ продаютъ для проституціи въ Южную Америку,—что во многихъ городахъ Америки и Европы дѣти итальянцевъ, брошенныя, одни—нищенствуютъ на улицахъ, или зарабатываютъ свой хлѣбъ игрой на шарманкѣ, метеніемъ улицъ, чисткой сапогъ и пр.—Комиссаріатъ доноситъ, что итальянскіе рабочіе въ послѣднее время начали уходить на заработки въ... Китайскую имперію.

Когда вы увидите человѣка со строгимъ профилемъ Цезаря, съ гордо-посаженной головой и изящной шеей, играющимъ во дворѣ на шарманкѣ подъ нашимъ сѣрымъ, плачущимъ небомъ, то знайте, что это—обманутый гражданинъ объединенной, свободной Италіи, терпящій нѣкоторыя неудобства отъ „неудовлетворительности поземельныхъ отношеній“ въ его дивной странѣ, гдѣ цвѣтетъ миртъ и зрѣетъ апельсинъ, но для него—нѣтъ хлѣба.

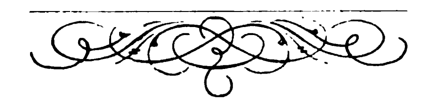
III.

Меньше колебаній, ретроспективной борьбы и неустойчиваго шатанія приходится на долю Германіи. Внимательному наблюдателю европейской жизни ясно, что это происходитъ отъ большей культурности элементовъ, принимающихъ участіе въ политической жизни своей страны, и отъ болѣе полнаго и глубокаго развитія демократическихъ принциповъ, которые медленно, шагъ за шагомъ

завоевываютъ современную Европу. Все последнее время Германія была занята,—парламентъ, печать, народныя собранія, биржа,—всѣ съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за мельчайшими подробностями битвы между трудомъ—Вестфальскими углекопами и капиталомъ — синдикатомъ банкировъ и промышленниковъ — собственниками всего угольнаго района Вестфаліи. Можно съ увѣренностью сказать, что синдикатъ промышленниковъ намѣренно раздражалъ рабочихъ, желая вызвать стачку, чтобы поднять цѣну имѣющагося на складахъ угля и—кстати—сломить силу рабочихъ союзовъ.

Въ виду плохихъ условій промышленности, синдикатъ три года тому назадъ уменьшилъ заработную плату. Союзъ рабочихъ, признавая наличность промышленнаго кризиса, согласился на это. Но дивиденды, выдаваемые синдикатомъ, пропорціонально понизились меньше, чѣмъ жалкая заработная плата углекоповъ и, наконецъ,—кризисъ прошелъ, а плата осталась та же. Мало того, синдикатъ увеличилъ время спуска въ шахты и подъема изъ шахтъ, не принималъ такъ называемаго брака (плохой сортъ угля, качество котораго зависитъ отъ разрабатываемаго пласта, а не отъ рабочаго, конечно!), не допускалъ представителей рабочихъ къ контролю безопасности въ шахтахъ, какъ это уже давно введено въ другихъ странахъ (Англія, Америка); а на протесты рабочихъ вызывающе отвѣчалъ: „кто не подчинится, вылетитъ вонъ". И вспыхнула стачка. Стачка признана Германскимъ законодательствомъ естественнымъ и законнымъ орудіемъ самозащиты „рукъ" противъ страшныхъ щупальцевъ капитала еще въ 1869 г. Рабочій выноситъ свои руки на рынокъ, капиталистъ ихъ покупаетъ; стачка—это торгъ, происходящій между продавцомъ товара—рабочимъ и покупателемъ его—капиталистомъ. Какъ ни проста и ясна мысль, что необходимымъ условіемъ справедливаго торга должно быть право рабочихъ соединяться въ союзы, такъ какъ въ одиночку условія торга слишкомъ неравны для рабочаго,—все-же много времени прошло и много крови было пролито, пока рабочіе получили право стачекъ. Но теперь они имѣютъ это право, въ нихъ не стрѣляютъ, и рабочіе въ Вестфаліи увидѣли себя вынужденными объявить стачку. Сознаніе своихъ гражданскихъ правъ и обязанностей, въ соединеніи съ надеждой на побѣду и строгой дисциплиной, поддерживаемой вождями рабочихъ, твердившихъ своимъ товарищамъ на сходкахъ: „Остерегайтесь алкоголя и насильственныхъ дѣйствій, оберегайте порядокъ"!—все это создастъ удивительную картину сдержанной, вполнѣ лойальной борьбы, протекающей тихо въ рамкахъ обычной гражданственной жизни. Забастовало около двухсотъ тридцати тысячъ человѣкъ,—во многихъ семьяхъ, не смотря на поддержку стачечнаго фонда, давно наступилъ голодъ, а о холодѣ позаботился синдикатъ, прекративъ доставку угля въ квартиры рабочихъ, и все-же нигдѣ порядокъ не нарушенъ, — корректно протекаетъ битва между трудомъ и капиталомъ, сдерживаемая законностью и правосознаніемъ, носителемъ которыхъ съ гордостью считаетъ себя каждый германецъ—отъ вестфальскаго углекопа до предсѣдателя картеля, засѣдающаго въ Берлинѣ. Черство, узко и надменно эгоистично ведутъ борьбу главари синдиката, но можно съ увѣренностью сказать, что они понимаютъ все значеніе правъ гражданина, представляемыхъ закономъ рабочему. Они понимаютъ, что только при широкой законности и истинныхъ нормахъ гражданственной жизни борьба можетъ протекать безъ остраго кризиса, и они первые были-бы противъ того, чтобы закрывать ротъ рабочимъ, или стрѣлять въ нихъ. Въ Германіи это уже ein überwundener Standpunkt,—давнымъ-давно пройденная ступень.

Л. М.

Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ.**

Дозволено цензурою. Спб. 18 февраля 1905 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71-6.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА III.

Мартъ 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

О роли серебра въ денежномъ обращеніи.

Прив.-доц. **А. Н. Карножицкаго.**

Нѣтъ! Не удастся партизанамъ золота распять человѣчество на золотомъ крестѣ.

Брайанъ.

Золотой рубль... явился бичемъ нашего денежнаго обращенія и нашихъ государственныхъ финансовъ. Отказъ отъ употребленія серебра для монетныхъ цѣлей понижаетъ его рыночную цѣну.

Л. Слонимскій.

Конечно, не золото и не серебро создали начала человѣческой культуры, а хлѣбъ и желѣзо. И все-таки благородные металлы, въ роли денегъ, въ высокой степени содѣйствовали развитію этой культуры. Можно даже съ увѣренностью сказать, что въ настоящее время промышленный и вообще экономическій прогрессъ народовъ почти всецѣло зависитъ отъ количества денегъ, обращающихся на международномъ рынкѣ.

Въ первобытныя времена денегъ не было. Торговля была мѣновая. Излишекъ продуктовъ, добываемыхъ одной стороной, отдавался въ промѣнъ на продукты, производимые другой. Ненужное промѣнивалось на нужное.

Этотъ способъ торговли не представлялъ, однако, особенныхъ удобствъ. Стоимость обмѣниваемыхъ товаровъ была, уже по существу дѣла, неустойчива и колебалась въ зависимости отъ степени ихъ надобности: ненужное сегодня было нужно завтра, ненужное одной странѣ было нужно туземцамъ другой страны.

Не удивительно, что, по мѣрѣ развитія торговыхъ сношеній, явилась потребность въ устойчивыхъ, въ смыслѣ цѣнности, денежныхъ знакахъ, въ устойчивой монетной единицѣ.

Вотъ тутъ-то и выступили на сцену благородные металлы. По причинѣ характерныхъ свойствъ своихъ, красиваго цвѣта, сильнаго блеска, неизмѣняемости на воздухѣ золото и серебро давно цѣнились у всѣхъ народовъ и притомъ всюду почти одинаково. Такія деньги, деньги изъ золота и серебра, должны были имѣть опредѣленную, вполнѣ устойчивую цѣнность, что и требуется для правильныхъ торговыхъ сношеній. И по настоящее время мы не имѣемъ иныхъ денегъ, кромѣ золотыхъ, серебряныхъ (и мѣдныхъ); кредитныя бумажки являются лишь

временными замѣстителями металлическихъ денегъ.

Какъ сказано выше, промышленность развивается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ большее (въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ) количество денегъ обращается въ странѣ или на международномъ рынкѣ. Понять это весьма не трудно. Запомнимъ прежде всего, что стоимость товаровъ, фигурирующихъ на международномъ рынкѣ, находится въ извѣстномъ соотношеніи, скажемъ, равняется со стоимостью денегъ, обращающихся на томъ-же рынкѣ. Представимъ себѣ теперь, что въ извѣстный моментъ, по какой-либо причинѣ, напримѣръ, вслѣдствіе внезапнаго открытія богатѣйшихъ золотыхъ розсыпей, количество металлическихъ денегъ на земной поверхности увеличилось, скажемъ, въ полтора раза. А такъ какъ количество товаровъ на рынкѣ осталось прежнимъ, стоимость-же всей суммы товаровъ равняется стоимости всей денежной наличности,то,очевидно, стоимость товаровъ должна возрости также въ полтора раза.

Послѣдствія понятны. Повышеніе цѣнъ на товары неминуемо вызоветъ конкурренцію и, вслѣдъ за нею, усиленный подъемъ промышленности. Ради пониженія товарныхъ цѣнъ, промышленность будетъ стремиться усилить свою производительность въ полтора раза. Въ результатѣ—столь непріятное въ общежитии повышеніе товарныхъ цѣнъ, вызываемое наплывомъ денегъ, будетъ имѣть благія послѣдствія: *промышленность прогрессируетъ*.

Такъ случилось, напримѣръ, въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, когда открыты были богатѣйшія розсыпи золота въ Калифорніи и Австраліи. Усиленный притокъ денегъ сразу поднялъ на 10% товарныя цѣны и вызвалъ усиленный расцвѣтъ земледѣлія, промышленности, торговли и вообще культуры...

Представимъ себѣ, наоборотъ, что количество денегъ на рынкѣ по какимъ-либо причинамъ уменьшилось въ полтора раза.

Тогда, согласно сказанному, товарныя цѣны должны упасть въ полтора раза. Такое пониженіе товарныхъ цѣнъ вызоветъ гибель мелкихъ предпріятій (за невыгодностью дѣла), пониженіе заработной платы и общее паденіе промышленности, въ особенности, земледѣлія и торговли. Исторія даетъ не мало примѣровъ подобнаго рода. Добавимъ, что это паденіе цѣнъ происходитъ *неодинаково для товаровъ различнаго рода*; такъ, цѣны на продукты первой необходимости падаютъ не столь сильно и быстро.

Чѣмъ больше обращается денегъ на рынкѣ, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ *быстрота денежнаго обращенія*, въ свою очередь содѣйствующая *оживленію дѣлъ*, т. е. увеличенію количества оборотовъ, а слѣдовательно и подъему промышленности. Отсюда мы имѣемъ право утверждать, что при уменьшеніи количества обращающихся денегъ въ полтора раза, товарныя цѣны упадутъ не въ полтора раза, а еще вслѣдствіе пониженія быстроты денежнаго обращенія, *болѣе* чѣмъ въ полтора раза.

Итакъ, чѣмъ больше денегъ въ обращеніи, тѣмъ быстрѣе развивается промышленность. Но опять таки повторяю, тутъ есть извѣстные предѣлы. Слишкомъ большой избытокъ въ международныхъ деньгахъ могъ-бы вызвать чрезмѣрное повышеніе товарныхъ цѣнъ, или такъ называемую *инфляцію*,—явленіе во всякомъ случаѣ опасное для промышленности (вспомнимъ Испанію и перуанское золото). Ежегодное возрастаніе количества металлическихъ денегъ, другими словами, ежегодный приростъ добычи благороднаго металла долженъ находиться въ извѣстномъ постоянномъ отношеніи къ ежегодному приросту промышленнаго производства, не

падая ниже и поднимаясь выше извѣстнаго предѣла. Нужна устойчивость товарныхъ цѣнъ, нужна устойчивость монетной единицы.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для правильнаго расцвѣта промышленности должно имѣть строго устойчивую, постоянную, не мѣняющую съ годами своей цѣнности *монетную единицу*, другими словами, *строго опредѣленный не мѣняющій своей цѣнности вѣсъ благороднаго металла*, имѣющій законную расплатную силу по всѣмъ обязательствамъ, который могъ-бы служить мѣриломъ цѣнности всѣхъ возможныхъ имуществъ, будутъ-ли то движимыя или недвижимыя.

Относительная стоимость золота и серебра, какъ извѣстно, колеблется въ зависимости отъ размѣровъ ежегодной добычи того или другого металла. Такъ, въ первые годы разработки калифорнійскихъ и австралійскихъ золотыхъ розсыпей, золото было только въ *три* раза дороже серебра. Въ послѣднее время оно стало въ *тридцать* разъ дороже бѣлаго металла.

Итакъ, спрашивается, который-же изъ двухъ благородныхъ металловъ принять за оцѣночный? Другими словами, какая *валюта*, *золотая* или *серебряная*, является болѣе раціональной, болѣе выгодной для человѣчества?..

Вопросъ о *металлической валютѣ* есть вопросъ первоклассной важности. Это—самый существенный изъ всѣхъ экономическихъ вопросовъ. Неправильное рѣшеніе его должно повести къ раззорительнѣйшему эконономическому кризису. Напротивъ, правильное рѣшеніе, правильный выборъ оцѣночнаго металла ведетъ къ промышленному и вообще культурному прогрессу.

Принимая золотую валюту, мы объявляемъ серебро товаромъ, вычеркиваемъ изъ обращенія всѣ серебряныя деньги (кромѣ мелкой, размѣнной монеты) и такимъ образомъ уменьшаемъ общее количество обращающихся денегъ. Обратно, принимая серебряную валюту, мы признаемъ золото за товаръ, изгоняемъ изъ обращенія золотыя деньги и опять таки уменьшаемъ общее количество денегъ.

Въ обоихъ случаяхъ, какъ въ случаѣ единой золотой, такъ и въ случаѣ единой серебряной валюты, мы уменьшаемъ общее количество международныхъ денегъ, что, какъ объяснялось выше, гибельно для промышленности. Спрашивается: не проще-ли было-бы принять одновременно и ту, и другую валюту, приравнявъ стоимость нѣкотораго вѣса золота стоимости нѣкотораго вѣса серебра и разъ навсегда опредѣливъ закономъ извѣстное отношеніе стоимости между золотомъ и серебромъ? Вѣдь, тогда количество денегъ не уменьшится? Итакъ, не будетъ-ли выгоднѣе для человѣчества *двойная валюта*, или *биметаллизмъ?*

При условіи биметаллизма, безспорно, общее количество международныхъ денегъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать потребностямъ промышленности и прогресса. Однако, биметаллическая валюта представляетъ рядъ неудобствъ, изъ которыхъ привожу два важнѣйшихъ.

Во-первыхъ, взаимная стоимость обоихъ благородныхъ металловъ сильно варьируетъ. Допустимъ, что законъ опредѣлилъ постоянное отношеніе стоимости золота къ стоимости серебра въ 15 : 1, какъ это, примѣрно, было во времена знаменитаго Латинскаго Союза. Допустимъ, что это отношеніе держится много лѣтъ. Но представимъ себѣ, далѣе, что по какимъ-либо причинамъ, напримѣръ, вслѣдствіе истощенія золотыхъ розсыпей (а это, какъ увидимъ ниже, непремѣнно когда-либо случится), добыча золота уменьшится втрое. Тогда, естественно, цѣнность золота по отношенію къ серебру увеличится еще въ три раза и существеннымъ образомъ разойдется съ установленной закономъ

и какъ бы насильно навязанной золоту стоимостью. Это поведетъ къ финансовому кризису. Правительства вынуждены будутъ установить и зафиксировать новое отношеніе стоимостей благородныхъ металловъ, соотвѣтственно ихъ натуральной цѣнности, и замѣнить отношеніе 15:1 отношеніемъ 45:1. Тогда всѣ сдѣлки и обязательства на серебро приведутъ плательщиковъ къ полному раззоренію, такъ какъ по такимъ обязательствамъ они вынуждены будутъ уплатить втрое большимъ количествомъ серебра, чѣмъ какъ это было условлено до установленія закономъ новаго отношенія цѣнностей металловъ. Возникнетъ новый, еще болѣе острый экономическій кризисъ. И такіе кризисы будутъ повторяться неоднократно, періодически раззоряя земледѣліе и промышленность.

Во-вторыхъ, биметаллизмъ можетъ имѣть полную силу лишь при условіи всеобщаго международнаго соглашенія касательно отношенія цѣнностей обоихъ благородныхъ металловъ. А на такое соглашеніе врядъ ли пойдутъ нѣкоторыя государства.

Итакъ, биметаллизмъ можетъ имѣть значеніе, лишь какъ переходная, временная мѣра. Какъ постоянная форма валюты, онъ представляетъ опасность, въ виду возможныхъ экономическихъ кризисовъ, да при томъ и не легко осуществимъ.

Остается монометаллизмъ. Спрашивается, какая валюта болѣе полезна для человѣчества, золотая или серебряная.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что оцѣночнымъ металломъ удобнѣе всего можетъ служить тотъ, котораго цѣнность представляетъ наибольшую *устойчивость*, и добыча котораго можетъ быстрѣе прогрессировать, параллельно поднимающемуся росту промышленности.

Постараемся теперь показать, что серебро вполнѣ удовлетворяетъ, а золото вовсе не удовлетворяетъ этимъ двумъ условіямъ.

Начнемъ съ золота. Золотая валюта нынѣ всюду господствуетъ. Весь міръ переживаетъ въ настоящую минуту жесточайшій экономическій кризисъ. Покажемъ, что этотъ кризисъ, это всеобщее раззореніе человѣчества есть слѣдствіе золотой валюты.

Что такое золотая валюта? Сторонники золотой валюты говорятъ: только золото есть деньги, серебро не деньги, а товаръ. Итакъ, нужно выкинуть изъ обращенія всѣ серебряныя деньги, т. е. ровно половину обращающихся на земной поверхности денегъ, ибо количество золотыхъ денегъ, въ общей сложности, приблизительно равняется количеству серебряныхъ (по даннымъ Р. Престона, къ концу 1896-го года имѣлось: золотыхъ денегъ на 20.718.500.000 франковъ, а серебряныхъ на сумму 21.184.500.000 фр., всего-же добыто съ 1493 года до 1895: золота на сумму 8,581,431.000 долларовъ, а серебра на сумму 10.102.812.000 долларовъ).

Отсюда, если золотая валюта введена по всему земному шару,— а это какъ разъ имѣетъ теперь мѣсто повсюду, кромѣ Мексики, Китая и нѣкоторыхъ другихъ государствъ, — то количество денегъ уменьшилось вдвое, слѣдовательно, товары вдвое упали въ цѣнѣ. Другими словами, деньги стали вдвое дороже и автоматически дорожаютъ изъ года въ годъ. Посмотримъ, что это значитъ.

Это значитъ, что, если я до 1873 года — годъ почти повсемѣстнаго введенія золотой валюты — имѣлъ 100000 рублей, на которые я могъ купить извѣстное количество товаровъ, то теперь на тѣ-же деньги я могу купить вдвое большее количество произведеній человѣческаго труда, другими словами, теперь я вдвое богаче, и мои 100000 рублей какъ-бы равняются 200000 рублей. Обратно, если я до 1873-го года задолжалъ кому-либо 100000 рублей, которыя обязался уплатить това-

рами, то послѣ 1873 года, для уплаты этого долга, я долженъ выработать вдвое большее количество товаровъ, другими словами, мой долгъ, благодаря золотой валютѣ, увеличился вдвое,—я сталъ вдвое бѣднѣе или почти раззоренъ.

Ясно, что золотая валюта обогащаетъ банкировъ и вообще лицъ, живущихъ процентами съ капитала, т. е. непроизводительнымъ трудомъ, и раззоряетъ все остальное трудящееся человѣчество. Посмотримъ, какъ великъ процентъ первыхъ относительно числа трудящихся.

Англійскій государственный банкъ, богатѣйшій изъ банковъ всего міра, къ 1-му декабря 1896-го года имѣлъ вкладовъ на сумму въ 800 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, причемъ наличнаго золота въ Банкѣ имѣлось лишь на сумму въ 58.150.000 ф. ст.

Такимъ образомъ вклады Англійскаго Банка наличными деньгами были обезпечены приблизительно лишь на 7%.

Остальные 93% вкладовъ обезпечены государственными процентными бумагами, т. е. долгами государства, акціями, т. е. долгами обществъ и учрежденій, и векселями, т. е. долгами частныхъ лицъ.

Подобныя же отношенія имѣемъ и для всѣхъ прочихъ банковъ.

Отсюда слѣдуетъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Бутми, что *вся сумма денежнаго богатства банкировъ почти полностью* (за исключеніемъ упомянутыхъ 7 процентовъ) *составлена изъ долговъ всего остального человѣчества.*

Золотая валюта, какъ сказано, съ одной стороны, вызываетъ вздорожаніе денегъ и этимъ самымъ обогащаетъ небольшую кучку банкировъ, съ другой стороны, увеличиваетъ бремя долговъ и раззоряетъ все остальное человѣчество, живущее производительнымъ трудомъ. Ясно, что золотая валюта должна вести къ раззоренію человѣчества, къ паденію земледѣлія, промышленности и торговли.

Попытаемся освѣтить эту мысль и прослѣдимъ исторію и статистику золотой валюты, въ связи съ движеніемъ товарныхъ цѣнъ.

Воспользуемся для этого превосходными данными знаменитаго англійскаго статистика Августа Зауербека. Многіе годы этотъ авторъ изучалъ движеніе цѣнъ 45 изъ главнѣйшихъ товаровъ Лондонскаго рынка и составилъ весьма точныя таблицы. Сопоставляя ежегодныя среднія цѣны этихъ 45 товаровъ и принимая среднюю ихъ цѣну съ 1867 по 1877 за 100, онъ противъ каждаго года въ таблицахъ своихъ ставитъ пропорціональныя числа, которыя называетъ *показателями цѣнъ* (index-numbers).

Золотая валюта впервые была принята въ Англіи въ 1816 году. До этого года въ Англіи господствовалъ биметаллизмъ, а въ другихъ государствахъ или биметаллизмъ, или серебряная валюта. Посмотримъ на послѣдствія англійскаго мѣропріятія.

„Покупательная сила новаго, золотого фунта стала на 1,87% больше (покупательной силы) стараго, серебрянаго фунта, къ выгодѣ кредиторовъ и къ убытку дебиторовъ и плательщиковъ податей. Казалось, что вслѣдствіе вздорожанія денежной единицы—увеличенія мѣрила цѣнностей на 2%, всѣ товары должны были понизиться въ цѣнѣ на 2%. Оказалось, однако, что эти 2% убытка нужно было постоянно возмѣщать и производить больше товара, чтобы получить прежнее количество денегъ. Это вызвало кризисъ, распространившійся на Европу. Кризисъ изъ-за измѣненія денежной единицы на 2%! Парламентская комиссія 1822 года обнаружила паденіе цѣнъ не на два процента, а на 20—30%!“ (Бутми).

Паденіе цѣнъ вызвало величайшій экономическій кризисъ, обострившійся въ 1825 году и тянувшійся до 1842 года. Вотъ что говоритъ объ этомъ кризисѣ Арчибальдъ Али-

сонъ въ сочиненіи „Англія въ 1816—1845 году“ etc.

„Отчаяніе коммерческихъ классовъ послѣ жестокаго кризиса 1825 года, бѣдствія земледѣлія въ 1832—1835 годахъ, вслѣдствіе паденія цѣнъ, и всеобщее стѣсненіе въ періодъ съ 1833 до 1842 года доходили до крайней степени. Примѣненіе капитала къ земледѣльческимъ предпріятіямъ сокращается, а во многихъ мѣстностяхъ и вовсе прекращается. Ирландія находится въ состояніи постояннаго возмущенія. Сердце обливается кровью при видѣ собранныхъ парламентомъ неопровержимыхъ доказательствъ всеобщей и глубокой нищеты трудящихся классовъ“. Главная причина несчастія, по мнѣнію Алисона, Сисмонди и др. авторовъ, — это реформа 1816—1819 года.

Если англійское земледѣліе и англійская промышленность не пришли въ эту эпоху къ окончательному раззоренію вслѣдствіе золотой валюты, то исключительно благодаря тому обстоятельству, что въ другихъ государствахъ, вплоть до 1873 года. золотая валюта еще не была введена, количество денегъ на международномъ рынкѣ, слѣдовательно, не уменьшалось и даже послѣ сороковыхъ годовъ существенно увеличилось, вслѣдствіе внезапнаго подъема добычи благородныхъ металловъ.

Подъемъ добычи благородныхъ металловъ, благодаря открытію золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи въ 1848 году, вызвалъ усиленный ростъ промышленности, которая прогрессировала вплоть до 1873 года, когда введена была золотая валюта въ Германіи и другихъ государствахъ. По даннымъ Августа Зауэрбека, подтвержденнымъ Леруа-Болье, Джевонсомъ и Зетберомъ, съ 1848 года до 1873 производство товаровъ ежегодно возрастаетъ на 2,75%; за тотъ-же періодъ времени товарныя цѣны (выраж. въ золотѣ) поднимаются на 18—20%. Это былъ вѣкъ высшаго расцвѣта промышленности.

Въ 1873 году, послѣ франкопрусской войны, Германія, получивъ съ Франціи 5 милліардовъ франковъ военной контрибуціи *золотомъ*, по совѣту банкира Бамдергера, вводитъ у себя золотую валюту и изгоняетъ свое серебро за предѣлы государства.

Франція, опасаясь переполненія банковъ германскимъ серебромъ, съ того-же 1873 года сокращаетъ *свободную чеканку серебра*, а въ 1879 году и вовсе ее прекращаетъ, другими словами, фактически переходитъ къ золотой валютѣ.

Примѣру Германіи послѣдовали и скандинавскія государства. Прекратилась свободная чеканка серебра и въ С. Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Экономическій кризисъ, земледѣльческій и промышленный, не замедлилъ разразиться... По даннымъ А. Зауербека, съ 1873 года по 1885 года ежегодный приростъ производства падаетъ до 1,6%, т. е. уменьшается болѣе, чѣмъ въ полтора раза; за тотъ-же періодъ времени товарныя цѣны падаютъ (въ золотѣ) на 20%, а къ 1896 году даже на 46%, то есть уже почти *вдвое!*

Послѣдствія ненормальной металлической валюты ужасны. „Цѣны падаютъ“, говоритъ Эмиль де-Лавелэ: „потребленіе понижается; сбыта нѣтъ, машины гасятъ огни; рабочіе остаются безъ работы... Это—вражда классовъ: раззоренныхъ арендаторовъ противъ помѣщиковъ; рабочихъ—противъ хозяевъ“ (Lettre ouverte aux membres du Cobden Club. Mai, 1881).

Тщетно пытается правительство Соединенныхъ Штатовъ остановить кризисъ и искусственно поднять стоимость серебра изданіемъ въ 1890 году билля, обязавшаго монетное управленіе Штатовъ скупать ежегодно 5.400.000 унцій серебра. Не встрѣтивъ въ этомъ отношеніи себѣ поддержки со стороны Фран-

ціи, Соединенные штаты вынуждены были отмѣнить этотъ билль въ 1893-мъ году.

Этотъ 1893-ій годъ былъ почти окончательнымъ торжествомъ золотой валюты и гибелью для человѣческой промышленности, которая пришла-бы къ окончательному раззоренію, если-бы недавно открытыя богатѣйшія золотыя розсыпи въ Уитватерсрандѣ и вообще въ Трансваалѣ, а также золотыя розсыпи Клондайка на Аляскѣ не повысили общаго количества добываемыхъ на земной поверхности золотыхъ денегъ.

Въ 1893 году, помимо отмѣны упомянутаго выше серебрянаго билля С. Американскими Соединенными Штатами, была прекращена свободная чеканка серебра въ Индіи, гдѣ раньше царила серебряная валюта, былъ прекращенъ также законъ о свободныхъ приносителяхъ серебра въ Россіи, что фактически привело къ замѣнѣ серебряной валюты золотою. Въ томъ-же году въ Японіи образована коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о валютѣ.

Наконецъ, въ 1898 году золотую валюту приняла и Россія, бывшая до сихъ поръ „серебряной страной". Около этого-же времени и Японія ввела у себя ту-же валюту, но ввела съ выгодными для себя измѣненіями. Такимъ образомъ, къ 1898-му году всѣ страны міра перешли къ золотому монометаллизму, за исключеніемъ Мексики, Китая и Персіи, почти не играющей никакой роли на экономическомъ горизонтѣ.

Прямымъ послѣдствіемъ такого повсемѣстнаго введенія золотой валюты было повсемѣстное раззореніе земледѣлія и промышленности, а также паденіе товарныхъ цѣнъ. Введеніе золотой валюты было одной изъ причинъ унесшаго столько жертвъ голода въ Индіи.

Любопытно, что при повсемѣстномъ паденіи цѣнъ на Западѣ, у насъ товарныя цѣны (нѣкоторое исключеніе составляютъ хлѣбныя цѣны съ 1882 года), благодаря серебряной валютѣ, до 1889 года сохранили замѣчательную устойчивость. Только съ 1890 года на русской промышленности начинаетъ отражаться общеевропейскій кризисъ. Съ 1893 года, благодаря переходнымъ къ золотой валютѣ мѣропріятіямъ положеніе дѣла у насъ еще быстрѣе ухудшается, что особенно ясно видно изъ хлѣбныхъ цѣнъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пудъ пшеницы въ Одессѣ стоилъ: въ 1873-мъ году 1 р. 25 коп. золотомъ, въ 1881—1 р. 4 коп.; въ періодъ же десятилѣтія съ 1882 по 1892 годъ цѣна эта сильно падаетъ и колеблется между 86,4 коп. и 72,6 коп. (въ 1886 году она равна 60,5 коп.), въ 1893 году она сразу падаетъ до 50,35 коп., а годомъ позже, въ 1894 году, она равна лишь 38,72 к. Другими словами, съ 1873 года по 1894 годъ цѣна пшеницы въ Одессѣ упала на 70%! Цифра, поистинѣ, почти невѣроятная!

Объяснять это паденіе цѣнъ уменьшеніемъ народонаселенія или перепроизводствомъ пшеницы дико и немыслимо. За періодъ времени съ 1886 года по 1896, по даннымъ г. Касперова, потребительная способность народонаселенія Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ возрасла на 400 милліоновъ пудовъ, а производство пшеницы за тѣ же десять лѣтъ лишь на 157 милліоновъ пудовъ.

Не какая-либо иная причина, а именно золотая валюта вызывала и вызываетъ паденіе товарныхъ цѣнъ и разгромъ промышленности.

Это доказывается, во-первыхъ, простымъ логическимъ разсужденіемъ о неизбѣжномъ, при золотой валютѣ, уменьшеніи количества денегъ и о возможныхъ послѣдствіяхъ такого уменьшенія.

Это доказывается, во-вторыхъ, многими статистическими таблицами, гдѣ самымъ поразительнымъ образомъ годы, съ которыхъ начина-

лись паденіе товарныхъ цѣнъ и экономическіе кризисы, совпадаютъ съ годами, въ которые тѣмъ или другимъ государствомъ вводилась золотая валюта или примѣнялись мѣропріятія, являющіяся переходомъ къ единой золотой валютѣ.

Наконецъ, доказывается это тѣмъ, что въ странахъ, сохранившихъ серебряную валюту, монетная единица обнаруживаетъ поразительную устойчивость, экономическое благосостояніе растетъ съ каждымъ годомъ, и экономическіе кризисы не имѣютъ мѣста. Примѣрами такихъ странъ могутъ служить Мексика, Индія (до 1893 года), Японія и Китай.

Въ поясненіе приводимаго факта выписываю нижеслѣдующія строки изъ книги Э. Тери „Objections formulées contre le Bimétalisme International. Paris 1896).

„Страны съ серебряной валютой сохранили деньги, которыя всегда были ихъ монетою, законныя деньги, которыя еще недавно были всемірными деньгами".

„Но имъ эти деньги достаются гораздо дешевле, чѣмъ прежде, сохраняя, однако, ту-же стоимость на внутреннемъ рынкѣ"...

„Поэтому въ такихъ странахъ рабочія руки, перевозка etc. обходятся гораздо дешевле, чѣмъ въ странахъ съ золотою валютою, вслѣдствіе чего эти страны гораздо лучше поставлены въ отношеніи земледѣлія и промышленности, произведенія которыхъ попадаютъ на всемірный рынокъ".

„Правда, что дешевизна ихъ денегъ причиняетъ имъ убытки на ввозимыхъ предметахъ промышленности"...

„Эти убытки заставляютъ ихъ воздерживаться отъ убыточныхъ покупокъ заграничныхъ товаровъ"... Поэтому „онѣ стремятся постоянно къ водворенію у себя тѣхъ отраслей промышленности, которымъ онѣ нѣкогда платили дань. Промышленность развивается въ этихъ странахъ тѣмъ легче, что находитъ тамъ дешевое сырье и дешевый трудъ"... (Донесеніе Торговой Палаты Марсели Французскому Министру Финансовъ въ 1895 г.).

Сенаторъ Альдрихъ на Вашингтонскомъ Конгрессѣ въ іюлѣ 1890 года выразился, „что пониженіе цѣнности серебра даетъ возможность странамъ, сохранившимъ серебряную валюту, а именно Индіи, при продажѣ своихъ произведеній, пользоваться какъ-бы *преміей*, къ великому ущербу американскаго производства". Ясно, что „золотыя" страны какъ-бы наказываютъ себя золотой валютой въ пользу „серебряныхъ".

Изъ всѣхъ „серебряныхъ", да и вообще изъ всѣхъ культурныхъ странъ Мексика пользуется наибольшимъ экономическимъ благосостояніемъ. Это — настоящая Аркадія. Вывозъ товаровъ изъ Мексики заграницу колоссаленъ и во много разъ превосходитъ ввозъ.

„Причина этому", — заявляетъ Штрукъ, — „несомнѣнно лежитъ въ пониженіи цѣнности серебра внѣ страны и въ оставшейся почти неизмѣненной внутри страны покупательной силѣ бѣлаго металла относительно рабочаго труда, а равно въ сохранившейся его цѣнности при оплатѣ земельной аренды"... „Необразованный мексиканецъ, превосходно освѣдомленный о стоимости серебра, наивнымъ образомъ выражаетъ эту мысль словами: „а нашъ пезо все еще стоитъ восемь реаловъ".

Сказанное здѣсь о Мексикѣ и другихъ серебряныхъ странахъ можно резюмировать очень кратко. Внутри „серебряныхъ" странъ стоимость серебра несравненно выше, чѣмъ заграницей, гдѣ благодаря золотой валютѣ серебро обезцѣнено и изгоняется.

Благодаря относительной дешевизнѣ своей, товары „серебряныхъ" странъ вытѣсняютъ тѣ-же продукты „золотыхъ" странъ на международномъ рынкѣ. Отсюда

сбытъ этихъ товаровъ, огромный вывозъ заграницу, отсюда-же и сильнѣйшій наплывъ денегъ (серебряныхъ), вызывающій въ странѣ легкое повышеніе цѣнъ, конкурренцію и усиленный подъемъ промышленности.

Дороговизна продуктовъ, вырабатываемыхъ „золотыми“ странами, вызвала въ „серебряныхъ“ возникновеніе соотвѣтствующихъ отраслей промышленности, слѣдовательно, расширило послѣднюю. Въ связи съ устойчивостью серебряной монетной единицы находится относительная дешевизна рабочихъ рукъ и продуктовъ первой необходимости. Отсюда огромныя цифры вывоза, ничтожная ввоза, относительно небольшая внѣшняя задолженность (Мексика), усиленный подъемъ промышленности и культуры.

За 25 лѣтъ президентства даровитаго генерала Порфиріо Діаса Мексика перерѣзана цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ на протяженіи свыше 12000 верстъ и телеграфныхъ проволокъ на протяженіи свыше 33000 верстъ. Достигла высокой степени процвѣтанія фабричная, заводская и рудничная дѣятельность. Вывозъ товаровъ, измѣрявшійся въ 1872—1873 году суммою въ 31,691,150 піастровъ, а въ 1890—1891 году суммою въ 63,276,395 піастровъ, нынѣ значительно превышаетъ 100000000 піастровъ.

Внѣшняя задолженность Мексики ничтожна: золотой долгъ не превышаетъ 111.000.000 піастровъ, а серебряный не превышаетъ 100.000.000.

Если золотая валюта разумнѣе серебряной, то почему-же внѣшніе долги „золотыхъ“ странъ несоизмѣримо превышаютъ внѣшній долгъ Мексики? Повторяю, если только существуетъ гдѣ-либо въ мірѣ экономическая Аркадія, то это—Мексика; и своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, своими экономическими силами она обязана исключительно великому благу серебряной валюты.

Подобно Мексикѣ, Индія до 1893 находилась, благодаря серебряной валютѣ, въ условіяхъ необыкновенно благопріятныхъ для усиленнаго роста промышленности. Начнемъ съ того, что цифра вывоза значительно, а именно въ полтора раза превышала цифру ввоза. Такъ, въ 1889—1890 году ввезено было товаровъ на сумму въ 624.000.000 рупій, а вывезено на сумму въ 969.340.000 рупій.

Это поучительное обстоятельство, наглядно выражающее высокое промышленное значеніе и несомнѣнное благосостояніе страны, становится еще болѣе рельефнымъ, если сравнить величины индійскаго ввоза и вывоза отдѣльно для различныхъ областей.

Сравненіе показываетъ, что избытокъ индійскаго вывоза въ Европу надъ ввозомъ изъ Европы равняется только 82840.000 руп., т. е. почти вдвое менѣе соотвѣтствующаго избытка для Китая, Японіи и Цейлона, равнаго 143,620.000 руп., тогда какъ общія цифры торговыхъ сношеній (ввозъ и вывозъ) съ этими странами во много разъ ниже соотвѣтствующихъ цифръ для Европы (статистика 1890 года).

Во всякомъ случаѣ ясно, что страна, въ отношеніи общаго благосостоянія и промышленнаго уровня, стоитъ выше прочихъ странъ, съ которыми ведетъ торговыя сношенія и при томъ *независимо отъ того*, „золотыя“ это страны или „серебряныя“.

Что Индія въ отношеніи общаго благосостоянія до 1893 года стояла выше Англіи, это видно изъ статистическихъ данныхъ для англійскаго вывоза и ввоза. Такъ, для англійскаго вывоза въ 1889, 1890 и 1891 годахъ послѣдовательно имѣемъ цифры: 248.900.000, 263,300,000 и 247,300.000 фунт. стерлинговъ, а для ввоза въ Англію: 427.600.000, 420.900.000 и 435.700.000 ф. стер. Ясно, что Индія больше производитъ, чѣмъ сколько нужно для внутренняго потребленія, и избытокъ продается заграницу; Англія-же про-

изводитъ недостаточно товаровъ для потребленія, и чуть не половину необходимыхъ продуктовъ ей приходится покупать заграницей.

Въ Индіи золото отнюдь не могло выполнить своего монетнаго назначенія уже потому, что внѣ-монетное потребленіе этого металла поглощало и поглощаетъ здѣсь почти весь годовой итогъ привозимаго въ страну золота. Достаточно вспомнить, что изъ всего количества этого металла, привезеннаго въ 1890 году въ Индію и опредѣляемаго въ 46.100.000 рупій, только 200.000 рупій перешло въ монету; остальное было поглощено промышленнымъ потребленіемъ металла и другими причинами. То же повторилось и въ 1891 году.

Итакъ, отсутствіе золота видимо не наноситъ существеннаго ущерба промышленности и вообще внутреннему благосостоянію страны.

Нѣсколько иное слѣдуетъ сказать относительно внѣшнихъ отношеній Индіи, и особенно къ ея метрополіи, Лондону.

Уже статистика цифръ ввозимаго въ страну золота и серебра показываетъ, что общій итогъ ввозимыхъ металловъ, колеблющійся между 100 и 200 милліонами рупій, значительно ниже приводимаго выше избытка въ торговомъ балансѣ, опредѣляемаго не менѣе, какъ въ 300.000.000 рупій. Объясняется это обстоятельство неимовѣрно - высокими платежами индійскаго правительства въ Лондонѣ, которые оцѣниваются въ 100—160 милліоновъ рупій ежегодно, а также нѣкоторыми другими обязательствами,—и вотъ въ этихъ именно платежахъ и заключается источникъ существенныхъ экономическихъ недочетовъ Индіи, къ счастію, только внѣшнихъ.

Здѣсь золото играетъ роль. Англія—страна золота, Индія, ея колонія,—страна серебра. Всѣ нужды индійскаго правительства, напримѣръ, индійское войско, огромное жалованье и огромныя пенсіи англійскихъ чиновниковъ въ Индіи etc. должны быть оплачены въ Лондонѣ золотомъ, между тѣмъ индійскія подати взимаются обезцѣненной (въ Лондонѣ) серебряной монетой, а цѣна серебра, благодаря золотой валютѣ, съ годами все быстрѣе и быстрѣе падаетъ, и нѣтъ даже возможности восполнить недочетъ, хотябы увеличеніемъ повинностей и налоговъ, ибо такое увеличеніе былобы въ высшей степени непопулярно, а политически прямо-таки немыслимо.

Вотъ почему индійское правительство въ телеграммѣ своей отъ 4-го сентября 1886 года заявляетъ: „мы не боимся настойчиво повторять, что, съ точки зрѣнія индійскихъ финансовъ, положеніе сдѣлалось нестерпимымъ (intolerable)“. Впрочемъ, благодаря поразительному эгоизму Англіи, для поправленія дѣла не только ничего не было сдѣлано, но даже введена была въ Индіи золотая валюта, которая скоро приведетъ эту богатѣйшую и цвѣтущую страну всего міра къ полному экономическому раззоренію.

Еще разъ отмѣчаю, что до 1893 года Индія терпѣла неудобства лишь въ смыслѣ внѣшнихъ отношеній. А въ общемъ, благодаря серебряной валютѣ, страна эта достигла полнаго внутренняго процвѣтанія. Не будь Индія связана политически и экономически съ своей метрополіей, будь Индія независима, она, при условіи той-же валюты, находилась бы совершенно въ томъ-же блестящемъ положеніи, какъ и Мексика.

Наконецъ, и третья „серебряная“ страна, Японія, достигла поразительнаго расцвѣта своей промышленности и культуры исключительно благодаря серебряной валютѣ и связанныхъ съ нею экономическимъ отношеніямъ, которыя мы разъяснили для Мексики и Индіи.

* * *

Итакъ, биметаллизмъ представляетъ крупныя неудобства и не можетъ представлять здоровой монетной системы.

Золотая валюта есть раззореніе земледѣлія и промышленности. Введеніе ея выкидываетъ изъ обращенія почти половину имѣющихся на международномъ рынкѣ денегъ. Помимо этой причины, золотыя деньги автоматически дорожаютъ, въ силу недостаточнаго ежегоднаго прироста добычи золота.

Остается третье и послѣднее—серебряная валюта. Но тутъ невольно возникаетъ вопросъ: если каждая изъ двухъ системъ монометаллизма изгоняетъ изъ обращенія ровно половину денегъ, вслѣдствіе чего происходитъ пагубное для промышленности вздорожаніе оставшагося (оцѣночнаго) металла, то не постигнетъ-ли и серебряную валюту та же судьба, которая постигла золотую?

Допустимъ, что серебряная валюта всюду принята, и золотыя деньги, слѣдовательно, половина имѣющихся денегъ, изгнаны изъ обращенія. Не станутъ-ли тогда серебряныя деньги вдвое дороже, не вызовутъ-ли онѣ пониженія товарныхъ цѣнъ и общаго паденія промышленности? Не станутъ-ли онѣ, вслѣдствіе недостаточной добычи, автоматически подниматься въ цѣнѣ?

Постараемся теперь показать, на основаніи геологическихъ, техническихъ и статистическихъ данныхъ, что добыча серебра, благодаря чрезвычайному обилію этого металла на земной поверхности, благодаря необыкновенной легкости и дешевизнѣ разработки серебряныхъ мѣсторожденій, въ случаѣ повсемѣстной серебряной валюты и связанныхъ съ нею покровительственныхъ для добычи серебра мѣръ, будетъ съ годами возрастать чрезвычайно быстро и притомъ регулярно; постараемся показать, что количество серебряныхъ денегъ, по истеченіи небольшого числа лѣтъ за введеніемъ серебряной валюты, удвоится, и что автоматическаго вздорожанія серебряныхъ денегъ произойти не можетъ, вслѣдствіе быстро возрастающаго прироста серебряной добычи, идущаго параллельно съ нуждами промышленности.

Постараемся также показать, что геологическія условія нахожденія золота на земной поверхности, техническія условія его добычи и проч. діаметрально противоположны тому, что имѣетъ мѣсто для серебра, чѣмъ и объясняется полная неспособность золота удовлетворить потребностямъ экономическаго оборота, а также неизбѣжное автоматическое его вздорожаніе.

Начнемъ съ золота.

На большихъ глубинахъ золото, какъ извѣстно, находится въ соединеніи съ сѣрнистыми металлами (въ особенности съ сѣрнистымъ желѣзомъ), кристаллы и скопленія которыхъ разсѣяны въ массѣ горной породы. Эти мѣста нахожденія золота образуютъ собой такъ называемый *поясъ сѣрнистыхъ соединеній*, располагающійся въ самомъ низу „золотоносной жилы“ или вообще золотой выработки.

Ближе къ дневной поверхности золотоносная (кварцевая) жила подвергается процессамъ вывѣтриванія и измѣненія, причемъ сѣрнистыя соединенія, включающія золото, разлагаются, и золото освобождается, располагаясь въ массѣ твердой кварцевой породы въ видѣ зеренъ, кристалловъ и болѣе крупныхъ самородковъ. Эти верхніе „горизонты“ золотоносной породы называются *верхушкой* или *шапкой* жилы.

Наконецъ, на дневной поверхности, гдѣ на породы дѣйствуютъ уже механическіе дѣятели, дождевые потоки, вѣтры и пр., самая порода жилы оказывается измельченной, и золото „верхушки“ является уже совершенно свободнымъ и отдѣленнымъ отъ „пустой“ породы, образуя такимъ образомъ *золотой* песокъ, разсѣянный въ массѣ поверхностнаго песчанаго наноса. Это и

есть такъ называемая *золотая розсыпь* (или *золотой наносъ*), съ котораго собственно и начинается разработка золотого мѣсторожденія.

Добыча золота изъ розсыпи не требуетъ ни особенныхъ затратъ, ни большого труда. Здѣсь дѣло можетъ вести одинъ человѣкъ, не нуждаясь въ помощи другого. Промывка золота почти ничего не стоитъ. Сложныхъ машинъ, дорогихъ инструментовъ не требуется. А потому приходъ несоизмѣримо больше расхода. Золотоискатель дѣлаетъ нѣсколько ударовъ лопатою, нагибается и нерѣдко подымаетъ крупный самородокъ золота: затраченная имъ работа или затраченный имъ капиталъ, ничтожны, а процентъ, полученный на этотъ капиталъ, высокъ несоизмѣримо. Это характерно для розсыпи.

Даже при болѣе трудныхъ условіяхъ промывки золота въ розсыпи, количество и стоимость послѣдняго не соотвѣтствуетъ затраченному капиталу, превосходя его во много разъ.

Но вотъ розсыпь истощилась. Пески промыты. Обнажилась плотная и твердая кварцевая порода, или, какъ сказано выше, *верхушка*, или *шапка жилы*. Здѣсь золото есть, но извлечь его труднѣе. Нужно сначала измельчить породу, затѣмъ извлечь металлъ съ помощью ртути, или, какъ говорится, *амальгамировать*. Здѣсь уже необходимо раздѣленіе труда. Нуженъ капиталъ. Нужна артель. И все-таки приходы съ избыткомъ оплачиваютъ расходы, проценты на затраченный капиталъ все еще значительны. И здѣсь добыча, по величинѣ своей, часто не соотвѣтствуетъ затратамъ, во много разъ превышая послѣднія.

Какъ бы то ни было, на „верхушкѣ жилы" трудъ и капиталъ даютъ значительно меньшіе (хотя и болѣе вѣрные) проценты, чѣмъ на „розсыпи".

Но вотъ рабочіе прошли всю толщу „верхушки". Наталкиваются на „поясъ сѣрнистыхъ соединеній". Здѣсь—глубина большая, вода просачивается и наводняетъ шахты. Удалять ее необходимо,—на это нужны новыя затраты. Это—первое. Далѣе, извлекать золото изъ сѣрнистыхъ соединеній еще труднѣе, чѣмъ изъ породъ „верхушки". Простой амальгамаціи недостаточно, требуется т. н. *хлоринація* (обработка сѣрнистыхъ соединеній хлоромъ) или *ціанизація* (обработка ціаномъ), требуется новый матеріалъ, новыя рабочія силы, новыя затраты (постройка завода и пр.). Нужно платить инженеру. Это—второе. Наконецъ, золото сѣрнистыхъ соединеній—много худшаго качества, чѣмъ золото „верхушки". Если послѣднее содержитъ отъ 1% до 1,5% серебра, то первое даетъ нерѣдко 10—12% этого металла. Итакъ, нужно перерабатывать и очищать золото. Добавимъ, что и самое золото „пояса сѣрнистыхъ соединеній" наблюдается лишь въ мелкихъ частицахъ, тогда какъ золото „верхушки" представляетъ нерѣдко весьма значительнаго вѣса и величины самородки.

Однако, всему приходитъ конецъ. Вотъ и „поясъ сѣрнистыхъ соединеній" выработанъ. Шахты проведены на громадную глубину; могучія паровыя машины не въ силахъ выкачивать все прибывающую и прибывающую воду; температура, по мѣрѣ углубленія въ почву, все увеличивающаяся, достигаетъ высокой величины (въ рудникѣ Комстока въ Невадѣ она доходила до 65,5° Ц.), человѣкъ не можетъ осилить природу,—работать невозможно. Препятствія непреодолимы.... И вотъ вся эта капитальная постройка, состоящая изъ шахтъ и штоленъ, весь этотъ колоссальный муравейникъ, каменная громада котораго пронизана безчисленными ходами, инкрустированными цѣлымъ лѣсомъ строевого дерева, прекращаетъ свое существованіе и, за бездѣйствіемъ насосовъ, заполняется водою, пока новое поднятіе материка, спустя тыся-

челѣтія, не осушитъ подземные ходы, чтобы подарить обѣднѣвшему человѣчеству новый — правда, не столь богатый, какъ прежде — запасъ драгоцѣннаго металла.

И чѣмъ болѣе совершенствуется горное искусство, чѣмъ дѣятельнѣе идетъ разработка мѣсторожденія, чѣмъ сильнѣе жажда обогащенія, тѣмъ короче жизнь золотого рудника. Богатѣйшее въ мірѣ мѣсторожденіе Комстока просуществовало едва четыре десятилѣтія и въ настоящее время почти совершенно утратило свою, нѣкогда весьма высокую, доходность.

И все-таки можно смѣло подчеркнуть выводъ: существованіе „розсыпи", въ смыслѣ продолжительности разработки, во много разъ короче, чѣмъ существованіе „жилы"; добыча съ розсыпи—огромна, но измѣнчива по величинѣ годовой выручки, добыча изъ жилы—не велика, но постоянна.

Внезапные наплывы золота, подобные золотому потоку 1848 года, могутъ происходить только съ розсыпи; разъ розсыпь выработана, началась разработка жилы, нѣтъ золотыхъ потоковъ, и доходность мѣсторожденія во много разъ уменьшилась.

Знаменитый вѣнскій геологъ Эдуардъ Зюссъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ выразилъ мысль, что *доходность всѣхъ золотыхъ мѣсторожденій земного шара въ итогѣ съ годами должна уменьшаться.* Уже тогда много имѣлось фактовъ, подтверждающихъ эту мысль. Теперь такихъ фактовъ несравненно больше, и мысль эту можно считать почти доказанной.

Теперь съ увѣренностью можно сказать, напримѣръ, что золотая производительность Америки своимъ благосостояніемъ обязана не богатству старыхъ мѣсторожденій, а *улучшенію горнозаводскаго дѣла*, что въ странахъ, давно занимающихся разработкой своихъ старыхъ мѣсторожденій золота, золотая производительность уже понизилась и не поднимается болѣе, что въ странахъ мало изслѣдованныхъ и богатыхъ новыми мѣсторожденіями она испытываетъ лишь временное повышеніе, что, наконецъ, въ странахъ, занимающихъ промежуточное положеніе, такое временное повышеніе общей производительности золота совпадаетъ съ открытіемъ новой богатой розсыпи и, съ истощеніемъ послѣдней, исчезаетъ спустя короткое время.

Такъ, въ Калифорніи годовая производительность золота въ началѣ, т. е. съ 1849 года, оцѣнивалась въ 60—63 милліона долларовъ,—все это цѣликомъ шло съ розсыпей; въ 1874 году она въ послѣдній разъ была свыше 20 милліоновъ и съ этого времени быстро начала падать; въ 1879 и 1880 годахъ она достигала лишь 17,5 милліоновъ, и еще тогда, по мнѣнію Уитнея, 12—14 милліоновъ шли съ розсыпей. Нынѣ выручка не превышаетъ 10 милліоновъ, но работа ведется уже почти исключительно въ поясѣ сѣрнистыхъ соединеній. Отсюда ясно, что въ Калифорніи *общими цифрами золотой производительности страны управляли розсыпи.*

То же можно доказать статистическими и хронологическими данными для Австраліи, Урала, Сибири и другихъ мѣстностей.

Вообще можно принять за правило, что всюду на земной поверхности розсыпи управляютъ цифрами золотой добычи. Но розсыпи вырабатываются очень быстро, въ нѣсколько лѣтъ, много въ нѣсколько десятилѣтій. Да притомъ почти всѣ важнѣйшія золотыя розсыпи земнаго шара извѣстны и разрабатываются, — вообще золото есть металлъ весьма рѣдкій. Пройдетъ двадцать-три десятилѣтія, и золотыя мѣсторожденія Трансвааля будутъ выработаны, какъ это почти уже случилось съ розсыпями Аляски.

Быть можетъ, впослѣдствіи найдутъ еще одну—двѣ не особенно

богатыхъ Калифорніи, и эти новыя розсыпи также будутъ выработаны. Въ концѣ концовъ, черезъ нѣсколько десятилѣтій, этотъ типъ золотыхъ мѣсторожденій канетъ въ вѣчность и сохранится въ памяти людской, какъ легендарное сказаніе о горныхъ пери или богатствахъ Гарунъ аль Рашида. Останется для разработки одна жила съ своей „верхушкой" и „поясомъ сѣрнистыхъ соединеній". Въ результатѣ добыча золота упадетъ во много разъ, и это время не за горами. А что всего хуже для партизановъ золотой валюты,—добыча золота изъ нижнихъ горизонтовъ жилы обходится весьма дорого. Общая сумма добытаго въ теченіе года изъ подобнаго мѣсторожденія золота представитъ лишь валовой доходъ съ рудника; чистый-же, если его точно высчитать, окажется довольно мизернымъ. Вотъ вторая причина автоматическаго и неизбѣжнаго вздорожанія золота: дороговизна его добычи изъ материнской жилы. Первая-же, какъ сказано выше, заключается въ недостаточности (для потребностей экономическаго оборота) ежегоднаго прироста золотой добычи, который долженъ быть невеликъ и сдѣлаться еще меньше, ибо, какъ совершенно справедливо утверждаетъ Э. Зюссъ, *общая годовая производительность золота на всемъ земномъ шарѣ съ годами должна падать все ниже и ниже*, причемъ усовершенствованіе горнозаводскихъ процессовъ можетъ лишь отчасти, и то на короткое время, замедлить это паденіе.

Вообразите же себѣ, что можетъ произойти черезъ нѣсколько десятилѣтій, когда всѣ крупныя розсыпи будутъ выработаны, и прекратятся внезапные наплывы желтаго металла на международный рынокъ, когда ежегодная добыча золота уменьшится въ пять, примѣрно, разъ, да и самое золото это будетъ дорого, съ крупными затратами, доставаться человѣчеству и, уже по одной этой причинѣ, само по себѣ вздорожаетъ!

Что станется тогда съ золотой валютой, съ человѣческой культурой? Нѣтъ, золото рѣшительно не можетъ быть оцѣночнымъ металломъ, ибо не удовлетворяетъ ни одному изъ требованій, которыя мы предъявляемъ къ оцѣночному металлу. Какъ можетъ быть устойчивой золотая монетная единица, когда золото, благодаря геологическимъ условіямъ залеганія и техническимъ условіямъ выработки, должно дорожать съ каждымъ годомъ, и когда ежегодный приростъ его добычи долженъ постепенно падать все ниже и ниже?

Къ совершенно иному выводу приходимъ относительно бѣлаго металла. Уже самыя условія нахожденія серебра совсѣмъ другія.

Серебро не даетъ розсыпей. Нѣтъ данныхъ къ быстрому и внезапному обогащенію, при ничтожной затратѣ средствъ и работы,—поэтому нѣтъ для серебряной промышленности тѣхъ неожиданныхъ и необычайныхъ подъемовъ добычи, которыми пробуждались хищническіе и стадные инстинкты человѣчества, благодаря калифорнійскому и австралійскому золоту пятидесятыхъ годовъ.

Болѣе ровно и правильно идетъ добыча серебра; не такъ быстро возрастаютъ доходы, за то интенсивность (напряженность) дѣла сохраняется.

Для разработки серебрянаго мѣсторожденія всегда нуженъ капиталъ, всегда нужно знаніе горнаго дѣла. Разница та, что въ однихъ случаяхъ капитала и знаній требуется больше, въ другихъ—меньше, что, конечно, связано съ тѣмъ или другимъ характеромъ мѣсторожденія.

Серебро представляетъ лишь два типа мѣсторожденій: „поясъ сѣрнистыхъ соединеній" и „верхушку", или „шапку" жилы.

Руды „верхушки" легче и дешевле обрабатываются, чѣмъ руды „пояса сѣрнистыхъ соединеній". Для пер-

выхъ часто достаточно непосредственнаго амальгамированія (см. золото) *на холоду*, тогда какъ вторыя должны предварительно *прокаливаться* съ хлоромъ. Вотъ почему испанцы называютъ первыя metalos calidos, т. е. теплыя руды (не нуждающіяся въ прокаливаніи), вторыя—metalos frios, т. е. холодныя руды. Въ Америкѣ послѣднія называются „dry ores“, а въ Германіи Dürrerze, или *тощія руды*. Называются эти руды „тощими“, такъ какъ ихъ обработка сопряжена съ потерями и трудностями разнаго рода: нужны затраты на топливо, на ртуть, хлоръ и т. п. продукты.

Прогрессивное пониженіе стоимости бѣлаго металла, казалось-бы, давно должно было прекратить обработку „тощихъ“ рудъ, ибо послѣдняя требовала съ годами все большихъ и большихъ затратъ, все болѣе и болѣе уменьшала прибыль серебропромышленника.

Но тутъ на помощь промышленникамъ явились техническія усовершенствованія разработки, а именно пріемъ, давно уже съ огромнымъ успѣхомъ практиковавшійся въ Германіи.

По этому способу, тощія руды прямо сплавляются съ богатыми свинцомъ серебряными рудами, какова, напр., бѣлая свинцовая руда „верхушки“, помимо всякаго предварительнаго прокаливанія съ хлоромъ и послѣдующаго амальгамированія разрабатываемаго продукта.

Серебряная промышленность Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ сосредоточена, какъ извѣстно, въ штатахъ Идаго и особенно въ Колорадо (Лидвилль), и здѣсь окрестности города Лидвилля и въ 80 километрахъ отъ Лидвилля отстоящей горы Aspon Mountain съ давнихъ поръ весьма богаты были той бѣлой свинцовой рудой, которая находитъ столь важное примѣненіе и такую великую металлургическую роль играетъ при обработкѣ „тощихъ“ рудъ, по упомянутому выше нѣмецкому способу.

Не столь давно этотъ нѣмецкій пріемъ обработки „тощихъ“ рудъ получилъ въ штатѣ Колорадо не только полныя права гражданства, но и вытѣснилъ совершенно старые способы. И совершилось удивительное дѣло.

Не смотря на прогрессивное пониженіе цѣнности бѣлаго металла, а слѣдовательно и стоимости серебряныхъ рудъ, пониженіе необычайное для нашего времени, не смотря на прогрессивное паденіе цифръ серебрянаго производства знаменитаго рудника Комстока въ Невадѣ, паденіе, пророчащее о близкой смерти этихъ нѣкогда богатѣйшихъ мѣсторожденій въ Соединенныхъ Штатахъ, все-таки, благодаря новому удешевляющему дѣло пріему разработки, цифры серебряной производительности Соединенныхъ Штатовъ съ каждымъ годомъ все повышаются и повышаются.

Благодаря вновь примѣненному способу, правда, повысилась стоимость содержащихъ серебро свинцовыхъ рудъ, но, съ другой стороны, серебряное производство сразу стало въ условія, независимыя отъ прогрессивнаго пониженія годовой добычи ртути въ Калифорніи.

Удешевленіе горнозаводскихъ процессовъ при этомъ оказалось громаднымъ. Въ 1871-мъ году только 65% имѣющагося въ рудѣ серебра шло въ пользу рудопромышленника, тогда какъ остальные 35% представляли частью потерю металла при обработкѣ рудъ, частью издержки самой обработки. Въ 1874 году серебропромышленникъ получалъ въ свою пользу только 53,6% имѣющагося въ рудѣ серебра... За то въ 1889 году, при нововведенномъ способѣ обработки, уже 84% содержащагося въ рудѣ благороднаго металла составляли чистую прибыль серебропромышленника, а нѣсколько позже, благодаря конкурренціи быстро растущихъ плавильныхъ заводовъ, чистые барыши достигали почти невѣроятной цифры

въ 95%, которая могла-бы быть еще больше, будь повсемѣстно принята валюта, покровительствующая серебряному дѣлу.

Такимъ образомъ, говоря словами Пирса, „паденіе цѣнности серебра свело цѣнность серебряной руды для горнопромышленника попутно на ту точку, на которой она стояла тридцать лѣтъ тому назадъ; но издержки на обработку само по себѣ существенно уменьшились, благодаря улучшенію средствъ пересылки, удешевленію работы и матеріала, такъ что теперь возможно съ огромной выгодой разрабатывать руды, когда-то не имѣвшія никакой цѣнности (см. Transactions Am. Inst. Min. Eng., 1890, XVIII, стр. 70).

Итакъ, возможно, вмѣстѣ съ Зюссомъ, подвести тотъ любопытный итогъ имѣющимся даннымъ, по которому „польза отъ сплавленія тощихъ рудъ съ бѣлой свинцовой рудой, по сравненію со старымъ способомъ обработки (путемъ хлоринаціи и послѣдующаго амальгамированія) столь-же велика или еще больше, чѣмъ потеря, вызываемая паденіемъ стоимости серебра".

Въ 1843-мъ году Saint Clair.-Duport выразился, что рано или поздно наступитъ такое время, когда добыча серебра не будетъ имѣть иной границы, кромѣ полагаемой все усиливающимся паденіемъ цѣнности этого благороднаго металла.

Въ самомъ дѣлѣ, добыча серебра и обработка рудъ обходится въ настоящее время крайне дешево. Если высокая температура большихъ глубинъ или увеличивающаяся съ глубиной подмѣсь цинковой обманки къ разрабатываемой серебряной рудѣ и могутъ въ исключительныхъ, частныхъ случаяхъ прекратить разработку мѣсторожденія, за то *почти не предвидится конца открытію* новыхъ мѣсторожденій или окончательной выработкѣ иныхъ старыхъ. Вообще, по сравненію съ золотомъ, серебра несоизмѣримо больше на земной поверхности.

Съ другой стороны, курсъ серебра стоитъ пока-что относительно еще не слишкомъ низко, такъ что даже бѣдныя или находящіяся въ мало благопріятныхъ условіяхъ мѣсторожденія серебряныхъ рудъ все еще могутъ съ успѣхомъ подвергаться эксплоатаціи, не говоря уже о возможныхъ дальнѣйшихъ удешевленіяхъ металлургическихъ операцій и техническихъ пріемовъ или рабочей силы.

Такимъ образомъ, по Зюссу, „всякая надежда на улучшеніе монетныхъ отношеній, благодаря прогрессу серебряной добычи, предполагаетъ еще весьма существенное паденіе цѣнности серебра".

Итакъ, во всѣхъ отношеніяхъ серебро находится въ неизмѣримо болѣе благопріятныхъ условіяхъ: добычи, обработки, распространенности и пр., чѣмъ золото, современная добыча котораго уже не удовлетворяетъ все увеличивающимся безпрерывно съ годами потребностямъ промышленности,—золото какъ-бы утрачиваетъ свое экономическое значеніе, и теперь становится яснымъ, что *только добыча золота изъ розсыпи* въ состояніи была поддерживать до сихъ поръ экономическую силу этого оцѣночнаго металла.

Не смотря на улучшенія средствъ выработки, добыча золота должна существенно понизиться, на открытіе новой Калифорніи пока мало надежды, и приходится, вмѣстѣ съ Зюссомъ, придти къ тому грустному заключенію, что *спустя нѣсколько столѣтій* (а можетъ быть и нѣсколько десятилѣтій), *добыча золота будетъ быстро и безпрерывно уменьшаться, и* что *такимъ образомъ металлъ этотъ не будетъ въ состояніи сохранять болѣе своего экономическаго значенія*, тогда какъ серебро ожидаетъ совсѣмъ иная будущность.

Пониженіе цѣнности серебра, какъ

и вообще товарныхъ цѣнъ за послѣднія десятилѣтія, партизаны золотой валюты пытались еще недавно объяснять перепроизводствомъ (чрезмѣрнымъ производствомъ) серебра и всякихъ товаровъ.

Однако, перепроизводства серебра нѣтъ, скорѣе мы имѣемъ дѣло съ его недопроизводствомъ, какъ это превосходно доказалъ П. В. Оль въ своей брошюрѣ „Мнимое перепроизводство серебра“ (прил. къ № 19 „Русскаго Труда“ за 1898 годъ). Не говорю уже о томъ, что всякое перепроизводство денегъ врядъ-ли можетъ быть опаснымъ явленіемъ. Недопроизводство денегъ мы уже видимъ и знаемъ, какъ вредно оно отзывается на земледѣліи и промышленности. Перепроизводства же денегъ человѣчеству переживать еще почти не приходилось. Было въ 50-тыхъ годахъ минувшаго столѣтія что-то вродѣ перепроизводства золотыхъ денегъ, но оно имѣло на экономическую жизнь народовъ самое благодѣтельное вліяніе, ибо вызвало усиленный подъемъ земледѣлія, промышленности и торговли, а съ другой стороны компенсировало вредное вліяніе англійской золотой валюты. Во всякомъ случаѣ, благородныхъ металловъ на земной поверхности относительно не такъ уже много, чтобы можно было опасаться особенно чрезмѣрнаго ихъ производства. Итакъ перепроизводство серебра не страшно, да его притомъ и не существуетъ на дѣлѣ, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблички, составленной извѣстнымъ Р. Престономъ.

Изъ таблички этой не трудно убѣдиться, что до 1840 года добыча серебра въ 30—50 разъ превышала добычу золота, за послѣднія же десятилѣтія, съ рокового 1873-го года, первая лишь въ 15—20 разъ превышаетъ вторую, иначе - добыча золота идетъ теперь вдвое быстрѣе добычи серебра. Итакъ, не перепроизводство имѣемъ мы для послѣдняго металла, а недопроизводство.

Въ годы:	Средняя годовая добыча въ килогр.		На одинъ килогр. зол. приходится килогр. серебра:
	Золота.	Серебра.	
1493—1600 .	6,989	211,430	30,2
1601—1700 .	9,123	372,340	40,8
1701—1800 .	19,001	570,349	30,0
1801—1810 .	17,776	894,150	50,3
1811—1820 .	11,445	540,770	47,3
1821—1830 .	14,216	460,560	32,4
1831—1840 .	20,289	596,450	29,4
1841—1850 .	54,759	780,415	14,3
1851—1855 .	199,388	886,115	4,4
1856—1860 .	201,750	904,990	4,5
1861—1865 .	185,057	1,101,150	5,9
1866—1870 .	195,026	1,339,085	6,9
1871—1875 .	173,904	1,969,425	11,3
1876—1880 .	166,095	2,195,855	13,2
1881—1885 .	153,643	2,661,457	17,3
1886—1890 .	169,862	3,387,472	19,9
1891—1895 .	245,420	4,921,714	20,1
1896 . .	305,379	5,100,000	16.8
1897 . .	374,000	5,600,000	15,0

Объясняется это повсемѣстнымъ принятіемъ золотой валюты, не допускающей покровительства серебряной добычѣ, а скорѣе парализующей послѣднюю.

Съ 1840 года относительная цифра серебряной добычи сильно падаетъ, такъ что отношеніе серебряной добычи къ золотой съ 1850 до 1870 годы колеблется между 4,4 : 1 и 6,9 : 1, что, конечно, объясняется сильнѣйшимъ подъемомъ золотой добычи, благодаря открытію калифорнійскихъ и австралійскихъ розсыпей,—тогда интересъ къ серебру сильно упалъ, и всѣ рабочія руки отвлечены были отъ серебряныхъ рудниковъ къ золотымъ розсыпямъ.

Въ высшей степени знаменательно,

однако, что, не смотря на почти повсемѣстное упраздненіе серебряной валюты, идущее прогрессивно съ 1873 года, не смотря на открытіе въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ новой Калифорніи въ Трансваалѣ, добыча серебра съ 1870 года до 1895 года не перестаетъ повышаться: съ отношенія 11,3 : 1 мы переходимъ къ отношенію 20,1 : 1, которое съ 1896 и 1897 года упало до отношенія 15 : 1, благодаря новымъ мѣропріятіямъ въ пользу золотой валюты, принятымъ различными правительствами въ роковомъ 1893-мъ году.

По поводу мнимаго перепроизводства серебра я считалъ-бы весьма умѣстнымъ привести совершенно вѣрное замѣчаніе г. Л. Слонимскаго, который говоритъ: „колебанія цѣнности серебра на всемірномъ рынкѣ, какъ признано всѣми, находятся въ тѣсной причинной связи съ изгнаніемъ этого металла изъ монетныхъ системъ нѣкоторыхъ великихъ державъ". А въ другой изъ своихъ статей Л. Слонимскій совершенно резонно замѣчаетъ, что именно „отказъ отъ употребленія серебра для монетныхъ цѣлей понижаетъ его рыночную цѣну".

Во всякомъ случаѣ, прогрессивное возростаніе серебряной добычи, не смотря на парализующія её мѣропріятія и открытіе золота въ Трансваалѣ, необычайная распространенность бѣлаго металла на земной поверхности и чрезвычайная дешевизна обработки серебряныхъ рудъ даютъ намъ полное право утверждать, что, при условіи повсемѣстнаго признанія серебряной валюты, благодаря покровительству послѣдней, добыча серебра въ теченіе немногихъ лѣтъ должна будетъ возрости вдвое, чѣмъ нейтрализуется вредное вліяніе уменьшенія количества международныхъ денегъ на половину, неизбѣжное при введеніи всякой единой валюты.

Что цѣнность серебра представляетъ несравненно болѣе устойчивости, чѣмъ цѣнность золота, это можно видѣть изъ приводимой таблички А. Зауербека, гдѣ противъ каждаго года поставлена цифра, выражающая покупательную силу золота и серебра относительно 45 главнѣйшихъ товаровъ.

Годы.	Покуп. сила золота.	Покуп. сила серебра.
1870	104	104
1871	100	100
1872	92	91
1873	89	87
1874	98	94
1875	104	97
1876	106	92
1877	106	96
1878	114	98
1879	121	101
1880	114	98
1881	118	100
1882	119	99
1883	122	101
1884	132	110
1885	139	111
1886	145	108
1887	147	108
1888	143	101
1889	139	98
1890	139	109
1891	139	103
1892	147	96
1893	147	86
1894	159	76
1895	161	80
1896	164	82
1897	161	73

Не трудно видѣть, что покупательная способность обоихъ металловъ падаетъ къ 1873 году, когда для золота достигаетъ величины 89'

а для серебра величины 87. Съ 1873 года покупательная сила золота изъ года въ годъ почти непрерывно возростаетъ, достигая maximum'а въ 1896 году, когда она равна 164, т. е. возросла почти вдвое. Напротивъ, покупательная сила серебра колеблется въ предѣлахъ относительно узкихъ, между 73 и 111. Ясно, что въ отношеніи цѣнности серебро есть металлъ несравненно болѣе устойчивый, чѣмъ золото.

Будемъ-же надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ правительства культурныхъ государствъ придутъ къ необходимости принять единую серебряную валюту, такъ какъ сознаютъ, что серебро, по своей распространенности, по устойчивости своей цѣнности, есть единственный металлъ, удовлетворяющій всѣмъ потребностямъ экономическаго оборота; что борьба за серебряную валюту противъ золотой есть борьба за производительный трудъ противъ капитала и банкировъ, этихъ вѣчныхъ кредиторовъ человѣчества; что, наконецъ, „мнимое единодержавіе золота", по справедливому замѣчанію Л. Слонимскаго, „сводится лишь къ болѣе повышенному денежному счету, отъ котораго выигрываютъ только крупные капиталисты и международные банкиры"!..

Желающихъ поближе ознакомиться съ трактуемымъ вопросомъ отсылаемъ къ прекраснымъ трудамъ Эмиля де Лавелэ, Эдуарда Зюсса, Бутми де Кацмана, Л. Слонимскаго, П. Оля и другихъ авторовъ.

А. Карножицкій.

Симбіозъ и паразитизмъ въ животномъ царствѣ.

(Переводъ съ рукописи автора).

Винченцо Аріола (Проф. Генуэзскаго Университета).

Большая часть ремеслъ, пишетъ Гартингъ, очень хорошо извѣстны животнымъ; между ними встрѣчаются рудокопы, каменьщики, столяры, ткачи, бумажные фабриканты и т. д., которые сначала работаютъ на себя, а затѣмъ на потомство. Среди нихъ встрѣчаются такія, которыя копаютъ ходы въ землю, выносятъ ненужную землю, подпираютъ своды и укрѣпляютъ свои работы, какъ самые искусные рабочіе—землекопы; другіе—искусные архитекторы: они сооружаютъ хижины и дворцы, согласно правилъ науки и практики; третьи, наконецъ, въ совершенствѣ знаютъ секреты приготовленія картона, бумаги, полотна, кружевъ, и ихъ тонкія и изящныя произведенія могутъ смѣло выдерживать сравненіе съ знаменитыми кружевами Санта Маргерита Лигуре и Венеціи.

Кому не приходилось удивляться искуснымъ сооруженіямъ пчелинаго улья, муравейника или же удивительной работѣ паутины паука-крестовика! Кто не знаетъ, какъ велика дѣятельность многихъ животныхъ, къ которымъ наши фабриканты обращаются за сырымъ матеріаломъ? Если представить себѣ, что машины этихъ животныхъ перестали бы работать, то намъ можетъ быть не во что было бы одѣваться.

Положительно поражаешься удивленіемъ, когда начинаешь изслѣдовать неустанную, безпокойную работу животныхъ, побуждаемыхъ постоянно какимъ-то невидимымъ стимуломъ! Если человѣкъ по справедливости гордится открытіемъ пара и электричества, изслѣдованіемъ законовъ жизни, то онъ не можетъ все же быть равнодушнымъ къ созидательному и разумному инстинкту животныхъ.

Однако же, рядомъ съ этими усердными работниками, неутоми-

мыми пролетаріями природы, существуетъ не малочисленный классъ животныхъ, имѣющихъ всѣ признаки пройдохъ, классъ, живущій и благоденствующій насчетъ другихъ; нерѣдко можно встрѣтить между ними отважныхъ разбойниковъ, живущихъ грабежами и убійствами; эти пройдохи и разбойники почти всегда или благодаря своей хитрости, или благодаря дерзости ускользаютъ отъ общественной мести; есть и такія животныя, которыя постепенно истощаютъ себѣ подобныхъ, доводя ихъ до крайне печальнаго положенія. Словомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлый рядъ насилій и обмановъ, который видимъ и въ человѣческомъ обществѣ!

Нѣтъ недостатка и въ бѣднякахъ, которые умерли-бы съ голоду безъ помощи благотворителей; они живутъ, прося милостыню у прохожихъ, или-же довольствуются тѣмъ, что подбираютъ остатки роскошныхъ обѣдовъ сильныхъ; иногда они довольствуются тѣмъ, что перемѣщаются съ мѣста при помощи другихъ, иные же ищутъ защиты противъ болѣе сильныхъ животныхъ. Другіе оказываютъ другъ другу взаимную помощь, образуя союзы и коопераціи, имѣющіе цѣлью или добываніе средствъ къ жизни или же защиту противъ враговъ, всегда готовыхъ напасть на беззащитныхъ.

Массартъ и Вандервельде всѣ отношенія между этими животными, хищниками или кооперативистами, относятъ подъ одну рубрику *паразитизма*. Подобное воззрѣніе кажется мнѣ черезчуръ одностороннимъ, потому что въ этомъ случаѣ если можно считать настоящимъ паразитомъ пройдоху или нищаго, сильныхъ и способныхъ работать, то нельзя считать таковыми слабыхъ, которые стараются поддержать свое существованіе, на которое имѣютъ право.

На основаніи чего можно считать паразитами животныхъ, образующихъ союзы или для общей выгоды или для того, чтобы избѣжать общей опасности? Болѣе правильно, мнѣ кажется, установить различныя категоріи, классифицируя различныя группы животныхъ сообразно съ существующими между ними отношеніями.

Я сдѣлаю краткій обзоръ различныхъ ассоціацій, встрѣчающихся между животными, и постараюсь классифицировать ихъ смотря по цѣли которую онѣ преслѣдуютъ; я буду останавливаться только на тѣхъ, которыя образуются животными различныхъ видовъ; между ними мы найдемъ тѣ крайне распространенные союзы, которые составляютъ группу паразитовъ и которые по своей біологіи и по своимъ отношеніямъ къ человѣку представляютъ значительный интересъ не только для зоолога, но и въ особенности для врача и гигіениста.

* * *

Многія животныя живутъ уединенно и одиноко, избѣгая всякаго общенія съ себѣ подобными; многіе примѣры этого встрѣчаются среди низшихъ типовъ, но не мало ихъ можно насчитать среди и болѣе высшихъ типовъ; между хищными случаи соединенія въ общества неизвѣстны, и каждая пара живетъ своимъ трудомъ, сама удовлетворяя всѣ свои потребности; когда потомство подрастаетъ, то оно покидаетъ родительскій домъ, охотясь за добычей за свой счетъ. Другіе виды соединяются добровольно между собою, въ виду какой либо опредѣленной цѣли, которая можетъ быть или общимъ благосостояніемъ или же благосостояніемъ отдѣльнаго индивидуума.

Названіе ассоціацій дается этимъ обществамъ безразлично, состоятъ ли они изъ особей одного и того же вида или-же принадлежатъ къ группамъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ другъ отъ друга.

Ассоціаціи перваго рода, которыя я назову одноименными *(omonime)*, очень часто встрѣчаются въ животномъ царствѣ, но не всѣ устроены по одному типу; мы даже легко можемъ раздѣлить ихъ на двѣ категоріи на основаніи происхожденія отдѣльныхъ особей, ихъ морфологическаго строенія и отношеній, устанавливающихся между членами ассоціаціи.

Въ первой категоріи, болѣе простой, встрѣчающейся только у низшихъ формъ, всѣ особи совершенно одинаковы, такъ что не только не существуетъ морфологическаго и структурнаго различія, но нѣтъ различія и въ лежащихъ на нихъ обязанностяхъ; основателемъ союза является одна особь, а отъ нея происходятъ новыя, оставаясь съ ней связанными. Хотя они и соединены между собою, но каждый можетъ жить совершенно независимо отъ другихъ, какъ это бываетъ у инфузорій (сувойка). Можетъ случиться, что между соединенными особями устанавливается извѣстное общеніе, опредѣляемое тѣмъ, что они имѣютъ одинъ общій органъ, или же органы, сообщающіеся между собою; чаще всего это бываетъ пищеварительная полость. Въ этомъ случаѣ всѣ члены союза пользуются одинаково продуктами пищеваренія даже и въ томъ случаѣ, если кто либо изъ нихъ не могъ, по какой либо причинѣ извлечь свою долю пищи изъ окружающей среды. Во всякомъ случаѣ каждый имѣетъ свои собственные органы питанія и воспроизведенія, при чемъ эти функціи совершаются независимо отъ прочихъ членовъ союза.

Кромѣ того, животныя, образующія подобнаго рода союзы, прикрѣплены къ мѣсту, размножаются посредствомъ почкованія, болѣе молодые отъ болѣе старыхъ, и такъ сказать образуютъ общество пассивно; отдѣльныя особи походятъ на почки на вѣткахъ, происходящія отъ одного ствола.

Во всякомъ случаѣ, существуетъ или нѣтъ взаимная зависимость, ясно видно, что ассоціація вполнѣ анархична; біологи называютъ ее *колоніей*. Примѣры колоній съ особями, находяшимися въ общеніи другъ съ другомъ, очень часто встрѣчаются въ природѣ; достаточно будетъ упомянутъ о губкахъ, кораллахъ, briozo (среди безпозвоночныхъ, а среди болѣе высшихъ животныхъ группы Bothryllo и Cione).

Другимъ видомъ омонимной ассоціаціи являются ассоціаціи, наиболѣе характерно представленныя пчелами, муравьями, термитами и т. п.. Однако, какая разница въ отношеніяхъ, которыя устанавливаются между отдѣльными особями: чисто анархическая форма, которую мы встрѣчаемъ въ колоніяхъ, не только совершенно исчезаетъ, но переходитъ вдругъ въ монархическій строй съ морфологически раздѣльными индивидуальностями, а вслѣдствіе этого съ рѣзко разграниченными, опредѣленными обязанностями.

У термитовъ, напримѣръ, особи не только не похожи и не равны между собою, но имѣютъ отличительныя индивидуальныя черты; здѣсь мы встрѣчаемся съ полиморфизмомъ; отдѣльныя группы особей различаются между собою размѣрами; затѣмъ, одни имѣютъ крылья, другіе ихъ лишены. Эти послѣдніе представляютъ собою существа средняго рода, являющіяся рабочими; они копаютъ ходы въ землѣ, долбятъ дерево для сооруженія муравейника, отыскиваютъ пищу, ухаживаютъ за личинками; къ этой же группѣ относятся: солдаты, отличающіеся отъ рабочихъ болѣе сильнымъ развитіемъ передней части тѣла и сильными органами для нападенія и защиты; затѣмъ идутъ король и королева, обладающіе крыльями и отличающіеся отъ солдатъ и рабочихъ; королевская чета не знаетъ тяжести труда, она получаетъ большую и лучшую часть пищи въ ожиданіи воспроизведенія

потомства. Эти ассоціаціи, носящія военно-монархическій характеръ, значительно отличаются отъ колоній не только по строенію особей, ихъ составляющихъ, и по отношеніямъ между ними, но и по способу ихъ происхожденія. Дѣйствительно, въ нихъ каждая отдѣльная особь выходитъ изъ яйца и развивается независимо отъ другихъ, не имѣя съ ними никакихъ сношеній, вплоть до полнаго своего развитія; сношенія между особями завязываются, когда эти послѣднія уже выростутъ, и можно было бы сказать „добровольно";—такимъ образомъ составляются тѣ союзы, которые отмѣчаются уже именемъ *общества*.

Борьба за существованіе, которая объясняется различно, имѣетъ основаніемъ преслѣдованіе двухъ основныхъ потребностей—питанія и воспроизведенія; это и ведетъ животныхъ къ общительности.

Въ группахъ высшихъ животныхъ общественность принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры, потому что къ двумъ вышеупомянутымъ потребностямъ присоединяются еще новые элементы, а именно—общественное чувство, симпатія и т. п.

Въ природѣ очень часто встрѣчаются ассоціаціи между животными различныхъ видовъ, направленныя къ опредѣленной цѣли, которая не всегда является взаимной помощью или коллективной защитой противъ общаго врага. Въ этихъ случаяхъ животныя оказываютъ другъ другу такія услуги, которыя одинаково необходимы обоимъ; правда, что случаи подобнаго рода встрѣчаются въ незначительномъ числѣ въ сравненіи съ другими. Такъ, часто дѣло идетъ о помощи, которую бѣдный проситъ у богатаго, напримѣръ, участіе въ обѣдѣ, или же бѣдный проситъ убѣжища, или и то, и другое; въ иныхъ случаяхъ слабый проситъ защиты у сильнаго, принимающаго его подъ свое покровительство; наконецъ, часто одно животное живетъ насчетъ другого, сильно ему вредя. Всѣ эти разнообразныя ассоціаціи, а также и аггрегаты, о которыхъ мы упоминали выше, можно помѣстить подъ одну рубрику подъ названіемъ *симбіоза* (сожительство); въ симбіозѣ животныя находятся въ такихъ отношеніяхъ, что ассоціація является необходимостью для одного или же для всѣхъ членовъ. При симбіозѣ животныхъ, принадлежащихъ къ различнымъ видамъ, число сожителей обыкновенно ограничивается двумя, хотя встрѣчаются сожительство трехъ или четырехъ разнородныхъ животныхъ

Симбіозы можно сгруппировать въ категоріи, смотря по отношеніямъ, которыя устанавливаются между членами ассоціаціи. Имѣются различныя классификаціи симбіозовъ, смотря по точкѣ зрѣнія и авторовъ и смотря по тому, какъ разсматриваются отношенія между животными; я не считаю возможнымъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ классификацій, такъ какъ это завело бы меня далеко за предѣлы настоящей статьи. Ограничусь указаніемъ той классификаціи, которой я слѣдую отчасти. Она предложена Ванъ-Бенеденомъ (Van-Beneden) въ книгѣ *Les Commensaux et les Parasites dans le règne animal* (Paris 1883 г.). Книга Ванъ-Бенедена, хотя нѣсколько устарѣвшая, читается тѣмъ не менѣе съ удовольствіемъ, благодаря множеству интересныхъ фактовъ, въ ней приводимыхъ. Авторъ раздѣляетъ симбіозы на три большихъ категоріи: *сотрапезниковъ*, *членовъ общества взаимопомощи* и *паразитовъ*. Эта классификація, болѣе или менѣе измѣненная, принимается почти всѣми учеными, за исключеніемъ Массарта и Вандервельде, которые, какъ я уже упоминалъ, въ своемъ трудѣ: „Паразитизмъ органическій и паразитизмъ общественный", всѣ симбіозы объединяютъ подъ одно общее названіе паразитовъ, что, по нашему, совершенно не правильно

Правда, что очень многіе случаи, которые до сихъ поръ считались сотрапезничествомъ, должны быть отнесены въ другую категорію; Ванъ-Бенеденъ очень многіе случаи чистаго паразитизма заноситъ именно въ категоріи сотрапезниковъ, однако, хотя во многихъ случаяхъ нельзя рѣзко разграничить сотрапезничество отъ паразитизма, но зато во многихъ случаяхъ симбіоза ни въ какомъ случаѣ нельзя признать паразитизма.

Можно ли, напримѣръ, считать паразитомъ швейцара, который, съ разрѣшенія хозяевъ, по окончаніи обѣда жильцовъ приходитъ собирать остатки?

Я полагаю, что для того, чтобы классификація была дѣйствительно полной, надо категорію сотрапезниковъ раздѣлить на двѣ части, потому что, какъ я уже упоминалъ, есть животныя, ограничивающіяся требованіемъ переноски съ одного мѣста на другое: эти не могутъ быть названы сотрапезниками въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Эту новую категорію я предлагаю назвать *эпокуменами* (заставляющими себя переносить). Такимъ образомъ, при новомъ раздѣленіи, мы имѣемъ четыре категоріи симбіоза: эпокумены, сотрапезники, взаимнопомогающіе другъ другу (мутуалисты) и паразиты.

Эпокуменизмъ.—Въ этой ассоціаціи, очень часто встрѣчающейся въ природѣ, два сожителя являются приблизительно въ отношеніяхъ извозчика къ сѣдоку или жильца къ хозяину дома: нужно получить мѣсто для переѣзда съ одного мѣста на другое или же помѣщеніе для защиты.

Ванъ Бенеденъ, какъ я уже указывалъ, относитъ этихъ животныхъ въ группу сотрапезниковъ, хотя нѣтъ никакихъ основаній относить ихъ къ таковымъ. Чтобы показать вообще, какіе случаи этотъ писатель относитъ къ сотрапезничеству, упомяну, что онъ называетъ этимъ именемъ симбіозъ Phierasfer, живущей въ тѣлѣ голотуріи. Эта рыбка избираетъ своимъ жильемъ тѣло голотуріи, проникая въ вѣтви дыхательнаго аппарата; однако, присутствіе подобного жильца вовсе непріятно и невыгодно для хозяина, потому что отъ давленія на хрупкія стѣнки бронхіальнаго ствола онѣ ломаются, и рыбка попадаетъ во внутреннюю полость животнаго. Phierasfer, котораго Этери считаетъ жильцомъ голотуріи, если находится одинъ, то, повидимому, не оказываетъ вреднаго вліянія на жизнь голотуріи, но когда ихъ собирается нѣсколько, то для голотуріи это кончается смертью. Хороши сотрапезники!

Для того, чтобы случай сожительства можно было-бы отнести къ эпокуменизму, нужно, чтобы одно животное не приносило-бы никакого вреда другому; въ противномъ же случаѣ, по данному опредѣленію, это уже будетъ паразитизмъ. Наиболѣе типичный случай эпокумена представляетъ собой рыба, извѣстная въ древности подъ именемъ *Держилодья*.

Извѣстно, что эта рыба очень медленно и плохо плаваетъ, однако, же, она далеко не остается неподвижною, она даже обыкновенно предпринимаетъ долгія путешествія. Она имѣетъ возможность совершать эти путешествія, благодаря особому органу, нѣчто вродѣ элипсовидной кровососной банки, находящемуся у нея на головѣ; этимъ органомъ рыба присасывается къ плывущимъ кораблямъ, а также къ акуламъ; но въ обоихъ случаяхъ она только требуетъ перевозки, заботясь сама обо всемъ остальномъ; когда путешествіе кончается, она добровольно оставляетъ свою повозку. Эта рыба, ведущая очень простой образъ жизни, въ глазахъ естествоиспытателей древности, являлась существомъ необыкновеннымъ; такъ, Плиній утверждаетъ, что изъ держилодьи можно приготовлять напи-

токъ, способный погасить огонь любви! Моряки и до сихъ поръ думаютъ, что если такая рыба прилѣпится къ судну, то это послѣднее останавливается, и нѣтъ силы, способной его сдвинуть съ мѣста.

Эпокуменизмъ, какъ я уже говорилъ, встрѣчается у различныхъ видовъ; наиболѣе часто у Cirripedi изъ ракообразныхъ. Этотъ видъ до послѣдняго времени причислялся къ моллюскамъ, такъ какъ облеченъ въ скорлупу, похожую на раковину такъ называемыхъ *frutti di mare*; въ началѣ своего развитія они плаваютъ свободно, а затѣмъ прикрѣпляются къ дну морскому или къ какому-нибудь канату и развиваются окончательно. Очень часто въ арктическихъ моряхъ эти животныя помѣщаются на спинѣ китовъ и въ этомъ случаѣ становятся путешественниками. Легко понять, что условія существованія этихъ послѣднихъ болѣе выгодны, нежели тѣхъ, которыя прикрѣпляются къ землѣ; переносимые туда и сюда, они гораздо легче могутъ достать себѣ пищу; присутствіе этихъ животныхъ на спинѣ кита не приноситъ ни малѣйшаго неудобства этому послѣднему. Достаточно сказать, что вѣсъ Cirripede составляетъ нѣсколько граммовъ, а китъ вѣситъ 150.000 килограммовъ. Мы могли бы привести еще много подобныхъ примѣровъ, но достаточно указать на этотъ наиболѣе типичный, чтобы оправдать созданіе новой категоріи.

Сотрапезничество.—Въ ассоціаціи этого рода сожители находятся въ сношеніяхъ другъ съ другомъ въ цѣляхъ питанія, раздѣляя другъ съ другомъ дневное пропитаніе; иногда одинъ питается остатками трапезы другого. Очень часто сотрапезникъ бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и эпокуменомъ, но въ этомъ случаѣ онъ быстро переходитъ въ паразита. Въ этихъ случаяхъ невозможно бываетъ всегда провести точную границу между категоріями симбіоза. Одна незамѣтно переходитъ въ другую.

Въ высшихъ видахъ отношенія между сожителями можно вообще изучить лучше, и классификація является менѣе сомнительной; въ низшихъ же формахъ это не всегда легко сдѣлать, и животное можетъ быть причислено къ сотрапезникамъ, паразитамъ, несчастнымъ, или угнетателямъ, смотря по тому, въ какихъ обстоятельствахъ производилось наблюденіе; пройдоха считается честнымъ, пока не пойманъ съ поличнымъ. Истинный сотрапезникъ долженъ быть или слабымъ, или же недостаточно дѣятельнымъ, что оправдывало бы требованіе помощи для поддержки себя или воспитанія потомства. Прилагая подобный критерій, мы найдемъ, что очень многіе случаи, относимые Ванъ-Бенедeномъ къ сотрапезничеству, должны быть отнесены къ паразитизму.

Среди ракообразныхъ встрѣчаются очень много сотрапезниковъ. Многіе изъ нихъ, главнымъ образомъ мелкіе виды, помѣщаются въ полости рта различныхъ рыбъ, такъ что часть добычи выпадаетъ и на долю этихъ ракообразныхъ.

Раки-отшельники, какъ извѣстно, живутъ большею частью въ покинутыхъ раковинахъ моллюсковъ и оттуда нападаютъ на добычу; очень часто въ этихъ раковинахъ вмѣстѣ съ отшельникомъ живутъ два червя рода Нереидъ, пользующіеся добычей, которую ловитъ ихъ болѣе сильный товарищъ.

Держилодья, на эпокуменизмъ которой я уже указывалъ, можетъ иногда сдѣлаться сотрапезницею; у меня былъ одинъ экземпляръ держилодьи, снятый съ пасти пойманной акулы. Нужно сказать, что держилодья прекрасно выбрала мѣсто и, конечно, находила постоянно обильную пищу.

Взаимопомощь. — Взаимопомощь является видомъ симбіоза очень распространеннымъ; она состоитъ въ томъ, что члены общества живутъ во взаимной зависимости, оказывая другъ другу услуги и способствуя своею дѣятельностью къ уве-

личенію благосостоянія ассоціаціи. Одни буксируютъ другъ друга, другіе даютъ убѣжище, третьи, наконецъ, можетъ быть, связаны только взаимной симпатіей, но симпатія или помощь, оказываемая однимъ членомъ, всегда находитъ эквивалентъ въ услугахъ другихъ; здѣсь уже нѣтъ бѣдняковъ, просящихъ помощи, или паразитовъ, эксплоатирующихъ своего ближняго.

Взаимная помощь распространена не только въ царствѣ животныхъ, а также и между растеніями и животными; я же ограничусь, однако, приведеніемъ примѣровъ взаимопомощи среди животныхъ. Одинъ изъ такихъ примѣровъ представляетъ собою морской ракъ, извѣстный въ общежитіи подъ именемъ Бернарда-отшельника; это ракъ, довольно значительныхъ размѣровъ, во множествѣ водящійся по берегамъ Средиземнаго моря; у этого ракообразнаго, въ отличіе отъ другихъ ему подобныхъ, нижняя часть живота мягкая, а потому онъ подвергается большой опасности со стороны рыбъ и другихъ животныхъ, постоянно за нимъ охотящихся. Такъ какъ ракъ-отшельникъ не можетъ защититься отъ нихъ собственными средствами, то старается избѣжать опасности, ища прикрытія для уязвимой части тѣла; для этого онъ прячется въ пустую раковину одного моллюска, или же дѣлаетъ ее пустой, съѣдая ея законнаго обладателя. Ракъ-отшельникъ имѣетъ всегда постояннаго спутника — актинію, которая обыкновенно укрѣпляется на верху раковины. Этотъ союзъ выгоденъ обоимъ; актинія, неподвижная по своей природѣ, переносится ракомъ всюду и легко находитъ себѣ пищу, въ которой она могла бы ощущать недостатокъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ; въ свою очередь ракъ-отшельникъ не только прикрывается тѣнью щупальцевъ актиніи, но и получаетъ защиту отъ ея жгучихъ клѣточекъ. Раковина, преобразованная такимъ образомъ, становится неприступной цитаделью, и боязливый отшельникъ, высунувъ свои сильные клещи, можетъ спокойно ожидать вражескаго нападенія.

Этотъ ракъ очень часто принимаетъ къ себѣ въ раковину, въ качествѣ сотрапезниковъ, другихъ животныхъ, образуя вмѣстѣ съ ними одну изъ самыхъ сильныхъ ассоціацій, —это именно видъ кольчатаго червя съ изогнутымъ и подвижнымъ тѣломъ, съ зубцами и колючками по бокамъ. Когда ракъ пускается въ путь, то представляетъ собою разбойничій корабль: пираты только тогда прекращаютъ свои подвиги, когда все кругомъ уничтожено; съ виду же раковина кажется такой безобидной, что легко проникаетъ всюду, не возбуждая ни въ комъ подозрѣній.

Лѣтомъ 1903 года въ Неаполитанскомъ акваріумѣ я держалъ въ стеклянномъ сосудѣ рака-отшельника въ симбіозѣ съ актиніей; однажды, желая наблюдать его безъ его искусственнаго панцыря, я вынулъ его изъ раковины, но едва только я помѣстилъ его обратно въ сосудъ, обезоруженнаго такимъ образомъ, какъ на него набросилась *Blennius*, маленькая рыбка, которая тоже находилась въ этомъ сосудѣ для наблюденія; она сразу вцѣпилась ему въ нижнюю часть живота и два раза вырвала по большому куску мяса; ракъ даже не пробовалъ защищаться и вскорѣ околѣлъ отъ ранъ.

Внѣ своей крѣпости отшельникъ подобенъ низложенному тирану; онъ знаетъ это хорошо, и его очень трудно вытащить изъ раковины. Когда, благодаря увеличившимся размѣрамъ тѣла, раковина сдѣлается узка для него, онъ отправляется на поиски другой, которая соотвѣтствовала бы его увеличившимся размѣрамъ. Но какія предосторожности принимаетъ онъ при переходѣ изъ одного жилища въ другое, а затѣмъ, когда водворится въ новомъ жилищѣ, то какъ удивительно работаетъ, отрывая свою неразлучную

спутницу отъ старой раковины и укрѣпляя ее на новой; онъ успокоивается только тогда, когда благополучно окончитъ эту работу.

Не менѣе часто встрѣчающійся случай взаимопомощи представляетъ другой ракъ, близко подходящій къ отшельнику, это такъ называемый *ракъ-хитрецъ*; онъ сожительствуетъ съ одной губкой желтаго цвѣта (Suberites domunculus); хитрецъ такъ хорошо укрывается въ этой губкѣ, что если смотрѣть сверху, то отъ ракообразнаго видны только могучія клешни; такимъ образомъ ему удается скрываться отъ враговъ, которымъ онъ подставляетъ въ видѣ щита тѣло своей союзницы. Губка также извлекаетъ немаловажныя выгоды изъ этого сожительства, потому что она не осуждена сидѣть на одномъ мѣстѣ, какъ другія губки, а переносится съ мѣста на мѣсто, а потому получаетъ болѣе разнообразную и богатую пищу. Очень многіе виды раковъ сожительствуютъ съ группою *Celenterata* (кишечнополостныхъ).

Очень маленькій ракъ, извѣстный подъ именемъ рака-постояльца (Pinnoterus), живетъ въ морскомъ финикѣ; очень часто этому раку приписываютъ то нездоровье, которое постигаетъ часто тѣхъ, кто ѣстъ этого моллюска, но это, напротивъ, сами моллюски бываютъ причиной такъ называемой *идіосинкразіи*.

Что же дѣлаютъ эти маленькіе рачки въ раковинѣ моллюска? Они находятъ въ ней убѣжище отъ враговъ. Что касается морского финика, то онъ также извлекаетъ выгоду изъ этого сожительства, такъ какъ остатки добычи постояльца идутъ въ его пользу. Постоялецъ, хотя и маленькій, но прекрасно вооруженъ для ловли добычи. Притаившись въ глубинѣ раковины моллюска и переносясь съ нимъ съ мѣста на мѣсто, ракъ выжидаетъ удобнаго момента, чтобы броситься на добычу, на которую всегда нападаетъ врасплохъ.

Эти раки встрѣчаются во всѣхъ моряхъ, какъ сотрапезники различныхъ двустворчатыхъ моллюсковъ.

Паразитизмъ. — Въ тѣхъ случаяхъ, когда при симбіозѣ нѣтъ взаимности услугъ, хотя бы и незначительныхъ, — мы имѣемъ передъ собою паразитизмъ. Я уже упоминалъ, что между ассоціаціями, которыя мы разсматривали раньше, и паразитами встрѣчаются всевозможные переходы и градаціи, такъ что нѣтъ возможности точно опредѣлить, гдѣ кончается одна категорія и гдѣ начинается другая; природа не знаетъ тѣхъ классификацій, которыя дѣлаютъ люди для удобства изученія. У зеленой Бонелліи (Bonellia), маленькаго морскаго червя, самка зеленаго цвѣта; самцы, совершенно микроскопическіе и различающіеся по формѣ отъ самки, живутъ на ея половомъ органѣ и получаютъ пищу отъ нея-же; здѣсь, повидимому, есть всѣ признаки полового паразитизма, однако же, нельзя смотрѣть на этотъ случай, какъ на случай паразитизма. Дѣйствительно, присутствіе самцовъ необходимо для продолженія рода, и равновѣсіе не можетъ быть нарушено безъ уничтоженія самой функціи*). Мы можемъ опредѣлить паразитизмъ, какъ такой симбіозъ, въ которомъ одна изъ сторонъ живетъ насчетъ другой, не оказывая ей никакой услуги, а принося ущербъ. Такимъ образомъ изъ числа паразитовъ будутъ исключены не только тѣ категоріи, которыя мы разсмотрѣли раньше, но еще и всѣ хищники, которыя, живя насчетъ другихъ животныхъ, силою уничтожаютъ ихъ. Нельзя также утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что паразиты без-

*) Упомянутый симбіозъ органически можетъ разсматриваться, какъ взаимная помощь, а съ общественной точки зрѣнія является чистымъ паразитизмомъ и относится къ разряду половыхъ паразитовъ.

Изъ вышесказаннаго ясно, что нельзя мѣрить на одну мѣрку соціальныя явленія и явленія природы; всѣ аналогіи между ними ведутъ къ ошибочнымъ заключеніямъ.

вредны или же заинтересованы въ томъ, чтобы сохранить своего хозяина для того, чтобы пользоваться имъ; въ природѣ животныя не дѣйствуютъ въ личныхъ цѣляхъ, они не поступаютъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, а всѣ неизбѣжно подчиняются общему закону удовлетворенія минутныхъ потребностей; у нихъ нѣтъ заботы объ участи ихъ жертвы, да и не можетъ быть. Это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, благодаря которымъ начинаетъ складываться мнѣніе, что паразиты производятъ въ большей или меньшей степени особыя выдѣленія, которыя всегда вредны для организма, въ которомъ они живутъ (токсины). Такъ, Ankylostoma, извѣстная по той эпидеміи, которая была благодаря ей среди горнорабочихъ С. Готтарда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не только питается кровью человѣка, во внутренностяхъ котораго живетъ, но и впускаетъ въ кровь ядъ, въ очень незначительномъ, правда, количествѣ, но когда этотъ паразитъ значительно размножается, то увеличивается и количество токсина, причемъ человѣкъ обыкновенно умираетъ.

Между хищникомъ и паразитомъ нельзя установить различія по послѣдствіямъ ихъ дѣйствія, потому что эти послѣднія бываютъ часто одинаковы, кончаясь уничтоженіемъ животнаго, которымъ паразитъ или хищникъ пользуются; разница между ними заключается въ образѣ дѣйствій. Хищникъ нападаетъ и сразу убиваетъ свою жертву, а паразитъ, напротивъ, совершаетъ свое дѣло разрушенія медленно.

Можно, мнѣ кажется, установить различіе по качеству нападающей стороны; мы увидимъ въ этомъ случаѣ, что паразиты принадлежатъ обыкновенно къ низшимъ животнымъ и пользуются животными, стоящими выше ихъ на зоологической лѣстницѣ, напр. черви, живущіе въ позвоночныхъ (рыбахъ, птицахъ, млекопитающихъ и т. д.); хищникъ, напротивъ, долженъ быть сильнѣе своей жертвы и очень часто стоитъ выше ея по своему строенію; этимъ и объясняется различіе въ дѣйствіяхъ. Кромѣ того, хищники никогда не являются въ симбіозѣ съ жертвою, на которую нападаютъ внезапно, иногда изъ засады. Я полагаю, что нельзя хищниковъ относить къ категоріи паразитовъ; эта категорія была бы столь обширна, что изъ нея очень трудно было бы исключить какое-бы то ни было животное; самые ярые вегетаріанцы не могли-бы быть исключены изъ нея, потому что съ біологической точки зрѣнія жизнь капусты стоитъ столько-же, сколько жизнь гуся.

Буду разсматривать паразитовъ согласно сдѣланнаго мною опредѣленія.

Прежде полагали, что паразиты являются существами особенными, которымъ надо удѣлить отдѣльное мѣсто въ іерархіи живыхъ существъ и которые живутъ только въ одномъ и томъ-же животномъ; это старое заблужденіе. Между ними очень мало такихъ, которые не странствовали-бы въ извѣстный періодъ своей жизни; не трудно найти между ними и такихъ, которые живутъ попеременно то важными господами, то нищими.

Многіе бываютъ нищими только въ дѣтствѣ, другіе же, напротивъ, въ зрѣломъ возрастѣ, когда кромѣ того мѣняютъ свой внѣшній видъ такъ, что становятся совершенно неузнаваемыми. Находя пристанище у своихъ сосѣдей, они освобождаются отъ всѣхъ принадлежностей своего ремесла, устраиваются елико возможно лучше на избранномъ ими органѣ и сохраняютъ только то, что необходимо для послѣдней фазы ихъ существованія: органы воспроизведенія.

Паразиты обыкновенно принадлежатъ къ безпозвоночнымъ; позвоночныя же встрѣчаются между ними, какъ исключеніе. Въ группѣ

червей и ракообразныхъ встрѣчается наибольшее число паразитовъ; въ этой группѣ очень часты случаи вырожденія и уродства, а потому часты и случаи симбіоза. Извѣстно, что животныя съ лѣтами вообще совершенствуются, и многіе органы ихъ получаютъ болѣе полное развитіе; у многихъ ракообразныхъ и червей случается обратное, такъ что многіе изъ нихъ, достигнувъ высшей стадіи развитія, повидимому, приближаются къ границамъ растительнаго царства.

Они, какъ дѣти бѣдныхъ золотушныхъ, рождаются красивыми и полными, чтобы сдѣлаться потомъ рахитиками и калѣками! При выходѣ изъ яйца, они дѣйствительно очень дѣятельны и плаваютъ съ большой быстротою, но въ концѣ жизни, ослабѣвшіе и безформенные, они находятся въ какомъ нибудь живомъ убѣжищѣ.

Поэтому, какъ я уже упоминалъ, ошибочно думать, что весь видъ, какъ молодыя, такъ и старыя особи, какъ самцы, такъ и самки, всегда бываетъ паразитами; очень часто только женскія особи, на которыхъ лежитъ воспроизведеніе, становятся паразитами, а мужскія продолжаютъ вести кочевую жизнь. Самка въ этихъ случаяхъ дѣлается паразитомъ и принимаетъ видъ, совершенно непохожій на самца. Нельзя сказать, что самки въ этомъ случаѣ образуютъ прекрасный полъ, потому что обыкновенно онѣ дѣлаются ужасными по виду и по размѣрамъ; онѣ теряютъ всѣ отличительныя черты того вида, къ которому принадлежатъ. Въ другихъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ неузнаваемымъ паразитомъ становится самецъ, дѣлаясь паразитомъ или ища убѣжища на своей самкѣ; я уже упоминалъ о Bonellia, гдѣ, однако, достоинство самца не умаляется.

Очень немногія животныя въ разныхъ стадіяхъ своего развитія не содержатъ паразитовъ; рыбы нашихъ береговъ (Ривьера) содержатъ всегда одного или нѣсколькихъ паразитовъ, тоже можно сказать и о птицахъ и млекопитающихъ; самъ человѣкъ не можетъ избѣжать паразитовъ, питающихся его кровью или мясомъ. Нѣкоторые живутъ на кожѣ (ectoparasitae), другіе внутри тѣла (endoparasitae); одни предпочитаютъ молодое животное, другіе взрослое; иногда на одномъ и томъ же животномъ насчитываются десятки паразитовъ различныхъ породъ и различныхъ величинъ, отъ микроскопическихъ до имѣющихъ нѣсколько метровъ въ длину!

Не очень давно проф. Генуэзскаго университета Парона описывалъ случай, когда во внутренностяхъ дельфина было найдено до 25000 экземпляровъ червя, наз. Echinorinchus.

Нѣтъ ни одного органа у животныхъ, который не былъ бы подверженъ вторженію паразитовъ: мозгъ, глаза, уши...

Извѣстенъ замѣчательный случай, который наблюдалъ Краузе въ Бѣлградѣ; въ двухъ-годовалой лошади при вскрытіи былъ обнаруженъ цѣлый музей паразитовъ, а именно болѣе 500 аскаридъ, 190 oxiuri, 214 длинныхъ круглыхъ глистовъ, нѣсколько милліоновъ strongyli, 69 солитеровъ, 287 Filarides и 6 Cisticerchus.

Никакой органъ не можетъ считаться обезпеченнымъ отъ вторженія паразитовъ; мозгъ, спинной мозгъ, уши, глаза, легкія, нервы, мускулы, кровь и даже кости могутъ подвергнуться ихъ нападенію; всякій паразитъ имѣетъ свой излюбленный органъ, на которомъ поселяется.

Многіе изъ такихъ паразитовъ не живутъ постоянно на тѣлѣ животныхъ, а остаются столько времени, сколько имъ нужно, являясь поэтому свободными паразитами. Вампиры, эти неустрашимыя летучія мыши Южной-Америки, нападающія на спящихъ животныхъ и людей, высасывая у нихъ кровь при по-

мощи заостреннаго сосочка языка, принадлежатъ именно къ этой категоріи. Свободными паразитами являются также піявки, которыя пьютъ кровь животныхъ до тѣхъ поръ, пока не наполняются ею совершенно, а затѣмъ недѣлями и мѣсяцами перевариваютъ пищу. Такъ какъ между однимъ принятіемъ пищи и другимъ у нихъ протекаетъ такое продолжительное время, то понятно, что имъ безполезно оставаться на тѣлѣ своей жертвы.

Свободныхъ паразитовъ очень много; нѣкоторые изъ нихъ причисляются иногда къ хищникамъ, однако, подъ опредѣленіе хищника отнюдь не подходятъ.

Свободные паразиты живутъ насчетъ многихъ животныхъ, какъ и насчетъ человѣка; этотъ послѣдній можетъ, наблюдая большую чистоту во всемъ, избавиться отъ нѣкоторыхъ, но отъ нѣкоторыхъ не избавляется ни въ какомъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, комары распространены во всѣхъ странахъ, такъ какъ всюду находятся условія, благопріятныя для ихъ развитія:— вода; на Антильскихъ островахъ живетъ одинъ видъ комара, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ „Марингинъ", представляющій собою истинный бичъ для людей.

Эти насѣкомыя, среди которыхъ недавно, благодаря изслѣдованіямъ профессора Грасси, найдена была группа, способная разносить малярійную заразу, являются паразитами свободными и временными. Туле (Thoulet), говоря о комарахъ, выражается такъ: „Этотъ паразитъ является настоящимъ бичомъ съ Мая по Ноябрь; онъ прямо дѣлаетъ нѣкоторыя мѣста необитаемыми; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди до такой степени ослабѣваютъ отъ этого мученія, не прекращающагося ни днемъ ни ночью, отъ потери крови отъ постоянныхъ укусовъ, что не могутъ ни думать, ни говорить"!

Комары, въ отличіе отъ піявокъ и имъ подобныхъ, не всегда бываютъ паразитами, а становятся ими, когда дѣлаются крылатыми; затѣмъ, только самки жаждутъ крови, а самцы довольствуются сокомъ цвѣтовъ. Укусъ, благодаря очень малому количеству ядовитаго выдѣленія, которое остается въ ранкѣ и имѣетъ, повидимому, анестезическое дѣйствіе, замѣчается только черезъ нѣсколько времени.

Эти паразиты, живущіе насчетъ своихъ сосѣдей, отличаются отъ другихъ паразитовъ, которые всю жизнь проводятъ въ одномъ и томъ-же животномъ; свободные паразиты являются переходомъ отъ сотрапезниковъ къ настоящимъ паразитамъ. Въ этихъ послѣднихъ характерной чертой является перемѣна внѣшняго вида животнаго, когда оно изъ свободнаго становится паразитомъ.

Многія изъ нихъ первое время своей жизни проводятъ въ полнѣйшей независимости, а затѣмъ, когда приходитъ время производить потомство, то животное водворяется въ комъ нибудь изъ другихъ животныхъ, мѣняя наружный видъ и привычки сообразно съ новымъ мѣстомъ жительства.

Таковымъ является одинъ видъ Южно-американской блохи, Sarcoscilla penetrante; самецъ живетъ, сося кровь, свободнымъ паразитомъ; самка же снабжена маленькимъ остроконечнымъ клювомъ, при помощи котораго, въ періодъ воспроизведенія потомства, проникаетъ глубоко въ кожу человѣка и, усѣвшись тамъ, начинаетъ высиживать яйца, отъ которыхъ все ея тѣло раздувается до громадныхъ размѣровъ.

Среди ракообразныхъ многіе становятся паразитами въ зрѣломъ возрастѣ; такъ, большая группа веслоногихъ сначала ведетъ жизнь обыкновенныхъ свободныхъ ракообразныхъ; эта жизнь продолжается до тѣхъ поръ, пока у нихъ не появляются органы размноженія, въ это же время начинается ея упадокъ;

животное, усѣвшись по возможности удобно на какомъ либо изъ органовъ одного изъ своихъ сосѣдей и имѣя готовую пищу, освобождается отъ всѣхъ тѣхъ приспособленій, которыя нужны были ему прежде для отысканія добычи, освобождается отъ органовъ, служившихъ для передвиженія и ставшихъ ненужнымъ балластомъ, и быстро становится совершенно неузнаваемымъ. Кювье относитъ этихъ ракообразныхъ къ червямъ паразитамъ! Самка, которая должна заботиться о потомствѣ, раньше самца переходитъ въ состояніе паразита.

Въ этомъ случаѣ нельзя сказать, что самка является слабымъ поломъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что она бываетъ въ десять тысячъ разъ больше самца!

Такимъ образомъ здѣсь разница между полами очень значительна, и только наблюдая развитіе обоихъ начиная съ яйца, можно сказать, что дѣло идетъ объ одной и той же породѣ.

Извѣстно, что эти веслоногія крѣпко внѣдряются въ тѣло тѣхъ животныхъ, которыхъ онѣ являются паразитами, но молодость свою проводятъ въ полной независимости. Въ извѣстное время самка, желая обзавестись семьею (желаніе законное, но не всегда осуществимое) присматриваетъ какого нибудь сосѣда, способнаго дать ей убѣжище, внѣдряется въ его кожу и начинаетъ быстро рости, увеличиваться въ размѣрахъ, при чемъ доходитъ до размѣровъ въ двѣсти и триста разъ бо́льшихъ первоначальнаго; голова, туловище и брюхо его дѣлаются чудовищными, и все животное кажется какъ бы вѣнкомъ, повѣшеннымъ на того, кто даетъ ей пріютъ.

Penella, другое ракообразно изъ группы *веслоногихъ*, походитъ на живое перо; его тѣло раздѣляется и развѣтвляется на множество вѣтвей, которыя обыкновенно входятъ, какъ корни, въ ткани живого существа, на которомъ живетъ этотъ паразитъ (обыкновенно какая нибудь рыба).

Примѣры паразитовъ этого рода очень многочисленны и ихъ нравы очень интересны, и описаніе ихъ безусловно заслуживаетъ вниманія, но это завело бы меня очень далеко; надо упомянуть еще и о другихъ группахъ паразитовъ, а поэтому я и спѣшу перейти къ нимъ.

Существуютъ виды, которые въ отличіе отъ вышеупомянутыхъ являются паразитами въ первоначальныхъ стадіяхъ своего развитія, а въ зрѣлую пору становятся свободными и могутъ очень хорошо добывать себѣ пищу.

Такимъ образомъ животныя, на которыхъ живутъ паразиты, въ первомъ случаѣ представляютъ богадѣльню, а во второмъ ясли для новорожденныхъ, которые выросши покидаютъ свое убѣжище и живутъ своимъ трудомъ.

Многіе изъ нихъ въ зрѣломъ возрастѣ, сдѣлавшись свободными, обладаютъ такими сильными аппаратами для добыванія пищи, что нельзя и заподозрить, что они должны были прибѣгать къ обиранію чуждыхъ породъ для воспитанія потомства, которое матерью оставляется на попеченіе мамки, медленно истощающейся отъ жадности своихъ питомцевъ.

Среди паразитовъ этого рода особенно замѣчательны наѣздники; эти красивыя насѣкомыя съ прозрачными крыльями проводятъ молодость менѣе бурно, нежели это можно было бы ожидать отъ ихъ отважнаго характера. Подобно кукушкѣ, кладущей яйца въ гнѣздахъ другихъ птицъ, избавляясь отъ трудовъ высиживанія и воспитанія дѣтей, самка наѣздника кладетъ яйца въ какую нибудь гусеницу при помощи длиннаго и остраго яйцеклада; такимъ образомъ личинки, выходя изъ яйца, могутъ питаться внутренностями и соками гусеницы и питаются ими до полнаго ея уничтоженія, но затѣмъ паразиты оста-

вляютъ свое убѣжище и развиваются самостоятельно.

Этотъ типъ паразитизма имѣетъ многочисленныхъ представителей, которые общеизвѣстны, такъ какъ выбираютъ своими жертвами домашнихъ животныхъ и человѣка; я говорю объ оводахъ и имъ подобныхъ. Къ счастію, ихъ нужды во время паразитизма бываютъ не очень велики и причиняютъ тому животному, въ которомъ эти паразиты находятся, только нѣкоторыя легкія разстройства.

Подобные паразиты стоятъ близко къ обыкновенной мухѣ, составляя вмѣстѣ съ нею группу насѣкомыхъ, которыя характеризуются присутствіемъ двухъ крыльевъ, но, въ отличіе отъ мухъ, которыя въ первоначальной стадіи развитія живутъ въ органическихъ остаткахъ, личинки оводовъ проводятъ первыя стадіи развитія въ носовой полости или во внутренностяхъ млекопитающаго. Одинъ видъ овода развивается въ носовой полости у овецъ, производя серьезныя заболѣванія. Овцы это очень хорошо знаютъ и боятся паразита; когда онѣ видятъ овода, летающаго вокругъ нихъ, то стараются убѣжать отъ него или же сбиваются въ кучу, пряча головы; цѣлыя стада бываютъ поражены паническимъ страхомъ отъ присутствія этого докучнаго двукрылаго. Однако, несмотря на это, оводу удается часто класть свои яйца въ носовую полость овецъ; развитіе и превращеніе личинокъ совершаются въ тѣлѣ животнаго, и окрыленныя насѣкомыя вылетаютъ изъ ноздрей овцы.

Если эти личинки находятся въ значительномъ количествѣ въ груди и носу овцы, то производятъ болѣзненное разстройство со всѣми симптомами воспаленія мозговыхъ оболочекъ, кончающееся смертью.

У быковъ подъ кожей живетъ подобное же насѣкомое, которое уже было извѣстно древнимъ; Виргилій въ III книгѣ Георгикъ описываетъ, какъ онъ одинъ умѣетъ это, ужасъ, охватывающій многихъ животныхъ. Бываютъ случаи, что личинки оводовъ развиваются во внутренностяхъ человѣка.

Другіе паразиты, отличающіеся отъ вышеупомянутыхъ по своему развитію, живутъ послѣдовательно въ двухъ различныхъ животныхъ; первая стадія развитія проходитъ въ одномъ животномъ, служащемъ ему убѣжищемъ, а остатокъ жизни въ другомъ, который обыкновенно служитъ родильнымъ домомъ. Нельзя сказать, что этотъ переходъ совершается добровольно; это совершается такимъ образомъ, что все убѣжище съ маленькими переходитъ въ родильный домъ; убѣжище для первой стадіи всегда является въ видѣ травояднаго животнаго, которое предназначено служить пищею для животнаго, питающагося мясомъ.

Свинья даетъ убѣжище въ своихъ мускулахъ солитеру въ первой стадіи развитія; человѣкъ, съѣдая сырое мясо свиньи, вводитъ въ свой организмъ также и всѣхъ червей, которые развиваются дальше. Когда ткани переварятся въ пищевомъ аппаратѣ человѣка, то паразиты, въ нихъ находящіеся, освобождаются и основываются на постоянное жительство въ новомъ организмѣ.

Жизнь этихъ паразитовъ проходитъ въ странствіяхъ; паразитъ, переходя изъ одного животнаго въ другое, претерпѣваетъ часто глубокія измѣненія какъ наружной формы, такъ и внутренняго строенія; такъ, солитеръ, находясь въ свиньѣ, имѣетъ форму маленькаго шаровиднаго пузырька и не имѣетъ половыхъ способностей до тѣхъ поръ, пока остается въ этомъ своемъ первомъ жилищѣ; а попадая въ человѣка, принимаетъ форму длинной ленты въ нѣсколько метровъ, получая воспроизводительныя способности взрослой особы. Вообще въ первоначальномъ убѣжищѣ паразитъ занимаетъ органъ совершенно недоступный сношеніямъ съ внѣшнимъ

міромъ, а въ томъ организмѣ, гдѣ совершается размноженіе паразита, этотъ послѣдній занимаетъ значительно большее пространство и находится въ сообщеніи съ внѣшнимъ міромъ.

Понятно, почему паразитъ претерпѣваетъ полное измѣненіе формы и внутренняго строенія.

Долгое время полагали, что превращенія составляютъ особенность лягушекъ и насѣкомыхъ, но эти превращенія въ классѣ червей-паразитовъ бываютъ гораздо сложнѣе. Открытіе этихъ превращеній нанесло послѣдній ударъ защитникамъ теоріи самопроизвольнаго зарожденія; для медицины это открытіе было тоже большимъ шагомъ впередъ: многія лекарства, часто приносившія больше вреда, нежели сами паразиты, были оставлены. Само собою разумѣется, что не всѣ эти животныя подвержены такимъ глубокимъ превращеніямъ. Я ограничусь приведеніемъ одного примѣра паразита, хорошо извѣстнаго врачамъ и скотоводамъ, такъ какъ онъ живетъ иногда въ человѣкѣ, но гораздо чаще въ домашнихъ животныхъ, быкахъ, овцахъ и т. п., причиняя, болѣзнь ведущую часто къ уничтоженію цѣлыхъ стадъ. Яйца этого микроскопическаго червя, развиваясь въ водѣ, производятъ личинки, извѣстныя подъ именемъ Miracidium, личинки эти свободны и при помощи микроскопа можно видѣть, какъ онѣ быстро плаваютъ, отыскивая маленькаго моллюска, часто встрѣчающагося въ прѣсныхъ водахъ т. н. озерника (Limneus). Встрѣтивъ озерника, личинки проникаютъ въ него, теряютъ свой первоначальный видъ, превращаясь въ нѣчто вродѣ мѣшочка, который извѣстенъ подъ именемъ *Sporociste*. Во внутренней полости этого мѣшка образуются маленькія тѣльца, которыя, увеличиваясь постепенно, отдѣляются, наконецъ, отъ произведшей ихъ полости; они называются *Redie*; это крохотныя существа съ продолговатымъ и цилиндрическимъ тѣломъ; они имѣютъ ротъ и пищеварительный аппаратъ. Эти Redie остаются въ моллюскѣ и въ свою очередь производятъ потомство, совершенно на нихъ не похожее; эти новыя существа называются *Cercaria*; они плоскія, съ длиннымъ хвостомъ и двумя присосками. Cercaria покидаютъ тѣло моллюска и нѣкоторое время свободно плаваютъ, затѣмъ садятся на какую-нибудь водоросль, покрываясь при этомъ предохранительной оболочкой. Травоядныя млекопитающія вмѣстѣ съ травой поглощаютъ и эти мельчайшіе пузырьки, въ которыхъ находятся Cercaria,—и послѣднія попадаютъ во внутренности животнаго; освободившись отъ оболочки, Cercaria проникаютъ въ печень и тамъ развиваются, получая также органы размноженія. Развившееся такимъ образомъ животное есть извѣстная двуустая печеночная глиста. Извѣстный всѣмъ солитеръ имѣетъ по крайней мѣрѣ два убѣжища, въ которыхъ совершаетъ свой циклъ развитія такъ же точно, какъ и многіе другіе паразиты.

Наконецъ извѣстны паразиты, которые все время своего существованія являются таковыми. *Diplozoo*, животное крайне интересное по своей біологіи. живетъ въ жабрахъ многихъ прѣсноводныхъ рыбъ, представляя собой характерный примѣръ этихъ паразитовъ. Яйцо этого паразита, снабженное длинною нитью, прикрѣпляется родителями къ жабрамъ рыбы; изъ яйца выходитъ снабженная рѣсничками личинка, уже имѣющая глаза; развиваясь, личинка теряетъ рѣснички и получаетъ органы, благодаря которымъ можетъ прикрѣпиться къ мѣсту; эти органы состоятъ изъ присоска, помѣщающагося на животѣ, а также и на спинѣ и принимаетъ окончательную форму. Затѣмъ эти животныя соединяются по два и живутъ все время неразрывно, какъ сіамскіе близнецы; самое названіе ихъ Diplozoo (двойное

животное) произошло благодаря указаннымъ выше условіямъ. Всѣ фазы своего развитія Diplozoo совершаетъ, находясь все время въ состояніи паразита, на одномъ и томъ же животномъ, иногда переходя на другихъ.

Если изученіе симбіоза, котораго мы вкратцѣ коснулись въ этой статьѣ, является очень важнымъ для біолога, то паразитизмъ среди симбіоза есть явленіе интересное не только съ теорической, но и съ практической точки зрѣнія, въ виду того вліянія, которое онъ оказываетъ на жизнь человѣка.

Я уже бѣгло касался нѣкоторыхъ паразитовъ, нападающихъ на нашихъ домашнихъ животныхъ; нѣкоторые изъ этихъ паразитовъ, какъ уже мною было сказано, очень часто причиняютъ серьезныя несчастія и эпидеміи. Примѣровъ паразитовъ, вродѣ двуустой печеночной глисты, можно привести сколько угодно.

Ветеринаръ, изучая формы и фазы развитія различныхъ паразитовъ, получаетъ возможность, если и не уничтожить, то значительно ограничить вредъ, причиняемый эпизоотіями, Такъ, значительно уменьшаются опустошенія, которыя прежде производила въ нашихъ стадахъ чума.

А какое громадное число болѣзней человѣка причиняется паразитами! Очень многія болѣзни, которыя въ настоящее время уже хорошо изучены, причиняются паразитами: патологическія изслѣдованія ведутъ почти ежедневно къ открытію новыхъ и новыхъ микроорганизмовъ, причиняющихъ болѣзни.

Медицина и гигіена большею частью своихъ громадныхъ успѣховъ обязаны исключительно открытію новаго міра паразитовъ, природа которыхъ изучена біологіей.

Достаточно указать на болѣзнетворныхъ бактерій, занимающихъ значительную главу въ бактеріологіи. Новѣйшія изслѣдованія (главнымъ образомъ Пастёра) освѣтили ихъ условія жизни и строеніе, указавъ на нихъ, какъ на главныхъ виновниковъ большинства заразныхъ болѣзней.

Не менѣе многочисленны болѣзни, происходящія отъ животныхъ, живущихъ на поверхности нашего тѣла, или внутри насъ: многія накожныя болѣзни, между которыми укажемъ на чесотку, обязаны своимъ происхожденіемъ особымъ паразитамъ.

А затѣмъ сколько болѣзней производятъ различные черви, живущіе внутри человѣческаго тѣла: глисты, трихины, солитеры и т. п.!

Цѣлый новый міръ, изученіе котораго такъ полезно и который почти совершенно неизвѣстенъ!

Генуя. Мартъ 1905.
Университетъ.

VII.

Маремьяну не особенно влекло къ натурамъ, подобнымъ Семену. Онъ былъ не великъ ростомъ, сухощавый; черты его лица были рѣзки и мелки, глаза—живые, блестящіе, движенія—быстрыя, порывистыя, настроеніе—крайне измѣнчивое; но чаще всего онъ бывалъ угрюмо-мраченъ и задумчивъ. Былъ на заводѣ одинъ человѣкъ, по которомъ дѣйствительно тосковала Маремьяна. Онъ блеснулъ на заводѣ, какъ метеоръ, поразивъ рабочихъ своей природной нечеловѣческой силой,—и такъ-же неожиданно исчезъ, бросивъ Маремьяну, какъ и появился. Всего онъ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ. Ходили слухи, будто онъ бивалъ Маремьяну. Это былъ огромнаго роста, пухлый мужчина, немного глуповатый, ужасный въ гнѣвѣ, и никогда не забывавшій обиды. Ему измѣнила жена; онъ убилъ и ее и любовника; отбылъ годъ тюремнаго заключенія и съ той поры скитался по бѣлу-свѣту, всюду внося съ собою презрѣніе къ „бабѣ".

— Вотъ ужъ кого я любила, такъ любила!--какъ-то разъ призналась Маремьяна Семену.

— Вашей сестрѣ звѣря надо, который убить васъ можетъ!—хмуро отвѣтилъ Семенъ.

Его и прежде мучила мысль, что Маремьяна въ сущности не любитъ его, а возится съ нимъ просто такъ... „Молодая бабья кровь". Ему было досадно не только за себя, а и за Маремьяну. Неужто не любитъ? Почему? Чѣмъ то животное въ человѣческомъ образѣ лучше его? Развѣ онъ, Семенъ, не настоящій человѣкъ,—не сильный, не смѣлый? Не кондовый заводскій рабочій?

„Блажная дѣвка эта Маремьяна! Ну, ладно, не любитъ... Зачѣмъ ка-

нителиться? Вѣдь не выродокъ, чтобъ безъ настоящей любови любить? Эхъ, вы, бабы! Всѣ-то вы, видно, на одну колодку шиты: васъ любятъ, а вы—играть... А вдругъ да она отошьетъ меня, какъ вонъ Артемку"?

Онъ весь горѣлъ, думая такъ, и съ мучительной ясностью представлялъ свою душевную муку и бѣшеную злобу, если Маремьяна броситъ его. Временами ему казалось, что тогда ему нечѣмъ будетъ жить что его охватитъ безпросвѣтный мракъ бездонной пропасти...

Въ эти минуты ревниваго чувства, печальныхъ размышленій, сомнѣній въ собственной силѣ Семенъ дѣлался злымъ и даже, казалось ему, ненавидѣлъ Маремьяну... „Держишь ты меня при себѣ, какъ собаченку, пока не надоѣлъ тебѣ, будь ты не ладна, а бросить тебя самъ,—нѣтъ у меня на это мочи, нѣтъ"!

Никогда еще онъ такъ упорно не занимался вопросами: чѣмъ именно онъ хорошъ или плохъ; сильный онъ дѣйствительно человѣкъ, или просто сорная трава, чертополохъ?

Какъ-то разъ во время небольшой размолвки онъ сказалъ Маремьянѣ:

— А ты тоже того, не больно задирай носъ-то. Кто ты?

— А кто? — встрепенулась Маремьяна.

— Мужичка и больше ничего. Мякинное брюхо...

— Пущай-бы и такъ, — холодно сказала она,—а только и вы тоже... и вы...

Она грузно навалилась грудью на столъ и закрыла лицо руками.

Семенъ, тяжело дыша, тревожно смотрѣлъ на ея точно пришибленную фигуру. „Задѣло вишь"! въ тоже время не безъ злорадства подумалъ онъ и молчалъ. Маремьяна подняла голову; въ ея глазахъ блестѣли слезы.

— А вы безчувственные!—неожиданно воскликнула она.

— Врешь, Маремьяна, не мы безчувственные, а ты, ты! Ты какъ чурбанъ...

Семенъ, сильно волнуясь, быстро заходилъ взадъ и впередъ по избѣ.

— Тебя любили, — продолжалъ онъ,—а ты скольких отшила? Не отшила, скажешь, Артемку? А любилъ тебя больше души!

— А я разлюбила.

— А-а, разлюбила! Зачѣмъ канителилась?

Маремьяна окинула Семена пристальными задумчивыми глазами.

— Скучно, вотъ и канителилась... —тихо и глухо сказала она.

— Для разгулки, значитъ, времени, а человѣкъ-отъ, можетъ, загулялъ послѣ того...

— Хлябковатый,—туда и дорога!

— Звѣрь ты!—взволнованно крикнулъ Семенъ.—Человѣкъ, который любилъ...

— Себя тѣшилъ, да не на дуру напалъ!

— Вотъ ты-то себя тѣшишь, это правильно... Настоящаго чтобы—въ тебѣ нѣтъ!

— Да что ты присталъ? То-же хороши гуси! Рваныя души... золоторотцы! Живала въ городу-то, видала...

— А ты? Не рваная ты душа?

— Я?.. А утопиться бы мнѣ вотъ что!—вдругъ со слезами въ голосѣ крикнула Маремьяна.—Чуяла мамка, что не добромъ кончу... Жила-бы въ деревнѣ,—ни грѣха, ни чего! Отчаянная, право отчаянная!...

Семенъ сѣлъ рядомъ съ ней. Онъ снова готовъ былъ отдать за нее жизнь...

— Уйди ты, уйди, не растравляй!—тихо сказала она.

Семенъ осторожно обнялъ ее.

— Оба мы съ тобой того... надорванные... — ласково заговорилъ онъ.—Отцѣпка такая случилась, мы и поплыли, ровно-бы оторванные листья... и ничего не мило... А изживемъ жизнь и больше ничего!...

— И все на деревнѣ мило,—перебила его Маремьяна, — бывало,

мамка заговоритъ, такъ вотъ ровно въ грудь ножемъ... А что будешь тамъ дѣлать?

— Извѣстно чего... куръ гонять?

— Вотъ говоришь, куръ... Была у насъ тамъ курица... какъ человѣкъ! Вотъ умная! Выйдешь изъ избы, а она ужъ несется къ тебѣ на всѣхъ парахъ. Остановится, скоситъ башку свою на сторону и зорко однимъ глазомъ на тебя смотритъ,— чего молъ дашь мнѣ? Не говорила только. А неслась какъ!...

Она замолчала. Семенъ тоже задумался. Тишину нарушало лишь бойкое тиканье маленькихъ, закоптѣвшихъ и оплеванныхъ мухами стѣнныхъ часовъ.

— А что, Семъ, ушелъ-бы ты изъ завода?—неожиданно спросила она.

Семенъ слегка вздрогнулъ, но тотчасъ-же, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Ушелъ-бы, какъ Богъ святъ, ушелъ-бы!—и немного погодя почему-то прибавилъ.—Ну а только въ деревню ни за что!

— А куда?

— А такъ-бы пошелъ и пошелъ... Поработалъ гдѣ ни есть, а тамъ бы дальше... Заводъ? Да по мнѣ и не будь его, не зареву!

— Жену съ сыномъ забылъ, видать?

— Да-а... протянулъ Семенъ и тяжело задумался.

Возвращаясь послѣ этого разговора, домой онъ чувствовалъ въ себѣ приливъ нѣжности къ Маремьянѣ. Прежняя догадка превратилась въ увѣренность. Маремьяну также грызла тоска; она такая-же надорванная, какъ и онъ. Почвы подъ ихъ ногами нѣтъ...

Но Маремьяна—такая скрытная, гордая, стоящая одиноко, никѣмъ не понимаемая, ненавидимая заводскими женщинами, отчаянная и дерзкая, а онъ?—Онъ почувствовалъ себя, мятущагося, безпокойно-суетливаго и ноющаго, маленькимъ передъ нею... И невольно мысли его снова направились въ сторону выясненія своей личности.

Онъ вызывалъ въ памяти разныя обстоятельства жизни, начиная съ дѣтства,—и вотъ ясно увидѣлъ, что его тоска, жажда разсѣяться, завертѣться—слѣдствіе того, что радостей въ его жизни было мало. А если и были онѣ, такъ тушевались предъ мрачной картиной многолѣтняго, однообразнаго и, главное, не интереснаго для него труда, которому, однако, и конца не предвидѣлось... Притомъ, вмѣстѣ съ трудомъ, Семенъ очень рано узналъ и безсонныя ночи кутежей и разврата...

Но теперь ему и двинуться куда-нибудь трудно: на шеѣ—Иванъ и Александра...

„Изживу свой вѣкъ, какъ кротъ какой!—съ горечью думалъ Семенъ.—За какія-такія провинности живетъ на землѣ человѣкъ, ежели живетъ онъ, какъ кротъ“?.

VIII.

Мы оставили Ваню съ той минуты, какъ онъ выбѣжалъ изъ избы, сгорая желаніемъ по возможности отвлечь отца отъ Маремьяны. Пора обратиться къ нему. Первое время онъ бѣжалъ, припрыгивая и забѣгая въ стороны. Ногамъ его было тепло въ мягкихъ валенкахъ. Отцовскій ватный пиджакъ болтался на немъ, какъ на вѣшалкѣ; засаленный картузъ съ мѣшкообразнымъ задомъ и большимъ козыремъ грозилъ опрокинуться назадъ и тажело шлепнуться на землю. Прямо въ глаза Ванѣ густыми клубами летѣла пыль. То и дѣло поднимались вихри; они стремительно мчались впередъ и при лунномъ свѣтѣ казались сказочными чудовищами въ длинныхъ одеждахъ, жаждущими сразиться съ далеко гдѣ-то находящимся врагомъ... И, казалось, не вѣтеръ, а именно они издавали такой задорно-воинственный, бурный кличъ... Возлѣ нихъ безпокойно сновали маленькія кучки желтовато-сѣрой пыли.

Ваня остановился. Жгучее и пріятно-тревожное чувство овладѣло

имъ. Ему захотѣлось громко заявить о своемъ существованіи. Установивъ во рту два пальца, онъ пронзительно свистнулъ. Изъ ближайшей избенки, два единственныхъ окна которой, словно два воспаленныхъ глаза, подозрительно-робко смотрѣли на улицу, высунулась темная голова въ платкѣ и, угрожающе поворачиваясь туда и сюда, сердито спросила:

— Кто тутъ? Пропасти на васъ нѣту!

Ваня, склонивъ голову къ плечу и скосивъ туловище вбокъ, подбѣжалъ, выдѣлывая ногами выкрутасы, къ окну, почти къ самому носу головы и, напрягая грудь, свистнулъ вторично, — гораздо пронзительнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Голова задрожала и быстро закачалась сверху внизъ и обратно.

— У-у, пострѣленокъ, вотъ возьму клюку, да жигану... управы на васъ нѣту, озорники!...

Но Ваня уже былъ далеко. Вспомнивъ, что ему надо идти къ Маремьянѣ, онъ пошелъ шагомъ, напѣвая:

„А старуха—ле-пе-ту-ха
Не взлюбила того духа—
Дыму!
Вотъ ка-а-ли-на,
Вотъ ма-а-ли-на!“

Вдали предъ нимъ разстилалась равнина, покрытая порыжѣвшей сухой муравой, окутанная прозрачнымъ серебристымъ флёромъ. Одинокая старая береза, стоявшая на пригоркѣ, освѣщенная, бѣлесоватая, отчаянно махала своими уродливыми оголенными вѣтвями и казалась такой жалкой, безпомощной... А еще дальше, немного правѣе, тускло сѣрѣли ветхіе, покривившіеся, разной величины и формы, кресты кладбища—безъ деревьевъ, пустыннаго, скучнаго...

„На конюшню проводилъ,—

пѣлъ Ваня—

Двѣсти розогъ закатилъ—
Горячихъ!
Вотъ ка-а-ли-на“...

При взглядѣ издали на сѣть крестовъ ему на мгновеніе представилось, что тамъ, на этомъ тихомъ, молчаливомъ кладбищѣ, подъ огромнымъ пластомъ земли лежитъ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, какъ-бы случайно засыпанная, цѣлая рать успокоившихся на вѣки рабочихъ; на нихъ коричневыя съ масляными пятнами блузы, засаленные штаны, засунутые въ тусклыя голенища; спокойно-неподвижные, полуоткрытые глаза застыли на ничего не выражающихъ лицахъ. Въ перемежку съ ними, тоже въ непринужденныхъ позахъ, спятъ вѣчнымъ сномъ ихъ жены, дочери и маленькія дѣти...

И въ такомъ именно положеніи сибаритствующаго, такъ сказать, мертвеца особенно отчетливо представился Ванѣ недавно умершій отъ чахотки и иногда дававшій ему сѣмянокъ, мастеровой Герасимъ Иванычъ, мужчина съ густой рыжей бородой, обрамлявшей лицо,—нѣжно-бѣлое, худое и веснусчатое, съ маленькими ясными, ярко-голубыми и добрыми глазками.

Но всѣ эти образы не вызвали въ мальчикѣ ни тѣни обычнаго страха, какой является у дѣтей при мысли о покойникахъ,—вблизи кладбища и ночью. Ваня въ эти минуты почему-то чувствовалъ, что мертвецы, лежащіе на убогомъ заводскомъ погостѣ, должны быть такими спокойными, счастливыми; они совершенно не похожи на самихъ себя—живыхъ, такихъ угрюмыхъ и мятежныхъ—особенно въ пьяномъ состояніи...

Если-бы Ваня, вопреки всѣмъ законамъ природы, встрѣтился сейчасъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ-же Герасимомъ Иванычемъ, идущимъ своей обычной медлительной походкой и со свойственной ему задумчивостью,—онъ и въ такомъ случаѣ не только не испугался-бы, а даже, быть можетъ, заговорилъ-бы съ этимъ смирнымъ покойникомъ...

„Дядинька, вамъ поди прохладно живется на томъ-то свѣтѣ? А не угодно-ли, дядинька, я провожу васъ до вашей могилки“?

IX.

Ваня уже былъ около избы Маремьяны; онъ немного забезпокоился; но это не мѣшало ему бодро подвигаться впередъ.

„Ну, ежели тятька и пьяный, вотъ ерунда! Я скажу ему, что мамка убивается; краше въ гробъ кладутъ, чѣмъ мамка теперь... Ежели такъ жить, такъ ужъ чего хуже! Сама Маремьяна прогонитъ тятьку-то... А ежели что, такъ я во всякомъ разѣ стрекача задамъ“...

Вдругъ онъ остановился, пораженный, испуганный.

Въ полѣ, среди невысокихъ и пологихъ холмиковъ, выдѣлился еще никогда не виданный имъ огромный и тонкій сравнительно съ высотой своей вихрь. Онъ былъ еще довольно далеко и, освѣщенный съ боковъ и темный со стороны селенія, довольно медленно и величаво подвигался впередъ, преобразуясь въ сознаніи испуганнаго мальчика въ какое-то чудовище, въ карающаго исполина—посланника невѣдомой темной силы...

Ваня прислонился къ углу первой попавшейся избы и, дрожа, пристально всматривался широко-открытыми глазами въ новое для него по своей величавости явленіе.

„У-у, какой... въ ёмъ безпремѣнно чортъ... — думалъ онъ съ отвращеніемъ и страхомъ. — Правду говорятъ, что въ емъ чортъ сидитъ! Ежели въ середину гвоздь бросить, альь ножикъ,—окровянится“...

И тотчасъ-же ему представился чортъ, котораго онъ видѣлъ нарисованнымъ на одной изъ каменныхъ стѣнъ церковной паперти. Темносѣрый, покрытый шерстью, точно лошадь, съ лоснящейся черной рожей, съ красными, точно сурикъ, безсмысленно страшными глазами, съ телячьими рожками на лбу,—онъ сидѣлъ на коричневомъ стулѣ, немного поджавъ свои лошадиныя ноги и молодцовато опираясь безобразной рукой съ огромными ногтями въ колѣно. Онъ важно сидѣлъ, а мимо него шла въ пѐкло вереница людей обоего пола — въ мантіяхъ, коронахъ, монахи, монахини, купцы и купчихи, а затѣмъ, въ хвостѣ всей толпы, мужики и бабы; всѣ эти грѣшники оцѣплены, должно быть въ предупрежденіе возможнаго съ ихъ стороны покушенія на побѣгъ, или просто для порядка, толстой желѣзной цѣпью и отрядомъ неважныхъ и, видимо, добродушныхъ чертей и чертенятокъ—дѣтей, какъ сообразилъ въ свое время Ваня.

Этотъ-же главный чортъ, „чертяной царь“, словно живой, и вообразился Ванѣ находящимся внутри вихря; онъ вообразился почему-то именно въ сидячемъ положеніи. На чемъ онъ сидитъ тамъ, неизвѣстно; но онъ непремѣнно сидитъ, поджавъ свои лошадиныя ноги и, весь темный, сверкаетъ красными, какъ сурикъ, глазами...

Между тѣмъ крутящійся столпъ пыли, описывая небольшіе круги, все ближе подвигался къ околицѣ, и въ его, повидимому, неторопливомъ шествіи Ванѣ чудилось что-то зловѣщее...

И мальчикъ все смотрѣлъ, не спуская глазъ, немного наклонившись впередъ и какъ-бы застывъ въ своемъ положеніи. Какое-то неожиданное для него самаго чувство медленно, но настойчиво овладѣвало имъ; оно побѣждало страхъ...

— Чортъ... чортъ проклятый!...—шепталъ Ваня, и вдругъ дикая злоба вспыхнула въ немъ и разгорѣлась пожаромъ...

„А правда-ли это? Узнать-бы“!..—мелькнуло въ его головѣ.

Порывисто нагнувшись, онъ торопливо началъ шарить дрожащей рукой въ большомъ карманѣ пиджака; но тамъ оказались лишь скорлупки орѣховъ, сѣмянокъ и разный свалявшійся соръ, и все это помчалось по вѣтру, подпрыгивая и кувыркаясь, когда карманъ былъ выворочень. Пошаривъ въ другомъ карманѣ, Ваня слегка вскрикнулъ.

Онъ нѣсколько мгновеній разсматривалъ старый, складной, блестящій отъ долгаго употребленія ножикъ.

„А тятька съ кругу сбился, искавши... Вотъ обрадуется! Только вихляется малость... Ни-че-го!

Онъ крѣпко сжалъ въ своей худенькой рукѣ черенъ ножа и стремглавъ побѣжалъ къ околицѣ, минуя избу Маремьяны. Бѣлыя валенки замелькали въ серебристомъ воздухѣ; холодный вѣтеръ съ ревомъ и свистомъ проносился мимо горячихъ ушей; полы пиджака взвивались вверхъ.

Круглый мѣсяцъ на время скрылся за одинокимъ, быстро несущимся свѣтлымъ облачкомъ съ нѣжными, какъ пухъ краями, и тогда кладбище, заводъ и пустынное поле съ старой березой погрузились въ сѣрый полумракъ. Но прошла минута, онъ торжественно выплылъ изъ-за облачка,—блѣдный свѣтъ снова затрепеталъ на землѣ, проникая въ мельчайшіе лепестки травы и играя тамъ крохотными блестками,—и теперь можно было явственно видѣть, какъ Ваня, откинувъ руку, сжимающую ножъ, стремительно бѣжалъ къ полуосвѣщенному вихрю... Онъ быстро и круто поворотилъ вправо, потомъ вдругъ остановился и, выпрямившись, рѣшительно взмахнулъ рукой...

Лезвіе ножа на мгновеніе блеснуло въ воздухѣ...

И словно до крайности изумленный внезапнымъ и смѣлымъ нападеніемъ крошечнаго человѣчка съ такимъ, однако, огромнымъ запасомъ беззавѣтной удали и злобы, вихрь быстро свернулъ въ сторону и началъ медленно таять, разрываемый вѣтромъ на части.

Ваня съ минуту стоялъ и приходилъ въ себя. Только что волновавшихъ его чувствъ какъ не бывало! Растерянными глазами онъ посмотрѣлъ кругомъ и лишь теперь ясно созналъ, что совершенно одинъ, вдали отъ жилья, онъ стоитъ въ полѣ, какъ та старая, сиротливая, уродливая береза, которая виднѣлась вдали на пригоркѣ, что вѣтеръ старается сбить его съ ногъ... Онъ поднялъ голову и ему показалось, что широкорожій мѣсяцъ, скосивъ свои тонкія широкія губы, смотритъ на него съ видомъ снисходительнаго пренебреженія и словно хочетъ крикнуть съ безопасной высоты своей: „ахъ, шельмецъ“!

Ванѣ стало жутко. „Бѣжать назадъ? Нѣтъ! Ножикъ-то надо найти“... Онъ началъ описывать круги, наклонившись почти до земли.

„А ну, какъ окровянился“?

При этой мысли онъ почувствовалъ, какъ волосы поднимаются у него подъ фуражкой съ тяжелымъ и отвисшимъ задомъ.

Найдя, наконецъ, ножикъ, онъ быстро поднялъ его и, замирая отъ страха, чувствуя, какъ что-то давитъ грудь и мѣшаетъ дышать, сталъ пристально разсматривать его...

„Эхъ-ма, ни эстолькой вотъ кровиночки“!

Мальчикъ нѣкоторое время неподвижно смотрѣлъ вдаль, и вдругъ усмѣшка скользнула по его губамъ.

—Тэ-эк-съ... бабы, значитъ, выдумали... И ничему-то вѣрить нельзя!..—негромко сказалъ онъ и плюнулъ, съ удовольствіемъ вспомнивъ при этомъ, что плюнулъ точь въ точь, какъ недавно тоже самое продѣлалъ на улицѣ одинъ разсердившійся на что-то рабочій.

Поправивъ картузъ, опустивъ голову, онъ, не торопясь, пошелъ назадъ.

X.

„Да и я дуракъ, — размышлялъ дорогою Ваня,—какой такой чортъ можетъ сидѣть въ вихрѣ? Кружитъ пыль... И за какимъ чортомъ сидѣть въ вихрѣ чорту?.. А вотъ что: ужъ идти-ли за тятькой-то? — неожиданно подумалъ онъ. — Самъ поди скоро придетъ. А станешь домой тянуть, обозлится еще, всыплетъ такъ, что только трахъ-трахъ-

тарарахъ!.. Домой-бы, да на теплую печку!.. А обозлится безпремѣнно... Хорошо-бы на печку!.. Мамка просила... А впервой ей дожидаться? Плюнула-бы и никакихъ! Не вѣкъ съ Маремьяной любиться будетъ; а другой такой бабы на заводѣ и нѣтъ"...

Изба Маремьяны была второй отъ угла; окна были закрыты ставнями, и сквозь продольныя щели желтыми полосками пробивался свѣтъ. Ваня осторожно всталъ на заваленку и приникъ къ щели. Онъ увидѣлъ лишь половину лица Маремьяны со смѣющимся глазомъ; Семенъ ходилъ по избѣ, и черезъ извѣстные промежутки времени видна была часть его лица и размахивающая половина руки.

— „Никакого безобразія межъ ихъ и нѣту. — Ваня тихонько отбѣжалъ отъ избы. — Разговоры разговариваютъ... Поворачивай, Иванъ, оглобли! Ни-иче-го! И мамка, можетъ, одумалась!..

Огоньки въ домахъ вездѣ уже погасли. На улицѣ не было ни души. Караульный, должно быть, спалъ въ будкѣ около заводской конторы. Вѣтеръ немного стихъ; въ воздухѣ стало теплѣе. На западѣ сгущались черныя тучи. Ваня медленно шагалъ, заложивъ руки за спину, вдоль улицы, придерживаясь той стороны, гдѣ было совершенно тихо. Онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ ноющую истому.

„А ежели, примѣрно сказать,—размышлялъ онъ, — такъ мамку-то жалко. Обидно тоже, ежели мужъ другую бабу любитъ. И опять ежели то: тятька-то въ самой силѣ, а мамка вонъ какая лядащая и опять-же лицо морщинами исполосовано"...

Вдругъ онъ чуть дрогнулъ и въ удивленіи остановился.

Издалека, со стороны управительскаго дома, который находился на другомъ концѣ заводскаго селенія, за прудомъ, и былъ скрытъ за кипами елей, послышались отрывочные, быстрые, легкіе, точно порхающіе, звуки вальса...

То умолкая, то снова врываясь въ ночную атмосферу, они, казалось, несли вмѣстѣ съ собой ароматъ душистыхъ весеннихъ цвѣтовъ...

Ванѣ почудилось, будто они въ видѣ крошечныхъ крылатыхъ существъ, вродѣ бѣлыхъ, голубыхъ и розовыхъ бабочекъ, вылетаютъ откуда-то, изъ какого-то рога изобилія, и развѣваются по вѣтру, сверкая крылышками...

Онъ стоялъ съ раскрытымъ ртомъ, съ недоумѣвающими глазами, и все окружающее приняло въ его глазахъ какой-то особенный, рѣзко выраженный, сказочный колоритъ...

Мѣсяцъ, нахально и грубо воззрившись, хохоталъ, разинувъ ротъ до ушей и, лукаво подмигивая Ванѣ, идіотски восторгался, должно быть, фактомъ своего существованія...

Звѣзды, учащенно мигая, силились, бѣдныя, выжать изъ себя слезы, чтобы пожаловаться хотя-бы единому живому существу, видящему ихъ, на свою злосчастную судьбу, обрекшую ихъ на вѣчную неподвижность...

Избенки, жалкія, покорныя жертвы какой-то неизвѣстной мрачной силы, глухо и тяжко вздыхали, навсегда придавленныя, побѣжденныя...

Длинный шпицъ колокольни, точно завязшій въ тинѣ журавль, изо всѣхъ силъ старался выдернуть себя изъ основанія, чтобы улетѣть въ небо...

А во всемъ необъятномъ пространствѣ между небомъ и землей кувыркались и прыгали, гримасничая и кривляясь, точно сумасшедшія,—невидимыя, но ясно ощущаемыя тѣни ночи,—и въ этой дикой вакханаліи чувствовался ихъ непрерывающійся ни на мгновеніе, возбужденный, торопливо—страстный шепотъ.

Былъ моментъ, когда Ванѣ хотѣлось упасть и замереть въ мучительно-сладкой истомѣ, прислуши-

ваясь и созерцая... Но музыка вдругъ оборвалась. Ваня растеряннымъ, блуждающимъ взоромъ съ минуту смотрѣлъ на звѣзды. Какая-то ноющая боль тихонько закрадывалась въ его душу; сердце болѣзненно сжалось...

„А вотъ у тятьки въ работѣ такъ голова иной разъ кружится“...—почему-то вспомнилось ему.

Неровной походкой онъ пошелъ къ дому.

„А мамка сидитъ теперь одна, голову на руки положила. И ни души кругъ ея нѣту... Какъ воробей пришибленный, — крылышки расщеперилъ, сидитъ, ноги поджалъ“!

Тотчасъ-же въ его воображеніи отчетливо вырисовалось скорбное лицо матери, одно только лицо— блѣдное, осунувшееся, съ ввалившимися темными большими глазами, неподвижно и съ нѣмымъ укоромъ устремленными прямо въ глаза Вани...

„Одна-разъединая“!..

Онъ быстро побѣжалъ; но сердце мучительно ныло; лицо пылало, а въ виски словно кто ударялъ деревянными молоточками.

„Скорѣе, скорѣе домой“!

Ему уже начинало казаться, что вотъ-вотъ въ избѣ непремѣнно случится, если не случилось, что-то страшное и неожиданное...

— А все изъ за тятьки!—испуганно зашепталъ онъ, ощущая жаръ и сухость въ губахъ. Сидитъ себѣ у Маремьяны, да лясы точитъ, хохочетъ. Изъ-за него бѣгалъ, высуня языкъ. По спинѣ ровно колотилъ кто...

XI.

Онъ стремительно вбѣжалъ въ растворенную настежъ калитку, едва не упалъ, споткнувшись о шатающуюся ступеньку крыльца, порывисто отворилъ дверь въ избу... На столѣ тускло горѣла лампа, полуосвѣщая голубенькія съ бѣлыми цвѣтками обои и зеркальце въ грубой черной рамкѣ, оклеенной внизу конфектными картинами.

„Уснула“!

Приподнявшись на ципочки, Ваня чутко прислушался къ мертвой тишинѣ.

„Какой огонь-то красный?—удивленно подумалъ онъ.—Развѣ керосину мало? Вонъ у Петра Квасникова стеклянная лампа, такъ въ ней всегда видно“...

Никакого дыханія живой души, однако, онъ не могъ уловить; только тараканы шуршали подъ коробившейся обойной бумагой; съ печки неожиданно прыгнулъ котъ, глухо стукнувъ мягкими лапами о полъ; выгнувъ колесомъ спину, онъ началъ тереться головой о Ванину ногу, слабо мурлыкая; какая-то шальная муха, оставшаяся еще въ живыхъ, поднялась, нервно жужжа, со стола и сѣла на оконный карнизъ. Ванѣ отчетливо слышался собственный томительно-однообразный звонъ въ ушахъ. Онъ бросился въ боковинку. Кровать была пуста. Мгновенно горячая волна крови прихлынула къ сердцу, а звонъ въ ушахъ раздался явственнѣе, назойливѣе...

— Мамка?!—сиплымъ и точно не своимъ голосомъ крикнулъ онъ, и тотчасъ-же его охватилъ ужасъ; не помня себя, онъ выбѣжалъ на улицу.

— Ма-а-амка-а!—тихо и робко-умоляюще прозвенѣлъ въ воздухѣ его дрожащій голосъ.

Сѣрая неподвижная фигура, сидѣвшая на берегу пруда, освѣщенная луннымъ сіяніемъ, зашевелилась.

— Чего-жъ ты, мамка, сидишь-то тутъ?

На Ваню съ любопытствомъ, безмолвно смотрѣло скорбное лицо...

— Зачѣмъ смотришь такъ, аль чего не видала?

Онъ постоялъ съ минуту, потомъ сѣлъ рядомъ съ матерью и, робко заглядывая ей въ глаза, сказалъ:

— И долго-же ты сидишь... ахъ, мамка... моя ты, мамка!..

Вѣтеръ утихъ. Луна со своими мутными пятнами и мерцающія звѣзды лишь слегка колыхались на немного еще волнующейся поверхности темнаго пруда. На другой сторонѣ его, гдѣ стоялъ управительскій домъ, сквозь иглистыя вѣтви старыхъ деревьевъ глядѣли на улицу огненныя лучистыя пятна; огромныя окна были, должно быть, отворены, и оттуда смутно доносился характерный шумъ вечеринки,—отрывочныя, звонкія, какъ серебро, восклицанія и раскаты смѣха...

— Управительша сегодня именинница! — какъ-бы про себя сказала Александра.

— Да, да, тятька давеча за обѣдомъ сказывалъ!

Чѣмъ-то изящнымъ и ароматическимъ вѣяло изъ освѣщенныхъ оконъ для Александры и ея подростка-сына. Вотъ чья-то быстрая нервная рука прошлась по клавитурѣ рояля—и ударила, и прокатилась бравурными звуками въ тихомъ воздухѣ гамма... „Смѣйся, паяцъ, надъ разбитой любовью"...—запѣлъ надтреснутый, вибрирующій голосъ и вдругъ оборвался... Женскій, одинокій, звучный, какъ ардга, смѣхъ... Что-то со звономъ упало на полъ... Взрывъ общаго смѣха... На минуту — тихо: кто-то, должно быть, что-то говоритъ... Апплодисменты,—словно ласточки, ворвались они въ тишину ночи... И вдругъ раздались оркестровые звуки мазурки... Казалось, хлынули громадныя, безпокойныя, сверкающія волны гигантской золотой рѣки...

— Наплюй, мамка, и больше ничего. Отъ тебя никуда все равно не уйдетъ. Повозжается съ ей, да броситъ. А ежели онъ все будетъ округъ ей... такъ я, мамка, все ему скажу! Вотъ тебѣ истинный Христосъ! Какой отецъ, коли насъ знать не хочетъ?

Александра охватила голову сына и крѣпко прижала къ своей груди.

— Одни мы, Ванюша. Живого мѣста нѣтъ въ душѣ моей...

Она заплакала. Ваня замеръ, задерживая дыханіе.

— Пришелъ?! — вдругъ встрепенулся Ваня.

Дѣйствительно, невдалекѣ послышались шаги, а потомъ заскрипѣла калитка.

— Пьяный поди... — прошептала Александра, поднимаясь и поправляя дрожащими руками выбившіеся изъ подъ шали волосы.—Дома никого... подумаетъ, его выслѣживали... Да ты былъ у него? — вдругъ быстро спросила она.

— Нѣтъ... Да ты не бойся, мамка, ничего не будетъ. Самъ въ ночь-полночь приходитъ, да еще артачиться станетъ?

Снова скрипнула калитка. Ваня выпрямился въ какомъ-то нетерпѣливомъ, страстномъ ожиданіи...

— Э-эй, вы! — раздался голосъ Семена.—Съ чего такого проминажи то учали устраивать? Въ господа записались? Для разгулки времени, при освѣщающей лунѣ и потравѣ луговъ? Х-ха-ха-а!

Семенъ слегка покачивался.

Что-то сильное и бурное закипало въ груди у Вани...

— А не одному тебѣ!—крикнулъ онъ звонко.

— Что-о?!

— Молчи Христа-ради! — умоляюще прошептала мать.

Ваня вдругъ какъ-то весь съежился, и голова его ушла въ приподнятыя плечи.

— А то и говорю, что не одному тебѣ проминажи дѣлать! Измываться нечего, пьяный дуракъ!

Первое мгновеніе Семенъ стоялъ ошеломленный. Ваня весь дрожалъ; потемнѣвшіе глаза его вспыхивали огнемъ, точно угли, раздуваемые вѣтромъ; онъ глубоко и порывисто вдыхалъ въ себя воздухъ и ощущалъ во всемъ тѣлѣ странную легкость; вотъ-вотъ, казалось ему, онъ отдѣлится отъ земли и въ одно мгновеніе очутится около отца, въ уровень съ его головой, и вцѣпится ему въ волосы своими тон-

кими пальцами... Около него стояла мать, дрожащая, перепуганная.

— Я—пьяный дуракъ? Отецъ — пьяный дуракъ?!

Семенъ бросился къ сыну. Тотъ, не спуская съ отца пристальныхъ глазъ, очень ловко увертывался отъ него и время отъ времени не громко выкривалъ:

— Пьяный дуракъ! Ду-урень! Маремьянина дудка!

— Маремьянина дудка?! Изувѣчу!—бѣшено шепталъ Семенъ.

Ваня сгорбился, въ одинъ мигъ очутился возлѣ отца и всѣмъ тѣломъ, точно хищный звѣрокъ, приникъ къ его ногѣ. Семенъ упалъ.

— Убью... уббь... убью!—хрипѣлъ Семенъ.

Онъ судорожно прижималъ ногой трепетавшее, извивавшееся тѣло Вани.

— При... при-ду-шу...

Онъ схватилъ сына и уже поднялъ кулакъ...

— Уббь... — почти беззвучно зашевелила безкровными губами Александра и потомъ вдругъ глухо крикнула:—... етъ!—и бросилась къ мужу.

Неожиданно раздался короткій стонъ. Оба быстро вскочили на ноги. Семенъ, котораго Александра держала теперь за плечи, прижалъ къ груди руку. Темная фигурка Вани стояла поодаль, спиной къ мѣсяцу; въ отставленной рукѣ ея блестѣлъ ножикъ.

— Эко что?—странно-спокойиымъ голосомъ сказалъ Семенъ, заворачивая рукавъ рубахи.

— Кровь! Владычица!

Александра въ одинъ мигъ очутилась около сына.

— Ваня... милый!..

— Уйди, мамка!

Мать отшатнулась.

— Господи Іісусе!

— Пойдемъ въ избу! — тихо сказалъ Семенъ.

Они пошли. Ваня продолжалъ стоять, понуривъ голову. Семенъ на ходу обернулся въ его сторону и прошепталъ:

— Уби-и-вецъ...

Ваня исподлобья взглянулъ ему въ лицо; оно было такое жалкое!..

XII.

Какъ только Семенъ съ Александрой скрылись въ калиткѣ, Ваня побѣжалъ къ забору, тянувшемуся влѣво, вдоль берега и, притаившись за угломъ, сталъ разсматривать ножикъ. „Кончикъ-то окровянился!"— подумалъ онъ. Ему вспомнился вихрь и сидящій внутри его чортъ. Въ ужасѣ онъ выпустилъ ножикъ изъ рукъ и бросился бѣжать вдоль забора, ломая на пути кусты высохшаго репейника. Онъ бѣжалъ долго; иногда ему чудилось, будто кто-то гонится за нимъ... Совершенно обезсиленный, онъ, наконецъ, упалъ внизъ лицомъ на кучу какого-то мусора и горько заплакалъ. Тоска потихоньку таяла въ слезахъ. Нѣсколько успокоенный, онъ сѣлъ.

Черная туча, появившаяся на западѣ, уже овладѣла полнебомъ, угрожая въ скоромъ времени отнять у земли и луну. Подувалъ сырой вѣтерокъ.

„Мамка-то поди перевяжетъ руку бѣлымъ лоскутомъ"...—пришло Ванѣ въ голову. Ваня очень хорошо помнилъ этотъ чистый, бѣлый лоскутъ, который всегда бросался ему въ глаза, когда мать, поднявъ крышку краснаго сундука, рылась, бывало, въ разномъ хламѣ. И теперь она, вѣроятно, возьметъ именно этотъ лоскутъ и при свѣтѣ лампы („огонь-то узенькій такой, да вострый... Да есть-ли еще керосинъ-то въ ней?") съ трескомъ и очень ловко разорветъ его на двѣ совершенно равныя части, словно ножницами разрѣжетъ. Отецъ, не говоря ни слова, протянетъ голую руку съ синими жилами и съ родинкой выше локтя, тамъ, гдѣ оспу прививаютъ („родинка, ровно черная горошина, мягкая и теплая, катается подъ пальцемъ"...).

Ваня взглянулъ вверхъ. Мѣсяцъ, точно желая поскорѣе скрыться отъ земли, быстро уже теперь мчался къ огромной сплошной тучѣ... Звѣзды, одна за другой, пропадали въ ней, словно въ какой ненасытной гигантской пасти...

— Ежели на дворѣ около полѣнницы ночевать,—прошепталъ Ваня,— такъ между ей и заборомъ хорошо... А тятька искать станетъ и найдетъ? На улицѣ ежели, къ пруду спуститься, подъ плотинкой... важное мѣсто, ежели проползти!

Онъ медленно поднялся и осторожно сталъ спускаться по крутой тропинкѣ къ самой водѣ, чтобы потомъ берегомъ добраться до плотины, ноги его дрожали; колѣна почти стукались другъ о дружку.

„А сегодня ужъ мамку не тронетъ, что хошь она говори!—подумалъ онъ и усмѣхнулся. — А я подъ плотинкой-то самымъ лучшимъ манеромъ. Сухо и опять же тепло, никакой вѣтеръ не достанетъ. И ежели дождикъ пойдетъ, такъ ничего, сыпь, знай— спи"!..

— Ваня! — донесся до него тихій, робкій окликъ.

Мальчикъ похолодѣлъ отъ испуга; колѣна затряслись еще сильнѣе; сгорбившись, онъ притаился за угломъ.

Луна между тѣмъ скрылась за тучей, и землю окуталъ мракъ. На чистой половинѣ неба звѣзды загорѣлись ярче, словно ожили, какъ-будто блѣдный свѣтъ мѣсяца не давалъ имъ жить...

— Ва-а-ня-а-а!—раздалось шибче и настойчивѣе.

Ванѣ показалось, что голосъ какъ будто донесся до него не то изъ глубины земли, не то изъ глубины пруда; чтобы только не услышать его еще разъ, онъ противъ желанія тихо откликнулся...

— Чего тебѣ, мамка?

— Гдѣ ты? Иди сюда, — не на улицѣ ночевать.

Ваня еще тише, почти шепотомъ, сказалъ:

— Я подъ плотинкой хотѣлъ...

— Иди, да иди-же!

— А тамъ тоже безъ малаго какъ дома...

— Ну, ладно, не разговаривай!— Мать взяла сына за руку. — Ишь глупый: на отца съ ножомъ! Бога не побоялся!

— А ты не держи. Вотъ что... — Ваня остановился.—Ладно, я пойду. А ежели тятька остервенится? Я, мамка... я не знаю, что сдѣлаю! Онъ самъ меня... онъ, мамка... онъ убить меня хотѣлъ?! Да? да, мамка?!

И не дожидаясь отвѣта, онъ громко крикнулъ какимъ-то звенящимъ голосомъ:

— А я его самъ! Тронь меня! Только тронь!! Пойдемъ, мамка, пойдемъ!

. . . .

Хмѣль вышелъ изъ головы Семена. Онъ неподвижно сидѣлъ за столомъ и смотрѣлъ предъ собой округлившимися, задумчивыми глазами. Но ни на чемъ онъ не могъ сосредоточиться. Мысль разсѣивалась—и какъ бы поверхъ сознанія быстро скользили обрывки самыхъ разнородныхъ и неожиданно-странныхъ представленій; то вдругъ въ воображеніи рисовалась извилистая лента тропы съ идущимъ на ней неизвѣстнымъ человѣкомъ, махающимъ рукой, то чудились смѣшанные голоса о чемъ то солидно разсуждающихъ людей, вскорѣ появлялись и самые люди--въ длинныхъ армякахъ и высокихъ шапкахъ, съ большими сѣдыми бородами, а потомъ они внезапно исчезли, а на ихъ мѣсто тотчасъ же встала фигура какого-то оборваннаго человѣка съ закрытыми глазами...

Впрочемъ, въ глубинѣ души иногда шевелилось смутное, почти неуловимое и тщетное желаніе освободиться отъ этого безсмысленнаго, ненужнаго груза назойливыхъ образовъ, чтобы подумать о чемъ то дѣйствительно важномъ...

При скрипѣ отворяемой двери Семенъ испуганно поднялъ голову и

тотчасъ возвратился къ дѣйствительности. Александра первой вошла въ избу и встала около стола между мужемъ и сыномъ. Ваня остановился у порога. Отецъ нѣкоторое время упорно и странно-удивленными глазами смотрѣлъ на сына, низко опустившаго голову.

— Что-жъ ты стоишь, ровно оглашенный?—сердито крикнулъ онъ, наконецъ.—Иди спать... ку-тенокъ...

Ваня поднялъ глаза; губы его затряслись.

— Ты самъ кутенокъ!—закричалъ онъ, и голова его чуть-чуть приподнялась кверху и осталась въ этомъ положенiи.

Семенъ быстро и шумно выпрямился. Ваня не двигался съ мѣста. Его голубые большiе глаза, въ которыхъ свѣтились безумiе и ужасъ, остановились на одной точкѣ,—немного повыше головы отца. Посинѣвшiя губы беззвучно зашевелились; онъ что-то силился сказать, но не могъ. И вдругъ онъ пронзительно и дико крикнулъ:

— Тятька, а въ вихрѣ-то чч... чортъ!

И грохнулся о полъ.

Словно чья-то невидимая тяжелая рука придавила Семена къ скамьѣ... Съежившись, съ жалкимъ, растеряннымъ лицомъ, онъ тихо сказалъ:

-- Жизнь...

И въ тонѣ, какимъ было сказано это слово, слышались и мольба о пощадѣ, и вопросъ, и укоръ...

. . . .

В. Измайловъ.

СРЕДИ РАБОЧИХЪ и ХИЩНИКОВЪ.

Картины изъ недавняго прошлаго золотопріисковой тайги.

П. Соколова (Костромскаго).

I

Новый пріискъ.

Горная рѣчка Тулуюлъ бурлила и сверкала подъ яркими лучами августовскаго солнца, пролагая себѣ извилистый путь среди каменистыхъ береговъ по золотопріисковой тайгѣ. На лѣвомъ берегу ея высится отвѣсной стѣной утесъ изъ діоритовыхъ и кварцевыхъ породъ, оканчиваясь наверху фантастическими очертаніями, напоминавшими зубцы древнихъ разрушенныхъ башенъ. Въ прозрачной синевѣ неба изрѣдка появлялись темныя точки, казавшіяся неподвижными; то были горные орлы, зорко высматривавшіе съ неприступной высоты добычу, чтобы поплавать въ воздухѣ, спуститься на землю и схватить въ свои цѣпкія когти зазѣвавшуюся птицу или зайца...

По тропинкѣ, извивавшейся на правомъ отлогомъ берегу, среди густыхъ травъ ѣхали три всадника. На одномъ изъ нихъ была надѣта черная поярковая шляпа съ широкими полями, изъ-подъ которой спускались космы длинныхъ черныхъ волосъ на широкій кожанъ, покрывавшій и всадника, и крупъ лошади. Загорѣлое, жилистое лицо съ живыми глазами, обрамленное жидкой бородкой, сурово выглядывало изъ-подъ полей надвинутой шляпы. Первый всадникъ былъ пріисковый священникъ, о. Василій Беневоленскій, ѣхавшій на требы по пріискамъ. Второй всадникъ былъ одѣтъ въ фантастическій костюмъ охотника—туриста, съ шолковымъ картузомъ на головѣ и въ макъферланѣ, наброшенномъ на куртку, съ ружьемъ за плечами и съ фотографическимъ аппаратомъ, привязаннымъ къ сѣдлу. То былъ Иванъ Ивановичъ Славскій, на половину инженеръ, на половину литераторъ, пріѣхавшій изъ столицы въ Сибирь по казенному дѣлу. Какъ человѣкъ непосредственнаго чувства и живущій болѣе ощущеніями, чѣмъ сухими разсчетами, онъ увлекался тайгой, разсказами о ея заколдованномъ „золотомъ днѣ“, познакомился съ о. Василіемъ, о которомъ шла

молва, какъ объ энергичномъ пастырѣ пріисковаго стада, и отправлялся съ нимъ въ ближайшую къ населеннымъ мѣстамъ „аргу“ (или горную тайгу), чтобы познакомиться съ житьемъ-бытьемъ рабочихъ и хозяевъ.

Славскій былъ еще молодъ, хотя уже на его свѣжемъ лицѣ съ небольшимими усами, опущенными внизъ, жизнь наложила свой отпечатокъ въ видѣ двухъ глубокихъ бороздъ между бровями и пробивающейся сѣдины на вискахъ. Послѣ душнаго большого города, пріѣхавъ въ далекую некультурную страну, онъ ловилъ новыя впечатлѣнія и, выбравшись на просторъ полей и луговъ, не могъ надышаться деревенскимъ воздухомъ. Въ тайгѣ же, среди густого хвойнаго лѣса, прерываемаго гористыми пейзажами и ущельями, онъ совершенно обновился и полной грудью впитывалъ въ себя горный воздухъ.

— Какъ здѣсь хорошо!—говорилъ онъ, дыша усиленно и вбирая въ легкія какъ можно болѣе воздуха.— Ну, развѣ можно сравнить эту мѣстность съ нашими пыльными городами... Какая величественная и оригинальная природа! Къ чему русскіе ѣздятъ заграницу любоваться видами, когда въ ихъ владѣніяхъ имѣются такіе уголки?

— Что подъ бокомъ лежитъ, то всего менѣе цѣнится и замѣчается... Природа здѣсь хороша,—замѣтилъ о. Василій, хмуря брови,—а вотъ, люди—то, что живутъ здѣсь, подгуляли... совсѣмъ не подходятъ къ здѣшнимъ мѣстамъ.

— Неужели, батюшка, такая природа ихъ нисколько не смягчаетъ, неужели они не становятся лучше?

— А вотъ, увидите сами,—скептически отвѣтилъ о. Василій,—хотя вы, сударь мой, и въ великомъ благодушіи теперь находитесь при видѣ сихъ прекрасныхъ мѣстъ, но вашъ разумъ поможетъ отличить правду отъ лжи и худое отъ хорошаго...

— Мнѣ бы хотѣлось,—проговорилъ Славскій, вглядываясь въ верхъ,—превратиться теперь въ этого орла, что плаваетъ въ воздухѣ надъ утесомъ, и съ этой высоты видѣть все, что дѣлаютъ люди вокругъ на землѣ, и имѣть орлиные глаза, вмѣсто своихъ близорукихъ, нуждающихся въ стеклахъ,—и онъ поправилъ очки, какъ бы стараясь увидѣть чрезъ нихъ далѣе, чѣмъ возможно.

— А развѣ орелъ—не хищникъ?— спросилъ о. Василій, склонный къ скептицизму,—здѣсь есть свои орлы, которые нерѣдко держатъ въ своихъ когтяхъ добычу и не упустятъ изъ виду новую... Чѣмъ, напримѣръ, не орелъ хозяинъ вотъ этого пріиска, куда мы ѣдемъ, и фамилія у него орлиная...

— Какая же?

— Беркутъ...

— Дѣйствительно хищническая. Какого же онъ происхожденія?

— А Богъ его знаетъ, то ли онъ грекъ, то ли армянинъ, то ли еврей, не разберешь... И вѣры какой, тоже не поймешь... скорѣе всего золотой.

— Это что значитъ?

— Золото Богомъ признаетъ и ему молится. А для своихъ дѣлъ забрался подальше отъ людей въ трущобу, на „Глухой“ пріискъ, не подалеку отъ этого пріиска... Это вѣдь новый еще, куда мы ѣдемъ сегодня, онъ только что его выстроилъ и управляющаго посадилъ здѣсь тоже сокола порядочнаго, съ которымъ вы сегодня будете имѣть честь познакомиться...

— А онъ кто?

— Сибирякъ изъ ссыльныхъ, тоже сахаръ, однимъ словомъ діаконъ по попу!—и о. Василій фыркнулъ со злобой.

— Крайне любопытно,—проговорилъ Славскій, похлестывая лошадь.

— Вамъ то, какъ новичку, все любопытно, а мнѣ то все это любопытное оскомину набило,—сказалъ о. Василій.

Третій всадникъ былъ крестьянинъ ближней деревни, Никифоръ, служившій проводникомъ нашихъ путешественниковъ. Онъ довольно хладнокровно прислушивался къ разговору „господъ" и думалъ свою думу, поматывая время отъ времени рыжеватой бородой...

Тропинка отошла въ сторону отъ р. Тулуюла и отъ утеса, возвышавшагося надъ нею. Слѣдуя по тропѣ, они выѣхали на открытое мѣсто, по которому протекалъ ручей съ мутной желтой водой, окруженной желтоватымъ грязнымъ иломъ.

— Отчего такая мутная вода въ ручьѣ?—спросилъ Славскій.

— Здѣсь недалеко золото промываютъ,—отвѣтилъ священникъ.— Ну-те-съ, Иванъ Ивановичъ,—проговорилъ онъ, подхлестывая лошадь,—мы приближаемся къ мѣсту работъ... Вамъ, конечно, оффиція не потребуется?

— То есть, какая оффиція?

— Ну, значитъ, по сибирски, отданіе вамъ всякихъ почестей, какъ должностному лицу, со стороны рабочихъ и хозяевъ.

— Конечно... развѣ тогда можно будетъ что нибудь узнать?... Оффиціальное положеніе самое плохое при наблюденіяхъ непосредственной жизни, какъ она есть.

— Что говорить, при оффиціи ничего не узнаете. И такъ, вы здѣсь фотографъ и болѣе, значитъ, никакихъ...

— Фотографъ и путешественникъ,—добавилъ Славскій.

— А если спросятъ вашу фамилію?

— Назовемся какой нибудь растительной—ну, Клеверовъ, что-ли...

— Такъ и запишемъ, — проговорилъ съ усмѣшкой о. Василій, останавливая лошадь, — эй, Никифоръ, ты смотри, барина не выдай: если спросятъ тебя, скажи или не знаю, или говори, что баринъ снимать виды пріѣхалъ и зовутъ его Иваномъ Ивановичемъ, а фамилію, молъ, позабылъ.

— Слушаюсь, батюшка, — отвѣтилъ тотъ, подхлестывая лошадь и приближаясь къ о. Василію.

— Онъ тоже изъ бывшихъ рабочихъ, а теперь занялся хлѣбопашествомъ, и человѣкъ вѣрный, всегда со мною ѣздитъ,—сказалъ о. Василій Славскому, когда отъ нихъ отсталъ Никифоръ, труся съ безразличнымъ видомъ на своей лошаденкѣ.

Издали слышался шумъ какъ бы отъ водяной мельницы. Показалась система жолобовъ, которые приводили воду къ разрѣзу для промывки металла. Наконецъ, подъѣхали къ самому мѣсту промывки. Всадникамъ представилась картина, полная оживленія. Въ разрѣзѣ, простиравшемся на нѣсколько десятковъ саженъ, копошилось до 30 рабочихъ. Одни стояли въ нижнемъ ярусѣ разрѣза и отковыривали кайлами (родъ кирокъ) глыбы золотоноснаго песку, другіе дѣлали то же самое въ верхнемъ ярусѣ, третьи подъѣзжали на лошадяхъ съ тачками и подставляли ихъ подъ громадныя глыбы выбитаго песку... Первые назывались забойщиками, а вторые возчиками. Къ первому и второму ярусу были проложены дороги, по которымъ двигались тачки, запряженныя въ одну лошадь, и ходили возчики за ними. Эти тачки направлялись по особому сооруженію къ „бутарѣ", въ которую выбрасывали содержимое въ тачкахъ. (Бутара имѣла видъ сундука, запирающагося на замокъ; въ ней и сосредоточивалось золото изъ песковъ). Надъ бутарой была придѣлана труба, въ которую выбрасывался песокъ изъ тачекъ. Къ трубѣ и къ бутарѣ сдѣланъ былъ приводъ воды, постоянно спускавшейся по длинной системѣ жолобовъ. Песокъ, попадая въ струю воды, уносился въ бутару, сверху которой устроена была рѣшетка, задерживающая гальку и крупныя частицы, а мелкія вмѣстѣ съ золотомъ попадали на дно; двое рабочихъ съ желѣзными лопатами

постоянно сгребали гальку. Вслѣдствіе этого движенія лопатъ по рѣшеткѣ, происходилъ лязгъ отъ тренія желѣза о желѣзо. Къ этому присоединялся стукъ отъ выливающагося песку изъ тачекъ въ бутару, кромѣ того шумъ отъ безпрерывно льющейся промывной воды. Въ общемъ слышались шумъ, стукъ и громъ. Въ глубинѣ разрѣза эти отдѣльные звуки сливались въ общій гулъ, еще болѣе напоминавшій мельницу... Работа шла горячая, усиленная и непрерывная. Около рабочихъ стояли надсмотрщики, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ забойщики кайлами выбивали глыбу золотоноснаго песку, дабы какая нибудь золотинка не попала въ карманъ рабочаго, хотя этотъ досмотръ рѣдко достигалъ цѣли, и „золотинки" большія и малыя весьма часто оказывались въ карманахъ кожаныхъ штановъ рабочихъ. По разрѣзу бѣжали стоки воды и стояли лужи желтоватой грязи. Надъ бутарой устроенъ былъ помостъ, огороженный перилами для въѣзда лошадей съ тачками изъ разрѣза. На этотъ помостъ постоянно въѣзжали лошади и люди съ тачками и опрокидывали ихъ въ отверстіе съ широкимъ жолобомъ и трубой, ведущей къ бутарѣ.

Посмотрѣвъ издали на промывку золота и не желая смущать своимъ присутствіемъ рабочихъ, копошившихся, какъ муравьи въ муравейникѣ, наши путники отправились къ строеніямъ „новаго" (Ивановскаго) пріиска, расположеннымъ въ ущельѣ между высокихъ горъ и утесовъ на берегу рѣки Тулуюла. Рѣка, предъ тѣмъ какъ войти въ ущелье, дѣлала огромную петлю на открытомъ мѣстѣ вокругъ пріисковаго разрѣза и затѣмъ опять попадала въ каменныя стѣны, раздѣленныя большимъ промежуткомъ, давшимъ возможность выстроить здѣсь и казармы для рабочихъ, и „контору", и другія необходимыя постройки. Все здѣсь блестѣло новизной, начиная съ тесовыхъ бѣлыхъ крышъ и еще не потемнѣвшихъ бревенъ въ стѣнахъ. Даже казармы, представлявшія длинную низкую постройку съ окнами, устроенными надъ самой землею, и тѣмъ еще не успѣли закоптиться и принять обычный грязный видъ. Путники подъѣхали къ „конторѣ", отличавшейся отъ другихъ строеній тесовымъ крыльцомъ съ такими же бѣлыми перилами. Когда они вошли на крыльцо, къ нимъ подошла женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

— Управляющій дома?—Спросилъ ее о. Василій.

— Нѣтъ, батюшка.

— Скажите, что я пріѣхалъ. Ведите въ помѣщеніе... Требъ нѣтъ?

— Тутъ, батюшка, ребеночекъ умеръ... такъ надо отпѣть.

— Ну, хорошо, я сейчасъ,—и онъ проворно вынулъ ризу и кадило изъ сумы и пошелъ съ женщиной, оставивъ Славскаго одного.

Въ конторѣ не было никого, все какъ будто вымерло. Славскій вышелъ на крыльцо и сталъ глядѣть въ пространство. Передъ нимъ развертывалась лощина между горами. Правая, гористая стѣна этой лощины была покрыта зеленью и лѣсомъ, а лѣвая, мѣстами обнаженная отъ растительности, представляла изъ себя гигантскіе сѣрые камни, нагроможденные другъ на друга, изъ-за которыхъ виднѣлся утесъ на противоположномъ берегу горной рѣчки. Среди общей тишины раздавалось ея однообразное журчанье.

До возвращенія рабочихъ въ казармы оставалось долго; а ему хотѣлось именно застать возвращеніе съ работъ безъ хозяевъ. Побродивъ около пустыхъ казармъ и сдѣлавъ нѣсколько снимковъ своей походной фотографіей, онъ подошелъ къ рѣчкѣ и легъ подъ кустомъ. Онъ скоро заснулъ, не тревожимый ничѣмъ, ибо всѣ были на работѣ, а о. Василій на требахъ. Славскій спалъ долго и проснулся, когда заходящее солнце освѣщало послѣдними лучами утесъ, высоко подни-

мавшійся на противоположномъ берегу. Онъ имѣлъ видъ разрушенной башни съ серебристыми стѣнами. Кварцевыя и діоритовыя породы, выдѣляясь изъ воздушной перспективы остроконечными зубцами, блестѣли и играли на солнцѣ разноцвѣтными огнями. Славскому показалось, что онъ лежитъ у подножія волшебнаго хрустальнаго замка, омываемаго прозрачной горной рѣчкой... Но солнце закатилось, всѣ краски поблекли, — и очарованіе исчезло.

Около него раздались голоса возвращающихся рабочихъ послѣ тяжелаго дневного труда. То по 2, то по 3, наконецъ, цѣлыми кучками, они подходили къ казармамъ, выстроеннымъ заново. Въ рукахъ у нихъ были кайлы и лопаты. При надвигающихся сумеркахъ Славскій подошелъ къ постройкѣ. Около дверей сидѣлъ одинъ изъ рабочихъ въ синей рубахѣ съ усталымъ, блѣднымъ лицомъ.

— Какъ живется вамъ на новомъ пріискѣ?—спросилъ онъ рабочаго.

— Да какая наша жизнь, въ долгу всѣ...

— Отчего же это такъ?

— Все дорого, чего ни возьмешь, хоть не приступайся. Еще лѣтомъ все больше получаешь, а зимой такъ хоть пропадай...

— А у васъ сколько забойщикъ и возчикъ получаютъ?

— Лѣтомъ 18, а въ Августѣ и Сентябрѣ 19 руб. это забойщикъ, а возчикъ на 2 рубля менѣе. А зимой что?.. всего 6 руб. А куда съ 6 руб. повернешься, когда одинъ варначекъ стоитъ 4 рубля...

— Что это за варначекъ?—Спросилъ Славскій.

— На манеръ, значитъ, шубы, коротенькая такая, по сибирски варначкомъ прозывается.

Къ Славскому стали подходить другіе рабочіе и прислушиваться къ разговору.

— А работы-то сколько,—присоединился къ бесѣдѣ низенькій рабочій, съ рыжеватой рѣдкой бородкой...

— Лѣтомъ работаемъ до вечера, а зимой еще и съ огнями, а препорція все одна: $1^1/_2$ сажени на человѣка въ день. А какія это $1^1/_2$ сажени, развѣ насъ провѣрялъ кто? Видимъ, что больше, да не смѣемъ слова сказать.

— Отчего же?—спросилъ Славскій.

— Побьютъ. Скажи-ка слово нашему управляющему, сейчасъ, какъ звѣрь, накинется и по мордѣ. Не даромъ онъ длинный чубукъ во рту носитъ.

— Какъ хряснетъ чубукомъ—то, такъ не опомнишься. Вотъ онъ недавно этого парня какъ избилъ,—и онъ показалъ на молодого парня съ забитой и приниженной физіономіей.

— Какъ же онъ тебя избилъ?—спросилъ Славскій парня.

— Да я заболѣлъ, простылъ, значитъ,—вяло проговорилъ тотъ,—не могу работать и залѣзъ на печь погрѣться, а онъ схватилъ меня за ногу, да какъ хватитъ объ полъ, такъ я и не опомнился. Иди, говоритъ, на работу, такой-сякой, вы даромъ хлѣбъ ѣдите. А какая тутъ работа, когда самого всего ломаетъ?

— Да вѣдь у васъ фельдшеръ есть,—замѣтилъ Славскій, садясь на лавку около казармъ. Около него собиралось все болѣе и болѣе народу.

— Фельдшеръ, ха, ха, ха!—И рабочій въ синей рубахѣ захохоталъ.— Да видимъ ли мы фельдшера-то, ваша милость,—какъ васъ назвать-то, я не знаю?—заговорилъ высокій рабочій съ энергичной физіономіей и съ черными блестящими глазами.— Съ насъ вычитаютъ по рублю за него, за что, одинъ Богъ вѣдаетъ. Вотъ тоже священнику платятъ по 45 коп. съ рабочаго, а вычитаютъ по рублю, а посылаютъ ли за священникомъ когда-нибудь, если онъ самъ не пріѣдетъ...

— Говорятъ, священникъ и 45 коп. не видитъ отъ нихъ,—замѣтилъ рыжеватый рабочій.

— Заболѣешь, — вставилъ опять рабочій, — помощи тебѣ никакой нѣтъ, а умирать придется,—напутствія тебѣ нѣтъ, умирай, какъ собака, безъ покаянія, безъ причастія, —и онъ махнулъ рукой и опустилъ голову. Остальные рабочіе какъ-то притихли, какъ будто размышляя о своей участи.

— Да вотъ, я имянинникъ былъ, я изъ солдатъ, у насъ въ ротѣ отпускали въ день ангела, а тутъ нѣтъ, управляющій и слышать не хотѣлъ, ну, да я его не побоялся и не пошелъ на работу.—И онъ энергично мотнулъ головой...—Со мной онъ не очень-то поговоритъ, не тяпнетъ по головѣ. Меня тронуть не посмѣетъ. А припомнили же потомъ. Когда я бѣжалъ съ пріиска, такъ мнѣ влѣпили 200 батоговъ!—добавилъ солдатъ.

— А васъ больно бьютъ за побѣгъ?—спросилъ Славскій. Рабочіе загалдѣли.

— Еще бы, такъ тебѣ дадутъ, что всю жизнь будешь помнить, заколотятъ до смерти...—слышалось среди нихъ.

— Да вотъ, кажись, недавно было,—обратился солдатъ къ остальнымъ,—когда двоимъ-то руки скрутили...

— Въ третьемъ году, дядя Митрій, — послышалось изъ толпы.— Нѣтъ, въ прошломъ...

— Ну, не въ томъ дѣло,—перебилъ ихъ Славскій.

— Все равно,—махнулъ солдатъ,— на Кедровскомъ пріискѣ это было, вѣрно ребята?— спросилъ онъ остальныхъ. Тѣ подтвердили.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,— двое бѣжали тогда, ихъ и поймали, сняли съ нихъ рубашки и по голымъ спинамъ били плетями. А паутъ-то *), а гнусъ-то, въ то время въ тайгѣ былъ, не дай Богъ. Эта мошкара да комары одолѣли, а ихъ голыми раздѣли.

*) „Паутъ“ - посибирски—шмель; „гнусъ“ —мошки и комары.

— Мука!—послышалось въ толпѣ.

— Ладно, ты про тѣхъ-то разсказываешь, дядя Митяй,—заговорилъ мужичекъ съ рыжей бородкой,—а ты разскажи про Сапожникова, что съ нимъ сдѣлали...

— Сапожниковъ, разскажи про Сапожникова, — заговорили всѣ вдругъ, точно плотина, давно сдерживавшая нахлынувшія воды, нечаянно прорвалась, и они хлынули неудержимымъ потокомъ; такъ и рабочіе, у которыхъ языки долгое время были связаны, спѣшили повѣдать свои невзгоды новому человѣку и разсказать всю исторію своей жизни. Они старались наперерывъ высказать все накопившееся въ груди ихъ за долгое время и сдерживаемое страхомъ побоевъ и самоуправства. Славскій едва схватывалъ ихъ отрывистыя рѣчи.

— Такъ вотъ, Сапожниковъ,—началъ солдатъ Дмитрій, говорившій за всѣхъ,—онъ жилъ у нашего хозяина на другомъ пріискѣ. Разъ онъ заспорилъ съ надсмотрщикомъ, а тотъ пожаловался.

— Да что ты... поругался онъ...— перебилъ его рабочій въ синей рубахѣ.—Надсмотрщикъ-то ругалъ его какъ послѣднюю собаку за то, что тотъ сказалъ ему, что препорція велика.

— Ну, да,—заговорилъ снова солдатъ, — вѣрно... Сапожниковъ сказалъ ему, что молъ у васъ не 1½, а двѣ сажени приходится копать, а тотъ сталъ его всячески поносить. Сапожниковъ не выдержалъ, началъ его чистить: „ахъ, ты собака, меня поносить, да я тебя“ и началъ его, тотъ пожаловался управляющему, а тотъ позвалъ конюховъ...

... Такъ что же они сдѣлали?.. Когда всѣ возвратились въ казармы вечеромъ, его схватили и привели въ каталагу да тамъ одинъ на одинъ съ нимъ и расправились. Онъ было хотѣлъ въ окно выскочить, а они ему петлю на шею накинули и избили его до полусмерти. Какъ ужъ онъ отдышался, одинъ Богъ вѣдаетъ.

— Гдѣ же онъ теперь?—спросилъ Славскій.

— Ушелъ отъ нихъ. Видали его потомъ въ летучкѣ, а теперь Богъ его знаетъ.

— Просьбу подалъ на нихъ!—замѣтилъ рыжій рабочій.

— Экъ, просьбу подалъ,—накинулся на него солдатъ.—Кому подалъ? Горному исправнику. Такъ эта просьба сидитъ у него и никогда на свѣтъ Божій не выйдетъ.

— Вонъ Карпова тоже избили,—вступился новый рабочій изъ толпы, показывая на молодого высокаго безбородаго парня. А кому сказать?

— За что же тебя били?—спросилъ Славскій.

— Да я коня опустилъ!—заговоритъ тотъ нерѣшительно,

— И конь-то его забилъ,—добавилъ солдатъ,—потому онъ его и отпустилъ.

— Зашибъ онъ больно меня, конь-то,—продолжалъ парень.—Я занедужился и слегъ, на работу не могу идти. А хозяева пришли и еще больше избили меня. Зачѣмъ, говорятъ, коня отпустилъ, такой-сякой, а чѣмъ я виноватъ, если онъ меня зашибъ...

Рабочіе умолкли, какъ бы утомлясь отъ этихъ безпрерывныхъ разсказовъ. Славскій тоже молчалъ, потупя голову.

— Какъ кормятъ-то васъ?—спросилъ онъ ихъ вновь.

— Кормятъ ничего, хлѣбъ-то пока свѣжій!—заговорилъ солдатъ.

— А мясо-то?..—дернулъ его за рукавъ рыжій мужикъ.

— Ваша милость,—обратился съ особенной живостью солдатъ,—весной насъ два мѣсяца кормили тухлымъ мясомъ, никто не могъ ѣсть.

— Чаемъ съ хлѣбомъ питались!—прибавили въ толпѣ.

— Да вотъ сами полюбуйтесь,—прибавилъ онъ съ злорадствомъ,—вонъ подите между амбарами... еще остатки его сушатся, и онъ показалъ рукой на амбаръ.

— Вѣрно его въ валенное хотятъ обратить, да насъ кормить,—послышалось въ толпѣ.

Славскому самому хотѣлось убѣдиться въ точности ихъ словъ, и онъ въ сопровожденіи двухъ рабочихъ отправился къ амбарамъ и тамъ, не смотря на сумерки, увидалъ на жерди вывѣшенные изсохшіе куски мяса, обратившіеся уже въ какіе-то протухшіе скелеты.

— И это мясо!—воскликнулъ онъ.

— Да-съ и этимъ насъ кормили,—проговорилъ сопровождавшій его рабочій съ язвительной усмѣшкой.

Славскій опять возвратился къ группѣ стоявшихъ рабочихъ.

— Видѣли, ваша милость?—спрашивали они его.

— Видѣлъ!—мрачно отвѣтилъ онъ.

— Чаемъ и питались изъ-за такого мяса.

— Да кто-жъ захочетъ ѣсть тухлятину?!—говорили въ толпѣ со смѣхомъ.

Славскаго передернуло отъ этого смѣха. Это былъ смѣхъ забитыхъ людей, смѣющихся надъ собственной горькой судьбою, надъ собственнымъ безысходнымъ положеніемъ.

Стало совсѣмъ темно. Рабочіе видимо утомились, и нѣкоторые начали зѣвать. Утомился и Славскій отъ слышанныхъ разсказовъ. Онъ почувствовалъ потребность освѣжиться, одуматься, и, пожелавъ рабочимъ спокойной ночи, пошелъ въ контору.

II.

Взгляды управляющаго.

Въ „конторѣ" сидѣлъ о. Василій и бесѣдовалъ съ управляющимъ пріиска. Они разговаривали въ комнатѣ, назначенной для пріѣзжихъ. Стоявшая на столѣ низенькая лампа бросала тусклый свѣтъ на окружающіе предметы. Около нея разставлены были закуски въ видѣ грибовъ и соленій и графинъ съ водкой. По комнатѣ ходилъ управляющій и курилъ изъ длиннаго массивнаго чубука. Онъ остановился при

входѣ Славскаго и оглядѣлъ его съ ногъ до головы. Управляющій былъ коренастый, средняго роста, человѣкъ съ рыжей окладистой бородой и съ косматыми большими русыми волосами. У него были крупныя черты лица, какъ у большинства коренныхъ сибиряковъ. Глаза каріе, большіе, смотрѣли пристально. При свѣтѣ лампы они казались стеклянными. Славскій стоялъ въ нерѣшительности. О. Василій вывелъ его изъ затрудненія.

— Фотографъ Иванъ Ивановичъ Клеверовъ!—рекомендовалъ онъ его управляющему.

— Бороздинъ!—проговорилъ тотъ, здороваясь за руку со Славскимъ.

— Вы, значитъ, снимать насъ будете?—Проговорилъ Бороздинъ, не выпуская изъ рта трубки.

— Да, я уже сдѣлалъ нѣсколько снимковъ... Не знаю еще, какъ выйдутъ,—проговорилъ онъ, не смущаясь отъ пристальнаго взгляда послѣдняго.

—Что-жъ, и намъ дадите можетъ карточку?—молвилъ тотъ, шагая по комнатѣ.

— Если выйдетъ...

— Выпить не угодно-ли... показалъ онъ Славскому на графинъ.

— Пожалуй съ устанку! и онъ налилъ себѣ рюмку.

— Гдѣ это вы пропадали?—Спросилъ его священникъ.

— Да такъ, гулялъ! — отвѣтилъ неопредѣленно Славскій.

— Долго же вы гуляли... до ночи, замѣтилъ Бороздинъ, подозрительно вглядываясь въ Славскаго.

— Вотъ вы, батюшка, говорите про рабочихъ,—заговорилъ Бороздинъ, продолжая разговоръ, прерванный приходомъ Славскаго,—говорите, что плохо содержатся... Да рабочіе то сами таковы? Вы спросите, что они дѣлаютъ. Хозяинъ выдаетъ имъ задатокъ 50—60 рублей. Хорошо-съ. Вотъ уходитъ онъ, пропадаетъ, пока все съ себя не пропьетъ, затѣмъ приходитъ время работы. Его нѣтъ. Отыскиваютъ его, рѣдко, если самъ придетъ. На немъ только рубаха да порты съ броднями. Начинаются холода. Гонишь его на работу, а онъ говоритъ: „давайте мнѣ азямъ, рукавицы... то... другое". Одѣваешь его. Проработаетъ день другой, а на третій не идетъ. Что же ты, сукинъ сынъ, не идешь на работу"? говоришь ему. „Не могу", говоритъ „тяжело отпустите меня". Какъ тебя отпустить, каналья, когда ты задатокъ забралъ. Проломается нѣсколько дней... уговариваешь его, бьешь его...

— А бьете всетаки? — спросилъ иронически священникъ.

— Да какже его не бить?! съ озлобленіемъ продолжалъ свою рѣчь управляющій.—Вѣдь это не человѣкъ. Это скотина, звѣрь. Вѣдь если его не бить, такъ работа прекратится. А работы-то у насъ какъ идутъ! Вотъ сегодня намыли до обѣда до 20 золотниковъ, да до вечера 11, вотъ вамъ и съемка. А хозяинъ затратилъ до 14 тысячъ на этотъ пріискъ. А когда это окупится?... Если намоютъ полпуда золота въ эту операцію, слава Создателю...

— Да вѣдь у васъ пріискъ то не большой!—замѣтилъ Славскій.

— А всетаки 30 слишкомъ рабочихъ. Извольте ихъ всѣхъ содержать. Много ли останется въ первое время? Положительные убытки!

— Такъ зачѣмъ же было открывать пріискъ, не зная навѣрно настоящаго содержанія золота?

— А вотъ подите, спросите хозяина. Говорилъ я ему. Да вѣдь какъ это золото узнать? Можетъ быть, золото гнѣздовое здѣсь. Можетъ быть, на будущій годъ выручится все съ избыткомъ... Вотъ Цирульниковъ былъ совсѣмъ банкротомъ, весь раззорился, осталось у него всего 10 тысячъ. Онъ вошелъ въ пай съ однимъ коммерсантомъ, открылъ пріискъ „Веселый". Что было?! Въ одинъ годъ намыли на 300.000 рублей, и рабочіе воровали, и всѣ тащили, и всѣ были довольны, такое богатство нашли.

— Но это рѣдко бываетъ!— проговорилъ о. Василій.

— А всетаки бываетъ!— проговорилъ Бороздинъ и затянулся трубкой.—Будетъ золото, будутъ довольны и рабочіе. А золота нѣтъ и рабочіе голодаютъ!—разсуждалъ онъ.

— Вотъ какъ!— подхватилъ священникъ... Значитъ золота нѣтъ и рабочихъ не кормить. Такъ зачѣмъ же вы начинаете дѣло безъ капитала? Зачѣмъ пускаетесь въ золотопромышленность?..

— А надежда то на богатство!

— Вотъ эта надежда то васъ и губитъ.

Это — алчность къ пріобрѣтенію. Начать такое дѣло съ грошами и надѣяться нажить сразу сотни тысячъ, а рабочіе голодай!—громилъ о. Василій.

Бороздинъ косо посмотрѣлъ на него.

— Вы все свое, отецъ. Вы заступаетесь за своихъ рабочихъ. Развѣ можно съ ними церемониться, да смотрѣть на нихъ?—и онъ ударилъ чубукомъ по столу.

„Иная точка зрѣнія“!—подумалъ Славскій.

— Вѣдь они раззоряютъ насъ,— почти съ бѣшенствомъ говорилъ Бороздинъ,—они берутъ задатки и бѣгаютъ.

— Отчего они бѣгаютъ?— скажите?.. допрашивалъ его священникъ.

— Отъ лѣни, отъ желанія надуть.

— Ну, нѣтъ, извините...

— Такъ отчего же по вашему они бѣгутъ?—и Бороздинъ остановился противъ священника, вперивъ въ него свои стеклянные глаза.

— Ну, ужъ я помолчу лучше! уклонился тотъ отъ прямого отвѣта, взглянувъ на Славскаго.

— То—то, что нечего вамъ сказать въ ихъ оправданіе. Вѣдь они надуватели. Имъ подай все, а они ничѣмъ не довольны и при разсчетѣ жалуются, что имъ ничего не останется!—Говорилъ Бороздинъ недовольнымъ тономъ, затягиваясь трубкой и расхаживая по комнатѣ.

— А цѣны то у васъ каковы? — спросилъ священникъ.

— Какія цѣны?—обернулся Бороздинъ.

— А на продукты, на рубахи, на одежду...

— Такъ надо же изъ чего нибудь содержать пріискъ! Если в не поставите высокихъ цѣнъ, то банкротомъ будете..!

— А вотъ и договорились!—воскликнулъ батюшка.

— Ну, что же?

— А то же, что вы не съ золота получаете барыши, а съ рабочихъ, что у васъ золото только предлогъ, а выгадываете на ихъ пищѣ и одеждѣ и на торговлѣ разными товарами.

— Какими товарами? — спросилъ Бороздинъ и остановился среди комнаты, держа въ рукѣ свой длинный чубукъ.

— Какъ какими!. Сами чай знаете, что у васъ въ складѣ есть. Шаровары да озямы, да рубахи, пополамъ гниль да старье. Почемъ вамъ обходится самимъ товаръ этотъ и почемъ продаете рабочимъ? а?..

— Да вѣдь не на деньги они покупаютъ, а подъ работу!—возразилъ тотъ.

— А во что вы цѣните ихъ работу... въ грошъ, а товары ваши въ рубль, и выходитъ прямой вамъ барышъ. Одной продажей товара изъ склада, особенно при разсчетѣ рабочихъ, вы окупите ихъ годовое содержаніе, такъ что вамъ золото почти даромъ достанется.

— Какъ же... разсчитали... отдѣлывался Бороздинъ... Вы вотъ лучше выпейте, чѣмъ насъ поносить!— проговорилъ онъ, косясь на Славскаго и наливая рюмки.

— Нѣтъ, какъ вы тамъ ни толкуйте, но рабочій такая скотина, что его надо бить и драть какъ сидорову козу!—добавилъ Бороздинъ, рѣшительно выпивая рюмку.

— До поры до времени!—уклончиво замѣтилъ о. Василій.—Могутъ

вѣдь за это и не погладить по головкѣ...

— Здѣсь то?.. махнулъ рукой Бороздинъ. Да кто сюда доскачетъ, ха, ха, ха... Онъ говорилъ это такъ безпечно и увѣренно, заѣдая водку соленымъ груздемъ, что Славскому сдѣлалось жутко отъ такой увѣренности.

„Видно знаетъ свою силу и безопасность"!—подумалъ онъ.

— Однако, пора и спать ложиться!—замѣтилъ священникъ, посмотрѣвъ на часы,—уже скоро одиннадцать часовъ.

— Что рано? — спросилъ Бороздинъ.

— Ладно, съ вами всего не переговоришь. Попъ свое, чертъ свое. У васъ своя система заведена, васъ не передѣлаешь.

— А иначе и жить нельзя. И будетъ наша система долго здѣсь, Кто ее измѣнитъ?

— Посмотримъ, поживемъ—увидимъ!—проговорилъ о. Василій, глядя на Славскаго, который молчалъ и слушалъ, давая вполнѣ высказаться управляющему.

— Да кто заѣдетъ то сюда?, да кому нужна эта тайга?—разсуждалъ Бороздинъ.

— Не скажите,—проговорилъ Славскій,—здѣсь есть богатства и интересныя мѣста для туристовъ.

— Неизвѣданныя, и для людей съ капиталомъ!—заключилъ Бороздинъ и вытрясъ пепелъ изъ трубки. Священникъ всталъ и началъ собирать себѣ постель. Славскій послѣдовалъ его примѣру. Бороздинъ ушелъ въ сосѣднюю комнату и затворился, чему Славскій въ душѣ обрадовался, такъ какъ близость этого человѣка, особенно ночью, наводила на него какой то неопредѣленный страхъ...

Когда проснулись наши путешествениики, было еще рано и солнце еще только всходило. Славскій вышелъ на крыльцо подышать чистымъ воздухомъ; въ комнатѣ, въ которой они ночевали, было душно. За нимъ вышелъ и о. Василій. Въ лощинѣ, гдѣ находился пріискъ, было свѣжо и мрачно... на утесѣ слѣва сѣло облако. Восходящее солнце косыми лучами окрашивало его въ розовый цвѣтъ.

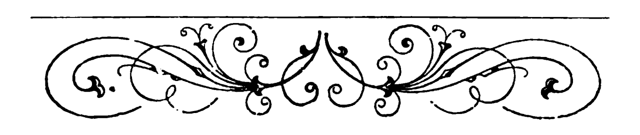
По дну лощины разстилался густой синеватаго цвѣта туманъ, такъ что вся воздушная перспектива ущелья была закутана имъ.

На вершинѣ обнаженнаго утеса розовое облако, по мѣрѣ восхожденія солнца, принимало золотистый оттѣнокъ.

Они стояли долго, на крыльцѣ, пока туманъ въ лощинѣ постепенно расходился. Солнца же не было видно, настолько горы по обѣимъ сторонамъ были высоки. Налюбовавшись этимъ зрѣлищемъ—утромъ въ горахъ, они вскорѣ двинулись въ путь.

П. Соколовъ.

(До слѣд. №-ра).

Отъ рабства къ свободѣ.

Букера Вашингтона.

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

Борьба за образованіе.

Однажды, работая въ шахтѣ, я случайно подслушалъ разговоръ двухъ рудокоповъ о томъ, что въ Виргиніи есть большая школа для цвѣтныхъ. Это я узналъ впервые, что гдѣ либо есть высшія школы для негровъ, съ большей программой, чѣмъ въ нашихъ школахъ здѣсь.

Въ темнотѣ шахты, безъ шума я пробрался возможно ближе къ рудокопамъ: одинъ говорилъ, что эта школа не только была открыта для черныхъ, но что въ ней даютъ возможность бѣднымъ студентамъ работой уплачивать за ученіе и образованіе, и что тамъ, кромѣ наукъ обучаются разнымъ ремесламъ и производствамъ.

Чѣмъ болѣе они говорили, тѣмъ болѣе мнѣ казалось, что это должно быть самое счастливое мѣсто на землѣ; даже само небо тогда не представляло для меня большей прелести, чѣмъ эта Учительская Семинарія и Земледѣльческое Заведеніе въ Гемптонѣ, Виргиніи, о которомъ говорили эти люди. Я сейчасъ же рѣшилъ поступить въ эту школу, хотя не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, гдѣ она, близко или далеко, и какъ туда добраться. Я только одно помнилъ, что такая школа существуетъ, и что я долженъ попасть туда. Этимъ я жилъ день и ночь. Послѣ этого разговора,

я еще проработалъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ это время я узналъ, что въ семействѣ генерала Луиса Рефнера, владѣльца соляныхъ копей, нуждались въ слугѣ. Г-жа Віола Рефнеръ, его жена, была „янки" изъ Вермонта. О ней шла слава, какъ объ очень строгой госпожѣ со слугами, особенно съ мальчиками.

Очень немногіе продерживались у нея дольше двухъ, трехъ недѣль, и оставляли ее только изъ-за суроваго обращенія съ ея стороны.

Я рѣшилъ, однако, что, какъ бы строга она ни была, я лучше буду работать у нея, чѣмъ въ шахтѣ, и моя мама обратилась къ ней съ просьбой взять меня на испытаніе. Она приняла меня за 5-ть долларовъ въ мѣсяцъ.

Я такъ много слыхалъ о строгости г-жи Рефнеръ, что даже боялся смотрѣть на нее, и дрожалъ какъ осиновый листъ, при видѣ ея. Но я очень скоро понялъ ея характеръ и чего она требовала отъ своихъ слугъ. Прежде всего, она хотѣла, чтобы все вокругъ нея было чисто, чтобы все дѣлали точно и систематически, а главное, она требовала безусловной честности и прямоты. Ничто не должно быть не въ порядкѣ, все чиниться и поправляться тотчасъ же. Я не помню теперь, какъ долго я жилъ у г-жи Рефнеръ до моего поступленія въ Гемптонъ, думаю, что около полутора года; причемъ удостовѣряю, что мое пребываніе у г-жи Рефнеръ было превосходной школой для развитія въ мальчикѣ тѣхъ сторонъ характера, безъ которыхъ успѣшная борьба въ жизни—немыслима.

До сихъ поръ у меня осталась привычка къ чистотѣ, порядку, къ точности, настойчивости въ трудѣ и проч. И теперь, когда я вижу кусочки бумаги, набросанные гдѣ бы то ни было, я инстинктивно нагибаюсь поднять ихъ. Если увижу гдѣ либо грязный дворъ, разломанный заборъ, облинялый или не побѣленный домъ, оторванную пуговку на комъ-либо, или сальное пятно на платьѣ или на полу, то мнѣ сейчасъ же хочется исправить все это.

Скоро мое отношеніе къ госпожѣ Рефнеръ совершенно измѣнилось. Мой страхъ передъ нею пропалъ, и я смотрѣлъ на нее, какъ на своего лучшаго друга. Въ продолженіи двухъ зимъ моего жительства у г-жи Рефнеръ, она позволяла мнѣ ходить въ школу по часу въ день; но я больше всего занимался по вечерамъ иногда одинъ, или съ кѣмъ либо изъ учителей, которыхъ я самъ нанималъ.

Моя госпожа очень симпатизировала моему стремленію къ образованію и всячески поддерживала меня въ этомъ. Живя у нея, я началъ составлять себѣ библіотечку. Я досталъ ящикъ, сдѣлалъ полки, и всякую книгу, попавшуюся въ мои руки, клалъ на полку и съ гордостью смотрѣлъ на мою библіотеку. Не смотря на то, что мнѣ было хорошо у г-жи Рефнеръ, я не покидалъ надежды поступить въ Гемптонскую Семинарію. Осенью 1872 г. я рѣшилъ попытаться направиться туда, хотя не зналъ хорошенько гдѣ она была, и что это будетъ стоить.

Небольшія деньги, зарабатываемыя мною, я почти всѣ отдавалъ отчиму и семьѣ, такъ что у меня почти не оставалось на покупку необходимыхъ вещей и дорожные расходы.

Мой добрый братъ Джонъ, работавшій въ каменноугольныхъ копяхъ, помогалъ намъ, чѣмъ могъ, но и онъ почти все отдавалъ семьѣ, на ея текущіе расходы. Больше всего меня трогало и радовало то участіе, какое принимали во мнѣ старѣйшіе члены нашего околодка. Всю жизнь свою проведшіе въ рабствѣ, они врядъ ли могли надѣяться дожить до того, чтобъ увидѣть кого-либо изъ черныхъ, идущихъ искать счастья въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Наконецъ, насталъ великій день,

и я направился къ Гемптону. Въ рукахъ у меня былъ маленькій сакъ-вояжъ съ нѣсколькими перемѣнами бѣлья. Моя бѣдная мать была очень слаба и съ очень растроеннымъ здоровьемъ; я едва ли надѣялся увидѣть ее опять, и потому разставаніе было очень тяжелое. Но она бодрилась удивительно и выдержала себя поразительно.

Въ то время не было прямыхъ сообщеній между Западной и Восточной Вергиніями. Поѣзда шли только частью дороги, остальное разстояніе приходилось ѣхать въ дилижансахъ. Разстояніе отъ Мольдена до Гемптона равняется 500 милямъ.

Проѣхавъ съ треть пути отъ дома, мнѣ стало мучительно ясно, что денегъ у меня не хватитъ на всю поѣздку до Гемптона. Одно происшествіе со мною за это время я долго буду помнить. Я ѣхалъ въ старинномъ дилижансѣ, черезъ горы послѣ обѣда; вечеромъ мы остановились на ночь у простого непокрашеннаго дома, называемаго гостиницею.

Всѣ остальные пассажиры, кромѣ меня, были бѣлые. Въ моей невинности я предполагалъ, что эта гостиница существовала для того, чтобы удовлетворять нуждамъ путешествующей публики въ дилижансѣ. О томъ, что цвѣтъ кожи можетъ играть какую-либо разницу въ полученіи этихъ удобствъ, не могло прійти мнѣ на умъ. Когда всѣ пассажиры готовились къ ужину, я застѣнчиво подошелъ къ человѣку у конторки.

Правда, я почти что не имѣлъ денегъ, чѣмъ бы уплатить за столъ и и комнату, но я надѣялся такъ или иначе договориться съ хозяиномъ объ этомъ, потому что въ гористой Виргиніи ночи были очень холодны, а мнѣ хотѣлось провести ночь въ домѣ. Не спрося даже о томъ, имѣю ли я деньги или нѣтъ, человѣкъ у конторки на-отрѣзъ отказалъ снабдить меня пищею и кровомъ. Это былъ первый горькій урокъ въ томъ, къ чему приводитъ цвѣтъ моей кожи.
Кое-какъ я проходилъ всю ночь и такимъ образомъ не озябъ. Все мое существо было погружено въ мысли о предстоящемъ ученіи въ Гемптонской Семинаріи, и я внутренно даже не досадовалъ на владѣтеля гостиницы. Пѣшкомъ или выпрашивая даровую ѣзду въ телѣгахъ или поѣздахъ, послѣ многихъ дней я наконецъ добрался до Ричмонда, въ Виргиніи, въ 82-хъ миляхъ отъ Гемптона. Доѣхавъ до него поздно ночью, я былъ утомленъ, голоденъ и ужасно грязенъ.

До этого я никогда не былъ въ большомъ городѣ, что еще усиливало мое печальное положеніе. Денегъ ни копѣйки; знакомыхъ, конечно, у меня никого не было, я не зналъ, куда мнѣ идти. Я обращался во многія мѣста, но вездѣ спрашивали деньги, а ихъ-то у меня не было. Въ отчаяніи бродилъ я по улицамъ. Не разъ проходилъ мимо стоекъ съ жареными цыплятами и столбами яблочныхъ пироговъ: самое раздражающее зрѣлище для голоднаго глаза. Въ эти минуты я могъ обѣщать все мое будущее богатство за одинъ яблочный пирогъ и ножку жаренаго цыпленка. Но, увы, ни того, ни чего другого никто мнѣ не предлагалъ. По всей вѣроятности я прошагалъ по улицамъ далеко за полночь. Наконецъ, до того измучился, не могъ идти дальше ни шагу. Я былъ голоденъ, истощенъ, но отнюдь не обезкураженъ. Какъ разъ въ это время я дошелъ до той части улицы, гдѣ деревянный тротуаръ значительно возвышался. Я прождалъ нѣсколько минутъ, пока всѣ проходившіе разошлись, и тихонько подлѣзъ подъ доски, чтобы провести тамъ ночь, съ сакъ-вояжемъ вмѣсто подушки. Почти всю ночь я слышалъ шаги надъ моей головой. Утромъ я проснулся немного освѣженнымъ, но былъ страшно голоденъ. Какъ только стало совсѣмъ свѣтло, я увидѣлъ, что неподалеко стоялъ большой корабль, разгружавшій желѣзо. Я направился прямо

къ капитану и попросилъ его дать мнѣ возможность заработать себѣ деньги на пищу, потому что я былъ очень голоденъ. Капитанъ, бѣлый, повидимому сердечный человѣкъ, согласился на это.

Я проработалъ настолько, насколько нужно было для того, чтобы купить себѣ завтракъ, — и лучшаго завтрака я до сихъ поръ не знавалъ.

Работа моя понравилась капитану, и онъ предложилъ мнѣ работать у него за небольшую плату. Конечно, я съ радостью согласился и въ продолженіи многихъ дней работалъ у него. Но такъ какъ у меня, за расходами на пищу, осталось очень мало денегъ, а мнѣ еще нужно было сдѣлать 80 миль до Гемптона, то я, конечно, долженъ былъ экономить во всемъ, въ чемъ только было возможно; и потому пришлось всѣ ночи свои, какъ и первую, проводить подъ тротуаромъ. Много лѣтъ спустя цвѣтные граждане Ричмонда были очень привѣтливы ко мнѣ; болѣе 2-хъ тысячъ изъ нихъ оказывали мнѣ самый радушный пріемъ, и странно, что это случилось въ районѣ именно того самаго мѣста, *подъ досками* котораго я провелъ столько ночей! Когда я собралъ достаточную по моему сумму денегъ на путешествіе до Гемптона, то поблагодарилъ капитана за его доброту и двинулся въ путь.

Безъ приключеній я достигъ Гемптона, съ 50 сентами въ карманѣ. Я достигъ обѣтованной земли и тутъ же поклялся, что никто не удержитъ меня отъ довершенія начатаго мною дѣла. Вскорѣ по приходѣ въ Семинарію я пошелъ представиться главной учительницѣ и справиться объ условіяхъ пріема. Наружность и внѣшній видъ мой не могли произвести на нее благопріятное впечатлѣніе; плохое питаніе, грязный видъ мой и моего платья. За такое долгое и лишенное всякихъ удобствъ путешествіе—все было противъ меня и я видѣлъ на ея лицѣ сомнѣніе, стоитъ ли ей возиться съ подобнымъ индивидумомъ. И главное, я чувствовалъ, что она права въ своихъ колебаніяхъ, такъ сильно я походилъ на бродягу. Но она хотя и не принимала меня, но прямо не отказывала, и я продолжалъ вертѣться около нея, придумывая средство чѣмъ либо завоевать ея благорасположеніе.

Въ это же самое время она принимала другихъ учениковъ, и это, конечно, не прибавляло радости въ мою душу, такъ какъ я чувствовалъ, что если-бы мнѣ только удалось высказаться, я ничѣмъ не былъ-бы хуже другихъ. Нѣсколько часовъ спустя учительница сказала мнѣ, „Сосѣдняя классная комната нуждается въ чисткѣ, возьмите метлу и подметите ее“. Я почувствовалъ сразу, что отъ этого своего рода экзамена можетъ зависѣть ея рѣшеніе, и съ восторгомъ схватился за метлу.

Я инстинктивно чувствовалъ, что дѣло моей жизни зависѣло отъ того, какъ я вычищу эту комнату. Когда я окончилъ, то доложилъ о томъ директриссѣ. Не даромъ она была „янки“: она знала, гдѣ находить пыль, она осмотрѣла полъ и шкафы, затѣмъ взяла свой носовой платокъ и потерла имъ по дереву вдоль стѣнъ, по столу, скамьямъ, и только, когда вполнѣ удовлетворилась своей инспекціей, спокойно сказала „Я думаю, что Васъ можно принять въ Семинарію“.

Можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ ту минуту! Уборка и чистка классной комнаты были моимъ вступительнымъ экзаменомъ, и я могу смѣло сказать, что немногимъ юношамъ приходилось переживать такое полное удовлетвореніе послѣ испытанія, какъ мнѣ въ этотъ первый и оригинальный экзаменъ. Много разъ въ жизни я проходилъ не разъ всякія учебныя испытанія, но ни одинъ не далъ мнѣ столько радости и надежды.

Быть можетъ, другимъ ученикамъ,

поступившимъ въ Гемтпонскую Семинарію или подобныя заведенія, не приходилось переживать всего того, что выпало на мою долю;—не знаю, но вѣрно то, что сотни черныхъ учениковъ и ученицъ, жаждущихъ свѣта науки и возможно полной дѣятельности, приходятъ туда съ полной готовностью переносить все для достиженія своей цѣли—возможно болѣе полнаго, цѣлесообразнаго образованія.

Такимъ образомъ моя образцовая уборка классной комнаты проложила мнѣ путь къ обученію въ Гемптонѣ.—Миссъ Мэри Ф. Макки, начальница заведенія, предложила мнѣ мѣсто сторожа при Семинаріи. Конечно, я съ радостью принялъ его, потому что этой работой я могъ уплатить все свое содержаніе и ученіе. Работа была тяжелая и отвѣтственная, но я не унывалъ. На моихъ рукахъ было много комнатъ, которыя слѣдовало содержать въ порядкѣ и чистотѣ, а для этого я долженъ былъ работать поздно ночью и въ тоже время вставать въ 4 часа утра, чтобы затопить печи и имѣть время приготовить свои уроки. Во все время моего пребыванія въ Гемптонѣ и послѣ, Миссъ М. Ф. Макки была моимъ самымъ близкимъ и полезнымъ другомъ. Ея совѣты и нравственная поддержка въ мрачныя минуты жизни были неоцѣнимы. Я не говорю уже о томъ впечатлѣніи, которое произвело на меня строеніе и внѣшній видъ Учительской Семинаріи, но за то хочу сказать о болѣе сильномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на меня великій, благородный, рѣдкой цѣнности человѣкъ, котораго мнѣ когда либо удавалось встрѣчать—это покойный генералъ Самуилъ С. Армстронгъ.

Я никогда не забуду перваго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на меня. Онъ мнѣ показался идеальнымъ человѣкомъ; въ немъ чувствовалось что-то сверхъестественное; и чѣмъ глубже я его узнавалъ, тѣмъ величественнѣе онъ былъ въ моихъ глазахъ. Мнѣ казалось, что если бы изъ Гемптона удалили всѣ зданія, классы, учителей, производства, и дали бы людямъ возможность ежедневно только соприкасаться съ генераломъ Армстронгомъ, то онъ одинъ могъ дать все, что нужно для того, чтобы быть хорошими и полезными людьми. Чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь въ томъ, что никакія книги и богатѣйшіе научные аппараты не могутъ сравниться съ тѣмъ, что мы получаемъ отъ личнаго сношенія съ великими людьми. Господи, если бы въ школахъ серьезнѣе изучали людей и природу, насколько лучшими были бы люди! Послѣдніе два мѣсяца жизни изъ шести генералъ Армстронгъ провелъ въ моемъ домѣ, въ Тоскеги. Въ то время, вслѣдствіе паралича онъ не могъ управлять движеніями тѣла и голоса, и не смотря на это, работалъ день и ночь надъ дѣломъ, которому посвятилъ всю свою жизнь. Я никогда не видѣлъ другаго человѣка, до такой степени забывавшаго самого себя. Я не могу себѣ представить, чтобы какая либо эгоистичная мысль могла прійти ему въ голову.

Онъ съ одинаковой любовью помогалъ всякому учебному заведенію на Югѣ, какъ будто это были его собственныя учрежденія. Хотя онъ сражался со своими собратіями—бѣлыми во время междоусобной войны, но я никогда не слыхалъ ни одного горькаго слова противъ нихъ. Напротивъ, онъ всячески старался быть имъ полезнымъ.

Трудно передать словами то страшное вліяніе, какое онъ имѣлъ на своихъ студентовъ, или ту вѣру, которую они питали къ нему. Они просто боготворили его. Намъ казалось не возможнымъ, чтобы генералъ Армстронгъ могъ не успѣть во всемъ, что онъ ни предпринималъ. Отказать ему въ чемъ либо съ нашей стороны было такъ же невозможно, какъ перестать дышать, безъ вреда себѣ. Когда онъ гостилъ

у меня въ домѣ, въ Алабамсѣ, то былъ такъ плохъ, что его нужно было возить въ креслѣ; помню, какъ одинъ изъ его прежнихъ студентовъ возилъ его на очень крутую гору, и это требовало напряженія всѣхъ его силъ. Когда онъ довезъ до верхушки горы, студентъ съ восторгомъ воскликнулъ: „какъ я счастливъ, что привелось сдѣлать для нашего генерала что либо *дѣйствительно* трудное"! Когда я былъ студентомъ въ Гэмптонѣ, наши спальни такъ запрудились учащимися, что нельзя было болѣе принимать желающихъ поступить въ Семинарію, Чтобы выйти изъ этого затрудненія, генералъ Армстронгъ придумалъ особый планъ постановки палатокъ для этой цѣли. И какъ только мы узнали, что генералъ пожелалъ, чтобы нѣсколько изъ старыхъ студентовъ тоже помѣстились въ палаткахъ, то не было отбоя отъ желающихъ.

Я былъ въ числѣ ихъ. Зима была страшно холодная, и мы сильно страдали, но никто и словомъ не пикнулъ, и нашъ дорогой генералъ никогда этого не узналъ. Для насъ было утѣшеніемъ, что этого желаетъ генералъ Армстронгъ, и что страдая сами, мы открывали дорогу къ образованію нашимъ сотоварищамъ. Не одинъ разъ, въ продолженіи холодной бурной ночи, вѣтеръ срывалъ нашу палатку, и мы оставались раздѣтыми на холодномъ воздухѣ.

Генералъ обыкновенно рано утромъ посѣщалъ наши палатки, и его серьезныя, ласковыя и одобряющія слова, какъ рукой, снимали всѣ впечатлѣнія ночи. Я говорилъ о моемъ почитаніи генерала Армстронга, но долженъ прибавить, что онъ былъ рѣдкій представитель того типа людей, которые по окончаніи войны съ христіанскою любовью сотнями шли отдавать свои силы на поднятіе моей расы. Мнѣ кажется, трудно найти во всемірной исторіи болѣе высокій, чистый и болѣе альтруистическій классъ мужчинъ и женщинъ, чѣмъ тѣ, которые шли учителями и учительницами въ школы для черныхъ.

Жизнь въ Гемптонѣ была непрерывнымъ откровеніемъ. Она вносила меня въ иной міръ. Для меня все тамъ было ново: ѣда въ правильные промежутки, скатерти, съ салфеткой въ рукахъ, ванны, зубная щетка, простыни на кровати—все ново—не бывалое. Иногда мнѣ кажется, что самый полезный урокъ я получилъ въ Гемптонѣ—это понятіе о значеніи ваннъ, и частое пользованіе ими. Тамъ я впервые понялъ, что, помимо своего гигіеническаго значенія, ванна внушаетъ человѣку самоуваженіе. и даже поощряетъ нравственность.

По окончаніи Семинаріи, въ моихъ путешествіяхъ по Югу, я ежедневно бралъ ванну. Гостя у моихъ родныхъ. жившихъ въ домѣ съ одной только комнатой, мнѣ было очень затруднительно брать ванну; я долженъ былъ уходить въ лѣсъ и бросаться въ въ рѣку. Я старался внушать всѣмъ членамъ моей расы, къ которымъ приходилъ въ соприкосновеніе, что при каждомъ домѣ должно быть какое нибудь приспособленіе для купанья.

Въ началѣ моего пребыванія въ Гемптонѣ, я имѣлъ только одну пару носковъ, и когда они становились грязными, мылъ ихъ вечеромъ, вѣшалъ ихъ на ночь у печки, и къ утру они высыхали. Мнѣ приходилось платить за столъ въ Гемптонѣ 10 долларовъ въ мѣсяцъ. Часть этого я долженъ былъ уплачивать работой, а часть—деньгами. У меня же было только 50-ть сентовъ въ карманѣ, когда я пришелъ въ Гемптонъ: мой братъ Джонъ присылалъ мнѣ немного время отъ времени, но всего этого было такъ мало, что и думать нечего было уплатить этими деньгами. Я съ самаго начала порѣшилъ исполнять мою работу, какъ сторожа заведенія, такъ хорошо, чтобы въ моихъ услугахъ нуждались. И въ этомъ

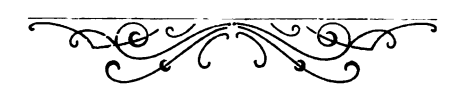
я скоро успѣлъ до такой степени, что качествомъ своей работы вполнѣ покрывалъ плату за обѣдъ; такъ мнѣ о томъ объявили.

Плата за ученье была 70 долларовъ въ годъ. Конечно, это было свыше моихъ силъ и возможности уплатить. Если-бъ я платилъ работой не только за столъ, но и за ученіе, то долженъ былъ бы дѣлать рѣшительно все, или же оставить школу и заработать эти деньги на сторонѣ. Но мнѣ здѣсь помогъ уважаемый генералъ Армстронгъ. Онъ устроилъ какъ то такъ, что м-ръ С. Грифитсъ Морганъ, изъ Нью-Бедфордъ Массачусетсъ, взялся платить за все время моего ученія въ Гемптонѣ. Когда, по окончаніи ученія, я вступилъ на жизненный путь въ Тоскеги, то имѣлъ удовольствіе посѣщать Г-на Моргана нѣсколько разъ. Проживя нѣкоторое время въ Гемптонѣ, я началъ чувствовать недостатокъ въ книгахъ и одеждѣ. До сихъ поръ я обходился безъ собственныхъ книгъ, занимая ихъ у болѣе счастливыхъ товарищей.

Что же касается бѣлья, то у меня его было такъ мало, что оно все помѣщалось въ моемъ маленькомъ сакъ-вояжѣ. Мои заботы о бѣльѣ и платьѣ усилились еще тѣмъ, что генералъ Армстронгъ самолично осматривалъ всѣхъ насъ каждый день, передъ общей молитвой. Башмаки должны были быть вычищены, всѣ пуговицы на своемъ мѣстѣ, и сальныя пятна выведены. Носить одинъ и тотъ же костюмъ все время, въ классахъ и при работѣ, и быть всегда чистымъ, была не легкая задача для меня. Кое-какъ мнѣ это удавалось, до тѣхъ поръ, пока учительницы не убѣдились, что для меня окончить ученіе было дѣломъ жизни и смерти, и что я твердо рѣшилъ достигнуть этого какой бы то ни было цѣной; тогда она начала снабжать меня подержанными вещами, присылаемыми въ Гемптонъ въ *бочкахъ* съ Сѣвера. Эти доставки были дѣйствительнымъ благодѣяніемъ сотнямъ бѣднымъ, но серьезно трудящимся студентамъ. Такъ какъ въ то время въ Гемптонѣ не было еще много зданій, и всякимъ лишнимъ мѣстомъ дорожили, то въ одной комнатѣ спало по нѣсколько учащихся. Въ моей спало семь человѣкъ, и всѣ они были уже здѣсь до меня. Когда я увидѣлъ двѣ простыни на моей кровати, то не зналъ, что съ ними дѣлать; сначала я спалъ на обѣихъ сразу; потомъ укрывался обѣими сразу, пока не прослѣдилъ, что всѣ мои сосѣди одной простыней укрываются, а на другой спятъ, и съ тѣхъ поръ всегда такъ поступалъ и старался пояснять важность этого другимъ. Я былъ однимъ изъ младшихъ студентовъ въ то время въ Гемптонѣ. Большинство остальныхъ было вполнѣ взрослые мужчины и и женщины, а нѣкоторымъ даже сорокъ лѣтъ. Когда теперь я вспоминаю первый годъ моей жизни тамъ, мнѣ кажется, что не часто приходится людямъ входить въ такое близкое соприкосновеніе съ сотнями людей преданныхъ дѣлу съ такой „ужасной" серьезностью, какъ были эти мужчины и женщины въ Гемптонѣ. Каждый часъ былъ посвященъ какому-либо дѣлу. Всѣ изъ насъ достаточно близко знали жизнь, чтобы понимать и цѣнить важность образованія. Многимъ, изъ старѣйшихъ, тяжело давалось заучиваніе учебниковъ: грустно было такое зрѣлище. Но чего не доставало имъ въ легкости обученія, то они пополняли стараніемъ. Большинство было такъ же бѣдно, какъ и я, и должно было сильно бороться съ лишеніями, чтобъ сводить концы съ концами. У многихъ были престарѣлые родители, которыхъ нужно было поддерживать, а у нѣкоторыхъ даже были жены, которымъ они должны были такъ или иначе помогать. Великая идея, повидимому, охватила каждаго изъ насъ;—мы подготовляли себя къ тому, чтобъ поднять уровень дорогихъ намъ людей, дома и въ сосѣдствѣ; никто не думалъ о са-

момъ себѣ. А наши учителя и начальствующіе что за люди это были! Они трудились и работали для учащихся денно и нощно, въ назначенное время и внѣ онаго. Они казались только тогда счастливыми, когда чѣмъ либо помогали учащимся. Когда „заговорятъ" (а я надѣюсь, что это будетъ) о той степени участія, которую Сѣверяне—мужчины и женщины—принимали въ образованіи негровъ, сейчасъ послѣ войны,—то это будетъ одна изъ блестящихъ главъ нашего славнаго отечества. Придетъ время, когда и Югъ пойметъ и оцѣнитъ эти неоцѣненныя заслуги Сѣвера.

(До слѣд. №-ра).

* *

Мрачное, мглистое, мертвое море...
Воющій вѣтеръ въ высокихъ волнахъ...
Губящій голодъ, глубокое горе,
Слезы страдальца и стоны въ слезахъ...

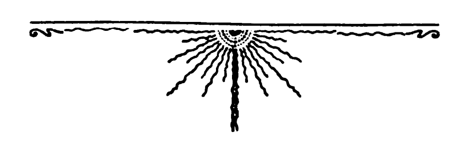
Жаръ жизнерадостныхъ, жгучихъ желаній,
Пошлости праздной проклятый призывъ...
Міръ мимолетныхъ, минутныхъ мечтаній,
Къ честности честный и чистый порывъ...

Ночь съ непрогляднымъ навѣсомъ ненастья...
Блѣдный, безкровный, больной человѣкъ
Слабымъ сіяньемъ сверкнувшаго счастья
Хочетъ упиться въ измученный вѣкъ.

Борется бѣдный, болитъ безконечно,
Рвется куда-то, въ какую-то даль.
Счастье — секунда, какъ сонъ—скоротечно,
Вѣчна лишь только больная печаль.

Тянутся тяжкимъ, томительнымъ фономъ
Душные, дымные, длинные дни...
Съ силами справься, сознательнымъ тономъ
Жизнь оборви и навѣки засни!

Ив. Сынковскій.

За рубежомъ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТУДЕНТКИ).

А. Трачевской.

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

Ботаническія экскурсіи.

Никогда въ жизни я не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня экскурсіями въ Швейцарскомъ Университетѣ.

Весна въ Швейцаріи наступаетъ рано: въ мартѣ розы цвѣтутъ, въ апрѣлѣ все распускается, а въ маѣ ужъ жара и полный расцвѣтъ природы. Поэтому и лѣтній семестръ въ университетѣ начинается рано. Лекцій въ этомъ семестрѣ по четвергамъ нѣтъ: это день для экскурсій. И экскурсіи начинаются раннею весною. Въ это время, хотя и нельзя еще отправляться далеко въ горы, но уже можно бродить по окрестностямъ Женевы и знакомиться съ весеннею флорою. Недалекія экскурсіи обыкновенно бываютъ очень многочисленны — больше ста человѣкъ ведетъ за собою профессоръ. Но и на отдаленныя находится много охотниковъ: заграницей, и особенно въ Швейцаріи, молодежь предпріимчива и подвижна. Студентки становятся на равнѣ со студентами: и онѣ участвуютъ на равныхъ правахъ въ экскурсіяхъ и не страшатся дальняго пути и долгой ходьбы. Но надо сказать, что многія изъ нихъ совершенно не умѣютъ приспособиться къ экскурсіямъ, а иныя такъ непрывычны къ ходьбѣ, что подъ конецъ дня изнемогаютъ совсѣмъ отъ усталости или отказываются идти дальше.

Кромѣ ботаническихъ, совершались еще одновременно въ высшей степени интересныя геологическія экскурсіи. На эти экскурсіи барышни рѣдко отваживались идти, а иной разъ ихъ и прямо не принимали. И дѣйствительно: геологія не ботаника. Въ то время, какъ мы, смирные ботаники, съ нашими зелеными ботанизирками черезъ плечо, не спѣша дефилировали по оврагамъ и дорогамъ, постоянно останавливаясь, тщательно обыскивая небольшіе участки, роясь въ почвѣ

и собирая растенія, они, ярые геологи, быстро, не останавливаясь и не глядя подъ ноги, пробѣгали огромныя пространства форсированнымъ шагомъ. Ихъ цѣль была—увидѣть возможно большее пространство, охватить цѣлую цѣпь горъ, понять цѣлое геологическое образованіе, увидѣть напластованія земли; отыскать нагроможденные слои и другіе слѣды широкихъ геологическихъ переворотовъ. И они стремились все впередъ, все дальше. Да и профессоръ у геологовъ былъ совсѣмъ другой. Какъ и его экскурсіи, онъ носилъ совсѣмъ иной отпечатокъ. Нашъ—былъ любезенъ и внимателенъ къ студенткамъ, оберегалъ всѣхъ, былъ остороженъ, не летѣлъ сломя голову впередъ, а внимательно осматривалъ окрестности, давая соотвѣтственныя объясненія. Онъ собиралъ отставшихъ и имѣлъ даже въ запасѣ въ своемъ портмонэ нитки и иголку, которыми я собственноручно зашивала себѣ оборку у платья, разорванную о колючій кустарникъ. Это былъ спокойный швейцарецъ. Тотъ, другой, геологъ, былъ типомъ живаго молодого и талантливаго француза. Худой, черный, съ вѣчно бѣгающими, блестящими глазами, онъ постоянно носился по университету, яро жестикулировалъ на лекціяхъ, кричалъ и говорилъ такъ быстро, что за нимъ трудно было услѣдить. Женскаго образованія онъ рѣшительно не признавалъ, на студентокъ негодовалъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ приглашалъ ихъ на экскурсіи. На экскурсіяхъ онъ бѣжалъ еще скорѣе, говорилъ еще громче и жестикулировалъ грознѣе. Своего коллегу—ботаника онъ называлъ съ презрѣніемъ нянькой за его хорошее отношеніе къ студенткамъ, а его экскурсіи—дамскими прогулками. Онъ тысячу разъ былъ неправъ... Сколько мы выносили изъ этихъ экскурсій!..

Какъ только по университету проносилась вѣсть объ экскурсіи, мое сердце начинало биться отъ охватывающаго меня счастливаго чувства. Я бѣгу смотрѣть, нѣтъ-ли обычнаго объявленія на стѣнѣ подлѣ двери консьержа. Такъ и есть: вотъ оно и вотъ его содержаніе: такого-то числа предполагается экскурсія въ горы на два дня. Отъѣздъ въ четвергъ, въ 5 ч. утра. Rendez-vous на городскомъ вокзалѣ. Желающіе должны записаться заранѣе, и прочее. Въ тотъ же день, въ концѣ лекціи, профессоръ весело объявляетъ намъ съ каѳедры, возвышая голосъ:

— Mesdames et messieurs! Въ четвергъ назначена экскурсія. Для этой экскурсіи требуется взять провизіи на два дня, фляжку съ питьемъ, что-нибудь теплое и прочные башмаки. Барышни, одѣтыя въ тонкія туфельки, на экскурсію *не принимаются*!

По аудиторіи раздается сдержанный смѣхъ, и самъ профессоръ смѣется. Трудно повѣрить, но случалось не разъ, что наши студентки, либо по своей крайней неопытности, либо изъ непонятнаго въ данномъ случаѣ кокетства, шли на экскурсію въ горы въ тонкихъ туфелькахъ. Конечно, имъ приходилось ходить по камнямъ все равно, что безъ обуви; подошвы стирались черезъ часъ, и онѣ вовсе не могли идти дальше, плакали и возвращались съ израненными ногами.

Послѣ лекціи я иду записаться, гдѣ слѣдуетъ, на экскурсію и начинаю собираться. Въ смыслѣ расходовъ, экскурсіи наши устраивались очень удобно и дешево. Въ Швейцаріи вообще, какъ мы говорили, публикѣ предоставляютъ всякія удобства и льготы. На пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ есть повсюду передаточное сообщеніе; для экскурсій дѣлаютъ большія скидки на билеты; по воскреснымъ днямъ пускаютъ особые, удешевленные поѣзда. Повсюду, въ самыхъ глухихъ мѣстахъ и высокихъ горахъ, есть хижинки съ провизіей, а часто форменные café и рестораны и отели со всѣми удобствами. Нечего и гово-

рить, что намъ, студенткамъ, предоставлялись всякія удобства и дѣлались еще большія скидки.

На лекціяхъ я ужъ думаю объ завтрашней экскурсіи и вся охвачена волненіемъ ожиданія. Я сокращаю даже часы своихъ занятій въ моей любимой зоологической лабораторіи, чтобы сдѣлать кое-какія закупки и имѣть такимъ образомъ возможность пораньше лечь сегодня спать. Я закупаю себѣ подходящую провизію, покупаю плитку шоколаду: мы всѣ очень цѣнимъ его въ горахъ, потому что онъ и питателенъ, и придаетъ бодрость при ходьбѣ, возбуждая организмъ. Наконецъ, я чищу свою большую зеленую ботанизирку и мою свою походную фляжку. Все это кладу на столъ въ порядкѣ, чтобы завтра сразу снарядиться,—я такъ взволнована, что мнѣ какъ нарочно спать не хочется. А между тѣмъ, завтра надо встать очень рано. Да не забыть сказать моей хозяйкѣ, чтобы разбудила меня въ 4 часа... Или, нѣтъ; самой, пожалуй, придется проснуться; она не встаетъ такъ рано. Какой-то день будетъ завтра? Что, если дождь?.. Идти-ли на вокзалъ? Поѣдемъ-ли мы? Эта нерѣшительность хуже всего. Я ложусь. Скорѣй бы заснуть! Отъ радости у меня такъ сильно бьется сердце. Я вся рвусь на приволье, въ горы, въ „мои"—родныя горы...

На утро просыпаюсь сама. Сердце такъ и бьется. Не проспала-ли? Нѣтъ...Сейчасъ 4 часа утра... А погода? Бросаюсь къ окну, распахиваю зеленыя ставни... Небо желтое, чистое, утренняя дымка, солнце встаетъ за горами... На улицѣ мертвая тишина и прохлада. Будетъ дивный день. Скорѣй, одѣваться! Я страшно взволнована. Это моя первая экскурсія... Нѣтъ, не первая, а третья, даже четвертая, но первая такая большая... Я на-скоро одѣваюсь, беру на руку теплую кофточку, надѣваю башмаки съ толстыми надежными подошвами (у студентовъ они съ гвоздями), короткое платье; черезъ плечо у меня виситъ съ одной стороны ботанизирка; съ другой—фляжка съ водой. Я готова. Я ухожу. Отворяю тяжелую парадную дверь и быстро иду по улицамъ. Я спѣшу. Вокзалъ далеко, въ другой части города, конокъ туда нѣтъ, да и рано, извозчиковъ и совсѣмъ нѣтъ: ими рѣдко кто тутъ пользуется. Прохожу мимо нашихъ Bastions, по площади Conseil Général, черезъ модную улицу Корратери, иду вдоль Роны, черезъ мостъ Монбланъ и поднимаюсь по улицѣ прямо къ вокзалу. Первые блѣдные лучи солнца озаряютъ еще спящій городъ. Даже Рона съ своими зелеными водами точно еще спитъ. Магазины закрыты. Какой-то спящій сторожъ только начинаетъ мести улицу. Но чѣмъ ближе къ вокзалу, тѣмъ оживленнѣе становится, несмотря на ранній часъ. Вотъ проѣхала торговка изъ пригороднаго села, съ зеленью и цвѣтами: сегодня базарный день. Вотъ кто-то торопится самъ на вокзалъ. А вотъ кто-то изъ нашихъ: зеленая ботанизирка черезъ плечо. Вотъ еще другой.... Вотъ и студентка одна. Слава Богу, значитъ, ѣдутъ и есть барышни... На вокзалѣ все стекаются зеленыя ботанизирки: ихъ уже до пятидесяти человѣкъ. Ждемъ... А! вотъ и профессоръ.

— Какой чудный день будетъ! весело восклицаетъ онъ, здороваясь со всѣми.

Мы садимся въ вагонъ. Насъ такъ много, что мы занимаемъ два или три вагона. Профессоръ раздаетъ намъ билеты (онъ ужъ завѣдуетъ всей хозяйственной стороной экскурсіи и отвѣчаетъ за все и за всѣхъ) и садится въ одной группѣ. Поѣздъ трогается. Мы ѣдемъ. Чудные виды мелькаютъ въ окнахъ. Сначала ѣдемъ молча: еще не всѣ очнулись отъ поспѣшныхъ сборовъ и ранняго вставанья. Но вскорѣ поднимается болтовня и смѣхъ. Профессоръ шутитъ и мимоходомъ объясняетъ мѣста, по которымъ мы проѣзжаемъ, и очерчиваетъ намъ планъ нашей экскур-

сіи. Многіе вынимаютъ свои карты и отмѣчаютъ путь. Обозначены и мѣста отдыха, и ночевка въ горахъ.

Наконецъ-то мы пріѣхали! Шумной гурьбой, залитые яркими лучами солнца, съ пѣніемъ птицъ, выходимъ мы изъ вагоновъ и вдыхаемъ свѣжій утренній воздухъ. Профессоръ ждетъ, пока всѣ выйдутъ, всѣхъ осматриваетъ, считаетъ, перекликаетъ. И убѣдившись, что никто не затерялся, двигается въ путь, а мы за нимъ. Теперь только и начинается экскурсія. Два дня перехода по горамъ...

Шли мы пыльною дорогою въ гору, окаймленною виноградниками съ каменными оградами и фруктовыми деревьями. Много селъ мы миновали. Чистенькіе, бѣленькіе, каменные одноэтажные швейцарскіе домики, иногда деревянные, съ балкончиками, наружными лѣстницами и навѣсами. Нѣсколько чистыхъ и широкихъ улицъ. Посреди села—площадь съ неизбѣжнымъ фонтаномъ для пользованія водой. Тутъ же деревенская церковь и сельская школа съ гурьбой чисто одѣтыхъ ребятишекъ; у всѣхъ у нихъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, фартучки, а на ногахъ, хотя и грубые, башмачки... Крестьяне въ блузахъ, а женщины чисты одѣты и обуты. Зайдешь въ домикъ—чистая комнатка, одна или двѣ; печка топится; столъ, стулья; въ спальнѣ—комодъ и шкапъ; кровать съ горой подушекъ вся блеститъ бѣлыми покрывалами и высоко взбита. На стѣнкахъ какія-нибудь олеографіи и старинные часы. На окнахъ—кисейныя или ситцевыя занавѣсочки. Полъ чисто вымытъ. Видно, что тутъ живутъ люди и что они чувствуютъ тутъ себя дома и не унижены нуждою или неравенствомъ. Первое время я все спрашивала себя, гдѣ же настоящія деревни, то есть такія, какъ у насъ, съ покосившимися избами, худыми коровами, оборванными, грязными и босыми ребятишками и неотесанными мужиками? Такихъ деревень я такъ и не встрѣтила въ Швейцаріи, хотя бывала въ самыхъ глухихъ ея уголкахъ... Ихъ тамъ нѣтъ.

Шумною толпою проходимъ мы по улицамъ этихъ селъ.

— Bonjour, bonjour! слышится отовсюду.

Это обитатели ихъ, снимая шляпы, здороваются съ нами и удивленно, но вѣжливо оглядываютъ насъ.

Иногда мы дѣлаемъ въ какомъ-нибудь селѣ привалъ—располагаемся въ деревенской харчевнѣ. И мы находимъ чистую терассу, обвитую плющемъ, столики и стулья; намъ подаютъ пиво, молоко, кофе и вкусный, бѣлый хлѣбъ. И все это за грошевую плату и съ сдержанной благодарностью предоставляется въ наше распоряженіе. Часто, за насъ, особенно дамъ, расплачивается самъ профессоръ. Студенты чокуются съ нимъ и пьютъ за его здоровье, а онъ въ отвѣтъ пьетъ за ихъ. Вотъ и второе, и третье село мы прошли. Теперь ихъ больше нѣтъ. Мы удаляемся въ горы. Каменистое шоссе поднимается все выше и выше; все роскошнѣе и дальше открывается видъ на страну. Теперь мы находимся на уровнѣ почти тысячу метровъ и останавливаемся, чтобы передохнуть и бросить взглядъ назадъ... Боже мой, что за видъ! У нашихъ ногъ долина тонетъ въ синей дымкѣ; по ней рѣка вьется широкой свѣтлой лентой. Селенія темными пятнами разбросаны по сторонамъ и вьются, поднимаясь въ горы, бѣлыя дороги. Вдали синѣютъ цѣпи горъ; ихъ вершины блестятъ вѣчными безукоризненно бѣлыми снѣгами... За этой цѣпью—еще другая цѣпь. А у подножія горъ—яркозеленыя пастбища съ одинокими шалэ. На склонахъ—густые сосновые лѣса и рощи; колючій кустарникъ.

Вокругъ насъ — огромныя отвѣсныя сѣрыя и бѣлыя скалы. Узкая тропинка, высѣченная въ камнѣ, вьется между ними; а слѣва... страшно взглянуть... бездонная темная пропасть... Гдѣ-то бурлитъ горный

потокъ. Вотъ камень скатился съ отвѣса; одинъ другой, третій... Вотъ слышится отдаленный гулъ: это обвалъ въ горахъ, и потомъ опять тишина—торжественная, величественная тишина вершинъ! Мы должны пройти по этой узкой тропинкѣ у пропасти. Профессоръ становится у края ея и, весь насторожившись, медленно пропускаетъ мимо себя всѣхъ студентовъ, повторяя ежеминутно:

— Attention, s'il vous plait...

— Attention, s'il vous plait!..

Много страшныхъ пропастей мы встрѣчали на нашихъ экскурсіяхъ. Склоны ихъ были каменисты, круты, покрыты осколками скалъ и поросли колючимъ кустарникомъ. Намъ не позволялось близко подходить къ нимъ. И края могли обвалиться, и голова могла закружиться—и тогда конецъ!

Иногда мы шли по узкому ущелью. Надъ нами, отвѣсныя скалы. Небо еле видно. Точно въ темную щель забрались. На крутомъ склонѣ—сосновый старый лѣсъ; вся почва его устлана опавшей листвой и порыжѣлыми иглами. Сыро. Скользко. А дорога идетъ, изгибаясь, у самаго берега горной рѣчки. Вотъ, она тутъ у нашихъ ногъ, бурная, неугомонная, пѣнится и яростно перепрыгиваетъ черезъ камни своего неспокойнаго русла, подтачивая корни прибережныхъ сосенъ. Она бурлитъ, гудитъ, бѣлыми брызгами обдаетъ васъ и гложетъ, и размываетъ каменистые берега, точно ей тѣсно, точно хочется выскочить и все затопить своей бѣлой шипящей пѣной... У, какъ холодно и сыро, и какъ мрачно! Что-то таинственное ощущается. И все гулъ, гулъ несмолкаемый.

Бѣлое каменистое шоссе идетъ въ гору, вьется все выше и выше. На поворотахъ и перекресткахъ его встрѣчается часто крестъ или часовенка: крошечные образки и статуэтки подъ навѣсомъ и стекломъ, изукрашенныя гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ и лентами, какъ это любятъ дѣлать католики. На высотѣ около тысячи метровъ вы можете встрѣтить такую часовенку. Вѣроятно, горы со своими неизвѣданными тайнами и опасностями порождаютъ въ людяхъ мысль о Богѣ и заставляютъ чаще думать о ничтожествѣ человѣка по сравнительной съ этими величавыми проявленіями природы. Рѣдкіе-ли прохожіе, поселяне-ли, идущіе по дѣлу черезъ далекія горы, торговецъ-ли съ товаромъ или, просто экскурсанты-швейцарцы, — всякій останавливается передъ этими тихими и одинокими часовенками и, ставъ на колѣни, вдали отъ людей, въ глубокой тишинѣ горъ, совершаетъ свою набожную молитву. Эти часовни священны. Никогда ни одного лоскутка не пропадетъ съ ихъ иконъ... Разъ, помню. на одной изъ экскурсій, поднимались мы по такой дорогѣ на высокую гору. На большой высотѣ, въ глуши, попалась намъ одинокая часовенка. День стоялъ жаркій. Пальто нести было тяжело. И вотъ одна студентка, шутя, а отчасти, быть можетъ, изъ любопытства, бросила свое дорогое пальто къ ногамъ этой часовни, сказавъ, что возьметъ его на обратномъ пути. День былъ воскресный, а потому и на такой высотѣ была публика и поселяне. Часа черезъ три, уже подъ вечеръ, шли мы обратно по той же дорогѣ: у ногъ часовенки по прежнему лежало пальто. Ни одна складка на немъ не была потревожена, никто даже не прикоснулся къ нему...

Когда дорога завернула вправо, намъ открылся сразу, какъ это часто бываетъ въ горахъ, роскошный видъ на сосѣднія горы.

— Смотрите!—сказалъ намъ вдругъ профессоръ.

Мы быстро обернулись. Надъ нами стояли отвѣсныя скалы горъ и сверху нихъ, такъ высоко, что и заглянуть было трудно, точно нарисованный на картинкѣ, падалъ внизъ узкой струей серебристый

водопадъ. Онъ падалъ съ такой головокружительной высоты, что когда мы подошли ближе и стали почти подъ самымъ водопадомъ, то до насъ доходили однѣ водяныя брызги и насъ обдавала студеная водяная пыль... Глухой гулъ паденія водопада смѣшивался съ гуломъ шумящаго внизу ручья.

Мы продолжали подниматься. Профессоръ, пройдя еще заворотъ дороги, остановился.

— Теперь, сказалъ онъ, я возьму съ собой желающихъ, и мы поднимемся по этому отвѣсному склону, чтобы поискать на его вершинѣ одно рѣдкое растеніе. Въ прежніе годы его находили тамъ. Очень рѣдкій экземпляръ нашей флоры. Дамы же останутся внизу съ частью студентовъ и подождутъ.

Глаза у меня блестѣли, и я вся горѣла восторгомъ отъ экскурсіи и желала все большихъ и большихъ препятствій.

— Отчего дамы не могутъ идти? спросила я изъ толпы. А я бы хотѣла?...

Профессоръ, услышавъ женскій голосъ, оглянулся.

— Я такъ и зналъ!—сказалъ онъ съ снисходительной улыбкой.—Это вы? Нельзя дамамъ: подъемъ для дамы слишкомъ опасенъ и утомителенъ. А, впрочемъ, если ужъ вы такъ хотите... Только, смотрите!

Я дальше не слушала. Я бросилась съ гурьбой студентовъ. Я была одна: ни одна дама не шла съ нами. Оставшіеся спокойно расположились, усѣлись кто-куда, а мы отдѣлились отъ нихъ и быстро стали подниматься вверхъ. Что это былъ за подъемъ! Почти отвѣсный, онъ весь состоялъ изъ разрушавшихся скалъ, весь осыпался, точно искусственная гора, насыпанная изъ камней и обломковъ скалъ всевозможныхъ величинъ. Гуськомъ и вразсыпную стали мы карабкаться. Мы подвигались съ величайшимъ трудомъ; ноги скользили; куча камней сыпалась у насъ изъ-подъ ногъ и съ глухимъ гуломъ, отдаваясь въ чистомъ горномъ воздухѣ, катились внизъ. Только что сдѣлаешь съ большимъ трудомъ шагъ вверхъ; а тамъ скатишься на два внизъ. Поминутно слышалось отрывистое:

— At-ten-tion!

И груда камней, громыхая и перекатываясь, бурнымъ потокомъ катится внизъ мимо меня. Направо, налѣво—все груды камней и крупнаго гравія, а надъ головой—отвѣсная стѣна ихъ. Изъ-за гула падающихъ камней ничего не слышно и лишь наверху, далеко-далеко видна полоска неба: тамъ конецъ нашему подъему.

— At-ten-tion! слышится опять.

Но вотъ грохотъ катящихся камней мало-по-малу смолкаетъ... Послѣдніе мелкіе камешки, переливаясь высокими нотками, скатились внизъ. Мы добрались до вершины. Дивный, далекій видъ, точно сказочный міръ,—былъ намъ наградой за трудный переходъ. У нашихъ ногъ тонули въ зелени деревни, протекали по глубокимъ оврагамъ ручьи, стояли цѣпи горъ одна за другой, точно панорамы, и сверкали снѣжныя вершины французскихъ Альпъ.

Какія яркія зеленыя пастбища встрѣчали мы на высотѣ до тысячи метровъ! Среди скалъ, среди суровыхъ сосновыхъ лѣсовъ на склонахъ горъ, какое мирное зрѣлище представляли они. Глазъ отдыхалъ на ихъ зеленой муравѣ. Кругомъ далекій просторъ и синее небо—такое чудное, такое синее и глубокое, точно и конца ему нѣтъ. А горный воздухъ такъ чистъ и прозраченъ, что цѣпи самыхъ дальнихъ горъ кажутся совсѣмъ сосѣдними съ вашей. На лугу—цѣлое поле альпійскихъ незабудокъ: крупныхъ и такого дивнаго голубаго цвѣта, что и представить себѣ трудно. Гдѣ-то въ сторонѣ слышится звукъ тяжелаго швейцарскаго колокольчика: это стадо коровъ пасется невдалекѣ. А вотъ и все стадо показывается.

Крупныя пестрыя коровы съ своими тупыми мордами и безсмысленными большими глазами окружаютъ насъ. У каждой на толстой шеѣ, на широкомъ ремнѣ виситъ четыреугольный швейцарскій колокольчикъ. Звукъ онъ издаетъ слегка глухой, но густой; онъ слышенъ издалека, и приближеніе стада всякій знаетъ по этому звону. У каждой коровы свое прозвище. На этихъ же лугахъ находятся стада лошадей и телятъ. Овецъ же и козъ пасутъ на болѣе высокихъ и неприступныхъ пастбищахъ. Впрочемъ, лѣтомъ швейцарскія стада не спускаются внизъ. Они остаются на этихъ высокихъ пастбищахъ и ночуютъ часто на открытомъ воздухѣ или въ сараяхъ, если идутъ дожди, а пастухи—въ „шалэ“, уединенныхъ домикахъ, построенныхъ изъ дерева, съ терассами и крышей, покрытой огромными камнями. Тяжела и сурова жизнь швейцарскихъ пастуховъ; они работаютъ съ утра до вечера: ходятъ за скотомъ, доятъ козъ и коровъ, собираютъ молоко, дѣлаютъ всевозможные сыры, наконецъ, отправляютъ молоко и его продукты внизъ, въ долины... Лишь иногда, по воскресеньямъ, устраиваютъ они свои веселые „пастушескіе“ праздники, на которые стекается народъ за нѣсколько верстъ изъ окрестностей. Эти пастухи—совсѣмъ особый народъ: гордый и независимый. Съ невыразимой радостью отправляются они весною на свои высокія и далекія пастбища; Съ сожалѣніемъ покидаютъ ихъ осенью. Мелодіи, которыя они поютъ или наигрываютъ на своихъ рожкахъ, носятъ совсѣмъ особый оттѣнокъ. Самая знаменитая—это „Rans des vaches“. Мой товарищъ часто пѣлъ ее намъ; это нѣчто невыразимое: величавое, далекое, какъ небо, высокое и торжественное, какъ вѣковыя цѣпи горъ... Студенты, возвращаясь вечеромъ съ далекихъ экскурсій, неподражаемо поютъ ее въ вагонѣ.

Среди этого пастбища, подъ этимъ бирюзовымъ небомъ, стоитъ нашъ профессоръ, окруженный толпою студентовъ и объясняетъ намъ между прочимъ образованіе и напластованіе горъ, происхожденіе ледниковъ и растительность на этой высотѣ. Направо отъ насъ—пропасть; налѣво—отвѣсный склонъ. Коровы, вытянувъ свои мускулистыя шеи, стоятъ тутъ же, точно слушая лекцію профессора. Какая картина!

Намъ попадались цѣлыя поля нарцисовъ. На мокрыхъ лугахъ росли ирисы и причудливыя орхидеи. Мы встрѣчали цѣлые склоны горъ, поросшіе кустарникомъ рододендроновъ. Красивы были эти альпійскія розы съ своими розовыми, часто яркими лепестками, на фонѣ грубой темной зелени кустовъ!

Въ одномъ мѣстѣ, высоко-высоко въ Альпахъ, намъ попался уединенный уголокъ среди скалъ. И тутъ, на этой высотѣ, на небольшомъ, строго ограниченномъ пространствѣ, росли кактусы, агавы и другія тропическія растенія. Ихъ запрещено было трогать. На наши изумленные вопросы, какъ попали кактусы на такую высоту, профессоръ сказалъ намъ, указывая на далекія Альпы.

— Давно, очень давно, тысячи лѣтъ тому назадъ, были другія времена и другой климатъ. Тудъ вездѣ были льды. Это былъ сплошной ледникъ. Дѣло было въ ледниковый періодъ. И эти огромные ледники заполонили долины и горы и принесли съ собою растенія и ихъ сѣмена и животныхъ изъ чужой далекой страны, откуда они сами спустились сюда, повинуясь могучимъ закономъ природы. Глядите: сюда, на этотъ уединенный участокъ, занесли они съ собой сѣмена и отпрыски тропическихъ растеній и кактусовъ. Прошли годы, настало снова тепло, ледъ растаялъ, ледники спустились въ долины, а тутъ, на вершинѣ, остались занесенныя имъ сѣмена и растенія. Они взошли и привились тутъ. Точно островокъ

тропической природы среди суровой сѣверной флоры, не правда ли?

Высоко—высоко, на одномъ изъ пастбищъ, въ уединенномъ шалэ, мы проводимъ ночь. Студенты съ профессоромъ ночуютъ повыше въ сараѣ; мы, женщины—внизу, въ самомъ шалэ. Наступаетъ холодная, темная горная ночь. Мы кутаемся въ плэдъ и дрожимъ отъ свѣжаго ночного воздуха, но не можемъ оторваться отъ таинственной картины, развертывающейся передъ нами. Тьма. Кругомъ ничего не видно. Зловѣщею темною громадой отдѣляются на небѣ цѣпи горъ. Небо темное, бездонное и усѣяно такими яркими звѣздами, точно въ сказочномъ царствѣ находишься. Тихъ и рѣзокъ горный воздухъ. Только вѣтеръ шумитъ въ вершинахъ сосенъ на склонахъ и у подножія горъ; да вдали глухо журчитъ горная рѣчка. Жутко ночью въ горахъ! Наконецъ, мы расходимся: завтра надо вставать на зарѣ и идти дальше. Мы спимъ одѣтыя на сѣнѣ и подстилкахъ. Озябли. Рядомъ въ стойлѣ стоятъ коровы и время отъ времени слышится звонъ ихъ колокольчиковъ. Не заснуть... Мерещутся пропасти, овраги, трудные переходы, отвѣсныя скалы, мерещится дивная, темная горная ночь.. А ручей все журчитъ и журчитъ. Вдругъ стукъ въ дверь сарая. Мы просыпаемся. Кто-то изъ насъ отвѣчаетъ.

— Хорошо! Мы встаемъ...

Это хозяйка шалэ будитъ насъ, какъ приказано, на зарѣ. Раскрываемъ мы двери сарая, гдѣ ночевали, выходимъ. Заря только занимается. Заря въ горахъ! Лучи блестятъ крупными блестками росы, которая переливается и искрится, точно алмазы, подъ первыми красными лучами поднимающагося солнца. Въ долинахъ густыми непроницаемыми клубами поднимается туманъ. точно бѣлый паръ. А горы-то горы! Ихъ снѣжныя вершины блестятъ и играютъ, и багрятся подъ лучами солнца; яркими искрами переливаютъ ихъ снѣжные склоны.

— Всѣ ли тутъ?—перекликаетъ профессоръ... Собирайтесь.

Мы пьемъ наскоро у хозяевъ шалэ холодное молоко, закусываемъ слегка и собираемся на лугу вокругъ профессора.

Двинулись дальше. Мы подошли къ границѣ вѣчнаго снѣга. Такъ вотъ онѣ, снѣжныя поляны, вотъ онъ, вѣчный снѣгъ, не таящій и лѣтомъ! И тутъ мы стали нагибаться и внимательно осматривать снѣгъ. Мы ищемъ чего-то... И мы видимъ, на половину спрятанныя въ снѣгу, небольшія скромныя растеньица. Только ихъ склоненные лиловые колокольчики съ зубчатыми сросшимися краями выставляются изъ-подъ снѣжнаго покрова. Это—подснѣжники, настоящіе подснѣжники! Мы осторожно собираемъ ихъ въ наши ботанизирки.

Вотъ мы спускаемся. Вотъ опять эти снѣжныя поля и разбросанныя скалы, нагроможденныя мѣстами; пастбище со стадами на немъ; а ниже—шалэ, теперь ужъ заброшенное, пустое. Становится жарко; мы снимаемъ съ себя пальто и накидки. Солнце все выше поднимается на небѣ; лучи его все больше пекутъ насъ. Теперь намъ приходится идти по голымъ склонамъ, покрытымъ лугами. Насъ начинаетъ мучить жажда. Кругомъ—ни деревца. Кое-кто изъ счастливцевъ останавливается и потягиваетъ изъ своей фляжечки. Иные дѣлятся съ товарищами. А солнце все больше палитъ.

— Жарко, я умираю отъ жажды! сказала я одному изъ своихъ товарищей по лабораторіи.

— Погодите, у меня, кажется, еще осталось немного холоднаго чаю въ моей фляжкѣ.

Онъ подаетъ мнѣ свою фляжку, и я съ жадностью глотаю каждую капельку.

Идемъ все дальше и дальше, все спускаемся. И все нѣтъ ни лѣска, ни ручейка. Но вотъ! Наконецъ-то! Вотъ тѣнистый овражекъ, вотъ и источникъ внизу. Мы бросаемся къ

водѣ. Всѣ съ жадностью пьютъ, кто изъ фляжки, кто просто руками, кто изъ шляпы; иные запасливые—изъ походнаго стаканчика.

Живо помню я эту кристалльную, студенистую воду источника и то счастливое ощущеніе, которое я испытывала, утоляя жажду послѣ томительнаго знойнаго пути.

Временами мы шли по болотистымъ лугамъ озера или рѣки. Тамъ, завязая въ топкой почвѣ и мхѣ, искали мы одно маленькое и рѣдкое болотное растеньице. Густые тростники покрывали берегъ и окаймляли прудки, образовавшіеся на лугу у озера. Тысячи лягушекъ бросались съ плескомъ въ воду при нашемъ приближеніи. Высокая трава и крупные яркіе болотные цвѣты покрывали эти влажные луга, а изъ-подъ нашихъ ногъ поминутно выбѣгали огромныя изумрудно-синія ящерицы и скрывались въ высокой травѣ.

Но вотъ экскурсіи наступаетъ конецъ. Видите, день клонится къ вечеру, солнце, играя на вершинахъ горъ, все рѣже озаряетъ ихъ; они тухнутъ, какъ говорятъ здѣсь. Лѣса и ущелья быстро темнѣютъ. Въ долинахъ поднимается туманъ. Въ воздухѣ становится тише и холоднѣе. Все меньше и меньше видимъ мы кругомъ. Одна бѣлая дорога еще видна далеко. Профессоръ собираетъ насъ перекликаетъ:

— En route, въ путь!—весело восклицаетъ онъ.

И мы спѣшимъ впередъ, къ вокзалу, веселые огоньки котораго мелькаютъ вдали!

Уже недалеко. Вотъ и дебаркадеръ. Подходитъ, шипя, поѣздъ. Мы бросаемся въ вагоны и ѣдемъ обратно, въ нашу милую Женеву, чтобы на другой день начать свои обычныя занятія.

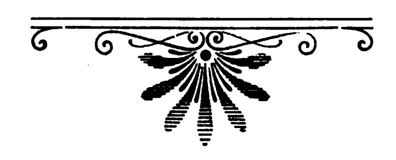
Я такъ утомилась, такъ опьянена дивными видами, что сплю, прислонившись къ плечу моей милой подруги. А профессоръ сидитъ противъ насъ, и всѣ кругомъ оживленно болтаютъ о видѣнномъ. Профессоръ съ улыбкой глядитъ на меня.

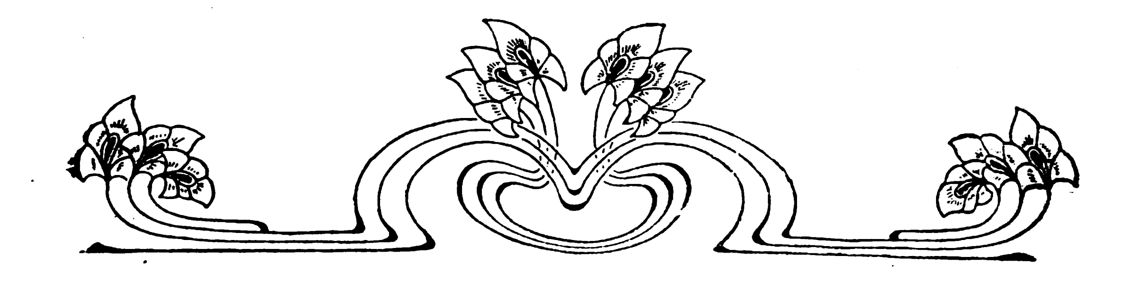
— Ну, ужъ вотъ настоящій сурокъ! говоритъ онъ, смѣясь, моей подругѣ.

Студенты развеселились. Они громко хохотали и пѣли хоромъ свои любимыя швейцарскія и студенческія пѣсни и горные мотивы. Какъ хороши эти напѣвы, какой жизнерадостностью дышатъ они, какой бодростью отъ нихъ вѣетъ! Не то, что наши заунывныя, плачущія русскія пѣсни...

Вдали блестятъ все чаще огоньки и слышится отдаленный гулъ. Мы подъѣзжаемъ къ Женевѣ. Меня будятъ и приводятъ въ себя. Съ вокзала еще надо идти пѣшкомъ домой, а ужъ полночь. Я слышу, какъ на вокзалѣ прощаются съ профессоромъ и благодарятъ его. Часть идетъ и по городу съ нимъ; остальные отправляются каждый въ свою сторону. Идемъ мы по мирному, давно спящему городу. Тихо. Огни въ домахъ погашены; спятъ мирные граждане Женевы. Гулко раздаются наши шаги по пустымъ улицамъ. Вотъ и мостъ; Рона течетъ такъ плавно и торжественно, но только она стала темная. На небѣ свѣтитъ луна, такая чистая и яркая. Передъ нами причудливыми силуэтами, блистая кое-гдѣ, стоятъ цѣпи горъ. Мы идемъ скоро.

(До слѣд. №-ра).

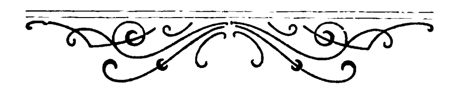

* * *

Все, какъ тогда... И вечеръ темный,
И полки книгъ, и мы одни.
Внизу, далеко, городъ сонный,
И лепетъ твой неугомонный,
И въ небѣ звѣздные огни.
И тотъ же смыслъ рѣчей печальныхъ,—
Ихъ память такъ еще жива,—
И въ пожеланьяхъ я прощальныхъ
Ловлю знакомыя слова.
Какъ будто въ зеркалѣ волшебномъ
Сѣдое время, намъ на зло,
Все то, что было и минуло,
И засыпало, и уснуло—
Вдругъ отразило и зажгло.
Что сердце съ мукой пережило,—
Не въ силахъ вычеркнуть года!
Надъ нимъ временъ не властна сила,
И та же грусть его стѣснила,
И та-жъ тоска... Все, какъ тогда!..

А. Измайловъ.

Американскія школы.

Рѣдко въ какомъ номерѣ журнала, газеты или въ письмѣ, которые я получаю изъ Россіи, нѣтъ жалобъ на недостатки русской школы вообще и средней школы въ особенности.

Тридцать четыре года тому назадъ, когда я поступилъ въ третій классъ гимназіи, когда только что начали вводить греческій языкъ и „усилили“ преподаваніе латинскаго до того, что въ одинъ и тотъ же день въ одномъ и томъ классѣ бывало по два урока этого предмета, и ученики, и родители жаловались. Ученики жаловались на то, что имъ не въ моготу одолѣвать всю эту премудрость, родители—на то, что ихъ дѣти переутомляются, что ихъ дѣти не кончаютъ курса, что всѣ эти программы умышленно созданы для того, чтобы затуманить головы дѣтей, убить ихъ волю, сдѣлать ихъ неспособными къ личной иниціативѣ и энергичной работѣ въ области самостоятельнаго мышленія и, какъ ни странно, послѣ всего этого, жалобы на то, что нѣтъ мѣстъ въ гимназіяхъ для ихъ дѣтей...

Шли года. Я окончилъ гимназію, окончилъ университетъ, изъ разряда дѣтей перешелъ въ разрядъ родителей, а жалобы продолжались и до сихъ продолжаются, все усиливаясь.

Когда смотришь издали, со стороны, на это дѣло, то ясно видишь причину этихъ жалобъ: основныя задачи русской средней школы вытекаютъ не изъ области педагогики, а изъ области политики. На первомъ планѣ стоитъ стремленіе не столько дать учащемуся такія знанія, которыя пригодятся ему въ жизни, и развить у него способность и умѣнье наблюдать и дѣлать самостоятельные выводы, сколько стремленіе, во что бы то ни стало, отнять у него возможность думать о „постороннемъ“. И вотъ, напуганные страшными призраками, россійскіе педагоги, съ цѣлью занять тѣ свободныя минуты, въ которыя ребенку слѣдовало бы побѣгать, поиграть въ мячъ, покататься на велосипедѣ, изобрѣтаютъ особую систему преподаванія греческаго, латинскаго, логики, а въ новѣйшее время — философіи, геологіи и астрономіи; самымъ подборомъ предметовъ какъ будто желаютъ сказать—смотрите на то, что

дѣлается на небѣ и въ землѣ, а не на землѣ.

Мнѣ лично не пришлось терпѣть отъ классической гимназіи ни въ качествѣ ученика, ни въ качествѣ родителя. Учась въ гимназіи, я былъ здѣсь помощникомъ учителя гимнастики и потому меня часто брали изъ класса въ гимнастическій залъ, въ то же время я былъ ученикомъ и въ музыкальной школѣ, не пропускалъ ни одного концерта, съ увлеченіемъ катался на конькахъ, читалъ запоемъ и, благодаря сильно-развитой зрительной памяти, позволявшей въ четыре—пять минутъ замѣтить урокъ, исправно „переходилъ" изъ класса въ классъ. Въ качествѣ родителя мнѣ пришлось считаться не съ русской, а съ американской школой. Поэтому я имѣю возможность относиться къ русской гимназіи совершенно безпристрастно, могу оцѣнить ее спокойно, и все же откровенность побуждаетъ меня сказать, что это зданіе, „которое можно сжечь, но не перестроить"...

Теперь, когда въ Россіи снова начаты усиленные разговоры о реформѣ гимназій, читателямъ, я думаю, будетъ не безинтересно познакомиться съ средней школой Соединенныхъ Штатовъ.

Объ этомъ предметѣ въ русской литературѣ существуютъ не только многочисленныя, но и хорошія работы, и если я рѣшаюсь писать о томъ же, такъ это потому, что тамъ предметъ этотъ изложенъ наблюдателями, которые за два—три мѣсяца пребыванія въ С. Ш. осмотрѣли значительное количество школъ и, кромѣ того, видѣли ихъ въ нѣсколько ненормальномъ освѣщеніи, какъ это всегда бываетъ, когда при занятіяхъ присутствуетъ посторонній человѣкъ, да еще иностранецъ.

Я же знаю американскую среднюю школу, главнымъ образомъ, потому что моя дочь находится въ послѣднемъ классѣ High School и въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ, проведенныхъ ею въ этой школѣ, я еженедѣльно получаю самыя подробныя свѣдѣнія какъ о преподаваніи, такъ и о школьной жизни. Такимъ образомъ я смотрю на американскую среднюю школу глазами родителя, слѣдовательно, глазами самаго строгаго и требовательнаго изъ судей, какіе только могутъ заинтересоваться ею.

Нужно замѣтить, что американская High School — высшая школа —имѣетъ непосредственную связь съ Grammar School—начальной школой *): ученикъ, окончившій успѣшно вторую, поступаетъ безъ экзамена въ первую.

Въ начальной школѣ восемь классовъ, въ средней, которую я для удобства буду называть гимназіей, — четыре. Слѣдовательно, курсъ американскаго начальнаго и средняго образованія растягивается на двѣнадцать лѣтъ, но такъ какъ дѣти поступаютъ въ первый классъ начальной школы въ возрастѣ 5--6 лѣтъ, то гимназію оканчиваютъ, какъ и въ Россіи, 17—18 лѣтъ.

Длинный курсъ обученія здѣсь обусловливается двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, детальныя программы прохожденія различныхъ предметовъ разсчитаны на среднія способности, и потому на каждый урокъ задается, сравнительно, мало. Во-вторыхъ, во всѣхъ американскихъ школахъ занимаются не 6, а 5 дней въ недѣлю—суббота свободна—и, такимъ образомъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ изъ этихъ свободныхъ субботъ составляется болѣе двухъ учебныхъ лѣтъ.

Окончивъ начальную школу въ деревнѣ, гдѣ мы живемъ, моя дочь поступила въ гимназію въ сосѣдній городъ Помону, отстоящій отъ нашей фермы на 16 миль, т. е. около

*) Читатели, интересующіеся американской начальной школой, могутъ познакомиться съ ней изъ моего очерка „Въ американской начальной школѣ", помѣщеннаго въ „Книжкахъ Недѣли" за 1899 г.

24 верстъ. Живетъ она въ знакомой семьѣ—въ гимназіи всѣ приходящіе—и въ теченіе пяти дней посѣщаетъ школу. Въ пятницу, по окончаніи уроковъ, она садится на велосипедъ и къ вечеру пріѣзжаетъ домой. Дома она остается субботу и воскресенье, а въ понедѣльникъ утромъ отправляется въ Помону по желѣзной дорогѣ и поспѣваетъ въ гимназію къ первому уроку.

Гимназія въ Помонѣ не самая близкая къ намъ, есть ближе, въ 9 миляхъ, въ городкѣ Онтэріо, и въ нее ѣздятъ дѣти одного изъ нашихъ сосѣдей ежедневно въ экипажѣ, но она обставлена не такъ хорошо, какъ помонская.

Въ Помонѣ считается 8000 жителей. Новое помѣщеніе гимназіи выстроено недавно и обошлось въ 15 тыс. долларовъ. Въ гигіеническомъ отношеніи это образцовое зданіе. Отопленіе регулируется автоматически, и температура въ классахъ все время держится на уровнѣ 70°ф., т. е., 16.8°Р. Вентиляція комнатъ производится путемъ доставленія свѣжаго воздуха колеснымъ вентиляторомъ, приводимымъ въ дѣйствіе небольшимъ электрическимъ двигателемъ.

Всѣ High Schools и строятся, и содержатся графствами—county, соотвѣтствующими русскимъ уѣздамъ, и обученіе въ нихъ безплатное.

Въ помонской гимназіи около 200 учениковъ. Мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ. Количество мальчиковъ меньше количества дѣвочекъ—явленіе, наблюдаемое во всѣхъ американскихъ гимназіяхъ.

Въ гимназіи имѣется четыре курса: classical— классическій, scientific—научный, literary—словесный и englich—курсъ англійскаго языка и литературы. Приведенныя названія не даютъ точнаго представленія о содержаніи перечисленныхъ курсовъ. Выборъ любого изъ нихъ предоставленъ желанію учащихся. Кромѣ того, на каждомъ курсѣ есть предметы обязательные и есть такіе, изъ которыхъ учащійся самъ дѣлаетъ выборъ.

Курсы эти даютъ не одинаковыя права. Классическій курсъ даетъ наибольшія права, а именно, возможность поступленія на всѣ факультеты обоихъ калифорнійскихъ университетовъ и во всѣ другія высшія учебныя заведенія. Словесный курсъ даетъ тѣ же права, но безъ возможности поступить на словесный факультетъ Калифорнійскаго университета. Научный курсъ даетъ возможность изучать въ Калифорнійскомъ университетѣ технологію, инженерное искусство, горное дѣло и торговлю, даетъ доступъ на всѣ факультеты Стэнфордскаго университета и во всѣ другія высшія учебныя заведенія. Курсъ англійскаго языка и литературы не даетъ доступа въ университеты, а служитъ подготовительнымъ для поступленія въ учительскую нормальную школу.

Изъ четырехъ курсовъ на трехъ изучается латинскій языкъ, а на классическомъ—и латинскій, и греческій.

Я вижу ваше удивленіе, читатель, я даже угадываю ваше желаніе заподозрить, что здѣсь съ моей стороны какое то недоразумѣніе, какая то непростительная ошибка.

— Какъ, латинскій и греческій въ американской гимназіи?! Такъ, значитъ, и въ этой хваленой свободной Америкѣ дѣтямъ „забиваютъ“ головы классицизмомъ?

Я вполнѣ понимаю негодованіе русскаго читателя, у котораго эта несчастная латынь такъ наболѣла, что онъ не можетъ представить ее себѣ иначе, какъ въ видѣ какого то орудія пытки, въ которой роль ножей, пилъ и петель играютъ неправильные глаголы, исключенія изъ общихъ правилъ, „ерундіи“ и „ерундивы“, какъ шутятъ гимназисты. однако, фактъ остается фактомъ: латинскій языкъ преподается въ американскихъ гимназіяхъ,—и тотъ, кто желаетъ поступить въ univer-

ситетъ, долженъ изучать его. Но, успокойтесь читатель, только на классическомъ курсѣ онъ изучается въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ, на научномъ и словесномъ курсахъ въ теченіе всего—двухъ, и, что главнѣе всего, изучается толково. Но объ этомъ—нѣсколько далѣе.

Американская гимназія, какъ и европейская, не даетъ профессіональнаго образованія, а служитъ подготовительной школой для высшихъ учебныхъ заведеній — университетовъ, колледжей и т. п. Преподавателями въ гимназіяхъ состоятъ лица, окончившія высшія учебныя заведенія.

Для того, чтобы читатель могъ составить себѣ болѣе опредѣленное понятіе объ американской гимназіи, я возьму, напримѣръ, словесный курсъ, какъ болѣе мнѣ извѣстный, и скажу о немъ подробнѣе.

Ученики, взявшіе этотъ курсъ, проходятъ въ первомъ классѣ: обязательно — англійскій, латинскій, алгебру, и—на выборъ въ первомъ полугодіи—исторію древней Греціи или космографію, а во второмъ полугодіи — исторію древняго Рима или космографію.

Во второмъ классѣ: въ первомъ полугодіи обязательно— англійскій, латинскій, алгебру и—на выборъ—исторію среднихъ вѣковъ или ботанику и во второмъ полугодіи обязательно— англійскій, латинскій, геометрію и на выборъ— исторію новаго времени или ботанику.

Въ третьемъ классѣ: въ первомъ полугодіи обязательно—геометрію и три предмета на выборъ изъ слѣдующихъ—англійскій, нѣмецкій, латинскій, химія, зоологія и во второмъ полугодіи — четыре предмета на выборъ изъ слѣдующихъ — англійскій, нѣмецкій, латинскій, химія, зоологія, геометрія.

Въ четвертомъ классѣ: въ первомъ полугодіи обязательно — исторія С. Ш. вмѣстѣ съ гражданскимъ управленіемъ, физика и два предмета на выборъ изъ слѣдующихъ —англійскій, нѣмецкій, латинскій, высшая алгебра и во второмъ полугодіи обязательно—исторія С. Ш. и гр. управленіе и два предмета на выборъ изъ слѣдующихъ — англійскій, нѣмецкій, латинскій, тригонометрія.

Какъ видите, предметы почти тѣ же, что и въ русскихъ гимназіяхъ, за исключеніемъ географіи, которая оканчивается въ низшей школѣ, и Закона Божія, преподаваніе котораго никогда не входитъ въ программы какихъ бы то ни было американскихъ школъ, если только онѣ содержатся на общественныя средства; кромѣ того, здѣсь проходятся элементарная химія и такъ называемое гражданское управленіе, которыхъ нѣтъ въ русскихъ гимназіяхъ.

Изъ перечисленныхъ выше предметовъ ученикъ можетъ изучать въ каждомъ полугодіи только четыре. Всѣ четыре предмета читаются въ классѣ ежедневно. Условіе это чрезвычайно важно для твердаго усвоенія чего бы то ни было. Разницу въ работѣ американскаго и русскаго гимназистовъ можно представить себѣ наглядно такимъ образомъ, что американецъ взвалилъ себѣ на плечи извѣстную ношу и идетъ съ нею безостановочно, въ то время какъ русскій заноситъ впередъ то одинъ, то другой концы своей тяжести и, вмѣсто того, чтобы проходить путь по прямой линіи, кратчайшей, проходитъ его по ломанной, длиннѣйшей.

Человѣку, воспитанному на русской латыни добраго толстовскаго времени, латынь американская кажется довольно забавной.

— До́умэсъ, до́уми, до́умо, частитъ американскій гимназистъ, дѣлая по два ударенія на словѣ и выговаривая о съ оттѣнкомъ у.

Это онъ такъ склоняетъ нашего стараго знакомаго—domus!..

Спросите у него, какого изъ латинскихъ авторовъ переводятъ въ классѣ?

— Джуліасъ Кайсаръ!—получите въ отвѣтъ.

Это, если угодно вамъ знать, — Юліусъ Цезарь.

Но за этими странностями латинскаго произношенія, которыми, какъ извѣстно, грѣшатъ и англичане, и французы, стоитъ заслуживающее полнаго вниманія толковое отношеніе къ изученію самаго языка. На него въ американской гимназіи, прежде всего, смотрятъ, какъ на языкъ, который далъ не менѣе трети корней и словъ для образованія англійскаго языка, и ученикъ, и учитель не упускаютъ случаевъ обратить вниманіе учащихся на тѣ или иныя формы производства англійскихъ словъ изъ латинскихъ. Какъ извѣстно, не мало латинскихъ словъ и корней имѣется и въ русскомъ языкѣ, но нашъ учитель, въ порывѣ своего классическаго усердія, не обращалъ вниманія на такіе „пустяки", объ этомъ ученики, если у нихъ было желаніе и время, могли догадываться сами, и потому большинство изъ оканчивающихъ русскую классическую гимназію даже и не подозрѣваютъ, что такія, повидимому, чисто русскія слова, какъ тряпка, баня, въ сущности, латинскаго происхожденія. Затѣмъ, американцы смотрятъ на латинскій, какъ на языкъ, давшій жизнь цѣлой семьѣ романскихъ языковъ, и, дѣйствительно, когда на послѣднихъ каникулахъ я началъ заниматься съ дочерью испанскимъ языкомъ, то увидѣлъ, что она, вооруженная толково усвоенными латинскими корнями, быстро оріентировалась въ совершенно новомъ для нея языкѣ и сразу же стала понимать болѣе чѣмъ наполовину изъ того, что читала. Какъ много въ Россіи людей, которые изучаютъ латинскій языкъ и какъ мало въ Россіи людей, которые пользуются пріобрѣтенными знаніями для изученія французскаго, испанскаго, итальянскаго, португальскаго и румынскаго языковъ!

Подобныя же параллели можно провести и по отношенію къ изученію нѣмецкаго языка. Учительница съ перваго же урока начинаетъ говорить съ дѣтьми по нѣмецки и ведетъ дѣло преподаванія такимъ образомъ, что со второго года ученики начинаютъ читать и переводить одну за другой небольшие нѣмецкіе разсказы и повѣсти, и вотъ, спустя всего полтора года послѣ того, какъ дѣти впервые увидѣли нѣмецкую азбуку, они уже говорятъ по нѣмецки. Конечно, до полнаго знанія языка имъ еще далеко, но они уже имѣютъ солидное основаніе для дальнѣйшихъ занятій, могутъ объясниться съ нѣмцемъ, могутъ написать по нѣмецки письмо.

Шесть лѣтъ продолжается въ русскихъ гимназіяхъ изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, а каковы результаты—вы сами хорошо знаете.

Физика и химія преподаются въ американской гимназіи какъ теоретически, такъ и практически. На теорію полагается урокъ въ три четверти часа, на практику—производство опытовъ—полтора часа. То и другое идетъ черезъ урокъ. Такимъ образомъ, выученное сегодня завтра же иллюстрируется и закрѣпляется въ памяти соотвѣтствующими опытами. Работы и въ физической, и въ химической лабораторіяхъ, несмотря на ихъ элементарность, поставлены вполнѣ серьезно. Американскіе гимназисты, слѣдовательно, въ теченіе курсовъ физики и химіи практически работаютъ 75 полуторныхъ уроковъ по каждому предмету. И невольно вспоминается мнѣ, что въ теченіе всего курса физики въ гимназіи насъ всего два раза „водили" въ жалкій физическій кабинетъ, а тотъ, кто не былъ настолько любознательнымъ, чтобы прочесть учебникъ химіи „ex privata diligentia" (нужно замѣтить, что на эту privata diligentia—личное усердіе—сплошь и рядомъ взваливалось изученіе латинскихъ и греческихъ стиховъ), могъ и гимназію окончить,

не зная, изъ чего дѣлается мыло, изъ чего состоитъ поваренная соль, какъ связать сѣроводородъ и амміакъ, чтобы они не отравляли воздуха, необходимаго для дыханія...

Интересна въ американской гимназіи система прохожденія исторіи С. Ш. Учебникъ по этому предмету является, въ сущности, конспектомъ, содержащимъ въ себѣ, между прочимъ, и указаніе на литературу предмета. Учительница пишетъ, гектографируетъ и раздаетъ ученикамъ программы отдѣльныхъ главъ, съ указаніемъ на источники, если указанные въ учебникѣ, по ея мнѣнію, не достаточны. На основаніи этихъ данныхъ, ученики составляютъ сами для себя лекціи, которыя и служатъ руководствомъ. Съ виду, эта работа кажется въ высшей спепени копотною и затруднительною, однако, дѣти быстро овладѣваютъ ея механизмомъ и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ навыкъ къ составленію лекціи при будущихъ занятіяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На изученіе англійскаго языка въ американскихъ гимназіяхъ обращено особенное вниманіе. Я не могу представить себѣ такого случая, чтобы окончившій High School могъ писать безграмотно по англійски. Между тѣмъ человѣкъ, окончившій русскую гимназію и пишущій съ ошибками,—далеко не рѣдкость. Помню, я какъ то получилъ письмо отъ доктора медицины, въ которомъ оказалось восемь грубыхъ ошибокъ, а въ письмѣ-то было всего двѣнадцать строкъ!

Англійскій языкъ, въ смыслѣ организаціи правописанія, является однимъ изъ самыхъ неудачныхъ. Чтобы правильно писать по англійски, приходится изучать каждое слово въ отдѣльности, какъ и въ китайскомъ языкѣ. Такъ и поступаютъ въ американскихъ низшихъ школахъ: ежедневно задается нѣсколько словъ—въ меньшихъ классахъ 5—10, въ старшихъ—30—40, правописаніе которыхъ школьникъ выучиваетъ одно за другимъ. Эта, поистинѣ, „китайская грамота" начинается съ поступленіемъ ребенка въ элементарную школу и проходитъ черезъ всѣ ея восемь классовъ. По этой наукѣ—spelling—склады, складываніе, имѣется, конечно, и учебникъ. Разъ spelling book пройдена и содержаніе ея усвоено основательно, дальнѣйшее изученіе языка становится уже легкимъ, такъ какъ грамматика и синтаксисъ его крайне просты.

Само собою разумѣется, научиться правильно читать и писать на извѣстномъ языкѣ—это еще не особенно много. Языкъ—важное орудіе, часто оружіе. Пріобрѣсти умѣнье пользоваться имъ, употреблять его для извѣстныхъ цѣлей должно составлять олну изъ задачъ средней школы. Американская гимназія ставитъ себѣ сказанную задачу ясно, опредѣленно и, какъ мнѣ кажется, выполняетъ ее удовлетворительно. Достигается это путемъ устныхъ и письменныхъ упражненій.

Еще въ начальной школѣ задаются сочиненія на легкія темы, а также устное изложеніе прочтеннаго или прослушаннаго. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ требуются краткость и ясность изложенія.

Въ гимназіи упражненія въ англійскомъ языкѣ значительно разнообразятся. То задаются сочиненія, которыя, принимая во вниманіе силы ученика, исчерпывали-бы предметъ; въ этихъ случаяхъ, размѣръ сочиненія не ограниченъ, и на выборъ дается 5—6 темъ. То задается сочиненіе, которое состояло-бы изъ 200, напримѣръ словъ. То предлагается тема и опредѣляется срокъ, напримѣръ, полъ часа, въ который она должна быть изложена.

На приготовленіе къ большимъ сочиненіямъ дается 2—3 недѣли, и они пишутся дома. Матеріалъ для этихъ сочиненій ученики находятъ самостоятельно въ библіотекахъ, какъ гимназической, такъ и городской—публичной, ни кѣмъ и ни чѣмъ не стѣсняемые въ своемъ выборѣ.

Устныя упражненія въ англійскомъ языкѣ поставлены въ американскихъ гимназіяхъ чрезвычайно практично. Учительница, напримѣръ, задаетъ упражненіе въ такой формѣ.

— Господа, къ понедѣльнику обдумайте каждый тему, имѣющую отношеніе къ какому либо изъ вопросовъ, интересующихъ общество въ настоящую минуту (topics of the day). Изложеніе будетъ устное, срокъ—4 минуты.

— А сколько словъ можно сказать въ четыре минуты?—спрашиваетъ одна изъ учепицъ.

— Триста—триста пятьдесятъ, отвѣчаетъ учительница; быстро говорящіе люди могутъ сказать до четырехсотъ. Триста словъ умѣстятся, приблизительно, на двухъ страницахъ тетради.

Чтобы справиться съ этой задачей, ученикъ долженъ просмотрѣть отдѣлъ текущихъ событій въ какомъ нибудь изъ еженедѣльныхъ журналовъ, выбрать наиболѣе интересующую его статью, изложить ее въ трехстахъ словахъ, съ часами въ рукахъ прочесть написанное, сократить или распространить, еще разъ прочесть—провѣрить, прочесть наизусть. Словомъ, устроить дѣло такъ, чтобы въ ближайшій понедѣльникъ онъ могъ ясно, громко, отчетливо, выразительно сдѣлать сообщеніе учительницѣ и товарищамъ по какому нибудь для всѣхъ интересному предмету и притомъ въ четыре минуты. Ни меньше, ни больше, такъ какъ, въ слѣдующую, пятую минуту онъ долженъ уйти съ каѳедры и сѣсть на мѣсто, а другой—взойти на возвышеніе и тоже говорить въ теченіе четырехъ минутъ.

Отъ времени до времени въ гимназіяхъ устраиваются большія устныя состязанія—debates. Состязанія эти происходятъ или въ классѣ, во время урока, или же внѣ класса, вечеромъ въ большомъ залѣ гимназіи, и на нихъ приглашаются родители учениковъ и посторонняя публика.

Предоставляютъ самимъ ученикамъ выбрать изъ своей среды четырехъ наиболѣе бойкихъ. Выбранные раздѣляются на двѣ стороны, по двое на каждой. Комитетъ литературнаго ученическаго общества выбираетъ для состязанія какую нибудь общеинтересную тему. Такъ, напримѣръ, послѣдней темой, которая дебатировалась въ помонской гимназіи, была слѣдующая: заслуживаютъ-ли русскіе „нигилисты" симпатій со стороны американскаго общества? Нужно замѣтить, что американцы, по старой памяти, именуютъ нигилистами представителей всѣхъ дѣятельныхъ, прогрессивныхъ теченій въ Россіи.

Заданная тема разработывается состязающимися самостоятельно, и въ назначенный срокъ въ торжественной обстановкѣ и передъ многочисленными слушателями юные ораторы должны выступить, двое—за и двое—противъ.

Судьи, рѣшающіе, на чьей сторонѣ побѣда, выбираются предсѣдателемъ гимназическаго литературнаго общества изъ числа учителей и раньше окончившихъ данную гимназію лицъ.

Иногда устраиваются подобные же словесные турниры между гимназіями двухъ городовъ, причемъ отъ каждой изъ нихъ говорятъ двое.

Подобныя упражненія являются превосходной школой для развитія умѣнья говорить публично. Люди-же, умѣющіе ясно и толково выражать свои мысли и краснорѣчиво отстаивать свои убѣжденія, крайне необходимы въ странѣ, имѣющей представительную форму правленія.

Здѣсь въ этомъ отношеніи наблюдаются интересныя явленія. Въ прошломъ году окончилъ помонскую гимназію и поступилъ въ университетъ одинъ молодой человѣкъ, который еще на школьной скамьѣ поставилъ себѣ цѣлью—добиться мѣста президента С. Ш. Онъ талантливъ, краснорѣчивъ, сознательно стремится къ выполненію своей задачи, предъ нимъ 17 лѣтъ—ему сей-

часъ 18, а президентъ С. Ш. не можетъ быть моложе 35—и потому имѣется много данныхъ за то, что черезъ пять — шесть четырехлѣтій фамилія Таллера (Walter K. Tuller) будетъ извѣстна всему міру. Между прочимъ, этотъ молодой человѣкъ, въ бытность свою въ гимназіи, состоялъ президентомъ лиги дебатовъ школъ Южной Калифорніи (Southern California Interscholastic Debating League), задачей которой является развитіе краснорѣчія у учащихся въ среднихъ школахъ.

Въ теченіе настоящаго изложенія я нѣсколько разъ упоминалъ объ учительницахъ гимназіи и—ни разу объ ея учителяхъ. По даннымъ статистическаго бюро, въ американскихъ гимназіяхъ, правительственныхъ и частныхъ, насчитывается 16 тыс. учителей и 17 т. учительницъ, т. е., почти одинаковыя числа тѣхъ и другихъ.—Однако, случилось такъ, что въ помонской гимназіи имѣется 8 учительницъ и только 1 учитель. Это ни кому здѣсь не кажется страннымъ, такъ какъ не мало женщинъ находятся и въ числѣ профессоровъ университетовъ, колледжей, технологическихъ институтовъ и т. п.

Мнѣ чрезвычайно нравятся отношенія учащихъ къ учащимся въ американскихъ гимназіяхъ. Отношенія эти—простыя и доброжелательныя. Всѣ усилія здѣсь направляются къ тому, чтобы учителямъ не приходилось „надзирать" за учениками, а чтобы эти послѣдніе сами старались слѣдить за своимъ поведеніемъ. Въ табличкахъ съ отмѣтками объ успѣхахъ, выдаваемыхъ по четвертямъ, графы поведенія, вниманія и прилежанія отсутствуютъ. Выговоръ и даже замѣчаніе ученику со стороны учителя или директора (principal)—весьма рѣдкое здѣсь явленіе.

Нѣсколько времени тому назадъ въ послѣднемъ классѣ помонской гимназіи произошелъ инцидентъ, хорошо рисующій разсматриваемыя мною отношенія. Во время урока одинъ ученикъ что-то шепнулъ другому. Этотъ засмѣялся, едва слышно, но все-же смѣхъ его былъ замѣченъ всѣми. Учительница, что-то объяснявшая классу въ это время, остановилась на секунду, затѣмъ, ни на кого не смотря и ни къ кому, въ частности, не обращаясь, замѣтила какъ-бы про себя—„я полагаю, здѣсь всѣ должны быть лэди и джентльмены", снова сдѣлала коротенькую паузу, во время которой ученики съ досадой взглянули на нарушителя спокойствія, и продолжала дальше урокъ. Тѣмъ все дѣло и окончилось. Учительница оказалась настолько тактичной, что даже не дала себѣ труда посмотрѣть на того, кто засмѣялся.

Нерѣдко можно видѣть, что дѣти въ большую перемѣну, окончивъ завтракъ, подсаживаются къ которой нибудь изъ учительницъ и запросто бесѣдуютъ съ нею о занимающихъ ихъ вопросахъ; здѣсь слышатся и споры, и непринужденный смѣхъ.

Тѣмъ, кто говорятъ въ Россіи о „сердечномъ попеченіи", о „сердечномъ отношеніи" къ учащимся, я бы посовѣтовалъ ѣхать въ Америку и посмотрѣть, какъ это здѣсь дѣлается, дѣлается не въ силу какихъ нибудь, опять таки, „постороннихъ" соображеній, а лишь потому, что это вполнѣ естественно, что безъ наличности подобныхъ отношеній дѣло какого бы то ни было преподаванія не можетъ идти сколько нибудь успѣшно.

Въ американской гимназіи занимаются не однѣми науками. Мальчики, кромѣ упомянутыхъ въ предыдущей статьѣ *) военныхъ упражненій, занимаются гимнастикой и различными играми—бросаніемъ чугунныхъ шаровъ, игрой въ лапту (base ball) и въ ножной мячъ (foot ball), а дѣвочки—въ basket ball.

Лучшіе изъ игроковъ въ эти игры образуютъ особыя партіи (teams),

---

*) „Американская жизнь", I, „Наука и Жизнь", 1905. №.

которыя сыгрываются, усердно подготовляются и отъ времени до времени состязаются съ такими же партіями другихъ гимназій. Состязанія эти публичны и привлекаютъ многочисленныхъ зрителей, которые за право смотрѣть игру уплачиваютъ по 25 центовъ (50 коп.). Вырученныя деньги идутъ на уплату расходовъ по передвиженію той партіи, которая пріѣхала на игру изъ другого города. Въ каждомъ округѣ имѣется пожертвованная кѣмъ нибудь вещь, вродѣ серебрянаго кубка или чаши, которая служитъ наградой выигравшей партіи и составляетъ одно изъ видныхъ украшеній школы.

Недавно на почвѣ этихъ состязаній между гимназіями разыгралась характерная исторія, показывающая, насколько искренне американское гимназическее начальство проникается интересами учащихся и принимаетъ ихъ близко къ сердцу.

Партія ножнаго мяча помонской гимназіи вызвала на поединокъ такую же партію лосъ-анжелесской гимназіи. Вышли какія-то недоразумѣнія, и игра не состоялась. Нужно сказать, что у каждой изъ такихъ партій имѣется распорядитель (manager), выбираемый гимназистами изъ своей среды. Всѣ переговоры относительно состязаній ведутся, и условія вырабатываются этими распорядителями. Однако, директоръ помонской гимназіи, узнавъ о положеніи дѣла, заволновался, поѣхалъ въ Лосъ-Анжелесъ, вступилъ въ переговоры съ директоромъ и съ распорядителемъ партіи ножного мяча лосъ-анжелесской гимназіи и, не успѣвъ ничего сдѣлать своимъ посредничествомъ, возвратился въ свою школу совершенно разстроеннымъ.

— И все это изъ за мяча!—воскликнетъ съ недоумѣніемъ не одинъ изъ директоровъ русскихъ гимназій.

— Изъ за интересовъ дѣтей, поправлю я ихъ.

Когда я жилъ въ Россіи, мнѣ не разъ случалось читать и слышать разговоры о выгодахъ и неудобствахъ совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ. Насколько я могу себѣ дать отчетъ, въ Россіи вопросъ этотъ стоитъ крайне своеобразно. При публичномъ обсужденіи и въ разговорахъ между мало знакомыми людьми большинство, какъ будто, склоняется въ пользу удобствъ совмѣстнаго обученія. Однако, въ интимномъ кругу то же большинство стоитъ за раздѣленіе половъ. Мнѣ всегда казалось, что въ опасеніяхъ на эту тему публика руководствуется не какими либо опредѣленными фактами—подобныхъ фактовъ нѣтъ, а исключительно чеховскимъ „какъ бы изъ этого чего не вышло“.

Здѣсь, въ С. Ш., гдѣ почти всѣ школы, отъ начальныхъ до университетовъ, открыты для обоихъ половъ, ничего предосудительнаго изъ этого не выходитъ, и я думаю, нигдѣ не выйдетъ, если только дѣло воспитанія въ подобныхъ школахъ будетъ поставлено правильно. Такую правильность нужно понимать въ смыслѣ изданія какъ можно меньшаго количества „правилъ“ по этому поводу. Разница интересовъ мальчиковъ и дѣвочекъ настолько велика, что группировка тѣхъ и другихъ происходитъ совершенно естественно.

Мнѣ какъ-то пришлось прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ большомъ американскомъ городѣ. Квартира моя находилась невдалекѣ отъ гимназіи, и мимо моихъ оконъ ежедневно проходили сотни дѣтей. Шли въ одиночку, парами, группами. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мальчики и дѣвочки шли отдѣльно. За все это время я ни разу не видѣлъ проявленія чего либо похожаго на фамильярность въ отношеніяхъ одного пола къ другому. Можно сказать даже больше. Каждый разъ, когда мнѣ попадались на глаза гимназистъ и гимназистка, идущіе вмѣстѣ, я видѣлъ ясно, что если ихъ обращеніе другъ съ другомъ и является нѣсколько утрированнымъ, то именно — въ сторону изыскан-

ности, а ужъ никакъ не фамильярности.

То-же самое наблюдается и на школьномъ дворѣ во время перемѣнъ: дѣвочки и мальчики держатся и играютъ отдѣльно одни отъ другихъ. Да и какъ это можетъ быть иначе? Неужели вы думаете, что изъ дѣвушекъ найдется хоть одна такая, которая захочетъ брать изъ пыли двадцатифунтовый чугунный шаръ и будетъ стараться бросить его какъ можно дальше? Или можете предположить, чтобы какая нибудь изъ ученицъ рѣшится играть съ мальчиками въ чехарду? Это немыслимо, какъ немыслимо то, чтобы кто либо изъ мальчиковъ могъ смирно сидѣть въ кружкѣ дѣвочекъ въ теченіе четверти часа и обсуждать съ ними вопросы, съ правой или съ лѣвой стороны слѣдуетъ прикалывать бантикъ и какой цвѣтъ подходитъ болѣе къ розовому, сиреневый или зеленый.

Разговоры о любви? Кто-же рѣшится вести подобные разговоры въ такомъ мѣстѣ, гдѣ десятки товарищей проходятъ мимо, гдѣ каждый можетъ остановиться въ двухъ шагахъ и слышать все, что говорится? Конечно, здѣсь иногда возникаютъ симпатіи, переходящія въ любовь и оканчивающіяся браками по выходѣ изъ школы, но эти чувства всегда заботливо охраняются отъ показа, такъ какъ молодежь, къ какой-бы національности она ни принадлежала, всегда не прочь позубоскалить, а среди десятковъ и сотенъ товарищей найдутся шутники, остряки и каррикатуристы, съ которыми въ подобныхъ случаяхъ бываетъ не особенно пріятно имѣть дѣло.

Въ классѣ для каждаго ученика и ученицы полагается отдѣльная скамья и столикъ, такъ что и здѣсь они не смѣшиваются.

Въ химической лабораторіи и въ физическомъ кабинетѣ работаютъ по двое, но всегда мальчикъ съ мальчикомъ и дѣвочка съ дѣвочкой. Учитель совѣтуетъ имъ подбираться такимъ образомъ, потому что, замѣчаетъ онъ, въ противномъ случаѣ, кавалеръ, изъ рыцарской вѣжливости, беретъ на себя всю работу, а дама сидитъ, сложа ручки, и въ концѣ концовъ знаетъ не столько, сколько должна знать". Какъ видите, американцы умѣютъ смотрѣть просто на вещи.

Въ то время, какъ переутомленіе составляетъ одно изъ несчастій американской жизни, о переутомленіи въ американскихъ гимназіяхъ я что то не слыхалъ. Въ этомъ отношеніи здѣшняя средняя школа можетъ служить прекраснымъ образцомъ для тѣхъ изъ русскихъ педагоговъ, которые искренне желаютъ изгнать переутомленіе изъ русскихъ гимназій.

Отсутствіе здѣсь переутомленія объясняется причинами, о которыхъ я уже упоминалъ. Причинъ этихъ, поскольку онѣ зависятъ отъ самой гимназіи, четыре.

Во первыхъ, программы занятій разсчитаны на среднія способности. Имѣется въ виду, чтобы средній ученикъ, при среднемъ усиліи, могъ легко выучить всѣ задаваемые ему уроки. Кромѣ того, занятія ведутся такимъ образомъ, что часть уроковъ выучивается въ школѣ, на приготовленіе же остальнаго уходитъ дома часа два.

Во-вторыхъ, превосходная вентиляція классовъ. Американскіе педагоги успѣли вполнѣ **проникнуться** важностью этого предмета и понять, что безъ свѣжаго воздуха не можетъ быть правильной работы ни тѣла, ни мозга. Я употребилъ именно слово проникнуться, а не знать, такъ какъ эти слова выражаютъ совершенно различныя понятія. Нельзя не признать жалкими всѣ приводимые въ книжкахъ разсчеты—столько то кубическихъ футовъ воздуха на каждаго ученика, и я въ этомъ случаѣ всецѣло стою на сторонѣ американцевъ, которые гонятъ вентиляторомъ свѣжаго воздуха столько, сколько его помѣстится въ комнатѣ, въ десять—такъ въ десять, въ двадцать,

такъ въ двадцать разъ больше, чѣмъ сколько его отвѣшиваютъ и отмѣриваютъ экономные европейцы. „Запасъ" здѣсь „бѣды не чинитъ", въ то время какъ недостатокъ свѣжаго воздуха въ классной комнатѣ составляетъ не только бѣду, но и прямое преступленіе.

Въ третьихъ, полное отсутствіе страха передъ учителями. Учителя американской школы нельзя себѣ представить ни въ видѣ громовержца (иногда сильно выпившаго, какъ у насъ въ гимназіи случалось...), ставящаго единицы направо и налѣво, ни въ видѣ „фискала", заходящаго къ ученику вечеркомъ справиться якобы о его здоровьи и, въ то же время, зорко осматривающаго всѣ закоулки (не сыро ли помѣщеніе?), съ затаенною мыслью найти запрещенную газету или книжку. Американскій учитель и прежде всего, и послѣ всего—педагогъ-учитель. Его задача заключается въ томъ, чтобы передать ученикамъ знанія по своему предмету, научить ихъ пользоваться пріобрѣтеннымъ матеріаломъ какъ непосредственно, такъ и для развитія и усовершенствованія ихъ духовныхъ способностей. Стараться о томъ, чтобы гимназисты усвоили ту или иную религію, тѣ или иныя политическія воззрѣнія, кажется ему въ высшей степени страннымъ и даже неразумнымъ: это дѣло семьи, жизни, а никакъ не школы. Постановка и условія преподаванія въ американской гимназіи совершенно исключаютъ изъ отношеній учителей къ ученикамъ такіе поводы, которые ставили бы ихъ во враждебное отношеніе другъ къ другу.

Въ четвертыхъ, организація экзаменовъ. Въ американской гимназіи экзамены производятся въ теченіе всего года, и потому здѣсь вполнѣ устранены и то напряженіе, и тотъ страхъ за свое будущее, вообще, вся та, совершенно несвойственная молодому возрасту забота, которая такъ пагубно отражается на дѣтяхъ, имѣющихъ въ перспективѣ переходные экзамены, да еще строгіе, да еще по цѣлому десятку предметовъ.

Говоря о жизни американскихъ гимназій, нельзя пройти молчаніемъ увеселительныхъ вечеровъ, даваемыхъ учениками, и гимназической литературы.

Такихъ вечеровъ на школьный сезонъ приходится около десяти. Бываетъ, что извѣстный классъ устраиваетъ вечеръ для себя; или же одинъ классъ даетъ вечеръ другому; всѣ классы даютъ вечеръ учителямъ, выпускному классу и т. д. Три—четыре музыканта, умѣющіе держать тактъ, немного пирожныхъ, конфектъ и лимонада и много, много танцевъ—вотъ и все, что требуется для успѣха такого бала.

Въ Россіи на подобныя развлеченія обыкновенно смотрятъ, какъ на „отвлеченіе учащихся отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей", въ Америкѣ,—какъ на естественный выходъ стремленію повеселиться у молодежи. Поплясали въ пятницу вечеромъ, основательно отдохнули за субботу и воскресенье, а въ понедѣльникъ—съ свѣжими силами снова за ученье!

Школьная литература представлена въ помонской гимназіи выходящимъ разъ въ годъ сборникомъ, который называется „The Cardinal". Такое, повидимому, странное названіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что цвѣтъ учениковъ помонской школы, для отличія ихъ учениковъ другихъ школъ при состязаніяхъ и т. п., красный, а, какъ извѣстно, цвѣтъ кардинальскаго одѣянія тоже красный. Самъ „The Cardinal" выходитъ, конечно, въ ярко-красной обложкѣ.

Издается этотъ сборникъ въ формѣ школьной тетради. Съ внѣшней стороны изданіе можно назвать хорошимъ. Въ послѣднемъ выпускѣ 90 страницъ. Всѣ статьи и рисунки принадлежатъ ученикамъ и ученицамъ гимназіи. Двѣ изъ статей написаны бывшими воспитан-

ницами этой школы, окончившими ее нѣсколько времени тому назадъ, одна—письмо поступившей въ Стэнфордскій университетъ, и другая—замѣтка о Гавайскихъ островахъ, гдѣ въ настоящее время живетъ авторъ.

Дѣло изданія сборника ведется гимназистами собственными силами и на свой рискъ. Фондъ для изданія „The Cardinal“ составляется изъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи сборника, по 50 ц. за экземпляръ, сбора съ ежегодно даваемаго учениками спектакля и платы за помѣщенныя за текстомъ объявленія. Гимназисты сами хорошо понимаютъ, что объявленія въ подобной книгѣ неумѣстны, и потому рѣшили изыскать какія нибудь иныя статьи дохода, въ видѣ второго спектакля или чего нибудь въ этомъ родѣ, чтобы имѣть возможность свести концы съ концами, не прибѣгая къ пріему, портящему цѣлостность впечатлѣнія.

Гимназическое начальство совершенно не мѣшается въ изданіе сборника, и потому „The Cardinal“ отражаетъ въ себѣ непринужденную веселость и служитъ истиннымъ выраженіемъ настроенія американскихъ гражданъ въ возрастѣ 15—18 лѣтъ. Несмотря на то, что въ С. Ш., какъ извѣстно, полное отсутствіе какой бы то ни было цензуры, въ этомъ гимназическомъ изданіи положительно нѣтъ ни одной статьи, въ которой можно было бы усмотрѣть даже намекъ на то, что въ Россіи именуется „политикой“. И проза, и стихи—почти сплошь шуточнаго содержанія; есть маленькое, но мастерское описаніе переѣзда черезъ пустыню; нѣсколько разсказовъ; много рисунковъ; имѣются фотографіи школьнаго зданія, учителей, учениковъ выпускного класса, редакторовъ и издателя „The Cardinal“ и т. д...

Въ нѣкоторыхъ изъ статей сборника проглядываетъ несомнѣнный литературный талантъ. Не нужно быть знатокомъ, чтобы не увидѣть въ одномъ изъ художниковъ, помѣстившихъ рисунки въ „Кардиналѣ“, въ недалекомъ будущемъ выдающагося каррикатуриста.

Читатель, пробѣгающій этотъ очеркъ, вѣроятно, замѣтилъ, что въ моемъ описаніи американской гимназіи имѣется важный пробѣлъ, и у него готовъ сорваться вопросъ: неужели американская средняя школа совершенно равнодушна къ заложенію и развитію въ своихъ питомцахъ основъ гражданственности, неужели она не даетъ имъ тѣхъ знаній, не вселяетъ въ нихъ тѣхъ побужденій и чувствъ, которыя необходимы для образованія человѣка, какъ представителя своей націи, какъ члена семьи народовъ, которая, въ концѣ концовъ, должна же сдѣлаться дружественной?

Объ этомъ предметѣ мнѣ бы хотѣлось поговорить нѣсколько обстоятельнѣе съ читателями, попросить ихъ внимательно отнестись къ нижеслѣдующему, подѣлиться полученными свѣдѣніями съ друзьями и знакомыми и вмѣстѣ съ ними обсудить могущіе возникнуть по этому поводу вопросы.

Еще въ предпослѣднемъ и послѣднемъ классахъ американской Grammar School начинаютъ проходить предметъ, который въ росписаніи обозначается выраженіемъ „The Civil Governement“, т. е. гражданское управленіе. Учебникъ по этому предмету озаглавленъ „The American Citizen“—американскій гражданинъ.

Я позволю себѣ сдѣлать небольшую выписку изъ предисловія автора къ своей книгѣ, ясно рисующую цѣли и задачи этого интереснаго предмета.

„Каждый человѣкъ долженъ знать основныя положенія, касающіяся управленія своей страны и ея общественныхъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе, задача этой книги—не только констатировать относящіеся сюда факты, а также выяснить тѣ

нравственные принципы, на которыхъ основывается жизнь цивилизованныхъ людей. Думающій ученикъ стремится узнать, почему мы устанавливаемъ и поддерживаемъ извѣстныя учрежденія и обычаи. Онъ будетъ гораздо болѣе уважать послѣдніе и охотнѣе подчиняться изданнымъ законамъ, когда будетъ имѣть возможность убѣдиться въ томъ, что и тѣ, и другіе основаны на справедливости. Если человѣкъ будетъ въ состояніи представить себѣ ту цѣль—благо страны, къ достиженію которой должны быть направлены всѣ эти порядки и обычаи: если ему сдѣлается ясной та истина, что уваженіе сказанныхъ правилъ и обычаевъ и подчиненіе имъ способствуютъ скорѣйшему достиженію людьми благосостоянія и счастья; если онъ сможетъ уловить тотъ духъ благорасположенія, который облагороживаетъ общественныя отношенія и общественную работу, если для него сдѣлается яснымъ, какія ошибки и опасности угрожаютъ обществу, и если онъ станетъ способствовать тому, чтобы его поколѣніе проявило необходимыя патріотическія усилія для устраненія этихъ ошибокъ и опасностей, тогда задача воспитанія по отношенію къ нему выполнена правильно. А эта задача заключается въ томъ, чтобы воспитать въ человѣкѣ хорошаго гражданина".

„Пріобрѣтеніе однихъ знаній въ школѣ имѣетъ не особенно значительную цѣнность, если только въ то же время не усваивается привычка руководствоваться въ своихъ поступкахъ нравственными побужденіями. Намъ хотѣлось бы, чтобъ наши ученики и ученицы вынесли изъ школы не только умѣнье зарабатывать себѣ средства къ существованію или привычку къ чтенію, а чтобы они своею жизнью и работой способствовали развитію своей страны".

Въ учебникѣ 45 главъ, и я считаю полезнымъ перечислить ихъ всѣ.

1. Семья и управленіе. 2. Школа и ея управленіе. 3. Игры и ихъ уроки. 4. Клубъ или дебатирующее общество. 5. Личныя привычки и отношеніе ихъ къ гражданственности. 6. Принципы, связывающіе людей другъ съ другомъ. 7. Различныя обязанности людей по отношенію другъ къ другу.

8. Задачи правительства. 9. Различныя формы правительства. 10. Мѣстное правительство. 11. Штаты и законодательное правительство. 12. Работа народа въ конгрессѣ. 13. Города и ихъ управленіе. 14. Механизмъ управленія. 15. Судебный отдѣлъ. 16. Казначейство и налоги. 17. Школьная система. 18. Гражданская служба и чиновники. 19. Вотированіе. 20. Политическія партіи. 21. Роль комитетовъ, политиковъ и общественнаго мнѣнія въ управленіи страной. 22. Обязанности гражданъ по отношенію къ правительству. 23. Правительственныя злоупотребленія. 24. Факты которые должны быть извѣстны всѣмъ. 25. Совершенствованіе правительства.

26. Что такое богатство. 27. Условія богатства. 28. Кому принадлежитъ богатство и какъ оно распредѣляется. 29. Институтъ собственности. 30. Честно заработанныя деньги. 31. Капиталъ, кредитъ и проценты. 32. Трудъ и конкурренція. 33. Жалобы бѣдняковъ. 34. Злоупотребленіе богатства. 35. Покупатели и продавцы. 36. Хозяева и рабочіе. 37. Права и обязанности сосѣдей. 38. Отношеніе къ преступленіямъ. 39. Помощь бѣднымъ. 40 Общественные вопросы. 41. Проблемы трезвости. 42. Международные законы. 43. Права націй. 44. Обязанности націй. 45. Война и мирное рѣшеніе; патріотизмъ. Въ концѣ книги приложена конституція С. Ш.

Всѣ эти вопросы трактуются въ учебникѣ замѣчательно просто. частью съ демократической, частью съ буржуазной точекъ зрѣнія, а, въ общемъ, даютъ огромный матеріалъ для размышленія и помогаютъ

молодежи, вступающей въ жизнь, оріентироваться въ этомъ бурномъ морѣ, полномъ подводныхъ камней.

Въ гимназіи изученіе The Civil Governement — въ сущности, начатковъ соціологіи, политической экономіи, гражданскаго и международнаго правъ — продолжается при изученіи исторіи С. Ш.

Не думаете ли вы, читатель, что введеніе подобнаго предмета въ русскія гимназіи было бы болѣе желательнымъ, чѣмъ введеніе геологіи, полеонтологіи или астрографіи?

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ американскіе гимназисты и гимназистки проводятъ каникулы.

Въ радіусѣ тридцать верстъ отъ того мѣста, гдѣ я живу, имѣется четыре High Schools, въ городахъ съ населеніемъ отъ двухъ до двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Мѣстность эта земледѣльческая и представляетъ собою одинъ изъ центровъ калифорнійскаго плодоводства, плодосушенія и виноградарства. Лѣтомъ здѣсь идетъ сборъ и сушеніе фруктовъ, и всѣ заняты. Гимназисты и гимназистки не составляютъ исключенія и работаютъ наравнѣ съ остальными. Во время зимнихъ (двѣ недѣли) и весеннихъ (одна недѣля) каникулъ одни помогаютъ отцамъ обрѣзывать фруктовыя деревья и виноградныя лозы, пахать землю подъ сѣно, пахать, орошать и культивировать сады и виноградники, доить коровъ; другія помогаютъ матерямъ варить яства, прибирать въ комнатахъ, шить, мыть, ухаживать за огородомъ. Многіе и изъ городской учащейся молодежи отправляются на каникулы въ деревню съ цѣлью заработать денегъ и поправиться въ деревенской обстановкѣ.

Такое время препровожденія на каникулахъ благодѣтельно дѣйствуетъ и на физическое, и на духовное здоровье питомцевъ американской средней школы, поддерживаетъ ихъ связь съ домомъ, съ деревней, даетъ имъ знанія и навыки, необходимые каждому въ обыденной жизни, и служитъ наилучшимъ лекарствомъ противъ разочарованности, пессимизма, безпричиннаго недовольства собой и окружающими.

Въ общемъ, я весьма доволенъ американской гимназіей, и мое искреннее желаніе, — чтобы русское общество въ стремленіи улучшить образованіе и воспитаніе своихъ дѣтей не проходило бы равнодушнымъ мимо одного изъ интереснѣйшихъ образцовъ въ этой области — американской High School. Въ особенности, необходимо настаивать на установленіи органической связи между народными школами и гимназіями. Русскіе серьезно думаютъ,

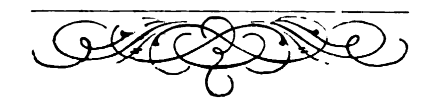
Что выходитъ изъ народа
Столько славныхъ—то и звай.

Въ сущности же, „славныхъ“ изъ „народа“ выходятъ въ Россіи немногія единицы, въ то время какъ въ Америкѣ ихъ выходятъ тысячи.

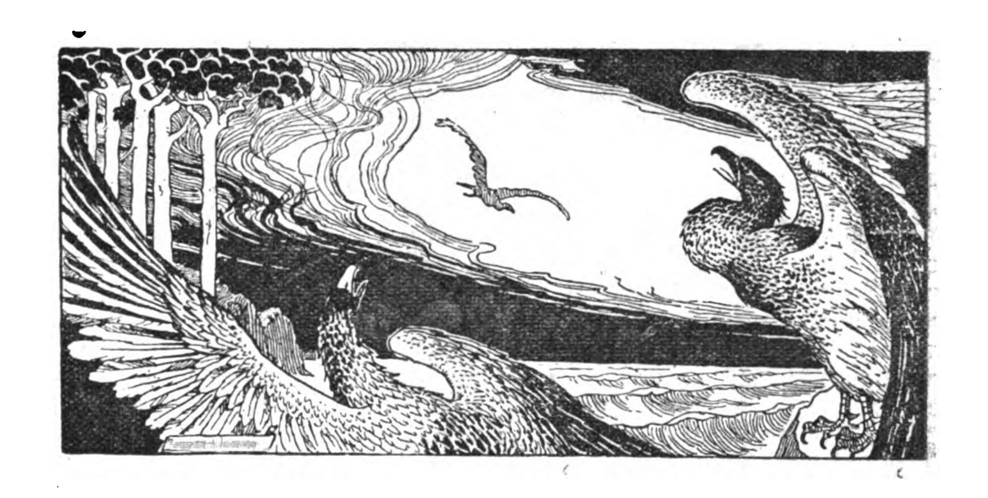
Это явленіе обусловливается, конечно, многими причинами, но глубокая пропасть между русскими народными школами и гимназіями играетъ здѣсь видную роль.

Ѳ. Крыштофовичъ.

Ioamosa, California.

Изъ исторіи 60-хъ годовъ.

Необыкновенная личность.

(Вильямъ Фрей).

Н. В. Рейнгардта.

(Продолженіе.)

Глава II.

Великая соціальная школа.

Иные чистые,
Пути тернистые
Обрѣтены.
Некрасовъ.

Путешествіе Владиміра Константиновича и Марьи Евстафіевны Гейнсъ на пароходѣ по океану продолжалось двѣ недѣли и въ мартѣ 1868 года они прибыли въ Джерсей-Сити, находящійся у Гудзона, противъ Нью-Іорка. Оба супруга страстно стремились въ Америку, гдѣ надѣялись жить по своимъ убѣжденіямъ, но когда сошли съ парохода, когда почувствовали, что они далеко отъ родины, невольная грусть охватила ихъ сердце. Но эта грусть скоро исчезла подъ вліяніемъ заботы о томъ, какъ и гдѣ устроиться въ совершенно незнакомомъ городѣ, безъ знанія мѣстнаго языка. Нанятый извозчикъ помогъ отыскать квартиру, состоящую изъ двухъ комнатъ съ кухней, за 20 долларовъ (около 40 руб.) въ мѣсяцъ.

Здѣсь молодые супруги приступили къ составленію бюджета: привезенныхъ денегъ было у нихъ около 800 долларовъ и, благодаря экономіи и аккуратному исполненію смѣтныхъ назначеній, Гейнсы прожили на эти деньги, не нуждаясь, болѣе полутора лѣтъ. Въ это время они усилено занимались по англійски у дочери хозяина дома, взамѣнъ уроковъ музыки со стороны Марьи Евстафьевны. Обѣдъ, собственнаго

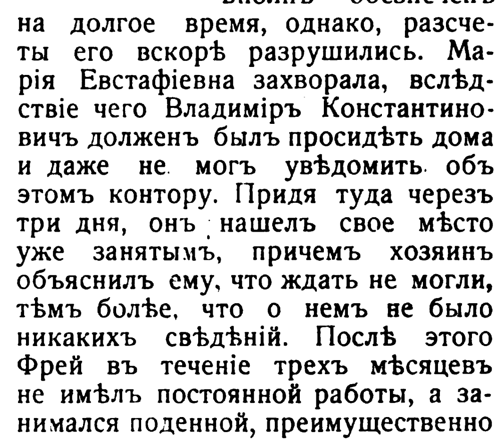
приготовленія, обходился имъ не дороже 80 коп., такъ какъ два простыя блюда въ лѣтнюю пору легко изготовлялись на небольшой газовой печкѣ.

Въ теченіе четырехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Джерсей-Сити В. К. не искалъ никакой работы, потому что не считалъ себя къ этому достаточно подготовленнымъ, а сосредоточивался главнымъ образомъ на изученіи мѣстной жизни. За все это время ему не удалось увидѣть ни одного рускаго. За то какъ обрадовала ихъ встрѣча съ знакомымъ соотечественникомъ, бывш. артиллерійскимъ офицеромъ, который съ женою прибылъ въ Америку и котораго тотчасъ же послѣ привѣтствія пригласили къ себѣ на квартиру, рѣшившись затѣмъ жить вмѣстѣ, вчетверомъ.

Вл. Кон. Фрей.
(Передъ отъѣздомъ изъ Россіи).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого В. К. и П-въ стали искать работу, въ Джерсеѣ, а потомъ въ Нью-Іоркѣ, но эти поиски оказались неудачными. Хотя оба товарища, какъ Гейнсъ, такъ и П-въ, были по виду очень здоровы, одинъ коренастый (Гейнсъ), а другой высокій (П-въ), но къ работѣ оказались непригодными, и хозяинъ по перрвому взмаху лопаты забраковывалъ ихъ. Тогда друзья рѣшили оставить портовые города и отправиться на западъ, гдѣ болѣе нуждаются въ рабочихъ рукахъ.

Прибывъ въ С.-Луи, избранный пунктъ для дѣятельности, и нанявъ общую квартиру, Гейнсъ и П-въ публиковали въ мѣстныхъ газетахъ о предложеніи своихъ рабочихъ рукъ. Хотя на эту публикацію явилось нѣсколько лицъ, желающихъ нанять русскихъ, но наемъ не состоялся, такъ какъ Гейнсъ и П-въ не хотѣли разлучаться, что не согласовалось съ желаніями нанимателей. Однако, необходимость разлуки съ каждымъ днемъ становилась настоятельнѣе, и потому друзья должны были подчиниться этой необходимости. Черезъ мѣсяцъ П-въ получилъ мѣсто съ женою на фермерскія работы, за 25 долларовъ въ мѣсяцъ, на хозяйскомъ продовольствіи, а Гейнсъ занялъ мѣсто клерка въ одной изъ торговыхъ конторъ съ жалованьемъ 40 долларовъ въ мѣсяцъ. При этомъ, надо сказать, что В. К. принялъ имя Вильяма Фрея, а П-въ—Брука, какъ и мы будемъ называть ихъ. Такъ какъ Фрей показалъ себя весьма трудолюбивымъ и исполнительнымъ работникомъ, то контора черезъ мѣсяцъ назначила ему жалованья 60 долларовъ, за что приходилось работать съ семи часовъ утра до шести вечера. Не смотря на такой тяжелый трудъ, Фрей былъ доволенъ и считалъ, что онъ вполнѣ обезпеченъ

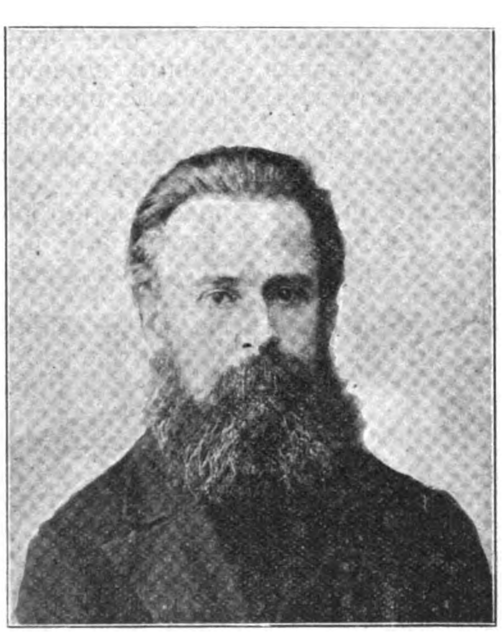

на долгое время, однако, разсчеты его вскорѣ разрушились. Марія Евстафіевна захворала, вслѣдствіе чего Владиміръ Константиновичъ долженъ былъ просидѣть дома и даже не могъ увѣдомить объ этомъ контору. Придя туда черезъ три дня, онъ нашелъ свое мѣсто уже занятымъ, причемъ хозяинъ объяснилъ ему, что ждать не могли, тѣмъ болѣе, что о немъ не было никакихъ свѣдѣній. Послѣ этого Фрей въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не имѣлъ постоянной работы, а занимался поденной, преимущественно

пилкой дровъ. Положеніе его въ это время было очень трудное и тяжелое, тѣмъ болѣе, что приходилось заботиться о больной женѣ и появившейся на свѣтъ дочери, названной Беллою (Изабелла).

Отправляясь въ С.-Америку, Фрей, какъ уже упомянуто, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, поступить въ одну изъ существовавшихъ тамъ коммунистическихъ общинъ, и потому считаемъ необходимымъ сказать о нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣсколько словъ.

Всѣ означенныя общины могутъ быть раздѣлены на *религіозныя* и *экономическія*. Религіозныя общины отличаются богатствомъ и устойчивостью, чего нельзя сказать про экономическія. Изъ религіозныхъ общинъ самою старою представляется община Шекэровъ, основанная въ 1792 г. въ Либанѣ, въ штатѣ Нью-Іоркъ и послужившая родоначальницей другихъ общинъ того же направленія, которыхъ въ настоящее время насчитывается около пятидесяти.

Вл. Кон. Фрей.
(Послѣдній портретъ).

Шекэры признаютъ, что Христосъ уже совершилъ второе пришествіе, воплотившись въ 1787 году. Главные принципы шекэровъ заключаются въ общности имущества, повиновеніи или непротивленіи и въ удаленіи отъ міра и въ безбрачіи. Бракъ шекэры не считаютъ преступленіемъ, но признаютъ его состояніемъ соціальнаго паденія, недостойнымъ коммуны. Управленіе общиной принадлежитъ совѣту, состоящему изъ двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ, подъ предсѣдательствомъ старшины. Каждая коммуна состоитъ отъ 30 до 90 членовъ, живущихъ вмѣстѣ въ большомъ домѣ, при чемъ комнаты мужчинъ отдѣлены отъ комнатъ женщинъ широкимъ корридоромъ. Каждый братъ имѣетъ свою сестру, на обязанности которой лежитъ забота о его нравственныхъ и физическихъ нуждахъ. Ведутъ шекэры жизнь чрезвычайно умѣренную, питаются преимущественно растительной пищей.

Другой видъ религіозныхъ коммунъ — перфекціонисткія. Ихъ двѣ общины: Онеида въ штатѣ Нью-Іоркъ и Веллингфордъ въ Коннектикутѣ. Основатель этой секты. Джонъ Нуайесъ, отрицалъ значеніе крещенія, исповѣди, проповѣдывалъ полное отпущеніе грѣховъ, необходимость для этого одной горячей молитвы, общность имущества, право свободной любви, которой далъ названіе complex mariage (сложный бракъ). Одно изъ замѣчательныхъ установленій перфекціонистовъ составляетъ *крититизмъ*: въ назначенный день собираются члены и разбираютъ пороки и недостатки каждаго изъ своихъ братьевъ, послѣ чего старшина взвѣшиваетъ, что сказано pro и contra и смотря, на которой сторонѣ перевѣсъ, подвергаетъ критикуемаго временному или вѣчному

удаленію изъ коммуны. „Наши коммунисты, —пишетъ Нуайесъ,— отличаются отъ всѣхъ прочихъ прежде всего своими собраніями, бывающими каждый вечеръ, во время которыхъ поднимаются всевозможные политическіе, религіозные и соціальные вопросы, а братья и сестры знакомятся другъ съ другомъ. Тутъ же производится взаимная критика. Эта открытая критика уничтожаетъ сплетни и клевету".

Изъ экономическихъ коммунъ самая новая во времена Фрея была община Union нѣкоего Лонглея, основанная въ 1869 году. Главныя начала этой общины заимствованы у Луи Блана и заключались въ его принципахъ: общая собственность, совмѣстный трудъ, каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго. Основатель ея—наборщикъ одной изъ типографій С. Луи, Алькондеръ Лонглей. Община Лонглея и показалась Фрею наиболѣе подходящей къ его воззрѣніямъ, а потому и выборъ палъ на нее.

На письменное заявленіе Лонглею Фрей получилъ отъ послѣдняго приглашеніе пріѣхать, вслѣдствіе чего онъ немедленно собрался и отправился съ женой и ребенкомъ въ С. Луи, гдѣ остановились у Брука, который работалъ въ это время на одной мебельной фабрикѣ, зарабатывая $1^1/_2$ —$2^1/_2$ доллара ($2^1/_4$—4 руб.) въ сутки и имѣлъ въ виду въ будущемъ на сдѣланныя сбереженія пріобрѣсти землю и начать жить своимъ хозяйствомъ.

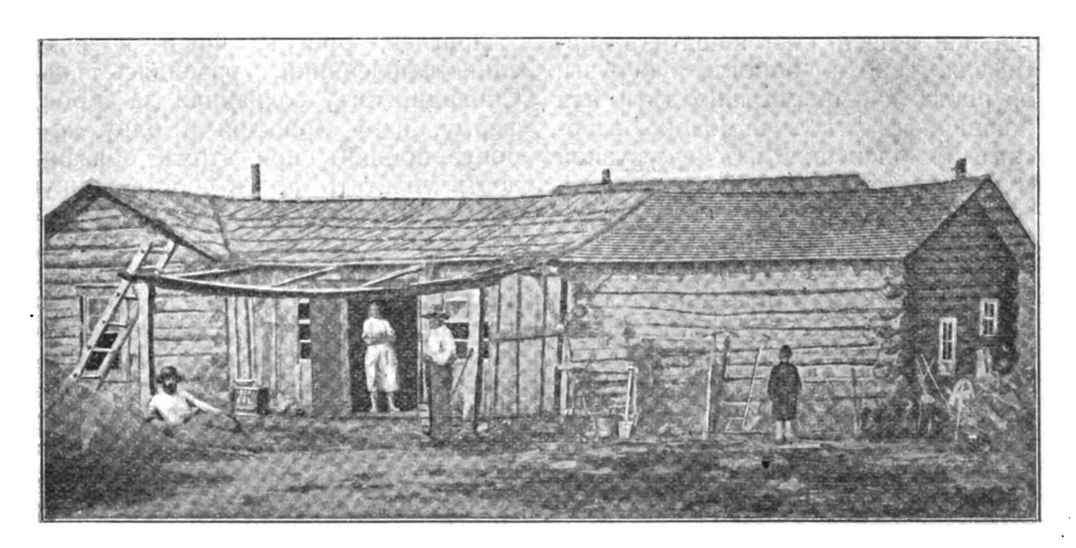
Въ тотъ же день вечеромъ пришелъ къ Фрею Лонглей, который при первомъ же свиданіи произвелъ очень хорошее впечатлѣніе на обоихъ супруговъ, полагавшихъ встрѣтить въ Лонглеѣ убѣленнаго сѣдинами старца, но къ удовольствію увидавшихъ молодого, веселаго и радушнаго человѣка, постаравшагося познакомить ихъ въ тотъ же вечеръ съ нѣкоторыми подробностями коммунальной жизни.

Прогостивъ нѣсколько дней у Брука, Фрей отправился въ коммуну, которая представляла изъ себя не болѣе, какъ мазанку, вмѣщавшую около десяти человѣкъ обитателей. Члены коммуны встрѣтили Фрея и его жену весьма радушно и привѣтливо, что, однако, по признанію Фрея, не могло уничтожить въ немъ нѣкотораго страха и замѣшательства, происшедшаго не столько отъ встрѣчи съ людьми незнакомыми, сколько отъ преувеличеннаго представленія объ этихъ людяхъ, казавшихся ему съ перваго раза героями, мучениками, однимъ словомъ. такими людьми, которые стояли головой выше его. Въ этой общинѣ Фрей встрѣтился и близко сошелся съ замѣчательной личностью, докторомъ Бригсомъ, подобные которому нерѣдко встрѣчаются въ С. Америкѣ, весьма рѣдко въ Европѣ и еще рѣже у насъ, въ Россіи, гдѣ внѣшнія условія неблагопріятны для ихъ жизни и дѣятельности.

Докторъ Бригсъ получилъ образованіе въ одной изъ медицинскихъ школъ восточныхъ штатовъ и по окончаніи курса избралъ карьеру странствующаго врача-пропагандиста, имѣя въ виду проводить въ народъ научныя свѣдѣнія по физіологіи и медицинѣ. Онъ принималъ участіе въ войнѣ за освобожденіе негровъ, въ качествѣ военнаго врача, и по окончаніи войны принялся опять за прежнюю дѣятельность врача-пропагандиста. Будучи строгимъ и послѣдовательнымъ вегетеріанцемъ, онъ постоянно проповѣдовалъ необходимость растительнаго питанія. Пріобрѣтя прекрасный и дорогой манекенъ, Бригсъ разъѣзжалъ съ нимъ по всей Америкѣ, поучая, преимущественно, рабочій людъ анатоміи, физіологіи и гигіенѣ, при чемъ, пользуясь всякимъ случаемъ, высказывалъ свои идеи о пользѣ вегетеріанства. Во время своего путешествія онъ попалъ въ коммуну Лонглея, принципы которой нашелъ

вполнѣ соотвѣтствующими его взглядамъ, и потому рѣшился остаться въ ней навсегда. Человѣкъ необыкновенно честный, весьма доброй и благородной души, докторъ Бригсъ невольно привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, кто успѣвалъ узнать его.

Познакомившись съ этимъ симпатичнымъ врачемъ, Фрей близко сошелся съ нимъ и, благодаря его вліянію, сдѣлался приверженцемъ вегетеріанства, хотя первое время весьма скептически относился къ этому ученію и горячо оспаривалъ его принципы.

Коммуна Investigatrice.

Община во второй годъ существованія заключала въ себѣ 18 человѣкъ взрослыхъ и 10 дѣтей. Образъ ея жизни былъ слѣдующій: всѣ члены вставали въ 5 часовъ утра, въ 6 собирались къ завтраку, послѣ котораго шли на работу; въ 12 часовъ былъ обѣдъ и черезъ часъ послѣ него опять работа, продолжавшаяся до 6 часовъ вечера; въ $6^{1}/_{2}$ час. былъ ужинъ, послѣ котораго каждый занимался своимъ личнымъ дѣломъ, какъ-то: чтеніемъ, писаніемъ писемъ и пр. Занимаясь цѣлую недѣлю тяжелымъ физическимъ трудомъ, коммунисты въ воскресные дни посвящали одни чтенію, другіе составленію статей, которыя печатали въ издаваемыхъ ими по временамъ сборникахъ. Кромѣ того, по воскреснымъ же днямъ докторъ Бригсъ читалъ для своихъ собратій популярныя лекціи по анатоміи и физіологіи, при чемъ пользовался своимъ манекеномъ. По вечерамъ, въ субботу и воскресенье, собирались для обсужденія дѣлъ коммуны, на такъ называемые домашніе митинги, на которыхъ участвовали женщины съ правомъ голоса. Въ субботніе митинги, называемые „дѣловыми" (busineses meeting) подводились итоги дѣятельности коммуны за прошедшую недѣлю, составлялось распредѣленіе работъ и производились другія хозяйственныя распоряженія на слѣдующую недѣлю. По воскресеньямъ на митингахъ занимались внутренними дѣлами общины, при чемъ, согласно коммунальной конституціи, происходилъ такъ называемый свободный критицизмъ, на основаніи котораго каждый членъ имѣлъ право заявить о моральныхъ недостаткахъ своего со-

брата, при чемъ замѣчанія и совѣты должны были выслушиваться безъ раздраженія, спокойно.

Свободный критицизмъ, веденный въ дружескомъ тонѣ, долженъ былъ содѣйствовать исправленію личности, ея нравственному усовершенствованію.

Въ этой общинѣ Фрей завѣдывалъ устройствомъ сада и уходомъ за огородомъ, а жена его занималась присмотромъ за дѣтьми, швейнымъ дѣломъ и разъ въ недѣлю принимала участіе въ уборкѣ комнатъ и стиркѣ бѣлья.

Члены общины вели трудовую, суровую жизнь и питались растительной пищей, состоящей изъ картофеля, гороха, бобовъ, кукурузы, огурцовъ и дынь; только дѣти ѣли пшеничный хлѣбъ и молоко, взрослые же—лепешки изъ кукурузной муки и хлѣбъ изъ непросѣянной муки (graham bread), весьма здоровый и питательный.

При трудолюбіи членовъ, при солидарности ихъ воззрѣній, дѣла коммуны могли-бы идти прекрасно, но черезъ два года существованія она распалась, вслѣдствіе внутреннихъ несогласій. Одинъ изъ позднѣйшихъ членовъ коммуны, нѣкто Спольдингъ, человѣкъ властолюбиваго характера, желая выдвинуться и играть видную роль, сталъ на воскресныхъ митингахъ дѣлать различныя предложенія; такъ, между прочимъ, онъ весьма усердно проводилъ идеи *свободной любви* (free love) и общности женъ, господствующія въ Онеидской коммунѣ. На одномъ изъ митинговъ принципъ свободной любви прошелъ большинствомъ голосовъ, что было совершенно неожиданно для Лонглея и его сторонниковъ, въ число которыхъ входили Бригсъ и Фрей, оказавшіеся въ меньшинствѣ. Это меньшинство отказалось отъ солидарности съ послѣдователями свободной любви, что привело къ расколу въ коммунѣ и ликвидаціи ея дѣлъ. Большинство послѣдователей Спольдинга, во главѣ съ нимъ, задумали основать свою коммуну, но встрѣтили препятствіе со стороны сосѣднихъ фермеровъ, которые рѣшились не допускать около себя Спольдинга съ его фривольными принципами и примѣнить къ нему одну изъ формъ самосуда, примѣняемыхъ къ безнравственнымъ людямъ и состоявшихъ въ томъ, что виновныхъ раздѣвали до нага, вымазывали смолою, обкатывали въ перьяхъ и затѣмъ выгоняли за предѣлы владѣній. Спольдингъ, узнавъ объ этомъ, наканунѣ скрылся и такимъ образомъ избѣгнулъ жестокаго наказанія.

Лонглей, Бригсъ, Фрей и ихъ единомышленники, разойдясь съ Спольдингомъ, сохранили за собой ферму, пару лошадей и одну корову, принявъ при этомъ обязанность уплатить долги собственнику земли, которая была куплена съ разсрочкой платежа; но такъ какъ, вслѣдствіе ухода большинства членовъ коммуны, хозяйство послѣдней сильно разстроилось, то уплатить этого долга въ срокъ не было никакой возможности, а потому означенный собственникъ, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ оставшихся членовъ коммуны, постарался поприжать ихъ такъ сильно, что они отдали ему все свое имущество за самое ничтожное вознагражденіе.

Лонглей вернулся къ своимъ прежнимъ занятіямъ наборщика, а Фрей и Бригсъ рѣшились основать новую коммуну, въ которую пригласили только Брука съ женою и болѣе пока никого.

„Наученные горькимъ опытомъ,—писалъ Фрей своимъ родственникамъ,—мы рѣшили не приглашать въ свое общество никого до тѣхъ поръ, пока не обезпечимъ земли, т. е. не уплатимъ за нее правительству. Конечно, потративъ всѣ свои средства на наше дѣло, посвятивъ годъ или два каторжнаго труда, мы не захотѣли рисковать своимъ по-

томъ и кровью (буквально) и принимать къ себѣ, подобно Лонглею, всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Двери нашего дома будутъ открыты для всѣхъ желающихъ пріѣхать и пожить съ нами, но сдѣлаться членами нашей семьи могутъ только избранные, послѣ долгаго и основательнаго изученія".

Для будущей коммуны докторъ Бригсъ выбралъ землю въ Канзасѣ, принадлежавшую индійскому племени— Оседжей, которое продало ее американскому правительству для поселенія бѣлыхъ. Бригсъ выбралъ три участка,— одинъ для себя и два—для Фреевъ и Бруковъ.

Переселеніе и первое время пребыванія на новомъ мѣстѣ представляли массу трудностей, массу тяжелыхъ лишеній, о которыхъ они ранѣе не могли и представить себѣ; однако, всѣ трудности были преодолѣны,—и изъ означенныхъ лицъ образовалась небольшая община, которая рѣшила дѣлить какъ издержки, такъ и доходы съ своей земли на пять частей, причемъ Бруки, платя 2/5 издержекъ, получали, конечно, и 2/5 дохода. Сначала все шло довольно ладно, но вскорѣ затѣмъ, какъ предчувствовалъ Фрей, со стороны Брука явилось разногласіе, обусловленное разностью стремленій: Фрей стремился къ воплощенію идеала, а Брукъ къ личной независимости улучшенію своего матеріальнаго положенія, вовсе не думая о томъ, чтобы своей жизнью дать примѣръ другимъ.

При радикальномъ развитіи стремленій, между двумя семьями—Брука и Фрея возникли весьма натянутыя отношенія, перешедшія затѣмъ во враждебныя, при существованіи которыхъ совмѣстная жизнь и дѣятельность стали положительно невозможны, вслѣдствіе чего Фрей и его жена обратились съ просьбою къ своимъ родственникамъ, чтобы тѣ ссудили Бруку сто рублей на постройку дома, давъ ему тѣмъ возможность отдѣлиться и жить своимъ хозяйствомъ (они жили до этого всѣ вмѣстѣ).

Эта неудача съ Брукомъ не разочаровала Фрея въ его стремленіяхъ, не парализовала его вѣры въ коммунистическій идеалъ и не уменьшила энергіи въ преслѣдованіи задуманной цѣли, только заставила быть осторожнѣе и осмотрительнѣе при выборѣ людей. Коммуну свою Фрей назвалъ „прогрессивной" (Progressive Community).

Фрей, основывая ее, имѣлъ въ виду, чтобы она служила разсадникомъ и примѣромъ для другихъ для мирнаго и постепеннаго преобразованія всего общественнаго строя, а потому желалъ имѣлъ вокругъ себя людей вполнѣ солидарсъ его стремленіями, которые шли бы въ коммуну не ради матеріальныхъ удобствъ, а ради одной идеи.

Въ началѣ 70-тыхъ годовъ возникло среди русской интеллигентной молодежи стремленіе къ эмиграціи въ Америку. По поводу этого обстоятельства представляетъ большой интересъ письмо Фрея отъ 10 Іюня 1872 года.

„Въ послѣднее время, — пишетъ онъ,— американскія газеты начинаютъ поговаривать объ эмиграціи русскихъ за океанъ; даже я лично слышалъ отъ земляковъ, что нѣсколько молодыхъ русскихъ желаютъ пріѣхать къ намъ, въ нашу ферму. При этомъ, конечно, воображеніе ихъ настроено на розовый ладъ, жизнь наша представляется имъ земнымъ раемъ и т. п. Съ тѣмъ энтузіазмомъ, который такъ присущъ русскому люду, они, подталкиваемые какою-то маніей къ переселенію, говорятъ восторженно о прелестяхъ физическаго труда и сельской жизни, гдѣ-то въ далекомъ Канзасѣ... Имъ придется разочароваться съ перваго же дня по пріѣздѣ сюда.

„Пусть они знаютъ, что наша жизнь—тяжелая, трудовая жизнь; что

много горя и лишеній приходится намъ испытывать; разсчитывая получить отъ жизни все, что она способна дать, мы стараемся эксплоатировать даже лишенія наши; мы дрессируемъ себя, закаливаемся въ этой суровой школѣ... и, весьма можетъ быть, что эти лишенія сильнѣе, чѣмъ все остальное, связали насъ горячею братскою любовью другъ къ другу“...

Тѣмъ не менѣе „Прогрессивная коммуна“ привлекала вниманіе многихъ, ее постоянно посѣщали какъ русскіе, такъ и въ особенности американцы. Многіе изъ означенныхъ посѣтителей, послѣ опредѣленнаго срока испытаній, дѣлались членами, и такимъ образомъ черезъ четыре года существованія коммуны явилось довольно значительное количество членовъ. Одинъ изъ русскихъ путешественниковъ, г. Першинъ, посѣтившій означенную коммуну въ 1874 году, напечаталъ интересныя воспоминанія какъ о Фреѣ, такъ и о жизни самой коммуны *). По его описанію Фрей въ то время представлялъ изъ себя среднихъ лѣтъ здороваго, довольно плотнаго мужчину, вся внѣшность котораго вполнѣ изобличала человѣка первой стадіи фермерства, т. е. безъ наемной силы производящаго все собственными руками. Обращеніе его съ пріѣзжими было простое, скромное и даже отчасти застѣнчивое.

Домъ, въ которомъ помѣщалась коммуна, былъ деревянный съ досчатыми стѣнами и состоялъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ между собою досчатой перегородкой; въ одной изъ этихъ комнатъ помѣщался Фрей съ женою и дочерью, а въ другой, большой, остальные члены коммуны; эта же комната была вмѣстѣ и кухней, и столовой, и гостиной.

Въ Октябрѣ 1874 года Фрей и Бригсъ совершили нотаріальный актъ, по которому два свои участка передавали въ собственность коммуны, и нотаріусъ совершилъ актъ, по словамъ Першина, бывшаго свидѣтелемъ этого, безпрепятственно, не пугаясь коммунистическихъ принциповъ.

Съ теченіемъ времени число членовъ коммуны постоянно увеличивалось, а черезъ 4 года ихъ было настолько много, что обѣщало блестящую будущность въ экономическомъ отношеніи. Но не смотря на то, что большинство членовъ коммуны отличалось трудолюбіемъ, честностью и благородными стремленіями, полнаго согласія между ними не было, вслѣдствіе чего явилась неурядица, а затѣмъ и самое распаденіе коммуны. Одною изъ главныхъ причинъ несогласія явилось то обстоятельство, что одни (американцы) желали придать дѣятельности коммерческій характеръ, чтобы обезпечить жизнь коммуны въ матеріальномъ отношеніи, другіе же (по преимуществу русскіе), преслѣдуя моральныя и соціальныя цѣли, совершенно отвергали подобное направленіе дѣятельности.

Не имѣя возможности примирить два такихъ противоположныхъ направленія, Фрей съ семью своими соотечественниками отдѣлился, уступивъ американцамъ значительную часть земли и вслѣдъ затѣмъ (въ 1876 году) основалъ новую общину, Investigatrice, введя въ нее элементъ религіозный.

Наблюдая американскія коммуны и сопоставляя результаты наблюденій съ собственнымъ опытомъ коммунальной жизни, Фрей пришелъ къ выводу, что одни экономическія условія вообще и принципы коммунизма въ частности, преслѣдующіе по преимуществу матеріальные интересы, не способны къ созданію прочнаго общества, что для этого необходима еще и религія, содѣйствующая нравственному возрожденію человѣка.

Такому обществу Фрей придавалъ

*) Волжскій Вѣстникъ, Декабрь, 1902 г.

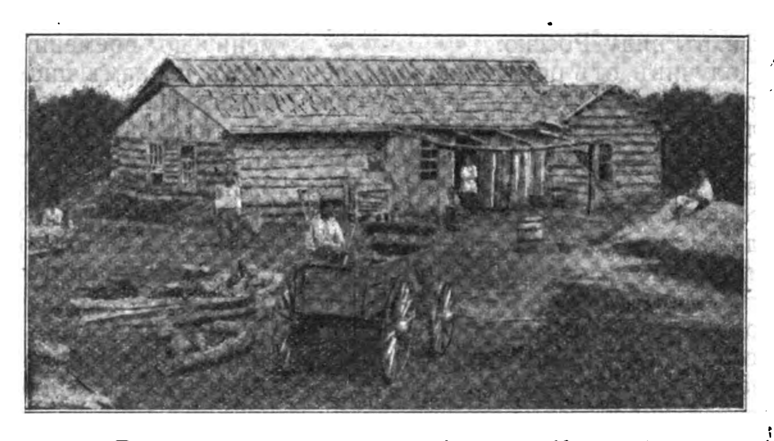
широкое, міровое значеніе: „Я смотрю,—говорилъ онъ,—на путь, по которому иду, какъ на единственно вѣрный путь для того, чтобы произвести революцію не только въ средѣ мысли и чувствахъ людей, но и въ средѣ практической дѣятельности, въ сферѣ измѣненія общественныхъ формъ. Я говорилъ, говорю и буду говорить, что идеи любви, добра и справедливости не могутъ быть достижимы путемъ революціонныхъ катаклизмовъ. Что люди должны жить братскою жизнью, жизнью общинъ—это и есть вѣрнѣйшее средство къ счастію. Я буду пропагандировать это, буду указывать людямъ на ихъ ошибки и въ то же время, понимая, что сущность не въ словахъ, а въ практической дѣятельности, употреблю всѣ силы, чтобы осуществить свое ученіе на дѣлѣ. Отсюда уже вытекаетъ моя практическая дѣятельность коммуниста и, какъ необходимый результатъ этого,— нравственное усовершенствованіе“.

Въ этомъ онъ видѣлъ свой идеалъ, свою религію, чтобы люди стали на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только, братьями, чтобы вмѣсто нынѣшняго хаоса, безпощадной борьбы каждаго противъ всѣхъ восторжествовала гармонія, миръ, любовь и справедливость, осуществлялись слова Іисуса Христа „люби ближняго, какъ самого себя“.

Однако, тяжелая трудовая жизнь въ коммунѣ Investigatrice пришлась не по вкусу многимъ коммунистамъ, —и коммуна распалась. Эта новая неудача, хотя глубоко поразила сердце Фрея, но не уничтожила вѣры въ его идеалы, не парализовала его энергіи.

Между тѣмъ положеніе супруговъ Фрей все ухудшилось.

Земля, на которой находилась коммуна Investigatrice, была пріобрѣтена въ долгъ, съ разсрочкою платежа, и Фрей, оставшись одинъ, не могъ выполнить всѣхъ обязательствъ, а потому почти все коммунальное имущество было продано съ аукціона, и Фрею изъ всего этого остались пара лошадей и телѣга, которыя дали ему возможность отправиться съ своей семьей въ гор. Iova, куда вела дорога черезъ С.-Луи. Нужно замѣтить, въ Iova Фрея привлекалъ слухъ о нѣкоемъ Гендерсенѣ, энергичномъ директорѣ кружка Positivist (позитивный мыслитель).

„Прогрессивная“ коммуна Фрея въ Канзасѣ.

Прибывъ въ С.-Луи, Фрей увидѣлъ, что ему не достанетъ денегъ на дальнѣйшій путь, вслѣдствіе чего долженъ былъ остановиться и заняться извозчичьимъ промысломъ; но этимъ промысломъ онъ занимался недолго, потому что лошади околѣли, а такъ какъ купить другихъ было не на что, то онъ, продавъ экипажъ, поступилъ наборщикомъ въ типографію, гдѣ работалъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, а жена его въ это время занималась шитьемъ и мытьемъ бѣлья. Въ свободные

отъ работы часы онъ изучалъ Герберта Спенсера и Огюста Конта.

Не смотря на матеріальныя лишенія, не смотря на тяжелую трудовую жизнь,—время, проведенное въ С.-Луи въ изученіи великихъ мыслителей, Фрей считалъ однимъ изъ счастливѣйшихъ періодовъ своей жизни. Въ это время имъ весьма сильно овладѣла мысль о его далекой родинѣ, которую хотя давно оставилъ, но судьбой которой никогда не переставалъ интересоваться. Въ моменты тяжелаго раздумья, горькихъ разочарованій онъ мысленно переносясь туда, Фрей скоро пришелъ къ выводу, что уже наступило для него время дѣйствовать тамъ, и потому рѣшился ѣхать въ Европу, имѣя въ виду Россію.

Получивъ отъ родственниковъ небольшую сумму денегъ, Фрей отправился къ Гендерсену, на фермѣ котораго онъ прожилъ нѣсколько времени въ качествѣ простого рабочаго, посвящая свободные часы бесѣдамъ съ хозяиномъ по философскимъ и религіознымъ вопросамъ.

На этихъ бесѣдахъ темою разговоровъ между прочимъ былъ вопросъ о необходимости переѣзда Фрея въ Европу. Гендерсенъ, отговаривая Фрея отъ этой поѣздки, замѣтилъ ему, что если Фрей и поѣдетъ, то скоро вернется, разочаровавшись въ европейскихъ порядкахъ, но Фрей не соглашался съ Гендерсеномъ, говоря, что до сихъ поръ его, Фрея, привязывала къ Америкѣ надежда жить коммунальною жизнью, но теперь, когда эта надежда рухнула, уже нѣтъ причинъ оставаться тамъ, а между тѣмъ происходящія въ Россіи перемѣны сильно побуждаютъ его ѣхать въ Европу, откуда можно будетъ дѣйствовать на русскую интеллигенцію.

Лѣтомъ 1881 года Фрей оставилъ Гендерсена и отправился въ Нью-Іоркъ, откуда имѣлъ намѣреніе выѣхать въ Европу, чего ему, однако, не удалось скоро исполнить, сначала за недостаткомъ денегъ, а потомъ вслѣдствіе того, что представилось для него интересное дѣло, заключающееся въ заботахъ объ устройствѣ и организаціи новой коммуны.

Въ началѣ 1882 года нѣсколько русскихъ эмигрантовъ, желая основать коммуну, просили Фрея помочь имъ въ отысканіи для этого земли, на что онъ согласился и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ въ Орегонѣ подходящую землю, на которой была основана коммуна „Новая Одесса“.

Фрей, помогши отыскать землю, наотрѣзъ отказался поселиться въ коммунѣ и руководить ея дѣлами; однако, не отказался оказывать ей помощь совѣтами и потому отъ времени до времени писалъ нѣкоторымъ членамъ письма, въ которыхъ излагалъ руководящіе принципы. Эти письма постоянно читались на коммунальныхъ митингахъ, вызывая оживленные дебаты. Въ означенныхъ письмахъ Фрей совѣтовалъ, чтобы въ коммунѣ былъ введенъ строгій порядокъ, чтобы было опредѣленное время для работы и для ѣды, и чтобы не было въ этомъ отношеніи личнаго произвола, отражающагося весьма вредно на дѣлахъ коммуны, въ подтвержденіе чего приводилъ въ примѣръ свою коммуну. Затѣмъ совѣтовалъ завести митинги не только для критики, но и для обсужденія разныхъ вопросовъ, которые имѣютъ вліяніе на жизнь коммуны. Наконецъ, Фрей совѣтовалъ всѣмъ членамъ коммуны умѣренность въ пищѣ и простоту жизни, потому что человѣкъ, который тратитъ на себя много на томъ только основаніи, что есть деньги, ничѣмъ не лучше Вандербильда (извѣстный богачъ), который строитъ пятимилліонный дворецъ потому, что у него есть деньги. Фрей напоминалъ имъ, что у нихъ нѣтъ и не будетъ своихъ денегъ, которыя принадлежатъ человѣчеству.

„Самый энергическій трудъ самой долгой жизни,—писалъ онъ,—не въ

состоянiи заплатить сотой доли обязательствъ передъ человѣчествомъ. Истинный человѣкъ долженъ тратить на себя только то, что необходимо для здоровой жизни. Удовлетворенiе вкусу, гастрономическiя удовольствiя должны быть предоставлены тѣмъ, которые, подобно свиньямъ, живутъ для своего удовольствiя, не думая объ обязательствахъ передъ другими. Чѣмъ проще будетъ ваша жизнь, тѣмъ больше шансовъ будете имѣть для улучшенiя вашей духовной жизни. Три доллара въ недѣлю для вегетерiанца и пять долларовъ для мясоѣда— вотъ все, что необходимо для здоровой жизни. Всякiй избытокъ есть та жизнь на чужой счетъ, о которой такъ много говорятъ соцiалисты, не видя часто бревна въ собственномъ глазу... Великъ не тотъ человѣкъ, который живетъ поневолѣ на коркѣ хлѣба, когда проѣлъ свои средства, а великъ тотъ, кто съ тысячами и миллiонами долларовъ въ карманѣ будетъ жить такъ же, какъ жилъ въ бѣдности".

Переписка Фрея съ членами Ново-Одесской коммуны, обмѣнъ съ ними мыслей повели къ тому, что тѣ стали усиленно приглашать Фрея прiѣхать и хоть нѣкоторое время пожить съ ними, на что Фрей, наконецъ, согласился, имѣя въ виду пропаганду позитивизма между молодыми умами, стремящимися къ нравственному возрожденiю.

Прибывъ въ коммуну, Фрей принялъ горячее участiе во всѣхъ ея работахъ, а въ свободное время читалъ лекцiи по ариѳметикѣ и геометрiи, а также по моральнымъ и соцiальнымъ вопросамъ, въ духѣ позитивной философiи.

Ново-Одесская коммуна состояла изъ 50 человѣкъ членовъ, русскихъ и американцевъ, главное занятiе которыхъ заключалось въ рубкѣ лѣса и въ поставкѣ его на сосѣднюю желѣзную дорогу. Всѣ дѣла коммуны рѣшались на митингахъ, на которыхъ мужчины и женщины принимали одинаковое участiе, имѣя равныя права, и постояннымъ президентомъ былъ избранъ Фрей. Впослѣдствiи, чтобы не собирать митинга по маловажнымъ вопросамъ, избрано было для завѣдыванiя хозяйствомъ и работами особое лицо, которое ежемѣсячно обязано было давать отчетъ общему собранiю и заявлять о нуждахъ общества.

Эта коммуна не ограничивалась въ своей дѣятельности экономическою стороной, а также преслѣдовала и интеллектуальныя, и въ особенности моральныя цѣли, имѣя въ виду нравственное самовоспитанiе своихъ членовъ, для чего введенъ былъ, по совѣту Фрея, критицизмъ, давшiй, по отзывамъ бывшихъ членовъ, превосходные результаты, такъ какъ совершался онъ въ спокойномъ, дружескомъ тонѣ, безъ всякаго желанiя обидѣть критикуемое лицо или возвысить себя, указывая на недостатки ближняго, а съ единственной цѣлью взаимнаго исправленiя путемъ выясненiя недостатковъ, несовмѣстныхъ съ соцiальнымъ назначенiемъ личности.

Однако, и Ново-Одесская коммуна просуществовала недолго, — и Фрею пришлось быть свидѣтелемъ зловѣшихъ признаковъ, указывающихъ болѣе или менѣе на бзизкое ея распаденiе, Признаки эти появились прежде всего въ охлажденiи къ дѣлу многихъ членовъ.

„Работа, — писалъ Фрей одному своему другу, — идетъ плохо, такъ какъ большинство коммунистовъ или вовсе не работаетъ (по болѣзни) или же въ качествѣ полубольныхъ работаетъ на огородѣ; а на поляхъ работаетъ только 6—7 человѣкъ. Съ такой работой и думать нельзя объ уплатѣ долговъ; всѣ, очевидно, разсчитываютъ на помощь отъ Г. и Б., и эта распущенность производитъ на меня особенно горькое впечатлѣнiе".

Къ огорченiю, происшедшему отъ неурядицъ коммунальной жизни, присоединилась болѣзнь сердца, ко-

торая явилась какъ результатъ постепеннаго истощенія организма, обусловленнаго недостаточнымъ питаніемъ, при усиленномъ физическомъ трудѣ и чрезвычайно нервномъ напряженіи.

Болѣзнь заставила его серьезно подумать объ отъѣздѣ, и потому онъ сталъ усиленно готовиться къ нему, для чего завелъ переписку съ родными, находящимися въ Россіи.

Но онъ самъ хорошенько не зналъ, куда ему ѣхать, въ Россію или въ Англію, и, послѣ нѣкотораго размышленія, рѣшилъ все таки сначала съѣздить въ Англію и въ октябрѣ 1884 года съ дочерью Изабеллой (Беллою) покинулъ Орегонъ и отправился въ Нью-Іоркъ, гдѣ остановился на нѣсколько дней, чтобы повидаться съ своими друзьями, изъ которыхъ наиболѣе близкими по своимъ взглядамъ были адвокатъ Вокеленъ, въ настоящее время одинъ изъ видныхъ представителей народной партіи, и Эдваръ Кингъ — энергическій дѣятель въ рабочемъ движеніи. Не смотря на то, что Кингъ не болѣе, какъ простой рабочій въ одной изъ словолитенъ Нью-Іорка, онъ является однимъ изъ самыхъ передовыхъ и самыхъ свѣтлыхъ личностей великой заатлантической республики. Постоянная возня съ шрифтомъ была главною причиною его серьезной болѣзни, которая не дала возможности зарабатывать средства къ существованію физическимъ трудомъ, вслѣдствіе чего онъ сталъ давать уроки по исторіи, литературѣ и англійскому языку. Будучи горячимъ послѣдователемъ позитивной философіи Огюста Конта, онъ старался пропагандировать идеи великаго мыслителя путемъ печати въ качествѣ сотрудника „Positiv Thinkër и путемъ публичныхъ лекцій.

Наканунѣ отъѣзда Фрей съ дочерью отправился къ одному изъ русскихъ друзей своихъ, у котораго собралось очень много знакомыхъ Фрея, преимущественно русскихъ.

Пришелъ туда и упомянутый Кингъ, сказавшій горячую рѣчь по поводу отъѣзда Фрея. Въ этой рѣчи онъ провелъ между прочимъ мысль, что на бѣдныхъ людяхъ лежитъ великая миссія, потому что они только сумѣютъ рѣшить ту задачу, надъ которой многіе напрасно трудятся и которую никогда не разрѣшатъ, пока будутъ имѣть дѣло съ богатыми классами; только бѣдняки, не сдерживаемые предразсудками, свойственными достаточнымъ классамъ, сумѣютъ формулировать братство и дать въ этомъ отношеніи урокъ богатымъ людямъ“.

На другой день Фрей выѣхалъ изъ Нью-Іорка на пароходѣ „Орегонъ“, покинувъ такимъ образомъ Америку, въ которой думалъ остаться навсегда. Не найдя въ этой странѣ свободы того, чего онъ такъ страстно искалъ, Фрей покинулъ ее, однако, не съ горькимъ чувствомъ разочарованія, а съ чувствомъ самой сердечной признательности къ усыновившей его странѣ, съ чувствомъ глубокаго уваженія къ ея политическимъ учрежденіямъ, къ ея энергическимъ общественнымъ дѣятелямъ и къ тому множеству честныхъ, симпатичныхъ людей, которые въ своей дѣятельности не руководствуются однѣми матеріальными выгодами, а самымъ благородными, возвышенными идеями. По собственному признанію Фрея, эта страна была для него великой соціальной школой, въ которой онъ научился многому хорошему и въ особенности хорошо усвоилъ сущность свободы, заключающейся въ самой широкой терпимости, ясно понявъ, что политическая свобода можетъ существовать только тамъ, гдѣ люди умѣютъ управлять собою, уважать личность другого и повиноваться закону.

Н. Рейнгардтъ.

(До слѣд. №-ра).

Лѣтопись современной литературы и жизни.

Докторъ Керженцевъ на войнѣ.

Л. З. Мовичъ.

„А весьма возможно, что докторъ Керженцевъ дѣйствительно сумасшедшій. Онъ думалъ, что онъ притворяется, а онъ дѣйствительно сумасшедшій“.
(*„Мысль“ Л. Андреева*).

„Кто же я, гг. эксперты, сумасшедшій или нѣтъ“?
(*„Мысль“ Л. Андреева*).

Прошлую статью мы закончили обѣщаніемъ поговорить о „Красномъ смѣхѣ“ Л. Андреева, въ связи съ нѣкоторыми другими его произведеніями. Дѣло въ томъ, что это первостепенное произведеніе истиннаго таланта; этотъ крикъ ужаса, вызванный войной,—почти единственный по силѣ во всей мiровой литературѣ, — интересуетъ насъ не только какъ литературное произведеніе, но—въ данный моментъ даже прежде всего,—какъ очень важный „человѣческій документъ“, который долженъ свидѣтельствовать намъ о современности, разсказать намъ *душу* ея. Въ произведеніяхъ Андреева передъ нами раскрывается одна изъ наиболѣе характеризующихъ наше время черта; мы хотимъ прослѣдить ее въ поэтическихъ образахъ автора, — только тогда намъ будетъ понятенъ „Красный смѣхъ“, только тогда передъ нами возстанетъ во всемъ безконечномъ ужасѣ трагедія краснаго смѣха.

Мы посвятили недавно нѣсколько статей анализу „душъ современниковъ“, на основаніи произведеній литературы. Тана съ одной стороны, Бальмонта — съ другой, мы классифицировали, какъ души *идеологовъ*, имѣющихъ каждый *своего* Бога, знающихъ свой путь и идущихъ къ своей намѣченной цѣли. Въ мiровомъ типѣ Донъ-Жуана, съ его символомъ вѣры: „пусты небеса, Донна-Анна... Въ нихъ Бога нѣтъ“— который въ то же время стремится куда-то, безпрерывно ищетъ какого-то идеала, безпрерывно падаетъ, поднимается и идетъ дальше — въ немъ мы видѣли типъ *ищущей* души и ея современную модификацію мы попробовали найти въ героѣ романа Пшибышевскаго

„Homo Sapiens“. Мы подраздѣлили дальше *души современниковъ* на ищущихъ съ тоской и ужасомъ, но до опустошенности душевной не дошедшихъ, и на такихъ, которые такъ долго смотрѣли въ пустыя небеса, что пришли къ трагическому конечному выводу, что кругомъ только холодное, пустое небо, больше ничего нѣтъ и не можетъ быть. Литературнымъ выразителемъ такой *опустошенной* души мы назвали Гюи Мопассана.

Мы позволили себѣ въ нѣсколькихъ словахъ вернуться къ этому, такъ какъ намъ кажется необходимой избранная нами классификація душъ современниковъ, чтобы уяснить себѣ настоящую — на нашъ взглядъ—суть творчества Андреева, потому что и изъ произведеній Андреева мы будемъ вычитывать тѣ характерныя черты современной *ищущей* души, которыя такъ ярко отличаютъ ихъ; при этомъ для насъ отойдетъ на второй планъ анализъ его таланта и даже характеристика его писательской физіономіи. Мы не будемъ даже говорить о пользѣ или вредѣ его творчества, хотя этотъ вопросъ долженъ быть поставленъ на первое мѣсто при анализѣ каждаго истинно-крупнаго писателя: только мелкія воды безразличны,—морская-же глубина носитъ на своей спинѣ быстрые пароходы, или хоронитъ ихъ въ своей пучинѣ.

И въ отношеніи Андреева этотъ вопросъ по многимъ причинамъ особенно интересенъ, но, повторяемъ, мы и его не будемъ касаться, такъ какъ цѣль наша,—абстрагируя какъ его личность, такъ и особенности его творчества, - видѣть передъ собою только нѣсколько исключительно-яркихъ произведеній, принадлежащихъ къ извѣстной исторической эпохѣ.

Изъ общихъ опредѣленій, данныхъ нами, мы не можемъ не видѣть, что эти произведенія принадлежатъ *ищущей* душѣ современности. Это— любопытная разновидность, характерная для нашего времени. Вѣдь типъ „ищущаго“ самъ по себѣ вѣченъ.

Поэты всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ говорятъ о немъ, вся исторія человѣчества—это *его* путь, въ началѣ трудный, тернистый, гдѣ со страшной опасностью идетъ только онъ—ищущій, впереди всѣхъ. И когда ему кажется, что онъ что-то нашелъ, онъ проникается такой страстной вѣрой, что увлекаетъ за собой всѣхъ идеологовъ, разносящихъ его вѣру далеко по міру, какъ вѣтеръ сѣмена растеній. Борются, страдаютъ, идутъ на крестъ идеологи за вѣру, найденную ищущимъ; эта вѣра, эта истина завоевываетъ мало по малу міръ, признается массой, становится „господствующей церковью“, а творецъ ея уже далеко впереди ищетъ новаго пути.

Такова старинная, извѣстная схема исторіи, но интересно отдѣлить въ ней новое отъ стараго, интересно выяснить отличительныя черты этого новаго. Первая, чрезвычайно важная черта этого новаго въ томъ, что чисто - количественно этотъ типъ ищущаго страшно выросъ, что мы находимъ его теперь на такихъ путяхъ, въ такихъ слояхъ народной толщи, гдѣ прежде его не было и не могло быть. Въ самыхъ различныхъ слояхъ народныхъ идетъ разслоеніе (какъ мы объ этомъ говорили въ одной изъ нашихъ прошлыхъ статей), идетъ новое строительство, поиски новыхъ путей и, какъ всегда, строятъ, фактически творятъ жизнь — вѣрнѣе, вынашиваютъ ее *идеологи*, но зачата она бываетъ всегда только *ищущими*. Нашъ историческій моментъ полонъ новаго строительства, и поэтому никогда не было столько ищущихъ, какъ въ наше время. Это — схема нашего времени, общая для *всѣхъ* слоевъ народныхъ. Но въ чистомъ видѣ,—мы сказали-бы — химически-чистый видъ *ищущей* души нашего времени мы можемъ найти только на вершинахъ интеллекта, гдѣ перво-

начальныя ступени давно уже пройдены, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ послѣднимъ выводомъ, какой только въ силахъ сдѣлать современное человѣчество, впитавшее въ себя всѣ познанія прошлыхъ вѣковъ, всю науку и искусство современности.

Эта ищущая душа современности носится надъ пропастью бытія, какъ чайка надъ бездной океана. Здѣсь выступаетъ трагизмъ этой души съ такими нюансами, какихъ она еще не имѣла до сихъ поръ во всей исторіи человѣчества...

Мы подтверждаемъ это несмотря на сходство, несомнѣнно существующее между душою творчества Андреева и многими другими писателями и между ними на первомъ планѣ съ творчествомъ Достоевскаго.

Тотъ-же изумительно острый и точный скальпель, не боящійся никакого ужаса, заглядывающій на самое дно души. Мы не разъ слышали, что Достоевскій — это та же ищущая душа, какъ Андреевъ — тотъ-же „жестокій талантъ". Но невѣрно ни то, ни другое.

Тотъ не ищущій, кто знаетъ заранѣе, что́ онъ найдетъ, для кого поиски — только извѣстный методъ доказательства, пріемъ убѣжденія, такъ сказать. Всѣ творенія Достоевскаго показываютъ намъ съ очевидностью, что мы имѣемъ дѣло съ вѣрующимъ *идеологомъ*, такъ какъ и въ анализѣ своемъ онъ идетъ только по тому пути, куда его влечетъ его вѣра и чисто-субъективныя особенности его психики. Этихъ особенностей психики, благодаря которымъ критикъ такъ глубоко и точно опредѣлилъ талантъ Достоевскаго, нѣтъ въ творчествѣ Андреева, и опредѣленіе „жестокій" къ его таланту не можетъ подойти.

Идеологъ Достоевскій доходитъ до философіи безсознательной души народной, до мистическаго культа его. Ищущій-же докторъ Керженцевъ *), холодно сознавая, что онъ теряетъ послѣднюю почву изъ подъ ногъ, все-же продолжаетъ носиться, какъ чайка надъ бездной, и вѣрующей, спокойной и увѣренной сидѣлкѣ Машѣ онъ не можетъ ничего другого сказать, кромѣ: „Вы дитя, Маша, вы тупое существо, почти растеніе, и я очень завидую вамъ, почти столько же, сколько презираю васъ".

Это та высота душевная, гдѣ „истину любятъ больше Платона", больше своего спасенія, гдѣ стремленіе къ истинѣ захватываетъ все существо,— гдѣ она, какъ живая сила страшной мощи, требуетъ подчиненія себѣ. Докторъ Керженцевъ въ своемъ исканіи не можетъ лгать ни для какого рая ни на землѣ, ни на небесахъ. И въ то время, какъ Достоевскій, испугавшись бездны, готовъ искать спасенія у юродивыхъ и у о. Зосимы, — докторъ Керженцевъ спокойно говоритъ: „Нѣтъ, Маша, не вы отвѣтите мнѣ. И вы ничего не знаете, это неправда. Въ одной изъ темныхъ каморокъ вашего нехитраго дома живетъ кто-то, очень вамъ полезный, но у меня эта комната пуста. Онъ давно умеръ, тотъ, кто тамъ жилъ, и на могилѣ его я воздвигъ пышный памятникъ. Онъ умеръ, Маша, умеръ и не воскреснетъ".

Ищущая душа Керженцева носится надъ бездной... Безконечно высока надъ нею пустая бездна неба, — безконечно глубока подъ нею страшная бездна жизненнаго моря, и кажется, что она готова ринуться туда, чтобы добыть какую-то тайну...

II.

Что-же поддерживаетъ чайку надъ бездной, на что она расчитываетъ, ныряя въ эту пропасть, что она противопоставляетъ безднѣ? Только свои крылья, — только на крѣпость и свободную мощь ихъ она можетъ расчитывать. Чайка вѣритъ въ самый полетъ, въ безконечную возможность полета, ныряніе и поисковъ. Эта чайка — ищущая душа —

*) Л. Андреевъ, „Мысль".

противопоставляетъ безднѣ бытія свойственныя *ей* крылья — свою *Мысль*. Она вѣритъ въ человѣка, въ его свободную Мысль, въ безконечную возможность исканія, въ силу и всепокоряющую мощь Мысли, въ ея торжество... „Боюсь думать, но, кажется, я никогда не переставалъ быть романтикомъ. Я вѣрилъ въ человѣческую мысль и въ ея безграничную мощь. Вся исторія человѣчества представлялась мнѣ шествіемъ одной торжествующей мысли"... „И развѣ я не чувствовалъ своей мысли твердой, свѣтлой, точно выкованной изъ стали и безусловно мнѣ послушной?.. Она раздѣляла ткани событій, точно змѣя, безшумно вползала въ неизвѣданныя и прочныя глубины, что навѣки сокрыты отъ дневного свѣта... Какъ она была послушна, исполнительна и быстра, моя мысль, и какъ я любилъ ее, мою рабу, мою грозную силу, мое единственное сокровище"!

Вы видите, какъ ищущая душа доктора Керженцева держится надъ бездной, не даетъ ей поглотить себя—только вѣрой въ Мысль. Ею онъ живетъ, ея силой — онъ вѣритъ—онъ побѣдитъ бездну. Мысль становится его культомъ, — предметомъ удивленія, поклоненія... „Изъ всего удивительнаго, непостижимаго, чѣмъ богата жизнь, самое удивительное и непостижимое—это человѣческая мысль. Въ ней божественность, въ ней залогъ безсмертія и могучая сила, не знающая преградъ... Простая мысль чернорабочаго о томъ, какъ цѣлесообразнѣе положить одинъ кирпичъ на другой — вотъ величайшее чудо и глубочайшая тайна"...

Мы коснемся потомъ болѣзненныхъ уклоненій и изломовъ, до которыхъ дошла ищущая душа Керженцева. Здѣсь-же намъ важно установить этотъ признакъ современной души, эту страстную вѣру въ силу, въ конечное торжество крыльевъ чайки — въ мощную, всепокоряющую Мысль. Это наиболѣе характерная черта для современной модификаціи ищущей души, и въ Керженцевѣ мы видимъ только „крайній идеалъ", усиленныя до рѣзкости черты, присущія цѣлому историческому моменту...

Но одинъ ложный шагъ Керженцева, или одна порочная особенность какого-нибудь его предка, повиннаго въ несчастной наслѣдственности, полученной имъ — заставляетъ его Мысль шататься, — эта острая рапира выскальзываетъ изъ его рукъ, и боготворимая имъ спокойно-увѣренная гордая Мысль превращается, по его мѣткому опредѣленію, въ „пьяную змѣю"... „Она сохранила свою злость; ловкость и быстрота ея еще усилилась, а зубы все такъ-же остры и ядовиты... И она пьяна, и она въ запертой комнатѣ, гдѣ много дрожащихъ отъ ужаса людей... И холодно свирѣпая, она скользитъ между ними, обвиваетъ ноги, жалитъ въ самое лицо, въ губы"... Ищущая душа Керженцева въ ужасѣ, — она погибаетъ, ее затягиваетъ бездна, такъ какъ крылья чайки, которыя ее держатъ надъ бездной, ослабѣваютъ. Она видитъ, что ея крылья слабѣе океана.

Керженцевъ видитъ, что его мысль безконечно ничтожнѣе бездны, и что даже въ немъ самомъ есть еще что-то другое, равное ей по силѣ, борющееся съ нею... Его Мысль, державшая его надъ бездной и дававшая ему силы опять и опять *искать* въ этой безднѣ вѣчной истины, — эта Мысль убѣжала отъ него. „Изъ головы, гдѣ я крѣпко держалъ ее, — говоритъ Керженцевъ, — она ушла въ тайники тѣла, въ черную и неизвѣданную его глубину"... Онъ видитъ слабость Мысли, жалкіе предѣлы ея... И онъ стоитъ передъ вопросомъ: *каковы* его крылья, не сумасшедшій-ли онъ, не поглотитъ-ли его сейчасъ-же эта бездна, и ему кажется уже, что онъ слышитъ, какъ „бѣжавшая" мысль

кричитъ ему изъ тайниковъ тѣла... „Ты маленькій, ты злой, ты глупый, ты докторъ Керженцевъ... Какой-то докторъ Керженцевъ, сумасшедшій докторъ Керженцевъ“!..

Этотъ вопросъ имѣетъ глубокое, рѣшающее значеніе для всей его жизни... Весь трагизмъ пустыхъ небесъ надъ нимъ и полной мрачнаго ужаса пропасти подъ его ногами встаетъ передъ нимъ. Теряя вѣру въ свои крылья, въ возможность полета и исканія—хотя-бы и между двумя безднами—онъ носится въ страшномъ одиночествѣ между ними... „Я любилъ свою человѣческую мысль, свою свободу. Я ничего не зналъ и не знаю выше своей мысли, я боготворилъ ее — и развѣ она не стоила этого? Развѣ, какъ исполинъ, не боролась она со всѣмъ міромъ и его заблужденіями“? „И мнѣ измѣнили“ говоритъ онъ, усомнившись въ силѣ крыльевъ своихъ, - убѣдившись, что мысль можетъ „подло, коварно“ измѣнять, что она не гордая, свободная богиня, а жалкая раба... „Кто сильный спасетъ меня? Никто. Ибо никого нѣтъ сильнѣе меня, а я — я и есть единственный врагъ моего „я“. Онъ не вѣритъ больше своей мысли и въ ужасѣ задаетъ себѣ вопросъ, кому-же и чему онъ можетъ вѣрить?

Мысль онъ называетъ „подлой и ничтожной“, „лживымъ холопомъ, годнымъ для того, чтобы чистить сапоги“ и—жалкимъ, маленькимъ Керженцевымъ, „сумасшедшимъ Керженцевымъ“ носится онъ между безднами, въ „пустотѣ безконечнаго пространства“... „Великое и грозное одиночество“ охватываетъ Керженцева, потерявшаго крылья, на которыхъ онъ гордо носился между безднами. „Зловѣщее одиночество“ поглощаетъ его, едва онъ созналъ, что его мысль—это еще не весь онъ, что „самого себя онъ составляетъ лишь ничтожную частицу“, что онъ самъ „такъ малъ, такъ безконечно ничтоженъ и слабъ и каждую секунду готовъ потухнуть“...

Страшной трагедіей духа человѣческаго, тонущаго и погибающаго между двумя безднами, — крикомъ ужаса всѣхъ ищущихъ душъ, гдѣбы онѣ ни были во вселенной, звучатъ эти слова доктора Керженцева... Потерявши свои крылья—свою вѣру въ мысль, „одинокій въ пустотѣ вселенной, и въ самомъ себѣ не имѣетъ онъ друга“... Вотъ она—эта міровая трагедія, — этотъ межпланетный крикъ духа человѣческаго, заключеннаго въ мозгу, сидящаго подъ черепной костью, какъ въ тюрьмѣ... „Кто сильный дастъ мнѣ руку помощи? Никто. Никто. Гдѣ найду я то вѣчное, къ чему я могъ-бы прилѣпиться съ своимъ жалкимъ, безсильнымъ, до ужаса одинокимъ я? Нигдѣ. Нигдѣ“...

III.

Это—истинная суть доктора Керженцева. Его ищущая душа опирается на мысль, живетъ ею, поклоняется ей, гордится ею и любитъ ее. Окруженный пустотой вѣковъ и пространства, онъ опирясь на Мысль, чувствовалъ себя гордымъ повелителемъ, или по меньшей мѣрѣ —равнымъ, способнымъ къ борьбѣ соперникомъ этой страшной бездны. Такова „химически“ - чистая суть ищущей души Керженцева, которую мы должны постичь, не смотря на всѣ примѣси къ ней въ видѣ болѣзненныхъ уклоненій, непонятнаго и нездороваго стремленія къ убійству и другихъ вывиховъ мысли, которыми наградилъ его его творецъ. Это добавочныя величины, которыя мы имѣемъ право отбросить, устанавливая чистоту типа, но при этомъ мы должны помнить, что мы для выясненія типа пользовались всюду правомъ усиливать черты,— мы сгущали краски для полученія рѣзкой картины „крайняго идеала“, и когда

мы доктора Керженцева представимъ себѣ не какъ крайній идеалъ человѣка съ гордой ищущей душой, опирающагося на мысль и живущаго только ею, а нарисуемъ себѣ средняго доктора Керженцева, то мы получимъ то первостепенной важности явленіе, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ. Мы получимъ яркую картину современности, гдѣ съ нами, около насъ живетъ огромное количество докторовъ Керженцевыхъ, со средней душѣ, но тоже безпрерывно ищущей, тоже живущей въ страшной пустотѣ между двумя безднами, для которыхъ тоже *„онъ* умеръ и не воскреснетъ" больше, и которые, если вѣрятъ во что-либо, то только и исключительно въ прекрасную гордую Мысль, въ конечное торжество ея...

Докторъ Керженцевъ Андреева обрывается въ бездну,—темныя, таинственныя силы тѣла создаютъ цѣлую цѣпь уклоненій и вывиховъ, толкаютъ его на убійство, а потомъ онъ самъ стоитъ въ ужасѣ передъ неразрѣшимымъ вопросомъ, о которомъ онъ говоритъ, что для него онъ останется навсегда нерѣшеннымъ: „Притворялся ли я сумасшедшимъ, чтобы убить, или убилъ потому, что былъ сумасшедшимъ"? Мы говорили о томъ, какое страшное, трагическое значеніе имѣетъ для него этотъ вопросъ. Какъ извѣстно со словъ творца жизни Керженцева Андреева,—голоса экспертовъ раздѣлились поровну, „присяжные засѣдатели удалились въ комнату совѣщаній", и мы не знаемъ ихъ вердикта. Мы должны считать себя присяжными засѣдателями и постараться рѣшить этотъ вопросъ. Мы должны постараться вывести какое нибудь заключеніе; несмотря на нѣкоторую правду, лежащую въ словахъ Керженцева, съ которыми онъ обращается къ экспертамъ. Онъ ставитъ имъ вопросъ: „Кто же я, оправдывающійся сумасшедшій, или здоровый, сводящій себя съ ума?"— и самъ же говоритъ, что онъ напрасно ждетъ отъ нихъ отвѣта: „Развѣ вы не я? Развѣ въ вашихъ лысыхъ головахъ работаетъ не таже подлая, человѣческая мысль, вѣчно лгущая, измѣнчивая, призрачная, какъ и у меня?"... Въ этомъ есть доля правды, но этотъ вопросъ надо изслѣдовать, надо постараться укрѣпиться на чемъ-нибудь, чтобы... чтобы не оборваться въ бездну.

Мы къ этому позже вернемся, а теперь возьмемъ *средняго* доктора Керженцева,—онъ не долженъ быть абстрактнымъ,„крайнимъидеаломъ", нарисованнымъ нами, но онъ долженъ быть свободенъ и отъ болѣзненныхъ уклоненій, данныхъ ему Андреевымъ; *такого* доктора Керженцева, какихъ теперь тамъ на Дальнемъ Востокѣ—огромное множество, отправимъ мы на войну.

Мы отправимъ его на войну и посмотримъ,—изслѣдуемъ,какъ будетъ отзываться докторъ Керженцевъ на все происходящее передъ нимъ, какъ онъ будетъ реагировать на окружающую его дѣйствительность. Мы получимъ тогда въ чистомъ видѣ картину души человѣка, живущаго мыслью, поклоняющагося мысли и вѣрящаго только въ мысль,—поставленнаго въ условія современной войны...

„Много раненыхъ?—спросилъ я. Онъ махнулъ рукой. –Много сумасшедшихъ. Больше, чѣмъ раненыхъ. —Настоящихъ?—А то какихъ же?— Онъ смотрѣлъ на меня, и въ глазахъ его было то же остановившіеся, дикое, полное холоднаго ужаса выраженіе, какъ и у того солдата, что умеръ отъ солнечнаго удара. —Перестаньте,—сказалъ я отворачиваясь" *).

Итакъ,—сумасшедшихъ больше, чѣмъ раненыхъ на войнѣ,—„настоящихъ" сумашедшихъ. „Настоящіе"-ли это сумасшедшіе и почему ихъ такъ много,—это любопытно изслѣдовать и понять. Мы имѣемъ пока

*) Андреевъ „Красный смѣхъ".

только чисто внѣшній фактъ, почти „рапортъ“, что современный человѣкъ,—человѣкъ *мысли* реагируетъ на войну безуміемъ. Бездна безумія открывается передъ докторомъ Керженцевымъ на войнѣ,—всѣ законы мысли, всѣ прочныя плотины логики разрушены, размыты, снесены какимъ-то напоромъ, дикимъ ураганомъ безумія, и докторъ Керженцевъ, который такъ любитъ мысль, такъ гордится ею, стоитъ передъ этой бездной и смотритъ въ глубь ея...

Происходила битва, и раненые, убитые, искалѣченные валяются на полѣ,—многіе изъ нихъ отползли далеко, и кажется, будто все кругомъ стонетъ отъ ужаса и боли. —„Отовсюду— мѣста нельзя было точно опредѣлить—проносился ровный, поскребывающій стонъ, удивительно спокойный въ своей широтѣ и даже какъ будто равнодушный. Мы слышали много криковъ и стоновъ, но это не было похоже ни на что изъ слышаннаго... И съ каждымъ нашимъ шагомъ зловѣще наросталъ этотъ дикій, неслыханный стонъ, не имѣвшій видимаго источника, какъ будто стоналъ красный воздухъ, какъ будто стонали земля и небо“... Они шли дальше, —все чаще и чаще попадались валявшіеся трупы, — они ихъ бѣгло осматривали и сбрасывали съ полотна желѣзнодорожнаго пути... „Что-же это! — кричалъ докторъ и грозилъ кому-то кулакомъ“... Наконецъ, они начали встрѣчать раненныхъ и „все“ поле, залитое неподвижнымъ краснымъ отсвѣтомъ пожаровъ, закопошилось, точно живое, загорѣлось громкими криками, воплями, проклятіями и стонами“. Отовсюду поползли раненные, безчисленное множество раненыхъ, изломанныхъ, изорванныхъ, потерявшихъ подобіе человѣка — жалкихъ животныхъ. Они набивали ими вагоны, а ихъ число все прибывало и прибывало. Платье ихъ было мокро отъ крови,—раненные „стонали, выли, ругались и ненавидѣли ихъ“, какъ будто они создали эту „кровавую, равнодушную ночь и ихъ одиночество среди ночи и труповъ“.

Нашъ докторъ Керженцевъ начинаетъ терять послѣднія силы и отходитъ въ сторону покурить;—къ нему подходитъ санитаръ студентъ —тоже одинъ изъ среднихъ Керженцевыхъ. Онъ строгъ и холодно спокоенъ, но видно, что человѣкъ потерялъ свою *мысль,* чайка потеряла свои крылья, заглянувши слишкомъ глубоко въ бездну. Сухо и спокойно онъ говоритъ нашему доктору Керженцеву:—„Я вамъ скажу. Я вамъ скажу. Передайте имъ“.—„И все такъ же строго глядя на меня и еще разъ погрозивъ пальцемъ, онъ вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ себѣ въ високъ“.

—„И это нисколько не удивило и не испугало меня“, прибавляетъ докторъ Керженцевъ. Его здоровая, логическая мысль находитъ это естественнымъ отвѣтомъ на бездну безумія, окружающую его. Когда онъ потомъ говоритъ врачу завѣдывающему санитарнымъ отрядомъ, о томъ, что студентъ застрѣлился, —тотъ отвѣчаетъ на это крикомъ: „И даю вамъ честное слово—я тоже! Да! И прошу васъ—извольте идти пѣшкомъ! Мѣстъ нѣту“...

Онъ идетъ дальше, кровавая безумная ночь идетъ за нимъ, все поле копошится, какъ живое, и стонъ, безконечный стонъ стелется по землѣ—„тонкій, безнадежный, похожій на дѣтскій плачъ, или на визгъ тысячи заброшенныхъ и замерзающихъ щенятъ“...

Мысль доктора Керженцева стоитъ надъ этой бездной и все глубже заглядываетъ въ нее... Привычныя понятія, картины,—обычныя стройныя и логическія чувства и мысли теряютъ свою реальную конкретность,—начинаютъ казаться неестественными и страшными...—„Когда я подумаю,—сказалъ студентъ (тоже Керженцевъ, который потомъ застрѣлился), не оборачиваясь: — когда я подумаю, что есть гдѣ-то

улицы, дома, университетъ"... Онъ оборвалъ, точно сказалъ все и замолчалъ. И онъ на самомъ дѣлѣ сказалъ *все*. Онъ сказалъ, что онъ переживаетъ страшное столкновеніе между здоровой и ясной мыслью, къ которой онъ привыкъ,—прекрасной, стройной и цѣлесообразной въ каждой чертѣ своей — съ тупымъ безуміемъ дѣйствительности, съ холоднымъ ужасомъ стихійнаго безсмыслія окружающей его бездны... Онъ сказалъ, что мысль требуетъ цѣлесообразности, предписываетъ повелительно логическую закономѣрность,—и улицы, дома, университетъ *не могутъ* быть логически соединены съ этимъ стонущимъ полемъ, освѣщеннымъ заревомъ пожаровъ, гдѣ темные бугорки - люди съ Мыслью въ головѣ — „копошились и ползали, какъ сонные раки, выпущенные изъ корзины, расгоряченные, странные"...

Онъ—человѣкъ мысли, заглядываетъ въ бездну безумія, называемую войной,—и на краю ея не можетъ иначе реагировать, какъ только стройной логичностью и послѣдовательностью своего мышленія. А исходя изъ него, онъ на вопросъ: „какъ то теперь дома"?—*не можетъ* иначе отвѣтить, какъ только такъ, какъ онъ отвѣчаетъ: „Дома? Какой домъ, развѣ гдѣ-нибудь есть домъ? Не перебивайте меня, иначе я начну стрѣлять. Дома я каждый день бралъ ванны—понимаете, ванны съ водой, съ водой по самые края... Я съ ума схожу отъ грязи, а вы говорите —домъ! Я какъ скотъ, я презираю себя, я не узнаю себя, и смерть вовсе не такъ страшна! Вы мнѣ мозгъ разрываете вашими шрапнелями, мозгъ! Куда бы ни стрѣляли, мнѣ все попадаетъ въ мозгъ,--вы говорите—домъ. Какой домъ? Улица, окна, люди, а я не пошелъ бы теперь на улицу —мнѣ стыдно"...

IV.

„Не перебивайте меня, иначе я начну стрѣлять"... Вы, конечно, замѣтили эту изумительную фразу,—и она показалась вамъ полной дикаго безумія? Намъ она не кажется такой, — напротивъ, мы вмѣстѣ съ докторомъ Керженцевымъ готовы пѣть дифирамбы прекрасной стройности и величавой закономѣрности человѣческой мысли, создавшей теорію безконечно-малыхъ величинъ и нашедшей законы Кеплера, которымъ подчиняются всѣ небесныя свѣтила, реагирующей *здоровой* мыслью на нормальную дѣйствительность и *логическимъ* безуміемъ на безуміе дѣйствительности. Безграничная мощь человѣческой мысли всего болѣе видна въ умѣньи закономѣрно реагировать на каждое явленіе, какое-бы оно ни было и что-бы оно ни вносило.

Исходя, напримѣръ, изъ понятія *пространства*, мы видимъ, что первые принципы геометріи не логикой только предписываются и не изъ опыта только взяты, и мы понимаемъ, къ какимъ другимъ положеніямъ мы должны были-бы придти, если бы были перенесены въ „неэвклидовъ" міръ. Мы разбираемъ геометрію Римана—двухъ измѣреній, Лобачевскаго—четырехъ измѣреній, связанность ихъ геометрій съ Эвклидовой—трехъ измѣреній—и видимъ, по прекрасному выраженію математика Пуанкаре, — что „одна геометрія не можетъ быть *болѣе истинна,* чѣмъ другая; она можетъ быть только *болѣе удобна*". Посмотримъ съ этой точки зрѣнія на эту безумную фразу: „не перебивайте меня, иначе я начну стрѣлять"...

Въ нормальныхъ условіяхъ жизни, —когда люди не должны ни грабить, ни жечь, ни убивать,—когда незначительная рана у ближняго нашего вызываетъ цѣлое море состраданія у всѣхъ окружающихъ его, когда каждое культурное завоеваніе цѣнится всѣми сознательно-живущими людьми, когда убійство—преступленіе, а всякое насиліе рѣзко противорѣчитъ всему, что мы назы-

ваемъ правдой, счастьемъ и истиной—въ *этихъ* условіяхъ мысль логически доходитъ до необходимости укрощать импульсивность дѣйствій — до требованія наивысшаго развитія задерживающихъ центровъ. Въ *этихъ* условіяхъ—въ мірѣ геометріи Эвклида мы, сталкиваясь съ человѣкомъ, у котораго дѣйствія такъ импульсивны, а задерживающіе центры такъ ослаблены, что онъ готовъ стрѣлять, если ему помѣшаютъ говорить—смѣло имѣемъ право отнести его къ сумасшедшимъ.

Но въ *новыхъ* условіяхъ,—среди безумія войны, въ мірѣ двухъ, или четырехъ измѣреній, — странны и безумны были-бы законы нравственности и Эвклидовы теоремы, Мадонны Рафаэля и Сократовская ясная сдержанность. Все разрушено, все уничтожено, все снесено этимъ страшнымъ ураганомъ, и дикой насмѣшкой звучало-бы корректное: „pardon, не перебивайте меня“... Не правда-ли?

А сколько сотенъ тысячъ лѣтъ человѣчество жило, прежде чѣмъ выработало эти задерживающіе центры, прежде чѣмъ научилось не отвѣчать выстрѣломъ, едва кто-либо перебьетъ, не поддаваться животной импульсивности, глубоко лежащей въ нашемъ тѣлѣ... Все разрушено и уничтожено, — вся культура, все воспитаніе мысли растоптано, безумная дѣйствительность требуетъ другого.

Вы помните,—въ „Мысли“ г. Андреева есть любопытный моментъ. Докторъ Керженцевъ сидитъ въ больницѣ и слышитъ „свирѣпый и трусливый“ одновременно вой своихъ сосѣдей. Холодный ужасъ одиночества, заброшенности и шатанія мысли охватываетъ его. Онъ переживаетъ одинъ скверный моментъ: „это была веревка“ говоритъ онъ кратко... А о другомъ моментѣ разсказываетъ онъ намъ такъ: „я думалъ о томъ, чего мнѣ хочется. А хотѣлось мнѣ странныхъ вещей. Мнѣ, д-ру Керженцеву, хотѣлось выть. Не кричать, а именно выть, какъ вонъ тотъ. Хотѣлось рвать на себѣ платье и царапать себя ногтями... И хотѣлось мнѣ, д-ру Керженцеву, стать на четвереньки и ползать“... Онъ долго размышляетъ и логически выбираетъ, во избѣжаніи „скандала“, именно третье: онъ рѣшаетъ ползать. Мы видимъ потомъ картину, какъ человѣкъ строгой и стройной мысли, подъ вліяніемъ темныхъ силъ, сидящихъ въ немъ, подчиняется какому-то таинственному атавизму, превращающему его въ животное, и *ползаетъ*.

Онъ сейчасъ-же возвращается къ *человѣку*, хохочетъ надъ собой и своей ясной мыслью, понимаетъ, что это самовнушеніе и съ ужасомъ спрашиваетъ себя: „но я все-же, вѣдь, ползалъ? кто-же я, сумасшедшій“?

Это сдѣлала частію болѣзнь, конечно,—но больше всего, сознаніе, что онъ сидитъ въ больницѣ для умалишенныхъ, что около него свирѣпо и трусливо воетъ сумасшедшій, что безуміе кругомъ него и незамѣтно входитъ во всѣ поры его тѣла, во всѣ извилины его мозга,— все это дѣйствуетъ на него такъ, что онъ поддается самовнушенію, и ему начинаетъ казаться, что ему хочется того, что должно хотѣться сумасшедшему, сидящему въ больницѣ. И онъ ползаетъ...

Докторъ Керженцевъ на войнѣ, находясь въ условіяхъ полнаго безумія дѣйствительности, *долженъ* дать волю своимъ импульсамъ,— задерживающіе центры *должны* перестать у него дѣйствовать,—будучи логически послѣдователенъ, онъ долженъ придти къ выводу, что „все можно“,—совершенно такъ же, какъ онъ приходитъ къ этому выводу, сидя въ больницѣ. „Для меня нѣтъ судьи, нѣтъ, закона, нѣтъ недозволеннаго. Все можно. Вы можете представить себѣ міръ, въ которомъ нѣтъ законовъ притяженія въ которомъ нѣтъ верха, низа, въ которомъ все повинуется только при-

хоти и случаю? Я докторъ Керженцевъ, этотъ новый міръ. Все можно"*)..

Да, мы знаемъ этотъ „новый міръ". *Это—война.* Тамъ нѣтъ законовъ притяженія, нѣтъ верха, нѣтъ низа, нѣтъ законовъ нравственности и требованій обычной „Эвклидовой" мысли, нѣтъ невозможнаго, недозволеннаго. Тамъ все можно, тамъ красная кровь, которая прячется всегда отъ глазъ людскихъ,—льется безъ конца на землю, превращается въ ручьи, въ цѣлые потоки, тамъ красный смѣхъ зловѣщимъ призракомъ носится по стонущимъ полямъ. И вы хотите, чтобы люди тамъ корректно говорили: „pardon, не перебивайте меня"?

Нѣтъ,—отъ другого д-ра Керженцева, сидящаго не въ больницѣ, а находящагося на войнѣ,—мы слышимъ тѣ же рѣчи... Онъ тоже находитъ, что все можно, что нѣтъ недозволеннаго. И онъ *логиченъ*, *строго*-логиченъ, такъ какъ „одна геометрія не можетъ быть болѣе логична, чѣмъ другая"... Докторъ Керженцевъ на войнѣ анализируетъ тамъ новый міръ, въ которомъ онъ живетъ, и видитъ, что онъ находится въ мірѣ Римановской геометріи или въ мірѣ геометріи Лобачевскаго, но никакъ не Эвклидовской и, принявъ посылки этого міра двухъ, или четырехъ измѣреній,—онъ дальше строитъ такую же истинную геометрію... „Вы скоро уѣдете, и вамъ я скажу. Вы видѣли когда-нибудь драку въ сумасшедшемъ домѣ? Нѣтъ? А я видѣлъ. И они дрались, какъ здоровые. Понимаете: какъ здоровые"...

Вы видите, какъ смотритъ докторъ Керженцевъ на эту войну, и иначе человѣку мысли трудно смотрѣть на нее. А посмотрите дальше, какъ онъ реагируетъ. „А это вы понимаете,—а это вы можете объяснить"?—спрашиваетъ онъ, указывая на больныхъ. И получивъ въ отвѣтъ: „Раненые"... онъ воскликнулъ: „Безъ ногъ, безъ рукъ, съ прорванными животами, размолотой грудью, вырванными глазами. Вы это понимаете? Очень радъ. Значитъ, вы поймете и это?" —И онъ быстро перекинулся внизъ, сталъ на руки, балансируя въ воздухѣ ногами и бросая отрывистыя слова: „А это... вы также... понимаете?"...

*) „Мысль".

Не правда-ли, эта... экспансивная манера аргументировать напоминаетъ намъ *ползающаго* доктора Керженцева? Оно и понятно: и тотъ, и другой находятся въ сумасшедшемъ домѣ, — одинъ въ больницѣ, а другой на войнѣ.

Охваченный тишиной безумія больницы для умалишенныхъ, одинъ поддается самовнушенію и ползаетъ, —а другой, охваченный дѣйственнымъ безуміемъ войны, гдѣ нѣтъ ни верха, ни низа, ни законовъ притяженія, ни предѣловъ дозволенному, — аргументируетъ тѣмъ, что становится внизъ головой...

И какъ Лобачевскій, ставя насъ въ условія четырехъ измѣреній, создаетъ совершенно неожиданныя для насъ теоремы, такъ Андреевъ, приведя своего д-ра Керженцева на войну, умѣетъ находить для его мысли совершенно неожиданныя выраженія. На аргументъ *внизъ головой* онъ отвѣчаетъ: „Перестаньте, —а то я закричу"... Не правда-ли, въ этомъ есть своя логика, логика *безумія*, логика *войны*,—логика другого міра—не нашего, не Эвклидовскаго? Страшная импульсивность, полное уничтоженіе задерживающихъ центровъ, заставляющее стрѣлять, когда перебиваютъ рѣчь, и кричать, когда странно аргументируютъ—все это нормальныя явленія этого не—Эвклидовскаго міра. У д-ра Керженцева на войнѣ выростаетъ планъ — строго логичный и вполнѣ оправдываемый всей цѣпью событій. Онъ разсказываетъ о тысячахъ сумасшедшихъ изъ рядовъ нашей арміи и непріятельской, которые бродятъ истерзанными, зло-

вѣщими призраками по холмамъ, взадъ и впередъ, во всѣхъ направленіяхъ, питаются трупами вмѣстѣ съ собаками... Онъ разсказываетъ о томъ, какъ они умираютъ сотнями въ пропастяхъ, въ волчьихъ ямахъ, „приготовленыхъ для здоровыхъ и умныхъ", какъ они вмѣшиваются въ правильныя сраженія и какъ они дерутся, какъ герои... Онъ разсказываетъ о своемъ планѣ собрать вокругъ себя этихъ храбрецовъ и объявить войну всему міру. „Веселой толпой, съ музыкой и пѣснями, мы войдемъ въ города и села, и гдѣ мы пройдемъ, тамъ все будетъ красно, тамъ все будетъ кружиться и плясать, какъ огонь". Онъ надѣется, что онъ со своей арміей „очиститъ весь этотъ міръ".

„Кто сказалъ, что нельзя убивать, жечь и грабить?—кричитъ д-ръ Керженцевъ на войнѣ совершенно такъ же, какъ пишетъ д-ръ Керженцевъ своимъ экспертамъ изъ больницы для умалишенныхъ... „И когда я найду его*), я взорву на воздухъ вашу проклятую землю, у которой такъ много боговъ и нѣтъ единаго вѣчнаго Бога"**), пишетъ д-ръ Керженцевъ въ больницѣ... „Мы будемъ убивать, и грабить, и жечь",—кричитъ тотъ же Керженцевъ, — человѣкъ, вѣрившій въ Мысль, въ ея безпрерывное гордое шествіе, — когда онъ заглянулъ въ бездну безумія, называемую войной... „Веселая, безпечная ватага храбрецовъ, мы разрушимъ все: ихъ зданія, ихъ университеты и музеи... Отечествомъ нашимъ я объявлю сумасшедшій домъ... и когда я воцарюсь надъ міромъ единымъ его владыкою и господиномъ – какой веселый смѣхъ огласитъ вселенную"***)!..

---

*) Новое взрывчатое вещество невѣроятной силы, — „сильнѣе самой мысли о немъ".

**) „Мысль" Л. Андреева.

***) „Красный смѣхъ" Л. Андреева.

V.

Ищущая душа современнаго человѣка носится надъ пропастью бытія, — между двумя безднами, какъ чайка надъ бездной океана. И чайка, носясь надъ бездной, вдругъ видитъ новую пропасть. Она видитъ пространство, гдѣ ея крылья не движутся, гдѣ вся ея сила сталкивается съ чѣмъ-то мертвымъ, неподвижнымъ... Душа современнаго человѣка, носясь надъ бездной, вдругъ видитъ пропасть первоначальныхъ **инстинктовъ**, страшнаго и свирѣпаго безумія, называемаго войной, гдѣ ея крылья—свободная и гордая мысль — безсильны... Она вынуждена реагировать на это безуміе и она отвѣчаетъ на него... *краснымъ смѣхомъ*.

Безуміе было-бы отвѣчать *краснымъ смѣхомъ* на нормальныя условія жизни, но въ условіяхъ безумія войны,—четырехъ измѣреній,—*красный смѣхъ* не безуміе, а естественный, строго-логичный отвѣтъ на окружающее безуміе, строго-логичный выводъ изъ новыхъ, необычныхъ для нашего „эвклидовскаго" ума посылокъ, и д-ръ Керженцевъ на войнѣ—не сумасшедшій, а представитель той мысли и культуры, которая протестуетъ противъ войны, не можетъ признать ее... „Самъ посуди: вѣдь нельзя-же безнаказанно десятки и сотни лѣтъ учить жалости, уму, логикѣ, — давать сознаніе. Главное — сознаніе. Можно стать безжалостнымъ, потерять чувствительность, привыкнуть къ виду крови и слезъ, и страданій... но какъ возможно, познавши истину, отказаться отъ нея?.. Мой умъ отказывается понять и объяснить то, что въ основѣ своей безумно".

Такъ разсуждаетъ своимъ „эвклидовскимъ" умомъ д-ръ Керженцевъ въ „Красномъ смѣхѣ" и онъ продолжаетъ: „Милліонъ людей, собравшись въ одно мѣсто и стараясь придать правильность своимъ дѣйствіямъ, убиваютъ другъ-друга —

что-же это такое, вѣдь это сумасшествіе"? — Таковъ несомнѣнный выводъ д-ра Керженцева, — таково его опредѣленіе *войны*.

Интересно, что это опредѣленіе принадлежитъ даже не офицеру, бывшему на войнѣ, отъ лица котораго ведется разсказъ, а брату его, сосредоточившемуся на мысли о войнѣ, страдающему отъ нея и безъ конца думающему о ней... Любопытно дальше, что онъ тоже принужденъ придти къ другой логикѣ, вызываемой безуміе[illegible] дѣйствительности. Онъ приходи[illegible] выводу, что онъ *можетъ*, если [illegible] захочетъ, взять брата (пріѣха[illegible]го съ войны обрубкомъ—безъ ногъ), сидящаго въ ваннѣ, за горло и удушить, — онъ можетъ „взять топоръ и пойти убить всѣхъ: маму, сестру, прислугу, нашу собаку",—ему кажется даже, что если онъ возьметъ ножъ въ руки, то онъ непремѣнно кого-нибудь зарѣжетъ: „вѣдь правда — почему не зарѣзать, если ножъ острый"?

И здѣсь опять-таки то же внѣшнее безуміе, но которое и есть именно логическое слѣдствіе правильной мысли, воспитанной на строгихъ законахъ логики.

И мы приходимъ къ выводу, что человѣкъ сталъ *мыслящимъ* существомъ, что онъ *переросъ* войну, или... или выродился, „ослабѣлъ" для нея—пусть: но, такъ или иначе, онъ больше неспособенъ къ ней. Современное человѣчество въ цѣломъ на войнѣ представляетъ собою *мыслящаго* д-ра Керженцева, посаженнаго въ сумасшедшій домъ. Д-ръ Керженцевъ начинаетъ сомнѣваться въ своихъ крыльяхъ,—перестаетъ вѣрить своей гордой торжествующей мысли, поддается самовнушенію и начинаетъ ползать, и, наконецъ, останавливается передъ вопросомъ, который онъ не въ силахъ разрѣшить: сумасшедшій-ли онъ, или здоровый. Съ этой бездной онъ можетъ бороться только силой своей мысли, но онъ не вѣритъ ей больше. Кто, сильный, спасетъ его, гдѣ онъ найдетъ прибѣжище отъ ужаса, сидящаго въ немъ самомъ? Никто. Нигдѣ. И холодный зловѣщій ужасъ одиночества среди бездны пустоты вѣковъ и пространствъ грозитъ поглотить мыслящее человѣчество — собирательнаго доктора Керженцева...

Братъ его не былъ на войнѣ, но онъ живетъ войною, ушелъ весь въ этотъ другой — не „эвклидовскій" міръ, и авторъ рисуетъ намъ потрясающую картину души человѣческой, живущей среди двухъ міровъ, гдѣ дѣйствуютъ различные законы, гдѣ все противоположно, гдѣ преступное, животно-звѣрское въ одномъ мірѣ признается геройствомъ и доблестью въ другомъ. Онъ слишкомъ долго живетъ между этими двумя мірами и сходитъ съ ума. Такъ жить нельзя. Надо жить или въ нашемъ мірѣ—трехъ измѣреній или же отдаться цѣликомъ, безъ остатка другимъ мірамъ — двухъ или четырехъ измѣреній, но *соединять* ихъ невозможно.

Современное человѣчество становится все болѣе *мыслящимъ* человѣчествомъ и оно все менѣе въ силахъ соединять эти два міра, — міръ стройной, мыслящей культуры и міръ военнаго безумія. Одинъ міръ долженъ погибнуть и уступить мѣсто другому, или-же человѣчеству грозитъ безуміе. „Каждый день, приблизительно въ одинъ часъ, газеты замыкаютъ токъ, и все человѣчество вздрагиваетъ... Каждое утро бываетъ одинъ страшный моментъ, когда я вишу въ воздухѣ надъ черной пропастью безумія"... Такъ стоитъ на порогѣ безумія человѣкъ, живущій между двумя мірами — міромъ культурной жизни и военнаго безумія, ибо то, что носитъ слѣды вѣчной красоты работы Мысли, не можетъ быть соединено, не можетъ сосуществовать съ грязью и свирѣпымъ, безсмысленнымъ воемъ слабоумнаго животнаго, называемаго войной...

Д-ръ Керженцевъ вернулся безъ ногъ съ войны, и мы видимъ его, какъ онъ сидитъ и нѣжно ласкаетъ рукою листы книги... „Если человѣку суждено стать Богомъ, то престоломъ его будетъ книга“ *), говорилъ онъ когда-то. И теперь онъ продолжаетъ восторгаться ими, шрифтами, виньетками... „Сколькимъ людямъ надо было работать, искать, какъ много нужно было вложить таланта и вкуса, чтобы создать хоть вотъ эту букву, такую простую и изящную, такую умную, такую гармоничную и краснорѣчивую въ своихъ переплетающихся черточкахъ“ **). А тамъ стонущее поле, залитое отсвѣтомъ пожаровъ, по которому ползаютъ, какъ раки, изломанные, съ изорванными членами, съ разбитыми головами и вытекшими глазами, съ распоротыми животами и волочащимися кишками — много, много животныхъ,— *мыслящихъ* людей; газеты, — наши газеты, по нами созданному телеграфу передаютъ эту вѣсть, что тамъ ползаютъ по этому стонущему полю — *двѣсти тысячъ* человѣкъ... Нашъ теперешній, *мыслящій* міръ не можетъ сосуществовать рядомъ съ этимъ міромъ безумія, и одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть—тотъ или другой.

Брата Керженцева начинаетъ охватывать бѣшенство войны даже здѣсь — въ мірѣ геометріи Эвклида: онъ слишкомъ сосредоточился на этой мысли. Ему хочется „сжечь ихъ дома, съ ихъ сокровищами, съ ихъ женами и дѣтьми, отравить воду, которую они пьютъ“... Посрединѣ —*между* этими двумя мірами — зловѣщій ужасъ безумія... Герой „Краснаго смѣха“ сошелъ съ ума, когда вернулся домой и сѣлъ у себя въ кабинетѣ, чтобы писать великую книгу „о войнѣ и о разумѣ“. Сухимъ пе[illegible]мъ онъ водилъ безпрерывно, н[illegible]вая съ кресла цѣлыхъ два мѣ[illegible]ядъ. Онъ „писалъ великое [illegible] безсмертное — цвѣты и пѣсни. Цвѣты и пѣсни“.

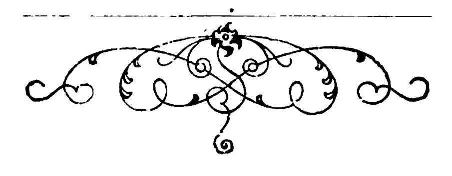
Въ безумномъ экстазѣ творчества водилъ онъ сухимъ перомъ по бумагѣ, — стоя между двумя мірами. Его брату тоже грозитъ безуміе, такъ какъ и онъ стоитъ *между* двумя мірами, хочетъ приложить теоремы эвклидовой геометріи къ геометріи Лобачевскаго, онъ хочетъ безумія: здоровой мыслью постичь безуміе войны... Ему „неудержимо хочется выбѣжать на улицу, на площадь, гдѣ народъ и крикнуть:

— Сейчасъ прекратите войну — или...“ *).

Левъ Мовичъ.

*) „Мысль“.
**) „Красный смѣхъ“.

*) Вердиктъ, который долженъ быть вынесенъ д-ру Керженцеву Андреева, мы обсудимъ когда-нибудь въ другой разъ.

Жизнь и искусство.

II.

Общій характеръ эстетическихъ ученій. — Послѣднія научныя данныя объ искусствѣ доисторическаго человѣка и современныхъ дикарей. — Искусство животныхъ и различіе его отъ творчества человѣка. —Установленные новѣйшими изысканіями законы зарожденія и послѣдовательности въ развитіи искусства.— Причины, вызвавшія потребность въ искусствѣ и возбуждавшія его ростъ. — Чувство и мысль — Тайна смерти. — Цѣль человѣческой жизни и стремленій.— Основные двигатели жизни.—Роль творчества. — Опредѣленіе сущности искусства, его значенія и назначенія.

То время, когда земной шаръ, по общему убѣжденію, покоился на трехъ китахъ,—давно отошло въ область преданій. Волею человѣческаго генія земля выведена изъ этого страннаго положенія, пущена въ ходъ и преисправно вертится, какъ, впрочемъ, и раньше вертѣлась, киты же за ненадобностью упразднены и сданы на вѣки въ архивъ. Иначе обстоитъ дѣло съ искусствомъ: оно до сихъ поръ крѣпко держится на многихъ китахъ, носящихъ разныя клички, но чаще всего упоминаютъ того, который называется неопредѣленнымъ именемъ „красота“.

Сотни людей исписали цѣлыя горы книгъ, разсуждая о томъ, „что такое искуство“, создали цѣлую науку— эстетику, вѣрнѣе рядъ эстетическихъ ученій, часто совершенно противорѣчивыхъ и чрезвычайно туманныхъ, основаніемъ которыхъ служила „красота“ — понятіе слишкомъ условное и растяжимое для того, чтобы быть источникомъ точнаго и яснаго опредѣленія, не говоря уже о томъ, что главнымъ предметомъ анализа въ этихъ ученіяхъ являлась не самая сущность искусства, а скорѣе его воздѣйствіе на душу человѣка. Не освѣтили этого вопроса и многочисленныя сочиненія по исторіи искусства, гдѣ излагались лишь факты изъ его жизни, указанія и разборъ его произведеній, разборъ такой же произвольный и необоснованный или обоснованный на условныхъ канонахъ, какъ и эстетическія ученія. Только Дарвинъ и Спенсеръ первые затронули вопросъ о происхожденіи искусства, безъ всякаго отношенія его къ красотѣ, и теперь являются попытки опредѣлить сущность искусства, слѣдуя этимъ путемъ.

Съ тѣхъ поръ десятки ученыхъ въ разныхъ концахъ свѣта безпрерывно работали надъ раскопками и изученіемъ по добытымъ даннымъ жизни

первобытнаго человѣка, надъ изученіемъ жизни и произведеній современныхъ намъ дикарей, стоящихъ на томъ же культурномъ уровнѣ, систематиризовали все добытое и за послѣдніе четверть вѣка обогатили науку такимъ обильнымъ матеріаломъ, который даетъ возможность и въ области искусства доискиваться его дѣйствительныхъ первоисточниковъ, установить непрерывность и послѣдовательность въ его развитіи отъ момента зарожденія до нашихъ дней, установить, наконецъ, его связь и общность съ другими явленіями жизни. Только этимъ путемъ и возможно опредѣлить не только самую сущность искусства, но и его значеніе и цѣль, его роль въ жизни человѣчества и, наконецъ, дѣлать извѣстные выводы на основаніи симптомовъ усиленія, ослабленія или измѣненія этой роли.

Только вернувшись къ самой колыбели человѣчества, прислушавшись къ младенческому лепету его творчества, вглядѣвшись въ наивныя фигурки и каракули, начерченныя неопытными руками въ эпоху когда и самъ человѣкъ, и всѣ условія его жизни были такъ просты, цѣльны и непосредственны, — только ознакомившись съ этой жизнью, возможно доискаться причинъ, создававшихъ въ немъ потребность творчества, того, что побуждало его къ этому процессу, и что самъ онъ находилъ въ немъ и его результатахъ, тѣ безсознательныя цѣли, къ которымъ онъ стихійно стремился, иначе говоря, только здѣсь возможно найти самые корни сущности искусства и основныхъ законовъ его проявленія и воздѣйствія.

По отношенію къ этой эпохѣ можно говорить лишь объ изобразительныхъ искусствахъ, остатки которыхъ единственно дошли до нашего времени. Но всѣ виды искусства берутъ свою жизнь изъ одного источника, хотя въ дальнѣйшемъ теченіи развѣтвляются въ разныхъ направленіяхъ, и когда, опредѣлится источникъ хотя-бы только одного изъ нихъ, то опредѣлится сущность и другихъ, родственныхъ ему.

Первые слѣды дѣятельности и жизни человѣка, найденные на западѣ средней Европы, относятся къ эпохѣ, удаленной отъ насъ на цѣлые десятки тысячелѣтій, и состоятъ изъ угля и осколковъ грубо обработаннаго кремня. Человѣкъ не умѣлъ еще ни сѣять, ни собирать жатву, ни прясть, ни ткать: онъ жилъ лишь охотой и рыбной ловлей, одѣвался въ шкуры убитыхъ животныхъ, сшивалъ ихъ, замѣняя нитки жилами и кишками, пользуясь вмѣсто иглы— тонко отточенной костью. Изъ той-же кости и роговъ убитыхъ имъ животныхъ, да изъ камня и дерева изготовлялись всѣ его орудія и оружіе; онъ не умѣлъ даже лѣпить изъ глины и обжигать ее, хотя обладалъ уже огнемъ. Жилище его составляли пещеры и каменные навѣсы. Но среди его скудной утвари находятъ также и многочисленныя составныя части цѣпей, сдѣланныхъ изъ пробуравленныхъ, для ихъ нанизыванія, зубовъ животныхъ, раковинъ, аммонитовъ, грубо обработанныхъ кусочковъ кости, янтаря и камня, цѣпей, которыя не могли имѣть другого назначенія, какъ быть украшеніемъ, что подтверждается и найденными кое-гдѣ остатками красной краски, которой этотъ первобытный человѣкъ, стоявшій почти на уровнѣ животнаго, расписывалъ и украшалъ свое тѣло.

Эта потребность самоукрашенія у всѣхъ народовъ вездѣ и всегда является тѣмъ зародышемъ, изъ котораго постепенно выростаютъ образныя искусства.

Послѣ указанныхъ выше цѣпей для самоукрашенія, древнѣйшими находками, которыя не имѣютъ ни этого, ни какого-либо другого практическаго назначенія и носятъ несомнѣнный характеръ искусства,— являются круглыя пластическія изваянія, обломки *маленькихъ женскихъ фигуръ* мамонтовой этохи, вырѣзанныхъ изъ клыковъ, и *потомъ болѣе*

позднія такія-же мужскія фигуры и лица.

Къ тому-же каменному періоду, эпохѣ мамонта и сѣвернаго оленя, относятся и палки изъ кости или оленьяго рога съ отверстіемъ на широкомъ концѣ, которыя служили боевымъ оружіемъ, или, быть можетъ, отличіемъ вождей, эмблемой ихъ власти. Эти палки, найденныя въ разныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ, украшены изображеніями животныхъ, съ которыми человѣку приходилось встрѣчаться, врѣзанными глубоко въ кости и имѣющими видъ рельефа. Такія изображенія несравненно искуснѣе изображеній человѣка, въ нихъ больше остроты и тонкости наблюденія и совершенства въ самой передачѣ. Изображенія животныхъ встрѣчаются и на каменныхъ плитахъ, и на стѣнахъ пещеръ, въ одной изъ которыхъ контуры ихъ заполнены охрой—первыя попытки къ расцвѣчиванію рисунка.

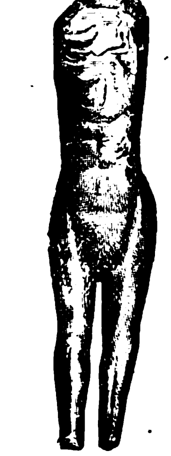
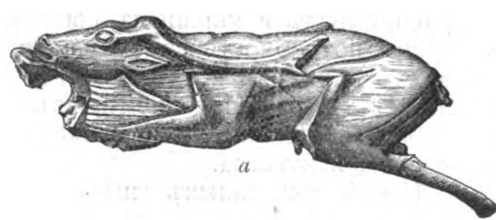

Рис. 1 и 2. — Женская фигура и мужское лицо, рѣзанныя изъ рога сѣв. оленя и мамонтова клыка.

Но наибольшимъ совершенствомъ отличаются пластическія круглыя изображенія животныхъ, служившія рукоятками кинжаловъ или, подобно статуэткамъ людей, являющіяся произведеніемъ свободнаго творчества, гдѣ искусство, кромѣ себя, не преслѣдовало ни какой цѣли. Наконецъ, на наконечникахъ копій и орудіяхъ этой эпохи мы встрѣчаемъ уже орнаментъ, развившійся изъ упрощеннаго изображенія животныхъ, морской звѣзды, обвитаго вокругъ палки ремня, и такъ называемый линейный, состоящій изъ полосокъ, зигзагообразныхъ и волнистыхъ линій. Многочисленность всѣхъ этихъ остатковъ искусства начала каменнаго періода, открытыхъ лишь въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, дала возможность ученымъ изслѣдователямъ Піету и Гёрнесу установить, что *круглая пластика древнѣе нацарапанныхъ и вырѣзанныхъ изображеній, что человѣкъ прежде всего изображалъ себя, причемъ раньше женщину, а потомъ мужчину, потомъ животныхъ, и лишь овладѣвъ этими формами, перешелъ къ линейному и геометрическому орнаменту* *). Полное подтвержденіе этого заключенія мы находимъ и у

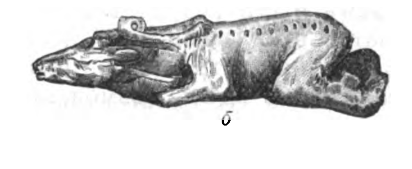

Рис. 3.—Пластическія изображенія животныхъ древнѣйшей каменной эпохи.

современныхъ дикарей, стоящихъ на

*) До послѣдняго времени, обладая очень скудными данными и руководствуясь больше собственными догадками, ученые изслѣдователи держались совершенно обратнаго мнѣнія, предполагая, что человѣкъ изображалъ прежде всего растенія и орнаментъ, и

томъ же культурномъ уровнѣ, какъ и люди каменной эпохи.

У австралійскихъ дикарей, живущихъ въ пещерахъ и ямахъ, вооруженныхъ лишь каменными ножами

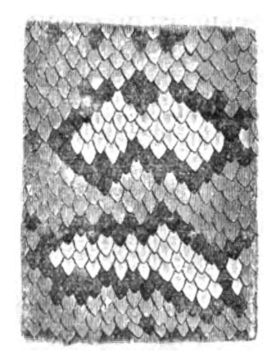

Рис. 4 и 4 а.—Австралійскій щитъ съ орнаментомъ, взятымъ со шкуры змѣи.—Кусокъ шкуры австралійской змѣи.

и копьями,—мы встрѣчаемъ прежде всего украшеніе себя рисунками изъ рубцовъ, выступающихъ на темномъ фонѣ кожи свѣтлыми полосами, и украшеніе своей утвари черной, бѣлой, желтой и красной краской. Оружіе и утварь украшаются также изображеніемъ животныхъ и людей, причемъ и здѣсь животныя изображены несравненно лучше. На стѣнахъ пещеръ и на прибрежныхъ скалахъ очень часто встрѣчаются нацарапанные и раскрашенные рисунки, представляющіе сцены изъ жизни людей и животныхъ. Подобныя же сцены изображаются въ видѣ отдѣльныхъ картинъ сажей на древесной корѣ съ очень тонко подмѣченными и живо переданными подробностями; попадаются и такія стилизованныя изображенія животныхъ, которыя указываютъ на стремленіе превратить ихъ въ геометрическій орнаментъ. Наконецъ, австралійскіе щиты покрыты гармонически расцвѣченнымъ орнаментомъ, линіи и цвѣта котораго заимствованы изъ природы, напр., съ кожи змѣи.

Южно-Африканскіе бушмены, живущіе только охотой и ютящіеся тоже въ пещерахъ, украшаютъ себя полной татуировкой штрихами и полосами. *У нихъ нѣтъ еще орнамента*, но отъ мыса Доброй-Надежды до Оранжевой рѣки, на всемъ пространствѣ, гдѣ раньше жили или теперь живутъ бушмены, на каждомъ шагу попадаются ихъ картины на скалахъ, отличающіяся размѣрами, сложностью композиціи, разнообразіемъ и мастерствомъ исполненія. Онѣ или написаны черной, бѣлой, желтой и красной краской, или вырѣзаны въ камняхъ и иллюминованы. Здѣсь безчисленныя изображенія животныхъ въ разнообраз-

Рис. 5.—Австралійскій щитъ съ линейнымъ орнаментомъ.

лишь много позже искусство его увѣнчалось изображеніемъ людей и животныхъ. Предположеніе крайне не остроумное, не выдерживающее никакой критики и фактически опровергнутое многочисленными находками въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Указанія на нихъ, равно какъ и все, что касается искусства у доисторическаго человѣка и современныхъ намъ дикарей, систематизировано въ солидномъ трудѣ директора Дрезденской галлереи, профессора Карла Вермана, посвятившаго этимъ изысканіямъ долгую жизнь и лично руководившаго многими раскопками. Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія, какъ и относящіеся къ нимъ рисунки заимствованы изъ его сочиненія—„*Исторія искусства*."

нѣйшихъ движеніяхъ а также людей: бушменовъ, кафровъ и бѣлокожихъ. Встрѣчаются цѣлыя сцены, разсказы въ картинахъ, какъ на прилагаемомъ рисункѣ, гдѣ изображены кафры, преслѣдующіе бушменовъ, угнавшихъ ихъ скотъ. Рослые темнокожіе кафры, маленькіе бушмены съ болѣе свѣтлой кожей, живыя движенія бѣгущаго скота,—обнаруживаютъ тонкую наблюдательность и умѣнье передавать наиболѣе характерное, хотя и здѣсь животныя тѣла, и всѣ старательно украшаютъ свои одежды, а также и утварь изъ моржевыхъ клыковъ, роговъ сѣвернаго оленя и костей допотопнаго мамонта. Рукоятки ихъ орудій и приборовъ переходятъ въ пластическія изображенія. Отдѣльныя статуэтки изъ того же матеріала, представляющія людей и животныхъ, ничѣмъ не уступаютъ доисторическимъ издѣліямъ подобнаго рода. И здѣсь это первобытное искусство завершается орнаментомъ.

Рис. 6.—Бушменская картина въ пещерѣ близъ Гермона.

изображены гораздо совершеннѣе, чѣмъ люди.

Суровый климатъ и отсутствіе естественныхъ убѣжищъ вынуждаютъ сѣверныхъ дикарей (эскимосовъ и чукчей) строить зимнія жилища изъ снѣга, а лѣтомъ шалаши изъ шкуръ, но и тѣ, и другіе ближе къ пещерамъ, чѣмъ созданіямъ элементарнаго зодчества. Тѣ же причины заставляютъ ихъ шить себѣ мѣховыя одежды, но и здѣсь женщины татуируютъ отдѣльныя части своего

Представленныя схематически кожи оленей, развѣшенныя рядами, ряды моржевыхъ головъ, выглядывающихъ изъ воды, рыбъ, плывущихъ одна за другой,—создаютъ орнаментъ, образовавшійся отъ наблюденія природы, формы которой, постепенно упрощаясь, превращаются въ геометрическія фигуры и линіи.

Изъ этого краткаго обзора зарожденія искусства, какъ у нашихъ прародителей, населявшихъ Европу за десятки тысячъ лѣтъ до насъ и

являющихся первыми, о которыхъ наукѣ удалось собрать кое-какія свѣдѣнія, такъ и у современныхъ намъ дикарей, разбросанныхъ по разнымъ концамъ земного шара и стоящихъ на одномъ культурномъ уровнѣ съ первобытнымъ человѣкомъ начала каменной эпохи, ясно, что жизнь искусства начинается съ проявленія потребности самоукрашенія. Человѣкъ стоитъ почти на

Что же порождаетъ эту потребность? Дарвинъ и Спенсеръ указываютъ на половое чувство, какъ на силу, которая внушаетъ инстинктивное желаніе украсить себя, чтобы понравиться особи другого пола. и на то, что пѣніе (музыка) и танцы происходятъ отъ склонности къ играмъ и являются слѣдствіемъ извѣстнаго избытка силъ, который долженъ быть израсходованъ. Но

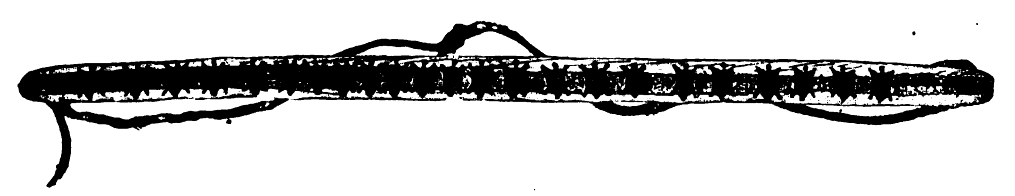

Рис. 7.—Коромысло эскимосскаго сверла, съ изображеніемъ звѣриныхъ шкуръ.

ступени животнаго, онъ не умѣетъ еще выстроить себѣ жилища, онъ окруженъ гигантскими допотопными животными, для борьбы съ которыми у него имѣются только кусокъ кремня и дубина, тысячи опасностей ежеминутно угрожаютъ его жизни, и для защиты и сохраненія ея, для удовлетворенія насущныхъ, элементарныхъ потребностей ему необходимо сдѣлать тысячи новыхъ открытій, найти тысячи новыхъ средствъ, на которые прежде всего должны устремляться всѣ его силы, а онъ расходуетъ ихъ на продолжительную, кропотливую и совершенно безполезную работу, имѣющую единственную цѣль — самоукрашеніе. Очевидно, что эта потребность въ немъ такъ же сильна и такъ же насущна, какъ утоленіе голода, чувство самосохраненія, потребность размноженія, такъ же врожденна, присуща ему органически, лежитъ въ самомъ его существѣ, а не создается чѣмъ-либо извнѣ, и онъ отдается ей такъ же безсознательно, инстинктивно и стихійно, какъ стремится утолить голодъ и овладѣть самкой.

признаки эти мы встрѣчаемъ и у животныхъ, не лишенныхъ, какъ будто, и творческихъ способностей, и способности наслажденія ими.

Достаточно ознакомиться съ жизнью пчелъ и разныхъ породъ муравьевъ, съ ихъ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ строемъ, чтобы вполнѣ убѣдиться въ ихъ способности не только ощущать, чувствовать, сравнивать, анализировать, но и дѣлать выводы, руководствоваться выборомъ и цѣлесообразностью, наконецъ, творить и создавать: ихъ жилища—произведенія зодчества, о которомъ и не снилось первобытному человѣку. Бобръ, помимо такого же цѣлесообразнаго жилища, устраиваетъ искусственные пруды, шлюзы, каналы, плотины и запруды, иногда длиною до 200 метровъ, надъ кото-

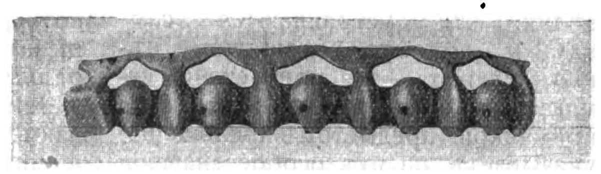

Рис. 8.—Эскимосская головная повязка, украшенная пластическими изображеніями тюленьихъ головъ.

рыми работаютъ цѣлыя поколѣнія этихъ животныхъ, создавая чудеса инженернаго искусства. Птица Портниха сшиваетъ свои гнѣзда изъ листьевъ, пользуясь вмѣсто нитокъ растительными волокнами, которыя она даже закрѣпляетъ узелкомъ.

Вся эта созидательная работа вызывается лишь потребностью питанія, самосохраненія и размноженія. Но въ томъ же животномъ царствѣ мы найдемъ и такую область творчества, которая указываетъ на способность наслаждаться не однимъ лишь удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей. Пѣніе соловья не только увлекаетъ его самку, но служитъ источникомъ наслажденія и для требовательнаго человѣческаго слуха. Австралійскіе Шалашники устраиваютъ „увеселительныя хижины" или „дома для игръ", въ которыхъ они не живутъ и которыя спеціально предназначены для развлеченія. Ptilonorhycchus holoseriscus устраиваютъ особыя танцовальныя залы—бесѣдки, входъ въ которыя, какъ и стѣны, украшаются пестрыми перьями другихъ птицъ, цвѣтными и блестящими камушками, раковинками, лоскутками матерій, всѣмъ цвѣтнымъ и пестрымъ, что только удастся найти этимъ птицамъ. Бесѣдки эти устраиваются самцами и, подобно соловьиному пѣнію, служатъ для привлеченія самокъ, но уже одно то, что они являются приманкой, предметомъ прельщенія, указываетъ на ихъ особое значеніе самостоятельнаго наслажденія другого порядка, чѣмъ первоначальное, утилитарное, на то, что они сами по себѣ служатъ источниками удовольствія и радости.

Несомнѣнно, что сила, породившая потребность къ самоукрашенію,—одна и та же въ человѣкѣ и въ животномъ, но то, что кажется творчествомъ у животныхъ, не имѣетъ ничего общаго съ творчествомъ человѣка, а способность имъ наслаждаться является лишь намекомъ на такую же способность у человѣка, зародышемъ, который у животныхъ таковымъ и остался, а у человѣка послужилъ лишь началомъ потребности къ творчеству, и на этомъ прекращается всякое дальнѣйшее сходство.

Ритмъ въ пѣніи соловья служитъ основой всякой музыки, которая у человѣка является выраженіемъ безчисленныхъ, самыхъ разнообразныхъ чувствъ и ощущеній, у птицъ же, помимо прельщенія самки, кругъ этихъ ощущеній, вызывающихъ потребность выразить ихъ ритмичемымъ сочетаніемъ звуковъ,—крайне ограниченъ; само пѣніе остается однимъ и тѣмъ же, не измѣняется, не обогащается новыми формами, человѣкъ же совершенствуетъ ихъ, развиваетъ по своей волѣ, и когда онѣ, все-таки, не могутъ выразить всей массы новыхъ оттѣнковъ и силы его ощущеній, — изобрѣтаетъ музыкальные инструменты, образуетъ оркестры и хоры, а вмѣстѣ съ этимъ развиваются и становятся тоньше, изощреннѣе и испытываемыя имъ наслажденія.

Самое грубое проявленіе радости жизни и избытка животныхъ силъ, выражающееся играми и непроизвольными движеніями тѣла, лишь у немногихъ, исключительныхъ животныхъ является намекомъ на танцы и, подобно пѣнію, всегда остается однимъ и тѣмъ же, у человѣка же и танцы разнообразятся и развиваются, становятся строго ритмичными, и ритмъ движеній сочетается съ ритмомъ музыки, а въ наши дни Айседора Дунканъ иллюстрируетъ движеніями Бетховена и Шопена, пытаясь передавать ими тонкія и сложныя, комбинированныя чувства и ощущенія, выраженія которыхъ были доступны до сихъ поръ лишь музыкѣ.

Архитектурныя постройки бобровъ послужили, быть можетъ, образцомъ первыхъ свайныхъ построекъ человѣка, но и до сихъ поръ остаются такими же, строго ограничиваясь исключительно утилитарными цѣля-

ми; даже и тѣ птицы, которыя строятъ увеселительныя бесѣдки, не совершенствуютъ и не измѣняютъ своихъ построекъ и украшаютъ ихъ предметами, *найденными уже готовыми* въ природѣ. Между тѣмъ у человѣка зодчество развивается и измѣняется безпрерывно, какъ развиваются и совершенствуются и украшенія его жилища, *созданныя его вкусомъ и воображеніемъ.*

Творчество животныхъ остановилось въ своихъ проявленіяхъ, почти не выходя изъ предѣловъ полезнаго, повторяется, не совершенствуется, не прогрессируетъ, не подвержено ни какимъ измѣненіямъ; въ немъ проявляется лишь та же стихійная сила, которая проявляется въ самой природѣ въ правильности линій, геометрическихъ формъ, въ красотѣ и гармоничности окраски, наблюдаемыхъ какъ въ животномъ мірѣ, такъ и въ мірѣ растеній и минераловъ. Формы кристалловъ, окаменѣлыхъ аммонитовъ, снѣжинокъ, узоровъ, которыми морозъ покрываетъ стекла, правильность образованія листьевъ, цвѣточныхъ чашечекъ и разрѣзовъ стеблей, правильные узоры на крыльяхъ бабочекъ, на шерсти и чешуѣ животныхъ, красота и гармоничность ихъ окраски, повторяющіяся въ природѣ всегда въ одномъ и томъ же видѣ, какъ и творчество животныхъ,—для человѣка послужили лишь азбукой, точкой отправленія, образцомъ, которымъ онъ воспользовался для своего творчества, вѣчно измѣняющаго формы своего проявленія, развивающагося и прогрессирующаго. Въ области этого творчества, лишь вначалѣ повинуясь общему инстинкту, онъ одинъ достигаетъ *свободы* и здѣсь все подчиняетъ *своей сознательной волѣ.* Но не только въ этомъ выражается различіе между творчествомъ у человѣка и у животныхъ. Отъ татуировки и ожерелій въ видѣ цѣпи и другихъ способовъ самоукрашенія, человѣкъ тотчасъ же переходитъ къ украшенію всего, что его окружаетъ, *воспроизводя* для этой цѣли самого себя, окружающихъ его животныхъ, упрощая формы этихъ воспроизведеній до схематическаго орнамента и создавая такимъ образомъ новыя украшенія изъ элементовъ, взятыхъ у природы, но въ такихъ сочетаніяхъ, которыя въ природѣ не существуютъ и являются результатомъ его свободной воли. Эта *способность воспроизведенія* видимаго и совершающагося въ окружающей жизни, свойственная одному лишь человѣку, ея свобода и свойство развиваться, прогрессировать—въ самомъ корнѣ отличаютъ творчество человѣка отъ творчества природы и животнаго міра и указываютъ, что въ человѣкѣ этой потребностью руководятъ иные силы и законы, а не одно только половое чувство и избытокъ силъ, изъ которыхъ потребность эта лишь первоначально зарождается.

По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія культуры человѣка это становится все болѣе и болѣе очевиднымъ.

Во второй половинѣ каменнаго періода, когда Европейскій материкъ принялъ уже настоящія его очертанія, мамонтъ исчезъ, а сѣверный олень ушелъ ближе къ сѣверу, человѣкъ уже умѣлъ строить себѣ жилище въ видѣ хижинъ, воздвигнутыхъ на сваяхъ надъ поверхностью озеръ и болотъ. Собака и другія животныя, за которыми онъ раньше охотился, — стали ручными; онъ уже занялся скотоводствомъ, а вскорѣ потомъ и земледѣліемъ, лѣпитъ изъ глины, обжигаетъ вылѣпленные сосуды и украшаетъ ихъ, какъ и стѣны своихъ жилищъ, орнаментами. Потомъ жилища его устраиваются уже на землѣ, онъ знакомится съ употребленіемъ мѣди, бронзы, желѣза, переходя въ такъ называемую „металлическую" эпоху, когда и сосуды, и оружіе его выдѣлываются уже изъ металла.

Это постепенное стремленіе его къ утилитарнымъ открытіямъ, къ пользованію ими для насущныхъ

потребностей, удовлетвореніе которыхъ не ограничивается исключительно охотой и рыболовствомъ, отражается и на искусствѣ этой эпохи: глазъ не такъ точно улавливаетъ характеръ формъ и движеній человѣка и животныхъ, вниманіе его не сосредоточено больше исключительно на нихъ, и ихъ изображенія гораздо слабѣе и ниже подобныхъ въ первую каменную эпоху. Но слабѣютъ только эти отдѣльныя формы проявленія потребности къ творчеству, само же оно растетъ и проявляется новыми, болѣе сложными и разнообразными способами, которые все болѣе и болѣе совершенствуются. Кромѣ людей и животныхъ изображаются и разные предметы обихода, цѣлые разсказы повѣствуютъ о разныхъ событіяхъ въ сложныхъ композиціяхъ и такія изображенія постепенно переходятъ въ образныя письмена. Орнаментъ обогащается новыми формами: плетеніе и тканье съ ихъ пересѣкающимися линіями, знакомство съ металлами, легко поддающимися закругленію, извилины ручья, движенія змѣи, вводятъ въ украшенія плетенку, волнистую линію, спираль и кольцо—новыя линейныя формы, кромѣ первоначальныхъ и геометрическихъ, получившихся отъ упрощеннаго изображенія людей и животныхъ.

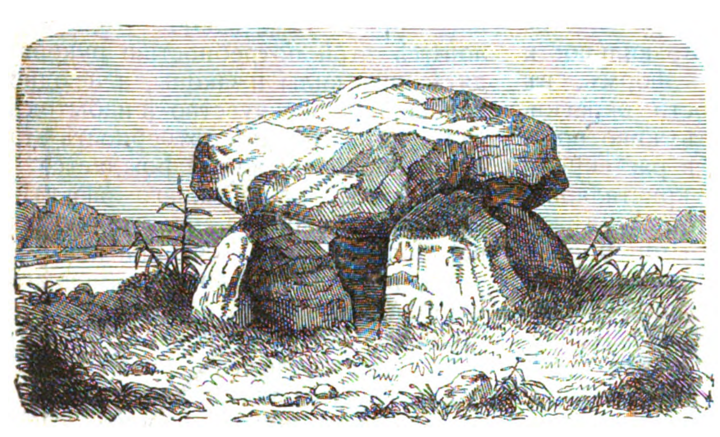

Рис. 9.—Южно-шведскій дольменъ.

Эти орнаменты расцвѣчиваются, окрашиваются, какъ и сосуды, и отдѣльные предметы. Но рядомъ съ такимъ развитіемъ первоначальныхъ формъ, общимъ для всѣхъ народовъ, гдѣ бы ни были найдены остатки ихъ культуры, во второй половинѣ каменнаго періода появляется нѣчто совершенно новое.

На всемъ пространствѣ отъ Швеціи, Даніи, Германіи, Англіи и Ирландіи, по западному берегу Франціи, Испаніи и Португаліи, по всему сѣверному побережью Африки, переходя потомъ въ Палестину, Крымъ, Южно-Русскія степи и проникая вплоть до Индіи— сотнями тысячъ тянутся каменные столбы, то въ одиночку, то расположенные группами и рядами, то гладкіе, то слегка обтесанные или покрытые рисунками и изображеніями, то имѣющіе характеръ болѣе или менѣе грубыхъ изваяній, напоминающихъ человѣческую фигуру.

Такіе одиночные камни называются „менгирами" и могутъ быть разсматриваемы, какъ надгробные памятники, историческіе монументы или символы религіозныхъ представленій. Въ Скандинавіи, Франціи и Англіи, они окружаютъ отдѣльныя пространства, предназначенныя для совершенія религіозныхъ обрядовъ. Потомъ появляются болѣе сложныя сооруженія, такъ называемые „дольмены", представляющіе собою нѣсколько грубыхъ камней сверху, какъ крышей, придавленныхъ однимъ огромнымъ. Это—зародыши будущихъ каменныхъ храмовъ и жилищъ. Въ металлическій періодъ эти постройки еще болѣе совершенствуются: отдѣльнымъ „менгирамъ", олицетворяющимъ боговъ, придается грубое подобіе человѣческаго тѣла.

Столбы, огораживающіе участки, обтесываются въ четырехгранные и многогранные, и, пригнаные одинъ къ другому, хотя и не соединенные цементомъ,—они образуютъ стѣны.

Такое развитіе и совершенствованіе формъ въ области искусства идетъ рядомъ съ развитіемъ и умственныхъ способностей человѣка: ему уже доступно понятіе тяжести, нагроможденія и поддержанія и послѣ дольменовъ, въ которыхъ это проявилось впервые, стремленіе пользоваться новыми изобрѣтеніями ума встрѣчается и въ позднѣйшихъ сооруженіяхъ, гдѣ обработанные столбы соединяются вверху перекладинами.

Къ этой же эпохѣ относятся и остатки могилъ, состоящихъ изъ каменнаго ящика, или пространства, обнесеннаго камнями, съ особымъ ходомъ. Эти столбы и сооруженія не могли быть вызваны никакими практическими соображеніями, насущными, будничными животными потребностями. Они указываютъ, что у человѣка на всемъ обитаемомъ имъ пространствѣ наступаетъ такой періодъ его культуры, когда у него зарождаются религіозныя потребности. Появляется еще одна бездонная пропасть, отдѣляющая сознательное и прогрессирующее творчество человѣка отъ того несознаваемаго, ограниченнаго и предѣльнаго въ своихъ проявленіяхъ инстинкта, который выше былъ названъ творчествомъ животныхъ.

Знакомясь съ жизнью и искусствомъ нашихъ современниковъ, индѣйцевъ западнаго берега Америки и обитателей Тихо-океанскихъ острововъ, стоящихъ на культурномъ уровнѣ конца каменной эпохи, а также съ произведеніями малайцевъ и африканскихъ негровъ, знакомыхъ съ употребленіемъ металла, — мы видимъ ту же послѣдовательность въ развитіи ихъ искусства. Измѣненія являются лишь слѣдствіемъ географическихъ, климатическихъ и этнографическихъ особенностей, вліяющихъ лишь на внѣшній характеръ проявленій въ жизни искусства, а не на законы его зарожденія и послѣдовательнаго развитія.

Смѣшливые негры болѣе склонны къ реальному, каррикатурному и уродливому; малайцы, окруженые тропической природой, подъ вліяніемъ лучей тропическаго солнца, болѣе фантастичны. Кромѣ того, вслѣдствіе ихъ сношеній съ сосѣдними народами Азіи и Океаніи, въ ихъ искусствѣ видно чужое вліяніе, но вездѣ одинаково реальное воспроизведеніе природы смѣняется символическимъ, и появляются изображенія, связанныя съ религіознымъ культомъ. Вездѣ одинаково искусство является слѣдствіемъ органической потребности человѣка, присущей ему съ первыхъ же моментовъ его существованія, вездѣ и всегда оно проявляется и развивается по однимъ и тѣмъ же законамъ.

Первоисточникомъ искусства, какъ было указано выше, является извѣстный избытокъ силъ, радость самаго ощущенія, сознанія жизни, наслажденіе этой радостью, и половое чувство, порождающее потребность самоукрашенія.

Но разукрасивъ себя *произвольной* татуировкой, составивъ первое ожерелье *по своему вкусу и усмотрѣнію*, человѣкъ почувствовалъ не только удовлетвореніе, но и новую для него силу: онъ сдѣлалъ то, на что не способно ни одно изъ окружавшихъ его живыхъ существъ; явилось ощущеніе своего привилегированнаго положенія въ мірѣ, и это новое чувство послужило источникомъ новыхъ радостей и наслажденій иного порядка, не столь острыхъ но не менѣе сильныхъ и захватывающихъ, чѣмъ тѣ, которыя уже были знакомы ему, какъ животному.

Не красота, а сила и полнота ощущеній, вызванныхъ органической способностью воспроизведенія и твор-

чества, узаконили его жизнь и дали толчекъ его дальнѣйшему развитію. Не наслажденіе „красотой", а наслажденіе сознаніемъ этой творческой способности и силы породило ту сумму новыхъ наслажденій, изъ которыхъ выдѣлилось самостоятельное эстетическое чувство, область художественнаго наслажденія.

Но человѣку такъ же органически присуще и чувство вѣчной неудовлетворенности, неспособности удовольствоваться уже достигнутымъ, которое инстинктивно побуждаетъ его стремиться все выше и выше, дальше и глубже проникать въ тайны природы, ея жизнь и собственную душу. Это чувство является источникомъ прогресса, той способности безконечно развиваться и совершенствоваться, которая отличаетъ человѣка отъ животнаго и постепенно приближаетъ его къ божеству. Это чувство неудовлетворенности достигнутымъ послѣ самоукрашенія пробуждаетъ въ немъ новую, тоже свойственную только человѣку, органическую потребность воспроизведенія видимаго и ощущаемаго, и онъ начинаетъ съ того, что ему всего ближе, что больше всего его занимаетъ и интересуетъ. Самка— самая близкая его подруга и помощница, она доставляетъ ему наиболѣе острыя ощущенія, изъ за обладанія ею онъ долженъ бороться съ подобными себѣ болѣе ожесточенно, чѣмъ съ животными, наконецъ, она впервые ставитъ передъ нимъ вѣчную загадку — тайну рожденія подобныхъ ему существъ, загадку, которая его поражаетъ, но разрѣшеніе которой ему недоступно,—и онъ прежде всего воспроизводитъ образъ женщины.

Самоукрашеніе было только проблескомъ, эмбріономъ искусства, которое стало жить лишь въ этихъ первыхъ грубыхъ изваяніяхъ, и цѣль искусства съ этого момента становится неуловимой, абстрактной, какъ и само искусство, и для опредѣленія его сущности, какъ и назначенія, до сихъ поръ создаются теоріи и ломаются копья.

Но кромѣ самки, человѣкъ соприкасается и съ другими особями человѣческаго стада, въ которомъ онъ живетъ; естественно, что послѣ женщины другіе люди становятся предметомъ его послѣдующихъ воспроизведеній. Но затѣмъ все его вниманіе поглощается животными. Онъ не видитъ ихъ такъ часто, какъ людей, но въ эту эпоху въ нихъ единственное средство поддержать самое существованіе. Чтобы добыть ихъ, онъ долженъ внимательно изучить и образъ ихъ жизни, и характеръ, привычки, ихъ свойства, движенія до мельчайшихъ подробностей Здѣсь особенно напрягаются его память, вниманіе и наблюдательность. Вотъ почему изображенія животныхъ являются хотя и позже изображеній людей, но несравненно совершеннѣе послѣднихъ и часто не уступаютъ по своей художественности и тонкости работы современнымъ. Вначалѣ, въ своемъ стремленіи къ воспроизведенію самыхъ близкихъ ему существъ, человѣкъ рабски подражаетъ природѣ, и такъ какъ въ натурѣ всѣ они пластичны, круглы, то и онъ ихъ изображаетъ такими, т. е. „со всѣхъ сторонъ", тоже круглыми, скульптурными. Но это уже достигнуто, является потребность идти дальше, вниманіе сосредоточивается на инстинктивныхъ поискахъ новаго, и въ такомъ состояніи, случайно замѣтивъ темный силуэтъ человѣка или животнаго на фонѣ свѣтлаго неба и лишь по очертаніямъ этого силуэта опредѣливъ и самый предметъ, человѣтъ сообразилъ, что вопроизведеніе можетъ быть не только круглымъ, пластическимъ, реальнымъ во всѣхъ подробностяхъ, а и *условнымъ,* представленнымъ однимъ лишь его очертаніемъ,—и появляются новыя изображенія, высѣченныя контурами на скалахъ и вырѣзанныя на кости и деревѣ.

Ощущенія обогащаются новыми

впечатлѣніями, но по мѣрѣ постепеннаго развитія и разнообразія формъ, усложненія чувствъ и ощущеній, — также совершенствуется способность анализировать, разсуждать, мыслить, увеличивается требовательность къ себѣ, но рядомъ съ этимъ и изобрѣтательность. Потребность воспроизводить видимое удовлетворена и смѣняется новой,— стремленіемъ воспроизвести не только видимое, но и ощущаемое, не только предметъ въ движеніи, но и самый *характеръ движенія*, его схему, запечатлѣть въ неподвижномъ *самое движеніе*, наблюдаемое въ природѣ.

Расписывая полосами свое тѣло, человѣкъ инстинктивно руководствовался врожденнымъ чувствомъ симметріи, проявляющейся и въ созданіяхъ природы (кристаллы, снѣжинки), и животныхъ (ячейки въ сотахъ пчелъ),—и машинально проводилъ симметричныя полосы сообразно отдѣльнымъ частямъ лица, формамъ костей и выпуклостямъ тѣла. Теперь, присматриваясь къ движеніямъ змѣи, свертывающейся въ кольца и спирали, къ изгибамъ ручья, къ ритмичной смѣнѣ волнъ, онъ передаетъ ихъ движеніе въ линіяхъ и, комбинируя и располагая ихъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, какъ и упрощенныя въ геометрическія формы изображенія людей и животныхъ, сознательно создаетъ уже нѣчто новое, въ природѣ не существующее,—орнаментъ, которымъ онъ украшаетъ уже не свое тѣло, а утварь, стѣны жилищъ, оружіе, примѣняя къ этимъ украшеніямъ всѣ извѣстныя ему красящія вещества. Эти схематическія фигуры и линіи, расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ, разсказываютъ о цѣлыхъ событіяхъ, превращаясь въ фигурныя письмена символическими знаками, предшествующія буквеннымъ. Начавъ съ безсознательнаго воспроизведенія природы, человѣкъ постепенно приходитъ къ созданнымъ имъ символамъ, *выражающимъ его представленія и мысли.*

Этимъ путемъ вездѣ и всегда совершалось развитіе искусства. Совершенствуя такимъ образомъ свои произведенія, постепенно овладѣвая и подчиняя себѣ все окружающее, человѣкъ сознаетъ, наконецъ, свое превосходство, свои созидательныя силы, начинаетъ считать себя чѣмъ-то высшимъ; источники наслажденія жизнью расширяются, сама жизнь пріобрѣтаетъ новую цѣнность, а впереди все та же неизбѣжность ея прекращенія, не разрѣшимая загадка смерти, съ которой не можетъ примириться душа человѣка. И чѣмъ заманчивѣе становится жизнь, чѣмъ сильнѣе страхъ смерти, тѣмъ острѣе потребность проникнуть въ то „будущее", которое послѣдуетъ за разрушеніемъ физическаго „я".

Подъ непрекращающимся вліяніемъ этой потребности человѣчество мало по малу создаетъ религіозный культъ и постепенно его совершенствуя, создаетъ представленіе о загробной, вѣчной жизни, постигаетъ силу божества, творящую и созидающую и, сознавая въ себѣ элементы той же творящей силы, проникается гордымъ сознаніемъ ея, новымъ сознаніемъ своей божественности, стремится оставить воспоминаніе о себѣ, о событіяхъ своей жизни,—и ставитъ для этого памятники на мѣстахъ этихъ событій, или же они выдвигаются его близкими въ память его жизни. Таинственныя силы природы, вліяющія на его жизнь и даже прекращающія ее, побуждаютъ человѣка видѣть въ нихъ все-таки нѣчто высшее, что, однако, возможно умилостивить,—и онъ поклоняется этимъ силамъ, отводитъ для нихъ и для поклоненія, и принесенія имъ жертвъ особыя священныя мѣста, огораживаетъ ихъ столбами и украшаетъ лучшими украшеніями. Въ дальнѣйшемъ развитіи онъ создаетъ представленіе о загробной

жизни и устраиваетъ жилища для умершихъ, но, проникаясь все больше и больше сознаніемъ своего значенія и могущества, кончаетъ тѣмъ, что создаетъ себѣ божество по собственному образу и подобію, приписывая ему ту же жизнь, свои же чувства, побужденія и, наконецъ, воплощаетъ его въ свои формы, считая себя центромъ вселенной; во всемъ идетъ отъ себя и возвращается къ себѣ.

Такимъ образомъ стихійная, но цѣлесообразная, животная потребность самоукрашенія у человѣка вызываетъ такую же стихійную потребность *безцѣльнаго* воспроизведенія себя и всего окружающаго, которая постепенно становится сознательнымъ творчествомъ, превращающимъ реальныя формы посредствомъ ихъ упрощенія и новыхъ сочетаній,—въ новыя, въ природѣ не существующія, символическія. Сначала человѣкъ воспроизводитъ внѣшній міръ, потомъ, проникаетъ въ его жизнь и въ свою душу, и воспроизведенія принимаетъ сверхчувственный характеръ абстрактнаго искусства, которое воплощаетъ уже отвлеченныя представленія человѣка,—созданное имъ божество, и сливается съ религіознымъ культомъ.

Врожденное свойство человѣка не удовлетворяться достигнутымъ и безотчетно стремиться все дальше и дальше, возбуждаемое сознаніемъ и анализомъ, подгоняетъ художественное творчество, на ряду съ которымъ работаетъ и постепенно совершенствуется и мысль, принимая въ немъ дѣятельное участіе. Совмѣстная работа этихъ двухъ началъ совершенствуетъ и выковываетъ интеллектъ, духовный обликъ человѣка, выдѣляющій его среди всего существующаго на первое мѣсто.

Вся культура, которой достигло человѣчество, является результатомъ его творческихъ способностей, рождающихся изъ совмѣстной работы чувства и мысли. Этотъ двойственный союзъ—такая же супружеская чета, какъ и всякая другая. Здѣсь такъ же происходитъ вѣчная борьба за преобладаніе, въ крайнемъ случаѣ—за равенство, которое такъ же рѣдко достигается, какъ и въ жизни, гдѣ чаще одна сторона эксплоатируетъ другую; а между тѣмъ и въ творчествѣ благополучіе и продуктивность союза зависитъ исключительно отъ полнаго равенства, согласія и гармоніи.

Но человѣкъ ощущаетъ и чувствуетъ раньше, чѣмъ анализируетъ и разсуждаетъ. Ребенокъ тотчасъ по появленіи своемъ на свѣтъ заявляетъ о своемъ *ощущеніи* жизни крикомъ, но проходитъ не мало времени, пока счастливая мать по глазамъ его замѣчаетъ, что онъ *узнаетъ ее*, т. е. что въ немъ зарождаются первые признаки *сознанія*, основаннаго на сравненіи, анализѣ, разсужденіи. И въ дальнѣйшей жизни послѣдующія пріобрѣтенія, способствующія усовершенствованію интеллекта, совершаются въ томъ же порядкѣ: ощущеніе, эта первичная стадія чувства, переходя въ сознаніе, даетъ матеріалъ анализу и мышленію. Наши органы чувствъ отражаютъ впечатлѣнія въ мозгу, но мозгъ обладаетъ двумя различными свойствами воспринимать ихъ: однимъ свойствомъ—воспринимать отвлеченное, другимъ — утилитарное. При взглядѣ на красивую птицу, благодаря первому свойству, мы испытываемъ наслажденіе отъ красоты ея оперенія, формъ и окраски,—вслѣдствіе же второго—тотчасъ же анализируемъ это наслажденіе и, кромѣ того, разсуждаемъ: нельзя ли птицу изжарить и будетъ ли жаркое питательно и вкусно? Сообразно этому такъ же двойственны и различны и функціи мозга. Первыя возбуждаютъ работу чувства, вторыя—мысли. Результатомъ работы первыхъ является образованіе новыхъ чувствъ и наслажденій ими, составляющихъ

въ общей сложности эстетическое чувство. результатомъ вторыхъ—логическій выводъ, основанный на сознаніи, анализѣ, разсужденіи. Первыя зарождаютъ плодъ творчества, вторыя его вынашиваютъ и рождаютъ.

Первобытный человѣкъ случайно толкнулъ круглое бревно или камень и, *чувствуя* легкость усилія, которое заставило его покатиться, сообразилъ, что этимъ можно воспользоваться для передвиженія тяжестей, а это привело его къ геніальному открытію колеса, безъ котораго не мыслимы ни паровозъ, ни современная фабрика, эти столпы нашей культуры и могущества. Ньютонъ увидѣлъ, т. е. *почувствовалъ* паденіе яблока, — и это привело его къ открытію закона тяготѣнія. Гете, глядя на черепъ, *почувствовалъ* сходство его съ позвонкомъ, и это *чувство поэта*, подхваченное учеными, послѣ долгой ихъ работы, привело къ строго научному выводу, что черепъ есть развившійся и видоизмѣнившійся позвонокъ. Мысль дѣлаетъ великія открытія, совершаетъ великое дѣло прогресса, но *первый* толчекъ, первое побужденіе къ этой работѣ даютъ тѣ свойства и функціи мозга, вслѣдствіе которыхъ зарождается чувство, интуиція: онѣ создаютъ канву, на которой мысль вышиваетъ свои узоры, и безъ канвы—не было бы узоровъ, какъ безъ узоровъ—канва была бы только тряпкой.

Въ мозгу человѣка происходитъ та же борьба, что и во всей вселенной, то же соревнованіе и эксплоатація: все, что пріобрѣтается и предугадывается благодаря однимъ его свойствамъ и функціямъ, одной его стороной, тотчасъ же захватывается и утилизируется другой, а ограбленная стремится все къ новымъ пріобрѣтеніямъ, на потребу ненасытнаго сосѣда и компаньона. И этотъ систематическій грабежъ совершается все быстрѣе и быстрѣе, и достигаетъ того бѣшенаго аллюра, которымъ и въ настоящее время человѣчество неудержимо продолжаетъ стремиться къ цѣли своего бытія.

Какая же это цѣль и какая сила подгоняетъ человѣка въ этой бѣшеной скачкѣ?

Тайна рожденія и тайна смерти, непроницаемыя и недоступныя во всемъ своемъ объемѣ ни уму, ни чувству, — ограничиваютъ короткій промежутокъ нашего реальнаго существованія, который мы называемъ жизнью, не только ощущаемый и сознаваемый, но единственно поддающійся анализу и познанію. Инстинктивнымъ сознаніемъ этого одинаково проникнуто все, одаренное жизнью, и стихійно устремляетъ всѣ свои силы къ поддержанію жизни и продленію ея продолженіемъ вида, чѣмъ и заполняется и исчерпывается одинаково для всего живущаго вся жизнь, всѣ ея радости и наслажденія.

Чувство голода, вытекающее изъ потребности поддержать жизнь, и инстинктъ размноженія, побуждающій продолжать жизнь существованіемъ, если не самого индивидуума, то его вида,—главные двигатели жизни, тѣ стихійныя и непреодолимыя стремленія, которыя не останавливаются ни передъ какими преградами, властвуютъ надъ всѣмъ, являются краеугольнымъ камнемъ всѣхъ условій и законовъ жизни. Эти стремленія — первоисточникъ вѣчной и непрерывной борьбы живыхъ существъ между собою, съ природой и всѣмъ окружающимъ, источники борьбы человѣка со всѣмъ живущимъ и себѣ подобными, источники отношеній между людьми и полами, представленій о добрѣ и злѣ, добродѣтели и порокѣ, обо всемъ, что входитъ въ самую основу человѣческихъ отношеній, создаетъ ихъ начало, почву, на которой онѣ зарождаются.

Первой, насущной потребностью, потребностью настоящей минуты, является, конечно, питаніе, поддержка

самого существованія, и лишь послѣ ея удовлетворенія выступаетъ во всей силѣ *потребность продолженія жизни, какъ органическій инстинктивный протестъ противъ смерти, какъ источникъ сознанія, радости и наслажденія жизнью.* Но человѣкъ не только ощущаетъ и сознаетъ жизнь, а и осмысливаетъ ее, какъ сознаетъ и неизбѣжность конца, хотя не можетъ его осмыслить, а потому *всѣ силы его напряжены не только для того, чтобы исчерпать, но и умножить и продлить наслажденія жизнью, продлить самую жизнь, постигнуть и разгадать тайны, ее ограничивающія, и побѣдить самую смерть.*

Тайна рожденія, — какъ нѣчто прошедшее, совершившееся, не такъ притягиваетъ человѣка какъ то, что еще предстоитъ ему, какъ тайна смерти.

Самый фактъ смерти слишкомъ очевиденъ, чтобы человѣчество могло его не признавать, но именно по этому оно имъ особенно возмущается, протестуетъ противъ него всѣмъ своимъ существомъ, защищается и борется съ нимъ въ теченіе всей жизни до послѣдняго издыханія всѣми зависящими отъ него средствами. Сознавая и по необходимости *пока* подчиняясь неизбѣжности прекращенія личной, реальной, физической жизни,—человѣкъ прежде всего неудержимо стремится, подобно всѣмъ животнымъ, сохранить по крайней мѣрѣ свой видъ, свое отраженіе, продолженіе себя въ дѣтяхъ, новыхъ живыхъ существахъ, созданныхъ изъ его плоти и крови. Вотъ почему выборъ, овладѣніе, подчиненіе и сохраненіе за собой самки, этой почвы для зарожденія и вскормленія новой жизни, все то, что въ общей сложности порождаетъ половую любовь и сопряжено съ нею, все, что вызывается и порождается инстинктомъ размноженія,—до материнской любви включительно, — такъ же сильно, стихійно и неудержимо въ человѣкѣ, какъ и во всемъ живущемъ.

Но въ человѣкѣ тотъ же инстинктъ будитъ для вѣчной борьбы со смертью не только животную, но и присущую единственно лишь ему духовную область, изощряя его чувства, мысль, фантазію, интуицію, творчество.

Сознавая вѣчное и безпрерывное движеніе и теченіе жизни и не обладая еще силами остановить ее фактически, реально, онъ, движимый все тѣмъ же инстинктомъ, стремится запечатлѣть въ образахъ отдѣльные моменты ея, воспроизводитъ ихъ и въ этомъ отраженномъ видѣ задерживаетъ мимолетное и скоро-преходящее на болѣе или менѣе продолжительное время, которое въ сравненіи съ его скоротечной жизнью, можетъ назваться вѣчнымъ. И въ этой побѣдѣ надъ убѣгающей жизнью, человѣкъ испытываетъ чувство удовлетворенія въ своемъ основномъ, стихійномъ стремленіи, ощущаетъ свою силу, а это порождаетъ новую область наслажденія—жизнью высшаго, духовнаго порядка. И у него является новое сознаніе, что продленіе жизни достигается не однимъ только продолженіемъ его вида, его физическаго организма, вновь появляющагося въ образѣ ребенка, а и продолженіемъ жизни *его личности, индивидуальности, его духовнаго „я“*; что можетъ быть достигнуто продленіе и его духовной жизни на относительно безконечное время, *по его личной волѣ, единственно его личными средствами*, безъ чьего-либо соучастія, какимъ для продолженія вида по необходимости является соучастіе особи другого пола.

Этимъ опредѣляется и происхожденіе потребности творчества, и его сущность, дѣятельность и назначеніе.

Творческія способности духа, потребность и свойство свободно ихъ проявлять, присущія только человѣку, вмѣстѣ съ чисто животнымъ инстинктомъ размноженія, — прежде

всего выражаютъ протестъ человѣка противъ смерти, являются средствами борьбы со смертью за безсмертіе.

Подобно тому, какъ инстинктъ размноженія стремится къ вѣчной жизни вида, духовное творчество стремится къ вѣчной жизни индивидуума, личности. Оба стремленія—разновидности одной и той же потребности, глубоко лежащей въ самой основѣ человѣческой природы, врожденной, стихійной, не покидающей его въ теченіе всей жизни, пока въ немъ есть силы, пока не наступитъ моментъ, съ котораго начинается умираніе—медленное, или быстрое, физическое, или духовное.

Но проявленія творческихъ силъ и способностей человѣческаго духа разнообразны; не всѣ произведенія, въ которыхъ проявляется творчество, относятся къ области искусства, и область эта строго ограничена.

Искусство есть проявленіе лишь тѣхъ творческихъ силъ человѣческаго духа, въ которыхъ выражаются его чувства, представленія, образы и ощущенія, созданные прежде всего работой чувства, а не логики, анализа, разсужденія. Поэтому такія проявленія реагируютъ непосредственно на область чувствъ, воспринимаются ими и въ результатѣ даютъ не логическій выводъ, а наслажденіе.

Художественное творчество и способность имъ наслаждаться въ совокупности и полной гармоніи съ творчествомъ мысли составляютъ поэтому то цѣлое, законченное и совершенное, уклоненіе отъ котораго порождаетъ несовершенство, аномалію, въ крайнемъ своемъ выраженіи—уродство. Человѣчеству не достаточно только жить и ощущать жизнь, чѣмъ удовлетворяются животныя; по самой природѣ своей онъ не только сознаетъ и сознательно наслаждается жизнью, но и то, и другое въ немъ такъ сильно, что стихійно устремляетъ его и къ созданію новой жизни и новыхъ наслажденій, къ вѣчной жизни и вѣчному наслажденію побѣдой надъ главнымъ, таинственнымъ и потому самымъ страшнымъ врагомъ своимъ — смертью, — къ наслажденію безсмертіемъ.

Искусство, какъ и все творчество, выражаетъ собою стихійное стремленіе человѣчества къ подчиненію себѣ всего, что встрѣчается на его пути, къ власти, къ полному могуществу. Послѣ удовлетворенія первой потребности—питанія, всѣ силы его устремляются на любовь и творчество духа, два однородныхъ проявленія его наивысшей власти, два источника его наивысшихъ наслажденій—животнаго и духовнаго.

Л. Толстой, величайшій пѣвецъ матеріи, тѣла и животнаго наслажденія жизнью, описаніями которыхъ испещрены лучшія страницы его художественныхъ произведеній, опредѣляя сущность искусства, втискиваетъ и его въ узко-утилитарныя рамки земного благополучія и болѣе всего возстаетъ противъ какихъ бы то ни было элементовъ „наслажденія“ въ искусствѣ. Онъ говоритъ: „искусство есть необходимое для жизни и для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества *средство общенія* людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ“. Такимъ образомъ цѣлью искусства онъ считаетъ лишь одно изъ безчисленныхъ свойствъ въ проявленіи его жизни. Но и онъ на слѣдующей страницѣ добавляетъ: „Не будь у людей способности воспринимать переданныя словами мысли и передавать свои, люди были бы подобны звѣрямъ... Не будь другой способности человѣка—заражаться искусствомъ, люди едва-ли бы не были еще болѣе дикими“.

Но *искусство не нуждается въ оправданіи его существованія какими бы то ни было утилитарными или моральными, ближайшими, осязаемыми цѣлями; оно внѣ ихъ и существуетъ, помимо ихъ, „надъ“*

ними, какъ человѣческая мысль, какъ самъ человѣкъ, его жизнь и вся вселенная, и потому можно говорить не о „цѣли“ его, а лишь о назначенiи, о томъ предопредѣленiи, которое пользуется искусствомъ, какъ стихiйнымъ двигателемъ, безостановочно устремляющимъ человѣчество все выше и выше, не позволяющимъ ему опускаться на степень животнаго.

Цѣль искусства такъ же абстрактна, какъ и само искусство, и потому вопросъ „нужно ли оно, или не нужно“,—праздный и лишнiй вопросъ, какъ безполезно было бы спрашивать нужно или не нужно лунное сiянiе? Какъ бы ни были рѣшены подобные вопросы, отъ ихъ рѣшенiя ровно ничего не выяснится и не измѣнится; луна такъ же будетъ сiять на небѣ, какъ всегда сiяла, точно такъ же какъ и *искусство, какимъ было по существу, такимъ и останется: — стихiйной силой, неудержимо подвигающей человѣка—къ совершенству, величiю, могуществу и безсмертiю.* Такiя силы не умираютъ. Въ людской массѣ можетъ заглохнуть лишь потребность въ искусствѣ, которая такъ неудержимо проявляется въ первобытномъ человѣкѣ; лишь она подлежитъ „перерожденiю и агонiи“, и только перерожденiе или полная гибель *этой потребности* можетъ имѣть значенiе для человѣка.

Какъ же мы дошли до настоящаго положенiя, какими условiями и законами вызывались и сопровождались тѣ измѣненiя въ жизни искусства и его проявленiяхъ, которыя привели насъ и къ измѣненiю самой потребности въ немъ?

М. Далькевичъ.

Молитва воеводы.

Подражаніе Гр. А. Толстому.

У Николы на Зарѣчьи разливается трезвонъ.
Люди къ праздничной обѣднѣ собрались со всѣхъ сторонъ.
Приливаютъ богомольцы. За волной катитъ волна.
Средь народа воевода, словно на небѣ луна.
Передъ образомъ Николы, какъ Никола самъ сѣдой,
Слезы ронитъ, полъ церковный подметаетъ бородой,
Въ простотѣ своей молитву не по книжному творитъ
И въ молитвѣ сокровенной откровенно говоритъ:
— Ахъ, угодничекъ, какъ горько и какъ тяжко стало жить:
Фряжскихъ винъ и романеи не приходится ужъ пить;
Нѣтъ ни стерляди, ни семги, ни любимыхъ лебедей,
Нѣтъ атласу на кафтаны, нѣтъ суконца для людей.
Вотъ и нонѣча къ обѣду—судаки, ерши, лещи,
Бокъ бараній съ жирной кашей, растегай, ватрушки, щи;
А питья—глаголать стыдно—только пиво, медъ и квасъ...
Посмотри, святой Никола,—нищета ей-ей у насъ.
Нѣтъ въ мошнѣ залишнихъ денегъ...Стало жить не въ моготу.
Воздержанія учитель! Эй, воззри на бѣдноту...
Образъ кротости! Пошли ты всей землѣ тяжелый годъ,
Взбаломуть народъ крещеный, накорми ты воеводъ...
Помоги, святой Никола, не поставь себѣ за трудъ,
А ужъ я тебѣ, желанный, справлю свѣчку въ цѣлый пудъ,
Церковь заново покрашу, новый колоколъ солью...
Ты услышь, святой Никола, просьбу слезную мою!"
У Николы на Зарѣчьи разливается трезвонъ
И метаетъ воевода за поклонами поклонъ.
А въ народѣ потихоньку про стрѣльцовъ молва идетъ...
Знать, Никола просьбу слышалъ и накормитъ воеводъ.

И. Мордвиновъ.

Хроника русской жизни.

Предъ порогомъ грядущаго. — Высочайшій манифестъ, рескриптъ и указъ. — Работы Комитета Министровъ и образованныхъ имъ комиссій. — Письмо писателя Тана. — Новая комиссія, вмѣсто упраздненной комиссіи Шидловскаго.—Обсужденіе условій выбора и скорѣйшаго созыва народныхъ представителей.—Поворотъ въ отношеніяхъ „отцовъ къ дѣтямъ".—Работы Особаго Совѣщанія по дѣламъ печати. — Заявленія провинціальной печати. — Цензурныя кары.—Кавказскіе безпорядки.—Письмо Сенкевича.

Стоимъ предъ порогомъ грядущаго и все усиливаемся черезъ него перешагнуть... Казалось-бы, чего легче! Старый, все разъѣвшій и все растлившій порядокъ разнузданнаго бюрократическаго самовластія осужденъ всѣми, — рѣшительно всѣми — отъ самыхъ верхнихъ верховъ, до самыхъ нижнихъ низовъ русскаго народа. Никогда еще, быть можетъ, изначала всей русской исторіи запросы, предъявляемые дѣйствительности самыми разнообразными общественными группами, не были столь единодушны, а главное—столь сознательны и настойчивы.

Недостатки, говоря мягко, анахронизмы и невозможное состояніе нашего внутренняго благоустройства сознавались и чувствовались русскими людьми уже не одинъ, не два и не три десятка лѣтъ. Той бездны паденія, къ которой съ неуклонной послѣдовательностью влекла Россію опутавшая ее бюрократія, не хотѣлъ видѣть только тотъ, кому это было выгодно, или тотъ, кто сознательно или безсознательно закрывалъ глаза на все происходящее кругомъ ради сохраненія собственнаго, россійскаго обывательскаго прекраснодушія. Но даже люди, наиболѣе серьезно и критически относившіеся къ русской дѣйствительности, даже такъ называемые смутьяны и „крамольники" не подозрѣвали истиннаго положенія дѣлъ. Грозный скальпель японскихъ погромовъ вдругъ вскрылъ нарывъ, который выдавали за простую опухоль, излѣчимую домашними средствами— безконтрольной власти и административнаго произвола. Оказалось, что это не простая опухоль, не нарывъ, не болячка, а глубокая, разъѣдающая гангрена, грозящая гибелью всему организму. Вся Россія содрогнулась отъ ужаса, боли, страха, стыда и негодованія. Вредъ и пагуба домашняго лѣченія стали яснѣе яснаго.

Необходимы сильныя, рѣшительныя и испытанныя исторіей народовъ, а не прозорливымъ „усмотрѣніемъ" средства.

Съ этимъ согласились всѣ... Самые спокойные стали неспокойными, самые равнодушные и безразличные начали кипятиться и кое-что различать. Равновѣсіе соннаго прозябанія подъ охраной и внушеніемъ недреманнаго полицейскаго ока нарушилось. Со столбцовъ всей періодической печати (кромѣ, конечно, нѣсколькихъ рептилій), съ устъ всѣхъ обывателей вотъ уже который мѣсяцъ несется единодушный крикъ: „такъ дальше жить нельзя!.."

Извѣстный уже нашимъ читателямъ Высочайшій указъ 12-го декабря возвѣстилъ о реформахъ. Дѣло подготовленія этихъ реформъ было возложено на комитетъ министровъ подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте. Комитетъ приступилъ къ детальному обсужденію всѣхъ пунктовъ, намѣченныхъ указомъ, и началъ образовать рядъ комиссій. Ниже мы нѣсколько остановимся на главнѣйшихъ деталяхъ и судьбахъ этихъ комиссій, пока-же замѣтимъ только, что бюрократія и на этотъ разъ опять прибѣгла къ своему старому, обыкновенному и испытанному средству: сдать вопросъ о реформахъ и обновленіи русской жизни „въ комиссію". Вопросъ о непосредственныхъ отношеніяхъ между властью и народомъ по-

палъ въ руки промежуточныхъ бюрократическихъ посредниковъ.

Въ обыкновенной жизни очень часто сдѣлки всякаго рода между двумя сторонами совершаются при посредствѣ коммиссіонеровъ.

Не смотря на всѣ видимыя выгоды и удобства (въ смыслѣ собственнаго спокойствія) такого пріема веденія дѣлъ, сплошь и рядомъ, однако, бываетъ такъ, что по совершеніи сдѣлки не довольна ни та, ни другая сторона, а выигрываютъ только коммиссіонеры. Они-то ужъ во всякомъ случаѣ получатъ свой „процентъ" и скромно удаляются въ сторону, предоставляя сторонамъ раздѣлываться, какъ сами знаютъ.

Переходя въ область общегосударственныхъ интересовъ, можно было опасаться и и здѣсь, что сдача неотложнаго дѣла внутреннихъ преобразованій въ комиссіи поведетъ опять къ безконечнымъ затягиваніямъ и проволочкамъ. Опытъ уже достаточно научилъ насъ, что дѣло благихъ пожеланій и начинаній путемъ бюрократическихъ комиссій въ самыхъ лучшихъ случаяхъ сводилось къ той пресловутой и всезахватывающей россійской „постепеновщинѣ", которая удивительнымъ образомъ, подъ покровомъ либеральныхъ фразъ и внушительной „законности", ведетъ къ самому неподкрашенному беззаконію и самому недвусмысленному крѣпостничеству.

Этого, однако, пока не случилось. Та же бѣдственная война, застой въ дѣлахъ, оскудѣніе, заявленія земствъ, городовъ и самыхъ различныхъ обществъ, волненія среди учащейся молодежи, безпорядки запасныхъ, движеніе рабочихъ, аграрные безпорядки, стачки и забастовки служащихъ, политическія убійства, нападенія на должностныхъ лицъ, обострившіеся національные вопросы: финляндскій, польскій, еврейскій, армянскій; опасенія надвигающейся эпидеміи, и надъ всѣмъ этимъ растущее броженіе и глухой ропотъ въ народѣ,—все это не укладывается въ рамки оффиціальной и неоффиціальной постепеновщины и длительныхъ до утомительности совѣщаній и комиссій. Подъ напоромъ неподкрашенной дѣйствительности первой подалась и была упразднена „за ненадобностью" комиссія по рабочему вопросу подъ предсѣдательствомъ сенатора Шидловскаго. Оно и понятно. Этой коммиссіи первой пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ новыми пробудившимися къ жизни элементами, серьезно заявившими о своихъ нуждахъ и человѣческихъ правахъ. Чтобы овладѣть движеніемъ и сдѣлать что-либо существенное, необходимо было прежде всего отречься отъ устарѣлыхъ пріемовъ бюрократической рутины и желанія однимъ простымъ „воздѣйствіемъ" да обѣщаніями повернуть все въ извѣстную сторону.

Но нельзя вливать молодое вино въ старые мѣха; и нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что „ненадобность" этой коммиссіи обнаружилась раньше всѣхъ.

Событія требовали и требуютъ болѣе рѣшительныхъ и прямыхъ мѣръ.

Вотъ почему за Манифестомъ 18-го февраля, призывающимъ „благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній" къ одолѣнію врага внѣшняго, искорененію крамолы и къ разумному противодѣйствію смутѣ внутренней, одновременно появился Именной Высочайшій Указъ Правительствующему сенату, а вечеромъ того-же 18-го февраля въ прибавленіи къ „Правит. Вѣстнику" былъ выпущенъ и Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, А. Г. Булыгина.

Въ указѣ заключается призывъ къ общественному мнѣнію,—въ лицѣ частныхъ лицъ и учрежденій,—предъ лицомъ Монарха (черезъ совѣтъ министровъ) высказаться по вопросу объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ.

Рескриптъ на имя министра внутр. дѣлъ заключаетъ слѣдующія высоко знаменательныя слова: „Преемственно продолжая Царственное дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ Моихъ—собираніе и устроеніе земли русской, *Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіею помощью, привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній*". И вслѣдъ затѣмъ повелѣвается учредить подъ предсѣдательствомъ министра вн. д. А. Г. Булыгина Особое Совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія Высочайшей воли.

Высочайшимъ указомъ русскимъ гражданамъ дается право такъ называемыхъ петицій въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. право частнаго почина въ области го-

сударственнаго законодательства. Съ предложенiемъ въ видѣ ходатайствъ на Высочайшее имя отнынѣ могутъ входить не только одни дворянскiя собранiя, какъ раньше, но и всѣ другiя общественныя учрежденiя, установленiя и частныя лица, наконецъ. Право это принадлежало, впрочемъ, гражданамъ россiйской имперiи еще съ 1810 года по 1891-й. Въ этотъ послѣднiй годъ, — одинъ изъ годовъ тяжелой реакцiи, — оно было отнято отъ обездоленнаго обывателя. Указъ 18-го февраля возвращаетъ его опять и при томъ въ болѣе полномъ и широкомъ объемѣ.

Но если Указъ по существу не заключаетъ въ себѣ чего-либо новаго, то въ рескриптѣ 18-го февраля общество и печать увидѣли зарю новаго будущаго. Рескриптъ по общимъ ожиданiямъ знаменуетъ начало новой эпохи въ русской жизни, - эпохи *народнаго представительства* въ дѣлѣ управленiя страной.

Такъ подошли мы къ порогу грядущаго и... пока остановились передъ нимъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что появленiе Высочайшаго рескрипта и Именного указа отъ 18-го февраля въ значительной степени зависѣло отъ хода и направленiя работъ комитета министровъ и образованныхъ имъ коммиссiй для подготовки реформъ, намѣченныхъ въ указѣ 12-го декабря прошлаго года.

Если совѣщанiя комитета министровъ и учрежденныхъ имъ коммиссiй и не дали въ сущности пока практическихъ результатовъ, если трудно даже ожидать, чтобы сколько нибудь ощутительные и серьезные результаты были достигнуты такимъ путемъ и въ дальнѣйшемъ, то во всякомъ случаѣ теоретическая польза работъ и комиссiй несомнѣнна. Польза эта заключается прежде всего въ томъ, что одно изъ самыхъ высшихъ нашихъ современныхъ государственныхъ установленiй, приступивъ къ пересмотру внутренняго государственнаго положенiя, должно было признать его несостоятельность во всѣхъ отношенiяхъ. Извлеченiя изъ журнала комитета министровъ, отъ времени до времени публикуемыя во всеобщее свѣдѣнiе, краснорѣчиво подтверждаютъ эту мысль.

Признано необходимымъ составленiе новыхъ Земскаго и Городового положенiй и для этой цѣли образуются два особыхъ совѣщанiя, которыя въ случаѣ необходимости могутъ соединяться въ одно общее присутствiе.

Осуждена система усиленной административно-полицейской охраны, исключительныхъ узаконенiй, административной безъ суда и слѣдствiя „высылки", существующiе прiемы предупрежденiя и пресѣченiя.

По подлиннымъ словамъ журнала комитета министровъ: „необходимо пересмотрѣть всю совокупность дѣйствующихъ законоположенiй, въ силу которыхъ представителямъ государственной власти въ настоящее время присваиваются тѣ или иныя полномочiя, по предмету обезпеченiя странѣ спокойнаго теченiя государственной и общественной жизни и, подвергнувъ такiя законоположенiя безпристрастной оцѣнкѣ, устранить тѣ изъ упомянутыхъ законоположенiй, которыя могутъ быть признаны несоотвѣтствующими указаннымъ началамъ; съ другой-же стороны, сохранивъ, а въ случаѣ необходимости и усиливъ тѣ изъ нихъ, которыя дѣйствительно способствуютъ достиженiю намѣченныхъ комитетомъ цѣлей, привести всѣ разработанные такимъ порядкомъ матерiалы въ стройную систему и на приведенныхъ основанiяхъ *составить проектъ закона, подлежащаго включенiю въ составъ нашего одщаго законодательства*".

Для осуществленiя этихъ предположенiй образована также особая коммиссiя подъ предсѣдательствомъ графа А. П. Игнатьева.

При обсужденiи вопросовъ о вѣротерпимости обнаружились весьма знаменательные и почти никому неизвѣстные факты. Обнаружилось, напримѣръ, что по дѣламъ вѣры существуетъ не только масса фактическихъ стѣсненiй правъ иновѣрцевъ (объ этомъ всѣ знали), но и очень много узаконенiй и распоряженiй, дѣйствующихъ помимо закона и такихъ, что даже комитетъ министровъ не могъ въ нихъ разобраться, не могъ исполнить Высочайшую волю той части указа 12-го декабря, которая требуетъ немедленныхъ административныхъ мѣропрiятiй для уничтоженiя религiозныхъ стѣсненiй, не содержащихся въ законѣ. Оказалось, что нѣкоторые изъ этихъ административно созданныхъ стѣсненiй такъ тѣсно связаны съ существующими, узаконенными стѣсненiями правъ отдѣльныхъ племенъ и нацiональностей, что, по мнѣнiю комитета министровъ,

ихъ нужно не упразднить, а утвердить въ обычномъ законодательномъ порядкѣ...

Что это за распоряженія и стѣсненія, дѣйствующія сверхъ закона и вопреки закону, но которыя признано необходимымъ сохранить „по соображеніямъ государственнаго порядка",—объ этомъ въ сообщенномъ печати извлеченіи ничего не говорится. Мы должны узнать о нихъ черезъ три мѣсяца, когда, по постановленію комитета, должны быть отмѣнены всѣ остальныя административныя стѣсненія въ дѣлахъ вѣры. Комитетъ министровъ разсматривалъ также вопросы, вытекающіе изъ положенія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій въ Россіи. Обсужденію подвергались предположенія объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ относительно сооруженія инославныхъ церквей и молитвенныхъ домовъ, порядка учрежденія религіозныхъ братствъ, дальнѣйшаго существованія католическихъ монастырей. Комитетъ входилъ въ разсмотрѣніе вопросовъ объ упорядоченіи системы взысканій, налагаемыхъ на духовныхъ лицъ инославныхъ исповѣданій, объ отмѣнѣ инструкціи министерства народнаго просвѣщенія 1900 г. и связанныхъ съ нею мѣръ касательно надзора за преподаваніемъ русскаго языка въ римско-католическихъ семинаріяхъ, и остановился на общемъ вопросѣ о преподаваніи въ учебныхъ заведеніяхъ Закона Божія инославныхъ исповѣданій на природномъ языкѣ учащихся. Всѣ эти вопросы нуждаются въ коренномъ пересмотрѣ.

Образована особая коммисія для выясненія „нуждъ" печати подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Д. Ѳ. Кобеко, но на этой коммиссіи мы остановимся особо.

Комиссія по пересмотру учрежденій правительствующаго сената энергично повела свои занятія при непосредственномъ участіи сенаторовъ А. А. Сабурова и В. Ф. Дерюжинскаго. Предполагается сдѣлать сенатъ совершенно независимымъ отъ министра юстиціи. Сенатъ предполагается выдѣлить въ особую самостоятельную единицу, съ предсѣдателемъ, имѣющимъ право непосредственнаго доклада Государю Императору.

Само-собой разумѣется, что рабочему вопросу, въ силу настойчивыхъ требованій жизни, было удѣлено чуть-ли не самое первое мѣсто. Но, какъ мы уже замѣтили, тамъ, гдѣ вмѣсто словъ потребовалось прежде всего живое дѣло, получились результаты отрицательнаго свойства. Въ Коммисію сенатора Н. В. Шидловскаго, долженствующую, какъ ожидалась, внести успокоеніе и порядокъ въ сферу рабочаго вопроса, предполагались выборные отъ самихъ рабочихъ. Съ величайшей серьезностью и съ полнымъ сознаніемъ важности предстоящаго имъ дѣла отнеслись рабочіе къ участію въ коммисіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ единогласно вся печать и всѣ, кто хотя мало-мальски сталкивался съ дѣломъ рабочаго движенія въ Петербургѣ. Возможность положенія обязывала рабочихъ прежде всего выбрать изъ своей среды независимо и безъ всякаго посторонняго давленія достойнѣйшихъ и лучшихъ людей, которые сумѣли-бы защитить и отстоять интересы рабочаго сословія и не только экономическіе интересы, но и человѣческія ихъ права. Съ другой стороны, современное положеніе дѣлъ таково, что избирая своихъ лучшихъ людей, рабочіе должны были серьезно озаботиться объ ихъ безопасности и неприкосновенности. Очень важнымъ и необходимымъ условіемъ правильнаго направленія дѣятельности выборныхъ была также возможность постояннаго сношенія ихъ съ рабочими для обмѣна мыслей и обсужденія своихъ дѣлъ. Вотъ почему выборщики отъ рабочихъ предварительно избранія своихъ депутатовъ предъявили сенатору Шидловскому опредѣленныя требованія, сущность которыхъ, по заявленію самого Н. В. Шидловскаго, сводилась къ слѣдующему: 1) чтобы избраннымъ рабочими депутатамъ была предоставлена полная свобода слова въ засѣданіяхъ комиссіи и чтобы за всѣ сдѣланныя ими въ коммисіи заявленія они не подвергались никакой отвѣтственности. 2) Чтобы депутаты участвовали во всѣхъ общихъ засѣданіяхъ коммиссіи. 3) Чтобы произведены были дополнительные выборы представителей мелкихъ мастерскихъ. 4) Чтобъ отчеты о засѣданіяхъ коммисіи печатались въ газетахъ безъ всякой цензуры. 5) Чтобы немедленно были открыты 11 „фабрично-заводскихъ отдѣленій" 6) Чтобы немедленно были освобождены всѣ рабочіе, арестованные съ 1-го января сего года. 7) Чтобы была гарантирована непри-

косновенность жилищъ рабочихъ, а равно и личная неприкосновенность всѣхъ рабочихъ, обсуждающихъ свои нужды.

Сенатору Н. В. Шидловскому было подано также заявленіе и отъ петербургскихъ работницъ, которое въ виду его безспорнаго интереса приводимъ цѣликомъ: „Депутатки отъ женщинъ-работницъ не допускаются въ комиссію подъ вашимъ предсѣдательствомъ. Таковое рѣшеніе представляется несправедливымъ. На фабрикахъ и мануфактурахъ г. С.-Петербурга работницы преобладаютъ. Въ прядильныхъ и ткацкихъ мастерскихъ число женщинъ съ каждымъ годомъ увеличивается, потому что мужчины переходятъ на заводы, гдѣ заработокъ выше. Мы, женщины-работницы, несемъ болѣе тяжелое бремя. Пользуясь нашей безпомощностью и безотвѣтностью, насъ больше притѣсняютъ наши-же товарищи, и намъ меньше платятъ. Когда было объявлено о вашей комиссіи, наши сердца забились надеждой. Наконецъ, наступаетъ время, думали мы, когда петербургская работница можетъ громко, на всю Россію, и отъ имени всѣхъ своихъ русскихъ сестеръ-работницъ заявить о тѣхъ притѣсненіяхъ, обидахъ и оскорбленіяхъ, которыхъ никогда не испытывалъ и о которыхъ не можетъ знать ни одинъ работникъ мужчина. И вотъ, когда мы уже выбрали своихъ депутатовъ, намъ объявили, что депутатами могутъ быть только мужчины. Но мы надѣемся, что это рѣшеніе не окончательное. Вѣдь, указъ Государя не выдѣляетъ женщинъ-работницъ изъ всего рабочаго класса“.

Собравшихся 18-го февраля къ народному дому графини Паниной выборщиковъ отъ рабочихъ ждало, однако, разочарованіе. У входа въ домъ было вывѣшено объявленіе, гдѣ предсѣдатель комиссіи по рабочему вопросу кратко заявлялъ: „1) что за всѣ сдѣланныя рабочими въ комиссіи откровенныя заявленія, касающіяся ихъ положенія, какъ рабочихъ, они не могутъ подлежать отвѣтственности; 2) что въ засѣданіяхъ комиссіи, вмѣстѣ съ прочими ея членами, будутъ участвовать также и всѣ представители рабочихъ, и 3) что къ обсужденію въ комиссіи нуждъ рабочихъ мелкихъ промышленныхъ заведеній мною будутъ приняты надлежащія мѣры. Что-же касается прочихъ ходатайствъ выборщиковъ, то они выходятъ за предѣлы возложенныхъ на комиссію задачъ, а потому не потребуютъ съ моей стороны отвѣта. Для производства выборовъ представителей рабочихъ, выборщики, согласно изданнымъ мною правиламъ, приглашаются явиться сегодня, 18-го февраля, въ 3 часа дня *въ помѣщенія, указанныя въ данныхъ имъ удостовѣреніяхъ*“.

Центръ тяжести, какъ оказалось, лежалъ въ послѣднихъ словахъ. Выборщиковъ раздѣлили по группамъ и по различнымъ помѣщеніямъ, разбросаннымъ по разнымъ частямъ столицы. Когда выборщики явились въ эти помѣщенія, то тамъ оказались, помимо полиціи, и чиновники изъ комиссіи сенатора Шидловскаго. Въ концѣ концовъ, выборы депутатовъ не состоялись, а коммисія Шидловскаго упразднена „за ненадобностью“.

Былъ, однако, промежутокъ времени въ нѣсколько дней между 18-мъ февраля и днемъ упраздненія комиссіи Шидловскаго (20 февр.), когда многимъ казалось, что при удовлетвореніи нѣкоторыхъ требованій рабочихъ дѣло можно еще поправить, что при доброй охотѣ комиссія сенатора Шидловскаго можетъ еще состояться и дать практическіе результаты. Длинное и горячее открытое на имя Н. В. Шидловскаго письмо по этому поводу помѣстилъ въ „Новостяхъ“ писатель г. Танъ. Вотъ конецъ этого письма:

„Націоналъ-либеральныя газеты уже высказываютъ надежду, что обѣщаніе такъ называемыхъ коренныхъ реформъ, имѣющее успокоить интеллигенцію, вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ успокоеніе и рабочимъ. Не вѣрьте имъ, ваше высокопревосходительство! Конечно, было бы клеветой сказать, что рабочій вопросъ есть только „вопросъ брюха“. Или, какъ выразился одинъ изъ выборщиковъ на своемъ грубомъ, но мѣткомъ языкѣ: „Когда свинья заворошилась, бросимъ ей кость, пускай занимается. А потомъ, управимся съ дѣломъ, и свиньѣ ноги свяжемъ“.

„Однако, вопросъ брюха входитъ въ желанія рабочихъ, по крайней мѣрѣ, на добрую половину. Въ собраніи выборщиковъ была партія такъ называемыхъ экономистовъ, насчитывавшая около полусотни членовъ. Они долго уклонялись отъ обсужденія общихъ вопросовъ и нѣсколько разъ демонстративно покидали залъ собранія. Потомъ они поколебались и прислали парламентера для объясненій. Въ своей рѣчи ихъ пред-

ставитель сказалъ: „Мы сами знаемъ, что общія реформы нужны, но только намъ очень трудно. Брюхо у насъ пустое и голое“. Это, именно, то самое пустое брюхо, о которомъ идетъ рѣчь. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что положеніе рабочаго класса въ Петербургѣ ужасно. Семейнымъ людямъ нечѣмъ кормить своихъ дѣтей. А японскіе милліоны еще не поступали въ обращеніе... Въ разныхъ концахъ города начался голодъ и явился его спутникъ, голодный тифъ. Больницы переполнены, частная и общественная помощь почти отсутствуетъ.

„Будемъ говорить прямо. Если не желательно видѣть въ Петербургѣ углубленія розни между владѣльцами фабрикъ и ихъ рабочими, необходимо организовать постоянную посредническую камеру для того, чтобы выработать modus vivendi, пріемлемый для обѣихъ сторонъ.

„Вашей коммисіи предстоитъ стать такою посредническою камерой, какъ вытекаетъ изъ точнаго смысла вашихъ полномочій. На васъ возложена благородная обязанность содѣйствовать тому, чтобы роковой клубокъ петербургскаго рабочаго вопроса, который запутывается все болѣе съ каждымъ днемъ, сталъ постепенно распускаться. Повторяю: жизнь велитъ допустить компромиссъ, идти навстрѣчу тѣмъ требованіямъ, которыя пріемлены, и такимъ образомъ сдѣлать существованіе комисіи возможнымъ.

„Далѣе, открытіе одиннадцати фабрично-заводскихъ отдѣловъ (имущество которыхъ противно утвержденному уставу, уже назначено полиціей къ продажѣ) является также совершенно осуществимымъ. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ было, какъ сказано выше, организовано только 6,000 членовъ. Между тѣмъ, напримѣръ, только одинъ Путиловскій заводъ, въ сущности говоря, является огромнымъ рабочимъ клубомъ, засѣдающимъ ежедневно и непрерывно и насчитывающимъ болѣе 13.000 членовъ. Среди рабочихъ раздаются и такія рѣчи: „Теперь и отдѣловъ не очень нужно. На дворѣ стало тепло. Можно собираться у воротъ или въ паркѣ“. Bis dat, qui cito dat.

„Не могу не указать также, что третій пунктъ нашего объясненія рабочимъ даетъ прямой поводъ предполагать, что вы желаете осуществить открытіе мѣстъ, гдѣ могли бы совѣщаться и выбирать представителей, по крайней мѣрѣ, рабочіе мелкихъ предпріятій, ибо вы обѣщаете „принять надлежащія мѣры къ обсужденію въ комиссіи нуждъ рабочихъ мелкихъ промышленныхъ заведеній“. Я ни одной минуты не допускаю, что вы имѣете въ виду въ данномъ случаѣ бюрократическое обсужденіе безъ подлежащихъ представителей, единственно съ высоты административнаго „птичьяго полета“. Это противорѣчило бы всему духу организуемой вами комиссіи.

„Я вполнѣ признаю, что вы не можете гарантировать неприкосновенность жилищъ и личную неприкосновенность рабочихъ, ибо даже ни вы, ни я, къ сожалѣнію, еще не обладаемъ этими благами, но вы могли бы, по крайней мѣрѣ, поддержать ходатайство объ освобожденіи рабочихъ, арестованныхъ съ 1-го января 1905 года, хотя бы для того, чтобы ознаменовать этимъ великую радость страны, получившей вечеромъ восемнадцатаго февраля такое великое и драгоцѣнное обѣщаніе. Успѣшность такого ходатайства, по моему крайнему разумѣнію, немедленно устранила бы остроту настоящаго конфликта“.......

Между тѣмъ рабочій вопросъ есть настоятельный общерусскій вопросъ и всетаки нуждается въ разрѣшеніи. Составить понятіе о размѣрахъ и огромности рабочаго движенія поможетъ хотя-бы слѣдующій списокъ городовъ и мѣстностей, гдѣ въ большей или меньшей степени это движеніе проявилось. Списокъ этотъ неполонъ, но весьма внушителенъ. Были, какъ выражаются, рабочіе „безпорядки“ въ Александровскѣ (Екат. губ.), Астрахани, Баку, Батумѣ, Бѣлостокѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Виндавѣ, Воронежѣ, Гомелѣ, Горкахъ (Могил. губ.), Грозномъ, Гроднѣ, Двинскѣ, Екатеринославѣ, Елизаветполѣ, Заверцѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Иркутскѣ, Казани, Калугѣ, Кіевѣ, Клинцахъ (Черниг. губ.), Ковнѣ, Ковровѣ, Козловѣ, Красноярскѣ, Крынкѣ, Кронштадтѣ, Кутаисѣ, Кутно, Кѣльцахъ, Либавѣ, Лодзи, Люблинѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Мозырѣ, Москвѣ, Нахичевани, Нижнемъ-Новгородѣ, Новорадомскѣ, Орѣховѣ, Островцѣ, Перновѣ, Петербургѣ, Петроковѣ, въ слоб.-Покровской, Полтавѣ, Поти, Прилукахъ, Радомѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Ровнѣ, Ростовѣ-на-Дону, Самарѣ, Саратовѣ, Севастополѣ, Скаржискѣ, Сосновицахъ, Сухуми-

Кане, Сѣдлецѣ, Тифлисѣ, Томашовѣ, Царицынѣ, Ченстоховѣ, Читѣ, Шавляхъ, Ярославлѣ, Ѳеодосіи и т. д. Къ этому нужно добавить еще многочисленныя желѣзнодорожныя линіи, изъ которыхъ упомянемъ: Владикавказск. жел. дор.. Московско-Казанская, почти всѣ привислянскія жел. дор. и друг. Появились было зловѣщіе печатные слухи о возможности забастовки рабочаго персонала Сибирской жел. дор., но, къ счастью, оказались, кажется, несостоятельными.

При такихъ обстоятельствахъ, на смѣну упраздненной комиссіи сенатора Шидловскаго, пришлось для урегулированія отношеній между трудомъ и капиталомъ опять таки составить новую комиссію. Предсѣдательство въ этой комиссіи поручено министру финансовъ, полноправные члены съ рѣшающимъ голосомъ будутъ опредѣлены по Высочайшимъ назначеніямъ. Представителямъ отъ промышлениковъ и рабочихъ не предоставляется постояннаго участія въ этой комиссіи. Они такъ же, какъ и отдѣльные ученые и писатели по спеціальнымъ экономическимъ вопросамъ,—будутъ въ нее приглашаться лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, для дачи устныхъ или письменныхъ показаній.

Изъ мѣръ, предложенныхъ „безотлагательному обсужденію" комиссіи т. с. Коковцова, отмѣтимъ вопросы: о рабочихъ организаціяхъ (собраніяхъ, союзахъ и др.) для обмѣна мыслей по вопросамъ, исключительно вытекающимъ изъ почвы договорныхъ отношеній между предпринимателями и рабочими, о сокращеніи рабочаго дня, объ измѣненіи прежнихъ законовъ относительно забастовокъ и стачекъ и объ учрежденіи больничной помощи рабочимъ

Общее отношеніе комитета министровъ и будущей комиссіи т. с. Коковцова къ современному положенію вещей на фабрикахъ и заводахъ твердо выражено въ заключеніи, что *правительство не пойдетъ „по пути непремѣнныхъ уступокъ" нынѣшнимъ требованіямъ рабочихъ*, но заявленія рабочихъ и фабрикантовъ должны быть очень внимательно выслушаны и послужатъ необходимымъ матеріаломъ къ *законодательной* нормировкѣ отношеній между трудомъ и капиталомъ.

Замѣтимъ, кстати, что рѣшено также не передавать фабричной инспекціи министерству внутреннихъ дѣлъ,—за это рѣшеніе высказался и нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, т. с. А. Г. Булыгинъ,—въ противоположность настойчивымъ домогательствамъ министерства фонъ-Плеве. Сосредоточеніе какъ фабрично-заводской инспекціи, такъ и вообще всего надзора за промышленностью сохраняется въ министерствѣ финансовъ; губернаторамъ оставляется лишь наблюденіе законности въ общемъ порядкѣ.

Такимъ образомъ разрѣшеніе рабочаго вопроса вступило въ новую фазу; какова она будетъ, скоро увидимъ.

Все предыдущее убѣждаетъ насъ въ томъ, что дѣятельность комитета министровъ и выдѣленныхъ имъ комиссій носила болѣе теоретическій характеръ и не привела пока къ какимъ-либо практическимъ, существеннымъ результатамъ. Осуждена самимъ правительствомъ полицейско-бюрократическая система, осуждены стѣсненія печати, произволъ, исключительныя узаконенія, усиленная охрана, насиліе надъ личностью безъ суда и слѣдствія, высказано много дѣльнаго по поводу рабочаго и крестьянскаго,—все, что было, а между тѣмъ остается пока и посейчасъ.

Конечно, ничего сразу не дѣлается, для серьезныхъ преобразованій необходимо время, но всякія излишнія стѣсненія и исключительныя узаконенія устранить немедленно не представляло-бы особаго труда, и на это не нужно особо долгаго времени. Впрочемъ, самъ предсѣдатель Комитета Министровъ, С. Ю. Витте, прекрасно охарактеризовалъ положеніе словами, сказанными имъ корреспонденту „Сѣверо-Западн. Слова":

— Поднимать фунтъ, когда требуется поднять цѣлый домъ, развѣ это работа?..

Но и эта работа должна свестись почти ни къ чему со времени указа 18-го февраля, переносящаго въ Совѣтъ министровъ центръ тяжести по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ самый живой и больной интересъ. Вотъ почему нисколько не удивительно было встрѣтить проникшее въ печать извѣстіе, что С. Ю. Витте выработалъ проектъ объ упраздненіи Комитета Министровъ и перенесеніи его главнѣйшихъ функцій въ Совѣтъ. Но все это, конечно, отступаетъ на второй планъ передъ главнѣйшей и неотложнѣйшей задачей, поставленной рескриптомъ 18 февраля,—о созывѣ достойнѣйшихъ представителей земли.

Этотъ рескриптъ и связанныя съ нимъ ожиданія есть тотъ центръ, около котораго сосредоточены всѣ думы и мысли русскаго общества. Въ настоящее время на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ уже поступило отъ различныхъ земствъ нѣсколько проектовъ по вопросу о предстоящемъ созывѣ представителей. Въ этихъ проектахъ, въ формѣ пожеланій, изложены соображенія, указывающія на необходимость возможно болѣе полнаго и всесторонняго состава собранія представителей. Подобные-же проекты, съ изложеніемъ желательныхъ реформъ и подробной мотивировкой, поступили также на разсмотрѣніе совѣта министровъ.

Газеты подробно и всесторонне занялись обсужденіемъ вопроса объ условіяхъ выбора и скорѣйшаго созыва народныхъ представителей. „Биржевыя Вѣдомости", напримѣръ, перечисляютъ рядъ слѣдующихъ основныхъ мѣръ, при которыхъ должны состояться выборы. Такими основными мѣрами для охраны свободы и независимости выборовъ въ новое учрежденіе являются:

1) полная отмѣна временныхъ правилъ объ усиленной охранѣ и вообще возстановленіе во всей силѣ основныхъ законовъ Имперіи;

2) свобода печати; явочный порядокъ открытія новыхъ изданій; отвѣтственность за проступки и преступленія исключительно по суду;

3) право собраній и предвыборной агитаціи;

4) неприкосновенность личности съ отвѣтственностью за преступленія и проступки только по суду;

5) возстановленіе въ правахъ лицъ, подвергшихся ранѣе наказаніямъ въ административномъ порядкѣ.

Эти мѣры, точно выясненныя, послѣдовательно и до конца проведенныя, несомнѣнно успокоятъ общество и создадутъ нормальныя условія для предстоящей творческой работы. Впредь до законодательной работы, эти основныя мѣры могли бы быть осуществлены отдѣльнымъ правительственнымъ актомъ.

Для ускоренія дѣла та же газета совѣтуетъ немедленно воспользоваться голосомъ уже намѣченнаго совѣщанія, съ участіемъ выборныхъ представителей отъ земства и городовъ. „Мы это не только говоримъ, но и повторяемъ, потому что уже нѣсколько разъ мы указывали на особенную важность этого совѣщанія, на его близкую, тѣсную связь съ общими задачами представительства Русской Земли. Если дополнить намѣченный выборный составъ Особаго Совѣщанія городскихъ и земскихъ представителей депутатами отъ нѣкоторыхъ не-земскихъ областей и представителями административныхъ вѣдомствъ, то, какъ намъ кажется, и теперь въ этомъ совѣщаніи плодотворно отразится голосъ Земли въ разрѣшеніи вопросовъ, необходимо предшествующихъ созыву народныхъ представителей для участія въ законодательной работѣ. Если къ этому голосу присоединятся еще мнѣнія различныхъ общественныхъ учрежденій, въ видѣ *мѣстныхъ наказовъ*, то голосъ Земли выразится еще полнѣе и плодотворнѣе"..

Особое совѣщаніе, учрежденное подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина, для обсужденія путей осуществленія Высочайшей воли, выраженной въ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18-го февраля, по слухамъ, начнетъ свои занятія во второй половинѣ марта. Откроется совѣщаніе въ составѣ представителей вѣдомствъ; вопросъ о привлеченіи къ участію въ трудахъ совѣщанія общественныхъ силъ будетъ предметомъ обсужденія въ первомъ же засѣданіи.—Таковы тѣ краткія извѣстія, которыя по этому поводу проникли въ печать.

Будущему историку русской жизни въ эти дни придется между прочимъ отмѣтить знаменательный поворотъ въ общемъ настроеніи по вопросу взаимныхъ отношеній „отцовъ и дѣтей". Родители, до сихъ поръ молча и пассивно переносившіе всѣ недостатки и безобразія современнаго школьнаго режима, стали, наконецъ, совершенно твердо и опредѣленно на сторону дѣтей. Профессоры высшихъ учебныхъ заведеній въ большинствѣ случаевъ стали на сторону студентовъ. Курское избіеніе дѣтей (см. „отдѣлъ Провинціальной жизни) отозвалось по всей мыслящей Россіи. Изъ многихъ, почти всѣхъ городовъ посыпались по этому поводу рѣзкіе протесты, раздались негодующіе и возмущенные голоса. Занятія почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ прекратились, и совѣты профессоровъ высказались за невозможность возобновленія занятій при существующихъ условіяхъ.

Школьное движеніе такимъ образомъ получило самый широкій общерусскій характеръ. Въ единеніи сила; и кто знаетъ... быть можетъ, наконецъ, „отцы“ настоятъ на томъ, чтобы школа была для дѣтей, а не наоборотъ.

Особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ дѣйствит. тайнаго совѣтника Д. Ѳ. Кобеко для выработки новаго устава о печати продолжается. „Необходимость и благотворность свободы печати,—говорилъ покойный Н. К. Михайловскій,—есть для меня такая-же аксіома, какъ дважды два—четыре. Доказывать ее я не умѣю“.. Увы! Есть еще люди на Руси, которые не доросли до этой аксіомы, а потому вопросъ, къ чему въ сущности сведутся предпринимаемыя реформы законоположеній о печати, такъ таки и остается темнымъ и загадочнымъ вопросомъ... Такіе „представители“ печати въ комиссіи, какъ кн. Мещерскій, Цертелевъ, Пихно и Юзефовичъ не вселяютъ никакой увѣренности въ томъ, что цензурныя и всякія иныя тягости будутъ, наконецъ, сняты съ русскаго слова.

А между тѣмъ печать, особенно провинціальная, ждетъ и волнуется... Такъ, въ общемъ собраніи редакторовъ, издателей и сотрудниковъ газетъ „Приднѣпровскаго Края“ и „Вѣстника Юга“ въ Екатеринославѣ рѣшено было послать предсѣдателю коммиссіи о печати слѣдующую телеграмму:

„Петербургъ. Члену государственнаго совѣта Кобеко. Редакторы, издатели и сотрудники „Придн. Края“ и „Вѣстн. Юга“, обсудивъ положеніе провинціальной печати пришли къ единогласному заключенію, что печать не можетъ быть правдивой выразительницей разумныхъ стремленій общества, пока не будутъ проведены въ жизнь слѣдующія положенія: 1) отмѣна всѣхъ видовъ цензуры и административнаго воздѣйствія для всѣхъ произведеній печати. 2) Полное устраненіе административныхъ каръ. 3) Установленіе отвѣтственности печати только по суду присяжныхъ. 4) Явочный порядокъ открытія изданій и типографій“.

Въ Кіевѣ мѣстные журналисты и литераторы, обсудивъ въ частномъ совѣщаніи вопросъ объ отношеніи въ комиссіи д. т. с. Кобеко, единогласно, послѣ очень непродолжительныхъ преній, приняли и подписали слѣдующую резолюцію:

„Мы, нижеподписавшіеся кіевскіе литераторы и журналисты, обсудивъ современное положеніе печати въ Россіи, пришли къ слѣдующему заключенію: продолжительный опытъ безправнаго существованія печати въ Россіи, а въ прошломъ и на Западѣ, убѣждаетъ, что всякая форма правительственнаго надзора за печатью, изъ какихъ-бы основаній онъ ни исходилъ, низводитъ прессу до жалкаго состоянія вынужденнаго молчанія, отнимающаго у нея возможность честнаго служенія роднинѣ. Это служеніе возможно только тогда, когда законодательство признаетъ за гражданами свободу мысли и слова, безъ различія языковъ, которая въ свою очередь предполагаетъ полную свободу печати, отвѣтственной только предъ гласнымъ судомъ присяжныхъ. Исходя изъ изложенныхъ основаній, мы не ждемъ отъ комиссіи д. т. с. Кобеко желательнаго удовлетворенія нуждъ печати, не возбуждаемъ предъ ней ходатайствъ и ограничиваемся опубликованіемъ настоящей резолюціи“.

Въ совѣщаніи участвовали почти всѣ сотрудники „Кіевской Газеты“, „Кіевскихъ Откликовъ“, „Кіевской Старины“, „Кіевскихъ Новостей“ и другіе мѣстные литераторы.

Редакторы-издатели и сотрудники „Цариц. Вѣстн.“ послали т. с. Кобеко слѣдующую телеграфную *петицію*: „Издавая газету и сотрудничая въ теченіе 25 лѣтъ во многихъ провинціальныхъ изданіяхъ, мы убѣдились, что цензура не спасаетъ ни отъ суда, ни отъ административной кары, не гарантируетъ отъ появленія дѣйствительно вредной статьи, служитъ только излишнимъ стѣсненіемъ редакторамъ и сотрудникамъ, препятствуя своевременному появленію полезныхъ статей и нерѣдко предохраняетъ отъ печатнаго обличенія вредныя явленія, чѣмъ наноситъ непоправимый вредъ обществу. Ходатайствуемъ о полномъ упраздненіи цензуры“.

Въ Тифлисѣ подъ предсѣдательствомъ Х. Г. Хачатурова состоялось частное совѣщаніе редакторовъ и представителей редакцій тифлисскихъ газетъ и журналовъ, русскихъ и туземныхъ. На совѣщаніи присутствовали редакторы: „Тифл. Листка“ г. Хачатуровъ, „Новаго Обозрѣнія“ г. Калантаровъ, „Цнобисъ Пурцели“ г. Джабадари „Мшака“ и „Кавк. Сельск. Хозяйства“ г.

Калантаръ, „Моамбэ“ г. Джабадари, „Иверія“ г. Гогичайшвили, „Кавк. Листка“ г. Тамамшевъ, „Дже-Джили“ кн. Церетели, „Накадули“ г-жа Зурабова, „Агбюра“ и „Тараза“ г. Назарянцъ и за редакторовъ „Лума“ г. Ширванзадэ, „Мурчъ“ г. Калантаръ и „Могзаури“ г. Махарадзе. Собраніе это постановило возбудить ходатайство о приглашеніи въ комиссію по пересмотру законовъ о печати двухъ представителей отъ тифлисской прессы и выработала слѣдующую редакцію ходатайства: „Нижеподписавшіеся, редакторы тифлисскихъ повременныхъ изданій, въ виду крайне тягостнаго положенія кавказской печати, присоединяемся къ общимъ пожеланіямъ объ освобожденіи печати отъ стѣсненій и просимъ о допущеніи въ коммиссію по пересмотру законовъ о печати двухъ избранныхъ нами представителей, одного отъ русскихъ повременныхъ изданій, другого—отъ туземныхъ“. Ходатайство это, подписанное всѣми присутствовавшими на собраніи, по телеграфу послано было въ Петербургъ предсѣдателю комиссіи, члену государственнаго совѣта Д. Ѳ. Кобеко.

Совѣщаніе польскихъ драматурговъ послало изъ Варшавы д. т. с. Кобеко телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Польскіе драматическіе авторы считаютъ необходимымъ обратить ваше вниманіе на потребность измѣненія существующихъ въ Варшавѣ условій цензуры польскихъ драматическихъ произведеній. Условія эти отличаются тенденціозной строгостью, направленной противъ національнаго и общественнаго характера пьесъ, и дѣлаютъ невозможнымъ развитіе драматическаго искусства и польскаго театра въ нашемъ краѣ“.

Состоялось совѣщаніе редакторовъ и сотрудниковъ всѣхъ одесскихъ газетъ, въ которомъ притутствовало свыше 100 человѣкъ. Постановлено послать въ С.-Петербургъ для участія въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко трехъ представителей одесской печати съ докладной запиской, указывающей на нужды печати.

Вопросъ о свободѣ печати возникъ даже и въ петербургскомъ городскомъ управленіи. Какъ извѣстно, 10 гласныхъ внесли въ думу предложеніе объ освобожденіи отъ дѣйствія предварительной цензуры газетныхъ отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ. Городская управа вошла въ обсужденіе вопроса по существу и не могла не согласиться съ справедливостью требованія гласныхъ. Принявъ во вниманіе, что въ настоящее время надъ выработкою проекта новыхъ законовъ о печати трудится особая, назначенная по Высочайшему повелѣнію комиссія,—управа признала своевременнымъ нынѣ же возбудить ходатайство объ отмѣнѣ цензуры отчетовъ о дѣятельности городского управленія.

Сотрудникъ „Приазовскаго Края“ г. Скиталецъ обращается съ весьма характерною просьбой: „Я буду умолять васъ, г. редакторъ, чтобы вы послали въ комиссію Д. Ѳ. Кобеко по пересмотру законовъ о печати такую телеграмму:

„Присоедините къ свободѣ лжи и свободу правды. Сравняйте насъ съ лжецами. Мы мы больше ничего не хотимъ“.

„Лжецы“, въ свою очередь, уже откликнулись: они печатно возвѣстили, что никакой свободы для правды не требуется.

Между тѣмъ, пока что, настроеніе на цензурномъ провинціальномъ рынкѣ твердое.

Въ Пятигорскѣ между редакторомъ-издателемъ мѣстнаго листка и атаманомъ отдѣла возникла, по словамъ „Бак. Изв.“, цѣлая война изъ-за непомѣщенія въ листкѣ частнаго письма. Газета такъ излагаетъ это любопытное столкновеніе:

„Цензоръ началъ съ того, что 28-го января вычеркнулъ перепечатки оффиціальнаго сообщенія изъ Батума и Тифлиса изъ газеты „Кавказъ“ (пять столбцовъ), затѣмъ 30-го еще два и, наконецъ, 9-го февраля не хотѣлъ цензуровать газету за то, что редакторъ не помѣстилъ частное письмо бывшаго директора к. м. водъ Хвощинскаго, Редакторъ К. К. Кибардинъ послалъ въ ночь на 10-е февраля телеграммы: 1) министру внутреннихъ дѣлъ; 2) начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати; 3) главноначальствующему гражданской частью на Кавказѣ, и 4) начальнику Терской области, слѣдующаго содержанія: „Цензоръ Грамотинъ, атаманъ пятигорскаго отдѣла, недовольный моимъ отказомъ помѣстить частное письмо Хвощинскаго, не разрѣшилъ цѣлаго нумера „Пятигорскаго Листка“. Прошу защиты отъ произвола Грамотина. Завтра нумеръ не выходитъ. Редакторъ Кибардинъ“.

Бакинскій вице-губернаторъ отношеніемъ отъ 13-го февраля за № 2934 увѣдомилъ

редактора „Бак. Изв.", что статьи „Кровавые дни" и „Гдѣ причина" - губернаторомъ къ печати не разрѣшены и что всѣ замѣтки и статьи, предназначенныя къ помѣщенію въ „Бак. Изв.", прежде посылки ихъ на цензуру, посылать на разрѣшеніе бакинскаго губернатора („Бак. Изв.").

Въ „С.-Петербургскія Вѣдомости" пишутъ изъ Рѣчицы, Минской губ.:

„Ко всѣмъ нашимъ бѣдамъ присоединилась еще одна: мѣстныя власти приняли на себя обязанности главнаго управленія по дѣламъ печати и запретили розничную продажу газетъ.

„За что? Почему? — вопрошаютъ удивленные жители.—По какому праву?

„Запретитель въ своемъ желаніи охранить городъ отъ вреднаго вліянія газетъ, пошелъ дальше комитета министровъ, который ограничилъ продажи газетъ только разносчиками, но дозволилъ ее въ магазинахъ. Въ другихъ городахъ теперь разносчики плачутъ, а магазины радуются. У насъ и магазины, и разносчики уравнены въ правахъ; продажа газетъ всѣмъ воспрещена. Хозяева книжныхъ магазиновъ посмѣнно отправляли письма въ конторы газетъ, прося прекратить ихъ высылку. Это, кажется, — у насъ первый случай, когда цѣлый городъ объявляется на „положеніи усиленной охраны"... отъ газетъ"!

Довѣренный торговой фирмы Манташева въ г. Саратовѣ заказалъ въ типографіи Платонова напечатать ярлычки для наклейки на ящики съ колесной мазью. Въ ярлычкахъ, между прочимъ, было помѣщено: „Не подмажешь — не поѣдешь" (изъ русск. пословицы). Типографія обратилась за разрѣшеніемъ для печатанія къ мѣстному приставу, г. Досталь. Послѣдній, какъ сообщаетъ „Сарат. Дневникъ", печатаніе воспретилъ.

Владимірскимъ губернаторомъ затребованъ отъ начальника мѣстной почтово-телеграфной конторы списокъ всѣхъ лицъ во Владимірѣ, кои состоятъ подписчиками газетъ „Наша жизнь", „Наши дни" и „Сынъ Отечества".

Одинъ изъ учениковъ 7-го класса владимірской гимназіи, пойманный директоромъ за чтеніемъ газеты „Наша Жизнь", былъ посаженъ въ карцеръ на 5 часовъ. Директоръ, дѣлая выговоръ ученику, назвалъ упомянутый органъ печати — „пакостной газетой". („Сѣверный Край").

Мнѣніемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія опредѣлено: въ виду тенденціозности направленія „Русской Газеты", проявившейся въ послѣднее время въ цѣломъ рядѣ нумеровъ, не допускать ея впредь къ выпискѣ въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Въ виду вреднаго направленія газеты „Вечерняя Почта", выразившагося, между прочимъ, въ отдѣлѣ „Хроника русской жизни", помѣщенномъ въ № 56, и въ статьѣ „Послѣ освобожденія" въ № 60 этой газеты, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ „Вечерняя Почта" первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, окончившаго курсъ Наукъ въ Императорскомъ московсковскомъ университетѣ Ивана Холчева, воспретивъ при этомъ, на основаніи ст. 178 того же устава, и розничную продажу отдѣльныхъ нумеровъ этого изданія.

„Русскія Вѣдомости" сообщаютъ весьма пикантныя подробности изъ исторіи своихъ отношеній къ военной цензурѣ.

Цензоръ, на разсмотреніе котораго представляются нынѣ статьи военнаго содержанія, предназначаемыя для помѣщенія въ „Русск. Вѣдом.", испещряетъ поля посылаемыхъ ему корректуръ полемическими замѣчаніями и, въ нарушеніе цензурныхъ правилъ, входитъ въ „разборъ справедливости или неосновательности" излагаемыхъ въ статьяхъ мнѣній, налагая такія резолюціи, какъ: „это не выдерживаетъ критики и слишкомъ сгущаетъ краски", „юнкеръ младшаго класса знаетъ" и т. д., а также дозволяетъ себѣ произвольное толкованіе ихъ въ дурную сторону.

Такъ, статья „Занятіе ген. Куроки Далинскаго хребта" вернулась отъ цензора съ такою надписью: „Судя па тону статьи въ началѣ ея, я думалъ, что ее пишетъ японецъ, которому лестно воспѣвать подвиги своихъ генераловъ", а въ резолюціи украсившей статью „Наступленіе маршала Оку на армію бар. Бильдерлинга", цензоръ пошелъ еще дальше: „Судя по тону военныхъ обозрѣній,—начерталъ онъ,—можно съ успѣхомъ замѣнить названіе „Русскія" названіемъ „Японскія Вѣдомости".

Такія обвиненія встрѣчались на страницахъ, такъ называемыхъ, патріотическихъ органовъ печати; но со стороны должностного лица, да еще цензора, нельзя было ожидать подобныхъ выходокъ...

Заслуживаютъ упоминанія и нѣкоторыя другія цензорскія помѣтки. На одной статьѣ онъ пишетъ: „Пора перестать писать въ заупокойномъ духѣ"; извлеченіе изъ частнаго письма врача 18-го января онъ зачеркиваетъ, мотивируя это тѣмъ, что „вся статья носитъ на себѣ слишкомъ вымышленный характеръ; фактическая сторона да и обстановка совершенно невѣрны".

Въ довершеніе всего этотъ цензоръ призналъ умѣстнымъ выразить газетѣ свое благоволеніе: „Слава Богу,—написалъ онъ на поляхъ статьи „Положеніе подъ Мукденомъ къ 21-му февраля",—наконецъ, заговорили въ доброжелательномъ для русскихъ тонѣ".

Неужели г. цензоръ считаетъ такой образъ дѣйствій правильнымъ?

Въ заключеніе отмѣтимъ перемѣну въ администраціи печати: Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату на должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати назначенъ эстляндскій губернаторъ, въ званіи камергера. д. с. с. Алексѣй Валеріановичъ Бельгардъ.

═ На нашихъ окраинахъ также не все обстоитъ благополучно. Кровавая и ужасная бакинская трагедія 6—9 февраля привела ко введенію въ Баку и бакинской губерніи военнаго положенія. Произошли безпорядки въ Кутаисѣ и Эривани. По оффиціальному сообщенію, „въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ въ Гуріи и сосѣднихъ мѣстностяхъ возникло сначала огромное движеніе крестьянъ противъ помѣщиковъ, потомъ явно противоправительственное возмущеніе, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ политическихъ убійствъ и покушеній на убійство правительственныхъ и общественныхъ должностныхъ и духовныхъ лицъ, а также разбойныхъ нападеній, поджоговъ и проч. Примѣнявшіяся главнымъ кавказскимъ начальствомъ мѣры къ успокоенію населенія не привели къ желательнымъ результатамъ. Преступная пропаганда не прекращалась и въ настоящее время обратилась въ явное возстаніе противъ законнаго порядка. Вслѣдствіе сего, главное кавказское начальство вынуждено было прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ для возстановленія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Состоявшимся 18 февраля приказомъ по управленію главноначальствующаго, Озургетскій уѣздъ, Кутаисской губерніи, и Кинтришскій участокъ, Батумской области, изъяты изъ вѣдѣнія кутаисскаго и батумскаго губернаторовъ и подчинены въ гражданскомъ отношеніи, впредь до возстановленія полнаго спокойствія, состоящему при войскахъ кавказскаго округа генералъ-маіору Алиханову, въ распоряженіе котораго командированъ особый воинскій отрядъ. Предварительно, однако, исполняющій обязанности главноначальствующаго призналъ возможнымъ прибѣгнуть къ послѣднему средству для вразумленія населенія и для убѣжденія его подчиниться законамъ и установленнымъ властямъ, чрезъ особо командированное лицо. Съ этой цѣлью генералъ-лейтенантомъ Маламой посланъ въ Озургетскій уѣздъ членъ совѣта главноначальствующаго, тайный совѣтникъ султанъ Крымъ-Гирей, которому поручено объѣхать всѣ сельскія общества Гуріи, ознакомиться съ нуждами населенія, выяснить причины неудовольствія и объявить, что всѣ законныя, справедливыя ходатайства, если они окажутся въ предѣлахъ власти главноначальствующаго, будутъ удовлетворены немедленно. О ходатайствахъ же, выходящихъ изъ предѣловъ правъ мѣстной власти, будетъ доведено до свѣдѣнія Государя"...

Возникновеніе и причины бакинской рѣзни между мусульманами и армянами крайне загадочны и неопредѣленны. Будемъ надѣяться, что судъ и слѣдствіе, начатое по этому поводу, найдутъ истинныхъ виновниковъ ужасной рѣзни и прольютъ свѣтъ на это темное дѣло.

═ Сессія финляндскаго сейма въ общемъ оказалась безплодной. По сообщенію „Финляндск. газеты", церемоніалъ закрытія сейма составленъ и представляется на Высочайшее утвержденіе. Отвѣта на „большую петицію" сейма финляндцы еще не получили.

═ Польша всецѣло захвачена вопросомъ о своей школѣ. Спеціальная депутація съ графомъ Тышкевичемъ во главѣ являлась въ Петербургъ съ ходатайствомъ за подписью двадцати пяти тысячъ родителей—поляковъ. Сущность вопроса лучше всего характеризуется открытымъ письмомъ въ

газету „Русь“ извѣстнаго польскаго писателя Генриха Сенкевича.

Вотъ это письмо, въ извлеченіи.

„Въ собраніи, которое недавно состоялось въ Варшавѣ по поводу школьнаго вопроса, г. попечитель Варшавскаго учебнаго округа высказалъ слѣдующую мысль:

„Я понимаю, что народъ съ такимъ прошлымъ, съ такою самобытностью культурой и съ такою богатою литературою, какъ польскій народъ, заявляетъ свое право на національную польскую школу; опасаюсь однако, что такая школа могла бы создать внутренняго врага въ русскомъ государствѣ и, вмѣсто того, чтобы сблизить два народа, пожалуй, углубила бы раздѣляющую ихъ пропасть“.

Далѣе, „сознаніе, что теперешнее положеніе школьнаго дѣла въ Польшѣ просто вопіетъ къ небу, и что необходимо какъ-нибудь исправить зло, проникло уже въ широкіе круги русскаго народа; возможно, однако, что значительная его часть раздѣляетъ опасенія, высказанныя г. попечителемъ. Вотъ почему, оставляя въ сторонѣ личность послѣдняго, въ моихъ дальнѣйшихъ соображеніяхъ я обращаюсь непосредственно къ русскому общественному мнѣнію и къ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ лежитъ будущее дѣло.

— „Создала-ли существующая понынѣ русская и обрусительная школа друзей государства и русскаго общества?

„Я могъ бы остановиться на этомъ вопросѣ, такъ какъ на него отвѣчаютъ факты; и, думается мнѣ, нѣтъ такого русскаго человѣка, который, либо не желая насиловать собственаго разума, либо не жертвуя интересами обоихъ народовъ своимъ личнымъ выгодамъ, могъ бы отрицать эти факты...

„Мнѣ остается прибавить лишь нѣсколько словъ объясненія:

„Не былъ принятъ къ руководству взглядъ Императора Александра II, осуждавшаго самымъ рѣшительнымъ образомъ тенденцію создать изъ школы политическое орудіе; прозвучали безслѣдно совѣты Милютина, который точно также со всей силой убѣжденія высказался противъ такого рода стремленій,—и была создана школа такая, какъ она существуетъ и понынѣ, то есть школа русская и обрусительная.

„Настала, такъ называемая, апухтинская эпоха; наступили времена политики во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ отъ начальныхъ до университета включительно. Польскій языкъ сталъ предметомъ необязательнымъ, при чемъ началось обученіе ему наравнѣ съ прочими предметами по-русски; посыпались наказанія за всякое польское слово, произнесенное въ стѣнахъ училища, словно за какое-либо преступленіе; прошлое польскаго народа было предметомъ поруганія точно такъ же, какъ и все его дѣянія и исторія, издѣвались надъ языкомъ.

„И что же изъ этого вышло?

„Вышло то, что школа стала какимъ-то мучилищемъ, общественнымъ горемъ и настоящей трагедіей для воспитанниковъ. Годы дѣтства и отрочества превратились въ Царствѣ Польскомъ прямо въ годы страданія и мученія.

„Но все-таки родители посылали дѣтей и въ такія школы,—посылали ихъ ради тѣхъ крохъ науки, хотя и изуродованной политикой, ради свидѣтельствъ и аттестатовъ, безъ коихъ человѣкъ становится паріей въ государствѣ. Но что творилось въ ихъ сердцахъ и что въ сердцѣ польскаго ребенка, которому приходилось посѣщать такую школу, который долженъ былъ слушать, стиснуть зубы и молчать, и даже болѣе—отвѣчать уроки и повторять наизусть вслѣдъ за учителемъ все то, что было богохульствомъ, направленнымъ противъ его польской души. Какія должны были накопляться въ немъ наслоенія ненависти и презрѣнія? А вѣдь это были единственные русскіе люди, съ которыми сталкивался польскій ребенокъ, и по нимъ только онъ могъ судить о государствѣ и русскомъ народѣ.

„И въ свою очередь, за эту замкнутость, за молчаливый протестъ, наконецъ, за недовѣріе и презрѣніе, которое подчасъ проглядывало изъ глазъ ребенка, послѣдній былъ точно также возненавиженъ.

„Такимъ образомъ формировались два противоположныхъ лагеря: одинъ—чуждая и враждебная народу школа со всѣмъ стоящимъ за нею административнымъ и полицейскимъ аппаратомъ, а другой—дѣти, родители, ихъ сознаніе горя и обиды, которое раздѣлялъ весь народъ.

„Трагедія становилась тѣмъ болѣе ужасающей, что всякій (развѣ кромѣ тѣхъ, коимъ приносило пользу получаемое жало-

ваніе) чувствовалъ, что эта школа не достигаетъ даже той цѣли, которую она себѣ намѣтила, что, наоборотъ, она вредитъ даже и русскому государству, выкапывая, дѣйствительно, бездонную пропасть между двумя народами, и, что притѣсненіе и нравственное терзаніе, искаженіе характеровъ составляютъ цѣль сами для себя, съ невыразимымъ для обѣихъ сторонъ вредомъ.

„При такихъ условіяхъ проходили десятки лѣтъ...

„Но, быть можетъ, кто-либо возразитъ мнѣ, что русская школа даетъ у насъ такіе результаты потому, что она плохая, что лучшіе люди оставались въ Россіи, а къ намъ приходили похуже, что взяточничество не преслѣдовалось, и что если-бы положеніе было иное, еслибы руссскіе учителя были образцовыми педагогами, тогда и результаты могли бы быть иные.

„Въ отвѣтъ на это скажу, что, если бы даже педагоги были образцовые, все-таки каждый польскій ребенокъ будетъ переступать порогъ этой школы съ внутреннимъ убѣжденіемъ, что коль скоро эта школа русская, а не польская, то тѣмъ самымъ творится обида его языку, его родинѣ, то есть всему тому, что для него самое дорогое, самое близкое. И вотъ сразу школа дѣлится на два лагеря: обидчиковъ и обижаемыхъ. Отвѣтъ на вопросъ, можетъ ли въ такой школѣ процвѣтать наука и воспитаніе, и не будетъ ли она сразу окрашена политикой и ненавистью,—я предоставляю вашему разсудку.

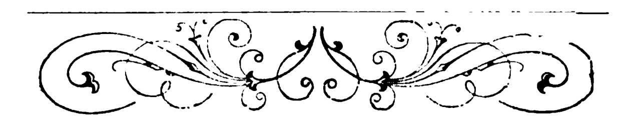
„Что же предстоитъ теперь?

„Реформа, реформа коренная, созданная государственнымъ разумомъ и сознаніемъ обоюдной пользы, созданная доброй волей, не полумѣрной, не трусливой и подозрительной, а полной, мужественной, не опасающейся изречь правду и слѣдовать правдѣ.

„Школа должна воспитывать просвѣщенныя, здоровыя и нравственныя поколѣнія, а такой цѣли можетъ достигнуть въ Польшѣ только польская школа. Безспорно, гораздо больше будетъ пользы, если школы въ Царствѣ Польскомъ будутъ воспитывать честныхъ, искреннихъ и умныхъ гражданъ съ неособенно правильнымъ „удареніемъ", нежели пришибленныхъ горемъ, отравленныхъ ядомъ ненависти, но съ превосходнымъ „удареніемъ".

Каждый безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться, что доводы знаменитаго писателя и убѣдительны, и вѣрны.

Е. Игнатьевъ.

Провинціальная жизнь.

Общія настроенія. — Городъ и деревня. — Напряженныя ожиданія. — Темныя силы и черныя сотни.—„Листки".—Прогрессирующіе мерзавцы.—Февральскіе дни.— Курское избіеніе дѣтей.— Отпоръ общества и неоправдавшіеся разсчеты.—Отклики деревни.—Малиновскій инциндентъ.— Изъ подвиговъ полиціи.—Господа Шпекины. — Господа Педагоги и педагогическая политика.— Казанскій іерей и минскій комментаторъ.—Разныя разности.

Провинція чутко и напряженно прислушивается... Несомнѣнно одно: русская провинція теперь — не та, какой она была не только сорокъ, но и двадцать и даже десять лѣтъ тому назадъ. И теперь, конечно, наблюдаются въ ней углы, до которыхъ хоть три года скачи—не доскачешь, но говорить о пресловутой „вѣковой тишинѣ" въ провинціи нынѣ не приходится. Желѣзныя дороги, почта, телеграфъ и повременная печать сдѣлали и дѣлаютъ свое дѣло. Въ общемъ, провинція очень хорошо разбирается въ смѣнѣ столичныхъ и руководящихъ настроеній и прекрасно уясняетъ смыслъ происходящихъ событій. Доказательствомъ этому служатъ тѣ отзвуки и отклики, которые съ непостижимой быстротой распространяются по самымъ отдаленнымъ угламъ Россіи въ отвѣтъ на волны различныхъ движеній въ руководящихъ столичныхъ центрахъ.

Обмѣнъ „мыслей и мнѣній" между столицами и провинціей совершается, однако, пока далеко не равномѣрно. Волны различныхъ теченій, движеній, настроеній, исходящія изъ столицъ, быстро и властно разливаются по провинціи. Неизмѣримо медленнѣе и тише идетъ обратная волна запросовъ провинціи, предъявленныхъ центру. Быть можетъ, на этомъ именно обстоятельствѣ, въ связи съ невозможнымъ положеніемъ провинціальной печати, и держится у иныхъ мнѣніе о „вѣковой тишинѣ" провинціи; но развѣ провинція-то въ этомъ виновата? Быть можетъ, добавимъ кстати, недалеко уже и то время (см. Высочайшій рескриптъ), когда и провинція будетъ имѣть возможность громко казать свое смѣлое и рѣшительное слово. Къ этому она давно уже подготовлена и готова.

Впрочемъ, говоря о русской такъ называемой провинціи, не слѣдуетъ никогда упускать изъ вида ея *двойственности*, ея рѣзкаго нынѣ разграниченія на провинціальный городъ и захолустную деревню. Всякая волна, всякій лучъ, исходящій изъ руководящаго, скажемъ,—столичнаго, напр., центра, претерпѣваетъ въ зависимости отъ этой двойственности и двойное преломленіе. Преломившись и отразившись извѣстнымъ образомъ отъ провинціальнаго города, упомянутый лучъ переходитъ въ среду деревенскихъ медвѣжьихъ угловъ и здѣсь опять преломляется и разсѣивается подъ вліяніемъ своеобразныхъ и чисто мѣстныхъ условій. Случаи этого двойного преломленія иногда очень поучительны и интересны.

Какъ ни тяжелы и какъ ни ужасны послѣдніе удары, нанесенные злосчастной японской войной, какъ ни бьютъ они по больному мѣсту,—нужно отмѣтить, однако, что въ общемъ міровоззрѣніи теперешней провинціи эта самая война уже отошла на второй планъ. Конечно, на провинціи, и въ частности на деревнѣ, болѣе всего отражаются тяготы и ужасы безпримѣрной, дальневосточной бойни. Ничто не поможетъ горю и тоскѣ о кормильцѣ семьи, погибающемъ или погибшемъ на поляхъ далекой и ненужной Манчжуріи; тяжела и непоправима сиротская доля; никто не осушитъ материнскихъ слезъ. Все сильнѣе и безпощаднѣе вмѣстѣ съ тѣмъ надвигается и гнететъ деревенская нужда. Наступившая уже на югѣ Россіи весна обѣщаетъ быть исключительно тяжелой и стра-

зной для обезсилѣвшей и обнищалой деревни. Слишкомъ много деревень, гдѣ рабочія руки выхвачены десятками, слишкомъ много семей, гдѣ остались однѣ женщины да подростки. Что дастъ имъ эта наступающая весна? Что ждать далѣе? Острое и напряженное положеніе, состояніе мучительной неизвѣстности переживаетъ нынѣ деревенскій житель. Корреспонденты единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что деревня измучилась ожиданіемъ конца этой дальневосточной драмы. Но какъ же деревнѣ не томиться ожиданіемъ, когда для ея обезсилѣвшаго и обездоленнаго элемента это есть вопросъ о жизни и смерти...

Впрочемъ, измученный и прибитый къ землѣ деревенскій землеробъ есть только общій фонъ, на которомъ вырисовывается настроеніе провинціи. Болѣе дѣятельное и замѣтное участіе въ выработкѣ этого настроенія принимаютъ другія слагающія: помѣщикъ, заводскій рабочій, гдѣ онъ есть, такъ называемая „деревенская интеллигенція", служащіе безчисленныхъ вѣдомствъ и учрежденій, земскіе и городскіе дѣятели, горожане, мѣщане, купцы, торговцы и т. д... Та же война повысила нервную чувствительность всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ и тѣмъ самымъ способствовала тому, что съ особенной чуткостью были восприняты новыя поднявшіяся волны могучихъ внутреннихъ общественныхъ теченій,—отодвинувшихъ на второй планъ вопросъ о войнѣ самой по себѣ.

Небывалое по размѣрамъ активное рабочее движеніе, закрытіе учебныхъ заведеній, стачки желѣзнодорожныхъ и иныхъ служащихъ, быстро поднявшійся и выросшій духъ общественнаго самосознанія, связанныя со всѣмъ этимъ политическія, экономическія и соціальныя задачи, немедленное разрѣшеніе которыхъ властно диктуется желѣзной необходимостью,—все это всколыхнуло провинцію такъ, что почти невозможно думать и предполагать, чтобы пережитые и переживаемые моменты прошли безслѣдно. Мысль, выражаемая словами, „такъ дальше жить нельзя", охватила положительно всѣ слои населенія и всѣ отдаленные углы. Права личности, свобода совѣсти, слова, печати и вѣроисповѣданія, свобода собраній,—все это, какъ „Духъ Божій надъ бездной" провинціальнаго хаоса, вихремъ пронеслось надъ русской землей.

Но русскій—провинціальный обыватель, какъ извѣстно, въ общемъ тугъ на подъемъ, Вотъ почему нервное и напряженное состояніе обывательскаго духа выразилось въ большинствѣ случаевъ только тѣмъ, что обыватель поднялъ до нѣкоторой степени голову, началъ стараться сбросить съ плечъ вѣчно давящій его гнетъ административнаго усмотрѣнія и бюрократическаго попеченія, началъ позволять себѣ „говорить"... И разговоры шли не только въ „тишинѣ ночей" съ глазу на глазъ „въ своей компаніи", но часто, всенародно,—на банкетахъ, обѣдахъ, ужинахъ, въ общественныхъ собраніяхъ и т. д.

Создалась какая-то особая атмосфера, совершенно непривычная для нюха людей извѣстнаго сорта, привыкшихъ къ такъ называемому „порядку". Съ одной стороны, какъ-будто, явнаго возмущенія и нѣтъ, а съ другой всетаки „безпорядокъ" въ воздухѣ носится... Откуда онъ?

Откуда онъ—этотъ „безпорядокъ"? Темная сила провинціи, привыкшая подъ покровомъ специфическаго русскаго „порядка" обдѣлывать свои страшныя дѣла, задаетъ себѣ этотъ вопросъ и мобилизуется для борьбы. Во имя собственнаго самоохраненія, темной силѣ необходимо бороться съ этими надвигающимися отовсюду „безпорядками", но правильно отвѣтить на вопросъ, откуда онъ и какъ его уничтожить, не такъ-то легко. Впрочемъ, задумываться на этотъ счетъ особенно не стоитъ. У темной силы есть собственная, своего рода историческая сокровищница, изъ которой, въ случаѣ чего, можно всегда черпать необходимыя свѣдѣнія. Свѣдѣнія-же эти гласятъ, что виною всякаго рода „безпорядка" является прежде всего разнаго вида и сорта „студентъ", а расправа съ нимъ одна и заключается въ словѣ „бей". Размѣры „безпорядка", однако, въ данномъ случаѣ таковы, что однимъ „студентомъ" ихъ не объяснишь. Такъ отчего не присоединить къ нему еще и всѣхъ учащихся дѣтей, юношей, да кстати и интеллигенцію вообще..? Но такъ-какъ собственными силами справиться съ подобной „оравой" безпорядка въ однихъ случаяхъ трудно, а въ другихъ задорно, то на сцену выпускаются тѣ частью подонки и отбросы населенія, частью специфически настроенные и подученные его слои, которые можно объединить однимъ названіемъ „черныхъ сотенъ".

Получается какая-то исключительная и загадочная по содержанію картина.

Читатели нашего журнала уже знаютъ изъ предыдущей книги о псковскомъ воззваніи къ избіенію студентовъ, — воззваніи, усердно откуда-то распространившемся въ видѣ „листковъ“ среди псковскихъ „черныхъ сотенъ“. На дняхъ „Юристъ“ перепечаталъ подобную же прокламацію, распространяемую въ Ригѣ. Вотъ она во всей своей орфографической и иной прелести:

„Бѣйте студентовъ!

Рабочіе! не вѣрьте тѣмъ, кто приходитъ къ вамъ и уговариваетъ подняться противъ Царя. Все, что возможно, сдѣлаетъ Царь, пекущійся о васъ, какъ о дѣтяхъ.

„Изгоняйте ихъ изъ вашихъ фабрикъ, когда они приходятъ къ вамъ. Избѣвайте ихъ и убивайте! Царь скажетъ вамъ спасибо. Богъ и церковь за насъ! Подкупленные нашими врагами, жидами, они ничего не сдѣлаютъ.

„Насильники! помните. Кишиневъ и Гомель!“

По духу эта прокламація сходна съ псковской, но идетъ далеко впередъ. Мерзавцы, какъ видно, прогрессируютъ тоже. Какъ говоритъ тотъ же „Юристъ“, если „сравнить мерзавца рижскаго и мерзавца псковскаго, то получится нѣкоторая разница: мерзавецъ, орудовавшій въ Псковѣ, не призывалъ къ убійствамъ и обѣщалъ своимъ послѣдователямъ только безнаказанность („за студентовъ заступаться некому“), тогда какъ мерзавецъ въ Ригѣ говоритъ не о безнаказанности, а о благодарности, которую будто-бы получатъ всѣ, „истребляющіе и убивающіе“ студентовъ. Далѣе, псковскій мерзавецъ ничего не говоритъ о „жидахъ“, тогда какъ его collega хорошо знаетъ, что такое Кишиневъ и Гомель, и ясно разсчитываетъ зажечь въ толпѣ темные инстинкты расовой злобы, чтобы затѣмъ опрокинуть эту злобу на голову учащейся молодежи“.

Кому-же нужны эти призывы къ пугачевщинѣ? Кто таинственный сочинитель подобныхъ „листковъ“? Очевидно тотъ, кому это полезно—cui prodest!..

Представители темныхъ силъ, организующіе хулигановъ и „черныя сотни“, очевидно, не считаются пока съ фактомъ, что „палка о двухъ концахъ“, и что возбуждаемые ими элементы слишкомъ ненадежны, чтобы на нихъ можно было опереться. Преслѣдовался, повидимому, только принципъ „уловленія момента“ и запугиванія интеллигенціи призракомъ якобы „народа“, ничего, конечно, общаго съ хулиганами и черными сотнями не имѣющаго. И дѣйствительно, „февральскіе дни“ вплоть до послѣднихъ чиселъ мѣсяца можно назвать днями своеобразнаго осаднаго положенія, которое темная сила пыталась было ввести повсемѣстно во всей Россіи. Для характеристики этого положенія не лишнимъ будетъ привести кое-какія свѣдѣнія изъ газетъ.

Московскій студентъ пишетъ въ „Русь“:

„Необходимо обратить вниманіе на нерѣдкіе, въ послѣдніе дни въ Москвѣ, случаи избіенія студентовъ, которые положительно угрожаютъ принять массовый характеръ. Какія-то темныя личности усиленно и довольно открыто агитируютъ въ этомъ направленіи. Въ толпахъ народа нерѣдко можно слышать разъясненія подобныхъ субъектовъ,— что „студенты убили „Великаго князя“ и что „студентовъ нужно вѣшать“. Пропаганда эта ведется среди самаго свирѣпаго и темнаго элемента московскаго населенія, какъ то: охотнорядскихъ „молодцовъ“, мясниковъ и т. п. Пишущему эти строки пришлось испытать на себѣ результаты этого „движенія“. 4 февраля, я вмѣстѣ съ товарищемъ Т. ни за что, ни про что были избиты толпой въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ. Двое полицейскихъ съ помощью интеллигентной публики отбили насъ отъ озвѣрѣлой шайки и доставили въ городской участокъ, гдѣ насъ обыскали и продержали до вечера. Нужно добавить, что изъ буйствующей толпы полиціей никто при этомъ задержанъ не былъ“...

Въ той же Москвѣ: „Слухи о предстоящемъ 19 и 20 февраля избіеніи студентовъ и интеллигенціи принимали все болѣе зловѣщій характеръ. Въ городѣ говорили, что какіе-то люди ходятъ по рядамъ и вербуютъ среди приказчиковъ сторонниковъ, которые обязуются явиться 19-го февраля для избіенія студентовъ. Къ счастью, однако, все обошлось благополучно“.

„Русскому Слову“ телеграфируютъ изъ Асхабада: „Околоточный надзиратель Яковлевъ привлеченъ къ отвѣтственности за распространеніе слуховъ о предстоящемъ избіеніи армянъ“.

Въ Харьковѣ нѣкоторые общественные дѣятели получили анонимныя письма

съ угрозами „расправиться“ и „свести счеты“. „Харьковскому Листку“, напр., доставлено письмо, адресованное присяжному повѣренному Е. И. Раппъ (присланное ему по городской почтѣ). Въ письмѣ явныя угрозы „отбить охоту мутить народъ вмѣстѣ съ жидами“.. Кромѣ этого, по городу разсылаются призывы къ избіенію студентовъ. „Граждане русской земли! Сплотитесь и задайте хорошій урокъ студентамъ. Бейте съ негодованіемъ (?) враговъ власти“ и т. д.

„*Въ Орлѣ* одинъ изъ учениковъ 8 класса мѣстной классической гимназіи, какъ разсказываетъ „Орловск. Вѣст.“, былъ встрѣченъ на Черкасской улицѣ нижнимъ чиномъ въ формѣ запаснаго батальона и молодымъ штатскимъ, одѣтымъ въ черное польто, шедшими подъ руку. Солдатъ былъ сильно пьянъ, штатскій же лишь немного выпивши. Поровнявшись съ ученикомъ, солдатъ замахнулся на него рукой и произнесъ „хочешь получить?“ и на вопросъ послѣдняго: „за что ты меня хочешь бить?“—отвѣтилъ; „любя“. Ученикъ, желая избѣгнуть столкновенія съ пьянымъ, отклонился отъ него и сталъ проходить своей дорогой—со стороны штатскаго, который совершенно неожиданно со всего размаху ударилъ ученика по лицу, сказавъ при этомъ солдату: „что ты съ нимъ разговариваешь, *развѣ ты не знаешь, что полиція говоритъ „бей бунтовщиковъ“*? Ученикъ настолько былъ ошеломленъ ударомъ, отъ котораго у него изъ носа потекла кровь, что не могъ, къ сожалѣнію, принять мѣръ къ задержанію гнуснаго буяна, и послѣдній, вмѣстѣ съ пьянымъ солдатомъ, скрылся въ темнотѣ улицы.

Надо замѣтить, однако, что въ этомъ орловскомъ случаѣ полиція возмутилась и рѣшила озаботиться о своей доброй славѣ. Орловскій полиціймейстеръ счелъ, что буянъ, ударившій ученика, оклеветалъ полицію, и поручилъ приставу 1-й части г. *Орла* приложить все стараніе къ обнаруживанію неизвѣстнаго человѣка, для привлеченія его къ уголовной отвѣтственности, какъ за нападеніе его на ученика, такъ и за клевету на полицію. Полиціймейстеромъ была назначена награда въ 25 р. тому, кто обнаружитъ этого человѣка. Личность ударившаго ученика было обнаружена: это—мѣщанинъ Кирилловъ. Буянъ будетъ за избіеніе ученика привлеченъ къ отвѣтственности. Кромѣ того, полиція предполагаетъ привлечь его къ суду за то, что онъ сказалъ, что полиція говоритъ: „бей бунтовщиковъ“.

13 февраля въ *Ярославлѣ*, какъ сообщаетъ „Сѣверн. Кр.“ на Пошехонской улицѣ начали пѣть пѣсни. Но выросшая какъ изъ подъ-земли банда темныхъ личностей съ крикомъ: „бей бунтовщиковъ!“—бросилась за ними, и нѣсколько учащихся, попавшихся въ лапы, было избито. Кромѣ того ежедневно повторяются случаи о нападеніяхъ темныхъ личностей на студентовъ и гимназистовъ.

Въ Саратовѣ общество защиты дѣтей въ засѣданіи, въ которомъ участвовало 500 чел., постановило: въ виду нападеній уличныхъ хулигановъ на учащихся, просить губернатора принять мѣры противъ распространенія листковъ, подстрекающихъ къ избіенію учащихся и интеллигенціи, расклеить оффиціальное опроверженіе телеграммъ „Латинскаго агентства“. Постановлено также просить городскую думу принять съ своей стороны мѣры къ предотвращенію событій, подобныхъ курскому.

Въ Вологдѣ, по сообщенію „Сѣвернаго Края“, городъ былъ взволнованъ поистинѣ ужасными слухами. Представители мѣстной „черной сотни“ и мастеровщины рѣшили произвести 2 февраля, на ярмаркѣ, массовыя избіенія гимназистовъ и реалистовъ старшихъ классовъ. Начальство учебныхъ заведеній и обыватели съ тревогой ожидали этого дня, такъ какъ ничего невѣроятнаго въ этихъ слухахъ не находили. Дѣло въ томъ, что отдѣльные случаи избіеній учащейся молодежи уже имѣли мѣсто.

По словамъ, „Саратавскаго Дневника“ въ Слободѣ Покровской Самарской губ. хулиганское движеніе за послѣднее время достигло чудовищныхъ размѣровъ. Теперь, послѣ цѣлаго ряда хулиганскихъ набѣговъ, послѣ нѣсколькихъ дикихъ расправъ и продѣлокъ хулигановъ, волнуется все населеніе слободы, а мѣстныя власти по прежнему мирно составляютъ протоколы, принимаютъ заявленія и ведутъ обычную формальную переписку. А въ это время обывательскія головы подъ ударами хулиганскихъ дубинъ лопаются, точно арбузы... 6 февраля были избіенія въ *Казани* и т. д... и т. д... и т. д... Подобныхъ газетныхъ извѣстій мы могли-бы привести сколько угодно и из

7\.

сколькихъ угодно городовъ, какъ коренной Россіи, такъ и ея окраинъ, но чтобы не утомлять читателя, остановимся только на вѣнцѣ и апогеѣ подобныхъ избіеній,—на знаменитомъ отнынѣ Курскомъ избіеніи дѣтей, заключившемъ и объединившемъ въ себѣ всѣ типическія особенности „движенія", вызваннаго единеніемъ темныхъ силъ и черныхъ сотенъ провинціи. Въ отдѣлѣ „Отцы и дѣти" (въ хроникѣ общерусской жизни настоящей книжки журнала) мы уже нѣсколько выяснили общій характеръ, видъ и причины общерусской смуты въ нашей высшей и средней школѣ. Добавочная иллюстрація, составленная на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній и напечатанныхъ сообщеній лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, будетъ здѣсь весьма кстати. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ это избіеніе профес. и общественный дѣятель Н. П. Щепкинъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ":

„Пишу вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, которыя я засталъ по возвращеніи своемъ въ Курскъ. Пріѣхалъ я сегодня, 12-го февраля, въ $1^1/_2$ ч. дня. Подъѣзжая къ своей квартирѣ, я попалъ въ самую середину возбужденной толпы, запружавшей собою всю ширину улицы. На углу сосредоточена была полиція; полиціймейстеръ громко отдавалъ какія-то приказанія и кричалъ на кучку интеллигентовъ. Нѣсколько въ сторонѣ правильными рядами стояла толпа рослыхъ мужиковъ въ полушубкахъ, человѣкъ 50—70, какъ я узналъ впослѣдствіи—учениковъ школы сельскихъ стражниковъ, учрежденной при мѣстномъ полицейскомъ управленіи, Спрашиваю кого-то изъ толпы: „Что здѣсь такое происходитъ?".—„Бьютъ гимназистовъ"—„За что? —За то, что забастовали". Распрашиваю перваго попавшагося знакомаго, въ чемъ дѣло.

„Онъ разсказываетъ слѣдующее: Вчера, 11-го февраля, всѣ учащіеся рѣшили забастовать, выработавъ извѣстныя требованія. 12-го февраля ученики гимназіи толпой, но вполнѣ мирно, направились по Московской улицѣ сначала ко 2-й женской гимназіи, но ученицы оказались запертыми и не могли выйти на улицу къ нимъ. Тогда толпа направилась къ реальному училищу, давая этимъ знать, что забастовка уже началась. Но здѣсь повторилась та-же исторія: всѣ двери оказались запертыми. Ученики требовали, чтобы ихъ выпустили, а когда имъ отказали, они поразбили окна и выпустили сѣро-водородъ, но, тѣмъ не менѣе, ихъ не выпускали еще нѣкоторое время. Между тѣмъ толпа прошла мимо учительской семинаріи, учительскихъ частныхъ женскихъ курсовъ фонъ-Руцена и фельдшерской школы, гдѣ къ нимъ присоединились воспитанницы и воспитанники этихъ заведенія, и наконецъ, приблизились къ маріинской женской гимназіи. Здѣсь къ нимъ вышла депутація гимназистокъ, чтобы сговориться объ условіяхъ забастовки. Надо замѣтить, что все время толпу воспитанниковъ сопровождала толпа полиціи и стражниковъ, не предпринимая, впрочемъ, никакихъ репрессивныхъ мѣръ. Но тутъ, когда ученики двинулись отъ маріинской гимназіи къ Московской улицѣ, раздается вдругъ свистокъ и громкій *приказъ полиціймейстера* „Резервы впередъ! Бей!" Городовые, предводимые околоточными надзирателями, съ шашками въ рукахъ и мужики-стражники съ кулаками набрасываются на толпу учениковъ, и творится нѣчто ужасное. Приставъ Пузановъ кричитъ: „*Бей направо и налѣво*!". Бьютъ учениковъ по лицу и куда попало. Тѣ подъ ударами падаютъ на землю, ихъ поднимаютъ за волосы и ударами опять сшибаютъ съ ногъ, топчутъ ногами (пудовыми мужицкими сапожищами). Одного *гимназиста II-тилѣтъ*, уже сбитаго съ ногъ, стражникъ схватываетъ за волосы и бьетъ головой о мостовую. Происходитъ невѣроятная сцена. Многіе избиты до полусмерти. Спасаться некуда. Пробовали спасаться въ подъѣздъ семеновской библіотеки, но здѣсь стоялъ приставъ и отшвыривалъ всѣхъ мальчугановъ, искавшихъ тамъ убѣжища, причемъ одинъ изъ брошенныхъ имъ мальчиковъ попалъ подъ лошадь коннаго городового и получилъ сильныя поврежденія головы. Убѣгавшихъ били нагайками. Когда возмущенная публика обратилась къ жандармскому полковнику Вельку, стоявшему въ числѣ зрителей, съ просьбой прекратить побоище своимъ авторитетнымъ словомъ, тотъ хладнокровно отвѣчалъ: *Господа, вы знаете, я человѣкъ мирный и ничемъ помочь не могу*".

„Все это я слышалъ отъ очевидцевъ. Что происходило дальше, я видѣлъ самъ. Послѣдній актъ драмы разыгрался на Крас-

ной площади, гдѣ находятся красные и рыбные ряды, мясныя лавки и къ которой примыкаютъ базаръ и толкучій рынокъ. Здѣсь на помощь полиціи высыпали, очевидно, заранѣе организованные ею мясники, краснорядцы, мелкіе лавочники и всякій базарный сбродъ. Этимъ сбродомъ избивались уже не толпы и группы воспитанниковъ, а каждый проходившій мимо ученикъ. Когда прапорщикъ запаса, бывшій преподаватель реальнаго училища, вступился за избиваемаго ученика, въ толпѣ поднялся угрожающій крикъ, и бросились-было и на него. Онъ спасся только тѣмъ, что началъ растегивать кобуру револьвера, котораго, впрочемъ, тамъ не было, и толпа отхлынула. Секретарь казенной палаты обратился къ приставу 1 части Пузанову, чтобы тотъ прекратилъ безобразія. Пузановъ отвѣчалъ: „Вы видите, что избиваетъ не полиція, а простой народъ, защищая Царя, а вотъ ты стоишь за Гапона“. И на секретаря посыпались удары. Вся площадь была запружена народомъ. То здѣсь, то тамъ вдругъ толпами перекатывался крикъ: „Бей ихъ! Бей! Ура!“,—то здѣсь, то тамъ кого нибудь избивали. Полиція все время не препятствовала этимъ избіеніямъ. Но за-то, когда кучка интеллигенціи пыталась протестовать противъ этихъ избіеній, сейчасъ-же раздались предупреждающіе крики приставовъ: „Господа, расходитесь! Прошу разойтись“,—и публику оттѣсняли конные стражники. Что черная сотня была организована полиціей, нѣтъ никакого сомнѣнія. Когда вечеромъ избиватели расходились съ мѣста побоища, они громко похвалялись: „Вотъ-бы и завтра такъ славно поработать: и водкой угостили, и по рублю заплатили!„. Группа очевидцевъ слышала, какъ одинъ приставъ или помощникъ пристава Алексѣевъ благодарилъ толпу: "Спасибо, братцы; толчокъ (тулкучка) выручилъ".

Такова общая и по болѣе позднимъ свѣдѣніямъ совершенно вѣрная картина Курскаго избіенія дѣтей. Здѣсь многое и многое представляется чрезвычайно характернымъ и знаменательнымъ. Прежде всего, конечно, участіе въ избіеніи дѣтей „учениковъ школы сельскихъ стражниковъ“... Мѣстное полицейское управленіе, какъ видно, давало своимъ „ученикамъ“ практическій урокъ примѣненія полицейской расправы въ предѣлахъ закономъ дозволенныхъ размѣровъ полицейской власти“. Хорошая подготовка для будущихъ ревнителей общественнаго провинціальнаго порядка! Знаменателенъ этотъ приказъ полиціймейстера: „Резервы, впередъ! Бей“.... Что это за резервы“? Какіе резервы, откуда „резервы“? Кто ихъ организовалъ, эти резервы? Кто это „и водкой угостили и по рублю заплатили“? Кто подвинулъ на злосчастныхъ дѣтей этотъ случайный сбродъ городского „толка“?.... Увы, читатель! Увы!... Но общерусское нынѣ настроеніе отцовъ въ пользу и защиту своихъ много страдальныхъ дѣтей сказалось и въ данномъ случаѣ.

Вечеромъ того-же дня въ думѣ и общественномъ клубѣ (оба помѣщаются въ одномъ зданіи) состоялись экстренныя собранія всѣхъ возмущенныхъ гражданъ, родителей и нѣкоторыхъ гласныхъ. Здѣсь выслушаны были показанія всѣхъ очевидцевъ и въ заключеніе постановлено нѣсколько резолюцій. „Никогда не забуду разсказа,—говоритъ М. П. Щелкинъ,—одного почтеннаго старика. Вотъ этотъ разсказъ: „Я служу въ управленіи московско-кіево-воронежской желѣзной дороги. Около часа дня у насъ распространился слухъ, что бьютъ учащихся. Всѣ мы, отцы, сейчасъ-же бросили занятія и поѣхали розыскивать своихъ дѣтей. Я видѣлъ ужасныя вещи. Я видѣлъ, какъ дѣтямъ (многимъ было 10, 11, 12 лѣтъ) разбивали лица въ кровь, упавшихъ били сапогами, вырывали волосы. Ужасъ! Ужасъ... Я нашелъ сына, только возратясь домой: онъ былъ окровавленъ, избитъ. съ помятой грудью, можетъ-быть, сдѣланъ калѣкой на вѣки... Господа! Одинъ сынъ мой проливаетъ за отечество кровь на Дальнемъ Выстокѣ, а кровь другого сына проливаетъ въ этомъ-же самомъ отечествѣ полиція“. Онъ истерически разрыдался и упалъ-бы со стула, на которомъ стоялъ, если-бы его не подхватили окружающіе. Другой ораторъ въ потрясающихъ красках изобразилъ весь ужасъ переживаемаго момента и призывалъ общество къ организованному отпору озвѣрѣвшей опричнины. Много было разсказано здѣсь вопіющихъ подробностей, но всего передать не хватитъ мѣста. Резолюціей собранія постановлено было послать по телеграфу министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на дѣйствія полиціи. передать прокурору протестъ родителей и

послать его по телеграфу министру юстиціи и копію—министру внутреннихъ дѣлъ. Члены общественнаго клуба постановили передать на общее собраніе членовъ предложеніе объ исключеніи членовъ клуба: жандармскаго полковника Велька, полиціймейстера Зарина, помощника его Макаревича и приставовъ Байкова и Пузанова. Всѣ резолюціи были покрыты массой подписей. Послѣ этого собраніе мирно разошлось.

„Во 2-мъ часу ночи въ клубъ явился членъ его жандармскій полковникъ Велькъ. Одинъ знакомый встрѣтилъ его въ залѣ привѣтствіемъ: „Поздравляю васъ, полковникъ!“ —Съ чѣмъ?“—„Съ исключеніемъ изъ членовъ клуба“. Тотъ измѣнился въ лицѣ, молча повернулся и удалился изъ клуба. „Поблѣднѣлъ и молча удалился“... хоть это хорошо!

Въ дѣло долженъ былъ вмѣшаться губернаторъ. Нѣсколько дней спустя имъ было опубликовано объявленіе, въ которомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Удостовѣряю, что событію 12-го февраля и всѣмъ дѣствіямъ различныхъ чиновъ полиціи будетъ дана полная, безпристрастная оцѣнка, которая дастъ возможность открыть истину и отдѣлить дѣйствительность отъ преувеличенныхъ толковъ, причемъ виновные, во всякомъ случаѣ. не избѣгнутъ законной отвѣтственности. Въ этихъ видахъ обращаюсь какъ къ родителямъ, такъ и къ другимъ лицамъ съ просьбой отнестись съ полнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ къ производящемуся разслѣдованію, при которомъ только и можно достигнуть истины и справедливости. Подробности разслѣдованія будутъ опубликованы дополнительно“.

Къ чему приведетъ предпринятое разслѣдованіе,—поживемъ, увидимъ, Пока что, извѣстно только, что курскій полиціймейстеръ, Зоринъ, получилъ двухмѣсячный отпускъ „по болѣзни“ Будемъ надѣяться что этимъ „отпускомъ“ дѣло не окончится и что г. Зоринъ попадетъ именно туда, гдѣ ему слѣдуетъ уже быть, т. е. на скамью подсудимыхъ. Дѣло необходимо должно быть разслѣдовано судомъ, гласнымъ и открытымъ. На этомъ, впрочемъ, и настаиваетъ Курское общество, гдѣ городская управа, основываясь на рѣшеніи курской городской думы, входитъ въ правительственныя сферы съ рядомъ энергичныхъ соотвѣтствующихъ ходатайствъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить фактъ симпатичнаго отношенія къ пострадавшимъ дѣтямъ нѣкоторыхъ представителей военной власти. Въ „Русь“ сообщаютъ: „Какъ очевидцы возмутительныхъ событій 12-го февраля, подали рапорты своимъ начальникамъ нѣсколько лицъ, состоящихъ въ военной службѣ изъ запаса и тщетно пытавшихся прекратить избіеніе учащихся. Но, по донесенію курскаго губернатора командующему Кіевскимъ военнымъ округомъ, всѣ упомянутые подпоручики и прапорщики должны были быть арестованы, по распоряженію начальника военнаго округа, за сопротивленіе дѣйствіямъ полиціи. Начальникъ же гарнизона, получивъ неожиданно предписаніе объ этомъ, телеграфировалъ начальнику округа, что проситъ разрѣшить ему не исполнить этого приказанія, такъ какъ считаетъ упомянутыхъ лицъ не только не виновными въ взводимомъ на нихъ обвиненіи, а поведеніе ихъ достойнымъ похвалы, о чемъ выѣдетъ немедленно доложить лично. И до сихъ поръ никто изъ подавшихъ рапорты не арестованъ“.

Если не считать этого исключительнаго по размѣрамъ и беззастѣнчивости курскаго избіенія, то въ общемъ нужно, однако, признать, что разсчетъ темныхъ силъ на организацію черныхъ сотенъ оказался все-же малосостоятельнымъ. На провинціальное даже общество эта система запугиванія и пресѣченія зла не оказала устрашающаго вліянія. Наоборотъ, сшитая бѣлыми нитками игра раздражила всѣхъ. Посыпались единодушныя заявленія, куда слѣдуетъ, начались серьезные разговоры объ общественной самообoронѣ и самозащитѣ, всплылъ опять на поверхность вопросъ о деморализаціи нашей полиціи. Настойчиво подняли послѣдній вопросъ „Русскія Вѣдомости“.

„Вопросъ дня,—пишутъ онѣ,—поведеніе полиціи или, правильнѣе говоря, деморализація полиціи. Изъ разныхъ мѣстъ, отовсюду приходятъ извѣстія, показывающія, что медлить съ рѣшеніемъ этого вопроса нельзя, потому что это—вопросъ общественной безопасности. Полиція подстрекаетъ рабочихъ къ стачкамъ, какъ это было, напримѣръ, въ Тамбовѣ, полиція превращаетъ свои участки и части въ настоящіе застѣнки для людей, имѣющихъ несчастье попасть въ ея руки, какъ это обнаруживалось не разъ во многихъ горо-

дахъ, полиція вторгается въ частные и общественные дома, подвергаетъ находящихся въ нихъ безоружныхъ людей избіенію, какъ это было, напримѣръ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, полиція организуетъ на улицахъ городовъ, какъ въ Курскѣ, кулачную расправу надъ дѣтьми, полиція преступно бездѣйствуетъ во время смутъ, подобныхъ бакинской... Не ясно-ли, что при такихъ условіяхъ дѣло охраны общественнаго спокойствія, благочинія и порядка оказывается совершенно безпризорнымъ, что его нельзя оставлять въ рукахъ нынѣшнихъ полицейскихъ органовъ"?

Даже пресловутый князь Мещерскій въ пресловутомъ „Гражданинѣ" возмутился несовершенствами Департамента полиціи...

Эти-ли толки, обнаружившееся-ли противодѣйствіе общества, иныя-ли обстоятельства, но какъ-бы тамъ ни было, а ожидавшіеся 19-го и 20-го февраля массовые походы черныхъ сотенъ на интеллигента въ провинціальныхъ городахъ не состоялись, кромѣ сравнительно небольшихъ исключеній въ родѣ такихъ, о которыхъ даетъ понятіе такая выдержка изъ „Могилевскихъ Губ. Вѣдомостей". Въ этой газетѣ напечатанъ слѣдующій приказъ могилевскаго губернатора отъ 22-го февраля:

„Объявляется строгій выговоръ могилевскому полиціймейстеру коллежскому совѣтнику Родіонову за нераспорядительность по принятію мѣръ къ поддержанію порядка въ городѣ 20-го февраля".

(О самихъ событіяхъ 20-го февраля, „Губ. Вѣдом." не говорятъ ни слова). Въ общемъ-же, повторяемъ, читатель газетъ 19-го и 20-го февраля изъ большинства мало-мальски крупныхъ городовъ могъ прочесть со вздохомъ облегченія краткую, но выразительную телеграмму:

Городъ NN, 19 февраля. „День прошелъ спокойно"... И слава Богу!

Было-бы, конечно, странно, если-бы организація темныхъ силъ и черныхъ сотенъ противъ интеллигенціи въ городахъ не нашла себѣ отзвука и въ деревнѣ. Но здѣсь, въ силу того двойного преломленія, о которомъ мы уже упоминали въ началѣ настоящихъ замѣтокъ, палка иногда оборачивается и другимъ концомъ, или бьетъ совсѣмъ не по тому мѣсту, куда-бы хотѣли ее направить услужливые охранители.

Въ Московскія газеты сообщаютъ изъ Сѣвска Орловской губ., что съ 10 февраля въ Орловской и сосѣдней Курской губерніяхъ, въ уѣздахъ Дмитровскомъ и Сѣвскомъ, происходитъ крестьянское движеніе, достигшее довольно значительныхъ размѣровъ. Почти ежедневно собираются крестьяне, намѣчаютъ опредѣленные пункты для дѣйствій и обыкновенно около 11—12 ч. ночи нападаютъ на имѣнія помѣщиковъ и купцовъ; хлѣбные амбары грабятъ, усадьбы предаютъ опустошенію, лѣса—порубкѣ. Уже разграблены имѣнія и хутора (идетъ перечень 15 имѣній). Жители въ страхѣ. На имя министра внутреннихъ дѣлъ послана телеграмма съ просьбой о немедленной присылкѣ войскъ.

Дальнѣйшія подробности изъ Дмитровскаго уѣзда говорятъ, что между прочимъ разгромлена экономія князя Барятинскаго. Съ появленіемъ войска, крестьяне разсѣялись. Тоже имѣло мѣсто и при возникновеніи безпорядковъ въ Ауэрбаховскомъ и Щербиновскомъ рудникахъ, гдѣ пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ.

Получены также газетныя телеграммы изъ Кіева, что сгорѣло три сахарныхъ завода: Михайловскій — наслѣдниковъ Терещенко, Дерюгинскій—Великаго Князя Михаила Александровича и Прилѣпы—барона Мейендорфа. Постройки разрушены.

Врядъ-ли организаторы черныхъ сотенъ и распространители листковой литературы типа „бѣйте студентафъ" разсчитывали на подобное дѣйствіе на деревню ихъ изобрѣтательнаго остроумія; врядъ-ли *это* входило въ ихъ планъ... Да! Палка иногда можетъ оказаться о двухъ концахъ...

Грустнымъ и скорбнымъ деревенскимъ отголоскомъ искусственно вызываемыхъ темными силами настроеній звучитъ разсказанное въ „Двинскомъ Листкѣ" происшествіе въ с. Малиновкѣ, въ 18-ти верстахъ отъ гор. Двинска.

Здѣсь во 2-мъ городскомъ училищѣ предполагали 13-го февраля устроить литературный вечеръ. Инспекторъ училища предложилъ нѣкоторымъ изъ учениковъ отправиться въ лѣсъ, чтобы нарѣзать елочекъ для украшенія зала ко дню литературнаго вечера. Нѣсколько малышей (около 29 чел.)

отправились въ лѣсъ, захвативъ съ собою, кто маленькую ручную пилочку, кто ножикъ, кто топорикъ. На право срѣзыванія елочекъ у дѣтей былъ билетъ отъ казеннаго лѣсничаго. Дошли они, гуляя, почти до Малиновки. Тамъ ихъ въ лѣсу увидѣли крестьяне села Малиновки и приняли за... бунтовщиковъ студентовъ.

— Смотри, братцы!—говорили крестьяне,—и топоры у нихъ въ рукахъ, и бляхи на шапкахъ... Не иначе, какъ студенты бунтовать пришли...

Ничего не подозрѣвавшіе городскіе школьники вдобавокъ еще запѣли... И запѣли ничто другое, какъ народный гимнъ... „Царствуй на страхъ врагамъ", раздалось въ лѣсу.

— Ага!—сказали убѣжденно малиновцы.—Какъ-же не бунтовщики! — „смерть врагамъ",—поютъ... Погибель имъ—разбойникамъ!..

Ударили въ набатъ. Всѣ малиновскіе мужики и бабы вооружились кочергами и дрекольемъ и пошли въ походъ на дѣтей. Ради спасенія жизни, мальчуганы бросились въ Малиновскую церковно-приходскую школу подъ защиту учителя. Тотъ принялся уговаривать толпу.

— Ты съ ними за одно!—Кричала толпа.

Вызвали урядника... Доблестный представитель полицейской власти тотчасъ... призналъ въ школьникахъ несомнѣнныхъ „бунтовщиковъ". Счастье еще, что онъ не крикнулъ: „резервы, впередъ! Бей!.." Школьники просто были оставлены въ осадѣ, а урядникъ поскакалъ съ донесеніемъ о бунтовщикахъ въ Двинскъ.

Были приняты быстрыя и энергичныя мѣры. Рота солдатъ тотчасъ отправилась въ Малиновку для усмиренія, помощникъ исправника понесся во весь карьеръ на „мѣсто происшествія"... Пріѣхалъ и... все объяснилось. Школьники отдѣлались на этотъ разъ только осадой и испугомъ. Хорошо еще, что крестьяне на этотъ разъ заблагоразсудили придержаться выжидательнаго образа дѣйствій, ну, а если-бы...

Таковъ этотъ „Малиновскій инцидентъ".

Слѣдуетъ отмѣтить, все-же, что Малиновскій урядникъ на общемъ фонѣ полицейской распорядительности представляетъ *отрадное* исключеніе. Да, „отрадное"...

Замѣтьте, что онъ предпочелъ побезпокоиться и проѣхать нѣсколько верстъ до ближайшаго города съ соотвѣтствующимъ донесеніемъ по начальству, въ то время какъ ничто не мѣшало ему „распорядиться" быстро и рѣшительно самому, въ разсчетѣ на вѣрную награду за быстроту сыска, или, въ самомъ худшемъ случаѣ, въ разсчетѣ на вѣрную безнаказанность. Представьте, напримѣръ, что вмѣсто того, чтобы скакать за начальствомъ и солдатами, Малиновскій урядникъ отдалъ-бы просто классическій приказъ курскаго полиціймейстера: „Резервы, впередъ! Бей!.." И въ результатѣ нѣсколько сокрушенныхъ реберъ, полумертвыхъ тѣлъ, искалѣченныхъ людей...

— Какъ-же ты это такъ?! — спрашиваетъ обыкновенно начальство.

— Виноватъ, Ваше-скородіе! Ошибся... Думалъ, бунтуютъ...

— Дуракъ!..

И все тутъ. На этомъ обыкновенно дѣло оканчивается. „Глупъ, но усерденъ"... Опредѣляетъ начальство и... дѣло „гасится"...

„Русскому Слову" сообщаютъ изъ Бобруйска, что недавно мѣстный обыватель И. возвращался въ городъ. Его нагнала подвода съ какими-то подвыпившими сѣдоками.

— Надо-бы побить „жида"! — сказалъ одинъ изъ нихъ.

Мысль понравилась. Послѣдовала аттака. Защищаясь, И. выстрѣлилъ изъ револьвера. Его схватили, бросили въ телѣгу. Дюжіе мужики *сѣли на него верхомъ* и такъ привезли его въ деревню Дѣдино въ домъ волостного старшины. Здѣсь подъ руководствомъ старшины его принялись истязать снова. Били палками и желѣзными прутьями до потери сознанія. Одинъ изъ истязателей поднялъ топоръ и, размахивая имъ надъ И., говорилъ:

— Вотъ какъ съ вами, „демократами" (!) расправляться надо...

— Не убить-ли его?!—Просто говорили другіе. Дѣдинскій Старшина нашелъ это, однако, несвоевременнымъ.

На завтра И. *привязали къ хвостамъ двухъ лошадей* и въ такомъ видѣ „пригнали" на становую квартиру...

Чѣмъ-то окончится слѣдствіе по этому дѣлу?

— Въ Керчи („Южный Курьеръ") приставъ Гельбахъ подъ видомъ „сыска" жертвъ

общественнаго темперамента вламывается въ комнаты больныхъ женщинъ, запираетъ на ключъ мирныхъ жильцовъ, дѣлаетъ обыски и... пока ничего...

= Предъ особымъ присутствіемъ кіевской судебной палаты предстали 18 февраля: Михаилъ Шастунъ, Макаръ Катренко, Пимена Ѳедоренко, Терентій Загородній и Иванъ Бойко. Это городовые 2-й полицейской части гор. Черкассъ. Два изъ нихъ „бывшіе городовые", а остальные три въ полной полицейской формѣ. Всѣ они („Кіевская Газета") обвиняются въ истязаніи арестованнаго—Кузьмы Евсеева.

Послѣдній былъ задержанъ 6 августа 1902 года въ Черкассахъ, по подозрѣнію въ кражѣ. Его привели въ участокъ, гдѣ сначала посадили въ общую камеру, а затѣмъ, по распоряженію старшаго городового (нынѣ уже умершаго), перевели въ пустую комнату. Здѣсь черкасскіе городовые, человѣкъ 12, „заставляли" Евсеева сознаться. Поставивъ его спиною къ себѣ, городовые каждый по очереди подходили къ Евсееву и били его, по чему попало. А затѣмъ прибѣгли къ испытанному уже въ Черкассахъ средству: связали руки веревкою, продѣли въ веревку „цурку" (палку) и крутили ее. Отъ нестерпимой боли Евсеевъ падалъ, но его подымали и снова били, крутили „цурку" и т. д. Все это продолжалось въ теченіе *двухъ дней*. Впослѣдствіи Евсеевъ заявилъ объ истязаніяхъ, его освидѣтельствовали, при чемъ на тѣлѣ у него, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, найдены были слѣды побоевъ и рубцы отъ веревки. Началось „дѣло". Евсееву были предъявлены городовые, и онъ среди нихъ опознаъ всѣхъ подсудимыхъ.

— Чѣмъ вы объясняете возможность подобныхъ случаевъ въ участкѣ?—Спрашиваетъ защитникъ.

— Тѣмъ, что полицейскій надзиратель не обращалъ вниманія на то, что творится!—Отвѣчаетъ „свидѣтель".

— Слѣдовательно, тамъ былъ тогда и надзиратель?

— Да, былъ... Но *теперь онъ уже приставомъ*.

= Въ Опочкѣ, Псковской губ. нѣкто г. Берновскій въ прошеніи, поданномъ прокурору Псковскаго суда, такъ рисуетъ свои злоключенія въ мѣстной полиціи. („Новости"):

„22 января городовые Самульцевъ и Петровъ били меня не только послѣ ареста по дорогѣ въ полицію, но и въ участкѣ послѣ обыска, нанося мнѣ удары кулаками въ голову. Затѣмъ, полицейскій надзиратель Булаевскій въ дежурной комнатѣ хватилъ меня за воротъ блузы и, сжимая мнѣ горло, билъ меня головою о печку, требуя, чтобы я признался въ распространеніи прокламацій. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ истязаній я повторилъ все, что говорили чины полиціи. Затѣмъ надзиратель приказалъ городовымъ снова бить меня. Здѣсь я уже не помню, какіе городовые были; могу лишь сказать, что было двое. Почти въ безсознательномъ состояніи я упалъ на полъ комнаты.

Надзиратель закричалъ: „Ты еще притворяться"!

Какой-то городовой поднялъ меня съ полу. Надзиратель вновь взялъ меня за воротникъ блузы одной рукой и со словами: „Я знаю, гдѣ бить", началъ наносить кулаками другой руки удары по спинѣ подъ правую лопатку, сопровождая каждый ударъ бранью: „бродяга, сволочь", и требуя вновь у меня признанья. Не получивъ отъ меня отвѣта, такъ какъ я уже не могъ говорить отъ боли въ груди, онъ отправилъ меня въ камеру. При этомъ, однако, обѣщалъ разсчитаться со мною на завтра и истереть меня въ порошокъ.

На завтра 23 января, утромъ, въ камеру, гдѣ я находился съ арестованными крестьянами (приводятся имена), вошелъ городовой Иванъ Николаевъ и, зажегши спичку, ткнулъ ею мнѣ въ самое лицо. Затѣмъ ударилъ меня кулакомъ въ зубы.

Черезъ часъ меня позвали на допросъ.

Здѣсь надзиратель Булаевскій приказалъ городовому (фамиліи его не знаю) бить меня. Городовой ударилъ меня кулакомъ въ голову такъ сильно, что я ударился о стѣну. Окончивъ допросъ, надзиратель ударилъ меня трубкой изъ свернутой бумаги по лицу и приказалъ меня увести".

Просто и ясно!..

= Такъ-же просто и ясно, въ Иркутской губ. становой приставъ распорядился о возобновленіи упраздненной розги. 23-го января, какъ сообщаетъ „Вост. Обозр.", въ черемховскомъ волостномъ правленіи, по постановленію пристава 1-го стана Балаганскаго уѣзда г. Малиновскаго, ссыльно-

поселенецъ Бѣльской волости Василій Егоровъ Кайдаловъ за кражу у Городенко и Сыренина шапки и зипуна, стоющихъ 6 руб., наказанъ розгами 20-ю ударами. Это уже вторая экзекуція, производимая въ волостномъ правленіи *по постановленію пристава.*

Если-бы хотѣть, то примѣровъ изъ этой области полицейской расправы, дознанія и сыска можно привести сколько угодно, но развѣ этимъ кого-либо удивишь...

Область подобнаго рода сыска и расправы при посредствѣ разнаго сорта истязанія и мордобоя тѣмъ не менѣе должна съузиться, если не отжить свое время совсѣмъ. Не смотря на всю видимую простоту и удобство этихъ способовъ сысковъ и расправъ, они даютъ мало интереснаго по существу дѣла, и часто грозятъ непріятностью хотя-бы разоблаченія въ печати, какъ ни стараются этой печати зажать ротъ. Да обыкновенный уголовный, что-ли, сыскъ даже не на столько выгоденъ въ наши дни, чтобы ужъ ретиво браться за него. Другое дѣло—сыскъ, касающійся уловленія и искорененія такъ называемой „крамолы". Онъ и выгоденъ, и безопасенъ, а если хотите, даже занятенъ для скучающаго почтоваго чиновника, г-на Шпекина,—того самаго г-на почтмейстера Шпекина, который во времена Гоголя прочитывалъ чужія письма такъ... „изъ любопытства", а нынѣ къ этому чувству весьма понятнаго любопытства прибавилась уже значительная доля полезной и выгодной любознательности.

Что такая любознательность является не плодомъ только соотвѣтственныхъ распоряженій начальства о „перлюстраціи", а зависитъ въ значительнѣйшей степени отъ добровольнаго стремленія г-дъ Шпекиныхъ послужить чѣмъ-либо и со своей стороны,—тому есть не мало печатныхъ доказательствъ.

21-го февраля въ Твери, какъ сообщаютъ „Новостямъ", при чисткѣ проруби на рѣкѣ Волгѣ, гдѣ полощатъ бѣлье, рабочій случайно вытащилъ багромъ со дна рѣки большой узелъ, въ которомъ оказался камень и груда писемъ, завернутыхъ въ холстъ. Проходившій мимо наборщикъ земской типографіи связъ узелъ и отнесъ его въ губернскую управу. Въ присутствіи полицейскаго пристава и начальника почтово-телеграфной конторы производился разборъ писемъ, которыя оказались всѣ *надрѣзанными;* нѣкоторыя изъ нихъ были безъ штемпелей, съ чистыми марками и сданными на почту, съ декабря по февраль. Много писемъ было адресовано на Дальній Востокъ. Публика и административныя лица разныхъ вѣдомствъ, получившія вчера обратно письма, отправленныя еще въ декабрѣ и январѣ, крайне возмущены происшедшимъ. Кто распечатывалъ письма и потопилъ ихъ въ Волгѣ, остается неизвѣстнымъ: одни указываютъ на почтовыхъ чиновниковъ, искавшихъ въ письмахъ денегъ, а другіе говорятъ о „наблюдателяхъ", вскрывавшихъ всѣ письма, казавшіяся имъ подозрительными.

Большинство вскрытыхъ писемъ по штемпелямъ относятся ко времени 9—15-го января.

Исторія, конечно, требуетъ разъясненій. За то не нуждаются ни въ какихъ разъясненіяхъ исторіи, происходящія въ Сызранской почтовой конторѣ. Сызранскіе почтовые чиновники, оказывается, очень милые люди и очень одобряютъ, по словамъ „Самарскаго Курьера", различнаго рода „обличительную" литературу. Такъ, наприм., одинъ изъ мѣстныхъ обывателей, человѣкъ жестоко пострадавшій за религіозныя убѣжденія, посылалъ въ „Русскую Правду" письмо о произведенномъ надъ нимъ насиліи. Немного спустя, приходитъ онъ также на почту. Тамъ его встрѣчаютъ съ смѣшками: „Здорово пишешь! рѣзко! хотѣли было передать полиціи (!) да ужъ ладно, говори спасибо намъ!"

Видите-ли?.. Даже отъ полиціи спасли... Какъ-же тутъ не сказать „спасибо" г-дамъ Шпекинымъ-Сызранскимъ?..

Въ той-же Сызрани корреспондентъ „Приволж. Края" послалъ письмо въ редакцію о подвигахъ священника села Горюшки. Приходитъ онъ на почту, а ему и говорятъ:

— Здорово-же вы прокатили Горюшкинскаго попа!"

— Откуда вы знаете,—что это я, а не кто другой...

— Да ужъ знаемъ...

Не всегда, однако, господа Шпекины милы и добродушны. На станціи Покровская слобода рязано-уральской ж. дор., по сообщенію мѣстнаго корреспондента „Сара-

товск. Листка", недавно завелся свой „Шпекинъ", который, не ограничиваясь прочитываньемъ чужой корреспонденціи, случайно проходящей черезъ его руки, иногда задерживаетъ пакеты у себя дней, по 5--7-ми, а такія письма, въ конхъ, по его мнѣнію, имѣется что-ли предосудительное, доставляетъ по начальству.

Это уже скверный г-нъ Шпекинъ.—А вотъ еще болѣе скверный г-нъ Шпекинъ описывается въ корреспонденція „Биржевыхъ Вѣдомостей". Редакція „осторожной" газеты не называетъ только почему-то, въ какой деревнѣ и гдѣ это было.

Почтовымъ отдѣленіемъ былъ полученъ пакетъ на имя одного молодого крестьянина. Мѣстный почтовый чинъ „заподозрилъ" пакетъ и вскрылъ его. Нюхъ почтоваго чина не обманулъ. Въ пакетѣ, дѣйствительно, оказался какой-то листокъ, неизвѣстно кѣмъ посланный. Крестьянинъ вслѣдъ затѣмъ былъ вызванъ въ отдѣленіе, и о полученіи на его имя пакета съ нелегальной литературой былъ составленъ протоколъ. Эффектъ вышелъ поразительный. Вскорѣ въ домѣ названнаго крестьянина былъ произведенъ обыскъ, и хотя обыскъ не далъ буквально ничего, тѣмъ не менѣе злополучный парень былъ взятъ „подъ начало", и всю его дальнѣйшую корреспонденцію стали задерживать въ почтовомъ отдѣленіи уже якобы на законномъ основаніи, такъ какъ крестьянинъ сталъ „поднадзорнымъ". Ни въ чемъ неповиннаго человѣка лишили всякой возможности пользоваться почтой. Теперь, чтобы отправить письмо, онъ долженъ ѣздить въ уѣзный городъ, верстъ за 50.

Очень и очень неудобный г-нъ Шпекинъ.

Такой Шпекинъ, о которомъ... просто ничего не хочется говорить... Въ голову неожиданно приходитъ только чисто русская мысль: можно-ли иногда серьезно винить мерзавца за то, что онъ мерзавецъ?.. Конечно, непріятно, что почтовое учрежденіе обращается въ нѣкоторомъ родѣ въ „домашнее дѣло", гдѣ россійская публика очутилась въ положеніи подозрѣваемой въ невѣрности легкомысленной супруги. Забывшій всякое достоинство и потерявшій голову ревнивецъ-мужъ старательно перехватываетъ письма жены. Жена возмущается и... съ тѣмъ болѣе спокойнымъ сердцемъ надуваетъ мужа... Непріятно это, но чтоже дѣлать.

Отъ господъ провинціальныхъ Шпекиныхъ не желаютъ отстать и господа провинціальные педагоги, особенно тѣ, которые призваны „руководить и направлять" по преимуществу. Какъ и приличествуетъ педагогамъ, мѣры предпринимаемыя ими отличаются обыкновенно особливой серьезностью и носятъ характеръ такъ сказать „общегосударственный". Одесскій директоръ народныхъ школъ, напр., не болѣе и не менѣе, какъ *предложилъ* полиціи доставлять ему соотвѣтствующія свѣдѣнія „о поведеніи взрослыхъ учащихся въ воскресныхъ школахъ". И кто-же вы думаете, нанесъ требованіямъ Одесскаго директора „неожиданный репримандъ"?... Полиція.,. Въ „Вѣдомостяхъ Одесск. Градонач." напечатано:

„Мы узнали, что послѣ указанія г. градоначальника на то, что не представляется возможности для полиціи исполнять пожеланія, указанныя въ циркулярѣ директора народныхъ училищъ о доставленіи свѣдѣній о поведеніи взрослыхъ учащихся въ воскресныхъ школахъ, г. директоръ объявилъ, что эти свои пожеланія онъ беретъ назадъ. И, дѣйствительно, немалое удивленіе вызвало извѣстіе о новой обязанности полиціи, которую хотѣло наложить на нее, помимо прямаго начальства, совершенно другое вѣдомство".

Ясно, что полиція обидѣлась не „по существу", а „по формѣ". Приказъ былъ полученъ не отъ непосредственнаго начальства. Но репримандъ, все равно, остается репримандомъ; и г-нъ директоръ получилъ отъ полиціи вполнѣ заслуженное „разъясненіе". Быть можетъ, разобраться въ этомъ разъясненіи и по достоинству оцѣнить внутреннюю цѣнность своихъ мѣропріятій г-ну директору поможетъ маленькое дополнительное заявленіе по его же адресу профессора Меликова, который сообщилъ г-ну директору слѣдующее: „Требованія, предъявленныя циркуляромъ, отъ 26-го января 1905 г. за № 400, къ воскресной школѣ не отвѣчаютъ назначенію ея, какъ просвѣтительнаго учрежденія. Кромѣ того, требованія эти не соотвѣтствуютъ и достоинству завѣдующаго, какъ руководителя школы, почему я не нахожу возможнымъ оставаться завѣдующимъ, пока школа не будетъ поставлена въ нормальное положеніе своего существованія".

Трудно думать, чтобы на „руководствующаго“ одесскаго педагога повліяли „посторонія“ соображенія о достоинствѣ и нормальности существованія школы. Наши россійскіе педагоги въ этомъ отношеніи защищены такой непроницаемой бронею, которую не прошибешь. Что подѣлаешь, напримѣръ, съ Нижегородскимъ школьнымъ „подначальствомъ“, о которомъ сообщаетъ „Волгарь“?

Преподаватели во время большой перемѣны читаютъ газеты и бесѣдуютъ. Въ учительскую входитъ подначальство.

— Господа! На основаніи циркуляра...

Всѣ переглядываются и недоумѣваютъ.

— На основаніи циркуляра участіе въ обсужденіи общегосударственныхъ вопросовъ...

— Но мы на основаніи газетъ... говоримъ...

— Въ циркулярѣ просто сказано „воспрещается“... но о газетахъ... ничего... Надо запросить...

Вопросъ о томъ, можно-ли разговаривать на основаніи газетъ, такъ и остался невыясненнымъ...

Бѣда съ этой педагогической политикой! Яркій образчикъ ея обрисованъ В. Г. Короленко въ корреспонденціи („Русск. Вѣд.“) изъ Полтавы объ учителѣ полтавскаго реальнаго училища г-нѣ Лукьяновѣ. Этотъ новѣйшій политико-педагогъ позволилъ себѣ на урокахъ въ присутствіи учениковъ-евреевъ (да если-бы ихъ и не было, то не все-ли равно) разговоры о „жидахъ“, разсказы о какихъ-то темныхъ базарныхъ слухахъ, читалъ какіе-то дрянные куплеты изъ газеты кн. Мещерскаго и т. д... Основанное на національной нетерпимости подстрекательство педагога вызвало среди учениковъ гимназіи чуть-ли не общую свалку...

Просто грустно и гнусно говорить объ этомъ, хотя нельзя опять-таки не отмѣтить, что по нынѣшнимъ временамъ продѣлки подобныхъ педагоговъ-политиковъ не всегда сходятъ имъ благополучно съ рукъ. Въ этомъ убѣждается, вѣроятно, теперь г-нъ Арбатскій, педагогъ изъ Саратова.

Оный педагогъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность тѣмъ, что въ Саратовѣ поощрялъ избіеніе гимназистовъ казаками. Начальство довольно снисходительно отнеслось къ этой педагогической затѣѣ г-на Арбатскаго, но подъ давленіемъ саратовскаго общества для „пользы службы“, все же, вынуждено было перевести его въ Царицынъ. Эффектъ получился неожиданный. Мирные царицынцы возмутились противъ перевода къ нимъ влюбленнаго въ казачью нагайку педагога. Мѣстное общество, родители съ предводителемъ дворянства во главѣ, отправили попечителю округа протестующую телеграмму, послали почтой соотвѣтствующее краснорѣчивое заявленіе, внесли соотвѣтствующее заявленіе въ думу... Словомъ, напрасно директоръ мѣстной гимназіи увѣрялъ, что г. Арбатскій „заболѣлъ“ и „не скоро“ явится въ гимназію. Царицынцы желаютъ г-ну Арбатскому всяческаго здоровья, но не желаютъ его видѣть учителемъ своихъ дѣтей. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ г-ну Арбатскому вообще возвращаться въ школу, когда, какъ видно, призваніе его совсѣмъ иного сорта?

Совсѣмъ обратное приходится сказать объ учителѣ полтавской гимназіи Тихоновичѣ. Удивительную вещь сообщаетъ о немъ „Южный Край“: „Преподаватель полтавской классической гимназіи Тихоновичъ, за участіе въ съѣздѣ преподавателей естественныхъ наукъ въ Кіевѣ, гдѣ произнесъ рѣчь, уволенъ учебнымъ округомъ отъ педагогической дѣятельности“.

Уволенъ за участіе въ разрѣшенномъ правительствомъ педагогическомъ съѣздѣ!

Невѣроятно, но фактъ, какъ говорятъ... За участіе въ избіеніи переводятъ „для пользы службы“, за участіе въ съѣздѣ увольняютъ. Неразбериха какая-то... Мудрено-ли, что въ этой неразберихѣ иной теряетъ голову и подчиняется, въ концѣ концовъ, какому угодно давленію и режиму, лишь-бы отстоять свое „двадцатое число“, свою „семью и дѣтей“.

А каковы бываютъ злоключенія тѣхъ-же маленькихъ педагоговъ, которые желаютъ сохранить обликъ человѣческій, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ описанная въ „Руси“ исторія учителя г-на Яворскаго въ Бахмутѣ. Вотъ вкратцѣ эта исторія.

Два года назадъ въ бахмутскую гимназію былъ назначенъ молодой преподаватель Яворскій, который не понравился почему-то директору, считавшему себя большимъ „психологомъ“. Результатомъ этой психологіи было то, что Яворскій черезъ три недѣли своего пребыванія въ гимназіи былъ „освобожденъ“ по распоряженію попечителя отъ занимаемой должности безъ объясненія причинъ.

Четыре раза подавалъ Яворскій прошенія и телеграммы съ просьбой объяснить причину его увольненія, но не получилъ отвѣта. Онъ уже отчаялся получить желаемое объясненіе и уѣхалъ искать другого мѣста. Но вновь безъ объясненія причинъ онъ былъ назначенъ въ ту же бахмутскую гимназію. Годъ прошелъ спокойно. Вмѣсто прежняго директора былъ назначенъ новый, г. Бракенгеймеръ, за какую-то исторію переведенный изъ Симферополя. Г. Бракенгеймеръ прибѣгаетъ къ тѣмъ же пріемамъ чтенія въ сердцахъ и выискиванія „образа мыслей“, какъ и прежній директоръ. Злосчастный Яворскій попалъ въ немилость и къ елейному директору. Снова было получено предложеніе попечителя, въ которомъ директору поручалось „расположить преподавателя Яворскаго къ пріисканію себѣ мѣста не позже 1 января 1905 года“. Умудренный горькимъ опытомъ, Яворскій не обращался уже къ попечителю, а подалъ прошеніе министру народнаго просвѣщенія, прося разслѣдовать его дѣло, но очевидно, прошеніе гдѣ нибудь „затерялось“, такъ какъ до сихъ поръ ничего не слышно о немъ. Увѣренный въ своей правотѣ, Яворскій не выказалъ „расположенія“ оставлять мѣста безъ объясненія причинъ—безъ разслѣдованія этого дѣла. Но въ январѣ этого года, его „освободили“ отъ 23 уроковъ и оставили за нимъ только 7 съ 35 рублями въ мѣсяцъ. Глубоко возмущенный такимъ произволомъ, онъ обратился уже телеграммой къ министру, прося вторично разслѣдованія своего „освобожденія“ отъ уроковъ. Но телеграмму постигла, очевидно, та же участь, что и прошеніе. Разумѣется, на 35 рублей жить съ семьей онъ не могъ, и ему пришлось взять занятія въ земствѣ. Результатомъ этого преступнаго стремленія не погибнуть отъ голода явилось послѣднее предложеніе попечителя, которымъ онъ окончательно уволилъ г. Яворскаго отъ должности за занятія въ земствѣ.

Трудно, почти невозможно, живому и порядочному человѣку уложиться въ рамки современной русской школы.

.

Почему это? Почему такъ трудно жить и дышать русскому человѣку? Кто виноватъ? Многіе... и прежде всего общество. Архимандритъ одного изъ казанскихъ монастырей въ своей проповѣди, напечатанной въ „Казанск. телеграфѣ“, сказалъ на этотъ счетъ замѣчательныя слова:

„Да, какъ ни горько признаться, но это такъ, мы не цѣнили правды настолько, чтобы обличить неправду, и участвовали своимъ молчаніемъ въ вѣковой неправдѣ жизни. Мы не заботились о слабомъ, не защищали меньшую братію нашу. Мы знали паденія и грѣхи народа нашего и тяжесть жизни его и молчали. Я говорю о всѣхъ васъ, о всемъ русскомъ обществѣ и прежде всего о себѣ. Я—служитель церкви, я служитель алтаря, и я первый повиненъ въ томъ, на что указываю сейчасъ!“

Нѣсколько иного взгляда на этотъ вопросъ, какъ полагаемъ, держится отецъ ректоръ Минской духовной семинаріи. 13 февраля здѣсь состоялось публичное богословское чтеніе съ духовно-музыкальнымъ отдѣленіемъ. Чтеніе, какъ сообщаетъ „Сѣв. Зап. Кр.“, велъ о. ректоръ семинаріи, архимандритъ Николай, на тему: „Искушенія Господа Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола“. Богословское объясненіе ихъ съ приложеніемъ къ современной дѣйствительности“. Между прочимъ, объясняя смыслъ третьяго діавольскаго искушенія, „съ приложеніемъ къ современной дѣйствительности“, о. ректоръ *уподобилъ діаволу тѣхъ изъ нашихъ современниковъ, которые желаютъ созыва земскаго собора*. „Не искушаютъ-ли,—сказалъ онъ,—и нынѣ многіе подобнымъ же дерзкимъ образомъ Божія слугу и Помазанника—Самодержавнаго Государя; зачѣмъ Тебѣ одному нести бремя власти? Раздѣли его между нами“.

Отецъ ректоръ, очевидно, нѣсколько поторопился и попалъ теперь въ довольно неловкое положеніе, разошедшись въ своихъ комментаріяхъ къ „современной дѣйствительности“ со взглядомъ на эту дѣйствительность, исходящимъ отъ лица самого правительства. Такъ бываетъ всегда, когда забываютъ о словахъ апостола: „Вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хощете творити. Онъ человѣкоубійца бѣ искони, и во истинѣ не стоитъ, яко нѣсть истины въ немъ. Егда лжу глаголетъ—отъ своихъ глаголетъ“...

„Смута“ умовъ проникла даже... кто-бы могъ подумать... въ среду дворниковъ. Даже дворники бываютъ неблагонадежны.. Въ

Одессѣ градоначальникъ приказомъ по полиціи, напечатаннымъ въ „Вѣд. Одесск. Град.“, удалилъ отъ должности нѣсколькихъ дворниковъ, какъ неблагонадежныхъ, съ воспрещеніемъ имъ впредь когда-либо занимать подобныя должности.

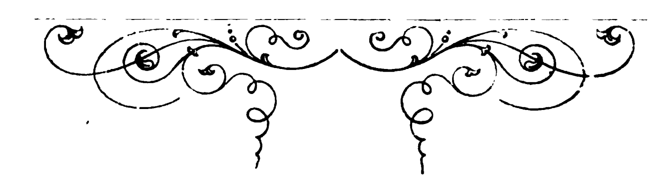
Литовцы празднуютъ оффиціальное возрожденіе своего языка. Въ Ковнѣ, въ городскомъ театрѣ 19-го февраля состоялся литовскій вечеръ. Впервые на литовскомъ языкѣ исполнены любителями комедія Кетураккса „Въ Америку“ и литовскія народныя пѣсни. Хоръ былъ въ національныхъ костюмахъ. Театръ переполненъ, масса пріѣзжихъ изъ окрестностей. Чистый сборъ идетъ въ пользу бѣдныхъ семействъ крестьянъ Ковенской губерніи, призванныхъ изъ запаса на дѣйствительную службу.

Къ какимъ ухищреніямъ долженъ прибѣгать россійскій обыватель, если желаетъ обратить вниманіе на свое какое-либо полезное изобрѣтеніе, доказываетъ случай съ г. Бухало, представшимъ предъ судомъ въ Одессѣ 23-го февраля. Г. Бухало подалъ на почтѣ пакетъ, который взорвался...

Началось дѣло. Выяснилось, что г. Бухало такимъ путемъ *хотѣлъ обратить на себя вниманіе правительства*, такъ-какъ посланный имъ морскому вѣдомству проектъ самодвижущейся мины не получилъ оцѣнки. Бухало оправданъ.

Но выиграетъ-ли отъ этого его проектъ, еще не извѣстно.

Альфъ.

Земское и городское самоуправленіе.

Дворянскія собранія въ Москвѣ, Петербургѣ и Курскѣ.—Стѣсненія думъ.—Журналъ засѣданія 14 января московской думы.—9 января и земскія собранія.—Забастовки земцевъ.—Банкетъ въ Псковѣ и первый женскій митингъ въ Воронежѣ.—Послѣдствія земскаго протеста.—Симферопольское губ. земское собраніе.—Эволюція земства.

Вниманіе всей Россіи одно время сосредоточилось на борьбѣ двухъ теченій въ московскомъ дворянствѣ, на борьбѣ двухъ образовавшихся въ немъ партій, такъ называемыхъ самаритянъ и сторонниковъ кн. П. Долгорукова. Этотъ поединокъ между реакціонной и прогрессивной частью дворянства происходилъ вокругъ проекта всеподданнѣйшаго адреса московскаго дворянства на Высочайшее имя.

Собраніе, на которомъ обсуждалась формула адреса, было очень многочисленное; сразу было видно, что дворянская правая мобилизировала всѣ свои силы, и потому заранѣе можно было предвидѣть, что возьмутъ верхъ представители того теченія, во главѣ которыхъ стоялъ Самаринъ. Такъ какъ на частныхъ собраніяхъ дворянъ было выработано два проекта адреса, выражающіе мнѣніе большинства и меньшинства, то предсѣдатель предложилъ тутъ же прочесть и баллотировать оба адреса. А. Д. Самаринъ прочиталъ одобренный $^2/_3$ голосовъ въ депутатскомъ собраніи адресъ. Затѣмъ П. Долгоруковъ прочиталъ проектъ второго адреса. Послѣ чтенія обѣихъ адресовъ раздались шумные аплодисменты и крики „браво“.

Приводимъ, въ виду крупнаго ихъ общественнаго значенія, оба адреса (въ извлеченіи).

Адресъ А. Д. Самарина.

Государь!

„Въ настоящіе тягостные для Россіи дни къ Тебѣ обращена мысль московскаго дворянства. Оно чуетъ, чѣмъ болѣетъ Твое русское сердце, какою заботою полны Твои царственныя думы“.

„Да, Государь, тяжело испытаніе, ниспосланное Всевышнимъ Тебѣ и Россіи.

Война,—война трудная, еще небывалая по своему упорству, приковала къ себѣ всѣ силы государства. Желаннаго исхода ея еще не видно. А между тѣмъ, внутренняя смута расшатываетъ общество и волнуетъ народъ“...

Нынѣ ли, въ столь тяжелую пору, думать о какомъ либо коренномъ преобразованіи государственнаго строя Россіи? Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута; тогда, направляемая державною десницею Твоею, Россія найдетъ пути для надежнаго устроенія своей внутренней жизни на завѣщанныхъ намъ нашей исторіей началахъ единенія Самодержавнаго Царя съ землей“.

Адресъ князя П. Д. Долгорукова:

Великій Государь!

„Мы твердо вѣримъ, Государь, что русскій народъ подъ Верховнымъ водительствомъ Вашимъ съ честью выйдетъ изъ великой борьбы на Дальнемъ Востокѣ; вѣримъ, что велики въ немъ силы и для устроенія внутренней жизни государства. Въ теченіе многовѣковой жизни Россіи грозныя испытанія не разъ постигали ее, но она и въ далекомъ прошломъ всегда находила выходъ изъ нихъ въ живомъ общеніи Царя съ народомъ, въ созваніи Царскою волею „вселенскаго совѣта отъ всѣхъ градовъ и уѣздовъ, да вѣдомо будетъ Царю самому про все всегда“, дабы „скрѣпити отъ грѣха и отъ всякія неправды власти и воеводы и приказные люди“ и дабы „великое царственное дѣло со всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить“. Таков-

исконный, завѣтный путь старины русской. И нынѣ, среди тяжкихъ бѣдствій войны, среди внутреннихъ неустройствъ мы обращаемъ наши взоры къ Престолу и возлагаемъ упованія наши на мудрый починъ Верховной власти. Только Царское слово, призывающее выборныхъ людей всей земли Русской къ осуществленію и завершенію государственнаго обновленія, возвѣщеннаго указомъ Вашего Величества, положитъ конецъ смутѣ, охватившей страну, и предотвратитъ опасности, ей угрожающія. И когда это слово раздастся съ высоты Престола, когда Вашему Величеству будетъ угодно призвать свободно избранныхъ представителей народа Вашего къ участію въ законодательствѣ, они, какъ и предки ихъ, сплотятся вокругъ Царя съ тою же готовностью вѣрою и правдою служить Ему въ великомъ дѣлѣ устроенія царства, чтобы, по слову соименнаго Цесаревичу Пращура Вашего, „дѣло то по Государеву указу и соборному уложенію было впредь ничѣмъ ненарушимо“.

Адресъ группы Самарина былъ принятъ 219 голосами противъ 147.

Второй адресъ „проваленъ“ большинствомъ 213 противъ 153 голосовъ.

Новосильцевъ, по уполномочію группы дворянъ, заявилъ, что настоящій адресъ, принятый большинствомъ лишь 66-ти голосовъ изъ 366 присутствующихъ дворянъ, не можетъ выражать собою мнѣнія московскаго дворянства и, будучи представленъ отъ его лица, можетъ послужить къ неправильнымъ заключеніямъ относительно мнѣнія всего московскаго дворянства.

„Мы остались при особомъ мнѣніи, которое и представимъ въ законный срокъ“. Раздались громкія рукоплесканія и крики „браво“. Кн. П. Д. Долгоруковъ заявилъ, что его подписи не будетъ подъ адресомъ, одобреннымъ собраніемъ, и онъ имѣетъ честь остаться при особомъ мнѣніи. Кн. С. И. Шаховской высказалъ, что онъ, оставаясь при особомъ мнѣніи, выражаетъ свой протестъ... *Поднялся шумъ*. Предсѣдатель, какъ сообщаетъ „Руск. Вѣд.“, объявилъ перерывъ собранія.

Приводимъ въ извлеченіи особое мнѣніе кн. Шаховского.

„Въ тяжелыя минуты, переживаемыя родиной, когда кровь близкихъ безпрерывно льется рѣкой то въ далекой и чуждой намъ Манчжуріи, то въ столицахъ и городахъ нашей страны, каждый истинно русскій человѣкъ долженъ отдать всѣ свои силы, чтобы помочь родинѣ выйти на другой путь, путь мирнаго и славнаго развитія. Но какія существуютъ условія у русскаго народа для того, чтобы высказать свои желанія, чтобы пожертвовать свое достояніе, свою жизнь на благо родины? Мнѣнія общества, если они не угодны администраціи—остаются не высказанными; лица, призванныя самимъ правительствомъ для выясненія насущнѣйшихъ вопросовъ государства, — подвергаются за исполненіе своего долга произвольной, административной карѣ. Окраины возбуждены несправедливымъ и ненужнымъ оскорбленіемъ національнаго чувства живущихъ тамъ народностей, милліоны людей въ странѣ не имѣютъ право молиться согласно требованіямъ своей вѣры, никакія собранія для обсужденія насущнѣйшихъ нуждъ не допускаются, судъ замѣненъ усмотрѣніемъ административной власти, общественное самоуправленіе подавлено и подчинено всецѣло администраціи, сословныя привилегіи вносятъ лишь взаимное раздраженіе въ различные классы государства, не гарантируя никому никакахъ правъ, такъ какъ передъ лицомъ администраціи всѣ одинаково безправны“...

„Эти условія жизни нашего государства и создали то положеніе, въ которомъ теперь находится оно. Административно-бюрократическій строй разобщилъ народъ съ властью, заглушилъ голосъ страны и употребляетъ громадныя силы и средство народа на борьбу съ нимъ, порождая недовольство и сѣя смуту“.

„Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута, тогда Россія найдетъ пути для надежнаго устроенія своей внутренней жизни,—говорится въ адресѣ „большинства“. Но вѣдь это мечты. Вѣдь административно-бюрократическій режимъ привелъ насъ къ смутамъ и къ военной грозѣ“...

„Портъ-Артуръ также ясно, какъ и Севастополь показалъ, что Россіи нужны новыя условія для жизни. Необходимо призвать къ государственной работѣ неиспользованныя силы народа. Только онъ, этотъ народъ, можетъ указать средства, чтобы улеглась военная гроза; и смута разсѣется, такъ какъ этимъ именемъ у насъ называется всякое проявленіе той свободы, которая должна

быть краеугольнымъ камнемъ всякаго современнаго государства".

„Чтобы для Россіи кончились тягостные дни, которые она теперь переживаетъ, необходимо немедленно созвать свободно избранныхъ представителей народа, которымъ и предоставить высказаться о ближайшихъ и насущнѣйшихъ нуждахъ страны. Но чтобы представители народа дѣйствительно были избраны свободно, необходимо гарантировать всему русскому нуроду неприкосновенность личности и частнаго жилища, отвѣтственность всѣхъ и каждаго лишь передъ закономъ, равнымъ для всѣхъ гражданъ. Для безпрепятственнаго выраженія мнѣній страны, необходимо обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова и печати и свободу собраній и союзовъ. Никто безъ подлежащаго суда не можетъ быть ни подвергнутъ наказанію, ни ограниченію своихъ правъ. Права всѣхъ гражданъ Россіи должны быть равны. Народные представители должны быть избраны путемъ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго голосованія".

„Довершите же, Государь, основанное Вами государственное зданіе, созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской, для обсужденія нуждъ общихъ всему государству".

„Этимъ путемъ, Государь, Вы узнаете нужды нашего отечества, въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, Вы достигнете точнаго соблюденія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны. Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего Престола, внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая Престолъ, будетъ слѣдить постоянно, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть".

„Вотъ тѣ завѣты стараго служилаго сословія земли русской, которымъ теперь измѣнило московское дворянство, и которымъ я останусь вѣренъ, не смотря ни на какія условія въ жизни государства, не смотря ни на какія требованія администраціи, не обращая никакого вниманія на тѣ кары, которыя могутъ меня постигнуть".

Теперь, какъ сообщаютъ, къ московскому меньшинству присоединяются, калужское, ярославское и тверское большинство и многія сильныя меньшинства другихъ дворянскихъ собраній. Такимъ образомъ и передовая часть дворянства, „далекаго отъ какихъ бы то ни было подозрѣній въ стремленіи сѣять смуту и колебать основы", присоединила свой вліятельный голосъ къ общему требованію всей страны, такъ ярко сказавшемуся во всѣхъ слояхъ русскаго населенія и въ такихъ крупныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ Московская городская дума, земства и т. п.

Большинство Петербургскаго дворянства приняло адресъ, по смыслу очень схожій съ московскимъ адресомъ меньшинства. Указавъ на тяжесть переживаемаго нами времени и на признаніе необходимости крупныхъ реформъ въ манифестѣ 12 декабря со стороны самой Высочайшей власти, адресъ, обращаясь къ Государю Императору, говоритъ:

„Державные Предки Ваши, Государь, въ часы невзгодъ, переживаемыхъ Отечествомъ, прислушивались къ голосу выборныхъ русскихъ людей, и такой обычай не ослаблялъ, а укрѣплялъ самодержавную власть на Руси и помогъ ей достигнуть настоящаго ея величія".

„Великій Государь. Повелите и нынѣ самодержавнымъ словомъ Вашимъ, дабы свободно избранные отъ земли русской достойнѣйшіе люди могли возносить свой голосъ до высоты Престола и участвовать, по указанію верховной власти, при разработкѣ и обсужденіи законопроектовъ и правительственныхъ мѣропріятій".

Ярославское дворянство также оказалось на высотѣ исторической минуты и составило адресъ въ прогрессивномъ духѣ.—Но и въ дворянской семьѣ оказалось „не безъ урода".

Нѣкоторыя дворянства заявили себя крайними ретроградами, какъ показываетъ слѣдующая корреспонденція изъ Курска, напечатанная въ „*Нов.*".

„19-го января, по прочтеніи и. д. губернскаго предводителя дворянства г. Богдановымъ адреса въ думѣ, отмѣнно охранительнаго содержанія, съ рѣзкими выраженіями о готовности къ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ, съ указаніями на большія историческія заслуги дворянства и съ упоминаніемъ о дворянскомъ оскудѣніи, предсѣдатель льговской уѣздной земской управы Н. В. Ширковъ заявилъ, что не подпишетъ адреса. Тотчасъ послышались крики: „Вонъ

вонъ изъ собранія"! Поднялся ужасный шумъ. Послѣ долгихъ неистовыхъ криковъ, г. Ширковъ направился къ буфету, но за нимъ туда ринулась толпа и, съ угрозами потрясая кулаками, гнала г. Ширкова изъ собранія. Послышались и голоса, протестовавшіе противъ этого насилія. Но г. Ширковъ былъ вытѣсненъ въ швейцарскую и едва невредимымъ спасся изъ дворянскаго собранія".

„Окончаніе собранія въ этотъ день не состоялось, и выборы предводителей дворянства отложены были до слѣдующаго дня"...

Къ счастью, такихъ „патріотовъ", какъ курскіе дворяне, на Руси осталось уже не много.

Въ настоящій годъ, когда жизнь возродилась въ самыхъ, повидимому, заплѣсневѣлыхъ общественныхъ учрежденіяхъ, лишь городскія думы, представители сытаго, обезпеченнаго и малоинтеллигентнаго меньшинства населенія, проявляютъ очень мало жизнедѣятельности. Это только показываетъ, какъ они далеки отъ истиннаго представительства интересовъ всего населенія. Впрочемъ, ненормальность положенія нашего городскаго самоуправленія сознается хорошо и самими думами (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми). Съ цѣлью реформы ихъ предполагался созывъ съѣзда городскихъ представителей, и на этомъ сошелся цѣлый рядъ городовъ, пославшихъ свои заявленія въ московскую думу. Они получены изъ Курска, Кутаиса, Нижняго-Новгорода, Томска, Каменецъ-Подольска, Харькова, Ярославля, Херсона, Калуги, Полтавы, Симферополя, Тулы, Новороссійска, Тифлиса, Екатеринодара, Твери, Батума, Чернигова, Уфы и Кронштадта, но, какъ узнало изъ вполнѣ освѣдомленнаго источника „Слово", предполагавшійся еще въ февралѣ всероссійскій съѣздъ городскихъ головъ и представителей городскихъ самоуправленій не состоится, и вопросъ объ этомъ будетъ разсматриваться только въ концѣ марта 1905 года.

А пока надъ думами виситъ дамокловъ мечъ, въ видѣ опеки администраціи. Такъ, въ Москвѣ, особое присутствіе, подъ предсѣдательствомъ градоначальника, разсматривало 4-го февраля вопросъ о превышеніи власти городскимъ головою, допустившимъ 30-го ноября резолюціи политическаго характера. Первое засѣданіе не дало окончательныхъ результатовъ: тов. городскаго головы и гласные защищали правоту дѣйствій кн. Голицына.

Полтавскій корреспондентъ „Р. Правды" также жалуется, что тамошнее городское общественное управленіе находится подъ неослабнымъ надзоромъ полиціи. Ни одно засѣданіе думы, — разсказываетъ корреспондентъ,—въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не обходится безъ посѣщенія командируемаго полиціей лица, которое, возсѣдая за однимъ столомъ съ сотрудниками мѣстной газеты, пишетъ подробные отчеты обо всемъ происходящемъ для представленія кому слѣдуетъ. Городской голова Трегубовъ не заботится о принятіи мѣръ для устраненія этого нежелательнаго явленія.

Мы приводимъ отголоски дней 9—12 янв. въ московской думѣ. Думы нѣкоторыхъ другихъ городовъ постановили послать въ Петербургъ жертвамъ историческихъ дней матеріальную помощь, но по большей части эти рѣшенія были опротестованы губернаторами.

Болѣе глубокій откликъ нашли себѣ эти дни въ земскихъ собраніяхъ.

Они вызвали, съ одной стороны, горячія филиппики земскихъ гласныхъ, а съ другой громаднѣйшая часть гласныхъ во многихъ земскихъ собраніяхъ, подъ впечатлѣніемъ ужасныхъ событій, разстроенные и взволнованные, отказывались отъ дальнѣйшей работы. Во многихъ земствахъ выставлялась на видъ вся неумѣстность занятія мелочными дѣлами земскаго хозяйства, когда на исторической сценѣ разыгрываются великія событія, по поводу которыхъ земство не можетъ поднять даже своего голоса, такъ какъ вѣдь эти вопросы не входятъ въ разрядъ „мѣстныхъ дѣлъ". Отношеніе земцевъ къ этимъ событіямъ такъ знаменательно, что мы считаемъ нужнымъ привести газетныя отчеты о засѣданіяхъ земствъ послѣ знаменательныхъ дней.

Въ открывшемся 20-го января вологодскомъ губернскомъ земскомъ собраніи Н. Я. Масленниковъ прочелъ заявленіе отъ имени 16-ти гласныхъ, приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Рядъ тяжелыхъ испытаній, постигшихъ нашу родину, небывалыя еще бѣдствія, обрушившіяся на нее извнѣ и раздирающія ее внутри, должны глубоко волновать всѣхъ русскихъ людей и въ особенности лицъ, при-

частныхъ къ общественной дѣятельности". Правительственное сообщеніе 12 дек. внесло еще большую тревогу за дальнѣйшую судьбу тѣхъ широкихъ реформъ, какія общество имѣло основаніе ожидать. Не способствовало успокоенію общества и циркулярное письмо министра внутреннихъ дѣлъ отъ 31-го декабря 1904 г., въ которомъ выяснялся взглядъ высшей администраціи на значеніе важнѣйшаго пункта указа 12-го декабря. Вмѣсто обѣщаннаго въ немъ объединенія законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ имперіи, съ цѣлью прочнаго обезпеченія и достиженія положенія полноправныхъ сельскихъ обывателей, губернскимъ совѣщаніямъ предлагается положить въ основу своихъ работъ проекты новаго положенія о крестьянахъ, выработанные министерствомъ Плеве, насквозь пропитанные идеей сословности, стремленіемъ навсегда отгородить крестьянство отъ прочихъ сословій и стоящіе въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми пожеланіями, какія были высказаны мѣстными сельскохозяйственными комитетами. Цѣлый рядъ принятыхъ мѣръ противъ печати, общественныхъ собраній, съѣздовъ—все это завершилось событіями послѣднихъ дней на улицахъ Петербурга.

„До глубины души потрясенные этими горестными событіями и удрученные полной неизвѣстностью о томъ, что происходитъ въ настоящее время въ Петербургѣ, мы, нижеподписавшіеся гласные вологодскаго губернскаго земскаго собранія, не находя возможности съ надлежащимъ спокойствіемъ и вниманіемъ обсуждать подлежащія нашему разсмотрѣнію текущія дѣла, просимъ отсрочить настоящее очередное собраніе до тѣхъ поръ, пока правительство не пойдетъ на встрѣчу законнымъ желаніямъ общества и тѣмъ не внесетъ въ страну умиротворенія".

„Новости" сообщаютъ: 16 января возобновились засѣданія губернскаго земскаго собранія въ Симферополѣ.

Открытіе засѣданій было назначено въ 1 часъ дня. Публика, взволнованная заявленіемъ гласныхъ въ прошломъ засѣданіи, быстро заняла всѣ приготовленныя мѣста, но къ зданію управы ежеминутно подходили все новыя и новыя толпы. Были заняты всѣ смежныя комнаты, оконныя ниши, мѣста за гласными, а публика все прибывала. Тогда,—какъ сообщаетъ „Крым. Вѣстн.", — по желанію публики всѣ приготовленныя стулья были вынесены и всѣ собравшіеся стояли. На улицахъ около управы огромное движеніе, чуть-ли не вся полиція и много жандармовъ.

Въ два часа дня предсѣдатель Е. В. Рыковъ объявилъ собраніе возобновленнымъ. Вскорѣ же было постановлено: въ виду печальныхъ извѣстій изъ СПБ. „прервать собраніе и ограничиться лишь разсмотрѣніемъ неотложныхъ вопросовъ, безъ которыхъ невозможно земское хозяйство". Затѣмъ, по предложенію Толстова, рѣшили „просить о томъ, чтобы не было запрета печатать въ газетахъ и телеграммахъ все то, что происходитъ въ Петербургѣ, чтобы всѣ знали истину, безъ прикрасъ, иначе останется все то же невыносимое, удручающее состояніе"...

Та же газета сообщаетъ изъ Москвы: 31 января состоялось открытіе экстренной сессіи московскаго уѣзднаго земскаго собранія, гдѣ было рѣшено:

„Съ тѣхъ поръ, какъ было внесено въ управу заявленіе группы гласныхъ о необходимости скорѣйшаго созыва экстреннаго собранія для разсмотрѣнія докладовъ управы, прошло два мѣсяца; но бываютъ знаменательныя эпохи, когда въ исторической жизни народа каждый мѣсяцъ идетъ за годъ, когда событія развиваются съ поражающей быстротой, и народное чувство доходитъ до крайней степени напряженности. То, что казалось умѣстнымъ раньше, теперь было-бы непроизводительной тратой времени, занятіемъ, несоотвѣтствующимъ достоинству хотя-бы и самыхъ скромныхъ общественныхъ дѣятелей. Такимъ непроизводительнымъ занятіемъ и представляется намъ теперь, въ переживаемый нами историческій моментъ—обсужденіе цѣлаго ряда докладовъ, вносимыхъ на разсмотрѣніе настоящаго собранія. Гласные этого собранія—не только обыватели московскаго уѣзда, но и сыны общей матери Россіи, и все, что занимаетъ и волнуетъ нашу родину, не можетъ не отражаться и на общемъ ходѣ занятій этого собранія.

„Положеніе нашего отечества настолько серьезно, что съ высоты Престола возвѣщена неотложная необходимость крупныхъ государственныхъ преобразованій. Хотя предначертанія Высочайшаго указа 12 декабря и не могутъ, конечно, быть проведены въ жизнь обычнымъ бюрократическимъ путемъ,

мы все-же думаемъ, что широкіе горизонты, открываемые этимъ указомъ для всей дѣятельности земства, не могутъ не отразиться и на кругѣ занятій настоящаго экстреннаго собранія. Съ этой точки зрѣнія малополезно, напримѣръ, обсуждать доклады объ участковыхъ попечительствахъ, объ устройствѣ мелкаго кредита, по общественному призрѣнію, теперь—когда свыше возвѣщено коренное измѣненіе въ самой постановкѣ подобныхъ вопросовъ путемъ образованія „сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныхъ установленій по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ небольшихъ по пространству участкахъ".

„Обсужденіе докладовъ по народному образованію, въ сферѣ котораго дѣятельность земства особенно стѣснена узкими рамками административнаго усмотрѣнія, также несвоевременно теперь, когда Высочайшій указъ возвѣщаетъ „предоставленіе земскимъ учрежденіямъ возможно широкаго участія въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую въ законныхъ предѣлахъ самостоятельность". Теперь, когда извѣстная записка предсѣдателя комитета министровъ предлагаетъ расширить компетенцію земства даже до завѣдыванія мѣстной полиціей, не время обсуждать какіе-бы то ни было проекты обязательныхъ постановленій.

„Но кромѣ, этихъ важныхъ причинъ внѣ насъ стоящихъ, есть еще и другая повелительная причина, вызывающая отклоненіе отъ обычнаго теченія нашихъ дѣлъ, причина, лежащая въ насъ самихъ, въ переживаемыхъ нами нынѣ чувствахъ. Никто не можетъ упрекнуть гласныхъ этого собранія въ недостаткѣ вниманія, добросовѣстнаго отношенія къ своему невидному дѣлу, но не слѣдуетъ забывать, что самая скромная работа общественнаго дѣятеля все-же не есть подневольный трудъ, что работа эта можетъ быть производительной лишь при условіи сосредоточеннаго вниманія, ничѣмъ непоколебленнаго, оживленнаго интереса къ дѣлу и спокойнаго къ нему отношенія. Между тѣмъ, мы не можемъ не признать, что спокойствіе наше глубоко потрясено, вниманіе и интересы наши всецѣло поглощены тревожными событіями и опасеніями переживаемыхъ нами дней. За эти дни мы пережили вмѣстѣ со всей Россіей гибель нашей флотиліи, капитуляцію Портъ-Артура, послѣднія неудачи въ Манчжуріи, мы еще не забыли ни декабрьскихъ дней въ Москвѣ, ни январьскихъ ужасовъ въ Петербургѣ; мертвая тишина въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній отзывается болью въ сердцѣ за участь нашихъ дѣтей; жизнь и судьба многихъ и многихъ дѣтей нашего народа гибнутъ въ буряхъ рабочихъ волненій, не миновавшихъ и насъ".—Постановлено:

1. Признать, что, при современномъ складѣ событій, обсужденіе цѣлаго ряда очередныхъ вопросовъ внесенныхъ въ настоящее собраніе, представляется невозможнымъ.

2. Ограничиться обсужденіемъ лишь тѣхъ неотложныхъ вопросовъ, безъ рѣшенія которыхъ самое теченіе земской жизни въ уѣздѣ могло-бы пріостановиться.

Передъ открытіемъ назначеннаго на 25 янв. Губернскаго *Владимірскаго* Земскаго гл. Коммиссаровъ заявилъ, что отъ группы гласныхъ въ управу передано заявленіе, въ которомъ говорится между прочимъ:

„Владимірская губернія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи, какъ по числу находящихся въ ней фабрикъ и заводовъ, такъ и по числу занятыхъ на нихъ рабочихъ; поэтому для Владимірской губерніи имѣетъ громадное значеніе вопросъ о рабочихъ забастовкахъ и о возможности повторенія въ предѣлахъ губерніи ужасныхъ петербургскихъ событій тѣмъ болѣе, что стачки въ настоящій моментъ имѣютъ мѣсто на многихъ фабрикахъ Владимірской губерніи".

Въ виду этого мы, нижеподписавшіеся гласные, имѣемъ предложить собранію губернскаго земства ходатайствовать о томъ: 1) чтобы при мирныхъ забастовкахъ собранія рабочихъ не подвергались насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны полиціи и войска; 2) чтобы въ законодательномъ порядкѣ были установлены для промышленныхъ работъ: а) свобода стачекъ, какъ одна изъ формъ самозащиты труда, б) свобода собраній и в) свобода союзовъ.

„Но свобода собраній и союзовъ не менѣе, чѣмъ промышленнымъ рабочимъ, необходима и лицамъ другихъ профессій; поэтому представляется болѣе цѣлесообразнымъ

ходатайствовать о предоставленіи свободы собраній и союзовъ всѣмъ гражданамъ Россійской Имперіи".

„Свобода собраній и союзовъ неразрывно связана съ свободою слова".

„Свобода слова, печати, собраній, и союзовъ можетъ имѣть мѣсто въ русской жизни только при устраненіи административнаго произвола, при установленіи строгой отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ независимымъ судомъ и при установленіи представительныхъ законодательныхъ учрежденій изъ свободно избранныхъ представителей народа. Мы, нижеподписавшіеся гласные, имѣемъ предложить собранію, по примѣру другихъ земствъ присоединиться къ этимъ постановленіямъ, своевременность осуществленія которыхъ въ русской жизни доказана цѣлымъ рядомъ послѣднихъ событій".

Всѣ эти земскія собранія происходили при громадномъ стеченіи публики, жадно прислушивавшейся къ происходившимъ тамъ дебатамъ. Вездѣ публика принимала горячее участіе въ судьбѣ адресовъ различнаго направленія, нервно интересуясь исходомъ баллотировокъ, громко выражая свое одобреніе и протестъ. Изъ-за этого въ нѣкоторыхъ земствахъ возникали различнаго рода инциденты.

Такъ, „Наша Жизнь" передаетъ слѣдующія подробности столкновенія публики въ *Воронежскомъ* Губернскомъ земскомъ собраніи съ полиціей.

12 января открылось губернское земское собраніе, а 15 числа оно было прервано.,. Въ день открытія перваго засѣданія, предсѣдатель губ. управы А. Н. Урсулъ обратился къ гласнымъ съ рѣчью, въ которой, отмѣтивъ важныя событія государственной и общественной жизни со дня закрытія предыдущаго собранія, предложилъ послать Государю адресъ. Когда онъ былъ прочитанъ, „въ публикѣ, наполнявшей въ большомъ количествѣ залу, сначала раздались рукоплесканія, какъ сочувствіе принятой редакціи, а затѣмъ возгласы, слышны были свистки и крики, направленные противъ гл. Безрукова, высказавшагося противъ адреса и его главныхъ положеній. Явилась полиція, зданіе дворянскаго собранія было оцѣплено, и нѣсколько чиновъ полиціи, руководимыхъ приставомъ дворянской части, бросились на нѣкоторыхъ изъ публики и арестовали". „Публика возмутилась и требовала, чтобы всѣ арестованные были отпущены", что вскорѣ и было исполнено. За то губернаторъ закрылъ засѣданія Зем. Собранія для публики. Гг. гласные не нашли возможнымъ при такомъ ограниченіи гласности продолжать свои засѣданія и рѣшили отложить очередную сессію до 1 марта.

И *Тульское* Губ. Земское собраніе разразилось подобнымъ же инцидентомъ:

На второй день по открытіи собранія предсѣдатель губернской управы кн. Львовъ отъ имени 34-хъ гласныхъ, вручилъ предсѣдателю собранія г. Арсеньеву заявленіе съ просьбой допустить къ обсужденію проектъ всеподданѣйшаго адреса, составленнаго управой. 26-января г. Арсеньевъ заявилъ собранію, что онъ снимаетъ его съ обсужденія. Когда по поводу дѣйствій предсѣдателя собранія были заявлены протесты гласныхъ кн. М. Р. Долгорукова и гр. В. А. Бобринскаго, то послѣдовали аплодисменты со стороны публики, помѣщавшейся на хорахъ. Предсѣдатель собранія, уже дважды допустившій аплодисменты, на этотъ разъ былъ раздраженъ поведеніемъ публики и предложилъ ей очистить хоры. Распоряженіе это это было встрѣчено публикой свистками. Предсѣдатель управы кн. Львовъ заявилъ предсѣдателю собранія, что вслѣдствіе удаленія публики изъ собранія служащіе отказываются отъ участія въ залѣ собранія, между тѣмъ какъ ихъ присутствіе необходимо ему для доклада дѣлъ собранію.

При выходѣ изъ залы земскихъ служащихъ, пятеро губернскихъ гласныхъ,—Унковскій, Левшинъ. кн. Урусовъ, Масловъ и Миллеръ,—позволили себѣ кричать вслѣдъ имъ „Вонъ, вонъ"! Крики эти не были остановлены предсѣдателемъ собранія. Такое отношеніе къ земскимъ служащимъ со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ и предсѣдателя собранія вызвало протестъ 17-ти гласныхъ, оставившихъ залу вмѣстѣ съ земскими служащими, а также губернской управы, заявившей собранію, что она не находитъ возможнымъ участвовать въ обсужденія собраніемъ докладовъ...

„Въ тотъ-же день въ губернскую управу поступили заявленія отъ земскихъ служащихъ, въ томъ числѣ отъ 11-ти изъ 12-ти врачей губернскихъ больницъ, всѣхъ инжене-

ровъ, всего состава служащихъ въ отдѣлахъ агрономическомъ, народнаго образованія, кустарномъ, санитарномъ, пенсіонной кассы, конторы больницы, — всего около 130-ти заявленій служащихъ объ уходѣ ихъ въ отставку. Общимъ мотивомъ отставки указывается фактъ оскорбленія, нанесеннаго земскимъ служащимъ криками: „Вонъ"! по ихъ адресу, которые не были остановлены предсѣдателемъ собранія".

Назначенное на 27-е января засѣданіе собранія не могло состояться за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ.

Изъ *Самары* пишутъ корресп. „Новостей" о подробномъ же фактѣ.

„За три дня до назначеннаго на 30-е января очередного губернскаго земскаго собранія по городу упорно циркулировали слухи, что доступъ публики на собраніе будетъ обставленъ всевозможными стѣсненіями. 30-го января въ зданіи губернской земской управы, гдѣ должно состояться засѣданіе, собралась масса публики. Входъ на хоры оказался закрытымъ.

Послѣ обычнаго молебна предсѣдатель собранія Чемадуровъ, обращаясь къ вице-губернатору Кондонди, только что было хотѣвшему начать передъ открытіемъ засѣданія рѣчь, сказалъ приблизительно, что „многочисленная публика помѣшаетъ производить занятія" и потому онъ не считаетъ возможнымъ производить засѣданія...

Вице-губернаторъ, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ зала и уѣхалъ домой. Публика же подняла страшный шумъ, какъ не успокаивали ее гласные, признавшіе поступокъ предсѣдателя некорректнымъ.

На слѣдующій день, 31-го января, послѣ коротенькой рѣчи, вице-губернаторъ объявилъ собраніе открытымъ. Публики въ этотъ день было очень много. Входъ на хоры, тѣмъ не менѣе, остался для публики закрытымъ.

„21-го января въ залѣ *псковскаго* уѣзднаго земства состоялся банкетъ въ честь сорокалѣтія земскихъ учрежденій въ Псковской губерніи. На этомъ банкетѣ присутствовало 175 лицъ различныхъ званій и профессій города Пскова. Предсѣдателемъ банкета былъ избранъ извѣстный земскій дѣятель графъ П. А. Гейденъ. Послѣ цѣлаго ряда рѣчей присутствовавшіе приняли слѣдующія резолюціи: рѣшено присоединиться къ петербургскимъ постановленіямъ земскихъ дѣятелей. Затѣмъ присутствовавшіе единогласно выразили протестъ противъ распространенія завѣдомо ложныхъ слуховъ о пользованіи агитаторами рабочаго движенія японско-англійскимъ фондомъ. Была также послана московскому университету телеграмма съ поздравленіемъ со 150-лѣтнимъ юбилеемъ учрежденія, которое выпустило изъ своихъ стѣнъ столько борцовъ за свободу и счастье народа."

Въ *Воронежѣ*, „собравшись на первый женскій митингъ 11-го января 1905 г., гражданки города Воронежа, постановили:

„Привѣтствуя воронежское губернское земское собраніе въ его стремленіи расширить избирательныя права населенія, мы выражаемъ твердую увѣренность, что земское собраніе сознаетъ цѣлесообразность распространенія этого права на всѣхъ женщинъ Россіи, безъ различія сословій, націй и вѣроисповѣданій", чтобы получить „права участвовать наравнѣ съ мужчиной въ политической жизни страны".

Въ *Твери*, 2-го февраля на губернскомъ земскомъ собраніи произошелъ слѣдующій инцидентъ. Послѣ рѣчи гласнаго Е. В. де-Роберти, пояснившаго и дополнившаго записку 29 гласныхъ, принятую собраніемъ еще въ засѣданіи 30-го января, изъ публики послышался голосъ, требовавшій слова. Оказалось, что это — представитель рабочихъ. Не смотря на протесты предсѣдателя г. Костылева, манифестанты все таки прочитали свои желанія по поводу переживаемыхъ Россіей историческихъ событій, затѣмъ оставили залъ собранія".

Въ *Харьковѣ* произошелъ инцидентъ другого рода. Таврическій губернаторъ узналъ, что при ближайшемъ участіи членовъ Таврической Губ. Зем. Управы, кн. Оболенскаго и Мурзаева, составлена сочувственная телеграмма на имя предсѣдателя Черниговскаго Губернскаго Земскаго Собранія (получившаго за свою телеграмму Государю Высочайшій выговоръ). Пригласивъ предсѣдателя Управы, губернаторъ просилъ разъяснить кн. Оболенскому и Мурзаеву, что ихъ дѣйствія не совмѣстимы со служебнымъ долгомъ, а обозначеніе ими при подписи на телеграммѣ служебнаго званія только подчеркнетъ и усугубитъ должностной характеръ ихъ проступка. Несмотря на это предупрежденіе, кн. Оболенскій и Мурзаевъ отправили телеграмму

по назначенію, подписавъ ее за 160 жителей города Симферополя своими фамиліями, съ обозначеніемъ служебнаго своего положенія.

„Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, до свѣдѣнія коего доведено было губернаторомъ о поступкѣ членовъ Губернской Земской Управы, 16 декабря распорядился предложить кн. Оболенскому и Мурзаеву подать прошенія объ отставкѣ, а буде они на то добровольно не согласятся, собрать безотлагательно Губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствіе для сужденія о дѣйствіяхъ названныхъ лицъ“. Кн. Оболенскій и Мурзаевъ подать въ отставку отказались.

Тогда, 21 декабря, Тавр. Губернское по З. и Г. дѣламъ присутствіе, по распоряженію министра, съ утвержденія совѣта М-ра Вн. Дѣлъ, рѣшило удалить ихъ отъ должности.

Довольно интересно прошла сессія *Таврическаго* земства. Во время засѣданія. былъ также составленъ адресъ, но въ болѣе сдержанныхъ выраженіяхъ, чѣмъ въ другихъ земствахъ.

„Указъ Вашего Императорскаго Величества, данный въ двѣнадцатый день декабря, —говорится здѣсь,—окрылилъ русскій народъ на близость желаемаго внутренняго мира, всегда и всюду покоющагося на охраненіи полной силы закона, на полноправности всѣхъ гражданъ, на свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданій, свободѣ слова и печати, союзовъ и собраній. Государь! мы твердо убѣждены, что выполненіе Вашихъ великихъ предначертаній и охраненіе ихъ въ полной неприкосновенности возможно лишь при участіи въ осуществленіи законодательной власти—свободно избранныхъ представителей всего народа“.

Открытой баллотировкой единогласно постановлено было отправить адресъ Государю. Но гласные И. Ф. Вибе, І. Х. Пружанскій, З. Д. Сахаровъ и предводитель дворянства П. В. Поповъ предложили прямо „ходатайствовать передъ Высочайшей властью о призывѣ свободно избранныхъ представителей народа къ осуществленію вытекающихъ изъ указа 12-го декабря законопроектовъ“. Однако, ихъ мнѣніе рѣшено только внести въ журналъ текущаго засѣданія“.

25-го января открылось губернское земское собраніе во *Владимірѣ*.

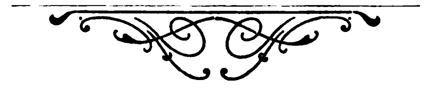
Публика, какъ сообщаетъ „Сѣв. Кр.“, пропускалась на собраніе въ ограниченномъ количествѣ,—не больше 70-ти человѣкъ; преобладали женщины; студентовъ старались не впускать. Фильтромъ, чрезъ который пропускалась публика, служили сторожа, къ которымъ то и дѣло подходилъ предсѣдатель собранія кн. Голицынъ и строгимъ голосомъ требовалъ отъ нихъ точнаго исполненія „данной иструкціи“. Здѣсь почти одинаковыя по численности партіи, по 19 человѣкъ, правая и лѣвая, при чемъ „правая“, побоявшись, что „лѣвая“ одолѣетъ ее на собраніи, сорвала послѣднее,—и собраніе разошлось.

Однако, такихъ „правыхъ“ становится все меньше на земскихъ собраніяхъ, такъ какъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія и сознанія важности переживаемаго родиной времени, всѣ честные конорваторы уже переходятъ въ противоположный лагерь.

Закрывшееся въ *Симбирскѣ* 22 января губернское земское собраніе представляло, по словамъ „Н. Жизни“, любопытный примѣръ очень быстрой эволюціи въ настроеніи и взглядахъ большинства гласныхъ. Сессія началась 4 января при явномъ преобладаніи партіи, призывавшей на борьбу съ „внутренними врагами“, къ числу которыхъ она, повидимому, относила и предсѣдателя управы, князя С. М. Баратаева, подписавшаго резолюцію московскаго и петербургскаго съѣздовъ земскихъ представителей. Это обстоятельство партія ставила въ сильную вину кн. Баратаеву и хотѣла его во что бы то ни стало забаллотировать на выборахъ. Численный перевѣсъ въ началѣ сессіи былъ на ея сторонѣ (22 противъ 18). Но съ каждымъ днемъ силы таяли; доклады управы принимались собраніемъ одинъ за другимъ; кончилось тѣмъ, что собраніе высказало управѣ благодарность, за отличное веденіе дѣла, и избрало кн. Баратаева въ предсѣдатели на новый срокъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Но характернѣе всего то, что тотъ же князь Баратаевъ избранъ значительнымъ большинствомъ голосовъ и представителемъ симбирскаго земства на случай какого-либо новаго съѣзда или приглашенія земскихъ дѣятелей. Выборъ князя Баратаева былъ встрѣченъ громкими и дружными апплодисментами гласныхъ и много-

численной публики. Для всѣхъ стало ясно, что борьба съ такъ называемыми „внутренними врагами“, къ которой звали большинство симбирскихъ гласныхъ въ составленномъ 4 января адресѣ на Высочайшее Имя, противъ чего князь Баратаевъ и нѣкоторые гласные горячо протестовали (они не подписали адреса), чрезъ какіе-нибудь 18 дней отжила свой вѣкъ даже въ нашей дворянской губерніи“....

Въ итогѣ (теперь уже можно подсчитать) громадное, подавляющее большинство нашихъ земцевъ и дворянъ въ Россіи высказывается теперь безусловно за неотложую необходимость реформъ и прежде всего—за Созывъ Великаго Земскаго Собора изъ свободно избранныхъ представителей земли Русской, безъ различія званія, состояній, народности и вѣроисповѣданій, такъ какъ *всѣ* русскіе граждане имѣютъ одинаковое право на жизнь.... *)

*) Настоящая Хроника Земскаго и Городскаго Самоуправленіи является нѣсколько запоздавшей *не по винѣ редакціи. Ред.*

Судебная хроника.

Политическіе процессы.—Дѣло о членахъ „Бунда"—всеобщаго еврейскаго рабочаго союза.—Гельсингфорскіе уличные безпорядки въ освѣщеніи криминалъ-комиссара.—Политическіе процессы въ одесской и вил. суд. палатахъ. — Военный судъ въ Новониколаевскѣ. — Ретивый приставъ и околоточный надзиратель.—Дѣло кн. Мещерскаго. — Дѣло „Забусова—Ковалева"— „375 ночей".

I.

Какъ извѣстно, на засѣданія судовъ по политическимъ дѣламъ никто, кромѣ ближайшихъ родственниковъ подсудимыхъ, не допускается. Надъ всѣмъ, происходящимъ въ судѣ, опущена полная завѣса: общественое мнѣніе не знаетъ ни сущности обвиненія, ни рѣчей защиты, ни рѣчей прокурорскаго надзора. Одинъ—голый приговоръ.

Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляютъ дѣла, восходящія въ апелляціонномъ порядкѣ на разсмотрѣніе Прав. Сената. Гласность судебнаго засѣданія даетъ возможность познакомиться со всѣми данными обвиненія, съ мотивами резолюціи судебной палаты и вообще сильно разсѣиваетъ ту искусственную тьму, которая создается закрытіемъ дверей судебной палаты. Мы здѣсь не касаемся вопроса о принципіальной важности сенатскихъ рѣшеній для другихъ, теперь очень многочисленныхъ, политическихъ дѣлъ.

Въ ряду подобныхъ процессовъ большой интересъ представляетъ дѣло о членахъ „Бунда",—всеобщаго еврейскаго рабочаго союза.

По обвиненію въ принадлежности къ этому союзу были привлечены въ г. Витебскѣ мѣстные жители: Лобковскій, Левинтовъ, Перлинъ, Пинтъ, Блюдниковъ, Лифищцъ, Муринсонъ. Преступленіе, въ которомъ они обвинялись, предусмотрѣно 126 ст., грозящей признаннымъ виновными въ немъ каторгой или поселеніемъ. Кромѣ того, къ Левинтову было предъявлено обвиненіе по 127 ст. — предоставленіе принадлежащей ему квартиры для собранія сообщества, поставившаго цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя. „На судебномъ слѣдствіи всѣ поименованные обвиняемые не признали себя виновными въ принадлежности къ какому-либо противозаконному сообществу, при чемъ утверждали, что всѣ они 16 февраля 1904 г. собрались у Арона Левинтова по его приглашенію безъ всякой преступной цѣли только для того, чтобы вмѣстѣ провести предпраздничный вечеръ, и что подобныхъ собраній у нихъ раньше не бывало; при этомъ Аронъ Левинтовъ присовокупилъ, что найденныя у него произведенія подпольной литературы онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ получилъ для храненія отъ одного лица, которое назвать онъ не желаетъ".

„Подсудимый же Хаимъ Левинтовъ показалъ, что онъ своей квартиры ни для какихъ противозаконныхъ собраній не предоставлялъ и даже не зналъ, что вечеромъ, 16 февраля, къ его брату Арону собрались гости. Перлинъ, кромѣ того, заявилъ, что у Левинтова никакихъ сходокъ раньше не происходило и самъ онъ, Перлинъ, 16 февраля былъ у Левинтова въ первый разъ. Между тѣмъ показаніе пристава 1 уч. г. Витебска Сченсновича установило, что когда вечеромъ 16 февраля 1904 г. онъ внезапно явился на эту квартиру, то въ одной изъ комнатъ засталъ шесть молодыхъ мужчинъ евреевъ и молодую дѣвушку еврейку, а именно: Арона Левинтова (переплетчика) Лабковскаго, Перлина, Блюдникова, Лифшица, Хаю Муринсонъ (приказчиковъ) и Пинта (сапожника).

„При входѣ пристава Сченсновича, Лобковскій громко читалъ какой-то листокъ, а остальные слушали, сидя и стоя вокругъ него. Лобковскій хотѣлъ было скрыть означенный листокъ, но приставъ успѣлъ его отобрать, при чемъ листокъ этотъ оказался номеромъ газеты: „Послѣднія извѣстія“ отъ 18 (5) февраля 1904 года изданія Заграничнаго Комитета Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи. Хая Муринсонъ держала въ рукахъ изданную „Могилевскимъ Комитетомъ“ того же Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза или „Бунда“ прокламацію подъ заглавіемъ „Ко всѣмъ“, которую Муринсонъ при появленіи полиціи бросила на полъ. При дальнѣйшемъ обыскѣ, въ комнатѣ было найдено и нѣсколько другихъ преступныхъ изданій, каковы: „Приговоръ военнаго суда въ Ростовѣ надъ нашими товарищами“ и др. Кромѣ того, тамъ же былъ найденъ клочекъ бумажки съ замѣтками на русскомъ языкѣ, представляющими программу чтенія о причинахъ возникновенія, необходимости и организаціи „Бунда“, его жизнеспособности и отношеніи къ другимъ партіямъ.

„Всѣ эти данныя привели особое присутствіе къ заключенію, что застигнутое полиціею 16 февраля 1904 г. въ квартирѣ братьевъ Левинтовыхъ собраніе, было собраніемъ не единичнымъ, а лишь однимъ случаемъ неоднократно происходившихъ и до того времени собраній для чтенія подпольной литературы и обмѣна мыслей. Характеръ же этого сообщества и его цѣлей опредѣляется тѣми изданіями, которыя были обнаружены при обыскѣ: всѣ произведенія эти крайне революціоннаго содержанія. Почти всѣ произведенія значатся изданными „Бундомъ“ а цѣли „Бунда“ явствуютъ изъ № „Послѣднихъ извѣстій“. „*Бундъ стремится организовать еврейскій пролетаріатъ и объединить его съ пролетаріатомъ друг. національностей Россіи для общей борьбы съ самодержавіемъ.* Вслѣдствіе того особое присутствіе заключило, что сообщество, собраніе членовъ коего было застигнуто полиціею 16 февраля 1904 г., составляетъ одно изъ развѣтвленій, одинъ изъ „кружковъ“ еврейской организаціи „Бунда“.

Въ виду изложеннаго, особое присутствіе приговорило всѣхъ подсудимыхъ къ заключенію въ крѣпости на разные сроки, засчитавъ нѣкоторымъ изъ нихъ въ срокъ наказанія время, проведенное въ предварительномъ заключеніи.

По кассаціи защитниковъ подсудимыхъ, Сенатъ, какъ передаетъ „Русь“, приговоръ палаты за нарушеніемъ 796 ст. уст. угол. отмѣнилъ и опредѣлилъ дѣло возвратить въ ту же палату, для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія.

═ Усилившееся революціонное движеніе въ Финляндіи привело и нѣкоторыхъ финляндскихъ гражданъ на скамью подсудимыхъ. Было привлечено къ суду 24 человѣка, въ томъ числѣ два студента и баронъ Э. В. фонъ Борка, по обвиненію въ соучастіи въ уличныхъ безпорядкахъ революціоннаго характера. Говоритъ „Финляндск. Газ“:

„На судъ явились только двое подсудимыхъ переплетчикъ Стенбергъ и дачевладѣлецъ Гренрусъ, содержащіеся подъ стражею. Защитникъ Каретенъ просилъ немедленно приступить къ повѣркѣ доказательствъ вины арестованныхъ подсудимыхъ, или же освободить ихъ изъ-подъ стражи, избравъ иную мѣру пресѣченія возможности уклониться отъ суда. Обвинитель возразилъ, что предъявленное къ Стенбергу и Гренрусу обвиненіе влечетъ за собою содержаніе въ каторжной тюрьмѣ, почему предварительное освобожденіе, по закону, недопустимо. Ратгаузскій судъ постановилъ: слушаніе дѣла отложить на 24 февраля; въ ходатайствѣ объ освобожденіи изъ подъ стражи отказать.

„Въ обвинительномъ актѣ криминалъ комиссаръ Никоненъ слѣд. обр. излагаетъ ходъ безпорядковъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ дать отвѣтъ: „кто организаторы этихъ безпорядковъ и какая партія стоитъ за нихъ“.

Приводимъ со словъ той же газеты изъ этого обзора слѣдующія выдержки:

„Когда такъ называемое пассивное сопротивленіе оказалось безплоднымъ, то съ осени 1903 года,—согласно показанію магистра Гуммеруса на полицейскомъ дознаніи — въ кружкахъ мѣстныхъ студентовъ и другихъ молодыхъ политикановъ начали говорить о необходимости активныхъ дѣйствій, между прочимъ, объ убійствѣ генералъ-губернатора Бобрикова, нынѣ покойнаго.

„Новыя революціонныя и насильственныя

тенденціи въ программѣ партіи сопротивленія выступили въ первый разъ въ видѣ воззванія во время рабочихъ манифестацій 5 іюля 1904 года. Эти воззванія были заготовлены, отпечатаны и хранились въ Швеціи у нѣкоторыхъ членовъ партіи сопротивленія еще въ апрѣлѣ 1904 г., въ ожиданіи удобнаго случая для распространенія ихъ въ Финляндіи. Прокламаціи комитета пролетаріевъ, распространенныя прошлымъ лѣтомъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, уяснили, что финляндцами ревностно продолжается веденіе пропаганды, усвоившей способы дѣйствія русскихъ революціонеровъ и имѣющей цѣлью найти въ рабочихъ опору въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ правительственныхъ дѣятелей и подготовить рабочихъ къ революціи.

26 ноября и 4 декабря прошлаго года въ Гельсингфорсѣ были распространены объявленія объ основаніи финляндской партіи активнаго сопротивленія. 1 декабря въ заграничныхъ газетахъ появилась статья, въ которой описывалась сходка русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ, происходившая за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ и созванная по почину финляндскихъ оппозиціонныхъ дѣятелей и при личномъ участіи всѣхъ финляндцевъ.

Отчетъ объ этой сходкѣ былъ напечатанъ въ „Fria Ord" отъ 10 декабря въ полномъ видѣ, причемъ опубликованы имена лицъ, подписавшихъ протоколъ сходки. Изъ числа финляндцевъ протоколъ подписанъ Конни Циліакусомъ „именемъ финляндскаго активнаго сопротивленія"; такимъ образомъ этотъ американскій эмигрантъ оказывается единственнымъ названнымъ по имени представителемъ партіи.

Уличные безпорядки въ Гельсингфорсѣ 11 и 12 января были только звеномъ въ цѣпи преступленій, организованныхъ „финляндскою партіей сопротивленія", какъ раньше, подъ ея старымъ названіемъ пассивнаго сопротивленія, такъ и нынѣ, подъ вновь принятымъ именемъ. Согласно программѣ парижской сходки, финляндская партія активнаго сопротивленія работаетъ соотвѣтствующими пріемами въ Финляндіи, съ цѣлью содѣйствія той борьбѣ противъ существующаго государственнаго строя и правительства Россіи, которая ведется революціонерами путемъ насильственныхъ дѣйствій, устройства безпорядковъ и возмущенія низшихъ слоевъ населенія и незрѣлой молодежи".

= Въ особомъ присутствіи одесской судебной палаты съ сословными представителями разсмотрѣно при закрытыхъ дверяхъ политическое дѣло по обвиненію Роттенштейна и Порта по 1-му п. 129 ст. нов. уст. объ ул. Приговоръ былъ объявленъ при открытыхъ дверяхъ. Палата приговорила обоихъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, съ зачетомъ времени предварительнаго заключенія. Въ виду длившагося 14-ти мѣсяцевъ предварительнаго заключенія оба освобождены. (Од. Нов.).

= 16 февраля въ Ковнѣ открылась сессія виленской судебной палаты для разсмотрѣнія дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

Были разсмотрѣны два дѣла: о мѣщ. Иванѣ Орьевѣ и кр. Василіи Шапошниковѣ, обвин. по 1 и 126 ст. угол. улож. Резолюціи были объявлены при открытыхъ дверяхъ. Подсуд. Орьевъ и Шапошниковъ присуждены къ заключенію въ крѣпости, на одинъ годъ каждый. Подсуд. Хана Карпесъ—оправдана.

= 17 февраля состоялось второе засѣданіе сессіи виленской судебной палаты по разсмотрѣнію дѣлъ по политическимъ преступленіямъ. Были разсмотрѣны три дѣла, а одно отложено. Первымъ разсмотрѣно было дѣло о крестьян. Казимірѣ Томулисъ, 20 л., и Іосифѣ Вейландѣ, 23 лѣтъ отъ роду, по обвиненію ихъ по стат. 129 угол. уложенія. Оба подсудимые присуждены къ заключенію въ крѣпости срокомъ первый на 6 мѣсяцевъ, а второй—Вейландъ на 4 мѣсяца.

Затѣмъ разсматривалось дѣло о дворян. Іосифѣ (24 лѣтъ) и Галинѣ (18 лѣтъ) Мержинскихъ, по обвиненію ихъ по 129 ст. угол. ул. и по 132 ст. уг. улож. Судъ постановилъ: обвиняемую Галину Межинскую по суду считать оправданной, а Іосифа Мержинскаго заключить въ крѣпость срокомъ на 8 мѣсяцевъ. Послѣднимъ разбиралось дѣло мѣщ. Петра Дейновича, 24 лѣтъ отъ роду, по обвиненію его по 134 ст. угол. улож. Судъ оправдалъ подсудимаго.

= Карѣевъ, Кедринъ, Шнитниковъ, пять сотрудниковъ „Нашей Жизни" и два сотрудника „Нашихъ Дней", находящіеся на свободѣ, будутъ преданы суду за участіе въ

тайномъ обществѣ и публикаціи запрещенной литературы. („Кіев. Газ.“).

— Намъ не разъ приходилось въ судебной хроникѣ отмѣчать дѣла, гдѣ обвиняемые, собственно говоря, должны бы обмѣняться ролями съ обвинителями. Къ числу такихъ дѣлъ обыкновенно принадлежатъ возбуждаемые полиціей обвиненія противъ обывателей за нарушеніе ея требованій и тѣмъ паче за нанесенныя представителямъ полиціи оскорбленія. Не угодно ли, напримѣръ, посмотрѣть, какъ понимаетъ служебныя обязанности полтавскій приставъ Морозовъ?

„Морозовъ, чтобы отличиться въ глазахъ своего начальства, ревностно „слѣдилъ“ за проживавшими въ его участкѣ „поднадзорными“, до того ревностно, что иной разъ ночей не досыпалъ, не доѣдалъ.. Въ числѣ „поднадзорныхъ“ въ этомъ смыслѣ оказались молодые люди Годинъ и Рабиновичъ, занимавшіе общую комнату въ одномъ частномъ домѣ. Морозовъ частенько навѣдывался къ нимъ, норовя всегда явиться въ отсутствіе квартирантовъ; онъ входилъ въ ихъ комнату, разсматривалъ книжки и чуть ли не заглядывалъ подъ кровать, причемъ вступалъ въ разговоры съ квартирохозяйкой, разузнавалъ у нея, какъ живутъ Годинъ и Рабиновичъ, что дѣлаютъ, когда являются и пр. Однажды, когда Морозову надоѣла, вѣроятно, эта безцѣльная трата времени, онъ посовѣтовалъ хозяйкѣ удалить ихъ совершенно съ квартиры. То же самое предложилъ онъ и домовладѣльцу Подражанскому. Обо всемъ этомъ, естественно, Годинъ и Рабиновичъ узнали, и при первомъ же свиданіи въ части съ приставомъ Годинъ не преминулъ ему указать на безтактность и беззаконность его дѣйствій. Вышелъ крупный разговоръ. Морозовъ, топая ногами, кричалъ, что онъ для Година „не Морозовъ, а господинъ приставъ“. Годинъ подалъ жалобу губернатору, а Морозовъ, въ свою очередь, привлекъ Година къ судебной отвѣтственности, указывая въ своемъ прошеніи на то, что Годинъ назвалъ его „шпіономъ“ и пр. Губернаторъ, послѣ разслѣдованія оффиціально объявилъ приставу строгій выговоръ, признавъ его дѣйствія по отношенія къ Година „неумѣстными и безтактными“.

Черезъ нѣсколько дней, впрочемъ, послѣ выговора Морозовъ получилъ повышеніе по должности.

На судѣ оскорбленный поддерживалъ въ полной мѣрѣ обвиненіе: ему помогали, вызванные въ качествѣ свидѣтелей городовые, изъ которыхъ одинъ не только слышалъ слова „шпіонъ“, но даже „бачивъ“, что Годинъ обращался къ „ихъ высокородію“ на „ты“, чего не заявлялъ даже самъ Морозовъ.

Обвиняемый сказалъ, что, кромѣ указанія на произволъ и беззаконіе дѣйствій пристава, онъ никакихъ оскорбленій ему не нанесъ. Это подтвердилъ и Рабиновичъ, присутствовавшій при объясненіи своего товарища съ приставомъ.

Судъ приговорилъ Година къ 10-рублевому штрафу, съ замѣною 3-мя днями ареста.

Дѣло по слов. „Од. Нов.“ переносится въ судебную палату.

— Въ Керчи полиц. чинъ налагаетъ на уста обывателя печать молчанія; за отказъ же повиноваться „законному“ распоряженію, привлекаетъ къ суду.

— Въ „Ниж. Лист.“ читаемъ слѣдующій судебный рефератъ.

Потомственный дворянинъ Влад. Мих. Мееръ и кр. Матв. Ив. Шишкинъ были привлечены къ отвѣтственности по 38 и 31 ст. (за нарушеніе общественной тишины и спокойствія и за оскорбленіе должностнаго лица при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей).

— Они позволили себѣ пѣть пѣсни на Алексѣевской ул.,—говорится въ полицейскомъ протоколѣ. На просьбу околоточнаго надзирателя прекратить пѣніе—обвиняемые подняли крикъ. „Всѣ околоточные взяточники,—кричалъ Мееръ,—негодяи, крючкотворы, всѣхъ ихъ можно купить за рубль и даже за полтинникъ, отъ городовыхъ же можно откупиться и за двугривенный. Вчера я далъ у гостинницы Дугарева 28 коп. на водку полицейскому. Полиція только бить да ругаться умѣетъ“. Въ виду такого поведенія обвиняемые были отправлены въ часть, гдѣ тоже вели себя не пристойно.

На судѣ г. Мееръ показалъ слѣдующее:

— Мы шли съ Шишкинымъ изъ театра и разговаривали. Вдругъ встрѣчается г. Абс

съ какими-то двумя женщинами. „Прочь съ дороги!"—грубо крикнулъ онъ намъ. Я не утерпѣлъ и бросилъ ему въ лицо: „Сразу виденъ полицейскій крючекъ!" Больше я даже ничего и не говорилъ. И ни одинъ изъ насъ не шумѣлъ"..

Свидѣтель, бывшій городовой Чичиловъ: Они шли просто и говорили, не кричали. Абсъ приказалъ имъ замолчать.

Абсъ.—Мейръ и Шишкинъ шли и громко разговаривали, Я приказалъ имъ замолчать.

Судья.—Молчать развѣ можно приказать?

Абсъ. (Замявшись).—Я, собственно, попросилъ ихъ говорить потише. Мееръ же сталъ говорить, что я иду съ публичными женщинами. Началъ кричать, что городовые берутъ взятки. Я пригласилъ его въ часть. Онъ сталъ кричать: караулъ, полиція бьетъ!..

Судья произвелъ очную ставку околоточнаго надзирателя и городового. Полицейскій категорически заявилъ:

— Три присяги хоть дамъ, что они не виноваты.

Судья постановилъ, въ виду аналогичнаго же показанія и еще одного свидѣтеля, считать по суду обвиняемыхъ оправданными. Въ виду же незаконныхъ дѣйствій околоточнаго надзирателя Абса, задержавшаго безъ всякихъ основаній г. Шишкина, рѣшилъ копію судебнаго протокола направить къ г. прокурору.

═ Какъ помнятъ читатели, приговоромъ отъ 22 ноября 1904 года кн. Мещерскій за клевету на Стаховича былъ приговоренъ къ военной гауптвахтѣ на 2 недѣли.

Кн. Мещерскій не остался доволенъ своимъ новымъ титуломъ и перенесъ дѣло въ высшую инстанцію—въ Спб. судебную палату, во 2-мъ отд. которой оно и слушалось 24 февр.

Въ судъ на этотъ разъ явился самъ кн. Мещерскій съ защитникомъ прис. пов. Булацелемъ. Князь, по словамъ газетъ, былъ сильно взволнованъ.

Передъ началомъ засѣданія у входа въ залъ произошелъ небольшой инцидентъ, нѣсколько взволновавшій публику. Какая-то пожилая дама, хорошо одѣтая, проникла въ залъ, не предъявивъ билета. Когда судебный приставъ предложилъ ей удалиться, она наотрѣзъ отказалась это сдѣлать, заявивъ, что засѣданіе суда публично, и всякій въ правѣ на нихъ присутствовать. Раздача же билетовъ—административный произволъ, не имѣющій оправданія въ законѣ. Всякія увѣщанія были напрасны. На сцену появился жандармъ и нѣсколько городовыхъ. Въ рукахъ у дамы оказался револьверъ. Послышались истерическіе крики, нѣсколько человѣкъ изъ публики вмѣшались, и кое-какъ, съ ихъ помощью, удалось уговорить даму удалиться, не прибѣгая къ насилію".

Сущность апелляціоннаго отзыва, по словамъ „Слово", сводится къ слѣдующему:

Обвиняя кн. Мещерскаго въ клеветѣ, повѣренные Стаховича—присяжные повѣренные Маклаковъ и Плевако—не забыли оговорить, что законъ не возлагаетъ на нихъ непосильную задачу проникать въ душу кн. Мещерскаго и доказывать, что ему доподлинно было извѣстно, что Стаховичъ чистъ и неповиненъ въ появленіи его статьи въ зарубежномъ, враждебномъ русскому государству изданіи, а съ другой стороны, вся защита Стаховича и все обвиненіе князя Мещерскаго было сведено, именно, къ копанію въ душѣ кн. Мещерскаго.

Въ результатѣ въ первой инстанціи получился обвинительный приговоръ, потому, что судьи дали себя увлечь на ту же почву, на которой стояли оба защитника Стаховича. Ради чего сталъ бы Стаховичъ скрывать, если бы онъ самъ это написалъ въ „Освобожденіи"? Изъ-за страха, изъ боязни потерять свое положеніе. Это было бы недостойно. Значитъ, Стаховичъ на это не способенъ. Но когда ту же мѣрку нужно примѣнить къ князю Мещерскому, то она совсѣмъ измѣняется. „Изъ-за чего князь Мещерскій, получивъ письмо князя Волконскаго и потому доподлинно зная, что статья Стаховича въ „Освобожденіи" помѣщена не Стаховичемъ, а Волконскимъ, могъ бы скрывать это обстоятельство отъ читателей „Гражданина"? Изъ личной ненависти къ Стаховичу и тому лагерю, къ которому принадлежитъ Стаховичъ? Но, вѣдь, это было бы недостойно. Значитъ, князь Мещерскій на это способенъ."• Вотъ безпристрастіе людей, требующихъ полнаго довѣрія только къ себѣ".

„Самая страшная отвѣтственность въ мірѣ—отвѣтственность передъ самимъ собой и передъ исторіей".

„Къ этой мысли, высказанной присяжнымъ повѣреннымъ Маклаковымъ, охотно присоединятся всѣ порядочные люди, но они пожелаютъ, конечно въ интересахъ справедливости, чтобы защитники Стаховича расширили бы свою узкую формулу и признали бы, что отвѣтственность передъ своимъ личнымъ достоинствомъ важнѣе не только отвѣтственности передъ исторіею и передъ полицейской властью, но и отвѣтственности передъ толпой либеральныхъ кликушекъ.

„Окружный судъ довѣряетъ Стаховичу, уклонившемуся отъ дачи „честнаго слова дворянина", что онъ не только самъ не посылалъ своей статьи заграницу, но и что статья эта помѣщена въ „Освобожденіи" не только безъ его вѣдома, но и противъ его воли. И тотъ же судъ не довѣряетъ добросовѣстности князя Мещерскаго, когда князь Мещерскій утверждаетъ, что не допускалъ ни на одну минуту мысли, чтобы статья Стаховича появилась въ „Освобожденіи" безъ вѣдома автора.

„Окружный судъ усмотрѣлъ клевету въ печати, что Мещерскій огласилъ въ печати, что камергеръ и губернскій предводитель дворянства Стаховичъ находитъ возможнымъ помѣстить свою статью въ запрещенномъ заграничномъ журналѣ.

„Но вѣдь свидѣтель Гессенъ удостовѣрилъ что Стаховичъ заявлялъ ему, что онъ помѣститъ эту статью за границею. Интересно знать, гдѣ же именно за границею, если не въ „Освобожденіи". намѣренъ былъ помѣстить Стаховичъ свою статью?

„Насколько окружный судъ, присуждая Мещерскаго, не былъ увѣренъ въ наличности состава клеветы, видно изъ того мѣста приговора, гдѣ судъ говоритъ: „Судъ находитъ справедливымъ по обстоятельствамъ дѣла избрать менѣе тяжкое наказаніе въ виду того, что въ ложномъ установленіи тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ князь Мещерскій сдѣлалъ столь не вѣрные и оскорбительные выводы, было все-таки болѣе опрометчивости и затемняющаго правильное мышленіе враждебнаго настроенія, чѣмъ завѣдомой лжи". Окружный судъ говоритъ объ опрометчивости Мещерскаго и о затѣмнѣніи у него правильнаго мышленія, т.-е., иными словами, признаетъ отсутствіе у него сознательнаго намѣренія оклеветать Стаховича.

„При такихъ условіяхъ судъ долженъ былъ признать, что въ дѣяніи князя Мещерскаго нѣтъ состава клеветы. Каждый воленъ принимать и толковать факты по своему, но не имѣетъ права лишь измышлять фактовъ, позорныхъ для чести другихъ лицъ. Князь Мещерскій не измыслилъ ни одного факта, и всѣ его выводы подтверждены судебнымъ слѣдствіемъ".

На этихъ основаніяхъ защитникъ просилъ объ отмѣнѣ приговора и объ оправданіи князя на осн. 1 п. 771 ст. уст. уг. судопр.

На судебномъ слѣдствіи допрашивался только редакторъ „Права" Гессенъ, повторившій почти безъ всякихъ измѣненій свое первоначальное показаніе.

Рѣчь затѣмъ принадлежала пр. пов. Маклакову, который сказалъ приблизительно слѣд.

— „Главная цѣль достигнута нами уже въ первой инстанціи. Стаховичу нужно было не Мещерскаго обвинить, ему нужна была защита своей личности противъ клеветы, опорочившей его доброе имя. Меня даже удивляетъ, что въ апелляціонной жалобѣ защиты дѣлается еще попытка настоять на томъ, что кн. Мещерскій былъ правъ въ своемъ обвиненіи. Можно-ли говорить объ этомъ, когда противъ простой догадки кн. Мещерскаго стоитъ цѣлый рядъ свидѣтелей, доказывающихъ, что это неправда? Неужели мы должны не вѣрить имъ, а вѣрить предположеніямъ кн. Мещерскаго? Единственный еще вопросъ, который остается разрѣшить въ этомъ судѣ—это вопросъ о добросовѣстности заблужденія кн. Мещерскаго. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, слѣдуетъ установить, что такое добросовѣстность, такъ какъ, повидимому, взглядъ кн. Мещерскаго на добросовѣстность не согласенъ со взглядами на этотъ вопросъ сенатскихъ рѣшеній. Кн. Мещерскій желалъ получить отъ г. Стаховича слово, что тотъ не посылалъ своей статьи въ „Освобожденіе". Между тѣмъ, по суду требуется, чтобы не оклеветанный представлялъ доказательства своей невинности, а чтобы обвиняемый въ клеветѣ доказывалъ правоту своихъ обвиненій. Нигдѣ не слыхана вещь, чтобы оклеветанный приходилъ къ лицу, его оклеветавшему, съ повинной и клялся своей невиновностью.

Представитель обвиненія, далѣе, по пун-

втамъ разбиваетъ всѣ отговорки, выставленныя княземъ въ его докладной запискѣ, и доказываетъ, что наличность свидѣтельствуетъ о неискренности утвержденій князя.

Прис. пов. Плевако потвердилъ доводы своего сотоварища.

Послѣ краткаго отвѣта защитника, послѣднее слово предоставлено было кн. Мещерскому. Князь широко воспользовался своимъ правомъ, произнеся довольно пространную защитительную рѣчь. Онъ подчеркивалъ главнымъ образомъ добросовѣстность своего убѣжденія въ томъ, что статья была послана въ журналъ самимъ Стаховичемъ.

Палата, послѣ долгаго совѣщанія, постановила: приговоръ окружнаго суда отмѣнить, за недоказанностью обвиненія, и считать кн. Мещерскаго по суду оправданнымъ.

= 9 февраля въ главномъ военномъ судѣ слушалось въ кассаціонномъ порядкѣ нашумѣвшее на всю Россію дѣло по обвиненію ген. м. Ковалева въ истязаніи врача средне—азіатск. ж. д. Забусова. Какъ извѣстно, приговоромъ тифлисскаго военнаго суда генералъ Ковалевъ былъ признанъ виновнымъ въ превышеніи власти, не представлявшемъ особенно важнаго случая, истязаніе же отвергнуто, и Ковалевъ приговоренъ къ исключенію со службы.

На этотъ приговоръ повѣренный д-ра Забусова, прис. пов. А. А. Хонинъ, принесъ въ главный военный судъ кассаціонную жалобу, въ которой, указывая на цѣлый рядъ допущенныхъ судомъ неправильностей, ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора и пересмотръ дѣла.

Главный военный прокуроръ Быковъ даетъ заключеніе объ отмѣнѣ приговора за нарушеніемъ 797 и 802 ст. в. с. у.

Послѣ рѣчей прис. пов. Корабчевскаго, взявшаго на себя защиту интересовъ д—ра Забусова, и пр. пов. Нестора, представителя обвиняемаго Забусова, судъ вынесъ слѣд. резолюцію: приговоръ, за существеннымъ нарушеніемъ 798 и 802 ст. ст. воен. суд. уст. отмѣнить, а дѣло о генералѣ Ковалевѣ разсмотрѣть въ новомъ составѣ, съ момента подготовительныхъ къ суду распоряженій.

Общество съ интересомъ ожидаетъ этого новаго суда надъ ген. Ковалевымъ.

= Шесть нижнихъ чиновъ ленкоранско-нашебургскаго полка, слѣдуя со своею частью на Дальній Востокъ, проѣздомъ черезъ Новониколаевскъ вошли 16 декабря, въ одиннадцать часовъ дня, въ мелочную лавку крестьянина Анцукевича и потребовали товаръ безплатно. Получивъ отказъ, они закричали „жизнь намъ не дорога; все равно возьмемъ! Бей его!“ При этомъ, рядовой Павелъ Васильѣвъ, схвативъ находившійся въ лавкѣ топоръ, ударилъ хозяина лавки по головѣ и замахнулся топоромъ на жену его, но та отшатнулась, избѣгнувъ удара. Захвативъ разнаго товара, солдаты выбѣжали на улицу, но спустя нѣкоторое время вернулись, разбили окна въ домѣ Анцукевича, разрубили наружную дверь запертой лавки, въ которой еще взяли товаръ, и убѣжали, но были задержаны патрулемъ и преданы временному военному суду въ Новониколаевскѣ. На судѣ выяснилось, что угрожающую фразу „бей“ и прочее произнесъ подсудимый Никанюръ Васильевъ; топоромъ Анцукевича ударилъ Павелъ.

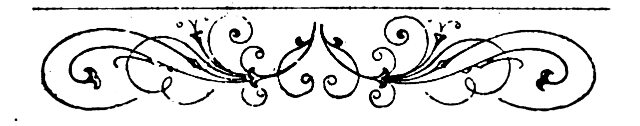
Всѣ обвиняемые приговорены судомъ къ лишенію всѣхъ правъ и смертной казни черезъ повѣшеніе. Командующій войсками сибирскаго округа утвердилъ приговоръ въ полномъ объемѣ по отношенію обоихъ Васильевыхъ; остальнымъ казнь замѣнена двадцатилѣтней каторгой. Восьмого февраля приговоръ въ Новониколаевскѣ приведенъ въ исполненіе. (Р. А.).

= Личность убійцы Великаго Князя продолжаетъ сильно интересовать взволнованное московское общество, но „витебскій мѣщанинъ“ хранитъ упорное молчаніе и категорически отказывается сообщить о себѣ какія-бы ни было данныя. Удалось узнать только, что онъ, какъ и въ моментъ задержанія, держитъ себя очень непринужденно, иногда даже вызывающе. Во время подачи ему первоначальной медицинской помощи и перевязки преступникъ просилъ обращаться съ нимъ возможно деликатнѣе и даже напомнилъ о человѣческомъ и гуманномъ отношеніи къ его личности. Сильно протестовалъ противъ переодѣванія въ арестантскій халатъ и долго не соглашался снять фуфайку—изъ боязни простудиться. Бѣлье на немъ тонкое, совсѣмъ новое и повидимому, дорогое, такъ какъ снабжено клеймомъ извѣстной московской фирмы „Жакъ“. Содержится подъ усиленнымъ конвоемъ (Р. С.).

= Въ заключеніе приводимъ со словъ

„Новостей“ слѣдующее интересное принципіальное дѣло; слушается оно въ Правит. Сен. по кассаціонной жалобѣ. Мѣщанинъ Василій Николаевъ предъявилъ у мирового судьи къ ред.-изд. новаго журнала „Иностранной литературы“ Ѳ. И. Булгакову искъ, причемъ въ исковомъ прошеніи изложилъ, что въ декабрѣ 1901 г. онъ подписался на „Новый журналъ иностранной литературы“, уплативъ годовую цѣну впередъ; журналъ чрезъ публикаціи обѣщалъ подписчикомъ втеченіи года безплатное ежемѣсячное приложеніе „Тысяча и одна ночь“, между тѣмъ, получивъ послѣднюю декабрьскую книжку, онъ получилъ только 375 ночей; поэтому, находя такой образъ дѣствій редакціи съ подписчиками неправильнымъ, Николаевъ просилъ мирового судью обязать редакцію названнаго журнала выдать ему полный и точный русскій переводъ „Тысяча и одной ночи“, какъ было заявлено въ объявленіяхъ г. Булгакова. Спрошенный на судѣ въ качествѣ эксперта литераторъ Тихановъ объяснилъ, что сочиненія „Тысяча и одна ночь“ представляетъ изъ себя эпосъ, и потому полнаго собранія этого эпоса дать невозможно, а слѣдуетъ понимать объявленіе, на которое ссылается истецъ, въ томъ смыслѣ, что переводъ этого эпоса полный и точный, т. е. безъ искаженія и безъ выпусковъ, но текстъ объявленія для человѣка, незнакомаго съ сочиненіемъ „Тысяча и одна ночь“ въ историко-литературномъ отношеніи, могъ вызвать другое пониманіе этого объявленія, въ смыслѣ полученія всѣхъ разсказовъ, вошедшихъ въ самое полное изданіе. Мировой судья въ искѣ Николаеву отказалъ, но мировой съѣздъ, разсматривавшій дѣло по апелляціи истца, присудилъ искъ и обязалъ редакцію „новаго журнала иностранной литературы“ въ лицѣ редактора Булгакова выдать истцу полный и точный русскій переводъ „Тысяча и одной ночи“

Правительствующій сенатъ оставилъ жалобу прис. пов. Алексѣева безъ послѣдствій.

Современная жизнь за границей.

Забудетъ-ли человѣчество Февраль 1905 года?—Торжество права.—Безуміе Краснаго призрака и ясный разумъ.—Человѣческая солидарность и экономич. интересы. — Сочувствіе Европы.— Швейцарская конференція объ охранѣ труда. Во имя солидарности.—Тѣни сегодняшняго дня.— Волчья философія.—Морскіе маневры въ Англіи.—II. Историческое содержаніе текущей жизни.— Болѣзнь и источникъ живыхъ силъ.—„Мы побѣдили".—Горные законы. — Кому принадлежатъ копи?—Горнопромышленники и обществ. мнѣніе.—Отказъ бельгійскихъ рабочихъ отъ прославленія отечества.—Ростъ рабочихъ организацій и „поворотъ влѣво" умѣренныхъ либераловъ.— „Манифестъ" либерала Эйманса.—Просвѣщеніе либераловъ.—Рабочее право—острый клинъ.— Крайніе выводы умѣренно-либеральной ассоціаціи.—Зрѣлый плодъ и „злонамѣренность".— Страна капитализма.—Буржуазная мораль.—Разряженная классовая энергія.—Ростъ рабочей партіи въ Америкѣ.—Классовое самосознание и будущая „платформа".—L'appetit vient en mangeant.—Народная психика.—Подъ диктовку жизни.—„Трэдъ Юньоны" въ хвостѣ виговъ".— Рабочій комитетъ и соціалъ демократы.—Одинъ шагъ впередъ Англо-Сакса:

Садясь писать о современной жизни заграницей, — вдумываясь и разбираясь въ ней съ этой цѣлью, невольно хочется остановиться на чемъ-нибудь прочномъ, уловить постоянство въ мелькающихъ тѣняхъ кинематографа. Но новыя и новыя тѣни набѣгаютъ на полотно, мгновеніе продерживаются на немъ и исчезаютъ,—и хотя изъ суммы тѣней вырисовывается общая картина, мысль все-же съ трудомъ фиксируется и затрудняется уловить что-нибудь среди этихъ тѣней, чему-бы она могла придавать особенную цѣнность, на чемъ могла и должна была бы остановиться.

Всматриваясь съ этой точки зрѣнія въ безконечное множество тѣней, мы невольно останавливаемся на слѣдующей мысли: всѣ онѣ идутъ, задержатся мгновеніе и исчезаютъ, но вѣдь есть между ними, или по крайней мѣрѣ должны быть—такія, которыя ясно и отчетливо даютъ контуры *будущаго*,—какъ должны быть и призраки *прошлаго*, несущіе смерть и разложеніе... Событія сегодняшняго дня выступаютъ такъ рѣзко и отчетливо, что все вниманіе сосредоточивается на нихъ, и намъ рѣдко удается увидѣть будущее изъ-за этой уличной суеты,—большею частью назойливо грубой, крикливо вульгарной.

Поставивъ такъ вопросъ, мы приходимъ къ страннымъ на первый взглядъ выводамъ. Намъ кажется, что въ отдаленномъ будущемъ человѣчество забудетъ не только визиты Фердинанда Кобургскаго, которые онъ дѣлалъ въ этомъ мѣсяцѣ, не только совѣщанія различныхъ первыхъ министровъ, но даже и потрясающія картины человѣческаго безумія, происходящія на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ погибло въ сраженіяхъ болѣе ста тысячъ человѣкъ. Даже и это человѣчество забудетъ, такъ какъ привыкнетъ къ своему собственному безумію и перестанетъ удивляться ему.

Но мы допускаемъ, что Февраль 1905 года, быть можетъ, останется въ памяти человѣчества, благодаря международной Гулльской комиссіи, собравшейся въ Парижѣ для улаженія инцидента между Россіей и Англіей, который грозилъ войной. Эта комиссія создалась на основаніи 9-й статьи Гаагской конвенціи, постановившей созывать международную комиссію для разрѣшенія международныхъ недоразумѣній, когда все дѣло заключается въ разности взглядовъ обѣихъ сторонъ при оцѣнкѣ извѣстнаго событія, которое не задѣваетъ чести и существенныхъ интересовъ сторонъ. Въ данномъ же случаѣ было и то, и другое,—и нельзя не обратить вниманія на огромные успѣхи, сдѣланные идеей мира,—идеей третейскаго разбирательства,—за шесть лѣтъ, протекшихъ

отъ Гаагской конференціи. Вопросъ, подвергнутый оцѣнкѣ коммиссіи, касался именно національной чести, притомъ въ такое время, когда возбужденіе умовъ оставляло лишь слабую надежду на мирный исходъ. Заключеніе пяти адмираловъ является результатомъ ихъ общихъ работъ и уступокъ, имѣвшихъ цѣлью уберечь человѣчество отъ ужасовъ войны. Существованіе этого заключенія и его принятіе обѣими сторонами является блестящимъ подтвержденіемъ идеи права. И мы имѣемъ основаніе думать, что этого человѣчество не забудетъ: что въ то время, когда красный призракъ безумія пожиралъ сотни тысячъ людей на Дальнемъ Востокѣ, человѣчество сдѣлало еще одинъ маленькій шагъ впередъ по пути побѣды духа человѣчности и яснаго разума. Точно также посмотрѣла, повидимому, на этотъ мало-значительный какъ-будто фактъ и парламентская группа сторонниковъ идеи международнаго третейскаго суда и приняла единогласно резолюцію, въ которой указывается, какъ на серьезный успѣхъ, на первое примѣненіе международной комиссіи третейскаго суда.

Присматриваясь къ этому маленькому факту, въ очертаніяхъ котораго мы различаемъ контуры будущаго,—мы начинаемъ яснѣе различать общія, родственныя явленія и тамъ, гдѣ раньше мы проходили мимо, не оцѣнивъ ихъ по достоинству. Яснѣе и несомнѣннѣе становится для насъ общечеловѣческая солидарность, диктуемая не гуманными идеями только и мечтаніями утопистовъ, а холодными фактами жизни, экономической заинтересованностью одной страны въ жизни другой.

По газетнымъ свѣдѣніямъ, напр., берлинскій дѣловой міръ несетъ большія потери вслѣдствіе безпорядковъ, происходящихъ въ Россіи. Уже въ теченіе трехъ недѣль берлинскіе заводы и фабрики не получаютъ почти никакихъ заказовъ. Если мы къ этому прибавимъ всѣмъ извѣстные факты о сочувствіи, выражаемомъ различными слоями населенія во всѣхъ странахъ Европы по поводу событій въ Россіи, то передъ нами выяснится яркая картина грядущей солидарности народовъ. Все больше выясняется въ сознаніи народовъ, что ихъ интересы тѣсно сплетены между собою и что мало-мальски замѣтныя реформы въ соціальномъ строѣ одной націи неизбѣжно влекутъ за собою реформы и у другихъ.

Швейцарскій союзный совѣтъ, исходя изъ этого положенія, пришелъ къ выводу о необходимости созыва конференціи для международнаго урегулированія вопросовъ по охранѣ труда. Союзный совѣтъ обратился съ этой цѣлью къ дипломатическимъ представителямъ почти всѣхъ странъ Европы, за исключеніемъ однихъ неконституціонныхъ государствъ. На обсужденіе имѣютъ быть поставлены слѣдующіе вопросы: 1) воспрещеніе употреблять бѣлый фосфоръ въ спичечномъ производствѣ; 2) воспрещеніе ночного труда женщинъ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Средній трудовой отдыхъ долженъ составлять 12 часовъ отъ вечера до утра. Конференція назначена на 8-е мая (н. ст.) въ Берлинѣ. Прибавимъ къ этому еще нѣсколько фактовъ, пришедшихъ намъ на память. Воззваніе европейскихъ литераторовъ по поводу Максима Горькаго, образованіе въ Парижѣ общества „Les amis du peuple Russe", гдѣ принимаютъ участіе виднѣйшіе писатели, ученые, художники и многіе государственные люди Франціи—все это явленія одного порядка, все это небольшія черточки одной грандіозной картины грядущей общечеловѣческой солидарности. Вѣдь только во имя ея это общество ставитъ своей цѣлью освѣдомленіе общественнаго мнѣнія Франціи обо всемъ, что дѣлается въ Россіи. Во имя общечеловѣческой солидарности созываются народные митинги во всѣхъ странахъ Европы для выраженія сочувствія освободительному движенію въ Россіи,—во имя той же солидарности пятое ежегодное собраніе такъ называемаго „Labour Representation Comitee". (Комитетъ представителей рабочихъ) открывается выраженіемъ сочувствія русскимъ и вестфальскимъ рабочимъ въ ихъ борьбѣ.

Таковы контуры будущаго, но вотъ мелькающія тѣни сегодняшняго дня, касающіяся международныхъ отношеній. Бальфуръ, напримѣръ, отвѣчая въ палатѣ общинъ на предложенный ему вопросъ, сказалъ, что, по мнѣнію государственной комиссіи народной обороны, вторженіе въ Великобританію для завоевательныхъ цѣлей невозможно. „Вопросъ о набѣгахъ, — продолжалъ онъ, — имѣетъ меньше значенія, но болѣе сложенъ. Однако, я думаю, что онъ не дастъ правительству повода къ серьезному безпокойству"—Фраза,

достойная авгура или пиѳіи. Но это не значить, что Премьеръ имѣетъ точныя свѣдѣнія о грозящемъ Великобританіи нашествіи иноплеменныхъ,—это не значитъ даже, что небосклонъ европейской политики покрылся новыми тучами,—это только... гипнозъ, одинъ изъ пріемовъ запугиванія, практикуемыхъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ, когда нужно оказать давленіе на парламентъ, чтобы онъ щедрѣе вотировалъ военный бюджетъ. Показываетъ-же это только особенно сердечныя и искреннія отношенія, существующія между народами.

Этихъ тѣней настоящаго,—злобной клеветы, самой страшной подозрительности и всяческаго науськиванія, — достаточно на каждомъ шагу;—онѣ не прячутся на заднемъ планѣ, какъ едва замѣтные контуры будущаго. Франція хочетъ соорудить новые порты въ Индо-Китаѣ. Японскія газеты поднимаютъ шумъ и увѣряютъ, что Франція имѣетъ агрессивные замыслы по отношенію къ Южному Китаю и Формозы, а оборона своихъ колоній выдвигается будто-бы только для отвода глазъ. Французскія газеты на это отвѣчаютъ упреками Японіи и указаніемъ на ея честолюбивые замыслы.

Характерно, что даже истинно-культурная Англія глубоко увѣрена, что звѣрскія истины, бывшія истинами въ варварскій періодъ жизни человѣчества, остаются въ своей силѣ и понынѣ. Къ этимъ истинамъ относится волчья философія римлянъ: „человѣкъ человѣку волкъ“, „если хочешь мира, готовься къ войнѣ“ и пр. Посмотрите, напр., замѣтку, которую обнародовало англійское адмиралтейство по поводу проэктируемыхъ морскихъ маневровъ 1905 года. Эти маневры будутъ организованы въ такомъ видѣ, какъ будто отношенія Англіи къ одной или нѣсколькимъ державамъ сдѣлались настолько натянутыми, что война можетъ разразиться каждую минуту. Маневры не ограничатся береговыми эскадрами, а распространятся на всѣ заграничныя станціи и будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока адмиралтейство не отдастъ приказа по телеграфу прекратить ихъ...

Таковы тѣни настоящаго; а какія онѣ вызываютъ бюджеты военнаго и морского министерствъ во всѣхъ странахъ, — какимъ безпросвѣтнымъ мракомъ эти тѣни ложатся на народныя массы—это извѣстно каждому.

Но если будущее человѣчество, быть можетъ, отмѣтитъ февраль текущаго года за то, что втеченіе его былъ впервые примѣненъ принципъ международнаго третейскаго суда и, главное въ инцидентѣ, затрагивавшемъ національную честь,—то въ цѣломъ человѣчество будущаго такъ или иначе добромъ помянетъ нашу эпоху *за то*, что мы на своихъ плечахъ выносимъ всю тяжесть соціальной борьбы.

Мы не разъ касались этого въ нашихъ обзорахъ, не разъ указывали, что все историческое содержаніе текущей жизни въ Европѣ сосредоточивается, какъ въ фокусѣ, въ рабочемъ вопросѣ. Это—болѣзнь, подтачивающая современные государственные организмы,—это-же содержаніе всего прекраснаго, героическаго, бурно-жизненнаго и творческаго, что бьетъ ключомъ въ современной жизни Европы. Самая скромная характеристика этого не можетъ улечься въ рамки обзора за одинъ мѣсяцъ, и мы посвятимъ когда-нибудь этому обзору отдѣльную статью, не останавливаясь строго на мѣсячной датѣ. Теперь-же мы скажемъ только нѣсколько словъ.

Въ Германіи закончилась стачка чернорабочихъ и закончилась полной побѣдой ихъ. Съ гордостью могли сказать ихъ вожди: „мы побѣдили“, такъ какъ непосредственнымъ результатомъ стачекъ должно считать то, что Прусское министерство производитъ реформу горныхъ законовъ. На разсмотрѣніе рейхстага внесенъ проэктъ дополнительнаго закона къ горному уставу, которымъ между прочимъ разрѣшаются требованія рабочихъ относительно бракованія тачекъ съ углемъ, внесеніе продолжительности времени, необходимаго для спуска въ шахты, въ счетъ общаго рабочаго времени, учрежденія въ горнозаводскихъ предпріятіяхъ постоянныхъ коммиссій изъ рабочихъ и обязательства не производить сверхурочныя работы. Этотъ проэктъ возмутилъ всѣ фабричные и промышленные круги, и они подняли страшный шумъ по этому поводу. Старая пѣсня и даже на старый ладъ. „Отечество въ опасности“, потрясеніе основъ—права собственности, красный призракъ коммуны и пр. и пр. Der langen Rede — Kurzer Sinn въ томъ, что интересы государства будто-бы идентичны съ интересами синдиката горнопромышленниковъ. А при началѣ стачки одинъ изъ нихъ гордо заявилъ: „Копи принадлежатъ мнѣ, и я могу

дѣлать съ ними, что хочу". Этотъ дикій взглядъ, по которому благосостояніе и сама жизнь сотенъ тысячъ рабочихъ и ихъ семей зависятъ отъ каприза одного предпринимателя, а правильное теченіе всей государственной жизни предоставлено усмотрѣнію алчныхъ промышленниковъ, не желающихъ поступиться лишнимъ барышемъ—этотъ взглядъ, говоримъ мы, потерпѣлъ чувствительное пораженіе, благодаря послѣдней стачкѣ.

Когда стачка разрослась до грандіозныхъ размѣровъ и охватила болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ, а вожди движенія старательно извѣщали общество обо всѣхъ перипетіяхъ борьбы, и всему обществу всё яснѣе становилось, что требованія рабочихъ скромны и логичны, что, вступая въ стачку, они защищаютъ своё право на минимумъ жизненныхъ требованій современнаго человѣка; что синдикатъ безчестно нарушалъ свои условія и эксплоатировалъ нужду рабочихъ; что рабочіе при всемъ этомъ, терпя страшныя лишенія и голодъ, все же ни разу не вышли изъ лойальныхъ формъ борьбы; что во всё продолженіе стачки, при самыхъ многолюдныхъ сходкахъ истощеннаго и голоднаго народа, нигдѣ рабочіе не были некорректны ни въ своихъ поступкахъ, ни даже въ рѣчахъ; что жены ихъ, терпящія, какъ обыкновенно бываетъ, больше всего отъ стачки, героически поддерживали мужей и, не смотря на голодъ и холодъ дѣтей, уговаривали ихъ не сдаваться и продолжать стачку,—когда все это достаточно выяснилось обществу, то горнопромышленникамъ пришлось имѣть дѣло съ *общественнымъ мнѣніемъ*. А въ современномъ культурномъ государствѣ это сила, которая можетъ поднять на самую вышину и глубоко зарыть въ пропасть любое дѣло и любую величину. Общественное мнѣніе потребовало справедливости въ отношеніи горнорабочихъ, и всевозможныя „Vossische Zeitung" и „Hamburber Nachrichten" печатаютъ статьи о томъ, что это дѣло государственнаго интереса, а не только собственниковъ копей, что государство должно придти на помощь рабочимъ и пр. Въ результатѣ—совѣщанія всѣхъ министровъ подъ предсѣдательствомъ Императора и законодательная новелла, приведенная нами выше, внесенная на разсмотрѣніе рейхстага. Всѣ требованія рабочихъ здѣсь признаны справедливыми и предлагаются, какъ билль, самимъ правительствомъ германскимъ, настроеннымъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не радикально. Мы думаемъ, что Вестфальская стачка и побѣда рабочихъ будетъ занесена въ исторію соціальной борьбы.

И такъ,—если-бы мы хотѣли указать только значительное и важное въ жизни хотя-бы Германіи, то мы должны-бы ограничиться тѣмъ, что сказали о соціальной борьбѣ вестфальскихъ рабочихъ, но—хотя важенъ и значителенъ только *завтрашній* день, но интересенъ, поучителенъ и захватываетъ *сегодняшній*, и мы поговоримъ потомъ о студенческихъ волненіяхъ, о торговыхъ договорахъ и пр. Теперь-же скажемъ еще нѣсколько словъ о „важномъ и значительномъ", какъ мы это назвали, въ другихъ странахъ.

Въ Бельгіи, напримѣръ, обсуждался вопросъ о вотированіи кредитовъ на патріотическія празднества въ честь 75 лѣтія національнаго освобожденія Бельгіи. По этому поводу были дебаты въ парламентѣ, и хотя либералы находили, что существуютъ многія несправедливости при теперешнемъ режимѣ, они все-же вотировали кредитъ. Зато рабочая партія наотрѣзъ отказалась отъ вотированія чрезвычайныхъ кредитовъ и вообще отъ прославленія отечества, которое, по словамъ Де-Брукера въ Брюссельской городской думѣ и Мансара въ палатѣ, отказываетъ въ справедливости тому классу, представительницей котораго эта партія выступаетъ и прославленіе котораго при настоящихъ условіяхъ было бы, по словамъ „Peuple", равносильно „восхваленію учрежденій, которыя достойны порицанія".

Кредиты были конечно вотированы; мы привели это только какъ 'любопытный показатель Standpunkt' а, на которомъ стоитъ рабочая партія. Съ этой-же точки зрѣнія интересно прослѣдить „поворотъ влѣво", который дѣлаютъ Либерально-буржуазныя партіи. Это доказываетъ съ несомнѣнной очевидностью ростъ и силу рабочей партіи. Политика—эта сама жизнь и—какъ таковая, она лишена сантиментальности. Съ увѣренностью можно сказать, что если въ политикѣ противникъ вспомнилъ о справедливости, то, значитъ, онъ слабѣе, или по крайней мѣрѣ, чувствуетъ силу противника.

Любопытенъ „манифестъ", обнародованный Эймансомъ отъ лица *умѣренно-ли-*

беральной лиги. Эта лига въ соціально-экономической и политической областяхъ представляла всегда узко-классовыя тенденціи,—тѣмъ знаменательнѣе рѣчи, которыя она ведетъ.

Онъ указываетъ на признаки возрожденія и объединенія бельгійскаго либерализма и не можетъ не остановиться на одномъ крупномъ явленіи. Я говорю о все болѣе рѣзко проявляющемся демократическомъ характерѣ ея заявленій, ея поведенія, ея программы. Это—явленіе неизбѣжное. Каждая эпоха характеризуется извѣстнымъ направленіемъ мысли и чувства, проникающимъ общественное сознаніе и требованіе котораго невозможно безнаказанно игнорировать. Направленіе же, проникающее современныя соціальныя концепціи, есть направленіе въ сторону солидарности. Оно со все большей силой заявляетъ себя въ экономическомъ законодательствѣ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. При этомъ еще наблюдается въ народныхъ слояхъ непреодолимое стремленіе къ равенству. Политика, которая станетъ отрицать или пренебрегать этими новыми факторами, осудитъ себя на безсиліе и изолированность... Это несомнѣнно такъ, разъ бельгійскіе умѣренные либералы признаютъ это. Ясность ихъ политической мысли должна быть цѣликомъ отнесена за счетъ усиливающейся организаціи рабочей партіи. Это любопытное явленіе проясненія политической мысли, паралельно съ образованіемъ сильной рабочей организаціи, мы замѣчаемъ во многихъ европейскихъ странахъ...

На рабочій вопросъ, на всю важность рабочихъ законовъ, которые должны будутъ поколебать устарѣвшій гражданскій кодексъ и войти—такъ сказать,—острымъ клиномъ въ современный соціальный строй,—указываетъ и *Поль Луи* въ своей статьѣ въ „Revue Bleux". Въ этой статьѣ журнала, далекаго вообще отъ радикализма и всяческихъ „разрушительныхъ" идей, мы находимъ интересные итоги, подтверждающіе нашу мысль о томъ, какъ все усиливающіяся рабочія организаціи реформируютъ правовую и законодательную мысль Европы,—медленно и неукоснительно ведя ее къ точкѣ зрѣнія будущаго общества.

Углубляясь въ историческое содержаніе современной жизни, онъ приходитъ къ выводу, что „рабочіе законы являются символомъ современной эпохи, знаменіемъ времени и выраженіемъ тѣхъ заботъ, которыя одолѣваютъ міръ". Онъ прослѣживаетъ развитіе идеи международной солидарности въ области рабочаго вопроса отъ перваго конгресса международнаго рабочаго права въ Берлинѣ въ 1890 году до основанія первой международной ассоціаціи въ Базелѣ для оказанія покровительства рабочимъ, въ 1901 году. Эта ассоціація сгруппировала всѣхъ сторонниковъ вмѣшательства, начиная съ католиковъ и монархистовъ до соціалистовъ-революціонеровъ. Здѣсь съ наглядностью выступаетъ все міровое значеніе рабочаго вопроса и то, что этотъ вопросъ призванъ—такъ или иначе—играть рѣшающую роль въ жизни человѣчества. Такая ассоціація, соединяющая столь различные элементы, по самой сути своей должна быть далека отъ крайнихъ теченій, и все-же она пришла къ выводу, что фабричная регламентація должна быть дѣломъ международнымъ, что „интересы всѣхъ государствъ, достигшихъ одинаковой ступени цивилизаціи, слишкомъ близко соприкасаются другъ съ другомъ, и государства должны прогрессировать одинаково. Кромѣ того, и судьбы пролетаріата въ одной странѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ судьбами пролетаріата въ другихъ странахъ".

Такія рѣчи, раздающіяся все чаще въ средѣ умѣренныхъ элементовъ, должны радовать истинныхъ друзей народа, такъ какъ зрѣлость плода узнается по тому, насколько онъ оттягиваетъ вѣтку, готовясь упасть, а зрѣлость идеи характеризуется ея распространенностью въ различныхъ слояхъ народныхъ,—тѣмъ, что вчерашняя „злонамѣренность" и „вредная утопичность" завоевываетъ себѣ сторонниковъ въ средѣ лояльныхъ, умѣренныхъ и робкихъ.

О, конечно, нашу эпоху отмѣтитъ будущее счастливое человѣчество. Оно съ интересомъ прослѣдитъ весь ходъ развитія идеи рабочаго класса, хотя-бы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ этой странѣ капитализма par excellence, гдѣ кажется, будто милліардеръ еще помнитъ, что онъ—бывшій рабочій, а рабочій разсматриваетъ себя, какъ будущаго милліардера,—гдѣ рабочая плата очень высока, но зато обнаженно-цинично выбрасывается рабочій на мостовую, едва онъ перестаетъ быть спо-

собнымъ къ интенсивной работѣ. Самымъ главнымъ препятствіемъ къ развитію рабочаго движенія въ Америкѣ служило и продолжаетъ служить то, что самъ рабочій насквозь пропитанъ буржуазной моралью капитализма и что широкое участіе въ политической жизни страны не даетъ развиться страстности и энергіи спеціально рабочихъ организацій, — *разряжаетъ* — такъ-сказать—*классовую* энергію. И все-же рабочая партія колоссально растетъ въ Америкѣ. Голоса рабочихъ возрастаютъ съ каждыми выборами и съ 6.000 въ восьмидесятыхъ годахъ возвысились до 600.000 въ нынѣшнемъ году.

Всего болѣе среди рабочихъ организацій въ Америкѣ выдѣляется „американская федерація труда", предсѣдателемъ которой состоитъ извѣстный вождь рабочихъ Гомперсъ. Эта организація заключаетъ около трехъ милліоновъ членовъ и представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе сильныхъ союзовъ Америки. Характерной чертой какъ этой, такъ и другихъ рабочихъ организацій Америки,—за исключеніемъ организацій рабочихъ выходцевъ изъ Европы,—является ихъ крайняя практичность и почти ограниченность въ цѣляхъ, которыя онѣ ставятъ себѣ. Такъ,—до самаго послѣдняго времени они не признавали необходимости образованія отдѣльной политической партіи не ставили себѣ даже задачей проведеніе какихъ-либо реформъ. Онп отдавались цѣликомъ культурной работѣ, помощи своимъ членамъ въ случаѣ забастовокъ и т. под. Но ихъ классовое самосознаніе растетъ, и многіе знатоки Америки предсказываютъ, что уже на слѣдующихъ президентскихъ выборахъ будетъ выставлена, кромѣ республиканской и демократической „платформы", еще „платформа" отдѣльной рабочей партіи.

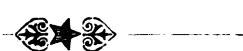
А что касается проясненія ихъ политическаго и экономическаго самосознанія, то *идеологи* рабочаго класса говорятъ: это придетъ, — l'appetit vient en mangeant. И, пожалуй, что для американцевъ это вѣрно. Каждый народъ продѣлываетъ извѣстный историческій путь въ соотвѣтствіи со своей народной психикой. Если французъ доходитъ къ извѣстному строю идей въ великодушномъ, героическомъ порывѣ, если нѣмецъ приходитъ къ нимъ путемъ ряда философскихъ концепцій,—то англо-саксъ принимаетъ только то, что диктуетъ ему сама жизнь.

Такое-же любопытное явленіе въ развитіи рабочихъ организацій мы наблюдаемъ и въ Англіи. Извѣстно, что союзъ трэдъ-юніоновъ ограничиваетъ свою дѣятельность тоже чисто-практическими интересами и что въ англійскомъ парламентѣ нѣтъ до сихъ поръ представителей рабочихъ! Дѣло въ томъ, что до послѣдняго времени трэдъ-юніоны примыкали въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ къ вигамъ и не отдѣляли своихъ классовыхъ интересовъ отъ прогрессивной буржуазіи. Только этимъ объясняется любопытное явленіе, что даже на конгрессѣ „комитета представителей рабочихъ", который служилъ цѣлямъ политической пропаганды, былъ все-же поднятъ вопросъ объ исключеніи соціалистовъ изъ рабочаго комитета. На это многіе ораторы горячо возражали и доказывали, что только благодаря ясной классовой точкѣ зрѣнія соціалистовъ и ихъ пропагандѣ рабочая партія дошла до пониманія необходимости политической борьбы. Большинствомъ голосовъ было рѣшено допущеніе соціалъ-демократической федераціи въ рабочій комитетъ.

Медленно, но чрезвычайно твердо идущій англичанинъ сдѣлалъ одинъ шагъ впередъ, и это должно дать замѣтные результаты. На этомъ-же собраніи дебатировался вопросъ о независимой рабочей партіи и тоже былъ разрѣшенъ утвердительно.

Неожиданно для насъ самихъ обзоръ этого мѣсяца превратился въ частичный обзоръ рабочаго движенія въ нѣкоторыхъ странахъ. Мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за это. За недостаткомъ мѣста мы вынуждены теперь все остальное отложить до обозрѣнія слѣдующаго мѣсяца.

Л. М.

Обзоръ журналовъ.

Дѣйствительность и ея отраженіе въ журналистикѣ.—Полезно ли молчаніе?—Старое и новое.—„Минотавръ“ П. Д. Боборыкина.—„По совѣсти“ А. И. Новикова.—„Записки Пыпина“.—Дневникъ гр. А. К. Толстого. — Воспоминанія А. К. Юнге. — Разсадникъ русскаго просвѣщенія.—Дворянство и ученость.—Острастка, какъ единственное воспитательное средство.—Волоса, пуговицы и народное просвѣщеніе.—Фронтовики въ роли первосвященниковъ русской науки.—„Симъ побѣдиши“.—Россія и Японія.—Опальный языкъ и писатели не у дѣлъ.—Отъ великаго до смѣшного.—Circulus viciosus.—Кругозоръ дикихъ.—М. А. Бакунинъ и Рейхель.

(Вѣстникъ Европы—январь, мартъ.—„Міръ Божій“ январь—мартъ.—Русское Богатство“ февраль.—„Историческій Вѣстникъ“ мартъ).

Въ историческій моментъ, переживаемый Россіей, когда все всколыхнулось, встрепенулось и ждетъ обновленія, естественно, что центръ журнальнаго обозрѣнія долженъ быть перенесенъ всецѣло на тѣ текущіе вопросы, которые волнуютъ русское общество.

1905 годъ и съ внутренней, и съ внѣшней стороны начался при обстоятельствахъ, для нея далеко не благопріятныхъ. Онъ не принесъ никакихъ новинокъ. Оживленіе въ газетномъ мірѣ, вызванное появленіемъ новыхъ яркихъ органовъ, нисколько не коснулось области такъ называемыхъ толстыхъ журналовъ, если не считать внутреннее и внѣшнее обновленіе „Новаго Пути“, переименованнаго въ „Вопросы Жизни“. Въ остальномъ все по прежнему. Все тѣ же старые знакомые ветераны, убѣленные сѣдинами заслуженные бойцы.

Вотъ красныя книги „Вѣстника Европы“ вступающаго въ сороковой годъ славнаго пути. Согласно установившемуся обычаю, въ первой книгѣ новое произведеніе старика Боборыкина. Впрочемъ, на этотъ разъ обычай нѣсколько нарушенъ. Маститый беллетристъ выступаетъ не съ обычнымъ романомъ, а только съ повѣстью. Названіе ея тоже не вполнѣ въ боборыкинскомъ стилѣ: оно архаично. „Минотавръ“ имя новой повѣсти.

Повѣсть, какъ всѣ произведенія П. Д. Боборыкина, написана съ обычнымъ умѣніемъ. Но обычное умѣніе не исключаетъ обычности шаблона. Годы берутъ свое. Отъ стараго беллетриста, всегда чуткаго къ вѣяніямъ времени, трудно и требовать молодой и сильной вещи.

Въ повѣсти поднимается вопросъ: можетъ ли жена быть такой эгоисткой, чтобы принизить къ себѣ человѣка съ огромнымъ дарованіемъ; можетъ ли семья удержать жреца искусства въ своемъ тѣсномъ кругу?

Боборыкинъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Онъ набрасываетъ рядъ картинъ семейной жизни, чертитъ сцены одну за другой. Его герой, Иванъ Егоровичъ Астаховъ, типъ знакомый. Онъ кончилъ универ-

ситетъ и поступилъ на службу. Онъ не оставленъ при университетѣ только потому, что не хотѣлъ заискивать, да въ добавокъ „имѣлъ съ однимъ профессоромъ нервный разговоръ". Однако, онъ не отложилъ мысли объ университеткой диссертаціи.

Жена помогаетъ во всемъ мужу и дѣлаетъ переводныя выписки изъ множества книгъ. Она сама бывшая курсистка и еще недавно мечтала о спеціальномъ сочиненіи по средневѣковой исторіи... Мечты были прерваны любовью, а потомъ—замужествомъ.

Она любитъ мужа—любитъ дѣтей, правда, чужихъ, потому-что своихъ у нихъ до сихъ поръ нѣтъ. „Дѣти обуза, но они-же и живой, непрерывный интересъ, безъ нихъ путается все,—и нѣтъ главной диверсіи, нѣтъ того главнаго устоя, который не позволяетъ вамъ возни со своимъ собственнымъ я".

Герои Боборыкина „безъ устоя".

Онъ почти забросилъ ученую работу;—службой тоже вовсе не интересуется; онъ видимо скучаетъ, въ немъ идетъ какое то броженіе, рядъ увлеченій, какія то полосы странныхъ уклоненій.

Когда-то онъ писалъ стихи, теперь снова нашла на него старая полоса: овладѣлъ стихотворный зудъ.

Черезъ полгода и стихи были заброшены; новая забава выдвинулась впередъ: онъ увлекся декламаціей. Ученая работа все уходила дальше и дальше, бывшій ученый ушелъ къ подмосткамъ любительскихъ спектаклей, онъ рискнулъ сыграть Самозванца въ сценѣ „у фонтана", и первый дебютъ вышелъ великолѣпнымъ. Астаховъ вступилъ въ полосу увлеченія театра. „Театръ Настроенія" завладѣлъ имъ всецѣло. Это увлеченіе всецѣло овладѣло имъ. Онъ только и говорилъ о театрѣ и бывалъ въ театрѣ. Жена начинала ревновать его; она видѣла, что то, что онъ считалъ не такъ давно своимъ интересомъ, къ чему готовился, въ чемъ она была ему не только соучастницей, но и вѣрнымъ товарищемъ и сотрудницей—отходитъ въ даль, въ область преданій...

Словомъ, вполнѣ увлекающійся герой. Героиня же—добродѣтельная дама. Онъ скроенъ по новому фасону. Она—на старый ладъ. Комедія для драмы въ новомъ духѣ безъ слезъ и надрывовъ. Молчаливый полуразъѣздъ.

Онъ поступаетъ въ труппу и уѣзжаетъ на турне въ провинцію. Она остается въ Петербургѣ и „сдавъ квартиру съ *мебелью и посудою довольно выгодно*", съѣзжаетъ въ одну комнату и начинаетъ работать въ редакціи (какія подробности)!

„Такъ именно нужно было поступить... Она спокойна вполнѣ.

Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ она почти ничего не знала о мужѣ—получила два письма и только. Слава его „гремѣла", но до редакціи ея не доходила.

— Вернется ли онъ? задавала она вопросъ каждый день. Ей казалось, что онъ рано или поздно вернется.

Въ Петербургѣ у Астаховой идетъ ремесленная, черновая работа надъ корректурами и переводами.

А тамъ, въ глубинѣ провинціи, мелькаютъ дни за днями, полные новыхъ ощущеній для Астахова... Артистическая жизнь бьетъ по нервамъ.

Успѣхъ окрыляетъ. Краткій и не вполнѣ обычный романъ Астахова съ Ниночкой Мамуриной, талантливой артистки, взявшей Астахова тѣмъ, что она рабски преклонилась предъ генеальностью его способностей. Типъ въ достаточной мѣрѣ заѣзженный, типъ поклонницы талантовъ.

У Боборыкина, однако, выходитъ нѣчто „сезонное", хотя и съ очень старыми эффектами. Нина сыграла свою роль и на сценѣ, и въ жизни. Наканунѣ почти смерти она покорила весь театръ, но—„бѣдная чайка съ трепетно бѣлыми крылами, обвитыми уже призракомъ смерти, была настоящимъ отреченнымъ существомъ, покоряющимъ зрителей. Она пропѣла свою лебединную пѣснь... До уборной ее довели чуть живую. Потомъ удивительный подъемъ силъ — послѣдняя вспышка умирающей жизни; когда она съ глазами, полными радостныхъ слезъ, закинула ему руки на плечи и стала трепетно обнимать, это было какое-то безумство—экстаза. А еще дальше—забвеніе и койка больницы,—и чахотка докончила жизнь.

Все это очень трогательно, но и очень старо и, надо признаться, скучно немножко.

Все это зарисовано безъ какихъ либо свѣтописей. Получается какое то блеклое впечатлѣніе отъ всей повѣсти. Интересный вопросъ, положенный въ ея основу, можетъ считаться разрѣшеннымъ только отчасти.

Но въ повѣсти Боборыкина нельзя не отмѣтить одну, чисто Боборыкинскую черту

творчества, нельзя пройти мимо отношенія автора старой школы, къ которой, несомнѣнно, принадлежитъ почтенный романистъ, къ новымъ вѣяніямъ искусства. Разговоры о „театрѣ Настроенія“, объ импрессіонизмѣ, объ индивидуализмѣ подчеркиваютъ лишь то, что старое старится, молодое растетъ, и что старое рѣдко понимаетъ и умѣетъ вѣрно оцѣнить молодое движеніе. Въ послѣднемъ же залогъ великаго прогресса.

Гораздо болѣе живъ и содержателенъ и современенъ по темѣ романъ г. А. Новикова „По совѣсти“, начатый печатаніемъ въ февральской книгѣ того же журнала.

Странное впечатлѣніе производитъ романъ г. Новикова по своимъ первымъ главамъ, впечатлѣніе чего-то нагроможденнаго, безформеннаго, обрывистаго, недодѣланнаго. Это не романъ въ полномъ смыслѣ, не законченное въ смыслѣ обработки произведенія, а только намеки, абрисы,—кроки для будущаго романа. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе этой недодѣланности, необработанности сглаживается по мѣрѣ дальнѣйшаго чтенія. Начинаетъ казаться, что такова манера автора писать, сильными мазками, мало заботясь о колоритѣ, о цѣльности впечатлѣнія. Хороша или дурна эта манера—другой вопросъ, но несомнѣнно она въ характерѣ творчества автора, принадлежитъ именно ему. Наряду съ блѣдными страницами, расплывчатыми, ненужными, мелькнетъ сильная сцена, появляется оригинальный очеркъ характера, тонко подмѣченная черта и вездѣ хорошее знаніе жизни и быта, деревенскаго быта съ одной стороны, жизни верховъ—съ другой.

Романъ г. Новикова скорѣе романъ настроенія, это рядъ отдѣльныхъ будничныхъ картинъ, связанныхъ общностью внутренняго интереса. Интересъ его не въ развитіи внѣшняго дѣйствія, не въ фабулѣ.

Поэтому о сюжетѣ романа можно не распространяться. Онъ не играетъ въ немъ особой роли и, насколько можно судить по напечатаннымъ главамъ (романъ еще далеко не законченъ) довольно элементаренъ. Затхлая атмосфера Петербурга. Чиновно-аристократическая семья. Безличный чиновникъ, хотя и видный администраторъ, умная практически супруга, не безъ участія которой сдѣлалась административная карьера мужа, два сына и дочь. Блестящій офицеръ одинъ, блестящій же офицеръ и прохвостъ мужъ дочери и другой, юнецъ, еще совсѣмъ не опредѣлившійся. Юнецъ съ хорошими задатками и съ промозглой почвой подъ ногами. Единственный чахлый колосъ пшеницы среди плевелъ и чертополоха.

Воспитанный по особому рецепту, по которому приготовляются къ жизни мальчики карьеристы, заброшенный случайно въ деревню, онъ почувствовалъ свое тяготѣніе къ землѣ, къ землѣ не какъ источнику доходовъ, а какъ новой цѣлительной силѣ.

На почвѣ „земли“ и развертывается романъ изъ помѣщичьей жизни послѣднихъ дней. Кое что въ немъ уже намѣчено, дана общая картина, а главнымъ мотивомъ проходитъ требованіе совѣсти, прислушиваться къ которой такъ мало пріученъ былъ герой.

Исцѣлитъ ли земля его отъ недуга, обрѣтетъ ли на ней онъ новую вѣру?—Все это вопросы, къ которымъ придется возвратиться по окончаніи, во всякомъ случаѣ живого и дѣйствительно современнаго произведенія г. Новикова, когда оно будетъ закончено.

Отмѣтимъ въ томъ же журналѣ нѣсколько страничекъ интересныхъ воспоминаній покойнаго Пыпина, продиктованныхъ незадолго до смерти, и Юношескій дневникъ гр. А. К. Толстого. Въ неразработанную до сихъ поръ біографію поэта записки юноши поэта, уцѣлѣвшія только за одинъ годъ, вносятъ нѣкоторые характерные штрихи.

Дочь знаменитаго скульптора—медальера, извѣстнаго писателя и художника гр. Ѳ. П. Толстого въ томъ же журналѣ дѣлится воспоминаніями о покойномъ и даетъ рядъ картинъ, очень цѣнныхъ для характеристики литературныхъ и художественныхъ нравовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

= Воспоминанія А. К. Юнге, прекрасно написанныя, свидѣтельствуютъ о литературномъ талантѣ автора и талантливости всей этой семьи, жившей особой духовной жизнью, на общемъ фонѣ безпечальнаго дворянскаго существованія.

= Въ январѣ исполнилось полтора вѣка со дня основанія одного изъ главныхъ разсадниковъ русскаго просвѣщенія, alma mater большинства замѣчательныхъ русскихъ людей—Московскаго Университета.

Въ февральской и мартовской книгѣ „Міра Божія“ г. Ашевскій даетъ обстоятельный очеркъ прошлаго университета.

Печально это прошлое.

Жалкое существованіе, почти прозябаніе. Полное отсутствіе профессоровъ, такое же отсутствіе кафедръ (10 на всѣ три факультета). Русскихъ ученыхъ не хватало. Приходилось выписывать изъ-за границы. Это было еще полъ-бѣды. Бѣда же заключалась въ томъ, что исправлять профессорскія обязанности назначались даже приказные дѣльцы. Людей не было. Уваженія къ ученой корпораціи тоже не было; впрочемъ, послѣдней даже не существовало.

Въ матеріальномъ, соціальномъ и нравственномъ отношеніяхъ положеніе профессоровъ XVIII вѣка было очень печальное. Грошевое жалованье (400—500 р. въ годъ) платилось не аккуратно. Профессора пробавлялись частными уроками. Почетное званіе профессора не пользовалось уваженіемъ. Русскіе недоросли дворянскаго сословія считали это званіе *унизительнымъ* для себя. Нравственнаго вліянія на аудиторію профессора почти не имѣли: неподготовленность слушателей, полное отсутствіе учебныхъ пособій ставили преподаваніе въ такія рамки, что даже астрономія преподавалась единственно въ теоріи".

Тѣмъ не менѣе даже на зарѣ своего печальнаго существованія Московскій университетъ вывелъ изъ своихъ стѣнъ и выдѣлилъ изъ среды своихъ питомцевъ Новикова, Фонвизина, Тургенева и др.

Начало Александровскаго царствованія было эпохой разсвѣта для Университета. Недолгіе дни и снова сумерки, ночь; гоненія на науку, гоненія на ученыхъ, цѣпи на свободу преподаванія. Солдаты и солдафонствующіе попечители, „необузданные деспоты" смотрѣли на профессоровъ косо, какъ на подчиненныхъ. Студенчество считалось ничѣмъ инымъ, какъ „опасной толпой" для всего общества. „Острастка" — вотъ чѣмъ управлялся храмъ науки, гдѣ невѣжественные фронтовики являлись его первосвященниками.

„Графъ Панинъ *),—никогда не говорилъ со студентами, какъ съ людьми болѣе или менѣе образованными, что-нибудь понимающими. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на какихъ-то мальчишекъ, которыхъ надобно держать неприемѣнно въ ежовыхъ рукавицахъ, повелительно кричалъ густымъ басомъ, командовалъ, грозилъ, стращалъ". Особенному гоненію подвергались со стороны графа Панина бороды, усы и длинные волосы. При немъ началось бритье и стрижка бородатыхъ, усатыхъ и волосатыхъ студентовъ на солдатскій манеръ и на казенный счетъ, причемъ самъ гр. Панинъ командовалъ цирульникамъ: „стриги короче, брей чище, не жалѣй мыла!" Строго слѣдилъ также гр. Панинъ, родной братъ извѣстнаго министра юстиціи, и за исправностью студенческой формы. „Ни одна разстегнутая или оборванная пуговица, — говоритъ гр. М. В. Толстой,—не ускользала отъ его проницательнаго взгляда".

Впрочемъ, графъ Панинъ слѣдилъ не за одними волосами и пуговицами студентовъ. Въ 1831 году онъ задался цѣлью „почистить университетъ" и представилъ записку о профессорахъ съ оцѣнкой ихъ знаній, способностей и даже характера. Въ этой запискѣ, предназначенной для министра народнаго просвѣщенія князя Ливена, встрѣчаются такія отмѣтки: „ректоръ (Двигубскій) безхарактеренъ и лукавъ"; „Рейссъ—ученый: тяжелодумъ, одаренный искусствомъ затруднять всякое возложенное на него дѣло"; „Павловъ—уменъ и ученъ, но не у мѣста"; „Перевощиковъ и ученъ, и свѣдущъ въ астрономіи. и довольно рѣчистъ, но подчиненный строптивый и начальникъ крутой отъ непреклонности нрава"; „Рясовскій смыслитъ акушерство, но малодушенъ (!) въ заразительныхъ болѣзняхъ"; „Каченовскій... ученъ, но усыпителенъ"; „Гавриловъ годится въ архивъ старыхъ дѣлъ"; Василевскій—„голова безразсудная" и т. д. въ такомъ же родѣ. Есть въ „Запискѣ" и хорошіе отзывы, но главное, что въ ней поражаетъ, это крайне безцеремонное отношеніе къ профессорамъ, вся дѣятельность которыхъ, иногда очень почтенная, оцѣнивается тремя-четырьмя пренебрежительными строчками. И такая оцѣнка дѣлается не попечителемъ, а его чиновникомъ особыхъ порученій, который кое-что смыслилъ только въ военныхъ наукахъ.

Профессора чиновники, жаждущіе лишь дней наградъ и отличій, наряжались въ тогу ученыхъ, и нелегко было въ ихъ средѣ людямъ, не желавшимъ „выть по волчья", утратить образъ человѣческій, продать свое пер-

*) Всего только помощникъ попечителя.

вородство за чечевичную похлебку мундирныхъ отличій. Между тѣмъ только этимъ свѣтлымъ людямъ и обязанъ университетъ своей славой, а его бывшіе питомцы тѣми знаніями, которыя они вынесли изъ стѣнъ университета.

Гдѣ тѣни, тамъ и свѣтъ. И не загасить этого свѣта, не загасить его источника никакой силѣ.

Сила зла могущественна, но еще болѣе могущественна сила добра.

И это не фраза. Вся исторія Московскаго университета, вся его многострадальная исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ. Не фронтовики и необузданные деспоты создавали его славу... Она ярко горитъ на именахъ Бѣлинскихъ, Аксаковыхъ, Кавелиныхъ, Герценовъ, Грановскихъ, Соловьевыхъ и всѣхъ тѣхъ, предъ тѣнями которыхъ нельзя не преклонить „благоговѣйно колѣни“.

Но сколько силъ потрачено на борьбу, сколько ихъ ушло не использованныхъ—вотъ надъ чѣмъ приходится задуматься, читая страницы исторіи русскаго просвѣщенія, вспоминая имена его апостоловъ, гонимыхъ и бичуемыхъ во имя какихъ-то высшихъ цѣлей государственныхъ...

Маленькая Японія и колоссъ Россія.

Маленькая Японія теперь побѣждаетъ. Почему? Отвѣтъ такъ простъ, такъ ясенъ. Русскій солдатъ не уступитъ японскому въ храбрости. Но не силою штыковъ и пуль побѣждаетъ Японія. Онъ даетъ намъ теперь урокъ, болѣе рѣшительный, болѣе вразумительный, чѣмъ Шведы подъ Нарвой Петру, чѣмъ союзники подъ Севастополемъ до реформенной Россіи.

Чѣмъ же сильна маленькая Японія? Не силою-ли своего духа, своей политической организацiей, рожденной на обломкахъ былого полицейскаго государства? Полицейское Государство сбросило съ себя ветошь прежнихъ дней и поднялось на ступень *правового*.

Свобода слова, личности, науки, собраній—все это стало достояніемъ новой Японіи, опирающейся и чутко прислушивающейся къ голосу общественнаго мнѣнія. Насколько оно развито въ странѣ, показываетъ интересный очеркъ г. Н. Азбелева (Міръ Божій) „Политическія партіи и общественное мнѣніе въ Японіи“.

XXIX-ая глава японской конституціи говоритъ: „Японскіе подданные пользуются, въ предѣлахъ закона, свободой слова, печати, организаціи общественныхъ собраній и ассоціацій“.

Въ своихъ оффиціальныхъ комментаріяхъ къ этой главѣ маркизъ Ито даетъ слѣдующее разъясненіе: „Рѣчи, печатное слово всякаго рода, общественныя собранія и ассоціаціи суть средства, путемъ которыхъ люди могутъ проявлять свое вліяніе въ политическихъ или соціальныхъ сферахъ... Но такъ какъ каждое изъ этихъ обоюдоострыхъ орудій легко можетъ быть употреблено для вредныхъ цѣлей и съ вредными послѣдствіями, то необходимо,—для сохраненія общественнаго порядка,—наказывать по закону и предупреждать полицейскими мѣрами, предусмотрѣнными закономъ, всякое оскорбленіе чести или нарушеніе правъ личности и нарушеніе мира въ странѣ, или подстрекательство къ преступленію. *Всѣ ограниченія, однако, должны быть опредѣлены закономъ и лежать внѣ сферы указовъ и предписаній*“.

Слѣдующее мнѣніе Зумото—журналиста и редактора газеты и слѣдовательно дѣятеля печати, испытывающаго отношеніе администраціи къ послѣдней на своихъ плечахъ,—даетъ хорошее понятіе о томъ, насколько „оффиціальныя“ воззрѣнія маркиза Ито проведены въ дѣйствительную жизнь.

„Въ настоящее время японскія газеты контролируются законами о печати, которые не представляютъ никакого серьезнаго препятствія для ихъ дѣятельности. Я могу, не боясь ошибки, сказать, что, въ сущности говоря, японская пресса такъ же либеральна, какъ и во всякой другой странѣ. Изъ году въ годъ газеты критикуютъ въ высшей степени свободно политику и дѣйствія правительства, безъ страха оффиціальнаго вмѣшательства. Единственныя ограниченія, налагаемыя на свободу печати, относятся къ разоблаченію государственныхъ и военныхъ секретовъ во время какихъ-либо международныхъ осложненій. Однако, прежде чѣмъ эти ограниченія входятъ въ силу, печать получаетъ опредѣленныя указанія, такъ что нѣтъ опасности для истинно-патріотическаго и здравомыслящаго издателя или редактора попасть подъ кару закона по невѣдѣнію“.

Съ точки зрѣнія европейскихъ писателей такая свобода кажется лишь полусвободой, но Россія даже ея не имѣетъ...

Если тяжело положеніе русскаго писателя, то положеніе украинскаго писателя поставлено прямо таки внѣ закона. Не только внѣ закона, но даже внѣ „временныхъ правилъ о печати".

Объ этомъ внезаконномъ положеніи украинскихъ писателей и украинской литературы вообще помѣщена въ „Русскомъ Богатствѣ" обстоятельная статья г. Ефремова.

Для украинской литературы еще не брезжитъ свѣтъ зари. Вмѣстѣ со старшей своей сестрой, русской литературой, она перенесла всѣ невзгоды и... офиціально была вычеркнута изъ списка живущихъ. Она прекратила *офиціально* свою жизнь въ самый разгаръ великихъ реформъ. Она была взята подъ подозрѣніе, явилась своего рода пугаломъ, плодомъ „іезуитской интриги", выраженіемъ „сепаратизма".

Секретно министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1863 году обрекъ ее на небытіе, признавъ необходимымъ, „впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ св. синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообщее, назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться. О распоряженіи этомъ было повергаемо на высочайшее государя императора воззрѣніе, и его величеству благоугодно было удостоить оное монаршаго одобренія".

Взмахъ канцелярскаго пера разрѣшилъ и вопросъ о происхожденіи „такъ называемой рѣчи, сочиняемой въ особенности поляками".

Напрасны были увѣренія министерства, стоящаго на стражѣ просвѣщенія, что не *языкъ*, а *сущность сочиненія или мысли* составляютъ основаніе для запрета—запретъ былъ сдѣланъ. Запрещалось все, до евангелія на малороссійскомъ *) языкѣ включительно. Никакія заступничества не спасли даже переводъ Библія отъ посягательствъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Вѣтви обрублены, но корень живъ. Живъ корень, и новые побѣги идутъ на смѣну старымъ, грубо отсѣченнымъ. И этой жизни ничто не остановитъ.

Молодые побѣги были вновь искалѣчены. Движеніе научное и литературное украинской мысли вновь пріостановлено. Изъ за границы привозъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ былъ обставленъ особыми цензурными строгостями. Печатаніе книгъ въ Имперіи (за исключеніемъ историческихъ и беллетристическихъ) вовсе было запрещено. Сценическія представленія и даже текстъ въ нотамъ на малороссійскомъ языкѣ воспрещены (въ 1876) году,—и вся литература города обречена на смертную казнь, литераторы—на молчанье.

Отъ грустнаго доходило до смѣшного. Въ Кіевѣ, напримѣръ, для того, чтобы попасть на афишу публичнаго концерта, украинскія пѣсни должны были быть переведенными на... французскій языкъ, и пѣвецъ народную пѣсню „дощик, дощик капае дрібненький" исполнялъ въ такомъ видѣ:

La pluie, la pluie,
Qui tombe doucement...
Je pensais, je pensais—
C'est un Zaporogue, maman!

Разрѣшая украинскіе спектакли, на первыхъ порахъ ставили conditio sine qua non, чтобы въ одинъ вечеръ исполнялось столько же актовъ и на русскомъ языкѣ, сколько ихъ было на украинскомъ. Если шла, скажемъ, пятиактная украинская пьеса, то въ противовѣсъ ей, для обеззараживанія, такъ сказать, украинскіе артисты должны были ставить и пятиактную русскую. Предстояла крайне трудная дилемма: или совершенно отказаться отъ постановки украинскихъ пьесъ, или затягивать спектакли до разсвѣта, чего, очевидно, никакіе актеры и никакая публика не могла бы выдержать. Выходъ изъ такого затруднительнаго положенія былъ найденъ нѣсколько неожиданный, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный. Были придуманы особыя русскія „пьесы", каждый актъ которыхъ продолжался минуть пять,—буква распоряженія этимъ удовлетворилась.

Запрещались и вырѣзывались переводы Шекспира, Шиллера и Гейне, Пушкина и

*) До 26 февраля 1905 года тяготѣлъ этотъ странный запретъ перевода Библіи на украинскій языкъ.

Гоголя. Г. Ефремовъ приводитъ такую любопытную современную статистическую справку.

„За періодъ съ 1895 по 1903 годы книгоиздательствомъ представлено въ цензуру 230 отдѣльныхъ названій рукописей; изъ нихъ появилось въ печати лишь 80, т. е., около $1/3$ всего количества. Остальныя или цѣликомъ запрещены, или подверглись такой мучительной операціи съ обильнымъ кровоизліяніемъ, что выпускъ ихъ въ свѣтъ въ разрѣшенномъ видѣ являлся абсурдомъ. Чтобы уяснить себѣ въ досточной степени значеніе приведенныхъ цифръ, необходимо еще принять во вниманіе и то, что издатели были, разумѣется, освѣдомлены о цензурныхъ порядкахъ и потому сами прилагали старанія къ тому, чтобы рукописи имѣли по возможности благонадежный видъ. И все таки въ окончательномъ результатѣ ихъ старанія оказались чѣмъ-то въ родѣ попытокъ наполненія бездонной бочки Данаидъ: $2/3$ представленнаго матеріала исчезло безслѣдно. Подлинно—удобнѣе верблюду сквозь игольныя уши пройти и даже богатому въ царствіе Божіе внити, нежели украинской книгѣ благополучно миновать всѣ лежащія на ея пути преграды! Иныхъ результатовъ, разумѣется, и не могло быть, если встрѣчаются непреодолимыя препятствія къ упоминанію о такихъ невинныхъ предметахъ, какъ усы, хотя бы и длинные, хотя бы и запорожскіе, или если воспрещается приводить заглавіе романа, напечатаннаго, конечно, съ надлежащаго разрѣшенія.

Къ этому для полноты картины остается лишь добавить полное воспрещеніе какихъ бы то ни было періодическихъ изданій на украинскомъ языкѣ и такое же воспрещеніе выработаннаго научнымъ путемъ правописанія, „какъ несоблюдающаго правила правописанія русскаго языка“. Это запрещеніе нашла нелѣпнымъ даже Академія Наукъ и не придерживается предписанія въ своихъ научныхъ изданіяхъ.

Что же удивительнаго, если грамотность на Украйнѣ совсѣмъ почти не развита въ народѣ и весь кругозоръ даже грамотныхъ „недалекъ отъ кругозора дикихъ“?..

Украйна—страна солнца, страна такъ хорошо и воспѣтая рускими поэтами.

Многіе-ли изъ нихъ знали или задумывались надъ судьбой поэтическаго края, стоящаго внѣ закона, надъ судьбой своихъ братьевъ писателей, лишенныхъ права вырабожать свои мысли на родномъ языкѣ родного народа?!

Г. Батуринскій, неутомимый собиратель матеріаловъ о жизни Герцена и его ближайшихъ друзей,—приводитъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ воспоминанія директора Бернской консерваторіи А. Рейхеля о Бакунинѣ. Рейхель, благодаря своей женѣ (М. К. Эрнъ), воспитывавшейся на средства отца Герцена и вмѣстѣ съ семействомъ Герценовъ покинувшей Россію, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ русскими изгнанниками. Дружба его съ М. А. Бакунинымъ, „основанная на чистотѣ идей“, хотя діаметрально противоложныхъ у обоихъ пріятелей, была испытана искушеніями многихъ лѣтъ.

Русскій гегельянецъ велъ кочевую жизнь. Изгой русской дѣйствительности, онъ перекочевалъ въ Германію. Но и Германія оказалось опаснымъ мѣстомъ для его пребыванія. На почвѣ свободной Швейцаріи онъ встрѣтилъ требованіе со стороны русскаго посланника возвратиться въ Россію. Пришлось снова искать безопаснаго пріюта. Бельгія, затѣмъ Франція и Парижъ, снова Берлинъ и выдача Австріи за участіе въ Пражскихъ волненіяхъ. Крѣпость въ Моравіи. Цѣпи и кандалы. Выдача русскому правительству и Шлиссельбургъ, гдѣ Бакунинъ нашелъ хотя и строгое, но болѣе человѣчное обращеніе, чѣмъ то, которому онъ подвергался въ Австрійской крѣпости.

Между прочимъ, разсказываетъ Рейхель, императоръ Николай I спросилъ у Бакунина откровеннаго мнѣнія, на основаніи его личнаго опыта, о состояніи революціонныхъ движеній въ Европѣ. Арестантъ съ обычной прямотой удовлетворилъ требованіе императора, хотя отказался сдѣлать какія либо сообщенія, могущія компрометировать людей его партіи. Императоръ Николай на поданной ему запискѣ Бакунина о европейскихъ революціонныхъ теченіяхъ собственноручно написалъ о содержаніи „подъ строгимъ присмотромъ этого умнаго и опаснаго человѣка“.

Умный и опасный всегда были на Руси синонимами. Умъ въ кандалахъ, а глупость гуляетъ на свободѣ.

Восшествіе на престолъ Александра I. Освобожденіе изъ крѣпости и ссылка въ Сибирь и бѣгство заграницу. Всѣ эти опа-

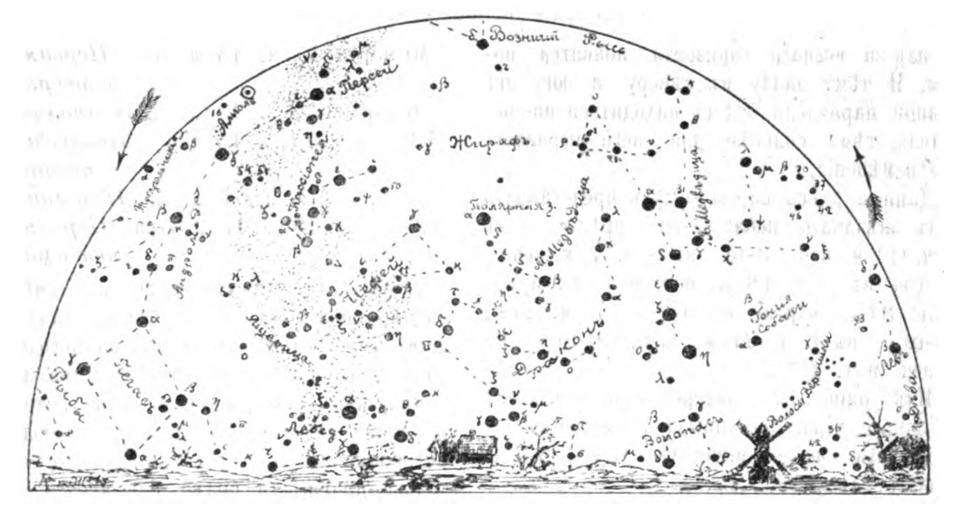
сности и лишенія, однако, не сломили его духа и воли. Мнѣ, говорить Рейхель пришлось встрѣтиться съ нимъ лишь въ 1868 году въ Бернѣ по случаю перваго съѣзда „Лиги Мира и Свободы". Всѣ опасности и лишенія, какимъ онъ подвергался, казалось, не сломили силы его духа и воли, и хотя его внѣшній видъ не имѣлъ уже изящества и ловкости блестящаго артиллериста-гвардейца, но онъ придавалъ ему сходство съ пророкомъ или реформаторомъ, какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинахъ; я нашелъ въ немъ несокрушимую отвагу и нравственную силу, и его ближайшая среда, составлявшая какъ бы его придворный штатъ, придавала еще больше внушительности всей его фигурѣ. Изящество его одежды и внѣшнихъ пріемовъ, которымъ онъ прежде щеголялъ, уступили мѣсто значительной небрежности; но въ общемъ эта небрежность не менѣе шла пожилому человѣку, чѣмъ изящество—молодому.

Но бурная жизнь была надломлена, дни сочтены. Въ 1876 году Бакунинъ пріѣхалъ умирать въ Лугано къ друзьямъ. Въ послѣдней вечеръ онъ пришелъ къ Рейхелю поразвлечься музыкой и только въ ту минуту, когда усиленная боль опять внезапно схватила его, онъ вскричалъ: „Довольно, не могу больше"! и я долженъ былъ проводить въ ближайшую больницу, изъ которой ему не пришлось выйти". Рейхель набрасываетъ такую немногословную характеристику своего друга. „Въ немъ мы схоронили глубоко страстную натуру, которая изошла въ пламенной ненависти противъ всего, что ставило препятствія человѣческой свободѣ. Но эта пламенная ненависть, постоянно проявлявшаяся возмущеніями, мирилась съ самыми нѣжными и тонкими ощущеніями, поэтому онъ чувствовалъ пристрастіе къ музыкѣ, которое онъ сохранялъ всю жизнь, и которое, можетъ быть, немало было поддержано и воспитано нашей долгой совмѣстной жизнью. Онъ, говорившій не только хорошо, но и охотно, могъ слушать молча по цѣлымъ часамъ музыку; творенія Бетховена, самыя трогательныя и страстныя, производили на него самое живое впечатлѣніе, но онъ не былъ безчувственъ и къ болѣе нѣжнымъ душевнымъ движеніямъ, если только они выражали чисто человѣческія чувства".

Полной, всесторонней характеристики „Русскаго гегельянца" приходится еще только ждать. Пока же, какъ при постройкѣ зданія, собирается лишь матеріалъ.

Ник. Носковъ.

Видъ сѣвернаго неба въ 6 ч. 13 м. веч. (по Пулковскому времени *) 1 Апрѣля 1905 г. подъ 48° 50′ сѣвер. шир.

Астрономическія явленія

ВЪ МАРТѢ и АПРѢЛѢ 1905 г.

Звѣздное небо. При небольшомъ вниманіи, не трудно распознать главныя звѣзды неба, разъ имѣются необходимыя указанія. Нужно, прежде всего, умѣть оріентироваться, т. е. находить страны свѣта или горизонта. Для этого, всегда видимая у насъ и хорошо извѣстная всѣмъ Большая Медвѣдица (Колесница, Сѣверное Семизвѣздіе) укажетъ намъ сѣверъ, если прямую, соединяющую двѣ ея переднія звѣзды (α и β), продолжить мысленно (въ сторону α) до Полярной звѣзды.

Помѣщаемыя здѣсь двѣ небольшія карты представляютъ, въ совокупности, видъ звѣзднаго неба въ *6 ч. 13 м. вечера* (по Пулковскому времени *) *1-го апрѣля* въ любомъ пунктѣ земного шара, расположенномъ *подъ 48° 50′ сѣвер. широты* **). Въ частности же, верхняя карта показываетъ сѣверное небо, т. е. то, которое видитъ наблюдатель, обратившись лицомъ къ сѣверу, а нижняя — южное небо, представляющееся при обратномъ положеніи наблюдателя, т. е. лицомъ къ югу.

При расположеніи наблюдателя сѣвернѣе параллели, для которой даны помѣщаемыя здѣсь карты, измѣненіе вида звѣзднаго неба будетъ заключаться въ слѣдующемъ: 1) изъ за сѣвернаго горизонта появятся новыя созвѣздія и звѣзды, 2) находящіяся на сѣверномъ небѣ вблизи зенита перейдутъ на южное и, наконецъ, 3) расположенныя надъ южнымъ горизонтомъ скроются подъ нимъ. Если же мѣсто наблюденія лежитъ южнѣе указанной параллели, измѣненіе вида звѣзднаго неба будетъ какъ разъ обратное, т. е: 1) звѣзды и созвѣздія, расположенныя надъ сѣвернымъ горизонтомъ, скроются подъ нимъ, 2) находящіяся на южномъ небѣ вблизи зенита перейдутъ на сѣверное и

*) Для полученія мѣстнаго времени, достаточно лишь сдѣлать переводъ одного времени въ другое (см. кн. I настоящаго журнала за текущій годъ).

**) Губерніи, области и города Россійской Имперіи, черезъ которые проходитъ эта географическая параллель, перечислены въ книгѣ I настоящаго журнала за текущій годъ.

3) изъ-за южнаго горизонта появятся новыя. И чѣмъ далѣе къ сѣверу и югу отъ данной параллели будетъ находиться наблюдатель, тѣмъ сильнѣе для него выразятся эти измѣненія.

Данныя здѣсь карты будутъ представлять видъ звѣзднаго неба: 2-го апрѣля — въ 6 ч. 11 м. веч., 3-го—въ 6 ч. 7 м. веч..., 15-го—въ 5 ч. 18 м. веч. и т. д.; и назадъ: 31-го марта—въ 6 ч. 17 м. веч., 30-го — въ 6 ч. 21 м. веч., 20-го — въ 7 веч. и т. д. *).

Изъ наиболѣе интересныхъ объектовъ звѣзднаго міра, доступныхъ наблюденію въ небольшую астрономическую трубу, можно указать слѣдующіе:

Перемѣнныя звѣзды: Альголь, $\varkappa$ Тельца, δ Цефея.

Двойныя звѣзды: Касторъ, ι Рака, 24 Волосъ Вероники, 12α Борзыхъ Собакъ, Мицаръ, γ Дѣвы, φ Дракона, β Скорпіона, α Геркулеса; 62, 16-я и β Лебедя, ε и ζ Лиры.

Звѣздныя скопленія: въ Близнецахъ, Praesepe (Ясли), Плеяды и въ Геркулесѣ.

Туманности: Оріона, Лиры и Лисицы.

Солнце ☉. 8-го марта въ 8 ч. 59 м. у. вступаетъ въ знакъ Овна *(начало весны)*, 7-го апрѣля въ 8 ч. 45 м. в.—въ знакъ Тельца (по Пулковскому времени **).

Луна ☾. Фазы (по Пулковскому времени) (*):

1 марта 11 ч. 1 м. утра. *Первая четверть* ☽
8 „ 6 „ 57 „ „ *Полнолуніе* ○
14 „ 11 „ 36 „ веч. *Послѣдняя четверть* ☾
23 „ 0 „ 25 „ утр. *Новолуніе* ●
30 марта 11 ч. 43 м. веч. *Первая четверть* ☽
6 апрѣля 3 „ 39 „ „ *Полнолуніе* ○
13 „ 1 „ 15 „ „ *Послѣдняя четверть* ☾
21 „ 5 „ 51 „ „ *Новолуніе* ●
29 „ 8 „ 47 „ утра. *Первая четверть* ☽

Луна, какъ ближайшее къ намъ свѣтило, видимое при томъ почти всегда надъ нашимъ горизонтомъ, разъ только погода вообще благопріятна для производства астрономическихъ наблюденій, особенно интересна и удобна для изученія, даже въ небольшую астрономическую трубу. Для этого нужно только пріобрѣсти болѣе или менѣе хорошую карту Луны. Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи такой карты не найти, почему приходится указать на прекрасную, составленную спеціально для любителей, французскую *Carte générale de la Lune, dressée sous la direction de Camille Flammarion, par C. M. Gaudiper, dessinée par Léon Fenet*" (1,2 метра длиною и 90 сант. шириною). Цѣна карты 8 франковъ безъ пересылки (по курсу—3 рубля).

Планеты. Помѣщаемое выше время прохожденія планетъ черезъ меридіанъ дано для Пулкова. Строго разсуждая, для каждой планеты необходимо брать здѣсь особыя, вообще говоря, мелкія поправки на долготу (самая большая въ предѣлахъ нашей имперіи = + 2 м. для Чукотскаго мыса). Но, принимая во вниманіе, что мы даемъ это время только для того, чтобы знать, когда искать планету на южной части неба, гдѣ она бываетъ выше всего надъ горизонтомъ и потому наиболѣе удобна наблюденій, ошибкой до 2-хъ минутъ вполнѣ возможно пренебречь.

	Прохожденіе черезъ меридіанъ.	*Примѣчанія.*
Меркурій ☿		Съ середины марта виденъ на юго-западѣ послѣ заката Солнца правѣе Юпитера, съ которымъ сливается. Лучшіе дни для наблюденія отъ 19 до 26 числа. Въ апрѣлѣ виденъ только въ самомъ началѣ мѣсяца на юго-западѣ, правѣе и выше Юпитера, очень близко отъ послѣдняго послѣ заката Солнца.

*) Болѣе подробно о помѣщаемыхъ здѣсь картахъ звѣзднаго неба сказано въ книгѣ I настоящаго журнала за текущій годъ.

**) Для полученія мѣстнаго времени, достаточно лишь сдѣлать переводъ одного времени въ другое (см. I. книгу настоящаго журнала за текущій годъ).

	Перехожденіе черезъ меридіанъ.		*Примѣчанія.*
Венера ♀	. 1 мар. 2 ч. 43 м. веч.	1 апр. 1 ч. 6 м. веч.	Въ началѣ марта видна хорошо послѣ заката солнца не юго-западѣ нѣсколько выше Юпитера. 9 марта достигаетъ наибольшаго блеска Къ концу мѣсяца условія видимости нѣсколько ухудшаются, такъ какъ сумерки застаютъ планету ближе къ горизонту, нежели въ въ началѣ. Въ апрѣлѣ видна только въ началѣ мѣсяца на западѣ послѣ заката солнца; если въ лучахъ вечерней зари будетъ усмотрѣно два весьма яркихъ свѣтила, то нижнее изъ нихъ Юпитеръ, и другое—Венера.
	. 11 „ 2 „ 24 „ „	11 „ 0 „ 8 „ „	
	. 21 „ 1 „ 55 „ „	21 „ 11 „ 8 „ „	
Марсъ ♂	. 1 мар. 3 ч. 59 м. утр.	1 апр. 2 ч. 3 м. утр.	Въ мартѣ находится въ достаточно благопріятныхъ условіяхъ для наблюденій: въ началѣ этого мѣсяца планета становится доступной для наблюденія вскорѣ послѣ полуночи на юго-востокѣ, въ южную сторону неба приходитъ въ 4 часа и гаснетъ на юго-западѣ съ наступленіемъ утра. Къ концу мѣсяца становится видна на юго-востокѣ до полуночи, а на югѣ видна въ 2 часа ночи. Въ апрѣлѣ—наилучшія въ году условія для наблюденія; близъ полуночи виденъ на южной части неба.
	. 11 „ 3 „ 27 „ „	11 „ 1 „ 15 . „	
	. 21 „ 2 „ 49 „ „	21 „ 0 „ 23 „ „	
Юпитеръ ♃	. 1 мар. 2 ч. 32 м веч.	1 апр. 0 ч. 57 м. веч.	Въ началѣ марта виденъ на западѣ послѣ заката солнца ниже Венеры, въ концѣ мѣсяца блеститъ въ лучахъ вечерней зари и вскорѣ послѣ наступленія ночи заходитъ. Въ апрѣлѣ едва виденъ въ лучахъ вечерней зари и притомъ только въ началѣ мѣсяца.
	. 11 „ 2 „ 1 „ „	11 „ 0 „ 27 „ „	
	. 21 „ 1 „ 31 „ „	21 „ 11 „ 57 „ утр.	
Сатурнъ ♄	. 1 мар. 10 ч. 33 м. утр.	1 апр. 8 ч. 43 м. утр.	Въ самомъ концѣ марта съ большимъ трудомъ можетъ быть разысканъ на юго-востокѣ въ лучахъ утренней зари. Въ концѣ апрѣля мѣсяца условія видимости нѣсколько лучше.
	. 11 „ 9 „ 58 „ „	11 „ 8 „ 7 „ „	
	. 21 „ 9 „ 22 „ „	21 „ 7 „ 30 „ „	

Падающія звѣзды. Въ мартѣ мѣсяцѣ наблюдается. Изъ второстепенныхъ небогатыхъ потоковъ падающихъ звѣздъ извѣстны слѣдующіе:

Мѣстоположеніе радіанта.

3-17	марта	— вблизи	η Волопаса.
6-17	„	— „	104-й Геркулеса.
6-17	„	— „	θ Большой Медвѣд.
20-30	„	— „	δ Дѣвы.
27-28	„	— „	π Геркулеса.
27-30	„	— „	β Бол. Медвѣдицы.
24	„	— „	β Льва.

Апрѣль мѣсяцъ, въ общемъ, не богатъ потоками падающихъ звѣздъ; изъ нихъ наиболѣе замѣчателенъ потокъ Лиридъ.

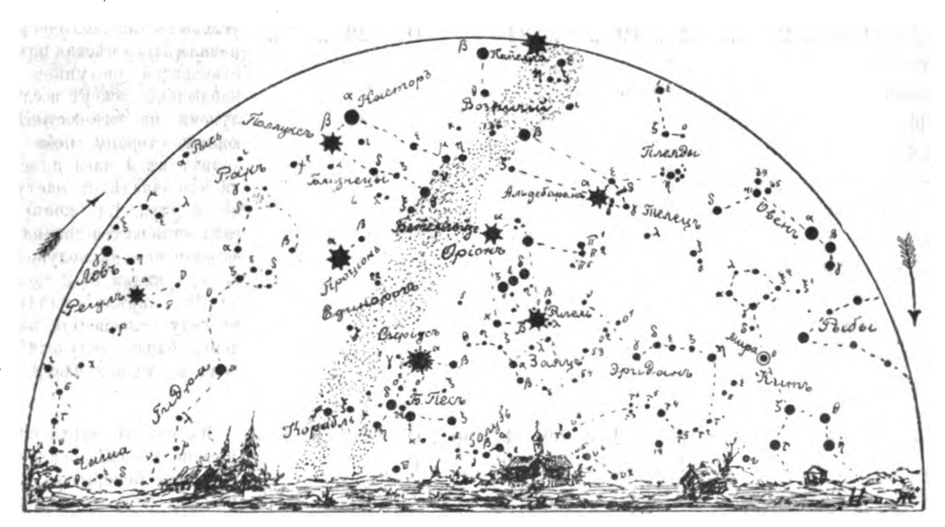
3-17	апр.	— вблизи	η Волопаса.
6-17	„	— „	104-й Геркулеса (*Лириды*).
16-19	„	— „	α Водолея (α *Акварииды*).

Болиды. Можно ожидать: 5, 6, 20 21, 24, 25, 28 и 29 марта; 7, 8, 12—19 и 30 апрѣля.

Задіакальный свѣтъ. Въ хорошіе безлунные вечера виденъ на западѣ, вскорѣ послѣ захода Солнца, и тѣмъ лучше, чѣмъ южнѣе и дальше отъ городовъ и фабрикъ расположено мѣсто наблюденія. Но апрѣль уже мало благопріятенъ для этого рода наблюденій.

Переводъ даннаго времени въ мѣстное — см. книгу I настоящаго журнала за текущій годъ.

Н. П. Двигубскій.

Видъ южнаго неба въ 6 ч. 13 м. вечера, (по Пулковскому времени) 1 апрѣля 1905 г. подъ 48^0 50′ сѣв. шир.

На каждый вопросъ нужно прилагать по 2 семикопѣечныхъ марки, для справокъ. Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Гг. подписчикамъ отъ редакціи. По поводу жалобъ на неаккуратное полученіе журнала.—Въ контору редакціи постоянно поступаютъ жалобы подписчиковъ на неполученіе той или другой книги журнала. Въ послѣднее время эти жалобы до того участились, что редакція едва успѣваетъ удовлетворять ихъ, между тѣмъ ею *аккуратно сдаются въ Спб. Почтамтъ нумера журнала по всѣмъ адресамъ*, приблизительно *черезъ 2 недѣли по полученіи подписки.* Отъ Почтамта редакція получаетъ соотвѣтственныя росписки,—и потому всякая вина въ неаккуратности высылки журнала падаетъ съ нея. Очевидно, журналъ застрѣваетъ гдѣ-то по дорогѣ, особенно, на тѣхъ станціяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ: вѣдь, всюду находятся любители чужой собственности, охотники до дарового чтенія. Въ настоящій, исключительный моментъ, переживаемый Россіей, неаккуратность въ доставкѣ и даже потеря журнала можетъ быть объяснена и тѣми непорядками, какія происходятъ изъ за забастовокъ и войны на желѣзныхъ дорогахъ. Были случаи, какъ жаловались подписчики, что журналъ получался въ испачканномъ видѣ: не возили ли, значитъ, почту въ товарныхъ вагонахъ?

Редакція затрудняется даже, что предпринять для упорядоченія доставки журнала, такъ какъ это упорядоченіе зависитъ не отъ нея. Остается одно посовѣтовать гг. подписчикамъ, кромѣ жалобы въ редакцію, дѣлать каждый разъ заявленія и въ мѣстную контору, а, при полученіи нумера съ отдѣльнымъ приложеніемъ, *не принимать его, если не окажется послѣдняго,* такъ какъ редакціей сдаются нумера, какъ слѣдуетъ.

По поводу повѣсти г. Сенкевича „На полѣ славы“. Повѣсть эта, начатая печатаніемъ въ 1904 г., было прервана по винѣ самого автора, оставившаго ее не законченной въ польскомъ журналѣ. Теперь она снова стала печататься, но редакція еще не увѣрена, что и въ нынѣшнемъ году она будетъ закончена въ оригиналѣ. Вотъ почему редакція медлитъ съ помѣщеніемъ перевода ея: вѣдь, еще хуже было бы, если бы г. Сенкевичъ снова бросилъ ее печатать. Лѣтомъ. во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ будетъ, вѣроятно, выясненъ, — и тогда мы приступимъ къ печатанію перевода.

Отв. г. Хрипунову. О дальномѣрѣ. Дальномѣромъ называется у топографовъ приборъ, опредѣляющій горизонтальныя разстоянія по линіямъ на стеклѣ, прикрѣпленномъ близь окуляра трубы, или прикрѣпленнымъ тамъ же паутиннымъ нитямъ. Опредѣленіе разстоянія ведутъ слѣд. образомъ: ставятъ рейку съ дѣленіями на разстояніи, положимъ, 100 саженъ и смотрятъ, сколько дѣленій рейки помѣщается въ окулярѣ между двумя паутинными нитями, напр., 30 дѣленій. Если теперь, желая опредѣлить

разстояніе 90 к.-н. другого предмета, мы имѣемъ 60 дѣленій рейки, находящихся между 2 нитями, то, очевидно, разстояніе до предмета = 100 × 60 : 30 = 200 саж. Этотъ самый простой способъ. Если нити у окуляра подвижныя, дѣло еще болѣе упрощается: тогда, поставивъ рейку на разстояніе 100 саж., сближаютъ или удаляютъ нити до тѣхъ поръ, пока, по особой школѣ, тутъ же находящейся, разстояніе между ними будетъ равно 100 дѣленіямъ. Тогда, закрѣпивъ нити неподвижно, при опредѣленіи любого разстоянія, стоитъ посмотрѣть на рейку, отнесенную на желаемое разстояніе; сколько дѣленій ея умѣстится между 2 нитями, это и будетъ разстояніе, выраженное въ саженяхъ.

Лѣсному кондуктору Б. — Для поступленія въ Лѣсной Институтъ нужно окончаніе к. н. средней школы (гимназіи, реальнаго училища, кадетскаго корпуса или земледѣльческаго училища). Для полученія свидѣтельства объ окончаніи Реальнаго Училища необходимо знать 2 языка. Въ Кад. Корпусѣ требуется 1 языкъ, но тамъ едва ли будетъ для васъ легче выдержать экзаменъ. Лучше всего вамъ поступить въ Земл. Училище (списокъ ихъ вы получите изъ Департ. Земледѣлія М-ва З. и Г. Им., а, узнавъ адресъ, выпишете и программы). Другого исхода для васъ нѣтъ.

Отв. С. Шкатову. По Рентгеновымъ лучамъ можно рекомендовать прекрасную и содержащую множество практическихъ указаній книгу, на нѣмецкомъ языкѣ, Dr. Donath'a, посвященную спеціально имъ. Кромѣ того въ самое послѣднее время вышла французская книга E. Loison о Рентгеновыхъ же лучахъ... Родственные предметы разбираются и въ нѣмецкой книгѣ Schmidt'a: „Kathodenstrahlen“ 1904 Изд. Vieweg.

По опытамъ Тесла можно найти очень много разнообразныхъ свѣдѣній въ нѣмецкой книгѣ E. de Fodor'a (авторъ, не смотря на свою французскую фамилію, пишетъ по-нѣмецки. Заглавіе: „Experimente mit Strömen hoher Frequens“. Правда, книга эта сравнительно не нова... О работахъ д'Арсонваля можно найти во французской книгѣ Precis de Physique bidogique, 2-ое изданіе Bordier (тамъ говорится и объ электротерапіи, и о фототерапіи (свѣтолѣченіи). Всѣ эти книги можно имѣть въ такихъ книжныхъ магазинахъ, какъ Риккеръ, Вольфъ, Мелье и пр., и пр.

Что касается до тѣста для индукціонныхъ катушекъ, то я лично не знаю его состава, и вообще можно сказать, что различныя фирмы крайне неохотно сообщаютъ въ общее свѣдѣніе данныя о своихъ промышленныхъ пріемахъ. Кромѣ того, на мой личный вглядъ домашнее изготовленіе индукціонныхъ катушекъ вообще довольно затруднительно.

Вл. Тюринъ.

Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ.**

Дозволено цензурою Спб. 14 марта 1905 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71-6.

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

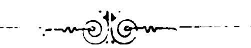
ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

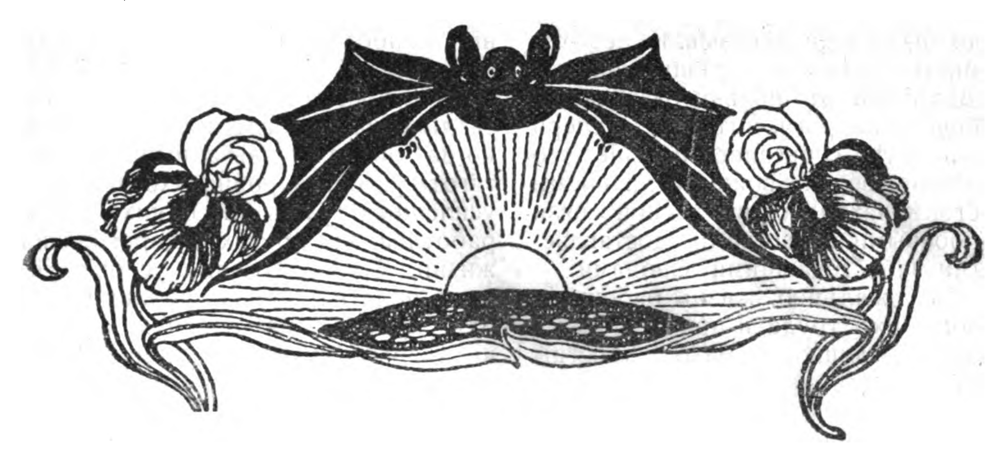
Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА IV.

Апрѣль 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Рабочій вопросъ въ Западной Европѣ и Россіи.

П. Антропова.

Изъ всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ въ настоящее время огромное общественное значеніе, рабочій вопросъ занимаетъ, несомнѣнно, первое мѣсто.

Обострившіяся отношенія между высшими и низшими классами населенія,—между капиталистами съ одной стороны и рабочими съ другой, вызвавшія въ С.-Петербургѣ кровавыя событія 9-го января, временно отодвинули на задній планъ всѣ текущіе вопросы внутренней и внѣшней политики. При такихъ условіяхъ весьма понятно, что печать, общество и власти очень озабочены скорѣйшимъ разрѣшеніемъ наиболѣе назрѣвшаго и обострившагося у насъ рабочаго вопроса.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ правильнаго разрѣшенія рабочаго вопроса зависитъ дальнѣйшее спокойное теченіе русской общественной жизни. Серьезное вліяніе рабочаго вопроса на общественную жизнь объясняется тѣмъ, что вопросъ этотъ охватываетъ наиболѣе существенныя стороны соціально-экономической жизни государства и близко касается нуждъ многочисленныхъ трудящихся классовъ населенія. Отсюда понятно, почему всѣ прочіе классы населенія живо интересуются скорѣйшимъ улаженіемъ трудно примиримыхъ интересовъ работодателей и рабочихъ, такъ какъ борьба послѣднихъ, отражаясь на промышленности и производствѣ страны, близко затрагиваетъ кровные интересы потребителей, т. е. всего населенія.

Глухая борьба между трудомъ и капиталомъ, накоплявшаяся годами вслѣдствіе недовольства рабочихъ своимъ положеніемъ, низкой заработной платы, при непосильно напряженномъ трудѣ и необезпеченности существованія, вызвали грозныя нежелательныя явленія – стачки и забастовки рабочихъ. Послѣднія влекутъ за собою неизмѣримый вредъ для всей экономической жизни страны, сильно задерживая ростъ промышленности, удорожая потребленіе и нанося неисчислимые убытки всѣмъ классамъ населенія, въ особенности разоряя капиталистовъ, владѣльцевъ дорого стоющихъ орудій производства фабрикъ и заводовъ и живущихъ за счетъ промышленности рабочихъ.

Ненормальность такого порядка вещей слишкомъ очевидна, чтобы

надо было еще доказывать необходимость самыхъ рѣшительныхъ мѣропріятій въ пользу разрѣшенія рабочаго вопроса, имѣющаго теперь тѣмъ болѣе серьезное значеніе, что успѣшное веденіе войны на дальнемъ востокѣ находится въ тѣсной связи съ боевыми средствами, доставляемыми забастовавшими заводами.

Къ сожалѣнію, жизнь рабочихъ, условія ихъ труда и причины недовольства слишкомъ мало извѣстны въ широкихъ кругахъ русскаго общества, а между тѣмъ ихъ трудъ не менѣе нашего производителенъ, полезенъ и необходимъ государству. Какъ же это такъ случилось, что до послѣдняго времени всѣ мало знали о рабочемъ движеніи въ Россіи, мало интересовались нуждами и потребностями огромнаго класса людей? Удивляться нечему! Вѣдь у насъ, не смотря на давнее возникновеніе рабочихъ движеній, начавшихся еще 35 лѣтъ тому назадъ, не хотѣли съ ними считаться, объясняя ихъ случайнымъ явленіемъ, заразой, занесенной изъ гнилого запада. Писать о рабочихъ безпорядкахъ считалось неудобнымъ. О возможности у насъ грандіозныхъ стачекъ и забастовокъ никто и не помышлялъ. Самыя сходки и союзы рабочихъ были строго воспрещены закономъ. Правительство ограничивалось полицейско-охранительными мѣрами, печать вынужденно безмолствовала, общество ничего не знало о рабочемъ движеніи въ Россіи

Между тѣмъ исторія фабричнаго законодательства сложилась у насъ именно такъ, что всякому улучшенію условій фабричнаго труда непремѣнно предшествовали безпорядки на фабрикахъ и заводахъ,—и рабочіе уже привыкли считать демонстраціи единственнымъ вѣрнымъ средствомъ для защиты своихъ интересовъ.

Чтобы добиться успѣха,—надо перестрадать! — сдѣлалось руководящимъ стимуломъ жизни рабочаго.

И въ такомъ плачевномъ положеніи наиболѣе жизненный вопросъ всей нашей государственной и народно-хозяйственной жизни оставался до самаго послѣдняго времени, когда война и связанныя съ нею тяготы условій народнаго хозяйства—усиленный трудъ для однихъ и безработица для другихъ, дороговизна жизни, болѣе тяжелыя условія уплаты податей, при уменьшившемся отъ призыва на военную службу числѣ работниковъ, ухудшили матеріальное положеніе низшихъ классовъ населенія и обострили рабочее движеніе.

Послѣднее охватило всю Россію; впервые рабочій классъ такъ единодушно и сознательно выступилъ на арену исторической жизни Россіи, и событія 9-го января окончательно показали дальнѣйшую невозможность нашей традиціонной политики рабочаго вопроса.

Такъ, въ 1893 году статсъ-секретарь Витте, будучи тогда министромъ финансовъ, представилъ въ установленномъ порядкѣ проектъ закона о вознагражденіи рабочихъ за потерю трудоспособности на фабрикахъ и заводахъ, но долженъ былъ взять этотъ проектъ обратно „вслѣдствіе встрѣченныхъ имъ возраженій“, и только черезъ 10 лѣтъ послѣ того ему удалось провести тотъ же законъ и то лишь въ ослабленномъ противъ первоначальныхъ его предположеній видѣ. Какъ осторожно выражено въ журналѣ комитета, иниціаторы подобныхъ дѣлъ „подвергались обвиненіямъ въ томъ, что они изобрѣтаютъ несуществующій еще въ Россіи рабочій вопросъ.“ („Нов. Вр.“, № 103).

Слава Богу, время это миновало, и Высочайшимъ указомъ 12 декабря минувшаго года въ числѣ новыхъ мѣръ къ устроенію государственнаго управленія было намѣчено опредѣленіе взаимныхъ отношеній промышленниковъ и рабочихъ и обезпеченіе труда и жизни рабочихъ государственнымъ страхованіемъ.

Во исполненіе Высочайшей воли

Комитетъ Министровъ уже приступилъ къ разсмотрѣнію представленія министра финансовъ по рабочему вопросу.

Какъ видно изъ журнала Комитета Министровъ, Комитетъ призналъ, что фабричное наше законодательство, къ созданію коего было приступлено въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія, подвигалось впередъ весьма медленно и за двадцатипятилѣтіе со времени его возникновенія выразилось въ проведеніи въ жизнь весьма немногихъ нормъ, упорядочившихъ лишь нѣкоторыя изъ отношеній промышленниковъ и рабочихъ. Въ сознаніи очевиднаго несоотвѣтствія между объемомъ закона и выдвинутыми жизнью запросами, министерство финансовъ по мѣрѣ силъ стремилось къ восполненію замѣчаемыхъ пробѣловъ. Ходъ дѣла былъ, однако, таковъ, что министерство это встрѣчало на своемъ пути затрудненія, и дѣло уклонялось иногда въ нежелательномъ направленіи.

Основаніемъ къ указанному положенію служилъ существовавшій тогда ошибочный взглядъ на существо рабочаго вопроса въ Россіи, будто условія фабричной жизни у насъ и на Западѣ совершенно между собою различны. „Число рабочихъ, занятыхъ на нашихъ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, весьма незначительно, благодаря счастливымъ условіямъ землепользованія, большая часть русскихъ рабочихъ тѣсно связана съ землею и на фабричныя работы идетъ, какъ на отхожіе промыслы, ради подсобнаго заработка, сохраняя постоянную живую связь съ деревнею; никакой систематической борьбы рабочихъ съ предпринимателями нѣтъ, нѣтъ въ ней и самаго рабочаго вопроса, а потому и не приходится создавать, по западнымъ образцамъ, фабричнаго законодательства".

Возражать противъ этого взгляда въ настоящее время нѣтъ болѣе надобности, но за то слѣдуетъ отмѣтить существенную разницу въ условіяхъ фабрично-заводской жизни у насъ и въ нѣкоторыхъ государствахъ Запада, гдѣ рабочій вопросъ, не испытавъ на пути своемъ подобныхъ задержекъ, является упорядоченнымъ и опредѣленъ закономъ. Исторія фабричнаго законодательства, напримѣръ, Германіи, показываетъ, что государственные люди страны, и во главѣ ихъ князь Бисмаркъ, своевременно оцѣнили значеніе рабочаго вопроса и, настоявъ на изданіи наиболѣе существенныхъ по нему законовъ (о государственномъ страхованіи рабочихъ, о союзахъ, стачкахъ и т. д.), взяли рабочее движеніе въ свои руки. Благодаря этому прошедшая одновременно съ нашею стачка въ бассейнѣ р. Руръ, — весьма значительная по числу забастовавшихъ,—протекала мирно, безъ нарушенія общественнаго, а тѣмъ менѣе государственнаго порядка.

Послѣдствіемъ указанной задержки въ развитіи нашего фабрично-заводскаго законодательства было то, что наше рабочее движеніе, не будучи удерживаемо въ своемъ теченіи опредѣленными рамками закона, уклонилось съ свойственнаго ему пути экономическаго характера и, принявъ политическій характеръ, испытало силу полицейскаго воздѣйствія. Затѣмъ постоянныя попытки со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ захватить въ руки полицейскаго надзора даже фабричную инспекцію, съ такимъ трудомъ организованную министерствомъ финансовъ въ цѣляхъ хотя бы нѣкотораго упорядоченія вопроса о работодателяхъ и рабочихъ, не могли не оказать парализующаго вліянія на ея дѣятельность. Только въ ноябрѣ прошлаго года министерство финансовъ могло, наконецъ, считаться окончательно съ тѣмъ, что оно отстояло свое родное дѣтище, давъ отпоръ тѣмъ рѣшительнымъ и упорнымъ натискамъ, посредствомъ которыхъ, въ особенно-

сти въ дни министерства покойнаго г. Плеве, вѣдомство внутреннихъ дѣлъ домогалось захватить фабричную инспекцію въ кругъ своего вѣдѣнія, дабы воспользоваться и этимъ учрежденіемъ въ преслѣдовавшихся имъ специфическихъ цѣляхъ, прикрытыхъ необходимостью охраны порядка.

Все это, къ счастью, отнынѣ уже „исторія", но мы, современники, пережившіе ее въ столь недавнемъ прошломъ, только теперь знакомимся и то изъ оффиціальныхъ источниковъ, съ тѣми печальными плодами, къ которымъ приводила отжившая, надо надѣяться, система „усмотрѣній".

Къ счастью, отнынѣ, какъ видно изъ того же журнала комитета министровъ, удалось, наконецъ, нанести рѣшительный ударъ этой системѣ усмотрѣній и въ вопросѣ о стачкахъ и забастовкахъ Комитетъ министровъ призналъ уже ихъ возникновеніе и дѣйствіе на экономической, конечно, исключительно почвѣ и. что само собою понимается, при отсутствіи въ нихъ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія—явленіемъ вполнѣ законнымъ и подлежащимъ закономѣрному упорядоченію и приведенію въ надлежащее соотвѣтствіе съ условіями и требованіями промышленной жизни. Прежній взглядъ на стачки и забастовки, какъ на подлежащее уголовной карѣ нарушеніе общественнаго порядка, сданъ такимъ образомъ въ архивъ, а взамѣнъ его, Комитетъ министровъ высказался за необходимость того, „чтобы рабочіе были надлежащимъ образомъ организованы и знали точно свои права и обязанности". Только этимъ путемъ, по справедливому мнѣнію Комитета министровъ, подтверждаемому и всѣмъ опытомъ западно-европейской жизни, можно достигнуть того, чтобы рабочее движеніе не уклонялось „со свойственнаго ему пути экономическаго характера".

Остановимъ теперь вниманіе на томъ, какъ возникъ рабочій вопросъ въ Западной Европѣ и подъ вліяніемъ какихъ направленій создалось современное отношеніе къ нему общества и законодателества.

Рабочій вопросъ впервые возникъ въ началѣ XIX вѣка въ Англіи, странѣ, гдѣ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, развилась фабричная индустрія. Промышленный переворотъ, начавшійся тамъ въ концѣ XVIII вѣка, раззорилъ многочисленный классъ ремесленниковъ и кустарей, не выдержавшихъ конкуренціи фабричнаго производства, и бросилъ ихъ въ ряды наемныхъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіе въ техническихъ процессахъ сдѣлало возможнымъ привлеченіе къ фабричному производству новыхъ рабочихъ силъ, раньше стоявшихъ въ сторонѣ отъ него: дешевый трудъ дѣтей, подростковъ и женщинъ сталъ примѣняться, наряду и даже преимущественно предъ трудомъ взрослыхъ мужчинъ.

Существенно измѣнилось, далѣе, и положеніе самихъ рабочихъ по сравненію съ ихъ положеніемъ въ прежнее время, когда господствовалъ типъ мелкихъ предпріятій. Въ фабричномъ производствѣ первенствующую роль началъ играть капиталъ, и для основанія новаго предпріятія его стало требоваться все больше и больше. За ничтожными исключеніями, для фабричнаго рабочаго, въ противоположность ремесленнымъ подмастерьямъ прежняго времени, исчезла возможность добиться самостоятельнаго положенія предпринимателя.

Такимъ образомъ все рѣзче обозначалось противоположеніе между трудомъ и капиталомъ, между неимущими рабочими, вынужденными во что бы то ни стало отдавать въ наемъ свою рабочую силу, и владѣльцами орудій производства, стремившимися извлечь изъ своего экономическаго превосходства всѣ допускаемыя имъ выгоды. Это стремленіе не встрѣтило отпора со стороны государствен-

ной власти, провозгласившей свободу договора между предпринимателемъ и рабочими, хотя бы и формальную только, основнымъ условіемъ возрастанія народнаго богатства. Результаты не замедлили сказаться: чрезмѣрное удлиненіе рабочаго времени, чудовищная эксплоатація дѣтскаго и женскаго фабричнаго труда, низведеніе рабочей платы до уровня, едва достаточнаго для поддержанія полуголоднаго существованія, губительная для здоровья, жизни и нравственности рабочихъ обстановка труда,—все это повело къ физическому вырожденію и нравственному одичанію рабочаго населенія въ Англіи.

Эти факты трудно было игнорировать, и рабочій вопросъ, все болѣе привлекая къ себѣ общественное вниманіе, выступаетъ въ Англіи на первый планъ съ нач. 30-хъ годовъ, особенно со времени избирательной реформы 1832 г.

Въ странахъ, позже Англіи вступившихъ на путь капитализма, сходныя причины вызвали сходныя послѣдствія. Отношеніе государственной власти къ рабочему вопросу теперь почти повсюду измѣнилось, и она вступила въ дѣятельную борьбу съ наиболѣе вопіющими аномаліями въ положеніи рабочихъ (путемъ фабричныхъ законодательствъ, страхованія рабочихъ и проч.), но этими мѣрами, разумѣется, не устраняются еще основныя причины, породившія рабочій вопросъ.

Въ промышленныхъ странахъ Запада все большія массы населенія теряютъ свою экономическую самостоятельность и переходятъ въ ряды пролетаріевъ, живущихъ только своею рабочею платой, со всѣми печальными послѣдствіями такого не обезпеченнаго существованія.

Вслѣдствіе этого рабочій вопросъ постепенно пріобрѣтаетъ тамъ исключительное по своей важности значеніе.

Среди противорѣчивыхъ мнѣній о рабочемъ вопросѣ можно отличить слѣдующія главныя направленія.

1) *Индивидуалистическое*, называемое часто манчестерскимъ. Сторонники его принципіально отрицаютъ обязанность государства придти въ той или иной степени на помощь рабочимъ. Они относятся съ безусловной враждебностью даже къ такимъ мѣрамъ, какъ законодательная защита дѣтскаго и женскаго труда или заботы о здоровьѣ и образованіи рабочихъ и проч. Государство должно, по ихъ мнѣнію, стоять лишь на стражѣ собственности и свободы договора и, слѣдовательно, запрещать основаніе рабочихъ союзовъ, посягающихъ на послѣднюю. Въ испытываемыхъ рабочими бѣдствіяхъ они винятъ или самихъ рабочихъ, которые поэтому должны избавиться отъ нихъ личными усиліями, или существовавшія и существующія стѣсненія хозяйственной свободы. Въ послѣдней они видятъ панацею всѣхъ экономическихъ золъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя на ихъ взглядъ устранимы, такъ какъ они охотно допускаютъ, что многія, при несовершествѣ человѣческихъ дѣлъ, неизбѣжны.

Поскольку печальное положеніе рабочихъ обусловлено низкою рабочею платою, оно можетъ улучшиться лишь вслѣдствіе возрастанія такъ называемаго фонда рабочей платы, которое идетъ съ наибольшей быстротой при неограниченной хозяйственной свободѣ и сокращеніи числа браковъ и рожденій между рабочими.

2) Представители *соціализма* видятъ корень рабочаго вопроса въ разобщеніи орудій производства отъ труда; единственный исходъ, по ихъ мнѣнію,—обращеніе орудій производства въ коллективную собственность общества; вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ система наемнаго труда, и современный способъ производства будетъ замѣненъ производствомъ въ рабочихъ ассоціаціяхъ.

Для перехода къ новой системѣ производства, дальнѣйшей органи-

заціи и планомѣрнаго регулированія послѣдняго, они считаютъ необходимымъ непосредственное содѣйствіе государства.

3) Между описанными направленіями стоитъ третье, которое и въ теоріи, и въ практикѣ ратуетъ за умѣренныя экономическія реформы. Въ противоположность манчестерцамъ, сторонники этого направленія признаютъ положительное содѣйствіе государственной власти и извѣстныя ограниченія индивидуальной свободы въ экономической области необходимыми условіями улучшенія судьбы рабочихъ классовъ. Но, съ другой стороны, они думаютъ что эта цѣль доступна безъ коренной ломки существующихъ учрежденій, слѣдовательно, при сохраненіи института частной собственности. Считая устраненіе экономическаго неравенства утопіей, они ставятъ себѣ идеаломъ такой порядокъ вещей, при которомъ рабочій классъ могъ бы принять участіе въ пользованіи плодами общаго культурнаго развитія и не былъ бы отдѣленъ непроходимой пропастью отъ выше стоящихъ классовъ.

Для этого они считаютъ необходимымъ: 1) широкое развитіе добровольныхъ рабочихъ организацій, которыя дали бы рабочимъ возможность соединенными силами вести и выдерживать борьбу съ предпринимателями; 2) систему законодательныхъ и административныхъ мѣръ, ограждающихъ рабочихъ отъ эксплоатаціи, когда ихъ личныя, или организованныя усилія недостаточны для этого. Рабочее законодательство должно носить по возможности международный характеръ (починъ въ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ Берлинскою международною рабочею конференціею, созванной по иниціативѣ императора Вильгельма II и засѣдавшей въ августѣ 1890 г.); 3) страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни, инвалидности, старости, смерти.

Нѣкоторые сторонники реформъ указываютъ еще на церковь, какъ на учрежденіе, призванное содѣйствовать разрѣшенію рабочаго вопроса.—Другія партіи, на которыя разбивается это направленіе, отличаются другъ отъ друга главнымъ образомъ по объему задачъ, возлагаемыхъ ими на государство.

Въ отношеніи самихъ рабочихъ къ средствамъ могущимъ улучшить ихъ положеніе, замѣчаются два основныхъ теченія. Одно, господствующее въ Англіи, возлагаетъ всѣ свои надежды на организованную самопомощь рабочихъ и отчасти фабричное законодательство. Другое, преобладающее на континентѣ, считаетъ необходимымъ болѣе радикальныя мѣры.

Германскіе рабочіе, обладающіе послѣ англійскихъ наиболѣе сильной организаціей, придерживаясь въ теоріи крайнихъ мнѣній, выступаютъ съ практической программой, приближающей ихъ къ сторонникамъ умѣренныхъ реформъ.

На Эрфуртскомъ конгрессѣ (окт. 1891 г.) они выставили слѣдующія требованія: 1) строго примѣняемое національное и международное законодательство на слѣдующихъ основаніяхъ: а) установленіе нормальнаго рабочаго дня, непревышающаго 8 часовъ, б) запрещеніе труда для дѣтей моложе 14 лѣтъ, в) запрещеніе ночной работы, за исключеніемъ тѣхъ отраслей труда промышленности, которыя требуютъ этого по своему существу, или по техническимъ условіямъ дѣла, или по соображеніямъ общаго блага, г) еженедѣльный непрерывный отдыхъ въ 36 час. для каждаго рабочаго, д) запрещеніе такъ называемой truck—system, т. е. выдачи жалованія рабочимъ товарами, ж) надзоръ за всѣми промышленными предпріятіями, изслѣдованіе и регулированіе условій труда въ городахъ и сельскихъ округахъ черезъ посредство особыхъ учрежденій, всестороннее проведеніе требованій промышленной гигіены и проч.

Сопоставимъ теперь перечисленныя выше требованія рабочихъ, высказанныя на Берлинской международной конференціи и на Эрфуртскомъ конгрессѣ, съ требованіями русскихъ рабочихъ.

Извѣстно, что рабочіе по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ на рабочій вопросъ представляютъ три разные типа. Къ первому принадлежатъ мастера и ихъ помощники, въ большинствѣ случаевъ порядочно обезпеченные, не предъявляющіе никакихъ требованій и вполнѣ довольные своимъ соціальнымъ положеніемъ; къ второму — обыкновенные рабочіе, зависящіе отъ первыхъ, мало обезпеченные матеріально въ настоящемъ и нисколько—въ будущемъ, все благосостояніе которыхъ зиждется условно на трудоспособности съ одной стороны и положеніи промышленности съ другой и, наконецъ, къ третьему типу—болѣе образованная, но малочисленная группа рабочихъ съ достаткомъ среднимъ между первыми двумя типами рабочихъ, агитирующая на первыя двѣ группы въ цѣляхъ улучшенія экономическаго положенія рабочихъ и расширенія ихъ политическихъ правъ.

Первая группа рабочихъ, принципіально во всемъ согласная съ предпринимателями, придерживается индивидуалистическаго взгляда на рабочій вопросъ; вторая, требующая охраны труда закономъ, восьмичасового рабочаго дня и нормировки сверхъ-урочныхъ работъ, нормальной заработной платы, свободы потребительныхъ, производительныхъ трудовъ, профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, участія представителей рабочихъ въ выработкѣ законопроекта государственнаго страхованія рабочихъ, придерживается третьяго, такъ называемаго средняго умѣреннаго взгляда на рѣшеніе рабочаго вопроса. Эта вторая группа, наиболѣе у насъ многочисленная, озабочена единственно улучшеніемъ своего матеріальнаго положенія, не добивается измѣненія существующаго правового порядка и отчасти во враждѣ съ 3-ей группой.

Наконецъ, третья группа придерживается второго, соціалистическаго взгляда на рѣшеніе рабочаго вопроса, не считая возможнымъ его правильное разрѣшеніе безъ нѣкоторыхъ мѣръ общественно-политическаго характера, какъ-то: свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраній, свободы совѣсти въ дѣлѣ религіи, обязательности народнаго образованія, возвращенія пострадавшихъ за убѣжденія, отвѣтственности управленія передъ народными представителями, замѣны косвенныхъ налоговъ подоходнымъ налогомъ, дешеваго кредита, передѣловъ и проч. Эта группа, организованная, своимъ вліяніемъ на неорганизованныя массы рабочихъ второй группы отчасти помѣшала ей въ достиженіи намѣченной цѣли участіемъ въ коммисіи т. с. Шидловскаго.

Какъ извѣстно, эта коммисія прекратила свою дѣятельность, вслѣдствіе отказа администраціи удовлетворить требованіямъ, выставленнымъ рабочими. Требованія-же эти настолько широки*), что удовлетвореніе ихъ давало-бы рабочимъ права, не предоставленныя по законамъ Имперіи русскому гражданину. Врядъ-ли какое либо правительство вообще потерпѣло бы, напр., защиту интересовъ рабочихъ уполномоченными на то лицами не изъ среды рабочихъ, или, въ угоду выборщиковъ, безъ суда освободило-бы арестованныхъ и отмѣнило законы, охраняющіе существующій въ государствѣ правопорядокъ. Такое требованіе само по себѣ демонстративно подтверждаетъ наличность вліянія крайнихъ элементовъ, мѣшающихъ правильному, спокойному и постепен-

*) См. жур. „Наука и жизнь" хроника русской жизни № 2.

ному разрѣшенію насущныхъ интересовъ рабочихъ.

А между тѣмъ условія труда рабочихъ таковы, что требуютъ самаго внимательнаго отношенія и скорѣйшаго измѣненія.

Коснемся здѣсь хотя-бы вопроса о рабочемъ днѣ и вліяніи его на жизнь рабочихъ.

Говоря о рабочемъ времени, т. е. количествѣ рабочихъ часовъ въ сутки или въ недѣлю и количествѣ рабочихъ дней въ году, обыкновенно имѣютъ въ виду продолжительность наемнаго труда. Важное общественное значеніе вопроса о рабочемъ времени вытекаетъ изъ того факта, что въ странахъ съ капиталистическимъ хозяйственнымъ строемъ число лицъ, отдающихъ въ наемъ свою рабочую силу, весьма велико и безпрерывно растетъ. Интересъ предпринимателей заключается въ томъ, что при данной рабочей платѣ рабочее время было по возможности продолжительнѣе, такъ какъ отъ этого, при прочихъ равныхъ условіяхъ, зависитъ ихъ прибыль. Рабочій, наоборотъ, заинтересованъ, конечно, въ томъ, чтобы оно было возможно короче и отъ времени до времени прерывалось днями полнаго отдыха.

Размѣры возможнаго сокращенія рабочаго времени не вездѣ, конечно, одинаковы. Въ странахъ съ высокой производительностью труда восьмичасовой рабочій день для взрослыхъ представляется, повидимому, вполнѣ достаточной нормой, и происходящее на Западѣ движеніе въ его пользу имѣетъ много шансовъ на успѣхъ. Законодательнымъ путемъ онъ введенъ уже въ 4—5 штатахъ Сѣв. Америки, фактически — въ австралійскихъ колоніяхъ Викторіи (съ 1855 г.) и Южной Австраліи (съ 1873 г.), во многихъ отрасляхъ промышленности въ Великобританіи и т. д. Болѣе длинный нормальный рабочій день существуетъ въ Швейцаріи (съ 1877 г.) и Австріи (съ 1883—85 г.).

Отъ сокращенія рабочаго времени болѣе всего выигрываютъ, конечно, сами рабочіе, но трудно не видѣть его благодѣтельнаго общекультурнаго значенія. Отъ государства и общества зависитъ, конечно, доставленіе рабочимъ возможности разумно провести свободные отъ труда часы — путемъ устройства народныхъ читаленъ, общественныхъ чтеній, концертовъ и пр. Что касается его результатовъ для народнаго хозяйства, то возможный недочетъ въ производствѣ допускаетъ возмѣщеніе вслѣдствіе увеличенія интензивности труда, усовершенствованія машинъ и техники, сокращенія нѣкоторыхъ издержекъ производства, привлеченія „резервной арміи“ незанятыхъ рабочихъ и т. д. Наконецъ, международное регулированіе рабочаго времени могло бы разсѣять неосновательныя опасенія, что страны съ сокращеннымъ рабочимъ временемъ очутятся въ невыгодномъ положеніи относительно своихъ конкурентовъ на всемірномъ рынкѣ.

Число нерабочихъ дней въ году наименѣе велико въ протестантскихъ странахъ, гдѣ кромѣ воскресенья, работа прекращается лишь въ немногіе дни—Р.-Христово, Пасху, Троицу. Въ католическихъ и непротестантскихъ странахъ оно гораздо больше.

Въ Россіи оно, по вычисленію академ. Янжула, составляетъ, кромѣ воскресеній, 27 дней въ году; съ этими данными расходятся выводы г. Дементьева, опредѣляющаго среднее число рабочихъ дней въ году на фабрикахъ Московской губ. въ 276 для машиннаго производства и 268 для ручного. Продолжительность рабочаго дня и перерывовъ для принятія пищи и отдыха, способы чередованія смѣнъ и проч. отличаются величайшимъ разнообразіемъ не только по отдѣльнымъ мѣстностямъ и производствамъ, но часто въ лежащихъ близко другъ отъ друга однородныхъ предпріятіяхъ. Что ка-

сается рабочихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, то для нихъ устанавливается путемъ обычая рабочее время извѣстной продолжительности даже тамъ, гдѣ нѣтъ законодательныхъ опредѣленій на этотъ счетъ. Въ мелкихъ же предпріятіяхъ рабочее время сообразуется больше съ наплывомъ и спѣшностью заказовъ; число рабочихъ въ нихъ остается большею частью неизмѣннымъ, число рабочихъ часовъ увеличивается или уменьшается, смотря по надобности. Слѣдовательно, данныя о рабочемъ времени имѣютъ въ виду дѣйствительное время (т. е. не включая въ счетъ перерывы) и притомъ только для взрослыхъ и мужчинъ.

Въ Великобританіи фабричное законодательство, ограничившее рабочее время дѣтей, подростковъ и женщинъ, отразилось косвенно и на рабочемъ времени взрослыхъ мужскихъ рабочихъ въ тѣхъ производствахъ, гдѣ они работаютъ вмѣстѣ съ первыми. Въ важнѣйшихъ производствахъ этого рода — обработкѣ волокнистыхъ веществъ, писчебумажномъ, стеклянномъ и гончарномъ—недѣльное число рабочихъ часовъ составляетъ по общему правилу 54—56 часовъ, изъ которыхъ на первые пять будничныхъ дней приходится 50 часовъ, а на субботу, (признаваемую закономъ за полупраздникъ) — 4—6 час. Благодаря запрещенію ночной работы для пользующихся защитой закона лицъ, она почти исчезла въ упомянутыхъ отрасляхъ.

Въ дѣлѣ сокращенія рабочаго времени для взрослыхъ, крупныхъ результатовъ добились рабочіе союзы, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Піонерами здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, были наборщики, которые теперь работаютъ только 48—54 часовъ въ недѣлю.

Переплетчики, имѣющіе старѣйшій trade union, также работаютъ только 54 ч.; то же относится къ рабочимъ, занятымъ въ чугунно-литейномъ, машиностроительномъ и кораблестроительномъ дѣлѣ.

Въ копяхъ, для работающихъ подъ землей, принятъ по большей части 8-часовой и даже меньшій рабочій день, и рабочіе зорко слѣдятъ за правильностью смѣнъ.

Въ значительно худшія условія поставлены желѣзнодорожные служащіе (особенно машинисты), которымъ все еще приходится работать не менѣе 12 час. въ день, иногда 15 часовъ подъ-рядъ. Еще хуже положеніе лицъ, занятыхъ въ кустарной промышленности и служащихъ въ магазинахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ въ частныхъ предпріятіяхъ господствуетъ 10-ти часов. рабочій день; онъ признанъ закономъ обязательнымъ въ Небраскѣ для всѣхъ, въ Пенсильваніи и Нью-Джерси — для нѣкоторыхъ промысловъ. Недѣльное рабочее время въ 54 ч. также весьма распространено, особенно въ строительномъ дѣлѣ. Существуетъ, однако, большое разнообразіе какъ по различнымъ отраслямъ производства, такъ и по отдѣльнымъ штатамъ. Болѣе продолжительное рабочее время встрѣчается наичаще въ южныхъ штатахъ. Въ нѣкоторыхъ занятіяхъ рабочее время еще очень велико. Такъ, въ транспортномъ дѣлѣ еще въ серединѣ 80-хъ гг. встрѣчалось рабочее время свыше 100 до 125 часовъ. Въ общемъ, однако, усилія рабочихъ сократить рабочее время, главнымъ образомъ, путемъ стачекъ, увѣнчались успѣхомъ въ періодъ 1881—86 гг. и во многихъ случаяхъ они добились введенія 8 час. рабоч. дня.

Движеніе въ пользу послѣдняго, принявшее особенно широкіе размѣры съ основанія National Labor Association (въ 1866 г.) повело къ тому, что уже въ 1868 году рабочій день въ правительственныхъ мастерскихъ былъ ограниченъ 8 часами. Во многихъ штатахъ (Калифорнія, Коннек-

тикутѣ, Иллинойсѣ, Пенсильваніи, Висконсинѣ) 8-час. рабочій день введенъ закономъ субсидіарно, на тотъ случай, если не выговорено другое рабочее время.

Воскресный отдыхъ свято соблюдается только въ Англіи и Шотландіи. Законодательство же о немъ въ другихъ странахъ приближается къ англійскому.

Въ Швейцаріи рабочій день на фабрикахъ составляетъ, по закону 1877 г., 11 часовъ въ будни и 10 час. наканунѣ воскресенья и праздниковъ. Фактически работаютъ тамъ больше 11 час. не только въ ремесленномъ производствѣ и сельскомъ хозяйствѣ, но во многихъ мѣстахъ, и на фабрикахъ. Встрѣчается, впрочемъ, часто и 10 час. рабоч. день. Воскресный трудъ запрещенъ, за нѣкоторыми изъятіями.

Въ Австріи, гдѣ законъ опредѣляетъ рабочій день въ фабричныхъ предпріятіяхъ въ 11 часовъ, а въ горномъ дѣлѣ—въ 10 час., постепенно укореняется 11 часовой рабочій день. Предписываемый закономъ воскресный отдыхъ плохо соблюдается въ мелкихъ промыслахъ.

Въ Германіи рабочее время колеблется между 10—12 час.; но отклоненія отъ этой нормы весьма многочисленны; особенно часто практикуются сверхъ-урочные часы, вызвавшіе, напр., обширныя стачки горнорабочихъ въ маѣ 1889 г., въ декабрѣ 1904 г. и январѣ 1905 г.

Въ Италіи среднее рабочее время въ крупной промышленности составляетъ 11—12 час. въ день, но въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ея (хлопчатобумажныхъ, шелкопрядильныхъ и сучильныхъ) оно далеко выходитъ за эти предѣлы.

Во Франціи, гдѣ почти отсутствуетъ фабричное законодательство, законъ 9 Октября 1848 г. ограничилъ трудъ взрослыхъ рабочихъ 10 часами въ день. Законъ этотъ остался только на бумагѣ, но съ теченіемъ времени фактически установился 12 час. рабочій день. Большія заслуги пріобрѣло своею дѣятельностью въ этомъ направленіи мюльгаузенское Société industrielle. Въ мелкихъ промыслахъ, приближающихся къ ремеслу, рабочій день весьма неодинаковъ и въ нѣкоторыхъ доходитъ до 15—16 час. и даже болѣе.

Въ Бельгіи рабочее время во всѣхъ отрасляхъ труда чрезмѣрно продолжительно. До изданія закона 13 дек. 1889 г. даже женщины и дѣти не составляли исключенія отсюда, работая въ каменноугольныхъ копяхъ въ 10—12 часовыхъ смѣнахъ. Въ хлопчатобумажной и шерстяной индустріи 78—84 раб. часовъ въ недѣлю составляютъ правило: на сахарныхъ заводахъ рабочій день составляетъ 13—14 часовъ. При столь длинномъ рабочемъ времени рабочая плата въ Бельгіи низка, подтверждая часто наблюдаемый фактъ обратнаго отношенія между продолжительностью рабочаго дня и высотой рабочей платы.

Въ Голландіи положеніе вещей не лучше, чѣмъ въ Бельгіи.

Въ Россіи сколько нибудь надежныя данныя о рабочемъ времени въ промышленныхъ предпріятіяхъ Имперіи существуютъ лишь со времени учрежденія фабричной инспекціи въ началѣ 80-хъ г.г. Такъ какъ наше фабричное законодательство не регулируетъ рабочаго времени взрослыхъ мужскихъ рабочихъ, то единственный доселѣ отчетъ главнаго фабричнаго инспектора за 1885 г., (представляющій сводъ отчетовъ отдѣльныхъ фабричныхъ инспекторовъ), не касается этого вопроса подробно.

Изъ осмотрѣнныхъ инспекціей 4897 промышленныхъ предпріятій (5% всѣхъ подлежавшихъ ея вѣдѣнію) полныя данныя о рабочемъ времени имѣются лишь относительно 1214, принадлежащихъ къ 125 производствамъ.

По этимъ даннымъ рабочее время чрезвычайно разнообразно не только въ различныхъ отрасляхъ

промышленности, но и въ однородныхъ и расположенныхъ по сосѣдству фабрикахъ.

Ближайшее изслѣдованіе показало, что рабочее время тѣмъ больше, чѣмъ примитивнѣе устроена фабрика и чѣмъ меньше въ ней примѣняются новѣйшія усовершенствованія техники. Въ большинствѣ фабрикъ (80%) рабочій день не превышаетъ 12 час., въ остальныхъ 20% онъ составляетъ 12-20 часовъ. 12-ти часовой рабочій день существуетъ въ 36,8% всѣхъ фабрикъ, 11 часов.—въ 20,8%, 10 час.—въ 18,1% 9-час,—въ 2,1%, 8-час — въ 1,6%, 7-час.—въ 0,4%, 6-час.— въ 0,2%. Что касается рабочаго дня въ широкомъ смыслѣ, т. е. со включеніемъ перерывовъ, то онъ составляетъ 12 ч. и менѣе лишь въ 32,5% всѣхъ фабрикъ, въ остальныхъ онъ больше. Въ 20% фабрикъ практикуется ночная работа, какъ правильная система; наиболѣе распространена она во Владимірскомъ и Московскомъ округахъ.

Какъ сообщаетъ проф. Янжулъ въ своемъ отчетѣ за 1882 — 3 г., распредѣленіе смѣнъ въ этихъ фабрикахъ часто въ высшей степени неудобно и даже прямо губительно для здоровья рабочихъ: онѣ или чрезмѣрно длинны, или слишкомъ часты и коротки.

Въ 74% всѣхъ промышленныхъ заведеній рабочій день начинается не ранѣе 5 ч. утра и заканчивается не позже 9 час. вечера.

По даннымъ акад. Янжула, дѣйствительно рабочій день въ подлежавшей его вѣдѣнію Московской губерніи (являющейся во многихъ отношеніяхъ типичной представительницей средней промышленной полосы Россіи) составляетъ 11-14 часовъ, въ среднемъ 12½ час. (по изслѣдованію г. Дементьева, относящемуся къ нѣкоторымъ уѣздамъ той же губерніи,—13 ч.).

Ужасающей по своей продолжительности является работа въ рогожномъ производствѣ, а также въ большихъ пекарняхъ.

Что касается праздниковъ, то воскресный отдыхъ часто нарушается даже въ производствахъ, допускающихъ перерывъ въ работѣ, особенно тамъ, гдѣ принята сдѣльная плата. Въ субботу работа лишь въ немногихъ, большихъ фабрикахъ прекращается въ 6—7 час. вечера, въ большинствѣ же случаевъ —въ 12 час. ночи, иногда даже въ 4—6 ч. утра въ воскресенье.

Рабочее время наемныхъ сельскихъ рабочихъ, вѣроятно, не короче, чѣмъ у самостоятельныхъ крестьянъ, для которыхъ 16—18 ч. напряженнаго труда не представляетъ въ страдную пору ничего чрезвычайнаго.

Весьма продолжительно рабочее время приказчиковъ въ городскихъ магазинахъ, особенно торгующихъ съѣстными припасами. Воскреснымъ отдыхомъ они рѣдко пользуются; лишь въ нѣкоторыхъ городахъ магазины обязательно открываются позже обычнаго времени (въ 11—12 час. и закрываются раньше (въ 2—3 ч).

Какъ извѣстно, м-во финансовъ обратилось еще годъ тому назадъ во всѣ биржевые комитеты съ запросомъ о томъ, вызываетъ ли современное положеніе служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ необходимость въ нормировкѣ ихъ рабочаго дня и не будетъ ли ограниченіе его стѣснительнымъ для торговли. Изъ отвѣтовъ биржевыхъ комитетовъ, весьма поучительныхъ по своему единодушію, выяснилась, во-первыхъ, чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня приказчиковъ, достигающая въ нѣкоторыхъ городахъ, 16—20 час. въ сутки, и, во-вторыхъ, полная возможность, безъ ущерба для торговли, установить норму рабочаго дня въ 11—12 часовъ въ сутки, включая достаточный для обѣда перерывъ въ 1½ часа. При этомъ необходимымъ условіемъ выставляется также предоставленіе

мѣстнымъ городскимъ общественнымъ учрежденіямъ право изданія обязательныхъ постановленій, коими упомянутый рабочій день могъ бы сокращаться еще болѣе, въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями.

Вопросъ о нормировкѣ рабочаго дня приказчиковъ разрабатывается въ м-вѣ финансовъ съ 1901 года, но, повидимому, подвигается впередъ крайне медленно.

Здѣсь мы нарочно дольше остановили вниманіе читателей на рабочемъ времени, чтобы показать на примѣрахъ, что жизнь рабочихъ находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ для ихъ моральнаго и матеріальнаго благополучія. Да и въ самомъ дѣлѣ, можно-ли ожидать какого либо духовно-нравственнаго или экономическаго прогресса отъ людей, едва зарабатывающихъ дневное пропитаніе и большую часть жизни проводящихъ у машинныхъ станковъ, или за стойкой? Однѣ изъ главныхъ причинъ недовольства рабочихъ на испытываемый ими экономическій гнетъ коренятся въ продолжительности рабочаго дня и низкой заработной платѣ, исключающихъ возможность улучшенія и обезпеченія своего матеріальнаго положенія въ будущемъ и обрекающихъ рабочихъ на вѣчную бѣдность и лишенія. Естественно, что при малѣйшей болѣзни и потери трудоспособности, или въ случаѣ безработицы, рабочій легко становится пролетаріемъ, такъ какъ изъ своего, въ большинствѣ случаевъ, ничтожнаго заработка онъ едва можетъ покрыть расходы на пропитаніе и не мечтаетъ о сбереженіяхъ, обезпечивающихъ его въ старости. При такихъ условіяхъ понятно, почему въ Англіи и вообще въ странахъ съ сильно развитой промышленностью, одновременно съ ростомъ послѣдней и накопленіемъ несмѣтныхъ богатствъ въ рукахъ кучки капиталистовъ, — въ средѣ бѣднѣйшихъ классовъ населенія и рабочихъ усиливается пауперизмъ, противъ котораго безсильны пока самыя мудрыя мѣропріятія правительства.

Послѣ экономическаго гнета другая причина недовольства рабочихъ своимъ положеніемъ заключается въ полномъ безправіи и произволѣ надъ рабочими хозяевъ и мастеровъ. Рабочій не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, не говоря уже объ обезпеченіи своей старости страхованіемъ. Но если бы онъ и вздумалъ предпринять что-либо въ цѣляхъ достиженія духовныхъ и матеріальныхъ благъ, онъ лишенъ это сдѣлать у насъ по многимъ причинамъ.

Чтобы улучшить свое положеніе, необходимо организовать профессіональный или кооперативный союзъ, накапливать нужныя средства, вырабатывать разумныя мѣры самопомощи и взаимопомощи и рѣшать массу вопросовъ на собраніяхъ членовъ союзовъ.

Всего этого, однако, лишенъ рабочій при существующемъ искренно недовѣрчивомъ отношеніи къ нему фабрикантовъ, фабричной инспекціи и полицейской администраціи.

Во всякой сходкѣ, воспрещенной у насъ закономъ, предполагается всегда пропаганда революціонныхъ идей, направленныхъ противъ существующаго государственнаго строя. При такихъ условіяхъ осуществить юридически и провести въ жизнь самыя благодѣтельныя для общества учрежденія — организованные союзы, или коопераціи прямо невозможно.

Всякій, кто, въ обходъ закона, сталъ бы во главѣ такого учрежденія и сходокъ членовъ рабочаго союза, попалъ бы подъ „крестикъ". Такъ принято у насъ въ паспортныхъ спискахъ отмѣчать „политически неблагонадежныхъ".

А при такомъ рискованномъ для будущности оборотѣ дѣла, рѣдко кому придетъ желаніе во имя об-

щественнаго блага, подвергать себя риску ссылки въ „мѣста не столь отдаленныя“.

Не въ этомъ ли коренится причина того зла, что нигдѣ въ Европѣ не развито общественное самосознаніе въ столь слабой степени, какъ у насъ въ Россіи?

Инертность, безразличіе къ общественнымъ дѣламъ, нерѣшительность, слабоволіе и безхара́ктерность—.вотъ исторически сложившіяся черты характера русскаго человѣка. Его сама судьба пріучила къ терпѣнію и покорному страданію, чему не мало способствовала сильно развитая въ душѣ русскаго человѣка— религіозность.

Но вѣдь вѣка идутъ, а съ ними прогрессируютъ воля, народныя потребности и самосознаніе. Молодое поколѣніе уже болѣе стараго стремится къ свѣту и къ свободѣ, и если молодое вино не вливаютъ въ старые мѣхи, то тѣмъ болѣе старый правопорядокъ не можетъ удовлеворить новымъ стремленіямъ цѣлямъ и задачамъ жизни.

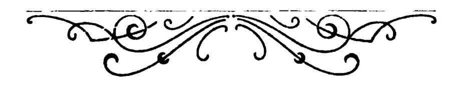
Ненормальность такого порядка вещей была слишкомъ очевидна, чтобы рабочіе не сознавали своего положенія и не стремились тѣмъ или инымъ путемъ улучшить свое соціально-экономическое положеніе и обезпечить лучшими условіями труда свою старость. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что при наличныхъ условіяхъ бороться труду съ капиталомъ не приходится. Шансы слишкомъ не равны въ борьбѣ, гдѣ съ одной стороны—разрозненная рабочая сила, а съ другой орудія производства и капиталъ. Но иное дѣло, когда рабочій классъ представляется не разрозненной голодной толпой, легко подвергающейся, въ силу отсутствія законодательныхъ нормъ, политической агитаціи, а отлично организованной арміей изъ сотенъ тысячъ здоровыхъ физически и нравственно людей, вѣрящихъ въ свои силы и права.

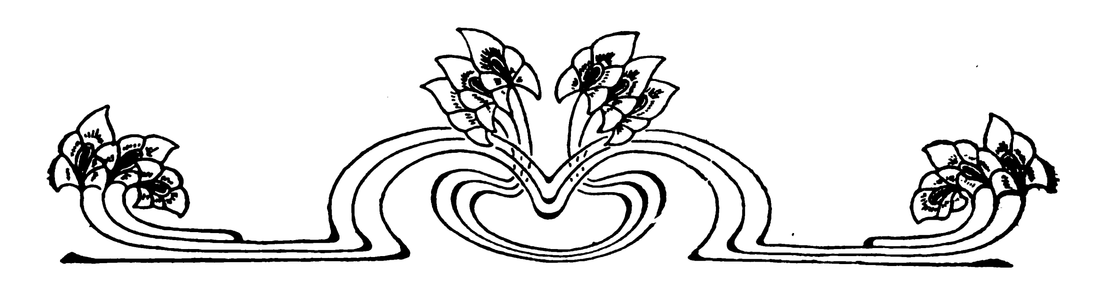
Съ такою именно, рабочею силою соединенною въ профессіональные союзы, trade union'ы, какъ показываетъ опытъ западно-европейской жизни, удобнѣе считаться и правительству, и обществу.

О профессіональныхъ союзахъ, а также стачкахъ и забастовкахъ рабочихъ скажемъ въ другой разъ.

Теперь же закончимъ статью вѣрою въ свѣтлое будущее рабочаго вопроса въ Россіи, такъ какъ въ Высочайшей волѣ Государя, выраженной въ рескриптѣ 18 февраля с. г., о привлеченіи народныхъпредставителей къ участію въ дѣлахъ управленія страною, уже имѣется залогъ благожелательнаго отношенія правительства ко всѣмъ безъ исключенія сословіямъ населенія. А съ этой великой силой можно смѣло надѣяться на скорое улаженіе всѣхъ жизненныхъ вопросовъ нашей народно-хозяйственной жизни.

П. Антроповъ.

Вешнія воды.

Подъ дыханьемъ грозы
Вешней, юной поры
Пробудились дремавшія силы,
И на вольный просторъ
Изъ холодныхъ затворъ
Вдаль могучій свой бѣгъ устремили.
И весенній потокъ,
И могучъ, и глубокъ,
Торжествующій волны вздымаетъ,
И на гребняхъ крутыхъ
Этихъ волнъ молодыхъ
Яркимъ жемчугомъ пѣна играетъ.
Но въ порывѣ борьбы
Много горя, бѣды,
Много слезъ безутѣшно пролитыхъ...
Много нивъ и полей,
Вся надежда людей,
Разъяренной стихіей размыто.
Все-жъ настанетъ пора
Минетъ скоро гроза,
Снова стихнетъ валовъ хоръ сердитый;
И согрѣто тепломъ,
Яркимъ солнца лучомъ,
Все роскошно кругомъ разовьется.
Полна ласки весны,
Жизни, нѣги, красы
Вольно счастія пѣснь вознесется.

Борисъ Фуссъ.

СРЕДИ РАБОЧИХЪ и ХИЩНИКОВЪ.

Картины изъ недавняго прошлаго золотопріисковой тайги.

П. Соколова (Костромскаго).

(Окончаніе).

III.

Заброшенный пріискъ.

Гористая мѣстность принимала иной характеръ. Наши путники въѣхали въ лощину, по бокамъ которой возвышались высокія горы, но безъ скалъ и уступовъ. Эти горы были въ видѣ сопокъ и имѣли округленныя формы. Общій колоритъ мѣстности напоминалъ Уралъ. На одномъ изъ поворотовъ извилистой тропинки, которая пролегала по склону горы, взорамъ ихъ представились странныя постройки, состоявшія изъ параллельно другъ другу поставленныхъ шестовъ съ перекладинами. Громадное колесо съ зубцами было придѣлано къ одному изъ такихъ станковъ. Постройки имѣли весьма странный видъ.

— Что это за висѣлицы?—спросилъ Славскій о. Василія. Тотъ разсмѣялся.

— На этихъ висѣлицахъ повѣсился золотопромышленникъ,—отвѣчалъ онъ съ усмѣшкою.

— Какъ?

— Да прогорѣлъ совсѣмъ. Вотъ вы увидите сами сейчасъ этотъ „пріискъ“.—и священникъ махнулъ рукой.

Они миновали „висѣлицы“, представлявшія ничто иное, какъ брошенный пріискъ, который еще не успѣла летучка *) сжечь на дрова, какъ это часто практикуется здѣсь въ зимнее время.

Скоро они подъѣхали къ грязнымъ и бѣднымъ постройкамъ, оказавшимся пріисковыми. Во дворѣ было все запущено. Старенькій домикъ, напоминающій собою карточную постройку, поражалъ своею ветхостью. Дырявыя ступени крыльца прямо вели въ помѣщеніе. На

*) „Летучкой“ въ Сибири называются вольные промыватели золота, не имѣющіе хозяевъ-золотопромышленниковъ и мѣняющіе свое мѣстопребываніе, чтобы скрыться отъ контроля и преслѣдованія.

крыльцѣ стоялъ самъ управляющій. Это былъ старичекъ съ заплывшимъ, обрюзглымъ лицомъ. Волосы на его головѣ, еще не успѣвшіе посѣдѣть, были всклокочены и развѣвались вѣтромъ. Борода съ сильной просѣдью была, какъ видно, давно нечесана. На немъ надѣтъ былъ старенькій пиджакъ, а на носу сидѣли большіе круглые очки, поверхъ которыхъ выглядывали слезящіеся глаза. Простые сапоги дополняли весьма несложный нарядъ.

— Пожалуйте, батюшка, давно вы не провѣдывали наше горькое житье, — приглашалъ онъ путешественниковъ. Они слѣзли съ лошадей и поздоровались.

— Ну, какъ поживаете, Иванъ Васильевичъ?—привѣтствовалъ его священникъ, входя въ мизерное помѣщеніе пріиска и крестясь на старенькую икону, виднѣвшуюся въ углу.

— Какое наше житье,—проговорилъ управляющій и, закачавъ головой, махнулъ рукой.—Плохо, плохо, батюшка, совсѣмъ безъ хлѣба сидимъ.

— Какъ такъ?—удивился тотъ.

— Припасы выходятъ, да и золота мало, съ хлѣба на квасъ перебиваемся... Вы поди голодны, чѣмъ угостить-то васъ... Жена, подай закусить, что у насъ есть,—крикнулъ онъ въ сосѣднюю комнату, которая походила скорѣй на каморку, чѣмъ на комнату. Дверь въ нее отсутствовала. Въ этой хижинѣ была только одна наружная дверь, а болѣе ихъ не было. Вошла еще не старая женщина и, поздоровавшись съ пріѣзжими, принесла огурцовъ на тарелкѣ и кусокъ мяса. Появился самоваръ и въ видѣ прикуски черный хлѣбъ къ чаю.

— Вотъ какъ мы ѣдимъ,—говорилъ хозяинъ, шагая по комнатѣ и улыбаясь своей печальной улыбкой.

— Золотопромышленникъ,—и онъ иронически засмѣялся.

— Да что же это у васъ такъ, право?—разспрашивалъ батюшка съ участіемъ.

— Эхъ-ма,—махнулъ тотъ рукой,—куда намъ тутъ! Сидимъ безъ хлѣба и безъ денегъ. Припасы выходятъ, а подвозу нѣтъ. Ну, что-же прикажете дѣлать,—и онъ остановился посреди комнаты, крутя свою косматую бороду.—Придется нести золотишко сосѣдямъ, чтобы достать у нихъ хлѣба. Не съ голоду же умирать. Заварилъ кашу, такъ и расхлебывай самъ!—и онъ поникъ головой.

— Да зачѣмъ вы дѣло-то это ведете?—спросилъ Славскій.

— Ахъ, господинъ, господинъ, вы не знаете нашей страсти. Золотопромышленность—это страсть. Кто къ чему привыченъ. Я служилъ на пріискахъ съ малолѣтства, я выросъ въ тайгѣ. Копался самъ и другихъ заставлялъ копать золото. Вотъ и въѣлось въ тебя. Все думаешь, авось повезетъ, авось посчастливится, а выходитъ одна чепуха!—и онъ махнулъ рукой.

— Кушайте, кушайте, только водки вотъ нѣтъ!—и онъ развелъ руками.

— Да у насъ есть своя!—отвѣчалъ Славскій, вынимая изъ походной сумы бутылку и ставя ее на столъ.

— Можно рюмочку у васъ выкушать?—спросилъ хозяинъ, нерѣшительно и конфузясь.

— Сдѣлайте одолженіе!—сказалъ Славскій.

Тотъ проглотилъ рюмку водки и причмокнулъ, какъ дѣлаютъ люди, находящіе наслажденіе въ этомъ, и зашагалъ по комнатѣ.

— Простите, что ужъ такъ у насъ гости угощаютъ хозяевъ, да дѣло-то такое чепуховатое!—и онъ улыбался горькой улыбкой.

— Да вы сами ведете дѣло?—полюбопытствовалъ Славскій.

— Куда мнѣ!..—и онъ безнадежно махнулъ рукой,—отъ хозяина я, да и хозяинъ-то живетъ далеко и совсѣмъ забылъ насъ. Вотъ провизія кончается, а намъ ничего не шлютъ, ни хлѣба, ни денегъ. А промывка идетъ самая пустая... Вотъ и вертитесь, какъ знаете.

— Да это не его ли брошенный пріискъ? Какія-то висѣлицы мы видѣли, проѣзжая...

Старикъ расхохотался.

— Вѣрно изволили замѣтить, что висѣлицы. Намъ, видно, придется на нихъ въ петлю лѣзть... Да... когда-то былъ богатый этотъ человѣкъ, а вотъ повелъ дѣло... заглохло... погнался за двумя зайцами... и прогорѣлъ.

— Онъ купецъ?

— Да, Т—скій купецъ, видите и торговать хочетъ и золото копать. Да если хочешь копать, такъ смотри самъ... а то что? Одна чепуха,— и онъ махнулъ рукой.

— Чепуха-съ, — повторилъ онъ свое любимое слово и, крутя бороду, подошелъ къ столу.

— Разрѣшите еще рюмочку? — приниженно спросилъ онъ Славскаго. Батюшка разсмѣялся.

— Иванъ Васильевичъ, вы опять должно быть начали!—проговорилъ онъ, съ лукавой усмѣшкой, посматривая на него.

— Съ горя-съ,—и онъ проглотилъ вино и не закусывая, отошелъ отъ стола, мотнувъ головой,

— Запьешь-съ, когда ѣсть нечего,—буркнулъ онъ.—Вотъ хлѣбецъ-то черненькій къ чаю подаемъ, а золото копаемъ. Охъ, дорогіе гости, нечѣмъ мнѣ васъ угостить, а бывали прежде времена и Иванъ Васильевичъ умѣлъ пожить. Весело когда-то жили,—и онъ опустилъ голову, теребя бороду, и погрузился въ воспоминанія прошлаго.

О. Василія вызвали на требу, а Славскій попросилъ хозяина, чтобы онъ далъ рабочаго для установки своего фотографическаго аппарата. Ему хотѣлось снять эти „висѣлицы“, которыя онъ видѣлъ, и оставить себѣ память но заброшенному пріиску.

Рабочій оказался тоже старикомъ, съ изможденнымъ лицомъ земляного цвѣта, едва обрамленнымъ сѣдой бородкой. Солнце садилось за горы, когда они вошли въ лощину. Рѣчка, протекавшая по ней, журчала и блестѣла подъ заходящими лучами. Свѣтъ падалъ какъ разъ на „висѣлицы“, ярко ихъ озаряя. Картина была весьма оригинальная, и Славскій сдѣлалъ нѣсколько снимковъ съ нея. Когда онъ складывалъ аппаратъ, то замѣтилъ въ подошвѣ горы какое-то отверстіе вродѣ пещеры.

— Что это такое?—спросилъ онъ рабочаго.

— А это орта, господинъ.

— Пойдемъ посмотримъ... я никогда не видѣлъ орты.

Они подошли къ пещерѣ, которая оказалась вблизи ямой, вырытой въ горѣ. Въ эту яму пришлось соскакивать, и Славскій очутился передъ входомъ въ подземелье, представлявшее узкій корридоръ, по которому могъ скорѣй, пролѣзть чѣмъ пройти одинъ человѣкъ. Потолокъ и стѣны были изъ бревенъ и поддерживали землю, не давая ей рушиться. Тамъ пахло страшной сыростью, и на полу стояли желтыя лужи. Съ потолка капало. Сырость пронизывала все существо Славскаго, такъ что онъ вздрогнулъ.

— И вы тутъ копаетесь?—съ ужасомъ спросилъ онъ рабочаго.

— Да-съ, господинъ, вотъ наша работа. Это называется земляными работами. Здѣсь мы ищемъ слои золотого песку...

— Далеко идетъ этотъ ходъ?

— Сажень на 100, бываетъ и больше.

— Какъ же вы тамъ въ потьмахъ работаете?

— Свѣчи беремъ съ собою.

— Да вѣдь это каторга!—воскликнулъ Славскій,—какъ вы выносите эту ужасную сырость?

Рабочій усмѣхнулся.

— Ко всему привыкнешь, господинъ, иной разъ до костей продрогнешь, всѣ обутки истреплешь, а что-жъ подѣлаешь?.. Надо хлѣбъ ѣсть.

— А обваловъ не бываетъ у васъ?

— Богъ хранитъ, да какъ не бывало, да вѣдь здѣсь что за жизнь

въ тайгѣ?.. Копѣйка, господинъ!—и на его безжизненномъ лицѣ выразилось полное равнодушіе. Оно уже ничего не выражало, какъ бы застыло, настолько всѣ нервы этого вольнаго каторжника загрубѣли.

Славскій съ ужасомъ оставилъ орту.

— Безъ этого нельза-съ, господинъ, золота не найдешь,—пояснилъ рабочій, когда они приближались къ жилью.—А наше дѣло такое, куда пошлютъ, туда и иди. Да здѣсь хозяинъ добрый, только дѣла то его больно плохи. Жаль его самого, изъ чего онъ бьется только. И онъ впроголодь, и мы почитай безъ хлѣба сидимъ.

— Какъ же онъ платитъ вамъ?

— Мы вѣдь по—золотникамъ работаемъ. Мы золотничные, всякій самъ за себя, сколько намоемъ...

— Почемъ за золотникъ?

— Да по два рубля съ четвертью.

— Что больно дешево?

— Да золото-то не важное. Такая ему ужъ и цѣна. Въ казнѣ поди не больше даютъ.

— Да что-жъ вамъ за охота тутъ копаться, развѣ нѣтъ лучшихъ мѣстъ?

— Да мы вездѣ пробуемъ. И тамъ пороемся, и тутъ покопаемся. Переслужишь не у одного хозяина. Мы что, летучка... вольный казакъ. Мой, гдѣ хочешь, только бы золото было.

Славскій вошелъ въ контору. Хозяинъ, растянувшись на деревянномъ диванчикѣ, тихо похрапывалъ. На столѣ стояла уже пустая бутылка изъ-подъ водки...

Славскій съ тоскою на душѣ вышелъ на дворъ и увидалъ возвращавшагося священика.

— Поѣдемте, батюшка, тутъ чистое горе!—сказалъ онъ о. Василію, и они, войдя въ горницу, остановились у дивана, на которомъ спалъ съ блаженной улыбкой „хозяинъ“.

— Слабъ, слабъ человѣкъ,—проговорилъ священникъ, качая головой надъ спящимъ старикомъ

—Жаль его право, а не можетъ удержаться... Иванъ Васильевичъ, а Иванъ Васильевичъ,—началъ онъ его будить.—Проснитесь, голубчикъ, мы уѣзжаемъ.

— А!.. что? -- вскинулъ—тотъ красными осовѣлыми глазами, и, быстро поднявшись съ дивана, оглядывался, какъ бы не соображая, гдѣ онъ находится.

— Ахъ, извините, наконецъ спохватился онъ,—я немножко тово... но это чепуха... простите, и онъ какъ-то весь съежился и сократился.

— Да ничего, Иванъ Васильевичъ, что тамъ толковать да извиняться, проводите насъ, да и ложитесь спать,—убѣждалъ его священникъ.

— Я... я... сейчасъ, и онъ вышелъ на крыльцо колеблющейся походкой и пошелъ хлопотать за лошадями. Лошади были вскорѣ поданы Никифоромъ, и наши путешественники садились, сопровождаемые извиненіями и оправданіями пьяненькаго старика. Онъ жалъ руки, бормоча, не связно: „это все чепуха — простите, я ужъ такъ... тово“. При этомъ моргалъ глазами и размахивалъ руками, качая головой. Они выѣзжали со двора, а онъ все еще стоялъ на крыльцѣ и, покачиваясь говорилъ: „чепуха... чепуха... извините... безъ хлѣба сидимъ“ . . . .

. . . .

— Вы знаете, что произошло на томъ пріискѣ, на который мы ѣдемъ? — заговорилъ священникъ, когда они поѣхали далѣе.

— Что?

— Страшное наводненіе р. Тулуюла, которую вы видите, — и онъ показалъ на горную рѣчку, мирно булькавшую и блестѣвшую на солнцѣ изъ-за кустовъ.

— Вы не смотрите теперь на нее, что она такая узкая и мелкая: весной она сильно разливается и бываетъ бурной и страшной. При бывшемъ наводненіи на этомъ пріискѣ погибло трое несчастныхъ.

— Какъ же это случилось?—спросилъ Славскій.

— Весной Тулуюлъ сильно разлился и разбушевался. Нанесло льду, который поднялся около самой машины. Около рѣчки находилось всего 12 человѣкъ, остальные оставались по другимъ мѣстамъ. Когда поднялась шурга, работы были пріостановлены и, вмѣсто обыкновеннаго урока, рабочихъ заставили разбивать ледъ, при чемъ и случилось несчастье. Особенной надобности не было такъ рисковать людьми, но хозяинъ пріиска, Беркутъ, о которомъ я ужъ вамъ говорилъ, требовалъ, чтобы рабочіе шли на ледъ, и грозилъ тремя рублями штрафа, если не пойдутъ, 12 человѣкъ рѣшились идти. Когда прорвало шургу, вода бросилась и льдину унесло съ тремя рабочими...

— Но вѣдь хозяинъ рисковалъ жизнью людей!—воскликнулъ Славскій.

— Именно жизнью,— подчеркнулъ священникъ.—И названіе-то этому пріиску „Глухой", и тутъ такія дѣла дѣлаются, что только руками разведи...

— А что?

— Да вотъ вы сами увидите. Нечего разсказывать. Да еще вамъ одинъ человѣкъ разскажетъ. Онъ изъ рабочихъ, но былъ въ семинаріи и человѣкъ образованный...

— Но какъ онъ попалъ сюда?

— Какъ онъ попалъ сюда, я хорошенько не знаю, но, кажется, не по своей волѣ... да онъ и не высказывается откровенно. Онъ говоритъ, что хорошо себя чувствуетъ въ тайгѣ и гораздо лучше, чѣмъ среди цивилизованнаго общества.

— Гм..., и Славскій задумался надъ словами священника.

IV.

„Среди труждающихся и обремененныхъ".

Недолго пришлось ѣхать нашимъ путникамъ до слѣдующей остановки. Скоро они подъѣхали къ разрѣзу „Глухого" пріиска, находившагося въ лѣсной и угрюмой мѣстности. Сосны и ели торчали по обѣ стороны и закрывали окрестность зеленою стѣною. Кромѣ того, срубленные пни и сухіе стволы съ нагроможденнымъ хворостомъ и сгнившими сучьями придавали дикій мрачный отпечатокъ этому медвѣжьему уголку тайги. По сторонамъ не было ничего видно, кромѣ лѣса, вершины котораго образовали волнистые контуры отъ неровности почвы. Около самой машины, представлявшей „конную бутару", копошились люди. Славскій подошелъ къ нимъ и увидалъ людей, которые старательно надъ чѣмъ-то трудились... Онъ приблизился къ машинѣ и замѣтилъ, что копошившіеся около нея субъекты производили „съемку золота". (На каждомъ пріискѣ, на которомъ правильно ведутся работы, съемка золота или извлеченіе его въ промытомъ видѣ производится 2 раза въ день. Въ первый разъ— во время обѣда рабочихъ, а во второй разъ—послѣ окончанія дневныхъ работъ къ вечеру). Съемка производилась передъ глазами Славскаго самымъ примитивнымъ способомъ. Люди были вооружены метелками и желѣзными лопатками и выгребали изъ одного деревяннаго ящика въ другой золото вмѣстѣ съ шлихомъ (чернымъ осадочнымъ пескомъ, сопровождающимъ золото). Славскій съ любопытствомъ глядѣлъ на эту работу. Частицы золота, напоминающія зерна пшеницы, блестѣли на солнцѣ. Промытое золото сгребалось лопатками на чугунныя ложки, которыя передавались хозяину, находившемуся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бутары и „жарившему золото". Ему подавали чугунныя ложки съ промытымъ влажнымъ металломъ, а онъ его поджаривалъ на жаровнѣ, пока вода, окружавшая золотыя частицы, не выпаривалась до конца. Славскій прибизился къ нему и рекомендовался.

— Вы пріѣзжали съ о. Василіемъ?—спросилъ его хозяинъ, устремляя на него черные блестящіе глаза. Его загорѣлое лицо, покрытое румянцемъ, на половину закрывала черная густая борода. Изъ-подъ закрученныхъ усовъ выдавались красныя чувственныя губы. Это былъ золотопромышленникъ Савва Семеновичъ Беркутъ. Онъ, не отрываясь отъ дѣла, разсматривалъ Славскаго, и, переворачивая съ боку на бокъ чугунную ложку на жаровнѣ, проговорилъ чистымъ русскимъ языкомъ, безъ всякаго акцента: „по какимъ дѣламъ изволили сюда прибылъ“?

— Я снимаю виды, я фотографъ,—спокойно отвѣтилъ Славскій.

Беркутъ на него внимательно посмотрѣлъ.

— А гдѣ же о. Василій?—спросилъ онъ.

— Я здѣсь, здѣсь,—послышался сзади него голосъ, и о. Василій показался, иронически усмѣхаясь. Что, не ожидали меня? — посмѣивался онъ, здороваясь съ хозяиномъ.

— Частенько, батюшка, насъ посѣщаете,—сказалъ тотъ, здороваясь со священникомъ, и вмѣсто улыбки на его лицѣ изобразилась недовольная гримаса.

— Видно, незванный-то гость хуже татарина, ха, ха, ха,—подтрунивалъ о. Василій,—ничего, не сумнѣвайтесь, по дорогѣ только заѣхали, не загостимся у васъ...

— Что-жъ, пожалуйте... отчего же... мы всегда гостямъ и пріѣзжимъ рады,—приглашалъ Беркутъ. Но отъ этого приглашенія передернуло Славскаго.

— Вотъ мы скоро кончимъ, а затѣмъ милости просимъ къ намъ закусить!—приглашалъ Беркутъ.

— Мы поѣдемъ съ Иваномъ Ивановичемъ кой-какіе виды снять на вашемъ пріискѣ, а потомъ къ вамъ,—и о. Василій, многозначительно взглянувъ на Славскаго, простился съ хозяиномъ. Славскій послѣдовалъ его примѣру. Они сѣли на коней и поѣхали по дорогѣ, ведущей къ пріисковымъ постройкамъ.

На одномъ поворотѣ тропинки изъ за густого—кустарника вышелъ на встрѣчу нашимъ путникамъ человѣкъ высокаго роста, одѣтый въ рабочую куртку. На загорѣлое лицо съ рыжеватой бородкой и усами была надвинута шапка изъ оленьей шерсти. Крупныя черты лица съ выразительными сѣрыми глазами сразу бросались въ глаза незнакомому человѣку, а выраженіе его физіономіи было настолько энергично и даже интеллегентно, что по первому взгляду можно было заключить, что онъ не принадлежитъ къ классу простыхъ пріисковыхъ рабочихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ.

— А! Степанъ Ивановичъ!—крикнулъ ему о. Василій, останавливая лошадь—васъ то и надо!

Славскій тоже остановилъ своего коня.

— Милости просимъ,—говорилъ Степанъ Ивановичъ, подходя и здороваясь со Славскимъ и священникомъ,—пожалуйте ко мнѣ.

— Да гдѣ же вы теперь помѣщаетесь, развѣ не вмѣстѣ со всѣми?—спросилъ его о. Василій.

— Нѣтъ, вѣдь у меня свои пріиски,—и онъ расхохотался.

— Ну, идемъ, идемъ къ вамъ,—и путники пустили коней шагомъ за нимъ.

— Скажите, батюшка, какъ его фамилія?—спросилъ Славскій о. Василія, когда тотъ ушелъ впередъ.

— Магницкій...

— Въ немъ есть что-то особенное, оригинальное...

— Вы его еше не знаете... погодите,—отвѣтилъ священникъ загадочно.

Скоро они подошли вмѣстѣ съ Магницкимъ къ каменистому мѣсту; здѣсь пробивался ручей, вытекавшій изъ горы, у подошвы которой они остановились. По этой мѣстности нельзя было проѣхать на коняхъ, и они ихъ оставили около ближайшей кузницы. Сдѣлавъ нѣ-

сколько шаговъ, они подошли къ шалашу, около котораго дымился потухавшій костеръ. Надъ углями и пепломъ поставленъ былъ треножникъ съ висѣвшимъ котелкомъ.

— Вотъ моя кухня,—проговорилъ со смѣхомъ Магницкій, иронизируя какъ видно надъ своимъ житьемъ... а вотъ и домъ,—сказалъ онъ, указывая на шалашъ...—Каковы палаты!

О. Василій добродушно смѣялся, Славскій улыбался.

— А вотъ и пріискъ мой!—указалъ онъ на какую-то деревянную постройку, виднѣвшуюся въ протекавшемъ невдалекѣ ручьѣ.

Когда они подошли къ ручью, то увидали маленькую бутару съ ящиками и желѣзной рѣшеткой, но безъ всякихъ колесъ и машинъ. Ручей омывалъ эту бутару и доставлялъ естественнымъ путемъ воду для промывки золота. На бутарѣ висѣлъ замокъ, запиравшій внутренній ящикъ.

— А что это за замокъ?—спросилъ Славскій.

— А какже-съ, насъ провѣряютъ, —отвѣтилъ Магницкій.

— Вы вѣдь золотничный, Степанъ Ивановичъ?--спросилъ его батюшка.

— Да-съ, въ родѣ летучки. По золотникамъ продаемъ хозяевамъ золото.

— По чемъ же за золотникъ?

— По 2 рубля съ четвертью.

— Не дорого,—усмѣхнулся Славскій.

— А такой у насъ курсъ ужъ здѣсь существуетъ, — иронически проговорилъ Магницкій, — зачѣмъ намъ биржа и газеты? У насъ своя биржа...

— Пойдемте туда на бугарокъ, Степанъ Ивановичъ, за кустикъ, чтобы потолковать на свободѣ, —предложилъ о. Василій.

— Пойдемте, батюшка,—и поднялись по ручью въ гору и сѣли на пригорокъ въ тѣни ивняка, росшаго здѣсь въ изобиліи.

— А по чемъ у васъ продаются товары и продукты? — спросилъ священникъ.

— У насъ вѣдь своя такса на пріискѣ. Все по своему. Намъ, золотничнымъ, все отпускаютъ на золото. Оно здѣсь дешевле денегъ. 1 фунтъ масла у насъ стоитъ 18 долей золота, мѣшокъ картошки 1/2 золотника, бутылку спирту одинъ золотникъ, бутылка водки 1/2 золотника...

— Ну, а если рабочимъ водку продаютъ, какъ же пишутъ въ расчетномъ листкѣ?—спросилъ Славскій.

— Водка называется у насъ „кассой“, такъ и пишутъ въ листкѣ: „кассы“ столько то...

— Все равно какъ золото при тайной торговлѣ называется пшеницей?—Вставилъ Славскій.

— Само—собой, отвѣтилъ Магницкій.—У насъ вѣдь обороты знаменитые производятся здѣсь,—началъ онъ, нѣсколько напирая на „о“ и глядя въ сторону.—У нашего хозяина деньги не всегда водятся и вотъ ныньче при наймѣ рабочихъ денегъ не хватило. Такъ онъ въ такихъ случаяхъ выдаетъ задатку рублей 10 и ждетъ, когда рабочій ему же пропьетъ ихъ, тогда онъ другому эту десятку отдаетъ, а потомъ третьему. Такъ и перевертывается...

— А порціи водки рабочимъ выдаются?

— Нынче у насъ порціи пропиты! —проговорилъ съ усмѣшкой Магницкій, глядя въ сторону.

— Какъ такъ?

— Да такъ, потому что на Пасхѣ и на Рождествѣ хозяинъ предложилъ пропить эти порціи рабочимъ. Хорошему работнику выдали рубашку да бутылку спирту за всѣ порціи... За цѣлую операцію, значитъ... А похуже которому выдали рубашку съ бутылкой водки съ бутылкой водки въ придачу. Такъ что теперь порцій спрашивать нельзя... Покончили съ ними! — и онъ спокойно началъ набивать свою трубку.

— А замѣтьте,—вставилъ о. Василій,—они осенью и зимой работаютъ подъ дождемъ и снѣгомъ... Дрогнутъ, имъ необходимо подкрѣпленіе, а его не даютъ.

— У насъ работаютъ зимой съ огнями,— проговорилъ Магницкій, закуривая свою трубку.

— Да вы возьмите моихъ папиросъ!—предложилъ ему Славскій, раскрывая портсигаръ.

— Нѣтъ, покорно благодарю, я уже отвыкъ отъ вашего табаку. Мнѣ трубка больше нравится,—и онъ съ улыбкой затянулся.

-- Ну, а какъ у васъ рабочіе помѣщаются зимой? — любопытствовалъ Славскій.

Магницкій многозначительно поглядѣлъ на священника.

— А вотъ о. Василій знаетъ и видѣлъ!—проговорилъ онъ.

— Да лучше всего вамъ самимъ взглянуть...

— Пойдемте,—проговорилъ Славскій.

Они пошли къ казармамъ. Передъ ними показалось нѣсколько строеній. Они подошли къ одному изъ нихъ, наиболѣе ветхому, которое готово было развалиться, если бы не подпорки изъ бревенъ, поддерживавшія его со всѣхъ четырехъ угловъ.

— Что эта за развалина?—спросилъ Славскій въ ужасѣ.

— Это казарма для рабочихъ,—коротко отвѣчалъ Магницкій.

Это строеніе не походило ни на домъ, ни на избу, а представляло изъ себя руины, въ которой окна были большей частью безъ стеколъ и затянуты пузыремъ.

Все зданіе наклонилось на одну сторону, именно на ту, въ которой открывалась входная дверь. Передъ нею остановились наши путники. Низенькая входная дверь была отворена.

— Зайдемте,—сказалъ Магницкій.

Славскій, согнувшись въ три погибели, не безъ страха, вошелъ въ эту западню. За нимъ вошелъ и священникъ. Ихъ обдало спертымъ воздухомъ, пропитаннымъ всевозможными запахами пота, объѣдковъ, сушившейся одежды, овчины и проч. Вентиляціи не было никакой, поэтому всѣ эти запахи стояли въ воздухѣ, дѣлая труднымъ дыханіе свѣжаго человѣка.

— Боже мой, какая вонь!—невольно вырвалось у Славскаго.

— А вы еще присмотритесь хорошенько, что тутъ дѣлается!--проговорилъ ему тихо о. Василій.

Люди, предметы, въ этомъ зданіи были въ полумракѣ вслѣдствіе недостатка оконъ и почти полнаго отсутствія стеколъ. На дворѣ еще было свѣтло, но солнце уже закатывалось за сосѣднюю гору. Когда глаза Славскаго привыкли къ полумраку, то онъ различилъ, что казарма не пуста, а по стѣнамъ занята нарами, на которыхъ помѣщались люди. Нѣкоторые изъ сидѣвшихъ и лежавшихъ соскочили съ наръ и приблизились къ пришедшимъ, другіе же посмотрѣли апатично на нихъ, продолжая заниматься своимъ дѣломъ. Кто чинилъ опорки, кто пришивалъ заплату къ одеждѣ. Въ одномъ углу помѣщался, какъ видно, семейный рабочій. Его жена только что поставила самоваръ, на которомъ нагрѣвался жестяной чайникъ. Мужъ и жена „баловались чайкомъ“. Священникъ подошелъ къ нимъ.

— Что, чайку захотѣлось?—спросилъ онъ.

— Да, батюшка! — проговорилъ тотъ, вставая съ своего мѣста.

— Самоварчикъ-то свой?

— Какъ-же, батюшка, здѣсь вѣдь не полагается, вонъ и чайники то продаются по шести гривенъ, а надолго ли они? Слава Создателю, ужъ мы съ женой свой самоварчикъ приволокли сюда...

— Она не въ стряпкахъ ли у тебя?

— Въ стряпкахъ, батюшка:

— Хорошее дѣло. Только, что это на тебя рубашка-то подгуляла?

— Мѣсяцъ, какъ купилъ. Полтора рубли заплатилъ, а вотъ ужъ она и въ дырахъ,—и онъ показалъ на свою ситцевую рубаху, которая по добротѣ напоминала кисейную.

— Изъ склада? — спросилъ священникъ.

— Изъ склада...

— Полюбуйтесь, Иванъ Ивановичъ,—и священникъ протянулъ край рубашки Славскому; тотъ пожалъ плечами.

— Какъ вы тутъ живете?—спросилъ онъ одного блѣднолицаго рабочаго, у котораго не смотря на молодость лѣтъ, не было ни кровинки въ лицѣ.

— А вотъ такъ и живемъ, какъ кроты въ темнотѣ!—отвѣчалъ тотъ угрюмо.

— Сколько васъ тутъ помѣщается?

— Теперь восемь человѣкъ, а зимой одиннадцать...

— Здѣсь одиннадцать человѣкъ! —въ ужасѣ воскликнулъ Славскій. —Да вѣдь и сейчасъ здѣсь задохнуться можно, какъ же зимой-то? Вѣдь это смерть!

Рабочіе усмѣхнулись.

— Никто, какъ Богъ, господинъ. Нужда заставитъ,—и на смерть пойдешь. Привычка тоже,—проговорилъ худосочный рабочій въ свѣтлой рубашкѣ и въ синихъ заплатанныхъ портахъ.

— Вы посмотрите на половицы то, половицы совсѣмъ сгнили,—говорилъ священникъ, указывая на ветхія качающіяся плахи, служившія половицами, между которыми были громадныя дыры.

Славскій съ ужасомъ осматривался кругомъ. Онъ обернулся къ двери. У косяка, прислонившись, стоялъ Магницкій съ саркастической улыбкой. Онъ, какъ Мифестофель, смотрѣлъ на Славскаго своими сѣрыми выразительными глазами.

— Зимой здѣсь бросаются объѣдки въ эти дыры, въ которыхъ они гніютъ и распространяютъ смрадъ и удушье,—проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Какъ-же рабочіе остаются живы въ такомъ помѣщеніи, какъ они не умираютъ?—воскликнулъ Славскій.

Магницкій пожалъ плечами.

— Они большую часть дня проводятъ на чистомъ воздухѣ, потому и спасаются!—отвѣчалъ онъ.

— Что же вы не жалуетесь горному исправнику на вашего хозяина?—спросилъ Славскій, возмутившись.

— Что-жъ намъ жаловаться, господинъ,—проговорилъ одинъ изъ рабочихъ съ жиденькой русой бородкой,—онъ все равно насъ не послушаетъ, да еще прикажетъ поколотить ябедниковъ...

— Безвыходное, безотвѣтное положеніе ихъ!—грустно промолвилъ священникъ и поникъ головой.

Славскому что-то подступило подъ сердце, какая то тяжесть сдавила его грудь, онъ задыхался отъ наплывшаго чувства негодованія, онъ былъ пораженъ, подавленъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Ему не хватало воздуха, нечѣмъ было дышать и, схватившись за голову, онъ выскочилъ изъ двери на свѣжій воздухъ, оставивъ о. Василія въ казармѣ. За нимъ послѣдовалъ Магницкій.

Солнце уже закатывалось. Наступили сумерки прохладнаго лѣтняго вечера. Свѣжій горный воздухъ благодѣтельно подѣйствовалъ на возбужденные нервы. Тихій вѣтерокъ шелестилъ листьями деревьевъ, которые жили своею жизнью, не обращая вниманія на людскія страданія. Цѣпи горъ, покрытыхъ лѣсомъ, виднѣлись вдали и манили къ себѣ. Въ отдаленіи раздавалось журчанье горнаго потока, какъ бы говорившаго людямъ безконечный рядъ непонятныхъ словъ...

— Какъ вы можете оставаться здѣсь?!—сказалъ Славскій Магницкому, приходя въ себя отъ гнетущихъ впечатлѣній.

— Отчего же не жить здѣсь,—медленно отвѣчалъ Магницкій, затягиваясь трубкой.—Чѣмъ здѣсь худо?

Посмотрите на эти горы, на эту даль, здѣсь ширь, просторъ и свобода...

— Какая же здѣсь свобода,—возразилъ Славскій,—когда рабочіе находятся въ такой безысходной кабалѣ и живутъ въ такомъ помѣщеніи?!—и онъ показалъ на обвалившійся уголъ казармы, подпертый полусгнившимъ бревномъ.

— Для меня лично свобода, которую,—я ищу. Я здѣсь вольный казакъ!—и онъ посмотрѣлъ въ сторону, пуская кольцо синеватаго дыму.

— Но развѣ вы можете спокойно смотрѣть на людскія страданія... на лишенія рабочихъ.

— Я былъ самъ въ ихъ шкурѣ и самъ перенесъ все... Теперь мое положеніе нѣсколько лучше. Но не смотря на все, что я перенесъ и теперь терплю, я не промѣняю тайгу ни на какія канцеляріи.

Славскій внимательно посмотрѣлъ на Магницкаго.

— Развѣ вы служили въ канцеляріяхъ?—спросилъ онъ.

— Я много служилъ въ Россіи и по Сибири во многихъ учрежденіяхъ, много видѣлъ и слышалъ,—и онъ затянулся трубкой и затѣмъ плюнулъ въ сторону.—Та нравственная грязь, которую я видѣлъ въ канцеляріяхъ, хуже этой,—и онъ показалъ на дверь казармы.—Не смотря на то, что здѣсь я ѣмъ иногда черствый хлѣбъ, но меня калачомъ не заманишь изъ тайги въ канцелярію. Здѣсь я свободенъ, не понравилось на одномъ пріискѣ, уйду на другой, тамъ не показалось, перекочую на третій. У меня есть руки,—и онъ сжалъ кулаки, при чемъ его желѣзные мускулы надулись около плеча.—Золота въ землѣ много, копай. сколько хочешь, сбытъ его всегда можно найти, слѣдовательно пропитаться можно...

— Да, но вы вѣдь получили образованіе,—перебилъ его Славскій,—и вы не можете сравниться съ простымъ рабочимъ. У васъ должны быть умственные интересы, жажда къ чтенію, а здѣсь гдѣ вы достанете это?

Магницкій махнулъ рукой.

— Умственные интересы, жажда къ чтенію... Давно я съ этимъ покончилъ. Къ чему мнѣ это? Я вижу жизнь вокругъ себя, какъ она есть. Перечиталъ я много книжекъ и, пожалуй, для меня довольно. А что въ книжкахъ теперь пишутъ люди, сидящіе въ кабинетахъ и не видавшіе жизни, то право не интересно...

Наступило молчаніе. Магницкій задумчиво сопѣлъ трубкой. А изъ дверей казармы слышался голосъ священника, который поучалъ рабочихъ.

„...Смиряйтесь духомъ и несите терпѣливо крестъ свой, подобно Спасителю, который за всѣхъ насъ страдалъ. Помните его слова: *пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы...* Молитесь Богу и читайте Евангеліе.

— Когда имъ молиться-то,—проговорилъ саркастически Магницкій,—когда и церкви нѣтъ въ окрестности, да и священника-то они рѣдко видятъ!

— Какимъ образомъ вы попали въ тайгу послѣ службы, мнѣ бы интересно знать,—допытывался Славскій.

— Это длинная исторія... долго разсказывать,—и Магницкій сплюнулъ въ сторону и выколотилъ трубку. Въ это время въ дверяхъ казармы показался священникъ.

— А вы все тутъ... пора намъ и до мѣста, поди, насъ ищутъ повсюду... Скоро и ночь на дворѣ! —проговорилъ онъ, надѣвая на растрепавшіеся волосы свою черную поярковую шляпу.

— Идемъ,—сказалъ Славскій.

— На той сторонѣ пріиска,—заговорилъ священникъ,—есть еще казарма не лучше этой. Въ ней помѣщаются до 30 человѣкъ. Не хотите ли полюбоваться...

— За одинъ разъ ужъ много слиш-

комъ впечатлѣній. Пожалуй нервы треснутъ!—и Славскій замахалъ руками.

— Ну какъ знаете,—сказалъ о. Василій, и они пошли по тропинкѣ, ведущей къ пріиску. Когда они проходили мимо одного строенія, направляясь къ кузницѣ, около которой они оставили лошадей вмѣстѣ съ проводникомъ, къ нимъ на встрѣчу вышелъ старичекъ съ длинной бородой въ очкахъ и низко поклонился.

— Милости просимъ, батюшка, зайдите въ мою хату чайку откушать, самоваръ кипитъ на столѣ!—кланялся онъ въ поясъ.

— А, здорово, Иванъ Еремѣевичъ, какъ поживаете? Не зайти ли къ нему,—обратился священникъ къ Славскому,—это становой пріиска, онъ изъ ссыльныхъ, славный старикъ, въ Петербургѣ бывалъ.

— Отчего же нѣтъ,—согласился Славскій.

Они вошли въ помѣщеніе станового. Въ довольно большой комнатѣ было мебели всего два стола и два стула, остальное убранство состояло изъ сундуковъ, покрытыхъ Тюменскими коврами съ желтыми и красными разводами по черному фону.

— Мы торопимся, Иванъ Еремѣевичъ, къ хозяевамъ, они уже насъ ждутъ, мы тутъ позамѣшкались немного съ г. фотографомъ!—проговорилъ священникъ, усаживаясь вмѣстѣ со Славскимъ на стулья.

— А что вы тамъ забыли у хозяина-то нашего?

— Да забывать-то намъ нечего, все съ собой, и лошади у кузницы.

— Вы вотъ чайку попейте, а потомъ, можетъ, и переночуете у меня. А вещи-то здѣсь оставьте... не пропадутъ,—уговаривалъ старикъ.

— Пожалуй, и такъ можно.

Становой побѣжалъ распорядиться. Скоро вошла изъ другой комнаты, служившей спальней, жена Ивана Еремѣевича съ подносомъ, на которомъ были поставлены стаканы съ чаемъ, ваза съ вареньемъ и тарелка, наполненная свѣжей малиной. По сибирскому обычаю она съ поклономъ подошла къ гостямъ и начала ихъ угощать.

— Чайку-то откушайте, батюшка, нашего, не часто васъ видишь, рѣдко бываете у насъ!—проговорила она пѣвучимъ голосомъ.

— Муженекъ-то мой все васъ вспоминаетъ. Среди чужихъ то людей не больно сладко ему.

Магницкій, сидѣвшій на сундукѣ, усмѣхнулся.

— Егоръ Ивановичъ, пожалуйте чайку!—обратился онъ къ нему.

— Нѣтъ, благодарю васъ, у меня свой чай на открытомъ воздухѣ, сейчасъ пилъ,—уклонился тотъ, какъ бы стѣсняясь.

— А вы издалека изволите проѣзжать?—спросила хозяйка, присаживаясь на сундукѣ и обращаясь къ Славскому, какъ къ новому лицу.

— Издалека,—отвѣтилъ тотъ, прихлебывая изъ стакана.

— Изъ Петербурга, матушка!—добавилъ священникъ.

— Что вы?.. изъ нашей стороны! —встрепенулась хозяйка и вскочила съ мѣста.—Какъ это пріятно!..

Въ это время вошелъ становой, неся ружья и сумы. Ему помогалъ проводникъ...

— Слышишь, Еремѣевичъ, гость-то нашъ изъ Петербурга,—закричала ему на встрѣчу хозяйка.

— Кто?—спросилъ тотъ, занятый развѣшиваніемъ ружей по стѣнамъ и укладкой сумъ.

— Да вотъ—фотографъ...

Старикъ оставилъ сумы и вышелъ на средину комнаты къ гостямъ.

— Помню я Петербургъ. Славный городъ, не русскій только. Пришлось въ немъ пожить не мало. Да вотъ случилось со мной несчастье и попалъ въ Сибирь... Много горести принялъ. Пожилъ и въ Сибирскихъ городахъ, да не поглянулось, ушелъ на пріиски и поселился

здѣсь...—проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, какъ бы вспоминая свое прошлое.

— Какъ же вамъ живется здѣсь? —спросилъ Славскій.

— Какое ужъ наше житье! Слава Богу, что съ голоду не помираемъ. Ничего бы жилось, кабы хозяева настоящіе люди были. А то вѣдь,— и онъ оглянулся къ двери, какъ бы боясь, что его подслушаютъ, и, понизивъ голосъ, продолжалъ,—кровопійцы. Вы видѣли, какъ живутъ рабочіе?

— Да-съ, посмотрѣли!—проговорилъ священникъ.

— Срамъ, срамъ и грѣхъ одинъ. Но что-жъ тутъ подѣлаешь? Станешь говорить, велятъ молчать. А то—такъ пошелъ вонъ на всѣ четыре стороны. Ну, и замолчишь, когда семья на рукахъ. Вонъ еще какой молодецъ у меня выросъ!—и онъ показалъ на высокаго юношу, который, прислонившись у двери, слушалъ разговоръ новоприбывшихъ.

— А на новое мѣсто гдѣ старика примутъ?.. Не въ моготу мнѣ бороться съ нуждой, ужъ я много вынесъ, много и согрѣшилъ, да и много потерпѣлъ...

— А вы давно изъ Россіи?—спросилъ Славскій.

— А вотъ скоро будетъ 25 лѣтъ, какъ я не видалъ родной стороны! —и онъ утеръ лѣвый глазъ.

— Вамъ бы уже можно, я думаю, вернуться?

— А на что мы поѣдемъ, государь мой? Дорога-то не близкая. Здѣсь вѣдь такая сторонка, куда, говорятъ добрые люди, воронъ костей не заноситъ. Сибирь, тайга. Откуда мы капиталы на дорогу возьмемъ?—и онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Развѣ вамъ ничего не остается отъ жалованья?

— Велико жалованье—16 руб. въ мѣсяцъ съ квартирой! Еле-еле можно прокормиться съ семьей.

— ....Нѣтъ ужъ какъ сойдешь съ прямой дороги,—заговорилъ онъ, помолчавъ немного,—такъ ужъ трудно опять выбраться. Я и не ропщу. Меня сослали за дѣло. Я виноватъ передъ Богомъ и передъ людьми. Но я искупилъ свой грѣхъ. Но видно Богу не угодно еще вернуть меня на старыя мѣста. Я—то ничего, привыкъ къ своей судьбѣ. Да сына жалко... Молодецъ пропадаетъ въ тайгѣ безъ ученья безъ образованья!—и онъ поникъ головой.

Послѣ чаепитія въ дверяхъ появился пріисковый конюхъ со словами:

— Савва Семенычъ васъ приказалъ просить закусывать. Они васъ ждутъ.

Какъ ни пріятно чувствовали себя о. Василій и Славскій среди гостепріимной семьи „станового“, но нѣкоторыя соображенія, относящіяся къ Беркуту, заставили проститься съ хозяевами. Сопровождаемые напутствіями, они вышли изъ хаты станового и сѣли на лошадей. Магницкій проводилъ ихъ не много, а затѣмъ, простившись, исчезъ въ темнотѣ.

V.

Въ гостяхъ у главнаго хищника.

Когда они подъѣхали къ хозяйскому жилью, состоявшему изъ длиннагó длиннагю дома, какъ бы вросшаго въ землю, такъ что галлерея, замѣнявшая крыльцо, находилась ниже окружающей гористой мѣстности, о. Василій слѣзъ съ лошади и шепнулъ Славскому: „вы идите къ хозяевамъ, а я зайду не надолго въ контору“...

Славскій одинъ вошелъ въ хозяйское помѣщеніе.

— А батюшка гдѣ?—спросилъ Савва Семеновичъ Беркутъ, встрѣчая его на порогѣ комнаты.

— Онъ пошелъ въ контору!—отвѣтилъ Славскій, усаживаясь на стулъ.

Не смотря на теплое время, Беркутъ былъ въ бѣлыхъ пимахъ (ва-

ленкахъ) и въ шведской курткѣ, на которой болталась толстая серебряная цѣпочка.

При свѣтѣ лампы, стоявшей на столѣ, его глаза блестѣли пуще прежняго. Онъ внимательно смотрѣлъ на Славскаго.

Тому сдѣлалось неловко отъ этого пристальнаго взора, и онъ старался уклониться отъ него.

— Такъ вы фотографъ?—спросилъ Беркутъ, садясь на стулъ противъ него.

— Да!—отвѣчалъ Славскій.

— Что-жъ, вы ѣздите на свой счетъ или на чужой, отъ кого нибудь?

— На свой!—отвѣтилъ Славскій.

У хозяина пробѣжало по лицу что то въ родѣ улыбки, онъ еще пристальнѣе посмотрѣлъ на Славскаго. Тому сдѣлалось неловко.

Онъ не привыкъ лгать, но зналъ, что онъ лжетъ, чтобы не выдать себя, чтобы не повредить дѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что хозяинъ понимаетъ эту ложь, что онъ, можетъ быть, не догадывается и опредѣленно не знаетъ о цѣляхъ его прибытія, но Славскій чувствовалъ, что передъ нимъ сидящій Савва понималъ, что онъ вретъ, и этого ему было достаточно, чтобы конфузиться.

— Вѣдь это должно быть дорого ѣздить на свой счетъ. Да и окупятся ли фотографіи?—изводилъ его Савва своими инквизиторскими вопросами.

— Я думаю, что окупятся!—проговорилъ Славскій, въ умѣ котораго проносилось, „знаетъ ли онъ или не знаетъ. Во всякомъ случаѣ подозрѣваетъ... И куда пропалъ этотъ о. Василій“.

— Я бы у васъ купилъ фотографіи моихъ пріисковъ. Вы вѣдь изволили быть на Ивановскомъ пріискѣ?

— Да, былъ.

— Слышалъ, слышалъ!—и по смуглому лицу Беркута пробѣжала тѣнь. Онъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Какъ это вы къ намъ залетѣли въ тайгу? Вы сами изъ Петербурга?—спросилъ Савва послѣ нѣкотораго молчанія, не спуская глазъ съ Славскаго.

— Да. Прельстился красивымы мѣстами вашей тайги и поѣхалъ!—неопредѣленно отвѣчалъ тотъ.

— Вы и сейчасъ не снимали ли виды? Почему и замѣшкались?

— Да, я снялъ нѣсколько видовъ у васъ!—сказалъ Славскій, выразительно посмотрѣвъ на Савву. Взгляды ихъ скрестились. Савва отворотился и забарабанилъ по столу пальцами. „Чуетъ, каналья“, думалъ Славскій, „вѣроятно его сыщики подслушали что нибудь. Ну, да если ты играешь комедію, и я тебѣ не уступлю“.

— Что же вы думаете съ ними сдѣлать?—спросилъ его Савва, впеpäя въ него свои блестящіе глаза.

— А что придется!—небрежно отвѣчалъ Славскій.

— Я бы купилъ у васъ ихъ!—сказалъ Савва съ удареніемъ.

— Не знаю, какъ еще они выйдутъ. Надо ихъ проявить! отвѣчалъ тотъ неопредѣленно. „Знаю, что ты бы дорого далъ, чтобы у меня не было въ рукахъ видовъ твоихъ построекъ“, проносилось въ головѣ Славскаго.

— Долго вы еще унасъ пробудете?

— Нѣтъ, вѣроятно. Я думаю ѣхать дальше...

— А въ какомъ городѣ у васъ фотографія?

— У меня нѣтъ постоянной фотографіи. Я—любитель.

— Такъ-съ,—и Беркутъ опять забарабанилъруками по столу.—А когда будете въ городѣ?

— Не знаю опредѣленно.

Въ это время на порогѣ появился о. Василій.

— А вотъ и я!—проговорилъ онъ. Славскій въ душѣ искренно обрадовался этому появленію, избавлявшему его отъ тяжелой аудіенціи.

— Гдѣ вы это пропадали батюшка?—спросилъ Савва.

— Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ меня, отвѣчалъ тотъ уклончиво.—Холодно на дворѣ по ночамъ-то! и онъ сѣлъ, потирая руки.

— Однако надо распорядиться,— и Беркутъ ушелъ.

— Вотъ видите, какіе они, былъ сейчасъ въ конторѣ, говорилъ насчетъ жалованья. Они отвѣчаютъ: „мы ничего не знаемъ, было поручено расплатиться на Ивановскомъ пріискѣ... А Управляющій Ивановскаго пріиска сюда послалъ для полученія. Вотъ и дѣлайте съ ними что хотите. Ни тутъ ни тамъ не отдаютъ, о лошадяхъ и говорить не хотятъ. „Вы", говоритъ, „съ фотографомъ пріѣхали", слышите. Вотъ каковы гуси... О чемъ вы поговорили съ самимъ-то?—спросилъ о. Василій, нѣсколько успокоившись.

— О воздухѣ и молокѣ!—отвѣчалъ съ усмѣшкой Славскій.

— Не догадывается ли?--спросилъ тихо о. Василій.

— Нѣтъ, кажется что-то чуть, бестія!—шепнулъ Славскій.

Священникъ мотнулъ головой. „Идетъ" проговорилъ онъ и принялъ самую беззаботную позу. Вошелъ Савва, а за нимъ его жена, еще не старая полная женщина съ румянымъ лицомъ. Она несла на подносѣ закуску, состоящую изъ селедки и соленыхъ грибовъ. За закуской появился графинъ съ водкой и бутылка коньяку. Хозяйка начала разливать чай. „Пожалуйте къ столу", пригласилъ хозяинъ. Всѣ сѣли. „Что это вы, батюшка, на насъ разсердились", пѣла хозяйка,— „прошлый разъ и не заѣхали къ намъ ночевать".

— Какъ же къ вамъ бы я заѣхалъ, позвольте спросить, когда хозяина не было дома, да и приглашенія не было?

— Гм... приглашенія, а что же вы сами то?—Спросилъ съ улыбкой Беркутъ.

— Нѣтъ, ужъ я самъ, извините, безъ зова не полѣзу, незваный гость хуже татарина.

— Все сердитесь, батюшка, на насъ!—говорила хозяйка принимая стаканы.

— Какъ на васъ не сердиться?

— За что же?—спросилъ Савва, хитро улыбаясь.

— Теперь я помолчу, отвѣчалъ о. Василій, прихлебывая чай изъ стакана,—а завтра мы поговоримъ съ вами.

— Отчего же не поговорить... водочки то забыли... пожалуйте, обратился онъ къ Славскому,—вы что то ничего не кушаете... вотъ коньякъ... селедка... чего же вы?

— Благодарю васъ,—и Славскій выпилъ рюмку и закусилъ селедкой. Но селедка и водка какъ-то не шли ему въ горло. Напряженіе и натянутость чувствовались въ этомъ угощеніи.

— Ну, какъ у васъ дѣла?—спросилъ о. Василій, чтобы начать разговоръ, который не клеился.

— Дѣла не веселятъ!—проговорилъ Беркутъ, перебирая въ рукахъ часовую цѣпочку.

— Что-жъ такъ?

— Да вы были на Ивановскомъ пріискѣ? Какъ тамъ промывка идетъ?

— При насъ золотниковъ 30 намыли, отвѣтилъ о. Василій.

— Ну, вотъ видите. Вѣдь это полпуда въ операцію едва намоешь. Какіе убытки! Нѣтъ, нынче плохо идетъ. Если такъ пойдетъ, думаю бросить!—разсуждалъ Савва.

— Какъ такъ?

-- Продамъ пріискъ, займусь торговлей...

— А за дорого думаете продать пріискъ?..

— Нѣтъ... Да вѣдь какой пріискъ. Вотъ у меня есть прекрасное мѣсто при сліяніи двухъ рѣкъ Большого и Малаго Тулуюла. Всего за двѣ тысячи продамъ. Не хотите ли купить?—обратился онъ къ Славскому.

— Благодарю васъ. Если это такое прекрасное мѣсто, то зачѣмъ же вы продаете?. Не лучше ли вамъ самимъ разрабатывать?...

— Капиталу не хватитъ. Тутъ надо деньги и деньги. Все породы и камни. Надо взрывать и рыть. Что будетъ стоить одна постановка! Большихъ денегъ...

— Да вѣдь по моему всякое золотое дѣло требуетъ капитала. И вы, я думаю, начинали не безъ денегъ,—сказалъ Славскій.

— Прежде были такія времена, проговорилъ Беркутъ со вздохомъ, что и безъ капиталу начинали... въ долгъ.. А затѣмъ поправишься, намоешь золотишка, отдашь и поднимешься, золота было много. А теперь ужъ старые пріиски разрабатываются, а новые заводить капиталъ нужно... Вотъ ужъ на что мой братъ, не мнѣ чета, до 100 рабочихъ имѣетъ, болѣе 10 пудовъ золота намываетъ, и то нынче стонетъ, вѣрно убытки будутъ. Золото упало, низко стоитъ. Изъ казны совсѣмъ мало даютъ...

— Да вѣдь вы его не все въ казну сдаете!—лукаво вставилъ о. Василій.

— А куда же еще?—насторожился Савва.

— Да вѣдь китайцы хорошія деньги даютъ за золото...

Савва ротъ разинулъ отъ неожиданности. Славскій на него посмотрѣлъ, но Савва скоро оправился и принялъ негодующій тонъ.

— Все сплетки на нашего брата. Все вранье. А вы и вѣрите имъ, батюшка. Какъ можно китайцамъ. Вѣдь это запрещено...

Отецъ Василій выразительно кашлянулъ и уткнулся въ стаканъ.

— Водочки, водочки... пожалуйте, коньяку!—началъ угощать Савва, чтобы замять непріятный разговоръ.

— Батюшка, перестаньте на насъ сердиться,—урезонивалъ хозяинъ,—выпейте...

— Ладно, ладно, ничего... захочу, такъ самъ выпью,—отнѣкивался о. Василій, отстраняя рукой рюмку.

Славскому не ѣлось, не пилось. Онъ посмотрѣлъ на свои часы. Было около 11. Когда онъ вынулъ свои черные съ золотомъ часы, глаза Саввы впились въ эти часы.

— Какіе у васъ часы занятные! Дайте посмотрѣть!—проговорилъ онъ, любуясь часами.

— Сдѣлайте одолженіе! - и онъ отдалъ ему въ руки... Тотъ повертѣлъ ихъ.

— Никогда не видалъ такихъ. Это золото?

— Можетъ быть...

— Хорошіе часы... давайте мѣняться? и онъ вынулъ свои огромные серебряные часы.

— Это тоже хорошіе часы, пятьдесятъ плачено за нихъ!—показывалъ онъ Славскому.

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— Я вамъ могу придачи дать!—и его глаза блеснули. Онъ посмотрѣлъ выразительно на Славскаго.

— Нѣтъ, ужъ останемся каждый при своихъ!—уклонился тотъ.

— Какъ хотите... А я бы вамъ придачу хорошую далъ.

Славскій зѣвнулъ. О. Василій взглянулъ на него.

— Пора и на покой намъ,—проговорилъ онъ.

— Постель ужь готова вамъ въ той комнатѣ! проговорилъ хозяинъ.

— Да побесѣдуйте еще, выпейте, закусите.

— Нѣтъ, ужъ довольно, спасибо, проговорилъ Славскій, вставая изъ-за стола. За нимъ поднялся и о. Василій.

Они простились съ Саввой и послѣ того, какъ убрали закуску и самоваръ, улеглись въ той каморкѣ, которую Савва называлъ спальней. Не смотря на всѣ убѣжденія Славскаго, о. Василій улегся на полу, предоставивъ постель въ его распоряженіе.

. . . .

Когда на другой день Славскій проснулся, то о. Василія уже не было въ комнатѣ. Онъ объяснялся съ хозяиномъ въ столовой. Отдѣльныя слова доносились до слуха Славскаго и по тону, какимъ говорилъ свя-

щенникъ, видно было, что онъ былъ чѣмъ-то возмущенъ и недоволенъ. Славскій, умывшись, вошелъ въ столовую.

— Вы уже встали, здоровался со Славскимъ Беркутъ съ напускной любезностью, —какъ почивали?

— Да ничего, благодарю васъ, отвѣтилъ тотъ и принялся за стаканъ чаю.

— Что жъ это такое, Савва Семеновичъ,—заговорилъ о. Василій, продолжая начатый разговоръ, когда же, наконецъ, я получу свое жалованье?.. Вѣдь оно кажется невелико по 45 коп. съ рабочаго. И того вы не хотите платить...

— Какъ не хочу,—говорилъ хозяинъ,—я только велѣлъ управляющему Ивановскаго пріиска заплатить, а вы тамъ не получили.

— Не получили... Кто знаетъ ваши разсчеты, вы ссылаетесь на него, а онъ на васъ,—говорилъ священникъ раздраженно,—вѣдь это ужъ безобразіе... Вѣдь это уклоненіе просто!..

— Никакого уклоненія нѣтъ!—спокойно возражалъ Беркутъ.

— Да какъ же нѣтъ, когда вы даже раскомандировки не хотите мнѣ показать, сколько рабочихъ у васъ находится на лицо, сколько въ отсутствіи.

— Зачѣмъ вамъ она?

— Какъ зачѣмъ мнѣ она? Чтобы узнать число рабочихъ...

— Я вамъ говорю, что ихъ у меня сорокъ человѣкъ.

— Вы говорите, гм..., а позвольте вамъ не повѣрить... Вы всѣ такъ говорите, а вонъ на Покровскомъ пріискѣ тоже хозяинъ въ прошлую мою поѣздку показывалъ одно, а вышло другое. Передъ моимъ пріѣздомъ онъ взялъ да и разогналъ рабочихъ, вотъ вамъ и вѣрьте.

— Зачѣмъ же разгонять?.. Они у меня всѣ на лицо.

— У него тоже были „на лицо"... Нѣтъ, господа, вы думаете, что надъ вами управы нѣтъ, что помимо вашего горнаго исправника и власти уже нѣтъ.

— А кто же еще есть?—съ наглой улыбкой спросилъ Савва.

— А вотъ увидимъ!—и священникъ заходилъ по комнатѣ. Савва же спокойно смотрѣлъ на него въ сознаніи своей силы и перебиралъ руками серебряную цѣпочку.

— Это, господа, безсовѣстно,—съ удареніемъ проговорилъ о. Василій, —у васъ стыда нѣтъ.

— Какой, батюшка, вы строгій, отшучивался хозяинъ, ну, не теперь, такъ послѣ получите.

— Я привыкъ, что вы завтраками кормите, а денегъ-то всетаки не видать.

— Да зачѣмъ вамъ деньги, батюшка?.. Поди, съ г. фотографа за эту ѣздку вы не мало получили. Полсотню поди сорвали,—проговорилъ ядовито хозяинъ. Священникъ вспыхнулъ, Славскій поглядѣлъ на него вопросительно и удивленно.

— Видите, видите, что онъ говоритъ, закричалъ о. Василій.—Да кто далъ право это говорить? подступилъ онъ къ Беркуту.

— Вѣдь я не знаю, я только думаю такъ,—оправдывался тотъ.

— Такъ вы эти мысли оставьте при себѣ и не выражайте ихъ, онѣ оскорбительны...

— Отецъ Василій! Лошади готовы?—Спросилъ Славскій, поднимаясь и желая положить конецъ этой непріятной бесѣдѣ, изъ которой никакого иного толку, кромѣ брани, не могло бы выйти.

— Я сказалъ, чтобы сѣдлали. Правда, пора ѣхать... Намъ тутъ нечего дѣлать,—и онъ поворотился спиной къ Саввѣ,—грошоваго жалованья священнику не платятъ, а еще смѣютъ дѣлать оскорбительныя предположенія...

— Полноте, батюшка, сердиться, какънибудь сладимся!—задобривалъ хозяинъ.

— Хорошо, теперь знаю васъ доподлинно, намъ нечего больше говорить,—и онъ вышелъ изъ комнаты.

— Сердитый попъ, проговорилъ Савва, поглядывая на Славскаго.

Тотъ молча отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно.

Скоро лошади были поданы, наши путешественники пустились въ обратный путь.

Они поѣхали по старой дорогѣ и приблизились къ тому мѣсту, гдѣ работалъ Магницкій. Скоро изъ-за куста показалась фигура Магницкаго Онъ подошелъ къ нимъ.

— Я нарочно вась здѣсь поджидалъ и хотѣлъ съ вами проститься. Надо вамъ кое что сказать... Рабочіе догадываются, что вы не фотографъ, обратился онъ къ Славскому —и желаютъ вась видѣть и поговорить...

— Но все спокойно среди нихъ, волненія нѣтъ?—заботливо освѣдомился Славскій.

— Какое тутъ можетъ быть волненіе!—съ презрительнымъ жестомъ отвѣтилъ Магницкій.

— Поѣдемъ, проговорилъ священникъ, глядя на Славскаго.

— Около опушки лѣса, недалеко отсюда они васъ встрѣтятъ, теперь они идутъ на работы, какъ разъ кстати... Прощайте, не забудьте насъ, —и Магницкій поднялъ съ головы свою оригинальную шапку.

Славскій крѣпко пожалъ ему руку и поскакалъ впередъ; священникъ, простившись съ Магницкимъ, пустился за Славскимъ въ догонку.

На встрѣчу имъ шла толпа рабочихъ съ кайлами съ лопатами и со всѣми принадлежностями земляныхъ работъ при промывкѣ золота. Когда Славскій со священникомъ приблизились къ нимъ на своихъ коняхъ, то толпа остановилась и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, сняли шапки. Они сначала о чемъ-то посовѣтывались между собою, и затѣмъ изъ среды ихъ вышелъ высокій мужикъ съ загорѣлымъ лицомъ и окладистой бородой. Его какъ угли черные глаза глядѣли осмысленно и строго изъ-подъ нависшихъ бровей. Щеки были впалыя, какъ у всѣхъ, вслѣдствіе чего всѣ лицевыя кости сильно выдѣлялись.

— Ваша милость,—началъ онъ,—мы слышали и знаемъ, что вы не простой человѣкъ и пріѣхали сюда поразвѣдать наше житье-бытье и желаемъ побесѣдовать съ вами...

— Съ удовольствіемъ выслушаю васъ, проговорилъ Славскій, только надѣньте шапки.—Рабочіе какъ бы мимо ушей пропустили эту любезность и стояли безъ шапокъ.

— За насъ некому заступиться, некому молвить слово,—продолжалъ „депутатъ".

— Вы видѣли ваше б-діе, въ какихъ мы конурахъ живемъ, сгнили мы совсѣмъ въ нихъ да и того гляди, что обвалится казарма, да и другая тоже... Смилуйтесь надъ нами ваше б-діе, и облегчите нашу часть...

— Я не имѣю власти,—сказалъ Славскій,—и самъ ничего не могу подѣлать, но могу всѣ ваши нужды выслушать и подробно описать ваше положеніе.

— Будьте благодѣтелемъ нашимъ вашему слову повѣрятъ,—и рабочій поклонился въ поясъ, за нимъ поклонилась и толпа,—и вотъ насчетъ податей еще просимъ васъ... Подати съ насъ вычитаетъ хозяинъ, а на родину ихъ не посылаетъ. Числятся многіе изъ насъ въ бѣгахъ или въ неизвѣстной отлучкѣ. Земляки клянутъ насъ по деревнямъ, платятъ за насъ, а если не платятъ, такъ недоимка растетъ... За что же ей рости-то, ваша милость, когда мы наши кровныя денежки отдаемъ хозяину на уплату податей!..

— За кѣмъ же изъ васъ числится недоимка и сколько? — спросилъ Славскій, вынимая записную книжку.

„За мной 100, за мной 50, за мной 70 рублей" слышалось изъ толпы.

Славскій переписалъ имена и фамиліи рабочихъ-недоимщиковъ и за сколько лѣтъ за нихъ не плачено. Назывались все солидныя суммы, за 5, за 3 года, въ теченіе которыхъ хозяинъ не платилъ податей за рабочихъ, у которыхъ онъ вычиталъ деньги изъ жалованья на подати.

— Говорить хозяину не смѣемъ, продолжалъ смуглый рабочій,—того и гляди, что прибьетъ...

— А развѣ часто васъ бьютъ?— спросилъ Славскій.

— Бьютъ часто. Больно,—слышалось въ толпѣ.

— Какъ же, ваше в-діе, чего мы отъ нихъ не терпимъ, да вотъ и сегодня .. тебя, Пубъ, обратился онъ къ парню съ подбитой щекой.

— Меня, жалобно отвѣтилъ тотъ.

— А гдѣ у васъ кузнецъ Артюхинъ?—спросилъ о. Василій.

— Яковъ-то—и смуглый рабочій махнулъ рукой.—Пропалъ... убитъ... изувѣчили проклятые.—Слышалось въ толпѣ.

— Вотъ ваше в-діе, былъ человѣкъ кузнецъ рабочій, а не поладилъ, избили его такъ, что онъ ушелъ и безъ вѣсти пропалъ... погибъ,—и рабочій опустилъ голову.

— А Василій Нагоровъ! Тоже не лучше,—раздалось изъ толпы.

Славскій прислушивался.

— Что же?—невольно вырвалось у него.

— Да чего говорить, ваше в-діе! Человѣкъ захворалъ, сталъ его хозяинъ пужать да принуждать: извѣстно человѣкъ больной, упрямился, не въ моготу стало... ну, у него, значитъ безъ всякой жалости отобрали хлѣбъ и пустили въ тайгу... ступай, молъ, пропадай... какъ хочешь, хуже звѣря всякаго стравили, —и онъ почесалъ затылокъ.

Наступило молчаніе.

— Ваше б-діе, заступитесь за насъ, скажите кому слѣдуетъ—молили рабочіе. . . . .

. . . .

Славскій и о. Василій простились съ рабочими, которые провожали ихъ привѣтствіями и пожеланіями, и поѣхали по тропѣ, ведущей изъ тайги въ населенные пункты.

П. Соколовъ (Костромской).

I.

Въ старину, въ вѣка минувшіе
Ихъ едва запомнятъ прадѣды —
На землѣ царила, правила
Правда-истина премудрая.

Справедливость, нестяжательность
Были первыми министрами,
Неподкупность ихъ товарищемъ,
А судьею — правосудіе.

Да и въ прочихъ департаментахъ —
Полицейскихъ-ли, торговыхъ-ли —
Честность, совѣсть и довѣріе
Занимали мѣста первыя.

И куда не глянешь — счастіе,
Миръ, покой и благоденствіе.
Люди жили не кручинились,
Не завидовали ближнему.

Нищихъ не было, оборванныхъ,
Оскорбленныхъ и обиженныхъ.
Сильный былъ защитникъ слабому,
Помогалъ богатый бѣдному.

А когда кому случалося
По дѣламъ своимъ толкнутися
Въ министерство, въ судъ, въ полицію,
То дѣла тотчасъ рѣшалися

По законамъ установленнымъ.
Волокитства-жъ, взятокъ, подкупа,—
Ну и прочихъ всѣхъ дѣлишечекъ—
Въ тѣ поры совсѣмъ не вѣдали.

Да къ тому же всѣмъ и каждому
До самой царицы истины
Доступъ былъ свободный: жалобы
Принимала лично матушка.

II.

Долга сказка, да кончается,
Такъ случилося и съ Истиной.
Ворогъ лютый, Кривда-лживая
Извести ее задумала.

Лихоимство, лицемѣріе,
Подкупъ, пьянство, любострастіе
Вмѣстѣ съ прочими пороками,
Захвативъ съ собой въ товарищи,

Потихонечку подкралася,
Словно воръ въ ночи негаданный,
Разогнала стражу вѣрную,
Полонила Правду-Истину,

Заковала въ цѣпи мѣдныя,
Увезла за море синее,
Посадила въ подземеліе,
Заперла замками крѣпкими,

Запечатала печатями,
Завалила входъ каменьями,
Стражу сильную поставила
И ключи куда то бросила.

III.

Съ той поры прошли столѣтія,
А все правда за печатями.
И повсюду Кривда-лживая
Полновластною хозяйкою.

Неподкупность, нестяжательность,
Справедливость, правосудіе
И другіе добродѣтели
На глаза пускать не велѣно.

Лихоимство-жъ, лицемѣріе,
Подкупъ, пьянство, любострастіе
Вмѣстѣ съ прочими пороками
Въ орденахъ, въ чинахъ и въ почести.

Д-ръ Поль.

I.

— Михаилъ Васильевичъ!

— Что?—Учитель русскаго языка, Михаилъ Васильевичъ Неждановъ, остановился въ темномъ коридорѣ, отдѣляющемъ учительскую отъ классовъ, и въ полумракѣ сталъ всматриваться въ маленькую фигуру, догонявшую его. Издалека доносился шумъ молодыхъ голосовъ, хлопанье дверями, пѣніе, хаосъ звуковъ, возвѣщавшій окончаніе уроковъ. Была суббота. Школьники, обрадованные предстоящимъ праздничнымъ днемъ, выходили и радостно разсыпались въ разныя стороны. Ученикъ второго нормальнаго класса Александръ Петровъ стоялъ въ это время въ темномъ коридорѣ и говорилъ смущеннымъ, задыхающимся голосомъ:

— Михаилъ Васильевичъ! Не ставьте мнѣ двойки... Я ей Богу приготовлю къ слѣдующему разу... Честное слово!

— Оставьте, Петровъ! Надо заниматься! — отвѣчалъ Михаилъ Васильевичъ, закуривая въ темнотѣ папиросу. Огонекъ ярко вспыхнулъ, освѣтилъ на мигъ красное, смущенное лицо Петрова, строгую, задумчивую физіономію Мих. Васильевича, въ солидныхъ, золотыхъ очкахъ, и погасъ.

— Не могу, Петро́въ,—повторилъ Мих. Васильевичъ усталымъ, скучнымъ голосомъ. — Надо работать! Понимаете? Вы заслужили два, и я ставлю вамъ—два! Идите...

— Мих. Васильевичъ! — голосъ смущенно оборвался и замолкъ. Петровъ всхлипнулъ еще разъ, утерся кулакомъ и посмотрѣлъ вслѣдъ Мих. Вас. А тотъ большими шагами уходилъ въ учительскую.

На минуту черезъ пріотворенную дверь блеснула полоска свѣта: затворилась дверь, и все вокругъ Петрова погрузилось въ темноту. Въ учительской Мих. Вас. подошелъ къ столу, покрытому черной клеенкой, и поставилъ Петрову два жирными, очень блестящими чернилами.

Уроки уже кончились. Въ учительской за столомъ сидѣлъ надзиратель Тупиковъ и что-то писалъ.

Тупиковъ былъ очень маленькій,

толстенькій, сытый человѣкъ. На его вѣчно спокойномъ, ожирѣвшемъ лицѣ никогда не было замѣтно ни мысли, ни волненія. Въ безжизненныхъ свѣтлыхъ глазахъ виднѣлась апатія и лѣнь. Въ гимназіи его дразнили „тумбой". И было что-то похожее въ этомъ толстенькомъ человѣкѣ на кусокъ подгнившаго дерева.

— Какова погодка-то! — сказалъ Тупиковъ, отрываясь отъ переписываемыхъ бумагъ. — Ни зима, ни осень, а такъ, нѣчто среднее. Въ прошломъ году объ эту пору былъ снѣгъ и ѣздили на саняхъ... мда! — Онъ глубоко вздохнулъ и принялся за переписку. Мих. Вас. устало сѣлъ на стулъ и задумался. На блѣдномъ, измученномъ сквернымъ воздухомъ, шумомъ и скукой лицѣ — не было замѣтно ничего, кромѣ усталости.

— Въ газетахъ пишутъ, что скоро морозы начнутся... Дай-то Богъ! — снова сказалъ Тупиковъ, ставя точку и собирая бумаги. — Побѣгу домой, — продолжалъ онъ, протягивая М. В. толстую, вялую руку...

Михаилъ Васильевичъ шелъ домой въ отвратительномъ настроеніи. Съ самаго утра у него болѣла голова.

Кухарка Арина проспала, не поставила самовара, и онъ ушелъ въ гимназію, не дождавшись чаю. Шумные классы, пыль, носящаяся въ воздухѣ, невнимательные ученики, — все это сегодня въ особенности возмущало и волновало его. Къ тому же погода была отвратительная: мелкія капли осенняго дождя падали съ хмураго, сѣраго неба, и казалось, что никогда не уйдутъ темныя тучи, и никогда не перестанетъ падать холодный дождикъ...

— Жить изо дня въ день въ маленькомъ, захолустномъ городкѣ, такомъ скверномъ и грязномъ; жить Богъ знаетъ за чѣмъ и для кого, волноваться, мучиться и чувствовать, какъ постепенно замираетъ въ тебѣ жажда свѣтлой, хорошей жизни, — вотъ что впереди! — мысленно говорилъ себѣ Мих. Вас., шагая по лужамъ и отвѣчая сердитымъ кивкомъ на поклоны обгонявшихъ его гимназистовъ. — Ругаться съ Ариной, вѣчно хмуриться изъ-за ссоръ съ женой, ставить двойки и единицы Петрову, — вотъ она, моя жизнь! — думалъ онъ съ унылою злобой.

— Знать, что идетъ дождь и что черезъ 10—15 лѣтъ также будетъ итти дождь и будетъ также грязно на улицахъ и скверно на душѣ... И это жизнь? — сказалъ онъ себѣ и сосредоточенно, чтобы не запачкать брюкъ, сталъ переходить улицу къ своему дому.

* * *

Михаилу Васильевичу было около 40 лѣтъ. Когда-то красивое, задумчивое лицо отъ времени, водки и скучной жизни, — обрюзгло, потеряло свою привлекательность, словно выцвѣло и полиняло. Изрѣдко только, когда горячая мысль набѣгала на него, въ задумчивыхъ, сѣрыхъ глазахъ загорался прежній огонекъ теперь съ трудомъ въ этомъ неподвижномъ, толстомъ человѣкѣ можно было узнать вѣчно кипучаго, куда-то спѣшащаго Михаила Васильевича.

Родился онъ въ чиновничьей семьѣ. Василій Александровичъ Неждановъ, отецъ Миши, служилъ секретаремъ въ какомъ-то учрежденіи. Маленькаго роста, толстенькій, съ узенькими, заплывшими глазками, съ опредѣленными взглядами на жизнь, такими же узкими, онъ рисуется передъ Мих. Васильевичемъ.

Медленно идетъ долгій зимній вечеръ. Тамъ, на улицѣ, мокрыми хлопьями падаетъ снѣгъ и застилаетъ бѣлой пеленой узкіе тротуары уѣзднаго города.

Въ маленькихъ комнатахъ — тепло. Горитъ лампа подъ зеленымъ абажуромъ, и свѣтъ отъ нея разбѣгается въ разныя стороны. Василій

Александровичъ сидитъ за столомъ въ сѣромъ халатѣ, съ красными кистями и читаетъ. Маленькіе, острые глазки смотрятъ черезъ очки и бѣгаютъ по печатнымъ строкамъ. Но вотъ онъ опускаетъ газету и говоритъ внушительнымъ голосомъ:

— Нда... жизнь-то не шутка. Каждый человѣкъ долженъ сознательно стремиться къ выполненію своего назначенія. Чиновникъ — долженъ быть чиновникомъ, рабочій—рабочимъ и такъ далѣе.

Потомъ обводитъ пристальнымъ взглядомъ Лидію Михайловну съ Мишей и снова погружается въ чтеніе. Миша смотритъ на него и думаетъ о томъ, отчего это папа въ очкахъ и что не дурно-бы еще выпить чаю.

— Мама... налей мнѣ чаю!—говоритъ онъ капризнымъ голосомъ. — Будетъ, Миша! — отвѣчаетъ мама ласковымъ голосомъ, и Миша чувствуетъ прикосновеніе чей-то нѣжной руки... — Чаю хочу!—ноетъ онъ плачущимъ голосомъ и капризно тянется къ чашкѣ.

— Нельзя, Миша. Сиди смирно!

Идетъ время, Промелькнуло беззаботное, счастливое дѣтство. Время безпощадной рукой умчало навсегда его прихотливыя, радостныя грезы...

Утро... Часы въ столовой медленно съ храпомъ, надрываясь пробили семь часовъ. Надо вставать, идти въ гимназію, а спать такъ хочется, такъ сладко закрываются глаза... еще бы хотя съ полъ часика! — Михаилъ всталъ? — раздается строгій голосъ отца. Вотъ онъ толстенькій, съ розовымъ отъ холодной воды лицомъ, въ новенькомъ вицъ-мундирѣ входитъ въ спальную и говоритъ:

— Пора вставать... еще опоздаешь!—Мама уже сидитъ за самоваромъ. Нѣжные, любящіе глаза съ тревогой смотрятъ на пухлую физіономію Миши, и милый голосъ говоритъ съ жалостью:

— И выспаться-то не дадутъ ребенку... Вчера въ первомъ часу легъ. Пей чай, Миша, съ хлѣбомъ...— Миша пьетъ чай и посматриваетъ на прогуливающагося по комнатѣ отца.

— Смотри, въ гимназіи-то будь внимателенъ, галокъ не лови... Слѣди за объясненіями...

— Хорошо! — отвѣчаетъ Миша, засовывая въ ротъ кусокъ хлѣба.

— То-то хорошо... Вчера принесъ двойку... чтобъ у меня этого не было. Тебя въ гимназію отдали учиться, а не шелопайничать. Отецъ деньги платитъ, старается, какъ бы изъ тебя человѣкъ вышелъ...

— Будетъ уже, Василій Александровичъ, – говоритъ мама примиряющимъ голосомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Миша поступилъ въ гимназію она почти каждый день слышитъ эти разговоры и они уже давно надоѣли ей. — Я вамъ, Лидія Михайловна, кажется ничего не говорю! — обиженнымъ тономъ отвѣчаетъ отецъ и закуриваетъ папироску.

— Можетъ быть вамъ желательно устранить меня отъ воспитанія? Такъ вы бы и сказали, — продолжаетъ онъ протяжнымъ тономъ, пуская клубы дыма.—Воспитывайте сами-съ... да!

— Ну, пошелъ...—говоритъ Лидія Михайловна, нервно встаетъ и уходитъ изъ за стола въ свою комнату.

— Обидѣлись... скажите пожалуйста!—смущеннымъ голосомъ говоритъ Вас. Ал., и, обращаясь къ Мишѣ, добавляетъ:

— Съ нынѣшняго дня получайте двойки, безобразничайте, не ходите въ классъ... мнѣ все равно... слышите? — онъ хлопаетъ дверями и уходитъ изъ комнаты. — Опять калоши не вычищены? Дура! Сколько разъ тебѣ говорить!—раздается изъ передней его громкій, сердитый голосъ. Но вотъ хлопнула парадная дверь, задребезжалъ гдѣ-то звонокъ, и все смолкло.

— Ушелъ, — думаетъ Миша и съ

облегченіемъ смотритъ на часы. Половина восьмого. Миша торопливо собираетъ разбросанныя книги, засовываетъ въ ранецъ тетрадки и уходитъ въ гимназію.

— Дай хоть пальто-то почищу, безобразникъ!—говоритъ въ передней кухарка Авдотья, ловя его за рукавъ.

— Вотъ еще... некогда! — Миша выскакиваетъ на улицу и торопливымъ шагомъ дѣлового человѣка спѣшитъ въ гимназію.

Медленно, тоскливо и однообразно течетъ гимназическая жизнь. Каждый день идутъ уроки, спрашиваютъ, ставятъ отмѣтки. Скучно сидѣть въ классѣ. Миша задумался. Передъ нимъ лежитъ раскрытая книга, а глаза задумчиво устремлены вдаль.

— Неждановъ! О чемъ вы думаете?

— Я, Павелъ Александровичъ...— А Павелъ Алек. подходитъ уже къ нему своей кошачьей, мягкой походкой.

— Убери книгу, убери книгу! — шепчетъ Миша своему сосѣду Иванову... но уже поздно: злополучная книга въ рукахъ Павла Александровича.

— А, Майнъ Рида читаете? — говоритъ онъ торжествующимъ голосомъ побѣдителя. — Останьтесь послѣ уроковъ!

Миша пришелъ домой поздно; Вас. Алек. спрашиваетъ его:

— Гдѣ ты былъ?

— Заходилъ къ товарищу, книги бралъ! — отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ Миша.

— По товарищамъ шляешься, а обѣдъ пропускаешь! Чтобъ не было этого больше... слышишь, Михаилъ?

— Слышу,—Миша устало посмотрѣлъ на отца и набросился на обѣдъ, уже успѣвшій остынуть. Онъ ѣлъ и думалъ, что скоро надо идти въ гимназическую церковь ко всенощной и что все надоѣло и опротивѣло ему въ гимназіи.

Медленно тянулось время...

Въ старшихъ классахъ Миша подружился съ двумя товарищами по классу: Ивановымъ и Ткаченко.

Ивановъ былъ длинный, худой гимназистъ, съ умными, мечтательными глазами и копной бѣлокурыхъ волосъ. Когда онъ говорилъ, то смотрѣлъ куда-то вдаль, и казалось, что въ его головѣ шла постоянная, тяжелая работа мысли. Учился онъ плохо. — Зачѣмъ? — говорилъ онъ обыкновенно,—что мнѣ могутъ дать гимназическіе учителя? — Ткаченко соглашался съ нимъ, но самъ учился хорошо, былъ любимцемъ учителей и переходилъ съ наградами. — Вы думаете, я цѣню ихъ? — говорилъ онъ товарищамъ про учителей. — Нѣтъ! А только отецъ у меня строгъ!—Ткаченко былъ маленькаго роста, приземистый, съ жесткими черными волосами на головѣ. Онъ былъ очень силенъ и неподвиженъ. Дружба между ними началась съ того, что Ивановъ сказалъ какъ-то Мишѣ:

— Идемъ сегодня послѣ обѣда въ луга на рѣку...

Была суббота, и послѣ обѣда они втроемъ пошли за городъ.

Стояла весна. Давно уже сошелъ снѣгъ, и въ лугахъ показалась молодая, ярко-зеленая трава. Теплое солнышко грѣло обновленную землю; веселое щебетанье птицъ стояло въ воздухѣ.

— Славно; точно изъ тюрьмы вырвался! — говорилъ Ивановъ, ложась на траву около рѣки. Она катила передъ ними свои могучія волны, блестя на солнцѣ. Легкій вѣтерокъ иногда набѣгалъ на воду, поднималъ рябь и тогда казалось, что блеститъ чья-то золотая чешуя.— Люблю я природу, — продолжалъ онъ, закуривая папироску, — свободно, легко... хочется куда-то летѣть.

— У насъ на югѣ еще лучше: вишни цвѣтутъ, яблони, кругомъ бѣлое все... да!—И Ткаченко мечтательно смотрѣлъ вдаль, гдѣ, ему казалось, былъ югъ.

— Господа, неужели вамъ не надоѣла гимназія? — спрашивалъ Ивановъ, подставляя открытую голову рѣчному вѣтерку. — Одно и тоже, одно и тоже!

— Отвратительное заведеніе, — соглашался Ткаченко. И они задумывались.

Передъ ними бѣжала не успѣвшая обмелѣть рѣка.

Широкой, темной лентой среди зелени луговъ катила она свои воды куда-то впередъ. Она была такая свободная, такая могучая...

— Скоро мы кончимъ гимназію,— сказалъ Миша,—что-то насъ ждетъ?

— Хорошо будетъ...—мечтательно сказалъ Ивановъ.

— Главное, нужно выработать опредѣленныя убѣжденія,—сказалъ Ткаченко. — Нужно больше читать. А что мы читаемъ? — Они переглянулись и легкая улыбка освѣтила ихъ лица.-- Мда, читаемъ не много!— согласился Ивановъ.

— Рефераты писать тоже недурно! — продолжалъ Ткаченко, — надо вступить въ жизнь подготовленными. Гимназія намъ ничего этого не дастъ. Хотите собираться читать вмѣстѣ? Только гдѣ? У меня нельзя... отецъ!

— У меня можно!— сказалъ Ивановъ. Долго еще въ этотъ вечеръ сидѣли и говорили они о томъ, какъ устроить чтенія. Говорили о жизни, о своемъ будущемъ, и такое свѣтлое и чарующее рисовалось оно передъ ними.

* * *

До выпускныхъ экзаменовъ оставалось двѣ недѣли.

— Смотри, Михаилъ...—говорилъ Василій Александровичъ разгуливая по залѣ въ туфляхъ, — занимайся, послѣдніе экзамены. Кончишь гимназію, — человѣкомъ будешь... учись! — Онъ осторожно затворялъ за собой дверь и начиналъ ходить взадъ и впередъ по залѣ. Черезъ отворенныя окна вливался свѣжій, весенній воздухъ; пахло распускающейся сиренью, и на душѣ у Василія Александровича становилось тепло, и онъ говорилъ вслухъ: наука это—все!

Наступилъ, наконецъ послѣдній экзаменъ, а съ нимъ и конецъ гимназической жизни. Мишѣ казалось, что въ этотъ день особенно ярко блеститъ солнце, особенно весело щебечутъ птицы и радостно чувствуютъ себя люди.

— У меня точно крылья выросли! — говорилъ онъ Иванову, останавливаясь въ темномъ коридорѣ.

— Да, хорошее время... — согласился тотъ...— ты на какой рѣшилъ факультетъ? — спросилъ онъ.

— Да еще не знаю...

Вечеромъ они собрались въ послѣдній разъ вмѣстѣ. — А все таки грустно, господа! — сказалъ Ткаченко. — Впереди цѣлая жизнь... И жутко и радостно!

— Это отъ непривычки!—сказалъ Ивановъ. Миша ничего не говорилъ. Онъ грустно задумался надъ тѣмъ, что ждетъ его впереди. А когда они собрались уходить, Ивановъ поднялъ высоко кружку пива и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Вотъ что... господа! Завтра мы разстанемся. Можетъ быть жизнь раздѣлитъ насъ навсегда другъ отъ друга. Передъ нами будетъ такъ много новыхъ впечатлѣній, людей, что старая жизнь отойдетъ куда-то далеко-далеко... Богъ съ ней. Пообѣщаемъ-же, господа, сегодня никогда не забывать другъ друга... не забывать и того, что говорили: не будемъ сухими, эгоистичными людьми! — Ивановъ высоко поднялъ кружку и чекнулся и выпилъ ее до дна. Когда они разошлись, темная ночь стояла надъ городомъ, а звѣзды радостно посматривали на нихъ съ далекаго, темнаго неба. Въ эту ночь, поздно, Миша одиноко вышелъ въ садъ. Темные силуэты деревьевъ высились въ воздухѣ. Гдѣ-то вдали играли на рояли, и казалось, что кто-то плачетъ.

Миша сѣлъ на скамью и слушалъ, какъ медленно плыли звуки и плакала ночь. И было счастливо и тоскливо у него на душѣ.

— Мама, гдѣ теперь ты? — тихо сказалъ онъ, и слезы медленно потекли по впалымъ отъ долгихъ занятій щекамъ юноши.

II.

— Я вѣрю въ жизнь! Я страстно вѣрю въ жизнь... Слышите, Соколовъ?! Сколько бы вы мнѣ не говорили, что жизнь—скучная, тяжелая канитель, что люди—сухіе эгоисты, думающіе только о себѣ,—вы меня не убѣдите... въ этомъ... — Молоденькая дѣвушка, съ толстой, русой косой, красиво обхватившей ея голову, сказала это молодымъ, звонкимъ голосомъ и сѣла, покраснѣвъ отъ волненія. Соколовъ, студентъ-медикъ, съ умными, усталыми глазами, угрюмо посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Я не хочу васъ ни убѣждать, ни увѣрять, Елизавета Николаевна,— я говорю, что думаю. Всѣ мы, по моему, со временемъ сдѣлаемся скучными нытиками или засядемъ за карты и водку... отчего? Говорятъ, такъ складывается жизнь! — Онъ помолчалъ нѣсколько времени и продолжалъ:

— Пока еще мы молоды, мы горячимся, мечтаемъ, а устроимся на мѣсто, выйдемъ замужъ и все позабудемъ! Объ этомъ много написано романовъ, разсказовъ, очень хорошихъ, умныхъ, а что толку? Какъ былъ человѣкъ свиньей, такъ и остался!..

— А все таки я вѣрю!..

— Что-жъ! Вѣрить, конечно, не мѣшаетъ...

Неждановъ сидѣлъ и слушалъ. Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ онъ очутился въ университетѣ.

Жизнь раскрылась передъ нимъ полная соблазна, невѣдомаго счастья и горя. Много новаго, ужаснаго увидалъ онъ. Не разъ приходилось ему съ тоской спрашивать себя: стоитъ-ли жить; зачѣмъ жить? Не разъ приходилось снова вѣрить, мечтать, быть почти счастливымъ. Не разъ говорилъ онъ себѣ: вотъ она, жизнь со всѣми ея радостями и горестями! — И теперь сидя на журфиксѣ и слушая разговоры, онъ задавалъ себѣ вопросъ: кто правъ?— Неужели эта милая дѣвушка, съ ея прекрасными, такими вдумчивыми, глубокими глазами, ошибается?

Неужели правъ Соколовъ, что человѣкъ грубый эгоистъ... что мы тоже только говоримъ, мечтаемъ и все позабудемъ, когда вступимъ въ жизнь?

— Пока намъ еще какъ-то совѣстно оподлиться,—говорилъ Соколовъ, запуская руку въ свои лохматые, густые волосы, — мы еще молоды для этого, а наши отцы? Наши старшіе товарищи? Проходитъ два—три года, и человѣкъ изъ порядочнаго дѣлается или подлецомъ или тряпкой... отчего?

— Не всѣ же, Соколовъ... Да поймите вы, что нельзя жить съ такими вѣрованіями, убѣжденіями... Вѣдь это значитъ самого себя обрекать на самоубійство! — Елизавета Николаевна глубоко вздохнула и даже махнула рукой на Соколова.— Ха, ха, ха!—засмѣялся тотъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь!—продолжала она,— но вы сами разрушаете жизнь... знайте это! Жизнь требуетъ твердыхъ характеровъ, могучихъ людей!

— Гдѣ это вы вычитали?..

— Все равно гдѣ! Вы—старый, отжившій человѣкъ, вы самъ.., тряпка!

— А вы — Донъ-Кихотъ альтруизма...

— Господа!!

— Да поймите-же, господа, что онъ самъ разрушаетъ жизнь, — горячилась Елизавета Николаевна, — онъ называетъ другихъ тряпками, а самъ полонъ недовѣрія къ людямъ... Соколовъ! Вы боитесь жизни!

— А вы? Хотѣлъ бы я васъ посмотрѣть лѣтъ черезъ 20?

— Что же?

— А то!.. Что вы будете говорить тогда?

— Вы думаете, что я измѣню своимъ убѣжденіямъ? Никогда, Соколовъ, никогда!—Дѣвушка сказала это звонкимъ и такимъ милымъ голосомъ, что Неждановъ вспыхнулъ и сказалъ самъ себѣ:

— Права она или неправа, но она такая славная, милая... и я люблю ее! — Отъ этой мысли ему вдругъ сдѣлалось такъ тепло и хорошо на сердцѣ, что онъ вмѣшался въ споръ и сказалъ:

— А по моему Елизавета Николаевна права...

— Да? — Соколовъ усмѣхнулся и спросилъ,—почему?

Елизавета Никол. радостнымъ взглядомъ смотрѣла на Нежданова, и онъ чувствовалъ, какъ что-то хорошее растетъ у него въ груди и наполняетъ сердце.

— А вотъ почему! — сказалъ онъ громко и увѣренно. — Вотъ почему: жизнь полна горя... несчастія. Кругомъ такъ темно, такъ хочется комунибудь протянуть руку; встрѣтить откликъ своему горю, что надо, необходимо вѣрить въ людей! Мы всѣ такіе несчастные... отчего? Оттого, что нѣтъ въ насъ вѣры ни въ себя, ни въ жизнь, ни въ людей! Развѣ мы дорожимъ своими убѣжденіями? Мы продаемъ ихъ. За что? За удобную квартиру, за хорошій столъ, экипажъ! Мы, дѣйствительно, Соколовъ, боимся жизни... Нѣтъ! Нужно вѣрить въ себя... Вѣрить въ то, что мы можемъ быть и сильными, и добрыми и хорошими людьми! — Неждановъ кончилъ и посмотрѣлъ кругомъ. На него восторженно смотрѣли большіе, счастливые глаза...

— Ну, конечно, — сказалъ Соколовъ, усмѣхнувшись, — вотъ вашъ, Елизавета Николаевна, союзникъ!

Съ этого вечера они возвращались вмѣстѣ. На дворѣ было холодно: послѣ оттепели къ ночи завернулъ холодокъ, подморозилъ тротуары и дорогу. Было скользко. Съ неба смотрѣли звѣзды, улыбаясь землѣ. Изрѣдка проѣзжали извозчики, повизгивая подрѣзами полозьевъ.

— Вѣрите-ли вы, Неждановъ, въ то, что говорили сегодня?—спросила дѣвушка, глядя ему въ глаза.

Неждановъ посмотрѣлъ на нее, снова поймалъ, тревожный, полный ожиданія взглядъ и сказалъ:

— Вотъ что, Елизавета Николаевна? Давайте вѣрить!

— Что ждетъ насъ въ жизни, Богъ вѣдаетъ, а безъ вѣры въ людей... не стоитъ жить!

— О, да,—воскликнула Елизавета Николаевна,—не стоитъ!

* * *

Неждановъ жилъ въ отдѣльной, маленькой комнаткѣ во второмъ этажѣ. Въ сосѣдней комнатѣ жилъ студентъ-техникъ, съ другой стороны жила пѣвица какого-то лѣтняго сада. Это была очень красивая, нѣсколько измученная, молодая женщина.

Неждановъ познакомился съ ней случайно. Однажды, когда онъ сидѣлъ уткнувшись въ книгу, кто-то постучалъ въ дверь. — Войдите! — сказалъ Неждановъ, оставляя книгу. Вошла его сосѣдка — пѣвица. — Я вамъ не помѣшаю... Наталья Николаевна Михайлова... Если помѣшала — прогоните!—Она красивымъ жестомъ откинула свои пышные, густые волосы и посмотрѣла на Нежданова долгимъ, пристальнымъ взглядомъ.— Знаете, почему я пришла къ вамъ?— сказала она.

— Почему?—спросилъ Неждановъ и подумалъ: она очень красива и симпатична. А она смотрѣла на него смѣющимся взглядомъ и говорила:

— Мнѣ стало скучно... а вы такой милый, симпатичный, красивый, — сказала она и засмѣялась его смущенію. — Да, красивый,—повторила

она, смѣясь. — И мнѣ захотѣлось поговорить съ вами... Вы такой одинокій... И я тоже!—добавила она печальнымъ голосомъ.

— Мнѣ скучно, ужасно скучно иногда, милый студентикъ,—сказала она съ тоскою,—иногда я хочу умереть... хотя-бы забыться... О! какъ я тогда ненавижу свою жизнь, свою красоту, свой голосъ! Если-бы вы только знали, какъ мнѣ хочется иногда, чтобы кто нибудь просто назвалъ меня Наташей, какъ меня звали гимназисткой... Я тоже была гимназисткой... я училась... да! — Она вдругъ наклонилась надъ столомъ и заплакала.

— Простите, голубчикъ!—сказала она, вытирая платкомъ слезы,—это такъ глупо... плакать у васъ!..

Неждановъ смотрѣлъ на нее и ему было неловко и жалко ее. — О чемъ бы ее спросить, что сказать?—думалъ онъ.

— Когда я вспоминаю свою старую жизнь, когда я была молоденькой, славной дѣвушкой, — я всегда плачу, — говорила она, улыбаясь сквозь слезы, — тогда было такъ хорошо!—добавила она мечтательно.

— Ахъ, молодость! — Она опять заплакала и сказала:

— Мнѣ скучно... можно къ вамъ иногда заходить?

— Пожалуйста...

— Спасибо!—Она горячо пожала руку и ушла къ себѣ. Съ этихъ поръ онъ стала часто заглядывать къ Нежданову.

Нежданову было жалко ее, и она нравилась ему.

Высокая, стройная, съ пышной, молодой еще грудью, съ прелестными задумчивыми глазами, — она порой волновала его воображеніе.— Она красива, мила, — думалъ онъ, лежа на кровати, — она мнѣ нравится... кромѣ того, она очень симпатична. Иногда онъ вспоминалъ ея судьбу, которую она расказала ему. Она училась въ гимназіи и кончала, когда влюбилась страстно, безъ памяти въ проѣзжаго артиста. Была весна: томительная, нѣжная тишина стояла въ воздухѣ, хотѣлось любить, забыться... и она забылась... Промелькнуло счастливое время. Пришлось выйти изъ гимназіи. Родители узнали все и прогнали. У нея былъ голосъ, красота, она поступила въ пѣвицы и переѣхала въ большой городъ.

— Вы одни?

— Да, да! Войдите, пожалуйста!— онъ вскочилъ, поправляя тужурку и спутавшіеся волосы.

Вошла Наталья Николаевна въ свѣтломъ, розовомъ платьѣ. — Поздно? — Нѣтъ ничего, я не спалъ!— отвѣтилъ Неждановъ. — А я прямо оттуда. — Она никогда прямо не говорила про себя.

— Тамъ такъ скучно, такъ гадко, что я отпросилась и ушла...

— Какъ себя чувствуете?..

— Скверно... голубчикъ! — Онъ смотрѣлъ на ея прекрасныя плечи, на высоко поднимавшуюся отъ ходьбы грудь, на ея улыбку и думалъ: нѣтъ, она прелестна и увлекательна!

— Мнѣ стало скучно... по васъ, Миша!—говорила она, улыбаясь задумчивой, манящей улыбкой...

— Даа... — онъ неопредѣленно промычалъ что-то въ отвѣтъ.

— Да!—сказала она сильно.—Вы такой милый!

Она посмотрѣла на него горячимъ, полнымъ страсти и желанія взглядомъ и вдругъ обхватила его, прижала къ себѣ, шепча: я люблю тебя, давно люблю, милый!

— Наташа!..

. . . .

* * *

Это было ужасно! Онъ видѣлъ, какъ Наташа съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывается къ нему. Она, какъ это часто бываетъ съ глубоко несчастными, обездоленными людьми, вложила въ свою любовь всю страсть и нѣжность, на какую только была спо-

собна. А онъ уже начиналъ тяготиться ею. Главное, онъ сознавалъ, что у него нѣтъ—ея чувства. Приближалось лѣто. Съ каждымъ днемъ все ближе и ближе надвигалась тяжелая минута.— Что я скажу ей?—думалъ Неждановъ.

— Что я не люблю ее; что я люблю Елизавету Николаевну... Но, вѣдь, это убьетъ ее... Уѣхать не простившись? Нельзя... Гдѣ-же выходъ, гдѣ выходъ?—мучительно думалъ онъ. А она, видя его часто задумчивымъ, говорила: что съ тобой, Миша?

— Какъ же я, проповѣдывающій правду въ жизни, любовь, какъ я разрѣшу все это? — думалъ онъ, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ. Иногда ему вспоминался вопросъ Соколова: отчего?

И онъ отвѣчалъ себѣ: да, дѣйствительно, жизнь полна трудныхъ задачъ... какъ разрѣшить ихъ?

Иногда онъ укорялъ себя: не нужно было ничего начинать, если ты не чувствовалъ любви къ ней!

Но, вѣдь, что-то было-же: не то жалость, не то увлеченіе!.. А время все шло.

Однажды онъ рѣшился и пошелъ къ ней.

Наташа лежала у себя въ комнатѣ и читала Достоевскаго, котораго онъ досталъ ей.—А... милый!—сказала она, улыбаясь ему на встрѣчу.

Онъ неловко сѣлъ на краюшекъ кровати, усмѣхнулся кривой, противной самому себѣ улыбкой и сказалъ:

— Наташа!..—Она догадалась и посмотрѣла на него испуганнымъ, полнымъ тоски взглядомъ, какъ смотрятъ животныя, которыхъ собираются застрѣлить...

— Все равно!—сказалъ онъ самъ себѣ,—надо кончать...

— Наташа... завтра я уѣзжаю...

— Куда?

— Не знаю пока, куда...

— А какже я то?

— Мм! Ты?.. Я не знаю, какъ ты... — Что мнѣ дѣлать?—подумалъ онъ

— Совсѣмъ уѣзжаешь... одинъ?—спросила она упавшимъ голосомъ.

— Нужно... да... одинъ...

Онъ не выдержалъ, вскочилъ съ постели и убѣжалъ къ себѣ въ комнату. Напрасно онъ старался закрыть дверь, затыкалъ уши, рыданія сквозь стѣну доходили до него и терзали его сердце.

— Что же я могу, что я могу! — шепталъ онъ унылымъ голосомъ...

* * *

Собственно съ этой минуты и начался тотъ разладъ, который испытывалъ всю жизнь Михаилъ Васильевичъ.

На лѣто онъ съ своей невѣстой, Елизаветой Николаевной, уѣхалъ къ ней въ имѣніе, въ деревню.

Прошлое подернулось дымкой невозвратно-умчавшагося въ вѣчность; стало воспоминаніемъ.

Иногда приходили на память эти воспоминанія, тревожили на время сердце и уносились въ даль. Жизнь, полная новыхъ ощущеній, неслась передъ нимъ. Стояло хорошее, жаркое лѣто.

Наливалась рожь. Въ тепломъ ночномъ воздухѣ пахло сѣномъ и левкоями. Михаилъ Васильевичъ вдвоемъ съ Лилей стояли на берегу рѣки, около лодки. Рѣка медленно несла въ даль свои воды, серебрянная отъ свѣта луны. По небу пробѣгали легкія облачка и словно кисеей задергивали на время луну. Тогда темныя тѣни пробѣгали по лицамъ Лили и Михаила Васильевича. — Садись, Лиля, — говорилъ Михаилъ Васильевичъ, протягивая ей руку изъ лодки.

Когда она сѣла, онъ оттолкнулъ лодку отъ берега, и она медленно поплыла, разсѣкая неподвижную поверхность рѣки.

— Лодка отплыла... какъ наша жизнь!—сказала задумчиво Лиля. — Да,—сказалъ Михаилъ Васильевичъ,

смѣясь, — смотри, — ты завладѣла рулемъ этой жизни! — И они оба разсмѣялись. И ихъ звонкій смѣхъ радостно прозвучалъ въ воздухѣ.

— Кто бы изъ насъ не завладѣлъ рулемъ, только бы хорошо правилъ,—сказала Лиля.

— Да... что-то насъ ждетъ... тамъ, въ жизни?

Они задумались... А рѣка медленно катила впередъ свои темныя воды...

* * *

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Михаилъ Васильевичъ давно уже сдѣлался учителемъ, ходилъ на уроки, ставилъ двойки, сердился на учениковъ; старался ладить съ начальствомъ и товарищами. Прежнія, свѣтлыя мечты унеслись куда-то далеко-далеко, и Михаилъ Васильевичъ не любилъ тревожить ихъ. Время и жизнь сдѣлали свое дѣло: онѣ разбили надежды, научили эгоизму, тщеславію, — сдѣлали сердце холоднымъ, чувство маленькимъ, а самолюбіе большимъ... Михаилъ Васильевичъ усталъ, измѣнился, разочаровался...

А Лиля?

III.

— Дзн... дзн... дзн...

Электрическій звонокъ дребезжалъ долго. Никто не отворялъ двери, и Михаилъ Васильевичъ начиналъ сердиться. — Пропали... чертъ знаетъ гдѣ!

— Арина! Звонятъ...

Арина бросила мокрую тряпку, которой вытирала столъ, и бросилась къ двери. Какъ нарочно ключъ долго не попадалъ въ замокъ.—Пожалуйте, баринъ...

— Гдѣ ты пропадаешь? Тебя зачѣмъ нанимаютъ, — кипятился Мих. Васильевичъ, снимая мокрое пальто...—дура! — Арина покорно взяла мокрое пальто и молча повѣсила его на вѣшалку.

Мих. Васильевичъ молча прошелъ черезъ залу въ кабинетъ и остановился недовольный. На письменномъ столѣ все было перерыто и переставлено. Чернильница была открыта, и на свѣжемъ промокательномъ листѣ чернѣлось пятно приблизительно въ пятачокъ. Мраморное пресспапье съ казакомъ въ чрезвычайно большой папахѣ на верху, — было опрокинуто, книги раскрыты и помяты

— Навѣрно Борька... мерзавецъ!— подумалъ Мих. Васильевичъ. — И чего только Лиля смотритъ!

— Пожалуйте, баринъ, обѣдать...

— Ступай... чего же ты стоишь... Глухой я? да?

Арина молча усмѣхнулась и съ оскорбленнымъ видомъ вышла изъ кабинета. — Не въ духахъ что-то!— сказала она въ столовой. — Улыбается, — подумалъ Мих. Васильевичъ,—а самовара во время подать не можетъ! — И онъ усталыми шагами пошелъ въ столовую. Устало онъ поцѣловался съ женой и дѣтьми и съ скучающимъ видомъ сѣлъ за столъ.

— У меня въ кабинетѣ опять все перерыли! — недовольно сказалъ онъ. — Кому нужно? И чего ты, Лиля, не можешь посмотрѣть за ними? Это ты, Борисъ?—Маленькій, восьмилѣтній Борисъ, пухлый, розовый съ голубыми глазами Елизаветы Николаевны, замахалъ ногой и смущенно покраснѣлъ. — Я тебя.. высѣку!..

— Зачѣмъ ты говоришь это, Миша?..

— Зачѣмъ? Ну, да... я знаю, что вы не признаете физическаго воздѣйствія! Ну, и пусть роютъ, рвутъ, портятъ вещи... да!

— Смѣшно, Миша,—сказала Елизавета Николаевна.

— Смѣшно? вамъ все смѣшно, Елизавета Николаевна... Мужъ усталъ, измучился... хочетъ отдохнуть... а вамъ смѣшно, да?

— Миша, ты не правъ...

— Ну, да, конечно! Я не правъ, а вы воплощенная правота. — Елизавета Николаевна съ укоризной по-

смотрѣла на него и покраснѣла. Наступило томительное молчаніе.

Михаилъ Васильевичъ ѣлъ медленно и исподлобья посматривалъ на всѣхъ. Маленькій Боря чувствовалъ, что папа недоволенъ имъ, и отъ смущенія ничего не ѣлъ.—Что же, пойдемъ мы къ Кузьминымъ? — спросила Елиз. Николаевна. Кузьминъ былъ учитель, у котораго сегодня былъ вечеръ.

— Какъ вамъ будетъ угодно... — сказалъ Мих. Васильевичъ.

— Ты знаешь, что мнѣ не угодно ходить туда, гдѣ играютъ только въ карты и пьютъ... а нужно или нѣтъ?

— Конечно, гдѣ же намъ до васъ...

— Миша...

Послѣ обѣда Михаилъ Васильевичъ улегся на клеенчатый диванъ въ кабинетѣ и взялъ газету.

По старой памяти онъ выписывалъ либеральную газету, да и Лиля не читала другихъ. Общественная жизнь мало интересовала Михаила Васильевича: съ теченіемъ времени его умственный кругозоръ сузился, интересы измельчали, да и самъ онъ весь сталъ напоминать своего отца. — Жизнь жизнью,—иногда говорилъ онъ,—а служба службой! — Съ тѣхъ поръ, какъ ему дали орденъ и пообѣщали въ недалекомъ будущемъ сдѣлать инспекторомъ, онъ сдѣлался скучнѣе, требовательнѣе, кричалъ на учениковъ, приготовляясь къ будущей должности.

Было когда-то время, когда ученики интересовали его, съ другой стороны: тогда онъ слѣдилъ за ихъ чтеніемъ, подолгу бесѣдовалъ съ ними, читалъ вмѣстѣ, давалъ книги, словомъ, жилъ ихъ интересами... Но это было очень давно...

— У меня семья-съ!—любилъ онъ говорить своимъ хорошимъ знакомымъ, — у меня есть священныя обязанности передъ нею... да!

Скучными, длинными вечерами, когда падалъ холодный дождь, Михаилъ Васильевичъ расхаживалъ по кабинету и напѣвалъ про себя.

— Что вы не читаете „Московскія Вѣдомости“? — спросилъ его какъ-то директоръ. — Хорошая газета!

— Думаю начать читать, Ваше Превосходительство! — отвѣтилъ Мих. Васильевичъ наклоняясь изъ почтительности всѣмъ туловищемъ.

— Да, да... начните!

И началъ...

Несмотря на ироническія насмѣшки жены, Мих Вас. иногда приносилъ нѣсколько номеровъ этой газеты, ложился съ ними на диванъ и погружался въ чтеніе.

— Много интереснаго?—освѣдомлялась изрѣдка съ насмѣшливымъ видомъ Лиля.

— Конечно, газета своеобразная, однако, и въ ней есть кое-что правды! — говорилъ онъ обыкновенно, прочитавъ нѣсколько номеровъ.

— Гадость!—возмущалась Елизавета Николаевна, пожимая плечами.

Въ воспитаніе дѣтей Михаилъ Васильевичъ вмѣшивался мало. Лиля иногда только бесѣдовала и совѣтовалась объ нихъ, а иногда даже не спрашивала его. — Зачѣмъ?—думала она,– что отъ этого толку?

Съ каждымъ днемъ чувствовала она сильнѣе, какъ между нею и мужемъ создается преграда, недоступная стѣна непониманія, недовѣрія и разномыслія. Иногда она задумывалась надъ своимъ прошлымъ и задавала себѣ вопросъ: какъ я могла такъ ошибиться?—Она вспоминала своего прежняго, любимаго Мишу и не узнавала его.

— О, эта жизнь; о, эта проклятая жизнь!—шептала она.

* * *

Вечеръ у Кузьминыхъ былъ въ самомъ разгарѣ.

За двумя столами играли въ винтъ и преферансъ.

— Пики... бубны... двѣ пики! — висѣло въ воздухѣ.

Въ накуренномъ воздухѣ виднѣ-

лись красныя лица, потныя, возбужденныя игрой.

— Вотъ вы даже въ винтъ не играете, Елизавета Николаевна, — говорила хозяйка, высокая, толстая, 30 лѣтняя дама. — Скучно вамъ? — Лиля улыбалась, смотрѣла въ карты и... скучала.

— Посолили огурцы?—спрашивала участливо хозяйка, — такъ дороги, такъ дороги... просто страсть!

— Я, батюшка, учениковъ держу въ струнѣ, — говорилъ инспекторъ, высокій, здоровый человѣкъ. — По моему, строгость необходима!

— Во всемъ винятъ воспитателей, — говорилъ батюшка, слащавымъ голосомъ, — а въ чемъ ихъ вина? Имъ говоришь идти въ церковь, а они въ театръ...

— Прежде пороли!.. Лучше это было, я васъ спрашиваю? Хуже... такъ... Теперь не порютъ, а лучше стало?

— Пройдемтесь-ка, господа, по рюмочкѣ...Какой прикажете, хинной? Ваше здоровье...

Только въ 12 часовъ разошлись гости?

Дѣти уже давно спали, когда Неждановы возвратились домой. Спать не хотѣлось. Въ гостинной отъ лампы, покрытой краснымъ, шелковымъ абажуромъ, было полутемно.

Лиля сидѣла задумавшись на диванѣ. Мих. Васильевичъ ушелъ въ кабинетъ и, лежа на диванѣ, высчитывалъ ходы, которые онъ дѣлалъ сегодня, играя въ винтъ.

— Какая тоска! — думала Лиля, опуская голову.

— Господи! Когда-то такъ хорошо мечталось, жизнь казалась такой чарующей, зовущей къ хорошему, честному дѣлу, а теперь? Тоска...

Она подошла къ роялю и ударила по клавишѣ... Медленно родился и поплылъ однообразный звукъ... Лиля сѣла и тихо заиграла... Она играла что-то давно забытое, что играла она въ своей далекой молодости. Родились звуки, тоскливо рыдали въ воздухѣ и медленно замирали гдѣ-то далеко-далеко...

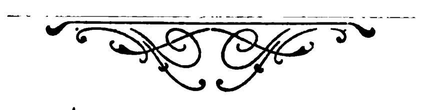
Мих. Васильевичъ лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ и слушалъ. Передъ нимъ, подъ эти знакомые звуки, воскресало что-то давнее, родное... Вотъ выросла его дѣтская; наклонилась надъ нимъ мама, цѣлуетъ его, ласкаетъ... вотъ отецъ; тамъ далеко мелькнулъ умершій Ивановъ... Показалась съ печальной улыбкой такая красивая, любящая Наташа, вотъ, наконецъ, Лиля веселая, радостная, счастливая...

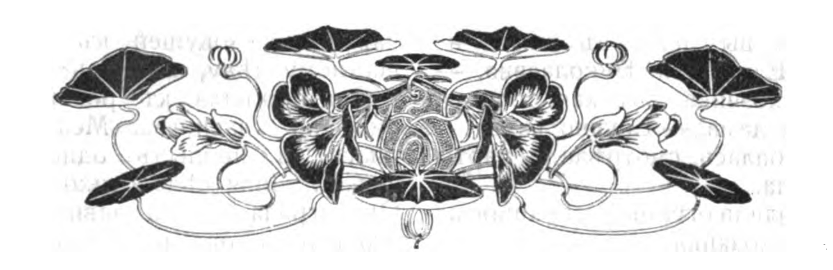
Послѣдній аккордъ тихо прозвучалъ въ воздухѣ и замеръ вдали...

Лиля тихонько закрыла рояль и ушла къ себѣ. Музыка взволновала и ее... Снова мелькнуло прежнее счастье, мелькнуло и пропало.

— О, жизнь, жизнь!—шепчетъ она сквозь слезы, лежа въ постели, — Только бы не отчаяться, — думаетъ она, — впереди еще много заботъ... Дай Богъ силъ воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы они не знали, что такое мучительный разладъ и никогда не измѣняли бы своимъ убѣжденіямъ!..

А. Истоминъ.

Скорѣй.

Я угрюмымъ задумчивымъ мальчикомъ былъ,
Забавлялся съ дѣтями немного,—
Только сказку отъ матери слушать любилъ
Про кощея, волшебника злого:

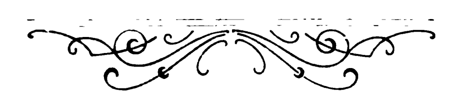
Какъ царевну онъ въ замкѣ своемъ запиралъ
И томилъ безъ просвѣта и воли.
Я жалѣлъ ее, плакалъ о ней и мечталъ,
Задыхаясь отъ слезъ и отъ боли.

И поклялся тогда, что, когда подросту—
Отомщу ему, злому уроду,
Разобью его зáмокъ и ту красоту,
Что томится, пущу на свободу.

Долго росъ я и ждалъ, и хранилъ идеалъ,
И придумывалъ разныя кары,
А теперь возмужалъ, сильнымъ рыцаремъ сталъ,—
Ни по чемъ мнѣ волшебныя чары...

Больше нечего ждать,—за царевной пойду!
Какъ ни крѣпко замкнута злодѣемъ,—
Отобью всѣ замки, царь-дѣвицу найду,
И надъ нимъ посмѣюсь, лиходѣемъ!

Г. И. Чудовъ.

Зачѣмъ?

(ЭЛЕГІЯ ВЪ ПРОЗѢ).

Н. Васильева.

— Я ненавижу тебя, проклятая жизнь!—иногда готовъ сорваться съ моихъ устъ отчаянный крикъ.

И этотъ крикъ тѣмъ болѣе искрененъ, что выливается онъ изъ самыхъ глубокихъ—глубокихъ тайниковъ сердца, которое, даже преувеличая и увлекаясь, уже по самому своему существу продолжаетъ оставаться правдивымъ.

Стоя на грани надвигающейся старости, кажется, пора уже остановить безъ мѣры строптивое сердце и постараться встать на твердую позицію созерцанія и изслѣдованія фактовъ дѣйствительности, но увы! та самая жизнь, которую въ острые моменты такъ проклинаешь, захватываетъ и волнуетъ, сталкивая съ намѣченной позиціи въ свою безпорядочную и кипящую бездну...

И утерияается спокойное философское настроеніе, и изъ предполагаемаго властителя своей воли вновь обращаешься въ игралище разныхъ случайностей и, тѣмъ болѣе, собственныхъ взвинченныхъ чувствъ.

И вотъ вмѣсто примиряющей любви ко всему сущему и вѣры во все лучшее, тамъ, глубоко—глубоко въ груди, заговорятъ струны встревоженнаго сердца, и поднимется вихрь и страстнаго негодованія, и жуткаго отчаянія, и жгучей ненависти...

О, въ эти моменты, когда невеселыя впечатлѣнія окружающей жизни, одно за другимъ, тяжелою горою налягутъ на измученную душу. хочется уйти куда-нибудь дальше, дальше отъ людей!..

И я спѣшу тогда удалиться изъ города, отъ человѣческой сутолоки, —уйти туда, гдѣ я могъ-бы остаться одинъ самъ съ собою и лицомъ къ лицу съ природой.

Подъ открытымъ, чистымъ небомъ съ ярко сіяющимъ на немъ солнцемъ, на широкомъ, неровномъ, изрытомъ буераками полѣ, тамъ гдѣ то далеко—далеко, въ туманной дымкѣ горизонта, сливающагося съ этимъ свѣжимъ ликующимъ небосводомъ, я чувствую себя свободнѣе, легче, чище...

И съ радостнымъ чувствомъ человѣка, какъ будто бы только освободившагося изъ мрачной и сырой темницы, я поспѣшно шагаю по пыльной дорогѣ, то тянущейся по ровному мѣсту мимо одинокихъ ракитъ, то сбѣгающей въ овражки, то перебѣгающей шаткіе, полусгнившіе

мостики, то поднимающейся въ гору, то опять спускающейся съ горы, то вновь длинной лентой извивающейся по гладкой равнинѣ, между убранными уже пажитями или вспаханнымъ паромъ.

А надо мной, въ голубой выси, то таетъ одинокое бѣлоснѣжное облачко, то бѣгаютъ, какъ стадо бѣлыхъ барашковъ, маленькія, нѣжныя, какъ кремъ, облачка.

И эта лазурная высь, и эти облака, и эти поля, то черныя, то желтыя, то зеленыя, съ одинокими, то тамъ, то тутъ разбросанными ракитами, съ длинной бурой лентой дороги— все это тонетъ въ нежаркихъ уже, золотистыхъ лучахъ солнца, тихо спускающагося къ западному горизонту.

„Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній“...

Тишина, но не абсолютная.

Легкій, прохладный, предвечерній вѣтерокъ нѣжно обдуваетъ лицо и бодритъ уставшее тѣло, шумитъ въ листьяхъ встрѣчныхъ ракитъ и поетъ унылую, но тихую-тихую пѣсенку, отдаваясь ноющими, гудящими звуками въ телеграфныхъ столбахъ.

И на эти звуки мертвой, неорганической природы откликаются живые звуки.

Тамъ, въ стогахъ неубранной еще ржи, идетъ трескотня кузнечиковъ и стрекозъ. Въ той же голубой выси нѣтъ—нѣтъ да прозвучитъ отрывистая пѣсенка невидимаго для глазъ жаворонка. Гдѣ-то надъ оврагомъ каркаетъ воронъ. А вотъ раздался и рѣзкій крикъ быстро несущагося надъ головой ястреба. Сильно и быстро работаютъ крылья хищника, не то ищущаго жертвы, не то торопящагося уже на свой кровавый пиръ.

А я иду все дальше и дальше, стараясь забыть все, рѣшительно все....

Мнѣ противна ты, сутолока жизни!

Хотя въ эти короткіе моменты отдохновенія я хочу быть самимъ собою, не маскируясь никакимъ красивымъ лицемѣріемъ, никакимъ блестящимъ самообманомъ...

„Я ищу отрады и покоя.
„Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть“...

А вотъ серебрится на солнечныхъ лучахъ и маленькая рѣчка въ своихъ берегахъ, то пологихъ и заросшихъ камышомъ и осокой, то обрывистыхъ и крутыхъ, покрытыхъ развѣсистыми, блѣдно-зелеными осокорями. А тамъ, еще дальше, въ ложбинѣ, въ рощѣ такихъ же осокорей, притаилась съ своими соломенными кровлями деревушка. Въ сторонѣ, на пригоркѣ, за ложбиною, бѣлѣетъ въ темнозеленой гущѣ сада чья-то барская усадьба.

Я сажусь на край оврага и, закуривъ папиросу, стараюсь уйти въ созерцаніе окружающей природы.

Да, я люблю эти тихіе, скромные, какъ-бы стыдливые ландшафты серединной Россіи. Нѣтъ въ нихъ блеска и яркости красокъ юга, нѣтъ въ нихъ и мрачнаго величія полярнаго сѣвера. Все въ нихъ въ мѣру, скромно, но и все въ нихъ полно чарующей прелести, понятной, можетъ быть, только чувству того, кто родился среди этихъ скромныхъ и грустныхъ ландшафтовъ.

Это прежде всего родина,—та самая родина, которую, негодуя, любишь и передъ которой, проклиная, преклоняешься!..

Но вотъ постепенно созерцательное настроеніе притупляется. Глаза утомляются однообразіемъ. Окружающія красоты природы медленно потухаютъ въ впечатлѣніяхъ и отходятъ въ сторону. Начинается сложная, совершенно инстинктивная, внутренняя работа. И передъ умственными очами пробѣгаетъ картина за картиной,—картины не того очаровательнаго своей непосредственностью и милаго сердцу уголка, а картины жизни тамъ, позади оставшагося города, жизни нелѣпой, сварливой, жестокой и несправедливой...

Вотъ оно, утопающее въ густой зелени развѣсистыхъ кленовъ и бе-

резъ, клабище. По дорожкамъ кладбища двигается толпа.

Какъ много юныхъ, свѣжихъ лицъ, на которыхъ отдыхаетъ душа и пробуждается надежда на лучшее будущее жизни! Но и сколько въ нихъ, этихъ молодыхъ лицахъ, той искренней грусти, доступной лишь чистому, неиспорченному сердцу юности!.

Слышится тихое, печальное пѣніе.

А вотъ и гробъ съ несчастной жертвой тебѣ, проклятая мутная жизнь! А тамъ и разверстая, съ кучами сырой глины по бокамъ, могила. Послѣднее пристанище того, кто, не рацвѣтши, уже отцвѣлъ...

Молодая, цвѣтущая жизнь отошла въ вѣчность,—отошла туда, откуда никто никогда не возвращался...

Зачѣмъ же?

Зачѣмъ понадобился этотъ роковой выстрѣлъ въ високъ, сразившій симпатичнаго юношу?

Сынъ состоятельнаго отца, съ ранняго дѣтства гонимый и забиваемый злой мачехой, онъ былъ лишенъ всѣхъ радостей, которыя предоставляла обезпеченная жизнь его младшимъ братьямъ и сестрамъ. Впрочемъ, ему не отказали въ образованіи, но его кормили отдѣльно отъ остальной семьи, не пускали въ „барскіе“ покои, а держали вмѣстѣ съ прислугою въ комнаткѣ при кухнѣ. Онъ былъ всегда убого и даже нищенски одѣтъ, что въ низшихъклассахъ навлекало на него строгія замѣчанія начальства, какъ на неряху, и издѣвательства товарищей, смѣшливыхъ и шустрыхъ мальчишекъ, какъ на „замарашку и оборванца“, хотя и сына богатаго отца.

Его недюжинная натура все это вынесла. Восемнадцати лѣтъ онъ былъ серьезнымъ, умнымъ мальчикомъ, не лишеннымъ въ товарищескомъ кругу даже жизнерадостности. Его доброе, отзывчивое сердце и несомнѣнныя способности были оцѣнены съ теченіемъ времени не только выросшими вмѣстѣ съ нимъ товарищами, но и педантичнымъ начальствомъ.

И вотъ передъ нимъ послѣдніе экзамены, окончаніе курса, а тамъ и университетъ...

Осенью онъ уже будетъ далеко отъ этого ненавистнаго дома, гдѣ его преслѣдовали одни лишь оскорбленія и попреки.

Онъ не бѣжитъ изъ дому отца, какъ могъ бы сдѣлать это ранѣе, но не дѣлалъ лишь потому, что не желалъ устраивать „исторіи“, которая при широкой огласкѣ набросила бы весьма несимпатичную тѣнь на репутацію его добраго, но безхарактернаго отца, находящагося подъ башмакомъ у своей суетной и сварливой второй жены... Нѣтъ, онъ просто уѣдетъ въ другой городъ, какъ обыкновенно уѣзжаютъ изъ губернскихъ городовъ средней руки окончившіе курсъ юноши въ столицы или университетскіе центры. Все обойдется мирно и тихо. Мачеха, конечно, скверная женщина, но Богъ съ ней! Репутація же его отца нисколько не пострадаетъ, а онъ тамъ, вдали отъ этого родного, но несчастнаго для него города, заживетъ новой, самостоятельной жизнью.

О, онъ сумѣетъ пробить себѣ дорогу собственными силами и ни одного гроша не возьметъ больше отъ отца! Онъ знаетъ, что это очень, очень тяжело. Жить придется нищенски, впроголодь. Ему предстоитъ не только учиться, но и работать, чтобы добывать себѣ кусокъ хлѣба: бѣгать по урокамъ, искать переводовъ, переписки... Но онъ такъ много перенесъ обидъ и всякихъ невзгодъ въ дѣтствѣ и въ первые годы юности, что никакіе уже ужасы жизни не могутъ быть страшны!

Лелѣя эту давно завѣтную мечту, онъ упорно готовился къ экзаменамъ. Экзаменъ за экзаменомъ проходили успѣшно. Надежды на скорое освобожденіе все крѣпли и уже совсѣмъ было перешли въ полную увѣренность, какъ на послѣднемъ экзаменѣ онъ срѣзался...

Какъ, еще годъ, цѣлый годъ пытки и оскорбленій!

Многіе годы онъ терпѣливо переносилъ свою злосчастную долю въ семействѣ отца, но тутъ, передъ этимъ послѣднимъ, однимъ лишь годомъ, спасовалъ! Энергія, вѣра въ правду, жизнь, людей, въ себя и свои силы—все это сразу порвалось въ немъ...

Цѣлую недѣлю ходилъ онъ, скрываясь отъ товарищей и избѣгая невыносимыхъ для него теперь утѣшеній и соболѣзнованій, а тамъ, послѣ ѣдкой насмѣшки и попрека въ тунеядствѣ со стороны мачехи, послѣдовалъ и роковой выстрѣлъ въ високъ.

Послышался негодующій голосъ общественнаго мнѣнія. Рвалъ волосы несчастный, но безхарактерный отецъ, всполошилось учебное начальство, призадумалась злая мачиха, даже пролила крокодилову слезу на безвременную могилу своей жертвы... А впрочемъ, можетъ быть, въ этихъ слезахъ была и доля искренности...

Но зачѣмъ эти позднія слезы!..

Не вы, люди, отравляющіе и свою собственную, и своихъ ближнихъ жизнь, а ты, мать-природа, скажи, какой смыслъ въ этой ранней смерти?

Но нѣтъ отвѣта... Кругомъ все тихо и спокойно.

Солнце уже закатилось. Западъ пылалъ кровавымъ пожаромъ. Съ востока надвигалась туманная мгла, предвѣстница приближающейся ночи. Въ зенитѣ неба засіяли рѣдкія звѣздочки.

Я поднялся и пошелъ. Куда? Опять въ городъ, изъ котораго пришелъ,—въ тотъ самый городъ, въ которомъ могутъ совершаться такія ужасныя и вмѣстѣ съ тѣмъ безсмысленныя драмы...

Когда я приближался къ городу, была уже темная ночь. Надо мною раскинулось безграничное небо съ его милліардами мерцающихъ свѣтилъ.

„Въ небесахъ торжественно и чудно.
„Спитъ земля въ сіяньи голубомъ"...

А изъ города, вмѣстѣ съ собачьимъ лаемъ и отдаленнымъ стукомъ ѣзды, доносились веселые звуки какого-то попурри. Подъ эти звуки, надо полагать, въ городскомъ саду люди пили, ѣли, ухаживали и кокетничали, а можетъ быть, и скандальничали...

А мнѣ было и больно, и грустно. И съ горячимъ призывомъ поднялъ я глаза на величественное небо. Но оно было и холодно, и безразлично...

И невѣдомый голосъ говорилъ мнѣ:

„Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
„Хорошо умереть молодымъ"!..

„Но правда-ли это"?—спрашивалъ суровый разсудокъ и тутъ же задавалъ вопросъ: „Зачѣмъ?".

„Зачѣмъ"?—вторило возмущенное сердце...

Николай Васильевъ.

Изъ исторіи 60-хъ годовъ.

Необыкновенная личность.

(Вильямъ Фрей).

Н. В. Рейнгардта.

(Окончаніе.)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Что сдѣлалъ?

Училъ ты жить....
Но болѣе училъ ты умирать.
Некрасовъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, Фрей остановился у своего друга Ч-го. Предполагая переселиться въ Европу, Фрей сначала думалъ основаться въ Парижѣ, который по всѣмъ условіямъ жизни представлялся для него чрезвычайно привлекательнымъ: его манилъ Парижъ прежде всего, какъ центръ позитивизма, гдѣ религія человѣчества распространяется среди рабочихъ, а не въ однихъ только среднихъ классахъ, какъ въ Лондонѣ; затѣмъ, онъ отдавалъ преимущество Парижу передъ Лондономъ, вслѣдствіе лучшаго климата и дешевизны жизненныхъ условій, въ особенности относительно растительнаго питанія; но болѣе всего влекло его въ этотъ городъ возможность— имѣть вліяніе на русскій кружокъ, группировавшійся около эмигранта Лаврова, его бывшаго учителя. Однако всѣ заманчивыя стороны парижской жизни онъ отодвинулъ на задній планъ и остановился на Лондонѣ, въ интересѣ дѣтей, которымъ, по его мнѣнію, необходимо было дать воспитаніе въ Англіи, а не въ другомъ мѣстѣ.

Но прежде, чѣмъ говорить о пребываніи Фрея въ Лондонѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ англійскихъ позитивистахъ, съ которыми онъ весьма близко и дружески сошелся.

Послѣ смерти Огюста Конта оста-

лось, какъ извѣстно, двѣ школы его послѣдователей—одна, принадлежавшая къ сторонникамъ Литтре, признаетъ только первую часть спекулятивныхъ воззрѣній Конта, заключающуюся въ 6 томахъ Philosophie positive, отвергая остальную, заключающую въ Politique positive; другая, главою которой во Франціи былъ весьма талантливый ученикъ Конта, нынѣ умершій Лаффиттъ, признавая полное единство жизни и воззрѣній Конта, признаетъ вмѣстѣ съ Philosophie positive и Politique positive, т. е. вмѣстѣ съ философіей и его религію, которая, собственно говоря, представляетъ всеобщій синтезъ, обнимающій идеи, чувства и практическую дѣятельность.

Школа П. Лаффитта имѣетъ въ Англіи гораздо болѣе послѣдователей, чѣмъ школа Литтре, и заключаетъ въ себѣ очень много замѣчательныхъ по таланту, учености и въ особенности по высокимъ нравственныхъ качествамъ лицъ, какъ, напримѣръ, Бисле (Beesly), Бриджесъ (Bridges), Гаррисонъ (Harrison), Сюльманъ (Sulman) и др., которые основали въ Лондонѣ общество, представляющее изъ себя нѣчто вродѣ политическаго клуба. Мѣсто помѣщенія этого общества, „Newton Hall", полно историческихъ воспоминаній: тамъ, гдѣ въ настоящее время находится залъ засѣданій общества, въ XVIII ст. (съ 1710 по 1785 г.) былъ музей Королевскаго общества наукъ, въ которомъ собирались знаменитые ученые, какъ то: Ньютонъ, Галлей, Пристлей, Кавендишъ и др. и сообщали свои великія открытія, производившія перевороты въ наукѣ. Главные политическіе принципы этого общества, которые стремятся провести въ жизнь члены его, заключаются въ самомъ добросовѣстномъ уваженіи къ независимости другихъ народовъ и къ законнымъ требованіямъ свободныхъ націй, въ отказѣ отъ всякой своекорыстной политики, во имя великихъ интересовъ человѣчества и въ особенности къ поддержанію серьезной, мирной политики. Такъ, руководствуясь означенными принципами, общество протестовало противъ пріостановленія Habeas Corpus въ Ирландіи и введенія въ ней исключительныхъ законовъ, затѣмъ обращалось съ петиціей къ правительству относительно принятія мѣръ противъ торговли опіумомъ Индіи съ Китаемъ, ходатайствовало предъ президентомъ французской республики о помилованіи анархиста князя Крапоткина, одного изъ политическихъ противниковъ, которые весьма враждебно относились къ позитивистамъ, называя ихъ чуть ли не идіотами. До 1887 года Лондонскіе позитивисты дѣйствовали болѣе или менѣе согласно, но въ этомъ году, въ средѣ ихъ произошелъ расколъ, такъ какъ одинъ изъ членовъ, Ричардъ Конгревъ, глубоко преданный идеямъ Огюста Конта, пришелъ къ убѣжденію, что уже наступило время для позитивизма образовать церковь съ соотвѣтствующимъ культомъ,—и дѣйствительно, основалъ церковь, гдѣ по воскресеньямъ и читались молитвы въ честь Верховнаго Существа („Человѣчество").

Однако, ни Лаффитъ, ни другіе не одобрили идей Конгрева, рѣзко осудивъ его.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Лондонъ, Фрей послалъ письмо Гаррисону и Конгреву съ увѣдомленіемъ о своемъ пріѣздѣ и о желаніи увидаться съ ними; отъ обоихъ получилъ очень любезные отвѣты, причемъ Гаррисонъ приглашалъ Фрея къ обѣду, на что послѣдній согласился, увѣдомивъ, что онъ вегетаріанецъ.

Гаррисонъ очень интересовался дѣятельностью Фрея въ Америкѣ, подробно распрашивалъ обо всемъ этомъ и весьма сожалѣлъ, что тотъ не предполагаетъ вернуться туда обратно, но Фрей его утѣшилъ тѣмъ, что предполагаемая поѣздка его въ Россію совершенно тождественна съ по-

ѣздкою въ Америку, такъ какъ и тамъ онъ, Фрей, можетъ влiять только на русскихъ. Вообще Гаррисонъ произвелъ на Фрея очень хорошее и очень прiятное впѣчатлѣнiе, какъ личность соединяющая съ обширнымъ умомъ и солиднымъ образованiемъ весьма симпатичное сердце.

На другой день послѣ этого Фрей отправился къ Конгреву, свиданiе съ которымъ было кратковременно и довольно сухо, такъ какъ тотъ не походилъ на Гарриссона, составляя по своей наружности и по своей обстановкѣ протилоположность послѣднему; онъ жилъ бѣдно, и прiемы его не отличались радушiемъ и общительностью. Не смотря на это, Конгревъ все-таки понравился Фрею по своимъ воззрѣнiямъ и по горячей преданности дѣлу позитивной религiи, которую, по мнѣнiю Конгрева, необходимо пропагандировать не только словомъ, но и дѣломъ, своею жизнью, что было вполнѣ согласно со взглядами самого Фрея.

На прощанье Конгревъ просилъ Фрея зайти въ его храмъ, Church of Humanity („храмъ человѣчества"), куда В. К. и отправился въ первое же свободное воскресенье.

Богослуженiе тамъ, какъ видно изъ его писемъ, совершается слѣдующимъ образомъ: начинается оно игрою на органѣ, затѣмъ читается о цѣли собранiя, потомъ прочитывается что-нибудь изъ Фомы Кемпiйскаго („Подражанiе Христу") или изъ ап. Павла, или изъ религiозныхъ сочиненiй Востока. Затѣмъ слѣдуетъ проповѣдь.

„Конгревъ,—пишетъ Фрей,—началъ свою проповѣдь,—это было въ день Успенiя,—съ того, что „религiя не можетъ быть безъ поклоненiя какому-нибудь конкретному, осязаемому существу и его обожанiя... Но такъ какъ человѣчество не осязаемо, то необходимо примѣнить нашу любовь и благодарность къ тѣмъ, кто лучше всего олицетворяетъ для насъ его, человѣчество; такъ, женщины наиболѣе пригодны для такого олицетворенiя... Конгревъ много и хорошо говорилъ о нашей любви къ матери, женѣ, дочери, потому что эти образы перемѣшиваются со всею нашею жизнью и становятся предметомъ частнаго поклоненiя (exprivote worschip). Но когда частные люди сходятся вмѣстѣ, является необходимымъ отыскать такой типъ, который наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ всѣ разнообразныя симпатiи. Такой прекрасный типъ онъ находитъ въ образѣ Матери Христа... Не даромъ этотъ идеалъ вдохновлялъ поэтовъ, живописцевъ, музыкантовъ, не даромъ католическая церковь возвела культъ Богоматери въ число основныхъ догматовъ своей религiи. Не даромъ миллiоны людей воспитывались и развивались подъ обаянiемъ прекрасной женщины съ ребенкомъ на рукахъ, сначала ликующей, какъ ликуетъ всякая мать, потомъ—какъ Mater Dolorosa, стоящая у Креста своего Сына... Въ ней мы имѣемъ готовый типъ, переданный намъ католичествомъ, и можемъ принять этотъ типъ за символъ человѣчества".

„Воплощая человѣчество въ видѣ женщины и преклоняясь предъ нею, мы, позитивисты, сознательно дѣлаемъ то. что безсознательно дѣлалось до насъ, т. е. признаемъ въ женщинѣ олицетворенiе высшихъ нравственныхъ силъ... Вся исторiя—есть исторiя постепеннаго возвышенiя женщины, и мы, позитивисты, исповѣдующiе послѣднюю по времени религiю, должны и въ своемъ символѣ выразить ту идею, что женщина не только равна мужчинѣ, но и выше его"....

Въ тотъ самый день, когда Фрей впервые посѣтилъ церковь Конгрева, онъ съ дочерью послѣ обѣда отправился въ Newton Hall, гдѣ лекцiи всегда начиналась и кончались пѣнiемъ, однако, имѣли также и религiозный характеръ, такъ какъ посвящались памяти великихъ людей.

Общество Конгрева, хотя не большое по числу, было гораздо

болѣе сплочено нравственно, чѣмъ общество Гаррисcона, довольно многочисленное и весьма разнообразное. Присутствуя на собраніяхъ Конгрева, гдѣ всѣ смотрятъ такъ весело, говорятъ такъ дружелюбно, Фрей чувствовалъ себя какъ въ своей семьѣ, въ противоположность собраніямъ Гаррисона, на которыхъ господствовалахолодная вѣжливость, влекущая за собою натянутость и разобщенность...

Совершивъ продолжительное путешествіе черезъ океанъ, Фрей по пріѣздѣ въ Англію чувствовалъ себя нехорошо, но перемогался, стараясь побороть болѣзненное состояніе — дѣятельностью и бодростью духа. Такъ какъ теплаго пальто у него не было, то ему приходилось въ холодные дни ходить въ легкомъ и при томъ весьма узкомъ пальто, которое поэтому всегда было разстегнуто. Квартира попалась сырая и холодная, а денегъ на топливо было очень мало. Кромѣ того, и питаніе было весьма скудно. Пища состояла изъ хлѣба, картофеля, бобовъ и рѣпы, которые варили наканунѣ вечеромъ. Вареною пищею Фрей съ дочерью питались во время холода, когда требовалось разводить огонь, въ теплое же время они употребляли, какъ выражался онъ, пищу Магомета: т. е. хлѣбъ и финики.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ, здоровье Фрея должно было сильно пошатнуться,—и онъ сильно заболѣлъ.

Во время болѣзни его навѣстилъ одинъ изъ друзей-позитивистовъ Бриджесъ, который засталъ его лежащимъ на кровати, въ холодной и бѣдной комнатѣ, гдѣ былъ столъ и только два стула, занятые какими то вещами. Въ этой же комнатѣ на веревкѣ висѣло выстиранное дочерью наканунѣ бѣлье. Эта обстановка до того поразила Бриджеса, человѣка, подобно Гаррисcону, очень богатаго и жившаго въ роскошномъ помѣщеніи, что онъ въ первый моментъ сконфузился, но затѣмъ, овладѣвъ собою, дружелюбно поздоровался съ Фреемъ и сѣлъ на сундукъ, стоявшій близь кровати.

Перемогаясь, однако, Фрей очень усердно занимался двумя работами: сочиненіемъ о вегетаріанствѣ съ точки зрѣнія позитивной доктрины и составленіемъ руководства по ариѳметикѣ. Онъ полагалъ продать рукопись какому-нибудь издателю, чтобы затѣмъ, выпустивши въ свѣтъ книгу, имѣть болѣе вѣрные шансы на полученіе мѣста учителя въ какой-нибудь школѣ.

„Если мои надежды осуществятся,—писалъ онъ своей женѣ,—т. е. моя рукопись будетъ принята, наша жизнь будетъ застрахована по крайней мѣрѣ отъ голодной смерти. Если же и эта попытка окажется неудачной, то придется какъ можно скорѣе ѣхать въ Россію, гдѣ мнѣ будетъ легче достать мѣсто и оттуда помогать семьѣ, не забывая, разумѣется, другой цѣли, — пропаганды позитивизма."

Не смотря на эти работы, Фрей велъ обширную переписку съ родными и друзьями и находилъ еще время посѣщать лекціи и всевозможныя собранія позитивистовъ, ихъ митинги и даже принимать активное участіе на послѣднихъ.

Въ это время одинъ богатый англичанинъ, скрывъ свою фамилію, прислалъ Гаррисcону 1000 фунтовъ стерлинговъ, прося послѣдняго собрать мнѣнія относительно слѣдующихъ вопросовъ: 1) Дѣйствительно ли въ настоящее время рабочіе бѣднѣе, чѣмъ въ прошлыя времена?

2) Если ихъ доля въ приростѣ народнаго богатства меньше доли капиталистовъ, то какомъ способомъ можно достичь болѣе правильнаго распредѣленія богатства?

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ Гаррисcонъ составилъ комитетъ, въ который пригласилъ представителей крупныхъ землевладѣльцевъ, лордовъ, капиталистовъ и рабочихъ. Такимъ образомъ организовались извѣстныя промышленныя собранія,

на которыя явилось около 200 человѣкъ делегатовъ. На эти собранія былъ приглашенъ и Фрей, на котораго они произвели впечатлѣніе Вавилонскаго столпотворенія, въ виду страшнаго разнообразія взглядовъ, мнѣній, полныхъ непримиримаго противорѣчія. Въ особенности на него непріятно подѣйствовало, что позитивисты не сумѣли ясно и открыто выставить свои цѣли и пути, а только ограничились намеками о необходимости нравственнаго возрожденія, чѣмъ возбудили негодованіе рабочихъ, которые отвѣтили имъ, что они, т. е. позитивисты, предлагаютъ камень вмѣсто хлѣба. Поведеніе позитивистовъ на означенной конференціи не одобрилъ и Конгревъ, который въ своей лекціи между прочимъ высказалъ, что довольно опасно для тѣхъ позитивистовъ, которые пользуются большими благами цивилизаціи, чѣмъ рабочіе, выступать съ проповѣдью нравственнаго возрожденія.

„Подобныя фразы,—говорилъ Конгревъ,—возбуждаютъ только негодованіе рабочихъ, и мы сдѣлаемъ гораздо лучше если воздержимся отъ всякихъ проповѣдей между рабочими, а постараемся сами жить согласно съ нашимъ ученіемъ и только тогда, когда сумѣемъ ввести нравственную дисциплину въ нашу жизнь, когда сможемъ смотрѣть въ глаза рабочимъ и не бояться ихъ упрека въ противорѣчіи между словомъ и дѣломъ, только тогда позитивизмъ станетъ силою между рабочими“.

Эти идеи Конгрева были отголоскомъ мыслей самого Фрея, который подъ вліяніемъ того, что пришлось слышать на означенной конференціи, рѣшился въ первомъ собраніи позитивистовъ поставить свои соображенія на тему о томъ, какимъ путемъ позитивисты могутъ встрѣтить и предотвратить наступающую соціально-революціонную бурю. Сущность этихъ соображеній заключалась въ томъ, что религія человѣчества только тогда можетъ остановить развитіе соціализма и движеніе революціи, когда въ средѣ позитивистовъ выработаются энтузіасты-проповѣдники, которые пойдутъ въ народъ, въ рабочія массы.

Это сообщеніе произвело очень хорошее впечатлѣніе на присутствовавшихъ, которые по окончаніи рѣчи Фрея выразили ему свои симпатіи и полное сочувствіе.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1885 года изъ Америки пріѣхали давно желанные гости, Марья Евстафевна и бывшій членъ Ново-Одесской коммуны, горячій послѣдователь религіи „Человѣчества“, ученикъ Фрея—Саудъ; съ пріѣздомъ этихъ лицъ явилось, такъ сказать, зерно давно желаннаго Фреемъ позитивнаго братства, бывшаго его завѣтной мечтою, братства, гдѣ бы онъ могъ на практикѣ осуществить свои идеи.

Сдѣлавшись горячимъ послѣдователемъ идей Конта, Фрей не раздѣлялъ, однако, всѣхъ взглядовъ послѣдняго и по нѣкоторымъ пунктамъ сильно расходился съ нимъ: такъ, онъ не соглашался съ ученіемъ Конта относительно собственности и не измѣнилъвзглядовъ своихъ на вегетаріанство, хотя основатель положительной философіи считалъ употребленіе животной пищи необходимымъ для человѣческаго организма. Разница между взглядами Фрея и Конта относительно собственности заключается въ слѣдующемъ: по мнѣнію Конта, собственность, въ интересахъ общества, должна сохранить индивидуальный характеръ, причемъ владѣльцы являются только уполномоченными человѣчества, не имѣя (нравственнаго) права безусловнаго распоряженія. Фрей, не соглашаясь съ этимъ, полагалъ, что наилучшій порядокъ возможенъ только при коллективной собственности, къ которой должны стремиться лучшіе люди.

Предположивъ устроить позитивную коммуну, при участіи своей жены и бывшихъ товарищей, рабо-

тавшихъ съ нимъ въ „Новой Одессѣ", Фрей велъ съ товарищами дѣятельную переписку, предупреждая, впрочемъ, что съ этимъ дѣломъ торопиться не слѣдуетъ, а надо идти къ нему осмотрительно, для чего въ особенности совѣтовалъ основательно изучить какое-нибудь ремесло, которое возможно было бы утилизировать для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, такъ какъ въ Лондонѣ безъ этого жить трудно.

Прибытіе Маріи Евстафьевны и Сауда въ Лондонъ положило зерно позитивнаго братства, окончательное сформированіе котораго Фрей отложилъ до возвращенія изъ Россіи, куда рѣшилъ ѣхать не только ради матеріальныхъ цѣлей, но и моральныхъ, чтобы исполнить относительно ея свою обязанность, положить начало активной дѣятельности, указать новые пути тѣмъ, которые такъ страстно желали пріобщиться къ новой лучшей жизни.

Несмотря на долгій разрывъ съ своей родиной и принятіе американскаго подданства, Фрей все таки считалъ себя русскимъ, который обязанъ жить и работать для Россіи.

Но прежде, чѣмъ отправиться въ Россію, онъ находилъ, что обязанъ исполнить долгъ относительно своихъ Лондонскихъ собратьевъ по религіи „Человѣчества", взаимныя отношенія которыхъ его, горячаго послѣдователя позитивизма, сильно безпокоили, вызывая на грустныя и мысли. Съ цѣлью примирить обѣ враждовавшія другъ съ другомъ группы позитивистовъ, Фрей передъ своимъ отъѣздомъ въ Россію написалъ посланіе, гдѣ взывая къ благороднымъ чувствамъ позитивистовъ, къ основнымъ принципамъ ихъ ученія, дружески совѣтовалъ забыть враждебныя чувства и идти, не мѣшая другъ другу, къ великой цѣли, которая одушевляетъ обѣ стороны. Посланіе это, кажется, произвело надлежащее дѣйствіе, и представители каждой группы стали послѣ этого мало по малу посѣщать митинги и лекціи другой, наконецъ чувства Конгрева относительно Гаррисона и Лаффитта совершенно смягчились. Въ одномъ изъ циркуляровъ своихъ, напечатанныхъ уже послѣ смерти Фрея, Конгревъ откровенно и благородно признался въ своихъ ошибкахъ...

Лѣтомъ 1885 года Фрей прибылъ въ Петербургъ, хотя нѣкоторые изъ эмигрантовъ не совѣтовали предпринимать ему этой поѣздки, говоря, что она не принесетъ никакой пользы ни ему, ни его дѣлу, а скорѣе можетъ еще повредить ему, вслѣдствіе подозрительнаго отношенія правительства.

Черезъ двѣ недѣли онъ познакомился съ сочиненіями Гр. Л. Н. Толстого „Исповѣдь" и „Въ чемъ моя вѣра", и знакомство съ ними вызвало въ немъ желаніе написать автору ихъ письмо, въ которомъ онъ рѣшился изложить принципы ученія Огюста Конта, показать преимущество послѣдняго надъ ученіемъ Гр. Толстого и дать совѣтъ Графу оставить путь проповѣдника, а идти свойственнымъ ему путемъ художника — писателя, который своими твореніями можетъ принести гораздо болѣе пользы человѣчеству, чѣмъ пропагандою отвлеченныхъ созданій своей религіозной мысли.

Надъ письмомъ къ Гр. Л. Н. Толстому Фрей работалъ довольно долго и весьма усердно; въ этой работѣ много содѣйствовалъ ему братъ его А. К.. преимущественно, конечно, со стороны стилистической. Работалъ Фрей надъ письмомъ отъ 10 до 12 часовъ въ сутки, и такая работа настолько утомила его, что ему было весьма трудно закончить это письмо. Часто онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ надъ одной и"и фразами, которыя съ необыкнов іным усиліемъ выходили, изъ-п дъ пера, что свидѣтельствовало о іеобыкновенной слабости организм: ,истощеннаго вслѣдствіе недостатка надлежащаго питанія.

Окончивъ письмо къ Толстому, Фрей послалъ его по назначенію, а самъ отправился въ Смоленскую губернію къ одному изъ друзей, гдѣ ожидалъ отвѣта отъ графа, который не замедлилъ пригласить его къ себѣ въ Ясную Поляну, куда Фрей пріѣхалъ 7 Октября 1885 г. и пробылъ тамъ пять дней. Свиданіе съ Толстымъ произвело на Фрея прекрасное впечатлѣніе, и послѣ взаимныхъ бесѣдъ Фрей пришелъ къ убѣжденію, что большая часть недоразумѣній имѣла временный, несущественный характеръ, а что въ общемъ они вполнѣ согласны.

„Я многому научился за это время, —говоритъ Фрей въ письмѣ къ брату, — лучше понялъ Толстого, разстался съ нимъ съ самымъ теплымъ, задушевнымъ чувствомъ любви и признательности. Онъ также крѣпко полюбилъ меня".

„Я глубоко убѣжденъ, что если бы я встрѣтился съ нимъ три года тому назадъ, мы бы имѣли въ немъ самаго даровитаго, послѣ Конта, проповѣдника позитивной религіи. Умъ Толстого замѣчательно силенъ. Его пониманіе самыхъ глубокихъ, самыхъ затаенныхъ мотивовъ просто поразительно и часто доходитъ до ясновидѣнія. Скажу, не хвастаясь, онъ полюбилъ меня главнымъ образомъ потому, что въ эти пять дней глубже заглянулъ въ мою душу, чѣмъ другіе въ состояніи сдѣлать это въ 5 лѣтъ."

„Отъ Васъ вѣетъ Америкой, говорилъ онъ мнѣ раза два. Вы вносите тотъ свѣжій, обновляющій элементъ, котораго такъ недостаетъ намъ. У васъ все ново, все подвергается передѣлкѣ: и религія, и общественная жизнь, и ариѳметика (онъ, какъ бывшій педагогъ, съ интересомъ выслушалъ основанія, на которыхъ я строю свою ариѳметику), и гигіена".

„Его взглядъ на докторовъ и медицину совершенно одинаковъ съ моимъ.

„Пишите, Фрей, по этому вопросу,— говорилъ онъ мнѣ, — теперь доктора замѣняютъ прежнихъ католическихъ священниковъ: врываются въ семью, распоряжаются въ ней со всею властью неограниченнаго деспотизма. Своею наукою они прикрываются теперь совершенно такъ же, какъ прежде католическіе священники прикрывались ученіемъ Христа. Пора людямъ подняться противъ ихъ деспотизма, основаннаго на жадности къ деньгамъ и къ славѣ. Присылайте мнѣ свои статьи, я къ нимъ буду прибавлять свои предисловія и послѣсловія".

„Онъ не отказывается и отъ художественной дѣятельности, а послѣ моихъ просьбъ и доводовъ не закрывать своихъ талантовъ въ землю, онъ, кажется, бодрѣе примется за окончательную отдѣлку начатой имъ для интеллигентныхъ читателей „Смерти Ивана Ильича"...

„Не смотря на то, его главныя симпатіи склоняются въ пользу народной литературы.

„Необходимо спасти народъ отъ массы гнусной, развращенной литературы, которую приготовляютъ для него безсовѣстные антрепренеры и издатели" говорилъ Л. Н.

Изъ бесѣдъ Фрея съ Л. Н. Толстымъ выяснилось, что главнымъ источникомъ недоразумѣній послужила вышеупомянутая просьба Фрея относительно пріостановленія Толстымъ пропаганды своего ученія, какъ несоотвѣтствующей наукѣ. Подобную просьбу Фрей впослѣдствіи призналъ промахомъ, находя, что это противорѣчитъ основному его принципу—терпимости.

„Не удивительно,—писалъ Фрей, —что Левъ Толстой, къ которому я обращался, прикрываясь авторитетомъ науки, былъ вправѣ думать, что позитивисты способны производить давленіе на другихъ, если не ради метафизической свободы, то во имя науки. Но я съ удовольствіемъ и радостью отказываюсь отъ вышеприведеннаго выраженія".

Ставя высоко умъ Л. Н. Толсто-

го, уважая его религіозныя и этическія воззрѣнія, Фрей однако находитъ, что художественная его способность дѣйствовать непосредственно на сердце читателя — остается самымъ драгоцѣннымъ его качествомъ въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія людей и что онъ будитъ современное общество не тѣмъ, что дороже всего для его лично, т. е. разумностью своей схемы нравственности, а силою и образностью своего слова. Его „Исповѣдь“, по словамъ Фрея, даетъ интеллигентнымъ людямъ самое точное зеркало ихъ нравственнымъ пытокъ: она заставляетъ ихъ въ ужасѣ отшатнуться отъ такъ называемой „приличной жизни“, а усилія найти новый исходъ жизни перемѣшаны съ такими живыми, захватывающими душу образами, которые лучше всякихъ разсужденій, лучше всякихъ угрызеній совѣсти возбуждаютъ желаніе быть лучше.

Знакомство съ Фреемъ не прошло безслѣдно и для Л. Н. Толстого, что видно изъ письма его, писаннаго въ 1890 года къ автору, этихъ строкъ по полученіи отъ него брошюры „Необыкновенная Личность“. Поблагодаривъ за присылку этой брошюры, Л. Н. пишетъ: „Кромѣ того глубокаго уваженія, которое онъ, Фрей возбуждалъ къ себѣ своей жизнью, бывшей полнымъ осуществленіемъ его убѣжденій, онъ (Фрей) вызывалъ еще къ себѣ любовь своей добротой и любовностью. Помню, въ Ясной Полянѣ мы спорили: я жестоко возражалъ ему и когда онъ вышелъ изъ комнаты, я опомнился и устыдился своего недружелюбнаго тона. Когда онъ вернулся я сказалъ ему, что мнѣ совѣстно за свою горячность, что я прошу его извинить меня. Я не успѣлъ договорить, какъ онъ уже со слезами на глазахъ обнялъ и поцѣловалъ меня. *Я много ему обязанъ и всегда съ умиленіемъ вспоминаю объ этомъ святомъ человѣкѣ*“.

Въ Январѣ 1886 г. Фрей возвратился въ Петербургъ, гдѣ онъ не имѣлъ ни одной свободной минуты, такъ какъ приходилось постоянно бывать у кого нибудь или самому принимать всѣхъ, интересовавшихся имъ и его воззрѣніями. Часто приходилось ему посѣщать многолюдныя бесѣды, гдѣ происходили горячіе споры, которые не приводили, однако, ни къ какимъ результатамъ, а только оставляли въ душѣ Фрея непріятное впечатлѣніе.

Тѣмъ не менѣе Фрей оказывалъ сильное вліяніе во время своего пребыванія въ Россіи не только пропагандой своего ученія, но въ особенности примѣромъ своей высоко-нравственной жизни, всецѣло отданной на служеніе идеалу, въ подтвержденіе чего приведемъ выдержки изъ двухъ писемъ.

Одно письмо принадлежитъ извѣстному ученому, академику Ольденбургу, другое—молодой дѣвушкѣ къ самому Фрею. Этотъ ученый не раздѣлялъ религіозныхъ воззрѣній Фрея, но сохранилъ глубокое уваженіе къ его личности, представлявшейся ему прекраснымъ образцомъ для подражанія и нравственнаго совершенствованія.

„Если проповѣдь религіи человѣчества,—писалъ Ольденбургъ, — не нашла отвѣта въ нашихъ сердцахъ то *слово* и *примѣръ* этого человѣка, который все оставилъ, отъ всего отказался, что манитъ людей къ жизни, для того чтобы оставаться вѣрнымъ своей идеѣ, который обрекъ себя на добровольную ссылку, чтобы искать истину, найти лучшую жизнь, *глубоко запали въ нашу душу. Намъ, переходящимъ отъ компромисса къ компромиссу, намъ привыкшимъ такъ легко прощать въ себѣ всѣ трусости, всѣ отступленія отъ правды, захотѣлось поправиться и хоть немного походить на него*“...

Что касается до письма молодой дѣвушки къ Фрею, то оно, дополняя цитированное выше письмо Ольденбурга, свидѣтельствуетъ о

необыкновенномъ обаяніи, какое производила симпатичная личность Фрея, на молодыхъ, восторженныхъ натуръ, вызывая въ нихъ самыя возвышенныя стремленія.

„Хотя недавній, пишетъ эта дѣвушка, но глубоко-дорогой другъ мой! Пишу къ Вамъ не потому, что есть что либо интересное сообщить Вамъ, а потому, что хочется излить Вамъ свою душу, хочется попросить у Васъ помощи, Это не эгоистично съ моей стороны; я знаю, что Вамъ доставитъ величайшее наслажденіе помочь мнѣ, если это въ Вашихъ силахъ.

„Въ глубинѣ моей души живутъ самые разнородные, дурные элементы. При отсутствіи анализа, при сильной страстности, эти инстинкты служатъ мнѣ источникомъ страданій. Я понимаю въ такія минуты, почему люди удаляются въ пустыню, въ уединеніе. Но вѣдь это эпикурейство своего рода, тамъ не трудно побороть себя. Не такъ ли?

„Когда Вы у насъ были, я двѣ ночи проплакала. Если бы у меня спросили, почему—я не могла бы отвѣтить. Во мнѣ клокотало что-то внутри и болѣло. Горькое сознаніе и ощущеніе своей мерзости выступало особенно рѣзко въ сравненіи съ Вашими свойствами: спокойствіемъ, снисходительностью, терпимостью. Чувство горечи было такъ интенсивно, что съ наслажденіемъ приняла бы какое нибудь страданіе физическое, для его искупленія.

„Что мнѣ дѣлать? Мнѣ думалось, если бы Вы жили съ нами, я была бы лучше, а съ другой стороны — не въ этомъ сила; сама должна работать надъ собой, только тогда можно разсчитывать на улучшеніе.

„Приходилось ли Вамъ что либо подобное испытывать, помогите! Будьте духовникомъ моимъ и позвольте обращаться къ Вамъ въ дѣлахъ души моей; я имѣю въ этомъ глубокую потребность“.

Отправляясь въ Россію, Фрей имѣлъ двѣ цѣли: матеріальную, — пріисканіе какого нибудь дѣла, которое дало бы возможность заработать средства къ жизни и моральную,—пропаганду „религіи человѣчества“.

Относительно первой цѣли онъ ничего не сдѣлалъ по той простой причинѣ, что объ этомъ никого не просилъ и никому изъ родственниковъ не говорилъ, такъ какъ всегда стѣснялся не только просить для себя что нибудь, но даже говорить о своихъ нуждахъ кому либо, даже брату А. К., который, зная его хорошо въ этомъ отношеніи, самъ первый шелъ навстрѣчу его нуждѣ, предлагая свою помочь, но А. К. никогда не предполагалъ что братъ его нуждается въ какомъ либо мѣстѣ.

„Всѣ мои надежды—писалъ Фрей своей женѣ—на полученіе какого либо дѣла въ Россіи не имѣютъ пока никакихъ шансовъ на исполненіе“...

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ его матеріальное положеніе было крайне незавидное. Онъ получалъ небольшую помощь отъ братьевъ и старался жить какъ можно экономнѣе, имѣя въ виду, что жена, дѣти и друзья, оставшіеся въ Лондонѣ, также сильно нуждаются въ средствахъ.

Не сдѣлавъ ничего относительно матеріальной цѣли, которую имѣлъ въ виду, какъ сказано, отправляясь въ Россію, Фрей былъ очень доволенъ относительно моральной цѣли этого путешествія. Пропагандируя при всевозможныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ ученіе о лучшей жизни, Фрей преслѣдовалъ главнымъ образомъ идею организаціи братства, составляющую существенное условіе для выработки лучшихъ отношеній и болѣе совершенныхъ формъ человѣческаго общежитія, чѣмъ современныя, основанныя на буржуазномъ началѣ, на индивидуализмѣ.

„Изъ того, что я узналъ и ви-

дѣлъ въ Россіи,—пишетъ Фрей,—я убѣжденъ, что можно въ Россіи устроить братство хоть сейчасъ, были бы только хорошіе люди, не революціонеры; но братства эти должны спрятаться въ себя, лукавить передъ начальствомъ, т. е. передъ становыми, урядниками, попами и тому подобными субъектами, быть тише воды, ниже травы и отложить пока всякую попытку къ словесной пропагандѣ... Вѣдь, такія братства могли бы имѣть громадное вліяніе. Русское общество чрезвычайно чутко къ явленіямъ подобнаго рода. Между ними есть люди, способные ужиться вмѣстѣ и очаровывать другихъ силою личнаго примѣра въ Россіи. Эти люди могли бы учредить братство въ Европѣ и тамъ, въ придачу къ личному примѣру, имѣть еще за собою самую страшную силу XIX вѣка, *силу свободнаго слова и свободной пропаганды*. Какъ только въ Россіи будетъ объявлена религіозная свобода, т. е. свобода совѣсти, то мы, Русскіе позитивисты, должны будемъ переѣхать въ Россію, но теперь, когда всякое начальство считаетъ своею обязанностью копаться въ чужой душѣ и распрашивать о самыхъ дорогихъ для него убѣжденіяхъ, когда приходится изумлять этихъ людей правдивымъ словомъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ идти въ мѣста болѣе отдаленныя или же лгать и притворяться предъ ними, *теперь мы еще должны жить въ Европѣ, гдѣ больше уважается человѣческое достоинство и гдѣ мы можемъ принести болѣе пользы*. Будетъ ли у насъ столько нравственныхъ силъ, или столько хорошихъ людей, чтобы сформировать первое позитивное братство, — вопросъ еще открытый. Ясно одно, что вмѣстѣ съ работой, направленной на сформированіе такого братства, мы должны пока въ Европѣ пользоваться какъ можно болѣе другою возможностью— *возможностью печатной пропаганды религіи человѣчества*. Первое хотя болѣе важное дѣло — есть дѣло, по преимуществу требующее осторожности, медленности, подбора годнаго матеріала, времени. Вторая же можетъ и должна начаться немедленно".

Такимъ образомъ изъ своего пребыванія въ Россіи онъ убѣдился, что дѣятельность его на родинѣ, какъ пропагандиста религіи человѣчества, представляется преждевременной, пока не допущена полная свобода совѣсти и мысли, а потому рѣшился вернуться въ Англію, гдѣ имѣлъ въ виду основать позитивное братство, такъ какъ подходящій матеріалъ для этого у него уже былъ, въ видѣ его друзей, бывшихъ товарищей по „Ново-Одесской" коммунѣ.

Но чтобы жить для означенной цѣли въ Англіи, необходимы матеріальныя средства, а потому для добыванія ихъ Фрей рѣшился завести небольшую типографію, на что братъ его А. К., которому онъ сообщилъ о своемъ планѣ, далъ нѣкоторую сумму. Въ мартѣ 1886 года Фрей покинулъ Петербургъ, съ надеждою черезъ годъ опять пріѣхать въ Россію.,.

По прибытіи въ Лондонъ Фрей написалъ своимъ американскимъ друзьямъ обширное письмо, гдѣ изложилъ свои соображенія и планы относительно будущей организаціи позитивнаго братства.

„Старайтесь жить — писалъ онъ между прочимъ,— согласно ученію своей религіи, *чтобы не словами, а своею жизнью вліять на другихъ*, а главное, гдѣ бы Вы ни были, здѣсь или тамъ, организуйтесь въ общество; *коллективная дѣятельность, помогая каждому изъ васъ, будетъ въ то же время служить лучшимъ средствомъ для распространенія между другими нашей религіи*.

„Я увѣренъ, что прожившіе въ Орегонской колоніи уже излѣчились отъ мнѣнія соціалистовъ, буд-

то *исправленіе жизни зависитъ отъ улучшенія въ условіяхъ производства и распредѣленія матеріальныхъ богатствъ*. Они уже по опыту знаютъ, что братская жизнь возможна только между людьми, у которыхъ пробуждено религіозное чувство и которые связаны единствомъ религіознаго міросозерцанія...

И далѣе: *„мы должны пріучать седя къ самой полной терпимосши и любви къ ближнему, и не навязывать никому своихъ понятій о жизни*.

„Будемъ помнить, что *бѣдность и страданія—удѣлъ людей настоящаго времени* и *мы не должны становиться въ привиллегированное положеніе*; будемъ помнить, что *часто горе служитъ лучшею школою для улучшенія самого себя*".

Черезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ Фрея въ Лондонъ жена его Марія Евстафьевна, съ сыномъ и дочерью, отправились въ Россію, чтобы повидаться съ родными, приглашавшими ее давно погостить и отдохнуть отъ разныхъ жизненныхъ треволненій, неблагопріятно отразившихся на ея здоровьи.

Во время отсутствія семьи Фрей весьма усердно занялся устройствомъ типографіи, въ которой предполагалъ работать самъ. Заводя ее, Фрей имѣлъ въ виду, что она, кромѣ доставленія средствъ къ жизни и пропаганды позитивизма, послужитъ еще основаніемъ для образованія позитивнаго братства, предоставивъ возможность близкимъ ему людямъ работать въ извѣстномъ направленіи, ради одной общей цѣли. Ему хотѣлось организовать между русскими позитивистами такую ассоціацію, которая должна была жить согласно съ самыми радикальными требованіями соціализма, не потому, что это такъ нужно или такъ слѣдуетъ, а совершенно естественно, по влеченію религіознаго чувства. Въ этой ассоціаціи, сохранявшей современное раздѣленіе труда, всѣ участники, какъ братья, должны жить и работать одинаково, отвергая въ корнѣ буржуазный принципъ о заработанной платѣ, составляющій остатокъ рабскаго состоянія, который даетъ возможность держать въ зависимости рабочаго.

Въ Лондонѣ Фрей велъ весьма дѣятельную жизнь: неутомимо работалъ въ типографіи въ качествѣ наборщика, метранпажа и корректора; кромѣ того, посѣщалъ публичныя лекціи и митинги, проходя при этомъ пѣшкомъ значительныя разстоянія.

Подобная дѣятельность, въ связи съ тяжелыми матеріальными условіями, не могла, конечно, не отразиться крайне вредно на его слабомъ здоровьи, которое становилось все хуже и хуже. Вскорѣ послѣ отъѣзда Маріи Евстафьевны въ Россію Фрей имѣлъ сильный припадокъ бронхита и съ тѣхъ поръ не переставалъ кашлять, причемъ мокрота выдѣлялась съ кровью, но онъ не принималъ никакихъ мѣръ, хотя понималъ серьезность своего положенія, сознавая, что если кашель не остановится, то неминуемо его постигнетъ чахотка.

„Я уже и теперь не могу ходить, писалъ онъ къ Л-и У-ой въ Америку,—скоро сейчасъ начинаю чувствовать стѣсненіе и боль въ груди. И я все болѣе и болѣе *пріучаю безъ страха и боязни, а скорѣе съ чувствомъ благодарности смотрѣть на тотъ фактъ, что черезъ 3—4 года я найду, наконецъ, вѣчный покой*. Авось къ тому времени найдутся болѣе свѣжіе люди, которые сумѣютъ продолжать мое дѣло еще лучше моего. Вообще намъ нужно выработать *спокойный, трезвый, истинно религіозный и научный взглядъ на смерть*. У меня уже онъ выработанъ".

Слухи о плохомъ состояніи здоровья Фрея достигли до его брата А. К., который сталъ настойчиво требовать, чтобы онъ оставилъ на время дѣла, Лондонъ и немедленно отправился на Югъ Европы. Но Фрей отвѣтилъ А—у К—чу письмомъ, гдѣ писалъ между прочимъ:

„Моя религія учитъ меня, какъ надо жить, она же учитъ меня, какъ надо умирать. *У меня нѣтъ страха предъ смертью.* Напротивъ того, подобно человѣку, уже достаточно поработавшему и успѣвшему устать—мысль о скоромъ отдыхѣ, вмѣсто того, чтобы пугать, становится все болѣе и болѣе привлекательною".

„Не думай, впрочемъ, что тутъ говоритъ какое либо отчаяніе или разочарованіе. Подобныя чувства я презираю почти такъ же, какъ презираю трусость. Нѣтъ. Человѣкъ будущаго, человѣкъ, искренно движимый религіей человѣчества, не будетъ пугаться смерти, потому что онъ видитъ въ ней *простой, естественный законъ замѣны однихъ атомовъ другими; законъ, безъ котораго не можетъ быть прогресса человѣчества.* Всякій человѣкъ долженъ узнать, что если только онъ перевалилъ за среднюю долговѣчность человѣческой жизни, и прожилъ съ толкомъ для себя и пользою для другихъ, то своею смертію онъ дѣлаетъ еще одну и, можетъ быть, самую крупную службу человѣчеству, потому что имъ выработанное не пропадетъ, а будетъ жить и вліять вѣчно, и въ то же время всѣ его хорошія вліянія и силы перейдутъ къ болѣе молодымъ и энергичнымъ людямъ, которые сумѣютъ осуществить и примѣнить ихъ къ жизни еще лучше, чѣмъ тотъ, кто впервые сознаълъ и понялъ ихъ".

Когда Марья Евстафьевна вернулась въ Лондонъ и увидала, въ какомъ состояніи находился мужъ, то стала настойчиво просить, чтобы онъ послушался совѣта А—а К—ча и немедленно отправился на югъ Европы: просьбу М. Е. поддержали и окружающіе друзья Фрея, который, наконецъ, согласился, въ особенности въ виду того обстоятельства, что рядъ сердечныхъ припадковъ и бронхитъ сдѣлали его совершенно неспособнымъ къ работѣ. Въ мартѣ 1887 г. Фрей покинулъ Лондонъ и отправился на континентъ, имѣя въ виду Швейцарію, югъ Франціи и берега Средиземнаго моря, но на пути остановился въ Парижѣ, гдѣ въ то время находился его братъ А. К., который просилъ его провести нѣсколько дней съ нимъ. Въ Парижѣ Фрей между прочимъ видѣлся съ своимъ бывшимъ учителемъ, извѣстнымъ эмигрантомъ П. Л. Лавровымъ, съ которымъ провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ бесѣдѣ по философскимъ и соціальнымъ вопросамъ. Потомъ Фрей отправился черезъ Швейцарію на югъ Франціи. Вдали отъ Лондона онъ не переставалъ интересоваться дѣлами своей маленькой типографіи, ведя по этому предмету переписку со своими товарищами.

Проведя нѣсколько времени на берегу моря и получивъ значительное облегченіе, Фрей отправился въ Швейцарію, гдѣ видѣлся съ извѣстнымъ докторомъ Бѣлоголовымъ, котораго рекомендовалъ ему, какъ врача, П. Л. Лавровъ и который два раза подвергнулъ его серьезному изслѣдованію, выяснившему, во-первыхъ—застарѣлый порокъ сердца, во-вторыхъ—ожиреніе печени и въ третьихъ разстройство легочной плевры.

Въ началѣ Іюня 1887 года Фрей вернулся въ Лондонъ и принялся за свою обычную дѣятельность, заключавшуюся въ занятіяхъ въ типографіи, въ посѣщеніи различныхъ собраній и въ обширной перепискѣ съ разными лицами по моральнымъ и соціальнымъ вопросамъ. Въ это время осуществилась его завѣтная мечта: ему удалось устроить небольшую общину, состоявшую изъ его семьи и изъ друзей, которые пріѣхали для этой цѣли изъ Америки. Всѣ они наняли общую квартиру и стали жить на чисто братскихъ началахъ: все, что каждый имѣлъ или зарабатывалъ, обращалось въ общую кассу; каждый обязанъ былъ работать сообразно своимъ силамъ и участвовалъ въ общемъ имуществѣ сообразно своимъ потребностямъ, которыя были очень ограничены,

такъ какъ всѣ, начиная съ самого Фрея, отличались необыкновенной простотой въ жизни. Они употребляли два раза въ день самую скудную пищу, никогда не допуская ни мяса, ни чая, ни кофе, и потому содержанiе каждаго члена этой общины не превышало шести пенсовъ (около 24 коп.) въ день, а во времена особенно критическiя, при плохихъ заработкахъ, доходило даже до четырехъ съ половиной пенсовъ.

Какъ жила эта маленькая община, видно изъ слѣдующаго описанiя А. К., который, въ бытность въ Лондонѣ зимой 1887 г., остановился у брата.

„Она состояла изъ пяти мужчинъ, двухъ женщинъ и трехъ дѣтей.“

„Всѣ, живущiе съ братомъ, не нанимаютъ никакой прислуги. Готовятъ пищу, моютъ бѣлье, выносятъ грязную воду и т. д. это все дѣлается женой брата Марусей, ея дочерью Беллой и Лидiей.

„Помѣщенiе, занимаемое семействомъ брата, или вѣрнѣе его общиной, состоитъ изъ общей, довольно комфортабельной, крытой ковромъ, комнаты, внизу, изъ большой кухни, удобной прачешной и еще одной хорошей комнаты. На верху три комнаты, изъ которыхъ одна занимается мною и братомъ и его сыномъ, другая—Марусей, Беллой и Лидiей и третья— Валлеромъ съ сыномъ Лидiи.

„По утрамъ (встаютъ около 7 часовъ), всѣ чистятъ свои платья; дѣлаю это и я, а сынъ брата чиститъ всѣмъ, безъ исключенiя, сапоги и башмаки, потомъ моются. За исключенiемъ меня, полощущагося въ своей комнатѣ, всѣ остальные мужчины и дамы моются поочередно въ прачешной, потомъ вся община поетъ какiе-то гимны позитивнаго характера (у позитивистовъ есть особыя книжки, въ которыхъ собраны разные христiанскiе псалмы, стихи американскихъ, англiйскихъ и друг. поэтовъ, особенно Лонгфелло, которые, всѣ вмѣстѣ, какъ бы соотвѣтствуютъ утреннимъ молитвамъ). Поютъ очень согласно, стройно, иногда не безъ одушевленiя, потомъ всѣ здороваются между собой и завтракаютъ. На завтракъ, какъ позднѣе на обѣдъ, подаются только овощи, фрукты и для питья какао. Послѣ завтрака каждый занимается своимъ дѣломъ до обѣда, который происходитъ въ 6 или въ 7 часовъ. Накрываютъ на столъ, убираютъ посуду и моютъ ее опять три женщины; ложатся спать около одиннадцати; такъ и идетъ изо дня въ день.“

Такая жизнь, какую велъ Фрей съ своей женой и члены его общины, возбуждали удивленiе даже англiйскихъ рабочихъ, которые видѣли около себя да и сами испытали крайнюю бѣдность. Не смотря на такой режимъ мы не назовемъ ни Фрея, ни его товарищей аскетами, потому что, ограничивая себя въ предметахъ потребленiя, Фрей полагалъ, что той пищи, которую онъ принималъ, было вполнѣ достаточно для сохраненiя организма. Онъ полагалъ, что когда существуютъ миллiоны людей, которые не имѣютъ возможности сколько нибудь удовлетворительно пропитать себя, другiя лица, болѣе достаточныя, не имѣютъ права предаваться излишествамъ, потому что излишекъ въ потребленiи однихъ указываетъ на лишенiе въ самомъ необходимомъ другихъ. Кромѣ того, Фрей полагалъ, что подобный режимъ, содѣйствуя усовершенствованiю нравственной натуры, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ сохраненiю организма и поддержанiю физическихъ силъ. Но не всѣ компанiоны могли вынести подобную жизнь, нѣкоторые захворали, а затѣмъ, выздоровѣвъ, уѣхали въ Америку, и остались только самые преданные Фрею и его идеямъ. Отъѣздъ означенныхъ лицъ послужилъ началомъ распаденiя коммуны Фрея, что сильно на него подѣйствовало, отозвавшись неблагопрiятно на его здоровьѣ; оно въ зиму 1887—1888 г. значительно пошатнулось, на что онъ, однако, не обращалъ вниманiя,

продолжая по прежнему усиленно работать.

Однако, замѣтивъ, что здоровье его постепенно ухудшается, силы слабнутъ, онъ почувствовалъ неодолимое стремленіе вернуться въ Россію; у него поднялась страшная тоска по родинѣ, вслѣдствіе чего онъ рѣшился хлопотать въ американскомъ посольствѣ о выдачѣ ему паспорта, который, конечно, былъ бы ему и выданъ, если бы не случились серьезнаго препятствія, заключавшагося въ личномъ характерѣ Фрея, въ его нравственной натурѣ. Для полученія этого паспорта требовалась формальность, а именно—заявленіе просителя, что онъ вернется въ Америку, но Фрей уже рѣшился не возвращаться, имѣя въ виду навсегда остаться въ Россіи, а такъ какъ лгать онъ не желалъ, то прямо и заявилъ въ консульствѣ, что не вернется, вслѣдствіе чего паспорта онъ и не получилъ, закрывъ такимъ образомъ навсегда путь возвращенія на родину.

Эта неудача съ паспортомъ сильно отразилась на его весьма слабомъ здоровьи, которое сдѣлалось на столько плохо, что осенью 1888 г. онъ съ большимъ трудомъ могъ работать въ типографіи; часто даже, вслѣдствіе полнаго упадка силъ, ему приходилось бросать работу и ложиться въ постель. Въ постепенномъ ослабленіи организма, сопровождаемомъ серьезными болѣзненными симптомами, Фрей видѣлъ приближеніе смерти, но доброе и веселое расположеніе духа не покидало его, онъ говорилъ о предстоящей кончинѣ своей вполнѣ спокойно, какъ будто дѣло шло о какомъ-то постороннемъ, совершенно обыкновенномъ фактѣ.

Наконецъ, 17 Ноября (ст. с.) 1888 года организмъ его не выдержалъ,—и этотъ необыкновенный человѣкъ скончался.

Передъ смертью онъ ужасно мучился, но переносилъ свои страданія съ замѣчательнымъ стоицизмомъ, показавъ во всей красѣ высокій нравственный образъ и необыкновенную мощь своего духа.

Похоронили Фрея на кладбищѣ Edmontom, рядомъ съ могилами Джоржа Эллiота и Джона Стюарта Милля. На похоронахъ присутствовали друзья и почитатели покойнаго, которыхъ явилось болѣе ста человѣкъ,—число весьма значительное, такъ какъ ни одного русскаго эмигранта, ни одного позитивиста столько людей не хоронили.

Президентъ Позитивнаго общества, ученый и публицистъ Ф. Гаррисонъ и членъ конгресской фракціи Сюльманъ произнесли надгробныя рѣчи.

Затѣмъ, въ засѣданіе Позитивнаго общества 11 Ноября, другъ Фрея проф. Бизлэ сдѣлалъ сообщеніе о его жизни и дѣятельности, въ заключеніи котораго сказалъ: „Зрѣлище подобнаго существованія, представляющее рѣзкое отличіе отъ существованія остального, обыденнаго люда, было для насъ чрезвычайно благотворно, но, какъ это часто случается, мы оцѣнили эту благотворность и достоинство самой личности, только тогда, когда лишились ея. Намъ кажется теперь, что былъ моментъ; когда среди насъ былъ герой, святой... Жизнь Фрея представляетъ примѣръ такого альтруизма, о которомъ даже и не мечталъ О. Контъ въ порывѣ глубокаго энтузіазма. Если подобные примѣры являются въ настоящее время, то чего мы можемъ ожидать отъ нашей натуры въ далекомъ будущемъ, котораго, однако, намъ не придется увидѣть? Великій мыслитель, котораго мы являемся учениками, указалъ намъ путь самопожертвованія, ведущій къ этому свѣтлому будущему, и самъ пошелъ по немъ твердою и увѣренною стопою. Вильямъ Фрей послѣдовалъ по этому же пути, и его примѣръ всегда будетъ жить между нами, чтобы укрѣплять наши силы и воодушевлять наши стремленія...!“

Надъ могилою Фрея воздвигнутъ памятникъ, на которомъ сдѣланы слѣдующія надписи:

I. In loving memory William Frey.
Born in Russia, October 30, 1839;
Died in London, November 5, 1886 *).

II. O! mourn not those who dying gave
A gift of greater light to men
Death stands abaskêd before the brave
They own a life he may not ban **).

Заключеніе.

Природа мать. Когда-бъ такихъ [людей
Ты не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни.

Некрасовъ.

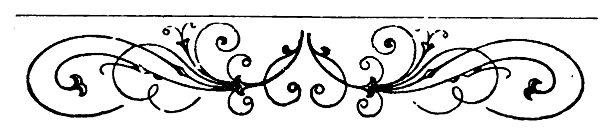
Сопоставляя жизнь Фрея съ жизнью обыкновенныхъ, заурядныхъ людей, необходимо придти къ заключенію, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, дѣйствительно, является особенной, *необыкновенной* личностью. Его богато одаренная нравственная натура заключала въ себѣ замѣчательную рѣшительность и необыкновенную силу характера, не допускавшую никакого уклоненія отъ разъ избраннаго пути. Нерѣдко люди съ подобнымъ характеромъ бываютъ суровы, язвительны, отличаются нетерпимостью ко всему тому, что не согласуется съ ихъ убѣжденіями, а потому они склонны къ строгимъ осужденіямъ другихъ, къ суровымъ приговорамъ надъ ближними. Но Фрей, по отзывамъ знавшихъ его близко, не былъ похожъ на такихъ людей.

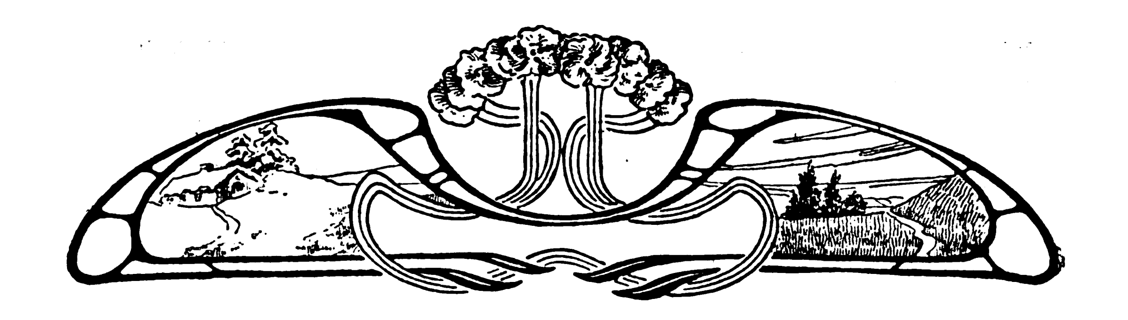
Высокая степень чувства альтруизма, въ связи съ широкими научными взглядами, развила въ немъ необыкновенный духъ терпимости, какъ относительно мнѣній, такъ и относительно поступковъ другихъ, заставляя относиться ко всему этому вполнѣ снисходительно, безъ всякаго осужденія: „самый лучшій способъ судить людей,—говорилъ Фрей,—это самому поступать лучше, чѣмъ они", что и дѣлалъ онъ, являясь живымъ укоромъ для тѣхъ, у которыхъ слова расходились съ дѣломъ. Онъ относился къ самой рѣзкой критикѣ весьма добродушно и весьма снисходительно, приводя въ замѣшательство этимъ того, кто позволялъ себѣ критиковать его, и заставлялъ такимъ образомъ глядѣть на вещи почти такъ же, какъ глядѣлъ Фрей. По мнѣнію друга его, проф. Бизлэ, самый ближайшій и самый поучительный урокъ, который даетъ жизнь Фрея—„это преимущество примѣра надъ наставленіемъ", такъ какъ примѣръ Фрея производилъ благотворное вліяніе даже на такихъ лицъ, которыя не раздѣляли его религіозныхъ воззрѣній.

Н. В. Рейнгардтъ.

*) Въ память любимаго Вильяма Фрея, родившагося въ Россіи 30 Октября 1839 г., умершаго въ Лондонѣ 5 Ноября 1888 г.

**) О, не оплакивайте тѣхъ, кто умирая далъ даръ высшаго свѣта людямъ. Смерть теряетъ силу передъ смѣлыми. Они обладаютъ жизнью, которой она не можетъ отнять.

Изъ горныхъ мотивовъ.

По горамъ въ эту лунную ночь
Побродить я хотѣлъ-бы съ тобой.
Средь ущелій суровыхъ и скалъ,
Высоко-высоко надъ землею.

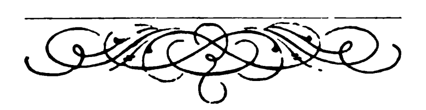
Тамъ, въ горахъ, человѣкъ одинокъ.
Тамъ иначе все чувствуетъ онъ.
Облака пробѣгаютъ у ногъ,
И звучитъ что-то глухо, какъ стонъ...

Нѣтъ вокругъ никого, никого.
Только горы и скалы, и снѣгъ.
Только слышится гдѣ-то вдали
Ручейка несмолкающій бѣгъ.

По дорогѣ крутой, къ ледникамъ,
Что такъ блещутъ при полной лунѣ.
Я иду все впередъ какъ во снѣ.
Доберусь-ли и буду-ли тамъ?

Я не знаю. Но здѣсь мнѣ легко...
Отдохну отъ ударовъ и ранъ...
А когда загремитъ барабанъ,—
Буду я ужъ отъ горъ далеко...

В. Дембо.

Американская пресса.

Русское общество устало жить половинной, заказанной жизнью, устало „хранить печать молчанія на устахъ своихъ". Подобно бабочкѣ, которая, выходя изъ куколки, разрываетъ отжившія, раньше связывавшія ее оболочки и смотритъ на окружающее не сквозь нихъ, а непосредственно, освобождающаяся отъ пеленокъ мысль осматривается вокругъ, съ недоумѣніемъ глядитъ на мрачное прошедшее, съ надеждой заглядываетъ въ свѣтлое будущее, расправляетъ свои крылышки, трепещетъ ими и собирается подняться на ту высоту, которая составляетъ ея сферу.

Литература есть хранилище мыслей народа, отраженіе, словесная фотографія души его и, въ то же время,—путеводный маякъ, на свѣтъ котораго онъ идетъ. Не удивительно поэтому, что начинающее сознавать себя общество прежде всего обращаетъ вниманіе на свою литературу, старается поставить ее въ наиболѣе благопріятныя условія, съ тѣмъ, чтобы обезпечить за собою здоровую пищу, такъ какъ оно знаетъ, инстинктивно чувствуетъ, что безъ этого у него не можетъ быть нормальнаго органическаго развитія.

Вверху заговорили о томъ, что паспорты, стѣсняющіе свободу движеній тѣлеснаго человѣка, отжили свой вѣкъ; внизу, съ не меньшимъ основаніемъ, настаиваютъ на томъ, что разрѣшеніе цензора подъ статьей или разрѣшеніе говорить оратору являются такими же отжившими вѣкъ паспортами для человѣка духовнаго...

Въ такой интересный моментъ, я думаю, будетъ вполнѣ умѣстнымъ поговорить объ американской періодической печати, которая, между прочимъ, никогда не знала цензуры, что не помѣшало (!) и ей, и обществу, которое она представляетъ, существовать, мирно развиваться и безостановочно идти впередъ.

Я начну съ цензуры, благо заговорилъ о ней. Да, въ С. Ш. нѣтъ цензуры, въ русскомъ смыслѣ этого слова, но зато существуетъ крайне развитое, дружное и сплоченное *общественное мнѣніе*, которое цензуруетъ литературныя произведенія гораздо строже и неумолимѣе, чѣмъ цензура административная. Нужно ли прибавлять, что оно цензуруетъ ихъ гораздо справедливѣе? Въ Аме-

рикѣ можно сколько угодно писать противъ „основъ“. Если представители этихъ основъ чувствуютъ свою правоту, они легко объясняются путемъ той же печати, если же они оказываются виновными, то имъ воздается должное, по заслугамъ. Да, наконецъ, всѣ здѣсь отлично понимаютъ, что какъ бы ни были прочны основы, какъ бы ни были хороши въ архитектурномъ отношенiи для той эпохи, въ которую онѣ строились, время беретъ свое, и римскiя арки, iоническiя и дорическiя колонны дѣлаются неотъемлемымъ достоянiемъ исторiи, и ни чего другаго, тысячи лѣтъ спустя. Но въ Америкѣ, въ то же время, нельзя писать той „Бездны“ пошлости и цинизма, какая пишется въ иныхъ странахъ; этого не позволитъ здѣсь цензура общества. И авторы, и издатели отлично это понимаютъ и сообразуются съ общественными требованiями. Поэтому же нѣкоторыя изъ произведенiй русскихъ писателей, считаемыхъ на родинѣ выдающимися, не только не переводятся на англiйскiй языкъ, а даже не реферируются и не упоминаются въ американской печати: совѣстно...

Ни въ какой другой странѣ мiра перiодическая печать не процвѣтаетъ такъ, какъ она процвѣтаетъ въ С. Ш. Обусловливается это нѣсколькими причинами.

Сплошь и рядомъ вы видите, что извѣстная газета или журналъ издается не отдѣльнымъ лицомъ, а компанiей, часто акцiонерной компанiей. Случаи, когда такая компанiя проводитъ въ своемъ изданiи какiя нибудь специальныя тенденцiи, являются исключительными. Большею же частью компаньоны смотрятъ на свое изданiе, какъ на чисто коммерческое предпрiятiе, которое должно дать значительный доходъ на затрачиваемый ими капиталъ. По англiйски издатель называется publisher, т. е. тотъ, который печатаетъ и пускаетъ напечатанное въ обращенiе.

Направленiе журналу даетъ и, если можно такъ выразиться, духовную сторону его всецѣло вѣдаетъ редакторъ, по англiйски—editor, человѣкъ, который, собственно, издаетъ журналъ или газету.

Это строгое раздѣленiе труда интересно въ томъ отношенiи, что коммерческая и литературная стороны изданiя ведутся независимо одна отъ другой, каждая специалистами своего дѣла. Издатель или издательская компанiя подыскиваютъ для своего предпрiятiя талантливаго редактора и предоставляютъ ему полную свободу дѣйствiй, сами же употребляютъ всѣ свои силы и способности для развитiя коммерческой стороны дѣла.

Было время, когда и американскiя перiодическiя изданiя начинались съ грошами въ карманѣ и выростали потомъ въ солидныя предпрiятiя, теперь же за подобныя дѣла здѣсь берутся лишь крупные предприниматели, могущiе затратить сотни тысячъ на устройство собственнаго, приспособленнаго для такой работы помѣщенiя, собственныхъ типо-, лито-, фото-и цинко-графiй, брошюровочной и другихъ отдѣленiй и приспособленiй.

Сразу широко и хорошо поставленное дѣло изданiя, помимо техническихъ выгодъ, выгодно еще и тѣмъ, что привлекаетъ къ себѣ массу объявленiй, всегда дающихъ значительный доходъ. Въ то время, какъ издатели, редакторы и читатели русскихъ журналовъ весьма щепетильно относятся къ помѣщенiю въ нихъ объявленiй, американцы смотрятъ на этотъ вопросъ гораздо снисходительнѣе. Только немногiе изъ американскихъ журналовъ не помѣщаютъ у себя объявленiй. Сюда принадлежатъ наиболѣе серьезные изъ нихъ World's Work, North American Review, Atlantic Monthly, но зато и подписная цѣна ихъ выше другихъ.

Распространенности американскихъ изданiй способствуютъ какъ

грамотность, зажиточность и культурность населенія, такъ и умѣнье американцевъ довесть до свѣдѣнія публики о своихъ изданіяхъ. Если вы прочли гдѣ либо объявленіе о газетѣ или журналѣ, то вамъ достаточно послать въ контору его открытое письмо со своимъ адресомъ, чтобы получить безплатно пробный номеръ (sample copy) изданія. Кромѣ того, вы находите въ продажѣ отдѣльные номера какихъ угодно журналовъ, не говоря уже о газетахъ, не только въ книжныхъ магазинахъ, а также въ аптекахъ, галантерейныхъ, писчебумажныхъ и другихъ магазинахъ: журналы часто продаются и въ деревенскихъ лавкахъ.

Дешевизна американскихъ журналовъ тоже является одной изъ причинъ широкаго ихъ распространенія. Дешевизна эта обусловливается и умѣлой организацiей дѣла, и доходами съ объявленій. Можно насчитать десятки мѣсячныхъ и недѣльныхъ журналовъ, годовая цѣна которыхъ равняется 1—$1^1/_2$—2 долларамъ. Такихъ общихъ журналовъ, которые стоятъ 3 долл. въ годъ, не много. Еще меньше такихъ, которые стоютъ 4, 5 и болѣе долларовъ, за исключеніемъ научныхъ и спеціальныхъ (Долларъ=2 руб.).

Существуетъ еще одно условіе, способствующее распространенію американскихъ періодическихъ изданій—это многочисленныя newspaper and magazine agencies—агентства по выпискѣ журналовъ и газетъ. Издатели дѣлаютъ имъ такую значительную скидку съ нормальной цѣны, что агентства имѣютъ возможность предлагать всѣ выходящія въ Америкѣ изданія съ уступкой 20--50%, но послѣдняя дѣлается лишь тѣмъ лицамъ, которыя подписываются на изданіе въ первый разъ, и не распространяются въ такой мѣрѣ на второй и слѣдующіе годы подписки. Часто агентства предлагаютъ такъ называемыя club subscriptions, т. е. подписку сразу на нѣсколько изданій, и въ этихъ случаяхъ уступка еще болѣе значительна. Этой формой подписки пользуются фермеры, причемъ, четыре—пять душъ выписываютъ сообща соотвѣтственное количество изданій и затѣмъ обмѣниваются ими.

Американцы настолько сжились съ газетой, что она сдѣлалась для нихъ такой же потребностью, какъ пища и питье. Не рѣдкость встрѣтить здѣсь пару бродягъ (tramps), которые, сидя въ придорожной канавкѣ на своихъ неизмѣнныхъ, свернутыхъ въ валики одѣялахъ, внимательно читаютъ свѣжую газету и затѣмъ мирно бесѣдуютъ по поводу прочтеннаго. Можно видѣть и такую картину: американецъ ртомъ пожираетъ обѣдъ, который онъ долженъ проглотить въ полъ часа, и въ то же время глазами пожираетъ газету. Читаютъ въ библіотекахъ, въ вагонахъ трамваевъ и желѣзныхъ дорогъ, въ скверахъ, иногда—идя по улицѣ, дома вечеромъ, послѣ ужина.

Обозрѣніе американскихъ газетъ лучше всего начать съ самыхъ мелкихъ.

Изрѣдка вы встрѣтите маленькую газетку, издающуюся даже въ деревнѣ. Втеченіе девяти лѣтъ на горизонтѣ нашей деревни появлялись три такихъ газеты, но онѣ были метеоритнаго характера, и существованіе каждой изъ нихъ ограничивалось всего нѣсколькими мѣсяцами.

Маленькую газетку, а иногда и двѣ, вы уже обязательно найдете въ небольшомъ американскомъ городѣ, насчитывающемъ въ своихъ предѣлахъ двѣ—три тысячи населенія. Издается она разъ въ недѣлю и стоитъ 1—$1^1/_2$ долл. въ годъ. Вы, можетъ быть, спросите, какъ же можетъ при такихъ условіяхъ существовать подобное изданіе, даже если принять во вниманіе, что на нее, кромѣ городскихъ, находятся подписчики и изъ окрестныхъ деревень? Объясняется это двумя явленіями—тѣми же объявленіями и своеобразной организацiей редакторско-издательскаго труда.

Мнѣ какъ то пришлось зайти въ контору (office) одной изъ такихъ газетъ. На дверной звонокъ изъ сосѣдней наборной выскочилъ м-ръ Р.— редакторъ—издатель газеты. Я былъ въ числѣ его подписчиковъ и нѣсколько знакомъ съ нимъ. М-ръ Р. былъ безъ пиджака, въ одномъ жилетѣ, съ высоко засученными рукавами рубахи; руки его носили слѣды набора и типографской краски.

— Садитесь!—пригласилъ онъ меня съ любезной улыбкой. Какія новости.

Онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана записную книжку, изъ-за уха—карандашъ и приготовился.

— Вчера, началъ я, заложили новый артезіанскій колодезь; ставятъ восьмидюймовыя трубы. Другой, раньше начатый, доведенъ до глубины 960 фут. Наткнулись на твердый камень, который боятся пробивать. Вода стоитъ въ 30 ф. отъ поверхности и ее намѣреваются вывести тоннелемъ футахъ въ трехстахъ пониже, благо, склонъ удобенъ для этого.

— А больше нѣтъ?

— Есть, да мелочи.

М-ръ Р. стенографировалъ мои слова и потомъ тотчасъ же положилъ книжку въ карманъ и карандашъ за ухо.

Я въ то время собрался писать для одного изъ русскихъ изданій статью именно о мелкихъ американскихъ газетахъ и зашелъ съ тѣмъ, чтобы попросить у м-ра Р. позволенія воспользоваться богатымъ матеріаломъ, лежавшимъ на его столѣ въ видѣ десятковъ газетъ, подобныхъ той, которую и онъ издавалъ и съ которыми онъ обмѣнивался своею.

— Будьте какъ у себя дома, улыбнулся онъ. Хотите, возьмите изъ нихъ столько, сколько вамъ заблагоразсудится. Оставьте мнѣ изъ нихъ десятокъ—полтора; все равно, у меня нѣтъ никакой возможности читать ихъ всѣ.

Я попросилъ еще у него позволенія зайти въ наборную и типографію, куда онъ уходилъ.

Собравъ необходимый матеріалъ, я зашелъ въ сосѣднюю комнату. Здѣсь я увидѣлъ игрушечную типографскую машину, приводимую въ дѣйствіе миніатюрнымъ электрическимъ двигателемъ, и работавшаго на ней накладчика. У одного изъ оконъ стояли кассы со шрифтомъ и столъ, на которомъ м-ръ Р. укладывалъ только что законченный имъ наборъ второй половины листа. У другаго окна помѣщался станокъ для печатанія визитныхъ карточекъ и тому подобной мелкой работы.

— Сегодня пятница — говорилъ мнѣ м-ръ Р., продолжая свое дѣло,— мы окончимъ печатаніе и приготовимъ для почты. Завтра, въ субботу, газета будетъ доставлена подписчикамъ, и они, въ воскресенье прочтутъ ее.

Такимъ образомъ, въ лицѣ м-ра Р. сосредоточиваются обязанности издателя, редактора, писателя, наборщика, конторщика и экспедитора газеты. Накладчика онъ нанималъ только на одинъ день на недѣлю, въ пятницу.

Содержаніе такого Upland News или Ontario Record отдается интересамъ чисто мѣстнаго, такъ сказать, уѣзднаго характера. Такой-то женился на такой-то, м-ръ N открылъ новый магазинъ; миссъ Z назначена учительницей туда-то; сѣно дорожаетъ, такъ какъ выпало пока всего 5 дюймовъ дождя и т. д. Меньше мѣста посвящается интересамъ штата. Еще меньше — извѣстіямъ всего союза. Наконецъ, редакторъ рѣшается удѣлить лишь нѣсколько строкъ, да и то не въ каждомъ номерѣ, событіямъ внѣшняго міра, будь то вулканическое изверженіе на Мартиникѣ или война Россіи съ Японіей.

Чтобы быть справедливымъ, нельзя не замѣтить, что большинство такихъ газетокъ ведется умѣло и талантливо. У нихъ есть свои корреспонденты въ сосѣднихъ дерев-

няхъ, въ лицѣ мѣстныхъ лавочниковъ, почтмейстеровъ и фермеровъ. Число маленькихъ газетъ въ С. Ш. достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ, болѣе десяти.

Слѣдующей категоріей среди американскихъ газетъ являются такія, которыя издаются въ городахъ съ 5—20 тысячами населенія, выходятъ два—три раза въ недѣлю и стоятъ, обыкновенно, 2 долл. въ годъ. Интересы подобной газеты уже нѣсколько шире. Она говоритъ и о засѣданіяхъ штатнаго и союзнаго конгрессовъ, и объ американской политикѣ, но тому, что дѣлается въ иностранныхъ государствахъ, все еще удѣляется весьма мало мѣста и вниманія.

Большая американская ежедневная газета, издающаяся въ большомъ городѣ, для русскаго читателя можетъ показаться сразу въ высшей степени безтолковой и несуразной. На первой страницѣ вы видите оглавленіе, за нимъ синопсисъ, т. е., изложеніе въ двухъ-трехъ словахъ содержанія каждой изъ статей, и у васъ мелькаетъ мысль о практичности американцевъ. Но вотъ вы находите въ оглавленіи интересное сообщеніе, изъ синопсиса видите, что его слѣдуетъ вамъ прочесть, и начинаете искать его, руководствуясь послѣдовательностью статей. Напрасный трудъ! Въ изложеніи статьи поставлены совершенно въ иномъ порядкѣ, чѣмъ въ оглавленіи, и расположены какъ-то такъ странно, что вы въ своихъ поискахъ то и дѣло наталкиваетесь на объявленія. Въ этомъ все и дѣло. Требуется большое искусство со стороны редактора расположить статьи именно такъ, чтобы, желаете вы или не желаете, а объявленія попадались бы вамъ на глаза. Однако,— маленькій навыкъ, небольшая привычка угадывать замаскированныя объявленія, и вы легко помиритесь съ американской газетой.

Прежде всего вы увидите, что она талантлива. Каждая статья, замѣтка, сообщеніе написаны умѣло, живо, часто остроумно. Статьи, какъ и въ англійскихъ газетахъ,— безъ подписей авторовъ.

Вы увидите, далѣе, что американскую большую газету, въ которой, обыкновенно, двѣ части и, въ общей сложности, 20—24 страницы мелкой печати, можно прочесть, смотря по тому, сколько имѣется у васъ на это времени, и въ десять минутъ, и въ два часа, а если у васъ нечего дѣлать, какъ только читать газеты, то номера хватитъ и на цѣлый день. Говоря о десятиминутномъ чтеніи, я имѣю въ виду или синопсисъ или нѣсколько болѣе подробное изложеніе содержанія, предшествующее каждой статьѣ.

Первая часть газеты посвящается предметамъ общеинтереснымъ, вторая — интересамъ своего города и мѣстнаго общества.

Въ большой газетѣ иностраннымъ извѣстіямъ удѣляется уже значительное мѣсто и, напримѣръ, выдающимся фазисамъ русско-японской войны или событіямъ въ Россіи, происходившимъ въ январѣ, посвящаются цѣлыя страницы.

Я только что упомянулъ о талантливости большихъ американскихъ газетъ. Значительная часть статей такой газеты представлена сообщеніями агентовъ ассоціированной прессы, передаваемыхъ по телеграфу; въ эти же агенты выбираются люди, умѣющіе писать и обладающіе литературнымъ вкусомъ. Но, съ другой стороны, подобная постановка дѣла ведетъ къ тому, что вы во всѣхъ крупныхъ газетахъ, издаются ли онѣ въ Нью-Іоркѣ или въ Санъ-Франциско, находите не только однѣ и тѣ же извѣстія, но и выраженныя однѣми и тѣми же словами, т. е., стереотипы. Однако, отсюда не слѣдуетъ выводить заключенія, что американскія газеты безцвѣтны или, вѣрнѣе говоря, одноцвѣтны. Совсѣмъ нѣтъ. Помимо сообщаемаго по телеграфу матеріала, въ нихъ найдется еще не мало мѣста для

статей редакціи и другихъ сотрудниковъ, въ которыхъ выражается направленіе газеты.

И какихъ только направленій вы здѣсь ни встрѣтите! Республиканскія газеты, демократическія, прогибиціонистскія, соціалистическія; методистскія, католическія, баптистскія, пресбитеріанскія, епископальныя, свободомыслящія, противорелигіозныя; газеты, отстаивающія интересы различныхъ національностей, ютящихся подъ сѣнью „полосъ и звѣздъ", отъ итальянской, германской и польской до еврейской и негритянской включительно.

Выходя въ будни въ двухъ частяхъ, американскія крупныя газеты преподносятъ въ воскресенье своимъ читателямъ пять, а то и шесть частей, по 8—12 страницъ въ каждой, а нѣкоторыя даютъ, сверхъ того, еще особое приложеніе, въ видѣ большой тетради въ 24—36 страницъ. И снова вы видите, что статьи въ приложеніи написаны хорошо. Много оживляютъ эти приложенія статьи Хаскина и Карпентера. Нѣсколько крупныхъ газетъ—если не ошибаюсь,—пятнадцать—сложились деньгами, вошли въ соглашеніе съ этими выдающимися корреспондентами, платятъ каждому изъ нихъ по 500 долл., т. е., по 1000 р. въ недѣлю, и предоставляютъ имъ полную свободу дѣйствій. Каждый изъ нихъ обязанъ написать одну статью въ недѣлю, и статьи эти печатаются во всѣхъ образующихъ ассоціацію газетахъ. Въ прошломъ году Хаскинъ объѣхалъ Южную Америку, Карпентеръ побывалъ въ Россіи, въ Канадѣ, а также повидалъ многихъ изъ выдающихся дѣятелей въ С. Ш., бесѣдовалъ съ ними о тѣхъ вопросахъ, которыми они занимаются, и изложилъ результаты бесѣдъ въ своихъ корреспонденціяхъ.

Гдѣ только можно, статьи газетъ иллюстрируются рисунками. Нѣкоторыя изъ газетъ, напримѣръ, изданія Хирста, положительно злоупотребляютъ иллюстраціями.

Обуявшее, въ той или иной мѣрѣ, всѣ американскія газеты такъ называемое „желтое", сенсаціонное, направленіе не оцѣнено вполнѣ, а тѣмъ болѣе безпристрастно — иностранными критиками. Въ „желтомъ" направленіи видятъ только дурное, однако, я не могу согласиться съ этимъ вполнѣ. Конечно, направленіе это играетъ на низшихъ нотахъ духовнаго регистра читателя, но дѣло въ томъ, что отчаянная погоня репортеровъ за сенсаціоннымъ матеріаломъ является своего рода уздой, заставляющей „грѣшащіе" элементы общества быть крайне осторожными и сдержанными въ своихъ дѣйствіяхъ, и потому-то, отчасти, такія исторіи, какъ прошлогоднія обнаруженія покупныхъ мѣстъ въ почтовомъ вѣдомствѣ или мошенничества сенатора Кларка, имѣвшія результатомъ пріобрѣтеніе имъ общественныхъ земель въ собственность, являются здѣсь довольно рѣдкими. Я увѣренъ въ томъ, что если только сегодня русскія газеты освободятся отъ цензуры, завтра же и онѣ заразятся желтой лихорадкой, что я могу только привѣтствовать, такъ какъ убѣжденъ въ томъ, что микробы этой болѣзни окажутся гораздо сильнѣе микробовъ хищенія, произвола и насилія, расшатывающихъ организмъ русскаго общества, и первые не только вытѣснятъ вторыхъ, но и станутъ сдерживать развитіе ихъ на будущее время...

Говоря о ежедневныхъ американскихъ газетахъ, нельзя не отмѣтить того вниманія, съ какимъ онѣ относятся къ земледѣльческимъ и промышленнымъ интересамъ своей страны. Американцы настолько серьезно смотрятъ на это дѣло, что редакторъ большой газеты обязательно имѣетъ въ числѣ своихъ помощниковъ спеціалиста и по земледѣлію. И потому, въ то время какъ въ Россіи проходятъ цѣлые годы,

раньше, чѣмъ такіе вопросы, какъ, напр., прививка бактерій къ почвѣ, борьба съ вредными въ сельскомъ хозяйствѣ насѣкомыми посредствомъ введенія хищныхъ насѣкомыхъ и насѣкомыхъ-паразитовъ и т. п., сдѣлаются общимъ достояніемъ даже образованныхъ классовъ, въ С. Ш. на это требуются только дни. Я жилъ на югѣ Россіи, читалъ южныя газеты и могу сравнивать ихъ въ этомъ отношеніи, напр., съ газетами калифорнійскими. У южнорусскихъ сельско-хозяйственныхъ мѣстностей много точекъ соприкосновенія съ Калифорніей. И что же? Такіе вопросы, какъ орошеніе, разнообразіе, культуръ, консервированіе фруктовъ, птицеводство и т. п. трактуются въ южнорусскихъ общихъ газетахъ изрѣдка и слегка, въ калифорнійскихъ же вы, то и дѣло, встрѣчаете статьи, детально разрабатывающія сказанныя темы.

Если можно, до извѣстной степени, снисходительно относиться къ „желтому" направленію американскихъ газетъ, то никакъ ужъ нельзя примириться съ ихъ оппортюнизмомъ и партійностью. Первый развивается, главнымъ образомъ, на почвѣ преклоненія американцевъ передъ богатствомъ, и имъ, въ особенности, заражены республиканскія газеты. Чрезвычайно острый въ настоящее время, напр., вопросъ о трёстахъ представляется ими совершенно — и притомъ завѣдомо, въ ложномъ освѣщеніи. По утвержденію большинства республиканскихъ газетъ, трёсты, поставивъ широко предпріятія, удешевили стоимость производства, улучшили качество продуктовъ, завоевали американскимъ произведеніямъ иностранные рынки, сдѣлали возможнымъ постройку колоссальныхъ пароходовъ, паровозовъ, элеваторовъ и т. д. Отождествляя выгоды отдѣльныхъ предпринимательскихъ обществъ съ выгодами цѣлой націи; относя къ результатамъ дѣятельности трестовъ такія явленія, какъ повышеніе рабочей платы, всецѣло зависящее отъ усилій рабочихъ союзовъ; говоря о дешевизнѣ производства и умалчивая о томъ, что эта дешевизна приноситъ выгоды только фабрикантамъ, такъ какъ мануфактуры съ каждымъ годомъ подымаются въ цѣнѣ, для потребителей, республиканскія газеты стараются представить тресты въ видѣ благодѣтельныхъ учрежденій и тѣмъ самымъ способствуютъ сохраненію промышленнаго строя, по существу, вреднаго для страны.

И то сказать, здѣсь, собственно, „свой своя" защищаетъ. Подобно тому, какъ въ мірѣ промышленномъ тресты поглощаютъ кустарей и мелкія фабрики, въ мірѣ литературномъ большія газеты поглощаютъ мелкія, причемъ послѣднія становятся не болѣе, какъ мѣстными отдѣлами въ первыхъ.

Для меня, человѣка, стоящаго внѣ партій или, точнѣе говоря, признающаго законнымъ существованіе лишь одной партіи—бальзаковскихъ „порядочныхъ людей", партійность американскихъ газетъ кажется поистинѣ удивительной. Какія бы цѣли данная партія ни преслѣдовала, какіе бы пріемы для этого ни употребляла, все для газетъ ея лагеря кажется превосходнымъ, заслуживающимъ одобренія. Съ другой стороны, дѣйствія и мнѣнія партіи противной, каковы бы они ни были, неизмѣнно выставляются къ позорному столбу другой стороной. Такъ, напримѣръ, предводитель демократической партіи Брайанъ, человѣкъ, несомнѣнно, порядочный и талантливый, изображается и въ статьяхъ, и на каррикатурахъ республиканскихъ газетъ не иначе, какъ въ видѣ осла или ѣдущимъ на ослѣ и непремѣнно задомъ напередъ... другого къ нему отношенія республиканскія газеты не знаютъ.

Выгодно отличаются въ этомъ отношеніи отъ другихъ американскія соціалистическія газеты. Ни для кого не тайна, что соціализмъ въ С. Ш.

ростетъ необыкновенно быстро. Не имѣя достаточныхъ поводовъ для нападокъ на эту партію, республиканскія газеты ограничиваются тѣмъ, что умышленно стараются отождествлять соціализмъ съ анархизмомъ, понимаемымъ американцами крайне примитивно. Соціалистическія же газеты, чувствуя за своей партіей все увеличивающуюся силу, обращаютъ свое вниманіе собственно на явленія современной американской жизни и относятся, въ то же время, весьма сдержанно къ вопросу, насколько данныя явленія обусловливаются вліяніемъ той или иной партіи, такъ какъ, по мнѣнію соціалистическихъ газетъ, возникновеніе и существованіе самыхъ партій вытекаетъ изъ неправильнаго и несправедливаго принципа конкурренціи, лежащаго въ основѣ строя и американскаго, и европейскихъ обществъ.

Упоминаніе о соціалистическихъ газетахъ заставляетъ меня разсказать вамъ интересный и поучительный эпизодъ, разыгравшійся два года тому назадъ на почвѣ... скажу, пожалуй, не повѣрите... „административныхъ взысканій печати". Да, дѣло было и для русскихъ читателей представляетъ особый интересъ по своей подкладкѣ. Нужно замѣтить, что, по американскимъ почтовымъ правиламъ, первый разрядъ внутренней корреспонденціи, заключающій въ себѣ письма, оплачивается двумя центами съ каждой унціи. второй разрядъ, куда принадлежатъ газеты и журналы, оплачивается однимъ центомъ съ каждаго фунта и третій разрядъ, заключающій въ себѣ книги, объявленія и т. д.,– однимъ центомъ за двѣ унціи. Кромѣ того, существуетъ въ этихъ правилахъ еще статья, гласящая, что тѣ періодическія изданія, которыя, подъ видомъ газетъ и журналовъ являются въ сущности объявленіями торговыхъ фирмъ, не пользуются привиллегіями втораго разряда и должны быть относимы къ третьему.

И вотъ, одинъ изъ товарищей министра почтъ (у него ихъ три), видя, что многія изъ изданій послѣдней категоріи пользуются не принадлежащими имъ правами, рѣшился указать имъ должное мѣсто.

Товарищъ министра былъ республиканецъ, и газеты его партіи горячо привѣтствовали такое вниманіе къ общественнымъ интересамъ. Однако, онъ, въ припадкѣ усердія, включилъ въ число гонимыхъ также нѣсколько соціалистическихъ газетъ и одинъ журналъ. Когда потерпѣвшіе издатели спрашивали рьянаго администратора, чѣмъ они торгуютъ, тотъ развязно отвѣчалъ: „—идеями, а въ томъ, что вы разсылаете свои изданія безплатно, я усматриваю признакъ принадлежности ихъ къ разряду объявленій" (онъ здѣсь имѣлъ въ виду пробные номера, которые разсылаются всѣми періодическими изданіями).

Вслѣдствіе невозможности существовать при новыхъ условіяхъ соціалистическій журналъ, издаваемый богатымъ фабрикантомъ Уылшайромъ, перебрался на канадскую территорію и оттуда, подъ эгидой почтовой конвенціи съ С. Ш., пошелъ въ послѣдніе, какъ корреспонденція втораго разряда, газета же Appeal to Reason не сдалась такъ легко и начала борьбу. Редакторъ ея Вейландъ, талантливый и энергичный человѣкъ, рѣшилъ прежде всего установить тотъ фактъ, что его газета платная. Онъ обратился къ подписчикамъ съ просьбой удостовѣрить это. Въ теченіе одной недѣли редакція получила 260 тыс. открытыхъ писемъ, и въ каждомъ изъ нихъ было сказано, что подписчикъ уплатилъ подписную сумму 25 центовъ въ годъ (газета еженедѣльная). Съ такими доказательствами въ рукахъ Вейландъ обратился въ высшій судъ, и послѣдній высказался противъ мѣропріятія товарища министра почтъ по отношенію къ данной газетѣ. Кстати сказать, шумъ, поднятый Вейландомъ, не только возстановилъ права Appeal to Rea-

son, но и далъ ей 340 тыс. новыхъ подписчиковъ.

Этотъ, повидимому, странный инцидентъ, по извѣстной пословицѣ— нѣтъ дыма безъ огня, далъ поводъ нѣкоторымъ любопытнымъ людямъ задуматься надъ вопросомъ, почему это товарищъ министра старался парализовать дѣятельность соціалистической прессы.

„Совѣсть не чиста",—сдѣлали они предположеніе и начали наблюдать и изслѣдовать.

Вскорѣ нашли ниточку, а по ней добрались и до клубочка. Оказалось, что усердный администраторъ торговалъ мѣстами въ почтовомъ вѣдомствѣ и потому то, а вовсе не потому, что онъ былъ администраторомъ, ему была непріятна соціалистическая пресса, отличающаяся откровенностью.

Однако, камни преткновенія, въ томъ числѣ и подводные, вродѣ указаннаго, и не многочисленны и не опасны для американскихъ газетъ, и онѣ спокойно дѣлаютъ свое важное дѣло, служа просвѣщенію, и развитію массъ, являясь выразителями общественнаго мнѣнія и раскрывая непорядки и злоупотребленія, все равно, производятся ли они высоко — или низкопоставленными лицами. Что подобныя разоблаченія исходятъ не изъ того лагеря, къ которому принадлежатъ виновные, нисколько не измѣняетъ сути дѣла, такъ какъ я говорю о газетахъ вообще.

Переходя къ еженедѣльнымъ изданіямъ, я прежде всего долженъ отмѣтить чрезвычайную ихъ распространенность въ С. Ш. Американецъ настойчиво работаетъ изо дня въ день, такъ что въ будни у него найдется лишь столько свободнаго времени, чтобы пробѣжать ежедневную газету. Чтенію того, что дѣлается по его спеціальности или что особенно интересуетъ его, онъ можетъ посвящать только воскресенья. Этимъ требованіямъ удовлетворяетъ еженедѣльная газета, въ которой текущія событія являются отобранными, провѣренными, классифицированными и въ значительной степени обработанными.

Лично я считаю еженедѣльныя газеты наиболѣе цѣлесообразными, наиболѣе пригодными для разумнаго чтенія и желаю распространенія ихъ въ Россіи въ такихъ же размѣрахъ, въ какихъ онѣ распространены въ С. Ш. Къ этому пожеланію можно прибавить еще одно—объ улучшеніи русскихъ еженедѣльныхъ журналовъ.

Если вы возьмете самый распространенный и самый богатый изъ русскихъ еженедѣльныхъ журналовъ и сравните его, положимъ, съ Harper's Weekly, подписная цѣна и количество подписчиковъ котораго совершенно такія же, то вы будете поражены огромной разницей въ пользу американскаго изданія; литературное достоинство, содержательность и разнообразіе предметовъ текста, богатство и изящество рисунковъ—все это на сторонѣ американца. Подобное сравненіе вызываетъ въ васъ чувство, близкое къ обидѣ, и вы утѣшаете себя только мыслью о томъ, что русскіе—молодая нація... Плохое утѣшеніе, такъ какъ американцы гораздо моложе русскихъ!..

Изъ числа лучшихъ недѣльныхъ американскихъ журналовъ съ общимъ содержаніемъ русскимъ читателямъ можно указать на только что упомянутый Harper's Weekly (4 долл. въ годъ), Leslie's Weekly (4 д. въ годъ), Saturday Evening Post (2 д. въ г.) и Collier's Weekly (5 д. въ г.).

Если въ ежедневныхъ американскихъ газетахъ васъ поражаетъ разнообразіе направленій, то въ еженедѣльныхъ вы встрѣчаетесь съ неменьшимъ разнообразіемъ спеціальностей. Каждое выдающееся теченіе общественной мысли, каждая наука, профессія, ремесло имѣютъ своихъ представителей въ числѣ еженедѣльныхъ изданій. И какихъ только спеціальностей вы здѣсь ни встрѣтите!

И по ковкѣ лошадей, и по фабрикаціи сапогъ, и по содержанію кладбищъ въ порядкѣ, и журналъ для паровозныхъ кочегаровъ, и газета для хозяевъ отелей, и журналъ для кучеровъ и содержателей наемныхъ экипажей, и раскрыватель поддѣлокъ, но всего не перечесть. Особенно блестяще представлено сельское хозяйство, и я насчиталъ 80 слишкомъ болѣе или менѣе крупныхъ американскихъ еженедѣльныхъ журналовъ, посвященныхъ земледѣлію.

Большинство недѣльныхъ изданій весьма дешевы—отъ 50 центовъ до 3 долларовъ въ годъ; стоящія 4—5 д. являются исключеніями.

Въ числѣ ихъ имѣется нѣсколько такихъ, которыя занимаются обозрѣніемъ другихъ журналовъ и новинокъ литературы, искусства, науки и промышленности въ С. Ш. и заграницей. Наилучшими изъ нихъ можно считать Independent (2 д.), Literary Digest (3 д.) и Outlook (3 д.).

Распространенное въ Россіи мнѣніе о томъ, будто С. Ш. — страна исключительно практическихъ знаній и будто наукѣ здѣсь отведено одно изъ послѣднихъ мѣстъ, должно быть въ значительной мѣрѣ измѣнено и смягчено. Конечно, американская наука не стоитъ такъ высоко, какъ въ Германіи, можетъ быть даже,—какъ во Франціи, но, во всякомъ случаѣ, она стоитъ не ниже англійской и выше русской. Въ этомъ насъ убѣждаетъ и взглядъ на научные американскіе журналы, которыхъ насчитывается болѣе 30, не считая медицинскихъ. Впрочемъ, въ въ это число мною включены также мѣсячныя изданія, и этимъ я дѣлаю переходъ къ послѣднимъ.

Среди огромнаго количества американскихъ мѣсячныхъ журналовъ я не знаю ни одного такого, который былъ бы похожъ своимъ содержаніемъ на русскіе журналы. Въ каждомъ русскомъ журналѣ вы обязательно найдете и беллетристику, и публицистику, и критику и библіографію (еслибы я былъ золъ, то прибавилъ бы и, обязательно, статью объ Ирландіи). Въ американскихъ журналахъ эти категоріи статей не смѣшиваются. Существуютъ жуналы, въ которыхъ помѣщаются исключительно беллестристическія произведенія, другіе заняты преимущественно публицистикой, третьи — критикой, четвертые—библіографіей.

Изъ числа лучшихъ журналовъ первой группы можно указать Cosmopolitan (1 д. въ г.), Mc. Clures's Magazine (1 д. въ г.), Leslie's Monthly Magazine (1 д. въ г.), Chautaquan (2 д. въ г.), Lippincot's Magazine ($2^1/_2$ д. въ г.), Scribner's Magazine (3 д. въ г.), Century Magazine (4 д. въ г.), Harper's Magazine (4. д. въ г.). Слово—magazine, какъ и въ Англіи, употребляется въ Америкѣ для обозначенія журнала.

Содержаніе этихъ магазиновъ обыкновенно представлено коротенькими разсказами (short stories). Иногда, вѣрнѣе сказать, въ нѣкоторыхъ журналахъ, печатаются и большіе романы (serial stories). Въ послѣднемъ случаѣ большинство журналовъ печатаютъ въ каждомъ номерѣ синопсисъ появившагося въ предыдущихъ номерахъ, такъ чтобы можно было начинать подобный романъ откуда угодно.

Правду говоря, читатель вслѣдствіе этого только выигрываетъ, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ романы эти весьма плохи. Впрочемъ, вы можете и не довѣрять моему приговору: я знакомъ только съ началами немногихъ изъ нихъ и, признаюсь откровенно, ни одного не прочелъ до конца...

Что касается мелкихъ разсказовъ, то имъ нельзя отказать въ талантливости изложенія и занимательности сюжета, но не ищите въ нихъ того, что русскій читатель называетъ идеей. Все это — милые пустячки, которые пріятно читать послѣ обѣда, на сонъ грядущій или въ ожиданіи, пока закипитъ вода въ чайникѣ.

Интересною частью общихъ американскихъ журналовъ является описаніе путешествій. Американцы—народъ въ высшей степени подвижной. Ихъ можно найти въ качествѣ купцовъ, комиссіонеровъ, миссіонеровъ, корреспондентовъ во многихъ изъ наиболѣе глухихъ угловъ міра, и потому матеріалъ этого рода въ американскихъ журналахъ неизсякаемъ.

Печатаются въ нихъ и стихотворенія. Самымъ выдающимся достоинствомъ ихъ является краткость. Что же касается формы и, въ особенности, содержанія, то они, если это только возможно, стоятъ даже ниже произведеній русскихъ рядовыхъ поэтовъ.

Все увеличивающееся число богатыхъ людей въ С. Ш. и развивающееся среди нихъ стремленіе копировать европейскую аристократію вызвало къ жизни особое теченіе въ американской періодической литературѣ, которое можно назвать „пшютскимъ", если только коренное словцо не слишкомъ устарѣло. Раньше представителемъ его изъ мѣсячныхъ журналовъ являлся Smart Set (въ переводѣ—серія бойкихъ разсказовъ) (3 д. въ г.), но недавно въ этотъ лагерь перешелъ и Munsey's Magazine (1 д. въ г.). Въ нихъ помѣщаются исторіи изъ фешенебельной жизни, пересыпанныя кстати и некстати приведенными французскими словами и выраженіями, и, кромѣ того, въ каждомъ номерѣ обязательно имѣется одинъ разсказъ на французскомъ языкѣ.

Изъ числа публицистическихъ журналовъ можно указать World's Work (3 д. въ г.), North American Review (5 дол. въ годъ), Forum (4 раза въ годъ, 2 д.); сюда же можно отнести и Atlantic Monthly, хотя въ послѣднее время въ немъ и начали печататься по два разсказа въ каждой книжкѣ. Мнѣ особенно нравятся первые два журнала. World's Work болѣе интересуется американской жизнью, Nort American Review вопросами международнаго характера въ областяхъ политики, соціологіи и политической экономіи. Собственно говоря, этимъ журналамъ слѣдовало бы помѣняться названіями, такъ какъ первое значитъ—міровая работа, а второе — сѣверо-американское обозрѣніе.

Въ числѣ критическихъ журналовъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Current Literature (3 д. въ г.), во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный журналъ, затѣмъ,—Critic (2 д. въ г.).

Библіографическіе журналы представлены Booklover's Magazine (3 д. въ г.), Booklover (2 д. въ г.), Bookman (2 д. въ г.), Book World (1 д. въ г.) и Book News (50 ц. въ г.).

Бросая общій взглядъ на необъятное море американской періодической печати, вы не можете не замѣтить одной характерной черты, свойственной всѣмъ, безъ исключенія, ея представителемъ—свѣтлаго, радостнаго настроенія, бодраго и бодрящаго оптимизма. Такова и американская жизнь, которую литература отражаетъ.

Какой огромный контрастъ въ этомъ отношеніи съ произведеніями русской періодической печати! Содержаніе послѣдней вводитъ васъ въ какія-то необъятныя тюрьмы, застѣнки, сумасшедшіе дома, больницы для душевно и нервно-больныхъ, кабаки, воровскіе притоны... Постороннему человѣку невозможно повѣрить, чтобы это изображалась жизнь цѣлой огромной націи, имѣющей много данныхъ для того, чтобы сдѣлаться великой. Въ самомъ дѣлѣ, въ произведеніяхъ послѣднихъ русскихъ писателей высшіе классы представлены въ видѣ какихъ то неврастениковъ, хроническихъ алкоголиковъ и дѣтей таковыхъ—инертныхъ, безвольныхъ, съ которыми можно дѣлать что угодно и которые могутъ дѣлать что угодно, если только имъ посулить основательную выпивку и солененькую закуску. Низшіе классы рисуются въ

видѣ какихъ-то жалкихъ полулюдей—полузвѣрей, дикихъ, темныхъ, грязныхъ, бьющихъ женъ, истязающихъ дѣтей, дерущихся другъ съ другомъ, мечтающихъ тоже, какъ о высшемъ наслажденіи, о косушкѣ водки....

Американцы называютъ это „направленіе" русской литературы morbid, т. е. нездоровымъ. Но, само собой разумѣется, этого нездоровья нельзя поставить на счетъ литературѣ, потому что, какъ я выразился въ началѣ этой статьи, литература—словесная фотографія души народной. До чего могутъ опуститься люди, до чего можетъ опуститься цѣлый народъ! Какъ сильно, какъ радикально нужно измѣнить условія русской общественной жизни, какъ много еще придется поработать лучшимъ представителямъ этого общества, пока въ странѣ разовьется хоть десятая часть того „солнечнаго" настроенія, того оптимизма, какой наблюдается въ Америкѣ.

Тѣмъ, кто усталъ душой, кто хочетъ отдохнуть, запастись спокойствіемъ и энергіей, такъ необходимыми для работы, можно смѣло совѣтовать знакомиться съ лучшими образцами американской періодической литературы.

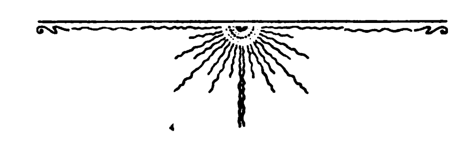
Однако, отъ жизни не такъ легко уйти, какъ это кажется. Такое знакомство снова заставитъ русскую мысль заработать въ излюбленномъ ею и вполнѣ естественномъ направленіи. Вспомнится и то, что до сихъ поръ еще раздаются голоса, „не довольно ли намъ, господа, тѣхъ газетъ и журналовъ, которые у насъ есть"? Не ускользнетъ отъ вниманія и то, что Россія, какъ государство, существуетъ въ три раза дольше, чѣмъ С. Ш., что населеніе ея почти въ два раза многочисленнѣе, чѣмъ въ послѣдней странѣ, что она находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Западной Европой, культура которой заимствована и Америкой, и потому можно было бы надѣяться найти въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ два раза болѣе періодическихъ изданій, чѣмъ въ С. Ш. Нельзя также не замѣтить, что „дѣйствительность превосходитъ всѣ самыя смѣлыя ожиданія", что періодическихъ изданій въ Россіи до невозможности мало, что число ихъ въ послѣднее время не увеличивалось, а уменьшалось, что еще не далѣе, какъ вчера радѣтели о благѣ земли русской открыто ставили своимъ девизомъ „чтобъ зло пресѣчь—всѣ книги надо взять да сжечь". И возникнутъ въ воображеніи картины, какъ, дѣйствительно, еще недавно произведенія печати сжигались, точно въ средніе вѣка; какъ несчастныя рукописи испещрялись кровавыми полосами, словно слѣдами отъ плети палача; какъ изъ книжекъ журналовъ вырывались цѣлыя статьи, точно уши и ноздри у пытаемыхъ...

Но „гони природу въ дверь, она летитъ въ окно"...

Весна... Выставляется первая рама,
И въ комнату шумъ ворвался..

Ѳ. Крыштофовичъ.

Ioamosa, California

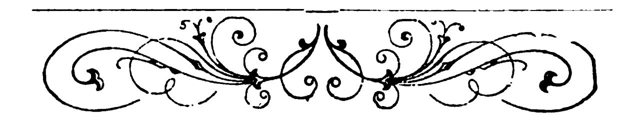

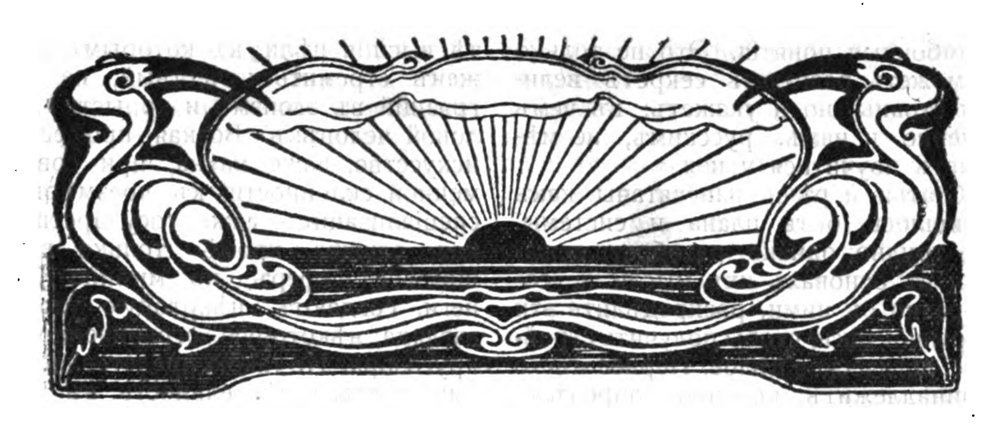
Жертва.

Лязгъ металла, визгъ и рокотъ,
    И приводовъ ровный шопотъ...
Свистъ мѣховъ, колесъ жужжанье,
    Пилъ блестящихъ скрежетанье...
Старый токарь у станка
    Лишь одинъ не слышитъ шума:
Дума, сумрачная дума
    Захватила старика.
Мысль за мыслью вереницей,
    Точно птица вслѣдъ за птицей,—
Затуманивая умъ,
    Съ быстротой колесъ машинныхъ
Пролетаютъ. На одинъ мигъ
    Отрѣшиться бы отъ думъ!..
Не уйти отъ нихъ. Сурово
    Грозный призракъ нищеты
Наложилъ свои оковы
    На желанья и мечты.
—Старъ я... Силы ослабѣли...
    Былъ знатокъ я, спорокъ въ дѣлѣ...
Скоро буду брошенъ я,
    Какъ негодный голый вѣникъ...
Безъ работы жить, безъ денегъ...
    Ахъ, семья моя, семья!..
Тяжело быть нынѣ старымъ—
    Тьма, нужда со всѣхъ сторонъ...

Но... Есть выходъ... Вѣдь не даромъ
Каждый перстъ мой оцѣненъ.
Человѣкъ я стойкій, смѣлый,
А руки не жаль мнѣ лѣвой...
Мысль извѣстна и проста!
Только... правая дороже...
Ты простишь мнѣ грѣхъ мой, Боже,
И молитву безъ креста...—
Стукъ и грохотъ. Лязгъ металла.
Ровный шумъ колесъ, ремней...
На душѣ такъ темно стало...
На умѣ—того темнѣй...
И съ рѣшимостью во взорѣ,
Съ сердцемъ, замершимъ отъ горя,
Тихо крестится старикъ...
Шагъ печальный неминуемъ...
Долгимъ, долгимъ поцѣлуемъ
Онъ къ рукѣ своей приникъ...
Подъ напоромъ скрытой силы
Шестерни, колеса, пилы
Быстро движутся, стуча...
Горячо идетъ работа...
У станка вопитъ ужъ кто-то:
—Гей—вы!.. мастера... врача!.. —

И. Мордвиновъ.

Эндрю Карнеги

объ этикѣ торговаго дѣла и отношенiи между трудомъ и капиталомъ.

З. Рагозиной.

Есть поистинѣ „крылатыя слова“. Сорвется слово, иной разъ нечаянно, съ устъ или пера, и какъ на крыльяхъ облетитъ весь кругъ земной,—оттого ли, что оно мѣтко и сжато выражаетъ какую-нибудь новую или старую истину, или оттого, что оно служитъ ключемъ къ дѣятельности и взглядамъ замѣчательнаго почему либо лица.

Такое слово произнесъ Эндрю Карнеги, извѣстный американскiй миллiонеръ-благотворитель, избравшiй себѣ спецiальность, до него сравнительно мало обращавшую на себя вниманiе, а именно—насажденiе библiотекъ, открытыхъ безплатно для всѣхъ, но особенно приспособленныхъ къ нуждамъ рабочаго человѣка, ищущаго въ самообразованiи путей къ высшей, болѣе широкой жизни. Карнеги какъ то сказалъ, что „величайшее счастье для человѣка родиться бѣднымъ и стыдно умереть богатымъ“.

Парадоксальная по формѣ фраза Карнеги получитъ полную осмысленность, если внимательно прослѣдить рѣчи,—безъискусственныя, но полновѣсныя, какъ характеръ самого замѣчательнаго шотландца,—которыя онъ при разныхъ случаяхъ говорилъ за послѣднiя двадцать лѣтъ, обращаясь то къ рабочимъ, по поводу открытiя какой нибудь подаренной имъ библiотеки, то къ молодымъ людямъ, вступающимъ на „дѣловое“ поприще, то на какомъ нибудь банкетѣ, и пр. Эти рѣчи составляютъ половину изданнаго съ его разрѣшенiя и уже переведеннаго на всѣ почти европейскiе языки сборника, въ который вошли еще разныя статьи экономическаго содержанiя, по главнымъ вопросамъ текущей американской внутренней и внѣшней политики. Но эти статьи имѣютъ скорѣе спецiальное, отчасти мѣстное значенiе, тогда какъ рѣчи и совѣты Карнеги будутъ равно интересны и должны принести одинаковую пользу вездѣ, гдѣ люди занимаются торговлей, предпрiятiями мануфактурствомъ, словомъ — „дѣлами“, знакомя съ тѣмъ, что можно бы назвать „американскими дѣловыми идеалами“, о которыхъ имѣются вообще неясныя и чаще всего

ошибочныя понятія. Это не только поможетъ разгадать секретъ величія страны, но и укажетъ, въ чемъ именно и намъ, русскимъ, не мѣшаетъ поучиться у нея.

Статьи и рѣчи напечатаны какъ пришлось, безъ плана и системы. Не трудно, однако, разобрать лежащія въ основахъ ихъ мысли и, сообразно съ ними, распредѣлить эти отрывки такъ, чтобы получить стройное, логическое цѣлое. Первое мѣсто принадлежитъ, конечно, опредѣленію того, что авторъ разумѣетъ, въ строгомъ смыслѣ, подъ названіемъ, business, т.-е. самостоятельнаго „дѣла", и его мыслямъ о трехъ основныхъ факторахъ дѣловой дѣятельности: капиталѣ, трудѣ и руководящей умственной силѣ. Въ прямой связи съ этимъ слѣдуютъ мысли о взаимныхъ обязанностяхъ рабочихъ и капиталистовъ, о цѣляхъ и правильномъ употребленіи богатства,—наконецъ, совѣты „какъ приступить къ тому, чтобы составить состояніе, и наставленія молодымъ людямъ, вступающимъ на дѣловое поприще.

И такъ, прежде всего, какъ понимать слово „дѣло"? (*business.*) „Можно ли", спрашиваетъ Карнеги, „желѣзнодорожнаго или банковаго директора, или другое лицо, получающее содержаніе или жалованіе, назвать „дѣльцомъ"? Въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ. Для этого нужно быть, по меньшей мѣрѣ, компаньономъ или пайщикомъ. Доходъ долженъ зависѣть не отъ жалованія, а отъ прибыли, которую приноситъ данное „дѣло". На жалованіи, какъ бы оно высоко ни было, не нажить состоянія, а къ этому стремится каждый дѣлецъ". Мѣсто на жалованіи, это—нормальное начало почти всякой дѣловой карьеры,—и только.

Исходя съ этихъ основныхъ положеній, Карнеги считаетъ полезнымъ развернуть передъ начинающими картину того міра, въ который они вступаютъ, указать имъ наиболѣе благородныя стороны его, тѣ высшія цѣли, къ которымъ долженъ стремиться честный, не погрязшій въ эгоизмѣ и корысти дѣловой человѣкъ. Всякая профессія, искусство, даже наука, при современной склонности къ чрезмѣрной спеціализаціи,—даже государственная служба, кромѣ только высшихъ ея сферъ, по мнѣнію Карнеги, создаютъ нѣкоторую узость взгляда, нѣкоторую ограниченность кругозора. Не такою представляется ему дѣловая дѣятельность въ широкомъ смыслѣ. Коммерсантъ, крупный дѣлецъ по необходимости долженъ пріобрѣсти разнообразнѣйшія знанія, всеобъемлющій кругозоръ. Онъ долженъ знать все, что не только имѣетъ значеніе въ настоящемъ, но даетъ возможность отчасти предусмотрѣть и будущее. Для него недостаточно основательное изученіе собственнаго отечества. Во всемъ мірѣ ничего не можетъ случиться, что осталось бы безъ вліянія на его соображенія, его образъ дѣйствій. Политическія осложненія въ Турціи, появленіе холеры на Востокѣ или картофельной болѣзни въ Европѣ,—паденіе министерства,—возможность войны,—нѣтъ такого явленія въ мірѣ, которое не отозвалось-бы на немъ. Никакая другая дѣятельность не требуетъ и не развиваетъ такой многосторонности, столько умѣнья распознавать людей, такой быстрой сообразительности и многихъ другихъ изъ самыхъ рѣдкихъ и цѣнныхъ свойствъ ума и характера.

При всемъ томъ Карнеги признаетъ, что всѣ другія поприща стоятъ неизмѣримо выше въ одномъ отношеніи, а именно въ томъ, что пріобрѣтеніе денегъ не составляетъ ихъ главной цѣли; „дѣловая же карьера, превратно понятая, грязнѣе всякаго грязнѣйшаго промысла". Таковы подлинныя слова милліонера. У художника, проповѣдника, врача деньги на второмъ планѣ, и это одно ставитъ ихъ выше того милліонера, „который до глубокой

старости, до края гроба, выбивается изъ силъ единственно изъ желанія—къ накопленной кучѣ прибавить еще нѣсколько жалкихъ долларовъ. „Обязанность человѣка,—еще и еще повторяетъ учитель,—вовсе не въ томъ, чтобы накопить милліоны, поставивъ себѣ это конечной цѣлью: тутъ еще нѣтъ ничего похвальнаго. Постыдно сдѣлаться подъ старость рабомъ такой низкой страсти. И никогда не станетъ жертвой ея тотъ, кто постоянно помнилъ, что богатство есть святое, ввѣренное ему добро, которое онъ обязанъ употреблять на пользу людямъ,— что онъ, обезпечивъ себѣ почетную независимость, долженъ не только помочь сосѣду, которому не такъ улыбнулось счастье, а и сдѣлать что нибудь на пользу страны, въ благодарность за все, чѣмъ онъ отъ нея пользуется.

Коммерсантъ или крупный „дѣлецъ“ (*business man*) лучшаго типа весьма скоро возвышается надъ уровнемъ простого труженика изъ-за однихъ денегъ. Какъ только онъ достигнетъ приличнаго обезпеченія для себя и своихъ,—а эта первая, обязательная цѣль достигается весьма скоро, если онъ работалъ сколько нибудь умѣло,—передъ нимъ начинаютъ раскрываться другія, уже общеполезныя стороны его дѣятельности. Онъ начинаетъ сознавать, что содѣйствуя развитію натуральныхъ богатствъ своего отечества, доставляя работу тысячамъ людей, поддерживая и эксплоатируя полезныя изобрѣтенія и открытія, онъ приноситъ пользу въ постепенно расширяющейся области. Фабрикантъ находитъ свой главный интересъ и наибольшее удовлетвореніе въ благосостояніи служащихъ у него, въ усовершенствованіи своихъ фабрикатовъ и техническихъ процессовъ, а получаемой прибылью онъ дорожитъ больше всего, какъ доказательствомъ того, что *онъ правъ*, не ошибся ни въ чемъ. Наконецъ, всякое „дѣло“, *business*—имѣетъ и поэтическую сторону. Тотъ молодой человѣкъ, который этой стороны не замѣчаетъ, можетъ быть увѣренъ, что вина въ немъ самомъ, не въ „дѣлѣ“ „Представьте себѣ только“,—обращается Карнеги къ своимъ слушателямъ,—всѣ чудеса и тайны, связанныя съ новѣйшимъ развитіемъ безплотнѣйшей изо всѣхъ физическихъ силъ, — электричества, до недавняго времени столь мало извѣстной и до сихъ поръ еще столь мало понятой! Поистинѣ, тупъ и до мозга костей прозаиченъ молодой человѣкъ, который, имѣя дѣло съ электричествомъ въ какомъ бы то ни было видѣ, не поднимется духомъ отъ рутинной работы въ сферу высшихъ таинствъ природы!! Касса въ дѣлѣ не все; доллары, это только оболочка, скорлупа; жизненное ядро лежитъ гораздо глубже, и наслажденіе доставляетъ главнымъ образомъ развитіе постоянно вызываемыхъ и изощряемыхъ такой дѣятельностью высшихъ способностей. Съ желаніемъ наживы соединяется стремленіе къ прогрессу, къ улучшенію методовъ, къ научному совершенствованію. Дивидендъ измѣряется не одними долларами; вмѣстѣ съ послѣдними получается дивидендъ высшаго сорта, — сознаніе успѣха въ томъ, чему человѣкъ посвятилъ свою жизнь, свои силы.

„Съ полнымъ убѣжденіемъ“,—повторяетъ Карнеги въ другой рѣчи,—„могу утверждать, что въ дѣловой карьерѣ есть просторъ для развитія и проявленія высшихъ способностей и всѣхъ хорошихъ качествъ, лежащихъ въ человѣческой натурѣ... Знаю и то, что прочный успѣхъ достигается прямымъ и честнымъ образомъ дѣйствій, въ соединеніи съ безпорочнымъ образомъ жизни: стоитъ проявить легкомысліе, неблагонадежность въ словахъ и поступкахъ, возбудить подозрѣніе своими привычками, или подавно- -какими нибудь не совсѣмъ честными уловками, чтобы сразу лишиться довѣрія и—кредита...

„Да, дѣловая карьера есть стро-

гая школа всѣхъ добродѣтелей. За то она, въ видѣ высшей награды, часто сулитъ нѣчто, чего не можетъ дать одна другая, а именно—возможность творить добро въ наивысшемъ смыслѣ и въ широчайшихъ размѣрахъ: кому, какъ не такимъ дѣятелямъ, мы обязаны почти всѣми нашими университетами, высшими учебными заведеніями, библіотеками"?.. Карнеги признаетъ, что есть не мало богачей, которые дѣлаютъ изъ своихъ милліоновъ дурное употребленіе, или вовсе никакого,—сами ведутъ жизнь убогую и послѣднія силы напрягаютъ, чтобы къ нажитому еще нажить,—и къ таковымъ онъ относится съ полнымъ презрѣніемъ, но предлагаетъ забыть о нихъ (какъ и потомство забудетъ о ихъ безслѣдномъ существованіи), ради большинства разбогатѣвшихъ тружениковъ, которые на избытокъ своего богатства смотрятъ, какъ на общественное достояніе, а на себя, какъ на хранителей его, обязанныхъ распредѣлить его съ наибольшей для общества пользою.

Почти съ неменьшей строгостью, чѣмъ объ эгоистахъ-сибаритахъ и о скрягахъ, Карнеги отзывается о тѣхъ богачахъ, которые дѣлятся съ обществомъ своими милліонами только, когда они въ нихъ сами не нуждаются, т.-е. не могутъ рѣшиться при жизни разстаться съ тѣмъ, что въ сущности болѣе не имѣетъ для нихъ цѣны, такъ какъ, далѣе извѣстной цифры, никакіе милліоны не могутъ своимъ обладателямъ принести ничего, кромѣ заботъ и головоломнаго труда—завѣщать по смерти болѣе или менѣе значительныя суммы на разныя благотворительныя или воспитательныя цѣли.—Это такая щедрость, которая по мнѣнію Карнеги не дѣлаетъ особенной чести завѣщателю, да и рѣдко приноситъ ожидаемую имъ пользу: завѣщаніе оспаривается родными, хотя бы имъ отказана была львиная доля состоянія, отмѣняется судомъ совсѣмъ или отчасти, наживаются главнымъ образомъ адвокаты, а если и выполняется воля покойнаго, то далеко не въ томъ размѣрѣ, какой онъ имѣлъ въ виду. Наконецъ, завѣщатель лишаетъ себя величайшаго наслажденія: самому слѣдить, какъ возникаетъ задуманное имъ благое дѣло, самому распоряжаться всѣмъ согласно своимъ идеаламъ и желаніямъ, и любоваться еще при жизни плодами насаженнаго имъ дерева.

Вотъ что имѣлъ въ виду этотъ практическій идеалистъ, говоря, что „стыдно человѣку умереть богатому".

Молодыхъ людей, вступающихъ въ дѣйствительную жизнь, трудно было напутствовать болѣе благородными совѣтами, водрузить передъ ними болѣе возвышенные идеалы. И нѣтъ сомнѣнія, что эти идеалы представляютъ не личное изобрѣтеніе оратора, а народные взгляды на здравую, честную практическую дѣятельность, и примѣнимы не къ однимъ только милліонерамъ, а и ко всякому, кто стремится пріобрѣсти или уже пріобрѣлъ на дѣловомъ поприщѣ болѣе или менѣе крупное состояніе; этими идеалами огромное большинство въ очень значительной мѣрѣ дѣйствительно руководится. Нужды нѣтъ, что добрыхъ десять процентовъ богачей имъ измѣняютъ, не помышляя объ общемъ благѣ, и милліоны свои употребляютъ только для собственнаго удовольствія и какъ орудіе для наживанія, правдами и неправдами, новыхъ милліоновъ. Судить о народѣ должно по идеаламъ, которые онъ самъ себѣ ставитъ, при томъ Карнеги проповѣдуетъ лишь то, что самъ исполняетъ.

Не менѣе здравымъ, справедливымъ духомъ проникнуты бесѣды его съ рабочими, его разсужденія о взаимномъ отношеніи капитала и труда, *какими имъ надлежитъ быть* для обоюднаго блага, и для охраны еще третьей стороны. о пра-

вахъ которой оба слишкомъ часто забываютъ, поглощенные своими безконечными препирательствами, а именно—публики, общества, потребителей.

Во всякомъ дѣловомъ предпріятіи Карнеги признаетъ три основныхъ, одинаково важныхъ фактора: 1) Капиталъ; это—кровь; безъ него никакое предпріятіе невозможно; 2) Руководящій умъ; это—мозгъ; безъ него капиталъ—мертвая матерія; 3) Трудъ; это—мышцы; безъ него самое умно задуманное дѣло, располагающее всѣми нужными средствами, не двинется съ мѣста.

Напрасно ломаютъ себѣ голову и пишутъ безчисленные томы, чтобы рѣшить то съ отвлеченной, то съ практической точки зрѣнія, который изъ трехъ компаньоновъ важнѣе другихъ, которому подобаетъ наибольшій почетъ и вознагражденіе. Отвѣта никогда не найдутъ, потому что вопросъ неправильно поставленъ, такъ какъ всѣ трое въ равной степени необходимы и почтенны. Это—три ножки табурета: отбей одну,—на другихъ двухъ стоять не будетъ. Сильно ошибается капиталъ, воображая, что его ножка важнѣе, но и трудъ ошибается не меньше, требуя, чтобы за нимъ признавали первенство. Каждый изъ трехъ факторовъ, самъ по себѣ, одинаково безсиленъ, а соединившись, они творятъ чудеса современной техники, мѣняющей лицо земли и весь строй жизни на ней, и тотъ человѣкъ—опаснѣйшій врагъ всѣмъ троимъ, который сѣетъ между ними раздоръ, обостряя неизбѣжныя подчасъ недоразумѣнія и столкновенія до взаимной ненависти и постоянной подозрительности.

Законъ компенсаціи—одинъ изъ самыхъ безпощадныхъ. Если одинъ конецъ балки поднимается, другой непремѣнно опускается. Если съ одной стороны выиграемъ, съ другой непремѣнно хоть что-нибудь да потеряемъ. Вопросъ въ томъ: что цѣннѣе,—то, что выиграно, или то что потеряно, иными словами—больше-ли выиграно, чѣмъ потеряно или наоборотъ. Это съ большой искренностью признаетъ Карнеги по отношенію къ перевороту, произведенному за послѣдніе полвѣка въ экономическомъ и бытовомъ строѣ жизни громаднымъ расширеніемъ промышленнаго производства, съ централизаціей власти и капитала. Матерьяльный выигрышъ для всего общества—огромный, главнымъ образомъ отъ возможнаго при такихъ условіяхъ удешевленія, стало быть, большей общедоступности,—предметовъ первой необходимости и даже многихъ предметовъ роскоши, вслѣдствіе чего жизнь небогатаго большинства и даже отчасти бѣднаго люда несравненно легче и краше, нежели была сто лѣтъ назадъ. Съ другой стороны, потеря, чисто нравственная, тоже очень велика; она заключается въ отчужденіи между „хозяиномъ“ и его рабочимъ, перешедшемъ во взаимное непониманіе, а затѣмъ—озлобленіе и враждебность, въ концѣ, приведшемъ къ тому плачевному состоянію глухой борьбы, со вспышкой открытой войны, которое раздираетъ наши общества подъ названіемъ „рабочаго вопроса“.

„Очень прискорбно,—начинаетъ Карнеги рѣчь своимъ рабочимъ, по поводу открытія подаренной имъ библіотеки,—„что неотразимое влеченіе нашего вѣка въ сторону крупныхъ эксплоатацій, требующихъ труда тысячей людей, ставитъ владѣльца въ невозможность, даже если онъ живетъ поблизости фабрики или завода, такъ близко знакомиться со своими служащими, какъ это было можно при прежней системѣ небольшихъ предпріятій. Отношенія въ то время несомнѣнно были много сердечнѣе... Хозяинъ имѣлъ полную возможность основательно узнать каждаго изъ своихъ служащихъ, оцѣнить его достоинства, какъ человѣка и какъ работника. Съ другой стороны, и рабочій больше зналъ о

дѣлахъ своего хозяина, принималъ сердечное участіе въ его заботахъ и трудахъ, наконецъ,—что всего важнѣе,—тоже знакомился съ личными его качествами. Теперь не то. Рабочіе сдѣлались для владѣльца больше живыми машинами, а онъ для нихъ сталъ какимъ то миѳомъ. Это крайне прискорбно, съ какой стороны ни смотрѣть, но я не вижу, чѣмъ-бы можно помочь горю"

Дѣйствительно, духъ времени, т. е. свободное дѣйствіе экономическихъ силъ, все неудержимѣе вынуждаетъ къ производству въ большихъ размѣрахъ, съ машинами и помѣщеніями, стоящими милліоны, а такое производство возможно только при сосредоточеніи средствъ въ немногихъ рукахъ. Успѣхъ зависитъ отъ распредѣленія расходовъ на возможно большее число или количество фабрикатовъ. Фабрикантъ далеко не всегда по собственному желанію увеличиваетъ производство своей фабрики, а вынужденъ къ тому конкурренціей: если онъ будетъ производить меньше сосѣда, то долженъ будетъ продавать по болѣе высокой цѣнѣ, и у него перестанутъ покупать,—онъ разорится. При такихъ условіяхъ болѣе близкія личныя отношенія къ рабочимъ невозможны. Владѣльцу остается стараться о возстановленіи прежнихъ дружескихъ отношеній заботливостью о благосостояніи своихъ рабочихъ, о ихъ здоровіи, и обученіи ихъ дѣтей, доставленіемъ имъ возможно большихъ удобствъ съ наименьшей денежной тратой, и пр. „Во всякомъ случаѣ", говоритъ Карнеги,—„меня радуетъ то, что у насъ начинаетъ пробуждаться сознаніе извѣстныхъ обязанностей къ рабочимъ,—т. е. сверхъ платы жалованія". Но онъ самъ признаетъ такія мѣры только палліативными и видитъ возможность настоящаго сближенія, съ устраненіемъ пагубной взаимной подозрительности и недоброжелательства, лишь въ томъ, чтобы рабочаго снова, хотя и другими противъ прежняго способами, пріобщить къ самому дѣлу. Матерьяльно заинтересованный, онъ и нравственно иначе отнесется къ владѣльцамъ, по прежнему будетъ „входить въ ихъ положеніе", а одна эта черта совершенно измѣнитъ все отношеніе, предотвратитъ множество столкновеній, происходящихъ именно отъ непониманія этого положенія.

Для этого Карнеги прежде всего считаетъ необходимымъ измѣнить существующее одностороннее отношеніе къ заработной платѣ—жалованію. Пока у рабочаго одинъ выборъ: принять жалованіе, какое ему назначилъ работодатель, или—отказаться отъ работы,—т. е. вмѣстѣ со своими голодать,—онъ будетъ къ этому жалованію относиться подозрительно: „почему, молъ, не больше?. Конечно, изъ жадности". Онъ тутъ видитъ одинъ произволъ. Иногда ошибается и несправедливъ къ „хозяину", но во многихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, правъ, потому что эта система дѣйствительно представляетъ владѣльцу возможность,—а слѣдовательно, и искушеніе—позаботиться о своихъ интересахъ, игнорируя сторону рабочаго въ данной операціи. Карнеги предлагаетъ совершенно отмѣнить разъ установленную норму жалованія. Онъ хочетъ, чтобы жалованіе постоянно мѣнялось, согласно условіямъ даннаго года или даже даннаго заказа.

Теперь каждая сторона старается притѣснить другую, и вслѣдствіе того, въ концѣ, обѣ нерѣдко страдаютъ. Примѣръ: Заводъ ставитъ рельсы по такой-то цѣнѣ. Спросъ на рельсы почему нибудь вдругъ усилился, и заводъ заключаетъ новые контракты по повышеннымъ цѣнамъ. Но въ тоже время, по одному изъ нерѣдкихъ, для непосвященныхъ совершенно непонятныхъ, капризовъ биржи, цѣны на сырой матерьялъ и фрахты на желѣзныхъ дорогахъ повысились еще больше, такъ что, не смотря на выгодные, повидимому, контракты, заводъ цѣ-

лый годъ работаетъ чуть не въ убытокъ. Но рабочій видитъ только то, что за рельсы даютъ больше, и требуетъ прибавки жалованія. Заводъ даетъ ее, потому что контрактъ надо исполнить во что бы ни стало, и—несетъ убытокъ. Но вдругъ рельсы подаютъ въ цѣнѣ, фрахты понижаются, а у заводовъ въ работѣ еще половина контрактовъ по повышеннымъ цѣнамъ. Тутъ-то-бы и прибавить людямъ жалованье, но заводъ, чтобы наверстать прежнюю потерю, напротивъ того, объявляетъ сбавку. Рабочіе, видя опять-таки, только одну сторону, возмущаются, кричатъ, что ихъ грабятъ,—забастовка!.. И сколько подобныхъ случаевъ обоюдно пагубнаго недоразумѣнія! Необходимо придумать такой планъ, при которомъ жалованіе всегда соразмѣрялось бы получаемымъ заводомъ цѣнамъ: выгоденъ контрактъ, въ цѣнѣ продуктъ, благопріятны фрахтовыя условія,—повысить жалованіе, и наоборотъ. Какъ только будетъ введено это простое правило, интересы у владѣльцевъ и рабочихъ станутъ общіе, и на мѣсто антагонизма наступитъ солидарность. Для этого необходимы частыя совѣщанія между обѣими сторонами; промышленнику будетъ невозможно,—да и цѣли не будетъ,—обманывать рабочаго, а послѣдній не будетъ имѣть повода къ подозрительности.

Въ болѣе далекомъ будущемъ,—такъ какъ на такой переворотъ потребуется немало времени и цѣлая перетасовка всѣхъ условій,—Карнеги предводитъ такой порядокъ, при которомъ къ каждому дѣловому предпріятію будутъ причастны только тѣ, которые, своимъ умомъ или трудомъ, непосредственно участвуютъ въ немъ. Онъ находитъ ненормальнымъ, несправедливымъ, чтобы за деньги, черезъ покупку одной или нѣсколькихъ акцій,—всякій посторонній человѣкъ, ничѣмъ лично не способствующій данному дѣлу, даже ничего въ немъ не смыслящій и нисколько имъ неинтересующійся, получалъ право не только на долю чистой прибыли отъ него, но и на голосъ въ управленіи имъ. Разумнымъ представляется ему такой порядокъ, при которомъ, послѣ реализаціи основного капитала лицами, посвящающими предпріятію свою личную дѣятельность въ качествѣ директоровъ, управляющихъ и другихъ руководящихъ силъ, въ пайщики, въ размѣрахъ средствъ каждаго, допускались бы только „служащіе“, т. е. лица, получающія жалованье за трудовое участіе въ томъ же предпріятіи. Это вполнѣ возможно, ежели каждый служащій,—простой ли рабочій, или искусный мастеръ, или конторщикъ и пр. каждую сбереженную копѣйку будетъ употреблять на пріобрѣтеніе пая въ томъ предпріятіи, въ которомъ онъ служитъ: первые же сбереженные 100, или даже 50 долларовъ уже окупятъ пай, а при предлагаемой новой системѣ приноровленія жалованія къ чистой доходности предпріятія, рабочему не трудно будетъ кое что откладывать отъ еженедѣльной получки, конечно въ такомъ только случаѣ, если онъ, 1) сознаетъ пользу такой маленькой жертвы и выработаетъ въ себѣ надлежащую силу воли и выдержку, и, 2) если онъ не пьетъ, не соблазняется спекуляціей или биржевой игрой въ самамолѣйшихъ размѣрахъ. Такъ какъ Карнеги кромѣ того стоитъ за то, чтобы всѣхъ служащихъ заинтересовывать въ дѣлѣ хотя самымъ малымъ процентомъ (даже до 1/4, 1/8%), то цифра этого возможнаго сбереженія, если и незначительно, однако, замѣтно повысится, а разъ деньги, хотя бы самыя небольшія, не истрачены, а пущены въ работу, въ оборотъ, *(invested)*, они уже сдѣлаютъ свое дѣло, согласно естественнымъ законамъ оборота и приращенія, и чѣмъ больше, тѣмъ быстрѣе. Такимъ образомъ „дѣло“ *(business)* постепенно сосредоточится въ рукахъ тѣхъ, которые создали и поддерживаютъ его соб-

ственными деньгами, собственнымъ трудомъ, собственной мозговой работой; всѣ они будутъ пользоваться плодами его, соразмѣрно своему участію въ немъ, и сама собой установится прежняя общность интересовъ, прежнее взаимное благоволеніе, но на болѣе обширныхъ, болѣе плодотворныхъ и прочныхъ началахъ. Теперь уже рабочіе понемногу привыкаютъ все чаще именно такъ распоряжаться своими сбереженіями и многія хорошо поставленныя компаніи платятъ имъ весьма хорошій дивидендъ. Рабочій же не можетъ дать лучшаго доказательства своей порядочности и благонадежности. Многіе рабочіе скрываютъ отъ хозяевъ цифру своихъ сбереженій. Напрасно. Умный хозяинъ очень дорожитъ бережливымъ рабочимъ и будетъ всячески поощрять его и при случаѣ, по возможности, поможетъ ему повыгоднѣе помѣстить свои маленькіе капиталы.

На основаніи наблюденій цѣлой жизни, съ особеннымъ вниманіемъ обращенныхъ именно въ эту сторону, Карнеги съ полной увѣренностью заявляетъ, что истинная причина столкновеній и недоброжелательства лежитъ, во первыхъ, въ обоюдномъ незнаніи, во вторыхъ вообще въ недостаточномъ знаніи: капиталистъ не знаетъ правъ и справедливыхъ требованій рабочаго; рабочій не знаетъ трудностей и опасностей, съ которыми борется капиталистъ. Близкое знакомство капиталистовъ съ хорошими качествами своихъ служащихъ,—говоритъ онъ въ той же рѣчи, и—нѣкоторая освѣдомленность со стороны рабочихъ объ экономическихъ законахъ, держащихъ капиталистовъ въ желѣзныхъ тискахъ, предотвратили бы или уладили бы многія недоразумѣнія, раздѣляющія людей, одинаково другъ другу необходимыхъ. „Я надѣюсь, что тѣ изъ васъ *(рабочихъ, къ которымъ онъ обращается)*, которые обладаютъ безцѣннымъ свойствомъ—любовью къ чтенію, будутъ тщательно изучать основные законы, отъ которыхъ не уйти ни капиталу, ни труду, и если эта библіотека будетъ мало мальски содѣйствовать этой цѣли, существованіе ея вполнѣ оправдается".

Въ этихъ словахъ вся разгадка страсти Карнеги, доходящей почти до маніи, къ насажденію библіотекъ. Въ облегченіи и распространеніи знанія онъ видитъ главный залогъ скорѣйшаго осуществленія своей завѣтнѣйшей мечты: разрѣшенія такъ называемаго „рабочаго вопроса" единственнымъ, естественнымъ и потому надежнымъ путемъ—примиренія и сближенія капитала и труда черезъ обоюдное пониманіе основной тождественности ихъ интересовъ и, слѣдовательно, необходимости подчасъ взаимныхъ уступокъ. Но онъ отнюдь не считаетъ изученіе однихъ экономическихъ законовъ и явленій достаточнымъ, а признаетъ не менѣе необходимыми свѣдѣнія по всякимъ спеціальнымъ наукамъ, смотря по способностямъ и влеченію каждаго, и отводитъ широкое мѣсто и общеобразовательному чтенію. „Не разъ, говоритъ онъ,—приходилось мнѣ слышать такого рода мнѣніе, будто въ обученіи массъ кроется большая опасность, будто у простого человѣка, вмѣстѣ съ познаніями, явится непремѣнно и недовольство своими скромными, но полезными и необходимыми занятіями. Я всегда долженъ насильно сдерживать себя, чтобы подобныя мнѣнія выслушивать спокойно. Недоразумѣнія между капиталомъ и трудомъ всегда состоятъ въ прямомъ отношеніи къ невѣдѣнію того и другого. Чѣмъ образованнѣе работодавалецъ, тѣмъ лучше; чѣмъ образованнѣе рабочій, тѣмъ лучше. Образованіе, знаніе, никогда не приводили къ столкновеніямъ, всегда какъ разъ наоборотъ".

Между рабочими слишкомъ часто встрѣчаются такіе, которые недовольны своимъ положеніемъ и винятъ въ немъ всѣхъ и вся, кромѣ, только самихъ себя: ихъ достоинствъ не

признаютъ, имъ завидуютъ, у нихъ нѣтъ протекціи, и пр. Это все воображеніе. Никто въ мірѣ не желаетъ держать подъ спудомъ истинно способныхъ людей, и ужъ во всякомъ случаѣ не тѣ, которые стоятъ во главѣ какого либо предпріятія и для которыхъ способные помощники, способные подчиненные составляютъ насущную необходимость. Каждый начальникъ отдѣленія, каждый десятникъ, ради собственной пользы, будетъ всячески стараться удержать у себя дѣльнаго человѣка. „Повѣрьте мнѣ,—убѣждаетъ Карнеги своихъ слушателей,—рабочій, котораго не замѣчаетъ десятникъ, —десятникъ, котораго не отличаетъ директоръ, — директоръ, котораго оставляетъ безъ вниманія его фирма, должны искать причину тому единственно въ самихъ себѣ. Это просто значитъ, что они не въ состояніи дать того, на что всегда самый большой спросъ, что у нихъ не хватаетъ того, чего всегда ищутъ съ величайшимъ желаніемъ найти... Книги на этихъ вотъ полкахъ много разскажутъ вамъ о людяхъ, высоко поднявшихся изъ нашего рабочаго сословія. Не такъ называемые классически образованные, люди, не отпрыски знатныхъ и княжескихъ родовъ направляли ходъ міровой исторіи, въ совѣтѣ или ратномъ полѣ, въ лабораторіи или мастерской. Великія изобрѣтенія, научныя улучшенія, великія творенія литературы — почти всѣмъ этимъ мы обязаны людямъ, выросшимъ въ бѣдности. Вы мнѣ мало назовете великаго, въ какой либо области, чего не создали люди, начавшіе съ того, что зарабатывали хлѣбъ свой насущный въ потѣ лица“.

Нельзя отказать въ искреннемѣ удивленіи мудрости почтеннаго старика, кѣмъ-то удачно названнаго „практическимъ идеалистомъ“, читая его совѣты своимъ рабочимъ, какъ лучше использовать духовныя богатства, предоставленныя имъ его щедростью.

„Джонъ-Брайтъ, — говоритъ онъ между прочимъ,—когда его кто-то спросилъ, какое изъ собственныхъ качествъ онъ наивыше цѣнитъ, не задумываясь отвѣтилъ. „Любовь къ чтенію“. Откровенно скажу, на основаніи личнаго опыта, что я съ этимъ великимъ человѣкомъ вполнѣ согласенъ. Желая дать вамъ наиполезнѣйшій по моему мнѣнію совѣтъ, скажу вамъ: „Развивайте въ себѣ любовь къ чтенію“... Значеніе образованія для современнаго молодого человѣка невозможно ставить слишкомъ высоко. Въ особенности желалъ-бы обратить ваше вниманіе на то, что, въ этомъ отношеніи даютъ техническія школы... Нашъ вѣкъ—вѣкъ спеціализаціи. Поэтому каждый изъ васъ долженъ стремиться такъ овладѣть своей спеціальностью, чтобы сдѣлаться въ ней экспертомъ... Съ другой стороны, необходимо внести въ жизнь и нѣкоторую свѣжесть; для этого надо читать все возможное и обо всемъ, насколько вамъ дозволяетъ досугъ. Какъ земледѣлецъ прежде всего заботится о своемъ хлѣбѣ и картофелѣ, источникѣ своего благосостоянія, затѣмъ въ свободное время разводитъ вокругъ своего дома цвѣты, такъ и вамъ совѣтую дѣлить свое чтеніе на работу и на развлеченіе... Изученіе научныхъ книгъ не должно исключать беллетристику, въ особенности поэзію. На мой взглядъ, предубѣжденіе, многими питаемое противъ беллетристики — большая ошибка. Я знаю, что большинство выдающихся людей находили въ твореніяхъ поэтовъ успокоеніе и высокое наслажденіе. Человѣка, утомленнаго душой и тѣломъ,—особенно отъ умственной работы,—ничто такъ не освѣжаетъ, какъ чтеніе хорошаго романа. Если въ публичныхъ библіотекахъ всего болѣе требуются беллетристическія сочиненія, это вовсе не злоупотребленіе. Напротивъ, — еще вопросъ, насколько лучше какой либо другой разрядъ словесности отвѣчалъ-бы высокой

цѣли—вывести на время усталыхъ тружениковъ изъ обязательно прозаическаго и сухого круга обыденности".

На такого рода совѣты, соглашаясь съ ними въ принципѣ, обыкновенно возражаютъ, что человѣку, послѣ долгаго рабочаго дня, не до чтенія; онъ слишкомъ утомленъ: поѣстъ—и заснетъ какъ убитый,—если не пойдетъ въ трактиръ, искусственно подбодрить истощенные нервы. Но Карнеги во-первыхъ имѣетъ въ виду непьющихъ, — а такіе есть, въ большемъ числѣ, чѣмъ полагаютъ, особенно между настоящими американцами, т. е. рожденными въ Америкѣ и выросшими подъ вліяніемъ народной школы и въ нормальныхъ, здоровыхъ условіяхъ американской домашней жизни. Во-вторыхъ, онъ расчитываетъ на то, что скоро окончательно и повсемѣстно установится восьмичасовой рабочій день. „Восемь часовъ работы, восемь сна и восемь досуга", говоритъ онъ,—вотъ идеальное распредѣленіе времени. Желательно было бы сдѣлать его принудительно обязательнымъ. Вамъ извѣстно, что мы (т. е. фирма Карнеги въ Питсбургѣ), старались, жертвуя нѣсколькими сотнями тысячъ долларовъ,—провести этотъ порядокъ у себя, но кончилось тѣмъ, что конкуренція вынудила насъ отказаться отъ борьбы. Тутъ необходимо государственное вмѣшательство. Одна фирма немного можетъ сдѣлать, потому что въ наше время процентъ чистой прибыли такъ незначителенъ, что ни одна не можетъ работать иначе, какъ при условіяхъ обязательныхъ безразлично для всѣхъ. Поэтому необходимо принужденіе со стороны закона. Замѣчу, однако, что и при нынѣшнихъ условіяхъ, рабочіе могутъ, если сумѣютъ использовать остающіеся имъ свободные часы, скоро подняться до лучшаго положенія. Теперь рѣдко кому приходится работать 12 часовъ, а изъ насъ, стариковъ, многіе въ юности работали и „больше". Страстный поборникъ возможно широкаго образованія рабочаго класса и вообще молодежи, готовящейся къ борьбѣ за существованіе, и путемъ самообученія, и при помощи цѣлесообразно устроенныхъ учебныхъ заведеній, Карнеги неизбѣжно вовлеченъ въ обсужденіе того, что именно онъ считаетъ „цѣлесообразнымъ" въ этомъ отношеніи, т. е., по нашему, сравнительныхъ достоинствъ классическаго и реальнаго образованія. Понятно, что онъ изо всѣхъ силъ ратуетъ противъ перваго, въ чемъ онъ, на данной почвѣ и съ данной точки зрѣнія, конечно, безусловно правъ.

„Я однажды просилъ знакомаго лондонскаго банкира, — разсказываетъ онъ,—„сообщить мнѣ имена нѣсколькихъ директоровъ, кассировъ и пр. начавшихъ жизнь въ должности „мальчиковъ, разсыльныхъ", и т. п. Онъ прислалъ мнѣ 36 именъ, при запискѣ, въ которой обѣщалъ на другой день прислать еще. Въ этомъ числѣ не было ни одного „съ высшимъ образованіемъ". Я вездѣ искалъ, разузнавалъ, но очень рѣдко находилъ таковыхъ въ числѣ руководителей и правящихъ дѣловыми предпріятіями, зато очень часто при финансовыхъ учрежденіяхъ, на отвѣтственныхъ, довѣренныхъ мѣстахъ. У насъ, въ Америкѣ, какъ извѣстно, главари финансоваго міра, такіе люди, какъ Гульды, Роккфеллеръ, Вандербильты, и пр. нынѣшніе милліонеры—заправилы, всѣ были когда то бѣдными мальчиками, всѣ прошли черезъ суровѣйшую школъ,—школу нужды... Въ этомъ нѣтъ собственно ничего удивительнаго. Тѣ, которые съ отличіемъ проходятъ курсы высшихъ учебныхъ заведеній, тратятъ на это слишкомъ много времени,—именно лучшіе отроческіе и юношескіе годы, отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ, — самое драгоцѣнное время для ученія. Пока студентъ—классикъ набираетъ нѣсколько свѣдѣній о далекомъ прошломъ или мучится надъ мертвыми языками,—всѣ позна-

нія, разсчитанныя, повидимому, для другой планеты, а не нашей, по крайней мѣрѣ, насколько дѣло касается дѣловаго міра,—будущіе предводители въ области промышленности усердно занимаются изученіемъ дѣйствительности, копятъ знанія, которымъ они съ временемъ будутъ обязаны побѣдами. Меня нисколько не удивляетъ, если противъ такого ученія существуетъ сильное предубѣжденіе... Я не говорю о молодыхъ людяхъ, готовящихся къ ученымъ профессіямъ: для нихъ такое образованіе, пожалуй, составляетъ необходимость; но полное отсутствіе молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ въ рядахъ правителей дѣловаго міра какъ будто оправдываетъ мнѣніе, что таковое образованіе въ этомъ мірѣ прямо пагубно. Не нужно забывать, что служащіе, получающіе извѣстное содержаніе или жалованье, не могутъ, въ строгомъ смыслѣ, называться дѣловыми людьми". Предводитель въ области промышленности (*Captain of Industry*) все пріобрѣтаетъ самъ, зависитъ исключительно отъ своей личной самостоятельной дѣятельности, отъ успѣха или неуспѣха своего предпріятія. И вотъ тутъ-то высоко образованный юноша, вступающій на дѣловое поприще, когда ему уже 20 лѣтъ или того больше, имѣетъ мало-шансовъ на успѣхъ въ сравненіи съ молодцомъ, который, 14-ти лѣтъ, выметаетъ контору или помогаетъ грузить и выгружать возы. Есть, правда, примѣры, что сыновья дѣловыхъ людей посвящали себя той же дѣятельности, какъ и отцы ихъ, получивъ высшее образованіе, и успѣшно управляли уже существующимъ предпріятіемъ, но число ихъ очень невелико въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которымъ не удавалось удержать унаслѣдованное состояніе... Получившій университетское образованіе обыкновенно довольствуется отвѣтственнымъ мѣстомъ съ хорошимъ содержаніемъ и заслуженнымъ довѣріемъ фирмы. Ни капиталъ, ни протекція, ни высшее образованіе, ни все это вмѣстѣ доселѣ не оказалось въ состояніи успѣшно поспорить съ иниціативой и несокрушимой энергіей, а эти качества свойственны всепобѣждающей бѣдности... Учиться можно и внѣ школы... Дѣло въ томъ, чтобы пріобрѣсти знаніе; а какъ и гдѣ, нисколько не важно... Геній рѣдко водится въ академіяхъ; онъ подобенъ дикому цвѣтку, который расцвѣтаетъ въ лѣсу, не нуждаясь въ уходѣ со стороны общества. Заурядное дарованіе, — вотъ кому нужны университеты"...

Ошибочно, однако, было-бы изъ этихъ выдержекъ вывести заключеніе, какъ это сдѣлали многіе поверхностные критики, будто Карнеги, говоря столько же отъ лица всего американскаго финансоваго и промышленнаго міра, сколько отъ своего собственнаго, выражаетъ полное пренебреженіе денежной Америки, „рабыни Маммона", ко всему, что не приноситъ матеріальной выгоды, въ видѣ богатства и власти, полное непониманіе духовности и отвлеченности въ человѣкѣ, даже самую науку цѣня лишь съ прикладной ея стороны. Карнеги, повидимому, и самъ опасался такого ложнаго толкованія его словъ, потому что энергично оговаривается именно посреди горячей тирады противъ классической методы. „Чтобы не могло показаться, будто я принципіально осуждаю академическое образованіе, я здѣсь же категорически заявляю, что имѣю въ виду только тѣхъ счастливыхъ молодыхъ людей, которые находятся въ необходимости зарабатывать свое пропитаніе. Имѣющихъ же средства я бы послѣдній сталъ отговаривать отъ академическаго образованія, потому что, въ сравненіи съ нимъ, обладаніе деньгами, хотя-бы многими милліонами — ничто. Высшее образованіе тому, кто вполнѣ усвоилъ его, даетъ благородные вкусы, и болѣе возвышенныя цѣли, чѣмъ пріобрѣтеніе богат-

ствъ; оно открываетъ ему міръ, полный очарованія, къ которому простой милліонеръ не имѣетъ ключа"...

„Тѣ счастливые молодые люди, которые находятся въ необходимости зарабатывать свое пропитаніе". Это не случайно сорвавшееся слово, а такъ же, какъ и многія подобныя выраженія, встрѣчающіяся во всей книгѣ, выраженія зрѣлаго убѣжденія, благодарное признаніе богатаго старца, то время, когда онъ, будучи бѣднымъ мальчикомъ на грошовомъ жалованіи, буквально выметалъ контору своего хозяина и состоялъ у него на побѣгушкахъ. Это свое убѣжденіе, — что величайшее счастіе для человѣка — родиться бѣднякомъ, Карнеги развиваетъ обстоятельно и убѣдительно въ рѣчи о „богатствѣ и его употребленіи". „Бѣдность нынѣ обыкновенно считаютъ несчастьемъ,— начинаетъ онъ, — и принято жалѣть молодого человѣка, родившагося не съ серебряной ложкой во рту. Я же отъ всего сердца подписываюсь подъ изреченіемъ покойнаго президента Гарфильда, что богатѣйшее наслѣдство для молодого человѣка—бѣдность. Я не боюсь ошибиться, утверждая, что именно изъ рядовъ бѣдняковъ выходятъ хорошіе люди и крупныя личности.

„Не изъ числа сыновей милліонеровъ міръ получаетъ своихъ учителей, мучениковъ, изобрѣтателей, государственныхъ людей, поэтовъ, даже крупныхъ дѣльцевъ. Изъ безсмертныхъ людей, оказавшихъ человѣчеству незабвенныя услуги, рѣдкій не былъ вскормленъ въ бодрящей, напрягающей всѣ силы школѣ бѣдности. Ничто такъ не разслабляетъ, не мертвитъ всѣ качества, ведущія къ высшему совершенству, какъ нравственному, такъ и умственному, какъ унаслѣдованное богатство. Ко всякому юношѣ, не вынужденному самому зарабатывать хлѣбъ свой, я отношусь съ однимъ только глубокимъ состраданіемъ".

„Если же такой юноша поведетъ жизнь полезную и для себя, и для государства, и этимъ докажетъ, что онъ составляетъ исключеніе изъ общаго правила, я преклоняюсь передъ нимъ прямо съ благовѣніемъ: тотъ, кто превозмогъ искушенія унаслѣдованнаго богатства, поистинѣ можетъ именоваться Солью Земли и вдвойнѣ достоинъ почитанія... Нѣтъ, не бѣднаго юношу, занятаго съ утра до вечера, надо жалѣть, а сына богача, которому Провидѣніе отказало въ полезной дѣятельности. Не труженикъ, а праздный юноша достоинъ состраданія, за него одного страшно. „Счастливъ человѣкъ, сказалъ Карлэйль, который нашелъ удовлетворяющую его работу". Я же скажу: „Счастливъ человѣкъ, которому приходится вообще работать,— работать подолгу и изо всѣхъ силъ... Со всѣхъ сторонъ въ наше время только и слышно „удалите изъ міра бѣдность".

„Къ счастью, это невозможно; бѣдные всегда будутъ.

„Что бы стало съ родомъ человѣческимъ, если бы не стало больше бѣдности! Прекратились бы окончательно прогрессъ, развитіе. Какая будущность представилась бы человѣчеству, если бы оно зависѣло отъ однихъ богатыхъ! Всему хорошему и великому былъ бы разомъ конецъ, и общество впало бы снова въ состояніе варварства. Роскошь уничтожьте, а не почву, на которой расцвѣтаетъ всякая добродѣтель и все, что въ человѣческой натурѣ имѣетъ высокую цѣну: бѣдность,—честную, благородную бѣдность"!

Въ заключеніе приведемъ рѣчь, озаглавленную „Дорога къ успѣху въ дѣловой карьерѣ" (Business). Въ этой рѣчи Карнеги даетъ молодымъ „начинающимъ" указанія и совѣты, изъ которыхъ многіе своей мелочностью вызовутъ невольную улыбку, однако, поражаютъ своей практичностью, будучи, очевидно, почерпнуты прямо изъ жизни, изъ собственнаго двоякаго опыта, какъ

служащаго, начавшаго съ самаго убогаго положенія и поднявшагося по крутой лѣстницѣ собственной смѣтливостью, силы воли и упорствомъ (типично шотландское сочетаніе качества), и богатаго заводчика-хозяина, хорошо знающаго, чего онъ болѣе всего искалъ въ своихъ подчиненныхъ, чѣмъ они всего скорѣе обращали на себя его вниманіе, за какія заслуги или свойства онъ отличалъ человѣка и открывалъ ему дорогу къ самостоятельности и богатству.

Первымъ правиломъ Карнеги ставитъ то, что въ дѣловой карьерѣ,—какъ, впрочемъ, во всякой другой,—всего полезнѣе начинать снизу, съ съ самой послѣдней ступени. „Первая обязанность очень многихъ изъ нынѣшнихъ финансовыхъ тузовъ," говоритъ онъ, „состояла въ томъ, чтобы каждое утро добросовѣстно выметать контору. Нынче у насъ на это есть бабы и работники и наши молодые люди къ сожалѣнію не знакомятся болѣе съ этой полезной статьей дѣловаго воспитанія. Всеже, если случится, что наемникъ опоздаетъ, мальчикъ, въ которомъ сидитъ будущій хозяинъ, не задумается взяться за метлу. Новичку это отнюдь не повредитъ. Я самъ долго это дѣлалъ. И кто, какъ вы думаете, были моими сотрудниками въ этомъ занятіи? Одинъ теперь состоитъ инспекторомъ Аллеганской желѣзной дороги, другой—пенсильванской, а третій — прокуроръ города Питербурга. Мы четверо поочередно выметали контору".

Каждому начинающему, лишь только онъ получитъ свое первое скромное мѣстечко, Карнеги совѣтуетъ сразу устремить помыслы свои къ самой высшей цѣли; онъ утверждаетъ, что немногаго можно ожидать отъ молодого человѣка, который въ мечтахъ своихъ не видитъ себя членомъ фирмы. Остается вопросъ: какъ эти мечты осуществить? Какъ подняться изъ подчиненнаго, скудно оплачиваемаго положенія, на ту высоту къ которой онъ чувствуетъ себя призваннымъ?

„Секретъ этотъ я вамъ могу сообщить въ немногихъ словахъ.

„Вмѣсто того, чтобы спрашивать себя „Что я *обязанъ* для моего шефа?" спрашивайте себя „Что я *могу* для него дѣлать?" Честное, добросовѣстное исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей, спора нѣтъ, дѣло хорошее, но обыкновенно ведетъ къ тому, чтобы и далѣе продолжать ихъ исполнять,—и только. Изъ этого разряда выходятъ прекрасные помощники, бухгалтеры, кассиры, и—остаются ими до конца дней своихъ. Для будущаго члена фирмы этого мало. Онъ долженъ дѣлать болѣе того, чего требуетъ его должность.

„Можетъ случится, что помощникъ грузильщика замѣтитъ ошибку въ накладной,—пусть онъ на нее укажетъ. Или поставленный у вѣсовъ замѣтитъ въ нихъ неисправность ускользнувшую отъ его прямаго начальника; если онъ въ состояніи,—пусть самъ исправитъ, хотя это дѣло, собственно, не его, а механика; онъ этимъ сдѣлаетъ фирмѣ сбереженіе. Даже мальчикъ разсыльный можетъ обратить на себя вниманіе, проявивъ толковитость и сообразительность сверхъ буквальнаго исполненія даннаго ему порученія... Вы часто услышите правило, котораго совѣтую вамъ остерегаться, а именно: „Исполняй данное приказаніе, хотя бы къ явному ущербу шефа". Никогда не слѣдуйте этому правилу.

„Напротивъ: не исполняйте приказанія, если вы убѣждены, что вы этимъ лучше послужите интересамъ шефа или фирмы. Рутина писана про людей безъ высшихъ стремленій... Никогда не задумывайтесь поступить такъ, какъ вы считаете полезнымъ для дѣла, и не пугайтесь отвѣтственности. Если васъ за самовольное дѣйствіе и привлекутъ къ отвѣту, укажите на благопріят-

ный результатъ, докажите всю несостоятельность даннаго приказанія, докажите своему начальству, что вы свою часть знаете лучше его, берите надъ нимъ верхъ вездѣ, гдѣ только можете. Если шефъ вашъ умый человѣкъ, вы его ничѣмъ такъ не порадуете; въ противномъ случаѣ онъ для васъ не годится: уходите отъ него какъ можно скорѣе, хотя бы цѣной временной жертвы, и пріищите себѣ другого, умѣющаго цѣнить способности. Младшіе члены нашей фирмы выслужились у насъ именно тѣмъ, что показали намъ, что мы несравненно меньше ихъ мыслили по ихъ частямъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ меня третировали, словно они то и есть хозяева, а я — только пустой нью-іоркецъ, мѣшающійся въ дѣла, въ которыхъ онъ очень мало толка знаетъ... Мозги всегда въ цѣнѣ,— и фирмы ничего такъ не ищутъ потому, что не отъ чего такъ не страдаютъ, какъ отъ недостатка ихъ.

Стало быть, первое условіе успѣха: не довольствоваться рутиннымъ, буквальнымъ исполненіемъ долга, а изучать „дѣло" (business), и обращать на себя вниманіе шефовъ пониманіемъ ихъ интересовъ и, въ случаѣ надобности, самостоятельностью и неустрашимостью въ отстаиваніи ихъ, даже противъ ихъ собственныхъ ошибокъ. Второе условіе: дѣлать сбереженія изъ заработка; откладывать хотя самую малость, почти что съ перваго же дня, не смущаясь тѣмъ, что мало: пусть всего нѣсколько копѣекъ,—это ничего; важно то, чтобы пріобрѣсти *привычку;* а затѣмъ удивительно, какъ быстро гроши наколяются и составляютъ рубли; а очень немногихъ, невѣроятно немногихъ рублей довольно, чтобы уже начать маленькій оборотъ,- только бы не на биржѣ! А хорошіе случаи часто представляются,—надо умѣть ими пользоваться. И въ этомъ само начальство всегда поможетъ своими совѣтами молодому человѣку; притомъ самое скромное сбереженіе послужитъ основой для кредита, много разъ превышающаго отложенную сумму, потому что молодой человѣкъ, составившій себѣ такую репутацію, внушаетъ довѣріе. „За каждую наличную сотню капиталистъ, всегда подстерегающій надежныхъ компаньоновъ, ссудитъ вамъ тысячи, за каждую тысячу—пятьдесятъ тысячъ. Не денегъ ищутъ старшіе, опытные капиталисты, а человѣка, доказавшаго, что онъ обладаетъ качествами, создающими капиталъ"... Нѣтъ сомнѣнія, что для молодого человѣка безъ капитала съ каждымъ днемъ труднѣе попасть куда нибудь компаньономъ; всѣ предпріятія нынче ведутся въ такихъ исполинскихъ размѣрахъ и прямо начинаютъ съ многомилліонной затраты; между тѣмъ въ сущности, передъ бережливымъ и талантливымъ человѣкомъ раскрывается много дверей: каждый, кто имѣетъ сто, или даже пятьдесять долларовъ наличныхъ, свободныхъ денегъ, можетъ поступить почти куда угодно, купилъ акцію другую, —и начало сдѣлано къ освобожденію отъ безусловной зависимости отъ „жалованія" или „заработка".

По этому поводу Карнеги даетъ своимъ слушателямъ совѣтъ, которому самъ придаетъ первостатейную важность; сосредоточить всѣ свои средства, умственныя и денежныя на томъ самомъ дѣлѣ или предпріятіи (*business*), при которомъ начинающій состоитъ служащимъ, хотя противъ этого у многихъ существуетъ предубѣжденіе. Склонность „раскидываться" ведетъ большею частю къ неудачѣ. Весь маленькій капиталъ, весь маленькій кредитъ, которымъ можетъ располагать начинающій, Карнеги совѣтуетъ сосредоточить въ восемъ же дѣлѣ. Разныя народныя поговорки, въ родѣ того что „не ставь всего на одну карту",—„не клади всѣхъ яицъ въ одну корзинку", — не вари все мясо въ одномъ горшкѣ", онъ объ-

являетъ безусловно ошибочными. „Я, напротивъ, говорю вамъ: варите все въ одномъ горшкѣ, но и смотрите же за этимъ горшкомъ. За однимъ легче усмотрѣть, чѣмъ за нѣсколькими. И нести одинъ легче. Тотъ, кто хочетъ нести одновременно три горшка, по неволѣ долженъ нести одинъ на головѣ, съ великой опасностью уронить его“...

Всѣ эти совѣты можно назвать положительными, но есть и отрицательные: предостереженіе противъ трехъ величайшихъ опасностей, которыя грозятъ неминуемой гибелью всякому дѣловому человѣку, нетолько новичку, но и опытному въ дѣлахъ. Первая опасность, конечно,--употребленіе спиртуозныхъ напитковъ, до ужасающей степени распространенное въ американскомъ „дѣловомъ мірѣ“, особенно въ самомъ заманчивомъ и предательскомъ видѣ—безконечныхъ взаимныхъ угощеній. Вторая опасность—игра на биржѣ и вообще спекуляція, съ неизбѣжнымъ для бѣднаго молодого человѣка искушеніемъ, „временно“ попользоваться чужими деньгами, и даже помимо этого камня преткновенія, почти неминуемымъ конечнымъ разореніемъ. „Игроки почти всѣ умираютъ въ нищетѣ“.

„Я не съумѣлъ бы назвать ни одного человѣка,—говоритъ по этому поводу Карнеги, „который выигранное состояніе сохранилъ бы... Ужъ если играть, такъ лучше въ рулетку; тамъ по крайней мѣрѣ знаешь, на что идешь. На биржѣ и этого нѣтъ. Притомъ, ничто такъ скоро и вѣрно не убиваетъ кредитъ. Какъ только станетъ извѣстно, что дѣловой человѣкъ или фирма спекулируетъ, къ нимъ теряютъ довѣріе, все равно, счастливо или несчастливо они играютъ“.

Третья и послѣдняя опасность — поручительство за другихъ.

Это—скала, на которой разбилось много цвѣтущихъ существованій. Отъ этой опасности тѣмъ труднѣе уберечься, что она обыновенно подступаетъ подъ личиной дружбы, обращается къ самымъ благороднымъ инстинктамъ: какъ, въ самомъ дѣлѣ, отказать пріятелю? Вѣдь, онъ даже не проситъ денегъ,—только имя подписать; а это выручитъ его изъ затруднительнаго положенія, можетъ быть изъ бѣды! Между тѣмъ зарока ни въ чемъ нельзя давать; легко сказать „Никогда“! но исключительные случаи непремѣнно представятся. На такіе то случаи у Карнеги готовъ совѣтъ...—„Есть черта, за которой забота о пріятелѣ должна уступить заботѣ о собственной чести“.

„Если вы сами другимъ должны, то весь вашъ капиталъ, все ваше состояніе есть свято довѣренное вамъ добро для обезпеченія тѣхъ, которые вамъ повѣрили, и если вы поручитесь за другого, вы рискуете тѣмъ, что принадлежитъ не вамъ, а этимъ, довѣрившимся вамъ, людямъ; вы злоупотребляете довѣріемъ. Поэтому поставьте себѣ такое правило: не ручайтесь ни за кого, если вы не имѣете лишнихъ средствъ, не нужныхъ для исполненія вашихъ собственныхъ обязательствъ, и пусть ваше поручительство никогда не превосходитъ этихъ средствъ. Вообще, смотрите на свое поручительство какъ на подарокъ.

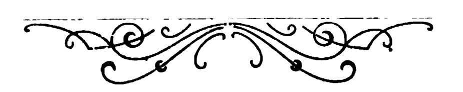
„Прежде чѣмъ подписать свое имя, спросите себя, желаете ли вы подарить пріятелю сумму, въ которой вы за него ручаетесь, и принадлежитъ ли вамъ эта сумма, не составляетъ ли она обезпеченіе для вашихъ кредиторовъ. Только строго придерживаясь этихъ правилъ, вы будете стоять на твердой почвѣ безусловной честности“.

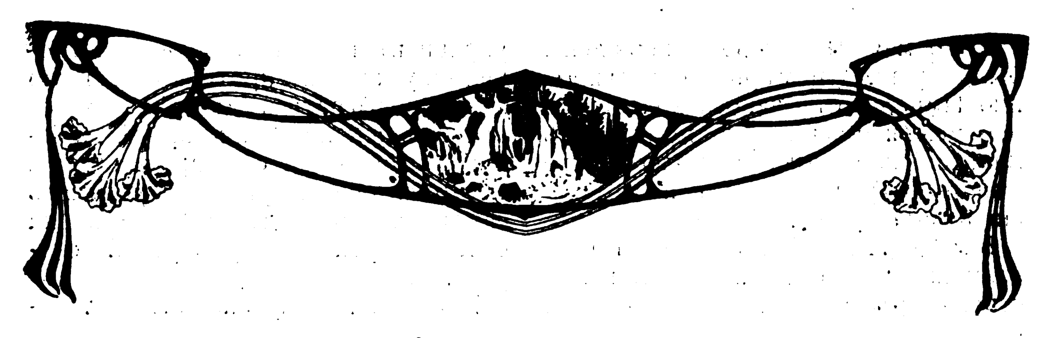
Въ предыдущихъ страницахъ съ возможной полнотой, хотя и въ сильно сокращенномъ видѣ, изложена вся суть наставленій и порученій, которыми почтенный старецъ отъ времени до времени дѣлится съ молодежью, изъ богатаго запаса

личной опытности, наблюдательности, не изъ книгъ почерпнутыхъ воззрѣній, а сердца, для котораго помочь другимъ достичь того, что ему далось долгой трудовой жизнью, составляетъ истинную потребность. Каждый читатель, даже предубѣжденный противъ „милліонера, проповѣдующаго бѣдность", какъ его насмѣшливо называютъ въ нѣкоторыхъ беззавѣтно озлобленныхъ кругахъ, долженъ будетъ признать, что у него не найдется ни одного слова, обращеннаго къ болѣе низменнымъ инстинктамъ, что ясный умъ здравая практичность у него никогда, даже косвенно, не направлены противъ возвышенныхъ идеаловъ, противъ всего, того что краситъ и озаряетъ жизнь. Напротивъ, онъ желаетъ все это сдѣлать доступнымъ елико возможно большему числу людей. Одного, пожалуй, не чувствуется въ немъ: мягкости. Въ его натурѣ весьма замѣтенъ горный кремень, сидящій въ каждомъ коренномъ шотландцѣ, и сказывается, между прочимъ въ самой избранной имъ формѣ благотворительности. Говоря о многочисленныхъ безплатныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ родѣ „Института имени Купера" (Cooper Institute) въ Нью-Іоркѣ, основанныхъ и снабженныхъ средствами для содержанія ихъ разбогатѣвшими героями труда, онъ въ одной рѣчи („О богатствѣ и его употребленіи") замѣтилъ: „Такое заведеніе служитъ для бѣдняка, если только онъ того пожелаетъ, лѣстницей, по которой онъ можетъ подняться на какую угодно высоту. *Съ другой стороны, безполезно стараться помочь людямъ, которые сами себѣ помочь не хотятъ или не могутъ*" На основаніи этихъ фактовъ, множества подобныхъ учрежденій, и этихъ словъ, какой-то журналистъ со свойственной нѣкоторымъ узкимъ умамъ склонностью къ одностороннимъ обобщеніямъ, построилъ цѣлую теорію о „жестокосердіи американской благотворительности", игнорируя всѣ больницы, богадѣльни, пріюты, возникшіе изъ такихъ же источниковъ, не говоря о безчисленныхъ церковныхъ общинахъ и повсемѣстныхъ женскихъ клубахъ, — однимъ словомъ, всю обширную систему вспомоществованія именно тѣмъ, которые не въ состояніи сами себѣ помочь. На самомъ дѣлѣ, есть два рода благотворительности; для призрѣнія вовсе безпомощныхъ, и для подмоги нуждающимся лишь въ поддержкѣ и поощреніи. Энергическую натуру Карнеги потянуло къ послѣднему,—вотъ и все.

Другой половины сборника—(статьи и рѣчи по современымъ вопросамъ финансовымъ, торговымъ, экономическимъ, промышленнымъ, и пр.)—настоящая статья не касается. Мнѣнія по всѣмъ этимъ вопросамъ столь умнаго и многопытнаго дѣятеля, конечно, достойны уваженія и вниманія; но вопросы все же остаются спорными; съ его взглядами можно соглашаться или не соглашаться; здѣсь же имѣлось въ виду лишь ознакомить русскихъ читателей съ основными началами американской дѣловой этики, одинаково примѣнимыми и къ другимъ народамъ, равно какъ и практическими совѣтами, которые, по здравости и мудрой простотѣ, можетъ быть, послужатъ особенно полезнымъ руководствомъ молодымъ новобранцамъ и въ русскомъ дѣловомъ обиходѣ.

З. Рагозина.

Воспоминанія наканунѣ холеры.

Николая Лаврова.

„Скончался отъ остраго катарра кишекъ Н. В—ъ“.

Газета „Каспій“.

I.

Никто не смѣлъ сообщить о появленіи холеры. Не позволялось строго. Каждый смѣльчакъ оказался бы въ положеніи измѣнника, и ему грозила административная кара. Цензура въ печати вычеркивала каждый намекъ, и рубрика городскихъ смертностей пополнялась новоизобрѣтенными названіями. Шестого іюня скончался всѣмъ извѣстный купецъ отъ „остраго катарра кишекъ“... Съ одной стороны, это былъ умыселъ, и администрація края не желала признавать возможности появленія холеры и боялась объ этомъ гласности, а съ другой—и изъ врачей никто бы не рѣшился ее признать, и тоже... боялись самой холеры. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ приходили вѣсти о холерѣ въ Персіи, и объ этомъ говорить не возбранялось, потому что до Персіи никому нѣтъ никакого дѣла. Вообще писать можно было о заграничныхъ дѣлахъ сколько угодно, даже соглашались пропускать „не хорошее“ о сосѣдней губерніи, но свою — предупредительно просили оставить въ покоѣ.

Вотъ почему не казалось страннымъ, что бакинская холера въ 1892 году была совершенно неожиданна; выпустивъ изъ Баку холеру на всю Россію, мы, тамъ отбывавшіе ее, удивлялись, почему она не была такою же опасною и жестокою, какъ во всей остальной Россіи. Радуясь послѣднему, мы послѣ открыли себѣ многое и уяснили смыслъ и значеніе гласности, которая могла бы принести много пользы, а, можетъ быть, и спасти всѣхъ отъ холеры.

Страхъ и ужасъ не поддается измѣренію, но мнѣ кажется, что я не скажу ничего удивительнаго, если бакинское пребываніе во время холеры 92 года поставлю по силѣ страданій наравнѣ съ Портъ-Артурскимъ сидѣніемъ. Эти положенія аналогичны, а что изъ двухъ хуже, ужаснѣе, не берусь рѣшить.

Оффиціально, какъ я уже сказалъ выше, продолжали раздавать названія появившейся въ городѣ холерѣ и писали, что смерть произошла отъ остраго катарра кишекъ, отъ рвоты, отъ слизистаго поноса и т. д. Холера безпрепятственно подъ такими наименованіями распространялась, дѣлая посѣвы въ обывательской обстановкѣ и больничной средѣ, гдѣ умирали больные не въ заразныхъ только, а и въ общихъ отдѣленіяхъ, куда доставили холеру изъ Персіи и Закаспійскаго края.

27-го мая 1892 года утверждены были правила и мѣры по огражденію Имперіи отъ заноса холеры съ побережья Каспійскаго моря, а въ Закаспійской области холера уже дѣйствовала, равно какъ и въ Персіи и ея портахъ.

Между тѣмъ мѣстная газета имѣла возможность перепечатать изъ мѣстнаго оффиціоза только 6-го іюня, что въ портахъ Персіи появилась холера. Покой, который такъ боялись нарушить администрація и городскіе заправилы, не могъ ничѣмъ быть нарушенъ, наоборотъ, онъ усугубился на засѣданіи думы въ первый день, когда рѣшились произнести слово „холера". Городской голова поднесъ нѣсколько разстроеннымъ гласнымъ номеръ газеты „Кавказъ", въ которомъ говорилось, что въ Закаспійской области случаевъ заболѣванія холерой не было.

А въ больницу начали поступать холерные. Шестого іюня было только два человѣка, седьмого утромъ—девять, послѣ обѣда — десять, а уже къ вечеру въ баракѣ больницы не было мѣста. Не смотря на это, одно лицо изъ администраціи, занимавшее вліятельное мѣсто, не вѣрило появленію холеры и такъ выражалось въ публичномъ мѣстѣ:

— Холеру выдумали газетные строчилы, прошу этому не вѣрить!

Неясно сознанный фактъ появленія холеры при такихъ разговорахъ приносилъ большой вредъ, а мѣръ къ предотвращенію не принималось. Но благомъ было уже то, что разрѣшали о ней писать и въ печати называли смерть настоящимъ ея именемъ, а не катарромъ кишекъ.

Восьмого іюня въ мѣстной газетѣ была помѣщена громовая статья, обвиняющая въ преступленіи Управу и Думу, не принимавшихъ никакихъ мѣръ и упорствующихъ до сего дня, вслѣдствіе непризнанія эпидеміи.

Народъ уже былъ свидѣтелемъ ходившей смерти, которая рѣзко обозначала свои слѣды, а частные разговоры лицъ изъ администраціи, управцевъ и друг. кивали на „строчилъ", увѣряя въ противномъ. Легко могла розыграться исторія, подобная бывшей на Волгѣ, вродѣ избіенія докторовъ, и если прошло тихо, то это слѣдуетъ приписать услугамъ самой холеры, дѣйствовавшей на своемъ пути съ курьерской скоростью.

7-го іюня получена была телеграмма отъ начальника Закаспійской области, генерала А. Н. Куропаткина, о сдѣланномъ имъ распоряженіи устройства карантина судамъ, приходящимъ изъ Персіи въ Узунъ-Ада.

Извѣстіе это никого не испугало, ему не придали значенія, а думцы продолжали не вѣрить. Сами гласные показывали примѣръ крайней нечистоты своихъ дворовъ, будучи застрахованы отъ протоколовъ и санитарныхъ осмотровъ. Въ центрѣ города домъ одного гласнаго, очень виднаго капиталиста, занимаемый отдѣленіемъ государственнаго банка, былъ въ отвратительномъ состояніи.

Однако, спать долго не пришлось,—и всѣ увѣренія, что холера въ Закаспійской области прекратилась,—уже легко не принимались. Больные наполнили заразный баракъ при больницѣ въ 1½ дня, мѣстъ больше не было, но въ пріемѣ никто не отказывалъ. Больныхъ приводили, или они подъѣзжали и тутъ они сами размѣщались, гдѣ попало, не въ силахъ возвратиться, за неимѣніемъ мѣстъ; изъ больницы служащіе разбѣжались. Ужасъ охватилъ всѣхъ, не исключая и врачей. Первые моменты эпидеміи захватывали всѣхъ стадно, и не находилось мужества подойти къ больному. „Даже щипцовъ не приготовили, чтобы сволочь мертваго",—возмущался одинъ больничный служитель. Больные и мертвые валялись въ больничномъ саду.

Вотъ гдѣ не было разницы ни въ полѣ, ни въ положеніи, ни въ происхожденіи, Всѣ валялись на травѣ

въ корчахъ, съ рвотой, въ стонахъ, зовя и моля подать помощь,—хоть воды. Проклятія сыпались, какъ въ аду, и также всѣ предстали передъ смертью во всемъ сравненные. Реалистъ-ученикъ стоналъ подлѣ дамы въ шляпкѣ, которая уже вошла въ алгидный періодъ, вся забрызганная своей рвотой. Лицо ея—отпечатокъ глубокихъ страданій, давало надежду на теплящуюся жизнь. О, если бъ была рука помощи!

Босякъ лежалъ въ своемъ обыкновенномъ видѣ и смерть положила на него отпечатокъ полнаго равнодушія, а около него сухой комплекціи татаринъ видимо испытывалъ муки Тантала. Надутыя жилы буграми выступали на его лицѣ, которое молило скорѣе даровать конецъ. Въ этотъ ужасный день была хорошая расплата смерти за незнаніе, а, вѣрнѣе, за невѣріе. И какъ бы въ насмѣшку позволено было оповѣстить, что умерло только 10 человѣкъ.

Вокругъ больницы были плохіе заборы, а страхъ холеры передается, даже если-бъ оградить себя китайской стѣной. То, что можно было украдкой видѣть, что происходило въ больничномъ саду за заборомъ, то скоро стало извѣстно въ городѣ. Въ городѣ началось не лучше—со всѣхъ сторонъ неслись разсказы. Крикъ о заболѣваніи сталъ слышенъ всѣмъ; скакали за врачами, и ихъ не находили. Мусульманскій городъ жилъ своими обычаями и не отступалъ отъ нихъ. Скончавшіеся мусульмане перевозились въ мечеть, и все не дезинфецировалось

Господинъ забѣгаетъ въ аптеку, на немъ лица нѣтъ, онъ чуть не боленъ и разсказываетъ, что пошелъ купаться въ море, но въ это время, когда купался, замѣтилъ рядомъ съ купальней мусульманъ, обмывающихъ холернаго покойника. Господинъ поспѣшно раздѣвается и проситъ его продезинфецировать, но отъ него бѣгутъ.

Многіе врачи отказывались ѣхать къ заболѣвшимъ, а 9-го іюня, занимавшій официальн. мѣсто въ городѣ врачъ, приглашенный полиціей къ больной холерой, взглянувъ на страдавшую, не говоря ни слова, повернулся спиной и уѣхалъ.

Въ городѣ начался сильный переполохъ,—и среди всѣхъ жителей появилась паника. Уже 8-го іюня только въ больницу доставлено было 38 человѣкъ, изъ которыхъ 18 человѣкъ умерло, а 9-го іюня Управа написала въ Москву къ Швабе о высылкѣ микроскопа для разрѣшенія спорнаго вопроса между врачами о холерѣ, и обязала домовладѣльцевъ поливать передъ своими домами нефтью.

Городская больница, переполненная холерными, не могла вмѣстить даже части заболѣвшихъ,—и трупы не успѣвали во время хоронить. Они лежали, заражая воздухъ. Нужно было строить особые холерные бараки, требовались санитарныя партіи, надзоръ, врачи, медикаменты, а ничего не было.

Микроскопъ задержался, и только 14 іюня въ Губернскомъ правленіи созвали на засѣданіе врачей, чтобы рѣшить вопросъ, какая холера, nostras или asiatica. Засѣданіе высказалось, что холера asiatica. Тогда только городъ раздѣлили на 8 санитарныхъ участковъ, завели въ управѣ жалобную книгу, начали набирать штаты. врачей оказалось на лицо недостаточно. и пришлось обращаться въ Тифлисъ. да они были безпомощны, имъ не доставлено было необходимыхъ дезинфекціонныхъ средствъ. ни экипажей для перевозки больныхъ и никакихъ лечебныхъ средствъ. Между тѣмъ паника охватила все населеніе и обратила въ бѣгство безъ оглядки. Мнѣніе, что паника способствуетъ заболѣванію холерой, оправдывалось.

Вокзалъ осаждался, мѣстъ въ поѣздахъ не хватало. и на вокзалѣ дежурили по суткамъ, чтобы попасть въ очередь. Количество по-

ѣздовъ увеличилось и они отходили подъ разными наименованіями: экстренныхъ, товаро-пассажирскихъ, воинскихъ и проч. Но выѣзжали не по одной желѣзной дорогѣ.

Желающіе вырваться изъ зараженнаго города проклинали каждую лишнюю минуту задержки и искали спасенія по всѣмъ дорогамъ. Точно вступавшій непріятель гнался, и нужно было все бросать.

Баку, почти поголовно населенный пришлымъ элементомъ изъ Россіи, Персіи и Кавказа, въ моментъ охватившей его эпидеміи, не обнаружилъ осѣдлыхъ и ему преданныхъ. Спѣшили унести свои кости, не оставивъ ихъ чуждой землѣ. Панически это передавалось, точно электрическимъ токомъ. Большинство живущихъ зарабатывали, питались въ этомъ городѣ десятки лѣтъ, но не усвоили себѣ привычки къ мѣсту, которое всегда ругали.

Цѣлые пароходы рабочихъ отплывали на Волгу и въ Персію. На почтовой станціи нельзя было достать лошадей,—и бѣжали, нанявъ вольныхъ въ экипажахъ, на арбахъ, а то и просто пѣшкомъ.

Городъ съ каждымъ днемъ пустѣлъ, и только одна желѣзная дорога (закавказская) въ нѣсколько первыхъ дней вывезла 46 тысячъ человѣкъ, что тогда составляло почти треть всего населенія города, безъ заводскаго и промысловаго.

Не выѣхали обязанные чиновники, должностныя лица и тѣ, кому было не на что или считали не благоразумнымъ убѣжать отъ эпидеміи. Конечно, желѣзная дорога вывезла въ общемъ меньше, чѣмъ выѣхало моремъ и сухимъ путемъ. Всѣ грузовые пароходы брали пассажировъ, наливные, пассажирскіе и даже парусные суда. Нельзя было отказать и не принять рабочую голытьбу, валявшуюся на набережной въ ожиданіи. Нѣкоторые „парусники“, набравъ пассажировъ, въ морѣ оказывались въ печальномъ положеніи. Не имѣя чѣмъ кормить, гдѣ пріютить, они отстаивались на морѣ по безвѣтрію при полной безпомощности, когда ихъ поражала холера. Никакимъ перомъ не описать, что творила смерть на морѣ. Были суда, на которыхъ почти всѣ перемерли. На пароходахъ было не лучше—холера въ морѣ вызывала бунты рабочихъ, которые требовали хлѣба, итти прямо въ Астрахань (не на 9 футъ) приставать къ берегу, удаляли командира и команду, подчиняли силою слушаться ихъ приказанія.

Одинъ пароходъ, наполненный персидскими рабочими, вынужденъ былъ зайти въ Ленкорань, но населеніе не хотѣло принять къ себѣ людей изъ зараженнаго города,—и онъ долженъ былъ повернуть снова назадъ.

Для удовлетворенія просьбъ рабочихъ, по ихъ словамъ „спѣшившихъ умирать на родинѣ“, бакинская администрація вынуждена была нанимать спеціальные пароходы.

Чѣмъ больше уходило и уѣзжало жителей, тѣмъ въ худшемъ положеніи оказывался городъ. Все труднѣе было найти рабочихъ. Еще холерныхъ бараковъ не было, а 11 іюня одни врачи прислали въ больницу 40 больныхъ. Страдало, какъ и всегда, сначала, бѣдное населеніе и скученные кварталы, въ такъ называемыхъ номерахъ, гдѣ жили рабочіе, трупы валялись не прибранными. Записывали жалобы въ санитарныя книги, полицейскіе требовали средствъ отправки, дезинфекціи помѣщеній и вещей, но управа оставалась глухой и почти въ цѣломъ составѣ выѣхала изъ города. Дѣйствовали два „кандидата“, но и тѣ прятались. Зловоніе отъ труповъ и распространеніе заразы было предоставлено своему теченію.

II.

Запоздавъ со всякими мѣрами помощи и пресѣченія, городская дума, значительно послѣ желавшая чѣмъ-

либо пособить, нечего не могла сдѣлать. Небольшіе запасы черной и очищенной кислоты были сразу всѣ раскуплены,—и аптекарскіе склады въ городѣ опустѣли. Летѣли телеграммы, высылали бочки съ кислотой, но онѣ никакъ не могли дойти цѣлыми и получались разбитыми. Нужда въ кислотѣ была, видимо, по всей линіи ж. д., и кислотой дорожили больше, чѣмъ хлѣбомъ. Желѣзныхъ кроватей тоже не оказалось въ городѣ, кинулись заказывать, но мастеровые разъѣхались, а частію мастерскія закрылись.

То, что гнило и заражало воздухъ гдѣ-нибудъ внутри или далеко отъ глазъ, то само собою никого не интересовало, но что даже было на виду и взывало къ помощи, или уничтоженію, и то продолжало лежать, какъ бываетъ въ мертвомъ городѣ.

Дается, напримѣръ, въ полицію знать, что въ номерахъ Мирзова валяется пять дней умершая женщина, кое-кто изъ уцѣлѣвшихъ въ номерахъ сосѣдей просятъ полицію разрѣшить имъ сжечь остатки ея платья и постели, которые сплошь покрыты заразой, но полиція и этого не разрѣшаетъ въ виду того, что долженъ сначала прибыть на мѣсто санитарный врачъ и попечитель для осмотра, а зараза коситъ направо и налѣво. И такіе отвѣты давались во время абсолютной безпомощности санитарныхъ врачей и отрядовъ. Паника же, усиливаясь, дошла до невообразимыхъ размѣровъ. Вокзалъ осаждался точно крѣпость; циркулировалъ слухъ, что надо спѣшить выѣхать до устройства карантина на станціяхъ по желѣзной дорогѣ. Попасть же въ карантинъ считалось гибелью. Заболѣванія на желѣзной дорогѣ дѣйствительно не были рѣдкостю. Слухи, что на пріѣзжаго бакинца смотрятъ, какъ на развозящаго холеру, что бакинцевъ отказываются принимать, бѣгутъ ихъ и даже принимаютъ противъ нихъ насильственныя мѣры, дѣйствовали на убѣгающихъ еще болѣе губительно и всѣхъ ихъ съ дѣтьми и съ потерей сознанія и воли было невыразимо жаль.

Зараза уже проникла въ Аджикабулъ, Елисаветполь и дальше до Тифлиса, и уѣзжавшіе, на вокзалъ, какъ загнанные въ мышеловку мыши, оглашали воплями и стенаніями.

Слѣдуетъ сказать, что изъ города выѣзжало не только какое-нибудь одно сословіе или люди одной національности--не выѣзжали, а другой выѣзжали, бѣжали рѣшительно всѣ. Даже амбалы эти „бѣглые“ носильщики изъ Персіи, нетребовательный и трудолюбивый, но слабый азіатскій народъ, приходящій безъ паспортовъ, и тотъ бѣжалъ, не взирая на полное знакомство у себя на родинѣ съ эпидеміями разной интенсивности.

Одиннадцатаго Іюня было обнаружено заболѣваніе на нефтяныхъ промыслахъ, отстоящихъ отъ города на 12 верстъ, и мастеровые, побросавъ работу, не получивъ даже разсчета, бѣжали, спасаясь и отыскивая разныя средства къ передвиженію. Въ городѣ появились разбои, и среди порѣдѣвшаго населенія изъ простонародія увеличилось пьянство. Нападенія увеличились на извозчиковъ, число которыхъ сократилось.

Едва успѣли открыть наскоро сколоченные бараки, выбравъ неудачное мѣсто, вблизи города на ярморочной площади, какъ ихъ сразу пришлось заполнить больными, а мѣста опять не было. Бараки получили худую славу, но было тихо, и не кому было бунтоваться; холера разила такъ быстро, что всѣ бѣжали, въ разсыпную. Услуживать въ бараки пришлось пригласить пьяницъ — босяковъ и друг. людей, какихъ нашли на эту службу. На службу шли за дорогую плату и сильно пьяные, только въ большомъ куражѣ эти люди не страшились ужасовъ смерти и волокли мертвыхъ, обертывали простынями съ сулемой, хоронили, свозили на холерное кладбище и проч.

Въ народѣ явились очевидцы, утверждавшіе, что хоронятъ живыхъ, и мнѣ привелось самому слышать одинъ такой разсказъ.

Вотъ онъ:

„Я заболѣлъ почти одновременно съ женой, но ее отправили въ холерный баракъ раньше, меня оставили, и выходила меня дѣвочка, подававшая мнѣ только питье. Оправившись и придя въ себя, я побѣжалъ спасать жену. Одна дума только и была, что ее живой похоронятъ. Такъ и всѣ думаютъ. Въ баракѣ я уже жену не нашелъ, и одинъ могильщикъ сказалъ мнѣ, что, по примѣтамъ, такую женщину кажется, свезли уже на холерное кладбище. Бросился туда и среди гробовъ, ожидавшихъ, пока для нихъ будутъ готовы могилы, мнѣ удалось найти жену. Видно самъ Богъ помогъ этому, потому что жена была уже совершенно холодная. Сбросивъ съ нее простыню, взваливъ на плечи, я укралъ ее съ кладбища. Дома мнѣ удалось ее оживить, помощью бутылокъ и отиранія. Все время я думалъ, что она не умерла и отойдетъ. Теперь она постепенно поправляется".

Въ другое время, такому разсказу никто бы не придалъ значенія, но въ то время больничная обстановка этому способствовала. Самое лѣченіе холерныхъ больныхъ носило характеръ, тогда во многомъ неопредѣленный. Говаривали и сами врачи: можетъ случиться, что такъ называемый алгидный періодъ (Stadium algidum) можетъ, при спѣшной работѣ, ввести въ заблужденіе. Даже извѣстный профессоръ *Здекауеръ*, знавшій холеру еще въ 1849 году, совѣтовалъ захватывать ее въ самомъ началѣ, предупреждая, что это даетъ большой процентъ выздоровѣвшихъ, а наоборотъ, отъ упущеннаго времени погибаетъ 40—50% заболѣвшихъ. Онъ же писалъ, что у врачей имѣется странный предразсудокъ считать холерой только ея послѣдній періодъ, т. е. stadium algidum, но что изъ этого періода холеры можно выйти живымъ и этого теперь не надо уже доказывать.

Профессоръ Ненцкій, тоже дѣлавшій въ Баку, во время эпидеміи, бактеріологическія изслѣдованія, обратилъ свое вниманіе впослѣдствіи на обстоятельство его, очень удивившее и заставившее бакинскую холеру отличать отъ петербургской. Въ Петербургѣ разводки холерныхъ больныхъ совершенно не походили на бакинскіе. Дѣйствительно, свирѣпость бакинской холеры доказана была очень многимъ. Почва для разведенія ее, тоже весьма благопріятная, не мало способствовала развитію.

Вновь выстроенные бараки на ярморочной площади не носили никакихъ признаковъ больничнаго благоустройства. Они не были огорожены, больные отправляли всѣ свои естественныя надобности вокругъ, въ нихъ прогуливались посторонніе—любопытные, а больные въ бреду, а иногда и кто былъ въ силахъ въ однихъ рубахахъ убѣгали оттуда, разнося и увеличивая эпидемію. Даже городская больница не составляла исключенія, и въ ея отдѣленіяхъ, больные другими болѣзнями, заболѣвали холерой.

Никто не зналъ предупрежденія холеры, какія мѣры предохраненія и какъ ее лѣчить. Оставшихся въ городѣ врачей разрывали на части, но часто случалось, что врачъ заставалъ больного мертвымъ, или, записавъ его адресъ, обѣщая посѣтить, не могъ отыскать ни больного, ни его квартиры.

Всякія средства предлагались и совѣты противъ холеры посыпались съ разныхъ сторонъ, когда уже эпидемія была въ разгарѣ.

Вспомнили средство, практиковавшееся въ 1848 году еще врачемъ кн. Воронцова, Андреевскимъ. Онъ давалъ внутрь отъ 6—10 капель на рюмку водки бѣлую нефть. Лѣчилъ этимъ, писали, съ полнымъ успѣхомъ.

Мой знакомый, боровшійся съ холерой на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ, говорилъ, что радикально помогалъ нафталинъ, который онъ всыпалъ больному прямо въ ротъ.

Одинъ докторъ изъ Ленкорани серьезно увѣрялъ всѣхъ, доказывая въ газетахъ, что лучшимъ средствомъ надо считать народное—чеснокъ, который полезно не только ѣсть, но даже имѣть всегда при себѣ въ карманѣ, что тоже предохраняетъ.

Въ то паническое время даже предложеніе принимать всѣмъ извѣстные средства: ol. ricini; Ipecac. и Nux vomici, оповѣщенное изъ Тифлиса, принесли пользу.

Какъ только населеніе охватилъ паническій ужасъ отъ безпомощности, и дума была этимъ тронута,—она собрала засѣданіе гласныхъ. Не было оно многочисленно и много бѣжало отцевъ города. Городской голова началъ довольно бодро. Открывъ засѣданіе, онъ заявилъ, что появившаяся холера несомнѣнно азіатская и что „мы ее выгонимъ чрезъ шесть недѣль". Конечно, и въ шесть недѣль могло умереть все городское населеніе и это объявленіе не могло порадовать, но городской голова не указалъ даже средствъ, которыми онъ надѣялся бороться съ эпидеміей и одержать побѣду. На этомъ же засѣданіи выяснилась и вся ужасная неподготовленность города къ борьбѣ. Гласные предлагали разныя мѣры, или очень неосуществимыя, или очень наивныя, а то и просто глупыя. Думали выставлять у воротъ домовъ особыя бочки для помоевъ, мусорные ящики, провести въ городъ для поливки нефтью улицъ особый трубопроводъ, уничтожить на базарѣ и въ лавкахъ всю зелень, устроить печи для сжиганія отбросовъ и проч. Всѣ проекты, однако, сейчасъ же разбивались: „кто сдѣлаетъ, откуда взять, многіе убѣжали" и т. д. спрашивали и отвѣчали себѣ гласные. Собраніе пришло къ самому надежному и давно испытанному средству:—привлекать къ суду и составлять протоколъ. Но и на это возражали:—на кого составлять протоколы, если хозяина нѣтъ и онъ уѣхалъ, а бываетъ даже, что зловонные и загрязненные дома совсѣмъ безъ жильцовъ. Такъ это возраженіе ничѣмъ и не разрѣшили. Только городской голова изъ боязни-ли заноса холеры въ свой кабинетъ, или возможности составленія протокола, на другой день велѣлъ выбѣлить и дезинфецировать карболовой кислотой.

Средствъ остановить населеніе не покидать городъ, не находилось, хотя настоятель мѣстнаго православнаго собора совершилъ крестный ходъ и произнесъ рѣчь, въ которой увѣщевалъ не покидать городъ, быть воздержаннымъ, не злоупотреблять спиртными напитками, не ѣсть огурцовъ, зелени и проч. Конечно, все это относилось къ русскому населенію, котораго въ городѣ осталось очень немного.

Въ это время поденная цѣна на чернорабочаго поднялась до 1 р. 50 к., но и на эту цѣну съ трудомъ можно было найти человѣка. Отправка рабочихъ изъ города все росла, и рабочіе бросали даже тяжбы, начатыя съ хозяевами изъ-за разсчетовъ. За выѣздомъ обѣихъ сторонъ мировые суды пустовали и дѣла не разбирались.

Въ Окружномъ судѣ изъ провожавшихъ арестантовъ конвойныхъ заболѣлъ одинъ и упалъ въ обморокъ; послѣ этого начальникъ мѣстной команды отказался посылать тюрьмѣ конвойныхъ. Предсѣдатель суда телеграфировалъ министру юстиціи, получивъ въ отвѣтъ телеграмму, „ограничить по силѣ возможности вызовъ въ судъ арестантовъ". Предлагалось лучше допрашивать арестантовъ въ тюрьмѣ.

Съ арестантами выходили непріятности: переведенные подъ видомъ заразившихся въ холерное отдѣленіе, они убѣгали оттуда, увеличивая въ городѣ грабежи и разбои. Лич-

ная безопасность не была гарантирована даже днемъ, а полиціи фактически не существовало. Оставшіеся городовые, которыхъ никогда не было видно, заявили, чтобъ имъ платили дороже, или они всѣ бросятъ, и ихъ шестнадцати рублевый мѣстный окладъ увеличили до 20 р. Полиція, безсильная по малочисленности въ обычное мирное время, во время эпидеміи не скрывала своей безпомощности и едва существовала, поддерживая только себя.

Былъ случай, когда въ жандармскомъ управленіи заболѣло и умерло нѣсколько человѣкъ жандармовъ, и пока могли управляться, дѣйствовали сами, но вотъ заболѣваетъ самъ штабъ-ротмистръ управленія. Лежа въ зараженномъ домѣ, гдѣ вокругъ больные, онъ посылаетъ своего унтеръ-офицера въ полицію, прося лежащаго больного холерой жандарма отвести въ баракъ, а помѣщеніе дезинфецировать. Долго пришлось розыскивать пристава, который выслушавъ отвѣтилъ: „пусть самъ штабъ-ротмистръ свезетъ своего больного въ баракъ". Если такой отвѣтъ получилъ больной холерой штабъ-ротмистръ жандармскаго управленія, то всѣ остальные отвѣтовъ вовсе не получали. Посланный унтеръ-офицеръ пробовалъ самъ отвезти больного жандарма въ баракъ.

Розыскавъ, не безъ усилія, фаэтонъ, онъ подрядилъ извозчика за дорогую плату перевезти больного въ баракъ, но пока онъ ходилъ за больнымъ, фаэтонщикъ уѣхалъ, скрывшись съ глазъ. Такъ и осталась жандармская квартира, не дезинфецированная, на съѣденіе холеры, и только штабъ-ротмистръ донесъ въ Тифлисъ телеграммой своему начальству.

Жить въ Баку становилось опасно и дорого. Можно было остаться совсѣмъ безъ продуктовъ. Трудно теперь представить себѣ, до чего все подорожало и какъ все было недоброкачественно. Хлѣбъ былъ черствый и грязный; лимоны, служившіе во время холеры нѣкоторымъ предохраняющимъ средствомъ, доходили до 50 к. штука. Коньякъ тоже сильно повысился, и имъ злоупотребляли даже мусульмане, которымъ онъ выдавался подъ видомъ лекарства изъ аптеки, чтобы не нарушить религіознаго закона. Красное вино, вяжущее или кислое съ чаемъ, употреблялось въ большомъ количествѣ. Красное вино въ военно-морскомъ экипажѣ солдатамъ во время эпидеміи давалось вволю и почти не было другого питья. По этой причинѣ, а можетъ быть и по образцовой чистотѣ, тамъ не было смертности, даже, кажется, никто не заболѣлъ.

III.

Наконецъ, въ городѣ кое-какъ нѣсколько улучшили санитарную часть, построили еще одинъ холерный баракъ и проч., а эпидемія все увеличивалась. *Достовѣрныя* оффиціальныя свѣдѣнія публиковали, что поступило 47, а умерло 63. У оставшихся уже не оставалось надежды на какую-нибудь радикальную помощь. Много не могли оставаться равнодушными и при всемъ желаніи быть полезными мало помогали. Только всесильный „протоколъ" проявлялъ особо рьяную дѣятельность, и въ него не шуточно многіе вѣрили, какъ въ спасителя. Мировые судьи, не ожидая санитарныхъ попечителей, которыхъ всегда не было, являлись на мѣста сами. Фемида на мѣстѣ заразы и санитарнаго безобразія составляла протоколы, приговаривала къ большому штрафу или на высидку въ тюрьму. Справедливость требуетъ удостовѣрить, что пощады на этотъ разъ не было даже отсутствующимъ, вѣрнѣе, бѣжавшимъ богатѣямъ. Дѣло начинало быть серьезнымъ, и шкурный вопросъ каждаго сталъ на стражѣ заразы, слѣдя за очагами ея.

Минуты жизни и смерти до того сблизились между собою, что толь-

ко ими жили; не ручались, что можно дожить до вечера, вставъ утромъ здоровымъ. Стало все бреннымъ и охватывало часто сомнѣніе въ дружбѣ близкихъ. Картина смерти безъ помощи представлялась реальной, близкимъ фактомъ. Каждаго здороваго пронизывалъ трепетъ сознанія быть, въ случаѣ заболѣванія, оставленнымъ, брошеннымъ всѣми, коль скоро вокругъ произносилось слово „холерный". Никто не говорилъ, но всѣ видѣли, какъ бѣжали отъ зараженнаго и какъ родные становились вдругъ чужими, безсильные побороть чувство страха заразиться и умереть. Въ дружной семьѣ и, казалось, способной на самопожертвованіе, при словѣ „холерный", поселялась точно ненависть. Но были, однако, семьи, гдѣ холера, беря штурмомъ, сразу унося въ могилу по одному, не смогла все-таки ни одного изъ членовъ обратить въ бѣгство: тутъ нагрѣвали бутылки, прикладывали ихъ къ ногамъ, растирали щетками до сдиранія кожи, дѣйствовали дезинфекція и лекарства, словомъ, съ заразой боролись и съ рискомъ для жизни отстаивали, вырывая больныхъ изъ пасти смерти.

Мой знакомый, заболѣвшій холерой, разсказывалъ свое состояніе, пока впалъ въ алгидный періодъ: мучительныя корчи, рвота и боли не такъ ужасны въ сознаніи, какъ то, что некому помочь. Нельзя было разсчитывать на помощь, когда даже лекарствъ въ аптекахъ не хватало, и чтобы получить касторовое масло, надо было простоять въ аптекѣ въ очереди цѣлый часъ. Въ самую аптеку тоже приходили за помощью заболѣвшіе внезапно, но формацевтовъ было мало, и имъ нельзя было оказать ее.

Добралась холера и до молоканъ, жившихъ на окраинѣ и на видъ всегда соблюдавшихъ чистоту, людей видавшихъ виды, стойкихъ и умѣвшихъ отстаивать свои вѣрованья, привычки и нравы въ Закавказьѣ. И не смотря на это холера ихъ не миновала.

Холера начала валить лавочниковъ и прислугу. Умирали на мѣстѣ, точно замуравленные лавой въ Помпеѣ. Одинъ лавочникъ былъ найденъ на бочкѣ съ огурцами. Хлѣбопека, мѣсившаго тѣсто, тоже поразила холера, и онъ остался у квашни. Рѣзникъ умеръ на бойнѣ почти въ то время, когда онъ самъ дѣлалъ смерть. У плиты умерло нѣсколько кухарокъ и поваровъ. Извозчиковъ по городу почти не было, и смерть не щадила городовыхъ, взявъ съ ними и одного пристава. Умирало и валилось много, а подбирать было некому.

Перевозкой больныхъ занимались три арбы. Видъ ихъ наводилъ панику на обывателей. Эти колесницы были выписаны изъ Тифлиса: ихъ сторонились и повстрѣчаться съ ними считалось плохимъ предзнаменованіемъ. Изъ нихъ часто виднѣлись головы и ноги. Разумѣется, знаменитыя три арбы не могли удовлетворить требованія, и больныхъ доставляли на чемъ попало.

Страхъ и гнетущее впечатлѣніе вызывала отправка гробовъ съ мертвыми. Каждый день вереницей они тянулись по одной улицѣ. Жившіе по ней чувствовали себя скверно. И, наконецъ, они не выдержали. Выходили изъ домовъ, ругали сопровождавшихъ и за одно и неповинныхъ покойниковъ. Однажды, во время слѣдованія такой процессіи, уцѣлѣвшіе рабочіе на табачной фабрикѣ возмутились и подвергли забрасыванью камнями мертвецовъ и сопровождавшихъ.

У нѣкоторыхъ покойниковъ пострадали черепа, сильно повреждены были гробы. Раненые городовые и возницы, бросивъ мертвый грузъ, разбѣжались.

Количеству умершихъ, оффиціально оповѣщенныхъ, никто не довѣрялъ; смертность была настолько велика что говорили, выздоровѣвшихъ уже

не бываетъ и заболѣвшій быстро умираетъ въ холерныхъ баракахъ. Даже газета „Каспій", не боясь усилить панику, отмѣтила, наконецъ, увеличеніе холеры. И холера, не шутя, принялась за интеллигенцію.

Скончался армянскій священникъ, за нимъ послѣдовали: дьякона, нѣсколько чиновниковъ, телефонистка, инженеръ-технолохъ и пошла и пошла, и, наконецъ, выпивъ въ клубѣ прохладнаго пива, заболѣлъ и умеръ итальянскій вице-консулъ. Эта смерть всѣхъ поразила. У всѣхъ она была на виду, консулъ былъ всѣмъ извѣстенъ, и смерть его нагнала большое уныніе. Передъ ней нѣкоторые храбрились: съѣвъ или выпивъ чего-нибудь лишняго, говорили: „Пустяки, на меня не дѣйствуетъ"

Послѣ этой смерти и эти храбрецы притихли, а многіе и еще сбѣжали. Въ это время сбѣжали изъ города и нѣсколько чиновниковъ, рѣшившихъ, что служба— чортъ съ ней, а жизнь дороже; даже храбрый на видъ портовый адмиралъ убѣжалъ и многіе интеллигентные купцы и нефтепромышленники.

Въ это время стало жутко въ городѣ и безъ эпидеміи. Нужно было не мало мужества, чтобы оставаться.

Одинъ типографъ заперъ свою типографію, убѣжалъ и приклеилъ на дверяхъ слѣдующее объявленіе: „уѣзжаю, а вамъ всѣмъ здоровья желаю". Закрылись типографіи, колоніальные и гастрономическіе магазины, и даже извѣстный большой магазинъ П—ва, который долго поддерживалъ торговлю и боролся съ паникою, тоже не выдержалъ, и покупатели нашли двери его въ одинъ прекрасный день тоже запертыми. Въ обычное время это не могло бы ни на кого повліять ни съ какой стороны, но тутъ каждый видѣлъ, какъ постепенно надъ нимъ надвигается гробовая крышка.

Не смѣло закрыться и работало поневолѣ мѣстное отдѣленіе государственнаго банка. Тутъ была такая же осада, что и на вокзалѣ, и если бы эта касса оказалась закрытой, то навѣрно, произошелъ бы погромъ.

Какъ ни малъ былъ составъ полиціи, но онъ вдругъ иногда проявлялъ жизнь, и нѣсколько трактировъ или съѣстныхъ лавокъ оказывались закрытыми за нечистоплотность.

Въ одинъ прекрасный день, рабочій людъ остался безъ горячей пищи. Эти мѣры полиціи вызвали необходимость открытія чайной въ циркѣ на благотворительныя средства.

Жить въ городѣ было все опаснѣе отъ грабежей и разбоевъ. Этому способствовала царившая по ночамъ темнота. Фонари не зажигались, потому что нельзя было найти на службу фонарщиковъ.

Правосудіе прекратило отправленіе своихъ функцій и хотя назначались засѣданія, но въ судъ не являлись судьи, священники, адвокаты и чиновники. Разборъ дѣлъ прекратился окончательно.

Жизнь города замерла. Оставшихся пекарей и лавочниковъ съ каждымъ днемъ становилось меньше; уличный шумъ колесъ прекратился; конка перестала ѣздить, такъ какъ заболѣвали кондукторы, и не было кучеровъ. Трупы оставались забытыми и разлагались; караульщиковъ и городовыхъ почти не осталось, оставшіеся жители старались сидѣть дома и жутко было ходить по улицамъ даже днемъ.

Мнѣ припоминается впечатлѣніе, когда я, получивъ деньги въ банкѣ, направлялся домой, ища извозчика. Не только извозчика, а на улицѣ не попадалось ни одной живой души. Я пошелъ по набережной пѣшкомъ, и мнѣ показалось, что городъ дѣйствительно весь вымеръ. Зловѣщая тишина навѣвала на душу холодящій ужасъ. На минуту мнѣ показалось, что въ городѣ осталось всего, можетъ быть, нѣсколько человѣкъ, что я приду домой и найду всѣхъ умершими, или,

что меня на этой улицѣ повалитъ холера, и я стану смердящимъ трупомъ, который даже не уберутъ.

Вдругъ, изъ за-угла крѣпости появилось три пьяныхъ, растерзанныхъ матроса, повидимому, занимавшихся мародерствомъ въ покинутыхъ домахъ. Это были тѣ военные, которые сражались съ холерой въ пьяномъ видѣ. Мнѣ одному съ деньгами не сдобровать бы, если бъ вблизи не оказалось старой лимонадной будки, за которую, по необходимости, пришлось спрятаться среди бѣла дня. Нападенія матросовъ съ частныхъ судовъ были не рѣдкостью, хотя убійства происходили больше среди проституткокъ, фаэтонщиковъ и лавочниковъ.

Горожане потеряли голову; думая о своемъ спасеніи и какъ его достичь, они подали губернатору прошеніе о принятии мѣръ, а мѣстный благочинный, что онъ не успѣваетъ хоронить. Населеніе города все уменьшаясь, совершенно не пополнялось, и приходящіе поѣзда были совершенно пусты, если не считать почтовыхъ чиновниковъ и поѣздной прислуги. Объявленный карантинъ на ст. Сангачалы и Таузъ ослабилъ отъѣздъ, и выѣзжали уже очень немногіе. Выѣхавшимъ въ города на Кавказъ пришлось натерпѣться много лишеній. Въ Тифлисѣ, напримѣръ, ихъ тащили сначала въ участокъ, тамъ для нихъ былъ временный каратинъ и осмотръ. Въ Шемахѣ было хуже: всѣ оставались безъ пріюта на улицѣ или принуждены были возвращаться обратно.

Шемахинскій уѣздный начальникъ телеграфировалъ въ Баку, предупреждая ѣдущихъ, что свободныхъ домовъ и квартиръ нѣтъ, и рѣшительно нѣтъ нигдѣ мѣстъ, чтобы больше не пріѣзжали, потому что пріѣзжіе остаются подъ небомъ, на базарѣ. Но это не останавливало. Въ Шемаху нанимали фаэтоны или арбы, а кто не могъ, уходили пѣшкомъ. Въ дорогѣ въ Шемаху и по Кубанскому тракту много умерло, не достигнувъ цѣли и даже валялись трупы.

На весь городъ осталось четыре врача. Кто уѣхалъ, а кто убѣжалъ нервно-заболѣвъ. Остановились всѣ биржевыя дѣла, закрылась биржа, выѣхали всѣ оффиціальные маклера. Протесты векселей къ нотаріусамъ поступали сотнями каждый день. Не платили по векселямъ не потому, что не было денегъ, а за безвѣстностью отсутствія векселедателей. На всякій случай протестовали векселя всѣхъ, даже очень богатыхъ, будь они живы или умерли. Все можетъ случиться: умретъ, раздѣлъ, дѣлежъ, администрація по дѣламъ, банкротство,--разберемъ послѣ. Наживались, повидимому, однѣ аптеки, не стѣсняясь брать втрое за карболовую кислоту.

Когда холера достигла высшей точки своей кривой, а городская и губернская администрація уже не была въ роли даже простыхъ зрителей, тогда стало извѣстнымъ, что городъ посѣтилъ начальникъ края, Главноначальствующій. Составлена была депутація изъ трехъ національностей: мусульманъ, армянъ и русскихъ. Представившаяся депутація изъ мусульманъ—просила объ отсрочкѣ платежей по векселямъ; изъ армянъ—объ охраненіи имущества отъ воровъ и разбоевъ; изъ русскихъ—о принятіи мѣръ къ обезпеченію продовольствіемъ, которое доставать съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе; наконецъ, просили объ организаціи, о болѣе энергичныхъ мѣрахъ для прекращенія эпидеміи.

Главноначальствующій отвѣчалъ, что отсрочка по векселямъ не входитъ въ его компетенцію, что объ охранѣ города долженъ позаботиться самъ городъ, а насчетъ мѣръ, обезпечивающихъ распространеніе и пресѣченіе эпидеміи, пожелалъ этотъ вопросъ отложить на нѣкоторое время. По возвращеніи изъ Дербента, куда уѣзжалъ Главноначаль-

ствующій, обѣщано было этотъ вопросъ обсудить.

Въ это время оффиціальная газета „Кавказъ" (Тифлисъ) писала о Баку слѣдующее: „Хотя городъ этотъ имѣлъ всѣ данныя для борьбы, въ немъ никто не принялъ никакихъ мѣръ ни для предупрежденія, ни для пресѣченія болѣзни, ни для локализаціи ея. Здѣсь не время и не мѣсто разбирать, чья вина, тѣмъ болѣе, что она, повидимому, падаетъ одинаково на всѣхъ. Но ужасныя послѣдствія полнѣйшаго невниманія на лицо. Зараза разразилась въ Баку, получивъ въ немъ силу и оттуда распространилась во всѣ стороны и по Закавказью, и на сѣверъ черезъ море. Замѣчательно, что въ Астрахань эпидемія занесена не прямо изъ Узунъ-Ада, а изъ Баку. Но вмѣстѣ съ заразой толпы, бѣгущія изъ Баку, разносили панику, и разныя подозрѣнія и толки; это еще болѣе усугубляетъ отвѣтственность этого города передъ Россіей. Какъ бы то ни было, Баку представляетъ наглядный примѣръ того, какъ развивается эпидемія, когда противъ нея не принято никакихъ мѣръ".

Такъ умыла руки администрація края, слагая съ себя отвѣтственность за тысячи жертвъ. Но какъ писалъ Мещерскій, этотъ цѣлитель всякихъ русскихъ болячекъ, достойно вниманія.

„Когда мнѣ пишутъ о холерѣ, что смертность доходитъ въ день до 200 человѣкъ, а въ Астрахани еще больше, то я все жгу, всѣ письма о ней: не вѣрю".

Мѣрой исправительной для Мещерскаго и ему подобныхъ могла бы служить мѣра, въ свое время практикованная ген. Барановымъ, въ Нижнемъ; Мещерскаго слѣдовало поставить въ холерный баракъ на дежурство. Вѣра въ эту правду сразу у него укоренилась бы. Въ безпрепятственныхъ условіяхъ холера вела свою войну ожесточенно. Она въ особенности не щадила мусульманскую часть населенія, которое умирало незамѣтно, не посылая своихъ больныхъ въ холерные бараки и вообще не обращаясь къ врачебной помощи, кромѣ знахарской. Сегодня заболѣвалъ больной, черезъ часъ ему пускали кровь, а къ вечеру онъ уже отправлялся на кладбище.

Тамъ копались могилы на глубину всего $1^{1}/_{4}$ аршина и заливались известью, а вѣрнѣе, ею только брызгали. На кладбищѣ отъ плохо зарытыхъ могилъ при тропическомъ солнцѣ стоялъ смрадъ. Однако, всѣ распоряженія и приказы, обильно издаваемые въ обычное мирное время, прекратились, и все обѣщано было по возвращеніи изъ Дербента. Разрѣшено было умирать до пріѣзда. Проѣздъ Главноначальствующаго не прошелъ безъ вліянія. Новые бараки огородили заборомъ, на суда, занимающіеся перевозкою пассажировъ, велѣли нанять сопровождающихъ врачей.

IV.

Холера, унесшая столько жертвъ, осиротившая многихъ, выбросила на улицу на произволъ судьбы не мало дѣтей.

Однажды встрѣчается маленькая дѣвочка. Она плачетъ, даже кричитъ, но не умѣетъ объясниться. Городового она потащила домой; знаками, жестами и полусловами, на непонятномъ языкѣ она силилась разсказать. Наконецъ, они пришли домой. Ужасная картина смерти поразила городового.

Домъ весь пустъ, нѣтъ въ немъ живой души, а въ квартирѣ, гдѣ осталась живой одна дѣвочка, родители ея лежали безъ жизни. Трупы среди экскрементовъ, рвоты и зловонія. Семейство оказалось нѣмецкое. Очистить, убрать, похоронить некому, нѣтъ средствъ ни городскихъ, ни частныхъ. Мертвый городъ.

Всѣ такъ попрятались, что неизвѣстно было: умерли-ли они или еще живутъ.

Вдругъ, прибѣгаетъ въ полицейскій участокъ грузинка, она цѣлый день не ѣла, у ней въ домѣ лежитъ мертвый мужъ и 5 человѣкъ дѣтей. Она не знаетъ, что дѣлать: хоронить мужа или кормить дѣтей, но кормить нечѣмъ и спасаться некуда. Даже убѣжать отъ смертнаго мѣста она лишена возможности и проситъ у Бога, чтобы онъ даровалъ ей смерть.

— Жить мнѣ нельзя, возьмите кто нибудь дѣтей!—молила она.

Никто бы не сказалъ, куда дѣвались дѣти, какъ существовали недостаточные рабочіе въ этомъ промышленномъ городѣ. Услѣдить за всѣми было трудно, да и не до того.

За предѣлами, т. е. въ Россіи, говорили о Баку, какъ объ осажденномъ городѣ. Телеграммы о количествѣ смертей раскупались съ такой же жаждой, какъ бы съ театра военныхъ дѣйствій. Но свѣдѣнія эти не только не были точными, а являлись плодомъ измышленія. Къ каждому письму и даже къ бакинской газетѣ, не смотря на дезинфекцію, относились, какъ къ зараженной и разсказывали о испугахъ при видѣ холерной газеты. Однако, и эта единственная представительница печатнаго слова въ осажденномъ городѣ грозила прекратиться. Наборщиковъ въ городѣ оставалось мало,— и пришлось выпускать ее въ полъ листа.

Примѣръ бакинской общей могилы заставилъ, хотя и поздно, но проснуться нѣкоторые ближайшіе города. Въ Кутаисской думѣ одинъ изъ гласныхъ держалъ такую рѣчь.

„Возьмите съ насъ, что хотите, обложите насъ, какимъ угодно налогомъ, но предупредите заразу, не пустите въ нашъ городъ смерть“!

Выражаясь о Баку, величали и сравнивали его съ готовой гигантски-увеличенной лабораторіей института экспериментальной медицины для разводки холерныхъ бациллъ.

Я уже отмѣтилъ выше общее невѣріе: сначала,—что холерѣ дали въ Баку основательно привиться, а затѣмъ, что она косила всѣхъ, вопреки увѣреніямъ администраціи края и городской, но еще я говорилъ такъ же и объ отношеніи князя Мещерскаго къ холерѣ, а теперь считаю необходимымъ привести еще и корреспонденцію одной газеты, изъ наиболѣе характерныхъ, поучавшихъ своихъ читателей. Корресподентъ передаетъ свою бесѣду съ кучеромъ трамвая.

„Холеры нѣтъ,—сказалъ кучеръ,— да въ Баку ея и не бываетъ долго: мѣсяцъ, два, дольше не держится и умираетъ тогда человѣкъ 80—100. Здѣсь не бываетъ такъ, какъ у насъ въ Персіи: здѣсь изъ 20 человѣкъ умретъ одинъ, а у насъ десять; какая теперь холера.—Дальше идетъ такое же разсужденіе, что холеры нѣтъ и что онъ самъ былъ и видѣлъ „богатую растительность этого города, расположеннаго у моря“.

„А если и есть заболѣванія,—поправляется корреспондентъ,—то это холерина, которая всегда бываетъ, т. е. cholera nostas“.

Убѣгавшіе и чаще бывшіе когда нибудь въ Баку, а то и просто слыхавшіе только о немъ, доставляли неизсякаемый матеріалъ газетнымъ корреспондентамъ. Самая большая газета писала, что въ Баку всѣхъ жителей 45 тысячъ, и изъ нихъ половина умерла.

Въ это время особенно ярко выразилось полное незнаніе газетами нашихъ окраинъ. Баку, обладающій міровой промышленностью, стоящій по вывозу изъ Имперіи на второмъ мѣстѣ и обогащающій доходомъ государственную казну, пользовался и въ обычное время меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ любая китайская деревушка. И это тогда, когда мы такъ нуждаемся въ освѣдомленности и когда она могла бы принести пользу и даже спасти многихъ отъ смерти.

Холера не щадила и врачей, которыхъ было очень мало: изъ 4-хъ

умеръ одинъ и двѣ сестры милосердія. Удивительно трогательно была принята всѣми смерть этихъ сподвижницъ. Изъ нихъ Г-жа Нав-къ отличалась и заслуживала большой награды, бившись въ передовыхъ отрядахъ и съ самаго начала.

Большая смертность, бывшая во всѣхъ національностяхъ, на мусульманахъ, какъ на болѣе коренномъ и осѣдломъ населеніи, отразилась сугубо. Они гибли не только въ самомъ городѣ, но и въ пригородныхъ садахъ, виноградникахъ, гдѣ о помощи никто не думалъ. Среди мусульманъ понятіе о чистотѣ своеобразное: на день нѣсколько разъ они дѣлаютъ омовенія рукъ, ногъ, лица, но не считаютъ грязнымъ отбросы и экскременты выбрасывать на дворъ или у самыхъ жилищъ. Нерѣдко рядомъ съ питьевой водой колодца устраивается ретирадъ.

Вездѣ самымъ широкимъ путемъ, по которому распространялась холера очень быстро и губительно, — была вода. Та-же вода сослужила свою службу и въ Бакинскую холеру. Бакинскіе колодцы даже безъ холеры были источниками тифа, глисты, поносовъ и другихъ заболѣваній. Пріѣзжающіе долго не могли привыкнуть къ этой соленой, а мѣстами красноватой жидкости, добытой изъ городскихъ колодцевъ. Объ этихъ колодцахъ всегда дебатировали въ думѣ, кричали о необходимости ихъ закрыть и резонно отвѣчали, что нельзя воду замѣнить виномъ и нельзя остаться безъ всякой воды, даже будь она, по изслѣдованіи, завѣдомо заражена разными болѣзнями. И эти колодцы, изъ которыхъ мусульмане пили, обмывались, мыли бѣлье и больныхъ, сдѣлали свое губительное дѣло. Они были отравлены холерной заразой. Небольшое число врачей, боровшихся съ бакинской холерой, не разъ убѣждались въ этомъ воочію. Кромѣ этихъ очаговъ заразы, была улица, на которую по привычкѣ, общей на Востокѣ, выливались помои и всѣ остальные отбросы въ жидкомъ и твердомъ видѣ.

Фатально переносившая холеру мусульманская часть населенія, наконецъ, 28 іюня устроила что то въ родѣ крестнаго хода. Верхами на лошадяхъ, съ значками, съ барабаннымъ боемъ всадники отправились, съ возгласами Алла въ деревню Шихово, въ священную мечеть Биби-Эйбатъ. Тамъ было совершено молебствіе объ избавленіи отъ мора и принесено жертвоприношеніе.

Если бы изобразить графически холерныя заболѣванія въ городѣ, то легко было бы увидѣть послѣдовательность, съ которою осаждала городскія улицы холерная эпидемія. Сначала отдѣльные случаи въ городскомъ амфитеатрѣ произошли въ наиболѣе отдаленныхъ гористыхъ пунктахъ, дальше заболѣванія спускались внизъ, все суживая кольцо эпидемическаго развитія и приближаясь къ центру, и наконецъ насталъ періодъ повальнаго мора.

Почему не вымеръ весь городъ и въ немъ оказалось все-таки достаточно жизнестойкихъ организмовъ, пусть разберутся врачи и друг., но нельзя, однако, всему происшедшему не удивляться, сознавшись, что болѣе благопріятной почвы для развитія болѣзнетворныхъ началъ, едва-ли гдѣ нибудь существовало. Когда развитіе холеры дошло до такихъ предѣловъ, что ей осталось немного жертвъ, а можетъ быть оставшіеся уже были застрахованы и неуязвимы, тогда разнеслась радостная вѣсть, что Главноначальствующій возвращается изъ Дербента. Обѣщанное обсужденіе положенія несчастнаго города могло скоро осуществиться.

Но въ городѣ все притихло и жизнь его, казалось, какъ будто совсѣмъ замерла.

Одному русскому матросу пришла счастливая мысль испытать живучесть города, и онъ принялся орать на улицѣ, взывая и моля о помощи.

Кричалъ, что есть мочи, что онъ умираетъ отъ холеры. На эти мольбы и крики, продолжавшіеся довольно долго, начали осторожно собираться смѣльчаки. Явился и городовой. Собравшіеся начали измышлять способы, какъ бы отправить больного въ холерный баракъ. Но симулянтъ отъ такихъ намѣреній сразу пришелъ въ сознаніе и уже молилъ его освободить, бросилъ шутки, не катался на животѣ и не зналъ, какъ бы выпутаться изъ бѣды.

Однако, ему не вѣрили.

— Знаемъ мы васъ, всѣ вы не хотите въ бараки, тащи его!

Здоровому человѣку предстояло заразиться, и онъ остроумно бросился въ стоявшую мазутную лужу. Оттуда онъ вылѣзъ въ такомъ видѣ, что никто не осмѣливался до него дотронуться.

Еще одинъ случай характеризуетъ ту же пустоту въ городѣ и безпомощность.

Подгулявшая компанія пріѣзжихъ желѣзнодорожныхъ машинистовъ начала на базарѣ свистѣть и звать полицію. Долго и терпѣливо ожидая городовыхъ, машинисты подняли такой свистъ, что при городской мертвенной тишинѣ онъ былъ слышенъ на далекое пространство по всему городу.

Наконецъ, появился сначала одинъ городовой, которому машинисты сдѣлали выговоръ и, назвавъ себя „чиновниками изъ министерства", начали предъявлять разныя требованія. Въ это время еще нѣсколько городовыхъ; съ околоточнымъ во главѣ, подоспѣли на мѣсто.

Машинисты велѣли изъ лавокъ свезти всю зелень въ одну кучу и, обливъ ее керосиномъ, при себѣ предать сожженію.

„Чиновники изъ министерства" при этомъ въ пухъ и прахъ разнесли полицію, грозили запечатать послѣднія лавки, но когда въ угоду ихъ все предупредительно было исполнено, они отпустили полицію съ миромъ, а сами тоже удалились безпрепятственно.

Населеніе до того было запугано, что часто, убѣгая отъ заразы, не только попадало въ самый очагъ ея, но и не отдавало себѣ отчета въ томъ, что дѣлало. Въ тифлисскомъ поѣздѣ изъ Баку былъ случай разрѣшенія отъ бремени одной женщины, которая начала стонать. Ее моментально покинули всѣ сосѣди по вагону, оставивъ одну, боясь зайти туда и требуя отцѣпить вагонъ. Нѣкоторые же до того испугались, что не успѣли на поѣздъ и отстали, сойдя на станціи. Никакія увѣщеванія долго не помогали: всѣ отказывались вѣрить, что женщина не больна холерой.

Холерное время создало особое питаніе. Ѣли легкій супъ, или бульонъ, чай же съ лимономъ, коньякомъ и виномъ пили почти цѣлый день. Сырая вода была изгнана, ею даже избѣгали умываться. Руки рѣшили другъ другу при встрѣчахъ не подавать. Многіе были убѣжденія о неуязвимости къ заболѣванію холерой дѣтей, но я былъ свидѣтелемъ не одной дѣтской смерти и потому считаю это предубѣжденіемъ. Кромѣ сильной холеры въ городѣ, не менѣе сильная холера была на нефтяныхъ промыслахъ, которые тоже почему-то считались застрахованными отъ эпидеміи. Думали, что газы, нефть и мазутъ окажутъ дезинфецирующее вліяніе на атмосферу и холера не разовьется.

Не знаю, какое дѣйствіе оказываетъ нефть, если въ нее опустить холерные микроорганизмы, вѣроятно, они тамъ погибаютъ, но что въ организмахъ людей, живущихъ на нефтяныхъ промыслахъ, они прекрасно могутъ размножаться, отравляя и убивая ихъ,—въ этомъ я былъ свидѣтелемъ. На промыслахъ холера даже была, по моему, болѣе жестокой, чѣмъ въ городѣ. Тутъ я видѣлъ случаи холеры, дѣйствовавшей краткосрочно, почти моментально.

Народъ такую холеру называлъ „сухою“. Ходящій и работавшій человѣкъ вдругъ падалъ. Лицо дѣлалось землистымъ, и онъ весь видимо сгоралъ. Жизнь потухала очень скоро, и думается, тѣмъ меньше было и мученій. Раскинутость жилья на нефтяныхъ промыслахъ исключала всякую своевременную помощь. Къ тому же и медицинская помощь была въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ въ городѣ. Люди гибли за тѣмъ дѣломъ, которое дѣлали: когда приготовляли паръ, ходили за машинами и добывали нефть. Впрочемъ, промыслы всѣ скоро остановились, а люди все гибли. Мнѣ самому удалось натолкнуться на одну запертую кочегарку, изъ которой неслась ужасная вонь. Хотя кочегарка была заперта и котлы видимо бездѣйствовали, но, привыкнувъ уже довѣрять „воздуху“, я попробовалъ войти, но двери были заперты. А когда разломавъ внутреннюю задвижку, я проникъ внутрь, то увидѣлъ, на лавкѣ, начавшій разлагаться трупъ кочегара. Бѣднягѣ, видимо недужилось, и онъ, разсчитывая отдохнуть, легъ, заперъ дверь и больше не всталъ.

Что бы ни писать теперь о холерѣ на нефтяныхъ промыслахъ, не было бы новостью, а лишь повтореніемъ въ равной степени того же, что сказано было выше. Смерть, смерть и смерть всюду, вотъ состояніе, охватывавшее каждаго безъ различія, ложился ли онъ спать, или вставалъ въ ту пору.

Теперь, обдумывая всѣ картины холернаго времени, трудно утверждать, что было бы лучше: еслибъ населеніе, не поддавшись страху, осталось на мѣстѣ, не бѣжало бы, а умирало бы, перенося это, какъ ниспосланное судьбой и что-то неизбѣжное, или — оно бѣжало, развезло холеру по всѣмъ городамъ, пустило на всю Россію и тѣмъ заставило обратить вниманіе на безнаказанность тѣхъ, кому ввѣрена забота о народномъ здравіи. Холера дала хорошій урокъ и она сама научала, какъ съ ней обращаться; разумѣется, за этотъ урокъ поплатился прежде всего опять народъ, а не тѣ, кто не вѣрилъ ни предупрежденіямъ газетъ, ни даже фактамъ, уже происходившимъ, и только все „вралъ, что писали о холерѣ“.

Исторія не можетъ скрыть всего и, послѣ минувшихъ 12 лѣтъ, она должна въ предвидѣньи новыхъ несчастій воспользоваться демонстративно преподаннымъ урокомъ.

Можно ли забыть хотя бы одинъ фактъ тризны въ Асхабадѣ, происшедшій въ тотъ же холерный годъ?

Совсѣмъ покончено было съ холерой, она, какъ эпидемія, была сдана въ архивъ, и началось первое торжество, первая тризна по умершей холерѣ, послѣ траура, воздержанія и со святыми упокой. Этотъ балъ устроенъ былъ начальникомъ Области и воодушевленно поддержанъ всѣмъ изнемогшимъ отъ печали обществомъ. Тѣмъ болѣе обѣщалъ удачу этотъ балъ, что пошелъ прохладительный дождикъ. Дождикъ въ іюнѣ въ степяхъ Закаспійской земли, — это такъ необычайно. Душѣ стало легче, видимо, самъ Богъ посылалъ знаменіе конца эпидеміи. Только дождь былъ, по примѣтамъ, какой-то красный, боялись выговорить, что онъ кровяной, но ясно, былъ онъ особенный, необыкновенный.

Балъ удался, балъ воодушевилъ, далъ отдыхъ и силу; пили за окончаніе холеры, за избавленіе: живые — за память мертвыхъ, а что уцѣлѣли, всѣ перегружались и дали волю желудкамъ. Въ самый разгаръ бала, вдругъ вѣсть, что въ такомъ-то полку заболѣло сразу десятки человѣкъ, чрезъ нѣкоторое время еще вѣсть и болѣе невѣроятная. Еще и еще заболѣванія. Это уже не искра и даже не вспышка, а цѣлый пожаръ. Дождь намочилъ микробы и оживилъ ихъ въ той пыли, которой дышали, но которая не вредила и которая спасала до дождя. Какъ это все назидательно! Какъ это назидательно для тѣхъ, кто живетъ цирку-

-лярами, распоряженіями, усмотрѣніями, но не наукой. Какъ дорого стоилъ этотъ асхабадскій праздникъ, сколько онъ разомъ выхватилъ жизней среди ихъ веселья и послѣ него, когда они, дозволивъ себѣ всего и не воздерживаясь въ своихъ утробахъ, образовали на немъ хорошую среду для разводокъ холерныхъ бациллъ.

Да послужитъ же этотъ урокъ холеры съ ея исторіей въ будущемъ предупрежденіемъ!

* * *

Наконецъ, городъ дождался давно жданнаго и обѣщаннаго возвращенія Главноначальствующаго. Онъ пріѣхалъ изъ Дербента. Но онъ по недосугу не могъ оставаться долго и выѣхалъ изъ Тифлиса, поручивъ образовать коммиссію изъ врачей и городскихъ представителей, подъ предсѣдательствомъ завѣдывающаго медицинской частью.

Предсѣдательствовавшій открылъ собраніе рѣчью, въ которой констатировалъ отливъ населенія изъ пораженнаго города, отмѣтилъ малочисленность полиціи и скученность рабочаго люда въ нѣкоторыхъ кварталахъ и заключилъ пожеланіями борьбы съ фаталистическимъ отношеніемъ къ смерти мусульманской части населенія и съ необходимостью внушеніяэтойчастинаселеніяпріемовъ культурной медицинской помощи.

О питьевой водѣ и санитарной части онъ не упоминалъ, но присутствовавшіе пробовали пережевывать старое. Опять рѣшено было раздѣлить городъ на 32 участка, несмотря на то, что въ надзиратели никто не могъ пойти и некому было занять мѣста санитарныхъ надзирателей. Хотя бы они взялись, они не будутъ дѣлать дѣло, не будутъ являться, словомъ, что было и раньше.

На засѣданіи дебатировали вопросъ и о врачахъ и что ихъ всего четыре, изъ которыхъ два уѣхали, заболѣвъ. Выяснилось, что отъ врачей даже прячутся, а мусульмане избѣгаютъ врачей, боясь ихъ, или бараковъ—неизвѣстно. На глазахъ полиціи, одного больного,—заявилъ присутствовавшій врачъ,—перетаскивали черезъ заборъ, желая скрыть.

Самымъ существеннымъ этого засѣданія было постановленіе открыть еще одинъ холерный баракъ на 100 человѣкъ.

Такъ кончились попытки получить помощь отъ власти имущихъ. И помощи теперь дѣйствительно никто не видалъ. Полиція не оказалась не только въ состояніи защиты, а даже не могла играть роли сторожа-провозвѣстника, сторожа, который бы могъ созвать помощь. Смерть косила, а разбои и грабежи никѣмъ не останавливались. Все предоставлено было случаю, все обезцѣнилось, и деньгамъ не придавали обычнаго значенія. Не осталось ничего цѣннаго въ этой жизни, кромѣ послѣдней; спасенія ждать не откуда, и крикъ „больной холерой“ заставлялъ все бросить, оставивъ безъ помощи на съѣденіе червямъ близкаго человѣка.

Босяки не имѣли препятствій и среди бѣлаго дня пришли на базаръ въ открытую лавку татарина и отняли кассу, въ которой всего нашлось деньгами 35 рублей. Сколько нибудь сохранившіе крѣпость духа, люди болѣе мощные, были поколеблены, должны были считать себя сломленными и во власти смерти. Она грозила отовсюду: отъ холеры, отъ разбоевъ и, наконецъ, отъ голода.

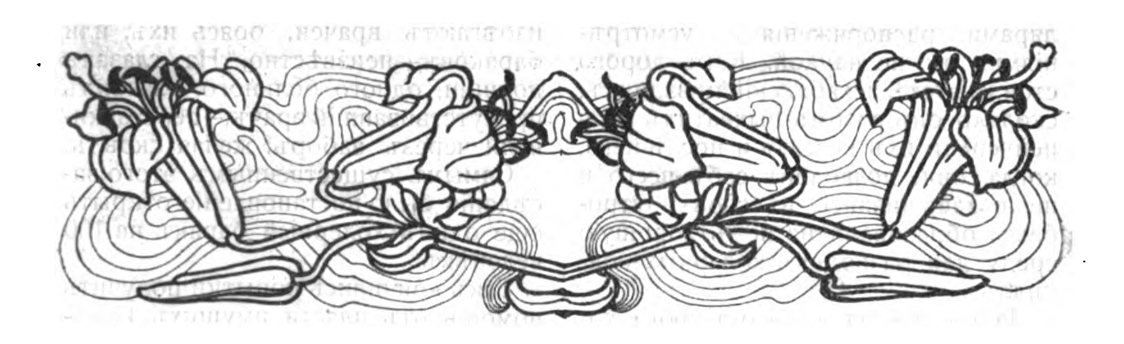
Что могли эти люди предпринять, подъ вліяніемъ необходимости дѣйствовать?

И вновь, когда шло все къ концу эпидеміи, они обратились къ Главноначальствующему съ прошеніемъ. Онъ отвѣтилъ на этотъ разъ категорически:

„Войско двинуто, полиція усилена“.

Помощь не только поздняя, но и мало полезная.

Николай Лавровъ.

* * *

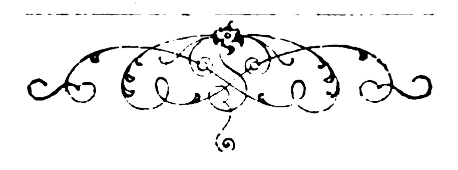
О скажи, отчего золотая звѣзда
Такъ недолго на небѣ сіяла?
Отчего она меркла съ зарею всегда
И, скатившись, навѣки пропала?

О скажи, отчего такъ недолго закатъ
Былъ окрашенъ багряной зарею?
О скажи, отчего такъ недолго нашъ садъ
Красовался зеленой листвою?

О скажи, отчего такъ недолго цвѣты
Этотъ скошенный лугъ украшали?
О скажи, отчего золотыя мечты
Съ первой жизненной бурей увяли?

О скажи, отчего промелькнула весна
И дождливое началось лѣто?
Отчего моя жизнь лишь тоскою полна?
О скажи, справедливо ли это?

К. Томская.

Отъ рабства къ свободѣ.

Букера Вашингтона.

(Продолженіе).

Глава IV.

Помощь другимъ.

Къ концу перваго года моей жизни въ Гамптонѣ, мнѣ представилось еще одно затрудненіе. Большинство учащихся во время вакаціи разъѣзжалось по домамъ, у меня-же не было средствъ для этого,—а уходить кудалибо нужно было. Въ то время позволеніе оставаться въ заведеніи на вакаціи давалось въ видѣ рѣдкаго исключенія. Раздумывая, какъ бы выйти изъ этого затрудненія, я хотѣлъ было продать свой пальто за 3 долл., но не нашелъ покупателя. Наконецъ, я пристроился въ одномъ ресторанѣ въ крѣпости Монро.

Жалованіе мое не превышало стоимости стола. Вечеромъ и между ѣдой я занимался въ Семинаріи.

Къ концу перваго года я остался долженъ Семинаріи 16-ть дол., которые не смогъ уплатить работой, и рѣшилъ заработать эти деньги лѣтомъ и въ началѣ второго курса выплатить; я считалъ это дѣломъ чести. Въ виду этого я экономилъ, въ чемъ только могъ—самъ стиралъ свое бѣлье, не покупалъ новаго бѣлья, и пр., но 16 дол. я все таки не выработалъ. Къ счастью, казначей Семинаріи согласился разсрочить этотъ долгъ.

Въ концѣ второго года, съ помощью денегъ, присланныхъ мнѣ моей дорогой матерью и братомъ Джономъ, и небольшой суммы данной одной учительницей, я могъ на вакаціяхъ посѣтить свой родной

домъ въ Мольденѣ, Запад. Виргиніи.

Когда я прибылъ туда, то соляныя копи уже не разрабатывались, а угольныя копи отдыхали, такъ какъ рабочіе забастовали.

Мать и вся семья, конечно, радовались моему приходу и поражались перемѣнѣ, происшедшей во мнѣ за эти два года. Радость же всѣхъ классовъ чернаго населенія, особенно старѣйшихъ изъ нихъ,—была неописуема. Я долженъ былъ посѣтить каждую семью, отобѣдать и разсказать всѣ подробности жизни въ Гамптонѣ. Кромѣ того, я долженъ былъ говорить въ церкви, въ воскресной школѣ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ. Но главнаго—что мнѣ было такъ необходимо—работы, я нигдѣ не могъ достать, по случаю стачки. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ безплодныхъ поискахъ работъ, безъ чего мое возвращеніе въ Семинарію было не возможно. Я отправился дальше пробовать счастья, но, не найдя ничего, пошелъ обратно домой. Ночь застигнула меня прежде, чѣмъ я успѣлъ дойти домой, и, найди на дорогѣ старый, пустой домъ, я заснулъ тамъ, какъ убитый. Рано утромъ братъ Джонъ съ нѣжностью женщины передалъ мнѣ извѣстіе о смерти нашей любимой матери. Она умерла въ эту ночь.

Это было самое тяжелое и печальное извѣстіе для меня, хотя за послѣдніе годы здоровье ея было плохое, но я никакъ не думалъ, что конецъ могъ прійти такъ скоро и всегда молилъ Бога о томъ, чтобы быть съ нею въ послѣднія минуты ея жизни. Моей страстной мечтой было по окончаніи ученія дать моей матери возможность отдыха и болѣе спокойной жизни. Она часто говорила, что желала-бы дожить до того времени, когда дѣти ея получатъ образованіе и устроятся въ жизни.

Отсутствіе матери въ домѣ скоро сказалось. Моя маленькая сестричка Аманда, не смотря на всѣ ея старанія, была слишкомъ молода, чтобы содержать домъ въ должномъ порядкѣ, а отчимъ не имѣлъ средствъ нанимать прислугу,—и въ домѣ воцарился хаосъ.

Между тѣмъ, меня скоро попросили пріѣхать въ Семинарію для приведенія въ порядокъ помѣщенія, какъ писала миссъ Мэри,—и я поспѣшилъ обратно въ школу.

Послѣдній годъ,—не исключая времени, занятаго работами по дому,—я серьезно занимался ученіемъ. Я рѣшилъ во что бы то ни стало, чтобъ мое имя было помѣщено на „листѣ чести“ выпускныхъ ораторовъ, и достигъ этого въ іюнѣ 1875 года, кончивъ полный курсъ Семинаріи.

Въ Семинаріи я впервые понялъ, что могутъ сдѣлать изъ человѣка истинное образованіе и развитіе. До моего поступленія туда, я раздѣлялъ общее тогда представленіе у всѣхъ черныхъ, что образованіе должно заключаться въ легкомъ и пріятномъ обученіи наукамъ, при полномъ освобожденіи отъ ручного труда. Въ Семинаріи-же я понялъ, что всякій трудъ, помимо его коммерческой цѣнности, самъ по себѣ облагораживаетъ человѣка, поднимаетъ его въ его собственныхъ глазахъ, дѣлаетъ его независимымъ и увѣреннымъ въ себѣ и своихъ силахъ.

Я былъ безъ копѣйки по окончаніи курса. Вмѣстѣ съ другими студентами я получилъ мѣсто слуги въ столовой при гостиницѣ въ Конектикутѣ, предварительно занявъ денегъ на поѣздку туда. Но я скоро убѣдился, что ровно ничего не знаю въ этомъ новомъ дѣлѣ. Мнѣ дали столъ, за которымъ сидѣли 4 или 5 богатыхъ и аристократическихъ господъ. Мое незнаніе самыхъ элементарныхъ правилъ столоваго дѣла до того разсердило моихъ патроновъ, что они стали кричать на меня немилосердно, и я сбѣжалъ отъ страха, оставивъ ихъ безъ ѣды.

За наказаніе меня смѣнили съ этой должности и заставили мыть посуду. Но я порѣшилъ непремѣнно изучить это дѣло и выказалъ столько старанія и наблюдательности, что хозяинъ умилился и черезъ нѣсколько недѣль снова поручилъ мнѣ служить за столомъ.

По окончаніи сезона я возвратился въ Мольденъ и былъ назначенъ учителемъ мѣстной школы. Этимъ было положено начало счастливѣйшимъ днямъ моей жизни, ибо я почувствовалъ возможность помогать жителямъ моего городка въ развитіи высшей нравственной и умственной жизни.

Такъ какъ здѣсь было много взрослыхъ, желавшихъ учиться, но въ силу своихъ дневныхъ занятій не имѣвшихъ возможности посѣщать дневной школы, то я скоро открылъ и вечернюю школу.

Съ перваго-же дня открытія она была переполнена и по числу воспитанниковъ равнялась дневной. Старшіе и лучшіе изъ моихъ учениковъ, изъ которыхъ многимъ было уже за 50 лѣтъ, были изумительно внимательны. Къ этимъ школамъ я еще прибавилъ маленькую читальню и учредилъ общество дебатирующихъ. По воскресеньямъ я училъ въ двухъ воскресныхъ школахъ, въ самомъ Мольденѣ послѣ обѣда, и утромъ въ мѣстечкѣ, въ трехъ миляхъ отъ него. Кромѣ того, у меня было еще нѣсколько молодыхъ людей, которыхъ я подготовлялъ къ учительской Семинаріи въ Гамптонѣ.

Вопросу о вознагражденіи я придавалъ мало значенія; я училъ всякаго, кто только желалъ того, и былъ безконечно счастливъ возможностью помочь кому-либо.

Во все время моихъ занятій въ Семинаріи мой братъ Джонъ не только помогалъ мнѣ чѣмъ только могъ, но, работая въ угольныхъ копяхъ, и содержалъ всю семью. Теперь я, въ свою очередь, взялся помогать ему подготовиться въ Гамптонскую Семинарію и собрать денегъ на покрытіе необходимыхъ расходовъ. Въ три года мой братъ окончилъ Семинарію и состоитъ теперь инспекторомъ Индустріи въ Тоскентѣ.

Когда онъ вернулся изъ Гамптона, мы нашими обоюдными стараніями помогли и пріемному брату нашему Якову пройти черезъ учительскую Семинарію. Въ то время, когда я работалъ еще въ Мольденѣ, извѣстное тайное общество подъ названіемъ Ку-Клюксъ-Клонъ было на высотѣ своихъ злодѣяній. Цѣль этого общества была въ наблюденіи за поведеніемъ черныхъ и главнымъ образомъ въ недопусканіи ихъ пользоваться своими новыми политическими правами. Они напоминали „патрули“, о которыхъ я много слыхалъ въ дѣтствѣ во время рабства. „Патрули“ эти составлялись изъ бѣлыхъ, обыкновенно молодыхъ людей, для того чтобы слѣдить за поведеніемъ рабовъ, не позволять имъ переходить изъ одной плантаціи въ другую безъ разрѣшенія, дѣлать сходки, при отсутствіи бѣлыхъ и проч. Подобно „патрулямъ“ „Ку-Клюксъ-Клонъ“ дѣйствовали преимущественно по ночамъ. Но они были много жесточе „патрулей“. Ихъ главная цѣль было уничтожить въ корнѣ политическія стремленія негровъ; съ этой цѣлью они жгли школы и церкви, какъ главные разсадники высшаго развитія, и много невинныхъ людей пало жертвой ихъ жестокой политики. Какъ на молодого человѣка, эти беззаконныя банды произвели на меня ужасное впечатлѣніе. Я былъ свидѣтелемъ открытой битвы между черными и бѣлыми въ Мольденѣ; около 100 человѣкъ съ каждой стороны приняло участіе въ ней, многіе были серьезно ранены, между ними Генер. Л. Рефнеръ, мужъ моей доброй Рефнеръ. Онъ старался защищать черныхъ, и за это былъ брошенъ на землю, и такъ сильно избитъ, что

послѣ этого онъ никогда не могъ окончательно оправиться. Когда я смотрѣлъ на эти стычки между двумя расами, мнѣ казалось, что положеніе черныхъ въ этой странѣ было безнадежно. Владычество Ку-Клюксъ было самымъ тяжелымъ періодомъ реконструкціонныхъ опытовъ. Я упомянулъ объ этой печальной части исторіи Юга только потому, чтобы показать, какія серьезныя перемѣны произошли съ того времени. Теперь нѣтъ болѣе такихъ организацій на Югѣ, и самый фактъ ихъ существованія почти забытъ обѣими расами.

Глава V.

Періодъ Реконструкціи.

Періодъ времени между 1867—1878 гг. я думаю можно назвать реконструкціоннымъ. Это время моего ученія въ Гамптонѣ и учительства въ Запад. Виргиніи. Во все время этого періода двѣ идеи постоянно возбуждали умы громаднаго большинства негровъ: страсть къ изученію латинскаго и греческаго языковъ и желаніе занимать какую-либо общественную должность. Трудно ожидать, чтобы раса, проведшая столько поколѣній въ рабствѣ и до этого пребывавшая въ темномъ язычествѣ, могла имѣть ясное понятіе о томъ, чѣмъ должно быть истинное образованіе. За все это время всѣ школы на Югѣ, дневныя и вечернія, были переполнены людьми всѣхъ сословій и возрастовъ отъ 5 до 60—70 лѣтъ. Стремленіе получить образованіе дѣйствовало ободряюще на другихъ. Но бѣда въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ гнѣздилось и ложное представленіе: что разъ человѣкъ получаетъ хоть самое элементарное образованіе, то это какъ бы даетъ ему право на освобожденіе отъ всѣхъ тягостей жизни, и, слѣдовательно, отъ необходимости ручного труда. Поэтому большинство негровъ, получившихъ хоть маленькое образованіе, становились учителями или священниками. И хотя между ними были очень способные люди, но огромное большинство бралось за эти профессіи просто, какъ за болѣе легкій способъ жизни. Многіе становились учителями безъ надлежащей подготовки. Я помню, какъ однажды въ нашъ городокъ зашелъ одинъ изъ этого класса людей, въ поискахъ за школой. Зашелъ вопросъ о формѣ земли и о томъ, какъ онъ будетъ передавать это дѣтямъ. Онъ отвѣтилъ, что передастъ это въ такой формѣ, какая будетъ болѣе желательна большинству его патроновъ,—т. е. плоской или круглой.

Священническая профессія находилась въ еще болѣе худшемъ положеніи, хотя много улучшеній было предпринято и въ этомъ направленіи. Въ то раннее время свободы почти каждый негръ, научившійся читать и писать, получалъ какое-то странное „откровеніе" къ проповѣди. Въ Западной Виргиніи этотъ процессъ, „призывъ" къ проповѣди, совершался очень интересно, обыкновенно въ церкви. Не говоря ни слова, такой „избранникъ" падалъ на полъ, какъ пораженный пулей, и лежалъ часами безъ движенія и безъ звука. Тогда по сосѣдству разносилась вѣсть, что такой-то получилъ „призывъ". Если онъ почему-либо не рѣшился принимать этотъ призывъ, то снова падалъ два или три раза; но въ концѣ концовъ всегда уступалъ. Неудивительно поэтому, что число проповѣдниковъ (или „взывателей", какъ они себя иногда называли) было такъ велико. Напр., въ одной церкви, гдѣ въ приходѣ было 200 членовъ, насчитывали 18 священниковъ. Конечно, значительныя улучшенія, которыя постепенно вводятся въ этой профессіи, сократятъ число недостойныхъ ея представителей до минимума. „Призывы" къ проповѣдничеству уже и теперь стали го-

раздо рѣже, но зато призывъ къ производительному труду удесятерился.

Улучшенія въ характерѣ и компетентности учителей стали еще ярче, чѣмъ въ священнической средѣ. Во время реконструкціоннаго періода негры Юга обращали всѣ свои взоры и надежды на Федеральное правительство; они льнули къ нему, какъ малыя дѣти къ матери. И это было вполнѣ естественно. Въ продолженіе двухъ столѣтій вся Американская нація обогащалась трудомъ этихъ черныхъ. Правительство, даровавъ имъ свободу, было нравственно обязано поставить ихъ въ такія условія, чтобы они могли стать лучшими гражданами. Но въ предоставленіи средствъ для всеобщаго образованія своимъ чернымъ гражданамъ въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ правительство сдѣлало очень мало. Между тѣмъ, пользуясь невѣжествомъ негровъ, бѣлые Сѣвера пользовались ими, чтобы еще болѣе унизить бѣлыхъ Юга, ставя черныхъ Юга на высшія должности, въ преимущественное положеніе надъ ихъ согражданами бѣлыми. Я зналъ, что негръ заплатитъ за все это современемъ. Кромѣ того, эта возбужденная политическая дѣятельность отнимала умъ и силы черныхъ отъ производительной дѣятельности и пріобрѣтенія собственности.

Искушенія броситься въ политическій водоворотъ такъ заманчивы, что я самъ едва не поддался имъ; удержало меня отъ этого только глубокое сознаніе, что давъ несчастной расѣ возможность широкаго образованія ума и сердца, я принесу ей гораздо болѣе пользы. Я видѣлъ черныхъ гражданъ членами магистратуры штата или чиновниками графства, но такихъ, которые едва могли читать и писать и нравственное развитіе которыхъ равнялось интеллектуальному.

Не такъ давно мнѣ случилось проѣзжать черезъ маленькій городокъ въ одномъ изъ южныхъ штатовъ. Проходя однажды мимо строящегося дома, я услышалъ, какъ одинъ изъ рабочихъ, стоя на верху, кричалъ находящемуся внизу товарищу: „эй, сторонись, губернаторъ“, повторяя это приказаніе нѣсколько разъ. Мнѣ стало любопытно, почему это онъ такъ обращается къ нему,—и я узналъ, что одно время тотъ дѣйствительно занималъ мѣсто губернатора своего штата, а теперь сталъ каменьщикомъ.

Но далеко не всѣ негры, получившіе общественныя мѣста во время реконструкціи, были недостойны своего положенія. Напротивъ, многіе изъ нихъ, какъ напр., покойный сенаторъ Б. К. Брюсъ, эксъ-губер. Булокъ, изъ числа такъ называемыхъ „ковровыхъ мѣшковъ“ или оборванцевъ съ Сѣвера,—тоже былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени. Конечно, черные, бывшіе такъ долго рабами, — безъ всякаго образованія и гражданской опытности, дѣлали страшныя ошибки, но ихъ дѣлалъ бы и всякій другой народъ въ подобномъ положеніи. Многіе изъ Южанъ-бѣлыхъ думаютъ, что если бы теперь дозволить негру пользоваться всѣми своими политическими правами, то ошибки реконструкціоннаго времени снова повторятся. Я не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Негры теперь гораздо умнѣе, образованнѣе и опытнѣе въ государственной жизни, чѣмъ они были 35 лѣтъ тому назадъ.

Осенью 1878 г. послѣ двухъ лѣтнихъ учительскихъ работъ въ Мольденѣ и подготовивши нѣсколькихъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ къ поступленію въ Гамптонъ, я рѣшился провести нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ, для спеціальныхъ занятій, гдѣ и пробылъ 8-мь мѣсяцевъ. Въ заведеніи, которое я посѣщалъ, не обучали никакимъ ремесламъ, и я имѣлъ возможность сравнивать вліяніе на учащихся двухъ системъ образованія: одной, въ неотъемлемую часть которой

входитъ всестороннее развитіе и обученіе ручному труду, и другой, съ чисто умственной подкладкой. Въ послѣдней школѣ я нашелъ, что студенты, въ большинствѣ случаевъ, имѣли болѣе денегъ, были лучше одѣты и очень часто отличались блестящими умственными способностями. Въ Гамптонѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, студенты должны были уплачивать своей работой за ученіе, содержаніе и экипировку, книги и пр. и только въ тѣхъ случаяхъ, когда работы не находилось для полнаго удовлетворенія всѣхъ нуждъ студентовъ, завѣдывающіе семинаріи находили средства уплачивать за бѣднѣйшихъ. Здѣсь же за студентовъ уплачивали другіе. Гамптонскіе студенты должны были постоянно употреблять извѣстнаго рода усиліе для уплаты за самихъ себя, и это самое усиліе было громаднымъ факторомъ при образованіи характеровъ. Здѣшніе студенты лишались этого благороднаго стимула, вслѣдствіе чего были слабѣе, неустойчивѣе и обращали больше вниманія на внѣшнюю сторону жизни. У нихъ не было того солиднаго основанія для пробы человѣческихъ силъ, какимъ пользовались студенты въ Гамптонѣ. Правда, они были болѣе свѣдущи въ классическихъ языкахъ, но за то мало знали жизнь и тѣ реальныя требованія, которыя она предъявляетъ людямъ.

Во время моего ученія въ Вашингтонѣ, городъ былъ переполненъ неграми; многіе изъ нихъ переселились прямо съ Юга; тянула ихъ туда болѣе пріятная и удобная жизнь города. Нѣкоторые изъ нихъ достигали мелкихъ общественныхъ должностей, а большинство питалось надеждой получить мѣсто отъ Федеральнаго правительства. Нѣсколько негровъ, изъ выдающихся, были представителями въ конгрессѣ, а почтенный Б. К. Брюсъ былъ даже сенаторомъ. Все это не мало привлекало туда членовъ черной расы. Кромѣ того, они знали, что здѣсь находятся подъ полнымъ покровительствомъ закона.

Школа для цвѣтныхъ въ Вашингтонѣ была благоустроеннѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Я съ большимъ интересомъ изучалъ жизнь моихъ черныхъ согражданъ и видѣлъ, что хотя большинство изъ нихъ были серьезные и достойные члены общества, но между ними было не мало натуръ поверхностныхъ и легкомысленныхъ; я знавалъ много молодыхъ людей, зарабатывавшихъ не болѣе 4 дол. въ недѣлю и тратившихъ по два доллара на извозчика въ воскресенье, чтобы проѣхаться по Пенсильванскому проспекту, желая этимъ бросить пыль въ глаза, будто они—владѣтели тысячъ. Были и такіе, которые получали отъ правительства по 75 и 100 р. въ мѣсяцъ и все-таки къ концу мѣсяца у нихъ не оставалось ни цента. Большая часть подобныхъ людей почему-то находила возможнымъ мало заботиться о самихъ себѣ и всю надежду полагать на чиновниковъ Федеральнаго правительства,—точно послѣдніе были ихъ няньки. Сколько разъ я думалъ и желалъ отъ глубины сердца обладать магической силой для пересадки всѣхъ подобныхъ лицъ въ сельскіе округа на лоно Матери Природы, никогда не отвергающей серьезной любви и работы ея вѣрныхъ дѣтей. Такой путь, хотя тяжелъ и медленъ, но безконечно вѣренъ и вполнѣ реаленъ.

Въ Вашингтонѣ я видѣлъ также дѣвушекъ, матери которыхъ зарабатывали себѣ средства къ жизни стиркою бѣлья. Сначала эти дѣвушки помогали своимъ матерямъ и такимъ образомъ пріобрѣтали возможность честной жизни, позднѣе онѣ поступали въ публичныя школы и оставались тамъ около 6—8 лѣтъ. По окончаніи школы потребности ихъ выросли, а средства къ удовлетворенію ихъ не усилились въ той же пропорціи. Напр., школьныя занятія и вообще вся

школьная атмосфера отлучила ихъ ихъ отъ условій домашней жизни. Занятія ихъ матерей казались имъ теперь низкими, не совмѣстными съ ихъ образованіемъ, онѣ метались въ разныя стороны, пробуя то-того, то другого, и очень часто съ отчаяніемъ бросались въ развратъ.

Школа оторвала ихъ отъ семьи и взамѣнъ этого дала очень мало для приспособленія къ болѣе широкимъ потребностямъ другой жизни. Если бы къ тому широкому и разнообразному умственному богатству, какое давала школа для человѣка, прибавить изученіе какого либо ремесла, по вкусу и силамъ учащихся,—насколько предусмотрительнѣе, умнѣе, раціональнѣе было бы ихъ значеніе! Насколько меньше стало-бы разбитыхъ жизней и страданій въ послѣдующій періодъ ихъ жизни!

Глава VI.

Черная и Красная расы.

Въ этотъ періодъ времени въ Вашингтонѣ возбуждался вопросъ о томъ, чтобы перенести столицу штата Зап. Виргиніи изъ Хвилинга въ болѣе центральное мѣсто. Назначено было три города для балотировки со стороны всѣхъ гражданъ. Между этими городами былъ Чарльстонъ, на разстояніи только пяти миль отъ Мольдена, моего мѣста жительства. Къ концу 1-го моего учебнаго года я былъ пріятно пораженъ, получивши отъ комитета бѣлыхъ въ Чарльстонѣ приглашеніе пропагандировать въ Штатѣ общественныя выгоды отъ перенесенія столицы въ Чарльстонъ. Я принялъ это приглашеніе и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ говорилъ на митингахъ, собранныхъ съ этою цѣлью въ различныхъ частяхъ штата. Послѣ этого репутація моя, какъ публичнаго оратора, сразу установилась, и многіе стали уговаривать меня вступить на политическую дѣятельность. Но я наотрѣзъ отказался, глубоко убѣжденный въ томъ, что есть другіе пути въ жизни, на которыхъ я смогу быть болѣе полезнымъ для своей расы. Даже и тогда я имѣлъ ясное представленіе, что нашъ народъ нуждается болѣе въ широкомъ, разностороннемъ образованіи, въ основаніи котораго лежала-бы индустріальная подкладка, дающая возможность каждому человѣку быть полезнымъ членомъ общества, не вдаваясь исключительно въ политическую дѣятельность.

Въ это время большая часть нашей молодежи обоего пола поступала въ школы и колегіи съ предрѣшенной идеей,—подготовиться въ адвокаты, члены Конгресса или стать учителями музыки. Мнѣ ясно было, что прежде всего нужно сумѣть подготовить серьезныхъ и честныхъ адвокатовъ, конгресменовъ и учителей музыки.

Вскорѣ по перенесеніи столицы въ Чарльстонъ, я получилъ приглашеніе, которое очень обрадовало меня своею неожиданностью. Это было письмо отъ Генерала Армстронга, съ приглашеніемъ пріѣхать мнѣ въ Гамптонъ къ выпускному акту — произнести напутственную рѣчь выпускнымъ студентамъ. О такой чести я даже во снѣ не мечталъ. Съ большимъ стараніемъ я подготовилъ свою рѣчь, избравъ темой ея: „Сила, которая побѣждаетъ все“.

Мнѣ пришлось ѣхать той-же дорогой, что и шесть лѣтъ тому назадъ, когда почти голышомъ я отправился за поисками ученія. Теперь желѣзная дорога вела прямо туда.

Въ Гамптонѣ меня сердечно встрѣтили учителя и студенты. Я убѣдился, что Семинарія съ каждымъ годомъ больше и больше прислушивалась къ дѣйствительнымъ потребностямъ нашего народа, примѣняя какъ ученіе, такъ и индустріальное образованіе къ требованіямъ реальной жизни

Моя рѣчь на выпускномъ актѣ, повидимому, понравилась, и много добрыхъ и одобрительныхъ словъ услышалъ я отъ всѣхъ. По возвращеніи домой въ Мольденъ, гдѣ я намѣревался продолжать свою учительскую дѣятельность, я снова былъ порадованъ письмомъ отъ генер. Армстронга, въ которомъ онъ просилъ меня воротиться въ Гамптонъ, отчасти для пополненія моихъ занятій, отчасти для занятія мѣста учителя. Это было въ 1878 г.

Въ это время генер. Армстронгъ началъ впервые совмѣстное воспитаніе негровъ и индѣйцевъ. Тогда вообще сомнѣвались въ способности индѣйцевъ усвоить образованіе съ пользой для себя. Генер. Армстронгъ рѣшилъ провѣрить такое предположеніе въ большихъ размѣрахъ. Съ этой цѣлью онъ вызвалъ болѣе сотни совершенно неграмотныхъ, молодыхъ индѣйцевъ изъ индѣйской территоріи.

Генералъ пожелалъ, чтобы я сталъ для нихъ нѣчто вродѣ дядьки: я долженъ былъ жить съ ними и завѣдывать всѣмъ, что касалось ихъ лично: дисциплиной, комнатами, бѣльемъ, поведеніемъ и т. д. Мысль эта сильно прельщала меня, но мнѣ было тяжело бросить свое дѣло въ Молденѣ; съ другой стороны, отказать какому либо желанію генер. Армстронга было немыслимо, и я снова поѣхалъ къ нему. Въ Семинаріи меня помѣстили съ 75-ью индѣйцами юношами; во всемъ этомъ зданіи я одинъ только не былъ индѣйцемъ.

Сначала я сильно сомнѣвался въ своихъ силахъ и возможности успѣшно дѣйствовать на столькихъ дикихъ и необузданныхъ молодыхъ людей. Если индѣйцы считаютъ себя болѣе высшими существами, чѣмъ бѣлые, то каково можетъ быть ихъ внутреннее отношеніе къ неграмъ, которые могли допустить поработить себя бѣлымъ! Кромѣ того, во время рабства сами индѣйцы были владѣтелями рабовъ. Вотъ почему мы всѣ напередъ были убѣждены въ неудачѣ предпріятія. Но я рѣшилъ испробовать свои силы и съ этой стороны, и въ скоромъ времени заручился ихъ полнымъ довѣріемъ, и (что гораздо важнѣе) могу смѣло сказать: заслужилъ ихъ любовь и уваженіе.

Много терпѣнія и силъ стоило мнѣ отучить ихъ носить длинные волосы и одѣяла и отказаться отъ куренія.

Но такъ какъ Американцы не могутъ допустить, чтобы культурный человѣкъ могъ носить костюмъ какой либо иной формы, кромѣ общепринятой, ѣсть другую пищу, говорить другимъ языкомъ, и исповѣдовать другую религію, кромѣ установленной, то приходилось примѣнять къ этой общей формѣ жизни и насиловать вѣками установившіеся понятія и вкусы.

Послѣ усвоенія англійскаго языка разница въ развитіи и ассимиляціи знаній и въ обученіи ремесламъ между черными и красными почти исчезла. Съ какимъ наслажденіемъ я слѣдилъ за черными студентами въ ихъ стараніи помогать и облегчать занятія своихъ красныхъ сотоварищей. Они сами вызывались принимать этимъ студентовъ въ свои комнаты, чтобы облегчить имъ изученіе англійскаго языка и пріобрѣтеніе культурныхъ житейскихъ привычекъ.

Было, правда, нѣсколько воспитанниковъ между черными, которые находили неумѣстнымъ принятіе краснокожихъ въ ихъ Семинарію. Но число ихъ было очень незначительно. Я часто задавался вопросомъ, неужели есть гдѣ либо учебное заведеніе съ болѣе ста людьми другой расы, какъ это сдѣлали чернокожіе студенты въ Гамптонѣ съ краснокожими. Мнѣ часто хотѣлось убѣждать бѣлолицыхъ студентовъ въ томъ, что они сами могутъ только тогда „стоять выше", когда будутъ помогать „подниматься" другимъ, и чѣмъ несчастнѣе и

мало-развитѣе раса, тѣмъ болѣе заслуга и полнѣе удовлетвореніе.

Мнѣ вспоминается случай, бывшій на эту тему съ почтеннымъ Фредерикомъ Догласомъ. Разъ онъ путешествовалъ въ штатѣ Пэнсельваніи и долженъ былъ, какъ негръ, ѣхать въ товарномъ поѣздѣ, несмотря на то, что заплатилъ такую же цѣну за билетъ, какъ и другіе. Когда кто-то изъ бѣлолицыхъ пришелъ въ вагонъ, чтобы утѣшить Г-на Догласса, говоря: „какъ мнѣ стыдно, сэръ, что васъ могли такъ унизить", тогда онъ выпрямился на ящикѣ, на которомъ онъ сидѣлъ, и спокойно отвѣтилъ: „Они не могутъ унизить Фредерика Догласса; унижаются тѣ, которые допускаютъ подобное отношеніе къ людямъ".

Въ одномъ мѣстѣ нашей страны, гдѣ законъ требуетъ раздѣленія расъ на желѣзныхъ дорогахъ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ очень курьезнаго происшествія, которое показало, какъ трудно знать, гдѣ начинаются черные и кончаются бѣлые. Былъ одинъ человѣкъ, котораго всѣ знали за негра, но который выглядывалъ такимъ бѣлымъ, что даже самый ярый экспертъ затруднился бы причислить его къ черной расѣ. Ѣдучи по желѣзной дорогѣ, онъ помѣстился въ той части поѣзда, которая отдается для чернокожихъ. Подойдя къ нему за билетомъ, кондукторъ смутился и не зналъ, что дѣлать: если то негръ, то его нельзя переводить въ отдѣленіе для бѣлыхъ, а если это бѣлолицый, то ему не слѣдуетъ оставаться въ отдѣленіи для негровъ. Кондукторъ сталъ разсматривать очень внимательно его волосы, глаза, носъ и руки, и все таки недоумѣвалъ. Наконецъ, онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству, — наклонился, чтобы осмотрѣть его ноги. Когда я замѣтилъ его намѣреніе, то сказалъ себѣ — „это рѣшитъ дѣло", и въ самомъ дѣлѣ кондукторъ убѣдился, что это былъ негръ, и болѣе не безпокоилъ его. Я обрадовался тому, что не утерялъ еще одного члена моей расы.

Въ своихъ сношеніяхъ съ людьми я вынесъ убѣжденіе, что однимъ изъ лучшихъ средствъ къ оцѣнкѣ человѣка служитъ обращеніе его съ людьми низшей расы. Это лучше всего наблюдается при встрѣчѣ старыхъ плантаторовъ — Южанъ съ ихъ бывшими рабами или ихъ потомками.

Говорятъ, что будто-бы Дж. Вашингтонъ, встрѣтясь однажды на дорогѣ съ негромъ, очень вѣжливо отвѣтилъ на его поклонъ, снявши также шляпу. Нѣкоторые изъ его бѣлыхъ друзей, видѣвшіе это, осудили его. Въ отвѣтъ на ихъ замѣчанія великій Вашингтонъ отвѣтилъ: „Неужели вы думаете, что я могу позволить бѣдному, невѣжественному негру быть болѣе вѣжливымъ, чѣмъ я самъ"?!

Въ то время, какъ я завѣдывалъ индѣйскими мальчиками въ Гамптонѣ, произошло два случая, ярко обрисовавшіе кастовое чувство въ Америкѣ. Одинъ изъ мальчиковъ серьезно заболѣлъ, и я долженъ былъ отвезти его въ Вашингтонъ, передать министру внутреннихъ дѣлъ, и получить отъ него росписку, безъ которой мальчика нельзя было отправить въ Индѣйскія земли. Въ то время я былъ еще очень мало знакомъ съ требованіями „свѣта".

Ѣдучи въ Вашингтонъ на пароходѣ, я старался не входить въ столовую на обѣдъ, пока большинство бѣлыхъ не окончило своего. Затѣмъ я вошелъ съ мальчикомъ. Половой очень вѣжливо увѣдомилъ меня, что мальчикъ можетъ обѣдать въ общей столовой, а я долженъ ѣсть у себя въ каютѣ. Меня поразило въ этомъ заявленіи то, чѣмъ руководствовался половой въ своемъ распоряженіи, такъ какъ мальчикъ и я были почти одного цвѣта. Вѣроятно, были же какія либо скрытыя примѣты, довольно очевидныя для него.

Мнѣ велѣли остановиться съ мальчикомъ въ извѣстной гостиницѣ въ Вашингтонѣ. Когда я явился туда, то мнѣ сказали, что мальчика примутъ съ удовольствіемъ, а я долженъ искать другого мѣста.

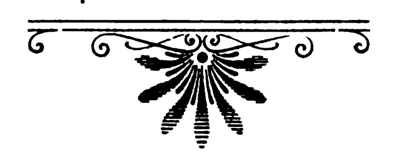
Нѣчто подобное случилось и немного позже: мнѣ пришлось быть въ одномъ городкѣ, на Югѣ. Я былъ пораженъ шумомъ и сильно возбужденнымъ настроеніемъ жителей. Можно было думать, что готовился какой-то самосудъ (линчеваніе). Дѣло оказалось вотъ въ чемъ: какой-то темнокожій человѣкъ остановился въ мѣстной гостиницѣ. Общество пришло въ страшное негодованіе, кричали, шумѣли и, повидимому, готовы были на все. Но, къ счастью для незнакомца, кто-то узналъ, что этотъ темно-кожій былъ жителемъ Марокко и, путешествуя по Америкѣ, говорилъ по англійски. Когда узнали, что онъ не Американскій негръ, волненіе стихло, и всѣ мирно разошлись по домамъ. Я увѣренъ, что этотъ Марокканецъ не заговоритъ уже больше на англійскомъ языкѣ.

Къ концу перваго года моихъ занятій съ индѣйцами, открылась новаго рода дѣятельность, которая послужила чѣмъ то вродѣ подготовки къ моей будущей дѣятельности въ Тоскеги. Оказалось, что большое число мужчинъ и женщинъ, жаждущихъ получить образованіе, было лишено этой привиллегіи вслѣдствіе бѣдности. И вотъ генер. Армстронгъ задумалъ въ связи съ Семинаріей открыть вечернюю школу для самыхъ выдающихся изъ нихъ, съ условіемъ, чтобы днемъ они работали, въ продолженіе 10 часовъ, а вечеромъ отдавали-бы два часа умственнымъ занятіямъ. Имъ назначалась плата немногимъ больше, чѣмъ стоимость ихъ стола. Большая часть ихъ заработка удерживалась и хранилась въ Семинаріи, какъ резервный фондъ для уплаты за ихъ жизнь, когда они, пройдя годъ или два въ вечерней школѣ, становились уже дневными учениками.

Генер. Армстронгъ предложилъ мнѣ взять на себя завѣдываніе вечерней школой, на что я съ радостью согласился. Вначалѣ было около 12-ти здоровыхъ и энергичныхъ мужчинъ и женщинъ въ этой школѣ. Въ продолженіе дня большинство этихъ молодыхъ людей работало на школьной лѣсопильнѣ, а молодыя дѣвушки въ прачешной. Работа, какъ видите, была не изъ легкихъ, но это не мѣшало имъ быть самыми прилежными и внимательными учениками. Они такъ старательно занимались, что ихъ трудно было оторвать отъ занятій даже послѣ послѣдняго звонка, призывавшаго ко сну.

Эта самая вечерняя школа начавшаяся съ 12-и членовъ только, теперь насчитываетъ около 300—400 учениковъ и составляетъ одно изъ болѣе важныхъ и полезныхъ опытовъ этой семинаріи.

(До слѣд. №-ра).

За рубежомъ.

(Изъ воспоминаній студентки).

А. Трачевской.

(Окончаніе).

Глава IV.

Два великихъ ученыхъ.

Въ мое время у насъ въ университетѣ было два знаменитыхъ ученыхъ—Фохтъ и Шиффъ. Оба—глубокіе старики. Фохтъ былъ профессоромъ по зоологіи и палеонтологіи, Шиффъ—по физіологіи. Одинъ царилъ въ университетѣ, въ центрѣ города; другой—на окраинѣ его, въ Медицинской школѣ.

Профессоръ Шиффъ! Какъ хорошо помню я его лицо и фигуру! Какъ врѣзался мнѣ въ память весь складъ его философскаго ума и отношеніе къ жизни и людямъ. Иногда забѣгала я въ Медицинскую Школу послушать лекцій по физіологіи этого знаменитаго ученаго и изслѣдователя.

Маленькая тѣсная аудиторія—сейчасъ направо отъ входа; тѣсно сомкнутые ряды потемнѣвшихъ старыхъ скамей поднимаются лѣсенками вверхъ. А внизу—длинный темный столъ—каѳедра и широкая большая доска. Тутъ сидитъ „онъ“, когда читаетъ свои увлекательныя лекціи. Аудиторія биткомъ набита. Стоитъ шумъ сотни передвигающихся, толкающихся, торопящихся молодыхъ ногъ; веселый гулъ царитъ кругомъ. Вдругъ все смолкло... Вошелъ въ аудиторію маленькій—маленькій старичокъ. На немъ поношенный, вѣчно одинъ и тотъ же излюбленный сюртукъ; большая голова, открытое лицо, красивыя рѣзкія черты съ орлинымъ носомъ, чудные глубокіе глаза; длинные, всѣ сѣдые, точно серебро, волосы, спускаются на плечи... И что-то дѣтски простое, трогательное и въ тоже время величавое и поэтичное сквозитъ во всей его фигурѣ.

Это и есть знаменитый физіологъ и лекторъ Шиффъ.

Въ аудиторіи тишина. Вотъ онъ протолкался кое-какъ сквозь толпу студентовъ и сѣлъ на свое мѣсто. И началъ говорить; негромко и такъ просто, и задушевно и ровно, точно онъ не лекцію читалъ, а бесѣдовалъ себѣ съ вами по домашнему. И полная глубокаго, провѣреннаго зна-

нія и опыта, полная широкаго философскаго обобщающаго взгляда, лилась эта бесѣда, открывая вамъ широкіе горизонты, знакомя съ послѣдними попытками и чудесами науки, цѣль которой, изучая организмъ на животныхъ и сопоставляя съ организмомъ человѣка, избавить его отъ страданій и болѣзней. И часто среди лекціи, этотъ маленькій человѣкъ съ серебристыми длинными волосами, скромно вставляетъ:

— Вотъ это спорный вопросъ: одни держатся такого мнѣнія, а другіе — иного. А я... я давно изслѣдовалъ его и провѣрилъ на опытахъ въ своей лабораторіи. Давно, лѣтъ 15 тому назадъ... И нашелъ совсѣмъ другое..

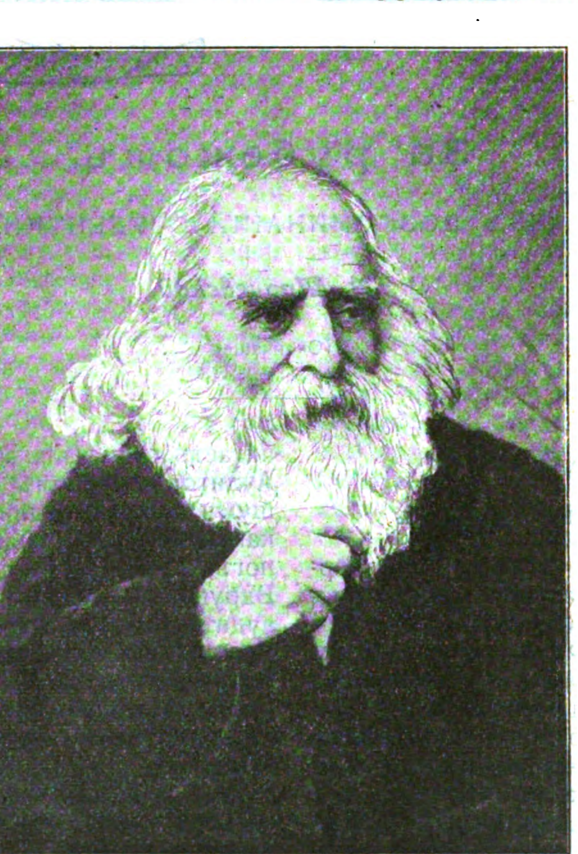
Скромность и хладнокровіе его было поистинѣ изумительны. Это былъ настоящій древній философъ какъ въ своей наукѣ, такъ и въ обыденной жизни. Иногда какой нибудь студентъ, уже занимающійся спеціально у него, скажетъ:

— Ахъ, профессоръ... Я только-что прочелъ, что одинъ ученый нашелъ...

И онъ говорилъ про новое открытіе въ физіологіи.

Шиффъ медленно поднималъ свою красивую голову и, заложивъ за спину свои маленькія ручки (его любимая привычка), своимъ наивнымъ, дѣтскимъ, точно удивленнымъ голоскомъ. говорилъ.

— Да? А я этотъ вопросъ давно разрѣшилъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще работалъ въ Италіи!

Проф. М. Шиффъ.

Шиффъ учился сначала въ своемъ родномъ городѣ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1855 году былъ сдѣланъ профессоромъ сравнительной анатоміи въ Бернѣ, а въ 1868 г. профессоромъ физіологіи во Флоренціи, и только съ 1876 года читалъ лекціи въ Женевѣ.

— Но отчего же,—восклицалъ пораженный студентъ, — отчего-же вы тогда же не опубликовали своего открытія?

Шиффъ улыбнулся, проговоривъ:

— Мало-ли я дѣлалъ открытій, да не писалъ о нихъ,—прибавивъ спокойно:

— Вонъ и такъ насъ, бѣдныхъ ученыхъ, чувствительныя дамочки да и вообще такъ называемая „публика", упрекаютъ за вивисекцію. Теперь и собаку-то трудно поймать!

И онъ отошелъ къ своимъ животнымъ производить опыты.

И тогда, когда я стояла тутъ,

подлѣ этого самого знаменитаго старца и слушала этотъ разговоръ, и теперь, я не перестану возмущаться этой неразумной сентиментальностью нашего общества, особенно дамскаго... Во-первыхъ, животныхъ почти всегда усыпляютъ до операцiи, во-вторыхъ, тутъ ученые жертвуютъ животными, стоящими ниже человѣка, на его благо. Не слишкомъ ли уже мы добры къ животнымъ и жестоки къ себѣ подобнымъ?

Помню, какъ нашъ знаменитый, мощный Фохтъ, читая о птицахъ, на одной изъ своихъ лекцій, съ своими неподражаемыми комичными гримасами и ужимками, причмокивая и яро поводя глазами, кричалъ на всю аудиторію.

— Да, да. Наши дамочки такъ чувствительны! Онѣ жалѣютъ свою собачку когда у нея болитъ лапка... Ахъ, ахъ (представляетъ: въ аудиторіи хохотъ); у нихъ на глазахъ стоятъ слезы, если онѣ увидятъ бѣдную больную кошечку... Но, но, господа... Да... Эти же чувствительныя дамочки не жалѣютъ ощипывать птицъ гагъ... ради пуха... и ихъ ощипываютъ живыми, а потомъ позволяютъ улетѣть... Да, да, такъ... И птичекъ убиваютъ тоже для нихъ. Господа! Крылышки, да хвостики, да головки, идутъ на шляпки... украшаютъ дамскія шляпки.. хе, хе, хе!

Проф. К. Фохтъ.

Много забавныхъ разсказовъ ходило въ обществѣ насчетъ жизни и привычекъ ученаго Шиффа. Ходилъ онъ у себя въ лабораторіи въ какомъ-то особомъ мѣховомъ, сильно поношенномъ халатѣ; такъ онъ и снятъ на многихъ своихъ фотографіяхъ: въ этомъ халатикѣ и съ бѣлой крысой въ рукахъ. Женевцы относились къ нему добродушно и снисходительно, называя его „le pére Schiff“, и говорили, что у него такіе большие башмаки, что, когда онъ переходилъ поле Plainpalais, въ снѣжную зиму, то оставлялъ такіе огромные слѣды, по которымъ потомъ очень удобно было пробираться обывателямъ. Говорили, будто онъ за своимъ обѣдомъ, который ему посылаетъ заботливая m—me Schiff, съѣдаетъ заразъ всѣ три блюда, философски заявляя, что совершенно безразлично, какое блюдо попадаетъ въ желудокъ впередъ!

Интересно, что жена его была рослая, полная, высокая, энергичная женщина. Какую забавную пару они должны были представлять, идя ря-

домъ,—можно себѣ вообразить. Впрочемъ, она, кажется, очень заботилась о немъ и относилась, какъ къ ребенку, за которымъ надо смотрѣть. И былъ же онъ оригиналенъ! Отъ этого спокойнаго, наивнаго философа ученаго можно было всего ожидать. Онъ прятался отъ гостей, уходилъ изъ своего салона и выкидывалъ кучу забавныхъ, чисто дѣтскихъ выходокъ и все это съ простымъ превосходствомъ истиннаго философа въ жизни. Тѣ, кто зналъ его, приходили въ восторгъ отъ этой оригинальной, непосредственной и миролюбивой натуры. Нечего и говорить, что онъ былъ чуждъ всякой зависти, вражды къ другимъ и даже честолюбія. Правда, говорили, будто наша лабораторія живетъ не въ ладахъ съ физіологической и анатомической и ссорится изъ-за книгъ и другихъ вопросовъ; но Шиффъ тутъ врядъ-ли виноватъ хоть сколько нибудь.—Зато достовѣрно было извѣстно, что лѣтъ десять тому назадъ онъ бѣжалъ съ своего юбилея, надуѵъ всѣхъ собравшихся на вокзалъ чествовать его и проводить; онъ просто уѣхалъ съ другимъ поѣздомъ, часомъ раньше!

Только разъ не сбѣжалъ онъ отъ своего чествованія. И я была свидѣтельница дивной картины, которая вышла непосредственно, безъискусственно. Не помню теперь хорошенько, по поводу-ли дня рожденія этого чуть ли не семидесятилѣтняго старца ученаго, или какого-нибудь срока по ученой или профессорской дѣятельности, но студенты сговорились устроить въ честь его факельное шествіе. Вечеромъ, на одной площади города, стали собираться кучами студенты и студентки и оттуда, съ зажженными факелами, черезъ главныя улицы города, отправились съ ликованьемъ въ предмѣстье Plainpalais, гдѣ у пресловутой „plaine", въ небольшомъ двухъэтажномъ домишкѣ съ садикомъ, жилъ любимый профессоръ. Публика на улицахъ съ удивленіемъ смотрѣла на это оригинальное шествіе учащейся молодежи. Но не было границъ негодованію и возмущенію ея, когда консервативные женевцы увидѣли, что въ шествіи принимаютъ участіе и женщины—студентки. Ихъ громко, не стѣсняясь, ругали, шикали имъ, осыпали ихъ насмѣшками, кричали, что онѣ сумасшедшія... Впрочемъ, предвидя это возмущеніе враждебной имъ толпы, далеко не всѣ студентки рѣшились принять участіе въ торжественномъ шествіи, не смотря на товарищескія приглашенія студентовъ.... Я пошла черезъ „plaine" къ скромному домику Шиффа. Передо мной дефилировало своеобразное шествіе сотней огней. Ночь была темная, тихая, звѣздная, свѣтлая. На мнѣ были бутоньерки цвѣтовъ, которыя я раздала многимъ моимъ подругамъ. У рѣшетки я остановилась и сама слышала ругань собравшихся тамъ женщинъ. Я вошла во дворъ вмѣстѣ съ шумною толпою. Тутъ раздались привѣтственные крики за здравіе и процвѣтаніе дорогого профессора. Толпа гудѣла. Въ освѣщенныхъ окнахъ домика показались темныя фигуры. Дверь во второмъ этажѣ тихо отворилась, и на балконъ вышелъ самъ виновникъ торжества. Гулъ удвоился и сразу стихъ: профессоръ заговорилъ. Своимъ спокойнымъ голосомъ онъ сказалъ.

—. Мои дорогіе друзья, прежде всего погасите эти факелы, дабы они своими вредными выдѣленіями не отравляли нашихъ легкихъ газами и чтобы можно было говорить!

При бурѣ апплодисментовъ студенты стали поспѣшно гасить свои горящіе факелы. Въ своей обычной простой рѣчи растроганный профессоръ благодарилъ студентовъ за неожиданную и единодушную овацію, пересыпая свою рѣчь шутками и научными поученіями.

Студенты отвѣчали ему воодушевленными рѣчами . . . .

. . . .

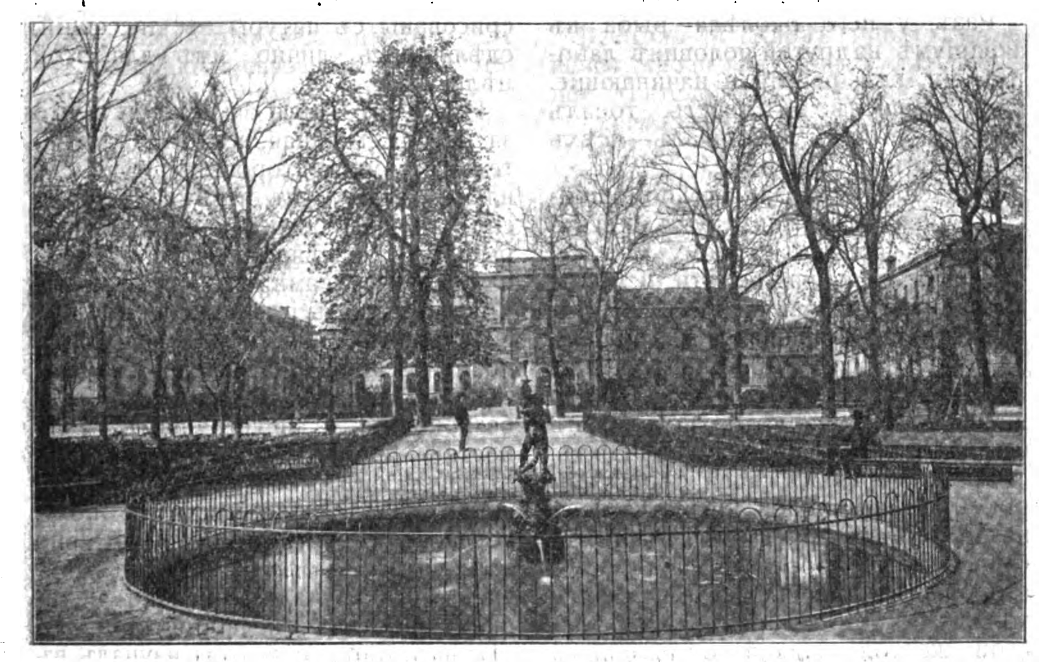
Прошло три года. Я кончила уни-

верситетъ и вернулась въ Россію. И вотъ 6 октября 1896 года я прочла нѣсколько печатныхъ, холодныхъ и оффиціальныхъ строкъ некролога, извѣщавшихъ публику и ученый міръ о кончинѣ и похоронахъ въ Женевѣ извѣстнаго ученаго—Мориса Шиффа....

Прямой противоположностью Шиффу по всему былъ знаменитый ученый зоологъ и нѣмецкій политическій дѣятель—Карлъ Фохтъ.

Громадная тяжеловѣсная фигура, съ массивной головой Юпитера; большое, блѣдное лицо; могучій лобъ; густыя повелительныя брови; близко сидящіе сѣрые глаза, раздраженно сверкающіе; орлиный носъ; тонкія сжатыя губы съ вѣчной ѣдкой усмѣшкой на нихъ; наконецъ, полусѣдые волосы съ упрямымъ хохломъ на лбу,—вотъ каковъ былъ собою знаменитый ученый Карлъ Фохтъ.

Прямою противоположностью Шиффу былъ онъ и по натурѣ. Не мирнымъ философомъ-ученымъ былъ онъ, а нетерпимымъ борцомъ за науку и правду. Одинъ тихій кабинетный ученый трудъ не могъ его удовлетворить. Жизни ему надо, борьбы, ненависти, шума, чтобы въ нее излить всю свою мощную, правдивую, подчасъ рѣзкую натуру. Не простодушный, наивный ребенокъ былъ передъ нами, а мощный титанъ, который хотѣлъ всѣхъ себѣ подчинить. Не было въ немъ невозмутимости философа; рѣзкій, раздражительный, вспыльчивый, онъ вѣчно злился, кричалъ, воевалъ съ чѣмъ и съ кѣмъ только могъ, все громилъ, все порицалъ, никому не давалъ покоя, и самъ не зналъ его. Его буйная душа не имѣла отдыха. А захохочетъ онъ—трясется все его мощное тѣло, встаетъ хохолъ на головѣ—точно король Лиръ въ степи бушуетъ. Въ своей лабораторіи, внизу „dans les sous sols de l'Université", какъ шутя и въ тоже время совершенно вѣрно называли его профессора,—онъ былъ грозой студентовъ и даже ассистентовъ, которые заходили по дѣлу въ его каби-

Женева.—Университетскій садъ Бастіонъ и зданіе Университета (съ задняго фасада).

нетъ. Часто—часто, работая въ лабораторіи, я слушала его мощный, громовой голосъ, точно ревъ льва.... и дрожь проходила у меня по тѣлу. Онъ терпѣть не могъ, чтобы стучались къ нему: надо было входить такъ. А если кто стучался и заставлялъ его говорить—entrez!—цѣлая буря поднималась; его сѣрые глаза метали искры, желтое лицо искажалось гнѣвомъ, упрямый хохолъ вставалъ; вся громоздкая фигура колыхалась, тонкія губы сжимались, огромная голова поднималась вверхъ.

Разъ у него околѣла рыба въ акваріумѣ на другой половинѣ лабораторіи, гдѣ работали начинающіе. Онъ пришелъ въ ярость, топалъ ногами, рычалъ и кричалъ—всѣхъ новичковъ перепугалъ...

Особенно попадало его помощнику-сторожу или, какъ тутъ ихъ называютъ „garçon", тупому малому, который могъ разсердить и болѣе спокойнаго человѣка. Разъ, въ два часа, Фохтъ возвращался въ свою лабораторію послѣ обѣда, „garçon" еще не отворилъ наружную стеклянную дверь корридора, которую долженъ былъ запирать до двухъ. Фохтъ, стоя за дверью въ своей сѣрой широкой традиціонной крылаткѣ ученаго, дергалъ ручку и рычалъ. Я была тутъ и бросилась за дурнемъ сторожемъ. И попало же ему: Фохтъ топалъ ногами, ударялъ своей толстой желтой палкой о каменный полъ, бранился...

Впрочемъ, говорятъ, что въ своемъ тѣсномъ кругу, когда вокругъ него, напримѣръ лѣтомъ, собиралась вся его семья, онъ казался среди своихъ сыновей, братьевъ, внуковъ—патріархомъ старыхъ временъ, полнымъ добродушія и величавости. Это былъ остроумный и веселый собесѣдникъ. Его хорошее расположеніе духа передавалось неотразимо другимъ. Какой лекторъ это былъ! Онъ обладалъ истинно увлекающимъ краснорѣчіемъ. Когда онъ говорилъ, онъ былъ страшно убѣдителенъ.

Работая въ его лабораторіи, я часто слышала тяжелые волочащіеся шаги моего руководителя и его грозные окрики на лаборантовъ по утрамъ, когда они приносили ему на просмотръ послѣднія корректуры печатавшагося тогда и ставшаго теперь лучшимъ руководствомъ для лабораторіи—обширнаго труда практическаго руководства по сравнительной анатоміи. Этотъ трудъ составленъ на основаніи личнаго опыта Фохта и его помощника, по особому плану, и большинство рисунковъ въ немъ были оригинальные, то—есть срисованы съ натуры съ диссекцій, сдѣланныхъ лично имъ для этой цѣли...

И что это былъ за человѣкъ, что за натура, мощная, неутомимая, дѣятельная, многосторонняя! Все его влекло, всюду онъ поспѣвалъ, вносилъ новое, остроумное; громилъ, разрушалъ, смѣялся надъ рутиной и предразсудками; но и создавалъ. Трудно сказать, гдѣ больше онъ выдавался—въ области-ли ученой или политической и общественной жизни? Одно можно сказать: онъ вездѣ былъ безпокоенъ и неустрашимъ. Ревностный проповѣдникъ матеріализма въ наукѣ, онъ имѣлъ смѣлость защищать открыто свои мнѣнія въ эпоху, когда не очень было удобно явно становиться въ ряды учениковъ Дарвина. Онъ изучалъ серьезно медицину, работалъ въ лабораторіи извѣстнаго Либиха; потомъ изучалъ въ Бернѣ анатомію и физіологію.

Онъ участвовалъ и работалъ въ экспедиціи Атсена на глетчеры. Онъ изучалъ въ Ниццѣ жизнь морскихъ животныхъ. Онъ жилъ въ Парижѣ, Италіи. А съ 1852 года сталъ преподавателемъ геологіи въ Женевѣ, а позднѣе—зоологіи и сравнительной анатоміи; и столь блестящимъ лекторомъ, что профессора про него говорили: „это — свѣточъ, который въ теченіе долгихъ лѣтъ со всѣхъ сторонъ вселенной привлекалъ къ намъ и въ нашъ университетъ людей, жаждущихъ правды и науки". Онъ издавалъ и писалъ свои много-

численные и блестящіе труды въ области естествознанія. И какъ работникъ, онъ былъ неутомимъ. Уже тяжко больной, онъ велѣлъ привозить себя въ свою милую лабораторію, чтобы работать надъ своимъ послѣднимъ трудомъ о рыбахъ. Разъ какъ-то, по поводу пятидесятилѣтія своей профессорской дѣятельности, на вопросъ, какъ онъ можетъ такъ много работать, онъ сказалъ: „я отдыхаю отъ одного труда на другомъ".

У него была своя, очень цѣнная по нѣкоторымъ рѣдкимъ экземплярамъ, библіотека, составленная имъ съ любовью и связанная, быть можетъ, не съ однимъ дорогимъ ему воспоминаніемъ. Но къ сожалѣнію необходимость, недостатокъ средствъ, вѣроятно, заставила его предложить женевцамъ купить ее. Говорятъ, женевцы отказались, желая подарка. И вотъ чужое, румынское правительство деликатно покупаетъ эту библіотеку, предложивъ ему въ сущности пожизненную пенсію.

Фохтъ былъ не только ученымъ, но и писателемъ. Разнообразныя сочиненія его отличались не только высокимъ научнымъ характеромъ, но и изящнымъ литературнымъ изложеніемъ, а это не всякому ученому дано. Его журнальныя статьи имѣли огромный успѣхъ: необыкновенная ясность изложенія, логичность, точность и рядомъ ѣдкость и остроумныя шутки кстати — дѣлали ихъ очень популярными, и онѣ всегда читались съ своеобразнымъ удовольствіемъ. Замѣчательно, что относительно литературы Фохтъ держался взгляда Гете, который говорилъ: „la vie est serieuse, l'art est serein", и, самъ реалистъ, въ душѣ, возставалъ сильно противъ школы Золя, какъ утомительной и не удовлетворяющей требованіямъ искусства. Онъ велъ свой дневникъ; это большая цѣнность, потому что Фохтъ въ своей долгой бурной жизни сходился со многими, часто извѣстными дѣятелями, и видѣлъ столько эпохъ и переворотовъ!

Этого мало; Фохтъ очень усердно занимался живописью, особенно въ послѣдніе годы и гордился своимъ талантомъ, хотя про его картины и говорили съ улыбкой, что это немного дѣтская живопись, и что ему недостаетъ техники и знанія красокъ. Однако, благодаря знаменитому имени художника, картины эти покупались, какъ и всякія другія и даже отправлялись въ Америку. Фохтъ любилъ дарить свои полотна друзьямъ: большею частью это были пейзажи Альпъ, тщательно исполненные.

Всецѣло-ли Карлъ Фохтъ отдавался своей научной и литературной дѣятельности? Нѣтъ. Одно это не могло удовлетворить его никогда. Чужой въ Женевѣ, онъ принималъ горячее участіе въ ея общественной жизни. Этотъ проповѣдникъ свободы науки и демократіи, грозно и смѣло вступилъ въ борьбу съ женевской рутиной, громилъ предразсудки, возставалъ противъ привилегій, и особенно яро, со всей своей мощью льва и ѣдкостью сатира, ополчался противъ церкви, ханжества и обрядовъ. Впрочемъ, всѣ признавали, что не смотря на это, онъ никогда не преслѣдовалъ религіи и, не смотря на свои свирѣпыя рѣчи, всегда готовъ былъ защищать угнетенныхъ въ ихъ правахъ, къ какой-бы церкви они ни принадлежали. Смѣлый, энергичный, онъ во всеуслышаніе заявлялъ: „не страшусь авторитета, каковъ-бы онъ ни былъ"! И это было его наиболѣе характерной фразой. Вліяніе его было огромно. И всѣ невольно признавали, что подъ рѣзкой внѣшностью этого человѣка скрывалось великое сердце. Когда Фохта приглашали въ Женеву читать лекціи, собственно университета еще не было: была Академія. Фохтъ горячо ратовалъ за преобразованіе ея въ университетъ и не успокоился, пока не добился своего. Затѣмъ онъ съ ловкостью и умѣніемъ принялся за устройство изданнаго имъ дѣтища. Онъ многое сдѣлалъ для лабораторій, которыя безъ него врядъ-ли достигли

бы такого состоянія, въ которомъ находятся теперь. Два раза онъ былъ ректоромъ. Онъ же одинъ изъ первыхъ содѣйствовалъ открытію медицинскаго факультета въ Женевѣ, подбиралъ профессоровъ; онъ же установилъ государственные экзамены.

Но были-ли женевцы благодарны этому чужестранцу съ необыкновенной энергіей, съ жаждой добра для человѣчества, положившему столько силъ и здоровья для нихъ? И приходится отвѣтить, что нѣтъ! Тяжело жилось этому прямому, необыкновенно логичному человѣку среди женевскаго общества съ его строгими кальвинскими нравами, консервативными обычаями и слѣпой приверженностью къ рутинѣ, съ большимъ самомнѣніемъ и нетерпимостью ко всему, что только не было „genevois". И Фохтъ не любилъ женевцевъ, относился къ нимъ крайне рѣзко и недружелюбно; временами они приводили его въ ярость и заставляли говорить въ собраніяхъ кучу насмѣшливыхъ и вызывающихъ рѣчей. Зато тѣ его терпѣть не могли, относились къ нему даже враждебно,—не то, что къ его коллегѣ, добродушному и мирному Шиффу. Тутъ было задѣто и ихъ самолюбіе: Фохтъ принялъ швейцарское подданство, а между тѣмъ не любилъ духа этого народа и никогда не могъ простить ему той оппозиціи, съ которою онъ его встрѣтилъ вначалѣ. Женевцы говорили, что онъ употребляетъ „очень неучтивыя выраженія и очень несправедливыя по отношенію къ народу, который принялъ его въ ряды своихъ".

Наконецъ, была у Фохта еще область, которая чуть ли не больше всего захватывала его: это политика. Онъ какъ бы былъ созданъ борцомъ—одинъ видъ его чего стоилъ! Вся его дѣятельность — упрямая и безпрерывная борьба за свободу и демократію.

Разъ какъ-то проводилъ онъ лѣто въ глухой деревушкѣ въ горахъ. Добродушнымъ жителямъ мѣстечка онъ внушалъ нѣкоторую робость. Они всматривались съ оттѣнкомъ ужаса въ этого льва съ хищнымъ лицомъ и говорили про него.

— Это господинъ, который былъ императоромъ въ теченіе трехъ дней...

Пожалуй, они были правы. Въ 1848 году, во время мартовскихъ дней, онъ сталъ во Франкфуртѣ президентомъ въ парламентѣ и былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ и, кажется, юныхъ вождей національной партіи, а позднѣе былъ избранъ въ члены имперскаго управленія. И это было лучшимъ воспоминаніемъ его жизни: онъ долженъ былъ быть вполнѣ удовлетвореннымъ сознаніемъ что судьба Германіи въ его рукахъ. Но прусское оружіе водворило скоро порядокъ: Фохтъ лишился не только своего президентскаго кресла, но и каѳедры, которую тогда занималъ, и долженъ былъ бѣжать. Въ Женевѣ говорили, будто германское правительство дорого бы дало за его голову. Высланный, онъ не безъ грусти принялся за свои научныя работы и лекціи. Но не смотря на блестящіе успѣхи на этомъ поприщѣ, онъ никогда не могъ удовлетвориться одной профессорской дѣятельностью. Его старыя, честолюбивыя желанія постоянно пробуждались въ немъ: онъ любилъ говорить о своемъ „царствованіи". Хотя онъ не избавилъ отъ своихъ насмѣшекъ и Германію, но онъ былъ нѣмцемъ до мозга костей, но изъ тѣхъ нѣмцевъ—либераловъ и космополитовъ, которыхъ уже теперь больше нѣтъ. Онъ былъ страстнымъ антипруссакомъ, питалъ карѳагенскую ненависть къ Бисмарку, сильная рука котораго такъ жестоко оборвала когда-то его мечты. Онъ занимался политикой и въ Швейцаріи: былъ избранъ въ члены швейцарскаго національнаго совѣта и игралъ значительную роль въ политикѣ кантона, высказывая независимость и оригинальную личность. А его ѣдкія рѣчи часто попадали мѣтко въ цѣль. Но это его уже не удо-

влетворяло такъ, и онъ, наконецъ, сошелъ съ этой арены и отдался всецѣло преподаванію и своимъ работамъ...

Когда я была въ университетѣ, онъ былъ ужъ очень старъ, болѣлъ и ѣздилъ нѣсколько разъ въ Ниццу, прерывая свой курсъ. Во время болѣзни онъ страдалъ больше всего отъ сознанія, что не можетъ такъ работать, какъ прежде. Однажды онъ взялся за перо, но положилъ его поневолѣ на мѣсто, очень опечаленный: онъ былъ побѣжденъ. А 8 ноября 1890 года, въ университетѣ у насъ было горе: за своей лекціей, кончая, Фохтъ взволнованно, съ одышкой сказалъ:

— Господа! Я долженъ васъ покинуть... Я взялъ отпускъ и уѣзжаю въ Ниццу, потому что я не могу, не... словомъ... машина расклеилась.

Громкіе, замѣчательно дружные апплодисменты провожали знаменитаго профессора.

Бѣдный старикъ! Онъ чувствовалъ, что ему не долго жить. При всемъ своемъ умѣ, ясно сохранившемся, онъ понималъ, что физически разрушается. Онъ какъ бы прощался со студентами и своею каѳедрой, которая была его призваніемъ, послѣ безполезнаго усилія продолжать. Мнѣ было жаль его въ эту минуту, и ужъ очень грустно онъ кончилъ.

Такъ разстались мы съ Карломъ Фохтомъ.

Да! Это былъ человѣкъ закаленный,—типъ, который исчезаетъ теперь все больше и больше, теряясь въ спеціализаціи, которая поглощаетъ насъ теперь. Это была какая то сила природы, которая все опрокидовала на своемъ пути. Его не могли забыть тѣ, которые знали его близко.

Это былъ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ сильныхъ и крѣпкихъ представителей этого, немного падшаго рода, который называется человѣкомъ.

...Вотъ что говорилось, вспоминалось и писалось въ Женевѣ 5-го мая 1895 года: „въ этотъ день Карла Фохта не стало"...

„Смерть этого ученаго, которымъ могла бы гордиться любая страна, не вызвала въ женевской печати той массы строгихъ и разнообразныхъ статей, какой можно было ожидать; а общество и его представители отнеслись такъ сдержанно и даже сухо къ этой утратѣ, что становится грустно. Одинъ органъ и послѣ смерти не преминулъ кольнуть его въ своемъ некрологѣ за вѣчную борьбу съ клерикализмомъ и рутиной; скрытая антипатія къ дѣятельности этого человѣка прорывается во многихъ фразахъ то тамъ, то сямъ. Впрочемъ, прибавляетъ газета, онъ и философовъ любилъ не больше священниковъ и клалъ и тѣхъ, и другихъ въ одинъ мѣшокъ". И государство, такъ много обязанное ему, очень мало приняло участія въ похоронахъ столь знаменитаго человѣка: государственный совѣтъ отказался даже устроить ихъ на народный счетъ. И похороны вышли далеко не величественныя, хотя и трогательные по своей простотѣ. Въ газетахъ намекали, что правительство могло бы купить ему мѣсто на кладбищѣ Ratpralais, гдѣ похоронены всѣ знаменитости; но тутъ же оправдывались тѣмъ, что женевцы первое мѣсто отводятъ своимъ государственнымъ дѣятелямъ, и что со временъ Кальвина, который не велѣлъ украшать своей могилы, въ Женевѣ не воздвигали ни одного надгробнаго памятника достойнаго, дѣйствительно, этого имени. Далѣе говорилось, что и де Кандолля самого хоронили немногимъ пышнѣе, чѣмъ обыкновенное частное лицо, и что иностранцы часто изумляются простотѣ здѣшнихъ кладбищъ.

Рѣшено было, что такъ какъ женевскій университетъ многимъ обязанъ этому человѣку, то и послѣднія почести надо отдать ему передъ этими зданіями, которыя онъ почти воздвигалъ, передъ этимъ домомъ,

гдѣ училъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но и тутъ вышло недоразумѣніе: по первоначальному распоряженію рѣшено было, что церемонія будетъ происходить въ $4^1/_2$ часа передъ главнымъ фасадомъ университета, на улицѣ де Кандолль; а утромъ въ послѣднюю минуту, порядокъ церемоніи измѣнили, такъ что масса народу ждала на улицѣ, тогда какъ почести отдавали въ обширномъ четыреугольникѣ, образованномъ зданіями университета со стороны сада Бастьонъ, т. е. позади университета. Вслѣдствіе ли этого, или по другой причинѣ, но стеченіе публики, ученыхъ сосѣднихъ университетовъ и даже университетскаго населенія, было далеко не такъ грандіозно, какъ можно бы было ожидать въ виду похоронъ такого выдающагося ученаго, какъ Фохтъ.

На широкихъ ступеняхъ университетской лѣстницы стоялъ весь университетскій штатъ, профессора, студенты, всѣ общества съ флагами, затянутыми крепомъ. Когда колесница подъѣхала, и всѣ размѣстились, начались рѣчи. Первымъ говорилъ Мартенсъ, ректоръ университета. Онъ вспомнилъ, какъ ровно 43 года тому назадъ, день въ день, Фохтъ, приглашенный въ Женеву, прочелъ свою первую лекцію по геологіи. Потомъ говорили профессора. И нашъ милый Шиффъ былъ тутъ. Онъ говорилъ, заложивъ свои руки за спину, о Фохтѣ, какъ о своемъ другѣ, съ которымъ познакомился въ Парижѣ, въ 1842 году, въ кружкѣ нѣмецкихъ натуралистовъ. Обыкновенно спокойный и ровный, голосъ его прервался послѣ этихъ трогательныхъ словъ; онъ не могъ продолжать и лишь произнесъ взволнованно:

— Adieu, Vogt!

Послѣ рѣчей процессія двинулась къ городскому кладбищу. Гробъ утопалъ въ вѣнкахъ. Ихъ было столько, что пришлось взять вторую коляску, чтобы везти ихъ. Русскіе студенты также слѣдовали за колесницей до края могилы, на которую возложили два великолѣпныхъ вѣнка. Былъ вѣнокъ и отъ международнаго общества студентокъ. И— chose rare,—отличаютъ газеты, даже одна дама, отъ общества студентокъ, отдавала почесть: въ Женевѣ женщины не идутъ за гробомъ ученаго.

Ни одной рѣчи не было произнесено на могилѣ...

(КОНЕЦЪ).

Русскій рабочій въ освѣщеніи постороннихъ зрителей.

I.

Если читателю приходилось въ послѣдніе два-три года слѣдить за нашей беллетристикой, особенно журнальной,— отъ него не могло ускользнуть появленіе въ значительной части всѣхъ этихъ разсказовъ и повѣстей новыхъ для нашей литературы „героевъ", если не новыхъ, связанныхъ съ ними, темъ. Изъ подваловъ, ночлежекъ, мастерскихъ, фабрикъ, тюремъ, иногда просто изъ неопредѣленнаго пространства повалили на литературную сцену пестрой, нестройной толпой мастеровые, ремесленники, фабричные, батраки, — словомъ, чистокровный городской и деревенскій пролетаріатъ.

Ихъ „некультурныя", часто немытыя и нечесанныя фигуры, правда, пока еще нерѣшительно топчутся около кулисъ, готовыя каждую минуту опять юркнуть въ небытіе, но что-то,—не то какая-то стихійная сила, не то воля авторовъ,—повидимому неумолимо толкаетъ ихъ на аван-сцену, которую онѣ грозятъ скоро совсѣмъ заполнить и оттереть на задній планъ не только привычные культурные персонажи, а даже и босяковъ г. Горькаго.

Возьмите хотя бы беллестристику послѣдняго года: „Честнымъ путемъ" г. Вересаева (М. Б. 1903 г. XII), „Изъ подвала" г. Арцыбашева (Журн. для всѣхъ, 1904 г. II), „Среди рабочихъ" г. Подъячева (Р. Б., V—VI), „Музыканты" г. Безпалова (Обр., VI—VII), „Дочь народа" г-жи Крандіевской (Р. М., IV), „Друзья дѣтства" г-жи Дмитріевой (В. Е. VI—VII), „Еврей" г. Юшкевича (сборн. „знанія", т. II), „Еврей" г. Чирикова („Пьесы") — всѣ эти произведенія такъ или иначе живописуютъ намъ hominem почти всей русской литературы. Согласитесь, что восемь произведеній за восемь мѣсяцевъ объ одномъ приблизительно предметѣ (а за полноту списка я совершенно не ручаюсь) — при нашей бѣдности—явленіе не случайное, и разобраться въ немъ стоитъ *).

Такъ какъ нельзя предположить, что авторы пишутъ по предварительному уговору, такъ сказать, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, то очевидно, что, повинуясь стихійной силѣ, литература и въ данномъ случаѣ пытается лишь исполнить свою роль, отражая въ художест-

*) Въ дальнѣйшемъ я буду касаться также и одного болѣе ранняго произведенія г. Вересаева; „Конецъ Андрея Ивановича", такъ какъ оно по содержанію связано съ повѣстью „Честнымъ путемъ", а по темѣ аналогично указанному ряду разсказовъ.

венныхъ образахъ отношенія реальной жизни. Иными словами, это сравнительное обиліе пролетарскихъ фигуръ въ разсказахъ нашихъ беллетристовъ обозначаетъ, что въ дѣйствительности наше отечественное четвертое сословіе не только народилось, но и настолько уже выросло, что начинаетъ играть роль въ драмѣ жизни и даже попало въ узенькій, по волѣ рока, фокусъ литературнаго объектива. И если вы, читатель, вспомните хорошенько общій характеръ беллестристики, изображающей „культурное общество", въ послѣднее время, то пожалуй, согласитесь, что самое появленіе „новаго человѣка" въ литературѣ не было совершенно неожиданно и неподготовлено: во многихъ недавнихъ произведеніяхъ и г. Боборыкина, и г. Вересаева, и г-жи Дмитріевой, и другихъ.

Этотъ „новый человѣкъ" чувствовался гдѣ-то за сценой, порой даже мелькалъ въ видѣ тѣни отца Гамлета; къ нему видимо тянулись, вокругъ него сплетались интересы той части „культурной среды", которая выступала въ этихъ произведеніяхъ. Теперь намеки и тѣни до нѣкоторой степени воплотились и вышли изъ-за кулисъ.

Такого рода явленіе не ново въ нашей (и не только въ нашей, конечно) литературѣ. Разъ нарождается новый классъ, новая общественная группа, достаточно жизненная и сильная, чтобы такъ или иначе внести свой стиль въ строительство жизни,—литература необходимо, стихійно отражаетъ это измѣненіе въ комбинаціи общественныхъ силъ, причемъ такое отраженіе можетъ происходить двоякимъ путемъ: либо новонародившійся классъ самъ выдвигаетъ художественныя силы и, такъ сказать, лично заявляетъ въ литературѣ о своемъ вступленіи въ жизнь, о своей борьбѣ, побѣдахъ и завѣтахъ — и тогда, обычно говорятъ, возникаетъ новая литературная школа, направленіе; — либо историческій старшій классъ, раньше сложившійся и успѣвшій завоевать главенство въ жизни, подмѣчаетъ, въ лицѣ своихъ литературныхъ представителей, новыя явленія, наростающія измѣненія въ окружающей дѣйствительности и заноситъ ихъ на страницы своей художественной лѣтописи, иногда пытаясь объяснить ихъ генезисъ, опредѣлить ихъ историческое будущее, отыскать нити, связующія ихъ съ его собственными интересами, — часто въ простомъ недоумѣніи и даже безсознательно останавливаясь передъ необычными, невѣдомыми доселѣ типами, фактами, теченіями.

Вспомните этапы, черезъ которые шло развитіе нашей литературы въ XIX в. Необычайный, пышный расцвѣтъ художественнаго творчества въ сороковыхъ годахъ совпалъ съ развитіемъ сознательности, съ пробужденіемъ къ общественной жизни помѣстнаго и служащаго дворянства. Изображеніе этой среды, ея прошлаго, бичеваніе ея вредныхъ, регрессивныхъ, отмирающихъ элементовъ, обрисовка развитія и борьбы ея жизненныхъ, рвущихся къ дѣлу слоевъ, выясненіе ея стремленій, надеждъ, идеаловъ, ея общественнаго credo,—и популярно—уясненіе тѣхъ цѣпей, которыя необходимо сбросить, чтобы вырваться на просторъ полной жизни, свободнаго развитія,—вотъ что составляетъ содержаніе, честь, славу и заслугу литературы той эпохи.—Кто же были по своему происхожденію по своей общественной психологіи корифеи сороковыхъ годовъ, — Аксаковъ, Тургеневъ, Герценъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Писемскій, Толстой?

То была кость отъ кости, плоть отъ плоти, настоящіе и лучшіе сыны изображавшагося ими класса, и произведенія ихъ носятъ въ извѣстномъ смыслѣ, а подчасъ и буквально,—автобіографическій характеръ.

Лишь великій Бѣлинскій, критическая дѣятельность котораго тѣсно связана съ творчествомъ его современниковъ—беллетристовъ, былъ не сродни имъ по своему „разночинству", но, опередивъ въ своей геніальности развитіе своего класса, онъ могъ примкнуть только къ нимъ, дѣйствительнымъ и единственнымъ господамъ если не жизни, то литературы, со своимъ міровоззрѣніемъ, которое никогда не было „дворянскимъ", лишь совпадая во многомъ съ тогдашней идеологіей этого пробудившагося класса, онъ являлся среди нихъ какъ бы предвѣстникомъ будущихъ измѣненій.

Однако,— возразятъ намъ, — возможно ли назвать типично-классовой литературную дѣятельность писателей, которые впервые извлекли изъ художественнаго небытія крестьянскую массу,—классъ, по своимъ интересамъ прямо противоположный дворянству, писателей, которые первые рѣзко и опредѣленно выразили завѣтныя стремленія, насущныя потребности именно крестьянства? Развѣ „Записки охотника", „Антонъ Горемыка", „Деревня", „Горькая доля",—„дворянскія произведенія"? Все это такъ, конечно, и мы не думаемъ отнимать у беллетристовъ 40-хъ г.г. чести *художественнаго* открытія крестьянской Америки, но дѣло въ томъ, что эта Америка, необходима была прежде всего для полнаго и нормальнаго развитія именно дворянскаго класса; тѣ требованія, нужды и стремленія, которыя заявлялись литературой отъ имени крестьянства, вытекали изъ собственной идеологіи дворянства, для котораго крѣпостничество со всѣми его аттрибутами, невѣжество, рабство и косность народныхъ массъ представлялись главнѣйшими изъ путъ, связывавшихъ и давившихъ его собственную жизнь и историческую будущность; конечно, такое соотношеніе жизненныхъ интересовъ вылилось у писателей 40-хъ гг.. не въ рѣзкую форму грубо-эгоистической откровенности, а въ эстетическія формы гуманистическаго міровоззрѣнія, но пусть же формы не затемняютъ пониманія дѣйствительной основы явленій. Оттого-то и самое изображеніе жизни народныхъ массъ, при всей его художественной правдивости и искренности, велось всегда какъ-бы „со стороны"; художникъ стоялъ на точкѣ зрѣнія зрителя (правда, сочувственнаго и понимающаго), а не участника, страдальца изображаемой драмы; психологія авторовъ никогда не была и не могла быть крестьянской. Вотъ почему народолюбіе и мужицкій ароматъ не могли помѣшать тогдашней литературѣ быть типично-дворянской; само же крестьянство, неразвитое, несформированное, не дошедшее до самосознанія, не могло, конечно, выдвинуть собственныхъ художниковъ. Одинокое творчество Кольцова было лишь слабымъ намекомъ на таящіяся въ глубинѣ силы и промелькнуло, не оставивъ прочнаго слѣда, не вызвавъ преемниковъ и подражателей.

Но вотъ наступили 60-е гг. Послѣ мрачнаго гнета непреклонной николаевщины насталъ и быстро промелькнулъ медовый мѣсяцъ русскаго либерализма. И этого короткаго срока оказалось, однако, достаточно, чтобы всколыхнуть топи всероссійской жизни и вызвать на ея поверхность новыя явленія, новыя фигуры, засвидѣтельствовавшія о результатахъ неустаннаго общественнаго процесса, вершившаго свою разрушительно-созидательную работу въ глубинѣ, подъ покровомъ кажущагося мертвеннаго застоя и казеннаго благополучія. Прежнія литературныя свѣтила недоумѣло остановились передъ фигурами Марка Волохова, Базарова, передъ „безымянной Русью"—и не нашли силы изобразить ихъ съ прежней талантливостью и правдой. Но эти странныя, непонятныя „дѣти" скоро заговорили сами, и литературная сцена мало-по-малу заполнилась ими, такъ что „отцамъ" пришлось

постепенно отойти въ сторону. Кто же были эти новые люди и какія новыя слова принесли они съ собой?

„Разночинецъ пришелъ!", — вотъ фраза, давшая объясненіе быстрой перемѣнѣ въ литературѣ. Разночинецъ пришелъ, конечно, не только въ литературу: хлынувъ въ двери, пріотворенныя 60-ми годами, пытаясь открыть ихъ пошире, онъ быстро захватывалъ новые уголки жизни и заявлялъ о себѣ всюду, гдѣ нужны были знанія, трудъ, общественная работа. Взлелѣянный потребностями развитія самого дворянскаго класса, будучи необходимымъ историко - экономическимъ слѣдствіемъ этого развитія, разночинецъ ко времени своего выступленія на сцену успѣлъ уже запастись необходимымъ для жизненной борьбы оружіемъ, накопить силы, а потому и для литературнаго „представительства" у него нашлись таланты.

И вотъ съ тѣхъ поръ разночинецъ, выдвигаясь въ жизни въ качествѣ служителя капитала, въ качествѣ „третьяго элемента", представителя „свободныхъ" профессій, наконецъ, подъ общимъ названіемъ якобы „внѣклассовой" интеллигенціи,—постепенно занимаетъ господствующее мѣсто въ литературѣ. Изъ старшаго литературнаго поколѣнія, кто не обладалъ художественной мощью Л. Толстого или не имѣлъ данныхъ приспособиться и примкнуть къ новому теченію, какъ Некрасовъ, отчасти Достоевскій,—всѣ ушли „на покой", вольно и невольно отодвинулись въ сторону, иные пріобрѣтя похоронно-лестное названіе „классиковъ". Будучи, какъ классъ, носителемъ буржуазно-демократическаго принципа, разночинецъ демократизировалъ и литературу во всѣхъ смыслахъ гораздо болѣе, нежели писатели 40-хъ гг.; искренно, съ живымъ одушевленіемъ воспринявъ народолюбивые завѣты „отцовъ", новая литература создала даже цѣлое народническое теченіе, развивая въ то же время идеалы, рисуя борьбу и стремленія новаго, буржуазнаго общества.

Молодая общественная группа съ развитіемъ своихъ жизненныхъ, такъ сказать, историческихъ силъ не могла удовлетвориться неопредѣленно-гуманистическимъ міровоззрѣніемъ сороковыхъ годовъ. Выросшее на почвѣ западной идеалистической философіи, это міровоззрѣніе не успѣло выработать никакой опредѣленной политической программы, а главное— подвинуть своихъ носителей на конкретную политическую борьбу; движеніе двадцатыхъ годовъ, отдѣленное жизнью одного лишь поколѣнія, фактически стало далекимъ воспоминаніемъ о чемъ - то лучезарно-исключительномъ, воспоминаніемъ, бодрившимъ духъ, будившимъ мысль, но не толкавшимъ на дѣло. Между тѣмъ для разночинной интеллигенціи необходима была широкая общественная жизнь, возможность развернуть свои силы въ примѣненіи къ практическому устроенію родныхъ палестинъ, и на философіи помириться она не могла. Мало того,— въ прошломъ „отцовъ" для этихъ „новыхъ людей" было много ненавистнаго, что они называли квіэтизмомъ, барствомъ, крѣпостной закваской. И вотъ началась по всему фронту борьба за новыя требованія, за болѣе выясненные, конкретные идеалы, за расширеніе рамокъ общественной жизни, смертный бой съ прошлымъ, непримиримая критика всего его наслѣдія и пережитковъ въ настоящемъ. Литературная дѣятельность Помяловскаго, Левитова, Шеллера-Михайлова, Станюковича, Омулевскаго и т. д. — отразила эту борьбу, а грозная сатира Салтыкова дробила крѣпостничество со всѣми его дѣтищами. Но факты скоро показали, что этотъ фатальный поединокъ передовыхъ слоевъ молодой буржуазіи съ темными силами общественной жизни не можетъ быть побѣдоноснымъ: вражескій станъ опирался на исторически сложив-

шуюся организацію, на добровольныхъ и наемныхъ рабовъ, на грубую силу, наконецъ; а новые борцы были одни, и ихъ было мало: возможные союзники „изъ отцовъ“ пугливо или брезгливо сторонились, народная же масса,—то среднее и мелкое мѣщанство, изъ рядовъ котораго вышелъ разночинецъ, а главное, крестьянство,—погружены были еще въ первобытный сонъ, не дойдя не только до сознанія общественныхъ своихъ интересовъ, но даже до членораздѣльнаго мышленія; на поверхность выползали только въ дѣвственной наготѣ фигуры „чумазыхъ“, Разуваевыхъ, Колупаевыхъ, въ которыхъ молодое общество увидѣло лишь новыхъ враговъ. Нужно было разбудить ту силу, которая, казалось, одна могла обезпечить побѣду новымъ идеаламъ; нужно было выдвинуть на историческую сцену естественнаго носителя демократическихъ принциповъ, —„народъ“. И вотъ, на ряду съ движеніемъ разночинца въ народъ, на литературномъ поприщѣ выступаютъ Рѣшетниковъ, Гл. Успенскій, Наумовъ, Златовратскій. Замѣтьте,—отношеніе нашихъ народниковъ 70-хъ гг. къ изображаемой ими средѣ было уже совершенно не то гуманно-покровительственное отношеніе „со стороны“, которое можно уловить у беллетристовъ 40-хъ гг.; нѣтъ, народники, подойдя къ мужику вплотную (причемъ къ мужику—не исключительно крестьянину), объективно-правдиво изучая и живописуя его, стремились слить свои интересы съ его интересами, быть выразителями его нуждъ, его психологіи. И все-таки въ этомъ не было исторической правды: „мужику“ его литературные представители были чужды.

Желанный, естественный, казалось, союзникъ—обманулъ ожиданія. Кто виноватъ былъ въ этомъ, союзникъ ли съ его историческимъ прошлымъ, разночинная ли интеллигенція съ ея близорукими и слишкомъ поспѣшными чаяніями, — разбирать здѣсь не интересно. Такъ или иначе, приходилось либо ждать того неопредѣленно-далекаго будущаго, когда „мужикъ“ научится членораздѣльно мыслить и пойметъ то, что ему слѣдуетъ понять,—либо оставаться въ борьбѣ съ одними собственными силами.

Наступилъ тотъ героическій періодъ жизни разночинца, о которомъ литературѣ приходилось молчать, оповѣстивъ лишь о его завершеніи отчаяннымъ крикомъ Гаршина въ „Красномъ цвѣткѣ“, глубоко-скорбными аккордами Надсоновской музы и холоднымъ пессимизмомъ Чеховскихъ „сумеречныхъ“ и „хмурыхъ“ разсказовъ...

Тяжелое безвременье 80-хъ и первой половины 90-хъ гг.,—годовъ разгрома разночинной демократіи, сопровождалось и литературнымъ обмелѣніемъ; одновременно съ практической проповѣдью маленькихъ дѣлъ литературу заполнили маленькіе люди и людишки; уцѣлѣвшіе крупные таланты стояли одиноко, почти безмолвствуя или безнадежно рисуя оскудѣніе жизни. И вотъ, со второй половины 90-хъ гг. среди этой тишины и безнадежности замелькали живыя темы, зазвучали бодрящія рѣчи, появились яркіе таланты. Что случилось? Откуда такой поворотъ? Какой-нибудь просвѣщенный иностранецъ, который судилъ бы о нашей литературѣ лишь на основаніи литературныхъ же данныхъ, не нашелъ бы отвѣта на эти вопросы или объяснилъ бы все случайностью. Но тому, кто переживалъ россійскую дѣйствительность послѣдняго десятилѣтія, гораздо легче уяснить задачу. Стихійный процессъ экономическаго развитія, совершавшійся помимо воли и часто даже сознанія разночинца 70-хъ гг., привелъ къ глубокимъ измѣненіямъ въ томъ соотношеніи общественныхъ силъ, съ которымъ приходилось имѣть дѣло разночинцу упомянутаго періода. Разслоивъ хаотическую массу „народа“, придавъ опредѣленную

физіономію различнымъ его группамъ; выдвинувъ и обостривъ различіе интересовъ этихъ группъ, процессъ привелъ къ созданію новаго класса, „четвертаго сословія", съ его особыми запросами и историческими задачами. Къ концу переходнаго періода затишья новый классъ не только сформировался, но и заявилъ такъ или иначе о своемъ существованіи, привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Громадная историческая сила этого класса, стихійность, а слѣдовательно устойчивость его развитія,—все это, естественно, заставляло видѣть въ немъ серьезную опору для общественнаго строительства и борьбы. Въ связи съ развитіемъ новаго класса воскресали, казалось, похороненныя надежды, вокругъ него такъ или иначе вращались нарождающіяся общественныя движенія. Въ средѣ разночинной демократіи историко-экономическій процессъ также произвелъ болѣе опредѣленную группировку элементовъ; часть изъ нихъ, сама пролетаризованная этимъ процессомъ, искренно и честно примкнула къ новому классу и стала его идейной выразительницей, его передовымъ отрядомъ; другіе, сознательно или безсознательно связанные съ интересами буржуазнаго общества, видѣли въ пробужденіи новой соціальной силы возможность реставрировать стремленія прошлаго, опираясь на общность нѣкоторыхъ своихъ цѣлей съ ближайшими интересами четвертаго сословія. Если первые, цѣликомъ ушедши въ трудную задачу новой практической дѣятельности, не успѣли (а можетъ быть, и не могли) дать литературныхъ талантовъ, — вторые, болѣе многочисленные, менѣе поглощенные заботами кропотливой борьбы,—вызвали литературное оживленіе, о которомъ мы упоминали ранѣе.

И вотъ теперь въ литературѣ, со значительнымъ, правда, но, должно быть, естественнымъ запозданіемъ, появляются тѣ новые типы, о которыхъ мы говорили вначалѣ; факты реальной дѣйствительности пытаются пробиться въ литературную сферу. Но если прежніе беллетристы въ изображеніи крестьянской и вообще „народной" среды были своего рода Колумбами, то современные авторы лишь поспѣваютъ (насколько — вопросъ особый) за жизнью: *ихъ* Америка сама себя открыла, заявила о себѣ раньше, чѣмъ они наладились писать о ней. Что они усмотрѣли въ этой Америкѣ, какъ списываетъ ее, кто, наконецъ, они сами, эти своеобразные Веспуччи, — выяснить это мы и постараемся въ дальнѣйшемъ.

II.

Первое, что бросается въ глаза при общемъ взглядѣ на всѣ упомянутыя вначалѣ произведенія, — это крайняя пестрота и разнообразіе изображаемыхъ типовъ какъ по ихъ психическому укладу, такъ и по положенію въ общей пролетарской массѣ: тутъ и рабочіе помѣщичьей экономіи, и мелкіе ремесленники, и чернорабочіе, и фабричные, и люди „безъ опредѣленныхъ занятій"; притомъ вниманіе авторовъ даже въ слабой степени не сосредоточивается на одной какой-нибудь группѣ, а, какъ бы въ растерянности передъ обиліемъ матеріала или за недостаткомъ руководящей, обобщающей точки зрѣнія,— набрасывается на все сразу, дробится въ пестротѣ явленій и выхватываетъ лишь отдѣльные моменты, положенія, фигуры. Въ результатѣ—сложная, многосторонняя, но грандіозно-цѣлостная картина дѣйствительной жизни пропадаетъ для читателя, и передъ нимъ лишь мелькаютъ, какъ въ кусочкахъ разбитаго зеркала, разрозненные образы обращеннаго въ хаосъ реальнаго цѣлаго. Причинъ такой раздробленности изображенія много; одна изъ нихъ, безспорно, заключается въ степени талантливости авторовъ; но мы заранѣе оговариваемся, что этой стороны дѣла, какъ и вообще

чистохудожественныхъ достоинствъ разбираемыхъ произведеній, касаться не будемъ; нѣкоторыя, уже другія причины, для насъ гораздо болѣе интересныя, выяснятся, какъ мы надѣемся, ниже.

Какъ, однако, ни отрывочны, незакончены и даже случайны беллетристическіе эскизы пролетарской жизни,—нѣкоторыя общія черты въ нихъ, конечно, можно уловить и путемъ отвлеченія ихъ возстановить то освѣщеніе, въ которомъ эта жизнь представляется авторамъ, взявшимся повѣствовать о ней—„обществу".

Мракъ и гнетъ жизни,—вотъ общій фонъ всѣхъ безъ исключенія разсказовъ о рабочемъ людѣ. Давитъ пролетарія эксплоататоръ-хозяинъ, давитъ собственная темнота и невѣжество, давятъ общія условія жизни, безработица, больная семья давитъ, наконецъ, какая-то грозная стихійная сила, которой ни названія ни образа не знаетъ раздавленный. Иного фона и не можетъ получиться при мало-мальски честномъ отношеніи къ художественной правдѣ; но все это настолько общеизвѣстно, настолько бьетъ въ глаза на каждомъ шагу реальной дѣйствительности, что удивить, открыть глаза кому-нибудь изображеніе этихъ общихъ условій не можетъ; а чтобы потрясти читателя, толкнуть его на немедленное дѣйствіе,—для этого нужно „огненное слово". Его мы не встрѣтили у нашихъ авторовъ.

Какъ реагируетъ рабочій на эти гнетущія условія? Прежде всего, по свидѣтельству авторовъ, онъ пьетъ. Пьетъ сапожникъ „изъ подвала", не находя мѣста отъ темной тоски, пьютъ помѣщичьи рабочіе г. Подъячева, пьетъ Андрей Ивановичъ, пьютъ гаванскіе товарищи Дукачева („Друзья дѣтства"),—пьютъ звѣрски, до безчувствія, до смертнаго боя. Пьяный туманъ еще сильнѣе бередитъ наболѣвшія раны, разжигаетъ безымянную ненависть и злобу и, застилая и безъ того неясное, слабое сознаніе, толкаетъ на дикіе поступки, на преступленія. Андрей Ивановичъ въ приступахъ пьянаго изступленія колотитъ жену, Ляховъ въ пьяномъ видѣ увѣчитъ Андрея Ивановича, своего пріятеля; рабочіе изъ экономіи допиваются до общей бойни, а потомъ у нихъ на глазахъ пьяный сторожъ чуть не до смерти заколачиваетъ свою невѣрную жену; сапожникъ „изъ подвала" въ хмельномъ туманѣ, чтобы дать исходъ нахлынувшей злобѣ, убиваетъ перваго встрѣчнаго. Жутко становится отъ такой озвѣрѣлой, пропившейся толпы... А въ трезвомъ видѣ эта же толпа въ лучшемъ случаѣ вызываетъ къ себѣ брезгливое состраданіе. Это какіе-то жалкіе, угодливые, безропотно сносящіе всякое издѣвательство рабы,—хуже рабовъ; у тѣхъ хоть чувство товарищества, солидарности прорывалось по временамъ, а эти способны лишь на предательство и злорадство. Посмотрите, до какихъ нравственныхъ униженій доходятъ рабочіе въ разсказѣ г. Подъячева: съ ними обращаются, какъ со скотомъ, ихъ вызывающе — несправедливо наказываютъ, кормятъ тухлятиной,—а они молчатъ, чуть не цѣлуютъ кулакъ, бьющій ихъ по лицу, безъ нужды, непрошенные доносятъ, на товарища, по своему пытавшагося мстить за униженія. А вотъ работницы переплетной мастерской („Честнымъ путемъ"), равнодушно и съ тайнымъ злорадствомъ наблюдающія, какъ молодыя и хорошенькія товарки ихъ, толкаемыя нуждой и притѣсненіями, попадаютъ въ грязныя лапы мастера; онѣ какъ бы находятъ въ этомъ какое-то своеобразное удовлетвореніе: и вы, молъ, не лучше насъ, а мы на вашемъ мѣстѣ уже побывали! Вотъ мастерицы изъ швейной („Дочь народа"), рабскимъ, пришибленнымъ молчаніемъ отвѣчающія на страстный призывъ Евлампіи къ протесту и борьбѣ за свое достоинство; мастеровые, безъ всякой причины избивающіе въ кабакѣ несчастную, выброшенную фабрикой за бортъ и пошедшую по „торной

дорожкѣ" женщину, которая ищетъ теплаго чувства, участія („Конецъ Андрея Ивановича"); всюду, куда ни посмотрите, — отношенія другъ къ другу жестокія, дикія, озвѣрѣлыя.

Если иногда и наталкиваетесь вы на стремленіе рабочей массы найти выходъ изъ этого мрака и ужаса, то стремленія —какія-то безкрылыя, безпомощныя, мимолетныя и безрезультатныя; ихъ какъ бы въ корнѣ подрываетъ не то отсутствіе вѣры въ возможность лучшаго, не то дряблость и безсиліе самихъ жаждущихъ исхода, а потому—Андрей Ивановичъ въ такія минуты неизбѣжно идетъ въ кабакъ; его вдова не находитъ другого выхода, какъ выйти замужъ за нелюбимаго, но съ „хозяйственными" инстинктами латыша; Неси („Евреи" г. Юшкевича), умная и огненная натура, ищетъ лучшей жизни въ проституціи; сапожникъ г. Арцыбашева напивается.

Впрочемъ, авторы находятъ въ рабочей средѣ явленія и другого порядка: они рисуютъ намъ и проявленія протеста и даже цѣльные, „положительные" пролетарскіе типы. Присмотримся къ этой свѣтлой сторонѣ картины.

Даже въ такой безнадежно-пришибленной средѣ, какъ рабочіе г. Подъячева, находится протестантъ въ лицѣ кузнеца. Онъ открыто ругаетъ управляющаго и надсмотрщика; увѣренъ, что его никто не ударитъ, такъ какъ самъ обладаетъ громадною силой; разноситъ товарищей за ихъ рабье смиреніе, что не мѣшаетъ ему пьянствовать съ ними; чтобы отомстить управляющему за его нечеловѣческое отношеніе къ рабочимъ, отрубаетъ хвостъ у его собаки (причемъ подъ угрозой кулака заставляетъ товарища помочь въ этой операціи): наконецъ, когда кто-то поджигаетъ хозяйственныя постройки и по навѣту „товарища", безцѣльно подличающаго, его хотятъ арестовать,—онъ добровольно отдается въ руки властямъ, но гордо не позволяетъ связать себя. Какая сильная и многообѣщающая натура, не правда-ли, читатель?

Если васъ не удовлетворяетъ такого рода протестантъ, то вотъ вамъ фигура въ другомъ духѣ. Дѣвушка работница Евлампія („Дочь народа" г-жи Крандіевской) водитъ знакомство съ двумя интеллигентными дѣвицами, беретъ у нихъ книги, такъ же платки, кофты, деньги,—словомъ, эксплоатируетъ благородныхъ дѣвицъ до того, что даже ихъ возвышенно-настроенныя сердца начинаютъ возмущаться (что даетъ имъ поводъ опять-таки благородно погамлетизировать); независимость и самостоятельность Евлампіи выражается въ вызывающихъ манерахъ, въ рѣзкомъ и грубомъ тонѣ по отношенію къ дѣвицамъ, у которыхъ она беретъ кофточки; протестантизмъ выливается въ горячей рѣчи къ товаркамъ, призывающей послѣднихъ возмутиться своимъ приниженнымъ положеніемъ. Потерпѣвъ неудачу со своей рѣчью. Евлампія, очевидно со зла, разноситъ на всѣ корки вышеупомянутыхъ дѣвицъ, заявляетъ имъ, что онѣ ей уже не нужны, такъ какъ дать ничего больше не могутъ (выводъ, впрочемъ, вполнѣ правильный, хотя нѣсколько запоздалый), и уходитъ— неизвѣстно куда, неизвѣстно съ какими цѣлями въ жизни. Ея отношенія къ окружающей средѣ, къ товаркамъ, очерчены очень туманно и то лишь ея собственными словами.

А вотъ и еще мятущійся пролетарскій духъ — Васька Дукачевъ („Друзья дѣтства" г-жи Дмитріевой). Гонимый неудовлетворенностью жизнью, онъ отправляется путешествовать, попадаетъ въ разныя передѣлки, терпитъ гоненія судьбы и начальства, наконецъ, возвращается, больной и разбитый, домой; по дорогѣ влюбляется зачѣмъ-то въ прекрасную сиріянку, возится нѣкоторое время съ ней, но во всѣхъ смыслахъ безъ успѣха; затѣмъ вдругъ какъ-будто находитъ точку опоры въ жизни и рѣшаетъ вер-

нуться въ родную рабочую среду; въ чемъ эта точка опоры, съ чѣмъ идетъ онъ въ рабочую массу,—читателю остается неизвѣстнымъ. Черезъ нѣкоторое время Дукачевъ оказывается почему-то въ тюрьмѣ и съ добрымъ духомъ собирается въ далекое путешествіе. Что долженъ обозначать періодъ его скитаній по разнымъ Африкамъ и влюбленно-филантропической возни съ сиріанкой, за что попадаетъ онъ въ тюрьму,—все это составляетъ тайну автора, и въ результатѣ весь Дукачевъ является какой-то туманной, висящей въ воздухѣ, безжизненной, при всей своей подвижности, фигурой.

Въ „Музыкантахъ“ г. Безпалова мы встрѣчаемся съ героемъ еще болѣе неопредѣленнымъ и неяснымъ. Вышедшій, повидимому, изъ рабочей среды, но далеко переросшій ее своимъ развитіемъ, этотъ герой предстаетъ передъ нами въ какомъ то полу—„горьковскомъ“ костюмѣ идейнаго бродяги. Насколько можно судить по его туманно-поэтическимъ монологамъ, онъ идетъ на нѣкую борьбу со всѣмъ зломъ и мракомъ тѣхъ ужасныхъ условій, въ которыхъ протекаетъ пролетарское существованіе; но *куда* собственно онъ идетъ, каковы пути и средства его борьбы,—предоставляется догадливости читателя; въ предѣлахъ разсказа онъ проявляетъ себя лишь тѣмъ, что уводитъ съ собой случайно встрѣченнаго мальчика—еврея, мечтающаго стать музыкантомъ. Фигурка этого мальчика, изображеніе его томленій, мытарствъ и столкновеній съ грубой, жестокой въ своей забитости средой родственниковъ,—все это правдиво, искренне, тепло, но—далеко не ново; вниманіе читателя съ невольнымъ ожиданіемъ сосредоточивается на случайномъ покровителѣ бѣднаго еврейчика, носителѣ еще невысказанныхъ словъ, затаенныхъ стремленій. Покровитель—бродяга обѣщаетъ мальчику сдѣлать его настоящимъ музыкантомъ—въ широкомъ смыслѣ, музыкантомъ могучаго, жизненнаго оркестра; хочетъ дать ему образованіе, котораго ему самому не хватаетъ; мечтаетъ передать ему свои невысказанныя слова, затаенныя думы—для побѣдоноснаго осуществленія ихъ въ жизни, на первыхъ же порахъ показываетъ ему различные уголки ада рабочей жизни, чтобы вдохнуть въ будущаго музыканта свою любовь, свою ненависть. И вдругъ,—по волѣ автора, — юноша погибаетъ, случайно тонетъ во время внезапнаго наводненія, и его руководитель въ нѣмомъ отчаяніи уходитъ въ пространство, видя въ этомъ нелѣпо-жестокомъ случаѣ какую-то роковую злобную силу, преслѣдующую его всю жизнь. А читатель остается въ недоумѣніи: что же хотѣлъ сказать авторъ? Погибнутъ ли невысказанными невѣдомыя новыя слова и могучія чувства вмѣстѣ съ ихъ одинокимъ носителемъ? Что мѣшаетъ имъ вылиться въ конкретныя формы? И что такое весь разсказъ? Аллегорія? Изображеніе реальной жизни? Если аллегорія, то слишкомъ неясная; если изображеніе живой дѣйствительности, то слишкомъ романтическое, неправдоподобное, недоговоренное.

Той же недоговоренностью характеризуется и самый жизненный, правдивый, наиболѣе художественно обрисованный типъ „ищущаго“ пролетарія,— Нахманъ въ „Евреяхъ“ г. Юшкевича. Правда, это „отрывки изъ повѣсти“, но читателю отъ этого не легче; все же онъ разстается съ Нахманомъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ, подходитъ къ тому, чего искалъ, къ ясному сознанію путей жизни. Мелькаетъ китайской тѣнью фигура Даніэля, и—занавѣсъ падаетъ. Нахманъ—сильный, жизнеспособный типъ,—единственный въ своемъ родѣ во всѣхъ разбираемыхъ разсказахъ; именно отъ него мы ожидаемъ отвѣта на томительный вопросъ: гдѣ же выходъ изъ этого ада? Но авторъ охотно показываетъ намъ

этотъ адъ (и мастерски показываетъ, надо сознаться), показываетъ отчаянныя, но безплодныя метанія Нахмана, гибель Неси и, самъ очевидно чувствуя неполноту своей картины, мѣшающую ея правдивости,—ставитъ многоточіе какъ разъ тамъ, гдѣ мы ожидаемъ важнаго, необходимаго продолженія. Относительно выхода авторъ вмѣстѣ съ Нахманомъ даетъ одинъ отвѣтъ, касающійся спеціально еврейскаго пролетаріата: Это—*не* сіонизмъ. Но отвѣтъ ли это?

А вотъ. наконецъ, и вполнѣ опредѣленный положительный типъ— Изерсонъ („Еврей“ г. Чирикова). Онъ рѣшилъ всѣ проклятые вопросы, онъ нашелъ, что нужно: ясное, опредѣленное міросозерцаніе. Но насколько Изерсонъ—представитель пролетарской *массы*, какъ *примѣняетъ* онъ свое міровоззрѣвъ своей, рабочей средѣ, поскольку онъ *типъ* и вообще *живая* фигура, мы этого не знаемъ. Мы видимъ его лишь въ кругу интеллигентовъ, ведущихъ споры о сіонизмѣ и еврейскомъ вопросѣ вообще; Изерсонъ подаетъ короткія, рѣзкія реплики, къ сіонизму относится вполнѣ отрицательно, говоритъ опредѣленно и рѣшительно,—но и только. Говорящая ли это маріонетка, или настоящій, реальный человѣкъ, — изъ пьесы не видно, и такимъ образомъ для читателя или зрителя Изерсонъ мертвая, ничего не характеризующая фигура.

Вотъ и всѣ положительные типы нашей „пролетарской“ беллетристики. Впрочемъ, виноватъ,—вспомнился еще одинъ. Въ мартовской книжкѣ „Журнала для всѣхъ“ за 1903 г. былъ помѣщенъ разсказъ г. Данилина „Наслоенія“. Содержаніе его приблизительно слѣдующее. Въ слесарной мастерской работаетъ пожилой уже мастеръ, Суховъ. „Онъ былъ полонъ уваженія, страха и повиновенія передъ хозяиномъ, былъ разсчетливъ и скупъ и такое же чувство онъ старательно прививалъ бывшимъ въ мастерской“ младшимъ товарищамъ. „Среди молодежи Суховъ пользовался громаднымъ вліяніемъ... И, слушая его, у молодежи на душѣ становилось тоскливо и безпросвѣтно... И молодежь боялась его, какъ школьники, никогда не противорѣчила ему въ разсужденіяхъ и если съ чѣмъ не соглашалась, то помалкивала“. Это не мѣшаетъ, однако, молодежи „въ минуты тупой,“ безысходной тоски и безнадежной безпросвѣтности“ пьянствовать въ трактирахъ, играть въ карты и вообще влачить сумбурное, одурѣлое существованіе. Вліяніе Сухова падаетъ, когда къ нимъ поступаетъ новый мастеръ, Гущинъ. Это—артистъ своего дѣла, но пьяница и забулдыга, любящій превозносить „свободную жизнь“, ругаться со всѣми „степенными“ людьми (избѣгая, однако, серьезныхъ ссоръ съ хозяевами). иногда почитать книжку и сходить въ театръ. Онъ вноситъ нѣкоторое оживленіе въ среду товарищей и подрываетъ авторитетъ Сухова. Но вотъ въ мастерской появляется еще новичекъ, молодой рабочій Волковъ, знакомый Гущина. Онъ оказывается развитымъ, начитаннымъ, хорошимъ товарищемъ, проповѣдуетъ гуманность и стремленіе къ осмысленной жизни. Благодаря своей разсудительности и мягкости онъ пріобрѣтаетъ рѣшительное вліяніе на молодежь, вноситъ въ ея жизнь новые интересы, къ книгамъ, къ развитію; Сухова онъ также привлекаетъ на свою сторону, хотя и не соглашается съ его взглядами и житейской философіей. Всѣ эти перемѣны совершаются поразительно быстро. Далѣе оказывается, что Волковъ занимается самообразованіемъ, копитъ деньги и мечтаетъ о поѣздкѣ за границу для полученія спеціально-техническаго образованія. Словомъ, — чистѣйшій самородокъ, свѣтлое явленіе на мрачномъ фонѣ рабочей массы. Правда, его отношенія къ хозяевамъ не по-

казаны; правда, онъ не касается основныхъ причинъ мрака и тягости рабочей жизни, проповѣдуя только личное самоусовершенствованіе; но его облагораживающее вліяніе на окружающихъ положительно подкупаетъ въ его пользу.— Наконецъ, поѣздка за границу осуществляется. Суховъ, расчувствовавшись, желаетъ Волкову стать *„самымъ главнымъ мастеромъ на самой большой фабрикѣ“*, и это положеніе является „отзвукомъ *собственныхъ и тайныхъ желаній* Волкова, той *цѣлью* его жизни, которая все яснѣй и яснѣй вырисовывалась передъ нимъ, когда онъ думалъ о жизни, объ условіяхъ труда и его будущаго развитія“... *) А молодежь мечтаетъ о томъ золотомъ времени, когда явится изъ рабочей среды много Волковыхъ и откроется много мастерскихъ по послѣднему слову европейской техники, гдѣ будутъ такіе Волковы „самыми главными мастерами“... На вокзалѣ товарищи напутствуютъ отъѣзжающаго всяческими пожеланіями и расходятся, должно быть, съ мечтою о томъ, какъ хорошо бы попасть въ будущемъ въ мастерскую своего бывшаго товарища: „Важно не то, кѣмъ Андрей Волковъ вернется: нашимъ ли братомъ рабочимъ, или будетъ считать насъ дуралеями, неотесами, чернью, и за управленіе нами, дуралеями, будетъ получать деньги. Важно то, что онъ уѣхалъ! Теперь наше болото узнаетъ такой казусъ, всколыхнется, заговоритъ—и глядишь, кое-кто и задумается... И что, стало быть, живи, добивайся, и только пожелай какъ слѣдуетъ —и желаннаго достигнешь“!

Что же это, однако, обозначаетъ? Добродѣтельный и развитой пролетарскій герой оказывается способнымъ выработать только самые заурядные буржуазные, узко-личные идеалы... Но чѣмъ же онъ лучше, въ такомъ случаѣ, Сухова, который скряжничаетъ, но по крайней мѣрѣ, не мечтаетъ сѣсть на шею своему же брату рабочему — ни на европейскій, ни на россійскій манеръ? А. рабочіе, разиня ротъ, рукоплещутъ и умиляются юнымъ умникомъ, не видя никакой фальши, никакого противорѣчія между стремленіями Волкова и его проповѣдью товарищества и гуманности, не понимая, что *имъ*-то въ лучшемъ случаѣ будетъ ни тепло, ни холодно отъ его усовершенствованной мастерской... Ахъ, бѣдные, бѣдные! Но именно послѣднее обстоятельство подрываетъ довѣріе къ правдивости разсказа; такая близорукость и легковѣрное раскисаніе слишкомъ маловѣроятны въ рабочихъ: ужъ имъ ли не знать, что „главный мастеръ“ даже самой великолѣпной мастерской не можетъ быть *товарищемъ* рабочаго. Да и самъ Волковъ, изображенный воплощеніемъ добродѣтели, въ иконописно-наставительномъ, такъ сказать, стилѣ,—мало правдоподобная фигура. Впрочемъ, авторъ, очевидно, не замѣчаетъ ничего неладнаго и искренне видитъ въ Волковѣ положительный типъ, свѣтлое, желательное явленіе. Конечно, авторъ воленъ имѣть какія ему угодно взгляды, но зачѣмъ же приписывать ихъ рабочей массѣ? Вѣдь, это какъ будто маленькой клеветой пахнетъ.

Итакъ, съ положительными типами „четвертаго сословія“ нашей беллетристикѣ пока не повезло. Всѣ они, какъ мы видѣли, либо крайне искусственны, невѣроятны, либо представляются нашимъ глазамъ оторванными отъ окружающей среды, какъ бы висящими въ воздухѣ и потому архи-блѣдными, либо, наконецъ, оказываются, по ближайшемъ разсмотрѣніи, менѣе всего „положительными типами“, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія рабочей среды. Единственный жизненный и правдивый образъ, — Нахманъ,—не договоренъ, незакон-

*) Курсивъ вездѣ мой. А.

ченъ, а потому и не можетъ идти въ счетъ.

А слѣдовательно?.. Слѣдовательно, нѣтъ въ рабочей жизни положительныхъ типовъ, нѣтъ свѣтлыхъ сторонъ, животворящихъ силъ, бодрыхъ, обѣщающее ясное будущее теченій; должно быть, отечественный пролетаріатъ не успѣлъ или не въ силахъ еще создать внутри себя ничего исторически сильнаго, никакихъ творческихъ элементовъ для строительства жизни. Остается мракъ, дикость, невѣжество, озвѣрѣлость, безпомощность и разобщенность. Такіе выводы подсказываетъ, по крайней мѣрѣ, литературное отраженіе жизни. Такъ ли обстоитъ дѣло въ дѣйствительнoности,—скоро увидимъ.

III.

Очень любопытную сторону разсматриваемыхъ нами произведеній представляетъ изображеніе отношеній между рабочими и интеллигенціей. Впрочемъ, въ большинствѣ разсказовъ эти отношенія совершенно не затрагиваются, какъ будто ихъ и не существуетъ вовсе, и рабочему не приходится нигдѣ сталкиваться съ представителями умственнаго труда или другихъ категорій образованными людьми; но вѣдь такое освѣщеніе дѣла то же, если хотите, характерно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, тутъ приходится видѣть просто недоговоренность и неполноту изображенія, иначе возникаетъ недоумѣніе: что же помогло Андрею Волкову подняться выше уровня окружающей среды, откуда почерпнулъ „музыкантъ“ г. Безпалова свои идеи и стремленія?

Но есть разсказы, не обходящіе этой стороны жизни, и въ нихъ встрѣчи и отношенія рабочихъ и интеллигентовъ изображены вполнѣ случайными, крайне непрочными и неглубокими. И если бы пришлось характеризовать нашу интеллигенцію на основаніи этихъ разсказовъ,—какая печальная была бы эта характеристика!

Вотъ извѣстный писатель, „другъ дѣтства“ Василія Дукачева. Случайно встрѣтя своего школьнаго товарища, уже успѣвшаго „вывариться въ фабричномъ котлѣ“, онъ, стоящій на верхахъ интеллектуальной и общественной жизни, умѣетъ отнестись къ искреннимъ, страстно ждущимъ отклика разсказамъ Дукачева лишь съ холодной, себялюбивой точки зрѣнія „наблюдателя“, беллетриста, наткнувшагося на оригинальный, свѣжій матеріалъ; между ними нѣтъ точекъ живого соприкосновенія, и потому, разставшись съ Дукачевымъ, писатель вполнѣ естественно скоро теряетъ его изъ вида. Узнавъ, что „другъ дѣтства“ попалъ въ тюрьму, писатель, благодаря своему „положенію“ и извѣстности, легко добивается свиданія, но для чего онъ это дѣлаетъ? Во всякомъ случаѣ не для Дукачева, и свиданіе проходитъ блѣдно, неискренно, а затѣмъ—Дукачевъ, улетающій въ Макаровы области, окончательно исчезаетъ изъ жизни, изъ памяти писателя.

Далѣе, двѣ дѣвицы—одна художница, другая (кажется) курсистка—возятся съ работницей Евлампіей („Дочь народа“), возятся натянуто, неискренне, безцѣльно. Спросите ихъ, — зачѣмъ, почему завязали и поддерживаютъ онѣ это знакомство, втайнѣ тяготящее ихъ,—и онѣ сами не найдутъ отвѣта. Какія-то общія идейки „демократизма“, „долга передъ меньшей братіей“, идейки грошовыя, бѣлыми нитками къ ихъ дѣвическимъ головамъ пришитыя, а съ другой стороны — примитивное любопытство „культурнаго“ дитяти передъ невиданнымъ звѣрькомъ или экземпляромъ другой, „некультурной“ породы. Но звѣрекъ скоро надоѣдаетъ, „идеечнаго“ (да проститъ мнѣ Академическій словарь!) заряда хватаетъ еще на меньшій срокъ,—и остается тошнотворная, ненужная, безрезультатная канитель.

Несомнѣнными признаками интеллигента обладаетъ и тотъ персонажъ г. Подъячева, отъ котораго ведется разсказъ „Среди рабочихъ“: въ этой средѣ онъ очутился случайно, умѣетъ наблюдать, анализировать и вполнѣ литературно передавать видѣнное, умѣетъ и гамлетизировать,—правда, очень мизерно и жалко, но несомнѣнно, что гамлетизированіе — привиллегія интеллигента. Что же вноситъ онъ въ среду рабочихъ, которую самъ изображаетъ такими мрачными, отчаянными красками? Мы ждемъ отъ него хотя бы попытки внести свѣтъ, сознаніе, чувство человѣческаго достоинства, примитивнѣйшаго товарищества—въ души этихъ забитыхъ, одичалыхъ людей; это такъ естественно, кажется, это—требованіе интеллигентной человѣческой природы. Оказывается, однако, что, помимо грошовой гамлетовщины втихомолку, грошоваго же протеста и критики душъ „въ душѣ“ (кукишъ въ карманѣ тожъ), этотъ „интеллигентъ“ способенъ только пьянствовать съ критикуемыми дикарями, молча присутствовать при самыхъ дикихъ сценахъ, учавствовать даже лично въ знаменитомъ отрубаніи собачьяго хвоста (правда, подъ давленіемъ угрозы!) и проявлять ту же рабью молчаливость и покорность передъ „начальствомъ“. что и прочіе. Нѣтъ, положительно, изъ всѣхъ фигуръ разсказа — самъ разскавчикъ—самая жалкая, отталкивающая фигура.

Наконецъ, есть еще одна категорія интеллигентовъ, приходящая въ соприкосновеніе съ рабочими въ интересующихъ насъ произведеніяхъ; это—студенты. Ихъ мы встрѣчаемъ въ двухъ пьесахъ: „Вторые всходы“ г-жи Поповой *) и „Евреи“ г. Чирикова.

Произведенія г-жи Поповой мы до сихъ поръ не касались, такъ какъ при полномъ отсутствіи чего-либо новаго, оригинальнаго по сравненію съ другими, оно носитъ слишкомъ явные признаки „покушенія съ негодными средствами“ изобразить пролетарскую жизнь. Однако, все же и это попытка, и потому я позволю себѣ воспользоваться однимъ изъ болѣе любопытныхъ дѣйствующихъ лицъ для общей характеристики.

Въ пестромъ обществѣ рабочихъ, лавочниковъ, писцовъ и карманщиковъ оказывается студентъ-технологъ Иванъ Павловичъ. Судя по ремаркамъ и словамъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, онъ вноситъ съ собою въ эту среду оживленіе, веселье и благородныя идеи. Откуда, какъ и зачѣмъ появляется онъ въ этомъ кругу,—читателю и зрителю неизвѣстно; въ пьесѣ же онъ занимается тѣмъ, что говоритъ (больше монологами). Вотъ образчикъ его рѣчей.

Иванъ Павловичъ. Пріятно, когда среди вашего сословія встрѣчаются интеллигенты.

Олимпіада. Это еще что за званіе?

Иванъ Павловичъ. Почетное, самое почетное. Интеллигентъ это — умъ высокій, культурный умъ.

Олимпіада. Отъ ума что толку. Въ нашемъ быту кто умнѣе, тотъ больше пьянствуетъ.

Иванъ Павловичъ. Можетъ быть... Потому что... да мало ли почему... Но это не раціонально. Алкоголизмъ великое зло... Человѣкъ это – машина, въ которой каждый винтикъ приспособленъ; каждый винтикъ исполняетъ свою функцію. И вдругъ человѣкъ сознательно нарушаетъ эту функцію, разсшатываетъ эти винтики. Въ вашей средѣ нужны люди... Всякая соціальная среда сильна тѣми индивидуальностями, которыя обусловливаютъ ея нормальное развитіе.

Не думайте, читатель, что я искажаю: выписываю безъ пропусковъ и буквально. А вотъ и еще изъ рѣчей Ивана Павловича: „безъ конкурренціи нельзя—конкурренція нервъ

*) „Библіотека Театра и Искусства“, 1904 г., кн. 10.

прогресса, врагъ застоя“; „русская женщина таитъ въ себѣ великія сокровища“. И та, и другая фраза сказана безъ всякой связи съ остальнымъ разговоромъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу. И вотъ *всѣ* идейныя слова Ивана Павловича, произносимыя въ пьесѣ... Поневолѣ повторишь: „съ кого они портреты пишутъ, гдѣ разговоры эти слышатъ“.

Студенты г. Чирикова умнѣе, говорятъ связно и спорятъ объ умныхъ вещахъ. Однако, ихъ отношеніе къ Изерсону, сознательному рабочему, остаются гдѣ-то за сценой; одного того, что они встрѣчаются и разговариваютъ, какъ свои люди, какъ хорошіе и равные себѣ знакомые, еще мало для выясненія характера происхожденія и результатовъ ихъ отношеній. Такимъ образомъ, авторъ, какъ и г. Юшкевичъ, замалчиваетъ и окутываетъ туманомъ неизвѣстности какъ разъ наиболѣе интересные вопросы и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда читатель, утомленный прогулкой по полямъ литературной безтолковщины, надѣется найти давно желанные, нужные отвѣты.

Какъ видите, въ общемъ галлерея носителей просвѣщенія не утѣшительна, чтобы не сказать больше. Почему же? Неужели же такъ оскудѣла наша интеллигенція или такъ преслѣдуемъ рокомъ россійскій рабочій, что никого, кромѣ кривлякъ, холодныхъ зрителей, нищихъ духомъ да говорящихъ манекеновъ, онъ не встрѣчаетъ на своемъ многострадальномъ пути? И мудрено ли, что не видя ни откуда ни отвѣта, ни привѣта, наталкиваясь лишь на глупыя, при всей ихъ выспренности рѣчи, бездушное любопытство, да истерически-лицемѣрный демократизмъ, наше четвертое сословіе ceteris cognitis, не можетъ выбиться изъ проклятаго тупика, куда загнала его исторія, и являетъ изъ себя то печальное зрѣлище, которое живописуютъ намъ наши беллетристы!

Позвольте, однако. Вы помните, конечно, читатель, тѣ произведенія нашей беллетристики, особенно многочисленныя въ послѣдніе годы, гдѣ мы встрѣчались съ нѣсколько иной интеллигенціей; помните нѣкоторыя фигуры изъ недавнихъ произведеній г. Вересаева (хотя бы „На поворотѣ“, „Безъ дороги“), „Взыскующаго града“ г-жи Дмитріевой, ея же „Тучки“, „Въ темную даль“, г. Андреева, „На порукахъ“ г. Чирикова, „На холодной рѣкѣ“, г. Давыдовой и много, много другихъ разсказовъ. Тамъ какъ будто совсѣмъ другіе люди передъ нами, а вѣдь это тоже русскіе интеллигенты, только живые, горящіе, дѣйствительно умные, искренніе и дѣятельные. И самые разсказы о нихъ,—большинство изъ нихъ,—какъ жизненно, правдиво написаны. Откуда же взялись *эти* герои? Что привело ихъ въ тюрьму, въ мѣста, столь и не столь отдаленныя, къ кому идутъ они „въ темную даль“? И въ своихъ стремленіяхъ, для нихъ лично потерпѣвшихъ крушеніе въ дѣлѣ своей жизни,—на кого и на что опирались они? Нѣкоторые разсказы отчасти сами даютъ отвѣтъ на это. „На холодной рѣкѣ“ коротаютъ невольные каникулы вмѣстѣ интеллигенты и рабочіе; для нихъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ—*старый*, надоѣвшій вопросъ; у нихъ общіе интересы, *общія* воспоминанія. Но пусть авторъ даже не даетъ самъ отвѣта на поставленные мною вопросы,—читатель знаетъ, достовѣрно знаетъ, что герои этихъ разсказовъ не на великосвѣтскихъ балахъ танцовали, не рубли въ карманахъ уловляли, не проекты обузданія и приведенія къ одному знаменателю создавали; читатель убѣжденъ, что эти люди не способны преподносить рабочему люду пустопорожне-выспреннія и вычурно-глупыя фразы Ивана Павловича, подходить къ нему съ демократизмомъ отъ бездѣлья и сытости, съ холодной мыслью изучить и пришпилить на булавкѣ къ беллетристической

пробкѣ; что они не станутъ обучать Андрея Волкова нѣмецкому языку съ цѣлью сдѣлать изъ него „главнаго мастера“, не будутъ спокойно смотрѣть, какъ темный протестантъ поджигаетъ хозяйскіе амбары. Они, эти искупительныя жертвы историческаго процесса, сами составляютъ неотъемлемую часть пролетарскаго цѣлаго, а если подчасъ и выходятъ изъ иного общественнаго класса, то, „взыскуя града“, примыкаютъ къ пасынкамъ современнаго строя, какъ искренніе, хотя не всегда, можетъ быть, прочные союзники. Почему же они изображаются внѣ той среды, съ которой связаны и теоретически, и практически? Почему этихъ интеллигентовъ мы не встрѣчаемъ въ разсказахъ о рабочей жизни? А между тѣмъ, благодаря такой разъединенности, изображеніе тѣхъ и другихъ получается неполное, однобокое и, слѣдовательно, невѣрное. Если въ разсказахъ изъ жизни интеллигентовъ эта неполнота можетъ объясняться тѣмъ, что тутъ для изображенія выбираются исключительные, преходящіе моменты жизни, то для произведеній, представляющихъ читателю рабочую среду, такого оправданія быть не можетъ: мы видѣли, что эти произведенія повѣствуютъ о повседневной, будничной, слѣдовательно—*нормальной* жизни нашего пролетаріата, и тутъ помянутая однобокость ведетъ къ глубокому искаженію реальной правды. Не спорю, можетъ быть, и есть въ рабочей жизни все то, о чемъ разсказываютъ намъ наши беллетристы: и дикость, грубость, озвѣрѣніе, и безпомощная разъединенность, пришибленность, и глупые интеллигенты, и практическіе юноши вродѣ Волкова; даже навѣрно все это есть, но *не только* это, и вотъ именно da ist der Hund begraben. Я понимаю, конечно, что нельзя претендовать на того или другого автора за односторонность его изображеній, что каждый воленъ говорить о томъ, что ему бросилось или случайно попало на глаза; но неполнота и однобокость *общей* картины, выплывающей изъ всей сложности отдѣльныхъ произведеній, — не составляя ничьей личной вины, ложится всей тяжестью отвѣтственности на данное литературное теченіе въ цѣломъ.

А что основанія для такой отвѣтственности существуютъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Одностороннее искаженіе дѣйствительности въ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ косвеннымъ образомъ доказывается, какъ мы видѣли, другою группою разсказовъ; но есть и иного рода данныя, подтверждающія тоже самое. Кто въ послѣднія пятнадцать—десять лѣтъ жилъ не въ эмпиреяхъ, а въ доподлинной россійской дѣйствительности, кто хотя бы только читалъ газеты,—для того не могъ пройти незамѣченнымъ длинный рядъ судебныхъ отчетовъ и оффиціальныхъ сообщеній, такъ или иначе касавшихся жизни рабочихъ массъ. Уже изъ нихъ мы узнали, эта масса далеко не такъ безотвѣтна, безпомощна и разъединенна, какъ то кажется нашимъ беллетристамъ; что она давно уже научилась понимать безплодность смиренія и разрозненныхъ индивидуальныхъ попытокъ всплыть на поверхность жизни; что изъ ея рядовъ выходятъ не выдуманные, бумажные „герои“ нашихъ повѣстей, а дѣйствительные, живые и яркіе представители ея нуждъ, стремленій, негодованія и требованій; наконецъ, событія на югѣ Россіи, года полтора тому назадъ приковавшія къ себѣ вниманіе, общественное и оффиціальное, показали, какъ сильна въ этой массѣ солидарность и способность сплотиться. Мало того. Начавъ борьбу за существованіе стихійными порывами, ощупью, выливая ее часто въ нецѣлесообразныя и разрушительныя формы, пролетарская масса, чѣмъ дальше, проявляла сознательность, *общественность* въ лучшемъ смы-

слѣ слова, съ каждымъ шагомъ мужая, все болѣе уясняла свои идеалы и цѣли, расширяя ихъ общечеловѣческимъ содержаніемъ,—пока, наконецъ, не стала передовымъ отрядомъ нашей общественной жизни, являя все чаще разительные примѣры высокаго человѣческаго достоинства и нравственной чуткости. Что же вы проглядѣли все это, господа писатели? Гдѣ же вы были, когда развивалась великая драма нашего „четвертаго сословія"? Ясно одно: вы не были дѣйствующими лицами этой драмы.

IV.

Однако, и посторонній зритель можетъ—и даже долженъ—все правильно видѣть и слышать, особенно, если хочетъ передавать другимъ свои впечатлѣнія. Есть, слѣдовательно, причины, мѣшающія нашимъ авторамъ видѣть и изображать наблюдаемую картину во всей полнотѣ. Въ чемъ же эти причины?

Прежде всего, пожалуй, могутъ указать на тѣ исключительныя условія, въ которыхъ находится русская литература и которыя не позволяютъ ей честно и до конца выполнять свою задачу. Конечно, съ такого рода force majeure приходится считаться, но въ такомъ случаѣ... не лучше ли было бы совсѣмъ ничего не писать? „Честно молчать" —одна изъ немногихъ, но зато неотъемлемыхъ привиллегій русской литературы, и не русскимъ писателямъ учиться такому молчанію. Что или кто потерялъ бы, если бы эти однобокіе, недоговоренные разсказы не появлялись вовсе, и русскій читатель не получилъ бы матеріала для невѣрнаго, искаженнаго представленія о рабочемъ? А вѣдь такой читатель, бѣдный собственнымъ знаніемъ и пониманіемъ жизни, можетъ быть, довольно многочисленъ, и для него, быть можетъ, очень важно знать правду, полную, всѣми словами высказанную правду, но именно *только* такую, а не урѣзанную наполовину независящими обстоятельствами, вводящую въ ненужное смущеніе и заблужденіе. Да, если такъ ужъ крѣпко „печать огражденія" припечатала уста литературы, то цѣлесообразнѣе, оставивъ на время мысль о художественномъ творчествѣ, завѣдомо обреченномъ на косноязычіе, покинуть безразличное положеніе зрителя и поискать лекарства отъ этого косноязычія, сдернуть мрачную завѣсу молчанія, которую чья-то рука набросила на правду нашей жизни.

Но было бы слишкомъ односторонне все объяснить внѣшними условіями: не мѣшаютъ же эти условія болѣе или менѣе полно и правдиво изображать жизнь нашей интеллигенціи и другихъ слоевъ общества, не смотря на специфическую „щекотливость" нѣкоторыхъ сторонъ этой жизни. Не гораздо ли вѣроятнѣе, что авторы, повѣствующіе о жизни рабочаго класса, сами —чужіе этому классу, посторонніе зрители, лишь изрѣдка и мимоходомъ дарящіе своимъ благосклоннымъ вниманіемъ пролетарія, — и потому не въ состояніи многаго увидѣть, понять, разобраться во многихъ явленіяхъ пролетарской психологіи. Во всѣхъ упоминавшихся нами разсказахъ (кромѣ, можетъ быть, „Евреевъ" г. Юшкевича) вы чувствуете, что изображаемая среда —чужда автору, что самъ онъ пришелъ откуда-то со стороны и со стороны наблюдаетъ за даннымъ уголкомъ жизни; самому ему не приходилось побывать въ положеніяхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, переживать ихъ душевныя состоянія, плакать ихъ слезами, радоваться ихъ радостями; поэтому и изображеніе носитъ болѣе внѣшній, описательный, нежели внутреннепсихологическій характеръ; поэтому психологическіе экскурсы отличаются туманностью и неопредѣленностью „угадыванья", какъ у гг. Безпалова, Данилина, Арцыбашева,

или напоминають стенографическую запись мимоходомъ подслушаннаго, какъ у г. Подъячева, г-жи Крандіевской, а потому неглубоки и отрывочны. Очевидно, впечатлѣнія, на которыхъ авторы строили свои произведенія, были случайны, разрозненны и внѣшни, какъ впечатлѣнія иностранца, „съ птичьяго дуазо" обозрѣвающаго чужую для него страну; отсюда—пестрота и хаосъ изображенія, о которыхъ мы говорили раньше, невозможность проникнуть вглубь явленій, отсутствіе обобщающей мысли, неумѣніе подмѣтить самыя, можетъ быть, важныя стороны жизни, невѣрное освѣщеніе и истолкованіе другихъ сторонъ; какъ и подобаетъ просвѣщеннымъ туристамъ—иностранцамъ, авторы могли подчеркнуть только бьющія въ глаза, общія характерныя черты и условія жизни рабочихъ массъ, но не проникнуть въ ихъ психологію, въ болѣе сокровенные уголки души и жизни; многое же приходилось дорисовывать по наслышкѣ, и мудрено ли, что въ такихъ условіяхъ „положительные типы" получились мертворожденными. Благо еще, что голубыхъ лошадей и развѣсистыхъ клюквъ не усмотрѣли авторы,—а вѣдь и такіе казусы съ иностранцами бываютъ.

Итакъ, по нашему разумѣнію, вся бѣда въ томъ, что авторы—чужіе люди для рабочаго, какъ чужими для него останутся и ихъ разсказы. Могло ли быть иначе? Наша литература, особенно художественная, путемъ историческаго развитія оказалась во владѣніи демократической интеллигенціи, принадлежащей къ буржуазному классу или такъ или иначе примыкающей къ нему; вполнѣ естественно, что ея представители первые обратили вниманіе на новый факторъ общественной жизни—пробуждающійся для исторической роли пролетаріатъ; и такъ же естественно, что по отношенію къ этому пролетаріату, его бытовымъ и духовнымъ особенностямъ,—они оказались посторонними зрителями, которые многаго не доглядѣли, многаго не поняли, а кое-что и отъ себя прибавили. Самъ рабочій классъ не могъ еще выдвинуть своихъ художниковъ: въ главной массѣ онъ еще слишкомъ находится подъ страшнымъ гнетомъ соціальныхъ и историческихъ тисковъ, чтобы быть способнымъ на что либо менѣе насущное, чѣмъ борьба съ этимъ гнетомъ; тотъ же слой его, который, не отрываясь отъ своего цѣлаго, стоитъ на высотѣ современнаго интеллектуальнаго развитія, — слишкомъ поглощенъ практическими задачами жизни своего класса; процессъ борьбы, броженія и формированія, въ которомъ находится классъ въ цѣломъ, не оставляетъ мѣста и не даетъ пока достаточнаго матеріала для художественнаго творчества.

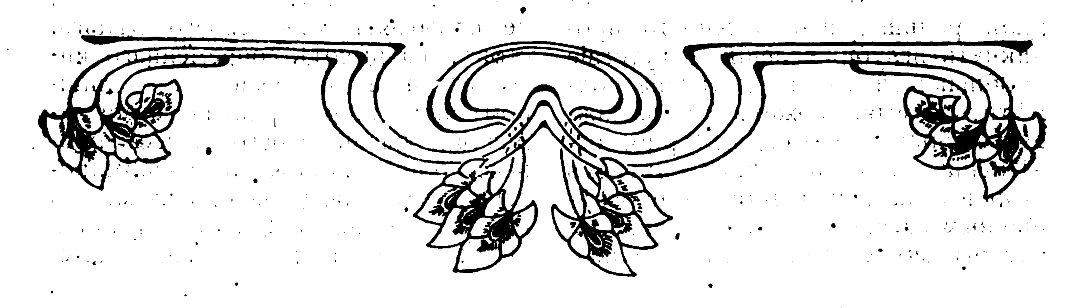
А Горькій? — скажутъ намъ, — развѣ это не яркій представитель пролетаріата въ художественной литературѣ? Но, во-первыхъ, тотъ общественный слой, который составляетъ специфическую особенность произведеній г. Горькаго, не можетъ считаться характерной и сколько-нибудь значительной частью рабочаго класса, если только вообще—это часть его; а во-вторыхъ, —что самое важное, — проповѣдь крайняго индивидуализма, личной силы, свободы и протеста, прославленіе мятежнаго и гордаго „сверхъчеловѣческаго" духа,—словомъ, все то, что составляетъ преобладающій паѳосъ (по терминологіи Бѣлинскаго) этого писателя, — въ такой же степени, какъ буржуазный демократизмъ, чуждо пролетарскому классу, для идеологіи котораго характернѣйшими чертами является общественность и призывъ къ концентраціи силъ.

Въ лицѣ г. Юшкевича мы видимъ пока единственнаго автора, дѣйствительно, кажется, знающаго ея страданія, исканія и душу „своего" для нея человѣка, но — одна ласточка

весны не дѣлаетъ; къ тому же и онъ находится подъ гнетомъ „печати огражденія“, а поле его зрѣнія ограничивается, къ сожалѣнію, еврейскимъ гетто.

Такимъ образомъ, русскій рабочій остается пока безъ своего художника — выразителя. Однако, право, пусть онъ лучше вовсе не показывается на нашей литературной сценѣ, чѣмъ появляется передъ зрителемъ, выведенный чужой рукой, съ легкимъ сердцемъ, безсознательно искажающей его черты. А *свои* писатели, у которыхъ зазвучатъ иныя рѣчи, встанутъ иные, яркіе и бодрящіе образы,—такіе писатели у нашего пролетаріата явятся; дайте срокъ,—они неизбѣжно явятся. Когда?.. „Мудрый Эдипъ, разрѣши“!

А. Анинъ.

Пѣвецъ.

Ты не жди веселыхъ пѣсенъ
От пѣвца нужды и горя,
Отъ того, кому міръ тѣсенъ,
Кого давитъ злая доля.
Онъ живетъ не для веселья
И поетъ не для искусства.
Пѣснь его не плодъ бездѣлья,
Она—стонъ больного чувства.
Его сердце наполняютъ
Чувства горькія да муки,
И оттуда изливаютъ
Пѣсенъ жалобные звуки.

Крестьянинъ И. Приваловъ.

Хроника русской жизни.

Особое Совѣщаніе подъ предс. М-стра Вн. Дѣлъ.—Комиссія о выборѣ народныхъ представителей.—Идея Собора въ духовенствѣ.—Нуженъ ли Патріархъ русской церкви?—Свобода церкви и монашескіе казематы.—Постановленія Комитета Министровъ.—Въ комиссіи Коковцева.—Совѣщаніе по дѣламъ печати.—Его постановленія.—II. Вопросъ о положеніи высшихъ учебныхъ заведеній.—Совѣщаніе министровъ.—Совѣщаніе профессоровъ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Кары на студентовъ.—Положеніе студентовъ.—Забастовка въ гимназіяхъ, Дух. Семинаріяхъ и разгромъ с.-хоз. уч. заведеній.—Факты и штрихи изъ современной школьной жизни.—Самоубійства и директора-сыщики.—Печальныя картины русской школы.—Пастырскія увѣщанія семинаристамъ.—Постановленія родительскихъ собраній.—III. Рабочіе безпорядки.—Мѣры „укрощенія строптивыхъ“.—Крестьянскія волненія.—Мечты крестьянъ.—Четвертные надѣлы.—Гдѣ выходъ.—Разгромъ Ялты.—Тревожныя вѣсти изъ Прибалт. Края.—Аграрные безпорядки на Кавказѣ.—Радикальныя требованія гурійскихъ крестьянъ.—Военное положеніе.—Бакинская „кровавая баня“.—Гдѣ виновники?—Частная комиссія по раб. вопросу.—Рабочіе союзы.

I.

По поводу Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Министра Вн. Дѣлъ въ „Прав. В.“ 17 марта появилось извѣщеніе, что „приступлено къ соображенію относящихся къ дѣлу матеріаловъ“.

При этомъ сообщается, что М-стръ Вн. Дѣлъ „призналъ необходимымъ приступить нынѣ-же, независимо отъ собиранія матеріаловъ, къ составленію первоначальныхъ соображеній объ основаніяхъ, на коихъ можетъ быть осуществлено предуказанное Высочайшей властью привлеченіе выборныхъ отъ населенія“. „Соображенія“ эти признано необходимымъ „внести въ совѣтъ министровъ и уже засимъ подвергнуть ихъ окончательной разработкѣ и разсмотрѣнію въ имѣющемъ быть образованнымъ, въ исполненіе предуказаній Высочайшаго рескрипта 18-го февраля сего года, Особомъ Совѣщаніи, въ связи съ тѣми сужденіями, которыя въ совѣтѣ министровъ высказаны будутъ“.

Эти работы должны занять 2—3 мѣсяца; затѣмъ было сообщено, что „составленіе первоначальныхъ соображеній поручено состоящему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ В. А. Крыжановскому“.

Самая же Комиссія по вопросу о созывѣ народныхъ представителей будетъ назначена, вѣроятно, не ранѣе Пасхи.

Окончательно выработанный этой комиссіей проектъ долженъ быть представленъ къ 1-му октября въ государственный совѣтъ, который въ мѣсячный срокъ обсудитъ его въ подробностяхъ, и къ 1-му ноября будетъ принято окончательное рѣшеніе относительно выборовъ, проектируемыхъ на 1-му января 1906 года.

Удивительно, что идея Собора, которую съ такимъ трудомъ высиживаетъ наша бюрократія, не только явилась, но и сразу же, скоропалительно получила полную санкцію въ томъ мірѣ, который давно уже обнаруживаетъ не меньшую, если не большую медлительность во всѣхъ дѣлахъ, а именно—въ мірѣ духовномъ.

Здѣсь, подъ шумъ современныхъ событій, вполнѣ уже созрѣла необходимость широкихъ реформъ и прежде всего возстановленіе патріаршества, какъ средства освобожденія отъ задавившей православную церковь бюрократіи.

23 марта состоялось засѣданіе святѣйшаго синода, на которомъ въ окончательной формѣ былъ рѣшенъ вопросъ о введеніи патріархата въ Россіи и о созывѣ для избранія патріарха—Всероссійскаго Духовнаго Собора.

Созывъ собора, какъ сообщаетъ „Нов. Вр.", предполагается въ Москвѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ при патріархѣ останется и нынѣшній Святѣйшій Синодъ, но будетъ только совѣщательнымъ органомъ, въ составѣ нѣсколькихъ архіереевъ по избранію. Кромѣ того, по проекту, должность оберъ-прокурора Синода имѣетъ быть упразднена, а право доклада Государю Императору переходитъ къ патріарху.

Вслѣдъ затѣмъ прошелъ слухъ о томъ, будто оберъ-прокуроръ Синода К. П. Побѣдоносцевъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Однако, „Новое Время" кратко и авторитетно заявило, что „это сообщеніе невѣрно".

По вопросу объ учрежденіи патріаршества высказалась и передовая, и консервативная пресса. Послѣдняя не смотря на то, что возстановленіе патріаршества, знаменуетъ возвращеніе къ любезной ей старинѣ, всетаки яро обрушилась на проектъ, какъ на „богомерзкое новшество": до того ей претитъ самая идея Собора, который долженъ избирать патріарха.

Не одобрительно, хотя и по другимъ причинамъ, отозвалась и либеральная пресса.

„Вполнѣ естественно,—говоритъ „С.От.",—что въ переживаемый нами моментъ всеобщаго нравственнаго подъема Россіи и въ духовенствѣ все, что есть въ немъ живого, должно было поднять голосъ за независимое положеніе церкви, за то, чтобы священники перестали быть чиновниками въ рясѣ и получили возможность свободно исполнять главную свою задачу — нравственнаго учительства и проповѣди".

„Все это естественно и можно было-бы только привѣтствовать возникновеніе у насъ самоуправляющейся церкви, какъ свободнаго единенія вѣрующихъ. Но требуется-ли для такой свободы церкви учрежденіе патріаршества?

„Патріахъ, какъ глава и представитель церкви, можетъ быть нуженъ и полезенъ для такой церкви, религія которой не является господствующей, гдѣ это — религія покореннаго народа. Тамъ патріархъ нуженъ, какъ заступникъ передъ иновѣрною властью не только за религію, но и за весь порабощенный народъ".

„Но, гдѣ эта церковь — господствующая, тамъ никакой надобности въ патріархѣ не имѣется".

„Патріархъ избирается на всю жизнь, и такая сильная пожизненная, несмѣняемая власть стоящаго во главѣ іерархіи, менѣе всего можетъ содѣйствовать истинной свободѣ церкви и развитію въ ней соборнаго начала".

„Нѣтъ, для свободнаго развитія церкви нужно не учрежденіе патріаршества; нужны прежде всего общегражданскія условія—свобода совѣсти и слова и неприкосновенность личности. Нужно выборное священство. Нужно, чтобы и епископы были выборные".

„Для самоуправленія церкви необходимы періодическіе всероссійскіе церковные соборы изъ выборныхъ представителей отъ помѣстныхъ соборовъ. Въ послѣднихъ должны участвовать, какъ духовенство, такъ и выборные отъ приходовъ міряне".

„Всего правильнѣе,—заключаетъ газета,—было-бы отложить вопросъ объ учрежденіи патріаршества до созыва всенароднаго представительства. Вопросъ этотъ касается не только внутренней жизни церкви, но и отношенія церкви къ государству, почему и рѣшать его надлежало-бы не одной церкви, но также и государству"...

Впрочемъ, по Высочайшему распоряженію вопросъ о патріархѣ пока отложенъ „до болѣе благопріятнаго времени".

А пока нужно-бы подумать объ освобожденіи тѣхъ несчастныхъ, которые безъ суда и слѣдствія томятся въ мрачныхъ казематахъ монастырскаго тюремнаго замка — Спасо-Евфиміева монастыря и др.

Въ „Прав. Вѣст." сообщается, что „въ монастырскихъ тюрьмахъ суздальскаго и соловецкаго монастырей *„въ послѣднее время* содержались только семь лицъ", которыя по Высочайшему повелѣнію 29 января и освобождены изъ монастырей. Затѣмъ тутъ-же приводятся и фамиліи этихъ лицъ, — уже ранѣе сообщенныя газетами" — пишетъ въ „С. От." Пругавинъ.

„Однако, среди этихъ лицъ нѣтъ ни Добролюбова, ни Рудакова, ни Синцорова, ни другихъ заключенныхъ, которые сидѣли въ Суздальской тюрьмѣ еще прошлымъ лѣтомъ 1904 г., когда мы были въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ. Точно также и объ освобожденіи только что названныхъ лицъ въ печати сообщеній,—сколько намъ извѣстно,—не появлялось. Такимъ образомъ, невольно является вопросъ: куда же дѣлись

эти заключенные? Освобождены ли они изъ монастырскихъ казематовъ, или-же, быть можетъ, переведены въ какія-нибудь новыя тюрьмы"?

„Исторія монастырскихъ заточеній представляетъ множество примѣровъ того, какъ о людяхъ, заключенныхъ въ монастырскіе казематы „впредь до раскаянія", съ теченіемъ времени начальство совершенно забывало, вслѣдствіе чего заключенные сидѣли въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока смерть не избавляла ихъ отъ дальнѣйшихъ мученій... Неужели-же и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ что нибудь подобное"?

Далѣе Пругавинъ привелъ примѣры такого страннаго „забвенія": діакона, нижегородскаго уроженца, Николая Ивановича Добролюбова, попавшаго туда *25 лѣтъ* тому назадъ, свящ. Рудакова и Синцорова, „на которыхъ долгіе годы одиночнаго заключенія отразились самымъ печальнымъ образомъ: они заболѣли психическимъ разстройствомъ въ тяжелой формѣ. Но несмотря на это, несмотря на то, что болѣзнь ихъ то и дѣло выражалась въ припадкахъ буйнаго помѣшательства, — ихъ все-таки продолжали держать въ монастырской тюрьмѣ"... Зачѣмъ? Почему?

Не слышно ничего и объ освобожденіи свящ. Цвѣткова, который въ 1901 г., по распоряженію св. синода, былъ заточенъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, *за нѣкоторые его взгляды*, несогласные съ тѣми, которые считаются господствующими въ нашемъ духовенствѣ. Такъ, напримѣръ, о. Цвѣтковъ осуждалъ подчиненіе церкви свѣтской власти, въ лицѣ оберъ-прокурора св. синода, признавалъ необходимость скорѣйшаго созыва вселеннаго собора для разрѣшенія многихъ назрѣвшихъ вопросовъ въ православной церкви, отвергалъ авторитетъ св. синода и т. п. Въ этомъ смыслѣ онъ неоднократно подавалъ докладныя записки оберъ-прокурору св. синода и многимъ высшимъ іерархамъ русской церкви, послѣдствіемъ чего и было осужденіе о. Цвѣткова на строгое содержаніе при монастырѣ впредь до раскаянія и исправленія".

Теперь, собственно то, въ чемъ обвинили свящ. Цвѣткова, перестало считаться преступленіемъ и открыто поддерживается всѣми духовными.

За что же держатъ несчастнаго, жертву *духовной бюрократіи*?

Покончить съ монастырскими тюрьмами и освободить ихъ узниковъ, — вотъ за что прежде всего слѣдуетъ ратовать духовенству.

Тѣмъ болѣе это умѣстно сдѣлать теперь, когда, согласно Высочайше утвержденному 11 февраля 1905 г. положенію Комитета Министровъ о порядкѣ выполненія § 6-го Высочайшаго указа отъ 12 декабря 1904 г. постановлено о немедленномъ прекращеніи всѣхъ принятыхъ по дѣламъ религіознаго свойства въ административномъ порядкѣ мѣръ взысканія, и министръ вн. дѣлъ сообщилъ, какія мѣры приняты имъ, именно: возвращены сектанты (72 лица), высланные въ Сибирь за отказъ отбывать воинскую повинность, а мѣстнымъ властямъ сообщено объ освобожденіи отъ взысканій подвергнутыхъ таковымъ по дѣламъ религіознаго свойства.

Мѣстнымъ властямъ сообщено объ освобожденіи отъ ссылки высланныхъ изъ Царства Польскаго во внутреннія губ. Имперіи греко-уніатовъ (142 лица).

Прекращены всякія дѣла, возникшія на религіозной почвѣ изъ-за стѣсненія религіи, и впредь приказано не устанавливать какихъ-либо стѣсненій въ области религіи, въ законѣ не установленныхъ.

Прекращены вообще всякое административное „усмотрѣніе" по дѣламъ религіознаго свойства.

Освобождено 278 духоборовъ отъ дальнѣйшаго отбыванія опредѣленныхъ имъ Высочайшимъ повелѣніемъ, 30 апрѣля 1807 г., взысканій и пр.

Все это мѣры, которыя можно только отъ души привѣтствовать.

Въ засѣданіи 15 марта комитетъ министровъ занялся упорядоченіемъ вопроса и о другого рода „преступленіяхъ". Именно, комитетъ приступилъ къ обсужденію вопросовъ, возникающихъ по седьмому пункту Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, т. е. къ разсмотрѣнію дѣйствующихъ ограничительныхъ постановленій, касающихся польскаго землевладѣнія и прохожденія поляками государственной службы въ 9 губ. западныхъ, чтобы возможно смягчить силу означенныхъ постановленій.

= Съ половины марта открылись засѣданія комиссіи ст.-секр. Коковцова *по вопросу объ улучшеніи быта рабочихъ.*

Въ первомъ же засѣданіи комиссія приняла слѣд.: По вопросу 1-му—о предоставленіи промышленникамъ возможности дать свои объясненія по законопроектамъ — комиссія постановила привлечь къ участію въ трудахъ комиссіи, въ качествѣ свѣдующихъ лицъ, избранныхъ для этого самими учрежденіями изъ своей среды или изъ числа мѣстныхъ промышленниковъ: комитетовъ торговли и мануфактуръ, биржевыхъ комитетовъ, совѣтовъ, съѣздовъ горнопромышленниковъ, совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ и др. под. учрежденій разныхъ отраслей промышленности.

По вопросу 2-му—объ участіи въ комиссіи представителей земствъ и городскихъ думъ—комиссія пришла къ заключенію, что при разсмотрѣніи законопроекта о врачебной помощи фабричнымъ рабочимъ необходимо пригласить для дачи объясненій представителей земствъ десяти наиболѣе промышленныхъ губерній и по одному представителю отъ крупнѣйшихъ городовъ.

По 3 пункту—вопросъ о полученіи объясненій отъ рабочихъ былъ оставленъ открытымъ. Отдѣлу промышленности было предоставлено изыскать какой-либо иной, кромѣ предложеннаго, способъ ознакомленія съ мнѣніями рабочихъ. Что же касается оффиціальнаго опубликованія законопроектовъ, то таковое найдено неудобнымъ.

Слѣдующее засѣданіе комиссіи предполагается 20 апрѣля.

По извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ, наиболѣе оживленныя мнѣнія вызвалъ § 3.

Отдѣлъ промышленности предполагалъ опубликовать выработанныя имъ предположенія въ дешевомъ изданіи и распространить среди рабочихъ посредствомъ фабричныхъ инспекторовъ. Предсѣдатель же предполагалъ сдѣлать объявленіе о томъ, что рабочимъ предоставляется втеченіи мѣсячнаго срока сообщать свои объясненія по законопроектамъ или непосредственно предсѣдателю (въ письменной формѣ), или при посредствѣ фабричныхъ инспекторовъ.

Обѣ мѣры встрѣтили особенное противодѣйствіе со стороны бывшаго предсѣдателя комиссіи по рабоч. вопросу, д. т. с. Н. В. Шидловскаго, по мнѣнію котораго, коммиссіи даже нѣтъ никакой необходимости знакомиться со взглядами рабочихъ на предложенные законопроекты; опытъ недавняго прошлаго достаточно наглядно доказалъ невозможность организовать дѣло представительства рабочихъ, а предоставленіе имъ права подавать свои заявленія письменно явится лишь излишнимъ обремененіемъ коммиссіи, не давая ей ничего новаго, ничего существеннаго. Та же партія, которая поддерживаетъ въ рабочихъ глухое броженіе, воспользуется лишнимъ случаемъ, чтобы отъ имени рабочихъ выступить съ рядомъ извѣстныхъ требованій. Правительству именно теперь надлежитъ *выказать стойкость и непреклонную твердость* въ проведеніи намѣченныхъ имъ реформъ и всѣми мѣрами стараться водворить въ странѣ нарушенный порядокъ.

На томъ и порѣшили: отнынѣ, какъ, и прежде, о нуждахъ рабочихъ будутъ толковать и затѣмъ издавать законы, даже не зная непосредственно отъ рабочихъ, что это за нужды! Пріемъ чисто бюрократическій!

Что-жъ удивляться, если нѣкоторые промышленники *отказались* принять участіе въ такой Коммиссіи, гдѣ не будетъ представителей отъ рабочихъ?! Такъ, отказался, между прочимъ, Саратовскій биржевой комитетъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что „участіе въ какихъ бы то ни было комиссіяхъ комитетъ считаетъ безполезнымъ до тѣхъ поръ, пока общія условія русской жизни не будутъ измѣнены въ смыслѣ участія въ законодательствѣ выборныхъ отъ населенія.

Такимъ образомъ бюрократическій характеръ и комиссіи Коковцева вполнѣ опредѣлился. Ходъ ея работъ будетъ все тотъ же набившій оскомину ходъ обыкновенныхъ комиссій, съ ихъ отношеніями, циркулярами, предположеніями и т. п.

Удовлетворитъ ли онъ назрѣвшимъ потребностямъ быстро прогрессирующей жизни,— на этотъ вопросъ врядъ ли у кого возникнетъ сомнѣніе. Отвѣтъ ясенъ самъ собою.

Интересно будетъ посмотрѣть, какъ будетъ встрѣченъ въ той же Комиссіи разработанный уже Отдѣломъ промышленности Министерства финансовъ законопроектъ *объ измѣненіи карательныхъ статей закона, касающихся стачекъ и до-*

срочныхъ расторженій договоровъ о наймѣ.

Законопроектъ этотъ имѣетъ цѣлью дальнѣйшее развитіе и дополненіе закона 3 іюля 1886 г., нормирующаго отношенія между рабочими и хозяевами.

„Законъ 3-го іюня 1886 г. явился, по существу своему, нѣкоторымъ ограниченіемъ полной свободы договора, составляющей основу гражданскаго права, такъ какъ установилъ административныя кары за неисполненіе предуказанныхъ формъ договора и учредилъ правительственный органъ надзора за правильностью соблюденія сторонами предписанныхъ требованій. Этими ограниченіями законодатель желалъ придти на помощь слабѣйшей сторонѣ въ смыслѣ болѣе надежнаго обезпеченія ея гражданскихъ правъ".

„Такъ, самовольные, вопреки заключеннымъ договорамъ, уменьшеніе заработной платы, чрезмѣрные штрафы, принужденіе рабочихъ забирать необходимые для нихъ предметы изъ фабричныхъ лавокъ и слишкомъ высокая ихъ расцѣнка—въ настоящее время болѣе не существуютъ". Затѣмъ, впослѣдствіи установлены нормы рабочаго времени (правила 2 іюня 1896 г., дополнившія законъ 1886 г.). Теперь, въ виду новыхъ требованій, выставленныхъ жизнью, законопроектъ признаетъ необходимымъ сдѣлать слѣд. шаги по пути усовершенствованія фабричнаго законодательства Имперіи, именно:

I. Пересмотрѣть законъ объ уголовной репрессіи за самовольный отказъ отдѣльнаго рабочаго отъ работъ до истеченія срока найма (51 ст. устава о наказ.) и

II. Согласовать съ требованіями жизни и указаніями опыта и науки существующіе карательные законы за стачку рабочихъ, представляющую тотъ же самовольный отказъ отъ работы, но въ составѣ отдѣльныхъ группъ рабочихъ или цѣлыхъ заведеній.

Общій смыслъ законопроекта тотъ, что не слѣдуетъ смотрѣть на оставленіе рабочими своихъ занятій до окончанія договора, какъ на безпорядокъ, нарушающій общественную тишину и потому караемый уголовными законами, *доколѣ рабочіе шумомъ, угрозами, безчинствами, насиліями не произвели дѣйствительнаго безпорядка.*

— Чисто бюрократическимъ характеромъ отличаются работы и въ другой коммиссіи, или *Особомъ совѣщаніи для составленія новаго устава о печати.*

Засѣданія совѣщанія начались 10 февраля и идутъ по два раза въ недѣлю. Уже теперь можно считать достаточно выясненными основные принципы проектируемой реформы.

Первымъ поставленъ былъ вопросъ: удержать ли подцензурность провинціальной періодической печати? При этомъ предсѣдателемъ было оговорено, что рѣчь пока идетъ лишь о провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ на русскомъ языкѣ.

Угнетенное положеніе современной провинціальной печати представлялось Совѣщанію вполнѣ очевиднымъ, и, послѣ обмѣна мнѣній, совѣщаніе пришло къ единогласному заключенію о повсемѣстномъ освобожденіи повременныхъ изданій отъ предварительной цензуры.

Въ логической связи съ этимъ, обсуждался вопросъ о судебной отвѣтственности редакторовъ газетъ за совершенные путемъ печати преступленія и проступки.

Было признано, что, съ устраненіемъ предварительной цензуры, должны быть устранены и всякія кары, налагаемыя нынѣ на печать административной властью: запрещенія, пріостановленія изданій, предостереженія, воспрещенія розничной продажи и т. п.

Совѣщаніе, одновременно съ заключеніемъ объ освобожденіи повременныхъ изданій отъ предварительной цензуры, приняло, также единогласно, и положеніе объ исключительно-судебномъ преслѣдованіи повременныхъ изданій, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ.

Затѣмъ обсуждался вопросъ: слѣдуетъ ли сохранить нынѣшній концессіонный порядокъ возникновенія органовъ періодической печати, или желательно замѣнить этотъ порядокъ явочнымъ? При порядкѣ концессіонномъ—на изданіе газеты или журнала нужно испрашивать разрѣшеніе административной власти; при порядкѣ явочномъ—всякій подданный государства, достигшій опредѣленнаго возраста и неопороченный по суду, воленъ предпринять изданіе и редактированіе повременнаго изданія,—лишь заявивъ о томъ подлежащей власти.

Особое совѣщаніе большинствомъ голосовъ (15 противъ 8) высказалось за явочный порядокъ полученія права на изданіе,—какъ это установлено во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ.

Далѣе поставленъ былъ вопросъ о томъ, сохранить ли дѣйствующее правило о представленіи издателями газетъ и журналовъ залога?

Въ пользу мнѣнія объ отмѣнѣ залога указывалось на непослѣдовательность его сохраненія—при безцензурности періодической печати и явочномъ порядкѣ возникновенія ея органовъ.

Въ пользу сохраненія правилъ о залогѣ приводилось, что отмѣна его раскрыла бы широкій просторъ недобросовѣстной спекуляціи,—что залогъ служитъ нѣкоторымъ удостовѣреніемъ солидности издательскаго предпріятія.

Большинство голосовъ (12 противъ 8) совѣщаніе высказывалось за сохраненіе залога.

Затѣмъ Совѣщаніе перешло къ обсужденію 140 ст. дѣйствующаго устава о цензурѣ и печати.

Законъ этотъ гласитъ: „Если, по соображеніямъ высшаго правительства, найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе печати, втеченіи нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность черезъ главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ“. За неисполненіе такого распоряженія министру предоставляется пріостановить выпускъ въ свѣтъ изданія на срокъ до 3 мѣсяцевъ. (Уст. ценз. ст. 140 и 156).

Статья эта, повидимому, довольно невинная. Но практика многихъ лѣтъ показала, что подъ прикрытіемъ этой ст. допускался цѣлый рядъ злоупотребленій „Высшее правительство“ понималось какъ единоличная власть министра внутреннихъ дѣлъ; подъ вопросы „государственной важности“ подводились предметы, ничего общаго съ государственной важностью не имѣющіе; условіе о срочности воспрещеній не соблюдалось.

Большинство (12 членовъ противъ 8) высказалось за отмѣну 140 ст. ценз. уст., съ замѣною ея, примѣнительно къ постановленію германскаго законодательства, правиломъ о воспрещеніи, во время опасности войны и въ военное время, обнародованія извѣстій о передвиженіи войскъ и средствахъ обороны („Н. Вр.“).

Наконецъ, 10 марта Особое совѣщаніе покончило съ вопросомъ о томъ, оставить-ли предварительную цензуру на книги или нѣтъ. Главнымъ образомъ обсуждали положеніе народныхъ книгъ. Сохранять-ли предварительную цензуру для этого рода произведеній печати, какъ находящихся подъ особымъ подозрѣніемъ у цензоровъ, или нѣтъ?

Представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, приведя подробную статистику книгъ для народа, доказывалъ необходимость сохраненія цензуры для нихъ. „На книжный рынокъ,—говорилъ онъ,—ежегодно выбрасываются милліоны сочиненій, предназначенныхъ для массы. Если уничтожить предварительную цензуру ихъ, то подпольные агитаторы не замедлятъ преподнести неинтеллигентнымъ читателямъ сочиненія безусловно вреднаго направленія“.

Большинствомъ 18 противъ 2 (представитель министерства внутреннихъ дѣлъ и сенаторъ Звѣревъ) совѣщаніе рѣшило отмѣнить предварительную цензуру для всякаго рода книгъ независимо отъ ихъ размѣра, но оставить все послѣдующее: т. е., по отпечатаніи книги. она немедленно представляется цензуру для просмотра; на седьмой день, если въ ней нѣтъ ничего запретнаго, онъ обязанъ выдать издателю установленный билетъ на выпускъ книги въ свѣтъ; въ противномъ случаѣ, если въ книгѣ имѣется составъ преступленія, предусмотрѣнный уголовнымъ уложеніемъ, онъ долженъ передать ее немедленно прокуратурѣ, и книга задерживается до рѣшенія суда.

Кстати, нужно замѣтить, что новое „Уголовное Положеніе“, которое скоро предполагается ввести, въ случаѣ помѣщенія въ изданіяхъ статей, гдѣ судамъ будетъ усмотрѣна клевета, устанавливаетъ большіе штрафы съ издателей до 1 рубл. съ каждаго проданнаго экземпляра изданія.

II.

Положеніе всѣхъ учебныхъ заведеній, отъ высшихъ до низшихъ, положеніе всего рус-

скаго образованія требуетъ коренныхъ реформъ.

А намъ и тутъ преподносятъ только палліативы.

18-го марта въ особомъ совѣщаніи министровъ былъ рѣшенъ *вопросъ о занятіяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.* Большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ, — В. К. Саблера и министра народнаго просвѣщенія ген. Глазова—рѣшено въ текущемъ полугодіи занятій не начинать и перенести курсы второго полугодія на будущую осень. Экзамены предполагается устроить въ январѣ и февралѣ 1906 г., а если возможно, то и раньше. Производство экзаменовъ текущей весной признано желательнымъ, особенно для перваго и выпускного курсовъ, но едва-ли осуществимымъ вездѣ, въ виду потери почти $2^1/_2$ мѣсяцевъ учебнаго времени. Пріемъ абитуріентовъ рѣшено во всякомъ случаѣ произвести осенью и вопросъ о занятіяхъ съ двойнымъ количествомъ учащихся на 1 курсѣ поручено соотвѣтственнымъ вѣдомствамъ разработать въ отдѣльности для каждаго учебнаго заведенія. Всякаго рода репрессіи и принудительныя мѣры признаны нежелательными въ настоящую минуту, но за необходимость увольненія профессоровъ и студентовъ, которые будутъ продолжать забастовку будущей осенью, высказались почти всѣ члены особаго совѣщанія.

Кромѣ того, Собраніе остановилось на мысли о возможности произвести экзамены внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, оставляя ихъ закрытыми. Предположено испытаніе по предметамъ юрид. факульт. произвести въ министерствѣ юстиціи, по предметамъ техническихъ спеціальностей въ Инженерномъ замкѣ и т. д. Что касается государственныхъ экзаменовъ по филологическому факультету, то ихъ рѣшено начать съ 1-го мая, независимо отъ числа желающихъ экзаменоваться.

Совѣщаніе это явилось результатомъ тѣхъ обсужденій, которымъ, по предложенію министровъ, Совѣты высшихъ заведеній занимались по вопросу о возможности открытія занятій въ текущемъ полугодіи.

И нужно сказать, ученыя коллегіи на этотъ разъ высказались замѣчательно единодушно. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить любопытное обстоятельство: сами составленныя, въ большинствѣ случаевъ, изъ силъ, вошедшихъ въ составъ профессорской корпораціи по уставу 84 г. и позднѣйшихъ, сплошь и рядомъ наполненныя даже не выборными, а *назначенными* министерствомъ лицами,—ученыя коллегіи все таки единодушно высказались какъ разъ за уничтоженіе тѣхъ условій, при какихъ образовалась ихъ среда большею частью, т. е. за полную академическую свободу и возвращеніе къ уставу 1864 г. Фактъ, наводящій на глубокія размышленія!

Наиболѣе мотивированное постановленіе сдѣлалъ Совѣтъ старѣйшаго изъ высшихъ заведеній, Московскаго Университета, широко взглянувшій на дѣло. По его мнѣнію „всякіе призывы къ занятіямъ были бы въ настоящее время тщетны, въ виду слишкомъ еще сильнаго и страстнаго возбужденія среди студентовъ, питаемаго возбужденіемъ русскаго общества. Разумѣется, не все студенчество раздѣляетъ крайніе взгляды. Среди возбужденныхъ есть колеблющіеся и болѣе спокойные, и есть немало студентовъ, не принимавшихъ активнаго участія въ волненіяхъ. Но можно сказать, что количество волнующихся необычайно велико, и самое возбужденіе необыкновенно напряженно, захватывая множество студентовъ, отличавшихся въ прежнихъ случаяхъ большимъ спокойствіемъ, индиферентизмомъ или даже стоявшихъ въ прямой оппозиціи ко всякаго рода нарушеніямъ академическаго порядка. Многіе, и между ними лучшіе и преданные наукѣ студенты стали просто неузнаваемыми“.

3.000 студентовъ прямо подписали резолюцію о прекращеніи занятій до 1 сент.,—а это громадная цифра, если принять во вниманіе значительное число обычно манкирующихъ и, далѣе, разъѣхавшихся и удерживаемыхъ дома родителями. „Если бы начальство признало нужнымъ произвести отборъ среди учащихся въ цѣляхъ немедленнаго возобновленія занятій, то пришлось бы уволить тысячи учащихся, что внесло бы окончательную деморализацію и ожесточеніе и нанесло бы университету ничѣмъ невознаградимый нравственный ущербъ. Но и этимъ не было бы еще достигнуто успокоеніе университета, такъ какъ при существующемъ настроеніи студенчества никакой отборъ не оказался бы дѣйствительнымъ“.

Словомъ, пока „общественная жизнь не войдетъ въ твердо установившуюся колею“, нечего и ожидать успокоенія студенчества, а, слѣд., и открытіе университета будетъ сопряжено съ малой надеждой на спокойное и успѣшное теченіе“ академической жизни,— заключаетъ Совѣтъ и вмѣстѣ съ этимъ заявляетъ, что пока: 1) Совѣту должно быть предоставлено безотлагательно, до введенія новаго университетскаго устава (къ выработкѣ котораго желательно приступить немедленно), полномочіе на самостоятельное руководство академическою жизнью съ правомъ открытія и закрытія университета, съ правомъ управленія при посредствѣ выборныхъ ректора, помощника ректора и декановъ, съ подчиненіемъ инспекціи Совѣту, опредѣляющему ея функціи. 2) Мѣры, вносящія расколъ въ среду студенчества, равно какъ и мѣры принудительнаго или репрессивнаго характера, не должны быть принимаемы. Вся дисциплинарная власть должна быть предоставлена Совѣту и его выборнымъ органамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Совѣтъ питаетъ увѣренность, что скорое выполненіе реформы, возвѣщенной въ Высочайшемъ рескриптѣ 18-го февраля, о призывѣ свободно избранныхъ представителей народа къ участію въ разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній дастъ основанія разсчитывать на умиротвореніе русскаго общества и на достиженіе условій, обезпечивающихъ мирное теченіе академической жизни. („Русс. Вѣд.“).

Въ *Москвѣ* же, 14 марта состоялось совѣщаніе профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній по вопросу о возобновленіи занятій. Большинствомъ противъ двухъ, совѣщаніе рѣшило послать телеграммы министрамъ народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, юстиціи и путей сообщенія. Въ этихъ телеграммахъ высказывается мнѣніе, что никакихъ педагогическихъ мѣръ къ возобновленію занятій въ настоящее время невозможно принимать и что всякое воздѣйствіе на учащихся, въ особенности, мѣры репрессивныя, могутъ только подорвать авторитетъ преподавателей, внести въ среду учащихся еще большія смуту и раздраженіе. Относительно стипендій совѣщаніе постановило, что онѣ должны быть сохранены; плата въ 25 р. должна быть внесена осенью; пріемъ студентовъ долженъ быть произведенъ въ полномъ объемѣ, для чего придется ввести предметную систему и, вообще, измѣнить порядокъ занятій. Въ заключеніе, совѣщаніе высказалось единогласно за реформу университетскаго устава въ духѣ академической свободы.

Послѣ этого Совѣщанія тамъ же, въ *Москвѣ* собралась комиссія, составленная изъ выборныхъ делегатовъ отъ профессорскихъ корпорацій всѣхъ высшихъ заведеній Москвы и Яросл. Демид. Лицея и изъ назначенныхъ правительствомъ начальниковъ высшихъ заведеній—ректоровъ, директоровъ, декановъ. По Высочайшему утвержденію комиссія облечена чрезвычайными полномочіями для возстановленія правильнаго теченія академической жизни.

И это Совѣщаніе, въ засѣданіи 21 марта, высказало единодушное убѣжденіе, что „основная причина необычайнаго возбужденія, овладѣвшаго учащейся молодежью, заключается въ томъ широкомъ и захватывающемъ общественномъ движеніи, которое проявляется въ страстной критикѣ существующаго и въ нетерпѣливомъ ожиданіи коренныхъ реформъ. Личное усмотрѣніе и административный произволъ, отсутствіе законныхъ гарантій для лицъ и союзовъ, стѣсненіе свободы совѣсти, слова и печати и, наконецъ, отсутствіе обезпечивающаго правомѣрный порядокъ народнаго представительства,—всѣ эти недостатки стараго строя тѣмъ болѣе вызываютъ въ настоящее время критику и осужденіе, что они осуждены и съ высоты Престола. Общество ожидаетъ скорѣйшаго осуществленія Высочайшихъ предначертаній, выраженныхъ въ указѣ 12-го декабря и въ рескриптѣ 18-го февраля сего года, и, пока въ этомъ направленіи не сдѣлано будетъ рѣшительныхъ и опредѣленныхъ шаговъ, невозможно разсчитывать на умиротвореніе русскаго общества и на достиженіе условій, обезпечивающихъ мирное теченіе академической жизни“. Исходя изъ этихъ соображеній, совѣщаніе пришло къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ и Совѣтъ Моск. У-та.

Въ томъ же духѣ, только еще болѣе радикально, высказалось и Петербургское частное Совѣщаніе преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, бывшее въ концѣ марта.

„Пріостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—говорится въ его поста-

новленія,—представляетъ лишь частное проявленіе общаго кризиса русской жизни.

„Вдумываясь въ смыслъ переживаемыхъ событій, мы, какъ граждане и какъ люди науки, внимательно наблюдающіе общественную жизнь, въ сознаніи своей отвѣтственности передъ страною, считаемъ долгомъ открыто заявить, что Россія находится на краю пропасти.

„Вопросы соціально-экономическаго устроенія народныхъ массъ, чрезвычайно обостренные продолжительной и несчастной войной, не были и не могутъ быть разрѣшены бюрократическимъ путемъ. Они встаютъ передъ Россіей во всемъ стихійномъ величіи, настойчиво требуя неотложнаго и справедливаго разрѣшенія.

„Коренная политическая реформа нашего строя не терпитъ отлагательствъ".

Далѣе резолюція съѣзда говоритъ о необходимости установленія правового порядка на демократическихъ основаніяхъ. „Только бюрократическія учрежденія могутъ довольствоваться въ настоящее время совѣщательной функціей. Общественное же мнѣніе, организованное въ народное представительство, потребуетъ для себя рѣшающаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ.

„Государственный строй преобразованной Россіи по своей соціальной структурѣ долженъ быть строемъ послѣдовательнаго и безусловнаго демократизма".

„Національнымъ, вѣроисповѣднымъ, сословнымъ и классовымъ привилегіямъ и правоограниченіямъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ демократическомъ государствѣ. Такія привилегіи и правоограниченія противорѣчатъ идеѣ соціальной справедливости и соціальнаго равенства и, какъ таковыя, отвергаются правосознаніемъ политически-мыслящей части русскаго общества.

„Народное представительство будущей Россіи должно быть построено на началахъ всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права".

Резолюція эта принята единогласно и подписана всѣми 170 профессорами, участвовавшими въ совѣщаніи.

Согласно съ профессорами идутъ студенты всѣхъ высш. уч. заведеній. Вездѣ они, то сами по себѣ, то по предложенію профессоровъ подавали голосъ *за* и *противъ* немедленнаго возобновленія занятій. И вездѣ громадное большинство высказывалось за отсрочку занятій до 1 сент. Такъ рѣшили въ *С.-Петербургѣ* въ Институтахъ: Лѣсномъ, Технологическомъ, Путей Сообщенія, Горномъ, Политехническомъ и др., и даже въ Военно-Медиц. Академіи; въ *Кіевѣ*—въ Женскомъ Медиц.. Политехническомъ.

Однако, и здѣсь не обошлось безъ исключеній, поставившихъ учащихся въ крайне тяжелое положеніе.

Такъ, вопреки желанію большинства студентовъ и даже рѣшенію профессоровъ. оффиціально продолжаетъ быть открытымъ *Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія,* а занятія въ немъ—продолжающимися. „Отпуски студентамъ на этомъ основаніи не разрѣшаются; есть полное основаніе полагать, что экзамены будутъ, если не полностью, то во всякомъ случаѣ частью, произведены весною. На пріемѣ депутаціи студентовъ министръ путей сообщенія кн. Хилковъ формулировалъ свои соображенія относительно института фразой: „Считаю институтъ функціонирующимъ; начать или, вѣрнѣе, продолжать занятія зависитъ отъ самихъ студентовъ, свободныхъ и даже болѣе, чѣмъ я, свободныхъ гражданъ".

Мало того, „министръ отказалъ студентамъ въ своемъ содѣйствіи по распредѣленію ихъ на обычныя лѣтнія практическія занятія по желѣзнымъ дорогамъ. Свой отказъ министръ мотивируетъ тѣмъ, что студентамъ, не изучавшимъ теоріи, не нужна и практика, игнорируя такимъ образомъ совершенно матеріальное положеніе студентовъ, которое и безъ того обѣщаетъ быть плачевнымъ въ виду того, что новыя желѣзныя дороги не строятся".

Однако, потомъ г. министръ разрѣшилъ *отпускъ* до 1 сент., но только внесшимъ плату за 2-е полуг. этого года, не внесшіе же плату будутъ уволены.

Еще болѣе репрессивныя мѣры приняты въ *Харьковскомъ Ветеринарномъ И—тѣ;* тамъ рѣшили во что бы то ни стало приступить къ занятіямъ съ первыхъ чиселъ марта съ однимъ четвертымъ курсомъ и черезъ двѣ недѣли начать клиническіе экзамены, черезъ недѣлю пригласить первый курсъ, черезъ двѣ—второй и третій. Часть профессоровъ осталась при особомъ мнѣніи. Студенты четвертаго курса подали мотивиро-

ванное заявленіе о переносѣ семестра на осень". Для укрощенія „строптивыхъ", „по распоряженію директора, прекращена съ февраля выдача стипендій студентамъ и жалованья преподавателямъ".

Но горше всѣхъ кара обрушилась на *Варшавскій университетъ,* который распоряженіемъ Министра Нар. Просвѣщенія 21 марта *закрытъ впредь до особаго увѣдомленія,* а всѣ студенты, въ числѣ 1200, *уволены.*

Видимо, не стѣсняются и съ полу-высшимъ *СПБ. Учительскимъ* Институтомъ. Совѣтъ его ходатайствовалъ было передъ попечителемъ учебнаго округа о прекращеніи занятій до 1-го сентября. Но группа „свобододѣйствующихъ" воспитанниковъ упорно настаивала на продолженіи занятій, заявивъ совѣту, что въ крайнемъ случаѣ они будутъ искать содѣйствія у „высшаго начальства". Въ отвѣтъ на ходатайство совѣта попечитель округа приказалъ немедленно возобновить занятія, къ которымъ съ 28-го февраля и приступили „свобододѣйствующіе", а также „безразличные". 40 воспитанниковъ, не пожелавшихъ возобновить занятія, исключены. Всего въ институтѣ было 80 человѣкъ. Преподаватели г.г. Райтманъ (математика), Коробка (литература) и Могилянскій (естеств.), вслѣдствіе такого оборота дѣлъ, вышли изъ состава учебнаго персонала.

Въ общемъ положеніе студентовъ Высш. Уч. Заведеній крайне тяжелое: учиться нельзя—поѣзжай домой. Это бы инымъ съ полгоря, такъ какъ все равно, оставаясь въ университетскихъ городахъ, они всегда рискуютъ попасть подъ умѣло натравляемые кулаки „черной сотни". Но дѣло въ томъ, что для массы студенчества возвращеніе домой означаетъ почти полную голодовку, для тѣхъ, кто только и жилъ уроками и посторонними занятіями. Въ этомъ отношеніи взятіе ихъ на военную службу, какъ рѣшено, говорятъ, особенно по отношенію къ прапорщикамъ запаса, все таки представляетъ для иныхъ нѣкоторый выходъ, хотя, что называется, и „прямо подъ обухъ".

Во всякомъ случаѣ, *по идеѣ,* не смотря на возможный страшный исходъ, эта мѣра вовсе не представляется ужасною: вѣдь, идутъ же другіе, отрываясь отъ занятій, кормящихъ ихъ семью, а студенты, вѣдь, не занимаются...—А какже осенью, по возобновленіи занятій?— быть можетъ, спросятъ насъ.—Да осенью-то, м. б., и война кончится. Что загадывать напередъ!

Насколько въ университетскихъ городахъ занимаютъ вниманіе общества студенты, настолько въ другихъ—воспитанники среднихъ заведеній. Также увлеченные волной общаго движенія, и они пришли въ броженіе и кое-гдѣ забастовали, кое-гдѣ устраивали даже демонстраціи, подобно студентамъ, съ красными флагами и прокламаціями, и также, какъ студенты, подвергались избіенію со стороны полиціи и подкупленныхъ хулигановъ.

И въ этихъ, „гимназическихъ" движеніяхъ причина безпорядковъ также лежала по большей часть „внѣ стѣнъ заведенія": на гимназистовъ дѣйствовали тѣ же общія причины. Однако, во многихъ случаяхъ виною происшедшихъ волненій были именно среднія заведенія, невозможные порядки, царящіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, грубый произволъ, непедагогическіе пріемы дирекціи, вообще весь строй среди учебныхъ заведеній, вызывающій изумленіе и негодованіе всѣхъ, кому приходилось ближе познакомиться съ ними. До послѣдняго время тяжелая завѣса скрывала отъ непосвященныхъ этотъ таинственный міръ— „внутренней жизни учебнаго заведенія",—и только по нѣкоторымъ, грубо кричащимъ о себѣ, безобразнымъ фактамъ этой „жизни" да по слухамъ, порою,—особенно въ отношеніи закрытыхъ учебныхъ заведеній,—принимавшихъ зловѣщій, близкій къ уголовщинѣ характеръ, родители могли составить себѣ неясное представленіе о томъ заведеніи, куда они отдали своихъ дѣтей.

А тамъ происходятъ явленія, которыя нельзя упускать изъ вниманія, явленія немыслимыя при другой постановкѣ дѣла, (Ср. Очерки Американской Школы, въ № 2,— Ѳ. Крыштофовича): ученики и ученицы стрѣляются; болѣе грубые (напр., семинаристы въ Минскѣ) громятъ свое учебное заведеніе; въ другихъ мѣстахъ запираютъ на замокъ свои классныя (случай года 2 тому назадъ въ Ярославлѣ); наиболѣе ретивые встрѣчаютъ своихъ преподавателей съ револьверами въ рукахъ (фактъ, происходив-

шій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ южныхъ Духовныхъ Училищъ).

Современныя забастовки, происходящія въ нѣкоторыхъ среднихъ заведеніяхъ, — пустяки въ сравненіи съ указанными страшными фактами; говоримъ—*страшными*: вѣдь, развѣ же не страшно видѣть, какъ юноша, даже мальчикъ, или молодая, полная силъ и здоровая дѣвушка—подростокъ, лишаютъ себя жизни, которую они даже и не знаютъ, какъ слѣдуетъ?!

Хороша, значитъ, школа, если въ ней возможны такіе уродливые факты.

Правда, самоубійство молодежи объясняется общею нервностью.

Но не пора-ли, однако, поглубже заглянуть въ самую систему нашего образованія?

18 марта застрѣлился ученикъ V кл. *Ярославской* гимназіи, Поповъ. Отчего? Общество ясно говоритъ, что въ этой смерти виноватъ учитель нѣм. и лат. яз. г. Климке, „относившійся къ покойному строго и пристрастно“, хотя тотъ былъ однимъ изъ способныхъ и прекрасно занимавшихся юношей.

Мѣсяцомъ раньше, по близости, въ *Рыбинскѣ* застрѣлился ученикъ IV кл. мѣстной гимназіи Л. Причины, побудившія лишить себя жизни, кроются въ его „гимназическихъ дѣлахъ“.

Хороши же, значитъ, эти „дѣла“, если отъ нихъ стрѣляются!

Въ *Харьковѣ* 15 марта покончила съ собою ученица VIII кл. В. Гюнтеръ „жизнерадостная, полная силъ дѣвушка“, какъ характеризуетъ ее мѣстный корреспондентъ. Причины ея смерти также лежатъ въ общественномъ строѣ настоящаго времени.

Можетъ быть, на рѣшеніе покончить съ собою не повліяло ли событіе, случившееся въ томъ же Харьковѣ немного раньше?

„Мѣстныя гимназистки, въ числѣ 50,— разсказываетъ корреспондентъ, — посѣтили могилу недавно скончавшагося и очень популярнаго въ Харьковѣ артиста Шувалова. Кладбищенскій сторожъ усмотрѣлъ въ посѣщеніи дѣвочками могилы артиста „сходку“ и увѣдомилъ объ этомъ полицію. Немедленно были закрыты выходы съ кладбища и... всѣ „крамольницы“ арестованы. Къ счастью дѣвочекъ, инцидентъ удалось скоро разъяснить, и онѣ были отпущены.

Развѣ это не характерно? Это вѣчное исканіе „крамолы“?

Наконецъ, получено еще извѣстіе, что покончила съ собою ученица VI кл. одной изъ *Одесскихъ* гимназій, С. Нахтигернъ, 16 лѣтъ отъ роду. На этотъ же разъ причиною была несчастная *любовь*... Но, если это и такъ, развѣ нормальна эта пылкая влюбленность у дѣвочки? Развѣ, опять повторяемъ, мыслимо что либо подобное въ американской школѣ, не смотря на совмѣстное обученіе половъ? Кто же, какъ не школа, главный виновникъ новой смерти?...

Нужно ли послѣ всего этого удивляться, что наиболѣе чуткія личности школьнаго міра предпочитаютъ смерть *такой* жизни, а прочая масса производитъ буйство и безпорядки, распространяющіеся съ поразительною быстротою?

Газеты то и дѣло сообщаютъ о безпорядкахъ въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, дух. семинаріяхъ, учит. семинаріяхъ, с.-хозяйств. уч. заведеніяхъ, словомъ, вездѣ, гдѣ есть ученики и гдѣ введенъ школьный режимъ.

Въ *Ялтинскихъ* муж. и жен. гимназіяхъ безпорядки, впрочемъ, прошедшіе мирно, были вызваны кровавыми извѣстіями о курскомъ избіеніи дѣтей, причемъ учащіеся выставили своему начальству рядъ требованій, именно: 1) уничтоженіе процентнаго отношенія для евреевъ; 2) допущеніе родителей въ засѣданія педагогическаго совѣта; 3) уничтоженіе всякаго тайнаго надзора за школьнымъ поведеніемъ учащихся; 4) невмѣшательство въ ихъ частную жизнь; 5) неприкосновенность писемъ; 6) болѣе вѣжливое обращеніе; 7) уничтоженіе шпіонства; 8) разрѣшеніе устраивать въ гимназіяхъ внѣклассныя занятія безъ обязательнаго присутствія начальства, которое можетъ быть приглашаемо самими учащимися.

Эти требованія были предметомъ обсужденія родительскаго кружка, рѣшившаго, какъ всегда полагается въ такихъ случаяхъ, избрать *коммиссію* изъ 12 лицъ: 6 — представителей отъ родителей и 6—отъ педагогическаго персонала, которая разобрала-бы всѣ возникающіе вопросы въ школьной жизни и вообще служила-бы посредникомъ между родителями и педагогическими совѣтами.

Коммиссія и сейчас обсуждает...

Въ *Рыбинскѣ* ученики взволновались изъ-за самоубійства товарища (см. выше). но предъявленныя ими требованія были очень скромны; юноши желали лишь одного, чтобы дали имъ читать, и потому просили *допускать* ихъ въ Земскую Публичную Читальню и озаботиться пополненіемъ ихъ гимназической библіотеки.

Желаніе вполнѣ законное, но не извѣстно еще, какъ посмотритъ начальство!

Интересный фактъ: когда ученики гимназіи двинулись толпой къ Коммерческому Училищу, въ сопровожденіи полиціи и десятковъ „зимогоровъ", по пути ихъ разбрасывались бумажки, приглашавшія гимназистовъ въ 6 час. къ зданію гимназію— бить стекла и педагоговъ. Къ счастью, изъ этой затѣи любителей упражнять свои руки на беззащитныхъ дѣтяхъ— на этотъ разъ ничего не вышло",—пишетъ корреспондентъ, —юноши поняли уловку и все время не нарушали порядка...

Интересно бы знать, чего глядѣла полиція, когда разбрасывали эти *бумажки*?

9-го марта въ киржачской (влад. губ.), учительской семинаріи начались волненія. Воспитанниками принята резолюція, поданная новоторжскими воспитанниками, по слухамъ, тоже забастовавшими. Отмѣна переводныхъ экзаменовъ, свободное пользованіе интернатомъ, свободное посѣщеніе церкви и свободное соблюденіе постовъ, преобразованіе семинарій въ 4-хъ классныя. расширеніе общеобразовательнаго курса. Резолюцію подписали 70 (изъ 87). По распоряженію попечителя округа, занятія прекращены на неопредѣленное время, а воспитанники распущены.

Вотъ печальная картина современной русской школы а фонъ ея составляютъ многочисленные факты, сообщенные въ свое время періодической прессой: въ *Ярославлѣ* инспекторъ сажаетъ въ холодный карцеръ мальчугана 1-го кл., а врачъ, своимъ авторитетомъ подтверждаетъ безвредность для здоровья этого помѣщенія,— ребенокъ же заболѣваетъ воспаленіемъ легкихъ. Въ *Люблинѣ*, въ муж. и жен. гимназіяхъ, въ *С.П.Б. Комм. Училищѣ*, въ *Минскѣ* происходятъ массовыя исключенія за подписываніе петицій учебному начальству (въ Люблинѣ, напр., уволено 130 учениковъ и 100 учениц). Въ *Кіевѣ* Директоръ одной изъ гимназій С. вмѣстѣ съ инспекторомъ устроили собственный цензурный комитетъ для вскрытія писемъ, получаемыхъ учащимися. Они же организовали отрядъ сыщиковъ изъ сторожей и надзирателей, а также подыскали нѣсколько шпіоновъ среди учащихся. Видя, однако, безплодность своихъ усилій, они рѣшили привлечь къ шпіонству и родителей. Стали приглашать въ гимназію тѣхъ изъ нихъ, которые попроще, и, наставляя ихъ, какъ нужно слѣдить за дѣтьми (что читаютъ, съ кѣмъ знакомы), требовали доставлять затѣмъ эти свѣдѣнія въ гимназію...

Въ *Бахмутѣ* дир. гимназіи Бракенгеймеръ, вскрывъ письмо сестры къ гимназисту 8 кл. Степанову, порѣшилъ, вмѣстѣ съ своимъ Совѣтомъ, уволить бѣднаго юношу, а заодно съ нимъ—и 6 другихъ учениковъ, особенно возмущавшихся этимъ рѣшеніемъ, а и письмо-то было вполнѣ невинное: сестра только „убѣждала брата спокойно заниматься науками, не вмѣшиваясь до окончанія гимназическаго и университетскихъ курсовъ въ общественную жизнь страны, Она высказывала тотъ взглядъ, что, завершивъ свое образованіе; онъ сможетъ во всеоружіи знанія и опредѣленнаго общественнаго положенія быть болѣе полезнымъ обществу"...

Нѣтъ, г. директоръ и тутъ увидѣлъ крамолу, если не настоящую, то будущую— kramola futura hypotetica, по его номенклатурѣ. Бѣднягу спасъ своимъ вмѣшательствомъ только предводитель дворянства, Ф. А. Вантышъ, попечитель гимназіи. *Его*, по закону обязаннаго присутствовать на подобныхъ Совѣтахъ, *даже не пригласили*. Когда же, по его протесту, обсужденіе было перенесено на новое засѣданіе, то его назначили на 18 февр., какъ разъ въ тотъ часъ, когда въ Бахмутѣ должно было происходить уѣздное земское собраніе, предсѣдателемъ котораго является Ф. А. Вантышъ. Однако, г. Вантыша успѣли предупредить, и онъ, объявивъ перерывъ засѣд. зем. собранія, поѣхалъ въ гимназію, гдѣ, благодаря его настоянію, постановленіе объ исключеніи г. Степанова съ „волчьимъ паспортомъ", какъ намѣчено

было раньше, было отмѣнено, и онъ уволенъ по прошенію, съ правомъ держать экзамены на аттестатъ зрѣлости въ этомъ же году въ качествѣ экстерна. Остальные шестеро оставлены въ гимназіи.

Какъ вамъ нравится здѣсь роль Совѣта, предпринимающаго такія мѣры предосторожности противъ своего попечителя?

А вотъ еще эскизъ для нашей картины. Въ *Елабугѣ* директоръ Реальнаго Училища недавно произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ учащимся на существованіе въ Россіи какого-то „Латинскаго союза", задачи котораго—уничтоженіе „интеллигенціи. Союзъ этотъ, по словамъ освѣдомленнаго директора, широко раскинулъ свою дѣятельность, такъ какъ обладаетъ огромными средствами, притекающими отъ англичанъ и японцевъ. Директоръ предостерегаетъ своихъ питомцевъ, чтобы и они не попали подъ вліяніемъ этого „союза". Повидимому, замѣчаетъ меланхолично корреспондентъ, изъ боязни вліянія этого союза, *всѣ письма, адресованныя на имя реалистовъ, теперь вскрываются* учебнымъ начальствомъ и, только послѣ тщательнаго просмотра, передаются адресатамъ.

Очевидно, лавры Мещерскихъ, Грингмутовъ и К° не даютъ спать нашимъ педагогамъ.

Жаль только, что почтенный педагогъ не дополнилъ свою рѣчь сообщеніемъ, что иниціаторъ Латинскаго союза, нѣкій Черепъ Спиридовичъ привлекается къ судебной отвѣтственности... за, какъ бы помягче выразиться,.. *случайное* присвоеніе чужихъ капиталовъ. Отчего этотъ фактъ скрылъ г. директоръ отъ своихъ питомцевъ?

Нѣтъ, духовные педагоги какъ будто искреннѣе. Какъ и подобаетъ руководителямъ *духовной* школы, они не упоминаютъ о презрѣнномъ металлѣ, а лишь предостерегаютъ семинаристовъ и ихъ родителей „о тлетворныхъ навѣтахъ злонамѣренныхъ людей" (сирѣчь—крамольниковъ). Въ этомъ именно духѣ, по сообщ. „Сѣв Края" разосланъ изъ Костромской Дух. Семинаріи, за подписью ректора, Прот. Щеглова, и секрет., И. Баженова, документъ, начало котораго мы приведемъ для курьеза: „*Чадолюбивые родители!* Вамъ небезызвѣстно настоящее тревожное и смутное время, какое переживаетъ наше дорогое отечество отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

„Злонамѣренные агитаторы тайными путями нерѣдко вторгаются и въ наши разсадники просвѣщенія — духовно-учебныя заведенія, поселяютъ въ нихъ смуты и возбуждаютъ учащихся противъ начальствующихъ лицъ сихъ заведеній, и нерѣдко легкомысленная, неустойчивая молодежь, поддавшись сему тлетворному влеченію, захватывается бушующей волной, несется неизвѣстно куда и затѣмъ, въ концѣ концовъ, разбивается о вѣковые устои русской народной жизни и безвозвратно гибнетъ навсегда"

„Къ великому прискорбію, пагубное вліяніе тайной пропаганды коснулось и костромской духовной семинаріи"...

И т. д. въ томъ же духѣ.

Въ *Ярославской Дух. Семинаріи* дѣло рѣшили гораздо проще, отбросивъ излишнія церемоніи. Тамъ 27 февр. Правленіе получило предложеніе (= предписаніе) Архіеп. Іакова *уволить* всѣхъ учениковъ, принимавшихъ участіе въ сходкѣ 21 февр., гдѣ они, выражаясь словами „предложенія" архипастыря, „позволили себѣ принять, очевидно заранѣе составленную и переписанную нелѣпую резолюцію, въ которой безразсудно выступаютъ полными распорядителями хода учебныхъ занятій, и по поводу лично ихъ не касающихся и къ тому же, какъ оказывается, *тенденціозно-ложныхъ* газетныхъ сообщеній о бывшихъ будто насиліяхъ полиціи надъ учащимися въ разныхъ городахъ Россіи, единогласно рѣшили временно пріостановить и дѣйствительно пріостановили учебныя занятія, не явившись на уроки, съ тѣмъ, чтобы этимъ самымъ, въ какомъ-то непонятномъ самомнѣніи, выразить протестъ противъ дѣйствій полиціи"... Но по слову Евангелія—прощать врагамъ, Архіепастырь въ концѣ своего „предложенія" дѣлаетъ оговорку, что по увольненіи ученики могутъ подавать прошенія объ обратномъ ихъ принятіи, однако, „предлагаетъ" принимать лишь тѣхъ изъ нихъ, „которые сознаютъ свою виновность, попросятъ себѣ прощенія въ учиненныхъ ими проступкахъ и дадутъ каждый отъ себя письменное обязательство исполнять всѣ установленныя для семинарскихъ воспитанниковъ правила, а

семинарскимъ начальствомъ будутъ признаны благонадежными къ продолженію ученія".

Словомъ, tout comme chez nous!

Въ *Минскѣ* Духовная семинарія, вслѣдствіе бывшихъ въ ней 14-го февраля безпорядковъ, закрыта, и всѣ воспитанники уволены. Начато судебное слѣдствіе. Къ семинаристамъ предъявляется обвиненіе въ поджогѣ зданія и кражѣ семинарскихъ суммъ. Ученики VI класса приняты вновь въ семинарію, за исключеніемъ шести человѣкъ.

Не удивительно, что много среднихъ уч. завед. закрыто. Въ *Минскѣ—губ.* и *Курскѣ* это сдѣлано условно: „не явившіеся къ 7 марта ученики считаются уволенными". Въ *Бѣлостокѣ и Калишѣ* уч. зав. закрыты „впредь до распоряженія". Въ *Тифлисѣ*, съ разрѣшенія исп. об. главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ съ 5 по 7 кл. тифлисской 2-й мужской гимназіи и съ 5 по 7-й кл. реальнаго училища закрыты, а ученики этихъ классовъ отчислены. Занятія въ приготовительномъ и первыхъ четырехъ классахъ, какъ сообщаетъ „Тиф. Лист.", временно пріостановлены. Ученики VIII класса тифл. III муж. гимназіи распущены до пасхальныхъ праздниковъ, послѣ которыхъ имъ разрѣшено держать выпускные экзамены. Занятія въ техническомъ желѣзнодорожномъ училищѣ временно пріостановлены.

13-го марта въ помѣщеніи канцеляріи директора народныхъ училищъ тифлис. губ., подъ предсѣдательствомъ директора С. Н. Шульгина, состоялось совѣщаніе инспекторовъ и учителей городскихъ училищъ, Николаевскаго и бывшаго Авлабарскаго. Большинство высказалось за прекращеніе занятій до сентября.

Наконецъ, въ качествѣ экстренной мѣры, какъ слышалъ „Сынъ Отеч.", „министерство народнаго просвѣщенія недавно по поводу событій послѣдняго времени, пережитыхъ нѣкоторыми столичными среднеучебными заведеніями, обратилось къ начальникамъ мужскихъ учебныхъ заведеній г. Петербурга, съ цѣлью имѣть „свѣдѣнія о состояніи умовъ учащейся въ нихъ молодежи" съ циркулярнымъ предложеніемъ представлять ему ежедневно, впредь до особаго распоряженія, рапорты о событіяхъ истекшаго дня".

То-то заработаютъ теперь перья канцеляристовъ, строча „отношенія и донесенія, „вослѣдствіи выше означеннаго циркуляра отъ № 7 за *А*-ромъ милліонъ первымъ"!..

Покорные волѣ начальства, ретивые подчиненные поусердствовали, — и результаты ихъ усердія не замедлили сказаться. Такъ, въ *Одессѣ* „директоръ народныхъ училищъ обратился съ циркуляромъ къ завѣдующимъ субботними и воскресными школами, предъявляя цѣлый рядъ требованій „охранительнаго" порядка, до требованія аттестацій о политической благонадежности учащихся включительно. Даже администрація градоначальства усмотрѣла въ этомъ послѣднемъ требованіи усердіе не по разуму, находя обременительнымъ для полиціи наводить справки о поведеніи каждаго желающаго учиться и выдавать эти справки завѣдывающимъ школами. Нечего и прибавлять, что сами завѣдующіе съ негодованіемъ отказались отъ какого-либо вмѣшательства во внѣшкольную жизнь своихъ взрослыхъ учениковъ и учениць. Тогда зарапортовавшійся директоръ отказался публично, черезъ газеты, отъ этого пункта своего циркуляра. Большинство школъ тѣмъ временемъ закрылось на неопредѣленный срокъ, нѣкоторыя же, по совѣщанію съ учащимися, рѣшились продолжать занятія, не скрывая своего отрицательнаго отношенія къ попыткамъ стѣснить педагогическую дѣятельность школъ"...

Бѣдное русское просвѣщеніе! Дождешься ли ты когда лучшихъ дней?!

Сухой формализмъ, царящій въ нашихъ школахъ, и рѣзкія ненормальности, кидающіяся всѣмъ въ глаза, вызвали, какъ извѣстно, учрежденіе т. наз. *родительскихъ кружковъ*, которые, совмѣстно съ педагогами, и стали стараться хотя нѣсколько упорядочить нашу школу. А что тамъ непорядки,—это признали сами педагоги, въ лицѣ Московскаго Педагогическаго Общества, гдѣ недавно постановили слѣд. резолюцію: . .

„Педагогическое общество, изслѣдовавъ вопросъ о причинахъ, происходящихъ въ настоящее время между учащими и учащимися въ средней школѣ недоразумѣній, пришло къ убѣжденію, что эти причины коренятся въ полицейско-бюрократическомъ строѣ школы, исключающемъ участіе общества и самодѣятельность учащихся въ школьной

жизни и вводящем системы сыска, шпіонства и національной религіозной нетерпимости, въ недостаткахъ преподаванія, въ скудости образовательныхъ средствъ, въ крайне вредномъ вмѣшательствѣ школьной администраціи во внѣшкольную жизнь учащихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общество признаетъ, что эти недостатки школьнаго режима находятся въ неразрывной связи съ устарѣлыми условіями государственной жизни Россіи".

„Въ виду этого Общество постановило: что всѣ члены его нравственно обязаны поддерживать въ педагогическихъ совѣтахъ, въ литературѣ и общественныхъ собраніяхъ и учрежденіяхъ пожеланія учащихся, направленныя къ устраненію вышеуказанныхъ коренныхъ недостатковъ такой школы", а само Пед. О-во горячо протестуетъ противъ каръ и взысканій, налагаемыхъ на учащихся учебной администраціей за участіе въ безпорядкахъ.

Указанные недостатки современной школы подтвердили и *Собранія родителей* (совмѣстно съ педагогами), происходившія послѣ печальныхъ курскихъ событій.

Харьковское собраніе, бывшее подъ предсѣд. Проф. П. Степанова и состоявшее болѣе, нежели изъ 600 чел., приняло, по словамъ „Южнаго Края", слѣд. резолюцію:

„Педагогическій персоналъ средней школы лишенъ всякой самодѣятельности, поставленъ въ невозможныя условія работы и, благодаря этому, въ общемъ, не подготовленъ къ служенію народу на своемъ трудномъ и отвѣтственномъ поприщѣ. Онъ обнаружилъ отсутствіе нравственнаго авторитета, а, вмѣстѣ съ тѣмъ и творчества въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы вывести русскую школу изъ ея настоящаго трагическаго положенія. Вотъ уже 5-е 10-лѣтіе министерство народнаго просвѣщенія отвѣчаетъ только механическими пріемами на всѣ вопросы въ жизни русской школы, возникающіе, какъ органическія явленія роста нашего народнаго самосознанія. Вслѣдствіе такого положенія дѣла, органы министерства, какъ проводника народнаго образованія, утратили авторитетъ въ средѣ населенія, что особенно должно грозить въ школѣ педагогическому персоналу, утратившему свой авторитетъ среди учащихся".

„Потрясенные и возмущенные до глубины души произволомъ бюрократіи, установившимъ для школы условія, при которыхъ она калѣчитъ нашихъ дѣтей умственно программами преподаванія и пріемами ихъ осуществленія, мы даже не имѣемъ увѣренности въ томъ, что дѣти наши не будутъ искалѣчены физически, какъ это имѣло недавно мѣсто въ Москвѣ, Псковѣ, Саратовѣ, Самарѣ и особенно въ Курскѣ, гдѣ они избивались и калѣчились невѣжественной толпой черной сотни, подстрекаемой темными провокаторами и мѣстной полиціей".

„Мы, родители учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гор. Харькова и заступающіе ихъ мѣста, собравшіеся на совѣщаніе 15 марта, пришли къ слѣдующему заключенію:

1) Необходимо коренное преобразованіе средней школы на новыхъ воспитательно-образовательныхъ началахъ.

2) Школа должна быть доступна для всѣхъ, независимо отъ сословныхъ, національныхъ и религіозныхъ особенностей.

Затѣмъ слѣдуютъ пункты о надзорѣ за учениками, исполненіи ими религ. обрядовъ и пр. Заканчивается резолюція такъ:

„Совѣщаніе выражаетъ свое глубокое убѣжденіе, что дальнѣйшее разложеніе русской школы при существующихъ условіяхъ грозитъ полнымъ ея паденіемъ, и что коренное преобразованіе ея на новыхъ началахъ возможно только въ связи съ общей реформой государственнаго строя, съ предоставленіемъ народу свободы слова, совѣсти, личности, союзовъ, собраній и при участіи въ законодательствѣ и управленіи свободно избранныхъ имъ представителей"!..

Вотъ что значитъ, дѣйствительно, coeterum censeo, Carthaginem delendam esse.

Въ подобномъ же духѣ была составлена резолюція и *въ Екатеринославѣ* 6 марта семейно-педаг. кружкомъ, а также въ *Эривани*.

Ну, а что же „начальство"?—быть можетъ, спроситъ любопытный читатель. Начальство отвѣтило „циркулярнымъ предписаніемъ" „директорамъ столичныхъ учебныхъ заведеній (да столичнымъ ли только?—*Ред.*) — „воздерживаться на будущее время отъ устройства родительскихъ общихъ собраній". Разрѣшаются лишь частныя собранія родителей по отдѣльнымъ классамъ, и то эти собранія должны быть „закрытыми". Министерство находитъ, что общія

собранія родителей „мало содѣйствуютъ достиженію намѣченой министерствомъ цѣли —единенію семьи со школой и оказываютъ часто обратное вліяніе".

„Любопытно,—замѣчаетъ газета, откуда мы заимствовали это извѣстіе,—какимъ образомъ съ этимъ распоряженіемъ и взглядомъ министерства на общія собранія родителей удастся согласовать свои работы комиссіи по вопросу о единеніи семьи и школы, работающей подъ предсѣдательствомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа г. Извольскаго. О томъ, что мотивировка министерства мало посодѣйствуетъ устраненію прискорбнаго антагонизма между родителями и учащимися съ одной стороны и педагогическимъ составомъ учебныхъ заведеній съ другой—распространяться нечего.

„А Васька, — значитъ, слушаетъ да ѣстъ"!..

Не удивительно послѣ этого, что доведенные до отчаянія ученики открыто бунтуютъ и громятъ свои almae matres. Такъ, 8 марта ученики - мингрельцы городского училища въ *Тифлисѣ* разбили свое и реальное училище. Въ *Твери* 8 марта, для водворенія порядка въ с.-хоз. школѣ въ имѣнія Бухмейера была отправлена цѣлая рота солдатъ. Въ *Самарѣ*, 17 марта исключенные за подачу петиціи ученики средняго с.-хоз. училища разгромили училище, а потомъ разъѣхались, считая свое пребываніе тамъ излишнимъ, такъ какъ Дир. Деп. З., г. Ленинъ, категорически приказалъ *во что бы то ни стало* не откладывать занятій до 1 сент., какъ просили ученики и совѣтъ, хотя бы пришлось исключить большую часть учениковъ, иначе онъ уволитъ и учителей. И пришлось прибѣгнуть къ солдатамъ, чтобы исполнить волю начальства.

Значитъ, по Ленину, хотя бы въ училищѣ остался 1 ученикъ,—все-таки пускай продолжаются занятія, и идутъ обычные расходы. Главное — форма и правило, а тамъ—хоть бы содержаніе этого единственнаго ученика обошлось въ 10 тыс. рублей.

Ничего, только бы настоять на своемъ!

III.

Въ противоположность усилившемуся „учебному" движенію, рабочія волненія какъ будто утихаютъ, по крайней мѣрѣ стачки рабочихъ на *Петербургскихъ заводахъ* къ концу марта стали было прекращаться, что объясняется исключительно экономическимъ положеніемъ рабочихъ, а не удовлетвореніемъ ихъ петиціи: стачечникамъ сдѣланы были только частичныя уступки, а многіе заводы отказались сдѣлать даже ихъ и предпочли дать своимъ рабочимъ полный разсчетъ.

Такъ, были разсчитаны 3 марта рабочіе на Балтійскомъ заводѣ, Александровскомъ механическомъ, на Спасской и Петровской мануфактурахъ, на Суконной фабрикѣ Торнтона и Невскомъ судостроит., Путиловъ. Дѣйствующіе же заводы, пользуясь тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ рабочихъ, стали принимать обратно стачниковъ подъ условіемъ подписанія особой подписки, въ родѣ „клятвеннаго обѣщанія" подчиняться всѣмъ правиламъ завода и, кромѣ того, за поручительствомъ другихъ 3 рабочихъ того же завода, при чемъ если хоть 2 человѣка, за которыхъ поручились поручители, не исполнятъ своего обѣщанія, то, вмѣстѣ съ виновными, увольняются и поручители.

Эта „система" принята между прочимъ, на Трубочномъ и Патронномъ заводахъ Артиллерійскаго Вѣдомства.

Но и на такихъ условіяхъ въ число „счастливцевъ" попали, сравнительно, немногіе, а масса выброшена за бортъ: такъ, вся третья смѣна, числомъ около 2500 человѣкъ, не попала обратно на заводъ, т. к. рабочіе будетъ отнынѣ (съ 18 марта) работать не круглыя сутки, а только 18 часовъ, въ 3 смѣны. Разсчитаны 1000 и другихъ рабочихъ. Не попали въ число „счастливцевъ" и 18 выборщиковъ въ бывшую комиссію Шидловскаго и 3 депутатовъ для переговоровъ съ администраціей.

Иначе говоря, заводъ нашелъ неудобнымъ держать у себя наиболѣе популярныхъ рабочихъ.

Наконецъ, за охрану завода казаками съ рабочихъ сдѣлали вычетъ.

Такіе же порядки предполагаются ввести и на Обуховскомъ заводѣ, закрытомъ съ 8 марта.

Словомъ, администрація теперь осмѣлѣла и, видимо, совсѣмъ не церемонится съ рабочими.

Бывали и такіе случаи, что она насильно заставляла мастерскія увеличивать

число рабочихъ часовъ, какъ это сдѣлано, напр., въ типографіи Мусселіуса за Невской заставой, гдѣ сами хозяева согласились уже на 9 час. день, а имъ велѣли увеличить его до 10 час. Типографія предпочла закрыться.

Осмѣлѣли и притихнувшіе было мастера и ихъ помощники. Но съ ними рабочіе стали расправляться по своему; завязывали въ мѣшокъ и вывозили на тачкѣ за ворота, гдѣ кидали въ к. н. грязную лужу.

Мастера стали носить оружіе для самозащиты, что уже повело къ печальнымъ исторіямъ, напр., на заводѣ Паля, гдѣ мастеръ Орлянскій, принялъ шутку рабочихъ рабочихъ за оскорбленіе, выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ 6 зарядовъ, которыми 1 рабочій былъ убитъ наповалъ, а 3 ранены. Случай этотъ, понятно, вызвалъ сильное возбужденіе среди рабочихъ, впрочемъ, не перешедшее въ открытое возбужденіе.

28 марта на Путиловскомъ заводѣ произошло было „недоразумѣніе" у рабочихъ съ администраціей завода; собралась толпа въ 10 тыс. чел., противъ который выступилъ отрядъ конной полиціи. „Недоразумѣніе", какъ оказалось, изъ—за „ошибки" заводской конторы, позабывшей вписать въ книжки обѣщанную прибавку. Когда „ошибка" была исправлена, рабочіе успокоились. (Скоро, впрочемъ, и этотъ заводъ нашли нужнымъ закрыть).

Насколько надежно это успокоеніе, трудно сказать, но уже одно то, что въ одномъ Петербургѣ тысячъ 20—30 человѣкъ лишилось заработка, внушаетъ серьезныя опасенія, хотя пришлые рабочіе и отсылаются на родину.

Пока же *въ Петераургѣ тихо;* рабочіе не посылаютъ писаныхъ петицій, ни заявленій, можетъ быть, боясь навлечь неудовольстіе администраціи на своихъ депутатовъ, если бы они избрали ихъ.

Тихо и *въ Москвѣ*. Только типо-литографскіе рабочіе рѣшили послать въ М-ство Финансовъ петицію о своихъ нуждахъ.

Стачки продолжаются и *на желѣзныхъ дорогахъ*, пагубно отражаясь какъ на желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, такъ и вообще на экономической жизни страны. Бросающимся въ глаза примѣромъ является накопленіе хлѣбныхъ залежей, особенно увеличившихся на московско-казанской желѣзной дорогѣ.

Въ виду этого М-ство путей сообщенія предложило начальникамъ желѣзныхъ дорогъ заняться пересмотромъ положенія рабочихъ и служащихъ на станціяхъ. Результаты пересмотра начальники дорогъ представятъ въ министерство путей сообщенія.

Получены извѣстія о новыхъ забастовкахъ и стачкахъ и изъ другихъ мѣстностей. Такъ, въ *Юзовкѣ*, 7 марта разсчитаны нѣсколько тысячъ рабочихъ на большомъ Новорос. заводѣ; 23 марта произошла было стачка рабочихъ *во Владикавказѣ*, впрочемъ, улаженная полиціймейстеромъ. *Въ Минскѣ* 9 марта забастовали приказчики, портнихи, рабочіе табачныхъ фабрикъ и др., *въ Бѣлостокѣ* произошло столкновеніе съ войсками, также какъ въ Ростовѣ на Д. и Нахичевани. Снова начались забастовки *въ Лодзи*.

Наконецъ, стачечное движеніе перекинулось и *за Уралъ*. Кратковременныя забастовки въ мастерскихъ Сибирской ж. д. были въ Красноярскѣ, Читѣ, наконецъ, въ Иркутскѣ; требованія здѣсь чисто экономическія, и рабочіе вели себя спокойно, хотя и были провокаторскія выходки. Такъ, двое неизвѣстныхъ господъ предлагали рабочимъ побить депутатовъ, объяснявшихся съ администраціей и будто-бы „продавшихъ рабочихъ". Но послѣдніе были благоразумны и предпочли... примѣнить рекомендованное средство на самихъ же инициаторахъ проекта, чего, конечно, тѣ уже никакъ не ожидали.

На смѣну *какъ будто* стихающаго рабочаго движенія выступаетъ болѣе грозное по своей стихійности и болѣе опасное изъ-за болѣе низкой степени культурности *крестьянское, аграрное движеніе*, сопровождаемое разгромомъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ экономій.

Эти волненія происходили въ началѣ марта въ Курской (Дмитр. у.), Кіевской, Воронежской, Саратовской (Балаш. у.), Нижегородской, Орловской, (Сѣвск. у. и Трубчев.), Харьковской, Витебской, Люблинской, Варшавской (Кутнов. у.), Сѣдлецкой, Черниговской (Глуховск. у.).

Порядокъ погрома былъ приблизительно такой: крестьяне являлись съ подводами, иногда заранѣе сдѣлавъ предупрежденіе, забирали скотъ, хлѣбъ, рубили лѣсъ и разру-

шали (иногда) помѣщичьи дома, заявляя, что земля и продукты земли принадлежатъ имъ. Насилій надъ помѣщиками не было.

Характерною особенностью этихъ безпорядковъ является отсутствіе опредѣленныхъ требованій. Вѣрнѣе, они—результатъ крайняго истощенія матеріальныхъ средствъ деревни. Это—главная причина, но были и другія. Такъ, въ Дмитр. у. Курской губ. замѣтное недовольство среди крестьянъ вызвала послѣдняя мобилизація; кромѣ того, здѣсь много вернувшихся съ войны раненыхъ, находящихся большею частью въ жалкомъ положеніи. Наконецъ, нѣкоторую сыграли роль и прокламаціи соціалистовъ революціонеровъ и демократовъ, при чемъ одна изъ прокламацій подъ заглавіемъ „Братья крестьяне“ такъ понравилась крестьянамъ с. Сальнаго, что они приклеили ее на столбѣ, а старосту, выразившаго намѣреніе сорвать ее, остановили и сказали, что „намъ ее Богъ далъ“.

Ходятъ слухи, что „Царь отдалъ крестьянамъ всю землю“, что „помѣщики скрываютъ царскую золотую грамоту“ и пр.

По деревнямъ ходитъ легенда о Царскомъ указѣ, скрытомъ якобы „господами“. „Спб. Вѣд.“ полагаютъ, что данная легенда—результатъ неосвѣдомленности народа о государственныхъ актахъ послѣдняго времени.

„Св. синодъ распорядился огласить въ храмахъ манифестъ 18-го февраля,—почему онъ не сдѣлалъ такого же распоряженія относительно указа и рескрипта? Нельзя же предполагать, что содержаніе ихъ менѣе важно для русской жизни, а то, что они внесли бы проясненіе въ смутѣ умовъ,—это не подлежитъ сомнѣнію“...

Опасаются безпорядковъ въ Харьковской и Самарской губ. Упорно держится слухъ, что весной будутъ самовольно пахать, а лѣтомъ косить удѣльныя, казенныя и владѣльческія земли. Есть основаніе думать, что въ самарскомъ и николаевскомъ уѣздахъ эти слухи отчасти коренятся въ полицейскихъ управленіяхъ, въ станахъ и квартирахъ урядниковъ; не отстаютъ отъ полиціи, повидимому, и нѣкоторые представители духовенства. Оба элемента крайне смущены рескриптомъ 18 февраля. Свое недовольство этимъ актомъ они облекаютъ въ легенду о возстановленіи крѣпостного права по просьбѣ помѣщиковъ и вообще интеллигенціи.

Легенда охотно воспринимается невѣжественнымъ населеніемъ, у котораго черезчуръ мало земли, а кругомъ большія владѣнія удѣловъ, и частныхъ владѣльцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, намъ извѣстно, что масса крестьянскихъ надѣловъ въ Самарской губ. произошла изъ тѣхъ, такъ называемыхъ четвертныхъ надѣловъ, которыми помѣщики, безъ выкупа, надѣляли бывшихъ крѣпостныхъ по ихъ освобожденія.

Эта мѣра, въ свое время осужденная дѣятелями реформы въ 60-хъ годовъ, принесла теперь достойные ея плоды: и весь то надѣлъ былъ не важный, а теперь, чрезъ 40 съ лишнимъ лѣтъ по освобожденіи, раздробился на полуторо саженныя полосы. Можно же представить себѣ, во что превратился четвертой надѣлъ! Волей-неволей стѣсненные въ землѣ, крестьяне принуждены арендовать поля и луга помѣщиковъ. Ну, а тѣ, конечно, не упускаютъ своего! Создается такое положеніе, что крестьянинъ за какую угодно сумму *на колѣняхъ проситъ* дать ему въ аренду земли! (Мы знаемъ факты). И ничего не подѣлаешь: иначе ему придется арендовать за 30—40 верстъ отъ своей деревни. Это бываетъ, конечно, тамъ, гдѣ крестьянскія владѣнія окружены крупными помѣщичьими имѣніями. И какъ горько плачутся теперь такіе крестьяне, что прельстившись даровщиной, согласились на четвертные надѣлы!

Впрочемъ, не многимъ лучше положеніе и полнонадѣленныхъ крестьянъ.

Не удивительно, что у нихъ является ненависть къ помѣщикамъ, и они начинаютъ жечь экономіи, винокуренные и сахарные заводы. Недавно, напр., въ Черниг. губ. былъ разгромленъ до тла и сожженъ громадный заводъ Терещенко, при чемъ ярость крестьянъ обрушилась даже на сахаръ, который они сожгли и топили: это-де „господская ѣда, а у насъ и хлѣба-то нѣтъ“! Ненависть противъ винокуренныхъ и сахарныхъ заводовъ и объясняется тѣмъ, что они занимаютъ подъ нужныя для нихъ плантаціи картофеля и свекловицы громадныя площади земли, а у крестьянъ ея не хватаетъ и для посѣва хлѣба.

Въ виду тяжелаго экономическаго положенія крестьянъ необходима немедленная надѣленіе крестьянъ землею.

Это положеніе раздѣляютъ всѣ дѣйстви-

тельно близко стоящіе къ народу дѣятели. Такъ, въ засѣданія полтавскаго сельскохозяйственнаго общества 16-го марта, какъ сообщаютъ „Рус. Вѣд.“, были подняты вопросы объ отношеніи сельскихъ [illegible] къ аграрнымъ волненіямъ послѣдняго времени. По выслушаніи доклада общество единогласно приняло слѣдующія резолюціи: 1) Безпорядки являются слѣдствіемъ постепенно накоплявшагося раздраженія противъ такъ называемыхъ правящихъ классовъ и привиллегированныхъ сословій. 2) Въ самой основѣ безпорядковъ и волненій лежитъ глубоко коренящаяся въ сознаніи народа мысль, что вся земля должна принадлежать только непосредственно трудящимся надъ нею массамъ. 3) Некультурныя формы аграрнаго движенія исчезнутъ сами собой, если крестьянамъ будетъ предоставлено право мирнымъ путемъ проводить свои требованія и заявлять свои протесты,—конечно, при условіи свободы печати, а главное—народнаго представительства. 4) Національзація земли, какъ способъ разрѣшенія въ будущемъ земельнаго вопроса, должна быть поставлена на первую очередь.

И съ этими мѣрами нельзя медлить: и тутъ „жизнь не ждетъ“, иначе и мирные (обыкновенно) крестьяне, дойдя до отчаянія и потерявъ всякую надежду пропитаться съ земли, пойдутъ въ города, гдѣ будутъ образовывать все большіе кадры хулигановъ, въ родѣ тѣхъ, кто разгромилъ 13 марта Ялту.

А это была отвратительная, дикая картина, какой не дай Богъ увидѣть никому!

Въ теченіе почти полсутокъ толпа хулигановъ и выпущенныхъ ими арестантовъ громила участки, дома, магазины. Послѣднихъ разгромлено до 50.

Это возмутительное дѣло совершено, къ счастью, не рабочими. „Рабочіе,—говоритъ „Кр. Кур.“,—не участвовали въ этомъ постыдномъ дѣлѣ. Рабочіе не грабятъ и не воруютъ. Рабочіе не напиваются до полусмерти и не валяются въ грязныхъ канавахъ, въ осколкахъ стекла и на грудахъ мусора“.

„Не рабочіе били стекла въ родильномъ пріютѣ, гдѣ лежали больные. Настоящіе рабочіе не тронули бы амбулаторію врача для неимущихъ, въ которой каждый больной, каждый раненый находитъ себѣ помощь и поддержку.

„Рабочіе, которые знаютъ, какъ горекъ трудовой хлѣбъ,—не стали бы разбивать зеркала богатыхъ торговцевъ, у [illegible] за душою, да семья на шеѣ. Не дѣло рукъ рабочаго перерѣзать шлангъ пожарной машины, пріѣхавшей тушить пожаръ, заливать огонь, на которомъ тлѣетъ имущество тружениковъ“.

„Сейчасъ погромъ прекращенъ. Но имъ нанесенъ тяжкій ударъ благосостоянію всей Ялты, всѣхъ ея горожанъ отъ мала до велика.

„Сейчасъ обездолены сотни людей. Если безпорядки продолжатся, если вспыхнетъ снова повтореніе погрома хотя бы въ слабой формѣ,—разорены будутъ всѣ“.

Любопытно, что и здѣсь, какъ въ Баку, полиція не могла остановить громилъ... Опасаются такихъ же погромовъ и въ другихъ крымскихъ городахъ—и вездѣ граждане, видя безпомощность полиціи въ дѣлѣ охраненія настоящаго порядка, требуютъ учрежденія городской милиціи. Въ Ялтѣ она была и сформировалася, и, можетъ быть, погромъ и прекратился вслѣдствіе этого. Къ сожалѣнію, администрація края—противъ такихъ начинаній...

События послѣдняго времени отразились также на сельскихъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края. Идутъ извѣстія о броженіи въ имѣніяхъ помѣщиковъ, гдѣ рабочіе предъявляютъ требованія объ улучшеніи своего положенія. Недавно рабочіе прекратили работы въ имѣніи Вассула (юрьевск. у). Однородное явленіе имѣло мѣсто въ имѣніи Алацкави, гдѣ крестьяне совершенно разгромили милліонный замокъ, сожгли постройки и громадные запасы сѣна. Болѣе крупные безпорядки произошли въ имѣніяхъ Мексгофъ и Кастеръ, гдѣ рабочіе не давали корма лошадямъ и коровамъ, не позволяли и другимъ давать животнымъ кормъ. Всѣ рабочіе предъявили требованія объ уменьшеніи рабочаго дня и увеличеніи заработной платы. Въ виду того, что во многихъ крупныхъ имѣніяхъ и селахъ находятся заводы и фабрики, забастовки могутъ принять довольно серьезный оборотъ.

Движеніе замѣчается также во многихъ уѣздныхъ городахъ края, какъ напр., въ Валкѣ, Гольдингенѣ, Везенбергѣ и друг.

Вездѣ посылаются воинскія команды, но

скоро ихъ не хватитъ для подавленія безпорядковъ, такъ какъ громилы немедленно разбѣгаются при приближеніи войскъ. (Любопытно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне шли подъ предводительствомъ возвратившихся съ Дальняго Востока раненыхъ солдатъ).

Судя по общему мнѣнію знатоковъ края, безпорядки не вездѣ возникали подъ вліяніемъ непосредственныхъ подстрекательствъ, а во многихъ случаяхъ вытекали изъ недовольства сельскихъ рабочихъ своимъ тяжелымъ положеніемъ у господъ—бароновъ.

Въ то же время замѣчается тревожное настроеніе и въ фабричныхъ раіонахъ Приб. Края; стачки опять усиливаются, сопровождаемыя демонстраціями, и иногда доходятъ до кровавыхъ столкновеній съ войсками. 18 марта въ одной Ригѣ стачечниковъ было 3 тыс., а 19—уже 6.500 чел., главнымъ образомъ вслѣдствіе полной забастовки фабрики резиновыхъ издѣлій „Проводникъ".

„Русско-балтійскій вагонный заводъ извѣстилъ рабочихъ, что на 1 апр. работы на фабрикѣ будутъ прекращены, и рабочіе разсчитаны, такъ какъ постоянныя нападенія на мастеровъ дѣлаютъ невозможнымъ продолженіе работы.

Въ виду всѣхъ этихъ волненій 14 марта Лифл. и Курл. губ. объявлены въ положеніи усиленной охраны.

Особенной остроты аграрные безпорядки достигли на Кавказѣ, преимущественно *въ Грузіи*, гдѣ экономическое положеніе крестьянъ стало чуть-ли не хуже, чѣмъ во времена крѣпостного права. Доведенные до отчаянія, прежде тихіе и робкіе поселяне, вооружившись, кто чѣмъ могъ, собираются въ банды по нѣсколько сотъ человѣкъ, разрушаютъ сельскія правленія, изгоняютъ и избиваютъ нелюбимыхъ старшинъ и стражниковъ, разрушаютъ дворянскія имѣнія, вырубаютъ лѣса, угоняютъ скотъ, а въ случаѣ сопротивленія владѣльцевъ употребляютъ насиліе и противъ ихъ личности.

Вѣками забитый крестьянинъ, игравшій роль рабочей скотины еще во времена самостоятельности Грузіи,—теперь неузнаваемъ: въ одномъ мѣстѣ сходка крестьянинъ провозглашаетъ *отложеніе отъ русской короны*, въ другомъ—даетъ клятву „не обращаться болѣе къ содѣйствію властей, а всѣ дѣла рѣшать черезъ своихъ выборныхъ", и вездѣ—единодушное постановленіе — безплатно пользоваться казенными удѣльными и помѣщичьими землями.

Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, экономическіе вопросы быстро переходятъ въ политическіе. Страсти разгораются. Воображеніе разыгрывается,—и вчерашніе рабы сегодня постановляютъ удивительныя рѣшенія самаго радикальнаго характера.

Такъ, напр., когда начальство вздумало было пригласить уполномоченныхъ крестьянъ, живущихъ въ Мухранскомъ удѣльномъ имѣніи и близъ него, для выслушанія ихъ претензій, то собралась (5 марта) цѣлая толпа въ 800 человѣкъ, вооруженныхъ палками, а отчасти—огнестрѣльнымъ оружіемъ и въ одинъ голосъ заявила, какъ пишетъ „Нов. Обозр." слѣд. требованія:

„I. Уменьшеніе районовъ сельскихъ обществъ и предоставленіе жителямъ каждаго отдѣльнаго селенія имѣть своихъ депутатовъ, коимъ должны быть предоставлены безапелляціонно всѣ функціи по всѣмъ дѣламъ гражданскаго и уголовнаго характера въ предѣлахъ территоріи села, безъ всякаго ограниченія правъ самосуда. Другія сословія, вошедшія въ общину, пользуются всѣми правами наравнѣ съ крестьянами; не вошедшія же не имѣютъ къ ней никакого отношенія.

II. Врученіе безплатно крестьянскимъ обществамъ на правѣ полной собственности всего недвижимаго имущества казны, удѣловъ и частныхъ лицъ.

III. Установленіе священникамъ содержанія и платы за исправленіе требъ должно исходить отъ нихъ, крестьянъ, безъ всякаго вмѣшательства духовнаго начальства.

IV. Призываемые на военную службу новобранцы распредѣляются только по войскамъ, расположеннымъ въ тифлисской губерніи, а для военныхъ дѣйствій могутъ быть передвигаемы лишь въ чертѣ Закавказья.

V. Школы устраиваются распоряженіемъ крестьянъ и таковыя должны быть исключительно сельско-хозяйственныя съ преподаваніемъ на грузинскомъ, отчасти и на русскомъ языкахъ.

VI. Акцизъ и акцизный надзоръ уничтожить совершенно.

VII. Полная свобода печати.

VIII. Присоединяются къ русскимъ людямъ, именуемымъ бунтовщиками.

IX. Для исполненія въ точности изложенныхъ требованій опредѣляютъ срокъ до 14 марта, послѣ чего они получаютъ полную свободу дѣйствій по всѣмъ перечисленнымъ пунктамъ.

Въ другихъ мѣстахъ говорилось тоже самое, но въ болѣе мягкой формѣ. Въ общемъ-же причина грузинскихъ безпорядковъ для всѣхъ очевидна: это— невыносимое экономическое положеніе.

Характерный отвѣтъ дали депутаты с. Хидистави присланному изъ Тифлиса т. сов. Султанъ Крымъ-Гирею (цитируемъ по „Рус. Вѣд." изъ грузинской газ. „Цкобисъ Пурцели").

„Народу, — говорила она, — нужны три вещи: хлѣбъ, правосудіе и свобода. Мы работаемъ, какъ волы, а умираемъ съ голода; у насъ нѣтъ ни земли, ни воды. Все это—чужое. По божескимъ и человѣческимъ законамъ слѣдовало бы, чтобы земля, обрабатываемая крестьяниномъ, ему и принадлежала. Но мы вынуждены арендовать чужую землю; мы умоляемъ землевладѣльцевъ: „Берите себѣ 1/3, оставьте намъ двѣ", но на это они не соглашаются. Мы вынуждены были оказать неповиновеніе, а за это на насъ обрушились полиція, казаки, старшины, писарь, священникъ. Насъ бьютъ, не даютъ сказать слова. Правосудіе существуетъ только для дворянъ".

„У насъ отнято право выбирать старшинъ; ихъ назначаютъ къ намъ на жалованье, и съ насъ же взыскиваютъ эти деньги. У насъ нѣтъ ни выгона, ни лѣса, всѣ выгонныя земли вокругъ насъ — чужія, и за потраву съ насъ берутъ огромные штрафы. Намъ не хватаетъ хлѣба, и мы умираемъ съ голода. Необходимо значительно сбавить арендную плату или и вовсе отмѣнить".

„Существуютъ у насъ такъ называемые „государственные" крестьяне. Имъ должна быть дана въ собственность земля, обильно политая ихъ потомъ и кровью. Нужно уничтожить недоимки, которыя взимаются съ насъ безъ конца и старшиной, и приставомъ, часто не выдающими никакихъ квитанцій въ полученіи, такъ что одна и та же недоимка взыскивается по два раза. Прошлымъ лѣтомъ былъ изданъ Манифестъ, прощающій недоимки, но съ насъ все-таки взыскали ихъ.

„Необходимо введеніе всеобщаго, обязательнаго и безплатнаго обученія до 16-ти лѣтъ безъ различія вѣроисповѣданія, національности и пола.

Что касается повинностей, то депутаты указали на нѣкоторыя тяжелыя, напр., на поставку лошадей для всякаго начальства. Необходимо освободить отъ всякой повинности. „Съ насъ, —разсказывали они,—берутъ деньги или кукурузу для общественнаго магазина, а въ голодъ насъ оставляютъ безъ помощи. Молчимъ мы — насъ обманываютъ и грабятъ, заговоримъ—насъ бьютъ, арестовываютъ".

„Мы просимъ права сходиться свободно и по совѣсти высказываться о своихъ дѣлахъ, а также и доводить до свѣдѣнія другихъ о нашихъ нуждахъ. Мы просимъ освободить и вернуть всѣхъ нашихъ сельчанъ, пострадавшихъ за свои убѣжденія, за участіе въ сходкахъ. Мы просимъ также освобожденія отъ воинской повинности. Когда явится нужда, мы пойдемъ всѣ, какъ одинъ, на войну. Вмѣсто войска должна быть организована постоянная милиція. Мы понимаемъ, что требованія наши могутъ быть удовлетворены только при участіи избранныхъ народомъ представителей. Пусть въ выборѣ ихъ принимаютъ участіе мужчина и женщина, татаринъ и христіанинъ, русскій, армянинъ, грузинъ. Должна быть дарована свобода самоуправленія городамъ, селамъ и мѣстечкамъ. Мы—мирные труженики, удовлетворите наши требованія, уберите войска. Настаетъ весна, время работы, а въ виду войскъ мы не въ состояніи работать спокойно"...

Что можно прибавить къ этимъ требованіямъ? Съ другой стороны, что было отвѣчать Крымъ-Гирею, кромѣ общихъ фразъ: „успокойтесь, подождите, такъ какъ разсмотрѣніе всѣхъ ходатайствъ и принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ потребуетъ нѣкотораго времени?!

Но будетъ-ли ждать пылкая кровь? Впрочемъ, все таки Крымъ-Гирей призналъ справедливыми нѣкоторыя требованія и уже возбудилъ ходатайства: о замѣнѣ правительственныхъ старшинъ въ селеніяхъ выборными, о возвращеніи въ Озургетскій у. административно-высланныхъ оттуда жителей,

и объ открытіи закрытыхъ въ послѣднее время 12 сельскихъ библіотекъ.

Ну, а остальныя требованія?.. Озургетскій, Сенакскій и Кутаисскій уѣзды Кут. губ. и Кинтришскій уч. Батумской области приказомъ Главноначальствующаго объявлены на военномъ положеніи.

Это значитъ: ношеніе всякаго оружія безусловно воспрещается, лавки и заведенія обязательно закрываются въ 8 час. вечера, съ этого же часу воспрещается ходьба по городу частныхъ лицъ. Словомъ, военнымъ положеніемъ сутки сокращаются ровно на половину!

Еще раньше, 25 февр., *въ Бакинской губ.* введено въ родѣ военнаго положенія, такъ какъ отнынѣ военнымъ судомъ судятся тамъ слѣд.: 1) вооруженное сопротивленіе властямъ; 2) нападеніе на чиновъ полиціи и войскъ; 3) нападеніе одной части населенія на другую и т. п.

Эти суровыя постановленія вызваны, какъ извѣстно, *кровавой бакинской баней*, происходившей съ 6 по 9 февраля, когда происходило настоящее избіеніе армянъ.

Сцены этого избіенія, не уступающія по своимъ ужасамъ армянской рѣзнѣ въ Константинополѣ, не поддаются описанію: не щадили ни пола, ни возраста, разрушались дома, гдѣ укрывались армяне, враги (татары) рѣзали ихъ на глазахъ безучастно смотрѣвшихъ на это солдатъ и полиціи. Случалось, приставленные для охраны казаки только за огромный выкупъ спасали армянъ, а не состоятельныхъ отдавали освирѣпѣлой толпѣ.

Рѣзня прекратилась только тогда, когда русское, армянское и магометанское духовенство, во главѣ съ епископами и муфтіемъ, въ торжественной процессіи обошло городъ и успокоило страсти своими увѣщаніями.

Теперь по этому дѣлу, какъ водится, ведется *энергичное* слѣдствіе; ищутъ виновныхъ.

Оффиціально заявляется, что причиной рѣзни была племенная и религіозная рознь между татарами и армянами; будто армяне эксплоатируютъ первыхъ и потому ненавидимы ими.

Но, по единодушному отзыву очевидцевъ, *никакой розни* нѣтъ и не было. Сами татары, когда прошелъ угаръ, ужасались своихъ кровавыхъ дѣяній и наивно объясняли ихъ вмѣшательствомъ „шайтана".

По словамъ „Нов. Врем." виновники— анархисты; оно увѣряетъ, что во время безпорядковъ взяты подъ стражу 39 анархистовъ, среди нихъ Вольскій, прибывшій изъ Женевы, Прокофьева, невѣста Сазонова, убійцы В. К. Плеве и др.

„Въ статистическомъ бюро бакинской городской управы задержана библіотека мѣстнаго революціоннаго комитета и 10 человѣкъ, прибывшихъ на сходку. Въ дни погрома революціонный комитетъ будто засѣдалъ въ залѣ общественнаго собранія".

Требуется *дѣйствительно безпристрастное* слѣдствіе, которое бы раскрыло виновныхъ... Во всякомъ случаѣ, какъ заявлялось во многихъ газетахъ, провинціальныхъ и столичныхъ, многочисленные свидѣтели установили одно, именно:

„Событія эти явились не внезапно и не были случайными, напротивъ, они организовались заблаговременно, и слухи о „бунтѣ" распространялись усиленно во всѣхъ слояхъ общества, будучи заранѣе извѣстны полиціи".

Многихъ своихъ знакомыхъ полицейскіе предупреждали, совѣтуя запастись провизіей и по праздникамъ „изъ дому не выходить, особенно, на Парапетъ, потому что ожидается бунтъ".

При этомъ они успокаивали, что „русскимъ опасаться нечего, такъ какъ мусульмане еще въ сентябрѣ прошлаго года являлись къ г. губернатору, съ предложеніемъ оказать власти содѣйствіе въ дѣлѣ умиротворенія, если полицейскихъ и казаковъ окажется мало, но, при этомъ просили, чтобы ихъ самихъ не трогали и не мѣшали-бы имъ. Губернаторъ будто-бы благодарилъ ихъ, жалъ каждому руку, но сказалъ, что „пока ничего дѣлать не надо". А почтныхъ армянъ, тоже къ нему тогда приходившихъ, губернаторъ будто-бы прогналъ, сказавъ, что „всѣ они, какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ Турціи, только бунтуютъ".

Другой свидѣтель, почтенный татарскій Хаджи изъ Балахановъ, передавалъ въ газетахъ, что когда,— это было передъ рѣзней,— онъ сидѣлъ у Бакинскаго полиціймейстера Хамицкаго, тотъ сказалъ ему:

„А знаете, Гаджи, армяне готовятся избить татаръ... Я вамъ совѣтую предупредить своихъ балаханцевъ: пускай вооружатся, пускай подготовятся къ отпору"!..

Все это факты, на которые публично ссылаются сотни свидѣтелей. Какъ-же замалчивать ихъ?..

Гдѣ-же виновные? — мудрый Эдипъ, разрѣши этотъ вопросъ.

Вообще Кавказъ сильно волнуется теперь. Безпорядки происходятъ вездѣ: въ городахъ — рабочіе, въ селеніяхъ — аграрные... Поможетъ-ли успокоенію края возстановленное недавно, въ лицѣ гр. Воронцова-Дашкова, намѣстничество,—Богъ вѣсть!

Не смотря на временное затишье въ рабочихъ безпорядкахъ, лучшія силы Общества, сознавая ненормальность положенія у насъ рабочихъ, стараются придти на помощь правительству, детально разрабатывая рабочій вопросъ. Эту задачу, между прочимъ, приняла на себя *особая комиссія, собирающаяся въ помѣщеніи И. Техническагѣ О-ва.*

Комиссія намѣтила шесть вопросовъ:— правое положеніе рабочаго класса, продолжительность рабочаго дня, нормировка заработной платы, санитарно-врачебный надзоръ, техническое образованіе рабочихъ и пересмотръ института фабричной инспекціи. Всѣ эти вопросы подвергаются детальной разработкѣ, но *отъ какихъ либо резолюцій комиссія рѣшила воздерживаться.*

18 марта, послѣ мѣсячнаго слишкомъ перерыва (съ 18 февр.) комиссія снова открыла свои засѣданія.

По первому изъ намѣченныхъ вопросовъ были выслушаны доклады редактора „Вѣстника фабричнаго законодательства" г. *Бужанскаго* о рабочихъ союзахъ, и профессора М. В. *Бернадскаго*—о стачкахъ.

Бужанскій, отмѣтивъ неуспѣхъ рабочихъ организацій, создаваемыхъ при содѣйствіи правительства, напр., московской (Зубатовской), указалъ потомъ на недостатки закона 10 іюня 1903 г., явившагося суррогатомъ недостающихъ организацій. Этотъ законъ, установившій т. наз. старостъ, не удовлетворилъ, однако, ни фабрикантовъ, ни рабочихъ. „Первыхъ—потому, что не достигаетъ цѣли, вторыхъ—потому, что право выбора старостъ принадлежитъ не имъ, а работодателямъ, которые выбирали старостъ только тогда, когда находили это полезнымъ для себя. Въ компетенцію старостъ не входитъ измѣненіе условій рабочаго труда. Отсюда возникла и укрѣпилась мысль о необходимости рабочихъ собраній и организацій, хотя противники старались доказать, что рабочій классъ составляетъ у насъ менѣе 2 проц. населенія, не порвалъ еще окончательной связи съ деревней, не составляетъ особой касты, какъ въ западной Европѣ", и т. п.

Между тѣмъ необходимость правильной рабочей организаціи признается и самими фабрикантами, и бюрократіей, включившей въ программу комиссіи Коковцева свободу организацій и союзовъ. Рабочіе союзы улучшатъ рабочее законодательство и условія договора съ предпринимателями, замѣнятъ юридическое равноправіе фактическимъ и будутъ содѣйствовать подъему промышленности. „Но право союзовъ, которые гарантировали-бы возможность отстаивать свои интересы, *не осуществимо безъ коренныхъ реформъ нашего правового строя*" — сказалъ, резюмируя докладъ, Предс. Собранія, В. И. Ковалескій.

Профессоръ *В. М. Бернадскій* отмѣтилъ, что стачки, рабочее движеніе, союзы и т. п. являются въ большинствѣ случаевъ слѣдствіемъ невыносимыхъ матеріальныхъ условій, нисколько не измѣнившихся къ лучшему, хотя наша промышленность сдѣлала большіе успѣхи. Вмѣсто 500 тысячъ рабочихъ съ оборотомъ въ 160 милл. рублей сорокъ лѣтъ назадъ, теперь наши заводы и фабрики насчитываютъ уже 2 съ половиной милліона рабочихъ, при годовомъ оборотѣ въ 2,750,000,000 рублей.

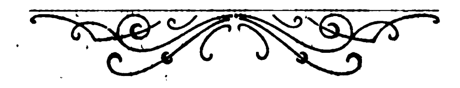
„Стачки, какъ орудіе борьбы противъ капитализма, стали возникать гораздо ранѣе организаціи рабочихъ союзовъ, съ появленіемъ которыхъ они утратили свой стихійный характеръ, въ равной мѣрѣ неудобный для обѣихъ сторонъ, и явились самымъ дѣйствительнымъ средствомъ. Въ качествѣ послѣднихъ стачки не исчезнутъ никогда. Насколько стачки дѣйствительны и полезны для рабочихъ, несмотря на огромныя матеріальныя потери съ обѣихъ сторонъ, показываютъ примѣры Сѣверо, Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Англіи, гдѣ почти половина общаго числа стачекъ увѣнчивается полнымъ успѣхомъ. Да и у насъ, при всей строгости фабричной инспекціи,

изъ 120 зарегистрованныхъ въ 1901 году стачекъ, охватившихъ 25 тысячъ рабочихъ, 40 сопровождались полнымъ и 28 половиннымъ успѣхомъ".

„Стачки являются истинно равнодѣйствующей силой правительству. Свобода стачекъ является общепризнанной во всѣхъ государствахъ Зап. Европы; карается только насиліе надъ личностью. А наше законодательство, слѣдуя принципу—первѣйшая обязанность гражданина—молчать, предписываетъ губернаторамъ сажать зачинщиковъ въ тюрьму на срокъ отъ 3-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ, участниковъ-же стачки подвергать кратковременному тюремному заключенію или-же высылать. Послѣднія попытки различныхъ бюрократическихъ комиссій разрѣшить болѣе или менѣе удовлетворительно назрѣвшій, рвущійся на свободу рабочій вопросъ едва-ли будутъ удачными, такъ какъ такая *работа не совмѣстна съ полицейскимъ режимомъ*.

Выводъ ясенъ: никакія комиссіи и вообще бюрократическія мѣропріятія *не помогутъ дѣлу, пока не измѣнится общій строй государства.*

Гр. Ф-тъ

Столичная и провинціальная жизнь.

I. Земскій соборъ и основы народнаго представительства. — Докладъ проф. Кузьмина — Караваева. — Доклады Мякотина. — Поправки къ нимъ. — Докладъ Ратцига о финансовомъ положеніи Россіи. II. Пробужденіе провинціи. — Резолюціи врачей, техниковъ, агрономовъ. — Заявленія приказчиковъ. — Вопросъ о женскихъ правахъ въ Саратовѣ. — Столкновенія съ полиціей. — Общіе выводы. — Записки поляковъ, литовцевъ и евреевъ. — Гдѣ выходъ? — III. Борьба свѣта со тьмой. — Мобилизація „черныхъ сотенъ". — „Патріотическая" литература и ея воздѣйствіе. — Походъ духовныхъ. — Услуги Губ. Вѣдомостей. — Начинающееся просвѣтленіе умовъ. — Заявленія епископа Исидора и священниковъ противъ направленія рептильной прессы. — Что остается черной сотнѣ? — До чего мы дойдемъ. — На что надѣяться.

I.

Земскій Соборъ—теперь на устахъ всѣхъ, и только ярые ненавистники и враги народа протестуютъ противъ него, дрожа за свою шкуру и боясь могущихъ явиться тамъ, на Соборѣ, нелестныхъ для нихъ разоблаченій.

Кромѣ этихъ „охранителей"... своихъ привиллегій и кармана, да сѣрой, подъ ученной ими массы черныхъ сотенъ, за Соборъ стоитъ, какъ это выяснилось, рѣшительно вся Россія, отъ верховъ до низовъ.

Общество страстно ждетъ его; лучшія силы страны приступаютъ уже къ обсужденію основъ будущаго народнаго представительства, памятуя знаменательныя слова Высочайшаго рескрипта 18 февр.

Царская воля ясно выражена въ немъ, и, по тому же закону, на который такъ любятъ ссылаться „охранители", никто не смѣетъ обойти ихъ: „излюбленные" люди земли Русской *должны быть собраны*...

Въ виду ожиданія осуществленія Высочайшей воли, выраженной въ рескриптѣ 18 февраля, понятенъ тотъ жгучій интересъ, какой привлекаютъ къ себѣ засѣданія ученыхъ обществъ, гдѣ обсуждаются способы избранія будущихъ народныхъ представителей, и разсматриваются историческіе примѣры такихъ собраній.

Мы передадимъ здѣсь главнѣйшіе доклады этого рода, именно, Мякотина и проф. В. Д. Кузьмина-Караваева.

Докладъ Мякотина, прочитанный 22 марта въ коммиссіи по крестьянскому вопросу въ И. В.—Эконом. О-вѣ, былъ озаглавленъ: „*о роли и значеніи земскихъ соборовъ въ прошломъ и настоящемъ*".

„Въ настоящій моментъ,—началъ докладчикъ,—различныя общественныя группы выступаютъ съ различными лозунгами, но чаще и громче всѣхъ звучитъ лозунгъ —„земскій соборъ". Возникаетъ вопросъ: надо ли искать въ русской исторіи формъ государственной жизни и облечь въ нихъ наши текущія потребности, или же, оглядываясь на свое настоящее, на собственный опытъ сосѣдей, выработать новыя, быть можетъ, болѣе удобныя формы".

Затѣмъ, перейдя къ первому Зем. Собору, созванному Грознымъ, г. Мякотинъ указалъ, что его составляли „члены боярской думы, начальники приказовъ, дворяне—воеводы и купцы—финансовые чиновники, т. е. вошли не выборные народные представители, а правительственные агенты. Это былъ совѣтъ государевыхъ приказчиковъ, съ которыми Грозный обсуждалъ состояніе финансовъ, военныя силы государства, вопросы объ измѣненіяхъ въ администраціи и т. п.

„Очень скоро, однако, земскій соборъ сталъ принимать другую физіономію: рядомъ съ чиновниками въ немъ начинаютъ засѣдать и выборные отъ народа. Это было въ эпоху смутнаго времени, въ моментъ „разрухи", когда старое правительство погибло,

и опасность угрожала самому организму, русскаго государства. Соборъ пріобрѣтаетъ въ это время значительную долю правительственной власти, оставшейся за нимъ и послѣ избранія царя. Михаилу Ѳеодоровичу, ставленнику земскаго собора, представлялось прямо невозможнымъ лишить себя народнаго представительства, которое стало весьма популярнымъ въ массахъ и вошло въ сознаніе посадскихъ людей. Ограниченіе власти новаго царя выразилось въ томъ, что ни одинъ законъ не издавался безъ разсмотрѣнія и *совѣта* собора, засѣдавшаго втеченіе 9 лѣтъ почти безпрерывно при молодомъ монархѣ и обсуждавшаго вопросы законодательные, финансовые, административные и др.

„Прошло, однако, немного времени, и зданіе, сооруженное народной волей, оказалось возможнымъ поколебать. Финансовое положеніе государства укрѣпилось; города успокоились и приняли нормальный видъ; изъ плѣна вернулся властный и самолюбивый Филаретъ,—и соборъ оказался ненужнымъ. Правда, онъ и впослѣдствіи созывался, но значеніе постояннаго помощника, необходимаго звена государственнаго организма, онъ потерялъ навсегда“.

„Причину столь поразительной слабости собора надо искать въ томъ, что онъ явился не выраженіемъ назрѣвшей въ населеніи потребности къ самоуправленію, а случайной нужды правительства въ его содѣйствіи.

„Вдобавокъ, спеціальная подпочва собора тоже не могла содѣйствовать его укрѣпленію: выступая представителемъ интересовъ служилаго дворянства, опираясь, въ своей борьбѣ съ властолюбивымъ боярствомъ и бунтарскими стремленіями крѣпостного крестьянства, на царскую власть, соборъ не въ состояніи былъ выработать себѣ опредѣленную физіономію, всегда оставался простымъ государевымъ совѣтомъ, съ мнѣніемъ котораго царь нисколько не обязанъ былъ считаться. Сословность и совѣщательность— вотъ основныя черты земскихъ соборовъ. Естественно, что при такой конструкціи собору нечего было и думать о серьезной конкурренціи съ царской властью, и паденіе его совершилось незамѣтно и безъ всякихъ коллизій“.

„Идеѣ соборности суждено было снова воскреснуть въ ученіи славянофильства. Метафизики въ философіи и романтики въ политикѣ, славянофилы выкроили себѣ міросозерцаніе изъ германской философіи и приладили его къ мрачной русской дѣйствительности“.

„Правда, прошлое народныхъ массъ сѣро,— говорили они,—но тѣмъ ярче и пышнѣе расцвѣтетъ ихъ будущее, тѣмъ звучнѣе скажется то новое слово, та благая вѣсть, которую эти массы несутъ съ собою. По этой теоріи славянофилы проектировали для Россіи новый политическій строй и въ частности идею земскаго собора. Западныя государства съ ихъ правовымъ характеромъ чужды Россіи, которая ищетъ не формъ, а внутренней правды на почвѣ тѣснаго общенія верховной власти съ народомъ. „Правительству—сила власти, народу—свобода мнѣній“,—формулировалъ И. С. Аксаковъ славянофильское политическое credo. Вопросъ о совмѣстимости свободы мнѣній съ неограниченной властью не затруднялъ славянофиловъ, которые усматривали въ нашей политической жизни начала любви и всеобъемлющаго религіознаго чувства. И это утверждалось въ то время, когда рабство тяжелымъ кошмаромъ душило Русь, когда свобода мнѣній влекла за собою объявленіе Чаадаева сумасшедшимъ, ссылку Герцена, когда даже славянофильскій журналъ Кирѣевскаго былъ закрытъ только потому, что цензоръ отождествлялъ просвѣщеніе со свободой, разумъ—съ революціей“!

Однако, „въ жизни назрѣвали новыя начала, возникали новыя потребности, и въ связи съ ними формулировались новыя идеи“.

„Идея ограниченности верховной власти нѣсколько коренится еще въ законѣ Петра I о престолонаслѣдіи. Конституціонная попытка „верховниковъ“ въ 1730 г. кончилась неудачей вслѣдствіе того, что верховная власть могла опереться и на служилое дворянство, и на крестьянскія массы. Какъ бы то ни было, но уже въ XVIII-мъ вѣкѣ мысль о необходимости извѣстныхъ гарантій для личности не была чужда сознанію лучшихъ русскихъ людей. Конституціонно настроенное дворянство въ лицѣ декабристовъ дѣйствовало не какъ сословіе, а во имя интересовъ народныхъ массъ. Но силы, собранныя вокругъ ихъ лозунга, оказались недостаточными, и люди были раздавлены тя-

жестью своей идеи. Герои легли, но лозунгъ сохранился и сталъ маякомъ, руководящимъ свѣтомъ для всякой чуткой русской души, задыхавшейся въ атмосферѣ рабства и произвола".

„Съ паденіемъ крѣпостного права идея свободы и правового строя, ставши жизненной задачей интеллигенціи, начала проникать и въ народныя массы. Недостаточность надѣловъ, непомѣрная тяжесть податей, религіозныя гоненія, система всесторонней опеки,—все это матеріалъ, подъ вліяніемъ котораго долго и медленно развивалась народная мысль. Теперь наступило время итоговъ. Идея передачи наслѣдства крѣпнетъ со дня на день въ сознаніи массъ, и политика теперь дѣлается не мыслителями, а народомъ. Событія 9-го января показали, что рабочіе не могутъ мириться не только съ соціальной невзгодой, но и съ политическимъ фономъ, ее облекающимъ. Эти событія нашли горячій откликъ по всей Россіи. Волна свободы пронеслась сначала по рабочимъ кварталамъ городовъ, а затѣмъ и по деревнямъ. Старый аграрный вопросъ всталъ во весь свой ростъ и властно требуетъ разрѣшенія, требуетъ не палліативовъ, а коренныхъ мѣръ, вырабатываемыхъ и проводимыхъ, вдобавокъ, самимъ народомъ".

„Необходимость передачи судьбы народа въ его собственныя руки—настолько ясная и простая истина, что спорить объ этомъ кажется и страннымъ, и безплоднымъ. Однако, мысль о совмѣщеніи старыхъ политическихъ формъ съ новымъ соціальнымъ содержаніемъ, отжившая и, казалось, навсегда похороненная утопія славянофильства, снова воскресаетъ въ нѣкоторыхъ головахъ".

Здѣсь докладчикъ подробно остановился на разборѣ извѣстной записки губернскихъ предводителей дворянства, указалъ на ея теоретическія противорѣчія и замѣтилъ, что она производитъ впечатлѣніе привидѣнія, внезапно появившагося среди живыхъ людей. Записка выступаетъ отъ имени того сословія, которое тоже похоронено русской жизнью и, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ себя считать живымъ, даже „первенствующимъ" субъектомъ правъ. Понятно, что люди, заботящіеся о сохраненіи сословнаго строя, стремятся удержать и ту обстановку, среди которой только и возможенъ этотъ строй. Разсчеты ихъ, однако, не могутъ, къ счастью, оправдаться; всѣ живыя силы жизни, потрясенной до своихъ основъ,—противъ подобныхъ полумѣръ и компромиссовъ. Только *полное и широкое народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія* принесетъ благіе результаты, спасетъ и народъ, и государство",—закончилъ докладчикъ.

Выводъ—строго логичный,—замѣтимъ мы отъ себя.—Иначе и быть не можетъ.

Докладъ проф. Кузьмина-Караваева, прочитанный въ Юридич. О-вѣ, хотя и раньше (7 марта), по существу является дальнѣйшимъ развитіемъ основной мысли Мякотина: онъ касался *практическихъ мѣръ осуществленія народнаго представительства*.

Указавъ на необходимость разрушенія стѣны изъ тонкой паутины бюрократическихъ нитей, которыя постепенно окутываютъ, съ одной стороны, власть, съ другой—населеніе, и видя единственное средство для этого въ возстановленіи „постояннаго общенія между властью и населеніемъ", Кузьминъ-Караваевъ указываетъ, „что выводы науки государственнаго строительства, выработанные на основаніи вѣкового опыта западныхъ конституціонныхъ странъ", требуютъ для всенароднаго представительства всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

„Право гражданина участвовать въ отправленіи государственной дѣятельности въ смыслѣ принадлежности къ данному государственному союзу,—говоритъ онъ,—отсюда—подача голосовъ всеобщая. Всѣмъ гражданамъ должна быть предоставлена одинаковая степень воздѣйствія на исходъ выборовъ. Отсюда—подача голосовъ прямая и равная. Людямъ слабой воли необходимо обезпечить свободу дѣйствія. Отсюда—подача голосовъ тайная".

„Но организація представительства—вопросъ не только отвлеченно-правовой. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ—вопросъ государственно-политическій, и, какъ таковой, требуетъ тщательнаго соображенія научныхъ выводовъ съ данными обстоятельствами, фактами и условіями".

„Данные же факты и обстоятельства русской дѣйствительности—невѣжество народныхъ массъ, не территоріальная протяжен-

ность страны, не національная пестрота населенія". .

Но все это, по мнѣнію докладчика, не должно вызывать никакихъ опасеній. Опасеніе можетъ быть только въ томъ, что „всенародное представительство въ Россіи организуется впервые, населеніе обще-политической жизнью еще не жило, идея государственнаго всеединства затуманена въ сознаніи идеей единства классового и группового,—вотъ, гдѣ лежитъ причина сомнѣній и опасеній".

„Бюрократическій строй отторгнулъ населеніе отъ Престола. Народное представительство должно слить Царя съ народомъ воедино. Въ этомъ—вся надежда. Медлить съ выборами нельзя"...

Поэтому, по мнѣнію докладчика, приходится поступиться нѣкоторыми выводами современной науки и отступить отъ принятой на западѣ и желательной у насъ формулы—всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосовъ.

„Въ Россіи,—говоритъ онъ,—не считая Финляндіи, 126 милліоновъ населенія. Обособленныхъ территоріальныхъ единицъ, уѣздовъ—764. Болѣе одного представителя отъ уѣзда, сами собою разумѣется, призвать нельзя. И то общее число представителей, считая за особыя единицы крупные города, будетъ до тысячи".

Если всей этой массѣ населенія представить возможность избирать делегатовъ, то при неопытности и неумѣньи правильно подавать голоса, наконецъ, при отсутствіи предвыборной агитаціи результаты выборовъ могутъ получиться совершенно неожиданные. Волость еще сознательно укажетъ своего избранника, (если не будетъ административнаго давленія), но населеніе цѣлаго уѣзда (обыкновенно 30—40 тыс. мужчинъ) уже совершенно растеряется,—и въ делегаты могутъ попасть не дѣйствительные выразители нуждъ населенія, а болѣе знакомые всѣмъ, по личнымъ сношеніямъ, представители администраціи: предвод. дворянства, исправникъ, видный купецъ и т. п.

Стало быть, по мнѣнію К.-Караваева, приходится отказаться отъ *прямой и всеобщей* подачи голосовъ. Тѣмъ не менѣе будущее народное представительство должно удовлетворять слѣд. условіямъ:

I. На призывъ, во исполненіе рескрипта 18-го февраля, лицо должно быть спеціально уполномочено, какъ этого и требуетъ рескриптъ, ибо вслѣдъ за формулой: „привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ", тамъ стоятъ слова: „избранныхъ отъ населенія людей".

II. Всѣмъ слоямъ и классамъ населенія должна быть раскрыта возможность имѣть своихъ представителей, *не всѣмъ отдѣльнымъ гражданамъ*, какъ *при всеобщемъ* избирательномъ *правѣ*, а всѣмъ общеніямъ ихъ.

III. Посредственное, такъ называемое, степенное избраніе. Только при немъ, на первый разъ, до образованія у насъ политическихъ партій, возможно сосредоточеніе голосовъ.

Прочія условія—гарантія неприкосновенности избирателей и избираемыхъ, свободное обсужденіе и обмѣнъ мнѣній, тайная подача голосовъ и т. п.—одинаково относятся ко всѣмъ способамъ избранія.

„Общенія, болѣе другихъ концентрирующія мѣстную жизнь въ 34 среднихъ губерніяхъ—земство, и, отчасти, города";—чрезъ нихъ-то К.-Караваевъ и предлагаетъ произвести необходимые выборы.

Но такъ какъ современныя земства не даютъ полнаго представительства *всего* населенія уѣзда, то для избранія народныхъ представителей, по мнѣнію докладчика, нужно пополнить составъ земскихъ собраній гласными изъ лицъ, не имѣющихъ имущественнаго ценза, но постоянно проживающихъ въ уѣздѣ. Нынѣшнихъ крестьянъ-гласныхъ еще проще замѣнить выбранными въ волостяхъ. Точно также необходимо пополнить составъ городскихъ Думъ выборными отъ квартиронанимателей.

Если реорганизовать такимъ образомъ земства и Думы, то тѣмъ самымъ можно считать лишнее выбирать представителей отъ ученыхъ корпорацій, обществъ, отъ религіозныхъ общинъ, биржевыхъ комитетовъ, и пр.

„Единственный классъ, для котораго должна быть создана спеціальная групповая избирательная единица—рабочіе,—по мнѣнію докладчика,—иначе „ихъ интересы не получатъ выраженія въ государственномъ представительствѣ, какъ при всеобщемъ голосованіи, такъ и при проведеніи выборовъ че-

резъ земства и городскія думы. Между тѣмъ „рабочіе—сила и сила—организованная, сплоченная“, съ которою нужно считаться.

Итакъ, для 34 земскихъ губерній намѣчается слѣд. схема, по мысли докладчика: „Выборы представителя отъ уѣзда производятся въ уѣздномъ земскомъ собраніи нынѣшняго состава, съ замѣною назначенныхъ губернаторомъ гласныхъ отъ крестьянъ выбранными по одному каждой волостью и съ добавленіемъ опредѣленнаго числа гласныхъ отъ постоянныхъ жителей уѣзда, не имѣющихъ имущественнаго ценза. Какъ крестьянамъ на волостныхъ сходкахъ, такъ и неимѣющимъ имущественнаго ценза на избирательномъ собраніи, равно уѣздному земскому собранію предоставляется выбирать не только изъ своей среды, а вообще изъ лицъ, обладающихъ правомъ голоса въ уѣздѣ“.

Но 34 земскія губерніи — только одна часть Россіи, по населенію, пожалуй, равная всѣмъ другимъ, по протяженію же—небольшая. У насъ остаются еще окраины— Сибирь, Кавказъ, б. Царство Польское, Финляндія, Туркестанъ, наконецъ, Казачьи области.

Нужно имѣть и отъ нихъ представителей, группируя ихъ по національностямъ, такъ какъ. думаетъ К.-Караваевъ, въ виду современнаго правового положенія инородцевъ у насъ, классовые, экономическіе и т. п. интересы въ общенародномъ представительствѣ у нихъ отпадутъ на второй планъ, на первомъ же планѣ явится желаніе отстаивать чисто національные интересы. „У себя дома, въ Царствѣ Польскомъ, полякъ будетъ дворяниномъ или крестьяниномъ, аристократомъ или демократомъ, въ обще-русскомъ же представительствѣ онъ будетъ думать, говорить, вотировать—какъ полякъ“.

О финляндцахъ и казакахъ говорить не приходится, такъ какъ и тѣ, и другіе уже привыкли къ выборному началу.

„Набросанная система выборовъ,—заканчиваетъ докладчикъ,—далека отъ совершенства. Скажемъ болѣе: она не удовлетворяетъ элементарнымъ требованіямъ нормальной системы государственнаго представительства.“

„Но на первый разъ голосомъ страны пусть будетъ хоть отзвукъ посредственный—тысячъ ихъ группъ. Что же дѣлать! Сто милліоновъ никогда не пѣвшихъ въ общемъ хорѣ голосовъ нельзя сразу слить въ стройный аккордъ“.

Докладъ Кузьмина-Караваева вызвалъ нѣсколько существенныхъ возраженій и тутъ же, въ Собраніи, и послѣ, на страницахъ газетъ.

Въ Собраніи первымъ говорилъ Ѳ. И. Родичевъ, настаивавшій въ своей рѣчи, что представительство должно быть въ глазахъ народа дѣйствительно всенароднымъ, должно пользоваться полнымъ довѣріемъ,—иначе оно создастъ не успокоеніе, а лишь новую смуту. Необходимо отказаться отъ всякихъ „группировокъ“ и „общеній“. Напрасны опасенія о томъ, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ голоса раздробятся; была бы лишь свобода избранія. „Извѣстенъ случай, когда Плеве пожелалъ, чтобы въ такомъ-то избирательномъ участкѣ избранъ былъ такой-то,—и онъ былъ выбранъ. Если и теперь будутъ такія условія избранія,— тогда не о чемъ и разсуждать: комедія комедіей и останется. Но при періодѣ обсужденія въ печати, въ собраніяхъ, въ мужицкихъ собраніяхъ—голоса не распадутся: въ Россіи много скрытой работы мысли, народное пониманіе гораздо шире и глубже, чѣмъ мы думаемъ.

„Избирательной коллегіей должна быть волость, всесословный „волостной сходъ“, а въ уѣздахъ выборщики этихъ сходовъ будутъ избирать представителей. Чѣмъ же хуже такіе, двухъ-степенные выборы? А между тѣмъ, здѣсь будетъ дѣйствительно все населеніе, сюда войдутъ и групповые, и всякіе другіе интересы. Аналогичные, на тѣхъ же основаніяхъ, выборы могутъ быть организованы и въ городахъ. И ни отъ какихъ обществъ, общеній и учрежденій особыхъ представителей не нужно“.

„По отношенію къ неземскимъ губерніямъ и окраинамъ избирательной ячейкой смогутъ служить уже имѣющіяся, конечно, расширенныя и преобразованныя, учрежденія, напр., польская гмина“.

„По отношенію къ Кавказу, — остроумно замѣтилъ оппонентъ,—разсуждать, кажется, излишне: тамъ, вопросъ, повидимому, разрѣшается исторіей самостоятельно и насъ, пожалуй, и не спросятъ!“

Далѣе г., *Фальборкъ* подчеркивалъ необходимость обсужденія выборовъ въ печати и неприкосновенности личности, а главное— возвращенія въ уѣзды народныхъ дѣятелей,

насильно удаленныхъ оттуда. Важно, чтобы именно въ первое собраніе выборы были обставлены такъ, чтобы воля народа выразилась во всей своей полнотѣ. Невозможно, конечно, выбирать безъ обсужденія въ печати и въ собраніяхъ, но главное: пусть будутъ даны гарантіи неприкосновенности личности, пусть въ уѣзды возвращены будутъ всѣ тѣ борцы, которые насильственно отъ борьбы устранены, — и тогда я не боюсь вліяній исправника и предводителя: при свободной борьбѣ интеллектовъ и убѣжденій — они не страшны! А безъ этихъ гарантій и возвращеній—вы и вашихъ выборовъ не захотите, такъ какъ безъ нихъ никакіе выборы невозможны".

И. И. Петрункевичъ выразилъ твердую увѣренность, что „русскій народъ находится въ такой стадіи развитія, когда можетъ воспользоваться своими правами. Схема Кузьмина-Караваева, относящаяся лишь къ земскимъ губерніямъ, все равно не пригодна къ большей части россійскаго государства. Далѣе, нельзя говорить о томъ, что надо ждать правъ и гарантій для того, чтобы говорить свободно: эти права могутъ быть даны только тѣмъ Собраніемъ, о которомъ говорятъ, и если бы, чтобы создать это собраніе, мы стали бы ожидать правъ, то попали бы въ заколдованный кругъ безъ выхода"!

Н. Ф. Анненскій полагалъ, наоборотъ, что „при отсутствіи гарантій, никакіе выборы невозможны. Далѣе, при всемъ уваженіи къ земствамъ, нельзя считать ихъ компетентными въ разрѣшеніи соціальныхъ проблемъ. Первое собраніе будетъ и учредительнымъ собраніемъ и должно быть организовано со всей правильностью и тщательностью, которыя при этомъ необходимы. Требованія о гарантіяхъ должны быть провозглашены теперь же, такъ какъ ихъ можетъ дать та власть, которая ихъ отняла".

Отвѣчая на всѣ эти возраженія, докладчикъ, В. В. Кузьминъ-Караваевъ, сказалъ, что онъ стоитъ на конкретной почвѣ Высочайшаго рескрипта. „Обстоятельства таковы, что выйти изъ положенія надо немедленно; откладывать нельзя: мы опоздаемъ, потеряемъ время, и можетъ совершиться нѣчто такое, чего мы и нарисовать себѣ не можемъ. Наша задача—предотвратить катастрофу. Какое бы представительство ни было созвано, оно дастъ намъ необходимыя творческія силы. Въ народныя силы я вѣрю, но сейчасъ обнаружиться онѣ не могутъ, а, между тѣмъ нельзя же отказаться отъ разрѣшенія вопроса лишь потому, что нельзя разрѣшить его нормальнымъ путемъ. Ожидаемое собраніе не есть учредительное по тѣмъ функціямъ и обязанностямъ, которыя на него возлагаются, но оно будетъ имъ по тому, что оно выработаетъ"...

Дальнѣйшимъ разборомъ доклада Кузьмина-Караваева занялся В. А. Мякотинъ, выступившій 21 марта въ Собраніи въ конференціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ съ своимъ проектомъ „Возможныхъ основъ избирательнаго права", во главу угла котораго онъ прямо ставитъ *организацію учредительнаго собранія*.

Проектъ К.-Караваева, а также аналогичный проектъ бар. Корфа, оглашенный въ печати, какъ „имѣющій шансы на осуществленіе," по мнѣнію докладчика—только никому не нужный компромиссъ, для котораго уже прошло время.

Бар. Корфъ предлагаетъ, по его мнѣнію, не настоящее народное представительство, а жалкій суррогатъ въ видѣ совѣщательной камеры, мнѣнія которой никого, разумѣется, обязывать не будутъ. „Примѣры различныхъ совѣщательныхъ учрежденій, какъ-то сельскохозяйствененныхъ комитетовъ, промышленныхъ и иныхъ съѣздовъ, важнѣйшія предложенія которыхъ безцеремонно отвергались, должны служить для всѣхъ предостереженіемъ противъ всякихъ новыхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Помимо того, избирательная схема барона Корфа даетъ подавляющее преобладаніе элементу дворянскому и торгово-промышленному, а при такихъ условіяхъ менѣе всего можно говорить о *народномъ* представительствѣ".

„Проектъ проф. Кузьмина-Караваева, въ основныхъ положеніяхъ совпадающій съ проектомъ бар. Корфа, нѣсколько шире задуманъ, но практически еще болѣе несостоятеленъ. Проф. Кузьминъ-Караваевъ совѣтуетъ до выборовъ реорганизовать уѣздныя земскія собранія введеніемъ въ ихъ составъ выборныхъ крестьянъ, но такая реорганизація потребовала бы столько же времени, сколько прямые выборы въ законодательное собраніе. Между тѣмъ, и бар. Корфъ, и проф. Кузьминъ-Караваевъ на-

стаивають на необходимости немедленнаго созыва народныхъ представителей. Далѣе, проф. Кузьминъ Караваевъ предлагаетъ установить для рабочихъ особое представительство, но кто опредѣлитъ количество рабочихъ депутатовъ? Очевидно, рѣшить этотъ вопросъ придется существующему бюрократическому механизму, и рабочее представительство сведется тогда, безъ сомнѣнія, къ жалкой фикціи".

Коснувшись затѣмъ значенія Высочайшаго рескрипта и событій, послѣдовавшихъ за его опубликованіемъ, В. А. Мякотинъ приходитъ къ убѣжденію, что общество должно само позаботиться объ осуществленіи назрѣвшихъ реформъ. „Если общество за послѣднее время получило возможность говорить вполголоса о предметахъ, вызывавшихъ въ недавнее еще прошлое громы и молніи, то этимъ оно обязано не великодушію бюрократіи или перемѣнѣ настроенія въ цензурномъ вѣдомствѣ, а тѣмъ силамъ, которыя выдвинулись изъ народа и властно борются за новыя начала. Народныя массы не могутъ мириться съ приниженнымъ положеніемъ рабовъ и требуютъ политическихъ преобразованій, потому что отсутствіе свободы совѣсти, слова, союзовъ и беззащитность личности гнетутъ ихъ сильнѣе, чѣмъ интеллигенцію. Политическій вопросъ тѣсно связанъ для трудящихся классовъ съ вопросомъ соціальнымъ. Рабочимъ и крестьянамъ приходится бороться на два фронта, сталкиваться въ борьбѣ за самыя насущныя нужды свои съ имущими классами и поддерживающей ихъ бюрократіей. Въ народѣ, благодаря этому, наростаетъ нѣчто колоссальное грозное, что и должно въ корнѣ преобразовать всѣ существующія отношенія. Русской интеллигенціи предстоитъ поэтому диллемма—либо удовлетвориться ограниченными преобразованіями, либо объединиться для грядущей великой политико-соціальной реформы. Отъ того или иного рѣшенія этой дилеммы и зависитъ отношеніе интеллигенціи къ вопросу объ избирательномъ правѣ. Если она намѣрена отстаивать свою принципіальную позицію, она должна рѣшительно отказаться отъ всякихъ компромиссовъ; она должна настаивать на созывѣ учредительнаго собранія на *основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія*".

Иного выхода, и по нашему мнѣнію, нѣтъ; нужно только добиваться гарантій, необходимыхъ для обезпеченія правильности представительства. А для этого необходимо полное единодушіе общественныхъ силъ и ознакомленіе народа съ задачами интеллигенціи.

Пока народъ, въ массѣ, хочетъ ослабить лишь экономическій гнетъ, но несомнѣнно, имъ сознается и политическая безправность.

Что экономическое положеніе народа ужасно, краснорѣчивыми цифрами было доказано докладомъ *А. А. Радцига* въ „Собраніи Экономистовъ" въ СПБ., 18 марта.

А. Радцигъ началъ съ того поворотнаго момента въ системѣ нашей финансовой политики, когда на смѣну министру финансовъ Бунге явился И. А. Вышнеградскій, бюрократъ чистѣйшей воды. „Бунге держался взгляда, что финансы страны должны покоиться на базисѣ экономическихъ силъ населенія. Наоборотъ, Вышнеградскій и его даровитый преемникъ С. Ю. Витте совершенно игнорировали налоговыя силы народа и словно задались цѣлью довести страну до полнаго разоренія. Бунге принималъ во вниманіе прежде всего интересы бѣднѣйшей части населенія и съ этой цѣлью отмѣнилъ, напримѣръ, подушную подать. Его преемники ставили своей главнѣйшей цѣлью обогащеніе фиска и не стѣснялись для этого облагать налогами предметы первѣйшей необходимости. Бунге въ 1886 году покинулъ свой постъ, когда бюджетъ составлялъ 811 мил.; Вышнеградскій въ первый же годъ своего вступленія въ должность увеличилъ бюджетъ на 65 милліоновъ, а Витте втеченіе 11 лѣтъ своего управленія поднялъ роспись съ 880 мил. до 1484 мил. (номинально до 2 милліардовъ, изъ которыхъ около 500 мил. покрываются доходами съ желѣзныхъ дорогъ). Съ 1887 г. до сихъ поръ не было ни одного примѣра пониженія налоговъ; даже вводимыя временно обложенія превращались въ постоянныя. Финансы Россіи процвѣтали, но этотъ внѣшній блескъ достигнутъ былъ цѣною обѣднѣнія страны и разоренія сельскаго хозяйства".

Изъ 130 мѣстныхъ комитетовъ, доставившихъ свои труды въ особое совѣщаніе

о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, 116 подвергли рѣзкой критики финансовую политику С. Ю. Витте, настаивая на необходимости уменьшенія косвенныхъ и введенія прямыхъ налоговъ, отмѣны выкупныхъ. Тѣмъ не менѣе ростъ налоговъ устремлялся вверхъ съ поразительной быстротой, и крестьянство впадало въ ужасающую нищету и хронически недоѣдало. Роспись при Вышнеградскомъ и Витте систематически сводилась съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, и втеченіе 15-ти лѣтъ составляла излишекъ въ полтора милліарда—сумму, которая всецѣло ушла на разныя сомнительныя и часто прямо убыточныя предпріятія. Между тѣмъ, если бы эта сумма осталась въ рукахъ населенія, мы не были бы очевидцами ужаснаго экономическаго упадка и не знали бы, быть можетъ, настоящей несчастной войны.

„Расходы на войну въ 1904 г. достигли 627 мил., а въ настоящій моментъ они, вѣроятно, превысили уже милліардъ. Говорятъ, мы можемъ продолжать войну при помощи свободной наличности казначейства, но упускаютъ изъ вида, что эта наличность является обезпеченіемъ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Правда, мы могли бы выпустить билетовъ еще на 300 мил. руб., но такой шагъ явился бы роковымъ ударомъ для всего нашего денежнаго обращенія. Такимъ образомъ остается продолжать войну при помощи займовъ, но наша задолженность и такъ уже дошла до колоссальной цифры въ $7^1/_2$ милліардовъ, поглощающей на одни проценты 15 проц. бюджета, и всѣмъ хорошо извѣстно, въ какомъ положеніи находится наша кредитоспособность".

Переходя къ манчжурской затѣѣ, докладчикъ отрицалъ за нею какой бы то ни было raison d'etre. Юго-манчжурская ж. д. имѣетъ мѣстное значеніе; намъ въ Китай отправлять почти нечего, и вывозимый чай только искусственно привлекался на манчжурскую дорогу дешевымъ и убыточнымъ тарифомъ. Вся манчжурская торговля находится въ рукахъ американцевъ, англичанъ и японцевъ, съ которыми, какъ докладчикъ, будучи въ Монголіи, лично убѣдился, намъ состязаться нѣтъ никакой возможности. Можно оправдать и даже хвалить проведеніе дороги на Владивостокъ черезъ Сѣверную Манчжурію, но оккупація Портъ-Артура и устройство жел. дороги по Южной Манчжуріи не имѣли никакого разумнаго основанія"!—заключилъ Радцигъ свой докладъ.

Но и вопросъ о войнѣ, не смотря на свою важность, уже не такъ интересуетъ Общество, занятое обсужденіемъ современнаго порядка вещей. И тутъ всѣ сходятся въ одномъ: соберите Земскій Соборъ, а тотъ самъ разберется, продолжать ли войну или нѣтъ.

III.

Широко разливиαющаяся волна освободительнаго движенія, захвативъ *всѣ* слои населенія, конечно, прежде всего и больше всего распространилась въ интеллигентной средѣ,—и тутъ, въ противоположность сухой, мертвящей, прогнившей насквозь бюрократіи, наша интеллигенція выказала и гражданское мужество, и энергію, и желаніе работать на пользу общую. А главное — не смотря на вѣковыя усилія бюрократическо-полицейскаго режима подавить малѣйшее чувство общественности, въ интеллигенціи вдругъ всныхнуло сознаніе общности интересовъ и желаніе соединиться во имя ихъ.

Опасность, грозящая родинѣ, объединила всѣхъ, пробудила общественное мнѣніе, заставила забыть личные счеты и ополчила всѣхъ противъ общаго врага — изувѣрной реакціи.

По всей Россіи поднялись всевозможные союзы, стали устраиваться банкеты, постановлялись резолюціи. Объединились техники, врачи, поднимается вопросъ о союзѣ бухгалтеровъ. Словомъ, всѣ люди труда, сознавъ общность интересовъ, рѣшили объединяться въ грандіозныя организаціи.

Среди всѣхъ этихъ организацій первое мѣсто и по времени возникновенія, и по проявленной энергіи, по численности, наконецъ, по тѣсной связи съ низшими рабочими занимаетъ, несомнѣнно, Союзъ Инженеровъ, организовавшійся безъ какихъ-либо формальностей, въ силу требованій времени.

Недавно бюро этого Союза опубликовало записку, рисующую исторію его возникновенія, его цѣли и задачи. Въ виду *всенароднаго* значенія Союза Инженеровъ, считаемъ необходимымъ познакомить своихъ

читателей съ этой запиской, въ наиболѣе существенныхъ частяхъ ея.

„Долголѣтній гнетъ, сковывавшій русскую мысль и убивавшій духъ личной и общественной самодѣятельности, привелъ нашу родину ко всеобщему кризису, представшему во всемъ его ужасѣ передъ глазами всей сознательной Россіи“,—такъ начинается эта записка.

„Производительныя и творческія силы Россіи скованы неумѣлымъ, безотвѣтственнымъ бюрократическимъ руководительствомъ. Естественнымъ результатомъ этого являются все растущее и растущее обнищаніе народа, періодически повторяющіяся потрясенія русской промышленности и торговли, грубая междоусобная война труда и капитала“...

„Несоотвѣтствіе новыхъ экономическихъ устоевъ съ обветшалыми политическими формами жизни подтачиваетъ существованіе русской промышленности, но особенно жгуче чувствуется и представителями техническихъ знаній, работающихъ въ разныхъ отрасляхъ и на разныхъ поприщахъ этой промышленности“...

„Въ сознаніи доли отвѣтственности, падающей на нихъ за неустройства русской жизни, въ глубоко патріотическомъ стремленіи принять посильное участіе въ великой, начинаемой русскимъ народомъ работѣ самоустроенія, русскіе инженеры и техники рѣшили объединиться. Отвѣтомъ на эту назрѣвшую потребность явилось образованіе „Союза инженеровъ и техниковъ всѣхъ спеціальностей“.

„Союзъ ставитъ своими ближайшими задачами: 1) изученіе экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ условій, въ которыхъ работаетъ русская промышленность и 2) изысканіе и проведеніе въ жизнь улучшеній этихъ условій.

Начало образованію союза было положено собраніемъ инженеровъ и техниковъ разныхъ спеціальностей, состоявшимся въ С.-Петербургѣ, 5 декабря 1904 г. По выслушаніи записки о нуждахъ русской промышленности и цѣлаго ряда рѣчей, это собраніе пришло единогласно къ слѣдующему заключенію:

„Преуспѣяніе русской промышленности возможно только на почвѣ широкаго развитія общественной и личной самодѣятельности.

„Необходимыми условіями такого развитія являются: полная неприкосновенность личности, свобода собраній и союза, свобода слова и печати...

Такова сущность резолюціи, которая тутъ же въ собраніи была подписана 182 инженерами-технологами, 59 инженерами путей сообщенія, 58 горными инженерами, 47 гражданскими инженерами, 11 архитекторами, 34 инженерами-электриками, 26 инженерами-механиками, 2 инженерами-химиками, 2-мя корабельными инженерами, 2-мя военными инженерами, 8 инженерами строителями, 31 инженерами другихъ категорій, 27 представителями высшихъ техническихъ училищъ (не инженерами) и 8 лицами другихъ профессій,—всего 492 лицами.

„Внесенное предложеніе объ образованіи Союза инженеровъ и техниковъ всѣхъ спеціальностей встрѣтило всеобщее сочувствіе, и здѣсь же было избрано бюро, на которое было возложено озаботиться организаціей союза. Въ бюро собраніе избрало: предсѣдателемъ проф. В. Л. Кирпичева, товарищами предсѣдателя: инженеръ - технолога проф. А. С. Ломшакова и горн. инженера Л. И. Лутугина, членами: инженеровъ п. с. проф. А. А. Брандта, проф. Н. А. Бѣлелюбскаго, проф. Я. Н. Гордѣенко, инжен.-техн. А. П. Венцковскаго, инж.-техн. В. Н. Аршаулова, инж.-техн. проф. Н. Л. Щукина, инж.-электр. проф. П. О. Осадчаго и гражд. инжен. С. П. Козлова. Впослѣдствіи въ составъ бюро вошли представители обществъ технологовъ, гражданскихъ инженеровъ, инженеровъ-электриковъ, горныхъ инженеровъ и т. п. техниковъ.

Декабрь мѣсяцъ бюро посвятило разработкѣ основъ дѣятельности союза и составленію программы чтеній по экономическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Изъ этихъ чтеній состоялось, впрочемъ, лишь одно (проф. В. М. Гессена въ обществѣ горныхъ инженеровъ).

„Грозныя событія 9 и 10 января потрясшія всю промышленность петербургскаго района, а затѣмъ все разростающееся и разростающееся рабочее движеніе, охватившее всѣ отрасли и районы русской промышленности, выдвинули для инженеровъ и техниковъ неотложную необходимость совмѣстныхъ совѣщаній... Всѣ сознавали, что работники русской промышленности не могутъ оставаться безмолвными свидѣтелями совершившагося и должны открыто высказать

правительству и обществу свое мнѣніе".

„Результатомъ совѣщаній и явилась извѣстная „записка" инженеровъ. Выяснивъ законность и необходимость предъявленія со стороны рабочихъ требованій политическаго свойства, записка останавливается на попыткахъ правительства разрѣшить сложную соціально-политическую задачу посредствомъ экспериментовъ, задуманнымъ полиціей. Охарактеризовавъ причины кровавыхъ событій и роль въ нихъ администраціи, записка подвергаетъ осужденію акты, стремящіеся объяснить появленіе политическихъ требованій у рабочихъ, какъ результатъ дѣятельности „злонамѣренныхъ людей" и даже подкупомъ иностранными деньгами".

„Записка первоначально была подписана 198 инженерами, но затѣмъ къ ней присоединилось болѣе 800 инженеровъ изъ разныхъ концовъ Россіи, а также нѣсколько техническихъ обществъ и собраній, въ томъ числѣ московскаго отдѣленія союза инженеровъ, пославшаго телеграмму отъ лица 132 своихъ членовъ о своемъ присоединеніи къ запискѣ предсѣдателю комитета министровъ".

„На первыхъ-же собраніяхъ союза выяснилось какъ общее настроеніе участниковъ, такъ и необходимость немедленно-же приступить къ дальнѣйшей дѣятельности, отодвинувъ организаціонные вопросы на задній планъ. Время не позволяло ждать выработки какого-нибудь устава, и союзъ рѣшилъ считать себя *фактически существующимъ*. Здѣсь-же была открыта запись въ члены союза и установленъ небольшой членскій взносъ для удовлетворенія текущихъ надобностей союза. Бюро признано исполнительнымъ органомъ союза".

„При работахъ союза выдвинулась настоятельная необходимость взаимной поддержки инженеровъ въ переживаемое тяжелое время, когда къ нимъ могутъ предъявляться и предъявлялись требованія, несовмѣстимыя съ человѣческимъ достоинствомъ.

„Инженеры всѣхъ спеціальностей должны знать, что они найдутъ въ „Союзѣ" опору особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится жертвовать своими интересами, вслѣдствіе ихъ нежеланія идти на компромиссы съ ихъ совѣстью и убѣжденіями.

„Въ своей дѣятельности союзъ инженеровъ встрѣтилъ сильную поддержку со стороны Императорскаго русскаго техническаго общества, въ которомъ независимо отъ союза назрѣла потребность поставить на первую очередь разсмотрѣніе вопросовъ, связанныхъ съ переживаемымъ кризисомъ.

Союзъ энергично откликался на всѣ явленія современной жизни, задѣвающія промышленность и ея работника. Такъ, когда выборщики въ комиссіи сенатора Шидловскаго подверглись административнымъ карамъ, союзъ инженеровъ выразилъ горячій протестъ противъ арестовъ представителей рабочихъ, выбранныхъ въ комиссію по предложенію самого сенатора Шидловскаго, предсѣдателя комиссіи. На этомъ основаніи бюро союза обратилось къ сенатору Шидловскому съ письмомъ, гдѣ, указывая на то, что его призывъ былъ использованъ въ цѣляхъ, ничего общаго съ задачами комиссіи не имѣющихъ, бюро настаивало на нравственной отвѣтственности сенатора Шидловскаго за участь пострадавшихъ выборщиковъ и на его обязанности выступить въ защиту довѣрившихся ему рабочихъ.

Союзъ инженеровъ не могъ не отозваться и на кровавыя событія, разразившіяся въ бакинскомъ промышленномъ районѣ. Выслушавъ въ общемъ собраніи союза 22-го февраля спеціальное сообщеніе и разъясненіе очевидцевъ, онъ сдѣлалъ постановленіе, опубликованное въ періодической печати, выражавшее протестъ противъ попытокъ объяснить бакинское избіеніе мирнаго населенія національной и религіозной враждой и требовавшее нелицепріятнаго суда, который бы раскрылъ истинныхъ виновниковъ бакинской трагедіи.

„Высоко цѣня плодотворную роль гласности въ дѣлѣ выясненія общественныхъ вопросовъ, вообще, и рабочаго вопроса, въ частности, союзъ инженеровъ велъ свои работы вполнѣ открыто и гласно. Онъ счелъ своимъ долгомъ особенно отмѣтить ту благородную роль, которую играло большинство органовъ русской прессы, немало способствовавшей правдивому освѣщенію переживаемаго нами кризиса, осложненнаго крайнимъ обостреніемъ рабочаго вопроса, несмотря на всю тяжесть цензурныхъ условій. Съ другой стороны, союзъ не могъ не выразить своего негодованія по адресу рептильной прессы, не остановившейся даже въ эти тяжелые дни передъ клеветой, позво-

лявшей себѣ позорныя инсинуаціи и утверждавшей, что рабочее движеніе явилось результатомъ дѣятельности злонамѣренныхъ людей и даже подкупа иностранными деньгами".

„Признавая громадное значеніе дружной совмѣстной работы всѣхъ общественныхъ силъ по выясненію и детальному обслѣдованію рабочаго вопроса, неудовлетворительность постановки котораго такъ рѣзко сказалась въ январьскіе дни, союзъ инженеровъ рѣшилъ обратиться къ с.-петербургскому городскому управленію, какъ представителю интересовъ столичнаго населенія, съ предложеніемъ о необходимости немедленно же приступить къ широкому общественному обслѣдованію быта рабочихъ Петербурга для всесторонняго выясненія ихъ назрѣвшихъ нуждъ".

Съ своей стороны, кромѣ готовности раздѣлить труды этого изслѣдованія, союзъ приступилъ къ организаціи столовыхъ для дѣтей нуждающихся рабочихъ. По 5 марта имъ было израсходовано въ 3 открытыхъ имъ столовыхъ свыше 5000 руб.

Дѣятельность союза встрѣтила горячую поддержку во всей провинціи среди инженеровъ и техниковъ разныхъ спеціальностей.

„Изъ изложеннаго краткаго очерка дѣятельности союза инженеровъ уже можно видѣть, что эта общественная организація, несмотря на всю ея неоформленность и вытекающіе отсюда недочеты, имѣетъ всѣ права на признаніе законности и желательности ея существованія. Вызванная къ жизни потребностями настоящаго историческаго момента — эта организація. созданная исключительно общественной самодѣятельностью, несмотря на всѣ трудности, которыя ей приходилось и приходится преодолѣвать, смогла объединить большую общественную группу для совмѣстной общественной работы. Въ виду сложныхъ историческихъ задачъ, стоящихъ передъ русскимъ обществомъ, передъ русскимъ народомъ, всякія попытки внести организованность въ разрозненныя, идущія въ разбродъ, общественныя силы должны привѣтствоваться всѣми людьми, искренно желающими блага нашей родинѣ. Только въ организованныхъ общественныхъ и народныхъ силахъ можно найти истинный оплотъ для трудной работы государственнаго строительства. И нужно желать, нужно требовать, нужно добиваться, чтобы естественный процессъ объединенія и укрѣпленія русскихъ общественныхъ силъ не встрѣчалъ въ своемъ развитіи никакихъ препятствій, никакихъ помѣхъ. И было-бы преступленіемъ передъ исторіей, передъ нашей, доведенной до отчаянія, родиной, со стороны тѣхъ, кто этого-бы не понялъ или не захотѣлъ-бы понять".

Въ настоящее время въ петербургскомъ отдѣленіи Союза состоитъ 687 членовъ.

Такъ заканчивается сообщеніе отъ союза, напечатанное въ газетахъ.

Вслѣдъ за инженерами и техниками объединяются и преподаватели. Въ газетахъ уже появился проектъ *устава профессорскаго союза*, имѣющаго цѣлью—„объединить дѣятелей ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга, въ видахъ достиженія и обезпеченія нормальнаго устройства, академической свободы и автономіи".

Къ сожалѣнію, какъ видно, предполагаемый Союзъ, во 1-хъ учрежденіе чисто мѣстное, въ 2-хъ спеціальнаго характера, въ 3-хъ, будетъ защищать интересъ только высшаго образованія. Между тѣмъ если инженеры сочли необходимымъ соединиться со всѣми техниками разныхъ спеціальностей, тѣмъ болѣе нужно было объединиться и профессорамъ и создать Всероссійскій Съѣздъ Профессоровъ и преподавателей *всѣхъ* учебныхъ заведеній, такъ какъ теперь приходится отстаивать дѣло просвѣщенія вообще, безотносительно къ степенямъ образованія; и только объединившись по всей Россіи, руководители нашего просвѣщенія представятъ солидную силу, въ родѣ Союза инженеровъ, съ которой волей-неволей придется считаться.

Наконецъ, нельзя забывать и того, что только при широкой постановкѣ дѣла Союзъ Преподавателей можетъ, охраняя интересы истиннаго просвѣщенія, бороться противъ тѣхъ ненормальностей нашей школы, о которыхъ было говорено въ „Хроникѣ Русской жизни" настоящаго нумера журнала.

Что касается существующихъ уже общественныхъ организацій, то всѣ они, начиная съ литературныхъ и педагогическихъ и кончая сельско-хозяйственными, высказались за ре-

форму а также за осуществленіе извѣстныхъ гарантій (неприкосновенность личности, свобода печати, свобода слова и пр.).

Въ этомъ духѣ высказались: екатеринославскіе инженеры (3 февр.), Москов. Отд. Техн. О-ва въ Ростовѣ на Дону (21 марта), Касса Взаимопомощи Лит. и ученыхъ въ СПВ. (13 марта), Общество Уфимскихъ врачей (17 марта), О-во Москов. врачей (16 марта), Донскихъ врачей (26 марта), Костромскихъ земскихъ врачей (между прочимъ, постановившихъ не участвовать въ санитарныхъ коммиссіяхъ, образуемыхъ по правиламъ 1903 г. въ случаѣ появленія холеры); къ подобнымъ же резолюціямъ пришли юристы въ Екатеринославѣ (1 марта), присяжные повѣренные СПБурга, Москов. присяжные повѣр. (13 марта), народные учителя и учительницы СПБурга (12 марта), Император. Моск. Общество с.-хоз. (14 янв.), Харьковское О-во с.-хоз. Минское О-во с.хоз. (7 марта) и др.

Къ сожалѣнію, иногда въ самихъ Собраніяхъ нарушается столь желательная солидарность, что, внося расколъ въ среду Общества, даетъ твердую опору реакціонерамъ.

Эти факты произошли, напр., въ Моск. Педагогическомъ О-вѣ, гдѣ въ засѣданіи 26 марта было прочитано заявленіе о выходѣ изъ состава общества нѣсколькихъ профессоровъ и педагоговъ: Константина Андреева, Федора Корша. Леонида Лопатина. Бориса Млодзіевскаго, Ивана Огнева, кн. С. Н. Трубецкаго, Наумова, Мензбира, Д. Егорова, М. Любавина, М. Соболева, И. Плетаева, Ф. Бранда, А. Лебедева, Ф. Егорова, протоіерея Елеонскаго и протоіерея Виноградова. Помимо того, вышли изъ состава еще нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ ректор. университета проф. Лахтинъ. Выходъ свой названныя лица объясняютъ нежеланіемъ признать для себя нравственно обязательными постановленія педагогическаго общества отъ 12-го марта (въ духѣ извѣстныхъ резолюцій).

Но такой открытый, при томъ *приличный* протестъ московскихъ консерваторовъ-педагоговъ все таки заслуживаетъ большаго уваженія, чѣмъ шпіонское поведеніе карачевскаго дворянина Б. и земскаго начальника Д., по отношенію къ своему собесѣднику А. (частному повѣренному карачевскаго уѣзднаго съѣзда). Къ сожалѣнію, мѣстная газета, откуда мы взяли это извѣстіе, не сообщаетъ полныхъ фамилій дѣйствующихъ лицъ.

Суть дѣла въ слѣд.

„Недавно въ городѣ Орлѣ, по поводу послѣднихъ событій былъ устроенъ мѣстной интеллигенціей банкетъ, на которомъ присутствовало много не только мѣстныхъ обывателей. но и пріѣзжихъ лицъ, между которыми были дворянинъ Б., Зем. Нач. Д. и А. Послѣдній произнесъ остроумную рѣчь, которая вызвала громогласные аплодисменты; въ особенности ей усердно аплодировали г. г. Б. Д., которые, пріѣхавъ затѣмъ въ Карачевъ, сообщили уѣздному съѣзду о содержаніи означенной рѣчи, съ прибавленіемъ отъ себя такихъ обстоятельствъ, которыхъ А. не говорилъ, но которыя придаютъ рѣчи извѣстную окраску. Уѣздный съѣздъ, находя сообщеніе Д. и Б. чрезвычайно важнымъ, составилъ экстренное засѣданіе, въ которомъ, безъ истребованія объясненія отъ А., постановилъ исключить его изъ числа повѣренныхъ карачевскаго уѣзднаго съѣзда.

Такимъ образомъ г. А. пострадалъ за рѣчь, которую одобрили своими аплодисментами сами доносчики! Какъ назвать такой *дворянскій* поступокъ?

Еще больше отличились *харьковскіе* дворяне, г.г. Минаевы, отецъ и сынъ, на засѣд. Харьк. с.-хоз. 21 марта. На этомъ засѣданіи одинъ изъ членовъ О-ва предложилъ Предсѣдателю огласить циркуляръ Моск. С.-Хоз. О-ва, вызвавшій репрессіи въ отношеніи этого О-ва. Консерваторы запротестовали.

Когда, однако, большинствомъ 28 противъ 15 рѣшено было читать этотъ циркуляръ, г. Минаевъ произнесъ послѣ чтенія: „Я прошу записать фамиліи тѣхъ. которые желали чтенія этой возмутительной бумаги... Я не желаю стоять съ ними на одной доскѣ!.. Записать!.. Они революціонируютъ... Записать!..

Послышались крики: „Доносите сами, если желаете!.. Мы не—доносчики!..“

Однако, Минаевъ не растерялся и обратился уже просто къ собранію: „Вы—революціонеры, вы—трусы!“—грубо закричалъ вдругъ онъ,—вы—трусы, такъ какъ не захотѣли послѣ баллотировки записать свои фамиліи!..

Затѣмъ. почему-то сосредоточилъ свое

вниманіе на г. Балевичѣ-Яворскомъ и крикнулъ ему: „а Васъ я считаю главнымъ революціонеромъ“.

„А я Васъ считаю отставнымъ тупицей“!— отвѣчалъ тотъ. И загорѣлся сыръ-боръ.

Вдругъ изъ рядовъ публики выскочилъ какой-то офицеръ и съ крикомъ: „Какъ вы смѣете оскорблять моего отца?! Я отстою своего отца, я покажу вамъ, кто я?!—схватился за эфесъ шашки и дернулъ ее изъ ноженъ. Это былъ г. Минаевъ-fils,—не состоящій членомъ общества. Г. Балевичъ и другіе успѣли схватить его за руки и предотвратить катастрофу.

Пришлось, для успокоенія почтенной четы патріотовъ, призвать сторожей и вывести ихъ. О дѣйствіяхъ Минаева-сына рѣшено было сообщить его начальству. Что же касается г. Минаева-pàpa, то совѣщаніе рѣшило настаивать на назначеніи чрезвычайнаго засѣданія для обсужденія вопроса объ исключеніи его изъ числа членовъ общества.

„Да, но что будетъ, если на это чрезвычайное засѣданіе Минаевъ-fils приведетъ человѣкъ 10—15, вооруженныхъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ? Что дѣлать ученому обществу? Не пріобрѣсти-ли ему 11-ти дюймовое орудіе? Гдѣ гарантіи для общества неприкосновенности его членовъ?“— заключаетъ корреспондентъ „Нов.“, описывавшій эту сцену.

Во всякомъ случаѣ эти гг. Минаевы— крайне прискорбное явленіе!

Событія послѣднихъ дней ясно говорятъ о томъ, что самосознаніе проявляется и въ самыхъ глухихъ улицахъ провинціи, оно растетъ,—и нѣтъ силъ остановить его.

О созывѣ учредительнаго Собранія, притомъ *на самыхъ широкихъ, демократическихъ началахъ* толкуютъ ужъ теперь и приказчики, какъ сообщаетъ „Вѣст. Юга“, приводя резолюцію, принятую въ Екатеринославѣ на Собраніи О-ва Взаимнаго вспоможенія приказчиковъ.

Наконецъ, волна всеобщаго одушевленія захватила самые консервативные элементы Общества—нашихъ чиновниковъ. Среди чиновниковъ всѣхъ министерствъ,—сообщаетъ „Сынъ Отеч.“ идетъ „дѣятельная пропаганда въ пользу составленія и подачи коллективной отъ имени столичнаго чиновничества резолюціи, аналогичной тѣмъ многочисленнымъ резолюціямъ, которыя принимались за послѣднее время всѣми живыми силами общества. Сообщаютъ также, будто въ главныхъ чертахъ резолюція эта уже намѣчена; въ ней указывается, между прочимъ, и на то, что чиновники ближе всѣхъ знаютъ дефекты бюрократическаго режима и лично не мало страдаютъ отъ канцелярской рутины, отъ усмотрѣнія своего непосредственнаго начальства и той системы радѣнія „родному человѣчку“, которая душитъ всякое дарованіе и оставляетъ въ тѣни лучшихъ работниковъ. Затѣмъ выдвигаются мотивы общегражданскаго характера, въ которыхъ говорится, что и чиновники, сознавая себя прежде всего гражданами своей родины, не могутъ оставаться равнодушными зрителями той смуты и того броженія массъ, которыя воцарились въ странѣ и угрожаютъ основамъ общежитія. Въ резолютивной части проектируемая записка чиновниковъ приходитъ къ выводу о необходимости немедленнаго введенія прочнаго правопорядка на началахъ народнаго представительства. Говорятъ, что идея о коллективной резолюціи встрѣчаетъ большое сочувствіе среди разнообразныхъ слоевъ чиновничества“?

Интересно бы знать, начиная съ какихъ чиновъ по табели о рангахъ, будутъ подписываться подъ резолюціей гг. чиновники. Будутъ ли подъ ней подписи „дѣйствительныхъ“ и „тайныхъ“ совѣтниковъ, или только— легкомысленныхъ „секретарей“ и ужъ въ крайнемъ случаѣ—солидныхъ „надворныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ“?

Во всякомъ случаѣ, этотъ протестъ поклонниковъ 20-го числа—любопытное явленіе нашего времени!

Въ заключеніе—еще одна резолюція, принятая на этотъ разъ слабымъ поломъ, въ собраніи 12 марта въ г. Саратовѣ.

Резолюція эта, по словамъ „Сар. Дн.“ слѣд.

„Всецѣло присоединяясь къ резолюціи, принятой 39 саратовскимъ губернскимъ очереднымъ собраніемъ, мы, женщины, выражаемъ твердую увѣренность, что новая жизнь русскаго народа будетъ слагаться на началахъ полной справедливости Въ силу измѣнившихся экономическихъ условій, значительная часть женщинъ не находитъ уже ни обезпеченія, ни приложенія своего труда

въ семьѣ. Онѣ наравнѣ съ мужчинами должны бороться за свое существованіе; чтобы шансы этой борьбы были равны, чтобы женскій трудъ былъ равноцѣненъ съ мужскимъ, нужно, чтобы и средства борьбы были равны, и во имя справедливости мы требуемъ себѣ этого равенства. Ссылка на нашу политическую незрѣлость такъ-же неосновательна, какъ и ссылка на ту-же незрѣлость всего русскаго народа. Нельзя говорить о зрѣлости или незрѣлости a priori: ни мужчины, ни женщины не имѣли до сихъ поръ возможности проявить ее. Въ тѣхъ же странахъ, какъ напримѣръ, въ Австраліи, Новой Зеландіи и нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ женщина пользуется одинаковыми съ мужчиной правами, онѣ съ полнымъ пониманіемъ и добросовѣстностью служатъ обществу и государству. Къ тому-же политическая свобода не награда за зрѣлость и умѣнье. Она—единственное средство для созданія тѣхъ формъ общественной жизни, при которыхъ люди могутъ развиваться и расти духовно, и женщинамъ далеко не безразлично, кто будетъ участвовать въ созиданіи этого строя. Онѣ, какъ и мужчины, отвѣчаютъ передъ закономъ, несутъ равныя съ ними наказанія и потому должны имѣть право выбирать своихъ судей, должны имѣть право сами судить".

Ну, что жъ, въ добрый часъ!—привѣтствуемъ и мы поборницъ женской эмансипаціи.

Освободительное движеніе, охватившее Россію, особенно ярко сказалось у тѣхъ народностей, которыя еще живо помнятъ свои прежнія права, т. е. у финляндцевъ, поляковъ, литовцевъ, затѣмъ, конечно, у совсѣмъ безправныхъ евреевъ.

Мы писали уже въ прошлой хроникѣ о петиціи финляндцевъ; теперь сообщаютъ о подобныхъ-же петиціяхъ поляковъ, литовцевъ и евреевъ, поданныхъ предсѣдателю комитета министровъ. С. Ю. Витте.

Въ своей запискѣ *поляки* ходатайствуютъ о возстановленіи преподаванія на польскомъ языкѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края, просятъ поляковъ учителей въ нихъ и отмѣны всякихъ ограниченій, связанныхъ съ вѣроисповѣданіемъ.

„Сорокъ лѣтъ существованія въ царствѣ польскомъ того порядка управленія, при которомъ ни одно правительственное начинаніе не было направлено на пользу края, какъ единаго цѣлаго; сорокъ лѣтъ систематической руссификаціи и непрерывнаго тяжелаго гнета, сорокъ лѣтъ безотвѣтственнаго чиновничьяго произвола, — этотъ безспорно наиболѣе безотрадный въ нашихъ судьбахъ періодъ переполнилъ сердце народа жгучей болью и чувствомъ обиды".

„Поэтому теперь, когда всю Россійскую Имперію охватило неудержимое стремленіе къ обновленію и когда съ высоты Престола раздался призывъ къ искорененію зла и нестроеній русской государственной жизни,—и въ польскомъ народѣ подъ вліяніемъ этого призыва не могло не заговорить сильнѣе, чѣмъ когда либо, сознаніе безысходности своего положенія".

Такъ начинается эта скорбная записка польскихъ патріотовъ.

Литовцы, съ своей стороны, просятъ о такихъ-же правахъ по отношенію къ литовской народности тамъ, гдѣ она составляетъ главную массу населенія, т. е. во всей Ковенской губ., большей части Виленской и Сувалкской, а также въ части Курляндской. Кромѣ того, литовцы просятъ введенія у нихъ выборныхъ земскихъ учрежденій.

Въ *нѣкоторыхъ частяхъ* петиція поляковъ, какъ слышно, удовлетворяется,— и въ Вѣд. Нар. Просвѣщенія проектируютъ теперь ввести преподаваніе на польскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, въ среднихъ уч. заведеніяхъ Варшавскаго округа.

Объ удовлетвореніи просьбы литовцевъ *ничего не слышно*; равнымъ образомъ неизвѣстно и то, какая судьба постигла *записку евреевъ*, просившихъ *о полной равноправности*, наравнѣ съ другими народами Россіи.

Больше всего все таки получили *финляндцы*, которымъ *отсрочено*, до новаго пересмотра, введеніе воинской повинности на общеимперскихъ началахъ.

Эта уступка общественному мнѣнію вызвана, вѣроятно, внутреннимъ положеніемъ Финляндіи, которая, судя по свѣдѣніямъ изъ Гельсингфорса, находится въ состояніи сильнаго броженія.

Газета „Hamb. Fremdenblatt" сообщаетъ, что тамъ „дѣло идетъ къ насильственной развязкѣ. Событія послѣднихъ недѣль сильно

содѣйствовали сліянію младофинномановъ со шведскою партіею и, соединившись, они уже открыто проповѣдуютъ, въ качествѣ истинной своей цѣли, политическое отдѣленіе Финляндіи отъ Россійской державы".

„По всей Финляндіи въ настоящее время расположено лишь двѣнадцать баталіоновъ пѣхоты, которые къ тому-же не въ полномъ составѣ; въ такомъ-же состояніи находится и артиллерійская бригада. Дикія, часто преувеличенныя, описанія безпорядковъ въ различныхъ частяхъ государства вселяютъ въ горячіе умы, главнымъ образомъ мужской молодежи, вѣру въ близкое возникновеніе народныхъ бунтовъ въ Польшѣ, Арменіи, Южной Россіи, на Кавказѣ и даже въ среднеазіатскихъ владѣніяхъ и среди татарскихъ племенъ. Въ этой надеждѣ они готовятся къ тому дню, когда весь финскій народъ подымется и сброситъ русское иго".

„Вооруженіе молодыхъ людей, вообще способныхъ носить оружіе, съ начала русско-японской войны сдѣлало въ краѣ поразительные успѣхи. Младофинны полагаютъ, что ввозъ оружія представитъ для нихъ самые незначительныя затрудненія.

„Это оружіе будетъ распредѣлено между членами гимнастическихъ и стрѣлковыхъ обществъ, которыя образованы по всему краю и имѣютъ совершенно военную организацію. Въ эти общества повсюду, по тщательному распредѣленію, назначены окончившіе службу въ упраздненныхъ финскихъ войскахъ. Эти старослужащіе составляютъ ядро всякой союзной войсковой части, обучая молодыхъ членовъ союза употребленію оружія и военному дѣлу. Такимъ образомъ финляндцы надѣются, при наступленіи ожидаемой общей катастрофы, быть готовыми къ возстанію. Они разсчитываютъ, что близкое возникновеніе національныхъ возстаній въ главныхъ частяхъ государства, а также японская война будутъ отнимать у правительства возможность усиленія войскъ въ краѣ".

Ближайшія событія должны показать, насколько основательны предположенія финляндцевъ.

IV.

Итакъ, „отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды" всюду несется одинъ стонъ — „такъ жить нельзя". Всюду происходитъ мобилизація всѣхъ честныхъ силъ.

Однако, не дремлютъ и „охранители", употребляя всѣ усилія, чтобы удержать прежнее, выгодное для нихъ грубо эгоистическихъ интересовъ положеніе. Для достиженія этой цѣли у нихъ, по іезуитскому правилу — *цѣль оправдываетъ средства*, — пускается въ ходъ все, что такъ или иначе можетъ пригодиться: клевета и науськиваніе, грубое насиліе съ цѣлью запугиванія и издѣвательство, чтобы подчеркнуть беззащитность жертвъ произвола, наконецъ, организованныя избіенія, при помощи „черныхъ сотенъ".

Возгорается старая борьба правды съ кривдою. Темный народъ затуманивается разными „прокламаціями" и яко-бы патріотическими „воззваніями", проникнутыми духомъ сатанинской злобы и человѣконенавистничества. Разжигаются самыя низменныя страсти народа.

Общая цѣль всѣхъ этихъ псевдо-патріотическихъ изданій,—подъ видомъ защиты Царя и Церкви Православной, направить взрывъ народнаго негодованія въ сторону и этимъ заставить *забыть о неотложныхъ нуждахъ*.

Эксплоатируя невѣжество народа и его полную неосвѣдомленность въ политическомъ отношеніи, авторы „воззваній", примѣняясь къ данной мѣстности, нѣсколько разнообразятъ свои возмутительныя клеветы: такъ, въ западномъ краѣ они науськиваютъ народъ на поляковъ и евреевъ, на Кавказѣ — на армянъ, а въ Средней Россіи—на интеллигенцію, особенно, студентовъ. Нѣкоторыя изъ произведеній этой подпольной литературы написаны размашистымъ канцелярскимъ слогомъ, видимо, опытными руками, другія представляютъ плодъ досужей фантазіи какого нибудь безграмотнаго патріота.

Вотъ, напр., одно изъ такихъ „воззваній", которое, по словамъ „Права", появилось на заборахъ г. Орла.

„Скоро будутъ Россіей править жиды Доктора Адвокаты. Студенты недоучьки которыя продали японцамъ нашу родину Курсистки, гимназистки и всякая тому подобная сволочь. Государя не будетъ Церкви тоже небудетъ по всюду разбой грабежъ вотъ до чего дожила Русь Православная до какого погрома Православная есть у насъ еще сила

мещанство самое нисшее купечество и наши сѣрыя мужичьки. Православныя постоимъ за вѣру православную за Царя Батюшку за Нашу Русь Святую пастоимъ. Не додимъ ворогамъ на посмѣяніе. Станимъ грудью за дома наши за чада наши за наше достояніе. Смерть студентамъ измѣнникамъ. Ратуйте православные".

Подобное же звѣрское приглашеніе „бить безпощадно жидовъ, *не жалѣя женъ ихъ и дѣтей*", распространялось и въ Смоленскѣ, Двинскѣ, Могилевѣ и др. городахъ.

Но верхъ наглости представляетъ слѣд. воззваніе, *разсылаемое* по почтѣ по деревнямъ Зап. Края, какъ пишетъ прис. пов. Годлевскій въ томъ же „Правѣ".

„Ксендзы, поляки и жиды стараются вернуть давнее *крѣпостное право* и помогаютъ въ настоящей войнѣ японцамъ и даютъ деньги, а на Красный Крестъ не хотятъ ничего давать.

„*Царь секретно сказалъ*: „если бы избавиться отъ поляковъ и жидовъ, то всю землю роздалъ бы между крестьянъ. Православный русскій комитетъ".

Здѣсь гнусные подстрекатели не остановились даже предъ клеветой на Государя Императора.

На этомъ „воззваніи" стоитъ остановиться поподробнѣе. Мы не говоримъ о гнусной клеветѣ, которою стараются опутать цѣлую народность,—для насъ, въ данномъ случаѣ, представляется интересной другая сторона дѣла: какъ извѣстно, даже упоминаніе въ печати о Высочайшихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ дѣлается съ разрѣшенія только Дворцовой цензуры. Но та, конечно, не могла разрѣшить этого.

Какъ же, спрашивается, смѣли выпустить изъ типографіи такое *противозаконное* (даже по формѣ) воззваніе? Кто разрѣшилъ его къ печати? Чья тутъ вина?

Все это вопросы, на которые желательно бы получить точные отвѣты отъ лицъ, „кому вѣдать надлежитъ".

Были ли арестованы эти воззванія полиціей? Кого она привлекла къ суду?

Увы!—пока никто не отвѣчаетъ намъ!

Послѣ такихъ перловъ, какъ вышеуказанное „воззваніе" стоитъ ли обращать вниманіе на такіе „патріотическіе" листки, какіе разсылаются, напр., въ Москвѣ и Харьковѣ по интеллигенціи или разбрасываются по улицамъ?

„Лутчи носу ни показывайти на улицу мы народъ православный и за Царя постоимъ за батюшку и будимъ васъ бить и калатить какъ нипопало лутчи раньшп одумайтись желаемъ вамъ отъ души. Подпись 200 человѣкъ".

На оборотѣ листка изображенъ могильный холмъ съ водруженнымъ надъ нимъ крестомъ, а подъ рисункомъ написано:

„Студентамъ и курсисткамъ *вобче всѣмъ которыя противъ Царя*".

Это „вобче", при всей своей дикости, все таки еще понятно въ устахъ невѣжественнаго человѣка. Но вотъ что не понятно: какъ не стыдно прибѣгать къ такимъ же средствамъ и людямъ, считающимъ себя не только образованными, но даже руководителями общественнаго мнѣнія? А между тѣмъ призывъ *вобче бить, которыя противъ Царя* громогласно раздается не только со страницъ привычныхъ къ этому газетъ „Моск. Вѣд.", „Гражданина" и Крушевановскаго „Бессарабца", но и въ „Губернскихъ Вѣд.", *оффиціальныхъ органахъ мѣстнаго, губернскаго управленія.*

Въ отдѣлѣ „Зем. и Город. самоуправл." читатели найдутъ дѣла, возбужденныя въ Думахъ и Земствахъ по жалобамъ гражданъ на цѣлый рядъ возмутительныхъ статей противъ интеллигенціи въ „Пензенскихъ Губ. Вѣд." и „Кубанскихъ Обл. Вѣд." Подобнаго же направленія, какъ оказывается стали придерживаться и „Уфимскія Вѣд.", а затѣмъ—„Воронежскія". Въ послѣднихъ еще 20 янв. было помѣщено, напр., слѣд. воззваніе къ „товарищамъ", составленное „русскими фабрично-заводскими рабочими, помнящими свой святой долгъ предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ":

„Товарищи! Наши истинные, настоящіе товарищи только, именно, рабочіе, мастеровые и ремесленники, но отнюдь не студенты, называющіе себя демократами; поймите, братцы, что можетъ быть общаго между нами, рабочими, и разнузданными студентами?...

„Они насъ называютъ товарищами только для того, чтобы насъ втянуть въ свои коварные замыслы, которые они задумали противъ нашего Царя-батюшки".

Далѣе идетъ наивное объясненіе возникновенія настоящей войны, которое, при всемъ стараніи, едва ли введетъ въ обманъ самаго неразвитаго простолюдина. „Имъ (студентамъ) нужно одно только вольнобуйство, свобода и кричать, что не надо войны. Что они, хотятъ смѣяться надъ нами, что-ли, передъ прочими державами? Нашему правительству раньше еще предлагали англичане и американцы большіе милліоны за манчжурскій край, только чтобы имъ дозволено было построить тамъ разные фабрики и заводы. Однимъ словомъ, хитрые иностранцы хотѣли у насъ въ Россіи кормиться нашимъ коштомъ; конечно, наши имъ отказали, хорошо зная, что у насъ есть свои капиталисты, свои рабочіе, вѣрные сыны отечества. И что-же англичане сдѣлали? Они натолкнули японцевъ на насъ воевать, дали имъ деньги, военныя суда, только чтобы отбить у насъ русское достояніе.

„Эти люди“ (студенты)—„предатели вѣры, Царя и родины *за японскія денежки*“... *Еще разъ прошу, товарищи, не входить въ сношеніе съ внутренними врагами*.

Обратите вниманіе на слово *прошу*. Не намекаетъ ли оно, что „фабрично-заводскіе рабочіе“, авторы воззванія, объединяются въ одномъ к. н. лицѣ, напр. того же г. редактора или секретаря Вѣдомостей?!

Впрочемъ, хорошо еще, что въ этомъ воззваніи не стоитъ болѣе энергичной, лаконической формулы „бить съ негодованіемъ вобче, которыя противъ Царя“. И на томъ спасибо!

Многія „воззванія“, повидимому, принадлежатъ г. Руденко, Правителю канцеляріи при Каз. Куб. Обл. и ред. „Куб. Вѣд.“ Другія отпечатаны въ типографіи ред. — издателя „Свѣта“—В. Комарова.

Еще болѣе возмутительно, когда фанатическая проповѣдь патріотствующихъ мракобѣсовъ „о внутреннихъ врагахъ, подкупленныхъ японцами“, и о крамольности интеллигенціи, раздается съ церковныхъ каѳедръ епископами и священниками.

Въ Москвѣ, особая Думская Комиссія обратила вниманіе, что въ проповѣдяхъ, произносимыхъ въ Епархіальномъ домѣ, сѣется рознь между интеллигенціей и народомъ. Въ Казани Ректоръ Семинаріи, Архим. Григорій всѣ невзгоды наши *приписываетъ интеллигенціи, печати, земству и профессорамъ*. Такъ, говоря въ одной изъ своихъ проповѣдей о печальныхъ событіяхъ, порожденныхъ войной съ Японіей, отецъ Григорій объясняетъ ихъ кознями интеллигентовъ: „не было бы и нашествія на насъ иноплеменниковъ, если бы не было у насъ другихъ, болѣе опасныхъ и губительныхъ враговъ нашихъ,отъ которыхъ мы и терпимъ всѣ наши бѣдствія“... Этими врагами являются, по мнѣнію проповѣдника, „наши лжелибералы, эти волки хищные, въ одеждахъ овчихъ“; „сѣя развратъ,раздоръ и горе дома, на родинѣ,—говорилъ о. Григорій,—эти наши просвѣтители отягчаютъ наше международное положеніе, клевеща на правительство и дѣйствуя противъ него въ союзѣ съ заграничными дѣятелями международнаго анархизма и соціализма, ненавидящими наше православное христіанское государство... они сплетаютъ свои интересы съ интересами всегда враждебнаго христіанамъ и ненавидящаго христіанъ еврейства“...

Въ другой своей проповѣди о. Григорій приписываетъ интеллигенціи разныя другія преступленія—устройство безпорядковъ, говоря, что не только учащаяся незрѣлая молодость забастовываетъ, но и профессора, и адвокаты, и земскіе дѣятели до предводителей дворянства включительно, создавая этимъ безпорядки въ государственной жизни. „Наши лжелибералы-интеллигенты — умники (ибо такъ можетъ быть переведено по русски это слово), такіе же лицемѣры, какъ и евангельскіе книжники и фарисеи“,—такъ заканчиваетъ о. Григорій характеристику просвѣщенной части русскаго общества.

Въ с. Новая Кутла (Мокшан. у) священникъ говоритъ проповѣди, что „смута происходитъ отъ учительницъ, которыя въ Бога не вѣруютъ и правилъ нравственности не читаютъ“.

Въ „*Моск. Вѣд.*“ напечатано „Слово о страшномъ судѣ и о современныхъ событіяхъ“ Антонія, епископа волынскаго.

„Слово“ обращено къ русскому народу съ предупрежденіемъ отъ „богохульниковъ, кощунниковъ, мытарниковъ“ и т. д., и т. д. Почтенный пастырь, грозно напоминая о страшномъ судѣ, указываетъ, чего жаждутъ и къ чему стремятся вышеозначенные „бо-

гохульники“, нынѣ призванные, добавимъ мы отъ себя, двумя актами Высочайшей воли къ устроенію государства россійскаго:

„Можетъ быть, здѣсь видно попеченіе о благополучіи родины? Увы, нѣчто совершенно противоположное! О чемъ хлопочутъ они во всѣхъ своихъ постановленіяхъ? Только о томъ, что выгодно для самихъ мятежниковъ. О томъ, чтобы раздѣлять власть съ законнымъ правительствомъ, да о безпрепятственномъ распространеніи мятежныхъ идей чрезъ печать и другія средства, такъ чтобы никто не имѣлъ права ограничивать такихъ преступниковъ иначе, какъ *посредствомъ судебной волокиты*. Вотъ что легко уразумѣть подъ криками о свободѣ печати и объ отмѣнѣ административной высылки и административныхъ арестовъ?..

Бѣдный русскій народъ! Все-то ему тычутъ на „внутреннихъ враговъ“! А, кажется, пора-бы бросить эту ненужную опеку и предоставить народу самому разобраться, гдѣ друзья и гдѣ враги: авось, не ошибется!

„Восточное Обозрѣніе“ сообщаетъ, что 9-го февраля въ Иркутскѣ, во время мѣстнаго торжества, въ Иннокентьевскомъ монастырѣ молящихся обносили блюдомъ съ прокламаціями.

Приводимъ, въ извлеченіи, это любопытное произведеніе новѣйшей *богословской* литературы, озаглавленное—„свобода слова“.

„Свобода слова, — но не свобода же сквернословія“.

„Свобода церкви,—но не свобода же государства отъ нравственнаго авторитета церковнаго.—Свобода христіанства,—но не свобода же нетерпимаго фанатическаго атеизма.—Свобода русской національной печати,—но не свобода же жидовсной и жидовствующей, клеветнической, грязной прессы, ко всему русскому враждебной.—Свобода публичнаго слова,—но не свобода же публичнаго гоготанья, оранья и неистовства.—Свобода науки,—но не свобода же неучащейся молодежи политиковать.—Свобода державной власти—но не свобода же верховенства купленнаго, сплоченнаго, „либеральнаго“ большинства.—Вотъ—правая и вотъ—лѣвая. На которую же сторону станете вы, русскіе люди? Кажется, отвѣтъ само-собою понятенъ“.

Кого думаютъ обмануть такими проповѣдями г.г. духовные просвѣтители?...

Къ счастью, со стороны самихъ духовныхъ раздаются горячіе протесты противъ такого злоупотребленія храмомъ, какъ мѣстомъ проповѣди.

Въ газетахъ появилось письмо Епископа Исидора (викарія Нижег. эпархіи), гдѣ онъ укоряя „Моск. Вѣд.“ въ „систематическомъ возбужденіи вражды одной части населенія государства противъ другой,—считаетъ неприличнымъ для своего епископскаго сана читать такую газету..

Въ *„Новостяхъ“* одинъ изъ маститыхъ русскихъ архимандритовъ выступилъ съ подобнымъ же заявленіемъ и противъ той же почтенной газеты Карла-Амаліи Грингмута. Вотъ что пишетъ почтенный архимандритъ объ „измѣнѣ“—словѣ, такъ расточительно употребляемомъ „Московскими Вѣдомостями“.

„Бросаютъ это грозное слово наши старатели часто по адресу не тѣхъ, которые худо дѣлаютъ, а тѣхъ, которые говорятъ о худомъ. Не могутъ сознать той простой истины, что не тотъ врагъ, кто указываетъ на болѣзнь, а тотъ, кто закрываетъ эту болѣзнь.

„Вотъ почему-то *воровъ и грабителей государственной казны* измѣнниками не называютъ. Между тѣмъ они то и есть настоящіе измѣнники вѣрности присягѣ Государю и Отечеству, крадущіе общественное достояніе, народный трудъ и проживающіе краденное съ любодѣйцами. По нашему крайнему разумѣнію, не тотъ измѣнникъ, который выходитъ въ толпѣ на улицу, выкрикивая о правахъ, а тотъ, кто сидя у себя въ кабинетѣ, не исполняетъ свято возложенныхъ на него обязанностей къ Царю и Отечеству. Настоящіе враги и измѣнники, найдутся, если поискать между лицами всякаго званія, стоящими на поприщѣ общественнаго служенія на всѣхъ степеняхъ отъ высшихъ до низшихъ“.

Отчего *этихъ* проповѣдей не распространяютъ среди простого народа наши охранители“?

Но нѣтъ, имъ болѣе по сердцу другая проповѣдь — *„бить, которыя вобче противъ царя“*.

И бьютъ! Смертнымъ боемъ бьютъ студентовъ, мальчугановъ, адвокатовъ, врачей, литераторовъ, земскихъ дѣятелей... Бьютъ въ столицахъ, городахъ, въ деревняхъ...

А полиція смотритъ и блаженно улыбается.

или и сама принимаетъ въ избіеніи дѣятельное участіе, вызывая, въ случаѣ надобности, резервы на помощь. „Резервы, бей“!— Разносится по всѣмъ градамъ и весямъ торжествующій кличъ.

Избіеніе интеллигенціи принимаетъ настоящій характеръ эпидеміи. Провинціальная хроника пестритъ подробными извѣстіями, хотя до газетъ едва ли доходитъ и десятая часть относящихся сюда фактовъ.

Вотъ наудачу нѣсколько свѣжихъ фактовъ: въ *Моршанскѣ* 25 февр. избили въ Полиц. участкѣ трехъ реалистовъ. *Въ Казани* къ одной изъ дамъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ разбрасываніи прокламацій въ театрѣ, ночью вломился околоточный Розановъ въ одномъ бѣльѣ... для производства дознанія. Дама едва спаслась отъ него. (Ее выпустили потомъ по недостатку уликъ). Въ *Казани* же мясникъ Мельниковъ избилъ одного ученика, сочтя его за студента. (Судья приговорилъ было его къ аресту на 2 мѣс., но ученикъ простилъ обидчика, когда тотъ сказалъ, что его четверымъ дѣтямъ нечѣмъ будетъ жить). Въ *Бѣлостокѣ* 5 марта казаки избили нѣсколько мальчугановъ, въ *Харьковѣ* 24 февр. какія-то „темныя“ личности избили двухъ гимназистовъ. Про тѣже насилія пишутъ изъ *Орла*, *Рѣжицы*, *Костромы*, *Кишинева*, *Баку*, *Екатеринослава*, *Ростова на Дону и Самары*, гдѣ 24 февр. былъ жестоко избитъ городовыми журналистъ Самойловъ, при этомъ *въ квартирѣ* послѣдняго. Наконецъ, въ пресловутомъ *Курскѣ* помощники пристава *стрѣляли* въ служащихъ земской управы.

Словомъ, бьютъ и бьютъ! Подъ вліяніемъ охранителей, кое-гдѣ и деревенское населеніе вооружается противъ интеллигенціи. Саратовскій губернаторъ обратилъ на это вниманіе и разослалъ по подчиненнымъ циркуляръ. Въ послѣднемъ, по сообщенію „Сар. Л.“, говорится, между прочимъ слѣд.: „Приглашаю гг. земскихъ начальниковъ объяснить населенію, что земскій врачъ, учитель и прочіе земскіе работники—такіе же Царскіе слуги, какъ и остальные служащіе, что всякое огульное обвиненіе опредѣленнаго разряда людей безсмысленно и преступно. Напоминаю, что мы ждемъ холеру. Всячески надо стараться внушить населенію, что врачи и студенты-медики, которые будутъ приглашены, въ случаѣ появленія холеры, рискуютъ своею жизнью для спасенія ближняго, самоотверженно жертвуютъ собою, дѣлаютъ святое, великое дѣло, и что населеніе обязано, въ силу этого, само ограждать ихъ отъ нелѣпыхъ и злонамѣренныхъ навѣтовъ, не разъ уже парализовавшихъ дѣятельность врачей во время серіозныхъ эпидемій“.

Травля интеллигенціи со стороны хулигановъ доходитъ до того, что мальчуганы 6—9 лѣтъ, какъ „сообщаютъ „Од. Нов.“ кричатъ студентамъ „ты что сюда пришла студентская морда! Пошла отсюда вонъ! Что, пришла бунтовать“!

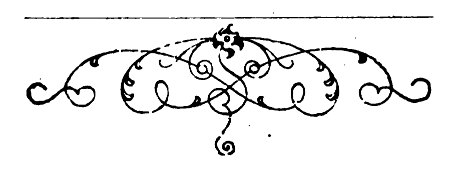
И это происходитъ днемъ, на улицахъ Одессы! Что же говорить про глухую деревню?

Правда, сознаніе народа пробуждается, и онъ уже начинаетъ понемногу различать своихъ настоящихъ друзей.

Въ газетахъ сообщалось о письмѣ петербургскихъ лавочниковъ, протестовавшихъ противъ дѣйствій нѣкоторыхъ „искоренителей крамолы“—молодцовъ лавочниковъ“. А въ Саратовѣ, по словамъ „Прив. Края“, 25 февр. произошелъ еще болѣе поучительный случай: на Верхнемъ базарѣ проходилъ ученикъ техническаго училища. Изъ толпы народа раздался возгласъ: „бей его, это бунтовщикъ!“ но тотчасъ послышался другой голосъ: „нѣтъ, ты самъ бунтовщикъ — бей его“! Толпа моментально разложила „агитатора“ и... высѣкла.

Что-же заговорятъ наши охранители, если народъ совсѣмъ „проснется и сброситъ вѣковую кручину“?..

Ладо.

Земское и городское самоуправленіе.

Земства и рескриптъ 18 февр.—Отвѣтъ М-стра Вн. Дѣлъ.—„Когда же можно будетъ"?—Адреса и резолюціи земствъ.—Энергичныя представленія саратовцевъ.—Частное совѣщаніе земцевъ въ Москвѣ; депутація ихъ къ Министру Вн. Дѣлъ.—Заявленіе консерваторовъ-земцевъ и дворянъ.—Городскія Думы. — Могилевскіе стамбуловцы. — Томское „усмиреніе" непокорныхъ. — Благодарность минцевъ и протестъ противъ нея Губ. Присутствія.—Дѣла объ организаціи милиціи.—Харьковскій проектъ для огражденія учащихся отъ „черной сотни".—Судъ надъ рептильной прессой.

Ободренные Высочайшимъ рескриптомъ 18 февр. о созывѣ „достойныхъ, довѣріемъ облеченныхъ избранныхъ отъ населенія людей, къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній", и въ виду указа 12 декабря (прошлаго года), признавшаго необходимымъ „приступить къ преобразованіямъ, хотя-бы это вносило въ законодательство существенныя нововведенія", — земскія и общественныя учрежденія съ замѣчательнымъ единодушіемъ откликнулись на это великое дѣло.

Не дожидаясь обычныхъ въ этихъ случаяхъ у бюрократіи „распоряженій и предписаній начальства", земства и думы, несмотря на неподходящій, въ большинствѣ, въ смыслѣ отсутствія *полнаго* представительства населенія составъ, съ жаромъ принялись за обсужденіе вытекающихъ изъ указа 18 февр. предначертаній.

Всѣ они знали, конечно, объ учрежденіи Особаго Совѣщанія подъ пред. М-ра Вн. Дѣлъ Булыгина и стали одно за другимъ энергично земства и думы, возбуждать ходатайства о вызовѣ въ это Совѣщаніе депутатовъ отъ нихъ, а нѣкоторыя земства послали въ Совѣщаніе готовые проекты проектируемаго указомъ 18 февр. созыва „излюбленныхъ людей".

Къ сожалѣнію, не вездѣ обсужденіе этихъ жгучихъ, волнующихъ все общество вопросовъ было разрѣшено.

Такъ, полныя запрещенія послѣдовали въ *Минскѣ*, *Елизаветградѣ* и другихъ городахъ.

Въ *Калугѣ* губернаторъ совсѣмъ воспретилъ открытіе экстр. губ. зем. собранія, въ виду предполагавшагося обсужденія проекта о выборѣ народныхъ представителей отъ Калужской губ., хотя на томъ же Собраніи долженъ былъ обсуждаться и вопросъ о борьбѣ съ надвигающейся холерой.

А Орловскій губернаторъ кратко сообщилъ:

„Согласно увѣдомленія начальника главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, поставляю въ извѣстность, что обсужденіе въ земскихъ собраніяхъ и думскихъ засѣданіяхъ различныхъ ходатайствъ, связанныхъ съ Высочайшимъ рескриптомъ 18 февраля, впредь до особаго распоряженія—допускаемо быть не можетъ".

Между тѣмъ, по справкамъ оказалось, что именно *согласія*-то отъ указаннаго управленія и не было.

Когда же *Минская* Дума обратилась по телеграфу съ ходатайствомъ къ М-стру Вн. Дѣлъ объ отмѣнѣ постановленія Губ. по Гор. Дѣламъ Присутствія относительно подобнаго же запрещенія, М-стръ Вн. Дѣлъ отвѣтилъ только, что *рѣшеніе Присутствія должно быть обжаловано обычнымъ порядкомъ въ Сенатъ.*

Но, вѣдь это займетъ съ годъ, а то и больше времени! Когда же тутъ обсуждать проекты, если само Совѣщаніе подъ Предс. М-стра Вн. Дѣлъ (о выработкѣ мѣропріятій по Созыву народныхъ представителей) обѣщаетъ къ 1 янв. 1906 г. уже покончить дѣла? Когда же земствамъ обсуждать проекты? Что-то въ высшей степени странно!

Таврическое Губ. Зем. Собр., въ экстр.

засѣд. 14 марта, постановлено доложить м-ру Вн. Дѣлъ резолюцію, гдѣ говоритъ:

„Россія стоитъ наканунѣ великой реформы нашего госуд. строя. Довѣріе къ бюрократическому правленію утрачено, а при такихъ условіяхъ немыслимо правильное функціонированіе государства. Только представители населенія, связавъ государственную власть съ народомъ, могутъ вывести Россію мирными преобразованіями на путь спокойнаго развитія".

„Для этого существенно прежде всего, чтобы члены перваго собранія были представителями интересовъ всего населенія, что достижимо только выборами, при условіяхъ неприкосновенности личности, полной свободы слова, печати и собраній. Иначе, оно не будетъ пользоваться необходимымъ авторитетомъ и не дастъ Россіи того успокоенія, въ которомъ мы всѣ такъ нуждаемся въ переживаемое тревожное время".

Еще энергичнѣе поступило *Саратовское* губ. земство. Въ экстр. засѣд. 15 марта, не смотря на то, что губернаторъ разрѣшилъ его только для обсужденія смѣты, самъ предсѣдатель г. Юматовъ предложилъ разсмотрѣть болѣе важный и серьезный докладъ „о выработкѣ предположенія губ. земскаго собр. по вопросамъ госуд. благоустройства и народнаго благосостоянія".

Послѣ прочтенія этого доклада собраніе единогласно приняло слѣд.: 1) одобрить докладъ для представленія Государю Императору и, по силѣ указа 18 февр., въ совѣтъ министровъ; 2) представить министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости участія въ предварительномъ совѣщаніи, наряду съ представителями общественныхъ группъ, и лицъ, избранныхъ земскими и городскими учрежденіями; 3) избрать коммиссію для детальной разработки вопроса о народномъ представительствѣ согласно мѣстнымъ условіямъ Саратовской губерніи; 4) представить министру внутреннихъ дѣлъ, что все болѣе и болѣе обостряющееся настроеніе русскаго общества и возрастающее тревожное настроеніе народа подъ вліяніемъ печальныхъ событій вполнѣ выяснили настоятельную необходимость немедленно открыть и скорѣе закончить работы совѣщанія по организаціи народнаго представительства, при условіи широкой гласности этихъ работъ; 5) представить Его Величеству о необходимости немедленнаго предоставленія населенію свободы устнаго и печатнаго слова, собраній и вообще видовъ гражданской свободы, не требующихъ сложной законодательной работы.

Затѣмъ были прочитаны постановленія *Петровскаго* Уѣз. Зем. Собр. о неотложной необходимости успокоенія народныхъ массъ путемъ реформъ.

Собраніе поручило также управѣ представить ходатайство министру внутреннихъ дѣлъ и Святѣйшему Синоду о необходимости экстренныхъ мѣръ для опроверженія ложныхъ слуховъ, распространяемыхъ про интеллигенцію.

Кромѣ того, Собраніе поручило Управѣ разослать во всѣ волостныя правленія губерніи циркулярныя разъясненія о начавшейся агитаціи „темныхъ силъ" въ деревнѣ, настраивающей населеніе противъ интеллигенціи вообще и въ частности—противъ земскихъ работниковъ, главнымъ образомъ—противъ учителей.

Управа немедленно исполнила это предписаніе, прося населеніе въ своихъ извѣщеніяхъ не вѣрить ложнымъ слухамъ, *кѣмъ бы они не распространялись*, и немедленно сообщать ей о лицахъ, распространяющихъ эти слухи.

За необходимость скорѣйшаго окончанія работъ Особаго Совѣщанія, подъ предсѣд. гофм. Булыгина, и немедленнаго созыва народныхъ представителей высказались и *столичныя губ. земства*, при чемъ въ Московское губ. зем. собраніе было подано заявленіе, покрытое болѣе 500 подписями „отъ московскихъ женщинъ", гдѣ онѣ просятъ Собраніе „при предстоящемъ пересмотрѣ Земскаго Положенія высказаться за дарованіе женщинамъ равныхъ съ мужчинами правъ на участіе въ земскомъ самоуправленіи".

Москва-же первая положила починъ съѣзду *земскихъ дѣятелей*, происходившему, правда, частнымъ образомъ. На этомъ съѣздѣ обсуждался прежде всего вопросъ о предстоящей организаціи народнаго представительства и было признано, что оно должно быть организовано на началахъ „всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права".

Затѣмъ земцы признали необходимымъ участіе въ Совѣщаніи подъ предсѣд. Булы-

гина представителей земствъ и большихъ городовъ. Наконецъ, серьезное вниманіе ихъ остановилъ на себѣ, по словамъ „Русск. Вѣд.". аграрный вопросъ. Признавъ необходимость широкой реформы въ этомъ отношеніи, собравшіеся приняли слѣд. положенія:

„Предстоящая аграрная реформа должна быть построена на слѣдующихъ началахъ: I. Улучшеніе экономическаго положенія земледѣльческаго класса путемъ обязательнаго выкупа изъ частновладѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ, въ интересахъ малоземельныхъ группъ. II. Признаніе государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ и части удѣльныхъ земель. III. Упорядоченіе условій аренды путемъ государственнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія. IV. Правильная постановка на широкихъ переселенія и разселенія, облегченіе пользованія различными видами кредита, реформа Крестьянскаго банка и содѣйствіе кооперативнымъ предпріятіямъ и т. д.

Къ аналогичнымъ заключеніямъ пришли и представители городскихъ думъ, собравшіеся въ то же время въ Москвѣ.

Эти положенія рѣшено было, чрезъ особую депутацію, сообщить м-стру вн. дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

На этомъ же совѣщаніи земцевъ выступила съ своимъ заявленіемъ консервативная партія земцевъ. Она, ссылаясь на то, земская Россія — еще не вся Россія, а сами земства и думы не представляютъ населенія во всей его полнотѣ, предлагаетъ просить, въ противоположность мнѣнію большинства, чтобы Особое Совѣщаніе подъ предс. гофм. Булыгина „состояло не изъ избранниковъ земскихъ и городскихъ учрежденій, а помимо представителей отъ администраціи, главнымъ образомъ изъ лицъ, *приглашенныхъ* министромъ Вн. Дѣлъ, на основаніи рескрипта 18 февраля, къ какому бы общественному положенію, сословію, состоянію, образу мыслей они ни принадлежали, лишь-бы только эти лица равномѣрно и правильно представляли всѣ сословія Россіи".

Повидимому, къ этому дѣло и клонится: бюрократія, очевидно, во что бы то ни стало рѣшила не выпускать изъ своихъ рукъ намѣченной реформы... Во что послѣдняя превратится тогда,—ясно для каждаго.

Въ противовѣсъ „земцамъ" въ Москвѣ же собирались недавно и губернскіе предводители дворянства. Извѣстна резолюція ихъ, гдѣ они. между прочимъ, добавляютъ:

„Въ средѣ общественныхъ дѣятелей существуетъ весьма значительная, сильная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія. Нѣтъ сомнѣнія, что группа эта будетъ проводить свои взгляды въ общественныхъ собраніяхъ и приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы дать предстоящимъ государственнымъ реформамъ направленіе строго конституціонное. Съ этимъ, по мнѣнію нашему, надлежитъ бороться, проводя въ общественное необходимость объединенія на почвѣ рескрипта 18 февраля, провозгласившаго возрожденіе нашего отечества на основѣ самодержавія при народномъ представительствѣ".

Далѣе,говоится „что Россія идетъ своимъ путемъ, и путь Зап. Европѣ ей не указъ", что она „должна выработать самобытную форму правленія",..

Впрочемъ, и по мнѣнію гг. предводителей народное представительство „должно уничтожить произволъ правительственныхъ чиновъ; должно состоять изъ выборныхъ людей. Кромѣ права разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ, составляемыхъ въ министерствахъ, оно должно имѣть право возбужденія вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ. Чтобы, „отвратить извращеніе законовъ исполнительными властями и ради охраненія свободы совѣсти, личности и слова, оно должно имѣть право запроса министрамъ, которые остаются отвѣтственными передъ Государемъ. Оно должно имѣть право разсмотрѣнія государственной росписи и право контроля надъ исполненнымъ бюджетомъ".

Происходившія въ концѣ февраля и срединѣ марта думскія засѣданія въ большинствѣ губернскихъ городовъ были посвящены обсужденію,—съ одной стороны, общегосударственныхъ нуждъ, вытекающихъ изъ рескрипта 18 февр., съ другой—заботамъ о предупрежденіи „избіеній", устраиваемыхъ подкупленными хулиганами и полиціей.

И здѣсь энергичнѣе всего дѣйствовали харьковцы. 16 марта Харьк. Дума *единогласно* приняла обширный докладъ, пред-

ставленный ей группою гласныхъ, гдѣ указывалось на необходимости „активнаго и постояннаго участія въ законодательныхъ трудахъ правительства свободно избранныхъ представителей народа". Кромѣ того, признано также необходимымъ: 1) призваніе въ комиссію г. министра внутреннихъ дѣлъ гофмейстера Булыгина избранныхъ представителей населенія для разработки поставленныхъ ея власти вопросовъ съ правомъ рѣшающаго голоса; 2) избраніе комиссіи для разработки на мѣстѣ вопросовъ, намѣченныхъ въ указѣ Сената отъ 18-го февраля.

О допущеніи городскихъ представителей въ Совѣщаніе подъ предс. Булыгина ходатайствовала и Нижегородская дума (засѣд. 18 марта), затѣмъ Минская (28 февр.), Тифлисская (10 марта). Порывалась было тоже сдѣлать и Нахичеванская дума, но городской голова, только что разрѣшившій было къ обсужденію эти вопросы, вдругъ запретилъ ихъ, получивъ соотвѣтствующее внушеніе отъ градоначальника г. Ростова, гр. Коцебу-Пиларъ Пильхау. Въ отместку за это Дума, постановившая было выразить благодарность своему головѣ за гражданское мужество, *рѣшила выразить* ему теперь *порицаніе* за такую неожиданную перемѣну образа дѣйствій.

Томская дума постановила отправить Государю адресъ, чтобы въ имѣющемъ быть Собраніи народныхъ представителей Россіи не были забыты сибирскіе города.

Далѣе, въ виду не прекращающихся нападеній „черныхъ сотенъ" на интеллигенцію и учащихся, многія думы подняли вопросъ объ учрежденіи особой городской милиціи, такъ какъ полиція, какъ видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, не въ силахъ охранять спокойствіе и безопасность жителей.

Впрочемъ, мудрено ей и охранять ихъ, если... она сама принимаетъ дѣятельное участіе въ организаціи избіеній. Курскъ, Псковъ, Н.-Новгородъ неоспоримо доказали это. А теперь къ нимъ присоединился и Могилевъ—губ., гдѣ въ думу поступило прошеніе жителей, наводящее на грустныя мысли. Въ немъ описывается, какъ полиція захватила 20 янв. до 50 разныхъ гражданъ. Не смотря на то, что при обыскѣ ничего предосудительнаго у нихъ не было найдено, ихъ отвели въ участокъ, а оттуда—въ арестантскую, „причемъ каждаго изъ нихъ городовой Калачевъ ударялъ по шеѣ кулакомъ, отчего большинство изъ нихъ падали съ лѣстницы внизъ. На лѣстницѣ и внизу въ проходѣ стояли городовые и люди въ штатскомъ платьѣ, въ числѣ которыхъ были опознаны дворники. Эти люди въ свою очередь принимались бить задержанныхъ и послѣ побоевъ, часто въ безпамятствѣ, ихъ втаскивали въ арестантскую... Только чрезъ нѣсколько часовъ, когда избитые приходили въ себя и оказывались способными держаться на ногахъ, ихъ выпускали на свободу".

Эти звѣрскія избіенія на глазахъ у всѣхъ, продолжались и 22 янв. днемъ: „жильцы дома Зильбермана изъ оконъ квартиръ видѣли, какъ на пожарномъ дворѣ городовые и дворники подбрасывали людей вверхъ и, когда тѣ падали, топтали ихъ ногами и били палками".

Описывая эти факты, ничѣмъ не уступающіе подвигамъ знаменитыхъ стамбуловскихъ палочниковъ, граждане просятъ, въ порядкѣ ст. 67 Гор. Полож., принять к. н. мѣры къ огражденію ихъ личной безопасности.

И. д. губернатора даже не разрѣшилъ 15 февр. на засѣд. Думы прочесть это заявленіе, и только губернаторъ чрезъ недѣлю разрѣшилъ.

И подобныя баши-бузукскія избіенія происходятъ, въ большемъ или меньшемъ масштабѣ, чуть не вездѣ, даже въ столицахъ!

Изъ университетскихъ городовъ, кажется, только Харьковъ да тихій Юрьевъ избѣжали общей участи.

Въ *Кіевѣ* самъ гор. голова настолько, впрочемъ, возлюбилъ почтенный институтъ полицейскихъ, что пригласилъ ихъ на думское засѣданіе (4 марта), пока возмущенные гласные и публика не потребовали удаленія ихъ.

Въ *Томскѣ* 3 февр. въ Думѣ обсуждалось дѣло, аналогичное Могилевскому, какъ явствуетъ изъ заявленія поданнаго 13 гласными.

„18-го числа сего января,—говорится въ заявленіи,—казаки, чины мѣстной полиціи и ночные объѣздчики избивали жителей гор. Томска, совершенно непричастныхъ къ бывшимъ въ тотъ день уличнымъ безпорядкамъ, въ улицахъ, не бывшихъ мѣстомъ безпорядковъ и даже весьма удаленныхъ отъ этого мѣста, и притомъ въ то главнымъ образомъ

время, когда фактически означенные безпорядки уже были устранены. Означенные выше чины били нагайками и обнаженными шашками всѣхъ попадавшихся имъ на улицахъ лицъ безъ различія пола, возраста, общественнаго и служебнаго положенія; дѣлались даже попытки чинить эти насилія въ запертыхъ дворахъ и въ жилыхъ помѣщеніяхъ, не исключая помѣщеній, занятыхъ установленіями правительственнаго характера. Лицъ, потерпѣвшихъ эти насилія, не задерживали и, слѣдовательно, били для того только, чтобы бить".

При обсужденіи въ думѣ этого заявленія, нѣкоторыми гласными было обращено вниманіе на то, что въ день 18-го января, въ моментъ избіенія ни въ чемъ неповинной публики на улицахъ г. Томска, не было видно ни одного изъ тѣхъ лицъ, которымъ по закону присвоено право отдавать приказаніе пускать въ ходъ военную силу при подавленіи безпорядковъ. Городъ былъ въ полномъ распоряженіи казаковъ безъ офицера и городовыхъ подъ командой околодочныхъ.

Окончивъ обсужденіе этого вопроса, Дума постановила—просить М-стра Вн. Дѣлъ назначить слѣдствіе о превышеніи власти полиціей, а о дѣйствіяхъ казаковъ—сообщить ихъ военному начальству.

Въ *Минскѣ* избіенія гражданъ и учащихся не произошло только по распорядительности губернатора. И за это Дума постановила выразить ему благодарность. Но оказалось, что безъ воли начальства и благодарить нельзя: губ. Минское по гор. дѣламъ присутствіе отмѣнило это постановленіе, какъ „не имѣющее основанія въ городовыхъ положеніяхъ", равно какъ и другое постановленіе той же Думы—объ ассигнованіи 200 рубл. въ пользу пострадавшихъ отъ безпорядковъ въ С.-Пб. и Варшавѣ, „такъ какъ эти деньги нужны-де на городскія потребности".

Подумаешь, какая громадная сумма для города, 200 рублей...

Въ виду частыхъ случаевъ насилій города и возбуждаюсь вопросъ объ образованіи городовой полиціи. Объ этомъ раздаются заявленія въ Думахъ столицъ, Саратова, Пензы, Калуги, Могилева, Минска, Харькова, Симферополя и даже уѣзднаго города Ельца. Мысль эта, повидимому, все болѣе укрѣпляется въ умахъ обывателей.

Но нѣкоторыя Думы, въ видахъ огражденія безопасности мирныхъ обывателей и учащихся отъ насилій, идутъ дальше.

Въ засѣд. Харьковской Думы 21 марта городской голова сообщилъ, что хотя губернаторъ обѣщалъ ему „не дѣлать попустительства" насилій, но все таки „мѣры полицейскія недостаточны для предупрежденія насилій темной массы,—необходимо, чтобы сами учебныя заведенія пріобрѣли достаточный авторитетъ и силу. Въ этихъ цѣляхъ проф. Погорѣлко предложилъ ходатайствовать: 1) о предоставленіи исполнительнымъ органамъ общественныхъ управленій всей организаціонной стороны школьнаго дѣла; 2) о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній на началахъ гуманнаго отношенія къ учащимся и довѣрія къ учащимъ, при достаточной самостоятельности педагогическихъ совѣтовъ, въ которыхъ должны участвовать представители общества; 3) объ организаціи управленія высшими учебными заведеніями на началахъ автономіи и академической свободы".

Гласный М. И. Свѣтухинъ указалъ на необходимыя условія равенства борьбы съ „черной сотней"—освобожденіе прессы отъ цензуры и предоставленіе русскому гражданину „habeas corpus", а далѣе—необходимости учрежденія городской милиціи, изъятія полиціи изъ вѣдѣнія администраціи и передачи ея муниципалитетамъ.

Наконецъ, было сдѣлано предложеніе—ходатайствовать, чтобы Высочайшій указъ и рескриптъ 18-го февраля было широко опубликованы во всѣхъ слояхъ населенія, въ частности, чтобы св. синодъ ознакомилъ съ этими актами великой государственной важности всѣ приходы. Гласный Салтыковъ мотивомъ къ этому предложенію выставилъ,—„чтобы батюшки, занимающіеся политикой, знали о чемъ, надо говорить, не прибѣгая къ баснямъ объ англо-японскихъ подкупахъ гг. Черепъ-Спиридовичей и Грингмутовъ".

Дума сдѣлала соотвѣтствующія постановленія, горячо принятыя публикой.

Въ другихъ Думахъ обратили вниманіе на рептильную прессу, натравливающую „черную сотню" и хулигановъ на интеллигенцію.

Такъ, въ *Екатеринодарской Думѣ* произвели настоящій судъ надъ мѣстной оффиц. газетной, „Кубан. Обл. Вѣд.“. Поводомъ послужило поступившее въ думу заявленіе съѣхавшейся молодежи объ опасности направленія этой газеты для проживающихъ въ Екатеринодарѣ студентовъ. Начальникъ области сооообщилъ городскому головѣ, что заявленіе студентовъ не подлежитъ разсмотрѣнію городской думой, такъ какъ „заявленіе это не входитъ въ кругъ вѣдомства городскихъ управленій“.

Однако, большинствомъ гласныхъ рѣшено было обсудить этотъ вопросъ, а по обсужденіи „просить начальника области принять мѣры къ прекращенію некорректнаго направленія „Куб. Обл. Вѣд.“.

Въ *Пензѣ* 15-го марта подобнымъ же оброзомъ судили своего „оффиціова“—„Губ. Вѣд.“. Вопросъ былъ поднятъ заявленіемъ, поданномъ въ Думу 106 обывателями города.

„Подъ впечатлѣніемъ курскихъ избіеній и забастовки учащихся въ г. Пензѣ, подписавшіе заявленіе указываютъ на систематически подобранныя статьи въ „Пенз. Губ. Вѣд.“ и перепечатки съ призывомъ бороться съ врагами—крамольниками, которые суть „или евреи, или безпочвенные... невѣжды, именующіе себя интеллигентами“; отмѣчаютъ „усиленіе такъ называемаго хулиганства и предлагаютъ думѣ обсудить вопросъ о защитѣ гражданъ противъ безобразій и возможной травли черной сотни и въ частности возбудить вопросъ о передачѣ полиціи въ вѣдѣніе города“.

„Во время преній гл. Н. Р. Евграфовъ въ своей рѣчи привелъ такіе перлы творчества Губ. Вѣд. какъ выдержки изъ №№ 47, 53... Тамъ врагами Россіи прямо называются... интеллигенты въ союзѣ съ внѣшнимъ врагомъ, а въ одномъ изъ номеровъ прямо заявляется, что „интеллигенція и бюрократія (?!) желаютъ соединиться съ еврействомъ“. Такимъ образомъ и *бюрократія* попала въ число враговъ Россіи и народа. „Пенз. Губ. Вѣд.“, оффиціальный органъ „бюрократіи, сами себѣ дали аттестацію“...

Къ сожалѣнію, Дума ограничилась передачею возбужденныхъ въ петиціи вопросовъ въ Особую Комиссію.

Т. Богдановъ.

Судебная хроника.

Появленіе гласности на судахъ.—Характерныя дѣла нашего времени.—Дѣло о злоупотребленіи туркестанской администраціи.—Сенатъ на стражѣ закона: одно изъ кишиневскихъ дѣлъ.—„Порицаніе вѣры".—Судьи въ коллегіи и судьи въ одиночку: „псковское правосудіе и черная сотня".—Дѣло о протестѣ противъ черной сотни.—„Постороннія вліянія" въ Съѣздѣ Мир. Судей: дѣло харьк. студ. Петрова. — Кишиневскій полицiймейстеръ и общество „спасанія и предупрежденія".

Гласность судовъ, давно уже сданная было въ архивъ, мало по малу опять завоевываетъ себѣ прежнее мѣсто,—и на свѣтъ Божій стало выплывать много такихъ „дѣлъ", которыя еще недавно казались запрещенными.

Дѣлъ этого рода уже много проходило чрезъ нашу „Хронику". Отмѣчалось въ ней и то благотворное вѣяніе, которое началось со времени гласнаго разбирательства: приговоры стали мягче, а нѣкоторые кончались даже оправданіемъ подсудимыхъ, такъ какъ судъ не находилъ „состава преступленія".

Понятно, прокуратура, набившая себѣ руку на прежнихъ обвиненіяхъ и уже свыкнувшаяся съ ними, протестуетъ противъ этихъ „оправданій" —и дѣло передается въ послѣднюю инстанцію—Сенатъ.

Изъ множества сюда относящихся дѣлъ приводимъ одно изъ самыхъ характерныхъ, разбиравшееся 15-го марта въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, по протесту товарища прокурора казанской судебной палаты на оправдательный приговоръ палаты по дѣлу обывателя Алашева и крестьянина Попова.

15-го декабря 1904 года дѣло это слушалось въ публичномъ засѣданіи особаго присутствія казанской судебной палаты въ г. Уфѣ. Тогда въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировалъ еще третій, обыватель г. Златоуста Варгановъ. Обвинялись они въ томъ, что въ маѣ и іюнѣ 1904 г. въ гор. Златоустѣ распространяли печатныя сочиненія соціалъ - демократической рабочей партіи, возбуждающія къ ниспроверженію существующаго въ Россіи общественнаго строя.

Разбирая дѣло, Судебная Палата нашла, однако, что для обвиненія подсудимыхъ не добыто никакихъ данныхъ, ибо не установлено, чтобы такое распространеніе имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Относительно подсудимаго Алащева на судѣ выяснено, что у него по обыску была найдена одна книжка издаваемаго соціалъ-демократической партіей журнала „Заря", которую Алашевъ давалъ для прочтенія свидѣтелю Ципляеву, служащему, повидимому, тайнымъ агентомъ. По объясненію Алашева, книжку эту онъ получилъ отъ подсудимаго Попова для разрѣшенія возникшаго между ними спора объ обстоятельствахъ осады китайцами г. Благовѣщенска. Изъ всей книжки Алашевымъ и были прочитаны только двѣ статьи: „Объ осадѣ Благовѣщенска" и „О рабочихъ кіевскихъ безпорядкахъ".

По показанію же Попова, онъ взялъ эти книжки изъ найденнаго имъ тайнаго склада близъ полотна желѣзной дороги. Складъ этотъ, дѣйствительно, и былъ потомъ обнаруженъ, причемъ въ немъ оказалось 290 неразрѣзанныхъ брошюръ, уложенныхъ въ ящикъ. Между прочимъ, тамъ были: „Правда о бѣдствіяхъ простого народа", „Почему не всякому разрѣшается помогать крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожая", Мститель", „Рѣчь Варлена предъ судомъ исправительной полиціи", „Рѣчь Петра Алексѣева".

Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ палата не усмотрѣла элементовъ „распространенія" въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово законъ, такъ какъ онъ говоритъ: „для установленія преступности распространенія тре-

буется доказать намѣреніе обвиняемаго или возбудить этимъ путемъ другихъ лицъ къ учиненію преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ 129 ст. уложенія, или же, по крайней мѣрѣ, содѣйствовать распространенію таковыхъ сочиненій. Поэтому передача одному лицу завѣдомо „нелегальнаго“ сочиненія не можетъ караться, если не доказана преступная цѣль—возбужденіе лица къ учиненію преступныхъ дѣяній, или же—что виновникъ имѣлъ въ виду передачу означеннаго сочиненія другимъ лицамъ“. Въ дѣяніяхъ Алашева и Попова подобныхъ намѣреній не обнаружено. Правда, Поповъ виновенъ въ этомъ, но за силою Всемилостивѣйшаго манифеста 11 августа 1904 г. и онъ долженъ быть освобожденъ отъ наказанія по суду. Что касается подсудимаго Варганова, то отъ обвиненія противъ него отказался на судѣ и представитель прокурорскаго надзора. Противъ него говорилъ только оговоръ подсудимаго Попова, будто Вархановъ указалъ ему мѣсто склада. Но Поповъ на судѣ отказался отъ своего показанія, заявивъ, что сдѣлано оно было подъ давленіемъ лица, производившаго слѣдствіе; его *пугали*, какъ онъ заявилъ, даже *смертною казнью*.

Всѣ обвиняемые особымъ присутствіемъ палаты были оправданы. На этотъ приговоръ былъ принесенъ въ сенатъ кассаціонный протестъ товарищемъ прокурора казанской судебной палаты. Но Сенатъ оставилъ протестъ прокурора безъ послѣдствій.

---

4 марта *Особымъ Присутствіемъ СПБ. Судебной Палаты* было заслушано 4 такихъ же дѣла,—и всѣ почти по 129 ст. уг. улож. (храненіе запрещенныхъ сочиненій, трактующихъ о ниспроверженіи существующаго правительства, и передача ихъ для чтенія въ цѣляхъ пропаганды. Обвиняемыхъ было 9 человѣкъ, все крестьяне Курл. губ., кромѣ б. студ. Риж. Полит. И-та А. Брауна, при чемъ всѣ были оправданы, на основаніи разъясненія Сената о томъ, что нужно считать „распространеніемъ преступныхъ сочиненій“, а Браунъ приговоренъ на 1 г. къ заключенію въ крѣпости (за зачетомъ 3 мѣс., провед. подъ стражей и сокращеніемъ срока наказанія по Высочайшему Манифесту отъ 11 авг., этотъ срокъ сократился до 1 мѣс.).

Наканунѣ, 3 марта, тѣмъ-же Присутствіемъ разбиралось 8 дѣлъ также о крестьянахъ по той же 129 ст., изъ нихъ 2 кончились оправданіемъ, а по остальнымъ—подсудимые были присуждены къ заключенію въ крѣпости срокомъ отъ 4 мѣс. до 1 года.

1 марта *Харьк. Суд. Палата* разсматривала 4 дѣла все по той же 129 ст. Изъ нихъ 1 кончилось осужденіемъ (на 8 мѣс. тюрьмы), 1 отложено, а по 2 вынесенъ оправдательный вердиктъ; оправданъ 1 студ. Харьк. Ун., А. Ѳедоровъ и крестьянинъ А. Тика, рабочій на фарф. фабрикѣ В. Кузнецова, въ дер. Будахъ (Харьк. у.), гдѣ онъ, „имѣя у себя преступныя изданія антигосударственнаго характера, распространялъ содержаніе послѣднихъ, читая въ слухъ жившимъ въ одной съ нимъ казармѣ рабочимъ брошюры: „Сказаніе о несправедливомъ царѣ, и какъ онъ въ разумъ вошелъ и какой совѣтъ людямъ далъ“—изданія партіи соціалистовъ-революціонеровъ и аграрно-соціалистической лиги и „Народное Дѣло“—изданія партіи соціалистовъ-революціонеровъ“.

Изъ обвиняемыхъ было 2 крестьянина, 1 студ., 1 мѣщан. и 4 дворянина.

8-го марта, въ 2 часа ночи, выѣздная сессія *Кіевской Суд. Палаты* въ Житомірѣ съ сословными представителями, послѣ 14-ти часового закрытаго засѣданія, вынесла приговоръ по дѣлу І. Розенталя, М. Розенталь (Іерусалимской), М. Розенблюма, К. Овсяника и Д. Филиппова, обвиняемыхъ по ст. ст. 126, 128 и 129 угол. улож. за печатаніе и распространеніе разныхъ нелегальныхъ изданій партіи соціалистовъ-революціонеровъ и участіе въ волынскомъ комитетѣ той же партіи.

Приговоромъ обвиняемые были осуждены на заключеніе въ крѣпость, Розентали на 1 г. 6 мѣс., Филипповъ на 1 годъ съ зачетомъ 6 мѣс. изъ предварит. заключенія (1 г. 9 мѣс.), Розенблюмъ на 4 недѣли на хлѣбъ и воду, а Овсяникъ оправданъ.

9-го марта слушалось дѣло объ О. Галкиной, обвиняемой по 2-й ч. 132 ст. уг. улож., за перевозку черезъ границу литературы, объ Ущеренко, Альтгаузенѣ и Фельдманъ, обвиняемыхъ по 126, 127, 129 ст. ст. угол. улож. за участіе въ волынскомъ комитетѣ партіи соціалистовъ-революціоне-

ровъ и печатаніе прокламацій, и о Ковальскомъ и Піотровскомъ, обвиняемымъ по 129 ст. уст. ул. о наказ. Приговорены: О. Галкина (26 лѣтъ) къ 3 мѣсяцамъ заключенія въ крѣпости, Ущеренко (21 года) и Альтгаузенъ (20 лѣтъ) тоже къ заключенію въ крѣпости, срокомъ на 1 годъ. Ковальскій (18 лѣтъ)—въ крѣпость на 20 мѣс. 20 дней. Фельдманъ (22 лѣтъ) и Павловскій (37 лѣтъ) оправданы. Приговоры объявлены при открытыхъ дверяхъ.

17 февр. выѣздная сессія *Моск. Суд. Пал.* въ Костромѣ слушала дѣло о бывшемъ техникѣ Лакомкинѣ, обвиняемомъ все по той же 129 ст. Подсудимый оправданъ.

Начались дѣла и чисто военныя, связанныя съ мобилизаціей. Такъ, „Варш. Дневн." сообщаетъ, что призванные изъ запаса нижніе чины мобилизованной 16 летучей Артил. бригады, въ числѣ 19 человѣкъ согласились между собою, а равно и съ другими запасными, личности которыхъ дознаніемъ не установлены, воспротивиться силою распоряженію военнаго начальства. Съ этой цѣлью 11 января этого года, въ городѣ Волковыскѣ, они произвели буйство въ помѣщеніи своихъ казармъ съ крикомъ, бранью и съ угрозой. Порядокъ былъ возстановленъ прибывшей воинской командой.

За означенныя преступленія подсудимые присуждены: пять человѣкъ къ смертной казни черезъ растрѣляніе, двое оправданы, а остальные—къ каторжнымъ работамъ, четверо безъ срока и восемь человѣкъ—на 20 лѣтъ. 28 февраля въ $7^1/_2$ часовъ утра приговоръ приведенъ въ исполненіе.

8-го марта на разсмотрѣніи Угол. Кассац. Деп. Сената было дѣло кр-на Митрофана Куликова.

Обстоятельства этого дѣла слѣд.: 2-го мая 1904 г. утромъ въ гор. Петровскѣ, въ пивной лавкѣ Рѣзанова, къ нижнимъ чинамъ 2-й батареи 21-й артиллерійской бригады Вульфу Вульковичу и Василію Корнѣйко подошелъ неизвѣстный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи рабочимъ хлопчато-бумажной фабрики крестьяниномъ Митрофаномъ Куликовымъ, который, вступивъ съ ними въ разговоръ о тягости войны съ Японіей, сталъ говорить о томъ, что „берутъ солдатъ на войну, а семейства голодаютъ", что „помѣщики притѣсняютъ крестьянъ" и т. п. и затѣмъ, вынувъ изъ кармана пачку бумагъ передалъ ихъ Корнѣйко, совѣтуя таковыя прочесть и передать другимъ солдатамъ. Когда Вульковичъ и Корнѣйко съ полученными бумагами ушли въ батарею, Куликовъ подошелъ къ сидѣвшей въ другой комнатѣ группѣ нижнихъ чиновъ терско-дагестанской крѣпостной артиллеріи и вполголоса спросилъ одного изъ нихъ, Божко: не нужно-ли ему „литературы", причемъ объяснилъ, что это за литература. Когда-же Божко выразилъ желаніе имѣть такія бумаги, Куликовъ сказалъ, что у него нѣтъ, но просилъ придти за ними съ товарищами къ фабрикѣ.

Изъ пріобщенныхъ къ дѣлу прокламацій, переданныхъ Куликовымъ нижнимъ чинамъ, видно, что онѣ изданы „Кавказскимъ союзомъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи".

Обвиняемаго привели въ полицію сами же солдаты—артиллеристы.

Тифлисская судебная палата приговорила Куликова, съ примѣненіемъ манифеста, къ заключенію въ крѣпость на восемь мѣсяцевъ. Теперь Сенатомъ приговоръ этотъ утвержденъ.

Интересное „политическое", въ нѣкоторомъ родѣ, дѣло разбиралось недавно въ *Казанской Суд. Палатѣ*. Его смѣло бы можно назвать „дѣломъ о выѣденномъ яйцѣ", между тѣмъ оно заняло ровно 2 года, восходя отъ самой низшей инстанціи, Земскаго Начальника, до Сената, и обратно.

Суть дѣла въ томъ, что еще *въ началѣ 1903 г.* административно-ссыльный, пот. поч. гражд. Кожевниковъ чѣмъ-то якобы-бы оскорбилъ низшаго полиц. чина, „при исполненіи служ. обязанностей", хотя этотъ чинъ въ моментъ инцидента былъ въ статскомъ платьѣ. Уѣздный Съѣздъ, куда было перенесено это дѣло, оправдалъ подсудимаго, но тотъ, во время объясненія, обмолвился фразой, что „полицію г. Орлова (Вятс. губ.) такъ часто наполняютъ мелкія, темныя душенки",—и заварилась каша. Присутствовавшій на Съѣздѣ полиц. надз. Михайловъ отнесъ эту фразу къ себѣ и обидѣлся; началось „дѣло по обвиненію должностнаго лица словомъ". Вятскій Окружный Судъ, однако, оправдалъ Кожевникова. Но съ его приговоромъ не согласился прокуроръ, почему „дѣло" перешло въ Суд. Палату. Послѣдняя

уважила его протестъ и приговорила Кожевникова къ 2 недѣлямъ ареста при полиціи. Но этотъ приговоръ былъ кассированъ Сенатомъ, который приказалъ Суд. Палатѣ снова пересмотрѣть „дѣло". На этотъ разъ. Палата постановила Кожевникова считать оправданнымъ!

Если, съ одной стороны, „полит. дѣла" задѣваютъ широкіе слои народа, то, съ другой—и въ обычной „уголовщинѣ" начинаетъ все болѣе выдѣляться новый элементъ, исчезнувшій было изъ судебной хроники за послѣдніе 2—3 десятка лѣтъ: это—титулованные уголовные. Очень можетъ быть, что они фигурировали и раньше, но дѣла о нихъ велись „шито и крыто"—и общество мало знало (чтобы не было, дескать, соблазну)! Предъ публикой на судѣ если и выступали, въ качествѣ уголовныхъ подсудимыхъ, то больше—мелкая чиновная сошка или захудалые дворяне, наконецъ, промотавшіеся графы и князья, отъ которыхъ уже раньше отвернулись „свои". Теперь же выступаютъ на сцену, на скамьяхъ подсудимыхъ, родовитые *служилые* дворяне, занимающіе видные посты, бывшіе предводители дворянства и т. п.

И это—также характерное значеніе времени, характерное не потому, что мы видимъ среди обыкновенныхъ „уголовныхъ" знать: она бывала и раньше; характерна именно самая возможность публичнаго обсужденія такихъ дѣлъ.

Одно изъ такихъ „дѣлъ" назначено къ слушанію на 27-е марта въ московскомъ окружномъ судѣ: дѣло по обвиненію въ подлогахъ, мошенничествѣ и другихъ преступленіяхъ потомственныхъ дворянъ Владиміра Владиміровича Лаврова, Михаила Ивановича Залѣсскаго и князей Сергѣя и Александра Дмитріевичей Урусовыхъ. Названныя лица совершили цѣлый рядъ мошенническихъ продѣлокъ, выдавая себя, главнымъ образомъ, за представителей Краснаго Креста. Въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ они выманивали отъ разныхъ лицъ и учрежденій деньги, то въ видѣ платы за объявленія, помѣщаемыя въ изданіяхъ этого общества, то собирая въ пользу запасныхъ, призванныхъ на военную службу. Посѣщенія этой компаніей торговыхъ учрежденій обставлялись весьма торжественно. Князья Урусовы даже одѣвали военную форму, на которую, однако, никакого права не имѣли. При полученіи денегъ компаніей предъявлялись подложные документы и выдавались подложныя квитанціи. Дѣло продлится, вѣроятно нѣсколько дней. Вызывается свыше 40 свидѣтелей.

Понемногу всплываютъ на свѣтъ Божій и другія дѣла, также давно уже „не подлежавшія оглашенію", именно, *дѣла по злоупотребленіямъ администраціи.*

Администрація—больное мѣсто не только у насъ, но и въ Европѣ. Поэтому судебныя дѣла о ней всегда приковываютъ вниманіе общества: всѣмъ постоянно мерещится, что тутъ что-то не ладно, что-то скрывается,—и это „сокрытіе" ставится на счетъ правительству. Поэтому публичное обсужденіе такихъ дѣлъ только укрѣпляетъ престижъ правительства и его нелицепріятность. Къ сожалѣнію, и не у насъ однихъ и здѣсь попадается въ сѣти больше мелкая рыбешка, а крупная, красная дичь разрываетъ сѣти... Ужъ такъ устроенъ свѣтъ.

Между тѣмъ престижъ власти—все; падетъ онъ, и штыками не поднять его. Особенно это нужно сказать о нашихъ окраинахъ, только недавно вошедшихъ въ государственный организмъ. Тамъ необходимо особенно бережно оберегать его правдой и милостью, и не въ наше, тревожное время. И съ этой стороны гласный открытый судъ приноситъ только пользу, и пользу громадную. Почаще бы только доходили до него всѣ дѣла о злоупотребленіяхъ,—и у насъ не существовало бы „окраинныхъ вопросовъ".

Съ этой точки зрѣнія принципіально важнымъ представляется само собою далеко не громкое дѣло (вѣдь, опять-таки попалась-то мелкая рыбешка) *о злоупотребленіяхъ полиціи въ Туркестанѣ*, какъ его называютъ, а въ дѣйствительности, просто дѣло по обвиненію одного изъ туркестанскихъ участковыхъ приставовъ, капитана Петра Федотова Резника, и волостного управителя Абду-Азиса-Куль-Магометова въ превышеніи власти и разныхъ злоупотребленіяхъ по должности.

15-го іюня 1902 г. къ начальнику наманганскаго уѣзда (Ферганской Обл.) поступила жалоба, поданная отъ имени всѣхъ жителей села Варзикъ и др. варзикской волости пятью туземцами на дѣйствія варзикскаго волостного управителя Куль-Магомета,

устраненнаго отъ должности въ концѣ мая того же 1902 года и по распоряженію военнаго губернатора подвергнутаго мѣсячному аресту. Въ жалобѣ указывалось на то, что Куль-Магометовъ самоуправно отбиралъ у жителей молодыя деревья для посадки, наряжалъ на работу по воздѣлыванію земельныхъ участковъ и вынуждалъ безплатно поставлять рабочихъ и лошадей для обработки земли и посадки деревьевъ. При этомъ оказалось, что земельные участки, обработка которыхъ производилась безплатно населеніемъ по приказанію волостного управителя, принадлежали приставу Резнику.

При производствѣ предварительнаго слѣдствія выяснено, что въ 1901 г. въ варзикской волости Куль-Магометовымъ были куплены для пристава Резника, на его деньги и по его порученію, два земельныхъ участка въ общей сложности около 18 десятинъ. Тотчасъ по пріобрѣтеніи этихъ земель на нихъ начались работы — распашка, унавоженіе, посѣвъ хлопка и съемъ его, посадка молодыхъ тополей и посѣвъ клевера. Для производства всѣхъ этихъ работъ на участки доставлялись рабочіе, арбы, сохи, древесныя насажденія. Приказанія по этому предмету отдавалъ волостной управитель Куль-Магометовъ, ссылаясь на соотвѣтствующія распоряженія пристава, собственника участковъ. Всѣ работы на участкахъ произведены были населеніемъ безплатно.

При слѣдствіи Резнику было предъявлено обвиненіе и въ незаконномъ лишеніи свободы сартовъ, будто бы за бунтъ, а на самомъ дѣлѣ—за жалобы ихъ на самоуправство старшины.

На основаніи этихъ данныхъ названный Резникъ и Куль-Магометовъ были преданы суду ташкентской судебной палаты.

Палата, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, признала обоихъ подсудимыхъ, Резника и Куль-Магометова, виновными въ вымогательствѣ по 3 и 4 ст. 377 улож. о нак., а перваго и въ незаконномъ заключеніи подъ стражу пятерыхъ туземцевъ на 2 недѣли, и приговорила обоихъ подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и къ заключенію въ арестантскія роты, Резника срокомъ на 1 годъ 2 мѣсяца, а Куль-Магометова на 1 годъ.

На этотъ приговоръ палаты со стороны обвиняемыхъ принесены въ правительствующій сенатъ апелляціонные отзывы, въ которыхъ они ходатайствовали о своемъ оправданіи, но Правительствующій Сенатъ послѣ десятиминутнаго совѣщанія вынесъ опредѣленіе объ утвержденіи приговора палаты по настоящему дѣлу и объ оставленіи апелляціонныхъ отзывовъ подсудимыхъ безъ послѣдствій.

Сенатъ оказался на высотѣ своего призванія, какъ верховный судья. Съ этой же стороны, на стражѣ закона, онъ сталъ и въ другомъ дѣлѣ, не менѣе важномъ въ принципіальномъ отношеніи. Мы говоримъ о еврейскихъ погромахъ, вызывающихъ противорѣчивые толки въ печати. Оффиціально, и на судѣ, причинами ихъ выставляется племенная и религіозная рознь между христіанами и евреями. Но многіе органы прессы не безъ основанія считаютъ эту рознь искусственно раздутою, объясняя безпорядки гнуснымъ подстрекательствомъ со стороны, что было неоднократно удостовѣрено на судахъ. И здѣсь принципіально важно, *если ужъ нельзя почему либо посадить на скамью подсудимыхъ подстрекателей*, то хоть осудить ихъ клевретовъ. Пусть послѣдніе — только слѣпыя орудія, пусть они не развиты,—и слѣпой, неразвитый человѣкъ, отбывъ по суду наказаніе, въ концѣ концовъ догадается, стоитъ ли ему на будущій разъ слушать подстрекателей, да, навѣрно, и другимъ „закажетъ дорогу“...

Для примѣра приведемъ здѣсь одно изъ многочисленныхъ дѣлъ *о Кишиневскомъ погромѣ*. Дѣло это слушалось 18 марта въ публичномъ засѣданіи IV отдѣленія Угол. Кассац. Деп. Сената по жалобѣ крестьянина Пескаря, Трофимова и др. на приговоръ одесской судебной палаты по обвиненію ихъ въ томъ, что они, принимая участіе въ публичномъ скопищѣ 7 апрѣля 1903 г. въ г. Кишиневѣ, вторгались насильственно въ еврейскія жилища и лавки, расхищали и уничтожали чужое имущество и т. д.

Обстоятельства дѣла: на первый день Св. Пасхи, 6 апрѣля 1903 г., на площади, гдѣ были карусели, толпа подростковъ стала бросать камни въ окна еврейскихъ домовъ. Увеличенная тысячами чернорабочихъ и мастеровыхъ, толпа эта разбилась на нѣсколько группъ и двинулась въ раз-

ныхъ направленіяхъ по прилегающимъ улицамъ, разбивая по пути стекла въ окнахъ еврейскихъ квартиръ и лавокъ. Эти безпорядки къ 9 часамъ вечера прекратились. Но на слѣдующій день, 7 апрѣля, когда безпорядки дошли до ожесточенія, евреи организовали самозащиту; вооружаясь палками, дрючьями, револьверами, они стали нападать на проходившихъ христіанъ, бить и оскорблять ихъ. Тогда же въ городѣ стали циркулировать слухи, что евреи оскорбляютъ старый соборъ, что они убили православнаго священника, что съ ритуальной цѣлью убили православную дѣвушку, жившую у евреевъ, и проч. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ въ 11 часовъ дня въ разныхъ пунктахъ города стали образовываться группы христіанъ, состоящихъ преимущественно изъ мастеровыхъ, рабочихъ и крестьянъ окрестныхъ селъ.

Эти группы, разсѣявшись по всему городу и предмѣстіямъ его, произвели почти сплошной погромъ еврейскихъ жилищъ, магазиновъ, фабрикъ и разныхъ погребовъ. Разъяренная толпа разбивала, уничтожала и расхищала принадлежащее евреямъ имущество и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершала насилія надъ личностью и проч.

Ближайшимъ же толчкомъ къ возникновенію безпорядковъ послужило распространеніе разнаго рода тенденціонныхъ слуховъ среди простого народа.

Эти ложные слухи поддерживала и сама распространяла газета „Бессарабецъ“, извѣстный распространенный на югѣ Россіи органъ печати юдофобскаго направленія.

Изъ 19 лицъ обвиняемыхъ, палата 6 оправдала, остальныхъ, признавъ виновными, согласно обвинительному акту, и приговорила къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и заключенію въ тюрьму: Сергѣя Трофимова на 8 мѣсяцевъ, остальныхъ на 1 годъ. Гражданскіе же иски, предъявленные къ подсудимымъ, палата признала неподлежащими удовлетворенію.

Разсмотрѣвъ дѣло, Сенатъ вынесъ резолюцію объ утвержденіи приговора палаты на настоящему дѣлу и объ оставленіи кассаціонной жалобы безъ послѣдствій.

Слѣдуя примѣру Сената, и Судебныя Палаты, и Окр. Суды, при гласномъ обсужденіи дѣла стоятъ на высотѣ своей задачи, если не бываетъ посторонняго давленія. Это видно хотя бы изъ дѣлъ о вѣрѣ, которыя теперь стали разбираться далеко не такъ сурово, какъ прежде. По нашему мнѣнію, эта снисходительность объясняется тѣмъ проникающимъ въ общество сознаніемъ, что вѣра—по преимуществу дѣло совѣсти, и въ преступленіяхъ противъ нея чаще замѣчается не злой умыселъ, а тоже невѣжество, причина столькихъ нестроеній у насъ.

Интересное дѣло *о порицаніи вѣры*, по словамъ „*Сар. Дн*“., разбиралось недавно въ Сарат. Суд. Палатѣ. Обвинялся раскольникъ крестьянинъ Можаевъ, принадлежащій къ „нѣтовской“ сектѣ. Дѣло происходило въ селѣ Поймѣ, Чембарскаго у., Пензенской губерніи.

Явившись въ лавку торговца Кутлинскаго, Можаевъ, увидѣвъ тамъ икону св. Серафима Саровскаго, по словамъ обвинительнаго акта, обратился къ присутствовавшимъ въ лавкѣ лицамъ (въ числѣ которыхъ былъ и священникъ Никифоровъ) съ рѣчью, въ которой, между прочимъ сказалъ: „Нечестивцы вы всѣ, идолопоклоники, заблудившіеся въ христіанскомъ ученіи“.

Пензенскій окружной судъ, гдѣ слушалось это дѣло, призналъ Можаева виновнымъ и приговорилъ его, примѣнивъ манифестъ, къ аресту на 1 мѣсяцъ и 10 дней.

Въ поданномъ въ саратовскую судебную палату аппеляціонномъ отзывѣ Можаевъ утверждалъ, что многихъ приписываемыхъ ему словъ онъ въ дѣйствительности не произносилъ. Невѣріе же къ чудесамъ, въ чемъ бы оно ни проявлялось, не составляетъ еще ни богохульства, ни порицанія вѣры. „А такъ какъ „нѣтовская“ секта, къ которой я принадлежу, — заключилъ Можаевъ, —закономъ не преслѣдуется, то въ моихъ словахъ нѣтъ преступленія“.

Судебная палата, принявъ во вниманіе, что Можаевъ— раскольникъ, въ виду его невѣжества, понизила наказаніе, уменьшивъ арестъ его до нѣсколькихъ дней.

Судьи—чиновники. Они засѣдаютъ въ Сенатѣ, и въ Суд. Палатахъ, и Окр. Судахъ; они же замѣнили теперь почти вездѣ выборныхъ мировыхъ судей, въ качествѣ городскихъ судей, и земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ (въ деревняхъ).

Отчего же, однако, на высшія суд. инстанціи слышно мало нареканій? Значитъ, они „вершатъ судъ правый и милостивый", а про городскихъ судей только и слышимъ нареканія (о земскихъ начальникахъ и говорить нечего: недаромъ, какъ слышно, уже поднимается вопросъ объ упраздненіи ихъ)?

Намъ кажется, здѣсь проявляется все таже психологія толпы, когда въ массѣ каждый членъ толпы дѣлаетъ то, чего въ одиночку ни за что не сдѣлалъ бы: въ одиночку онъ и трусливъ, и добродушенъ, а въ толпѣ храбръ и кровожаденъ. Съ другой стороны, въ одиночку онъ поддается всевозможнымъ вліяніямъ, и добрымъ, и злымъ, а дѣйствуя скопомъ, да еще облеченный въ мантію величія, онъ полонъ высокаго достоинства и сознанія важности порученнаго ему дѣла. Находясь въ толпѣ, онъ не страшится посторонняго вліянія. Наконецъ, въ толпѣ, призванной для всякаго дѣла, всегда найдутся горячіе поборники его, которые и пристыдятъ, усовѣстятъ малодушныхъ. Оттого отъ собранія (толпы) законниковъ никогда нельзя ожидать беззаконнаго дѣла, хотя въ это собраніе и входятъ не герои, а простые смертные, со всѣми слабостями и недостатками. Вотъ почему коллегіальное начало такъ важно, даже необходимо въ судебныхъ учрежденіяхъ.

Вотъ почему и судьи, даже мировые, выбранные населеніемъ, часто не оправдываютъ своего назначенія, а городскіе тѣмъ паче: послѣдніе ужъ прямо, что прикажутъ, то и дѣлаютъ.

Въ высшей степени характернымъ въ этомъ отношеніи представляется *дѣло о псковскомъ избіеніи*, разбиравшееся въ срединѣ марта у городскаго судьи г. Пскова (1 уч.).

Оно не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ и, навѣрно, пойдетъ въ Высшую Инстанцію, въ Сенатъ, гдѣ можно будетъ ожидать *настоящаго, согласнаго съ правдой* постановленія.

Но важно уже то, что „псковское правосудіе", въ лицѣ городского судьи, осрамило себя.

„Псковская „черная сотня" отъ него въ восторгѣ,—пишетъ г. Далинъ въ „Бирж. Вѣд",—она ликуетъ. Самъ судъ оправдалъ ея коноводовъ, самъ судъ оказался на ея сторонѣ. Не она, избившая 7-го февраля на псковскихъ улицахъ учащуюся молодежь, не герои этого избіенія гг. Цыцынъ и Шершневъ вышли изъ суда посрамленными, а защитники этой молодежи, интеллигенція. Она, „черная сотня", оправдана въ лицѣ наиболѣе черныхъ своихъ представителей; оправдана наперекоръ всему: фактамъ, свидѣтельскимъ показаніямъ, глубоко возмущенному общественному чувству, самымъ элементарнымъ требованіямъ человѣчности, справедливости, законности и общественнаго порядка. Псковское правосудіе на вопросъ, поставленный передъ нимъ отъ имени всего взволнованнаго русскаго общества: „могутъ-ли Цыцыны безнаказанно творить свои беззаконія",—во всеуслышаніе отвѣтило: „могутъ".

Гдѣ же секретъ такого страннаго, даже невѣроятнаго рѣшенія судьи?—спроситъ возмущенный читатель.—Къ счастью, „онъ обнаруженъ: вышеуказанное рѣшеніе городского судьи явилось „результатомъ посторонняго и, очевидно, властнаго вмѣшательства въ дѣло суда посторонняго внушенія, постороннихъ указаній. Герои псковскаго избіенія вышли изъ суда оправданными, надо полагать по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ организаторы этого избіенія до сихъ поръ даже и не привлечены къ суду"...

Словомъ, получилось очень интересное дѣло, на которомъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Разборъ дѣла начался во Псковѣ 16 марта. Обвинялся цѣлый рядъ лицъ, принадлежащихъ, по преимуществу, къ классу мелкихъ торговцевъ и мѣстныхъ хулигановъ, въ избіеніи учащихся, которое происходило 7-го февраля нынѣшняго года на двухъ псковскихъ улицахъ. Избіеніе это повторилось дважды—утромъ и вечеромъ.

Всѣхъ дѣлъ было двѣнадцать, по числу потерпѣвшихъ-учащихся, возбудившихъ уголовное преслѣдованіе противъ избившихъ ихъ.

Повѣренными отъ имени потерпѣвшихъ выступили представители исключительно петербургской адвокатуры: М. Л. Гольштейнъ, М. Е. Ѳедосѣевъ и В. В. Беренштамъ и пом. прис. пов. Ф. А. Волькенштейнъ.

Характерный фактъ: со стороны обвиняемыхъ не выступило ни одного защит-

ника. Говорятъ, что никто изъ псковскихъ адвокатовъ не согласился принять защиту лицъ, участвовавшихъ въ избіеніи, зато повѣренные частныхъ обвинителей навлекли на себя явное неудовольствіе со стороны мѣстныхъ хулигановъ, которые, собравшись близъ трактирнаго заведенія, мимо котораго проѣзжали адвокаты по пути изъ суда, начали по ихъ адресу свистать и грозить кулаками.

Первымъ началось слушаніемъ затянувшееся на два засѣданія дѣло воспитанника перваго класса мѣстнаго землемѣрнаго училища Аркадія Галкова. Этотъ мальчикъ подвергся побоямъ со стороны нѣсколькихъ псковскихъ любителей рукопашной расправы, изъ числа которыхъ ему удалось опознать одного лишь Шерштнева, состоятельнаго торговца, который и фигурировалъ въ качествѣ обвиняемаго.

Одѣтый въ пиджакъ и красную косоворотку, обвиняемый, парень лѣтъ 20—22, держалъ себя на судѣ довольно непринужденно и весело.

Обвиняемый началъ свое показаніе съ заявленія, что онъ не билъ Галкова, ни разу не ударилъ его, а лишь гнался за нимъ по улицѣ и, настигнувъ его въ какомъ-то дворѣ, собирался отдать его въ руки полиціи.

Однако, свидѣтельскими показаніями было установлено, что, на самомъ дѣлѣ, „патріотъ“ принималъ самое дѣятельное участіе въ избіеніи. Да и самъ онъ скоро проговорился, вздумавъ объяснять свои дѣйствія тѣмъ будто-бы чувствомъ возмущенія, что „учащіеся дѣлали бранныя восклицанія по адресу правительства“.

„Если бы и теперь кто-либо началъ кричать противъ правительства, то онъ, обвиняемый, тутъ же, при всѣхъ, опять побилъ-бы“...—вырвалось у него.

Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ обратилъ вниманіе судьи, что это „опять“ въ устахъ обвиняемаго служитъ признаніемъ что „прежде“, 7-го февраля, онъ тоже билъ.

На судѣ же было установлено *странное*, чтобы не сказать больше, отношеніе полиціи: въ то время, какъ „патріотствующіе хулиганы“ безобразничали, „полицейскіе пристава улыбались, куря папиросы“.

„Городовые гонялись за учащимися“, а въ толпѣ „дѣйствовавшихъ“ *патріотовъ* свидѣтели опознали многихъ пожарныхъ. Наконецъ, на прикосновенность полиціи прямо указалъ одинъ свидѣтель. Управляющій Акц. Сборами Губерніи, который, бросившись разыскивать своего сына— гимназиста, также избитаго, слышалъ, какъ одинъ полиц. офицеръ, обращаясь къ толпѣ, послѣ избіенія, сказалъ: „вы намъ не нужны, братцы“!

Свидѣтельница г-жа Бѣльская, дочь врача, показала, что, идя вечеромъ 7-го февраля по Великолуцкой улицѣ, она встрѣтила нѣсколько кучекъ вооруженныхъ палками людей изъ простонародья; всѣ палки были значительныхъ размѣровъ, бѣлыя, одинаковаго образца; они шли по направленію отъ полиціи, подъ предводительствомъ городовыхъ. Возлѣ полиціи стояли парни въ полушубкахъ, переодѣтые пожарные, городовые и помощникъ пристава. Толпа эта шумѣла и вела себя буйно. Помощникъ пристава тащилъ какого-то господина и кричалъ на него, затѣмъ тотъ же помощникъ пристава говорилъ толпѣ: „Вотъ заступники за гимназистовъ, а гимназисты творятъ безобразія,—нужно съ ними расправиться“!..

Почтальонъ, доставляющій письма гг. Бѣльскимъ, говорилъ свидѣтельницѣ, что полиція набирала у Обжорнаго ряда бойцовъ, и что она, повидимому, хочетъ спрятаться за спину мужиковъ.

Кухарка Бѣльскихъ передавала также свидѣтельницѣ, что она слыхала въ Обжорномъ ряду, какъ нѣкоторые изъ представителей псковской „черной сотни“ выражали сѣтованія противъ полиціи: „полиція сулила имъ дать по полтиннику, а заплатила лишь по 30 копѣекъ“.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ судебнаго слѣдствія свидѣтельскими показаніями было выяснено, что избіеніе было организовано и происходило по командѣ. Сигналъ данъ свисткомъ городового, мчавшагося на извозчичьей пролеткѣ. Дубины пущены въ ходъ по призыву: „Наше мужичье сюда—бей ихъ мерзавцевъ“! Послѣ избіенія поработавшіе хулиганы расположились бивакомъ у зданія штаба.

Касаясь организаціи побоища, свидѣтели показали, что полицейскіе подряжали избивателей въ Обжорномъ ряду за пятьдесятъ и тридцать копѣекъ. Бѣлыя дубины, которыми

были вооружены нанятые, прятались въ домѣ трудолюбія. Обсуждалось же избіеніе подъ предсѣдательствомъ бывшаго чиновника Зазулина въ какомъ-то притонѣ на кладбищѣ. Впослѣдствіи онъ же, Зазулинъ, руководилъ побоищемъ, нацѣпивъ себѣ на грудь блестящую бляху Императорскаго пожарнаго общества.

Послѣ происшествія паника царила на улицахъ. Магазины закрывались. Обыватели укрывались, куда попало. По домамъ же разыскивали гимназистовъ, обшаривая шкафы и даже комоды.

Пожарный староста на вопросъ, почему онъ принялъ участіе въ происходившемъ, отвѣтилъ:

„Мы—люди подневольные! *На темное дѣло кто пойдетъ по доброй волѣ*"?!

Опять психологія толпы: добродушный мужикъ, въ одиночку ребенка не тронувшій бы, въ толпѣ превращается въ звѣря!!

Участіе въ этомъ дѣлѣ полиціи для всѣхъ было несомнѣнно, а между тѣмъ судья упорно игнорировалъ его; мало того, едва упоминались слова „пожарный", „полицейскій", „палки", какъ онъ начиналъ протестовать и закрывалъ ротъ свидѣтелю. Видимо, судъ былъ только комедіей...

Публика негодовала, негодовало и все псковское общество; повѣренные Беренштамъ Плансонъ, Федосѣевъ, Волькенштейнъ, постоянно прерываемые судьей, горячо отстаивали полноту и свободу показаній свидѣтелей.

Между прочимъ, прис. пов. Волькенштейнъ говорилъ: „Г. судья! Мы ѣхали сюда со страхомъ предъ нашей задачей. Мы знали по опыту, какъ трудно извлечь на свѣтъ Божій и на судъ людской всю правду, всю истину въ дѣлахъ о массовыхъ избіеніяхъ населенія. Но времена, видно, измѣнились. Все совершалось такъ явно, съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ, что и для малыхъ дѣтей въ г. Псковѣ не тайна, что омерзительныя событія 7-го февраля были предварительно подготовлены и во всѣхъ деталяхъ организованы. Ими распоряжалась иная власть, нѣкое сверхъ-начальство, власть не видимая, но всѣмъ извѣстная. Вы понимаете, о комъ я говорю. Я позволю себѣ эту роскошь и не стану произносить нѣкоторыхъ оффиціальныхъ наименованій. Подъ этой рукой подсудимые чувствуютъ себя въ безопасности и безнаказанными. Но вы, г. судья, будьте судьей и разрушьте эту счастливую увѣренность ихъ. Покажите имъ, что и надъ ними есть судъ, и для нихъ есть наказаніе"...

„Не народъ бушевалъ на улицахъ Пскова. То были хладнокровные наемники, послушные рабы чужихъ велѣній"...

Всѣ обвинители требовали, чтобы не только подсудимые были наказаны, но и чтобы прокуратурѣ были сообщены тѣ факты, выяснившіеся на судѣ, по которымъ можно судить о преступномъ бездѣйствіи власти съ одной стороны, а съ другой—о превышеніи ея. Въ частности прис. пов. Федосьевъ указывалъ на преступныя дѣйствія пристава Соколовскаго и помощника пристава Ладинскаго.

Но судья не внималъ ничему и, послѣ 2-хъ часового совѣщанія... съ телефономъ, вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ.

Какъ мы слышали, остальные десять обвинителей рѣшили пока отсрочить свои жалобы, находя современную обстановку суда не подходящей. Дѣло же Шерлнева и Цыцына переносятся въ съѣздъ"...

Да, въ Съѣздъ, а потомъ въ Сенатъ; только эта высшая инстанція, стоящая на стражѣ закона, хоть и не сейчасъ, а черезъ годъ—2, но покараетъ виновныхъ въ этомъ вопіющемъ по наглости и характерномъ по настроенію разныхъ слоевъ общества преступленіи.

Да, судъ *долженъ быть*, при такомъ циничномъ нарушеніи закона, правымъ и милостивымъ, а, главное, *скорымъ*, чтобы скорѣе наложить узду на подстрекателей „черной сотни" и ее самое.

Да не мѣшало бы и г. псковскому судьѣ вспомнить о „правомъ и скоромъ судѣ". Представимъ себѣ, что если бы *подсудимые* были обвинителями. Пожалуй, этотъ судья *очень скоро* порѣшилъ бы дѣло, какъ порѣшилъ недавно одинъ казанскій судья дѣло о *протестѣ противъ „черной сотни"*. Обвинялся дворянинъ фонъ-Шульманъ. Обстоятельства дѣла въ полицейскомъ протоколѣ записаны въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„1905 г., 11-го февраля, во время вечерняго представленія въ городскомъ театрѣ піесы „Ніобея", передъ началомъ спектакля, до открытія занавѣса, сидѣвшій въ амфитеатрѣ дворянинъ фонъ-Шульманъ всталъ

и началъ что-то говорить; что хотѣлъ онъ сказать, понять было трудно, но своимъ поведеніемъ нарушилъ тишину и порядокъ въ театрѣ. Большая часть публики встала и покинула театръ". Къ этому протоколу дежурившій въ театрѣ приставъ 5-й части добавилъ слѣдующее: „Я находился близъ начинавшаго говорить рѣчь фонъ-Шульмана, который говорилъ, прося товарищей продолжать забастовку и вообще принять какія-либо мѣры противъ распространившейся въ городѣ черной сотни. Я тотчасъ же подошелъ къ нему и потребовалъ прекратить рѣчь, такъ какъ этому въ театрѣ не мѣсто. Вскорѣ онъ вышелъ изъ театра въ корридоръ, гдѣ я сталъ разспрашивать его званіе"... и т. д.

Согласно этимъ протоколамъ фонъ-Шульманъ и предсталъ въ качествѣ обвиняемаго передъ мировымъ судьей. Съ изложеннымъ въ протоколѣ онъ согласился, протестуя лишь противъ того, что онъ говорилъ о забастовкахъ.

„Я только говорилъ о черной сотнѣ и просилъ объ освобожденіи тѣхъ студентовъ, которые были арестованы.

Мировой судья приговорилъ фонъ-Шульмана къ 15 р. штрафа, а при неуплатѣ—къ трехдневному аресту.

Судъ, какъ видите, замѣчательно скорый! Что бы и псковскому судьѣ хоть въ скорости подражать своему казанскому коллегѣ!

Частичныя избіенія учащихся также разбирались у городскихъ и Мировыхъ Судей, но, какъ и слѣдовало ожидать, оканчивались осужденіемъ подсудимыхъ.

Такъ, *въ Казани*, Мѣщанинъ Мельниковъ, избившій ученика Технич. Уч. Волкова, принятаго имъ за студента, былъ приговоренъ судьей на 4 дня ареста за нарушеніе общественной тишины и на 2 мѣсяца въ тюрьму за нанесеніе побоевъ Волкову.

Вотъ такими приговорами хулиганы-избиватели, навѣрное, будутъ нѣсколько обузданы.

За то 9 марта въ *СПБ.* Мировой Судья 6 уч. приговорилъ дворника д. № 24 по Крюкову кан. Свайкина за избіеніе 2 малолѣтнихъ гимназистовъ только къ аресту на 7 дней.

Гимназистики мирно шли, бесѣдуя другъ съ другомъ, вдругъ Свойкинъ, подметавшій въ это время улицу, налетаетъ на нихъ съ крикомъ: „эна бунтари-то будущіе" и начинаетъ бить ихъ метлой. Если бы случайно бывшіе прохожіе не заступились, мальчуганы были бы въ кровь разбиты... А хулиганъ „посидитъ" только 7 дней! Мало!

„Постороннія вліянія", о которыхъ мы говорили въ псковскомъ дѣлѣ черной сотни, сказываются иногда, какъ видно, и въ съѣздѣ мир. судей.

7-го марта въ Харьковскомъ Съѣздѣ мир. судей слушалось при открытыхъ дверяхъ извѣстное уже нашимъ читателямъ дѣло по обвиненію студента Клавдія Петрова въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ студенту Юсуфу Крымъ-Клычеву.

Сущность дѣла, какъ извѣстно, заключалась въ слѣд.:

8-го мая 1904 г. группа студентовъ провожала своего товарища, отправляющагося на Дальній Востокъ, и стояла на платформѣ вокзала въ г. Харьковѣ. Въ этой группѣ были Золотаревъ и Клычевъ.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи появилась другая группа студентовъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ „русскимъ студентамъ", провожавшимъ также на Дальній Востокъ своего „главу" Павловскаго.

Изъ группы „русскихъ студентовъ" отдѣлился одинъ студентъ, который оказался потомъ Клавдіемъ Петровымъ, и направился къ группѣ, гдѣ былъ Клычевъ; поправляя что-то въ карманѣ, онъ съ вызывающимъ видомъ подошелъ вплотную къ Клычеву и сталъ.

Клычевъ, увидя, это сказалъ.—„Господа, насъ подслушиваютъ"...

Петровъ воскликнулъ.—„Я знаю, коллега, на что вы намекаете"! И въ моментъ, когда Колычевъ отвѣчалъ: „успокойтесь", ударилъ его (Клычева) по головѣ.

Золотаревъ бросился на помощь къ Клычеву. Изъ „русской" группы подбѣжалъ къ Клычеву студентъ Остроумовъ, съ которымъ и схватился Золотаревъ.

Тогда Петровъ вынулъ револьверъ и направилъ его на Золотарева:—„А, мерзавецъ, ты съ револьверомъ!—воскликнулъ Золотаревъ и бросился къ Петрову.—Раздался выстрѣлъ, и пуля, попавъ Золотареву въ пуговицу, противъ сердца, сплющила ее и свалилась за подкладку тужурки.

Петровъ и другіе „русскіе" студенты закричали:—„Это жиды, революціонеры; это анархисты; въ нихъ стрѣлять нужно!

Въ жандармской Петровъ объяснилъ, что онъ уже три мѣсяца носитъ револьверъ, чтобы найти случай реабилитировать свой кружокъ, такъ какъ отношенія между „русскими студентами“ и прочимъ студенчествомъ стали невыносимыми: „Русскихъ“ студентовъ прочее студенчество бойкотировало, такъ какъ считало ихъ шпіонами и доносчиками.

Дѣло объ оскорбленіи Клычева слушалось у мирового судьи 1-го участка г. Харькова, и мировой судья приговорилъ Петрова къ аресту на три недѣли.

Въ съѣздѣ дѣло перешло по апелляціямъ и обвинителя, и обвиняемаго.

Повѣренный обвинителя Клычева, пом. прис. пов. Расторгуевъ, просилъ въ апелляціи объ увеличеніи наказанія Петрову въ виду того, что самъ Петровъ былъ все время наступающей стороной, а отношеніе студенчества къ „русской группѣ“ не является извиняющимъ Петрова, ибо группа эта заслуживала такое отношеніе, такъ какъ дѣйствительно была виновна въ томъ, что приписывало ей прочее студенчество.

Предсѣдателемъ Съѣзда былъ г. Зимовскій, требовавшій почти такой же „осторожности“ въ выраженіяхъ повѣренныхъ, какъ и псковскій судья: едва, напр., тѣ заявляли о вызовѣ новыхъ свидѣтелей (при томъ безусловно нужныхъ для надлежащаго освѣщенія извѣстнаго вопроса, какъ-то: Попеч. Округа, ректоръ Унив-та и т. п.), какъ предсѣдатель рѣзко обрывалъ повѣренныхъ, а въ вызовѣ этихъ свидѣтелей отказывалъ. Словомъ, ни въ какіе мотивы разсматриваемаго поступка Петрова входить не разрѣшалось: можно было говорить лишь о голомъ фактѣ преступленія.

Долго терпѣли повѣренные Клычева такое своеобразное командованіе г. судьи, наконецъ, не вытерпѣли.

„Я ничего не могу и не буду говорить“!— произнесъ одинъ изъ нихъ; другой (г. Куликовъ) заявилъ:

„Мы надѣялись, что вы, судъ выбранный населеніемъ, шире освѣтите обстоятельства дѣла. Мы ошиблись: судъ, выбранный населеніемъ, закрылъ намъ ротъ“...

И Предсѣд. дѣйствительно *закрылъ ему* ротъ, а потомъ, перетолковавъ съ ассистентами, объявилъ резолюцію: „Приговоръ Мир. Судьи утвердить, оставивъ жалобы безъ послѣдствій“...

Sapienti Sat!

Публикѣ и здѣсь приходится удовольствоваться догадкою, что, должно быть, ужъ очень сильны эти „постороннія вліянія“.

Догадка—вообще необходима теперь; при помощи ея порою доходятъ до удивительныхъ открытій, какъ недавно доказали тѣ же кишиневцы, открывшіе совершенно неожиданно для себя связь *между своимъ полиціймейстеромъ и „обществомъ спасенія и предупрежденія“*. Казалось-бы, что тутъ общаго?

Дѣло было такъ. Въ Кишиневѣ, какъ и другихъ городахъ нашего отечества, завелась милая компанія, (кишиневцы-то, положимъ, попросту называютъ ее „шайкой негодяевъ“; ну, да дѣло не въ названіи). Фактъ тотъ, что вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ эта „почтенная“ компанія буквально „держитъ въ трепетѣ городское населеніе, разбрасывая по трактирамъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ гектографированные листки самаго возмутительнаго содержанія. Кружокъ этотъ, какъ мы сообщали „Од. Нов.“, назвался „обществомъ спасенія и предупрежденія“, онъ же—„патріотическая лига“.

Недавно въ камерѣ кишиневскаго судьи 2-го участка была констатирована загадочная связь съ этимъ кружкомъ кишиневскаго полиціймейстера.

„Слушалось дѣло по иску одного изъ домовладѣльцевъ Малой Малины къ жильцу своему N о выдвореніи изъ квартиры за неплатежъ наемныхъ денегъ. На вопросъ судьи о причинѣ нежеланія освободить квартиру—жилецъ N послѣ нѣкоторой заминки отвѣтилъ, что не можетъ выѣхать.

— Почему?

— Полиціймейстеръ велѣлъ жить тамъ...

— Зачѣмъ же?

N опять замялся, но затѣмъ объяснилъ, что въ его квартирѣ происходятъ собранія общества „спасанія и предупрежденія“...

„Что это,—клевета на г. кишиневскаго полиціймейстера или возмутительная правда?.. —спрашиваетъ газета.

Нѣтъ, это—одна изъ загадокъ современной жизни!—отвѣтимъ мы.

Volga.

Современная жизнь за границей.

Художникъ и обозрѣватель. — Эпопея борьбы четвертаго класса. — Дѣятельность буржуазіи и контуры будущаго.—Швейная машина и идеалы человѣчества.—Хищническое „цивилизаторство“ и проснувшаяся страна.—„Восходящее солнце“ освѣщаетъ „Небесную имперію“.—Старый мирный Китай учится у христіанъ воевать.—Буржуазный страхъ желтой опасности.—Невольно исполненная миссія.—II. Оффиціальная ложь и дипломатическія кляузы.—Доктрина Монроэ.—Неустойчивое равновѣсіе.—Partie de plaisir императора Вильгельма и шумъ прессы.—Корректный бронированный кулакъ.—Марокскій вопросъ.—Дерзкіе народные представители.—Графъ Бюловъ въ роли защитника рабочихъ.—Побѣда трэдъ-юніоновъ въ Великобританіи.—Побѣда соціалистовъ въ Копенгагенѣ.—Колоніальная политика и рабочіе.—Что требуетъ Венгрія.—Нація можетъ ждать.—Отдѣленіе церкви отъ государства.

Значительное и важное хочется выдѣлить въ тщеславномъ и суетномъ нестройномъ шумѣ текущаго дня каждый разъ, когда хочешь дать картину жизни человѣчества за протекшій мѣсяцъ. Художникъ не долженъ этого дѣлать; ему достаточно только собрать и показать всѣ мелочи, всѣ нюансы свѣта и тѣни,—и *правда* дня, та глубокая истина, которая лежитъ на днѣ каждой лжи, то важное и значительное, что сопровождаетъ и мелочную злобу, и тщеславную завистливость,—все выступитъ само собой, само заговоритъ. Такова сила художника. Обозрѣватель же долженъ *выбирать* факты, долженъ подчеркивать важное и значительное, чтобы контуры будущаго не потонули въ пестрой и шумной суетѣ мелочей сегодняшняго дня. Въ прошлой статьѣ мы говорили объ историческомъ содержаніи современной жизни за границей. Мы говорили объ эпопеѣ борьбы четвертаго класса, о трагическихъ и великодушныхъ моментахъ ея, объ идеалахъ будущаго, которые она несетъ съ собою.

Въ этой борьбѣ мы ясно видимъ контуры будущаго, но тѣ же контуры мы различимъ, если внимательно присмотримся къ торжествующему господину и повелителю всей исторической сцены въ данный моментъ, къ заклятому врагу будущаго и его антиподу—къ побѣдоносному *капитализму*.

Историческая сцена представляетъ собою „театръ военныхъ дѣйствій“ между третьимъ и четвертымъ классомъ,—между буржуазіей и рабочимъ сословіемъ. Побѣда четвертаго класса только намѣчается, всюду власть и господство принадлежитъ буржуазіи, но... „не тотъ, кто на землю упалъ, побѣжденъ,—не тотъ, кто разитъ—побѣдитель“ и „хорошо“ смѣется вѣдь только послѣдній.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно, что теперь буржуазія—это все. Она ведетъ войны, создаетъ законы, организуетъ безконечную колоніальную политику, поддерживаетъ милитаризмъ, пишетъ и нарушаетъ договоры. Но въ ея дѣятельности, въ ея поразительныхъ завоеваніяхъ внимательный наблюдатель не можетъ не видѣть тѣ же контуры будущаго, не можетъ не замѣтить, что она, стремясь къ своимъ личнымъ меркантильнымъ цѣлямъ, voles-nolens принуждена работать въ интересахъ своего врага—четвертаго класса,—въ интересахъ общечеловѣческой солидарности и конечнаго торжества яснаго разума. Развивая различныя отрасли производства, капитализмъ *долженъ* имѣть гарантированный правопорядокъ въ своей собственной странѣ, долженъ имѣть развитого рабочаго, хорошіе пути сообщенія, хорошихъ, развитыхъ солдатъ для завоеванія и удержанія колоній и различныхъ „сферъ вліянія“, гдѣ онъ свободно будетъ продавать свои товары—хотя-бы швейныя машины.

И вотъ получается такой странный исто-

рическій парадоксъ, что швейная машина и идеалы общечеловѣческой солидарности граничатъ другъ съ другомъ,—что хищническія и беззастѣнчивыя колонизаторскія авантюры косвенно работаютъ въ пользу идеи общечеловѣческаго братства,—а безстыдное „цивилизаторство“, предпринятое европейскими державами въ 1900 году въ Китаѣ—въ конечномъ выводѣ *должно* будетъ привести Китай къ рѣшительной реформѣ всего его отживающаго строя и къ окончательной реорганизаціи всѣхъ его старыхъ устоевъ.

Купецъ искалъ рынка,—не больше, а въ результатѣ теперь въ таинственной небесной имперіи идетъ, несомнѣнно, какая-то глухая и пока еще скрытая работа, но вѣсть о которой уже подаютъ нѣкоторые внѣшніе признаки. Европейская печать внимательно слѣдитъ за Китаемъ, которому суждено, вѣроятно, сыграть большую роль въ будущей міровой исторіи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Temps“ политическій обозрѣватель газеты посвящаетъ Китаю и новымъ теченіямъ въ его жизни обширную статью. Онъ говоритъ, что европейскіе солдаты и дипломаты, полагавшіе, что они ружейными выстрѣлами и конвенціями положили конецъ боксерскому возстанію, жестоко ошибались. Онъ находитъ, что враждебное европейцамъ движеніе было только на короткое время задержано,—но что оно имѣетъ глубокіе корни и будетъ развиваться дальше. Признавая, что Китай охваченъ жаждой возрожденія, политическій обозрѣватель буржуазнаго органа говоритъ объ этомъ чуть не съ сожалѣніемъ. Газета, быть можетъ, предвидитъ тотъ моментъ, когда Китай самъ будетъ выдѣлывать швейныя машины, и объ этомъ сожалѣетъ. Мы же можемъ только привѣтствовать пробужденіе этого колосса, заснувшаго на лаврахъ своей мирной и истинно-гуманной культуры. Но вотъ приходитъ купецъ, называющій себя „христіаниномъ“, и во имя цивилизаціи требуетъ, чтобы у него покупали швейныя машины, опій, скверный ситецъ и велосипеды. Большой и добрый Китай ворчитъ со сна, онъ не хочетъ ситца и швейныхъ машинъ...

Во имя цивилизаціи коалиція европейскихъ державъ „честью“ попросила Китай проснуться,—и смѣшное и любопытное зрѣлище представляютъ теперь нѣкоторые буржуазные европейскіе политики, кричащіе о „желтой опасности“. Для четвертаго класса ея не существуетъ. Рабочій радостно привѣтствуетъ пробужденіе многомиліоннаго Китая. Пролетарія съ желтымъ цвѣтомъ лица и немного косо посаженными глазами — ему больше братъ, чѣмъ бѣлый капиталистъ съ прекрасными глазами кавказской расы.

А Китай просыпается—несомнѣнно. Сознаніе своего безсилія и отсталости передъ западными державами все больше и больше проникаетъ въ умы не только представителей прогрессивныхъ элементовъ Небесной имперіи, но также и въ умы безчисленныхъ чиновниковъ, занимающихъ самые разнообразные посты. Примѣръ Японіи произвелъ на нихъ очень сильное впечатлѣніе. Китайцы начинаютъ понимать всю важность тѣхъ переворотовъ, которые сдѣлали изъ слабой имперіи Восходящаго Солнца весьма стѣснительнаго конкуррента для западной промышленности и страшнаго врага для большой европейской державы. Исторія Японіи за послѣднія тридцать лѣтъ тщательно изучается теперь въ Китаѣ. Текущія событія на Дальнемъ Востокѣ были послѣднимъ толчкомъ, заставившимъ китайцевъ серьезно задуматься надъ поучительнымъ примѣромъ Японіи. Китай понялъ все громадное значеніе пережитой Японіей исторической эволюціи и сознательно направляется все болѣе въ ту же сторону. Онъ видитъ, что онъ долженъ принять европейскую культуру, долженъ пойти на выучку и предпочитаетъ для роли учителя—японца. На самомъ дѣлѣ,—какой можно избрать лучшій и болѣе легкій путь для китайцевъ, для усвоенія ими европейской культуры и западныхъ открытій, какъ не внѣдреніе ея желтыми же собратьями, уже усвоившими ее и придавшими ей особый восточный характеръ?

Такимъ образомъ, японецъ является для Китая освободителемъ, другомъ и братомъ, желающимъ помочь Китаю порвать цѣпи, связывающія его. Такое представленіе о роли японцевъ все шире и шире распространяется среди китайцевъ. Китай намѣренъ слѣдовать примѣру Японіи. Конечно, имперія съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ не можетъ переродиться и измѣниться по мановенію руки, какъ могла сдѣлать это, къ общему удивленію, страна съ 40-ти

милліонами жителей. Но множество симптомовъ указываетъ на начало глубокаго движенія въ Китаѣ. Китай теперь изучаетъ иностранные языки, пытается понять элементы европейской силы. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ китайское правительство открываетъ всюду большія школы, гдѣ китайцамъ преподаются западныя науки. Въ Пекинѣ есть университетъ, который пока не играетъ еще большой роли въ возрожденіи китайской имперіи, но который скоро окажетъ на развитіе Китая несомнѣнно большое вліяніе. Наряду съ этимъ, все сильнѣе организуется партія дѣловыхъ, просвѣщенныхъ людей, которые изъ простого чувства самозащиты передъ нашествіемъ рыжихъ варваровъ-европейцевъ, готовыхъ разорвать по клочкамъ ихъ родину,—отдаются дѣлу оживленія своей страны, развитію ея экономическихъ и духовныхъ силъ. Изъ этой партіи націоналистовъ выйдутъ, вѣроятно, творцы своей китайской эманципаціи, по примѣру и образцу японской. Эта же партія выдвигаетъ реформаторовъ во всѣхъ сферахъ жизни Китая.

Тысячелѣтіе не воевавшій, Китай теперь принужденъ учиться военному дѣлу для защиты себя отъ рыжихъ варваровъ,—и вотъ Китай вырабатываетъ проектъ коренного преобразованія своего войска. Согласно этому плану, предположено организовать войско въ 500.000 человѣкъ, которое находилось бы въ завѣдываніи главнаго штаба изъ офицеровъ, получившихъ военное образованіе въ Японіи. Наряду съ этимъ войскомъ, будетъ сформированъ резервъ въ 200.000. Территорія Китая будетъ раздѣлена на 20 военныхъ округовъ, и въ каждомъ предполагается сформировать по 2 дивизіи. Въ послѣднія войдутъ по 12 батальоновъ пѣхоты, по одному полку кавалеріи, по 3—артиллеріи и по одной саперной ротѣ. Въ настоящее время уже происходитъ вербовка въ эти войска. Подготовительною школой для китайскихъ офицеровъ является служба въ Японіи и пребываніе въ японскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Теперь въ японской военной академіи учатся около 700 китайцевъ. Въ самомъ Китаѣ, въ Нанкинѣ и Вучанѣ учреждаются военныя школы по образцу японскихъ, и недавно послѣдовало обращеніе ко всѣмъ мандаринамъ съ предложеніемъ отдавать въ эти школы, по крайней мѣрѣ, по одному мальчику изъ ихъ семей. Такъ пріобщаются китайцы къ христіанской цивилизаціи запада.

До „желтой опасности“ еще очень далеко, но весьма возможно, что японцы научатъ китайцевъ одной „христіанской истинѣ“, такъ твердо исповѣдуемой цивилизованными державами запада: бери все, что плохо лежитъ и за одинъ зубъ выбей десять у ближняго твоего. Весьма вѣроятно, что китайцы научатся оказывать болѣе дѣйствительное сопротивленіе этому бѣлому западу въ его хищническомъ стремленіи захватить у желтаго Востока все, что плохо лежитъ. Въ предчувствіи этого шумятъ буржуазные витіи и кричатъ о „желтой“ опасности, пишутъ (въ „République Française“ статья Мелина), что японскія побѣды сдѣлаютъ невозможнымъ „экономическое проникновеніе“ Европы въ Китай...

Видите, какъ красиво можно выразить простую и вульгарную мысль, что японцы помѣшаютъ Европѣ продавать швейныя машины въ Китаѣ... Да, „экономическое проникновеніе“ Европы въ Китай будетъ, быть можетъ, задержано, но плакать объ этомъ придется только буржуазіи, а не рабочимъ массамъ Европы; и, если этотъ мирный и истинно-культурный народъ проснулся для новой жизни, благодаря цивилизаторскому разбою европейской буржуазіи, то... миссія капитала исполнена, еще сотни милліоновъ человѣчества введены въ кругъ общечеловѣческихъ интересовъ и грядущей общечеловѣческой солидарности.

II.

Въ самой сути своей и въ своихъ конечныхъ выводахъ капитализмъ приходитъ къ солидарности,—медленно, но вѣрно создаетъ самъ силу своихъ враговъ; но во всѣхъ внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ,—въ жизни, которую онъ хочетъ строить самъ, а не въ той, которая строится, вопреки ему,—онъ грубъ, жестокъ, тщеславно-завистливъ и хищнически жаденъ.

Любопытное зрѣлище зависти и хищнической жадности представляетъ оффиціальная жизнь современнаго человѣчества при самыхъ корректныхъ внѣшнихъ формахъ, выработавшихся старой культурой. Капиталистическая жадность, преклоненіе передъ грубой силой и чисто-матеріальными бла-

гами приводитъ къ безконечнымъ колонизаторскимъ авантюрамъ, безстыднымъ захватамъ чужихъ земель, яростнымъ войнамъ изъ-за рынковъ, имперіалистическимъ проектамъ и дипломатическимъ кляузамъ. Каждая страна съ завистью смотритъ на другую и, урвавъ гдѣ-нибудь кусокъ, подозрительно оглядывается, не собирается ли кто-нибудь вырвать его у нея. Германія дѣлаетъ крупные успѣхи въ промышленности, и Англія становится ея заклятымъ врагомъ. Америка гигантскими шагами идетъ впередъ, и Европа молча, но страстно завидуетъ ей и ненавидитъ ее.

Въ послѣдней книжкѣ „Nouvelle Revue“ Рибэ предсказываетъ логическій результатъ практическаго примѣненія доктрины Монроэ въ будущемъ. Вспоминая, что Монроэ, создавая свою доктрину, хотѣлъ гарантировать силы юной Америки отъ посягательствъ Европы, Рибэ находитъ, что теперь положеніе рѣзко измѣнилось, что Америка теперь богаче и сильнѣе Европы, и съ ужасомъ говоритъ о томъ, что если такъ пойдетъ дальше, то Америка скоро наложитъ свою волю на экономическую жизнь Европы, и янки скажетъ европейцу: „я прихожу къ тебѣ, потому что ты нуждаешься во мнѣ, но ты не показывайся сюда, такъ какъ ты мнѣ не нуженъ“. Бѣдная жалкая жизнь буржуазіи,—бѣдные богачи, проводящіе всю жизнь въ ужасѣ жадности и завистливаго недовѣрія къ сосѣду!

Какъ мало нужно, чтобы нарушить международное равновѣсіе, мы можемъ видѣть изъ той любопытной комедіи, которая разыгрывается теперь на нашихъ глазахъ и центромъ которой является поѣздка императора Вильгельма въ Танжеръ. Это теперь злоба дня въ Европѣ, вся пресса говоритъ объ этомъ и на нѣкоторое время забыла даже русскія дѣла. Въ толкахъ французской печати по поводу этого посѣщенія довольно опредѣленно просвѣчиваютъ опасенія, что визитъ Вильгельма II косвеннымъ образомъ натравляетъ противъ состоявшагося въ прошломъ году англо-французскаго соглашенія, по которому водвореніе порядка въ Марокко и проведеніе тамъ необходимыхъ реформъ было возложено на Францію. Правда, что о какомъ нибудь недовольствѣ этимъ соглашеніемъ со стороны Германіи не можетъ быть и рѣчи, Германія въ свое время была увѣдомлена объ этомъ, и англо-французское рѣшеніе фактически было результатомъ соглашенія всѣхъ державъ,—все это такъ; но политика жадности и подозрительности не можетъ не вспомнить, что Вильгельмъ умѣетъ входить въ дружбу съ восточными деспотами. Это достаточно обнаружено его недавними почти нѣжными отношеніями къ турецкому султану. Вслѣдствіе этого газеты видятъ въ поѣздкѣ Вильгельма желаніе установить близкія отношенія съ султаномъ Марокко и онѣ уже поднимаютъ шумъ по поводу того, что разъ такія отношенія установятся—это отразится на дѣлахъ Франціи и Великобританіи въ султанствѣ Марокко. Оффиціальная Франція готовитъ уже и отвѣтъ на поѣздку Вильгельма II. Предполагается встрѣча французской и британской эскадръ, которая должна подчеркнуть солидарность обѣихъ державъ въ вопросѣ о Марокко. Не правда-ли, какъ красиво и корректно? Vulgo,—это показывается бронированный кулакъ дружественной державѣ...

Всѣ эти отдѣльные моменты въ совокупности спутываютъ марокскій вопросъ (какъ видите, есть и такой вопросъ; ясно формулировать его надо такъ: кому, именно буржуазія какой страны достанется ѣсть Марокко?) въ довольно сложный клубокъ, который врядъ-ли легко будетъ распутать безъ нарушенія какихъ либо интересовъ или, по крайней мѣрѣ, безъ моральнаго ущерба для какой либо изъ трехъ державъ.

Но кромѣ оффиціальной жадности и дипломатическихъ кляузъ есть еще въ Европѣ широкая народная жизнь, развивающаяся сама по себѣ, вопреки господствующей оффиціальной силѣ и въ прямой борьбѣ съ нею. Partie de plaisir Вильгельма II обезпокоила представителей народа. Оно и понятно: вѣдь если за слишкомъ большую предпріимчивость придется расплачиваться,—то вѣдь не кому другому, какъ „Михелю“, и естественно, что соціалъ-демократы сдѣлали запросъ въ парламентѣ. Канцлеръ отвѣтилъ—въ Германіи на такіе дерзкіе вопросы приходится отвѣчать,—что Германія охраняетъ свои законные торговые интересы, что никому это ущерба не причинитъ и что напрасно-де соціалъ-демократы безпокоятся. Но народные представители

недовольны все-же — и въ Германіи, и во Франціи. Въ первой соціалъ-демократы сочли образъ дѣйствія императора безтактной демонстраціей. А во Франціи многіе высказываютъ порицаніе правительству, не сумѣвшему такъ устроить дѣло относительно Марокко, чтобы не раздражать подозрительной сосѣдки.

Мы такъ долго остановились на этомъ любопытномъ эпизодѣ современной жизни Европы, на этомъ шумѣ по поводу roi de Prusse только для того, чтобы ярко показать, каково европейское равновѣсіе и международная корректность, прячущая подъ улыбками и тонкими дипломатическими ухищреніями хищническія намѣренія и чисто-купеческую жадность.

Народная-же жизнь развивается помимо нихъ и вопреки имъ, и заставляетъ власть имѣющихъ идти на уступки.

Мы говорили въ прошлой статьѣ о значеніи общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ котораго теперь имѣется въ виду законопроектъ о горныхъ промыслахъ, устанавливающій нормальный рабочій день, запрещающій штрафы и вводящій другія улучшенія въ положеніи рабочихъ. Этотъ проектъ уже обсуждался теперь въ палатѣ депутатовъ, и самъ графъ Бюловъ защищалъ его. Онъ доказывалъ, что этотъ законопроектъ явится средствомъ противъ соціалъ-демократіи, что стремленіе рабочихъ улучшить свое положеніе — справедливо, что государство и парламентъ обязаны устанавливать справедливость, и закончилъ свою рѣчь просьбой принять законъ и доказать горнорабочимъ, что они не обманулись, когда прекратили стачку, полагаясь на законодательство. Хорошо говорилъ графъ. Оно и понятно, — даже канцлеръ хорошо заговоритъ, зная что таково требованіе народа и помня, что союзъ горнорабочихъ умѣлъ выразительно аргументировать свои требованія.

Мимо оффиціальной лжи и жадности течетъ народная жизнь, и потому истинно народные представители не питаютъ завистливыхъ и хищническихъ чувствъ къ сосѣднему народу. Европа была въ послѣднее время свидѣтельницей многихъ манифестацій въ парламентахъ, на митингахъ, выражающихъ дружескія чувства народа къ освободительному движенію въ Россіи.

Заговоривъ о жизни народа an und für sich, текущей вопреки оффиціальной власти, — мы остановимся здѣсь-же на нѣкоторыхъ моментахъ ея въ различныхъ странахъ. Прежде всего мы должны отмѣтить побѣду традъ-юніоновъ въ Великобританіи. Года два назадъ въ Англіи былъ установленъ судебный прецедентъ, который угрожалъ значительно подорвать силу рабочихъ союзовъ. Дѣло въ томъ, что судъ удовлетворилъ искъ предпринимателя къ традъ-юніону объ убыткахъ, причиненныхъ забастовкою, которая была организована традъ юніономъ. Такое рѣшеніе суда заставляло рабочіе союзы отказываться отъ организованныхъ забастовокъ, и выходомъ изъ этого положенія могла быть только законодательная мѣра, освобождающая рабочіе союзы отъ отвѣтственности за убытки, причиненные стачками. На дняхъ такой законопроектъ принятъ во второмъ чтеніи въ низшей палатѣ британскаго парламента большинствомъ въ 122 голоса. Можно съ увѣренностью сказать, что консервативные депутаты хотѣли задобрить избирателей передъ выборами, но какъ бы то ни было, въ результатѣ можно считать устраненнымъ важное препятствіе, ставшее на пути роста рабочихъ союзовъ въ Великобританіи.

Говоря о важныхъ моментахъ народной жизни, интересно отмѣтить побѣду соціалистовъ въ Копенгагенѣ.

На дняхъ тамъ происходили дополнительные выборы въ городскую думу, давшіе рѣшительный перевѣсъ соціалъ-демократической партіи. Участіе населенія въ выборахъ было больше, чѣмъ когда-либо, превысивъ 80% общаго числа имѣющихъ право на это участіе. Изъ 42 думскихъ мѣстъ 28 будутъ отнынѣ принадлежать соціалистамъ; послѣдніе будутъ также располагать большинствомъ въ магистратѣ. По заявленію городского головы Іенсена, столица Даніи предприметъ въ сферѣ городского самоуправленія осуществленіе широкой программы реформъ на соціалистическихъ началахъ. А „начала“ эти рѣзко расходятся съ „началами“ капиталистическаго хозяйства...

Напримѣръ, о колоніальной политикѣ, гдѣ капиталистическія „начала“ полны жадности и насилія, конгрессъ соціалистовъ въ Амстердамѣ высказался слѣдующимъ образомъ. Прежде всего онъ высказался противъ вся-

кихъ издержекъ военнаго характера на колоніи, противъ монополій, уступокъ колоніальныхъ территорій представителямъ крупнаго капитала, которые могли-бы захватить для себя богатства колоній. Дальше, конгрессъ требуетъ, чтобы всѣ акты насилія надъ туземцами подвергались строгой огласкѣ, ихъ виновники — преслѣдованію со стороны закона, а сами туземцы пользовались той долей автономіи, которая соотвѣтствуетъ степени ихъ развитія.

Да, эти „начала" рѣзко расходятся съ „началами". принятыми въ колоніальной политикѣ сегодняшняго дня во всѣхъ странахъ.

Но, говоря о важномъ и значительномъ въ современной жизни Европы, мы не должны все-же совершенно упускать изъ виду текущую жизнь съ ея бурями, хотя-бы и въ стаканѣ воды, — съ ея суетой и злобой дня. Скажемъ-же объ этомъ нѣсколько словъ.

Скоро уже минетъ три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ министерство гр. Тиссы подало въ отставку, но кризисъ все еще не улаженъ. Императоръ Францъ-Іосифъ вызвалъ къ себѣ на совѣщаніе цѣлый рядъ государственныхъ дѣятелей Венгріи, въ томъ числѣ и сына революціонера 1848 года, Франца Кошута, но тѣмъ не менѣе разрѣшеніе кризиса почти не подвинулось впередъ. Коалиціонная оппозиція, нанесшая во время выборовъ жестокое пораженіе правительственной партіи, твердо держится трехъ основныхъ пунктовъ своей программы: экономическаго отдѣленія отъ Австріи, національзаціи войска и реформы избирательнаго права. Корона уже согласилась на уступки по первому и третьему пунктамъ, но продолжаетъ упорно отстаивать существующую организацію арміи, съ нѣмецкимъ языкомъ команды. Говоря объ этомъ, Францъ Кошутъ въ своей рѣчи избирателямъ, произнесенной надняхъ, ставитъ вопросъ, каковъ можетъ быть конецъ этого конфликта между монархомъ и націей —и приходитъ къ выводу, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ: „нація можетъ ждать долѣе, чѣмъ монархъ". Къ этому можно-бы еще прибавить, что не въ интересахъ монарха, чтобы нація перестала ждать, такъ какъ она можетъ заговорить совсѣмъ не парламентскимъ языкомъ. Во всякомъ случаѣ, относительно Австро-Венгріи можно сказать, что тамъ готовится буря, такъ какъ парламентскій кризисъ съ каждымъ днемъ обостряется все больше.

Во французской палатѣ депутатовъ страстно дебатируется законопроэктъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Употребивъ всѣ средства, чтобы свалить министерство Комба, націоналисты и клерикалы жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Не оправдалъ ихъ надеждъ и самъ Рувье, который такъ снисходительно относился ко всѣмъ ихъ реакціоннымъ претензіямъ. Все крѣпче начинаетъ опять становиться прежній демократическій bloc, — всѣ прогрессивные элементы соединяются противъ враговъ республики, и съ новой силой разгорается битва друзей народа съ врагами его.

Подробно законопроэктъ отдѣленія церкви отъ государства, вокругъ котораго группируется теперь борьба демократической Франціи, будетъ нами разсмотрѣнъ въ слѣдующей статьѣ.

Л. М.

На каждый вопросъ нужно прилагать по 2 семикопѣечныхъ марки, для справокъ. Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Г. Бурлакову.—Такъ какъ выдѣлъ является актомъ даренія, то и вопросъ о возвращеніи выдѣла можетъ быть рѣшенъ на основаніи ст. 974 т. X, ч. I. т. е. можно требовать возврата подареннаго, при наличности неблагодарности со стороны одареннаго. Указанное вами отношеніе сына къ отцу вполнѣ подходитъ подъ понятіе неблагодарности и, слѣдовательно, искъ о возвратѣ вполнѣ возможенъ.

Г-жѣ Андреевой. Ст. 106 т. X ч. I налагаетъ на мужа обязанность выдавать женѣ содержаніе до тѣхъ поръ, пока супруги живутъ раздѣльно. Искъ можетъ быть предъявленъ или въ окружномъ судѣ или у мирового судьи, смотря по суммѣ. Чтобы освободиться отъ уплаты судебныхъ и другихъ пошлинъ—необходимо достать свидѣтельство о бѣдности. Получить его вы можете у мѣстнаго мирового судьи, подавъ ему соотвѣтственное прошеніе и изложивъ въ немъ ваше матеріальное положеніе. На основаніи ст. 881 и 882 уст. гр. суд. судья выдастъ вамъ такое свидѣтельство, провѣривъ путемъ осмотра вашего жилища и опроса свѣдущихъ людей ваши показанія.

„Подписчику изъ Городка“. Единственный для васъ выходъ—взять на себя уплату денегъ за Кр., тогда вы спасете свой билетъ. Уплаченныя же деньги вы можете искать съ Кр., хотя, повидимому, едва ли вы чего-нибудь достигнете этимъ.

Г.г. Бурлакову (Саксагань), *Шелепину* (Караевичи), *Билику* (Холмъ), *Степанову* (Таганрогъ), *Мѣсяцу* (Машеву), *Жигачеву* (Красное), *Тутолмину* (Сильковичи) посланы письма.

Подписчику изъ „Трехъ Озеръ“. Законъ 2 іюля 1903 года о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ на желѣзнодорожныя предпріятія не распространяется. Взысканіе вознагражденія осуществляется на основаніи ст. 683 т. X, ч. I и слѣд. При не имѣніи средствъ на веденіе дѣла можно освободиться отъ платежа судебныхъ и иныхъ пошлинъ путемъ представленія свидѣтельства о бѣдности, каковое выдастъ вамъ мѣстный земскій начальникъ (см. выше, отвѣтъ г-жѣ Андреевой).

Что касается вопроса о продолжительности дѣла о вознагражденіи, то срока его нельзя опредѣлить даже и приблизительно. Есть дѣла, которыя тянутся годами. Но можетъ быть, желѣзная дорога предложитъ вамъ мировую сдѣлку, и если условія ея будутъ вами приняты, то деньги будутъ выданы вамъ безъ задержки. Къ сожалѣнію, юрисконсульты желѣзныхъ дорогъ любятъ, по большей части, вести дѣло черезъ судъ и либо вовсе отказываются отъ мирового соглашенія, либо предлагаютъ такія условія, какія не могутъ быть приняты потерпѣвшимъ.

Отв. г. Барышову (Астрахань).—Очень благодарны за Ваши указанія. „Наука“ по прежнему преобладаетъ въ нашемъ жур-

налѣ, если Вы вспомните про 15 нашихъ приложеній, для того и выдѣленныхъ, чтобы не загромождать самого журнала длинными, спеціальными статьями. Кромѣ того, современная жизнь выдвигаетъ теперь такіе жгучіе вопросы, предъ которыми вопросы чистой науки пока должны отступить на второй планъ. Отсюда—появленіе въ журналѣ статей историческаго и публицистическаго характера.

Что касается далѣе, нашихъ „Хроникъ", то ихъ задача—дать болѣе или менѣе полную картину русской и заграничной жизни за истекшій мѣсяцъ. Одно уже сопоставленіе приводимыхъ здѣсь фактовъ должно дать извѣстное представленіе читателю; *обобщать* же ихъ въ иныхъ случаяхъ для редакціи невозможно, по независящимъ обстоятельствамъ. Впрочемъ, какъ видите изъ № 3 и № 4,—гдѣ можно, Вы найдете надлежащее обобщеніе и освѣщеніе.

Библіографическаго отдѣла редакція совсѣмъ не думаетъ упускать изъ виду; а если его не было въ первыхъ четырехъ №-рахъ, то опять-таки, въ виду требованія текущихъ интересовъ. Въ № 5 этотъ отдѣлъ уже будетъ.

Относительно формата приложеній, редакція сама думала остановиться на небольшомъ форматѣ, въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, ее останавливаютъ только черезчуръ часто повторяющіеся факты кражи и пропажи отдѣльныхъ, особенно небольшихъ приложеній по дорогѣ къ адресатамъ. Редакція *едва успѣваетъ досылать пропавшіе экземпляры*.

Въ заключеніе редакція проситъ и Васъ, и другихъ подписчиковъ обмѣниваться съ нею мнѣніями о журналѣ, а также заявлять свои желанія о тѣхъ или другихъ измѣненіяхъ въ немъ.

Ред.

Редакторъ-издатель Ф. С. Груздевъ.

Дозволено цензурою Спб. 8 апрѣля 1905 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71-6.

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

ТОМЪ I.

(Январь-Апрѣль) 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.

1905.

Содержаніе I тома.

(Январь—Апрѣль).

Отд. I.—Наука и искусство.

Отд. II. Беллетристика.

Отд. III.—Стихотворенія.

Отд. IV.

Отд. V.

Отд. VI.

Отд. VII.

Отд. VIII.

Отд. IX.

Отд. X.

Отд. XI.

Отд. XII.

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА V.

Май 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Неизмѣримое въ природѣ.

В. Бельше.

Существуетъ старинное морское преданіе: Мореплаватели причалили къ незнакомому острову на океанѣ. Они высадились, торжественно причислили его къ владѣніямъ своей націи, отслужили благодарственный молебенъ и зажгли костеръ. Но вдругъ холмы заколебались, и островъ сталъ погружаться: то, что они принимали за островъ, была спина кракена *). Онъ опускается, когда ему заблагоразсудится, въ морскую глубину и увлекаетъ при этомъ все съ собой въ бездну.

Въ этомъ преданіи имѣется глубокій смыслъ.

Наша земля имѣетъ много общаго съ этимъ чудовищемъ. На эту мысль навела меня послѣдняя магнитная буря, затормазившая на время работу большей части самыхъ важныхъ европейскихъ телеграфныхъ линій.

Наша земля—островъ въ безбрежномъ океанѣ „пространства". Мы заняли его, довѣрчиво устроились на немъ и зажгли костеръ. Вся наша техника—ничто иное, какъ громадный костеръ. Мы пользуемся силами природы, какъ помощниками; новѣйшимъ такимъ помощникомъ является для насъ электричество. Наше-же „чудовище" идетъ своимъ путемъ.

Оно—громадный колоссъ, вовсе не думающій считаться съ нашими разстояніями между двумя какими-нибудь точками на его спинѣ, нашими телеграфными линіями. Этотъ колоссъ реагируетъ на солнечные сигналы. Стоитъ солнцу, отстоящему отъ него на разстояніи двадцати милліоновъ миль, обратиться къ нему своимъ пятномъ,—и онъ чувствуетъ это, онъ начинаетъ производить движенія. И въ этотъ моментъ всѣ наши телеграфные аппараты прекращаютъ свою дѣятельность, всѣ наши сообщенія прерываются. Одно только движеніе сдѣлало „чудовище", и все наше электричество исчезло. А что было-бы, если бъ земля наша совсѣмъ погрузилась?..

Но куда ей погрузиться?

Мы такъ гордимся истиной, представляющей величайшее завоеваніе

*) Кракенъ—морская змѣя, чудовище въ сѣверныхъ моряхъ.

нашего мышленія: изъ ничего не будетъ ничего, и въ *Ничто* ничто не можетъ упасть. Самое страшное, что мы себѣ можемъ представить, это—крушеніе нашей солнечной системы вслѣдствіе карамболяжей на небесномъ билліардѣ, вслѣдствіе взрыва столкнувшихся планетъ. Объ этомъ внѣшнемъ мірѣ, мірѣ подчиняющемся закону тяготѣнія, о томъ мірѣ, гдѣ звѣздныя тѣла блуждаютъ по безконечнымъ путямъ мы постоянно думаемъ.

Въ то же время мы забываемъ о другомъ океанѣ, гораздо болѣе близкомъ къ намъ, въ который можетъ погрузиться наше „чудовище", гдѣ оно можетъ исчезнуть. Это—громадный, глубокій океанъ совершенно неизвѣстнаго намъ, *неизмѣримаго.*

Представьте себѣ, что въ одно прекрасное утро мы подходимъ къ нашимъ электрическимъ аппаратамъ и оказывается, что всѣ электрическія явленія исчезли. Исчезли совершенно. Все стройное зданіе, которое мы воздвигли, основываясь на законахъ электричества, рухнуло. Ни одинъ изъ нашихъ аппаратовъ больше не дѣйствуетъ: не дѣйствуетъ ни одной минуты, ни въ одной странѣ. Все исчезло, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла; исчезло на всемъ земномъ шарѣ.

Но, вѣдь, волшебства не бываетъ.

Конечно, волшебства нѣтъ.

Имѣется-же наше незнаніе, а въ немъ—*неизмѣримое.*

Никакая сила природы не можетъ сразу исчезнуть.

Она можетъ подвергаться періодическимъ измѣненіямъ, которыя, правда, не могутъ обратить эту силу въ „ничто", но могутъ вдругъ свести ее къ minimum'у для нашего міра.

Возьмемъ законъ тяготѣнія, который мы такъ хорошо знаемъ съ внѣшней страны. Вотъ приближается какое-нибудь огромное тѣло. Происходятъ чрезвычайныя слѣдствія его приближенія: луна, напр., притягиваетъ океанъ, наступаетъ приливъ. Но тѣло продолжаетъ свой путь, отдаляется отъ насъ; его вліяніе постепенно ослабляется, явленія, вызванныя имъ, все болѣе и болѣе исчезаютъ, достигаютъ minimum'a, становятся для насъ совершенно незамѣтными, какъ будто ихъ проглотила бездна.

Подобное тѣло можетъ совершать колоссальнѣйшій путь, путь лежащій далеко за предѣлами возможныхъ для человѣка измѣреній. И въ то время, когда это тѣло находится за предѣлами нашихъ измѣреній, намъ кажется, что его сила исчезла, что она обратилась въ ничто. Что-же препятствуетъ намъ допустить, что и электрическія явленія находятся въ такой же періодической зависимости? Отчего не допустить, что и въ данномъ случаѣ „тамъ" отдалился отъ насъ, описывая свой путь, какой-то центръ силы, скажемъ для наглядности: огромное небесное тѣло, вызывающее у насъ явленія электричества; что съ его отдаленіемъ ослабляется его вліяніе, падаетъ до кажущагося намъ „ничто"?

„Но, позвольте", возразитъ читатель: „развѣ кто-нибудь видѣлъ подобныя небесныя тѣла? гдѣ-же они находятся, гдѣ описываютъ свои пути!" — А что мы вообще видимъ изъ океана электрическихъ и магнетическихъ явленій? Вѣдь, ровно ничего мы не видимъ. И мы можемъ все предположить.

То-то и достойно удивленія, что мы построили громадныя области нашей техники, основываясь на силахъ природы, о которыхъ не имѣемъ никакого точнаго, нагляднаго представленія.

Строго говоря, мы не знаемъ ни объ одной силѣ природы чего-либо „существеннаго", чего-либо прочнаго. Но меньше всего мы знаемъ о нашемъ новомъ помощникѣ, объ электричествѣ.

Съ того времени, какъ мы въ нашей техникѣ начали пользоваться

явленіями электричества и магнетизма, мы вступили въ какой-то темный, совершенно непонятный для насъ океанъ силъ, океанъ, находящійся внѣ предѣловъ нашихъ органовъ чувствъ. Мы начали практически работать съ недоступнымъ нашему пониманію, „недоступнымъ", въ полномъ смыслѣ этого слова.

Мы не сами создали наше тѣло съ его органами чувствъ, мы его такимъ получили. Наше тѣло реагируетъ непосредственно только на вполнѣ опредѣленную группу раздраженій. Если мы представимъ себѣ вселенную въ видѣ неизмѣримо-длинной скалы — хотя-бы температура, то въ область нашихъ чувствъ входитъ самая незначительная часть ея. Все, что лежитъ внѣ этой части, должно быть переведено на языкъ доступныхъ намъ ощущеній, иначе мы ничего не поймемъ. Въ насъ самихъ, кругомъ насъ, въ каждомъ пятнѣ неба и земли, во всей вселенной волнуется этотъ страшно темный для насъ океанъ непонятнаго и непереводимаго на языкъ нашихъ чувствъ. Океанъ этотъ шумитъ, грохочетъ, имѣетъ свои бури, приливы и отливы; но все это для насъ понятно лишь тогда, когда оно находится въ доступной намъ части скалы и когда, слѣдовательно, мы можемъ перевести эти явленія на языкъ нашихъ чувствъ.

Но то, что лежитъ въ этой, доступной намъ части скалы, есть только незначительная часть ея. Такъ, микроскопъ, телескопъ, спектральный аппаратъ показали намъ, напр., какъ слабо наше врожденное зрѣніе.

И вотъ, въ областяхъ электричества и магнетизма мы начали работать съ тѣми частями скалы, которыя совершенно недоступны нашимъ органамъ чувствъ. Вѣдь мы не имѣемъ никакого органа чувства для воспріятія электрическихъ и магнетическихъ явленій.

Конечно, мы теперь знаемъ, благодаря въ особенности изслѣдованіямъ Гертца, въ какой тѣсной связи находятся между собой электричество и свѣтъ. Вполнѣ правы поэтому тѣ, которые говорятъ, что въ извѣстномъ смыслѣ мы въ нашемъ глазу имѣемъ органъ для воспріятія электрическихъ явленій; той части, къ которой всеобъемлющая теорія въ духѣ Геротца относитъ свѣтъ. Но вѣдь на практикѣ мы тѣсно различаемъ понятія: „свѣтъ" и электричество", и для воспріятія электрическихъ явленій мы обладаемъ органомъ чувства въ такой же степени, въ какой обладаетъ имъ для воспріятія „звуковыхъ волнъ эфира", которыя быть можетъ производятъ мчащимися въ пространствѣ планетами.

Не смотря на все это, намъ посчастливилось развить громадную технику пользуясь электричествомъ. Собственно говоря, мы въ данномъ случаѣ пошли по пути, по которому природа давно уже до насъ шла. Такъ, электрическія рыбы, электрическій скатъ, электрическій угорь, электрическій сомъ имѣютъ въ своемъ тѣлѣ электрическій аппаратъ, электрическое оружіе. Извѣстно, что всѣ наши орудія представляютъ собою ничто иное, какъ попытку усовершенствованія нашихъ естественныхъ органовъ; и вотъ, мы видимъ, у этихъ рыбъ, „электрическую машину", связанную съ нервной системой, которая у нихъ, также какъ и у насъ, не имѣетъ особыхъ органовъ чувствъ для воспріятія электрическихъ раздраженій.

Но наша техника не ограничилась только подражаніемъ природѣ; она пошла гораздо дальше. Она попыталась замѣнить недостающій внутренній органъ чувства внѣшнимъ. Компасъ, сыгравшій такую важную роль въ дѣлѣ распространенія человѣческой культуры на землѣ, былъ первымъ нашимъ крупнымъ шагомъ по этому пути,—шагомъ попытавшимся создать намъ магнитный органъ чувства; и если этотъ искусственный органъ чувства и не со-

ставляетъ части нашего тѣла, то мы все-таки можемъ постоянно носить его съ собой въ карманѣ, какъ сумчатое животное носитъ своихъ дѣтенышей. Магнитная стрѣлка, въ свою очередь. были первымъ шагомъ, первой буквой азбуки для всѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ перевода непонятныхъ явленій ни доступный намъ языкъ; она для насъ имѣла то-же значеніе, какое имѣло первое, точно установленное имя царя для разбора клиновидныхъ письменъ.

Небезынтересно кстати припомнить тѣ опыты, которые природа произвела на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія въ области органовъ чувствъ. Мы не знаемъ попытокъ природы создать органъ чувства для воспріятія магнетическихъ явленій; но намъ извѣстны другія, очень интересныя ея попытки. Самой замѣчательной изъ нихъ былъ такъ называемый „третій глазъ“ или „теманой глазъ“. которой у первобытныхъ завровъ (находящихся на границѣ между амфибіями и пресмыкающимися) игралъ несомнѣнную роль. Черепъ у нихъ имѣлъ на темени большое отверстіе сидѣлъ въ полномъ смыслѣ слова глазъ циклона, „третій глазъ“, такъ какъ оба нормальные глаза также были ва лицо.

Еще и въ наше время возможно у нѣкоторыхъ живущихъ пресмыкающихся найти остатокъ этого третьяго глаза. Да и у насъ самихъ въ такъ наз. мозговомъ придаткѣ нашего мозга сохранился еще остатокъ нервнаго ствола, который велъ когда-то къ этому третьему, темяному глазу. Анатомируя существующихъ въ наше время пресмыкающихся. снабженныхъ остаткомъ этого глаза, мы находимъ. что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о простомъ глазѣ; съ нимъ соединялся какой-то особый чувственный аппаратъ. отъ котораго сохранилась только одна внѣшняя оболочка. О функціи же его мы не имѣемъ ровно никакого представленія. Но чѣмъ бы этотъ аппаратъ ни былъ—попытка природы оказалась здѣсь нецѣлесообразной, такъ какъ въ дальнѣйшемъ развитіи этотъ органъ былъ устраненъ.

Наше положеніе все-таки остается тѣмъ-же самымъ.

Во всей этой области (электричества и магнетизма) мы находимся въ томъ же положеніи, въ какомъ находились тѣ моряки, покуда они считали морское чудовище настоящимъ островомъ. Въ тотъ моментъ когда „островъ“ оказался „чудовищемъ“,—все погибло.

Мы не должны скрывать отъ себя, что завоевательныя стремленія нашей техники давно уже проникли въ мало извѣстную, въ темную для насъ область, въ которой „мелкія“ наши вычисленія становятся все точнѣе и точнѣе, но въ „главномъ“ опасность *неизмѣримо* все болѣе и болѣе увеличивается.

Такъ какъ карты магнитнаго міра для насъ закрыты, то мы и не знаемъ самаго важнаго о немъ. Мы не знаемъ степени его гармоническаго строенія, его прочности, не знаемъ, если можно такъ выразиться, его кредитоспособности.

Къ міру тяготѣнія, къ вращающимися въ равновѣсіи планетамъ, лунамъ, солнцамъ мы имѣемъ чувство довѣрія. Всѣ солнечныя системы, въ одной изъ которыхъ находится наша земная орбита, производятъ впечатлѣніе устойчивости. Онѣ представляютъ продуктъ гармоніи, очень вѣроятно, гармоническій подборъ, получившійся послѣ безконечной борьбы, теперь же уравновѣсившійся.

Это гармоническое равновѣсіе, которое напр., не давало землѣ въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ возможности выйти изъ предѣловъ своей орбиты, позволило намъ развиться. И ничто не препятствуетъ намъ, судя по аналогіи, предположить, что еще много милліоновъ лѣтъ наша культура будетъ смѣло развиваться. Тотъ фактъ, что мы

вообще существуемъ, долженъ каждому, признающему естественное развитіе, дать полную гарантію въ томъ, что мы, поскольку дѣло идетъ о тягости, находимся въ стадіи мірового, по крайней мѣрѣ относительнаго, покоя, въ стадіи періодически уравновѣшанной гармоніи.

О мірѣ же, изъ котораго принеслась магнитная буря, мы ровно ничего не знаемъ.

Намъ кажется, что появленія солнечныхъ пятенъ, а вмѣстѣ съ ними магнитныхъ бурь на землѣ, связаны опредѣленной долголѣтней, періодичностью. Если бы было такъ, то мы въ этомъ имѣли бы первую точку опоры для того, чтобы допустить существованіе извѣстнаго гармоническаго порядка. Но и въ такомъ случаѣ мы имѣли бы только точку опоры. Связи же съ другими извѣстными намъ гармоническими началами мы въ ней не имѣемъ.

Также очень возможно, что магнетизмъ Вселенной и въ частности нашей солнечной системы находится на переходной ступени. Здѣсь можетъ господствовать самый неспокойный, совершенно недоступный нашимъ подсчетамъ предварительный періодъ оживленнаго, дисгармоническаго собирательнаго движенія, дикаго хаоса. Имѣется даже большая доля вѣроятности въ томъ, что солнечныя пятна, которыя безусловно должны быть приняты въ расчетъ, когда рѣчь идетъ о магнетизмѣ, суть ничто иное, какъ внѣшнія острыя проявленія быстро идущаго впередъ процесса развитія. Этотъ процессъ можетъ еще вести ко всякаго рода сюрпризамъ.

Конечно, не надо думать, будто эти сюрпризы должны быть опасны для нашего земного существованія. Противъ этого опять-таки говоритъ аналогія протекшихъ милліоновъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ развивалась на землѣ жизнь, не будучи уничтоженной электрическими катастрофами. Вѣдь не могло же быть вліяніе электричества очень сильнымъ, разъ жизнь до сихъ поръ для воспріятія его раздраженій не развила особеннаго органа чувства!

Но, само собою разумѣется, совершенно успокоить насъ это не можетъ. Вѣдь остается въ полной силѣ тотъ фактъ, что солнце, какъ раскаленный шаръ, окруженный холоднымъ пространствомъ, должно подлежать собственному развитію, которое когда-нибудь да можетъ привести къ состоянію совершенно противоположному всему, что раньше было. И если солнечныя пятна находятся, какъ нерѣдко предполагалось, въ связи съ этимъ развитіемъ, то мы должны прійти къ заключенію, что старая „кредитоспособность" солнца прошла; о новой же —мы покуда ничего не знаемъ.

Во всякомъ случаѣ, не говоря даже объ угрожающихъ жизни катастрофахъ, для насъ должно быть яснымъ, что наша техника остается подвергнутой толчкамъ совершенно незнакомаго намъ моря, которые могутъ нанести страшный вредъ нашей культурѣ. Вѣдь и такое чудовище, которое только дрожитъ, и отъ дрожанія котораго падаютъ всѣ наши телеграфные столбы, является не совсѣмъ благопріятной почвой для культуры.

Когда толчки неизмѣримаго заставляютъ дрожать землю, когда стрѣлки въ аппаратахъ шатаются, и все наше искусство должно на время склонить свою голову, какъ нива во время бури; когда красная корона лучей сѣвернаго сіянія пылаетъ около сѣвернаго полюса, какъ громадный костеръ демоновъ вселенной, торжествующихъ надъ невѣдѣніемъ всевѣдующаго человѣка, — въ это время духовъ и бурь остается всетаки для насъ и утѣшеніе.

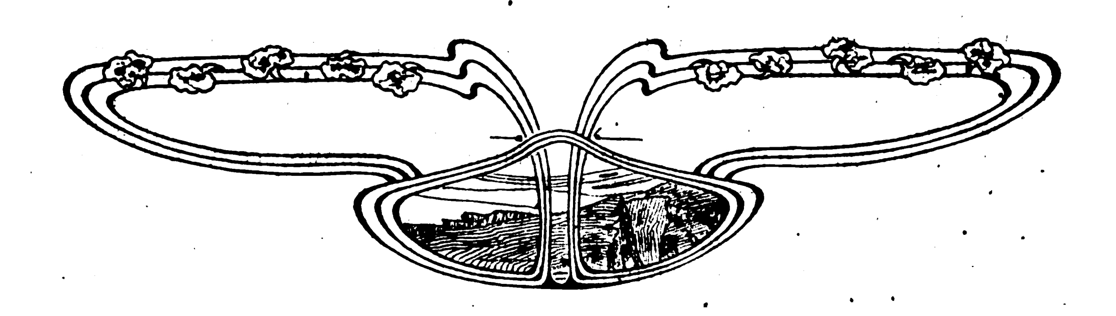
Утѣшеніе въ томъ, какъ глубока вселенная, до какихъ глубинъ она доходитъ, до которыхъ не можетъ достать ни одинъ духовный зондъ

И это знать, уже само по себѣ есть большое утѣшеніе.

Наше время сплошь и рядомъ

страдаетъ такими слишкомъ короткими зондами. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, очень жаль, если бы мы въ нашихъ изслѣдованіяхъ природы на всѣхъ тѣхъ мелкихъ мѣстахъ, гдѣ теперь такъ охотно останавливаются, были-бы на дѣйствительномъ днѣ.

В. Бельше.

Тайна.

Міръ чуденъ, міръ дивенъ, прекрасенъ
И все въ немъ отрадой полно.
Лишь только одинъ человѣкъ въ немъ несчастенъ,
Одинъ онъ страдаетъ давно.

И ищетъ безумно и страстно онъ счастья,
И рвется въ нѣмую безбрежную даль.
А муки, невзгоды, страданья, ненастья
Наводятъ на сердце тоску и печаль.

И гибнетъ. въ конецъ онъ, въ борьбѣ міровой
И смерти онъ тайну уноситъ въ могилу,
И много людей вновь въ борьбѣ вѣковой
Съ проклятымъ вопросомъ истратитъ всю силу.

Міръ чуденъ, міръ дивенъ, прекрасенъ
Все прелести полно кругомъ.
И жизни—загадки смыслъ такъ-же неясенъ,
Неясна побѣда межъ зломъ и добромъ.

* * *

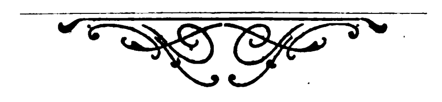
Пришла пора. Настало время
Ярмо насилья сбросить съ плечъ,
Стряхнуть позора, рабства бремя
И безъ стыда въ могилу лечь.

Мы слишкомъ долго продавали
На злато лучшія мечты;
Забыли заповѣдь скрижали,
Подъ шумъ вседневной суеты.

Забыли долгъ свой предъ народомъ,
Его невзгоды, честь и трудъ.
Такъ дружно всѣ. Передъ походомъ
Ужъ барабаны „зорю“ бьютъ.

Проходитъ ночь: встаетъ ужъ день
И солнце всходитъ надъ землей.
Борцовъ изъ гроба шепчетъ тѣнь:
„Иди впередъ и я съ тобой!“

С. Виноградовъ.

Хламида.

РАЗСКАЗЪ.

М. Ө. Лубинскаго.

I.

Однажды въ концѣ іюля я возвращался отъ своего пріятеля, жившаго круглый годъ въ собственномъ, небольшомъ имѣніи, въ одной изъ самыхъ глухихъ губерній.

До ближайшей желѣзнодорожной станціи мнѣ пришлось проѣхать слишкомъ сорокъ верстъ по той адски - убійственной дорогѣ, которыя встрѣчаются единственно лишь въ нашемъ необъятномъ отечествѣ.

Цѣлыхъ восемь часовъ тянулись мы то дремучимъ, вѣковымъ боромъ, ежеминутно увязая въ сыпучемъ пескѣ, то зыбкими, торфяными болотами, по кос-какъ наброcанному настилу изъ сучковатыхъ, необдѣланныхъ бревенъ.

На мое несчастье выдался одинъ изъ тѣхъ удушливо-знойныхъ дней, которые не рѣдки въ это время, и обыкновенно влекутъ за собою страшныя, разрушительныя грозы и ливни.

Искусанный до крови безчисленными оводами и мошками, чуть не задохшійся отъ невозможной жары и пыли, мрачный сидѣлъ я въ тарантасѣ и уже предавалъ свою душу въ руки Творца, когда вдали показалось, наконецъ, невзрачное зданіе станціоннаго вокзала.

Колумбъ, я думаю, не такъ обрадовался открывшимся предъ нимъ дивнымъ картинамъ американскаго берега, какъ я — этой грязненькой, прокоптѣлой, ободранной постройкѣ.

Прошло, однако, еще добрыхъ полчаса, пока мы добрались до вокзальнаго подъѣзда.

Наскоро разсчитавшись съ ямщикомъ, я бросился прямо въ уборную и подставилъ пылающую голову подъ кранъ умывальника...

Долго смывалъ я съ себя налипшую грязь, потъ и запекшуюся на укусахъ кровь и, наконецъ, освѣженный, вышелъ въ тѣсное зальце перваго класса.

Студеная, ключевая вода и пріятная прохлада вокзала быстро возстановили мои силы, и я почувствовалъ сильный голодъ.

До отхода поѣзда оставалось еще болѣе часа, и я рѣшилъ употребить это время на обѣдъ.

Я сталъ искать глазами свободнаго мѣстечка, но проѣзжающихъ скопилось очень много, и всѣ столы кругомъ были позаняты.

За большинствомъ изъ нихъ помѣщалось даже по пяти и болѣе че-

ловѣкъ, и только въ уголкѣ, у самаго входа, занималъ въ одиночку крохотный, круглый столикъ какой то скромный господинъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ.

Лицо этого господина показалось мнѣ знакомымъ, но я никакъ не могъ припомнить, гдѣ и когда его видѣлъ.

Подойдя къ нему, я приподнялъ шляпу и попросилъ позволенія присѣсть къ его столу.

— Пожалуйста, пожалуйста, Михаилъ Өеодоровичъ! Очень радъ съ вами встрѣтиться! —привѣтливо улыбнулся незнакомецъ и поспѣшно подвинулъ мнѣ стулъ.

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.

— Откуда онъ можетъ знать мое имя?—мелькнуло у меня въ головѣ.

Незнакомецъ, повидимому, угадалъ мою мысль.

— Вы, кажется, удивились, что я васъ знаю?—все съ той же ласковой улыбкой спросилъ онъ:— а вѣдь мы когда-то были представлены другъ другу и не разъ потомъ встрѣчались. Неужели вы не можете меня признать?

—Простите, сударь, не могу,— сконфуженно пролепеталъ я.

— Ну, чтожъ! Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вы видѣли тогда меня совершенно въ другомъ нарядѣ, а вѣдь костюмъ страшно мѣняетъ человѣка. Но вы, можетъ быть, помните священника Успенскаго изъ села Чернаго?

— Отца Өедора?— живо спросилъ я.

— Да, да! Өедора Васильича.

— Помилуйте, какъ же забыть такого рѣдкостнаго человѣка? Имъ интересовались положительно всѣ, кто его зналъ. И я въ томъ числѣ. Кстати, не можете-ли вы сказать, гдѣ онъ находится въ настоящее время? Я былъ недавно въ Черномъ, но тамъ уже какой-то другой священникъ.

Мой собесѣдникъ опять улыбнулся и, слегка коснувшись моей руки, сказалъ:

— Онъ предъ вами!

II.

Да, это былъ дѣйствительно отецъ Өедоръ Успенскій.

Я узнавалъ теперь его живые, проницательные глазки, его неизмѣнную, добродушную улыбочку, его кроткій, чарующій голосъ, идущій какъ-то прямо къ сердцу.

Но остальная внѣшность отца Өедора сильно измѣнилась.

Его густые, курчавые волосы были коротко, почти подъ гребенку, острижены. Рѣденькія, клочковатыя бакенбарды, когда-то сильно безобразившія выразительное лицо, были тщательно выбриты и позволяли любоваться чистымъ, нѣжнымъ цвѣтомъ слегка смугловатыхъ щекъ. Длинная съ широчайшими рукавами ряса, въ которой отецъ Өедоръ такъ неуклюже путался, смѣнилась простымъ, но очень изящнымъ лѣтнимъ костюмомъ. Характерная „поповская“ шляпа-цилиндръ, придававшая своей кастрюлеобразной формой такой смѣшной видъ всей представительной фигурѣ Успенскаго, замѣнена была легкой шелковой фуражкой.

Я познакомился съ Өедоромъ Васильевичемъ лѣтъ пять назадъ.

Онъ священствовалъ тогда въ селѣ Черномъ, лежащемъ въ верстахъ въ двухъ отъ моего пріятеля, изъ имѣнія котораго я возвращался.

Съ первой же встрѣчи отецъ Өедоръ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Мнѣ часто приходилось на своемъ на своемъ вѣку сталкиваться съ духовенствомъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній.

Среди моихъ знакомыхъ были и важные столичные протоіереи,— доктора и магистры богословія,—

съ разноцвѣтными лентами на могучихъ грудяхъ, и заморенные сельскіе батюшки, какъ-бы выжженные солнцемъ на тяжкихъ полевыхъ работахъ и ничѣмъ не интересующіеся, кромѣ вопроса о хлѣбѣ насущномъ.

Но ни одного изъ нихъ я не встрѣчалъ такого открытаго, честнаго выраженія лица, такой дѣтски откровенной манеры говорить, какъ у моего новаго знакомца.

После нѣсколькихъ бесѣдъ я съ удовольствіемъ убѣдился, что и внутреннія качества черновскаго священника ничѣмъ не уступаютъ внѣшнимъ.

Въ немъ не было той набившей оскомину „елейности" и назидательности, которою пропитаны всѣ рѣчи зауряднаго духовенства; не было мертвящаго стремленія смотрѣть на все съ точки зрѣнія „писанія" и „отцовъ"; не замѣчалось нетерпимости къ разуму и свободѣ мнѣній.

Успенскій, видимо, много читалъ и размышлялъ.

Онъ не заковалъ себя въ броню условныхъ цитатъ и текстовъ, а позволялъ себѣ мыслить и разсуждать самостоятельно.

Его міровоззрѣніе отличалось многими своеобразностями, но нельзя сказать, чтобы правда была не на его сторонѣ.

Выражаясь его языкомъ, онъ не признавалъ авторитетовъ „за гнѣвъ, но токмо за совѣсть".

Онъ никогда и почти ничего не принималъ на слово, но все любилъ обсудить и провѣрить самъ.

И тутъ вотъ всегда оправдывалось извѣстное евангельское изреченіе: „если око твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ".

То, что многимъ казалось грязнымъ и возмутительнымъ, въ дѣтски-невинныхъ глазахъ отца Ѳедора являлось чистымъ,—и наоборотъ.

Однажды мы разговорились съ нимъ объ извѣстной повѣсти Толстого „Хозяинъ и работникъ".

— Не понимаю, что находятъ въ ней предосудительнаго, — пожалъ плечами батюшка: — а по моему, повѣсть эта самая благонамѣренная и даже строго православная. Я по крайней мѣрѣ, не задумался-бы поставить подъ нею свое имя и званіе.

Я попросилъ его объяснить, какъ пришелъ онъ къ такому выводу.

— Да что тутъ объяснять? Прочитайте эту вещицу безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и сами придете къ тому же заключенію. Брехуновъ заблудился во вьюгу и молитъ Бога о спасеніи. Еслибы вѣра его была тверда,—Господь, конечно, спасъ-бы его. Но онъ проситъ и сомнѣвается и потому не получаетъ просимаго. Однако Господь, не только „каплю слезную", но и „капли часть нѣкую", слышитъ его сердечный вопль и за мгновенный порывъ вѣры даетъ возможность окончить безпутную жизнь свою высшимъ подвигомъ любви— смертью за ближняго: Брехуновъ отогрѣваетъ работника Никиту, а самъ замерзаетъ. Скажите: не такъ же ли учитъ и церковь?

Самостоятельный мыслитель, Ѳедоръ Васильевичъ держался независимыхъ взглядовъ и въ своей служебной дѣятельности.

Довольно свободно, напримѣръ, владѣя словомъ, онъ никогда не говорилъ „поученій".

— Учить народъ надо дѣломъ, дѣлу и на дѣлѣ, а не разглагольствованіемъ о разныхъ богословскихъ отвлеченностяхъ,—говаривалъ онъ.

И онъ дѣйствительно такъ и училъ своихъ прихожанъ.

Его домъ всегда былъ открытъ для всѣхъ, нуждающихся въ его помощи; къ нему шли и съ жалобой на земскаго начальника, и за врачебнымъ совѣтомъ, и съ просьбой написать письмо угнанному за тридевять земель сыну-солдату.

Отецъ Ѳедоръ по возможности удовлетворялъ всѣхъ и выгонялъ

лишь тѣхъ, кто приходилъ къ нему „потолковать о вѣрѣ“.

— О чемъ тутъ толковать? — горячился онъ:—вѣруй, что Богъ есть, да помни, что Онъ велѣлъ любить Его и ближнихъ. --вотъ и все.

Особенно не терпѣлъ онъ разныхъ публичныхъ собесѣдованій съ раскольниками и сектантами.

Однажды онъ чуть было не нажилъ себѣ большой непріятности, отказавшись допустить въ свой приходъ епархіальнаго противосектантскаго миссіонера.

— Ваши словопренія только страсти разжигаютъ да возстановляютъ одну часть населенія противъ другой, а пользы никакой не приносятъ,— смѣло заявилъ онъ миссіонеру, имѣвшему большое вліяніе на мѣстнаго епископа.

Тотъ, конечно, не замедлилъ довести эти слова до свѣдѣнія владыки.

— Ну, и Богъ съ нимъ! Не стоитъ изъ-за этого исторію поднимать,—махнулъ рукою старенькій архіерей, больше всего на свѣтѣ не любившій всякихъ „исторій“.

И при всей свободомысленности и независимости Успенскій былъ человѣкомъ глубоко вѣрующимъ и преданнымъ своему долгу.

Я иногда нарочно ходилъ въ Черновскую церковь, къ „великому повечерію“, чтобы послушать, съ какимъ глубокимъ чувствомъ умиленія читаетъ онъ заключительную молитву „о ненавидящихъ и обидящихъ“.

Въ его голосѣ дрожали въ это время такія горячія, непритворныя слезы, такая искренняя скорбь о своихъ врагахъ, что невольно хотѣлось пасть на колѣна и вмѣстѣ съ нимъ взывать:

— Ненавидящихъ и обидящихъ насъ прости, Господи человѣколюбче!

Въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей отецъ Ѳедоръ проявлялъ ту рѣдкую сердечность и отзывчивость, которыя свойственны лишь избраннымъ натурамъ.

Его прихожане никогда не слыхали отъ него: „я усталъ“, „подожди“, „не могу“.

Онъ шелъ къ нимъ немедленно, по первому приглашенію, днемъ и ночью, здоровый и больной.

Я помню, какъ всѣ мы были поражены, когда отецъ Ѳедоръ, только-что выдержавшій тягчайшее воспаленіе легкихъ, поѣхалъ за десять верстъ въ отвратительный осенній день исповѣдывать больнаго въ сосѣдній приходъ, гдѣ не было въ то время священника.

Признаюсь, ни одинъ изъ насъ не рискнулъ-бы на что-либо подобное, а онъ поѣхалъ, ни мало не раздумывая, и даже не вспоминалъ потомъ о своемъ поступкѣ, какъ будто въ немъ и не было ничего необыкновеннаго.

Изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ батюшекъ я, по правдѣ сказать,— только одного Успенскаго и считалъ истиннымъ пастыремъ, находящимся дѣйствительно на своемъ мѣстѣ, и никакъ-бы не могъ представить себѣ его въ какой-нибудь другой, особенно свѣтской должности.

Я нисколько не удивился-бы, увидѣвъ его въ черномъ монашескомъ клобукѣ или полосатой епископской мантіи. но встрѣтить его въ обыкновенномъ лѣтнемъ пальто и шелковой фуражкѣ было для меня также поразительно, какъ молнія при безоблачномъ небѣ.

— Вы не перемѣстились-ли куда заграницу?—неудержался я отъ нескромнаго вопроса, пожимая отцу Ѳедору руку.

— А что?—въ свою очередь спросилъ онъ.

— Да этотъ вашъ костюмъ...

— Ахъ, да! Вы еще не знаете: я вѣдь вышелъ изъ духовнаго званія.

— Не можетъ быть?! — въ изумленіи крикнулъ я настолько громко, что многіе изъ сидѣвшихъ за сосѣдними столиками обернулись и съ недоумѣніемъ посмотрѣли на меня.

— Увѣряю васъ. Я, кажется, никогда еще не лгалъ,—легонько кольнулъ меня Успенскій.

— Простите, я не имѣю основанія вамъ не вѣрить.

Но все это такъ странно, такъ неожиданно, что я положительно растерялся. Вы вѣдь,—если не ошибаюсь,—довольны были своимъ положеніемъ?

— О, вполнѣ!

— Что же въ такомъ случаѣ побудило васъ уйти изъ духовнаго званія?

— Боюсь, опять не повѣрите: предметъ неодушевленный—ряса.

— Ряса?! Это любопытно. Ради Бога, не откажите разсказать, какъ это простая одежда могла столкнуть васъ съ избраннаго пути?

— Съ удовольствіемъ-бы, но это займетъ довольно много времени, а поѣздъ сейчасъ придетъ. Впрочемъ вы куда ѣдете?

— Въ Петербургъ.

— Вотъ и прекрасно: и я туда же. Значитъ, по дорогѣ могу и удовлетворить ваше любопытство.

III.

Когда мы размѣстились въ спальномъ купе второго класса, и надоѣдливый контроль провѣрилъ наши билеты, Ѳедоръ Васильевичъ началъ свой разсказъ.

— Ни для кого не тайна, что множество нашихъ пастырей идетъ въ духовное званіе единственно лишь потому, что обучалось въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ и мало подготовлено къ труду на другихъ поприщахъ.

Я въ этомъ отношеніи составлялъ изъ немногихъ исключеній и одѣлъ рясу по призванію.

Родившись и выросши въ духовной средѣ, я не чувствовалъ, конечно, ни малѣйшаго нерасположенія къ этой не совсѣмъ обыкновенной одеждѣ.

Мнѣ даже нравились ея широкіе рукава и длинный, шуршащій подолъ, и въ самомъ юномъ дѣтствѣ для меня не было выше наслажденія, какъ облачиться въ старенькую отцовскую рясу и важно пройтись въ ней по комнатамъ.

— Славный изъ тебя, Ѳедюха, попъ будетъ,—шутилъ отецъ,—только ты, братецъ, рясочки-то шей покороче!

Милый мой, добрый старикъ! Предполагалъ-ли ты, что слова твои окажутся пророческими и сыну твоему придется щеголять въ болѣе короткой одеждѣ?

Я былъ мальчикъ очень крупный и въ пятнадцать лѣтъ почти уже сравнялся ростомъ съ отцомъ.

Онъ воспользовался этимъ и, когда я пріѣхалъ на лѣтніе каникулы, подарилъ мнѣ свой новенькій подрясникъ.

— Вотъ тебѣ мое родительское благословеніе,—сказалъ онъ: носи пока вмѣсто халата,—привыкай!

Я тотчасъ же облекся въ подаренную одежду и разгуливалъ въ ней по утрамъ цѣлое лѣто, не стыдясь даже выходить и на улицу.

Въ послѣднихъ классахъ семинаріи мое влеченіе къ рясѣ сдѣлалось уже болѣе осмысленнымъ.

Я изучалъ тогда литургику и пастырское богословіе и таинственное значеніе рясы,—этого отличительнаго одѣянія служителей Христовыхъ,—становилось мнѣ яснымъ.

Я, разумѣется, не понималъ еще тогда, что служить Богу можно во всякой одеждѣ, и стремился къ рясѣ всей душой.

Родные меня не отговаривали, тѣмъ болѣе, что отецъ мой въ это время умеръ, и многочисленная семья наша нуждалась въ кормильцѣ.

Сразу же по окончаніи семинарскаго курса я сталъ искать себѣ священническаго мѣста.

Хлопоты мои долго оставались безъ всякаго успѣха.

Въ консисторіи ждали отъ меня „приношенія", а мнѣ дать было нечего, и мѣста, какъ говорится уплывали у меня изъ-подъ носа.

Чуть не каждый день ходилъ я въ консисторію за справками, и всегда получалъ неизмѣнный отвѣтъ:

— Свободныхъ вакансій не имѣется.

И въ тоже самое время болѣе состоятельные товарищи мои преспокойно находили мѣста и посвящались во священники и дьяконы.

Наконецъ, судьба улыбнулась и мнѣ.

На мои ежедневныя посѣщенія обратилъ вниманіе старенькій разсыльный Абрамычъ, свыше сорока лѣтъ, изо дня въ день, дежурившій въ консисторской пріемной.

— Что, милый человѣкъ, не мѣстечка-ли ищете? - ласково остановилъ онъ меня однажды.

— Да, дѣдушка,—отвѣчалъ я.

— Ну, и что же? Нашли что-нибудь?

— Нѣтъ, не нашелъ еще.

— Видно, туда ничего не дали?— кивнулъ старикъ головой на дверь, надъ которой крупными буквами значилось: „присутствіе".

— Да, не далъ.

— Чтожъ такъ поскупились?

— Средствъ у меня, дѣдушка, нѣтъ. Отецъ недавно умеръ, а у матери, кромѣ меня, еще пятеро дѣтей. Въ пору только прокормиться.

— Эко, горе какое! — вздохнулъ Абрамычъ и, понизивъ голосъ шопота добавилъ: — проситесь-ка въ Черное! Я вотъ сейчасъ принесъ бумагу о смерти тамошняго священника.

Я горячо поблагодарилъ добраго старичка и, не медля ни минуты, бросился съ прошеніемъ къ владыкѣ.

Выслушавъ мой разсказъ о безвыходномъ положеніи нашего семейства, владыка зачислилъ вакансію черновскаго священника за мною и велѣлъ чрезъ двѣ недѣли быть готовымъ къ посвященію.

Не могу вамъ описать ту радость, съ которой полетѣлъ я къ портному „духовнаго" платья Матвѣю Семенычу Пеплову, открывавшему кредитъ всѣмъ неимущимъ „ставленникамъ".

Долго рылся я въ кучѣ всевозможныхъ образчиковъ и, наконецъ, выбралъ себѣ тонкой шерстяной матеріи оливковаго цвѣта на подрясникъ и плотнаго синяго шевіота на рясу.

Я попросилъ отрѣзать мнѣ по небольшому кусочку того и другого, „чтобы показать невѣстѣ". и всю дорогу любовался ими, какъ дитя новой игрушкой.

Увы! я и не предполагалъ тогда, что эти два крохотные лоскутка причинятъ мнѣ первое серьезное горе.

IV.

Года за два до окончанія курса я познакомился съ очень миленькой и не глупой барышней Ольгой Захаровной Оболенской.

Не смотря на громкую фамилію, Оленька была дочерью простого швейцара одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Какъ и подобаетъ истинному привратнику храма науки, отецъ Оленьки весьма любилъ просвѣщеніе и потому отдалъ дочь свою въ гимназію.

Когда я встрѣтился впервые съ Ольгой Захаровной, она была уже въ предпослѣднемъ классѣ.

Наше знакомство произошло совершенно случайно.

Однажды въ праздничный день я пошелъ побродить по городу и у самыхъ семинарскихъ дверей столкнулся съ бывшимъ своимъ товарищемъ Осиповымъ, который за годъ передъ этимъ вышелъ изъ семинаріи и поступилъ вольноопредѣляющимся въ мѣстный кавалерійскій полкъ.

— Куда?—закричалъ мнѣ прежній однокашникъ, загораживая дорогу распростертыми руками.

— Просто пошляться отъ скуки— отвѣчалъ я.

— Гутъ! и я туда же. Значитъ, идемъ вмѣстѣ?

— Идемъ.

— А куда мы направимъ стопы наши?

— Куда хочешь: мнѣ все равно.

— Отлично. Пополземъ тогда въ паркъ.

Мы отправились въ старинный городской паркъ, лежавшій на возвышенномъ берегу красивой рѣки, и зашагали по густымъ, тѣнистымъ аллеямъ, содержавшимся въ образцовомъ порядкѣ.

Не успѣли мы сдѣлать и сотни шаговъ, какъ на одномъ изъ причудливыхъ поворотовъ дорожки увидали двухъ молоденькихъ и оченв хорошенькихъ барышень.

Онѣ сидѣли на зеленой, чугунной скамьѣ и весело о чемъ-то болтали.

— Ага! знакомыя гимназистки!— шепнулъ мнѣ товарищъ и, лихо передвинувъ фуражку на бекрень, направился къ сидѣвшимъ.

Я волей-неволей долженъ былъ слѣдовать за нимъ.

— Позвольте васъ познакомить,— сказалъ Осиповъ, расшаркиваясь съ дѣвушками:—мой бывшій товарищъ — Ѳедоръ Васильевичъ Успенскій. Лидія Егоровна Уханова. Ольга Захаровна Оболенская.

Представивъ насъ другъ другу, Осиповъ присѣлъ рядомъ съ Ухановой и завелъ съ ней какой-то незначительный разговоръ.

Мало бывая до тѣхъ поръ въ женскомъ обществѣ, я сильно сконфузился и положительно не зналъ, что дѣлать.

Я остановился противъ сидящихъ и съ такимъ сосредоточенно-серьезнымъ видомъ сталъ прислушиваться къ ихъ болтовнѣ, какъ будто рѣчь шла о вопросахъ по меньшей мѣрѣ государственной важности.

Но больше всего мѣшали мнѣ руки. Не зная, куда ихъ дѣвать, я крѣпко уперся указательнымъ пальцемъ въ щеку и началъ имъ быстро пребыстро вертѣть.

Должно быть, фигура моя была очень потѣшна, такъ какъ младшая изъ барышень не выдержала и неожиданно расхохоталась.

— Оленька! — съ упрекомъ сказала ей подруга.

— Ахъ, Лидія, прости, но онъ ей Богу, просверлитъ себѣ въ щекѣ дыру!—едва могла выговорить востружка и снова звонко засмѣялась.

Глядя на ея живое, дышащее весельемъ личико и слушая ея серебристый смѣхъ, я и самъ не могъ удержаться отъ улыбки.

Неловкость моя пропала. Я развязно подсѣлъ къ Оленькѣ и вступилъ съ ней въ бесѣду.

О чемъ мы говорили, я теперь ужъ вспомнить не могу, но помню, что все время я не спускалъ съ сосѣдки глазъ и прямо любовался ею.

И дѣйствительно Ольга Захаровна была хороша на удивленье.

Впослѣдствіи мнѣ много приходилось встрѣчать женщинъ, считавшихся красавицами, но ни одна изъ нихъ не имѣла такой прелестной и изящной наружности, какъ молодая Оболенская.

Оленька была роста выше средняго и отличалась той рѣдкой прирожденной стройностью, которой не могутъ дать никакія усилія самыхъ искусныхъ портнихъ.

Свѣтлая батистовая кофточка съ полуоткрытымъ воротомъ почти не скрывала прелестныхъ очертаній дѣвственной груди и лилейно-бѣлой шейки.

Украшенная пышными, золотисто-русыми волосами, граціозная головка Оленьки, съ классически-правильными чертами лица, могла служить моделью для самаго требовательнаго художника.

Небольшія, красивой формы ручки и ножки служили нагляднымъ опроверженіемъ установившемуся мнѣнію о неуклюжести „плебейскихъ“ конечностей.

Но лучше всего въ Оболенской были ея глаза: огромные, бездонно глубокіе, всегда сверкающіе яркимъ

огнемъ и такой густой, темной окраски, что зрачекъ совершенно сливался съ сѣтчаткой.

Шутя, болтая и смѣясь, мы просидѣли въ паркѣ до поздняго вечера.

На прощанье Ольга Захаровна крѣпко пожала мнѣ руку и пригласила побывать у отца.

— Вы, я вижу, человѣкъ простой и не станете брезгать моимъ старикомъ, а онъ будетъ вамъ радъ,— откровенно сказала она.

Я поблагодарилъ и въ первое же воскресенье навѣстилъ стараго швейцара.

У него оказалась довольно просторная комнатка въ подвальномъ этажѣ, раздѣленная пополамъ досчатой перегородкой.

Въ передней половинѣ жилъ самъ Захаръ Григорьевичъ съ престарѣлой сестрой Аленой, въ задней помѣщалась Оля.

Въ обѣихъ каморочкахъ обстановка была бѣдненькая, сборная, но все блистало безукоризненной чистотой.

Посидѣвъ съ нами съ полчаса и напившись чайку, Захаръ Григорьевичъ ушелъ опять къ себѣ „на парадную", и я остался съ Олей глазъ на глазъ.

Мы болтали съ ней безъумолку, шутили, рѣзвились какъ дѣти, и вечеръ пролетѣлъ незамѣтно.

Въ одиннадцать часовъ я, скрѣпя сердце, распрощался и съ тѣхъ поръ зачастилъ къ Оболенскимъ.

Нужно-ли вамъ говорить, что съ нами повторилась „старая, но вѣчно юная исторія"? Мы полюбили другъ друга.

Я почувствовалъ влеченіе къ Оленькѣ съ первыхъ же дней знакомства, но по свойственной всѣмъ неиспорченнымъ молодымъ людямъ застѣнчивости, никакъ не могъ рѣшиться открыть ей свои чувства.

Я былъ болѣе чѣмъ не самонадѣянъ и чистосердечно считалъ себя недостойнымъ поцѣловать даже пальчикъ такой дивно-прекрасной дѣвушки.

Не знаю, сколько времени таился бы я предъ своей возлюбленной, если бы она сама не вызвала меня на объясненіе.

И какъ просто и мило сдѣлала она это!

Только она, дѣтски-откровенная и непорочная, воспитанная внѣ всякихъ свѣтскихъ условностей, могла рѣшиться на такой, въ глазахъ многихъ рискованный шагъ.

Приближались святки, которыя я проводилъ всегда у родителей.

На этотъ разъ,—сказать по правдѣ,—меня не особенно тянуло въ родительскій домъ.

Я, разумѣется, не прочь былъ повидать отца, мать, братишекъ и сестренокъ, но цѣлыхъ пятнадцать дней не видѣться съ Олей было выше моихъ силъ.

Я привыкъ къ ней, и для меня уже было потребностью хоть разъ въ недѣлю взглянуть на ея милое личико, послушать ея нѣжный, серебристый голосокъ.

Однако мнѣ не хотѣлось огорчить и родныхъ, горячо меня любившихъ, и въ концѣ концовъ я рѣшилъ не измѣнять заведеннаго порядка и ѣхать на праздники къ отцу.

Туча-тучей пришелъ я въ день отъѣзда проститься къ Оболенскимъ.

Вопреки обыкновенію, я почти все время молчалъ или давалъ односложные отвѣты, когда кто-нибудь прямо обращался ко мнѣ.

Я просидѣлъ такъ часа три, пока не настало наконецъ время разстаться.

Я поднялся и протянулъ уже руку глухой Аленушкѣ, какъ вдругъ Оленька порывисто выбѣжала въ свою комнатку и громко крикнула оттуда.

— Ѳедоръ Васильичъ! зайдите-ка на минутку сюда!

Ничего не подозрѣвая, я поспѣшилъ исполнить ея желаніе,

Когда я вошелъ къ Оленькѣ она стояла спиной къ окну, опираясь

руками о письменный столъ, и нервно покусывала пунцовыя губки.

— Что, голубчикъ, не хочется уѣзжать?—какимъ-то особенно задушевнымъ тономъ спросила она меня:—ну, чтожъ дѣлать? Надо и родителямъ удовольствіе доставить. Поѣзжайте съ Богомъ! А чтобы вы не очень скучали обо мнѣ, я сдѣлаю вамъ маленькій сюрпризъ. Дайте-ка мнѣ вашу фуражку!

Я подалъ ей свой черный семинарскій „блинъ“.

Граціознымъ жестомъ вскинула его Оля на свою хорошенькую головку и стала не торопливо развязывать круглую, картонную коробку, въ какихъ обыкновенно хранятся дамскія шляпы.

Снявъ аккуратно крышку, она вынула оттуда свою низенькую барашковую шапочку, какія носили тогда и дамы, и мужчины, и, смѣясь, нахлобучила мнѣ ее на глаза.

— Такъ вотъ и отправляйтесь!—кокетливо посматривая на меня, сказала она: — вашъ же головной уборъ будетъ сохраняться до вашего возвращенія у меня. А теперь прощайте!

И съ этими словами Оленька подошла ко мнѣ вплотную, нѣжно схватила тонкими пальчиками за кончики ушей и крѣпко-крѣпко поцѣловала прямо въ губы.

— Оленька! — простоналъ я и, какъ сумасшедшій, бросился къ отпрыгнувшей дѣвушкѣ.

— Тсс!—погрозила она мнѣ:—пожалуйста, безъ мелодрамъ и безумствъ. Какъ разъ вѣдь и тетя услышитъ.

— Но скажите мнѣ ради Бога только одно: неужели вы меня любите?—прошепталъ я, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Милый мой! Счастливые, говорятъ, глупы. Ты сегодня должно быть, очень счастливъ? — задорно отвѣчала шалунья: — однако еще разъ прощай и убирайся: ты опоздаешь на поѣздъ.

Она подставила мнѣ щечку, къ которой я робко прикоснулся губами, и почти вытолкнула меня за дверь.

Кто былъ хоть разъ влюбленъ, тотъ легко можетъ себѣ представить, въ какомъ опьяненномъ состояніи провелъ я всѣ рождественскія вакаціи.

Я ходилъ все время задумавшись, отвѣчалъ невпопадъ и искалъ уединенныхъ уголковъ, гдѣ могъ-бы безъ помѣхъ мечтать о своей „милой“.

Отецъ, кажется, отлично понялъ мое душевное настроеніе и терпѣливо сносилъ эту внезапную нелюдимость,

Только однажды онъ очень тонко пошутилъ надо мной.

— Что это, Ѳедя, ты такъ носишься со своей шапкой? задалъ онъ мнѣ вопросъ, замѣтивъ, что я почти не разстаюсь съ олиной шапочкой:—ужъ не зашита-ли у тебя тамъ какая грамота, какъ у Гоголя въ разсказѣ?

Я смѣшался, покраснѣлъ до корней волосъ и рѣже сталъ хвататься за шапку.

Возвратясь изъ отпуска, я сразу, конечно, полетѣлъ къ Оболенской.

Она встрѣтила меня радостно, но спокойно, и для насъ начался цѣлый рядъ чудныхъ, безконечно-счастливыхъ дней.

Оленька относилась ко мнѣ любовно, часто ласкала и цѣловала меня, но на всѣ мои мечты о будущей совмѣстной жизни отвѣчала упорнымъ молчаньемъ.

— Оленька! Ты, кажется, не хочешь, чтобы все это сбылось? недовольнымъ тономъ спросилъ я ее однажды.

— Нѣтъ, голубчикъ, очень-бы хотѣла, - съ тихой грустью отозвалась она:—только никогда этому не бывать.

— Почему-же?

— Такъ.

И сколько я ни упрашивалъ, она не сказала мнѣ больше ни слова.

Нѣсколько разъ Оленька прямо-

и намеками принималась уговаривать меня перейти въ какое-нибудь свѣтское учебное заведеніе, но я весь охваченъ былъ тогда страстнымъ желаніемъ облечься въ рясу и слышать не хотѣлъ объ этомъ.

Послѣ каждаго изъ такихъ разговоровъ милая дѣвушка становилась все печальнѣй и грустнѣй и все чаще взглядывала на меня полнымъ тоски и страданія взоромъ.

О, дорогая, славная дѣвочка! Еслибъ все это было теперь, когда я прошелъ уже суровую жизненную школу, я не разбилъ-бы такъ глупо и безцѣльно нашего общаго счастья и не промѣнялъ-бы тебя за всѣ блага земныя и небесныя.

Получивъ долго-жданное мѣсто и заказавъ себѣ священническое платье, я прежде всего бросился конечно, къ Олѣ.

— Олечка! дорогая! - вскричалъ я, вбѣгая въ ея комнатку и размахивая образчиками матерій: — наконецъ-то я назначенъ священникомъ! Я уже и рясу, и подрясникъ велѣлъ шить.

Вотъ посмотри, какого цвѣта.

При первыхъ же звукахъ моего голоса Оленька поблѣднѣла, зашаталась и вдругъ какъ подкошенная, опустилась на стулъ.

— Уже конецъ!— прошептали ея побѣлѣвшія губы.

— Радость моя! счастье мое, что съ тобой?—въ испугѣ кинулся я къ ней.

Но Оленька уже овладѣла собой: ея сильная натура быстро побѣдила мгновенную слабость.

— Поздравляю тебя,—сказала она слегка дрожащимъ голосомъ и слабо прикоснулась губами къ моему лбу:—ты достигъ завѣтной цѣли. Дай же Богъ, чтобы то бремя, которое ты добровольно на себя принимаешь, всегда оставалось для тебя легкимъ и пріятнымъ! Только врядъ-ли это сбудется. Съ твоимъ честнымъ, правдолюбивымъ характеромъ ты разочаруешься скорѣе, чѣмъ можно ожидать.

— Полно, Олечка, брось свои мрачныя мысли! перебилъ я ее: — я пришелъ къ тебѣ переговорить о другомъ. Владыка даетъ мнѣ двѣ недѣли. Успѣешь-ли ты приготовиться къ свадьбѣ?

— Милый другъ, я совсѣмъ не буду дѣлать никакихъ приготовленій.

— Почему?

— Потому что я не собираюсь выходить замужъ.

— Значитъ, ты меня разлюбила?

— Нѣтъ, люблю попрежнему и потому-то и отказываюсь быть твоей женой.

— Ничего не понимаю,— пожалъ я плечами.

— Вѣрю и, такъ и быть, ужъ объясню тебѣ. Я, видишь-ли, хочу, чтобы мой мужъ былъ со мною не разлученъ и могъ бывать всюду, гдѣ буду и я. Я далеко, напримѣръ, не страстная поклонница театра и танцевъ, но не желаю отказываться ни отъ одной изъ невинныхъ радостей жизни и непремѣнно хочу, чтобъ и мой супругъ дѣлилъ ихъ со мною. Захочу я поплясать, онъ долженъ быть моимъ кавалеромъ; задумаю посмотрѣть какую-нибудь пьесу, онъ обязанъ мнѣ сопутствовать. А развѣ это возможно, когда ты будешь въ рясѣ?

— Но, дорогая моя, вѣдь это же все мелочи, пустяки, - попробовалъ возразить я.

— Не спорю. Но вѣдь и вся-то жизнь слагается изъ мелочей. Непотому-ли у васъ, въ духовенствѣ, такъ и не рѣдки несчастные браки, что заблаговременно не думаютъ объ этихъ „пустякахъ"?

— Но ты найдешь другіе, болѣе высокіе интересы,—продолжалъ убѣждать я: ты можешь быть помощницей мужу въ заботахъ о приходѣ, о просвѣщеніи народа, да и мало-ли еще въ чемъ.

— Эхъ, Ѳедя, Ѳедя! — ласково прервала она меня:— все это— одни слова. Учительница, фельдшерица, докторша еще больше приносятъ

пользы народу, а развѣ онѣ отказываются отъ чего-нибудь? Нѣтъ, дружокъ, если ты чувствуешь влеченіе къ священному сану, иди: я тебя не удерживаю, но поищи себѣ тогда другую подругу жизни. Я слишкомъ тебя люблю, чтобы сдѣлаться женой священника и видѣть, какъ въ обществѣ ждутъ—не дождутся, когда уберется твой благовѣрный восвояси.

Я долго еще уговаривалъ Олю, но твердая характеромъ дѣвушка стояла на своемъ.

— Ну, подожду до завтра, авось за ночь-то одумается, — рѣшилъ я и ушелъ домой.

На утро, однако, я Оли не встрѣтилъ.

По словамъ Захара Григорьевича, она уѣхала съ первымъ утреннимъ поѣздомъ къ какой-то подругѣ, не сказавъ даже ея точнаго адреса.

На мое имя она оставила только коротенькую записочку, которую тихонько сунула мнѣ въ руку глухая Аленушка.

Чуть-ли не позабывъ проститься съ Оболенскими, я выбѣжалъ на улицу и нетерпѣливо разорвалъ конвертъ.

— Милый, дорогой мой Ѳедя!— красивымъ, ровнымъ почеркомъ писала мнѣ Оля:—чтобы избавить и тебя, и себя отъ напрасныхъ мученій, я уѣзжаю къ своей подругѣ въ Волынскую губернію. Я давно уже предвидѣла, что мнѣ не бывать твоею женою, и мы условились съ ней ѣхать вмѣстѣ въ Женеву учиться. Я никогда ужъ больше никого не полюблю и буду искать себѣ утѣшенья въ наукѣ. А ты, мой дорогой, будь счастливъ, если сможешь. Если же и тебя жизнь также жестоко обманетъ, приходи опять ко мнѣ, и я постараюсь залѣчить твои раны.

Дочитавъ послѣднюю строчку, я со стономъ схватился за голову и тутъ же, на глазахъ прохожихъ, горько зарыдалъ...

И ряса, къ которой я такъ жадно стремился, потеряла для меня большую половину своей прелести.

V.

Какъ ни тяжело было у меня на душѣ послѣ разлуки съ Олей, я не могъ, однако, долго предаваться скорби.

Моя семья доѣдала уже послѣднія крохи, и я долженъ былъ спѣшить ей на помощь.

Скрѣпя сердце, я рѣшилъ жениться.

Можете представить, что это былъ за бракъ?

Я поручилъ матери найти мнѣ невѣсту и такъ мало интересовался своей суженой, что посѣтилъ ее до свадьбы всего одинъ разъ.

Впрочемъ, ее это нисколько не удивило и не оскорбило: она сама происходила изъ духовнаго званія и не видѣла ни малѣйшаго позора въ такихъ скоропалительныхъ свадьбахъ.

Исполнивъ кое-какъ всѣ брачные обряды, я отправился въ консисторію и получилъ приказаніе готовиться къ посвященію въ ближайшее воскресенье.

Послѣдніе дни „ставленниковъ во священныя степени“ полны обыкновенно страшныхъ хлопотъ.

Приходится сколько разъ сбѣгать въ канцелярію архіерея, въ консисторію, къ ризничему, къ иподіаконамъ, къ духовнику, что въ концѣ-концовъ совсѣмъ теряешь голову и къ самому таинству приступаешь уже въ состояніи какой-то отупѣлой безчувственности.

Все это, конечно, пришлось пережить и мнѣ, и потому хорошенько не помню, какое чувство испытывалъ я, одѣвая въ первый разъ рясу.

Я обратилъ вниманіе на свой новый нарядъ только уже на другой день по посвященіи, когда шелъ ко владыкѣ за подтвердительной надписью, о моемъ рукоположеніи.

Не могу и сейчасъ вспомнить

безъ стыда того мелочнаго удовольствія, съ которымъ отвернулъ я подбитые шелкомъ рукава рясы и оглядѣлъ себя въ зеркало въ прихожей владычняго дома.

По счастью, я сразу же потерпѣлъ и наказаніе за этотъ мгновенный порывъ суетности, и это снова отрезвило меня.

Поднимаясь по устланной бархатнымъ ковромъ лѣстницѣ въ покои владыки, я съ непривычки запутался въ длинныхъ полахъ моей рясы, упалъ и пребольно расшибся.

— Эфто, батюшка, у насъ частенько бываетъ, - добродушно разсмѣявшись, успокоилъ меня старенькій швейцаръ:—почитай, кажинный ставленничекъ на эфтомъ мѣстѣ поклонъ отдаетъ. Наступитъ, значитъ, на подольчикъ и бухъ!

Мнѣ было однако не до шутокъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, у меня при паденіи слегка вогнулось ребро, и потому, въ отвѣтъ на успокоенія швейцара, я только заскрипѣлъ зубами и, судорожно потирая ушибленный бокъ, злобно прошипѣлъ по адресу своей новой одежды:

— Ахъ, ты несчастная хламида!

VI.

Выдавъ кучу всякихъ подписокъ и клятвенныхъ обѣщаній и исполнивъ бездну другихъ, — въ сущности тоже ни на что ненужныхъ формальностей,—я получилъ наконецъ епископскую грамоту на право священнослуженія и уѣхалъ въ Черное къ своей паствѣ.

Въ Черномъ, какъ и въ большинствѣ селъ нашего прекраснаго отечества, главный источникъ существованія духовенства составляетъ небольшой участокъ церковной земли.

Я вообще не поклонникъ сельскаго хозяйства, а въ отношеніи къ церковному „клиру“ земледѣльчество считаю даже прямо вреднымъ.

Отнимая массу времени, оно отвлекаетъ духовенство отъ занятій болѣе необходимыми для него интересами духа и порождаетъ тотъ печальный типъ умственно-огрубѣлыхъ пастырей, который, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ встрѣчается почти на каждомъ шагу.

Необходимость снискивать себѣ хлѣбъ насущный заставила однако и меня взяться за это не симпатичное мнѣ дѣло.

Существовать на грошевое казенное жалованье и тѣ пятаки и гривенники, которые давали мнѣ за требы полуголодные прихожане, оказалось невозможнымъ, и я поневолѣ принялся сѣять, жать и косить.

Въ окрестностяхъ Чернаго всѣ жили исключительно хлѣбопашествомъ, и потому найти поденщиковъ никогда было нельзя, даже за самую высокую плату.

Всякій торопился прикончить поскорѣй свои собственныя работы, и только обѣщаніями водочки можно еще было сманить кое-кого въ праздники „на-помочь“.

Мои предшественники не брезгали прибѣгать къ такому пріему, но я считалъ его унизительнымъ для сана и самъ взялся за плугъ и косу.

Одновременно съ крестьянами выходилъ я раннимъ утромъ на свой небольшой лужокъ и принимался скашивать густую, покрытую серебристой росой траву.

Влажный, утренній воздухъ, пріятно охлаждая тѣло, проникалъ даже подъ мой наглухо-застегнутый подрясникъ, и работа шла сравнительно легко.

Но вотъ мало-малу солнышко поднималось надъ горизонтомъ и прямыми, палящими лучами начинало жечь отдохнувшую за ночь землю.

Въ душномъ, томительномъ знoѣ все замирало.

Подрѣзанная косой травка почти мгновенно свертывалась и тутъ же на глазахъ засыхала.

Птички и полевые звѣрьки спѣ-

шили укрыться въ благодатной тѣни кустовъ и деревьевъ.

Даже закаленное, ко всякимъ невзгодамъ притерпѣвшееся крестьянство разстегивало вороты посконныхъ рубашекъ и ведрами истребляло противную, нагрѣвшуюся воду изъ текущей вблизи болотной рѣченки.

Въ такія минуты особенно тяжело приходилось мнѣ.

До горла застегнутый подрясникъ, словно желѣзная броня, давилъ мнѣ грудь, плечи и спину. Длинныя, только-что не влекущіяся по землѣ полы его окутывали и безъ того разгоряченныя ноги мои, задавая имъ адскую паровую баню. Обильный потъ, нигдѣ не находящій себѣ выхода, ручьями струился по тѣлу, разъѣдая его и вызывая нестерпимый зудъ.

Долго терпѣлъ я эти невыносимыя мученія, наконецъ, не выдержалъ, сбросилъ подрясникъ на землю и сталъ работать въ одномъ исподнемъ платьѣ.

Прихожанъ-мужиковъ это нисколько не удивило.

— Что, кормилецъ, снялъ таки балахонъ то? — ласково спросилъ меня пожилой крестьянинъ, косившій на сосѣдней полоскѣ, и добавилъ наставительнымъ тономъ: — этакъ то оно, тово, поподручнѣй будетъ работать.

Къ сожалѣнію не такъ отнеслась къ моему поступку болѣе развитая часть моего прихода.

Благочестивая старая дѣвица, бывшая смолянка, Поликсенія Егоровна Черниговская, къ саду которой непосредственно примыкалъ мой лужокъ, пришла въ неописанный ужасъ, увидѣвъ меня съ украшеннаго цвѣтами балкона въ одной бѣлой рубашкѣ и сѣрыхъ нанковыхъ брюкахъ.

Сочтя свою полустолѣтнюю цѣломудренность глубоко оскорбленную, она не задумалась написать на меня гнуснѣйшую кляузу архіерею „въ безнравственности".

Дѣло, конечно, скоро выяснилось, и мнѣ только „поставлено было на видъ", чтобы я ни подъ какимъ предлогомъ „не дерзалъ" уклоняться отъ ношенія установленной для священнослужителей одежды.

Этотъ „указъ" возмутилъ меня до глубины души, и въ моемъ сердцѣ впервые появилось чувство отвращенія къ рясѣ, перешедшее вскорѣ въ самую ярую ненависть.

VII.

Наступила осень.

Окончивъ молотьбу, мужички принялись варить пиво и справлять „завѣтные праздники.

Первое изъ такихъ празднествъ приходилось у меня на восьмое ноября, — день архистратига Михаила.

Погода стояла въ тотъ годъ премерзкая.

Недѣли три подъ-рядъ дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Проселочныя дороги представляли изъ себя сплошныя озера, по которымъ буквально хоть на лодкѣ поѣзжай. По деревенскимъ улицамъ съ трудомъ можно было пробраться лишь въ высокихъ, охотничьихъ сапогахъ, да и то держась вдоль стѣнъ и заборовъ.

И по такимъ-то милымъ дорожкамъ и при столь очаровательной погодѣ, мнѣ нужно было обойти около ста домовъ и въ каждомъ отслужить молебенъ!

Строго слѣдуя полученному „указу", я не рѣшился одѣться во что-нибудь болѣе подходящее и отправился въ праздничное „путешествіе по избамъ" въ обычномъ священническомъ нарядѣ.

Не успѣлъ я пройти и пяти домовъ, какъ почувствовалъ, что мой подрясникъ и ряса уже промокли снизу на добрую четверть.

Еще черезъ десятокъ домовъ я вымокъ до колѣнъ, а съ половины деревни ходилъ мокрый чуть не до пояса.

На мнѣ положительно не было

сухой нитки: подолы верхняго платья брюки, бѣлье, даже сапоги насквозь пропитаны были жидкой грязью и пронизывающе-холодной водой.

Эта своеобразная ванна не прошла мнѣ, разумѣется, даромъ: я схватилъ сильный ревматизмъ ногъ и промучился съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда я всталъ наконецъ съ одра болѣзни, была уже глубокая зима.

Снѣгъ лежалъ саженными пластами, скрывая подъ собою не только мелкіе кустарники и полевыя изгороди, но даже и низенькіе крестьянскіе домишки.

Цѣлыми днями выли наводящія тоску мятели, смѣнявшіяся,—должно быть для разнообразія,—то трескучими морозами, то оттепелями съ проливнымъ дождемъ.

Безнаказанно переносить подобную погодку могъ только развѣ одинъ бронзовый памятникъ давно забытаго генерала, — поставленный на площади села Чернаго, его бывшими крѣпостными.

Даже ко всему привычные мужички и тѣ, то и дѣло,—простужались.

Не выдержалъ и мой еще неокрѣпшій послѣ болѣзни организмъ, какъ я ни оберегался.

По совѣту доктору я одѣвался очень тепло, но измѣнить неудобнаго покроя широчайшихъ рукавовъ моей мѣховой рясы не могъ, и бѣдныя мои руки, оставаясь до самаго плеча еле прикрытыми, все время зябли и стыли.

Кончилось это, какъ и слѣдовало ожидать, тѣмъ, что ко мнѣ возвратился старый знакомый — ревматизмъ.

На этотъ разъ онъ поразилъ мои руки и такъ жестоко, что я и. посейчасъ чувствую иногда тупую, ноющую боль въ обоихъ предплечьяхъ.

Пришлось опять посылать за врачемъ.

Осмотрѣвъ меня, добродушный, обыкновенно,нѣмецъ докторъ страшно разсердился и послалъ даже какое-то крылатое словечко по адресу моего наряда.

— Да бросьте вы Бога ради этотъ ужасный костюмъ!— сказалъ онъ мнѣ, прописывая лекарство: — вѣдь вы въ немъ вѣчно будете простужаться. Эти необъятные рукава хороши въ благодатной Греціи и Палестинѣ, а у насъ годятся лишь для тѣхъ, кто можетъ ѣздить въ каретахъ. Неужели вамъ пріятно хворать?

Славный, добрый мой Іоганнъ Карловичъ! Я былъ вполнѣ согласенъ съ тобой и болѣть мнѣ было мало удовольствія, но я тогда не находилъ еще въ себѣ достаточно мужества, чтобы отказаться отъ своей неудобной и опасной для здоровья одежды.

Я былъ настолько ослѣпленъ, что въ терпѣливомъ перенесеніи всѣхъ этихъ неудобствъ видѣлъ даже своего рода мученичество во имя Христово.

Глупецъ! я словно позабылъ тогда, что для Христа наше тѣло „есть больше одежды“, что ему нужно только „сердце сокрушенно и смиренно“, все же остальное предъ Нимъ—прахъ, тлѣнъ и всяческая суета.

VIII.

Чтобы окончательно излѣчить меня отъ чрезмѣрнаго увлеченія рясой, потребовался цѣлый рядъ душевныхъ потрясеній, мелкихъ ибо - лѣе крупныхъ.

Эта нравственная ломка началась въ концѣ перваго же года моего священнослуженія.

Мои волосы не успѣли еще отрости до плечъ, какъ вызванъ былъ по дѣламъ службы въ свой уѣздный городъ Лукошковъ.

Лукошковъ — городокъ исключительно фабричный.

Изъ двадцатитысячнаго населенія въ немъ не болѣе трехъ тысячъ коренныхъ жителей, остальные же

обыватели — пришлые рабочіе на мѣстныхъ ситценабивныхъ фабрикахъ.

Съ семи часовъ утра и до восьми вечера улицы Лукошкова представляютъ почти безлюдную пустыню: изрѣдка пробѣжитъ въ присутствіе заспавшійся съ похмѣлья чиновничекъ, проѣдетъ на базаръ пестро одѣтая бабенка, да мѣрно прошагаетъ отупѣвшій отъ бездѣлья городовой, это неизбѣжное украшеніе каждаго „культурнаго“ мѣстечка.

Но въ ранніе утренніе часы и поздно вечеромъ, когда рабочіе спѣшатъ на фабрики или возвращаются домой, узенькіе городскіе тротуары переполняются до тѣсноты.

Я пріѣхалъ въ Лукошковъ съ первымъ поѣздомъ, въ шесть часовъ утра, и наткнулся какъ разъ на такую картину.

Мимо меня бѣжали сломя голову молодые и старые мужчины, грязно-франтовато одѣтые, пожилыя и болѣе юныя мастерицы въ накинутыхъ на плечи ковровыхъ платкахъ, и совсѣмъ зеленые подросточки съ сѣроватыми, истасканными лицами.

По необходимости мнѣ пришлось идти навстрѣчу этой живой волнѣ, и тутъ-то вотъ я впервые получилъ тяжелое нравственное испытаніе, которымъ всецѣло обязанъ былъ своему наряду.

Большинство встрѣчныхъ мужчинъ и всѣ безъ исключенія женщины, сталкиваясь со мною, торопливо крестились и съ остервенѣніемъ плевали чрезъ лѣвую руку.

Я сначала хорошенько не понималъ смысла этой продѣлки, но мнѣ скоро разъяснили его два пьяненькихъ фабричныхъ, выскочившихъ изъ трактира и чуть не сбившихъ меня съ ногъ.

-- Митя! другъ любезный! вотъ бѣда-то!—съ непритворнымъ огорченіемъ въ голосѣ завопилъ одинъ: —попъ навстрѣчу идетъ. Бывать, видно, намъ сегодня подъ штрафомъ.

— Плюй, дуракъ, скорѣе налѣво да крестись: авось. и помилуетъ Господь,—убѣжденно крикнулъ товарищъ и поспѣшилъ первый исполнить совѣтъ.

Мнѣ стало тогда все ясно, и каждый дальнѣйшій плевокъ жгучей горечью отдавался въ моемъ сердцѣ.

Какъ осужденный на казнь, шелъ я среди этой дикой толпы и, еле сдерживая слезы обиды, думалъ далеко не веселую думу:

— За что и для чего терплю я весь этотъ позоръ? Кому онъ нуженъ и полезенъ: мнѣ-ли или этой недомыслящей, малоразвитой массѣ?

И вдругъ мнѣ какъ-то невольно пришли на память извѣстныя слова Спасителя:

— Берегитесь, чтобы вамъ не соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ во имя Мое.

И мнѣ стало казаться, что своей длиннополой, нескладной одеждой, своими несуразными, широкими рукавами я вношу смущеніе и соблазнъ въ эти темныя, но по своему вѣрующія же души.

IX.

Мѣсяцевъ черезъ восемь послѣ этого происшествія, мнѣ пришлось испытать новое огорченіе и опять-таки благодаря исключительно своему костюму.

Изъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ я особенно люблю дядю по матери Гавріила Аѳанасьевича Петровскаго, состоявшаго діакономъ при видномъ столичномъ соборѣ.

Обучаясь въ духовномъ училищѣ и семинаріи, я каждый праздникъ ходилъ въ отпускъ къ дядюшкѣ и послѣ недѣльнаго голоданья отъѣдался у него пирогами, блинами, оладьями и прочей вкусной снѣдью.

Гавріилъ Аѳанасьевичъ былъ человѣкъ вдовый и имѣлъ единственнаго сына Петю, который былъ моимъ одноклассникомъ.

Дядюшка души не чаялъ въ своемъ наслѣдникѣ, исполнялъ каждое его желаніе и берегъ, какъ зѣницу ока.

Привыкшій съ пеленокъ къ исполненію всѣхъ своихъ прихотей, Петя выросъ мальчикомъ балованнымъ и даже въ двадцать лѣтъ не умѣлъ ни въ чемъ себѣ отказать.

Учился онъ довольно слабо, дисциплины не признавалъ никакой, и дядюшкѣ не мало пришлось съ нимъ повозиться, чтобы дотащить его до конца семинарскаго курса.

По счастью, дядя догадался своевременно пригласить репетиторами къ сыну почти всѣхъ семинарскихъ преподавателей съ чудовищною платою по десяти рублей за часъ.

Эта мѣра оказалась очень дѣйствительной, и Петя получилъ наконецъ свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курса семинаріи.

Заручившись этимъ документикомъ, Гавріилъ Аѳанасьевичъ толкнулся къ кое-кому изъ знакомыхъ покровителей, и Петя немедленно же былъ назначенъ учителемъ въ одну изъ наиболѣе благоустроенныхъ церковно-приходскихъ школъ, лежащихъ невдалекѣ отъ столицы.

По общему мнѣнію, молодому Петровскому оставалось только „жить да радоваться", но несчастный, избалованный юноша неожиданно погубилъ себя самымъ глупымъ и безполезнымъ образомъ.

Произошло это такъ.

Ближайшимъ начальникомъ Пети былъ завѣдывавшій школою мѣстный священникъ отецъ Владиміръ Разумовскій.

До вступленія въ духовное званіе отецъ Владиміръ долгое время исполнялъ обязанности учителя въ земской образцовой школѣ и потому школьное дѣло зналъ прекрасно.

Привыкнувъ относиться къ образованію народа добросовѣстно, Разумовскій внимательно слѣдилъ за ввѣреннымъ ему училищемъ и въ этомъ отношеніи представлялъ пріятное исключеніе среди прочихъ „во Христѣ собратій".

Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на программы и разныя „объяснительныя записки", не готовилъ изъ крестьянскихъ дѣтей даровыхъ дьячковъ, а старался лишь объ одномъ—чтобы его питомцы выходили изъ школы хорошо грамотными и по возможности развитыми.

Самъ отдаваясь всей душой дѣлу народнаго просвѣщенія, отецъ Владиміръ требовалъ того же и отъ своихъ подчиненныхъ, и горе было тѣмъ семинаристамъ, которые, подобно моему двоюродному братцу, принимали учительство въ его школѣ лишь временно, въ ожиданіи болѣе прочнаго и лучшаго мѣста.

Человѣкъ болѣзненный, нервный, —Разумовскій былъ крайне раздражителенъ и въ гнѣвѣ выборомъ выраженій не стѣснялся.

— Господи, Боже мой! Что это за болвана мнѣ опять прислали? — съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ, прослушавъ однажды невозможныя объясненія Пети на урокѣ ариѳметики.

Избалованный вѣчными поглаживаньями по головкѣ, Петя былъ больно оскорбленъ такой безцеремонной оцѣнкой его дѣятельности и сталъ просить отца о переводѣ въ другую школу.

По несчастью, время было глухое, зимнее; всѣ учительскія мѣста были позаняты, и при всемъ желаніи Гавріилъ Аѳанасьевичъ не въ силахъ былъ исполнить просьбу сына.

Онъ посовѣтовалъ ему „претерпѣть какъ-нибудь" до весны, но непріученный къ отказамъ юноша не могъ примириться съ невозможностью и выстрѣломъ изъ револьвера покончилъ съ собою.

Вѣсть о самоубійствѣ Пети подѣйствовала на дядюшку самымъ угнетающимъ образомъ.

Онъ грузно опустился въ плетеное кресло предъ письменнымъ

столомъ и, смотря въ одну точку неподвижнымъ, безумнымъ взглядомъ, жалобно шепталъ.

— Петенька! Петя! дорогой мой мальчикъ! Что ты надѣлалъ!

Видя полную безпомощность дяди, его „настоятель" распорядился вызвать меня.

Я получилъ печальную телеграмму, какъ разъ садясь за ужинъ.

Весь аппетитъ мой, разумѣется, пропалъ, и я поспѣшилъ на поѣздъ.

Пріѣхавъ въ городъ очень рано, я забѣжалъ на минутку къ дядѣ, выпилъ у него стаканъ холоднаго чая и по другой желѣзнодорожной линіи отправился за тѣломъ брата

Я предполагалъ устроить все очень скоро, но на дѣлѣ это оказалось не такъ-то легко

Потребовалась куча всякихъ свидѣтельствъ и разрѣшеній отъ врачей, полиціи, желѣзнодорожнаго начальства, понадобился отдѣльный поѣздъ съ траурнымъ вагономъ; произошло по обычаю недоразумѣніе съ гробомъ, покровомъ и другими похоронными принадлежностями, и, пробѣгавъ безъ отдыха цѣлый день, я насилу могъ тронуться лишь въ седьмомъ часу вечера.

Усѣвшись въ вагонъ и немного успокоясь, я почувствовалъ страшный, мучительный голодъ.

За безпрестанной бѣготней и хлопотами я не успѣлъ чего-нибудь перекусить, и уже болѣе сутокъ во рту у меня не было ни крошки.

Я хотѣлъ, было, купить закуски по дорогѣ, но линія оказалась исключительно дачная, и зимою ни ларьки, ни буфеты на ней не торговали.

— Ну, дѣлать нечего: пообѣдаю я конечной станціи,—рѣшилъ я:— авось, часъ-то еще перетерплю.

Надежда моя и на этотъ разъ однако не оправдалась.

Когда я вошелъ въ вокзалъ, мнѣ сразу же бросилось въ глаза объявленіе, висѣвшее на дверяхъ буфетной комнаты.

— По случаю ремонта послѣ пожара торговля не производится.

Это было для меня сюрпризомъ вполнѣ неожиданнымъ и пренепріятнымъ.

Вокзалъ находился въ самомъ глухомъ концѣ города, гдѣ у меня не было никого знакомыхъ.

Ѣхать къ дядѣ было некогда, такъ какъ поѣздъ съ тѣломъ долженъ былъ придти минутъ черезъ сорокъ, а до дядиной квартиры добрыхъ полчаса ѣзды.

Оставалось, значитъ, ждать, пока прибудетъ тѣло, пока его „выгрузятъ", поставятъ на широкія дроги, и заморенная „пара гнѣдыхъ" дотащитъ его, наконецъ, до родного дома.

Это обѣщало продлиться еще часа три, а приступы голода становились уже прямо невыносимыми.

Отъ пустоты желудка меня ежеминутно тошнило, голова нестерпимо разбаливалась, и я чувствовалъ, что черезъ четверть часа не въ состояніи буду двинуться съ мѣста, если хоть чуточку не утолю свой голодъ.

Я оглядѣлся кругомъ.

„Портной", „сапожникъ", „плиссировщица", опять „портной", „складъ резиновыхъ галошъ"—такъ и замелькали въ моихъ глазахъ, но ни булочной, ни мелочной, ни другой какой-нибудь торговли съѣстными припасами нигдѣ не было видно.

Что дѣлать? гдѣ раздобыться съѣдобнымъ?

И вдругъ мой взглядъ упалъ на небольшой двухъ-этажный домикъ съ аляповатымъ, стеклляннымъ балкономъ, надъ которымъ красовалась желто-зеленая вывѣска съ надписью: „трактиръ".

Ба! Да вотъ гдѣ могу я подкрѣпиться пищей!

Но только какъ пройти туда, чтобы никого не смутить?

Вѣдь входъ въ „корчемницу" мнѣ воспрещенъ „Апостольскими правилами", и хоть допускается исклю-

ченіе „ради необходимости въ пути“, но кто же можетъ знать: иду-ли я въ трактиръ по крайней надобности или просто желая пображничать?

Голодъ, однако, не хотѣлъ признавать ни законовъ, ни требованій морали, и я вынужденъ былъ ему уступить.

Я подошелъ къ невзрачному трактирчику и, давъ мзду дежурному дворнику, попросилъ провести меня чрезъ черный ходъ въ отдѣльный кабинетъ.

— Кабинетовъ у насъ, отецъ дьяконъ, нѣту-съ, — сказалъ дворникъ, считавшій, вѣроятно, посѣщеніе трактира допустимымъ лишь для дьякона, но отнюдь не для священника, — а вотъ не пожелаете-ли на балкончикъ? Оченно-съ тамъ будетъ превосходно.

— А можно пройти туда незамѣтно?

— Сколько угодно-съ! Пожалуйте!

Мы юркнули подъ ворота, потомъ въ низенькую, грязную кухню, затѣмъ въ небольшую комнатку, гдѣ мыли посуду, и, наконецъ, остановились у входа... въ общее зало.

Дворникъ шепнулъ что-то на ходу, и ко мнѣ подлетѣлъ бойкій лакей-ярославецъ, съ хитрыми, плутовскими глазками и развязно-вертлявыми ухватками.

— Сюда-съ, сюда-съ, отецъ дьяконъ! — изящнымъ жестомъ пригласилъ онъ меня въ зало, гдѣ за мраморными столиками сидѣло довольно много посѣтителей.

— Послушайте! — сказалъ я вполголоса, прячась за дверь, — вѣдь я просилъ провести меня на балконъ.

— Да вотъ тутъ-съ балконъ и есть. Изволите видѣть-съ: всего три шага черезъ зало.

— А нѣтъ-ли у васъ туда другого хода, совсѣмъ отдѣльнаго?

— Извините-съ, не имѣемъ.

Я въ нерѣшительности остановился.

Мнѣ до боли было стыдно идти на балконъ подъ взглядами полупьяныхъ посѣтителей этого кабака, но муки голода были еще нестерпимѣе, и, махнувъ рукой, я пошелъ за провожатымъ.

Нужно было видѣть, какіе изумленные взоры уставились на меня со всѣхъ сторонъ!

Сначала мое появленіе всѣхъ ошеломило, и пока я шелъ черезъ зало, никто не сказалъ ни слова.

Но едва лишь захлопнулась за мной стеклянная дверь балкона, раздался громкій, насмѣшливый хохотъ, и посыпались плоскія шутки, которыя явственно долетали до моихъ ушей.

Я старался не обращать ни на что вниманія и, опустивъ глаза въ тарелку, торопливо глоталъ поданную яичницу.

Мое кажущееся равнодушіе побудило одного изъ пьяненькихъ завсегдатаевъ на болѣе дерзкую выходку.

Подойдя къ балконной двери, онъ постучалъ слегка въ стекла и, подражая пальцами движенію ножницъ, сталъ показывать, что меня слѣдуетъ разстричь.

Это было уже выше моихъ силъ.

Я кинулъ на столъ деньги и бросился вонъ изъ трактира.

Меня провожали смѣхомъ, свистомъ, шиканьемъ, крикомъ, а я въ бѣшенствѣ кусалъ себѣ губы и думалъ:

— За что, за что все это? Что я за отверженецъ такой, что не могу даже утолить голодъ вмѣстѣ съ другими?

И я съ ненавистью взглянулъ на свою рясу и, запыхаясь отъ гнѣва, прошепталъ:

— Все ты, все ты виновата, проклятая хламида!

Съ тѣхъ поръ я даже въ мысляхъ сталъ называть свою одежду этой презрительной кличкой и окончательно возненавидѣлъ ее.

И тѣмъ не менѣе я долго еще не могъ рѣшиться сбросить съ себя опротивѣвшій костюмъ.

Мнѣ все казалось, что, снимая рясу, я чему-то измѣняю, кого-то предаю.

Это была, конечно, простая слабость характера, недостатокъ силы воли, но она задержала меня въ священномъ санѣ на цѣлыхъ два года.

И только новый, еще болѣе вразумительный урокъ, данный мнѣ жизнью, побудилъ наконецъ меня разстаться со своей неудобной одеждой.

X.

Женившись по необходимости, единственно ради полученія священническаго мѣста, я, понятно, не любилъ свою жену.

Да и какъ я могъ полюбить ее, когда въ сердцѣ у меня царилъ другой, дивно-прекрасный, чарующій образъ?!

Что бы ни проповѣдывали засохшіе постники-аскеты, а сердце вездѣ остается сердцемъ: оно и подъ рясой все также бьется, любитъ и страдаетъ.

Не чувствуя къ женѣ любви, я старался однако быть къ ней всегда внимательнымъ и искренне ее жалѣлъ.

Иногда по вечерамъ я смотрѣлъ на ея бѣлобрысенькую головку, склонившуюся надъ работой, и съ горечью думалъ:

— Бѣдное, несчастное существо! Понимаешь-ли ты, какая унизительная роль предназначена тебѣ въ жизни твоего супруга? Вѣдь ты и тебѣ подобныя — не подруги, не избранницы сердца. Надъ вами совершенъ обрядъ вѣнчанія, но вы—жены лишь по имени. Въ сущности же, вы — своего рода клапаны общественныхъ страстей, предусмотрительно данные отрекающимся отъ прелестей міра сего. Развѣ это не гнусная, не гадкая доля?

Моему сближенію съ женой мѣшала и слишкомъ огромная разница въ развитіи.

Я не особенно высокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ, но семинарія,—съ ея философскимъ складомъ преподаванія,—научила меня самостоятельно мыслить и разсуждать.

Жена тоже окончила курсъ въ епархіальномъ училищѣ, но осталась недалекой и ограниченной.

Домъ, хозяйство, наряды, гости, брянчанье на пьянино, да изрѣдка легонькая книжка—составляли весь ея мірокъ.

Въ концѣ концовъ я и въ умственномъ отношеніи былъ такъ же одинокъ, какъ и въ сердечномъ.

Не знаю, долго-ли бы я выдержалъ это двойное одиночество, и какъ бы оно на мнѣ отозвалось, если бы судьба не сжалилась наконецъ надо мною и не послала маленькаго развлеченія.

На третьемъ году нашего супружества внезапно скончался мой тесть, бывшій дьякономъ въ сосѣднемъ приходѣ.

Покойникъ оставилъ послѣ себя кой-какое движимое имущество,—состоявшее исключительно изъ предметовъ первой необходимости,—рублей двадцать денегъ да десятилѣтнюю дочь Настю.

Движимость, разумѣется, сейчасъ же разобрали законные наслѣдники, деньги, не извѣстно куда, пропали, и только сиротку никто взять не пожелалъ.

— Гдѣ мнѣ съ ней возиться? у меня—своя семья,—сказалъ мнѣ шуринъ, священствовавшій на одномъ изъ столичныхъ кладбищъ и зарабатывавшій въ годъ тысячъ до пятнадцати.

Я ничего не сталъ ему возражать и пріютилъ малютку у себя.

Вначалѣ Настя скучала по отцѣ и какъ будто немного дичилась меня, но вскорѣ освоилась и оказалась очень доброй и ласковой дѣвочкой, умной не по лѣтамъ.

По смерти матери, скончавшейся года три назадъ, на нее перешла часть заботъ по хозяйству въ домѣ отца.

Она прибирала комнаты, накрывала на столъ, заваривала чай и

научилась немножко владѣть иголкой.

Все это она исполняла безъ малѣйшей улыбки на миловидномъ, полненькомъ личикѣ, съ чисто-старческой кропотливостью и аккуратностью.

Мнѣ сразу же бросилась въ глаза эта стариковская серьезность въ ея характерѣ, и я въ шутку прозвалъ Настю „Бабулькой“.

Съ переѣздомъ къ намъ „Бабульки“ я почувствовалъ себя уже не такимъ одинокимъ.

Я сталъ дѣлиться съ ней своими знаніями, раскрывалъ ей значеніе окружающихъ явленій и съ удовольствіемъ выслушивалъ ея дѣтски-наивныя разсужденія.

Я плохо зналъ тогда дѣтскую душу, и мнѣ доставляло величайшее наслажденіе слѣдить шагъ за шагомъ, какъ собирается и крѣпнетъ духъ человѣка, какъ вырабатывается его характеръ, какъ возникаютъ и развиваются его взгляды и убѣжденія.

Въ длинные зимніе вечера, уставъ иногда читать и работать, я вынималъ изъ стола колоду картъ и подавалъ „Бабулькѣ“.

Она тотчасъ же принималась строить домики, а я любовался ея проворными, тоненькими пальчиками, съ розовыми ямочками на суставахъ, и молча слушалъ ея щебетанье.

„Вотъ этотъ этажъ она отдаетъ мнѣ. Здѣсь поселитъ сестрицу Варю—мою жену. Тутъ будутъ жить сторожъ Евграфъ и наша работница Поля. А это ужъ будетъ и ея собственная комнатка“.

И обыкновенно это было одно изъ самыхъ худыхъ помѣщеній, либо внизу, „въ подвалѣ“, либо вверху, „на чердакѣ“ либо пристроенное послѣ, гдѣ-нибудь на отлетѣ.

Въ дѣвочкѣ, какъ видно, было доброе, не себялюбивое сердце.

Мало-по-малу я страстно привязался къ „Бабулькѣ“.

Я отвелъ ей мѣсто за столомъ рядомъ съ собою, позволилъ перетащить игрушки въ мой кабинетъ и начиналъ положительно скучать, если долго не слышалъ ея милаго, серебристаго голоска.

„Бабулька“ не могла, конечно, заслонить собою другой дорогой мнѣ образъ, но, привязавшись къ ней, я сталъ понемногу примиряться съ невозвратимой потерей.

Ангелъ мира уже касался крыломъ моей наболѣвшей души, какъ вдругъ меня поразилъ новый жестокій ударъ.

Моя дорогая „Бабулька“ заболѣла дифтеритомъ и черезъ три дня лежала на столѣ.

Она скончалась тихо, безъ слезъ и стоновъ, но ея безмолвный взглядъ, постоянно обращенный ко мнѣ, полонъ былъ такой невыносимой муки, такой горячей мольбы о спасеніи, что я и сейчасъ не могу вспомнить его безъ содроганія.

Спустя недѣлю отъ той же болѣзни умерла и жена.

Я самъ напутствовалъ ее предъ смертью, и мы разстались примиренными.

Похоронивъ покойницъ, я началъ соображать, какимъ образомъ проникла въ мой домъ зараза.

Я перебиралъ въ памяти, гдѣ были мы въ послѣдніе дни предъ болѣзнью, и кто у насъ бывалъ, но ничего подозрительнаго припомнить не могъ.

— Чудакъ вы, святой отецъ! — сказалъ мнѣ пріѣхавшій произвести дезинфекцію докторъ, которому я тоже задалъ волновавшій меня вопросъ,— вѣрнѣе всего, что вы сами занесли откуда-нибудь заразу на своемъ подолѣ. Онъ вѣдь у васъ словно нарочно для этого приспособленъ.

Слова врача произвели на меня ошеломляющее дѣйствіе. Я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и крѣпко сжалъ виски.

— Правда, правда!—пронеслось у меня въ головѣ, — я самъ уморилъ мою милую „Бабульку“, я самъ принесъ къ ней заразу на своей рясѣ.

И забывъ совсѣмъ о присутствіи врача, я гнѣвно стукнулъ кулакомъ по столу и громко закричалъ:

— Будь же ты проклята, несчастная хламида! Я больше не хочу тебя носить.

XI.

Я снялъ рясу, однако, еще не сразу.

Я отвыкъ уже отъ обще-принятой одежды, и мнѣ было какъ-то неловко вновь облечься въ нее „ни съ того, ни съ сего".

Нуженъ былъ какой-нибудь особенный случай, чтобы заставить меня рѣшиться на это, и случай этотъ не замедлилъ, конечно, представиться.

У моей младшей сестренки Кати еще на гимназической скамейкѣ обнаружились задатки чуднаго контральто.

По совѣту учителя музыки она рѣшила не зарывать таланта въ землю и поступила въ консерваторію, въ классъ выдающейся въ свое время пѣвицы.

Новая преподавательница Кати тоже осталась въ восторгѣ отъ ея слуха и голоса и съ первыхъ же уроковъ взяла ее подъ особое покровительство.

— Ваше пѣніе напоминаетъ мнѣ мои лучшіе годы,—сказала она сестрѣ съ оттѣнкомъ грусти о пережитой славѣ,—трудитесь, работайте, и я предсказываю вамъ самую широкую извѣстность,

Старая артистка оказалась права.

Катя блестяще окончила консерваторію, уѣхала въ Миланъ, и вскорѣ иностранныя газеты запестрѣли восторженными отзывами о моей талантливой сестренкѣ.

Ее сравнивали съ прежними „свѣтилами" и единогласно пророчили, что она затмитъ ихъ всѣхъ.

И я вѣрилъ всѣмъ этимъ предсказаніямъ.

Я зналъ, что моя честная Катя слишкомъ высоко смотритъ на искусство, чтобы добывать себѣ славу подкупами рецензентовъ и устройствомъ клаки.

Черезъ два года Катюша вернулась въ Россію и тотчасъ же приглашена была на казенную сцену.

Она выступила впервые въ роли „Вани", въ „Жизни за Царя", и имѣла огромный успѣхъ.

Самые серьезные театральные критики, — всѣхъ лагерей и направленій,—единодушно отозвались о ней, какъ о рѣдкомъ, выдающемся талантѣ, и поздравляли дирекцію „съ удачнымъ пріобрѣтеніемъ.

Катя дѣйствительно очень скоро завоевала расположеніе публики и сдѣлалась модной пѣвицей.

Попасть на оперу, въ которой участвовала она. сдѣлалось почти такъ же трудно, какъ выиграть двѣсти тысячъ въ лотерею.

Билеты на ея концерты перекупались у барышниковъ по цѣнамъ, возвышеннымъ чуть не въ десять разъ, и оплачивались иногда сотнями рублей.

Въ театральныхъ отдѣлахъ газетъ ея имя появлялось не иначе, какъ съ прилагательными: „знаменитая", „божественная", „очаровательная", несравненная".

И всѣмъ этимъ Катюша обязана была исключительно своему дивному, прекрасно обработанному голосу и тонкой, художественной игрѣ.

Я часто наслаждался пѣніемъ Кати, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, которые она, по старой памяти, проводила у меня, но о драматическихъ способностяхъ ея не имѣлъ ни малѣйшаго представленія.

— Хотѣлось-бы мнѣ посмотрѣть твою игру,—сказалъ я ей однажды,—всѣ ее такъ превозносятъ, и только я,—самое близкое тебѣ существо,—понятія о ней не имѣю.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?—живо отвѣчала сестра, — вотъ пріѣдешь ко мнѣ осенью, я велю оставить кресло, и любуйся, сколько хочешь.

— Въ этомъ-то нарядѣ?—горько усмѣхнулся я, показывая на подрясникъ.

— Ну, зачѣмъ непремѣнно въ

этомъ?—улыбнулась и Катя,—можно переодѣться. Въ любомъ магазинѣ готоваго платья за пять рублей дадутъ тебѣ напрокатъ полный костюмъ.

— Такъ-то такъ, сестричка, но вправѣ-ли я не повиноваться церкви, которая положительно запрещаетъ мнѣ посѣщать „позорища“?

Катя строго взглянула на меня.

— Я, Ѳедя, всегда была самаго высокаго мнѣнія о твоемъ умѣ и раздѣляла всѣ твои взгляды. Но на этотъ разъ я не могу съ тобой согласиться: ты заблуждаешься. Церковное правило, запрещающее тебѣ посѣщеніе театровъ, давно уже устарѣло и утратило свой смыслъ. Оно имѣло значеніе въ первые вѣка христіанства, когда еще процвѣтали колизеи, съ ихъ кровавыми гладіаторскими боями и цинично-разнузданной чувственностью. Въ тѣ времена, понятно, нельзя было разрѣшить пресвитерамъ,—вчерашнимъ язычникамъ и прозелитамъ, — свободный входъ въ театры: играть съ огнемъ опасно. Но съ тѣхъ поръ жизнь во многомъ измѣнилась, и характеръ театральныхъ зрѣлищъ совсѣмъ уже не тотъ. На сценѣ больше не льются ручьи человѣческой крови, безстыдныя Ѳедоры отошли въ область преданій. Театръ сталъ теперь школою и проводитъ въ народъ добрые нравы. Зачѣмъ же тебѣ держаться отжившихъ, потерявшихъ всякій смыслъ и значеніе взглядовъ и лишать себя невиннаго удовольствія? Я, право, не понимаю тебя въ этомъ случаѣ.

Я нѣсколько времени молчалъ, обдумывая горячую рѣчь сестры.

Какой глубокій и правильный взглядъ! Какъ вѣрно оцѣнила она современный и древній театры! Какъ просто разрѣшила она одинъ изъ нашихъ наболѣвшихъ вопросовъ: „эта вещь устарѣла,—отбрось ее—вотъ и все“!

— Да, Катя, ты права,—сказалъ я наконецъ,—я вполнѣ соглашаюсь съ тобой и въ первый же свой пріѣздъ приду въ театръ послушать тебя.

— Милый, славный Ѳедя! Какъ я рада!—вскричала сестренка, бурно обнимая меня:—пріѣзжай же скорѣе и помни, что въ этотъ день я приложу все свое искусство и буду пѣть только для тебя.

XII.

Я не замедлилъ исполнить свое обѣщаніе.

Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ, я былъ уже въ столицѣ и въ магазинѣ мужскаго платья заказывалъ себѣ свѣтскую одежду.

— Не за границу-ли, батюшка, уѣзжаете?—поинтересовался любопытный приказчикъ, снимая съ меня мѣрку.

— Да,—рѣшился я солгать, чтобы прекратить дальнѣйшіе разспросы.

На другой день къ вечеру заказъ былъ исполненъ.

Сестринъ парикмахеръ слегка укоротилъ мнѣ волосы, и я началъ переодѣваться въ новенькій костюмъ.

Я не въ силахъ передать того наслажденія, съ которымъ я надѣвалъ на себя крахмальную сорочку, галстукъ, жилетъ, визитку и прочія части туалета.

Это было какое-то неизъяснимо-сладкое чувство тѣлеснаго и душевнаго обновленія.

Каждая новая принадлежность костюма словно вливала въ меня свѣжія силы, и я молодѣлъ душою и тѣломъ.

Нѣчто подобное испытывалъ, вѣроятно, Фаустъ, превращаясь изъ полуживаго старца въ бодраго, цвѣтущаго юношу.

— Да, вотъ что значитъ нарядъ!—оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, сказала Катя, когда, переодѣвшись я вышелъ въ гостиную:—какой ты въ сущности представительный мужчина, и какъ смѣшонъ ты въ своей рясѣ!

Мы поѣхали съ Катей въ театръ въ ея каретѣ.

Я сначала прошелъ къ сестрѣ въ уборную и только предъ самымъ поднятіемъ занавѣса спустился въ партеръ.

Когда я вступилъ въ театральный зелъ, меня охватило почти уже забытое, пріятное ощущеніе яркаго свѣта, шумной, нарядной толпы и характерныхъ звуковъ настраиваемаго оркестра.

Къ этому, давно знакомому чувству прибавилось и новое, еще болѣе отрадно дѣйствовавшее на душу.

Это было блаженнѣйшее чувство полнаго слiянія съ народной массой.

Я видѣлъ, что меня никто здѣсь не чурается, не указываетъ съ насмѣшкою пальцемъ, не считаетъ долгомъ лицемѣрить предо мною, и сердце мое ликовало.

— Посмотрите-ка, сударь, какія прелестныя ножки у этой хористки!— шепнулъ мнѣ плѣшивый, жизнерадостный толстякъ, сидѣвшій рядомъ со мною.

Не знаю, что доставило мнѣ въ тотъ вечеръ больше удовольствія: дивное-ли пѣніе и художественная игра сестры или эти простыя, незначительныя слова.

—Прелестный ты мой незнакомецъ!— подумалъ я, съ восторгомъ взглянувъ на сосѣда, — сказалъ ли бы ты это, если бы зналъ, кто сидитъ съ тобою? Не состроилъ-ли бы и ты постной физіономіи и не завелъ-ли бы цѣломудренной рѣчи о современной распущенности нравовъ, какъ дѣлали „прочіе человѣки", встрѣчавшіе меня въ рясѣ. Спасибо же тебѣ за это первое откровенное слово, услышанное мною чрезъ столько лѣтъ!

И я чуть не расцѣловалъ простодушнаго добряка.

Давно уже не чувствовалъ я себя такъ легко и свободно, какъ въ этотъ, навѣки оставшійся у меня въ памяти вечеръ.

За то какъ же тяжко и больно стало у меня на душѣ, когда на утро мнѣ вновь надо было облачаться въ „хламиду"!

Сидя въ мягкомъ креслѣ сестринаго будуара, гдѣ на время моихъ пріѣздовъ ставилась для меня кровать, я молча смотрѣлъ на свою обычную одежду, вычищенную и аккуратно сложенную горничной на на стулѣ, и думалъ опять невеселую думу.

Вотъ оно, мое обязательное одѣяніе, которое выбрасываетъ меня изъ среды живыхъ людей и дѣлаетъ общимъ посмѣшищемъ и отщепенцемъ!

Вотъ она, проклятая „хламида," сѣющая ложь и разладъ между мной и остальнымъ міромъ!

Сейчасъ я одѣну ее, и вновь начнутся физическія и нравственныя муки, безполезныя и никому ненужныя.

И будетъ-ли имъ когда нибудь конецъ, или мнѣ придется сносить ихъ до „входа гробоваго"?

— Что пригорюнился, Ѳедюша?— спросила сестра, входя ко мнѣ.

— Скучно, Катя! Вкусивши сладкаго, не хочется горькаго,—отвѣчалъ я и передалъ сестрѣ всѣ свои мысли.

— Чудакъ, ты однако!—вскричала моя горячая сестренка:,—да что у тебя ряса-то приросла къ тѣлу, что-ли? Если она тебя тяготитъ, сбрось ее! Вотъ и вся недолга!

— Да, сестра, ты опять права.— задумчиво отозвался я,—при нашей косности и нерѣшительности трудно ожидать скорыхъ перемѣнъ въ укладѣ нашей жизни. Остается, значитъ, послѣдовать твоему совѣту.

И я въ тотъ же день подалъ прошеніе архіерею о сложеніи съ меня священнаго сана.

XIII.

Началась безконечная волокита, сопровождающая обыкновенно всѣ подобныя дѣла.

Сначала поручено было благочинному и окружному духовнику „увѣщевать" меня отказаться отъ своего намѣренія.

Они уговаривали меня „по закону,“ цѣлыхъ три мѣсяца, но я остался непреклоннымъ.

Тогда меня вызвали въ консисторію и здѣсь всячески убѣждали „оставаться вѣрнымъ“ принятому на себя званію.

Я, однако, твердо стоялъ на своемъ.

Попробовалъ, наконецъ, „отечески вразумить“ меня епископъ.

Результатъ оказался тотъ же.

Тогда послано было донесеніе въ синодъ, и еще чрезъ нѣсколько времени я былъ уволенъ изъ духовнаго вѣдомства и возстановленъ въ первоначальномъ званіи потомственнаго почетнаго гражданина.

Впервые послѣ многихъ лѣтъ я вздохнулъ свободно.

Я опять почувствовалъ себя полноправнымъ членомъ общечеловѣческой семьи, а не „свѣтильникомъ“, такъ высоко поставленнымъ на горѣ, что къ нему никто не хочетъ и подходить.

Испросивъ разрѣшеніе, я поступилъ въ университетъ и въ прошломъ году сдалъ государственный экзаменъ.

Въ настоящее время я „состою“ при одномъ изъ статистическихъ комитетовъ и усердно пишу магистерскую диссертацію.

Дѣла мои въ общемъ идутъ превосходно, и я тоскую теперь лишь о томъ, что пока еще не знаю, гдѣ находится моя милая, славная Оля.

* * *

Разсказчикъ умолкъ.

На красивыхъ рѣсницахъ его набѣжали слезинки и ярко засверкали въ лучахъ электрическаго фонаря.

Я не захотѣлъ тревожить его банальными утѣшеніями и вышелъ потихоньку на площадку вагона.

М. Ѳ. Лубинскій.

Сонъ лиліи.

Снилось лиліи ночью глубокою,
Что она стала сильной, высокою.
Поднялась молодая и чистая,
Въ высь, гдѣ солнце горитъ золотистое.
Все земное отпало, откинулось,
И она въ ясномъ небѣ раскинулась,
Увидала міры незамѣтные
И узнала всѣ тайны всесвѣтныя.
И, красуясь, стоитъ, восхищается.
Смотритъ,—все на землѣ поднимается.
Поднимаются горы, строенія.
Поднимаются рощи, растенія.
Вотъ и люди растутъ, возвышаются.
Въ нихъ, какъ солнце, сердца разгораются.
Просвѣтлѣли ихъ лица красивыя,
Новымъ свѣтомъ, живыя, счастливыя.
Вмѣсто глазъ звѣзды сыплютъ сіяніе.
Чутокъ слухъ на печаль и страданіе.
Смотритъ лилія, все удивляется:
Расцвѣтаетъ весь міръ, обновляется.
Нѣтъ ни зла, ни вражды, ни насилія,
И довольна, и счастлива лилія.
Но съ разсвѣтомъ прошло сновидѣніе...
Люди--тѣ-же смѣшныя творенія.
Далеко солнце, недосягаемо,
Отдаленное небо незнаемо,
Далеко жизнь иная, кипучая,
А болото все то-же трясучее.
И томится болотная лилія
И груститъ отъ сознанья безсилія.

Н. Никаноровъ-Каринскій.

В. Вересаевъ.

За чертой индивидуализма.

I.

(Смидовичъ — Вересаевъ).

„Мы попрежнему остаемся царями въ области идеаловъ и безпріютными скитальцами въ жизни“
(*„На поворотѣ“*).

В. Вересаевъ, по своему писательскому облику, довольно близко подходитъ къ М. Горькому: и тотъ, и другой въ своихъ произведеніяхъ въ той или иной степени отразили переживаемый нами моментъ — про-

теста личности, ея исканій и тоски по идеалу, потери нравственной уравновѣшанности и стремленія заполнить какимъ либо содержаніемъ образующуюся предъ единичнымъ „я“ пустоту.

Но самая манера творчества у нихъ различна: у г. Вересаева оказалось болѣе выдержки, за то менѣе колоритности, болѣе наклонности къ тенденціи въ ущербъ живости образовъ. Стремленіе къ синтезу преобладаетъ у г. Вересаева,—онъ хочетъ сдѣлать шагъ дальше, но „дорога еще не найдена, хотя мы чувствуемъ, что она гдѣ-то близко“. Напряженіе въ поискахъ за ней растетъ все больше. Сказывается оно и въ произведеніяхъ г. Вересаева. внося въ него тѣ погрѣшности противъ чистаго художества, съ которыми намъ приходится считаться, какъ съ знаменіемъ времени. Онѣ характерны не только для одного г. Вересаева, какъ писателя,—характерны и для настроенія общества, создавшаго ему популярность въ данный моментъ. Но лишь отбросивъ ихъ, мы будемъ имѣть передъ собою тотъ элементъ, который можно положить какъ камень подъ общее основаніе литературнаго зданія.

Въ данномъ случаѣ мы сталкиваемся съ обычной исторіей: то, что вылилось изъ души писателя, вошло въ его творчество какъ бы безсознательно, является наиболѣе цѣннымъ,—и наоборотъ. Въ безсознательности творчества вся сила художества: она поднимаетъ писателя выше времени и мѣста и даетъ ему ту свободу, о которой мы только мечтаемъ, не будучи въ состояніи ее охватить въ своей всеограничивающей жизни момента. Въ этомъ и великая, неуловимая тайна творчества. Есть она и у г. Вересаева, и она-то говоритъ намъ о многомъ, съ чѣмъ самъ авторъ можетъ быть и не согласился бы, если бы провести это въ теорію. Жизнь и созданные ею правдивые образы, переданные такъ же правдивымъ перомъ, говорятъ сами за себя и не даютъ успокоиться на придумываемыхъ авторомъ выводахъ или предположеніяхъ. Да и слишкомъ неопредѣленны они у г. Вересаева.

Причислить его къ марксистамъ, по діалогамъ его героевъ, мы не рѣшаемся, не смотря на кивки въ эту сторону многихъ критиковъ произведеній В. Вересаева. Справедливѣе намъ кажется замѣчаніе Е. Л.*)

„Передъ нами,—говоритъ онъ,—писатель безъ „дороги“, откровенно разсказавшій объ этомъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ. Поколѣнія, сбитыя съ пути надвинувшеюся спереди тьмою и потерявшія вѣру въ спасительность старыхъ устоевъ, признали его своимъ и заплатили горячимъ вниманіемъ за его простую и искренную исповѣдь“.

По мнѣнію Е. Л. народничество, марксизмъ, идеализмъ, позитивизмъ для В. Вересаева только пути, которые съ разныхъ сторонъ ведутъ въ Римъ, и въ нихъ онъ непремѣнно ищетъ возможности какъ нибудь осмыслить пестрый хаосъ совершающихся на его глазахъ явленій, чтобы и съ своей стороны указать хотя маленькое средство измѣнить къ лучшему гнетущія условія закоснѣлой, отжившей жизни.

Говоря далѣе, что творчество В. Вересаева чрезвычайно субъективно, даже автобіографично, Е. Л. замѣчаетъ: „Въ немъ отразился весь новый человѣкъ его поколѣнія, колеблющійся, неустойчивый, не находящій спасенія въ сознаніи своей оторванности отъ общаго, стихійнаго теченія жизни, противъ котораго въ тѣхъ рамкахъ, въ которыхъ ему приходится жить, въ его совѣстливой душѣ поднимается невольный протестъ“. Замѣтимъ, что это протестъ уже не личности вообще противъ путъ общественности, какъ это встрѣчается у М. Горькаго, а протестъ противъ даннаго обществен-

*) Вѣстн. Евр. 1904 г. книга 7.

наго строя съ его путанницей и слѣдовательно косвенное признаніе банкротства личности самой по себѣ стремленіе найти соотвѣтствующія рамки, въ которыя можно было бы уйти отъ своего разъѣденнаго рефлексіей „я“.

Это шагъ за черту индивидуализма. Въ немъ—правда жизни переживаемаго нами момента, который, какъ и слѣдовало ожидать, лучше всего отразился въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ авторъ менѣе всего субъективенъ, менѣе наклоненъ къ тенденціи. Такими чистохудожественными и наиболѣе правдивыми разсказами В. Вересаева являются почти всѣ тѣ небольшіе наброски, которые составляютъ II томъ его произведеній: Въ нихъ авторъ касается преимущественно фабричной и крестьянской земледѣльческой жизни, продолженія того процесса, котораго начало такъ прекрасно изобразилъ Г. Успенскій своимъ горячимъ сердцемъ и живымъ перомъ писателя публициста въ своихъ разсказахъ и очеркахъ.

Старыя нотки еще продолжаютъ звучать, не оконченъ еще процессъ разложенія гармоніи народной жизни; медленно, отстаивая себя за каждымъ шагомъ, тянется онъ и вотъ—вотъ повернетъ совсѣмъ въ неожиданную сторону, къ созданію новой гармоніи, минуя окончательный разладъ, который нѣкоторые пророки указывали ему впереди.

Такое впечатлѣніе выносится изъ разсказовъ г. Вересаева, можетъ быть, помимо даже желанія самого автора.

Въ сущности здѣсь нѣтъ ничего новаго, и сильное перо талантливаго предшественника, еслибы не особый характеръ постановки вопроса, могло бы совершенно затушевать эти произведенія г. Вересаева: цѣльность народнаго міровозрѣнія („Въ степи“), стремленіе къ землѣ („Изъ обѣтованной земли“), какая-то растерянность при отрываніи отъ нея(„Ванька“), признаки грозной нравственной неуравновѣшанности, какъ результатъ новаго, непривычнаго склада жизни, узкаго и давящаго,—все это, изображенное еще Г. Успенскимъ, теряетъ интересъ оригинальности. Характерно только то, что олицетворяющіе этоже образы въ произведеніяхъ г. Вересаева не тревожатъ уже и не волнуютъ насъ такъ же, какъ не тревожатъ и не волнуютъ они и самого художника, спокойно и вполнѣ объективно рисующаго ихъ передъ нами, и вызываютъ лишь вопросъ: ну, и что жъ, куда же идти? Выдвигая его опять на сцену въ прежней формѣ В. Вересаевъ показываетъ намъ тотъ поворотный пунктъ къ старой нерѣшенной задачѣ, оставленной на полпути, который начался въ жизни.

Съ этой точки зрѣнія произведенія г. Вересаева, писателя несомнѣнно талантливаго, что признали почти всѣ наши критики, за исключеніемъ г. Протопопова, заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія, такъ какъ художество съ своей нервной чуткостью всегда идетъ впереди жизни.

Читая разсказы „На холоду“, „Лизаръ“, „Исправилась“, вы чувствуете, какъ на васъ вѣетъ чѣмъ то хорошо знакомымъ; потускнѣли только слегка краски, поблекли фигуры,—но все такъ же тянется однообразной чередой безпросвѣтная тьма народнаго суевѣрія, народной растерянности передъ новыми запросами жизни, какой-то холодной, тупой жестокости, являющейся какъ бы откуда—то извнѣ и захватывающей въ себя хорошихъ, добрыхъ людей, которыхъ слѣпая стихійная сила дѣлаетъ своимъ орудіемъ.

Самая замѣна вопросовъ, существовавшихъ еще въ произведеніяхъ Г. Успенскаго, вопросами еще болѣе роковыми говоритъ за это. Герой произведеній Г. Успенскаго, растерявшись при нахлынувшей новой волнѣ, замѣчаетъ: „А главное, порядка нѣту!“ Герой В. Вересаева—„А главное дѣло, народу расплодилось, просторунѣту человѣку“... Если

первое было поправимо, то со вторымъ приходится считаться гораздо болѣе, а это не можетъ не сознаваться самимъ крестьяниномъ. Само собою понятно, что этотъ вопросъ выдвигается на первый планъ и затушевываетъ собою все остальное; это лейтмотивъ современной народной жизни.

Со стороны подобнаго же вопроса предстаетъ передъ нами въ произведеніяхъ г. Вересаева фабрика и деревня: первая является уже не новой струей, разрушающей старый строй и прежнюю гармонію, а терпится, какъ зло, дающее этой же гармоніи необходимыя подпорки. То, что неясно звучало еще при началѣ раздвоенія, здѣсь выступило болѣе рельефно, вопреки предвзятымъ теоріямъ автора. Особенно характернымъ въ данномъ случаѣ является разсказъ „Ванька", гдѣ простой крестьянскій парень, оторванный отъ клочка земли, на которомъ онъ все таки былъ самъ себѣ хозяинъ, — попадаетъ на фабрику. Здѣсь, съ сознаніемъ своего закабаленія „начальству", является и потеря собственнаго достоинства, которое въ общемъ ходѣ подневольной работы звучало какъ будто даже дико. Дѣло кончается полнымъ отупѣніемъ человѣка, превратившагося въ машину, и вмѣстѣ съ достоинствамъ своей личности потерявшаго и уваженіе къ чужой. До сознанія великаго значенія „историческаго хода вещей" ему очень далеко, а передъ глазами только все подавляющій формализмъ отнимающій у него самое дорогое для человѣка—самоцѣнность его личности и ничего не дающій ему взамѣнъ.— Это наиболѣе объективный разсказъ г. Вересаева.

Въ другихъ подобныхъ же набраскахъ мы замѣчаемъ уже плохо скрытую тенденцію представить народные устои въ иномъ освѣщеніи, которое, налагая тѣнь на народничество, оправдывало бы противоположное теченіе. Подобное настроеніе автора ясно проскальзываетъ въ разсказахъ „Въ одиночку" и „Въ сухомъ туманѣ". Въ первомъ авторъ изображаетъ крестьянина—фабричнаго, оставшагося вѣрныхъ землѣ и съ восторгомъ разсказывающаго о своей деревнѣ. Какъ ни старался авторъ заставить разсказывать Серегина о заводѣ, онъ все говорилъ о своей Смоленской губерніи, и въ концѣ концовъ тотъ долженъ былъ смириться.

„Я вотъ такъ прошлымъ лѣтомъ въ городѣ жилъ,—разсказываетъ между тѣмъ Серегинъ,—всю недѣлю и на квартирѣ своей не бывалъ", (потому что ее нельзя было найти за громаднымъ стеченіемъ рабочаго люда); „отработаешь, да тутъ же около завода и спишь на травкѣ. Развѣ это ловко? Вѣдь, собакѣ и той канура полагается. Ну, да мнѣ что! Годика два еще покрѣплюсь. Главное, пріобрѣсть чтобы... хоть мало маленечко... А тамъ, прощай!

Не удивительно, что преимущества деревни особенно цѣнились Серегинымъ, и его разсказы были—„восторженнымъ гимномъ крестьянству".

„Для этого крестьянства Серегинъ,—говоритъ самъ авторъ,—готовъ былъ пожертвовать всѣмъ; для него онъ былъ готовъ безропотно переносить тягости заводской жизни, былъ готовъ спать на землѣ въ раскаленной мастерской, жить вдали отъ жены и дѣтей, дрожать передъ мастеромъ. Все это только временное, все это можно перетерпѣть, потому что впереди ждетъ она,—земля, съ любимымъ трудомъ, съ теплотою и уютомъ *своего* хозяйства".

Здѣсь прекрасно схвачено и выражено настроеніе крестьянина—фабричнаго и подчеркнуто именно то, что въ данномъ случаѣ имѣетъ для него самое важное значеніе. И если бы г. Вересаевъ закончилъ этимъ свой разсказъ „Въ одиночку", послѣдній несомнѣнно выигралъ бы въ художественной цѣльности и прав-

дивости, но автору почему-то понадобилось прицѣпить окончаніе, которое никакого собственно отношенія къ разсказу не имѣетъ, а заключаетъ въ себѣ собственныя размышленія автора, высказанныя изъ опасенія за неправильный выводъ читателей (въ смыслѣ, конечно, несолидарности съ авторомъ).

Все это очень предусмотрительно со стороны г. Вересаева, но къ сажалѣнію для него, впечатлѣніе получается то, что разсказъ—самъ по себѣ, а выводъ г. Вересаева и его интеллектуальная личность—сама по себѣ и одно съ другимъ мало имѣетъ общаго. Въ самомъ дѣлѣ, откуда могъ получиться, напр., такой выводъ г. Вересаева: „Здѣсь-то именно, въ деревнѣ, душа человѣческая и продается". Изъ заботы Серегина о своемъ домѣ, хозяйствѣ сдѣлать подобный выводъ нельзя. Вѣдь работая на фабрикѣ только для того, чтобы пріобрѣсти „мало маленько" для своего хозяйства, дать ему подспорье, онъ именно и заботится о выкупѣ этой личности, о ея еще большой, чѣмъ могла бы быть теперь при его деревенскихъ условіяхъ, свободѣ въ будущемъ.

Здѣсь, намъ кажется, произошло маленькое недоразумѣніе: слово „продается" слѣдовало бы замѣнить словомъ „выкупается", тогда и скачковъ логическихъ не было бы въ разсказѣ, и къ правдѣ житейской было бы ближе. Вѣдь, что привлекаетъ Серегина къ крестьянской жизни: „вольная жизнь, самъ надъ собою хозяинъ. Мастеръ тебѣ ничего не можетъ сказать. Опоздалъ на работу,—твое дѣло; объ этомъ не думаешь, чтобъ полюбиться мастеру; не то что на заводѣ".

Что же касается цѣны всей этой суеты вокругъ своего дома и своей личности и глубокаго равнодушія ко всему, что внѣ этого, то мы можемъ замѣтить, что забота можетъ быть и безъ равнодушія, и что при общинномъ порядкѣ, о которомъ самъ авторъ разсказываетъ тутъ же, такое равнодушіе немыслимо. Противопоставленіе эгоистическому Серегину пьяницы Куликова звучитъ прямо наивно. Ужъ если изъ этихъ двухъ заботится кто о себѣ, то конечно Куликовъ; да и о себѣ онъ не заботится. а попросту топитъ свою личность въ водкѣ со всѣмъ ея „тономъ" (онъ говоритъ, что у него не хватаетъ „тону" поклониться сторожу или мужику). Какая же цѣна такой личности? Можно было бы спросить у г. Вересаева: гдѣ здѣсь противоположные Серегинскимъ альтруистическіе мотивы? Напрасно такъ смущаетъ автора вульгарное для утонченнаго слуха фраза Серегина: „Главное, чтобы пріобрѣсть чтобы мало маленечко"... Авторъ забываетъ, что это дѣлается во имя свободы личности для возстановленія и упроченія ея достоинства, для того, чтобы стать самому себѣ „хозяиномъ". Если личность въ данномъ случаѣ торжествуетъ, добиваясь своей единичной побѣды, то она торжествуетъ и какъ часть цѣлаго, отстаивающаго себя именно единичными силами, состоящаго изъ этихъ силъ и поглощающаго ихъ при общинной работѣ въ одно цѣлое.

Отъ идеализаціи Куликова вѣетъ манерой М. Горькаго, но рѣзкое различіе въ индивидуальности двухъ писателей мѣшаетъ В. Вересаеву быть горьковцемъ,—(это имя стало теперь нарицательнымъ). На это различіе указалъ уже г. Протопоповъ, назвавъ талантъ В. Вересаева „уклончивымъ", въ противоположность рѣзкому горьковскому протесту. Благодаря художественности и его безсознательному творчеству, В. Вересаеву въ этомъ разсказѣ пришлось договориться до того, что нѣкоторымъ образомъ сводитъ на смарку его пессимизмъ относительно деревни.

„Конечно,—говоритъ, напр., Серегинъ,—иной разъ случится, что хочешь, не хочешь—а иди,—вотъ какъ со мною: а только больше почему люди на сторону идутъ? Въ деревнѣ-то все-таки жить надо съ нуждою,

а имъ и чайку хочется попить, и въ трактиръ пойти, газетку подъ музыку почитать. Ну, понятно, въ деревнѣ и скучно". Если же такъ, то трудно не вѣрить, что эти потребности выдвинутся передъ деревней, будутъ удовлетворены, и что она возродится опять. Во всякомъ случаѣ, фабрика не по нутру русскому человѣку, и его понятіе свободы и своего угла находится въ тѣсной ассоціаціи съ представленіемъ о деревнѣ, о землѣ. А что Серегины сплошь и рядомъ встрѣчаются среди заводскихъ рабочихъ, объ этомъ говоритъ и другой типъ въ томъ же разсказѣ, набросанный авторомъ мимоходомъ,—это Исаенко.

Какъ въ могилѣ, томится Исаенко въ своей дымной и душной „кочегаркѣ". Онъ вмѣстѣ съ мѣстными земледѣльцами „болитъ душою за выгорающіе всходы, ждетъ не дождется дождя". Печаль его,—говоритъ авторъ, — *совершенно безкорыстна*, потому что лично для него, кочегара, рѣшительно все равно, стоитъ-ли засуха или нѣтъ", тогда какъ радости и печали шахтерской жизни волнуютъ его лишь постольку, поскольку онѣ касаются его лично. Но если радости и печали земледѣльцевъ волнуютъ Исаенку *„совершенно безкорыстно"*, гдѣ же у этого самаго Исаенко и прототипа его Серегина тѣ исключительно личныя радости, которыя такъ претятъ автору? Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, человѣкъ является не единичной личностью самой по себѣ, а разумной частью великаго цѣлаго, власть котораго надъ нимъ находится не извнѣ, а внутри, въ его душѣ, и потому теряетъ самое значеніе власти, замѣняясь неудержимымъ, притягательнымъ стремленіемъ.

Какова его сила и устойчивость, объ этомъ лучше всего говоритъ намъ герой повѣсти нашего автора „Лизаръ".—„Выйдешь съ сохой на нивку,—разсказываетъ онъ, — а что орать,—не знаешь. Сосѣдъ кричитъ: „эй, дядя Лизаръ, мою полоску зацѣпилъ!" Повернулся, съ другого боку: „мою-то зачѣмъ трогаешь!" Вотъ какое стѣсненіе!" И все-таки вѣковая „власть земли" тянетъ къ себѣ, несмотря ни на что. Самъ авторъ, отдавшись изображенію подчиненныхъ ею людей, поддается отчасти ей: „Я остановился на опушкѣ около межи", — говоритъ В. Вересаевъ въ повѣсти „Лизаръ",—за которою тянулась матово зеленая роща. Когда стоишь такъ не шевелясь, лицомъ къ лицу съ природой, то овладѣваетъ странное чувство: кажется, что она не замѣчаетъ тебя, и ты пользуешься этимъ, вотъ-вотъ сейчасъ увидишь и узнаешь какую-то самую ея сокровенную тайну, и тогда все окружающее кажется необычнымъ и полнымъ этой тайны" (173).

Понятно, что пособное настроеніе, навѣваемое природой, кладетъ свой отпечатокъ на людей, близко стоящихъ къ ней. „Это,—говоритъ В. Вересаевъ,—совсѣмъ особенный нравственный міръ, на столько чуждый мнѣ, непостижимый, что разговоръ изсякалъ".

Въ этихъ строкахъ авторъ со всею своею художественною чуткостью уловилъ основное настроеніе изображаемаго имъ міра и тотъ общій колоритъ, который оно придаетъ ему. Художественная чуткость дала возможность В. Вересаеву захватить въ своихъ образахъ и основную психологическую черту, глубоко коренящуюся въ средѣ народа, несмотря на то, что она идетъ совершенно въ разрѣзъ съ предполагаемымъ здѣсь авторомъ культомъ личнаго счастья. Это—стремленіе подняться въ высь надъ самимъ собою, надъ маленькимъ повседневнымъ міромъ личныхъ дрязгъ и интересовъ.

До нѣкоторой степени это, конечно, черта общечеловѣческая; вся суть только въ томъ, что въ иномъ кругу, при иныхъ обстоятельствахъ она высказывается слабѣе, при другихъ сильнѣе, и понятно, что культъ личнаго счастья способенъ только заглушить ее. Но въ средѣ простого

народа, гдѣ значеніе личности сводится къ минимуму, гдѣ „я“ сильно лишь, какъ часть цѣлаго и само по себѣ лишено даже необходимой для личной жизни самооцѣнки,— это стремленіе сказывается съ еще большей силой. „Никита“—говоритъ В. Вересаевъ, —(„Въ степи“) „поднялъ голову и, подперевъ щеку кулакомъ, задумчиво смотрѣлъ на затихавшую степь. По этой степи онъ скитался два мѣсяца, злобный отъ голода и униженій, полный однимъ собою. Все перенесенное имъ, вся злоба и страданіе казались ему теперь мелкими, и онъ стыдился ихъ; онъ стыдился, что муки эти онъ переноситъ для самаго себя, и что онѣ такъ малы и ничтожны, и что въ нихъ нѣтъ ничего, что уносило бы его вверхъ, прочь отъ земли“. Въ порывѣ такого стремленія онъ забываетъ, что разсказчикъ, вызвавшій его, не болѣе какъ „стрѣлокъ“, обманывающій темный людъ, и когда личность „стрѣлка“ особенно рѣзко профанируетъ это настроеніе,—Никита избиваетъ „стрѣлка“ и уходитъ отъ него, не оглядываясь, впередъ, въ темную степь. —Гдѣ авторъ видитъ въ крестьянскомъ мірѣ исключительную заботу о своей личности,—мало понятно. Выдѣленіе единичной личности здѣсь страшно для самаго уклада жизни, и это не можетъ не сознаваться. „А дѣлиться оставь“, говоритъ, напр., парень въ разсказѣ „Изъ обѣтованной земли“, „чья сила, та и нива. Вмѣстѣ жить,—богатъ будешь; а раздѣлишься—каждый запаршивѣетъ, захирѣетъ,—что-жъ, хорошо? Да у насъ мужики этимъ не занимаются, дружно живутъ. Это только бабы другой разъ замутятъ“ (42).

И хотя автору становится при этомъ жутко и „отъ безмолвныхъ полей, и отъ этихъ далекихъ, спокойныхъ, безпощадныхъ боровъ, но едва ли больше, чѣмъ и отъ своеобразной, мрачной поэзіи завода, этихъ нечеловѣческихъ условій заводской работы и самого характера труда, скучнаго, непривлекательнаго, который въ самомъ себѣ не можетъ дать удовлетворенія и счастья (120)—„Въ одиночку“. Во всякомъ случаѣ передъ нами здѣсь на лицо одинъ фактъ, съ которымъ надо считаться. Это простое резюмированье голоса народа въ словахъ переселенца. „Вотъ и иди на сторону. А что же намъ на сторонѣ мотаться? Мы—природные мужики“ (163) („Въ пути“). Вся горечь, накопившаяся въ душѣ крестьянина противъ этого невольнаго „мотанія“, противъ отлета на сторону, этого горя, которое причинило оно простому укладу деревенской жизни, отражается въ разсказѣ этого старика. Въ ужасающей простотѣ рисуетъ онъ передъ нами трагизмъ молодой загубленной жизни своей дочери, вышедшей за человѣка „въ отлетѣ“, и представляющаго собою типъ, нерѣдкій на этой переходной ступени,—звѣря въ человѣческомъ образѣ. Онъ изломалъ, исковеркалъ всю ея жизнь и въ результатѣ замучилъ ее. И какъ трогательны послѣ этого слова старика отца, вынесшаго такое тяжелое горе: „Вотъ еще дочка у меня! Пущай же она за природнаго мужика идетъ, чтобы земледѣльствомъ занимался настоящимъ,—продолжалъ онъ смѣясь, и голосъ его дрожалъ отъ слезъ. Не то, какъ у насъ: старикъ съ бабой да съ малымъ вокругъ земли ковыряются, а люди всѣ въ отлетѣ. Будетъ онъ учить ее по хорошему, по справедливому, а не зря. Дочка, хочешь за мужика замужъ?—Хочу,—отвѣчала дѣвочка, потупившись“. („Въ пути“ 165).

Подобныя картинки ясно говорятъ сами за себя и какъ ни пессимистиченъ взглядъ на нихъ автора, какъ ни много тьмы и вѣковой неладицы предстаетъ въ нихъ, все-таки чувствуется въ нихъ и дыханіе свѣжаго воздуха, все-таки здѣсь небо шире, звѣзды ярче, человѣческая личность свободнѣе, надежды на свѣтлое будущее больше. Самъ г. Вересаевъ видимо склоняется къ

такому выводу и, впадая всегда въ мрачный тонъ при окончаніи каждаго изъ этихъ разсказовъ, говоря здѣсь о „сумрачности", о „надеждѣ", о непонятности" для него окружающаго, онъ не приходитъ къ такимъ безнадежнымъ заключеніямъ, какъ при описаніи того, что въ извѣстной степени расшатало гармонію народной жизни, ничего почти не давъ ей взамѣнъ. „Да неужели нѣтъ границы человѣческой приспособляемости"? спрашиваетъ самъ себя авторъ, глядя на мрачную поэзію завода, на подчиненныхъ ему „блѣдныхъ", узкогрудыхъ людей, вмѣсто воздуха дышащихъ дымомъ". Говоря, что такъ пойдетъ и дальше, что предотвратить это невозможно, В. Вересаевъ отступаетъ отъ своей художественной задачи и, по обыкновенію, вдается въ тенденцію.

Но намъ важна картина сама по себѣ, а не выводы; даже для людей теоріи выводы въ кипучій жизнью моментъ могутъ быть скороспѣлыми,—а для художника тѣмъ болѣе: онъ отмѣчаетъ вѣдь только процессъ жизни, еще не закончившійся, который можетъ повернуть въ какую угодно сторону.

То же, что уже можетъ вылиться въ теорію—дѣло мысли научной, а не художественной, которая, владѣя тѣмъ, что еще не можетъ уложиться въ формулу, лишь подготовляетъ ее, собираетъ данныя для итога. А г. Вересаевъ старается подвести итогъ послѣ каждой отдѣльной картинки. Не говоря уже о нѣкоторой произвольности въ каждомъ такомъ случаѣ, это ослабляетъ впечатлѣніе отъ художественныхъ образовъ, даваемыхъ намъ авторомъ, и вредитъ ему самому, какъ писателю. Въ этомъ сказывается обычное у молодыхъ авторовъ неумѣнье пользоваться художественнымн пріемами, невыработанность художественнаго чутья во внѣшней обработкѣ. Вообще писателю художнику, желающему придать своему произведенію большую силу впечатлѣнія, слѣдуетъ прятаться за своею картиною и не напоминать читателю о своей личности; только тогда получится необходимая въ данномъ случаѣ иллюзія, и выиграетъ художественность самаго произведенія. Такъ, особенно не у мѣста напоминаніе автора о своемъ лицѣ, въ самомъ лучшемъ по силѣ и художественности разсказѣ II тома „Конецъ Андрея Ивановича". Двѣ послѣднія строчки, приклеенныя здѣсь авторомъ, совершенно излишни и заканчиваютъ разсказъ какимъ-то диссонансомъ, рѣжущимъ ухо.

Возвращаясь къ разсказамъ, касающимся прямо или косвенно деревни, мы не можемъ не замѣтить умѣнья В. Вересаева пользоваться свѣтовыми эфектами для усиленія впечатлѣнія, передачи ему желаемаго тона. Такъ, въ разсказѣ „За права", гдѣ дѣйствительно передъ нами какое-то сумасбродство, что-то душное и гнилое, авторъ заканчиваетъ все слѣдующей картиной: „На болотистыхъ полянахъ по кочкамъ и межъ корявыхъ осинокъ стлался мутный туманъ. Далеко на верху синѣло небо, горячее и яркое, а тутъ кругомъ ползли въ воздухѣ струйки гнилаго холода, и землю давила душная, тяжелая сырость" (77); или—какъ мѣтко самое заглавіе другого разсказа „Въ сухомъ туманѣ". Здѣсь говорится о томъ, какъ люди ѣдутъ во время страшной жары, сухимъ туманомъ идущей по равнинамъ, и разсказываютъ о жизни, изсушающей душу, гнетущей ее, жизни безъ личныхъ радостей, въ одной лишь борьбѣ изъ-за куска хлѣба. Прекрасны и сравненія Доньки, сидящей въ сумракѣ лѣтняго вечера на пригоркѣ и разсказывающей о „курдушахъ", водящихся въ амбарѣ дернопольскаго лавочника, съ задумчивой и серьезной Сказкой.

Художественный образъ самой Доньки выигрываетъ при этомъ сравненіи, принимая тѣ линіи и краски, которыя придаютъ ему полноту жизни и яснѣе очерчиваютъ

его характеръ, или—какъ оттѣняетъ впечатлѣніе, какую полноту придаютъ ему, напр., нѣсколько строчекъ въ разсказѣ „На холоду", гдѣ авторъ говоритъ о голодающихъ: „Разорванныя, клочковатыя тучи бѣжали по болѣзненно блѣдному небу; напѣвъ грузчиковъ звучалъ какимъ-то надсадомъ, и все вокругъ смотрѣло такъ вяло и безнадежно" (155).

Живы и хороши у Вересаева и впечатлѣнія по контрасту.

Такъ, въ „Лизарѣ" послѣ проповѣди „царя природы" о собственномъ сокращеніи передается охватившая автора, бьющая черезъ край жизнь природы. „Ото-всюду,—говоритъ онъ,—плыла такая масса звуковъ, что, казалось, имъ было тѣсно въ воздухѣ". И далѣе: „Все жило безъ удержу, съ непоколебимымъ сознаніемъ законности и правоты своего существованія. Хороша жизнь! Жить, только жить, жить широкою, полною жизнью, не бояться ея, не ломать и не отрицать себя, — въ этомъ была та великая тайна, которую такъ радостно и властно раскрывала природа" (181). Да, великая тайна — не ломать и не отрицать себя, а именно этого-то и добивается Серегинъ, и напрасно упрекаетъ его авторъ. Хороша и картина чистаго тихаго неба съ яркими звѣздами и заволакивающимъ ихъ туманомъ, въ контрастъ къ міру огня, смраднаго дыма и грохота.

Другой міръ предстаетъ передъ нами въ разсказѣ „Конецъ Андрея Ивановича" заканчивающемъ II томъ соч. В. Вересаева.

Типъ Андрея Ивановича, этого идеалиста рабочаго, вѣрящаго въ дружбу, цѣнящаго достоинство человѣческой личности, но попирающаго ее въ близкихъ ему людяхъ,—женѣ и дочери,—обрисованъ яркими и живыми штрихами. Подъемъ души, уже значительно опустившейся отъ накопившейся на ней грязи жизни, у Андрея, Ивановича значительно меньше, чѣмъ у Никиты („Въ степи"): тому чтобы уйти отъ мелкихъ и злобныхъ дрязгъ, надо разсказъ о подвигахъ угодниковъ, поднимающій душу въ высь,—Андрею Ивановичу достаточно для этого атмосферы „Сербіи", въ которой онъ видитъ волю и просторъ, гдѣ проявляется и товарищеское чувство его. (Надо отдать справедливость, что они проявляются не только въ „Сербіи": Андрей Ивановичъ, по словамъ автора, всегда радъ былъ помочь товарищу въ бѣдѣ). Когда же онъ переставалъ пить,—говоритъ авторъ,—„въ свободное отъ работы время его охватывала тупая, гнетущая тоска, какіе-то несознанные вопросы поднимались въ душѣ, куда-то тянуло, но онъ не зналъ куда, и жизнь казалась глупой и скучной. Александра Михайловна (его жена) и Зина (дочь) боялись такого настроенія Андрея Ивановича, потому что онъ въ такія минуты прямо сатанѣлъ, и отъ него не было житья". (238). У него нѣтъ ничего, что могло бы быть „святая святыхъ" личности, на что можно было бы опереться: все шатко, все рушится и при своемъ паденіи ломаетъ человѣческую личность. Вѣра въ товарищество одна спасаетъ А. И., и когда она потеряна, вмѣстѣ съ ней рушится и послѣдній устой,—А. И. не выдерживаетъ. Его смерть отъ чахотки этимъ несомнѣнно ускоряется, и кто знаетъ, не лучшій-ли это для него исходъ.

Вообще надо сказать, что распредѣленіе разсказовъ г. Вересаева имѣетъ внутреннюю систематичность, и предыдущія картины изображаемой имъ жизни мало по малу какъ бы вели насъ къ концу А. И. Разрушеніе уклада народной жизни уже несло съ собой ту нравственную раздвоенность, которая въ данномъ случаѣ проявилась вполнѣ со всѣми своими послѣдствіями. Тоска и одиночество мучитъ и гнететъ А. И. Оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ такихъ же одиночекъ, какъ и онъ самъ: „вездѣ кругомъ заводы, фабрики, мастерскія безъ числа; въ

нихъ работаютъ десятки тысячъ людей: и всѣ эти люди живутъ лишь одною мыслью, одною цѣлью,—побольше заработать себѣ, и нѣтъ имъ заботы до всѣхъ, кто кругомъ, (286), думаетъ А. И.—Здѣсь В. Вересаевъ близко подходитъ къ темѣ, прекрасно разработанной въ произведеніяхъ г. Андреева—о нравственной обособленности личности и ея духовномъ одиночествѣ. Психологически вѣрно схвачена здѣсь и безсильная ненависть больного и оскорбленнаго А. И. къ здоровому и оскорбившему его Ляхову, въ которомъ для него воплотилось все товарищество, такъ жестоко обманувшее А. И. въ его вѣрѣ. Характерна для изстрадавшагося, измученнаго человѣка и эта вѣра въ то, что „придетъ большое счастье, въ которомъ будетъ и борьба, и просторъ" (215), потерю этой вѣры онъ сознаетъ только наканунѣ смерти, такъ неосторожно раскрытой ему врачемъ въ скорбномъ листкѣ. Характерна для А. И. и Барсукова и страстная погоня за смысломъ жизни. Въ ней они уже смутно чувствуютъ ту единственную нить, которая можетъ привязать ихъ къ великому цѣлому.

Не уступаетъ по силѣ реальнаго изображенія „Концу А. И." и продолженіе этого разсказа въ ж. „Міръ Божій" подъ заглавіемъ „Честнымъ путемъ",—но одиночество и разобщенность здѣсь взяты исключительно въ женской средѣ. Каждый бьется въ одиночку въ своей маленькой клѣткѣ, самое слово — товарищество—звучитъ здѣсь дико. Ужасныя условія жизни работницъ и произволъ, царящій надъ ними, рисуются здѣсь яркими красками.

Всѣ эти разсказы помѣщены во 2 томѣ и находятся какъ бы въ центрѣ творчества В. Вересаева. Въ нихъ, какъ мы видѣли, В. Вересаевъ касается чисто народной среды, и мы должны отдать справедливость ихъ автору: нигдѣ не было извращенія фактовъ, всѣ они жизненны, правдивы, и даже освѣщеніе ихъ, въ которомъ сказывается субъективизмъ автора, не накладываетъ на нихъ произвольнаго отпечатка, а остается лишь внѣшней надбавкой, которая хотя и мѣшаетъ художественности произведенія, но, не врѣзываясь въ ихъ глубь, всегда оставляетъ возможность и самому неопытному читателю разобраться въ нихъ вполнѣ самостоятельно.

Для существованія этого условія требуется нѣкоторая художественная мягкость, которая именно и есть у г. Вересаева. Недаромъ г. Протопоповъ *) назвалъ его „уклончивымъ" талантомъ. Отбросивъ въ сторону иронію, съ которой это было сказано, мы замѣтимъ, что для художника, приступающаго къ своему творчеству съ извѣстными предвзятыми тенденціями, это не порицаніе, а заслуга. Въ эпоху „безвременья", какъ единогласно она названа, необходимы именно уклончивые въ этомъ смыслѣ, художественные таланты, если не прямо „ищущіе", такъ какъ они собираютъ матерьялы для широкаго всезахватывающаго синтеза, съ которымъ только и возможно выйти изъ „безвременья" на опредѣленную дорогу. В. Вересаевъ отнесся къ этому въ своемъ творчествѣ вполнѣ сознательно и тамъ, гдѣ онъ касается класса интеллигенціи, который благодаря занимаемому имъ положенію въ духовномъ развитіи, долженъ сыграть наиболѣе активную роль подведенія итога—онъ болѣе всего уклоняется отъ какихъ либо выводовъ. Передъ нами въ данномъ случаѣ одно исканіе путей, одно томленіе за устоями, за давно потерянной вѣрой во что бы то ни было, полная расшатанность общественныхъ идеаловъ и нравственная раздвоенность личности, оставшейся одинъ на одинъ съ собственнымъ банкротствомъ.

Къ сожалѣнію, г. Вересаеву, при его искренности, придающей какую-то теплоту его разсказамъ, не до-

*) „Русская Мысль".

стаетъ экспрессіи. Порою слишкомъ мягкіе тона совершенно блѣднѣютъ, и внутренній трагизмъ развертывающейся картины заглаживается этимъ блѣднымъ мазкомъ и тихо замираетъ въ отдаленіи, какъ надорванная, недотянувшая тона струна. Вотъ почему, намъ кажется, произведенія г. Вересаева не даютъ того сильнаго впечатлѣнія, какого слѣдовало бы ожидать отъ самой сути его разсказовъ. Онъ, дѣйствительно, не „барабанщикъ", какъ самъ и сознается устами Осокина („На эстрадѣ"), а только одинъ изъ наиболѣе сильныхъ, но заглушаемыхъ повседневнымъ шумомъ—голосовъ жизни. Во всякомъ случаѣ уже I томъ разсказовъ Вересаева былъ встрѣченъ горячимъ вниманіемъ со стороны критики: онъ затрагивалъ слишкомъ жгучіе для того времени вопросы.

Знамя, утерянное-ли, добровольно-ли оставленное, оказалось позади; люди шли впередъ съ завязанными глазами, стыдясь своего безсилія и замкнувшись въ своемъ „я", съ готовностью поднять его знамя на мѣстѣ упавшаго. Такъ замкнуты въ себѣ и такъ стыдятся своего банкротства, какъ банкротства каждой отдѣльной личности,—товарищи въ Слесаркѣ.

Передъ нами такимъ образомъ рядъ одиночекъ, борющихся, колеблющихся, сомнѣвающихся, но продѣлывающихъ все это въ своемъ замкнутомъ, личномъ мірке, который между тѣмъ теряетъ цѣльность и все болѣе раздваивается; вмѣстѣ съ этимъ теряется послѣдняя точка опоры въ самомъ себѣ. Такая раздвоенность, какъ характерная черта данной эпохи общественной жизни, предстаетъ передъ нами въ „Порывѣ". Здѣсь два конца разорванной цѣпи - семейной и общественной жизни. Замкнутая въ свою скорлупу, отдѣленная отъ общей жизни цѣлымъ рядомъ обязанностей внутри себя, жизнь семейная часто только извнѣ поддерживаетъ свои связи съ остальнымъ міромъ. „Порывъ" наталкивается на эту пропасть, раздѣлившую жизнь, и въ результатѣ: „одиночество полнѣе того, въ которомъ я находился,—говоритъ герой „Порыва",—трудно себѣ представить. Не только всѣ кругомъ,—собственное мое сознаніе было противъ меня, только слабый голосъ въ глубинѣ моей души поддерживалъ меня,—но онъ былъ такъ слабъ, что я съ трудомъ могъ его разслышать".

Передъ нами въ данномъ случаѣ иллюстрація всего историческаго процесса въ суженныхъ размѣрахъ одной жизни, воспринявшей все въ уже готовыхъ формахъ. И какъ характерны слова отца героя, порывающагося проявить свою любовь къ людямъ — спасти утопающихъ: „Оставь, братъ, это, сдѣлай милость! И безъ тебя тамъ все прекрасно обойдется" (43). Развѣ не говорилъ себѣ этого каждый изъ насъ во многихъ случаяхъ общественной жизни послѣ 70-хъ годовъ, разъ извѣрившись въ своихъ силахъ? Признаніе историческаго хода вещей снимало всякую отвѣтственность съ личности, какъ общественной единицы но тяжесть одиночества оказалась, не по силамъ ей,—она хотя и вѣрила, что и безъ нея все „прекрасно обойдется", не могла обойтись сама безъ этого всего, безъ активнаго участія въ томъ, что только и можетъ называться жизнью.

Здѣсь не только разладъ между отцами и дѣтьми, какъ разсмотрѣли это нѣкоторые критики, но и разладъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, разладъ между двумя неравными частями одного великаго цѣлаго—общества и семьи, и, наконецъ, разладъ личности въ самой себѣ. „Эта борьба,—говоритъ Митя (герой „Порыва"),—за нѣчто смутное, самому мнѣ непонятное стала для меня вопросомъ всего моего существованія" (67). Да такъ оно и должно было быть: здѣсь борьба шла не только за право отклика на чужія страданія, какъ резюмировалъ это самъ герой,

но и вообще за право единенія личности съ общимъ и эмансипаціи ея отъ узкихъ семейныхъ рамокъ. Въ настоящее время личность такъ срослась съ своей скорлупой—семьей, что, порываясь выйти изъ нея, она сплошь и рядомъ, заставляя страдать близкихъ, страдаетъ и сама. И это будетъ, намъ кажется, продолжаться до тѣхъ поръ, пока общественность не пробьетъ этой скорлупы, не вольется въ нее широкой благотворной струей, захвативъ всѣ ея силы и скрѣпивъ ихъ въ одно великое общее.

Пустота и пошлость внутренняго содержанія и неодолимо тянувшіе къ себѣ общественные запросы—вотъ тотъ обыденный багажъ современной личности, который мы видимъ и въ „Прекрасной Еленѣ", и который даетъ нравственную раздвоенность своему носителю. Въ результатѣ,—какъ говоритъ герой разсказа „Безъ дороги": „Сидѣть въ своей раковинѣ, со страхомъ озираться вокругъ, видѣть опасность и сознавать, что единственное для тебя спасеніе — уничтожиться, уничтожиться тѣломъ, душой, всѣмъ, чтобы ничего отъ тебя не осталось... Можно-ли съ этимъ жить?" (95). А между тѣмъ, говоритъ тотъ же герой: „Время тяжелое, глухое и сумрачное со всѣхъ сторонъ охватывало меня, и я со страхомъ видѣлъ, что оно посягаетъ на самое для меня дорогое, — посягаетъ на мое міросозерцаніе, на всю мою душевную жизнь". Страхъ за это „мое", какъ и предыдущая тирада, показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ представителемъ индивидуализма; но дальнѣйшія его слова о гартмановскомъ „безсознательномъ" и бѣгствѣ отъ него показываютъ, что герой примыкалъ къ наиболѣе слабой вѣтви этого движенія, почти съ первыхъ же шаговъ сведшаго самый индивидуализмъ на смарку.

Рядомъ съ подобнаго рода направленіемъ въ жизни шло и другое: обоготвореніе личности, ницшеанскій „сверхчеловѣкъ", т. е., говоря проще, личность не устыдилась потери общественнаго знамени, не винила въ этомъ себя, а признавъ все случившееся за фактъ, отправилась въ поиски за санкціей самоутвержденія. Между „невидимымъ" и „сверхчеловѣкомъ" шло еще срединное теченіе, котораго преимущественно и коснулся въ своихъ произведеніяхъ г. Вересаевъ, и которое, исходя изъ индивидуализма, въ своемъ конечномъ результатѣ сдѣлало шагъ за его черту. Здѣсь въ потерѣ общественнаго знамени личность усмотрѣла собственное банкротство, устыдилась этого и постаралась поскорѣе скрыться подъ какую-нибудь „шапку-невидимку" какъ отъ зоркаго взгляда сторонняго теоретика, такъ и отъ своего собственнаго, еще болѣе строгаго, чѣмъ чужой. Эта „шапка-невидимка" для многихъ, какъ и для Чеканова *), всегда была наготовѣ. Заключалась она въ превращеніи живого человѣка въ работающую машину. „Этого мнѣ и нужно было",—говоритъ Чекановъ, когда ему досталась тяжелая работа земскаго врача: „всѣмъ существомъ отдаться дѣлу, наркотизироваться имъ, совершенно забыть себя, — вотъ была моя цѣль". (97).

Докторъ Чекановъ — это прототипъ всѣхъ слабыхъ душою людей „безвременья". Боязнь потерять свое міросозерцаніе, которое зиждется для нихъ на готовыхъ уже, добытыхъ другими, формулахъ, боязнь самостоятельной работы надъ собой, которая такъ дорога для сильныхъ душою людей, хотя бы она сопрягалась даже съ нравственной ломкой—особенно характерны для Чеканова. Постепенно превращаясь въ работающую машину для того, чтобы уйти отъ себя самого, онъ чувствуетъ, какъ безнадежная пустота раскрывается передъ нимъ все болѣе и болѣе. Онъ съ радостью готовъ „пойти

*) Герой „Безъ дороги".

на жертву", потому что въ сердцѣ „пусто и мертво", въ немъ живетъ только одна потребность—„уничтожиться". Случай для этого скоро представляется: онъ идетъ въ самый опасный холерный пунктъ; при распространеніи эпидеміи его избиваютъ облагодѣтельствованные имъ, въ смыслѣ леченія, крестьяне. Подумаешь, какое звѣрство!

Но намъ кажется, что не трудно содрогнуться при другой картинѣ,— когда этотъ пай-мальчикъ Чекановъ позволяетъ распространяться заразѣ, изъ вѣжливости не дезинфецировавъ жилище перваго холернаго въ деревнѣ, уступая его невѣжественному требованію и подвергая изъ-за этого опасности сотни человѣческихъ жизней. „Вы будете виноваты, если кто еще заболѣетъ", ограничивается онъ замѣчаніемъ Черкасову, воображая, что тотъ сейчасъ повѣритъ доктору, противъ котораго вооружено все населеніе. Въ общемъ предъ нами въ лицѣ Чеканова—жалкій типъ человѣка, привыкшаго находиться въ толпѣ „подъ знаменемъ" и неспособнаго ни на новые поиски его, ни на то, чтобы идти самостоятельнымъ путемъ.

Понятно, что ему приходится повторять только зады, вернуться къ жалобамъ семидесятниковъ объ отдаленности отъ народа, о томъ, что насъ ничто не связываетъ съ нимъ, не двигая пальцемъ для того, чтобы найти эту связь. Вѣдь, нельзя назвать поисками его земскую дѣятельность, въ которой Чекановъ, какъ говоритъ г. Протопоповъ, „лишь выноситъ впечатлѣнія, разноситъ убѣжденія и все это записываетъ въ свою тетрадку". Даже жертва, приносимая имъ, по его собственному сознанію, „безсмысленна, никому не нужна, ничего, кромѣ того, что народъ можетъ въ ожесточеніи избивать врачей, она сама по себѣ не сказала. Только самому герою она дала маленькое утѣшеніе: ему показалось тогда, что онъ дѣйствительно любитъ народъ.

Въ сущности, происходящій здѣсь процессъ отъ слова „народъ" какъ „рѣжущаго ухо", до любви къ нему, психологически вѣренъ и понятенъ: слабые душею люди, неспособные ни на что самостоятельное, любятъ быть жертвами чего бы то ни было. Это очень красиво, а главное, снимаетъ всякую отвѣтственность, и то, что даетъ возможность быть жертвой, привлекаетъ къ себѣ. Пока народъ поворачивается къ Чеканову спиной и не желалъ его „жертвы" *), онъ ненавидѣлъ его, а когда ему удалось наконецъ навязать народу эту жертву, дѣло измѣнилось. Словомъ, Чекановъ—это пассивная натура съ жалкими потугами на активность, съ громкими, избитыми фразами и внутренней пустотой, и, читая его дневникъ, досадно за автора, склоннаго, кажется, идеализировать своего героя. Какъ яркая и живая противоположность Чеканову — это типъ Гаврилова, введеннаго сюда эпизодически, влагающаго душу въ свое дѣло,

„Бездорожье" смѣнило повѣтріе, и авторъ отражаетъ его въ небольшой картинкѣ споровъ студента Даева, Киселева, устроителя артели, и той же Наташи, что и въ повѣсти „Безъ дороги". Эти разговоры, которые критики г. Вересаева (Н. К. Михайловскій и В. Боцяновскій) совѣтывали перенести въ вольно-экономическія собранія, характерны именно, намъ кажется, по мѣсту, гдѣ они происходятъ. „Повѣтріе" разнеслось далеко и дало возможность закрыть глаза на то, что происходитъ вокругъ. „Историческая необходимость", проповѣдываемая Даевымъ, такой благородной предлогъ очистить свою совѣсть отъ виновности въ „томной" жизни тысячей Капитоновъ, „пріѣдавшихъ къ Фи-

---

*) Прекрасно замѣтилъ по поводу этого г. Протопоповъ: „Русскій народъ—народъ дѣловитый, своихъ жалѣльщиковъ и плакальщиковъ онъ не любитъ или по крайней мѣрѣ относится къ нимъ, какъ къ „блажененькимъ". („Русск. Мысль").

липпову дню „хлѣбушко“ (265), которымъ остается въ этомъ случаѣ жить, какъ „хошь“. Я вижу только одно, господа,—говоритъ имъ Киселевъ, — „вы не любите человѣка и не вѣрите въ него“ (242); и въ этомъ была глубокая правда. Но „вывариванье въ фабричномъ котлѣ живой человѣческой души съ ея правомъ на независимую жизнь было только „одичаніемъ безвременья“, какъ мѣтко выразился Сергѣй Александровичъ въ „Повѣтріи“. и возвратъ къ нерѣшенной, оставленной на полпути задачѣ сталъ неминуемъ. „Для Васъ, —говоритъ людямъ этой партіи Киселевъ,—кустарь, мужикъ, фабричный — все это отвлеченныя понятія, а между тѣмъ они—люди, живые люди, съ кровью, нервами и мозгомъ“.

„Они тоже страдаютъ, радаются, имъ тоже хочется ѣсть, не глядя на то, разрѣшитъ ли имъ это историческій ходъ вещей“. Въ этомъ случаѣ вполнѣ правъ Сергѣй Александровичъ, когда онъ на вопросъ Наташи,—„какимъ же путемъ пойдетъ развитіе Россіи“? отвѣчаетъ: „Жизнь сложнѣе всякихъ схемъ, и никто относящійся къ ней сколько-нибудь добросовѣстно не возьмется вамъ отвѣчать“ (258). Въ этихъ же словахъ слышится и голосъ самого автора, вдумчиво относящагося къ происходящему вокругъ. Онъ самъ еще ни на чемъ не остановился, самъ еще напряженно ищетъ и мучится, не находя. Порою проскальзываютъ попытки придти хоть къ чему нибудь, но благодаря добросовѣстности В. Вересаева, какъ человѣка „ищущаго“, онъ не можетъ успокоиться на разъ найденномъ. Это ведетъ къ упреку со стороны его критика, г. Протопопова, въ неустойчивости убѣжденій, которой онъ не прощаетъ ему. Такъ, съ одной стороны марксизмъ является у г. Вересаева „доктринерскимъ ученіемъ“ („Повѣтріе“), съ другой—превозносится его жизненность, въ ущербъ „пресловутому“ народничеству (въ „Поворотѣ“).

Подобныя попытки къ синтезу, еще очевидно не созрѣвшему для жизни, вводятъ въ заблужденіе и критиковъ, и читателей, и, намъ кажется, мѣшаютъ самому автору выйти на дорогу.—Оставивъ въ творчествѣ г. Вересаева все то, что касается его лично, мы видимъ въ его произведеніяхъ довольно живо намѣченную картину современныхъ теченій, по которымъ можно отчасти прослѣдить ихъ развитіе. Такъ, послѣ „Мертвой дороги“, безсильнаго преклоненія передъ цѣльностью народной психики и признанія своей непригодности стать его вожакомъ, мы очутились „безъ дороги“, не зная куда идти, куда нести свои силы, которыя мы не сумѣли приложить здѣсь. И вотъ въ нашемъ скитаніи насъ охватило „повѣтріе“ съ его знаменитымъ „историческимъ ходомъ вещей“.

Быстро налетѣло оно, но такъ-же быстро и затихло. Теперь наступилъ „поворотъ“. По мнѣнію г. Боцановскаго, повѣсть В. Вересаева „На поворотѣ“ является иллюстраціей къ „Проблемамъ идеализма“. Но намъ кажется, что г. Вересаевъ въ своей повѣсти захватилъ болѣе широкую картину: „Проблемы идеализма“, какъ ни какъ, дѣло рукъ одной партіи, а г. Вересаевъ захватываетъ въ своемъ произведеніи и марксизмъ, и поворотъ къ идеализму, и ницшеанство, и банкротство индивидуализма. Все это идетъ рядомъ и въ жизни, образуя ту путаницу, которая является характернымъ признакомъ каждой переходной эпохи.

Почти въ концѣ процесса, признающаго силу за „историческимъ ходомъ вещей“, въ жизни шло и развитіе индивидуализма, признающаго только свое „я“, доводя это признаніе до обоготворенія его въ „сверхчеловѣкѣ“. „Я хочу идти полнымъ шагомъ“, говоритъ, напр., Таня, эта наиболѣе сильная индивидуа-

листка во всей повѣсти, „и плевать мнѣ на все и на всѣхъ“! Кто отстанетъ догоняй, а этакъ, какъ начнутъ всѣ одинъ къ другому приноравливаться, то всѣ и будутъ топтаться на мѣстѣ“. Точно такъ же и для Сергѣя дорога лишь самодовлѣющая личность: „въ сосѣдствѣ съ долгомъ самъ воздухъ начинаетъ скисаться и пахнуть плѣсенью“ (129). Идеалъ дѣятельности индивидуалистовъ, что намъ особенно важно, характеризуется Сергѣемъ, какъ „дѣятельность *изъ себя*, свободно и безъ надсада, не ломая и не насилуя своихъ склонностей“.

Только тогда по его мнѣнію настала-бы настоящая жизнь. Мы не можемъ не замѣтить, что въ этомъ идеалѣ дѣятельности самодовлѣющей личности намѣчается уже и тотъ цѣнный вкладъ, который внесъ индивидуализмъ въ общее теченіе жизни, такъ какъ только личность, не насилующая себя, способна создать живую общественность. Но личность здѣсь при своей обособленности наталкивается на одинъ страшный вопросъ. Такъ, Токаревъ, вспоминая сцену изъ ибсеновскаго Гонта, отвѣчающаго на вопросъ Великаго Горбуна — „кто ты“ — „я я самъ“, спрашиваетъ себя: „можешь-ли и ты сказать это про себя“? Въ повѣсти онъ прямо не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, но отвѣтъ ясно само собою вытекаетъ изъ всего нравственнаго облика Токарева: лишенная всякихъ устоевъ, раздвоенная въ себѣ личность, онъ не знаетъ, кто онъ, — въ этомъ заключаются всѣ его мученія.

Посмотрите, напр., каковъ онъ въ этой маленькой сценкѣ, когда ему единственный разъ во всей повѣсти приходится проявить себя активно — въ сценѣ съ бѣшенымъ Никаноромъ. Одна половинка его души безъ всякаго сомнѣнія тянетъ его на помощь любимой имъ и готовой пожертвовать собою Варварѣ Васильевнѣ (которая идетъ напоить больного), сознавая всю человѣчность такого поступка, другая—блѣднѣетъ при одной мысли объ опасности. Характерно и отношеніе Токарева къ Танѣ, этой цѣльной натурѣ: онъ и ненавидитъ ее порою, и завидуетъ ей втихомолку, и радуется за нее, какъ братъ. Замѣчая начало раздвоенности въ Сергѣѣ, онъ радуется вдругъ найденнымъ отголоскамъ и спѣшитъ довести дѣло до конца въ разговорѣ послѣ смерти Варвары Васильевны.

Та тоже является нравственно раздвоенною личностью (недаромъ Токарева тянуло къ ней): „Нѣтъ желанія отдать себя всю цѣликомъ, хотя вовсе собою не дорожишь, нѣтъ ничего, что дѣйствительно серьезно бы захватывало, во что готова была-бы вложить свою душу“, признается она въ отчаяніи Токареву,—„и я... я не люблю людей и ничего не люблю“!—говоритъ она съ отчаяніемъ. Здѣсь та страшная пустота, которая открылась вдругъ въ развитіи индивидуализма и провела черту, знаменующую его банкротство. Сама Варвара В. вполнѣ сознательно относится къ этому: „Я вижу,—говоритъ она,—что во мнѣ исчезаетъ что-то страшно-нужное, безъ чего нельзя жить“ (196), и она уходитъ отъ жизни.

То же самое собирается сдѣлать и Токаревъ, но у него не хватаетъ силъ на это. „Мы съ вами“, говоритъ онъ Сергѣю, „мы одинаково слишкомъ бѣдны и больны душой, чтобы расплатиться съ громадными требованіями нашего разума... Есть другіе люди, здоровые и сильные, люди нутра, ихъ можно убить, но невозможно расколоть на двое, для нихъ мысль, тѣмъ самымъ что она мысль, есть въ то же время и дѣйствіе“...

И рядомъ съ вѣрой въ этихъ людей, идущихъ на смѣну, у нравственно раздвоенной личности проглядываетъ и вѣра въ „невѣдомую силу, въ ту единую, общую жизнь“, которой необходимость они такъ живо чувствуютъ. Шеметовъ намѣ-

чаетъ уже и ходъ къ ней въ стихійности, которая ему „только и дорога". Самый главный вопросъ онъ видитъ въ томъ, какъ къ ней примкнуть. „А вы,—обращается онъ къ одинокимъ, обособившимся личностямъ интеллигентовъ,—вы кучка гарцующихъ и будете себѣ гарцовать, пока, совершенно независимо отъ васъ, къ вамъ подойдутъ тѣ. Вы сколько ужъ времени — 30-40 лѣтъ гарцуете"? — „Мягкая снисходительность съ высоты своей теоретическаго величія" и „холопское пресмыканіе" передъ „носителемъ", кто-бы онъ ни былъ —крестьянинъ или рабочій — вотъ характерная черта нашей интеллигенціи, отмѣченная въ повѣсти: „На поворотѣ" по отношенію къ рабочему Валуеву, попавшему въ общество интеллигентныхъ людей.

И личность интеллигента, подавленная самою-же собою, начинаетъ возмущаться противъ такого порядка вещей. „Въ концѣ концовъ", говоритъ интеллигентъ устами Сергѣя,—я самъ по себѣ историческій фактъ. Я интеллигентъ; что-жъ такого? Я не желаю стыдиться этого, я желаю признать себя. Онъ хорошъ, я не спорю, я вѣрю въ него, уважаю его, но прежде всего я хочу вѣрить въ себя". Мы слышимъ уже здѣсь крикъ отчаянія не личности самой по себѣ, а личности, какъ общественной единицы, предъ которой раскрывается ея пустота. Банкротство личности и какъ „я" самодовлѣющаго, и какъ общественной единицы—совпало, явилось сомнѣніе въ правотѣ своей оторванности и обособленности. „Вотъ мы идемъ съ вами,—говоритъ, напр., Токарева,— „и неужели мы тутъ только двое во всемъ этомъ просторѣ, а кругомъ насъ лишь дрожаніе разныхъ молекулъ, колебаніе свѣтоваго эфира?"...

Въ общемъ въ повѣсти „На поворотѣ" авторъ вводитъ насъ въ самый центръ ключемъ бьющей молодой жизни, со всѣми ея идейными запросами. Всѣ типы хорошо выдержаны, за исключеніемъ Валуева, языкъ котораго вовсе не народенъ, а вложенныя въ его уста слова о „широкомъ умственномъ горизонтѣ" звучатъ шаржемъ, и приходить передъ ними въ умиленіе, какъ это хотя и поздно спохватился Сергѣй; было вовсе не отчего.

Въ тѣсной связи съ остальными произведеніями В. Вересаева находятся и посвященныя спеціально медицинскому міру его „Записки врача". Шумъ, вызванный ими въ печати, вполнѣ соотвѣтствовалъ ихъ содержанію: вопросы отвлеченнаго характера здѣсь переносились на практическую почву и требовали ихъ немедленнаго рѣшенія. Въ самомъ характерѣ перенесенія этихъ вопросовъ лежало то, что вызвало въ критикѣ рядъ недоразумѣній. Сторонніе наблюдатели смотрѣли на это, какъ на добросовѣстное раскрытіе всѣхъ ранъ своей профессіи принадлежащаго къ ней человѣка, заинтересованныя же въ этомъ лица—видѣли въ этомъ вынесеніе сора изъ избы или, въ лучшемъ случаѣ, медицинское верхоглядство писателя-художника.

Что касается насъ, то мы склоняемся къ мнѣнію проф. Сикорскаго, разсматривающаго „Записки врача" главнымъ образомъ, какъ художественное произведеніе, а не спеціальную статью, и намъ кажется, что г. Вересаевъ напрасно протестуетъ противъ этого въ своемъ „Отвѣтѣ критикамъ". Сухой матеріалъ, который порою разбирается здѣсь, нисколько этому не противорѣчитъ: въ результатѣ все таки у насъ получается рядъ живыхъ картинъ изъ медицинской практики, освѣщенныхъ мыслью писателя-художника. Мученія совѣсти молодого, неопытнаго врача, принужденнаго взяться за дѣло, его первая практика, товарищи-врачи и, наконецъ, его больные съ различной индивидуальностью, мечты о будущемъ медицины, о томъ, чѣмъ она должна-бы быть—все это имѣетъ чисто-художественный интересъ.

Медикамъ „Записки врача“ могутъ сказать только то, что сказалъ чиновникамъ гоголевскій „Ревизоръ“:—это ихъ зеркало, признавать правильность или неправильность котораго зависитъ отъ нихъ. Для спеціальной теоретической работы здѣсь не достаетъ очень крупнаго: устойчивости и опредѣленнаго отношенія къ разсматриваемому предмету. Что-же касается слова „художество“, то опять—таки оно напрасно смущаетъ г. Вересаева, понимающаго очевидно подъ нимъ „чистое искусство“, вымыселъ, фантазію.

Правда, проф. Сикорскій при опредѣленіи „Записокъ врача“, какъ художественнаго произведенія имѣлъ въ виду именно это послѣднее; но тогда г. Вересаеву слѣдуетъ протестовать противъ такого пониманія слова „художество,“ а не противъ самаго причисленія къ нему „Записокъ врача“. Вѣдь, именно эта сторона и дала имъ возможность пройти не въ „Медицинское обозрѣніе,“ а въ широкую публику, и она вовсе не исключаетъ ихъ правдивости и важности поднимаемыхъ ими вопросовъ, скорѣе наоборотъ: художественность, придавая имъ полноту жизни, ярче очерчиваетъ ихъ. Другое дѣло—насколько раціонально поднимать такого рода вопросы въ нашей широкой публикѣ.

Намъ кажется, что большая часть больныхъ, особенно мнительныхъ больныхъ, прочитавъ „Записки врача“, не особенно будетъ благодарна въ душѣ ихъ автору, хотя, это, конечно, не помѣшаетъ имъ оцѣнить добросовѣстность г. Вересаева, какъ врача, и даже восхищаться ею, такъ какъ они отнимаютъ у нихъ очень существенное и важное даже для ихъ здоровья (какъ признаетъ это и самъ г. Вересаевъ—204)—вѣру въ врача. Здѣсь необходимъ извѣстнаго рода гипнозъ, а сомнѣвающіеся уже не поддаются ему. Правда, ошибки врачей могутъ быть, конечно, извѣстны публикѣ и безъ г. Вересаева; но дѣло въ томъ, что не обобщенныя, онѣ не имѣютъ силы; когда же намъ доказываютъ ихъ неизбѣжность,—получается нѣчто другое. Смотрѣть правдѣ въ глаза иногда и больно, но всетаки надо смотрѣть, иначе умретъ у насъ все лучшее человѣческое. Но смотрѣть смерти въ глаза человѣчество еще не пріучилось и едва ли пріучится, такъ какъ это для него равняется самой смерти. Не будемъ-же настаивать на этомъ. Что касается восклицанія автора: „но пора уже и обществу перестать ждать, когда врачи, наконецъ, выйдутъ изъ собственнаго бездѣйствія, и принять собственныя мѣры къ огражденію своихъ членовъ отъ ревнителей науки, забывшихъ о различіи между людьми и морскими свинками“,—то, къ сожалѣнію, результаты въ данномъ случаѣ могутъ получиться самые печальные: разумно ограждать себя отъ того, чего не знаешь,—мудрено.

Съ художественной стороны намъ важна встрѣчаемыя и здѣсь нравственная раздвоенность, обезсиливающая личность. Вѣдь, несомнѣнно, что самъ герой „Записокъ“, котораго проф. Сикорскій причисляетъ къ недоразвившимся характерамъ, страдаетъ не такъ отъ этой „недоразвитости,“ какъ отъ нравственной расколотости, коренящейся быть можетъ въ этой-же „недоразвитости“. При операціи, производимой профессоромъ во время студенчества героя, онъ, напр., не только наблюдаетъ самую операцію, вслушивается въ замѣчанія профессора, но онъ наблюдаетъ его и свою психику; при посѣщеніи больныхъ онъ слѣдитъ и за взглядами ихъ родственниковъ, вникаетъ и въ ихъ психологію и отношеніе къ себѣ и т. п. Понятно, что это все страшно затрудняетъ самое дѣйствіе.

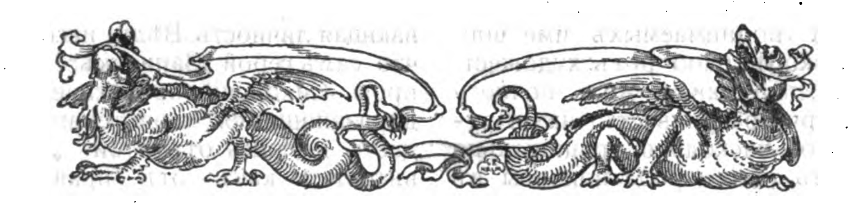
Но, съ другой стороны, эта нравственная расколотость, отнимая у личности послѣднія подпорки, коренящіяся было въ ея „я“, ведетъ

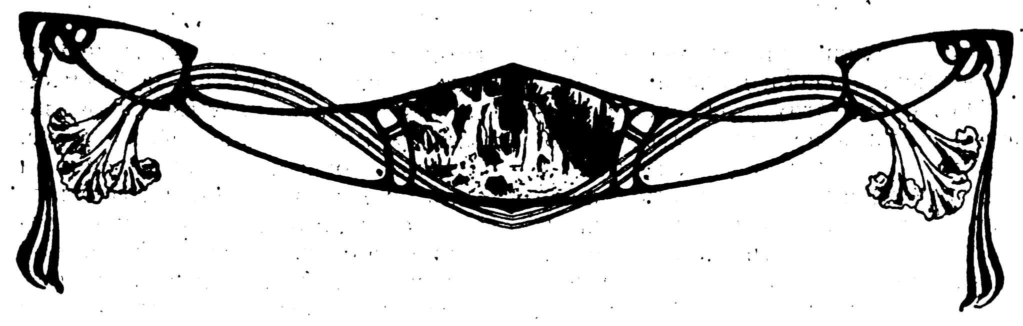
ее къ указанію выхода изъ такого положенія. „Этотъ единственный выходъ,—заканчиваетъ г. Вересаевъ свои „Записки врача,"—въ сознаніи, что мы лишь небольшая часть одного громаднаго неразъединимаго цѣлаго, что исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу, и успѣхъ". Къ такому же выводу приходитъ авторъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи, помѣщенномъ въ сб. „Знанія" (т. I): „Передъ завѣсой".

Въ немъ авторъ говоритъ намъ о томъ, какъ передъ нимъ распахнулась „невидимая завѣса" и „все кругомъ вдругъ одухотворилось, природа и люди слились въ единую жизнь, и огромная тайна почуялась въ этой общей, проникающей все жизни". (136)

Всѣ эти вопросы—„какъ можно принять настоящее во имя далекаго будущаго? Чѣмъ можетъ быть искуплено калѣченіе или гибель хоть одной жизни? Какъ не отчаяться, видя, что твоя свободная душа только тѣнь, бросаемая на землю не подвластною тебѣ жизнью?"—становятся „радостно понятными", потому что „нѣтъ ничего отдѣльнаго, нѣтъ прошедшаго и будущаго; все заключается въ каждомъ к каждое во всемъ... Да, здѣсь и только и здѣсь правда, потому что она даетъ душѣ жизнь". И авторъ говоритъ намъ о своемъ возвращеніи къ ней, этой тайнѣ жизни, но его „я" протестуетъ противъ своего подчиненія ей, требуетъ своихъ особыхъ правъ, и заканчиваетъ обращеннымъ къ себѣ призывомъ на борьбу. „Въ великой тайнѣ общей жизни оно видитъ свое собственное уничтоженіе и не желаетъ признавать его, но, быть можетъ, недалеко то время, когда, осмысливъ себя въ общемъ теченіи жизни, оно пойметъ, что только въ ней его сила".

Т. Ганжулевичъ.

Съ полей Манчжуріи.

(Письма корреспондента).

М. Волкова.

I.

Когда я начинаю писать эти строки, прошло уже болѣе года съ того времени, какъ на далекихъ берегахъ Великаго Океана начала разыгрываться кровавая драма, отозвавшаяся въ Россiи гнетущимъ кошмаромъ громадныхъ жертвъ...

За истекшій годъ многое изжито, перечувствовано, выстрадано. Въ памяти встаютъ кровавыя картины сраженій подъ Тюренченомъ, Вафангоу, Ташичао, грандіозные бои у Ляояна, на Мукденской равнинѣ, а за ними много не похороненныхъ труповъ, много безымянныхъ крестовъ, много братскихъ могилъ потрясаютъ воображеніе высотой совершеннаго подвига, величіемъ жертвы положившихъ душу за други своя, за родину, ту самую родину, которая большинство беззавѣтно вѣрившихъ ей и съ вѣрой погибшихъ обрекала на тяжелое, жалкое прозябанье во тьмѣ невѣжества, въ нищетѣ, въ безправіи... Они свято исполняли свой долгъ, — и вѣчная слава да покроетъ нашихъ братьевъ! Но да-будетъ же вѣчный и стыдъ, и позоръ надъ тѣмъ изъ живыхъ, кто, принявъ ихъ кровавую жертву какъ долгъ, останется холоднымъ, безучастнымъ зрителемъ великаго народнаго страданья. Война—несчастіе народа, народъ выноситъ ее всецѣло на своихъ плечахъ; пусть же ему будетъ принадлежать и доступное человѣку счастіе: просвѣщеніе, благосостояніе, спокойное, здоровое существованіе на началахъ права и законности, равныхъ для всѣхъ. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ голосъ совѣсти, голосъ справедливости...

Задаваясь вопросомъ о годичныхъ результатахъ войны, прежде всего хочется посчитаться съ доходящимъ сюда изъ Россiи мнѣніемъ, якобы мы хотимъ воевать изъ-за національнаго самолюбія, которое пострадало въ этой войнѣ.

Такое мнѣніе едва-ли справедливо.

Въ самомъ дѣлѣ, мы принуждены были начать войну, будучи къ ней совершенно не подготовлены. Здѣсь не мѣсто разбирать, почему такъ случилось: почему войскъ у насъ на Дальнемъ Востокѣ въ началѣ войны почти не было, почему нашихъ картъ Манчжуріи оказалось недостаточно, почему самое нападеніе было неожиданно, почему наши дальневосточные дѣятели до войны теперь въ Россiи, почему тотъ народъ, который долженъ вести настоящую войну, раньше ничего ровно не зналъ о Манчжуріи, не интересовался японцами и нисколько не задумывался о

томъ, — нужно или не нужно намъ побережье Великаго океана?

Изъ всѣхъ этихъ, да еще и многихъ другихъ не упомянутыхъ, „почему“ — и сложился извѣстный и намъ, и всему міру фактъ нашей неподготовленности къ войнѣ, фактъ громадной важности и рокового значенія: не будь его, намъ не пришлось бы очищать южной Манчжуріи, оставляя тамъ наши трупы, наши деньги, не пришлось бы сдавать Портъ-Артуръ, топить нашъ Тихоокеанскій флотъ. Но вѣдь фактъ нашей неподготовленности—фактъ ante bellum, фактъ мирнаго времени и стало быть наше національное самолюбіе за войну-то, собственно, можетъ быть покойно—русская армія и въ эту войну оказалась на высотѣ своего назначенія.

Не позоромъ, а почетомъ покрыла себя наша армія въ тяжелое время отступленія отъ надвигавшагося на нее, въ далеко превосходящихъ силахъ, противника, медленнаго, выдержаннаго, стройнаго отступленія, стоившаго врагу и печальныхъ успѣховъ, и сомнительныхъ побѣдъ.

Японія, приступая къ войнѣ, имѣла много преимуществъ, много выгодныхъ положеній, сравнительно съ нами.

Полная, заранѣе преднамѣренная, хорошо обдуманная военная подготовка, повидимому, направлявшаяся за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ именно на насъ, знаніе Манчжуріи, основанное на снимкахъ, съемкахъ, на внимательномъ, кропотливомъ и настойчивомъ изученіи японскими шпіонами, наводнявшими подъ разными видами и предлогами Манчжурію до начала войны, всего, что могло имѣть хотя какое-нибудь значеніе въ предстоящей войнѣ, знакомство съ туземными языками, порядками, нравами и обычаями, стройно организованная, еще до войны, система сигнализаціи и развѣдки при помощи наемныхъ китайцевъ, привлеченіе на службу хунхузовъ, имѣющихъ всегда возможность подъ естественнымъ для нихъ видомъ невинныхъ манзъ незамѣтно и безнаказанно проникать, разумѣется, окольными путями, въ наше расположеніе, развитіе военнаго соображенія и воспитаніе сознанія каждаго солдата въ необходимости войны и непремѣнной побѣды — вотъ тѣ данныя, съ которыми Японія начала войну.

Народъ нашъ не хотѣлъ этой войны. Великая идея мира, высказанная устами нашего Монарха, шла отъ самаго сердца русскаго народа, отъ самой души его. Прочтите тургеневскаго „Касьяна съ Красивой Мечи“,—и вы увидите, какой задушевной мягкостью, какой искренностью вѣетъ отъ его несложной философіи, любви ко всему живущему, ко всякой твари, какъ чуждо простому, безхитростно живущему и думающему Касьяну насиліе надъ чьей бы то ни было жизнью. Касьянъ—истинный сынъ своего народа, и въ его душѣ отразилась часть великой русской души съ ея страстной потребностью жалости, прощенія и всеобъемлющей любви.

Народъ нашъ не хотѣлъ войны, помимо его воли она явилась для него необходимостью защищать отечество.

Насколько эта необходимость была искусственна или естественна, мы предоставимъ судить будущимъ историкамъ, которымъ доступны будутъ всѣ матеріалы и источники для безпристрастной оцѣнки совершающихся нынѣ на дальнемъ востокѣ событій, матеріалы для выясненія роли личной инииціативы и предусмотрительности нѣкоторыхъ дальневосточныхъ дѣятелей, для пониманія значенія международной политики и исторически сложившихся условій и причинъ,—на нашу же долю выпадаетъ болѣе скромная задача— дѣлиться, по мѣрѣ силъ и умѣнья, своими личными впечатлѣніями, наблюденіями, переживаніями.

Годъ войны позади. За этотъ годъ мы, можно сказать, только чинили наши прорѣхи на Дальнемъ Востокѣ...

Насъ не смущаютъ наши враги, и не тамъ, за нашими передовыми позиціями, въ непріятельскихъ блиндажахъ и окопахъ видимъ мы опасность для родины,—насъ тревожитъ то, что дѣлается теперь тамъ, дома, за десять тысячъ верстъ отсюда.

Не скоро идутъ къ намъ вѣсти оттуда. Но и изъ тѣхъ, которыя доходятъ до насъ, мы узнаемъ, что есть въ Россіи люди, желающіе мира во что бы то ни стало, на какихъ бы то ни было условіяхъ, очевидно, разумѣя, подъ этими условіями возможное и выгодное для обѣихъ воюющихъ сторонъ примиреніе интересовъ въ Манчжуріи и Кореѣ.

Этихъ людей здѣсь не понимаютъ. Да пусть они и не сѣтуютъ на это: трудно понять ихъ настроеніе здѣсь.

На какихъ условіяхъ возможенъ миръ?

Не будемъ говорить о „почетномъ" мирѣ: для насъ война не вопросъ чести, послѣ столькихъ понесенныхъ жертвъ, а вопросъ выгоды. Итакъ— можемъ ли мы, in statu quo, заключить выгодный миръ? Въ этомъ не только можно, но и должно сомнѣваться. Очиститъ ли Японія часть занятой ея войсками Манчжуріи? Откажется ли отъ Кореи, гдѣ она давно уже и усиленно хлопочетъ о своемъ вліяніи на страну, вліяніи очень близкомъ къ занятію?

Едва-ли кто-нибудь дастъ на это утвердительный отвѣтъ.

Какой смыслъ былъ Японіи начать истощившую ее войну, стоившую громадныхъ жертвъ, изъ-за того только, чтобы открыть пресловутыя двери въ Манчжурію иностраннымъ рынкамъ? — Нѣтъ, ей самой нужно и Манчжурію, и Корею.

А это—для насъ хуже самой тяжелой войны.

Согласившись на эти условія, мы будемъ принуждены содержать громадную армію на Дальнемъ Востокѣ, нести каждый годъ колоссальные расходы денегъ и силъ на ея содержаніе и усиленіе, мы будемъ вытягивать, въ видахъ постоянной готовности къ самооборонѣ, лучшіе соки страны, вытягивать медленно, систематически, непрерывно... И все-таки это насъ не спасетъ. Все-таки, разъ Японія твердо ступитъ на берегъ Азіи, она будетъ тѣснить насъ на Западъ, въ глубь материка, и война черезъ пять, десять, пятнадцать лѣтъ—неизбѣжна.

Она будетъ все время ужаснымъ кошмаромъ висѣть надъ Россіей, надъ русскимъ обществомъ, и, какъ знать—чѣмъ кончится тогда только что начавшая разыгрываться міровая трагедія борьбы двухъ народовъ, столкнувшихся на почвѣ, быть можетъ, вполнѣ естественныхъ и законныхъ стремленій къ распространенію.

Во всякомъ случаѣ не будемъ, сознательно и смѣло глядя правдѣ въ глаза, желать тянуть эту трагедію, откладывать ея конецъ на долю дѣтей или внуковъ нашихъ, такъ какъ для нихъ этотъ конецъ будетъ болѣе тяжелымъ, а возможно, что онъ будетъ и роковымъ.

Та желтая опасность, о которой не разъ поднимались толки въ Европѣ, вовсе не такая безсмыслица, какъ объ этомъ трактуютъ свысока многіе европейцы. Она гораздо возможнѣй и ближе, чѣмъ объ этомъ думаютъ, и намъ она грозитъ прежде всего.

Что можетъ предупредить ее?

Благопріятное окончаніе войны и добрососѣдскія отношенія съ Китаемъ и Кореей.

Такимъ образомъ рѣшается здѣсь восточный вопросъ.

Война не можетъ теперь прекратиться. Но всѣ ея жертвы должны быть принесены не во имя темной, голодной Россіи, а во имя обновленной страны, готовой къ развитію и напряженію всѣхъ своихъ силъ на благо народа, и только для этой цѣли и могутъ, и должны быть принесены великія жертвы, иначе онѣ не имѣютъ себѣ оправданія, а война будетъ жестокой безсмыслицей.

II.

„Манчжурія—это, дѣйствительно, золотое дно, богатѣйшая страна. Въ Манчжуріи все есть: тамъ есть въ разныхъ мѣстахъ золотыя розсыпи, громадныя залежи каменнаго угля въ Фушунѣ, подъ Янтаемъ, горячіе сѣрные источники близъ Айсандзяна, недалеко въ сторонѣ отъ китайской восточной желѣзной дороги; хлѣба тамъ роскошнѣйшіе. — Вотъ именно только тучныя, образцово удобряемыя китайцами, поля Манчжуріи могутъ каждый годъ давать такіе урожаи тысячезерныхъ гаоляна, чумизы и пайзы, произрощать громадное количество жирныхъ бобовъ, великолѣпный картофель; только на китайскихъ огородахъ, тщательно воздѣлываемыхъ и оберегаемыхъ ихъ хозяевами, вы можете найти длиннѣйшіе, кажется, во всемъ мірѣ, огурцы, огромнѣйшія тыквы самыхъ причудливыхъ формъ, вкусныя, сочныя рѣдиски величиною съ почтенный кулакъ; въ садахъ — яблоки, груши, виноградъ, персики... И все это тамъ ни почемъ.

„А какая охота въ восточной Манчжуріи! Медвѣди, лисы, зайцы, кабаны, козы, олени, куропатки, фазаны... Не хотите сами стрѣлять, вамъ принесутъ все это готовое, битое—и опять-таки ни почемъ. Различные мѣха дешевле, чѣмъ тамъ, вы нигдѣ не можете достать. А что за лѣса тамъ около Кореи? Какіе это чудные красавцы—гиганты, какое это неоцѣнимое богатство!.. Да, Манчжурія—это, вотъ именно, золотое дно“.

Такъ говорилъ мнѣ о своихъ впечатлѣніяхъ одинъ мой знакомый, человѣкъ вообще увлекающійся и весьма жизнерадостный.

Другой знакомый, болѣе сдержанный въ смыслѣ восторженности, болѣе положительный и практическій человѣкъ, коммерсантъ по профессіи, характеризовалъ мнѣ Манчжурію съ своей точки зрѣнія.

„Въ Манчжурію стоитъ поѣхать: тамъ можно хорошо заработать“, говорилъ онъ.

„Это, что называется, совсѣмъ не початый край, гдѣ всякій человѣкъ нуженъ, всякій человѣкъ найдетъ себѣ мѣсто, занятіе и заработокъ. Служите, торгуйте, лечите, ведите подряды, стройте заводы, больницы, просто дома, заводите театры, газеты, библіотеки — все дастъ громадныя деньги, такія деньги, какихъ вы въ Россіи и не увидите; а между тѣмъ жизнь тамъ ничего не стоитъ; дешевле, какъ говорится, пареной рѣпы. Изъ Манчжуріи вы можете вернуться по меньшей мѣрѣ богатымъ человѣкомъ — это, скажу я вамъ, въ смыслѣ коммерціи прямо таки золотое дно. Я вотъ и всего то пробылъ тамъ три года, а капитальчикъ, хоть и небольшой, все таки составилъ. А развѣ я что-нибудь особенное дѣлалъ, развѣ у меня было хоть какое-нибудь собственное предпріятіе? Нѣтъ, — подвертывалось выгодное дѣло, я бралъ его, моментально продавалъ съ барышемъ, и прошу васъ имѣть въ виду— съ манчжурскимъ барышемъ, въ другія руки и самъ успокаивался до слѣдующаго случая, который тоже былъ не за горами. Въ коммерціи нужна прежде всего ловкость, ну, а мнѣ ея не занимать стать; жизнь же я велъ умѣренную, не кутилъ, не сорилъ деньгами и хоть трудно было, глядя на другихъ, самому сдерживаться, но я все-таки устоялъ противъ всѣхъ соблазновъ. Зато теперь я самъ себѣ господинъ. И это всего за какихъ-нибудь три года Манчжурской жизни“.

Въ свое время эти разсказы меня мало интересовали. Но когда впослѣдствіи мнѣ самому пришлось попасть въ Манчжурію, я не разъ вспоминалъ ихъ, приглядываясь, какъ новичекъ, къ своеобразной манчжурской жизни.

Въ Харбинѣ мнѣ случайно пришлось познакомиться съ однимъ манчжурскимъ старожиломъ, человѣкомъ, какъ оказалось, очень наблюдатель-

нымъ и вдумчивымъ. Знакомство наше съ теченіемъ времени упрочилось, между нами установились довольно близкія отношенія, и вотъ въ одинъ изъ долгихъ зимнихъ вечеровъ мы сидѣли съ нимъ въ его квартирѣ и бесѣдовали.

„Скажите пожалуйста", спросилъ я его между прочимъ, „что за жизнь, что за люди были здѣсь, въ Харбинѣ, да и вообще въ Манчжуріи до этой войны? Вѣдь мы въ Россіи ничего почти не знали о нихъ, а между тѣмъ это, кажется, не безынтересно"?

„Что мнѣ сказать вамъ на это"? Задумался мой знакомый. „Вашъ вопросъ ставитъ меня въ довольно затруднительное положеніе. Дѣло въ томъ, что манчжурская жизнь—широкая жизнь, и въ двухъ словахъ о ней не разскажешь... Впрочемъ, можетъ быть вамъ приходилось уже слышать здѣшнюю пословицу: „сто рублей—не деньги, шампанское—не вино, китаецъ—не человѣкъ". Такъ вотъ эта самая пословица, мнѣ кажется, довольно мѣтко обрисовываетъ манчжурскую жизнь въ довоенное время.

Вы должно быть еще въ Россіи слыхали, что Манчжурію называютъ Золотымъ дномъ. И это правда. Только жаль, что ныряли на это дно самые неподходящіе люди и, надо правду сказать, скверно ныряли... Ну, Богъ тамъ или что другое помогало—ничего себѣ, обходилось, выныривали благополучно... Да... Деньги въ то, безконтрольное время наживались въ Манчжуріи легко, нетрудно они и проживались. Если въ россійскихъ мѣстахъ злачныхъ считается молодецкимъ розмахомъ широкой души, когда сотни рублей летятъ нипочемъ, то здѣсь этотъ розмахъ былъ еще больше, а манчжурская душа въ исканьяхъ разгульнаго простора не имѣла вовсе границъ. Здѣсь сорили тысячами за зелеными и простыми столами, въ ресторанахъ, кафешантанахъ и всякихъ прочихъ притонахъ, въ погонѣ за жгучими, одурманивающими ощущеніями. Здѣшняя женщина — ихъ тутъ всегда было мало — сочла бы оскорбленіемъ для себя подарокъ какой-нибудь золотой бездѣлушки. Ну, и дарили имъ, на перебой другъ передъ другомъ, искатели продажной любви сотни, тысячи рублей — благо деньги не дорого доставались. Какъ видите, при такихъ условіяхъ сто рублей, дѣйствительно, не деньги, а поэтому и шампанское не вино. Одно съ другимъ вполнѣ гармонируетъ.

„Китаецъ — не человѣкъ"! -говоритъ таже манчжурская пословица*), и этимъ очень удачно характеризуетъ установившееся у нашихъ манчжурцевъ пренебрежительное отношеніе къ китайцамъ, ихъ нравамъ, обычаямъ, жизни и взглядамъ на жизнь. А между тѣмъ намъ не мѣшало бы иначе относиться къ этимъ людямъ, хотя бы изъ-за одной собственной выгоды. Впрочемъ, вѣдь мы всегда почему то плохо разбираемся въ своихъ общественныхъ интересахъ до тѣхъ поръ, пока что-нибудь постороннее не хватитъ насъ по лбу и не заставитъ взяться за умъ; извѣстно — „громъ не грянетъ"... Вы вотъ только теперь захотѣли знакомиться съ манчжурской жизнью, съ ея прошлымъ уже, а между тѣмъ эта жизнь давно заслуживала вниманія русскаго общества, давно должна была быть хорошо извѣстной ему.

Къ сожалѣнію, въ свое время въ Россіи слишкомъ мало были посвящены въ дальневосточныя тайны, какъ будто никакія желѣзныя дороги, никакія лѣсныя концессіи, дальненскіе доки и тому подобныя предпріятія не имѣли вовсе отношенія къ русскому обывателю, къ его карману и самой жизни. Манчжурскіе органы печати сообщали публикѣ о великолѣпіи пышныхъ баловъ, блестящихъ пріемовъ, парадныхъ выходовъ, о выдающихся дам-

*) Китаецъ —прислуга.

скихъ костюмахъ, о грозномъ, на страхъ всѣмъ врагамъ, величіи и могуществѣ Россіи, къ которой никто не посмѣетъ даже и подумать подступиться, регистрировали въ хроникѣ событій стычки пограничниковъ съ хунхузами, явные грабежи и кражи... А между тѣмъ кругомъ жизнь била горячимъ ключемъ и вызывала на размышленіе. Люди разныхъ положеній и профессій пріѣзжали въ Манчжурію. Пріѣзжали они по большей части ни съ чѣмъ, но затѣмъ быстро входили во вкусъ широкой жизни, для которой „сто рублей — не деньги, шампанское—не вино"... Играли и кутили на тысячи рублей, можно сказать, прямо бросали деньгами, какъ будто имъ никакой цѣны здѣсь не было, и все-таки наживали цѣлыя состоянія.

„Откуда могли браться эти деньги? Это не были китайскіе слитки, ни японскіе іены, ни американскіе доллары, нѣтъ—это были наши родные, русскіе рубли—пятерки. Упорнымъ, тяжелымъ трудомъ добываемые тамъ, въ Россіи, они здѣсь по какому то волшебству доставались легко и... пріятно. Какъ могло это случиться, какъ „дошли русскіе рубли до жизни такой"? Это намъ неизвѣстно, ибо прошлое Манчжуріи покрыто завѣсой тайны. Насколько крѣпка эта завѣса и долго ли еще продержится она—это укажетъ намъ не далекое будущее. Надо думать, что настоящая война дала намъ хорошій урокъ за наше непростительно небрежное отношеніе къ дальневосточной жизни, и русское общество, благодаря ей, научится относиться впредь внимательнѣй къ своимъ интересамъ, за сколько бы тысячъ верстъ отъ сердца Россіи и въ какихъ бы формахъ эти интересы ни представлялись; а печать будетъ своевременно и всесторонне обсуждать ихъ, служа всецѣло только истинѣ и гражданскому долгу. Разумѣется, для этого необходимо превращеніе обывателя въ гражданина и свобода сужденій въ печати. Подъ двойнымъ контролемъ печати и общества сократится и широкая манчжурская жизнь, и самая пословица, отъ которой такъ и разитъ букетомъ смѣси хищничества съ проституціей, отойдетъ въ область кошмарнаго прошлаго, явится новая жизнь разумнаго, настойчиваго труда и честной гражданственности — здоровая общественная жизнь".

Онъ замолчалъ.

Потомъ разговоръ перешелъ на текущія новости, на современныя злобы,—и, проговоривъ еще съ полчаса, мы стали прощаться.

М. Волковъ.

Американская конституція.

Если вы спросите интеллигентнаго американца, чему, главнымъ образомъ, обязаны Соединенные Штаты своими успѣхами, то онъ, не задумываясь отвѣтитъ:—прежде всего—конституціи и, затѣмъ, — системѣ хомстэдовъ (homestead). Поэтому наблюдатель и, изслѣдователь американской жизни обязательно долженъ остановиться на этихъ явленіяхъ и подробно разсмотрѣть ихъ.

Американскую конституцію нельзя не признать одной изъ удачнѣйшихъ. Это видно хотя бы изъ того факта, что за сто восемнадцать лѣтъ ея существованія въ ней не было произведено измѣненій, и съ сказочной быстротой развивающаяся американская жизнь потребовала къ своимъ „основнымъ законамъ“ всего лишь пятнадцать дополненій. Объясняется это исключительностью того положенія, въ которомъ находились С. Ш. въ моментъ изданія этого важнаго акта.

Не будемъ забывать, что почти во всѣхъ европейскихъ странахъ конституціи явились результатомъ соглашенія верховныхъ правителей съ управляемыми ими народами. По мѣткому выраженію Дола, автора книги The American Citizen, служащей учебникомъ въ американскихъ народныхъ школахъ, европейскія конституціи обязаны своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что „королямъ нужны были солдаты и деньги“. Въ Англіи, по крайней мѣрѣ, всякій разъ, когда король нуждался или въ томъ или въ другомъ, а чаще всего — и въ томъ, и въ другомъ, онъ созывалъ представителей различныхъ сословій, и въ числѣ ихъ, обязательно, богатыхъ купцовъ, и, дѣлая народу различныя уступки въ вольностяхъ, получалъ отъ него деньги на выполненіе предпріятій, которыя казались ему важными или необходимыми; между прочимъ, на эти деньги онъ могъ нанимать себѣ лишнихъ солдатъ. Мало-по-малу обычай этотъ привился въ странѣ и далъ начало правильнымъ собраніямъ народныхъ представителей — парламенту. Вѣроятно, читатель не забылъ, что начало англійской конституціи относится еще къ тринадцатому столѣтію, когда (въ 1215 г.) народъ успѣлъ добиться Magna Charta отъ короля.

Какъ видно изъ примѣра Англіи, въ европейскихъ странахъ консти-

туціи являлись результатомъ торга между правителемъ и народомъ, и содержаніе такихъ договоровъ неизмѣнно обусловливается тѣмъ, въ какомъ положеніи находилась въ это время каждая изъ договаривавшихся сторонъ: чѣмъ положеніе правителя было менѣе устойчивымъ, тѣмъ представителямъ націи удавалось выговорить для нея болѣе широкія права, и—наоборотъ.

Происхожденіе американской конституціи совершенно иное. Во время ея образованія королевская власть уже не тяготѣла надъ штатами. Прошло шесть лѣтъ послѣ революціи, освободившей Америку отъ зависимости англійской короны. Штаты существовали въ видѣ маленькихъ независимыхъ республикъ, слабо связанныхъ между собою договоромъ федераціи. Такая форма общественнаго устройства можетъ показаться многимъ наиболѣе желательной. Однако, американская жизнь обнаружила ея существенные недостатки. Каждая изъ этихъ республикъ имѣла законы, часто несогласные съ законами ближайшихъ сосѣдей, имѣла таможни, взимавшія пошлины съ продуктовъ сосѣднихъ штатовъ. Уже этихъ условій было достаточно для того, чтобы вызывать безконечныя недоразумѣнія, пререканія и тяжбы между сосѣдями.

Кромѣ того, за эти шесть лѣтъ, если можно такъ выразиться, разрозненнаго сожительства для всѣхъ сдѣлалось яснымъ и несомнѣннымъ, что нѣкоторыя учрежденія, напримѣръ, университеты, и предпріятія, напримѣръ урегулированіе рѣкъ для судоходства, совершенно не подъ силу какой-нибудь одной маленькой республикѣ, вродѣ штатовъ Делаверъ или Мэрилендъ.

Вообще, непосредственное наблюденіе, не затемненное искусственно раздутыми національными страстями, привело американцевъ къ убѣжденію, что если среди отдѣльныхъ лицъ ассоціація является благодѣтельною, то не менѣе благодѣтельною должна быть и ассоціація маленькихъ республикъ.

Такимъ образомъ въ американской конституціи мы должны видѣть документъ, которымъ свободные уже въ то время люди старались поставить себя въ наиболѣе благопріятныя условія для развитія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

Вступленіе къ американской конституціи слѣдующимъ образомъ формулируетъ причины возникновенія этого акта.

„Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, съ цѣлью образованія болѣе совершеннаго союза, установленія справедливости, обезпеченія внутренняго спокойствія, организаціи общей защиты, поднятія общаго благосостоянія и гарантированія благодѣяній свободы для насъ самихъ и нашихъ потомковъ учреждаемъ и устанавливаемъ настоящую конституцію Соединенныхъ Штатовъ Америки".

Блестящій опытъ ста восемнадцати лѣтъ съ полной несомнѣнностью показалъ, что знаменитое собраніе сорока, въ числѣ которыхъ находились такіе люди, какъ Вашингтонъ и Франклинъ, сумѣло оправдать довѣріе выбравшихъ ихъ согражданъ и начертать такія правила государственнаго общежитія, которыя дѣйствительно, а не номинально только, поставили націю въ возможно благопріятныя для ея развитія условія.

Всякій, кто захочетъ познакомиться съ конституціей С. Ш., будетъ пораженъ ея необыкновенной простотой и краткостью. Изложена она въ 84 положеніяхъ да дополненія—въ 22, итого 106. Текстъ ея занимаетъ всего одинъ печатный листъ.

Проведеніе американской конституціи въ жизнь основывается на взаимодѣйствіи отправленій трехъ различныхъ учрежденій — законодательнаго, исполнительнаго и судебнаго. Жизненная практика выработала такое положеніе, что каждое изъ этихъ учрежденій находится

подъ контролемъ двухъ другихъ, не говоря уже о контролѣ всего народа.

Вся законодательная власть страны, посколько она касается союза, сосредоточена въ рукахъ конгресса С. Ш., который состоитъ изъ сената и палаты представителей (house of representatives).

Такое раздѣленіе вызвано не требованіями классоваго представительства, какъ это наблюдается въ европейскихъ странахъ, такъ какъ въ С. Ш. классовъ въ европейскомъ смыслѣ слова не существуетъ, но соображеніемъ, что законы будутъ подвергаться гораздо болѣе тщательному обсужденію при прохожденіи черезъ два отдѣльныя собранія, чѣмъ въ томъ случаѣ. еслибы они проходили только черезъ одно.

Палата представителей состоитъ изъ членовъ, выбираемыхъ народомъ каждаго штата изъ своей среды черезъ каждые два года. Чтобы имѣть возможность быть выбраннымъ въ представители, нужно быть не моложе 25 лѣтъ отъ роду, состоять не менѣе 7 лѣтъ гражданиномъ С. Ш. и жить въ томъ штатѣ, отъ котораго кандидатъ разсчитываетъ быть выбраннымъ.

Количество представителей отъ каждаго штата находится въ зависимости отъ количества его жителей и потому различно отъ различныхъ штатовъ. Въ первые годы дѣйствія конституціи одинъ представитель приходился на каждыя 30 тыс. населенія, въ настоящее время одинъ приходится на каждыя 200 тысячъ.

Палата представителей избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, который называется speaker (спикеръ).

Число членовъ палаты представителей американскаго союзнаго конгресса доходитъ до 400.

Сенатъ С. Ш. состоитъ изъ выборныхъ, по два отъ каждаго штата, и такъ какъ въ настоящее время въ Союзѣ 45 штатовъ, то слѣдовательно, всѣхъ сенаторовъ 90.

Сенаторы выбираются на 6 лѣтъ, но смѣна ихъ производится такимъ образомъ, что черезъ каждые два года обновляется одна треть состава. Слѣдовательно, въ сенатѣ всегда остаются двѣ трети лицъ, опытныхъ въ веденіи дѣлъ.

Въ такой странѣ, какъ С. Ш.. гдѣ нѣтъ сословнаго или, вообще, какого бы то ни было антагонизма между сенатомъ и палатой представителей, вытекающее изъ вышесказаннаго преимущество сената отнюдь не представляется опаснымъ; въ противномъ случаѣ, пришлось бы подобную же систему постепеннаго обновленія членовъ примѣнить и къ палатѣ.

Сенаторомъ можетъ быть лицо, имѣющее не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, состоящее гражданиномъ С. Ш. не менѣе 9 лѣтъ и живущее въ томъ штатѣ, отъ котораго выбирается.

Вицепрезидентъ С. Ш. является ex officio предсѣдателемъ сената, но не имѣетъ права голоса, за исключеніемъ того случая, когда голоса раздѣляются поровну.

Конгрессъ долженъ собираться, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ.

Лица, баллотирующіяся въ сенаторы или въ представители, не должны занимать во время выборовъ какихъ-либо правительственныхъ должностей; равнымъ образомъ, и будучи выбраны въ сенаторы или въ представители, они не могутъ занимать какихъ-либо пра-правительственныхъ должностей.

Сенаторы и представители получаютъ жалованья по 5000 долл. въ годъ каждый и, кромѣ того, оплату проѣзда отъ мѣста жительства въ Вашингтонъ и обратно.

Члены конгресса во время засѣданій а, равнымъ образомъ, когда идутъ на засѣданія и возвращаются съ нихъ, не могутъ быть арестованы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они обвиняются въ измѣнѣ, въ уголовномъ преступленіи или въ нарушеніи общественнаго спокойствія.

За рѣчи, произносимыя въ кон-

грессѣ, сенаторы и представители могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности конгрессомъ же, но, ни въ какомъ случаѣ, не другими мѣстами или учрежденіями.

Всякое предложеніе (биллъ), имѣющее въ виду какое либо законодательство, должно быть предложено или въ сенатѣ или въ палатѣ, или въ томъ и другой одновременно, членомъ или членами конгресса, затѣмъ разсмотрѣно ими или въ оригинальномъ видѣ или въ иной редакціи (substitute) и, наконецъ, одобрено и подписано президентомъ С. Ш. Пройдя эти стадіи, биллъ становится закономъ.

Разсмотрѣніе (чтеніе) каждаго билла должно происходить и въ сенатѣ, и въ палатѣ три раза, съ промежутками между двумя чтеніями; это даетъ возможность обдумыванія, наведенія справокъ, собранія матеріаловъ и т. д.

Всѣ предложенія, имѣющія въ виду увеличеніе налоговъ, могутъ возникать только въ палатѣ представителей и, лишь по внесеніи въ послѣднюю,—вносимы и на разсмотрѣніе сената.

Конгрессу принадлежитъ власть налагать и взимать прямые и косвенные налоги и таможенныя пошлины; уплачивать государственные долги; заботиться о защитѣ страны; заботиться объ общемъ благосостояніи С. Ш.; производить государственные займы; опредѣлять условія торговли съ другими странами; издавать правила о принятіи иностранцами американскаго подданства; чеканить и выпускать монету, опредѣлять единицы вѣсовъ и мѣръ; давать патенты и авторскія права изобрѣтателямъ и писателямъ; учреждать судебные трибуналы, низшіе, чѣмъ высшій судъ (supreme court); опредѣлять составъ преступленія и наказывать морскіе разбои и преступленія международнаго характера; объявлять войну; давать каперскія свидѣтельства и издавать правила относительно морскихъ и сухопутныхъ [illegible] увеличивать арміи и содержать ихъ, но, при этомъ, ассигновки по настоящей статьѣ не должны быть утверждаемы на срокъ болѣе двухъ лѣтъ; призывать милицію въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется пользоваться ея содѣйствіемъ для проведенія въ дѣйствіе законовъ, для подавленія возстаній и для отраженія непріятельскихъ вторженій; заботиться объ организаціи, вооруженіи и обученіи милиціи; издавать законы, которые понадобились бы для проведенія въ дѣйствіе всего вышесказаннаго.

Изъ параграфовъ разсматриваемаго нами перваго раздѣла конституціи можно указать еще на слѣдующіе.

Вывозная пошлина не можетъ быть налагаема на произведенія штатовъ.

Никакому изъ портовъ С. Ш. посредствомъ тарифныхъ или иныхъ мѣръ не должны быть даваемы преимущества передъ другими портами этой страны.

Деньги изъ государственнаго казначейства могутъ быть получаемы только по узаконеннымъ кредитамъ (т. е. по кредитамъ, проведеннымъ обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ черезъ палату и сенатъ и утвержденнымъ президентомъ С. Ш.).

Правильные отчеты о полученныхъ и израсходованныхъ государственныхъ деньгахъ должны быть печатаемы во всеобщее свѣдѣніе.

С. Ш. не должны давать кому либо правъ на дворянское достоинство. Равнымъ образомъ, никто изъ лицъ, занимающихъ общественныя должности, не можетъ безъ позволенія конгресса принимать подарковъ, денежнаго вознагражденія, должности или титула отъ кого либо изъ иностранныхъ королей, князей или государствъ.

Раздѣлъ второй американской конституціи разсматриваетъ вопросы, касающіеся президента С. Ш.

Въ лицѣ президента С. Ш. сосредоточена высшая исполнительная

власть страны. Президентомъ можетъ быть избрано лицо, рожденное въ предѣлахъ С. Ш., имѣющее не менѣе 35 лѣтъ отъ роду и прожившее въ С. Ш. не менѣе 14 лѣтъ.

Президентъ избирается особыми, выбираемыми для этого каждымъ штатомъ, лицами на четыре года.

Слѣдующій за нимъ по числу голосовъ кандидатъ въ президенты тѣмъ самымъ выбирается въ вицепрезиденты С. Ш.

Сенаторы, члены палаты представителей и лица, занимающія оффиціальный должности, не могутъ быть выбираемы въ президенты С. Ш.

Президентъ С. Ш. получаетъ 50 тысячъ долл. жалованья въ годъ. Онъ является главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ войскъ и милиціи; имѣетъ власть, съ согласія двухъ третей представителей сената, заключать договоры съ иностранными государствами, назначать посланниковъ, консуловъ, судей высшаго суда и другихъ высшихъ чиновниковъ, но конгрессъ можетъ предоставить президенту С. Ш. право назначать низшихъ чиновниковъ собственною властью, и безъ одобренія сената.

Отъ времени до времени (ежегодно) президентъ С. Ш. долженъ давать отчетъ конгрессу относительно общаго положенія дѣлъ въ Союзѣ и предлагать мѣры къ ихъ улучшенію.

Президентъ долженъ принимать посланниковъ и иныхъ иностранныхъ представителей; наблюдать за правильнымъ исполненіемъ законовъ.

Президентъ, вицепрезидентъ и всѣ гражданскіе чиновники С. Ш. могутъ быть удаляемы съ своихъ мѣстъ судомъ, по доказательствѣ обвиненія въ измѣнѣ странѣ, подкупахъ и другихъ важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ.

Слѣдующій раздѣлъ американской федеральной конституціи имѣетъ въ виду общія основы организаціи судебнаго дѣла въ Союзѣ. Здѣсь я отмѣчу тотъ параграфъ, въ силу котораго разборъ всѣхъ дѣлъ, за исключеніемъ такъ называемыхъ cases of impeachment, дѣлъ по доносу, долженъ производиться при участіи присяжныхъ засѣдателей.

Процедура impeachment заимствована американскимъ законодательствомъ изъ англійской практики и имѣетъ въ виду возбужденіе палатой представителей обвиненія противъ чиновниковъ, включая и президента, но исключая членовъ конгресса. (Судебнымъ трибуналомъ для членовъ конгресса является сенатъ). Если бы явилась надобность судить президента, то предсѣдателемъ сената вмѣсто вицепрезидента является предсѣдатель высшаго суда.

Раздѣлы конституціи отъ четвертаго до седьмаго, включительно, разбираютъ вопросы, касающіеся отношеній штатовъ и ихъ гражданъ; принятія долговъ, трактатовъ и другихъ обязательствъ бывшаго федеративного правительства правительствомъ С. Ш.; достаточности ратификаціи постановленій девяти штатовъ для признанія дѣйствительности федеральной конституціи.

Изъ добавленій къ американской конституціи я позволю себѣ остановиться на слѣдующихъ.

1. Конгрессъ не можетъ издавать законовъ касательно установленія религіи или запрещенія свободнаго исповѣданія ея; или стѣсненія свободы рѣчи и печати; или нарушенія права народа мирно собираться, а равно,—права народа просить правительство объ удовлетвореніи его жалобъ.

4. Право народа пользоваться безопасностью личности, жилища, бумагъ и движимаго имущества по отношенію къ неправильнымъ обыскамъ и арестамъ не должно быть нарушаемо, и разрѣшеніе на право обыска или ареста должно быть выдаваемо (судомъ) лишь въ случаѣ вѣроятности преступленія, и если просьба о выдачѣ такого разрѣшенія сопровождается присягой или

(замѣняющимъ ее) утвержденіемъ, и если точно поименовано мѣсто, въ которомъ слѣдуетъ произвесть обыскъ, и указано лицо или предметы, которые подлежатъ аресту.

14. Параграфъ 1. Всѣ лица, рожденные въ С. Ш. или сдѣлавшіеся гражданами ихъ путемъ натурализаціи *) и подверженные ихъ юрисдикціи, суть граждане Соединенныхъ Штатовъ и штата, въ которомъ они живутъ. Никакой штатъ не можетъ издавать или приводить въ дѣйствіе закона, которыми ограничивались бы права и привиллегіи гражданъ С. Ш.; никакой штатъ не можетъ лишать какое бы то ни было лицо жизни, свободы или имущества безъ законнаго судебнаго разбирательства; никакой штатъ, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, не можетъ лишать кого бы то ни было законной охраны наравнѣ съ другими лицами.

Вотъ вамъ и вся суть федеральной конституціи С. Ш.

Если кто либо изъ читателей почувствуетъ себя не совсѣмъ удовлетвореннымъ, то я ему посовѣтую внимательно прочесть предыдущія строки еще и еще разъ и вдуматься въ прочитанное. Можетъ быть, тогда предъ нимъ начнутъ рисоваться такія перспективы, о которыхъ онъ только могъ мечтать до сихъ поръ.

Не слѣдуетъ забывать, что федеральная конституція даетъ рамки для жизни людей, какъ гражданъ Союза. Правила ихъ общежитія, какъ гражданъ штата, намѣчаются мѣстными, штатными конституціями. Чтобы опредѣлить отношеніе между конституціями федеральной и штатной, я скажу нѣсколько словъ о конституціи Калифорніи, штата, въ которомъ живу, выбирая изъ каждаго раздѣла наиболѣе интересные для русскаго читателя параграфы.

*) По законамъ С. Ш., только лица бѣлой и черной расъ могутъ быть американскими гражданами: представители желтой и красной рассъ не могутъ быть ими.

Раздѣлъ I. Декларація правъ.

§ 1. Всѣ люди, по природѣ, свободны и независимы и имѣютъ извѣстныя неотъемлемыя права, въ числѣ которыхъ находятся право пользованія жизнью и свободой и защита той и другой; пріобрѣтеніе, владѣніе и охрана собственности, стремленіе къ пріобрѣтенію безопасности и благополучія.

§ 2. Вся политическая власть принадлежитъ народу. Правительство учреждается для защиты, охраны и пользы народа и можетъ быть измѣняемо или реформируемо, если общественное благо того потребуетъ.

§ 9. Каждый гражданинъ имѣетъ право свободно говорить, писать и публиковать изложеніе своихъ мнѣній по различнымъ вопросамъ, будучи (въ то же время) отвѣтственъ за злоупотребленіе этимъ правомъ; никакой законъ не можетъ быть изданъ съ цѣлью уничтоженія или ограниченія права свободы рѣчи и печати.

§ 12. Военныя власти должны быть подчинены гражданскимъ властямъ.

§ 24. Имущественный цензъ никогда не долженъ быть требуемъ при опредѣленіи права извѣстнаго лица быть выборщикомъ или занимать какую либо должность.

Раздѣлъ II. Право подачи голоса.

§ 1. ... Уроженцы Китая, идіоты, безумные, лица, осужденные за позорящія честь преступленія и за утайку и присвоеніе общественныхъ денегъ, лица не умѣющіе прочесть конституціи на англійскомъ языкѣ и не умѣющіе подписать своей фамиліи, никогда не могутъ быть выборщиками.

Раздѣлъ V заключаетъ въ себѣ слѣдующія положенія. Высшая исполнительная власть штата сосредоточена въ рукахъ губернатора. Губернаторъ штата избирается народомъ на четыре года.

Раздѣлъ VIII. Объ учрежденіи штатной милиціи.

Раздѣлъ IX. О народномъ образованіи.

§ 1. Такъ какъ распространеніе знаній и образованія является существеннымъ въ сохраненіи народныхъ правъ и преимуществъ, то законодательство должно поощрять всѣми зависящими отъ него мѣрами развитіе прогресса въ областяхъ умственной, нравственной, научной и земледѣльческой.

Раздѣлъ XI. О китайцахъ.

§ 2. Никакая изъ существующихъ въ настоящее время или имѣющихъ образоваться въ будущемъ корпорацій, на основаніи законовъ штата Калифорніи, не должна употреблять, прямо или косвенно, въ какой бы то ни было должности, китайцевъ или иныхъ лицъ монгольскаго происхожденія.

§ 3. Китайцы не должны быть употребляемы на какой бы то ни было работѣ, предпринимаемой штатомъ, графствомъ (county), городскимъ управленіемъ или на какой бы то ни было общественной работѣ, за исключеніемъ лишь работъ, назначенныхъ въ видѣ наказанія за преступленія.

§ 4. Присутствіе иностранцевъ, не имѣющихъ возможности сдѣлаться гражданами С. Ш., объявляется опаснымъ для благосостоянія штата Калифорніи, и законодательство должно препятствовать иммиграціи ихъ всѣми зависящими отъ него мѣрами... Законодательство должно употреблять всю необходимую власть по отношенію къ имѣющимъ хартіи городамъ (т. е. къ городамъ, имѣющимъ не менѣе 3500 жителей) штата съ тѣмъ, чтобы китайцы были выселяемы за предѣлы этихъ городовъ, или же, чтобы они были селимы въ извѣстныхъ частяхъ города, для того опредѣляемыхъ, и, равнымъ образомъ, законодательство должно озабочиваться изданіемъ такихъ постановленій, которыя воспрещали бы вселеніе китайцевъ въ предѣлы штата послѣ принятія настоящей конституціи.

Раздѣлъ XX посвященъ „различнымъ предметамъ“. Здѣсь интересенъ § 2, по которому лица, какимъ бы то ни было образомъ причастные къ дуэли, теряютъ право быть выборщиками или занимать оффиціальныя должности, § 17, которымъ законнымъ рабочимъ днемъ на всѣхъ общественныхъ работахъ устанавливается восьмичасовый рабочій день, и § 18, которымъ женщинамъ дозволяется заниматься всѣми дозволенными профессіями наравнѣ съ мужчинами.

Остальные раздѣлы занимаются вопросами о границахъ штата; о добавленіяхъ къ конституціи; о владѣніи землей и т. д.

Одинъ изъ параграфовъ раздѣла о владѣніи землей ставитъ на видъ законодательству, что оно не должно поощрять владѣнія большими участками земли, въ составъ которыхъ входятъ необработанныя и неулучшенныя пространства.

Эти выдержки показываютъ, что штатныя конституціи являются продолженіемъ и детальнымъ развитіемъ положеній конституціи федеральной. Выражаясь образно, послѣднюю можно уподобить тому глубокому источнику, изъ котораго вытекаютъ свѣтлые ручьи мѣстныхъ конституцій, орошающихъ Соединенные Штаты.

Изъ факта обязательности подчиненія каждаго американскаго гражданина двумъ конституціямъ—федеральной и штатной раньше возникали вопросы о двойственности американскаго гражданства, но приведеннымъ добавленіемъ 14 къ федеральной конституціи устанавливается полное единство понятій, и со времени изданія этого добавленія уже не можетъ быть никакого вопроса относительно сказанной двойственности.

Послѣ этого замѣчанія вы, конечно, снова прочтете добавленіе 14, а когда прочтете, то увидите, что при второмъ чтеніи оно вамъ показалось нѣсколько инымъ, чѣмъ

при первомъ. Вы увидите теперь, что этимъ добавленіемъ федеральная конституція становится на стражѣ правъ своихъ гражданъ и пресѣкаетъ всякія попытки со стороны штатовъ сократить эти права.

Я пользуюсь этимъ примѣромъ, чтобы снова пригласить читателей не ограничиваться однократнымъ чтеніемъ содержанія американскихъ основныхъ законовъ.

Не разъ писатели пытались исчислять тѣ преимущества, которыя предоставляются гражданамъ С. Ш. ихъ конституціей, но эти попытки неизмѣнно давали въ результатѣ весьма блѣдныя картины. Это и понятно.

Люди, какъ прекрасно выражено въ калифорнійской конституціи, по природѣ свободны и независимы и имѣютъ за собою неотъемлемыя права. Конституція констатируетъ эти права, старается поставить отдѣльныхъ членовъ общества въ такія условія, которыя, по возможности, гарантировали бы имъ пользованіе этими правами—вотъ и все. Ничего здѣсь нѣтъ яркаго, эффектнаго, поэтическаго,—only business, только дѣло, только обезпеченіе такихъ необходимостей для духовнаго человѣка, какія находятъ аналогію въ пищѣ и питьѣ для человѣка тѣлеснаго.

Американская конституція и вытекающія изъ нея учрежденія весьма близко подходятъ къ разрѣшенію важнаго вопроса о свободномъ проявленіи человѣкомъ своихъ силъ и способностей. Нельзя найти достаточной похвалы составителямъ какъ федеральной, такъ и штатныхъ конституцій за то, что имъ удалось формулировать свои творенія въ такихъ точныхъ и, въ то же время, въ такихъ общихъ положеніяхъ. Этимъ разъ навсегда устранены какъ централизація власти, такъ и надоѣдливое, связывающее всѣхъ и каждаго вмѣшательство властей въ частную жизнь, служащія огромными тормазами правильному развитію общества въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Человѣкъ, по природѣ, одаренъ не только извѣстными правами, но и извѣстными способностями. Пользованіе первыми и проявленіе вторыхъ создаютъ вокругъ него атмосферу самосознанія и удовлетворенія, въ которой работа идетъ особенно энергично и является особенно плодотворной. Сумма работъ, отличающихся такимъ характеромъ, весьма значительна и обусловливаетъ полученіе значительнаго количества продуктовъ труда, обусловливающихъ, въ свою очередь, общее благосостояніе населенія.

Въ то же время, свобода рѣчи, печати, собраній и обсужденія какихъ бы то ни было вопросовъ; контроль со стороны общества дѣйствій правительства путемъ выбора въ конгрессы подходящихъ лицъ и обращенія къ нимъ выборщиковъ по различнымъ поводамъ съ заявленіями и совѣтами; ассигновка правительству денегъ на государственные расходы не иначе, какъ только законодательными собраніями; обязательные отчеты во всеобщее свѣдѣніе о всѣхъ тратимыхъ суммахъ, какъ бы незначительны онѣ ни были... эти и нѣкоторыя другія условія конституціоннаго американскаго общежитія ведутъ къ тому, что вырабатываемыя американскими гражданами и удѣляемыя ими на пользу общую, въ видѣ податей и налоговъ, средства употребляются только производительно, на благо страны, въ видѣ устройства школъ, дорогъ, гаваней, урегулированія рѣкъ, осущенія болотъ, орошенія засушливыхъ мѣстностей, организаціи сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій, изданія безплатныхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и т. д.

Вотъ какимъ образомъ нужно понимать часто высказываемое американцами положеніе о томъ, что С. Ш.

обязаны своимъ благосостоянiемъ въ значительной степени своей конституцiи.

Изъ какихъ элементовъ составляется то, что въ общежитiи называется правительствомъ С. Ш.?

Въ президенты, обыкновенно, выбирается лицо, составившее себѣ почетную извѣстность. Такъ, Макъ-Кинлей выдвинулся своими работами по тарифному вопросу; Рузвельтъ отличился въ качествѣ предводителя добровольцевъ во время войны съ испанцами, а также — обстоятельнымъ изслѣдованiемъ экономическаго положенiя западныхъ штатовъ.

Сенаторы избираются (какъ уже сказано выше, каждые два года треть всего состава) штатными конгрессами. Эта ошибка, допущенная въ конституцiи и ведущая за собою нарушенiе связи въ общей системѣ, основанной на выборѣ представителей народомъ, замѣчается теперь всѣми, но поправить ее не легко, такъ какъ всякое новое законодательство въ этомъ направленiи должно пройти черезъ сенатъ и получить его одобренiе, всѣ же наблюдавшiяся до сихъ поръ попытки со стороны членовъ палаты представителей ввести и для сенаторовъ избранiе народомъ неизмѣнно разбивались о неодобренiе такихъ предложенiй сенатомъ.

Члены американскаго федеральнаго сената выбираются, отчасти, изъ среды successful business men, успѣшныхъ дѣльцовъ, отчасти, изъ предводителей партiй, отчасти, изъ бывшихъ членовъ палаты представителей.

Въ федеральную палату, члены которой избираются народомъ, попадаютъ люди всякаго званiя и состоянiя, далеко не всегда носители того, что въ Россiи называется „высшимъ образованiемъ“, но, съ другой стороны, люди умные, способные и умѣющiе говорить. И въ сенатѣ, и въ палатѣ много адвокатовъ.

При изложенiи конституцiи было упомянуто о томъ, что президенту принадлежитъ право назначать чиновниковъ. Въ главномъ своемъ объемѣ, право это, конечно, является номинальнымъ. Въ С. Ш. насчитывается до 200 тыс. *) федеральныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ около 5 тыс. болѣе или менѣе значительныхъ. Само собой разумѣется, президентъ не можетъ знать столько и настолько людей, чтобы быть въ состоянiи замѣстить всѣ эти вакансiи лицами, хорошо ему извѣстными. Поэтому выработалась слѣдующая практика. Президентъ назначаетъ лишь такихъ чиновниковъ, какъ министры, товарищи министровъ, федеральные судьи, посланники, консулы и почтмейстеры въ крупныхъ городахъ. Остальные чиновники фактически назначаются сенаторами.

Право отрѣшать чиновниковъ отъ должностей всецѣло принадлежитъ президенту.

Посылая представителей въ федеральный конгрессъ, каждый штатъ имѣетъ, въ то же время, свой собственный конгрессъ, также состоящiй изъ двухъ палатъ — верхней и нижней. Члены той и другой избираются народомъ. Роль президента Союза въ штатѣ играетъ губернаторъ. Въ штатѣ Калифорнiя засѣданiя конгресса продолжаются ежегодно втеченiе 60 дней. Члены штатнаго конгресса получаютъ плату лишь за время засѣданiй, по 8 долл. въ день, и путевые расходы.

Я подсчиталъ профессiи членовъ одного изъ недавнихъ калифорнiйскихъ конгрессовъ и въ числѣ ихъ оказалось въ обѣихъ палатахъ: адвокатовъ 34, фермеровъ 23, ремесленниковъ 13, купцовъ 10, канторскихъ служащихъ 6, врачей 5, агентовъ 5, надсмотрщиковъ за рабочими 3, кабатчиковъ 3, подрядчиковъ 2, затѣмъ, по 1 изъ слѣдующихъ профессiй — художникъ, фабрикантъ,

---

*) Въ это число входятъ и почтмейстеры. Въ деревняхъ почтмейстерами неизмѣнно бываютъ лавочники.

рабочій, учитель, сыщикъ, химикъ, оцѣнщикъ, садовникъ, комиссіонеръ, инженеръ, содержатель наемныхъ лошадей, издатель, журналистъ. Это перечисленіе показываетъ съ несомнѣнной ясностью, что американское правительство дѣйствительно состоитъ изъ народа.

Познакомивъ читателей съ содержаніемъ федеральной и штатной конституцій и, въ краткихъ словахъ, съ американскимъ правительствомъ, я попытаюсь теперь отвѣтить на нѣкоторые, не совсѣмъ ясные для русскаго читателя вопросы американскаго государственнаго общежитія.

Прежде всего, можно ли говорить о единствѣ американской націи или даже объ американской націи, вообще?

Несомнѣнно, талантливыя изслѣдованія Ренана показываютъ намъ, что единственнымъ и несомнѣннымъ признакомъ національности можетъ быть признанъ только языкъ. Англійскій же языкъ является не только господствующимъ въ С. Ш., но и затмѣваетъ собою всѣ другіе языки, которые привозятъ съ собою переселенцы изъ Европы.

Собственно говоря, до начала сороковыхъ годовъ иммиграція въ С. Ш. шла преимущественно изъ Англіи, и потому господство англійскаго языка здѣсь создавалось само собой. Только къ серединѣ сороковыхъ годовъ число переселенцевъ изъ Германіи и сѣверныхъ странъ Европы начало замѣтно увеличиваться, и они стали давать себя чувствовать. Это побудило мѣстное американское ядро, представители котораго успѣли выработаться въ высоко-культурный типъ янки, насторожиться, сплотиться и, по нѣмому соглашенію, принять мѣры, которыя способствовали бы укрѣпленію и усиленію ихъ національнаго вліянія и ассимилированія пришлыхъ элементовъ.

Позднѣйшія поколѣнія американскихъ гражданъ могутъ вспоминать съ чувствомъ полнаго удовлетворенія о томъ, что въ этомъ случаѣ было пущено въ ходъ культурное же орудіе борьбы—школа.

Съ конца сороковыхъ годовъ число школъ въ С. Ш. быстро ростетъ, и быстро улучшается преподаваніе въ нихъ. Въ настоящее время школы имѣются здѣсь во всѣхъ, даже самыхъ глухихъ мѣстностяхъ, и *на народное образованіе затрачивается ежегодно болѣе 200.000.000 долл., т. е. 400.000.000 рублей.*

Такъ какъ курсъ народныхъ школъ въ большей части штатовъ восьмилѣтній, обученіе обязательное и производится на англійскомъ языкѣ, то не удивительно, что дѣти европейскихъ иммигрантовъ въ первомъ же поколѣніи усваиваютъ англійскій языкъ, и онъ становится вторымъ ихъ роднымъ. Разъ дѣло поставлено такимъ образомъ, никакія усилія со стороны родителей не могутъ предотвратить забвенія дѣтьми языка ихъ родины.

— Какой вы національности, — спросили однажды молодого человѣка, въ англійскомъ произношеніи котораго замѣчался легкій иностранный акцентъ?

— Родители мои—нѣмцы,—отвѣчалъ онъ,—но я—американецъ!

Отвѣтъ этотъ весьма характеренъ.

Я замѣчалъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда измѣненіе одной національности въ другую происходитъ мирнымъ образомъ, путемъ культурнаго вліянія, въ частности, путемъ школьнаго воздѣйствія, процессъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего трагическаго. Я даже имѣлъ возможность наблюдать здѣсь не разъ, что добрые нѣмцы, переселившіеся въ С. Ш. изъ Германіи или Австріи, говорятъ со старшими дѣтьми, привезенными изъ „old country“ — старой страны, Европы, еще по нѣмецки, но съ дѣтьми, родившимися въ С. Ш., уже по-англійски.

— Этотъ можетъ быть и прези-

дентомъ, — замѣчаетъ иногда переселенецъ, указывая на младшаго члена семьи, появившагося на свѣтъ на американской почвѣ.

Уже одна эта возможность для безвѣстнаго рабочаго лелѣять подобную мечту можетъ примирить его съ необходимостью потерять свой языкъ, а съ нимъ — и національность.

Другой причиной быстраго ассимилированія европейскихъ пришельцевъ американцами являлись пути сообщенія. Уже въ началѣ сороковыхъ годовъ протяженіе американскихъ желѣзныхъ дорогъ доходило до 3.000 миль. Кромѣ того, имѣлось развитое сообщеніе по многочисленнымъ рѣкамъ восточныхъ штатовъ, которые въ то время только и были заселены. Процвѣтало и каботажное плаваніе вдоль береговъ Атлантическаго океана, такъ какъ приходившіе сюда англичане, шведы, норвежцы, голландцы, датчане а, отчасти, и нѣмцы были знакомы съ моремъ. Переселенцы изъ Европы, прибывая въ Америку, въ поискахъ „гдѣ лучше“, естественно, пользовались представлявшимися имъ удобствами передвиженія, вкраплялись такимъ образомъ въ англійскій фонъ и, въ конечномъ результатѣ, поглощались имъ.

Въ настоящее время дѣло переселенія стоитъ нѣсколько иначе, такъ какъ контингентъ переселенцевъ состоитъ изъ національностей, любящихъ держаться своими обществами — итальянцевъ, поляковъ, ирландцевъ, словаковъ и т. п. Однако, какъ ни велико абсолютное число иммигрантовъ — около милліона ежегодно — относительно, они составляютъ не болѣе одной восьмидесятой части населенія штатовъ.

Другой вопросъ, возникающій у русскаго читателя при ознакомленіи съ американской жизнью, это — какимъ образомъ отдѣльные штаты могли сохранить полную независимость во внутреннихъ дѣлахъ?

Правду сказать, подобный вопросъ никогда не можетъ возникнуть въ головѣ американца, который привыкъ видѣть въ управленіи своей страной порядокъ, примѣненіе требованій логики и послѣдовательности.

Если графство (county) не можетъ диктовать живущимъ въ его предѣлахъ фермерамъ правилъ веденія хозяйства, то и штатъ не можетъ указывать входящимъ въ его составъ графствамъ, какъ имъ вести свои дѣла; таково же положеніе союза по отношенію къ штатамъ. Для непредубѣжденнаго американца показалось бы положительно дикимъ, еслибы, напримѣръ, кѣмъ-нибудь изъ властей въ Вашингтонѣ было издано распоряженіе — воспретить населенію территоріи Нью-Мексико ношеніе мексиканскихъ костюмовъ.

Изъ этихъ простыхъ положеній вытекаетъ жизненная основа независимости отдѣльныхъ штатовъ; что же касается политической стороны вопроса, то нужно имѣть въ виду, что центральное американское правительство, т. е. федеральное правительство, является ни чѣмъ инымъ, какъ собраніемъ представителей отъ каждаго штата. Такимъ образомъ, если предположить, напримѣръ, возможность соглашенія или заговора со стороны нѣсколькихъ штатовъ, съ цѣлью подчиненія своимъ интересамъ интересовъ другого или другихъ штатовъ, то они тотчасъ же натолкнутся на представителей послѣднихъ, которые, опираясь на параграфы 77 и 79 (по общему счету) федеральной конституціи, не допустятъ проведенія на практикѣ какихъ-либо централистическихъ тенденцій.

§ 77 читается такъ: Новые штаты могутъ быть присоединяемы конгрессомъ къ настоящему Союзу. Но никакой новый штатъ не можетъ быть образованъ или устроенъ въ предѣлахъ юрисдикціи какого-либо иного штата. Равнымъ образомъ, какой-либо иной штатъ не можетъ быть

образованъ соединеніемъ двухъ или болѣе штатовъ или частей ихъ безъ согласія законодательныхъ собраній заинтересованныхъ штатовъ, а также и согласія федеральнаго конгресса.

И § 79: Соединенные Штаты должны гарантировать каждому изъ входящихъ въ ихъ Союзъ штатовъ республиканскую форму правленія и должны ограждать каждый изъ нихъ отъ вторженія непріятелей и, по заявленію законодательной власти или исполнительной власти (въ томъ случаѣ, если законодательная не можетъ собраться), отъ домашнихъ насилій.

Видя на примѣрѣ Европы, какъ много всюду имѣется охотниковъ прибирать къ рукамъ свободу другихъ, американцы, еще въ своемъ конфедеративномъ соглашеніи, игравшемъ въ жизни штатовъ роль конституціи до выработки и принятія послѣдней, поставили (§ 2) слѣдующія положенія. „Каждый штатъ сохраняетъ за собою верховную власть (sovereignty), свободу и независимость и всяческую власть, юрисдикцію и право, за исключеніемъ тѣхъ, которыя настоящимъ соглашеніемъ точнымъ образомъ передаются Соединеннымъ Штатамъ, представленнымъ конгрессомъ, по его собраніи".

Какъ видите, все это сдѣлано достаточно крѣпко, и безъ уничтоженія конституціи нарушить установленный порядокъ нѣтъ никакой возможности.

Какъ ни интересенъ вопросъ о вліяніи конституціи на складъ американской жизни, я долженъ ограничиться въ этомъ очеркѣ лишь общимъ его изложеніемъ и перейти теперь къ другому фактору американскаго благосостоянія — къ системѣ хомстэдовъ (homestead).

Въ С. Ш. хомстэдомъ называется участокъ земли, пріобрѣтаемый гражданиномъ отъ правительства.

Обыкновенный его размѣръ — 160 экровъ (около 60 десятинъ), но въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ размѣръ хомстэда можетъ быть удвоенъ, а въ пустынныхъ и учетверенъ, т. е. доведенъ до 640 экровъ (section).

Участокъ этотъ можетъ быть пріобрѣтаемъ на одномъ изъ слѣдующихъ условій: или гражданинъ платитъ за землю по доллару съ четвертью за экръ и въ такомъ случаѣ онъ можетъ получить ее въ собственность черезъ два съ половиною года; или гражданинъ уплачиваетъ лишь стоимость нарѣзки земли (15—20 долл.) и получаетъ ее въ собственность черезъ пять лѣтъ. Въ обоихъ случаяхъ взявшій землю долженъ втеченіе своего срока жить на этой землѣ, построить на ней усадьбу и обработать извѣстную ея часть.

Законъ о хомстэдахъ, изданный въ 1862 г., далъ новый толчекъ переселенческому движенію изъ Европы въ С. Ш.

Большинству людей, при настоящей степени ихъ развитія, свойственно стремленіе имѣть свой уголъ (home), обработывать свою землю,—стремленіе быть собственникомъ. Это стремленіе пока такъ сильно въ массахъ, что даже соціализмъ, по крайней мѣрѣ, американская его вѣтвь, считается съ нимъ, въ видѣ обѣщанія—давать участки земледѣльцамъ въ пожизненное владѣніе, на правахъ аренды.

Можно, поэтому, судить, какой манной небесной является этотъ американскій законъ о хомстэдахъ для лучшихъ элементовъ европейскаго пролетаріата. Вообразите себѣ, въ самомъ дѣлѣ, англійскаго съемщика земли, платящаго такую высокую аренду, что, несмотря на всѣ свои старанія, онъ едва можетъ прокормиться; или нѣмецкаго крестьянина, владѣющаго 5—6 моргенами земли, до того истощенной, по отношенію къ нѣкоторымъ составнымъ частямъ, что изъ выращенной на ней пшеницы уже нельзя испечь хлѣба—тѣсто не держится, распа-

дается; или австрійскаго крестьянина, работающаго лѣтомъ по 19 часовъ въ сутки и уплачивающаго изъ своего скуднаго заработка безчисленные налоги, отъ земельнаго до налога на двери и окна... Вообразите всѣхъ этихъ людей въ ихъ обстановкѣ на родинѣ, съ одной стороны, и съ другой, — возможность получить 160 экровъ цѣлинной земли почти даромъ въ Америкѣ, возможность работать здѣсь десять часовъ въ сутки, пользоваться преимуществами американскаго общественнаго устройства, въ которомъ нѣтъ ни дворянъ, ни графовъ, ни князей, ни какихъ бы то ни было иныхъ *фоновъ*, ни многочисленныхъ совѣтниковъ—*ратовъ*, изъ которыхъ каждый требуетъ къ себѣ почтенія и наровитъ показать, гдѣ только можно, свое преимущество и превосходство передъ мужикомъ. Вообразите все это и вы тогда поймете, чѣмъ служатъ для загнанныхъ элементовъ Европы Соединенные Штаты.

Итакъ, переселенецъ, прибывшій сюда и „взявшій первыя бумаги", т. е. заявившій о своемъ желаніи сдѣлаться американскимъ гражданиномъ, получаетъ облюбованный имъ хомстэдъ и садится на него. Денегъ у этого новоиспеченнаго американца нѣтъ, но онъ занимаетъ немного ихъ въ банкѣ и на занятую сумму покупаетъ лошадей, фургонъ, необходимыя орудія (все это, покупая, онъ, конечно, закладываетъ ссужающему его деньгами банку) и, вооруженный такимъ образомъ, начинаетъ свою карьеру въ новомъ отечествѣ. Поселенецъ старается найти работу на сторонѣ и, если это ему удается, онъ съ парой лошадей зарабатываетъ, смотря по мѣстности, отъ двухъ съ половиной до четырехъ долларовъ въ день. Когда нѣтъ такой работы, онъ работаетъ на своемъ участкѣ.

Такъ человѣкъ кормится, уплачиваетъ налоги и засѣваетъ часть своей земли.

Первый же урожай, если только мѣсто выбрано умѣло, даетъ новому хозяину возможность уплатить долгъ банку и купить пару коровъ. Съ помощью ихъ и работы на сторонѣ онъ перебивается до второго урожая.

Мало-по-малу приходятъ: домъ о трехъ-четырехъ комнатахъ, солидный сарай, хорошее помѣщеніе для лошадей и коровъ, рессорный экипажъ, пара выѣздныхъ лошадей, кромѣ пары или четверки рабочихъ, плугъ съ сидѣньемъ, дисковая борона, модныя платья и шляпки для жены... словомъ, обстановка, какую не всегда найдешь и у тѣхъ *фоновъ*, которымъ онъ такъ низко кланялся и такъ завидовалъ въ „старой странѣ".

Къ этому времени оканчивается пять лѣтъ съ момента его поселенія въ Америкѣ, и онъ „беретъ вторыя бумаги", т. е. патентъ на званіе гражданина С. Ш., а черезъ нѣсколько дней и патентъ на владѣніе своимъ участкомъ. Теперь онъ пользуется всѣми правами, можетъ участвовать въ избирательствѣ своихъ начальниковъ — слугъ, начиная съ президента, а черезъ два и четыре года можетъ и самъ быть выбираемъ въ палату и въ сенатъ.

Но перспективы высокихъ общественныхъ должностей не такъ улыбаются вчерашнему бѣдняку-пролетарію, какъ надежда сдѣлаться богатымъ, очень богатымъ, милліонеромъ. Почему же нѣтъ? Вѣдь и Спрэкелсъ, и Карнеги взошли на американскую почву 19—20 лѣтними парнями безъ цента въ карманѣ (тогда еще не нужно было „показывать" пятидесяти или ста долларовъ, какъ это требуется теперь), а въ настоящее время одинъ владѣетъ сотнею, а другой—сотнями милліоновъ. Спрэкелсъ, къ тому же, нѣмецъ, явился сюда и безъ языка.

Удастся или не удастся нашему поселенцу сдѣлаться вторымъ Спрэкелсомъ--для насъ вопросъ второстепенный; по всей вѣроятности, нѣтъ, такъ какъ Спрэкелсы и Кар-

неги, къ счастью, все же весьма рѣдки. Для насъ главное здѣсь заключается въ томъ, что бѣднякъ, выбивавшійся изъ силъ въ Европѣ въ погонѣ за возможностью коекакъ прокормить и одѣть себя и семью, дѣлается въ короткое время въ Америкѣ обезпеченнымъ, правоправнымъ человѣкомъ, перестающимъ думать о томъ, будетъ ли что ему ѣсть завтра, и не лучше ли на нѣсколько имѣющихся въ его распоряженіи марокъ, кронъ или лиръ купить жаровню углей и, любуясь на голубенькіе дразнящіе язычки ихъ ядовитаго пламени, отправиться туда, гдѣ, по разсказамъ поповъ, живется такъ хорошо и гдѣ нѣтъ ни плача, ни печали, ни вздоховъ. Поселенецъ теперь приходитъ къ заключенію, что добрые пасторы и патеры не достаточно знакомы съ географіей и что они напрасно тычутъ пальцемъ въ небо, когда имъ слѣдовало бы показывать на западъ...

Безпристрастное наблюденіе надъ европейскимъ переселенцемъ, очутившимся на американской почвѣ, показываетъ намъ, во-первыхъ, что европейскій пролетарій не есть законный и стойкій типъ эволюціи, и атавистическія стремленія къ землѣ тотчасъ же проявляются въ немъ, какъ только есть возможность получить эту землю; во-вторыхъ, что американизація а, слѣдовательно, и всякій подобный процессъ національной ассимиляціи, можетъ происходить мирно, незамѣтно, безъ всякихъ насилій, и что для успѣшнаго его дѣйствія требуются три условія—чтобы ассимилирующій народъ былъ болѣе культуренъ, чѣмъ ассимилируемые, чтобы это ассимилированіе происходило путемъ воздѣйствія школы, и чтобы ассимилируемымъ хорошо жилось въ ассимилирующей ихъ странѣ... ubi bene, ibi patria—гдѣ хорошо, тамъ и отечество и „ни что не дается даромъ“: за ассимиляцію нужно платить.

Въ этихъ ста шестидесяти экрахъ земли и въ этихъ двухъ конституціяхъ—федеральной и штатной—заложенъ глубокій корень благосостоянія американскаго фермера, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и благосостояніе цѣлой страны. Въ нихъ же заключается залогъ и дальнѣйшаго развитія С. Ш., такъ какъ дѣйствіе „основныхъ законовъ“ обезпечено и на будущее время, правительственной земли еще много, и она раздается и будетъ раздаваться такими же участками и въ дальнѣйшемъ.

— Все хорошо, скажетъ читатель, американскіе порядки обезпечиваютъ возможность человѣческаго существованія за гражданами своей страны, но почему же такая несправедливость по отношенію къ китайцамъ, этимъ мирнымъ, усерднымъ работникамъ, этимъ людямъ, довольствующимся малымъ?

— Въ послѣднемъ обстоятельствѣ—почти все и объясненіе кажущейся несправедливости, отвѣчу я.

Китайскій рабочій получаетъ у себя на родинѣ 7—8 центовъ въ день. Калифорніецъ за тотъ же родъ работы получаетъ у себя 1 долл. 75 центовъ въ день, т. е. въ 23 раза болѣе. Добиться подобнаго заработка американцамъ стоило не малыхъ усилій. Если принять во вниманіе, что въ Китаѣ фунтъ риса стоитъ 2 цента, а въ Калифорніи 8 центовъ, то и тогда китаецъ съ удовольствіемъ согласится получать лишь одну треть заработка бѣлаго. При такой платѣ американскій рабочій, со своими развитыми, „человѣческими“, потребностями существовать не можетъ. Такимъ образомъ, статьи конституціи, ставящія китайцевъ въ исключительное положеніе, вызваны стремленіемъ охранить интересы американскаго рабочаго населенія, которому, дѣйствительно, грозитъ „желтая опасность“. Богатые люди, желающіе имѣть въ лицѣ китайцевъ дешевыхъ рабочихъ, употребляютъ всевозможныя усилія для того, чтобы уничтожить мѣшающія имъ статьи конституціи, но народная масса всегда была,

есть и будетъ противъ этого, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока общество будетъ держаться принципа конкурренціи.

Сидя въ кабинетѣ, можно, конечно, дѣлать жесты негодованія по этому поводу, но для того, кто непосредственно соприкасается съ жизнью и ея практикой, подобныя ограниченія являются и разумными, и справедливыми. Вѣдь даже и въ китайской имперіи можетъ быть введена конституція — путь къ ней уже мостится изданнымъ недавно указомъ *) китайскаго императора о созывѣ періодическихъ народныхъ собраній для обсужденія дѣлъ государства совмѣстно съ правительствомъ, сѣверовосточныя ея провинціи мало заселены, а сѣверныя пустынны, слѣдовательно, китайцы могутъ и у себя дома завести американскіе порядки.

Присутствіе китайцевъ въ С. Ш. не только служитъ угрозой пониженія заработной платы, но ихъ жилища, вслѣдствіе грязи и вони, которыя они привозятъ съ собой и въ Америку, являются постоянными очагами различныхъ заразныхъ болѣзней, до холеры и чумы включительно.

Да, при взглядѣ со стороны, отношеніе американцевъ къ китайцамъ кажется несправедливымъ, но, предположите, что вы устроили у себя чистый прудъ, изъ котораго, между прочимъ, берете воду и для питья. Позволите ли вы своему сосѣду купать въ немъ лошадей. а сосѣдкѣ — мыть пеленки?

Не одна американская конституція заключаетъ въ себѣ подобные „жестокіе“ параграфы; нѣчто подобное имѣется и въ японской конституціи, хотя идетъ съ совершенно противоположной стороны.

Вѣроятно, нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей извѣстно, что японская конституція не даетъ иностранцамъ права пріобрѣтать землю на японской территоріи. Иностранцы упрекаютъ за это японцевъ и въ варварствѣ, и въ непослѣдовательности, и во многомъ другомъ. Японцы, въ отвѣтъ на это, по своему обыкновенію, лишь любезно улыбаются. Но въ этихъ краснорѣчивыхъ улыбкахъ можно прочесть слѣдующія простыя и потому понятныя истины. Если бы вамъ, иностранцамъ, вооруженнымъ вашей цивилизацiей съ ея аггрессивными тенденціями, дать полную волю, то вы бы расхитили нашу Японію въ одно — два десятилѣтія, вы бы оставили намъ лишь выжатый лимонъ, выѣденное яйцо, а содержимое ихъ перевели бы на деньги, деньги перевели бы въ свои банки, а вслѣдъ за тѣмъ и сами улетучились бы съ нашихъ островов. Благодаримъ васъ за честь имѣть васъ въ числѣ нашихъ землевладѣльцевъ, владѣльцевъ копей, нефтяныхъ скважинъ и т. д., но боимся, что эта честь намъ „самимъ дороже будетъ стоить“. Обратите свое милостивое вниманіе на богатства тѣхъ народовъ, которые болѣе, чѣмъ мы, способны быть любезными „изъ-за прекрасныхъ вашихъ глазъ“, а насъ оставьте въ покоѣ, мы и безъ васъ справимся со своими богатствами...

Изъ этихъ примѣровъ мы можемъ вынести еще одно полезное для насъ свѣдѣніе, а именно, что какъ одна изъ самыхъ заурядныхъ, такъ и самая либеральная изъ конституцій не останавливаются передъ мѣрами, вытекающими даже изъ источника нетерпимости, если только онѣ являются необходимыми для огражденія интересовъ своего народа.

Нужно надѣяться, что черезъ два-три вѣка наступитъ такой моментъ, когда всѣ люди успѣютъ нивеллироваться въ своемъ развитіи, стремленіяхъ и путяхъ къ осуществленію ихъ, и можно будетъ говорить о всемірной конституціи, не

*) Объ этомъ интересномъ указѣ въ американскихъ газетахъ было сообщено въ концѣ февраля (нов. ст.) текущаго года.

дѣлающей никакого различія между народами, а пока примиримся съ существующими шероховатостями и до поры-до времени будемъ считать ихъ не только законными, но и прямо необходимыми.

Чтобы закончить настоящій очеркъ, и безъ того уже растянувшійся за положенныя границы, мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ американцы понимаютъ гражданскія добродѣтели, налагаемыя на нихъ званіемъ United States Citizen.

R. L. Ashley, авторъ сочиненія The American Federal State, прекрасной справочной книги по всему, что касается полититическаго устройства С. Ш., говоритъ, что двумя основными добродѣтелями американскаго гражданина являются *знаніе и дѣйствіе*—knowledge and action. „Знаніе безъ дѣйствія есть безполезность, дѣйствіе безъ знанія есть глупость“, замѣчаетъ этотъ писатель. „Недостаточно того, продолжаетъ онъ далѣе, что мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія относительно организаціи и примѣненія нашей политической системы и что мы можемъ говорить по ученому о великихъ событіяхъ въ нашей конституціонной исторіи; мы должны быть еще приготовлены и къ тому, чтобы посвятить свое время и свои способности такой работѣ, въ какой будетъ нуждаться наша страна, хотя бы это была трудная, черная, непріятная работа“.

Энтузіазмъ является могущественной общественной силой, если только употребленіе его правильно, но если онъ слѣпъ или связанъ съ узкостью воззрѣній или съ эгоизмомъ, то такой энтузіазмъ несетъ съ собой угрозу сдѣлаться опаснымъ для государства и общества“.

Эшли осуждаетъ также пессимизмъ, какъ настроеніе, несогласимое съ правильнымъ пониманіемъ идеи американскаго гражданина. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли человѣкъ развивать всѣ свои силы и способности, можетъ ли беззавѣтно отдаваться полезной работѣ и любить ее, если надъ всей его дѣятельностью тяготѣетъ мрачное соображеніе о томъ, что, въ концѣ концовъ, изъ него будетъ „лопухъ рости“?..

Какъ я уже замѣтилъ въ одномъ изъ прежнихъ очерковъ, американцы—оптимисты, по преимуществу, и этимъ, въ значительной мѣрѣ, объясняется тотъ фактъ, что они такъ хорошо выполняютъ обязанности гражданъ своего отечества.

Вы еще часто слышите, какъ крокодилы плачутъ о томъ, что либеральная изъ конституцій служитъ въ рукахъ американскихъ политикановъ лишь средствомъ для преслѣдованія ихъ личныхъ цѣлей. Теперь, когда вы ближе познакомились съ этимъ документомъ, вы сами въ состояніи судить, можетъ ли онъ служить удобнымъ орудіемъ для подобныхъ операцій.

Слышите вы также и соболѣзнованіе по поводу того, что „лучшіе“ люди С. Ш. устраняются отъ участія въ законодательствѣ и въ управленіи страной, предоставляя эти области авантюристамъ.

„Смотрите въ корень вещей“, основательно совѣтовалъ одинъ изъ россійскихъ философовъ. Смотрите на корни, но поглядывайте и на вѣтви, замѣчу и я,—дерево, вѣдь, узнается по плодамъ его.

Темна ли Америка? бѣдна ли она? отсутствуютъ ли въ ней гарантіи правъ и свободы личности? Зажатъ ли въ ней ротъ гражданамъ, желающимъ громко высказать свои мысли? Вотъ на какіе вопросы отвѣта вы можете требовать у своего противника, если онъ станетъ вамъ доказывать, что въ С. Ш. конституція—сама по себѣ, а все прочее, что и въ неконституціонныхъ странахъ наблюдается, тоже—само по себѣ.

Спорить противъ фактовъ невозможно.

Ѳ. Крыштофовичъ.

Ioamosa, California.

Отъ рабства къ свободѣ.

Букера Вашингтона.

(Продолженіе).

VII. Первые годы въ Тоскеги.

Въ то же время я, завѣдуя индѣйскимъ отдѣломъ и вечерней школой, продолжалъ свое ученіе подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ. Однимъ изъ нихъ былъ др. Г. Б. Frissell, теперешній директоръ Гамптонской Семинаріи и преемникъ генер. Армстронга.

Въ маѣ 1881 г., къ концу перваго года занятій въ вечерней школѣ, произошелъ переворотъ въ моей жизни, имѣвшій весьма сильное значеніе на всю послѣдующую мою дѣятельность. Однажды, по окончаніи службы въ церкви, генер. Армстронгъ объявилъ, что онъ получилъ письмо отъ одного господина въ Алабами, съ просьбой прислать ему кого нибудь изъ его достойныхъ воспитанниковъ, чтобы принять на себя завѣдываніе учительской семинаріей для чернокожихъ въ маленькомъ городкѣ Тоскеги, въ томъ-же штатѣ. Этотъ господинъ, будучи увѣренъ, что между черными не найдется подходящаго человѣка, просилъ генер. Армстронга прислать или рекомендовать кого либо изъ бѣлыхъ.

Генер. Армстронгъ прислалъ за мной и спросилъ, рѣшусь ли я принять на себя такую отвѣтственную работу. Я сказалъ, что во всякомъ случаѣ могу попробовать.

Согласно съ этимъ онъ написалъ въ Алабами письмо, въ которомъ говорилъ, что не имѣя въ виду въ данное время никого изъ бѣлыхъ,

онъ можетъ рекомендовать одного негра, при чемъ назвалъ меня. Чрезъ нѣсколько дней пришла телеграмма на имя Армстронга, гдѣ было сказано: „Букеръ Т. Вашингтонъ отвѣчаетъ нашимъ требованіямъ; пришлите его немедленно".

Радости и поздравленіямъ не было конца, и я тотчасъ же началъ готовиться къ отъѣзду. По дорогѣ я заѣхалъ въ свое родное мѣсто и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, отправился въ Тöскеги. Въ немъ было 2.000 жителей, изъ которыхъ половина приходилась на черныхъ. Эта мѣстность находилась въ такъ наз. Черномъ Поясѣ Юга, гдѣ число черныхъ относилось къ бѣлымъ, какъ 5 къ 1, а въ нѣкоторыхъ округахъ доходило даже до 6 къ 1.

Отправляясь въ Тöскеги, я ожидалъ найти тамъ готовую школу и все необходимое для учебныхъ занятій. Къ моему сильному разочарованію, ничего подобнаго тамъ не было. Но за то я нашелъ тамъ то, чего никакія роскошныя зданія или школьныя принадлежности не могутъ дать: нашелъ серьезныхъ людей, страстно жаждавшихъ знанія. Тöскеги, по моему, былъ идеальнымъ мѣстомъ для школы—посреди густого населенія негровъ и не далеко отъ главной линіи желѣзныхъ дорогъ. Во времена рабства и послѣ этотъ городокъ былъ центромъ для образованія бѣлыхъ; это было очень благопріятное обстоятельство для моихъ цѣлей, ибо уровень общественнаго развитія былъ тамъ значительно выше, чѣмъ во многихъ другихъ городахъ Юга; и вслѣдствіе этого отношенія бѣлыхъ къ чернымъ были вполнѣ дружелюбныя. Негры, хотя очень невѣжественные, не были развращены и расслаблены пороками, свойственными городской жизни, и своимъ трудолюбіемъ и честностью снискивали себѣ уваженіе бѣлыхъ.

По пріѣздѣ въ Тöскеги мнѣ сообщили, что нѣкоторые болѣе предпріимчивые негры, узнавъ объ образовательной миссіи для черныхъ въ Гамптонѣ, обратились черезъ своихъ представителей въ Конгрессъ штата, за помощью на устройство подобнаго, хотя и маленькаго заведенія въ Тöскеги. Правительство отозвалось на эту просьбу и опредѣлило ежегодную помощь въ 2 тысячи долларовъ. Но я очень скоро узналъ, что этой суммы хватало только на уплату жалованія наставникамъ, и что нужно было самому изыскивать средства на покупку земли, для постройки необходимыхъ зданій и всѣхъ школьныхъ принадлежностей.

Для школы мы остановились на одномъ мѣстѣ, на которомъ находилась старая, полуразрушенная методистская церковь, съ небольшой лачужкой при ней. Какъ церковь, такъ и лачужка были въ невозможномъ состояніи, но самоотверженнымъ ученикамъ и это было ни по чемъ, а мнѣ и подавно. Вскорѣ я узналъ, что и вообще положеніе школьнаго дѣла въ округѣ было незавидное.

Часто мнѣ доводилось наталкиваться на такія школы, гдѣ не было печей, и огонь раскладывался на дворѣ; ученики и учителя поочередно бѣгали къ огню, чтобы отогрѣться. За немногими исключеніями, учителя этихъ жалкихъ школъ были очень мало подготовлены къ своему дѣлу и весьма сомнительной нравственности. Школы были открыты для учащихся въ продолженіи трехъ—пяти мѣсяцевъ въ году. Въ нихъ не было никакихъ школьныхъ принадлежностей; иногда встрѣчались кое-гдѣ грубое подобіе черныхъ досокъ. Разъ я зашелъ въ полу-развалившійся срубъ, служившій мѣстомъ школы, и увидѣлъ тамъ 5 дѣтей учившихся изъ одной книги; двое изъ нихъ въ первомъ ряду держали книгу между собою, двое другихъ заглядывали въ книгу черезъ плечи другихъ двухъ; а пятый, маленькій человѣкъ, поднявшись выше ихъ всѣхъ, напрягалъ

зрѣніе, чтобы разглядѣть хоть что нибудь черезъ плечи всѣхъ четырехъ.

Все, что я говорилъ о школахъ и ихъ учителяхъ, относится съ такой же силой къ церквамъ и ихъ священникамъ. Мнѣ попадались интересные типы во время путешествія. Вотъ маленькая иллюстрація умственнаго развитія сельскаго населенія. Однажды я просилъ одного негра лѣтъ 60-ти сообщить мнѣ что нибудь о своей жизни. Онъ сказалъ, что родился въ Виргиніи, и былъ запроданъ въ Алабаму въ 1845 г. Я спросилъ его: сколько васъ было продано тогда? Онъ отвѣтилъ: „насъ было 5: я, братъ и 3 мула“!

Описывая всѣ эти темныя стороны жизни людей, черезъ земли которыхъ мнѣ приходилось проѣзжать, я примѣчалъ также и свѣтлыя, и ихъ было не мало. Но я пропускаю эти болѣе яркія отрадныя черты съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи болѣе останавливаться на свѣтлыхъ картинахъ, происшедшихъ подъ вліяніемъ Тöскеги и и другихъ подобныхъ заведеній.

VIII. Школа въ конюшнѣ и курятникѣ.

Долженъ признаться, что все видѣнное мною по дорогѣ дѣйствовало на меня удручающимъ образомъ. Мнѣ казалось, что для того, чтобы поднять и расширить умственный и нравственный горизонтъ людей, среди которыхъ мнѣ приходилось дѣйствовать, было выше моихъ силъ. Однако, отказываться было поздно,—и 4 іюня 1881 г. я открылъ въ своей сторожкѣ при церкви школу.

Въ устройствѣ этой школы много помогли мнѣ два моихъ друга, одинъ бѣлый, бывшій рабовладѣлецъ, Д. Каммель; другой черный, бывшій рабъ, Льюисъ Адамсъ. Каммель, купецъ и банкиръ, много занимался вопросомъ о воспитаніи; Адамсъ былъ механикомъ, кромѣ того, еще въ дни рабства изучилъ башмачное, шорное и жестяное ремесла. Онъ не былъ и дня въ школѣ, но какъ-то умудрился, будучи еще рабомъ, выучиться читать и писать.

Съ самаго начала они оба поняли вполнѣ мои планы воспитанія, симпатизировали мнѣ и поддерживали мой духъ. Въ дни финансовыхъ неурядицъ Каммель никогда не отказывался помогать, чѣмъ только могъ.

На первый разъ рѣшено было принять до 30 учениковъ, которые большею частью были учителями въ элементарныхъ школахъ; все люди солиднаго возраста (нѣкоторымъ было около 40 лѣтъ). Скоро я убѣдился, что образованіе ихъ было самое безпорядочное: многіе умѣли извлекать кубичные корни и не знали таблицы умноженія. И такъ по всѣмъ предметамъ; за то всѣ занимались съ замѣчательнымъ прилежаніемъ.

Чрезъ мѣсяцъ число моихъ учениковъ возрасло до 50, а затѣмъ появился и новый учитель, въ лицѣ миссъ Оливіи А. Дэвидсонъ, ставшей впослѣдствіи моей женой. Она родилась въ Огайо и получила свое образованіе въ общественныхъ школахъ этого штата. Еще дѣвочкой она слышала о недостаткѣ хорошихъ учителей на Югѣ. Она отправилась сначала за учительницу въ штатъ Миссиссипи, потомъ въ Мелирисъ. Пріѣхавъ въ Тöскеги, миссъ Дэвидсонъ внесла съ собой въ нашу жизнь много свѣжихъ и драгоцѣнныхъ идей по воспитанію и способамъ обученія; и ея неутомимому труду и терпѣнію нужно приписать успѣшную работу въ Тöскеги, проявившуюся въ первые годы его существованія.

Съ самаго начала по пріѣздѣ миссъ Дэвидсонъ, мы начали обдумывать планъ нашихъ будущихъ дѣйствій. Ученики работали очень успѣшно и пріобрѣтали много знаній, но чисто книжныхъ, не имѣющихъ реальнаго примѣненія къ жизни, и намъ стало ясно, что мы должны были пред-

принять такія улучшенія, которыя отвѣчали бы запросамъ жизни довѣрявшихъ намъ свое воспитаніе. Именно, мы должны были „воспитывать“, а не только развивать умъ нашихъ учениковъ. Кромѣ того, имъ нужно было дать въ руки какое либо ремесло для обезпеченія себѣ безбѣднаго существованія, научить ихъ земледѣлію и т. п. Между тѣмъ весьма многіе изъ учениковъ, считая трудъ несовмѣстимымъ съ учительскимъ званіемъ и даже унижающимъ его, не хотѣли было сначала и слышать ни о чемъ, кромѣ книгъ.

Сколько разъ мнѣ приходилось самому брать топоръ или лопату и показывать имъ примѣръ!

А число учениковъ все возрастало. Скоро въ сторожкѣ при церкви уже стало черезчуръ тѣсно. Стали подумывать о переселеніи на другое мѣсто. Какъ разъ въ это время на разстояніи 1 мили отъ Тöскеги продавалась съ аукціона запущенная плантація. Цѣна была невысокая—всего 500 долл. Но у насъ и этого не было.

Однако, скоро нашли выходъ изъ этого положенія: 250 долл. мнѣ одолжили добрые люди, а 250 бывшій владѣлецъ согласился отсрочить на 1 годъ. Не теряя времени мы начали перебираться на нашу новую землю. Тамъ мы нашли только хижину, прежнюю столовую рабовъ, старую кухню и старый курятникъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ эти зданія мы приспособили къ нуждамъ школы. Конюшня и курятникъ стали классными комнатами. Всѣ необходимыя работы были сдѣланы воспитанниками по окончаніи школьныхъ занятій. Покончивъ съ строеніями, начали готовить землю для посѣвовъ и вскорѣ очистили около двадцати акровъ земли, потомъ засѣявъ ихъ зерномъ.

Въ это время миссъ Дэвидсонъ придумывала средства къ уплатѣ долга. Она устраивала нѣчто вродѣ праздниковъ съ „ужинами“. Съ этой цѣлью она посѣщала бѣлыя и черныя семьи въ Тöскеги и просила всѣхъ и каждаго давать ей что нибудь, по ихъ средствамъ, для продажи на ихъ „ужинахъ“. Конечно, чернокожіе съ радостью давали что могли, кто курицу, кто пирогъ, сахаръ, муку и пр. Да и ни одна семья изъ бѣлыхъ не отказалась помочь этому доброму дѣлу. Много подобныхъ „ужиновъ“ устраивала миссъ Дэвидсонъ, и порядочную сумму выработала такимъ путемъ. Она обращалась также съ прямой просьбой помочь деньгами, — и здѣсь многіе радостно откликались на этотъ призывъ. Очень трогательно было видѣть, съ какой любовью старые негры, проведшіе лучшіе годы свои въ рабствѣ, отдавали свои жалкіе гроши на помощь учащимся, кто сколько могъ, 5, 10 и 25 центовъ. А однажды старая негритянка принесла 6 яицъ, единственное ея достояніе.

IX. Трудные дни и безсонныя ночи.

Благодаря нашимъ усиліямъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ усиленной работы намъ удалось собрать 250 дол. для уплаты долга, а къ концу года собрать и остальные 250 дол. и слѣд. сдѣлаться собственниками ста акровъ земли.

Этотъ фактъ доставилъ намъ величайшее удовлетвореніе и радость. Дальнѣйшая задача состояла въ обработкѣ возможно большаго количества земли, чтобы получить съ нея выгоду, а главное:—обучать нашихъ воспитанниковъ всестороннему землевѣдѣнію. Всѣ наши работы и занятія вытекали, логически, изъ требованій самой жизни. Мы начали прежде всего съ земледѣлія, потому что больше всего нуждались въ пищѣ. Кромѣ того многіе изъ нашихъ учениковъ по бѣдности не могли долго оставаться въ школѣ, не имѣя возможности платить ни за ученіе, ни за содержаніе; у насъ же не было средствъ платить даже

за самыхъ даровитыхъ. И чтобы помочь имъ въ достиженіи ихъ цѣлей, мы начали расширять и разнообразить занятія и, давая работу ученикамъ, ставили ихъ въ положеніе, при которомъ они могли уплачивать за свое образованіе.

Первое животное (четвероногое), подаренное намъ въ 1881 году бѣлымъ гражданиномъ въ Тöскеги, была старая слѣпая лошадь. Для контраста, могу, пожалуй, прибавить, что теперь (въ 1901 г.) у насъ имѣется: болѣе 200 головъ лошадей, жеребятъ, муловъ, коровъ, телятъ и воловъ, и около 700 свиней и поросятъ, также большое число овецъ и барановъ.

Такъ какъ школа наша постоянно увеличивалась, то уплативши все за землю, мы стали усиленно обрабатывать ее, чинить и исправлять наши старыя зданія, и даже задались смѣлой идеей построить большое и обстоятельное зданіе для школы. По долгомъ и серьезномъ размышленіи и вычисленіи, мы начертили планъ, при чемъ оказалось, что для этой цѣли намъ понадобится 6.000 долл.—сумма громадная. Однако, благодаря добрымъ людямъ, мы справились и съ ней.

Одинъ лѣсопромышленникъ далъ намъ въ долгъ лѣсу, а миссъ Дэвидсонъ, проѣхавъ на сѣверъ, нашла благотворительницъ, давшихъ ей нѣсколько сотъ долларовъ.

Разработавъ планъ дома, мы съ учениками принялись копать землю для фундамента, работая послѣ школьныхъ занятій. Въ нѣсколько недѣль основаніе было готово,—и мы назначили день „закладки камня".

Когда подумать, что эта закладка камня произошла въ самомъ сердцѣ Юга, въ такъ называемомъ „Черномъ Поясѣ", этомъ закоренѣломъ мѣстѣ рабства, что прошло всего только 16 лѣтъ по уничтоженіи его; что 16 лѣтъ тому назадъ никто,—по закону и общественному мнѣнію—не смѣлъ обучать негра по книгамъ,—и что послѣ всего этого будетъ происходить торжественная и публичная закладка камня для Учительской семинаріи чернокожихъ, то понятно станетъ всеобщее возбужденное состояніе духа и необыкновенное оживленіе въ городѣ и сосѣдствѣ!

Съ Божію помощью, мы довели до конца и теперь не нарадуемся на благіе результаты его, а трудовъ было положено не мало! Помню, какихъ усилій стоила намъ одна выдѣлка кирпичей! Я чуть не плакалъ отъ досады, пока получилъ приличный кирпичъ,—за то теперь наши кирпичи въ хорошей цѣнѣ,—и заказовъ хоть отбавляй.

За кирпичедѣланіемъ, мы потомъ постепенно изучили и другія ремесла.

Какъ только наше новое зданіе пришло въ такое состояніе, что можно было занимать хотъ часть его, мы открыли пансіонъ. Воспитанники приходили къ намъ издалека и должны были жить на сторонѣ;—и этимъ мы были лишены возможности слѣдить за ихъ домашней жизнью, слѣд., терять половину вліянія на нихъ. Въ новомъ зданіи мы не могли отдать мѣста для кухни и столовой; за то придумали подкопаться подъ домомъ и сдѣлать тамъ кухню и столовую. Я обратился къ воспитанникамъ съ просьбой помочь въ этой работѣ. И черезъ нѣсколько недѣль у насъ была и кухня, и столовая, правда, очень грубо отдѣланныя и неудобныя. Кому удалось бы взглянуть на эти комнаты теперь, тотъ не повѣрилъ бы, что онѣ были когда-то сдѣланы съ другой цѣлью.

Какъ и чѣмъ снабдить эти комнаты, и на какія средства?—Вотъ былъ тяжелый вопросъ. Купцы города охотно снабдили бы насъ необходимыми пищевыми припасами. Число желавшихъ быть нашими кредиторами превышало наше желаніе пользоваться ихъ услугами (они вѣрили въ насъ больше, чѣмъ мы сами). Но какъ гото-

вить безъ печей и ѣсть безъ посуды? Сначала мы готовили на воздухѣ, въ котлахъ и крытыхъ сковородкахъ, на открытомъ огнѣ; скамьи, употреблявшіяся при постройкахъ, послужили намъ столами, а посуды было такъ мало, что не стоитъ и говорить о ней.

Завѣдующіе кухонной частью не привыкли еще къ мысли, что время ѣды должно быть правильное, и это причиняло намъ много непріятностей. Всегда что-нибудь было не въ порядкѣ. То мясо пережарится, то не дожарится, то соль не положена, то чай не сдѣланъ и пр. мелкія, но въ свое время непріятныя отклоненія.

X. Подсчитываніе цыплятъ раньше осени.

Однажды школу посѣтилъ генер. Армстронгъ. Онъ былъ пораженъ и обрадованъ такимъ быстрымъ прогрессомъ въ такое короткое время. Чернокожіе издалека приходили посмотрѣть на генер. Армстронга, о которомъ они такъ много слышали. Но не только чернокожіе съ восторгомъ привѣтствовали генерала, даже бѣлые Южане ничѣмъ не отставали въ своихъ выраженіяхъ привѣтствія этому замѣчательному человѣку, столько сдѣлавшему для поднятія образованія на югѣ.

Теперь съ каждымъ годомъ идеи генер. Армстронга начинаютъ все болѣе охватывать весь Югъ и отражаться не только на чернокожихъ, но и на бѣлыхъ. Въ настоящее время нѣтъ ни одного Южнаго Штата, который не старался бы приспособить въ своихъ школахъ для мальчиковъ и дѣвочекъ какое либо ремесленное и промышленное образованіе, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ всегда можно прослѣдить въ этомъ движеніи вліяніе идей Армстронга.

Вскорѣ послѣ открытія нашего мизернаго пансіона, воспитанники начали приходить къ намъ еще въ большемъ количествѣ. Въ продолженіе многихъ недѣль мы должны были не только продовольствовать нашихъ учениковъ, но и давать имъ помѣщенія для жилья, и все это, не имѣя наличныхъ денегъ. Для этой цѣли мы наняли нѣсколько ближайшихъ котеджей. Эти хижинки были въ очень плачевномъ состояніи, и наши бѣдные воспитанники сильно страдали зимой отъ холода. Мы брали за столъ 8 дол. въ мѣсяцъ,—все, что они въ состояніи были платить. Въ эту плату также входила—комната, отопленіе и стирка. Кромѣ того мы засчитывали всю сдѣланную ими работу для школы. Плату за образованіе, которая была и есть теперь 50 д. въ годъ, мы должны были добывать, какъ, гдѣ и чѣмъ могли. Эта маленькая плата за содержаніе учениковъ, конечно, не покрывала даже необходимыхъ расходовъ.

Зима второго года была жестокая, и намъ не хватало денегъ даже на покупку одѣялъ для воспитанниковъ. Да и, говоря правду, долгое время мы не были въ силахъ снабжать всѣхъ учениковъ какими нибудь матрацами и кроватями. Въ холодныя ночи мысль, что наши питомцы страдаютъ отъ холода, не позволяла мнѣ спать. Частью ночью я вставалъ съ кровати и отправлялся къ нимъ, чтобы поддержать ихъ духъ и моимъ участіемъ облегчить горькое положеніе. И не разъ я заставилъ ихъ сидящимъ кучами у огня, покрывшись единственнымъ одѣяломъ: въ продолженіи цѣлой ночи они не рѣшались даже прилечь.

И не смотря на всѣ эти бѣдствія, жалобъ почти не было слышно. Ученики отлично знали, что мы дѣлали для нихъ все, что было возможно. Они сами употребляли всѣ усилія, чтобы помочь намъ въ этомъ, и видя, какъ трудно приходится учителямъ въ ихъ заботахъ о нихъ, искали случая облегчить эти непомѣрные труды.

А нужно замѣтить, что большинство учащихся приходило прямо съ

плантацій. Все это были некультурные люди, которымъ приходилось показывать, какъ нужно ложиться спать, чистить зубы, умываться и пр. Когда мы были въ состояніи снабжать кровати двумя простынями, то должны были указывать на ихъ назначеніе. Долго намъ приходилось бороться съ ихъ неряшливостью и пріучать воспитанниковъ къ той привычкѣ, которая не позволяетъ имъ не пришить оторванной пуговки, не зачинить разорвавшагося платья или не вычистить пятно на одеждѣ. Наконецъ, мы добились, что все это исполнялось, и съ гордостью можемъ сказать, что при осмотрѣ платья на учащихся (что дѣлается каждый вечеръ), намъ не приходится дѣлать имъ замѣчаній. Старые воспитанники передаютъ новымъ наши строгія правила по этимъ вещамъ и съ самаго начала пріучаютъ новичковъ слѣдить за личнымъ порядкомъ, дабы избѣжать замѣчаній.

XI. Добываніе денегъ.

При открытіи пансіона мы отдѣлили верхнюю часть перваго зданія для комнатъ многихъ дѣвушекъ. Но число желающихъ обоего пола продолжало увеличиваться. Для молодыхъ людей мы находили мѣста внѣ школьной земли, но дѣвушекъ не рѣшались довѣрять чужимъ людямъ. И вотъ снова предстала передъ нами серьезная задача—какъ рѣшить съ этимъ вопросомъ. Мы опять задумали строить еще большее зданіе, могущее вмѣстить, какъ спальни, такъ и столовыя для всѣхъ учащихся. Сдѣлавши бѣглый набросокъ смѣты, мы увидѣли, что это обойдется намъ въ 10 т. дол. У насъ, конечно не было и 10 сотенъ для начала, и такъ какъ въ данномъ случаѣ названіе ничего не стоило, то мы, подумавъ, назвали воображаемое зданіе „Алабама залъ".

Опять неутомимая миссъ Дэвидсонъ начала заинтересовывать бѣлыхъ и черныхъ нашего околодка. Тѣ охотно отзывались, согласно своимъ средствамъ. Воспитанники, какъ и при первомъ зданіи, начали копать землю для фундамента.

Когда и эти немногія средства, которыя удалось собрать М. Дэвидсонъ, приходили къ концу, случилось нѣчто, показавшее намъ все величіе генер. Армстронга. Я получилъ отъ него телеграмму, гдѣ онъ просилъ меня сопутствовать ему въ его поѣздкѣ черезъ весь Сѣверъ. Конечно, я немедленно отправился въ Гамптонъ и тамъ узналъ, что генералъ намѣревается взять съ собой 4 хорошихъ пѣвцовъ и давать нѣчто въ родѣ музыкальныхъ вечеровъ, на которыхъ онъ и я будемъ говорить. А все это путешествіе устраивается только въ интересахъ нашей школы, и Гамптонская семинарія отвѣчаетъ за всѣ расходы.

Сборы были не долги. И вотъ открылось наше путешествіе. Мы побывали въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Филадельфіи, Бруклинѣ и другихъ большихъ городахъ, и генералъ Армстронгъ вездѣ и всегда говорилъ, говорилъ только въ интересахъ Тöскеги. Во всѣхъ своихъ рѣчахъ онъ старался заинтересовать публику нашей школой вообще и постройкой „Алабамы Залъ" въ частности. И въ обоихъ случаяхъ эти собранія были вполнѣ успѣшны.

Послѣ этой благородной рекомендаціи меня публикѣ, я послѣ началъ ѣздить одинъ.

Добрые люди находились вездѣ и никогда не отказывали мнѣ въ помощи, благодаря чему я могъ все болѣе и болѣе расширять свою школу.

Сколькихъ трудовъ и, порою, униженій стоило это „путешествіе за деньгами"!.. Помню, мнѣ зачастую приходилось ходить день за днемъ и не получать ни одного доллара, а часто случалось, что я, измученный и обезкураженный, приходилъ домой къ концу недѣли, не получивши и цента отъ тѣхъ, на

которыхъ имѣлъ всѣ шансы разсчитывать, и вдругъ получалъ совершенно неожиданно чекъ на очень большую сумму.

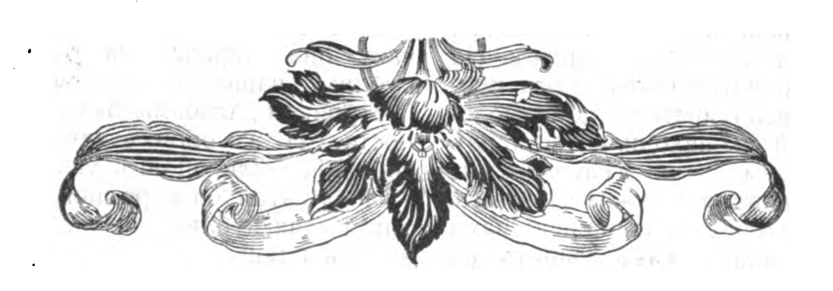
Я помню, однажды мнѣ кто то сказалъ, что не доходя двухъ миль до Самфордъ, Конектикутъ, живетъ господинъ, котораго если удастся заинтересовать нашимъ дѣломъ, то можетъ широко отозваться. День былъ ужасный, холодный и бурный, и я пошелъ къ нему пѣшкомъ. Съ трудомъ мнѣ удалось получить аудіенцію отъ него. Онъ, повидимому, слушалъ меня съ интересомъ, а дать ничего не далъ. Мнѣ было очень обидно, что три часа времени пропали даромъ для дѣла. Но я исполнилъ свою обязанность, и если не увидался бы съ нимъ, то большое дѣло могло не состояться. Два года спустя я получилъ письмо отъ этого самаго господина. Онъ писалъ: „Посылаю Вамъ чекъ на 10000 дол. для вашего полезнаго предпріятія; я было сдѣлалъ завѣщаніе, чтобы послѣ моей смерти Вамъ были выданы эти деньги, но раздумалъ и посылаю ихъ Вамъ теперь. Я съ удовольствіемъ вспоминаю нашъ разговоръ два года тому назадъ“.

Трудно себѣ представить, что пережилъ я, читая это письмо. Это была самая большая сумма денегъ, полученная мной въ то время. И она пришла какъ разъ въ то время, когда мы что-то долго не имѣли помощи со стороны ни откуда. Мы уже начинали впадать въ отчаяніе, до того намъ были нужны деньги.

Потомъ мы получали и большія суммы. Такъ, извѣстный благотворитель Эндрю Карнеги прислалъ 25000 долл. для постройки новой библіотеки.

Наша старая библіотека и читальня находилась въ углу сарайчика и занимала не болѣе 60 кв. фут. пространства. Итакъ, съ его помощью, мы получили возможность значительно расширить ее.

(До слѣд. №-ра).

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Б. Фусса.

Характерной особенностью минувшаго XIX столѣтія является усиленное стремленіе всѣхъ народовъ къ развитію національной самобытности, національнаго „я“.

Это общее направленіе въ новѣйшей жизни народовъ отразилось между прочимъ и въ національномъ возрожденіи славянскихъ народностей, не миновало оно, наконецъ, и Украйны, хотя она входитъ въ составъ соплеменнаго государства и живетъ совмѣстной жизнью съ народомъ, обладающимъ литературою, близкой и понятной малороссамъ.

Однако, не смотря на племенную и культурную близость съ Россіей, та же Украйна представляетъ многія этнографическія особенности, особенности быта, языка и преданій, которыя сообщаютъ южно-русской народности свой собственный обликъ, отличный отъ духовной, такъ сказать, личности народа Великорусскаго. Большое значеніе въ духовно-національномъ движеніи Малороссіи получила Галиція, гдѣ мѣстныя условія вызвали рѣшительную борьбу малорусскаго, русинскаго населенія за свою національность, сначала противъ онѣмеченія, а затѣмъ противъ ополяченія. Благодаря такимъ политическимъ обстоятельствамъ, именно въ Галиціи шире всего развилась малорусская литература и выработался литературный малорусскій языкъ.

Мы нисколько не умаляемъ заслуги въ этомъ направленіи такихъ дѣятелей украинскаго слова, какъ Старицкій, но полагаемъ, что наибольшее вліяніе здѣсь все же остается за галицкой литературой, какъ коллективной массой писателей.

Особенное оживленіе замѣчается въ малорусской литературѣ въ послѣднія десятилѣтія. Мы имѣемъ въ виду представить въ нашихъ очеркахъ общую картину состоянія украинской литературы въ настоящій моментъ.

Особенностью малорусской литературы, присущей ей съ самаго начала ея зарожденія, является народническое направленіе. Оно преобладаетъ въ ней и по настоящее время. Народный бытъ, горе и радости простолюдина, темныя стороны его жизни вотъ главное содержаніе украинской литературы. Любовь къ народу, стремленіе указать пути къ улучшенію его быта, а также къ развитію родного слова и сохраненію національной самобытности, главнѣйшія идеи, проводимыя малорусскими писателями, основныя чувства вдо-

хновляющія ихъ и освѣщающія ихъ произведенія. Направленіе это возникло одновременно съ малорусской литературой въ концѣ XVIII столѣтія, въ лицѣ Котляревскаго, еще въ то время, когда великорусская литература дѣлала только первыя попытки освободиться отъ путъ псевдо-классицизма.

Мы не беремся выяснить причины этого явленія, хотя находимъ возможнымъ высказать предположеніе, что потеря малороссіей автономіи въ концѣ XVIII столѣтія обратила духовныя силы народа къ другой области, къ области литературной. Чувство самосохраненія подсказало, что только при помощи литературы и вообще національно-духовной жизни можетъ быть сохраненъ національный обликъ Украйны. Ясно также, что только въ народническомъ направленіи, а не въ господствовавшемъ тогда ложно-классицизмѣ могъ найти выраженіе національный духъ народа. Украинская литература не могла выходить изъ предѣловъ народнаго быта и потому, что огромное большинство малорусской интеллигенціи съ начала XIX столѣтія болѣе или менѣе обрусѣло, по крайней мѣрѣ относительно языка, быта и т. д. Собственно малорусская интеллигенція, вполнѣ сохранившая свою національность, оказалось поэтому очень малочисленной и не могла такимъ образомъ дать достаточнаго матеріала литературѣ.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Галиціи. Обостренная національная борьба не давала такого простора ассимиляціи; руссины жили болѣе замкнуто и обособленно, сравнительно съ малороссами, и поэтому здѣсь раньше выработалась и развилась отдѣльная руссинская интеллигенція. Національзмъ не ограничивался беллетристикой, но захватилъ и науку. Въ результатѣ современная малорусская литература не ограничивается народной средой, а отзывается на всѣ вѣянія и направленія современной общеевропейской культуры. Не миновали ея и такія модныя направленія, какъ декадентство, символизмъ и тому подобныя. Обширна также и переводная литература, прочное начало которой положилъ П. О. Кулишъ. Наиболѣе виднымъ дѣятелемъ въ этой области является въ настоящее время Иванъ Франкъ.

Остановимся пока на наиболѣе распространенныхъ видахъ литературнаго творчества—поэзіи, романахъ и повѣстяхъ, а затѣмъ на прозѣ.

Отличительная черта украинской поэзіи вполнѣ гармонируетъ съ выше названнымъ общимъ направленіемъ этой литературы. Поэзія эта запечатлѣна близостью къ мѣстной природѣ и быту и почти совершенно не выходитъ изъ предѣловъ ихъ. Наиболѣе типичнымъ представителемъ такой народническо-националистической поэзіи, наиболѣе полнымъ выразителемъ ея надо считать поэта Грабовскаго (умеръ 1902 г. 29-го ноября). Чтобы читатель понялъ и вполнѣ оцѣнилъ основные мотивы его лиры, надо вкратцѣ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни этого поэта-изгнанника. 18-ти лѣтъ отъ роду, въ 1882 году, онъ былъ исключенъ изъ семинаріи за свои народническія воззрѣнія. Въ 1885 г. попалъ въ солдаты. Съ того времени до самой смерти онъ блуждалъ по различнымъ медвѣжьимъ угламъ Сибири безъ надежды когда либо увидѣть свою горячо любимую родину. Эти два фактора: народническій образъ мыслей и безнадежное изгнаніе опредѣляютъ собою общее настроеніе его поэзіи *). Надо при этомъ замѣтить, что личныя невзгоды и лишенія, личное горе и отчаяніе занимаютъ очень мало мѣста въ поэзіи Грабовскаго. Интересы своего „я“ составляютъ исключеніе въ общей массѣ ея народно-националистскаго содержанія. Такимъ образомъ, не смотря на безна-

*) Кіевская Старина № 2 (поэтъ гражданинъ, Сергѣя Ефремова, стр. 323—348).

дежно сложившуюся личную жизнь поэта, поэзія его производитъ отрадное впечатлѣніе бодрости и силы. Мѣстами онъ какъ бы стыдится даже своей минутной слабости, приступовъ отчаянія и упадка вѣры и съ новымъ воодушевленіемъ возвращается къ своему призванію служить родному народу единственнымъ ему доступнымъ въ изгнаніи средствамъ—поэзіей. Поэтъ призываетъ всѣхъ честныхъ гражданъ служить народу, улучшая его благосостояніе и внося свѣтъ просвѣщенія въ его подавленную невѣжествомъ среду. Обязанность каждаго человѣка:

Світло правди, нести прохи лютого зла
Въ борот'бі із тяжкою годиною,
Працюват'на корист'та рятунок села [1]).

Замѣчательно, что, не смотря на всю свою любовь къ народу, поэтъ нисколько не идеализируетъ его, сознаетъ его недостатки и такого же безпристрастія требуетъ и отъ другихъ.

Соціальный идеалъ Грабовскаго—совмѣстная жизнь свободныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ, покоющаяся на началахъ взаимнаго уваженія и равноправія. Достиженія такого же идеала желаетъ поэтъ и своей родинѣ. Какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для родины необходимо мирное процвѣтаніе въ согласіи со своими сосѣдями:

„І квітом новим розцвітала
У згоді з ближними всіма".

Гуманизмъ, желаніе общаго блага независимо отъ національности—преобладающій мотивъ въ произведеніяхъ Грабовскаго. Прежде всего, однако, каждый человѣкъ долженъ заботиться о благѣ и нуждахъ своего народа. Призывомъ къ такой борьбѣ за благо народа и родины—служитъ вся поэзія Грабовскаго. При этомъ, не смотря на свое изгнаніе, на всѣ неудачи борцовъ за его идею добра и справедливости, онъ полонъ непоколебимой вѣры, что рано или поздно они побѣдятъ:

„Мало нас, та се дарма [1]),
Міцна [2]) віра рушат [3]) скали...
Тому загибелі нема,
Кому світять ідеали".

Таковы главнѣйшіе сюжеты стихотвореній Грабовскаго. Поэзію его можно назвать катехизисомъ народно-националистическаго направленія. Всѣ требованія, всѣ чувства людей этого направленія, ихъ идеалъ отразились здѣсь полно, всесторонне. Относительно художественной стороны стихотвореніи Грабовскаго, критика въ общемъ отзывается одобрительно, указывая лишь на нѣкоторыя недостатки языка въ болѣе раннихъ изъ нихъ. Многія стихотворенія замѣчательны по своей гармоничности, по своему легкому, музыкальному стиху [4]). Грабовскій извѣстенъ также какъ переводчикъ, но объ этомъ будемъ говорить въ другомъ очеркѣ.

Противоположность Грабовскому составляетъ Чернявскій. Хотя послѣдній также тепло и сочувственно относится къ народничеству, тѣмъ не менѣе главное содержаніе его поэзіи — картины природы: степь, звѣздныя ночи, море и т. д. и вызванныя ими настроенія. Эти картины и настроенія переданы очень образно и задушевно и въ этомъ главная заслуга Чернявскаго. Въ области общественной, поэтъ порицаетъ нѣкоторые недостатки и пороки, и принципіальный его взглядъ на задачу поэзіи въ этой области совпадаетъ со взглядомъ Грабовскаго. Онъ говоритъ:

„О пісне блаженна, о пісне крылата!
Лети надъ землею, дзвени и вони
До свиту, до сонця із темрави [5]) брата,
Надію [6]) у серце, ему оживи".

Онъ не можетъ подобно первому сказать:

[1]) Трудиться на пользу и спасенье села.

[1]) ничего, [2]) крѣпко, [3]) двигать.
[4]) Кіев. Стар. ibidem.
[5]) Тьма [6]) Надежда.

„Я не співец' чудовної природи
З холодною байдужестю 1) ії.

Наоборотъ, онъ пѣвецъ природы по преимуществу, воспроизводящій ее въ такихъ чарующе прекрасныхъ формахъ, что приносимая имъ польза въ смыслѣ эстетическаго развитія читателя не подлежитъ сомнѣнію.

Примѣръ Чернявскаго доказываетъ, что слишкомъ узокъ завѣтъ Грабовскаго, требующій, чтобы лира воспѣвала исключительно людское горе и идеалы, и что внѣ этого голосъ ея совершенно безполезенъ. Говоря образно, голосъ соловья можетъ столь же способствовать гуманному настроенію души, какъ и горячій призывъ поборника добра и любви. Пока въ груди человѣка бьется отзывчавое и чуткое къ облагораживающему вліянію природы сердце, не желательно исполненіе завѣта:

„Соловейко свище в гіллях 2)
Не ділит' ёго красного труду"

Развѣ не самую теплую любовь къ человѣчеству можетъ вызвать такое стихотвореніе какъ: „Тихо гайдаются"?

Къ недочетамъ поэзіи Чернявскаго критика относитъ 3) не вполнѣ удачныя попытки ея излагать нѣкоторыя отвлеченныя мысли, а также нѣкоторые незначительные недостатки риѳмы.

Совершенно другой колоритъ носитъ поэзія г. Крымскаго. Она до нѣкоторой степени подпала подъ вліяніе новѣйшихъ теченій въ поэзіи, теченій, одной изъ особенностей которыхъ является чрезмѣрное увлеченіе чувствомъ любви, и при этомъ часто въ самыхъ низменныхъ, уродливыхъ формихъ ея, въ духѣ Боделера и К°. На ряду съ прекрасными картинами природы Ливана и Палестины, обвѣянными тихой грустью созерцателя о далекой родинѣ, огромное большинство стихотвореній г. Крымскаго имѣютъ своимъ предметомъ любовь во всѣхъ ея оттѣнкахъ и перипетіяхъ развитія. Авторъ стремится доказать преимущество платонической любви. Не говоря уже о томъ, что подобная любовь является утопіей, ибо противорѣчитъ человѣческой природѣ, самое доказательство представляется непригоднымъ и не достигающимъ цѣли. По мнѣнію г-на Крымскаго „любовь по людскому" должна привести къ чувству отвращенія ко всему свѣту, къ полной гибели всѣхъ высокихъ и чистыхъ порывовъ души, должна превратить человѣка въ „захолоділый трупъ".

Надо думать, что подобные плачевные результаты могутъ получиться лишь при болѣзненномъ обостроенномъ половомъ чувствѣ, каковое и изображается г. Крымскимъ въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ. Здороваго человѣка любовь не доводитъ до такого состоянія. Но болѣзненное душевное состояніе ровно ничего не можетъ доказать. Вообще стихотворенія г. Крымскаго на ряду съ нѣкоторыми переводными составляютъ для него лишь матеріалъ, группировкой котораго онъ хочетъ доказать опредѣленную, предвзятую идею. но неудачно.

Итакъ, что же получается? Идея сама по себѣ крайне сомнительная, остается недоказанной. И далѣе, какая же польза отъ изображенія болѣзненныхъ состояній любви? Развѣ предостереженіе отъ излишества въ этомъ направленіи? Но врядъ ли. Скорѣе наоборотъ. Художественно-эстетическаго наслажденія здоровый читатель тоже ожидать не можетъ. Изображеніе болѣзненныхъ состояній, предсмертная агонія и т. п., если и существуетъ въ литературѣ, то не въ цѣляхъ наслажденія читателя, а имѣетъ въ виду подвинуть общество на борьбу со своими язвами.

Вообще г. Крымскаго можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ много

1) Безразличіемъ.
2) Вѣтвяхъ.
3) Кіев. Ст. 1904 г. янв. Поэзія Черняв. Н. Ѳ. С. стр. 123—134.

мѣста удѣляетъ любви и ея отталкивающимъ, болѣзненнымъ формамъ. Въ этомъ мы видимъ, какъ сказано выше, отзвукъ нѣкоторыхъ фальшивыхъ нотъ современной европейской лиры.

О внѣшней сторонѣ стихотвореній г-на Крымскаго критика отзывается крайне благопріятно, признавая за нимъ крупный художественный даръ. Съ этимъ мы не можемъ не согласиться, ибо стихотворенія, не смотря на странности въ содержаніи, написаны сильно и талантливо.

Кромѣ произведеній этихъ трехъ поэтовъ, занявшихъ въ украинской литературѣ болѣе или менѣе прочное положеніе, имѣется въ ней, какъ и во всякой другой, огромная масса, такъ сказать, случайныхъ стихотвореній, иногда удачныхъ. Среди нихъ разумѣется, затеряны первые шаги будущихъ поэтовъ, не успѣвшихъ еще подняться надъ общимъ уровнемъ. Разсматривать эту почву будущаго не представляется возможнымъ и безполезно. Общее направленіе этой поэзіи соотвѣтствуетъ общему духу современной украинской литературы, извѣстныхъ намъ представителей которой мы выше указали. Здѣсь господствуетъ также народно - націоналистическій колоритъ, изрѣдка нарушаемый отблескомъ новыхъ теченій.

* * *

Тѣ чувства и идеи, которыя вдохновляютъ малорусскихъ поэтовъ, проникаютъ и содержаніе прозаическихъ произведеній малорусской литературы. Та жизнь, тотъ бытъ, полное и всестороннее изображеніе которыхъ стремится дать литература, служитъ источникомъ настроеній и мыслей, даетъ мотивы украинской лирѣ. Подобно тому, какъ въ поэзіи наиболѣе яркимъ представителемъ народническаго направленія является Грабовскій, — въ области прозы таковымъ можно считать Марковича.

Его, правда, нельзя отнести къ самымъ молодымъ, новѣйшимъ писателямъ (начало его литературной дѣятельности относится къ 1883 г.). Однако, онъ не пріостановилъ своей дѣятельности, вызывая критическіе отзывы о себѣ и въ избранный нами періодъ времени. Онъ достигъ широкой извѣстности и занялъ видное и почтенное мѣсто въ родной литературѣ. Его повѣсти—полная, подробная и всесторонняя картина сельской жизни со всѣми ея особенностями. Типы живы, вѣрны и психологически тонко обрисованы. Картины освѣщены любовью къ избранному предмету, но въ то же время безпристрастны, не скрываютъ его недостатковъ [1]). Авторъ подробно рисуетъ различныя темныя стороны сельскаго быта. Ярко изображены тягости и страданія наймыта, принужденнаго часто за ничтожное вознагражденіе подвергаться самой бездушной эксплоатаціи со стороны работодателя („У наймы", „Шматокъ", Иванъ зъ Буджака"). Крупное также зло, разоряющее деревню, ростовщичество. Мы находимъ у Марковича цѣлый рядъ живо и вѣрно схваченныхъ типовъ растовщиковъ, какъ евреевъ, такъ и не уступающихъ имъ и даже, пожалуй, превосходящихъ ихъ въ жестокости своихъ христіанъ. Подмѣчено также отношеніе народа къ этому явленію (Невдальця, Винъ присягалъ).

Не менѣе, чѣмъ ростовщичество, способствуютъ обнищанію крестьянства, согласно повѣстямъ Марковича, различные поборы, законные и незаконные, которые приходится нести деревенскому люду, а равно и злоупотребленія ближайшихъ властей, въ особенности волостныхъ, часто находящихся въ соглашеніи съ мѣстными кулаками. Всѣ эти особенности быта, съ присоединеніемъ сюда пьянства, являются источ-

1) Кіев. Ст. 1904 г. мартъ „Д. В. Марковичъ" В. Г. Репина.

никомъ той крайней нищеты, рѣзкія картины которой даетъ намъ Марковичъ. Отсюда проистекаютъ другіе элементы содержанія его повѣстей: наймытства. переселенія („Бразиліане“ на русскомъ языкѣ) и преступность.

Въ изображеніи типовъ преступниковъ особенно обнаруживаются психологическія способности писателя. Онъ не рисуетъ ихъ односторонне, какъ злодѣевъ, какъ воплощеніе злой воли,—передъ нами живые люди: или доведенные до преступленія случайно, вслѣдствіе несчастно сложившихся обстоятельвъ, или же, хотя и профессіональные преступники, сохранившіе, тѣмъ не менѣе, на ряду съ преступными наклонностями и нѣкоторыя человѣческія чувства. Даже самыхъ закоренѣлыхъ, потерявшихъ, повидимому, всякое человѣческое подобіе, авторъ умѣетъ поставить, и притомъ вполнѣ естественно, въ такія условія, которыя заставляютъ вспыхивать иногда яркимъ, чарующимъ пламенемъ слабо теплившуюся въ ихъ душѣ „искру Божью“.

Вообще, на ряду съ самыми мрачными картинами зла и преступленія, мы находимъ въ повѣстяхъ Марковича примѣры проявленія глубоко нравственныхъ чувствъ и побужденій, на которыхъ съ отрадою и надеждой останавливается взоръ читателя. Они доказываютъ нравственную мощь народа, которая одна можетъ спасти его отъ полнаго паденія среди тяжелыхъ условій жизни и открываетъ путь къ лучшему будущему. Глубоко утѣшительны и тѣ порывы вырваться изъ тьмы и нищеты, какія проявляютъ нѣкоторыя личности среди общей апатіи и инертности придавленной массы.

Къ числу писателей—народниковъ надо отнести и Мырнаго. Специальность послѣдняго—картины Украинской природы, необыкновенно пластичныя и производящія пріятное впечатлѣніе мягкостью тоновъ и задушевнымъ элегическимъ настроеніемъ автора. На фонѣ этихъ тихихъ и теплыхъ картинокъ авторъ немногими сильными штрихами изображаетъ полныя трагизма бытовыя сцены, составляющія контрастъ съ тишиною и покоемъ окружающей природы.

Оба приведенные писателя, Марковичъ и Мырный, относятся къ такъ называемому, старому поколѣнію украинскихъ писателей, давно извѣстныхъ въ литературѣ, писателей преимущественно народническаго направленія, совершенно почти не затрагивающихъ другіе слои общества.

Изъ среды противополагаемаго имъ молодого поколѣнія обратили на себя вниманіе критики Підешъ и Яцківъ. Романъ перваго изъ нихъ, „Востокъ и Запад“ вызвалъ довольно противорѣчивые отзывы о себѣ. Одни считаютъ его довольно художественно исполненнымъ, а высказанныя авторомъ мысли по поводу противопоставленія западной Европы славянскому Востоку вполнѣ обоснованными, другіе—наоборотъ. Суть романа состоитъ въ томъ, что молодая дѣвушка, Липа Верони, отправляется въ университетъ, въ Швейцарію, тамъ сходится съ другимъ искателемъ свѣта—Степаномъ. Ихъ взаимное согласіе нарушается сомнѣніями Степана, который даже одно время бросаетъ Липу. Послѣдняя не переноситъ удара и умираетъ на рукахъ вернувшагося къ ней Степана и пріѣхавшей изъ Россіи матери своей. Такая схема разсказа даетъ автору поводъ, параллельно съ изложеніемъ романа Липы и Степана, высказывать соображенія по поводу превосходства Швейцаріи, ея культуры, соціально-политическаго строя, нравовъ и обычаевъ надъ славянскими странами вообще и Галиціей въ частности.

Расходятся взгляды критики и относительно личностей героевъ романа. Одни видятъ въ нихъ богато одаренныя, стремящіяся къ самоусовершенствованію натуры, дру-

гія, признавая желаніе автора изобразить ихъ таковыми, находятъ, что цѣль эта имъ не достигнута. По мнѣнію послѣднихъ, Липа вышла заурядной дѣвушкой, старающейся составить возможно болѣе выгодную партію, а Степанъ — лѣнтяй, изучавшій въ Вѣнѣ культуру въ разныхъ „кнейпахъ".

Еще болѣе отрицательно отношеніе критики къ роману Яцкива „Огни горятъ", и мы принуждены съ нею согласиться. Подъ предлогомъ реализма, авторъ рисуетъ непролазно-грязныя, отвратительныя картины самаго разнузданнаго разврата. Мы не предъявляемъ писателямъ реалистамъ устарѣлаго требованія тенденціозности, мы далеки отъ желанія, чтобы искажалась дѣйствительность ради поучительности повѣствованія. Допуская такое искаженіе, писатель подкапываетъ свои собственныя позиціи. Измышленнымъ, неестественподборомъ фактовъ нельзя ничего доказать. Нѣтъ, пусть писатель правдиво и безпристрастно рисуетъ зло во всей его отталкивающей наготѣ, но пусть онъ это зло не представляетъ какъ нѣчто привлекательное, иногда совершенно излишне вдаваясь въ подробности, какъ бы смакуя его грязь. Эта истина не разъ высказывалась въ литературѣ. Но что же дѣлать, если обстоятельства времени заставляютъ повторить ее? Истина, разъ она истина, видоизмѣняться не можетъ. Ее можно открывать по частямъ, постепенно, вырисовывая ея обликъ изъ мглы неизвѣстнаго. Путь къ ней сопряженъ съ многими ошибками и уклоненіями, и въ этомъ лишь смыслѣ возможны перемѣны въ представленіи объ истинѣ. Но разъ не доказано, что извѣстная идея не истина, а лишь искаженное отраженіе ея, другими словами, разъ идея не опровергнута, ее можно лишь приноравливать къ деталямъ, расширять ея дѣйствіе въ пространствѣ и времени, но не измѣнять ея существа. Если же продолжаются явленія, не уживающіяся съ ея требованіями, остается на ново напоминать о ней отступникамъ.

Много также нападковъ вызвала историческая повѣсть Мордовцева: „Палій, воскреситель правобережной Украины". Мордовцевъ извѣстенъ почти исключительно, какъ писатель русскій, и только изрѣдка у него попадаются произведенія на малорусскомъ языкѣ. Задачей автора было дать безпристрастную картину той эпохи и въ особенности обрисовать личность Палія, какъ человѣка и какъ политическаго и общественнаго дѣятеля. Признавая художественный талантъ писателя, создавшаго цѣлый рядъ живыхъ и граціозно обрисованныхъ сценъ, критика тѣмъ не менѣе находитъ, что цѣль автора не достигнута во всѣхъ частяхъ ея. Упрекаютъ его въ отсутствіи безпристрастія къ историческимъ дѣятелямъ, въ особенности къ Мазепѣ, котораго авторъ изобразилъ согласно шаблону, установившемуся въ литературѣ со времени Пушкина. Указываютъ также на недостатки языка. Авторѣ мѣстами старался придать ему колоритъ эпохи, но не вездѣ выдержалъ соотвѣтственный стиль, чѣмъ внесъ въ изложеніи нежелательную пестроту. Наконецъ, личность Палія, именно какъ общественно-политическаго дѣятеля, обрисована, по мнѣнію критики, слабо и не полно [1]).

Впрочемъ, вслѣдствіе бѣдности малорусской исторической литературы „Палій", во всякомъ случаѣ, составляетъ цѣнный вкладъ.

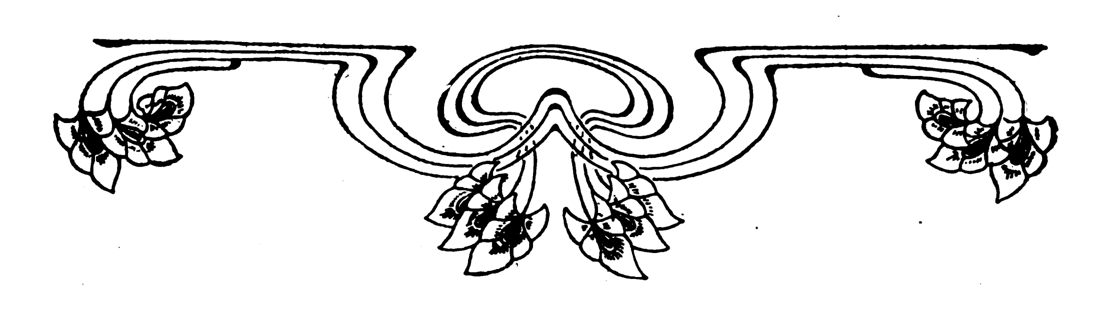
Наиболѣе развитой и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе старой, т. е. раньше всѣхъ разрабатывавшейся областью малорусской литературы является драма. Особенность этой области состоитъ въ томъ, что она, въ противоположность другимъ видамъ литературнаго творчества, возникла и достигла большаго развитія въ русской Украйнѣ, чѣмъ въ Галиціи. По

---

1) Кіев. Стар. 1903 г. январь стр. 29.

этой причинѣ, а также вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей, присущихъ исключительно малорусской драмѣ, которую иногда выдѣляютъ въ особый видъ драматическаго творчества, мы посвятимъ разбору ея отдѣльный очеркъ. Въ настоящей же статьѣ мы ограничиваемся указаніемъ господствующихъ взглядовъ критики на тѣхъ украинскихъ писателей и поэтовъ, съ которыми мы познакомились, а также старались обрисовать общій колоритъ и направленіе современной украинской литературы *).

Б. Фуссъ.

* * *

Идетъ весна—бѣгутъ морозы
Придетъ пора. Забудешь ты
Свои страданія и слезы,
Свои печальныя мечты.
Пусть наша жизнь—сплошное горе,
Пусть наша жизнь теперь—тюрьма.
Пройдетъ гроза—затихнетъ море,
Наступитъ свѣтъ—исчезнетъ тьма.

* * *

Крѣпнетъ вѣтеръ. Близко буря.
Въ сердцѣ вѣру сохраняя,
Запою я громко пѣсню,
Пѣсня въ сердцѣ у меня.
Пусть бушуетъ злобно вѣтеръ,
Пусть гремитъ на небѣ громъ!
Не боюсь я! Это—буря—
Предъ живительнымъ дождемъ.

---

*) *Отъ редакціи.* Помѣщая настоящій очеркъ украинской литературы, редакція должна оговориться, что авторъ его далеко не исчерпалъ своей темы. Такъ, совсѣмъ не упомянуто о такихъ писателяхъ, какъ Коцюбинскій, Кобилянская, Стефанинъ, Украинка, Бордулякъ, Самійленко, Коваленко и др. Объ Иванѣ Франко упоминается лишь вскользь. Наконецъ, и указанные авторомъ писатели: П. Мирный, А. Крамскій, М. Яцковъ заслуживаютъ болѣе обстоятельной критики своихъ произведеній. Всѣ указанные пробѣлы редакція постарается восполнить въ слѣдующихъ „Очеркахъ Малорусской Литературы"

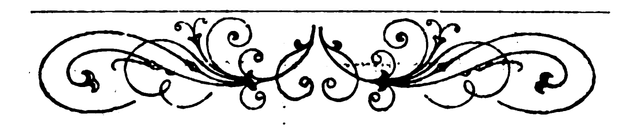
* * *

Здравствуй солнце! Воздухъ полонъ
Сладкой нѣги и томленья;
Вотъ несутся къ намъ изъ рощи
Звуки радостнаго пѣнья.

Снѣгъ сошелъ. Разбухли почки.
Сердце вновь желаетъ счастья;
Вѣетъ жизнью отовсюду
Точно не было ненастья.

Здравствуй солнце! Милліоны
Голосовъ къ тебѣ несутся
И повсюду громко пѣсни,
Пѣсни радости поются.

И. Герасимовъ.

Союзъ дѣятелей по народному образованію.

Н. Адамовича.

Высочайшимъ актомъ отъ 18 февраля сего года было санкціонировано то освободительное движеніе, которое, разлившись мощнымъ потокомъ по всей Россіи, вызвало къ напряженной жизненной дѣятельности все, что не было окончательно подавлено и такъ или иначе не было лишено самостоятельности сужденія. Основываясь на почвѣ, опредѣленно выраженной Высочайшей воли, началась та энергичная мобилизація общественныхъ силъ, которая конкретно выразилась въ образованіи цѣлаго ряда союзовъ. Ихъ пока немного и къ нимъ примкнули пока лишь тѣ, кто рѣшительно не справлялся съ вопросомъ, что можетъ произойти въ томъ случаѣ, если настанетъ реакція. Исторія союзовъ, образовавшихся до настоящаго времени и заявившихъ о себѣ въ прессѣ, очень кратка: это всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, но при современномъ повышенномъ темпѣ русской жизни этотъ періодъ можно признать равносильнымъ десятилѣтію.

За это время образовались союзы писателей и журналистовъ, инженеровъ, врачей, адвокатовъ, земскихъ гласныхъ, служащихъ въ земствахъ агрономовъ и статистиковъ, ветеринаровъ, фармацевтовъ, желѣзнодорожниковъ, конторщиковъ и бухгалтеровъ, мастеровъ и техниковъ, профессоровъ, педагоговъ средней школы и дѣятелей по народному образованію. Названные союзы поставили себѣ опредѣленныя задачи, осуществленіе которыхъ болѣе или менѣе доступно на почвѣ профессіональной дѣятельности ихъ членовъ. Хотя эти союзы и не носятъ характера политической партіи, однако, несомнѣнно, что нѣкоторая политическая окраска не должна быть имъ чуждой въ силу контраста съ юридическою конструкціею современнаго строя, при которомъ всякое объединеніе, не получившее бюрократическаго одобренія, произвольно относится къ категоріи политической неблагонадежности. Союзы въ первые моменты своего существованія проявляли свою активность резолюціями общаго характера, которыя на почвѣ сознанія, что „такъ дальше жить нельзя" (Право № 6, 1905 г.), требовали установленія правового порядка. Конечно, въ дѣлѣ освободительнаго движенія важны не эти резолюціи, а факты проявленія ак-

тивности, выражающіе корпоративный протестъ, что имѣетъ уже дѣйствительно жизненное, а не теоретическое значеніе. Работою этихъ союзовъ накопляется та потенціальная энергія, которою должно обладать общество, если оно желаетъ осуществить свои стремленія къ справедливому правопорядку. Хотя всякій профессіональный союзъ представляетъ собою опредѣленную общественную силу, тѣмъ не менѣе онъ долженъ служить орудіемъ той или иной политической партіи, ибо каждый членъ союза, если онъ желаетъ играть болѣе опредѣленную роль въ дѣйствительно политическомъ движеніи,—въ правѣ, оставаясь членомъ его, принимать дѣятельное участіе въ жизни той партіи, программу, которой онъ раздѣляетъ. Члены профессіональныхъ союзовъ могутъ считать свою роль выполненною, если они по мѣрѣ возможности въ своей непосредственной практической дѣятельности осуществляютъ идеи, признанныя въ объединительномъ документѣ своего союза.

Профессіональный союзъ дѣятелей по народному образованію, поставившій себѣ задачею стать всероссійскимъ, достигъ уже въ настоящее время той степени организаціи, при которой сдѣлался желательнымъ и возможнымъ съѣздъ, имѣвшій мѣсто въ Москвѣ 11, 12 и 13 апрѣля текущаго года. Мысль объ этомъ съѣздѣ возникла въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ. Въ немъ принимали участіе дѣятели по народному образованію въ качествѣ какъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, такъ и делегатовъ съ полномочіями отъ своихъ избирателей. Такъ какъ членовъ первой категоріи явилось на съѣздъ гораздо больше, то было рѣшено объявить его „предварительнымъ совѣщаніемъ частныхъ дѣятелей и делегатовъ по народному образованію для выработки устава союза", Съѣздъ постановилъ добиваться всеобщаго и безплатнаго обученія, передачи дѣла народнаго образованія въ вѣдѣніе общественныхъ организацій и т. п. На послѣднемъ засѣданіи было выбрано бюро изъ 15 лицъ, и на него возложена обязанность созвать учредительный съѣздъ изъ делегатовъ отъ мѣстныхъ группъ и организацій въ цѣляхъ учрежденія всероссійскаго союза дѣятелей по народному образованію.

Нѣсколько ранѣе этого съѣзда въ С.-Петербургѣ образовался союзъ педагоговъ средней школы, опубликовавшій объединительную записку членовъ-учредителей въ газетахъ „Русь", „Сынъ Отечества" и „Русскія Вѣдомости"—въ сокращенномъ видѣ.

Приводимъ эти записку цѣликомъ изъ журнала „Образованіе".

Учителя и учительницы средней школы въ Петербургѣ организовали союзъ. Въ его составъ уже вошло свыше 200 человѣкъ, которыми на первомъ собраніи союза постановлено: 1) присоединиться къ извѣстному заявленію московскихъ педагоговъ (см. „Право", № 6 и 2) принять ниже приводимую записку о нуждахъ средней школы, намѣчающую основную программу дѣйствій союза:

„Въ русской жизни совершается серьезный кризисъ. Взволнованная до самаго дна, она выноситъ на поверхность всѣ скрытые свои недуги. Вслѣдъ за потрясающими событіями войны на Дальнемъ Востокѣ, рабочимъ и крестьянскимъ движеніемъ, волненіями студенческой молодежи—послѣднія недѣли выдвинули передъ сознаніемъ бурныя проявленія опасной болѣзни, которою болѣетъ средняя школа. Передъ полнымъ разстройствомъ, передъ рѣшительнымъ крахомъ средней школы мы, ея работники и руководители, стоимъ, какъ передъ совершившимся уже фактомъ. Были ли мы властны его предотвратить? Что можемъ мы сдѣлать те-

перь, чтобы изъ кризиса вывести ее на путь обновленія? Вотъ вопросы, на которые настойчиво требуетъ отъ насъ отвѣта пробудившаяся жизнь, голосъ общества и наша собственная совѣсть.

„Каковъ бы ни былъ нашъ отвѣтъ, очевидно одно, что онъ долженъ быть коллективнымъ, коллективной работой должна быть та работа, которую, какъ выводъ изъ него, мы должны будемъ взять на себя. Время одинокихъ усилій миновало: опытъ показалъ ихъ безплодность. Вокругъ насъ изъ глубины разстроенной жизни начинаютъ подыматься организованныя общественныя группы для борьбы за новыя формы и для созидательной работы этихъ новыхъ формъ. Къ такой-же борьбѣ, къ такой-же работѣ на мѣстахъ мы зовемъ тѣхъ, кому дорога средняя школа, для кого ея интересъ является насущнымъ дѣломъ жизни; мы зовемъ нашихъ товарищей—педагоговъ, ближе всего отвѣтственныхъ за ея судьбу.

„Громадность этой отвѣтственности опредѣляется той важною ролью, которую призвана играть школа въ поступательномъ движеніи общества. Трудность ея въ нашемъ случаѣ связана съ особенностями того возраста, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ средней школѣ. Передъ нами стоитъ объектъ сложный, измѣнчивый, требующій къ себѣ чуткаго, бережнаго отношенія, — постояннаго умственнаго и моральнаго творчества. Средняя школа беретъ въ руки ученика, едва только вышедшаго изъ дѣтскихъ лѣтъ, и разстается съ нимъ на порогѣ юности. Она имѣетъ съ нимъ дѣло въ наиболѣе острый періодъ его жизни, когда совершается процессъ формированія его души, въ немъ идетъ борьба стихійныхъ порывовъ съ высшими запросами духа, пробуждающаяся мысль ищетъ серьезной пищи, довѣрчивость уживается съ крайнимъ скептицизмомъ, потребность общенія съ рѣзкимъ индивидуализмомъ, сознаніе слабости съ энергичнымъ утвержденіемъ личнаго достоинства. Этому сложному существу школа должна помочь выйти на жизненную борьбу и на самостоятельную умственную работу—въ полномъ обладаніи своими силами. Если онъ выходитъ изъ нея искалѣченнымъ, растерявъ свои духовныя богатства — на нее падаетъ тяжелая отвѣтственность. Претендуя замѣнить своимъ научно организованнымъ опытомъ медленный и разрозненный опытъ жизни. она беретъ на себя огромный долгъ передъ будущимъ страны. При какихъ условіяхъ она можетъ его выполнить?

„Нормальный ростъ молодыхъ поколѣній можетъ совершаться только при полномъ свѣтѣ и просторѣ: въ атмосферѣ *умственной, нравственной общественной правды*, взаимнаго *довѣрія* учителей, учениковъ и семьи. Строй школы долженъ быть такимъ, чтобы въ немъ сохранялось *уважение къ личности* ученика, дѣтское стадо чувствовало бы себя *дѣтскимъ обществомъ*, авторитетъ наставника признавался бы *свободно* и охотно, и была-бы *морально, и общественно вліятельной* не только личность педагога, но и *педагогическая корпорація*. Этотъ авторитетъ можетъ дать учителю серьезная научность его преподаванія, всегдашняя правдивость въ освѣщеніи поднимаемыхъ вопросовъ. Безъ увѣренности, что каждое слово учителя есть плодъ его внутренняго убѣжденія, создавшагося подъ вліяніемъ опыта и мысли, а не является внушеннымъ извнѣ—безъ этой увѣренности невозможно довѣріе со стороны ученика. Непремѣнное условіе здоровой школьной атмосферы, оно является особенно настоятельнымъ, когда дѣло касается наиболѣе задушевныхъ вопросовъ, каковы: религіозный, моральный, философскій и общественный. Но внутренняя убѣжденность и независимость мысли можетъ развиваться

только въ такой общественной средѣ, гдѣ признаны и обезпечены свобода мнѣнія и слова.

„Авторитетность педагогической корпораціи передъ обществомъ возможна лишь при ея *автономности*. Будучи орудіемъ въ чужихъ рукахъ, она совершенно безсильна импонировать общественному мнѣнію и, въ концѣ концовъ, сознанію учениковъ. Однако, несомнѣнно и то, что довѣріе къ своей работѣ она вызываетъ только тогда, если пользуется всѣми средствами провѣрки ея правильности: если работы ея ведутся *подъ постояннымъ контролемъ общественныхъ силъ*, въ атмосферѣ *широкой гласности*.

„Наконецъ, передъ школой стоитъ великая задача-разломать всѣ искуственныя ограды, поставленныя вокругъ нея, разбить условія, производящія отборъ дѣтской массы на порогѣ школы, дѣлающія образованіе достояніемъ незначительнаго привиллегированнаго меньшинства. Школа должна снять съ себя печать сословной или классовой привиллегированности. Она должна быть непосредственнымъ продолженіемъ школы народной, организованной на началахъ всеобщаго безплатнаго обученія, внѣ какихъ-бы то ни было національныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій. *Общедоступность школы*, широкій ея *демократизмъ*, призоветъ къ просвѣщенію незатронутые имъ глубокіе народные слои, будетъ содѣйствовать сближенію всѣхъ дѣтей народа и превратитъ ее въ истинно-народную школу. Только такая школа выполнитъ высокую національную задачу возрожденія и обновленія страны. Какъ организація серьезныхъ, умственныхъ силъ, окруженная общественнымъ довѣріемъ, она могла бы явиться культурнымъ центромъ, распространяющимъ свое воздѣйствіе далеко за предѣлы школьныхъ стѣнъ, инициаторомъ и руководителемъ просвѣтительныхъ предпріятій своего района (публичныхъ лекцій, музеевъ, библіотекъ, экскурсій, книжныхъ изданій). Поддерживаемая обществомъ, руководясь его указаніями, отдавая на службу его потребностямъ свои профессіональныя знанія и навыкъ, педагогическая корпорація средней школы могла-бы широко и плодотворно войти со своей работой въ жизнь страны, сдѣлать себя въ ней цѣнной и нужной. Эти широкія перспективы, открывающіяся педагогу, содѣйствовали-бы приливу къ замирающимъ очагамъ просвѣщенія энергичныхъ творческихъ силъ. Насколько дѣйствительность соотвѣтствуетъ этому идеалу? Современная общеобразовательная средняя школа и по принципамъ, и по строю представляетъ продуктъ распаденія школы, введенной властью Толстого подъ давленіемъ опредѣленно реакціонныхъ теченій въ правительственной политикѣ. Въ основу этой системы положена была тенденція, вытекавшая изъ идеала полицейскаго государства и формулированная слѣдующимъ образомъ: „Школа должна противодѣйствовать развитію матеріалистическаго міровоззрѣнія, воспитывать юношество въ духѣ охранительныхъ началъ, утверждать въ молодомъ поколѣніи покорность закону и уваженіе къ установленнымъ властямъ". Проведенная послѣдовательнѣе всего въ любимомъ дѣтищѣ реакціонной эпохи—классической гимназіи, охранительная система подчинила себѣ всю область школьнаго дѣла: реальное и коммерческое училище и духовная семинарія, женская гимназія и епархіальное училище, при всей разницѣ своихъ программъ, въ основныхъ чертахъ своего строя явились порожденіемъ одного духа. Послѣ освободительной эпохи, когда русское общество, призванное къ работѣ *на мѣстахъ*, все яснѣе начинало сознавать свою задачу и готовилось къ новой политической миссіи—*къ участію въ руководствѣ жизнью всей страны*, — правитель-

ство почувствовало опасность для своего существованія въ прежнихъ формахъ и организовалось для отпора. Въ этотъ боевой моментъ и строилась та средняя школа, которую мы получили въ наслѣдство, какъ средство охраненія молодыхъ поколѣній отъ охватившихъ общество чаяній, а затѣмъ—какъ орудіе прямой борьбы съ ними. Эта боевая цѣль неизбѣжно должна была искалѣчить школу, исказивъ ея благородную задачу. Со школы было сорвано знамя общечеловѣческихъ завѣтовъ, которое пытались водрузить на ней идеалисты 60-хъ годовъ, звавшіе къ созданію гармоническаго свободнаго человѣка, способнаго пойти навстрѣчу всякой новой правдѣ, способнаго занять мѣсто въ невѣдомомъ будущемъ и явиться въ немъ движущей силой. Вмѣсто этихъ широкихъ идеаловъ, правительственная политика поставила обществу и школѣ лозунгъ охраненія „началъ самодержавія, православія и народности“ и, преграждая открывавшійся путь свободнаго развитія, звала молодыя поколѣнія назадъ. Выполненіе этой задачи, приспособленіе школы къ искусственно поставленной цѣли не могло быть довѣрено обществу. Оно не мирилось съ породившимъ ее политическимъ идеаломъ и встрѣтило ее глухимъ или явнымъ протестомъ. Отсюда выводомъ явилось провозглашеніе рѣшительнаго недовѣрія къ обществу въ школьномъ вопросѣ. Правительство должно было монополизировать школу, стѣсняя общественную и частную иниціативу, налагая ферулу „казенной программы“ на частныя учебныя заведенія, отдающія свою свободу преподаванія за „права казенныхъ учебныхъ заведеній“. Школа систематически изолируется отъ жизни. Отъ нея устраняется вліяніе семьи, воздѣйствіе общественныхъ органовъ, какъ земскія и городскія учрежденія. Она должна отразить въ своей внутренней жизни духъ абсолютно-бюрократическаго строя, порожденіемъ котораго она была, стать однимъ изъ его звеньевъ.

„Этимъ опредѣляются всѣ существенныя особенности организаціи школьнаго дѣла: низведеніе къ нулю дѣятельности педагогическихъ совѣтовъ, безусловная власть директора надъ совѣтомъ, попечителя надъ округомъ, министра надъ всѣмъ ходомъ школьной жизни, механическое передвиганіе персонала помимо воли заинтересованныхъ лицъ и педагогическихъ корпорацій, изъ которыхъ извлекались или которымъ навязывались, безъ ихъ вѣдома, товарищи ихъ сложнаго и отвѣтственнаго дѣла. Этимъ въ живое дѣло школы внесенъ тотъ мертвящій механизмъ чиновничьей іерархіи, въ которомъ лица являются лишь пассивными частями, отдѣльными колесами и лишены возможности быть творцами своего дѣла. Въ обстановкѣ, гдѣ естественныя отношенія людей замѣнены искусственными, горизонтъ личности ограниченъ тѣснымъ кругомъ. Уже это обстоятельство печально понижало уровень педагогической среды.

„Но создавшаяся вокругъ школы общественно-политическая атмосфера ведетъ педагога къ еще болѣе труднымъ положеніямъ. Оба живые элементы школы—ученикъ и учитель находятся подъ непрестаннымъ давленіемъ той атмосферы угнетенія личности, мертвенности, общественной среды, той цензуры устнаго и письменнаго слова, той общей безправности и принудительной разъединенности, которыя являются неизбѣжными спутниками нашего политическато строя. Если бюрократическій духъ школы никоимъ образомъ не можетъ содѣйствовать авторитетности педагога и не даетъ ему возможности раскрыть свои силы, то политическій строй, ее породившій, связанъ съ цѣлымъ рядомъ слѣдствій, посягающихъ на цѣльность и чистоту его моральной личности. Быть мо-

жетъ, ни одинъ кругъ интеллигентныхъ работниковъ не страдаетъ въ такой степени отъ отсутствія *свободы исповѣданія*, какъ учитель средней школы. Для него, кому его призваніе, казалось-бы, должно запрещать малѣйшее лицемѣріе, остается обязательнымъ публичное исполненіе религіозныхъ обрядовъ въ опредѣленные дни, въ опредѣленной церкви. Особенно тяжелымъ и безнравственнымъ становится выполнѣніе этого обязательства на окраинахъ, гдѣ вопросъ религіозный является боевымъ; зачастую насилуя свои религіозныя убѣжденія, педагогъ долженъ показывать примѣръ православія и призывать къ тому-же своихъ учениковъ. Религіозный вопросъ въ школѣ есть только одно изъ проявленій той глубокой коллизіи между потребностью свободной, самоуважающей личности къ откровенному исповѣданію своихъ убѣжденій и тѣмъ запретомъ, какой налагаетъ на нее общеполитическая и школьная система. Общій духъ цензуры устнаго и письменнаго слова, вынужденное молчаніе по всѣмъ наиболѣе волнующимъ вопросамъ, узость политическаго идеала, требующаго для своей защиты покрова тайны для всего съ нимъ несогласнаго—все это болѣзненно отзывается въ школѣ. Въ полномъ недовѣріи къ педагогическому такту учителя система налагаетъ свое veto на всякое откровенное общеніе его съ ученикомъ и уничтожаетъ возможность всесторонняго и правдиваго освѣщенія жизни и науки. Это обстоятельство особенно пагубно отразилось на преподаваніи исторіи и литературы, изъ которыхъ политическая тенденція выбрасываетъ наиболѣе живыя и серьезныя явленія, представляя остальное въ ложномъ, одностороннемъ, не внушающемъ довѣрія освѣщеніи. Цензура слова учителя, тѣсно связанная съ цензурой учебника, лишила преподавателя права выбора читаемаго и изучаемаго матеріала и наводнила школы плохими, бездарными и тенденціозными книгами. Связанный въ своей преподавательской дѣятельности, учитель подчиненъ строгому надзору и въ своемъ внѣшкольномъ поведеніи. Всякое участіе его въ печати въ какомъ-либо, даже разрѣшенномъ, обществѣ или союзѣ подлежитъ подозрительному вниманію его педагогическаго начальства. Его свобода въ этомъ отношеніи ограничена еще болѣе тѣснымъ кругомъ, чѣмъ свобода небогатаго ею обыкновеннаго русскаго гражданина. Не на нашихъ-ли дняхъ формулировано было мнѣніе министерства, что педагогъ въ общественныхъ своихъ проявленіяхъ имѣетъ право меньшее, нежели земецъ, адвокатъ, инженеръ или врачъ; не на нашихъ-ли дняхъ за участіе въ съѣздѣ учителей естествознанія подвергались удаленію нѣкоторые учителя средней школы? Возможность устраненія отъ любимой дѣятельности постоянно дамокловымъ мечемъ виситъ надъ головою независимаго педагога. Этотъ дамокловъ мечъ, незримый, облеченный въ форму секретнаго циркуляра, разсылаемаго по учебнымъ заведеніямъ—могучее орудіе въ рукахъ директора, въ рукахъ всякаго, кому не претитъ доносъ. Удаленіе совершается безъ суда и слѣдстія, и проходятъ годы, прежде чѣмъ запретъ снимается, и педагогъ можетъ вернуться къ своему дѣлу, уже отвыкнувъ отъ него, выбитый изъ колеи, утративъ связи съ семьей товарищей. Удивительно-ли, что при такихъ условіяхъ все независимое и сильное чуждается педагогической дѣятельности, и школа остается безъ идейныхъ работниковъ; условія ея жизни содѣйствуютъ особенно печальному подбору лицъ. Удивительно-ли, что казенная школа разрушается, что общество относится къ ней съ упорной враждой?

Но подъ сѣнью школы совершается духовный ростъ молодыхъ поколѣній. Не признавъ личныя и

общественныя права учителя, политическая система тѣмъ болѣе, конечно, отказывала въ этомъ признаніи ученику. Глухой, все растущій протестъ изнутри и освободительное движеніе извнѣ наложили на школу новую функцію—*борьбу* со смутой, которую она должна прослѣдить и уничтожить въ корнѣ. Не довольствуясь изъятіемъ „явно вредныхъ“ единицъ и цѣлыхъ слоевъ населенія, она стремится освободиться отъ потенціальныхъ“ элементовъ броженія“. Жизнь учениковъ опутывается строгими мелочными правилами и требованіями, и въ этой атмосферѣ исключительно карательнаго воздѣйствія все живое и протестующее неизбѣжно наталкивается на „исторію“. Она преувеличивается, трактуется, какъ политическое дѣло, и разростается въ крупные безпорядки, которые были столь хроническими въ Западномъ краѣ, а теперь облетѣли всю Россію и кончаются массовыми исключеніями, а иногда и самоубійствомъ юношей и дѣвушекъ. Не довольствуясь строгой регламентаціей жизни ученика въ школѣ, система простерла свой надзоръ за ея стѣны, вышла за нимъ на улицу, вторгнулась въ семью, наложивъ отталкивающія полицейскія обязанности на педагога. Когда юноша, не удовлетворяясь скудной или недобоваримой духовной пищей, отмѣряемой ему въ школѣ, сталъ искать способовъ внѣшкольнаго просвѣщенія, система наложила на нихъ свою тяжелую руку. Она сурово преслѣдовала кружки самообразованія, стѣснила пользованіе общественными библіотеками, установила надзоръ надъ частною жизнью учениковъ, ихъ развлеченіями, ихъ родными и знакомыми. Она карала дѣтей за неблагонадежность родителей или привлекала родителей къ сыску надъ дѣтьми, нерѣдко поселяя тяжелый разладъ въ семьѣ. Разставшійся со школой юноша не находилъ ни одного добраго слова, которымъ-бы могъ помянуть ее, и, за рѣдкими свѣтлыми исключеніями, уносилъ къ ней глухое отвращеніе. Если половину спасало вліяніе литературы или семьи, или опредѣленное благородство собственной натуры, то другая половина выходила изъ школы невѣжественной, невоспитанной, съ смутной мыслью, съ глубоко и печально запутанными нравственными и политическими понятіями. За послѣдніе годы все острѣе, все очевиднѣе становятся симптомы того, что школа больна глубокимъ внутреннимъ недугомъ. Мы присутствуемъ при знаменательномъ моментѣ полнаго краха казенной средней школы и крушенія поставленныхъ ей задачъ. Ее всячески ограждали отъ жизни, но жизнь ворвалась въ школу и вывела юношей, почти мальчиковъ, на улицу подъ подъ удары казацкихъ нагаекъ. Въ ней насаждали православіе, но выдвинувъ его въ тяжелыхъ формахъ казеннаго формализма, воспитали религіозный индиферентизмъ. Школа претендовала стать орудіемъ руссификаціи и вызвала на окраинахъ глубокую ненависть къ русскому языку и русской культурѣ; она должна была явиться ареной пропаганды самодержавія—и воспитала протестующихъ мальчиковъ. Банкротство средней школы сознано было самимъ правительствомъ. Министерствомъ Боголѣпова и Ванновскаго организованы были комиссіи, ставившія задачей реформу. Въ матеріалахъ комиссій содержится много цѣнныхъ замѣчаній по вопросамъ о строѣ и программѣ школы; къ ихъ работамъ привлечено было много серьезныхъ и живыхъ педагогическихъ силъ. Общество и педагогическій міръ отнеслись съ довѣріемъ и надеждой къ попыткѣ реформы. Многотомные труды комиссіи являются памятникомъ большой умственной работы и, вмѣстѣ, краснорѣчивымъ свидѣтелемъ безплодности общественнаго порыва, заключеннаго въ бюрократическія рамки.

Школа не могла перестроиться въ неподвижной политической и общественной атмосферѣ. Министерская комиссія не могла излечить ея недуга. Она только лишній разъ обманула надежды общества, принеся ему новое, повидимому, послѣднее, разочарованіе. Становилось все болѣе очевиднымъ, что отъ отживающаго строя трудно было ждать обновленія школьнаго дѣла.

Ростъ общественнаго сознанія за послѣдніе годы совершался съ большею интенсивностью: въ минувшіе мѣсяцы большая часть основныхъ вопросовъ государственной жизни была поставлена съ небывалой твердостью и опредѣленностью. Самая исторія нашего просвѣщенія за послѣднее время съ очевидностью показала, что оно не можетъ развиваться безъ свободы личной совѣсти, мысли и слова, внѣ условій широкой общественной самодѣятельности, внѣ планомѣрнаго воздѣйствія на школу общественныхъ силъ. Условія-же эти можетъ осуществить и прочно обезпечить только народное представительное правленіе, организованное на самыхъ широкихъ демократическихъ основахъ. Если кризисъ школы активно создавался правительственной политикой, приносившей въ жертву реакціоннымъ цѣлямъ культурныя нужды страны, то въ неменьшей степени за нее отвѣтственна пассивность общества, которое, оставаясь разрозненнымъ, долго не возвышало рѣшительнаго голоса въ защиту дорогихъ ему началъ. Эта разрозненность, это молчаніе — форма нашего соучастія въ преступленіяхъ бюрократіи противъ школы. Теперь этотъ періодъ пережитъ. Чувство солидарности охватило различные слои русскаго общества. Эту солидарность, общность интересовъ живо чувствуемъ и мы, которымъ приходилось до сихъ поръ въ одиночествѣ нести тяжелый трудъ въ душной обстановкѣ средней школы. Призывъ къ объединенію, къ союзу, уже сплотившій въ разныхъ мѣстахъ сильныя группы, долженъ прозвучать въ нашей педагогической средѣ. Союзъ педагоговъ является важнымъ и неотложнымъ дѣломъ. Ему предстоитъ дѣятельная работа въ созданіи той общественно-педагогической школы, безъ которой невозможно культурное возрожденіе Россіи, школы, которая должна дать странѣ свободно мыслящихъ, привыкшихъ къ умственному труду энергичныхъ дѣятелей. Пусть нашъ союзъ явится союзомъ борьбы за народное просвѣщеніе. Пусть мѣрамъ, стѣсняющимъ свободу преподаванія, унижающимъ личности учителя и ученика, превращающимъ школу въ орудіе реакціи —онъ противопоставитъ сильный коллективный протестъ. Пусть явится онъ залогомъ широкой гласности въ вопросахъ школьной жизни, организуетъ общественное мнѣніе, которое, на ряду съ организованной дѣятельности педагоговъ, защититъ учениковъ отъ произвола и насилія. Союзъ наставниковъ обязанъ взять изъ ихъ слабыхъ и неопытныхъ рукъ *борьбу за интересы школьнаго дѣла*. Но онъ имѣетъ непосредственное, ближайшее значеніе для насъ, учителей. Педагогъ настолько затерянъ, настолько одинокъ среди современной школьной системы, что на каждомъ шагу чувствуетъ безцѣльность своихъ индивидуальныхъ усилій, какъ въ отстаиваніи своихъ педагогическихъ идеаловъ, такъ и въ борьбѣ съ требованіями политической системы. Это одиночество союзъ долженъ замѣнить сознаніемъ общности интересовъ, коллективнымъ трудомъ на благо школы. Онъ дастъ возможность каждому апеллировать къ большому кругу единомышленниковъ и искать у нихъ нравственной и матеріальной помощи въ трудныхъ положеніяхъ, часто создающихся для педагога, который не поступается своими убѣжденіями. Таковы задачи союза дѣятелей средней школы. Не-

отложная необходимость созданія его вызывается нашими насущными интересами, какъ профессіональныхъ работниковъ и какъ гражданъ; она вызывается интересами школы и остротою того кризиса, въ какой вовлекла ее правительственная система. Мы не можемъ и не должны оставаться пассивными наблюдателями болѣзненнаго процесса, въ которомъ разлагаются старыя формы и жизнь пробиваетъ себѣ новые пути. Возврата къ отжившему нѣтъ. Мы открыто выходимъ на новую дорогу. Мы сознаемъ, при какихъ условіяхъ можетъ создаться *новая* школа. На борьбу со старымъ, къ творчеству новыхъ формъ мы должны принести наши объединенныя силы. Къ этому мы и зовемъ нашихъ товарищей—педагоговъ.

Когда Андрей Воликъ проходилъ мимо главнаго строенія погорѣвшаго сахарнаго завода, со стѣнъ развалины съ шумомъ поднялись вороны, а въ средину съ трескомъ посыпались штукатурка и карнизъ. Хотя сахароварня была давно уже заброшена, разсыпалась и заростала травою, въ ея пустыхъ строеніяхъ все слышался шумъ, какъ будто рокотъ машинъ и гулъ рабочихъ голосовъ еще не затихъ на старомъ пепелищѣ. Минуя кучи битаго кирпича, бѣлыя пятна известки, на половину прикрытыя молодымъ бурьяномъ, гнилые, разсыпавшіеся чаны и черныя дыры—окна, изъ которыхъ будто что-то выглядывало,—Андрей вспоминалъ минувшее. Какая-нибудь шина, которая блестѣла

*) *Отъ Редакціи.* Пусть не пугается читатель кажущейся вялости предлагаемаго разсказа М. Коцюбинскаго. Авторъ его—одинъ изъ величайшихъ талантовъ, которыхъ подарила міру современная украинская беллетристика. Его типы — это живые, правдивые типы, взятые прямо съ натуры. Это титаническія, могучія въ своей цѣлостности фигуры, созданныя исторіей и мучительнымъ режимомъ современной украинской жизни, величина которыхъ и сложность прямо пропорціональны объему и сложности этого режима.

Грустная картина: обнищавшая земля, еще болѣе бѣдный землепашецъ, грубая, безпощадная диктатура панства и, какъ реакція, согласно все-таки закону Ньютона, странные типы, одичавшіе, но дѣлеющіе вѣчную, врядъ ли скоро выполнимую надежду.

Разсказъ этотъ не сказка, нѣтъ, это живая быль, выплаканная на бумагѣ слезами человѣка правдиваго, глубоко искренняго и близко стоявшаго и стоящаго къ жизни и къ любимому народу.

Да не посѣтуетъ читатель на нѣкоторыя, быть можетъ, неясности перевода,—живой народный языкъ почти у каждой національности дословно переводить невозможно.—„Такъ какъ чувство и дѣятельность человѣка зависятъ отъ представленій, а представленія—отъ языка, то всѣ вообще отношенія человѣка къ внѣшнимъ предметамъ обусловлены тѣмъ, какъ эти предметы представляются ему въ языкѣ. Человѣкъ, создавая языкъ, тѣмъ самымъ актомъ вплетаетъ себя въ его ткань; каждый народъ обведенъ кругомъ своего языка и выйти изъ него (этого круга) можетъ только, перешедши въ другой". „Въ словѣ апперцепируется воспріятіе. Слово—средство сознанія единства чувственнаго образа и средство сознанія общности образа".

„Каждое слово, это—поэтическое произведеніе. Оно—первообразъ (слово) и зародышъ позднѣйшей поэзіи и науки". „Языкъ не есть матеріалъ поэзіи, но сама поэзія". „Созданіе языка есть синтетическая дѣятельность—она создаетъ такое, что не за-

въ травѣ, напоминая ползущаго гада, или чугунное колесо, до половины ушедшее въ землю, воскрешали въ его памяти картину шумной заводской жизни, и онъ видѣлъ себя около вагонетокъ съ сахаромъ, или при аппаратѣ. Тогда онъ получалъ тринадцать рублей въ мѣсяцъ!..

— То было время, „пане добродзѣю“! *),—говорилъ онъ громко себѣ и гладилъ сѣдой усъ.

Андрей направлялся къ старому березняку, росшему на верхушкѣ холма. Оттуда сползали внизъ заводскія строенія.

ключено въ слагаемыхъ частяхъ, взятыхъ порознь, и указываетъ на таинственную связь слова съ сущностью предмета“.

Такъ учатъ психологи—лингвисты (В. Гумбольдтъ, А. Потебня—„Языкъ и мысль“ и др.), и вполнѣ понятнымъ отсюда становится утвержденіе украинскаго писателя П. Кулиша, что и при переводѣ художественныхъ произведеній на другой языкъ—получаются выраженія, не свойственныя обычаямъ, типы — національности, дѣйствія — характерамъ, мыслящимъ по своему. Что на одномъ языкѣ будетъ сильно, звучно, гладко, то на другомъ не произведетъ никакого дѣйствія, покажется холоднымъ и сухимъ. Чужимъ языкомъ проникнешь только въ чужое сердце и съ чужимъ не заговоришь такъ, какъ съ роднымъ. Потому-то великіе народные поэты, какъ Шевченко, (Дремцовъ, прекрасный переводчикъ Шевченка, говоритъ, что переводить Шевченка очень трудно. А языкъ Шевченка, вѣдь, очень простъ и доступенъ, сравнительно съ языкомъ другихъ украинскихъ поэтовъ), играя на струнахъ родного языка, ими-то и потрясаютъ родныя сердца, онѣ долго звенятъ—изъ рода въ родъ и берегутъ, и укрѣпляютъ цѣлостность націи, хотя бы и по всему свѣту разбросанной, своею неземною силой“.

Въ силу вышеизложеннаго, да простится намъ нѣкоторое обиліе украинизмовъ, допущенныхъ нами въ переводѣ только по необходимости.

Кромѣ всего сказаннаго, считаемъ нужнымъ добавить, что этотъ, единственный въ своемъ родѣ, разсказъ удивительно соотвѣтствующій своему названію, мы сами, перечитали нѣсколько разъ подъ-рядъ и вполнѣ прониклись всѣмъ величіемъ и всей глубиной того безмѣрнаго, безысходнароднаго горя, которое лежитъ на сердцѣ украинскаго простолюдина.

А. Карножицкій.

*) Поговорка „Государь ты мой милостивый“.

Налѣво отъ Андрея играло на солнцѣ серебрянными брызгами озерцо, будто рыба плескалась въ немъ, а за нимъ, на другомъ холмѣ пряталась между деревьевъ церковь. За березнякомъ разстилался въ долинѣ широкій и зеленый поемный лугъ, изрѣзанный изгибами синей рѣчки. Вербы и ивы сѣро-зеленымъ туманомъ катились по лугу и мѣстами прикрывали воду. На горизонтѣ, въ далекихъ селахъ околицы, бѣлѣли колокольни.

Стояло солнечное утро Ѳоминой недѣли. По церквамъ звонили. Далекій звонъ гудѣлъ въ спокойномъ воздухѣ тихо и мелодично, и казалось, что это звенитъ золото солнца.

Андрей посматривалъ на развалины кирпичнаго строенія и радостно качалъ головою.

— Да, не будетъ оно уже такъ долго!.. они какъ возьмутъ въ свои руки, то скоро пустятъ паръ!..

„Они“—были нѣмцы или чехи, а можетъ и евреи,—тѣ, что шесть лѣтъ тому назадъ пріѣзжали осматривать сгорѣвшій заводъ. Хотя послѣ никто уже не интересовался развалинами, Андрея не покидала надежда, что вотъ-вотъ нежданно наѣдутъ паны, все устроятъ и пустятъ въ ходъ фабрику.

Ну, а теперь онъ увѣренъ, такъ какъ панскій пастухъ, Хома Гудзь, шепнулъ ему эту новость. Хома хотя и ходитъ за скотомъ, а все же ближе стоитъ къ панамъ, потому что трется около нихъ. Будетъ фабрика, будетъ!..

Потому, добродзею, чистая погибель теперь человѣку: зарабатывать негдѣ, земли отродясь не видали, подати плати, кругомъ нищета, а ѣсть надо! Да, большое счастье—кусочекъ земли!.. Вертится одинъ за другимъ на своемъ участкѣ, а самъ ходитъ весь черный, какъ земля... а ѣстъ не лучше того, кто совсѣмъ ничего не имѣетъ... Ужъ хозяева!...

Андрей съ презрѣніемъ сплюнулъ сквозь зубы.

Вотъ фабрика,—такъ ужъ это что-

-то совсѣмъ иное. Не страшны тебѣ ни засуха, ни дожди. Работа—чистая, ровная. Придетъ конецъ—бери деньги...

И онъ тогда пилъ пиво... Стоитъ готовое... Чистое, золотое, холодное пиво... Тфу!.. даже слюна катится...

Была мысль: подростетъ Гафійка; поступитъ на фабрику. Гдѣ бы она столько заработала?!.. И замужъ скорѣе бы вышла. Конечно... Вѣдь, то на людяхъ,—нашелся бы такой, что посватался-бы. Механикъ, а то и слесарь... Пусть старуха не дурачитъ головы ни себѣ, ни дѣвкѣ; хозяйскій сынъ не возьметъ бѣдной,—не такой свѣтъ теперь. Вѣдь, конечно...

Его мысли плыли дальше. Такія легкія, такія ясныя, какъ весенній воздухъ...

Развалинъ нѣтъ. Вездѣ новыя зданія. Грохотъ машинъ, шипѣніе пара, людская сутолока, цѣлый адъ работы. Все въ движеніи, все живетъ, все такъ заманчиво. И онъ чувствуетъ силу въ своихъ рукахъ, а во рту — привкусъ холоднаго пива...

Послѣдніе звуки колоколовъ замерли въ воздухѣ. Изъ церкви выходятъ. Съ верху до самой гребли *), медленно движется туча народу. Стучатъ мужицкіе сапоги, шуршатъ подолы юбокъ, и развѣваются по вѣтру ленты у дѣвушекъ.

Вотъ идетъ Маланья. Низкорослая, высохшая, черная, въ чистой сорочкѣ, въ старенькой свиткѣ. Андрей не видитъ ея лица, но знаетъ, что у нея потупленныя въ землю глаза и сомкнутыя губы. „Мы хотя и бѣдны, но честны. Живемъ трудами рукъ своихъ, а все же и для насъ есть мѣсто въ церкви". Рядомъ съ нею и Гафійка. Будто молодая прищепа изъ барскаго сада. У Андрея подъ усами блуждаетъ усмѣшка. Онъ знаетъ, что въ селѣ нѣтъ красивѣе дѣвушки. Семнадцатый годъ пошелъ, съ самой Филипповки.

— Га-га-га! Вотъ гдѣ онъ молится Богу. Будь здоровъ!..

Грубый голосъ слышится снизу, и старое безусое лицо помѣщичьяго пастуха, Хомы Гудзя, выглядываетъ изъ-за покривившейся изгороди.

— А вы-жъ думали — гдѣ? Дай Богъ...

— На бѣса-бъ лысаго сидѣлъ я тутъ—ужъ лучше у Менделя... Цапинъ *) сынъ привезъ свѣжее пиво, если не вретъ... Я таки говорилъ ему—а чтобъ тебѣ, говорю, такая болячка въ печенкѣ и твоей Сурѣ, и всему твоему роду...

— А вотъ купите, тогда и попробуемъ, какое оно...

— А чтобъ вы всѣ подохли на такой правдѣ, что держите свѣжее пиво... А что-жъ, думаете, не куплю? Пойдемъ, выпьемъ, бей его лихорадка **)...

— Такъ купите? А съ волами-жъ—какъ? Самъ панъ будетъ присматривать?

— А пускай они ему подохнутъ къ ночи... Онъ думаетъ, сто сотъ чертей, что я и на самой Ѳоминой погоню скотъ на пастбище? Лопнешь, а не дождешься... Имѣю коечто сказать Вамъ...

— Ну? ну?

— Приходите съ полдня къ Менделю, тогда скажу...

— Ну, ну?

— Потолкуемъ, выпьемъ пива, сто двѣнадцать ***)...—Конецъ фразы пропалъ за плетнемъ.

* * *

Андрей спѣшилъ домой. Передъ нимъ разстилалась большая дорога, пыльная уже, хотя и была ранняя весна. Надъ дорогой бѣлѣла его избенка, будто шла куда изъ села и

*) Плотина, гать, мостъ.

*) Козій.

**) Поговорка: „була-бъ його трасця".

***) Въ подлинникѣ - стонадцять... (чертей).

остановилась отдохнуть. По дорогѣ тянулись люди съ дубинами, съ мѣшками.

Вотъ Гафійка вынесла одному воды. Остановились и разговариваютъ. Опять подходитъ кучка... Еще разъ... Проходятъ и проходятъ. А тотъ стоитъ. Эге-ге! Да это цѣлая журавлиная стая. Идутъ и идутъ. Куда нибудь въ Крымъ, или на Кубань. Вотъ тебѣ и хозяйскіе сыновья, земледѣльцы... Своя земля проситъ рукъ, а онъ снялся съ мѣста да и... А что же станутъ дѣлать всѣ они на своемъ крохотномъ участкѣ? Наплодилось васъ. Нѣтъ на васъ войны или холеры. Одни изъ села, а другіе въ село, какъ тотъ Марко Гуща, котораго недавно привели арестантомъ... Получалъ „пане добродзею“ на фабрикѣ семнадцать рублей въ мѣсяцъ и началъ бунтовать. Плату ему давай большую, работы ему, видишь ли, много. Начальство ему одно, а онъ ему другое... Ну, не хочешь, какъ хочешь: отодрали нагайками и айда домой, подъ карауломъ...

Да я-бъ такому бунтовщику...

А тотъ стоитъ. Съ кѣмъ это она заговорилась? Кажется, Прокопъ Кандзюба? Такъ и есть: это онъ. Вотъ вышла на порогъ Маланья, да и спряталась назадъ... Пусть дѣвка постоитъ съ хозяйскимъ сыномъ... Гляди, чтобъ не посватался. Ха!.. А то какъ-же!..

Андрей подошелъ къ избѣ. Кривая, погнувшаяся избенка, съ черною крышей и бѣлыми стѣнами, стояла она между заброшенныхъ, съ заколоченными окнами, избъ, нѣкогда выстроенныхъ заводомъ для рабочихъ, и казалась чѣмъ то живымъ и теплымъ среди холодныхъ мертвецовъ. Около избы сѣрѣли вскопанныя грядки, отъ воротъ до порога вела дорожка.

Зато сосѣдніе огородишки были полны соромъ и отбросами; невоздѣланная земля щетинилась прошлогоднимъ бурьяномъ, и на почернѣвшихъ развалинахъ всегда разсаживалось воронье.

Андрей засталъ Маланью послушной и ласковой, какъ всегда послѣ богослуженія. Значитъ, она будетъ ругать его сегодня не такъ, какъ въ будни, а со сладкой усмѣшкой и ласково. Посматривая искоса на плотно сжатыя губы жены, онъ съ излишней живостью скинулъ съ себя свитку и разсѣлся на лавкѣ, какъ баринъ. Га! Развѣ-жъ онъ не хозяинъ въ своей хатѣ? А все-таки Андрей лелѣялъ тайную надежду, что все какъ-либо сойдетъ, и жена не придерется къ нему.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, снимая съ полки миску, Маланья вскинулась на него глазами.

— Нанялся?

Эхъ! таки начинается!—подумалъ онъ, прикинувшись непонимающимъ, въ чемъ дѣло.

— Что?

— Нанялся ли въ экономію — спрашиваю.

Ишь, невѣрная баба: и знаетъ, что не былъ я тамъ, а спрашиваетъ.

Ахъ, дай ты мнѣ покой съ этой экономіей... не то у меня теперь на умѣ. Вотъ говоритъ Гудзь: скоро сахароварню начнутъ строить.

— Слушай, сердце, Гудзя, слушай, Андрійко... какъ разъ нацѣпишь суму, да и мнѣ доведется...

Она стиснула сухія губы и вскинула глазами къ потолку. Что-жъ! она молчитъ—въ праздникъ грѣшно ругаться. только еслибъ всѣмъ тѣмъ, что болтаютъ про фабрику, поскрючивало языки, это-бъ было совсѣмъ хорошо. Фабрика, фабрика, а гдѣ она? Ну, была фабрика, а кто имѣлъ пользу отъ нея? Мендель. Развѣ неправда? Развѣ не у Менделя оставлялъ онъ заработокъ? Что у нихъ есть, чѣмъ живутъ? У нея уже руки высохли отъ работы, у нея уже всѣ жилы вытянуты, лишь бы не околѣть, прости Господи, отъ голоду...

И она тыкала ему въ глаза су-

хія, черныя, словно желѣзныя, руки, голыя по самый локоть.

— Нѣтъ, не заработаетъ человѣкъ, ой, не заработаетъ, сердце мое. Онъ думаетъ про пиво и не думаетъ про то, что...

И пошло. Она его отчитывала, она пилила его, она его обрызгивала, подкуривала и обсыпала чертями такъ бережно, такъ деликатно, какъ только можно было въ воскресенье, послѣ церковной службы, а онъ, красный, какъ вареный ракъ, сначала отмалчивался, а дальше и самъ началъ выкрикивать тонкимъ и надорваннымъ голосомъ.

Все-таки пересилилъ.

Тьфу, тьфу, тьфу! Трижды тьфу на твою землю! Пусть она провалится! Не пойду я наниматься и не буду въ землѣ рыться. Она вытянула изъ меня всѣ силы и пустила подъ старость голымъ. Тьфу, еще разъ тьфу на нее...

Тогда Маланья стала, какъ вкопанная, и подняла руки къ небу.

— Что ты говоришь, оглашенный! Да ты становись на колѣна и цѣлуй ее... ѣшь ее, святую землю, она тебя кормитъ... она тебя схоронитъ, человѣче...

Она стояла бѣлая, какъ мѣлъ, и на самомъ дѣлѣ испугалась.

Тучу разогнала ласточка. Вбѣжала Гафійка, торопливо пряча что-то за пазуху. Такой чистый, выхоленный, будто вылизанный матерью звѣренокъ, такая упругая, какъ пружина, съ круглыми бронзовыми руками и ногами, въ золотистыхъ волосахъ, эта весенняя золотая пчелка—внесла въ избу что-то такое, отъ чего бѣлыя стѣны подъ низкимъ потолкомъ улыбнулись, голубь передъ образами завертѣлся на ниткѣ, и силуеты — казаки изъ красной бумаги, налѣпленные на стѣнахъ, взялись въ боки.

— Мама, подавать обѣдать?

— Подавай, подавай, Гафійка...

Маланья сразу отошла.

Да чего же ты вертишься по хатѣ, какъ юла? Еще миски побьешь. И въ церкви все вертѣлась и оглядывалась...

— Да его-жъ не было въ церкви.

— Кого „его“?

— Ну, это я такъ...

— Что съ тобой, сегодня: чуть-чуть борща не опрокинула!

— Ужасъ, разсказываетъ онъ, что творилось; народу, говоритъ, какъ на войнѣ, сила-силища... а всадники наступаютъ, давятъ. „Расходитесь“, кричатъ. А тѣ: „не уйдемъ, отдавай намъ наше... мы за правду“...

— Да кто разсказываетъ?

— Марко... недавно пришелъ изъ Одессы...

Это Гущинъ? Говорятъ — попался на злодѣйствѣ *), посидѣлъ въ тюрьмѣ; вотъ и привели сюда на утѣху старому батькѣ.

Агаша вспыхнула.

— Вранье! Люди лгутъ. Онъ ничего не кралъ, вотъ ей-же-Богу!..

— Да замолчи-жъ ты!—крикнулъ Андрей, – какое тамъ воровство! Мнѣ урядникъ разсказывалъ, когда я ходилъ на почту. Онъ, Гуща этотъ, не кралъ, а народъ бунтовалъ. Такому, говоритъ урядникъ, въ тюрьмѣ бы гнить, а не на волѣ быть...

— Да ихъ тамъ, отецъ, обижали.

– Да что ты понимаешь!.. Вотъ увижу только, что онъ тутъ напускаетъ туману, да книжки людямъ читаетъ,—сейчасъ руки назадъ да и къ уряднику.

Вотъ еще привязались... сами не знаютъ за что...

— А тебѣ что? Ты мнѣ съ нимъ смотри, не приставай, а то какъ увижу „пане добродзею“, то...

Но онъ не докончилъ: какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Гафійка нагнулась, чтобъ вынуть изъ печи горщокъ, изъ-за пазухи у нея высунулась книжка и упала на полъ. Гафійка кинула горшокъ, схватила книжку и, вся красная, съ глазами, полными слезъ, стремглавъ выбѣ-

*) Злодѣяніе, воровство.

жала въ сѣни. Андрей перевелъ удивленный взглядъ на Маланью.

Только Маланья была уже не святая и не божья. Она сразу забыла, что въ воскресенье нельзя ругаться, и сверкала на мужа позеленѣвшими глазами.

Андрей имѣлъ недурной дессертъ къ воскресному обѣду, тѣмъ болѣе, что, сколько ни звали Гафійку обѣдать, она не пришла уже въ избу.

Ну, послалъ Богъ праздникъ, какъ разъ—ложись и отдыхай. Маланья сѣла на завалинѣ и положила на колѣни руки. Андрей куда-то исчезъ, Гафійка пошла гулять на музыку, а въ избѣ тоскливо.

Солнце стоитъ низко, примѣрно на три человѣческихъ роста отъ земли; пустыя и ободранныя избенки бросаютъ причудливыя тѣни. Пыльная дорога изъ-подъ ногъ Маланьи бѣжитъ въ поле. Кругомъ пусто. Челядь гуляетъ на площади; старики толкуютъ подъ воротами, а у Маланьи обычные гости—думы.

Охъ, Боже, Боже, сколько намъ дано этой жизни, а какъ ее тяжело прожить. Андрей опять не попалъ на службу. И такъ изъ года въ годъ. Легкаго хлѣба ищетъ. Всю, говоритъ, силу отдалъ землѣ, больше не хочу. Снова будетъ рыбку ловить... На почту побѣжитъ, когда помѣщикъ пошлетъ, — зайца подстрѣлитъ. Другіе жнутъ или косятъ, а ея Андрей идетъ дорожкой, кожаная сумка черезъ плечо, шапка *) на затылкѣ и помахиваетъ палкой...

Что то пылитъ по дорогѣ. Что это мчится такъ быстро? Ага, кажется паничъ Леля изъ сосѣдней экономіи въ гости ѣдетъ въ усадьбу. Конечно. Вонъ и панна Тося... и горбатая панна Анна, и паничъ Петрусь. Пѣгія лошади взметаютъ землю копытами, въ пыльномъ облакѣ смѣются молодыя лица, киваютъ ей, Маланья встаетъ, низко кланяется, подумаешь иконамъ, и смотритъ вслѣдъ, какъ клубится за бричкой позолоченная солнцемъ пыль.

Всѣ они выросли при ней, на ея глазахъ. И вдругъ откуда-то повѣяло на нее запахомъ вкуснаго, сытнаго борща. Она ѣла такой борщъ, когда служила у пановъ. Давно это было, а вотъ теперь все вспомнилось, при этой жизни на картофелѣ. Маланья садится и снова кладетъ черныя руки на колѣни. Вотъ гдѣ онѣ почернѣли, эти бѣдныя руки: всю жизнь работали на пановъ. Когда ей минуло восемь лѣтъ, умеръ отецъ, а на двѣнадцатомъ у ней уже никого не было, кромѣ хозяевъ. Отъ матери остался старый сундукъ, двѣ-три рваныхъ сорочки и шубка въ заплатахъ. Только и всего..

Насколько хватаетъ у нея памяти, она видитъ себя черной, вѣчно въ сажѣ, около господскихъ свиней. Потомъ она была въ горницахъ, все била посуду, а ее била барыня, и задѣвали паничи. Потомъ велѣли ей готовить ѣду для челяди, и она варила—до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалась старой дѣвой. Тихая, послушная, всѣмъ повиновалась и плакала по темнымъ угламъ. Плакала оттого, что работаетъ на чужихъ, что сохнетъ, тратитъ силы, и никто не сватаетъ ее. Плакала потому, что любила землю, огородъ, поле, а должна была, между тѣмъ, готовить ѣду цѣлому стаду ненасытной челяди. Кругомъ была земля, такая черная, рыхлая, плодоносная, послѣ весны такая роскошная, осенью богатая, а никто не звалъ ее на эту землю, никто изъ хозяйскихъ сыновей не захотѣлъ сдѣлать ее хозяйкой-владѣлицей. Затѣмъ вышла замужъ за Андрея. Какъ это случилось, что она пошла за него, вѣчнаго батрака, пожилого парня, вѣчнаго работника, не имѣвшаго даже собственной избы, не то-что земли,—и до сихъ поръ для нея неясно. Сошлись нищета съ нищетою, и на-

*) Въ подлинникѣ—брыль, нѣчто въ родѣ круглой шерстяной шляпы.

родилось вѣчное горе. Какъ будто предвидѣла это, не даромъ такъ плакала на свадьбѣ.

По одну сторону поютъ сватьи, по другую—дружки, *) въ избѣ, какъ въ ульѣ, въ окна смотритъ челядь...

А ей подступило что-то подъ горло, душитъ ее, и она бьется головою объ столъ, голоситъ и омываетъ слезами уже тогда черныя руки.

Это плакала тогда ея доля.

И вотъ пошелъ годъ за годомъ безцѣльно, безъ пользы,— проплыли себѣ, какъ листъ по Дунаю.

Кишь-кишь, проклятыя!

Маланья вскочила съ завалины и швырнула комкомъ земли.

Насѣдка съ цыплятами садилась на грядкахъ и, съ переполоху, сердито клохтала и топорщила свои перья. Желтыя цыплята разсыпались по грядкамъ, какъ горохъ. Напуганные шумомъ, съ сосѣдней крыши снялись грачи и били крыльями надъ обсыпавшеюся кровлею.

Маланья успокоилась и снова сѣла на завалину. Солнце спустилось еще ниже.

Эге, засидѣлась же гдѣ-то Гафійка на музыкѣ. Пускай погуляетъ, пока молода. Только ей и свободы, пока живетъ у отца да у матери. А посмотришь, такъ и это для людей, какъ соль въ глазу. Говорила же кузнечиха: „держатъ Гафійку, будто барышню, въ услуженіе не отдаютъ,— богачи, нечего сказать“... А чтобъ тебѣ, прости Господи, столько болячекъ, сколько у насъ несчастья. Хорошо тебѣ говорить, когда у тебя полная изба дѣвокъ, а у меня одна, какъ перстъ. Только и утѣхи на старость. Вынянчила, выходила, мыла и вычесывала, а теперь отдай людямъ. Мало еще мною люди помыкали, всю силу забрали они, всю кровь высосали, а теперь еще и дитя отдай... Не дождаться-жъ имъ...

Не такую она ей долю готовитъ, она выдастъ ее замужъ за хозяйскаго сына. Дѣвушка здоровая, чистая, хоть воды напейся *). Не спроста парубки засматриваются на нее. Посватаетъ Прокопъ; вѣдь вотъ же онъ пошелъ въ Крымъ, чтобъ было на что справить свадьбу... Осенью пришлетъ сватовъ, она уже видитъ, что, куда и къ чему идетъ.

Передъ глазами у Маланьи встала цѣлина **) — зеленая, веселая, надъ рѣчкою... Онѣ съ Гафійкой подбираютъ полотно. Что за красивая баба***) вышла изъ Гафійки. Голова повязана платкомъ. Подбираетъ она полотно и поетъ. Въ колыбели спитъ ребенокъ. Прокопъ привезъ ячмень, стогъ складываетъ. И такъ ей весело, старухѣ, такъ легко, будто она помолодѣла... Словно въ вѣнкахъ, стоятъ огороды. Капуста свертывается въ кочаны. Фасоль уже пожелтѣла, вѣтеръ шелеститъ маковыми головками, тыквы разлеглись, какъ откормленные боровы, картофель такъ уродилась, что зелень сплетается. Это ея черныя руки походили тутъ, каждый бурачекъ ****), каждую луковичку сама она посадила въ землю, сама и соберетъ, какъ дастъ Богъ дождется. Теперь она хозяйка. Не на своемъ, такъ на дочернемъ. Хоть къ старости дождалась... И она заведетъ себѣ красные сапоги, мягкіе, изъ козьей кожи, съ кисточками, какъ у кузнечихи. Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, —вотъ уже чуть не восемнадцать лѣтъ минуло,—не перестаетъ она мечтать о такихъ сапогахъ, каждый годъ откладываетъ деньги, только онѣ расходятся на что-либо другое —а сапогъ нѣтъ. Надѣть бы такіе сапоги и бѣлую намѣтку *****), да пойти въ церковь. И чтобы такъ и похоронили.

*) Дѣвушки-шаферицы.

*) Пословица: хоть воду съ лица пей.

**) Въ подлинникѣ - левѣда, земля подъ сѣнокосомъ возлѣ усадьбы.

***) Въ подлинникѣ—молодыця.

****) Свеклу.

*****) Намѣтка, кисейное покрывало, носимое украинками, съ откинутыми назадъ концами.

— Сидите себѣ? Съ праздникомъ васъ!

Маланья вздрогнула. Ага! это кузнечиха.

— А то что-же! и вы будьте здоровы... Далъ Богъ праздничекъ—и празднуй его; не трудись, не работай. Богъ сказалъ: въ будни работай, а въ воскресенье и подъ ногтемъ не ковыряй, потому что и это работа. Лежи, сиди и не трогайся съ мѣста.

Маланья была вкрадчива. Она такъ усмѣхалась, словно разговаривала съ панами въ усадьбѣ.

— А я только что съ музыки. Только уже намъ и осталось хоть посмотрѣть на молодежь. А тамъ ваша Гафійка все гуляетъ, да гуляетъ... съ тѣмъ одесскимъ паничемъ— не знаю, правду ли про него люди разсказываютъ,—съ Маркомъ Гущею... Все въ парѣ, да въ парѣ, какъ голубки. Извѣстно, молодость. Будьте же здоровы!..

Маланья все слащаво улыбалась, хоть въ душѣ у ней кипѣло.

— Ишь, толстуха,— трясетъ саломъ, распускаетъ сплетни! – проводила она кузнечиху враждебной мыслью. И ей почему-то вспомнилась утренняя сцена съ Гафійкой.

На улицѣ тѣмъ временемъ выростали тѣни.

Подъ плетнями дѣвчонки играли въ посмѣтюхи *): маленькія босыя ножки подбрасывали пыль — три раза въ одну сторону, три раза въ другую.—И казалось, что въ пыли возится стая воробьевъ. Далекія поля розовѣли. Съ низинъ летѣли въ село аисты и сверкали бѣлыми крыльями. Весенній вечеръ навѣвалъ думы.

— Какая ты роскошная, земля.— думала Маланья. Весело засѣвать тебя хлѣбомъ, украшать зеленью, цвѣтами. Весело обрабатывать тебя. Только тѣмъ ты не хороша, что не льнешь къ бѣдному. Для богатаго ты пышешь красотою, богатаго кормишь, одѣваешь, а бѣднаго берешь только въ могилу... А все-таки дождутся наши руки обрабатывать свои нивы, свои огороды, свои садики... Подѣлятъ тебя, земля, ой, подѣлятъ. И моему (мужу) дадутъ... Будетъ тебѣ рыбку ловить. Хочешь-не хочешь, а берись-ка „пане добродзею“ за плугъ. Охъ Боже, Боже, хоть на старости извѣдать бы того счастья,—дитя свое вывести въ люди...

А на улицѣ начиналась суета. Бѣжали дѣвушки, бабы, дѣти, съ палками, съ хворостинами. Шумѣли подолы юбокъ, топали босыя ноги, лаяли всполошенныя собаки.—„Степа-анъ!... бѣги за овцами!“... „Бѣги сама-а!“... „Мать говорила тебѣ,— чтобы ты лопнулъ!“...—„Отецъ говорилъ тебѣ —чтобъ ты свернула себѣ шею“... —„Нашихъ шестеро, смотри, Марійка!“... „Не растеряй ягнятъ, какъ вчера, а то въ дребезги исколочу!“...— Что-о? гдѣ-ѣ? Тю-у—гаа!..

Солнце садилось багровымъ закатомъ. Окна отливали яркимъ пламенемъ, стѣны избенокъ стали розовыми, по бѣлымъ рубахамъ разливался красный свѣтъ. Издали шла на село туча пыли. Она уже приближалась, росла, поднималась къ небу, наконецъ, солнце утонуло въ ней и расплылось розовымъ туманомъ. Отъ нея шли какіе-то тревожные звуки, будто дѣти плакали, или сильно стучали на гумнѣ,—и вдругъ овечье стадо залило улицу и всколебало воздухъ безпорядочнымъ блеяніемъ.

*) Такъ зовется маленькая сѣрая хохлатая птичка. Народная деревенская игра на Украйнѣ.

(До слѣд. №-ра).

Програмы систематическаго чтенія по естествознанію.

Вся обширная область научнаго знанія о природѣ, распадающаяся на отдѣльныя науки, какъ физика, химія, астрономія и др., представляетъ собою по преимуществу ту почву, на которой выросла современная культура и многочисленныя отрасли промышленности, составляющія основу экономическаго благосостоянія народовъ.

Съ самаго начала возникновенія культуры и торговопромышленной дѣятельности древнихъ финикіянъ и затѣмъ арабовъ прежде всего развивалась астрономія, всецѣло обусловливающая собою мореплаваніе, исторически развивавшееся, можно сказать, почти параллельно съ развитіемъ астрономіи. И въ настоящее время наиболѣе могущественными націями оказываются именно тѣ изъ нихъ, которыхъ просвѣщеніе и въ частности техническое образованіе оказываются выше. Промышленность этихъ народовъ идетъ впереди, а потому и богатства ихъ распредѣляются по болѣе многочисленнымъ каналамъ, начиная отъ огромныхъ городовъ съ милліоннымъ населеніемъ до мелкихъ фермъ, разбросанныхъ въ отдаленныхъ степяхъ. Но преслѣдовать просвѣтительныя задачи можно не только съ цѣлью ознакомленія съ основами современной промышленности и техники, а еще болѣе ради духовной жажды чистаго знанія, рождающейся у каждаго человѣка, начинающаго сознательно относиться къ окружающей его обстановкѣ, къ могучимъ силамъ природы и тѣмъ примѣненіямъ, въ которыхъ цивилизованный человѣкъ пользуется ими.

Основу научнаго естествознанія безспорно составляютъ по преимуществу астрономія, физика и химія, поэтому и ознакомленіе съ этими науками прежде всего и заинтересовываетъ. Нашъ журналъ, идя на встрѣчу все болѣе развивающейся потребности цѣлесообразно оріентироваться въ богатомъ матеріалѣ, накопившемся по этимъ наукамъ, счелъ своимъ долгомъ привести по возможности краткія программы для чтенія, которыя могли бы удовлетворить какъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя, не получивъ высшаго образованія, пожелали бы посредствомъ самостоятельнаго чтенія пріобрѣсти надежныя знанія по главнымъ естественнымъ наукамъ, такъ и тѣхъ, которыя вынуждены условіями своей дѣятельности жить вдали отъ крупныхъ умственныхъ центровъ, но продолжаютъ интересоваться естествознаніемъ и желаютъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ его развитія и новѣйшими успѣхами, сдѣланными въ области физико-химическихъ наукъ. Если въ университетскихъ городахъ большинство лицъ, стремящихся пополнить пробѣлы своего образованія, не всегда находятъ компетентныя указанія, то въ провинціи любознательный читатель при выборѣ книгъ и подавно предоставляется слѣпому случаю. Для устраненія столь нежелательныхъ условій и для достиженія нѣкоторой закономѣрной послѣдовательности при выборѣ матеріала для чтенія по естествознанію нашъ журналъ и предлагаетъ рядъ программъ, которыя могутъ въ тоже время служить источникомъ для разнаго рода справокъ и поэтому имѣютъ до нѣкотой степени также и библіографическій характеръ. Редакція журнала, осуществляя свое желаніе сдѣлать предлагаемыя программы общедоступными, конечно, далека отъ мысли считать ихъ единственно возможными или идеально совершенными, тѣмъ не менѣе льститъ себя надеждою, что каждый изъ нашихъ читателей при всемъ разнообразіи индивидуальныхъ интересовъ и

наклонностей найдетъ для себя въ этихъ программахъ полезныя указанія и справки.

Матеріалъ мы располагаемъ по мѣрѣ возрастанія трудностей, представляемыхъ чтеніемъ книгъ, рекомендуемыхъ нами, начиная съ элементарно популярныхъ для лицъ только лишь грамотныхъ до новѣйшихъ университетскихъ курсовъ для лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Программа по физикѣ.

При бѣдности русской научно-популярной литературы по физикѣ для первоначальнаго чтенія укажемъ только на изданія Ф. Павленкова, выпускаемыя имъ подъ названіемъ „Научно-популярная библіотека для народа". Изъ выпущенныхъ издателемъ книгъ многія обладаютъ большими достоинствами, какъ по доступности и простотѣ изложенія, такъ и по цѣнѣ. Изъ нихъ особенно хороши слѣдующія:

Громъ и молнія съ 24 рис. Ц. 12 к.

Земля съ 13 рис. Ц. 8 коп.

Жизнь капли воды съ 14 рис. Ц. 8 коп.

Эти книжки написаны прекраснымъ литературнымъ языкомъ и могутъ быть рекомендованы читателямъ, окончившимъ только начальную народную школу. Изъ другихъ книгъ въ этомъ же родѣ, но нѣсколько серьезнѣе назовемъ:

Пицетта. Путешествіе капли воды.

Тиндаль, Джонъ. Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. (Популярныя лекціи).

Его-же. Альпійскіе ледники.

Его-же. Физика въ простыхъ урокахъ. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Его-же. Звукъ. 8 лекцій, читанныхъ въ Королевскомъ Институтѣ Великобританіи. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Его-же. Тепло и холодъ. Популярныя лекціи. Спб. 1883 г. Ц. 75 коп.

Его-же. Шесть чтеній о свѣтѣ. Спб. Ц. 50 коп.

Его-же. Электричество. Лекціи, читанныя въ Королевскомъ Институтѣ Великобританіи. Ц. 50 к.

Его-же. Михаилъ Фарадей и его открытіе.

Его-же. Основной законъ природы. Спб. 1876 г.

Его-же. Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекціи и статьи съ предисловіемъ и примѣчаніями Гельмгольца.

Фарадей, Михаилъ. Силы природы и ихъ соотношенія. Курсъ, читанный аудиторіи дѣтей въ Королевскомъ Институтѣ Великобританіи.

Его-же. Исторія свѣчки.

Тиссандье. Научныя развлеченія въ области физики и химіи.

Его-же. Вода.

Григорьевъ С. Вода и ея свойства. Практическія занятія по физикѣ въ школѣ и дома.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. Популярные очерки атмосферныхъ явленій.

Хлѣбниковъ. Физика земного шара. О явленіяхъ, производимыхъ на земномъ шарѣ теплотою.

Ковальскій. Сборникъ первоначальныхъ опытовъ, при помощи которыхъ можно познакомить дѣтей съ самыми простыми физическими и химическими явленіями. Спб. 1899 г. Ц. 2 руб.

Майеръ. Звукъ. Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія звука (для всѣхъ возрастовъ). Спб. 1895 г. Ц. 1 руб.

Майеръ и Бернаръ. Свѣтъ. Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Гудъ А. Физика безъ приборовъ (съ 39 рисунками). Спб. 1891 г. Ц. 50 коп. Этотъ коротенькій очеркъ даетъ указанія, какъ можно произвести посредствомъ предметовъ, у каждаго имѣющихся подъ рукою, нѣсколько общедоступныхъ опытовъ, иллюстрирующихъ нѣкоторыя явленія изъ ученія о равновѣсіи тѣлъ твердыхъ и жидкихъ, явленія тепловыя, свѣтовыя и электрическія.

Араго, Франсуа. Избранныя статьи изъ его записокъ о научныхъ предметахъ 2 тома.

Бекетовъ, А. Изъ жизни природы и людей. Собраніе общедоступныхъ статей.

Получивъ подготовительныя познанія по разнымъ отдѣламъ физики изъ чтенія вышеуказанныхъ книгъ, читатель можетъ перейти къ изученію любого изъ ниже приводимыхъ полныхъ руководствъ по физикѣ, соединяющихъ въ себѣ всѣ отдѣлы ея.

Любимовъ, Н. Профессоръ Император-

скаго Московскаго Университета. Начальная физика. Спб. 1892 г. Ц. 2 руб.

Несмотря на то, что „Начальная физика" Любимова, выпущенная первымъ изданіемъ еще въ 1873 году, нѣсколько устарѣла, она представляетъ собою среди общепринятыхъ учебниковъ единственный, въ которомъ имѣются свѣдѣнія по исторіи физики. По богатству своего матеріала (900 стр.) она можетъ служить прекрасной справочной книгой для начинающаго изучать физику по болѣе краткому руководству, какъ напримѣръ одно изъ слѣдующихъ.

Кошельковъ. Предварительный курсъ физики. Новгородъ 1890 г. Ц. 1 руб.

Краткій, но хорошій курсъ физики.

Бальфуръ Стьюартъ. Краткій учебникъ. Переводъ съ англійскаго приватъ-доцента С. И. Ламанскаго. Спб. 1875 г. Ц. 2 руб.

Это самый лучшій изъ краткихъ иностранныхъ учебниковъ. Въ немъ впервые проводится черезъ всю книгу законъ сохраненія энергіи.

Корольковъ и Матюшенко. Начальный учебникъ физики и химіи. Кіевъ, 1902 г. Изд. 6-е Ц. 1 р. 80 коп.

Изъ многочисленныхъ учебниковъ, предназначенныхъ для средней школы, это едва ли не первый, составители котораго сдѣлали попытку составленія оригинальнаго учебника дѣйствительно научнаго. Въ немъ нѣтъ обычныхъ ошибокъ и недостатковъ другихъ учебниковъ физики. Всѣ опредѣленія отличаются полностью и точностью. Гдѣ возможно, введено разъясненіе принципа сохраненія энергіи мастерски. Соотношеніе между механическими и тепловыми явленіями — высшій образецъ дидактики. Описанія явленій изложены съ такой простотой и ясностью, какія рѣдко приходится встрѣчать. Къ сожалѣнію, въ учебникѣ пропущенъ спектральный анализъ и нѣкоторые вопросы разобраны слишкомъ сжато.

Ковалевскій, С. Учебникъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 5-е Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.

Учебникъ Ковалевскаго имѣетъ не мало хорошихъ сторонъ, при большомъ числѣ недостатковъ и неточностей, но, какъ первая первая попытка пересозданія устарѣлаго типа учебниковъ, какъ напримѣръ Малинина и Буренина, принятыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, заслуживаетъ вниманія преподавателей физики. Особенно хорошъ очеркъ физическихъ явленій въ атмосферѣ. Онъ составленъ кратко и толково. Менѣе удачно изложено ученіе о движеніи (механика), въ которомъ многія основныя понятія болѣе или менѣе искажены.

Краевичъ, К. Д. Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Учебникъ Краевича сталъ хорошей книгой и годной для примѣненія въ средней школѣ, только начиная съ 12-го изданія, редактированнаго съ измѣненіями А. И. Ефимовымъ, а позже А. Л. Гершуномъ и В. В. Скобельцынымъ. Изданія же, предшествующія 12-му, при изученіи физики по нимъ ничего, кромѣ вреда, принести не могутъ. Въ книгѣ Краевича имѣются, какъ и въ книгѣ Ковалевскаго, описанія важнѣйшихъ химическихъ явленій и прибавленіе подъ заглавіемъ „приложеніе физики къ объясненію атмосферныхъ явленій", по ясности изложенія уступающее „очерку физическихъ явленій въ атмосферѣ" Ковалевскаго. Сравнительно съ учебникомъ Ковалевскаго, книга Краевича отличается своею обширностью (напримѣръ, 13-е изданіе имѣетъ 647 стр., тогда какъ 5-е изданіе Ковалевскаго, одновременно съ 13-мъ изданіемъ книги Краевича, имѣетъ 432 стр.) и краткимъ отдѣломъ по физической теоріи свѣта, которой въ книгѣ Ковалевскаго совсѣмъ нѣтъ.

Фроловъ. Учебникъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній. Полтава. 1893. Ц. 3 р. 50 коп.

Зиловъ. Курсъ физики. 2 части. Изданіе 3-ье. Варшава. 1900 г. Ц. 4 руб.

Послѣднія два руководства могутъ быть рекомендованы только тѣмъ читателямъ, которые уже знакомы съ однимъ изъ ранѣе указанныхъ болѣе элементарныхъ учебниковъ физики. Учебникъ Фролова по содержанію значительно обширнѣе курса среднихъ учебныхъ заведеній. Слогъ его мѣстами нѣсколько тяжелъ; но этотъ недостатокъ искупается тѣмъ, что изложеніе поставлено на современную точку зрѣнія. Книга же Зилова по затрагиваемымъ вопросамъ и по сжатости изложенія, всюду вполнѣ яснаго и строго научнаго, близка къ университетскимъ курсамъ. Къ этому же типу учебниковъ физики можно причислить и слѣдующіе два:

Гано. Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ и физическихъ явленій. Переводъ съ французскаго. Спб. 1892 г. Ц. 4 руб.

Анго. Курсъ физики. Переводъ Мамонтова. Москва. 2 тома. Изданіе 1895 г. Ц. 7 руб.

Послѣднія двѣ книги рекомендуются для тѣхъ, кто интересуется описаніями большаго числа явленій, какъ физическихъ, такъ и метеорологическихъ.

Этимъ перечисленіемъ можно закончить отдѣлъ учебниковъ и полныхъ курсовъ физики, предназначенныхъ для пользованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и вполнѣ удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ программъ средней школы. Что же касается книгъ по физикѣ, имѣющихъ общій техническій характеръ, то изъ нихъ можно указать на слѣдующія двѣ:

„*Силы природы и пользованіе ими*". Приложеніе къ несуществующему теперь „Журналу новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній" за 1898 г.

Дешевой. Профессоръ С.-Петербургскаго Технологическаго Института. Учебникъ техническихъ училищъ. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Послѣднее руководство можетъ быть очень полезнымъ для учениковъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

Самостоятельное чтеніе книгъ, хотя бы и самое внимательное, но не сопровождаемое опытами или практическими занятіями въ физической лабораторіи, иногда не только не можетъ дать яснаго представленія о физическихъ явленіяхъ, а напротивъ можетъ вызвать даже ложное воззрѣніе на природу изучаемыхъ явленій, ибо никакое описаніе или разсказъ не можетъ замѣнить хорошо поставленный и правильно понятый опытъ. Поэтому потребность раціонально подобранныхъ приборовъ и разныхъ предметовъ, необходимыхъ для физическихъ опытовъ, представляетъ собою насущную потребность всякаго, кто пожелалъ бы изучить элементарную физику сколько-нибудь основательно.

Для того, чтобы сдѣлать удачно опыты, надо прежде всего усвоить въ совершенствѣ тотъ отдѣлъ, по которому желательно производить ихъ. Къ сожалѣнію, затрудненія, встрѣчающіяся при попыткѣ производить опыты, представляются начинающему трудно преодолимыми, а сами опыты оказываются часто неудачными, при чемъ сборка приборовъ, необходимыхъ для опытовъ, отнимаетъ массу времени. Искусство постановки опытовъ пріобрѣтается только практикой въ хорошо обставленныхъ физическихъ кабинетахъ, и спеціальныхъ руководствъ по этому предмету, вообще говоря, нѣтъ, но нѣкоторыя книги, какъ изъ поименованныхъ выше, такъ и нижеслѣдующія могутъ дать указанія, какъ надо приступать къ постановкѣ опытовъ, а затѣмъ сама практика научаетъ, что и какъ надо дѣлать.

Дубровскій и Дрентельнъ. Руководство къ техникѣ начальныхъ физическихъ и химическихъ опытовъ.

Гопкинсъ. Общедоступная физика. Руководство къ производству опытовъ. Москва. 1900 г. Ц. 2 руб.

Бойсъ. Мыльные пузыри. Переводъ съ французскаго. Спб. 1895 г. Ц. 60 коп.

Эта небольшая, но прекрасная книга даетъ ясныя иллюстраціи къ ученію о поверхностномъ натяженіи и описываетъ эти явленія простымъ языкомъ со столь изящными объясненіями, подобныя которымъ трудно найти въ самыхъ серьезныхъ курсахъ физики.

Тиндаль. Теплота, разсматриваемая, какъ родъ движенія. Москва. 1888 г. Изд. 2-е. Ц. 2 руб.

Эта замѣчательная книга блестящаго англійскаго популяризатора заслуженно пользуется огромною извѣстностью. Путемъ простыхъ разсужденій и изящныхъ опытовъ она выясняетъ новую точку зрѣнія на явленія тепла и вводитъ читателя въ область философскихъ вопросовъ физики, построенной на основаніи закона сохраненія энергіи, изложенію котораго посвящены нижеслѣдующія книги.

Гельмгольцъ. Законъ сохраненія силы. Харьковъ. 1865 г.

Автору этой книги принадлежитъ честь формулировки того принципа, на которомъ основана вся современная физика.

Его-же. Популярныя рѣчи. Спб. 1896 г. (2 части).

Рекомендаціи книгъ Гельмгольца излишни. Каждая мысль его стоитъ больше, чѣмъ многіе томы всякаго другого автора.

Кребсъ. Сохраненіе энергіи, какъ основное положеніе новѣйшей физики. Кіевъ. 1880 г. Ц. 75 к. Популярное разъясненіе

распространенія всеобщаго закона сохраненія энергіи, иллюстрированное опытами изъ разныхъ отдѣловъ физики.

Кольбе. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ.

Выпускъ I. Статическое электричество. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к. Выпускъ II. Динамическое электричество. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Авторъ, придерживаясь по возможности историческаго развитія излагаемаго отдѣла физики въ популярнѣйшемъ изложеніи, сопровождаемомъ огромнымъ числомъ опытовъ, устанавливаетъ самую тѣсную связь между статическимъ и динамическимъ электричествомъ, причемъ всѣ опыты сдѣланы съ самымъ ограниченнымъ числомъ школьныхъ аппаратовъ. Соотвѣтственно избранному авторомъ индуктивному пути, опыты всюду стоятъ на первомъ планѣ. Къ книгѣ приложенъ перечень тѣхъ приборовъ, которые нужны для описываемыхъ авторомъ опытовъ; при этомъ большинство изъ нихъ было у автора собственноручнаго изготовленія; поэтому можно судить, на сколько всѣ его приборы отличаются простотой своей конструкціи. Тѣмъ не менѣе ихъ можно найти готовыми въ мастерскихъ, указываемыхъ авторомъ въ его книгѣ.

Литературѣ по электричеству у насъ посчастливилось болѣе, чѣмъ другимъ отдѣламъ физики, и поэтому для тѣхъ читателей, которые пожелали бы подробнѣе познакомиться съ ученіемъ объ электричествѣ и его приложеніями, можно рекомендовать по прочтеніи одной только книги Кольбе обратиться непосредственно къ слѣдующимъ.

Жуберъ. Основы ученія объ электричествѣ. Переводъ подъ редакціей профессора Императорскаго Московскаго Университета А. Г. Столѣтова. 2-е изданіе. Москва.

Превосходное руководство по всѣмъ отдѣламъ ученія объ электричествѣ.

Столѣтовъ, Л. Г. Общедоступныя лекціи и рѣчи.

Рѣчь „Эфиръ и электричество", произнесенная на VIII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ.

Въ самой сжатой и увлекательной формѣ авторъ излагаетъ, какъ основные факты современнаго ученія о свѣтѣ и электричествѣ, такъ и тѣ экспериментальныя данныя и теоретическія соображенія, которыя постепенно привели къ заключенію о тождествѣ этихъ двухъ классовъ явленій въ ихъ основѣ и о тождествѣ той среды, которая служитъ носителемъ свѣта и электричества.

Веберъ. Популярныя лекціи о гальваническомъ токѣ и его примѣненіяхъ.

Хвольсонъ, О. Д. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ.

Корню. Взаимное соотношеніе явленій статическаго и динамическаго электричества и опредѣленіе электрическихъ единицъ. Переводъ съ французскаго Пламеневскаго. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 30 коп.

Тумлирцъ. Потенціалъ и его приложенія къ объясненію электрическихъ явленій. 1885 г.

Максвелль Клэркъ. Электричество въ элементарной обработкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей профессора Кіевскаго Императорскаго Университета М. Авенаріуса. Ц. 1 р. 50 коп.

Авенаріусъ, М. П. Электромагнитная теорія свѣта Максвелля. Кіевъ. Ц. 75 коп.

Герцъ Генрихъ. Объ отношеніи между свѣтомъ и электричествомъ. Изданіе Н. Дрентельна. Спб. 1890 г. Ц. 50 к. Небольшая брошюра, представляющая собою переводъ рѣчи Герца, произнесенной на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей. Въ немногихъ словахъ образно и изящно Герцъ излагаетъ сущность своихъ опытовъ, установившихъ несомнѣнную связь между двумя различными формами энергіи—свѣтомъ и электричествомъ.

Хвольсонъ, О. Д. Опыты Герца и ихъ значеніе. Популярное изложеніе. Изданіе Риккера. Спб. Ц. 50 к.

Брошюра профессора Хвольсона содержитъ въ себѣ описаніе тѣхъ же опытовъ Герца и изложеніе сущности электромагнитной теоріи свѣта Максвелля въ формѣ, наиболѣе доступной для русскаго читателя. Результаты опытовъ Герца авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Быстрая періодическая пертурбація электрическаго характера, произведенная въ одномъ мѣстѣ пространства, распространяется въ немъ волнообразно; получаемые при этомъ лучи способны отражаться, преломляться, интерферировать, образовать стоячія волны и т. д.

2) Скорость распространенія этихъ лучей равна скорости свѣта; поэтому весьма вѣроятно, что свѣтъ есть частный случай распро-

страняющей періодической электромагнитной пертурбаціи съ весьма малымъ періодомъ.

3) Справедливость основныхъ положеній Максвелля можно считать доказанною опытнымъ путемъ.

Постниковъ. О природѣ электромагнитныхъ явленій.

Статья эта напечатана въ „Сборникѣ статей въ помощь самообразованію" (Томъ I. Москва. 1898 г.) и отличается большою популярностью изложенія.

Пуанкаре, Анри, проф.; членъ Парижской Академіи Наукъ. Теорія Максвелля и Герцовскія колебанія. Переводъ подъ редакціей А. Шателена и В. Лебединскаго. 1900 г. Спб. Ц. 1 руб.

Въ небольшой книжкѣ (98 стр.) авторъ сумѣлъ блестяще изложить ученія Фарадея и Масквелля и довольно глубоко вникнуть въ опытную и теоретическую сторону вопроса объ электрическихъ колебаніяхъ. Не смотря на то, что въ кругъ разсмотрѣнія введены вопросы столь деликатнаго характера, какъ распространенія колебаній вдоль проволокъ и явленія сложнаго электрическаго резонанса, авторъ вездѣ сохранилъ необыкновенную ясность изложенія; достаточно сказать, что ни въ одномъ мѣстѣ книжки ему не пришлось прибѣгнуть къ математической формулировкѣ мыслей. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ, однако, предполагать, что чтеніе этой книги легко дается читаталю, совершенно незнакомому съ кругомъ вопросовъ, разсматриваемыхъ профессоромъ Пуанкаре. Легкости чтенія препятствуетъ сжатость изложенія, особенно первыхъ главъ. Но читателю, уже хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ знакомому съ разсматриваемымъ вопросомъ, чтеніе книги Пуанкаре доставитъ высокое наслажденіе.

Лоджъ Оливеръ. Современные взгляды на электричество. Переводъ съ англійскаго Вульфа подъ редакціей академика, профессора Военной Медицинской Академіи Н. Г. Егорова. Спб. 1889 г.

Въ этой книгѣ подробнѣе, чѣмъ въ предъидущей, излагается теорія Максвелля и слѣдствія, выведенныя изъ нея Герцемъ. Въ ней помѣщено описаніе множества приборовъ и опытовъ, поясняющихъ электромагнитную теорію Максвелля. Тѣмъ не менѣе книга читается довольно трудно и разсчитана на читателя, имѣющаго уже серьезную подготовку.

Чтобы закончить съ книгами по электричеству въ популярномъ изложеніи, остается упомянуть еще о тѣхъ, которыя носятъ техническій характеръ. Изъ нихъ укажемъ на слѣдующія:

Боргманъ, И. И. Профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Магнитный потокъ и его дѣйствія, съ 61 рис. въ текстѣ. 2-е изданіе журнала „Электричество" (147 стр.) Ц. 1 р. 80 к.

Книга эта представляетъ собою физическое объясненіе динамо-машинъ, трансформаторовъ и электродвигателей съ обыкновеннымъ и вращающимся магнитнымъ полемъ. Она раздѣлена на шесть лекцій, изъ которыхъ первыя четыре содержатъ въ себѣ очень интересное и очень полное описаніе свойствъ магнитнаго поля; въ нихъ описываются электрическія, механическія и свѣтовыя явленія, опыты Томсона, Фарадея, Земана и т. под. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даются указанія о способахъ произвести тотъ или иной опытъ. Лекція пятая и часть четвертой посвящены описанію устройства и дѣйствія главнѣйшихъ типовъ динамо-машинъ, электродвигателей и трансформаторовъ. Послѣдняя лекція содержитъ въ себѣ описаніе Ніагарской гидроэлектрической установки. „Магнитный потокъ" проф. Боргмана написанъ точно, научно и въ то же время живо и увлекательно. Въ основаніе теоретическихъ разсужденій положено Фарадеевское воззрѣніе на электрическій токъ и магнитное поле, насколько это возможно при изложеніи вполнѣ элементарнаго характера.

Сильванусъ Томсонъ. Электромагниты и электромагнитные механизмы. Переводъ съ англійскаго А. А. Шателена, издано подъ редакціей А. И. Смирнова (210 рис. въ текстѣ). Спб. Ц. 4 руб.

Настоящая книга составляетъ 1-ый томъ „Электротехнической Библіотеки", предпринимаемой журналомъ „Электричество", редактируемымъ А. И. Смирновымъ. Въ названной книгѣ собрана масса матеріала, практическихъ указаній, описаній электромагнитныхъ явленій, приборовъ и проч.

Постниковъ, А. П. Основанія электротехники. Основные факты, законы и теоріи; электрометрія. Москва. 1895 г. Ц. 75 коп.

Эпштейнъ. Очеркъ физическихъ основаній электротехники въ общепонятномъ из-

ложенія. Шесть популярныхъ опытныхъ лекцій. Спб. 1894 г.

Эдвинсонъ. Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машинку. Переводъ съ англійскаго. Москва. 1898 г. Ц. 50 коп.

Его-же. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. Москва. 1898 г. Ц. 40 коп.

Эти маленькія книжки суть руководства для любителей ремесла и научн. приложеній. Такой же характеръ носятъ и слѣдующія книги:

Боттонъ, С. Какъ построить динамомашину. Ц. 1 руб. Москва. Складъ типографіи Кушнерева.

Его-же. Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Ц. 35 коп. Складъ Кушнерева.

Кеньяръ и Луазо. Какъ сдѣлать спираль Румкорфа и какіе опыты можно произвести съ ея помощью. Переводъ съ французскаго Ц. 50 коп. Складъ Кушнерева.

Кадіа и Дюбостъ. Руководство къ примѣненію электричества въ промышленности. Спб. 1894 г. Ц. 4 руб.

Большой томъ, въ которомъ можно найти указанія по разнымъ отраслямъ промышленности, примѣняющимъ электричество.

При сравнительномъ богатствѣ популярной литературы по электричеству, популярно-научныхъ книгъ по теплотѣ очень мало, а по звуку и свѣту, можно сказать, ихъ почти нѣтъ. Изъ книгъ, пользующихся наибольшею извѣстностью по этимъ отдѣламъ, назовемъ слѣдующія:

Зиловъ. Элементарный курсъ механической теоріи тепла. Варшава. Ц. 1 р 25 к.

Тэтъ. Теплота. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Его-же. Свойства матеріи. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей И. М. Сѣченова.

Максвеллъ. Теорія теплоты. Переводъ съ англійскаго Королькова. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Матерія и движеніе. Спб. 1889 г. Ц. 75 коп.

Томсонъ Вильямъ (Лордъ Кельвинъ). Строеніе матеріи. Популярныя лекціи и рѣчи. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Пантелѣева. Спб. 1895 г. Ц. 2 руб.

Слушиновъ. Профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета. Акустика. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блацерна. Теорія звука въ приложеніи къ музыкѣ. Переводъ съ итальянскаго Спб.

Гельмгольцъ. Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физіологическая основа для теоріи музыки.

Томсонъ Сильванусъ. Свѣтъ видимый и невидимый. Рядъ рождественскихъ лекцій, прочитанныхъ въ Великобританскомъ Королевскомъ Институтѣ. Спб. 1900 г. Ц. 60 к. Переводъ съ англійскаго В. Чепинскаго. Изданіе Ф. Павленкова.

Эта небольшая книжка въ популярной формѣ знакомитъ читателя съ основными положеніями современной теоріи свѣта. Свои лекціи Томсонъ иллюстрировалъ образцовыми опытами. Всѣхъ лекцій шесть. Въ первой лекціи излагается въ общихъ чертахъ теорія волнообразнаго движенія и явленія отраженія и преломленія свѣта съ точки зрѣнія этой теоріи. Вторая лекція называется—видимый спектръ и глазъ. Третья лекція посвящена въ высшей степени популярному описанію явленій поляризація свѣта. Въ 4-ой говорится объ инфракрасныхъ и ультрафіолетовыхъ лучахъ, о явленіяхъ флуоресценціи, фосфоресценціи и цвѣтной фотографіи Липмана. Въ пятой лекціи въ общихъ чертахъ дается понятіе объ электрическихъ волнахъ Герца. Въ шестой лекціи описываются явленія въ Круксовыхъ трубкахъ, катодные лучи и, наконецъ, открытіе Рентгена. Переводъ сдѣланъ простымъ яснымъ языкомъ, но къ сожалѣнію, съ небольшими пропусками по сравненію съ англійскимъ оригиналомъ.

Локіеръ. Спектроскопъ и его примѣненіе. Москва. 1901 г. Ц. 1 р. 75 к.

Авторъ, будучи наиболѣе авторитетнымъ спеціалистомъ по астрофизикѣ, главнымъ образомъ говоритъ о примѣненіи спектроскопа къ изученію физическихъ свойствъ небесныхъ свѣтилъ. Въ этой области науки спектроскопъ является хотя единственнымъ, но за то могучимъ средствомъ изслѣдованія, открывающимъ жителямъ маленькой земли не только составъ величайшихъ солнцъ, разбросанныхъ въ безпредѣльномъ пространствѣ вселенной, но также скорость ихъ движенія, что даетъ возможность на основаніи законовъ небесной механики вычислить ихъ массу и опредѣлить взаимныя отношенія.

Столѣтовъ, А. Г. Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета. Введеніе въ акустику и оптику 1895 г. Изданіе Императорскаго Московскаго Университета. Второе изданіе фирмы „Книжное дѣло“.

Эта книга представляетъ собою одно изъ самыхъ важныхъ явленій русской спеціальной литературы. Она долгое время будетъ настольною книгою не только всякаго серьезнаго студента-физика, но и профессора. Къ величайшимъ достоинствамъ этой книги надо причислить то, что чтеніе ея не требуетъ знанія математическаго анализа. Поэтому она удовлетворяетъ двумъ цѣлямъ: во первыхъ, она можетъ служить прекраснымъ пособіемъ къ университетскому курсу акустики и оптики, во вторыхъ, даетъ возможность всякому образованному читателю ознакомиться съ законченными результатами изслѣдованій по акустикѣ и оптикѣ. Книга распадается на двѣ части: 1-я часть посвящена ученію о колебаніи и волнахъ съ примѣненіемъ ихъ къ акустикѣ. Во 2-й части излагается физическая оптика, при чемъ особенное вниманіе автора удѣлено теоріи поляризаціи свѣта. Черезъ все сочиненіе авторъ проводитъ аналогію между явленіями звука и свѣта и указываетъ на связь, существующую между физическими факторами свѣта и электричествомъ. Въ концѣ книги приведены указанія на обширную литературу по акустикѣ и оптикѣ и перечислены пособія на иностранныхъ языкахъ, рекомендуемыя для основательнаго изученія этихъ отдѣловъ физики. Хотя авторъ нигдѣ въ своемъ „введеніи" не прибѣгаетъ къ высшему анализу, тѣмъ не менѣе книга читается довольно трудно, такъ какъ она приспособлена къ лекціямъ университетскаго курса физики по акустикѣ и оптикѣ.

Менби (*Munby*). Поляризованный свѣтъ. Переводъ съ англійскаго С. Глинки. 1895 г. Ц. 25 к.

Эта небольшая брошюрка въ 30 страницъ представляетъ собою элементарное изложеніе явленій поляризаціи для начинающихъ изучать минералогію.

Для пріобрѣтенія дальнѣйшихъ свѣдѣній по физикѣ надо обратиться къ руководствамъ, принятымъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, чтеніе этихъ руководствъ требуетъ въ большинствѣ случаевъ математическихъ познаній въ объемѣ большемъ, чѣмъ тѣ, которыя даются програмами средней школы, а иногда и знакомство съ высшей математикой, т. е. съ началами аналистической геометріи и дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Изученіе физики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно начинается ученіемъ о движеніи, почему и мы прежде всего рекомендуемъ ознакомиться съ этимъ отдѣломъ по руководству, наиболѣе доступному для всякаго знакомаго съ какимъ либо учебникомъ физики, указаннымъ ранѣе. Такимъ руководствомъ мы считаемъ „Введеніе въ механику" профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета П. П. Фанъ-деръ-Флита. Спб. 1886 г. Ц. 4 руб. Часть 1-я. Основные законы движенія (328 стр.). Часть II-я. Основные законы силъ (328 стр.).

Того же автора есть болѣе краткій курсъ— „Основанія механики для студентовъ-натуралистовъ и медиковъ" (около 200 страницъ).

Для болѣе основательнаго знакомства съ механикой существуетъ много руководствъ, изъ которыхъ можно указать на „Механику" Бобылева, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, изданіе Института Инженеровъ Путей Сообщенія, и Слудскаго Ф. А. „Курсъ теоретической механики". Москва. 1881 г. Ц. 2 р. 50 коп. Но обыкновенно отдѣлъ по механикѣ въ размѣрахъ, необходимыхъ для изученія физики, имѣется при всякомъ хорошемъ руководствѣ.

Прекраснымъ введеніемъ къ изученію физики по университетскимъ курсамъ можетъ служить книга *П. Б. Вейнберга*, приватъ-доцента Новороссійскаго Университета, „Физика частичныхъ силъ". Одесса. 1903 г. Ц. 1 р. 70 коп.

Первоначальное назначеніе книги состояло въ пополненіи важнаго пробѣла русской физической популярно-научной литературы, какъ не обладавшей до сихъ поръ сочиненіями, посвященными изложенію ученій о частичныхъ силахъ во всемъ ихъ объемѣ. Авторъ стремился въ своей книгѣ сочетать изложеніе предмета въ цѣляхъ самообразованія съ цѣлями высшаго спеціальнаго преподаванія, чѣмъ и объясняются напечатанныя въ концѣ книги „математическія приложенія" (стр. 204—235). Полнота содержанія книги и отсутствіе подобныхъ ей, слѣдовательно единственной въ этой области, даетъ ей право на полное вниманіе читателя.

Пильчиковъ, профессоръ Император-

скаго Новороссійскаго Университета. Теплота или тепловая энергетика. Харьковъ. 1903 г.

Профессоръ Пильчиковъ обосновываетъ изложеніе тепловыхъ явленій на началахъ энергетики. Во вступленіи дается понятіе объ основахъ энергетики, этого новаго ученія, обобщающаго всѣ явленія и созданнаго постепенно трудами Майера, Гельмгольца, Ранкина, Гельма, Оствальда и др. Раздѣляется курсъ проф. Пильчикова на 5 отдѣловъ: 1) Термометрія. (Здѣсь между прочимъ вводится понятіе о температурѣ, какъ напряженіи тепловой энергіи, и о термическомъ градіентѣ, обусловливающемъ тепловыя перемѣщенія). 2) Калориметрія. (Методы опредѣленія количества тепловой энергіи). 3) Переходъ тѣлъ изъ одного физическаго состоянія въ другое. (Понятіе о кинетической теоріи строенія вещества). 4) Механическій эквивалентъ теплоты. (Эквивалентность теплоты съ другими формами энергіи). Первый принципъ энергетики. 5) Теплопроводность. Разсматриваемый курсъ составляетъ прекрасное введеніе въ термодинамику.

Планкъ Максъ, профессоръ физики въ Берлинскомъ Университетѣ. Лекціи по термодинамикѣ. Переводъ съ нѣмецкаго В. Камфенмиловой подъ редакціей проф. И. И. Боргмана. Спб. Ц. 2 р. 40 коп.

По словамъ автора, его лекціи назначаются въ качествѣ введенія въ изученіе термодинамики и доступны для понименія всѣмъ прошедшимъ начальный курсъ физики и химіи и немного знакомымъ съ основаніями дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Книга состоитъ изъ 4 частей. 1-я часть посвящена изложенію основныхъ фактовъ и выясненію такихъ понятій, какъ температура, молекулярный вѣсъ и количество теплоты. Во 2-й части излагается первое начало теоріи тепла, а въ третьей—второе начало теоріи тепла. 4-я часть посвящена примѣненіямъ перваго и второго начала къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ состоянія равновѣсія. „Несмотря на нѣкоторую трудность чтенія,—говоритъ проф. И. Боргманъ,—происходящую вслѣдствіе сжатости изложенія, книга Планка даетъ возможность основательно ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано до настоящаго времени въ обширной области термодинамики“.

Хвольсонъ, О. Д. Профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Краткій курсъ физики для медиковъ, естественниковъ и техниковъ въ трехъ частяхъ. Цѣна каждой части 2 р. 50 коп.

Профессоръ Хвольсонъ, составивъ подробный курсъ физики, предназначенный для лицъ знакомыхъ съ высшею математикою, счелъ нужнымъ выпустить еще и настоящій „краткій курсъ физики“, составляющій по его словамъ „нѣчто среднее между элементарными учебниками физики и полныхъ курсомъ“. Въ „краткомъ курсѣ“ проф. Хвольсонъ не прибѣгаетъ къ помощи высшей математики и дѣлаетъ изложеніе физики вполнѣ доступнымъ для всѣхъ получившихъ среднее образованіе, и поэтому „краткій курсъ“ является незамѣнимымъ пособіемъ для студентовъ всѣхъ учебныхъ заведеній. „Краткій курсъ физики“ написанъ прекраснымъ литературнымъ языкомъ и изданъ образцово.

Его-же. Лекціи въ Электротехническомъ Институтѣ. Спб. Ц. 2 руб.

Состоя нѣсколько лѣтъ преподавателемъ физики въ Электротехническомъ Институтѣ, авторъ имѣлъ возможность выработать наиболѣе раціональную программу такого курса физики, въ которомъ на первомъ планѣ должно стоять ученіе объ электричествѣ.

Не смотря на спеціальное предначертаніе названнаго „Курса“ въ немъ есть много поучительнаго и интереснаго для читателя, стремящагося къ общему образованію, а не только для лицъ, готовящихся быть электротехниками.

Гано и Женеврiе. Магнитизмъ и электричество. (227 стр.). Съ 338 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 коп.

Шиллеръ Н. Н. Элементы ученія объ электричествѣ. Кіевъ. 1886 г. Ц. 60 к.

Небольшая брошюра, предпосылаемая авторомъ въ качествѣ введенія къ его курсу электричества, читаемому студентамъ математикамъ.

Зиловъ П. А. Краткій курсъ электричества и магнитизма. Варшава. 1889 г.

Это сочиненіе профессора Зилова обладаетъ многими достоинствами. Прежде всего слѣдуетъ указать на умѣніе автора въ немногихъ словахъ, но точно очертить сущность явленія и основныя положенія. Авторъ не гонится за самостоятельностью выводовъ и доказательствъ, а просто приво-

дить лучшія изъ существующихъ изложеній вопроса, всюду предпочитая простѣйшія и элементарныя доказательства болѣе сложнымъ. Весьма цѣнно то обстоятельство, что въ книгѣ, кромѣ теоретическихъ разсужденій, отведено нѣкоторое мѣсто и описанію существенныхъ опытовъ. Книгу проф. Зилова можно смѣло рекомендовать лицамъ, обладающимъ математическими познаніями немного высшими, чѣмъ даваемыя въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, да и тѣ символы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, которые встрѣчаются въ разбираемой книгѣ, легко могли бы быть устранены, какъ это сдѣлалъ Шиллеръ въ вышеуказанной книгѣ.

Томсонъ Дж. Дж. Начала математической теоріи электричества и магнитизма. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. И. Садовскаго профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета. Спб. Изданіе Риккера 1901 г. (400 стр.). Въ этой книгѣ излагаются математическія теоріи электричества и магнитизма при помощи элементарной математики, за исключеніемъ немногихъ параграфовъ, требующихъ знакомства съ элементами дифференціальнаго исчисленія.

Гезехусъ, Н. А. Профессоръ Института Инженеровъ Путей Сообщенія и Технологическаго Института. Основы электричества и магнитизма (297 стр.). Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жераръ Эрикъ. Курсъ электричества, читанный въ Электротехническомъ Институтѣ въ Монтефіоре при Университетѣ въ Люттихѣ. Переводъ съ французскаго проф. Шателена. 2 тома (почти по 700 страницъ въ каждомъ).

Лучшее руководство по электричеству какъ для самообразованія, такъ и для спеціалистовъ физиковъ и электротехниковъ.

Боргманъ И. И. Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ. Часть I-я. Электрика и электрическій токъ (516 стр.) Спб. 1897 г. Ц. 3 руб. Часть II-я. Магнитизмъ, электромагниты, электродинамика и индукція (679 стр.). 1900 г. Ц. 3 руб.

Войнаровскій П. Д. Профессоръ Электротехническаго Института. Теоретическій и практическій курсъ электротехники. Часть I-я. Основныя свѣдѣнія изъ высшей математики, необходимыя электротехнику. (192 стр.) Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. Часть II-я. Основы электрическихъ и магнитныхъ явленій (254 стр.) 1899 г. Ц. 1 р. 80 коп. Часть III-я. Перемѣнный токъ. 1892 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Руководство имѣетъ спеціальный характеръ и не замѣнимо для электротехниковъ, такъ какъ снабжено большимъ числомъ практическихъ таблицъ.

Изъ большихъ курсовъ физики укажемъ только два:

Шимковъ А. П. Профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета. Курсъ опытной физики. 3 части. Харьковъ. 1879 г. Ц. 8 руб.

Часть I-я. Общая физика и акустика

Часть II-я. Свѣтъ и теплота.

Часть III-я. Магнитизмъ и электричество.

Всѣ 3 части составляютъ огромный курсъ около 1600 стр.

Хвольсонъ О. Д. Курсъ физики. Томы I, II, III, Спб. 1897—1900 г.г. Изданіе Риккера. Ц. каждаго тома 5 руб.

Весь курсъ физики авторъ распредѣлилъ на четыре тома, изъ которыхъ первый, уже вышедшій вторымъ изданіемъ, заключаетъ въ себѣ введеніе, механику, нѣкоторые измѣрительные приборы и способы измѣренія, ученія о газахъ, жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ. Остальные томы содержатъ: второй томъ—ученія о звукѣ и лучистой энергіи; третій—посвященъ ученію о теплотѣ, а въ четвертомъ, еще не вышедшемъ, будетъ изложено ученіе о магнитизмѣ и электричествѣ.

Во второмъ томѣ проф. Хвольсонъ изложилъ сравнительно кратко (на 111 стр.) ученіе о звукѣ (акустику), а всю остальную часть книги посвятилъ лучистой энергіи. Отдѣлъ о лучистой энергіи, какъ по самому изложенію, такъ и по обработкѣ собраннаго въ немъ матеріала, представляетъ много оригинальнаго и самостоятельнаго. Авторъ разсматриваетъ различныя формы лучистой энергіи,—тепловую, свѣтовую, химическую и электрическую,—не дѣлая никакого другого различія между этими формами, какъ только величину длины волны, которою лучистая энергія данной формы проявляется. При этомъ изложеніи авторъ держится слѣдующей терминологіи, раздѣляя лучистую энергію по длинѣ волны лучей на:

1) Электрическіе лучи Герца отъ $\lambda=6$ мм. до λ произвольно большого;

2) Темные или невидимые лучи инфракрасные: отъ $\lambda=0{,}76\mu$ до $\lambda=50\mu$ (гдѣ μ обозначаетъ тысячную долю миллиметра).

3) Видимые свѣтовые лучи, лучи свѣта или просто свѣтъ отъ $\lambda=0{,}4\mu$ до $\lambda=0{,}76\mu$.

4) Темные или невидимые, ультрафіолетовые лучи съ длиной волны меньшею $0{,}4\mu$.

Такое изложеніе ученія о лучистой энергіи составляетъ особенность второго тома „курса физики" проф. Хвольсона.

Третій томъ заключаетъ въ себѣ въ полномъ объемѣ ученіе о теплотѣ.

Какъ пріятную новость въ вышедшихъ трехъ томахъ „курса" надо отмѣтить, что проф. Хвольсонъ оказываетъ весьма щедрое вниманіе всѣмъ работамъ русскихъ ученыхъ, или приводя результаты ихъ въ текстѣ сочиненія, или указывая на эти работы въ богатыхъ по содержанію перечняхъ источниковъ, приложенныхъ къ каждому отдѣлу „курса физики". Такого обширнаго курса у насъ еще не было, и въ немъ нуждаются не только лица, посвящающія себя спеціально изученію этой науки, но также и лица, занимающіяся другими опытными науками; химику, минералогу, геологу, физіологу постоянно является надобность подробно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ по физикѣ, найти литературныя указанія и однимъ словомъ оріентироваться въ данномъ вопросѣ. Существующія полныя руководства по физикѣ Шимкова, Петрушевскаго и переводъ обширнаго курса Вюльнера уже устарѣли и не отвѣчаютъ болѣе современному состоянію науки. Поэтому проф. Хвольсонъ употребилъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать свой „курсъ физики" по возможности полнымъ и современнымъ и вполнѣ достигъ цѣли.

Для тѣхъ читателей, которые бы заинтересовались физическими явленіями, происходящими въ атмосферѣ и ихъ объясненіемъ, мы считаемъ нужнымъ указать на слѣдующія книги:

Воейковъ А. И. Профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Метеорологія для среднихъ учебныхъ заведеній и для практической жизни (164 стр.). Спб. 1891 г. Изданіе Девріена.

Краткое, но хорошее руководство со всѣми необходимыми для практики таблицами.

Его-же. Климаты земного шара. Спб. 1884 г. Ц. 5 руб.

Фламмаріонъ. Атмосфера. Общепонятная метеорологія. Полное описаніе воздушныхъ явленій на земномъ шарѣ. Переводъ съ французскаго Предтеченскаго и Коробчевскаго (626 стр.) 1900 г. Ц. 3 р. 50 к.

Арчибальдъ. Атмосфера. Переводъ съ англійскаго Федоровскаго (196 стр.) 1900 г. Ц. 80 коп.

Боголѣповъ. Начальныя основанія метеорологіи. Екатеринбургъ. 1896 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Рахмановъ. Краткій курсъ метеорологіи. Москва. 1897 г. Ц. 1 руб.

Лачиновъ Д. А. Профессоръ С.-Петербургскаго Лѣсного Института. Основы метереологіи и климатологіи. Спб. 1895 г. Ц. 4 руб.

По своему содержанію и научному характеру эта книга вполнѣ соотвѣтствуетъ тому серьезному значенію, какое за послѣднее время пріобрѣла метеорологія во многихъ отрасляхъ нашей частной и государственной жизни. Авторъ, желая сдѣлать книгу доступной для самаго обширнаго круга читателей, теоретическую часть ея изложилъ вполнѣ популярно, ограничившись простѣйшими математическими формулами. Особенное вниманіе проф. Лачиновъ обратилъ на отдѣлы, въ разработкѣ которыхъ починъ былъ сдѣланъ русскими учеными раньше европейскихъ, какъ напримѣръ актинометрія, основанная главнымъ образомъ трудами профессора Столѣтова.

Поморцевъ М. Очеркъ ученія о предсказаніи погоды. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 75 коп.

Даллэ. Предсказаніе погоды. Переводъ съ французскаго Предтеченскаго. Изданіе Павленкова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к.

Броуновъ П. И. Профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Европейскія бури и предсказаніе ихъ. Поступательныя движенія циклоновъ и антициклоновъ въ Европѣ и преимущественно въ Россіи. О производствѣ наблюденій надъ грозами и осадками.

Его-же. Основаніе ученія о погодѣ. Спб. 1892 г.

Монъ. Метеорологія или ученіе о погодѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Издано подъ

редакціей и съ дополненіями Д. И. Менделѣева. Спб. 1876 г.

Для полноты нашего обзора считаемъ нужнымъ указать еще на два изданія. Первое изъ нихъ—„Сборникъ статей въ помощь Самообразованію", предпринятый кружкомъ преподавателей, начавшій выходить въ 1898 г. и позже преобразовавшійся въ „Физико-математическій Ежегодникъ", посвященный вопросамъ математики, физики, химіи и астрономіи въ элементарномъ изложеніи.

Нечего и говорить о пользѣ такихъ общедоступныхъ научныхъ обзоровъ для желающихъ пополнить свои научныя свѣдѣнія и слѣдить по возможности за движеніемъ науки, а въ особенности для преподавателей среднихъ школъ, не имѣющихъ времени и средствъ пользоваться для этой цѣли обширной спеціальной литературой. Польза этого изданія можетъ быть весьма существенною, потому что уровень средняго преподаванія всегда ниже общаго современнаго уровня науки и отстаетъ отъ него въ изложеніи нѣкоторыхъ вопросовъ довольно значительно. Поэтому надо радоваться всякому хорошему новому орудію, могущему сколько нибудь поднять этотъ уровень.

Чтобы показать, до какой степени „Физико-математическій Ежегодникъ" заключаетъ въ себѣ много новаго и поучительнаго матеріала, достаточно перечислить только нѣкоторыя заглавія первой книжки „Ежегодника". Самыми капитальными статьями въ ней мы считаемъ „Телеграфированіе безъ проводовъ" профессора Электротехническаго Института А. С. Попова и „Космологію конца XIX вѣка" профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета Ф. Н. Шведова. Мы выдвигаемъ эти двѣ статьи на первый планъ вслѣдствіе того, что онѣ представляютъ собою результаты труда изъ первыхъ рукъ, а не простыя, хотя и очень талантливыя компиляціи. Изъ другихъ интересныхъ статей, вошедшихъ въ первую книгу „Ежегодника" назовемъ слѣдующія: „Пространство и движеніе" проф. А. Васильева; „Магнитное поле земли" С. Егорова, бывшаго ассистента Константиновской магнитной обсерваторіи въ Павловскѣ; „Очеркъ развитія физики океановъ" Ю. Шокальскаго; „Объ аллотропіи" М. Коновалова, бывшаго директора Кіевскаго Политехникума; „Семейство кометъ" К. Покровскаго и др. Къ этому надо прибавить, что всѣ статьи написаны общедоступно и вполнѣ научно.

Второе изъ упомянутыхъ нами изданій есть журналъ „Физическое Обозрѣніе". издаваемый въ Варшавѣ профессоромъ П. А. Зиловымъ. Этотъ журналъ существуетъ только четвертый годъ и посвященъ интересамъ одной физики. Что касается его содержанія то въ немъ популярно излагаются различные вопросы съ цѣлью всегда держать читателя въ курсѣ научныхъ интересовъ настоящаго времени. Для выполненія этой задачи составляются обзоры по наиболѣе животрепещущимъ вопросамъ. Кромѣ этихъ обзоровъ печатается много интересныхъ рѣчей и лекцій, читаемыхъ въ разныхъ концахъ земного шара. Наконецъ, въ журналѣ имѣются еще два отдѣла—„преподаваніе физики" и „хроника". Въ первомъ излагаются вопросы по методикѣ физики, по составленію кабинетовъ, по улучшенію классныхъ опытовъ и т. д. Въ отдѣлѣ „хроника" помѣщаются отчеты о съѣздахъ преподавателей физико-химическихъ наукъ, о выставкахъ приборовъ и т. под. Это изданіе очень пріятное, съ достаточнымъ числомъ хорошо исполняемыхъ чертежей и стоитъ всего три рубля въ годъ.

Чтобы закончить нашъ обзоръ, мы считаемъ полезнымъ указать еще нѣсколько книгъ, относящихся къ исторіи физики и ея философіи. Таковы:

Любимовъ Н. А. Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи.

Часть I. Періодъ греческой науки Спб. 1892 г.

Часть II. Періодъ средневѣковой науки.

Мармери. Прогрессъ науки. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1896 г.

Придерживаясь хронологическаго порядка, авторъ этой книги перечисляетъ главнѣйшихъ дѣятелей въ области естественныхъ наукъ и дѣлаетъ краткій очеркъ трудовъ каждаго и значеніе ихъ въ развитія разрабатываемой науки. Эта книга можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ предыдущей, такъ какъ въ ней можно найти свѣдѣнія объ успѣхахъ естественныхъ наукъ въ новѣйшее время.

Розенбергъ Ф. Очеркъ исторіи физики.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей И. *Сѣченова*. Спб. 1883—1894 гг. 2 тома. Ц. 10 руб.

Капитальное сочиненіе и пока единственное въ этомъ родѣ на русскомъ языкѣ.

Разнообразнымъ вопросамъ по философіи физики посвящены слѣдующія книги.

Хвольсонъ О. Д. Популярныя лекціи объ основныхъ гипотезахъ физики. Спб. 1887 г. Складъ типографіи Стасюлевича.

Первоначально эти лекціи были напечатаны въ журналѣ „Вѣстникъ Европы" за 1887 г. въ февральской и мартовской книгахъ. Въ удобопонятномъ изложеніи авторъ дѣлаетъ оцѣнку существующихъ гипотезъ и значеніе ихъ въ развитіи физики. Книга раздѣляется на четыре лекціи; изъ нихъ первыя двѣ имѣютъ общій скорѣе историческій, чѣмъ философскій характеръ и говорять о раздѣленіи и свойствахъ гипотезъ и объ основныхъ принципахъ физики—законахъ инерціи и сохраненіи энергіи. Вторыя двѣ трактуютъ о міровомъ эфирѣ, атомахъ, о строеніи газовъ и о разныхъ взглядахъ на электрическія явленія.

Тэтъ. Успѣхи физическихъ знаній.

Лаландъ А. Этюды по философіи наукъ. Переводъ съ французскаго, Спб. 1897 г. Ц. 75 коп.

О содержаніи книги можно судить по слѣдующему оглавленію: науки и классификація ихъ; физико-математическія и естественныя науки. Моральныя науки; общія гипотезы. Наука и разумъ.

Пуанкаре Анри. Профессоръ, членъ Парижской Академіи Наукъ. Наука и гипотеза. Съ портретомъ автора и предисловіемъ проф. Императорскаго Московскаго Университета Н. А. Умова (VIII+268 стр.) Москва. 1904 г. Складъ типографіи А. И. Мамонтова.

Фрейсинe. Профессоръ, членъ Парижской Академіи Наукъ. Очерки по философіи математики. Переводъ съ французскаго В. Обреимова.

Мы рекомендуемъ эту книгу въ особенности преподавателямъ математики, какъ весьма интересное и цѣнное пособіе, которое они могли бы предлагать любознательнымъ ученикамъ для внѣкласснаго чтенія. Нельзя не констатировать, что по существующимъ традиціямъ интересъ учениковъ почти никогда не направляется на философскую сторону математическаго знанія. Всякому, занимающемуся какой-бы-то ни было наукой, полезно ознакомиться съ ея основными принципами и идеями, съ сущностью ея методовъ и пріемовъ. Знакомство съ философіей науки объединяетъ и освѣщаетъ особымъ смысломъ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя изучающимъ ее. Книжка Фрейсине представляетъ въ этомъ отношеніи прекрасное руководство, вполнѣ доступное пониманію учениковъ средней школы и способное ихъ заинтересовать своимъ содержаніемъ. Авторъ начинаетъ съ выясненія понятій пространства и времени, играющихъ по его словамъ „первенствующую роль въ образованіи математическихъ и физическихъ наукъ".

Рядомъ съ идеями пространства и времени развивается идея безконечности, которую авторъ называетъ „истинною опорою нашихъ знаній". Непрерывность пространства и времени приводитъ къ идеѣ непрерывности вообще, къ одной изъ плодотворнѣйшихъ идей въ математикѣ. Теченіе времени является источникомъ идеи непрерывнаго измѣненія, варіаціи. Отсюда родится понятіе о функціи, величинѣ, непрерывно измѣняющейся, при непрерывномъ измѣненіи другой, независимой перемѣнной величины. Далѣе, изъ совокупности понятій о безконечномъ и непрерывномъ созидается понятіе о безконечно маломъ. За нимъ возникаетъ понятіе о предѣлахъ и способъ предѣловъ. Наконецъ, геніальное открытіе, завершающее циклъ математическаго знанія, исчисленіе безконечно малыхъ. Таковъ бѣглый перечень содержанія 1-й части книжки. Вторая часть трактуетъ объ основныхъ идеяхъ механики. Идеи силы и массы представлены во всемъ ихъ значеніи и опредѣлены съ точностью не допускающею возраженій. Въ качествѣ основной точки зрѣнія механики, свойства тѣлъ, указана ихъ подвижность, представленіе о которой ближе всего связано съ понятіемъ массы тѣлъ. Послѣдняя весьма удачно названа „динамической емкостью" тѣлъ по аналогіи съ емкостью калорифической. Просто и точно опредѣлена задача динамики. Хорошо формулированы и объяснены законы движенія, которыхъ авторъ считаетъ не три, а четыре, включая въ ихъ число законъ механическаго эквивалента.

Изложеніе Фрейсине даже въ переводѣ

живо и увлекательно. Можно ручаться, что оно возбудитъ горячій интересъ въ юныхъ читателяхъ, натолкнетъ ихъ на многіе вопросы и размышленія, уяснитъ имъ многое такое, что имъ было или совсѣмъ темно, или лишь смутно представлялось ихъ мысли. Книжка Фрейсине можетъ дать также богатый матеріалъ для живыхъ бесѣдъ учителя съ учениками по такому предмету, о которомъ обыкновенно думаютъ, что онъ пользуется исключительно языкомъ цифръ и формулъ.

А. Н.

Дѣтская и народная литература.

Изъ-за хлѣба насущнаго.

1) *Бѣлоконскій* „Страховка". Изд. Тов. „Донская рѣчь". Ц. 2 к.; 2) *Николаевичъ*. „Отслужилъ"; 3) *Серафимовичъ*. „Стрѣлочникъ". Изд. Парамонова. Ц. 3 к. 4) Баранчевичъ, „На посту". Изд. Т-ва „Донская рѣчь". Ц. 3 к.; 5) „Изо дня въ день". Изд. „Кн. за Кн.". Ц. 3 к.; 6) Пименова „Среди углекоповъ". Изд. „Библ. Юнаго Читателя". Ц. 25 коп.

Кто интересуется вопросомъ о томъ, что и какъ читаютъ наши дѣти, тотъ, несомнѣнно, не разъ замѣчалъ, какъ значительно вліяютъ различныя волнующія общество явленія или событія на усиленіе или ослабленіе интереса, проявляемаго дѣтьми по отношенію къ тѣмъ или инымъ книгамъ для чтенія. Слыша кругомъ себя безконечные разговоры на, такъ называемыя, злобо-дневныя темы, улавливая одни только общія мѣста, дальше которыхъ большинство разговоровъ не идетъ, и не получая удовлетворенія отъ разглагольствованій, въ которыхъ, главнымъ образомъ, проявляется интересъ общества къ тому или другому вопросу, дѣти, легко заражающіяся общимъ настроеніемъ, пытаются осмыслить, уяснить себѣ сущность и значеніе тѣхъ событій, которыми такъ живо интересуются старшіе. Со всѣми роящимися въ ихъ головахъ вопросами обращаются они къ родителямъ, воспитателямъ, учителямъ. Но, мало склонные поощрять въ нашихъ дѣтяхъ „безпокойную" для насъ любознательность, мы къ тому же—нерѣдко оказываемся, не въ обиду намъ сказано, не въ состояніи дать дѣтямъ обстоятельный, способный удовлетворить ихъ отвѣтъ. Въ подобныхъ случаяхъ радъ бываешь, когда удается указать дѣтямъ хорошую книжку, имѣющую болѣе или менѣе близкое отношеніе къ интересующему ихъ вопросу.

Полное тревогъ, переживаемое нами время выдвинуло длинный рядъ вопросовъ, одинъ другого важнѣе, одинъ другого серьезнѣй. Возьмемъ хоть рабочій вопросъ. Историку, который будетъ описывать нашу эпоху, придется не мало мѣста удѣлить рѣзко обнаружившемуся въ наши дни рабочему движенію, проявленія котораго были такъ необычны и такъ многозначительны, что не замѣтить ихъ, не заинтересоваться ими—рѣшительно невозможно было. За то же сколько и написано въ наши дни по этому вопросу, сколько наговорено. Но это все почти для взрослыхъ, для старшихъ. Интересно поэтому, въ такое время, лишній разъ посмотрѣть, справиться, что именно, какія именно книжки о рабочихъ, ихъ жизни, многочисленныхъ нуждахъ,—имѣются въ настоящее время къ услугамъ читающихъ дѣтей различныхъ возрастовъ. Это тѣмъ болѣе важно знать, что въ то время, когда нѣкоторые изъ насъ склонны къ идеализаціи рабочихъ, другіе—и такихъ подавляющее большинство—впадаютъ въ противоположную крайность: рабочая среда, по ихъ мнѣнію, такъ груба, невѣжественна, малокультурна; всякій рабочій—непремѣнно пьяница, способный къ тому же на какое-угодно преступленіе. Оба крайнихъ взгляда подкрѣпляются подобающимъ количествомъ примѣровъ „изъ жизни", изъ собственныхъ наблюденій и въ результатѣ—такъ называемыя, ходячія мнѣнія, часто очень похожія на истину, но еще чаще неистинныя.

Начиная свой обзоръ дѣтской литературы о рабочей трудящейся массѣ съ наиболѣе дешевыхъ книгъ, мы постепенно перейдемъ къ болѣе дорогимъ изданіямъ. Говорить будемъ главнымъ образомъ о книжкахъ, предназначенныхъ для дѣтей средняго и старшаго возраста. Воздерживаясь пока отъ выводовъ, познакомимся сначала съ содержаніемъ нѣкоторыхъ, заслуживающихъ того, разсказовъ.

1. Малохудожественный, но правдивый разсказъ Бѣлоконскаго „Страховка". Рабочій изломанъ заводской машиной. Его ждетъ или смерть или тяжкая доля калѣки. У по-

стели несчастнаго плачетъ жена и малолѣтнія дѣти. Что ожидаетъ ихъ? Къ счастью, потерпѣвшій застрахованъ: предусмотрительный хозяинъ завода застраховалъ всѣхъ своихъ рабочихъ. „Умрешь", думаетъ рабочій,—„жена и дѣти не пойдутъ по міру—получать тысячу рублей". Но... зорко слѣдитъ за рабочими адвокатъ, повѣренный страховаго общества; ему уже донесли о случившемся; и обученный имъ писарь уже дѣйствуетъ: почуявши добычу, онъ быстро пробирается къ постели больного, въ рукахъ его сжаты деньги—200—300 р., которые онъ великодушно готовъ отдать несчастному, если этотъ послѣдній пожелаетъ подписать небольшую бумажку: отказъ отъ дальнѣйшихъ претензій къ Страховому Обществу.

„Брать или не брать деньги?"—вотъ мучительный вопросъ, одолѣвающій пострадавшаго (или если онъ уже успѣлъ умереть, то—его вдову). Взять—значитъ отказаться отъ страховой преміи, отъ права на полученіе 1000—2000 рублей, а не взять—значитъ завтра же, въ ожиданіи „большихъ" денегъ, остаешься на улицѣ безъ гроша денегъ. А тутъ еще писарь-психологъ твердитъ: „Не возьмешь этихъ денегъ, такъ и ничего не получишь, иди ищи"!.. И беретъ человѣкъ, беретъ „синицу въ руки", не надѣясь на „журавля въ небѣ", какимъ рисуется ему премія. Сдѣлка закончена. Но кто выигралъ отъ этой сдѣлки? Въ барышѣ осталось Общество, выигралъ и адвокатъ, не проигралъ и писарь адвокатскій. И только рабочій да его семья заключили невыгодную сдѣлку.

2. Просто, правдиво, тепло и искренно написанъ разсказъ Николаевича „Отслужилъ". Сорокъ лѣтъ прослужилъ старикъ фабричный на ткацкой фабрикѣ. Сорокъ лѣтъ работалъ онъ изо дня въ день и былъ хорошъ, считался—и самъ себя считалъ—хорошимъ мастеромъ, успѣлъ „прирости" къ дѣлу за это время и далекъ, очень далекъ былъ отъ мысли очутиться въ положеніи „уволеннаго за негодностью", да еще такъ внезапно и по такому незначительному поводу. Небольшого и неважнаго недосмотра, допущеннаго имъ, оказалось достаточно для того, чтобы хозяинъ позабылъ почти полувѣковую службу его на пользу своего „господина". И старикъ-фабричный потрясенъ: цѣною многолѣтней работы онъ, думалось ему, купилъ и обезпечилъ себѣ право спокойно смотрѣть впередъ, безъ боязни, ждать завтрашняго дня... Такъ думалъ онъ, но не такъ думалъ его хозяинъ. И старикъ впадаетъ въ меланхолію и вскорѣ умираетъ отъ удара.

3. За сердце беретъ незатѣйливый разсказъ Серафимовича „Стрѣлочникъ". Безъ вычуръ и прикрасъ рисуетъ онъ рабочій день желѣзнодорожнаго стрѣлочника, одного изъ тѣхъ пасынковъ желѣзнодорожной службы, которые всегда—такова ужъ воля судьбы—оказываются виновниками желѣзнодорожныхъ крушеній.—Заваленный работой, онъ мечется цѣлый день въ раіонѣ вокзала: бѣгаетъ, напрягая силы, отъ начальника къ стрѣлкѣ, отъ стрѣлки на вокзалъ, съ вокзала въ сторожку... Начальникъ поручаетъ прибрать за коровой навозъ, помощникъ начальника велитъ наносить дровъ, завѣдующій багажомъ—приказываетъ подмести платформу. Кондукторъ, кухарка начальника, вокзальные служащіе, всѣ заваливаютъ его порученіями, чужой, лишней работой. Онъ чувствуетъ, что работаетъ выше силъ, что его „заѣздили", но заявить объ этомъ не можетъ, долженъ молчать. Чуть что, его смѣстятъ, съ нимъ церемониться не станутъ; не даромъ каждый грозитъ ему расчетомъ. А тамъ, въ сторожкѣ—жена и дѣти. И Иванъ напрягаетъ послѣднія силы. Немудрено, что мысли его временами путаются, вѣчная боязнь, что нибудь забыть, пропустить, создаетъ призракъ упущенной стрѣлки. Разстроенное воображеніе бросаетъ его на рельсы. Иванъ гибнетъ, а злополучная семья его остается безъ хлѣба. Начальникъ станціи отъ „добраго сердца" бросаетъ голодной семьѣ Ивана 3 рубля.

4. Хорошо, до мельчайшихъ особенностей, изучилъ Баранцевичъ бытъ столичной бѣдноты, хорошо знаетъ онъ неприглядную, сѣренькую жизнь кондуктора конки. Въ разсказѣ „На посту" передъ нами проходитъ трудовой день такого бѣдняка-кондуктора. Герой разсказа боленъ чахоткой. Дни его сочтены, но онъ еще вѣритъ въ то, что здоровье его возстановится, что онъ проживетъ еще долго. И эта вѣра долго не оставляетъ его, не оставляетъ даже тогда, когда для всѣхъ окружающихъ смерть его—вопросъ одного-двухъ дней. И хочется ему, мучительно хочется жить, какъ ни тяжела,

какъ ни безотрадна его „кондукторская жизнь". Съ самаго ранняго утра до поздняго вечера, до самой ночи, во всякую погоду ѣздитъ онъ, раздавая билеты, зорко слѣдя за пассажирами, стараясь не прозѣвать вновь вошедшаго, боясь сказать что-нибудь лишнее и нарваться на замѣчаніе. Вѣчный страхъ быть записаннымъ, оштрафованнымъ, а то и прогнаннымъ. Вѣчный призракъ „Начальства", вѣчное дрожанье за собственную шкуру. Да и за свою ли одну?! За спиной почти у каждаго есть кто-нибудь, сытый лишь до тѣхъ поръ, пока сытъ „кормилецъ". Да какъ и не дрожать за завтрашній день, когда нѣтъ увѣренности въ томъ, что все заработанное тобою, дѣйствительно, будетъ твоимъ, когда всякій пустякъ, всякое недоразумѣніе влечетъ за собой неизбѣжный штрафъ, тяжелый вычетъ изъ жалованія.

5. Въ „Книжкѣ за Книжкой" (№ 26—Серія 1) помѣщенъ небольшой разсказъ „Изо дня въ день". Въ предисловіи къ разсказу, между прочимъ, говорится: „Предлагаемый разсказъ — немудреная, правдивая картина жизни зауряднаго рабочаго—углекопа". Мрачна эта картина, но, тѣмъ не менѣе, правдива. Изо дня въ день, съ понедѣльника до субботы работаетъ рудокопъ Антонъ въ темныхъ нѣдрахъ земли, не видя дневного свѣта, не слыша людского говора. Изо дня въ день „лежитъ онъ на боку въ низкой, узкой дырѣ и ударяетъ киркою по стѣнѣ. Большіе куски падаютъ со стукомъ. Потомъ уголь увозятъ. Потъ выступаетъ, крупными каплями струится по лицу труженика, покрытому сажей. Каждые полчаса выходитъ онъ изъ своего логовища и потягивается. Его полотняная куртка промокла отъ пота... Глотокъ воды изъ фляжки.. и... снова въ дыру". И такъ съ утра до вечера, все одно и тоже: „удары кирки по глыбамъ каменнаго угля, потъ на почернѣвшемъ лицѣ и неутолимая жажда. Съ двѣнадцати лѣтъ началъ Антонъ тяжелую жизнь углекопа, углекопомъ и умеръ. И описаніе его жизни съ интересомъ читается дѣтьми средняго возраста.

6. Значительно полнѣе, ярче, живѣе и занимательный описана та же жизнь углекоповъ въ изданной „Юнымъ читателемъ" повѣсти „Среди углекоповъ". Съ увлеченіемъ слѣдя за героемъ повѣсти Джекомъ Спинсономъ, радуясь вмѣстѣ съ нимъ заслуженному успѣху, которымъ вознаграждается большинство симпатичныхъ начинаній этой богато одаренной, благородной, альтруистической натуры, читатель попутно знакомится со всѣми грустными особенностями быта углекоповъ и невольно проникается сочувствіемъ къ этимъ труженникамъ шахты. Ему, читателю становится понятнымъ, какъ въ Джекѣ могло созрѣть, а потомъ и воплотиться въ дѣло, твердое рѣшеніе во что бы то ни стало „выбиться въ люди", но не для карьеры, не ради самого себя, а ради той среды, изъ которой онъ самъ вышелъ, которую хорошо зналъ и потому не могъ не любить. Выбившись въ люди, Джекъ остается среди своихъ собратьевъ и вся его дальнѣйшая жизнь—это безкорыстное служеніе на пользу родныхъ ему рудокоповъ, страдающихъ отъ многихъ разнородныхъ причинъ, но главнымъ образомъ отъ темноты и невѣжества.

7) *Животовскій* „Что такое каменный уголь". Ц. 10 коп.—8) *Конради* „Черные богатыри". Ц. 1 р.—9) *Лункевичъ* „Каменный уголь". Ц. 20 коп.—10) *Никитинскій* „О каменномъ углѣ". Ц. 10 к.—11) *Слѣпцова* „Люди подземнаго міра". Ц. 20 коп.—12) *Лавровъ* „Нужда гонитъ". Ц. 10 коп. — 13) *Лоти* „Рыбаки". Ц. 10 к. — 14) *Слѣпцова* „Водолазы". Ц. 15 коп.—15) *Свирскій* „Забракованный". Ц. 8 коп.—16) *Златовратскій* „Мечтатели". Ц. 4 коп.—17) *Остои* „Поденщикъ". Ц. 2 коп.—18) *Франко* „Хорошій заработокъ". Ц. 1 коп.

Говоря о книжкахъ, которыя, подобно двумъ предыдущимъ, знакомятъ читателя съ тяжелой жизнью и опаснымъ трудомъ рабочаго-углекопа, слѣдуетъ рекомендовать еще слѣдующія книжки, предназначенныя для народа и для дѣтей средняго и—отчасти—старшаго возраста: а) Животовскаго „Что такое каменный уголь", б) Конради „Черные богатыри", в) Лункевича „Каменный уголь", г) Никитскаго „О каменномъ углѣ" и д) Слѣпцовой „Люди подземнаго міра". Тѣ неимовѣрныя усилія, которыя приходится прилагать человѣку для того, чтобы извлечь изъ нѣдръ земли каменной уголь, — этотъ „черный сахаръ", какъ называютъ его иногда,—тѣ лишенія, съ которыми неразрывно связана для углекопа подземная работа, —

многочисленныя опасности, на каждомъ шагу угрожающія плохо защищенному отъ нихъ „человѣку-кроту", — все это очень живо, интересно и правдиво описано въ перечисленныхъ изданіяхъ, хорошо приноровленныхъ къ запросамъ и силамъ того читателя, котораго имѣли въ виду ихъ авторы. Какъ чтеніе для народа, хороша книжка Никитинскаго „О каменномъ углѣ". Наиболѣе удачно составленной слѣдуетъ признать книжку Слѣпцовой „Люди подземнаго міра", вызывающую въ читателѣ чувство симпатіи къ углекопамъ, правда, невѣжественнымъ и грубымъ, но тѣмъ не менѣе часто не задумывающимся пожертвовать собственной жизнью ради спасенія попавшихъ въ бѣду товарищей.

Быту углекоповъ, какъ мы видѣли, посвященъ рядъ прекрасно составленныхъ книжекъ. Не менѣе хорошія, содержательныя и интересно написанныя находимъ мы и среди тѣхъ книжекъ, которыя рисуютъ трудовую жизнь рыбаковъ. Такъ, съ бытомъ французскихъ, въ частности бретонскихъ, рыбаковъ читатель можетъ ознакомиться по книжкѣ Лаврова „Нужда гонитъ" и повѣсти Лоти „Рыбаки". Какъ извѣстно „почти всѣ побережные жители Бретани—рыбаки". Каждый годъ раннею весной отправляются эти отважные моряки на ловлю трески далеко на сѣверъ, къ острову Исландіи. Около полугода, а иногда и болѣе проводятъ они внѣ дома. „Каторжный" трудъ ихъ, упорный, тяжелый, „систематическое недосыпанье, плохая пища, отвратительное помѣщеніе на носу судна,— все это усугубляется холодомъ, голодомъ и частыми жестокими бурями. Каждый годъ требуетъ жертвъ, ежегодно въ нѣсколькихъ семьяхъ тщетно ждутъ возвращенія мужа, отца, брата или сына. Ужасна жизнь „исландскаго" рыбака. Вотъ почему передъ выходомъ въ море нѣкоторые матросы напиваются для храбрости, другіе идутъ словно на казнь, третьи, хоть и подписали условія съ судохозяевами, въ послѣднюю минуту упираются, не хотятъ идти въ море, и ихъ силою волокутъ на суда. Ежегодно „возвращаясь изъ плаванія подъ родную кровлю, „исландскій" рыбакъ первымъ дѣломъ клянется, что больше въ море не пойдетъ". Но... наступаетъ весна, и безысходная нужда гонитъ рыбака на промыселъ. Но можетъ быть цѣною такой каторги, рыбакъ обезпечиваетъ семьѣ своей сытое, безбѣдное существованіе? Можетъ быть, изнемогая подъ тяжестью работы, терпя холодъ и голодъ, рыбакъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что если ему и тяжело, то семья его ни въ чемъ не нуждается? Ничуть не бывало! „Съ февраля до сентября перебиваются жены и дѣти рыбаковъ кое-чѣмъ, въ проголодь". Не надолго хватаетъ денегъ отъ прошлогодней выручки рыбаковъ, и женщинамъ, вскорѣ послѣ ухода рыбаковъ въ море, приходится жить только своей работой. И съ утра до вечера изнемогаютъ онѣ надъ работой на морскомъ берегу, собирая и разбирая все, что только успѣло выбросить море для ихъ пропитанія.

Чего только не дѣлаетъ человѣкъ изъ-за куска хлѣба! Куда только не забирается онъ въ погонѣ за хлѣбомъ. Какихъ только трудностей не преодолѣваетъ. Какимъ только опасностямъ не подвергается. Тяжела работа человѣка въ нѣдрахъ земли, но еще тяжелѣе работа въ глубинахъ океана. Кто хоть немного знакомъ съ водолазнымъ дѣломъ, тому извѣстно, сколько мужества, самообладанія, находчивости и терпѣнія необходимо водолазу, работающему въ мрачныхъ глубинахъ водъ. Желающимъ ознакомиться съ условіями водолазной работы, съ тѣми трудностями и опасностями, которыми сопровождаются „прогулки" водолазовъ подъ водою, можно смѣло порекомендовать вполнѣ хорошо—живо и интересно—составленную книжку Слѣпцовой „Водолазы", дающую попутно нѣкоторое знакомство съ такъ называемыми „чудесами" подводнаго міра и съ тѣми способами, которые придумалъ человѣкъ для добыванія всего того, что имѣетъ для него какую-либо цѣну.

Нѣсколько мастерски написанныхъ сценъ изъ жизни фабричнаго люда находимъ мы и въ разсказахъ Златовратскаго „Мечтатели". Къ сожалѣнію, самая суть разсказа выражена какъ-то неясно, мечтатели немного туманны. Читателю—а разсказъ этотъ предназначается для дѣтей старшаго возраста и для народа—приходится вторично прочесть разсказъ, чтобы хорошо понять, кто и о чемъ мечтаетъ. А мечтателей два. Одинъ изъ нихъ—Дема—„деревенщина". Онъ, хотя и живетъ постоянно въ городѣ, но городской жизни не любитъ. Вынужденный жить въ городѣ, онъ не перестаетъ мечтать о деревнѣ. Другой мечтатель, Липатычъ,—старый

рабочій. Это уже „городская мастеровщина", навсегда утратившая связь съ деревней. Онъ тоже мечтаетъ, но уже не о деревнѣ, а,— какъ и подобаетъ настоящему рабочему, — объ улучшеніи рабочаго быта.

Такая необезпеченность рабочаго, безвыходность положенія, въ которомъ въ каждую минуту можетъ очутиться семья рабочаго, хорошо иллюстрируются разсказомъ Свирскаго „Забракованный". Въ этомъ разказѣ нѣтъ ничего выдуманнаго, сочиненнаго; это сама жизнь, и оттого онъ производитъ на читателя сильное впечатлѣніе. Содержаніе разсказа самое простое. Слесарь, много лѣтъ проработавшій на заводѣ, запилъ и запилъ на долго. Семья его сильно бѣдствуетъ, но живетъ надеждой на то, что „не нынче— завтра" кормилецъ ея придетъ, наконецъ, въ себя и снова примется за работу. И кормилецъ приходитъ въ себя, возвращается къ семьѣ, изголодавшейся въ ожиданіи его. Но на заводъ его обратно не принимаютъ: слабый, худой—послѣ продолжительнаго запоя, онъ „забракованъ" заводскимъ врачемъ... И голодные дни для семьи слесаря и для него самого продолжаются.

Кромѣ громадной арміи фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, съ бытомъ которыхъ можно довольно хорошо ознакомиться по цѣлому ряду добросовѣстно и умѣло составленныхъ книжекъ, кромѣ арміи углекоповъ, рыбаковъ и другихъ тружениковъ, живущихъ однимъ, какимъ-либо опредѣленнымъ трудомъ,—кромѣ этихъ людей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ упорной и тяжелой борьбѣ изъ за куска насущнаго хлѣба, — есть не менѣе многочисленныя полчища такихъ людей, которые кормятся заработкомъ случайнымъ, еще менѣе прочнымъ, еще менѣе надежнымъ. Ихъ завтрашній день, ихъ будущее еще печальнѣе, еще мрачнѣе. Ихъ полуголодное существованіе завершается голодною преждевременною старостью. Тысячи такихъ людей живутъ вблизи насъ, и мы къ нимъ приглядѣлись настолько, что мало, слишкомъ мало интересуемся ихъ горемычнымъ житьемъ. Изъ числа—а число это велико,—книжекъ, посвященныхъ быту подобной бѣдноты, можно выдѣлить нѣсколько умѣло составленныхъ книжекъ для дѣтей средняго и старшаго возраста. Какъ наиболѣе удачныя назовемъ пригодныя и для народа „Поденщикъ"—Остои и „Хорошій заработокъ"—Франко. Въ первой книжкѣ — Валентъ, живущій самой разнообразной поденной работой, временами. въ голодные зимніе мѣсяцы, доходитъ до того, что пробуетъ протягивать руку за подаяніемъ. Но сравнительно здоровый видъ его возбуждаетъ въ прохожихъ чувство, обратное тому, которое пытался пробудить въ нихъ Валентъ. Вмѣсто подаянія онъ получаетъ упреки, и онъ съ завистью смотритъ на сидящаго подлѣ церкви слѣпого старца, которому такъ часто и охотно подаютъ прохожіе. Но всему бываетъ конецъ. Окончилась и невеселая жизнь Валента, окончилась такъ, какъ оканчивается большинство подобныхъ существованій. Пострадавшій на какой-то поденной работѣ, Валентъ попадаетъ въ больницу, и здѣсь, въ обществѣ еще нѣсколькихъ такихъ же горемыкъ, умираетъ. Вторая изъ названныхъ книжекъ — „Хорошій заработокъ"—содержитъ въ себѣ интересно написанный разсказъ изъ жизни старика, съ трудомъ перебивающагося „съ хлѣба на квасъ" такой нехитрой работой, какъ вязанье метелъ. Казалось бы,—это ли не горемычное житье, это ли не нищенское существованіе, которому, глядя на старика, не позавидуешь. Такъ думалъ и старикъ. Но онъ ошибся. „Какъ бы не зажирѣлъ старикъ отъ такой работы!"—подумало начальство и обложило старика налогомъ.

Г. Т.

Im dunkelsten Wien (Вѣнскія трущобы). Von Max Winter. Wien, Wiener Verlag. 152 Seiten. 50 Pfennig.

Кто пытается понять соціальныя явленія при помощи статистики, тотъ постоянно наталкивается на тотъ фактъ, что даже при самыхъ искусныхъ постановкахъ вопросовъ, —остаются нѣкоторыя невѣсомыя, которыя не поддаются статистическому учету. Не то, чтобы картина, набрасываемая статистикомъ, была невѣрна. Фраза, что „статистикой можно доказать, что угодно" такъ же общераспространенна, какъ и ложна. Кто умѣетъ правильно ставить вопросы, тому статистика даетъ и правильные отвѣты.

Противорѣчія и недостатки, которые ставятся въ вину статистикѣ, большею частью заключаются не въ ней самой, а въ сно-

собѣ мышленія тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ статистикѣ. Слѣдуетъ однако согласиться, что у статистическихъ картинъ часто не хватаетъ тѣлесности, что онѣ производятъ впечатлѣніе скелетовъ безъ мяса и крови. Поэтому для изученія условій соціальной жизни, наряду съ статистикой, сохраняетъ все еще свою цѣну анкета, которая не претендуетъ на математическую точность своихъ выводовъ, какъ ея болѣе строгая сестра, но можетъ за то описывать свои наблюденія съ несравненно большей жизненностью. Много родственнаго съ анкетой имѣетъ натуралистическій романъ. Послѣдній уже хочетъ, выражаясь словами Золя, выхватить кусокъ самой живой дѣйствительности, преломившейся лишь черезъ призму темперамента романиста. Романъ даже имѣетъ преимущество передъ анкетой: онъ представляетъ или по крайней мѣрѣ стремится представить всю запутанную систему соціальныхъ отношеній, въ которой живутъ описываемые люди. Безъ сомнѣнія такія произведенія, какъ романы Золя и Бальзака, даютъ прекрасное вспомогательное средство всякому, кто хочетъ понять соціальную структуру той эпохи, которая въ нихъ находитъ свое отраженіе.

На шагъ дальше этихъ собирателей „человѣческихъ документовъ" идутъ тѣ, которые не ограничиваются наблюденіями и собираніями, а сами нѣкоторое время живутъ той жизнью, которую они хотятъ описывать. Извѣстный примѣръ этого рода представляетъ книжка бывшаго пастора*) Гёре: „Три мѣсяца за фабричной работой" (Drei Monate Fabrikarbeiter). При такого рода анкетахъ въ извѣстномъ смыслѣ изслѣдователь и экспертъ соединены въ одномъ лицѣ. Наряду съ преимуществами, представляемыми такой системой, она обладаетъ тѣмъ недостаткомъ, что экспертъ невольно переноситъ въ свои отвѣты тѣ представленія, которыя заимствованы имъ изъ своей собственной обычной сферы жизни.

Американскіе журналисты довели этотъ родъ экспертизы до извѣстной виртуозности, въ особенности въ отношеніи описанія соціальной „внѣшности". Но при чтеніи ихъ произведеній никогда нельзя освободиться отъ подозрѣнія, что передъ вами лишь сенсаціонная стряпня; внутренняя правда часто отсутствуетъ въ ихъ описаніяхъ приключеній.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ замѣтки редактора Вѣнской „Рабочей газеты", Макса Винтера, который опубликовалъ въ своей газетѣ цѣлый рядъ экскурсій въ мало изслѣдованные до сихъ поръ соціальные слои, и теперь собралъ свои наблюденія въ одну книгу. Этотъ журналистъ обладаетъ силою изображенія, родственной перу Золя. Хотя онъ понимаетъ „отрывокъ дѣйствительности" въ болѣе узскомъ смыслѣ, чѣмъ мастеръ натуралистической школы; онъ отказывается отъ всякихъ литературныхъ украшеній, онъ не „сочиняетъ", а описываетъ лишь то, что видѣлъ самъ и даетъ говорить людямъ, что самъ слышалъ.

И всетаки—необходима была нѣкоторая творческая сила, чтобы достигнуть такой пластичности изображенія. При этомъ Винтеръ смотритъ на условія жизни и людей не глазами беллетриста или искателя сенсаціоннаго матеріала, а глазами научнаго изслѣдователя, проникающаго въ мало изученныя до сихъ поръ соціальныя глубины. Онъ не гонится за отыскиваніемъ людей съ необыкновенной исключительной судьбой, а ищетъ только типы.

Винтеръ далеко не склоненъ рисовать сентиментальными картинами изъ жизни бѣдныхъ. Когда онъ разсказываетъ, какъ онъ со своимъ спутникомъ въ качествѣ „каналоискателя" разъѣзжалъ по каналамъ Вѣны, гдѣ эти бѣдняки, переворачивая илъ на днѣ мутныхъ водъ канала, отыскивая пуговицы, ножи, потерянныя и снесенныя водой монеты, добываютъ себѣ скудное пропитаніе,— то среди мрачныхъ картинъ безпросвѣтной нужды сверкаютъ порою яркіе цвѣта крѣпкаго юмора, юмора висѣльника, которымъ „искатель" скрашиваетъ свой печальный жребій.

Скорбный юморъ проникаетъ картины изъ жизни пролетарскихъ дѣтей, для которыхъ „площадки для игръ" представляютъ берега Дуная, а улица служитъ воспитательницей. Какъ безхитростенъ и простъ и поэтому тѣмъ болѣе глубоко захватываетъ разсказъ о судьбѣ тѣхъ несчастныхъ, съ которыми Винтеръ провелъ одну октябрьскую

*) Ставшаг атѣмъ соціалъ-демократомъ (*прим. Ред.*).

ночь въ трущобѣ, гдѣ прятались безпріютные. Въ заброшенномъ сараѣ на берегу Дуная, у котораго скопляется множество лодокъ и баржъ, ночь за ночью ищутъ себѣ пристанище всѣ неудачники, потерпѣвшіе крушеніе въ жизни и, не смотря на жесткіе холода, одно только небо служитъ имъ единственнымъ покровомъ.

Жилищная нужда во всѣхъ своихъ видахъ, во всей своей ужасной жизненной правдѣ проходитъ передъ нашими глазами. Во время своихъ разъѣздовъ Винтеръ открылъ пещерныхъ обитателей большого города и такія условія жизни въ ночлежныхъ домахъ, которыя сдѣлали бы честь мрачной фантазіи Эдгара По.

И не только на окраинахъ большого города свирѣпствуетъ многообразная нужда. Мы слѣдуемъ за Винтеромъ въ современный городъ процентовъ. Створчатыя двери съ круглыми обитыми мѣдью окошками—зеркальныя стекла въ окнахъ, пестро разукрашенныя стѣны входа, — все великолѣпно, ново, а все же за этими створчатыми дверями ютится моральная и соціальная нищета обитателей закоулковъ большого дома. Когда эти описанія появились въ „Рабочей Газетѣ“, вѣнскія власти стали искать, чѣмъ помочь бѣдѣ. Но только не путемъ устройства убѣжищъ и ночлежныхъ домовъ. У христіанско-соціальнаго вѣнскаго городского управленія для этого нѣтъ лишнихъ денегъ. Она напустила полицію на несчастныхъ обитателей дунайскаго побережья, которые такъ злонамѣренно подали поводъ къ безпокойству общественнаго мнѣнія. Полицейскіе выгнали бѣдняковъ изъ ихъ норъ и предложили имъ въ качествѣ временнаго крова вопочія переполненныя помѣщенія арестнаго дома. Винтеръ распространилъ свои изслѣдованія и на это „убѣжище“. Безъ особаго труда ему удается создать поводъ для полицейскаго „мѣропріятія“ и онъ попадаетъ подъ арестъ. Описаніе ночи, которую онъ провелъ въ арестантской, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ въ культурно историческомъ отношеніи главамъ его книги. Авторъ совершенно свободенъ отъ ложнаго пафоса при описаніи сценъ изъ арестантской. Ни задержанные „преступники“ не представляются невинными агнцами, ни полицейскіе не являются особенно безчеловѣчными, жестокими людьми. Черта австрійскаго добродушія лежитъ на всемъ. Но именно этотъ „повседневный“ характеръ описываемаго тѣмъ болѣе сурово осуждаетъ всю полицейскую систему огражденія общественной безопасности, чѣмъ это могли бы сдѣлать отдѣльные изъ ряда вонъ выходящіе случаи.

В. П.

И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. Опытъ оптимистической философіи. Съ предисловіемъ В. Оствальда. XIV и 399 стр. (Leipzig 1904).

Философскія размышленія выдающихся изслѣдователей природы заслуживаютъ нашего полнаго вниманія. Ихъ философія является плодомъ долгаго изученія природы; она есть конечный выводъ богатаго опыта, накопленнаго путемъ долгихъ и глубокихъ наблюденій надъ явленіями природы. И это новое сочиненіе знаменитаго русско-французскаго патолога возбуждаетъ сильнѣйшій интересъ, а его умозаключенія оставятъ глубокій слѣдъ у каждаго, даже если читатель и не будетъ въ состояніи до самыхъ конечныхъ выводовъ прослѣдить за ходомъ мысли автора.

Г. Мечниковъ называетъ свою книгу опытомъ оптимистической философіи; и съ полнымъ правомъ, такъ какъ онъ пытается дать обнадеживающее и утѣшительное рѣшеніе всѣмъ противорѣчіямъ и „дисгармоніямъ“ физической и психологической жизни. Многочисленныя „дисгармоніи“ въ строеніи человѣческаго организма, — которыя большею частью объясняются изъ исторіи его развитія, какъ уцѣлѣвшіе остатки прежнихъ органовъ—являются нынѣ источникомъ болѣзненныхъ разстройствъ; не менѣе значительны противорѣчія семейнаго и соціальнаго инстинкта, которыя разрушаютъ человѣческое счастье.

Авторъ основательно изслѣдуетъ всѣ эти явленія тѣлесныхъ и соціальныхъ неустройствъ, причемъ его воззрѣнія повсюду опираются на интереснѣйшія аналогіи изъ области природы и богато разнообразятся литературными примѣрами. (При разсмотрѣніи вопроса о „кровномъ родствѣ“ между человѣкомъ и обезьяной было бы справедливо упомянуть и о прекрасныхъ изслѣдованіяхъ Фриденталя).

Самая крупная „дисгармонія“ человѣческой природы лежитъ въ старческой дряхлости и страшной смерти; это—пунктъ, на которомъ изстари пробуютъ свою силу религіозныя и философскія системы, и каждая по своему старается замаскировать передъ взоромъ человѣчества эту расщелину бытія. Авторъ обстоятельно разбираетъ старанія важнѣйшихъ религіозныхъ и философскихъ системъ въ этомъ направленіи и показываетъ ихъ безсиліе. Не религія и философія, а только наука способна дать намъ рѣшеніе этого вопроса. Важнѣйшіе успѣхи въ области гигіены и бактеріологіи уже научили человѣчество побѣдоносно бороться съ опустошительными болѣзнями, безпомощною жертвою которыхъ оно было прежде. Нѣтъ сомнѣнія, что мы въ недалекомъ будущемъ побѣдимъ и такія болѣзни, какъ туберкулезъ, ракъ и т. д.

Но это далеко еще не послѣдняя граница силы науки. По мнѣнію автора, наша старость, за немногими исключеніями не нормальна, и, вслѣдствіе неправильностей въ образѣ жизни — преждевременна и болѣзненна. Точное изученіе явленій старости, которое сейчасъ находится еще въ зародышевомъ состояніи, укажетъ намъ путь, какимъ слѣдуетъ идти, чтобы отчасти побороть, отчасти избѣжать вредныхъ воздѣйствій и вмѣсто преждевременной, патологической — достичь поздней физіологической старости. Тогда и смерть потеряетъ свои ужасы, такъ какъ тогда она будетъ являться не такъ какъ, теперь, противоестественнымъ разрывомъ жизни въ такое время, когда человѣкъ еще всецѣло привязанъ къ жизни, а будетъ наступать, какъ естественный конецъ жизненнаго процесса въ такой періодъ, когда мѣсто жизненнаго инстинкта естественно займетъ „инстинктъ смерти“.

Еще много предстоитъ работы на пути научнаго изслѣдованія старости, чтобы достичь этой цѣли. „Характерною чертою науки является то, что она призываетъ къ упорной работѣ какъ разъ тамъ, гдѣ религіозныя и метафизическія философскія системы костенѣютъ въ пассивномъ состояніи фатализма и нѣмой покорности. Уже одинъ взглядъ на научное рѣшеніе важнѣйшей проблемы, когда либо занимавшей человѣчество, которое дастъ намъ болѣе или менѣе отдаленное будущее, способенъ дать намъ глубокое удовлетвореніе“.

Весь трудъ проникнутъ необыкновеннымъ научнымъ воодушевленіемъ. Если дѣйствительно правда, какъ часто увѣряютъ, что безъ вѣры прожить невозможно, „то такою вѣрою можетъ быть только вѣра въ силу знанія“.

В. П.

Въ редакцію поступили для отзыва слѣд. книги:

Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки А. Ефименко. Т. I и т. II. (Ц. 4 р.).

Солнцеворотъ. О. Дымова. Изд. Содружества. Ц. 1 р. 25 к.

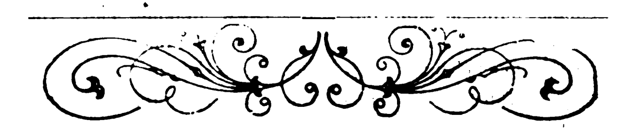
Сборникъ молодыхъ писателей. Ц. 1 р.

Н. Лендеръ. Константинополь, Аѳонъ, Македонія. Очерки и картины.

Закатъ. Истор. романъ Л. Жданова (изъ жизни Іоанна Грознаго). Ц. 90 к.

Въ борьбѣ. (Проф. Смолинъ). Драма Л. Жданова Ц. 50 к.

К. Риккеръ. Указатель медицинской литературы.

Современная жизнь.

Новый громовой ударъ разразился надъ нашей несчастной родиной. На этотъ разъ это уже не Мукденское пораженіе, а полный разгромъ, уничтоженіе всего флота. За всю долгую исторію многострадальной Россіи не бывало такого позора и униженія; мы потеряли все, не сохранивъ даже чести...

Одно сраженіе,—и Россія вычеркнута изъ числа великихъ державъ, а Японія явилась владычицей всего азіатскаго побережья Тихаго океана. Богъ вѣсть, гдѣ будетъ теперь положенъ предѣлъ честолюбивымъ мечтамъ побѣдителя. Не явится ли его побѣдоносный флотъ въ европейскихъ водахъ? Не услышатъ ли Кронштадтскіе форты выстрѣловъ съ японскихъ кораблей?—Теперь *все возможно.*

У насъ нѣтъ флота; остается послѣдняя надежда на сухопутную армію; но мы и такъ уже слишкомъ много вѣрили и надѣялись. Теперь и вѣра пропала, и надежды истощились. Сердце сжимается болью, когда подумаешь, какія еще бѣды грозятъ въ будущемъ нашей родинѣ, въ какую новую бездну позора и униженія втолкнутъ ея „руководители судебъ".

Для всѣхъ уже ясно, что роль бюрократіи, руководившей судьбами Россіи, сыграна; она потеряла всякій престижъ въ глазахъ народа,—и только узкіе себялюбцы, опасающіеся за свои привиллегіи и право безконтрольно набивать свои карманы на счетъ ближняго, да дикая, невѣжественная „черная сотня" стоятъ на ея сторонѣ.

Эти „хулиганы слова и дѣла" одни только и изображаютъ собою народъ, конечно, бутафорскій. А, кажется, давно бы пора опросить дѣйствительный, неподдѣльный народъ, пора бы, наконецъ, открыто и безбоязненно поставить ему вопросъ, желаетъ ли онъ вести войну теперь?

„Теперь, когда мы сдѣлали изъ Японіи великую державу, а сами обращаемся въ малую, когда мы потеряли моральный и финансовый престижъ, теперь наша государственная честь, достоинство народа и самые насущные интересы страны требуютъ ликвидаціи стараго строя и установленія правового порядка,—говоритъ „С. Отеч.".

„Пока еще не поздно, пока страна еще страстно вѣритъ въ возможность мирнаго исхода „смуты", нужно немедленно же созвать народныхъ представителей, избранныхъ на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, и, такимъ образомъ, создать единственный спасительный выходъ изъ настоящаго трагическаго положенія. Дольше ждать нельзя"...

Родина страстно ждетъ этого, видя въ созывѣ народныхъ представителей единственное средство спасти Россію, а намъ и теперь рекомендуютъ одно терпѣніе. Но до какихъ же поръ терпѣть? Не наступила ли очередь народа говорить. „Бюрократія сказала все, что могла сказать, и увѣнчала свое дѣло новымъ національнымъ позоромъ. Такъ пусть же она слушаетъ теперь, что станутъ говорить ея кормильцы и поильцы—эти довѣріемъ облеченные люди, немедленный созывъ которыхъ съ сегодняшняго дня становится необходимымъ, какъ воздухъ".

„Но если бюрократія и на этотъ разъ станетъ между народомъ и государемъ, если она и теперь будетъ попрежнему прятать свою голову—пусть вспомнитъ прежде уроки русской исторіи, пусть припомнитъ исторію земскаго собора 1649 года... Довольно, довольно"... („Слово").

Чѣмъ дальше, тѣмъ тревожнѣе становится положеніе Россіи, и не извнѣ только, а и внутри. Страну охватили глубокія волненія: по всѣмъ рабочимъ центрамъ стачки, въ земледѣльческомъ районѣ безпорядки, сопровождающіеся разгромами, въ городахъ одна часть населенія набрасывается на другую, учебныя заведенія бастуютъ... Государствен-

нія организмъ потрясенъ до основанія, — еще немножко,—и во всемъ ужасѣ выступитъ грозная опасность разрушенія цѣльности Имперіи.

Созваніе Земскаго Собора сдѣлалось теперь лозунгомъ каждаго честнаго русскаго. А наша бюрократія все таки не хочетъ ничего знать и по прежнему хочетъ „возстановить порядокъ“ мѣрами строгости и усиленіемъ административной власти.

Между тѣмъ, — справедливо говоритъ „Наша Жизнь“,—„къ чему всѣ эти исключительныя полномочія администраціи, всѣ эти обязательныя постановленія, связывающія обывателя по рукамъ и ногамъ и угрожающія ему каждую минуту произвольными штрафами и арестами, вся эта удушливая атмосфера полицейскаго сыска и всевластія жандарма въ союзѣ съ сыщикомъ, вся эта система передачи „политическихъ дѣлъ“ въ военные суды—„для сужденія по законамъ военнаго времени“, всѣ эти случаи обращенія къ вооруженной силѣ, къ услугамъ регулярнаго войска, всѣ эти конные разъѣзды и пѣшіе патрули на улицахъ городовъ, эти расквартированія войскъ по фабрикамъ и помѣщичьимъ усадьбамъ? На нашихъ, вѣдь, глазахъ изо-дня въ день все это примѣняется и примѣняется все въ болѣе и болѣе широкомъ масштабѣ, а обостренность положенія не только не смягчается, а, наоборотъ, только увеличивается. Покушенія на должностныхъ лицъ только учащаются—параллельно интенсивности репрессивныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ отношеніи подвластныхъ, по мѣрѣ развитія полицейскаго сыска, по мѣрѣ учащенія случаевъ кровавыхъ столкновеній войска съ населеніемъ. Число „недовольныхъ“ —только растетъ, растетъ, именно благодаря этимъ исключительнымъ мѣрамъ, озлобляющимъ и выводящимъ изъ терпѣнія даже средняго мирнаго обывателя. Пусть въ иныхъ случаяхъ пѣшіе патрули по городскимъ улицамъ съ винтовками на плечахъ подъ командой городовыхъ (въ качествѣ „гражданскаго начальства“!) или конные разъѣзды казаковъ съ нагайками и драгунъ съ кнутами въ рукахъ (какъ то имѣетъ мѣсто въ провинціи), пусть они, дѣйствительно, предупредятъ какую-нибудь „противоправительственную демонстрацію“, предупредятъ безъ примѣненія силы, безъ употребленія оружія, предупредятъ однимъ фактомъ своего присутствія, тѣмъ страхомъ, который они внушаютъ. Зато, во всякомъ случаѣ, сколько скрытой вражды порождаетъ это военное положеніе, эта картина вооруженнаго лагеря въ душѣ мирнаго обывателя, который тѣмъ самымъ воочію убѣждается, какъ велико къ нему недовѣріе со стороны правительства, не допускающаго и мысли, чтобы безъ цѣлой арміи городовыхъ и „исполняющихъ обязанности“ городовыхъ, онъ — русскій обыватель — не началъ сейчасъ безчинствовать, бить и громить. А если онъ не безчинствуетъ, если онъ только выкидываетъ хотя бы флаги и поетъ пѣсни, собравшись, положимъ, толпой, то неужели это уже угрожаетъ устоямъ государства? Ужъ очень, должно быть, шатки эти устои, безнадежно шатки, если какіе-нибудь флаги, развѣвающіеся, напримѣръ, среди Волги, или какія-нибудь пѣсни, раздающіяся на ея водахъ и едва долетающія до береговъ (1 мая въ Ярославлѣ), требуютъ уже вмѣшательства полицейской и вооруженной силы для прекращенія „безпорядка“!.. Пусть въ иныхъ случаяхъ присутствіе войска въ помѣщичьей усадьбѣ удержитъ крестьянъ отъ самовольнаго завладѣнія помѣщичьей земли и т. п. Но какое чувство озлобленія, какой осадокъ еще болѣе обострившагося недоброжелательства должна оставить по себѣ такая охрана „сильныхъ міра сего“ посредствомъ штыковъ и сабель, услугами чуждой мѣстному населенію „опричины“, при помощи китайской стѣны, воздвигаемой между земледѣльческой усадьбой и земледѣльческой деревней! Какимъ разгуломъ накипѣвшихъ страстей угрожаетъ та минута, когда войска уведены (не вѣкъ же имъ оставаться!), когда физическая сила уже не на сторонѣ усадьбы, когда она на сторонѣ деревни“!..

Вся страна страстно ждетъ радикальныхъ реформъ, она истекаетъ кровью жертвъ, падающихъ тамъ, на чужомъ намъ Дальнемъ Востокѣ, и здѣсь, на родной землѣ, а бюрократія по прежнему ограничивается одними обѣщаніями. Всѣ съ тоскою, съ мучительнымъ ожиданіемъ спрашиваютъ: когда же, наконецъ? А въ отвѣтъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ на скромномъ мѣстѣ, среди обычныхъ замѣтокъ текущаго характера, печатается коротенькое сообщеніе объ окончаніи составленія „первоначальныхъ соображеній“ по вопросу о на-

родномъ представительствѣ. „Относящіяся къ этому предмету записки отпечатаны". „Матеріалы эти подлежатъ внесенію на разсмотрѣніе совѣта министровъ".

Вотъ весь отвѣтъ, полученный на нетерпѣливые, страстные запросы, на наши ожиданія, на наши нервныя стремленія. „Правительственный Вѣстникъ" не обмолвился ни однимъ словомъ о содержаніи выработанныхъ записокъ, о характерѣ матеріаловъ, не сообщивъ даже сущности проекта „первоначальныхъ соображеній". Не отмѣченъ даже срокъ, въ теченіе котораго можно ожидать заключенія совѣта министровъ

Все это, такъ глубоко интересующее и волнующее общество, сохранено въ канцелярской тайнѣ. Жгучая потребность знать, наконецъ, что же именно выработано нашими руководящими сферами, удовлетворяется короткой канцелярской справкой, т. е. совсѣмъ не удовлетворяется. И это — въ моменты, когда все кипитъ и волнуется, все доведено до величайшей степени напряженія, когда страхъ за будущее государства охватываетъ мысль и душу каждаго, въ комъ есть хоть капля пониманія интересовъ народа.

„Мы по-прежнему, слѣдовательно, стоимъ на старомъ мѣстѣ, отведенномъ для насъ бюрократіей... Мы ни на шагъ не двинулись впередъ, тогда какъ жизнь мощно толкаетъ насъ впередъ и впередъ"!.. („Н. Ж.").

Жизнь не ждетъ, она требуетъ категорическаго отвѣта на животрепещущіе вопросы, а намъ преподносятъ слабые палліативы, въ видѣ комиссій и подкомиссій.

Но, вѣдь „какое дѣло русскому обывателю до всѣхъ безчисленныхъ комиссій, комитетовъ, совѣщаній, особыхъ совѣщаній, существующихъ въ настоящее время въ такомъ количествѣ, что имъ и счетъ можно потерять? Развѣ отъ этихъ комиссій ждутъ облегченія того гнета, который тяготѣетъ надъ нашею жизнью? Или развѣ онѣ въ состояніи оправдать какія-либо возлагаемыя на нихъ надежды?"—спрашиваетъ „Вѣст. Права".

„Всѣ эти, вѣдомственные, внѣвѣдомственные и надвѣдомственные комитеты и совѣщанія являются послѣднимъ словомъ бюрократическаго творчества и не только въ Россіи: въ нихъ же искало спасенія и руководства германское чиновничество доконституціонной эпохи. И причины, вызывающія созданіе этихъ совѣщаній, и причины, обусловливающія ихъ безплодность, ясны. Когда по данному вопросу у людей нѣтъ программы, нѣтъ мыслей, нѣтъ даже знанія фактовъ, то единственнымъ исходомъ является желаніе поговорить объ этомъ вопросѣ, собрать матерьялы. Желанія дѣйствовать, конечно, появиться не можетъ, или по крайней мѣрѣ не должно, у людей, сколько нибудь понимающихъ лежащую на нихъ отвѣтственность. Образованное совѣщаніе наполняетъ время, создаетъ впечатлѣніе исполняемой работы, какъ будто даже приближаетъ вопросъ къ разрѣшенію".

„Но никакого реальнаго результата по существу дѣла получиться не можетъ. Не можетъ прежде всего въ силу совѣщательнаго характера всѣхъ этихъ комитетовъ, совѣщаній и комиссій. Дача совѣта вообще не такое дѣло, которое можетъ воодушевить человѣка, въ особенности если онъ не увѣренъ, что этимъ совѣтомъ воспользуются. Кромѣ того, всѣ эти комитеты не просто высказываютъ свое мнѣніе или даютъ совѣтъ, который можетъ быть принятъ или отвергнутъ, а лишь сообщаютъ свое заключеніе Государственному Совѣту, учрежденію, которое будетъ пересматривать это заключеніе, можетъ такъ или иначе его передѣлать, и чье заключеніе, въ свою очередь, опять таки носитъ совѣщательный характеръ, ни для кого не является обязательнымъ и можетъ привести къ изданію мѣры, имѣющей весьма мало общаго съ тѣмъ, что первоначально предполагалъ данный комитетъ. Такая совѣщательность въ квадратѣ отнюдь не поощряетъ къ работѣ".

„Самая внѣвѣдомственность комитетовъ и совѣщаній тоже чревата извѣстными неудобствами: имъ необходимо уважать предѣлы компетенціи каждаго министерства".

Наконецъ, по самому составу своему эти совѣщанія не въ состояніи вывести дѣла изъ того безпомощнаго положенія, въ какомъ оно находится до сихъ поръ.

„Въ общемъ отношеніе русскаго обывателя ко всѣмъ этимъ совѣщаніямъ вполнѣ опредѣлилось: отъ нихъ ничего не ждутъ, а для нихъ ждутъ одного—скорѣйшаго упраздненія".

Какими средствами наша бюрократія ду-

жаетъ сдержать рвущееся со всѣхъ сторонъ народное раздраженіе и негодованіе? Палками и нагайками? Страхомъ? Но надолго ли хватитъ этихъ средствъ? И кого они позорятъ болѣе, какъ не самое же бюрократію?

Развѣ этими средствами остановишь волненіе?

Недавно, напр., опубликовано предположеніе министерства народнаго просвѣщенія о томъ, что въ случаѣ невозобновленія осенью правильныхъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будутъ уволены всѣ профессора и всѣ студенты этихъ заведеній.

Что это значитъ? Кого думаетъ убѣдить Учебное Вѣдомство такими мѣрами?

„Учебное вѣдомство окажется не побѣдителемъ, а самоубійцей. Оно произнесетъ само надъ собой смертный приговоръ, и исторія его подпишетъ! Разъ упразднены учебныя заведенія, не зачѣмъ существовать и учебному вѣдомству. Зданіе у Чернышева моста можетъ быть занято подъ другія надобности, а многочисленная канцелярія прежняго управленія можетъ быть распущена". („Н. Ж.").

Говорятъ, бастующихъ профессоровъ можно замѣнить иностранцами. Ну, а кѣмъ замѣнить бастующихъ студентовъ? Также вызвать изъ-за границы?

Какого еще новаго позора ждать намъ?.. Своихъ ученыхъ мы будемъ изгонять, а вмѣсто ихъ выпишемъ иностранцевъ!

Къ счастью, даже въ этомъ бюрократію постигла новая неудача. Такъ, въ „N. Fr. Presse" телеграфируютъ изъ Берлина, что профессора берлинскаго университета, получившие отъ русскаго министерства народнаго просвѣщенія приглашеніе занять каѳедры въ разныхъ русскихъ университетахъ, на частномъ совѣщаніи постановили *отклонить предложеніе* и выразить сочувствіе своимъ русскимъ коллегамъ, которыхъ имъ предлагаютъ замѣнить. Тоже самое сообщается относительно профессоровъ-медиковъ въ послѣднемъ № 25 журнала „Medicinische Klinik", редакція котораго замѣчаетъ, что на приглашеніе могутъ отозваться развѣ только не имѣющіе ничего общаго съ университетами".

Итакъ, сами иностранцы своимъ отказомъ спасаютъ честь Россіи, честь ея ученыхъ корпорацій.

Не унизительно ли это? До чего же мы дожили? На чемъ остановимся? Гдѣ конецъ униженіямъ?

Вездѣ ложь и обманъ... Бюрократія утѣшаетъ насъ, но предъ ея утѣшеніемъ невольно становишься въ тупикъ.

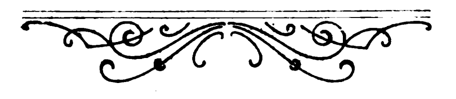
Намъ объявляютъ указы, одинъ другого гуманнѣе, а циркуляры, якобы разъясняющіе ихъ, на самомъ дѣлѣ сплошь и рядомъ прямо противорѣчатъ Высочайшей волѣ.

Напр., объявленъ указъ о вѣротерпимости, объ *отмѣнѣ* административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ права хотя бы тѣхъ же старообрядцевъ на службу государственную и общественную, а циркуляръ имѣетъ въ виду только *измѣненіе* этихъ распоряженій. Разница, какъ всякій видитъ, весьма существенная.

Другой Указъ разрѣшаетъ каждому выражать свои мнѣнія и подавать заявленія по поводу проектируемыхъ преобразованій въ государственномъ дѣлѣ, а циркуляръ ставитъ эту свободу въ полную зависимость отъ чиновъ администраціи, т. е. даже простого урядника.

И такъ во всемъ! Гдѣ же правда? Или мало униженія испытала наша многострадальная родина? Мало горя она видѣла отъ бюрократіи? Не пора ли послѣдней одуматься?!

Wolga.

Современная жизнь заграницей.

Исторія изъ „Уголка". — Учетъ „дѣлъ" на биржѣ политики. — Іеменъ и Англія. — Стотысячная армія и комиссія реформъ. — Рука руку моетъ, или англо-французскій договоръ. — Лошадь Цезаря и комми-вояжеры. — Французскій министръ и Германскій императоръ. — Улыбка колосса. — Японцы виноваты. — Рѣчи Цезаря. — Шампанское и неодобреніе Цезаря. II. — Венгерскій кризисъ и упорство короля. — Отвѣтный адресъ. — Венгерскій народъ „честью" проситъ. — Кабинетъ Фортиса. — Политика „криспизма". — 200 мил. и избиратель. — „Енъ" въ Италіи ворчитъ. - Трогательное перемиріе между Ватиканомъ и Квириналомъ. — Унія, трещащая по всѣмъ швамъ. — Скверныя мысли Свена Хедина о порядочности „великихъ державъ". III. Виѳлеемская звѣзда. — Международная солидарность. — Статистика стачекъ за послѣдній мѣсяцъ. — Стачка въ Лиможѣ. — Петитъ исторіи. — Истинная причина стачки. — Командиръ генералъ Турнье защищаетъ развратника Пэно. — Общественное мнѣніе и „усмирители". — Похороны товарища Варреля. — Взятыя позиціи и уясненныя истины.

Долженъ-ли „обозрѣватель" быть безстрастнымъ, какъ лѣтописецъ? Достижимо-ли такое безстрастіе и желательно-ли оно? Этотъ вопросъ чрезвычайно интересенъ и затрагиваетъ цѣлый рядъ явленій индивидуальной и соціальной психологіи, обширную область соціальной этики. Мы не можемъ здѣсь разбирать его и не думаемъ дѣлать этого, — заговорили же мы объ этомъ только потому, что относительно нѣкоторыхъ явленій, которыя приходится „обозрѣвать", чувствуешь себя неизмѣримо далеко на высотѣ холоднаго безстрастія, — относительно-же другихъ невольно переходишь, иногда и не замѣчая этого, изъ рядовъ зрителей въ лагерь сражающихся. Хорошо-ли это или дурно? Во всякомъ случаѣ, жизненно-нормально, и мы не думаемъ, чтобы читатель что-либо терялъ отъ этого. Самая роль зрителя, — человѣка, стоящаго около жизни, а не въ ней самой, — можетъ настроить не только на безстрастіе, но порой и на скептически-презрительное отношеніе ко всей накипи современной жизни, къ этой сумятицѣ, называемой внѣшней, фактической исторіей человѣчества, и только глубокое сознаніе и яркій свѣтъ путеводной звѣзды — вѣчной идеи — зажигаютъ пламя въ глазахъ и отвлекаютъ отъ холоднаго, почти презрительнаго равнодушія. И глядя изъ „уголка" на текущую, внѣшнюю исторію, поражаешься, какъ люди „изъ-пустого суетятся", какъ они ничему не научились, какъ цинично-откровенны одни въ своихъ вожделѣніяхъ и какъ тупо-покорны другіе.

Вотъ передъ нами трагедія-безумія, — ужасъ краснаго смѣха, охватившій по волѣ немногихъ, многомилліонный народъ, — а вотъ другіе, старающіеся эксплоатировать это положеніе, выжать изъ него все, что возможно. До такой это степени низко и неблагородно, что достойно только какихъ-нибудь кулачишекъ и той haute politique, которая дѣлаетъ современную фактическую исторію. Посмотрите, какъ энергично занялась Англія устройствомъ своихъ дѣлъ въ Азіи, едва началась наша побѣдоносная война. Вся недавняя политика ея въ Тибетѣ, Афганистанѣ, Персіи и послѣдніе „шаги" въ Аравіи и Турціи, — все это стало возможнымъ только благодаря тому, что великій сѣверный колоссъ охваченъ конвульсіей краснаго смѣха и не можетъ помѣшать ея притязаніямъ. Изъ Парижа отъ 17 Апрѣля телеграфируютъ: „Положеніе въ Іеменѣ внушаетъ опасенія. *Вмѣшательство Англіи почти неизбѣжно.* Присутствіе четырехъ британскихъ судовъ въ Куейтѣ указываетъ на намѣреніе Англіи захватить въ свои руки господство въ Персидскомъ заливѣ".

А въ Іеменѣ безпокойно, тамъ происходитъ

настоящее возстаніе, грозящее полнымъ отпаденіемъ Іемена отъ Турціи. Аравійскій полуостровъ весь охваченъ волненіемъ и сталъ подъ начальство шейха Хамидъ-Эддина, прямого потомка самого Магомета. Судя по последнимъ известіямъ, крепость Сана взята 28-го Апреля, и все турецкія должностныя лица въ Іемене умерщвлены инсургентами. Положеніе делъ настолько серьезно, что турецкое правительство решило послать въ Іеменъ стотысячную армію. Но решить — еще не значитъ сделать, и есть большое основаніе сомневаться, найдется-ли такая армія въ распоряженіи султана, такъ какъ одна часть войска занята въ другихъ областяхъ, грозящихъ возмущеніемъ, а другая часть состоитъ изъ арабскихъ полковъ, сочувствующихъ движенію въ Іемене. Необходимо умиротворить Іеменъ, и султанъ надумалъ съ честью выйти изъ затрудненія: онъ приказалъ учредить комиссію для реформъ въ Іемене и поставилъ во главе ея Абедина-Пашу, который находился въ немилости более 20 летъ. Все это прекрасно, но нельзя кормить собакъ, на охоту идучи, нельзя умиротворять населеніе, потерявшее наконецъ терпеніе, обещаніями реформъ, учрежденіемъ комиссій, где заседаютъ турецкіе чиновники,—все это поздно и идея султана смешна: когда говорятъ пушки, то „комиссіи“ молчатъ.

А потомъ Англія „должна“ будетъ вмешаться, чтобы поддержать „порядокъ“ въ стране, и весь этотъ шумъ можетъ окончиться протекторатомъ Англіи, какъ въ Египте. Въ прошломъ году этотъ протекторатъ былъ еще закрепленъ, благодаря соглашенію съ Франціей. Суть соглашенія наивно-груба и проста: Франція не должна мешать Англіи хозяйничать въ Египте и компенсируетъ себе это хозяйничаніемъ въ Марокко, чему не должна противодействовать Англія. Громогласно было заявлено о политике „открытыхъ дверей“, о томъ, что Франція не думаетъ узурпировать ничьихъ интересовъ, что она только иметъ въ виду ввести реформы въ Марокко и пр.

А Германія устами гр. Бюлова, делая bonne mine au mauvais jeu, заявляла: „Французскія дела въ Марокко и англо-французскій договоръ насъ не касаются. Немецкихъ интересовъ тамъ никто не собирается нарушить“. Все это было... до Ляояна и, главное, до Мукдена. Теперь-же спасительный страхъ, внушаемый севернымъ колоссомъ, значительно поубавился, и союзъ Франціи съ этимъ колоссомъ не внушаетъ больше того почтительнаго уваженія, какъ прежде. Вся картина переменилась—предпріимчивый Цезарь, Вильгельмъ II решилъ „пощупать пульсъ“ у своей соседки-Франціи, и была совершена декоративно-красивая поездка въ Танжеръ—въ гости къ независимому султану Марокко.

Намъ вспоминается забавная каррикатура въ „Revue“: Цезарь-Вильгельмъ II въ рыцарскомъ вооруженіи—на коне, а „лошадь Цезаря“ выражаетъ удивленіе, что изъ подъ ея копытъ выскакиваетъ такое несметное количество комми-вояжеровъ. Въ этой шутке лежитъ глубокая правда. Этотъ Цезарь, любящій такъ много и такъ красиво говорить (уверяютъ, что канцлеръ плачетъ по ночамъ со сна, когда ему привидится, что Вильгельмъ произнесъ еще одну речь), устроилъ во славу комми-вояжеровъ прекрасный фарсъ въ Африке. Онъ почти целовался съ султаномъ, называлъ его братомъ, напоминалъ ему о его независимости и настоятельно советовалъ не насиловать мусульманское населеніе реформами (ихъ должна была провести Франція).

Вся эта забавная исторія, которая такъ много занимаетъ теперь Европу, чуть было не стоила Делькассэ—французскому министру иностранныхъ делъ—его министерскаго кресла. Во время обсужденія въ Палате марокскаго инцидента выяснилось, что представители французскаго народа не придаютъ такого огромнаго значенія сближенію съ Англіей и—что важнее всего—не имеютъ никакого желанія ссориться съ Германіей. Делькассэ долженъ будетъ уладить „недоразуменія“ путемъ непосредственныхъ переговоровъ съ Германіей. Во всей этой исторіи виноваты одни японцы, такъ какъ до ихъ победъ Делькассэ не считалъ даже необходимымъ известить Германію о состоявшемся соглашеніи между Франціей и Англіей, такъ какъ вдали светила поощрительная улыбка севернаго колосса. Когда-же японцы показали, что эта улыбка немногаго состоитъ, лошадь Цезаря поскакала выбивать комми-вояжеровъ, а министръ Делькассэ началъ любезно улаживать „недораменіе“.

Самъ Цезарь чрезвычайно внимательно относится къ этой войне, начинаетъ гово-

рить комплименты японцамъ — побѣдителей даже Цезари любятъ — и недавно разразился по этому поводу... рѣчью. Онъ говорилъ о мужествѣ, патріотизмѣ и геройскомъ духѣ японскихъ войскъ. Онъ говорилъ о великолѣпной дисциплинѣ ихъ арміи и флота, и о томъ, что японцы обладаютъ... христіанскими добродѣтелями, такъ какъ — думаетъ Цезарь — „хорошій христіанинъ всегда будетъ хорошимъ солдатомъ“. Рѣчь, должно быть, была хороша, и новобранцы, слушавшіе ее, во время принятія присяги въ Бреммергафенѣ, были, конечно, пріятно тронуты ею — больше во всякомъ случаѣ, чѣмъ русское офицерство второй рѣчью Цезаря, произнесенной имъ недавно въ Страсбургѣ. Надо отдать справедливость Вильгельму, что, несмотря на нѣкоторую излишнюю разговорчивость, его рѣчи всегда оригинальны — иногда даже до странности — и чрезвычайно искренни, хотя и кажутся слишкомъ патетичными. Въ этой своей рѣчи германскій императоръ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о необходимости нормальной жизни, о вредѣ „изнурительныхъ развлеченій“, которымъ такъ часто предается офицерство, и иллюстрировалъ это примѣрами изъ текущей войны. „Японское офицерство, — говорилъ императоръ, — чрезвычайно прилежно и, подобно солдатамъ, стоитъ на высотѣ своего призванія. Русское офицерство, напротивъ, совершенно не оправдало ожиданій, въ то время, какъ русскіе солдаты хорошо вели себя и мужественно сражались. Мой сынъ (принцъ Альбертъ) разсказываетъ мнѣ, что русскіе офицеры скупили все шампанское въ Кіао-Чау. Боевой солдатъ долженъ пріучать себя къ суровой жизни и не думать о подобныхъ вощахъ“. Не принадлежа къ поклонникамъ Вильгельма II, мы не можемъ все-же ему отказать въ признаніи за нимъ извѣстной рыцарственный гордости и красоты цѣльнаго и честнаго міросозерцанія. Да, этотъ Цезарь — солдатъ съ душой артиста — не мало, должно быть, удивлялся, слушая разсказы своего сына — принца Адальберта — о томъ, какъ воюютъ на „Дальнемъ Востокѣ“, какъ умираютъ солдаты и какъ живетъ штабъ.

II.

Страннымъ и почти смѣшнымъ кажется созерцателю изъ уголка *исторія* и въ Австро-Венгріи, и въ Италіи, и въ Швеціи-Норвегіи, и въ Испаніи. Венгерскій кризисъ продолжается. Трижды былъ призванъ къ королю гр. Андраши, два раза король пріѣзжалъ въ Будапештъ, но „примиреніе“ еще не состоялось, и въ воздухѣ пахнетъ грозой. Недовольна не только Венгрія, но и Австрія, а король упорно твердитъ: „никакихъ уступокъ въ области языка арміи“! Между тѣмъ сплоченіе оппозиціи въ Венгріи дѣлается все полнѣе, и Францъ Кошутъ недаромъ опубликовалъ недавно воззваніе къ либеральной партіи, въ которомъ предлагаетъ присоединиться къ требованіямъ независимой партіи въ дѣлѣ національзаціи арміи, а въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь ясно была указана необходимость реформы избирательнаго права, необходимость устройства экономической самостоятельности Венгріи и, наконецъ, требованіе „опредѣленнаго признанія національнаго характера арміи въ языкѣ команды и въ знаменахъ“. Весь этотъ документъ носитъ характеръ предупрежденія коронѣ, что дальнѣйшее противодѣйствіе желаніямъ націи можетъ повлечь за собою всяческія бѣды и неожиданныя осложненія.

Ясно, что на этой почвѣ Австро-Венгерской распри еще болѣе обострились отношенія другихъ національностей этого разноплеменнаго государства между собою, и мы видимъ, на самомъ дѣлѣ, что Чехи еще чаще заявляютъ о необходимости возстановить чешское королевство, еще интенсивнѣе, готовятся къ борьбѣ въ парламентѣ.

Такъ „изъ пустого суетятся“ въ Австро-Венгріи. Въ Италіи не лучше обстоитъ дѣло. Тамъ управляетъ кабинетъ Фортиса. Этотъ джентльменъ былъ когда-то въ кабинетѣ Криспи и принадлежитъ къ талантливымъ ученикамъ этого государственнаго мужа. „Криспизмъ“ — это такая политика, гдѣ — выражаясь вульгарно — народъ ударяютъ по головѣ обухомъ „великодержавія“, колоніальныхъ завоеваній и пр. А когда онъ „очумѣетъ“ отъ этого, тогда начинаютъ подъ шумокъ проводить безпринципную политику „трансформизма“ — заигрыванія со всѣми партіями, или же разрѣшаютъ себѣ откровенную реакцію. И на самомъ дѣлѣ, Фортисъ началъ съ того, что внесъ въ палату проэктъ необходимости реорганизаціи военныхъ силъ и просить ассигновки въ

двѣсти милліоновъ лиръ. Всего шесть лѣтъ тому назадъ было ассигновано 360 мил., а теперь эта прекрасная страна, знаменитая своими апельсиновыми рощами и нищимъ населеніемъ, должна еще приносить жертвы этому чудовищу—милитаризму. Сенатъ съ восторгомъ принялъ этотъ проектъ,—палата молчаніемъ: она боится избирателей.

И не даромъ боится она. Избиратель выросъ со временъ Криспи, и есть много основаній думать, что онъ не позволитъ больше милліонныхъ хищеній, наглыхъ „ухищреній" въ Сициліи, безстыдныхъ авантюръ въ Африкѣ. Избиратель несомнѣнно выросъ, и это чувствуютъ темныя силы и стараются уменьшить разладъ въ своей семьѣ, чтобы дружно бороться съ прогрессивными теченіями въ обществѣ. Такъ, папа Пій X находитъ, что политика невмѣшательства въ государственныя дѣла Италіи и въ борьбу партій отжила свое время и, какъ извѣстно, разрѣшилъ добрымъ католикамъ избирательную борьбу и, мало того,—какъ видно, съ его согласія—ожидается лѣтомъ австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ въ Римѣ, гдѣ онъ посѣтитъ итальянскаго короля и въ то же время, сдѣлаетъ визитъ и въ Ватиканъ —къ папѣ. Раньше это было немыслимо, такъ какъ папы признавали итальянскихъ королей узурпаторами (церковной области и Рима) и, подъ угрозой отлученія отъ церкви, запрещали католическимъ государямъ посѣщеніе именно въ Римѣ Итальянскаго короля. Кромѣ того, послѣдніе факты показываютъ, что Пій X ничего не имѣетъ противъ развитія въ Италіи партіи христіанскихъ демократовъ. По мнѣнію Пія X, это будетъ полезно Ватикану для его сближенія съ Квириналомъ въ виду общаго дѣйствія противъ крайнихъ партій, какъ въ общественной жизни, такъ и въ парламентѣ.

Какъ видите, „изъ пустого суетятся", ибо не течетъ рѣка обратно,—что прошло, того не будетъ вновь и—фатально, непреоборимо „избиратель" будетъ умнѣть. Это —ясно. Но „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ"—говоритъ малорусская поговорка,—пока человѣчество поумнѣетъ и общіе принципы братства всѣхъ народовъ будутъ торжествовать побѣду,—до тѣхъ поръ еще много крови прольется.

На нашихъ глазахъ унія между Швеціей и Норвегіей уже рухнула, и тамъ — почти пахнетъ порохомъ. Предложеніе принца регента вновь приступить къ переговорамъ о раздѣленіи консульской службы встрѣтило отказъ со стороны норвежскаго правительства. Норвегія намѣрена провести свои требованія путемъ постановленія стортинга. Всѣ партіи, не исключая и соціалъ-демократовъ, согласны по существу вопроса. Норвегія не остановилась даже передъ королевскимъ veto и во что бы то ни стало осуществляетъ раздѣленіе, а на этой почвѣ можетъ возникнуть такой острый конфликтъ съ Швеціей, что весь кризисъ приметъ рѣшительный оборотъ, и дѣло уже не ограничится однимъ лишь вопросомъ о консульской службѣ. Отношенія обострились, по крайней мѣрѣ, уже до такой степени, что стоящіе въ сторонѣ считаютъ необходимымъ взывать къ осмотрительности. Теперь и это поздно: фактъ распаденія уніи совершился.

Въ „Times" было помѣщено письмо извѣстнаго шведскаго путешественника Свена Хедина, гдѣ онъ указываетъ что расторженіе уніи приведетъ къ тому, что Швеція и Норвегія, ослабленныя своимъ разрывомъ, представятъ легкую добычу для своихъ „великодержавныхъ" сосѣдей. Судьба Швеціи и Норвегіи—говоритъ Свенъ Хединъ — тѣсно связана между собою предѣлами полуострова, и та сторона, по винѣ которой произойдетъ расторженіе, приметъ на себя большую отвѣтственность за послѣдующія событія. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Свена Хедина, Скандинавія можетъ превратиться въ европейскую Корею, открытую для политическихъ происковъ европейскихъ державъ. Тремсо или какой нибудь другой портъ на Атлантическомъ побережьѣ сыграетъ роль Портъ-Артура. Великобританія, въ поискахъ за удовлетвореніемъ себя, займетъ Бергенъ, который пріобрѣтетъ значеніе Вей-ха-Вея, а Германія захватитъ Христіанзансъ—аналогичный Кіао-Чао.

Не правда-ли, эти политическія разсужденія Свена Хедина глубоко-интересны? Не разсматривая того, насколько онѣ вѣрны —любопытна уже одна возможность такихъ мыслей,—одна допустимость такого разбоя, называемаго „политикой". Право кулака—всецѣло и самодержавно царствуетъ въ международныхъ отношеніяхъ, и зрителю остается съ холоднымъ безстрастіемъ или съ безсильнымъ негодованіемъ наблюдать все это.

III.

Но не даромъ свѣтила волхвамъ звѣзда въ Виѳлеемѣ, и если они были безстрастны и холодно-скептичны раньше, то когда шли на мягкій свѣтъ спасительной звѣзды,—воодушевленіемъ горѣли ихъ глаза, горячей кровью сочувствія наполнялось ихъ сердце, и скептическая усмѣшка, съ которой они глядѣли на погибавшій древній міръ, сходила съ ихъ губъ...

Если гдѣ-либо имѣютъ мѣсто идеи братства всѣхъ людей, всѣхъ народовъ—„нѣсть ни эллина, ни Іудея"—и находятъ истинное воплощеніе, лежащее въ самой сути вещей,—то это только въ жизни идей четвертаго класса. Мы это отмѣчали уже не разъ,—мы говорили о дружномъ сочувствіи, высказываемомъ демократами другихъ странъ освободительному движенію въ Россіи,—мы указывали на международную солидарность, непосредственно вытекающую изъ *интересовъ пролетаріевъ*, а не изъ сладкозвучныхъ словъ буржуазіи. Послѣ холоднаго безстрастія, съ которымъ мы глядѣли на то, какъ люди „изъ пустого суетятся", мы бѣгло осмотримъ теперь тѣ поля сраженій, гдѣ люди борются за новую жизнь, гдѣ люди куютъ новое счастіе человѣчества. Интересно поэтому прослѣдить международную статистику забастовокъ и посмотрѣть, какъ начавшіяся въ началѣ года забастовки продолжались въ этомъ мѣсяцѣ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ стачки по своимъ размѣрамъ уступаютъ прошлогоднимъ; зато въ другихъ забастовки приняли почти эпидемическій характеръ. Въ Германіи наиболѣе сильное стачечное движеніе въ этомъ мѣсяцѣ наблюдалось въ кожевенной промышленности: значительное число забастовокъ приходится также на строительную отрасль труда. Въ Германіи, Франціи и Англіи вмѣстѣ—втеченіе марта, напримѣръ, было 160 забастовокъ противъ 112 забастовокъ, бывшихъ въ февралѣ и 174 —въ мартѣ прошлаго года. Забастовки въ Англіи имѣли цѣлью большей частью повышеніе заработной платы. Въ Даніи произошла крупная забастовка переплетчиковъ, поводомъ къ которой послужилъ отказъ имъ, за истеченіемъ договорнаго срока, отъ тарифной нормы вознагражденія, выработанной еще въ 1899 г. Въ Соединенныхъ Штатахъ происходили многочисленныя забастовки среди строительныхъ рабочихъ. Кромѣ того, въ Америкѣ предвидится въ этомъ году обширная стачка каменноугольныхъ рабочихъ.

Мы привели эту былую статистику внѣшнихъ проявленій борьбы четвертаго класса, чтобы напомнить читателю эти разбросанныя свѣдѣнія о поляхъ сраженій рабочаго класса, которыя онъ навѣрное отмѣчалъ по газетнымъ извѣстіямъ. Но мы должны напомнить читателю стачку въ Лиможѣ и желѣзно-дорожную стачку въ Италіи и хоть мелькомъ остановиться на нихъ. Конечно, самымъ мелкимъ петитомъ онѣ будутъ набраны со временемъ въ исторіи борьбы труда съ капиталомъ, но онѣ характерны, какъ моментъ, какъ показатель напряженія борьбы и распредѣленія общественныхъ силъ.

Стачка въ Лиможѣ началась изъ-за недовольства рабочими однимъ изъ мастеровъ завода, удаленія котораго они тщательно требовали отъ директоровъ. Директора согласились дать мастеру отпускъ на мѣсяцъ, но отказались его уволить. Изъ-за этого возгорѣлась стачка, въ которой приняло участіе 15 — 20 тысячъ человѣкъ. Это —внѣшніе факты. Подкладка-же этого дѣла такова, что фарфоровые заводчики въ Лиможѣ давно ищутъ случая „пустить кровь" организаціи рабочихъ и соціалистической пропагандѣ, которая тамъ окрѣпла и пріобрѣла большое вліяніе—и не привязанность къ мастеру Пэно—грязному развратнику, преслѣдовавшему всѣхъ молодыхъ работницъ, удаленія котораго требовали рабочіе—довела до стачки. Синдикатъ капиталистовъ 19 заводовъ въ Лиможѣ употребилъ дѣло Пэно только какъ провокацію, какъ средство разъярить рабочихъ, довести ихъ до такого состоянія, когда префекту удастся, подъ предлогомъ защиты общественной безопасности, отстранить муниципальную полицію и мэра-соціалиста Лабусьера—и передать усмиреніе военнымъ властямъ... И на сцену выступилъ мѣстный корпусный командиръ, генералъ Турнье—одинъ изъ вымирающей „славной стаи" старой Франціи. — Въ результатѣ четверо убитыхъ...

Tout comme chez nous... впрочемъ, не tout: какъ видите, во-первыхъ всего четверо,—а потомъ, муниципалитеты городовъ ясно и открыто выразили свое негодованіе, прислали денежную помощь, а палата горячо

обсуждала этотъ инцидентъ, требовала проведенія закона о воспрещеніи употребленія войскъ при столкновеніи труда съ капиталомъ; и если дѣло не кончилось министерскимъ кризисомъ, то только потому, что на очереди продолжаетъ стоять чрезвычайно важный вопросъ для всѣхъ демократическихъ группъ—законопроектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства.

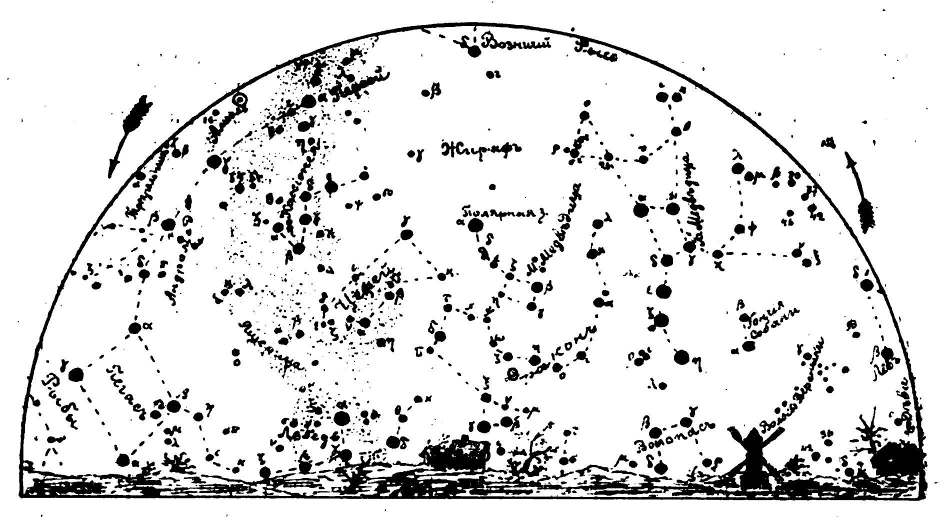
Да, страшно обострена борьба труда съ капиталомъ въ Европѣ, но общественное мнѣніе тамъ такъ сильно,—демократизація общества сдѣлала такіе успѣхи, что такая кровавая баня, какая была въ Лиможѣ, должна быть признана чисто-случайной, такъ какъ характерно, что и реакціонные элементы страны, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выражаютъ тоже протестъ противъ военной силы, а само правительство, во избѣжаніе дальнѣйшихъ осложненій, поторопилось убрать съ улицъ города военные патрули и не отважилось помѣшать грандіозной манифестаціи, организованной лиможскими рабочими, которые устроили торжественныя похороны своему убитому товарищу Варрелю. Похороны были на городской счетъ, и за гробомъ шла тридцатитысячная толпа со знаменами и вѣнками, члены муниципальнаго совѣта города Лиможа и делегація отъ парламентской соціалистической партіи.

Да, — напряженна и болѣзненно-остра борьба труда съ капиталомъ въ Европѣ, но есть нѣсколько укрѣпленныхъ позицій, которыя уже взяты народомъ, — есть нѣсколько истинъ, которыя принуждены были себѣ уяснить разъ навсегда правящіе классы, и если кое-что тамъ comme ches nous, то далеко не „tout“, далеко не „tout“.

Мы хотѣли еще разсказать, о желѣзнодорожной стачкѣ въ Италіи, о нѣсколькихъ конгрессахъ рабочихъ партій, состоявшихся въ послѣднее время, о попыткахъ объединенія нѣкоторыхъ фракцій, о томъ, какъ рабочій праздникъ—праздникъ обновленія человѣчества—первое мая праздновался въ различныхъ странахъ; но за недостаткомъ мѣста принуждены отложить это до другого раза,—если „злоба дня“ черезъ мѣсяцъ не отвлечетъ насъ въ сторону и не обратитъ тогда наше вниманіе на что-либо другое.

Л. М.

Видъ сѣвернаго неба въ 8 ч. 23 м. веч. (по Пулковскому времени *) 1 Іюня 1905 г подъ 48° 50′ сѣвер. шир.

Астрономическія явленія

ВЪ МАѢ и ІЮНѢ 1905 г.

Звѣздное небо. При небольшомъ вниманіи не трудно распознать главныя звѣзды неба, разъ имѣются необходимыя указанія. Нужно, прежде всего, умѣть оріентироваться, т. е. находить страны свѣта или горизонта. Для этого, всегда видимая у насъ и хорошо извѣстная всѣмъ Большая Медвѣдица (Колесница, Сѣверное Семизвѣздіе) укажетъ намъ сѣверъ, если прямую, соединяющую двѣ ея переднія звѣзды (α и β), продолжить мысленно (въ сторону α) до Полярной звѣзды.

Помѣщаемыя здѣсь двѣ небольшія карты представляютъ, въ совокупности видъ звѣзднаго неба въ *8 ч. 23 м. вечера* (по Пулковскому времени *) *1-го іюня* въ любомъ пунктѣ земного шара, расположенномъ *подъ 48° 50′ сѣвер. широты* **). Въ частности же, верхняя карта показываетъ сѣверное небо, т. е. то, которое видитъ наблюдатель, обратившись лицомъ къ сѣверу, а нижняя — южное небо, представляющееся при обратномъ положеніи наблюдателя, т. е. лицомъ къ югу.

При расположеніи наблюдателя сѣвернѣе параллели, для которой даны помѣщаемыя здѣсь карты, измѣненіе вида звѣзднаго неба будетъ заключаться въ слѣдующемъ: 1) изъ за сѣвернаго горизонта появятся новыя созвѣздія и звѣзды, 2) находящіяся на сѣверномъ небѣ вблизи зенита перейдутъ на южное и, наконецъ, 3) расположенныя надъ южнымъ горизонтомъ скроются подъ нимъ. Если же мѣсто наблюденія лежитъ южнѣе указанной параллели, измѣненіе вида звѣзднаго неба будетъ какъ разъ обратное, т. е: 1) звѣзды и созвѣздія, расположенныя надъ сѣвернымъ горизонтомъ, скроются подъ нимъ, 2) находящіяся на южномъ небѣ вблизи зенита перейдутъ на сѣверное и 3) изъ-за южнаго горизонта появятся новыя. И чѣмъ далѣе къ сѣверу и югу отъ данной параллели будетъ находиться наблюдатель, тѣмъ сильнѣе для него выразятся эти измѣненія.

---

*) Для полученія мѣстнаго времени, достаточно лишь сдѣлать переводъ одного времени въ другое (см. кн. I настоящаго журнала за текущій годъ).

**) Губерніи, области и города Россійской Имперіи, черезъ которые проходитъ эта географическая параллель, перечислены въ книгѣ I настоящаго журнала за текущій годъ.

Данныя здѣсь карты будутъ представлять видъ звѣзднаго неба: 2-го іюня — въ 8 ч. 19 м. веч., 3-го—въ 8 ч. 15 м. веч. и т. д. и назадъ: 31-го мая — въ 8 ч. 27 м. веч., 30-го — въ 8 ч. 31 м. веч., и т. д. *).

Изъ наиболѣе интересныхъ объектовъ звѣзднаго міра, доступныхъ наблюденію въ небольшую астрономическую трубу, можно указать слѣдующіе:

Перемѣнныя звѣзды: δ Цефея, Альголь.

Двойныя звѣзды: γ Дѣвы, 24-я Волосъ Вероники, 12 α Борзыхъ Собакъ, Мицаръ, β Скорпіона, α Геркулеса, Ο2, 61-я и β Лебедя, ε и ζ Лиры, θ Змѣи, γ Дельфина, ψ Дракона, β Козерога.

Звѣздныя скопленія: въ Геркулесѣ.

Туманности: въ Лирѣ и Лисицѣ.

Солнце ⊙. 8-го мая въ 8 ч. 33 м. веч. вступаетъ въ знакъ Близнецовъ, 9-го іюня въ 4 ч. 53 м. у.—въ знакъ Рака (*начало лѣта*) (по Пулковскому времени **).

Луна ☾. Фазы (по Пулковскому времени) (**):

5 мая	11 ч. 37 м.	в.	*Полнолуніе*	○
13 „	4 „ 51 „	у.	*Послѣдняя четверть*	☽
21 „	7 „ 58 „	„	*Новолуніе*	●
28 „	3 „ 6 „	„	*Первая четверть*	☾
4 іюня	7 „ 52 „	„	*Полнолуніе*	○
11 „	9 „ 47 „	в.	*Послѣдняя четверть*	☾
19 „	7 „ 51 „	„	*Новолуніе*	●
26 „	7 ч. 47 м.	„	*Первая четверть*	☽

Планеты. Помѣщаемое ниже время прохожденія планетъ черезъ меридіанъ дано для Пулкова. Строго разсуждая, для каждой планеты необходимо брать здѣсь особыя, вообще говоря, мелкія поправки на долготу (самая большая въ предѣлахъ нашей имперіи =+ 2 м. для Чукотскаго мыса). Но, принимая во вниманіе, что мы даемъ это время только для того, чтобы знать, когда искать планету на южной части неба, гдѣ она бываетъ выше всего надъ горизонтомъ и потому наиболѣе удобна для наблюденій, ошибкой до 2-хъ минутъ вполнѣ возможно пренебречь.

	Прохожденіе черезъ меридіанъ.		*Примѣчанія.*
Меркурій ☿			Не виденъ.
Венера ♀	1 мая 10 ч. 18 м. у. 11 „ 9 „ 40 „ „ 21 „ 9 „ 17 „ „	1 іюня 9 ч. 8 м. у. 11 „ 8 „ 55 „ „ 21 „ 8 „ 51 „ „	Въ маѣ—скрыта въ утреннихъ лучахъ солнца. Въ концѣ іюня появляется передъ восходомъ солнца на сѣверо-востокѣ. Условія для наблюденій еще не вполнѣ благопріятныя.
Марсъ ♂	1 мая 11 ч. 23 м. в. 11 „ 10 „ 30 „ „ 21 „ 9 „ 41 „ „	1 іюня 8 ч. 52 м. в. 11 „ 8 „ 14 „ „ 21 „ 7 „ 40 „ „	Въ теченіе мая вечернія сумерки застаютъ планету все ближе и ближе къ западу; діаметръ имѣетъ въ въ началѣ наибольшую въ году величину—21″, а потомъ уменьшается. Въ іюнѣ появляется на юго-западѣ въ лучахъ вечерней зари, діаметръ уменьшается еще болѣе.

---

*) Болѣе подробно о помѣщаемыхъ здѣсь картахъ звѣзднаго неба сказано въ книгѣ I настоящаго журнала за текущій годъ.

**) Для полученія мѣстнаго времени, достаточно лишь сдѣлать переводъ одного времени въ другое (см. книгу I настоящаго журнала за текущій годъ).

Юпитеръ ♃	1 мая.	11 ч. 27 м. у.	1 іюня.	9 ч. 51 м. у.	Въ маѣ—скрытъ въ лучахъ солнца. Въ іюнѣ—съ трудомъ усматривается на сѣверо-востокѣ передъ восходомъ солнца; къ концу мѣсяца условія наблюденія планеты улучшаются.
	11 „	10 „ 57 „ „	11 „	9 „ 23 „ „	
	21 „	10 „ 27 „ „	21 „	8 „ 52 „ „	
Сатурнъ ♄	1 мая	6 ч. 53 м. у.	1 іюня.	4 ч. 54 м. у.	Виденъ на юго-востокѣ: въ маѣ—рано утромъ, въ іюнѣ близь полуночи, условія для наблюденій улучшаются.
	11 „	6 „ 15 „ „	11 „	4 „ 15 „ „	
	21 „	5 „ 38 „ „	21 „	3 „ 34 „ „	

Явленія въ системѣ спутниковъ Юпитера. Наиболѣе интересны и доступны для наблюденія слѣдующія изъ явленій этого рода: 1) затменія спутниковъ, 2) покрытія спутниковъ и 3) прохожденіе спутниковъ по диску планеты. Въ приводимой ниже таблицѣ римскія цифры обозначаютъ номеръ спутника, а стоящія за ними латинскія буквы имѣютъ такое значеніе:

Ec. D.—исчезновеніе при затменіи

Ec. R.—появленіе въ концѣ затменія.

Oc. D.—исчезновеніе при покрытіи.

Oc. R.—появленіе при концѣ покрытія.

Sh. I.—вступленіе тѣни на дискъ.

Sh. E.—схожденіе тѣни съ диска.

Таблица явленій въ системѣ Юпитера.

Въ іюнѣ.

Число.	Явленіе.	Моментъ явленія *)
18	III Oc. R.	8 ч. 35 м. веч.
	I Sh. I.	11 „ 9 „ „
19	I Sh. E.	1 „ 21 „ утр.
	I Ec. D.	8 „ 22 „ веч.
	I Oc. R.	11 „ 29 „ „
20	II Ec. D.	0 „ 52 „ утр.
	I Sh. I.	5 „ 38 „ веч.
	I Sh. E.	7 „ 50 „ „
21	I Ec. D.	2 „ 51 „ „
	I Oc. R.	5 „ 59 „ „
	I Sh. I.	7 „ 11 „ „
	II Sh. E.	9 „ 42 „ „
22	II Sh. E.	2 „ 18 „ „

Число.	Явленіе.	Моментъ явленія *)
23	II Ec. D.	2 ч. 11 м. веч.
	II Oc. R.	6 „ 43 „ „
25	I Ec. D.	3 „ 48 „ утр.
	III Ec. R.	8 „ 36 „ веч.
26	I Sh. E.	3 „ 16 „ утр.
	I Ec. D.	10 „ 16 „ веч.
27	I Oc. R.	1 „ 28 „ утр.
	II Ec. D.	3 „ 29 „ веч.
	I Sh. E.	9 „ 45 „ „
28	II Sh I.	9 „ 46 „ „
29	II Sh. E.	0 „ 17 „ утр.
30	II Oc. R.	9 „ 31 „ веч.

Падающія звѣзды. Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ замѣчательныхъ и богатыхъ потоковъ падающихъ звѣздъ не наблюдается, изъ второстепенныхъ же можно указать слѣдующіе:

9 мая—вблизи α Сѣв. Короны.
12-17 іюня— „ 42-й Геркулеса.
13-23 „ —между γ и η Лебедя.
15 „ —вблизи Σ Дельфина.
26-27 „ —между τ и ι Андромеды.
26-30 „ —вблизи δ Орла.

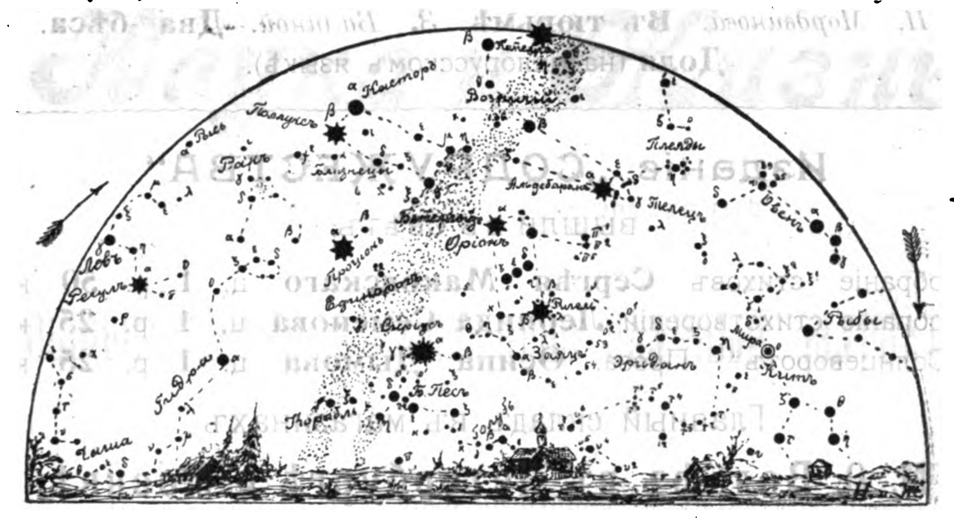
*) По Пулковскому времени; для полученія мѣстнаго времени явленія достаточно лишь сдѣлать переводъ одного времени въ другое (см. кн. I настоящаго журнала за текущій годъ).

Болиды. Можно ожидать: 1, 7—9, 15, 19, 22, 23, 27 и 28 мая; 22, 23, 29 и 30 іюня.

Зодіакальный свѣтъ. Въ хорошіе безлунные вечера виденъ на западѣ, вскорѣ послѣ заката Солнца (а также на востокѣ, утромъ, незадолго передъ восходомъ Солнца) и тѣмъ лучше, чѣмъ южнѣе и дальше отъ городовъ и фабрикъ расположено мѣсто наблюденія. Но, вообще, май и іюнь мѣсяцы уже мало благопріятны для этого рода наблюденій.

Переводъ даннаго времени въ мѣстное — см. книгу I настоящаго журнала за текущій годъ.

Н. П. Двигубскій.

Видъ южнаго неба въ 8 ч. 23 м. вечера, (по Пулковскому времени) 1 іюня 1905 г. подъ 48° 50′ сѣв. шир.

Редакторъ-издатель Ф. С. Груздевъ.

Дозволено цензурою Спб. 28 мая 1905 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71-6.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, не могутъ быть напечатаны: **Запасной**. Разсказъ *А. Панасъевича*. **Въ разгарѣ борьбы**. Разсказъ *С. Годлевскаго*. Стихотворенія: **Долой оружіе**. *А. Руновской:* Изъ пѣсенъ Беранже—**Барабаны, Статуя Свободы. Прощаніе съ сыномъ** *И. Мордвинова*. **Въ тюрьмѣ**. *З. Балиной*. **Два бѣса. Доля** (на малорусскомъ языкѣ).

Тдмитин

ГОДЪ II.

Наука и Жизнь,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

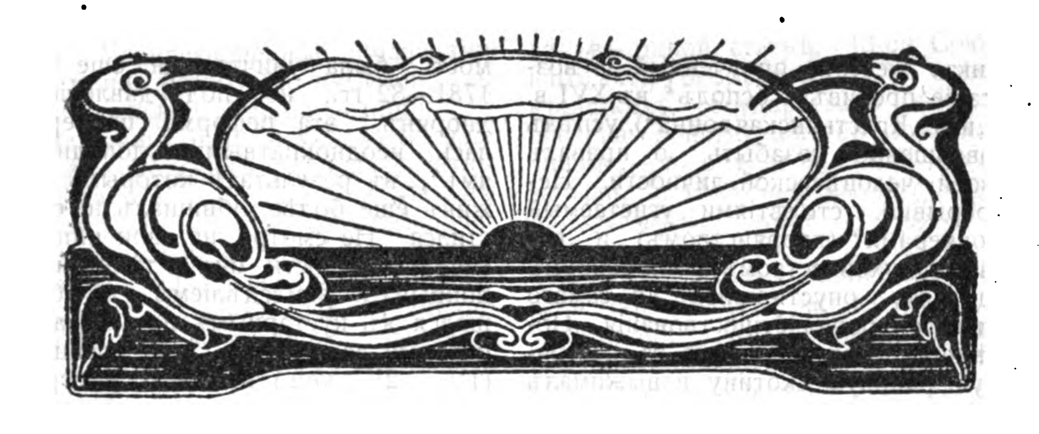
Ф. С. ГРУЗДЕВА.

КНИГА VI.

Іюнь 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

Очерки изъ исторіи общественнаго движенія въ Германіи въ XIX вѣкѣ *).

Т. Богданова.

Центральнымъ моментомъ въ исторіи общественнаго движенія въ нѣмецкихъ земляхъ въ XIX в. является конецъ 40-выхъ годовъ,—эпоха, которая играетъ въ послѣдующей внутренней исторіи Германіи приблизительно такую же роль, какъ конецъ XVIII вѣка—для дальнѣйшей исторіи Франціи. Конецъ 40-хъ годовъ выдвинулъ въ Германіи идеи и принципы, осуществленія которыхъ и до сихъ поръ еще тщетно ждетъ нѣмецкая дѣйствительность: она еще болѣе далека отъ идеаловъ людей 1848 г., чѣмъ современная Франція—отъ идеаловъ людей конца XVIII вѣка.

И это—не смотря на пышный расцвѣтъ европейской культуры, сопровождаемый побѣдоноснымъ прогрессомъ науки и промышленности. Дѣло, однако, объясняется просто: плоды современной цивилизаціи по прежнему остаются удѣломъ меньшинства, большинство же служитъ только источникомъ благополучія этого меньшинства. Не о томъ мечтали дѣятели 1848 г., но и не ихъ вина, что такъ вышло.

Впрочемъ, если вспомнить экономическій строй Германіи въ первую половину XIX в., то нельзя не видѣть нѣкотораго прогресса въ положеніи народныхъ массъ, замѣчаемаго въ позднѣйшее. послѣ 1848 г., время.

I. Экономическій строй въ Германіи до 1848 г. и Священный Союзъ.

Германія въ первую половину XIX в. была по преимуществу земледѣльческой страной,—и горожане составляли тамъ не болѣе 28% населенія. Между тѣмъ нѣмецкій му-

---

*) Настоящіе очерки представляютъ, большею частью, извлеченіе изъ недавно изданной С. Скирмунтомъ въ С.-Петербургѣ книги—„*Очерки по Исторіи Германіи въ XIX в.*“ И. Степанова и В. Базарова, положившихъ въ основу своего труда извѣстное сочиненіе В. Блоса—Die deutsche Revolution и дополнившихъ его по сочиненіямъ Гертмана, Меринга, Шиппеля и др. Въ этихъ „Очеркахъ“ содержится много фактическаго матеріала по исторіи общественнаго движенія Германіи въ XIX в., матеріала совершенно не знакомаго русской публикѣ, въ виду чего мы и рѣшили ознакомить читателей нашего журнала съ этой интересной эпохой. *Т. Б.*

жикъ, жестоко проученный за возстаніе противъ „господъ" въ XVI в. (т. наз. „Крестьянская война"), успѣлъ совершенно позабыть о правахъ своей человѣческой личности. Непрерывно, столѣтіями угнетаемый „юнкерами" (дворянствомъ) и „попами" (духовенствомъ), онъ совсѣмъ одичалъ, опустившись до самаго низкаго уровня существованія. Помѣщикъ превратилъ его въ настоящую рабочую скотину и выжималъ всѣ соки, сколько могъ: онъ прогонялъ крестьянъ съ земли, отнималъ у нихъ общественные лѣса, воды и выгоны, а у оставшихся крестьянъ ограничивалъ личную свободу и ихъ право на землю. Абсолютная власть нѣмецкихъ монарховъ ничуть не сдерживала разроставшихся аппетитовъ „господъ"; напротивъ, тѣ же монархи торговали своими подданными, тысячами продавая ихъ въ иностранную военную службу.

Французская великая революція, разгромившая французскій феодализмъ, произвела броженіе умовъ и въ Германіи. Какъ ни принижены были нѣмецкіе крестьяне, однако, и они, прослышавъ о свободѣ сосѣдей, стали волноваться. Нѣмецкая бюрократія по обыкновенію отнеслась свысока къ этому движенію, объясняя его *„происками враговъ порядка и общественнаго спокойствія*—анархистовъ".

Однако, время заставляло себя знать, а разгромъ Пруссіи Наполеономъ I подъ Іеной воочію доказалъ необходимость реформъ,—и нѣмецкія правительства, скрѣпя сердце, одно за другимъ стали освобождать крѣпостныхъ крестьянъ. Понятно, дворянство и тутъ постаралось затянуть дѣло, тѣмъ не менѣе крестьяне были, наконецъ, освобождены, хотя и за такой выкупъ, который *окончательно разорилъ ихъ, лишивъ* еще, вдобавокъ, *значительной части земли*.

Еще хуже обстояло дѣло въ Австріи, гдѣ хотя крѣпостная зависимость была уничтожена еще въ 1781—82 гг., но, подъ давленіемъ дворянъ, эта реформа подвергалась неоднократнымъ „дополненіямъ", въ результатѣ которыхъ мужикъ еще болѣе обнищалъ и опустился Не смотря на свои нищенскія потребности, онъ и тѣ не могъ покрывать земледѣліемъ и обращался къ кустарнымъ промысламъ, которые давали ему 2—3 крейцера (1½—2½ коп.) въ день!! Австрійскіе крестьяне были до того подавлены, что даже движеніе 1848 г. не разбудило ихъ; мало того, они выступили тогда противъ освободителей, въ защиту своихъ угнетателей. Напротивъ, венгерскіе крестьяне пользовались большей самостоятельностью и большимъ достаткомъ, благодаря раннему пробужденію въ Венгріи конституціонной жизни.

Однако, и тамъ, и здѣсь крестьяне не переставали мечтать объ улучшеніи своего положенія, и потому, когда надъ Германіей пронеслось со стороны Франціи вѣяніе революціи, во многихъ нѣмецкихъ земляхъ мужикъ встрепенулся и съ дикой ненавистью пошелъ на помѣстья. Это мужицкое движеніе, ужасное въ своей стихійности, напугало правительство больше, чѣмъ всѣ волненія горожанъ, сопровождавшіяся демонстраціями, зажигательными рѣчами въ собраніяхъ и пр. Все это было не страшно „верхамъ", пока грубая физическая сила, въ видѣ войска, была у нихъ въ рукахъ. „Поговорятъ и перестанутъ".—презрительно говорили „верхи". Волненія же крестьянъ—дѣло другое: они грозили въ корнѣ подорвать благосостояніе „господъ", кромѣ того, лишали правительство его главной силы—рекрутъ. Неудивительно поэтому, что правительства поспѣшили поскорѣе ублаготворить мужика, давъ ему нѣсколько въ сущности неважныхъ подачекъ, въ надеждѣ, что онъ, *получивъ ихъ, успокоитъ свое „брюхо" и самъ притихнетъ. Такъ и случи-*

лось. Удовлетворенные подачками крестьяне не только притихли, но еще сдѣлались опорой реакціи.

Не лучше было и положеніе низшихъ городскихъ рабочихъ, которые работали по 15—17 часовъ въ сутки въ самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ, а получали гроши, такъ что едва влачили свое существованіе. Дѣти ихъ преждевременно истощались и старились на тѣхъ же фабрикахъ, работая по 12 час. въ сутки.

Въ итогѣ и мужикъ, и его братъ—городской рабочій пухли отъ голода, а „господа" наживались.

Этотъ порядокъ вещей поддерживался и внѣшнимъ устройствомъ Европы, усвоившей, послѣ пораженія Наполеона I, идеи Священнаго Союза государей. Иниціаторъ этого союза, Императоръ Александръ I, учреждая этотъ союзъ, къ которому онъ привлекъ государей всѣхъ странъ, за исключеніемъ Англіи, Турціи и Папской Области, имѣлъ въ виду взаимную поддержку европейскихъ государей и дѣйствія ихъ „въ согласіи съ принципами христіанской любви". А на самомъ дѣлѣ Священный Союзъ превратился, въ умѣлыхъ рукахъ своего руководителя, австрійскаго министра Меттерниха, въ орудіе самой мрачной реакціи, подавлявшее малѣйшее либеральное стремленіе.

Священный Союзъ далъ тогдашней Германіи*) своеобразную „конституцію", т. наз. „союзный актъ", раздѣлившій ее на 39 самостоятельныхъ государствъ (въ томъ числѣ 4 вольныхъ города—Гамбургъ, Бременъ, Любекъ и Франкфуртъ на-Майнѣ). По идеѣ и Германскій Союзъ имѣлъ благую цѣль—обереганіе Германіи отъ внѣшнихъ опасностей; на самомъ же дѣлѣ, вся дѣятельность его была направлена противъ революціонныхъ, демократическихъ и конституціонныхъ стремленій. Правда, въ одной статьѣ, 13-ой Союзнаго акта говорилось, что во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ будетъ введена конституція съ земскими чинами,—но объ этой статьѣ скоро забыли, и *одно напоминаніе о ней преслѣдовалось, какъ „революціонное" стремленіе.*

Органомъ Союза, принявшимъ на себя обязанность заботиться объ укрѣпленіи абсолютизма государей противъ либеральныхъ стремленій, служилъ Союзный Сеймъ, это „собраніе мумій", избравшій своею резиденціею Франкфуртъ на-Майнѣ. Здѣсь „муміи" засѣдали до 1866 г., когда ихъ разогналъ прусскій штыкъ, по приказу пресловутаго Бисмарка.

Руководимыя Меттернихомъ, „муміи" вели дѣло къ тому, чтобы политической жизни совсѣмъ не существовало, и вездѣ былъ порядокъ, напоминавшій своей тишиной пустыню. *Всякая свободная мысль заботливо подавлялась; печать, кромѣ оффиціальной, преслѣдовалась. Судъ превратился въ инквизиціонные трибуналы.* Малѣйшее недовольство безпощадно подавлялось, а недовольные запрятывались въ темные „каменные мѣшки".

Особенно, конечно, тяжело было въ отечествѣ Меттерниха, Австріи. Мужикъ здѣсь дошелъ до невозможнаго положенія; города же поражали нищетой, рядомъ съ картинами безумной роскоши,—а императоры Францъ II и Фердинандъ I,—одинъ ограниченный, но далеко не добродушный, а другой ограниченный и добродушный,—по прежнему предоставляли „своему" Меттерниху дѣлать, что онъ хочетъ, разсчитывая, что „на нихъ еще хватитъ". И Меттернихъ, дѣйствительно, старался „во всю": его идеаломъ было такое положеніе народа, чтобы послѣдній представлялъ изъ себя „ничто".

Въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ царила та же Меттерниховская система полицейскаго режима. Но тамъ не такъ то легко было обманывать народъ,—и время отъ вре-

*) Въ нее, между прочимъ, входила тогда и Австро-Венгрія.

мени, по окончаніи войны съ Наполеономъ, здѣсь стало прорываться недовольство существующимъ „порядкомъ“.

Такъ, въ Пруссіи, ухватившись за королевскій указъ 22 мая 1815 г., въ которомъ подъ гнетомъ нужды правительство обѣщало народное представительство, стали подавать Королю адреса, съ просьбою ускорить осуществленіе этого обѣщанія. Въ отвѣтъ просители услышали, что „Его Величество самъ знаетъ, когда ввести представительство“, и получили Высочайшій выговоръ „за дерзкое сомнѣніе въ непреложности королевскаго обѣщанія“.

Королемъ въ это время былъ Фридрихъ-Вильгельмъ III, считавшій идеаломъ гражданина безропотнаго солдата. До Конституціи ли тутъ?

Въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, именно, мелкихъ, государи, опасаясь захватовъ со стороны своихъ крупныхъ сосѣдовъ, задумали привязать своихъ подданныхъ милостями и великодушно сами дали имъ, хотя и куцыя, но все таки конституціи. Такъ было въ Нассау (1814), Веймарѣ (1816), Баваріи и Баденѣ (1818).

Однако, какъ и слѣдовало ожидать, эти подачки не удовлетворили интеллигентный классъ, и въ странахъ началось глухое броженіе, начавшее уже рѣзко проявляться. Въ 1817 г. въ Вартбургѣ студенты торжественно предали сожженію косичку, корсетъ и капральскую палку (принадлежности военной формы того времени), какъ символы рабства и устарѣлаго строя. Черезъ 2 года студ. Зандъ убилъ одного реакціоннаго писателя, Коцебу.

Нѣмецкія правительства и Союзный Сеймъ всполошились не на шутку, вообразивъ обширный революціонный заговоръ. Занда казнили. На студентовъ посыпались всевозможныя кары, до тюрьмы включительно. „Демагоги“ жестоко преслѣдовались, гдѣ только можно.

Мало того, въ 1819 г. съѣхавшіеся въ Карлсбадѣ министры нѣмецкихъ государей выработали т. н. Карлсбадскія постановленія, согласно которымъ пресловутая 13 ст. Союзнаго Акта (о представительствѣ) толковалась исключительно въ монархическомъ смыслѣ; надъ профессорами и студентами рѣшено было учредить строгій надзоръ, цензура усиливалась.

Постановленія эти возбудили во всей Германіи *сильнѣйшее негодованіе;* правительства отвѣтили на него *усиленіемъ полицейскаго произвола и тюрьмами.*

Однако, негодованіе, поддержанное новою вѣстью о побѣдѣ народа во Франціи, кончившейся сверженіемъ Карла X (брата Людовиковъ XVI и XVIII), не унималось. Европа заволновалась. Бельгія начала борьбу за независимость, возстала Польша, въ Ганноверѣ, Касселѣ, Брауншвейгѣ, наконецъ, въ Саксоніи начались революціи, кончавшіяся обыкновенно конституціями. Только Пруссія и Австрія, стиснутыя полицейскими тисками, спали мертвымъ сномъ.

Оппозиціонное движеніе вообще распространилось тогда только въ Южной Германіи, гдѣ и появилось множество либеральныхъ и демократическихъ газетъ. Однако, и Союзный Сеймъ, оправившись отъ своего смущенія, навѣяннаго іюньскими днями 1830 г. во Франціи, дѣятельно принялся за искорененіе „крамолы“ и возстановленіе излюбленнаго порядка. Опять усиленно заработали шпіоны и полиція; опять широко раскрылись тюрьмы; газеты же были запрещены.

И все таки оппозиція не утихала, только изъ явной сдѣлалась тайною. *Развилась подпольная литература, дѣятельно поддерживаемая либеральничавшей тогда буржуазіей* (мѣщанствомъ).

Тогда Союзный Сеймъ усилилъ жестокость своихъ мѣръ: „Шестью ордонансами“ его и безъ того куцыя нѣмецкія конституціи были еще болѣе сужены, цензура еще

болѣе усилена, суды наполнились политическими процессами, въ которыхъ холопствовавшая юстиція постановляла безпощадные приговоры. *Особенно подвергались преслѣдованію студенты и литераторы:* ихъ гноили въ тюрьмахъ, выгоняли изъ отечества; *литературныя сочиненія, даже пропущенныя цензурой, подвергались уничтоженію.* Въ нѣкоторыхъ случаяхъ запрещались даже не только *появившіяся*, но и *имѣющія появиться* сочиненія (напр., Гейне, Лаубе, Гуцкова, Мундта и Винбарга, представителей т. наз. Молодой Германіи). Но это, конечнно, только усилило ихъ распространеніе въ публикѣ контрабанднымъ путемъ.

Въ 1840 г. скончался прусскій король Фридрихъ - Вильгельмъ III, послѣ котораго наслѣдовалъ престолъ его старшій сынъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Онъ началъ было свое царствованіе съ амнистіи политическимъ осужденнымъ, но вскорѣ пошелъ по стопамъ папаши: онъ и слышать не хотѣлъ объ исполненіи отцовскаго указа 22 мая 1815 г., говоря, что „обѣщанія отца для него не обязательны". Мало того, злосчастный указъ запрещено было и перепечатывать, чтобы не было соблазну, довольно быть. Запрещеніе распространилась также на множество періодическихъ изданій и книгъ.

Между тѣмъ экономическое положеніе народа все падало. Теперь уже сталъ пухнуть отъ голода не только мужикъ, но и мѣщанинъ. Денегъ не стало. Кредитъ падалъ. *Чтобы достать денегъ и заключить новые займы, на сравнительно сносныхъ условіяхъ, нужно было согласиться хотя на тѣнь народнаго представительства.* И король уступилъ. Указомъ 3 февр. 1847 г. провинціальныя земскія собранія (ландтаги) были объединены въ соединенный ландтагъ, который созывался въ Берлинѣ.

Эти провинціальные ландтаги, созданные еще въ 1823 г., были, собственно говоря, только пародіей на земское представительство, такъ какъ находились всецѣло въ рукахъ ландмаршала (назначаемаго правительствомъ), который, что хотѣлъ, то и дѣлалъ съ ними: закрывалъ, открывалъ, лишилъ, кого ему было угодно, голоса и пр. И при всемъ томъ эти собранія носили лишь *совѣщательный характеръ*, такъ что рѣшенія ихъ не были ни для кого обязательными.

Совѣщательность осталась и у Соединеннаго Ландтага, а также рѣзко выраженное предпочтеніе дворянству: десятокъ тысячъ дворянъ былъ представленъ 278 голосамъ, а около тысячи городовъ съ 4 милл. жителей—всего 182 голосами. За то король обѣщалъ не вводить безъ ландтага новыхъ займовъ или налоговъ: каждый разъ для этой надобности долженъ былъ созываться Ландтагъ (но, повторяемъ, *только* съ совѣщательнымъ голосомъ). Что значитъ такое Собраніе,—предоставляемъ судить читателямъ.

Однако, для короля и этого было черезчуръ достаточно. Дальнѣйшія уступки онъ уже называлъ „безсмысленнымъ мечтаніемъ": о развитіи конституціонной политической жизни, по его мнѣнію, нечего было и думать. „Да она и не нужна народу", —безапелляціонно рѣшилъ король (а ему и подавно не нужна). „Никогда и никакой земной силѣ,—торжественно заявилъ Ф. Вильгельмъ IV при открытіи Соединеннаго Ландтага,—не удастся превратить естественныя отношенія между монархомъ и народомъ въ условныя, конституціонныя,—и я ни теперь, ни въ какое другое время не допущу, чтобы между нашимъ Владыкой Небеснымъ и этой страной всталъ листъ исписанной бумаги и, подобно второму провидѣнію, правилъ надъ нами своими параграфами, замѣняя ими исконную священную вѣрность".

Строгій абсолютистъ и не пред-

чувствовалъ, что скоро онъ же самъ долженъ будетъ подчиниться этому „листку бумаги".

Но пока у него былъ „порядокъ", такъ же, какъ и въ Австріи, подъ „отеческимъ" управленіемъ Меттерниха. За то, охраняя отъ „тлетворныхъ вліяній" добрыхъ нѣмцевъ, хитроумный политикъ упустилъ изъ виду Венгрію, гдѣ, благодаря этому, успѣла развиться самостоятельная пресса, да и земское собраніе (рейхстагъ) пользовалось большею самостоятельностью. Правда, увидѣвъ, что мадьяры взяли себѣ черезчуръ много свободы, Меттернихъ постарался натравить на нихъ славянъ (особенно чеховъ и поляковъ). Взаимная травля этихъ народностей дала Австріи новое пріобрѣтеніе— вольный польскій городъ Краковъ, присоединенный къ Австріи за поддержку, оказанную возставшимъ въ Галиціи полякамъ.

Тѣмъ временемъ въ Венгріи и въ Итальянскихъ земляхъ разгоралось броженіе, подготовившее взрывъ 1848 г., — и хитрый руководитель судебъ Европы, тяготѣвшій кошмаромъ надъ ней въ теченіе 30 лѣтъ, вдругъ увидѣлъ свое казавшееся крѣпкимъ зданіе совершенно разрушеннымъ въ тотъ моментъ, когда, казалось, „общественное спокойствіе" было совершенно возстановлено, и „порядокъ" наведенъ: духъ времени оказался сильнѣе Метеринховскихъ тюрьмъ и полицейскаго произвола. Преслѣдованіе только разжигало страсти: если бы полиція не надоѣдала такъ своимъ непрошенным вмѣшательствамъ чуть не въ частную жизнь обывателей, *если бы либеральные буржуа могли безъ помѣхи, всласть наговориться,* — *одними разговорами, пожалуй, и кончилось все дѣло,* и до серьезнаго бы ничего не дошло: *либеральная буржуазія любитъ больше разглагольствовать и упражняться въ софизмахъ,* нежели поставить цѣлью к. н. великую универсальную реформу.

Меттернихъ упустилъ это изъ виду и допустилъ соединеніе либеральной буржуазіи съ пролетаріатомъ, и эта коалиція оказалась гибелью для его системы. Опрометчивостью была со стороны тогдашняго „диктатора Европы" и его боязнь предъ сочиненіями гг. Лаубе, Винбарговъ и К°, выраженная въ безусловномъ запрещеніи ихъ: эта мѣра повела только къ большему распространенію этихъ сочиненій, создавъ незаслуженную славу для ихъ авторовъ.

Гораздо большее значеніе для пробуждающейся мысли тогдашняго общества имѣло появленіе философскихъ трудовъ Штрауса („Жизнь Христа"), Фейербаха, Бруно Бауэра („Исторія Христіанства"), М. Штирнера и др. Въ pendant къ нимъ, подобно грознымъ раскатамъ трубы, надъ Германіей пронеслась политическая поэзія. Наконецъ, тогда же выступили на сцену основатели научнаго соціализма—К. Марксъ и Энгельсъ, выступившіе въ 1847 г. со своимъ „Манифестомъ", который положилъ начало новому пониманію исторіи, извѣстному подъ названіемъ историческаго матеріализма. Согласно ему, вся исторія является исторіей борьбы между господами и рабами, между эксплоататорамииэксплоатируемыми.

Эта и подобная литература невольно будила уснувшую мысль, а развивающаяся все болѣе и болѣе народная нищета, доходившая до настоящаго голоданія, усиливала общее недовольство.

Правда, литераторовъ гнали въ Германіи; но они укрывались тогда въ Швейцаріи и оттуда не переставали дѣйствовать на своихъ земляковъ. Союзный Сеймъ давно уже косо посматривалъ на Швейцарію, это убѣжище свободомыслящихъ, но ничего не могъ подѣлать, ограничившись только усиленіемъ строгости и увеличеніемъ заставъ для задержки свободной мысли.

Однако, и заставы не помогли: тяжелое экономическое положеніе народа настоятельно требовало ре-

формъ, угрожая спокойствію государства. На горизонтѣ появлялась гроза; скоро показались и первые признаки ея.

II. Наканунѣ.

Доведенные до отчаянія своимъ положеніемъ, изголодавшіеся, измучившіеся рабочіе, видя отъ капиталистовъ только одни притѣсненія и издѣвательства (въ родѣ насмѣшливаго предложенія „питаться травой, если у нихъ нѣтъ хлѣба", сдѣланнаго однимъ капиталистомъ своимъ рабочимъ), рабочіе въ Силезіи, главнымъ образомъ ткачи, вышли изъ терпѣнія и взбунтовались. Начались безпорядки, сопровождаемые разгромомъ фабрикъ и кончавшіеся, какъ и слѣдовало ожидать, жестокимъ усмиреніемъ. Это было еще въ 1844 г., а въ 1846 и 47 гг. сюда прибавился еще голодъ и голодный тифъ. Несчастное населеніе было въ отчаяніи. А правительство отвѣчало на это запрещеніемъ писать о положеніи силезскихъ ткачей.

Еще суровѣе обошлись съ рабочими въ Богеміи въ томъ же 44 г. Здѣсь также начались безпорядки. Когда же обездоленные рабочіе, съ женами и дѣтьми, явились въ Прагу съ просьбами о помощи, *испуганныя власти, видя нарушеніе закона, запрещавшаго дѣйствія скопомъ, встрѣтили безоружныхъ ружейными залпами.*

Все это крайне возстановляло массы. Даже подачки, которыя, въ видѣ пожертвованій, раздавала имъ буржуазія, внушали имъ озлобленіе; въ тоже время пробуждалось классовое самосознаніе.

Рабочіе постепенно, безсознательно сначала вступали въ соціальную борьбу. Но у нихъ не было тогда еще ни организаціи, ни цѣли. И въ этомъ ничего не было удивительнаго. Даже изданія, которыя бы рѣшились критиковать и бороться съ соціализмомъ, *запрещались, запрещались и союзы рабочихъ; преслѣдовалось, какъ противозаконное, даже простое общеніе между пролетаріями и образованными классами.* Народныхъ школъ почти не существовало, и масса была почти поголовно неграмотна. Во избѣжаніе же соблазна, чтобы неграмотные не научились чему нибудь худому у своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей, нѣмецкимъ (напр., австрійскимъ) рабочимъ были воспрещены путешествіе въ Швейцарію и Францію.

Положеніе интеллигентнаго пролетаріата, особенно учащейся молодежи, было не утѣшительнѣе. Бѣдность ихъ превосходила всякую мѣру вѣроятія. Не мало было такихъ студентовъ, которые цѣлыми недѣлями не знали теплой пищи и питались исключительно хлѣбомъ и водой, какъ писалъ одинъ университетскій преподаватель, Фюстеръ. Нищета была полная.

Вообще передъ 1848 г. экономическое положеніе народа было самое безотрадное. Къ обычной голодовкѣ присоединился еще промышленный кризисъ; товары не находили сбыта; фабрики стали закрываться; рабочіе тысячами выбрасывались на улицу. Между тѣмъ цѣны на продукты первой необходимости непрерывно возрастали, увеличившись за 10 лѣтъ вдвое и втрое.

Голодъ привелъ къ безпорядкамъ, носившимъ сначала мирный характеръ. Но когда противъ „бунтовщиковъ" выслали войска, рабочіе ожесточились, и безпорядки приняли видъ погромовъ. Такъ было и въ Пруссіи, и въ Австріи. А *власти видѣли здѣсь только „жида", будто бы возбуждающаго населеніе,* или ограничивались мелкими подачками, въ родѣ устройства совершенно безполезныхъ общественныхъ работъ.

На югѣ Германіи, благодаря привившемуся здѣсь конституціонному строю, наблюдалось болѣе проблесковъ политической жизни, нежели на сѣверѣ. Такъ, въ Баденѣ развилась сильная парламентская оппози-

ція, доходившая до радикализма. Слышались голоса: „монархи должны оставить безъ промедленія свои троны". Журналисты Г. Струве и Фр. Геккеръ созвали 12-го сент. 1847 г. въ Оффенбургѣ народное собраніе, гдѣ впервые были формулированы „народныя требованія": „отмѣна карлсбадскихъ и под. постановленій, свобода печати, свобода совѣсти и обученія; защита личности противъ полиціи; суды присяжныхъ; устраненіе ненормальныхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ и уничтоженіе всѣхъ привиллегій".

Эти Оффенбургскія постановленія произвели огромное впечатлѣніе не только во всей Германіи, но и за границей. Баденское правительство отвѣтило на нихъ *привлеченіемъ ихъ авторовъ съ судебной отвѣтственности. Но эта угроза уже перестала пугать.* Въ воздухѣ уже чувствовались новыя вѣянія,—и 12 февр. 1848 г. Велькеръ заявилъ въ Баденской палатѣ: „Прежде, чѣмъ весеннее солнце растопитъ снѣгъ на горныхъ вершинахъ, солнце весны народовъ расплавитъ ледъ реакціи. Помните приснопамятныя слова Нибута—„право народовъ древнѣе и выше права династіи„.

Роль Бадена въ Австріи играла Венгрія, гдѣ конституціализмъ дѣлалъ большія завоеванія, а вождь его, Людвигъ Кошутъ уже явно сталъ опаснымъ для Габсбургской династіи...

Словомъ, во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ чувствовалось какое-то тревожное ожиданіе. „Верхи" общества смотрѣли на будущее со страхомъ, мѣщане—съ озабоченностью, а тѣ, кому нечего было терять, отчасти съ надеждами, отчасти равнодушно. Наконецъ, разразился ударъ, пошатнувшій прежній бюрократическій строй.

III. 1848 годъ.

Первые громовые удары приближающійся грозы послышались изъ Италіи, классической „страны бѣдности", гдѣ нищета народа еще рѣзче дисгармонировала съ роскошью южной природы. Италія раздѣлена была тогда на множество часто враждовавшихъ другъ съ другомъ государствъ. Но во всѣхъ ихъ народу, угнетаемому нищетой и іезуитами, жилось очень плохо. И вотъ, въ одномъ изъ южныхъ итальянскихъ государствъ, Неаполитанскомъ 12-го янв. 1848 г. началось открытое возстаніе. Возставшіе сицилійцы (возстаніе вспыхнуло сначала на о-вѣ Сициліи) предъявили своему королю Фердинанду II требованіе конституціи, свободы печати и народной милиціи. Король хотѣлъ было сперва силою усмирить непокорныхъ, но когда возстаніе охватило всѣ его владѣнія, принужденъ былъ уступить, затаивъ коварную мысль при первомъ удобномъ случаѣ раздѣлаться съ навязаннымъ ему насильно „новшествомъ".

Но какъ бы то ни было, 10 февр. 1848 г. имъ была дана конституція,—и это произвело во всей Италіи такое сильное впечатлѣніе, что и въ нѣкоторыхъ другихъ итальянскихъ государствахъ правители сочли нужнымъ послѣдовать примѣру Фердинанда II; конституціи появились въ Папской области, Сардиніи и Тосканѣ. А въ Ломбардіи и Венеціи, принадлежавшимъ тогда Австріи, началось сильное броженіе, грозившее перейти въ открытый бунтъ противъ австрійскаго господства.

Итальянскія событія разбудили дремавшее эхо по всей Европѣ, но пока изъ Франціи не раздалось призыва къ борьбѣ, выразились только въ опереточной революціи мюнхенцевъ (въ Баваріи), гдѣ бюргеры, возмущенные самодурствомъ королевской любовницы, испанки Лолы Монтесъ, потребовали у короля Людвига I изгнанія ея. Мюнхенцами, нужно замѣтить, руководили при этомъ не к. н. возвышенныя мысли или оскорбленное нравственное чувство, а простой разсчетъ: Лола, раз-

сердившись на студентовъ, заставила своего возлюбленнаго закрыть университетъ, а добрая половина мюнхенцевъ только и жила студентами, и закрытіе университета било ихъ по карману. Этого они не могли стерпѣть и запротестовали. Войско обнаружило колебанія. Тогда королю пришлось уступить и хоть для вида выслать Лолу изъ Баваріи.

На томъ пока и успокоились... Вдругъ пришедшая изъ Франціи вѣсть какъ громомъ поразила всѣхъ: 26 февр. 48 г. въ Парижѣ народъ низвергъ буржуазнаго короля, Луи-Филиппа, и объявилъ республику. Чтобы понять смыслъ происшедшаго переворота, нужно вспомнить, что такое представлялъ изъ себя „король-гражданинъ“, какъ называли буржуа Луи-Филиппа, и его правительство, управляемое двумя политическими фиглярами, Тьеромъ и Гизо.

Правящіе слои были охвачены ажіотажемъ, во главѣ спекулянтовъ стоялъ самъ король, не гнушавшійся имѣть дѣла на биржѣ. Въ дѣлахъ царила всесильная взятка. Палаты, заполненныя продажными людьми, дѣйствовали въ угоду капиталистамъ. Послѣдніе утопали въ излишествахъ, а простой народъ въ городахъ дошелъ до ужасающей степени бѣдности. Этотъ рѣзкій контрастъ между роскошью однихъ и нищетою другихъ, вмѣстѣ съ насиліями и жестокостями правительства, подорвалъ всякую вѣру въ іюньскую монархію (какъ называли правленіе Луи-Филиппа).

Либеральные говоруны изъ буржуа думали помочь дѣлу реформированіемъ системы выборовъ. Съ этою цѣлью они *устроили рядъ банкетовъ, на которыхъ среди цвѣтистыхъ рѣчей вкусно ѣли и пили, краснорѣчиво описывая народную нищету. Изъ этой болтовни все равно ничего бы не вышло*, но трусливыя власти стали и здѣсь ставить препоны.

Народъ *меньше болталъ и больше дѣлалъ*: 22 февраля улицы Парижа покрылись шумѣвшимъ народомъ. Правительство хотѣло нагнать страхъ и стянуло войска. Но это еще болѣе раздражило народъ. Онъ разграбилъ ружейные склады и устроилъ баррикады. Произошло нѣсколько стычекъ. Возстаніе охватило весь Парижъ, и король, несмотря на поддержку войска, принужденъ былъ покинуть престолъ. Вслѣдъ за тѣмъ пролетаріатъ провозгласилъ республику. Вся Франція скоро высказалась за переворотъ.

Первымъ шагомъ новаго правительства, куда вошли какъ умѣренные республиканцы (Кремье, Дюпонъ, Араго), такъ и радикалы— Ледрю Ролленъ, Мари и Гарнье Паже, Луи Бланъ и др., даже рабочіе — механикъ Альберъ — было рѣшеніе приступить къ организаціи національныхъ мастерскихъ, чтобы утолить голодъ рабочихъ и дать имъ занятіе. Въ довершеніе радости былъ установленъ (правда, на бумагѣ только) *двѣнадцатичасовой* рабочій день.

Рабочіе ликовали, думали, что приходитъ ихъ царство Буржуа же считали нужнымъ пока притаиться, чтобы не вызвать взрыва народнаго негодованія. Словомъ, казалось, все шло прекрасно. Въ эти дни необузданной радости и розовыхъ надеждъ пролетаріатъ и не догадывался еще, какую штуку сыграетъ съ нимъ буржуазія и кто воспользуется плодами его крови и пота...

Но это все было еще впереди. А пока новая французская революція широкой грозой разразилась надъ всей Европой. Меттерниховская бюрократія и плутократы вездѣ были смущены, народъ же, преисполненный надежды, не скрывалъ своей радости. *Всюду начались сходки, собесѣдованія. Событія обсуждались на всѣ лады. Волненіе охватило не только города, но и деревни.* Смущенное правительство старалась охладить восторгъ народа указаніемъ на бли-

зость новаго французскаго нашествія. Продажная оффиціальная пресса усердно распространяла эти инсинуаціи, но ей уже мало вѣрили. *Начались сходки, указывавшія и даже требовавшія у правительств свободы слова, свободы союзовъ, всеобщаго избирательнаго права* и т. п. реформъ.

Франкфуртскія „муміи" совершенно растерялись и поспѣшили дать рядъ неопредѣленныхъ обѣщаній, гдѣ говорилось между прочимъ, что „Германія будетъ и должна быть поднята на уровень, какой ей и подобаетъ среди націй Европы". „Злонамѣренные" люди спрашивали, почему же Союзный Сеймъ 30 лѣтъ тому назадъ не пришелъ къ такимъ выводамъ.

Во главѣ движенія Германіи шли юго-западныя нѣмецкія государства, Баденъ и Виртембергъ. Здѣсь правительство осадили петиціями, требовавшими народной полиціи, свободы печати, суда присяжныхъ и общегерманскаго парламента. Власти должны были пойти на уступки и прежде всего удалили реакціонныхъ министровъ Меттерниховскаго духа.

Буржуазія ликовала, наслаждаясь своей побѣдой. Изъ Виртемберга движеніе перекинулось и въ Баварію, гдѣ Людвигъ I долженъ былъ передать тронъ сыну и перейти на пенсію. Новое правительство сейчасъ же начало сводить счеты со старымъ владыкой и поспѣшило удержать изъ его частныхъ капиталовъ 1½ милл. гульденовъ, неправильно взятыхъ сыномъ Людвига, Оттономъ, королемъ греческимъ, изъ Баварской казны.

Словомъ, буржуазный либерализмъ получилъ полое удовлетвореніе: реформы были частью даны, частью обѣщаны, и въ залогъ осуществленія ихъ у кормила правленія встали либеральные люди.

Гораздо грознѣе казались крестьянскія волненія. Услышавъ о волненіи горожанъ, крестьяне тоже зашевелились. Пробудилась заснувшая было ненависть къ „господамъ". *Обнищалый мужикъ съ жадностью кинулся на феодальные замки, предавая уничтоженію помѣщичье имущество*, особенно—ненавистныя книги долговъ, феодальные документы и пр., самовольно занимая помѣщичью землю, вырубая чужіе лѣса и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., Эльзасѣ, произошли еврейскіе погромы. Иногда крестьяне только ломали и жгли барское имущество, но ничего не грабили, иногда, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ, шелъ грабежъ. Правительство сначала *рѣшило дѣйствовать силою: въ деревни, были отправлены войска, за убытки стали привлекать къ отвѣтственности цѣлыя крестьянскія общества.*

Однако, *когда волненія еще больше разрослись*, власти внезапно отказались отъ политики насилія и отмѣнили всѣ еще сохранившіяся дворянскія привилегіи, а *вопросъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ погрома отложили* на неопредѣленное время. Вздохнувъ свободно, мужикъ, только что кричавшій про дворянъ: „долой піявокъ, долой вертепы разбойниковъ"!—теперь затихъ и успокоился, погрузившись въ обычную апатію. Мало того, онъ уже сталъ косо посматривать на „бунтарство" гороженъ и толковалъ уже о спокойствіи и порядкѣ, предлагая свои кулаки къ услугамъ реакціи.

Понятно, это было на руку правящимъ классамъ, которые только и пугались кулака: успокоивъ крестьянъ, они уже могли не церемониться съ рабочими, выдвинувъ противъ нихъ войска. Рабочіе были носителями идеи соціальной революціи, которой больше всего страшилась буржуазія,—и она, добившись для себя кое-чего, поспѣшила жестоко расправиться съ „бунтовщиками", вооружившими противъ себя „весь народъ". Рабочіе очутились въ изоли-

рованномъ положеніи и, конечно, были скоро раздавлены.

Подобныя же революціи съ тѣмъ же результатомъ для буржуазіи произошли въ Дармштадтѣ, Нассау, Саксоніи, Гановерѣ и др. И вездѣ правительства должны были идти на уступки, такъ какъ войска не обнаруживали большой охоты драться съ народомъ. Въ Ганноверѣ, между прочимъ, упрямый король Эрнстъ Августъ долго не шелъ на уступки, говоря, что безпорядки въ странѣ происходятъ только *благодаря иностранцамъ-подстрекателямъ*. Однако, когда волненія охватили и его столицу, онъ долженъ былъ убѣдиться, что никакого подстрекательства нѣтъ. Впрочемъ, до послѣдней минуты власти держались надменно, пока народъ, придя въ ярость, не сталъ громить ихъ дома.

Любопытно, когда министръ Мюнхгаузенъ вышелъ къ народу, чтобы передать отвѣтъ короля на петицію, онъ не сразу добился, чтобы его выслушали. Тогда онъ презрительно закричалъ: „что же, вы хотите орать или же мнѣ слѣдуетъ говорить"?! Этотъ тонъ возмутилъ гражданъ, и они заставили спесиваго придворнаго начать свою рѣчь словами — Милостивые Государи. Такъ быстро воспиталось въ народѣ чувство собственнаго достоинства.

Что же дѣлалъ въ это время Союзный Сеймъ? Онъ сначала растерялся, а потомъ сдѣлалъ видъ, что беретъ все движеніе въ свои руки. Онъ, стѣснявшій печать, теперь объявилъ объ уничтоженіи цензуры; онъ, преслѣдовавшій, какъ преступленіе, идею германскаго единства и сотнями гноившій студентовъ за ношеніе обще-германскихъ цвѣтовъ — черно-красно-золотого, — теперь объявилъ эти цвѣта національными. Но народное движеіе ушло уже дальше этихъ уступокъ, и потому онѣ не произвели никакого впечатлѣніи.

Либеральная буржуазія сама встала во главѣ и 5 марта 48 г. въ Гейдельбергѣ устроила собраніе представителей южно-германскихъ государствъ, гдѣ выработала энергичную прокламацію. Въ ней указывалось на неотложную необходимость собрать представителей нѣмецкаго народа со всей Германіи, для развитія цвѣтущей національной жизни. Чтобы обсудить вопросы новаго устройства Германіи, рѣшено было собраться 30 марта въ томъ же Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ засѣдали и „муміи".

Масса народа вездѣ восторженно привѣтствовала гейдельбергскія постановлеаія, только немногіе скептики высказывали опасеніе, что, пожалуй, движеніе окажется въ руку высшимъ классамъ и плутократіи, а народу ничего не достанется. Но тогда этимъ скептикамъ мало вѣрили: настолько восторженно было общее настроеніе.

IV. Мартовскіе дни въ Австріи и Пруссіи. Предварительный парламентъ.

Охватывая постепенно всѣ нѣмецкія земли, народныя волненія проникли, наконецъ, и въ оплоты абсолютизма — Австрію и Пруссію.

Дѣло началось съ Венгріи, гдѣ Меттернихъ, преслѣдуя свою благодарную политику противовѣсовъ, натравливалъ на нѣмцевъ славянъ, а на славянъ венгровъ и допустилъ укрѣпиться въ Венгріи конституціонному строю.

3 марта на Венгерскомъ сеймѣ въ Пресбургѣ знаменитый венгерскій демократъ и пылкій патріотъ Кошутъ произнесъ блестящую рѣчь, въ которой совершенно разбилъ Меттерниховскую систему. „Надъ нами повисъ тяжелымъ проклятіемъ удушающій смрадъ. Отъ разлагающагося трупа вѣнской правительственной системы на насъ вѣетъ тлетворный вѣтеръ, цѣпенящій нервы и принижающій полетъ нашего духа. Противоестественныя политическія системы, я знаю, могутъ удержи-

ваться въ теченіе извѣстнаго времени, ибо между выносливостью націи и ея отчаяніямъ лежитъ длинный путь. Но существуютъ такія политическія системы, которыя, сохраняясь въ теченіе долгаго времени, не выигрываютъ отъ этого въ своей силѣ, а теряютъ ее... Будущее нашей династіи стоитъ въ неразрывной связи съ воцареніемъ братства между различными народами нашей монархіи, а это братство можетъ быть создано, при условіи уваженія къ существующимъ національностямъ, только тою связью, которая дается осуществленіемъ принциповъ конституціализма. Канцелярія же и штыкъ — плохіе связующія звенья".

(Кошутъ, говорившій о братствѣ народовъ, разумѣлъ прежде всего свое отечество и только для него требовалъ равноправности, предоставляя другимъ народностямъ Венгерской короны, напр., славянамъ, подчиненное положеніе. И эта политика вполнѣ уживалась съ его демократизмомъ).

Рѣчь знаменитаго трибуна возбудила въ Собраніи бурю восторговъ, и оно рѣшило немедленно отправить императору депутацію съ требованіемъ національнаго правительства, т. е. отвѣтственнаго министерства, составленнаго изъ венгровъ. Власти пустили въ ходъ цензуру, чтобы защититься отъ дѣйствіи рѣчи Кошута; въ самой Венгріи ее напечатали только въ сокращеніи, а въ другихъ владѣніяхъ Габсбурговъ и совсѣмъ запретили; но эта мѣра повела лишь къ тому, что эта рѣчь разошлась во множествѣ экземпляровъ въ рукописныхъ спискахъ.

Тѣмъ временемъ волненія начались и въ самой Вѣнѣ. Австрійскій промышленный союзъ первый подалъ адресъ съ требованіемъ измѣненія системы. *За нимъ стали подавать другіе*,—буржуазія, купцы, чиновники; *въ числѣ подписавшихся появились имена высшаго чиновничества и капиталистовъ. Наконецъ, къ движенію примкнули студенты*, проявившіе много мужества и самопожертвованія и увлекшіе толпу перейти отъ словъ къ дѣлу. Студенты также отправили императору петицію, но такъ какъ Фердинандъ никакъ не могъ понять, чего отъ него желаютъ, то и депутаты не поняли его отвѣта. 13 марта въ ратушѣ собрались сословія (Сеймъ) и съ утра вокругъ нея на улицѣ собрались вѣнцы. Студенты, узнавъ о томъ, что ихъ депутація не получила никакихъ обѣщаній, подошли туда же. Скоро среди публики послышались крики: „свобода печати", „конституція"! и т. д.

Пока все шло мирно. Вдругъ одному студенту пришла въ голову мысль прочесть рѣчь Кошута, и мирное настроеніе сразу смѣнилось противоположнымъ.

Раздался единодушный крикъ „Долой Меттерниха! Долой іезуитовъ!" Изъ оконъ сейма спустили бумажку, на которой было написано, что сословія будутъ просить императора объ обнародованіи бюджета и о созваніи депутацій отъ всѣхъ провинціальныхъ сеймовъ. Мгновенно разочаровавшійся въ сеймѣ народъ сталъ кричать: „Къ черту сословія! Въ клочья бумаженку! Конституція!" Затѣмъ толпа кинулась въ ратушу, разогнала депутатовъ и, овладѣвъ предсѣдателемъ, заставила его идти во дворецъ передать императору ея требованія. Депутація явилась въ государственный совѣтъ, который только что спрашивалъ приказаній растерявшагося Меттерниха и не получилъ ихъ. Пока сановники принялись съ важностью разсматривать заявленіе, обѣщая потомъ доложить о результатѣ своихъ разсмотрѣній императору, на улицѣ началось усмиреніе. Эрцгерцогъ Альбрехтъ, не будучи въ состояніи вынести „дерзкаго поведенія" народа, приказалъ *стрѣлять въ безоружную толпу*. Эрцгерцогъ Максимиліанъ отдалъ

приказъ *разогнать картечью толпу*, направлявшуюся ко дворцу, но солдаты отказались стрѣлять. При видѣ этого, по всей Вѣнѣ пронесся взрывъ негодованія. Городъ сталъ неузнаваемъ. Вѣнцы, обыкновенно столь безпечные, возмутились. Убитыхъ, правда, было немного, но городъ вооружился, чтобы новая атака не застала его врасплохъ. Между тѣмъ во дворцѣ императоръ Фердинандъ волновался и кричалъ. что не позволитъ стрѣлять. *Эрцгерцоги съ Меттернихомъ не обращали на него никакого вниманія и грубо обрывали всѣхъ депутатовъ*, приходившихъ во дворецъ съ требованіями народа. Одну изъ депутацій остановилъ Меттернихъ и сказалъ: „Стыдно было бы бюргерству, если бы оно въ союзѣ съ войсками не сумѣло справиться съ бунтомъ". Въ отвѣтъ временщикъ услышалъ фразу: „Ваше сіятельство, это — не бунтъ, это—революція". Но Меттернихъ не повѣрилъ. „Не правда! — кричалъ онъ,—*Народъ подстрекаютъ только жиды, итальянцы и швейцарцы*!" Между тѣмъ языкъ депутацій становился все энергичнѣе; они требовали отставки Меттерниха и конституціи. Тутъ стали дѣйствовать и придворные враги канцлера, поднявшіе голову теперь и оказавшіе народу большую поддержку. Дворъ уступилъ. Человѣкъ, еще недѣлю тому назадъ командовавшій въ Германіи, почувствовалъ, что почва подъ нимъ рушится, и малодушно покинулъ поле битвы. У него не хватило даже смѣлости выйти прямо изъ дворца. Онъ бѣжалъ чрезъ заднюю дверь и поѣхалъ въ Лондонъ.

Въ свое оффиціальное прошеніе объ отставкѣ самонадѣянный временщикъ вставилъ слова: „я подписываю разложеніе монархіи". Тщеславный человѣкъ серьезно воображалъ, что существованіе государства связано съ его персоной.

Когда миновалъ первый взрывъ восторга, вызваннаго отставкой Меттерниха, между буржуазіей и пролетаріатомъ возникли раздоры, которыми чуть-было не воспользовалась реакція, назначившая Виндишгреца военнымъ диктаторомъ. Но Вѣна снова вооружилась,—и Фердинандъ обѣщалъ конституцію...

Въ безпорядкахъ выдвинулся академическій легіонъ, состоявшій изъ студентовъ. Когда городская милиція, охранявшая интересы буржуазіи, кинулась въ предмѣстья, гдѣ поднялись рабочіе, студенты уклонились отъ участія въ этомъ усмиреніи и этимъ сохранили дружественныя сношенія съ рабочими, окончательно разочаровавшимися въ бюргерахъ.

Дѣйствительно, когда появилась императорская прокламація о реформахъ, рабочіе увидѣли, что ничего не выиграли. Свобода печати, національная гвардія, созывъ народныхъ представителей съ преобладаніемъ бюргества,—вотъ все, что было обѣщано императоромъ.

Однако, Вѣна ликовала, не замѣчая, что пока всѣ креатуры меттерниховской системы остались на прежнихъ должностяхъ. Реакція притаилась, но вовсе не примирилась со своимъ пораженіемъ.

Всеобщее возбужденіе, охватившее народныя массы, наконецъ, достигло и *Пруссіи* и пошатнуло здѣсь колосса абсолютизма.

Революція началась съ Рейнскихъ провинцій, гдѣ сказывалась близость Франціи. Здѣсь, напр., въ Кельнѣ наравнѣ съ буржуазіей выступилъ и соціализмъ, требовавшій „защиты труда, а также воспитанія дѣтей на общественный счетъ". Рабочіе твердо стояли на этихъ требованіяхъ, но ихъ разогнали войска. Затѣмъ начались аресты. Весь Кельнъ пришелъ въ возбужденіе,—и власти порѣшили идти на уступки.

Это было прологомъ для грядущихъ событій. Однако, берлинскіе бюрократы не догадывались ни о чемъ и только грозили суровыми карами, если „чернь будетъ хорохо-

риться“. На всякій случай готовили войска; позаботились выдвинуть и пушки, чтобы разъ навсегда проучить этихъ „каналій“, которые вздумаютъ „бунтовать“.

Но берлинскій буржуа, обыкновенно съ восторгомъ взиравшій на парадированіе войскъ, теперь вдругъ заартачился. Въ кофейняхъ послышались „вольные“ разговоры. Потомъ дѣло дошло и до организованныхъ собраній. 7-го марта, на одномъ изъ такихъ собраній была принята резолюція, требовавшая свободы слова, печати, союзовъ, политической равноправности, безъ различія вѣроисповѣданія и имущества, независимыхъ судей и суда присяжныхъ, общей амнистіи за преступленія политическія и по дѣламъ печати, сокращенія постояннаго войска и милиціи, обще-германскаго представительства, созванія соединеннаго ландтата... Стали собирать подписи подъ петицію. Но полиція сообщила, что король рѣшительно отказался принять депутацію, получившую порученіе доставить ему адресъ. За-то *король издалъ прокламацію, гдѣ обѣщалъ пересмотрѣть законодательство о печати и даже далъ надежду на уничтоженіе цензуры*. Однако, она никого не удовлетворяла, тѣмъ болѣе ходили слухи, что военное начальство уже приготовилось оружіемъ подавить движеніе. Многіе офицеры, жаждавшіе дешевыхъ лавровъ, рвались въ бой.

Возбужденіе росло. 13-го учебныя заведенія были закрыты. На улицахъ показались войска. Говорили, что братъ короля, наслѣдный принцъ Вильгельмъ, настроенъ необыкновенно воинственно. Такіе слухи усиливали броженіе. Вечеромъ отрядъ солдатъ разогналъ толпу штыками около дворца. Толпа съ дикими криками разбѣжалась. На одной улицѣ сдѣлали попытку соорудить баррикаду, на другой разгромили ружейный магазинъ. Но въ общемъ нигдѣ еще не оказывали серьезнаго сопротивленія войскамъ. Тѣмъ не менѣе на слѣдующій день Фридрихъ-Вильгельмъ IV принялъ депутацію отъ Думы и обѣщалъ позаботиться о развитіи конституціонной жизни и созвать соединенный ландтагъ на 27-е. Ландтагъ долженъ былъ „охранить Германію отъ опасности анархіи и переворота“.

Постоянное присутствіе войскъ на улицахъ безъ нужды раздражало народъ, въ свою очередь *начавшій оскорблять солдатъ названіями „дармоѣды“ и пр., раздражали народъ, и объявленія, расклеенныя повсюду полиціей, грозившія жителямъ всякими карами за скопища.*

Вечеромъ 14-го марта гвардейскіе кирасиры атаковали собравшуюся толпу и изрубили много народа. На другой день впервые было пущено въ ходъ огнестрѣльное оружіе. 16 марта войска на Оперной площади, быстро давъ троекратный сигналъ барабаномъ, сигналъ не понятый публикой, среди которой было множество простыхъ зѣвакъ, дали ужасающій залпъ. Охваченная дикимъ страхомъ толпа бросилась черезъ Дворцовую площадь... Было много убитыхъ и раненыхъ. *Но полиція въ своихъ объявленіяхъ значительно уменьшала число потерпѣвшихъ*, чѣмъ еще болѣе раздражала берлинцевъ. Для всѣхъ ясно было, что возсталъ народъ, а власти *упорно твердили, что это „безобразничаетъ“ кучка гимназистовъ и разныхъ недоучекъ, праздношатающіеся мастеровые и разный сбродъ“*.

Эта оффиціальная ложь вызывала всеобщее негодованіе, и обычно спокойные берлинцы теперь кипѣли отъ ярости. 18-го числа въ Берлинъ явилась депутація съ Рейна съ тѣми же требованіями. Король рѣшилъ уступить, принялъ ее ласково, далъ обѣщанія, но Рейнцы потребовали гарантій. Днемъ 18-го появилась два указа: одинъ заявлялъ о необходимости конституціи, другой уничтожалъ цензуру. Берлинцы обезумѣли отъ ра-

дости. Король выходилъ на балконъ, махалъ платкомъ, его привѣтствовали восторженными кликами, и, когда онъ ушелъ, толпа осталась на мѣстѣ; а нужно сказать, по выраженію оффиціальной газеты, толпу составляли большею частью благовоспитанные люди. Вдругъ народъ увидѣлъ на караулѣ у дворца солдатъ того гвардейскаго полка, который особенно усердствовалъ въ дни избіеній. Толпа стала кричать: „Долой войска! Убрать солдатъ!“ Шумъ и крики росли; съ дворцовой площадки показались драгуны. Ихъ встрѣтили бѣшенымъ крикомъ „назадъ“, но они съ обнаженными саблями врѣзались въ толпу. Съ другой стороны появились гренадеры и кинулись на нее со штыками. Народъ отхлынулъ, а изъ рядовъ гренадеръ раздались два выстрѣла. Тутъ ярость берлинцевъ достигла послѣднихъ предѣловъ. Крики „Измѣна! Мщеніе! Къ оружію!“ слились со звономъ набата, со стукомъ баррикадъ, куда являлся старъ и младъ, кто съ пикой, кто съ топоромъ, изрѣдка съ ружьемъ. Толпа разносила магазины въ поискахъ за оружіемъ, студенты бросились въ пригороды—сзывать народъ на борьбу. Оттуда, а потомъ и изъ деревень повалили въ городъ цѣлыя толпы. За ночь Берлинъ покрылся баррикадами. Улицы были перерыты канавами, чтобы затруднить движеніе кавалеріи. Остатокъ дня 18-го марта и всю ночь шла ожесточенная борьба, и войска не могли похвалиться большими успѣхами.

Правда, большинство сражавшихся на баррикадахъ было вооружено плохо. Но недостатокъ оружія искупался воодушевленіемъ. Войскамъ каждую баррикаду приходилось брать въ отдѣльности. Кромѣ того, на солдатъ летѣли съ крышъ каменья, тротуарныя плиты, бревна... Когда одна баррикада разбивалась солдатами, борцы спѣшили къ ближайшей и тамъ продолжали ту же борьбу. Ожесточенные солдаты въ ярости доходили до неистовства, не давая пощады и женщинамъ и дѣтямъ.

Эта кровавая бойня возмутила даже военныхъ, и одинъ изъ нихъ, силезскій помѣщикъ, майоръ ф.-Винке, въ отвѣтъ на критическія замѣчанія придворныхъ, рѣзко замѣтилъ: „вы ошибаетесь, на баррикадахъ стоятъ не пропойцы, а берлинское населеніе“, и затѣмъ въ волненіи оставилъ дворецъ. Король призадумался и рѣшилъ уступить. Раннимъ утромъ на слѣдующій день появилась новая королевская прокламація, въ которой говорилось, что *ружья гренадеровъ выстрѣлили сами собой, а шайка злонамѣренныхъ людей, составленная главнымъ образомъ изъ иностранцевъ, раздула дѣло* и заставила возлюбленныхъ берлинцевъ думать о мести. Поэтому король предлагалъ очистить баррикады, обѣщая отозвать войска. Но берлинцы отклонили условіе и удвоили свою энергію. Тогда послѣдовали уступки. Войскамъ былъ данъ приказъ выйти изъ Берлина. Баррикады мгновенно исчезли,—и берлинцы въ торжественной процессіи понесли ко дворцу трупы бойцовъ. Ихъ положили на землю и стали кричать чтобы вышелъ король. Блѣдный король вышелъ съ королевой. Всѣ сняли шляпы, и толпа пропѣла „Господь мое прибѣжище“. Прослушавъ гимнъ до конца, королевская чета удалилась. Немедленно было создано гражданское ополченіе, и вечеромъ берлинцы устроили великолѣпную иллюминацію.

На слѣдующій день отправился въ Англію принцъ Вильгельмъ, считавшійся ярымъ абсолютистомъ и потому ненавистный тогда берлинцамъ, и было образовано новое министерство, потомъ появились королевскія прокламаціи, въ которыхъ очень пространно говорилось о конституціи, объ избирательномъ правѣ и о многомъ другомъ.

Присоединеніе къ движенію Пруссіи сдѣлалось поворотнымъ моментомъ. Союзный сеймъ пересталъ

противиться обще-имперской реформѣ, и былъ созванъ предварительный парламентъ во Франкфуртѣ, по приглашенію вышеупомянутой коммиссіи въ Гейдельбергѣ.

Предварительный парламентъ состоялъ изъ членовъ собраній (сословій) всѣхъ странъ Германіи; кромѣ того, были приглашены другія лица, почтенныя „народнымъ довѣріемъ", по мнѣнію коммиссіи, а также представители городскихъ думъ разныхъ городовъ Пруссіи *). Словомъ, въ парламентъ явились главнымъ образомъ представители буржуазіи, частью реакціонной, частью либеральной, демократическихъ же или революціонныхъ представителей было очень мало. Благодаря такому подбору неудивительно, что большинство членовъ парламента оказалось враждебнымъ наиболѣе передовымъ принципамъ, только что отвоеваннымъ кровью у реакціи. Рабочіе, горячо бившіеся на баррикадахъ, ничего не получали, крестьяне должны были довольствоваться отмѣной феодальныхъ повинностей. Всѣ выгоды положенія отъ конституціонныхъ гарантій выпали на долю буржуазіи, а она, упоенная успѣхомъ борьбы, готова была опочить на лаврахъ. Ее уже прельщали не соціальныя реформы внутри Германіи, а мечты объ единствѣ общаго отечества и созданіи великаго государства на буржуазныхъ началахъ.

Это и сказалось въ постановленіяхъ Предварительнаго Парламента провалившихъ всѣ радикальныя предложенія передовыхъ членовъ его.

Такъ, когда баденскій депутатъ г. Струве потребовалъ демократической организаціи Германіи, уничтоженія постояннаго солдатскаго войска, постоянныхъ чиновниковъ, уничтоженіи привиллегій, монастырей, а также свободы печати, устраненія бѣдственнаго положенія рабочихъ, наконецъ, федеративнаго устройства всей Германіи по образцу Соединенныхъ Штатовъ Америки, т. е. демократической республики, либеральничавшіе буржуа переполошились и рѣзко отвергли это предложеніе. Точно также провалилось и предложеніе о томъ, чтобы избраніе членовъ будущаго національнаго собранія происходило на основаніи прямого, всеобщаго, избирательнаго права. Вмѣсто этого рѣшили предоставитьотдѣльнымъправительствомъ устраивать, по желанію, прямые или двухстепенные выборы.

Итакъ, свобода, добытая кровью на баррикадахъ Берлина, оказалась свободой лишь для буржуа. Когда же, слѣдуя ихъ примѣру, заговорили о своемъ положеніи пролетаріи, буржуа грубо обрушились на нихъ. И по прежнему рабочій долженъ былъ работать по 16—18 часовъ въ сутки за гроши, едва оплачивавшіе черствый хлѣбъ, по прежнему малолѣтніе пролетаріи преждевременно старились надъ непосильнымъ трудомъ. Когда рабочіе сходились на собранія, послѣднія разгонялись гражданскимъ ополченіемъ, составленнымъ изъ мѣщанъ— и тѣ, работая прикладами, грубо кричали: „расходитесь по домамъ, лѣнивыя собаки! „Работать"! Бѣднякамъ оставалось лишь въ утѣшеніе пѣть на развалинахъ разноцвѣтной свободы:

Кругомъ въ необъятно широкой странѣ
Народъ о свободѣ мечтаетъ,
И сотни поэтовъ во имя ея
Прекрасныя пѣсни слагаютъ.
Народъ съ обнаженнымъ оружьемъ стоитъ.
Все ружья и сабли сверкаютъ.
Нѣтъ только свободы,—рогатки торчатъ
Да всюду шпіоны мелькаютъ.

Въ Вѣнѣ буржуазія отнеслась все таки болѣе добросовѣстно къ своимъ союзникамъ-рабочимъ. Помимо общественныхъ работъ, послѣдніе получили въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда сокращеніе рабочаго дня, отмѣну налоговъ на потребленіе, но наступившій промышленный кризисъ сдѣлалъ дальнѣйшія уступки

*) Всего 511 человѣкъ, изъ нихъ 141 отъ Пруссіи, болѣе 300 изъ южной Германіи и только 2 изъ Австріи.

невозможными. А тутъ продажная печать стала стращать благонамѣренныхъ буржуа демократіей, доказывая, что она тоже—что анархія. Буржуа испугались,—и реакція, воспользовавшись этимъ раздоромъ, едва не взяла назадъ всѣ сдѣланныя правительствомъ уступки. Но студенты не допустили этого: они бросились опять на окраины, подняли пролетаріатъ,—и 26 мая Вѣна опять одѣлась баррикадами *). Власти снова уступили и убрали войска, проявивъ согласіе даже на образованіе „комитета безопасности", составленнаго изъ студентовъ и бюргеровъ. Такимъ образомъ въ Вѣнѣ фактически установилась республика. Императоръ былъ увезенъ еще раньше въ Инсбрукъ.

Это случилось уже послѣ открытія Франкфуртскаго парламента, начавшаго свою дѣятельность 18 мая.

Двустепенные выборы сдѣлали свое дѣло,—и Парламентъ наполнился не настоящими представителями народа, а большею частью сторонниками домартовскаго абсолютизма и реакціи или безцвѣтными либеральными болтунами, которые, сами упиваясь своими цвѣтистыми рѣчами, не видѣли дальше своего носа. Конечно, это было на руку реакціонерамъ,—и тѣ исподтишка начали поворачивать кормило правленія въ свою сторону.

*) При этомъ нельзя не отмѣтить подлаго отношенія чиновничества и духовенства. Они пытались было подкупить рабочихъ, чтобы тѣ выступили противъ студентовъ. Но тѣ съ негодованіемъ отвергли это позорное предложеніе,—и почтенные „отцы" и „чинуши" едва-едва не были повѣшены на фонаряхъ разъяреннымъ народомъ.

Нельзя не отмѣтить и благороднаго отношенія рабочихъ къ чужой собственности: они сами были голодны, одѣты въ лохмотья и тѣмъ не менѣе не тронули ни одной вещицы изъ сокровищъ богачей, очутившихся теперь въ ихъ распоряженіи. На дверяхъ барскихъ домовъ были сдѣланы надписи „собственность священна". И это дѣлалъ тотъ „сбродъ", по выраженію буржуазіи и бюрократіи,—отъ котораго только и можно ожидать грабежей"...

Первымъ дѣломъ Парламента, вопреки провозглашенному уже принципу народнаго суверенитета, было избраніе *временнаго правителя имперіи*, на каковую должность былъ приглашенъ австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ. Затѣмъ рѣшено было увеличить численность войскъ въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ на 900.000 человѣкъ, для того чтобы, „создать армію, послушную волѣ народа". На самомъ же дѣлѣ, какъ это и можно было предполагать, новые полки дали въ руки государей новое средство для укрощенія „строптивыхъ".

Словомъ, если въ Парламентѣ и высказывались великія и симпатичныя идеи, то результаты его постановленій были выгодны только реакціи, а отнюдь не народу.

Классовая борьба все болѣе обострялась, и буржуазія, понявшая теперь силу пролетаріата, скорѣе соединялась съ бюрократіей, только бы отогнать ненавистный ей призракъ демократическаго государства. Доведенные до отчаянія, разочаровавшіеся въ своихъ союзникахъ, рабочіе неоднократно хватались за оружіе, но, въ виду отсутствія у нихъ организаціи, были побѣждены. Вздумавшій было снова подняться пролетаріатъ былъ усмиренъ пушками. Возстаніе произошло въ самомъ Франкфуртѣ на Майнѣ, причемъ толпой были убиты двое ненавистныхъ народу членовъ Парламента, оба отчаянные реакціонеры, князь Лихновскій и генералъ Ауэрсвальдъ. Вслѣдъ за этимъ въ Баденѣ поднялись неугомонные республиканцы, но также скоро были разбиты. Реакція, теперь уже въ союзѣ съ буржуазіей, торжествовала.

Побѣда ея была полная и въ Германіи, и въ Австріи, не смотря на то, что въ послѣдней произошло возстаніе венгровъ, грозившее раздѣленіемъ этому государству. Однако, коварная политика Габсбурговъ, основанная на іезуитскомъ принципѣ divide et impera („раздѣляй

и властвуй") и тутъ оправдала себя. Габсбургамъ удалось поднять на венгровъ, чеховъ и хорватовъ, издавно находившихся въ антагонизмѣ съ венграми.

Возстаніе разразилось въ сентябрѣ. Дѣйствія хорватскаго дана Елачича, высланнаго противъ венгровъ, сначала были неудачны. А тутъ возстала и сама Вѣна. На этотъ разъ возставшіе располагали даже пушками. Кромѣ того, на ихъ сторону перешли одинъ регулярный полкъ и гражданское ополченіе. Слабоумнаго Фердинанда опять увезли изъ столицы и двинули туда корпусъ Виндишгреца, уже прославившагося побѣдой „надъ пражскими мятежниками", среди которыхъ этотъ свирѣпый генералъ произвелъ настоящее опустошеніе. Однако, Вѣна, надѣясь на помощь венгровъ, отчаянно защищалась, при чемъ академическій легіонъ и рабочіе проявляли чудеса мужества. Но помощь не приходила,—и въ октябрѣ Вѣна была взята, при чемъ трусливая буржуазія и тутъ помогла реакціи, преждевременно бросивъ оружіе. Началась кровавая расправа. Вмѣстѣ съ тѣмъ *всѣ союзы и собранія были запрещены, пресса подчинена цензурѣ, за каждое сопротивленіе властямъ угрожалъ военный судъ.* Многочисленныя тюрьмы мигомъ были биткомъ набиты.

Изъ вождей Возстанія нѣкоторымъ удалось спастись, другіе попали въ плѣнъ и были разстрѣляны, напр., Р. Блюмъ, членъ франкфуртскаго парламента, осужденный вопреки защищавшей его депутатской неприкосновенности. Смерть его вызвала бурю негодованія по всей Германіи, но, конечно, виновники его смерти такъ и остались безнаказанными.

Вскорѣ послѣ этого (29 дек. 48 г.) Фердинандъ отрекся отъ престола въ пользу своего 18-лѣтняго племянника Франца-Іосифа.

Побѣдитель Вѣны, Виндишгрецъ, былъ посланъ противъ Венгровъ. Тѣ, благодаря усиліямъ Кошута, уже успѣли организоваться и успѣшно отражали его нападенія. Его смѣнили тогда. Но и новый командующій, потомъ третій—Гайнау также не имѣли успѣха. Тогда Францъ-Іосифъ обратился за помощью къ Россіи. Посланный императоромъ Николаемъ I Паскевичъ съ превосходными силами вступилъ въ Венгрію. Рѣшительная битва произошла въ августѣ 1849 при Вилагошѣ. Венгры, которыми начальствовалъ генералъ Гергей, способный, но упрямый генералъ, боявшійся вліянія Кошута и стремившійся самъ выдвинуться на первое мѣсто,—были на голову разбиты и сложили оружіе. Русскіе передали плѣнныхъ австрійскимъ властямъ, — и тѣ начали кровавую расправу. Кошутъ, правда, спасся бѣгствомъ, жизнь Гергея была подарена императору Николаю I, большая же часть другихъ венгерскихъ вождей была разстрѣляна. Сопротивленіе Венгріи было надолго сломлено, пока, разбитая Пруссіей подъ Садовой въ 1861 г. Австрія сама не предложила ей дуализма. Венгры и до сихъ поръ не могутъ забыть 49 г. и простить вмѣшательство русскихъ.

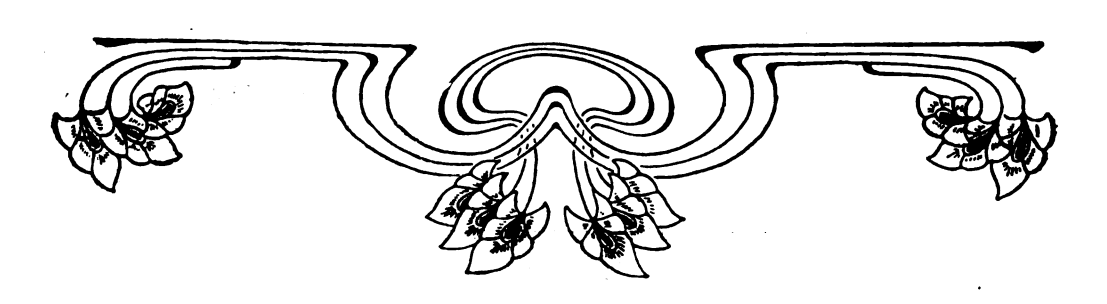
Также удачно удалось Австріи справиться съ возстаніемъ Ломбардіи и Венеціи, пока объединившаяся Италія не отняла въ 60-тыхъ годахъ эти исконныя итальянскія земли отъ австрійцевъ.

Итакъ, реакція торжествовала и въ Пруссіи, и въ Австріи. При такомъ порядкѣ вещей самое существованіе Франкфуртскаго парламента теряло всякій смыслъ, тѣмъ болѣе, что государства отказывались признавать его рѣшенія. Такъ, Австрія, понятно, не согласилась на свое исключеніе изъ состава будущей Германской Имперіи, проектированной парламентомъ. А прусскій король отказался принять императорскую корону, предложенную ему помимо нѣмецкихъ государей, а потомъ, кстати, отказался признать и конституцію. Баварія, Саксонія и

Ганноверъ послѣдовали примѣру Пруссіи. Конституцію удержали только Виртенбергъ и другія мелкія государства.

Итакъ, вся кровопролитная борьба народа пропала даромъ? Нѣтъ, какъ ни тяжела была воцарившаяся снова въ Германіи реакція, но все же она отличалась отъ прежней, домартовской. Народъ уже свыкся съ принципами конституціализма,—и поворотъ къ прежнему былъ невозможенъ. Скоро даже такой яркій абсолютистъ, какъ кн. Бисмаркъ, призналъ основы его — всеобщее, равное и прямое избирательное право—необходимыми для развитія внѣшней мощи государства и внутренняго преуспѣванія. „Духъ времени" оказался сильнѣе попытокъ реакціонеровъ,—и хотя народное волненіе улеглось, пролитая народомъ кровь, какъ видимъ теперь на примѣрѣ современной Германіи, не пропала даромъ. Правда, далеко еще не все сдѣлано,—и, можетъ быть, только будущимъ поколѣніямъ удастся осуществить на дѣлѣ тѣ великіе принципы, которыми руководились лучшіе и благороднѣйшіе дѣятели 48 года.

Г. Богдановъ.

Въ бурю и затишье.

(Прелюдія къ новымъ пѣснямъ).

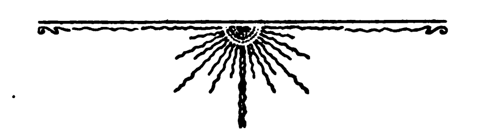
Въ бурю и затишье сложены и спѣты
Пѣсни, пѣсни гнѣва, грусти да печали.
Злу всегда проклятья, а добру привѣты
Искренно и честно, громко въ нихъ звучали,
Слышался нерѣдко желчный горькій смѣхъ.

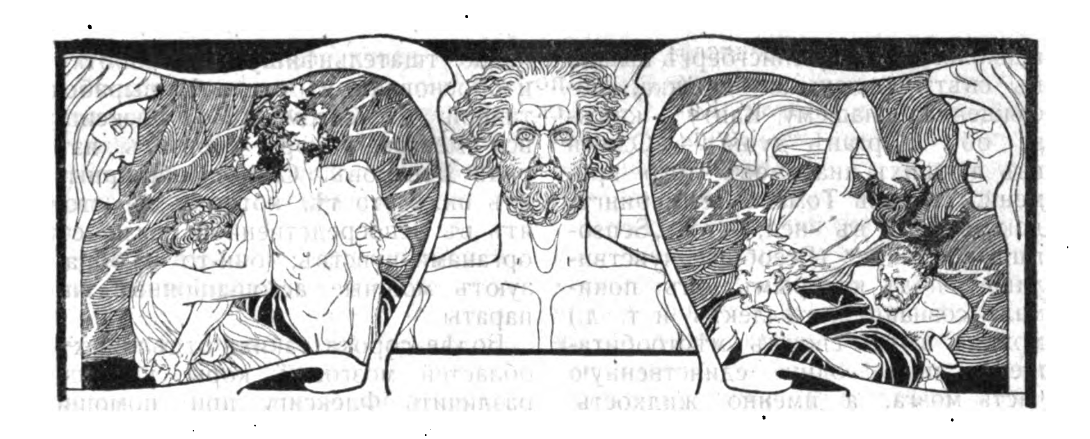
Трепетная вѣра, горькія сомнѣнья,
Ясность созерцаній понятаго Бога,
Къ солнцу новой жизни гордыя стремленья,
Разочарованья въ осужденныхъ строго
Иногда стремленьяхъ, цѣнныхъ не для всѣхъ,

Съ пѣснями моими, чуждыми безстрастья,
Навсегда сроднились... Сердце въ пѣсняхъ бьется
Пламенной любовью, алчетъ воли, счастья...
Чтò, бывало, лиры чуткой ни коснется,
Сердцемъ принималось. Неизмѣнно смѣлъ,

Я на все, чтò было языкомъ свободнымъ
Признано достойнымъ, откликался смѣло;
Голосъ мой сливался съ голосомъ народнымъ...
Я стоялъ за правду, за святое дѣло,
Въ бурю и затишье пѣлъ, какъ пѣть умѣлъ.

Николай Пановъ.

Новѣйшія изслѣдованія о мозгѣ и сознаніи.

Эдуарда Зокаля.

Мы въ лабораторіи біолога.—Передъ нами лежитъ какая-то сѣрая масса, съ плотно приросшей паутиновой оболочкой, испещренной тонкими жилками и крупными красными полосами. Это мозгъ со своими покровами. Итакъ, эта изборожденная въ разныхъ направленіяхъ мелкими и глубокими извилинами, мягкая масса и есть сѣдалище психическихъ функцій, очагъ жизни и ощущеній, поле битвы всѣхъ нашихъ инстинктовъ и страстей.

Функція всякаго другого органа доступна анатомическому изслѣдованію; часто бѣглаго взгляда достаточно, чтобы понять назначеніе органа, здѣсь же мы стоимъ въ полномъ недоумѣніи.

Дѣло въ томъ, что работа всякаго органа, говоря вообще — состоитъ въ движеніи, будь это движеніе массъ или мельчайшихъ частицъ, или же, наконецъ, химическихъ атомовъ; она непосредственно воздѣйствуетъ на наше чувственное воспріятіе, причины и слѣдствія— здѣсь величины одного порядка. Тутъ же, въ мозгѣ, мы не найдемъ ничего подобнаго. Съ лихорадочнымъ любопытствомъ мы стучимся въ таинственную дверь, за которой скрыта сущность нашего „Я“.

Но то, что открывается нашему взору, представляетъ самыя обыденныя вещи, мы же хотѣли бы проникнуть въ самую сокровенную сущность явленій. Можно сказать, пользуясь сравненіемъ Фехнера, что мы какъ будто заключены въ нѣкоторый кругъ, у котораго внутренняя и внѣшняя сторона въ отдѣльности для насъ доступны, охватить же взоромъ сразу обѣ стороны— мы не въ состояніи. Долго и упорно мы изучаемъ физіологическія явленія въ мозгу; съ другой стороны, нѣтъ ничего болѣе доступнаго для насъ, какъ наша собственная душевная жизнь; но между двумя этими областями во всѣхъ отрасляхъ знанія все еще зіяетъ бездонная пропасть, черезъ которую до сихъ поръ не могутъ перебросить моста ни фантазіи натурфилософовъ, ни опыты и выводы точной науки.

Болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, разсказываетъ намъ проф. Эдингеръ въ своей недавно появившейся прекрасной монографіи подъ названіемъ „Анатомія мозга и

психологія", въ Кенисгбергѣ вышла въ свѣтъ маленькая книжка, посвященная „нашему Канту"—книжка объ „Органѣ души". — Одинъ изъ лучшихъ анатомовъ того времени, Самуэль Томасъ Земмерингъ, доказываетъ въ ней, что „Sensorium commune" (Всеобщее чувствилище", подъ которымъ онъ понималъ сознаніе, интеллектъ и т. д.) можетъ имѣть своимъ мѣстообитаніемъ лишь одну единственную часть мозга, а именно жидкость, наполняющую желудочки мозга. Только она можетъ поставить въ связь нервныя окончанія, которыя Земмерингу удалось прослѣдить въ стѣнкахъ желудочковъ, другъ съ другомъ, только она способна поставить въ соприкосновенія разнообразнѣйшія ощущенія отъ всѣхъ частей организма и связать ихъ въ одно цѣлое. Это положеніе доказывалось ученымъ часто весьма остроумнымъ образомъ, и въ концѣ концовъ было показано, что эта гипотеза удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, которыя ученые того вѣка предъявляли къ всеобщему чувствилищу.

Эта гипотеза Земмеринга—лишь послѣдній отпрыскъ длиннаго ряда гипотезъ, которыми оперировали ученые въ теченіе всего 18-го столѣтія. И только лишь начиная съ работъ Флуранса, изслѣдованія о средоточіи душевной дѣятельности приняли нѣсколько другое направленіе. Флурансъ первый высказалъ положенія, что память, воля, сознаніе связаны съ полушаріями мозга. Вскорѣ послѣ этого открытіе французскимъ ученымъ Брока центра рѣчи и великое открытіе Гицига и Фрича (Берлинъ) локализаціи многочисленныхъ другихъ душевныхъ способностей въ большомъ мозгу, привело большую часть изслѣдователей къ тому воззрѣнію, что такъ называемыя высшія душевныя способности должны быть тѣсно связаны съ коркою большого мозга. Это воззрѣніе получило недавно тщательнѣйшую разработку и обоснованіе въ системѣ, выработанной Флексигомъ. По Флексигу вся мозговая кора состоитъ изъ ряда центровъ. Самые обширные изъ нихъ это тѣ, которые не стоятъ въ непосредственной связи съ органами чувствъ; они-то и образуютъ мощные ассоціаціонные аппараты.

Болѣе сорока такихъ отдѣльныхъ областей мозговой коры удалось различить Флексигу при помощи сравнительнаго метода; едва четвертая часть изъ нихъ была извѣстна до него. Во всякомъ случаѣ изслѣдованія Флексига не получили далеко еще всеобщаго признанія, и среди ученыхъ идутъ еще горячіе споры съ одной стороны о правильности указанныхъ Флексигомъ анатомическихъ различій между центрами ощущеній и ассоціаціонными центрами и, съ другой стороны, о томъ значеніи для общаго пониманія психической жизни этихъ установленныхъ сравнительномъ методомъ территорій, которое имъ приписываетъ Флексигъ.

Это огромное зданіе анатомо-физіологическихъ изслѣдованій есть по истинѣ вавилонская башня познанія, по которой естествоиспытатель пытается подняться отъ матеріальныхъ процессовъ нервной ткани до высотъ психическихъ актовъ. Неоднократно дѣлалась попытка изучить въ связи послѣдовательное развитіе психофизіологическихъ явленій въ животномъ царствѣ и прослѣдить первые проблески сознанія на низшихъ ступеняхъ животнаго міра.

Но тутъ всегда приходилось наталкиваться на одинъ пунктъ, который стоялъ препятствіемъ на дорогѣ. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія о томъ, каковы тѣ элементарныя условія, которыя необходимы, чтобы часть работы, совершающейся въ нервной системѣ, *сознавалась* ея „носителемъ". Кромѣ того, мы не знаемъ, есть ли ра-

бота сознанія эквивалентная форма физіологическаго процесса въ мастерской организма или же она представляетъ лишь безсильное *параллельное* явленіе, „эпифеноменъ" физіологическихъ явленій въ мозгу.

Этотъ вопросъ, при современномъ состояніи науки, рѣшенъ быть не можетъ, и рѣшеніе его не предвидится въ ближайшемъ будущемъ. На его мѣсто Эдингеръ ставитъ другой вопросъ, имѣющій то немаловажное преимущество, что онъ поддается разрѣшенію. Онъ формулируетъ свой вопросъ такъ: Насколько возможно объяснить дѣятельность и всю сущность животнаго существа, исходя изъ изученія анатомическихъ основъ его организма и ихъ свойствъ?

Въ упомянутой уже нами мастерской работѣ Эдингеръ ставитъ своей задачей показать, какъ далеко мы можемъ, поднимаясь отъ простѣйшихъ формъ по лѣстницѣ животнаго царства, удовлетворительно понять и объяснить всѣ движенія животныхъ, не прибѣгая къ помощи гипотезы *сознательности* живого существа. У насъ нѣтъ совершенно какого-либо точнаго непосредственнаго критерія, чтобы открыть первое „пробужденіе сознанія" въ природѣ, такъ какъ мы всегда о присутствіи послѣдняго въ дѣятельности животныхъ умозаключаемъ по аналогіи съ нашей собственной дѣятельностью.

„Многочисленность движущихъ мотивовъ побуждаетъ насъ предполагать сознательную волю, тогда какъ при простыхъ и однозначныхъ мотивахъ дѣйствій мы умозаключаемъ объ автоматическомъ аппаратѣ", какъ уже въ классической формѣ высказалъ Мейнертъ. Поэтому методъ Эдингера является удачной научной систематизаціей обычнаго способа умозаключенія; какъ при прорытіи туннеля съ двухъ противоположныхъ концовъ, и здѣсь научный путь проложенъ навстрѣчу другъ другу съ двухъ различныхъ направленій, и уже рабочіе на одной сторонѣ слышатъ могучіе удары молота противоположнаго отряда людей, съ которыми они рано или поздно соединятся.

Относительно различныхъ явленій, наблюдающихся у низшихъ животныхъ и носящихъ характеръ произвольныхъ волевыхъ актовъ, въ послѣднее время доказано, что они могутъ быть объяснены, какъ непосредственные результаты дѣйствія химическихъ и физическихъ силъ. Они наступаютъ всякій разъ, когда будутъ созданы тѣ же условія, съ такой же повторяемостью и закономѣрностью, какъ движеніе желѣзныхъ опилокъ при приближеніи магнита. Такъ какъ во всѣхъ такихъ случаяхъ этимъ движеніямъ можно придать любое направленіе, соотвѣтственно направляя дѣйствующую силу, то названія *электротропизма*, *геліотропизма*, *геотропизма*, *хемотропизма* и т. д. довольно удачно выражаютъ сущность этихъ явленій.

Явленія „тропизмовъ" были прекрасно изслѣдованы и описаны Энгельманомъ, Лёбомъ и Ферворномъ. Мы знаемъ теперь, что свѣтъ, теплота, электрическій токъ, сила тяжести и т. д. оказываютъ такое же дѣйствіе на низшихъ животныхъ, которое наблюдается у растеній, какъ установлено опытами Пфеффера и другихъ. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ Бунге въ предисловіи къ своей физіологической химіи приводилъ, въ доказательство широкаго распространенія психическихъ процессовъ на низшихъ ступеняхъ животнаго царства, фактъ выбора инфузоріей Вампирелла (Vampyrella) изъ кучки смѣшанныхъ водорослей—одной только опредѣленной водоросли, а именно комротры, которую вампирелла просверливаетъ. Теперь мы знаемъ, что цѣлый рядъ химическихъ веществъ или притягиваетъ или же, наоборотъ, отталкиваетъ раститель-

ные зародыши или низшихъ животныхъ, и кромѣ того мы знаемъ, что различныя растенія отдѣляютъ отъ себя различныя химическія вещества.

Все это явленіе „выбора" если и неокончательно понятно, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ поддается объясненію, и нѣтъ никакой необходимости приписывать инфузоріи избирательную способность. Лёбъ воспользовался остроумнымъ образомъ „тропизмами", чтобы принудить животныхъ къ совершенно нецѣлесообразнымъ или даже гибельнымъ для нихъ дѣйствіямъ.

Напримѣръ, трубчатники стараются всегда пролѣзть во всякое отверстіе и вылѣзаютъ даже въ ярко освѣщенныя стеклянныя трубки, гдѣ они неминуемо должны погибнуть, и это потому, что притягательная сила свѣта оказалась больше отталкивательной. Тропизмы хорошо изучены на многочисленныхъ примѣрахъ, и было точнѣйшимъ образомъ изслѣдовано, подобно только что упомянутому случаю, одновременное дѣйствіе на животное различныхъ силъ.

Другія, на видъ вполнѣ обдуманныя, цѣлесообразныя дѣйствія низшихъ животныхъ можно прямо воспроизвести искусственнымъ путемъ. Такъ, напр. приготовляютъ искусственныхъ амебъ, которыхъ Rumblek дѣлалъ изъ капель хлороформа, а Hänser изъ крупинокъ кремнезема, совершенно похожихъ, почти до полнаго тожества, на этихъ животныхъ; они также, какъ и настоящія, живыя амёбы обволакивали встрѣчныя крупинки, если тѣ состояли изъ вещества, подходящаго къ ихъ собственной химической природѣ; вбирали ихъ въ себя и растворяли, совсѣмъ какъ настоящія животныя. Никто не станетъ, вѣдь, приписывать этимъ автоматамъ разумъ; совершенно также нѣтъ никакой необходимости объяснять подобныя же дѣйствія животныхъ чѣмъ либо инымъ, а не результатами свойствъ и строенія ихъ организма.

Изслѣдованія Лёбе, Фридлендера Бете, Прейера, Икскюля проложили во многихъ отношеніяхъ новые пути и дали новыя точки зрѣнія. Мы узнали, что опредѣленныя раздраженія вызываютъ къ дѣятельности совершенно опредѣленные рефлекторные центры, такъ, напр., химическое раздраженіе пищевымъ веществомъ непосредственно вызываетъ соотвѣтствующія движенія частей рта. Даже въ томъ случаѣ, когда голова совершенно отдѣлена отъ тѣла животнаго, пчелиный хоботъ, напримѣръ, тянетъ медъ. Другія раздраженія заставляютъ головной конецъ тѣла двигаться впередъ и дѣйствуютъ такъ сильно, что могутъ привести животное къ совершенно нецѣлесообразнымъ дѣйствіямъ. Напримѣръ, планарія, у которой искусственно выращены двѣ головы (Löb), при движеніи мало-по-малу раздираетъ все туловище на два куска, и каждый ползетъ въ свою сторону. Если насильно втиснуть два щупальца морской звѣзды (Прейеръ) въ узкую бутылку, то за ними само животное втискивается въ пространство, гдѣ оно должно погибнуть жалкимъ образомъ. Отрѣзанный головной конецъ земляного червя начинаетъ сейчасъ же производить сверлящія движенія, какъ только насыпать песку на поверхность, гдѣ онъ лежитъ; жало отрѣзанной части туловища пчелы само жалитъ, если дотронуться до задняго конца тѣла. Постоянный возбудитель, а не месть, гнѣвъ или необходимость въ защитѣ, вызываетъ дѣйствія, которыя такъ часто неправильно истолковываются. Такихъ обособленныхъ рефлексовъ, аппаратъ которыхъ можетъ быть безъ вреда отдѣленъ отъ цѣлаго животнаго, извѣстно уже много и относительно нѣкоторыхъ животныхъ, напр., у рака

Carcinus maenas и другихъ раковъ и различныхъ червей (Лöбъ) удалось почти всю дѣятельность животнаго разложить на работу отдѣльныхъ аппаратовъ, которые анатомически хорошо изучены.

Въ большинствѣ случаевъ, какъ извѣстно, эти аппараты соединены въ цѣлую нервную систему, къ которой они примыкаютъ или даже включены въ нее. Нѣкоторыя такія системы уже точно изучены нами, и мы можемъ, уже на основѣ нашихъ познаній представить себѣ, какъ происходитъ, напр, передвиженіе червяка, при опредѣленномъ раздраженіи, каковъ механизмъ движенія, начинающагося съ передней части и постепенно приводящаго въ координированное движеніе части, лежащія позади. Иногда наряду съ относительно слабо развитой нервной системой удерживаются отдѣльные периферическіе рефлекторные аппараты, сохраняющіе большую самостоятельность. Такъ, изслѣдованія Икскюля показали, что вся поверхность морского ежа покрыта разнообразными аппаратами, которые работаютъ или вполнѣ или до извѣстной степени самостоятельно и доставляютъ всему животному пищу, очищаютъ его и координированнымъ образомъ приводятъ его въ движеніе. Собака, какъ говоритъ упомянутый авторъ, при ходьбѣ сама переставляетъ свои ноги, а морской ежъ толкается впередъ своими аппаратами движенія. Имя „республики рефлексовъ", которое далъ Икскюль такимъ организмамъ, прекрасно подходитъ къ нимъ.

Многочисленные опыты физіологовъ съ такими рефлексами становятся понятными лишь благодаря такимъ анатомическимъ изслѣдованіямъ. Одно изъ этихъ изслѣдованій очень пригодно, чтобы исправить одно изъ представленій, которое возникло вслѣдствіе перенесенія человѣческой точки зрѣнія въ животный міръ.

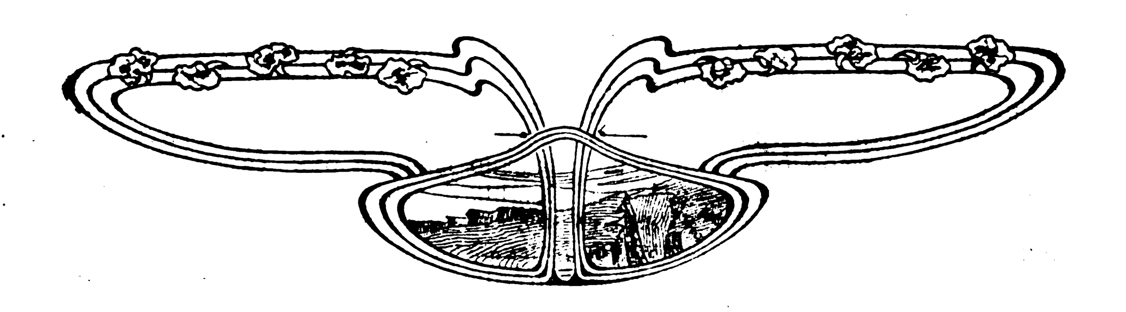
Какъ извѣстно, весною самцы лягушекъ „любовно" обнимаютъ своихъ самокъ. „Никакая сила", говорится по этому поводу въ одномъ *современномъ* трудѣ, „не можетъ раздѣлить любящихъ..., они позволяютъ скорѣе изрубить себя въ куски, (какой прекрасный примѣръ для человѣка!) чѣмъ разлучить съ возлюбленной". Опыты, которые уже производилъ Гольцъ, показали теперь, что въ періодъ спариванія кожа самки или даже кожа мертваго самца, набитая яичниками вызываетъ у самца рефлексъ обниманія, какъ только привести ее въ соприкосновеніе съ внутренней стороной лапокъ лягушки. Можно постепенно сзади, вплоть до шейнаго отдѣла мозга, на куски изрѣзать лягушку, и она не отпускаетъ самку; можно начиная отъ самой головы до низу, рѣзать тѣло, результатъ будетъ тотъ же. *Кольцо, образуемое шейнымъ узломъ спинного мозга и передними лапами, совершенно отдѣленное отъ остальной части тѣла, продолжаетъ проявляться такъ же, какъ „любящая лягушка"*; если же кто нибудь приметъ гипотезу, что сознаніе для этого акта локализируется именно въ шейномъ мозгу и предъидущій опытъ, такимъ образомъ, не свидѣтельствуетъ о чисто механической природѣ этого акта обниманія, то, какъ справедливо указалъ Эдингеръ, должно было бы быть представлено какое либо обоснованіе такого предположенія. Для непредубѣжденнаго наблюдателя болѣе простая гипотеза удовлетворительна все время, пока не обнаружатся новыя явленія, которыя окажется невозможнымъ объяснить съ точки зрѣнія прежней гипотезы.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что этотъ, на видъ „не психологическій" способъ разсмотрѣнія душевныхъ проявленій животнаго приводитъ къ выводамъ, которые могутъ быть примѣнены къ упрощенію и уясне-

нію собственно психологическихъ проблемъ.

На этомъ пути мы дойдемъ до такого пункта, когда допущеніе фактора сознанія станетъ необходимымъ, но, безъ сомнѣнія, этотъ пунктъ отодвигается все дальше, и положеніе вопроса при этомъ все болѣе выясняется. Только тогда, когда отдѣльныя дѣйствія животнаго нельзя уже будетъ объяснить безъ допущенія сознанія, только тогда наступитъ время, когда можно будетъ прослѣдить вновь внизъ по лѣстницѣ животныхъ существъ явленія сознанія, уже получившія точное и отчетливое опредѣленіе, вмѣсто теперешнихъ полумистическихъ. Совершенно новая область работы съ точною постановкой вопросовъ открывается здѣсь неустанно стремящемуся впередъ духу изслѣдователя. *Наступитъ день, когда оба эти нынѣ раздѣленныя направленія одной науки сольются воедино для разрѣшенія высшихъ проблемъ сознанія.*

Э. Зокаль.

Опозоренная.

Ночь царила хмурая, бурная, ненастная.
    Бездорожье топкое застилала мгла.
Молодая женщина, женщина прекрасная,
    Шла съ дѣтьми голодными, торопливо шла.

Огоньковъ мерцаніе сердцу не отрада-ли?
    Но огней не видѣла бѣдная вдали—
Оттого, что крупныя градомъ слезы падали,
    И сквозь нихъ глаза ея видѣть не могли.

Дѣти тоже плакали; не смолкалъ пронзительный
    Крикъ младенца хилаго у больной груди.
Повергалъ въ отчаянье женщину мучительный
    Роковой вопросъ одинъ: что-то впереди?

Вдругъ сверкнула молнія, бездорожье дальнее
Озарила трепетнымъ голубымъ огнемъ,
Было безотраднѣе, чѣмъ вблизи, печальнѣе,
Нѣчто непонятное, смутное на немъ.

Лица все безкровныя, словно помертвѣлыя,
Двигались подъ бѣлою дымной полосой.
За людьми, одѣтыми въ саваны все бѣлые,
Смерть скакала весело съ острою косой

И, костями звякая, хриплымъ, дикимъ хохотомъ
На людей измученныхъ наводила страхъ.
Громъ гремѣлъ: казалося: подъ немолчнымъ грохотомъ
Ангелы и демоны бились въ небесахъ.

Бурямъ сокрушительнымъ вѣчно непокорныя,
Между тѣмъ какъ яростный громъ не умолкалъ,
Вздрогнувъ, зашаталися горы, выси горныя,
Низвергались въ пропасти груды темныхъ скалъ.

Многимъ представлявшійся сонною пустынею,
Міръ возсталъ, въ смятеніи, отъ ночного сна;
Надъ родной для женщины—дальнею твердынею
Водрузилъ позорное знамя Сатана.

Воетъ буря, носится, мечется надъ водными
Широтами, гладями, рвется сквозь туманъ
Въ даль необозримую, съ воплями безплодными,
Возмущаетъ, дикая, море-океанъ.

Что-то разрывается съ трескомъ, съ дымомъ, пламенемъ,
Охвативъ дрожащіе остовы громадъ,
Топитъ ихъ, чудовищныхъ, подъ кровавымъ знаменемъ
Сатаны, призвавшаго къ пиру цѣлый адъ.

Подъ скалой орлиною пала безъ сознанія
Отъ испуга женщина. Наглецы къ ней льнутъ,
И сквернятъ уста ея страстью ихъ лобзанія...
Въ жертву такъ впивается алчный, цѣпкій спрутъ;

Такъ хватаетъ съ дерева темнаго, вѣтвистаго,
Душитъ лань безсильную змѣй лѣсной—удавъ...
Долго издѣвалися, хохоча неистово,
Наглецы надъ жертвою, здравый смыслъ поправъ,

А когда ночь минула, въ бирюзу одѣлася
Даль съ земной окружностью, блескомъ янтаря
Вспыхнули края небесъ, отъ стыда зардѣлася,
Гнусное насиліе освѣтивъ, заря.

Близъ безгласной матери, подло опозоренной,
Дѣти горько плакали: далеко ихъ плачъ
Слышенъ былъ, и мчался къ нимъ вихремъ конь, пришпоренный
Витяземъ, извѣдавшимъ много неудачъ.

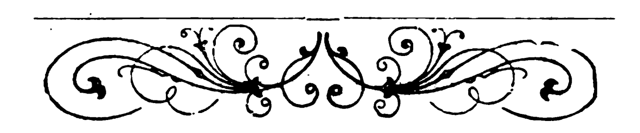
Стонами злосчастнаго Витязя ужалены
Были непорочныя дѣтскія сердца...
На горахъ виднѣлися крѣпости развалины,
Подъ горами искрилось море безъ конца!

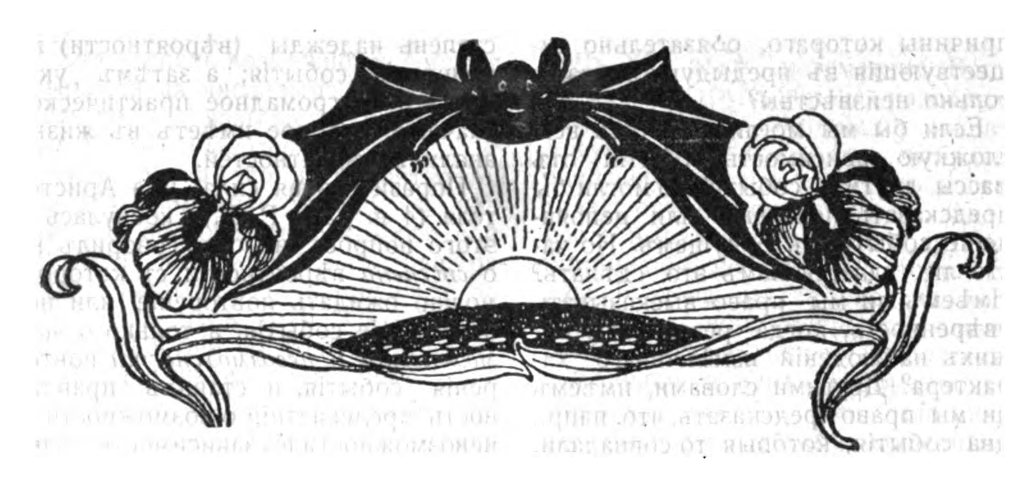
На̀ морѣ плѣненные кораблями смѣлыми,
Храбро не вступившіе съ ними въ смѣлый бой,
Съ поднятыми флагами, словно саванъ бѣлыми,
Корабли покорные плыли въ край чужой.

Лужей безграничною, лужею кровавою
Океанъ мерещится людямъ той страны,
Чьи знамена, нѣкогда вѣявшія славою,
Днесь предъ человѣчествомъ тамъ посрамлены.

Мертвыхъ тѣлъ великое мнится изобиліе;
Кровью все пропитано, и едва-едва
Дышетъ жертва подлаго, гнуснаго насилія
Подъ скалой орлиною, но еще жива..

Николай Пановъ.

Законъ въ случайностяхъ.

А. А. Берса.

„Теорія вѣроятностей служитъ распространенію здравыхъ понятій и полезныхъ практическихъ истинъ; не надо имѣть спеціальныя математическія знанія, дабы понять идею, преслѣдуемую теоріей вѣроятностей".

Буняковскій.

„Нѣтъ науки болѣе достойной нашихъ размышленій, какъ теорія вѣроятностей; было бы полезно внести ее въ систему знаній, составляющихъ предметъ общественнаго образованія". *Лапласъ.*

Что такое *случайность*? Какъ надо понимать это слово, такъ часто употребляемое въ разговорномъ языкѣ?

Весьма многіе склонны назвать *случайнымъ* событіемъ такое событіе, которое ничѣмъ предыдущимъ не вызвано и которое какъ бы случайно ворвалось въ нашу жизнь. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, такихъ явленій въ мірѣ нѣтъ: всякое дѣйствіе, какъ говорятъ, имѣетъ свою причину. Налетѣвшій на насъ, какъ бы случайно, на смѣну чудной погодѣ ураганъ, смерть, какъ бы случайно, унесшая съ собой цвѣтущую жизнь, несчастная карта, какъ бы случайно, приведшая игрока къ проигрышу и т. д. все это совершается не иначе какъ закономѣрно, находясь въ полномъ созвучіи съ предыдущимъ, но только весьма часто ускользаемымъ отъ нашего вниманія и знанія.

Эту зависимость событій матеріалистъ объясняетъ естественными законами, деистъ же ставитъ ее въ зависимость отъ воли высшей силы; но и тотъ, и другой одинаково отвергаютъ случайность событій, какъ бы ни казались послѣднія странными.

Усвоивъ въ себѣ мысль, что въ природѣ ничего случайнаго быть не можетъ, и видя, до чего въ то же время сильно укоренилось въ рѣчи всѣхъ народовъ слово *случайность* приходится дать этому слову объясненіе нѣсколько иное, а именно: не будетъ ли лучше назвать *случайностью* совершеніе такого событія,

причины котораго, обязательно существующія въ предыдущемъ, намъ только неизвѣстны?

Если бы мы могли охватить всю сложную зависимость событій отъ массы другихъ событій, то могли бы предсказать появленіе или непоявленіе событія въ будущемъ. Но часто ли удается намъ это сдѣлать? Имѣемъ ли мы право высказывать увѣренность, когда результаты нашихъ наблюденій измѣнчиваго характера? Другими словами, имѣемъ ли мы право предсказать, что, напр., два событія, которыя то совпадали, а то и не совпадали. въ будущемъ совпадутъ? Мы можемъ только сказать, что эти событія, если они совпадали часто, *вѣроятно* совпадутъ и въ будущемъ: если же они совпадали рѣдко, то *вѣроятно* не совпадутъ и въ будущемъ; мы можемъ высказать только *вѣроятность* совпаденія событій въ будущемъ, вѣроятность, которая съ увеличеніемъ числа наблюденій, растетъ и, при очень большомъ ихъ числѣ, можетъ дойти даже до *достовѣрности*. Точно такъ же, по мѣрѣ увеличенія наблюденій, вѣроятность совпаденія событій въ будущемъ можетъ и уменьшаться и, наконецъ, дойти до *невозможности*.

Значитъ, вѣроятность есть математическая величина, подлежащая измѣренію. Всѣ мы. болѣе или менѣе удачно, руководимся въ жизни вѣроятностями будущихъ событій, у однихъ вѣроятности оправдываются чаще, у другихъ рѣже; но пытливый умъ не довольствуется подобными эмпирическими выводами, онъ требуетъ болѣе точнаго опредѣленія вѣроятности событія, онъ хочетъ знать ея *величину*, для каждаго даннаго случая онъ требуетъ *число*, какъ мѣрило всѣхъ положительныхъ знаній. Въ нашемъ очеркѣ мы постараемся, безъ всякихъ математическихъ выкладокъ, въ понятной формѣ разъяснить, *какимъ образомъ можно выразить числомъ наше духовное настроеніе* а именно, степень надежды (вѣроятности) на появленіе событія; а затѣмъ укажемъ и на громадное практическое значеніе, которое имѣетъ въ жизни анализъ вѣроятностей.

Поразительная сила ума Аристотеля. (4 в. до Р. Х.) коснулась и этого вопроса; но онъ говорилъ не о *степени* вѣроятности, съ которою можно ожидать повтореніе или неповтореніе событія, а только о *возможности* и *невозможности* повторенія событія, и ставилъ правдивость предсказаній о возможности и невозможности въ зависимость только отъ взгляда людей мудрыхъ и взгляда большинства. Положимъ, что въ основаніи Аристотель былъ правъ, такъ какъ въ основаніи выводовъ вѣроятностей лежитъ, какъ выразился Лапласъ, не что иное, какъ здравый смыслъ, но только выраженный математически, въ числахъ; вѣдь и безъ теоріи вѣроятностей здравый смыслъ на каждомъ шагу въ жизни подсказываетъ намъ, какъ быть въ разныхъ случаяхъ, сколькимъ можно рисковать, какъ велика надежда на совершеніе событія и т. д. Но все таки аристотелевское опредѣленіе значительно разнится отъ преподаннаго намъ въ началѣ 19 вѣка опредѣленія Лапласа, поставившаго вѣроятность будущаго событія въ зависимость не отъ субъективныхъ мнѣній большинства, а *только отъ чиселъ*, выводя изъ нихъ совсѣмъ *объективно* не только возможность (какъ у Аристотеля), но и *степень* возможности совершенія событія. Эта степень возможности укладывалась у Лапласа въ самыхъ широкихъ предѣлахъ между *невозможностью* и *достовѣрностью*, другими словами, вѣроятность, выраженная у Лапласа извѣстнымъ числовымъ знакомъ (объ этомъ ниже), даетъ намъ ясное и точное понятіе о томъ, *насколько* вѣроятность близка или далека отъ достовѣрности, насколько благопріятны или неблагопріятны условія для совершенія событія.

Эта степень возможности событія, выраженная числовымъ знакомъ, и есть то, что называется *математическою вѣроятностью.*

Какъ наука, теорія вѣроятностей имѣетъ громадное значеніе въ жизни: она объявляетъ открытую войну столь любимому *авось*, она разумно направляетъ наши шаги, заставляетъ насъ умно соразмѣрять наши дѣйствія со степенью вѣроятности достиженія намѣченной цѣли, оберегаетъ насъ отъ ошибокъ при оцѣнкѣ сомнительныхъ событій, оберегаетъ отъ многихъ разочарованій въ жизни, которыя неминуемо долженъ переживать тотъ, кто, полагаясь только на одно счастье, мечется то вправо, то влѣво.

Люди просвѣщеннаго ума всегда интересовались вопросами изъ теоріи вѣроятностей; въ VI-омъ вѣкѣ однимъ римляниномъ поднятъ былъ вопросъ о *средней* жизни человѣка; въ средніе вѣка существовали страховыя общества на случай кораблекрушеній, которыя, тоже не безъ расчета, принимали въ соображеніе вѣроятность могущихъ произойти на морѣ несчастій. Затѣмъ, въ Божественной Комедіи Данте (1477) мы читаемъ такую фразу: „на какой ударъ можетъ вѣрнѣе расчитывать игрокъ, выбрасывающій изъ чашки сразу три кости *), на полученіе суммы, равной тремъ очкамъ или четыремъ"? Въ настоящее время это уже не вопросъ, теорія вѣроятностей доказала, что сумму, равную четыремъ очкамъ, легче получить, потому что для этого случая мы имѣемъ три могущія получиться комбинаціи (2, 1, 1), (1, 2, 1) и (1, 1, 2), тогда какъ для полученія суммы очковъ, равной тремъ, имѣется только одна комбинація (1, 1, 1). Этотъ ударъ названъ у Данте azari (по арабски asar—трудный), это слово, въ дальнѣйшемъ перешло въ hasard—случай.

*) Кость есть кубикъ на граняхъ котораго помѣчены числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Въ XVI вѣкѣ математикъ Borrel въ своемъ трудѣ logistica разобралъ всевозможныя комбинаціи очковъ, могущія получиться при выбрасываніи изъ стакана четырехъ костей сразу; онъ видимо искалъ законность выпаденія тѣхъ или другихъ комбинацій, но ему не доставало только слова, въ которое онъ могъ бы облечь поразившіе его случаи болѣе частаго повторенія однихъ комбинацій и менѣе частаго повторенія другихъ. Это слово было впервые высказано богато одареннымъ математическими способностями 30-и лѣтнимъ Паскалемъ (1654); ту надежду, съ которой мы имѣемъ право ожидать появленіе событія, онъ назвалъ *вѣроятностью* событія (probabilité), такъ что Паскаля надо считать основателемъ математической теоріи вѣроятностей, которую Лапласъ (19 вѣкъ), благодаря своему глубокому уму, тонкости взгляда и силѣ математическаго анализа сумѣлъ возвести на высокую степень совершенства. Вообще Франція сдѣлала не мало для теоріи вѣроятностей.

Идея закономѣрности выпаденій тѣхъ или другихъ комбинацій пришла Паскалю на мысль во время игры въ кости, которую онъ очень любилъ и ежедневно велъ съ ловкимъ игрокомъ по имени de Méré, ранѣе Паскаля эмпирически подмѣтившимъ, благодаря своему быстрому соображенію, на какую сумму очковъ (они играли въ три кости) можно ставить бо̀льшій кушъ, а на какую меньшій. Паскаль же игралъ безъ всякаго разсчета, не слѣдилъ за тѣмъ, какая сумма очковъ выпадала чаще, а какая рѣже, а потому, большею частью, проигрывалъ. Уроки изъ теоріи вѣроятности, преподанные его партнеромъ, обошлись ему хотя и дорого, но за то дни дали благотворный толчекъ его геніальнымъ математическимъ способностямъ.

Весь ученый міръ того времени, благодаря Паскалю, сталъ интере-

соваться теоріей вѣроятностей, всѣ поняли, какое положительное вліяніе должны оказать выводы этой науки на общій складъ человѣческой мысли въ дѣлѣ разрѣшенія весьма существенныхъ жизненныхъ вопросовъ, закономѣрность которыхъ до Паскаля ускользала отъ отъ вниманія науки.

Опишемъ въ нѣсколькихъ словахъ эту историческую игру въ кости, происходившую между Паскалемъ и de Méré, во время которой впервые блеснула въ Паскалѣ мысль дать надеждѣ на успѣхъ игры строго опредѣленную форму, выраженную *числомъ*, и назвать эту числовую форму *вѣроятностью* событія.

Однажды они играли тремя костями въ четъ и нечетъ; четъ отмѣчалъ у себя Паскаль, а нечетъ de Méré. Условія игры были таковы: тотъ, у кого раньше окажется шесть черточекъ, выигрываетъ. Каждый изъ нихъ заложилъ въ банкъ по двадцать франковъ. Игра была вслѣдствіе чего-то нарушена; теперь возникъ вопросъ: какъ раздѣлить 40 франковъ между игроками, изъ которыхъ у Паскаля оказалось 5 черточекъ, а у de Méré только 3? Весьма возможно, что читатель уже рѣшилъ этотъ вопросъ, но мы все таки разскажемъ о томъ, какіе возникли по этому поводу около игроковъ разговоры. Одни высказывали, что дѣлёжъ вовсе не можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ игра не была окончена, а потому каждому игроку надлежитъ забрать свои 20 франковъ. Паскалю показалось несправедливымъ ставить отставшаго (у кого 3 черточки) наравнѣ съ ушедшимъ впередъ (у кого 5 черточекъ). Другіе склонялись къ тому, что всю ставку (40 фр.) слѣдуетъ раздѣлить пропорціонально черточкамъ (т. е. одному 25 фр., а другому 15 фр.). Это тоже не понравилось Паскалю, которому казалось, что незачѣмъ давать большую часть тому, у кого было 5 черточекъ, ибо игра была еще не окончена, и партію, легко возможно, могъ выиграть и отставшій (т. е. тотъ, у кого было только 3 черточки). Было высказано и такое предложеніе: такъ какъ до выигрыша (т. е. до 6 черточекъ) у Паскаля недоставало одной черточки, а у de Méré недоставало трехъ, то было бы справедливо, если бы Паскаль взялъ себѣ втрое болѣе противъ de Méré, т. е. взялъ бы 30 фр., оставивъ de Méré только 10 фр.

Это предложеніе показалось Паскалю уже болѣе близкимъ къ справедливости, но всетаки не удовлетворяло; его мысль работала въ это время совсѣмъ самостоятельно и далеко опередила все то, что высказывалось тогда присутствующими при игрѣ. Онъ себѣ представилъ двухъ ѣздоковъ, состязающихся примѣрно на двухъверстномъ кругѣ. Въ началѣ состязанія, ѣздоки поперемѣнно обгоняютъ другъ друга, ихъ шансы на выигрышъ колеблются. Но въ концѣ скачки, шансы на выигрышъ того ѣздока, который находится отъ столба на одну сажень (у Паскаля недоставало одной черточки) уже значительно больше шансовъ другого ѣздока, который находился отъ столба на три сажени (de Méré недоставало трехъ черточекъ); можно даже сказать, что вѣроятность перваго граничитъ съ достовѣрностью выигрыша, а вѣроятность второго граничитъ съ невозможностью выигрыша.

Если мы себѣ вообразимъ (фантазіи нѣтъ преградъ) какъ бы застывшимъ тотъ моментъ, когда одинъ ѣздокъ въ одной сажени отъ столба, а другой въ трехъ саженяхъ, (моментъ совершенно схожій съ моментомъ прекращенія игры въ кости между Паскалемъ и de Méré), то неужели было бы справедливо раздѣлить ставку пропорціонально пройденному пространству (предлагалось раздѣлить пропорціонально записаннымъ черточкамъ), другими словами, уплатить тому, кто почти убѣжденъ въ выигрышѣ, за 1 вер-

сту 499 саж. (кругъ въ 2 версты), а другому за 1 вер. 497 саж., т. е. уплатить имъ почти одну и ту же сумму? Или же неужели было бы справедливо раздѣлить ставку обратно пропорціонально недостающимъ до столба саженямъ (предлагалось раздѣлить обратно пропорціонально недостающимъ черточкамъ), другими словами, уплатить тому ѣздоку, который почти убѣжденъ въ выигрышѣ, только въ три раза болѣе, чѣмъ другому ѣздоку, который почти убѣжденъ въ проигрышѣ? Такой дѣлежъ казался Паскалю вопіющей несправедливостью, даже абсурдомъ; его мысли были направлены совсѣмъ иначе, чѣмъ у присутствующихъ при игрѣ, которые все время пытались, какъ мы выше видѣли, найти способъ дѣлежа только согласно добытымъ игроками черточкамъ. фантазія же Паскаля улетѣла дальше; онъ картинно представилъ себѣ, что съ момента перерыва игры, игрокамъ предстоитъ какъ бы новая игра въ тѣ же три кости, но которая начнется уже съ неодинаковыми, какъ обыкновенно бываетъ, шансами для игроковъ.

Для опредѣленія этихъ шансовъ, онъ разсуждалъ такъ: если бы игра Паскаля съ de-Méré не была прервана. то она должна была кончиться обязательно *не болѣе*, какъ въ три удара, т. е. если de-Méré выиграетъ всѣ три удара (у него недоставало трехъ черточекъ). то игрѣ конецъ; если же онъ не выиграетъ всѣ три удара, то первый же ударъ, имъ не взятый, достанется Паскалю, и игрѣ тоже будетъ конецъ (у Паскаля недоставало одной черточки). Итакъ, новая воображаемая игра въ тѣ-же три кости должна заключать въ себѣ отнюдь не болѣе трехъ ударовъ, игроки же, до начала игры, вооружены неравными шансами, а именно: Паскаль выигрываетъ, если запишетъ только одну черточку (четъ), а de-Mere выигрываетъ, если запишетъ три черточки (нечетъ); это именно тѣ-же самые шансы, которые добыты игроками въ моментъ перерыва игры. Эта новая игра можетъ кончиться въ одинъ ударъ, если сразу выпадетъ четъ (въ пользу Паскаля); она можетъ кончиться въ два удара, если первый изъ нихъ дастъ нечетъ, а второй четъ (опять въ пользу Паскаля); наконецъ, она можетъ кончиться въ три удара, если первый и второй удары дадутъ нечетъ, а третій четъ (опять въ пользу Паскаля), или когда всѣ три удара дадутъ нечетъ (въ пользу de-Mere). Игроки не знаютъ, которому изъ этихъ трехъ ударовъ предрѣшено кончать эту новую воображаемую игру; но они знаютъ только одно, что эти три удара новой игры могутъ дать восемь различныхъ комбинацій изъ чета и нечета, а именно:

1 ударъ.	2 ударъ.	3 ударъ.
нечетъ	нечетъ	*нечетъ*
четъ	четъ	четъ
четъ	нечетъ	четъ
четъ	четъ	нечетъ
четъ	нечетъ	нечетъ
нечетъ	*четъ*	четъ
нечетъ	нечетъ	*четъ*
нечетъ	*четъ*	нечетъ *).

Ясно, что если кости дадутъ первую комбинацію, то выигрываетъ de-Mèré; если же костямъ предрѣшено дать или 2-ую комбинацію, или 3-ью, или 4-ую, или 5-ую комбинацію, то игра останавливается на первомъ ударѣ, и ее выигрываетъ Паскаль. Если костямъ предрѣшено дать 6-ую комбинацію, то игра останавливается на второмъ ударѣ въ пользу Паскаля; 7-я комбинація прекратитъ игру на третьемъ ударѣ то же въ пользу Паскаля; 8-ая же комбинація прекратитъ ее на второмъ ударѣ. и Паскаль тоже выигрываетъ. Итакъ, изъ восьми комбинацій чета съ нечетомъ, могущихъ выпасть въ три удара, *семь* комбинацій въ пользу Паскаля и *только одна* единственная въ пользу de-Méré (первая

*) Удары, кончающіе игру, подчеркнуты ы

комбинацій); а потому шансы Паскаля выиграть эту новую (воображаемую) игру въ семь разъ больше шансовъ de-Mèré.

Эта разница шансовъ въ началѣ этой новой игры и есть та разница нравственныхъ силъ, надеждъ, *вѣроятностей*, добытыхъ въ первой игрѣ, съ которыми противники вступаютъ въ новый бой. А потому Паскаль счелъ справедливымъ раздѣлить между игроками ставку первоначальной, прерванной игры (40 франковъ) согласно именно этимъ шансамъ; такъ, что Паскалю слѣдовало получить за добытые имъ семь шансовъ—35 франковъ, а de-Mèré, за добытый имъ одинъ шансъ—остальные 5 франковъ. Это рѣшеніе было остроумное и справедливое.

Паскаль былъ первый, который помимо всякихъ субъективныхъ предположеній и разсужденій мудрыхъ людей (аристотелевскій способъ), сталъ изображать вѣроятность событія совсѣмъ *объективно, числовыми значками*, какъ, напримѣръ, въ его игрѣ съ de-Méré, гдѣ вѣроятность выигрыша одного игрока относилась къ вѣроятности выигрыша другого, какъ 7 : 1, значитъ, первый игрокъ могъ и рисковать въ семь разъ больше своего партнера.

Въ своей исторической перепискѣ съ французскимъ — математикомъ Ферматомъ, Паскаль выразился о своемъ партнерѣ de-Méré въ такихъ словахъ: „у него замѣчательно быстрый умъ, но онъ не математикъ". Такихъ людей съ быстрымъ соображеніемъ встрѣчаемъ и мы нерѣдко, но большинство изъ нихъ вовсе не знакомо съ *идеей закономѣрности* событій, идеей такъ интересно и глубокомысленно развитой Паскалемъ въ этой перепискѣ, идеей, отнесенной имъ, какъ онъ впервые выразился, къ области *математической вѣроятности* событій.

Постараемся популярно изложить основанія теоріи математической вѣроятности, понятной и не математику, теоріи, имѣющей, какъ мы уже упомянули выше, большой жизненный интересъ; она, такъ сказать, вооружила наше духовное око лупой, наше зрѣніе просвѣтлѣло.

Въ своихъ разсужденіяхъ о дѣлежѣ 40 франковъ, заложенныхъ Паскалемъ и de-Méré въ банкъ, Паскаль весьма остроумно предложилъ выразить свою вѣроятность выигрыша (въ моментъ перерыва игры) дробью $^7/_8$, гдѣ знаменатель есть число *всевозможныхъ* могущихъ получиться комбинацій (см. нашу предыдущую таблицу), а числитель есть число комбинацій *благопріятныхъ выигрышу* (см. ту же таблицу). Мысль Паскаля весьма логично остановилась на *дробной* формѣ выраженія вѣроятности; вѣдь онъ назвалъ вѣроятностью отношеніе благопріятныхъ событію случаевъ ко всевозможнымъ случаямъ, имѣющимся въ виду; а такъ какъ число благопріятныхъ случаевъ всегда бываетъ менѣе числа всевозможныхъ случаевъ, то это отношеніе не можетъ быть инымъ, какъ дробью. Затѣмъ, вѣроятность, выраженная дробью, такъ сказать, воочію показываетъ намъ шансы игрока, стоитъ лишь взглянуть на числителя дроби. Если теперь увеличиваются шансы игрока, то въ той же степени увеличивается и дробь, выражающая вѣроятность; если же уменьшаются, то уменьшается и дробь, выражающая вѣроятность; мы видимъ тѣсную связь между шансами и вѣроятностью выигрыша; такъ что вмѣсто того, чтобы говоритъ о шансахъ, можно говорить о вѣроятностяхъ, совершенно ясно, наглядно рисующихъ шансы, и на оборотъ; да къ тому же и отношеніе между шансами то же самое, что и отношеніе между вѣроятностями, а именно 7 (шансы Паскаля) : 1 (шансъ de-Méré) такъ, какъ $^7/_8$ (вѣроятность Паскаля) : $^1/_8$ (вѣроятность de-Méré).

Точно также вѣроятность выигрыша de-Méré онъ изобразилъ дробью $^1/_8$, которая очевидно въ то же время есть вѣроятность невыигрыша Паскаля, все равно какъ вѣроятность

выигрыша Паскаля $^7/_8$ есть въ то же время вѣроятность невыигрыша de-Méré; такъ что если мы сложимъ вѣроятность выигрыша Паскаля и вѣроятность его невыигрыша, то получимъ $^7/_8 + ^1/_8 = ^8/_8 = 1$, т. е. получимъ *достовѣрность* того факта, что при восьми комбинаціяхъ одна изъ этихъ двухъ вѣроятностей Паскаля должна обязательно оправдаться на дѣлѣ, т. е. онъ или выиграетъ или проиграетъ. Точно также, если мы сложимъ вѣроятности выигрыша обоихъ игроковъ, то получимъ: $^7/_8 + ^1/_8 = ^8/_8 = 1$, т. е. получимъ такую же *достовѣрность* факта, что одна изъ этихъ двухъ вѣроятностей должна оправдаться на дѣлѣ, другими словами, обязательно выигрываетъ или одинъ игрокъ или другой.

Изъ этихъ двухъ случаевъ видно, что *достовѣрность* факта весьма наглядно можно изобразить *единицей*. Для большей ясности возьмемъ такой примѣръ: какъ велика вѣроятность, что изъ колоды картъ въ 52 листа удастся вынуть туза. Ясно, что эта вѣроятность будетъ $^4/_{52}$ (всѣхъ картъ 52, а въ пользу вынутія туза только 4). Теперь спросимъ иначе: какъ велика вѣроятность невынутія туза? Отвѣтъ будетъ такой: такъ какъ всѣхъ картъ 52, а картъ въ пользу невынутія 48, то вѣроятность туза изобразится дробью $^{48}/_{52}$. Теперь если мы сложимъ эти обѣ вѣроятности, то получимъ: $\frac{4}{52} + \frac{48}{52} = \frac{52}{52} = 1$, т. е. получимъ *достовѣрность* факта, что вынутая карта обязательно будетъ или тузъ или не тузъ.

Будемъ впередъ помнить, что достовѣрность событія всегда изображается *единицей*, а вѣроятность всегда *дробью*. Понявъ это, мы поймемъ и то, почему *невозможность* событія должна быть изображена *нулемъ*; въ самомъ дѣлѣ, если мы удалимъ изъ колоды четыре туза, то вѣроятность вынутія изъ полной колоды туза $^4/_{52}$ обратится въ дробь $^0/_{48}$, которая равняется нулю; другими словами, вѣроятность вынутія туза изъ такой колоды равняется *невозможности*. Всѣ эти числовые знаки: дробь, единица, нуль очень наглядно изображаютъ вѣроятность, достовѣрность и невозможность событія.

Какой практическій выводъ можно сдѣлать изъ подобныхъ разсужденій? Выводъ будетъ простой и ясный: если кто-нибудь желаетъ биться объ закладъ за вынутіе туза изъ колоды картъ, то онъ долженъ предварительно знать, что у него только 4 шанса на 52 (вѣроятность $^4/_{52}$); кто же пожелаетъ биться объ закладъ за невынутіе туза, тотъ долженъ знать, что у него 48 шансовъ на 52 (вѣроятность $^{48}/_{52}$); такъ что если первый игрокъ поставитъ за вынутіе туза вообще примѣрно 4 руб., то второй игрокъ смѣло можетъ поставить за невынутіе 48 рублей, или что то-же—первый ставитъ 2 руб., а второй 24 руб. (будемъ это помнить). Въ этомъ случаѣ шансы игроковъ на выигрышъ будутъ одинаковы, и игра будетъ математически равная, *безобидная*, ибо ставки сдѣланы такъ, что ни тотъ, ни другой игрокъ не имѣютъ одинъ передъ другимъ выгоды.

Сначала выигрыши будутъ выпадать какъ бы въ безпорядкѣ, то въ пользу одного игрока, то въ пользу другого; но если игроки сыграютъ *очень большое число* такихъ безобидныхъ игръ, и если подсчесть денежные результаты всѣхъ этихъ игръ, то окажется, что выигрыши сторонъ почти *равны*. Въ нашемъ примѣрѣ безобидное отношеніе ставокъ есть 2 : 24, т. е. при очень большомъ числѣ игръ, на каждыя двѣ выигранныя партіи перваго игрока придется 24 выигранныхъ партій второго игрока; а въ результатѣ, двѣ выигранныхъ партіи по 24 руб. дадутъ тѣ же 48 рублей, которые достанутся второму игроку отъ 24-хъ выигранныхъ имъ игръ, каждая по 2 рубля.

Подобный исходъ игры ни въ чью свойственъ всякой безобидной игрѣ. Если же безобидное отношеніе ставокъ будетъ нарушено, то въ результатѣ обязательно окажется съ одной стороны выигрышъ, а съ другой проигрышъ. Конечно, и здравый смыслъ, какъ выразился Лапласъ, можетъ въ подобныхъ случаяхъ очень многое подсказать, но онъ дастъ совѣтъ не столь отчетливый, не столь точный, какъ это дѣлаетъ теорія вѣроятностей.

Будемъ продолжать наши разсужденія въ духѣ теоріи вѣроятностей. Предложимъ такой вопросъ: какъ велика вѣроятность вынутія не туза вообще, а туза черной масти? Эта вѣроятность выразится дробью $^2/_{52}$, вдвое меньшей противъ дроби, выражающей вѣроятность вынутія вообще туза ($^4/_{52}$); оно такъ и должно быть, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о четырехъ тузахъ, а только о двухъ черной масти. Вѣроятность же невынутія туза черной масти будетъ $^{50}/_{52}$, т. е. на 2 шанса вынутія туза черной масти приходится 50 шансовъ невынутія; другими словами, противъ 2-хъ рублей за вынутіе можно противной сторонѣ смѣло поставить 50 рублей, дабы игра могла бы считаться безобидной. Казалось бы, что если за невынутіе вообще туза, какъ это мы видѣли въ прошломъ примѣрѣ, можно было поставить 24 противъ 2-хъ, то въ данномъ случаѣ, за невынутіе туза черной масти можно будетъ поставить 48 противъ 2-хъ, ибо въ первомъ случаѣ дѣло шло о четырехъ тузахъ, а здѣсь только о двухъ. На самомъ дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то, а именно: теорія вѣроятности только что показала, что за невынутіе туза черной масти можно поставить противъ 2-хъ не 48, а 50, и поставить ихъ безъ всякаго риску, ибо, въ концѣ концевъ, игра розыграется обязательно ни въ чью.

Изобразимъ болѣе наглядно этотъ курьезъ. Я ставлю 2 руб. за вынутіе туза вообще; мой противникъ ставитъ 24 руб. Далѣе, я ставлю 2 руб. за вынутіе туза черной масти, и ожидаю, что мой противникъ, видя что моя вѣроятность уменьшилась вдвое, поставитъ двойной кушъ, т. е. 48 рублей; оказывается же, что теорія вѣроятностей подсказала ему поставить не 48 руб., а даже 50 руб., обѣщая, что игра будетъ для него безобидной.

Въ началѣ, когда завязывались между учеными разные споры изъ области теоріи вѣроятностей, подобные неожиданные сюрпризы не могли ихъ не поражать. Намъ кажется, что и читатель удивленъ этою кажущеюся несообразностью; но вѣдь съ математикой нельзя спорить, она молча всѣхъ переспоритъ. Если здравый смыслъ подсказываетъ намъ, что, съ уменьшеніемъ вѣроятности событія, должна измѣниться и ставка, то теорія вѣроятностей укажетъ намъ *точно*, на сколько именно она должна измѣниться и сколькимъ можно безобидно рисковать въ каждомъ данномъ случаѣ pro и contra.

Идемъ далѣе. Мы имѣемъ передъ собой, напр., четыре могущихъ совершиться событія,—и знаемъ вѣроятность каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Какъ теперь узнать вѣроятность того, что совершится *или* первое событіе, *или* второе, *или* третье, *или* четвертое? Другими словами, сколько можно поставить за то, что совершится *одно изъ нихъ*, и сколько можетъ поставить противная сторона за то, что ни одно изъ нихъ не совершится?

Возьмемъ знакомый примѣръ. Мы знаемъ вѣроятность вынутія изъ колоды каждаго туза въ отдѣльности, она будетъ $^1/_{52}$; требуется узнать вѣроятность того, что выйдетъ, съ первой же вынутой картой, *или* тузъ червей, *или* тузъ бубенъ, *или* тузъ трефъ, *или* тузъ пикъ, короче сказать, что первая же вынутая карта окажется однимъ изъ тузовъ?

Уже сама задача подсказываетъ намъ, что въ вѣроятность вынутія

вообще туза должны войти всѣ четыре одинаковыя вѣроятности вынутія каждаго туза въ отдѣльности, но это надо доказать. Если шансъ на вынутіе, напр., туза червей составляетъ четверть шанса на вынутіе вообще какого нибудь туза, то, конечно, какъ мы видѣли выше (когда говорили о дробной формѣ выраженія вѣроятности), и вѣроятность вынутія туза червей ($^1/_{52}$), составитъ четверть вѣроятности вынутія вообще туза. Тѣ же разсужденія, понятно, приложимы и къ другимъ тузамъ. Если же мы сложимъ всѣ эти четыре вѣроятности, составляющія, каждая въ отдѣльности, *четверть* искомой вѣроятности вынутія вообще туза, то понятно получимъ эту искомую вѣроятность, т. е. $^1/_{52} + ^1/_{52} + ^1/_{52} + ^1/_{52} = ^4/_{52}$; а эта дробь $^4/_{52}$ и есть, какъ мы выше видѣли, вѣроятность вынутія изъ колоды вообще туза. Поэтому, можно вывести такой законъ: если мы сложимъ вѣроятности отдѣльныхъ событій, то въ суммѣ получимъ вѣроятность того, что совершится *или* первое событіе, *или* второе, *или* третье, *или* четвертое, другими словами, что совершится одно изъ отдѣльныхъ событій*).

Но эту вѣроятность нельзя смѣшивать съ вѣроятностью *сложнаго событія*. Въ предыдущемъ примѣрѣ разсматривалось несложное событіе, такъ какъ отыскивалась вѣроятность совершенія *или* одного, *или* другого, *или* третьяго событія, здѣсь же будетъ рѣчь объ *одновременномъ* совершеніи нѣсколькихъ событій. Для отысканія вѣроятности сложнаго событія требуются уже другіе пріемы, чѣмъ въ предъидущемъ примѣрѣ. Возьмемъ такой случай. Мы выкидываемъ одновременно двѣ кости и желаемъ узнать вѣроятность того, что обѣ кости одинаково выпадутъ четырехъ-очковыми гранями вверхъ. Тутъ уже нельзя будетъ, какъ это дѣлали въ прошломъ примѣрѣ, складывать отдѣльныя вѣроятности, т. е. складывать $^1/_6$ съ $^1/_6$ (6 — число всѣхъ граней, а 1—число граней, благопріятныхъ выпаденію стороны съ четырьмя очками); тутъ придется поступить уже иначе, ибо это событіе *сложное*. Эта задача наводитъ насъ на такія мысли: такъ какъ шесть чиселъ одной кости (отъ 1 до 6) могутъ, при одновременномъ выбрасываніи двухъ костей, комбинироваться съ каждымъ изъ шести чиселъ другой кости, то значитъ можетъ быть тридцать шесть разныхъ комбинацій ($6 \times 6 = 36$); какая изъ этихъ комбинацій выпадетъ, мы, конечно не знаемъ, но знаемъ что вѣроятность выпаденія сразу двухъ 4-хъ очковыхъ граней будетъ $^1/_{36}$, такъ какъ всѣхъ комбинацій 36, а въ пользу выпаденія двухъ 4-хъ очковыхъ граней—*только одна*. Но мы получимъ ту-же самую вѣроятность сложнаго событія $^1/_{36}$, если перемножимъ вѣроятности событій, составляющихъ это сложное событіе, $^1/_6 \times ^1/_6 = ^1/_{36}$, гдѣ $^1/_6$ и $^1/_6$ суть вѣроятности выпаденія грани съ 4-мя очками въ каждой кости порознь (въ кости всѣхъ граней 6, а граней съ 4-мя очками только одна). Отсюда слѣдуетъ такой законъ: вѣроятность сложнаго событія получится, если перемножимъ вѣроятности событій, входящихъ въ составъ этого сложнаго событія.

Мы можемъ повѣрить этотъ законъ на картахъ. Раздѣлимъ колоду въ 52 листа на четыре части, въ каждой по 13 картъ, затѣмъ въ какой части находится, напр., тузъ пикъ, мы не знаемъ. Предлагается на разрѣшеніе такой вопросъ: какая будетъ вѣроятность того, что вынутая карта (тому, кто вынимаетъ карту, предоставляется выбрать любую изъ четырехъ частей колоды) будетъ тузъ пикъ? Очевидно, что это событіе сложное, ибо надо, вопервыхъ, угадать часть, а, во-вто-

*) Въ жизни на каждомъ шагу приходится комбинировать такимъ образомъ событія.

рыхъ, *одновременно*-же угадать и и карту. Если же мы перемножимъ вѣроятность попасть на ту часть, гдѣ тузъ пикъ ($^1/_4$), на вѣроятность вынутія туза пикъ изъ этой части ($^1/_{13}$), то получимъ: $^1/_4 \times ^1/_{13} = ^1/_{52}$, а эта дробь, какъ мы выше видѣли, есть не что иное, какъ вѣроятность вынутія туза пикъ изъ цѣльной колоды. Этимъ примѣромъ вполнѣ подтверждается законъ нахожденія вѣроятности сложнаго события.

Другой примѣръ. Передъ нами двѣ чаши, въ одной изъ нихъ 9 шаровъ (5 бѣлыхъ, 3 черныхъ, 1 синій), а въ другой 20 шаровъ (3 бѣл., 12 чер., 5 син.). Требуется узнать, какъ велика вѣроятность того, что одновременно вынутые два шара, изъ каждой чаши по одному, будетъ одинаковаго цвѣта*)? Задача кажется весьма сложной, но при помощи теоріи вѣроятности рѣшить ее не трудно. Мы будемъ разсуждать такъ: каждый шаръ первой чаши (9 шаровъ) можетъ комбинироваться съ каждымъ шаромъ второй чаши (20 шаровъ), такъ что всѣхъ возможныхъ комбинацій по двое можетъ быть только 180, ибо $9 \times 20 = 180$. Далѣе, вѣроятность вынутія изъ первой чаши бѣлаго шара будетъ $^5/_9$; вѣроятность же вынутія бѣлаго изъ второй чаши будетъ $^3/_{20}$; значитъ, вѣроятность одновременнаго вынутія двухъ бѣлыхъ шаровъ (сложное событіе) будетъ $^5/_9 \times ^3/_{20} = ^{15}/_{180}$. Такимъ же образомъ вычисляемъ вѣроятность одновременнаго вынутія двухъ черныхъ шаровъ $^3/_9 \times ^{12}/_{20} = ^{36}/_{180}$, и вѣроятность одновременнаго вынутія двухъ синихъ шаровъ $^1/_9 \times ^5/_{20} = ^5/_{180}$. Теперь для того, чтобы найти вѣроятность вынутія *или* двухъ бѣлыхъ, *или* двухъ черныхъ, *или* двухъ синихъ шаровъ (это будетъ уже не сложное событіе), надо сдѣлать только то, что мы дѣлали съ вѣроятностями въ томъ случаѣ, когда отыскивали вѣроятность вынутія *или* туза червей, *или* туза бубенъ, *или* туза трефъ, *или* туза пикъ; если читатель забылъ, то мы можемъ припомнить -- мы складывали отдѣльныя вѣроятности и получали въ суммѣ вѣроятность совершенія одного изъ этихъ событій, т. е. вѣроятность вынутія *или* туза червей, *или* туза бубенъ, и т. д. Сдѣлаемъ то же самое и съ вѣроятностями вынутія *или* двухъ бѣлыхъ шаровъ, *или* двухъ черныхъ шаровъ, и т. д.; тогда мы получаемъ: $^{15}/_{180} + ^{36}/_{180} + ^5/_{180} = ^{56}/_{180}$, это и будетъ искомая вѣроятность; она намъ показываетъ, что на 180 одновременныхъ выниманій двухъ шаровъ можно расчитывать только на 56 случаевъ выниманій шаровъ одного цвѣта.

Задача разрѣшилась весьма просто благодаря только математическому пріему. Читатель не долженъ удивляться, если у него (если онъ захочетъ повѣрить этотъ выводъ на опытѣ) на 180 подобныхъ выниманій окажется не 56 случаевъ, а болѣе или менѣе того; не надо забывать, что теорія вѣроятности подсказываетъ вѣроятность не для одного случая, а для *очень большого числа случаевъ*, такъ что если продѣлать не 180 выниманій шаровъ, а очень большое число выниманій, то безъ сомнѣнія вѣроятность $^{56}/_{180}$ найдетъ себѣ оправданіе, т. е. на каждыя 180 выниманій придется если и не 56 выниманій одноцвѣтныхъ шаровъ, то во всякомъ случаѣ получится число весьма близкое къ 56.

Поговоримъ болѣе подробно о томъ, какъ надо понимать выраженіе: *математическая вѣроятность событія нашла себѣ оправданіе.*

Если мы вычислимъ a priori (т. е. теоретично, умственно) площади двухъ разныхъ по виду геометри-

*) Во всѣхъ нашихъ примѣрахъ подъ видомъ тузовъ и шаровъ надо понимать разныя обстоятельства, благопріятныя и неблагопріятныя какому нибудь извѣстному событію въ жизни, колода же или сосудъ скрываютъ отъ нашего вѣдѣнія настоящее расположеніе обстоятельствъ.

ческихъ очертаній и найдемъ, что обѣ площади равны между собой, то и на практикѣ, изыскавъ тотъ или другой способъ выкройки одного очертанія изъ другого, эти площади совершенно точно другъ друга покроютъ; и математическая точность вполнѣ оправдалась на самомъ дѣлѣ. Но можно ли сказать, что математическая вѣроятность какого нибудь событія, вычисленная тоже a priori, обязательно оправдается на самомъ дѣлѣ? Напр., вѣроятность вынутія изъ колоды красной масти будетъ $^{26}/_{52} = {}^{1}/_{2}$; дабы эта вѣроятность могла бы оправдаться, необходимо, чтобъ каждый разъ, изъ двухъ вынутыхъ изъ колоды картъ (возвращая ихъ каждый разъ обратно) непремѣнно была бы одна изъ нихъ красной масти. Мы вынимаемъ двѣ карты, и обѣ оказываются черной масти; математическая вѣроятность видимо не оправдалась.

Другой примѣръ. Вѣроятность выпаденія, при киданіи кости, грани, положимъ, съ однимъ очкомъ будетъ $^{1}/_{6}$; мы кидаемъ кость шесть разъ подрядъ и ни разу не получаемъ грани съ однимъ очкомъ. Математическая вѣроятность и здѣсь видимо не оправдалась.

Читатель, привыкшій къ тому, что *математическая точность* вошла даже въ поговорку, недоумѣваетъ и говоритъ: какой же смыслъ имѣетъ вычисленная a priori математическая вѣроятность событій, когда эти событія на самомъ дѣлѣ не сбываются, и когда вѣроятность на каждомъ шагу расходится съ дѣйствительностью?

На это мы можемъ отвѣтить словами, которыми мы начали нашъ очеркъ; мы сказали, что въ природѣ не бываетъ ничего случайнаго; если намъ и кажется, что въ первомъ примѣрѣ появленіе двухъ картъ черной масти, или во второмъ примѣрѣ невыпаденіе грани съ однимъ очкомъ—есть дѣло слѣпого случая, то жестоко ошибаемся. Не будемъ спорить съ тѣмъ, что факты, подобные двумъ предыдущимъ, имѣютъ характеръ чего то измѣнчиваго, произвольнаго, какъ бы не подлежащаго нашей критикѣ; собственно говоря, измѣнчивость въ данномъ случаѣ даже въ порядкѣ вещей, факты обязательно должны быть таковыми, такъ какъ они въ зависимости отъ измѣнчивыхъ же условій, какъ то: отъ различнаго выпаденія самой кости, которую трудно выпилить математически точно, отъ неровной выточки стакана, изъ котораго выбрасываютъ кость, отъ движенія воздуха во время бросанія, отъ поверхности, на которую выкидываютъ кость, отъ угла выкидыванія и, наконецъ, отъ манипуляцій самаго игрока, какъ то: потряхиванія и обратнаго вложенія кости въ стаканъ. Читатель продолжаетъ насъ вопрошать: если все это измѣнчиво, то къ чему можетъ повести исканіе вѣроятности измѣнчиваго событія?

Въ отвѣтъ мы приведемъ такой примѣръ. Напишемъ очень много разъ подрядъ какую нибудь букву. Строго говоря, каждый разъ мы пишемъ ее разно, но въ общемъ, отклоняясь то въ одну, то въ другую сторону, мы придерживаемся извѣстнаго *типа* этой буквы, и она выходитъ у насъ каждый разъ, если и не одинаковой, то во всякомъ случаѣ типичной. То же самое замѣчаемъ мы и въ жизни; при повтореніи какого нибудь физическаго или нравственнаго движенія, мы совершаемъ его каждый разъ хотя и различно въ общемъ, но въ общемъ группируемъ наши шаги около извѣстной типичности, которая присуща нашей индивидуальной натурѣ.

Нѣчто подобное совершается и при выкидываніи изъ стакана кости. Положимъ, что кость выпилена съ математическою точностью, не позволяющей ей при выкидываніи тяготѣть къ одной грани болѣе, чѣмъ къ другой; результатъ выпаденій будетъ, въ данномъ случаѣ,

зависѣть только отъ вышеупомянутыхъ измѣнчивыхъ условій, какъ то: отъ способа потряхиванія стакана, отъ движенія воздуха и проч. Дѣйствительно, сначала мы не замѣчаемъ въ выкидываніи кости никакой правильности, но уже затѣмъ, при *очень большомъ числѣ* выкидываній, всѣ эти вышеупомянутыя случайныя обстоятельства, работая то въ плюсъ, то въ минусъ, другъ друга парализуютъ, и въ концѣ концовъ, получается изъ выкидываній удивительная, неожиданная *правильность*, получается извѣстная *типичная* форма, въ которой предсказанная a priori вѣроятность находитъ себѣ полное оправданіе. Такимъ образомъ, вѣроятность выпаденія грани съ однимъ очкомъ или грани съ двумя очками, и т. д. (всѣ эти вѣроятности одинаково выражаются дробью 1/6) найдетъ себѣ, при *очень большомъ числѣ* выкидываній кости, типичное оправданіе въ видѣ того, что числа выпаденій граней съ однимъ очкомъ, съ двумя очками, и т. д. будутъ почти равны между собой; другими словами, на шесть выкидываній каждой грани придется выпасть по разу. Какъ же послѣ этого не называть вѣроятность этого событія (1/6) *строго математической*, какъ послѣ этого не назвать идею, вложенную Паскалемъ въ этотъ числовой знакъ, геніальной!

Если кость выпилена не строго математически вѣрно, а имѣетъ нѣкоторую погрѣшность, вслѣдствіе которой она тяготѣетъ къ однимъ гранямъ болѣе, чѣмъ къ другимъ, то и въ этомъ случаѣ въ результатѣ получится не хаотическое безпорядочное выпаденіе граней, а тоже извѣстная *типичность* выпаденій, въ которой число выпаденій граней будетъ пропорціонально тяготѣнію къ нимъ неровно выпиленной кости. Опять мы усматриваемъ здѣсь извѣстную *закономѣрность* событій, не смотря на погрѣшность самой кости; усматриваемъ извѣстный порядокъ въ выкидываніяхъ, вполнѣ поддающійся, не смотря на его случайный характеръ, математическому изслѣдованію.

Итакъ, мы видимъ, что теорія вѣроятностей призвана устанавливать *законъ въ такъ называемыхъ случайностяхъ*; она призвана не предсказывать событія, какъ это дѣлаютъ фокусники и гадальщицы, а только оцѣнивать событія и помогать намъ разбираться въ томъ, что не только намъ извѣстно, но что, по нашему невѣдѣнію, не подлежитъ никакой оцѣнкѣ. Не смотря на случайный характеръ совершающихся передъ нами событій, мы знаемъ, чего можемъ ожидать въ будущемъ, знаемъ, чего слѣдуетъ держаться. А развѣ все это не даетъ намъ извѣстную увѣренность въ нашихъ сужденіяхъ, въ нашихъ жизненныхъ шагахъ?

Французскій математикъ Пуассонъ назвалъ этотъ законъ *закономъ большихъ чиселъ*, и понятно почему: чѣмъ больше число наблюденій, тѣмъ большее себѣ оправданіе найдетъ въ нихъ вѣроятность событія, предсказанная a priori. Законъ большихъ чиселъ есть наиболѣе неоспоримый законъ въ области прикладной математики.

Открытіе закона большихъ чиселъ, или иначе говоря, *закона въ случайностяхъ*, отозвалось весьма благотворно и существенно на нашей практической жизни, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Путь, приведшій людей науки отъ этого закона къ благотворному его примѣненію въ жизни, будетъ намъ только тогда понятенъ, когда мы выяснимъ себѣ, что именно значитъ опредѣленіе вѣроятности событія *a posteriori*, т. е. опредѣленіе по имѣющимся на лицо фактамъ.

Пріемъ опредѣленія вѣроятности a posteriori совсѣмъ противоположенъ пріему опредѣленія вѣроятности a priori, гдѣ сперва опредѣляютъ вѣроятность умственно, теоретично, непосредственно прямо изъ условій

задачи, а уже затѣмъ слѣдятъ на разныхъ фактахъ за ея проявленіемъ за ея оправданіемъ, т. е. опредѣляютъ въ разныхъ случаяхъ мѣру ожиданія, что мы и видѣли до сихъ поръ во всѣхъ нашихъ примѣрахъ. Здѣсь же (a posteriori) происходитъ все наоборотъ; намъ данъ рядъ голыхъ фактовъ, и мы должны изъ нихъ опредѣлить вѣроятность, которая могла бы въ этихъ фактахъ найти себѣ оправданіе.

Разъяснимъ эту разницу на примѣрѣ. Мы вывели a priori вѣроятность вынутія изъ колоды вообще туза $^4/_{52}$; мы вынимаемъ изъ колоды подрядъ десять тысячъ картъ и видимъ, что, по закону большихъ чиселъ, на каждыя 52 карты приходится 4 туза; вѣроятность $^4/_{52}$ оправдалась на самомъ дѣлѣ. Теперь наоборотъ. Мы имѣемъ 10 тысячъ вынутыхъ изъ колоды картъ, ни о какой вѣроятности не слышали и вовсе не знаемъ, какая вѣроятность оправдалась въ этихъ десяти тысячахъ картахъ; для насъ всѣ эти вынимавія представляются какъ бы безпорядочными голыми фактами, ровно ничего намъ не говорящими. Намъ надо разобраться въ этихъ голыхъ фактахъ и добраться до вѣроятности ($^4/_{52}$), которая, какъ мы только что видѣли, нашла себѣ въ нихъ блистательное оправданіе. Опредѣленная такимъ путемъ изъ голыхъ фактовъ вѣроятность и называется вѣроятностью a posteriori.

Приведемъ примѣръ болѣе сложный. Предположимъ, что въ чашѣ находятся 6000 шаровъ (1000 черн. 2000 бѣл., 3000 син.). Вѣроятность вынутія чернаго шара, вычисленная a priori, будетъ $\frac{1000}{6000}=\frac{1}{6}$; вѣроятность вынутія бѣлаго будетъ $\frac{2000}{6000}=\frac{2}{6}$; вѣроятность вынутія синяго будетъ $\frac{3000}{6000}=\frac{3}{6}$. Вынемъ изъ чаши подрядъ примѣрно 1200 шаровъ (опуская каждый разъ шаръ обратно въ чашу). По закону большихъ чиселъ, числа вынутыхъ шаровъ чернаго, бѣлаго и синяго цвѣтовъ должны относиться другъ къ другу пропорціонально вѣроятностямъ, т. е. относиться, какъ $\frac{1}{6}:\frac{2}{6}:\frac{3}{6}$, или что то же, какъ $1:2:3$ *). Значитъ, мы вправѣ ожидать, что въ числѣ вынутыхъ 1200 шаровъ окажется 200 черныхъ, 400 бѣлыхъ и 600 синихъ. Но на самомъ дѣлѣ мы получили числа нѣсколько иныя, а именно: черныхъ оказалось 199 (вмѣсто 200), бѣлыхъ 405 (вмѣсто 400) и синихъ 590 (вмѣсто 600). Теперь положимъ, что эти цифры сообщены постороннему лицу, которое вовсе и не знаетъ, сколько было всего шаровъ въ чашѣ и сколько каждаго цвѣта; такъ что для него всѣ эти вынутія представляются дѣломъ какъ бы слѣпой случайности. Что можетъ онъ вывести изъ этихъ голыхъ чиселъ?

На помощь этому постороннему лицу является законъ большихъ чиселъ (т. е. законъ въ случайностяхъ), который такъ подробно разработанъ швейцарскимъ математикомъ Яковомъ Бернулли; этотъ законъ заключается въ слѣдующемъ: если мы имѣемъ передъ собой рядъ событій, выраженныхъ числами и находящихся другъ къ другу въ извѣстномъ пропорціональномъ отношеніи (какъ въ только что приведенномъ примѣрѣ 199 : 405 : 590); то если только не измѣняются обстоятельства при повтореніи этихъ событій (т. е. при вторичномъ вынутіи изъ чаши 1200-хъ шаровъ), то числа вынутыхъ черныхъ, бѣлыхъ и синихъ шаровъ второй серіи будутъ относиться другъ къ другу приблизительно такъ же, какъ и въ первой серіи, т. е. какъ 199 : 405 : 590. И это предположеніе можно сдѣлать вовсе независимо отъ знанія обстоятельствъ, сопутствующихъ событію

*) Это есть основное положеніе закона большихъ чиселъ, о которомъ мы уже нѣсколько разъ упоминали въ нашемъ очеркѣ.

первой серіи, т. е. намъ вовсе и не надо знать того, что въ чашѣ находится черныхъ шаровъ 1000, бѣлыхъ 2000 и синихъ 3000, мы и безъ этого знанія по фактамъ сумѣемъ вывести относительныя вѣроятности событій. Это и называется опредѣленіемъ вѣроятности *a posteriori*.

Нечего удивляться этой правильности, закономѣрности въ относительныхъ числахъ повторяющихся событій (конечно только при большомъ числѣ наблюденій); мы въ этомъ ежедневно убѣждаемся, да и самъ этотъ фактъ легко схватывается здравымъ смысломъ; если извѣстный modus vivendi закономѣрно проявляется въ той либо другой формѣ то, если не мѣняются условія жизни, зачѣмъ ему въ будущемъ проявляться иначе? Конечно, въ частной жизни какое-нибудь ворвавшееся въ нее событіе можетъ измѣнить ее весьма существенно, но въ такихъ міровыхъ вопросахъ какъ, напр., опредѣленіе смертности по возрастамъ (конечно, только для опредѣленнаго раіона), отдѣльно ворвавшееся въ частную жизнь событіе не можетъ чувствительно повліять на закономѣрность общаго хода событій, такъ что, при сохраненіи тѣхъ же условій, для грядущихъ событій этого же рода вѣроятность ихъ осуществленія будетъ та же *).

На опредѣленіи вѣроятности a posteriori основана цѣлая наука, называемая *статистикой*. наука хотя еще очень юная, тѣмъ не менѣе уже пришедшая къ поразительнымъ выводамъ въ дѣлѣ выясненія закономѣрности событій, о которой до нея мы не имѣли никакого понятія. Многимъ покажется празднымъ любопытствомъ составлять списки рожденій (по поламъ), смертей (по возрастамъ), браковъ, самоубійствъ и проч.; но тутъ все дѣло не въ записываніи цифръ, а въ умѣніи ихъ прочесть, въ умѣніи сдѣлать изъ нихъ полезные выводы, въ умѣніи усмотрѣть въ цифрахъ прогрессъ или регрессъ какого-нибудь явленія, въ умѣніи нарисовать себѣ живую картину взаимодѣйствія соціологическихъ условій на эволюцію общества.

Возьмемъ самый простой примѣръ. Если изъ очень большаго числа наблюденій, сдѣланныхъ въ извѣстномъ раіонѣ, оказалось, что числа смертей въ 20-ти, въ 40-ка и въ 60-тилѣтнемъ возрастахъ относятся другъ къ другу примѣрно, какъ 1 : 2 : 3, то по закону большихъ чиселъ, и вѣроятности наступленія смерти въ этихъ возрастахъ должны были находиться въ такомъ же другъ къ другу отношеніи. Если въ этомъ же раіонѣ условія жизни людей не измѣнятся, то и въ будущемъ отношенія между вѣроятностями наступленія въ этихъ возрастахъ смерти будутъ приблизительно тѣ-же.

Вотъ эти-то вѣроятности, выведенныя a posteriori изъ закона большихъ чиселъ, и лежатъ въ основаніи такихъ высоко культурныхъ учрежденій какъ, напр., разныя общества страхованія жизни на случай смерти, которыя, благодаря только теоріи вѣроятности, въ каждомъ данномъ случаѣ знаютъ, какой преміей они могутъ рисковать, дабы не потерпѣть убытокъ.

Теорію вѣроятности можно назвать цементомъ, на которомъ воздвигнуты всѣ эти высоко-культурныя учрежденія.

Читатель въ правѣ задать намъ такой вопросъ: если всѣмъ на свѣтѣ руководитъ только одна закономѣрность, то куда же дѣвалась свободная воля человѣка? Можно ли вѣрить въ нравственный прогрессъ и одновременно же не признавать свободной воли человѣка, безъ кото-

*) Математикъ Гауссъ, играя ежедневно въ карты съ тѣми же самыми партнерами, имѣлъ терпѣніе записывать, въ продолженіи очень многихъ лѣтъ, число доставшихся каждому изъ нихъ партій съ однимъ тузомъ, съ двумя тузами и т. д. оказалось, что у всѣхъ перебывало почти одно и тоже число такихъ партій.

рой немыслима нравственная эволюція *)?

Въ отвѣтъ приведемъ такой примѣръ. Положимъ, что волею одного лица или волею народа (для насъ это все равно) проведена въ государствѣ извѣстная реформа, вслѣдствіе которой жизнь должна потечь обязательно уже въ другихъ рамкахъ. Проходятъ десять—двадцать лѣтъ, и статистика показываетъ намъ, что реформа дала, положимъ, благіе результаты (напр., введеніе гласности уменьшило въ государствѣ беззаконіе, увеличеніе грамотности и упорядоченіе экономическихъ условій уменьшило въ народѣ число преступленій и т. д.). Теорія вѣроятности вовсе и не помышляетъ посягать на свободную волю, вопросъ слишкомъ сложный, да къ тому же, вовсе и не ея дѣло разбирать, свободенъ ли человѣкъ или ему только кажется, что онъ свободенъ, она, опираясь на статистику, только оцѣниваетъ нравственное бездѣйствіе воли цифрами и предсказываетъ на будущее благое или не благое ея вліяніе; скажемъ даже болѣе—поставить вѣрный критеріумъ свободной волѣ можно ничѣмъ инымъ, какъ только цифрами.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали въ нашемъ очеркѣ о важномъ благотворномъ соціологическомъ значеніи, которое люди науки съумѣли придать теоріи вѣроятности. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ физической и духовной жизни общества.

Благодаря теоріи вѣроятности оказалось возможнымъ, изъ весьма большаго числа наблюденій, составить (конечно, для извѣстнаго опредѣленнаго раіона) таблицы смертности по возрастамъ, по поламъ, по сословіямъ, по національностямъ и т. д. Эти таблицы легли въ основаніе самыхъразнообразныхъ,коммерческихъ обществъ страхованія жизни; имъ обязаны своимъ безбѣднымъ существованіе оставшіяся, послѣ смерти застрахованныхъ въ обществѣ лицъ, вдовы и сироты; благодаря только этимъ таблицамъ могли возникнуть разныя учрежденія, гарантирующія пожизненный доходъ лицамъ, внесшимъ единовременно въ это учрежденіе извѣстную сумму. Такъ, напр., личность, которой 60 лѣтъ, желаетъ получать пожизненно пенсію въ размѣрѣ 25 рублей въ мѣсяцъ; возникаетъ вопросъ—сколько слѣдуетъ ему для того внести единовременно въ учрежденіе?—вопросъ, разрѣшаемый только при помощи теоріи вѣроятности, вопросъ, разрѣшаемый для мужчинъ иначе, чѣмъ для женщинъ, такъ какъ процентъ смертности мущинъ, при равенствѣ возрастовъ, превышаетъ процентъ смертности женщинъ *).

Другой примѣръ. Положимъ, что 100 вкладчиковъ самыхъ разнообразныхъ возрастовъ и обоихъ половъ внесли въ учрежденіе единовременно каждый по 1000 рублей. Требуется вычислить, на какую пожизненную пенсію имѣетъ право расчитывать каждый вкладчикъ по истеченіи 10-ти лѣтъ? Повидимому, вопросъ весьма сложный, но въ тоже время разрѣшимый весьма легко по теоріи вѣроятности, выработавшей таблицу смертности по возрастамъ и дающей увѣренность учрежденію, что оно никогда не лопнетъ, если только будетъ строго придерживаться даннымъ теоріей вѣроятности указаніямъ. Подобныхъ страховыхъ самыхъ разнообразныхъ обществъ можно встрѣтить въ изобиліи во всякомъ культурномъ государствѣ.

Вопросы изъ разныхъ сферъ духовной жизни, гдѣ замѣшаны самые разнообразные и перепутанные между собой нравственные факторы, не поддаются строгому математиче-

---

*) Свободной волей мы называемъ равнодѣйствующую самыхъ разнообразныхъ, въ каждый данный моментъ, физическихъ и нравственныхъ импульсовъ.

*) Примѣрно какъ 106 : 100. Числа рожденій мальчиковъ и дѣвочекъ находятся въ такомъ же другъ къ другу отношеніи.

скому анализу. Такимъ образомъ, напр., правдивость свидѣтелей, а слѣдовательно, и правдоподобіе повѣствуемой ими исторіи или хронологіи останутся навсегда нерѣшенными. Но всетаки и въ подобныхъ случаяхъ теорія вѣроятности можетъ оказать нѣкоторую помощь при оцѣнкѣ *степени* довѣрія, съ которымъ можно отнестись къ показаніямъ свидѣтелей. Для примѣра положимъ, что мы имѣемъ, по одному дѣлу, весьма разнорѣчивыя показанія двухъ свидѣтелей X. и У., и мы желаемъ знать вѣроятность правдивости ихъ общихъ показаній. Возьмемъ сперва показанія X-са; если бы мы имѣли возможность разобраться въ нихъ, отобрать число правдивыхъ. то вѣроятность правдивости рѣчи X-са выразилась бы дробью $\frac{\text{число правдив. показаній}}{\text{число всѣхъ показаній}}$. То же самое дѣлаемъ и съ показаніями У-ка, мы получаемъ вѣроятность правдивости его рѣчи въ видѣ дроби: $\frac{\text{число правдив. показаній}}{\text{число всѣхъ показаній}}$. Вѣроятность же правдивости ихъ общей рѣчи, иначе говоря, ихъ общихъ показаній (это есть сложное событіе) получится, если мы перемножаемъ между собой вѣроятности правдивости рѣчи каждаго изъ нихъ *).

Указавъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ, какимъ путемъ человѣкъ съумѣлъ извлечь практическую пользу изъ теоріи вѣроятности въ дѣлахъ изъ области коммерческихъ предпріятій, изъ области науки, а затѣмъ и изъ области духовной жизни. мы добавимъ только одно, а именно, что въ вопросахъ государственныхъ (новые законы, увеличеніе грамотности и т. д.), въ вопросахъ экономическихъ (переселенія, протекціонизмъ, вывозъ заграницу хлѣба и т. д.), въ вопросахъ политико-экономическихъ (приростъ населенія, употребленіе бумаги. мыла и проч., какъ признакъ культуры, и т. д.), въ вопросахъ нравственной статистики (приговоры, оправданія, выборы кандидатовъ, свидѣтельскія показанія, убійства, самоубійства и т. д.), въ вопросахъ научныхъ (нахожденіе предѣла ошибокъ въ астрономіи, предсказанія въ физикѣ и въ химіи и т. д.), вездѣ теорія вѣроятности, тѣмъ или инымъ способомъ, освѣщаетъ невидимое и направляетъ намъ умъ въ сторону истины; мы знаемъ куда идемъ, знаемъ чего можно ожидать, знаемъ, что должны дѣлать, знаемъ, чего должны держаться, знаемъ, какъ пособить людямъ, болѣзненно задѣтыхъ жизнью, какъ доставить имъ наибольшую сумму добра и проч. и проч. А всего этого уже довольно, чтобъ назвать теорію вѣроятности не игрой математической фантазіи, а наукой дѣйствительно геніальной и полезной въ практической жизни. Просимъ читателя не дѣлать изъ всего вышесказаннаго такого вывода, что будто бы только теорія вѣроятности научаетъ дѣлать добро; нѣтъ, научаетъ дѣлать добро чувство, внушенное человѣку откровеніемъ свыше, чувство, которое, все равно какъ и талантъ, дается, а не покупается за деньги; теорія же вѣроятности только учитъ умно направлять это чувство.

Въ заключеніе приведемъ подлинныя слова двухъ великихъ математиковъ Буняковскаго и Лапласа, не мало способствовавшихъ совершенствованію этой науки.

Буняковскій (1804—1881) говоритъ: „глубокомысленныя заключенія теоріи вѣроятности даютъ путь если не къ открытію истины, то по крайней мѣрѣ, къ возможному къ ней приближенію. Теорія вѣроятности обнимаетъ собой явленія физическаго міра и нравственнаго: она есть созданіе ума, наиболѣе возвышающее человѣка и указывающее ему предѣлъ вѣдѣнія, за который ему не дано перейти. Теорія вѣроятности служитъ распространенію здра-

*) Просимъ читателя припомнить то мѣсто нашего очерка, гдѣ говорилось о полученіи вѣроятности сложнаго событія.

выхъ понятій и полезныхъ практическихъ истинъ; не надо имѣть специальныя математическія знанія, дабы понять идею, преслѣдуемую теоріей вѣроятности; внимательное чтеніе не останется безполезнымъ; теорія вѣроятности покажетъ въ настоящемъ свѣтѣ многіе занимательные вопросы и истины, касающіеся нашей общественной жизни".

Лапласъ (1743 — 1827) же писалъ относительно важности теоріи вѣроятности въ ряду человѣческихъ знаній: „теорія вѣроятности есть переложеніе здраваго смысла на аналитическія формулы; она доставляетъ средства для точной оцѣнки того, что постигаетъ умъ вѣрный, хотя часто безсознательно. Если возьмемъ въ соображеніе, съ одной стороны, всѣ аналитическіе способы, которые произвела эта теорія, истину началъ, служащихъ ей основаніемъ, тонкость и остроуміе выводимыхъ изъ нихъ логическихъ заключеній при рѣшеніи разнообразныхъ задачъ, а съ другой, общеполезныя учрежденія, упроченныя на наукѣ о вѣроятностяхъ, настоящее ея развитіе, и то, которое она, безъ сомнѣнія, получитъ впослѣдствіи въ примѣненіи своемъ къ важнѣйшимъ вопросамъ естественной философіи и къ знаніямъ политическимъ, наконецъ, если примемъ во вниманіе, что даже въ предметахъ, не подлежащихъ исчисленію, она приводитъ къ взглядамъ наиболѣе надежнымъ для открытія истины, научаетъ насъ предохранять себя отъ заблужденій ума, то въ правѣ будемъ заключить, что нѣтъ науки болѣе достойной нашихъ размышленій, и было бы полезно ввести ее въ систему знаній, составляющихъ предметъ общественнаго образованія".

А. А. Берсъ.

Безобразникъ.

А. Никитина.

Акимъ Гололобовъ, одинъ изъ бѣднѣйшихъ мужиковъ села Никитскаго, торговался съ сельскимъ богатѣемъ, Иваномъ Петровичемъ Сивовымъ, которому подряжался онъ, Акимъ, доставить свѣжину къ празднику въ городъ.

— Такъ ужъ тово... кланялся Гололобовъ всею своею длинною, худою фигурой, причемъ рябоватое лицо его какъ-то болѣзненно морщилось, а выцвѣтшіе глаза растерянно бѣгали во всѣ стороны.—Набавь, Иванъ Петровичъ! Чай самъ поди разумѣешь, что не легкая штука твоего борова-то да двухъ ярокъ въ городъ доставить... Вѣдь, плохо—плохо поди пудовъ тридцать во всѣхъ-то вытянетъ... Одинъ боровъ, что твоя колода, знаю вѣдь я, каковъ онъ... Такъ ужъ ты сдѣлай такую божескую милость, набавь...

Иванъ Петровъ, коротенькій, жирный, съ огромнымъ животомъ и краснымъ, почти до самыхъ глазъ заросшимъ волосами, лицомъ, сидѣлъ въ переднемъ углу своей горницы и, слушая рѣчь Акима, лѣниво возражалъ ему.

— Ну, что-жъ, что подъ тридцать... А ты вези и за то, что даютъ тебѣ. Вѣдь раскинь головой-то своей, наливъ ты дубовый,—два цалковыхъ даю тебѣ... Коли захочешь, такъ днемъ обернешься, а рази за день то мало тебѣ такой платы?!

— Что ты, Иванъ Петровичъ, Господь надъ тобой!—точно испугался чего Акимъ.—Вѣдь до города то почитай тридцать верстъ насчитываютъ, да оттуда столько же... Никоимъ значитъ образомъ не обернешься днемъ... безпримѣнно въ ночевку надыть...

— Ну, а ежели и такъ то даже.— посмотрѣлъ на него Сивовъ.—Что же ужъ очинно гордыбачишь то ты?.. Чай вся эта музыка-то всего на всего три гривенника стоитъ... Больше то не возьмутъ на постояломъ...

— А харчъ то, Иванъ Петровичъ?

— Что харчъ... изъ дому его возьми... хлѣба... чай не великъ баринъ то... да... А два цалковыхъ на полу не валяются... Для тебя, братъ, это большія деньги!..

Иванъ Петровъ шумно вздрогнулъ и, зѣвая, добавилъ сердито.—Кабы не занемогъ Семка,—я бъ съ тобой, дурой длинной, и связываться то не сталъ бы... А то некому въ городъ ѣхать, а надо обязательно... Обѣщалъ, стало быть, Митрій Митричу подарокъ и долженъ я слово свое сдержать... да... А ежели тебѣ

не подходитъ моя цѣна,—такъ говори прямо, не тяни канитель то, другого подыщемъ... Егорычевъ Лентучка вонъ не прочь заслужить мнѣ...

Акимъ опустилъ свою кудластую голову и погрузился въ раздумье, незная, какъ ему поступать. И везти за тридцать верстъ тридцать пудовъ клади за два рубля ему казалось чрезвычайно невыгоднымъ, и отказаться не являлось возможнымъ: ему до зарѣзу нужны были эти деньги. Наступалъ великій праздникъ, а у него въ домѣ ничего не было, кромѣ мѣшка муки. И взять было негдѣ,—всѣмъ, у кого возможно было что взять, онъ уже задолжалъ. Лавочникъ Сизовъ въ кредитъ ему не отпускаетъ уже давно, имѣя за нимъ долгу 4 рубля. Правда, они такъ и уговаривались, что на 4 рубля ему повѣритъ Сизовъ, а онъ, Акимъ, по веснѣ вспашетъ ему арендованное поле. Но сверхъ этой суммы въ отпускѣ товаровъ лавочникъ отказалъ. А праздникъ не за горами—всего 5 дней до него осталось... Нужно хоть какъ нибудь по людски встрѣтить его. Жена и такъ уже плачется, бранится... А что онъ, Акимъ, можетъ сдѣлать, когда подъ руками положительно нѣтъ никакой работы? Пробовалъ извозничать, выѣзжалъ на станцію,—но заработокъ былъ такъ малъ, такъ мало было сѣдоковъ, что не хватало даже и на прокормъ лошади, которой для того, чтобы она бѣжала, приходилось и сѣна давать больше, и овсомъ баловать кой-когда... Вблизи былъ громадный городъ, требовавшій тысячи рабочихъ рукъ. Но и тутъ обстоятельства крайне печально складывались для мужика. Одинъ онъ былъ работникъ въ домѣ, а ртовъ было пять. На печи лежалъ дряхлый, полуслѣпой отецъ его. Жена еще съ прошлаго года надорвалась и теперь кашляетъ до рвоты, ходитъ блѣдная, какъ тѣнь, и не можетъ сработать даже малости по хозяйству... Потомъ двое ребятъ, изъ которыхъ старшему шелъ девятый годъ. И хотя этотъ мальчикъ помогалъ отцу по хозяйству, но оставить на него домъ на цѣлую зиму было невозможно...

И Акимъ сидѣлъ дома, изнывая порой отъ безработицы, съ тоской прислушиваясь къ кашлю больной, гаснущей жены да охамъ старика на печи. Временами баба, въ припадкѣ болѣзненнаго раздраженія, начинала его точить, жаловалась безъ конца на свою судьбу и обвиняла мужа въ томъ, что стали они голь перекатная и что придетъ время, когда всѣ они подохнутъ съ голоду. Акимъ хмурился, ежился и лишь покрякивалъ. Онъ былъ добродушный, отзывчивый мужикъ, не бѣгалъ отъ работы, но работа къ несчастью почти всегда сама бѣжала отъ него. Сыпались на его голову и несчастія одно за другимъ. Разъ онъ погорѣлъ, постомъ пала корова, угнали добрую лошадь изъ стада,—и хозяйство пошатнулось, захудали Гололобовы... А тутъ еще жена захирѣла, надорвавшись отъ работы, когда ходила тяжелой...

И теперь Акиму особенно дороги были тѣ два рубля, которыя могъ онъ заработать отъ Ивана Петрова.

Въ головѣ мужика сверкали и бились различныя комбинаціи.

— Два цалковыхъ,—думалъ онъ— Перво на перво—расходъ въ городѣ, хоть 30 коп., потомъ нужно купить чайку копѣекъ на 25, сахару фунта два—три гривенника... свѣжины хоть на полтину... потомъ вотъ еще для жены этого—какъ говорилъ фельшаръ—какого-то грудного чаю отъ кашля по записочкѣ... этого гляди на двугривенный... табачку хоть пачечку себя, для праздничка побаловать, тятинькѣ — понюхать... дѣтишкамъ по прянику...

— Мало,—вздыхалъ онъ тяжело, а съ другой стороны билась тревога, что откажетъ Иванъ Петровъ, если дальше торгъ поведешь,—и тогда ужъ совсѣмъ не причемъ останешься.

И Сивовъ дѣйствительно уже началъ сердиться.

— Что жъ ты, чертова голова,— закричалъ онъ хрипло,—до Петрова дня что ли думать будешь? Говори— повезешь аль нѣтъ нѣтъ, а то убирайся, нескладеха длинная... Чай вѣдь сбираться ужъ пора... Свиньей что ли грязной мнѣ предъ Митрей то Митричемъ изъ за тебя оставаться...

Акимъ вздрогнулъ, окинулъ бѣглымъ взглядомъ грузную фигуру Сивова и проговорилъ быстро, съ тревогой въ голосѣ.

— Ну, ладно, Иванъ Петровичъ,— будь по твоему... Только на чаишко хоть прибавь малость... Завтра чѣмъ свѣтъ и въ путь... давай деньги.

— Деньги!—ухмыльнулся Иванъ Петровъ.—Ишь ты какой проворный до денегъ... А ты вотъ свези сначала, а потомъ ужъ и денежки бери... да смотри росписку, что кладь по мѣсту сдалъ, привези!

Акимъ испугался и, начавъ мять свою шапченку, забормоталъ что то несуразное, изъ котораго можно только было одно понять, что ему, Акиму, „петля пришла", до зарѣзу деньги нужны... И долго онъ умолялъ жирнаго богатѣя отдать впередъ деньги, клялся, божился, что все сдѣлаетъ исправно, и наконецъ получилъ...

— На, дылда! — сердито вынулъ изъ кармана два рубля Сивовъ,— Только смотри теперь въ оба!—потрясалъ онъ своимъ пальцемъ-обрубкомъ,—уговоръ дороже денегъ... все чтобы было въ аккуратѣ, чтобъ Митрій Митричъ довольны остались.. Понялъ?. Смотри въ оба, не то я тебѣ такъ задамъ—своихъ не узнаешь, потому человѣкъ то больно нужный, Митрій Митричъ...

И Иванъ Петровъ такъ свирѣпо посмотрѣлъ на бѣднаго мужика, что тотъ и про „на чаекъ" забылъ, взялъ деньги и принялся торопливо успокаивать богатѣя.

— Насчетъ этого ужъ не сумлевайся, Иванъ Петровичъ,—говорилъ онъ,—сказано, въ аккуратѣ будетъ... За подлицо сдѣлаю... Сейчасъ вотъ побѣгу справляться, а къ вечеру харчъ у тебя возьму... завѣшу все укрою, а завтра еще за темно и въ дорогу...

— Ну... ну... дай Богъ часъ добрый!—проворчалъ Сивовъ, а Акимъ поклонился ему, пробормоталъ что то въ благодарность и, позвякивая полученными рублевиками, побѣжалъ снаряжаться...

* * *

— „Сладили,—съ веселой улыбкой вошелъ въ свою маленькую, закоптѣлую избушку Гололобовъ,— уломалъ Петровича... Вотъ они и денежки,—подбросилъ онъ на рукѣ полученные рубли и окинулъ взглядомъ лежавшую на лавкѣ жену.

— За сколько же подрядился то?—проскрипѣла Анисья.

— За сколько... да за два цѣлкоча...

Анисья съ трудомъ поднялась съ груды тряпья, на которой лежала, окинула презрительнымъ взглядомъ мужа и вдругъ заговорила быстро, съ злостью, повышая голосъ.

— Ахъ ты, иродъ издохлый, пустая твоя голова... Да гдѣ жъ это видано, чтобы за два рубля да эстолько верстъ кладь бы везли... Думалъ ли ты, куракъ, когда рядился то, вѣдь, только лошадь зарѣжешь, иродъ...

— Ну, вотъ,—прерывая ее, бросилъ съ сердцемъ на столъ шапку Акимъ,—опять не такъ, опять лаяться...

— Да какъ же не лаяться то, фофанъ длинный... два рубля... Накося что отколоЛъ, да еще радуется, дурень... Глаза бы мои не глядѣли на на тебя...

— А ты бы вотъ сама шла, коли ужъ умная такъ!—огрызнулся Акимъ, садясь на лавку.—Ты думаешь, больше то я не просилъ.., Просилъ— да на-ка вотъ выкуси, далъ онъ тебѣ. И эти то хотѣлъ еще послѣ

отдать... избожился весь, когда заполучилъ то, индо пропотѣлъ... а ты лаешься... Я,—говоритъ онъ то, Иванъ Петровъ, и безъ тебя найду, кто бы мнѣ харчъ въ городъ доставилъ, коли ты ломаешься .. А ты вотъ свое все...

— Какъ бы не такъ.--не могла совладать съ собой Анисья, ожидавшая, что мужъ получитъ по крайней мѣрѣ хотя три рубля,--нашелъ онъ, брюханъ поганый, лягушка толстый... Чай только и есть во всемъ селѣ такой дуракъ и простофиля ты одинъ... Ухъ!—вскрикнула она и вдругъ долго и мучительно закашлялась; въ ея груди что то хрипѣло, и она точно хотѣла выкинуть это „что то", но оно не слушалось ея... и продолжало сидѣть... А Акимъ молчалъ, опустивъ голову, и старался думать о предстоящей поѣздкѣ...

— Перво на перво съ лошадью нужно позаняться,—говорилъ онъ себѣ мысленно, но злой кашель бабы перебивалъ его мысли, направлялъ ихъ на нее... И онъ смотрѣлъ на исхудавшее, посинѣвшее отъ натуги лицо жены съ вытаращенными, расширившимися глазами, и тучки печали набѣгали на его лицо, сердце сжималось болѣзненно отъ тоскливой жалости...

— Ишь вѣдь какъ надрывается!—билось теперь въ его головѣ,—индо почернѣла вся... То-то и лается все теперь—грызетъ ее болѣзнь то...

И вздохнувъ громко, Акимъ поднялся съ лавки, нахлобучилъ на голову шапку и вышелъ изъ избы, оставаться въ которой ему больше стало не въ моготу, да и съ снаряженьемъ нужно было спѣшить, ибо короткій декабрьскій день приближался уже къ концу...

— Совсѣмъ сломалась баба,—мыслилъ онъ вслухъ, выходя на дворъ,—въ могилу смотритъ... А была то какая! — оживился онъ, — кровь съ молокомъ... силища то, что у мужика другого...—И передъ его воображеніемъ проплылъ было образъ другой Анисьи, такой здоровой, съ мужицкой силой, съ звонкимъ голосомъ, которымъ она больше смѣялась и пѣла, нежели ругалась. Онъ остановился было отдохнуть надъ этимъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, но попавшіяся на глаза сани напомнили ему о дѣлѣ, и свѣтлая картина исчезла, мелькнуло жалкое настоящее и остановилось.

— Да... что болѣзнь не дѣлаетъ,—проворчалъ онъ угрюмо, торопливо направляясь къ полуразвалившейся, стоявшій къ углу двора, конюшнѣ. Отваливъ полугнилой, кое какъ сбитый щитъ, замѣнявшій собою дверь, мужикъ просунулъ половину своего туловища въ конюшню и, посвиставъ, произнесъ:

— Эй ты, ворона, иди-ка на свѣтъ то Божій!—потомъ подался назадъ, и вслѣдъ за нимъ потянулась костистая, широкая голова, съ грязной шерстью, съ отвислыми ушами...

— Да, ну, иди! — Акимъ схватилъ висѣвшую на шеѣ лошади веревку и потянулъ къ себѣ животное. Вяло переступая ногами, исхудалый, съ обрисовавшимися на бокахъ рѣзко ребрами, съ вытертымъ хвостомъ. Буланка вышелъ изъ конюшни и, опустивъ голову, тотчасъ же началъ обнюхивать землю и руки своего хозяина.

— Что, жрать хочешь?.. Сейчасъ раздобудемся гдѣ нибудь...

Акимъ полѣзъ на конюшню, покопался тамъ и сбросилъ оттуда охапку мелкаго, почернѣвшаго сѣна. Буланка съ жадностью накинулся на кормъ, а Акимъ сбросилъ еще охапку, потомъ тяжело соскочилъ на землю, собралъ все въ одну кучу и, окинувъ пристальнымъ взглядомъ лошадь, принялся размышлять о томъ, какъ выполнитъ онъ съ такими данными принятую на себя задачу.

— Худа стала, ослабла,--покачивалъ онъ головой, поглаживая рукой исхудалые бока Буланки,--истощалъ... Да и какъ не отощать.—вздохнулъ онъ,--съ соломы не раз-

добрѣешь.. Тяжело придется, вѣрно, что и говорить... А везти надо, безпремѣнно надо... Выручай ужъ, братъ!—хлопнулъ онъ по спинѣ лошадь. Буланка вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, подпялъ голову, взглянулъ на мужика не то укоризненно, не то удивленно, пошевелилъ губами, точно намѣревался сказать что и затѣмъ опять принялся за ѣду.

— Ну, поправляйся!—Акимъ еще разъ пристально окинулъ взглядомъ лошадь, осмотрѣлъ ея ноги, попробовалъ подковы и затѣмъ направился къ санямъ. И здѣсь все было тоще и ветхо.

И собираясь въ путь, Гололобовъ все время вздыхалъ и что то бормоталъ себѣ подъ носъ. Въ голову его лѣзла назойливая мысль о томъ, что Буланка не довезетъ клади до мѣста. Но, имѣя крайнюю надобность въ деньгахъ, онъ гналъ эту мысль, твердя лишь одно, что везти кладь безпремѣнно нужно...

Вечеромъ онъ съѣздилъ за тушами барановъ и борова Ивана Петрова, увязалъ возъ, легъ рано спать, задавъ предварительно Буланкѣ усиленную порцію корма, а утромъ на другой день, еще задолго до разсвѣта, тронулся въ путь, захвативъ охапку сѣна для лошади и два ломтя хлѣба для себя...

* * *

Сначала шло все благополучно. Буланка бодро шелъ съ кладью, и Акимъ началъ успокаиваться отъ охватившей было его съ вечера тревоги за лошадь. Онъ весело покрикивалъ на коня и раздумывалъ о томъ, гдѣ бы и какъ повыгоднѣй произвести ему покупки... Мерещился ему и щедрый „на чаекъ" отъ Митрія Митрича, которому онъ сдастъ въ исправности подарокъ Сивова... тогда можно будетъ и еще прихватить что нибудь въ городѣ къ празднику...

Проѣхавъ верстъ десять, Гололобовъ сдѣлалъ остановку въ попутномъ селѣ, покормилъ лошадь, попилъ самъ чаю и затѣмъ тронулся дальше. Но Буланка пошелъ уже не такъ охотно послѣ остановки.

И чѣмъ дальше удалялся отъ родного села Акимъ, тѣмъ слабѣе и слабѣе становилась лошадь. Она стала пофыркивать, останавливалась предъ каждой горкой и лишь помахивала обдерганнымъ хвостомъ, когда хозяинъ принимался хлестать ее...

Видя, что дѣло начинаетъ портиться, мужикъ сталъ чаще останавливаться, помогалъ лошади стаскивать съ мѣста возъ, тащилъ съ нею его подчасъ, а въ головѣ его снова стала возиться безпокойная мысль, что лошадь не выдержитъ, не дотащитъ воза до мѣста. Переночевать же въ дорогѣ онъ не рѣшался, ибо тогда разстроились бы всѣ его планы и предполженія относительно покупокъ... И понукая лошадь, жилясь и напрягаясь часто самъ, къ вечеру дотащился онъ до заставы широко раскинувшагося города. Уже начало смеркаться, и предметы стали окутываться туманомъ, когда Акимъ переѣхалъ шлагбаумъ и поравнялся съ первымъ городовымъ, стоявшимъ на перекресткѣ двухъ улицъ.

Не зная точно пути къ Митрію Митричу, мужикъ остановилъ въ сторонкѣ лошадь и осторожно подошелъ къ блюстителю порядка, снявъ съ головы шапку.

— Ваше благородіе,—съ затаенной лестью заговорилъ онъ приниженнымъ голосомъ, — разскажите на милость, гдѣ здѣсь проѣхать можно на эту вотъ самую улицу, что у меня въ бумажкѣ этой прописана...

И онъ подалъ городовому записку, гдѣ рукой Ивана Петрова былъ написанъ адресъ Митрія Митрича. Городовой взглянулъ сначала на просителя, потомъ поднесъ къ носу полученную записку и прочелъ, съ трудомъ разбирая написанное —„Альховская улица, по Покровкѣ, около

церкви Боговленія на углу, свой домъ".

— „Альховская улица. по Покровкѣ...—Городовой поднялъ брови, какъ бы припоминая. гдѣ находится эта Альховская улица, потомъ сунулъ обратно Акиму записку и отрѣзалъ коротко.

— Пшшелъ сейчасъ прямо, потомъ свороти направо первый переулокъ, выйдешь на Мѣщанскую, держи прямо по ней, будетъ Сухаревая, а тамъ опять спроси,—укажутъ...

Акимъ, продолжая стоять безъ шапки, внимательно выслушалъ показаніе городового и затѣмъ переспросилъ робко.

— Такъ значитъ прямо сначала, ваше благородіе, а потомъ свернуть?

— Да... да... свернуть, землякъ... ступай съ Богомъ!

Подъ усами городового скользнула самодовольная улыбка, вызванная наивной лестью мужика, а Акимъ пробормоталъ что то въ благодарность, вернулся къ Буланкѣ, оправилъ сбившуюся шлею, окинулъ внимательнымъ взоромъ всю свою повозку и взялся за вожжи...

— Ну, миляга, Господь съ тобой... при дальше!—съ тревогой въ голосѣ произнесъ онъ.

Буланка влегъ въ хомутъ и, съ трудомъ сдвинувъ съ мѣста сани, устало поплелся по улицѣ. Акимъ шелъ рядомъ съ лошадью, и вздыхая, часто посматривалъ на валившій отъ ея мокрыхъ боковъ паръ.

— Ну-ка, остановится,—мелькало въ его головѣ,—не повезетъ дальше... Что тогда дѣлать то?.. какъ быть?.

И онъ весь какъ то съеживался отъ охватывавшаго его страха, отъ неяснаго представленія того, что произойдетъ, если Буланка выбьется изъ силъ, откажется идти дальше. Усталый, голодный, измученный самъ, онъ брался за гужъ, помогалъ лошади и все покрикивалъ трясущимся отъ волненія голосомъ.

— Ну, ну, родная, Господь надъ тобою... берись, паршивый... вытягивай...

И Буланка вытягивалъ, насколько позволяли ему дѣлать это его истощившіяся силы, выручалъ своего хозяина...

Спросивъ еще кой кого по пути, Гололобовъ добрался, наконецъ, до Сухаревой башни. Послѣ тихихъ, малолюдныхъ улицъ, которыми онъ до сего времени проѣзжалъ, суета и усиленное движеніе экипажей у Сухаревой, толпы народа непріятно подѣйствовали какъ на мужика, такъ и на его лошадь. Оба они какъ бы опѣшили, и Буланка вдругъ на самой площади, гдѣ былъ небольшой подъемъ, остановился, тяжело дыша. Акимъ схватился за возжи, задергалъ, зашикалъ и испуганно закричалъ.

— Но... но! что ты, милый... трогай... но!.. иди... конецъ скоро...

Но Буланка лишь моталъ головой, а съ мѣста не двигался. Мужикъ опять хватался за гужъ, жилился, подпиралъ возъ сзади, кричалъ, свистѣлъ и наконецъ принялся стегать лошадь.

А стоявшій на площади городовой, обратившій уже на него свое вниманіе, вдругъ приблизился къ нему и закричалъ строго.

— Эй ты, гужеѣдъ, что уши-то распустилъ!.. Пшшелъ отсюда, деревня неотесанная...

У Акима даже поджилки затряслись. Онъ началъ говорить что-то несуразное, показывая на лошадь, потомъ опять схватился за гужъ, закричалъ... Подвернулся какой-то добрый человѣкъ, помогъ стронуть возъ съ мѣста, подняться на горку, и Буланка, похрапывая, опять зашагалъ, торопливо перебирая ногами...

— Ухъ!—вздохнулъ всей грудью мужикъ. — Слава Ти, Господи!..—И прижимаясь къ оглоблямъ, пугливо осматриваясь по сторонамъ, онъ зашагалъ рядомъ съ лошадью...

А вокругъ его кишмя кишѣла жизнь. Со всѣхъ сторонъ обгоняли

его различные экипажи, запряженные кровными рысаками и такими же клячами, какъ и его Буланка. Безпрерывно слышалъ онъ окрики,—держи вправо!.. эй, берегись!.. чортъ... ротозѣй... деревня... навалилъ полный возъ да и тащишься... въ участокъ тебя, дьявола, чтобъ дорогу не загораживалъ...

Акимъ прислушивался ко всѣмъ этимъ, относящимся къ нему, сыпавшимся быстро, восклицаніямъ, вытиралъ катившійся крупными каплями потъ по его грязному лицу и думалъ лишь только о томъ, скоро ли кончится эта шумная, наполненная экипажами, раздѣленная рельсами конки на двѣ части улица...

А Буланка, казалось, совсѣмъ изъ силъ выбился, хрипѣлъ и шагалъ какъ-то неувѣренно, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Хозяинъ его безпомощно оглядывался по всѣмъ сторонамъ, отыскивая теперь укромный уголокъ, гдѣ можно было бы дать отдохнуть лошади. Но по обѣимъ сторонамъ улицы высились выстроившіеся въ рядъ дома, безконечными лентами тянулись тротуары вдоль нихъ... И всюду было движеніе—объ отдыхѣ и думать было нечего...

Голова мужика стала кружиться отъ напряженія и усталости, въ глазахъ порой начинало рябить, а на душѣ стала закипать, вмѣсто тревоги, какая-то досада, озлобленіе противъ всѣхъ этихъ снующихъ вокругъ его экипажей, холодныхъ, угрюмыхъ домовъ, ленты тротуаровъ, по которымъ вереницей шли люди... Отъ всей этой жизни холодомъ, отчаяннымъ равнодушіемъ вѣяло на Акима...

Наконецъ, улица кончилась. Гололобовъ выѣхалъ на площадь у Красныхъ воротъ и, облюбовавъ мѣстечко для отдыха около одного дома, направилъ къ нему лошадь. Пришлось переѣзжать чрезъ линію конно-желѣзной дороги, чего выбившійся и самъ изъ силъ мужикъ не принялъ во вниманіе. Онъ лишь лихорадочно торопилъ лошадь, желая скорѣе вырваться изъ сферы губившей его сутолоки.

Собравъ послѣднія силы, Буланка быстрѣе зашевелилъ ногами, переступилъ полотно дороги и... остановился—возъ застрялъ какъ разъ на оголенномъ отъ снѣга полотнѣ. Снова закричалъ, засвистѣлъ мужикъ, посыпались удары на бѣдную лошадь, но сани точно приросли къ полотну... А издалека, съ горки, отчаянно позванивая, приближался вагонъ.

— Наскочитъ сейчасъ!—мелькала мысль въ туманившейся отъ устали головѣ мужика, — наскочитъ.. разобьетъ сани, попортитъ лошадь... А кладь... подарокъ Митрію Митричу какъ онъ доставитъ... Иванъ Петровъ что сдѣлаетъ!.. Недаромъ грозилъ онъ... человѣкъ сильный... заѣстъ... по міру пуститъ... А дома ждать будутъ... праздникъ... жена... дѣтишки... отецъ старикъ...

Все это вихремъ билось въ головѣ Акима. А вагонъ все приближался и приближался. Слышна уже ругань кучера.

— Дармоѣдъ! —вливается въ ухо Гололобова. — Куда тебя занесли черти! Съѣзжай, пока шею не наломали....

Акимъ съ какимъ-то внезапно нахлынувшимъ на него озвѣрѣніемъ принялся по чему ни попало бить Буланку!

— Ну, проклятый!—кричалъ онъ, —трогай, волчья сыть... пропади ты пропадомъ... умирать что ли здѣсь...

Подъ градомъ жестокихъ ударовъ бѣдная лошадь слабо скользила ногами по выбитой мостовой и, трясясь, топталась на мѣстѣ..

— Но-о! — отчаянно хватался то за узду, то за гужъ Акимъ, потомъ снова принимался бить лошадь, а внутри его все клокотало и билось отъ проснувшейся, страшной злобы на все и всѣхъ. Изо рта понеслись какъ-то противъ воли потокомъ всевозможныя ругательства, которыя онъ слышалъ только когда-либо на

своемъ вѣку. Надорвавшійся мужикъ былъ внѣ себя и терялъ разсудокъ... А вокругъ его собрался уже народъ, и чей-то пискливый, вздрагивающій голосъ, точно комаръ, жужжалъ у него надъ ухомъ, и сквозь потокъ собственной ругани слышалъ Акимъ, какъ пробиралъ его этотъ пискливый голосъ и звалъ городового.

-- Извергъ!—надрывался голосъ, —какъ тебѣ не стыдно бить такъ бѣдное животное... Развѣ по силамъ твоей лошади этотъ грузъ!.. загналъ ты ее... а!.. какъ ты смѣешь истязать животное!.. Твое дѣло лишь только пьянствовать, а не кормить какъ слѣдуетъ свою работницу. Сейчасъ же тебя въ часть отправимъ изверга... Городовой!.. гдѣ вы?.. Смотрите, какое возмутительное безобразіе!.. возьмите этого вандала!..

Гололобовъ вдругъ оставилъ лошадь и окинулъ мутнымъ взглядомъ собравшуюся вокругъ него толпу, какъ бы отыскивая, кто это досаждалъ ему рѣзкимъ, пискливымъ голосомъ?

И онъ нашелъ этотъ голосъ. Въ двухъ шагахъ отъ него, около морды Буланки, стояла приземистая барыня, закутанная въ теплый платокъ и державшая маленькій узелокъ въ рукахъ. Ея сморщенное, покраснѣвшее отъ холода лицо кривилось отъ набѣжавшаго на нее гнѣва...

— Извергъ! — придвинулась къ нему она, точно желала броситься на него, и опять повторила,—ты бы кормилъ лучше лошадь, чѣмъ бить то...

— Чаво? — какъ бы не понимая ея словъ, переспросилъ Акимъ и вдругъ весь затрясся, шагнулъ по направленію къ кричавшей барынѣ и въ свою очередь завопилъ надтреснутымъ, глухимъ, хриплымъ голосомъ, размахивая передъ собою мозолистыми, мѣстами содранными въ кровь руками.

— Накормилъ бы!—оралъ онъ,—сволочь ты этакая!.. Ты что за указъ! Развѣ я не знаю безъ тебя-то этого самаго!.. не знаю...(непечатныя слова пересыпали его рѣчь)... А ты спроси лучше, жралъ ли я-то нынче... а то пьянъ... Ей-то давалъ... сѣна давалъ... отдыхъ... а самъ не жралъ и не отдыхалъ... А ты мнѣ говоришь, гадина...

Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но сильныя руки схватили его сзади и пошатнули худое, длинное тѣло...

— Ты что орешь!—кричалъ на него грозно городовой, выглядывая изъ-за плеча мужика.—Въ участокъ захотѣлъ... посидѣть!.. Такъ пойдемъ.

А какіе-то люди сдвинули уже возъ съ мѣста, и вагонъ конки, позванивая и погромыхивая, двинулся дальше.

Акимъ и здѣсь не унялся. Онъ вырвался изъ рукъ городового и, отбѣжавъ шага на два, сталъ ударять себя въ грудь и съ новымъ, большимъ ожесточеніемъ ругаться, забывъ все на свѣтѣ, отдавшись лишь только, какъ разъяренный, затравленный звѣрь, послѣдней, жгучей злобѣ и ненависти къ преслѣдовавшимъ его.

-- Бери!—кричалъ онъ, — грабь... тащи!.. Сволочи подлыя!.. одинъ конецъ-то, околѣвать... бери!.

Городовой подалъ трескучій отрывистый свистокъ, указалъ подоспѣвшимъ дворникамъ на бушевавшаго мужика, — и пѣсня Акима была спѣта. Его схватили подъ руки и повели въ часть, а онъ сопротивлялся слабо и хрипло, падающимъ голосомъ крича:

— Тащи!.. грабь!.. Все равно околѣвать-то!..

Позади вели и виновницу его несчастія, Буланку, причемъ для облегченія тушу борова, главный подарокъ Сивова Митрію Митричу, свалили около троттуара...

И когда окончилось безплатное представленіе, толпа быстро разошлась. Осталась одинокой туша борова, равнодушно взиравшая на все происходившее вокругъ своей немного оскаленной, тупой мордой, Два чисто одѣтыхъ господина по-

дошли къ ней и стали на троттуарѣ, поджидая вагонъ конки. Они были очевидцами только что происшедшаго „безобразія“, и одинъ изъ нихъ, одѣтый въ бекешу съ бобровымъ воротникомъ, сытый, полный, ударяя тросточкой по лежавшей у его ногъ тушѣ, говорилъ возмущенно.

— Это чортъ знаетъ что то такое!.. такъ портится народъ, во всю безобразничаетъ... А все отъ распущенности, отъ отсутствія наказаній, отвѣтственности. Вотъ они и пьянствуютъ... городового чуть-ли не бьютъ...

А. Никитинъ.

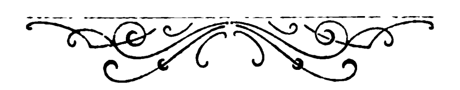

Честному другу.

(В. В. Ч-но).

Участь многихъ умовъ и талантовъ горька,
Между тѣмъ какъ бездарность иль глупость ликуетъ
И надъ честностью подлость, глумясь, торжествуетъ,—
Душитъ лучшихъ людей безпощадно рука
Злой судьбы, не щадитъ никого, кто свободно
Пробивается къ свѣту, на вольный просторъ,
Мыслитъ смѣло, за правду стоитъ благородно
И выводитъ постыдное все на позоръ...
Знаю: ты глубокò и безмѣрно страдалъ,
Жизнь тебя не ласкала, томила сурово
Въ неволѣ; но ты счáстливъ, что свой идеалъ
Сохраняешь въ душѣ, что, какъ рабъ, не плясалъ
Ты съ толпой у подножья Тельца золотого,
Что на склонѣ своихъ честно прòжитыхъ лѣтъ
Можешь дѣтямъ потомъ дать священный обѣтъ.

Николай Пановъ.

Отъ рабства къ свободѣ.

Букера Вашингтона.

(Окончаніе).

XII. Дальнѣйшія дѣла.

Вскорѣ по открытіи пансіона многіе желающіе поступить къ намъ стали подавать прошенія о пріемѣ. Но они были такъ бѣдны, что не могли платить даже минимальной суммы, которая полагалась. Тутъ были женщины и мужчины. Очень грустно было отказывать имъ въ поступленіи, и чтобы удовлетворить хоть нѣкоторыхъ,—мы устроили вечернюю школу. Это школа была устроена на подобіе Гамптонской, гдѣ я состоялъ учителемъ. Сперва было около дюжины учениковъ. Туда принимались только самые бѣднѣйшіе, которые не могли платить даже и части за свое содержаніе въ дневной школѣ. Отъ нихъ требовалось десяти-часовая работа днемъ въ какомъ-либо ремеслѣ или промышленности съ тѣмъ, чтобы вечеромъ, впродолженіи двухъ часовъ, заниматься науками. Имъ платили за работу немного болѣе того. что стоило ихъ содержаніе, а большая часть денегъ откладывалась въ школьную кассу, для того, чтобы черезъ годъ или два они, смотря по способностямъ, на собранный такимъ образомъ капиталъ могли уже посѣщать дневную школу.

Начатая въ небольшихъ размѣрахъ и на выгодныхъ для учащихся началахъ, вечерняя школа разрослась до того, что теперь въ ней уже насчитывается 457 человѣкъ.

Я придаю чрезвычайно большое значеніе нашей вечерней школѣ,

какъ превосходному мѣрилу достоинства личности. Тотъ, кто соглашается работать 10 часовъ въ продолженіи дня на кирпичномъ заводѣ или въ прачешной, за пользованіе учиться науками вечеромъ два часа, вполнѣ заслуживаетъ получить самое большое образованіе.

По окончаніи вечерней школы ученики поступаютъ въ дневную, гдѣ занимаются науками 4 дня въ недѣлю, а два дня посвящаютъ избранному ремеслу. Кромѣ этого, три лѣтнихъ мѣсяца тоже идутъ на занятія ремеслами. Обыкновенно тотъ, кому удается успѣшно пройти черезъ горнило испытаній вечерней школы, находитъ возможность съ честью окончить свое образованіе и изучить ремесло. Никто изъ учащихся, каковы бы ни были его денежныя обстоятельства, не можетъ пройти академическій курсъ наукъ, не изучивъ ремесла; и самые успѣшные дѣятели изъ нашей школы это тѣ, которые начали въ вечерней школѣ.

Отдавая столько времени и усилій умственному и индустріальному образованію, мы никоимъ образомъ не упускали и религіозной, и духовной стороны. Хотя въ школѣ нашей не отдается преимущество ни одной сектѣ передъ другой, но, по существу, она вполнѣ христіанская. Молитвенныя собранія, проповѣди, воскресныя школы, Ассоціаціи молодыхъ христіанъ, Общество христіанскихъ Ученій и различныя миссіонерскія организаціи вполнѣ доказываютъ это.

Пока развивалась моя школа, я въ то же время все больше и больше сталъ получать приглашенія, чтобы произнести ту или другую рѣчь.

Меня часто спрашивали, какъ я приготовлялся къ публичнымъ лекціямъ. Я никогда не разсчитывалъ отдавать бо́льшую часть времени на этого ряда дѣятельность. Мнѣ всегда болѣе нравилось *дѣлать*, чѣмъ *говорить* о томъ, что дѣлать. Когда я отправился на сѣверъ съ генераломъ Амстронгомъ, президентъ Ассоціаціи Національнаго Образованія, Віекнехчь, повидимому былъ на одномъ изъ этихъ собраній и слышалъ меня. Спустя нѣсколько дней я получилъ отъ него приглашеніе произнести рѣчь на одномъ изъ собраній этой Ассоціаціи въ Мадисонѣ (Висконсинъ). Я принялъ предложеніе и могу считать это приглашеніе началомъ моей ораторской дѣятельности. Въ собраніи, гдѣ я говорилъ, было болѣе 4000 человѣкъ и между ними многіе изъ Алабамы и Тöскеги. Конечно, я этого не зналъ тогда, и только послѣ эти бѣлые южане мнѣ откровенно говорили, что они ожидали слышать отъ меня самыя ужасныя нападенія на Югъ и его бѣлыхъ гражданъ, но были очень удивлены моимъ безпристрастнымъ отношеніемъ ко всему хорошему, что было сдѣлано тамъ.

Въ этой рѣчи я впервые коснулся вопроса объ общей задачѣ расъ. Слышавшіе меня, повидимому, остались довольны тѣмъ широкимъ взглядомъ, который я высказалъ по этому сложному и запутанному вопросу.

Я рѣшилъ никогда не говорить въ публичныхъ рѣчахъ на Сѣверѣ того, чего не сказалъ бы на Югѣ. Я рано понялъ, что весьма трудно обратить кого-либо въ свою вѣру, обижая или раздражая, и что гораздо легче чего нибудь достигнуть безпристрастной и спокойной оцѣнкой различныхъ сторонъ его личности. И поэтому я никогда не упускалъ случая—въ свое время и должнымъ способомъ указывать на всякія злоупотребленія, совершавшіяся на Югѣ. Для того, чтобы порицать успѣшно кого-нибудь или какое-либо мѣсто, нужно быть на мѣстѣ, а не ѣхать для этого за тридевять земель. То, что можно, нужно и должно сказать на мѣстѣ совершенія какихъ-либо поступковъ, теряетъ свой смыслъ и значеніе вдали отъ него. Въ своей рѣчи въ Мадисонѣ я стоялъ на томъ положеніи, что

нужно употреблять въ дѣло всѣ благородныя средства для сближенія и ассимиляціи обѣихъ расъ, развивать дружескія отношенія, общность интересовъ, и избѣгать все то, что можетъ вызвать горечь и расовую злобу. Относительно подачи голосовъ я говорилъ, что негры, подавая свой голосъ, должны имѣть въ виду интересы того общества, въ которомъ они живутъ, а не подслуживаться тѣмъ, кто умѣетъ играть на ихъ страстяхъ и невѣжествѣ.

Я развивалъ ту мысль, что весь вопросъ о будущности негровъ въ большей степени зависитъ отъ того, сумѣютъ-ли они своимъ умомъ, ловкостью въ работѣ и уживчивымъ характеромъ поставить себя въ такое положеніе въ обществѣ, что ихъ услуги будутъ цѣниться и присутствіемъ ихъ будутъ дорожить, какъ полезными членами общества.

XIII. Заключеніе.

Двадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ я началъ свое скромное дѣло, въ полуразваленной хижинѣ и старомъ курятникѣ, безъ копѣйки наличнаго капитала, съ однимъ учителемъ и 30 учениками. Теперь наше заведеніе владѣетъ 2.300 акровъ земли, изъ которыхъ болѣе 700 воздѣлывается только учениками. Всѣхъ зданій, большихъ и малыхъ 40; и всѣ кромѣ четырехъ построены нами самими. Когда воспитанники работаютъ—въ полѣ или мастерскихъ - имъ передаются самые новѣйшіе усовершенствованные методы производства.

Въ школѣ теперь существуютъ, въ связи съ самымъ обстоятельнымъ академическммъ курсомъ наукъ, при религіозно-нравственной подготовкѣ, 28 индустріальныхъ отдѣленій. Въ нихъ проходятся такія ремесла, которыя могутъ быть примѣнены къ житейскимъ потребностямъ воспитанниковъ, тотчасъ же по выходѣ отъ насъ. Бѣда только въ томъ, что на Югѣ запросъ на нашихъ воспитанниковъ, обоихъ половъ, такъ великъ, что мы можемъ удовлетворять не болѣе половины требованій. Точно также у насъ нѣтъ ни зданій, ни средствъ принять всѣхъ желающихъ поступить въ нашъ Институтъ; доброй половинѣ приходится отказывать въ пріемѣ.

Въ нашей индустріальной системѣ мы придерживаемся трехъ правилъ: 1) учащіеся подготовляются такимъ образомъ, чтобы они могли достойно совладать съ настоящими условіями и требованіями той части Юга, гдѣ имъ приходится жить, т. е. дѣлать то, что *нужно* сейчасъ, и притомъ дѣлать это хорошо, 2) каждый воспитанникъ, кончившій нашу школу, долженъ имѣть настолько индустріальной подготовки, соединенной съ умственнымъ развитіемъ и познаніями, при хорошемъ нравственномъ характерѣ, чтобы могъ зарабатывать на „жизнь" себѣ и своимъ близкимъ, 3) вселить въ сознаніе и чувства каждаго воспитанника благоговѣйное и артистическое отношеніе къ труду; научить ихъ любить и жаждать труда, а не стараться избѣгать его.

Кромѣ земледѣльческаго образованія мужчинъ и обученія всѣмъ домашнимъ занятіямъ дѣвушекъ, мы довольно большое число послѣднихъ обучаемъ еще и садоводству, огородничеству, пчеловодству, молочному дѣлу и выращиванію домашнихъ птицъ.

Такъ какъ нашъ Институтъ не придерживается ученій одной какой-либо секты, то мы имѣемъ отдѣленіе, извѣстное подъ именемъ Библейской школы Фелпса, въ которой воспитанники, желающіе быть священниками, подготовляются къ подобнаго рода дѣятельности и другимъ миссіонерскимъ работамъ, особенно въ сельскихъ округахъ. Весьма важно, что всѣ они должны при этомъ полъ дня работать въ индустріальномъ отдѣленіи, чтобы выйти умѣлыми работниками, чтобы на-

учиться любить и понимать физическій трудъ.

Цѣнность нашей собственности теперь равняетея 300.000 дол. (600 тыс. рубл.). Если къ этому прибавить еще нашъ наличный капиталъ въ 215.000 дол., то это выйдетъ почти полъ-милліона. Помимо необходимыхъ построекъ и покрытія текущихъ расходовъ, нашъ капиталъ нужно увеличить по крайней мѣрѣ до 500.000 дол. Ежегодные расходы наши теперь равны почти 80.000. Большую часть этой суммы я собираю ежегодно, такъ сказать, на ходу, изъ дома въ домъ.

Собственность наша не заложена нигдѣ и записана на имя Совѣта Опекуновъ, имѣющаго контроль надъ нею.

Изъ 30 первоначальныхъ студентовъ, число ихъ теперь возросло до 1100, приходящихъ изъ 27 штатовъ и территорій; изъ Африки, Кубы, Порто-Рико, Ямайки и другихъ иностранныхъ земель. У насъ теперь 86 служащихъ и учителей. Всѣхъ насъ, вообще, 1400 человѣкъ.

Меня часто спрашивали, какимъ образомъ можно сдержать такую массу мододого народа, и въ тоже время не допускать ихъ до безпорядковъ, хоть изрѣдка. Для этого есть только два отвѣта: 1) приходящіе къ намъ молодые люди, обоихъ половъ, серьезно и ревностно отдаются своему дѣлу и 2) что они всегда заняты. Вотъ порядокъ распредѣленія нашего времени, днемъ: въ 5-ть часовъ утра, первый звонокъ для вставанія, 5 ч. 50, второй звонокъ, напоминающій что завтракъ близокъ; въ 6-ть завтракъ; 6 ч. 20 м. конченъ, отъ 6 ч. 20 до 6 ч. 50 чистятся комнаты, 6 ч. 50 звонокъ къ работѣ, 7 ч. 30 м. дня приготовленія уроковъ, 8 ч. 20 звонокъ къ началу учебныхъ занятій—8 ч. 25 *осмотръ внѣшняго* вида молодыхъ людей, 8 ч. 40¼ м. для молитвеннаго настроенія въ капеллѣ; 8 ч. 55 минутъ для газетъ; 9 ч. школьныя занятія; въ 12 занятія кончаются; въ 12 ч. 15, обѣдъ; 1 ч. звонокъ къ работѣ; 1—30 классныя занятія; 3 ч. 30 уроки кончаются; въ 5 ч. 30 конецъ работъ; въ 6 ч. ужинъ, 7 ч. 10 вечерняя молитва; 7 ч. 30 приготовленіе уроковъ; въ 8 ч. 45 это кончается; въ 9 ч. 20 подготовительный звонокъ ко сну; 9 ч. 30 послѣдній звонокъ, и въ домѣ все тихо.

Мы никогда не забываемъ, что цѣнность школы измѣряется главнымъ образомъ качественымъ состояніемъ ея воспитанниковъ. Считая тѣхъ, кто прошелъ полный курсъ занятій и работъ, и тѣхъ, которыхъ брали только какъ сносныхъ рабочихъ,—черезъ нашу школу прошло около 3.000 людей обоихъ половъ, которые и разсыпались по всѣмъ частямъ Юга. Всѣ они своей личной жизнью и умѣлостью въ работѣ показываютъ своимъ собратьямъ, какъ улучшилось ихъ матеріальное, умственное и религіозно-нравственное богатство. Важно и то, что стремленіе къ наилучшему образованію и развитію чернокожихъ, необыкновенный здравый смыслъ и самоконтроль въ ихъ сношеніяхъ съ бѣлыми, вызывали къ себѣ глубокое уваженіе и довѣріе съ ихъ стороны. Кромѣ того, большое вліяніе еще имѣютъ на воспитанницъ „Материнскія Собранія", а также собранія и рѣчи на плантаціяхъ, которыя предпринимаетъ моя жена вкупѣ съ ними.

Куда бы ни отправлялись наши воспитанники, тамъ сейчасъ-же замѣчалась перемѣна къ лучшему. Люди начинаютъ покупать земли, улучшать домашнюю обстановку, откладывать деньги, стремиться къ образованію, и въ тоже время становятся болѣе нравственными и благоразумными. Иной разъ преобразовывались цѣлыя общестеа при содѣйствіи этихъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ.

Десять лѣтъ тому назадъ я организовалъ первую Конференцію Негровъ. Собранія эти происходятъ

ежегодно, и при посредствѣ ихъ мы входимъ въ соприкосновеніе почти съ тысячью лицъ, представителей черной расы, мужчинъ и женщинъ. Они проводятъ съ нами цѣлый день, изучая всѣ подробности сложнаго механизма нашей жизни, и мало-по-малу перенимаютъ отъ насъ кое-что и этимъ улучшаютъ свою жизнь во всѣхъ отношеніяхъ.

Кромѣ этихъ центральныхъ Конференцій, образовалось множество мелкихъ въ штатѣ или сосѣднихъ окрестностей, съ той-же цѣлью облагороживанія и развитія массъ.

На слѣдующій день за общей конференціей обыкновенно бываетъ „Конференція Рабочихъ". Она состоитъ изъ служащихъ и учителей, работающихъ на образовательномъ поприщѣ, на большихъ фабричныхъ заведеніяхъ Юга. Эти собранія даютъ имъ хорошую возможность изучать дѣйствительное положеніе каждаго зауряднаго человѣка.

Лѣтомъ 1900 г. я, съ помощью одного чернокожаго, очень выдающагося человѣка Мр. Т. Томаса Фортюна (Fortune), который великодушно содѣйствовалъ мнѣ во всѣхъ моихъ предпріятіхъ, основалъ Національную Дѣловую Лигу Негровъ, имѣвшую свое первое засѣданіе въ Бостонѣ, куда собралось множество различныхъ ремесленниковъ и торговыхъ черныхъ людей со всѣхъ частей Союза. Теперь изъ этой Лиги разрослось множество мелкихъ, разсыпанныхъ по всѣмъ частямъ Союза.

Кромѣ моей обязанности по „исполнительной" сторонѣ дѣла въ школѣ, и собиранія денегъ на текущіе расходы школы, мнѣ приходилось отвѣчать хоть на нѣкоторыя, изъ весьма важныхъ приглашеній, произносить рѣчи во многихъ мѣстахъ, передъ бѣлыми и черными, на Югѣ и Сѣверѣ Союза. Изъ одной выписки газеты въ Буффало, Нью-Іоркѣ, можно судить, сколько времени у меня на это уходило.—„Букеръ Вашингтонъ, выдающійся воспитатель чернокожихъ всего міра, былъ занятъ до невозможности; онъ пріѣхалъ сюда съ Запада и остановился въ гостинницѣ Ирокуа. Едва успѣлъ онъ помыться и переодѣться, какъ ужъ нужно было идти ужинать. Тотчасъ послѣ этого онъ говорилъ на общественномъ собраніи въ залахъ гостинницы до 8 ч. вечера. За это время онъ „принялъ" болѣе 200 человѣкъ извѣстнѣйшихъ воспитателей и учителей со всѣхъ частей Союза. Вскорѣ послѣ 8 ч. его повезли въ экипажѣ въ Залу Музыки, гдѣ въ продолженіи $1^1/_2$ часа сказалъ двѣ замѣчательныхъ рѣчи объ образованіи негровъ. Затѣмъ его подхватили делегаты чернокожихъ гражданъ, во главѣ съ пасторомъ Воткинсомъ, чтобы оказать сочувственный пріемъ, въ честь его устроенный людьми его расы".

И все таки, я не могу не обращаться ко всему Югу, вообще, черезъ посредство прессы по общимъ вопросамъ, касающихся интересовъ обѣихъ расъ. Я, напр., не разъ писалъ о пагубномъ вліяніи линчеванія на народъ вообще. Когда засѣдалъ Конституціонный Конвентъ Штата Луизіаны, я написалъ туда открытое письмо, умоляя о справедливости къ моей расѣ. Во всѣхъ подобныхъ усиліяхъ я всегда получалъ сердечную поддержку и одобреніе со стороны газетъ Юга и Сѣвера.

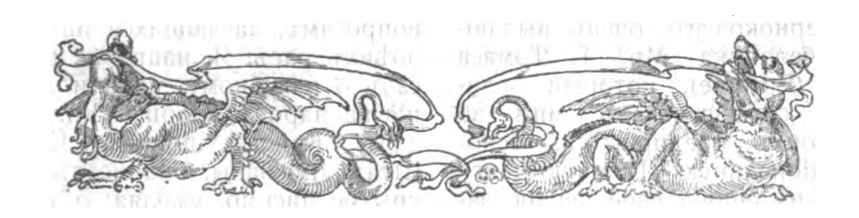
Не смотря на поверхностные и временные признаки въ противоположномъ направленіи, я никогда не чувствовалъ себя такъ полнымъ надеждъ за будущее моей расы. Великій законъ жизни, въ силу котораго истинное достоинство людей, рано или поздно, оцѣнивается всѣми,—вѣченъ и всеобщъ. Люди, стоящіе внѣ непосредственной борьбы и страданій, постоянно волнующихъ жизнь бѣлыхъ и черныхъ Юга, какъ бывшихъ рабовладѣльцевъ, такъ и ихъ рабовъ, не могутъ ни понять, ни оцѣнить этихъ внутрен-

нихъ усилій, съ обѣихъ сторонъ, чтобы освободиться отъ расовыхъ предразсудковъ.

Поэтому я взываю ко всему свѣту и умоляю имѣть болѣе сочувствія, терпѣнія, прощенія. и давать, по возможности, болѣе нравственной поддержки обѣимъ сторонамъ.

Случай привелъ меня дописывать послѣднія строки моей автобіографіи въ городѣ Ричмондѣ, томъ самомъ городѣ, который, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, былъ столицей Южной Конфедераціи, и гдѣ, около 25 лѣтъ тому назадъ, я спалъ, ночь за ночью, подъ мостикомъ на тротуарѣ. На этотъ разъ я живу здѣсь, какъ приглашенный гость чернокожихъ этого города, пріѣхавшій прочесть двѣ лекціи для публики, въ самой красивой и большой залѣ—Академіи Музыки. Въ первый разъ, какъ черному, разрѣшили мнѣ пользоваться этой залой. За день до моего пріѣзда, Совѣтъ города постановилъ посѣтить мою лекцію *in corpore* и послушать, что я скажу. Начальство Штата, включая Палату Делегатовъ и Сенатъ, тоже единодушно провело это рѣшеніе. Въ присутствіи сотенъ чернокожихъ гражданъ, Городского Совѣта, властей Штата и другихъ его чиновниковъ, я произнесъ мою рѣчь, полную надежды и радостныхъ ожиданій. и отъ всего моего сокрушеннаго сердца благодарилъ обѣ расы за радушное привѣтствіе меня въ томъ штатѣ, гдѣ я впервые увидѣлъ свѣтъ.

(КОНЕЦЪ).

НИЩАЯ.

Очеркъ

Ольги Кобылянской.

Перевелъ съ украинскаго

Дм. Донцовъ

Солнечное іюльское утро.

Окно моей изящно обставленной комнаты широко открыто. Я сижу передъ нимъ у письменнаго стола.

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ, самыхъ дикихъ карпатскихъ видовъ разстилался какъ разъ передъ моимъ окномъ. Громадная, похожая на пирамиду, густо покрытая лѣсомъ гора поднималась къ небу. Рядомъ съ нею темный, узкій яръ и груда, самой причудливой формы, скалъ.

Кромѣ того—безпрерывный шумъ сосновыхъ лѣсовъ, напоминающій шумъ моря, и все кругомъ залито солнечнымъ свѣтомъ.

Всюду солнечный свѣтъ.

Никогда не казалась мнѣ зелень лѣса такою живою, — прозрачное, безъ тучъ, небо никогда не казалось такимъ синимъ, нѣжнымъ.

Я совершенно потонулъ въ этомъ видѣ.

Потонулъ!

Этимъ слишкомъ мало сказано.

Я чувствовалъ эту чарующую красоту природы каждымъ нервомъ, пожиралъ ее глазами, упивался ею, а, кромѣ того, и зналъ, что силы, наполнявшія мою душу, пробудила во мнѣ она, взростившая ихъ, одна лишь она...

Счастливъ тотъ, кто понимаетъ ее!

Мною овладѣло непреодолимое желаніе записать одну мысль, надъ которою я давно уже думалъ.

Оторвавши, почти насильно, взглядъ отъ чуднаго вида, я сталъ приводить въ порядокъ свои мысли.

Онѣ повинуются, онѣ и сопротивляются, онѣ разсѣиваются, какъ пыль, онѣ смѣются надо мною!

Я не могу!

Недалеко отъ дома—можетъ быть шагахъ въ ста—сидитъ съ самаго утра какая-то нищая и молитъ у прохожихъ милостыню. Она не клянчитъ, какъ это дѣлаютъ люди ея профессіи, имъ однимъ свойственнымъ способомъ. Она и не поетъ. У нея нѣтъ даже того нищенскаго тона, къ которому мы такъ привыкли у этихъ созданій и который лишь до тѣхъ поръ непріятно дѣйствуетъ, пока эти люди у насъ на глазахъ.

Нѣтъ, у нея и этого нѣтъ. Она поетъ. Каждый разъ однимъ и тѣмъ же темпомъ, отъ высокихъ нотъ къ низкимъ. Посрединѣ—едва замѣтное измѣненіе, а потомъ опять: „Смилуйтесь надъ несчастною, а Богъ заплатитъ вамъ!“

Съ ожесточеніемъ оно напало на меня, впилось въ меня, а я нервно, даже съ какимъ-то, полнымъ бѣ-

шенства, наслажденіемъ, жадно вслушиваюсь въ это нытье: „Славно! славно!—шепчу я съ злобнымъ сарказмомъ и, взбѣшенный до нельзя, я бросилъ перо на столъ.

Можетъ быть, хоть теперь наконецъ перестанетъ!

Прислушиваюсь, затаивъ дыханіе, одну минуту, другую, третью... какъ вдругъ: „Смилуйтесь надъ несчастною, а Богъ заплатитъ вамъ!"

Это можетъ наконецъ довести до сумасшествія!

Бросаюсь къ окну, чтобы увидѣть ее, меня будто толкаетъ что-то—взглянуть на нее! Она здѣсь!

Сидитъ у моста, ведущаго къ рынку, и ноетъ. Нѣтъ, пусть себѣ думаютъ, что хотятъ, но, право, это истинное благодѣяніе, что нищенство запрещено. Въ небольшихъ городахъ еще существуетъ эта кара Господняя, хотя и тамъ для бѣдныхъ существуетъ какая-то помощь.

Однако я положу всему этому конецъ. Швырну ей деньги, чтобы замолчала, или чтобъ убралась отсюда, или чтобъ... или чтобъ... ахъ! чтобъ ты онѣмѣла!

„Смилуйтесь надъ несчастною, а Богъ заплатитъ вамъ!"

Во мнѣ закипѣло, и я зловѣще усмѣхнулся. Схвативши шляпу, лечу къ ней.

Она сидитъ, повернувшись профилемъ въ ту сторону, съ которой какъ разъ подхожу я.

Когда заслышала мои шаги, замолчала.

Вся ея тонкая, сгорбленная фигура съ головою, склоненною на грудь, съ протянутою рукою, принимаетъ вдругъ какой-то напряженный характеръ. Я замедляю шагъ, хочу разсмотрѣть ее. Желтый, какъ воскъ, худой, но молодой еще, необыкновенно правильный, профиль склоняется на грудь. Верхней части лица еще не видно ясно, на нижней — запечатлѣлось глубокое, давно застывшее, страданіе...

Вотъ она поднимаетъ голову (мнѣ кажется черезчуръ высоко) и я вижу: она слѣпа, совсѣмъ слѣпа. Длинныя, черныя, шелковыя рѣсницы закрываютъ глаза...

Со страхомъ, съ какимъ-то внезапнымъ испугомъ смотрѣлъ я нее, потомъ быстро положилъ деньги въ ея маленькую, загорѣвшую отъ солнца, руку. Ея безкровныя, меланхолически уста искривляются во что-то похожее на улыбку:

„Пусть васъ Богъ благословитъ, господинъ. Путь васъ Богъ благословитъ тысячу разъ! Отъ самаго восхода солнца, котораго я не вижу, и не увижу уже никогда, сижу я тутъ, а вы первый сжалились надо мною. Пусть васъ Богъ благословитъ"!

Непріятное чувство охватило меня...

Дм. Донцовъ.

. . . .

— Что дѣлать, когда земля кругомъ покрыта толстымъ слоемъ снѣга, когда воды скованы льдомъ?.. Выйти съ ружьемъ и собакой въ лѣсъ не возможно, такъ какъ снѣгъ глубокъ, да и нѣтъ желанія охотиться... Вѣтеръ разгулялся и морозъ щиплетъ не на шутку... Въ амбарѣ нѣтъ работы... все уже вымолочено, а за скотомъ добросовѣстно присматриваетъ старый Симеонъ съ двумя батраками, и провѣрять его нѣтъ никакой надобности...

Магда принесла охабку дровъ, кинула ихъ у камина, такъ что стекла въ окнахъ задрожали... и спустя минуту уже весело блеститъ огонь.

Маленькіе красноватые огоньки несутся вверхъ, за ними гонятся другіе, иногда громко выстрѣлитъ горящее полѣно, сыпнетъ искрами, далеко выкинетъ раскаленный уголь, а затѣмъ опять ровно и тихо горитъ, пока отъ него не останется почти испепелившаяся головешка.

Смотришь въ этотъ яркій огонь и думаешь, а въ головѣ возникаютъ все новыя мысли... Воспоминанія сначала тлѣютъ въ душѣ, потомъ загораются и вызываютъ улыбку на устахъ, румянецъ на лицѣ или наоборотъ, тучку на челѣ и слезы въ глазахъ.

Сколько разъ я ни сидѣлъ передъ этимъ самымъ каминомъ, всегда тѣ же самые образы проносились предъ глазами моей души... Всегда старые и вмѣстѣ съ тѣмъ новые... А если бы .. если бы описать эту краткую исторію долгой жизни, если бы перенести ее на бумагу, вдохнуть въ нее душу и мысль и скованную мертвыми буквами пріобщить къ тому наслѣдству послѣ покойнаго Яна Гоздавы, наслѣдству, которое такъ неожиданно досталось мнѣ...

. . . .

О себѣ самомъ немного могу сказать. Я явился на свѣтъ въ какомъ-то бѣломъ домѣ на берегу Вислы и еще помню его, какъ сквозь сонъ... Родители мои были ни очень бѣдны, ни очень богаты и оба рано умерли. Дѣтей у нихъ, кромѣ меня одного, не было. Послѣ смерти отца и матери я вмѣстѣ съ бѣлымъ домомъ и принадлежащимъ къ нему кускомъ земли попалъ подъ власть опекуна...

Это былъ какой-то дальній родственникъ отца, человѣкъ не злой, но, кажется довольно расточительный. Не буду описывать, какъ и что было, такъ какъ это старая исторія и никого не можетъ интересовать—достаточно того, что моя усадьба перешла въ другія руки, и предо мною настежь раскрылся широкій міръ.

Иди, куда хочешь и ищи. чего хочешь...

Однако, я не погибъ!

Опекунъ имѣньице мое потерялъ, но за то далъ кой-какое образованіе; я кончилъ школу у Піяровъ, даже не дурно кончилъ, а такъ какъ въ то время кто хотѣлъ трудиться, тотъ безъ труда находилъ работу, поэтому и я поступилъ на службу въ судъ, а спустя два года занялъ мѣсто, хотя скромное, но достаточное для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. И такъ вотъ время проходило въ работѣ и скромныхъ развлеченіяхъ. Я получалъ повышенія, мнѣ увеличивали жалованье, такъ что даже нѣкоторые знакомые уговаривали меня жениться...

Я ничего не имѣлъ противъ этого, но такъ какъ любилъ все дѣлать по зрѣломъ размышленіи, поэтому не спѣшилъ и прежде всего хотѣлъ составить себѣ кой-какое состояніе. Въ свободное время я работалъ у нотаріусовъ, или въ ипотекѣ и не могу жаловаться, чтобы мнѣ было худо. Начальство относилось ко мнѣ съ уваженіемъ, у меня были заработки и надежда на будущее. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать о себѣ, а теперь придется говорить о другихъ...

Мнѣ было около тридцати четырехъ или можетъ быть тридцати пяти лѣтъ, когда произошелъ случай, который толкнулъ меня на совершенно новый путь. Какіе-то дальніе родственники заявили претензію на наслѣдство послѣ покойнаго Яна Гоздавы. Когда объявленіе попало мнѣ въ руки, я задумался, такъ какъ мать моя была урожденная Гоздава, и вполнѣ естественно, мнѣ пришла въ голову мысль, нѣтъ-ли у меня правъ на это наслѣдство. Я отправился за совѣтомъ къ опытнымъ юристамъ, мы стали перебирать бумаги, искать, собирать доказательства—и наконецъ оказалось, что тѣ дальніе родственники не имѣютъ никакого права на наслѣдство и что единственнымъ наслѣдникомъ являюсь я, какъ наслѣдникъ правъ мой покойной матери.

Янъ Гоздава былъ роднымъ дядей моей матери, а слѣдовательно моимъ дѣдушкой, а въ виду того, что онъ умеръ бездѣтнымъ за границей, во Франціи, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни — и не сдѣлалъ никакого распоряженія относительно своего имѣнія, поэтому таковое по закону переходитъ къ моей матери, а затѣмъ ко мнѣ, какъ единственному ея наслѣднику.

Собравъ всѣ данныя и предъявивъ ихъ, я выигралъ процессъ во всѣхъ инстанціяхъ, и въ концѣ концовъ наслѣдство осталось за мной.

Не велико это было имѣніе, но все же имѣніе съ полями, съ лугомъ и кускомъ лѣса, который примыкалъ къ обширной княжеской пущѣ.

Мнѣ даже въ голову не приходило бросить службу и заняться сельскимъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе я жаждалъ посмотрѣть на свое владѣніе, называвшейся Пустыней. Мнѣ интересно было узнать, какъ выглядитъ мое имѣніе, такое-ли оно, какъ другія, или можетъ быть лучше, красивѣе?.. Съ молодыхъ лѣтъ я росъ въ городѣ, среди стѣнъ, тамъ провелъ прекраснѣйшую часть своей жизни, и однако, когда подумалъ, что обладаю собственнымъ кускомъ земли—эта земля стала мнѣ какъ-то особенно дорога, я почувствовалъ, что меня къ ней что-то тянетъ, манитъ, что она зоветъ меня почти человѣческимъ голосомъ. Говорятъ, что у нѣкоторыхъ людей есть уже въ крови та-

кая любовь къ землѣ. Очевидно въ моихъ жилахъ текла такая именно кровь.

Получивъ отпускъ, я отправился въ Пустыню.

Дня три я ѣхалъ по безобразнѣйшимъ дорогамъ, такъ какъ свернувъ съ главнаго тракта, приходилось тащиться по проселочнымъ дорогамъ, черезъ большіе лѣса и болота. По главному тракту я ѣхалъ съ евреями, потому что тогда еще были въ ходу бродскія колымаги, въ которыхъ можно было путешествовать съ нѣкоторыми удобствами, хотя и не съ особенной скоростью, затѣмъ надо было трястись по проселкамъ на крестьянскихъ возахъ, отъ деревни къ деревнѣ, останавливаясь на ночлегъ въ корчмахъ, или же, что было пріятнѣе, подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу.

Прекрасная тогда стояла погода, и особенно хороши были ночи, такъ какъ днемъ томила жара, а ночью охлаждалъ вѣтерокъ... Надъ лѣсомъ виднѣлось чистое, безоблачное, усѣянное золотистыми звѣздами небо... а въ лѣсу шумѣли деревья, какъ бы бесѣдуя одно съ другимъ.

На послѣднемъ ночлегѣ, крестьянинъ, который везъ меня, завелъ со мной разговоръ. Онъ началъ его робко, боязливо, точно хотѣлъ что-то сказать, но не осмѣливался.

— Значитъ завтра,—сказалъ онъ,— прежде чѣмъ солнышко подымется къ полудню, вы уже будете въ той Пустынѣ.

— Не знаю, — отвѣтилъ я,—такъ какъ я въ этой мѣстности въ первый разъ, но коль скоро вы говорите, что мы пріѣдемъ до полудня, то навѣрно такъ и будетъ.

— Вѣстимо что такъ и будетъ,— проговорилъ крестьянинъ, всматриваясь въ звѣзды.—Теперь уже около полуночи, вотъ какъ только лошади доѣдятъ свой овесъ, а вы немножко соснете, то и потащимся помаленьку. Туть гнать лошадей нельзя, потому всюду здоровкые песи вплоть до самой Пустыни. Знаю я здѣсь каждый кустикъ, хорошо знаю. Дастъ Богъ, звѣздочки немножко побѣлѣютъ, тогда и поѣдемъ. Съ восходомъ будемъ у Михаиловой мельницы... тамъ опять накормлю лошадокъ, напою ихъ и поѣдемъ дальше, черезъ Лисій Дворъ, черезъ Холмъ Висѣльника, черезъ Волчьи Ямы, потомъ лѣсомъ верстъ семь... а тамъ и Пустыня. Вы, баринъ, навѣрно ѣдете съ радостью въ сердцѣ, потому ѣдете въ свою деревню, въ деревню вашихъ дѣдовъ, да и не удивительно. Видно ужъ съ самаго неба есть такой приказъ, чтобы человѣка тянуло къ землѣ, хотя она не всегда милостива, о, не всегда! Человѣкъ наработается, намучается до послѣдней капли пота... а она не уродитъ, и приходится голодать. Подчасъ кажись проклялъ-бы ее, но кто же смѣетъ проклинать святую землю. А настанетъ весна и человѣкъ бѣжитъ къ ней, къ этой землѣ, съ плугомъ, съ бороной, съ зерномъ, потому всѣ люди живутъ съ земли и нѣтъ на свѣтѣ вещи, которая была-бы не изъ земли... Однако иногда бываетъ такой кусокъ земли, что...

— Что?..

— Эхъ, какъ просто сорвалось съ языка, какъ обыкновенно у глупаго мужика. Правду говорятъ, что мужику болѣе подходитъ цѣпомъ молотить, чѣмъ ворочать языкомъ, потому что молотитъ онъ чистую рожь, а что скажетъ, то и плевелъ не стоитъ...

— Почему? – наоборотъ, говорятъ что мужицкій умъ самый лучшій...

— Да, но говорятъ и такъ: хвастался одинъ мужикъ, что у него есть очень хорошій баринъ. А гдѣ же этотъ баринъ?—спрашиваютъ люди. Мужикъ тогда отвѣтилъ: да его вовсе нѣтъ. Такъ то, баринъ, и съ тѣмъ мужицкимъ умомъ. Должно быть онъ хорошъ потому, что его нѣтъ. Впрочемъ нечего болтать, вотъ вы лучше прилягьте и засните.

Коли не побрезгаете, то я могу вамъ подложить подъ голову мою серьмягу...

— Спасибо, братецъ — отвѣтилъ я,—спать мнѣ какъ то нѣтъ охоты. Я предпочту, глядя на звѣзды, погуторить съ тобой... Знаешь-ли ты Пустыню, былъ тамъ когда-нибудь?

— Знаю, знаю, баринъ... Бывалъ я тамъ не разъ... наша деревня принадлежитъ князю и находится возлѣ самой Пустыни.

— Скажи-ка мнѣ что-нибудь о ней.

— Да что тамъ говорить. Пустыня и все тутъ. Я вѣдь зналъ вашего дѣдушку, что жилъ въ этой Пустынѣ; красивый онъ былъ мужчина, а какъ одѣлъ мундинъ и каску, такъ словно картинка.. Тогда была война, дѣдушка ушелъ на войну и какъ ушелъ, такъ и не пришелъ больше. Видно ужъ такое положеніе въ этой Пустынѣ; какъ только люди помнятъ, ни одинъ помѣщикъ здѣсь еще не умеръ, всѣ пропали за морями среди чужого народа. Впрочемъ зачѣмъ это я разсказываю вамъ о такихъ вещахъ!

Меня проняла легкая дрожь, но это происходило не отъ испуга, но отъ ночного холода, а можетъ быть отъ росы, что блестѣла на мху и папоротникахъ. Однако слова мужика заставили меня призадуматься

— Не такъ я ужъ робокъ, какъ тебѣ кажется—сказалъ я послѣ минутнаго молчанія. — Коль скоро у человѣка совѣсть чиста, то онъ зря бояться не будетъ.

— Правда, баринъ... И священники то же говорятъ на проповѣди... А все же хотя, на совѣсти вашего дѣдушки и его предковъ не было ни людской обиды и никакого проклятія... однако, они, бѣдняги, всѣ пропадали, ни одинъ изъ нихъ не сложилъ здѣсь своихъ костей, ни одинъ не почиваетъ на освященной землѣ, на кладбищѣ, только Богъ вѣсть гдѣ...

— Почему?

— Воля Божья... Кто ее угадаетъ?.. Вѣчный покой дай имъ Господи, но они и послѣ смерти не имѣютъ покоя. Я этого не видѣлъ собственными глазами, но другіе люди видали и разсказывали...

Тутъ мужикъ внезапно оборвалъ и умолкъ.

— Что же они разсказывали,—спросилъ я чрезвычайно заинтригованный,—скажи же мнѣ, вѣдь они мои родственники, прадѣды, а потому мнѣ хочется знать...

— Эхъ, баринъ, ночью страшно говорить о такихъ вещахъ — злое всегда подстерегаетъ человѣка, особенно сильно оно около полуночи, но коли вы такъ настаиваете, то скажу... Около Пустыни въ лѣсу, по ночамъ показываются духи... а народъ сказываетъ, что это прежніе владѣльцы усадьбы...

Ничего болѣе мнѣ не удалось узнать отъ мужика, потому что онъ сталъ около воза на колѣни и началъ въ полголоса читать молитву, должно быть нарочно, чтобы я не смѣя прерывать, больше не распрашивалъ его.

Я легъ на землю и смотрѣлъ на звѣзды. Въ лѣсу царила глубокая тишина, прерываемая только шопотомъ читаемой молитвы; лошади перестали ѣсть и понурили головы, время отъ времени на землю падали изсохшія и нѣкогда вѣтромъ сломанныя вѣтви... Мнѣ не спалось, я думалъ о томъ, что сказалъ мужикъ. и самъ не зналъ, вѣрить-ли мнѣ или не вѣрить. Такъ прошло у меня часа два въ размышленіи и созерцаніи... Наконецъ звѣзды стали блѣднѣть, болѣе мелкія изъ нихъ исчезали и лишь самыя крупныя боролись съ отблескомъ зари, которая вскорѣ должна была блеснуть на востокѣ.

Немного спустя крестьянинъ всталъ, поправилъ на лошадяхъ упряжь и мы поѣхали.

Съ восходомъ солнца наши лошади напились воды у Михайловой мельницы и съѣли охабку сѣна, а потомъ мы потащились лѣсомъ

черезъ Лисій Дворъ, черезъ Холмъ Висѣльника и черезъ Волчьи Ямы.

Когда около полудня мы выѣхали изъ лѣсу, крестьянинъ кнутомъ указалъ мнѣ на мое наслѣдство.

Невдалекѣ виднѣлись хозяйственныя строенія, окруженныя высокимъ остроколомъ, почернѣвшимъ отъ старости и мѣстами испорченнымъ, далѣе высокій колодезный журавль и голубятникъ. Увидя все это, я почувствовалъ, что у меня на сердцѣ стало такъ грустно...

. . . .

На встрѣчу мнѣ вышли три особы и то не сразу, но каждая изъ нихъ шла съ иной стороны... Прежде всего лай собакъ вызвалъ на крыльцо какую-то немолодую, высокую, худощавую женщину въ большомъ бѣломъ чепцѣ и въ черномъ платкѣ, накинутомъ на плечи. Я сталъ ей объяснять, какъ я и зачѣмъ пріѣхалъ, а тѣмъ временемъ изъ избы прибѣжалъ мужикъ. хотя старый, но еще бодрый, коренастый и загорѣлый, какъ цыганъ. Длинные съ сильной просѣдью волоса падали ему на плечи, разсыпаясь толстыми прядями по вытершейся старой сермягѣ. Съ другой стороны изъ полуразвалившагося строенія, приближался еврей съ длинной, бѣлой бородой. Онъ одной рукой прикрывалъ отъ солнца глаза, а другую засунулъ за шерстяной поясъ и такъ медленно шелъ, внимательно ко мнѣ присматриваясь.

Когда я разговаривалъ съ женщиной, мужикъ снялъ шапку и низко опустилъ голову, а еврей все кланялся, причмокивалъ губами и пристально вглядывался въ меня своими черными глазами.

— Вотъ всѣ мы на лицо,—сказала женщина сухимъ, беззвучнымъ голосомъ,—я, этотъ крестьянинъ Сименъ и еврей Іойна... Всѣ мы живемъ здѣсь со временъ вашего покойнаго дѣдушки... Вотъ уже два года, какъ я жду васъ...

— Вы?

— Да, какъ только Рымшы и Сокольскіе начали процессъ изъ-за Пустыни, я не разъ говорила Симеону и Іойнѣ: нѣтъ, ничего они не получатъ, есть законный наслѣдникъ, такъ какъ у покойнаго Яна былъ братъ, а послѣ него осталась дочь Розалія...

— Моя мать...

— Я не знала, что это ваша мать, но слышала, что она выросла, что вышла за-мужъ за Ожеховскаго и жила гдѣ то на берегу Вислы, что она и мужъ ея умерли и что послѣ нихъ остался сынокъ. Больше я ничего не знала, но говорила этимъ людямъ, что есть законный наслѣдникъ по женской линіи, къ которому перейдетъ имѣніе... Такъ и случилось. Сюда пріѣзжали Сокольскіе и Рымшы, хотѣли уже водвориться въ Пустынѣ, но я не пустила. Симеонъ съ батраками загородилъ имъ дорогу у воротъ, Іойну я послала за полиціей и выругала ихъ... Откуда они пришли, туда и пошли, процессъ тянулся... и вотъ наконецъ вы пріѣхали... Войди же въ свой домъ и живи въ немъ счастливо, хотя ты одинъ по крайней мѣрѣ,—добавила она уже шопотомъ.

— А съ кѣмъ я имѣю честь говорить?—спросилъ я ее.

— Какая тутъ честь. Я старая баба, вотъ и все. Была здѣсь не то ключницей, не то замѣстительницей, словомъ чѣмъ-то въ родѣ пятаго колеса въ телѣгѣ. Я управляла имѣніемъ, пока не было владѣльца, а теперь вы пріѣхали и вотъ примите все въ свои руки.

— Однако надо же мнѣ знать, кто вы и какъ васъ звать?

— Я ваша дальняя родственница... Но не бойтесь, очень дальняя... Зовутъ меня Варвара, урожденная Сокольская, а по мужу Войткевичъ. Вотъ и все, а теперь войдите въ свой домъ, подкрѣпитесь, отвѣдайте собственнаго хлѣба... Онъ хотя черенъ, но хорошъ.

— Ой, ой, чтобы худшаго не было до самой смерти!—робко замѣтилъ еврей.

— Подкрѣпившись, вы можетъ

быть пожелаете осмотрѣть Пустыню,—продолжала Войткевичъ—ее вамъ покажетъ Симеонъ, если же захотите разспросить объ окрестности, то объ этомъ все разскажетъ Іойна, а я покажу вамъ наслѣдство вечеромъ.

— Какое же наслѣдство? Вѣдь я уже имѣю Пустыню, нахожусь въ ней.

— Пустыня своимъ чередомъ, а наслѣдство своимъ...

. . . .

Пообѣдавъ, я окинулъ взглядомъ комнату. Она была довольно низка, но широка и длинна, въ углу находилась громадная старосвѣтская печь изъ зеленыхъ изразцовъ, на стѣнахъ въ совершенно почернѣвшихъ рамахъ висѣли картины религіознаго содержанія; изъ за балокъ потолка свѣшивались пучки освященныхъ травъ. Мебель въ этой ломнатѣ была не со временъ дѣдушки; посреди стоялъ большой дубовый столъ, а у стѣнъ скамьи и кушетка, покрытая шкурой лося.

У одной стѣны находился не то письменный столъ, не то шкафъ. Очевидно вещь эта принадлежала позднѣйшему времени, такъ она была украшена бронзой.

Когда я разсматривалъ комнату, вошелъ Іойна и сталъ у порога.

Быть можетъ теперь вы пожелаете услышать одно слово?—сказалъ онъ.

— Пожалуйста, я слушаю. Что скажете, но прежде всего садитесь.

— Есть мѣсто, гдѣ слѣдуетъ сидѣть, есть мѣсто, гдѣ слѣдуетъ стоять—съ важностью отвѣтилъ еврей—въ этомъ мѣстѣ мнѣ слѣдуетъ стоять и я буду стоять.

— Какъ вамъ угодно, но я прошу сѣсть.

— Слушаю, вельможный баринъ... Въ этомъ роду всѣ господа были деликатны, и никто отъ нихъ не слыхалъ дурного слова.

— Вы давно живете въ пустынѣ?

— Кто это сосчитаетъ? Я не сумѣю. Вы спрашиваете, давно-ли я живу въ Пустынѣ? Взгляните на мою бороду... она здѣсь выросла и здѣсь стала такъ длинна и здѣсь стала бѣла... а для такого дѣла, какъ вамъ извѣстно, надо немножко времени.

— Скажите пожалуйста, чѣмъ вы здѣсь состоите?

— Чѣмъ я состою? Я еврей.

— Это я вижу, но чѣмъ вы здѣсь въ имѣніи?

— Въ имѣніи? Ну, въ имѣніи я тоже состою евреемъ... Вы смѣетесь, а между тѣмъ я говорю правду... Прежде считали на тридцать десятинъ три пары воловъ, на одно имѣніе одного еврея, а на большое два еврея. Въ Пустынѣ мой отецъ служилъ евреемъ, дѣдушка служилъ, ну и я также служу. Торгую молокомъ, выкуриваю смолу и вообще состою при усадьбѣ. Велятъ мнѣ куда-нибудь ѣхать... ѣду, велятъ устроить какое-нибудь дѣло—устраиваю, велятъ продать хлѣбъ—продаю. Даже теперь, когда былъ процессъ и никто не зналъ, чѣмъ кончится дѣло, кто возьметъ Пустыню, госпожа Войткевичъ сказала мнѣ только одно слово: „поѣзжай Іойна и разнюхай"... Я запрегъ мою клячу въ возъ и поѣхалъ. Меня не было дома недѣли двѣ, ну и все было разнюхано, какъ слѣдуетъ быть, по-еврейски.

— Ого!... все... Я разнюхалъ, что вы баринъ, живете, что судитесь изъ-за Пустыни, что служите въ судѣ, что вы еще когда-нибудь можете быть предсѣдателемъ...и что у васъ нѣтъ особенной охоты сидѣть въ деревнѣ... Ну, это и не удивительно, развѣ кто-нибудь изъ владѣльцевъ здѣсъ сидѣлъ?

— Почему такъ?

— Развѣ я знаю... Они зачѣмъ-то гнались по свѣту, но зачѣмъ они гнались, этого я не знаю. Можетъ быть передъ ними сіялъ какой-нибудь огненный столбъ... можетъ быть имъ казалось, что они поймаютъ счастье. Между тѣмъ

имъ удавалось поймать пулю въ голову, или въ ногу, или смерть на чужой сторонѣ. Съ вашего позволенія, они были все равно, что евреи. Они ходили искать по всему свѣту своего Мессію, они искали стѣны и хотѣли пробить ее своими головами, но, увы, только головы себѣ разбивали, а стѣна, какъ стояла, такъ и стоитъ... Вашъ покойный дѣдушка, послѣ котораго вамъ досталась теперь Пустыня, сидѣлъ тутъ нѣкоторое время... Я думалъ, что онъ будетъ сидѣть себѣ до смерти. Дѣдушка очень хорошо хозяйничалъ, потомъ хотѣлъ себѣ жениться и даже обручился уже съ одной барышней...

Вскорѣ должна была состояться свадьба. Достаточно вамъ сказать, что я самъ ѣздилъ въ Козенницы за виномъ... и привезъ оттуда двѣ бочки хорошей мѣры по тридцать шесть гарнцевъ, отъ Вульфа, у котораго былъ главный складъ винъ въ Козенницахъ. Вульфъ два раза въ годъ ѣздилъ въ Венгрію за виномъ.

Онъ уже давно умеръ, этотъ Вульфъ. Ай, вай, ай, вай! Могъ-ли я надѣяться, кто выпьетъ это вино! Ну, не буду вамъ долго разсказывать, и скажу только, что свадьбы не было и было лишь горе. Вашъ дѣдушка ушелъ въ свѣтъ и глаза мои больше его уже не видѣли. Теперь имѣніе къ вамъ перешло, но мнѣ кажется, что вы, баринъ, тоже долго не посидите между нами и предпочтете служить въ городѣ, гдѣ весело, гдѣ можно развлечься...

— Не знаю еще, что сдѣлаю— отвѣтилъ я, а потомъ внезапно спросилъ,—скажите мнѣ, Іойна, правда-ли, что здѣсь въ Пустынѣ бродятъ какіе-то духи?

Еврей отступилъ къ дверямъ, плюнулъ три раза и воскликнулъ:

— Кто вамъ разсказывалъ такія мужицкія сказки? Зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Я хочу знать...

— Лучше намъ о такомъ дѣлѣ ничего не знать, ничего не слышать и пусть наши глаза никогда этого не видятъ. Господь Богъ надъ нами!

— Я, однако, кой-что слышалъ...

— Это не еврейское дѣло, я не знаю, ничего не знаю. Что мнѣ до того? Я даже не имѣю желанія разговаривать о такихъ вещахъ. Моя голова этого не понимаетъ хотя я человѣкъ ученый... Пока у меня было здоровье, я ѣздилъ по свѣту, но теперь, когда всѣ мои дѣти ушли въ свѣтъ и мы съ женой живемъ въ Пустынѣ съ одной только дѣвушкой, что мнѣ остается дѣлать? Я славословлю Бога и читаю книги религіознаго содержанія. Читаю книги и молюсь, а знаете-ли, о чемъ я молю Бога? Молюсь о томъ, чтобы Богъ послалъ вамъ добрую мысль, чтобы мнѣ можно было остаться въ этой Пустынѣ. Куда мнѣ дѣваться теперь подъ старость? Куда нести мои больныя кости? Я пришелъ къ вамъ именно съ этой просьбой... Тамъ въ избѣ моя жена плачетъ, она также стара, также слаба и куда же она пойдетъ?

Быть можетъ я вамъ, баринъ, еще пригожусь, можетъ быть отслужу; здѣсь я не получалъ никакого жалованья, это засвидѣтельствуетъ сама госпожа Войткевичъ. имѣю только избу и кусокъ земли подъ картофель, вотъ и все, а для меня старика это имѣніе...

Я съ минуту подумалъ и отвѣтилъ:

— Ну, не бойтесь, я васъ не обижу. Не знаю еще, какъ устроюсь, до сихъ поръ еще не рѣшилъ, но во всякомъ случаѣ даю вамъ слово, что не пущу васъ по міру. Это относится также ко всѣмъ старцамъ слугамъ въ Пустынѣ, а теперь, Іойна, мнѣ хочется спросить васъ кой о чемъ.

Еврей поколебался, затѣмъ погладилъ свою длинную бороду и сказалъ:

— Баринъ, не лучше-ли завтра...

— Почему?

— Надо поскорѣе сообщить хорошее извѣстіе.

Я теперь хотѣлъ-бы полетѣть къ моей женѣ и если вы позволите, то сейчасъ полечу...

Я буду летѣть и буду кричать: „Ривка, послушай-ка Ривка, радуйся, я несу теаѣ жемчужину, я несу тебѣ брилліантъ, я несу тебѣ слово барина“.

Я засмѣялся и отвѣтилъ:

— Ну, коль скоро вамъ такъ хочется, то летите.

Іойна поклонился до самой земли, еще разъ поблагодарилъ и исчезъ.

Я раскрылъ окно.

Въ низкую, душную комнату проникли красноватые лучи заходящаго солнца и внесли съ собой освѣжающее дыханіе сада...

Запахъ простыхъ, но милыхъ, цвѣтовъ, резеды, пахучаго горошка, левкоя очень пріятно подѣйствовалъ на меня. Я облокотился на окно, какъ вдругъ до меня донеслась трогательная молитва: „Всѣ дѣла наши дневныя“...

Кто-то пѣлъ эту молитву молодымъ сильнымъ, металлическимъ голосомъ, который звучно разносился въ воздухѣ. Откуда, подумалось мнѣ, взялся такой голосъ въ этой настоящей Пустынѣ, въ убѣжищѣ старыхъ людей, въ этомъ заклятомъ мѣстѣ, надъ которымъ, какъ говорилъ крестьянинъ, тяготѣетъ что-то роковое? Откуда здѣсь, въ этомъ убѣжищѣ старости и печали, могла зазвучать столь милая и красивая мелодія?

Я напрягъ зрѣніе, но глаза мои не могли проникнуть сквозь густую зелень, за которой находилась таинственная пѣвица.

. . . .

До самыхъ сумерекъ я бродилъ вокругъ дома, въ надеждѣ встрѣтиться съ нею, но тщетно..., а потому я рѣшилъ на слѣдующій день начать поиски и продолжать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не увѣнчаются благопріятнымъ результатомъ.

Впечатлѣнія, испытанныя мною въ теченіе дня, совершенно утомили меня.

Мнѣ хотѣлось отдохнуть, заснуть на свѣжемъ сѣнѣ, забыть обо всемъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ самый нѣжный и звучный голосъ не разбудитъ меня пѣснью.

„Когда блеснетъ заря“.

Предчувствіе мнѣ говорило, что я услышу пѣснь.

Но какъ въ эту ночь, такъ и въ слѣдующія мнѣ не суждено было отдохнуть. Въ десять часовъ въ комнату вошла госпожа Войткевичъ съ удивительно серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ, какая-то торжественная, почти страшная...

Бѣлый чепецъ мрачно оттѣнялся чернымъ платкомъ, накинутымъ на костистыя плечи, а высокій ростъ и рѣзкія черты лица придавали этой женщинѣ образъ призрака. Она вынула изъ платка пачку бумагъ, ящичекъ съ деньгами и, положивъ ихъ на столъ, сказала:

— Возвращаю вамъ деньги и счета. Провѣрьте ихъ, а если вамъ трудно будетъ разобраться въ бабьихъ счетахъ, въ такомъ случаѣ позовите меня, я объясню устно.

— Кузина,—отвѣтилъ я, —нынче я такъ усталъ, что въ самомъ дѣлѣ не въ силахъ заниматься, да наконецъ тутъ ничего спѣшнаго. Отпускъ мой кончается черезъ мѣсяцъ, а потому еще будетъ время для провѣрки счетовъ. Это можно будетъ сдѣлать завтра, послѣзавтра, или даже черезъ недѣлю.

— Какъ вамъ угодно. Провѣряйте завтра или послѣзавтра, но я отдамъ вамъ все наслѣдство сегодня... Развѣ я знаю, дождусь-ли я завтрашняго дня. Я стара, а вы знаете, что жизнь человѣческая это нить, которую Богъ можетъ прервать въ любой моментъ... Вы пріѣхали въ Пустыню, а потому берите то, что принадлежитъ вамъ.

— Развѣ еще что-нибудь есть кромѣ этихъ денегъ?

— Идемте — сказала она, звякнувъ ключами.

Я неохотно всталъ. Высокая женщина быстро шла впереди меня, освѣщая дорогу желтой восковой свѣчей, издающей какой-то особенный запахъ.

Мы прошли черезъ большія, пустыя комнаты и остановились передъ дубовыми, окованными желѣзомъ дверьми. Госпожа Войткевичъ открыла ихъ большимъ старосвѣтскимъ ключемъ и ввела меня въ какую-то кладовую. Она, должно быть, никогда не открывалась, такъ какъ въ ней чувствовался затхлый воздухъ и сырость.

— Вотъ ваше наслѣдство, — поднявъ свѣчу вверхъ, промолвила женщина.

Я чуть не крикнулъ отъ испуга. Передо мной на двухъ скамьяхъ стоялъ большой дубовый гробъ почти черный, съ посеребрянымъ крестомъ на крышкѣ.

— Не бойтесь — сказала госпожа Войткевичъ,—въ этомъ гробу нѣтъ мертвеца... Крышка запирается на ключъ... вотъ онъ. Откройте и вы тамъ найдете свое наслѣдство.

— Ради Бога только не сегодня! —воскликнулъ я.—Нынче я не въ состояніи, не могу, оставимъ это до завтра...

— Хорошо, будь по вашему— проговорила она — я сдѣлала, что мнѣ слѣдовало сдѣлать, отдала вамъ наслѣдство, а завтра могу уйти отсюда съ чистой совѣстью.

— Вы не уйдете!—возразилъ я— по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ...

— Пока вы не откроете гроба. Согласна и на это, а теперь отдохните: въ первой комнатѣ вы найдете свою кровать, постель уже постлана и тамъ горитъ свѣча... Спокойной ночи!

Госпожа Войткевичъ заперла кладовую дала мнѣ большой, тяжелый ключъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, какъ тѣнь исчезла изъ моихъ глазъ.

. . . .

Первые дни пребыванія въ Пустынѣ навсегда останутся въ моей памяти. Въ тотъ вечеръ или вѣрнѣе въ ту ночь, когда госпожа Войткевичъ исчезла за дверями, оставивъ въ моей рукѣ тяжелый ключъ отъ кладовой, я долгое время не могъ ни собраться съ мыслями, ни успокоиться. Меня охватывала дрожь и одновременно въ вискахъ чувствовался жаръ, кровь въ нихъ ударяла, точно молотомъ.

Я еле дотащился до комнаты, гдѣ для меня была приготовлена постель и, не потушивъ огня, бросился на кровать. На столикѣ горѣли двѣ желтыя восковыя свѣчи, такія-же самыя, какъ та, которая была въ рукѣ госпожи Войткевичъ. Очевидно у насъ здѣсь около дома была большая пасѣка. Около свѣчей стоялъ въ вазочкѣ букетъ, изъ резеды и левкоевъ. Кто его сюда принесъ? Кто былъ настолько добръ, что пожелалъ разсѣять мою печаль видомъ цвѣтовъ?... Этотъ вопросъ меня очень интересовалъ, но все же не могъ изгладить изъ памяти большого таинственнаго гроба, который только что мнѣ пришлось увидѣть.

Что въ немъ есть? Кому пришла въ голову мысль оставить наслѣдникамъ такую траурную вещь?

Быть можетъ это предостереженіе, быть можетъ это голосъ, повелѣвающій бѣжать отсюда.

Мнѣ хотѣлось уснуть, забыть обо всемъ, отдохнуть послѣ испытанныхъ впечатлѣній, но сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ.

Поднялся сильный вѣтеръ, зашелестилъ вѣтвями въ саду, стучалъ въ скрипучія ставии и съ жалобнымъ воемъ врывался въ каминъ...

Надъ огонькомъ каждой свѣчи подымался тоненькій черный дымокъ и, извиваясь какъ змѣйка,

терялся гдѣ-то у потолка, изъ-за балокъ котораго свѣшивались пучки освященныхъ травъ. Я пролежалъ безъ сна до самаго разсвѣта и только на зарѣ потушилъ свѣчи и уснулъ. Сонъ мой былъ прерывистый, неровный, и я почти ежеминутно просыпался. Подъ утро „мнѣ послышалось пѣніе „Когда блеснетъ заря"... Раздавался тотъ же звучный, серебристый голосъ, что вчера.

Это пѣніе успокоило меня и уже солнце высоко поднялось на небѣ, когда я всталъ, хотя утомленный физически, но за то болѣе спокойный душевно.

Возлѣ моей кровати на простомъ деревянномъ табуретѣ громадная миска съ холодной ключевой водой, и полотенце домашней работы. Вода освѣжила меня. Я вышелъ на крыльцо и, сѣвъ на скамью, закурилъ трубку. Спустя нѣсколько минутъ вернувшись въ комнату, я засталъ столъ накрытымъ, а на немъ кувшинъ свѣжаго молока, стаканъ, кусокъ чернаго хлѣба, и соль.

Кто-то невидимый прислуживалъ мнѣ.

Я выглянулъ въ окно, но никого не замѣтилъ.

Была лѣтняя пора, страдное время въ деревнѣ, а потому люди очевидно были на полѣ. Госпожа Войткевичъ тоже куда-то ушла. Я рѣшилъ отправиться въ кладовую и открыть гробъ. Взявъ ключъ, который мнѣ дала госпожа Войткевичъ, я открылъ имъ желѣзную дверь и вошелъ въ полутемную, затхлую кладовую. Прежде всего я позаботился о томъ, чтобы впустить сюда немного свѣта и воздуха и толкнулъ рукой въ ставни. Они легко раскрылись. Стеколъ въ окнахъ не было, а только толстыя, покрытыя ржавчиной желѣзныя рѣшетки.

Вся кладовая наполнилась свѣтомъ.

Въ ней ничего не было, кромѣ стараго желѣза, цѣпей и ремней. На вколоченныхъ въ стѣну гвоздяхъ висѣло нѣсколько старинныхъ сѣделъ, въ углу лежалъ боченокъ, окованный толстыми желѣзными обручами. Я не обращалъ вниманія на это старье, такъ какъ меня главнымъ образомъ интересовалъ гробъ. Онъ стоялъ, посреди кладовой на двухъ деревянныхъ скамейкахъ, длинный, широкій, очевидно сдѣланный для мужчины высокаго роста,

Я сталъ разсматривать но, на крышкѣ, кромѣ креста, были то надписи, или вѣрнѣе одна надпись, только нѣсколько разъ измѣненная. Поправки касались лишь имени владѣльца гроба, фамилія и латинскія слова: „obiit A. Д." остались безъ измѣненія.

Первоначальная надпись была такова: „Laurentius Gozdava obiit A. Д"... Итакъ гробъ очевидно былъ предназначенъ для него, затѣмъ уже другая рука зачеркнула слово *Laurentius* и сверху написала *Retris*, потомъ еще кто-то зачеркнулъ *Retris* и написалъ *Ioannes*... Это послѣднее имя осталось не зачеркнутымъ.

Laurentius, Retris, Ioannes... Я догадался, что Ioannes былъ тотъ Янъ, послѣ смерти котораго мнѣ досталась Пустыня, но кто были тѣ, что желали почить въ этомъ гробу, но не почили въ немъ?

Быть можетъ на это мнѣ отвѣтитъ внутренность гроба.

Съ благоговѣніемъ и даже не безъ нѣкоторой боязни я поднялъ крышку гроба. Онъ былъ пустъ, но гладко отполированъ, безъ обивки и безъ подушекъ. Посреди его, на днѣ лежалъ громадный конвертъ изъ сѣрой толстой бумаги, который очевидно нѣсколько разъ вскрывали, такъ какъ печати были нѣсколько разъ сломаны, и только послѣдняя осталась неприкосновенной.

Я взялъ конвертъ, закрылъ гробъ, а потомъ кладовую—и отправился въ большую комнату, въ которой

вчера разговаривалъ съ Іойной. Тамъ оказались нѣкоторыя перемѣны, неизвѣстно когда и кѣмъ сдѣланныя. У самаго окна былъ поставленъ столъ, покрытый толстымъ зеленымъ сукномъ, а на столѣ находились деревянная старосвѣтская чернильница съ песочницей, перья, свитокъ бумагъ и ящичекъ съ деньгами, врученный вчера госпожей Войткевичъ. Возлѣ чернильницы опять стоялъ букетикъ левкоевъ, какъ въ моей спальнѣ у кровати...

Кто здѣсь постоянно говоритъ со мной на языкѣ цвѣтовъ, кто даетъ понять, что кромѣ старыхъ пожелтѣвшихъ бумагъ и гроба въ этой злополучной Пустынѣ есть также молодость и жизнь?...

. . . .

Кто погружается въ чтеніе старинныхъ бумагъ, тотъ какъ будто спускается въ страну мертвыхъ и бесѣдуетъ съ духами отцовъ.

Впрочемъ нѣтъ, не бесѣдуетъ, а какъ-бы слушаетъ ихъ разсказы. Нѣкогда сильныя руки давно разсыпались въ прахъ, души сильныя и мужественныя расплылись въ непонятной безконечности, и только мысль, заключенная въ ничтожной бумагѣ, пережила голову, изъ голову которой она вышла и руку, что выразила ее мелкими значками.

Я вскрылъ большой конвертъ и мнѣ казалось, будто я спустился въ катакомбы, будто съ большого кладбища выходятъ тѣ, съ которыми меня связываетъ кровное духовное родство, будто они сѣли на могильныя плиты и развалины памятниковъ, и разсказываютъ о своей давно забытой жизни.

Первая тетрадь заключала въ себѣ „Исторію благороднаго рода Гоздавовъ“. Исторія передана со всѣми мельчайшими подробностями и даже такими, которыя не имѣли никакой связи ни съ родомъ, ни съ его благородствомъ. Геройскія дѣянія, а рядомъ съ ними разныя хозяйственныя замѣтки, исторія лошадей рядомъ съ исторіей людей... родственныя связи, браки, процессы, сеймы и сеймики. Мнѣ нѣтъ надобности ни переписывать, ни передавать этого, такъ какъ фоліантъ ничего болѣе не заключалъ въ себѣ, кромѣ исторіи рода, какихъ было тысяча. Представители его уносились теченіемъ времени и легко поддавались этому теченію, выказывали какъ способность къ самопожертвованію, такъ и мелкое самолюбіе... словомъ родъ обыкновенный съ добродѣтелями и недостатками, съ незапятнанной чистотой... но также и не безъ пятенъ.

Я прочиталъ весь фоліантъ, вздохнулъ за упокой мертвыхъ и взялся за слѣдующій. Онъ касался исключительно дѣлъ, относящихся къ имѣнію. Я быстро пробѣжалъ разные акты, дарственныя записи, договоры, приговоры, но не вчитывался въ подробности, такъ какъ что мнѣ въ нихъ?... Отъ нѣкогда крупнаго имѣнія кромѣ Пустыни ничего не осталось, а на владѣніе Пустыней у меня есть ясныя, неоспоримыя доказательства и нѣтъ основанія предполагать, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь поднялъ о нихъ вопросъ. Я отложилъ этотъ фоліантъ въ сторону и старательно перевязалъ его. Пусть тѣ, кто унаслѣдуетъ послѣ меня Пустыню, читаютъ эти бумаги, если имъ будетъ угодно.

Я склонилъ голову и задумался. Ни исторія благороднаго рода, ни доказательства правъ на имѣніе ничего не повѣдали мнѣ таинственномъ гробѣ, не объяснили, почему онъ стоитъ въ кладовой, почему на немъ написаны сначала *Laurentius*, затѣмъ *Petris* и наконецъ *Ioannes*... Кто разрѣшитъ мнѣ эту загадку?... Развѣ только госпожа Войткевичъ, или старый Симеонъ или наконецъ еврей Іойна... Вѣдь кто-нибудь изъ нихъ помнитъ моего покойнаго дѣдушку и долженъ кой-что знать объ этомъ.

Я собралъ эти бумаги и уже хотѣлъ ихъ вложить въ конвертъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что въ томъ же конвертѣ находится въ четверо сложенный листъ пожелтѣвшей бумаги.

Въ немъ я нашелъ разрѣшеніе загадки.

Вверху листа большими и очень красивыми буквами было написано слѣдующее: „Я Вавжинецъ, Гоздава изъ Пустыни, отправляясь на войну, откуда Богъ быть можетъ позволитъ мнѣ вернуться здоровымъ, а можетъ быть не позволитъ, повелѣваю моему сыну: если по волѣ Предвѣчнаго я когда-нибудь вернусь живымъ и здоровымъ подъ собственный кровъ и тамъ кончу жизнь свою, то пусть сынъ мой Петръ похоронитъ мое грѣшное тѣло въ дубовомъ гробу, что стоитъ въ кладовой; если же мнѣ придется сложить голову гдѣ-нибудь на полѣ брани, то пусть сынъ мой Петръ сохранитъ для себя таковой гробъ".

Подъ этими строками находилась краткая приписка Петра, написанная какъ-бы торопливо, мелкимъ не разборчивымъ почеркомъ.

P. S. Всевышнему угодно было, дабы родитель мой Вавжинецъ погибъ славной смертью. Оставляя родной домъ и незная, увижу-ли его когда-нибудь, передаю отцовскій гробъ сыну моему Яну, и или я въ немъ лягу по возвращеніи, или же ляжетъ въ немъ сынъ мой Янъ".

Послѣднюю приписку сдѣлалъ Янъ.

Этотъ, какъ видно, спокойно, хотя и съ нѣкоторой грустью покидалъ родной домъ. Его влекла на родину надежда на счастье, которая, увы, никогда не осуществилась.

Повидимому, онъ долго раздумывалъ надъ составленіемъ приписки, такъ какъ зачеркнувъ нѣсколько строкъ, снова начиналъ и опять зачеркивалъ и наконецъ, давъ волю чувству, написалъ слѣдующее.

„Дорогая Андя, уже ржутъ кони и трубятъ сигналъ. Паду-ли я на полѣ брани, или останусь живъ, ты навсегда сохрани меня въ своей памяти.

„А если кто-нибудь сообщитъ тебѣ что я погибъ, помолись обо мнѣ".

Подъ этими строками было зачернуто еще нѣсколько строкъ, а затѣмъ слѣдовали такія слова:

„Кто получитъ послѣ меня отцовское наслѣдство — не знаю, но все же благославляю его и желаю ему, чтобы онъ былъ счастливъ, чтобы дожилъ до глубокой старости, а послѣ смерти чтобы былъ похороненъ въ этомъ злополучномъ гробу".

Вотъ и весь документъ.

Боже! значитъ весь періодъ жизни трехъ поколѣній гробъ ждалъ-ждалъ и не могъ дождаться своего жильца... Злополучный гробъ!.. Несчастныя поколѣнія!.. Я всталъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, раздумывая надъ этимъ страннымъ фатумомъ, который тяготѣлъ надъ родомъ Гоздавовъ... да впрочемъ развѣ надъ этимъ только однимъ?! Немного спустя дверь тихо открылась, и предо мной остановилась госпожа Войткевичъ, одѣтая по вчерашнему, въ бѣломъ чепцѣ и накинутомъ на плечи черномъ платкѣ. Она не поздоровалась со мной, не спросила, какъ я провелъ первую ночь подъ собственной кровлей, а только сурово и вопросительно взглянувъ на меня, спросила:

— Ну что?

Въ одну минуту я принялъ рѣшеніе и, поднявъ руку вверхъ, проговорилъ:

— Я принимаю наслѣдство послѣ Яна Гоздавы...

Въ глазахъ старой женщины блеснули слезы умиленія, она обняла мою голову и, поцѣловавъ въ лобъ, почти съ плачемъ сказала:

— Наконецъ-то!!

. . . .

Послѣ полудня я вышелъ въ поле

съ Симеономъ. Не знаю по какой причинѣ этотъ сумрачный крестьянинъ какъ-то повеселѣлъ и сталъ разговорчивъ. Мы шли межами; уже жали рожь, пшеница золотилась и ячмень дозрѣвалъ. Крестьянинъ показывалъ принадлежащія мнѣ поля и объяснялъ:

— Здѣсь почва хороша, а тутъ немного хуже, здѣсь мы два года тому назадъ унаваживали, а вонъ тамъ послѣ пшеницы я посадилъ картофель.

— Такъ это вы, Симеонъ,—спросилъ я, — завѣдуете здѣсь хозяйствомъ.

— Я.

— Одни?

— Моей одной головы хватитъ, но вотъ двухъ рукъ слишкомъ мало; нѣтъ ни батраковъ, ни челяди... а хотя Пустыня сама въ себѣ Пустыня...

— Какъ это понимать, сама въ себѣ?

— Да такъ, понимать, какъ говорится: имѣніе само въ себѣ, безъ деревни и хотя мужиковъ нѣтъ, но безпокоиться о рабочихъ рукахъ нечего. Люди охотно приходятъ и добросовѣстно работаютъ даже за небольшое вознагражденіе. Я здѣсь живу съ дѣтства, хотѣлъ было идти съ вашимъ дѣдушкой въ свѣтъ, но онъ приказалъ мнѣ остаться при моемъ отцѣ, такъ какъ отецъ былъ уже очень старъ... Дѣдушка вашъ такъ мнѣ сказалъ: Симеонъ, жди тутъ, а когда умретъ твой отецъ, то уже вся Пустыня будетъ на твоихъ рукахъ"... Такъ оно по волѣ Бога и было... Пахали мы, собирали, молотили, словомъ дѣлали все, какъ Господь велитъ... Четыре года просидѣлъ я тутъ одинъ, а еврей Іойна жилъ въ другой избѣ.

— А что же случилось спустя четыре года?

— Спустя четыре года пріѣхала госпожа Войткевичъ и все взяла въ свои руки.

— А вы?

— Я, какъ былъ, такъ и остался. Она получила довѣренность отъ вашего дѣдушки, чтобы все отдавать ей въ руки, ну такъ оно и было... Да оно и лучше, госпожа Войткевичъ женщина умная, знающая, а я простой крестьянинъ и больше гожусь для сохи, чѣмъ для счетовъ. Наша барыня посылала дѣдушкѣ за границу деньги, потому тамъ на чужбинѣ жить тяжело. А можетъ быть вы желаете,—добавилъ онъ,— осмотрѣть лугъ, пастбище...

Мы пошли дальше.

На лугахъ стояло нѣсколько стоговъ сѣна, а далѣе на пастбищахъ паслись коровы, и щипали густую траву. Скотъ выглядѣлъ очень хорошо.

— Вотъ ваше добро, — говорилъ Симеонъ,—коровы не дурны. Волы и лошади въ работѣ, какъ вы уже изволили видѣть, а четыре жеребенка во дворѣ за амбаромъ, тамъ они пасутся...

Такъ разговаривая, мы подошли къ лѣсу.

— Не желаете-ли осмотрѣть?— спросилъ крестьянинъ,—лѣсъ не великъ, но красивъ, а если вы охотникъ, то здѣсь найдете много всякой дичи. Нашъ лѣсъ примыкаетъ къ княжеской пущѣ, дичь приходитъ оттуда, а такъ какъ здѣсь некому ее пугать, то она и размножается.

— Говорятъ, что здѣсь въ лѣсу есть какія то страшныя мѣста?

Крестьянинъ засмѣялся.

— Можетъ быть и есть,—отвѣтилъ онъ,—люди что-то болтаютъ, но я своими собственными глазами ни разу не видалъ... а впрочемъ, если даже что-нибудь пугало, то теперь этого не будетъ.

— Почему?

— Потому оказываютъ, что пока въ Пустынѣ не будетъ хозяина, до тѣхъ поръ оно будетъ пугать.

— Кто вамъ это говорилъ?

— Люди сказывали, но коль скоро нашелся хозяинъ, то и перестанутъ говорить.

Симеонъ вовсе не спрашивалъ меня о своей судьбѣ, не интересо-

вался узнать, оставлю я его въ имѣніи, или нѣтъ. Когда я ему сказалъ, чтобы онъ попрежнему завѣдывалъ хозяйствомъ и что за это ему будетъ дано соотвѣтственное вознагражденіе, крестьянинъ съ величайшимъ удивленіемъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Не была Пустыня безъ Симеона и Симеонъ тоже не будетъ безъ Пустыни...

. . . .

Мнѣ страшно захотѣлось ѣсть. Вернувшись послѣ осмотра имѣнія домой, я почувствовалъ волчій аппетитъ. На крыльцѣ мнѣ повстрѣчалась какая-то коренастая дѣвушка.

— Дитя мое,—сказалъ я ей,—ты здѣшняя?

Она засмѣялась, оскаливъ при этомъ два ряда большихъ бѣлыхъ зубовъ и, пожавъ плечами отвѣтила:

— Какъ же это вы владѣлецъ этого имѣнія, а не знаете Магды...

— Теперь, когда ты мнѣ сказала, кто ты такая, я уже знаю, что ты Магда...

— Вѣстимо, что не собака.

— Что ты говоришь! У меня къ тебѣ просьба.

— Я не старшина, чтобы ко мнѣ ходили съ просьбами. Что вы хотите, баринъ, то и скажите. Вотъ и все.

— Иди-ка къ госпожѣ Войткевичъ и вѣжливо попроси ее отъ моего имени, чтобы она была такъ любезна и пришла ко мнѣ.

— Э... я не смѣю такъ говорить; скажу только одно: летите во весь духъ къ помѣщику.

Мнѣ хотѣлось ей объяснить, что я не смѣю и не имѣю права приказывать госпожѣ Войткевичъ, но прежде чѣмъ успѣлъ произнести одно слово, Магда уже была въ саду.

Спустя минуту въ комнату, гдѣ я читалъ бумаги, оставшіяся послѣ дѣдушки, вошла госпожа Войткевичъ, одѣтая какъ-то иначе, болѣе веселая и улыбающаяся. Я взглянулъ на нее и замѣтилъ, что она не такъ стара, какъ мнѣ сначала показалось. Правда лобъ ея былъ покрытъ морщинами, а волосы съ сильной просѣдью, но въ глазахъ было столько жизни, энергіи и силы, что трудно было предположить, чтобы ей было болѣе пятидесяти лѣтъ.

— Кузина,—воскликнулъ я безъ всякаго вступленія,—я такъ голоденъ, что готовъ грызть камни.

Госпожа Войткевичъ засмѣялась.

— Мы найдемъ здѣсь кой-что получше и не столь вредное для зубовъ, такъ какъ я предвидѣла вашъ аппетитъ, узнавъ, что вы ушли въ поле съ Симеономъ. Въ Пустынѣ нѣтъ недостатка ни въ цыплятахъ, ни въ сметанѣ, да и найдется что выпить... есть старая водка и хорошій медъ изъ своей пасѣки. Мы здѣсь не дурно хозяйничали... Въ саду есть бесѣдка, а въ ней васъ ждетъ уже накрытый столъ.

— Я сейчасъ бѣгу туда...

— Погодите, мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Слушаю.

— Намъ надо выяснить наши отношенія, чтобы знать, кто мы другъ для друга.

— Да это мое искреннее желаніе.

— Тѣмъ лучше... Вчера, когда я вамъ отдавала то, что берегла долгіе годы, я сказала, что съ сегодняшняго дня оставляю Пустыню.

— Почему?

— Погодите.. Я должна была такъ сказать, потому что не знала, какъ вы поступите. Если бы вы рѣшили уѣхать отсюда въ Варшаву, я не осталась-бы здѣсь долѣе ни одного часа, теперь же думаю иначе и вопросъ о моемъ пребываніи здѣсь, или объ отъѣздѣ зависитъ исключительно отъ васъ.

— Можете-ли вы объ этомъ даже спрашивать.

— Въ такомъ случаѣ я остаюсь... но еще одно слово или вѣрнѣе два

слова: во-первыхъ, я ваша двоюродная тетка, и вы можете называть меня тетей Варварой.

— Съ большимъ удовольствіемъ, дорогая тетя.

— Хорошо... а я отнынѣ буду называть тебя Леонардомъ.

— Великолѣпно.

— Еще одно... Оставляя меня, оставляешь въ Пустынѣ еще одну особу, для которой я являюсь опекуншей. Ѣстъ она немного, а работаетъ охотно и много. Это моя кузина, молодая дѣвушка, сирота.

— Ахъ! та, что такъ прелестно поетъ!—воскликнулъ я.

— Ты уже ее замѣтилъ?!

— Скорѣе слышалъ. Услышавъ пѣніе, я подумалъ, что такой прекрасный голосъ можетъ быть только у молодой и очень красивой особы.

— Она молода... а что касается красоты... то это дѣло вкуса, да впрочемъ ты сейчасъ ее увидишь Пойдемъ, такъ какъ я не хочу долѣе морить тебя голодомъ.

К. Юноша.

(До слѣд. №-ра).

Fata morgana.

(Изъ деревенскихъ настроеній).

М. Коцюбинскаго.

ПЕРЕВОДЪ СЪ УКРАИНСКАГО

А. Новодворскаго.

(Окончаніе).

* * *

Синія стѣны, въ углу подушки и перины, залитой пивомъ столъ. Тѣсный кабачекъ у Менделя.

— Не морочьте мнѣ, Хома, головы—говорите уже сразу: будетъ фабрика? Скажите—будетъ?

Пиво пѣнилось въ зеленыхъ стаканахъ и шумѣло въ головѣ.

— Да, вѣдь, сказалъ, что будетъ.

— О! о! А зачѣмъ же вы совѣтуете отдать Гафійку въ услуженіе?

— Да, совѣтую. Все равно—пропадетъ дѣвка. Объѣстъ, обопьетъ она тебя дома, тебѣ жъ горше будетъ. А ей одна судьба: пойти служить. Думаешь—возьметъ кто бѣдную? Посѣдѣетъ въ дѣвкахъ. Отдавай, когда люди подвертываются. Завтра же отведи въ Ямище, къ эконому: славный господчикъ*), чтобъ ему черви языкъ источили. Что-жъ, будемъ сватами? Для того тебя и звалъ къ Менделю.

— Не говорите мнѣ про это, не люблю. У меня и въ головѣ не было ничего подобнаго.

— Отдавай, Андрей.

— Оставьте, Хома. Лучше выпьемъ.

— Чего ты чванишься? Нищіе, голыши, животы отъ голоду присохли къ спинѣ, а еще ломается. Говорю, отдавай, — не то будешь каяться послѣ.

— Э, мнѣ ужъ это совсѣмъ не нравится. Зачѣмъ дѣлать изъ человѣческой кожи голенище?

Андрей покраснѣлъ и всталъ изъза стола.

— Сиди. Развѣ не правда? Ты думаешь, что ты человѣкъ? Собака ты—вотъ и все. Какое наше житье? Собачье! Да ты сиди.

Гудзь положилъ Андрею на плечи свои громадныя руки и посадилъ. Потомъ приблизилъ къ нему свое безусое, красное отъ пива лицо, отъ котораго такъ и несло жаромъ.

— Ты не крути. Ты мнѣ говори: сколько лѣтъ прожилъ? Пятьдесятъ? Жизнь идетъ къ концу? А гдѣ-жъ твои молодые годы, гдѣ твоя сила, покажи свою работу? Мозоли показываешь? Покажешь еще и горбъ. Цѣлый вѣкъ съ тебя чешую скребли, какъ съ рыбы, а ты, какъ волъ, тащись съ плугомъ. Наша доля такая. Работаемъ „и грудьмы, то не

*) Въ подлинникѣ —панокъ.

будемо людьмы". Посмотри ты на меня: думаешь, Хома передъ тобою?—Скотина. Какъ сталъ съ дѣтства у скота, такъ и до сихъ поръ. Цѣлый вѣкъ со скотиною, самъ скотиной сталъ. Всю жизнь хвосты видѣлъ вмѣсто людей, копался въ навозѣ, на навозѣ спалъ, на навозѣ ѣлъ, на кучѣ навоза и издохну. Я забылъ уже, какъ въ хатѣ и спять, сто двѣнадцать *) чертей ему на хвостъ! Рубаха на тебѣ засохла, какъ кора на деревѣ, штаны — въ воловьей крови, потому что кровь воламъ пускаю, рукъ не могу отмыть отъ навоза. Сяду съ челядью обѣдать, всякій отъ меня носъ отворачиваетъ — воняетъ. А ты думаешь—пахнетъ? Бѣгу отъ людей, къ воламъ убѣгаю. Съ волами разговариваю. Я съ ними душу отвожу, имъ горе свое изливаю, а они ревутъ и мычатъ, да хвостами помахиваютъ. Только у меня и радости. А ты думалъ,—жена со мной заговоритъ и приголубитъ... дѣти защебечутъ... своя хата согрѣетъ. Ха! Изъ-за этихъ волами посѣдѣлъ я еще парубкомъ, побила бъ ихъ морока**). Теперь утѣшайся на старости лѣтъ, чтобъему дыханіе сперло, чтобъ его понесло выше дерева, на муки ***) Чтобъ онъ голову сложилъ, пропадомъ пропалъ бы ты... Сто сотъ чертей его матери... Пускай....

— Эй, чего кричишь, человѣче, чего ругаешься?

— Га? Чего ругаюсь? На душѣ легче... какъ наболитъ она, выругаюсь и легче... Если-бы не ругался, сгорѣлъ бы. Такую злость въ себѣ чувствую, что душа вся горитъ... Какъ зажгетъ, какъ зажгетъ — взялъ бы въ руки дубину, да и перебилъ бы всѣхъ. Ходилъ бы отъ хаты къ хатѣ—да по головѣ, да по головѣ. Одного за то, что пьетъ людскую кровь, а другого — что не заступается. А потомъ поджегъ бы, чтобы все пронялось огнемъ и пепломъ развѣялось, чтобъ только осталась голая земля да ясное солнце...

Хома стоялъ въ комнатѣ высокій, чуть не подъ самый потолокъ; его глаза смотрѣли куда-то сквозь стѣны; безусое, сморщенное, какъ у бабы, лицо перекосилось. Онъ дрожалъ. Потомъ сразу обезсилѣлъ, опустился на лавку и духомъ выпилъ пиво.

Андрея задѣло за живое. Онъ тоже хотѣлъ, чтобъ и его слушали, узнали про всю его жизнь, какъ она предстала передъ нимъ вотъ здѣсь, въ тѣсной еврейской корчмѣ. Дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а добра не видѣлъ, ой, нѣтъ, не видѣлъ...

— Я такъ смекаю, Хома, если человѣкъ трудится...

Но Хома опять вспылилъ.

— Пропади ты пропадомъ. Одному все, другому ничего. Развѣ я не видѣлъ, какъ старая барыня...

— Коли человѣкъ трудится, онъ долженъ за это что-нибудь получать. А если земля мнѣ ничего не даетъ...

— ...Старая барыня цѣлую зиму топила печки полотномъ, которое осталось еще отъ барщины...

— ...Ну, какъ земля ничего не даетъ—на черта она мнѣ? Все равно, вѣдь, для меня, на своей ли я землѣ батракомъ или на чужой. А все-же—батракъ. Правду вы...

— Залежалось полотно въ амбарахъ. Люди просятъ: дайте хоть на рубашку,—пусть трудъ человѣческій не пропадаетъ задаромъ. Да ты слушай же.

— Слушаю, слушаю. Эй, послушайте, правду говорите вы: и дѣйствительно, у насъ собачье житье. Да и вытянули же изъ меня всѣ жилы. Всю жизнь свою набивалъ чужую глотку. Еще какъ была фабрика, жилъ кое-какъ, а какъ сгорѣла...

— Да, конечно, погорѣло, все полотно сгорѣло.

*) Въ подлинникѣ-стонадцять.

**) Затрудненіе, возня, безвыходность, отупѣніе.

***) Украинизмы: щобъ його понесло по верхъ дерева, на безголовья".

— Какое полотно?

— Какъ-какое? Да я-жъ разсказывалъ.

—А — такъ - такъ. Ну, выпьемъ лучше. За ваше...

— А какъ же съ Гафійкой? Отдаешь?

— Да будетъ вамъ. Выпьемъ.

— Ну, чортъ съ тобой, не хочешь, какъ хочешь.—Хома выпилъ залпомъ пиво и кинулъ стаканъ о земь.

На звонъ стекла прибѣжалъ испуганный Мендель.

* * *

Былъ праздникъ. Гафійка сидѣла на завалинѣ за избою. У ногъ ея копались куры и тихонько клохтали, прося ѣды. На завалинѣ лежала раскрытая книжка.

— Кишь-кишь, идите себѣ копаться подъ плетнемъ...—прогоняла ихъ Гафійка.—Ну, чего клохчете, глупыя? А ты чего, пеструшка, вытягиваешь шею, да заглядываешь въ руки? Я уже тебѣ давала ѣсть. Вамъ только бы ѣсть, глупыя. Небось, сердишься, что такъ говорю, А вотъ спроси у Марка, послушай, что разумные люди скажутъ. Онъ бы вамъ сказалъ: глупыя, отъ рожденія до самой смерти глупыя. Вамъ даютъ горсть пшена, а забираютъ всѣ ваши яйца, или рѣжутъ васъ на супъ. А ты, пѣтухъ, попусту хлопаешь крыльями, храбришься... Еслибъ ты былъ такой смѣлый, какъ Марко, ты не далъ бы своихъ дѣтей продавать панамъ на жаркое. Можетъ, нѣтъ? Ну, да ты—пѣтухъ, а Марко—орелъ. Ты послушалъ бы, что онъ говоритъ... Онъ говоритъ... Да что ты понимаешь? Ты ничего не разберешь! Когда-бъ ты былъ умнѣе, то увидѣлъ бы, что и люди такіе-же, какъ куры.., Ну, чего кудахчешь, бѣленькая? Чего смѣешься? Думаешь, я не знаю, что у васъ все хорошо? Думаешь себѣ, что ты любишь, кого сама хочешь, а я, бѣдная, должна выйти за Прокопа, — потому что мать меня за него сватаетъ? Глупая, глупая... Да пусть меня жгутъ, пусть рѣжутъ... пусть лучше зароютъ меня живою въ землю! Слышишь ты, пеструшка? Ну, пошла прочь, коли головою крутишь, плутовка! Не бойся, Марко никому меня не дастъ... потому что онъ орелъ... а надъ нимъ, знаете вы, куры, вороновъ то, вороновъ..., чуть не заклюютъ. Когда и люди на него, и староста, и даже отецъ нападаютъ... А онъ добра хочетъ людямъ. Не отецъ, а Марко... Слышите, куры, какой онъ добрый, мой Марко... за то его парубки и дивчата страхъ какъ любятъ... и слушаютъ. А ты куда, проклятый? Кишь, вѣдь, вотъ—испачкалъ всю книжку! Что мнѣ Марко скажетъ, какъ увидитъ на ней пѣтушиные слѣды? Скажетъ: пѣтухъ больше прочиталъ, чѣмъ ты. Ну, теперь убирайтесь вы всѣ, кишь,—мнѣ нужно, наконецъ, читать. Придвинусь поближе къ солнышку, пусть и оно заглядываетъ въ книжку, пусть и оно читаетъ... Ну, вмѣстѣ же!..

* * *

Погода капризничала. Весна стояла сухая и вѣтрянная. На огородахъ все пересыхало, хлѣба на полѣ не росли, по большимъ дорогамъ носились цѣлыя тучи пыли. Люди плакались о дождѣ, все предвѣщало голодъ. Цѣна на хлѣбъ сразу поднялась, и это до того встревожило Маланью, что она каждую ночь видѣла дурные сны. И чѣмъ горше становилось кругомъ, чѣмъ больше увядали надежды хлѣбопашцевъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвали Андреемъ мечты о фабрикѣ. Какъ Маланьѣ дорогая мука, такъ Андрею снилась все фабрика. Иногда онъ вскакивалъ среди ночи съ постели и съ просонья, съ какимъ-то ужасомъ въ голосѣ, спрашивалъ Маланью.

— Свистокъ былъ?

— Какой свистокъ?

— Ну, фабрика свистала? — сердился онъ.

— Опомнись... это у тебя въ головѣ свиститъ; и по ночамъ нѣтъ тебѣ спокою!—ворчала потревоженная Маланья, зѣвала, вздыхала и не могла заснуть до самаго утра.

Андрея пожирало нетерпѣніе. Онъ каждую минуту бѣгалъ на развалины, что-то обдумывалъ, прикидывалъ въ умѣ, высчитывалъ. Потомъ бѣгалъ по сосѣдямъ, разспрашивалъ, распускалъ слухи, и, когда они снова возвращались къ нему значительно измѣненными и болѣе положительными, онъ ликовалъ, хвастался Маланьѣ и вѣрилъ. Даже къ своимъ обычнымъ заработкамъ относился онъ теперь слегка и не искалъ ихъ.

Маланья попрекала. Чѣмъ дальше—все труднѣй и труднѣй становилось отыскать какую-либо работу. Злаки выгорѣли, въ господскихъ имѣніяхъ уже никого не нанимали. Подходя къ печи, она просто теряла разсудокъ, потому что не знала, что готовить. Да и не было ничего для стряпни, а вѣчные займы надоѣли всѣмъ и даже самой Маланьѣ. Больше всего сердце болѣло у нея за Гафійку: молоденькая, единственная дочка, и должна мориться голодомъ. Какимъ-то чудомъ раздобывала она для нее и приносила подъ фартукомъ мисочку ягодъ, или свѣжую паляницу*). Андрей рѣдко обращалъ вниманіе на ѣду,—голова у него была вся поглощена фабрикой,—только временами и онъ отодвигалъ прочь водянистую жижу и начиналъ ворчать. Маланья вся настораживалась въ эти минуты. Она вся закипала злобной радостью и швыряла ему въ лицо всей отравой всѣмъ, что накипѣло у нея на сердцѣ.

Подъ одною кровлей жило два врага, и, хотя каждый изъ нихъ погружался въ собственныя думы и даже убѣгалъ одинъ отъ другого, между тѣмъ, достаточно было какой либо мелочи,—и злоба трясла обоихъ, какъ лихорадка.

Одно сближало ихъ—мысль о томъ, что Гудзь совѣтовалъ отдать въ наймы Гафійку.

— А ты чтожъ, не плюнулъ ему въ очи?—допытывалась Маланья, а сама, усмѣхаясь, думала: погоди, погоди, вотъ прійдетъ осень, тогда увидимъ...

— А я такъ разсердился, что чуть-чуть не побилъ Хому! ей-Богу!—хвастался Андрей.—Вотъ ужъ придумалъ!..

* * *

— Ты что тутъ дѣлаешь?

Маланья вытаращила глаза и остановилась на порогѣ. На очагѣ горѣлъ сухой хворостъ и кипѣла вода въ горшочкѣ. Андрей смотрѣлъ на огонь, весь черный и восторженный. Маланья неожиданно захватила его врасплохъ, и онъ усмѣхался неувѣренной, глуповатой усмѣшкой. Маланья подошла къ печи, отодвинула горшечекъ и заглянула въ него.

— Ты рыбу варишь?—спросила она испуганнымъ голосомъ и вся поблѣднѣла.

Андрей заметался на мѣстѣ, поставилъ горшочекъ на прежнее мѣсто, обложилъ его угольями и молча ухмылялся.

— Слышишь, Гафійка, онъ рыбу варитъ!—вскрикнула Маланья.

Въ голосѣ ея слышался такой ужасъ, какъ будто въ горшкѣ варилось ни болѣе, ни менѣе, какъ человѣчье мясо.

— Съ ума сошелъ! ей-Богу, съ ума сошелъ!—кричала Маланья, бѣгая по избѣ, какъ на пожарѣ.

Потомъ остановилась передъ Андреемъ, всплеснула руками и, не разводя ихъ, вглядывалась въ него изумленными, полными негодованія и ужаса глазами.

Онъ рыбу варитъ! Линя, что поймалъ утромъ!

Который вѣсилъ самое малое че-

*) Родъ хлѣба, съ гречневой муки, ячменной или пшеничной.

тыре фунта! не отнесъ въ усадьбу, не продалъ пану! Ой, конецъ свѣту приходитъ! Этого еще не бывало съ тѣхъ поръ, какъ Андрей рыбу сталъ ловить! Такой громадной рыбы, какую только ѣдятъ паны, они еще ни разу не ѣли. Сколько бы грошей за такого линя можно взять, а онъ взялъ, да и сварилъ его!

Все это, съ плачемъ, выпалила Маланья въ Андрееву спину, при клокотаніи горшка и потрескиваніи сухого хвороста.

Андрей силился обратить все въ шутку.

— Не скули, старуха, садись да поѣшь рыбки! Нѣту мяса, какъ свинина, нѣту рыбы, какъ...

И онъ отнесъ горшокъ на столъ и налилъ въ миску ухи.

— Жри самъ, чтобъ ты задохся! Мы околѣваемъ съ голоду, въ домѣ ни крошки хлѣба, а онъ рыбу варитъ!

Андрею стало не-по-себѣ; Маланья говорила правду, но ему такъ хотѣлось рыбы, она такъ заманчиво пахла, что ноздри его вздрагивали и раздувались.

Сопя и надувшись, онъ сѣлъ за рыбу и чавкалъ ртомъ, и хлѣбалъ уху такъ громко, будто хотѣлъ заглушить женино вытье.

А Маланья выходила изъ себя. Кромѣ того, что ее терзала страшная обида изъ-за пропавшей рыбы, она была еще и голодна. Она осунулась съ голоду, ей такъ хотѣлось чего нибудь горячаго, вкуснаго необыкновенно, а запахъ свѣжей линины щекоталъ ноздри, спиралъ дыханіе, ее даже тошнило отъ сильнаго желанія поѣсть. Между тѣмъ она понимала, что не можетъ приняться за ѣду, и еще болѣе усилила свои проклятья.

— Не горюй, жена,—вотъ поставятъ фабрику, тогда заработаю что нибудь...

— А чтобъ ты такъ живъ былъ, какъ та фабрика будетъ!

Андрей поднялъ глаза. И они на мигъ остановились и кинули далекій взглядъ куда-то въ пространство, сквозь стѣны, за избу,—и сразу стало яснымъ для него, что и, дѣйствительно, фабрики то не будетъ, что на нее плоха надежда, что лучше бы ему не варить рыбы, а продать ее и купить хлѣба. И сразу рыба потеряла для него свой вкусъ, охота къ ѣдѣ пропала, и ему вдругъ захотѣлось убѣжать изъ избы.

Андрей взялъ шапку и вышелъ.

Объѣдки рыбы стыли на столѣ, а Маланья съ дочкою сидѣли молча по угламъ и сплетали горькія думы во мракѣ погасавшаго дня. Тоска стояла въ избѣ, обнявшись съ тишиной.

Потомъ онѣ вмѣстѣ встали, подошли, будто сговорившись къ столу и молча взялись за рыбу. Онѣ поѣли все, до крошки, обсосали косточки, выхлебали уху и, какъ голодные коты, даже вылизали миску.

* * *

Андрей собирался на почту: нацѣпилъ на плечо кожанный мѣшокъ взялъ въ руку дубинку. Вдругъ вбѣжала Маланья. На ней лица не была. Блѣдная, запыхавшаяся, глаза горятъ и вся трясется.

— Иди... мѣряютъ...

Андрей уставился на нее.

Она не могла говорить, держалась рукою за сердце и тяжело дышала. Другою рукой, запачканной грязью—она только что полола гряды—махала передъ его глазами и показывала на дверь.

— Иди же, вѣдь, мѣряютъ...

— Кто мѣряетъ? Что?

— Паны, охъ!.. Наѣхали, будутъ землю дѣлить...

— Какую землю? Что ты мелешь!

— Разную... для всѣхъ... Иди присмотри, чтобъ намъ отрѣзали недалеко, поближе къ селу. Не то дадутъ, что попадется...

— Святъ, святъ, святъ! Опомнись. Мнѣ надо на почту идти.

Маланья позеленѣла.

— Ты мнѣ пойдешь?

Она подскочила къ нему страшная, какъ дикая кошка, съ искривившимся ртомъ, съ пылающими глазами, блѣдная, какъ привидѣніе.

— Ты мнѣ пойдешь сейчасъ!— визжала она тонкимъ голосомъ.— Тебѣ, можетъ быть, все равно, такъ для меня не все равно. У тебя есть дочка! Ты хочешь ее зарѣзать! Ты всѣхъ насъ зарѣжешь. Сейчасъ же иди. Другіе заберутъ что получше. Слышишь? Ну!

И видя, что онъ стоитъ въ смущеніи и смотритъ на нее, она схватила съ шестка валекъ и замахнулась на него.

— Иди, а то тутъ тебѣ и смерть!..

Она могла убить его, — Андрей это видѣлъ.

— Тю, глупая! — подернулъ онъ плечами,—да ты-жъ видишь—иду. Онъ сопѣлъ, какъ кузнечный мѣхъ и едва поспѣвалъ за Маланьей.

Вечеромъ вернулась Маланья домой веселая, почти счастливая. Она бѣгала по избѣ будто молодыми ногами, а мысли ея летали, какъ бѣлые голуби въ солнечномъ свѣтѣ. Она усмѣхалась. Какіе странные бываютъ господа. Ходятъ себѣ по полю и мѣряютъ. Она имъ въ ноги: паны мои—лебеди, смилуйтесь надо мною, бѣдной. отрѣжьте поближе, тамъ, тамъ, гдѣ пшеница родитъ, а они хохочутъ. Иди, говорятъ, бабка домой,—мы не то мѣряемъ. А сами хохочутъ, пусть бы самихъ васъ Богъ миловалъ. Они думаютъ, что она, какъ глупая баба, такъ уже ничего и не понимаетъ... Погодите, погодите, можетъ, и у нея голова не даромъ на плечахъ... Развѣ она не разобрала, что они ее дурачатъ. Вѣдь, скажи только людямъ сразу, что это для нихъ землю дѣлятъ, то тутъ такой Содомъ поднялся бы, что живьемъ сожрали-бы одинъ одного... Каждый за лучшее бился бы. Ну, только они не забудутъ бѣдной бабы, они ее не обидятъ. Еще еслибъ Андрей просилъ, а то онъ сталъ, какъ пень, пусть бы...

Она не докончила проклятья, не могла ругаться сегодня. Сейчасъ она была такой доброй, ей было такъ весело, такъ жалко всѣхъ. Приготовляя ужинъ, она даже подпѣвала, а трещавшее пламя сухого хворосту будто радовалась вмѣстѣ съ нею. Андрею она подала ужинъ съ почтительностью, подумаешь, будто —къ зажиточному хозяину, у котораго есть своя земля и хозяйство, сама же не могла ѣсть, — она не была голодна. Все, за что бы не бралась, дѣлала серьезно, будто слушала обѣдню, а сама усмѣхалась про себя. На ночь вымыла Агашѣ голову, расчесала частымъ гребешкомъ волосы такъ что они лоснились; сама заплела—въ мелкіе косички съ ленточками. Чтобъ голова у дочурки была какъ солнышко. Чтобъ дѣвушка была не хуже другихъ.

— Можетъ, ты новое что одѣлъ бы, а то старое совсѣмъ уже разлѣзлось? — спрашивала она Андрея и достала изъ сундука его единственную праздничную одежду.— Успокой сердце ягодками, кузнечика принесла...

Андрей давно уже не видалъ ее такой ласковой. А у ней сердце размякло, въ ней все пѣло. Пѣла колосомъ своя собственная нива, пѣли жаворонки надъ нею, пѣлъ пѣсню серпъ, подрѣзывая стебель, раздавались пѣсни на сѣнокосахъ, пѣло, наконецъ, сердце, полное надеждъ. Улыбалась судьба. Не только своя собственная, но и Агашина. Въ ногахъ чувствовалась крѣпость, въ рукахъ сила. Черныя жилистыя руки были словно изъ желѣза.

Съ этого дня Маланся часто бѣгала въ барское поле смотрѣть, какъ мѣряютъ господа. Они еще бродили по полямъ дня два, потомъ уѣхали. Только Маланья хорошо знала, къ чему дѣло клонится. Она стала готовиться. Когда полола огородъ у богатаго мужика, она не хотѣла брать денегъ, а просила отсыпать— пшеничнаго зерна, чтобъ имѣть хорошій запасъ пшеницы. Это будетъ

на сѣмена, для разводу. Когда ѣла яблоко, то осторожно выбирала зернышки и сушила на окнѣ.—Пригодится. Ничто не могло принести ей больше удовольствія, какъ горсточка сѣмянъ, выпрошенная у хорошей хозяйки, или заработанная на поденной работѣ. Она дошла до того, что, очутившись на чужомъ огородѣ, слѣдила глазами, что бы взять на сѣмена и, озираясь, украдкой ломала лучшую головку мака, или срывала желтый огурецъ и прятала за пазуху. У нея въ избѣ завелось много всякихъ узелковъ съ сѣменами—большихъ и малыхъ—и то-и-дѣло что то сушилось на окнахъ.

— Куда ты все это дѣнешь?—удивлялся Андрей.—Вѣдь, у насъ всего только двѣ грядки.

Она таинственно ухмылялась и кивала головой.

— Не безпокойся... Положись уже на мою голову...

Въ воскресенье она ходила въ лѣсъ, гдѣ стояли готовые срубы, осматривала ихъ, выбирала самые лучшіе изъ нихъ, высчитывала и и распрашивала про цѣны у лѣсниковъ.

Возвращаясь домой задумчивой, съ глазами, уставленными куда-то въ пространство, гладила Агашу по головѣ и временами улыбалась сама про себя.

Она ходила даже на ярмарку, послѣ чего про Маланью судачили по селу: навѣрное у бабы есть деньги, да только скрываетъ она это, потому что все толкалась на ярмаркѣ да торговалась объ поросенкѣ...

* * *

Какъ-то подъ вечеръ Маланья вышла изъ избы и наткнулась на Агашу, которая стояла, прижавшись къ притолокѣ.

— Ты что тутъ дѣлаешь?—спросила она ее, только, взглянувши на Агашу, Маланья такъ и обомлѣла.

— Что съ тобой такое?

Агаша не отвѣчала. Она стояла согнувшись, блѣдная, почернѣвшая даже, и дрожала.

— Что съ тобою?—допрашивала Маланья и взяла Агашу за холодныя руки.

Агаша молчала и тряслась, какъ въ лихорадкѣ. Маланья привела ее въ избу и бросилась зажигать огонь. Блѣдный свѣтъ наложилъ на ея лицо еще черныя тѣни, широко открытые глаза заблестѣли, какъ стекло. Маланья совсѣмъ перепугалась. Посадила Агашу на полъ *) и стала дрожащими руками ощупывать ея лицо и голову.

— Что съ тобою? Испугалась? Болитъ что нибудь?

Отвѣта не была. Только подъ руками у Маланьи трепетало холодное тѣло.

Маланья стала кликать Андрея. Но Андрея почему-то не было.

Маланья задумывалась надъ тѣмъ, что сдѣлалось съ Агашей. Сглазилъ кто нибудь? Испугалъ? Быть можетъ простудилась? Куда она ходила? Гдѣ была? Что жъ это такое, прости Господи, сдѣлалось съ дѣвченкой! Когда-бъ хоть сказала, когда бы словечко проронила, а то молчитъ, какъ неживая...

Стеклянные глаза и почерневшее, сразу похудѣвшее лицо пугали Маланью, и она стала сама дрожать надъ Агашей, часто крестя ее всю пальцами.

Къ счастью подходилъ Андрей. Онъ былъ веселъ или хмельной, такъ какъ говорилъ громко и возбужденно.

— Ну, такъ и есть... я еще тогда говорилъ... Наѣхали и забрали...

Маланья зашипѣла на него.

— Гдѣ ты таскаешься?

— Гдѣ-жъ? На улицѣ. Смотрѣлъ, какъ вели Марка Гущу. Заѣхали и забрали. Доигрался. Я бы такого, пане добродзею, за шею да на дерево. Дѣло короткое...

Съ полу послышался стонъ.

---

*) Пілъ—кровать у украинцевъ, досчатый помостъ.

— Цыцъ!—накинулась на Андрея Маланья,—видишь, захворала. Бѣги сейчасъ за Маріанной... Можетъ отшепчетъ, подкуритъ или сниметъ переполохъ... Богъ знаетъ, что съ нею такое. Ну, бѣги-жъ поскорѣе...

Андрей отправился къ знахаркѣ.

Маріанна, должно, помогла, потому что черезъ два дня Агаша оправилась. Худая, желтая, почернѣвшая, будто вдовица, унылая и молчаливая. Она все убѣгала изъ избы. чтобы не быть вмѣстѣ со стариками, Больше же всего избѣгала отца, какъ будто боялась его. Наединѣ плакала. И думала, думала до того, что ей тѣсно становилось отъ думъ...

* * *

Не все-же — горе, случалась и радость.

Послѣ долгаго лѣтняго дня, когда солнце садится, а раскаленная земля медленно скидаетъ съ себя золотой уборъ, когда на блѣдномъ уставшемъ за день небѣ появляются украдкой застѣнчивыя звѣзды, въ послѣднихъ лучахъ солнца устраиваютъ игрища мошки, а удивительно нѣжный, золотисто-розовый воздухъ принимаетъ издали сиреневые тоны и дѣлаетъ пространства еще шире, еще шире, еще глубже,—Маланья съ Агашей идутъ пыльною дорогой, и хотя онѣ устали, зато есть и пріятное чувство отработаннаго дня. Онѣ тащутъ домой сожженное, подобно землѣ, тѣло, а въ складкахъ одежды—ароматъ зрѣлаго колоса. Не разговариваютъ. Идутъ молча, помахивая серпами. Выпрямленная, наконецъ, спина, свободно спущенныя руки, еще слегка дрожащія отъ дневного напряженія, мягкая пыль подъ ногами, вмѣсто торчащихъ соломенныхъ колючекъ,—кажутся теперь счастьемъ. А дома ждетъ отдыхъ и сонъ, короткій какъ лѣтняя ночь, но сладкій какъ холодный листъ придорожника для ранъ. Скорѣе бы домой... не ужинать, не сидѣть, не болтать, а упасть на скамью, какъ камень въ воду,— и въ мигъ сомкнуть очи.

Сонная, почти безъ сознанія, Маланья разводитъ въ печи огонь и ставитъ воду кипѣть, чтобъ приготовить Андрею ужинъ. Огонь пылаетъ и гудитъ, а она закрываетъ глаза, шатается и ей чудится, что то шумитъ колосомъ нива и стебель трещитъ подъ серпомъ. Охъ, какъ душно, какъ отъ солнца впадаешь въ холодный потъ. Ахъ, нѣтъ, это огонь припекаетъ,—близко стала. Вотъ она нажала снопъ и крутитъ связку для снопа... такъ ноетъ спина, трудно согнуться. Да нѣтъ же, это она тѣсто мѣситъ на галушки *) Жни, Гафійка, жни... трудно, сердце, зарабатывать, за двѣнадцать сноповъ жавши, а нужно. Что, палецъ порѣзала, охаешь отъ боли?... Ахъ нѣтъ, это-жъ кипятокъ сбѣгаетъ.

Хлебаетъ супъ Андрей... кажется, говоритъ кто-то... въ избѣ или на дворѣ?..

— Отчего не ужинаешь?

— А?

— Ужинать иди...

— Ужинай самъ... я потомъ...

Ложки нужно по... а-а-а!.. помыть. Ноги такъ отяжелѣли, словно въ сапогахъ... а голова... голова,—еле на плечахъ ее держишь...

Ну, наконецъ... На завалинкѣ лучше. Ты спишь, Гафійка?.. Подушку взяла бы... ну, спи и такъ, моя дѣвочка, когда ужъ уснула. Ой, косточки-жъ мои, больныя косточки. Ой, мои ручки... ножки мои... Иже еси на небеси. Хлѣбъ нашъ насущный. А-а-а!.. звѣзды глядятъ съ небесъ. Лягушки квакаютъ, сонъ навѣвая. Голубой куполъ спускается все ниже и ниже... налегаетъ на тѣло . . . Такъ сладко, спокойно. Не всталъ бы и на страшный судъ, не поднялся бы . . . А небо все ниже и ниже... нѣжитъ, обнимаетъ... звѣзды ласкаютъ, сло-

*) Вареное тѣсто изъ гречневой или пшеничной муки, въ видѣ оторванныхъ кусочковъ.

вно цѣлуютъ. Душа растаяла въ лазури, тѣло прилипло къ завалинѣ и таетъ, какъ воскъ на огнѣ. Нѣтъ ничего... небытіе... полное небытіе!..

Развѣ-жъ это не радость!

* * *

Уже теперь, по хлѣбамъ, стало ясно, что зима будетъ голодная. Засуха и засуха. Рожь сожгло, хлѣбъ уродился рѣдкій и тощій. Смѣхъ и горе было смотрѣть на то, что нажали для себя Маланья съ Агашей, а настрѣлянныхъ Андреемъ утокъ и зайцевъ поѣли помѣщики. Еще труднѣе будетъ зарабатывать въ эту зиму, чѣмъ въ минувшую, а тѣ, что мѣряли землю, какъ пропали, такъ и слѣдъ ихъ простылъ. Ни слуха объ нихъ. Андрей тоже молчитъ что-то про фабрику.

По селу толковали про Гудзя. Разсказывали, что онъ, въ сердцахъ, убилъ дубиной вола. Ударилъ пониже уха и раскроилъ черепъ. За это помѣщикъ прогналъ его со двора, и теперь Гудзь слоняется безъ службы, пропиваетъ послѣднюю одежду и похваляется, что и съ попомъ будетъ то-же самое, что и съ воломъ *). Какъ-то разъ завернулъ онъ и къ Андрею.

— Ловишь рыбку, пане добродзею?—привѣтствовалъ его съ пьянымъ смѣхомъ.—Лови, лови, можетъ ею подавятся тѣ, кто ее ѣстъ. Фабрикантъ!.. Онъ думаетъ, что для него фабрику выстроятъ. А какъ-же—опухшаго черта дождешься **)!.. Совы да вороны будутъ жить тамъ, пока она не провалится къ лихой матери. Говори—отдашь Гафійку? Нѣтъ? Хочешь съ голоду пропасть, какъ рыжая мышь зимою? Ну, издыхай, врагъ тебя возьми со всей твоей семьей ***), мнѣ-то что? Найдемъ и другую!..

Онъ разсердился, загремѣлъ дверью и вышелъ изъ избы, но черезъ минуту опять просунулъ въ дверь красное, отчаянное лицо.

— Эй, вы, фабриканты! Запомните крѣпко-на-крѣпко, что придетъ еще коза къ возу и скажетъ: ме... Только Гудзь покажетъ фигу, —вотъ!..

Андрей не стерпѣлъ.

— Ахъ, ты, пьяница, живодеръ ты кошачій,—а тебѣ какое дѣло до меня!—кинулся онъ къ двери, но Маланья не пустила.

— Оставь!—завизжала она пронзительнымъ голосомъ и засверкала на него зелеными, полными злорадства глазами. — Не тронь, скалѣчитъ. Тогда какъ на фабрику ходить будешь?

— На фабрику?

— А то куда же...

— На фабрику, говоришь?

— Да, вѣдь, слышалъ... построятъ для тебя...

Она цѣдила слова, словно отраву.

Андрея душила злоба.

— Зудишь, болячка? Зуди, зуди, пока не почешу. Лучше скажи—засѣяла свои поля? Много тебѣ намѣряли? Гдѣ-жъ тѣ паны, которымъ ты руки лизала?..

— А гдѣ-же? Фабрику для тебя строятъ...

— Ты свое снова?..

Андрей поколотилъ Маланью. Она лежала на скамьѣ и громко стонала, а онъ бродилъ по оголённымъ, сѣрымъ полямъ безучастно, лишь бы подальше отъ дому.

Агаша плакала. Она лучше бы пошла служить.

* * *

Къ Покрову вернулся Прокопъ. Шла молва, что ему не повезло. Сразу не могъ наняться, такъ какъ народу нашло больше, чѣмъ требовалось, и цѣны упали; потомъ захворалъ въ Каховкѣ и пролежалъ мѣсяцъ въ постели, затѣмъ двинулся въ Крымъ, а оттуда очутился на самомъ Черноморьи. Вернулся

*) Поговорка украинская: „И попови таке буде, якъ волови“.

**) Другая поговорка: „черта пухлаго дочекаешся“.

***) Въ подл.—кодломъ, родомъ...

оборванный, слабый и безъ денегъ. Маланья не очень то вѣрила этому. Чего люди не выдумаютъ. И она, тайкомъ отъ своихъ, побѣжала, будто по дѣлу, къ Кандзюбихѣ. Оказалось—правда. Прокопъ, блѣдный, счернѣвшій отъ вѣтру, валится и все лежитъ въ постели, а старуха — Кандзюбиха чуть не плачетъ, разсказывая, какъ еле-еле вызволила сына отъ паразитовъ.—Куда ужъ ему тамъ жениться! Была мысль заработать хоть на свадьбу, а тѣмъ временемъ такой годъ выпалъ, что и хлѣба не станетъ...

Грустная вернулась домой Маланья и никому не сказала, что видѣла и слышала. Пусть уже лучше оно присохнетъ на ней, какъ на собакѣ.

* * *

Чѣмъ больше близилось къ Филипповкѣ, тѣмъ больше Маланья теряла спокойствіе. Не давала она покою и Агашѣ. Духъ опрятности, кокетства овладѣлъ ею всецѣло—и она суетилась цѣлыми днями: дважды выбѣлила избу снаружи и внутри, ежедневно подбѣливала лицевую сторону печи, а очагъ смазывала красной глиной.

Агаша должна была навырѣзывать изъ бумаги новыхъ силуетовъ —казаковъ и цвѣтовъ и облѣпить ими стѣны отъ кіота до самыхъ дверей. Крылья голубковъ, колыхавшихся на нитяхъ передъ образами, замѣнены были новыми, еще болѣе яркими, а на пріобрѣтеніе куска обоевъ съ красными розами подъ образа—пошли всѣ яйца, какія собирались всѣ до послѣдняго.

— Чего ходишь немытая!—выговарывала Маланья Агашѣ и заставляла ее чуть не каждый день мѣнять рубаху, сама расчесывала ей голову и вплетала въ косы новыя ленточки. Осенними вечерами она рано зажигала огонь, наряжалась, словно къ празднику, и, сидя въ своей убранной избенкѣ, часто поглядывала на дверь, тревожно прислушиваясь къ собачьему лаю, и волновалась, будто чего-то ждала.

Иногда днемъ, покинувши работу, она высовывала изъ угла Агашинъ сундукъ и переглядывала ея убогое платьишко, развертывала расшитыя полотенца и переводила задумчивый взоръ на дочку. Потомъ оправляла складки юбки и съ горечью покачивала головою, украдкой роняя слезы.

Но чего она не могла равнодушно слышать—такъ это бубна. Лишь только изъ отдаленнаго угла села, подъ пасмурнымъ осеннимъ небомъ, раздавалось его глухое гуденье, она выскакивала на-дворъ, прислушивалась, силилась угадать, въ какомъ дворѣ празднуютъ свадьбу, и выказывала такой интересъ къ тому, кто за кого посватался, словно сама надѣялась вотъ-вотъ выйти замужъ. Она жила въ вѣчномъ возбужденіи, ея руки стали проворными, нервными, а небольшіе черные глаза безпокойно блистали.

А бубенъ гудѣлъ. Начиная съ средины недѣли ходили по улицамъ невѣсты съ распущенными волосами и падали въ ноги, зазывая на свадьбу, или мѣсилъ улицы, обратившіеся въ болото, свадебный поѣздъ, наполняя холодный воздухъ пѣснями. Маланья въ одной сорочкѣ выскакивала на порогъ избы, подпирала голову ладонями и съ тоской слѣдила глазами за свадебной процессіей, мерзла и не замѣчала этого. Она невыразимо терзалась.

Каждый обрученный парубокъ, каждая дѣвушка, уже раздавшая полотенца*), тотчасъ теряли въ ея глазахъ цѣну, не стоили добраго слова.

— Засваталъ! взялъ добро!—шипѣла она съ кривой усмѣшкой.— Будетъ кормить чужихъ дѣтей и жену—негодницу... Развѣ никто не знаетъ, что она и хлѣба испечь не сможетъ, ей только-бъ возиться съ парубками...

*) Акты свадебнаго ритуала на Украйнѣ: податы рушныкы.

Загубила себя, связавшись съ этимъ негодяемъ... Рябой*), гнусавый, да еще и воръ: въ прошломъ году укралъ большой мѣшокъ жита съ гумна...

Зато, при встрѣчѣ съ бабами, имѣвшими взрослыхъ сыновей, она становилась слащавой и хвалилась дочкою:—Слава тебѣ, Господи, такая она у нея работящая, такая добрая, послушная, какъ теленокъ...

Время тянулось.

Каждый вечеръ просиживали онѣ съ Агашей въ убранной, какъ на Свѣтлый праздникъ, избѣ, въ чистой одеждѣ, будто ждали дорогого гостя, который вотъ-вотъ, невѣсть откуда взявшись, застучитъ ногами передъ избой, переполошивши собакъ, и пріотворитъ дверь.

А вокругъ раздавалась музыка, гудѣли бубны и тревожили ночную тишину пьяныя пѣсни. Но никто не являлся. Временами она думала, что Агаша сама виновата.

— Эхъ, ты, увалень!—кричала она на нее, когда у Агаши случайно упадало изъ рукъ веретено, или когда она задѣвала за что-либо на ходу.— Какая изъ тебя хозяйка выйдетъ, что ни ступить, ни сдѣлать что-либо толкомъ не умѣешь?—Божье наказанье, а не дѣвка,—сердилась она снова,—ты какъ голову причесала? Кто тебя возьметъ такую неряху?... —Чего молчишь? Говорить не умѣешь?.. Увидите... она и счастье свое промолчитъ... Все не такъ, какъ чужія дѣвушки...

Но замѣтивъ слезы на Агашиныхъ газахъ, она замолкала, состраданіе наполняло ея сердце и вырывалось долгимъ вздохомъ.., Она уже знала, какая доля ждала ея дочку. Доведется ей топтаться по материнской дорожкѣ... Ой, доведется...

Съ поникшею, отяжелѣвшею отъ горькихъ думъ головою она прислушивалась къ послѣднимъ звукамъ затихающей на селѣ свадебной музыки, съ которыми погибали ея послѣднія надежды, послѣднія ожиданія...

* * *

Идутъ дожди. Холодные осенніе туманы клубятся въ верху и спускаютъ на землю влажныя космы. Плыветъ въ невѣдомыя края тоска, плыветъ отчаяніе и тихо плачетъ печаль. Плачутъ голые деревья, плачутъ соломенныя кровли, умывается слезами убогая земля и не знаетъ, когда улыбнется. Сѣрые дни смѣняютъ собою темныя ночи.

Маленькое, сѣрое, заплаканное оконце. Сквозь него видно обоимъ— и Андрею, и Маланьѣ, какъ грязною распустившеюся дорогою идутъ люди на заработки. Идутъ и идутъ, черные, согнувшіеся, мокрые, несчастные, будто калѣки-журавли, что отстали отъ своей стаи, идутъ, будто осенній дождь. Идутъ и исчезаютъ въ невѣдомой дали...

Тускло въ избенкѣ. Проникаетъ мракъ въ маленькія окна, хмурятся сѣрые углы, угнетаетъ душу низкій потолокъ и плачетъ ноющее сердце. Съ этимъ безконечнымъ движеніемъ, съ этимъ неудержимымъ паденіемъ мелкихъ капель плывутъ и воспоминанія. Какъ капли эти,—упали и сгинули въ трясинѣ дни жизни, молодыя силы, молодыя надежды. Все пошло на другихъ, на болѣе сильныхъ, на болѣе счастливыхъ, будто такъ и нужно.

Будто такъ и нужно...

А дождь идетъ... Горбатыми тѣнями въ избѣ, въ сумеркахъ, сидятъ старики, словно рѣшаютъ заданную Гудземъ задачу,—придетъ ли коза къ возу?

Пожалуй и придетъ...

*) Изрытый оспою.

Стр.	Строка	Стоитъ:	Слѣдуетъ:
201	6	карнизъ	кирпичъ
204	13 снизу	добродзею	„пане добродзею“
206	4	будь здоровъ!..	здравствуй
207	2	дубинами	дубинками
209	18	пересилилъ	перекричалъ
214	7 снизу примѣч.	левѣда	левада

За чертой индивидуализма.

II.

Н. Д. Телешевъ.

„Ты и убогая, ты и обильная,
„Ты и забытая, ты и всесильная,
„Матушка Русь!"

Имена М. Горькаго, Л. Андреева и В. Вересаева извѣстны всей читающей русской публикѣ; проникли они, какъ отзвукъ, и за границу. Но громкій аккордъ, взятый своеобразно каждымъ изъ нихъ, который такъ встревожилъ болѣзненно чуткую душу современнаго русскаго человѣка,—чередуется съ тихими тонами въ произведеніяхъ другихъ авторовъ меньшаго таланта, меньшей силы. На нихъ отдыхаетъ смятенная и измученная въ своихъ исканіяхъ душа; съ улыбкой, смягчающей темныя краски, оглядывается она вокругъ себя для того, чтобы при первомъ призывѣ вновь быть готовой идти на борьбу, на страданіе за лучшее будущее, за свѣтлые идеалы его. Сберегая нравственныя силы личности отъ чрезмѣрной растраты, они тѣмъ самымъ выполняютъ не маловажную роль въ общемъ процессѣ.

Таковы въ нашей литературѣ произведенія г. Телешева и Чирикова. Ровный и безстрастный тонъ произведеній г. Телешова какъ-то успокаивающе дѣйствуетъ на душу. Не затрагиваетъ онъ въ своихъ произведеніяхъ жгучихъ вопросовъ, не касается горькихъ проблемъ общественной жизни.

Будничная, сѣренькая жизнь интересуетъ, кажется, г. Телешева больше всего; въ ней нѣтъ ни трагедій, ни кровавыхъ драмъ, въ ней встрѣчается только одна маленькая скорбь маленькаго человѣка, волей или неволей ушедшаго въ

свою скорлупу. Съ этой стороны г. Телешевъ близко подходитъ къ творчеству А. П. Чехова, благоразумно, однако, отстраняя отъ себя смѣлыя попытки перебросить отсюда мостикъ къ общественной жизни, къ тому, что называется смысломъ,— попытки, которыя приходятся по плечу, болѣе сильному таланту—А. П. Чехова.

Въ обрисовкѣ деталей въ произведеніяхъ г. Телешева сказывается Гоголевская школа, удалившаяся отъ насъ въ послѣднее время, уступивъ свое мѣсто психологическому анализу съ одной стороны—и широко развившемуся публицистическому элементу—съ другой.

1-ый томъ его произведеній подъ неудачнымъ, (какъ это замѣтилъ и рецензентъ „Русскаго Богатства" *) заглавіемъ „На тройкахъ") представляетъ наиболѣе слабый періодъ творчества г. Телешева, хотя и въ немъ уже видны задатки дарованія. Наиболѣе слабою вещью здѣсь является самый разсказъ „На тройкахъ", гдѣ говорится о путешествіи купцовъ въ перегонку на ярмарку въ Ирбитъ. Руководящая при этомъ авторомъ цѣль высказывается довольно ясно въ думахъ его героя. купеческаго сынка Кумачева: „за окнами,—говоритъ г. Телешовъ,—мелькали занесенныя снѣгомъ рощи и поляны, сторожевыя будки, селенія. Поглядывая то въ окно, то на пробуждающихся сосѣдей, Кумачевъ думалъ о предстоящемъ далекомъ пути по лѣсамъ и дорогамъ; его соблазняла эта таинственная перспектива—увидѣть остатки первобытной Руси, поговорить съ лихими волжскими ямщиками, скоротать ночь гдѣ-нибудь на глухой, далекой станціи".

Посмотрѣть Русь, хотя бы часть ея съ птичьяго полета—перспектива довольно заманчивая, и авторъ идетъ для этого по проторенному уже пути. Впереди тройки г. Телешева и Кумачева проѣхалъ Чичиковъ. Нѣкоторыя мѣста здѣсь прямо сбиваются на подражаніе „Мертвымъ душамъ".

Особенно сильно совпадаютъ описаніе гостиницы у Гоголя и трактиръ, въ которой заѣзжаютъ купцы г. Телешева: у Гоголя мы встрѣчаемъ въ этомъ описаніи закопченныя люстру и стѣны, у г. Телешева — угрюмо глядящую съ своей высоты вывѣску, засиженную голубями; въ гостиницѣ, въ которую попадаетъ Чичиковъ—картины, писанныя масляными красками, во всю стѣну; въ трактирѣ, въ которомъ отдыхаютъ Телешевскіе купцы, такія-же картины; разница только въ томъ, что Гоголь останавливается на изображеніи нимфы, а г. Телешевъ на картинѣ „По улицѣ мостовой". Самый въѣздъ въ городъ Чичикова и Телешевскихъ купцовъ сопровождается почти одними и тѣми-же событіями: „Въѣздъ его, говоритъ Гоголь о Чичиковѣ, „не былъ сопровождаемъ ничѣмъ особеннымъ; встрѣчные мужики поразсуждали только о долговѣчности колесъ его брички, а проходившій мимо молодой человѣкъ оглянулся, придержалъ картузъ, чуть было не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой", путешественники на тройкахъ г. Телешова встрѣчаютъ почти тоже въ Чебоксарахъ: „Неизвѣстно, гдѣ находились жители, несмотря на ясный полдень, почти нигдѣ не встрѣчалось прохожихъ, а тѣ, которые встрѣчались, обертывались, чтобы послушать, какъ гремятъ колокольчики, и. не останавливаясь продолжали свой путь" и т. д. Описаніе повозки, въ которой ѣхали купцы на ярмарку, и описаніе экипажа Коробочки тоже сходятся во многомъ. Замѣтно, у г. Телешева и стремленіе подражать Гоголю въ манерѣ неуловимаго схватыванія типической черты въ характерѣ человѣка посредствомъ описанія его наружности; но если

у Гоголя получается въ данномъ случаѣ смѣлая и прямая линія, обрисовывающая весь образъ, то г. Телешеву много еще предстоитъ поучиться въ этомъ отношеніи у своего учителя, хотя и здѣсь встрѣчается у молодого автора два-три удачные штриха, какъ, напр., въ изображеніи молодого еврея въ трактирѣ съ сдержанно хитрымъ выраженіемъ лица. „точно онъ собирался сказать“: „А я знаю, гдѣ раки зимуютъ! и сидѣлъ очень смирно“ (63) Въ другихъ мѣстахъ натяжки на Гоголевское остроуміе довольно тяжеловаты. Къ этому прибавимъ еще лирическія отступленія, которыя слишкомъ изобилуютъ уже въ разсказѣ „На тройкахъ“, напоминая, не къ своей выгодѣ, полныя поэтической прелести лирическія мѣста въ „Мертвыхъ душахъ“. Лучшее изъ нихъ у г. Телешева это о народныхъ пѣсняхъ, гдѣ, повторяемъ, опять таки онъ шелъ по слѣдамъ своего учителя: „звучитъ она просто однообразно, говоритъ о ней авторъ, — но кажется, что мало ей низкой комнаты, просится она на просторъ, подъ глубокое небо, на волжскіе берега, гдѣ она родилась. И кажется, что вырвалась ужъ она на желанную волю, звучитъ она уже гдѣ-то не здѣсь, а льется далеко за окномъ, и замираютъ ея скорбные звуки среди родныхъ береговъ“, и далѣе: „одинъ и тотъ-же мотивъ, однѣ и тѣ же слова. Ни конца, ни начала нѣтъ въ этой пѣснѣ, какъ не знаешь, гдѣ искать начало и гдѣ конецъ въ горемычной долѣ русскаго, бездомнаго человѣка, у котораго и впереди нужда да горе, и позади тоже самое“.

Мало-по-малу отъ робкихъ шаговъ неувѣреннаго въ себѣ ученика великаго учителя и молодого автора, у котораго не хватаетъ матеріала для жаждущей полета мысли, г. Телешевъ переходитъ къ самостоятельному творчеству, и въ его произведеніяхъ подражаніе Гоголю является уже вольнымъ слѣдованіемъ ему, не исключая заботы и о слогѣ.

Таковы, напр., въ 1-мъ т. „Пѣтухъ“, „Бесѣда“, „Проклятый“. Въ нихъ г. Телешевъ умѣло управляетъ тѣмъ пріемомъ, заимствованнымъ у Гоголя, съ которымъ встрѣчаешься и дальше въ его творчествѣ, а именно: благодаря смѣшенію трагическаго съ комическимъ первое теряетъ свою болѣзненность; правда, то идетъ въ ущербъ его силѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ то здоровое, на чемъ пріятно отдохнуть и всѣмъ больнымъ, изломаннымъ людямъ начала XX-го в., несмотря на нашу погоню за сильными впечатлѣніями.

Недавно, между прочимъ, мы познакомились съ теоріей Германа Бара, который говоритъ, что трагедія необходима была больному и изломанному цивилизаціей человѣчеству въ древнемъ мірѣ, какъ необходимо „разряженіе“ для истеричныхъ: только такимъ путемъ возможно было выздоровленіе.

Мы тоже съ своими истерзанными нервами ищемъ „разряженія“ но вкусъ уже у насъ болѣе утонченный, и грубый аффектъ сильныхъ страстей замѣнился теперь психическимъ изломомъ, который, получивъ свое отраженіе въ литературѣ, острой иглой проходитъ по нервамъ. Но мечты объ отдыхѣ этимъ не исключаются: здоровье или даже признакъ его уже въ силу своего контраста притягиваетъ насъ къ себѣ.—Вотъ почему, наряду съ декаденствомъ, съ творчествомъ Л. Андреева, насъ привлекаютъ къ себѣ и произведенія В. Г. Короленко—главы современной здоровой литературы*), и его младшихъ собратьевъ по перу, разбираемыхъ нами молодыхъ авторовъ.

*) Мы не говоримъ здѣсь о Л. Н. Толстомъ: его колоссальная фигура стоитъ внѣ всякихъ узкихъ рамокъ.

Переходя опять къ произведеніямъ г. Телешева, мы замѣтимъ, что уже въ концѣ 1-го т. въ очеркѣ „Съ Богомъ“ проявляется несомнѣнное и окрѣпшее литературное дарованіе. Этотъ набросокъ изъ жизни „русскихъ самоходовъ“, какъ его называетъ авторъ, живая картина дѣйствительной жизни, одно изъ подтвержденій неурядицы той части ея, на которую давно уже обращали вниманіе русскаго общества наши лучшіе люди и которое по какой-то странной ироніи судьбы не выходитъ изъ заколдованнаго круга прекрасныхъ фразъ и благихъ стремленій, не переходящихъ почти никогда въ дѣло. Мягкія тѣни, ложащіяся на эту печальную картину отъ пера г. Телешева, поглощаютъ отчасти ея горечь и настраиваютъ насъ только на элегическій тонъ. Да и въ дѣйствительности *) эта горечь можетъ быть только въ душѣ сторонняго наблюдателя, проѣзжаго, котораго шествіе „самоходовъ“ хватаетъ за сердце; а самъ народъ, сами эти искатели кусочка, дающаго имъ право на жизнь, за давностью и постоянствомъ подобныхъ ощущеній потеряли уже въ нихъ чутье трагическаго. Дѣдъ Устинычъ, подростокъ Саша и его отецъ Трифонъ, эта тройка, впрягшаяся въ повозку, нагруженную всѣмъ своимъ немногочисленнымъ добромъ, на которомъ при этомъ сидитъ еще старуха и дѣти—не видятъ въ этомъ никакого трагизма и безъ всякаго протеста несутъ ярмо, при видѣ котораго „проѣзжіе“ только хватаются за сердце, да бросаютъ милостиво съ своего удобнаго сидѣнія деньги... и надо сказать, что до сихъ поръ народная масса встрѣчала въ своей жизни только „проѣзжихъ“; одни изъ нихъ по своей волѣ промчались мимо, другихъ отнесло теченіемъ и разными независящими отъ нихъ обстоятельствами.

*) Оно посвящается В. Г. Короленко.

Съ какой до боли трогательной простотой этотъ пасынокъ судьбы относится къ своему положенію,—прекрасно указываетъ г. Телешевъ въ разсказѣ Устиныча: „Вотъ что, милый, протерпѣли мы голодный годъ... корму нѣту... Солому съ крышъ поснимали, а скотинка, это, тощаетъ... И скотинку порѣзали. Обеврвалось, милый, хозяйство; сѣно было 40 коп., а теперь—пятакъ! нечѣмъ было скотинку кормить... А за убоинку дешево брали—двѣ копейки, а теперь она восемь!.

„Такъ-то вотъ и все! Ну, и пошли вотъ семействомъ... А землю, хозяйство, домикъ тоже—бросили значитъ: за недоимки оставили. Трудно, милый, а ничего не подѣлаешь, потому деньги теперь всякому нужны: безъ денегъ теперь шагу ступить не моги... Недоимки, недоимки,—трудно, милый! А не платить нельзя: безъ денегъ оно и начальство служить не захочетъ, потому время такое настало. Вотъ земелька-то наша за недоимки и пошла... ничего не подѣлаешь!“

Вотъ она, незамысловатая логика, уничтожающая желчь и озлобленіе, на которые едва ли кто имѣлъ больше правъ, чѣмъ наше крестьянство. Ошибка ея коренится не въ умѣ, а въ сердцѣ, этомъ великомъ по всепрощенію сердцѣ русскаго крестьянина. У него отнимаютъ самое дорогое: милый ему клочекъ земли, который онъ холилъ и лелѣялъ, какъ могъ и какъ умѣлъ, лишаютъ его родины, понимаемой имъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, его деревни, съ которой онъ сжился душой, не видя ничего кромѣ нея, и пускаютъ умножать пролетаріатъ, позабывъ печальные уроки въ этомъ отношеніи Западной Европы. А онъ смиренно поднимается и идетъ искать „новыхъ мѣстъ“, въ смутной надеждѣ, что его оттуда уже не погонятъ, съ безсознательнымъ, именно потому и глубокимъ протестомъ противъ

бездушныхъ законовъ экономики, идущихъ не изъ самой русской жизни, а взятыхъ на прокатъ и не по плечу.

„Эхъ, милый,—не спится! говоритъ онъ (Устинычъ) самъ себѣ, и непонятная грусть щемила до боли его старое сердце. Онъ вздыхалъ, досадливо причмокивая по привычкѣ, и крутилъ головою,— знать надорвался!...

И ему вдругъ стало жалко себя.

Потому стало жалко, что прожилъ онъ 70 лѣтъ на свѣтѣ, сгорбился, посѣдѣлъ, подломался, а ничего кромѣ горя, кромѣ нужды да лишеній не видалъ отъ жизни. Даже теперь, подъ старость лѣтъ, когда и безъ работы уже стонутъ и ноютъ его надломленные, простуженные члены, онъ все еще гнется, все еще ломаютъ свою спину подъ нуждою, подъ невольнымъ ярмомъ, идетъ онъ тысячу верстъ, голодаетъ, мокнетъ подъ дождями, валяется. какъ послѣдняя собака на грязной землѣ, и терпитъ, сноситъ все ради того, чтобы придти да умереть вдалекѣ отъ родины"...

Такихъ безсознательныхъ, хватающихъ за душу трагедій на нашихъ глазахъ разыгрывались тысячи, но мы лихо проѣзжали мимо съ закономъ Маркса или кого-либо другого въ рукахъ, утѣшая себя „исторической необходимостью". Теперь просыпается уже къ дѣятельности свободная воля свободной личности и уваженіе къ ней, какъ къ таковой, но одни оковы легко замѣняются другими, и кто знаетъ, не создадимъ-ли мы еще новую „историческую необходимость", въ которой и покатимся по проторенному пути?...

Такой же характеръ, какъ очеркъ „Съ Богомъ", носитъ и разсказъ г. Телешева „Домой", гдѣ мальчикъ Семка, оставленный въ баракѣ за смертью родителей—тоже переселенцевъ—въ ясную лѣтнюю ночь, крадучись, бѣжитъ домой, въ свое родное село, не имѣя понятія, гдѣ оно находится. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ себѣ товарища, дѣдушку Неизвѣстнаго, какъ тотъ называлъ себя, или бѣглаго каторжника, какъ это оказалось впослѣдствіи. Оба они горятъ однимъ желаніемъ увидѣть поскорѣе дорогую ихъ сердцу „Расею".

„Да, братъ,—говоритъ Неизвѣстный,—ты человѣкъ малый, а и то вонъ родина то назадъ тебя потянула.

„Всегда она такъ, точно мать родимая... тянетъ, тянетъ. Мѣста нигдѣ нигдѣ безъ нея не найдешь... Придешь, взглянешь на нея, матушку, однимъ глазкомъ, ну, и легче!"

До боли жаль этихъ оторванныхъ отъ почвы людей, затерявшихся въ широкомъ пространствѣ, съ ихъ неутомимой жаждой своего угла, своего уюта, въ которомъ пока для нихъ и возможно только сохраненіе достоинства своей человѣческой личности.

Въ поиски за нимъ отправляются и переселенцы въ „Нуждѣ", оставляя по пути своихъ больныхъ дѣтей, съ которыми предусмотрительное начальство не пускаетъ переселенцевъ на баржу. „Забитая, подневольная жизнь, терпѣливая и трудная"—говоритъ авторъ объ одной изъ такихъ матерей, горько тоскующей передъ вѣчной разлукѣ съ больнымъ ребенкомъ,—„только и чувствовалась Ариной въ минуты горя; набѣжитъ бѣда, глянетъ ей прямо въ глаза—вотъ она и чувствуетъ, что ей больно и тяжело, а все остальное—дѣло обыкновенное", и далѣе: „Въ трудѣ, лишеніяхъ и думахъ о завтрашнемъ днѣ протекла Аринина жизнь, точно рѣка по опредѣленному судьбою руслу, но Аринѣ казалось, что она счастлива; только жить было трудно".

Нѣсколько идиллическій характеръ носитъ разсказъ „Елка Митрича", подкупающій своимъ задушевнымъ тономъ. Въ немъ фигу-

рирують переселенческіе дѣти, которымъ сторожъ Митричъ устраиваетъ елку на полученный имъ въ праздникъ четвертакъ.

Изъ крестьянской-же жизни взятъ и разсказъ „Въ сумерки", гдѣ деревенскій знахарь Максимъ разыскиваетъ будто-бы славящійся чудодѣйственной силой камень „Перстъ Ивана Крестителя" и горюетъ, что нѣтъ ему пріемниковъ: „Не хотятъ на чужую пользу ребята стараться, все теперь больше о себѣ думаютъ. Ну, что-жъ!—тяжело вздохнулъ онъ опять.—Скоро помру... Жили и до меня... ну и безъ меня жить будете"—Въ этихъ словахъ звучитъ и протестъ стараго человѣка противъ новаго уклада жизни, вѣяніе котораго уже чувствуется имъ: струя индивидуализма, ворвавшись извнѣ, подточила общинный строй жизни народа, милый его сердцу хотя-бы потому, что это его собственное созданіе.

Къ разсказамъ изъ того-же быта относится и „Ошибка барина", этотъ прототипъ безчисленныхъ ошибокъ интеллигенціи на пути сближенія съ народомъ.

Мы не думаемъ, конечно, что г. Телешевъ имѣетъ въ виду здѣсь какую-либо аллегорію (это противорѣчитъ характеру его творчества), но самое заглавіе да и разсказъ наводитъ насъ какъ-то невольно на нѣкоторыя историческія параллели.

Послѣ великаго по своему значенію акта нашей исторической жизни—освобожденія крестьянъ,—мы обрадовались своему найденному младшему брату и съ горячимъ рвеніемъ принялись за его воспитаніе и образованіе, дружески протягивая ему руку; но мы ошиблись: передъ нами былъ не тотъ братъ, о которомъ мы мечтали, а другой, чужой намъ по духу, смотрящій на насъ съ полнымъ недовѣріемъ. Мы были обижены и оскорблены въ своихъ лучшихъ чувствахъ и въ марксизмѣ создали себѣ другого, болѣе намъ близкаго брата, а всѣ старанія объ улучшеніи участи темнаго крестьянскаго люда, объ образованіи его—полетѣли „вверхъ тормашками", точно такъ-же какъ это случилось и съ образованностью оборванца, разсказывающаго о. Досифею свою исторію. И кто знаетъ, не предстоитъ ли намъ въ далекомъ будущемъ искупить эту свою историческую „ошибку барина"?...

По характеру къ этому разсказу подходитъ и другой—„Сухая бѣда".

Въ немъ такъ-же проходитъ передъ нами безсмысленно загубленная чужою неосторожной рукой жизнь маленькаго подневольнаго человѣка. Хорошо здѣсь изображено и развитіе молодого, расцвѣтающаго чувства: „Ей становилось ясно,—говоритъ авторъ о Ѳенѣ,—что Афанасій Львовичъ былъ единственнымъ дорогимъ человѣкомъ, котораго она любила, давно любила... Она всегда первая встрѣчала его, слушала его грустныя пѣсни, вмѣстѣ горевала съ нимъ, но онъ этого не зналъ. Да и она сама не знала, и никто этого не зналъ". Но все это забрызгивается грязью жизни, и Ѳеня гибнетъ жертвою безсмысленнаго обвиненія, сама невольно при этомъ служа причиной гибели другого, всей душой привязаннаго къ ней человѣка чуваша Максимки.

Ни одного лишняго штриха нѣтъ въ этомъ разсказѣ.

Это спасаетъ его равно и отъ перехода въ мелодраму, и отъ бьющаго по нервамъ аффекта, но нельзя не пожалѣть, что ему недостаетъ той глубины, съ которой могла-бы передъ нами раскрыться прекрасная иллюстрація того, какъ каждая человѣческая жизнь, сама того не сознавая, связывается тысячью невидимыхъ нитей съ другими жизнями, за которыя она и является отвѣтственной при каждомъ своемъ неосторожномъ шагѣ. Не это-ли имѣлъ въ виду гума-

низмъ, не на этомъ-ли основано уваженіе ко всякой человѣческой личности, появившейся на высшей ступени духовнаго развитія, когда мы болѣе сознательно оглянулись вокругъ себя?... Вполнѣ понятно, что это невѣдомая и нерасторжимая связь съ цѣлымъ, коснувшись сознанія одиночки, заставляетъ его метаться изъ стороны въ сторону. „Природа требуетъ жертвъ, говоритъ одинъ изъ такихъ бывшихъ одиночокъ—Столяровскій *).—и все живущее либо отдаетъ свое, либо беретъ чужое.

„Въ этомъ случаѣ христіанство великое утѣшеніе, потому что его идеалъ—страданіе за другихъ... Но знаете, иногда такъ хочется личнаго счастія, такъ мучительно хочется, такъ изнываетъ душа,—а его нѣтъ, и нѣтъ и никогда не будетъ! Для чего-же тогда жизнь? Кому нужны эти безполезныя муки, кому нужно мое горе, отчаяніе, мои стоны, мое несчастье? Кому это нужно? Отвѣтьте мнѣ, кому это нужно“! Въ этомъ кромѣ сомнѣнія мы видимъ человѣка, стоящаго на грани двухъ міровъ: индивидуализма и сліянія съ цѣлымъ. Но шагъ за черту перваго уже сдѣланъ Столяровскимъ въ признаніи имъ необходимости жертвъ, а слѣдовательно вольнаго или невольнаго страданія за другихъ, чего, конечно, не потерпѣла-бы личность, какъ самодовлѣющая единица. Но закваска индивидуализма слишкомъ сильна въ нашемъ героѣ и, отрываясь отъ него, — онъ вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ подъ собой и почву: „Вотъ вы говорите,—возражаетъ онъ своему противнику—борьба, борьба, энергія, проявленіе воли... Какіе пустяки!—Съ чѣмъ я буду бороться? Наконецъ, какъ и за что? За счастье? Да у меня его нѣтъ! Понимаете, у меня нѣтъ и не можетъ быть счастья, я уже разбитъ, я уже доведенъ до того, что мнѣ не за что бороться, я уже пересталъ принадлежать себѣ... Меня подхватила какая-то сила и неудержимо тянетъ къ моему концу—къ погибели“. Отсюда легко возникнуть той нравственной раздвоенности, которая и характеризуетъ дальнѣйшій образъ мыслей и душевный укладъ Столяровскаго. Но въ результатѣ своимъ концомъ онъ доказываетъ побѣду второго типа міросозерцанія, т. е. власть цѣлаго надъ единичнымъ: фаталистически вѣря, что природа отняла часть его счастья съ тѣмъ, чтобы надѣлить имъ вполнѣ знакомого ему общаго любимца мальчика, онъ сначала чувствуетъ къ нему глухую ненависть, но затѣмъ, увидѣвъ, какъ тотъ гибнетъ въ волнахъ, упавъ отъ неосторожности съ берега въ море, Столяровскій самъ бросается туда, думая своею гибелью искупить ему жизнь. Быть можетъ, это зависитъ и отъ „утонченія вкусовъ“, какъ говоритъ онъ о жертвахъ раньше,—„утонченія“, по которому „мы предпочитаемъ погибать сами взамѣнъ другихъ, а не губить ихъ взамѣнъ себя“, но во всякомъ случаѣ въ этомъ чувствуется уже ярко намѣченная связь съ общимъ, стремленіе слиться съ нимъ.

— Въ художественномъ отношеніи разсказъ „Жертвы жизни“ довольно слабъ, въ немъ мало жизни, дѣйствія; Столяровскій слишкомъ уже много резонируетъ и является какъ-бы только олицетвореніемъ извѣстнаго ряда отвлеченныхъ мыслей. Вообще можно сказать, что тамъ, гдѣ вниманіе г. Телешева сосредоточивается не на бытовой сторонѣ, — онъ не можетъ справиться съ трудной задачей — вдвинуть въ художественныя рамки кипучую, вѣчно готовую на борьбу общественную мысль. Это по силамъ только крупному таланту.

Возвращаясь-же къ бытовымъ картинамъ г. Телешева, мы можемъ отмѣтить еще „Маленькій романъ“. Фабула его не глубока; но фигуры

*) „Жертвы жизни“.

дѣйствующихъ лицъ за то вполнѣ жизненны; въ самомъ „романѣ“ чувствуется, что онъ лился свободно и вольно изъ подъ пера художника безъ всякаго съ его стороны напряженія. Характерно здѣсь отношеніе автора къ изображенію дѣтскаго міра: для г. Телешева это только фонъ, на которомъ вырисовывается душевный міръ взрослыхъ людей, самостоятельнаго значенія онъ самъ по себѣ для него не имѣетъ. Но пользуясь этимъ пріемомъ, г. Телешевъ проводитъ такъ свойственнную мягкому характеру его творчества мысль о томъ, что въ каждой человѣческой душѣ теплится святой огонекъ; порой онъ бываетъ заброшенъ жизнью глубоко на дно души, закиданъ разнымъ соромъ ея повседневности, но стоитъ только человѣку случайно на своемъ пути соприкоснуться съ чѣмъ-нибудь чистымъ, хорошимъ, какъ напр., съ свѣтлымъ міромъ дѣтской души, заглянуть въ него внимательно,— и огонь этотъ затеплится сильнѣе, и лучшее въ насъ запросится на свободу.—Такъ было въ „Маленькомъ романѣ“ съ героями его Березинымъ и Ольгой Николаевной. Привезенные и брошенные у Березина дѣти сестры сначала раздражаютъ его, не привыкшаго къ семейной обстановкѣ, но потомъ волей-неволей втянувшись въ этотъ маленькій мірокъ, отъ котораго вдругъ повѣяло на него „невинностью и счастьемъ“, онъ начинаетъ ощущать „ужасъ и холодъ“ отъ своей безтолковой, свѣтской, разсѣянной жизни, она уже „дѣлала его несчастнымъ даже въ его собственныхъ глазахъ“, онъ „почувствовалъ себя пошлымъ и несчастнымъ человѣкомъ, онъ презиралъ себя за то, что не внесъ въ жизнь ничего кромѣ зла и пошлостей“, и когда, къ его горю, дѣти, которыхъ онъ онъ въ результатѣ такъ горячо полюбилъ, умерли, не смотря на всѣ его старанія спасти ихъ,—Березинъ круто поворачиваетъ въ сторону отъ прежней разсѣянной жизни, и пріятели, провожая его при отъѣздѣ за границу съ Ольгой Николаевной, знаютъ, что „Березинъ погибъ для нихъ навсегда“.—Тоже самое можно сказать и объ Ольгѣ Николаевнѣ, которую судьба толкнула на какую-то двусмысленную роль въ обществѣ, вродѣ дамы полусвѣта. И она, опошлившаяся за грязью повседневности, почувствовала весь ужасъ такой жизни только у кровати больного мальчика, перевезеннаго къ ней Березинымъ, думавшимъ было предохранить его отъ заразы (въ его домѣ лежала уже больная сестра мальчика). Упавъ на колѣни передъ его кроватью, она, быть можетъ, впервый разъ за все время почувствовала себя одинокою и несчастной и поняла, что такъ жить нельзя.

Потребность чистаго и хорошаго неудержимой волной хлынула въ ея душу и потопила накопившуюся тамъ грязь. Въ признаніи общаго своей связи съ нимъ (отъ которой до сихъ поръ она отворачивалась), заключающейся въ любви къ людямъ и, какъ къ ближайшему звену въ этой цѣпи,—въ сожалѣніи къ такимъ-же, какъ она, загрязненнымъ жизнью людямъ,—*) сказалась магнетическая сила великаго цѣлаго. Она притягиваетъ къ себѣ всѣхъ нашихъ одиночекъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Въ этомъ, быть можетъ, лежитъ законъ развитія нашего общества, вышедшаго изъ объединенаго цѣлаго и путемъ развитія индивидуализма до крайности опять вернувшагося къ нему, но, какъ и слѣдовало ожидать, уже болѣе сознательно. Законъ этотъ особенно легко прослѣдить въ литературѣ уже по тому одному, что онъ представляетъ собою извѣстную схему жизни, которая сама по

*) Такъ, она шепчетъ лежащему въ бреду мальчику,—брошенному своею матерью на произволъ судьбы, о прощеніи ея..

себѣ, конечно не укладывается ни въ какія рамки.

Характерно, что г. Телешевъ въ своемъ разсказѣ, помѣщенномъ въ I т. Сборника тов. „Знанія", самъ подходитъ къ тому итогу, который можно было-бы подвести этому періоду его творчества, роднящему его по духу съ общимъ теченіемъ новѣйшей литературы. Въ разсказѣ „Между двухъ береговъ", гдѣ на пароходѣ сходятся разные люди и тутъ, хотя и въ ущербъ художественной правдѣ произведенія, дѣлятся своими мыслями,—одинъ изъ героевъ, сравнивая собравшееся здѣсь общество съ евреями на рѣкахъ вавилонскихъ, съ горечью говоритъ: „Только нѣтъ у насъ, какъ у нихъ, одного общаго Іерусалима; у насъ всякаго свой личный Сіонъ!"

„Всѣ мы разрозненны и одиноки, потому мы такъ и безсильны. Нѣтъ у насъ одной общей вѣры, одного общаго дѣла, одного для всѣхъ Іерусалима... Жалкіе мы люди"! (324)

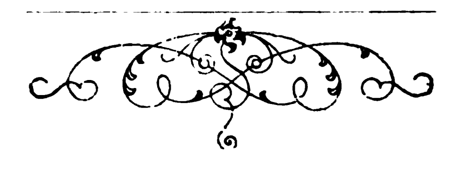
И причина этого объясняется тутъ же страницей раньше, устами одного изъ одиночекъ, отброшеннаго обществомъ и въ свою очередь не желающаго признавать его,—ссыльнаго Шеголихина:—„А что вы изволили сказать „грѣхъ передъ передъ обществомъ",—добавилъ онъ,—такъ это все пустяки. Въ своемъ позорѣ ничего я особеннаго не вижу...

„Стѣсненіе для себя вижу, неудобство вижу, но чтобы душою скорбѣть—этого во мнѣ нѣтъ. Потому что я, извините, это самое общество-то... не уважаю!" Онъ „выкрикнулъ" эти послѣднія слова, и это одно показываетъ, какъ наболѣло сердце высказаннымъ въ нихъ.

Да, именно, въ неуваженіи къ обществу, и слѣдовательно и въ невозможности любви къ нему, вѣры въ него—и кроется та обособленность и то одиночество, отъ котораго мы всѣ уже такъ изстрадались.

Отсюда ясно вытекаетъ уже необходимость коренной перестройки общества, безъ чего оно остается мертвой буквой, а его законы—путами, отъ которыхъ отбивается все живое и свободное. На какихъ началахъ должна произойти эта перестройка, намъ отвѣтитъ сама жизнь съ ея запросами.

Т. Танжулевичъ.

I.

Въ пріемной.

Швейцаръ въ большой бѣлой передней, откуда подымалась въ верхніе, внутренніе „покои“ широкая отлогая лѣстница, вовсе не имѣлъ того величественнаго и блестящаго вида, который у многихъ связанъ съ представленіемъ о губернаторскомъ швейцарѣ. И это уже не первый такой простой швейцаръ. Очевидно, прежній типъ этого слуги, затмѣвавшаго все и вся собственнымъ величіемъ, кое-гдѣ выродился... А впрочемъ, не берусь объ этомъ судить вообще. Говорю только о томъ, что самъ наблюдалъ.

Онъ (швейцаръ) взялъ мое пальто, а я началъ стаскивать калоши. Досадно! Довольно таки истоптанныя калоши, а лѣвая, вдобавокъ, разорвана съ лѣвой же стороны. Въ этой большой, бѣлой, свѣтлой и глянцовитой передней со скользкимъ паркетомъ и—такое калошное пятно... Я искоса метнулъ взглядъ на швейцара, чтобы наблюсти впечатлѣніе. Однако ничего...

— Въ пріемную-съ пожалуйте! Вотъ-съ... въ эту дверь...

Въ пріемной, у окна справа, сидѣлъ и читалъ газету молодой съ иголочки одѣтый полицейскій офицеръ въ лакированныхъ ботфортахъ.

— Можно видѣть г-на губернатора?

— Да-съ! сегодня пріемъ. Только еще рано. Вотъ подождите,—придетъ дежурный чиновникъ.

Я сѣлъ на обитое темнозеленымъ плюшемъ кресло, стоявшее у овальнаго стола, покрытаго такой-же плюшевой скатертью.

Замолчали. Портреты четырехъ послѣднихъ губернаторовъ въ овальныхъ золоченыхъ рамахъ, повѣшенные рядкомъ вдоль стѣны, пренебрежительно и кисло смотрѣли на сидящихъ. Скучно какъ-то... Полицейскій изъ-за газеты искоса наблюдаетъ за мной. Чувствую его взглядъ и круто поворачиваюсь къ нему. „Губернскія Вѣдомости“ дрогнули въ его рукахъ. Онъ быстро отводитъ глаза.

— Можно курить?

— Пожалуйста.

— Что у васъ, въ городѣ, новенькаго?

— Да ничего особеннаго.

— Вчера, однако, говорятъ, были безпорядки. Да и сегодня солдаты на улицахъ.

— Н-да... Вы не здѣшній?

— Нѣтъ. Я пріѣзжій, вѣрнѣе — „проѣзжающій“...

— Да... Волновались... Приказчики забастовали. Сегодня тоже, вѣроятно, будутъ.

— И сильныя волненія?

— Э! Какое тамъ!..

Молодой полицейскій весело улыбнулся:

— Соберется кучка народа, молодежь все больше. почти мальцы, крикнутъ „ура“... Солдаты туда, а они вразсыпную...

— Значитъ, ничего серьезнаго?

— Конечно, ничего... Все „демократы“ эти... Пробовали было красный флагъ на углу выкинуть, потомъ спрятали. Однако, стрѣляли ..

— Какъ? Стрѣляли даже? Есть раненые? Убитые?

— Нѣтъ, солдаты не стрѣляли пока.. А былъ выстрѣлъ въ толпѣ...

Молодой полицейскій вдругъ разсмѣялся:

— Одинъ выстрѣлилъ, должно быть, нечаянно... Самъ себѣ кончикъ уха отстрѣлилъ... Ей-Богу! И какъ это онъ ухитрился? Просто непонятно... Все жидовскія штуки...

Въ комнату неслышными шагами вошелъ молоденькій съ еле пробивающимися усиками чиновникъ, въ темномъ форменномъ сюртукѣ съ желтыми пуговицами, — гладкій и прилизанный. Съ усиленно-дѣловитой серьезностью онъ обратился ко мнѣ:

— Что угодно?

— Видѣть господина губернатора.

Вытаскиваю свою карточку. Но бросивъ на нее пренебрежительный взглядъ, молодой человѣкъ придвигаетъ мнѣ книгу и говоритъ:

— Пишите.

— Что писать?

— Имя, званіе, по какому дѣлу... Тамъ по рубрикамъ...

Читаю рубрики и заполняю ихъ. Надъ графой „по какому дѣлу“ задумываюсь, затѣмъ пишу: „представиться“.

— Очень хорошо. Присядьте, пожалуйста! Послѣ докладовъ господина полицеймейстера и правителя канцеляріи будетъ пріемъ посѣтителей... А, вотъ...

Дюжій и плечистый, одѣтый въ мундиръ мужчина съ краснымъ лицомъ вошелъ въ комнату. Самоувѣренность дышала въ крупныхъ чертахъ одутловатаго, топорно вырубленнаго лица. Молодой полицейскій вытянулся и щелкнулъ каблуками. Юноша — чиновникъ предупредительно потянулся къ протянутой ему толстой ладони съ перстнями на пухлыхъ пальцахъ.

Это былъ полицеймейстеръ.

— Еще нѣтъ?—Спросилъ онъ и кивнулъ головой на запертую дверь.

— Нѣтъ еще. Рано.

Полицеймейстеръ грузно сѣлъ на диванъ и далеко протянулъ свои лакированные ботфорты. Осмотрѣлъ меня, затѣмъ всталъ и подошелъ къ конторкѣ съ книгой для посѣтителей.

— Ага! Вотъ и они!.. опять двадцать пять!... — Весело произнесъ, вкатываясь въ пріемную, небольшого роста плотный человѣчекъ въ форменной статской тужуркѣ. — Такъ-то-съ,—продолжалъ онъ,—Ну, что тамъ у васъ ночью?.. Ничего такого?.. Или было что? И что будетъ сегодня? Опять двадцать пять...

Сѣрые острые глаза вновь явившагося быстро и внимательно обѣжали всѣхъ присутствовавшихъ, и онъ потянулся къ книгѣ съ записями посѣтителей.

— Да ничего пока... Подхватили ночью кой-кого.—Протянулъ полицеймейстеръ.

— Ага! Бунтуютъ, значитъ. Не окончилось?

— Какое тамъ окончилось. „Они“ такія требованія предъявляютъ, что

никакой хозяинъ не согласится. Все соціализмъ одинъ. Я-бъ ихъ...

Правитель канцеляріи его перебилъ:

— Захожу я, знаете, въ магазинъ Апфельбаума, а онъ тамъ одинъ... опять двадцать пять... мечется по магазину, какъ угорѣлый. Самъ не знаетъ, гдѣ что лежитъ. „Что, — спрашиваю,—и у васъ всѣ ушли?“ „А какъ-же,— говоритъ, — ушли“.— „Съ чего-бы это?“—„А чортъ ихъ знаетъ, съ чего! Одурѣли вотъ и ушли“. Хе-хе-хе... Опять двадцать пять...

— Одурѣли...—протяжно произнесъ полицеймейстеръ.—Ну, нѣтъ-съ доложу я вамъ, не одурѣли! Прибавки требуютъ, сокращенія часовъ работы, праздничнаго отдыха и все такое... Демокра-а-аты.—Протянулъ онъ съ непередаваемымъ выраженіемъ, сжимая кулакъ.—А главное: не смѣй хозяинъ уволить служащаго безъ *ихъ* разрѣшенія... Увольняетъ—жалованье за полгода впередъ. Какой хозяинъ на это пойдетъ? Никакой!

— Кто-же, собственно, эти разрѣшенія на увольненія будетъ давать?

—Н-да-съ! Видите-ли „комитетъ“ такой учредить хотятъ изъ приказчиковъ и хозяевъ. Хитрость ихъ жидовская..

— Хе-хе-хе!— Засмѣялись всѣ.

— Возни сколько съ ними! — озлобленно произнесъ опять полицеймейстеръ.—Эти жиды вотъ гдѣ у меня сидятъ! — Онъ ткнулъ большимъ пальцемъ въ собственный толстый затылокъ.

— Да! вся бѣда отъ нихъ...

— А то отъ кого-же другого. Всѣ—демократы, подлецы! Стрррѣлять-бы ихъ!..

— Ну, ужъ и стрѣлять... Вѣдь пока...

— А то что? По головкѣ гладить? А то еще лучше-бы... И безъ солдатъ можно.., Да я бы самъ одинъ справился.

— Какъ-такъ?

Полицеймейстеръ нѣсколько понизилъ тонъ и началъ, подмигивая:

— Шепнуть-бы нашимъ раскольникамъ и всѣмъ тамъ... прочимъ.. „а ну, ребята! К-катай!..“

Всѣ опять весело и дружно разсмѣялись. Юный дежурный чиновникъ потерялъ всю свою серьезность, и глаза его свѣтились неподдѣльнымъ, почти дѣтскимъ удовольствіемъ.

— Да, вѣдь... опять двадцать пять...—сказалъ правитель.—*этихъ* пусти только. Они, мерзавцы, праваго и виноватаго лущить начнутъ...

— А мы имъ *шепнемъ*, кого и за что!—подмигнулъ полицеймейстеръ. Поймутъ...

Всѣ засмѣялись снова.

Въ комнату вошелъ еще одинъ посѣтитель: молодой, бравый съ блѣднымъ лицомъ офицеръ въ бѣлой черкескѣ до пятъ, при шашкѣ, револьверѣ, съ огромной бѣлой косматой папахой въ рукѣ.

— Могу я видѣть г-на губернатора?

— Пожалуйста... Вотъ книга, распишитесь.

Офицеръ склонился у конторки надъ книгой... Правитель привсталъ съ дивана и запустилъ въ книгу „глазенапа“. Полицеймейстеръ хмуро оглядывалъ стройную фигуру молодого офицера. Тотъ отошелъ и сѣлъ у овальнаго стола, недалеко отъ меня.

— Если взять съ другой стороны, то... — началъ „правитель“ и не окончилъ.

Всѣ встали. Въ пріемную вошелъ сѣдоватый плотный мужчина въ генеральской тужуркѣ. Кивнулъ всѣмъ головой и подошелъ ко мнѣ:

— Чѣмъ могу служить?

Я объяснилъ.

— Хорошо-съ. Съ удовольствіемъ. Послѣ пріема поговоримъ!

Вслѣдъ затѣмъ онъ обратился къ офицеру.

— Я къ вамъ съ жалобой. Ваше Превосходительство! — Громко и раздѣльно проговорилъ тотъ.

Всѣ насторожились.

— На кого вы жалуетесь?

— На г-на мѣстнаго полицеймейстера и пристава Н-ской части.

— Хорошо-съ. Сейчасъ.

Губернаторъ быстро прошелъ въ свой кабинетъ, а за нимъ шмыгнулъ молодой чиновникъ, который тотчасъ вышелъ и сказалъ полицеймейстеру:

— Иванъ Ивановичъ, васъ!

Сдѣлавшійся изъ краснаго багровымъ полицеймейстеръ скрылся за дверью. Въ пріемной воцарилось молчаніе. Четыре портрета четырехъ послѣднихъ губернаторовъ неодобрительно и кисло поглядывали на всѣхъ.

— Посмотрѣть на наши края пріѣхали?—обратился вдругъ ко мнѣ правитель.

— Пожалуй, что и такъ.

— Что-же скажете?

— Что я могу пока сказать... Вотъ у васъ-бы спросить, что за дѣла здѣсь творятся...

— Дѣла творятся, дѣйствительно, и .. всякія дѣла! Неспокойное, скажу вамъ, время...

„Правитель" вдругъ поднялся и пошелъ въ губернаторскій кабинетъ, такъ-какъ оттуда вышелъ полицеймейстеръ. Этотъ послѣдній грузно опустился на стулъ, вытянулъ портсигаръ и закурилъ.

— Посмотрѣть у насъ пріѣхали?— Обратился онъ ко мнѣ тоже.

— Да!.. отчасти...

— Вотъ и увидите, что за безобразія наша жидова продѣлываетъ.

— Насколько могу судить,—обыкновенная забастовка приказчиковъ.

— Дать-бы имъ эту забастовку.

Въ разговорѣ вдругъ вмѣшался молодой офицеръ:

— И чего смотрѣть на нихъ, поганыхъ,—не понимаю!.. У насъ просто: вотъ такъ!

Онъ нервно вскочилъ и ухватился за кабуру револьвера; и вдругъ обратился прямо къ полицеймейстеру.

— Позвольте узнать: вы г-нъ полицеймейстеръ?

— Да.

— Какое-же право вы имѣете оскорблять мою жену?

Тотъ медленно откинулся на спинку стула:

— Я не оскорблялъ вашей жены.

— Какъ-такъ? Не далѣе, какъ вчера, когда она выходила изъ театра съ подругой, вы сказали: „однако, какъ Матрешка похорошѣла". Вѣдь вы сказали? Да?

— Гм... Н-да!..

— На какомъ основаніи и по какому праву?—Голосъ офицера оборвался, и онъ сѣлъ на стулъ.

— Я сказалъ это по адресу Матрешки, которую знаю.

Офицеръ вскочилъ.

— Она не Матрешка, а моя жена! Вы не имѣли права говорить такъ! Позвольте-съ!

— Если она не Матрешка, а ваша *жена*,—раздѣльно проговорилъ полицеймейстеръ,—то я... извиняюсь... Но я знаю и зналъ ее только, какъ всѣмъ извѣстную Матрешку. Не слышалъ, чтобы она развелась съ мужемъ и вышла замужъ опять...

— Никто не имѣетъ права судить женщину за прошлое. Теперь съ нею я, и я не позволю...

— Она носитъ вашу фамилію?— спросилъ полицеймейстеръ.

— Да что вамъ до этого? Какъ бы то ни было, а я не позволю... Сегодня я жалуюсь губернатору. Поѣду въ Петербургъ, буду у министра. Я разскажу ему, что вы здѣсь продѣлываете... Оскорблять женщину! Скажите, опять-таки, на какомъ основаніи приставъ N-ской части отогналъ ея извозчика отъ подъѣзда театра? На какомъ?

— Для извозчиковъ есть правила. По правиламъ они обязаны стоять въ указанныхъ для сего мѣстахъ, а не стоять у подъѣзда.

— Это не правда! Извозчикъ, нанятый сѣдокомъ, обязанъ ждать сѣ-

дока тамъ, гдѣ его оставляютъ, и гнать его вы не имѣете права!

— Ну, ужъ это позвольте намъ лучше знать.

— Я и не говорю, что вамъ лучше знать. Но прилично-ли порядочному человѣку оскорблять женщину?

— Это Матрешку-то?..

— Стоять у выхода изъ театра, видѣть, что идетъ женщина съ сестрой, а за ними я, и говорить: „какъ Матрешка похорошѣла“.. Вѣдь это были вы?.. Вы?

— Я.

— Только скандала не хотѣлось дѣлать...

Отъ губернатора вышелъ правитель канцеляріи, и молодой чиновникъ обратился къ офицеру.

— Васъ просятъ.

Тотъ не докончилъ своей рѣчи, подхватилъ папаху и отправился въ губернаторское святилище.

— Чего онъ? — кивнулъ правитель.

— Жаловаться за Матрешку пришелъ.

— Какую-такую... опять двадцать пять?..

— Вотъ-те разъ! Не знаете, что-ли... Крупникову.

— А - а!.. — Протянулъ, оживившись, правитель,—въ чемъ-же суть?

— Извѣстно въ чемъ... Обижается какъ это такъ я сказалъ ей: „какъ Матрешка похорошѣла“...

Раздался общій смѣхъ.

— Только вретъ онъ, не это я сказалъ.—Замѣтилъ, улыбаясь, блюститель полиціи.

— А что, что?

— Я сказалъ: „однако, наша Матрешка въ ходъ пошла!“ Вотъ что я сказалъ.

Компаніи стало еще веселѣе. Полицеймейстеръ вдругъ нахмурился:

— Сидитъ эта самая Матрешка съ нимъ въ театрѣ въ первомъ ряду. Я-бы могъ даже распорядиться вывести ее... Не имѣетъ права такая особа сидѣть ближе шестого ряда... Да чортъ, думаю, съ ней... Только пусть будетъ покойна... Дождется...

— Да этому-то что до нея?

— Жена, говоритъ...

— Ха-ха-ха!..

— Какъ-же, спутался. Тысячу рублей какую-то получилъ на дняхъ, ну и... въ Петербургъ, говоритъ, поѣду, министру раскажу... Это онъ лечиться то сюда пріѣхалъ.

— Хе-хе-хе...

— А эту-бы Матрешку...—Съ обидой въ голосѣ началъ полицейскій.

Распахнулась дверь. Молодой офицеръ вышелъ, сдѣлалъ общій короткій поклонъ и быстро ушелъ. Всѣ проводили его долгимъ, загадочнымъ взглядомъ.

Полицеймейстера снова позвали къ губернатору. Онъ пробылъ тамъ не долго и когда вышелъ, то сказалъ ожидавшей его группѣ чиновниковъ:

— Ну-съ! Изготовимъ къ завтрему докладъ... Ужъ мы этихъ молодчиковъ да и Матрешку нашу распи-и-иш-емъ!..

— Васъ просятъ.

Я всталъ и отправился въ свою очередь на „бесѣду“. Въ моей головѣ уже образовалась какая-то путаница... „Жиды“... стачка... бить ихъ... раскольники... шепнулъ-бы... офицеръ.. Матрешка... А главное, этотъ постоянный хохотъ и циническое вышучиваніе всего и всѣхъ за спиною...

Что-то они сейчасъ говорятъ о мнѣ?

Высокая дверь плавно повернулась и захлопнулась за мной...

II.

„Салопница“.

— Извините, господинъ! Позвольте васъ спросить...

— Пожалуйста! Что угодно?

— Какъ мнѣ увидѣть господина губернатора?

Спрашивала худощавая со сморщеннымъ лицомъ пожилая женщи-

на: Небольшіе окруженные сѣтью морщинокъ темные глаза ея не то пытливо. не то просительно смотрѣли на меня. Широкій бурнусъ съ пристегнутымъ мѣховымъ воротникомъ удивительно какъ напоминалъ старинные. но еще существующіе поднесь салопы. Рѣзкій вѣтеръ самой ранней весны заставлялъ женщину ежиться и прятать руки въ вытертую, поддѣланную подъ „барашекъ" муфту.

— Губернатора? Мнѣ кажется—просто. Идите вотъ въ эту дверь, попадете въ переднюю, оттуда въ пріемную. Сегодня, какъ разъ пріемный день. Принимаютъ всѣхъ.

— Это я знаю, я заходила.

— Такъ что-же?

— Не пускаютъ.

— Почему?

— Не знаю. Говорятъ: „чего вамъ еще, вѣдь вы уже *его* видѣли".

— А вы уже видѣлись *съ нимъ?*

— Подала мѣсяцъ назадъ прошеніе. Онъ сказалъ „хорошо". Только ничего изъ этого „хорошо" не вышло. Я опять хожу и хожу, и все не допускаютъ, а дѣло мое такое, что надо все ему лично объяснить... Я мать своему ребенку. Я не позволю обижать, да и не кто-нибудь я...

— Но что-же я могу для васъ сдѣлать? Человѣкъ я не здѣшній, пріѣзжій, порядковъ вашихъ не знаю.

Женщина опять внимательно воззрилась на меня.

— Вы оттуда вышли?—Она указала пальцемъ на дверь, въ которую я направлялъ ее...

— Оттуда.

— И видѣли, кого надо.

— Всѣхъ. Честь-честью...

Она вздохнула и таинственно указала пальцемъ на ворота, ведущія во дворъ.

— Тамъ есть крыльцо, по которому *онъ* идетъ въ свою канцелярію. Тамъ *его* можно увидѣть.

— Такъ направьтесь туда.

— Была... пробовала.

— Ну и что-же?

— Гонятъ!.. Говорятъ, — не мѣсто. А какое не мѣсто, когда я знаю, другіе...

— Позвольте! Какъ-же это гонятъ? У васъ дѣло.

— Дѣло, дѣло, господинъ! Охъ, какое дѣло!

— И вы подали прошеніе?

— Подала, подала. Въ томъ-то и дѣло, что подала.

— Вамъ сказали: „хорошо"?

— Да-да... Какъ-же! сказали и приказали зайти на дняхъ.

— Такъ почему-же гонятъ?

— Потому-то и гонятъ, господинъ, что *Онъ*—новый, а вся у нихъ здѣсь одна шайка. Я хочу къ *нему*, а они говорятъ: идите къ „вице", а чего я пойду къ „вице", когда онъ со „старшимъ совѣтникомъ" первый другъ, а въ старшемъ-то совѣтникѣ и все дѣло..

— Простите! Ничего не понимаю.

— Трудно вамъ понять, господинъ! Нехорошая исторія, очень нехорошая исторія. Я не даромъ говорю. Я не какая-нибудь. Мой покойный мужъ статскимъ совѣтникомъ былъ. Учителемъ былъ. Вдова я. Дочь у меня—красивая дѣвушка, господинъ! Въ здѣшнемъ пансіонѣ мадамъ N. была, господинъ. Изъ-за нея и вся исторія вышла. Преслѣдуютъ ее здѣшніе чиновники. Что сдѣлали и дѣлаютъ, Боже мой! Я подала жалобу. И вотъ...

Въ свою очередь я внимательно воззрился на неожиданную встрѣчную, вовсе не прекрасную незнакомку. Что это и кто это? Обивающій-ли пороги губернскихъ присутственныхъ россійскихъ мѣстъ вѣчный шантажъ, сумасшедшее доносительство и самодовлѣющая кляуза? Или?.. Или вновь, на улицѣ еще одного новаго города, не успѣвъ сдѣлать и двухъ шаговъ, я тотчасъ попалъ ногою въ эту губернскую грязь, очутился на краю зловоннаго болота.—„его-же не пройдеши"... Съ одной стороны, — „салопница"... очень можетъ быть... А съ другой... Очень даже хорошо я знаю, какъ

легко обидѣть живущую въ „губерніи на пенсіи“ вдову; знаю, что такое частенько представляютъ эти губернскіе „благодарные“ пансіоны для дѣвицъ съ ихъ особаго склада мадамами начальницами; знаю, какъ легко обидѣть здѣсь красивую дѣвушку—сиротку, дочь „благородной“ вдовы, живущей „на пенсіи“. Въ особенности-же хорошо знаю я, какъ легко и безнаказанно губится въ провинціи человѣческая *честь* вообще, а въ частности женская и дѣвическая честь! Честь красивой бѣдной дѣвушки, дочери вдовы какого-то чиновника... какая-то обывательская честь?.. Что такое?.. Пфу!.. А если въ давленіи на погибель этой обывательской чести участвуютъ еще мѣстные тузы, то... Внезапная мысль сверкнула въ моей головѣ:

— Я, признаться, мало понимаю, сударыня, о чемъ, собственно, вы говорите,—но если только я вѣрно васъ понялъ, то отчего, вмѣсто напрасныхъ шатаній по административнымъ мѣстамъ, вамъ не обратиться просто къ прокурору? Тамъ дѣло сразу и просто станетъ на законную юридическую почву...

— Была у прокурора.

— Что-же?

— Ничего. Смѣется или сердится. „Напрасно, — говоритъ, — сударыня пустяками голову морочите“... У нихъ все одна компанія, господинъ.

Рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ ранней весны дулъ разсказчицѣ въ самое лицо. Мелкія, какъ макъ, слезинки непрерывно катились изъ ея небольшихъ темныхъ глазъ и наполняли морщинки впалыхъ щекъ. Она вытягивала изъ муфты бѣлый не первой свѣжести платокъ, свернутый въ комочекъ, вытирала имъ щеки и глаза.

— Вся надежда была на *него*, на *новаго*, пока не успѣютъ его опутать и оплести. Одинъ разъ удалось-таки добиться и подать заявленіе; да гдѣ оно теперь? Стерегутъ теперь. Только я этого такъ не оставлю. Я въ Петербургъ поѣду. Я знакомыхъ тамъ имѣю. Я все выведу на свѣжую воду, господинъ! Если бы вы знали, что они сдѣлали, что они дѣлаютъ... Я въ Петербургъ...

Бѣдная! Она надѣется на Петербургъ!

Новая мысль мелькнула въ моей головѣ, и я съ какой-то радостью ухватился за нее: не просто-ли сумасшедшая предо мной, одержимая маніей преслѣдованія? Снова оглядѣлъ я ее, пристально заглянулъ въ глаза. Сумасшедшіе всегда, хоть немного аффектируютъ и театральничаютъ, но въ этихъ слезящихся глазахъ было столько простого, безыскуственнаго, не „психологическаго“ горя, а въ жалкой потерянной позѣ и вытертомъ бурнусѣ-салопѣ столько неподкрашенной сѣренькой дѣйствительности, что я опять почувствовалъ (скорѣе инстинктомъ, чѣмъ разсудкомъ, почувствовалъ), что стою предъ чѣмъ-то дѣйствительно тяжелымъ, мрачнымъ и отвратительнымъ, творящимся здѣсь, среди этого раскинувшагося, большого, грязнаго города. У меня явилось внезапное желаніе бѣжать... пройти мимо...

Посмотрѣлъ на часы. До поѣзда, съ которымъ я хотѣлъ уѣхать, оставался всего часъ времени, и я обрадовался...

— Ну, простите... Очень жаль!— поспѣшно проговорилъ я.—Желаю вамъ добиться правды, но мнѣ пора... Я долженъ ѣхать... Могу опоздать... Всего хорошаго...

— Счастливой дороги, господинъ!.. Извините... А я думала...

Я подозвалъ проѣзжавшаго извозчика.

„А я думала“...—скорбно отозвалось въ моихъ ушахъ. Что она въ самомъ дѣлѣ, думала?

III.

Запасной Смѣльниченко.

Онъ вошелъ въ биткомъ почти набитый вагонъ третьяго класса съ

большимъ полотнянымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Въ мѣшкѣ, какъ видно, была всякая рухлядь въ перемежку съ какими то твердыми предметами, придававшими ношѣ форму неуклюжаго, большого остроребернаго многогранника. Фуражка съ огромнымъ, круглымъ днищемъ, и большимъ козырькомъ, надъ которымъ на околышкѣ были напечатаны какія то желтыя цифры, какъ-то безпомощно, словно съ опущенными крыльями и носомъ птица, сидѣла на его головѣ; да и самъ онъ безпомощно повертывалъ то въ ту, то въ другую сторону свое вспотѣвшее лицо, съ меланхолически повисшими внизъ, какъ двѣ черныя, жирныя пьявки, усами.

— Коло васъ, здаѐтця, свободно? Нерѣшительно обратился онъ ко мнѣ.

— Свободно, свободно. Садитесь.

— Отъ, благодарю покорнійше! Ласковыя карія очи благодарно сверкнули на меня, затѣмъ стукнулъ поставленный на сидѣнье рядомъ со мною мѣшокъ.

— Не безпокойтесь. Онъ вамъ не помѣшаетъ! — произнесъ солдатикъ,—Я его вотъ сейчасъ...

Онъ поставилъ мѣшокъ на полъ и началъ протискивать его подъ лавку. Это въ виду раздутости и многоребердности мѣшка оказалось не совсѣмъ таки удобоисполнимымъ дѣломъ. Что-то крякнуло и зазвенѣло внутри...

— Да вы положите его вотъ туда, наверхъ.—Предложилъ я.

— Отъ, благодарю...—И онъ съ величайшимъ удовольствіемъ помѣстилъ мѣшокъ на верхнюю полку. Сѣлъ, снялъ фуражку, вынулъ изъ за обшлага сѣрой солдатской шинели цвѣтной платокъ и вытеръ имъ свое красное вспотѣвшее лицо. Потомъ повернулся ко мнѣ, и изъ подъ чернымъ усовъ на меня дружелюбно сверкнули изумительнѣйшей бѣлизны зубы:

— Слава тоби Господы! Довелось таки.—Онъ широко перекрестился.— До дому ѣду, подъ самый праздникъ, подъ Велыкдень (Пасху) попаду.

— Что-жъ, въ отставку, значитъ?

— Какое-тамъ! Въ отпускъ.

Въ дверяхъ вагона показались два солдатика.

— Смѣльниченко, Смѣльниченко! —Позвали они.

Мой сосѣдъ вскочилъ:

— Поберегить! Будьте ласковы!— Сказалъ онъ, указывая пальцами на мѣшокъ, и вышелъ съ солдатиками изъ вагона.

По акценту, по нѣкоторымъ словамъ было ясно, что я встрѣтился съ малороссомъ.

Возвратился онъ только послѣ второго звонка, и не только отъ всего его лица, но казалось, отъ всей этой плотной, приземистой фигуры такъ и прыскало всеподкупающимъ добродушіемъ, лаской и спокойной веселостью.

Есть два рѣзко выраженныхъ типа малороссовъ. Одни—угрюмые, непривѣтливые и неразговорчивые. Молчаливо тянутъ они свою „люльку", молчаливо слушаютъ чужія рѣчи и ничто, кажется, не отражается на ихъ бронзовыхъ, неподвижныхъ лицахъ. Только въ упорномъ взглядѣ небольшихъ острыхъ карихъ или дымчатыхъ глазъ, спрятанныхъ подъ густыми, нависшими бровями, вдругъ вспыхнетъ и зажжется иногда какой то особый огонекъ, освѣтитъ все это пасмурное лицо какимъ-то особымъ свѣтомъ, шевельнется усъ, но... скоро все гаснетъ и прячется въ глубинѣ снова холоднаго взора, на концѣ неожиданно моргнувшаго уса.

Есть за то другой типъ южноруссa. Умомъ и ласковымъ, добродушно-веселымъ лукавствомъ свѣтятся его большія карія очи. Спокойнымъ, но мѣткимъ и задорнымъ юморомъ дышитъ его пѣвучая рѣчь. А когда изъ подъ черныхъ усовъ веселой улыбкой сверкнутъ ослѣпительно бѣлые зубы, да моргнутъ соколиныя брови, то нѣтъ силъ

удержаться, чтобы не отвѣтить улыбкой на улыбку и не подумать: „какой, милый, хорошій и славный человѣкъ“... Мой сосѣдъ оказался типомъ этого второго сорта.

— Отъ, благодарю... Отъ, благодарю васъ!—сказалъ онъ, усаживаясь около меня.

— Да за что же?

— А якъ-же! Вещи поберегли, мѣсто... А мы, знаете, немного того... Вы знаете, чего вызывали меня товарищи? Здѣсь нашъ офицеръ (онъ сказалъ, конечно—„охвыцэръ“) на вокзалѣ... узналъ, что я ѣду, попрощаться пожелалъ. „Позывыть, каже, Смѣльничѐнко!“ Хорошій офицеръ. Ну, значитъ, простились. А мои товарищи того... трохи шатаются. Мы, знаете, передъ дорогой того... проводы устроили... Звынить! будьте таки ласковы!..

— Чего-жъ тутъ извиняться. Дѣло понятное.

— Эге-жъ! Какъ-же не понятное. Только товарищи мои, того... дуже весѐлы. Господинъ офицеръ замѣтилъ это и каже: „вотъ смотрите,— Смѣльниченко хоть и ѣдетъ, а ничего, а вы-то“. Ну, ничего. Отвернулся ушелъ, а мы знова „у бухвети“ такъ сороковочку узяли... Звынить-бо вже рады Бога...

— Поздоровъ вамъ Боже! Чего тамъ извиняться. Вѣдь на свои же пили, не на чужіе.

— Отто то и такъ! Чы-жъ я не бачу... Развѣ я не вижу,—перевелъ онъ на русскій,—съ кѣмъ говорю. Съ разумнымъ, съ понимающимъ человѣкомъ говорю, вотъ съ кѣмъ...

— Спасибо.

— Не на чемъ.

Онъ вздохнулъ полной грудью и блаженно улыбался, смотря въ окно на мелькающіе мимо телеграфные стòлбы.

— Ѣдемъ!—сказалъ онъ.—Жинка, диточки якъ обрадуются... Боже мой!

— Далеко вамъ ѣхать?

— Подъ Екатеринославъ самый. На третьи сутки буду, подъ самисинькій Велыкдень. Слава Господи! Съ семьей похристосуюсь; не ждалъ я такой радости, а вотъ довелось. Уси у насъ завидують. „вотъ, говорятъ, счастливый Смѣльниченко, —на самый праздникъ дома будетъ“.

— Жена-то небось какъ обрадуется.

— И Боже ты мой! Подумайте: годъ и два мѣсяца не видались. Оставилъ я ее одну съ тремя диточками, молодшей — годикъ только былъ. Старшòму сыночку—шестой. Думалъ я развѣ на службу идти? девять почти лѣтъ въ запасѣ былъ; годъ всего оставался, чтобы въ чистую выйти. Такъ ни! Какъ поднялась война, какъ потянули... Бѣда. разорѣніе... Боже ты мой.

— Значитъ, вы запасной?

— Какъ же, запасной. Черезъ девять лѣтъ, говорю, призвали. Пришлось опять на старости лѣтъ передъ всѣми тянуться.

— Тяжело?

— Не говорите лучше. Не приведи ты, Господи! Привыкъ уже на всей своей волѣ жить, „оженывся,“ хозяйство завелъ, открылъ мастерскую,—я, знаете, слесарь,— сами соби панъ, тутъ свои диточки пошли. Братъ умеръ двухъ сиротъ племянниковъ на мое попеченіе оставилъ. Все на мнѣ... А тутъ „иды, Грыцько! тянысь!“.. Сколько слезъ, сколько горя этого было.

Спутникъ мой тяжело вздохнулъ и задумался.

— И вѣрите-ли, — продолжалъ онъ, минуту спустя,—такъ тяжело, такъ тяжело на сердцѣ было... Сбили это насъ отовсюду въ Барановичи, и ну муштровать. Оно, конечно, развѣ я не понимаю, что это надо, что служба. Но *что надо*,— вотъ въ чемъ вопросъ. „Тянись„!— говоритъ: „отчего меня глазами не провожаешь, дубина этакая?...“ Развѣ это надо? Вмѣсто того, что-бы такой какой разсыпной строй показать, научить, какъ на врага идти, —говоритъ: „тянись“!.. „глазами провожай!“ Развѣ въ сраженіи гла-

зами провожать придется?. Сгонятъ это насъ, какъ стадо. Тянемся, тянемся, значитъ, глазами провожаемъ, „тупотымъ, тупотымъ усе на одному місти". Изморишься, какъ собака, за день. И горько, и обидно на душѣ. Чувствуешь, что не то дѣлаешь, что надо, что не тому учатъ, что требуется, а тянешься, простите ради Бога, передъ какими-либо мальчугами, что чуть не въ сыновья тебѣ годятся, провожаешь его глазами... Развѣ это надо, пане? Вѣдь не это? Правду я говорю?

— Да, пожалуй, что не это.

— Вотъ то-то оно и есть. А какъ придетъ ночь, ляжешь это въ своей казармѣ, али палаткѣ тамъ,— какъ вспомнишь про жену, про дитокъ, про домъ, про хозяйство... Какъ заболитъ сердце, какъ заноетъ... Лучше-бы, кажется, смерть. Наморишься за день, кажется,— больше нельзя, а спать не можешь. Куда тамъ сонъ!.. Плакалъ-бы, кажется, плакалъ да проклиналъ свою долю, а слезъ нѣту!

Подъ монотонный стукъ катящихся вагоновъ вибрировала и звучала его полурусская, полу-малорусская печальная рѣчь. Карія очи солдатика расширились, загорѣлись меланхолическимъ блескомъ; и ни на кого не глядя, какъ-бы говоря самъ съ собою, онъ продолжалъ повѣствованіе. Господинъ лежавшій напротивъ насъ, ревниво оберегавшій свою лавку, отъ постороннихъ покушеній и дѣлавшій видъ, что спитъ, вдругъ сѣлъ, пригнулся къ намъ и началъ внимательно вслушиваться въ слова Грыцька Смѣльничѐнки. Тотъ говорилъ:

— Подумаешь это, что повезутъ тебя за тысячи верстъ, за тридевять земель, на войну. Да развѣ война это? Это бойня, а не война! —Энергично произнесъ Смѣльничиченко.— Какъ вспомнишь опять, кто осталось дома и жинка, и дитчи малѐньки, и хозяйство, и все... Смерть, смерть, смерть... одна смерть на душѣ...

Вдругъ онъ остановился и спросилъ:

— А правда, что у „гапонцивъ" каждый солдатъ грамотный и съ планомъ ходитъ, а унтеръ-офицеръ такъ просто „дуже вче́ный", почти какъ нашъ офицеръ?

— Да, тамъ народъ вообще грамотный и развитой!.

— Вотъ то-же самое и у насъ говорили. Тамъ каждый и разсыпной строй знаетъ, и какъ ему идти, и все... Трудно съ ними. Вотъ мой сосѣдъ,— рядомъ живетъ,—тоже пошелъ и уже убитъ сердечный. Хоть то хорошо, что одна жена осталась. Дѣтей у нихъ не было.

— Вы не попали на войну?

— Ни! Какъ разъ вышелъ указъ, чтобы тѣхъ, у кого трое-четверо дѣтей, освобождать отъ войны, и послали меня сюда въ портъ, въ военныя техническія мастерскія. (Мы ѣхали изъ портового города). Ну, пріѣхали мы сюда въ Ноябрѣ прошлаго года; началъ я какъ бывшій слесарь, работать въ казенныхъ мастерскихъ. Работы много, толку мало, и все мысли о домѣ мучаютъ: что-то тамъ, что-тамъ. Жена изъ дому пишетъ. „Скучаю, плачу!"—пишетъ,—„Помнишь, говоритъ, Гриша, какъ иногда бранились мы съ тобой, теперь мнѣ и брань эта дорога, а какъ припомню, что и я тебя иногда ругала,—такъ плачу—плачу"...

Смѣльниченко улыбнулся какой-то наивной, дѣтской улыбкой:

— Вотъ какъ она писала. Оно, конечно, какъ вы сами понимаете, не безъ того, что иной разъ у насъ и ссоры бывали, да только рѣдко. Живемъ мы и жили, можно сказать душа въ душу. Вотъ какъ жили! Она у меня добрая, совѣстливая жена, не какая-нибудь. И я такъ это дѣло понимаю, что Богъ соединилъ,—никто не развяжетъ, ни-ни... Вотъ, къ примѣру, и мой

товарищъ, сосѣдъ, что убитъ уже, какъ онъ жилъ съ своей женой! Боже мой, какъ жилъ, какъ они любились и кохались, надышаться, кажется, другъ на друга не могли. Оба красивые такіе... Только дѣтей не судилъ имъ Богъ. Призвали его на службу, онъ всю землю, домъ и все записалъ на ея имя, За то взялъ съ нея великую клятву, что за никого, въ случаѣ его убьютъ не выйдетъ она замужъ.

— Почему такъ?

— Потому любилъ ее очень, да и она его. Не могъ вынести мысли, что-бы послѣ него она замужъ могла выйти. Великую взялъ онъ клятву, и теперь, если она честная женщина, то должна эту клятву одержать. Не такъ-ли?

— Если клялась, то конечно.

— Ну, да! Я, однако, уходилъ и этого не сдѣлалъ. Ничего и не отписалъ на жену. Не потому, чтобы ей не вѣрилъ. Ни Боже мой! А потому, что у меня дѣти.

Убьютъ: все твое... Пока выростутъ дѣти, корми, обучай ихъ. Если даже выйдешь замужъ,—все-таки дѣтское дѣтямъ будетъ. Богъ знаетъ, что за человѣка себѣ найдешь, а она все-таки баба, а здѣсь ни законъ, ни добрые люди не допустятъ, чтобы дѣтей ограбить. Вотъ, къ примѣру, взялъ-же я дѣтей покойнаго брата и берегу ихъ наслѣдіе, какъ будто это были собственные мои дѣти. Не такъ-ли я говорю?

— Вѣрно!

— Не дай Богъ сироту обидѣть. Нѣтъ большаго грѣха на свѣтѣ. И вотъ, хоть и не оставилъ я женѣ никакой бумаги, но пошелъ, зная, что она дѣтей не обидитъ, что въ случаѣ, не дай Богъ чего со мной —сама всѣхъ, какъ сможетъ, въ люди выведетъ и въ обиду не дастъ, хоть трудно это, охъ, какъ трудно ей одной! Чтоже... Ушелъ я, мастерскую свою прикрылъ, одного подмастерья оставилъ. Земля у меня кой-какая есть. Но какъ съ ней одной справиться съ малыми дѣтьми на рукахъ. Какъ вспомню все это, какъ вспомню, придя въ казармы изъ мастерской, опять ночь не спишь, все съ боку на бокъ ворочаешься... Спать совсѣмъ разучился. А войнѣ этой конца—края не видать. О Господи! Только и утѣшало меня, что выработаешь что-либо въ мѣсяцъ и домой пошлешь.

— У васъ платятъ за работы въ мастерскихъ?—заинтересовался я.

— Какая тамъ плата! Что захотятъ, то и платятъ. За такую работу на вольныхъ заводахъ я до ста рублей въ мѣсяцъ когда-то зарабатывалъ, а здѣсь если выработаешь за задѣльную работу 10—15 рублей въ мѣсяцъ, то и хорошо... Только и здѣсь мнѣ посчастливило... Скука и тоска меня охватила такая, что хоть руки наложи. Однако, смотрю одинъ изъ нашихъ-же солдатиковъ на Рождество въ побывку отпросился, и начальство его отпустило. „Ахъ, ты,—думаю,—оказія какая“... Думалъ я, думалъ, поговорилъ съ другими, взялъ это, получивши разсчетъ, купилъ бутылку коньяка хорошаго и пошелъ къ старшему мастеру. „Что говоритъ, Смѣльниченко?“ — „Сдилайте такое ваше одолженіе,—говорю,—не побрезгайте на нашемъ угощеніи“.—„Спасибо“—говоритъ.

— Вотъ сѣли мы съ нимъ, и началъ я его просить, нельзя-ли домой, хоть на денечекъ. „Что-жъ, —говоритъ,—я поговорю съ нашимъ инженеромъ. Вотъ пріѣдетъ изъ побывки Петровъ,—можетъ, и тебѣ удастся“. И какъ обнадежилъ онъ меня, такъ отъ нетерпѣнія сердце у меня еще болѣе болѣть стало. Дѣйствительно, проходитъ разъ начальникъ инженеръ и говоритъ: „Старайся, Смѣльниченко, домой погостить отпустимъ!“—„Радъ стараться!“—кричу, а у самого духъ перехватываетъ. Однако, мѣсяцъ проходитъ, другой... Ничего! Со-

всѣмъ я сна лишился, и чтобы тоску заглушить, весь въ работу ушелъ.

— Вѣрите-ли, что послѣдній мѣсяцъ двухъ часовъ въ сутки не спалъ. Все какую-либо отрядную работу дѣлаю. И какъ это здоровья хватило, не понимаю... За то и случилось такъ, что въ послѣдній мѣсяцъ я 34 рубля 80 коп. заработалъ,—просто всѣмъ на удивленіе: а тутъ позавчера: „вотъ тебѣ на мѣсяцъ отпускъ, Смѣльниченко"... Это подъ Пасху-то... Что со мной сдѣлалось... Боже-жъ мой, Боже!

Голосъ разсказчика дрогнулъ. Онъ широко и радостно улыбнулся. Господинъ, сидѣвшій противъ насъ, улыбнулся тоже и одобрительно закачалъ головой. Смѣльниченко поднялъ глаза горѣ и воззрился на свой мѣшокъ.

— Эге-жъ!—бодро произнесъ онъ. Получилъ я это деньги, тотчасъ женѣ телеграмму. Пошелъ въ городъ и купилъ тамъ, знаете, подарки. Оно, конечно, не важные: сережки, тамъ, да на платье женѣ и дочкѣ на рубашки сынкамъ. „У Екатерынослави", може и лучшее можно купить, да не въ томъ дѣло, а въ томъ, что памятка, все-же. И обрадуется же... Остальныя деньги спряталъ и везу. Будетъ, слава Богу, чѣмъ праздникъ встрѣтить...

Онъ вдругъ ласково-ласково, прямо заискивающе посмотрѣлъ мнѣ въ глаза:

— Господинъ! Что я васъ хочу попросить...

— Пожалуйста!

— Да вы не разсердитесь?

— Зачѣмъ-же.

— Пожалуйста! Сдѣлайте такое одолженіе!... У меня тамъ,— онъ ткнулъ пальцемъ по направленію къ своей „торбѣ",—у меня тамъ бутылка... Не откажите раздѣлить компанію, выпить со мной стаканчикъ... Не обижайтесь на мою таку простоту. А только вижу я, что хорошій вы человѣкъ...

Онъ съ добродушной лаской, почти съ мольбой притронулся къ моей рукѣ. Очевидно, весь міръ казался ему прекраснымъ, а всѣ люди необыкновенно добрыми и привлекательными.

— Настоящая „столовая"!.. Пожалуйста-бо...—Убѣждалъ онъ.

Какъ тутъ было отказаться?..

Онъ живо стянулъ свой мѣшокъ, распуталъ его и извлекъ оттуда бутылку съ водкой и стаканчикъ.

— Отъ, горе!—огорченно проговорилъ онъ,—на закуску только хлѣбъ есть. Была колбаса, да, правду говоря,—съ товарищами ее ще у городи съѣли... Ужъ, извиняйте, пожалуйста!

Къ счастью, въ моей дорожной корзинкѣ нашлось кое-что съѣстное, и восторгъ Смѣльниченки не имѣлъ предѣловъ,

— Отъ, такъ добре!—убѣжденно произнесъ онъ. Налилъ, выпилъ, опять налилъ и преподнесъ мнѣ. Затѣмъ, ничто-же сумняшеся, опять налилъ и преподнесъ супротивъ сидящему господину.

Тотъ сначала, было, изумленно открылъ глаза, но взглянулъ на Смѣльниченка, широко улыбнулся и взялъ стаканъ:

— За счастливое свиданіе съ семьей...

— Спасибо на добромъ словѣ!— Отвѣтилъ весело Смѣльниченко и оглянулся, видимо, желая еще кого-либо угостить...

Странную, должно быть, картину для остальныхъ представила наша угощающаяся въ вагонѣ группа.

— Вотъ уважили! Вотъ спасибо! —Говорилъ Смѣльниченко. — Позвольте васъ поцѣловать...

Расцѣловались. Долженъ довести до свѣдѣнія читателя, что Смѣльниченко совсѣмъ не былъ „во хмелю".

Но крѣпкаго и сильнаго человѣка этого, видимо, опьяняла наполнявшая все его существо радость. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше вѣяло отъ него этой радостью, хотя

онъ больше не пилъ Только почти совсѣмъ бросилъ онъ, самъ того не замѣчая, говорить по русски и перешелъ на родную, пѣвучую, „украинску мову“.

— И скажите вы, пожалуйста,— довѣрчиво спрашивалъ онъ: — на „якого бисова батька“ ця наша война, нà що та Манчжурія? „Нà що и зà що“ столько погублено и губятъ народа? Столько погублено денегъ? Для чего все это?

— Ей-Богу! По совѣсти не знаю, что вамъ и сказать.

— Вотъ то-то и есть. А вѣдь вы человѣкъ „письмѐнный“, можетъ конторщикъ, или писарь, или бухгалтеръ даже... Такъ что-же долженъ понимать нашъ братъ? Что съ него требовать... Японецъ, онъ знаетъ, что ему надо, а мы... Геть, геть!.. Одно слово: иди, тянись, умирай, а куда, за что, на что—не спрашивай. Горе—горе... Сколько крови пролито, сколько калѣкъ воротится. А кто ихъ кормить будетъ? Опять мы...

Запасной Смѣльниченко смотрѣлъ на меня карими, умными, необычно серьезными глазами и говорилъ:

— Пусть не подумаютъ, что мы тамъ такіе-сякіе дурни неосмысленные... Все мы очень хорошо понимаемъ, все... Э-эхъ! Опять таки вотъ теперь ѣду я домой, къ женѣ, къ дѣткамъ, а черезъ мѣсяцъ что? Бросай все и назадъ? Ну, хорошо! Я такъ и сдѣлаю. Приду въ поѣздъ и сяду, пусть довезутъ... Вотъ мой отпускъ, вотъ куда мнѣ надо, пусть везутъ... Не мое дѣло. А не захотятъ, — выгонятъ изъ вагона — не моя вина

— А теперь какъ вы ѣдете?

— По отпускному билету. Полъцѣны плачу.

— Значитъ, все-таки, платите?

— Какъ-же. Но домой-то ѣхать— деньги еще нашлись. А изъ дому? Что я изъ дому, еще долженъ тянуть, чтобы себя въ срокъ представить Ну, нѣтъ!.. А если дома денегъ нѣтъ?

Юмористическое нѣчто сверкнуло въ его глазахъ, и упрямая складка образовалась на лбу.

— Нѣтъ, ужъ... назадъ, если хотите, доставьте меня сами... Судите, если хотите..

Я подъѣзжалъ къ станціи, гдѣ долженъ былъ остановиться. Запасной Смѣльниченко подхватилъ мои вещи, вынесъ на платформу и ни за что не хотѣлъ взять за это предлагаемую мзду.

— Ни за что! — Энергично отмахивался онъ.—Не обижайте.

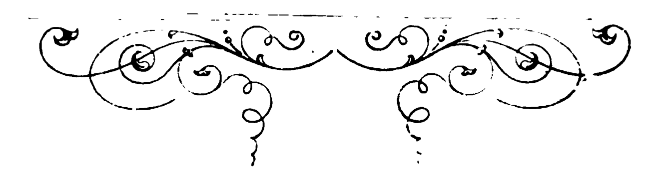
Развѣ я... Счастливой вамъ дороги! Дай Богъ... Очень уже полюбились вы мнѣ.

Мы облобызались на прощанье, но стоя уже на подножкѣ вагона онъ еще разъ обернулся и произнесъ:

— А я пріиду якъ-разъ подъ Великдень...

Улыбнулся и исчезъ,..

Е. И. Альфъ.

Записки неунывающаго россіянина.

Прочитавъ мою подпись подъ сими замѣтками, навѣянными современною жизнью, иной, можетъ-быть, удивится тому, что я живъ и здравствую. Да, я не умеръ, ибо безсмертенъ, безсмертенъ, какъ любой изъ другихъ персонажей комедіи Грибоѣдова, заботливо обезсмертившаго насъ. Впрочемъ, за таковое явленіе отвѣтствуетъ вообще россійская дѣйствительность. Однако, мнѣніе сіе, противное свойствамъ и качествамъ ума моего, всеконечно, и не мнѣ принадлежитъ. Я, напротивъ, только считаюсь, не безъ сердитости, съ таковымъ мнѣніемъ, исходящимъ отъ либералистовъ, рьяно и доблестно посрамляемыхъ столь благоразумными, честными и достопочтенными россійскими гражданами, какъ г.г Грингмутъ, Шараповъ, Комаровъ, коихъ нынѣшніе продерзостные либералисты наши почему-то именуютъ мракобѣсами, какъ-будто сіи благоразумные, честные и достопочтенные россійскіе граждане суть не граждане, а бѣсы, изрыгаемые мракомъ.

Но каково мнѣніе? Старые пни упорно держатся въ почвѣ и мѣшаютъ произрастать юнымъ побѣгамъ, молодымъ деревамъ. Всё рутинное глубоко вкоренилось въ русской жизни, почти неистребимо.

Ежели въ семъ заключена безспорная, незыблемая истина, то и я не истребимъ, а потому—живущій днесь—и впредь существовать буду, *собою изъ себя сіяя*, какъ нѣкогда весьма кстати по какому-то поводу сказалъ піита Державинъ, бывшій во время оно даже министромъ.

Я живу нынѣ въ уединеніи. Адреса не объявляю, ибо несказанно боюсь докучливыхъ посѣтителей, особливо инте... инте... какъ-бишь ихъ зовутъ? Инте... инте... Словомъ, тѣхъ, которые занимаются какими-то интервьюшками, веревьюшками, и о почтенныхъ людяхъ сплетничаютъ въ газетахъ, черезъ что погибъ у насъ не одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, погибъ даже приснопамятный генералъ Ковалевъ.

Итакъ, повторяю: живу въ уединеніи, давно выдавъ свою дочь Софію Павловну за Алексѣя Степановича Молчалина, занимающаго весьма видное мѣсто въ департаментѣ, названіе коего либералистами считается предосудительнымъ, а по моему, сей департаментъ только свое дѣло дѣлаетъ. Уединеніе, столь печальное въ старости, я услаждаю неусыпнымъ чтеніемъ россійскихъ газетъ, сопровождая оное собственными философическими замѣчаніями, надо полагать, полезными ежели не для излиберальничавшагося интеллигента нашего, то пріятными хотя-бы для разсудительной нашей бюрократіи, держащейся и поднесь моего заповѣднаго правила—дѣйствовать не спѣша, какъ я встарь говаривалъ, *съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой*.

На дняхъ былъ у меня Молчалинъ. Я читалъ ему недавнія мои замѣтки; онъ каждую изъ нихъ сопровождалъ одобрительнымъ: „точно такъ-съ!“ Было-бы не дурно, если-бы со мною соглашались и другіе, такъ-сказать, благонамѣренные люди.

Однако, что-то дѣлается на бѣ-

ломъ свѣтѣ? Я чаю: скоро будетъ свѣтопреставленіе, ежели сему, отнынѣ и до вѣка дѣйствуя неукоснительно, не воспрепятствуютъ тѣ славные и добліе мужи, подвиги коихъ опредѣляются словами: „тащить и не пущать".

Ну-ка, ну-ка, посмотримъ. Пишутъ изъ Минска. Какой губерніи сей городъ и гдѣ онъ находится? Кажется, близъ Ревеля. Помню только—въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Въ географіи-то я не гораздо силенъ; да и не все-ли равно? Не сильны въ ней, пожалуй и наши генералы, проигравшіе въ теперешнюю войну японцамъ цѣлый рядъ сраженій; мнѣ-же, уединенному старику, не нуждающемуся днесь ни въ какихъ передвиженіяхъ, простительно и большее невѣдѣніе, ибо всѣ мои передвиженія таковы: изъ спальни въ столовую, гдѣ пью чай, кофе, завтракаю, обѣдаю, разговариваю съ попкой, затвердившимъ пакостное слово „конституція", изъ столовой въ кабинетъ, гдѣ, какъ сейчасъ, обычно читаю газеты, размышляю и думаю, даже сокрушаюсь, озабоченный судьбами отечества, а также, ежели не занятъ проектами о спасеніи его, пишу просто, не мудрствуя лукаво, замѣтки. Изъ кабинета хожу... Впрочемъ, довольно о кабинетахъ...

Такъ Минскъ? Почитаемъ, почитаемъ!

„Въ городскую думу поступило заявленіе санитарной комиссіи слѣдующаго содержанія:

„Собравшись по приглашенію предсѣдателя городской санитарно-исполнительной комиссіи въ помѣщеніи управы 28-го мая для обсужденія вопроса объ устройствѣ дѣла санитарнаго надзора, мы услыхали крики на улицѣ, около входа въ помѣщеніе думы, и, выйдя на балконъ, увидѣли слѣдующую возмутительную сцену. Казаки и городовые били санитарнаго попечителя Хургина, подошедшаго къ дверямъ городского дома, въ сопровожденіи попечителей Канторовича и Ицеховскаго, чтобы войти въ помѣщеніе управы для участія въ комиссіи. Мы всѣ, возмущенные этой дикой расправой, умоляли полицейскихъ чиновъ и казаковъ освободить несчастнаго, но никто не обращалъ вниманія на наши мольбы, и Хургина поволокли въ полицейскую часть, нанося ему удары нагайкой и шашкой. Въ виду того, что случаи избіенія воинскими чинами ни въ чемъ неповинныхъ людей въ совершенно спокойное время учащаются, имѣемъ честь просить думу принять мѣры для защиты города отъ разбоя и насилія патрулей, дѣйствующихъ безъ надлежащаго надзора и руководства".

Хе-хе-хе-хе! Городская дума въ какомъ то Минскѣ! Странно! Вообще къ чему намъ всякія думы, не исключая и государственной, о которой теперь много и говорятъ, и пишутъ? Право, одна только канитель съ таковыми думами. Вѣдь можно жить безъ всякихъ думъ, пока мужики пашутъ землю, взрощаютъ хлѣбъ, кормятъ насъ, не пришли въ города, пока мы сидимъ на своихъ и они сидятъ на своихъ мѣстахъ.

Признаю безполезными, даже вредными и санитарныя коммиссіи, такъ-какъ изъ-за нихъ нерѣдко происходятъ скандалы не только въ городскихъ думахъ, но и на улицахъ, среди обывателей, разжигаемыхъ, оказывается, санитарами, между которыхъ не мало теперь либералистовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ рѣшительныя мѣры и дѣйствія людей, коихъ въ либерализмѣ, всеконечно, никто оскорбительно не заподозритъ.

Возмущеніе санитаровъ меня и самого весьма возмущаетъ. Оно возмущаетъ меня тѣмъ, что коварные санитары осмѣливаются признавать насиліемъ охраненіе тишины и спокойствія, утвержденіе порядка, нарушаемаго какимъ-то Хургинымъ. Надлежитъ вникнуть въ нижеслѣдую-

щее: побили Хургина; однако-же онъ самъ виноватъ, ибо вызвалъ побои своимъ поведеніемъ или, просто на просто, попался на глаза бьющимъ. Жизнь—замѣчу философически—устроена тако: кто-нибудь кого-нибудь бьетъ. Эка важность, побитъ Хургинъ въ Минскѣ, всего-то одинъ человѣкъ! Небось еще іудейскаго вѣроисповѣданія; а посчитать—сколько православныхъ побито японцами! Безъ Хургиныхъ живи, какъ хочешь, а безъ тишины и спокойствія, безъ порядка жить невозможно не только въ Минскѣ, но и въ С.-Петербургѣ... Вздорная корреспонденція! Отмѣчу: „Биржевыя Вѣдомости“ № 8873, отъ 14 іюня сего года.

Бѣлостокъ? Гм. Бѣлостокъ! Не имѣю понятія о такомъ городѣ. Вѣроятно, въ Сербской губерніи, если таковая у насъ имѣется.

„Канцелярія ген.-губернатора увѣдомила бѣлостокскую городскую управу по интересующему все населеніе вопросу о введеніи въ Бѣлостокѣ института дворниковъ“.

Прекрасно. Ежели Бѣлостокъ—не губернскій городъ, то при чемъ-же въ немъ генералъ-губернаторъ со своей канцеляріей? Лишній расходъ! Надо объ этомъ подумать и написать проектъ въ коммиссію по избѣжанію лишнихъ государственныхъ расходовъ, каковая пока не образовалась, но, всеконечно, образуется, когда для нея найдутся образованные люди и будетъ образованъ потребный капиталъ, о чемъ—увы! кромѣ Фамусова никто и не думаетъ...

Тотъ-же № „Биржевыхъ Вѣдомостей“, но корреспондентъ другой. И не удивительно: то происходило въ Минскѣ,—а это—въ Бѣлостокѣ.

„Домовладѣльцы гор. Бѣлостока въ поданныхъ виленскому, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору прошеніяхъ ходатайствуютъ объ отмѣнѣ изданнаго обязательнаго постановленія о введеніи въ Бѣлостокѣ института дворниковъ, ссылаясь на обременительность института въ матеріальномъ отношеніи: годовой расходъ на содержаніе дворниковъ исчисленъ думою въ суммѣ 97,250 руб.“

Неужели жители этого города не способны оцѣнить значеніе института дворниковъ и поэтому скаредничаютъ изъ-за такой ничтожной суммы, какъ 97,250 рублей? Вѣдь дворникъ—сила; они—почти все, обыватели—ничто. Оні такъ сказать, дворяне дворовъ, а обыватели, если не дворянскаго происхожденія, только—обитатели домовъ. Но пусть самъ за себя говоритъ дворникъ. Благо, я имѣю возможность заставить его сейчасъ-же заговорить, даже стихами. Дѣло въ томъ, что на дняхъ Вавила, нашъ дворникъ, котораго я поздравилъ съ полученіемъ серебряной медали „за усердіе“, остановилъ меня и, снявъ шапку, говоритъ:

— Ваше Превосходительство, соблаговолите просмотрѣть мои стишки, потому я, знаете, съ позапрошлаго года паэзіи приверженъ. А по какому случаю, извольте выслушать. Бымши я въ пьяномъ образѣ, упалъ съ лѣстницы и зашибъ, стало быть, голову въ затыльной части, а съ той самой поры въ головѣ какой-то переворотъ вышелъ, и вотъ прутъ изъ головы рифміи, просто мочи нѣту, одолѣваютъ! Сочинилъ недавно про свое естество пѣсенку, самъ подъ гармонику подвелъ и таково на гармоникѣ наяриваю ее, что на посту г. городовой, издали слушая, диву дается. Ужъ просмотрите пѣсенку, а коли можно, ваше превосходительство, пропечатайте ее въ газетѣ. Мнѣ гонорала не надо...

Смѣшной этотъ Вавила, презабавный парень и, кажется, еще не испорченный. Порекомендую князю Влад. Петровичу Мещерскому: князь такихъ любитъ. Главное тутъ—непосредственность. Вотъ оно гдѣ народное, гдѣ воистину, можно сказать, народъ, а не фабричный, не

заводскій фруктъ. Побольше-бы таких! Особенно лестно въ наше время эта почтительность; чего-же лучше? Превосходительствомъ называетъ, а фабричный, заводскій, при встрѣчѣ съ тобою на улицѣ, не обращаетъ на тебя никакого вниманія... Чортъ знаетъ до чего мы дожили! Но пой, пой-же, милый, неиспорченный, непосредственный Вавила, пой!

Пѣсня дворника.

Я сижу, сижу дозоромъ у воротъ,
Я слѣжу, слѣжу за всѣми, кто пройдетъ;
Долженъ зоркимъ, многоглазымъ долженъ быть,
Проявлять во всемъ особенную прыть,
Знать—когда жильцы ложатся и встаютъ,
Не внушилъ-ли подозрѣнье ихъ пріютъ;
Долженъ помнить всѣхъ по имени, ей-ей,
И въ лицо у нихъ бывающихъ людей...
Коль на чай не хочешь въ руку положить,
Откажусь, при первомъ случаѣ, служить,
Ночью долго я воротъ не отопру,
Продержу тебя на стужѣ, на вѣтру,
Подъ дождемъ, дождемъ осеннимъ, проливнымъ;
Допеку еще и чѣмъ-нибудь другимъ;
А задобришь, что замѣчу—ни гу-гу,
Отворять тебѣ ворота побѣгу,
Въ неурочный часъ и пива, и вина
Раздобуду за двойную плату: на,
Пей, голубчикъ, пей во здравіе свое!
Хочешь кралю? Вмигъ представлю и ее...
Говорю все это смѣло, безо лжи;
Вотъ—рука: въ нее монету положи...
Надъ тобою безгранична власть моя,
Потому-что дворникъ, дворникъ, дворникъ—я!

Еще покопаемся въ газетахъ. Нѣтъ-ли фактиковъ, достойныхъ серіознаго обсужденія купно съ начальственными лицами, пекущимися объ искорененіи всяческаго зла? Въ жизни творится великая злопакостность, въ печати, а черезъ нее и въ обществѣ царитъ изумительное пакостнорѣчіе; но сего, по счастію, не встрѣтите и не услышите тамъ, гдѣ печать отсутствуетъ и общества не имѣется.

Балашовъ... Твердо помню: Саратовской губерніи, а помню сіе не безъ причины: въ Балашовѣ, говорятъ, родился извѣстный государственный дѣятель Балашовъ, занимавшійся въ Кореѣ, на рѣкѣ Ялу, вмѣстѣ съ подобными себѣ, для пользы своего отечества, лѣсоистребленіемъ, полагая, что корейцы—дураки, что ихъ сосѣди японцы не дальнозорки, а потому лѣсоистребленія не замѣтятъ. Но главнѣйшая причина моего знакомства съ городомъ Балашовымъ заключается въ прежнихъ дѣловыхъ моихъ касательствахъ къ нему, когда существовали уѣздные и земскіе суды и я, бывъ помѣщикомъ Балашовскаго уѣзда, ѣзжалъ въ городъ Балашовъ по разнымъ дѣламъ хозяйственнымъ. Въ Саратовскомъ-же уѣздѣ жила моя покойная сестрица, къ которой нѣкогда, наказанія, а пуще исправленія ради, я намѣревался отправить мою дочь, разсердившую меня легкомысленнымъ своимъ амурничаньемъ съ Молчалинымъ. Я тогда, въ бурномъ серчаніи, страшно потрясалъ кулаками и, указавъ на ея соблазнителя, нынѣ-же законнаго мужа Молчалина, прорычалъ:

„Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать...

Давно-давно это было, а тѣмъ не менѣе и я еще попрыгиваю, и Соня и Алеша нисколько не состарились. Иные въ водѣ не тонутъ, въ огнѣ не горятъ, а про насъ всякій вправѣ сказать: „ихъ-то и время не беретъ!“

Балашовъ, милый Балашовъ! Въ немъ, по обыкновенію, всегда было тихо, обыватели хранили миръ, тишину, спокойствіе, обожали свое начальство, и начальство любило ихъ, а посему и царила тамъ постоянно жизнь благодатная, патріархальная, и никакихъ происшествій безъ надобности не происходило. Немало подивлюсь, ежели — паче чаянія —обрѣту въ газетѣ что-нибудь о Балашовѣ, не свойственное ему, тишайшему изъ градовъ россійскихъ, впрочемъ, обрѣту, но не увѣрую въ обрѣтенное.

„Въ земскую управу поступаютъ заявленія земскихъ служащихъ о случаяхъ агитаціи противъ интеллигенціи темныхъ силъ. Агитація ведется отъ лица полиціи и духовенства и захватила цѣлый рядъ селъ: Красавку, Козловку, Котоврасъ, Самойловку, Свинуху и другіе. Земскіе служащіе ищутъ защиты у земства. Недавно въ земскую управу поступило отъ Свинушинскаго медицинскаго персонала коллективное заявленіе, что мѣстный священникъ Космодемьянскій въ рѣчахъ съ церковной каѳедры, касаясь мѣстнаго медицинскаго персонала, призываетъ населеніе „этихъ людей гнать изъ общества, какъ паршивую овцу". Подобныя рѣчи, произнесенныя въ разное время, вызвали крайне острое и враждебное отношеніе населенія къ интеллигентнымъ работникамъ вообще: къ учителямъ, врачамъ, фельдшерамъ и другимъ лицамъ, работающимъ на пользу народа.

„О дѣятельности о. Космодемьянскаго земская управа довела до свѣдѣнія Саратовскаго епископа и начальника губ.".

Напечатано въ № 119 „Нашей жизни" отъ 12 іюня сего года. Воздержусь отъ осужденія и ничего не замѣчу. Очевидно, хроникеръ сей газеты—брехунъ, а газета придерживается либеральнаго, т. е. наизловреднѣйшаго направленія. Поговорю о хроникерѣ и о газетѣ съ самимъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Скалозубомъ. Боюсь только, какъ-бы тотъ не сказалъ, по обыкновенію, какъ-бы не брякнулъ:

„Виноватъ,
Мы съ ними вмѣстѣ не служили!"

Въ томъ-же № той-же газеты читаю сообщеніе изъ Рижскаго уѣзда съ ехиднымъ замѣчаніемъ неблагонамѣреннаго хроникера:

„Имѣется здѣсь общество взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Лифляндской губерніи. Оно разослало опросный листъ, съ цѣлью „правдиваго выясненія вообще всего быта учащихъ и тѣхъ условій, въ которыхъ приходится имъ работать". Но провѣдало объ этомъ начальство и распорядилось...

„Принимая во вниманіе, что собираніемъ указанныхъ въ опросномъ листѣ свѣдѣній общество совершенно вышло изъ предѣловъ своего устава, что разрѣшенія на собираніе означенныхъ свѣдѣній оно не испрашивало и таковаго не получило, г. директоръ народныхъ училищъ Лифляндской губерніи поручилъ предложить учащимъ въ школахъ рижскаго района къ исполненію, что учебное начальство не разрѣшаетъ имъ сообщить названному выше обществу свѣдѣній объ училищахъ и о ходѣ преподаванія въ нихъ. Какъ видите, и тутъ давно извѣстное „не пущать".

Весьма недоволенъ я, Фамусовъ, таковымъ непотребнымъ и даже весьма зловреднымъ обществомъ. Если бы въ Лифляндской губерніи понимали, какъ понимаютъ во многихъ другихъ россійскихъ губерніяхъ, какой вредъ приноситъ грамотность низшимъ сословіямъ, не открывали-бы тамъ училищъ, а при отсутствіи послѣднихъ не было-бы и вышеупомянутыхъ соціалистическихъ обществъ, являющихся плевелоподобнымъ разсадникомъ всяческихъ неурядицъ въ настоящее время, когда должно быть возбранено думать о новшествахъ, ибо они въ самомъ, такъ-сказать, корнѣ, убиваютъ все старое, патріархальное, исконное. Дивлюся непомѣрной деликатности г. директора народныхъ училищъ Лифляндской губерніи. Онъ—изволите видѣть — входитъ въ переписку со своими подчиненными. По моему слѣдовало собрать ихъ всѣхъ въ одно мѣсто, выйти къ нимъ и, топнувъ ногами, крикнуть зычнымъ голосомъ: „не вольнодумствовать и ни о какихъ собираніяхъ свѣдѣній, касающихся школъ и личности учителей, ихъ образованія, имущественнаго

положенія, не думать! Сія статистика къ добру не ведетъ. А теперь можете отправляться"... Да, я-бы такъ и поступилъ; у меня-бы они памятовали, что уши выше лба не растутъ. Хоть-бы кто позначительнѣе, а то—учителя вздумали, вопреки желанію начальства, заниматься статистикою! На то есть полиція, которая отлично знаетъ всѣхъ и каждаго. Кстати, нѣсколько словъ о семъ вѣдомствѣ. Надняхъ я прочиталъ въ той-же газетѣ „Наша Жизнь" слѣдующее:

„Среди чиновниковъ департамента полиціи, получившихъ университетское образованіе, въ настоящее время обсуждается вопросъ о ходатайствѣ на счетъ повышенія имъ жалованья. Упомянутые чиновники съ университетскимъ образовательнымъ цензомъ предполагаютъ указать на то, что ихъ служебныя обязанности въ послѣднее время значительно усложнились и увеличились, требуя почти суточнаго труда, а оклады жалованья остаются весьма низкими: такъ, напримѣръ, нѣкоторые университетскіе чиновники получаютъ отъ 75 до 100 руб."

Это понимаю и одобряю, а потому стою за повышеніе окладовъ жалованья, предоставляя каждому чиновнику, по собственному соображенію и желанію, опредѣлить размѣръ повышеннаго оклада, такъ чтобы себѣ обидно не было, а о казнѣ заботиться нечего... Вотъ нашъ бывшій корейскій посланникъ, А. И. Павловъ, могъ бы служить поучительнымъ для всѣхъ примѣромъ безцеремоннаго отношенія къ казнѣ. Съ большимъ удовольствіемъ я прочиталъ о немъ въ газетѣ „Разсвѣтъ" сообщеніе изъ Парижа, подъ названіемъ „Шанхайскія письма", исходящее отъ г. Марка Михайлова. Въ № 93 названной газеты, отъ 12 іюня сего года, чернымъ по бѣлому напечатано:

„Только-что получилъ шанхайскую почту, и вотъ, что мнѣ пишутъ изъ Шанхая:

1) „Г-нъ Павловъ купилъ черезъ посредство еврея Циммермана (сибирскій дезертиръ) въ декабрѣ мѣсяцѣ слѣдующіе пароходы: „Henrik Ballkorpw", — построенъ въ 1869 г., вмѣстимостью въ 633 тоннъ,—стоилъ въ Сингапурѣ Циммерману 2.000 фун. стерл., а г. Павловъ уплатилъ этому Циммерману 11.000 фун. стерлинговъ.

2) Пароходъ „Lady Mitchell", — построенъ въ 1872 г., стоилъ 6.500 фун. ст., а уплачено (или показано) 17,000 фун. стерлинговъ.

3) Пароходъ „Monhen",—построенъ въ 1880 г.. въ 3.500 тоннъ, стоилъ въ Шанхаѣ на заводѣ „Farnham Boyd and C°". 17.000 фун. стер., а уплачено (или показано) 25.000 фун. стер.

И дальше въ такомъ же родѣ—4, 5, 6.

7) Было предложено ген. Десино (военный агентъ въ Шанхаѣ) пріобрѣсти пароходъ для отправки на встрѣчу ад. Рожественскому съ углемъ и матросами, въ 3.305 тоннъ дѣлающій 11 — 12 узловъ въ часъ за 16.000 фун. ст. Отказались, а подослали еврея Ronget, который купилъ вышеназванный пароходъ за 16.000 ф. ст., показали же въ счетъ 18.000 фун. ст.

11) Было предложено купить американскіе копченые окороки по 46 центовъ фунтъ; отказали, а купили черезъ посредство Шпицеля по 85 центовъ фунтъ, и китайскіе окороки по 70 цен. фунт.

13) Пріобрѣтено черезъ посредство Циммермана 63,000 паръ сапогъ для Портъ-Артура по 13 долларовъ пара: настоящая цѣна этимъ сапогамъ въ Шанхаѣ 3 — 4 дол. пара. Изъ всей партіи попали въ въ Портъ-Артуръ только 7,000 паръ, а остальные гдѣ-то...

14) Циммерманъ заготовлялъ и отправлялъ солонину въ цементныхъ банкахъ. Вмѣсто отправленныхъ имъ же медикаментовъ оказались камни въ ящикахъ.

15) Изъ всѣхъ поставокъ для Портъ - Артура Циммерманомъ 9/10 были фиктивныя, а 1/10 дѣйствительныя.

16) Циммерманъ, комиссіонеръ Павлова, уже заработалъ слишкомъ одинъ милліонъ ланъ, что значитъ по курсу около 1.300,000 руб.

17) Къ Пасхѣ выдали больнымъ раненымъ солдатикамъ гнилые китайскіе окорока для разговѣнья. Солдаты отказались ихъ кушать и повыбрасывали китайцамъ...

18) Всѣхъ публичныхъ женщинъ изъ Портъ-Артура отправили на родину 1-мъ классомъ, съ пособіемъ по 800 руб. на человѣка; а порядочныхъ женщинъ-тружениць отправили въ 3-мъ и 4-мъ клас. и выдали имъ пособія по 25—50 р. на душу.

Бѣдная, унижаемая шайкой спекуляторовъ святая Русь!

Такія дѣла вопіютъ о разслѣдованіи и о правосудіи.

Парижъ. *Маркъ-Михайловъ.*

Излагающій, несомнѣнно, факты, несомнѣнно—подтвержденные документами, мало того, что озорникъ, онъ еще и либералистъ, ибо возмущается поведеніемъ столь сановной особы, какъ А. И. Павловъ. Ежели послѣдній имѣлъ большія полномочія, а главное—казенныя деньги, то могъ-ли дѣйствовать иначе? Вѣдь большому кораблю — большое и плаваніе. Онъ покупалъ пароходы для Россіи, какъ русскій человѣкъ, и дѣйствовалъ по своему патріотическому усмотрѣнію. Допуская переплаты, онъ въ глазахъ тѣхъ, кому надлежало сіе вѣдать, лишь повышалъ качественность покупокъ и весьма основательно, стало быть, не подчеркивалъ существенныхъ разницъ между платою въ 2000 фунтовъ стерлинговъ и 11.000, между 6.500 и 17,000 между 17.000 и 25.000 и т. д.

Неумолимый обличитель А. И. Павлова, ради пущаго посрамленія его, столь заслуженнаго и почтеннаго, не постыдился придраться къ такимъ, напримѣръ, мелочамъ, какъ пріобрѣтеніе „63.000 паръ сапогъ для Портъ-Артура по 13 долларовъ пара". Онъ пишетъ: настоящая цѣна этимъ сапогамъ въ Шанхаѣ 3 — 4 доллара пара. Положимъ, разница замѣтная. Ежели американскій долларъ=1 р. 94,54 к., то пара портъ-артурскихъ сапогъ обошлась въ 13 слишкомъ рублей, тогда какъ шанхайскіе стоили не болѣе четырехъ пяти съ чѣмъ-нибудь цѣлковыхъ. Но, господа, Портъ-Артуръ, все конечно, не Шанхай, а Шанхай, надо сказать, не Портъ-Артуръ; къ тому-жъ не праздно говорится: „За моремъ телушка полушка, да рубль перевоза". Кажется, вполнѣ убѣдительно? На слова: „изъ всей партіи попали въ Портъ-Артуръ только 7.000 паръ, а остальные гдѣ-то"... и отвѣчать-бы не стоило, ежели-бы цифра 63.000 не разнствовала біюще въ глаза отъ 7.000 паръ. Однако-же вспомнимъ отвѣтъ нѣкоего ассирійскаго полководца ассирійскому-же царю на вопросъ послѣдняго: „было у тебя, полководецъ, при началѣ битвы сто легіоновъ воиновъ, а осталось изъ нихъ всего пять". Полководецъ и отвѣчаетъ: добро, что и пять осталось". Такъ и тутъ. Семь тысячъ паръ. Ежели считать по одному сапогу на ногу, то по моему счету на четырнадцать тысячъ ногъ хватило.

Далѣе: „Циммерманъ изготовилъ и отправлялъ солонину въ цементныхъ банкахъ. Вмѣсто отправленныхъ имъ-же медикаментовъ оказались камни въ ящикахъ". И это вполнѣ объяснимо. Г-нъ Циммерманъ, по ошибкѣ, могъ и не то сдѣлать. Время горячее, дѣло спѣшное.

Читаю и недоумѣваю: гдѣ-же предѣлы неблагоразумія у нашихъ газетныхъ обличителей изъ либералистовъ?

„Къ Пасхѣ выдали больнымъ раненымъ солдатикамъ гнилые китайскіе окорока для разговѣнья. Солдаты отказались ихъ кушать и повыбрасывали китайцамъ".

Хе-хе-хе, отказались кушать. Скажите, пожалуйста, при такой-то бѣдности да этакія нѣжности! Развѣ солдаты кушаютъ, они жрутъ! Наскочили-бы они на Сергѣя Сергѣе-

вича Скалозуба, онъ показалъ-бы имъ, какъ браковать купленные самимъ начальствомъ окорока и выбрасывать ихъ желторожимъ нехристямъ, которые, однако-же, слопали!

Читаю и улыбаюсь. Самое невинное г. Маркъ Михайловъ обращаетъ въ наипреступное, а между тѣмъ— пустяки:

„Всѣхъ публичныхъ женщинъ изъ Портъ-Артура отправили на родину 1-мъ классомъ, съ пособіемъ по 800 р. на человѣка, а порядочныхъ женщинъ-тружениц отправили въ 3-мъ и 4-мъ клас. и выдали имъ пособія по 25—50 руб. на душу".

Вопросъ, можно сказать, весьма и весьма щекотливый. Публичныя женщины, кажется, и на театрѣ войны имѣютъ права гражданства: стало-быть, онѣ могли находиться и въ Портъ-Артурѣ. Природа требуетъ свое, и недаромъ поется въ одной опереткѣ:

„Безъ женщины мужчина,
Какъ безъ паровъ машина:
Безъ клапана кларнетъ,
Какъ безъ прицѣла пистолетъ".

Цифровыя сопоставленія г. Марка Михайлова и тутъ не выдерживаютъ критики. Каждая публичная женщина получила 800 руб. на проѣздъ, а порядочная женщина-труженица только 25—50 рублей. Но, во-первыхъ, послѣдняя не выполняла того, что́ неукоснительно совершала первая, а посему и получила меньше; во-вторыхъ, допустимъ, при всемъ желаніи А. И. Павлова уравнять её въ проѣздной, путевой суммѣ съ публичною женщиною, порядочную не уравняли, хотя-бы и потому, что публичныя-то женщины выѣхали изъ Портъ-Артура гораздо ранѣе, и не предвидѣвшій внезапнаго отъѣзда порядочныхъ женщинъ, А. И. Павловъ, изъ трогательнаго лишь сердоболія, позволилъ себѣ сдѣлать, такъ сказать, гуманный перерасходъ и остался, въ концѣ концовъ, съ суммою крайне мизерною, недостаточной въ уравнительномъ смыслѣ. Понятно мнѣ и то—почему онъ посадилъ публичныхъ въ вагоны 1 класса, а порядочныхъ въ вагоны 3 и даже четвертаго. Порядочная публика мужского пола предпочитаетъ 1 классъ въ поѣздахъ и въ 1 классѣ—не порядочныхъ, скажемъ, публичныхъ женщинъ; а на А. И. Павловѣ, кромѣ всѣхъ заботъ, лежала, вѣроятно, и забота о порядочной публикѣ. Онъ могъ это сдѣлать и по такому соображенію: мужского пола порядочная публика въ 3 классъ не пойдетъ, а ежели пустить къ ней въ 1 классъ порядочныхъ женщинъ, то невольно возникаетъ вопросъ объ оскорбленіи благонравія, коли мужчины станутъ приставать къ женщинамъ, и о подрывѣ нравственности, коли женщины не устоятъ, какъ не устоялъ Портъ-Артуръ предъ натискомъ японцевъ.

Негодованіе г. Марка Михайлова мнѣ кажется забавнымъ и смѣшнымъ, ибо А. И. Павловъ потрудился на Дальнемъ Востокѣ не безъ пользы и для другихъ, что признаетъ, между прочимъ, и самъ г. Маркъ Михайловъ. Вотъ его подлинныя слова:

„Циммерманъ, комиссіонеръ Павлова, уже заработалъ слишкомъ одинъ милліонъ ланъ, что значитъ по курсу около 1.300.000 руб.

Ну, и прекрасно. Ежели А. И. Павловъ, допустимъ, и погрѣшилъ въ чемъ-нибудь, такъ вѣдь изстари говорится: „единъ Богъ безъ грѣха". Наконецъ, и то еще: „не суди да не судимъ будеши". Мы не Государственный Контроль, да и сіе почтенное учрежденіе ничего съ лихоимцами, взяточниками, ворами, казнокрадами не подѣлаетъ, ежели у него руки коротки.

О-о-хо-хо, всё обличители, всё обличенія! И зачѣмъ обличать, коли встарь и поумнѣе насъ люди жили-были да на многое рукою махали? Ибо всѣ мы смертны и „рѣка временъ въ своемъ теченьи уноситъ всѣ дѣла людей"...

Фамусовъ.

Книги для народа.

1. Народное представительство. *Ф. Мускатблита.* Ц. 7 коп. Одесса (Изд. Распопова). 2. Всеобщее избирательное право на западѣ. *В. Водовозова.* Ц. 8 коп. 3. Гарантіи личной свободы въ Англіи. *А. Горбунова.* Ц. 15 коп. 4. Бюджетный вопросъ въ государствахъ съ представительнымъ правленіемъ. *Ѳ. Кокошкина* (Изд. „Донской Рѣчи"). Ц. 10 коп. 5. Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Проф. Ю. Гамбарова. (Изд. Г. Львовича). Ц. 20 коп. 6. Краткій очеркъ современныхъ конституцій. *Л. Ольстона.* (Изд. „Русской Мысли"). Ц. 40 коп. 7. О значеніи политической экономіи для каждаго. *Проф. Ц. Зомбарта.* (Изд. Иванова, въ Кіевѣ). Ц. 15 коп. 8. Развитіе государственнаго строя на западѣ. *К. Каутскаго.* (Изд. Львовича). Ц. 15 коп. 9. Народовластіе въ древней Руси. *В. Алексѣева.* Ц. 20 коп. 10. Земскіе соборы древней Руси. *Его же.* Ц. 20 коп. (Изд. „Донской Рѣчи"). 11. Какъ болгары добыли себѣ свободу. *С. Русовой.* Ц. 6 коп. 12. Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи. Ц. 10 коп. (Изданія „Донской Рѣчи"). 13. Итоги 48-го года. Ц. 30 коп. (Изд. „Молота", С.-П.Б.). 14. Японская конституція. Ц. 10 коп. 15. Конституція германской Имперіи. Ц. 10 коп. 16. На счастливыхъ островахъ (Н. Зеландія). *С. Русовой.* Ц. 6 коп.

Настоящее время, полное страстныхъ ожиданій и надеждъ, породило новый видъ народной литературы—книги по государственному праву и др. политико-экономическимъ наукамъ. Русская публика, особенно широкіе ея слои, до послѣдняго времени, въ силу нѣкоторыхъ „независящихъ" обстоятельствъ, была лишена возможности познакомиться съ основными формами государственной жизни, выработанными на западѣ, и даже о своей, родной старинѣ имѣла въ этомъ отношенія весьма слабое понятіе. Отъ этого происходили и происходятъ постоянныя недоразумѣнія. Такъ, основными, коренными началами русской государственной жизни до сихъ поръ привыкли считать начала, выработанныя въ московскій періодъ исторіи Руси. Эти начала считаются „вѣковѣчными", „исконными", даже „прирожденными русскому народу", какъ выражаются гг. „охранители", совершенно упуская изъ виду, что именно на Руси-то, въ противоположность западу съ его феодализмомъ, „исконными" началами государственной жизни были другія начала,—начала народовластія въ прямомъ смыслѣ этого слова. И эти начала царили во весь удѣльный періодъ Русской исторіи, исчезнувъ лишь во времена Московскихъ князей и царей. Народовластіе практиковалось на Руси тогда, когда на западѣ еще и помину не было о „великой хартіи вольностей". Этого не слѣдуетъ забывать. Конечно, теперь жизнь такъ уже далеко ушла отъ идеаловъ XII—XIV вв., что нельзя мечтать о возстановленіи прежнихъ формъ народовластія. Высочайшій манифестъ 18-го февр. намѣчаетъ другія формы его—именно народное представительство, которое должно оказать поддержку Верховной власти. Но именно потому-то и полезно вспомнить родную старину, чтобы доказать противникамъ идеи народовластія, что эта форма государственнаго управленія не только не чужда русскому народу, а, напротивъ, близко родственна ему, что Высочайшій указъ 18-го февр. предначертываетъ возстановленіе,—

конечно, въ измѣненной формѣ, согласно съ современными условіями жизни,—настоящихъ, именно „исконныхъ“ началъ русской государственной жизни. И каждый порядочный человѣкъ, истинный патріотъ, болѣющій о своемъ народѣ, долженъ только радоваться, что Высочайшія предначертанія Указа вполнѣ согласуются съ стремленіями представителей Россіи, выраженными въ многочисленныхъ Всеподданнѣйшихъ адресахъ, петиціяхъ, резолюціяхъ Союзовъ и пр. Устами Монарха Верховная Власть идетъ на встрѣчу этимъ желаніямъ, хотя бы, какъ сказано въ Указѣ, „проектируемыя нововведенія и потребовали измѣненія существующихъ законоположеній“. Но, знакомясь съ родной стариной, многими уже совершенно забытой, русскій читатель долженъ, понятно, познакомиться и съ современнымъ положеніемъ дѣлъ на Западѣ, чтобы, видя на опытѣ Запада благодѣтельность тѣхъ или иныхъ началъ государственной жизни, знать, чего ему слѣдуетъ желать, что взять у запада и что отбросить. Знаніе этого является прямою необходимостью въ виду скораго собранія „свободно избранныхъ“, согласно указу 18 февр., представителей народа. Верховная Власть желаетъ знать волю народа, — и его представители должны явиться достойными этого довѣрія.

Въ виду этой цѣли мы и рекомендуемъ интересующимся указанныя брошюрки, расположивъ ихъ въ томъ порядкѣ, какого желательно бы, по нашему мнѣнію, придерживаться при чтеніи.

Брошюрка № 1 (*„Народное представительство“ Ф. Мускатблита*), ясно и толково составленная, выясняетъ необходимость введенія у насъ *избирательнаго права—всеобщаго* (въ смыслѣ предоставленія его въ пользованіе наибольшаго круга лицъ), *прямаго* (въ смыслѣ избранія населеніемъ непосредственно депутатовъ), *тайнаго* (для обезпеченія такъ или иначе зависимаго избирателя отъ посторонняго давленія) и *равнаго* (для того, чтобы интересы избирателей были представлены равномѣрно). Затѣмъ, здѣсь указывается, какъ производить выборы, какъ составляются палаты представителей (1 и 2—камерная системы), наконецъ, дается понятіе о политическихъ партіяхъ, а для примѣра прилагается программа социал.-демократической партіи въ Германіи.

Программа ея состоитъ изъ 3 частей: I. *Цѣль*: созданіе свободнаго народнаго государства. II. *Основной взглядъ* партія держится того мнѣнія, что увеличеніе числа заводовъ, фабрикъ и другихъ промышленныхъ заведеній ведетъ къ гибели мелкихъ производствъ и, слѣд., къ обѣднѣнію ихъ представителей. Это способствуетъ сосредоточенію крупныхъ средствъ въ рукахъ капиталистовъ и увеличиваетъ такимъ образомъ пропасть между имущими и неимущими. Какъ помочь дѣлу? — такъ какъ, — говоритъ партія, — единственный источникъ всякаго богатства есть трудъ, то мы стоимъ за превращеніе его въ обязательный для всѣхъ и за переходъ орудій труда (машинъ и т. п.) отъ отдѣльныхъ владѣльцевъ въ собственность всего общества.

III. *Практическая часть* разбивается на:

I. Условія охраны интересовъ всего населенія страны.

а) всеобщее, прямое, тайное и равное избирательное право для всѣхъ граждан, достигшихъ 21 года, безъ различія пола. Жалованье народнымъ представителямъ, пропорціональное представительство, а до введенія его—перераспредѣленіе избирательныхъ округовъ послѣ каждой народной переписи. Производство выборовъ въ праздничные дни (для того, чтобы и бѣдняки, дорожащіе рабочимъ часомъ, могли принимать участіе).

б) Непосредственное участіе населенія въ законодательствѣ (референдумъ). Избраніе властей населеніемъ. Отвѣтственность властей. Уничтоженіе всякихъ преимуществъ: классовыхъ, имущественныхъ, связанныхъ съ происхожденіемъ или съ религіей.

в) Воспитаніе всѣхъ гражданъ въ воинской службѣ и замѣна постоянной арміи народнымъ ополченіемъ. Рѣшенія всѣхъ международныхъ споровъ третейскимъ судамъ.

г) Отмѣна всѣхъ законовъ, ограничивающихъ свободу печати и выраженія мнѣній, союзовъ и собраній.

д) Уравненіе женщинъ въ правахъ съ мужчинами.

е) Обязательное, свѣтское, безплатное обученіе.

ж) Безплатный судъ съ присяжными и устнымъ судопроизводствомъ.

з) Безплатная врачебная помощь и лекарства.

и) Отмѣна косвенныхъ налоговъ (на предметы потребленія).

2) Условія охраны интересовъ спеціально трудящихся массъ.

а) Установленіе 8 час. рабочаго дня, запрещеніе работы малолѣтнимъ, не достигшимъ 14 лѣтъ, и ночной работы, за исключеніемъ случаевъ, когда она оправдывается соображеніями общественнаго блага или необходима по техническимъ условіямъ; непрерывный, 36 час. отдыхъ въ недѣлю.

б) Надзоръ за всѣми промышленными предпріятіями, изслѣдованіе и упорядоченіе условій труда въ городѣ и деревнѣ, посредствомъ палаты труда, окружныхъ палатъ и камеръ.

в) Уравненіе сельскихъ рабочихъ и прислуги въ правахъ съ работниками въ промышленности.

г) Обезпеченіе права союзовъ.

д) Сосредоточеніе въ вѣдѣніи государства всего страхованія рабочихъ и участіе ихъ въ управленіи этою отраслью.

Кое что изъ этой широкой програмы, особенно по части рабочаго законодательства, подъ вліяніемъ дѣятельности рабочей партіи въ Германіи, уже достигнуто. Осуществлена и „отмѣна всѣхъ законовъ, ограничивающихъ свободу печати и выраженія мнѣній, союзовъ и собраній", безъ чего немыслимо никакое народное представительство. Но многое еще остается въ области мечтаній, хотя въ другихъ странахъ, напр., въ Америкѣ, уже давно практикуется, напр., милиція вмѣсто постояннаго войска, всеобщее обученіе и пр.

Согласно Уставу членомъ рабочей партіи можетъ быть каждый, признающій и поддерживающій ея программу. Во главѣ партіи стоитъ Правленіе изъ 14 лицъ. Оно завѣдуетъ ея дѣлами и даетъ отчетъ ежегодно созываемому Съѣзду членовъ партіи. Партія располагаетъ 63 газетами, изъ которыхъ главная, „Впередъ", имѣетъ собственные книжные магазины, школы, театръ и множество клубовъ.

Книжка № 2 (*„Всеобщ. избир. право на Западѣ"*) также въ общедоступной формѣ знакомитъ читателя, какъ пользуются въ Западной Европѣ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, кто является избирателемъ, какъ избираютъ и пр.

Непосредственно всенароднымъ собраніемъ обсуждаются законы и выбираются должностныя лица въ настоящее время лишь въ 4 кантонахъ Швейцарскаго Союза (Ури, Гларусѣ, Аппенцелѣ и Унтервальденѣ), которые по численности населенія и пространству не превосходятъ нашу волость. Во всѣхъ остальныхъ государствахъ Зап. Европы и Америки, не исключая другихъ Швейцарскихъ кантоновъ и всего Швейцарскаго Союза въ цѣломъ, вмѣсто непосредственнаго Народнаго Собранія явилось собраніе представителей народа, выборныхъ отъ населенія.

При этомъ раньше практиковалось представительство собственно сословій, сохранившееся теперь въ нѣкоторыхъ верхнихъ палатахъ западно-европейскихъ парламентовъ (напр., въ англійской палатѣ лордовъ), но, видимо, оно доживаетъ послѣдніе дни, уступая мѣсто всеобщей подачѣ голосовъ.

Такъ, эта система принята въ Соедин. Штатахъ и др. государствахъ Америки, въ Швейцаріи, во Франціи, Норвегіи, Испаніи; германскій парламентъ (рейхстагъ) тоже выбирается на основѣ всеобщаго избирательнаго права; парламенты же (ландтаги) большинства отдѣльныхъ государствъ Германіи донынѣ строятся на основѣ имущественнаго ценза. Въ Бельгіи конституція даетъ право голоса всѣмъ гражданамъ, достигшимъ 25-лѣтняго возраста; но собственникамъ недвижимаго имущества или опредѣленныхъ сбереженій въ сберегат. кассахъ даетъ 2 голоса, а нѣкоторымъ—даже 3 голоса. На имущественномъ цензѣ построено избирательное право Пруссіи, Англіи, Венгріи и Австріи.

Теперь все больше слышится голосовъ въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права, дѣлая, конечно, исключеніе для дѣтей, сумасшедшихъ и лицъ, совершившихъ уголовное преступленіе и лишенныхъ за него гражданскихъ правъ. Противники всеобщаго избирательнаго права указываютъ, что вообще прежде его примѣненія необходимо доразвить всѣхъ гражданъ государства до пониманія его задачъ. Но исторія напоминаетъ на это объ аналогичномъ заявленіи противниковъ освобожденія рабовъ въ Америкѣ: „Нужно сначала дать рабамъ развитіе, иначе они не съумѣютъ воспользоваться благами свободы". Между тѣмъ, когда освободили рабовъ, дѣйствительность доказала, что они прекрасно поняли значеніе политической и

гражданской свободы и сумѣли воспользоваться ею. Всегда и вездѣ, гдѣ право голоса давалось народнымъ массамъ, онѣ быстро развивались до сознанія общности своихъ интересовъ и умѣли пользоваться своимъ правомъ голоса не хуже аристократіи или буржуазіи. Если же к. н. дикари и не съумѣли бы воспользоваться, то при милліонахъ избирателей отъ этого дѣло, въ сущности, не можетъ измѣняться.

Труднѣе рѣшить вопросъ о возрастѣ избирателей. Въ различныхъ государствахъ этотъ возрастъ считаютъ различно, отъ 21 до 25 г. И тутъ въ послѣднее время замѣчается стремленіе понизить требуемую возрастную норму, такъ какъ въ молодые годы человѣкъ больше руководится общественными стремленіями, чѣмъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. когда заботы о жизненныхъ удобствахъ заставляютъ его скорѣе поддаваться разнымъ соблазнамъ.

Затѣмъ, спорятъ еще о томъ, распространять ли право избранія на женщинъ, какъ это сдѣлано въ Новой Зеландіи, напр., на чиновниковъ и военныхъ, какъ людей зависимыхъ и пр. За то почти вездѣ передовыя партіи пришли къ убѣжденію въ пользѣ и необходимости тайнаго, равнаго и прямого избранія,—прямого, а не двухъ или трехъстепеннаго, когда граждане не прямо избираютъ депутатовъ, а сначала выборщиковъ, которые уже отъ себя и указываютъ депутатовъ. Польза такого способа доказывается уже тѣмъ, что гораздо труднѣе подѣйствовать на 10.000 выборщиковъ, нежели на нѣсколько десятковъ ихъ, какъ это бываетъ при двухстепенныхъ выборахъ.

Книжка № 3 („Гарантіи личной свободы въ Англіи") посвящена изложенію тѣхъ замѣчательныхъ памятниковъ англійскаго законодательства, т. е. Великой Хартіи вольностей, Петиціи права и акта Habeas corpus, которые охраняютъ отъ произвола личную свободу не только англійскаго гражданина, но и всякаго лица, находящагося подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ.

Согласно этимъ законамъ, всякій арестованный, кѣмъ бы и по какому поводу онъ ни былъ арестованъ, долженъ быть немедленно и, во всякомъ случаѣ, не позже 24 часовъ отведенъ къ тому или другому представителю судебной власти. Въ крайнемъ случаѣ, когда арестъ произведенъ не по приказу, и когда задержанный не можетъ быть представленъ въ судъ въ теченіе 24 часовъ, инспекторъ полицейскаго участка долженъ разслѣдовать дѣло и, если поводомъ къ задержанію послужилъ проступокъ, если личность задержаннаго удостовѣрена, и нѣтъ основаній предполагать, что онъ скроется, то инспекторъ обязанъ отпустить его на свободу, взявъ съ него достаточное обезпеченіе въ томъ, что онъ явится въ судъ. Въ случаѣ нарушенія упомянутыхъ условій, виновные органы полиціи могутъ подвергнуться уголовной отвѣтственности за противозаконное лишеніе свободы; серьезная отвѣтственность грозитъ имъ также и за суровое обхожденіе съ задержаннымъ.

Такимъ образомъ всякій задержанный долженъ быть по возможности немедленно препровожденъ къ судьѣ, или къ тому самому, который выдалъ приказъ объ арестѣ, или же, въ случаѣ ареста безъ предписанія, къ тому судьѣ, которому подсудно возникшее дѣло. Въ послѣднемъ случаѣ судья немедленно,—конечно, если это допускаетъ время и простота дѣла,—приступаетъ къ разбирательству и, соотвѣтственно съ обнаружившимися данными, или отпускаетъ на свободу задержаннаго или же приговариваетъ его къ соотвѣтствующему наказанію.

Если же дѣло неподсудно судьѣ или не можетъ быть рѣшено въ одномъ засѣданіи, судья приступаетъ къ такъ называемому предварительному слѣдствію (examination) съ цѣлью выяснить, главнымъ образомъ, слѣдуетъ ли задержанное лицо предать суду, и если да, то какую мѣру примѣнить къ нему, чтобы обезпечить его явку въ ту судебную инстанцію, которой подсудно возникшее дѣло. Слѣдствіе происходитъ обыкновенно публично и начинается съ допроса свидѣтелей, сперва со стороны обвинителя, затѣмъ со стороны обвиняемаго. Этому послѣднему или его защитнику предоставляется право предлагать перекрестные вопросы каждому изъ свидѣтелей. Послѣ опроса послѣднихъ судья предлагаетъ обвиняемому сказать что-нибудь въ отвѣтъ на взводимое противъ него обвиненіе, предупреждая, что онъ можетъ и ничего не говорить, но, что, если что нибудь скажетъ, то это будетъ занесено въ протоколъ и можетъ быть употреблено противъ него во время разбирательства дѣла въ уголовномъ судѣ. Добиваться отъ обви-

няемаго сознанія или даже отвѣта на какіе либо вопросы судья не имѣетъ права.

На основаніи выяснившихся данныхъ судья постановляетъ рѣшеніе или о прекращеніи дѣла и освобожденіи арестованнаго, если обвиненіе оказалось несостоятельнымъ, или о преданіи его уголовному суду. Въ послѣднемъ случаѣ обвиняемый отводится въ особое помѣщеніе, установленное для предварительнаго заключенія, или же освобождается подъ извѣстнымъ обезпеченіемъ или поручительствомъ.

Ревниво оберегая свободу гражданъ отъ посягательства на нее со стороны кого бы то ни было, англійскіе законы не допускаютъ никакого исключенія, если будетъ доказана виновность въ этомъ отношеніи к. н. члена администраціи. Бывали случаи, что министры платились штрафомъ въ 40 тыс. рублей за одинъ незаконно изданный приказъ объ арестѣ.

Нужно думать, послѣ такого штрафа они будутъ впередъ осмотрительнѣе.

Познакомившись съ тремя вышеуказанными книжками и узнавъ такимъ образомъ основы народнаго представительства, какъ онѣ выработаны современною наукою на Западѣ, читатель долженъ затѣмъ усвоить себѣ положеніе вопроса о контролѣ народныхъ представителей надъ приходомъ и расходомъ государственныхъ суммъ (см. кн. № 4). Потомъ ему полезно будетъ прочесть трудъ проф. Гамбарова (№ 5) и Л. Ольстона (№ 6), наконецъ, книжки № 7 и № 8.

Книжки отъ № 9 до № 13 имѣютъ болѣе историческій интересъ, но также являются не безполезными по настоящему времени.

Еще менѣе отношенія къ современности имѣетъ книжка Русовой (№ 16).

Что касается книжекъ 14 и 15, особенно первой („Японская конституція"), то онѣ интересны для неспеціалиста развѣ только въ качествѣ примѣра *добровольно* данной конституціи, а именно и такова японская конституція, согласно которой Парламентъ имѣетъ скорѣе совѣщательный, нежели рѣшающій голосъ. Достаточно указать, что отъ него отнято одно изъ самыхъ существенныхъ правъ, право контроля надъ государственнымъ бюджетомъ. § 67 этой конституціи гласитъ: „Расходы, уже установленные на основаніи правъ императора, принадлежащихъ ему по конституціи, или расходы, вызванные постановленіями закона, а также расходы, вызываемые законными обязанностями правительства, не могутъ быть отклонены или измѣнены Законодательнымъ Собраніемъ безъ участія Правительства". Возможность совершеннымъ отклоненіемъ бюджета, какъ это практикуется въ другихъ странахъ, оказать давленіе на правительство и заставить его этимъ измѣнить существующіе расходы, предусмотрительно предупреждается § 71, гласящимъ: „Если законодательное собраніе не вотировало (утвердило) государственнаго бюджета, или, если бюджетъ не былъ выработанъ, то правительство руководствуется бюджетомъ предшествующаго года". Подобнаго правила нѣтъ даже въ Германской конституціи или Прусской. Тамъ, если бюджетъ къ 1 апрѣля не установленъ, то правительство *обязано* испросить утвержденія сдѣланныхъ послѣ 1 апр. расходовъ.

Вообще Японская конституція, какъ добровольно данная, значительно сокращаетъ права народныхъ представителей. Въ этомъ отношеніи она не даромъ списана съ нѣмецкой и представляетъ прямую противоположность Англійской конституціи, по которой Англійскій король, какъ говорятъ, „царствуетъ, но не управляетъ".

Ф. Г.

Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки Александры Ефименко. Изданіе Общества имени Т. Г. Шевченка. Т. 1 и 2. Спб. 1905 г.

Исторія и *соціальная физіономія* Южной Руси—это настоящая хитросплетенная пестрядь, гдѣ наслаивались разноплеменныя и разновѣрныя взаимоотношенія; гдѣ перемѣшивались подчасъ многообразнѣйшія политическія и экономическія формы; гдѣ изживался въ сравнительно короткое время цѣлый рядъ и высшихъ, и низшихъ культурныхъ ступеней. Тѣмъ не менѣе— именно для изученія этой-то, какъ бы хаотической области приложила свои силы г-жа Ефименко и нашла такимъ трудамъ, какъ извѣстно, лестную оцѣнку. Работая на сложныя и, пожалуй, щекотливыя темы, наша писательница держалась многосторонняго соціологическаго освѣщенія явленій, присма-

триваясь къ ихъ внутреннему, экономическому и бытовому содержанію; стремилась къ широтѣ воззрѣній, къ возможному безпристрастію и сторожливости въ оцѣнкахъ, къ документальной обоснованности выводовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно обнаруживала неостывающій гуманизмъ. Въ вышеприведенныхъ томахъ собраны главнымъ образомъ статьи, уже печатавшіяся въ „Кіевской Старинѣ“; „Вѣстникѣ Европы“; „Русской Мысли“; „Словѣ“; „Недѣлѣ“; „Журналѣ для всѣхъ“ и другихъ журналахъ.

1 томъ начинается самыми обширными въ сборникѣ „Очерками исторіи правобережной Украйны“. Въ нихъ, можетъ быть, болѣе, нежели гдѣ-либо въ изложеніяхъ г-жи Ефименко — чисто былевого элемента, общихъ внѣшнихъ характеристикъ и схемъ, связующихъ разнообразный фактическій матеріалъ; но тутъ-же авторъ, видимо, богато вооруженный многосторонними свѣдѣніями, и особливо заинтересовываетъ читателя Южною Русью, словно раскрывая міръ, полный драматизма и соціологической поучительности.

Статьи „Малорусское дворянство и его судьба“, „Южнорусскія братства“ дополняютъ предшествующія картины и обобщенія автора.

Очерки: „Копные суды въ лѣвобережной Украйнѣ“, „Народный Судъ въ Западной Руси“, „Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси“ затрагиваютъ въ высшей степени любопытные вопросы — эволюціи общественныхъ союзовъ.

Г-жа Ефименко считаетъ своимъ долгомъ исходить, въ толкованіяхъ старины, изъ строго провѣренныхъ данныхъ, умѣя въ то же время оживлять сухія архаическія записи и цифры. Во взглядахъ своихъ на исторію народной общины наша писательница остается при особыхъ мнѣніяхъ противъ всякихъ авторитетовъ, если находитъ тѣ или другія предположенія недостаточно доказанными.

Приглядываясь къ долгому процессу видоизмѣненія землепользованія и землевладѣнія, разныхъ юридическихъ нормъ у народа, г-жа Ефименко какъ бы требуетъ точнаго опредѣленія и всякихъ переходныхъ формъ, не довольствуясь подгонкой общепринятыхъ терминовъ.

Во второмъ томѣ „Южной Руси“ прежде всего помѣщены статьи: „Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII вѣка“. „Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками“. Сюжеты очень деликатные. Представляемъ легко: иная *сторона* сыщетъ и тутъ проблески симпатій и антипатій, что-ли. Но никто не въ правѣ отрицать въ авторѣ — искренняго и широкаго демократизма. Съ большимъ, живымъ вниманіемъ, конечно, прочтется всѣми „Турбаевская катастрофа“. Она написана какъ будто сейчасъ, о сегодняшнемъ. Это — безпорядки въ 1789 г., поднятые недавними „казаками“, а затѣмъ „мужиками“ въ Полтавской губерніи, въ богатѣйшихъ имѣніяхъ Базилевскихъ. Авторъ повѣствуетъ съ какою-то нарочитою, усиленною объективностью. Но и читатель, только-что знакомящійся съ этими страницами и не чуждый, разумѣется, нашей текущей современности, заполучитъ отъ статьи впечатлѣнія въ полную мѣру.

Предложенъ во второмъ томѣ и обстоятельный очеркъ „Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ“. Вполнѣ по сезону и въ данную минуту статьи: „Малорусскій языкъ въ народной школѣ“, „По поводу украинофильства“. Очень полезно многимъ выслушать знатока Украины — автора, который заявляетъ: „Я не украинофилъ и для украинофильства лицо совершенно постороннее“. Занялась г-жа Ефименко въ этомъ томѣ и малороссійской „интеллигенціей“. Здѣсь даны статьи: „Философъ изъ народа“, „Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя“. Не грѣхъ и всѣмъ вообще русскимъ людямъ имѣть нѣкоторое понятіе о талантливомъ сородичѣ. Въ очеркѣ „Котляревскій въ исторической обстановкѣ“ авторъ развиваетъ мысль, что создателю „Наталки-Полтавки“ надо было и внѣшнему міру показать, какія сокровища общечеловѣческаго значенія укрываются въ малорусской народности: богатый и гибкій языкъ, своеобразныя бытовыя формы, несравненная поэзія пѣсеннаго творчества“. Слѣдующая глава книги — „Памяти Т. Г. Шевченка“. Не столько убѣдительна, сколько любопытна иногда своими остроумными сопоставленіями; статья „Украинскій элементъ въ творчествѣ Гоголя“. Отмѣтимъ, наконецъ, что „изданіе сочиненій г-жи А. Я. Ефименко предпринято“ вышеназваннымъ обществомъ „для увеличенія фонда на устройство общежитія и столовой для южно-русской учащейся молодежи“.

А. Налимовъ.

Французскій крестьянинъ до революціи и въ настоящее время (Travals in France 1786—89 edited by Miss Betham-Edvards).

Наканунѣ революціи извѣстный англичанинъ Артуръ Юнгъ посѣтилъ Францію, и результатомъ его путешествія вышла очень интересная книга, гдѣ онъ яркими красками описалъ низкое состояніе сельскаго хозяйства во Франціи и отчаянное положеніе французскаго крестьянина, жившаго подъ тяжестью непосильнаго труда, подъ тяжестью страшныхъ поборовъ въ пользу феодальныхъ классовъ.

Книга Артура Юнга представляетъ богатый матеріалъ для исторіи французской революціи, и многіе историки этой эпохи воспользовались фактами и соображеніями означеннаго автора.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ англичанка, Miss Betham-Edvards, сдѣлала новое изданіе этой книги, снабдивъ ее примѣчаніями и дополненіями, въ которыхъ дала прекрасное описаніе современной Франціи, въ такомъ же родѣ, въ какомъ бы сдѣлалъ это самъ Юнгъ, если бы онъ посѣтилъ Францію въ настоящее время. Сравнивая описанія его и Миссъ Эдвардсъ, мы увидимъ замѣчательный контрастъ между прежнимъ и нынѣшнимъ положеніемъ Франціи, увидимъ такую перемѣну, которая напоминаетъ превращенія, происходящія въ волшебныхъ сказкахъ.

Характеристикой ужаснаго положенія французскаго народа наканунѣ революціи можетъ служить разсказъ Артура Юнга о томъ, какъ онъ однажды встрѣтилъ двадцативосьмилѣтнюю женщину, которая была такъ сгорблена и покрыта такими морщинами, что напоминала шестидесятилѣтнюю старуху. На вопросъ Юнга о причинѣ ея ужаснаго вида, она объяснила въ горько-жалобномъ тонѣ: „ахъ, сударь, поборы и налоги насъ убиваютъ“.*) Жилища бѣдныхъ обывателей, напр., въ Бретани, представляли груду грязи, окна были безъ стеколъ и едва пропускали свѣтъ. При входѣ туда глазамъ Юнга представлялись изможденныя, состарѣвшіяся преждевременно отъ чрезмѣрнаго труда женщины и жалкія дѣти. „Цѣлая треть провинціи,—писалъ онъ,—казалась мнѣ необработанной и почти вся она была погружена въ глубокую нищету... Только феодальныя привилегіи и нищета постоянно были передъ моими глазами“.

Совершенно другая картина представилась черезъ сто лѣтъ при посѣщеніи Миссъ Эдвардсъ тѣхъ же самыхъ провинцій. „Пустыня, которая кидалась въ глаза Артуру Юнгу,—говоритъ эта писательница,—обратилась въ страну, достойную названія рая, въ въ такую страну, въ которой текутъ медъ и млеко“. Земли представляются хорошо засѣянными и хорошо обработанными, населеніе чисто и опрятно одѣтымъ; съ большимъ удовольствіемъ вездѣ можно было встрѣтить признаки достатка и благосостоянія. Гдѣ Артуръ Юнгъ встрѣчалъ несчастныхъ крестьянокъ, тамъ, по свидѣтельству Миссъ Эдвардсъ, въ настоящее время встрѣчаются дочери фермеровъ, получающія тысячи ливровъ въ приданое; тамъ, гдѣ онъ 1789 г. находилъ до ста тысячъ акровъ непрерывной пустыни, теперь около 700,000 акровъ прекрасно культивированной земли.

Проѣзжая въ 1787 году отъ Парижа до Орлеана и направляясь къ югу, Артуръ Юнгъ велъ путевой журналъ, который представляетъ собою настоящій вопль отчаянія. „Поля,—пишетъ Юнгъ—обрабатываются невообразимо дурно; дома имѣютъ весьма жалкій видъ“... „Посѣтивъ въ 1889 году эти самыя мѣста, Миссъ Эдвардсъ нашла великолѣпную растительность, обширную систему орошенія, весьма хорошіе способы обработки почвы, которые совершенно преобразовали характеръ страны.

Въ Бретани, по словамъ Артура Юнга, земледѣліе не далеко ушло отъ системы земледѣлія гуроновъ; *жители ея такъ же дики, какъ и ихъ земля, они обитаютъ въ землянкахъ безъ оконъ, и все это является результатомъ возмутительнаго произвола феодальныхъ классовъ*“. Въ настоящее же время эта провинція стала богатой, отличается благосостояніемъ своихъ жителей и цвѣтущимъ земледѣліемъ. Миссъ Эдвардсъ описываетъ ее, какъ житницу Западной Франціи. Менъ и Анжу, которыя представлялись Артуру Юнгу пустынями, въ настоящее время всѣмъ туристамъ представляются весьма богатыми

*) На этотъ разсказъ ссылается Карлейль въ своей исторіи франц. револ. т. I, кн. VI. гл., III.

и по благосостоянію не уступаютъ ни одной странѣ въ Европѣ. Крестьянинъ этихъ провинцій, по словамъ Миссъ Эдвардсъ, „не расточаетъ и издерживаетъ очень мало", но у него есть все, что необходимо для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, и все это составляетъ результатъ домашняго издѣлія. *У него свое полотно, свое вино, самые бѣдные каждый день въ теченіи всего сезона ѣдятъ спаржу, горошекъ и землянику. Благосостояніе жителей имѣетъ послѣдствіемъ то благотворное явленіе, что въ этихъ мѣстахъ не слышно ни о нищенствѣ, ни о преступленіяхъ.*

Артуръ Юнгъ прошелъ Францію отъ Эльзаса до Оверни и замѣтилъ, что самые богатые города во Франціи не обладаютъ и сотою долею тѣхъ средствъ сообщенія между собою, какими обладаютъ самые мелкіе въ Англіи. Посѣтивъ гористую часть Верхней Савойи, онъ нашелъ достаточное населеніе и хорошо обработанную почву, не смотря на суровость климата и природную бѣдность земли. Причину этого онъ видѣлъ *въ отсутствіи феодальнаго синьора, который былъ, по его мнѣнію, причиной обѣдненія Нижней Савойи.* Конечно, не надо забывать, что значительное улучшеніе въ условіяхъ жизни современнаго крестьянства произошло вслѣдствіе общаго матеріальнаго прогресса, который совершился во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Желѣзныя дороги, примѣненіе пара къ промышленности, телеграфы, развитіе мануфактуры и торговли нельзя отнести къ принципамъ 89 г., нельзя отнести къ дѣятельности конвента или Якобинскаго Клуба... Тѣмъ не менѣе причину бѣдности и нищеты населенія нельзя видѣть ни въ почвѣ, ни въ лѣности и невѣжествѣ народа, ни даже въ безпечности, слабости и неспособности центральнаго правительства, а главнымъ образомъ *въ дурныхъ законахъ, въ существованіи жестокихъ привиллегій и въ системѣ феодальнаго произвола.*

Артуръ Юнгъ сравнивалъ положеніе французскаго земледѣльца съ англійскимъ и нашелъ положеніе послѣдняго въ матеріальномъ и въ моральномъ отношеніи несравненно выше. Нынѣ же является на оборотъ, т. е. положеніе англійскаго земледѣльца несравненно хуже французскаго... Въ теченіе послѣдняго столѣтія населеніе Англіи значительно увеличилось, значительно усилилась за этотъ періодъ времени ея торговля и промышленность, расширилась территорія, увеличились богатство и вообще всѣ источники матеріальнаго благосостоянія сравнительно съ Франціей, но что касается до положенія земледѣльческихъ рабочихъ, то въ этомъ отношеніи Англія ничего не сдѣлала, она даже явилась крайне отсталой. Англійскіе путешественники въ настоящее время поражены богатствомъ, независимостью и комфортомъ французскихъ крестьянъ.

Для миссъ Эдвардсъ Франція, которую она хорошо знаетъ, представляется той страной, въ которой текутъ „медъ и млеко". Жизнь крестьянъ въ Анжу, въ Бріе и въ Вандеѣ представляетъ прелестную идиллію, которая услаждаетъ взоры путешественника, видѣвшаго жалкую жизнь сельскаго труженика въ повидимому богатыхъ, передовыхъ странахъ. Земельное хозяйство въ Англіи въ 1789 году было несравненно выше французскаго; теперь же французское настолько же превзошло англійское. Аренда земли въ Англіи существуетъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ она была въ 1789 г.; между тѣмъ во Франціи она получила существенное преобразованіе.

Въ настоящее время во Франціи существуетъ около восьми милліоновъ земельныхъ собственниковъ, изъ которыхъ большинство составляютъ крестьяне. По мнѣнію Гаррисона, революція не создала крестьянина—собственника; онъ былъ таковымъ съ давнихъ временъ, какъ доказали изслѣдованія Тюрго, Неккера, Токвиля и другихъ. Этотъ фактъ вполнѣ принимаетъ и Артуръ Юнгъ, который говоритъ, что французскимъ крестьянамъ принадлежала треть всей земли; но миссъ Эдвардсъ считаетъ мнѣніе Юнга преувеличеннымъ; она полагаетъ, что въ 1789 году крестьянамъ принадлежала только четверть. Не останавливаясь на достовѣрности того или другого мнѣнія относительно величины крестьянскаго землевладѣнія въ эпоху непосредственно предшествовавшую революціи, надо сказать, что въ настоящее время это землевладѣніе значительно превышаетъ половину всей французской территоріи. Кромѣ того, надо замѣтить къ этому, что во Франціи *въ настоящее время болѣе круп-*

ныхъ земельныхъ собственниковъ, чѣмъ въ Англіи. По словамъ Гаррисона, мнѣніе, будто революція уничтожила крупную земельную собственность, такъ же ложно, какъ и мнѣніе относительно созданія ею, т. е. революціей, мелкой собственности. Однако, надо признать, что со времени революціи каждый крестьянинъ получилъ возможность пріобрѣсти клочекъ земли и значительная часть населенія осуществила свое право относительно подобнаго пріобрѣтенія.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, будто Юнгъ преувеличилъ во многихъ случаяхъ бѣдственное положеніе французскихъ крестьянъ; это преувеличеніе заключается въ томъ, что внѣшняя сторона жизни этихъ крестьянъ очень часто не могла еще говорить о ихъ крайней бѣдности. Дѣйствительно, вслѣдствіе грубаго фискальнаго и феодальнаго произвола фермеры и земледѣльцы тщательно скрывали свое истинное экономическое положеніе и умышленно представлялись бѣдными предъ сборщиками налоговъ и другими лицами, которыя могли взять у нихъ излишекъ. Подобное явленіе происходило всегда въ Ирландіи и, можетъ быть, его тамъ наблюдаютъ еще и въ наше время.

Другая причина ошибочнаго мнѣнія Артура Юнга относительно поражающей бѣдности французскихъ крестьянъ заключается въ томъ, что французскіе крестьяне и въ особенности крестьянки необыкновенно бережливы, крайне скупы, чрезвычайно воздержны и часто изъ-за выгоды готовы на всѣ возможныя лишенія, готовы питаться самой недостаточной, грубой пищей и жить въ самой отвратительной обстановкѣ, на что не согласится ни одинъ американецъ, образъ жизни котораго кажется французскому крестьянину страшнымъ расточительствомъ.

Скупость французскихъ крестьянъ кажется англичанамъ, какъ нѣчто дикое, животное. Вообще французскій крестьянинъ при многихъ прекрасныхъ качествахъ имѣетъ и значительные недостатки; его внутренняя жизнь не представляетъ ничего идиллическаго. Онъ трудолюбивъ, проницателенъ, терпѣливъ, воздержанъ, умѣренъ, честенъ и способенъ; при этомъ у него громадное самообладаніе въ виду даже отдаленной выгоды, которая заключается главнымъ образомъ въ пріобрѣтеніи земли. Его нельзя назвать цѣломудреннымъ, онъ часто является отчаяннымъ гулякой и развратникомъ, а между тѣмъ онъ можетъ быть безпощаденъ относительно ограниченія дальнѣйшаго воспроизведенія потомства и съ трудомъ согласится на воспитаніе даже двоихъ дѣтей. Чтобы обезпечить обоимъ хорошее наслѣдство, онъ не поколеблется подвергнуть ихъ значительнымъ лишеніямъ. Онъ страстно любитъ свое мѣсто, любитъ свою общину, но болѣе всего онъ любитъ свой клочекъ земли, гораздо болѣе, чѣмъ самую Францію. Онъ вообще не представляется такимъ чудовищемъ, какимъ изображаетъ его Золя въ въ своемъ романѣ „La terre". но въ немъ всетаки есть нѣкоторая доля „Золаизма", которую можно встрѣтить въ болѣе яркихъ чертахъ въ уголовныхъ лѣтописяхъ Франціи. Онъ уменъ, но онъ не такъ образованъ, какъ швейцарскій, нѣмецкій или голландскій крестьянинъ. Онъ можетъ переносить безъ всякаго ропота величайшія страданія, но не имѣетъ той непоколебимой смѣлости, которую проявляютъ американцы и англичане въ самыхъ трудныхъ, въ самыхъ непредвидѣнныхъ положеніяхъ. Онъ вѣритъ въ себя, но настолько благоразуменъ, что не будетъ бросаться въ новыя рискованныя предпріятія. Онъ имѣетъ независимый характеръ, но не имѣетъ достоинства, гордости испанскаго крестьянина. Онъ имѣетъ вкусъ къ прекрасному въ большей степени, чѣмъ англійскій крестьянинъ, но не имѣетъ ни очаровательности итальянскихъ крестьянъ, ни музыкальныхъ способностей нѣмецкихъ. Со всѣми своими достоинствами и недостатками онъ составляетъ, однако, замѣчательную силу, съ которой необходимо считаться, хотя его родина не представляетъ такого громаднаго торговаго и промышленнаго развитія, какъ Англія.

Французскій крестьянинъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, сдѣлалъ изъ Франціи самую могущественную и самую прогрессивную страну въ мірѣ. Онъ такъ же воздержанъ и такъ же терпѣливъ, какъ и нѣмецкій крестьянинъ, но въ то же время гораздо его изобрѣтательнѣе и способнѣе. Онъ не имѣетъ энергіи англійскаго крестьянина и гибкости американскаго, но гораздо экономнѣе ихъ и предусмотрительнѣе: онъ не расточителенъ и тратитъ очень мало—какъ говоритъ миссъ Эдвардсъ. Благодаря же этому

обстоятельству, онъ, не смотря на то, что его страна гораздо бѣднѣе по естественнымъ качествамъ и дарамъ природы, чѣмъ Англія и Америка, сумѣлъ, однако, основать самую могущественную и самую прочную въ своей устойчивости націю.

Несокрушимая отвага французской расы преодолѣла страшныя несчастія, ужасныя потери и громадныя ошибки, подъ тяжестью которыхъ погибла бы всякая другая нація. Она легко выноситъ національный долгъ, котораго тяжесть вдвое болѣе англійскаго, она легко выдерживаетъ тяжесть налога на половину значительнѣе того, который лежитъ на англичанинѣ,—налога, который превышаетъ сто франковъ на каждаго человѣка. Вслѣдствіе войны она потеряла сумму, равную почти всему національному долгу Англіи, и списала затѣмъ со счета безъ всякаго ропота потерю въ 1.200.000.000 франковъ, поглощенныхъ Панамскимъ каналомъ. Если Франція такъ богата и такъ могущественна, то главная причина этого заключается *въ удивительной привычкѣ къ труду и въ духѣ сбереженія французскихъ крестьянъ*. Если эти крестьяне достигли такого блестящаго состоянія, то этимъ они обязаны тому, что *тысяча семьсотъ восемьдесятъ девятый годъ обезпечилъ* имъ *свободное* и *болѣе независимое положеніе*, чѣмъ то, которымъ обладаютъ крестьяне другихъ странъ, какъ напримѣръ, Италіи, Германіи и даже Англіи, находящіеся въ довольно незавидномъ экономическомъ состояніи, а о русскихъ и говорить нечего,—положеніе ихъ ниже всякаго сравненія... Но слѣдуетъ сказать, что въ XVIII ст. положеніе французскихъ крестьянъ, судя по описанію Юнга, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было гораздо хуже русскихъ!

Вотъ что значитъ политическая свобода!

Н. В.

И. Д. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Изданіе Чарушникова и Дороватовскаго М. 1904 г.

Свобода Болгаріи.... но прежде чѣмъ говорить о свободѣ страны, нужно вспомнить о тѣхъ борцахъ и мученикахъ, чьей кровью были обильно политы болгарскія нивы. На этихъ облитыхъ кровью нивахъ восходила робко заря свободы. Долгое время, почти въ продолженіи пяти вѣковъ, изнывая въ въ рабствѣ, томилась Болгарія. Проклятое рабство, словно душное подземелье, высасывало соки изъ народа, угнетало его духовныя и физическія силы.

Но живъ духъ народный, жива его душа! Въ самые проклятые моменты неволи, среди насилія и произвола, въ сердцѣ народномъ таилась и зрѣла одна святая мечта—мечта о лучшей долѣ для Болгаріи, о независимости и раскрѣпощеніи отъ турецкаго гнета.

Изъ нѣдръ самого народа выходили отдѣльныя личности, которыя клялись кровавой местью туркамъ,—своимъ поработителямъ.

То были, воспѣтые въ народныхъ пѣсняхъ, прославленные въ сказаніяхъ гайдуки. Они уходили въ горы, прятались по лѣсамъ и являлись настоящею грозою для мусульманскаго міра. Изъ смѣльчаковъ образовывались четы; подобно вольному вѣтру разгуливали онѣ по Балкану и стерегли горныя тропинки. Девизъ ихъ былъ ветхозавѣтный, даже прямо изувѣрскій: „не око за око, не зубъ за зубъ, а „за око—два ока, за зубъ—два зуба“.

Подобно горнымъ орламъ, вившимъ гнѣзда на недосягаемыхъ крутизнахъ горъ, они вили себѣ гнѣзда, недоступныя для турокъ, и наводили ужасъ, огнемъ и мечемъ истребляя турецкія селенія, турецкихъ чиновниковъ, не давая никому пощады. Гибли одни гайдуки на висѣлицахъ, гнили другіе въ подземельяхъ турецкихъ тюрьмъ, а на смѣну имъ выходили другіе, новые. А въ народѣ забитомъ, приниженномъ народѣ, создавались поэтическіе разсказы, легенды и преданія и, рисовали эти легенды прелесть свободной жизни гайдуковъ, ихъ отважные подвиги; прислушиваясь къ разсказамъ, воспламенялись сердца молодежи. Месть была завѣщаніемъ отцовъ и дѣдовъ...

Пусть на дѣлѣ гайдуки не были рыцарями безъ страха и упрека, но они отстаивали интересы своего народа. Но какъ ни отважны были гайдуцкіе подвиги, но не гайдукамъ было вырвать Болгарію изъ тяжелой турецкой неволи.

Нужно было пробудить самосознаніе въ народѣ, необходимо было поднять народный

духъ для того, чтобы борьба съ турецкимъ владычествомъ приняла характеръ дѣйствительной борьбы народа, прозрѣвшаго и возненавидѣвшаго рабство.

Солнце свободы все не всходило надъ Болгаріей, только кровавая заря гайдуцкихъ подвиговъ занималась надъ нею. Печально было настоящее, туманно будущее. Но въ забытомъ прошломъ, въ исторіи страны было столько яркихъ, красноречивыхъ страницъ. И говорили эти страницы о независимой, свободной Болгаріи, жившей собственной политической жизнью. Но народъ забылъ старину, народъ теменъ и неграмотенъ.

Вызвать величавыя тѣни изъ прошлаго, изучить это прошлое и оттѣнить на его фонѣ грусть настоящаго — вотъ та мирная работа, которая предстояла первымъ піонерамъ на нивѣ пробужденія болгарскаго самосознанія. И эти піонеры идутъ на турокъ не съ пушкой, а подобно гайдукамъ; они идутъ съ мирною ратью книгъ, идутъ вмѣстѣ съ дружиной народныхъ учителей, въ союзѣ съ печатнымъ станкомъ и убѣжденнымъ словомъ.

Турецкое правительство не придаетъ этому особаго вниманія. Гайдуки только ему страшны. Отъ мирныхъ дружинъ, какъ ему казалось, его интересы нисколько не пострадаютъ.

Начинаются годы тихой, незамѣтной, кропотливой работы. То была работа духовнаго обновленія народа. Выдвигается церковный вопросъ, въ смыслѣ освобожденія Болгарскаго духовенства отъ грековъ и созданія самостоятельной Болгарской церкви. Это было дѣло близкое, понятное простой райѣ и это былъ первый шагъ къ объединенію. Начало сдѣлано. Отсюда уже вьется узкая тропинка къ политическому приспособленію, къ осуществленію мечты о государственной независимости.

Толчекъ данъ. Вѣковой сонъ нарушенъ. Умственное движеніе началось. Появляются тайные кружки и братства, и все смѣлѣе и смѣлѣе звучитъ мысль о политическомъ обособленіи. Но Турція тоже не дремлетъ. Она почуяла крамолу и начала разыскивать ея корни... Но до корней, рубя верхушки, трудно добраться.

Печать угнетена; народное просвѣщеніе придавлено, школы и церкви объявлены очагами крамолы. Всѣ смѣлые, честные и независимые заподозрѣны и взяты подъ надзоръ; переполнены тюрьмы и, подобно мрачной ночи, нависла надъ страной реакція.

Въ странѣ распоряжаются турецкіе заптіи, и мирно проводятъ дни лишь пресмыкающіеся рабы, изъ шкурныхъ интересовъ забывшіе былыя мечты.

Это положеніе обезцвѣтило однихъ, но и обострило чувство другихъ; оно, подобно маслу, подлитому въ огонь, усилило чувство ненависти въ молодежи. Все лучшее, смѣлое и независимое устраняется прочь изъ Болгаріи, и тысячи эмигрантовъ уходятъ за Дунай, въ Сербію или въ Румынію.

Тамъ, за границей Болгаріи, печатаются книги, брошюры, газеты и воззванія и, въ тысячахъ экземплярахъ переводятся на болгарскую границу. Тамъ формируются первые повстанческія четы, собираются деньги и оружіе. Тамъ же организуются тайные центральные Болгарскіе комитеты, задавшіеся цѣлью освободить Болгарію отъ угнетенія Турокъ.

„Каждая народность защищаетъ свою волю, защищаетъ свою свободу и управляется по собственной своей волѣ",—говоритъ одинъ изъ параграфовъ программы комитета.

Другой параграфъ гласитъ: „Мы возстаемъ не противъ Турецкаго народа, а противъ правительства и тѣхъ изъ турокъ, которыхъ это правительство поддерживаетъ и защищаетъ. И за своихъ друзей мы считаемъ всѣхъ тѣхъ, которые сочувствуютъ нашему священному и честному дѣлу, къ какой бы вѣрѣ и народности они ни принадлежали". Въ 1871 году революціонная дѣятельность комитетовъ была уже въ полномъ разгарѣ. Во всѣхъ почти сколько-нибудь крупныхъ городахъ и даже сельскихъ центрахъ Болгаріи существовали мѣстные комитеты. Къ нимъ примыкали въ качествѣ членовъ народные учителя и сельскіе священники, ремесленники и простые селяки.

Первые піонеры заплатили своею гибелью и пали въ неравной борьбѣ съ турецкимъ владычествомъ. Трудно привести ихъ имена, потому что гибли они тысячами, и безвѣстны ихъ могилы, безвѣстна память. Но имена нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились и золотыми буквами они занесены въ исторію Болгарскаго народа, на тѣ стра-

ницы ея, которыя повѣствують о первыхъ попыткахъ водрузить знамя народной свободы въ порабощенной странѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ, воевода Филиппъ Тотю; въ маѣ 1867 году съ четою изъ 35 юнаковъ онъ пробирается ночью чрезъ Дунай: — высаживается на турецкомъ берегу у города Систово.

Воевода Тотю когда то занимался торговлею скотомъ и неизвѣстно за что, по волѣ турецкаго правительства, былъ заключенъ въ тюрьму, имущество его было отобрано. Вырвавшись изъ подземелья, онъ ушелъ на Балканы и тамъ превратился въ гайдука.

Турецкіе жандармы схватили Филиппа — его чета была истреблена, онъ самъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ на вѣчное заточеніе. Ему удалось бѣжать и пробраться въ Румынію; но здѣсь его стерегла новая опасность быть выданнымъ турецкой полиціи; въ руки турецкой полиціи онъ, однако, не попалъ, а явился снова съ четою подъ Систово.

Горсть смѣльчаковъ надѣялась найти въ Систово подкрѣпленіе изъ тамошней молодежи, но обѣщанное подкрѣпленіе не пришло. Чета свободно проникла въ болгарскія села и, почуявъ враговъ, спряталась въ лѣсу. Мусульманское населеніе узнало четниковъ и, поголовно вооружившись, отправилось къ лѣсу.

Чета была застигнута врасплохъ спящею. Произошла кровавая бойня. Филиппу Тотю удалось, однако, снова ускользнуть изъ турецкихъ рукъ, и, вмѣстѣ съ тринадцатью юнаками, уйти къ Балкану.

Знамя возстанія было поднято, но никто изъ болгаръ не пришелъ къ воеводѣ. А для преслѣдованія бѣглецовъ были подняты войска и привлечено даже болгарское населеніе. Чѣмъ дальше уходилъ бѣглецъ отъ преслѣдователей, тѣмъ все болѣе и болѣе рѣдѣла его чета. Одни были перебиты въ стычкахъ, другіе—попались въ руки турокъ живыми. Турецкія репрессіи все усиливались въ Болгаріи.

Болгаръ хватали по одному только подозрѣнію. Впечатлѣніе, произведенное походомъ Тотю на болгаръ, какъ и на турокъ, было огромное.

Среди угнетеннаго народа всетаки, значитъ, были герои, окруженные ореоломъ мученичества, и они будили въ заснувшихъ сердцахъ заснувшее чувство свободы. Цѣлыя легенды окружили имя Филиппа Тотю. Легенды, одинаково краснорѣчивыя, ходили про него, какъ среди мусульманскаго, такъ и христіанскаго населенія.

Совершенно другой характеръ имѣли подвиги Стефана Караджи и Хаджи Димитра, которые явились одними изъ первыхъ протестантовъ противъ турецкаго владычества. Они не расчитывали на побѣду, они хотѣли своимъ подвигомъ лишь громко заявить предъ лицомъ всего цивилизованнаго міра о турецкихъ насиліяхъ, не расчитывая ни на что, кромѣ почетной смерти, за свободу Вооруженная чета, вся состоящая изъ юношей, во главѣ съ такими же юными предводителями, двинулась изъ Румыніи въ числѣ 125 человѣкъ. Они высадились, переплывъ Дунай, на турецкомъ берегу среди глубокой ночи. Первая встрѣча четы съ соотечественниками была грустная: картина рабскаго народа выразилась отчетливо ярко, и первымъ боемъ четы была аттака жилища турецкаго паши и взятіе отъ него клятвы, что отнынѣ онъ не будетъ насильничать надъ селеніемъ. Вскорѣ четѣ пришлось выдержать горячій бой съ турками. Усталые и измученные тяжелымъ днемъ и упорнымъ боемъ, проводя ночь и часъ сна, четники принуждены были выдержать на разсвѣтѣ еще болѣе упорное сраженіе. Отступая отъ турецкихъ полчищъ, чета шла къ балканскимъ склонамъ, видя кругомъ себя сдавленной стягивающимся кольцомъ преслѣдователями.

На вершинахъ Балканъ, въ безопасныя мѣста которыхъ стремились четники, чтобы воспользоваться отдыхомъ, отдохнуть имъ не пришлось. Когда горсть храбрецовъ добралась до безлиственнаго верха старой Планины, то они увидѣли себя окруженными регулярными войсками турокъ: сильный отрядъ заптіевъ желѣзнымъ кольцомъ охватилъ дружину юнаковъ, отрѣзавъ всѣ пути къ отступленію.

Въ послѣдней битвѣ съ турками палъ вмѣстѣ съ товарищемъ и Хаджи Димитро.— Позднѣе надъ безкрестной могилой четниковъ были водружены кресты, и каждый годъ теперь, въ день гибели народныхъ героевъ народъ устраиваетъ торжества, на которыя стекаются цѣлыя тысячи болгаръ.

Филиппъ Тотю, Хаджи Димитро, Стефанъ

Кораджа, Баба Тонка, діаконъ Левскій, Любенъ Каравеловъ,—вотъ тѣ борцы и мученики за идею болгарской свободы, полегшіе своими костьми за то дѣло, которое они считали святымъ дѣломъ собственной жизни. Живыя біографіи этихъ героевъ читатель найдетъ въ книгѣ г. Ивановича.

Трагическая смерть діакона Левскаго, преданнаго во власть туркамъ, была достойна истиннаго героя; на допросахъ онъ твердилъ своимъ судьямъ, переходя изъ обвиняемаго въ грознаго обвинителя:—„Вѣшайте меня, но знайте при этомъ, что вслѣдъ за мною явятся сотни людей, болѣе меня мужественныхъ, смѣлыхъ, рѣшительныхъ"! Обреченный на казнь, діаконъ Левскій не дался въ руки своихъ мучителей. Толпа не увидѣла его послѣднихъ мукъ; онъ предпочелъ умертвить себя, самъ разбивъ голову о стѣну своей тюрьмы. Тѣмъ не менѣе турецкое правительство нашло необходимымъ совершить обрядъ повѣшенія надъ бездыханнымъ трупомъ героя.

Гораздо счастливѣе своихъ сотоварищей былъ Любенъ Каравеловъ. Ему удалось увидѣть зарю желанной свободы. Подвиги борцовъ и мучениковъ болгарскаго народа не остались безплодны. Если они и не побѣдили, то протестъ ихъ былъ наконецъ услышанъ. „Дядо Иванъ" принялъ близко къ сердцу стоны измученныхъ братьевъ и залилъ потоками своей крови болгарскія нивы. Дядо Иванъ, въ образѣ русскаго солдата, пришелъ на помощь угнетенной странѣ и далъ ей свободу. Но привлеченіемъ симпатій къ къ угнетенной странѣ, пробужденіемъ сочувствія къ ней, Болгарія обязана въ огромной мѣрѣ такимъ борцамъ, какимъ былъ Л. Каравеловъ. Поэтъ, публицистъ и трибунъ, онъ на свое служеніе перомъ смотрѣлъ, какъ на оружіе, исключительно посвященное родинѣ.

Сынъ богатаго торговца, рано ознакомившійся во время своихъ путешествій по торговымъ дѣламъ съ народною жизнью, онъ близко принялъ къ сердцу страданія родного народа. Въ Болгаріи ему не нашлось мѣста. Десять лѣтъ онъ проводивъ въ Москвѣ, гдѣ выступаетъ въ русскихъ журналахъ съ рядомъ статей о Болгаріи, перекочевываетъ затѣмъ въ Сербію, быстро пріобрѣтаетъ имя талантливаго публициста, но судьба гонитъ его изъ Сербіи. Онъ переѣзжаетъ, скитаясь одинаково и отъ преслѣдованій недовольнаго его дѣятельностью сербскаго правительства (содержавшаго его въ тюрьмѣ) по обвиненію въ заговорѣ, послѣдствіемъ котораго было убійство князя Михаила), и отъ турокъ, закрывшихъ ему путь на родину.

Въ Румыніи, въ самую тяжелую пору разочарованій болгарскаго народа и турецкихъ репрессій, Каравеловъ приступаетъ къ изданію газеты „Свобода", долженствующей встать на защиту болгарскихъ интересовъ и указывать болгарскому народу путь для достиженія свободы и политической независимости.

Успѣхъ газеты былъ огромный. Перо публициста-патріота стоило больше, чѣмъ мечъ его сотоварищей. Оно будило патріотизмъ въ народѣ, подготовляло его къ борьбѣ и, подобно набатному колоколу, призывало къ единенію, поддерживая вѣру въ лучшіе дни. Отдавъ себя всецѣло на служеніе родному народу, самъ Каравеловъ не зналъ личной жизни.

Нуждаясь постоянно, постоянно борясь съ бѣдностью, онъ жилъ въ одной комнатѣ, служившей „и рабочимъ кабинетомъ писателя, и типографскою мастерскою, и кухнею, и спальнею. Въ то время, какъ наборщики возились съ шрифтомъ, а самъ Любенъ писалъ, молодая жена его тутъ же вертѣла колесо печатной машины, а гдѣ нибудь въ сторонкѣ нѣсколько юношей-болгаръ, учениковъ и студентовъ бухарестскихъ учебныхъ заведеній, пользуясь свободнымъ отъ занятій временемъ, складывали выходившіе изъ подъ машины печатные листы и занимались брошюровкой". Эта же самая молодежь сдавала, идя на лекцію, газету на почту. И такъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ. Только во время войны 1877 года Каравелову удалось снова вернуться на родину.

Отечество было свободно. Осуществлялась полная мечта героя, но онъ самъ доживалъ остатки дней. Чахотка унесла его въ могилу въ началѣ 1879 года.

Изданіе книжки г. Ивановича нельзя не отмѣтить. Хорошія книги на нашемъ книжномъ рынкѣ являются далеко не такъ уже часто...

Н.Носковъ.

Хроника русской жизни.

I. Лебединая пѣснь бюрократизма.— Заплаты и штопанье.— Полномочія завѣдующаго полиціей— Совѣтъ Государственной обороны.— Указъ о вѣротерпимости.— Надежды и дѣйствительность.— Разъясняющіе циркуляры.— Льготы полякамъ.— Обиліе коммиссій.— Особое совѣщаніе д. т. с. Горемыкина.— Упраздненіе М-ства З. и Г. Имуществъ.— Коммиссія о промысловомъ налогѣ.— Коммиссія Коковцева.— Конфликтъ съ промышленниками.— Его результаты.— Коммиссія М-стра Вн. Дѣлъ Булыгина.— Проектъ Госуд. Думы.— II.— Вопросъ о возобновленіи занятій въ учебныхъ заведеніяхъ.— Планы М-ства Просвѣщенія.— Слезоточивыя прошенія.— Сердобольные начальники.— Увѣщанія и предложенія.— III. Рабочіе и крестьянскіе безпорядки.— 1 мая въ Россіи.— Всеобщее броженіе.— Наши баши-бузуки въ роли охранителей порядка.— Крестьянскія петиціи.— Указъ 10 апр.— Погромы въ Мелитополѣ, Симферопоѣ и Житомирѣ.— Студентъ мученикъ.— Гдѣ же была полиція?— Настоящіе виновники бакинской рѣзни.— Письмо Новикова.— Что выйдетъ изъ этого.

I.

Будущій историкъ Россіи, вѣроятно, съ интересомъ остановится на истекшихъ мѣсяцахъ тек. года—апрѣлѣ и маѣ: никогда еще за такое короткое, сравнительно, время не было издано столько первостепенной важности законодательныхъ актовъ, съ одной стороны, съ другой—никогда бюрократія не истребляла столько бумаги въ разныхъ коммиссіяхъ и подкоммиссіяхъ: труда въ нихъ положено много,—а результата не видно. Нѣкоторыя учрежденія этого рода словно затѣмъ только и появляются, чтобы безслѣдно исчезнуть... .

Значеніе такихъ мѣропріятій достаточно выяснено нами въ нашемъ обозрѣніи въ V кн. журнала. Съ мнѣніемъ передовой части русской печати вполнѣ согласна и заграничная печать. Fr. Zeit. говоритъ напр.: „Нѣтъ сомнѣнія, что заплаты и штопанье отдѣльныхъ дыръ, которыми сейчасъ занято русское правительство, не могутъ оздоровить и улучшить общее состояніе страны. Реакціонеры надѣются все-таки выграть такой политикой штопанья время время и утомить сторонниковъ коренныхъ реформъ. Добьется ли реакція преобладанія на долгое еще время, зависитъ, конечно, теперь гораздо меньше отъ ревности сторонниковъ реформъ, чѣмъ отъ исхода борьбы на Дальнемъ Востокѣ“.

Между тѣмъ „заплатъ“, дѣйствительно, много и, что дальше, становится еще больше. .

Обозрѣватель едва успѣваетъ зарегистровать тѣ акты бюрократической дѣятельности, какими даритъ насъ современная жизнь.

Остановимся сначала на одномъ изъ послѣднихъ актовъ, Высочайшемъ указѣ 21 мая на имя Товарища Мин. Вн. Дѣлъ, завѣдующаго полиціей. (Имъ состоитъ, какъ извѣстно, въ настоящее время С.-Петербургскій Генералъ-Губернаторъ Треповъ). Указомъ ему предоставлены огромныя, чуть ли не диктаторскія полномочія въ области не только пресѣченія и предупрежденія, но и во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

Ему предоставлено право ссылать административно, примѣнять гласный полицейскій надзоръ, руководить губернаторами, градоначальниками и оберъ полиціймейстерами въ дѣлѣ искорененія „крамолы“, закрывать съѣзды, общества, собранія и союзы, „*какой-бы властью они ни были разрѣшены*“. Стало быть, опираясь на этомъ Указѣ, г. Тов Министра можетъ закрыть засѣданіе Государственнаго Совѣта, не говоря уже о Комитетѣ Министровъ, т. е. въ данномъ случаѣ *Товарищъ* Министра является выше по власти *всѣхъ* министровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Словомъ, новыя полномочія могутъ пріостановить общественную жизнь въ любой части Россіи.

Новый указъ, кромѣ того отнимаетъ у судебной власти то право, на которое до сихъ поръ не посягалъ даже покойный В. К. Плеве,—это право прокурорской власти имѣть надзоръ за порядкомъ содержанія подъ стражей лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Отнынѣ это право принадлежитъ товарищу министра, завѣдывающему полиціей, который передаетъ, вѣроятно, фактическое осуществленіе части этой власти губернаторамъ, градоначальникамъ и, главнымъ образомъ, жандармскимъ управленіямъ.

Характерно и то, что указъ изданъ послѣ того, какъ комитетъ министровъ, не склонный къ особенному либерализму, единогласно осудилъ положеніе объ усиленной охранѣ.

Обширныя полномочія, данныя Тов. Министра, при извѣстныхъ политическихъ возрѣніяхъ низшихъ и среднихъ чиновъ полиціи, могутъ фактически свести „на нѣтъ" благія мѣропріятія, обѣщанныя Высочайшими актами.

Дѣйствительность и начинаетъ уже оправдывать эти ожиданія, если вспомнить дѣйствія администраціи по вопросу о „свободномъ выраженіи мнѣній насчетъ государственнаго устройства", о вѣротерпимости, о льготахъ для поляковъ и пр..

Не послѣдуетъ-ли какого-нибудь циркуляра разъясняющаго указъ 21 мая? „Мы, вѣдь, привыкли,—говоритъ „Н. Жизнь".—искать истинный смыслъ законодательныхъ актовъ не въ нихъ самихъ, а въ тѣхъ циркулярныхъ разъясненіяхъ, которыя преподаетъ министръ своимъ подчиненнымъ— исполнителямъ закона. Пусть основанія законодательнаго акта будутъ вразумительны, хотя бы даже и для дѣтскаго пониманія, пусть формулировка закона будетъ доведена до образцовой ясности,—мы до появленія циркуляра отнюдь не можемъ быть увѣрены, что принципъ, вразумительный и ясный, будетъ осуществленъ въ полнотѣ и совершенствѣ... Неестественная связь указа и циркуляра особенно бросается въ глаза и особенно чувствительна въ наше время. Мы, такъ сказать, непрерывно созерцаемъ процессъ воздѣйствія циркуляра на указъ".

Можетъ быть, и теперь будетъ изданъ такой „разъясняющій" циркуляръ?

Полномочія, данныя завѣдующему полиціей Имперіи 21 мая, повторены на слѣдующій день, 22 мая, спеціально для Кавказскаго Намѣстничества, гдѣ учреждена особая должность Завѣдующаго Полиціей на Кавказѣ.

Такимъ образомъ Правительство признаетъ необходимымъ усилить административное воздѣйствіе, чтобы подавить смуту, и развивать централизацію въ то самое время, когда въ обществѣ все настойчивѣе слышатся голоса о децентрализаціи управленія.

Тотъ же самый принципъ положенъ въ основаніе и по отношенію къ государственной оборонѣ отъ внѣшнихъ враговъ.

Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 5 мая великому князю Николаю Николаевичу, учрежденъ постоянный совѣтъ государственной обороны, „въ видахъ обезпеченія соотвѣтственнаго государственнымъ потребностямъ и средствамъ развитія вооруженныхъ силъ Имперіи и объединенія дѣятельности высшаго военнаго и морского управленія и согласованія ея съ дѣятельностью другихъ правительственныхъ учрежденій по вопросамъ, относящимся къ безопасности государства". Указанія рескрипта весьма важны: рескриптъ съ непреложностью констатируетъ полнѣйшую неудовлетворительность постановки военнаго дѣла въ Россіи. И развитіе вооруженныхъ силъ России, и система военнаго управленія признаны не соотвѣтствующими потребностямъ государства. Министерства, военное и морское, не въ состояніи плодотворно исполнять возложенныя на нихъ функціи, что и доказывается нашими постоянными неудачами на войнѣ.

Функціи новаго учрежденія довольно неопредѣленны, такъ какъ, согласно § 2 Положенія о совѣтѣ Госуд. обороны, Высочайше утвержд. 8 іюня 1905 г., „Учрежденіе совѣта не измѣняетъ круга вѣдѣнія и порядка разсмотрѣнія дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, комитетѣ министровъ и другихъ высшихъ учрежденіяхъ, а равно *не измѣняетъ* степени *предѣла власти* министровъ и отношеній ихъ къ государственнымъ установленіямъ".

Съ другой стороны, Совѣту предоставлено: обсуждать общія мѣропріятія, необходимыя для обороны государства отъ внѣшнихъ враговъ, и наблюдать за исполненіемъ ихъ,

если они утверждены Государемъ. Слѣд. онъ какъ бы контролируетъ дѣйствія отдѣльныхъ вѣдомствъ, Морского и Военнаго. Повидимому, это будетъ и по составу членовъ, и по функціямъ тотъ же Военный Совѣтъ, но имѣющій болѣе широкій кругъ для своихъ сужденій, согласно цѣли его учрежденія.

Помимо того, за указанный нами промежутокъ времени было издано нѣсколько другихъ Высочайшихъ указовъ, гуманныхъ и милостивыхъ.

Такъ, 5 апр. былъ данъ Указъ о сложеніи съ крестьянъ недоимокъ по продовольственному капиталу, по ссудамъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей, особенно выданнымъ по случаю неурожаевъ 1891 г. и 1892г. Для 43 губерній и областей слагается вся недоимка, а для 9—двѣ трети ея, чѣмъ, очевидно, признается крайній упадокъ экономическаго положенія большинства сельскаго населенія. Очевидно, правительство уже потеряло надежду получить свои долги съ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, въ Указѣ нѣтъ указаній на точныя цифры недоимокъ, но судя по государственной росписи (см. № 1 „Н. и Ж."), онѣ должны быть не маловажны.

---

17 апр. былъ изданъ указъ о вѣротерпимости. имѣвшій въ виду главнымъ образомъ нашихъ раскольниковъ и сектантовъ. Указомъ этимъ даровано имъ право свободнаго исповѣданія вѣры, право открытія своихъ молитвенныхъ домовъ, богослуженія со своимъ священствомъ и пр. Кромѣ того, указъ признаетъ „подлежащими пересмотру" дѣйствующіе законы о религіозномъ бытѣ магометанъ и о ламаитахъ (между прочимъ, указомъ воспрещено впредь именовать послѣднихъ язычниками и идолопоклонниками).

Наконецъ, Высочайше утвержденнымъ того же 17 апр. постановленіемъ Комитета Министромъ было признано, что „отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій, при чемъ отпавшее по достиженіи совершеннолѣтія отъ православія лицо признается принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало".

Это въ высшей степени важное признаніе свободы совѣсти на дѣлѣ, однако, тормазится, какъ доказываютъ факты, мѣстною администраціею, особенно, въ Западномъ Краѣ, гдѣ замѣчается массовое стремленіе перейти изъ православія въ католичество со стороны бывшихъ уніатовъ: администрація будто-бы не получила еще соотвѣтствующего „циркуляра", разъясняющаго указъ и Постановленія Комитета Министровъ.

И прошенія о желаніи покинуть православіе пока остаются безъ движенія... На какое время?—неизвѣстно.

Неудивительно, что,—какъ говоритъ А. Пругавинъ,—„законъ 17 апр., былъ встрѣченъ русскимъ обществомъ сдержанно и холодно и что онъ совсѣмъ не возбудилъ тѣхъ ликованій, который этотъ законодательный актъ якобы заслуживаетъ по своему огромному значенію для духовной моральной жизни русскаго народа".

Дѣйствительно, „раскрѣпощеніе русскаго народа,—какъ онъ выражается,—не только не совершилось, но еще до сихъ и не начато". И наши старообрядцы и сейчасъ „почти всецѣло находятся во власти тѣхъже самыхъ лицъ, которыя въ теченіе четверти вѣка являлись главными вдохновителями и руководителями русской политики въ области религіи, церкви и культуры, т. е. политики жестокихъ репрессій и насилій, полнаго подавленія всякой общественной и частной инициативы, безграничнаго административнаго произвола и полицейскаго гнета".

До сихъ поръ, особенно въ провинціи, не прекращаются полицейскіе набѣги на дома старообрядцевъ, обыски, отнятіе богослужебныхъ книгъ и т. п. *2 мая*, уже послѣ указа 17 апр.. подобные факты происходили, напр., въ Рязани. Въ самой Москвѣ, въ центрѣ старообрядчества, на Рогожскомъ кладбищѣ, торжество освященія возстановленныхъ и распечатанныхъ алтарей происходило безъ участія старообрядческихъ епископовъ; да, повидимому, и вредь продолжаетъ дѣйствовать запрещеніе на ихъ участіе въ богослуженіи.

„Вотъ тебѣ и вѣротерпимость!"—съ гру-

стью и растерянностью говорятъ московскіе старообрядцы.

Наконецъ, „разъясняющій" циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ предоставляетъ администраціи право „пресѣкать проявленіе вѣрованій въ случаѣ, если оно будетъ сопряжено съ опасностью для общественной нравственности и спокойствія".

Можно себѣ представить, какъ будетъ ограничиваться смыслъ указа о вѣротерпимости при такомъ правѣ администраціи?!

---

1 мая изданъ Высочайшій указъ о полякахъ 9 западныхъ губерній (Вил., Ков. Грод., Мин., Могил., Вит., Кіев., Под. и, Волынской). Указомъ разрѣшается полякамъ: пріобрѣтать недвижимыя имущества въ этомъ краѣ, возстановить производство дворянскихъ выборовъ и допустить преподаваніе польскаго и литовскаго языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Думаемъ, хотя этотъ то указъ не потребуетъ „разъясненія". А, впрочемъ, какъ знать?!

Теперь бюрократія словно поетъ лебединую пѣсню своей канцелярской работы и усиленно строчитъ проекты за проектами, наставленія, разъясненія, предположенія и пр.

Невольно поражаешься обиліемъ совѣщаній, коммиссій, комитетовъ и т. п. бюрократическихъ учрежденій.

Кромѣ извѣстныхъ уже 3 Коммиссій подъ предсѣд. Булыгина, Кобеко и Коковцева, теперь дѣйствуютъ еще 1) *Коммиссія по пересмотру положенія объ усиленной охранѣ*, подъ предс. гр. Игнатьева. 2) *Особое совѣщаніе о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія*, подъ предс. д. т. с. И. Л. Горемыкина, 3) *Коммиссія по пересмотру положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ*, подъ предс. Тов. М-стра Фин., т. с. В. И. Тимирязева, 4) *Коммиссія для обсужденія вопроса о подоходномъ налогѣ*, подъ предс. Н. Н. Кутлера. 5) *Совѣщаніе по преобразованію Прав. Сената*, подъ предс. д. т. с. Сабурова. 6) Особое Совѣщаніе при Госуд. Совѣтѣ, подъ предс. д. т. с. фонъ-Дервиза, *о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ*. (Это Совѣщаніе уже выработало проектъ, имѣющій въ виду облегченіе паспортной зависимости жены отъ мужа, и нынѣ же внесло его на разсмотрѣніе Госуд. Сов.)

Наконецъ, по слухамъ, при министерствѣ внут. дѣлъ, *подъ предс. сенатора Штюрмера*, образовывается *особое совѣщаніе*, которому среди вопросовъ, возникшихъ въ силу Высочайшаго указа отъ 17-го апрѣля, предстоитъ разработать и *вопросъ о старообрядческихъ священникахъ* и также установить,—могутъ-ли, по примѣру прошлаго, быть священниками женщины. А въ Гл. Управленіи Землеустройства и Земледѣлія, учрежденномъ вмѣсто упраздненнаго указомъ 6 мая М-ства З. и Гос. Имуществъ, образуется *коммиссія по преобразованію департаментовъ и мѣстныхъ органовъ* бывшаго М-ства З. и Гос. Имуществъ.

Помимо того, нѣкоторымъ лицамъ даны спеціальныя порученія—единолично разработать извѣстные вопросы.

Такъ, Проф. Кн. Трубецкому поручено составить записку *о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и мѣрахъ устраненію ихъ*, а т. с. С. С. Татищеву—записку *о ростѣ и современномъ состояніи оппозиціоннаго движенія въ Россіи*.

Всѣ эти учрежденія, равно какъ и Коммиссіи подъ предс. Булыгина, Коковцева и Кобеко, или доканчиваютъ или уже закончили свои засѣданія и, вѣроятно, выработанныя ими мѣропріятія пойдутъ на разсмотрѣніе Комитета М-стровъ или Госуд. Совѣта осенью, вслѣдствіе наступленія лѣтнихъ вакацій.

О многихъ коммиссіяхъ въ печать проникаютъ только отрывочныя свѣдѣнія. Да и помимо того, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ совѣщательное значеніе, и выработанныя ими мѣропріятія могутъ быть совершенно измѣнены въ слѣд. инстанціяхъ,—труды ихъ имѣютъ только историческое значеніе.

Въ частности, разбирая дѣятельность этихъ Коммиссій, невольно поражаешься несоотвѣтствіемъ между словомъ и дѣломъ, между проектами и дѣйствительностью.

Такъ, въ *Коммиссіи объ Усиленной Охранѣ* пришли къ убѣжденію въ безусловной ненормальности самого Положенія объ усиленной охранѣ, а между тѣмъ оно и понынѣ существуетъ, охватывая чуть не

всю Россію и стѣсняя и безъ того безправное положеніе обывателей. Члены Совѣщанія высказались за то, чтобы усиленная охрана вводилась дѣйствительно только въ видахъ гарантій государственной безопасности, тогда какъ теперь она служитъ для всевозможныхъ цѣлей, ничего общаго съ госуд. безопасностью не имѣющихъ. Такъ, напр., на основаніи положенія объ усиленной охранѣ примѣняются взысканія по санитарной части, штрафуются извозчики, и вообще этимъ положеніемъ администрація пользуется часто безъ всякаго уважительнаго повода.

Но болѣе всего вреда населенію приноситъ произвольные обыски и аресты, которые администрація широко практикуетъ, часто безъ уважительныхъ причинъ, и тамъ, гдѣ не введено Положеніе объ ус. охранѣ, по мнѣнію Членовъ Коммиссіи, ужъ лучше прямо вводятъ военное положеніе.

Подобное же противорѣчіе между „благими намѣреніями" и дѣйствительностью замѣчается и въ *Коммиссіи о печати Кобеко*. Тамъ все говорятъ и говорятъ хорошо, строятъ либеральные проекты,—а жизнь по прежнему показываетъ намъ „циркуляры" и предписанія. По прежнему пресса обезличивается и подвергается наказаніямъ. Такъ, недавно закрыли на 1 мѣс. газ. „Русь" и „Веч. Почту". О цѣломъ рядѣ общественныхъ явленій Петербурга и провинціи, о которыхъ раньше можно было прямо печатать, надо представлять въ цензуру канцеляріи генералъ-губернатора или откладывать на цѣлые мѣсяцы. Устанавливается срочное многомѣсячное молчаніе по отдѣльнымъ явленіямъ или распоряженіямъ и т. д.

Ежемѣсячные журналы, въ томъ числѣ и нашъ, подававшіе еще полгода тому назадъ прошеніе объ освобожденіи ихъ отъ предварительной цензуры, получаютъ отвѣты, что ихъ „ходатайство признано не подлежащимъ удовлетворенію".

Наконецъ, приходитъ законъ, что Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено единоличное право временно пріостанавливать періодическія изданія. Свои постановленія министръ внут. дѣлъ долженъ вносить на усмотрѣніе 1-го департамента правит. сената, который уже окончательно рѣшаетъ вопросъ относительно судьбы временно пріостановленнаго изданія.

А между тѣмъ по работамъ Коммиссіи Кобеко мы видимъ, что поставивъ цѣлью отмѣну стѣсненій для свободы печати, Коммиссія большинствомъ голосовъ отвергаетъ одну за другой статьи прежняго цензурнаго устава, между прочимъ ст. 4, предоставляющей право подвергать цензурному запрещенію произведенія словесности и искусствъ, если въ нихъ содержится что-нибудь противъ Верховной Самодержавной Власти, противъ православія и нравственности.

Относительно цензурованія книгъ и період. изд. на восточныхъ языкахъ рѣшено отложить сужденія до сентября, а вопросъ о цензурѣ на Кавказѣ предоставленъ усмотрѣнію Намѣстника. Послѣднее кажется намъ совершенно страннымъ и противорѣчащимъ принципамъ и цѣлямъ Коммиссіи Кобеко: Кавказъ, вѣдь, нераздѣльная часть Россіи. Къ чему же предоставлять здѣсь цензуру усмотрѣнію Намѣстника?!

Точно также страннымъ кажется и рѣшеніе Коммиссіи о сохраненіи цензуры на медицинскія изданія, на чемъ особенно настаивалъ медицинскій цензоръ, проф. В.-Мед. Академіи Гундобинъ, за что СПБ. Союзъ Медицинскаго персонала высказалъ рѣзкое порицаніе, заявивъ, что „участіе проф. Гундобина въ цензурованіи медицинскихъ изданій представляется несовмѣстимымъ съ званіемъ профессора и ложится пятномъ какъ на военно-медицинскую академію, такъ и на все врачебное сословіе".

Что касается другихъ Совѣщаній и Коммиссій, дѣйствующихъ въ настоящее время, то, не смотря на всю важность ихъ задачъ, Общество и печать мало интересуются ими, за исключеніемъ Коммиссіи Булыгина, гдѣ теперь вырабатывается проектъ народнаго представительства. Жгучій интересъ, съ какимъ всѣ слѣдятъ за этимъ дѣломъ, вполнѣ понятенъ, такъ какъ отъ того или иного рѣшенія задачи, поставленной Коммиссіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ, зависитъ судьба всѣхъ проектовъ, разрабатываемыхъ въ другихъ коммиссіяхъ. Между тѣмъ о Коммиссіи Булыгина всего менѣе проникаетъ въ печать свѣдѣній, и слѣдить за ея работами приходится почти по одному „Нов. Вр.".

Ниже мы вернемся къ Коммиссіи Булыгина, а теперь посмотримъ, что сдѣлали по сіе время другія Коммиссіи.

Прежде всего, о Коммиссіи или *Особомъ Совѣщаніи*, подъ предс. д. т. с. И. Горемыкина. Это Совѣщаніе было учреждено еще 30 марта, но до сихъ поръ о дѣятельности его не было ничего слышно. 6 мая послѣдовалъ Указъ Сенату о новой реформѣ. Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ перестало существовать. Вмѣсто него возникло Главное Управленіе Земледѣлія. Кромѣ того, для общаго руководства дѣлами о земельномъ обезпеченіи крестьянъ учрежденъ особый комитетъ изъ Министровъ Императорскаго Двора и Удѣловъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Юстиціи и Государственнаго Контролера. Комитетъ долженъ, по мысли закона, играть роль направляющаго органа: онъ устанавливаетъ общія положенія въ дѣлахъ земельныхъ, переселенческаго и поземельнаго кредита, онъ разсматриваетъ отчеты Государственнаго дворянскаго земельнаго и крестьянскаго банковъ, онъ разсматриваетъ смѣту въ соединенномъ присутствіи членовъ комитета и департамента экономіи Государственнаго Совѣта. Изъ бывшаго Министерства Земледѣлія горное дѣло передано въ Министерство Финансовъ. Произведены еще кой-какія перекройки въ вѣдомственномъ распредѣленіи дѣлъ.

Согласно тому же Указу, „съ дѣятельностью вновь образованнаго Комитета должны быть поставлены въ ближайшую связь преобразованія, предстоящія Особому Совѣщанію о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія“.

Такимъ образомъ, надъ устройствомъ земельнаго быта крестьянъ будетъ работать: учрежденное вмѣсто М-ства З. и Гос. Им. Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія, затѣмъ стоящее надъ нимъ Особое Совѣщаніе подъ предс. Горемыкина и, наконецъ, въ качествѣ высшей инстанціи— Особый Комитетъ.

О бывшемъ М-ствѣ З. и Г. И. жалѣть не приходится: нужно сознаться, за всѣ 12 лѣтъ своего существованія оно ровно ничего не сдѣлало, представляя изъ себя типичное бюрократическое учрежденіе.

Лучше ли пойдутъ дѣла въ замѣнившемъ его Главномъ Управленіи, — позволительно сомнѣваться, разъ не измѣнятся общія условія. Что касается Совѣщанія Горемыкина, то, стѣсненное въ рамкахъ реакціонныхъ стремленій, оно едва ли дастъ что-нибудь существенное, помимо многотомныхъ трудовъ, которые потомъ, вѣроятно, такъ же будутъ свалены въ архивъ, какъ было съ трудами прежнихъ коммиссій. Вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію Совѣщанія, довольно интересны, именно: 1) наказъ Главному Управленію Землеустройства и Земледѣлія, 2) инструкція крестьянскому банку относительно основаній и порядка его дѣятельности, 3) законодательный трудъ, направленный къ улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія, 4) законопроектъ относительно ограниченія крестьянскихъ надѣловъ и 5) разсмотрѣніе отдѣльныхъ законодательныхъ вопросовъ по крестьянскому землевладѣнію, какъ-то: вопросъ о мѣрахъ къ устраненію вредной въ хозяйственномъ отношеніи чрезполосности крестьянскихъ надѣловъ и вопросъ объ уничтоженіи сервитутовъ въ западныхъ губерніяхъ.

Для разработки этихъ вопросовъ Совѣщаніе имѣло уже нѣсколько засѣданій, а осенью представитъ уже результаты своихъ трудовъ. Кромѣ того, И. Л. Горемыкинымъ предпринята чрезвычайно важная принципіально мѣра: осенью будутъ вызваны выборные отъ крестьянъ „для доставленія совѣщанію отвѣтовъ и объясненій по вопросамъ, касающимся землеустройства и хозяйственнаго быта разныхъ родовъ крестьянскаго населенія государства“. Такимъ образомъ, правительство предполагаетъ пригласить крестьянъ не по своему усмотрѣнію, а по выбору самихъ крестьянъ, но, конечно, не въ качествѣ равноправныхъ членовъ совѣта, а лишь для „отвѣтовъ и объясненій“ на тѣ вопросы, которые имъ будутъ задавать Особое Совѣщаніе, т. е. въ качествѣ экспертовъ.

Между тѣмъ участіе самихъ крестьянъ представляло бы глубоко важное значеніе въ смыслѣ *обсужденія и рѣшенія* земскаго вопроса. Но, конечно, при современныхъ условіяхъ, этого ожидать нельзя.

Повидимому, и Совѣщаніе Горемыкина рѣшило вести свои работы чисто бюрократическимъ путемъ, тогда какъ несомнѣнно, что такой важный вопросъ, какъ крестьянское землеустройство, можетъ быть разрѣшенъ только при новомъ государственномъ строѣ и не въ центральныхъ только учрежденіяхъ, а послѣ предварительнаго обсужденія его на мѣстахъ, въ особыхъ земельныхъ совѣщаніяхъ, или, иначе сказать, мѣстныхъ кре-

стьянскихъ комитетахъ, состоящихъ изъ представителей, свободно избранныхъ сельскими сходами крестьянъ, отчасти изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, какъ заинтересованной стороны, и представителей земства.

При современныхъ же условіяхъ,—говоритъ „Н. Жизнь"—участіе крестьянъ-экспертовъ будетъ жалкимъ, а приглашеніе ихъ не имѣетъ никакого значенія.

Не постигнетъ ли и Совѣщаніе Горемыкина та судьба, какая постигла коммиссію Шидловскаго?!

Работы закончившейся уже Коммиссіи *по подоходному налогу*, пожалуй, еще менѣе интересны въ настоящее время, такъ какъ онѣ поступятъ на разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ вѣдомствъ, которыя и займутся окончательнымъ составленіемъ законопроекта. А выработанный законопроектъ поступитъ на заключеніе членовъ настоящей коммиссіи. Словомъ, начнется сказка про бѣлаго бычка. Изъ постановленій Коммиссіи отмѣтимъ одно: „Обложенію подоходнымъ налогомъ подлежитъ весь валовой доходъ, за исключеніемъ той его части, которая въ будущемъ году должна по средней нормѣ содѣйствовать дальнѣйшему пріобрѣтенію дохода даннымъ лицомъ".

Но вопросъ, какъ услѣдить, чтобы плательщики не скрывали своихъ доходовъ, остался открытымъ. А между тѣмъ это, пожалуй, самое главное. Иначе по прежнему самые-то состоятельные люди и будутъ по прежнему уклоняться отъ слѣдуемаго съ нихъ платежа.

Въ *Коммиссіи о госуд. промысловомъ налогѣ* этотъ вопросъ рѣшенъ проектированіемъ статьи, налагающей взысканіе до 300 рублей за непредставленіе въ установленный срокъ для опубликованія свѣдѣній о заключительномъ балансѣ, счетѣ прибылей и убытковъ на отчетный годъ и о распредѣленіи прибыли, съ означеніемъ размѣра выданнаго или предназначеннаго къ выдачѣ дивиденда на каждую акцію или пай.

Самый же налогъ рѣшено исчислять въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными оборотами торговаго или промышленнаго предпріятія. Но опять таки, и здѣсь чѣмъ гарантируется добросовѣстность? Штрафомъ въ 300 руб.? Но что значитъ этотъ штрафъ, если предпріятіе—милліонное?

Всѣ вышеуказанныя Коммиссіи, при всей своей безрезультатности, по крайней мѣрѣ работали, за рѣдкими исключеніями, вполнѣ согласно, безъ рѣзкихъ конфликтовъ и столкновеній. Не то мы видимъ въ возобновленныхъ послѣ Пасхи занятіяхъ *Коммиссіи* подъ предс. М-стра Финансовъ В. Н. Коковцева—*по рабочему вопросу.*

Здѣсь съ первыхъ же шаговъ произошли рѣзкія несогласія и съ рабочими, которыхъ вздумалъ было пригласить для „отвѣтовъ" на вопросы Коммиссіи г. Коковцевъ, и съ промышленниками, участвовавшими въ Коммиссіи, наконецъ, со своимъ же братомъ—Промышленнымъ Отдѣломъ М-ства Финансовъ, члены котораго въ то же время, вѣроятно, состояли и членами Коммиссіи.

Рабочіе (приглашались только рабочіе Невскаго судостроит. завода) прямо отклонили предложеніе ст.-секр. Коковцева, мотивируя свой отказъ, по словамъ „Эконом. Газеты",—слѣд. соображеніями: 1) они не считаютъ себя вправѣ высказывать свое отношеніе къ законопроектамъ, касающимся рабочихъ всей Россіи. 2) Даже передача законопроектовъ на обсужденіе всѣхъ русскихъ рабочихъ не могла бы дать положительныхъ результатовъ, такъ какъ, при отсутствіи свободы печати, собраній, союзовъ и неприкосновенности личности, такое обсужденіе могло бы послужить лишь поводомъ къ такимъ же мѣропріятіямъ, какія были приняты по отношенію къ рабочимъ послѣ выборовъ въ Коммиссію сен. Шидловскаго. Они глубоко убѣждены, что *при существующихъ условіяхъ невозможно проведеніе какихъ бы то ни было широкихъ реформъ на пользу рабочаго класса*, и поэтому во всѣхъ коммиссіяхъ и законопроектахъ видятъ лишь *новыя попытки ввести рабочихъ въ заблужденіе.*

Удивительно, что такой же отвѣтъ, съ тою же мотивировкою Коммиссія Коковцева встрѣтила и отъ одесскихъ рабочихъ, которыхъ также было пригласили высказаться по вопросу о врачебной помощи рабочимъ. Не доказываетъ ли это политическую зрѣлость нашего рабочаго?

Съ своей стороны, и промышленники, явившіеся въ Коммиссію по избранію своихъ товарищей, скоро увидѣли невозможность работать въ Коммиссіи и со второго же засѣданія (18 мая) ушли оттуда.

Еще въ первомъ засѣданія (16 мая) изъ рѣчи М-стра Финансовъ они узнали, что изъ семи намѣченныхъ къ разсмотрѣнію вопросовъ (обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, страхованіе на случай болѣзни, страхованіе на случай старости и инвалидности, о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени, объ отмѣнѣ карательныхъ статей, касающихся стачекъ и досрочнаго расторженія договоровъ о наймѣ, объ организаціи рабочихъ, и объ оказаніи врачебной помощи рабочимъ) предположено было обсудить только два и притомъ уже въ значительной мѣрѣ разрѣшенныхъ самой жизнью, а потому неспособныхъ внести въ рабочую среду успокоенія, именно, вопросъ о сокращеніи рабочаго дня и измѣненіяхъ карательныхъ статей закона о стачкахъ *). Кромѣ того, въ виду того, что рабочіе безпорядки вызваны ненормальными условіями госуд. жизни страны, *всѣ работы Коммиссіи*, по мнѣнію промышленниковъ, *не могутъ послужить къ успокоенію рабочихъ, пока не измѣнятся эти послѣднія условія*.

Тѣмъ не менѣе промышленники не отказывались отъ участія въ трудахъ Коммиссіи, съ тою цѣлью, чтобы „работы настоящей коммиссіи могли носить только подготовительный характеръ и *послужить матеріаломъ для того законодательнаго учрежденія, въ которомъ примутъ непосредственное участіе народные представители*".

Но вотъ произошелъ Цусимскій разгромъ, затѣмъ пошли зловѣщіе слухи о волненіяхъ въ Польшѣ, рѣзнѣ народностей на Кавказѣ и, наконецъ, о новомъ избіеніи манифестантовъ, на этотъ разъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ,—и промышленники единогласно постановили прекратить свои занятія въ Коммиссіи Коковцева, „въ виду тревожнаго состоянія Россіи". Все равно,—говорилъ представитель промышленниковъ, Г. А. Крестовниковъ М-стру Финансовъ 18 мая,—„работами Коммиссіи возбужденія, охватившаго всю Россію, мы не успокоимъ. Если обрушившееся теперь на Россію громадное бѣдствіе не въ состояніи окажется внести успокоенія въ рабочую среду, то не внесутъ его и тѣ законы, которые мы съ Вами будемъ составлять".

Въ поданной затѣмъ тому же М-стру Ф. запискѣ промышленники указали на неправильный ходъ работъ Коммиссіи, проектированный Министромъ. Какъ мы уже говорили, послѣдній рѣшилъ пока заняться разсмотрѣніемъ вопроса о сокращеніи рабочаго дня и измѣненіи закона о стачкахъ.

Но вѣдь рабочіе волнуются вовсе не изъза сокращенія рабочихъ часовъ,—говоритъ записка—на это „указываютъ тѣ факты, что наиболѣе рѣзко и прежде всего волненія произошли и поддерживаются до сихъ поръ на тѣхъ заводахъ, гдѣ и до волненій продолжительность рабочаго времени не превосходила проектированной Министерствомъ Финансовъ десятичасовой нормы, и что проведенный уже въ жизни сокращенный рабочій день до девяти часовъ во всѣхъ казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и во всемъ Бакинскомъ нефтяномъ районѣ ничуть не устранилъ волненій среди ихъ рабочихъ, постоянно возобновляющихъ забастовки, доходящія зачастую до форменнаго безчинства".

Что же касается до закона о стачкахъ, — говорится далѣе въ запискѣ,—то „карательныя статьи, касающіяся стачекъ, и до настоящаго времени все равно не примѣнялись: правда, взамѣнъ этого административнымъ образомъ производилась выемка изъ среды рабочихъ „нежелательныхъ элементовъ", но, конечно, эти дѣйствія административной власти, основанныя на произволѣ, ничего общаго съ законами о стачкахъ не имѣютъ, а потому и измѣненіе ихъ, безъ огражденія личности и жилища рабочихъ отъ административнаго произвола, не измѣняя существа настоящаго положенія рабочаго, ничего ему не дастъ".

„Поэтому, — заканчиваетъ записка, — на первый планъ, среди мѣръ къ успокоенію рабочихъ и упорядоченію быта и положенія ихъ, необходимо было бы поставить во всякомъ случаѣ не вопросы объ отмѣнѣ карательныхъ статей, касающихся стачекъ и о продолжительности рабочаго времени", а *вопросъ о свободѣ союзовъ въ связи съ общимъ для всей Россіи вопросомъ о неприкосновенности личности и жилища*".

*) Другіе вопросы М-стръ Финансовъ рѣшилъ отклонить по *уважительнымъ* причинамъ: напр., вопросъ о союзахъ рабочихъ изъ-за того, что Министерство Финансовъ еще само не разработало его, а вопросъ о врачебной помощи — изъ-за того, что „не получены отзывы" на проектъ М-ства.

Министръ, ничего не отвѣтивъ по существу, выразилъ только свое сожалѣніе объ уходѣ промышленниковъ, но самъ съ членами отъ правительства рѣшилъ продолжать засѣданія, „по долгу присяги". „Я останусь на своемъ посту,—говорилъ онъ,—тѣмъ же безсмѣннымъ часовымъ, который обязанъ стоять, свѣтитъ ли яркое солнце, хлещетъ ли рѣзкій дождь".

И гг. чиновники, по долгу присяги, дѣйствительно, остались работать... языкомъ... на пользу бумажныхъ фабрикантовъ и типографій...

Такое засѣданіе происходило, между прочимъ, 3 іюня для разсмотрѣнія выработанныхъ Отдѣломъ Промышленности *проектовъ новаго закона о стачкахъ и рабочихъ организаціяхъ*.

Первый проектъ, уже переработанный Отд. Промышленности, рѣшено еще разъ переработать, для чего образуется подкоммиссія, при участіи чиновъ Вѣдомства Юстиціи, а 2-й проектъ и совсѣмъ не разсматривался „впредь до окончанія подготовительныхъ трудовъ Отдѣла Промышленности, спѣшно заканчивающаго печатаніе историческихъ обзоровъ и переводовъ на русскій языкъ иностраннаго законодательства по вопросу о союзахъ рабочихъ". По заявленію управляющаго отдѣломъ, матеріалы будутъ изготовлены *къ серединѣ іюля* и тогда же разосланы для ознакомленія членамъ Коммиссіи.

Жалѣть объ этой отсрочкѣ особенно нечего, такъ какъ рабочіе все равно едва-ли бы удовлетворились предложенными имъ организаціями.

По проекту Пром. Отдѣла, предполагалось учредить не вольные союзы, имѣющіе цѣлью защиту интересовъ рабочихъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, а какія-то благотворительныя организаціи, въ видѣ рабочихъ товариществъ и профессіональныхъ обществъ.

„Цѣли товариществъ, по проекту, заключаются въ совмѣстномъ обсужденіи его членами вопросовъ, касающихся условій договора найма и быта рабочихъ въ данномъ заведеніи и въ изысканіи мѣръ къ улучшенію быта и защитѣ интересовъ членовъ товарищества, т. е. *рабочихъ только даннаго заведенія*. Если членовъ много, то товарищество подраздѣляется на отдѣлы: въ послѣднихъ не должно быть свыше 100 членовъ".

Профессіональныя же общества, имѣющія въ сущности тѣ же узко благотворительныя цѣли, предполагается учредить „*исключительно для изслѣдованія и защиты экономическихъ интересовъ* и для изслѣдованія и улучшенія условій промышленнаго труда ихъ членовъ".

Согласно этой цѣли, проф. о-вамъ предлагается устраивать кассы взаимопомощи, библіотеки, курсы и пр.

Безъ гарантіи личной свободы и свободы мнѣній такія организаціи все равно выйдутъ мертворожденными.

Что касается до проекта новаго закона о стачкахъ, то въ общихъ чертахъ онъ слѣдующій.

I. Несоблюденіе условій договора о наймѣ не можетъ преслѣдоваться уголовнымъ порядкомъ. Нарушенія матеріальной стороны договоровъ подлежатъ вѣдѣнію гражданскаго суда. II. Уголовному наказанію подлежатъ лишь насилія или угрозы во время стачекъ. III. Отвѣтственность и гражданская, и уголовная должна быть одинаковой и для работодателей и для рабочихъ. IV. Самый фактъ прекращенія работы промышленнымъ заведеніемъ не можетъ почитаться нарушеніемъ, за исключеніемъ остановокъ заведеній, общественно необходимыхъ (водопроводы, канализаціонныя сооруженія и т. д.).

Что же касается самой кары за насилія или угрозы, то въ зависимости отъ того, были ли произведены угрозы и насилія единолично или же совмѣстно многими лицами, проектъ предполагаетъ установить наказанія отъ кратковременнаго ареста (не свыше 1 мѣсяца за угрозы и 3-хъ мѣсяцевъ за насилія) до тюремнаго заключенія не свыше 6 мѣсяцевъ.

Наконецъ, Отдѣлъ Промышленности изготовилъ для Комиссіи Коковцева еще проектъ—*о государственномъ страхованіи* рабочихъ. Согласно ему, государственное страхованіе должно предусматривать слѣд. случаи утери рабочимъ трудоспособности: 1) болѣзнь, 2) несчастный случай на работѣ, 3) старость и потерю трудоспособности не по несчастнымъ случаямъ.

Что касается несчастныхъ случаевъ на работѣ, то здѣсь, какъ извѣстно, интересы рабочихъ охраняются пріобрѣтшимъ печальную извѣстность закономъ 2 іюня 1903 г. Проектъ сохраняетъ полную силу за этимъ

закономъ, но замѣняетъ индивидуальную отвѣтственность предпринимателя общею отвѣтственностью предпринимателей отдѣльныхъ раіоновъ и промышленныхъ областей.

Страхованіе же на случай болѣзни и старости предполагается организовать исключительно за счетъ вычетовъ изъ заработной платы рабочихъ (не свыше 3%) и равныхъ имъ взносовъ со стороны предпринимателей.

Государство съ своей стороны въ образованіи страховыхъ капиталовъ взносами не участвуетъ, но зато оно беретъ въ свои руки общее руководство страховыми операціями, для чего, конечно, предполагается создать особое главное управленіе по страхованію рабочихъ.

Этимъ, собственно, и ограничивается участіе государства въ проектируемомъ „государственномъ" страхованіи рабочихъ.

Объ этомъ проектѣ еще до сихъ поръ не было никакихъ разсужденій въ Комиссіи Коковцева.

Самою интересною, но, къ сожалѣнію, больше всего замалчиваемою „по независящимъ обстоятельствамъ" Комиссіей является, конечно, *Комиссія подъ предс. М-стра Вн. Дѣлъ Булыгина.* Комиссія эта уже закончила составленіе проекта народнаго представительства и передала его въ Совѣтъ Министровъ (куда, между прочимъ былъ приглашенъ и Спб. Ген.-Губернаторъ Тов. М-стра Д. Ѳ. Треповъ), гдѣ онъ разсматривался въ цѣломъ рядѣ засѣданій отъ 26 мая по 10 іюня. Въ общемъ проектъ встрѣченъ въ Совѣтѣ сочувственно; и поправки были только чисто редакціоннаго характера. (Мы должны еще говорить, что Совѣтъ рѣшилъ не публиковать свѣдѣній о своихъ засѣданіяхъ,—и потому сообщаемое нами передается частью на основаніи слуховъ, частью на основаніи сообщенія освѣдомленнаго въ бюрократическихъ кругахъ „Нов. Вр.").

По проекту гофмейстера Булыгина будущее народное собраніе называется Государственной Думой. Она составляется изъ 500 (приблизительно) членовъ, избираемыхъ населеніемъ на пятилѣтній срокъ. Дума распадается на 10 отдѣловъ, изъ которыхъ 9 вѣдаютъ каждый особую отрасль законодательства, соприкасающуюся съ тою или другою стороною государственной жизни, какъ-то: финансы, сельское хозяйство, торговля и промышленность, народное просвѣщеніе, духовныя дѣла, административныя дѣла, юстиція, военныя дѣла, пути и средства сообщенія. На десятый отдѣлъ возлагается спеціально разсмотрѣніе финансовыхъ отчетовъ.

Предсѣдатель Государственной Думы равно и предсѣдатели отдѣловъ, назначаются Верховною властью.

Члены Государственной Думы получаютъ содержаніе изъ казны въ размѣрѣ 2.400 р. въ годъ. Они не могутъ быть подвергнуты лишенію или ограниченію свободы по распоряженію административной власти, а также не подлежатъ личному задержанію за долги.

Предметы вѣдомства Государственной Думы совпадаютъ съ предметами вѣдомства государственнаго совѣта. Такимъ образомъ, Дума разсматриваетъ всѣ представленія министровъ объ изданіи новыхъ законовъ и объ измѣненіи или отмѣнѣ существующихъ, а равно государственную роспись доходовъ и расходовъ, финансовыя смѣты отдѣльныхъ министерствъ и отчеты государственнаго контроля. Дѣла, вѣдаемыя Государственной Думой, обсуждаются первоначально въ подлежащихъ ея отдѣлахъ, затѣмъ переходятъ въ общее собраніе и оттуда направляются въ государственный Совѣтъ. Заключенія Думы и Совѣта повергаются на благовоззрѣніе Верховной Власти.

Законодательныя предположенія министерствъ, отклоненныя большинствомъ членовъ Государственной Думы и государственнаго Совѣта, дальнѣйшаго движенія не получаютъ. Государственной Думѣ предоставляется право предложить подлежащему министру выработать, на указанныхъ ею основаніяхъ, тотъ или другой законопроектъ и внести послѣдній на ея разсмотрѣніе. Кромѣ того, Государственная Дума пользуется правомъ дѣлать запросы министрамъ, т. е. требовать сообщенія ей свѣдѣній, касающихся ихъ дѣятельности. Если Дума не удовлетворится разъясненіями даннаго министра, также въ случаѣ неосновательнаго отказа министра отъ отвѣта на запросъ,—предсѣдатель Думы докладываетъ объ этомъ Государю Императору.

О всѣхъ засѣданіяхъ Государственной Думы составляется оффиціальный отчетъ,

оглашаемый въ печати; кромѣ того, представители печати допускаются на засѣданія Думы.

Что касается выборовъ въ члены Думы, то, они производятся по губерніямъ и по городамъ съ населеніемъ свыше 100 тысячъ. Число членовъ опредѣляется для каждой губерніи и для каждаго города, составляющаго отдѣльный избирательный округъ, особымъ расписаніемъ въ соотвѣтствіи съ количествомъ ихъ населенія. Губернскіе выборы являются трехстепенными, а городскіе—двухстепенными. Въ губерніяхъ члены Государственной Думы избираются губернскими избирательными собраніями, въ составъ которыхъ входятъ губернскіе выборщики. Послѣдніе, въ свою очередь, избираются уѣздными избирательными собраніями. Уѣздныя избирательныя собранія образуются изъ уѣздныхъ выборщиковъ, избираемыхъ: а) уѣздными избирательными съѣздами, б) городскими избирательными съѣздами (въ городахъ съ населеніемъ менѣе 100 тысячъ) и в) волостными сходами. Право участія въ избирательныхъ съѣздахъ обусловливается обладаніемъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ (земля или иная недвижимость, торгово-промышленное или хозяйственное заведеніе), размѣръ котораго въ проектѣ А. Н. Булыгина не установленъ. Каждая волость посылаетъ въ уѣздное избирательное собраніе одного выборщика.

Городскія избирательныя собранія составляются изъ городскихъ выборщиковъ, избираемыхъ въ С.-Петербургѣ на основаніи дѣйствующаго для него особаго городового положенія, а въ прочихъ городахъ—на основаніи общаго городового положенія 1892 г. Такимъ образомъ, для участія въ выборахъ въ городскихъ избирательныхъ округахъ требуется обладаніе недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ заведеніемъ; въ С.-Петербургѣ цензомъ считается также уплата квартирнаго налога въ размѣрѣ 33 руб. Всѣ избирательныя коллегіи—избирательные съѣзды и волостные сходы и избирательныя собранія—могутъ останавливать свой выборъ только на членахъ данной коллегіи.

Эта выборная система отличается безсословнымъ характеромъ. Выборы въ городскихъ избирательныхъ округахъ представляются безсословными съ самаго начала, а выборы въ губерніяхъ имѣютъ сословную конструкцію только въ первой ихъ стадіи, при избраніи уѣздныхъ выборщиковъ. Но уже въ уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ выборщики отъ всѣхъ сословій соединяются въ одну общую всесословную коллегію.

Но на-ряду съ этимъ проектирована и иная система, согласно которой выборы членовъ Государственной Думы производятся на сословныхъ началахъ. Всѣ первоначальные избиратели въ уѣздахъ раздѣляются на три разряда: крестьяне, входящіе въ составъ волостей, землевладѣльцы (не исключая частныхъ собственниковъ изъ крестьянъ) и владѣльцы городскихъ недвижимостей и торгово-промышленныхъ заведеній. Каждый изъ этихъ разрядовъ въ отдѣльности избираетъ изъ своей среды сперва уѣздныхъ, а затѣмъ губернскихъ выборщиковъ. Наконецъ, послѣдніе также изъ своей среды избираютъ членовъ думы.

Вотъ и всѣ слухи, которые пока проникли въ печать. Что касается поднятаго нѣкоторою частью прессы вопроса объ участіи въ выборахъ евреевъ, то сначала пошли слухи, что они совершенно отстраняются отъ выборовъ, потомъ появилось опровержение этого слуха.

Равнымъ образомъ трудно такъ судить и о компетенціи Думы: по однимъ извѣстіямъ, изъ ея вѣдѣнія будетъ изъятъ не только вопросъ о войнѣ и мирѣ, но и вопросъ крестьянскій, выдѣленный въ коммиссію Горемыкина.

Во всякомъ случаѣ не только образованная часть общества, но и простой народъ, возлагавшій послѣднія свои надежды на собраніе излюбленныхъ своихъ представителей, едва ли удовлетворится тѣмъ видомъ народнаго представительства, которое обѣщаетъ проектъ Булыгина, судя по проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ.

Итакъ, ни всеобщее негодованіе, ни полный разгромъ Россіи на Востокѣ, ни адресы, заявленія, ничто не поколебало юпитеровской невозмутимости бюрократіи, — и по прежнему она въ тиши кабинетовъ вырабатываетъ проекты реформъ, имѣющихъ цѣлью обновить всю Россію. Достигнетъ ли только она этой цѣли?

II.

Вопросъ объ учебныхъ заведеніяхъ, особенно, высшихъ остается до сихъ поръ не рѣшеннымъ, и тутъ бюрократія, видимо, рѣшила ни на іоту не уступать. Напротивъ, проектируются самыя радикальныя мѣры „для укрощенія строптивыхъ“, помимо массоваго исключенія студентовъ (какъ въ Варш. Унив.) или профессоровъ.

Слухи ходятъ одинъ другого страшнѣе. То рѣшаютъ закрыть всѣ высшія учебныя заведенія и уволить *всѣхъ* студентовъ и профессоровъ, которые не возобновятъ занятій съ 1 сент., а на мѣсто уволенныхъ профессоровъ пригласить иностранцевъ (кстати, не пригласить-ли уже заодно и иностранцевъ-студентовъ?..). Къ счастью, тѣ поспѣшили отклонить сдѣланное имъ предложеніе. То проектируютъ перенести всѣ высшія учебныя заведенія изъ большихъ центровъ въ маленькіе города (а чего это будетъ стоить?!), то, наконецъ, вносятъ въ Госуд. Совѣтъ предложеніе повысить плату за ученіе студентовъ, „по меньшей мѣрѣ, до 500 руб. въ годъ, такъ какъ съ одной стороны, этимъ путемъ *можно избавить высшія учебныя заведенія отъ нежелательнаго элемента среди учащихся*, а съ другой — можно *остановить замѣчаемое нынѣ перепроизводство интеллигенціи*“.

Это у насъ-то, въ 90% безграмотной и полуграмотной Россіи „перепроизводство интеллигенціи“!!!

Во всякомъ случаѣ 1 сентября едва-ли академическая жизнь войдетъ въ нормальную колею, разъ *ничего не сдѣлано* для измѣненія существующихъ ненормальныхъ условій, общихъ и спеціально академическихъ.

Между тѣмъ М-ство Нар. Просвѣщенія уже разослало своимъ учебнымъ заведеніямъ слѣд. сообщеніе:

„Съ сентября мѣсяца начинается чтеніе лекцій, причемъ идетъ оно утромъ и вечеромъ. Вечернія лекціи будутъ играть роль второго семестра минувшаго неполнаго, за прекращеніемъ занятій академическаго года. Въ декабрѣ состоятся выпускные и переводные экзамены студентамъ, прослушавшимъ курсъ вечернихъ лекцій и лекцій, читанныхъ въ I полугодіи 1904—1905 академическаго года. Съ января занятія пойдутъ обычнымъ порядкомъ, и весною состоятся новые выпускные и переводные экзамены“.

При этомъ Министрамъ разрѣшено перевести условно на слѣдующіе курсы студентовъ, числящихся нынѣ на второмъ, четвертомъ и шестомъ, а на медицинскихъ факультетахъ и на восьмомъ семестрахъ, если студентами будетъ возбуждено о томъ соотвѣтствующее ходатайство и *къ удовлетворенію его не встрѣтится препятствій со стороны учебно-окружного* и *университетскаго начальства;* условно переведеннымъ студентамъ предоставляется право держать полукурсовыя испытанія въ декабрѣ текущаго года для зачета имъ перваго и второго, третьяго и четвертаго, пятаго и шестого, а на медицинскихъ факультетахъ седьмого и восьмого семестровъ.

Остальные студенты, а также не выдержавшіе въ декабрѣ экзамена, будутъ оставлены на прежнихъ курсахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено освободить студентовъ отъ платы за весеннее полугодіе 1905 г., а поступившіе взносы возвратить.

Наконецъ, для желающихъ въ высшихъ учебныхъ зав. М-ства Нар. Пр. и другихъ М-ствъ рѣшено было начать экзамены съ мая.

Однако, вездѣ являлось очень мало студентовъ (часто единицами—1—5). Въ Спб. Ун-тѣ по юридическому фак-ту было подано штукъ 30 прошеній, и то испытательная коммиссія многія отклонила. Въ Юрьевскомъ Ун-тѣ, по тому же юрид., было подано 1—2 прошенія Въ Юрьевскомъ Ветер. Инст. экзаменуется около 20 челов. Въ Горномъ Институтѣ Совѣтъ профессоровъ призналъ возможнымъ возобновить занятія не ранѣе 1 янв. 1906 г. Наконецъ, въ Варш. У-тѣ, закрытомъ было совсѣмъ 21 марта, а 7 апр.— только временно закрытомъ до 1 сент., приказано начать и весенніе экзамены (въ маѣ). Но на нихъ почти никого не явилось. Въ томъ же Варш. У-тѣ профессора ходатайствуютъ, въ видахъ водворенія спокойствія, объ обратномъ пріемѣ тѣхъ 700 студентовъ, которые были удалены по настоянію ректора Зилова въ апрѣлѣ. Однако, на ихъ просьбу до сихъ поръ не откликнулись.

Да едва-ли они когда-нибудь и получатъ отвѣтъ: не такое теперь время. Теперь въ

чести—гг. Зиловы и Шиллеры; г. Шиллеръ, бывшій директоръ Харьковскаго Технологическаго института, извѣстный по „Шиллеровской исторіи". командируется въ Москву для разслѣдованія *дѣла о союзѣ профессоровъ;* его же, по слухамъ, прочатъ, вмѣсто увольняемаго Некрасова, попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа.

Мало церемонясь со студентами, начальство еще менѣе церемонится съ учениками среднихъ и низшихъ заведеній. Здѣсь при малѣйшемъ признакѣ неудовольствія, пускаются входъ и угрозы, и исключенія, и запугиваніе родителей.

Вотъ, напр., какія письма, по словамъ „С. От.",—директоръ Тамбовскаго Екатерининскаго учительскаго института г. Алякритскій разослалъ родителямъ тѣхъ учениковъ, которые по его мнѣнію, „принимали весьма замѣтное участіе какъ въ организаціи забастовки, такъ и въ дѣйствіяхъ во время ея":

„Въ интернатѣ 23-го марта была забастовка, въ которой сынъ вашъ (имя рекъ) принималъ весьма замѣтное участіе. Вся забастовка была основана на политической неблагонадежности молодыхъ людей, принимавшихъ въ ней участіе. Они, — въ томъ числѣ и вашъ сынъ,—задались цѣлью измѣнить существующій въ государствѣ строй правленія (!), измѣнить основы школьной жизни и дисциплины, они отреклись отъ православной вѣры и святыхъ постановленій церкви (?!), они требовали, чтобы въ учительскій институтъ и, слѣдовательно, на учительскія должности въ русскихъ народныхъ школахъ *были допускаемы жиды и другіе иновѣрцы*, они, наконецъ, *требовали совершеннаго упраздненія религіозности* въ школѣ и т. п. Все это въ совокупности — такія преступленія, которыя лишаютъ какое бы то ни было учебное заведеніе права держать такихъ отщепенцевъ въ своихъ стѣнахъ. Вашъ сынъ, кромѣ того, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими воспитанниками принималъ участіе въ ночномъ безобразіи и, если не попалъ въ острогъ, то только потому, что я, пожалѣвъ ихъ, впустилъ во дворъ института. Теперь, думаю, вы сами поймете, что вашему сыну нѣтъ больше мѣста въ институтѣ".

Письма написаны на оффиціальномъ бланкѣ, за №. Надо сознаться, что г. Алякритскій знаетъ, кого чѣмъ можно пронять. Дѣло въ томъ, что большинство родителей учениковъ,—или крестьяне или мелкіе торговцы,—люди религіозные. Какъ же имъ не испугаться такихъ „жупеловъ"?!

Но, будучи, видимо, глубоко православнымъ, г. Алякритскій желаетъ показать своимъ неблагодарнымъ питомцамъ все величіе его души и мягкосердечіе. Да, онъ готовъ принять обратно чистосердечно раскаявшихся, стоитъ имъ только выразить свое полное раскаяніе. А чтобы юноши не затрудняли себя подыскиваніемъ соотвѣтствующихъ формъ для выраженія своего покаянія, сердобольный начальникъ облегчилъ имъ и этотъ трудъ. выработавъ слѣд. форму прошеній для обратнаго поступленія воспитанниковъ въ Институтъ (какъ пишетъ „Тамб. Гол.").

„*Съ горючими слезами молю* васъ, ваше высокородіе, принять меня обратно въ число воспитанниковъ института, такъ какъ во всемъ, что произошло за послѣдне время въ институтѣ, я принималъ участіе не по собственному убѣжденію и желанію, а *по насилію и убѣжденію со стороны агитаторовъ происшедшаго движенія*, которые, *только съ угрозою убить меня*, заставили принять участіе въ движеніи и подписаться въ поданной петиціи. Лично-же я всѣмъ требованіямъ, выраженнымъ въ петиціи не сочувствовалъ и не сочувствую. а, напротивъ, вполнѣ сочувствую всѣмъ правиламъ и положеніямъ института и вамъ только желаю подчиняться".

Стоитъ только виновному написать такое прошеніе, — и дѣло въ шляпѣ. Впрочемъ, pardon,—для такого сердобольнаго начальника „горючихъ слезъ" воспитанника мало, нужно, чтобы и папаша его залился такими же слезами,—и вотъ разсылается другая форма—только для родителей—для подачи прошенія въ Институтъ:

„*Слезно умоляю* принять сына и подтверждаю, что онъ искренне раскаялся и со слезами увѣрялъ меня въ томъ, что въ движеніи и подписи петиціи принималъ участіе только благодаря насилію со стороны этого движенія".

Не слишкомъ ли, однако, много слезъ требуетъ „его высокородіе"? Какъ думаетъ читатель?

Разъ возможно предлагать такія „слезоточивыя“ формы заявленій совершенно независимымъ отъ Учебнаго Начальства людей, то легко себѣ представить, какъ оно поступаетъ съ людьми, вполнѣ зависимыми отъ него, напр., народными учителями. И дѣйствительно, тутъ оно отбрасываетъ въ сторону ложный стыдъ и какія-то тамъ правила этики: просто идетъ *предписаніе* или—*ступай вонъ*. Впрочемъ, для покорныхъ милостивое начальство имѣетъ про запасъ благодарность.

Такъ, напр., Директоромъ народныхъ училищъ Костромской губ. была разослана нѣкоторымъ учителямъ оффиціальная бумага слѣдующаго содержанія: „Честь имѣю увѣдомить васъ, м. г., что предложеніемъ начальника московскаго округа отъ 4-го августа сего года за №... выражено вамъ одобреніе за обнаруженную вами втеченіе общеобразовательныхъ курсовъ, бывшихъ лѣтомъ текущаго 1904 года въ г. Костромѣ, *стойкость и твердость патріотическаго направленія* вашего въ виду желанія нѣкоторыхъ учителей внести нежелательное направленіе въ школѣ“.

Чего же еще больше?! Учитель долженъ гордиться такимъ вниманіемъ высшаго начальства.

Въ Самарѣ подобное же „патріотическое“ усердіе вздумалъ проявить мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ, И. Клюжевъ. Въ качествѣ и. д. предсѣдателя „О-ва взаимопомощи учащихъ и учившихъ, онъ намѣревался созвать въ Самару на 20-е апрѣля учителей и внушить имъ „патріотическую“ резолюцію. Когда же г. инспекторъ узналъ, что члены общества, не раздѣляя его настроеній, выдвигають вопросъ о правовомъ положеніи учителей, онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы собраніе не состоялось: онъ и предупреждалъ, и употреблялъ личное свое вліяніе и пр. Собраніе не было разрѣшено губернаторомъ. Тѣмъ не менѣе, учителя, большей частью народныхъ училищъ, собрались въ количествѣ до 200 человѣкъ и открыли засѣданіе. На этомъ собраніи изъ ряда документовъ выяснилось неблаговидное поведеніе г. Клюжева и единогласно было постановлено: исключить г. инспектора изъ членовъ общества, путемъ печати опубликовать его поступки и довести до свѣдѣнія губернскаго земскаго собранія, что ему, какъ гласному, не должно быть тамъ мѣста.

Такой резолюціей, конечно, осталась недовольно вся инспекція народныхъ училищъ. Директоръ разослалъ свои „предложенія“ инспекторамъ, а эти послѣдніе—свои „циркуляры“ гг. преподавателямъ. Въ циркулярахъ просто на просто учителя приглашались снова явиться въ Самару, но на этотъ разъ съ цѣлью—„заявить протестъ противъ несвоевременности возбужденія вопроса о правовомъ положеніи учителей“, да мало того—еще, выразить увѣренность, что правительство, по окончаніи внѣшнихъ и внутреннихъ волненій, само приметъ мѣры къ улучшенію матеріальнаго и общественнаго положенія народнаго учителя“. „Составленный въ такомъ видѣ Всеподданнѣйшій докладъ отъ учителей и учительницъ самарской губерніи обрадовалъ бы Государя Императора“,—скромно прибавляетъ циркуляръ. Учителю *предлагалось* (а знаете, что значитъ *предложеніе* начальства?) или лично явиться для этой цѣли на собраніе или прислать письменный протестъ.

Такъ „дѣлается исторія“! И пожалуй, „страха ради іудейска“ многіе учителя „приняли къ исполненію“ *предложеніе* начальства,—и былъ состряпанъ новый Всеподданнѣйшій адресъ!

Еще радикальнѣе распорядилась дирекція народныхъ училищъ въ Витебскѣ: она разослала предписанія, чтобы подвѣдомственные ей сельскіе учителя *не писали корреспонденцій и статей, задѣвающихъ мѣстную администрацію:* потому— тишь да благодать—самое разлюбезное дѣло. Зачѣмъ раздражать даже гг. урядниковъ? Всякая власть—отъ Бога!

И въ такое-то время находятся еще мужественные люди, которые принимаютъ радикальныя резолюціи. Такъ, 10 апр. учителя Ярославской губ. приняли резолюцію, гдѣ присоединяются къ положеніямъ, изложеннымъ въ запискѣ 256 учителей и др. дѣятелей по народному образованію 12 марта 1905 г.; учителя Прибалтійскаго Края собираютъ подписи для петиціи въ Комитетъ Министровъ, гдѣ указываютъ на необходимость полной реорганизаціи народной школы на новыхъ началахъ; наконецъ, для будущаго собранія народныхъ представителей приготовили петицію и малоруссы, просящіе

о возстановленіи народной школы для малорусскаго народа, съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ и возвращеніемъ подобающаго мѣста среди предметовъ школьнаго преподаванія — малорусской литературы и малорусской исторіи и т. д. Эту петицію подписало уже свыше 500 лицъ...

Словомъ, школа все настойчивѣе заявляетъ о необходимости реформы, а тамъ, вверху, по прежнему „ничего въ волнахъ не видно“... Однѣ тяжелыя тучи покрываютъ туманный небосклонъ.

III.

Нѣтъ спокойствія и въ низшихъ классахъ. Напротивъ, общее недовольство распространяется все шире и шире. Скоро, пожалуй, хроникеру придется указывать не тѣ мѣста, *гдѣ происходятъ безпорядки*, а тѣ, *гдѣ ихъ не происходитъ*, такъ какъ волненія распространились уже по всей Россіи, принявъ особенно рѣзкую форму протеста въ Польшѣ и на Кавказѣ, а на Западѣ и Югѣ вылившись въ форму отвратительныхъ избіеній интеллигенціи или дикихъ погромовъ и разгромовъ беззащитныхъ.

Собственно „рабочими безпорядками“, какъ выражаются полицейскіе протоколы,— захвачены были буквально всѣ значительные Промышленные Центры Россіи: Рига, Ревель, Москва, Кострома, Нижній, Саратовъ, Кіевъ, Гродно, Бѣлостокъ, Одесса, Харьковъ, Ростовъ, Екатеринодаръ, Тифлисъ—словомъ, нашъ центръ, Сѣверъ, Остзейскій край, Польша, Малороссія, Поволжье, Донецкій районъ, Кавказъ съ Прикавказьемъ, Уралъ, даже далекая Сибирь съ Иркутскомъ. По слухамъ, ужасающіе безпорядки произошли въ послѣднее время въ Лодзи, Одессѣ и Николаевѣ, объявленныхъ поэтому на военномъ положеніи. Замѣчательна при этомъ та быстрота, съ которой забастовки распространились на самыя разнообразныя категоріи рабочаго люда. Начавшись среди рабочихъ механическихъ заводовъ, забастовка перешла сначала на всѣ категоріи фабричнозаводскаго производства, затѣмъ въ среду желѣзнодорожныхъ рабочихъ, грузчиковъ, портовыхъ рабочихъ, ремесленниковъ, какъ портные, каменьщики и т. п., кондитеровъ, пекарей, наборщиковъ, прачекъ и т. д.

Кромѣ непосредственно рабочихъ, въ движеніе вовлечена масса мелкаго служащаго люда, прикащиковъ, конторщиковъ, банщиковъ, состоящихъ на городской службѣ, домашней прислуги, с.-хоз. рабочіе, словомъ, сотни отраслей труда, кончая, какъ это ни странно, даже псаломщиками. „Опредѣлить число лицъ, принявшихъ участіе въ движеніи,—говоритъ „Н. Ж.“, — можно лишь крайне гадательно; слѣдуетъ думать, что во всякомъ случаѣ значительно перевалило за полмилліона, и мы не стали бы спорить, если бы кто-нибудь исчислилъ его въ милліонъ или даже выше“. Что это движеніе не ослабѣваетъ, видно уже хотя бы изъ послѣднихъ извѣстій изъ Варшавы и вообще изъ Польши, изъ дружной забастовки наканунѣ Пасхи пекарей въ Москвѣ, во второй половинѣ апрѣля пекарей въ Одессѣ, грузчиковъ въ Царицынѣ, портныхъ въ Бѣлостокѣ. А что касается тѣхъ требованій, которыя предъявлялись всей этой массой людей, то должно отмѣтить 2 основныхъ черты: всюду рѣчь шла *объ улучшеніи матеріальнаго положенія*—о повышеніи платы, сокращеніи времени работы и проч.; но не менѣе общей чертой требованій забастовщиковъ оказываются и требованія другого порядка, *требованія, какъ бы вызванныя чувствомъ человѣческаго достоинства*, пробудившимся сознаніемъ своихъ человѣческихъ правъ. Объемъ послѣднихъ требованій весьма различенъ и отъ ясно формулированныхъ политическихъ заявленій о свободѣ собранія, личности, слова, онъ опускается въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ до уровня наивныхъ пожеланій, вродѣ пожеланія тѣхъ же псаломщиковъ относительно болѣе вѣжливаго обращенія со стороны священниковъ“.

Эти „безпорядки“ въ большинствѣ случаевъ проходили довольно мирно, если не вмѣшивается полиція и казаки, особенно послѣдніе, своимъ грубымъ обращеніемъ, дерзостью и жестокостью вездѣ вызывающіе сильное раздраженіе и озлобленіе. Во многихъ мѣстахъ толпа рабочихъ вступала съ ними въ настоящее сраженіе.

Тихо бы протекъ и празднуемый на западѣ рабочій праздникъ, 1 мая (18 апр. по ст. стилю), если бы кто-то, вѣроятно, провокаторъ не начиналъ стрѣлять изъ толпы. Мгновенно на мѣсто дѣйствія толпы появи-

лись казаки и солдаты,—и начиналось избіеніе. Такъ было въ Варшавѣ, Либавѣ, Лодзи, Минскѣ, даже въ дальной Уфѣ, Саратовѣ и Елисаветградѣ. Но особенно звѣрское избіеніе было произведено въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, куда фабриканты на свой счетъ выписали цѣлыхъ 2 сотни казаковъ. 3 іюня обычное собраніе рабочихъ на Талкѣ превратилось въ кровавую бойню. Казаки, подъ предводительствомъ полиціймейстера Кожеловскаго, безъ предупрежденія бросились на толпу. Толпа разсѣялась. Казаки стали тогда разстрѣливать людей по одиночкѣ: убита дѣвочка, убитъ грудной ребенокъ на рукахъ матери. Всего, по разсказу рабочихъ, убито 25 чел., ранено очень много, особенно ударами нагаекъ.

Въ тотъ же день произошелъ пожаръ на Фабрикѣ бр. Гандуриныхъ. Собравшійся народъ, среди котораго было не мало исполосованныхъ нагайками, не далъ пожарнымъ тушить пожаръ, и пожарные разбѣжались. Опять прискакали казаки съ полиціймейстеромъ, и опять началось тоже. Казаки врывались въ дома, вытаскивали спрятавшихся на улицу и избивали нагайками. Въ городѣ паника. На многихъ улицахъ оборваны телефонные проводы. Подъ охраной драгунъ они были исправлены кой-гдѣ, но, какъ только драгуны уѣхали, провода опять были порваны. Причина побоища слѣдующая: переодѣтый полицейскій на Талкѣ выстрѣлилъ. Онъ былъ узнанъ рабочими и избитъ за провокацію.

И это дѣлаютъ „охранители порядка"!

Также свирѣпо расправляются казаки и съ крестьянами, при аграрныхъ безпорядкахъ. А послѣдніе тоже все болѣе распространяются. На Кавказѣ ими охвачена вся Грузія.

Вслѣдъ за Грузіей крестьянское движеніе распространилось по Имеретіи, Мингреліи, Сванетіи, Рачѣ, Карталиніи, Кахетіи и даже между вѣчно запертыми въ горахъ горцами-грузинами.

Крестьяне и крестьянки каждаго сельскаго общества или деревни въ назначенное время собираются вмѣстѣ, вырабатываютъ свои постановленія, закрываютъ сельскія канцеляріи, школы и пр., удаляютъ должностныхъ лицъ—старшину, старосту, священника и пр. и предъявляютъ свои требованія помѣщикамъ и высшей администраціи. При этомъ каждый крестьянинъ, подчиняясь постановленію особыхъ крестьянскихъ комитетовъ, прекращаетъ всякое сношеніе съ администраціей и за рѣшеніемъ того или другого спорнаго вопроса обращается къ мѣстнымъ судьямъ, выбраннымъ на короткое время самими же крестьянами. Все идетъ мирно, тихо и спокойно. Крестьяне своими собственными силами совершенно уничтожили воровство и мелкій разбой. Но такая мирная Аркадія продолжается обыкновенно не долго. Являются войска,—и начинается усмиреніе безоружныхъ крестьянъ.

Въ собственно Россіи крестьянскія волненія захватили всю среднюю, южную и западную полосу.

Болѣе или менѣе сильно они обнаружились въ 28 губерніяхъ: Бессарабской, Витебской, Воронежской, Гродненской, Кіевской, Курской, Минской, Могилевской, Московской, Новгородской, Орловской, Подольской, Самарской, Саратовской. Тульской, Харьковской, Черниговской, Калишской, Варшавской, Люблинской, Петровской, Радомской, Сѣдлецкой, Курляндіи, Лифляндіи, Эстляндіи, Тифлисской, Кутаисской.

На Кавказѣ, въ Польшѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ движеніе приняло общій характеръ, охвативъ всѣ или значительную часть крестьянства. Очень интенсивный характеръ приняло движеніе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской, Курской, Орловской, Подольской, Черниговской и, кажется, Кіевской губ., Въ остальныхъ оно обнаружилось гораздо слабѣе.

Все это неоспоримо доказываетъ, что въ деревнѣ, несомнѣнно, происходитъ броженіе. „Крестьянская масса просыпается и начинаетъ искать выходовъ изъ своего ужаснаго положенія,—говорятъ „Р. Вѣд.."—Но въ этихъ исканіяхъ она предоставлена самой себѣ. У нея нѣтъ руководителей. Отъ вліянія интеллигенціи ее охраняютъ тысячи аргусовъ. Власти же, которая могла бы явиться въ роли руководителя, въ деревнѣ нѣтъ. То-есть, въ деревнѣ есть земскіе начальники, становые, стражники, но все это начальство не пользуется никакимъ авторитетомъ. Его еще боятся (на долго ли только?), но уже о немъ не говорятъ иначе, какъ съ раздраженіемъ".

„Духовенство тоже потеряло свой авто-

ритетъ, какъ и все, что такъ или иначе соприкасается съ правящею бюрократіей. Священниковъ не уважаютъ и, главное, имъ не довѣряютъ.

„Деревни охвачены религіознымъ индифферентизмомъ. Крестьянамъ доступна только формальная сторона религіи, ея обрядность. Да и та падаетъ, благодаря паденію престижа духовенства.

„Такова картина деревенскихъ отношеній, таковы послѣдствія чрезмѣрной, всеобнимающей, всеразлагающей опеки надъ жизнью, свободой, личностью, совѣстью, вѣрой...

Газета заканчиваетъ:

„И мы видимъ, что всѣ устои жизни рушатся на нашихъ глазахъ. Мы переживаемъ рѣшительный моментъ, который никогда не повторится. Народъ рвется изъ путъ, связывавшихъ его столько времени. Но, воспитывавшійся столѣтіями въ анархіи всевластія, онъ сразу перейдетъ къ анархіи безвластія, если неспособная бюрократія не уступитъ, наконецъ, мѣста законному, жизненному правленію, основанному на народномъ представительствѣ".

Большею частью волнующіеся крестьяне переходятъ прямо къ грабежу. Лишь наиболѣе развитые изъ нихъ ограничиваются легальнымъ правленіемъ своихъ желаній, составляя подобно другимъ классамъ, петиціи на Высочайшее имя. Такъ, Ивановское сельское общество Одесскаго уѣзда 10 мая подало въ Губ. Земскую Управу, для представленія въ Комитетъ М-стровъ, согласно указу 18 февр. петицію, гдѣ указываютъ слѣд. мѣры, способствующія улучшенію крестьянскаго быта: 1) Наискорѣйшій созывъ выборныхъ облеченныхъ довѣріемъ народа, причемъ выборы должны быть произведены всеобщимъ прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ. 2) Уравненіе въ правахъ всѣхъ жителей Россійской Имперія. 3) Надѣленіе землею всѣхъ желающихъ ее обрабатывать, изъ земель, принадлежащихъ государству, монастырямъ и крупнымъ землевладѣльцамъ. 4) Введеніе всеобщаго обученія на счетъ государства. 5) Освобожденіе всѣхъ, пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, а также крестьянъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ.

Къ сожалѣнію, такихъ благоразумныхъ обществъ немного.

Отвѣтомъ на крестьянскіе безпорядки явился Высочайшій указъ 10 апр., которымъ повелѣвается министру внутреннихъ дѣлъ „учреждать, по мѣрѣ надобности, въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, временныя уѣздныя коммисіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, въ участкахъ коихъ произошли безпорядки, а также приглашенныхъ въ коммисію одного или двухъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія проживающихъ въ ближайшихъ къ мѣсту происшествій мѣстностяхъ.

На обязанности этихъ коммиссій лежитъ „выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ, для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на *все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ* обществъ участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи".

Но такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, погромщиками являются бѣднѣйшіе крестьяне, — то едва ли взысканіе убытковъ будетъ идти успѣшно. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы глубже взглянуть на причины крестьянскихъ волненій и помочь подавленнымъ нуждой крестьянамъ.

Картины крестьянскихъ погромовъ блѣднѣютъ предъ ужасами погромовъ, устроенныхъ на Пасхѣ громилами въ городахъ Мелитополѣ и Житомірѣ. Невольно спрашиваешь, гдѣ же была въ это время администрація. Вѣдь, дѣло обыкновенно начиналось съ безобразничанья какой нибудь сотни—другой, громилъ, которую смѣло могла разогнать рота солдатъ. А между тѣмъ въ нужное-то время войскъ и не было. Они являлись почему-то тогда, когда погромъ уже кончался, а иногда—безучастно присутствовали при погромѣ. Необходимо разъ навсегда покончить съ этими печальными пережитками мрачного средневѣковья и безпристрастнымъ судомъ выяснить истинныхъ виновниковъ этихъ позорныхъ для Россіи XX вѣка явленій.

Всѣ эти погромы сначала направлялись

обыкновенно противъ евреевъ, но потомъ, отвѣдавшая крови, освѣрѣпѣвшая толпа накидывалась на кого попало и громила все, что ни встрѣчалось по пути.

Такъ, *въ Мелитополѣ* толпа громилъ побила стекла въ реальномъ училищѣ, министерской школѣ и част. Тостнева, а затѣмъ разгромила и разграбила, наряду съ еврейскими лавками, принадлежавшія также и не евреямъ: караимамъ, армянамъ, болгарамъ и русскимъ. На другой день бросали камнями въ квартиру бывшаго исправника, разгромили турецкую кофейню и пр.

Вотъ плоды искусственнаго возбужденія народныхъ страстей! И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, дѣло происходило не безъ участія чиновъ мѣстной администраціи. Многочисленные факты указывають на непосредственное участіе чиновъ полиціи въ подстрекательствѣ къ насиліямъ надъ евреями, напр. бляхи № 19, но еще болѣе позорны подвиги жандармскаго штабсъ-ротмистра Бѣловодскаго, который на другой день погрома сталъ проповѣдывать избіеніе и разгромъ ненавистныхъ ему евреевъ *открыто* и не черезъ агентовъ, а самолично, и не какъ частное лицо, а какъ жандармскій офицеръ, какъ представитель власти. Доказано, что онъ формировалъ отрядъ громилъ вооружалъ его, взвинчивалъ разными нелѣпыми оффиціальными сообщеніями объ ужасныхъ злодѣйствахъ ненавистныхъ жидовъ, о томъ, что евреи заперли христіанъ въ церкви и окружили ее, и, благословивъ свою шайку на великое дѣло истребленія „врага и супостата", направилъ ее въ городъ!

„Подвиговъ" ротмистра не могло скрыть и оффиціальное сообщеніе гр. Муравьева, но оно объясняло ихъ „психическимъ (нервнымъ) разстройствомъ" ротмистра. Между тѣмъ этотъ душевно-больной преспокойно разгуливалъ на свободѣ, а не сидѣлъ въ сумашедшемъ домѣ, гдѣ бы ему слѣдовало пребывать, если онъ дѣйствительно боленъ.

Въ результатѣ, изъ-за „болѣзни" ротмистра и ему подобныхъ было сожжено и разгромлено болѣе 40 торговыхъ помѣщеній, и тысячи людей остались безъ крова и пищи.

Между тѣмъ явившаяся послѣ погрома высшая администрація первымъ долгомъ отобрала оружіе у партіи самозащиты, сдерживавшей громилъ. Это было сдѣлано подъ тѣмъ предлогомъ, что „ношеніе оружія евреями вселяетъ безпокойство въ другихъ слояхъ городского населенія"... И пришлось покориться этому распоряженію.

Чрезъ нѣсколько дней Мелитопольскій погромъ едва не повторился съ тѣми же ужасами въ *Симферополѣ* 21 апр. Въ этотъ день,—передаетъ „Кр. В.",—съ 9 часовъ утра на Салгирной улицѣ, около дома Бухштаба, начала собираться толпа народа. Поводомъ къ скопленію публики послужилъ пущенный кѣмъ-то слухъ о томъ, что во дворѣ Бухштаба его сыномъ, 13 лѣтнимъ мальчикомъ, во время ссоры съ сыномъ одной изъ служанокъ, брошена была въ ретирадное мѣсто икона. Не взирая на то, что слухъ этотъ, требовавшій подтвержденія, пущенъ былъ въ обращеніе съ явнымъ намѣреніемъ шантажа, вѣсть въ нѣсколько часовъ облетѣла весь городъ. Къ мѣсту происшествія толпа все прибывала.

Къ 11 часамъ дня настроеніе толпы становилось все болѣе угрожающимъ, при чемъ раздавались возгласы: „бейте жидовъ". „смерть жидамъ" и проч. Присутствіе около дома Бухштаба чиновъ полиціи не могло сдержать толпы. и катастрофа была бы неизбѣжна,—если бы власти на этотъ разъ не прибѣгли къ энергичнымъ мѣрамъ: немедленно были вызваны войска, и началось усмиреніе. Къ вечеру городъ принялъ обычный видъ...

Не такъ благополучно дѣло кончилось въ *Житомирѣ*, гдѣ громилы безнаказанно разбойничали, на глазахъ у войскъ и полиціи, цѣлыхъ 4 дня (съ 23 по 26 апр.), наводя панику на весь городъ. И здѣсь погромъ былъ искусственно подготовленъ.

„Задолго до событія, — пишетъ корреспондентъ „Восхода",—въ городѣ открыто говорили о предстоящимъ избіеніи „жидовъ"; объ этомъ возвѣщали патріотическія прокламаціи, призывавшія къ расправѣ *съ жидами*-крамольниками и *студентами*; объ этомъ гласили анонимныя письма къ разнымъ интеллигентымъ лицамъ, подозрѣваемымъ въ неблагонадежности; объ этомъ свидѣтельствуетъ пущенная въ народъ легенда о разстрѣлѣ на открытомъ полѣ царскаго портрета. Слухи о погромѣ стали такъ настойчивы, что евреи, преимущественно молодежь, увидѣли себя вынужденными принять оборонительныя мѣры. На глазахъ у властей, совершенно открыто, организова-

лась самооборона. Но ей воспользовались, какъ козыремъ, чтобы нагнать страхъ возможнаго со стороны евреевъ нападенія на христіанъ: опредѣленно распространяли ложный слухъ о томъ, что евреи собираются взорвать соборъ и нѣкоторыя правительственныя учрежденія". Опасность была до того очевидна, что дума сдѣлала представленіе властямъ, — но тѣ отвѣчали успокоительно, заявивъ, что ими приняты всѣ мѣры.

Но власти жестоко ошиблись...

„Первую искру бросили павлюковскіе парни въ субботу 23-го апрѣля въ 6 час. вечера. Въ компанію катающейся на лодкахъ еврейской молодежи парни бросали съ берега камни. Съ лодокъ отвѣтили выстрѣлами въ воздухъ. Разъяренные парни съ криками: „жиды насъ хотятъ зарѣзать" бросились къ своимъ домамъ, подняли на ноги всѣхъ сосѣдей и, вооружившись дубинами, камнями и топорами, начали громить сосѣдей евреевъ. Въ подмогу громиламъ оказались невѣдомо откуда и кѣмъ вызванные изъ Тулы, Москвы и другихъ мѣстъ такъ называемые „кацапы", и пошелъ разгромъ... Уже съ этого перваго момента ярко обнаруживается особенный характеръ житомірскихъ дней. Громилы только разбивали стекла, избивали евреевъ, но имущества ихъ не трогали: не тронули они и мѣстной синагоги, остановивъ попытку какихъ-то мальчишекъ приняться за это позорное дѣло, окрикомъ: „не трожь, Божій домъ". Изъ города прискакалъ патруль, прибыли войска, тысячныя толпы евреевъ. На помощь избиваемымъ послѣднимъ придти не удалось, ихъ быстро оттиснула цѣпь солдатъ, направившая ружья въ стороны евреевъ и давшая по нимъ холостой залпъ. Громилы бушевали нѣсколько часовъ, ранивъ камнемъ человѣкъ 8 евреевъ. Громилы, человѣкъ 20, доставлены конвоемъ въ часть, а раненые препровождены въ больницу". Но изъ участка ихъ скоро отпустили съ миромъ.

„На утро въ воскресенье въ разныхъ частяхъ города наблюдалось особенное возбужденіе. Вчерашніе громилы, собравшись кучей у своихъ хатъ, свирѣпо поглядывали въ сторону евреевъ и грозили продолжать начатую расправу. Для усовѣщеванія ихъ явилась изъ города масса еврейской интеллигенціи, среди которой были и русскіе студенты. Въ разговорахъ прорывались тѣ же заученныя и кѣмъ-то внушенныя фразы: „съ вами студентами одинъ разговоръ—ножъ". „вы всѣ сицилисты", „васъ сразу узнаешь", „вы хотите свободы", „республики" (былъ и такой выкрикъ) „другого, своего царя", „у васъ оружіе, вы хотите насъ перерѣзать"... Особенно изъ толпы выдѣлялось трое пьяныхъ кацапа, которые въ моментъ откровенности выпалили: „А нешто насъ даромъ изъ Москвы выписали: у насъ и паспорта есть, я изъ Москвы, а я вотъ изъ Тулы"... Затѣмъ, плюнувши въ сторону говорившихъ, толпа разбрелась и частью направилась въ городъ.

„Въ центрѣ города на площади съ ранняго утра въ воскресенье также наблюдалось весьма грозное настроеніе. „Самообороннщики" внимательно слѣдили за настроеніемъ толпы и давали знать товарищамъ, что бѣды не миновать. Народу все прибывало; спустились и указанные выше кацапы съ Павликовки и стали совершенно открыто и громко поджигать толпу. Полицейскіе мирно разговаривали съ ними и по-пріятельски, какъ бы норовили сдержать пыль. Но вотъ къ шести часамъ напряженіе прорвалось. Толпа стала разбивать стекла, швырять камни. Евреи насторожились и собрались толпой на противоположномъ противъ громилъ тротуарѣ. Даютъ знать губернатору. Онъ обѣщаетъ выслать войска — это было около 7 час. а войска прибыли къ 11 час., когда на Подолѣ лежало уже шесть труповъ евреевъ и одинъ русскій и десятки тяжело и легко раненыхъ евреевъ.

„Одновременно на площади разыгрывается ужасная трагедія. Къ цѣпи евреевъ подходятъ извѣстные въ городѣ докторъ Бинштокъ и русскій студентъ Николай Блиновъ. Узнавъ, что насупротивъ оцѣплены войсками громилы, которыхъ все не уводятъ, они спѣшатъ къ цѣпи, чтобы переговорить съ полиціймейстеромъ и просить принять мѣры къ успокоенію населенія. Полиціймейстеръ предлагаетъ подошедшимъ убѣдить евреевъ разойтись. Бинштокъ и Блиновъ исполняютъ предложеніе, евреи начинаютъ расходиться, послѣ чего добровольные парламентеры спѣшатъ обратно къ цѣпи солдатъ съ отвѣтомъ. Полиціймейстера они уже не застаютъ. Лишь только они вошли въ цѣпь, гдѣ стояли громилы, патруль, приставъ и много разной публики,—на Бинштока, съ крикомъ: „Вотъ

жидъ—докторъ, онъ вооруженъ", сыплются удары по шеѣ, спинѣ и рукѣ. Блинова не трогаютъ. Винштокъ кричитъ офицеру и приставу: „смотрите, что дѣлается". Но тѣ остаются безучастны. Винштокъ хватаетъ Блинова за руку и хочетъ съ нимъ вырваться; въ это время Винштока хватаетъ за руку какой-то посторонній офицеръ и съ силой выталкиваетъ его на тротуаръ, а Блинова тѣснѣе окружаютъ громилы и начинаютъ съ нимъ раздѣлываться. Камень летитъ ему въ голову. „Хошь ты и русскій, и социлистъ, а хуже жидовъ, пришелъ на защиту ихъ"—Блинова ударомъ дубины сваливаютъ на землю; въ это время оттуда раздается выстрѣлъ. „Онъ вооруженъ", разъяренно кричатъ голоса. И на Блинова набрасываются всѣ, кто только хотѣлъ: и громилы и солдаты, и даже, говорятъ, полицейскій чинъ — и приканчиваютъ его на мѣстѣ. У Блинова оказалась рана на спинѣ, переломанная нога, штыковые удары въ лицо. Блиновъ въ лужи крови провалялся на улицѣ до поздней ночи. Почти одновременно съ убійствомъ Блинова, неподалеку отъ этого мѣста, трамвайнаго павильона двумя какими-то, уже теперь, говорятъ, опознанными убійцами, былъ убитъ при выходѣ изъ вагона купецъ еврей Нугеръ, 39 л. Обстановка убійства столь же вопіющая, какъ и только что описанная. На глазахъ солдатъ, патруля, публики и полицеймейстера несчастный былъ убитъ въ одно мгновеніе. Кондуктора кричатъ полицеймейстеру: „Смотрите, убиваютъ человѣка", но полиційместеръ не двигается съ мѣста и подходитъ тогда, когда застаетъ трупъ. Не трогается съ мѣста и патрульный офицеръ, ограничившійся окликомъ: „Кого бьютъ, жидовку?!?"

Эти два убійства потрясли весь городъ. Къ 11 часамъ наконецъ, громилы подъ конвоемъ патруля были уведены съ площади Но по дорогѣ въ часть на Кіевской улицѣ одинъ изъ громилъ вырвался на глазахъ патруля и публики изъ цѣпи и убилъ наповалъ стоявшаго у воротъ своего дома домовладѣльца Ельшанскаго. По дорогѣ же громилы разбивали стекла въ домахъ. На всѣ требованія публики укротить громилъ, арестовать ихъ, патруль отвѣчалъ: „не приказано."

Самая страшная рѣзня совершалась въ это же время между 7—11 часами на Подолѣ. Здѣсь группа „самооборонщиковъ" столкнулась съ толпой малеванскихъ громилъ. Желая защитить обывателей отъ нападенія и пресѣчь возможность громиламъ пробраться въ городъ, защитники, все больше юноши и рабочіе, нѣсколько разъ отражали наступленіе врага и, надо признаться, весьма успѣшно. Тутъ, въ этомъ тѣсномъ проулкѣ, война велась по всѣмъ правиламъ искусства. Громилы швыряли камнями, стрѣляли изъ ружей, грозно наступали; самооборона отвѣчала тѣмъ же. На смѣну избитому отряду являлся другой и продолжалъ дѣло товарищей. Попытки обороняться, казалось, имѣли успѣхъ; какъ вдругъ врагъ обошелъ защитниковъ съ тылу мимо завода Махачека, откуда на помощь высыпали рабочіе съ ружьями и камнями. Самооборона очутилась стиснутой со всѣхъ сторонъ тѣснымъ кольцомъ и большею частью была перебита, а частью успѣла прорваться и удалиться. Въ этомъ центральномъ мѣстѣ боя легло 6 человѣкъ убитыхъ и десятки раненыхъ.

Большинство умерло отъ жестокихъ ранъ по головѣ дубинами и камнями. Трупы обезображены до неузнаваемости.

Этой рѣзней заканчивается самый страшный изъ пережитыхъ дней. Съ понедѣльника событія принимаютъ нѣсколько иной обликъ, напоминая больше собственно еврейскій погромъ.

„Во вторникъ утромъ городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, рѣзня и всякіе безпорядки немедленно прекратились, хотя не произведено было ни одного выстрѣла".

„Во вторникъ же происходили похороны убитаго Блинова, а въ среду — похороны 14 жертвъ рѣзни. Всѣ четыре дня съ субботы до среды жизнь въ городѣ прекратилась. Лавки и окна были заколочены, газета не выходила, населеніе не показывалось на улицы. Только съ четверга городъ сталъ понемногу принимать свой обычный видъ: паника утихаетъ".

Читая про всѣ эти возмутительные факты невольно спрашиваешь себя: да гдѣ же они происходили, въ какой-нибудь дикой Папуасіи или Испаніи XVI вѣка? Неужели подобныя кровавыя явленія мыслимы въ христіанскомъ государствѣ, еще называющемъ себя правовымъ государствомъ, „управляемымъ на твердыхъ основаніяхъ законовъ"?

Оказывается, возможны и не такіе факты, какъ показываетъ современная хроника Кавказской жизни. Тамъ идутъ уже не погромы, а тѣ баши-бузукскія звѣрства, которыми мы возмущались въ Турціи и изъ за которыхъ начали освободительную войну въ 1876—77 г. Упрекая раньше Турцію въ варварствѣ, мы теперь сравнились съ нею, даже не перещеголяли ее въ этомъ отношеніи: событія въ Баку, Эриванскомъ уѣздѣ да и вообще на Кавказѣ вполнѣ доказываютъ это нелестное для національнаго самолюбія сравненіе.

Что касается въ Баку, то Гр. Старцевъ пишетъ въ „Нов". на основаніи тщательно изученныхъ имъ источниковъ: „Тяжелая завѣса, скрывававшая тайну кровавой бакинской рѣзни, приподнята, и общество имѣетъ полную возможность убѣдиться теперь, насколько справедливы и вѣрны были догадки и предположенія газетъ о роли мѣстной администраціи въ этой ужасной, неслыханной позорной для всей Россіи кровавой бани... Мѣстное общество, бывшее живымъ свидѣтелемъ рѣзни, отлично понимало истинный смыслъ событій и вполнѣ ясно, опредѣленно высказалось въ цѣломъ рядѣ собраній въ Баку, на третій день послѣ рѣзни... Легенда о фанатизмѣ мусульманъ, о ненависти ихъ къ гяурамъ былъ разсѣяна, никто и однимъ словомъ не помянулъ ея, какъ причину рѣзни И только оффиціальный „Кавказъ", въ статьяхъ, замѣткахъ и корреспонденціяхъ своихъ неукоснительно лгалъ о какойто племенной враждѣ между татарами и армянами, лепеталъ всякій вздоръ о революціонныхъ армянскихъ комитетахъ. о корректномъ, энергичномъ поведеніи администраціи.. Все это была ложь, гнусная ложь, съ цѣлью выгородить и оправдать мѣстную администрацію.

„На митингѣ 13-го февраля въ бакинскомъ общественномъ собраніи (клубѣ), въ присутствіи болѣе двухъ тысячъ лицъ, русскихъ, армянъ и татаръ, была вынесена такая резолюція:

1) Рассовой и религіозной вражды между мусульманскимъ населеніемъ и армянами не было и нѣтъ. Это доказывается долголѣтнимъ мирнымъ сосѣдствомъ армянъ и мусульманъ, общими ихъ дѣлами, а также многими, имѣвшими мѣсто во время послѣдней рѣзни, случаями защиты мусульманами преслѣдуемыхъ громилами армянъ.

2) Одновременность начала рѣзни въ разныхъ частяхъ города, наличность огнестрѣльнаго оружія (берданокъ и револьверовъ) у многихъ изъ мусульманъ, все поведеніе громилъ и убійцъ приводятъ къ убѣжденію, что: а) темная мусульманская масса начала и продолжала бойню въ увѣренности остаться безнаказанной; б) что этой бойнѣ предшествовала подготовка и в) что всѣмъ этимъ дѣломъ руководила опытная полицейская рука; это находитъ подтвержденіе также и въ фактѣ быстрой, почти моментальной, остановки рѣзни, какъ бы по слову команды.

3) Наличныхъ силъ полицейской стражи и воинскихъ командъ было совершенно достаточно, чтобы прекратить начавшіеся безпорядки.

4) Оглашенные въ собраніи факты, которые могутъ быть засвидѣтельствованы показаніями многихъ очевидцевъ и подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, устанавливаютъ, что полиція не только не принимала мѣръ къ подавленію безпорядковъ, не только не оказывала препятствія громиламъ и убійцамъ, но или бездѣйствовала, или въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, подстрекала и поощряла ихъ и даже сама принимала участіе въ грабежахъ и убійствахъ.

5) Собраніемъ констатировано, что мѣстная администрація натравляла мѣстное мусульманское населеніе на армянъ, называя послѣднихъ врагами Царя, приписывая имъ желаніе отдѣлиться отъ Россіи, имѣть „своего царя" и вырѣзать мусульманъ. Эта пропаганда травли имѣла мѣсто задолго до рѣзни, но особенно усилилась въ послѣднее передъ нею время, что, по всѣмъ признакамъ, находится въ связи со слухами о возможномъ откликѣ бакинскаго населенія на кровавыя событія, бывшія въ Петербургѣ 9-го января.

Почти такая же резолюція была принята на другомъ многочисленномъ митингѣ рабочихъ, а также митингѣ мусульманъ (16 февр.).

„Власти, распуская гнусные слухи,—говорится между прочимъ въ резолюціи послѣднихъ,—хотѣли противопоставить готовившейся рабочей политической демонстраціи темную мусульманскую массу, и такимъ образомъ въ

крови гражданъ затопить движеніе въ средѣ рабочихъ и другихъ слоевъ населенія г. Баку. Такимъ образомъ, какъ въ Кишиневѣ евреи, у насъ въ Баку армяне были избраны козломъ отпущенія за ея собственные грѣхи и преступленія передъ всѣми населяющими Россію народами".

„Мы требуемъ и клянемся цѣною жизни добиться созыва учредительнаго собранія путемъ общаго, тайнаго, равнаго и прямого выбора депутатовъ безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія для выработки новыхъ свободныхъ политическихъ формъ, только при наличности которыхъ всѣмъ національностямъ, живущимъ въ Россіи, будетъ открыта возможность къ развитію всѣхъ своихъ силъ и способностей на благо всего человѣчества",—заканчивается резолюція.

„Но всѣ эти митинги, эти собранія выносили свои резолюціи подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ ужасовъ, были скороспѣлыми и легко могли быть заподозрѣны въ пристрастіи, въ увлеченіи. Явилась необходимость въ спокойномъ разслѣдованіи фактовъ, въ оцѣнкѣ ихъ. Эту работу и взяла на себя, организованная бакинской адвокатурой, слѣдственная коммиссія. Много времени и труда затратила коммиссія, допросила массу свидѣтелей и собрала цѣнный матеріалъ. Митинги, оказывается, были правы.

Поэтому когда, согласно ходатайству мѣстнаго населенія, была назначена ревизія сенатора А. М. Кузьминскаго, бакинское общество, въ лицѣ врачей, адвокатовъ, промышленниковъ и пр. (болѣе 600 человѣкъ) просило г. Кузьминскаго, для полнаго раскрытія истины, о слѣд.

1) Устраненія на время разслѣдованія мѣстнаго губернатора кн. М. А. Накашидзе и всѣхъ подчиненныхъ ему чиновъ городской полиціи отъ исправленія ихъ должностей.

2) Принятія дѣйствительныхъ мѣръ къ тому, чтобы мѣстная полиція не могла путемъ угрозы административными мѣропріятіями препятствовать раскрытію передъ высшимъ судомъ истины.

3) Участія представителей общества и общественныхъ учрежденій въ производимомъ вами разслѣдованіи и полная его гласность.

„Въ противномъ случаѣ,—говорятъ они,—нельзя будетъ добиться правды, — а разъ правда не будетъ выяснена, нельзя и думать объ умиротвореніи края...

Между тѣмъ ревизія совершилась, и Накашидзе, и его нѣкоторые соратники оставались на прежнихъ мѣстахъ...

Возмущенное общественное мнѣніе вылилось въ открытомъ письмѣ бывшаго бакинскаго гор. головы А. Новикова на имя кн. Накашидзе. Письмо это, напечатанное въ газетѣ „Самар. Канадъ", несомнѣнно, займетъ видное мѣсто въ исторіи переживаемаго нами времени:

„Вся Россія, весь міръ содрогнулись отъ ужаса, когда узнали про событія 6—9 февраля въ Баку. Россія ищетъ и не можетъ найти, кто виноватъ въ бѣдствіи. Долгъ того, кто знаетъ виновника, указать на него открыто. Иначе онъ сдѣлается его укрывателемъ. Я его знаю и считаю своей священной обязанностью безъ обиняковъ назвать его. Виновникъ рѣзни—вы"!

Затѣмъ г. Новиковъ указываетъ на извѣстные уже читателю факты преступнаго попустительства полиціи и кн. Накашидзе, его покровительство громиламъ, его нежеланіе приглашать войска и пр. Наконецъ, говоритъ въ заключеніе письма:

„Васъ нужно считать не только попустителемъ преступленія, но и пособникомъ убійцъ, а при вашемъ высокомъ положеніи въ Баку—и душою этого неслыханнаго погрома Каинъ! Что ты сдѣлалъ съ братьями твоими?

„Но, какъ трусъ, вы все время лгали, притворяясь, что у васъ нѣтъ достаточныхъ силъ, чтобы дѣйствовать, обманывая общество, что вы дали приказъ пустить въ ходъ оружіе, проливая даже иногда крокодиловы слезы! Вы не погнушались сдѣлать попытку обмануть общество, какъ будто представивъ оффиціальную просьбу о гласномъ разслѣдованіи дѣла въ присутствіи представителей общества, хорошо зная, что такого суда вы не получите. Ваши сообщники Деминскій, Хамицкій, Бородинъ—лучше васъ. Имъ стало совѣстно смотрѣть людямъ въ глаза послѣ преступленія, въ которомъ они играли второстепенную роль. Они ушли. Вы остались въ Баку, вы — главный преступникъ. Вы принимаете людей, вы созываете совѣщанія.

„Вы хуже Каина, ибо Каинъ убилъ одного брата, а вы обагрили ваши руки въ крови сотенъ невинныхъ нашихъ братьевъ.

Вы опозорили Россію, противъ которой могутъ возроптать и пострадавшіе, и безсознательные преступники, думая, что между вами и Россіей есть что-либо общее".

„Да будетъ ваше имя презрѣнно навѣки"!

Кн. Накашидзе отвѣтилъ на это письмо, полное страстной укоризны, обвиненіемъ автора его въ клеветѣ. Но... вскорѣ взрывомъ бомбы былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ.

По поводу этого новаго убійства „Разсвѣтъ" выражаетъ справедливое сожалѣніе о томъ, что слѣдствіе о непростительной бакинской рѣзнѣ (втеченіе нѣсколькихъ дней!) съ самаго начала велось недостаточно энергично и нелицепріятно, что ревизія Кузьминскаго не оправдывала надеждъ, что день ото дня растущее недовѣріе къ возвѣщенной въ Тифлисѣ новой эрѣ до крайней степени разожгло опять страсти южанъ, въ дѣлахъ мести не признающихъ преграды".

Бакинская „кровавая баня" встрѣтила отзвукъ въ Нахичевани и Нахич. уѣздѣ,— и тамъ съ 10 мая началась рѣзня армянъ, подобно тому, какъ это происходитъ въ Турціи.

„Русск. Вѣд." телеграфируютъ, напр., изъ Тифлиса отъ 15 мая: „Четвертый день въ Нахичевани и въ уѣздѣ идетъ рѣзня армянъ татарами. Рѣзня началась вездѣ одновременно. На нахичеванскомъ базарѣ перерѣзаны почти всѣ армяне. Грабежи, поджоги приняли ужасающіе размѣры. Число убитыхъ, раненыхъ и заживо сожженныхъ армянъ—громадно. Татаръ, какъ сообщаетъ „Новое Обозрѣніе", убито только двое. Рѣзня и грабежи были ужасны; ограблены церкви, увезены были св. мощи нынѣ, взятыя обратно; татары объявили священную войну. Ожидается массовое нападеніе персидскихъ курдовъ. Положеніе трагическое. Поголовная рѣзня беззащитныхъ армянъ безъ различія пола и возраста грозитъ уничтоженіемъ армянскаго населенія".

А между тѣмъ оффиціальное сообщеніе и тутъ во всемъ обвинило армянъ, считая ихъ зачинщиками. Въ то же время оно должно было сознаться, что „населеніе вышло изъ всякаго повиновенія"...

Это—уже не погромы, а настоящее истребленіе народа, какое устраиваетъ теперь Турція: армянъ избиваютъ, не щадя пола и возраста, женщинъ насилуютъ, церкви обращаютъ въ мечети, святыни оскверняются.

Закулисная подкладка этихъ вопіющихъ звѣрствъ выясняется изъ показаній тѣхъ же татаръ, какъ пишутъ съ Кавказа очевидцы въ столичныя газеты: „татары съ чувствомъ исполненнаго долга заявляютъ, что „армянъ татары кончалъ за то, что армянъ скандалъ хочетъ, русскій царь не хочетъ Яповія секретно деньги давалъ; татарамъ сказалъ: „Соединимся бунтовать противъ русскихъ вмѣстѣ будемъ". Провокаторами были, по словамъ татаръ, читавшіе газеты многочисленные встрѣченные нами обходчики и городскіе чернорабочіе. Привитыя въ городахъ идеи провокаціи упали на благопріятную почву, давъ потрясающій эффектъ вслѣдствіе, во-первыхъ, дикости и невѣжества массы, во-вторыхъ—антиармянскихъ мѣропріятій. Во время арестовъ и обысковъ отобрали оружіе только у пострадавшихъ армянъ; приказано было войскамъ защищать только себя оружіемъ. Жаловавшимся армянамъ въ присутствіи многихъ русскихъ и татаръ Тарановскій крикнулъ: „Вы первые, мерзавцы, стрѣляли".

Далѣе, причину звѣрства корреспонденты видятъ въ фанатической агитаціи муллъ, не встрѣчающей противодѣйствія со стороны властей, наконецъ, вслѣдствіе „автономическихъ стремленій хановъ, обвиняемыхъ всѣми и возбужденія среди татаръ личныхъ интересовъ противъ армянъ. Ханы поддерживаются: имъ поручено водвореніе порядка. Въ Джаграхъ около 40 армянъ перерѣзаны во время пріѣзда Джафаркули хана"...

Игра затѣяна опасная. Возбужденные фанатичными муллами татары такъ осмѣлѣли, что стали открыто нападать на русскія войска,—и армянское избіеніе *превратилось въ открытое возстаніе татаръ противъ Россіи*. Еще немного,—и, пожалуй, на Кавказѣ загорится такой пожаръ, котораго и не затушить скоро.

Этого ли дожидались провокаторы, чтобы Кавказъ, завоеванный потоками крови русскаго солдата, пришлось опять завоевывать?!

Между тѣмъ вѣсти становятся все тревожнѣе. Татары объединяются. Изъ-за границы хотятъ прорваться ихъ единовѣрцы, извѣстные рыцари-разбойники курды. Стычки съ войсками переходятъ въ настоящія сраженія.

Какъ тутъ умиротворить край?! Возмущены армяне, возстали татары, волнуются грузинскіе крестьяне, а теперь къ нимъ присоединилось и все грузинское общество, справедливо возмущенное звѣрскою расправою свирѣпыхъ казаковъ надъ беззащитными *священниками*, выходившихъ 31 мая изъ засѣданія съѣзда грузинскаго духовенства.

До сихъ поръ можно было думать, что хоть священный санъ гарантированъ отъ казацкихъ нагаекъ. Оказывается, нѣтъ, — для нагайки „нѣсть еллинъ и іудей, обрѣзанный и необрѣзанный"...

Судя по описаніямъ очевидца, эта была знакомая всѣмъ ужасная картина, способная возмутить самаго равнодушнаго человѣка.

Едва священники вышли на улицу, какъ „опричники" накинулись на нихъ... Болѣе 60 человѣкъ получили сильныя пораненія и ушибы.

Одинъ очевидецъ, наблюдавшій избіеніе съ балкона, между прочимъ, разсказываетъ, что казаки били съ такимъ азартомъ, что ни уличный шумъ, ни крики избиваемыхъ не могли заглушить свиста казацкихъ нагаекъ. Особенно истязали одного неизвѣстнаго священника на крыльцѣ семинаріи, и его страшное „вай-мэ" страшнымъ эхомъ отзывалось въ ушахъ очевидцевъ. Затѣмъ, какъ передаетъ очевидецъ, въ этомъ мѣстѣ все стихло и кого-то на рукахъ унесли"...

Эта дикая, безчеловѣчная расправа заставила возмущенныя Общество и Думу немедленно отправить заявленіе къ высшимъ властямъ съ просьбой изслѣдовать дѣло и наказать виновниковъ. А пока *всѣ* тифлисскіе грузины-священники отказались исполнять свои обязанности.

Что же, однако, вызвало кровавую расправу казаковъ?—Оказывается, и здѣсь виною „незаконныя сборища и резолюціи".

Съѣздъ грузинскаго духовенства постановилъ слѣд. резолюцію (приводимъ ее въ существенныхъ частяхъ):

„Упразднивъ независимость Иверской Церкви и подчинивъ ее вѣдѣнію синода, правительство изъяло церковныя имѣнія изъ непосредственнаго завѣдыванія духовенства и передало ихъ въ казенное управленіе. Этимъ распоряженіемъ правительства были нарушены исконныя имущественныя права грузинской церкви. Народъ грузинскій, лишившись католикоса, являющагося „духовнымъ царемъ страны" и начальникомъ передъ царемъ, потерялъ въ лицѣ его естественнаго ходатая и покровителя. Многовѣковыя каѳедры упразднились, монастыри опустѣли, школы при нихъ закрылись, а открытыя взамѣнъ ихъ чисто русскія духовно-учебныя заведенія стали выпускать совершенно неподготовленныхъ для грузинскихъ приходовъ кандидатовъ священства; оторванные отъ родной почвы и воспитанные въ бюрократическомъ духѣ священники являлись проводниками политическихъ тенденцій въ народную жизнь, потеряли обаяніе древнихъ пастырей грузинской церкви. Вслѣдствіе этого въ искони православномъ и крестоносномъ грузинскомъ народѣ стали возможны случаи оскорбленія священнослужителей, убійства ихъ, изгнанія изъ своей среды не только пастырей но даже архипастыря, оскверненія, ограбленія и поджоговъ вѣковыхъ святынь и т. д. Грузинское духовенство и народъ, принявъ во вниманіе все вышеизложенное, а равно и то, что во-первыхъ. Иверская церковь канонически является автокефальною, такъ какъ соборнаго постановленія объ уничтоженіи ея автокефаліи не было и быть не могло, во-вторыхъ — только церковь, свободно самоуправляющаяся можетъ придерживать въ совокупности чадъ своихъ полную, сыновную чистую вѣру въ себя, что, наконецъ для независимаго существованія Церкви необходимы матеріальныя средства, просятъ: 1) возвращенія Иверской церкви автокефальныхъ правъ на возстановленіе мцхетско-иверскаго католикосата въ прежнихъ его предѣлахъ (губ. тифлис., кутаис. и батумская, часть черноморск. губ., Абхазія, Самурзакано и Закатальскій округъ) во главѣ съ католикосомъ; 2) возстановленія выборнаго начала при замѣщеніи освобождающихся мѣстъ священно-церковно служительскихъ. Возвращенія Иверской церкви всѣхъ церковныхъ имѣній, перешедшихъ въ казенное управленіе" и т. п.

Почти о такомъ же освобожденіи своей церкви отъ полицейско-бюрократической власти просятъ и армяне. И за то тѣ и другіе и подвергаются ожесточенному преслѣдованію со стороны не въ мѣру усердствующихъ „патріотовъ"...

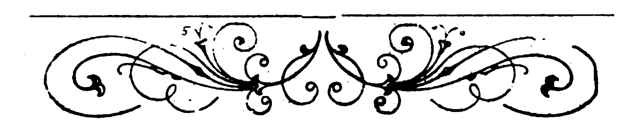
Армянская депутація, избранная изъ различныхъ слоевъ армянскаго общества, съ этою цѣлью имѣла аудіенцію 1 іюня у Намѣстника. Тотъ обѣщалъ все устроить ко всеобщему благополучію... Но... кровавыя картины армянскихъ избіеній по-прежнему продолжаются.

Да... тяжелыя, щемящія душу ужасомъ даетъ картины современная русская жизнь: тамъ погромы, здѣсь избіенія, возстаніе, бомбы и вездѣ —свистъ казацкой нагайки, въ качествѣ единственно вѣрнаго средства для возстановленія „порядка". Долго ли будетъ продолжаться все это, о, Русь многострадальная?! Кровь льется на далекихъ окраинахъ, кровью заливаются города и селенія. Всюду стонъ и рыданіе; всюду растущая нищета. А тамъ неслышно подбирается новый врагъ— страшная эпидемія.

Что это? Неужели исторія Руси поворотила вспять, неужели опять начинается всеобщая „разруха", какъ въ началѣ XVII вѣка, неужели *три вѣка*, истекшихъ съ тѣхъ поръ, ничему не научили, ничего не дали намъ?

Грустно, больно сознаться, но это такъ. И опять, какъ и тогда, единственное испытанное средство для умиротворенія „всей земли", для прекращенія „шатанія умовъ",— Великій Соборъ избранниковъ народа, близость котораго Высочайше подтверждена на аудіенціи земскихъ людей. Пора! Медлить нельзя! — этотъ вопль истерзанной души сдѣлался лозунгомъ каждаго порядочнаго русскаго гражданина.

Гр. Ф-тъ.

Столичная и провинціальная жизнь.

I. Высочайшая аудіенція земскимъ людямъ.—Резолюціи.—Политическія партіи и клубы.—Необходимость учрежденія національно-прогрессистской демократической русской партіи.—Либералы, консерваторы и ретрограды.—Резолюціи Обществъ.—II. Докладъ въ В.-Экономическомъ Обществѣ о народномъ представительствѣ. - III. Указы и администрація.—Черная сотня.—Хулиганская литература.—Чему позавидовать у Финляндіи.

I.

День 6-го іюня останется на долго памятнымъ въ исторіи русскаго самосознанія. Въ этотъ день удостоились продолжительной аудіенціи у Государя Императора земскіе люди, представители „всей земли", тѣ, по своеобразной терминологіи Грингмутовъ, Мещерскихъ и Кº, крамольники и бунтовщики, тѣ „нарушители порядка и общественнаго спокойствія", которыхъ по меньшей мѣрѣ нужно отдать подъ судъ или, еще лучше, сослать въ „отдаленныя и не столь отдаленныя мѣста".

Теперь оказывется, къ вящему посрамленію патріотовъ Страстного бульвара и Спасской, Государю угодно было не только видѣть этихъ „крамольниковъ", но и бесѣдовать съ ними.

Великій историческій моментъ!

Въ составъ депутаціи, какъ извѣстно, входили слѣдующіе земскіе и городскіе дѣятели: графъ П. А. Гейденъ, опочецкій уѣздный предводитель дворянства, псковскій губерскій гласный. Князь Г. Е. Львовъ, предсѣдатель тульской губернской земской управы. Н Н. Львовъ, саратовскій губернскій гласный. И. И. Петрункевичъ тверской губернскій гласный. Ф. А. Головинъ, предсѣдатель московской земской управы. Князь П. Д. Долгоруковъ, рузскій уѣздный предводитель дворянства, камергеръ Высочайшаго Двора. Н. Н. Ковалевскій, харьковскій губернскій гласный. Ю. А. Новосильцевъ темниковскій уѣздный предводитель дворянства. Ф. И. Родичевъ, кандидатъ весьегонскаго Тверской губерніи предводителя дворянства. Князь Д. И. Шаховской. ярославскій губернскій гласный. С. Н. Трубецкой, ординарный профессоръ московскаго университета. Баронъ П. Л. Корфъ, гласный с.-петербургской городской думы. А. Н. Никитинъ, замѣститель предсѣдателя с.-петербургской городской думы. М. П. Федоровъ, гласный с.-петербургской городской думы.

Ординарный, профессоръ князь С. Н. Трубецкой обратился къ Государю Императору съ нижеслѣдующими словами: „Ваше Императорское Величество. Позвольте выразить Вашему Величеству нашу глубокую искреннюю благодарность за то, что вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ, общественныхъ и земскихъ дѣятелей, чуть ли не измѣнниками престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство—любовь къ отечеству и сознаніе долга предъ Вами. Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то вѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика, Государь. Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ при нормальныхъ условіяхъ не была-бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и несокрушимое могущество Россіи, но именно поэтому онъ

не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу, онъ чувствуетъ себя обманутымъ и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ Царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово „измѣна" произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ, и въ генералахъ, и совѣтчиковъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ „господахъ" вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплоатируется. Одни натравляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Одни части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть, неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и ростетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что вначалѣ облекается въ патріотическія формы, тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди живущіе въ разныхъ мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи, и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій— это путь, указанный Вами, Государь, созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія, наконецъ должно служить „преобразованію государственному" какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно выдѣлиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути. Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные, равно и безъ различія чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя. Нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое отечество, въ Васъ своего Государя, чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію также, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ русскій Царь не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій, а всея Руси, такъ и выборные люди, отъ всего населенія призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе. Далѣе народное, представительство должно служить дѣлу „преобразованія государственнаго". Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а „приказный строй". Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ Державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой на старой системѣ бюкратическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между имъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами. Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго общества, нынѣ призываемаго къ участію

въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но и не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо открыть самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ и мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь. Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи".

Послѣ сего гласный с.-петербургской городской думы М. П. Федоровъ, какъ представитель городского самоуправленія, высказалъ, что и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ передалъ здѣсь князь Трубецкой.

Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣтить:

„Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ Родинѣ въ томъ, что вы обратились непосредственно ко Мнѣ.

„Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душею скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

„Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля — воля Царская непреклонна, и привлеченіе выборныхъ людей къ работѣ государственной будетъ выполнена правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

„Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

„Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

„Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

„Вѣрю вашему искреннему желанію содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ".

Послѣ сего Государь Императоръ удостоилъ всѣхъ представлявшихся милостивыми разговорами.

. . . .

Вышеупомянутая рѣчь кн. Трубецкаго явилась результатомъ совѣщанія земскихъ и городскихъ гласныхъ, городскихъ головъ и предводителей дворянства, состоявшагося въ Москвѣ 24-го и 25-го мая 1905 года, на которомъ были выработаны слѣд. резолюція и петиція.

Твердыя, полныя достоинства и составленныя въ энергичныхъ выраженіяхъ резолюціи Московскаго Совѣщанія невольно импонируютъ, а подписи наиболѣе блестящихъ представителей русскаго общества подъ ними должны придать особенный вѣсъ нашимъ „патріотамъ", до сихъ поръ еще видящимъ въ волненіи, охватившемъ Россію сверху донизу, только „бунтовскія идеи" „безштанниковъ" (санкюлотовъ). Теперь наши „охранители" должны воочію убѣдиться, что волнуются не только „санкюлоты", что все русское общество уже дошло до яснаго сознанія неудовлетворенности старыхъ формъ жизни и необходимости замѣны ихъ другими, болѣе подходящими къ измѣнившимся условіямъ.

Созрѣвшая мысль начинаетъ уже реально проявляться,—и этого стремленія уже не остановишь ничѣмъ.

Въ этотъ важнѣйшій моментъ исторіи русскаго самосознанія съ чувствомъ живѣйшей благодарности приходится остановиться на самоотверженной дѣятельности земствъ и земскихъ людей. Не смотря на всѣ стѣсненія и давленія сверху, не смотря на искусственный подборъ своего состава,—земства, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, остались вѣрны своимъ великимъ принципамъ.

„Земская мысль, — говоритъ „Наша Жизнь",—„первая приступила къ работѣ: всѣ проекты, записки и другія проявленія самочиннаго правотворчества тѣсно связаны, прямо или косвенно, съ земской средой. Оттуда вышли знаменитые „одиннадцать пунктовъ", а вокругъ послѣднихъ сосредоточилась кипучая работа мысли, вправо и влѣво отъ этихъ пунктовъ"...

Повидимому, Земство рѣшило довести принятую на себя роль до конца. Въ рядъ съ земствами идутъ и городскія самоуправленія.

Наконецъ, на сцену выступаетъ и интел-

лигентный пролеторіатъ, въ видѣ представителей разныхъ профессій труда.

События послѣдняго времени, характеризующіяся тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, судя по извѣстіямъ, отсутствіемъ сплоченности, разъединенностью и чрезмѣрнымъ развитіемъ узко-эгоистическихъ интересовъ,—внутри страны, наоборотъ, вызываютъ давно небывалое въ Россіи развитіе чувства солидарности и общественности, гдѣ личное „я" отступаетъ на второй планъ. И это—характерная черта нашего времени: „стоять крѣпко другъ за друга"; этотъ принципъ, всегда выступавшій у насъ въ моменты тяжелыхъ испытаній родины, теперь снова все болѣе и болѣе укореняется.

Общественная масса тронулась. Явилась новая форма ея—союзъ, въ который организуются лица извѣстныхъ профессій для совмѣстнаго обсужденія своихъ нуждъ и нуждъ государства.

Мы уже говорили объ организаціи и резолюціяхъ *союза инженеровъ*, *союза педагоговъ средней школы*, *союза чиновниковъ;* теперь сообщаютъ объ устройствѣ новыхъ союзовъ, какъ политическихъ, такъ и узко-профессіональныхъ. Особенно много послѣднихъ. Такъ, въ Херсонѣ возникла мысль *о союзѣ банковскихъ служащихъ всего юга*, затѣмъ—*о союзѣ земскихъ и городскихъ служащихъ Херсонской губ.*, а въ С.-Пб.—мысль *о союзѣ типогр. рабочихъ* Отмѣтимъ еще многочисленные союзы—*банковскихъ служащихъ и бухгалтеровъ и союзъ учителей*. Возникаетъ мысль объ организаціи даже такихъ Союзовъ, какъ *Союзъ столяровъ* (въ С.-Пб.), или *Союзъ Работницъ чулочнаго производства* и *Союзъ Шапочниковъ*.

Наконецъ, организуются еще Союзы—*Женскій* и *Союзъ евреевъ* для полученія равноправія.

Болѣе широкія, общественныя задачи имѣютъ союзы *учительскій*, *врачебный* и *инженерный*.

Въ Союзѣ *Врачей*, вѣрнѣе—*медицинскаго персонала*, такъ какъ сюда входятъ, кромѣ врачей, фельдшера, акушерки и дантисты, въ началѣ мая открылось Московское отдѣленіе, имѣющее свыше 600 членовъ. Больше же всего растетъ *Союзъ Инженеровъ*. Кромѣ уже имѣющихся въ немъ отдѣленій, 24 апр. открылось его Отдѣленіе въ Никольскѣ-Уссурійскомъ, 25 апр.—въ Перми, 1 мая—въ Туркестанѣ.

Въ настоящее время вполнѣ организовались уже и дѣйствуютъ слѣд. союзы: 1) *адвокатовъ*, 2) *инженеровъ*, 3) *медицинскаго персонала*, 4) *агрономовъ и статистиковъ*, 5) *ветеринаровъ*, 6) *равноправности женщинъ*, 7) *равноправности евреевъ*, 8) *конторщиковъ и бухгалтеровъ*, 9) *учителей низшей школы и дѣятелей по народному образованію*, 10) *педагоговъ средней школы*, 11) *желѣзнодорожный*, 12) *фармацевтовъ*, 13) *писателей* и 14) *крестьянскій союзъ*.

Многіе изъ нихъ достигли широкаго распространенія. Такъ, напр., союзъ адвокатовъ насчитываетъ въ своемъ составѣ—$2^1/_2$ тысячи членовъ, союзъ инженеровъ—4 тыс., союзъ конторщиковъ—6 тыс., союзъ профессоровъ—$1^1/_2$ тыс., союзъ народныхъ учителей—5 тыс.

Кромѣ Союзовъ, пробудившееся гражданское самосознаніе вызвало къ дѣятельности и другія общественныя организаціи, именно, политическія партіи и клубы, начиная съ самыхъ радикально-прогрессивныхъ и кончая ретроградными и консервативными. Послѣдніе, понятно, пользуются большимъ благоволеніемъ начальства, за то къ первымъ внимательно прислушивается общество.

Прогрессивныя партіи особенно многочисленны, но большинство ихъ—нелегальныя, и говорить о нихъ не приходится. Изъ легальныхъ же прогрессистскихъ партій пока извѣстна одна—*партія земскаго большинства*, стоящая за осуществленіе идей, высказанныхъ на ноябрьскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ земскихъ дѣятелей. Эта партія устраиваетъ теперь свой Клубъ, подъ названіемъ клубъ общественныхъ дѣятелей.

Затѣмъ идетъ *консервативная партія земскаго меньшинства и представителей дворянства*. Во главѣ ея стали землевладѣльцы: бывшій предс. Моск. Губ. Земской управы Д. Н. Шиповъ, сынъ извѣстнаго славянофила — Н. А. Хомяковъ, М. А. Стаховичъ, губ. предв. двор. кн. П. Н. Трубецкой и Г. П. Герасимовъ (директоръ дворянскаго пансіона пріюта). Эта

партія аграріевъ стоитъ за проектъ болѣе ограниченнаго народнаго представительства и, не раздѣляя мнѣнія большинства русскаго общества, питаетъ полнѣйшіе довѣріе къ современной бюрократической работѣ, надѣясь обрѣсти спасеніе Россіи въ мелкой земской единицѣ. Выборы народныхъ представителей должны быть, по мнѣнію этой партіи, четырехстепенные, прямые же — только для мелкой земской единицы, что даетъ возможность отложить собраніе выборныхъ до созданія этой единицы, т. е. года на 2—3.

Кромѣ этихъ двухъ наиболѣе многочисленныхъ партій, сформировалось нѣсколько болѣе мелкихъ, всѣ болѣе или менѣе съ ярко выраженной консервативной программой. Таковы: 1) „Русскій кружокъ 18 февр. въ Москвѣ", имѣющій девизомъ—„Самодержавіе при народномъ представительствѣ" 2) Національные прогрессисты въ Москвѣ, во главѣ которыхъ стоитъ Шараповъ. 3) Союзъ Русскихъ дѣятелей, подъ предсѣдательствомъ графа Шереметева, 4) Московская монархическая партія („Моск. Вѣд.") и 5) С.-Петербургская — „Святая Русь" — сторонники существующаго строя и противники всякихъ новшествъ. Девизъ ихъ—„Россія для русскихъ". Всякія попытки сближенія съ инородцами, населяющими Россію, признаются партіей совершенно нежелательными и даже пагубными для страны.

Наконецъ, формируется еще такъ называемая *интернаціональная партія*, ставящая своей задачей объединеніе всѣхъ „умѣренныхъ" слоевъ общества, независимо отъ ихъ національности и религіи, а среди московскихъ гласныхъ—чисто русская партія *народной свободы*, близкая по своей программѣ къ земской партіи.

Изъ краткаго обозрѣнія всѣхъ этихъ политическихъ партій видно, что и тутъ впереди всѣхъ русскихъ городовъ стоитъ Москва, гдѣ происходитъ въ настоящее время наибольшая работа мысли, гдѣ общество уже ясно поставило себѣ задачу и планъ дѣйствій, откуда, наконецъ, вышла сплоченная земская партія, добившаяся аудіенціи у Государя.

Но Москва—столица русскихъ капиталистовъ (дворянъ и купцовъ), и потому народившіяся здѣсь партіи—капиталистическія. Между тѣмъ многими истинно русскими людьми (только не à la Грингмутъ, Мещерскій, Крушеванъ и К°) давно уже сознается необходимость созданія *русской прогрессивной народной партіи* (русской демократической), которая, основываясь на неоспоримомъ историческомъ правѣ и безчисленныхъ жертвахъ, понесенныхъ *русскимъ* (и прежде всего великорусскимъ) народомъ на созданіе русскаго государства, —жертвахъ потомъ, кровью и деньгами,—должна *стремиться къ поднятію культурнаго уровня русскихъ* и ихъ значенія среди другихъ народностей нашей родины. Ея программа—*свободная федерація* (союзъ) *всѣхъ народностей*, входящихъ теперь въ составъ русскаго государства, *при широкомъ мѣстномъ самоуправленіи*, но и при непремѣнномъ господствѣ русскаго элемента, выражающемся, конечно, не въ насильственномъ обрусеніи, а въ господствѣ элементовъ русской культуры,—т. е. *единствѣ русскаго государственнаго языка, единствѣ русскихъ мѣръ и денежныхъ знаковъ, единствѣ организаціи военнаго дѣла и т. п.* При такихъ условіяхъ, *на началахъ общаго равноправія*, Россія со временемъ явится объединителемъ всѣхъ славянъ, въ противовѣсъ центрамъ галло-кельтскому (Франція), англо-саксонскому (Англія и Соед. Штаты Америки) и германскому (Германія), а также нарождающемуся, повидимому, монгольскому союзу (Китай—Японія). Въ основу дѣятельности этой русской партіи должны быть положены „исконныя *) русскія начала" — безсословности и полнаго равенства.

Такимъ образомъ по направленію эта партія *близко сходится съ „партіей земскаго большинства"* (по обще политическимъ идеаламъ), но въ тоже время *имѣетъ спеціальныя задачи—оберегать достоинство и самобытность русскаго племени*, поднятіе *значенія этой забитой народности* (забитой и приниженной, не смотря на видимое якобы *господство* ея. Хорошо господство, когда „господствующій" пухнетъ отъ голода, страдая хронически недоѣданіемъ)!

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ подъ флагомъ русскаго народа выступаютъ или такіе

---

*) Понятно „исконныя русскія" не по терминологіи Грингмутовъ и К°.

„держиморды“, какъ патріоты со Страстного бульвара, *ничего общаго съ русскими не имѣющіе,* или члены шутовскаго Русскаго Собранія, сторонники Московскихъ идеаловъ. И тѣ, и другіе одинаково—противники „исконныхъ русскихъ началъ“, и не ихъ голосъ будетъ слушать русскій народъ.

Сохраняя свои спеціальныя задачи, русская народная партія *должна идти рука объ руку съ земскою партіею страны,* такъ какъ *теперь нужно добиваться* главнаго, на чемъ сходятся обѣ онѣ,—и *всякое раздѣленіе можетъ только повредить дѣлу возрожденія родины.*

Будущее, можетъ быть, даже близкое будущее, покажетъ, насколько основательно было наше предположеніе о необходимости сформированія такой партіи. Пока же будемъ стремиться къ одному — *безотлагательному созыву народныхъ представителей.*

Этого настоятельно требуютъ теперь всѣ слои населенія: всѣ сословія—дворяне; стѣсненные малоземельемъ крестьяне, даже купцы,—наиболѣе косная часть нашего населенія, какъ видно изъ постановленій 10 іюня рыбинскаго купечества, съѣхавшагося изъ 22 губерній; аналогичное постановленіе сдѣлали и нижегородскіе биржевики.

Объ интеллигентныхъ обществахъ нечего и говорить: всѣ они единодушно постановляютъ резолюціи о созывѣ народныхъ представителей, даже въ далекой Сибири (напримѣръ, въ Тобольскѣ, собраніе членовъ губернскаго музея 2 апр. и Иркутскѣ—резолюція просвѣтительнаго общества 11 апр.). Съ подобнымъ заявленіемъ выступаютъ и женщины (напримѣръ, въ Саратовѣ и Москвѣ), даже сельскія общества (напримѣръ 29 марта Ивановское сельское о-во (Саватов. губ.) просило Особое Совѣщаніе Булыгина о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей и отмѣнѣ усиленной охраны.

Новыя вѣянія захватили, наконецъ, и наше духовенство.

Распространившійся весною слухъ о созывѣ всероссійскаго церковнаго собора побудилъ многихъ представителей духовенства въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и др. городахъ, по обсужденіи церковныхъ нуждъ на частныхъ собраніяхъ, обмѣняться мнѣніями, и наконецъ, принять слѣдующія положенія, которыя рѣшено разослать всѣмъ членамъ св. синода и епархіальнымъ архіереямъ:

1) Уничтожить въ духовенствѣ взяточничество посредствомъ установки жалованья, таксы за трудъ или вообще опредѣленнаго вознагражденія.

2) Урегулировать учебную часть: упразднить или преобразовать настоящія духовныя училища и семинаріи съ тѣмъ, чтобы дѣти духовенства со всѣми гражданами получали образованіе въ общеобразовательныхъ школахъ, а потомъ уже сознательно желающіе выступить на духовное поприще принимались въ спеціальные 2—3 годичные богословскіе классы. Это необходимо вслѣдствіе того, что подневольная полу-монастырская жизнь теперешнихъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ червь, подтачиваетъ всякую религіозность.

3) Преобразовать духовный судъ и всю консисторію, ибо подкупность членовъ ея, и особенно чиновниковъ, вошла въ пословицу.

4) Воспретить поступленіе въ священники ранѣе 30 лѣтъ и въ монахи тоже не ранѣе 30 — 40-лѣтняго возраста, если безъ нихъ совершенно обойтись нельзя.

5) Вопреки каноническимъ правиламъ, не обязывать непремѣнно кандидатовъ священства жениться, не запрещать вдовцамъ вступать во второй бракъ, не запрещать и развода, когда жены ихъ ведутъ жизнь соблазнительную.

6) Уничтожить для духовенства награды, развращающія священнослужащихъ, или установить иное положеніе о наградахъ.

7) Установить по каноническимъ правиламъ выборъ священниковъ самими прихожанами изъ достойныхъ кандидатовъ въ священники и предоставить мѣстнымъ архіереямъ утверждать и посвящать лишь избраннаго прихожанами кандидата.

8) Въ монастыряхъ ввести не созерцательное, а дѣятельное начало любви къ ближнимъ: благотворительность и ухаживаніе за больными, и вообще поставить монастыри въ такія условія, чтобы они не вредъ, а пользу приносили государству и обществу.

9) Разработать заново богословскіе учебники, полные тумана и противорѣчій.

10) Предоставить право священникамъ произносить церковныя проповѣди не по-

шаблону, какъ теперь, но и, кромѣ вопросовъ религіозныхъ, говорить въ духѣ св. евангелія и св. писанія о современныхъ порокахъ общества вообще. Это необходимо въ виду того, что шаблонныя проповѣди успѣха своего не достигаютъ, и молящіеся неохотно ихъ выслушиваютъ.

Намѣченныя реформы давно уже ждутъ своей очереди; еще въ 60—70-тые годы о нихъ поднималась рѣчь. Къ сожалѣнію, имъ не дали хода,—и духовенство по прежнему должно было влачить жалкое существованіе, вынося попреки со стороны общества и не имѣя ни оттуда, ни со стороны властей и тѣни уваженія.

Жалкая роль прислужниковъ—власти давно уже тяготитъ лучшихъ представителей духовенства, но іерархи изъ монаховъ, опасаясь за свои призрачныя привиллегіи, не рѣшаются давать ходу какимъ нибудь либеральнымъ начинаніямъ...

Вся надежда и здѣсь на будущее собраніе народныхъ представителей, которые, порѣшивъ государственные вопросы, навѣрно, освободятъ церковь отъ унизительнаго подчиненія власти.

Надѣясь на близкое собраніе народныхъ представителей, русское общество въ то же время чутко прислушивается къ тому, какъ „вверху" предполагаютъ провести эту реформу, и съ своей стороны старается указать желательныя и, по его мнѣнію, необходимыя для пользы дѣла нормы ея.

По этому поводу въ Собраніи И. В.-Экономическаго Общества въ СПБ. 7 іюня былъ прочитанъ интересный докладъ о проектѣ народнаго представительства, составленномъ Г. Фальборкомъ и В. Чарнолусскимъ.

По проекту за избирательный округъ принятъ уѣздъ, съ населеніемъ отъ 40 до 100 тыс. избирателей. Такіе уѣздные города, какъ Кременчугъ, Царицынъ, Рыбинскъ и др., помимо своего уѣзда, имѣютъ право на 1 голосъ.

Въ результатѣ для всей Россіи получится 724 избират. округа, причемъ изъ 764 уѣздовъ 102 придется присоединить къ другимъ. Эти 724 округа избираютъ 916 депутатовъ.

Самое распредѣленіе населенія по округамъ первоначально производится, по проекту, на основаніи принципа территоріальности. Но, кромѣ того, приняты во вниманіе національные и экономическіе интересы.

Всѣ народности Россіи раздѣляются на 26 группъ, причемъ всѣ мелкія племена (чукчи, юкагиры, гиляки и т. д.) соединяются въ одну группу. Если въ округѣ к. н. національная группа составляетъ болѣе половины общаго числа жителей, то избранный въ округѣ депутатъ будетъ принадлежать къ ней; если менѣе половины, то —къ господствующей народности.

Принципъ національности особенно важенъ для такой народности, какъ евреи или татары, не имѣющіе опредѣленной территоріи; ихъ придется изъ нѣсколькихъ губерній собирать въ одинъ губернскій избирательный округъ, равно какъ и бурятъ.

При такихъ поправкахъ число теоретически вычисленныхъ и вѣроятныхъ депутатовъ почти сойдется.

Окончивъ дѣленіе на округа по принципу территоріальному, съ національными поправками, необходимо дать возможность выразиться и интересамъ однороднымъ въ экономическомъ положеніи группъ населенія. „Если мы, принявъ во вниманіе фабрично-заводскіе округа, разобьемъ нѣкоторые уѣзды Донской области, таврической, екатеринославской, уфимской губерній на отдѣльные избирательные округа по 1 депутату на каждый, то получится, что сельскохозяйственные интересы будутъ представлены не менѣе, чѣмъ 188 депутатами, изъ коихъ 47 —будутъ выражать интересы фабрично-заводскихъ рабочихъ и 141—городскіе и другіе, не земледѣльческіе интересы.

„Если будутъ выполнены эти условія, то при выборахъ всѣ мѣстности, народности и экономическія группы будутъ находиться въ приблизительно равныхъ условіяхъ".

Въ заключеніе докладчикъ подробно остановился на необходимости и основательности всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола и національности.

Послѣ преній и поправокъ была принята слѣдующая резолюція:

1) Ограниченіе народнаго представительства одними только законосовѣщательными функціями и сохраненіе, на ряду съ выборной палатой, также и стараго чинов-

ничьяго органа законодательства, коимъ является государственный совѣтъ, противорѣчитъ самой идеѣ представительнаго правленія. 2) Предположенная проектомъ система выборовъ въ народные представители не можетъ быть признана удовлетворяющей ни требованіямъ науки государственнаго права, ни потребностямъ текущаго историческаго момента. Многочисленные выборы отъ избирательныхъ коллегій, основанныхъ на принципѣ неимущественныхъ (косвенно) сословныхъ различій между избирателями, могутъ дать лишь искусственное и фальсифицированное отраженіе истинныхъ мнѣній и желаній страны. Численность и преобладаніе той или другой группы въ представительномъ собраніи вовсе не явится при этомъ способѣ выборовъ показателемъ ея преобладанія въ странѣ, и это несоотвѣтствіе послужитъ источникомъ новаго неудовольствія и новой борьбы—на этотъ разъ противъ самыхъ народныхъ представителей.

3) Лишеніе обширной 6-ти милліонной группы еврейскаго населенія права выбирать и быть избираемымъ — представляется единственнымъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ нарушеніемъ элементарнѣйшихъ понятій о равноправности гражданъ въ современномъ государствѣ и не можетъ быть оправдываемо никакими практическими соображеніями. 4) Способъ разработки и обсужденія даннаго законопроекта — коммиссіями чиновниковъ, безъ всякаго участія представителей населенія, вопреки ожиданіямъ общества и обѣщаніямъ самого правительства, не могъ не вызвать общаго недовѣрія къ законопроекту, нынѣ вполнѣ оправданнаго его содержаніемъ. 5) Отсутствіе предположеній дать одновременно съ закономъ о народномъ представительствѣ элементарныя гарантіи неприкосновенности личности и свободы обсужденія политическихъ вопросовъ, путемъ печати, собраній, сходокъ и т. е., и усиленіе въ послѣднее время правительственныхъ стѣсненій всяческаго проявленія общественной мысли лишаютъ общество увѣренности, что правительствомъ руководитъ серьезное намѣреніе создать въ Россіи нормальныя условія свободной политической жизни. 6) Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ введеніе народнаго представительства по проекту гофмейстера Булыгина нынѣ, по слухамъ, одобренному совѣтомъ министровъ, не только не можетъ внести миръ и успокоеніе въ страну, но, напротивъ, неминуемо сдѣлается новой причиной броженія съ цѣлью добиться насильственными средствами того, что оказалось невозможнымъ получить мирнымъ путемъ, именно, истиннаго, неискаженнаго представительства въ центральномъ законодательномъ учрежденіи, при условіи свободной избирательной борьбы. 7) Необходимымъ исходомъ изъ настоящаго критическаго положенія является тотъ,—на который давно постоянно и настойчиво указывало общественное мнѣніе страны, именно: немедленный созывъ народныхъ представителей, свободно избранныхъ на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія, для выработки основного закона Россійской Имперіи".

Неужели наша бюрократія не вникнетъ голосу старѣйшаго изъ русскихъ ученыхъ Обществъ?...

Пока ученыя общества вырабатываютъ наиболѣе желательныя формы будущаго представительства, администрація, какъ ни въ чемъ ни бывало, ведетъ свою линію, по прежнему сплошь и рядомъ закрывая и разгоняя иногда нагайками и штыками всякія собранія, въ виду ихъ „незаконности". Такъ, изъ Александровска телеграфировали „Русскому Слову": „собраніе частныхъ лицъ, открытое согласно Высочайшему указу 18-го февраля, закрыто исправникомъ и жандармскимъ ротмистромъ, заявившими, что всякое собраніе должно быть разрѣшено полиціей, а *„манифестъ тутъ не при чемъ"*.

Характерный отвѣтъ!

Такъ отзываются о Высочайшемъ указѣ!!

Омскій губернаторъ поступилъ политичнѣе: онъ сначала не позволилъ открыть такое собраніе, назначенное на 23 апрѣля, *„въ виду предстоящаго разъясненія г. М-стра Вн. Дѣлъ"*. Когда же въ Омскѣ былъ полученъ этотъ „разъясняющій" циркуляръ (12 апр.), онъ снова запретилъ Собраніе уже просто потому, что „Омскъ находится на особомъ положеніи".

Ясно и точно!

Сколько же городовъ Россійской Импе-

ріи находится въ таковъ положеніи? Судя по всему, не мало...

Вообще, охраняя свою губернію отъ тлетворной заразы собранія съ ихъ рѣчами, многіе администраторы прямо прикрываютъ Общества, гдѣ предполагаются такія собранія, какъ и было въ Баку, Черниговѣ, Ялтѣ и пр., хотя Общества были спеціальныя —медицинскія, педагогическія и т. п.

Словомъ, все, какъ и слѣдуетъ быть. Ничего не измѣнилось.

„Сверху" издаются гуманные указы, говорятъ о реформахъ, о близкомъ обновленіи всего государственнаго строя, а „внизу"—все тѣ же картины произвола, который властно царитъ надъ всѣмъ. А пришибленный обыватель только пугливо сторонится, боясь одного, какъ бы „его не задѣли", чтобы не впутаться „въ чужое дѣло". Оттого и возможны у насъ такіе факты, какими сопровождается „возстановленіе спокойствія", какъ было, напр., въ Варшавѣ 1 мая.

„Бирж. В.", передавая ужасающія подробности жестокой охотой на людей, говорятъ: „Большинство ранъ, даже женщинъ и дѣтей, при осмотрѣ труповъ въ моргахъ и больницахъ, оказалось въ затылокъ или въ спину. Ихъ пристрѣливали, кололи и рубили, какъ зайцевъ на охотѣ.

„Допустимо-ли это не только по законамъ Божескимъ, но и человѣческимъ, не только въ мирное время, но и на войнѣ? Негодующая народная совѣсть ждетъ разслѣдованія, для примѣрнаго наказанія виновныхъ.

„Армія тѣмъ и сильна, что она спаяна желѣзной дисциплиной и послушна волѣ вождя. Вождь не могъ направить ея оружіе на беззащитныхъ бѣгущихъ женщинъ и дѣтей...

„Подобные поступки недопустимы. Не оцѣнивая ихъ съ нравственной стороны, они недостойны съ точки зрѣнія воинской чести, ибо мараютъ армію. Этимъ путемъ изъ близкихъ и родныхъ убитымъ дѣлаются искусственно анархисты и террористы".

Какихъ тутъ еще нужно „агитаторовъ"?

А вотъ исторія издѣвательства надъ единичнымъ лицомъ. Это случилось въ Александрополѣ.

Въ прошломъ году въ мѣстной крѣпости совершена была кража патроновъ. Начальство поставило пикеты вокругъ города съ цѣлью накрыть воровъ при вывозѣ украденнаго. Помѣщикъ Драмповъ, подъѣхавшій къ городу, былъ остановленъ пикетомъ и обысканъ, затѣмъ свезенъ въ полицейское управленіе, откуда и отпущенъ. А затѣмъ началась квалифицированная по жестокости ковалевщина.

Корнетъ Посажной, который въ этотъ день былъ назначенъ дежурнымъ по оцѣпленію, узнавъ отъ солдатъ, что проѣзжалъ какой-то Драмповъ, поѣхалъ въ городъ отыскивать его. Найдя его, онъ посадилъ въ сани и поѣхалъ за городъ, яко-бы въ казармы, для представленія командиру, а вмѣсто этого, отвезя въ сторону отъ дороги, на открытомъ воздухѣ произвелъ надъ нимъ возмутительное истязаніе. Здѣсь было все, начиная съ раздѣванія (въ ту ночь морозъ доходилъ 20 съ лишнимъ градусовъ) и кончая примѣрною смертною казнью. По его приказанію, солдаты привязали Дрампова къ дереву, при чемъ туго обвязали все тѣло и шею, и начали бить его плетьми; билъ и самъ корнетъ ногами и шпорами. Закончивъ всю эту возмутительную процедуру, онъ велѣлъ вливать ему въ ротъ водку, которая оказалась у солдатъ, потомъ потащилъ его въ находящійся у дороги трактиръ и тамъ снова, потребовавъ водки, продолжалъ свое глумленіе. Передъ тѣмъ, какъ отправить его домой, онъ взялъ съ него росписку въ томъ, что *никакого*, молъ, *насилія онъ надъ нимъ не производилъ*.

Дѣло до сихъ поръ не разслѣдовано, и не трудно угадать его результаты, если на помощь Дрампову не придетъ, какъ въ свое время Забусову, общественное мнѣніе и печать.

Кстати, о Забусовѣ. Оскорбитель его, пресловутый генералъ Ковалевъ не дождался суда и на одной изъ станцій Ю.—В. Россіи покончилъ съ собою. Смерть эта заглаживаетъ его вину, примиряя съ нимъ: вѣдь и Ковалевъ такая же жертва общихъ нашихъ условій жизни, какъ и Забусовъ.

Кончилось и другое дѣло, также одно время возбуждавшее сенсацію. Мы говоримъ о Коноваловскомъ конфликтѣ. 12 іюня состоялось постановленіе суда чести. Въ рѣшеніи его указывается, что этотъ про-

цессъ раскрываетъ ту тяжелую атмосферу лжи и гнета, которая царитъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ ихъ единственной заботой о безмолвіи и внѣшнемъ порядкѣ.

Судъ отнесся строго къ обѣимъ сторонамъ и осудилъ поведеніе ихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, обѣ стороны одинаково вели себя, не какъ слѣдуетъ.

Впрочемъ, едва ли кто и искалъ другого постановленія. Нужно было только воочію представить обществу картину внутренней жизни нашихъ разсадниковъ просвѣщенія. Это и было сдѣлано. Язвы обнажены, теперь нужно позаботиться объ ихъ излѣченіи: „приспѣло уже время"...

Еще болѣе приспѣло время обуздать наглость хулигановъ и „черныхъ сотенъ", держащихъ въ страхѣ цѣлые города. „Патріотическіе агитаторы, повидимому, никакъ не могутъ примириться съ мыслью о близкомъ паденіи ихъ царства и дѣйствуютъ „во всю". Газеты то и дѣло пестрятъ извѣстіями объ ихъ возмутительныхъ подвигахъ, почти всегда остающихся безнаказанными.

Въ западномъ краѣ хулиганы готовятъ новые еврейскіе погромы, напр., въ Двинскѣ, Свѣнцянахъ, Ковнѣ, Могилевѣ и др. Въ остальныхъ городахъ дѣйствуютъ спорадически, наводя панику на жителей.

Въ Н. Новгородѣ ночью казаки, напр., прямо грабятъ жителей; въ Херсонѣ избиваютъ встрѣчныхъ студентовъ; въ Самарѣ врываются ночью въ дома обывателей; въ Николаевѣ и Кишиневѣ хулиганство дошло „до геркулесовыхъ столбовъ", какъ пишетъ „Бес. Ж.":

„Городъ буквально въ осадномъ положеніи. Нападаютъ и избиваютъ днемъ и ночью ежедневно. Даже въ центрѣ города слышны отчаянные крики о помощи. Полиція то и дѣло подбираетъ избитыхъ и отправляетъ въ больницу.

Вотъ рядъ вопіющихъ случаевъ.

„На купеческой улицѣ толпа, человѣкъ въ сто, избила человѣка до потери сознанія. Случайно водоворотомъ захваченная женщина видѣла эту дикую расправу. Возмущенная варварствомъ, она прорвалась къ распростертой замолкнувшей жертвѣ и воскликнула:

— Звѣри, вѣдь, вы убили человѣка!

„Вдругъ неизвѣстный чиновникъ вывелъ несчастную женщину за руку изъ толпы, насильно отвелъ домой и строго приказалъ не выходить. Судьба избитаго осталась неизвѣстной.

„Слесарь Клейманъ, возвращаясь 6-го мая, въ 9 часовъ вечера, домой, подвергся преслѣдованію 20 хулигановъ. Били его, пока онъ не потерялъ сознанія. Крики жертвы слышны были черезъ нѣсколько улицъ. На бульварѣ собралась тысячная толпа, но никто не пытался помочь несчастному, котораго свезли въ больницу въ безнадежномъ состояніи. Нѣсколько хулигановъ, въ томъ числѣ дворянинъ Гурьяновъ, привлекаются къ отвѣтственности за „нарушеніе тишины".

7-го мая утромъ избили учителя первой гимназіи Гейдеке и воспитанника гимназіи Водеско.

8-го мая утромъ избили расчитавшагося въ трактирѣ „Ардагонъ" полового Каштанова. Жена его жаловалась во второмъ полицейскомъ участкѣ. Ей отвѣтили тамъ, что „это, вѣроятно, случилось по ошибкѣ".

Характерно, что кишиневскій обыватель совершенно безпомощенъ: отбираютъ,—какъ телеграфируютъ „Рус. Сл.",—даже обыкновенныя трости.

Интересно, что судъ приговорилъ хулигановъ за избіеніе Клеймана къ аресту на 2 мѣс. *при полиціи*. А если у хулигановъ дружескія отношенія, то можно догадаться, во что превратится арестъ.

Хулиганы появились даже на верхней Волгѣ, въ Ярославлѣ и Костромѣ, и вездѣ производятъ избіеніе „демократовъ", подвергая грубому обыску всѣхъ „подозрительныхъ" лицъ на улицѣ, въ поискахъ „крамолы".

Еще безобразнѣе похожденія черной сотни въ деревняхъ, гдѣ идетъ усиленная агитація противъ интеллигенціи. Такъ, въ Саратовскую уѣздную земскую управу въ послѣднее время очень часто стали поступать заявленія врачей, учителей и другихъ земскихъ работниковъ, свидѣтельствующія о возрастающей въ деревнѣ агитаціи противъ интеллигенціи.

Роль агитаторовъ, къ стыду своему, часто играютъ деревенскіе „батюшки".

Напр., „Рус. Слову“ пишутъ изъ той же Саратов. губ о слѣд. фактахъ.

Священникъ села Стар. Чиржимъ, о. Вас. Казанскій, говорилъ недавно во время проповѣди, что вся „крамола“ пошла отъ интеллигентовъ и вообще грамотныхъ, ученыхъ людей. Кромѣ того, онъ старается вселить въ крестьянахъ недовѣріе къ эпидемическому фельдшеру, обвиняя его въ томъ, что онъ не оказываетъ дѣйствительной помощи, и крестьяне утаиваютъ скарлатинныхъ больныхъ.

Землевладѣлецъ Поповъ, избранный крестьянами деревни Муратовки, Сарат. у., въ санитарные попечители, обратился къ настоятелю мѣстной церкви о. А. М. Соловьеву со слѣдующимъ заявленіемъ: „Представляя при семъ данные вами два листка старостѣ Муратовки—одинъ для передачи мнѣ, другой—для прочтенія крестьянамъ,—прошу васъ впредь такихъ листковъ не распространять въ деревнѣ, гдѣ я выбранъ самими крестьянами санитарнымъ попечителемъ. Эти листки, кромѣ распространенія среди населенія ложныхъ слуховъ объ японскомъ подкупѣ, уже разъ оффиціально опровергнутыхъ, возбуждаютъ его противъ всѣхъ лицъ, проводящихъ въ деревнѣ различныя санитарныя мѣры для предупрежденія холеры“.

Такія же вѣсти несутся и изъ другихъ пунтовъ.

Въ с. Архангельскомъ (Ставроп. г.) священникъ Лавровъ былъ до того затравленъ „охранителями“, что покончилъ съ собою. Вся вина его въ томъ, какъ указывали, что онъ помогалъ крестьянамъ составить адресъ на Высочайшее имя съ изложеніемъ своихъ нуждъ и просьбой ускорить созваніе представителей народа.

Свящ. с. Михайловскаго (Яросл. губ.) за пустое подозрѣніе въ „неблагонадежности“ лишился мѣста и просидѣлъ въ тюрьмѣ 2 недѣли.

Напротивъ, отцы составители такихъ „патріотическихъ“ изданій, какъ „Братскіе Листки“ въ Саратовѣ, сплошь наполненные перепечатками изъ „Моск. Вѣд.“ и нападками на интеллигенцію, одобряются и удостаиваются похвалы начальства.

Впрочемъ, какъ имъ и не усердствовать, если во главѣ ихъ стоитъ пресловутый о. Іоаннъ Кронштадтскій, кстати, потерявшій теперь всякій престижъ среди интеллигенціи.

Въ „Моск. Вѣд.“ напечатно „Слово“, произнесенное о. Іоанномъ Сергіевымъ 14-го мая. О. Іоаннъ ставитъ на разрѣшеніе вопросъ: „Божіе-ли царство Россія?“ и приходитъ къ заключенію, что „только съ одной стороны“. Въ числѣ явленій, заставляющихъ его думать, что, съ „другой стороны“, русское царство есть „не Господне царство, а широкое и не раздѣльное царство сатаны“, о. Іоаннъ указываетъ, что теперь „допущенъ безнаказанный переходъ изъ православія въ какую угодно вѣру,—между тѣмъ какъ тотъ же Господь, Котораго мы исповѣдуемъ,—въ Ветхомъ Завѣтѣ опредѣлилъ *смертную казнь отвергшимся* (Евр. 10. 29) *закона Моисеева*“.

Ученіе Христа есть прежде всего ученіе любви и всепрощенія,—эту истину все чаще и чаще забываетъ о. Іоаннъ...

Да и вообще многое онъ забываетъ. Недаромъ распространился слухъ, что онъ уѣзжаетъ на постоянное жительство въ Соловки...

Травля на интеллигенцію, конечно, прежде всего дѣятельно поддерживается „черносотенною“ прессою—„Моск. Вѣд“., Крушевановскимъ Бессарабцемъ, Пензен. и нѣкоторыми Губ. Вѣдомостями,—словомъ, всей мракобѣсной кликой.

И, подъ вліяніемъ ея, „черная сотня“ дѣятельно организуется даже въ столицѣ.

Въ „Нов.“ г. Строевъ пишетъ, напр., что въ домѣ № 67, по Гороховой лицо, пришедшее къ нему по дѣлу, было встрѣчено слѣдующимъ замѣчаніемъ дежурившаго дворника.

„Когда вы перестанете ходить къ Строеву? Только бы дождаться, когда намъ, запаснымъ, будетъ роздано оружіе. Мы покажемъ всѣмъ *этимъ* литераторамъ и разной тамъ интеллигенціи. *У насъ списокъ есть*“.

Любопытно было бы узнать, про *какой списокъ* упоминалъ этотъ ретивый домашній сторожъ, *кто* и *когда* составлялъ его. Мудрый Эдипъ, разрѣши эту загадку!

Wolga.

Судебная хроника.

Предположенія правит. сената объ измѣненіи порядка производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. — Дѣло бакинскаго кавказскаго демократическаго рабочаго союза. — Дѣло Донского Комитета россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. — Дѣла о распространеніи нелегальныхъ изданій и публичныхъ скопищахъ.—Дѣло либавскаго еврейскаго общества рабочихъ.—Дѣло балтійской латышской соціалъ-демократической рабочей организаціи.—Дѣло о вооруженномъ сопротивленіи власти.—Въ Кіевскомъ военно-окружномъ судѣ.—Дѣло о вооруженномъ сопротивленіи власти и покушеніи на жизнь бѣлостокскаго полиціймейстера Пеленкина.—Дѣло объ убійствѣ начальника партіи ссыльныхъ поручика Сикорскаго. — Дѣло о пропагандѣ среди нижнихъ чиновъ онежскаго и бѣломорскаго пѣх. полковъ.—Дѣло о покушеніи на жизнь бывшаго московскаго оберъ-полиціймейстера г.-м. Трепова.—Заявленіе присяжныхъ засѣдателей московскому окружному суду.—Протестъ сословныхъ представителей харьковской судебной палатѣ.—Дѣло объ избіеніи учащихся въ г. Курскѣ.

Массовое возникновеніе въ послѣднее время дѣлъ о такъ называемыхъ государственныхъ преступленіяхъ, оканчивающихся нерѣдко чрезмѣрно суровыми судебными приговорами, очень часто совершенно несоотвѣтствующими обнаруженной злой волѣ обвиняемыхъ, видимо, начинаетъ серьезно озабочивать высшія правительственныя сферы, и есть основаніе предположить, что въ существующій нынѣ порядокъ производства дѣлъ по этимъ преступленіямъ въ скоромъ времени будутъ внесены существенныя измѣненія. Такъ, по сообщенію „Нашей Жизни“, соединенные департаменты правительствующаго сената признали, что распространеніе на дѣла о государственныхъ преступленіяхъ общихъ началъ судопроизводства является особенно важнымъ и желательнымъ потому, что устраняетъ непосредственное участіе Высочайшей власти въ разрѣшеніи этихъ дѣлъ. Неудобство представленія означенныхъ дѣлъ на непосредственное благовоззрѣніе Верховной власти становится особенно очевиднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда окончательнымъ исходомъ преслѣдованія за государственныя престудолжно быть наложено на виновныхъ наказаніе внѣ порядка судебной отвѣтственности. Принятіе подобныхъ неизбѣжныхъ, при административномъ порядкѣ мѣръ, — по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, вызываетъ, преимущественно передъ всѣми другими распоряженіями правительства, нареканія и неудовольствія, которымъ бы не подобало, хотя и самымъ отдаленнымъ образомъ, касаться особы монарха, представляющейся въ народномъ сознаніи не столько носителемъ высшей карательной власти, сколько верховнымъ источникомъ благъ и милостей.

Всецѣло высказываясь за безусловную передачу дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ вѣдѣніе судебныхъ установленій, соединенное присутствіе нашло возможнымъ допустить теперь же примѣненіе къ означеннымъ преступленіямъ постановленія новаго уголовнаго уложенія, не ожидая введенія его въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ.

== Изъ бывшихъ въ разсмотрѣніи судебныхъ учрежденій дѣлъ заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующія изъ нихъ.

Дѣло бакинскаго кавказскаго демократическаго рабочаго союза. Обвинялись мѣщанинъ гор. Кутаиса Иванъ Орловъ, сынъ священника Гавріилъ Хундадзе и крестьянинъ Михаилъ Щелчковъ въ томъ, что проживая въ 1903 году въ гор. Баку, вступили въ сообщество, присвоившее себѣ наименованіе „Бакинскій комитетъ кавказ-

скаго демократическаго рабочаго союза" и поставившее цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе въ государствѣ общественнаго строя, устроили тайную типографію, печатали воззванія, призывающія рабочихъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя и эти воззванія распространяли и разбрасывали по улицамъ гор. Баку.

Дѣло это первоначально разсматривалось тифлисскою судебною палатою, а 26 апрѣля сего года въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената по апелляціонному протесту товарища прокурора палаты и апелляціонному отзыву подсудимаго Орлова.

На судебномъ слѣдствіи ни Орловъ, ни Щелчковъ виновными себя не признали и объяснили: первый, что онъ дѣйствительно жилъ въ квартирѣ, нанятой подсудимымъ Хундадзе, но никакого участія въ работахъ тайной типографіи не принималъ; а второй, что въ квартирѣ Орлова ни разу не былъ, а познакомился съ Хундадзе и Орловымъ только въ тюрьмѣ. Хундадзе также не призналъ себя виновнымъ и, отвергая свое участіе въ комитетѣ, показалъ, что онъ, хотя и революціонеръ, но ничего общаго съ названнымъ комитетомъ не имѣлъ.

Изъ дѣла видно, что, при задержаніи Орлова, въ его вещахъ была обнаружены всѣ необходимыя типографскія принадлежности и около 300 листовъ бумаги съ печатными заголовками: „*Съ новымъ годомъ!. Борьба за широкую политическую свободу да будетъ нашимъ священнымъ долгомъ! Да здравствуетъ демократическая республика*.

Палата пришла къ заключенію, что Хундадзе и Орловъ, а также и необнаруженныя слѣдствіемъ лица, посѣщавшія квартиру Орлова, принадлежа кружку, который имѣлъ конечной цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя и образа правленія, сообща организовали тайную типографію, печатая въ ней подъ разными заглавіями воззванія, и потому приговорила: Хундадзе, лишивъ правъ состоянія, сослать на поселеніе, Орлова заключить въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ, а Щелчкова признать по суду оправданнымъ.

Сенатъ утвердилъ этотъ приговоръ.

═ Дѣло Донского комитета, россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Слушалось 10 мая въ публичномъ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената въ кассаціонномъ порядкѣ. Обвинялись кр. Николай Лысенко и мѣщанинъ Максимъ Тендетнакъ по 126 и 2 п. 129 уст. улож. Докладывалъ дѣло сенаторъ В. Н. Варваринъ. Заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора А. В. Волковицкій. Подсудимые были преданы суду новочеркасской судебной палаты съ сословными представителями по обвиненію ихъ во-первыхъ, въ томъ, что въ 1903 году, проживая въ г. Ростовѣ-на-Дону, они участвовали въ сообществѣ, подъ названіемъ „донской комитетъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи", поставившемъ себѣ цѣлью, завѣдомо для нихъ, ниспроверженіе существующаго въ россійской имперіи самодержавнаго образа правленія, и, во-вторыхъ, въ томъ, что отпечатавъ на гектографѣ воззваніе подъ заглавіемъ „Ко всѣмъ ремесленникамъ Маріуполя и Юзовки", въ ночь на 6 октября 1903 г. въ поселкѣ Юзовки, Екатеринославской губерніи распространили это воззваніе, возбуждая этимъ рабочее населеніе къ ниспроверженію существующаго въ россійской имперіи самодержавнаго образа правленія.

Дѣло это по существу разбиралось въ палатѣ 18 февраля 1905 года.

Подсудимые не признали себя виновными, причемъ Лысенко заявилъ, что онъ не желаетъ давать особому присутствію палаты никакихъ объясненій, а Тендетникъ объявилъ всѣ свои показанія, данныя имъ на дознаніи, ложными и вызванными лишь давленіемъ производившаго дознаніе жандармскаго ротмистра Карпова. Показаніе это на судѣ Тендетникъ объявилъ „чушью", написанной имъ со словъ ротмистра Карпова подъ его диктовку и подъ вліяніемъ угрозы быть подвергнутымъ вѣчному заключенію въ тюрьмѣ.

Судебная палата признала, однако, это заявленіе Тендетника голословнымъ и вымышленнымъ, а, наоборотъ, первое его показаніе — соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію вещей, такъ какъ оно сходится и съ показаніями другихъ свидѣтелей. На

этомъ основаніи палата приговорила Лысенко къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ и 4 мѣсяца, а Тендетника на 4 мѣсяца.

Сенатъ утвердилъ приговоръ.

= Того же числа особымъ присутствіемъ Сената слушались еще слѣдующія дѣла:

1) По обвиненію крестьянина Федора Лозового по 129 ст. Докладывалъ дѣло сенаторъ Турау, заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора Утинъ. Лозовой, бывшій сельскій учитель въ деревнѣ Алексѣевкѣ Щигровскаго уѣзда, преданъ былъ суду Харьковской судебной палаты за передачу съ цѣлью распространенія четыре нелегальныхъ брошюры": „Какъ министръ заботится о крестьянахъ", „Ко всему русскому обществу". „Народный герой", и „Письмо ко всему крестьянству", въ которыхъ заключается призывъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Первая изъ этихъ брошюръ, изданная партіей соціалъ-революціонеровъ въ Лондонѣ, обнаружена была у крестьянина Озерова.

По объясненію Озерова, брошюру онъ получилъ отъ крестьянина Якова Купріянова, который въ свою очередь указалъ на брата, отъ котораго онъ получалъ и другія нелегальныя изданія. Иванъ Купріяновъ показалъ, что всѣ эти брошюры давались ему учителемъ Лозовымъ, съ предупрежденіемъ не показывать ихъ „священникамъ, панамъ и чиновникамъ". Подсудимый категорически отрицалъ весь этотъ оговоръ. Палата, признавъ, что уликъ противъ Лозового, кромѣ оговора нѣтъ, показанія же Купріяновыхъ сбивчивы и не точны, оправдала Лозового. Дѣло перешло въ сенатъ по протесту товарища прокурора Судебной Палаты, который находилъ, что палата не приняла во вниманіе совокупности всѣхъ обстоятельствъ, прямо говорящихъ противъ подсудимаго.

Сенатъ оставилъ этотъ протестъ безъ послѣдствій.

2) По жалобѣ защитника Абрама Брауна прис. пов. Соколова, на приговоръ С.-Петербургской судебной палаты по обвиненію Брауна по 1 ч. 129 ст. уг. ул. Докладывалъ дѣло сенаторъ Турау, давалъ заключеніе товарищъ оберъ-прокурора Утинъ. Согласно обвинительному акту 27 марта 1903 года, сынъ купца, студентъ Рижскаго политехническаго института Браунъ вечеромъ, при расходѣ изъ зданія Александровской гимназіи публики, послѣ состоявшагося здѣсь засѣданія литературнаго кружка, бросилъ на лѣстницу ея пачку прокламацій, изданія „Объединеннаго комитета русскихъ, еврейскихъ и латышскихъ соціалъ-демократическихъ рабочихъ организацій: „Къ русскому обществу". Прокламація содержитъ призывъ къ революціонной борьбѣ съ государственнымъ строемъ Россіи".

Браунъ виновнымъ себя не призналъ. Двое свидѣтелей: Заксъ и Драбкинъ, показали въ его пользу. Тѣмъ не менѣе, палата придала значеніе лишь показанію жандармскаго унтеръ-офицера Звергиса, стоявшаго возлѣ гимназіи и хорошо видѣвшаго, что прокламаціи бросилъ именно Браунъ и приговорила его къ заключенію въ крѣпости на 4 мѣсяца съ зачетомъ предварительнаго заключенія съ 31 марта по 2 іюня 1903 года.

Кассаціонная жалоба оставлена сенатомъ безъ послѣдствій, и приговоръ палаты утвержденъ.

3) По жалобѣ Хаима Бѣленькаго на приговоръ особаго присутствія Виленской судебное палаты. Докладывалъ дѣло сенаторъ Арцимовичъ, заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора Волковицкій, поддерживалъ жалобу присяжный повѣренный Демьяновъ.

Согласно данныхъ обвинительнаго акта, преступленіе Бѣленькаго состояло въ слѣдующемъ: до свѣдѣнія минской полиціи дошло, что въ одной изъ квартиръ дома ляховской синагоги происходитъ запрещенное собраніе. Войдя въ эту квартиру, свидѣтель—полицейскій надзиратель, по его словамъ, увидѣлъ слѣдующую картину: въ комнатѣ находилось нѣсколько человѣкъ и вниманіе всѣхъ было обращено на стоявшаго возлѣ стола Бѣленькаго, повидимому, только что произносившаго рѣчь. Палата признала Бѣленькаго виновнымъ въ произнесеніи публично рѣчей и чтеній сочиненій возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическихъ дѣяній.

Сенатъ отмѣнилъ приговоръ палаты за нарушеніемъ 797 ст. уст. уг. суд., т. е. по недостаточной его обоснованности, и постановилъ передать дѣло на разсмотрѣніе при другомъ составѣ.

= 17 мая въ томъ же присутствіи сената слушалось дѣло по обвиненію мѣщанъ

Штерна и Гуркера въ томъ, что 2-го октября 1905 года они участвовали въ публичномъ скопищѣ на Грибной площади въ г. Варшавѣ, съ завѣдомою цѣлью выразить верховной власти и установленному образу правленія, причемъ среди этого скопища выброшенъ былъ красный революціонный флагъ и разбрасывались прокламаціи еврейскаго соціалъ-демократическаго общества „Бундъ".

Дѣло это первоначально было разсмотрѣно Варшавскою судебною палатою 25-го января с. г. Толпа была разсѣяна патрулемъ, но флагоносецъ былъ задержанъ, причемъ, сшибленный съ ногъ, прикрылъ своимъ тѣломъ флагъ. Когда у него полиція хотѣла отнять флагъ, подбѣжалъ другой молодой еврей и вырвалъ его, такъ что захватить флагъ не удалось, а надписи на немъ не были „усвоены" чинами полиціи. Флагоносецъ оказался евреемъ Штерномъ, а другой, вырывавшій флагъ—евреемъ Гуркеромъ. Прокламаціи, разбросанныя въ толпѣ, оказались изданными „Общееврейск. рабочимъ союзомъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи". Содержаніе ихъ сводилось къ призыву дать дружный отпоръ правительству, которое рѣшается избивать мирныхъ гражданъ, какъ это было, напримѣръ, въ Бѣлостокѣ 12-го сентября, когда на мирную праздничную толпу набросились вооруженные прислужники правительства. Такіе акты,—говорится далѣе въ прокламаціяхъ,—не должны бы быть терпимы даже по коварнымъ законамъ нашей страны и, если правительство плюетъ на свои законы, необходимо самимъ дружно и стойко добиваться своихъ правъ. Заканчивается прокламація призывомъ къ объединенію пролетаріата.

Судебная палата приговорила Штерна къ заключенію въ крѣпости на 10 мѣсяцевъ, а Гуркера на 4 мѣсяца.

Приговоръ по отношенію къ Штерну, за необжалованіемъ его въ срокъ, вошелъ въ силу, со стороны же Гуркера подана была апелляціонная жалоба, но ее сенатъ оставилъ безъ послѣдствій.

═ Въ томъ же присутствіи слушалось дѣло по отзыву защитника подсудимаго Залевича на приговоръ варшавской судебной палатой по обвиненію по 129 ст. угол. улож.

Житель деревни и гмины Тывецъ калишскаго уѣзда Станиславъ Залевичъ былъ привлеченъ къ суду варшавской судебной палаты по обвиненію его въ томъ, что 14-го ноября 1904 года участвовалъ въ публичномъ скопищѣ, завѣдомо собравшемся въ г. Калишѣ на Канонецкой ул. возлѣ костела св. Николая съ цѣлью выразить неуваженіе Верховной власти и порицаніе непосредственно отъ нея исходящему распоряженію о мобилизаціи запасныхъ чиновъ арміи, и въ томъ, что несъ среди этого скопища флагъ.

На флагѣ оказались слѣдующія надписи: на одной сторонѣ—„Да здравствуетъ польская народная республика, да здравствуетъ польская соціалистическая партія!"

Судебная палата пришла къ заключенію, что свидѣтельскія показанія не даютъ основаній видѣть публичнаго преступнаго скопища въ мирной толпѣ гражданъ, расходящихся съ молитвы. Никакихъ революціонныхъ возгласовъ, никакой умышленности въ собраніи не было, и выкинутый флагъ явился совершенной неожиданностью для публики.

Въ виду этого, отклонивъ квалификацію преступленія Залевича по 121 ст., палата признала его по 1 ч. 129 ст. и приговорила къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ съ зачетомъ времени, проведеннаго имъ въ тюрьмѣ съ 16-го ноября 1904 г. по 11-е февраля 1905 г.

Два члена палаты остались при особомъ мнѣніи, которое сводится къ слѣдующему. При обыскѣ у Залевича ничего преступнаго найдено не было. Залевичъ человѣкъ настолько малограмотный, что врядъ ли его можно считать борцомъ за какую-либо идею. Въ виду этого члены палаты не считаютъ себя въ правѣ вынести ему обвинительный приговоръ.

Сенатъ на основаніи 771 ст. уст. угол. суд. постановилъ приговоръ палаты отмѣнить и считать Залевича по суду оправданнымъ.

═ Въ с.-петербургской судебной палатѣ разсмотрѣны съ 26 апрѣля с. г. слѣдующія дѣла:

1) По обвиненію студента московскаго университета Е. Загорскаго и другихъ въ томъ, что они вошли въ 1903 г. въ С.-Петербургѣ въ тайное сообщество, именующее себя „партіей соціалистовъ-революціонеровъ"

и поставившее цѣлью своей дѣятельности ниспровержевіе насильственнымъ путемъ существующаго строя, причемъ Загорскій снабжалъ другихъ лицъ значительнымъ количествомъ нелегальныхъ изданій своей партіи и другими произведеніями революціонной прессы, внушая вмѣстѣ съ тѣмъ рабочимъ на тайныхъ собраніяхъ ученія и сужденія, возбуждающія къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Г. Загорскій приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе съ лишеніемъ правъ. По этому же дѣлу крестьяне Бахтіаровъ и Захаровъ признаны виновными въ томъ, что оказывали Загорскому содѣйствіе въ распространеніи въ 1903 г. среди населенія ученій, сужденій и изданій, возбуждающихъ къ ниспроверженію самодержавія и измѣненію въ Россіи существующаго общественнаго строя и приговорены: Бахтіаровъ — къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ, а Захаровъ на 3 мѣсяца и 10 дней. При этомъ особое присутствіе зачло Бахтіарову и Захарову время предварительнаго заключенія, такъ что оба подсудимые отъ наказанія свободный. Четвертый подсудимый Быковъ признанъ по суду оправданнымъ.

2) О рядовомъ нижегородскаго полка А. Герцбахѣ, мѣщанахъ Покамунскомъ, В. Якобсонѣ и Барканѣ по обвиненію въ принадлежности къ либавскому еврейскому обществу рабочихъ, имѣвшему цѣлью—ниспроверженіе существующаго строя, и въ распространеніи прокламацій.

Герцбахъ оправданъ, Якобсонъ и Покамунскій приговорены къ заключенію въ крѣпости на 1 г., а Барканъ—на 8 мѣсяцевъ, всѣ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

— Въ выѣздной сессіи с.-петербургской судебной палаты въ г. Ригѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей съ 8 по 10 іюня было разсмотрѣно 5 политическихъ дѣлъ:

О 13 лицахъ, обвинявшихся въ принадлежности къ балтійской латышской соціалъ-демократической рабочей организаціи, причемъ шестеро изъ нихъ привлечены были къ отвѣтственности еще за участіе въ организованной сходкѣ, а семеро — за участіе въ вооруженномъ скопищѣ, собравшемся для устройства противоправительственной демонстраціи. Послѣдніе семеро, за исключеніемъ гимназиста Скуенска (18 л.), обвинялись также въ открытомъ, соединенномъ съ насиліемъ, нападеніи на полицейскихъ чиновъ, учиненномъ толпой во время демонстраціи. 8 обвиняемыхъ оправданы, а пять—Страздинъ (18 лѣтъ), Ниманъ (22 л.), Шляпоберскій (17 л.), Калнинъ (25 л.) и Мурнекъ (25 л.), — привлеченные по 126 ст. уг. ул. и по 263 ул. о нак. приговорены къ заключенію въ тюрьму или арестантскія отдѣленія на срокъ отъ 8 м. до 1 г. 8 м. Обвиняемыхъ защищали пр. пов. Н. Д. Соколовъ и С. П. Елисѣевъ.

По остальнымъ 4 дѣламъ палатою объявлены слѣдующіе переговоры: 1) кр. Фрицъ Магонъ, обв. по 129 ст. угол. улож., приговоренъ къ заключенію на 6 мѣсяцевъ въ крѣпость, поглощенному предварительнымъ заключеніемъ, и кр. Скультанъ, обв. по той-же ст., оправданъ; оба подсудимые, освобождены изъ-подъ стражи; 2) кр. Карлъ Вене, обв. по 1 и 2 п. п. 129 ст. угол. улож., приговоренъ къ заключенію на 1 годъ въ въ крѣпость; 4) кр. Петръ Рулле, обв. по 126, 128 и др. ст. угол. улож., приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе съ лишеніемъ правъ.

= Недавно новочеркаскою судебною палатою при участіи сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію мѣщанъ посада Климова, черниговской губ., Т. Л. Чайникова, 27 лѣтъ, г. Херсона—Г. М. Коффъ, 21 года,, г. Аккермана, бессарабской губ. — Е. Ф. Курковой, 20 лѣтъ и крестьянки села Малаго-Староселья, кіевской губ., М. Ив. Пастушенковой, 21 года (по 126 ст. I част. уголов. улож.) въ томъ, „что они въ декабрѣ 1903 г., проживая въ г. Таганрогѣ и изготовляя въ устроенной ими типографіи различныя преступныя изданія отъ имена „Донского комитета соціалъ-демократической рабочей партіи“ и „Союза горнозаводскихъ рабочихъ“, тѣмъ самымъ принимали участіе въ преступной дѣятельности названныхъ сообществъ“.

При обыскѣ жандармской полиціей въ квартирѣ Чайникова конфискованы: 1) типографскій станокъ со вложеннымъ въ него полнымъ наборомъ воззванія, подъ заглавіемъ: „Извѣщеніе о второмъ очередномъ съѣздѣ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“; вся типографія съ принадлежностями вѣситъ 2 п. 10 ф.; 2) мѣдная печать съ надписью „Соціалъ-демократиче-

скій союзъ горнозаводскихъ рабочихъ"; 3) около 600 экземпляровъ свѣже-отпечатанныхъ воззваній; 4) 2100 экземпляровъ брошюръ подъ заглавіемъ: „Перепечатка изъ рабочаго дѣла въ Россіи" Мартова и многія другія брошюрки и воззванія.

Послѣ часового совѣщанія особое присутствіе Пастушенковой и Курковой вынесло оправдательный вердиктъ; Чайниковъ осужденъ на 8 мѣсяцевъ въ крѣпость, но съ зачетомъ просиженныхъ 14 мѣс. въ тюрьмѣ и также освобожденъ. Коффъ осужденъ на 6 мѣсяцевъ въ крѣпость безъ зачета также просиженныхъ 14 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

= 5 и 6 апрѣля с. г. въ г. Иркутскѣ, судебною палатою слушалось дѣло о 58 подсудимыхъ, обвинявшихся въ оказаніи вооруженнаго сопротивленія власти въ мартѣ 1904 г. въ г. Якутскѣ, въ д. Романова. Дѣло это въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года разбиралось якутскимъ окружнымъ судомъ, который приговорилъ всѣхъ 58 подсудимыхъ къ каторжнымъ работамъ срокомъ на 12 лѣтъ, одного—къ арестантскимъ ротамъ на $1^1/_2$ года и троихъ оправдалъ. Дѣло перешло въ судебную палату по жалобѣ 33 подсудимыхъ. Поддерживали въ палатѣ жалобу петербургскіе присяжные повѣренные В. В. Беренштамъ и А. С. Зарудный и мѣстный присяжный повѣренный Б. С. Орнштейнъ.

Въ залъ засѣданія палаты были допущены родственники и знакомые подсудимыхъ въ числѣ 34 человѣкъ. Въ залѣ засѣданія, а также въ корридорахъ суда присутствовала многочисленная полиція и воинскій нарядъ.

Въ среду, 6-го апрѣля, около 12 часовъ ночи, судебной палатой вынесена и при открытыхъ дверяхъ провозглашена резолюція, коей приговоръ якутскаго окружнаго суда суда въ отношеніи подсудимыхъ Г. Ф. Вардоянца, Д. Ѳ. Виноградова, М. Д. Добродзгенидзе, М. Д. Гобронидзе, И. І. Костолянецъ, А. І. Израельсона, З. С. Зороховича, А. Д. Добросмыслова, М. К. Логовскаго, М. Ш. Камермахера, А. А. Костюшко-Волюжаничъ, А. И. Погосова, Л. В. Теслера, П. Ф. Теплова, И. С. Центерадзе, Л. Я. Соколинскаго, Л. Ф. Руданскаго, П. И. Розенталь, Анны В. Розенталь, Д. А. Ротенштерна, И. С. Ржонца, А. И. Мисюкевича, П. Б. Шрифгеликъ. Р. М. Рубинчикъ, Д. А. Виккера, П. М. Дронова, Н. Я. Когана, А. П. Мѣдяника, В. Д. Перазича, И. Хацкелевича, В. Я. Рабиновича, Ольги Б. Виккеръ и Степаниды Ф. Костюшко-Волюжаничъ (въ дѣвичествѣ Жмуркина) постановлено утвердить, оставивъ апелляціонный отзывъ подсудимыхъ безъ послѣдствій.

Приговоръ въ отношеніи С. Ф. Костюшко-Волюжаничъ, какъ пріобрѣвшей права дворянства, постановлено предварительно приведенія въ исполненіе представить на благовозрѣніе Его Императорскаго Величества. Судебныя издержки возложить на подсудимыхъ за круговой другъ за друга порукой, а въ случаѣ несостоятельности—принять на счетъ казны. Кромѣ того, палата постановила ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о смягченіи участи подсудимыхъ и о замѣнѣ опредѣленнаго имъ наказанія заключеніемъ въ крѣпости на 2 года каждаго.

Изъ подсудимыхъ Н. Я. Коганъ, В. Д. Неразичъ, И. Хацкелевичъ, В. Я. Рабиновичъ, О. В. Виккеръ находятся въ бѣгахъ.

Весь день во дворѣ суда дежурили двѣ роты солдатъ и сотня казаковъ, а также масса городской полиціи. Подсудимые изъ тюрьмы въ судъ и обратно перепровождались окруженными пѣхотой и кавалеріей. Такія экстраординарныя мѣры охраны вызваны, повидимому, бывшей наканунѣ вечеромъ демонстраціей передъ зданіемъ суда.

= 11 мая въ Симферополѣ судебной палатой разсмотрѣно при закрытыхъ дверяхъ дѣло о разбрасываніи прокламацій. Приговорены—крестьянинъ Коковякинъ къ заключенію въ крѣпости на годъ, дворянинъ Садовскій къ заключенію въ тюрьмѣ на 9 мѣсяцевъ. Обоимъ засчитано 6 мѣсяцевъ предварительнаго заключенія (П.).

= 7-го іюня кіевскій военно-окружной судъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора В. И. Черневскаго, въ закрытомъ засѣданіи, заслушавъ дѣло о рядовыхъ 6-го саперанаго батальона Василіи Зазирномъ и Автономѣ Худобѣ, призналъ ихъ виновными въ распространеніи среди нижнихъ чиновъ прокламацій преступнаго содержанія, путемъ разбрасыванія таковыхъ въ казармахъ нижнихъ чиновъ, и приговорилъ Зазирнаго и Худобу къ ссылкѣ на поселеніе, съ лишеніемъ правъ лично и по состоянію. Обвиненіе при разборѣ дѣла, поддерживалъ помощникъ воен. прокурора полк. Мокульскій. За-

щищали Зазирнаго и Худобу капитанъ Ивановъ и прис. пов. Л. А. Куперникъ.

= 30 апрѣля въ г. Гроднѣ сессіей виленской палаты слушалось дѣло по обвиненію Іоанна Альтаузенъ, Рахели Гиншпанъ, Станислава Ущило и Ив. Иващука по 270 ст. улож. о нак. въ вооруженномъ сопротивленіи полицейскимъ властямъ во время манифестаціи 22-го февраля 1904 г. въ гор. Бѣлостокѣ, а Ущило, кромѣ того, въ покушеніи на жизнь бѣлостокскаго полицеймейстера Пеленкина. Защиту приняли на себя: прис. пов. Кулаковскій, Гальперштейнъ и Штейнбергъ.

Всѣ подсудимые приговоромъ палаты признаны по суду оправданными, кромѣ Ущило, который приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два года и 4 мѣсяца.

= Въ якутскомъ окружномъ судѣ 5-го и 6-го апрѣля разсмотрѣно дѣло по обвиненію административно-ссыльнаго изъ мѣщанъ г. Томска Марка Наумовича Минскаго въ умышленномъ лишеніи жизни начальника партіи поручика Сикорскаго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 и 3 ч. 1455 ст. улож. о нак.

Резолюціей суда, объявленной въ 12 ч. ночи при открытыхъ дверяхъ, подсудимый Минскій признанъ по суду оправданнымъ. Многочисленная публика, которую только могъ вмѣстить небольшой залъ, встрѣтила приговоръ суда восторженно.

= Скоро особымъ присутствіемъ с.-петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей будетъ слушаться дѣло о рабочихъ В. Е. Гейссингѣ, Н. А. Дешкинѣ, А. Н. Бѣдняковѣ и Б. В. Борисовѣ и рядовомъ 90-го пѣхотнаго онежскаго полка Н. С. Власовѣ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Дѣло это было 14-го января назначено къ слушанію въ с.-петербургской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, но по формальнымъ причинамъ было тогда отложено. Теперь дѣло передано прокурору „для дальнѣйшаго дослѣдованія". Изъ привлеченныхъ къ дѣлу Гейссингъ, Дешкинъ и Бѣдняковъ обвиняютъ по 51 и 2 п. 132, 131 и 2 п. 129 ст. уг. ул., т. е. въ печатаніи и распространеніи сочиненій, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго въ Россійской Имперіи общественнаго строя, и въ пропагандѣ среди нижнихъ чиновъ расквартированнаго въ г. Ревелѣ онежскаго и бѣломорскаго пѣхотныхъ полковъ; рядовой 90-го пѣхотнаго онежскаго полка Власовъ обвиняется по 51 и 2 п. 129 и 1 и 2 пп. 132 ст. уг. ул., т. е. въ храненіи и распространеніи сочиненій, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи общ. строя, а Борисовъ — по 1 п. 132 ст. (за переводъ на эстонскій языкъ „Рѣчи рабочаго Михайлова").

= По сообщенію „Нов. Дня" обвиняемымъ по дѣлу о покушеніи 2-го января с. г. на Николаевскомъ вокзалѣ на жизнь бывшаго московскаго оберъ-полицеймейстера ген. м. Трепова сыну губернскаго секретаря Алексѣю Алексѣеву Полторацкому и сыну личнаго почетнаго гражданина Евгенію Захарову Волкову вручены копіи обвинительнаго акта. Оба они привлекаются на основаніи 201 и 207 ст. устава угол. судопр. къ суду московской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Полторацкій содержится подъ стражей въ московской губернской тюрьмѣ, Волковъ же выпущенъ на поруки, въ виду обнаружившихся у него за время заключенія признаковъ туберкулеза. Послѣдній былъ задержанъ лишь спустя недѣлю послѣ покушенія. Онъ обвиняется въ томъ, что, хотя онъ и не принималъ непосредственнаго участія въ покушеніи, но зная намѣренія Полторацкаго, не принялъ мѣръ къ предотвращенію покушенія.

= Произведшее въ свое время сенсацію дѣло о бывшемъ чиновникѣ министерство финансовъ В. И. Касперовѣ, обвиняемомъ въ растратѣ получило надлежащій ходъ, и разслѣдованіе поручено судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Привлеченный къ суду Касперовъ обратился къ судебному слѣдователю съ просьбой вызвать свидѣтелями съ его стороны: бывшаго товарища министра финансовъ В. И. Ковалевскаго, государственнаго контролера Лобко и бывшаго министра финансовъ, нынѣ предсѣдателя комитета министровъ, С. Ю. Витте. Кромѣ этихъ лицъ, по дѣлу Касперова вызываются еще около 80 свидѣтелей, главнымъ образомъ чиновниковъ министерства финансовъ.

= Очень характерное дѣло на почвѣ петербургскихъ событій 9 и 10 января раз-

биралось 27 мая съ г., въ камерѣ городского судьи 1 участка г. Курска. Обвинялись въ нарушенiи тишины и спокойствiя во время студенческаго вечера въ залѣ общественнаго клуба прис. пов. Л. П. Расторгуева, секретарь городской управы Н. Ѳ. Николаевскiй, студентъ С. А. Старикевичъ и В. М. Владимировъ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: Во время упомянутаго вечера 12-го января, въ антрактѣ послѣ перваго отдѣленiя концерта, г. Расторгуевъ, подъ впечатлѣнiемъ печальныхъ событiй въ Петербургѣ 9-го и 10-го января, обратился къ публикѣ съ небольшою рѣчью о неумѣстности веселья въ виду этихъ событiй и поэтому концертъ и предстоящiе танцы слѣдовало бы прекратить. Мысль Расторгуева встрѣтила сочувствiе у многихъ изъ публики и нѣкоторые высказались въ этомъ же смыслѣ. Но полицеймейстеръ Заринъ составилъ протоколъ и изъ всѣхъ сочувствовавшихъ мысли г. Расторгуева привлекъ къ суду самого Расторгуева и еще трехъ упомянутыхъ лицъ по 39 ст. уст. о нак.

Обвиняемые гг. Расторгуевъ, Николаевскiй и Старикевичъ оправданы, а г. Владимировъ, заявившiй на судѣ, что свистѣлъ въ отвѣтъ на рѣчь старшины клуба г. Сунно, покушавшагося продолжить увеселенiе, приговоренъ къ двумъ рублямъ штрафа.

= Протесты существующаго строя и заявленiя о необходимости созванiя народнаго представительства съ каждымъ днемъ становятся все чаще и настойчивѣе.

Такъ, 10 мая во II отдѣленiи московскаго окружнаго суда должно было разсматриваться дѣло о шайкѣ поддѣлывателей 50-рублевыхъ билетовъ государственнаго банка. Дѣло не состоялось за неявкой нѣкоторыхъ важныхъ свидѣтелей.

Послѣ объявленiя о томъ, что дѣло откладывается, старшина присяжныхъ засѣдателей обратился къ предсѣдателю суда Александринскому съ слѣдующимъ заявленiемъ отъ лица присяжныхъ:

„Присяжные засѣдатели считаютъ долгомъ заявить, что правильное отправленiе правосудiя возможно только при полномъ измѣненiи существующаго строя. Только тогда, когда законъ будетъ освобожденъ отъ усмотрѣнiй и произвола, когда будетъ народное представительство, только тогда восторжествуетъ правда и законность въ судахъ".

Заявленiе это, по просьбѣ старшины присяжныхъ засѣдателей, занесено въ протоколъ.

= Рѣдкiй случай протеста со стороны сословныхъ представителей имѣлъ недавно мѣсто въ г. Орлѣ въ засѣданiи выѣздной сесiи харьковской судебной палаты съ участiемъ сословныхъ представителей.

Должно было разбираться политическое дѣло. Палата несмотря на ходатайство защитника прис. пов. Каринскаго большинствомъ голосовъ рѣшила слушать дѣло при закрытыхъ дверяхъ. Тогда губернскiй предводитель дворянства подалъ особое, мотивированное мнѣнiе, доказывая необходимость открытыхъ дверей. Орловскiй же городской голова категорически заявилъ, что онъ не находитъ возможнымъ принимать участiе въ засѣданiяхъ палаты, такъ какъ, при данныхъ условiяхъ, судебное разбирательство нисколько не отличается отъ разсмотрѣнiя дѣлъ въ административномъ порядкѣ.

= Знаменитое дѣло объ избiенiи учащихся въ г. Курскѣ принимаетъ неблагопрiятный оборотъ для виновниковъ этого избiенiя—бывшаго полицеймейстера г. Курска Зарина и бывшаго пристава 1 части Пузанова.

По сообщенiю „Курск. Губ. Вѣд." „Губернское правленiе, разсмотрѣвъ подробное дознанiе о неправильныхъ дѣйствiяхъ курской городской полицiи при прекращенiи безпорядковъ 12-го февраля въ г. Курскѣ, порученное начальникомъ губернiи курскому вице-губернатору, и находя въ дѣйствiяхъ бывшаго курскаго полицеймейстера Зарина (нынѣ дмитрiевскаго исправника) и бывшаго пристава 1-й части Пузанова признаки дѣянiя, предусмотрѣннаго 341 ст. улож. о наказ., опредѣлило: привлечь упомянутыхъ должностныхъ лицъ къ отвѣтственности по вышеозначенной статьѣ, передавъ дѣло судебному слѣдователю 2-го уч. г. Курска, для производства предварительнаго слѣдствiя. По отношенiю къ другимъ полицейскимъ чиновникамъ курской городской полицiи, городовымъ, стражникамъ и ученикамъ стражнической школы дѣло производствомъ производствомъ прекратить".

Однако, одно дѣло—преданiе суду, другое осужденiе и отбыванiе наказанiя. Бу-

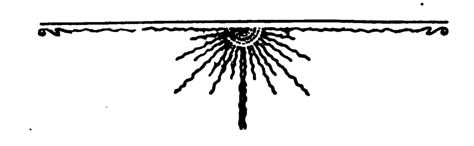
дутъ ли дѣйствительно наказаны насильники,—вотъ въ чемъ вопросъ.

= Дѣло о покушеніи на убійство выборгскаго губернатора д. ст. сов. Мясоѣдова 7-го (20-го) іюня разсмотрѣно выборгскимъ ратгаузскимъ судомъ. Засѣданіе, продолжалось съ 10 часовъ утра до половины восьмого вечера. Помѣщаемъ изъ „Финл. Газ.“ точный переводъ объявленнаго въ этомъ засѣданіи приговора ратгаузскаго суда.

„Ратгаузскій судъ, выслушавъ дѣло и не находя возможнымъ вполнѣ одобрить веденный по дѣлу полицейскій протоколъ, призналъ доказаннымъ, что обвиняемый Рейникка, придя къ убѣжденію, что потерпѣвшій д. ст. сов. Мясоѣдовъ въ должности губернатора, своими противозаконными мѣропріятіями причинилъ и, оставаясь на своемъ посту, впредь будетъ причинять вредъ нашему народу, рѣшилъ убить его, дабы воспрепятствовать этому, и съ такою цѣлью произвелъ въ д. ст. сов. Мясоѣдова три выстрѣла, изъ коихъ одинъ попалъ въ кисть руки, а другой въ спину, нанеся ему этими выстрѣлами меньшій вредъ, нежели предусмотрѣно въ § 5-мъ главы 2-й уголовнаго уложенія; почему и принимая во вниманіе, что д. ст. сов. Мясоѣдовъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ качествѣ губернатора—принималъ мѣры, которыя привели губернію къ безправію и не были основаны на дѣйствующихъ въ странѣ законахъ; что такимъ образомъ обвиняемый въ этомъ отношеніи долженъ быть признанъ дѣйствовавшимъ по своему убѣжденію и по совѣсти, не ради достиженія личныхъ выгодъ,—ратгаузскій судъ нашелъ справедливымъ на основаніи § 2-го 21 главы, а также § 1-го 4 главы и § 2-го 3 главы угол. улож. присудить обвиняемаго за покушеніе на убійство къ заключенію въ исправительной тюрьмѣ (tukthus) на 2 года и 2 мѣсяца и, сверхъ того, къ лишенію гражданскаго довѣрія; что Прокопе, зная объ означенномъ замыслѣ на убійство, не донесъ о семъ подлежащимъ властямъ, почему онъ, на основаніи § 19-го главы 16 угол. улож. приговаривается къ 100 маркамъ денежнаго штрафа, каковой при несостоятельности замѣняется 20 днями тюремнаго заключенія. Напротивъ, обвиненіе противъ Риссанена и супруговъ Мириляйненъ ратгаузскій судъ отвергаетъ, какъ недоказанное. Затѣмъ Рейникка, дѣло коего представляется на разсмотрѣніе Императорскаго выборгскаго гофгерихта, препровождается въ губернскую тюрьму впредь до приведенія приговора въ исполненіе или возможныхъ иныхъ распоряженій; Риссаненъ и Прокопе подлежатъ немедленному освобожденію. Судебныя издержки возлагаются пополамъ на Рейникку и Прокопе“.

Обвинитель заявилъ неудовольствіе приговоромъ. По словамъ „Helsingfors Posten“ публика встрѣтила приговоръ аплодисментами, а освобожденнаго Риссанена вынесла изъ суда на улицу на рукахъ.

П. С.

Современная жизнь заграницей.

Vivan дипломаты!—Генiи грабежа и плоскiй демосъ.—Будущее человѣчество.—Простая формула жизни.—Двѣ партiи. — Бюро мира.—Общество „F. I. G.“ — Международное соглашенiе.—Ариманъ въ маскѣ Ормузда.—Популярность и цвѣты Ормузду.—Брюссельскiй конгрессъ горнорабочихъ.—Резолюцiя 20-го конгресса.—Неожиданные попутчики.—Воскресный отдыхъ.—Соцiалистъ—защитникъ полицiи.—Полицiя, шатающая „основы“.—Ужасъ буржуазiи.—II. Съѣздъ въ Катовицѣ, въ Ольтенѣ, въ Мадридѣ. — Венгерскiй годичный итогъ. — Статистика стачекъ.—Кельнскiй конгрессъ. — Права народа и защита ихъ. — III. Сила Аримана и Ахиллесова пята Ормузда. — Заговоры противъ Ормузда въ парламентахъ. — Побѣда Ормузда и „зазнавшiйся журналистъ“.—Отдѣленiе церкви отъ государства.—Разгорающееся пламя въ Венгрiи.—Парламентское министерство безъ парламента.—Плевки и вотумъ недовѣрiя.—„Всеобщее кувырканiе“ и скверная игра.—Qui vira—verra.—Игра съ норвежскимъ стортингомъ.—Принципiальное рѣшенiе.—Пожеланiе маленькимъ народамъ.—„Золотая даль“ и „внѣшняя политика“.—Бараны и патрiотическiе кнуты.—Два отечества. — Свободнымъ народомъ подавишься, но не проглотишь его.

Каждому изъ насъ приходится, конечно, переживать въ личной жизни перiоды борьбы, волненiй, суеты и, оглядываясь на прошедшее, припоминая, какъ сосредоточивалась въ такiе моменты вся жизнь въ извѣстномъ пунктѣ, отказываешься представить себѣ жизнь безъ даннаго осложненiя, спрашиваешь себя, куда дѣвалась-бы энергiя, во что вылилась-бы жизнь безъ этого осложненiя... Но отвѣтъ до забавности простъ. Если бы не было даннаго осложненiя, было-бы другое, вотъ и все. То же и въ политикѣ. Во время европейско-китайской войны, когда весь мiръ думалъ только о „боксерахъ“ и о культуртрегерствѣ Европы,—казалось, что когда утихнутъ эти волны, то мiру нечего будетъ дѣлать, газетамъ не о чемъ будетъ писать, а намъ не о чемъ волноваться. Но вотъ разразилась гроза въ далекой Африкѣ, и мiръ съ замиранiемъ сердца прислушивался къ эпопеѣ великой борьбы пигмея народца съ всемiрной державой...

Да здравствуетъ политика и, прежде всего, дипломаты, — да будутъ благословенны они въ дворцахъ своихъ, на зимнихъ раутахъ, на лѣтнихъ курортахъ, въ торжественныхъ засѣданiяхъ и въ тиши кабинетовъ, гдѣ они двигаютъ народами, какъ пѣшками, гдѣ они строятъ замысловатые ходы, поразительно тонкiе планы наступленiя и обороны.. Да здравствуютъ дипломаты! Что дѣлали бы народы безъ нихъ? Какъ мѣщански-скучно занимались-бы они народнымъ образованiемъ, развитiемъ страны, ея безконечнымъ совершенствованiемъ! Все героическое, величавое,—генiальные планы разбоя и грабежа, художественно-тонкiе разсчеты, коварства и измѣны — все этотъ плоскiй и грубый демосъ уничтожилъ-бы, сдалъ-бы въ архивъ, и только любители археологической пыли изрѣдка поднимали-бы ее и видѣли-бы, какъ дивно когда-то управлялись народы, какую величавую, блестящую исторiю, какихъ великихъ государственныхъ мужей имѣли они нѣкогда...

Въ самомъ дѣлѣ,—какъ проста была-бы жизнь, какъ кристаллически ясна безъ этихъ *осложненiй*. Представимъ себѣ мiръ раздѣленнымъ на огромное количество маленькихъ, мирныхъ общинъ. Работа и мирное совершенствованiе наполняютъ ихъ жизнь. Возможно-ли и желательно-ли это? Если и возможно, то въ безконечной дали, когда не будетъ ни эллина, ни iудея, а только человѣкъ, когда, пройдя черезъ перiодъ распри и вражды и организуясь все въ большiе и большiе союзы, человѣчество придетъ

къ общему замиренію,—когда побѣдитъ Ормуздъ.—Вѣдь жизнь проста. Вся сложность теперешней жизни, ея политико-экономическаго строя, ея страстной, ожесточенной борьбы партій и всевозможныхъ соціальныхъ движеній, сложность міровой политики и взаимоотношеній различныхъ державъ и народностей—вѣдь все это акты въ великой драмѣ борьбы, совершающейся съ начала вѣковъ, борьбы между Ормуздомъ и Ариманомъ.

Жизнь проста и имѣетъ только двѣ стороны: свѣтъ и мракъ,—только двѣ системы: Ормузда и Аримана, — только двѣ партіи: партія добрыхъ и партія злыхъ. Это—*просто*, а сложность... та получается отъ комбинаціи свѣта и тѣни, отъ безконечныхъ переходовъ, оттѣнковъ,—отъ страстной борьбы между тѣмъ и другимъ. Старые боги—Ормуздъ и Ариманъ—вѣчно живутъ среди насъ, и тамъ, гдѣ мы видимъ единеніе, любовь, разумную и стройную организацію разрозненныхъ и слабыхъ „малыхъ сихъ"—духъ Ормузда побѣждаетъ.

Въ Брюсселѣ состоялось засѣданіе междупарламентскаго бюро мира, на которомъ были намѣчены слѣдующіе пункты для обсужденія на ближайшемъ конгрессѣ, созванномъ на 28-е Авг. н. ст.: 1) созывъ, послѣ окончанія русско-японской войны, новой гаагской конференціи, согласно предложенію президента Рузвельта; 2) способы примѣненія „добрыхъ услугъ" третьей державы, какъ это было установлено гаагскою конвенціей; 3) выработка проекта договора о международномъ третейскомъ судѣ, для представленія въ ближайшую гаагскую конференцію; 4) Образованіе международнаго „союза мира".

Это несомнѣнно „рука Ормузда", какъ и въ международномъ братствѣ, которое организуетъ *Томасъ Беркли* подъ названіемъ „Fraternitas inter gentes" (F. I. G.). Члены новаго общества должны будутъ употреблять все свое вліяніе для предотвращенія вооруженныхъ конфликтовъ между народами. Во Франціи „F. I. G." насчитываетъ уже до 90.000 членовъ. Если ему удастся объединить подъ своими знаменами всѣ ассоціаціи и союзы мира въ Англіи, Франціи, Германіи и Соед. Штатахъ, то оно будетъ имѣть до милліона членовъ. А сколько оно имѣло-бы членовъ, если-бы ему удалось разбудить всѣхъ спящихъ, вдохнуть жизнь во всѣхъ индиферентныхъ, прояснить мысль всѣмъ идущимъ во мракѣ и вѣрящимъ человѣконенавистнической злобѣ и клеветѣ лже-патріотовъ и торговцевъ „любовью къ родинѣ" и „народной гордостью"! Страшная армія была-бы тогда въ услугамъ Ормузда.

Если и не полная побѣда, то все-же духъ Ормузда носится и надъ международнымъ соглашеніемъ между Франціей, Великобританіей и Италіей, которое имѣетъ состояться съ цѣлью взаимнаго обезпеченія интересовъ этихъ странъ въ Абиссиніи. Главнымъ образомъ. соглашеніе будетъ касаться желѣзныхъ дорогъ въ Абиссиніи, принадлежащихъ этимъ тремъ государствамъ. Конечно, мы ясно видимъ, что въ основѣ здѣсь лежатъ интересы Аримана, ибо Абиссинія должна принадлежатъ Абиссинцамъ, а не быть мѣстомъ, относительно котораго другіе народы будутъ разграничивать „сферы вліянія"; но Ормуздъ имѣетъ право на торжество хотя-бы по одному тому, что Ариманъ принужденъ вооружаться оружіемъ Ормузда, все чаще и чаще появляться въ маскѣ Ормузда. И все чаще люди силы и власти приносятъ какую-нибудь жертву, или просто цвѣты на алтарь Ормузда; это потому, что масса, плебсъ—вѣрные, но часто неразумные и почти всегда темные поклонники Ормузда,—начинаютъ поклоняться ему болѣе сознательно и люди силы, ища популярности, несутъ свои цвѣты.

Король Италіи открылъ международный институтъ земледѣлія въ Римѣ, въ Капитоліи,—въ присутствіи королевы, министра-президента, остальныхъ министровъ, палаты депутатовъ, пословъ иностранныхъ державъ и пр. Но сила и надежда Ормузда не здѣсь и не въ филантропіи прекраснодушія друзей мира, а въ единеніи и стройной организаціи. И мы видимъ, какъ растетъ и ширится это единеніе „малыхъ сихъ", которые составятъ, объединившись, грозную, торжествующую силу...

Въ Брюсселѣ происходило подготовительное совѣщаніе для организаціи въ этомъ году международнаго конгресса горнорабочихъ. Въ совѣщаніи участвовали представители Великобританіи, Германіи, Франціи и Бельгіи; германскіе представители были одновременно и представителями австрійскихъ горнорабочихъ союзовъ. На совѣщаніи постановлено устроить съѣздъ съ 7-го по 12-е Августа въ Льежѣ. Городское управленіе по—

становило ассигновать сумму на пріемъ членовъ и предоставить подъ засѣданіе залы городской думы. Въ программу занятій съѣзда включены предложенія о законодательномъ введеніи восьмичасоваго рабочаго дня, о введеніи инспекціи, состоящей изъ самихъ рабочихъ, о вознагражденіи при несчастныхъ случаяхъ, объ отношеніи къ вопросу о всеобщей международной забастовкѣ, о вопросѣ относительно работы женщинъ и дѣтей, о минимальной заработной платѣ, объ организаціи демонстрацій въ пользу всеобщаго мира и много другихъ. Такой конгрессъ, представляющій собою милліоны рабочихъ, громко говоритъ намъ объ идущей побѣдѣ Ормузда, такъ же, какъ и резолюція, принятая двадцатымъ конгрессомъ чисто-бельгійскихъ организацій. Въ этой резолюціи, предложенной Вандервельде—вождемъ бельгійскихъ рабочихъ,—признается необходимость борьбы съ клерикалами и для этой цѣли устанавливается временный союзъ съ либеральной партіей для завоеванія всеобщаго и равнаго избирательнаго права, а также и другихъ реформъ.

Ормузду нужна побѣда, и если часть пути поклонники его могутъ идти съ кѣмъ-нибудь, то отказаться отъ этого было-бы безумнымъ фанатизмомъ. А во время борьбы могутъ происходить самыя неожиданныя комбинаціи, самые невѣроятные союзы. Такъ, напр., сенатъ во Франціи высказался, наконецъ, за введеніе обязательнаго воскреснаго отдыха, и побѣда была достигнута, благодаря союзу радикаловъ, соціалистовъ и клерикаловъ, а на парламентской трибунѣ соціалистъ и мэръ г. Ліона д-ръ Оганьэръ защищалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ исконныхъ враговъ—агентовъ полиціи.

Въ одинъ прекрасный день Ліонъ остался безъ полиціи: 400 полицейскихъ покинули свои посты, организовали стачечный комитетъ, выбрали делегатовъ, начали собираться на митинги, публично протестовать противъ нарушенія ихъ правъ и предъявили администраціи рядъ требованій: 1) Отмѣна постановленій объ увольненіи со службы (за забастовку), 2) возстановленіе прежнихъ условій полученія пенсій (неправильное расходованіе пенсіонныхъ суммъ и вызвало стачку), 3) удаленіе командующаго корпусомъ. Общественное мнѣніе и депутаты Ліона были на сторонѣ стачечниковъ, но префектъ не шелъ на уступки. Рувье въ отвѣтной рѣчи говорилъ о томъ, что полицейскіе потрясаютъ „основы“ государства, которыя они призваны защищать, и что онъ можетъ только посовѣтовать стачечникамъ вернуться къ исполненію своихъ обязанностей, а „начальство разберетъ“. — „Инцидентъ“ былъ исчерпанъ, забывшіеся полицейскіе вернулись къ своему долгу, но буржуазныя газеты долго не могли успокоиться, и красный призракъ по ночамъ тяжелымъ кошмаромъ душилъ ихъ. Да и есть чего испугаться доброму буржуа: полицейскіе, бравые молодцы и надежная опора всѣхъ „основъ“, сами прибѣгаютъ къ пролетарскому способу борьбы!

II.

Къ побѣдамъ Ормузда мы должны отнести и объединеніе польскихъ и германскихъ соціалъ-демократовъ. Въ Катовицѣ происходилъ восьмой очередной съѣздъ делегатовъ польской партіи. На съѣздѣ рѣшено, что польская партія сохраняетъ независимую организацію, и органическая ея связь съ германской партіей будетъ заключаться въ общности программы и съѣздовъ. Имперскіе съѣзды являются высшей инстанціей въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, но по вопросамъ, касающимся только польскаго населенія, право окончательнаго сужденія принадлежитъ польскимъ съѣздамъ. Мы не можемъ останавливаться на подробностяхъ выработанныхъ съѣздомъ рѣшеній,—мы хотимъ только указать, какъ все это безгранично далеко отъ „патріотизма“, шовинизма и дѣленій на господствующую и побѣжденную національность, какихъ придерживаются поклонники Аримана.

Въ единеніи, въ сознательной организаціи—сила, надежда и все будущее дѣтей Ормузда. Это начинаютъ они понимать все больше и больше. Въ Швейцаріи, въ Ольденѣ недавно состоялся обычный ежегодный съѣздъ представителей рабочихъ союзовъ. На немъ было 444 делегата, представлявшихъ 219 членовъ. Обсуждались всевозможные вопросы, но больше всего вопросъ о страхованіи рабочихъ. Ольденскій конгрессъ принялъ постановленіе, по которому, въ случаѣ невнесенія соотвѣтственнаго законопроекта въ предстоящую законодательную

сессію, рѣшено агитировать въ пользу возбужденія по этому вопросу народной инициативы. Въ Мадридѣ состоялся VIII конгрессъ всеобщаго союза испанскихъ рабочихъ при участіи около 400 рабочихъ союзовъ, а также и рабочихъ сельскохозяйственныхъ. Число участниковъ въ союзѣ пока невелико (60.000), такъ какъ рабочее движеніе въ Испаніи еще очень молодо; но оно замѣтно растетъ, какъ и во всѣхъ странахъ.

Недавно опубликованъ венгерскій отчетъ рабочаго движенія, и мы тамъ находимъ интересныя цифры роста партіи. Годичный итогъ успѣховъ соціалъ-демократіи въ этой странѣ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: годовые взносы въ партійную организацію поднялись съ 137 тысячъ до 198 тысячъ кронъ; доходы партійныхъ органовъ печати съ 67 т. до 119 т. кронъ; книжная торговля удвоилась (съ 36 т. до 72 т.). Численный составъ союзовъ поднялся съ 10 т. (въ 1902 г.) до 53.169 въ 1905 году. Въ прошломъ году было 325 стачекъ, въ которыхъ принимали участіе 31.472 рабочихъ. 47% стачекъ окончились полною побѣдой рабочихъ, 34%—частичною побѣдой и въ 19% стачки были безуспѣшными. Рабочіе потеряли при этомъ 256.814 рабочихъ дней, соотвѣтствующихъ заработной платѣ въ 747.485 кронъ; однако они выиграли при этомъ, благодаря завоеваннымъ уступкамъ предпринимателей, сумму заработка въ 3.534.256 кронъ, не говоря о моральномъ значеніи побѣды и самой борьбы, о воспитательномъ значеніи организованной борьбы за свои классовые интересы.

Интересныя цифры о стачкахъ встрѣчаемъ мы въ нѣмецкихъ газета; не смотря на нѣкоторую утомительность цифръ, мы ихъ въ сжатомъ видѣ приведемъ, такъ какъ здѣсь царитъ духъ Ормузда, здѣсь идетъ истинная борьба между нимъ и Ариманомъ. Такъ—по отчету Arbeitsmarkt correspondenz въ Германіи, Франціи и Великобританіи за одинъ февраль отмѣчено 112 стачекъ, а въ мартѣ 160. Особенно многочисленны были стачки во Франціи. Совершенно особый видъ приняло рабочее движеніе въ Италіи, гдѣ желѣзнодорожные рабочіе устроили, взамѣнъ стачки, обструкцію, совершенно затормозившую желѣзнодорожное движеніе. Въ Германіи наиболѣе сильное стачечное движеніе наблюдалось въ кожевенной и строительной отрасляхъ труда. Въ Англіи стачечное движеніе стояло въ прямой связи, какъ это не разъ уже бывало въ исторіи борьбы труда съ капиталомъ—съ улучшившимися условіями рынка. Организованный трудъ вполнѣ справедливо требуетъ повышенія заработной платы при увеличивающихся барышахъ предпринимателя, а когда капиталъ отказываетъ въ этомъ, то—разгорается стачка. Такъ было и теперь въ Англіи въ желѣзо-дѣлательной промышленности и въ машинномъ производствѣ. Въ Даніи происходила крупная забастовка переплетчиковъ, а въ Соед. Штатахъ происходили многочисленныя забастовки среди строительныхъ рабочихъ и служащихъ на городскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Закончимъ эту главу, отмѣтивъ кельнскій конгрессъ о всеобщей забастовкѣ. Делегатъ отъ гамбургскихъ рабочихъ высказалъ мнѣніе, что при современныхъ условіяхъ соціальный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ путемъ всеобщихъ забастовокъ, но что недалеко то время, когда этимъ оружіемъ будетъ необходимо пользоваться; пока же рабочихъ слѣдуетъ удерживать отъ этого рискованнаго шага. Въ концѣ концовъ, по предложенію делегата Бэмельбурга, конгрессомъ принято постановленіе, по которому тактика борьбы, необходимой для защиты народныхъ правъ, должна опредѣляться условіями текущаго момента. Это, конечно, вѣрно, ибо различны и многообразны формы, которыя принимаетъ Ариманъ и, слѣдовательно, не можетъ Ормуздъ выставить единообразной программы борьбы съ нимъ.

Въ pendant къ этому, мы не можемъ не вспомнить, что послѣдній № бреславльскаго соціалистскаго изданія „Die Volkswacht“ былъ конфискованъ властями за статью Эдуарда Бернштейна, въ одномъ мѣстѣ которой онѣ усмотрѣли призывъ къ междуклассовой борьбѣ: „инициатива проекта, имѣющаго цѣлью дальнѣйшее сокращеніе избирательнаго права въ Гамбургѣ, повидимому, принадлежитъ нѣкоторой прусской высокой особѣ, находящейся въ дружескихъ отношеніяхъ къ извѣстнымъ гамбургскимъ арматоромъ. На угрозу подобной попытки сокращенія ихъ правъ рабочіе должны будутъ отвѣтить всеобщей забастовкой; они должны будутъ произвести манифестаціи на-

улицахъ, если даже въ результатѣ послѣдуютъ столкновенія и аресты".

III.

Въ чемъ страшная сила Аримана? Почему такъ безконечна борьба между нимъ и Ормуздомъ, между тѣмъ, какъ не только право, но и *сила* на сторонѣ Ормузда, такъ какъ его поклонники это — огромная часть человѣчества, почти все оно? Причина очень проста. Вся надежда, вся сила Ормузда—въ единеніи разрозненныхъ атомовъ, въ сплоченности, въ организованномъ производствѣ,—между тѣмъ, какъ сила Аримана въ разъединеніи, въ дезорганизаціи, во враждѣ. Съ огромными массами имѣетъ дѣло Ормуздъ, а Ариманъ можетъ сказать, что вся его сила ходитъ съ нимъ и лежитъ въ его коварствѣ, въ его умѣньи завесть вражду и ненависть въ затѣмненіи сознанія народныхъ массъ, въ ихъ непониманіи своей мощи. Мы указывали на заговоры противъ свободы различныхъ реакціонныхъ партій въ парламентскихъ странахъ. Сдѣлаемъ краткій обзоръ борьбы Ормузда съ Ариманомъ въ парламентахъ европейскихъ странъ.

Во Франціи, какъ мы и предсказывали въ прошломъ нашемъ обзорѣ, Делькассэ долженъ былъ подать въ отставку. Это мы должны записать на счетъ побѣдъ Ормузда, такъ какъ этимъ были спасены двѣ державы—Франція и Германія—отъ грозившаго имъ, по волѣ „зазнавшагося журналиста" (Делькассэ былъ раньше журналистомъ), кровавого столкновенія. Мало этого —всѣ поклонники Ормузда привѣтствуютъ отставку Делькассэ еще потому, что она служитъ показателемъ, какъ истинно-парламентскія страны стоятъ на стражѣ народныхъ интересовъ и не позволяютъ втянуть себя въ бойню изъ за марокскихъ авантюръ и другихъ личныхъ побужденій. Портфель министра иностранныхъ дѣлъ взялъ на себя самъ глава кабинета—Рувье, и марокскій инциндентъ, можно надѣяться, придетъ къ благополучному окончанію, благодаря готовящейся конференціи, о которой идутъ теперь переговоры.

Въ число побѣдъ Ормузда должно быть включено сознательное и стойкое поведеніе парламентскаго bloc'а въ вопросѣ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Мы говорили уже въ одномъ изъ прошлыхъ обозрѣній о той коалиціи темныхъ силъ, которая вооружилась и сплотилась для борьбы съ этимъ закономъ, но параграфъ за параграфомъ дебатируется и не смотря на всѣ протесты, принимается выдержаннымъ и организованнымъ парламентскимъ большинствомъ.

Въ Венгріи разгорается борьба все больше и больше. Дѣло, въ томъ, что Императоръ Францъ-Іосифъ тщетно искалъ выхода изъ парламентскаго кризиса, тщетно искалъ примиреніе воли народа со своей автократической волей и, не найдя этого выхода, рѣшился на анти-конституціонный поступокъ,—на назначеніе министерства, не только не имѣющаго *за собою* парламентскаго большинства, но имѣющаго *противъ* себя коалицію почти всего парламента. Кабинетъ Фейервари встрѣченъ суровой оппозиціей всей страны и грознымъ протестомъ его представителей — парламентомъ. Оппозиція еще раньше угрожала подвергнуть общественному бойкоту членовъ новаго министерства. На дняхъ, по требованію большинства членовъ одного изъ аристократическихъ клубовъ Будапешта, были исключены изъ списка клуба три члена новаго кабинета: Люкасъ, Ворошъ и Гверли, а пріемъ, оказанный новому кабинету въ парламентѣ, былъ еще выразительнѣе: обѣ палаты вотировали министерству недовѣріе. Фейервари началъ увѣреніемъ, что его управленіе будетъ строго-конституціоннымъ, что онъ воодушевленъ стремленіемъ устранить всѣ возникшія противорѣчія. Президентъ палаты Юстъ и лидеры партіи употребили всѣ силы, чтобы заставить депутатовъ выслушать рѣчь Фейервари спокойно; но когда онъ захотѣлъ прочесть второй рескриптъ короля объ отсрочкѣ засѣданій палаты и не дать такимъ образомъ палатѣ возможность вотировать министерству недовѣрія, въ палатѣ поднялся яростный протестъ. Вопросъ о томъ, читать-ли второй рескриптъ, или обсуждать первый—былъ поставленъ на баллотировку и прошелъ всѣми голосами противъ трехъ. По удаленіи министровъ, которыхъ коалиція проводила шиканьемъ и даже плевками, палата приступила къ вотированію недовѣрія. „Такая кадриль можетъ окончиться всеобщимъ кувырканіемъ" говорилъ злой старикъ Вольтеръ по поводу того, какъ шли дѣла

въ царствованіе Людовика XVI. Такая игра въ насиліе съ народомъ, воспитаннымъ на конституціонныхъ правахъ и сознательно относящимся къ своему правовому государственному строю,—такая игра, говоримъ мы, можетъ скверно окончиться для венгерскаго короля. Во всякомъ случаѣ, это очень интересная страничка текущей исторіи и— кто поживетъ, тотъ увидить, что написано на слѣдующихъ страничкахъ.

Для Шведскаго короля, напримѣръ, игра въ непризнаніе рѣшеній норвежскаго стортинга окончилась не весело. Стортингъ просто объявилъ независимость Норвегіи и обошелся безъ санкціи его величества короля Оскара. Мы откровенно признаемся, что не видимъ достаточныхъ основаній для расторженія уніи, кромѣ глухого раздраженія и нѣкоторыхъ незначительныхъ разногласій, которыя требовали только взаимной уступчивости,—„но скандинавскія страны за послѣднее столѣтіе не выставили ни одного крупнаго государственнаго дѣятеля, и это отразилось на ихъ исторіи". Такъ говоритъ объ этомъ Брандесъ; а въ другомъ мѣстѣ онъ прямо заявляетъ, что „лишь послѣдніе шаги шведскаго правительства, благодаря которымъ разрывъ сдѣлался формальнымъ, склонили въ его глазахъ чашу вѣсовъ на сторону норвежцевъ".

Что же это,—побѣда Ормузда или Аримана? Во всякомъ случаѣ, мы должны принципіально стать на ту точку зрѣнія, что воля народа—его право, а народъ норвежскій единодушно высказался за расторженіе уніи и хочетъ ея. Ибсенъ—великій геній норвежскаго народа—благословляетъ судьбу за то, что дожилъ до этого дня, и намъ остается рѣшить, что каждый про себя и о себѣ лучше знаетъ, гдѣ жметъ ему сапогъ, и что норвежскіе патріоты, истинные друзья народа, знаютъ, куда они идутъ. И вмѣстѣ съ Брандесомъ, мы пожелаемъ во всякомъ случаѣ, чтобы „этимъ маленькимъ сѣвернымъ державамъ не угрожала никакая опасность извнѣ и чтобы у нихъ не было повода тревожиться за совершившееся".

Мы хотѣли было еще показать, какъ идетъ борьба между Ормуздомъ и Ариманомъ въ Германскомъ рейхстагѣ, какъ Ормуздъ и Ариманъ смотрятъ на экономическую политику въ англійскомъ парламентѣ, на военныя авантюры кабинета Фортиса въ итальянскомъ, на новый курсъ, принятый Ватиканомъ. Но за недостаткомъ мѣста мы должны отложить все это, хотя въ нѣсколькихъ словахъ мы хотимъ однако отмѣтить „золотую даль", которую видятъ передъ собой дѣти солнца, поклонники Ормузда,—и этимъ закончить наше обозрѣніе.

Въ Тріэстѣ состоялся съѣздъ австро-венгерскихъ и итальянскихъ соціалистовъ для совѣщанія по вопросамъ *внѣшней* политики. Дѣло идетъ о предупрежденіи остраго конфликта между Италіей и Австро-Венгріей. Съѣздомъ принята резолюція, осуждающая ирредентистское движеніе въ австрійской Италіи, которое является угрозою дружественнымъ отношеніямъ между обѣими странами. Этотъ съѣздъ представляетъ собою первую попытку рабочихъ массъ взять „внѣшнюю политику" въ свои руки, перестать быть баранами, идущими на убой по волѣ дипломатовъ и подъ щелканіе лже-патріотическихъ рѣчей и шовинистскихъ завываній. Это важная попытка, за которой, мы увѣрены, послѣдуютъ и другія, и поклонники Ормузда должны отмѣтить этотъ день, какъ день великой побѣды.

Истинные друзья народа не могутъ согласиться съ точкой зрѣнія Эрвэ на патріотизмъ. „Я знаю только два отечества, враждебныхъ одно другому—отечество барановъ и отечество волковъ". „Какъ во Франціи, такъ и въ Германіи соціалисты, въ случаѣ войны, провозгласить забастовку запасныхъ и возстаніе". Присоединеніе одной страны къ другой не должно пугать, по мнѣнію Эрвэ. „Потеря имущества?—Но пролетаріатъ и такъ не имѣетъ его. Исчезновеніе языка? Какая глупость! Великій народъ не позволитъ насильно замѣнить свой языкъ чужимъ", да и вообще „мало приноситъ пользы глотать народы свободные и привыкшіе къ свободѣ". Эрвэ увѣренъ, что его идеи раздѣляетъ большинство партіи, и предполагаетъ, что на штутгартскомъ конгрессѣ международный соціализмъ подвергнетъ ихъ обсужденію и постановитъ опредѣленное рѣшеніе.

Такова даль, виднѣющаяся дѣтямъ солнца, таковы надежды поклонниковъ Ормузда.

Л. М.

Медицина и гигіена.

Способъ, примѣненный проф. Ferrannini для лѣченія желудочныхъ болѣзней. — Проф. Фераннини не такъ давно очень успѣшно примѣнялъ къ лѣченію нѣкоторыхъ желудочныхъ болѣзней слѣдующій способъ (такъ называемый *электрокатафорезисъ)*. Онъ наполнялъ желудокъ больного растворомъ даннаго лекарственнаго вещества и вводилъ туда металлическій проводникъ, соединенный съ однимъ полюсомъ подходящей гальванической батареи. Отъ другого же ея полюса шелъ другой проводъ къ металлической пластинѣ, которую накладывали на смоченную кожу желудка. Въ этихъ условіяхъ подъ дѣйствіемъ электрическаго тока отъ батареи, въ силу различныхъ явленій, о которыхъ говорится въ курсахъ электричества, лѣкарство быстро проникало въ стѣнки желудка и даже проходило *сквозь* нихъ...

Къ борьбѣ съ сифилисомъ.—Др. Bose впрыскивилъ кровь сифилитиковъ подъ кожу *баранамъ*, и за тѣмъ, черезъ нѣсколько недѣль, сыворотку изъ крови этихъ барановъ онъ впрыскивалъ сифилитикамъ и убѣдился, что такое лѣченіе вліяетъ несомнѣнно благопріятно на ходъ болѣзни, о которой рѣчь, отдѣляя и ослабляя *высыпы*.

Новый способъ лѣченія столбняка.—Др. Hodson примѣнялъ при лѣченіи стобняка впрыскиванія въ вены очень слабаго воднаго раствора поваренной соли съ примѣсью водки.

Въ трехъ случаяхъ, въ которыхъ г. Hodson примѣнялъ этотъ способъ, лѣченіе было успѣшно; однако, разумѣется, было бы важно имѣть еще подтвержденіе...

Замѣна поврежденныхъ органовъ—бычачьими.—Др. J. H. Pringle пробовалъ замѣнять поврежденные каналы, выводящіе почечныя выдѣленія, *бычачьими*, взятыми отъ только что убитыхъ на бойнѣ быковъ. Изъ трехъ пацiентовъ операція вполнѣ удалась только у одного, но и этотъ результатъ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ даетъ основанія надѣяться на большіе успѣхи въ будущемъ.

Вредъ отъ фенацетина.— Др. M. Hirschfeld разсказываетъ объ одной своей паціенткѣ, которая часто и обильно принимала *фенацетинъ* противъ головныхъ болей и пигреней. У нея появились на ногахъ очень сильныя изъязвленія, которыя прошли, послѣ того какъ она по совѣту г. Гиршфельда бросила фенацетинъ. Что тутъ не было случайно совпаденія — въ этомъ г. Гиршфельду пришлось вполнѣ удостовѣриться скоро послѣ. Паціентка, о которой

рѣчь, вопреки его запрещенію приняла какъ то $1^1/_2$ грамма фенацетина—и у нея вновь появились изъявленія. Г-нъ Г. не сообщаетъ, впрочемъ. что съ ними сдѣлалось потомъ?

Сравнительныя данныя объ опасности хлороформа, эфира и шнейдерлинова средства.— Германское хирургическое общество принимаетъ, что хлороформъ убиваетъ изъ *2075* случаевъ въ *одномъ*; эфиръ въ одномъ случаѣ изъ *5112*. Шнейдерлиново же анестизерующее средство—смѣсь *морфина* и *скополамина*, впрыскиваемая подъ кожу, оказывается, повидимому, гораздо опаснѣе; смертность отъ него близка къ *1 на 100*. (La Sem. Méd.).

Лѣченіе подкожными вдуваніями воздуха.—Бордоскіе врачи Mongour и Carles примѣняли недавно съ полнымъ успѣхомъ подкожныя вдуванія атмосфернаго воздуха при лѣченіи нѣсколькихъ больныхъ, страдавшихъ очень упорными и мучительными нервными болями — невральгіями сѣдалищнаго нерва и межреберными. Способъ этотъ впрочемъ не новъ: имъ пользовался уже около двухъ лѣтъ тому назадъ Ліонскій врачъ Cordier, но съ тѣхъ поръ подкожныя вдуванія воздуха примѣнялись очень рѣдко. Техника лѣченія очень проста: кожу прокалываютъ шприцомъ Правацa (при помощи котораго производятся подкожныя *впрыскиванія* различныхъ *жидкихъ* лѣкарствъ) и вдуваютъ сквозь этотъ шприцъ воздухъ—хоть велосипеднымъ насосомъ.

Мнѣніе Мечникова о противураковой сывороткѣ др. Doyen.—Знаменитый И. Мечниковъ высказываетъ — правда, со всевозможной сдержанностію, и напоминая, что онъ *не врачъ*, а только бактеріологъ—что ему приходилось, во время его бактеріологическихъ изслѣдованій по нѣскольку разъ, въ теченіи около двухъ мѣсяцевъ, осматривать въ клиникѣ г. Doyen многихъ больныхъ ракомъ и онъ *испыталъ впечатлѣніе, что нѣсколько изъ нихъ, у которыхъ болѣзнь была очень тяжела, получили улучшеніе отъ впрыскиваній* сыворотки dr. Doyen.

Оперативное лѣченіе подагры.— Іенскій профессоръ др. Ридель далъ недавно описаніе двухъ интересныхъ случаевъ изъ своей практики, въ которыхъ онъ съ полнымъ успѣхомъ примѣнялъ *оперативное* лѣченіе подагры; именно, онъ *вырѣзывалъ* у своихъ больныхъ изъ большого пальца ноги тѣ накопленія, тѣ отложенія солей, которыя и обусловливаютъ „подагру“. Ни тотъ, ни другой изъ этихъ больныхъ до самой смерти (при чемъ надо отмѣтить, что одинъ изъ нихъ жилъ послѣ того 8 лѣтъ, а другой 14) не страдали возвратами подагры.

Ослабленіе чахотки въ Германіи.— Др. Moyet даетъ слѣдующія цифры, которыя очень убѣдительно доказываютъ ослабленіе чахотки въ Германіи за промежутокъ времени 1877 до 1901 года. Въ городахъ, населеніе которыхъ превосходитъ 15000 человѣкъ, на каждые 10000 человѣкъ умерло отъ чахотки:

отъ	1877	до	1881	года	357.7	чел.
„	1882	„	1886	„	346,2	„
„	1887	„	1891	„	304	„
„	1892	„	1896	„	255,5	„
„	1897	„	1901	„	218,7	„

В. Т.

Техника.

Къ открытію Симплонскаго туннеля *).

Начатое восемь лѣтъ тому назадъ огромное предпріятіе, прорытіе Симплонскаго туннеля, въ настоящее

*) Эта замѣтка составлена по статьѣ инженера Зульцеръ—Циглера, руководившаго работами при прорытіи Симплонскаго туннеля. (Revue générale des Sciances pures et appliquées 1905. № 6.)

время закончилось, и мы являемся свидѣтелями новаго торжества человѣка надъ природою. Предстоящее въ октябрѣ мѣсяцѣ сего года открытіе движенія черезъ Симплонскій туннель представляетъ собою интересъ не только, какъ фактъ, краснорѣчиво говорящій о могуществѣ современной техники, но и какъ рѣдкій случай для производства наблюденій, имѣющихъ большое научное значеніе.

Громадные туннели, глубоко проникающіе въ нѣдра земли, вмѣстѣ съ каменоугольными копями и рудниками даютъ по преимуществу тотъ матеріалъ, по которому можно съ нѣкоторымъ приближеніемъ изучать крайне интересный вопросъ о температурѣ внутреннихъ слоевъ земной коры.

Давно уже извѣстно, что на небольшихъ глубинахъ средняя годовая температура земли не претерпѣваетъ никакихъ колебаній, т. е. она остается постоянной. и перемѣна временъ года не оказываетъ на нее никакого вліянія. Замѣчательнѣйшій примѣръ такого поразительнаго постоянства температуры представляетъ собою погребъ парижской обсерваторіи: термометръ, поставленный здѣсь знаменитымъ химикомъ Лавуазье въ 1783 г. на глубинѣ 27,6 метра, въ теченіе ста лѣтъ неизмѣнно показываетъ 11°,6 Цельзія. Если отъ того слоя, который обладаетъ постоянной температурой, станемъ спускаться во внутрь земли, то замѣчается постепенное повышеніе температуры. Для полученія величинъ, удобныхъ для сравненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, выясняютъ, насколько метровъ нужно спуститься, чтобы температура повысилась на одинъ градусъ Цельзія. Это разстояніе называется *геотермическимъ градусомъ*. Опредѣленіе послѣдняго представляется довольно затруднительнымъ, такъ какъ установлено, что повышеніе температуры, напримѣръ, въ каменоугольныхъ копяхъ съ глубиною идетъ быстрѣе, чѣмъ въ рудникахъ. Болѣе же равномѣрное измѣненіе температуры съ глубиною наблюдается въ артезіанскихъ колодцахъ и буровыхъ скважинахъ. Самыя тщательныя наблюденія по этому вопросу были произведены въ 1871 г. у Шперенберга (въ 40 километрахъ отъ Берлина), гдѣ буровая скважина достигла глубины 1272 метровъ. На различныхъ глубинахъ были получены слѣдующія цифры.

Глуб. въ метр.	28	223	350	478	670	1080	1 68;
температура .	9°	23°	26°	1°	36°	46°	48°

Вычисленная отсюда средняя величина геотермическаго градуса даетъ около 33 метровъ. каковая величина и принимается за число метровъ, соотвѣтствующее повышенію температуры земли съ глубиною на одинъ градусъ Цельзія.

Не менѣе обстоятельныя наблюденія надъ температурой были произведены при прорытіи туннелей черезъ Швейцарскіе Альпы — Монсенисскаго, С. Готардскаго и Альбергскаго. Они показали, что приростъ температуры соотвѣтствуетъ высотѣ располагающихся надъ туннелемъ горныхъ массъ. Наивысшая температура оказалась въ С. Готардскомъ туннелѣ на глубинѣ 1752 метровъ отъ поверхности, гдѣ она достигала 31°, при чемъ геотермическій градусъ равнялся здѣсь 50 метрамъ. Вопросъ о температурѣ внутри земли представляется важнымъ не только въ теоретическомъ отношеніи, но и въ практическомъ, такъ какъ человѣческій трудъ въ глубокихъ шахтахъ возможенъ только при опредѣленныхъ тепловыхъ условіяхъ. Извѣстно, что температура крови человѣка не превышаетъ 37°Ц. При сильной лихорадкѣ наблюдается 40°, а когда, напримѣръ при тифѣ, температура достигаетъ 42°, то наступаетъ смерть. Отсюда ясно, что для того, чтобы трудъ человѣческій былъ возможенъ подъ землею, температура его крови не должна доходить до этого предѣла, и уже близь него

рабочій вслѣдствіе слабости не въ состояніи продолжать работу долѣе 10 минутъ. При 50° наступаютъ умственное разстройство и быстрая смерть.

Въ виду этого, когда возникъ вопросъ о прорытіи Симплонскаго туннеля, посредствомъ котораго желѣзная дорога должна соединить Кантонъ Валисъ (въ Швейцаріи) съ озеромъ Лаго-Маджіоре (въ Италіи), прежде всего пришлось выяснить, при какой температурѣ въ немъ придется работать. По проекту туннель долженъ былъ пройти черезъ горный массивъ, на которомъ выдѣляются двѣ вершины—Вазенгорнъ (3256 м.) и Монте—Леоне (3565 м.) и надъ туннелемъ располагаются горныя массы въ среднемъ до 2200 метровъ толщиною. На основаніи данныхъ, касающихся геотермическаго градуса въ вышеназванныхъ туннеляхъ, была вычислена наивысшая температура для Симплонскаго туннеля: она оказалась близкою къ 46° Цельзія, вслѣдствіе чего являлось даже сомнѣніе исполнимости задуманнаго предпріятія тѣмъ болѣе, что предстоящій туннель своею длиною долженъ превзойти всѣ до сихъ поръ прорытіе. Изъ вышеназванныхъ туннелей Арльбергскій имѣетъ длину 10 километровъ, Монсенискій— 13, С. Готардскій—15, а Симплонскій—почти 20 километровъ. Такимъ образомъ, къ затрудненіямъ, состоящимъ въ необходимости понижать температуру туннеля, присоединилось еще и огромное его протяженіе, чѣмъ крайне осложняется рѣшеніе вопроса о вентиляціи всего сооруженія. Несмотря на это, задача была блестяще выполнена подъ руководствомъ инженера Зульцеръ-Циглера, выработавшаго особую систему вентиляціи. Послѣдняя состоитъ въ томъ, что въ трубы, проходящія по всей длинѣ туннеля, непрерывно нагнетается, сухой воздухъ, сжатый сильнымъ давленіемъ. Необходимость совершенной вентиляціи явствуетъ изъ того, что человѣкъ можетъ работать при высокой температурѣ только въ томъ случаѣ, если воздухъ находится въ движеніи. Было разсчитано, что каждому рабочему требуется ежеминутно три кубическихъ метра воздуха, а для 500 человѣкъ, работавшихъ въ каждой смѣнѣ—1500 куб. метровъ. Чтобы избѣжать устройства огромныхъ трубъ и затраты значительнаго количества энергіи, признали болѣе выгоднымъ одновремено съ туннелемъ вести параллельнно ему вторую галлерею, играющую роль вентиляціонной трубы. Обѣ галлереи расположенныя одна надъ другой на разстояніи 17 метровъ, соединяются между собою каждыя 200 метровъ особыми колодцами. Послѣдніе служатъ какъ для вентиляціи, такъ и для сообщенія. Въ верхней галлереѣ установлены насосы и разныя другія машины, необходимыя для обслуживанія всего сооруженія и главнымъ образомъ для его вентиляціи. Такъ какъ обѣ галлереи въ рединѣ туннеля сходятся (гдѣ находится теперь подземный вокзалъ), то воздухъ изъ вентиляторовъ прогоняется до конца галлереи и черезъ поперечный колодецъ переходитъ въ туннель, а оттуда поступаетъ наружу. Но уже начиная съ шестого километра, температура воздуха поднималась до 40°Ц., а на восьмомъ доходила до 55°Ц. Чтобы охладить его, прибѣгали къ пульверизаціи холодною водою, доставляемою къ мѣсту назначенія въ количествѣ 80 куб. метровъ въ секунду подъ давленіемъ 15 атмосферъ. Этою водою пользовались такъ: въ томъ мѣстѣ туннеля, гдѣ не ѣздили вагоны, привозившіе строительные матеріалы и вывозившіе щебень, устраивали нѣсколько пульверизаторовъ. разбрызгивающихъ воду вверхъ.

Вода, разбиваемая въ мелкую пыль, заполняла собою весь про-

свѣтъ туннеля, и черезъ эту водяную перегородку вентиляторами продавливали воздухъ, температура котораго понижалась градусовъ на 15—20. Для поддержанія низкой температуры воды, поступавшей изъ рѣки Роны и проходившей по трубамъ, разстояніе почти въ 10 километровъ, трубы изолировали отъ нагрѣванія толстымъ слоемъ древеснаго угля въ порошкѣ, который сверху покрывался еще толемъ.

Несмотря на значительную длину Симплонскаго туннеля, наивысшій подъемъ не превосходитъ 700 метровъ, тогда какъ высшая точка въ С. Готардскомъ туннелѣ лежитъ на высотѣ 1155 метр., въ Монсенисскомъ—1300 м. и въ Арльбергскомъ—1400 м. Слѣдовательно новый туннель представляется однимъ изъ наиболѣе удобныхъ, благодаря сравнительной ничтожности своихъ уклоновъ. Въ разрѣзѣ онъ имѣетъ видъ двухъ наклонныхъ плоскостей, изъ которыхъ одна обращена къ Швейцаріи (Бригъ), а другая къ Италіи (Изель).

Ширина нижней галлереи, по которой будетъ проходить рельсовый одноколейный путь, около 5 метровъ, а вышина—6 метровъ.

Прорытіе туннеля производилось „обществомъ Брандтъ, Брандо и К°, которое имѣло въ своемъ распоряженіи 1600 рабочихъ съ итальянской стороны и 2000—съ Швейцарской. Работы были начаты 1 августа 1898 г. и предполагалось окончить ихъ маѣ 1904 г. Однако эти разсчеты не осуществились, вслѣдствіе непредусмотрѣнныхъ инженерами затрудненій, состоявшихъ въ появленіи могучихъ подземныхъ горячихъ ключей, которые возникали внезапно и съ чудовищною силою устремлялись въ галлереи, разрушая все, что попадалось имъ на пути.

Главныя машины, которыми производились въ туннелѣ земляныя работы, состояли изъ буравовъ, привидимыхъ въ движеніе водою текущею подъ большимъ давленіемъ. Эти буровы работаютъ не силою удара, а силою давленія, которое доходило до 1200 килограммовъ (75 пудовъ) на квадратный сантиметръ. Буравъ имѣетъ видъ трубы съ тремя зубцами; онъ прикладывается къ породѣ съ такою силою, что зубцы вдавливаются и затѣмъ буравъ медленно поворачивается, отламывая небольшіе кусочки горной породы. Когда сдѣлано достаточное углубленіе, въ него закладывается динамитный патронъ, и порода взрывается. Среднее потребленіе динамита въ день доходило до 800 килограммовъ (50 пуд.). Со стороны Швейцаріи работало три бурава, а съ итальянской—четыре. Несмотря на то, что каждый изъ нихъ расходовалъ около 25 лошадиныхъ силъ, туннель удлинялся ежедневно не болѣе, какъ на шесть метровъ (три сажени). Благодаря такой успѣшности работы, прорытіе было окончено въ сравнительно небольшой срокъ. Работы въ болѣе короткихъ туннеляхъ продолжались гораздо долѣе: въ С. Готардскомъ—9 лѣтъ, въ Монсенисскомъ—13 и только въ Арльбергскомъ—4 года. При этомъ начиная съ 1898 г. работы шли и днемъ ночью въ три смѣны, по 8 часовъ каждая, впродолженіе всего года, за исключеніемъ двухъ дней большихъ праздниковъ и двухъ дней, назначенныхъ для провѣрки направленія туннеля. Чтобы рабочіе не утомлялись безполезно, идя на работы и возвращаясь оттуда, для нихъ подавались отдѣльные поѣзда. При выходѣ изъ туннеля по окончаніи работы каждому рабочему предоставлялась возможность въ особыхъ помѣщеніяхъ вымыться или взять ванну и переодѣться въ чистое и сухое платье, что являлось безусловною необходимостью, чтобы работоспособность и здоровье рабочихъ не страдали.

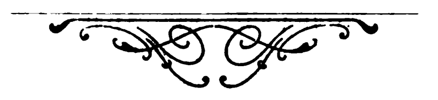
Работы съ Швейцарской стороны сначала пошли было гораздо успѣшнѣе, чѣмъ съ Итальянской,

Однако, по мѣрѣ приближенія къ такъ называемымъ зонамъ максимальнаго давленія, возникли новыя непредвидѣнныя затрудненія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказывалось такое громадное давленіе сверху, что едва находили средства бороться съ нимъ. Самыя толстыя бревна ломались, какъ щепки. Желѣзные тавровые столбы толщиною свыше полуаршина, поставленные сплошнымъ рядомъ на протяженіи 44 метровъ, гнулись. Прорытіе этого участка, обшивка его и устройство сводовъ, опирающихся въ настоящее время на чугунныя колонны толщиною въ $2^1/_2$ аршина, шло около двухъ лѣтъ. Къ этимъ колоссальнымъ затрудненіямъ надо причислить еще дѣйствіе горячихъ ключей, которые, повышая температуру воздуха до 55°Цельзія, стали въ этомъ мѣстѣ столь многочисленны и стремительны, что о выкачиваніи всей этой массы горячей воды нельзя было и думать.

Работы съ Швейцарской стороны пришлось прекратить, и туннель былъ законченъ только со стороны Итальянской. Такимъ образомъ на этотъ разъ не состоялась трогательная традиціонная церемонія взаимныхъ поздравленій, приносимыхъ другъ другу двумя партіями рабочихъ, встрѣчающихся въ бреши, образуемой взрываніемъ послѣдняго препятствія.

Стоимость всѣхъ работъ по прорытію Симплонскаго туннеля исчислена до сихъ поръ въ 60 милліоновъ франковъ. Эта сумма затрачена для того, чтобы сократить пути сообщенія между двумя государствами лишь на 150 километровъ. Съ этого времени унылый и тягостный путь черезъ горный массивъ, по которому когда-то (въ 1800 и 1806 г.г.) проходилъ Наполеонъ, будетъ навсегда оставленъ, и только одни мечтательные туристы въ поискахъ за сильными ощущеніями будутъ взбираться на дикія скалы Симплона.

Н. Адамовичъ.

На каждый вопросъ нужно прилагать по 2 семикопѣечныхъ марки, для справокъ.
Оборотныя стороны письма просимъ оставлять чистыми.

Нѣсколькимъ подписчикамъ. Объ условіяхъ пріема слушательницъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ: Пріемъ можетъ быть лишь на младшій курсъ. Лица, не достигшія 17 лѣтъ, на курсы не принимаются. Изъ лицъ нехристіанскаго исповѣданія допускается не болѣе 5% всѣхъ учащихся. Слушательницы 1-го курса могутъ жить только въ интернатѣ или у родителей. Желающія поступить въ число слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ присылаютъ о томъ прошеніе, безъ оплаты гербовымъ сборомъ, на имя директора не позже 1-го августа по адресу: С.-Петербургъ, Вас. остр., 10-я линія, д. 33, прилагая къ этому прошенію подлинные документы съ незасвидѣтельствованными копіями: а) свидѣтельство о званіи; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; в) атестаты объ окончаніи 7 и 8 классовъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, или въ женской гимназіи учрежденій Императрицы Маріи, или въ институтѣ, а также въ равномъ съ оными по правамъ женскомъ учебномъ заведеніи; и безъ копій: г) свидѣтельство о благонадежности, если просительница поступаетъ не въ годъ окончанія курса въ среднемъ учебномъ заведеніи; д) свое жизнеописаніе; е) письменное разрѣшеніе родителей, опекуновъ или вообще лицъ, на попеченіи которыхъ находится просительница; ж) свидѣтельство объ имѣніи просительницею достаточныхъ средствъ для безбѣднаго существованія во все продолженіе ученія на курсахъ и з) двѣ фотографическія карточки, съ собственноручною подписью просительницы. Въ прошеніи должно быть указано отдѣленіе курсовъ, на которое желаетъ поступить просительница, ея точный адресъ и предполагаетъ ли она помѣститься въ С.-Петербургѣ, въ семьѣ родителей или же въ интернатѣ курсовъ. Въ случаѣ не представленія какого-либо изъ указанныхъ выше документовъ, прошеніе оставляется безъ послѣдствій. Не живущія въ С.-Петербургѣ посылаютъ прошенія со всѣми вышепоименованными документами по почтѣ, съ приложеніемъ почтовыхъ марокъ на отвѣтъ, и затѣмъ выжидаютъ письменнаго извѣщенія, по указанному въ прошеніи адресу, о допущеніи въ число слушательницъ или объ отказѣ.

Отвѣтъ г. Ефисько. Дѣла этого выиграть нельзя, потому что пропущены всѣ указанные закономъ сроки для жалобъ на дѣйствія су-

дебнаго пристава по производству описи, обнародованію объявленій и производству торга, какъ установлено статьямъ 1202, 1204 и 1205 Уст. Гр. Судопроизводства.

Ст. 1202 гласитъ, что жалобы на несоблюденіе при описи о оцѣнкѣ имущества, а равно въ производствѣ, предшествовавшемъ составленію описи объ оцѣнкѣ, предписанныхъ закономъ правилъ, подаются въ *двухнедѣльный* срокъ со дня совершенія обжалованнаго дѣйствія.

Ст. 1204. Жалобы на несоблюденіе при обнародованіи объявленій о публичной продажѣ, установленныхъ закономъ правилъ, приносятся не позже какъ за *двѣ недѣли* до дня назначеннаго для торга.

Ст. 1205. Жалобы на неправильное производство торга приносятся въ *семидневный* срокъ.

Отвѣтъ г. Мамеранскому. Помощники завѣдующихъ экономіями, счетчики и табельщики, окончившіе курсъ низшихъ сельско - хозяйственныхъ школъ, ни къ какой особой категоріи не относятся, и при защитѣ своихъ правъ противъ произвола владѣльцевъ или завѣдующихъ экономіями пользуются тѣми же законами, какъ и всѣ граждане Имперіи.

Отвѣтъ г. Назарову.—Такъ какъ духовное завѣщаніе совершается письменно (1045 ст. 1 ч. X т.), то и отмѣна или измѣненіе его должны быть письменныя (1031 ст. 1 ч. X т.); свидѣтели поэтому объ измѣненіи завѣщанія не допускаются, такъ какъ свидѣтели при утвержденіи завѣщанія спрашиваются только о томъ: 1) подписали ли они завѣщаніе и 2) былъ ли завѣщатель въ здравомъ умѣ и твердой памяти (1050 ст. 1 ч. X т.). Въ виду изложеннаго Вы можете получить только то, что Вамъ отказано по завѣщанію, если оно составлено правильно и утверждено судомъ.

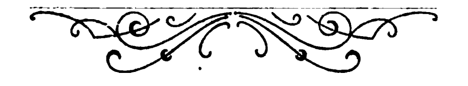
Отвѣтъ г. Соколовскому.—Находящихся у Васъ документовъ достаточно, но кромѣ этого необходимо представить пошлины, обозначенныя въ приложеніи къ 509 ст. IX т. (Зак. о состояніяхъ). Вообще хлопоты о полученіи почетнаго гражданства сопряжены съ большими расходами.

Отвѣтъ г. Петрусю.—Ваше имущество родовое, согласно 399 ст. 1 ч. X т., а его не наслѣдуютъ усыновленные. Хлопотать о дворянствѣ можете, но хлопоты сопряжены съ большими затрудненіями и расходами.

Отвѣтъ г. Пономаренко.—Безъ письменныхъ документовъ ничего сдѣлать нельзя.

Отвѣтъ г. Костенкѣ. — Сдѣлавшись учителемъ, вы, согласно 544 ст. IX т. (о состояніяхъ) перешли въ другое состояніе, а потому общество обязано было исключить Васъ изъ своего состава. Становой приставъ обязанъ сообщить Вамъ, отъ кого исходитъ требованіе. Безъ предписанія начальства (губ. правленія) ни къ какимъ мѣрамъ приступать онъ не можетъ.

Отвѣтъ г. Асмусъ,—Росписка на 8.000 руб., выданная въ 1880 году срокомъ по предъявленію, на основаніи 694 ст. 1 ч. X т. потеряла силу въ 1897 г. по давности. Но для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ существуютъ льготы, обозначенныя въ примѣчаніи къ означенной 694 ст.

Редакторъ-издатель **Ф. С. Груздевъ.**

Дозволено цензурою Спб. 28 іюня 1905 г. Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан., 71—6.